

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЯНВАРЬ

1900 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ

I. ОБЫЧНЫЯ ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНІЯ БРАКОВЪ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ ВЪ XVI И XVII СТ. Ор. Левицкаго . . .	1—15
II. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. Главы IX—XI. П. Житецкаго.	16—45
III. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. В. Милорадовича	46—61
IV. ДОНЕСЕНІЕ ВЕНЕЦІАНЦА АЛЬБЕРТО ВИМИНА О КОЗАКАХЪ И Б. ХМЕЛЬНИЦКОМЪ (1656 г.). Н. Молчановскаго	62—75
V. ЛЮБКА или СВАТАНЬЕ ВЪ С. РИХМАХЪ. Оперетта въ 4-хъ дѣйствіяхъ	76—124
VI. РѢШЕНЫ-ЛИ ПРОФ. Т. Д. ФЛОРИНСКІМЪ ВОПРОСЪ О КНИЖНОЙ МАЛУРУССКОЙ РѢЧИ? В. Науменна . .	125—155

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И, ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ; б) Изъ Полтавской рукописной литературы. В. Василенна; в) Разведеніе козъ въ старой Малороссіи. О. Л.; г) Малорусская ода 1807 года; д) Пѣсни, записанныя въ Волинской губ. Сообщ. Вл. Корниловичъ; е) Заговоръ отъ скарлатины; ж) Страничка изъ жизни Григ. Ант. Залюбовскаго; з) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.	1—20 20—28
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Современные фотографо-этнографическіе альбомы. О. Сластіона; б) Памятки українсько-руської мови и літератури. Видає комісія археографична Наукового товариства імені Шевченка. Т. I—II. В. Качановскаго; в) 1) Ю. А. Кулаковскій. Карта Европейской Сарматіи по Птолемию и 2) Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Е. Н.; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	29—46 47—60
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. 1) Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 г. съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ — Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 1-й и 2-й.	

Дозволено цензурою. Г. Київ, 5 января 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 68-го:

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ 1900 г.

Книга первая—январь.

ОТДѢЛЪ I.

- | | |
|---|---------|
| I. ОБЫЧНЫЯ ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНІЯ БРАКОВЪ ВЪ ЮЖ-
НОЙ РУСИ ВЪ XVI И XVII СТ. Ор. Левицкаго | 1—15 |
| II. ЭНЕИДА И. И. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИ-
СОКЪ ЕЯ. Главы IX—XI. П. Житецкаго. | 16—45 |
| III. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛ-
ТАВСКОЙ ГУБ. В. Милорадовича | 46—61 |
| IV. ДОНЕСЕНІЕ ВЕНЕЦІАНЦА АЛЬБЕРТО ВИМИНА О КО-
ЗАКАХЪ И Б. ХМЕЛЬНИЦКОМЪ (1656 г.). Н. Молча-
новскаго | 62—75 |
| V. ЛЮБКА, или СВАТАНЬЕ ВЪ С. РИХМАХЪ. Оперетта въ
4-хъ дѣйствіяхъ | 76—124 |
| VI. РѢШЕНЪ-ЛИ ПРОФ. Т. Д. ФЛОРИНСКИМЪ ВОПРОСЪ
О КНИЖНОЙ МАЛУРУССКОЙ РѢЧИ? В. Науменка . . | 125—155 |

ОТДѢЛЪ II.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ; б) Изъ Полтавской рукописной литературы. В. Василенка; в) Разведе-
ніе козъ въ старой Малороссіи. О. Л.; г) Малорусская
ода 1807 года; д) Пѣсни, записанныя въ Волинской губ.
Сообщ. Вл. Корниловичъ; е) Заговоръ отъ скарлатины; ж)

Страничка изъ жизни Грнг. Ант. Залюбовскаго; з) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.	1—20
Текущія извѣстія.	20—28
П. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Современные фотографо-этнографическіе альбомы. О. Сластіона; б) Памятки українсько-руської мови и літературн. Видає комісія археографична Наукового товариства іменн Шевченка. Т. I—II. В. Качановскаго; в) 1) Ю. А. Кулаковскій. Карта Европейской Сарматіи по Птолемию и 2) Матеріали по исторіи русской картографіи. Вып. I. Е. Н.; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	29—46
Археологическая лѣтопись.	47—60
Ш. ПРИЛОЖЕНИЕ. 1) Энеида, сочиненіе Котляревскаго на мало-россійскомъ языкѣ по списку 1799 г. съ вариантами по перво-печатнымъ изданіямъ—Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 1-й и 2-й.	

Книга вторая—февраль.

ОТДѢЛЪ I.

I. КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, (Пребываніе его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи). Н. Оберучева	157—162
II. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (<i>Продолженіе</i>). П. Житецкаго.	163—191
III. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. (<i>Глава II</i>). В. Милорадовича	192—206
IV. КАРТЫНКИ СУЧАСНОГО СЕЛЯНСКОГО ПОБЫТУ. Б. Познанскаго	207—247
V. Т. Г. ШЕВЧЕНКО И ПРОСТОЛЮДИНЫ, ЕГО ЗНАКОМЦЫ. (Изъ встрѣчъ и воспоминаній). В. Беренштама.	248—260
VI. ПАМЯТИ Н. И. ГУЛАКА. Н. М.	261—272

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ воспоминаній В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченкѣ. Съ пред. Н. Ш.; б) Какъ поминали въ церквяхъ гетмана Разумовскаго. Сообщ. С. Рклицкій; в) Воспрещеніе повѣнчаннымъ молодымъ жить врозь до свадьбы. О. Л.; г) Мелочи изъ	
--	--

архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ; д) Къ характеристикѣ гр. В. А. Перонскаго. М. Чалаго . . .	61—73
Текущія извѣстія	74—81
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древности. Труды Археографической комиссіи Имп. Моск. археолог. Общества, изд. подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. т. I, вып. 1, 2 и 3. Н. Василенна; б) Родословная записка фамиліи Яценко-Хмѣлевскихъ (по Чернигов. губ.). А. Г. Хатемкина; в) Малорусскія изданія 1899 г. В. Доманицкаго; г) Обзорѣніе журналовъ 2-ой полон. 1899 г.; д) Обзорѣніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	82—126
Археологическая лѣтопись	127—139
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 г. съ варіантами по пернопечатнымъ изданіямъ—Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 3-й и 4-й.	

Книга третья—мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. КЪ БІОГРАФІИ А. И. СТОРОЖЕНКА. Съ пред. М. Комарова	173—311
II. ЭНЕИДА И. И. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (Окончаніе). П. Житецкаго.	312—336
III. СМЕРТЬ МАКАРЫХЫ. Л. Яновской	337—372
IV. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСК. У., ПОЛТ. Г., (Глава III). В. Милорадовича.	373—395
V. КЪ ВОПРОСУ О ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Проф. В. Антоновича.	396—423

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Стоимость школьнаго содержанія въ Кіевѣ и юго-зап. краѣ шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Сообщ. О. Л; б) Мелочи изъ архивовъ юго-запад. края. Сообщ. А. Мёрдеръ; в) Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіено-Печерской лавры? Н. Петрова; г) Рождественскіе обы-

чаїнь Угорской Руси; д) Изъ воспоминаній старого полтавца;	
е) О собираніи народныхъ легендъ; ж) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтанѣ.	141—154
Тенущія извѣстія	154—159
П. БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. А. Папковъ. Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX в.). В. Дурдуковскаго; б) Регесты и надписи. Снодь матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1900 г.). О. Л.; в) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1898 г., подъ ред. директора коллегіи А. І. Степовича. То-же съ 1 окт. 1899 г. Н. В.; г) Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство. Т. І. В. Д.; д) Обзоръніе журналонъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	159—185
Археологическая лѣтопись	186—205
Ш. ПРИЛОЖЕНІЕ Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 года съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ—Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 5-й и 6-й.	



Обычныя формы заключенія браковъ въ Южной Руси въ XVI—XVII ст.¹⁾.

Говоря о брачномъ правѣ и семейномъ бытѣ въ извѣстномъ обществѣ, нельзя обойти вопроса о положеніи женщины въ этомъ обществѣ, такъ какъ это положеніе находится въ ближайшей причинной связи съ формами брака и семейнаго быта.

Южнорусская женщина въ XVI—XVII вв. пользовалась широкой личной и имущественной независимостью, почти не уступая въ полнотѣ своихъ гражданскихъ правъ мужчине. За исключеніемъ права занимать общественныя должности, единственное ограниченіе правъ женщины можно указать въ тогдашнемъ законоположеніи о наслѣдствѣ: по Лит. Статуту, дочери при братьяхъ могли наслѣдовать только четвертую часть отцовскаго достоянія; но и это ограниченіе болѣе всего обуславливалось, какъ кажется, требованіями тогдашняго феодальнаго строя Литовскаго государства, въ которомъ владѣніе земельною собственностью всегда было сопряжено съ обязанностью военной службы. Любопытно, что и въ дѣлѣ образованія, какое давалось дѣтямъ тогдашней шляхты, дочери не были устраняемы отъ пользованія имъ наравнѣ съ сыновьями; по крайней мѣрѣ грамотность, которая въ этомъ сословіи была широко распро-

¹⁾ Рефератъ, читанный на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 17-го августа 1899 г.

странена, считалась одинаково необходимой для женщины, какъ и для мужчины, а въ актахъ того времени такъ же рѣдко можно встрѣтить „писать неумѣющую“ землянку, какъ и неграмотнаго землянина. Даже между мѣщанами грамотность была довольно распространена, а среди высшихъ классовъ нерѣдко встрѣчались женщины, знавшія иностранные языки и вообще хорошо по тогдашнему образованныя. Припомнимъ хотя бы княжну Софію Чорторыйскую, которая „предложила зѣ грецкаго языка на словенскій казаня св. отцѣвъ на недѣльни евангелія“ (объ этомъ упоминаетъ Кирилль Транквиліонъ въ „Передмовѣ“ къ изд. имъ въ 1619 г. Учителному Евангелію).

Свобода и значительная степень гражданской полноправности южнорусской женщины вырабатывали въ ней характеръ силы и энергіи, вообще свойственный людямъ того вѣка. Эта сила и энергія одинаково проявлялись въ добрыхъ и дурныхъ поступкахъ. Можно указать цѣлый рядъ волинскихъ женщинъ XVI—XVII вв., которыя, какъ и ихъ мужья, проводили вѣкъ въ безпрестанныхъ нападеніяхъ на имѣнія сосѣдей, водили за собою отряды вооруженныхъ пушками и гаковницами слугъ, брали приступомъ чужіе замки, сами часто попадали въ осаду, не слушались сеймовыхъ и королевскихъ декретовъ, и когда король, для ихъ обузданія, посылалъ противъ нихъ повѣстовыя ополченія, онѣ дерзко давали имъ отпоръ. Конечно, такое своеволие могли дозволить себѣ магнатки (напр., княгиня Софья Ружинская); женщины средняго состоянія и положенія могли вести, такъ сказать, малую войну съ сосѣдями, да еще любили предаваться *судебной волокитѣ*. Этой страсти вообще была подвержена до излишества тогдашняя южнорусская шляхта, и женщины въ ней не уступали своимъ мужьямъ. Были между ними такія страстныя „сутиги“, которыя только и дѣлали, что ѣздили по „городамъ“ и трибуналамъ, знали хорошо Статутъ и другіе законы и лично, а не черезъ повѣренныхъ, выступали въ судѣ въ сложныхъ процессахъ. Слѣдуетъ упомянуть еще, что между южнорусскими женщинами того вѣка было не мало и такихъ, которыя не чуждались и высшихъ интересовъ, ревностно зани-

мались дѣлами религіи, просвѣщенія и благотворительности, записывались въ церковныя братства, строили церкви и монастыри, учреждали школы, „шпитали“ и т. п. Вспомнимъ для примѣра княжну Елену Чорторыйскую, которая въ 1594 г. основала Пересопницкій монастырь, сама составила для него прекрасный уставъ и устроила при монастырѣ шпиталь „для убогихъ и недужныхъ“ и школу „для науки дѣтей“.

Таково было положеніе женщины въ нашемъ краѣ въ XVI—XVII ст. и такіе характеры вырабатывались на этой основѣ. Теперь посмотримъ, какъ совершалось заключеніе браковъ при данныхъ условіяхъ.

Беремъ одинъ изъ „любныхъ“ или „вѣновныхъ“ листовъ, какіе сотнями встрѣчаются въ актовыхъ книгахъ XVI—XVII ст., и читаемъ ихъ обычную начальную формулу: „Я (такой то) чиню вѣдомо, ижъ з воли Божои а зъ прейзрѣнія Его найсвятшой милости и зъ дару Духа святого, за вѣдомостю и благословенствомъ родичовъ (родителей) моихъ, наймилшихъ добродѣевъ, понялъ есми за себе въ станъ святой малженскій дочку (такого-то), панну NN“. Изъ этого уже видно, какъ возвышенно смотрѣли тогда на бракъ: его считали дѣломъ *святымъ*, которое совершается „з воли Божои и зъ дару Духа святого“. Тутъ же указаны и первыя условія законности брака: „вѣдомость и благословеніе родителей.“ Но это были условія, такъ сказать, формальныя, требовавшіяся закономъ и обычаемъ; главнѣйшимъ же и самымъ существеннымъ условіемъ въ данномъ дѣлѣ была и почиталась непринужденная *воля* и *согласіе* тѣхъ, кого ближе всѣхъ касалось дѣло, т. е. жениха и невѣсты. Поэтому въ брачныхъ записяхъ, послѣ словъ: „за благословенствомъ родичѣвъ“, читаемъ еще и такія выраженія: „зъ *власной хути и милости своее*“ (т. е. по собственному желанію и любви), или: „съ *правой любви и уподобанія* своего понялъ есми за себе въ малженство“... и т. д. Такъ было не только со стороны жениха, но и со стороны невѣсты: хотя въ Статутѣ и было поставлено, что вышедшая замужъ противъ воли родителей теряетъ право на приданое, но обычно родители не приневоливали своихъ дочерей,

выдавая ихъ замужъ, и ясно выраженная воля невѣсты въ брачномъ дѣлѣ считалась столь же существеннымъ условіемъ, какъ и воля жениха. Вотъ почему въ актахъ нерѣдко встрѣчаемъ и такія записи: „Я [такая-то] чиню вѣдомо, ижъ зъ воли а прейзрѣня Божого, за вѣдомостю и позволенемъ родичовъ моихъ милыхъ, такъ тежъ и за *власнымъ позволеньемъ моимъ*, маючи лѣта зуполныи, пошлюблена и отдана въ станъ светый малженскій за NN“. Бывало и такъ, что родители, передъ свадьбой дочери, требовали, чтобы она формально, передъ урядомъ, засвидѣтельствовала, что вступаетъ въ бракъ съ даннымъ лицомъ по своей доброй волѣ. Такъ, въ 1564 г. волынской землянинъ Янъ Монтовтъ заявилъ передъ луцкимъ городскимъ урядомъ, что „зъ ласки и презрѣня Божого змовивъ (сговорилъ) дочку свою Ганну за князя Василя Сокольскаго“, и требовалъ, чтобы она лично посвидѣтельствовала, что сама выбрала жениха и никому другому не обѣщала своей руки. И стоя передъ урядомъ, Ганна Монтовтовна лично заявила: „я пикѣли ни за кого въ малжонство пойти не пошлюбовала а ни ся] ни за кого не отдавала, одно жъ теперь то собѣ вмыслила и позволяю съ правого умыслу сердца моего мѣти собѣ за малъжонка его милость князя Василя Сокольскаго, съ которымъ и животъ свой хочу доконати“ 1).

Чтобы зародился между молодыми такой „*ширьй умиселъ сердца*“ и „*правая любовь*“, они должны были предварительно хорошо узнать другъ друга. Такъ и бывало на дѣлѣ. Обычай дозволялъ, чтобы молодой шляхтичъ свободно посѣщалъ домъ, гдѣ намѣтилъ себѣ *панну* по сердцу, и „учтиво старался о еи *хуть* и *милость* и о *схильность*“ ея родителей. Въ нѣкоторыхъ брачныхъ записяхъ женихъ упоминаетъ, что „пошлюбивъ“ свою „облюбленицу“ „за волею Божою а за *учтивымъ стараньемъ* моимъ“. Если это „старанье“ шло на ладъ и обѣщало благоприятный исходъ, тогда молодой человѣкъ посылалъ въ домъ намѣченной имъ панны своихъ родителей и „пановъ-приятелѣвъ“, а родители „панны“ то-же созывали свою родню и пріятелей, и

1) Книга городская Луцкая 1564 г., № 2038, л. 228.

тутъ уже справлялись такъ называемыя „*змовины*“ (сговоръ. Главное, о чемъ „*змовлялись*“, было: со стороны родителей не-*вѣсты* „*пѣсагъ*“, а со стороны жениха—*вѣно и привѣнокъ*. *Пѣсагъ* обычно слагался на половину изъ денегъ, а на половину изъ движимости: золотыхъ и серебряныхъ вещей и украшеній, жемчуга и другихъ „*клеюдовъ*“, серебряной, мѣдной и оловянной посуды, одежды, лошадей, экипажей, „*челяди неволной*“ и другого добра. По Лит. Статуту назначалась четвертая часть отцовскаго достоянія въ *пѣсагъ*, или приданое, дочерямъ; если же у молодой не было братьевъ или у нея были материнскія имѣнія, то она могла приносить мужу въ приданое и недвижимое состояніе. Съ своей стороны женихъ долженъ былъ формально обезпечить *пѣсагъ* не*вѣсты вѣномъ*. Вѣно—это былъ древнерусскій институтъ, только со временемъ измѣнившій свой первоначальный характеръ: когда-то *вѣно* имѣло значеніе *выкупа* за не*вѣсту* и потому оно выдавалось женихомъ не ей самой, а ея роднымъ; въ послѣдствіи же въ Южной Руси оно приобрѣло болѣе разумный характеръ—*обезпеченія* женщины по выходѣ ея замужъ и передавалось въ ея личное распоряженіе. Съ такимъ характеромъ *вѣно* просуществовало въ Южной Руси до отмѣны въ ней Лит. Статута. Кромѣ *вѣна*, согласно обычаю, узаконенному и Статутомъ, женихъ записывалъ не*вѣстѣ* еще и *привѣнокъ*. Вѣно—это была денежная сумма, въ которой обезпечивалась женихомъ реальная стоимость ея *пѣсага*, или приданого, а *привѣнокъ*—это было удвоеніе той же суммы. Имѣются доказательства, что еще задолго до Лит. Статута въ Южной Руси существовалъ обычай удваивать въ *вѣновой* записи стоимость приданого. Такъ, въ 1467 г. волынскій князь Юрій Федьковичъ Несвицкій писалъ, что „*пожалъ у пана Ивана Мусяты дивку, панну Настасю, собѣ за жону, по которой далъ ему отецъ ея 150 купъ литовскихъ*“, а онъ „*своей жонѣ княгинѣ Настасѣи записалъ на своей дедизнѣ и отчинѣ, на Заборолью и иншихъ селахъ, триста купъ широкихъ грошей*“.—Вѣно и *привѣнокъ* обезпечивались женихомъ на своемъ недвижимомъ состояніи, а если онъ еще не былъ выдѣленъ родителями, то родня не*вѣсты* требовала, чтобы ему предва-

рительно была выдѣлена его отчина, на которой онъ и долженъ былъ обезпечить невѣстѣ и вѣно, и привѣнокъ.

Про что сговаривались на „змовинахъ“, все это записывалось въ особомъ документѣ, который назывался „*листомъ змовнымъ*“, или „*предшлюбною интерцязею*“, и затѣмъ вносился въ актовыя гродскія или земскія книги. Договоръ, или „интерцяза“, заключалась между родителями невѣсты и женихомъ (или его родителями). Въ ней точно означался „пѣсагъ“ невѣсты, вѣно жениха, „рокъ“ вѣнчанья и свадьбы и другія подробности уговора, а въ концѣ обязательно опредѣлялась денежная „зарука“ или закладъ на каждую изъ сторонъ, которая въ чемъ-либо нарушила бы договоръ.

Часто, вмѣстѣ съ „змовинами“, справлялось и „*обрученіе*“ или „*заручины*“ молодыхъ. Здѣсь не слѣдуетъ разумѣть церковнаго обрученья, которое совершалось потомъ, вмѣстѣ съ вѣнчаньемъ или и особо; *заручины* же—это былъ какой-то обрядъ *обычный*, совершаемый родителями или близкими родственниками молодыхъ. О формѣ и ритуалѣ „заручинъ“ можно составить нѣкоторое представленіе изъ слѣдующаго документа. Въ 1585 г. возный доносилъ луцкому гродскому уряду, что, „будучи приданъ зъ уряду на потребу“ п. Станиславу Кавезскому, вѣдиль съ двумя шляхтичами—свидѣтелями «до панен Ганны Хребтовичевой-Богуринской (вдовы) для прислухання *обрученя* ея дочери панны Настасьи Васильевны съ п. Кавезскимъ“. Тамъ застали они много гостей, родственниковъ и пріятелей хозяйки. „Панъ Кавезскій чинилъ pytanie панны Настасьи, водлугъ интерцязы змовной: „если хочешъ, панно Настасе, за мене?“—тое жъ пыталъ повторе и потрете. Панна мовчала. Матка еи милости пани Ганна просила его милость п. Ив. Богуринского, старшого сына своего (Луцкаго подстаросту), ижъ бы ся въ то вложити рачилъ, яко братъ старшій, злецаючи моцъ, ижъ бы ее милости помогъ дѣвку пану Кавезскому до рукъ дати за жону, ижъ-бы шлюбъ бралъ. Панъ Богуринскій, посполъ з панею маткою своею, ввавши панну Настю за руки, пану Кавезскому дали. Панъ Кавезскій подяковалъ и свѣтчилъ мноу, вознымъ, и шляхтоу на

той часъ бывшою. И просила панна Настася пана Кавезского, ижъ-бы пустилъ ее до пріятелей, до его милости пана Адама Боговитина; яко жъ панну пустилъ на побыванье¹⁾.

Обратимъ вниманіе на послѣднюю подробность: только что „зарученная“ дѣвушка просить у своего жениха *дозволенія* на такой пустякъ, какъ поѣздка въ гости въ близкое семейство. Значить, *заручины*, т. е. обрядовая передача неvěсты изъ рукъ ея родныхъ въ руки жениху, знаменовала вмѣстѣ съ тѣмъ и передачу ему власти надъ нею, какую они имѣли по естественному праву. Вотъ почему зарученная неvěста часто именуется въ актахъ „*женою обрученою*“ своего жениха. Чтобъ стать ей дѣйствительною женою, оставалось еще совершить установленный и освященный стародавнимъ обычаемъ актъ, называемый „*весельемъ*“.

А церковное вѣнчанье? Совершалось и вѣнчанье, но оно въ то время еще не почиталось дѣломъ, безусловно необходимымъ для законности брака. Извѣстно, что еще въ XII в. не было на Руси у простыхъ людей благословеннаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья. Однако, въ тѣ времена бракъ простыхъ людей былъ бракомъ не только въ глазахъ государства, но и въ глазахъ церкви. Многовѣковыя усилія церкви водворить исключительно церковную форму брака не могли быть безплодны: вліяніе христіанскаго закона мало-по-малу проникало въ глубь населенія, начиная съ верхнихъ его слоевъ; но еще въ XVI и XVII вв. въ Южной и Зап. Руси существовала двойственность воззрѣній на условія правильнаго совершенія брака: не только простой народъ, но и высшій классъ, бояре и земляне, продолжаютъ руководствоваться старинными воззрѣніями обычнаго права на бракъ, какъ на актъ чисто-гражданскій, основанный на свободномъ договорѣ брачующихся сторонъ. А чтобы этотъ договоръ имѣлъ законную силу, необходимо было соблюденіе извѣстныхъ формъ, требовавшихся тогдашнимъ закономъ и обычаемъ. Законъ требовалъ, чтобы договоръ заключенъ былъ открыто, при сви-

¹⁾ Кн. гр. Лудк. 1585 г., № 2068, л. 194.

дѣтеляхъ, оформленъ законнымъ документомъ и документъ этотъ былъ вписанъ въ актовыя книги; а обычай еще съ большею неотложностью требовалъ, чтобы выполненъ былъ стародавній обрядъ или ритуалъ въ формѣ *весилля*, которое и до сего времени въ быту простого народа не утратило своего важнаго значенія въ дѣлѣ заключенія брака, а въ тѣ времена значило гораздо больше. Конечно, духовенство и тогда настаивало, чтобы бракъ былъ освящаемъ сверхъ того и церковнымъ обрядомъ, и никто изъ благочестивыхъ намѣренно не противился этому требованію; но фактъ въ томъ, что бракъ почитался законнымъ и безъ церковнаго освященія, лишь были бы выполнены формы обычнаго права. Къ этому выводу приходитъ и почтенный профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ области семейнаго права въ Зап. Россіи по документамъ Виленскаго и Витебскаго центр. архивовъ; актовыя книги нашего архива даютъ также многочисленныя подтвержденія этому положенію. Мы не станемъ приводить ихъ всѣ, ограничимся лишь двумя болѣе характерными свидѣтельствами.

21 декабря 1634 г. на Волини, въ домѣ православныхъ пановъ Стрибелей, происходили „змовины“ ихъ дочери Катерины съ п. Яномъ Ярмолинскимъ, сыномъ извѣстной Раины Ярмолинской, основательницы Загаецкаго монастыря. Родъ Стрибелей, какъ и Ярмолинскихъ, славился своей старожитностью и благочестіемъ, и потому, въ числѣ другихъ почетныхъ гостей, съѣхавшихся на „змовины“, находился здѣсь кіевскій митрополитъ Петръ Могила и овруцкій архимандритъ Кизаревичъ и другія духовныя и свѣтскія особы. Разомъ съ „змовинами“ справили надъ молодыми и *церковное вѣнчанье*, которое совершилъ самъ митрополитъ. Казалось бы, разъ молодые *обвѣнчаны*, что оставалось дѣлать, какъ не играть свадьбу? Вѣдь *бракъ* уже совершенъ. А люди того времени думали, что до брака еще далеко, что дѣло находится еще только въ предуготовительномъ фазисѣ. И точно, послѣ *змовинъ* и *вѣнчанья* сѣли писать „*любную* интерцызу“, въ которой, между другими, означили такія условія: 1) „*актъ вѣстмный* (свадьба) назначается на 1-ю недѣлю по св. Тройцѣ

въ 1637 году, т. е. откладывается на цѣлыхъ 2¹/₂ года послѣ вѣнчанья, а до того времени женихъ долженъ постараться, чтобы мать выдѣлила ему вотчину, на которой онъ и обязанъ записать вѣно и привѣнокъ „будущей, дастъ Панъ Богъ, малжонцъ своей“; 2) до акту весѣльнаго панна Катерина будетъ жить, какъ и раньше, въ домѣ своихъ родителей; 3) повѣнчанные женихъ и невѣста обязываются „додержати одно другому слово вѣры“ относительно вступленія въ бракъ, а которая изъ сторонъ нарушитъ его, повинна будетъ заплатить другой закладъ (неустойку) въ 10,000 золотыхъ и вознаградить „шкody“ и убытки.—Эту интердикту утвердили своими подписями и печатами, въ числѣ другихъ свидѣтелей, митрополитъ Могила и архимандритъ Кизаревичъ ¹⁾).

Итакъ, что говорить намъ этотъ документъ? Что церковное вѣнчанье рѣшительно ни въ чемъ не измѣнило положенія молодыхъ противъ того, въ какомъ они обычно оставались послѣ „змовинъ“: невѣста попрежнему оставалась до свадьбы жить въ домѣ родителей, попрежнему она именовалась „панною“, „будущею малжонкою“ своего повѣнчаннаго жениха; даже договорная связь между ними, по интердиктѣ, вовсе не почиталась вѣчною, неразрывною; какъ при всякой гражданской сдѣлкѣ, крѣпость и нерушимость договора обезпечивалась лишь денежной неустойкой, и, слѣдовательно, заплативъ неустойку, можно было уничтожить самый договоръ и возобновить его съ другимъ лицомъ. Все это приравнивало данный случай брачнаго договора, уже освященнаго совершеніемъ церковнаго вѣнчанья, къ простой гражданской сдѣлкѣ, какою онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, и ужъ никакъ не согласовалось съ церковными узаконеніями; тѣмъ не менѣе высшія духовныя лица, присутствовавшія при этомъ дѣлѣ и даже принимавшія въ немъ личное участіе, нисколько не противились „шлюбной интердиктѣ“, а еще сами, въ качествѣ свидѣтелей, утвердили ее своими подписями.

А вотъ другой фактъ, относящійся къ болѣе позднему времени. Въ 1726 году шляхтичъ русинъ Василій Выговскій

¹⁾ Банга гродская Житомирская № 9, л. 279.

жаловался Овруцкому гродскому суду на пановъ Вербицкихъ, что они сговорили за него дочь свою и даже *повѣнчали* ее съ нимъ, а потомъ нарушили уговоръ: не ожидая, акту весѣльного, отдали ее замужъ за иного^{.1)} Любопытно, что жалобщикъ вовсе не домогается правъ на особу своей вѣнчанной невѣсты и лишь претендуетъ „за škody и дизгоноръ“ (убытки и безчестье),— совсѣмъ такъ, какъ претендовали за нарушение предбрачнаго договора и въ томъ случаѣ, когда не совершалось вѣнчанье, а были только „заручины“.

Изъ приведенныхъ случаевъ (а такихъ можно бы привести очень много), кажется, очевидно, что церковное вѣнчанье въ Южной Руси въ XVI, XVII и даже въ началѣ XVIII ст. не представляло существенно необходимаго условія для того, чтобы бракъ былъ признанъ законнымъ предъ лицомъ общества и даже предъ лицомъ государства, и хотя въ большинствѣ случаевъ это таинство исполнялось, но имѣло лишь значеніе акта религіознаго, а не юридическаго. Не оно скрѣпляло брачный союзъ, и повѣнчанные женихъ и невѣста такъ же легко до „акта весѣльного“ могли разорвать предбрачный контрактъ, или интерцызъ, какъ и невѣнчанные, а только „змовленные“ и „зарученные“. Наконецъ, не вѣнчанье полагало начало дѣйствительному супружеству, а только „весѣлье“. Отголосокъ такого порядка вещей удержался и до сихъ поръ въ средѣ простаго народа въ Малороссіи, гдѣ повѣнчанные молодые, по существующему обычаю, не имѣютъ права жить совмѣстно и вступить въ дѣйствительное супружество, пока не будетъ справлено „весилье“: это вѣрный пережитокъ тѣхъ временъ, когда „актъ весѣльный“ не былъ, какъ теперь, пустымъ ритуаломъ, а считался актомъ юридическимъ.

Какъ справлялось въ тѣ времена „весилье“ въ нашемъ краѣ? Вѣроятно, такъ-же, какъ оно и теперь справляется простымъ людемъ въ Малороссіи, но въ документахъ мы находимъ мало подробностей, касающихся тогдашнихъ свадебныхъ обы-

¹⁾ Книга гродская Овруцкая, 1726 г., № 3227, л. 210.

чаевъ. Какъ и теперь въ нашемъ простонародьи, днемъ „акта весѣльнаго“ назначалось обычно *воскресенье*. На церковные посты тогда мало обращали вниманья: есть указанья, что свадьбы свободно совершались въ рождественскій, петровскій и успенскій посты, не знаемъ, справлялись ли онѣ и въ великій постъ. Наканунѣ свадьбы въ домъ невѣсты прїѣзжали женихъ въ сопровожденіи прїятелей—„бояръ“; вѣроятно, они прїѣзжали съ оружіемъ и производили большой шумъ, можетъ быть, стрѣляя,—потому что въ одной „интерцязѣ“ находимъ особое условіе, обязывавшее жениха прибыть „съ панами-прїятелями до акту весѣльного звичаемъ старожитнымъ христіанскимъ, впелякую заховуючи пристойность“¹⁾. Въ другомъ актѣ уломипается, что женихъ съ боярами прибылъ въ домъ невѣсты „въ вѣнцемъ, якъ то обычай есть“.²⁾ Вслѣдъ за женихомъ и боярами прибывали его родители, а если сами не могли прїѣхать, то присылали вмѣсто себя „умоцованныхъ“ особъ: въ одномъ документѣ женихъ упоминаетъ „про нхъ милость пановъ, которые в руки пана отца моего, за листомъ умоцованнымъ и вѣрющимъ“, въ домъ его тестя „в бранію панны пржеждали“.

Можно полагать, что въ числѣ свадебныхъ обрядовъ былъ и тотъ, который и понынѣ практикуется на сельскихъ свадьбахъ въ Малороссіи: разумѣмъ обрядную манифестацію цѣломудрія невѣсты. По крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ женихъ нерѣдко на другой день свадьбы торжественно благодарилъ тестя и тещу и дарилъ молодую жену за то, что она оказалась дѣвственницей. Такъ въ 1570 году волынскій князь Вороницкій послѣ свадьбы выдалъ своей княгинѣ слѣдующую запись: „Чиню вѣдомо, ижъ зъ воли Божое а милости своее понялъ есмы в маложенство за себе, подле закону нашего светого христіанского, дочку его милости п. Тихна Ивановича Хомяка-Смордовского панну Гапну; по которой малжонци своей милой внягинѣ Ганнѣ я взнавши доброе, вѣрное а цнотливое въ еи паненствѣ захованѣ ку собѣ, ижъ она, малжонка моя ми-

¹⁾ Книга гродская Житом. № 9, л. 279.

²⁾ Книга гродск. Луцк. 1633 г. № 2473, л. 836.

³⁾ Книга гродск. Луцк. № 2014, л. 466.

лая, яко зацного отца и почтивой матки своее, вышла, ни в чомъ стану а особы паненства своего не нарушила, але все те, шго доброй а цнотливой паненцѣ належало, мнѣ в станъ святоблывый малженский принесла; а такъ я, познавши по ней, малжонцѣ моего милой, такую вѣрность, учтивое заховане ку собѣ, а будучи тому вдяченъ непомалу, и з тои вдячности моее родичомъ еи, отцу и матцѣ, великое подякованье мое вчинилъ, а ей, малжонцѣ моей милой, даю, дарую и записую двѣстѣ золотыхъ угорскихъ“ ¹⁾. А въ 1568 г. другой волынскій князь Иванъ Буремскій даровалъ своей молодой княгинѣ Марѣ Гулевичевнѣ „по доброй ночи“ золотую цѣпь въ награду „за панянство“ ²⁾.

Вотъ и все, что содержится въ актахъ о стародавнихъ свадебныхъ обычаяхъ. Упоминаются еще перѣдко какія-то „*приносины*“, справлявшіяся въ домѣ родителей жениха въ присутствіи свадебныхъ гостей, но опредѣлительнаго указанія на характеръ и значеніе этого обычая мы не нашли въ актахъ. Вѣроятно, это были *переносины* приданого невесты—обычай, который подъ этимъ названіемъ сохранился и понынѣ кое-гдѣ въ Малороссіи.

Этимъ мы и могли бы закончить нашъ докладъ, такъ какъ извлекли изъ извѣстныхъ намъ актовъ все существенное, относящееся къ вопросу о формахъ заключенія браковъ въ данную эпоху и соединенныхъ съ нимъ обрядахъ. Но въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ крайне рѣдкій документъ, извлеченный изъ тѣхъ же актовыхъ книгъ и указывающій на какой-то особый, совершенно оригинальный способъ заключенія брака. Вотъ содержаніе этого документа. Въ 1606 году въ м. Олыкѣ въ магистратскомъ судѣ разсматривалось дѣло о иѣкомъ Янушѣ Кобринцѣ, слугѣ литовскаго подстоля Николая Глѣбовича, обвинявшемся въ убійствѣ своего товарища. Хотя при разборѣ дѣла выяснилось, что убійство совершено было безъ намѣренія,

¹⁾ Кн. гр. Луцкая 1570 г., № 2044, л. 42.

²⁾ Кн. гр. Луцкая, № 2042, л. 382.

въ ссорѣ, тѣмъ не менѣе убійца былъ заключенъ тюрьму, и окончательное рѣшеніе дѣла было передано на волю его господина, т. е. Глѣбовича. Но во время разбора этого дѣла въ магистратѣ „*учтивая девочка месткая*“ (т. е. одна честная дѣвушка изъ горожанокъ) обратилась къ ходатайству многихъ „*шляхетныхъ и учтивыхъ*“ людей, *хотечи его* (преступника) *собѣ впросити въ станъ святой малженскій*. Присутствовавшій при разборѣ дѣла уполномоченный со стороны п. Глѣбовича призналъ это заявленіе дѣвушки настолько важнымъ обстоятельствомъ, что немедленно донесъ о немъ своему пану и получилъ отъ него согласіе на такой декретъ: убійца можетъ быть освобожденъ отъ наказанія подъ тѣмъ условіемъ, если немедленно „*прійметъ шлюбъ съ тою дѣвочкою учливою явно, въ костелъ католицкомъ*“; въ противномъ случаѣ „*южъ бы реч иншая з нимъ се деала*“, т. е. съ нимъ будетъ поступлено по строгости закона. Подсудимый былъ человѣкъ сговорчивый и безпрекословно согласился обвиняться съ своею избавительницею. Прямо изъ тюрьмы онъ былъ и отведенъ въ костелъ въ сопровожденіи вознаго, которому вмѣнено было въ обязанность присутствовать при вѣнчаньи. На другой день этотъ возный, явившись въ Луцкій гродскій урядъ, донесъ подстаростѣ и вписалъ въ актовыя книги реляцію о томъ, что подсудимый Янушъ Кобринецъ, въ его присутствіи, былъ обвинчанъ съ „*месткою дѣвочкою и во всемъ декрету досытъ учиниль*“ ¹⁾.—Такимъ образомъ данный документъ съ несомнѣнною достовѣрностью свидѣтельствуетъ о томъ, что на Волини въ XVII ст. (а можетъ быть, и въ болѣе раннее время) существовалъ обычай, имѣвшій силу юридическаго установленія, по которому осужденный преступникъ могъ быть освобожденъ отъ казни, если находилась честная дѣвушка, заявлявшая предъ судомъ о своемъ желаніи выйти за него замужъ, и если, конечно, осужденный не отказывался отъ этого брака. Мы не сдѣлали бы такого рѣшительнаго вывода изъ этого, къ сожалѣнію, единственнаго пока

¹⁾ Кв. гр. Луцк. 1606, № 2421, л. 230 об.

документа въ этомъ родѣ, еслибъ онъ не находился въ полномъ согласіи съ живымъ народнымъ преданіемъ. Въ той же Волыни, въ Дубенскомъ у., въ м. Крупцѣ, на церковномъ погостѣ сохранился курганъ, о которомъ существуетъ въ народѣ такое преданіе. Молодой козакъ за какое-то преступленіе былъ приговоренъ къ смертной казни. Когда прочитанъ былъ декретъ и палачъ подвелъ осужденнаго къ плахѣ, изъ толпы вышла дѣвушка и *накрыла платкомъ его голову*, давая тѣмъ знакъ, что она избираетъ его себѣ въ мужа и тѣмъ освобождаетъ его отъ казни. Но когда осужденный поднялъ голову изъ-подъ платка и увидѣлъ свою избавительницу, то съ горькою усмѣшкою отвернулся отъ нея и сказалъ палачу: „Э, рубай краше, а жить с такою поганою не хочу“. Приговоръ былъ исполненъ. Казненнаго похоронили близъ церкви и насыпали надъ нимъ высокую могилу¹⁾.—Подобныя преданія сохранились также въ Новороссіи, на бывшей территоріи Запорожскаго войска. Напомнимъ хотя бы извѣстный разсказъ запорожца Коржа, записанный въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Въ г. Самарѣ (т. е. нынѣшнемъ Новомосковскѣ) тоже вели на казнь осужденнаго преступника. Шествіе остановила дѣвушка подъ бѣлымъ покрываломъ, заявившая желаніе выйти замужъ за осужденнаго и тѣмъ спасти его отъ смерти. Толпа съ любопытствомъ ожидала, что отвѣтитъ на это осужденный. Онъ потребовалъ, чтобы дѣвушка сняла покрывало и, взглянувъ ей въ лицо, тоже отказался отъ спасенія, сказавъ: „якъ маты таку дзюбу весты до шлюбу, то лишне на шыбенцы даты дубу“²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что такіе удалцы—привередники не часто встрѣчались въ дѣйствительности, и потому преданія о нихъ довольно рѣдки; другіе же случаи, когда дѣло рѣшалось ко взаимному удовольствію сторонъ, не могли поражать народное воображеніе, какъ дѣло обыкновенное, и не сохранились въ народной памяти. Но и уцѣлѣвшія рѣдкія преданія такъ во всемъ

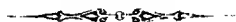
¹⁾ Вол. Еп. Вѣд. 1872 г. стр. 561.

²⁾ Устн. повѣств. запор. Коржа, стр. 24

согласны съ подлиннымъ историческимъ фактомъ, что сомнѣваться въ достовѣрности существованія даннаго обычая нельзя.

Другой вопросъ: откуда возникъ у насъ этотъ странный обычай? Что онъ не самобытенъ,—это видно уже изъ того, что ни въ Статутѣ, ни въ другихъ русскихъ законодательныхъ памятникахъ о немъ нѣтъ упоминанія. Между тѣмъ онъ несомнѣнно существовалъ въ быту нѣкоторыхъ западно-европейскихъ народовъ въ средніе и даже въ новыя вѣка; во Франціи, на примѣръ, его стремился ограничить въ 1668 г. Людовикъ XIV ¹⁾. Но разсмотрѣніе этого интереснаго вопроса выходитъ уже за предѣлы нашей задачи.

Ор. Левицкій.



¹⁾ Lo:seleur, Des crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. Paris, 1863, 272—273.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

И

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Продолженіе *).

IX.

Неустойчивость теоретическихъ представлений о южно-русской драмѣ теперь и прежде. Теорія комедіи по Довгалеvскому и его собственныя интерлюдіи. Точки соприкосновенія между вертепной драмой и серьезными рождественскими драмами.

Замѣчательно, что, по мѣрѣ паденія книжной малорусской рѣчи, все настойчивѣе и чаще начала замѣнять ее народная малорусская рѣчь. Не безъ основанія можно сказать даже, что преобладаніе первой какъ бы устраняло надобность въ литературномъ употребленіи послѣдней. Только этимъ можно объяснить, напримѣръ, то обстоятельство, что отъ XVII вѣка, за исключеніемъ двухъ интермедій Гаватовича (1616 г.),¹⁾ мы не имѣемъ виршей, написанныхъ народной малорусской рѣчью безъ всякой примѣси книжныхъ элементовъ. Но интермедіи Гаватовича сохранились при трагедіи, написанной на польскомъ языкѣ,²⁾ изъ чего заключить можно, что Гаватовичъ, русинъ по происхожденію,

*) См. Кіевск. Стар., 1899, № 12.

1) Кіевская Старина 1893 г., декабрь.

2) Заглавіе ея слѣдующее: Tragaedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrezciciela, Przesłanca Bozego.

былъ учителемъ не въ братской православной школѣ, а въ одной изъ католическихъ польскихъ школѣ, въ которыхъ уже во второй половинѣ XVI в. писались интермедіи на темы изъ народной жизни, съ дѣйствующими лицами изъ простонародья, на простонародномъ языкѣ мазурскомъ, русинскомъ и т. п.¹⁾ Можно думать поэтому, что интермедіи Гаватовича были плодомъ школьной теоріи, господствовавшей въ польскихъ школахъ, а не того національнаго движенія, которое побуждало малорусскихъ писателей воспользоваться этой теоріей для своихъ цѣлей.

Какъ извѣстно, это были религіозно-просвѣтительныя цѣли. Говоря это, мы далеки отъ мысли, высказанной г. Петровымъ, будто бы „первые опыты подражательнаго духовнаго театра были чисто мистериальнаго характера и даже иногда привязывались къ церковному богослуженію“.²⁾ Такъ именно онъ думаетъ о драмѣ „Дѣйствіе на страсти Христовы“, связывая ее съ такъ называемыми пассіями, которыя, по всей вѣроятности, появились въ великопостномъ богослуженіи южно-русской церкви въ началѣ XVII в., при митрополитѣ кievскомъ Іовѣ Борецкомъ. Но, во первыхъ, можно ли этой драмѣ приписывать *чисто мистериальный* характеръ? По нашему мнѣнію, духовная драма появилась въ южной Руси послѣ того уже, какъ она получила въ Польшѣ и во всей западной Европѣ типическія черты школьной драмы. Извѣстно, что эти черты выработались подъ вліяніемъ борьбы католичества съ лютеранствомъ, съ другой стороны—подъ вліяніемъ возрожденія наукъ и искусствъ въ

¹⁾ Wiszniewsky, *Historya Literatury Polskiej*, т. VII, стр. 248. Въ императорской публичной библиотекѣ есть нѣсколько рукоисей съ драматическими пьесами на латинскомъ и польскомъ языкахъ, со вставками комическаго содержанія на бѣлорусскомъ нарѣчій, подъ №№: Q. XIV. 30. Q. XIV. 53. Q. XIV. 80. См. также въ Киевской Старинѣ за 1894 г.; июль: „Южнорус. интермедіи изъ польской драмы: *Com. duchowna ss. Bogusa и Nieba*“. Бытовыя сцены, повидимому, на южно-русскомъ языкѣ плутъ чрезъ всю драму, не выдѣляясь изъ нея. Къ сожалѣнію, прочтаны и напечатаны эти сцены неудовлетворительно.

²⁾ Киевская Старина 1882 г. декабрь, 456.

Томъ 68.—Январь, 1900.

западной Европѣ. Поэтому въ самыхъ раннихъ южно-русскихъ драмахъ мы уже встрѣчаемъ такія особенности, которыя совершенно чужды были средневѣковой мистеріи, напримѣръ, *прологъ*, иногда *антипрологъ*, раздѣленіе на акты съ опредѣленнымъ числомъ сценъ, мифологическія имена и т. п. Духовныя мистеріи въ подлинномъ, настоящемъ смыслѣ этого слова ничего подобнаго не представляли, поэтому мы думаемъ, что никогда и не было въ южной Руси настоящихъ средневѣковыхъ мистерій. Не была таковою и драма „Дѣйствіе на страсти Христовы“, которую самъ Петровъ въ другомъ мѣстѣ называетъ школьной драмой¹⁾. Во вторыхъ, въ драмѣ этой одно изъ дѣйствующихъ лицъ есть богиня вражды *Ерининьсь*. Не думаемъ, чтобы представители южно-русскаго православія, при всемъ своемъ пристрастіи къ мифологической терминологіи, могли допустить въ драмѣ, „привязанной къ церковному богослуженію“, мифологическія имена, тѣмъ болѣе, что въ драмѣ этой одно *пѣніе* написано по польски. Въ третьихъ, не можемъ мы раздѣлять и того мнѣнія г. Петрова, что другіе виды духовной драмы (напримѣръ, такъ называемые, *миракли*, драматизированныя священно-историческія хротики и т. п.) начали появляться въ южной Руси послѣ того, какъ были упрочены въ кіевской академіи пассіональныя и рождественскія духовныя драмы. Не понятно, почему въ числѣ этихъ будто бы позже появившихся драмъ г. Петровъ называетъ и „Діалогъ объ Алексіѣ челоуѣкѣ Божіемъ“²⁾.

Къ XVII в. относятся южно-русскія драмы, написанныя книжною малорусскою рѣчью. Предшествовали появленію ихъ школьныя вирши въ діалогической формѣ. Такова была, напримѣръ, рождественская вирша извѣстнаго лексикографа и типографа Памвы Берынды, напечатанная въ 1616 г. Посвящена она епископу львовскому Іереміи Тисаровскому, котораго проситъ сочинитель принять

„За коляду и щодрый день книжечку тую,

¹⁾ Ibidem, стр. 457.

²⁾ Ibidem, стр. 459—460.

Которая то презъ дѣтокъ деклямована
И для утѣхи на день тотъ з друку выдана¹⁾.

Вирша Беринды „деклямована“ семью лицами, — такая же рождественская вирша Кирилла Транквилиона-Ставровецкаго, напечатанная въ его „Перлѣ многоцѣнномъ“ (1646 г.), составлена для пяти лицъ, при чемъ составитель говоритъ о своемъ „Перлѣ“, что „съ той книги святой могутъ (студенты) выбирать вѣрши на свою потребу и творити з нихъ ораціи rozmaityи часу potrzeby своеи, хочъ и на комедіяхъ духовныхъ“²⁾. Изъ этихъ словъ ясно отношеніе діалога къ драмѣ. Отъ XVII в. до насъ дошла даже драма, которая называется „Розмова въ кратцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшей отъ судіи справедливаго, Христа Спасителя“³⁾. „Розмова“ эта любопытна бытовыми подробностями, изображающими судебные порядки того времени. По всей вѣроятности, она появилась одновременно съ первой оригинальной малорусской драмой „Алексѣй челоуѣкъ Божій“, представленной „черезъ шляхетную молодъ студенскую въ коллегіумѣ кіево-могилаускомъ“ и, по желанію воеводы кіевского Георгія Трубецкаго, напечатанной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1674 г.⁴⁾. Думаемъ такъ на основаніи общей терминологіи въ „Розмовѣ“ и въ драмѣ: *видокъ, видѣніе*, а не *дѣйствіе, явленіе*, какъ въ позднѣйшихъ драмахъ. Вообще можно сказать, что въ то время въ малорусской литературѣ, повидимому, не установилось даже опредѣленное названіе для драматическихъ произведеній. Такъ изъ двухъ драмъ, недавно открытыхъ г. Франкомъ, одна называется „Dialogus de passione Christi“, а другая пасхальная

1) Императорской публичной бібліотеки церковно-славянскій отдѣлъ, I, 8, № 12.

2) Второе (могилевское) изданіе 1699 г. изъ библ. кіево-печерской лавры, отд. VII, № 68.

3) Кіевская Старина 1884 г., іюнь.

4) Хронологическій указатель церковно-славян. книгъ, вып. I. См. также у Тихонравова „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ“. Спб. 1874 г.

драма „Слово о буренью некла“. Драма конца XVII вѣка, о которой говорили мы выше, называется „Дѣйствіе на страсти Христовы“¹⁾.

Та же неопредѣленность и спутанность терминологіи въ названіи драмы продолжается и въ XVIII в. Извѣстная рождественская драма, приписываемая обыкновенно Дмитрію Ростовскому, называется „Комедія на рождество Христово“²⁾. Существенное отличіе ея отъ драмъ XVII в. заключается въ томъ, что она написана, какъ и всѣ серьезныя драмы XVIII вѣка, славяно-малорусскою рѣчью. Дѣйствіе въ ней развивается слабо, благодаря вторженію въ нее чудснаго элемента, но драма задумана широко и исполнена съ большимъ талантомъ. Въ антипрологѣ Смерть и Жизнь спорятъ между собою о томъ, кому принадлежитъ Натура людская. Затѣмъ идетъ обычное содержаніе рождественской драмы—поклоненіе пастырей и волхвовъ родившемуся Спасителю міра, страхъ Ирода предъ вѣстью о новорожденномъ царѣ іудейскомъ, избіеніе младенцевъ, плачъ матерей въ образѣ плачущей Рахили, смерть Ирода и, въ заключеніе, торжество Жизни надъ Смертію, которая не овладѣла Натурой людской.

„Не умре натура людска“, говоритъ Жизнь, обращаясь къ Смерти, „по вѣкъ жива будетъ, Твоей области данна никогда не будетъ“³⁾.

1) Кіевская Старина, 1891 г., январь, 1896 г., іюнь.

2) Драма напечатана у Тихонова: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг.».

3) Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг., Тихоновъ, стр. 397. И. А. Шляпкинъ сомнѣвается въ томъ, что драма эта написана Дмитріемъ Ростовскимъ, такъ какъ заключительные стихи пролога, въ которыхъ испрашивается благословеніе архіерея на исполнителей драмы, будто бы отвергаютъ авторство Дмитрія. (Св. Дмитрій Ростовскій и его время, стр. 343). Намъ кажется, что Дмитрій въ данномъ случаѣ могъ слѣдовать обычаю, принятому въ южно-русскихъ школахъ, вовсе не имѣя въ виду своей личности, да и написать драму могъ онъ еще тогда, когда не былъ архіереемъ.

Для насъ важнѣе всего бытовья сцены въ драмѣ, имѣющія характеръ интермедій, тѣ сцены, въ которыхъ выступаютъ пастухи, узнающіе отъ ангела о рожденіи Спасителя. Разговариваютъ они почти по великорусски съ небольшою примѣсью малорусскихъ особенностей рѣчи, доказывающихъ, что въ первоначальномъ текстѣ этихъ разговоровъ была народная малорусская рѣчь. Отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что драма написана была на югѣ, но дошла до насъ въ сѣверной редакціи, которая установлена была самимъ авторомъ послѣ 1701 года, когда изъ игуменовъ новгородъ-сѣверскаго монастыря онъ назначенъ былъ сперва сибирскимъ, а потомъ ростовскимъ митрополитомъ 1).

1) Кромѣ этой драмы, а также четырехъ драмъ, о которыхъ говорили мы въ четвертой главѣ нашего изслѣдованія, на славяно-малорусскомъ языкѣ написаны были еще слѣдующія драмы: 1) «Свобода» (1701 г.) неизвѣстнаго автора (не издана, рукопись хранится въ пркутской семинаріи). 2) «Мудрость предвѣчная» (1703 г.)—тоже неизвѣстнаго автора (отрывки изъ нея напечатаны въ Трудахъ кievской Духовной академіи, 1866 г., ноябрь; рукопись—въ библиотекѣ кievской Духовной семинаріи, № 608). 3) «Иосифъ Патріархъ» (1708 г.)—трагедокомедія Лаврентія Горки, учителя пѣттики въ кievской Дух. академіи, въ 1707—1708 гг. (издана Тихонравовымъ: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ», 1874 г.; рукопись въ кievской Духовной академіи, № 0. 4^о. 7; есть также списокъ въ библиотекѣ кievо-михайловскаго монастыря въ концѣ пѣттики Л. Горки). 4) Трагедокомедія Сильвестра Ласкоронскаго (1729 г.) (издана въ Трудахъ кievской Духовной академіи, 1873 г., сентябрь). 5) Комическое дѣйствіе — рождественская драма Митрофана Довгалева (1736 г.). 6) «Властотворный образъ челоуѣколюбія Божіа» — воскресенская драма его же (1736—1737 г.); (отрывки изъ драмъ Довгалева—въ «Очеркахъ изъ украинской литературы XVIII в.» Петрова; рукопись обѣихъ драмъ—въ библиотекѣ кievо-михайловскаго монастыря, № 1710). 7) «Брань честныхъ добродѣтелей» іеромонаха Іоасафа Герленка (1737 г.) (отрывки въ «Очеркахъ» Петрова; рукопись кievской Духовной академіи по печатному описанію № 664). 8) «Образъ страстей міра сего» неизвѣстнаго автора (1739 г.) (издана въ Трудахъ кievской Духовной академіи, 1877 г., сентябрь; рукопись церковно-археологическаго музея при кievской Дух. академіи, № 660). 9) «Благоутрѣбіе Марка Аврелія» Михаила Козачинскаго, префекта кievской Дух. академіи (драма

Въ XVIII в. является новое названіе драмы—трагедокомедія, введенное Теофаномъ Прокоповичемъ. Повидимому, это названіе находится въ связи съ стремленіемъ внести въ серьезную драму изображеніе обыденныхъ явленій жизни, составляющихъ содержаніе комедіи. Тѣмъ не менѣ въ представленіяхъ о комедіи не было достаточной ясности. По прежнему назывались иногда комедіями или комическими дѣйствіями драмы отвлеченнаго, богословскаго содержанія. Такъ, напримѣръ, Довгалевскій называетъ свою рождественскую драму: „Комическое дѣйствіе въ честь царю царей Христу Господу четырема явленіи изображенное“, и тотъ же Довгалевскій въ піитикѣ своей даетъ теорію комедіи, не имѣющую ничего общаго съ его же собственными понятіями о драмѣ серьезнаго содержанія. Комедія, по его мнѣнію, отличается отъ трагедіи 1) матеріей, ибо изображаетъ явленія простой, частной жизни, дѣйствія забавныя и веселыя, тогда какъ трагедія—важныя и серьезныя; 2) лицами, ибо въ комедіи выводятся лица не важныя (*leves*), напримѣръ: господарь (*paterfamilias*), литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, скиѣтъ, грекъ, итальянецъ, тогда какъ въ трагедіи—вожди, цари, герои; 3) изложеніемъ (*dictione*): комедія излагается словами простыми, обыкновенными, шутливыми, трагедія—словами важными, метафорическими; 4) страстями (*affectu*): въ комедіи страсти спокойныя, въ трагедіи бурныя; 5) концемъ дѣйствія: въ комедіи конецъ веселый, если даже начало печальное; въ трагедіи, наоборотъ, возможно начало веселое, конецъ же непременно долженъ быть несчастнымъ¹⁾. Извѣстно, что тотъ же Довгалевскій есть авторъ лучшихъ интерлюдій XVIII вѣка, во многомъ соответствующихъ его теоретическимъ понятіямъ о комедіи. И однако же не называлъ онъ ихъ комедіями, потому, вѣроятно, что онѣ не

написана по случаю прибытія въ Кіевъ Елисаветы Петровны въ 1744 г. и напечатана въ Кіевѣ въ 1745 году; отрывки изъ нея въ «Очеркахъ» Петрова). 10) «Трагедокомедія, нарѣцаемая Фотій» Георгія Щербаткаго (1749 г.); (напечатана въ Трудахъ кіевской Дух. академіи 1877 г., декабрь).

¹⁾ Рукопись кіево-михайловскаго монастыря № 1710.

заключаютъ въ себѣ составныхъ частей драмы, на которыя указываетъ самъ Довгалеvскій, т. е. нѣтъ въ нихъ пролога, протазиса, эпитазиса и катастрофы. Онѣ представляютъ только рядъ намековъ на главные моменты дѣйствія, развивающагося въ драмѣ. Такъ, въ прологѣ къ „Комическому дѣйствію“ Довгалеvскаго Валаамъ пророчествуетъ о рожденіи Спасителя, а въ первой интерлюдіи къ этой драмѣ его же астрономъ предсказываетъ будущее двумъ мужикамъ и литвину; въ первомъ дѣйствіи драмы три царя, внуки Валаама, разсуждаютъ о звѣздѣ, явившейся на востокѣ, а во второй интерлюдіи мужикъ разсказываетъ сонъ свой, въ которомъ онъ видѣлъ, будто бы эта самая звѣзда бьется съ мѣсяцемъ; во второмъ явленіи драмы приходятъ цари съ дарами, а въ третьей интерлюдіи приходятъ къ ляху крестьяне его съ поклономъ и дарами и проч. Собственно говоря, это матеріалъ для драмы, но не самая драма, каррикатурное отраженіе ея, но не комедія.

Что же мѣшало Довгалеvскому и другимъ составителямъ интерлюдій превратить ихъ въ комедію?

Намъ кажется, что они стѣснены были авторитетомъ теоріи, которая требовала отъ всякой серьезной драмы рѣчи „важной, метафорической“. Они понимали возможность комическихъ лицъ и положеній въ трагедокомедіи. Мы видѣли, что Конисскій въ эпилогѣ къ драмѣ своей „Воскресеніе мертвыхъ“ называетъ себя „комѣкомъ“ и изображаетъ въ ней обыкновенныхъ лицъ, даже земледѣльца, но этотъ земледѣлецъ разсуждаетъ, какъ „писменный“ человекъ, и вообще вся драма написана въ возвышенномъ стилѣ, славяно-малорусскою рѣчью, поэтому тотъ же Конисскій присоединяетъ къ ней пять интерлюдій, въ которыхъ дѣйствующія лица говорятъ уже обыкновенною, народною рѣчью. Такимъ образомъ вторгалась эта рѣчь въ литературныя произведенія, не смотря на стилистическій пуризмъ, поддерживаемый псевдоклассической теоріей драмы. Да иначе и быть не могло въ странѣ, въ которой не было единой и цѣльной литературной рѣчи, обязательной въ кругу образованныхъ людей. Наиболѣе устойчивой силой въ ней былъ народъ съ его не угасавшимъ еще поэтическимъ творчествомъ, которое возможно было только

на почвѣ родного языка. Вотъ почему тяготѣніе къ этому языку не исчезало въ средѣ малорусскихъ писателей, даже тѣхъ, которые стремились взобраться на вершины литературнаго Парнаса. Въ этомъ отношеніи любопытно письмо изъ Петербурга какого-то Лобысевича къ Георгію Конисскому, у котораго онъ проситъ его интерлюдій, замѣчая, что „во всякомъ нарѣчій языковъ есть своя красота“ для тѣхъ, кто умѣетъ „подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнности мыслей“¹⁾. Что касается до составителей интерлюдій, то они видѣли въ псевдоклассическомъ отдѣленіи комедіи отъ трагедіи удобный исходъ для своего творчества, находившаго свѣжія и яркія краски въ простопадной рѣчи. Можно полагать даже, что Довгалеvскій не чуждъ былъ смутнаго представленія о томъ, что изъ интерлюдій могла бы выработаться комедія. Думаемъ такъ на томъ основаніи, что въ прежнее время вставлялись интерлюдіи въ средину драмы, тогда какъ Довгалеvскій свелъ ихъ въ одно цѣлое, такъ что онѣ занимаютъ въ его драмахъ отдѣльное мѣсто, какъ дополнительныя части каждой изъ нихъ. Оставалось только сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ—составлять интерлюдіи независимо отъ серьезной драмы, группируя ихъ вокругъ своего самостоятельнаго центра дѣйствія. Но для этого нужно было отрѣшиться отъ церковно-религіозной почвы, на которой выросла малорусская драма.

Не отрѣшилась отъ этой почвы и народная, такъ называемая, вертепная драма, особенно въ первой части своей. Въ общемъ расположеніе драматическаго матеріала представляетъ большое сходство съ „Комическимъ дѣйствіемъ царю царей“ Довгалеvскаго. Собственно говоря, содержаніе первой части „Комическаго дѣйствія“, равно какъ и нашей вертепной драмы, заимствовано главнымъ образомъ изъ школьных рождественскихъ драмъ, въ которыхъ не было интерлюдій. Это легко подтвердить ссылками на рождественскую „комедію“ Дмитрія Ростовскаго, о которой мы говорили выше. Она могла быть извѣстна Довгалеvскому, можетъ быть даже въ болѣе древнемъ первоисточникѣ и, безъ

¹⁾ Очеркъ изъ исторіи украинской литературы, Петрова, 111.

сомнѣнія, въ болѣе древней редакціи, чѣмъ та, которую мы имѣемъ. Довгалеvскій выбросилъ изъ нея многія аллегорическія подробности, напримѣръ, олицетворенія натуры людской, земли и неба, вѣка золотого и желѣзнаго, разныхъ добродѣтелей и пороковъ человѣческихъ, разныхъ состояній души человѣческой. Весь аллегорическій матеріалъ онъ ограничилъ олицетвореніемъ гнѣва, смерти, декрета Божія и человѣколюбія Божія. „Любопытство звѣздочетское“ онъ представилъ въ конкретномъ образѣ астрономовъ, выступающихъ въ первой интерлюдіи къ его драмѣ. Но при этомъ образъ Валаама, который въ „комедіи“ Дмитрія Ростовскаго выставленъ „звѣздочетцемъ“, Довгалеvскій перепесъ въ прологъ своей драмы, а для связи дѣйствія самихъ царей, открывающихъ драму, пазвалъ внуками Валаама. Затѣмъ завязка драмы и причина погибели Ирода у Довгалеvскаго и у Дмитрія Ростовскаго одиѣ и тѣ же.

Совершенно независимо отъ „Комическаго дѣйствія“ Довгалеvскаго, вертепная драма удержала изъ „комедіи“ Дмитрія Ростовскаго пастуховъ, которыхъ пѣтъ у Довгалеvскаго, и образъ плачущей Рахили, тоже опущенный Довгалеvскимъ. Пастухи въ вертепной драмѣ—живой снимокъ съ настоящихъ малороссійскихъ пастуховъ. Въ „комедіи“ Дмитрія Ростовскаго вмѣсто живой Рахили въ 16-мъ явленіи слышится плачь и рыданіе о убиенныхъ отрочатахъ *подобіемъ* плачевой Рахили. На цѣлыхъ четырехъ страницахъ блѣдными фразами разведенъ этотъ неестественно длинный плачь, который скорѣе можно пазвать проповѣдью на тему: „гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть“. Самъ проповѣдникъ пазываетъ себя „гласомъ Рахили“, вѣстникомъ ея материнской печали. Между тѣмъ, въ вертепной драмѣ мы видимъ настоящую мать, убитую горемъ о погибшемъ чадѣ: въ сокиринскомъ варіантѣ этой драмы она одѣта по малороссійски, съ намиткою на головѣ, въ плахтѣ и въ запаскѣ. Въ сущности это простая сельская женщина, посящая только имя Рахили, повтому воины Ирода пазываютъ ее просто бабой. Вообще говоря, даже въ первой части вертепной драмы мы видимъ живыхъ людей, а не ходульных, мертвыя аллегоріи, которыми

изобилуютъ обѣ драмы ученыхъ авторовъ. Только одно отвлеченіе—именно смерть—играетъ въ вертепной драмѣ значительную роль, потому конечно, что народная фантазія давно привыкла представлять смерть живымъ существомъ, независимо отъ позднѣйшихъ школьныхъ вліяній.

Что касается до второй части вертепной драмы, то она вся цѣликомъ составлена изъ народныхъ сценъ, безъ малѣйшей примѣси книжности. Безъ сомнѣнія, такъ было и въ старину, когда слагалась эта драма, дошедшая до насъ въ позднѣйшихъ записяхъ¹⁾. Могли происходить подновленія и измѣненія въ языкѣ ея, посредствомъ которыхъ книжная рѣчь отъ долгаго обращенія въ устахъ народа дѣлается народною. Если Довгалеvскій и Конисскій, ученые профессора академіи, писали на народномъ языкѣ, то тѣмъ болѣе должны были слѣдовать примѣру ихъ люди, которые прямо и непосредственно обращались къ народу, и мы думаемъ, что въ тѣхъ редакціяхъ вертепной драмы, которыя дошли до насъ, она сложилась подъ вліяніемъ позднѣйшей школьной теоріи, отдѣлившей комическій элементъ отъ трагическаго. Различается она отъ драмъ Довгалеvскаго и Конисскаго тѣмъ, что во второй части ея нѣтъ никакихъ параллелей и сближеній, даже отдаленныхъ и натянутыхъ, съ серьезною драмой, какія мы видимъ въ интерлюдіяхъ Довгалеvскаго и Конисскаго. Единственная нить, соединяющая первую часть вертепной драмы со второю, заключается въ томъ, что въ первыхъ двухъ сценахъ этой послѣдней выдвинутъ мотивъ радости по поводу рожденія Спасителя. Стоило только оборвать эту нить, и мы имѣли бы народную комедію, совершенно освободившуюся отъ церковно-религіозныхъ мотивовъ. Правда, въ этой комедіи нѣтъ психологическихъ моментовъ, дающихъ жизнь и движеніе драмѣ, но они, безъ сомнѣнія, явились бы при дальнѣйшей разработкѣ богатаго бытового содержанія ея. Даже и

1) Записи Маркевича и Галагана: первая см. «Обычаи, повѣрья, кухня и наивитки малороссіявъ», изд. 1860 года; вторая см. *Кіевская Старина*, 1882 г., октябрь.

въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась до нашего времени, есть въ ней центральное лице, вокругъ котораго вращаются всѣ дѣйствія второстепенныхъ лицъ. Это именно запорожець, представитель народной силы, торжествующей надъ всѣми врагами народа, даже надъ самимъ чортомъ ¹⁾).

X.

Какъ проникала народная рѣчь въ литературное употребленіе? Вопросъ о генезисѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршей. Стихотворенія священника Некрашевича.

Въ старину исполнителями вертепной драмы были, какъ извѣстно, странствующие школьники, которые посредствомъ такъ называемаго „миркованья“, добывали средства для своего пропитанія. Не всегда возвращались они въ школу, предпочитая ей жизнь странствующихъ дяковъ и „бакаляровъ“. Извѣстны они были также подъ именемъ „пивоуѣзовъ“, нерѣдко и сами себя они называли такъ въ сатирическихъ изображеніяхъ собственныхъ своихъ недостатковъ. Неодобрительно смотрѣли на нихъ духовныя власти, такъ какъ поведеніе ихъ часто не согласовалось съ достоинствомъ просвѣтителей народа. Тѣмъ не менѣе это были единственные распространители школьныхъ знаній, наывковъ и вкусовъ въ народѣ, который смотрѣлъ на нихъ безъ всякой непріязни ²⁾. Главное достоинство ихъ заключалось въ томъ, что они приспособляли тяжеловѣсную школьную премудрость къ пониманію народа, заимствуя въ свою очередь отъ него своеобразныя особенности мысли и рѣчи его. По разнымъ причинамъ люди эти не могли выступать въ активной роли

¹⁾ Анализъ вертепной вирши о запорожцѣ см. «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», стр. 112—117. Тамъ же о тинахъ, изображенныхъ въ вертепной драмѣ, въ связи съ соответствующимъ матеріаломъ въ интерлюдіяхъ Довгалева и Конисскаго, стр. 99—111.

²⁾ См. Ibidem, гл. II.

представителей новых образовательных и литературных вѣяній, возникавшихъ изъ новыхъ политическихъ условій жизни, обязательныхъ для всей лѣвобережной Украины. Сами они сознавали всѣ неудобства своего положенія въ той обстановкѣ, которая вмѣстѣ съ новымъ просвѣщеніемъ вносила въ общественную жизнь страны перестановку политическихъ и сословныхъ отношеній, выгодную для отдѣльныхъ лицъ, обладавшихъ энергіей и предпримчивостью, и нежелательную для народной массы, окончательно закрѣпощенной при Екатеринѣ II (1783 г.). Какъ бы то ни было, „бакаляры“ чувствовали тяготѣніе къ этой массѣ, раздѣляя иногда печальную судьбу ея, о чемъ свидѣлствуетъ, между прочимъ, одно старинное стихотвореніе, написанное на Ирмологіи, издавшой въ 1757 году:

„Хто хоче лыха зазпати,
Ныхай иде въ N дякувати,
То буде панщину въ будни робити,
А въ суботу ходитъ звонити,
Сала по сели прохати
И скризъ за хлибомъ шмарувати“.

Обыкновенно спасались они отъ этого положенія бѣгствомъ:

„Сіе вамъ изображаю,
И самъ зъ N утикаю“,

говоритъ злополучный сочинитель того же стихотворенія ¹⁾. Какъ видно, типъ „мандрованныхъ“ дяковъ слагался отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, которыя побуждали посполитый людъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, спасаясь отъ экономическаго порабощенія. Вотъ въ этой именно средѣ—полународной и полукнижной—поддерживалась привычка писать вирши, которыя составляли вѣкогда необходимую принадлежность школьнаго образованія не только въ городахъ, но и въ селахъ, удовлетворяя въ то же время нравственнымъ и эстетическимъ потребностямъ всѣхъ слоевъ малорусскаго народа. Понятно въ виду всего сказаннаго, почему писатели этихъ виршей уходили перѣдко

¹⁾ Кіевская Старина, 1897 г., ноябрь.

подъ сѣнь родной рѣчи, которая давала имъ избытокъ краски для выраженія печалей и радостей, какъ личной, такъ и общественной жизни. Такимъ путемъ проникала эта рѣчь въ литературное употребленіе гораздо раньше, чѣмъ написана была Энеида Котляревскаго.

Въ свое время мы занимались изслѣдованіемъ виршевого творчества, имѣя въ виду выяснить вліяніе его на образованіе поэтическаго стиля народныхъ малорусскихъ думъ ¹⁾. Не повторяя того, что сказано было нами раньше, замѣтимъ только, что къ самымъ типичнымъ виршамъ въ народно-психологическомъ смыслѣ относятся рождественскія и воскресенскія. Мы вовсе не касались генезиса ихъ, сосредоточивъ свое вниманіе на тѣхъ виршахъ, которыя составлены были въ народномъ вкусѣ „бакалярами“ сельскими. Между тѣмъ послѣ того, какъ напечатана была наша книга, появилась любопытная статья г. Милона подъ заглавіемъ: „Южно-русская пасхальная драма“ ²⁾. Почтенный галицкій учепый, слѣдуя указаніямъ покойнаго Драгоманова, объясняетъ происхожденіе одной воскресенской вирши изъ пасхальной драмы, открытой самимъ же Милономъ. Мы ничего не говоримъ противъ того, что въ данномъ случаѣ вирша могла появиться этимъ путемъ, но думаемъ только, что нѣтъ достаточныхъ основаній для обобщенія этого факта. Говоримъ объ этомъ въ виду того обстоятельства, что въ статьѣ самого Драгоманова, которой мы не имѣли возможности прочесть, сказано, повидимому, больше того, что нужно, по поводу этой самой воскресенской вирши ³⁾. Издавал „матеріалы для украинскихъ виршей“, Драгомановъ выводитъ и нѣкоторыя рождественскія вирши изъ рождественской драмы, утверждая, что онѣ образовались изъ нея чрезъ вертенную драму путемъ сокращенія ⁴⁾. Намъ кажется, что съ одинаковымъ

¹⁾ Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 57—136.

²⁾ Кіевская Старина, 1896 г., іюнь, іюль-августъ.

³⁾ «Ватра», сборникъ Луквича, 1886 года: «Изъ исторіи вирши на Украинѣ».

⁴⁾ Житте і слово, 1894, т. I, 48.

правомъ можно утверждать противное. Не нужно при этомъ упускать изъ виду, что въ рождественскихъ виршахъ содержаніе гораздо шире, чѣмъ въ рождественской драмѣ. Совпадаютъ онѣ съ этой послѣдней только въ разработкѣ евангельской исторіи, изображая поклоненіе пастырей и царей родившемуся Спасителю, избіеніе младенцевъ и смерть Ирода. Но этимъ матеріаломъ онѣ не ограничиваются, такъ какъ рассказываютъ еще о грѣхопадѣніи прародителей, объ изгнаніи ихъ изъ рая, захватывая даже обычную тему воскресенскихъ виршей—о томъ, какъ Спаситель освободилъ праведныя души изъ ада. По нашему мнѣнію, ужъ если искать прототипа рождественскихъ виршей, то нужно обратиться къ колядкамъ, на что и намекаетъ Берында въ своей рождественской виршѣ. Колядки, въ самомъ дѣлѣ, представляютъ древнѣйшую форму народнаго поэтическаго творчества, въ которое рано проникла христіанская легенда, большею частію апокрифическаго содержанія. Со второй половины XVI вѣка, когда появилось на Украинѣ просвѣтительное движеніе, создавшее малорусскую школу, на почвѣ древнѣйшихъ колядокъ пачали развиваться вирши-колядки, которыя тоже шли въ народъ и предназначались для пѣнія. Изъ нихъ-то и выработались вирши-ораціи, предназначавшіяся для произнесенія. Такъ какъ онѣ не могли привлекать слушателя своимъ мотивомъ, то должны были производить на него впечатлѣніе оригинальностію замысла и силою выраженія. Если оригинальность эта замѣнялась ученостію, то вирши были скучны. Оживлялись онѣ иногда, какъ мы видѣли, діалогомъ. Съ этой точки вирши-ораціи сближались уже съ драмой и могли служить матеріаломъ для нея. Инымъ путемъ развивались тѣ изъ нихъ, которыя почерпали вдохновеніе въ украинскомъ юморѣ. Такія вирши не могли найти въ книжной рѣчи надлежащей поддержки. Составлялись онѣ на народномъ языкѣ съ большею или меньшею примѣсью книжныхъ элементовъ рѣчи для стилистическихъ эффе́ктовъ. Обычный художественный приѣмъ въ нихъ—низведеніе религіозныхъ сюжетовъ въ кругъ обыденныхъ представленій и, такъ сказать, реализація духовнаго міра посредствомъ внесенія въ него бытовыхъ подробностей мѣстной

жизни. На многихъ виршахъ можно прослѣдить весь этотъ любопытный процессъ художественнаго наращенія образовъ¹⁾. Иногда вирши игриваго, праздничнаго тона спускались въ народъ и превращались въ вирши-колядки²⁾, но никогда не входили онѣ въ составъ серьезной драмы. Даже въ первой части вертепной драмы мы видимъ тяжеловѣсныя книжныя вирши, которыя обыкновенно предваряютъ содержаніемъ своимъ слѣдующія за ними сцены. Такимъ образомъ къ вопросу о сокращеніи виршей изъ драмъ нужно относиться съ большою осторожностію.

Въ виршахъ-орачіяхъ мы видимъ свободное и, можно сказать, смѣлое обращеніе съ религіозными представленіями и вѣрованіями. Вытекало оно изъ самой сущности того направленія въ искусствѣ, которое въ наше время называется реализмомъ. Само собою разумѣется, что виршевой реализмъ не былъ сознательнымъ актомъ мысли: являлся онъ самъ собою, непосредственно, какъ одно изъ основныхъ свойствъ украинскаго народнаго творчества. Конечно, была въ немъ и добрая доля праздничной фантазіи, переходившей за черту благоразумной сдержанности, но въ цѣломъ вирши-орачіи представляютъ живую картину нравовъ, поэтому мы относимъ ихъ къ разряду нравоописательныхъ виршей. Вмѣстѣ съ интерлюдіями и вертепной драмой онѣ составляютъ одну изъ оригинальныхъ страницъ малорусской литературы XVIII вѣка, но чѣмъ болѣе мы вчитываемся въ эту страницу, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что на ней нельзя было написать многого. Дѣло въ томъ, что религіозное и сатирическое настроеніе—вещи несовмѣстимыя. Въ праздничной обстановкѣ эта несовмѣстимость не была еще такъ рѣзко замѣтна, и то—подъ условіемъ простодушно-наивнаго чувства, которымъ часто проникнуты были составители виршей нравоописательныхъ. Но, какъ только ослабѣвало это чувство, вирши теряли прежде всего естественность и правдоподобіе поэтической фабулы. Чтобы сооб-

1) См. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 82—84.

2) См. Труды этнографическо-статистической экспедиціи Чубинскаго, т. III, стр. 376, 381, 383.

щитъ ей нѣкоторую вѣроятность, она передавалась иногда въ видѣ сна отъ лица разскащика. Такова, между прочимъ, недавно открытая воскресенская вирша, въ которой разскащикъ сообщаетъ своимъ слушателямъ о томъ, какъ онъ догадался, что скоро „те свято буде, якъ жунки красятъ яйца, паски лѣплять люде“. Приснился ему вѣщій сонъ съ цѣлымъ рядомъ чудесныхъ видѣній. Прежде всего увидѣлъ онъ знакомаго всѣмъ покойника, который, по примѣру Іуды, за святотатство, „сицею задавився“, — затѣмъ, по ассоціаціи идей, увидѣлъ онъ „Смерть из Дѣдькомъ“, которые „чвалали, мовъ воликовъ пара“, Адама и Еву, торжествующихъ падъ силами ада, наконецъ, пышный поѣздъ праздника, который называется Великдень¹⁾. Все это старые, давно извѣстные мотивы поэтическаго творчества. Можно было довольствоваться ими за неимѣніемъ ничего лучшаго, но справедливость требуетъ сказать, что, безъ расширенія горизонтовъ мысли, они мало способны были къ извлеченію поэтическихъ элементовъ изъ прозы жизни въ ея обычномъ теченіи.

Къ этому выводу приводитъ пастъ, между прочимъ, знакомство съ малоизвѣстнымъ писателемъ второй половины прошлаго вѣка, священникомъ Некрашевичемъ. Учился онъ, какъ видно изъ приписокъ къ нѣкоторымъ сочиненіямъ его, въ кіевской академіи. Въ 1763 г. онъ былъ „Богословія слышателемъ“ и говорилъ двѣ рѣчи—одну Самуилу Миславскому, бывшему въ то время ректоромъ академіи, а другую печерскому архимандриту Зосимѣ Валкевичу при посѣщеніи имъ села Вишенекъ, принадлежавшаго кіево-печерской лаврѣ. Въ этомъ же селѣ Некрашевичъ сдѣлался священникомъ и не разъ прибѣгалъ къ своему краснорѣчію, являясь въ качествѣ оратора предъ высокопоставленными лицами для испрошенія у нихъ разныхъ милостей. Всѣ эти рѣчи составлялъ онъ то на славяно-малорусскомъ, то на латинскомъ языкѣ. Отъ 1787 г.

¹⁾ Кіевская Старина, 1899 г., ноябрь. Вирши эти написаны не позже 1786 года, по всей вѣроятности, дьячкомъ села Красловекъ, черниговской губерніи, козелецкаго уѣзда, Николаемъ Мазалевскимъ, умершимъ въ 1793 г.

сохранилось письмо его, написанное въ стихахъ къ о. Арсенію Криницкому и женѣ его, въ которомъ онъ благодарить ихъ „за нѣкоторое оказанное отъ нихъ особливое благодареніе:“ ¹⁾

„О неисчетнѣ судьбы! о благодѣтели!
 Не погибнетъ никогда надежда на Бога:
 Я журился, что убогъ, а имѣю дѣти,
 Время жъ люто, гдѣ что взять, чѣмъ же ихъ снабдѣти.
 Но Господь, творецъ вѣковъ, все то во благое
 Благодѣлю устроилъ, употребивъ на тое
 Отца Арсенія, мнѣ любезнаго брата,
 Да Ирину госпожу“.

Здѣсь тоже рѣчь славяно-малорусская, на которой написанъ имъ былъ въ 1773 году и діалогъ: „Споръ души съ тѣломъ“. Но, удаляясь отъ матерій важныхъ или же разсуждая объ этихъ матеріяхъ съ народомъ для вразумленія его, Некрашевичъ не чуждался и народнаго просторѣчія, которое помогло ему нарисовать нѣкоторыя черты народнаго быта довольно удачно. Въ стихотвореніи его „Ярмарокъ“ одинъ крестьянинъ покупаетъ у другого пару воловъ. Происходитъ между ними разговоръ объ этомъ предметѣ со всѣми подходами и уловками, чтобы продать подороже, купить подешевле. Сдѣлка оканчивается обычнымъ могорычемъ:

„Спасибу жъ тобѣ, куме“, говоритъ покупатель, „нумо
 жъ пить горѣлку,
 Та ще треба землею стерти воламъ спинку,
 Вишій же, свату, до дна, що-бъ воли орали“...
 „Оттакъ, свату, въ гору хвись“, отвѣчаетъ продавецъ,
 „щобъ тобѣ брикали!“

Въ другомъ стихотвореніи „Исповѣдь“ изображены недоразумѣнія, возникшія между священникомъ и прихожанами его по поводу

¹⁾ Рукопись церковно-археологическаго музея при кievской академіи, № 181. Это копія съ рукописнаго сборника, полученнаго изъ черниговской губерніи и находящагося въ бібліотекѣ М. Ки-бадьчица.

введенной имъ одиночной исповѣди, на которой священникъ спрашивалъ кающихся о томъ, въ чемъ согрѣшили они не только дѣломъ или словомъ, но и помышленіемъ. Всѣ они не чувствуютъ за собою тяжкихъ грѣховъ и въ этомъ смыслѣ отвѣчаютъ священнику. Любопытны эти отвѣты для характеристики нравственно-религіозныхъ понятій народа, которыя въ сущности и въ наше время почти тѣ же.

— „Я хлѣба та соли“, говоритъ одинъ кающійся,
„не збавивъ нѣкого,
А бѣлше якихъ греховъ не чуюсь ничего.
Горую да бѣдую, хочъ хлѣба не маю,
А нѣколи нѣкого я не позываю.
Ой чи я жъ бы бѣдовавъ, якъ теперъ бѣдую,
Якъ би хотѣвъ грѣшити, занять речъ чужую?“

— „Я роду не такого“, говоритъ женщина,
„Якъ иншее буває, матки й одця злого,
А мене бо навчили отецъ муй и мати
Колядувокъ и щедрювокъ Бога зухвалати,
Говѣю я що року, пятюнку шаную,
Нѣ їмъ, нѣ пью, нѣ роблю до вечора въ тую.
Отъ бризнуло на губу, якъ сыръ одкидала,
Чого я не робила, весь ротъ полоскала.
Ісусе, прости мене, грѣшную такую,
А булше я на собѣ нѣчого не чую.
Еще жъ хиба за те грѣхъ, що брехнешъ, паноче,
Губою неминою, се жъ дѣло охоче,
Я жъ таки не все й брешу, я чесна собою“.

— „А я що зогрѣшила“, говоритъ дѣвица, „що я
можу знати?“

На вечюрки не хожу,—не пускає мати,
Шѣсть разъ мене и торюкъ моя мати била
За те, що на юлицю разывъ с пята ходила;
Единъ тулко разъ колись пѣсню заспѣвала,
Да й вигнала изъ хати, що й не ночовала,

Все жъ теперъ добре роблю, у грехахъ не чуюсь,
Одъ теи доби и досѣ усе я шануюсь“.

— „Чи ще жъ и ми зогрешимъ“, говорятъ малолѣтніе,
„нѣ, очче, нечого:

Молимося, бьемъ поклоны, нечого худого“.

Недовольна вся громада религіозною ревностію своего пастыря:

„Одце жъ пакъ... А де жъ пакъ греховъ такихъ взяти?

Якъ нечого не грешивъ, що жъ маешь казати?

Чи то мы такъ грешимо, якъ и инши люде?

Да абы були люде, а пѣпъ у насъ буде.

И юго бъ мы за попа всѣ посполу мали,

На проскуры носили бъ й юго бъ шановали,

Нехай бы вѣнъ переставъ тѣлко мудровати,

Що бъ такъ по одинцю всѣхъ насъ сповѣдати.

Еще жъ коли бъ переставъ муштровать в причастѣ,

Що одъ свити закаврашъ одрѣзавъ у Настѣ“.

Пьеса заканчивается тѣмъ, что всѣ роптавшіе пришли наконецъ къ убѣжденію въ необходимости правильной исповѣди:

„Ей Богу, искаемся“, говорятъ они, „жѣнки й чоло-
вѣки,

Щобъ у небѣ зо Христомъ царствовать на вѣки“.

Тотъ же мотивъ столкновенія между духовенствомъ и народомъ разработанъ въ стихотвореніи неизвѣстнаго намъ автора: „Суплика або замысль на пона“¹⁾. По тону и складу относится оно къ тому же времени, когда писалъ Некрашевичъ свою „Исповѣдь“, съ которою оно представляетъ сходство и діалогической формой, напоминающей интерлюдіи Довгале夫скаго и Ко-нисскаго. „Суплика“ изображаетъ неудовольствіе сельскихъ обывателей на священника за то, что онъ чуждается ихъ обще-

1) Кіевская Старина 1885 г., мартъ. Мы приводимъ выдержки пзъ этого стихотворенія по рукописи 1798 года, напечатанной въ октябрьской книжкѣ Кіевской Старины за 1899 г. Правописаніе въ этой рукописи то же, что и въ древнѣйшемъ спискѣ Энеиды.

ства и подвергаетъ ихъ наказаніямъ за проступки противъ вѣры и нравственности. Просятъ они дьяка, чтобы онъ написалъ отъ нихъ жалобу на священника къ архіерею. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, дьякъ умудрился составить жалобу въ веледѣйственныхъ и туманныхъ выраженіяхъ. Впрочемъ, по совѣту людей старыхъ и опытныхъ, жалобщики оставляютъ это дѣло:

„Геть вѣнь“, говоритъ одинъ изъ совѣтниковъ, „не
самъ се крутить,

А все іого панъ сотникъ нашъ учить“.

— „Дя вѣнь же іого сюды и втоптавъ“, говоритъ
другой совѣтникъ,

„Да й за іого свою годованку вѣддавъ“.

Какъ видно, въ данномъ случаѣ къ вопросу церковно-религіозному примѣшался вопросъ соціальный, чѣмъ и объясняется заносчивое обращеніе священника съ прихожанами, которые говорятъ о немъ, что

„Хоть и за дѣломъ прійдешъ (къ нему), то все рило
дуе,

А якъ чого просишь, то мовъ и не чуе“.

Не лишено, между прочимъ, бытового значенія то обстоятельство, что священникъ вносилъ регламентацію и въ вѣковые обычаи народной жизни:

„Пиши ще й се, пандяче“, говорятъ жаловавшіеся, „що
не велить челядѣ колядовати,

На улицю ходити и на Купайлахъ скакати,

Дѣвкамъ не велить ходити на вечорницѣ:

Хиба-жъ имъ, небогамъ, постригтись у черницѣ?

Парубкамъ не велить съ дѣвками гуляти,

По чѣмъ же имъ буде молодость згадати?“

Этотъ старинный протестъ противъ остатковъ языческаго культа, повидимому, снова началъ раздаваться въ лѣвобережной Украинѣ послѣ того, какъ замолкли въ ней гоненія на вѣру, побуждавшія представителей церкви, искавшихъ опоры въ народѣ, снисходительно относиться къ его обычаямъ. Сколько намъ извѣстно,

оффіціальныя въздѣйствія на народъ въ этомъ смыслѣ начались еще при Скоропадскомъ, который въ 1719 г. выдалъ универсалъ на имя стародубскаго полковника Чарнолуускаго „о вечерницахъ, кулачкахъ и протчихъ зборахъ, абы выкоренити“¹⁾. Скоропадскій приписываетъ этимъ „зборамъ“ всѣ несчастія, постигшія Малороссію, какъ то: неурожай, скотскіе падежи, моровую язву. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что поэтическое творчество развиваться не могло въ народномъ направленіи на почвѣ прямолинейнаго и безусловнаго отрицанія обычаевъ, съ которыми связаны поэтическія преданія народа, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ обычаевъ съ давняго времени проникнуты были возвышенными христіанскими вѣрованіями и нравоченіями.

Обращаясь снова къ Некрашевичу, мы должны сказать, что онъ любилъ писать письма стихами. Мы имѣемъ нѣсколько такихъ писемъ къ нѣкому Ивану Филиновичу. Одно изъ нихъ относится къ тому времени, когда Филиновичъ былъ „дворца Вышенскаго чернечого писаремъ“. Написано оно было по поводу чернильницы, потерянной Филиновичемъ, который „на требованіе отдачи оная гордо отказалъ“. Самая незначительность этого происшествія, воспроизведеннаго стихами, характеризуетъ музу Некрашевича. Между прочимъ, есть одна подробность въ этомъ письмѣ, изъ которой мы узнаемъ, какія были настольныя книги у автора. Онъ называетъ поступокъ Филиновича грабительствомъ.

„Да еще, звать, позабылъ“, говоритъ онъ, „книгъ въ
позыку взяти,

Будто прочитатъ, а мнѣ—чтобъ болшъ не видати:
Имѣю я тестаментъ, лѣтопись ростовскій,
Библію священную, малъ трудъ богословскій
И другіе книжицы. Когда хочешъ взяти,
Прийди развѣ, какъ сами маліи будутъ въ хатѣ,
И скажешъ, что потерялъ“...

1) Описаніе румянцевскаго музея, Востокова, 143.

Этотъ же самый Филиповичъ сдѣлался въ послѣдствіи гнѣдинскимъ священникомъ и добрымъ сосѣдомъ Некрашевича, который пишетъ къ нему дружескія посланія—тоже по обыкновенію въ стихахъ. Въ одномъ посланіи онъ общается пріѣхать къ нему на именины и говоритъ:

„Отче Иване Гнѣденскій, возлюбленный тезку,
 Ёдемъ на именины, очищай намъ стежку!
 Ожидай же, здоровъ бувъ, изъ своимъ патрономъ,
 Посажай насъ до стола за новымъ ослономъ,
 Добренькою почасть великимъ стаканомъ,
 То будемъ мы тебе звать милостивымъ паномъ.
 Писавъ тезко зъ тезкою, зъ зятемъ и зъ сестрою,
 Поздравляемо мы васъ вѣршою такою,
 Мѣсяца небесного, сію жъ таки року,
 А числа, що у книжцѣ написано въ строку“.

Въ другомъ посланіи Некрашевичъ приглашаетъ къ себѣ въ гости Филиповича, сына его Петра и дядька Степана Криницкаго. Вотъ отрывокъ изъ этого посланія:

„Отецъ Иванъ, Петро й Степанъ
 Зъ своими жѣнками,
 Просимъ до насъ хотя на часъ
 Пріѣхать святками.
 Будемъ гулять и зухвалать
 Рожденного Бога,
 Уже до насъ просто одъ васъ
 Зроблена дорога.
 Заспѣваемъ хотъ надъ чаемъ,
 Випьемъ калинѣвки,
 Поговоримъ, что сотворимъ,
 Тутъ же зъ нами й жѣнки,
 А мижъ тими рѣчми всѣми—
 То чимъ заѣдати?
 То по чарцѣ, то по парцѣ
 Будемъ запивати.

Нехай усякъ познае, якъ
Жить любезно треба,
Попы усѣмъ должны такимъ
Зробить путь до неба“.

Нельзя отказать этимъ стихотвореніямъ игриваго содержанія въ стилистическихъ достоинствахъ, хотя и можно пожалѣть, что авторъ растрчиваетъ дарованіе свое на мелочи. Очевидно, онъ не могъ выйти изъ тѣснаго круга церковно-приходскихъ отношеній и настроеній на болѣе свободный путь поэтическаго творчества.

XI.

Вирши-сатиры и вирши-элегіи, составленныя по поводу явленій общественной жизни въ XVIII в.

Имя Некрашевича случайно упомѣнено отъ забвенія, и нужно сказать, что въ литературной исторіи старинныхъ малорусскихъ виршей такихъ именъ очень немного. Большею частію составлялись вирши *ad hoc* и не предназначались для широкаго круга читателей. Распространялись онѣ посредствомъ списыванія любителями „поэтицкаго художества“, которые интересовались самимъ художествомъ, а не художниками, поэтому мы ничего и не знаемъ о нихъ. Знаемъ только, что они обращались къ перу не для однихъ традиціонныхъ виршей на праздничныя темы, что и въ эти темы они вносили иногда общественные мотивы, какъ показываетъ вирша, говоренная, по преданію, черноморцами Потемкину въ день праздника Пасхи¹⁾; поэтому въ виршахъ высказывались иногда мысли и чувства по поводу текущихъ явленій общественной жизни. Скучна была эта жизнь, сдвинутая съ старинныхъ своихъ устоевъ. Какъ всегда бываетъ при встрѣчѣ новаго порядка вещей съ старымъ, этотъ послѣдній держался еще силою привычки, не осмысленной идеализмомъ великодуш-

¹⁾ Киевская Старина, 1882 г., апрѣль.

ныхъ стремленій, которыя уступили свое мѣсто мелкому сословному эгоизму. Въ гетманщинѣ козацкіе полки владѣли еще жалкое существованіе, и только въ 1785 г. они превращены были въ карабинерные, но это не мѣшало козакамъ наканунѣ своего уничтоженія относиться съ сословнымъ высокомѣріемъ къ Слободской Украинѣ, въ которой двадцатью годами раньше, т. е. въ 1765 году, изъ пяти козацкихъ полковъ сформировано было столько же гусарскихъ. По всей вѣроятности, въ этотъ промежутокъ времени между 1765 и 1785 годами написана была сатира на Слобожанъ.

„Украинци зъ степивъ и славни Слобожане
Не мало жъ насъ такихъ—изъ нашихъ хуторивъ,
Що зъ вами жъ ризали и туркивъ и ляхивъ.
Чимъ мы не козаки? Мы носимъ оселедци,
И цюкнемъ саблюю, коли де доведетця“.

— „Чимъ же вы чванитесь?“ спрашиваютъ ихъ козаки,

„Отъ! Мы то Слобожане!

Вы такъ соби щось—атъ!.. Нехрещени цыгане!..
Кортить ихъ въ козаки!.. чи зъ розумомъ ся ричъ?
Не ривня вамъ козакъ, не ривня вамъ и Сичъ:
На що вамъ на себе ждять туркивъ и татаръ?
Жидивський наймитъ васъ потре всихъ на сухаръ,
Васъ баба помеломъ звоюе, 'кочергою,
Батигъ здаетця вамъ громовою стрілою“.

Грустно читать эти строки, внушенныя поползновеніями самаго грубаго свойства...

„Селите слободы“, обращаются Гетманцы къ Слобожанамъ, „але платить намъ чиншъ!“

А ни? Дакъ изъ степивъ позгонимъ васъ: бишь,
бишь!

Коли жъ вы хотите у насъ быть наймитами,
То справимъ всимъ штаны зъ широкими матнями,
Реминни очкури, реминни й постолы
И прищвы на зиму, щобъ боси не були“.

Полагать надобно, что въ средѣ того же разлагавшагося козачества написана была и другая сатира, направленная противъ тѣхъ посполитыхъ, которые, слѣдуя примѣру самихъ же козаковъ, добивались дворянскаго званія посредствомъ полученія на службѣ чина коллежскаго регистратора. Сатира эта носитъ заглавіе: „Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны“¹⁾. Прадѣдъ этого Куксы былъ Хамъ, дѣдъ Данило, отецъ Максимомъ „звался и Данилеемъ прозивався“: объ утвержденіи за нимъ этого прозвища „Данилей“ и просить Кукса, надѣясь, что послѣ полученія этой привилегіи никто не будетъ „брать его за чубъ“. Самъ онъ рассказываетъ о себѣ, что былъ онъ простымъ „хлиборобомъ“.

„Дали жъ трохи, якъ розживсь, то й годи робити,
А надумавсь одати въ школу свои дѣти.
Якъ вивчились, въ судъ упхавъ учиця писати,
Да вже того и гляди—гостинця давати,
Що бъ вони такъ, якъ люде, *Евстраты* получили.
Якъ винницю поставивъ, ставъ гнати горѣлку,
И за купця у Остеръ отдавъ свою дѣвку.
Зъ казенного мужика зробився я паномъ
И дворянство показавъ, хоть уже й не даромъ.
А дали сыны мои стали все *Евстраты*,
За старшого взявъ дочку зъ маіорскои хаты:
За що жъ мене пеговать, за що волочити,
Коли стали панами уже й мои дѣты“?

Гораздо симпатичнѣе тѣ вирши общественнаго содержанія, въ которыхъ изображаются бѣдствія угнетаемыхъ, какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ. Тонъ ихъ совсѣмъ другой—не сатирическій, а элегическій. По складу своему онѣ близко стоятъ къ народнымъ пѣснямъ, напоминая, такъ называемыя, псалмы, только безъ религіозной подкладки. Составлялись онѣ не для чтенія, а для пѣнія по образцу народныхъ пѣсенъ, поэтому и дошли онѣ до насъ въ видѣ пѣсенъ не въ старинныхъ рукописяхъ, а въ

¹⁾ Киевская Старица, 1882 г., январь.

позднѣйшихъ записяхъ изъ устъ народа. Тѣмъ не менѣе виршевая основа этихъ пѣсенъ чувствуется и въ трезвомъ, дѣловомъ тонѣ ихъ, и въ подборѣ словъ и выраженій, не успѣвшихъ еще потерять своихъ книжныхъ оттѣнковъ, и въ риторической рифмѣ, преобладающей въ нихъ. Замѣчательная особенность этихъ пѣсенъ-виршей заключается въ томъ, что въ нихъ опредѣленно и ясно сознается тотъ или другой историческій моментъ народной жизни, нерѣдко отмѣчаемый хронологической датой: „Ой изъ тысяча симсотъ шестьдесятъ третёго года пише, пише восточна царица зъ Петербурга города“¹⁾... „Въ шестьдесятъ восьмомъ году собиралось народу“²⁾... Одинъ изъ этихъ моментовъ особенно глубоко запечатлѣлся въ памяти народной, хранящей о немъ донынѣ множество пѣсенъ, между которыми есть и пѣсни виршевого происхожденія: мы разумѣемъ трагическій моментъ въ жизни Запорожья—разрушеніе Сѣчи въ 1775 г. Вотъ одна изъ пѣсенъ, сходная по складу своему съ канцелярской дѣловой бумагой, переложенной въ хорошіе стихи:

„Ой шидь городомъ Елисаветомъ много орливъ изли-
талось:

Въ Москви городи, въ засиданному мисци, панивъ
сенаторивъ собиралось.

Ой зибравшись вони въ одно мисце, стали способъ
собирати,

Якъ би зъ вийська запорозького вси волности отибрати:
„Ой коли бъ же намъ, пани сенатори, у нихъ волность
отибрати,

То будемъ мы и потомки наши въ ихъ отчизни по-
живати“.

Ой избрали вони способъ добрий запорозьцямъ волю
дати,

¹⁾ Кіевская Старина, 1882 г., іюнь.

²⁾ Житте и слово, 1894 г., т. II, 63. См. подробнѣе о пѣсняхъ этого типа въ книгѣ нашей: «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», въ послѣднемъ отдѣлѣ III главы: «Малорусскія вирши историческаго содержанія», стр. 131—136.

Приказали вони по всій земли ихъ слободы заселяти.
 Когда була съ Туркомъ война, патретами поощряли,
 А запорозьци, добри люде, ихъ ласкательства не знали
 Да тимъ сенаторамъ, якъ правдивымъ людямъ, во всемъ
 виры доймали.

Ой якъ дизнали тиі сенаторы, що запорозьци имъ
 вирать,

Ой да приказали запорозьку землю всю кругомъ мирять.
 А розмирявш запорозьку землю, на планы знимали,
 А щобъ запорозьци того не дизнали, казаны имъ въ
 Сичъ прислали“... ¹⁾

Кто сложилъ эти стихи, не знаемъ: вѣроятно же всего, это былъ грамотный человекъ, очевидецъ событія, принимавшій близко къ сердцу горестный смыслъ его. И во всѣхъ пѣсняхъ, относящихся къ этому событію, слышно безысходное горе, переходящее въ вопль отчаянія ²⁾).

Извѣстно, что остатки запорожцевъ, не вышедшихъ въ Турцію, снова собраны были въ 1787 г. тѣмъ же Потемкинымъ, который былъ главнымъ виновникомъ разрушенія Сѣчи, подъ именемъ войска черноморскаго. Нужно было ему это войско, когда возгорѣлась вторая война съ Турціей, и покрыло оно себя славою предковъ при взятіи Очакова и Измаила. Сперва обѣщаны были ему земли между Бугомъ и Днѣстромъ, но по смерти Потемкина правительство нашло болѣе удобнымъ отдать черноморцамъ въ вѣчное владѣніе земли на Кубани „за храбрые и мужественные подвиги его на морѣ и сушѣ“, а тѣмъ, которые закрѣпощены были, возвратитъ свободу. Случилось это въ 1792 г. Событіе это, положившее конецъ блужданіямъ запорожцевъ, воспѣто было въ виршѣ, сочиненной однимъ изъ старшинъ за-

¹⁾ Костомаровъ, Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества, 208—209.

²⁾ Древнѣйшая пѣсня о разрушеніи Сѣчи помѣщена въ «Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи» А. Ригельмана, составленномъ въ 1785—1786 гг. Любопытна эта пѣсня обращеніемъ къ Богдану Хмельницкому.

порожскихъ Антономъ Головатымъ. Вирша эта замѣчательна, какъ первое литературное произведеніе на языкѣ чисто народномъ, напечатанное въ томъ же 1792 г. гражданскимъ шрифтомъ, шестью годами раньше Энеиды Котляревскаго. Ради этого мы приводимъ его съ сохраненіемъ орфографическихъ особенностей первопечатнаго текста. Озаглавлено оно такъ: „Пѣсня Черноморскаго войска, по полученіи на землю Высочайшихъ Грамотъ сочиненная“:

„Эй годѣ намъ журитися, пора перестати;
 Дождалися отъ Царицѣ за службу заплати.
 Дала хлѣбъ, сель (sic) и грамоти за вирныя службы:
 Отъ теперъ мы, миле братья, забудемъ вси нужды.
 Въ Таманѣ жить, вирне служить, границу держати,
 Рыбу ловить, горилку пить, щей будемъ богати.
 Да вже треба женитися и хлѣба робити,
 Кто прійде къ намъ изъ певирныхъ, то якъ врага бити.
 Слава Богу и Царицѣ, а покой Гетману! ¹⁾
 Злѣчили намъ въ сердцахъ нашихъ великую рану.
 Благодаримъ Императрицу, молимося Богу,
 Що намъѣона указала на Таманъ (sic) дорогу“ ²⁾.

Вирша эта, много разъ записанная собирателями народныхъ пѣсень, и донныѣ поется въ Черноморіи.

Съ горькимъ чувствомъ негодованія и гнѣва вспоминаетъ виршевое пѣснотворчество и о другомъ историческомъ моментѣ, относящемся къ тому же царствованію Екатерины II, именно — о закрѣпощеніи крестьянъ. Въ первой четверти настоящаго вѣка въ правобережной Украинѣ записана была пѣсня виршевого склада объ этомъ событіи, но, безъ сомнѣнія, она сложена была въ концѣ прошлаго вѣка, скоро послѣ паденія Польши. Преж-

¹⁾ Рѣчь идетъ о Потемкинѣ, которому въ 1790 г. пожаловано было званіе «великаго гетмана» черноморскихъ войскъ.

²⁾ Новыя ежемѣсячныя сочиненія, часть LXXVII. Мѣсяцъ ноябрь, 1792 года. Въ Санктпетербургѣ, издивеніемъ Императорской Академіи наукъ, въ м. 8 д., стр. 23—24.

нія времена въ ней нѣсколько идеализированы, но вообще связь событій угадана вѣрно.

„Що настало теперъ въ свити, трудно спогадаты,
Не машъ за чимъ, а видробляй, хочъ бы умираты.
Наши диды и прадиды того не зазналы,
Чого жъ мы ся изъ батьками теперъ дочекалы.
Нихто жъ тому такъ не выненъ, якъ пань зробылы,
Запродады души налп, а свій край згубылы.
Панъ Потоцькій и Браныцькій—тыхъ то рада стала,
Щобы Польска въ рукахъ Москвы назавше зистала.
Панъ Ржевускій и Пулавсьей рады додавали,
Щобъ насъ, бидныхъ, изъ душами назавше продады.
Катерына тому рада, вирне прысягае,
Щобъ край взятъ безъ війны отъ ныхъ зажелеае.
Якъ тутъ разомъ берутъ край, берутъ врагы наши Ляхы,
Зачыняють, якъ собакъ, насъ, якъ у клітку птахы.
Мы жъ все бидни, несчастливи, на те ся вродылы,
Щобъ въ неволи, якъ вилъ въ ярми, щоденне робылы.
Вы, прокляти, спогадайте, що ся зъ вами стане,
Мы въ роботы не погынемъ, а васъ всихъ не стане“¹⁾.

Вторая половина вирши изображаетъ безпомощное положеніе крестьянъ, забытыхъ панскою работою. Сколько намъ извѣстно, это первый протестующій голосъ народа противъ крѣпостнаго рабства послѣ того, какъ оно возстановлено было при Екатеринѣ II.

II. Житецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Вирша эта находится въ сборникѣ Ходаковского и въ подлинникѣ, и въ переписанномъ для Максимовича экземплярѣ. Довольно отдаленный варіантъ напечатанъ у Головацкаго (т. II, стр. 375). Есть варіантъ также у Драгоманова «Нові українські пісні про громадські справи» (стр. 40, примѣч. 5, и стр. 41 тоже въ примѣчаніяхъ).

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Источникомъ настоящей статьи, кромѣ многолѣтнихъ наблюденій надъ народнымъ врачеваніемъ въ качествѣ мѣстнаго жителя, земскаго гласнаго и одно время санитарнаго попечителя м. Лукомья, послужили устные народные рассказы и сообщенія, записанныя мною въ девяностыхъ годахъ въ разныхъ мѣстахъ лубенскаго уѣзда, преимущественно въ средней и сѣверной его частяхъ. Собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія, для уясненія, освѣщенія и дополненія ихъ, сопоставлены мною съ данными русскихъ и иностранныхъ фольклорныхъ сборниковъ, какіе доходили въ глушь, съ газетными и журнальными замѣтками, описаніями полтавской губерніи, домашними лѣчебниками и медицинскими сочиненіями. Весь этотъ матеріалъ расположенъ мною въ слѣдующемъ порядкѣ. 1-я вступительная глава устанавливаетъ первоначальный основной взглядъ народной медицины на болѣзнь, какъ на виѣдреніе въ больное тѣло духа, взглядъ, проведенный раньше въ статьѣ „Культурныя переживанія“ профессора Н. Ѳ. Сумцова,¹⁾ и на лѣкарства, какъ на способы удаленія такого духа изъ организма. Въ первую же главу входитъ и отраженіе въ народной медицинѣ религіознаго вліянія. Во 2-й главѣ изложены народные представленія объ устройствѣ

¹⁾ Печатались въ „Києвск. Старинѣ“.

и дѣтельности тѣла, уходъ за больными, ранеными и отравленными. Въ 3-й главѣ заключаются страданія органовъ чувствъ, а также болѣзни, не встрѣчающіяся ни въ одномъ медицинскомъ сочиненіи: уроки, переполохъ—на самомъ дѣлѣ частью первныя, частью инфекціонныя заболѣванія. Естественъ поэтому переходъ къ послѣднимъ, излагаемымъ въ 4-й главѣ. Въ 5-й главѣ разсматриваются страданія растительныхъ органовъ, а въ послѣдней—болѣзни, происходящія отъ разстройства питанія и болѣзни кожи. Въ изложеніе введены народныя опредѣленія болѣзней, 38 рассказовъ о выдающихся случаяхъ заболѣваній и о приѣмахъ излеченія и 120 заговоровъ, варианты которыхъ отмѣчены лишь по новѣйшимъ, бывшимъ подъ руками, сборникамъ, часть же появляется въ печати впервые, насколько могу судить по библиографическому указателю заговоровъ Н. Θ. Сумцова. Главное мѣсто въ настоящей статьѣ, какъ и въ дѣйствительности, отводится тѣмъ сторонамъ народнаго врачеванія, которыя извѣстны у французовъ подъ названіемъ *médecine surnaturelle*, почему статья помѣщается среди культурно-историческихъ и фольклорныхъ изслѣдованій, а не медицинскихъ.

Г л а в а 1-я.

Языческое и христіанское вліяніе на народное врачеваніе.

Основная точка зрѣнія народной медицины на болѣзнь, какъ на виждреніе злого духа въ организмъ больного. Лѣченіе—удаленіе его изъ организма испугомъ и возбужденіемъ отвращенія противными духу веществами и травами. Сборъ травъ въ лубенскомъ уѣздѣ. Заточеніе духа; передача его неодушевленнымъ предметамъ. Передача духа другому организму: растенію, животному, человѣку. Передача икоты. Вымываніе духа угощеніемъ; удаленіе его силой слова. Заговоры. Измѣненіе заговора вліяніемъ христіанства. Помощь святыхъ; освященная вода. Несоблюденіе праздниковъ—причина болѣзней.

На раннихъ ступеняхъ развитія человѣческихъ обществъ, а частью и при дальнѣйшемъ ходѣ цивилизаціи, болѣзни при-

знаются произведеніемъ особаго злого существа, духа, вошедшаго въ организмъ больного ¹⁾. Многочисленные примѣры и данныя изъ области всемірнаго фольклора подтверждаютъ это положеніе; такъ, новозеландцы вѣрятъ, что особыя божества посылають боли въ лобъ, грудь, желудокъ, ноги; а конды и племя орангъ-лаутъ ограждаются отъ демоновъ осыпъ рвами, терномъ и хворостомъ. ²⁾ Присутствіемъ духа внутри больного объясняются также непроизвольныя движенія: икота, зѣваніе, чиханіе, движенія при падучей болѣзни и при истерикахъ. Якуты, на примѣръ, при икотѣ думаютъ, что въ тѣлѣ больного сидитъ чортъ. Арабы смотрятъ на людей въ горячечномъ бреду, а Калмыки на эпилептиковъ—какъ на одержимыхъ бѣсомъ. ³⁾ Древніе египтяне вѣрили, что сумасшедшіе одержимы демонами. У древнихъ индійцевъ болѣзни производились духами ракхасами (Rakhasas). По мнѣнію буддистовъ, дѣтскія болѣзни происходятъ преимущественно отъ демоновъ. ⁴⁾ Въ Ассиріи были особые духи чумы—намтаръ и лихорадки—идна. ⁵⁾ Въ санскритскомъ языкѣ лихорадку называли *tripad*—триногій и *triśiras*—трехглавый. У древнихъ грековъ одно и то же слово означало и лихорадку и демона. ⁶⁾ Въ Бирманіи и теперь вѣрятъ въ особыхъ демоновъ лихорадки и апоплексіи. ⁷⁾ И новымъ цивилизованнымъ народамъ не чужды подобныя же воззрѣнія на болѣзни. На примѣръ, валлоны, давая больному икотой девять глотковъ воды, какъ и у насъ, держатъ при этомъ остріе ножа противъ рта, очевидно съ цѣлью утратить или поразить производящій икоту духъ. Они же

¹⁾ Ю. Липпертъ. Исторія культуры, 351. Ковнеръ. Исторія медицины. (Киѳ. Унивѳр. Извѣстія. 1878 г., II, 4).

²⁾ Н. Ѳ. Сумцовъ. Культ. переживанія (Киѳск. Стар., 1889 г. XI, 303). Тэйлоръ. Первоб. культура. I, 191.

³⁾ Спенсеръ. Основ. соціологіи 1876 г. I, 249.

⁴⁾ Ковнеръ. 67, 73, 79, 145.

⁵⁾ В. Миллеръ. Ассир. заклинанія. (Русск. Мысль, 1896 г. VII, 69).

⁶⁾ Сумцовъ. Культ. Переж. (Киѳ. Стар. 1889 г. 308).

⁷⁾ Ш. Летурно. Соціолог., основ. на этнографіи. II, 202.

обращаются къ ячменцу и вереду, какъ къ существамъ живымъ, съ такими привѣтствіями: *bon djoû oryen! Vazzé komt'a vnou! Bon djoû, klo! A rwér, klo!* ¹⁾ А фламандскія выраженія: *iemand den duivel geven* (дать кому-нибудь чорта), *de duivel zit ins hem* (дьяволъ въ немъ), *z'heeft den duivel in haar lijf* (у него дьяволъ въ тѣлѣ) свидѣлствуютъ о такихъ же вѣрованіяхъ фламандцевъ. ²⁾ Славяне вообще и малороссіяне въ частности раздѣляютъ изложенный взглядъ на болѣзни, какъ на произведеніе злого духа. ³⁾ Въ Бѣлоруссіи, напримѣръ, вѣрятъ, что колдунъ можетъ послать злого духа внутрь больного. ⁴⁾ Такое же убѣжденіе заключается въ свидѣтельскихъ показаніяхъ процесса о колдовствѣ, приводимыхъ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ ⁵⁾: „*Piotrowa cechmistrzowa naslala czarta na Koscia wewnątrz*“. По малорусскимъ понятіямъ чортъ можетъ войти въ человѣка, почему опасно открывать ротъ во время грозы, и малороссіянинъ, входя въ воду, просить: „чортокъ, чортокъ! не ламай кистокъ, ты зъ воды, а я въ воду“ ⁶⁾. Чортъ вводитъ также болѣзнь въ организмъ, подвѣшав людей вихремъ ⁷⁾. Въ Екатеринославской губерніи нѣкоторыя болѣзни представляются крестьянину злыми существами, преслѣдующими людей ⁸⁾. Въ Полтавской же губерніи, по свидѣтельству Арендаренка ⁹⁾, вопль больной, которой заговариваютъ сояшницу, считается удаленіемъ нечистой силы. Съ излагаемой точки зрѣнія интересно слѣдующее объясненіе случая пареза,

¹⁾ Eugène Monseur. Le Folklore wallon. Bruxelles. Charles Rozez p. 22, 26, 27.

²⁾ Js. Teirlinck. Le Folklore flamand. Bruxelles. Charles Rozez. p. 95.

³⁾ Сумцовъ. Культ. пережив. Киевск. Стар. 1889, XI, 303.

⁴⁾ Е. Романовъ. Бѣлор. сб., V, 3.

⁵⁾ Чубинскій. Труды этногр. эксп. т. I, вып. II, 362.

⁶⁾ Иващенко. Зап. Ю. Зап. Олѣла Георг. Общ. 1874 г., II, 83, 84. Чуб. Труды. I, в. I, 21.

⁷⁾ Ibid. и въ моихъ «Нар. обряды и пѣсни Лубен. у.» 14.

⁸⁾ Днѣпр. Молва 1899 г., № 5, 150.

⁹⁾ Записки о Полт. губ. II, 229.

бывшаго съ однимъ крестьяниномъ сел. Литвяковъ, Лубенскаго у., насиліемъ демона. „Якымъ Бондай и диты его полягали спать, колы пидъ напильне викно шось пидійшло таке у шерсты та свыстытъ, танцюе и гра, ажъ пиль ходоромъ. Якымъ уставъ, думае: шо воно таке? Хоче винъ иты на двиръ, колы очи йому заступило, не видно куды двери; пидійшовъ до верха тай лапа и шука руками дверей. Та не найшовъ дверей тай черкае: „шо воно за чортъ тамъ?“ Його хватило за руки тай кынуло объ землю та взяло та руку йому одибрало по ликоть. Увійшовъ сусида, унись його въ хату. Уставъ Якымъ, не можна йому ни йисты, ничого. Розказувавъ, шо таке шось высоке руки розипьяло уверху и його хватило, такъ и обняло. Винъ думавъ, шо кожухъ. Воно й пичъ подряпало, мовъ ножемъ порыло. Воно, якъ сусиды на двиръ выйдуть, то гра у хати, а тимъ сусидамъ зъ-вадвору видно, якъ воно гра. У тій хати страшно, страшно, и Богы попадады подряпани¹⁾.

Если, такимъ образомъ, болѣзнь по общенародному убѣжденію есть слѣдствіе виѣдрившагося въ организмъ духа, то и лѣченіе, естественно, должно состоять въ удаленіи этого духа оттуда такими или иными способами, средствами и приѣмами. Способы изгнанія духа, принятыя народной медициной, могутъ быть сгруппированы въ слѣдующіе отдѣлы.

1) Устрашеніе духа, для чего, напримѣръ на Суматрѣ, сумасшедшаго запирають въ избу, которую зажигаютъ, вѣря, что испуганный духъ оставитъ больного, а въ Калифорніи пугаютъ духъ жестами, гримасами, лають на больного²⁾. У да-

1) Отъ Прасковьи Журавленой, 12 лѣтъ.

Требованія, предъявляемыя народомъ къ лѣкарствамъ, доказываютъ также, что причиной болѣзней считаются духи. Наблюдатели утверждаютъ: «простые люди думаютъ, что все, называющееся лѣкарствомъ, имѣетъ нѣкоторую сверхъестественную силу, нѣкоторое тайное вліяніе; они думаютъ, что какъ скоро больной довольно наиптался лѣкарствами, то тотчасъ долженъ быть здоровымъ». (Енгальчевъ. Домашній лѣчебникъ. Сиб. 1848, I, 167).

2) Спенсеръ. Основ. Соціол. 258.

китовъ въ Америкѣ врачъ трещить въ трещотку, стрѣляетъ изъ ружья; патагонцы барабанятъ—съ цѣлью изгнать духа¹⁾. Киргизскій шаманъ садится противъ больного, играетъ на балалайкѣ, кричитъ, бьетъ больного плетью, кусаетъ, плюетъ, машетъ ножомъ, чтобы испугать духа²⁾.

2) Кромѣ устрашенія, старались еще поселить въ духѣ такое отвращеніе, чтобы онъ оставилъ тѣло больного вмѣстѣ съ рвотой. Такимъ основаніемъ Спенсеръ объясняетъ происхожденіе поддеуриваній больного,³⁾ для чего, на примѣръ въ Лубенскомъ уѣздѣ, служатъ: блекота (*Hyosciamus niger*. L.), порхавка (*Lycoperdon bovista*. L.), овечій калъ и другія вещества, производящія ѣдкій дымъ. Употребленіе кала вообще, засыпаніе имъ бѣльма, купаніе дѣтей въ голубиномъ калѣ отъ сухотъ, обкладываніе коровьимъ отъ ревматизма и свинымъ при боли горла, вѣроятно на первыхъ порахъ также имѣло цѣлью возбудить отвращеніе въ духѣ. Быть можетъ, первоначальное цѣлебное дѣйствіе всѣхъ лѣкарствъ истолковывалось въ томъ смыслѣ, что они неприяты, отвратительны духу, подобно тому, какъ полынь противна русалкамъ, а осина и макъ—вѣдьмамъ и упырямъ. Такъ, извѣстное лечебное растеніе звѣробой (*hypericum perforatum*. L., франц. millepertuis) носитъ у фланцевъ характерное названіе: jaat—den duivel—изгоняющій дьявола⁴⁾. Въ Инди больному давались растенія, враждебныя злымъ демонамъ⁵⁾. Самый сборъ травъ производится даже и въ настоящее время съ извѣстными таинственными приѣмами, безъ сомнѣнія обломками обряда, и притомъ въ извѣстные только дни: на Симона Зилота, 10-го мая, съ лечебною цѣлью, на Ивана Купала, съ цѣлью околдовать, и 9-го мая—для противодѣйствія вреду отъ чаръ⁶⁾.

1) Тэйлоръ. Первоб. культура, 191—194.

2) Православный Благовѣстникъ, миссіонер. журналъ. 1893 г., II, 9.

3) Основ. Соціол., 258.

4) Teirlinck. Le flor. flam., 109.

5) Ковнеръ. Ист. мед. (Кіев. Унив. Извѣстія 1878 г. III, 67.)

6) Основа 1861 г. II, 206.

Въ Херсонской губ. лучшимъ временемъ сбора травъ признается 10 мая ¹⁾. Въ лубенскомъ у., кромѣ этихъ сроковъ, рвутъ еще травы и на преполовение (праву середу). Женщины отправляются собирать зелье натошакъ, обществомъ изъ 5—6 душъ. Начиная собирать, въ с. Хорошкахъ кидаютъ въ траву копѣйку. Зилья крестятъ, затѣмъ срывають, приговаривая: „святый Оврамъ, на се зилья оравъ, Матерь Божа ходыла, своими слѣзами росыла и Бога прохала и намъ помогала“. (М. Снѣтинъ). „Святый Оврамъ на се зилья оравъ, Маты Божа воду носыла и Бога просыла, Пречыста поливала и Бога благала, одъ всякои болисти помагала“ (д. Солоница). Или такъ: „Пречыста поливала, намъ на помичъ давала“ (с. Хорошки). „Маты Божа ходыла, поливала и намъ позволяла, шобъ мы рвали и людей спасалы“ (с. Литвяки). „Матерь Божа на престоли стояла, намъ на помичъ давала, шобъ мы се зилья рвали и всимъ людямъ помагалы“ (Литвяки). „Свята Пречыста обидать носыла и Бога просыла: дай Боже одъ своего зилья помичъ“ (хут. Сабадашевъ, Яблоновской волости, отъ Мазняковой). „Матерь Божа сіяла и дощу просыла: уроды Боже се зилья людямъ на помичъ“ (м. Лукомье). Собирая травы съ врачебною цѣлью на Ивана Крестителя, поминають его вмѣсто св. Аврама: „святый Иванъ на се зилья оравъ, а мени Богъ показавъ, шобъ мени Господь помичъ дававъ“ (м. Лукомье). Обращаются и къ самому зиллю съ такимъ воззваніемъ: „Зилье мое, зилье! я тебе буду рвать, я тебе буду полоскать, царь-зильямъ называть, а ты мени будешъ помогать. Царь-зилья нарвала и пополоסקала. И пополощу и горилку намочу. А ты, горм-цвितъ, цвितешъ хороше и жовто и нахкрестъ и мени здасысь“ (м. Снѣтинъ, отъ Домахи Тимченко-вой). Нарвавъ травъ, женщины моють ихъ въ рѣкѣ, сговариваясь „пополощемъ ище й горилкою, прылемо, шобъ пользовыте було“; затѣмъ складываются по осьминѣ и пьютъ здѣсь же на пригоркѣ, на лѣсной опушкѣ, приплясывая, или идутъ въ кормчу и тамъ распивають водку, приговаривая: „дай Боже

¹⁾ Чернявская. Обр. в пѣсни с. Бѣлозерки. 1893 г., 16.

побѣ се зилля попользувало хороше усякому чоловику⁴. Часть травъ сушатъ потомъ на солнцѣ, на крышахъ построекъ, тѣ же, которыя чернѣютъ отъ солнца, какъ дивина (*verbascum thapsus* L.), затыкаютъ за сволока и бантины въ хатахъ или сушатъ на печи.

3) Духъ болѣзни подвергали также заточенію. Такъ, для избавленія отъ переполоха, волосы и ногти больного, вмѣстѣ съ питкой, которою послѣдній измѣренъ, забиваютъ или замазываютъ въ двери, а больной лихорадкой сбрасываетъ во время приступа болѣзни рубашку и кладетъ ее подъ камень¹). Лихорадку топятъ еще вмѣстѣ съ рубашкой въ рѣкѣ и кладутъ съ могильной землей на могилу.

4) Особый приѣмъ народной медицины заключается въ передачѣ духа, овладѣвшаго больнымъ, какому нибудь организму: растенію, животному или человѣку. Напримѣръ, въ Россіи больной носить хлѣбныя зерна въ рукавицѣ, надѣтой на руку, во время приступа лихорадки; потомъ сѣетъ, а когда зерна эти взойдутъ, долженъ ихъ раздавить²). Въ Бельгіи такимъ образомъ передаютъ зубную боль: гвоздемъ касаются зуба, и больной забиваетъ гвоздь въ дерево. По мѣрѣ углубленія гвоздя должна проходить и боль³). И нѣмцы обходятъ дерево трижды съ цѣлью передать ему болѣзнь⁴). Въ мочѣ больного лихорадкой варятъ три куриныхъ яйца и относятъ съ горшкомъ въ муравейникъ. Лихорадка должна пройти, когда муравьи съѣдятъ яйца⁵). Въ Индіи перемежающаяся лихорадка посредствомъ магіи перегонялась въ лягушку⁶). У дикихъ врачъ беретъ немного крови у больного и вливаетъ въ ротъ лягушкѣ⁷). Въ Орловской губ. изъ больного ребенка пускаютъ кровь на кусокъ хлѣба, который отдаютъ собакамъ⁸).

¹) Чубинск. Тр. Экспед. т. I, в. I, 118.

²) Даль Повѣрья и предр. рус. народа. С.-Петербург. 1880 г., 79.

³) Monseur. Le flore. wal. p. 24.

⁴) Сумцовъ. Культ. пережив. Кіев. Ст. 1889 г. XI, 302.

⁵) Даль. Пов. рус. нар. 79.

⁶) Ковнеръ. Кіев. унив. Изв. 1878 г., II, 66.

⁷) Тэйлоръ. Первоб. культ., 211.

⁸) Рус. Мысль 1896 г., VI, 155.

Въ Лубенскомъ у., скупавъ больное сухоткой дитя въ купели, въ той же купели вслѣдъ за нимъ купають курицу, кошку или щенка. Животное должно погибнуть, а дитя выздоровѣть ¹⁾. Достронувшись до ячменца ячменнымъ зерномъ, отдають послѣднее съѣсть курицѣ. ²⁾ У нѣмцевъ больнымъ отрѣзываютъ часть волосъ и ногтей и кладутъ на перекрестѣ. Кто подыметъ ихъ, на того должна перейти болѣзнь ³⁾. Также и по русскимъ народнымъ повѣр'ямъ, отъ нѣкоторыхъ болѣзней можно избавить больного, обтерши его тряпкой или полотенцемъ и бросивъ эти вещи на дорогѣ. Болѣзнь переходитъ къ поднявшему брошенную вещь ⁴⁾ Въ Лубенскомъ уѣздѣ дѣтскую болѣзнь, крикливицы, отсылають на вечерницы и гульбища или передають другимъ дѣтямъ ⁵⁾. Здѣсь же страдающій икотой, отпивая по 9 глотковъ воды съ четырехъ сторонъ стакана или кружки, приговариваетъ: „хыкавко, хыкавко! иды до воды, кого схочъ того й напады“, или „хыкавко, хыкавко! иды на мостокъ та напады Ивановыхъ невестокъ“ (с. Литвяки); „хыкалко, хыкалко! пиды на мистокъ та напады де багато невестокъ“ (с. Хитцы); „хыкалко, хыкалко! пиды на дошку та напады дивку Явдошку“ (с. Волчекъ); „хыкавко, хыкавко! иды на кладку та напады Дзюбыну Гапку“ (м. Снѣтинъ); „гыкавко, гыкавко! стань на кладку та напады Кайдыну Гапку“ ⁶⁾.

5) Народной медицинѣ извѣстны не одни только суровыя средства обращенія съ духомъ болѣзни. Напротивъ, повсемѣстно стараются выманить его изъ больного угощеніемъ и могорычемъ. Грузинамъ, напримѣръ, оспа представляется въ видѣ общества

1) Мои Нар. обр. и пѣсни Лубенс. у.. 32.

2) Даль. Повѣр. 84.

3) Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Стар. 1889, XI, 302.

4) А. Ваховъ. Фельдшеръ. 1898 г., № 18, 472.

5) Мои Народ. обр. и пѣсни Луб. у. 34.

6) Къ икотѣ обращаются и другимъ образомъ: Хыкавко, хыкавко! де ты була?—На владкахъ (или у Кіеві)—Шо йила?—Кобылятыну (кобылячу голову)—А де дила?—Покынула.—Покынь же й мене (с. Хитцы).

духовъ, для угощенія которыхъ возлѣ больного ставятъ фрукты и молоко; также играютъ и поютъ возлѣ него¹⁾. Въ Велико-россиі больныхъ лихорадкой осыпаютъ ячной крупой, приговаривая: вотъ и тебѣ, кумаха!²⁾ а въ Малороссиі больной несетъ 77 зеренъ проса и мелкоизрубленное яйцо въ воду лихоради³⁾. Въ мѣстной народной медицинѣ, какъ увидитъ ниже читатель, вообще преобладаетъ стремленіе откупиться отъ этой болѣзни угощеніемъ.

6) Важнѣйшій способъ народной медицины—удаленіе духа изъ больного организма силой слова, одинаково извѣстный какъ дикарямъ, такъ древнимъ и новымъ цивилизованнымъ народамъ. Колдуны племени баронга, живущаго вокругъ залива Делагоа, стараясь подчинить себѣ духъ, овладѣвшій больнымъ, поютъ этому духу, лстятъ, умоляютъ: просынайся! иди развлекись на полянахъ, тамъ свѣтло, птица играетъ. Иди и ты, духъ, поиграй⁴⁾. Древніе египтяне укрощали сумасшедшихъ, одержимыхъ демонами, формулами; даже вывихи лѣчили заклинаніями. То же въ Индіи⁵⁾. Въ Ассиріи найдено много амулетовъ и плитокъ съ заклинаніями, между которыми попадаются выраженія: гилка, гилка, беша, беша, перешедшими въ средневѣковую магію черезъ римскую имперію⁶⁾. Въ этихъ заклинаніяхъ пребываніемъ духовъ, наславшихъ болѣзнь, признаются горы, моря, пустыни и болота. Произносились они шопотомъ: снимитись, уйдите, бѣгите далеко изъ моего тѣла. Состояли изъ угрозъ и молитвъ⁷⁾. Заговоръ

1) Вѣстникъ Европы 1868 г. XI, 564.

2) Сахаровъ. Сказанія рус. народа. С.-Петербургъ 1885 г., 32.

3) Чубинскій. Тр. эксед. т. I, вып. I, 11.

4) Н. А. Jund. Les chants et les contes des Ba-ronga. Lausanne 1897, 51, 52.

5) Ковнеръ, Ист. Мед. (въ Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ II, 14 и III, 67).

6) Журн. Мин. Народн. Просв. 1876 г. XII, 188.

7) Вс. Миллеръ. Ассир. заклин. Рус. Мысль 1896 г., VII, 69, 73.

Въ записанныхъ мною приводимыхъ ниже заговорахъ встрѣчаются тѣ же мотивы: сидитъ соби за огнями, за дымами на болота, очерета, ва дыки степа, де пивень не спизае, козакъ коня не сидлае, дивка русою косою не мае; де сонце не гріе, витерь не віе», —предлагають духамъ болѣзни.

(заклинаніе) вообще, по разъясненію покойнаго профессора Потебни, принятому и новѣйшимъ изслѣдователемъ О. Ю. Зелинскимъ, есть словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее. Принудительностью, основанной на вѣрѣ въ силу слова, и желаніемъ, подлежащимъ исполненію, заговоръ отличается отъ молитвъ, вошедшихъ въ него, какъ позднѣйшее наслоеніе, а наличностью сравненія—отъ пожеланій, клятвъ, ругательствъ. Въ заговорахъ заключается обыкновенно пять формулъ: обращеніе, введеніе, два члена сравненія и закрѣпленіе¹⁾. Для усиленія дѣйствія заговоръ произносится многократно, шепотомъ, изъ желанія сохранить профессиональную тайну шепчущаго и боязни потерять потомъ способность лѣчить имъ²⁾.

1) Въ записанныхъ мною заговорахъ, кромѣ обращенія къ болѣзни: уроки, урочыща! болюхъ, болюшыще, бешыха, бешышныкъ, бешышыще! болячка, зализнячка,—заключается еще краткая характеристика болѣзни и причинъ возникновенія послѣдней. Напримѣръ: переполохы вяхрови, блискви, громови, уроки насміяни, наспивани, жыдивськи, цыганськи,—почему полезнѣе излагать заговоры вмѣстѣ съ болѣзнями, а не отдѣльно отъ нихъ. Сравненія въ мѣстныхъ заговорахъ также встрѣчаются часто, особенно въ заговорахъ отъ зубной боли. Напримѣръ: «якъ у мертвыхъ (или мисця) зубы не болятъ, такъ щобъ у мене не болилы». Закрѣпляются мѣстные заговоры однимъ словомъ: ампнь, тогда какъ въ великорусскихъ заговорахъ такъ: слово мое крѣпко, быть по моему или ампнь. (Даль. О повѣр. 33).

2) О заговорахъ. Сборт. Харьк. Ист. Фил. Общ., X, 4, 13, 37, 45, 47, 54.

Обнаружившій заговоръ гласно лишается способности заговаривать (Ibid., 35).—Покойный Скальковский въ «Порубежникахъ» (вып. 1. Одесса 1849 г., 99—101), описывая приготовленіе купели для больной знахаркой, которая положила въ купель топоръ, лемпшъ и чересло и мѣшала травы заступомъ, приводитъ и заговоры этой знахарки заключающіе въ себѣ характеристику болѣзни и обращеніе къ послѣдней, похожія на мѣстные: «чы ты чоловичый, чы ты жыночый, чы ты парубочый, чы ты дивчачый?» и далѣе: «тутъ тоби не стояты, тутъ тоби не буюты, жовтои косты не ломыты, червонои крови не палыты», и между прочимъ заключаетъ, что знахарка согласилась

Съ теченіемъ времени сила слова сама по себѣ признается уже недостаточной для дѣйствительности заговоровъ, и въ нихъ входитъ, какъ выше замѣчено, христіанское наслоеніе. Шептуха подкрѣпляетъ свои шептанія именемъ Божьимъ, Спасителя, Божіей Матери, святыхъ: Николая, Юрія, Варвары въ такихъ, наиримѣръ, выраженіяхъ: не я тебе (болѣзнь) выкликаю, выкликае, вышиптуе Божая Мать“. „Святіи отци и праотци, великомученикы, преподобныкы, велики чудотворци, станьте мени въ помочи“. Въ Лубенскомъ уѣздѣ есть мѣстныя святыни: чудотворные образа, мощи, криницы, къ которымъ прибѣгаютъ вѣрующіе и получаютъ исцѣленіе, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ.

1.

Михайло Ананко лазывъ на коліняхъ и локтяхъ. Полизъ винъ рачкы у Высачкы¹⁾. Тамъ освятилы воду и одслужылы молебень зъ акафыстомъ Божій Матери. Выздоровивъ винъ, прийшовъ уже ногамы. (М. Снѣтинъ, отъ Елены Задонной).

2.

Я праву руку не могла пиднятъ, такъ я ссукала свичу зъ воску, одслужылы молебень зъ акафыстомъ у Высачкахъ; надилы мени на руку привиску и стежку одъ привискы. Рука перестала болить.

3.

Внука моя Марія усе боліе тай боліе. Я пишла, одробыла воску и повела їн у манастиръ до св. Афанасія, и положиы

продиктовать заговоры только благодаря близкимъ отношеніямъ къ сестрѣ автора. То же наблюдается и теперь, развѣ какая нибудь счастливая случайность: близкое знакомство, оказанная услуга, умѣстный совѣтъ и т. п. развивываетъ уста шептухи, но при этомъ послѣднія опускаютъ или измѣняютъ слова, такъ что заговоры доходятъ до насъ далеко не всѣ, притомъ въ неполномъ объемѣ.

¹⁾ Въ с. Исачкахъ, въ церкви есть чудотворный образъ Исачковской Божьей Матери, о которомъ я писалъ въ «Снѣтинской Старинѣ» Бѣевъ 1898 г., стр. 9.

тамъ воску пивъ-фунта. Вона мовъ побадѣрила трошки, а не зовсимъ здорова. Я заробыла пятьдесятъ коп. грошей, кажу: ходимъ, дочко, ще й у Высачкы. Наняла акафысть и молебень и батюшка трычи покропывъ святою водою. И теперъ дивчынка хорошенька. (С. Литвяки, отъ Евдокіи Павлыковой (Мажоркы).

4.

Якъ мій хлопець бувъ больный, то возыли до св. Афанасія. Молебень заказували, кубукъ надивали на голову — одужавъ. (С. Литвяки).

5.

Свята Параскева мылуе всякого, и слиного, и кривого, и болящего. Чоловикъ у Вильшанци—Шутивъ Гараськивъ Дмитро—не бачывъ. Пообрикавсь винъ до крыныци, стоявъ на коліняхъ до пивдця, молився Богу; прыйшовъ до дому и ставъ выдить. Наймавъ молебень ¹⁾. (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

Кромѣ помощи святыхъ, религіозное вліяніе выразилось еще въ народной медицинѣ употребленіемъ различныхъ ритуальныхъ и освященныхъ вещей: ладана, смирны, воску, хлѣба, пшеницы, особенно воды: „іорданскои, стритенной, юрської (грегорської), макіевської“. Для лучшаго дѣйствія каждую такую воду слѣдуетъ набирать трижды изъ рѣки или источника, а по отношенію къ „стритенній“ водѣ существуетъ особый пріемъ. Одно лицо должно принести воду съ рѣки и передать другому на воротахъ или форткѣ. Этотъ другой передаетъ воду третьему на синешномъ порогѣ; третье лицо передаетъ въ свою очередь четвертому на хатнемъ порогѣ. Послѣдній ставитъ воду на столъ. Разныя воды примѣняются въ различныхъ страданіяхъ: „стритенна вода дуже пользуе одъ урокивъ, колюшкы, простуды. Вечирня—одъ переполоху и живота, грегорська—одъ очей, якъ болять“. Спасительно

¹⁾ Образъ святой Параскевы находится въ часовнѣ надъ криницею вослѣ с. Енковецъ, гдѣ собирается знаменитая Криницкая ярмарка; мощи же св. Афанасія, патріарха константинопольскаго—въ Лубенскомъ Мгарскомъ Спасо-преображенскомъ монастырѣ.

также дѣйствуетъ смѣсь всѣхъ водъ. По мѣстнымъ народнымъ вѣрованіямъ, наиболѣе цѣлительна вода особыхъ священныхъ криницъ, открывающихся только въ срединномъ мѣсномъ участкѣ Лубенскаго уѣзда, вблизи сель: Енковецъ, Калайдинецъ и Хелепцовъ. Надъ этими криницами устроены часовни; къ нимъ стекаются больные изъ окрестныхъ уѣздовъ. Религіозное вліяніе отразилось на народной медицинѣ еще съ другой стороны: установленіемъ особой причины болѣзней—несоблюденія праздничныхъ дней. По разъясненію А. Н. Веселовскаго, воскресный культъ введенъ въ восточной римской имперіи эдиктомъ Константина Великаго 321 года, запрещавшимъ между прочимъ работы, судъ и торговлю по воскресеньямъ. Съ развитіемъ этого запрета, пло и нарастаніе суевѣрій: несоблюдающую праздникъ женщину поражаетъ ударъ, у нея переламывается нога или бедро, рождается дитя съ собачьей головой. Съ теченіемъ времени вся строгость обихода еврейской субботы перенесена на воскресенье. Въ XIII ст. секта бичующихся ввела празднованіе пятницы, а въ Россіи появилось еще и празднованіе среды ¹⁾. Широкое распространеніе подобныхъ вѣрованій въ Лубенскомъ у. видно изъ слѣдующихъ разсказовъ, записанныхъ въ разныхъ его мѣстахъ ²⁾.

1.

У Пятыгорцяхъ ище за господськихъ правылъ барыня загадала прыкашыку, шобъ завтра выходылы конопель брать. Жинки сказали: „завтра празныкъ Михайлово чудо“ ³⁾. Вона вышла утромъ сама и сказала: „выходьте и я зъ вами иду“. Нихто не бравъ конопель, вона сама набрала конопель дви горстки и поставыла йихъ одно до одніи, а третю набрала та надила на голову, каже: дывиця, жинки, чы дуже чудно? И вдарыла въ

¹⁾ Опытъ по истор. разв. христ. легенды. II. Эпистолиа о недѣлѣ. Жур. Мин. Нар. Просв. № III., 1876 г., 61—63, 67, 69, 79, 81, 88, 115.

²⁾ См. также мон: Нар. обр. и пѣсни Луб. у., 12, 13.

³⁾ 6-го сентября.

долони и засміялась и бижыть незна куды. Киньмы догналы, молебствовали, тоди пройшло.

2.

На Михайлово чудо йиде чоловікъ сіять жыта, а чоловікы кажуть: „куды ты йидешь?—празныкъ“. А винъ каже: „тоди буде празныкъ, якъ посію“. Узавъ до вечора посіавъ жыто и заволочывъ. Тоди ставъ борону класты на визъ, та замість того—на голову, та давай бигать съ тією бороною. Люды піймалы, начали молебствовать—пройшло.

3.

На Михайлово чудо жинка пишла прать; такъ якъ забили у неи руки и ноги, такъ вона два годы болила и одна рука больна була, покы вона й умерла.

4.

Биля Лукомья чоловікъ на Антонія кыдавъ стогъ и довершивъ стога, а верхови выла пустывъ до долу. И вони стали коло стога, а винъ давай съ стога спускаться та настромився на выла и черезъ тры дни скинчався.

5.

На Антонія жинка полола грядку и стала у неи нога болить, чесаться, сынить до колена. Укынувсь антонивъ огонь. Одвезлы въ Оржыцю, и докторъ одризавъ ногу.

6.

Чоловікъ на Ефымія рубавъ деревыну и впала та деревына и перебыла ногу, и зробивсь калика.

7.

Чоловікъ спразнивъ на Якыма и Ганны, ставъ молотыть; хлопчыкъ пидбигъ, умотавсь у машину; його потрощыло, на четвертый день поховалы.

8.

Чоловікъ мій на другой день Стритення пошывъ жыдови головки. Дивчынка — чотыри годы було — перестала балазвать,

тільки икає. Пішла я до церкви, наняла св. Симеону Бого-
пріємцю и Анни пророчици молебень, принесли и свичу у весь
ростъ дивчины, за ти сами гроши, шо за чоботы, нанялы мо-
лебень. Икала дивчына до жнывъ. Возылы до крыныци до
св. Параскевы и тамъ наймалы молебень—не помоглось. Водылы
въ Исачкы и тамъ служылы молебень Матери Божій и св.
Параскеви и тымъ двомъ святымъ. Тоди якъ молебень служылы,
надивалы обручъ на голову—та ажъ тоди помоглось. (С. Тишковъ,
отъ Маріи Кырыленковой).

9.

Жинци зъ Волчка застряла въ груды голка, шо вона у
празныкъ шыла; друга жинка ризала локшыну у неділю, пере-
крывыло їй ротъ, тай умерла. На Памя¹⁾ жинка цыбулю вы-
бирала зъ грядкы и запарошыла око и съ тымъ ослипла.

10.

Я сама проты пятныци якъ помыкала мычокъ довго до
пизна, и мени крутыло руки, покы не зареклась, шо не буду
мыкать мычокъ. (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

11.

До Вшестя²⁾ нельзя золыть у четверъ, буде кровъ текты зъ
жлукта,—сама бачыла.

Одна жинка одзолыла въ четверъ. Опизнылася, не попраля.
Йій прысмывся сонъ: на вищо ты приступаешъ: чы лучше тоби
двое дитей годувать, чы свита не бачыть? Вона каже: лучше я
буду дитей годувать. Такъ йій у ту грудь и у ту грудь гадюкы
повпыналыся, не можна одирвать, одвезлы у Кіивъ³⁾. (Х. Саба-
дашевъ, отъ Мазняковой).

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Св. Пантелеймона, 8 іюля.

²⁾ Входъ Госиодень въ Іерусалимъ.

³⁾ Въ Лубенскомъ у. записанъ былъ мною народный разсказъ о
подобной же картѣ, постигшей женщину за золотіе «на праву середу».
Оторвать змѣй могла лишь дѣвица, которая всю жизнь «понеделку-
вала» — постилась по понедѣльникамъ.

Донесеніє венеціанца Альберто Вимина о козакахъ и Б. Хмельницкомъ (1656 г.).

Въ дипломатической перепискѣ первой половины XVII в. сохранилось немало указаній на широкіе планы антитурецкой коалиціи, которыми задавался польскій король Владиславъ IV. Какъ извѣстно, въ расчеты этого короля-неудачника входило привлечь къ борьбѣ и козачество, издавна привычное къ войнѣ съ мусульманскимъ міромъ и оказавшее въ свое время огромныя услуги рѣчи посполитой въ этомъ отношеніи. Интересы короля, козачества и правящей польской шляхты настолько расходились въ этомъ случаѣ, что всѣ проекты общаго натиска на Турцію и вассальный ей Крымъ не только окончились при Владиславѣ IV фатальной неудачей, но даже послужили однимъ изъ главныхъ поводовъ къ возстанію козаковъ при Хмельницкомъ: ¹⁾ обстоятельства заставили гетмана въ борьбѣ своей съ шляхетской олигархіей искать опоры именно въ Крыму и въ Стамбулѣ.

¹⁾ См. монографію Виктора Чермака *Planu wojny tureckiej Władysława IV. Kraków, 1895.* Задача этого обширнаго и скрупулезнаго изслѣдованія — показать, что Владиславъ IV и Юрій Оссолинскій, въ преслѣдованіи династическихъ цѣлей, сдѣлались невольнымъ орудіемъ замысловъ Хмельницкаго, но не были прямыми подстрекателями козацкаго бунта. Однако взглядъ болѣе рѣзкій, высказанный г. Л. Кубалей въ его біографіи Ю. Оссолинскаго, не вполне опровергнутъ г. Чермакомъ.

Планы Владислава IV и канцлера Юрія Оссолинскаго возникли и развивались, вплоть до печальнаго исхода, въ значительной мѣрѣ благодаря войнѣ за Кандію, которая началась между Турціей и Венеціей въ 1645 г. Венеціанская республика, въ XVII в. клонившаяся къ полному упадку, ближайшимъ образомъ была заинтересована въ томъ, чтобы Польша именно съ помощью козачества сдѣлала диверсію противъ Турціи на Черномъ морѣ и тѣмъ ослабила натискъ османлисовъ на Кандію. Въ документахъ эпохи Хмельницкаго есть рядъ указаній на усилія венеціанцевъ въ этомъ направленіи, на тайные переговоры, которые велись королемъ съ козаками по этому поводу, наконецъ, на прямую уплату козакамъ небольшой суммы изъ ничтожной венеціанской субсидіи для постройки чаекъ. Однако, извѣстій о непосредственныхъ сношеніяхъ Венеціи съ козаками при Владиславѣ IV не сохранилось.

Послѣ зборовскаго мира нѣкоторые польскіе политики, какъ напр. Адамъ Кисель и Юрій Оссолинскій, полагали, что для спасенія рѣчи посполитой необходима внѣшняя война и прежде всего, конечно, съ Турціей. Венеціанскій посолъ Контарини, смѣнившій Тьеполо, давалъ широкія обѣщанія, болгары готовились къ возстанію, посолъ ихъ Петръ Парцевичъ сулилъ Польшѣ золотыя горы. Изъ Варшавы Парцевича отправили въ Вѣну и Венецію. Оссолинскій прямо предложилъ венеціанскому сенату снарядить полномочныхъ пословъ въ Варшаву и къ Хмельницкому, все по поводу диверсіи на Черномъ морѣ. Дѣйствительно, въ Варшаву отправленъ въ 1650 г. Джироламо Кавацца, а къ Хмельницкому Альберто Вимина. По словамъ современнаго донесенія, Хмельницкій принялъ посла очень любезно, изъявилъ готовность выступить противъ Турціи, лишь только получить деньги на это, и даже обѣщалъ привлечь на свою сторону крымскаго хана въ интересахъ Венеціи¹⁾. По другому извѣстію, Хмельницкій сперва отговаривался, что не можетъ выступить въ морской походъ безъ согласія кор. Яна Казимира

¹⁾ См. L. Kubala, Jerzy Ossoliński, t. II (Lwów, 1883), 331 и 406.

и хана, но наконецъ далъ отвѣтъ, что удобнѣе объ этомъ толковать, когда будутъ даны деньги на войско ¹⁾. Съ такимъ осторожнымъ отвѣтомъ вернулся Вимина отъ Хмельницкаго въ Варшаву въ половинѣ іюля 1650 года. Въ слѣдующемъ году Яну Казимиру удалось заключить союзъ съ Венеціей, а въ 1652 г. Кавадца продолжалъ въ Варшавѣ свои хлопоты о посылкѣ козаковъ на море, но требованія Хмельницкаго были слишкомъ широки, и переговоры ни къ чему не привели. Удобный моментъ для привлеченія козачества къ услугамъ рѣчи посполитой былъ упущенъ еще въ 1647 г. Послѣ Берестечка и бѣлоцерковскихъ пактовъ нечего было и думать о какомъ-нибудь успѣхѣ въ этомъ направленіи. Правда, въ перепискѣ и инструкціяхъ своихъ позднѣйшаго времени, даже въ 1655 г., Хмельницкій ссылается иногда на просьбы Венеціи, намекаетъ, что готовъ помогать коалиціи христіанскихъ государей и народовъ противъ невѣрныхъ ²⁾, но всѣ эти рѣчи представляютъ не болѣе, какъ дипломатическую уловку: другіе интересы и задачи отвлекали гетмана отъ подобныхъ плановъ, которымъ всего менѣе сочувствовала правившая въ Польшѣ шляхетская олигархія, а кор. Янъ Казимиръ даже прямо доносилъ въ Стамбуль объ опасныхъ для Порты замыслахъ Хмельницкаго ³⁾.

Перу Альберто Вимина принадлежитъ любопытное „Донесеніе о происхожденіи и обычаяхъ козаковъ“, отысканное въ рукописяхъ феррарской бібліотеки проф. Д. Ферраро и изданное въ 1890 г. въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ ⁴⁾. Записка Ви-

¹⁾ Ambr. Grabowski, *Ojczyście Spominki*, t, II (Kraków, 1845), 103. Также Kubala, II, 407.

²⁾ См., напр., инструкцію архимандриту Данилу, октябрь 1655 г., въ Швед. госуд. архивѣ, отд. *Cosacica*.

³⁾ См. напр. инструкцію 1653 г. послу Морштыну у Szilágyi S., *Erdély es az északkeleti háború* (Budapest, 1890) I, 274.

⁴⁾ *Relazione dell' origine e dei costumi dei cosacchi*, fatta l'anno 1656 da Alberto Vimina, ambasciatore della Repubblica di Venecia, e pubblicata dal Prof. G. Ferraro. Reggio nell' Emilia, 1890. (in-8, стр. 23). Текстъ донесенія снабженъ предисловіемъ и примѣчаніями издателя, удивительными по наивности. Экземпляръ имѣется въ бібліо-

мина помѣчена издателемъ 1656 годомъ, но, кажется, основана на наблюденіяхъ посла, сдѣланныхъ въ 1650 году. Несмотря на нѣкоторыя наивности и ошибки, впрочемъ, второстепеннаго свойства, записка особенно интересна по отмѣченнымъ въ ней бытовымъ подробностямъ, которыя не останавливали на себѣ вниманія другихъ современныхъ писателей о козакахъ. Полная добросовѣстность автора, его наблюдательность, отсутствіе предубѣжденія противъ описываемаго народа, спокойный тонъ отчета—все это заставляетъ внимательно остановиться на „Донесеніи“, переводъ котораго предлагается ниже.

„Продолжительныя и трудныя путешествія въ малоизвѣстныя страны соединены съ большими неудобствами, но удовлетворяютъ любознательности. Я испыталъ это во время поѣздки своей къ козакамъ и сдѣлалъ при этомъ нѣкоторыя наблюденія, которыя записалъ и преподному вашей свѣтлости, дабы къ вашимъ познаніямъ въ политикѣ прибавить еще и свѣдѣнія о козацкомъ народѣ.

Судя по тому, что я слышалъ съ разныхъ сторонъ, козаки получили свое имя менѣе ста лѣтъ тому назадъ. Несомнѣнно, что имя это происходитъ отъ слова *коза*, потому-ли, что козаки дѣлаютъ одежду изъ грубой ткани, сотканной изъ козьей шерсти, или взбираются на скалы съ легкостью козы, или, наконецъ, привыкли жить въ шалахахъ изъ листьевъ, на подобіе лежекъ лѣсныхъ ковъ. Область козаковъ строго говоря занимаетъ лишь узкую линію по берегамъ Днѣпра приблизительно въ 15 миль, т. е. до 70 миль итальянскихъ. Страна тянется до Чернаго моря, недалеко, какъ думаю, отъ мѣста изгнанія Овидія. Увѣ-

текѣ юрьевскаго университета. За сообщеніе мнѣ этого рѣдкаго изданія приношу искреннюю благодарность В. А. Кордту. — Кажется, тому же Альберто Вимина принадлежитъ изданная въ 1671 г. въ Венеціи *Storia delle guerre civili di Polonia di don Alberto Vimina Bellunese*, упомянутая въ числѣ источниковъ монографіи Н. Косторова «Богданъ Хмельницкій» (изд. 4, т. I. Спб. 1884) подъ № 28.

ряютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ находится городокъ или село Овидова, т. е. городъ Овидія, гдѣ, по преданію, погребены останки поэта. Мнѣ нетрудно этому повѣрить, сравнивъ страну съ описаніемъ поэта въ печальной элегіи къ женѣ De ponto:

Non ager hic romum, non dilces educat uvas.

А дикость мѣстнаго племени еще болѣе подтверждается свидѣтельствомъ Овидія въ посланіи, помнится, къ своему другу Марцію:

Maxima pars hominum nec et pulcherrimam curat
Romam, nec Ausonii armas timet.

Однако, эти новѣйшіе народы ведутъ свое происхожденіе не отъ древнихъ, но отъ наплыва преступныхъ людей, которымъ, для избѣжанія кары за провинности, удалось скрыться и удалиться въ это послѣднее убѣжище, гдѣ они первоначально снискивали пропитаніе рыболовствомъ и охотой, а затѣмъ, благодаря морскимъ набѣгамъ, постепенно укрѣпили ту страну за своими потомками.

Но эти послѣдніе занимаютъ лишь небольшую, указанную выше, линію, которая называется *Запорожьемъ* отъ имени нѣсколькихъ скалъ на Днѣпрѣ, *пороговъ*, т. е. это какъ-бы *новое поселеніе*, ибо за этими скалами тянутся ихъ жилища.

Однако въ настоящее время имя козаковъ и область ихъ сильно распространились, ибо въ Польшѣ къ числу козаковъ принадлежатъ всѣ легко вооруженные, которые сражаются конно, съ лукомъ и ружьемъ. Послѣ послѣднихъ волненій страна козаковъ простирается отъ границъ Кіевскаго воеводства до крайняго рубежа Запорожья, т. е. на 90 миль протяженія по ту и другую сторону Днѣпра или свыше 800 (400?) итальянскихъ миль, шириною же 40 миль или до 200 итальянскихъ миль,—пространство, приличное для обширнаго государства. Правда, однако, что эта область всегда была заселена самымъ воинственнымъ и привычнымъ къ оружію русскимъ племенемъ. Въ виду безпрестанныхъ нападеній татаръ, признавалось необходимымъ,

чтобы подданные были привычны къ военному ремеслу и могли не допускать и прекращать нападенія и набѣги варваровъ.

Часть этой области, называемая Запорожьемъ, до такой степени плодородна, что не только можетъ быть поставлена наряду съ самыми культивированными странами Европы, но и удовлетворить требованіемъ самаго завзятаго (*avido*) земледѣльца.

Страна эта называется Украиной, т. е. пограничьемъ; на ея дѣвственность (*ferocità*) указываетъ масса злаковъ, произрастающихъ въ безпорядкѣ и безъ обработки отъ тѣхъ зеренъ, которыя попадаютъ въ землю послѣ покоса или отъ вѣтра и называются по русински (*in lingua Rutena*) *падалицей* (*padalitzza*), чтѣ равносильно нашему *caduto*. Падалица иногда собирается, иногда пропадаетъ, ибо жатва на засѣянныхъ нивахъ столь обильна, что крестьяне пренебрежительно относятся къ этимъ дарамъ, которые приноситъ имъ благодатная почва. Я съ трудомъ повѣрилъ-бы подобному явленію, если бы не убѣдился собственными глазами и не видѣлъ на мѣстѣ такихъ крупныхъ и обильныхъ зерномъ сноповъ, какихъ не получишь въ другихъ странахъ при самой тщательной обработкѣ.

Однако въ настоящемъ году на это по мѣстамъ обращено вниманіе. Признакомъ тому служить водруженный въ землю шестъ, на которомъ виситъ палка, для предупрежденія прохожихъ не пасти тамъ скота, во избѣжаніе наказанія палками. Подобные-же знаки употребляются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходить запрещено, и нарушителямъ запрета угрожаетъ строгая уголовная кара.

Не меньшее, чѣмъ въ хлѣбѣ, замѣчается тамъ изобиліе въ молочныхъ продуктахъ, мясѣ и рыбѣ, благодаря массѣ пастбищъ и множеству прудовъ.

Кромѣ Днѣпра, другихъ судоходныхъ рѣкъ въ этой странѣ нѣтъ. Начиная отъ Вислы, протекающей подъ Варшавой или подъ Люблиномъ (?), и до Днѣпра (такъ называется Борисѣенъ древнихъ), на протяженіи до 200 итальянскихъ миль, мнѣ удалось видѣть лишь двѣ небольшія рѣчки или скорѣе ручейки: *Вилію* (*Villua*), омывающую г. Острогъ, и *Рось* (слово латинское

и польское, означающее росу), которая мирно орошает окрестности Корсуня, городъ знаменитый первымъ сраженіемъ Хмельницкаго съ польскими генералами, взятыми при этомъ въ плѣнъ.

Кромѣ описанныхъ выше богатствъ, благодатная почва доставляетъ жителямъ пренебрегаемымъ послѣдними вкусныя овощи и множество спаржи столь роскошной, что, на мой взглядъ, она не уступитъ самымъ высокимъ веронскимъ сортамъ, чрезвычайно вкусной и не горькой, какъ лѣсные сорта съ тонкими стеблями, растущіе около Рима и Неаполя. Я былъ изумленъ и сперва подумалъ, то это дикій сортъ, но изъ желанія разубѣдиться пробовалъ ее много разъ, такъ что вслѣдствіе чрезмѣрнаго обилія спаржа мнѣ даже надоѣла. Тамъ же растетъ лукъ и другія овощи; я пробовалъ ранніе сорта фруктовъ, которые показались мнѣ очень сладкими. И однако въ странѣ столь плодородной не видно ни огороженныхъ фруктовыхъ садовъ, ни огородовъ съ рѣдкими сортами овощей, арбузами, артишоками, сельдереемъ, за исключеніемъ окрестностей Кіева; вся забота козаковъ ограничивается сборомъ кочанной капусты, которую они или потребляютъ въ свѣжемъ видѣ, или солятъ впрокъ извѣщенною, какъ принято въ Германіи. Козаки сѣютъ также большое количество огурцовъ, которые тоже солятъ и потребляютъ съ хлѣбомъ или въ качествѣ приправы къ мясу и рыбѣ. Виноградниковъ нѣтъ, но не потому, чтобы почва считалась неблагоприятною, а лишь вслѣдствіе отсутствія охоты къ насажденію и уходу за нимъ (какъ это принято въ Австріи и другихъ странахъ, гдѣ зима чрезвычайно сурова), или же по небрежности къ агрикультурѣ.

Замѣтно, что козаки не заботятся о фабричномъ дѣлѣ ни по селамъ, ни въ городахъ. На столь обширномъ протяженіи страны не видно каменныхъ домовъ, исключая Кіева: все это плохія хаты и, если не считать нѣсколькихъ дворянскихъ домовъ, по справедливости должны быть названы хижинами. Нѣкоторые изъ нихъ сплетены изъ древесныхъ вѣтвей и помазаны бѣлой глиной, другія сколочены изъ дерева. Въ этомъ козаки однако искусны, ибо для соединенія и скрѣпы бревенъ не употребляютъ

гвоздей. Да и вообще въ домѣ не видно другого желѣза, кромѣ лишь у дверного запора и дверныхъ же подвѣсокъ. Живутъ тѣсно, и зимою въ одной и той же комнатѣ помѣщаются люди и скоть. Плохая домашняя утварь гармонируетъ съ постройками, потому что, кромѣ ножа и горшка все въ домѣ деревянное. Бѣлье употребляется только для лѣчебныхъ надобностей ¹⁾.

Лишь весьма немногіе употребляютъ простыни; въ многочисленной семьѣ развѣ только на единственной кровати хозяина есть простыня; прочіе спятъ на лавкахъ ²⁾, на соломѣ или на какой-нибудь шерстяной тряпкѣ.

Не имѣется другихъ ремеслъ, кромѣ столярнаго, сѣдельнаго, плотницкаго и сапожнаго, хотя большею частью сапоги употребляются съ подошвами изъ дубка и кожи, сшитыхъ драгою. Одежу изготовляютъ изъ конопли и грубой шерсти, которую расчесываютъ деревянными гребнями. Купцовъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ Кіева, гдѣ можно встрѣтить лишь нѣсколько торговцевъ плохой одежей.

Равнымъ образомъ нѣтъ ни врачей, ни аптекарей, ни продавцовъ сладкихъ пирожковъ и прочихъ сластей. Но на площадяхъ есть мясники и рыбные торговцы, продавцы мѣса, масла и тому подобныхъ продуктовъ.

Обычное занятіе въ этой странѣ—земледѣліе, но у козаковъ еще мало усердія къ нему.

У козаковъ нѣтъ другой письменности, кромѣ народной русинской (*lettere volgari Rutene*), но лишь немногіе ею занимаются. Церковный ихъ языкъ—славянскій, на который переведено было священное писаніе св. Кирилломъ, и на немъ же изложены ученія св. отецъ; говорятъ, что онъ отличается отъ ихъ народнаго языка такъ же, какъ итальянскій отъ латинскаго. Его изучаютъ главнымъ образомъ только дворяне, почему лишь немногіе изъ духовныхъ у козаковъ понимаютъ его. Однако, нѣкоторые монахи, особенно изъ тѣхъ, которые состоятъ при митро-

¹⁾ Вѣроятно, авторъ имѣетъ въ виду высшіе сорта полотна, ибо холщевое бѣлье несомнѣнно было у козаковъ XVII в.

²⁾ Точнѣе, на столахъ—*sulle tavole*.

политѣ, обладаютъ достаточными познаніями въ этомъ языкѣ. Встрѣчаются образованные люди, которые употребляютъ всѣ усилія для поддержки ихъ заблужденій.

По этимъ замѣткамъ легко составить себѣ понятіе о правахъ этого народа, который оставляетъ свою страну лишь ради войны, т. е. такой школы, которая большею частью вырабатываетъ людей благородныхъ (politi), но суровыхъ и грубыхъ. По внѣшнему виду и манерамъ козакъ кажутся простыми, но они не глупы и не лишены живости ума. Объ этомъ можно судить по ихъ бесѣдѣ и способу управленія. Ибо обсужденіе политическихъ дѣлъ представляетъ собою арену, гдѣ узнаешь людей, каковы они на общественныхъ собраніяхъ, но въ самомъ управленіи сказывается и обнаруживается ихъ грубость. Изъ этой толпы необразованного народа составляется суровый Сенатъ¹⁾, въ которомъ присутствуетъ гетманъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что народъ ради войны отрывается изъ плуга и дѣлъ гражданскаго управленія. Въ Сенатѣ козакъ обсуждаютъ дѣла, поддерживаютъ свое мнѣніе безъ чванства (*ostentazione*) и съ цѣлью содѣйствовать общему благу. Если признаютъ лучшимъ мнѣніе другихъ, то не стыдятся этого, безъ упрямства отказываются отъ собственнаго взгляда и присоединяются къ болѣе вѣрному.

Поэтому я скажалъ-бы, что эта республика можетъ уподобиться спартанской, если-бы только у козаковъ находилась въ такомъ же почетѣ трезвость; однако, они могутъ состязаться со спартацами по суровости своего воспитанія. Трудно представить себѣ, сколько они терпятъ отъ голода, жажды, утомленія и бессонныхъ ночей. Всѣми этими прелестями они особенно пользуются во время морскихъ походовъ, когда, по словамъ козаковъ, имъ не разъ приходилось голодать по три дня, питаясь отвратительнѣйшимъ хлѣбомъ, чеснокомъ и лукомъ.

Во время же сухопутныхъ походовъ, въ которые выступаютъ по обычаю татарскому, козакъ довольствуются небольшимъ количествомъ пшена, которое берутъ съ собою на коня, утоляютъ

¹⁾т. е. рада.

жажду изъ лужъ, нерѣдко съ грязной и гнилой водой, и спать на голой землѣ. Но возвратившись домой они предаются безпрестанному пьянству, проводя въ попойкахъ цѣлые дни и ночи, пока не погрузятся въ сонъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Поэтому они не въ состояніи скопить богатства и доставить себѣ комфортъ, ибо все бевъ остатка уходитъ на пьянство.

Если даже военная добыча велика, то она не приноситъ козакамъ сколько-нибудь серьезной пользы, такъ какъ они не знаютъ ей цѣны да и не находятъ кому продать. Я увналъ, что захваченное въ послѣднее время холодное оружіе—безполезное козакамъ, такъ какъ у нихъ принята только сабля—употреблено для настигиванья топоровъ, а пистолетныя дула пошли на изготовленіе разныхъ желѣзныхъ частей для возовъ. Отсюда видно, что вся эта добыча принесла пользу лишь частнымъ лицамъ, но не обществу.

Вообще, единственно, чѣмъ могутъ похвалиться козаки, это свободой; видимо они ни во что ставятъ богатство, ибо довольствуются малымъ. Уже Сенека старался въ своихъ сочиненіяхъ доказать—хотя и не слѣдовалъ своему ученію, такъ какъ копилъ сокровища—что человѣкъ дѣлается богатымъ не отъ прѣобрѣтенія богатствъ, но по мѣрѣ уменьшенія жадности къ нимъ. Козаки не знаютъ и не стремятся къ другимъ усладамъ жизни, кромѣ бѣдныхъ (*ruvide*) хатъ своихъ, и если не пьянствуютъ, то развлекаются лишь танцами, охотой и стрѣльбой изъ лука или ружья: мнѣ случалось видѣть, какъ они при этомъ пулей тушатъ свѣчку, отсѣкая нагаръ такъ, что можно подумать, будто это сдѣлано при помощи щипцовъ. Не приходилось замѣчать у нихъ большого стеченія народа при церковныхъ службахъ, ибо козаки чаще посѣщаютъ корчму, нежели церковь, такъ что, очевидно, у нихъ болѣе соблюдаются наставленія Ромула, нежели Нумы. Козаки упорно придерживаются заблужденій своей схизмы, но правилъ вѣроученія не знаютъ подробно и живутъ большею частью въ вѣрѣ отцовъ, и лишь духовныя изъ лица понимаютъ основныя различія вѣръ. Единственно, что всѣмъ имъ извѣстно и всѣми отвергается, это главен-

ство римской церкви. Но относительно исхожденія Св. Духа чрезъ Сына, какъ вѣруютъ латыняне, а не отъ Отца, они спорятъ съ нами, не умѣя однако объяснить, откуда возникла схизма. Эти заблужденія уже были осуждены. Представляется яснымъ выводъ, что коль скоро Сынъ не обладаетъ вдохновительнымъ началомъ наравнѣ съ Отцомъ, то между ними существуетъ извѣстное разстояніе, откуда вытекаетъ и различіе въ степени (*qualità*). Однако нынѣ я знаю, что когда въ послѣдній разъ папа Урбанъ VIII и король польскій Владиславъ IV пытались провести соединеніе церквей, отдѣлившихся отъ римской, то было разъяснено, что исхожденіе Св. Духа отъ Отца чрезъ посредство Сына, или отъ Отца и Сына—равносильно, такъ что за тремя ипостасями признается равенство по степени, воплощенію и вѣчности.

Многіе отрицаютъ чистилище, другіе признаютъ, но чистилище не при посредствѣ огня, а путемъ наказанія чувствъ другими способами,—мнѣніе, которое нельзя осуждать. Они отвергаютъ отдѣльный судъ для каждой души, не признавая ни награды, ни наказанія ея до дня всеобщаго суда. Ибо, говорятъ они, коль скоро тѣло должно нести послѣдствія заслугъ или грѣховъ, то оно не получитъ должнаго возмездія и будетъ изъято отъ наказанія, превратившись въ тлѣнъ и нечувствительную матерію; такъ что, по ихъ мнѣнію, только душа, дарованная плоти, должна наслаждаться блаженствомъ или терпѣть муки. Есть между нами и такіе, которые утверждаютъ, что латынянамъ необходимо повторить крещеніе, хотя и допускаютъ, что латыняне не нарушили (таинства?) ни по существу, ни по формѣ.

Такое безобразіе (*disordine*) практиковалось въ послѣднее время при смутахъ козаковъ, которые заставили по своему креститься католиковъ, изъявившихъ согласіе присоединиться къ заблужденіямъ ихъ схизмы. Немало между козаками и такихъ, которые вѣрятъ, что пресуществленіе не можетъ совершаться на прѣсномъ хлѣбѣ, и потому называютъ латынянъ еретиками опрѣсночниками (*eretici azimani*).

Въ точности не умѣю сказать, какого взгляда держатся козаки относительно брака, и вынужденъ думать, что они при-

знають разводъ или многоженство. Ибо между ними есть много такихъ, которые бросили своихъ безобразныхъ и престарѣлыхъ женъ и обзавелись молодыми и красивыми. Я не видѣлъ тому примѣровъ, но говорятъ, что ихъ много. Гетманъ далъ всѣмъ примѣръ, по правилу:

Quales sunt in Republica principes, tales et sunt reliqui cives, ибо обвинчался съ женою польскаго шляхтича Чаплинскаго, фаворита Александра Конецпольскаго, короннаго хорунжаго, которые, какъ говорятъ, были причиною прошлыхъ смуть.

Видѣлъ я также двухъ евреекъ незаурядной красоты, обвинчанныхъ съ двумя грубыми мужиками, которые заставляли ихъ носить на шеѣ священные знаки, а также посѣщать церковь, хотя еврейки и не были крещены, но въ остальномъ имъ предоставлена была полная свобода въ исполненіи своихъ обрядовъ.

Кажется, я уже достаточно сказалъ о происхожденіи, странѣ и обычаяхъ козаковъ, и полагаю, что для удовлетворенія любознательности вашей свѣтлости мнѣ остается еще добавить кое-что о гетманѣ.

По сословію своему онъ сынъ шляхтича, который подвергся изгнанію и лишенъ былъ дворянскаго званія. Роста онъ скорѣе высокаго, нежели средняго, широкъ въ кости и крѣпкаго сложенія. Рѣчь его и способъ управленія показываютъ, что онъ обладаетъ зрѣлымъ сужденіемъ и проникательнымъ умомъ. Хотя и случается, что онъ чрезмѣрно предается напиткамъ, но тѣмъ не менѣе онъ не оставляетъ заботы о дѣлахъ. Поэтому мнѣ кажется, что въ немъ могутъ совмѣщаться два существа: одно—дѣятельное, трезвое, преданное управленію дѣлами, другое—сонное и погруженное въ пьянство. Въ обращеніи онъ мягокъ и простъ, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ любовь воиновъ, но, съ другой стороны, онъ держитъ ихъ въ дисциплинѣ строгими взысканіями. Всѣмъ, кто входитъ въ его комнату, онъ пожимаетъ руку и всѣхъ проситъ садиться, если они козаки. Въ этой комнатѣ нѣтъ никакой роскоши, стѣны лишены всякихъ украшеній, за исключеніемъ мѣстъ для сидѣнья. Въ комнатѣ находятся лишь грубыя деревянные лавки, покрытыя кожаными подушками; вѣроятно, тѣ же

лавки назывались у римлянъ *subsellia*; по словамъ Плутарха, ихъ ножками были убиты Гракхи, когда задумали ввести аграрный законъ. Дамасскій пологъ протянуть передъ небольшою постелью гетмана; въ головахъ ея висятъ лукъ и сабля, единственное оружіе, которое онъ обыкновенно носить. Столъ отличается не бѣлшею роскошью, чѣмъ прочая сервировка и утварь, ибо ѣдятъ безъ салфетокъ и не видно другого серебра, кромѣ ложекъ и бокаловъ. Предусмотрительно гетманъ украсилъ такимъ образомъ свое жилище, дабы помнить о своемъ положеніи и не увлечься духомъ чрезмѣрной гордости. Быть можетъ въ этомъ случаѣ онъ взялъ примѣръ съ Агаѳокла, который, будучи сыномъ горшечника и достигши царской власти, велѣлъ устроить себѣ столъ и поставъ съ глиняными сосудами, откуда и стихи:

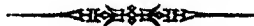
Ausonis fictilibus cenasse ferunt agatoclea vasis,
Atque Abachum samio saepe ornasse luto.

Однако гетманскій столъ не скуденъ добрыми и вкусными яствами и обычными въ странѣ напитками: водкой, пивомъ, медомъ. Вино, которымъ мало запасаются и рѣдко пьютъ, подается къ столу лишь въ присутствіи важныхъ иностранцевъ. Какъ я имѣлъ случай убѣдиться, за столомъ и при выпивкѣ нѣтъ недостатка въ веселости и остроумныхъ выходкахъ. Я могъ бы привести нѣсколько тому примѣровъ, но краткости ради расскажу лишь одинъ. Какъ то разъ мой слуга усердно восхвалялъ предъ козаками величіе и чудеса города Венеціи, и его жадно слушали. Наговорившись вдоволь о положеніи, фабрикахъ и богатствахъ города и описавши обширность его, рассказчикъ прибавилъ, что улицы въ городѣ такъ широки, что самимъ горожанамъ случается заблудиться въ нихъ. „Ну, нѣтъ!“—возразилъ одинъ козакъ:—этимъ ты не хвалишься съ своей Венеціей. Я тебѣ скажу, что тоже самое со мною бываетъ въ этой тѣсной хатѣ: когда посижу немного за этимъ столомъ, то уже не попаду въ двери чтобы вернуться домой“.

Слѣдовало бы и даже необходимо для полноты моего донесенія сказать что-нибудь и объ управленіи, военныхъ силахъ

и доходахъ козаковъ. Я и описать-бы все это подробно, если-бы въ этомъ отношеніи существовалъ опредѣленный порядокъ. Могу лишь сказать касательно управленія, что въ городкахъ существуютъ извѣстные начальники (Consoli), которые чинятъ судъ по дѣламъ гражданскимъ и налагаютъ легкія уголовныя взысканія, такъ какъ рѣшеніе важныхъ дѣлъ принадлежитъ гетману, почему мнѣ кажется, что онъ — настоящій государь (Despota). О военныхъ силахъ козаковъ даетъ понятіе опытъ прошлыхъ походовъ. Что касается точнаго числа войска, какое можетъ быть собрано, то кому оно вѣдомо? Сколько головъ, столько, можно сказать, и воиновъ, ибо всѣ они охотнѣе берутся за оружіе, нежели за плугъ. О доходахъ ничего не могу сказать. Замѣчу лишь, что источники ихъ немногочисленны и самые доходы невелики, какъ общественные, такъ и частные“.

Н. Молчановскій.



ЛЮБКА¹⁾

или

сватанье въ с. Рихмахъ.

Оперетта въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любка, бѣдная дивчына.

Кулына, ея мать, вдова.

Грыць, богатый парубокъ, женихъ Любки.

Горпына, его мать, вдова

Мартынь, дѣдъ Грыця, богатый козакъ.

Наумъ, кумъ Мартына.

Крутій Петро Терешковычъ, подъячій, крестный отецъ
Грыця.

Дьякъ Трохымъ.

Цыганка, парубки и дивчата.

¹⁾ Объяснительныя замѣчанія къ этой піесѣ смотр. въ концѣ.

Дѣйствіе 1.

Явленіе 1.

Театръ представляетъ улицу въ деревнѣ. Колодезь съ журавлемъ, подлѣ колодца стоитъ Любка, а возлѣ нея ведро.

Любка (*вздыхаетъ*).

Нема того, що выглядаю.

Хочь зъ горя писню заспи-
ваю.

(*Поетъ*) Горе тымъ дивкамъ на
свити,

Що вѣна не мають:

Такъ якъ пташки сыдятъ въ
клитци,

Хлопци оббигають.

Хочь рябая, руди бровы,

Та буде богата,

Абы волы, та коровы

И вѣна до катя—

То женыхы, мовъ бы осы,

Коло неи вьются,

Въ гырявой бачать косы,

Старостамы шлются.

Хочь горбата, кривобока—

Зъ виномъ непостыла,

А вродлива та убога

Въ очахъ тилько мыла,

(*Вздыхнувъ*) Боже, Боже, твоя
воля,

Яка гирька бидныхъ доля!

Явленіе 2-е.

Входитъ Грыць. Одной рукой скидаетъ шапку, а другую держить у груди.

Грыць.

Здорова, Любка! Якъ ся маешь?

Що тутъ на серци—чы ты
знаешь,

Чы ты байдужа до того?

Ёму, далеби, за тобою

И въ день, и въ нычъ нема
покою—

Ты зовсимъ змучыла ёго.

Не знаешь, якъ воно кыпило,

И покиль тебе не узрило,

То свить зробывсь ёму тюр-
мой.

Приложы сюды лышь руку,

Тоди признаешь ёго муку,

Якъ воно бьется за тобой.

Въ очахъ ёго одна ты мыла,

И ніякая въ свити сыла

Не зможе раны сей спилить.

Чы вже-жъ пакъ ты жалю не
знаешь,

Чы въ соби сердца ты не маешь?

Чы ты родылась не любить?

Охъ, колы бъ сердце мое смилло,

Воно бъ до твого полетило

И якъ голубка загуло,

Щобъ ты его къ соби прыжала

И вкупѣ зъ своимъ заховала,
Щобъ двое въ тебе ихъ було!
(Складываетъ руки и потупляетъ глаза).

Любка (вздыхнувъ).

Слава Богу, добре знаю,—
Тугу сердца также маю:
Колы бъ тебе не любила,
То бъ далеби не ходыла
Въ цей колодязь воды браты,
За що лае мене маты,
Щобъ тутъ довго не барылась,
Щобъ нахлопчивъ не дывылась.
Що жъ, Грыценьку, въ того
буде?

Тилько судить стануть люде...
Выбачай, сердце, мени,
Що не пара я тоби:
Въ тебе ридня вся богата—
Не позволять мене вьзаты;
Хочъ я кажусь тоби мыла,
Алежъ бидна я дивчына.
Моя маты удовою,
И я, ставшы сыротою,
Оведъ не маю, та коривъ,
Ни пасики, ни воливы.
Бидно вить мы коротаемъ,
Кусокъ хлиба зарабатемъ:
Гирьке жыты, гирька доля!

Грыць.

Що жъ робыты? Божа воля!

Любка.

Одни бровы—мое вино,
Косы темни до колины—
Бильшъ ничого не пытай—
И богачшой шукай!

(Утираетъ рукавомъ глаза).

Грыць.

Що ты бидна, те я знаю;
Не богатства я шукаю,
Знавшы, якъ жывется въ васъ.
Та й богатство тлино въ
мыри:

И цари въ златій порфыри
Чы жъ богатши сердцемъ насъ?
Всѣхъ бунчуковыхъ и вель-
можныхъ,
Богатыхъ, бидныхъ и замож-
ныхъ

Покосыть ривно смертный часъ.
На що богатства намъ бажаты?
На той намъ свить ёго не взяты.
Що Богъ святой пославъ намъ
зъ неба,

Тымъ помагаты другимъ треба.
На свити двійчи намъ не жыть.
Колысь богатства не вважали,
Колысь князи пидданокъ брали:
Хто сердцю мае запретыть?
Я въ матери однимъ-едыный,
Мій дидъ старый, лышенный
сылы,—

Чы вжсжъ захоче мене вьбыть?
(береть Любку за руку).

Даруй мени оцю каблучку,
Дозволь тебе вьзаты за ручку,
Дозволь тебе повикиъ любви.

Любка.

(Снимаетъ перстень и, цѣлуя
Грыця, отдаетъ ему).

Оце перстень небогатый;
Якъ ходыла я копаты,
Трохы грошей заробыла,
За працю щырую купыла,
Пидношу въ ралець тоби:
Колы вирный ты мени—
Нехай тоби достается.

Грыць.

Богъ скарае, хто сміється;
Хто хытруе надъ тобою;
Щобъ наложывъ головою!

Любка.

Не зводъ же, Грыценьку, мене:
Признаюсь, люблю я тебе!

(Поэтъ). Зроду вечорныцъ не
знала;

Якъ любляцца, не чувала,—
Пряла. шыла дома я;
Теперь воля не моя:
Часъ наставъ любыты Грыця.

Грыць.

(Поэтъ). Дивчыно, билолыца!
Клянусь небомъ и землею,
Клянусь тиломъ и душою,—
Скоришъ въ землю я пйду,
Колы тебе не визьму.

Любка.

Ой, хтось иде!

Грыць.

Де?

Любка.

Де не иде, пусты мене!

(Грыць уходитъ).

Любка (одна).

Якъ бы правда сѣму сталась,
Щобъ я Грыценьку досталась,
Якъ бы я була щаслыва!
Бога бъ вѣкъ благодарыла,
Грыця бъ шыро шанувала
Усимъ биднимъ помагала!

(Поэтъ): Грыць вартъ того,
щобъ любыты,
Зъ Грыцемъ мыло було бъ жыты:
Грыць молодой и красивый
Серцемъ добрый, неспесывый,
Грыць вродливый и моторный,
Чорнобрывый, сладкомовный;
Грыць хлопчына на всю губу,
Зъ Грыцемъ горе все забуду:
(тануя) Буду жыты, пануваты,
Буду Грыценька кохаты!

Явленіе 3-е.

(Любка и маты).

Маты!

Ой доню, доню, що зъ тобою?
Горе та лыхо за бидою?
Не посылать тебе воды браты,
А посылать смерти шукаты—
Куды не пйдешь, то й засидешь,
А на домивку й не поглянешъ.
(Качая головой) Мабуть, не дурно
тутъ стояла.

Любка.

Ни, я...

Маты (торопливо).

Кажы мени: зъ кымъ розмовляла?

Любка.

Ни съ кымъ, ни съ кымъ.

Маты.

Заразъ кажы!

Любка.

Чымъ пусте намъ толковаты,
Лучче писню зоспиваты,

(Поетъ): Сказать стыдно, грихъ
таиться,

Открыть правды не годится,
Обманути й того гирше;
Подуматы треба бильше.

(Цѣлуя свой палецъ)

Грыць хлопчына, щобъ кохаты,
Якъ тутъ матери сказаты?

Якъ признаться, якъ од крыты?

Може, стане за те быты...

Чы я жъ довго тутъ барылась?

За що маты розгнивылась?

Була сама молодую,

Згадать можешъ за собою,

Яхъ ты кому признавалась,

Колы и зъ кымъ женихалась:

По своимъ литамъ вгадайте—

И у мене не пытайте!

М а т ы.

Тоби и море по колина,

Тоби бъ тилько витрѣ ганяты;

Хочъ бы и хата тамъ згорила—

Тебе до дому не загнаты.

(Разводя руками).

Чы довго жъ тутъ воды вхопыты?

Ну, якъ не стыдно такъ робыты?

Въ насъ не водылось колысь

такъ?

Признавайся, зъ кымъ стояла?

Хто тутъ бувъ? що размовляла?

Кажы скорій: сь кымъ, що и якъ?

Л ю б к а.

Добре, мамо,

Трывай мало:

Розскажу,

И скажу;

Выслушайте

И не лайте,

Не сердитесь,

Не гневитесь.

То, бачыте, зробылось такъ,—

Знаете сами, бувало якъ:

Мени прыйшлося до ума,

Я гланула—воды нема,

Узяла видра тай й пишла.

И прыйшла, а тутъ знайшла...

Теперь знайте,

Розбирайте,

Не сердитесь

И не бійтесь!

Отъ намъ усе, о!

М а т ы.

Прийшла, знайшла—та кого?

Л ю б к а.

Прийшла, знайшла—никого!

М а т ы.

(смотря на руку)

А перстень твій у кого?

Л ю б к а.

У кого? у ёго.

М а т ы.

То-то въ ёго, да у кого?

Л ю б к а.

Я вамъ кажу, що ни въ кого

М а т ы.

Та що ты все: то въ ёго,

То въ кого,

То ни въ кого!

Л ю б к а.

Такъ, мамо, такъ: ни въ кого,
ни въ кого!

М а т ы.

Такъ що-жъ ты довго тутъ ро-
была?

Л ю б к а.

Що робыла?
Видро впустила,
Дужка порвалась,
Ключка зламалась.

М а т ы.

Да женихалась!

Л ю б к а.

Зъ кымъ?

М а т ы.

На що тобі изъ кымъ казаты?
Лучче одъ мене можешь знаты

Л ю б к а.

Слушайте, мамо:

Не знаю,
Не маю
Опричь, опричь...

М а т ы (*торопливо*).

Опричь кого?

Л ю б к а.

Опричь, опричь... никого!

М а т ы.

Ну якъ тобі виры поняты,
Коли въ очахъ хочешь дурыть?
Не почавшы воды браты,
Хиба-жъ можна видро впустыть?

Л ю б к а.

Далеби!

М а т ы.

(*Поетъ*). Дужка не рвалась,
Видра стоять;
Що женихалась,
Можно вгадать.

Вглѣдила добре когось я съ спыны
Знаешь ты, хлопци превражи
сыны:

Имъ виры няты—дивеамъ беда,
Замижъ збиратысь—ты молода.
Такъ не годытся матиръ дурыть.
Тоби любыться часъ не велыть:
Де твои хусткы? де рушныкы?
Чимъ подарыты намъ старосты?
Треба напярсты, треба наткаты,
Треба вбильты, навышываты!
Такъ не годытся матиръ дурыть.
Тоби любыться часъ не велыть.

Л ю б к а.

Вы, мамо, якъ молоди бувалы,
Такъ, може, й гарно спивалы,
А теперъ вашъ голосъ зовсимъ
зонсувавсь,

Такы такъ зонсувавсь,
Такы такъ зонсувавсь,
Що зовсимъ зонсувавсь!
И, сказать правду, не стыдыться,
То й писня ваша не годыться!

М а т ы (*смысь*)

Не любо слухаты?..

Наберы-жъ воды,
Та да дому йды!

(*Уходятъ обѣ*).

Явленіе 4-е.

(*Грыць танцуетъ и поетъ*):

Мени перстень тутъ достався,
Тутъ я зъ Любкой женихався,
Тутъ я Любку взявъ за руку,
Тутъ забувъ я мою муку!

(*Уходитъ*).

Дѣйствіе 2-е.

Явленіе 1.

Театръ представляетъ бѣдную хату Любиной матери, которая, сидя на порогѣ, мотаетъ нитки, а Любка у окна въ хатѣ прядетъ.

Грыць (*снимая шапку*)

Добрыдень, помогай вамъ Боже!

М а т ы.

За добре слово здоровъ, небоже!

Грыць.

Колы-жъ я що казавъ худе?
Натуру я такую маю,
Що зла никому не бажаю.
А Любка ваша, скажить, де?

М а т ы.

На що-жъ тобі Любку пытаты,
Бачышь мене, можешъ сказаты!

Грыць.

Хотивъ було вогню прохаты.

М а т ы.

Сегодня йсты не варылы;
Другый вже день, якъ пичъ то-
пылы.

Такъ де-жъ тобі вогню достать?

Грыць (*въ сторону*)

Я жартувавъ, шутывъ, сміявся,
Про те жъ я самъ не дога-
дався,

Що може хтось два дни не йнвть!

М а т ы.

Що ты тамъ кажешъ, що тов-
куешъ?

Грыць.

Да хiba жъ, титко, ты не
чуешъ,
Що я пытаю чорныхъ бривъ?

М а т ы.

Чи ихъ?

Грыць.

Дидовыхъ та своихъ.

М а т ы (*съ усмѣшкой*).

Куды жъ вы зъ дидомъ такъ
ходылы,
Що вже и бровы погубылы?

Грыць.

Чя я жъ казавъ вамъ: бривъ?
Я пытаю въ васъ воливъ.

М а т ы.

Понимаю, та не знаю.

Грыць.

Та ще къ тому й припадокъ
склавъ:

Мій вороний чогось злякавъ—
Все перервавъ, все поламалось.
Видъ воза й триски не восталось,
Трохы не смерть була й мени.

Любка (*изъ окна*).

Боже мылый, що бъ же тоди?

Грыць.

Та чы нема въ васъ чого на-
пыться,
Щобъ жаръ на серци погасить?
Або воды—трохы умыться?
Щось голова въ мене болить.

М а т ы.

Вynesи, Любка, дай напытысь.

Г р ы ц ь.

Та чого, титко, ій трудытысь?
Можу я въ хату й самъ сходыть.

М а т ы.

Вynesе заразы, той будешъ пыты;
Нема за чымъ въ хату ходыты:
Голивъ не вміемъ мы личыть.

Г р ы ц ь (въ сторону).

А ихъ кружить ваши сестрыци
Велыки мастерыци!
(Любка выноситъ воду, подаетъ
Грыцю. Грыць начинаетъ пить).

Л ю б к а (кланяясь).

На добре здоровья!

Г р ы ц ь.

Ты—воно!

М а т ы.

Писля чого?

Г р ы ц ь.

Писля того,
Що вже мого (указывая на
сердце)

Оттутъ ёго
Якъ не було!

М а т ы.

Чого?

Г р ы ц ь (поетъ).

Те, що завше бється,
Не спыть ни на часъ;

Може хто сміється—

Мени саме въ разъ.

Вытерпйть ти муки,

Чымъ воно болыгъ,

Отъ вамъ Богъ порука—

Не въ сылахъ зносыть!

М а т ы (съ усмѣшкой).

Трохы догадалась,

Колы не вклепалась (подумавши)

Певне, жаль того воза,

Що кони побылы.

Г р ы ц ь (поетъ).

Надію ще маю

Сто возивъ купыть;

За кымъ помыраю—

Не въ сылахъ одкрыть.

М а т ы.

Не розберу!

Г р ы ц ь.

И такъ у васъ

На сей разъ

Нема вогню?

М а т ы

Де-жъ я тоби ёго визьму?

Г р ы ц ь

Та я й забувъ, що кресало маю.

Закурю, выкрешу и заспиваю.

(Накладываетъ трубку и до-
стаетъ кресало).

(Поетъ) Разносылы кони,

Зъ воза я упавъ,

Та зъ Божою воли

Здоровенькый вставъ.

Мабудь, часть щасливый

Ще на свити йе;

Десь, бривонькы мыли
 Молять за мене. (bis)
 Молят та дивчына,
 Що мыло згадать:
 Добрая людына,
 Не скажу, якъ звать.
 Очыци свитленьки
 Зорямы горять,
 Рученькы биленьки—
 Тилько цюловать. (bis)
 Ривной красою
 И въ сели нема,
 Статная собою
 И не безъ ума.
 Хто бъ же не влюбывся
 Въ сю дивчыну зъ насъ?
 Хто бы не зробывся
 Мною на сей разъ? (bis)
 Бо така вродлива,
 Що не змалювать;
 Повна, якъ калына,
 Не скажу, якъ звать.
 Лычко въ ней налыто
 Кровью зъ молокомъ,
 Зубкы—мовъ ушыто
 Буйнымъ жемчугомъ? (bis)
 Якъ морская пина,
 Такъ тиломъ била,
 Косы по колина,
 Изъ мылыхъ мыла.
 Губкы розцвитають,
 Якъ розы весной—
 Кого жъ не прымають
 Воны красотой? (bis).
 Хто-жъ вона така—
 Неможна одкрыть:
 Гарна, молодая—
 Якъ же не любить?
 Хоть бы въ кого зъ лёду
 Серденько було,
 Отъ йидного бъ взгляду
 Ростаять могло. (bis)
 Скажу тилько правду,

Що въ сылахъ вона
 Лыть въ сердце отраду,
 Зводыты зъ ума.
 Хто-бъ же не влюбывся
 Въ цю дивчыну зъ насъ?
 Хто бы не зробывся
 Мною на сей разъ? (bis)

М а т ы (со смѣхомъ).

Ты й не кресавшы накурывся.

Г р ы ц ь.

Доправды, трохи забарывся!

Л ю б к а (въ сторону).

Се винъ хоче до дому иты.

Г р ы ц ь.

Прощавайте,
 Выбачайте,
 И не лайте,
 Що, може, вамъ трохи настывъ!

М а т ы.

Нема за-що—иды щастывъ!
 (Грыць кланяется и отходитъ).

Л ю б к а.

(Начинаетъ пѣть; Грыць оставивается и ждетъ окончанія).

Вично молюсь Богу
 И буду мольть,
 Щобъ тоби здорову
 Довго въ свити жыть!
 Де сыла, де власти
 Любовъ зъ сердца згнать?
 Збавъ, Боже, напасти
 Тоби умыратъ!
 Тоди я не въ сыли
 Розлуку знесты—
 Впаду на могыли,

Тамъ, де ляжешъ ты.
Впаду—и завьяну,
Якъ маковій цвѣть,
Зъ могылы не встану,
Разомъ буду тлѣть.
Тилько бѣ прохатъ стала
Матиръ въ сухъ словахъ:
Щобъ мене сховала
У твоихъ ногахъ,
Щобъ я нерозлучна
Съ тобою була,
Не буде мни скучна
Могыла моя.

Г р ы ц ь.

(Въ сторону, положила руку на
лобъ).

Охъ, охъ!

Зо мною вдвохъ
Ій и могыла не страшна!
И такъ, дытя не плаче—
Маты не знае:
Почимъ домашни можуть знать?
Пійду, скажу и поклонюся,
Прызнаюсь имъ, не потаюся,
То, може, Богъ що-небудь дасть!
(Уходитъ).

Л ю б к а.

Уже що голосъ, то голосъ мае:
Винъ краще всихъ въ сели
спивае;
Его усякъ бы слухать радъ!

М а т ы.

Да нема чого и дывоватысь:
Усякъ-то може догадатысь,
Що тягнете вы въ одынъ ладъ.

Л ю б к а (съ улыбкой).

То-то, мамо, ладъ!
Я напередъ сее знала

И якъ ворожка угадала,
Що вы хотили перенять!

М а т ы (усміхнувшись).

Що молоде,
То дурне!

Л ю б к а.

Може, колы ище прійдется
Побачытысь зъ цымъ Грыцемъ
доведеться,
Мы будемо ёго прохатъ...

М а т ы.

Будемъ прохатъ
Въ насъ не бувать!

Л ю б к а.

Винъ добренькій, винъ рахма-
ный, (?)
Винъ несердытый, винъ слухъя-
ный:
Винъ навчыть и насъ спивать.

М а т ы (сердито).

Ну, годи вже пусте плескаты!

Л ю б к а (весело)

И дома, и якъ пійдемъ жать,
Перенявши, будемъ спивать.

М а т ы (сердито).

Да ну тебе зъ нымъ!

Л ю б к а

И самы, и изъ нымъ,
Перенявши, будемъ спивать.
(Маты уходитъ).

Явленіе 2.

(Любка и цыганка).

Цыганка.

Молодая, гарная, красива,
 Богата будешъ и щаслива,
 Тилько цыганъ не забувай:
 Цыгане все на свити знаютъ,
 Хто тебе любить—угадають,
 Тилько за те що-небудь дай.

Любка.

По чимъ?

Цыганка.

По тимъ.

Ось покажи твою долоню:
 Якъ ты ходыла за водою,
 То хто зъ тобою тамъ стоявъ?

*(Любка протягиваетъ руку,
 цыганка смотритъ на руку).*

Любка.

Ни, тамъ, далеби, не було никого
 Опричь ёго.

Цыганка.

А що, бачъ, правда моя?

Любка.

Такъ!

Цыганка.

И на тебе маты сварылась?

Любка.

Не тилько що сварылась,
 А ище трохи й не былась.

Цыганка.

То-то. Я такъ кажу, мовъ бы
 дывылась
 На васъ изъ-за угла.

Любка.

Ну да!

Цыганка.

*(Вынимаетъ маленькое зеркаль-
 це и заставляетъ въ него Люб-
 ку смотреть).*

Ну, дай сала оце накрыгы,
 А потимъ станемъ ворожыты,
 Якій тому буде кинець,
 Щобъ заразы той прыйшовъ,
 явився,
 Хто на роду тобі судывся
 И зъ нымъ ты станешъ пидъ
 винець.

Любка *(въ сторону)*.

Умила перше отгадаты,—
 Треба вынести, остатке даты.
(Подумавши) Бо щось у носи
 въ неи йе.
(Уходитъ).

Цыганка *(одна)*.

(Поетъ): У нашихъ цыгановъ
 Совѣсть чиста,
 Мы всѣ безъ обмановъ
 И всѣ безъ грѣха;
 Съ искренней душою
 Любимъ честно жить,
 Не глупы собою,
 Вмѣемъ ворожить;
 Высмотримъ зъ-за тыну,
 Гдѣ що говорить,—
 Знавши всю причину,
 Можемъ отгадать;

Усики приклеить—
 То не есть бѣда,
 Дивчину увѣрить
 Можно завсегда.
 Пидъ шапочкой красной
 Ей себя не взнать,
 Кто любимый страстно—
 Можно отгадать.
 Вона откровенно
 Все можетъ открыть,
 Мнѣ только навѣрно
 Стоить подтвердить.
 Що жъ честнѣй цыгановъ
 Въ нашемъ мірѣ есть?
 Они безъ обмановъ
 Одну любятъ честь.
 Съ честію родятся,
 Съ честію живутъ,
 Честностью кормятся
 И съ честью умрутъ.

—
 Явленіе 3.

(Любка выноситъ сало).

Цыганка

А покажи, що принесла?

Любка.

Те принесла,
 Сколько знайшла.

Цыганка (смотря на сало).

Такъ мало?

Любка.

Стилько стало.

Цыганка.

Въ другой разъ выходы,
 Да гляды, билышь выносы!

Любка.

Зароблю, куплю,—ще дамъ.

(Цыганка беретъ зеркало, накрываетъ саломъ и начинаетъ надъ нимъ шептать; затѣмъ великъ Любкѣ стоять неподвижно, заворачиваетъ ей назадъ руки, зажмуриваетъ глаза и въ это время надвигаетъ на нее красную шапочку, приклеиваетъ чорненькіе усики и, приставя зеркальце къ самому лицу, говоритъ):

Цыганка.

Ну, дивысь!

Любка (смотря въ зеркало).

Ой, Грыць!

Цыганка (грозно).

Цыць!

Любка.

Не маю мочи.

Цыганка.

Зажмурь очи!

(Зажмуриваетъ Любкѣ глаза, срываетъ усы и спрашиваетъ):

Ну, кажи: кого выдала?

Любка.

Того выдала,
 Съ кымъ стояла.

Цыганка.

Що-жъ винъ казавъ, стоя съ
 тобою?

Л ю б к а.

Винъ клявся всимъ
И самъ собою.

Ц ы г а н к а.

Винъ клявся въ чимъ?

Л ю б к а.

Винъ клявся въ тимъ,
Що я изъ нымъ
Будимъ колысь-то одружуся,
Що будимъ я зъ дивчатъ всихъ
мыла,
Що будимъ буду зъ нымъ ща-
слыва.

А я такы усе боюсь.

Ц ы г а н к а.

Чого?

Л ю б к а.

Боюсь того,
Що, бачъ, въ ёго
Ридня богата
И не позволить мене взяти.

Ц ы г а н к а (крестясь).

Що будешъ за нымъ, по-
божусь

И всимъ на свити поклянусь.
(Клянется) Щобъ я нигде лыха
не знала,

Щобъ я нидъ старость сыва
стала!

Щобъ полотномъ шатро зробы-
лось,

Щобъ пану кóлесо зломилось,
Щобъ вси цыгане новщывались,
Щобъ воны киньмы все миня-
лись,

Щобъ уси шершни порудили,
Щобъ вси вороны почорнили,

Щобъ въ гончаря горшки по-
былись,

Щобъ уси гусы потошылись,
Щобъ побиливъ вареный ракъ,—
Колы усе не буде такъ!

Л ю б к а.

Годи вже, годи, не клянись!

Ц ы г а н к а.

Слухай мене, Богу молись,
То все буде хорошенько.
Да чый винъ сынъ и зовуть якъ?

Л ю б к а (постышно)

Винъ, винъ... Грыць... Рихма-
ченко...

Ц ы г а н к а.

Такъ?

Л ю б к а.

Далеби.

Ц ы г а н к а.

Не треба мни сёго казати,
По ворожби могу я знати.
Ты-жъ мни сёго першъ не ка-
зала,

Я тилько глянула—вгадала,
Та ще сто разъ могу вгадаты,
Що прийдуть старосты до хаты.

Л ю б к а (весело).

Й нищо не може перебыть?

Ц ы г а н к а.

Ни!

Л ю б к а.

Скажи-жъ мени, голубко сыва,
Колы родылась я щастлива,
То якъ я довго буду жыть?

Цыганка (протяжно).

Ажъ, ажъ, ажъ... до самой
смерти!

Л ю б к а .

Когда я жить щасливо буду,
Цыганъ николи не забуду!

Цыганка.

То то знай,
Памятай,
И цыганъ не забудай! (уходитъ).

Л ю б к а (одна).

Теперь на серци легче стало,
Не такъ воно теперь болеть,
Въ цыганъ, якъ кажутъ, правды
мало,

А тилько вміють ворожить.
Якъ бы цыганка не тямуща
И по науди не могуща,
То не могла бъ сего зробить:
Якъ бы вона-то показала
Мени того, зъ кымъ я стояла?
(Садится у окошка и начинаетъ
шить).

—
Явленіе 3.

Любка и приходскій дячекъ.

Д ѣ я к ѣ (кланяясь)

И тако, безъ дальнѣйшихъ словъ,
Не въ сылахъ бывъ таиться
И ощущая въ серци любовь,
Прійдохомъ объяснить.
Едва только азъ тя узрѣхъ,
Красу необычайну,
Падохъ внезапно въ лютый грѣхъ,
И мысль познахъ печальну:
Егда во храмѣ азъ пою,

Иль что-нибудь читаю,
Тебе вездѣ едину зрю
И кнѣгу забываю.

Превозмогая вся сія,
Борохся со страстями,
Но нѣтъ силъ побѣдить себя;
Здѣсь падаю предъ вами.

(Преклоняетъ колѣно).

Л ю б к а .

Какъ, расскажуй ты хочъ три
дни,
Яки тебе напали злыдни,
То не могу сего поняти.

Д ѣ я к ѣ .

(Ставши на другое колѣно,
прилагаетъ лѣвую руку къ
сердцу, а правую показывая на
Любку).

Предвозвѣщаю все тебѣ,
Красавица премочна:
Единое блаженство мнѣ—
Ты, дѣва непорочна!

Внемли гласу, сиречь тако
Здѣ преклоншуся къ стопамъ:
Улюбихся, древле яко
Въ юну Сарру Авраамъ.

И седмь лѣтъ овцы пасохъ,
Уся тельцы соблюдая.
Того ради азъ придохъ,
Въ жену тебя пояти чая.

Л ю б к а .

Якого жъ хрина ты скрывывся
И такой мерзкій изробывся?

Д ѣ я к ѣ .

Служителю ли олтаря
Сію хулу зносыти!

Познай ты чувства, чимъ горя...
Позволь мнѣ тя любить.

Л ю б к а.

Якъ то? щобъ ты мене?..
Нехай на тебе усе зле!
Къ бисамъ соби вбирайся,
До мене не чипляйся!

Д ь я к ь.

Припоминаты здѣ бѣсовъ
По вѣрѣ намъ не должно,
А васъ избавить отъ трудовъ
Было бы мнѣ возможно:

Я не послѣднѣя въ мѣрѣ тварь
И санъ дьячка имѣю,
Рукоположенъ во стихарь,
И въ томъ увѣрить смѣю,
Что, будучи дьячихой, вы
Трудовъ земныхъ не знали-бъ,
Благоденствуя вы бѣ жылы,
Ходылы, ильновали.

Готовенький хлиба кусокъ,
Гаряча паныхыда, (?)
Спокойный въ школѣ уголокъ,
Отъ міра роковщина.

Позволь же ты обняты
И къ сердцу моему прижаты,
За безцѣнну ручку взяты
И пламенно обლობзаты!

(Бросается къ Любкѣ и хочетъ поцѣловать. Любка вырывается, беретъ стѣны и начинаетъ его бити).

Л ю б к а.

Поганный, мерзкий, брыдкий!
Видкиль узався ты, престоудный?
Чы ты дурный, чы ты скру-
тився,—
Чого до мене прицепився?

Д ь я к ь *(уходя)*.

Не престану, ниже почію.

Л ю б к а.

Хочъ заразъ зломы соби шью,
То не люблю и не пійду;
Хочъ вѣкъ я дивоваты буду,
Опричь ёго—ничьей не буду!

Явленіе 4.

Любка и маты.

Маты (сердито).

Ой, будешь голову ты чухать!
Тоби сѣгодня не мые! Не хочешъ матери ты слухать
И не шануешь вже себе.
Якъ не кынешъ галасоваты,
То якъ приймусь тебе таскаты,
То й замужемъ се спомянешъ!

(Разводя руками).

Да то жъзовсимъ одѣ рукъ од-
былась!
Изъ кымъ ты зновъ разгово-
рылась?
Чому робить дило не йдеши?

Л ю б к а.

Колы-бъ вы, мамо, усе знали,
То вы-бъ сердити не булы:
Колыбъ те чудо увидали,
То-бъ здывувались и самы!

М а т ы.

Ну, кажы, що такее?

Л ю б к а.

То диво, мамо, не пустее:
Нашъ дьякъ Трохымъ чы не
скрутився—

Бувъ такъ до мене причепѣвся,
Що мусила по шыи гнать.
А що цыганка мни сказала!
То тилько глянула—вгадала,
И вы-бъ ёго могли пизнать:
Такий якъ разъ, нехай здоровый,
Таки и вусы, таки й бровы,
Таки-таки, ни дать, ни взять!

М а т ы.

Якъ у кого?

Л ю б к а.

Якъ у його.

М а т ы.

Ну, такъ неможна угадать,
А колы скажешъ, буду знать.

Л ю б к а (поетъ).

Той, що, кажуть люде,
Въ свити краще всихъ,
Той, що зятемъ буде
Тоби для утихъ.

Будешъ веселытсья,
Матусе моя,
Покинь-же сердытсья—
Одна въ тебе я.

При насъ будешъ жыты,
Старистъ коротать,
Та Бога хвалыты,
Щобъ бувъ здоровъ зять.

Матымешъ у-волю
Що йсты я пыть,
Не будешъ по полю
Чужому ходыть.

Будешъ пануваты
Въ старости своій,
Порядокъ даваты,
Дочци молодій?

М а т ы.

Проку въ словахъ, дочко, мало.

Л ю б к а.

Що, мамо?

М а т ы.

Плохо зятю въ приймахъ буты,
Плохо теци въ зятя жыты—
Та и замижъ тоби рано.

Л ю б к а.

Чому старосты до людей
Не ходять рано, а ни въ день
А тилько в-вечери?

М а т ы (сердыто).

Чи ты изъ пантелыку збылась,
Чы, може, въ кого вже влю-
былась!

Зъ тобою тяжко товкуваты.
Покинь лишъ все—ходимъ до
хаты!
(уходятъ).

Дѣйствіе 3-е.

Явленіе 1.

(Театръ представляетъ бога-
тый деревянный домъ Грице-
ваго дѣда, возлѣ—большой садъ,

пасѣка, рогатый скотъ и скир-
ды хлѣба. Грынь, ходя въ без-
покойствѣ, пасмурный, при-
ложя руку ко лбу, останавли-
вается).

Грыць.

Охъ!

Немае сыль, немае мочи,
 Нищо мене не веселить;
 Куды ни кинуть смутни очи,
 Все мени горенько сулить.
 Нема мени ниде покою,
 Зробився свить мени тюрмою.
 Що жъ мени, бидному, робить?
 Кого мени пити просыти
 На сердци рану заличыти,
 Кому свою биду одкрыть?

(подумавши)

Къ ногамъ упасты, дидови от-
 крыться—
 Зачне крычать, зачне сердыться,
 Его претяжео вговорить:
 Бо вже умовывсь зъ головою,
 Щобъ въ-осены зъ ёго дочкою
 Безпрёминно мене женить.

(Качая головою)

И та, неvirная, рудая,
 Погана, коса и глухая,
 Чы Любку може заминить?
 Що мни початы, що творыты?
 Не въ сылахъ Любци я зминыты,
 Я лучше вмиру, не буду жыть!

—

Явленіе 2.

Цыганка.

Якый ты гарный, уродливый,
 Та пры багатстви нещасливый!
 Нищо тебе не веселить;
 Кругомъ ворогы обступаютъ
 И те отнять въ тебе бажаютъ,
 Чымъ сердце кровію кыпять.

Грыць (качнувши головою).

Вы майстерыци бабъ дурыты,
 Привыкы все брехню точыты.

Почимъ ты правду можешь
знать?

Цыганка.

Мы знаемо такую науку,
 Що тилько глянемо на руку,
 То заразы можемъ одгадать,
 Що напередъ изъ нымъ слу-
 чытся,
 И хто на кимъ хоче жениться,
 И хоче хто перебивать.

Грыць (протягивая руку,
шутливо).

Ну, на, дывись,
 Не прошыбысь;
 Якъ не вгадаешъ,
 То спамятаешъ
 Въ другу весну;
 Бо якъ пушу
 Оцей кулакъ,
 То заразы такъ
 Ты зъ ворожбою
 Сторчы головою
 Такъ полетишь,
 Якъ зъ лавы мышъ.

Цыганка.

Кулака твоего не страшуся
 И, правду знавши, не боюся,
 (Беретъ Грыця за руку и ука-
 зывая на ладонь)

Незовсимъ ще правду выдно...
 А що-бъ було тобі не стыдно—
 То треба въ руку положить.

Грыць (со смѣхомъ).

Не маю жъ грошей я зъ собою.

Цыганка.

Да ну-бо, Грыцю, Богъ зъ
 тобою,

Тоби зо мною грихъ шутыть;
Що ты подумавъ, то я знаю,
Неправду заразы угадаю:
Въ тебе въ кишени що лежыть?

Г р ы ц ь (съ удивленіемъ).

Почимъ ты знаешь, що въ
 бышени,
 Почимъ ты знаешь, що я
 Грыць?

Цыганка.

Ворожка знае все—мовчы...

Г р ы ц ь (вынимая полтин-
никъ)

За тебе жъ іѣ души не жалѣ:
Вона зъ тобою вмерты рада,
И ты іѣ одна видрада,—
Іѣ даремно ты не лай!

Грыць.

Колы ты все на свитѣ знаешъ,
То пойму виры, якъ вгадаешъ:
Скажы жъ мени имѣя іѣ!

Цыганка.

Любка!

Грыць.

Такъ, вона, моя голубка!
Нехай гроши за тобою,
Тільки скажы, чы за мною
Колы-небудь буде вона?

Цыганка..

Да!

Музыкы скоро тутъ за-
грають,

Весилѣя буйне загуде,
За нею дружкы заснивають,
Бояре сядуть край тебе,
А я за срибную полтynu
Прыйду, хочъ гляну изъ-за тыну,
Якъ я на неѣ першъ дивылась,
Якъ ворожыты ще учылась.

(Кланяется и уходитъ)

Грыць *(одинъ)*.

Хочъ я у Любку и влюбывся,
Але жъ на серци укрываю,
Ходывъ сумный, журывсь, ну-
дывсь,
Никому дома не казавъ.

(Прикладывая руку ко лбу)

Почимъ цыганка може знаты,
Якъ по имению іѣ зваты,

И якъ вона любить мене?
Тутъ не брехня, не небылиця,
Мабуть цыганка—чаривниця,
Мабуть чортяка въ носи йѣ.

Явленіе 3.

Грыць и его мать Горпына.

Горпына *(сожалеительно)*.

Чого ты, Грыценъку, сумуешъ?
Чого ты, сыну, зажурывсь?

Чы ты недужымъ себе чуешъ?
Чого зовсимъ переминивсь?

Бувало, ходышь та спиваешъ,
Теперь же стогнешъ та зит-
хаешъ,

А въ мене сердце ажъ болыть.
Одынь зъ дѣтей ты мни зо-
стався:

Чого жъ предъ матирью таить?

Грыць.

Якъ сынъ, такъ матирь пова-
жаю,

Якъ люблю Бога—почытаю,
Але не въ сылахъ вамъ одкрыть.

Горпына.

И тую ты, що въ свитѣ родыла,
Що змалку няпчыла, носыла,
Едынымъ словомъ хочешъ
вбыть?

Грыць *(закрывая рукой глаза)*.

Убыты матирь! о, мій Боже!
Розсердытесъ за те вы, може,
Якъ я скажу, що я люблю.

Горпына.

Нихто не въ сылахъ бороныты
И волю въ сердца однимать:

Коли прыйде пора любви,
Нихто не може удержать.
Чого жъ ты, сыну, укрываешь,
Чого ты стогнешъ и зитхаешь
И ничого не кажешь мни?
Якая есть тому прычына
И котра именно дивчына
Такъ подобалася тобі?

Грыць.

На що я буду це казаты?
Вы не дасте дозволу взаты:
У неи бидная симья.

Горпына.

Дочка жъ вопа чія?

Грыць.

Батько ии Бидою звався,
Ходывъ по людяхъ, панимався,
А про матиръ що вамъ казаты?
Не мають поля, ни скотыны,
Бидно жывуть, въ бидній ха-
тыни.

Чы вже жъ позволите такую
взять?

Горпына.

Була бъ лышь зъ доброю ду-
шою,
Вродлива, тихая собою,—
Худобы жъ въ насъ свои йе.

Грыць.

Нивроку ий, нехай здорова,
Чепурна, гарна, чорноброва
И щиро любить вже мене.

Горпына.

Я бидну Любку, сыну, знаю
И тоби свататы позволяю.

Грыць.

Да якъ до дила прыступыть?
Слово „любовь“ для нёго жарты,
Винъ, знаешь, въ насъ який
упартый,
Его претяжко вговорыть.
Хиба Крутія попросыть?..

Горпына.

Ну-да, се такъ:
Винъ на дило се мастакъ!

Явленіе 4.

Тъ же и Крутіи.

Крутіи (*проворно*).

Здоровъ, кумасю! Що тутъ зъ
вами,
И Богъ васъ мыле тутъ якъ?
Скажыть мени, будьте ласкави,
Чого зъ сынкомъ надулысь такъ?

Горпына.

Коли ты, куме, не лукавый,
Хрещеный батько для нёго,
То зроби отъ що, будь ласка-
вый:

Уговоры свекра мого!

Крутіи (*скоро*).

Въ чимъ, що, на що, про що?

Горпына (*указывая на
Грыня*).

У мене винъ однимъ-едыный,
Хотила бъ я ёго женыть;
Мои лита, плохиі силы—
Могла бъ утиху получиць.

Крутії.

Да, да, да,
И пора:
Помичь буде для двора.

Горпына.

Надъ сердцемъ воли я не маю
Вказать йому, кого любитъ,
Та що початы тутъ, не знаю,—
Якъ до старого пидступыть?

Крутії.

А кого?
За кого
Ты думала бь оженыть?

Горпына.

Въ бидпу Любку винъ влюбывся
И все одъ мене укрывавъ,
Ходывъ все, мучывся, нудывся
И мпи ничего не казавъ.
А ту дивчыну я вже знаю,
На сто багатыхъ не зминяю,
Тилько не знаю, що почать?
Старый на се не согласытся:
Винъ головы скоришь лыпытся,
Нижъ бидную позволыть взать.

Крутії (сз усмѣшкой).

Треба знать,
Якъ почать,
Пидступыть
И сказать,
Упросыть,
Вговорыть,
Одурить—
Мене треба попросыть.

Горпына.

У-двохъ тебе просыты будемъ,
Щобъ якъ порадыты сѣму,

До самой смерти не забудемъ,
Колы поможешъ ты ёму.

Крутії.

Да, се такъ, да,
Не безъ труда.—
А якъ ти гроши, що за мною?

Горпына.

Да ну вже, куме, Богъ зъ то-
бою,
Що намъ про гроши товковать?

Крутії (протяжно)

Я тридцять бравъ,
Да симъ отдавъ—
То половина зостається?

Грыць (сз усмѣшкой).

Да такъ, тату, й мени здається.

Крутії.

Треба бь роспыску прочытать
Та, що отдавъ, те замарать:
Бо порядокъ такъ велыть.

Грыць.

Про тін гроши що казать?
Роспыску можна и порвать.
(Разрываетъ роспыску).

Крутії (топнувши ногой).

(Поетъ): Теперь, кумо, не жу-
рысь,
Вже на чеснысть положысь:
Хиба бь то немылость Божя,
Щобъ не пидвезлы диду воза!
(bis).

Такъ пиддурю, якъ самъ знаю:
Ридню вывезу зъ Кытаю,
Що старый, якъ вискъ ростане

И просыты мене стане,
Щобъ то Грыця оженыты;
Та тилько треба доплатыты:
Дурень за се не бере,
А нашъ братъ и зъ батька бере
(bis).

Горпына.

Цытѣте куме, дидъ иде!

Крутій.

Мени жъ треба заховаться
И дать волю накрываться,
А тоди вже я прийду
Та вже знаю, що зроблю.
(*Входитъ дидъ, а Крутій по-
за спиной Горпыны проби-
рается къ дверямъ и уходитъ*).

Явленіе 3.

Горпына, Грыця и дидъ.

Дѣдъ.

Объ чимъ се вы розговорылись,
Що розмовляли безъ мене?
(*Присматриваясь*).

Та вы, якъ бачу, покрывылись,
Объ чимъ у васъ тутъ дило йде?

Горпына.

Объ тимъ, тату, що вы старіи,
Слаби здоровьямъ и плохіи,—
Нора бъ Грыцку порядокъ
дать.

Дѣдъ (*сурово*).

На шо вамъ, дурни, товковаты?
Чы то и самъ не можу знаты?
На що мени припомянать?

Горпына.

Старымъ недовго, кажутъ, жы-
ты,—
Иимъ часъ приходить уми-
рать,—
Треба бъ то Грыця оженыты
Да и къ хозяйству приучать.

Дѣдъ.

Я говорывъ уже зъ тобою,
Що могорычъ изъ Головою
За ёго вже давно запывъ.

Грыця.

И ту невірную, рябую,
Погану, косу и рудую
Вы хочете щобъ я любывъ?

Дѣдъ (*сурово*).

Якъ я скажу—мусышь лю-
быты,
И якъ привыкнешъ—будешъ
жыты.

Грыця.

А то ничего, що глуха?

Дѣдъ.

У тимъ выгоду, дурню, маешъ:
Не буде чуты, якъ налаешъ,
Ходытyme, якъ лынъ по дну.

Грыця.

На биса жъ братъ таку дурну?

Дѣдъ.

Хочъ дурна,
Та не бидна!
Хочъ рудая,
Та не плохая,

Хочь горбата
Та багата!

Овецъ тры сотни йе за нею,
Та й скрыни, кажуть не пусти,
Млынъ, пасика, лись изъ зе-
млею—

Чого жь ище бажаешъ ты?

Грыць *(вздохнувши)*.

Якъ ни статы, слова сказаты,
А ни мижь люде показаты,
То чортъ ии заразь визьмы!

Дѣдъ.

Ты, якъ бачу, зовсимъ дурный!
То все ничего, що глухая,
Да пасика за ней акая.
И висимъ да тры сотъ овецъ,
То сколько выйде накинецъ?

Потривай,
Не збывай:
Поштытаю,
Якъ самъ знаю.

(Считаетъ по пальцамъ).

Десять, девять да одынь—
Дмется нехай господынь:
Одынацять сотъ не жарть!

Грыць.

Да сама-жь чортякы вартъ!

Дѣдъ *(сердито)*.

Якъ могорычъ запытый мною,
То хочь объ стину головою
Ты соби быйся, а беры!

Грыць *(береть дѣдову руку
и кладетъ на свое сердце)*.

Колы бъ вы въ сылахъ прыка-
заты,

Любыть повинно мни кого,
Велите заразь замовчаты,
Щобъ бильшь не былося воно.

Дѣдъ *(вырывая руку)*.

Колы дурный, то дурне й каже:
Хто туды пйде и роскаже
Не бытсья сердцю и мовчать?

Горпина.

Для чого, тату, намъ нудыты?
Намъ зъ жинкою ёго не жыты:
Кого винъ любить, хай бере!

Дѣдъ *(сердито)*.

И ты бачъ хочешъ вчыть мене?
Якъ сынъ дурный, така и маты.
Якъ мени слово изламаты,
Изъ рукъ худобу унустыть?

Грыць.

А якъ мени изъ чортомъ жыть?

Дѣдъ.

Будешъ жыты, не кривыся,
Зъ кимъ кажу, то й оженыся.
Иишою не выбирай!

Грыць.

Якъ отакый для мене клопыть,
То хай ии чортяка вхопыть!

Горпина.

Не любышь, сыну, то й не лай:
Для неи найдутся ще люде,
А наша нашою все-жь буде.
А ты кого въ примити маешъ,
Соби по сердцю выбираешъ?
Скажи, почуемъ одъ тебе.

Д ѣ д ѣ.

А ну, кажи, то будемъ знаты,
Свативъ до кого посылать:
У кого вина бильшее?

Г р ы ц ь.

Не въ вини щастя я шукаю,
По сердю и сердце избираю:
Не въ сыли сердю запретыть.

Д ѣ д ѣ (*сурово*).

Зо мною, чуеть, не шутыть!

Г р ы ц ь.

Шутыть изъ вами я не смію,
Тилько жъ изъ сердцемъ не
звладію,
Колы не слушае мене.

Д ѣ д ѣ (*сердито*).

Я въ москали ёго й тебе!

Г р ы ц ь.

Та лучше бѣ въ вѣйську мни слу-
жыты,
Нижъ зъ демономъ такимъ отъ
жыты,
Якъ вы добраы для мене.

Д ѣ д ѣ (*погрозивъ пальцемъ*).

Мене вже, чуеть, не учигъ:
(*Мать начинаетъ плакать*).

Г р ы ц ь.

Годи, мамо, чого плакать?
Вамъ ёго не перетакать:

(*Показывая на дѣда*).

На той вивъ съвить нехай зъ
собою
Бере усе, а я зъ сумою,

И въ москаляхъ буду служыть,
Да якъ сержанта дослужуся,
Сюды и въ отпускъ покажуся,
То въ мене й село задрижыть!

Д ѣ д ѣ.

Тебе ничымъ не налякаешъ,
Скажи-жъ, кого ты сватать
маешъ?

Г р ы ц ь.

На що даремне се казаты?
Щобъ бидну ще прогналы зъ
хаты!

Г о р п ы н а (*до Грыця*).

Винъ и въ сели ий жыть не
дасть.

Д ѣ д ѣ.

Да, мон гроши мають власть:
Пысну суды — вона въ острожи!..

Г р ы ц ь.

За сее душу, якъ михъ на вози,
Чорты у пекло потащаты.

Д ѣ д ѣ.

Гриха я, дурню, не боюся:
Найму молебень, помолюся,
И Богъ за те простыть мене.

Г р ы ц ь.

Богъ сыхъ молитовъ не прый-
мае,
За кривду биднымъ Винъ ка-
рае,
Хочъ и попивъ доволи йе.

Д ѣ д ѣ.

Э, э, э!
Такы ты въ бидну улюбывся

И думаешъ, що я скрутився
И въ двирь голоту свій визьму?
(*Встаеъ, тупаетъ ногами, че-
шетъ затылокъ*).

Геть, причъ видъ мене ути-
кайте,
Не кажить сёго, и не гадайте,
А то и зубы вамъ цобыю!

Горпына.

Ходимъ, ходимъ! (*уходятъ*).

Дѣдъ (*одинъ, опершись на
руку*).

Оце теперь беда приходить.
Що тутъ початы, що творить
За розумъ умъ мени заходить:
Якъ тутъ и що ёго робить?
Якъ бидну въ двирь мени
узаты,
Тоди вже хотъ втикай изъ
хаты:

И куры очи просміють;
Тоди съ панамы не водыся
И на свить бильше не дывыся:
Паны проходу не дадутъ!

(*Подумавши немного поетъ*):

Багачемъ незмирнымъ ¹⁾
Въ повити слывусь,
Господаремъ первымъ
По волости чтусь.

Що я всёго маю, всякъ то може
знаты—

Волыкивъ рогатыхъ
Маю сорокъ паръ,
Коныкивъ грыватыхъ
Табунокъ не малъ;

Земли стилько маю, що и не
зорать:

Якъ же мени бидну за унука
взять?

Маю я коровы,
Овецъ висимъ сотъ;
Абы бувъ здоровый,
То на цилый годъ.

Хлиба бы достало село году-
вать:

Якъ же мени бидну за унука
взять? (bis)

Грошей ажъ дви скринки,
Пасики гудуть,
По всій Украины
Имя мое чтуть.

Въ Крыму мене знаютъ, знаютъ
на Дону;

Якъ же я убогу за внука визь-
му? (bis)

Стряпчій съ комысаромъ

Бывають въ мене:

Мабуть то не даромъ

Имя чтуть мое?

Всими уважаемъ, всякъ то може
знать;

Якъ же мени бидну за внука
узаты? (bis).

Пипъ мене вважае,

Кланяется дякъ,

Жыдъ шанку знимае,—

Вже жъ я не простаекъ!

Село Рыхмы знаты зъ проз-
выща мого;

Якъ же бидну взаты за внука
свого? (bis)

Не простъ я собою,

Знають те паны;

Бувъ я головою—

Вже жъ я не дурный! (*Пока-
зывая на лобъ*)

Що тутъ йе не клочча, всякъ
то може знать;

Якъ же мени бидну за унука
взять? (bis).

Що жъ громада скаже,

Якъ бы те вчинивъ?

¹⁾ Эта пѣсна была напечатана у насъ (см. Киев. Стар. 1892 г., № 12-й, отд. 2-й, стр. 462).

Пальцемъ всякъ покаже,
 Якъ бы оженывъ
 На якій голоти унука своего.
 Я жъ такы не дурень, не
 зробию сёго (bis).

Бо я и розумный,
 И тяжко богатъ;
 А хто багатъ, мудрый,
 Той биднымъ не братъ.
 Узять у двиръ бидну,—стыдъ
 буде мени!

Ни, сёго не буде! ни, вже, ни,
 ни, ни!

(Встаетъ и хочетъ уйти).

—
 Явленіе 4.

(Дподъ и дячокъ)

Дьякъ *(кланаясь)*.

Высокочтымый господине,
 Нашъ благодительный Мар-
 тыне,
 Прыймите мыръ дому сёму!

Дѣдъ.

На мыръ то, дяче, не походить,
 А тутъ війна така заходить,
 Що и въ Шведчину не було!

Дьякъ.

Скажите жъ мнѣ: что се такое
 Постигло душу вашу злое
 И что васъ оскорбить могло?

Дѣдъ *(вздохнувши)*.

Наставъ останній, дяче, часъ;
 Мабуть, вже смерть иде по насъ;
 Прыходить, певно, страшный
 судъ!

Дьякъ.

Да, я слыхалъ, какъ вы спи-
 валы,
 Выну печали возвищали
 И тѣмъ пронзылы мою грудь.

Дѣдъ.

Хиба такъ жалисно?

Дьякъ.

Да, коль по истинѣ признаться,
 То хто бы могъ не колебаться?

Умно,
 Трогательно,
 Жалостно
 И ужасно!

Дѣдъ.

О?!

Дьякъ.

Да, если бъ въ бурси вы бу-
 валы
 И книгъ громаду прочитали—
 Моглы бы іереємъ быть,
 Иль въ консысторіи служить:
 У васъ глава зъ умныхъ умна!

Дѣдъ.

Твоя й пысьменна, та дурна:
 Коль бъ я тамъ, де ты, учився,
 То бъ знаешь, чымъ я изро-
 бився?

Дьякъ.

Что истинно есть, то неложно:
 На свити умнымъ все возможно.

Дѣдъ *(почесавши затылокъ)*

Да тутъ беда такая, дяче,
 Що, бачтєся, мыръ за мною
 плаче.

Дьякъ.

Извольте далѣе продлить:
Кто дерзнулъ зъ вами пошутить?

Дѣдъ.

Унукъ у когось улюбывся,
Да такъ изъ-дуру причепився,
Що вже ніякъ не вговорить.
А я то думавъ, щобъ риднёю
Мени зробиться зъ Головою!..

Дьякъ.

Да, тамъ бы можно получить!
Ибо фамылія и родъ
Ничуть не есть бѣдиѣ васъ;
Стыда не буде отъ господъ—
Опъ какъ помѣщикъ тутъ у
насъ.

Дѣдъ.

Та се то такъ,
Да онъ бачъ якъ:
Сказать и слова не дасть мни:
„Не хочу я крычить, іи!“

Дьякъ.

За это казни онъ довлѣтъ,
Что вамъ противорѣчить смѣтъ.

Дѣдъ.

Хиба жъ мени ёго втоптыть?

Дьякъ.

Зачѣмъ тоныть?
Такъ проучить,
Что будетъ знать,
Какъ отвѣчать!
Будетъ трепетать, бояться
И вамъ впредъ повиноваться.

Дѣдъ.

Подай совить, я слухать радъ,—
То може попадемъ на ладъ.

Дьякъ.

Богословически,
Философически,
Физически
И логически...

Дѣдъ.

Що ты кажешъ, по-якому?

Дьякъ.

То есть, сиречь, по-такому,
Чтобъ правильно,
Буквально,
И легально,
И морально...

Дѣдъ.

Що не скажешъ ты, не втну
И далеби не пойму!

Дьякъ.

Острономически,
Френологически,
И грамматически
Надо понять
И сказать:

Что съ вами кто сравниться
смѣтъ?

Чести такой губернаторъ не
имѣтъ:

Губерніи—по городамъ,
А село Рихмы—по вамъ
Свое названіе имѣтъ.
И такъ, коснувшись слава не-
бесъ
И достойная въ мірѣ чудесь,

Но мрачится вмигъ, соплѣтъ,
Заступить мѣсто стыдъ, позоръ,
Когда возьмете вы у дворъ
Невѣстку, внука недостойну.
Тогда знакомы господа
Къ вамъ не зайдутъ никогда,
Чегу столь видѣвши позорну.

Д ѣ д ѣ.

Да я то, дяде, сее знаю,
Тильки нѣкъ не прыгадаю,
Щобъ якъ поставыть на своимъ:
Тутъ винъ дурный, а тутъ и
маты

Не дасть и слова мни сказаты,
Отъ и робы що, хочешъ имъ!

Д ѣ я к ѣ.

Зналь я это напередъ,
Что имъ доброта во вредъ:
Она, вѣдь, женщина такая,
Какъ мельница пустал;
Вы жъ за глупую сноху
Не подлежите грѣху.

Д ѣ д ѣ.

Такъ що жъ мени зъ нею ро-
быть?

Д ѣ я к ѣ (съ улыбкою).

Въ ухо, за косы, пальцями,
Плетью вдовжъ та кулаками,
То будетъ знать, какъ ува-
жать,—
Не станетъ сыну подражать?

Д ѣ д ѣ.

А зъ унукомъ що творыть?

Д ѣ я к ѣ.

До сохы также привьяжите,
Порядкомъ плетью оддерите,

Щобъ жаръ любовный погасить.
Вотъ вамъ рука моя порука,
Что плеть всему добра наука,—
Не станетъ съ вами онъ шутыть.
Подъ плетью скажетъ онъ иное,
Заговорить совсѣмъ другое—
Покипеть бѣдную любить.

Д ѣ д ѣ (весело).

Що то пысьменна голова!
Сего бъ не здумавъ зъ-роду я.
Я мизкувавъ, крутывсь, ламався,
Про це жъ нѣкъ не догадывся,

Д ѣ я к ѣ.

Представте своему уму:
Онъ улюбывся здѣсь въ одну—
Бѣднѣйшая, можно сказать,
Стыжусь вамъ имени назвать.

Д ѣ д ѣ.

А ну, скажи: чія то дивка,
За се тоби половы мирка!

Д ѣ я к ѣ.

О, щедроты изъ щедротъ!
О, блаженнѣйшій вашъ родъ!

Мужайтесь,
Крепитесь,
Поститесь,
Молитесь,

И немощи сгоните прочь—
Она вдовы Бѣдныхъ дочи!

Д ѣ д ѣ (беретъ за голову).

Дяде, дяде, рятуй мене!
Оце-бъ то та, що тамъ живе?

Д ѣ я к ѣ.

Она!

Дѣдъ.

Изъ матирую миткы пряде?

Дьякъ.

Да.

Дѣдъ.

По людяхъ ходыть зажныаты?

Дьякъ.

Да!

Дѣдъ.

И мени у двирь такую взяты?

Дьякъ.

Если не боитесь стыда.

Дѣдъ (*рветъ на себя платье и кричитъ*).

Ой, ой! Тривай, зроблю таке:
Вона въ мене колысь копала,—
Пойиду въ судъ, скажу, що
вкрала
Багацько грошей у мене.

Дьякъ.

Отъ этого избавь васъ Богъ:
За то ии возьмутъ въ острогъ!

Дѣдъ.

Нехай хочъ тамъ и зогные!

Дьякъ.

Нѣтъ, не такъ,
А вотъ какъ:

Коль приймете мой совѣтъ,
То вы преблаго сотворите:
Чымъ попусту вѣздить въ по-
вѣтъ,

Вы до священника сходите;
Священникъ въ насъ
На деньги ласъ,
Не станетъ спорыть
Храмъ отворыть:
Бракъ совершить
И всё рѣшитъ.
И вы, роднёю
Изъ Головою
Тогда вчинясь,
Какъ графъ иль князь
Въ чести-бъ жылы
Въ нашихъ сели,
И въ околицы,
Какъ у столыци,—
Моглы-бы жыть
И не тужыть.
Тогда-бы къ вамъ
И гетьманъ самъ
Могъ бы зайтыть—
Васъ посѣтитъ,
Къ себѣ просыть,
Чтобъ угостыть.
Преже жъ сего
Внука свого
Вы оддерите
И прыкажете,
Щобъ подъ вѣнцемъ
И предъ отцемъ
Въ себѣ скрывалъ,
Не объявлялъ,
Что его били
И принудили,
Нодобровольно
И произвольно
У бракъ вступаеъ
И принимаетъ
Себѣ въ жену
Дочь Головыну.

Дѣдъ.

А тоби скільки треба дати,
Що будешъ ты про се мовчати?

Дьякъ.

Что до меня, то ни полслова—
Гортань моя служить готова.

Свершымъ мы бракъ

То сякъ, то такъ;

Вѣдь брачныя узы таковы,
Что какъ желѣзные оковы:

Сколько ни дуйся,—не порвешь,
Куда не бѣгай—не уйдешь.

Насильно можно оженить,
А онъ привыкнетъ — будетъ
жить!

Что не красавица—пустое,
Да вѣдь приданое какое!

Дѣдъ.

Оце такъ!

Ой да дякъ!

—

Явленіе 6-е

Тѣ же и Грыць съ матерью.

Грыць (*снявши шапку кланяется*).

Уже теперь прощайте, диду!
Иду, зложусь, и заразь йиду.

Дѣдъ.

Куды?

Грыць.

Пойиду въ свить, побачу люду
И въ консысторьѣ въ дядька
буду,

И про дяка разговорюсь.

Дьякъ.

Ну, полно, тише, усмырися,
Такъ передъ дидомъ не песься,
Да я тебя и не боюсь.

Грыць.

Усяке дило кинецъ красыть,—
Побачымъ, дружбы хто дока-
жить

И достанется зъ насъ кому!

Дѣдъ (*протяжно*)

Эй, Грыцьку, чуешь, бережыся,
Ходы потыше, не дрочыся,
А то поставлю на свому.

Грыць.

Да ну-те, диду, Господь зъ вами!
Хиба не вгоденъ я служить?

Та ще якимъ гусаромъ буду,
Що комузь зъ носомъ вырву
губу,

Щобъ добре знавъ, якъ вась
учыть.

Дьякъ (*къ дѣду*).

Извольте видѣть, якъ грубыть!

Грыць.

Та будешъ, дяче, и ты знаты
Якый совить диду давати,
И чымъ тушить любовный
жаръ,

Якъ до сохи мени ввязаты!
Ты, думаешъ, велика тварь?
Не буде такъ, якъ вамъ здається:
Ще въ консысторіи найдется
Що переробить все не такъ!

Горпына

Пойидешъ, сыну, побуваешъ,
Розскажешъ дядьку, все, якъ
знаешъ,

Що по селу нашъ робыть дякъ,
Якъ винъ у церкви не буває
Да якъ по улыцямъ ганяе,—
Тако щось буде изъ сего.

Дьякъ. (*съ насмѣшкой*)

Вишь, въ консисторіи тебя
нужно!

Чай, безъ тебя владыкъ скушно?
Да чѣмъ почтенный дядько твой?
Въ какомъ онъ классѣ? гдѣ
на кухнѣ?

Сапоги чинить, или туфли?
Иль сторожъ въ бурсѣ за стѣ-
ной?

Грыць.

И сее дядько буде знаты,
Не пропущу я сего сказаты,
Якъ ты смієшься изъ ёго.

Горпына (*къ дяку*)!

Та годи, дурню, насмѣхаться!
Його не то—паны бояться,
Бо вишь у мылости въ когось:
Що вишь искаже, то такъ и
буде,

Кого захоче, выпхне въ люде,
А схоче — то лышитъ всёго.

Дьякъ.

Да неужель онъ секретарь?

Грыць.

А вже жъ що такъ, погана
тварь!

Дьякъ (*почтительно*).

Охъ, Мионовычъ, простите,
Невѣдѣнью извините:

Согрѣшихъ,
Оскорбихъ,
Прогнѣвихъ,
Озлобихъ:

Учитель исторіи,
Секретарь консисторіи!

Дѣдъ.

Да то жъ и есть, бачъ, братъ
и.

Дьякъ.

Охъ, дозвольте рещи мни:

Онъ такой—пожилой,
Весь украшенъ сѣдиной?
Да продлится его вѣкъ!
Онъ предобрый чело-
вѣкъ—

Первый благодѣтель мой.

Грыць (*поетъ*).

Дай мни тилько, Боже,
Въ дядька побувать:
Тоди дякъ не зможе
Бильшь ничого взять!
Дамо роковщину
Не ту, що други:
Кулаками въ сыпну—
На двирь не ходы!

Горпына (*поетъ*)

Сто рубливъ не гроши,
Зробить можемъ такъ:
Голось нехорошый—
Не годятся дякъ!

Грыць (*поетъ*)

Громада пидпыше,
Стоить напоить,—
Ходы, дяче, тыше,
Зъ нами не шутыть!

Горпына (*поетъ*)

Стыхарь зъ ёго здѣмуть,
Косу обстрыжуть,—
Буде дякъ нашъ гынуть,
Въ некруты визьмуть.

Д я к ъ.

Вы за что, про что, скажите,
Погубить меня хотите?

Г р ы ц ь.

Гроши, кажутъ люде,
Прыдають ума;
Що здумаемъ—буде,
Въ тебе жъ ихъ нема!

Г о р и ш на.

Хотя жъ, честы мало
Людымъ зло чыныть,
Да й тежъ не прыстало
Зъ нами такъ робыть!

Г р ы ц ь (*грозя рукой*)

Вже-жъ якъ не вертыся,
Зъ селомъ ты простыся,
Лоба не мынешъ.

Д я к ъ (*вставши на колѣни*)

Спасите, пощадите,
Не погубите!

Д ѣ д ѣ.

Розумнымъ спершу ты злавався,
Ходывъ бадѣрымъ, похвалявся,
Чого жъ теперъ трясешся ты?

Д я к ъ

Да, почтенный господине,
Нашъ благодѣтельный Мартыне,
Извольте выслушать меня,
Что въ главѣ книги бытія
Начитываль когда то я:
Егда узриши ю,
И возлюбиши ю,
Подобаеть пояти ю
Въ жену свою;
Аще жъ оставиши ю,

То аки убіеши ю,
Сотвориши грѣхъ зѣло,
Постиже тя въ мірѣ зло.
То, почтениѣйшій господине,
Нашъ благодѣтельный Мартыне,
Услышавши слово сіе,
Благословить чадо свое,
Отрите плачущу рѣсницу:
Возьмись въ сноху бидну дѣ-
вицу.

Д ѣ д ѣ (*нахмурившись*)

Чи ты въ уми?
Чи ты въ соби?
Чи ты ума лышывся,
Чи ты зовсимъ скрутився?

Д я к ъ (*жъ дѣду сквозь слезы*)

Нѣтъ, не тее,
А другее:
Вы посудите
Такъ, напримѣръ,
Что секретарь
Презлобна тварь
И правомъ звѣрь;
Что если онъ
Презрѣхъ законъ,
И за родныхъ
Глупыхъ своихъ
Станетъ горой,
И надо мной
Имѣя власть,
Въ солдаты сдать?..
Онъ такъ великой,
Что и съ владыкой
Говдѣрьть смѣло
Про всяке дѣло:
То ему можно
Меня хочъ ложно
И заточыть,
Сава лышыть,
И лобъ забрыть.

Д ѣ д ѣ.

Що тамъ плетешъ—не роз-
беру.

Д я к ѣ.

Повѣрьте, не вру:
Что онъ страшенъ,
Зѣло ужасенъ,
Словно, какъ левъ
Пущаетъ ревъ;
Въ единый часъ,
Разинувъ пасть,
Насъ, бѣдняковъ,
Бильшь ста дяковъ
У михъ поглотить,
Егда схоцетъ.

Д ѣ д ѣ (сѣ удивленіемъ)

Грыцьку, бачышъ, щось такее
Зробылося изъ дякомъ злее.
Се нечыста ёму сыла
Десъ такее наробыла!

Г р ы ц ѣ.

Его треба проводить,
Въ школи, вкрывшы, положить.

Д ѣ д ѣ.

Такъ возьмы жъ и проведемъ!

Грыць (подходя къ дяку беретъ
ею подъ руку, а другой рукой
бьетъ въ бокъ кулакомъ).

Д я к ѣ.

Ой, ой, ой!
Боже мой!

Г р ы ц ѣ.

Богъ съ тобою,
Йды за мною.

Д я к ѣ.

За что? про что? бить по что?

Г р ы ц ѣ (со смѣхомъ)

Писля сѣго здоровъ будешъ
И рукъ моихъ не забудешъ!
(Дякъ вырывается и уходитъ)

Д ѣ д ѣ (къ Грыцю)

Эй, Грыцько, побійся Бога!
Пощануй ты самъ себе:
Одно слово, що убога,
Загнавъ може въ гробъ мене;
Выкынь зъ головы пустее
Та надумай щось другее.
Розмиркуй соби гарненько:
Що то есть вона, й що мы?
Що есть слово Рихманенко
И кымъ славятся Рихмы?
То якъ се тобі здається,
Що ты здумавъ бидну брать—
И по кимъ село зовется,
Той вчынытся бидной зять!..
А—а—а!
Не бонься ты стыда!

Г р ы ц ѣ.

Якъ гасне лучъ, такъ слава
вяне;

Якъ колесо, вертытся свить:
Однѣ впаде, другой устане,
И по багатству гине слить.
На що-жъ гордытъсь вамъ со-
бою,

На що гнушатысь сыротою
И волю серцю одіймать?
Богъ волю давъ ёму любыты;
Що жъ ёго мучыть и нудыты
И свое имѣя выхвалять?
Робить, що хочеге зо мною:
Не властенъ самъ я надъ собою
Сказаты серцю не кохаты.

Д ѣ д ѣ.

О—о—о!

Хиба жъ бы то не все одно?
 Якъ-небудь можна полюбыть:
 Чы то чорнява, чы рудая,
 Чы сирокка, чы глухая,—
 Зъ лыця жъ, мовлявъ, воды не
 пыть!

А въ ридъ багатый уступышы
 И вино добре получышы,
 То можна жыты, не тужыты!

Г р ы ц ь.

Якъ вы, диду, парубковалы,
 Не вже жъ такы вы выбиралы,
 Що гирше и въ сели нема?

Д ѣ д ѣ.

Э, стыдно, Гридю, се казаты:
 Мени таку случилось взаты,—
 Була багата, чепурна.

Явление 7-е.

(Тъ же и Наумъ)

Н а у м ѣ.

Добрый вечеръ, пане куме!

Д ѣ д ѣ.

Покорно дякувать, Науме!
 Куды ходывъ и де ты бувъ?

Н а у м ѣ.

Де вже я бувъ, теперь немае,
 Да мылость твоя щось скучае—
 Чого ты бровы такъ надувъ?

Д ѣ д ѣ (вздохнувши)

Та якъ ёго не надыматысь?
 Тобя по правди якъ признатысь,
 То ты надмешъ ще гиршъ менё.

Н а у м ѣ.

Якъ скажешъ, куме,—буду зна-
 ты,

Яку тоби пораду даты.

Д ѣ д ѣ (качая головой)

И вже, и вже, и вже!

—

Явление 8-е.

Тъ же и Крутій.

К р у т і й (скоро)

Всімъ хрещенымъ вечеръ доб-
 рый!

Щобъ продався вѣкъ вамъ
 довгый!

Мартынови, хрещеныку й куми,
 Всімъ добрымъ людямъ и мени.

Д ѣ д ѣ (почесавши голову)

Здоровъ, Терешковичъ, садися
 Да вже, будь ласкавъ, потрудися
 Насъ тутъ зъ унукомъ роз-
 судыть.

К р у т і й.

Мни розсудити—
 Такъ якъ налыты
 Горилкы чарку,
 Зробыты справку;
 Пью, не скрываюся,
 Дилъ не боюся,
 Бо, разумъ маю,
 Порядокъ знаю,
 Якъ напысаты,
 Куды послаты,
 Якому пану,—
 Пытаты не стану.
 Статутъ, указы
 И вси приказы,

Пункты, страныци,
Якъ на табылци

Бачу очыма—
Не за плечыма—
Передь собою,
Бо зъ головою.

Н а у м ъ.

Голова справди не дурна,—
Другои въ насъ въ сели нема!

Д ѣ д ъ.

Овва! А я? а ось моя?

К р у т і й.

Якъ очеретомъ або дозамы
Выхоръ крутыть, такъ и я вамы
Кручу, верчу, якъ захочу.

Д ѣ д ъ.

Опричь мене.

К р у т і й.

Да вже про тебе що й казаты!
Коли-бъ ты вмивъ ище й пысаты,
То бъ ты тоди... *(заикаясь)*
Мартынъ, Мартынъ!..

Н а у м ъ.

Высоко то-то не несесь,
Бо два не дурни зибралысь:
Не вдарымось лобомъ объ тынъ.

Д ѣ д ъ.

Да тутъ и бидного нема.

К р у т і й.

Хиба жъ то бидный безъ ума?

Д ѣ д ъ.

А якъ тоби воно здається?

Видкиль у бидныхъ умъ визь-
мется?

Скільки ихъ йе, то все дурни.
Того розумнымъ якъ назваты,
Що не умивъ добра придбаты?
Одни розумни тилько мы!

К р у т і й.

Якъ бувъ покійныкъ въ насъ
Бида,
Послать бувало хотъ куда:
Той, було, може доступыть
Хотъ къ губернатору, въ палату.

Д ѣ д ъ *(показывая на горло)*

Покынь ёго, Петро, ты къ кату:
Оттутъ у мене винъ сыдыть!

К р у т і й.

Скажи жъ, Мартыне, чымъ и
якъ
Обрыдъ тоби Бида той такъ?

Д ѣ д ъ *(слезно)*

Унукъ въ дочку ёго влюбывсь,
И такъ изъ-дуру учепывсь,
Що мовъ зовсимъ рипывсь ума.

К р у т і й.

Але жъ бо й дивчына, сказаты!
Хочъ мижъ паннамы пошукаты,
То кращои нигде нема!

Н а у м ъ.

Напрясты, выткаты, пошыты,
А якъ що стане говорыты—
То зъ маслечкомъ словце плыве.

Г о р п ы н а.

Уже до-правды, що дытына:
Розумна, тыха и учтыва,
Якъ макивка въ дивкахъ цвите!

Д ѣ д ъ.

Да годи чорта вамъ хвалыты!
 Що тамъ за нею получыты?
 Бись-ма ничого—лышь душа!
 Отъ якъ дочка Головыная—
 Хочь трохи, кажутъ, и глухая,
 Але жъ червинцивъ зъ пив-
 ковшя!

К р у т і й.

Такъ ты на гроши уповаешъ,
 А души доброй не шукаешъ?
 Унука хочешъ утопыть?
 Та якъ нолино, такъ дурная,
 Глуха, коса, рыба, рудая!

Г р ы ц ь.

И оттаку мени любыть?

Д ѣ д ъ (*къ Крутію съ плачемъ*)
 Ну, що мени изъ нымъ робыть?

К р у т і й.

Оженыть!

Д ѣ д ъ.

Кого?

К р у т і й (*показуя на Грыця*)

Уже жъ його!

Д ѣ д ъ.

На кимъ?

К р у т і й.

На тимъ, кого Грыць любыть.

Д ѣ д ъ.

То и мене, и честь погубыть!

К р у т і й.

Фамылья дуже именовта!
 Куды пакъ къ чорту, яка честь!
 Що клоччамъ голова набыта,
 А смальцю въ неи мало есть.
 Якъ вывесты тебе у-день
 Та и поставыты на пень,
 Рядномъ ще голову накрыты—
 То бъ дворянынъ бувъ пре-
 великий!

Д ѣ д ъ.

Схаменысь, Петре, що ты ка-
 жешъ?
 Та ты жъ мою худобу знаешъ:
 Стыдайсь до пня мене ривняты.

Н а у м ъ.

Да що вже, куме, говорыты!
 На що пустее городыты:
 Ты жъ пакъ не панъ, правду
 сказать.

Д ѣ д ъ.

Хочь самъ не панъ, въ панамы
 знаюсь,
 Межъ ныхъ за ривню почи-
 таюсь:
 Усюды мисце мни дають...

Г р ы ц ь.

Якъ гроши въ позыку берутъ!
 А якъ прыйдется выправляты,
 То и по шыи гоняты зъ хаты.

Д ѣ д ъ.

Эй, блазню, не брешы!

К р у т і й.

А за обидъ хочь разъ садылы?
 Якъ полумыскы пидносылы?
 А ну, будь ласкавъ, розкажы!

Д ѣ д ѣ.

Сего то, правда, не бувало,
А чаю пивъ я въ выхъ немало;
Булы до чаю й калачи.

Крутії.

Та мисце все жъ коло порога.
А Бидыха онъ бачъ убога,
Такъ и неривня вже тобі!
Ище трывай, настане часъ:
Бидыха буде лучче насъ,—
Въ порога станешъ и у неї!

Д ѣ д ѣ.

Писля чого?

Крутії.

Писля того:
Онъ якъ прииде братъ угости;—
Я и письмо прывизъ їй съ почты.

Д ѣ д ѣ.

Одъ кого?

Крутії.

Одъ їи брата
Киндрата.

Д ѣ д ѣ.

То бувъ въ насъ первый воло-
цюга,
Чужый робитвыкъ и пьянюга:
Може, пидъ тыномъ десь из-
гнывъ!

Крутії.

Винъ въ Чорноморїи старшымъ.

Д ѣ д ѣ.

Якимъ?

Крутії.

Такимъ:

Винъ їськовымъ тамъ стар-
шыною,
То вже не ривня зъ головою:
За поясъ васъ обохъ заткне!

Д ѣ д ѣ.

Письмо прывславъ же винъ якее?

Крутії (*вынимая письмо*)

Кругомъ, якъ бачышъ, золотее.

Д ѣ д ѣ.

Що жъ, ты його ще не оддавъ?

Крутії.

Ни, самъ, далеби, не чытавъ.

Д ѣ д ѣ.

А ну, якъ бы то прочытали!

Крутії.

Неможна жъ, бачъ, печать ла-
маты.

Г р ы ц ѣ.

Та ну вже, тату, прочытайте!

Крутії.

(*Ломаеъ печать и читаеъ*):

Любезная моя сестра!
Теперь я зъ військомъ близьъ
Днипра,

Держу кордоны одъ Кыгаю,
Та жаль, що кони не пьють чаю,
А якъ по правди розказать,
То тутъ ёго стоги стоять;
А що червнцивъ—якъ вивси

Козаки роблять чудеса:
 Срибло лопатами гребуть,
 А пятакивъ и не берутъ;
 Кармазыну штука за рубъ,
 А сахарю—пивкопы пудъ.
 У день у насъ приказы строги,
 Заняти вѣйськомъ вси дороги,
 А ничъ—то маты усѣму.
 Всюды разйиздъ и филиманты,
 Трещать возы видъ контрабанды,
 То по сѣму ты можешъ знать,
 Скилько худобы мигъ набрать.
 Гляды жъ, сестра, и памятай:
 Дочки ты замижъ не давай,
 Бо я, зминывшыся зъ гряныци,
 И йшовшы мымо до столыци,
 Зайиду въ гости побувать,
 И хочу васъ обохъ забрать.
 Якъ я старый и нежоватый,
 Худобу хочу йй оддаты.
 А жениха найду такого:
 Якъ не самого кошового,
 То асавулу, старшыну,
 Але вже буде у чыну
 И соби козакъ не въ жартъ;
 Тилько, чуешъ, робы такъ.
 Зостаюсь твій ридный братъ
 Пархоменко Киндратъ.

Д ѣ д ѣ (*весело*)

Де жъ той Кытай?
 Въ якій винъ край?
 Скажы, будь ласкавъ, рады Бога:
 Яка у той Кытай дорога?
 Чы винъ далеко видсила?
 Пишовъ бы, може, туды й я.

Крутії.

Я самъ въ Кытаю не бувавъ,
 А такъ скажу, якъ самъ чувавъ,
 Якъ губернаторъ мни казавъ.

Д ѣ д ѣ.

Ты жъ губернатора де выдавъ?

Крутії.

Якъ прошлый годъ некрутъ
 здававъ.

Д ѣ д ѣ.

А ну-жъ якъ?

Крутії.

А отъ такъ:
 Якъ видсилъ,
 Та зновъ видтиль,
 Зъ Дону на Крымъ,
 Да черезъ Рымъ,
 На Цареградъ,
 Та зновъ назадъ,
 Мынуа двиръ,
 Та зновъ видтиль
 У бикъ звернуть,—
 То буде путь.

Н а у м ѣ.

Ось бачъ, Мартыне, якъ далеко!

Д ѣ д ѣ.

Дойихаты туды не легко!

Крутії.

То-то бо наша и беда,
 Що винъ не близько видсила,
 А то-бъ мы вси пійшлы туда!
 Тилько жъ Киндратъ,
 Кулынынъ братъ,
 Нажывшысь тамъ,
 Зайиде къ намъ
 И навезе сѣго—того
 Сестри всѣго;
 Тоди Бидыха,
 Забувшы лыха,
 Губу надме
 Противъ тебе!

Д ѣ д ѣ.

Петро Терешковичъ, якъ бы?..

Крутії.

Чого?

Д ѣ д ѣ.

Ожены ты намъ його.

Крутії.

Письмо оце якъ їй з'яснить,
То въ поле витра йды ловить:
Теперь Бидыха такъ глядыть.
(Закрываетъ пальцами глаза).

Д ѣ д ѣ (кланяясь)

Петро Терешковичъ, ты жъ
свій,
Хрещеный батько для ёго:
Ну, будь приятель вично мій:
Стать въ помощь оженить ёго!

Крутії.

Якъ?

Д ѣ д ѣ.

Такъ:

Иды,

Впады,

Просысь,

Молись,

Хочъ тамъ и въ ноги покло-
нысь:

Скажы, що я свою худобу маю,
Одъ неи вина не бажаю.

Крутії.

Ты добрую натуру маешъ:
Одъ неи вина не бажаешъ;
Та що вона буде казать,
Якъ стану їй письмо чытать?

Д ѣ д ѣ.

Письма не треба їй казаты,
Можна ёго тутъ и порваты.

Крутії.

Поступокъ сей, Мартыне, важ-
ный;
Я, знаешъ, чоловікъ присяж-
ный:
Душею дурно грихъ крывать.

Д ѣ д ѣ.

А хiba треба заплатитъ?

Крутії.

Достанется платитъ мени
Військовому старшени,
По сыли бачъ почтовыхъ правъ,
Якъ гласыть на се уставъ:
Хто письмо изъ почты бравъ,
Кому треба не отдавъ,
Бумажками двадцать пять
Штрафу изъ ёго зодрать.

Д ѣ д ѣ.

Пятьдесять я могу дать!

Крутії.

Тоди де тебе шукаты,
Якъ погонять мене зъ хаты?
Перше треба получитьъ
Да и къ дилу приступитъ.

Д ѣ д ѣ.

Якъ?

Крутії.

Такъ:

Що такого-то чысла,
Якъ метельця несла,
Зъ миста йхавъ въ село я,

Та зѣ-лѣха соби напывшысь,
И зѣ дороги ничью збывшысь,
Трохы-трохы не пропавъ
И пысьмо, що зѣ пошты бравъ,
Нехотячы потерявъ.
За що певныхъ двадцать пять
У судъ маю честь послать.

Дѣдъ (доставъ бумаженикъ).

Колы такъ, то на, возьми,
Та никому не кажи.

Крутіѣ.

Эй, Мартыне, братъ боюся:
Що, якъ штрафомъ не одкуп-
люся!

Щобъ бачъ, мени,
За васъ въ тюрьми
Та не сидить,
Въ вѣкно глядить.

Дѣдъ (до Грыця).

Чого жѣ стоишь ты, якъ той
пень?
Не хочешъ бачъ просить лю-
дей?

Грыць.

Та йдѣть-бо, тату, я молюся,
Бо я безъ васъ не оженюся.

Крутіѣ.

Ну, шукайте буханця:
Пйдемъ сватать молодця.
(Дѣдъ садится, Горнына по-
даетъ хлѣбъ и садится возлѣ
дѣда. Грыць кланяется и,
взявши отъ дѣда хлѣбъ, подаетъ
Науму).

Крутіѣ (поетъ).

Теперь, якъ хлѣбъ въ рукахъ
мы маемъ

И рушныкивъ вже дожыдаемъ,
Годи, тату, квакать:
Ходимъ Любку сватать!

(Наумъ и Крутіѣ уходятъ, а за
ними и Горнына).

Дѣдъ (одинъ, смотря* на
письмо).

Такъ-то мій батько поскупився,
Що я малымъ пысьма не вчылся;
Теперь никого бѣ не прохавъ:
Разивъ бы симъ ёго чытавъ.

(Поетъ) Щастье щастья бачъ
шукае,

Гроши до грошей летять;
Видно, Богъ мни помагае
Бильшь худобы назбировать (bis).
Сватъ, вернувшись изъ гря-
ныци,

Мни порадыгъ все тоди,
И не йшовши до столыци,
Все оставыть тутъ мени. (bis)

Прывезе сюды возамы,
Що нигде буде и дивать,
Срибло, золото мишкамы,
Такъ тутъ буде и стоять. (bis)

На ти гроши мажъ чумацкихъ
Справлю я, воливъ сто паръ,
И по тыхъ слидахъ козацкихъ
Пошлю Грыця у Кытай. (bis)
Винъ, вернувшись изъ Кытая,
Прывезе мени всёго:

Кармазыну, шовку, чаю,
Не стратившы ничего (bis).

Тоди паны зѣ околыци
Рынуть гроши позычать,
Будуть купци изъ столыци
Въ Рихмахъ краму купувать (bis)

Я зѣ купчыкивъ за копійку
По рублыку буду брать;
А зѣ панивъ, якъ за горилку,
По дви гравни процентъ брать.
(bis)

Познаёмывшысь зъ панами,
Я добыюсь такы свого:
Грыцька выведу въ дворяне
И куплю ёму село (bis)
Стоить сотеньку втераты,

То и въ судъ ёго приймутъ,
А якъ другу ще додаты,
То й чынокъ ёму дадутъ!
(Уходитъ).

Дѣйствіе IV.

(Театръ представляетъ бѣдный до-
микъ Любиной матери).

Явленіе 1.

*Крутіій, Наумъ, Кулына и
Любка.*

Кулына.

Прошу ласки васъ садытысь
И за слово не гнивытысь:
Вы знаете, я вдова,
Дивка въ мене молода,
Давать замижъ їи рано,
Рушныкивъ, хустокъ въ насъ
мало;
А въ багатый двіръ оддаты,
Тамъ їи стануть дорикаты.

Наумъ.

А якъ бы була старою
И не гарная собою,
Грыць бы въ неи не влюбывся,
Я старистю бъ не трудывся.

Крутіій (къ Любкѣ)

А ты, Любка, що намъ ска-
жешъ?

Боронь Боже, якъ одкажешъ,
То Грыць далеби умре,
Бо такъ любыть винъ тебе!

Любка (кланяясь)

Що я маю вамъ казаты?
Я... я... я такъ якъ маты.

Крутіій.

Що ще, Любка, говорыты?
Не матери,—тоби жыты.
Одно слово скажи мни:
Або ну-да, або хочъ ни!

Любка (кланяясь)

Ну-да!

Наумъ.

Зовы жъ, Любка, въ помичъ
Бога,
Нашой старосты не мучъ:
Рушныкивъ шукай, небого!

Любка (потупя глаза, кла-
няется).

У матери жъ, дядьку, ключъ.

Крутіій.

За се слово, що сказала,
Спасыби, Любка, тоби!
Праця, значыть, не пропала;
Ну, давай же руку мни (про-
тянувъ руку)

(Скоро) Давай руку, и два слова:
Клянись Грыценька кохать
И скажи вже, що готова
Дружною ему стать.

(Любка протягиваетъ обѣ руки).

Кулына.

Ну-те, Терешковичъ, вже годи
Вамъ такъ до ней пристають!
Въ дочки моеї немає воли:
Мое це дило ладъ давать.
Я за багатствомъ не гонюся
И у той двиръ давать боюся,
Де люде, бачъ, неривня намъ:
Старый Мартынъ дуже багатый,
Почне ій бидній докоряты:
Яке жъ жыття ій буде тамъ?

Наумъ.

То вже дивци такъ судылось
За багатого итыть;
Може, тоби и не снылось,
Що Грыць може полюбыть.

Крутії.

А що хлопецъ винъ хороший,
То село все потвердыть;
Має винъ доволи грошей,
Тоби може пособыть.

Наумъ.

А за бидного оддавши,
Чимъ ты можешь надылыть?
Ничого въ себе не мавшы
Що ты будешъ зъ нымъ робыть?

Кулына.

Хиба жъ мало тыхъ найдутся,
Що кризь гроши слёзы льются,
И гиршъ бидного жыве?
Гроши щастя не приносять;
Лучче биднисть нехай зносыть,
Нижъ клясты буде мене.

Крутії.

Мы давно вже говорылы
Изъ Мартыномъ объ сему,

Дармо бъ сюды не ходылы,
Колы не вгодно се ему —
Уступыть въ ридню зъ тобою
На выбиръ воли ихъ виддаты:
Грыць за твоей дочкою
Готовъ заразы умирать.

Кулына (*пожимая плечами*)

Колы жъ правда, такъ и будь;
Тилько, чуюшь, не забудь:
Не стану хустокъ я давать,
Поки не прийде сюды зять.

Крутії (*топнувши ногой,
поетъ*).

Тилько бъ лыха и биды!
Эй, Грыцько, ходы сюды!
Спишы, сваха вже сокоче
Побачыты тебе хоче.

—
Явленіе 2.

Тъ же и Грыць.

Грыць (*кланяясь*).

Добры-вечиръ! Чы здорови?
Четвергомъ витаю васъ.
Не гроши, вивци, не коровы
Завелы сюды всихъ насъ,
А лычко биле, бровы чорни
Тыха вдача, станъ моторный.
Я Любку вже давно кохаю
И одного прошу, бажаю:
Благословите зъ нею насъ!

Крутії.

Теперь бачыте, Кулыно,
Якъ Грыць любить всей душой;
Любка буде зъ нымъ щаслива.
Чого жъ спорыться зо мной?

Наумъ (*показуя на плечо*)

Веды вже рушныкы вь шукаты
И нымы насъ перевязаты.

Крутіі.

А я тоди вже путь найду,
Та свата й сваху прыведу.

Кулына.

Да якъ бы чого не було?

Крутіі.

Писля чого?
Не бійся, титко, не журыся,
На мою совість положиыся.

Кулына.

Прошу жъ мылосты садытсыя,
Такъ старостамъ, якъ годытсыя.

Крутіі.

Чого тамъ на сухо сыдыты
И на порожній стилъ глядыты?
Ставь лышь пляшечку горилыы,
За здорыве выпьемъ дивкы.

(Кулына достаеъ бутылку
водкы, ставитъ закуску, пот-
чуеъ старостовъ, а Любка
выходитъ).

Крутіі (*тихо къ Науму*).

Я казавъ тоби, Науме:
Мене держысы, рыба буде!

Грыць.

Якъ поможе Богъ женытсыя,
То пйду до васъ учытсыя:
Де, що говорытъ,
Якъ у старосты ходытъ.

Явленіе 3.

(*Тъ же и Любка съ дивчатами*).

Крутіі.

Знайте, дивкы, що такее,
Зачимъ тепера вы у насъ?
Дило, бачыте, не пустее;
Не мынуло бъ воно й васъ.

Дѣвушкы (*въ одинъ голосъ*)

Въ добрый часть,
Щобъ се насъ
Хоть заразы
Не мынуло.

(*Любка съ матерью уходятъ,
а прочіе сидятъ молча*).

Явленіе 4.

Тъ же и Любка съ матерью под-
носятъ на тарелкѣ рушныкы.
Грыць, получивши платокъ, вла-
детъ на тарелку нѣсколько мо-
нетъ, а Наумъ съ Крутіемъ въ
одинъ голосъ:

Дай же Боже,
Усе гоже,
Дружно жыты,
Не тужыты,

Лыха и биды не знать
И волосъ сывыхъ диждать!

(*Грыць и Любка кланяются*).

Кулына.

Теперь, Терешковычъ, сходите
Та сваху й свата попросите:
Нехай, будь ласкави, прыйдутъ
Та вкупи сватання прыймутъ.
(*Крутіі перевязывается руш-
ныкомъ, кланяется и уходитъ*).

Наумъ (къ Грыцю).

Да й ты, Грыцьку, ще бь схо-
дывь,

Сюды хлопивь попросывь
Вечирь сей повеселыть.

(Кулына) Воны прыймутся гу-
ляты,

А намъ чарку выпываты—
Веселійше буде пыть.

Грыць (кланяется и уходитъ,
а за нимъ и Любка съ друж-
ками).

—
Явленіе 5.

Ть же и дьдъ съ Горпыною.

Дѣдъ и Горпына (въ одинъ
голосъ),

Добрый вечерь!

Кулына.

Покорно дякувать! (цѣлуется)
Въ добрый часъ!
Прошу васъ
Тутъ у насъ
Не стыдиться
И садыться.

(Мартынь съ Горпыною са-
дятся).

Дѣдъ (осматривая сцену).

Що давъ Богъ—
Охъ, охъ, охъ!

Крутіѳ (тихо къ дьду).

Эй, Мартыне, бережыся!
За секретъ крѣпко держыся:
Не спомынай про Кытай,
А то пропаде увесь чай!

Дѣдъ (тихо Крутію).

Ну, якъ дядько тамъ умре,
Погубыть зъ честью и мене!

Кулына.

Що? що? що?

Крутіѳ.

То хотивъ сказать про те,
Що не думавъ такъ достаты
И рушныкы скоро взяты.

Дѣдъ.

Эге-ге!

—
Явленіе 6.

(Ть же и Любка съ дѣвчатами.
Любка подходитъ къ дьду и цѣ-
луется).

Дѣдъ (облизавшись, тихо къ
Науму).

Чы вусы мои почорнили?

Наумъ.

Ни!

Дѣдъ.

А щокы певно посьвижили?

Наумъ.

Ни!

Дѣдъ.

Але жь морщынъ, бачтса, нема?

Наумъ.

Чы не ришывся ты ума?

Дѣдъ.

Ни!

Наумъ.

Такъ що жъ се сталося тобі?

Дѣдъ.

А те:

Коли бъ ранишъ вона родилась,
Годивъ зъ десятокъ хочъ на-
задъ,

То бъ уже внуку не судилась,—
Мени достався бъ оцей кладъ.

Нема чого и говорыты!

Ну, якъ такои не любыты?

Укрутыть сердца хочъ кому!

Тутъ и старый души не вчуе,

Вона безъ зилля прычаруе—

(показавъ пальцемъ на лобъ)

Не буде мисця тутъ уму!

Явленіе 7.

*Тъ же и Грыць съ парубками,
кланяются и становятся въ
улы.*

Крутій.

А ну-те, хлопци, по-бозацьки
Ударьте лышень гайдука,
По простому, а не по-лядськи!
А вы, дивчата, гопака!
Мы жъ будемо на те дывыться,
Якъ станете вы веселыться.

*(Грыць подходитъ къ Любкѣ,
беретъ ее за руку, за ними слѣ-
дуютъ прочіе. Музыка играетъ;
затѣмъ начинается пѣніе.*

Хоръ.

Конецъ.

Нѣсколько разъ приходилось намъ слышать отъ старыхъ людей, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ одной изъ любимыхъ драматическихъ піесъ на домашнихъ спектакляхъ въ Лѣвобережной Малороссіи была какая-то оперетта „Любка“, которую считали принадлежащей перу И. П. Котляревскаго. Сколько мы ни пытались разыскать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой піесѣ, но ничего не могли найти ни въ печати, хотя-бы въ формѣ только упоминанія о ней, ни въ старыхъ рукописныхъ тетрадкахъ, ни даже въ изустныхъ разсказахъ. Въ настоящее время, уважасмый нашъ сотрудникъ, М. К. Чалый, доставилъ въ редакцію полный текстъ этой драматической піесы, переписанной имъ еще во времена своего студенчества, т. е. въ концѣ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ, и сообщилъ намъ о ней слѣдующія свѣдѣнія. „Въ 1837 году я, ученикъ 5-го класса Новгородсѣверской гимназіи—разсказываетъ М. К. Чалый—вступилъ въ семью лѣсничаго Алексѣя Алексѣевича Садовня, въ качествѣ репетитора

его трехъ сыновей, изъ коихъ Андрей—отецъ нынѣшняго профессора кievскаго университета. Хотя, съ перемѣщеніемъ А. А. Садовня изъ Новгородсѣверска въ Остерскій уѣздъ, репетиторство мое кончилось, но, съ поступленіемъ моимъ въ студенты въ 1839 году, мои близкія отношенія къ его семейству возобновились, и я довольно часто посѣщалъ его резиденцію Сваромье, живописнѣйшее село на высокомъ берегу Днѣпра, окруженное лѣсомъ. Сколько мнѣ помнится, впервые „Любка“ появилась въ семействѣ Садовня не позже 1839 года; списалъ ее собственноручно самъ А. А. Садовень, не помню изъ какого оригинала, только знаю навѣрное, что списалъ онъ не въ Новгородсѣверскѣ, а въ Сваромьѣ. Вся семья лѣсничаго, не исключая и прислуги, знала наизусть множество стиховъ изъ „Любки“; вообще-же, какъ я помню, она не пользовалась широкой извѣстностью, циркулируя лишь въ небольшомъ кругу знакомыхъ лѣсничаго, а именно: между чиновниками фаянсовой Межигорской фабрики“. Съ этой-то рукописи, принадлежавшей А. А. Садовню, и была въ началѣ 40 хъ годовъ переписана „Любка“ М. К. Чалымъ.

Такъ-какъ годъ назадъ мы получили мимолетное извѣстіе объ этой же піесѣ отъ П. Я. Литвиновой, то теперь, когда рукопись „Любки“ попала наконецъ въ редакцію, мы обратились съ просьбой къ П. Я. Литвиновой сообщить намъ все, что сохранилось въ ея памяти объ этой опереттѣ. Въ отвѣтъ на нашу просьбу, П. А. Литвинова любезно передала намъ слѣдующія воспоминанія, относящіяся тоже къ 40-мъ годамъ. „Свѣдѣнія мои о піесѣ „Любка“ весьма ограничены, такъ-какъ воспоминанія о ней относятся ко времени моего 10—12-тилѣтняго возраста, а именно къ 1844—46 годамъ. Ни во времени, ни въ мѣстѣ я ошибиться не могу, потому-что эти два года были временемъ, когда отецъ мой уже не находился на службѣ, и мы всей семьей жили возлѣ с. Землянки, въ 13 верстахъ отъ заштатнаго города Малаго Воронежа (переименованнаго потомъ въ мѣстечко), въ своемъ хutorѣ Теревени (глухов. у., Черниг. губ.). Въ старицу и небогатые дворяне имѣли обычай „гостевать“ другъ у друга по нѣсколько дней, а такъ-какъ моя мать по

болѣзни не могла выѣзжать въ теченіе 2 лѣтъ, то у насъ часто для ея развлеченія собирались гости, и молодежь устраиwała чтенія, считки и репетиціи. Спектаклей у насъ въ домѣ не бывало, а чтенія бывали очень часто, и такъ-какъ отецъ мой, Яковъ Яковлевичъ Бартошъ, былъ большой любитель литературы, поклонникъ Пушкина, а вмѣстѣ съ тѣмъ Квитки и Котляревскаго, то у насъ составлялось нѣчто въ родѣ литературныхъ вечеровъ: отецъ читалъ наизустъ отрывки изъ „Энеиды“ Котляревскаго, заставлялъ читать мою 8-лѣтнюю сестру рассказы Квитки-Основьяненко, читали „Евгенія Онегина“ и „Пиковую Даму“ Пушкина, и считывались, т. е. репетировали „Любку“. На такихъ-же вечерахъ случалось мнѣ бывать въ с. Черторіяхъ у Вербицкихъ. Помню, что въ с. Некрасовѣ у Лихошерстовыхъ происходили не только считки, но и спектакли, въ которыхъ принимала участіе бывавшая тамъ военная молодежь. Что именно ставили на этихъ спектакляхъ, я не помню, а считки „Любки“ хорошо помню и въ с. Некрасовѣ, присутствуя на нихъ постоянно; видѣть-же самый спектакль вблизи мнѣ не удалось за многочисленностью взрослой молодежи. Списки „Любки“ имѣлись, кромѣ моихъ родителей, у Вербицкихъ, Максимовичей, Лихошерстовыхъ, Подгаевскихъ. Въ настоящее время, насколько знаю, ни у кого изъ этихъ фамилій не сохранилось списка „Любки“.

Вотъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которые имѣются пока у насъ о піесѣ „Любка“ отъ лицъ, бывшихъ современниками ея живой роли, какъ литературнаго произведенія, циркулировавшаго въ рукописяхъ болѣе полувѣка назадъ въ нашей Украинѣ. Что эта піеса составлена не позже 30-хъ годовъ, доказывается не только вышеприведенными справками М. К. Чалаго и П. Я. Литвиновой, но и нѣкоторыми мѣстами въ ней самой. Такъ напримѣръ: начальство въ уѣздѣ (повѣтъ)—*комисаръ*, а въ волости—*голова*, т. е. точно такъ, какъ и въ повѣсти Гоголя „Майская ночь“; а должность комисаровъ существовала до 1838 г., до учрежденія Министерства Государств. Имуществъ, въ вѣдѣніе котораго отошли казенные поселяне, послѣ чего комисаровъ замѣнили ок-

ружные, а головѣ—старшинны. Кромѣ того, сельскій дьякъ, какъ видно изъ піесы, живетъ въ даровомъ помѣщеніи и получаетъ „отъ міра роковищину“; о казенномъ жалованіи не упоминается, а его сельскіе причты стали получать съ 1836-го года. Равнымъ образомъ, этого дьяка консисторское начальство можетъ сдать въ солдаты, а это было возможно лишь до введенія штатовъ для духовенства, т. е. до того-же 1836 г., когда причетники служили по найму отъ прихожанъ и часто попадали въ наборъ. Есть и еще одна черта, указывающая на приблизительное время написанія „Любки“. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, *Крутій*, какъ и *Возный* въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“ Котляревскаго, ссылается на „Статутъ“, дѣйствіе котораго отмѣнено въ Малороссіи въ 1842 году. Что касается мѣста написанія піесы, то, конечно, оно—лѣвобережная Украина, такъ-какъ есть упоминанія о *бунчуковыхъ*, *вельможныхъ*, о *Шведчинѣ*.

Какъ можетъ легко замѣтить каждый, піеса „Любка“ написана не безъ вліянія музы Котляревскаго, но нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы приписать ее перу автора „Наталки-Полтавки“. Вѣриѣ можно предположить, что эта послѣдняя послужила образцомъ для созданія первой. Прежде всего бросается въ глаза сходство въ строеніи стиха въ „Любкѣ“ и у Котляревскаго въ „Энеидѣ“; затѣмъ—обиліе русизмовъ, такъ свойственное Котляревскому, и наконецъ—сходство въ отдѣльныхъ выраженіяхъ

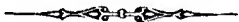
„Грыць молодой и красивый,
Серцемъ добрый, неспесывый“—

очень напоминаетъ такой-же стихъ въ Наталкѣ-Полтавкѣ. Кромѣ того, вся піеса отличается большой наивностью въ своемъ строеніи, чего нельзя отрицать и въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“, и большимъ запасомъ сантиментализма, особенно въ рѣчахъ самой героини. Но не смотря на это, какъ въ піесѣ Котляревскаго, такъ и здѣсь, всѣ дѣйствующія лица изображены реально; особенно типиченъ дѣдъ *Мартынъ*, а также прекрасенъ и *Крутій*—

типъ тогдашняго мелкаго подъячаго, очевидно написанный съ натуры. Даже *дыжъ* съ его славянской рѣчью обрисованъ живо и согласно съ дѣйствительностью, а не шаржированъ, какъ это часто бывало въ старинныхъ піесахъ.

Печатаѣя теперь піесу „Любку“ по рукописи, очевидно испорченной во многихъ мѣстахъ, мы желаемъ, во 1-хъ, сохранить для потомства одно изъ старинныхъ произведеній нашего украинскаго слова, а во 2-хъ, можетъ быть, вызвать къ опубликованію тѣ свѣдѣнія объ этой опереттѣ и авторѣ ея, которыя сохраняются пока еще въ памяти стариковъ въ нашей лѣвобережной Украинѣ и которыя могутъ пролить новый лучъ свѣта на наше, далеко еще неразъясненное, малорусское творчество въ первые десятилѣтія заканчивающагося вѣка.

Ред



Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи?

I.

Ровно годъ назадъ на страницахъ нашего журнала мы должны были отмѣтить въ статьѣ нашей „Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ“ ¹⁾ фактъ нѣсколько неосторожнаго отношенія со стороны проф. Т. Д. Флоринскаго къ вопросу о книжной рѣчи у малороссовъ и галичанъ, и особенно у послѣднихъ, благодаря тому, что мы не нашли въ критико-библіографическихъ замѣткахъ нашего ученаго слависта того чисто-академическаго пріема, на который мы вправѣ разсчитывать, когда беремъ въ руки ученое изданіе и читаемъ въ немъ строки, принадлежащія ученому профессору университета. ²⁾ Въ этой статьѣ нашей, мы главнымъ образомъ указываемъ на то, что вопроса о литературномъ языкѣ у даннаго народа нельзя рѣшить, стоя только на точкѣ зрѣнія филологической, т. е. опираясь на выводы науки языковѣданія о томъ, представляетъ-ли рѣчь даннаго народа *языкъ*, или только *нарѣчіе*. Мы сказали тогда, что, во 1—хъ, вопросъ о *языкахъ* и *нарѣчіяхъ*, особенно въ примѣненіи къ такимъ боль-

1) Кіев. Стар. 1899 г. № 1, стр. 134—142.

2) Унив. Ист. 1898 г. № 11. Т. Д. Флоринскій. «Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію.»

шимъ группамъ, какъ русская семья языковъ, далеко еще не установленъ твердо въ самой наукѣ филологіи; во 2—хъ, что исторія жизни народовъ не очень-то считается съ установленной филологами теоріей языковъ и нарѣчій и создаетъ такіе литературные языки, какъ верхне-лужицкій и ниже-лужицкій, сербскій и словинскій, датскій и норвежскій, испанскій и португальскій, которые съ точки зрѣнія филолога могутъ быть признаны только *нарѣчіями*, и что поэтому, въ 3—хъ, вопросъ о правѣ народа на свою книжную рѣчь не можетъ быть рѣшенъ безъ справокъ съ науками социальными. Исходя изъ этихъ положеній, мы, слѣдуя за проф. Т. Д. Флоринскимъ, обратились затѣмъ къ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, чтобы показать, минуя вопросъ о языкахъ и нарѣчіяхъ, насколько справедливы тѣ упреки ученаго профессора, которые дѣлались имъ по адресу австро-русскихъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ за созданіе ими своей книжной рѣчи, и насколько осуществимы и даже основательны желанія нашего слависта видѣть тамъ русскій литературный языкъ примѣненнымъ къ ихъ культурной жизни. Эту мысль нашу, о невозможности примѣнить въ надлежащемъ видѣ книжную русскую рѣчь къ потребностямъ культурной жизни нашихъ ближайшихъ родичей въ Австріи, мы подробно, опираясь на факты, развили въ другой нашей статьѣ „Ревнителіи русскаго языка въ Галиціи,“ ¹⁾ гдѣ показали, что, при всемъ стараніи небольшого кружка лицъ въ Галиціи, изучающихъ русскій книжный языкъ, опыты самостоятельнаго писанія ихъ на этомъ языкѣ нужно признать очень неудачными, что является вполне естественнымъ, такъ-какъ исключительно книжное изученіе какого бы то ни было языка, безъ цѣлаго ряда необходимыхъ условій въ ежедневной жизни нашей, никогда не дастъ тѣхъ результатовъ, безъ которыхъ пользованіе языкомъ, не въ силу необходимости, а какъ своимъ роднымъ, будетъ только болѣзненнымъ коверканіемъ его. Опираясь на это, мы высказали положеніе, что единственно-правильный путь въ рѣшеніи австро-русскими вопроса о книжномъ языкѣ есть тотъ, на который сту-

¹⁾ Кіевск. Стар. 1899 г., № 3, стр. 444—452.

пили они болѣе полустолѣтія назадъ, сначала довольно робко, а въ послѣднее время очень энергично, а именно—путъ созданія и выработки своей книжной рѣчи, основанной на *своемъ родномъ фундаментѣ*.

Эти наши двѣ статьи вызвали цѣлый рядъ статей въ газ. „Кіевлянинъ“, въ которыхъ не давалось по существу возраженій на вышеприведенныя наши положенія, а весь вопросъ сводился къ тому, что для галичанъ въ дѣлѣ созданія книжной рѣчи есть превосходный образчикъ—богатая русская литература, а они прибѣгаютъ къ какой-то *бѣдной малорусской*, при чемъ указано было, будто современная малорусская книжная рѣчь создается безъ всякихъ основъ, путемъ только выковывыванія словъ и выраженій. Насколько основательны были эти замѣчанія, мы постарались указать въ нашей отвѣтной статьѣ „Подведемъ итоги“¹⁾.

Вотъ по какому поводу и при какихъ условіяхъ началась наша полемика по данному вопросу. Проф. Т. Д. Флоринскій долгое время прямого участія въ ней не принималъ, а за то выступили въ нѣсколькихъ изданіяхъ съ возраженіями противъ насъ люди, привыкшіе къ вопросамъ серьезнымъ относиться не съ тѣмъ объективнымъ спокойствіемъ, какого требуетъ самое дѣло, а съ наскоками, ничего общаго съ наукой не имѣющими, и тѣмъ лишній разъ доказали правдивость нашихъ словъ, сказанныхъ въ нашей первой статьѣ: „Вопросъ это, съ одной стороны, чисто научнаго свойства, и казалось-бы—можетъ быть предметомъ спокойнаго, академическаго разъясненія; съ другой-же стороны—слишкомъ жизненный, и вслѣдствіе этого переплетается постоянно съ тѣми теченіями жизни, которыя ничего общаго съ наукой не имѣютъ. А мы думаемъ, что при такихъ условіяхъ самый глубокій интересъ къ данному вопросу неминуемо влечетъ къ ослабленію способовъ рѣшенія его, даже и въ исключительно-научной перспективѣ“. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служить тотъ фактъ, который, параллельно съ этой полемикой, разыгрался совсѣмъ въ другомъ концѣ и въ которомъ принялъ посильное участіе и проф. Т. Д. Флоринскій, самъ

¹⁾ Кіев. Стар. 1899 г. № 8, стр. 265—276.

признавшій это печатно. Мы имѣемъ въ виду печальной памяти инцидентъ съ рефератами галицкихъ ученыхъ на XI-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. Такъ-какъ, съ одной стороны, этотъ инцидентъ очень хорошо долженъ быть извѣстенъ читателямъ, а съ другой—слишкомъ ужъ онъ непріятенъ и тяжелъ для того, чтобы на немъ опять останавливаться, то мы его совершенно не коснемся, а упоминаемъ только потому, что онъ, между прочимъ, побудилъ проф. Т. Д. Флоринскаго взяться за перо и помѣстить въ газ. „Кіевлянинъ“ рядъ обширныхъ статей, озаглавленныхъ „Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности“¹⁾. Статьи эти, какъ принадлежащія перу ученаго слависта, уже по одному этому представляютъ интересъ, и умолчать о нихъ мы не имѣемъ права, а кромѣ того, въ нихъ довольно часто упоминается наше имя, что невольно заставляетъ и насъ опять побесѣдовать публично о вопросѣ, живо насъ интересующемъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ сдѣлаемъ это, что вполне соглашаемся съ слѣдующими словами почтеннаго слависта; „правильное, наиболѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе спорнаго вопроса во всемъ его объемѣ можетъ быть достигнуто только послѣ всесторонняго, спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія его въ печати.“ Мы охотно готовы вѣрить искренности этихъ словъ, думая, что ученому профессору и не подобаетъ иначе относиться въ такимъ вопросамъ, и что тѣ мѣста въ его статьяхъ, которыя подають иногда поводъ поставить знаки удивленія и подозрительнаго вопроса, есть ничто иное какъ *lapsus linguae* или *calami*.

Еще одно замѣчаніе. Такъ-какъ мы въ нашихъ статьяхъ вездѣ сторопились отъ вопроса о языкахъ и нарѣчіяхъ, считая что для даннаго спора это ровно никакого значенія не имѣетъ, а только можетъ запутывать его, то и теперь мы не будемъ его касаться, несмотря на то, что проф. Т. Д. Флоринскій много страницъ посвятилъ ему, какъ намъ кажется, для существа дѣла совершенно бесплодно.

¹⁾ Кіевлянинъ, №№ 271, 272, 281, 287, 300, 304, 317, 318 331 и 332.

II.

Насколько намъ удалось понять схему разсужденій проф. Т. Д. Флоринскаго по вопросу о книжной малорусской рѣчи,—мы представляемъ себѣ ее въ слѣдующемъ видѣ: 1) вся русская семья представляетъ одну этническую единицу, раздѣляющуюся только на особи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои этнографическія отличія; 2) эта общность русской семьи выражается и въ единомъ русскомъ языкѣ (конечно—воображаемомъ, а не дѣйствительномъ въ настоящее время), распадающемся на нарѣчія: великорусское, бѣлорусское, малорусское и *литературное русское*; 1) 3) это литературное русское нарѣчіе создано исторически, и въ него вошли и великорусское, и бѣлорусское, и малорусское нарѣчія; 4) въ виду этого пѣтъ надобности создавать особый литературный языкъ малорусскій; 5) нѣтъ нужды для Галицкой, Буковинской и Угорской Руси создавать свой малорусскій книжный языкъ, когда есть обще-русскій; 6) вотъ почему проф. Т. Д. Флоринскій считалъ себя въ правѣ протестовать не только методомъ научнаго спора, но и иными путями противъ *попытки пропаганды научнаго украинско-руського языка* на XI археологическомъ съѣздѣ.

Объ этомъ послѣднемъ правѣ проф. Т. Д. Флоринскаго—повторимъ—мы говорить не будемъ, т. к. это *право* касается вопросовъ этики, вопросовъ довольно щекотливыхъ. 2) Относи-

1) Для того, чтобы не было недоразумѣній, приведемъ подлинныя слова автора: «подъ именемъ *русскаго языка* въ наукѣ разумѣется цѣлая группа близко родственныхъ діалектическихъ единицъ, которыя естественно назвать русскими нарѣчіями, а именно—нарѣчія великорусское, бѣлорусское, малорусское и книжное обще-русское. (Кіевл., № 272).

2) Тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы умолчимъ объ этомъ фактѣ, что по поводу его совершенно опредѣленно высказались уже такіе два наши авторитетные журнала, какъ «Вѣстникъ Европы» (№ 11) и «Русская Мысль» (№ 12).

тельно-же всѣхъ первыхъ пунктовъ мы позволимъ себѣ побесѣдовать отдѣльно о каждомъ, но предварительно скажемъ два слова объ общей схемѣ. Повидимому, она очень логична, если не вдумываться въ детальное обоснованіе каждаго изъ отдѣльныхъ положеній. Это ясно станетъ, какъ только мы попробуемъ передвинуть эту схему нѣсколько выше, а именно: 1) вся славянская семья представляетъ тоже одну этническую единицу; 2) эта общность славянской семьи выражается и въ единомъ славянскомъ языкѣ (конечно—тоже воображаемомъ, а не дѣйствительномъ въ настоящее время, т. е. славянскомъ праязыкѣ, котораго не отрицаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій), распадающемся на многія славянскія нарѣчія: русское, польское, чешское, болгарское и пр. Но вотъ тутъ-то и точка. Казалось-бы, дальше пужно признать неосновательность созданія отдѣльныхъ славянскихъ *книжныхъ нарѣчій*, а между тѣмъ тутъ и самый упорный представитель логической прямолинейности въ настоящее время спасуетъ, т. к. вопросъ о единомъ славянскомъ языкѣ можно считать брошеннымъ навсегда. А отчего? Это мы и постараемся выяснить, перейдя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ пунктовъ въ статьяхъ проф. Т. Д. Флоринскаго.

III.

Спорить противъ того, что вся русская семья представляетъ изъ себя одну этническую особь, мы не станемъ, какъ—увѣрены въ томъ—не станетъ спорить никто противъ тѣхъ истинъ, которыя стали ходячими среди людей образованныхъ. Не возражалъ противъ этого и нашъ журналъ, а равнымъ образомъ и уважаемый сотрудникъ его К. П. Михальчукъ. Весь вопросъ только въ томъ, какъ и при какихъ условіяхъ распадается эта этническая особь на разныя этнографическія единицы. Дѣленіе русской семьи на три такихъ единицы—тоже общепризнанная истина: великорусская, малорусская и бѣлорусская группы русскаго народа есть три вѣтви одного дерева, изъ которыхъ каждая характеризуется, кромѣ многообразныхъ бытовыхъ чертъ,

еще и своимъ языкомъ (нарѣчіемъ)—великорусскимъ, малорусскимъ и бѣлорусскимъ, т. е. языками, имѣющими совершенно опредѣленную свою этнографическую фізіономію. Но вотъ чего мы не можемъ понять: какъ проф. Т. Д. Флоринскій не чувствуетъ нарушенія принципа логическаго дѣленія понятія, когда въ члены дѣленія вводитъ, сверхъ этихъ трехъ группъ, еще четвертую—*книжное обще-русское нарѣчіе*. Напомнимъ почтенному профессору основныя правила логическаго дѣленія, вошедшія во всѣ элементарныя учебники логики: 1) при одномъ и томъ же дѣленіи необходимо примѣнить одно и то же основаніе дѣленія; въ противномъ случаѣ дѣленіе будетъ сбивчиво; 2) члены дѣленія, вмѣстѣ взятыя, должны равняться объему дѣлимаго понятія. Если мы проанализируемъ дѣленіе, предлагаемое Т. Д. Флоринскимъ, то увидимъ, что *три нарѣчія*—великорусское, малорусское и бѣлорусское—являются членами дѣлимаго понятія (русскій языкъ) по одному принципу дѣленія—*по этнографическимъ языковымъ отличіямъ*, подобно тому, какъ дѣленіе русскихъ людей *по сословіямъ* даетъ въ результатѣ опредѣленныя сословныя группы: дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и пр; если мы возьмемъ сумму этихъ трехъ нарѣчій, то получимъ цѣлое дѣлимое понятіе — русскій языкъ, какъ равно—если возьмемъ сумму отдѣльныхъ сословныхъ единицъ, то получимъ цѣлое дѣлимое понятіе—русскіе люди. Но если бы мы попробовали сказать, что русскіе люди дѣлятся на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ... и *богачей*, то сразу станетъ яснымъ, что здѣсь нарушено правило дѣленія введеніемъ въ члены его одной группы, выдѣляющейся совсѣмъ по другому основанію. Совершенно такой же логическій промахъ допускаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій, вводя четвертый членъ дѣленія—*общерусскій книжный языкъ*, принадлежащій совсѣмъ къ иной категоріи. Въ чемъ-же однако здѣсь дѣло? Объяснимся.

Сложная этническая единица, распадающаяся на отдѣльныя вѣтви, какъ обще-этнографическія, такъ въ частности и языковыя, при извѣстныхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ условіяхъ, можетъ создать постепеннымъ ходомъ развитія своей

культуры *единый для всѣхъ книжный языкъ*, разрабатывающійся при равномерномъ участіи въ созданіи своемъ всѣхъ отдѣльныхъ вѣтвей,—и тогда мы получимъ *искусственно созданный языкъ*, который никакъ не можетъ считаться *новымъ членомъ дѣленія* въ понятіи этой этнической единицы, т. к. каждый говорящій этимъ языкомъ не перестаетъ называться именемъ той этнографической вѣтви, къ которой онъ принадлежитъ. На томъ основаніи, напримѣръ, что созданъ обще-французскій книжный языкъ, не установилось названія, параллельно съ провансалецъ, *книжный французъ*, какъ представитель новой этнографической вѣтви; если-же и существуетъ вообще терминъ *французъ*, то какъ родовое понятіе, безотносительно къ книжному французскому языку. Но если мы сказали выше, что *можетъ создаться*, единый для всѣхъ группъ книжный языкъ, то изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что онъ *долженъ создаться*, такъ-какъ, при всей искусственности этого созданія, играютъ громадную роль тѣ условія, въ которыхъ живетъ каждая изъ отдѣльныхъ вѣтвей, благодаря чему мы видимъ, что наравнѣ съ *испанскимъ* созданъ *португальскій* книжный языкъ, наравнѣ съ *датскимъ* созданъ *норвежскій*, наравнѣ съ *сѣверно-русскимъ* въ XVI и XVII вѣкахъ созданъ *юго-западно-русскій*, да и теперь—наравнѣ съ *русскимъ книжнымъ* созданъ (преимущественно въ Галиціи) *малорусскій книжный языкъ*. Эготъ послѣдній, съ точки зрѣнія проф. Т. Д. Флоринскаго, можетъ быть и очень плохъ, но все-же онъ есть, а въ такомъ случаѣ нашъ ученый славистъ сдѣлалъ-бы меньшую логическую ошибку, если-бы прибавилъ еще и пятый членъ дѣленія—*книжный малорусскій языкъ*. Мы пока не говоримъ о томъ, на законномъ-ли основаніи это дѣлается, или нѣтъ, хорошо это или скверно, а говоримъ только, что фактъ такой существуетъ, а разъ онъ существуетъ, считается съ нимъ нужно.

Этимъ мы и считаемъ возможнымъ покончить въ нашемъ спорѣ съ путанымъ вопросомъ о нарѣчіяхъ, такъ-какъ совсѣмъ другія стороны затронуты самимъ профессоромъ Т. Д. Флоринскимъ, (а онѣ намъ кажутся болѣе существенными для дѣла. Пока что, выводъ нашъ таковъ: *единый русскій языкъ*

распадается *этнографически* на три нарѣчія (языка)—*великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій*; жизнь въ этихъ трехъ вѣтвяхъ создала пока *два книжныхъ языка—русскій и малорусскій*. Надо теперь разсмотрѣть, какъ она ихъ создала.

IV.

Много мѣста удѣлено въ статьяхъ проф. Т. Д. Флоринскаго выясненію того, что такое *общерусскій литературный языкъ* и какъ онъ образовался. Мы сразу отбросимъ всѣ тѣ строки, въ которыхъ очень воодушевленно авторъ трактуетъ о величіи этого языка, о его распространенности, о его извѣстности и уваженіи у величайшихъ культурныхъ народовъ Западной Европы, и пр. Отбросимъ мы ихъ не потому, что не раздѣляемъ мнѣнія автора, а именно потому, что считаемъ ихъ борьбой съ вѣтрянными мельницами: никогда и никто не отрицалъ всего этого, а лично о себѣ мы можемъ сказать, что эти-же взгляды мы совершенно опредѣленно высказали въ нашихъ прошлыхъ статьяхъ, когда, между прочимъ, совѣтовали галичанамъ изучать блистательно разработанный русскими писателями книжный языкъ, что поможетъ имъ поставить и свою культурную рѣчь на надлежащую высоту. Правда, проф. Т. Д. Флоринскій нашелъ удобнымъ для себя заподозрить насъ въ искренности сказанныхъ нами словъ, но мы, оставляя на совѣсти ученаго профессора эту подозрительность, скажемъ опять, что совѣтъ такой идетъ у насъ отъ чистаго сердца, такъ-какъ мы убѣждены вообще въ пользѣ изученія галичанами русскаго книжнаго языка, главнымъ образомъ не въ видахъ усвоенія его себѣ, что мы считаемъ невозможнымъ, а съ цѣлью болѣе гармоничнаго развитія своей книжной рѣчи. Скажемъ болѣе того: настолько-же искренно желаемъ галичанамъ изучать русскій языкъ, насколько искренно посовѣтовали-бы и нашему ученому слависту получше изучить малорусскій народный и книжный языкъ, чтобы не впадать въ тѣ ошибки, на которыя намъ придется указывать ему впереди.

Итакъ, споръ о достоинствахъ русскаго литературнаго языка мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, лишнимъ. Но признаніе этихъ достоинствъ совсѣмъ не ведетъ къ тому выводу, который категорически поставленъ проф. Т. Д. Флоринскимъ: „фактъ этническаго единства всѣхъ вѣтвей русскаго народа самъ по себѣ, независимо отъ политическихъ причинъ и обстоятельствъ, предполагаетъ единеніе всѣхъ ихъ въ одномъ общемъ литературномъ и образованномъ языкѣ“. Мы понимаемъ, что можно высказывать желательность такого единенія, хотя и это вопросъ спорный, какъ мы сказали и въ прежнихъ нашихъ статьяхъ; но отъ желательности до возможности, при томъ при условіи полной естественности такого единства, остается громадный шагъ. Для того, чтобы эта желательность стала осуществимой, нужно имѣть три условія: 1) чтобы слишкомъ незначительны были какъ лексическія, такъ, главнымъ образомъ, фонетическія и морфологическія отличія въ языкахъ каждой этнографической единицы; 2) чтобы создаваемый единый книжный языкъ по возможности равномерно воспринималъ въ себя всѣ характерныя черты въ языкѣ каждой такой единицы; 3) чтобы всѣ формы государственной, общественной и домашней бытовой обстановки были приблизительно однородными, но не искусственно или даже насильно привитыми, а вполне естественно, такъ-сказать по природѣ.

Проф. Т. Д. Флоринскій кое-что изъ этихъ положеній пытается доказывать, но, какъ намъ кажется, методомъ далеко не научнымъ, а скорѣе—пріемомъ гостинныхъ разговоровъ. Къ чему, напримѣръ, ученому профессору понадобилось очень сжатое изложеніе тысячелѣтней исторіи въ развитіи русскаго языка, съ перечисленіемъ тѣхъ фактовъ, которые въ любомъ гимназическомъ учебникѣ можно найти гораздо болѣе разъясненными? А исключительно къ тому, чтобы на основѣ этихъ общихъ фразъ построить слѣдующій выводъ: „такимъ образомъ, современный русскій литературный и образованный языкъ *нужно считать* плодомъ многовѣковой культурной работы передовыхъ людей всего русскаго народа; онъ созданъ общими усиліями всѣхъ его вѣтвей и потому составляетъ для всѣхъ ихъ одинаково дра-

тоцѣнное достоинство^{ли}“. А между тѣмъ то, что должно было-бы составить гвоздь въ разъясненіи вопроса о русскомъ литературномъ языкѣ для данного случая, обойдено у ученаго слависта слѣдующей фразой: „доказывать вѣрность этихъ положеній путемъ анализа самого литературнаго языка и въ частности опредѣлить удѣльный вѣсъ вошедшихъ въ него стихій, малорусской и бѣлорусской—едва-ли удобно въ настоящей статьѣ общаго характера“. Безспорно, мы соглашаемся съ проф. Т. Д. Флоринскимъ, что въ газетныхъ статьяхъ неудобно подымать такую тяжелую артилерію, какъ доказательство вышеназванныхъ пунктовъ, но, во 1-хъ, для ученаго слависта открыты тѣ научныя изданія, въ которыхъ удобнѣе вести споръ по подобнымъ вопросамъ, а во 2-хъ—безъ доказательства этихъ пунктовъ, ссылки даже на такой авторитетъ, какъ проф. В. И. Ламанскій, все-же не могутъ быть настолько убѣдительными, насколько убѣждаютъ насъ факты. Вотъ къ этимъ-то фактамъ мы и обратимся, исходя изъ трехъ положеній, поставленныхъ нами выше.

Можно-ли признать, что отличія лексическія, фонетическія и морфологическія въ малорусскомъ нарѣчій сравнительно съ великорусскимъ слишкомъ незначительны для того, чтобы имъ удобно было сойтись въ единомъ книжномъ языкѣ? Напередъ оговариваемся, что сразу устраняемъ тотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, который такъ излюбленъ многими, и между прочимъ проф. Т. Д. Флоринскимъ, а именно: не смотря на многія существенныя отличія въ нихъ, все-же оба эти языка есть вѣтви одного *общаго русскаго языка*. Какъ видѣлъ уже читатель, мы этого не отрицаемъ, но вращаться въ этой только области—значить повторять сказку про бѣлаго бычка. Для насъ важно, что, при этой общности, существуетъ громадная масса отличій, и отличій существенныхъ, особенно въ фонетикѣ и морфологій, а—повторяю еще одинъ разъ—на нихъ то и устанавливается основной камертонъ искусственно вырабатываемаго книжнаго языка. Лексика здѣсь не такъ важна, потому-что, при употребленіи одного и того-же слова въ двухъ языкахъ, основа его окажется совершенно тождественной, а фонетическія и морфо-

логическія частности разойдутся въ разные стороны. Такъ напр: слово *горохъ* одинаково употребительно въ обоихъ нарѣчіяхъ, но въ великорусскомъ оно при склоненіи вездѣ сохранить гортанный звукъ *х*—въ *горохъ*, въ малорусскомъ-же обратитъ этотъ гортанный *х* въ *с*—въ *гороси*; слово *рычка* даетъ тоже формы различныя: въ *рычкѣ*—великорус., въ *риччи*—малорус.; на чемъ-же сойдутся эти двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга формы при созданіи единаго книжнаго языка? Естественно, что одна другой должна уступить; а будетъ-ли въ такомъ случаѣ равномерное сліяніе двухъ вѣтвей одного дерева въ искусственно созданномъ книжномъ языкѣ? Мы взяли для иллюстраціи одинъ мелкій фактъ; но вѣдь такихъ фактовъ сотни, и всѣ они хорошо извѣстны не только проф. Т. Д. Флоринскому, какъ ученому слависту, но всѣмъ маломальски знакомымъ съ особенностями русскихъ основныхъ нарѣчій. Перечислять ихъ здѣсь—значило-бы повторять весь курсъ науки русской филологіи, чего, конечно, мы не станемъ дѣлать. Если же проф. Т. Д. Флоринскій по поводу этихъ фактовъ найдетъ какой-нибудь естественный выходъ изъ затрудненія при созданіи единаго книжнаго языка, и мы увидимъ всю возможность осуществленія его, то охотно признаемъ теорію единаго книжнаго языка не только для русскихъ нарѣчій, но и для всѣхъ славянскихъ, а пожалуй даже и для всего человѣчества. Мы предвидимъ возраженіе, что всегда при созданіи единаго книжнаго языка одно изъ нарѣчій беретъ перевѣсъ надъ другими, какъ этого не отрицаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій, говоря, что при созданіи русскаго книжнаго языка великорусская стихія возобладала; но мы спросимъ далѣе: если въ одномъ пунктѣ одно нарѣчіе уступило другому, въ другомъ, третьемъ и т. д. включительно до сотаго,—то въ результатѣ какой-же, значить, получится книжный языкъ? Мы могли-бы понять общность книжнаго языка, если-бы увидѣли, что одно нарѣчіе уступило другому въ одномъ пунктѣ, но за то получило уступку въ другомъ, и это пошло-бы во всѣхъ частяхъ равномерно,—тогда, дѣйствительно получился-бы *искусственный средний книжный языкъ*, да только этотъ языкъ сталъ-бы такимъ

разношерстнымъ, съ такимъ отсутствіемъ единой гармоніи, что все величіе и значеніе его стало-бы очень сомнительнымъ. Къ чести русскаго книжнаго языка пужно сказать, что онъ не пошелъ по этой разношерстной доротѣ, а начиная съ конца прошлаго столѣтія все болѣе и болѣе стремится къ принятію единой своей фізіономіи, понемногу устраниая изъ себя и цѣлый, громадный пока еще, запасъ варваризмовъ.

Разсмотримъ теперь второе изъ высказанныхъ нами положеній при созданіи едиааго книжнаго языка, т. е. *создаваемый единый книжный языкъ долженъ по возможности равномерно воспринять въ себя всѣ характерныя черты изъ языковъ каждой отдельной единицы*. Что въ этомъ случаѣ представляетъ собой литературный русскій языкъ? Проф. Т. Д. Флоринскій, отвѣчая на этотъ вопросъ, ограничивается, какъ мы уже сказали, только указаніемъ тѣхъ общеизвѣстныхъ фактовъ, что, начиная съ Петровской эпохи, идетъ постепенное сліяніе двухъ книжныхъ русскіихъ языковъ, называемыхъ имъ *восточно-русскимъ* и *западно-русскимъ*, въ одинъ обще-государственный русскій языкъ, поводомъ къ чему послужило политическое единеніе двухъ русскіихъ областей при Алексѣѣ Михайловичѣ (этого факта забывать никакъ нельзя). Сліяніе это закончилось—говоритъ авторъ—тѣмъ, что „великорусское нарѣчіе (преимущественно московскій его говоръ) заняло первенствующее положеніе въ ново-русскомъ образованномъ языкѣ, опредѣливъ его типъ главнѣйше въ звуковомъ отношеніи“. Но—прибавляетъ далѣе авторъ—„помимо основной великорусской стихіи, нашъ образованный языкъ принялъ въ себя не мало стихій изъ малорусскіихъ и бѣлорусскіихъ говоровъ“. Вмѣсто указанія дѣйствительныхъ фактовъ этого воспринятія, проф. Т. Д. Флоринскій далѣе приводитъ имена тѣхъ ученыхъ и поэтовъ, которые, будучи лицами южнорусскаго происхожденія, писали на этомъ новообразовывавшемся языкѣ. И вотъ это послѣднее, какъ уже нами подчеркнуто выше, даетъ ему право сказать: „такимъ образомъ, современный русскій литературный и образованный языкъ нужно считать плодомъ многовѣковой культурной работы передовыхъ людей всего русскаго народа“.

Но бросимъ, многоуважаемый профессоръ, говорить избитыми гостинными фразами, а поговоримъ лучше фактами!

Много лѣтъ тому назадъ одна личность, занимавшая высокое административное положеніе, обратилась лично къ намъ съ такимъ вопросомъ: „вѣдь не правда-ли, современный русскій литературный языкъ заключаетъ въ себѣ элементы всѣхъ русскихъ нарѣчій, и въ него вошли въ большомъ количествѣ и особенности малорусскія?“. На такой вопросъ обыкновенно ограничиваются отвѣтомъ, ровно ничего не означающимъ: „да, конечно! вѣдь и Гоголь, и Гнѣдичъ, и Гребенка принимали участіе въ созданіи русской литературы!“ Къ счастью, особа, о которой мы говоримъ, немедленно, не ожидая нашего отвѣта, предложила намъ дальнѣйшій вопросъ: „не можете-ли указать какихъ-нибудь примѣровъ малорусской стихіи въ русскомъ книжномъ языкѣ?“ Вопросъ этотъ, поставленный такъ опредѣленно, не далъ намъ возможности отдѣлаться общезнаменіемъ, и мы принуждены были поискать иного отвѣта. Вотъ онъ: если большая рѣка принимаетъ въ себя воды своихъ притоковъ, то непременно въ составѣ ея воды есть элементы приточные, которые, путемъ тщательнаго анализа, пожалуй можно и отыскать; но книжная русская рѣчь до такой степени поглотила въ себѣ особенности частныхъ малорусскихъ элементовъ, что мы отказываемся отыскать, что именно малорусское, кромѣ участія талантливыхъ писателей изъ малороссовъ въ созданіи литературнаго направленія, сохраняется въ теперешней русской рѣчи. Позвольте-же, многоуважаемый профессоръ, и намъ теперь предложить такой-же точно вопросъ, разбивши его для удобства отвѣта по частямъ: 1) какія фонетическія черты малорусской рѣчи отразились въ книжномъ русскомъ языкѣ, и въ какой степени? 2) какія морфологическія черты этой рѣчи имѣются тамъ? 3) много-ли спеціальныхъ малорусскихъ словъ вошло въ составъ книжнаго русскаго языка? Мы утверждаемъ, что все характерное въ малорусской фонетикѣ, морфологіи и лексикѣ отсутствуетъ въ книжномъ русскомъ языкѣ—и прибавимъ даже, что это совершилось къ несомнѣнной пользѣ для русской лите-

ратурной рѣчи. Что-же касается участія талантливыхъ писателей изъ малороссовъ въ русской литературѣ, то фактъ этотъ, какъ отлично долженъ знать проф. Т. Д. Флоринскій, ничего общаго не имѣетъ съ созданіемъ книжнаго языка: вѣдь всѣ эти лица проходили государственную школу, въ которой изучали общегосударственный языкъ, при чемъ эта школа стремилась всѣми средствами уничтожить въ ихъ говорѣ мѣстныя черты малорусской рѣчи; и вотъ, будучи отъ природы талантами, съ запасомъ русской книжной рѣчи, они пошли далѣе по пути творчества литературнаго, иногда даже на свои родныя темы, но исключительно на языкѣ не своемъ, а общегосударственномъ. Какъ все это происходило еще въ 18-мъ вѣкѣ, проф. Т. Д. Флоринскому должно быть извѣстно; если-же онъ позабылъ дѣйствительную картину постепенной утраты малороссами писателями своей малорусской рѣчи, то пусть онъ прочтетъ печатаемая теперь въ нашемъ журналѣ статьи П. И. Житецкаго подъ заглавіемъ „Энеида И. П. Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея“, особенно-же главы, помѣщенные въ №№ 11 и 12 минувшаго года.

Если даже при вышеуказанныхъ условіяхъ создается книжный языкъ съ исключительнымъ перевѣсомъ одной изъ языковыхъ группъ, но остальные группы входятъ вмѣстѣ съ ней въ составъ одного государства, то мы совершенно понимаемъ тенденцію существованія одного общаго государственнаго языка, которому рѣшительно ничѣмъ не можетъ вредить существованіе и отдѣльныхъ книжныхъ языковъ, тѣмъ болѣе, когда они имѣютъ свою многовѣковую традицію. Такіе языки, удовлетворяя нуждамъ частнымъ для каждой отдѣльной этнографической особи, нисколько не уничтожаютъ возможности знанія и языка государственнаго, для чего свою службу должна сослужить правильно организованная школа. Впрочемъ, этого вопроса мы не будемъ разсматривать въ подробностяхъ, такъ-какъ онъ не вызывается сущностью нашей полемики съ проф. Т. Д. Флоринскимъ, а оставляемъ за собой право поговорить о немъ отдѣльно, преимущественно въ связи съ школьнымъ дѣломъ. Для насъ теперь

важно указать на этотъ пунктъ для того, чтобы естественнымъ явился переходъ къ третьему изъ высказанныхъ нами положеній относительно созданія единого книжнаго языка, а именно: *всѣ формы государственной, общественной и домашней-бытовой жизни должны быть приблизительно однородными*. Но раньше чѣмъ перейти къ этому третьему пункту, мы должны еще сказать нѣсколько словъ по поводу замѣчаній проф. Т. Д. Флоринскаго, направленныхъ противъ участниковъ въ создаваніи книжнаго малорусскаго языка и лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу вообще, а въ частности противъ насъ лично.

Проф. Т. Д. Флоринскому для его цѣлей понадобилось (см. № 287) разобрать въ частности вопросъ о малорусской литературѣ прежде и теперь, при чемъ онъ указываетъ, что прежде эта литература играла только роль *подлитературы* русскаго языка, а въ послѣднее время стремится „усвоить себѣ роль органа науки и высшей образованности для всего двадцатимилліоннаго малорусскаго или южно-русскаго народа“. Послѣ этого въ статѣ идетъ цѣлый перечень того, что, по мнѣнію нашего ученаго профессора, нужно признать чуть-ли не криминаломъ, какъ-то: „поборники этой литературы стремятся сдѣлать малорусскій языкъ языкомъ преподавательскимъ не только въ низшей, но даже въ средней и высшей школахъ; собираются деньги и предпринимаются другія хлопоты для основанія малорусскаго университета, въ которомъ всѣ науки должны преподаваться на этомъ-же языкѣ; еще энергичнѣе ведутся приготовленія по открытію украинско-русской академіи наукъ; на малорусскомъ языкѣ пишутся и издаются сочиненія по исторіи и этнографіи, медицинѣ, математикѣ, естествознанію и другимъ наукамъ; развивается и малорусская публицистика“, и пр., и пр. Мы не сомнѣваемся ни одной минуты въ томъ, что весь этотъ перечень сталъ извѣстенъ проф. Т. Д. Флоринскому, также какъ и намъ самимъ, изъ печатныхъ источниковъ и касается исключительно Галиціи, Угорщины и Буковины. Можно, конечно, быть различныхъ возрѣній на эти явленія въ австро-русской жизни: можно быть и сторонникомъ ихъ, и противникомъ—это дѣло

убѣжденій. Проф. Т. Д. Флоринскій, исходя изъ своего, какъ мы старались доказать—ложнаго, положенія объ общерусскомъ языкѣ, сконцентрировавъ будто-бы въ себѣ всѣ русскія нарѣчія, наставляетъ на томъ, что всѣ эти стремленія галичанъ къ созданію своего книжнаго языка не только не необходимы, но прямо таки вредны, величая въ этомъ случаѣ галицкихъ народниковъ за что-то *сепаратистами* (отъ кого? отъ чего?); мы же, опираясь на указанныя нами раньше сужденія о русскомъ литературномъ языкѣ и будучи убѣжденными въ невозможности примѣненія его къ галицкой жизни, отъ души радуемся, видя эту работу галичанъ, и тоже готовы ихъ называть сепаратистами, но только примѣняя это слово болѣе логично, чѣмъ нашъ ученый славистъ, а именно—мы считаемъ ихъ сепаратистами отъ польскаго режима въ Галиціи, нѣмецкаго и румынскаго—въ Буковинѣ, и мадыарскаго—въ Угорщинѣ, режима, несомнѣнно могущаго оказать самое пагубное дѣйствіе на рѣшеніе тамъ русскаго національнаго вопроса. Отчего мы такъ думаемъ, мы постараемся разъяснить въ слѣдующей главѣ.

V.

Прекрасно въ общихъ чертахъ рассказано проф. Т. Д. Флоринскимъ положеніе малорусскаго населенія въ Австріи въ трехъ областяхъ—въ Галиціи, Угорской Руси и Буковинѣ (см. № 300), изъ чего видно, какая существуетъ въ этихъ областяхъ настоящая надобность въ политикѣ борьбы за сохраненіе своихъ національныхъ правъ отъ притязаній сосѣдей, болѣе сильныхъ и численно, и по своему экономическому положенію. Прекрасный выводъ дѣлаетъ авторъ изъ этихъ нарисованныхъ имъ картинъ въ слѣдующихъ словахъ: „при такомъ положеніи дѣла, литературное единеніе Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, какъ важнѣйшее средство защиты малорусской народности противъ господства чужеземныхъ началъ, должно опираться на возможно болѣе прочныхъ основаній, на хорошо выработанномъ, богатомъ литературномъ и образованномъ языкѣ, который съ

полнымъ правомъ можно было-бы противопоставить иноземнымъ образованнымъ языкамъ, заявляющимъ притязаніе на господство на территоріи малорусскаго народа“. Только остается подписаться подъ этими строками и начать искать такого книжнаго языка, который, съ одной стороны, удовлетворялъ-бы этимъ требованіямъ по своей качественности, а съ другой — былъ-бы дѣйствительно возможнымъ въ примѣненіи къ дѣлу. Въ прежнихъ нашихъ статьяхъ мы доказывали фактами, что русскій книжный языкъ въ этомъ случаѣ сыграть такой роли въ Австріи не можетъ, благодаря многимъ причинамъ, повторять которыхъ мы не будемъ, а потому весьма естественно австро-руссы задались мыслию создать свой книжный языкъ, каковая работа и ведется ими нѣсколько десятковъ лѣтъ, и ведется — скажемъ мимоходомъ — хотя въ общемъ и успѣшно, но еще далеко не удовлетворительно.

Проф. Т. Д. Флоринскій находитъ, что, во 1-хъ, эти три русско-австрійскія области имѣютъ всѣ данныя для того, чтобы воспользоваться книжнымъ русскимъ языкомъ, а во 2-хъ — въ разработкѣ своего книжнаго малорусскаго языка совсѣмъ не нуждаются, и если дѣлаютъ это, то дѣлаютъ плохо. Пойдемъ вслѣдъ за проф. Т. Д. Флоринскимъ и рассмотримъ каждый изъ этихъ пунктовъ отдѣльно.

Совершенно вѣрно авторъ указываетъ на то, что въ Австріи есть двѣ партіи, изъ которыхъ одна держится народнаго направленія во всѣхъ вопросахъ тамошней жизни, а между прочимъ и въ вопросѣ о разработкѣ книжнаго языка, почему и называется *народовской партіей*, а другая стоитъ за обще-русскій языкъ и называется *старо-русской или москалефильской*. Далѣе авторъ указываетъ, что эта послѣдняя партія имѣетъ и свои газеты и журналы, и свои учрежденія, и своихъ ученыхъ, и поэтовъ, и публицистовъ; называетъ онъ даже имена ихъ. Рядомъ съ этимъ онъ не умалчиваетъ и о томъ, что народовская партія также представлена довольно сильно, какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ наукѣ и литературѣ. Взвѣсивая силы этихъ обѣихъ партій, проф. Т. Д. Флоринскій признаетъ, что народовская партія сильнѣе старорусской, но объясняетъ это тѣмъ,

что „она стоитъ близко къ правительству и господствующей въ Галичинѣ польской партіи“—что „она бойчѣе и исправнѣе ведетъ свои изданія, получая для многихъ изъ нихъ поддержку отъ сейма и правительства и частью изъ нашей Украины“. По поводу-же старо-русской партіи имъ высказываются очень лирическія слова, въ которыхъ отмѣчаются великія заслуги ея, и говорится, что „въ своей дѣятельности она не получаетъ ни откуда помощи и предоставлена своимъ собственнымъ силамъ“. Относительно матеріальныхъ средствъ обѣихъ партій мы скажемъ, что не наше дѣло рыться въ чужихъ карманахъ; можетъ-быть, проф. Т. Д. Флоринскому не только изъ печатныхъ источниковъ извѣстны многіе факты, но мы пользуемся исключительно тѣмъ, что опубликовано, и думаемъ, что для споровъ о научныхъ сюжетахъ едва-ли и прилично прибѣгать къ другимъ матеріаламъ. Что-же касается нравственнаго достоинства обѣихъ партій, то мы останавливаться на этомъ пунктѣ, подобно проф. Т. Д. Флоринскому, не будемъ, такъ-какъ наша задача проще: рассмотретьъ качественность двухъ книжныхъ языковъ, примѣняемыхъ въ своей дѣятельности каждой изъ этихъ партій.

Къ сожалѣнію, проф. Т. Д. Флоринскій не попробовалъ сдѣлать анализа того языка, на которомъ пишутъ представители старо-русской партіи, а ограничился только такими фразами: „языкъ этотъ, правда, не такой чистый, какимъ онъ является въ нашей литературѣ, употребляется какъ частью образованнаго малорусскаго общества, такъ и въ мѣстной печати“; далѣе: „допускаемыя малорусскими писателями Галичины, Буковины и Угорской Руси нѣкоторыя отступленія отъ нашего литературнаго языка, выражающіяся въ употребленіи нѣкоторыхъ областныхъ словъ и формъ, нисколько не мѣняютъ основного фона усвоеннаго ими общерусскаго языка и нисколько не умаляютъ значенія трудовъ на этомъ языкѣ.“ Вотъ и все. Но за то ученый славистъ подробно попробовалъ остановиться на анализѣ языка народовской партіи, и какъ онъ это сдѣлалъ—увидимъ далѣе. Видя такой неравномѣрный пріемъ въ научномъ спорѣ со стороны проф. Т. Д. Флоринскаго, мы съ особеннымъ удивленіемъ читаемъ у него слѣ-

дующія строки: „ученые публицисты „Кіевской Старины“, разбирая вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галичинѣ, почему-то совсѣмъ умалчиваютъ о галицкомъ литературномъ спорѣ и довольствуются нѣсколькими язвительными замѣчаніями по адресу сторонниковъ обще-русского языка; но такое отношеніе ихъ къ дѣлу лишаетъ ихъ изложеніе той объективности и безпристрастія, которыхъ въ правѣ можно было-бы ожидать отъ академическаго обсужденія важнаго вопроса на страницахъ ученаго издавiя“. По этому поводу только и можемъ воскликнуть: „врачу, исцѣлился самъ!“ Въдѣ мы, какъ было сказано въ началѣ, посвятили цѣлую статью анализу, правда краткому, языка самыхъ отборныхъ и умѣлыхъ представителей этой партіи,¹⁾ а теперь, такъ-какъ къ этому вынуждаетъ насъ содержаніе нашего спора, мы обратимся къ краткому анализу рѣчи и другихъ писателей изъ этой-же партіи.

Чтобы дать оцѣнку такъ называемому русскому книжному языку у галицкихъ писателей, мы имѣемъ возможность взять за единицу сравненія блистательно разработанный русскими писателями въ Россіи литературный языкъ, чѣмъ значительно облегчается наша задача. Въ упомянутой нашей статьѣ „Ревнители русского языка въ Галиціи“ мы указали цѣлый рядъ фактовъ коверканія русского литературнаго языка въ галицкомъ журналѣ „Живое Слово“, и при этомъ сказали, что если-бы даже этого уродованія въ журналѣ не было, то все-же мы считали-бы вопросъ о возможности распространенія русского литературнаго языка среди галичанъ немыслимымъ, т. к. какой-нибудь десятокъ-другой лицъ, успѣвшихъ изучить хорошо русскій языкъ, ровно ничего не доказываетъ въ этомъ случаѣ; а мы знаемъ, что лучший по языку органъ старо-русской партіи „Живое Слово“ никакого распространенія въ Галиціи не имѣетъ, да и сомнительно—выходитъ-ли онъ теперь, т. к. получили только 6 книгъ его, а, следовательно, въ Галиціи что-то не слышно. Но

¹⁾ Ревнители русского языка въ Галиціи, «Кіев. Ст.», № 3-й 1899 г.

не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что лучше всего познается степень обладанія даннымъ языкомъ на опытахъ поэзiи: если говорить о томъ, чтобы въ Галиціи книжнымъ языкомъ сталъ русскій литературный, то надо справиться съ тѣмъ, насколько галицкіе писатели въ силахъ сохранить художественность въ стилѣ, безъ чего все прочее прахомъ разлетится, такъ-какъ сформируется суконная рѣчь, при которой не ждите ни Пушкиныхъ, ни Лермонтовыхъ, ни Гоголей, ни Тургеневыхъ. Проф. Т. Д. Флоринскій потрудился назвать нѣсколько именъ видныхъ дѣателей старо-русской партіи; мы и спросимъ его, кто же изъ нихъ есть выразитель художественнаго творчества на обще-русскомъ языкѣ? Въ отвѣтъ получимъ, конечно, имя Богдана Дѣдицкаго. Извольте; вотъ образчикъ его поэзiи „Буй-туръ Всеволодъ. Повѣсть основана на тлѣ историческомъ“:

Былъ князь на Руси хоробрый, славный,
 Въ Курску имѣлъ онъ престолъ державный;
 Въ книгахъ писался онъ Всеволодомъ,
 Но слылъ иначе межи народомъ:
 Бо що былъ грозный, буйный якъ звѣрь
 И борець крѣпкій на цѣлый міръ,
 Въ войнахъ за Русь всю стоялъ ей муромъ,—
 Люди назвали его Буй-Туромъ“.

Кажется, довольно! Если-бы это писано было въ прошломъ столѣтіи, то и въ такомъ случаѣ это былъ-бы языкъ отсталый, даже хуже Тредьяковского; но писать такъ въ 60-хъ годахъ 19-го вѣка, послѣ Пушкина и Лермонтова, и называть это русскимъ языкомъ—это значитъ, многоуважаемый профессоръ, не уважать русскаго языка!

Назвалъ намъ еще проф. Т. Д. Флоринскій Николая Устѣановича, какъ поэта; прочитаемъ и изъ его произведенія „Ужасъ на Руси“:

Ой зле, сусѣде! горе намъ, горе!
 Солнце за три дни въ кровавомъ мори

Бродить съ полудня, а въ дворцу луны
 Слѣдно отъ давна могилы три.
 То гонцы лиха,—ой зле, сусѣды!
 Спадутъ на землю ужасны бѣды;
 Ой бѣды, бѣды спадутъ на мѣрь,
 Князямъ готуесь кровавый пирь.

Тоже, должно быть, достаточно!

Упомянуть еще и Іоаннъ Гушалевичъ; вотъ начальныя строки его думы „Сонъ князя Льва“:

Въ Галичѣ-градѣ при княжихъ палатахъ
 Замолкли гусли,—все вокругъ молчить,
 Лишь стары вербы шепчутся на чатахъ,
 Скоро въ ихъ листьяхъ вѣтрець зашумить.
 Куда-жъ подѣлась вѣрная дружина
 И конь воронный, и другъ-соколъ быстръ?
 Чи ихъ позвала на помощь родина,
 Чи князь повелъ ихъ въ новый бой за Днѣстръ?

Право, поэзіи уже довольно! Попробуемъ лучше посмотрѣть, какова рѣчь у представителей науки, названныхъ проф. Т. Д. Флоринскимъ. Начнемъ съ Адольфа Добрянскаго, доблестнаго защитника правъ угро-русской народности, какъ характеризуетъ его авторъ, и приведемъ начальныя строки изъ его научной статьи „Короткіи записки историческіи о мѣстѣ Самборѣ“:

„Именемъ Самборъ звалося первоначально нынѣшное „Старое Мѣсто“, лежащее на лѣвѣмъ березѣ Днѣстра у самого подножія горъ Карпатскихъ. Назву тую „Самборъ“ получило мѣсто отъ неизмѣримыхъ лѣсовъ, якіи ту въ старинѣ всю окрестность покрывали, и якіи и нынѣ еще, хотя не въ такомъ уже размѣрѣ, всюду въ тѣхъ сторонахъ видѣти можно“.

А вотъ выдержка и изъ статьи того самаго историка Антонія Петрушевича, котораго называетъ среди другихъ проф. Т. Д. Флоринскій и о которомъ анекдотъ со словъ газ. „Русланъ“ переданъ въ настоящей книжкѣ журнала (см. Текущія извѣстія),

какъ онъ признавался самъ, что пишетъ *прарусскимъ языкомъ*. Посмотримъ образчикъ этого по истинѣ прарусскаго языка:

„Передъ нѣсколькими годами, посѣтилъ я обитель чину Св. Василя въ Подгорцяхъ, Золочевского округа, осматривалъ достопамятности монастырскія, особенно же церковныя книги древней печати въ тамошней библіотецѣ“.

Вотъ этотъ языкъ мы готовы признать среднимъ между русскими нарѣчіями, но едва-ли на немъ помирится проф. Т. Д. Флоринскій, т. к. мы не сомнѣваемся въ присутствіи у него чутья художественности рѣчи. Если-же онъ взялъ подъ свою опеку языкъ только-что приведенныхъ писателей, то это можно объяснить или тѣмъ, что онъ, подъ вліяніемъ тенденціи, готовъ заглушить въ себѣ чувство справедливости, или-же тѣмъ, что не потрудился ознакомиться хоть немножко съ характеромъ писанія этихъ образцовыхъ старо-руссковъ. Но такъ-какъ послѣдняго мы не имѣемъ права предполагать у ученаго слависта, то остается признать первое.

Пусть не подумаетъ читатель, что мы нарочно выбрали для цитатъ мѣста изъ неудачниковъ-писателей; смѣемъ увѣрить, что взяли тѣ имена, которыя названы были проф. Т. Д. Флоринскимъ. Все эти люди старыя, а иныхъ уже нѣтъ и на свѣтѣ; что-же касается новыхъ, то повторяться не будемъ, а отсылаемъ читателя къ нашей статьѣ „Ревнители русскаго языка въ Галиціи“, гдѣ онъ увидитъ не меньшіе языковыя перлы.

Пусть теперь сколько хочетъ увѣряетъ всѣхъ проф. Т. Д. Флоринскій, что русскій литературный языкъ вполне возможенъ въ Галиціи, что для него тамъ почва есть (а этому доказательству, или лучше сказать—этой лирикѣ, у него посвящена цѣлая статья въ № 304),—все же мы думаемъ, что безпристрастный читатель, по меньшей мѣрѣ, усомнится въ этомъ. Всю бѣду неуспѣшности распространенія книжнаго русскаго языка въ Галиціи нашъ ученый профессоръ видитъ въ фактѣ разростанія тамъ другого книжнаго языка—малорусскаго, представителями котораго являются лица изъ народовой партіи. Къ этому-то языку мы теперь и обратимся.

VI.

Проф. Т. Д. Флоринскій, посвятившій разсужденіямъ объ этомъ языкѣ большую главу (см. №№ 317 и 318), очень долго останавливается на томъ, какую роль играетъ въ этомъ дѣлѣ „Товариство імени Шевченка“ и въ частности одинъ изъ видныхъ представителей его, проф. М. Грушевскій. Опять много лирическихъ отступленій встрѣчаемъ мы здѣсь, особенно брошенныхъ по адресу М. Грушевскаго, много соболизмовъ о его совращенности съ пути истинны, но мы останавливаться на этомъ не будемъ, такъ-какъ не наша обязанность брать подъ свою защиту уважаемаго профессора Львовскаго университета, тѣмъ болѣе, что едва-ли онъ въ этой защитѣ нуждается. Можемъ только сказать проф. Т. Д. Флоринскому по поводу его „душевной горечи и обиды“, что если проф. М. Грушевскій такъ поступаетъ, то, конечно, будучи убѣжденнымъ въ истинѣ своего пути; мало-ли мы видимъ случаевъ, когда невольно является въ душѣ горечь и обида, при сознаніи, что иной ученый пошелъ не по надлежащему пути, подобающему для ученаго, но вѣримъ, что сдѣлано это имъ согласно съ его убѣжденіями, и примиряемся съ необходимостью,—такова ужъ сила убѣжденій! Но бросимъ эти лирическія отступленія и обратимся къ дѣлу.

Находитъ проф. Т. Д. Флоринскій, что дѣятельность, научная и литературная, народовской партіи вообще, а въ частности „Товариства имени Шевченка“, мало пока еще результатна. Пусть такъ! но вѣдь все познается сравненіемъ, а если сравнить продуктивность работы народовской и старо-русской партій, то и самъ проф. Т. Д. Флоринскій призналъ, что первая сильнѣе второй, а мы прибавимъ—неизмѣримо сильнѣе, т. е. сами имена и въ наукѣ, и въ беллетристикѣ, и въ публицистикѣ есть лучшіе свидѣтели этого. Пусть нашъ ученый славистъ поважеть намъ въ старо-русской партіи кого-нибудь равнаго по силѣ научнаго таланта И. Франку, М. Грушевскому, А. Колессѣ, Смаль-Стоцкому, Коцовскому и пр.; пусть въ области беллетристики укажетъ намъ имена, равносильныя съ тѣмъ-же И. Франкомъ,

Н. Кобринской, О. Кобылянской; пусть отмѣтитъ намъ хоть одно изданіе, сколько-нибудь приближающееся къ „Запискамъ Наукового Товариства імени Шевченка“ или къ „Галицкому Літературно-Науковому Вістнику“,—и тогда мы поведемъ споръ дальше, а теперь пока обратимся къ главному пункту—къ разсмотрѣнію тѣхъ недостатковъ, которые отмѣчаются проф. Т. Д. Флоринскимъ въ книжномъ малорусскомъ языкѣ народовцевъ. Для оцѣнки этого языка нужно тоже имѣть единицу сравненія, подобно тому, какъ мы имѣли ее для языка старо-русской партіи. Тутъ, къ сожалѣнію, такой опредѣленной готовой единицы нѣтъ, какъ и не бываетъ ее для отдѣльныхъ самостоятельно формируемыхъ языковъ. Въ статьѣ нашей „Подведемъ итоги“ мы высказали мысль, что нельзя при оцѣнкѣ чужого языка руководствоваться той мѣркой чужья языка, какаѣ сложились для своей родной рѣчи; не повторяя теперь всего сказаннаго нами раньше, мы сошлемся еще на прекрасную статью Д. Мордовцева „Нѣтъ, не оставляютъ“ въ „С.-Петербургск. Вѣдомост.“ (№ 330), гдѣ авторъ отмѣтилъ ту слабость людскую, благодаря которой каждый чужой языкъ можно назвать отвратительнымъ. Поэтому, скажемъ мы, мѣрку для оцѣнки чужого языка нужно искать въ знаніи той основы, на которой онъ создается, и въ провѣркѣ того, насколько вновь создаваемое не отклоняется отъ первоисточника. Мы сказали уже въ прежнихъ статьяхъ, что много находимъ неудовлетворяющаго насъ въ галицкомъ книжномъ языкѣ, и потому не удивились-бы, если-бы и проф. Т. Д. Флоринскій, какъ ученый славистъ, указалъ цѣлый рядъ такихъ недостатковъ, конечно, для пользы самихъ галичанъ. Но увѣ! мы въ статьѣ его увидѣли это осужденіе галицкаго языка, только съ такими для насъ неожиданностями, какихъ никакъ ужъ не ожидали отъ ученаго профессора-слависта.

Начнемъ съ того, что проф. Т. Д. Флоринскій возмущается противъ способа фонетическаго правописанія, установленнаго народовской партіей въ послѣднее время, и вмѣсто того, чтобы объяснить этотъ методъ правописанія естественнымъ желаніемъ приблизить графику къ произношенію, ищетъ какихъ-то злоумы-

шленныхъ тенденцій со стороны партіи. Но любопытнѣе всего тѣ примѣры, которые приводятся ученымъ славистомъ. Онъ говоритъ: „сущность фонетическаго правописанія состоитъ въ томъ, что слова пишутся такъ, какъ произносятся, напр.: общерусск. *входъ, отецъ, звезды, конь* передаются по малорусски фонетическимъ правописаніемъ слѣдующимъ образомъ: *вхѣд, вѣтець, (?) , звѣзди, кѣнь*; слѣдовательно получается виѣшнее несходство между одинаковыми обще-русскими и украинсько-руськими словами“. Во 1-хъ, что значитъ *обще-русскія* слова, когда, какъ ни напишете ихъ, а разница въ произношеніи все таки будетъ: *входъ—вхѣдъ* (старо-русс. правописаніе или Максимовичевское)—*вхѣдъ* (какъ установлено писать въ Россіи)—*вхѣд* (какъ принято народоуцами). Если мы знаемъ, что старо-русская партія дѣлаетъ изъ *фонетики* чуть-ли не кардинальный вопросъ и готова чуть-ли не *во криминалъ* тащить своихъ противниковъ, то имъ и Богъ проститъ, но ученому слависту, знакомому съ славянскими правописаніями во всѣхъ славянскихъ литературахъ, едва-ли подобаетъ тоже дѣлать изъ этого вопросъ. Во 2-хъ, не подобаетъ ученому слависту смѣшивать формы косвенныхъ падежей въ словѣ *отець* съ именит. падежемъ; онъ производитъ этотъ именит. падежъ *вѣтець*, какового слова нѣтъ и въ словарѣ Желеховскаго, а есть слово *отець*, которое, на основаніи фонетическихъ законовъ малорусской рѣчи, въ косвенныхъ падежахъ и въ производныхъ словахъ можетъ обратиться въ *вѣтця, вѣтцю, вѣтчина*, и пр., такъ точно, какъ отъ именит. падежа *вѣвця* получится *родит. пад. множ. числа не вѣвечь, а овечь*. Напомнимъ ученому слависту теорію секундарнаго *і* изъ *о* и *е* въ зависимости отъ положенія его въ данномъ словѣ (*кѣнь—коня*, но не *кѣня*). Мы знаемъ, впрочемъ, что въ говорахъ можно встрѣтить и форму *вѣтѣць*, но думаемъ, что въ „Запискахъ Науковаго Товариства“, которыя главнымъ образомъ цитируются проф. Т. Д. Флоринскимъ, этой формы нѣтъ.

Попечалуемся и мы вмѣстѣ съ проф. Т. Д. Флоринскимъ о томъ, что до сихъ поръ ни галицкая, ни наша малорусская жизнь не дали такого большого таланта, какъ Пушкинъ, который

опредѣлили-бы общій характеръ литературнаго языка, благодаря чему нѣтъ еще установленнаго вполне типа книжной малорусской рѣчи. Попечалуемся и о томъ, что въ галицкомъ книжномъ языкѣ много чужихъ словъ, преимущественно польскихъ, берется для выраженія понятій, отсутствующихъ въ народномъ языкѣ; но въ тоже время не можемъ не поискать иного объясненія этому факту, сравнительно съ проф. Т. Д. Флоринскимъ: онъ видитъ въ этомъ какое-то злоумышленіе, а мы видимъ естественное вліяніе польской культуры въ Галиціи, подобно тому, какъ видѣли вліяніе французской и нѣмецкой культуры въ образованіи книжнаго русскаго языка въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря чему въ русскомъ литературномъ языкѣ была масса иностранныхъ словъ, да и теперь остается еще ихъ не мало. Отчего-же вліяетъ тамъ польская культура въ языкѣ, а не русская, объясняется очень просто тѣмъ, что русская книжная рѣчь тамъ совершенно посторонняя, а польская, не говоря о недавнемъ прошломъ, но еще и теперь для галичанъ есть почти то-же, что *langue parlée*. Утѣшать-же можно себя тѣмъ, что пройдутъ года продуктивной работы надъ выработкой своего языка, и все наносное отпадетъ, какъ отпало оно въ значительный долѣ въ русскомъ книжномъ языкѣ, но для этого нужна усиленная работа всѣхъ культурныхъ силъ націи, безъ дробленія на какія-то партіи, ведущія борьбу другъ съ другомъ въ ущербъ той борьбѣ, которая должна быть направлена въ другую сторону, и потеря времени при которой можетъ быть неоправимой ошибкой для самаго существеннаго въ жизни галичанъ—для созданія себѣ самостоятельнаго положенія націи, окруженной со всѣхъ сторонъ „ищущими поглотить ихъ“.

Обращаясь теперь къ тѣмъ словамъ, которыя инкриминируются проф. Т. Д. Флоринскимъ въ языкѣ галичанъ, мы положительно удивляемся приему ученаго слависта. Когда мы слышимъ отъ простаго смертнаго, никакой науки филологіи никогда не изучавшаго, незнакомаго съ исторіей образованія книжныхъ языковъ у разныхъ народовъ, когда мы слышимъ—говорю—отъ

такого человѣка сужденія: „да вѣдь это польское слово!“,—то мы не удивляемся этому нисколько; но если-же къ такому приему прибѣгаетъ проф. Т. Д. Флоринскій, то намъ это кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ нѣсколькихъ десятковъ словъ, указанныхъ имъ съ отмѣткой, будто они польскія, мы беремся фактически доказать, что слова это чисто народныя малорусскія, или образованныя отъ обще-славянскихъ корней по типу народныхъ словъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ, а если проф. Т. Д. Флоринскому будетъ угодно, то мы укажемъ ему внослѣдствіи и остальные.

Святковання—совершенно въ духѣ народномъ образовавшееся слово отъ глагола *святковаты*, а глаголь этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: „Оттакъ я, друже мій, *святкую* отутъ недиленьку святую (Шевч.). Если проф. Т. Д. Флоринскій нашелъ слово *святковання* въ польскомъ языкѣ, то онъ найдетъ это-же слово и въ Словарѣ *Даля*, чего, къ сожалѣнію, ученый славистъ не потрудился поискать.

Рахуючысь—дѣеприч. форма отъ глагола *рахуватыся*: „любимоя якъ браты, а рахуймося якъ жыды—(Номись. Пословицы).

На-решити—отъ слова *решта*—остатокъ:

Колыхалы мене хлопци
То въ колысци, то въ коробци,
То руками, то ногами,
А *на-решити* кулаками. (Чубин.)

Часопысь—слово, употребительное не только въ польской литературѣ, но и въ другихъ славянскихъ; при этомъ надо замѣтить, что оно чисто славянскаго образованія въ замѣнъ иностранныхъ *журналъ, газета*.

Мусити—глаголь, постоянно употребляемый въ народной рѣчи: Не рада коза торгу, а куры весиллю, та *мусять* (Номись. Пословицы). Полюбыла козаченька, не *мушу* забуты (Метлин.).

Якъ день, якъ ничъ—то рве душу,
Я до тебе прійты *мушу* (Сборн. Лысенка).

Мова—очень распространенное въ народной рѣчи слово: Ни зъ губы *мовы*, ни зъ носу витру (Номисъ. Пословицы). У гости прыйшла, шей *мову* найшла (Метлин.). Выпивъ чарку—и *мова* нашлася (Нов.-Волинск. у.).

Выпадокъ—тоже довольно распространенное слово въ народной рѣчи на Правобережьи: Пишло паніи старій на *выпадокъ* (Номисъ). А щобъ ему *выпадокъ* выпало! (Номисъ)=А чтобъ у тебя все пошло прахомъ!

Друкарня—слово, конечно перешедшее изъ польскаго языка, но, во 1-хъ, оно нѣмецкое, а во 2-хъ, переходъ этотъ совершился очень давно, т. к. въ юго-западной литературѣ оно постоянно употреблялось еще въ 16 вѣкѣ, въ томъ-же значеніи *типографія*, равно и какъ глаголѣ *друковать*.

Справа—въ смыслѣ *дѣло*, *дѣйствіе* нѣтъ никакихъ основаній считать польскимъ, такъ-какъ оно употребительно въ народной рѣчи: Въ той часъ була честь-слава, вѣйськовая *справа* (Максимовичъ).

Даже слово *урядникъ* попало у проф. Т. Д. Флоринскаго въ разрядъ польскихъ словъ; туда же отнесено имъ и слово *кныгарня* на томъ основаніи, что въ польскомъ языкѣ есть *księ-garnia*; но онъ позабылъ, что слово *книга* очень распространено во всѣхъ славянскихъ языкахъ.

Засягаты—въ смыслѣ *захватывать*; произошло это слово отъ *сягаты*:

Бреде старый, назадъ ся оглядае,

А ёму вода вже по шыю *сягае* (Чубинск.)

Праця—дѣло, работа. Тутъ ужъ положительно не знаешь, какіе и примѣры давать, т. к. слово это чуть не на каждомъ шагу встрѣчается; но для большей убѣдительности сошлюсь на пѣсню „На бережку у ставка“, помѣщенную въ собраніи матеріаловъ Чубинскаго, а также извѣстную въ печати еще въ концѣ прошлаго вѣка, какъ изданную въ Москвѣ въ 1794 году и ранѣе исполненную въ 1791 году на знаменитомъ Потемкинскомъ праздникѣ:

„Каже, що за *працю* тую
И дивчину подарую.

Но перломъ въ доказательствахъ присутствія польскаго вліянія въ новомъ книжномъ малорусскомъ языкѣ служатъ, конечно, слова: *товариство*, *вага*, *хвыля*, *шановаты*, *намалюваты*, *паперз*. Приводить-ли примѣры въ доказательство того, что всѣ эти слова бытуютъ въ малорусской рѣчи съ очень давнихъ поръ? Думаемъ, что излишне, такъ-какъ всякому, хоть немного знакомому съ этой рѣчью, слишкомъ хорошо извѣстно ихъ всеобщее употребленіе.

Попробоваль еще проф. Т. Д. Флоринскій остановиться и на вырабатываемой галичанами своей терминологіи, преимущественно *грамматической*, *математической* и *медицинской*, и тоже оказался неудовлетвореннымъ ею. Но вѣдь уважаемому слависту должно быть хорошо извѣстно, что въ этой области во всѣхъ языкахъ замѣчается одно и то же явленіе—полная условность въ качествѣ терминовъ, условность, стоящая въ прямой зависимости отъ привычки: мы въ Россіи привыкли къ своей терминологіи (иногда положительно безобразной), и памъ она не рѣжетъ уха.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ о характерѣ формируемаго книжнаго малорусскаго языка въ Галиціи, мы еще разъ повторимъ, что признаемъ вполнѣ многіе недостатки въ немъ, но думаемъ, что не методомъ проф. Т. Д. Флоринскаго нужно опредѣлять ихъ, т. к. съ такимъ-же успѣхомъ можно доказать и заимствованность изъ польской рѣчи языка Пушкина, напр: буря (*burza*), мглою (*mgła*), небо (*niebo*), кроетъ (*kroć*), вихри (*wicher*), снѣжныя (*śnieżny*), крутя (*kreć*). Какимъ методомъ и что исправлять надо, мы теперь указывать не будемъ, надѣясь поговорить объ этомъ въ другой разъ.

Вотъ все, что мы хотѣли разъяснить въ нашемъ спорѣ съ проф. Т. Д. Флоринскимъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ сказать, что, ведя этотъ споръ, мы заинтересованы больше зсего отысканіемъ наилучшаго во всѣхъ отношеніяхъ отвѣта на тотъ непорѣшенный въ наукѣ и въ жизни вопросъ, который много уже десятковъ лѣтъ является вопросомъ болѣзненнымъ, обостреннымъ и потому лишающимъ возможности въ мирѣ и въ спокойствіи протекать нашей общественной жизни. Единственный выходъ изъ этого положенія—перейти въ рѣшеніи его исключительно на почву спокойнаго, академическаго разъясненія, въ чемъ, конечно, большую службу могли-бы сослужить представители науки. Съ сожалѣнію, мы должны признаться, что проф. Т. Д. Флоринскій, являясь именно такимъ представителемъ науки, далеку отъ тѣхъ пріемовъ разъясненія и отъ того академическаго тона, какіе были-бы желательны. Скажемъ больше того: разсматриваемыя нами статьи его, ровно никакого рѣшенія вопроса не давая по существу, только способны усиливать и безъ того удручающую остроту въ отношеніяхъ разныхъ партій, какъ въ Галиціи, такъ и у насъ, а едва-ли это можно признать желательнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи.

В. Науменко.



Документы, извѣстія и замѣтки.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Золотые пятаки въ 60-хъ годахъ.* Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, въ предѣлахъ Кіевской и Подольской губерніи, евреи принялись было съ особеннымъ рвеніемъ скупать мѣдные пятаки, цѣна коихъ мѣстами поднялась до 1 рубля за штуку (были случаи въ Чигиринскомъ уѣздѣ).

Губернская администрація смежныхъ губерній отнеслась къ сему явленію различно: въ то время, когда одинъ изъ губернаторовъ принялъ рѣшительныя мѣры къ прекращенію торговли мѣдными деньгами, другой остался въ выжидательномъ положеніи, находя, что роль его начнется лишь тогда, когда будетъ установлено, что монета портится (плавится).

Оказалось, что, въ погонѣ за легкой наживой, евреи сдѣлались жертвою кѣмъ-то пущеннаго слуха, будто одинъ изъ чиновъ С.-Петербургскаго монетнаго двора, родомъ полякъ, сочувствуя дѣлу, начатому мятежниками, въ видахъ доставленія имъ необходимыхъ денежныхъ средствъ, прибавилъ значительное количество золота къ мѣди, предназначавшейся къ выпуску въ обращеніе въ 1862 году. Единомышленники его должны были принять мѣры къ тому, чтобы изготовленная такимъ образомъ мѣдная монета была своевременно изъята, для выплавки изъ нея золота на нужды повстанья.

2) *Колдовство въ 1863 г.* Въ 1863 году, въ самый разгаръ мятежа, въ одной корчмѣ расходившійся подъ вліяніемъ хмѣля крестьянинъ ругательски ругалъ поляковъ.

Когда слухъ о томъ дошелъ до окрестныхъ пановъ, они воздвигли противъ дерзкаго хлопа гоненіе. Предстояло найти вину, что было, очевидно, не легко, такъ какъ пришлось прибѣгнуть къ обвиненію въ *колдовствѣ*.

Дѣло разбиралось въ уѣздномъ судѣ, который призналъ обвиненіе доказаннымъ и постановилъ: за колдовство сослать въ Сибирь на поселеніе, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Но Палата Уголовнаго Суда перерѣшила дѣло и освободила узника, успѣвшаго, въ ожиданіи рѣшенія своей участи, просидѣть въ тюрьмѣ цѣлый годъ.

3) *Городское ополченіе въ Кіевѣ 1863 г.* Въ іюнѣ 1863 года православные обыватели города Кіева и кіевскіе дворяне возбуждаютъ предъ генераль-губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи имъ образовать городское ополченіе для охраны общественной безопасности на случай выстуленія изъ города войскъ.

Выработка особыхъ для ополченія правилъ поручена образованной въ іюлѣ того же года коммисіи.

Но Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предложеніе сіе отклонило, признавъ жертвы несообразными съ возможной отъ нихъ пользою.

4) *Изъ мѣстныхъ нравовъ и суевѣрій.* Въ 1859 г. крестьянскія поля деревни Яланцы, Ямпольскаго уѣзда, сильно страдали отъ засухи.

Поселяне приходили въ отчаяніе; но нашелся бывалый добрый человекъ, указавшій безошибочный, по его мнѣнію, пріемъ для того, чтобы вызвать дождь: надлежало разыскать могилы двухъ висѣльниковъ (удавленниковъ), вырыть трупы и усердно поливать ихъ водою...

Земскій Судъ отнесся къ обвиняемымъ снисходительно и, не усматривая «неблаговиднаго намѣренія», заключилъ, что учинено сіе «по простотѣ, въ нынѣшнемъ видѣ, съ одного лишь суевѣрія»... На этомъ, повидимому, дѣло и остановилось.

5) Въ 1860 г. въ одномъ селеніи Староконстантиновскаго уѣзда имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: нѣкій крестьянинъ сдѣлалъ попытку попользоваться кое-чѣмъ съ господскаго гумна; его изловили и на-
казали.

Сознавая свое безсиліе передъ искушеніемъ повторить неудавшійся опытъ, поселянинъ, не долго думая, взявъ топоръ... и разрубилъ себѣ руку!..

6) Въ 1859 году въ д. Константиновкѣ, Бердичевского уѣзда, у бабы заболѣла корова. Домашнія средства не помогали,—пришлось обратиться по сосѣдству къ знахаркѣ, которая взялась помочь бѣдѣ, наказавъ хозяинѣ натаскать въ мужишномъ сапогѣ воды изъ трехъ колодезь и слить ту воду на желѣзную косу...

Каково было дѣйствіе знахаркина средства—не извѣстно.

Сообщилъ А. Мёрдеръ.

Изъ Полтавской рукописной литературы. Въ дни ранней юности моеѣ—во второй половинѣ 50-хъ годовъ и послѣ того,—много ходило по рукамъ разныхъ рукописей на малорусскомъ языкѣ, преимущественно въ стихотворной формѣ. Произведенія подобнаго рода охотно переписывались, въ особенности тогдашнюю молодежь, которая дѣлалась ими съ своими сверстниками, и такимъ образомъ данное произведеніе расходилось въ публикѣ въ многочисленныхъ спискахъ. Помню, была и у меня тетрадка съ рождественскими и воскресенскими виршами и друг. стихотворными произведеніями, но, къ сожалѣнію, давно уже утрачена, а между тѣмъ нѣкоторые виршъ я не встрѣчалъ до сихъ поръ въ печати, но изъ памяти онѣ изгладились на столько, что я не рѣшаюсь напечатать хотя-бы отрывки ихъ. Вспоминаю, что послѣ отмѣны крѣпостного права и при введеніи земства и судебныхъ мировыхъ учреждений, туземные непризнанные поэты, или лучше сказать версификаторы, такъ или иначе выражали свои впечатлѣнія въ стихотворной формѣ, часто съ юморомъ и сарказмомъ. Въ Хорольскомъ уѣздѣ я знавалъ Михаила Никифоровича Семенова, который не лишень былъ поэтическихъ способностей и читалъ весьма часто остроумныя, иногда ѣдки сатиры по поводу мѣстныхъ общественныхъ явленій, но декламировалъ онъ на память и, изъ осторожности, никогда не диктовалъ своихъ виршей людямъ, не принадлежащимъ къ его интимному кружку. Очень жаль, если у друзей-пріятелей Семенова и другихъ подобныхъ стихотворцевъ не сохранилось письменныхъ записей. Теперь лишь изрѣдка случается

найти плоды украинской музы безвѣстныхъ ииать. Случайно раздобылъ я въ настоящее время помѣщаемыя ниже стихотворныя произведенія. По поводу перваго изъ нихъ, озаглавленнаго «*Одчитъ масною*», напомнимъ нашимъ читателямъ, что на ту-же тему въ 1865 г. было написано стихотвореніе помѣщикомъ В. И. Лизогубомъ, подѣ впечатлѣніемъ перваго земскаго собранія въ Черниговѣ ¹⁾. Печатаемое теперь стихотвореніе далеко уступаетъ по достоинству черниговскому творчеству. Не болѣе удачно и другое стихотвореніе „Абы-що“, въ которомъ не сразу даже можно опредѣлить аллегорическій смыслъ его. Несомнѣнно, что оба они относятся къ 1865 г., когда въ Полтавской губерніи состоялось первое губернское земское собраніе и выборы предсѣдателя и шести членовъ губернской земской управы. Это выясняется изъ сдѣланнаго мною сопоставленія фамилій губернскихъ гласныхъ съ помѣщеннымъ въ «Систематическомъ сводѣ постановленій Полтавскаго губ. земства» спискомъ дѣятелей губернской земской управы перваго трехлѣтія, подѣ предсѣдательствомъ И. Г. Милорадовича.

Третье стихотвореніе «Мова сирка» нашлось въ переплетенной тетради, озаглавленной «Альбомъ». Здѣсь переписано немало стихотвореній на русскомъ языкѣ разныхъ авторовъ, а изъ малорусскихъ—есть Шевченка «Холодный яръ», «Розрыта могила», «Якъ умру», а также помѣщаемая «Мова спрка», какъ видно, подражаніе извѣстному стихотв. П. Гулака-Артемовскаго «Папъ та собака». Къ сожалѣнію, можно думать, что прошедшее чрезъ много рукъ переписчиковъ, произведеніе потеряло уклоненія отъ подлинника.

I.

Одчитъ масною.

Бувъ я въ Полтави въ земській громади,
 Чувъ я багато въ тій розумній раді,
 Слухавъ и думавъ: що це настало?
 Кричитьъ усякий, кому що попало...
 Я до того крыку тилько прислухався,
 Де-чому навчився, де-чого жахався...
 Що-жъ зъ того крыку вийде та буде—
 Скоро побачимъ; ждитъ добри люде!

¹⁾ „См. Кіев. Стар. 1895 г. № 1, отд. 2-ой, стр. 1—5.

Панъ Лукьяновичъ, панъ Кочубей,
 Панъ Забарыньскій, панъ Гамалей,
 Слипый Самыловъ и Богдановичъ,
 Панъ Мазарака и Стефановичъ,
 Тихый Тымченко, лысый Захаровъ .
 Въ нашій громади сидять не даромъ.
 Панъ Остроградський, Маркевичъ, Кумме,
 Панъ Милорадовичъ—думаютъ думы;
 Глухой Высоцький, князь Довгорукий—
 Люде розумни и все зъ науки,
 Все розбирають—якъ чому бугы;
 А якъ що зроблять—будемо чуты.
 Й нашого брата було тамъ не мало:
 Булы ковакы й кушоръ,
 Було два сывыхъ панъ-отци,
 Тялькы москаливъ не доставало..
 И я «просивъ слова», де що й говоривъ,
 Та трохи спиткнувся, замовчавъ та й сивъ.
 Треба нашихъ дитокъ грамоти учыты,
 Щобъ вони умилы добре говорыты.
 Чесная громада и вы вси, панове,
 Земская управа—дило сее нове,
 Вважлывое дило и для нысаривъ;
 Неможно зробыты його безъ панивъ;
 Треба надъ симъ дипломъ голову ламаты,
 Добре говорыты та добре й высаты...
 Не вси й мижъ панамы розбирають вмпло,
 Часто те городять, що зовсимъ не въ-дило,
 Я ихъ и назвавъ-бы—та гниву боюся,
 На цей разъ громади нызко поклонюся.—

II.

Абы-що.

Въ народи пронеслася мова—
 Явлася новыннисть нова;
 Хоть рада, хоть не рада—
 Зійшлася на раду вся громада.

Отъ, выйшовъ писарь, поклонився,
На правый трошкы бикъ схылывая,
Указъ громади прочитавъ
И до народу загукавъ:
«Намъ треба коней шестырыкъ,
Щобъ до йизды уже прывыкъ,
Щобъ не побылы брычки пану,
Якъ часомъ запряже погану,
Да щобъ NN погоннычъ бувъ».
Пишла громада у табунъ,
Понакыдала наобумъ...
До збирни коней прытаглы,
И заразъ ихъ и запряглы,
И розійшлыся добри люде,
Не бачывшы—що зъ того буде...
Погоннычъ сивъ пиджавшы пинжы,
Не пидбравшы мабутъ вижы,
Изъ миста крыкнувъ: «ну, ну, ну!»
А може й батогомъ махнувъ.
Хвостамы кони замахаля,
Брыкалысь, прыскалы, скакалы.
Одынъ изъ ныхъ потягъ ту брычку,
Бо ся вага йому въ прывычку;
Маненькый—ни на-що дывытсья,
А добрый—хочъ и побожытсья;
И тягне коныкъ потыхеньку;
Ёму хочъ де-де и важкенько,—
Винъ замотае головою,
Пишовъ прывычною ходою,
Не горячытсья, не брыкае,
На прыстяжныхъ винъ поглядае,
То ту, то ту хвостомъ торкне,
А де калюжка—обмыне...
А прыстяжниі все гарцюють,
Артачатся, задамы бьють,
На мисти де-яки тупцюють,
Зовсимъ не доладу везуть...
Погоннычъ голову скребе,

Клене громаду й самъ себе,
 Та знай на сонце поглядає,
 (На сій дорозі верстъ немає),
 Сміявся-бъ винъ—дакъ не до сміху,
 Бо бачышъ—довго треба йтихати;
 Давай винъ коней поганяти,
 А кони почали брыкати...

III.

Розмова Сирка.

У панському дворі, у будці
 Сирко на прив'язу лежавъ,
 И такъ въ своїй собачій думці
 Винъ самъ зъ собою розмовлявъ:
 „Ой люде, люде!
 Не знаю дальшѣ, що зъ вами буде?
 Теперъ-же бачу—що-сь не такъ!
 Чортъ ма въ васъ жалю до другого,
 Нв милосердія святого!
 Якъ-бы собакамъ дати руки,
 А хвистъ видрызати на часъ,
 Та вдатъ въ школи до науки,
 Та дати языкъ такий якъ въ васъ;
 Та ще навчати и писати,
 Щобъ вмилы мысли виразати,
 И вамъ лидъ часъ передавати,
 Та щобъ по паньски походити,
 Паны якъ вміють походити;
 Щобъ у штаны ховали лапы,
 А голову зъ ухами въ шляпы,
 На ший шовковий платокъ
 Мотали-бъ гарно въ узелокъ;
 Ходили-бъ въ фракахъ и жупанахъ—
 Якъ то колись я бачивъ разъ;
 На нпсь очкы щобъ надивали,
 Циннокъ гнучкый у руки брали,
 Жилетъ п'ялылы на показъ;

Въ кышеню клалы-бъ табатырьку,
Часы на всякій имъ кинецъ;
Хусты для носовоу втырны,
И грошей повный гаманецъ —
Та дать имъ волю и слободу,
Не на багацько — на пивъ-году
Або на тридцять тилькы днівъ,
Безъ страху жыгъ щобъ у панівъ, —
Тогди-бъ весь свить перевернувся,
И весь порядокъ-бы зминовсь:
Учений дурнемъ-бы очнувся,
А дурень умнымъ-бы зробывсь.
Тогди-бъ перевертний — собаки
Усихъ навчылы жыты якъ,
Далы-бъ понюхаты табаки,
Такоу, що зачхавъ-бы всякъ.
Вопы изъ васъ знылы-бъ лычыну,
Далы-бъ заслужене свое
И показали — хто вы йе,
Всихъ повернули-бъ у звырну:
Того въ ведмиди и тхоря,
Того, хытрывъ хто — у лысыцю,
Того — въ вивцю, того — въ вола,
А нишпихъ въ зайця и куньцю.
Того-жъ, хто честь безбожно рвавъ
И хто зйидавъ братъ брата —
У вовка; всиъ була-бъ заплата,
Яку для себе хто прыдбавъ.
Уси-бъ вы звромъ поробылысь,
Собакою-жъ дакъ ридко хто;
А чоловикомъ — якъ родылысь,
Не ставъ на свити жыть никто.
Бо чоловикомъ щобъ то буты
И жыть небеснымъ на земли,
Якъ Богъ въ закони повеливъ —
У тимъ, що давъ, якъ бувъ мижъ вами.
А вы-жъ сами живёте якъ?
Та гирше, далеби, собакъ"!...

И тутъ вивъ добре загарчавъ,
 Прыщувъ вуха, хвистъ пиджавъ
 И дальше поплазавъ въ кануру,
 Бо знавъ псаря Хоми натуру,
 Що коло ёго тамъ стоявъ,
 Що якъ почуе, що казавъ—
 То батогомъ попоре шкуру...

В. Василенко.

Разведение козъ въ старой Малороссіи. Современный малорусскій селянинъ, какъ извѣстно, не любитъ держать козъ, считая это животное малоприбыльнымъ въ хозяйствѣ и въ тоже время требующимъ постоянного надзора во избѣжаніе потравъ. Лишь при большихъ овечьихъ „отарахъ“ держать иногда нѣсколько штукъ козъ, назначеніе которыхъ, кажется, въ томъ и состоитъ, чтобы вести за собою стадо. И въ прежніе вѣка въ Малороссіи овецъ всегда предпочитали козамъ, но изрѣдка упоминаются и цѣлыя козы стада, которыя даже при тогдашнемъ земельномъ привольѣ, своей прожорливостью причиняли хозяйствамъ большія „турбаціи“. Такое именно дѣло встрѣтилось намъ въ актовой книгѣ Полтавскаго полковаго суда подъ 1688 годомъ. Въ маѣ этого года мѣстный полковный судья Петро Буцкій заявилъ полковнику Ѳедору Жученку и бывшему при немъ «на тотъ часъ товариству войсковому» такую „скаргу“: «Паско Матѣенко, житель Рыбчанскій, не вѣдаю, з чимъ дозволенямъ, козы свои на зимовлю в кгрунтъ мой отцевскій, в ровняхъ Коломацкихъ будучий, угналъ и кошару зарубалъ на тие ж козы». Стоявшій тутъ же передъ судомъ отвѣтчикъ, козакъ Матѣенко, не отрицалъ, что онъ вогналъ въ чужой лѣсъ на зимовлю своихъ козъ, «которыхъ было лѣкомъ (счетомъ) двѣстѣ», и такъ наивно оправдывался передъ истцомъ: «Я для того угнаемся с козами, розумѣючи, же кгда (когда) тобѣ оповѣмъ о томъ, не гнѣватимешся на мене». Панъ Петро Буцкій отвѣтилъ Матѣенку: «Я на тебе не гнѣваюсь, тилко абы-сь заразъ, и години з козами своими не стоячи, выступилъ и оные козы з кгрунту моего вигналъ. А если тежъ мѣл би еси який часъ в кгрунтѣ моемъ бути с козами своими, и кривда мнѣ яка мѣла дѣятися, теды при оповѣсти сей моей ручу тобѣ тисячу таларей до

шкатули войсковой, которые повиневъ будешъ дати пану полковникови абы мнѣ от тебе в кгрунтах моих отчизнихъ жадная не дѣялася кривда». Судъ утвердилъ эту «заруку» на Паська и «для певнѣйшой слушности» велѣлъ записать это въ судовыя книги.

Но легкомысленный Пасько не воспользовался великодушiемъ пава судьи: онъ продолжалъ травить его грунты своими козами, впалъ въ утвержденную декретомъ «заруку» и, чтобы не платить столь значительной суммы штрафа, вошелъ въ мировую сдѣлку съ п. Буцкимъ и въ концѣ того же мая заявилъ предъ полковымъ судомъ: „Панове, самъ ся до того знаю, же-мъ (что я) и в прошломъ року 1687 не меншую шкodu вчинилъ пану Петру Буцкому, значному козаку полтавскому, в его кгрунтахъ лѣсъ зрубавши зимою для покорменя козъ, и не вдаючися в бѣлше правные речи, едвалемъ и погодилиемъ пана Петра: за спустошеня мною тих его лѣсныхъ Коломацкихъ кгрунтовъ далемъ ему готовыхъ грошей сто золотихъ“ и сверхъ того уступилъ ему и его потомкамъ два лѣсныхъ участка. Судъ, „слишачи от устъ Пасковыхъ Матѣнковыхъ угоду сию, велѣлъ «в книги мѣские полтавскіе вписать».

Такъ недешево обошлась Матѣевку зимовля козъ въ чужомъ лѣсу.

О. Л.

Малорусская ода 1807 года. Въ нашемъ журналѣ (№ 1, 1886 г.) были помѣщены двѣ малорусскія оды, вызванныя событіями войнъ Россіи съ Наполеономъ. Одна изъ нихъ озаглавлена такъ: «Ода на случай выгранной Бенигсеномъ надъ французомъ побѣды 1807 года, генваря 27 числа». Здѣсь идетъ рѣчь о сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау.] Списокъ, по которому была у насъ напечатана эта ода, не отличался исправностью и даже полнотой. Теперь мы получили отъ В. И. Срезневскаго болѣе исправный списокъ той же оды, оказавшійся въ бумагахъ его покойнаго отца. Рукопись этого списка писана на листѣ синей бумаги съ водянымъ знакомъ 1806 г. Она интересна, между прочимъ, тѣмъ, что, кромѣ текста, писаннаго однимъ почеркомъ, даетъ поправки къ тексту, сдѣланныя другою рукою. Поправки эти, заключающіяся въ перестановкѣ словъ, въ замѣнѣ однихъ другими и въ исправленіи правописанія, частью вошли

въ тотъ списокъ, по которому ода помѣщена была въ нашемъ журналѣ. Тѣмъ не менѣе между обоими списками все-таки оказывается незначительная разница. Не находя нужнымъ вторично печатать полный текстъ оды, ограничимся лишь указаніемъ важнѣйшихъ вариантовъ. Въ началѣ 3-й строфы, послѣ стиховъ:

Та и що тобі казати!

Ты й самъ теперъ схаменувъ,—

слѣдуетъ прибавить пропущенныя у насъ строки:

Бо вже вмієшъ и втикати,

Якъ съ Беняксеномъ стовкнувъ.

Конецъ 5-й строфы и начало 6-й въ спискѣ Срезневскаго немного иначе:

А якъ прыбизышъ икъ жинци,

Скажи, щобъ, взявши чырвинци,

Швыдче курнула (чкурвула?) назадъ.

Скажи, що тавіи жарты

Москаль задавъ теперъ намъ,

Що, дalebигъ, отъ пивкварты

Не бувъ ще я такий пьянъ.

Катъ-ѣго зна, що й роботы:

Хлопци мои вси розбити—

Отъ теперъ же я пропавъ!

А ще Кулишъ який-сь явився,

Ризавъ, бувъ да и пробывся,

Потымъ всимъ намъ думать давъ.

Пѣсни, записанныя въ Волынской губерніи. Не смотря на болѣе, чѣмъ тридцатилѣтній періодъ, прошедшій со времени освобожденія и воли, духъ нашего крестьянина-малоросса все еще находится какъ-бы подъ гнетомъ этого тяжелаго прошлаго. Часто и теперь, въ лихія години горькой нужды и несчастій нашъ крестьянинъ изливаетъ свою наболѣвшую душу въ пѣсняхъ, сложенныхъ имъ подъ впечатлѣніемъ бывшихъ тяжелыхъ временъ въ его жизни: крѣпостной зависимости и тяжелой двадцатипятилѣтней военной службѣ.

Много въ пѣсняхъ нашего народа однообразнаго, много есть пѣсенъ, которыя варіируются на всевозможные лады, смотря по тому, гдѣ, въ какой губерніи или-же уѣздѣ онѣ передѣланы примѣнительно къ быту своей мѣстности, но всѣмъ этимъ варіантамъ нельзя отказывать въ извѣстнаго рода самобытномъ творчествѣ, давно выношенномъ въ душѣ и только ожидавшемъ толчка, чтобы вылиться въ пѣснѣ.

Предлагаемыя пѣсни записаны въ Вылынскій губ. Острожск. у. въ д. Нараевкѣ со словъ „лирниківъ“.

Двѣ первыя пѣсни характеризуютъ былую 25-ю службу солдатскую, въ нихъ слышится та безнадежная тоска, которую испытывалъ рекрутъ, уходя на службу, а также его родители и родственники.

Третья пѣсня, сложенная подъ впечатлѣніемъ освобожденія и воли, уже не дышетъ тою безнадежностью, которой пропитаны первыя двѣ, здѣсь уже слышится возрожденіе малоросса пзъ подъ крѣпостного ига, слышится просыпающаяся его сила, часто проскальзываетъ, присущій ему юморъ къ своимъ притѣснителямъ—полякамъ и глубокая благодарность Царю-Освободителю, который почему-то названъ «Царивною»—должно быть для рѣшмы. А также время воли приписывается къ сентябрю, (не потому-ли, что въ 60-хъ годахъ сообщеніе почтовое было очень медленно, и воля въ глухіе уголки «пріѣхала» гораздо позже, чѣмъ она была объявлена).

Въ четвертой пѣснѣ безжалостно осмѣяпъ польскій воиъ, возвращающійся въ неудачнаго похода.

I.

Заревили воли, стоячи въ ярми

Чують витерь изъ пивночи;

Заковани у колодахъ рекрутоньки

Занлакали свои ясни очн.

Не такъ тін холостіи

Якъ тін жиночи,

Що видають малихъ дитокъ дома

И молодыхъ жиннокъ чорни очн.

Молодая рекрутонька плаче,

Капитана просыть:

«Капитане, ты мій пане! вчини мою волю:

Пусти мого мыленького пзъ рекрутъ до дому!»

«Стопть вода у коновци,
Промый соби чорни очи!
Якъ я вчыню тоби цее,
Кожный сего схоче».

II.

Нема добра и не буде,
Поки война въ свѣти буде!
Маты сына годувала,
Денька noci не доспала,
Щастя доли не вгадала
Тай у вѣйсько высылала:
«Иды, иды сыну, иды пречъ видъ мене,
Нема тоби счастья доли въ мене,
А ни въ поли, ни въ дорози,
Ни въ кушецькимъ перевози!»
Старша сестра коня веде,
Середульша збрую несе,
А найменьша выражае
До сырои прыпадае:
«Ой братыку Иваночку,
Ходы змыю головочку,
Та дамъ тоби на дорожку
Билую сорочку!»
„Не плачъ, не журися, сестро, мною,
Есть Господь по надо мною:
Винъ змые мою головочку
И одине въ билую сорочку“.
„Сыну мій, сыну Иваночку,
Прыбуди, прыбуди въ гостыночку!
Прыбуди, прыбуди хочъ разъ въ гости
Прошу тебе по щырости!“
«Радъ-бы, маты,
Въ гости прыбувати,
Колы рекрутъ звидтель
Не ведать пускаты».
А въ недилю, дуже рано,
Во вси дзвоны задзвоняно

И всихъ рекрутъ розгоняно,
Та до полкивъ прыдиляно, та до муштровъ оставляно.
Визьмы, неню, писку въ жменю,
Посій его на каменю,
Якъ той писокъ въ гору зійде—
Сынъ твій тогди зъ війська прийде.
Не слыхала, не видала,
Щобъ той писокъ въ гору зійшовъ;
Не було прыкладу,
Щобъ той рекрутъ зъ війська прийшовъ.

III.

Ой литала зозуленька черезъ повн села
Тай прынесла новыноньку панамъ невеселу.
Сила соби край виконьця, тай стала куваты:
Збирайтеся вся громада, щось маю казаты!
Ой казала, ой казала й говорыты буду,
Що вже панамъ-голодрыгамъ
Панщыны не буде!
Прылытила посъмнютюха
Тай спивае съ гука,
Панъ окоманъ за дверыма
Все-то тее слуха.
«Ой ходимо, пане братця,
Теи птыци быты,
Нехай вона нерестане
Изъ насъ панивъ кпыты.
Ой кпыла я, ой кпыла я,
Тай ще кпыты буду,
Що вже панамъ голодрыгамъ
Панщыны не буде».
Ходыть, ходыть панъ окоманъ
«Що то зъ цего буде?
Бидна жъ моя голпюнька—
Не слухають люде!»
Ходывъ, ходывъ панъ окоманъ
Бпля мей хаты:
«Ницъ тому не поможе,

Тра два злоты даты».

«Щожъ мы, пане-братця, будемъ робыты-діяты,

Що не вміемъ мы косыты, наши жинки жаты?

Хиба пидемъ у темный лѣсъ

Ипдъ сосну згинаты.

Що мы будемъ, пане-братця, робыты-гынныты,

Що не вміемъ мы косыты, наши жинки шыты,

Що не вміемъ мы косыты, наши жинки прясты,

Хиба пидемъ у Гошынѣи¹⁾—научымось красты».

«Бо колысь була паньщына,

А телерь не стала,

У мисяци Сентябри

Паньщына пропала».

Выйшла, выйшла стара пани,

Беззубая, безгубая, на затыльни дверы:

«Вернысь, вернысь, паньщынонько,

Хочъ намъ до вечеры!»

«Не вернуса, не верпуса—

Я съ того не вынна,

Що царя ты прогнывыла

Я тому невчывна».

Выйшовъ, выйшовъ панъ окоманъ

На новыи дверци,

Колыбъ зловывъ мужыка»,

То бывъ-бы по сердци.

Дай-же Боже та здоровье

Нашіи Царивни,

Що вона насъ поривняла

Зъ панами наравни».

IV.

Бувъ лишокъ морковьяный,

Коныкъ буряковый,

Шанка зъ маку,

Жупанъ лопуховый.

¹⁾ Должно быть м. Гоша, отстоящее въ 20 вер. отъ д. Нараевки.

Кунтушына огуркова,
Поясъ зъ кукурузы,
Чоботята ему зъ рины,
Индвязь гарбузова.
Пистолеты зъ качана,
Пули зъ бараболы,
За плечыма пика
Изъ тычокъ пасоли.
А сидельце конопляне
Стремя изъ березы,
Иде ляшокъ изъ Варшавы
Пьяный не тверезый.
«Помогай Бигъ, била гусь,
Научыла ваша Русь—
Якъ шапочку зняты,
Помагай Бигъ, Русью даты!»
Иде ляшокъ изъ Варшавы,
Идъ нымъ конькъ пляше;
Свыни его перестрилы:
„Зачыкай-но, ляше!“
Вынявъ ляшокъ пистолеть
Тай почавъ стреляты,
Свыни пули похапалы—
Ничымъ воюваты.
Вынявъ ляшокъ шамбелечку,
Тай почавъ рубаты;
Шабля ему зломилася—
Ничымъ воюваты.
Обступылы свыни,
Зовсямъ пана зъили,—
Остались лышь стремена
Зъ березоньей цилы.

Сообщ. Вл. Корниловичъ.

Заговоръ отъ скарлатины. Въ Сквирскомъ уѣздѣ все лѣто свирѣствовала эпидемія скарлатины. Во избавленіе отъ послѣдней,

мѣстными шентухи сочинили слѣдующій заговоръ, спеціально отъ данной болѣзни:

Сотвори, Господы, болящому милостию,
 Нехай пресвятый архангелъ визьме хворостыну
 Изъ пресвятлого золотого райского тыну,
 Да прожене одъ дытны злую шкарлятыну,
 Одъ раба божого у купели хрещеного,
 Одъ усихъ грихивъ Хрыстомъ Богомъ однушеного.
 Попрощу я свату Матиръ Божую Гыдильску,
 Щобъ прогнала шкарлятыну, злу хоробу дитську.
 Святый Хрестытелю Иване, славный Предтече,
 Очысть одъ шкарлятыны груди, шыю й плечи.
 А вы вси святи угодныкы Божіи многи,
 Очыститъ слабенькому одъ пухлятыны ноги,
 Нехай рабъ Божый болящый, въ купели хрещеный
 Пиде у храмъ Божій, молитвами освященный,
 И тамъ нехай винъ щиро Господа Бога молыть,
 Да на вкѣ Господь того одъ болисти уволыть.

Одна баба рассказывала, что собственными ушами слышала разговоръ грибовъ. Старый грибъ рассказывалъ молодымъ, что въ этомъ (минувшемъ 1899) году будетъ огромное количество «грыбивъ по лисахъ, та гробивъ по селахъ». (Сынъ Отечества, № 245).

Страничка изъ жизни Григ. Ант. Залюбовскаго. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ «Днѣпровской Молвѣ» (№ 47-й 1899 года) небольшая статья, посвященная указанію заслугъ въ дѣлѣ этнографическаго изученія Малороссіи одного изъ этнографовъ ея, *Григорія Антоновича Залюбовскаго*, скончавшагося въ минувшемъ году.

Дѣятельность покойнаго въ этомъ направленіи, начинаясь, насколько это можно прослѣдить по имѣющемуся подъ руками матеріалу, съ 1861—62 г. т. е. со времени студенческихъ годовъ, непрерывно продолжалась до самой кончины. Въ этотъ періодъ времени собрался огромный матеріалъ, и вотъ въ 1864 г. часть этого матеріала, собраннаго и записаннаго въ предѣлахъ одного Новомосковского уѣзда, въ количествѣ слишкомъ 700 «приказокъ», «поговорокъ», «загадокъ», и т. д., помѣщается въ сборникѣ Номпса: «Українські приказки, прислів'я і

таке инше» (см. л. I). Въ началѣ 70-хъ годовъ, съ открытіемъ такъ много сдѣлавшаго для этнографіи, Юго-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, покойный дѣлается ревностнымъ членомъ этого учрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ участникомъ въ капитальныхъ «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Ю.-З. край» Чубинскаго (см. предисловіе, стр. XVI). Здѣсь, на протяжении семи томовъ, можно увидѣть огромное количество записей свавокъ, игръ и другого этнографическаго матеріала, собраннаго и записаннаго трудами и стараніемъ Григорія Антоновича. Наконецъ, въ «Чытанкѣ» Хуторного, изд. 1883 г., также помѣщено нѣсколько интересныхъ записей покойнаго. Но особенной любовью Григорія Антоновича пользовалось живое народное слово, какъ матеріалъ для словаря южво-русскаго. Какъ видно изъ переписки, въ 1861 г. онъ участвуетъ въ изданіи словаря Шейковского, а затѣмъ, послѣ пожара, пощадившаго изъ этого словаря, кажется, только два выпуска, собираетъ словарный матеріалъ съ цѣлью издать его лично. Но этому желанію не суждено было сбыться: смерть унесла въ могилу этого полезнаго дѣятеля, и любителямъ живого слова, въ видѣ духовнаго наслѣдія, остался въ память лексическій матеріалъ, представляющій собой до 1000 словъ, записанныхъ изъ устъ народныхъ во время дѣятельности покойнаго въ качествѣ судебного слѣдователя и поздибе въ качествѣ предсѣдательствующаго члена суда въ нѣзванныхъ сессіяхъ. Матеріалъ этотъ представляется цѣннымъ и заслуживающимъ вниманія, ибо каждое слово представляетъ и запись, и выдержку изъ рѣчи, въ коей оно употреблено, и такимъ образомъ извѣстному слову, особенно малоупотребительному, всегда будетъ присвоено значеніе не гадательное, а строго ему соответствующее. Записи предыдущихъ годовъ были отосланы имъ какъ матеріалъ для готовящагося къ печати малорусскаго словаря въ нашей редакціи. Покойный, будучи по образованію филологомъ и любя свой родной край, не могъ не относиться къ родному слову, какъ къ высшему проявленію духа народнаго, иначе, какъ съ особенною возвышенною любовью и уваженіемъ. Нужно было видѣть, какъ освѣщалось чудной неумовимою улыбкой безстрастное лицо Григорія Антоновича, въ качествѣ предсѣдателя-судьи, когда ему при допросѣ попадалось какое-либо выраженіе или слово, достойное, по его мнѣнію, записи. Постороннему наблюдателю и въ голову не приходило бы и прійти не могло, чтобы этотъ, съ виду такой ровный и спокойный судья, могъ хоть на минуту

увлечься простымъ словомъ простого человѣка. А между тѣмъ это было такъ, и та самая рука, которая нѣсколько минутъ тому назадъ писала, быть можетъ и суровый, но основанный на народной совѣсти и законѣ, приговоръ, объявляемый всенародно, въ то-же время, незамѣтно для посторонняго наблюдателя, заносила на маленькій четверугольный кусочекъ бумажки лучшее проявленіе психологической дѣятельности человѣка—его живое слово. Изъ предыдущаго перечня изданій этнографическаго содержанія видно, какая масса трудовъ была выслана покойнымъ въ различныя изданія, а изъ характера записей и пріемовъ можно заключить объ энергіи покойнаго, научной его подготовкѣ и безпримѣрной скромности. И въ самомъ дѣлѣ, въ малорусской этнографіи вы не найдете ни одного изданія, на коемъ бы красовалась надпись покойнаго, но внутри почти каждаго сборника, подъ отдѣльными записями, скромное: «сообщилъ Залюбовскій» — не рѣдкость. И записей и сообщеній этихъ огромное количество! А между тѣмъ возьмите любое литературно-этнографическое изслѣдованіе по приводимому вопросу, напримѣръ—капитальный трудъ: Исторію этнографіи Пылина (I, III т. т. Малор. Этногр.). Исторію литературы пр. Огоновскаго, Исторію литературы Украинской проф. Петрова—и вы не встрѣтите среди перечня этнографовъ и собирателей народнаго слова имени Залюбовскаго. За то спросите о немъ любого ученаго-этнографа и любителя этнографіи Украины, и имя его будетъ произнесено послѣдними съ видимымъ уваженіемъ. Устно оно прекрасно извѣстно, а переписка покойнаго свидѣтельствуешь, что почти ни одно изъ малорусскихъ изданій по этнографіи не обходилось безъ его участія. Но пока живы соратники покойнаго, сохранится и устная память о немъ. А сойдутъ съ житейской сцены послѣдніе ревнители музыки народной, и можетъ заглухнуть невнесенное въ списки лѣтописи прекрасное имя покойнаго, какъ этнографа.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ дополненіе къ суммѣ 1612 руб 33 коп., поступившей въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 11-й 1899 года), вновь пожертвовано въ теченіе декабря мѣсяца слѣдующими лицами: М. Е. Ленчикомъ—3 руб., и изъ Могилева (губерн.) И. И. Гудзовенкомъ, Каминскимъ, Мироненкомъ, Цивоваровымъ

и Копяттомъ—18 руб., а *всего* вмѣстѣ съ прежними—1633 руб. 33 коп., которые и отправлены въ Полтавскую Городскую Управу.

Текущія извѣстія.

Старая икона, поднесенная въ даръ херсонскому археолог. музею. Газета «Югъ» сообщаетъ, что предсѣдателемъ херсонской ученой архивной комиссіи Г. Л. Скадовскимъ принесены въ даръ губернскому археологическому музею восемь частей большой иконы, писанной на полотнѣ, изображающей Страсти Христовы, а именно: 1) «тайная вечера»; 2) «молтѣя ісѣ вертогради»; 3) «привидоша іиса ко пилату»; 4) «блють іиса у слупа» (столба); 5) «коронуютъ іиса терновымъ венцемъ»; 6) «несеніе крѣта на гору голгофѣвъ»; 7) распятіе съ предстолѣнныи (надпись отрѣзана); 8) «воскресеніе Христово». Икона эта долгіе годы висѣла на стѣнѣ церкви въ с. Бѣлозеркѣ, имѣніи г. Скадовскаго, принадлежавшемъ нѣкогда строптелю Херсона Ивану Абрамовичу Ганнибалу, который и соорудилъ эту церковь. Судя по живописи, икона современна самой церкви, а писавшій ее художникъ былъ, очевидно, малороссъ, руководствовавшійся наивными традиціями южно-русскаго пошиба иконописи. Особенно характерна часть иконы подъ № 2: Пилатъ возсѣдаетъ на креслѣ, какія были во всеобщемъ употребленіи въ прошломъ столѣтіи, съ изогнутой деревянной спинкой; Спасителя подводятъ къ нему три человѣка: на двухъ изъ нихъ, долженствующихъ изображать воиновъ, надѣты шлемы, а третій—типичный козакъ въ зеленой свѣтлѣ, подпоясанный широкимъ разноцвѣтнымъ поясомъ, въ красныхъ шароварахъ и въ высокой смушковой шапкѣ. Двухъ частей этой иконы недостаетъ; кажется, ихъ слѣдуетъ искать въ с. Кисляковкѣ, куда онѣ были подарены о. настоятелемъ бѣлозерской церкви.

Лекція А. Я. Ефименко о Котляревскомъ. 22 ноября въ Харьковѣ состоялась публичная лекція *А. Я. Ефименко* на тему «Авторъ Энеиды и Наталки-Полтавки въ исторической обстановкѣ». Публика, слушавшая лекцію, наградила лекторшу дружными аплодисментами не только ради прекраснаго содержанія лекціи, но и ради пламеннаго

одушевленія, съ какимъ лекторша говорила о быломъ укладѣ жизни Малороссіи, предшествующемъ эпохѣ Екатерины II, и объ отрицательномъ отношеніи южно-русскаго общества къ преобразовательнымъ планамъ этой государыни.

Съ неменьшимъ воодушевленіемъ лекторша коснулась склонности малорусскаго народа къ просвѣщенію, роли дьяка—простого и «мандрованного»—въ этомъ просвѣщеніи и демократическаго характера высшаго образованія въ южной Россіи до-екатерининскаго времени.

Рѣчь лекторши звучала негодованіемъ, когда ей пришлось перейти къ времени, когда укладъ жизни Малой Россіи и типъ развитія долженъ былъ пойти въ новомъ направленіи, когда крѣпостное право отдѣлило верхній слой общества отъ нижняго.

Г-жа Ефименко говорила затѣмъ о Котляревскомъ, какъ инициаторѣ возбужденія симпатій верхняго слоя къ нижнему, взявшемъ на себя эту задачу въ своихъ произведеніяхъ, особенно въ «Наталкѣ Полтавкѣ».

Какъ выразителю народнаго самосознанія, народной стихіи въ поэтическихъ сознаніяхъ, Полтава ставитъ Котляревскому памятникъ, какъ мѣсто его родины, и это обстоятельство дало поводъ г-жѣ Ефименко выступить съ своей лекціей.—(Днѣпров. Молва, № 48)

Отношеніе Святѣйшаго Синода къ малорусскому языку. Мнѣніе нѣкоторыхъ, что Святѣйшій Синодъ принципиально считаетъ невозможнымъ допустить малорусскій языкъ въ цѣляхъ просвѣдительно-образовательныхъ, — какъ указываетъ «Русланъ» (№ 265), совершенно неосновательно, доказательствомъ чего служитъ документальное свидѣтельство на первой страницѣ cadaго № американской газеты «Свѣтъ»: «Увага. Издавать газету «Свѣтъ» на малорусскомъ нарѣчїи разрѣшено указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода за № 6570, каковъ указъ данъ на имя Преосвященнѣйшаго Николая, епископа Алеутскаго». Такимъ образомъ не Святѣйшій Синодъ относится отрицательно къ употребленію малорусскаго языка въ цѣляхъ просвѣдительныхъ, а тѣ пастыри, которые не сознають этой настоятельной потребности въ послѣднемъ, каковую несомнѣнно сознаеть преосвященный Николай Алеутскій.

Въ № 45 «Днѣпровской Молвы» помѣщено весьма интересное письмо изъ Черниговской губерніи о „Нерѣшенномъ вопросѣ народнаго образованія.“ — Авторъ вспоминаетъ о заявленіи въ Черниговскомъ уѣздномъ земск. собраніи, еще въ 1880 г., гласнаго Н. А. Константиновича о необходимости ходатайствовать *о правахъ мѣстного нарѣчія при преподаваніи въ школь.* Подобное же предложеніе, въ формѣ обстоятельнаго доклада, было представлено въ декабрѣ 1893 г. губернскимъ гласнымъ И. Л. Шрагомъ. Губернская Управа вполнѣ сочувственно отнеслась къ предложеніямъ гл. Шрага и по поводу предложенія его (о разрѣшеніи изданія учебниковъ и книгъ на народномъ языкѣ) особенно подчеркнула необходимость изданія на малорусскомъ языкѣ книгъ Св. Писанія, «которое, — писала Управа въ своемъ заключеніи, — распространено въ настоящее время между разными націями и во всѣхъ частяхъ Россійской имперіи на 70 языкахъ и нарѣчіяхъ, — нѣтъ только его на малорусскомъ (украинскомъ) языкѣ. Казалось бы, что доступъ къ такой великой всемірной книгѣ, какъ Евангеліе, долженъ быть только облегчаемъ всѣми способами».

Переходя къ вопросу о необходимости преподаванія въ школь на малорусскомъ языкѣ, авторъ, подобно г. Шрагу и губернской Управѣ, признаетъ тотъ безспорный принципъ, который требуетъ при всякомъ обученіи постепенности въ переходѣ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ легкаго къ трудному. Если кто-либо сомнѣвается въ томъ, что языкъ школьной книжки и языкъ, употребляемый населеніемъ дома, въ семьѣ, не такъ ужъ близки между собою, если кто-либо вообще отрицаетъ крупное различіе между языками великорусскимъ и малорусскимъ, тотъ глубоко заблуждается: достаточно обратить вниманіе на огромное количество омонимовъ (въ отдѣльных словахъ), какъ напр.: люлька, пытать, родыня, ось, вино, быть, наглый, шумъ, деревня, рожа; если же брать связныя фразы, то такихъ омонимовъ, благодаря общности большинства корней въ обоихъ языкахъ, получается безконечное количество; затѣмъ есть огромное количество русскихъ словъ, которыя переводятся по-малорусски совсѣмъ непохожими словами: изба—хата, лѣстница—драбина, рожь—жyto, крыльцо—кѣнокъ, пуговица—кудзыкъ, шляпа—брыль, ухватъ—рогачъ, строило—кроква. А вѣдь все это самыя общеупотребительныя и необходимыя слова. Неудивительно поэтому, что почти все время въ малорусской школь тратится лишь на усвоеніе русскаго языка, усвоеніе же познаній отодвигается на второй планъ. Поэтому, если бы

произвести реформы, которыя предлагаетъ гласный И. Л. Шрагъ и Борзенское земство (сдѣлавшее постановленіе въ прошломъ году по вопросу о народномъ языкѣ въ школахъ), то школа давала бы совершенно иные результаты, а теперь затраты земства на народное образованіе непронзводительны, и народнаго просвѣщенія не спасутъ ни подробно выработанныя программы, ни гигиеническія школьныя помѣщенія, разъ языкъ преподаванія не будетъ достигать цѣлей просвѣщенія.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ свое удивленіе по поводу того, что до сихъ поръ только одно черниговское губернское земство возбуждаетъ вопросъ о введеніи въ школахъ народнаго языка, а земства другихъ малорусскихъ губерній такъ и продолжаютъ спокойно не замѣчать слона въ близкомъ имъ дѣлѣ народнаго образованія.

Вещи принадлежащія Т. Г. Шевченку. Д. С. Лазаревскій въ Симбирской губ. предлагаетъ желающимъ приобрести у него слѣдующія вещи, принадлежащія Т. Г. Шевченку:

1) Портретъ Ш—ка, до пояса, въ кожанѣхъ и въ смушковой шапкѣ, нарисованный (въ 1860 г.) самимъ поэтомъ. Стоимость 400 р.

2) Медальонъ изъ двухъ платиновыхъ монетъ, въ золотой оправѣ, съ фотографіей поэта и прядью волосъ послѣдняго, — стоимость 100 руб.

3) Автографъ разсказа «Старая погудка на новый ладъ»; — это первая часть разсказа, извѣстнаго въ печати подъ загл. «Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали». Написано на тонкой, *in folio*, бумагѣ, оправленной въ сафьянъ; стоитъ 40 р.

4) Путевой альбомъ Ш—ка съ 14-ю пейзажами, исполненными тушью и перомъ; 75 руб.

5) Двѣ сепіи: а) Киргизъ грѣетъ спину около огня и б) Киргизка мететъ на жерновахъ.

6) Семь сепій «Похожденія блуднаго сына» — 300 р.

7) Бумагп, относящіяся къ Шевченку (черновыя его писемъ, списки вещей, оставшихся послѣ его смерти, счетъ расходовъ при его похоронахъ и т. п.), а также носовой платокъ поэта, — 25 р. (Літерат. Науковий Вістникъ. кн. 12).

Владѣлецъ перечисленныхъ предметовъ очень дорого оцѣнилъ ихъ, вѣроятно *изъ уваженія къ памяти поэта*.

Борьба изъ-за Шевченка. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Золочевской (въ Галиціи) гимназіи польская молодежь чествовала Мицкевича. Въ устройствѣ вечера принимала энергическое участіе и русинская молодежь; даже одинъ изъ учениковъ декламировалъ по-украински. Когда же ученики-русины чествовали память Шевченка илп, въ минувшемъ году, Котляревскаго, — то ученики поляки не отказывали имъ въ своемъ содѣйствіи и декламировали по-польски. Это былъ обмѣнъ любезностей и имѣлъ ту хорошую сторону, что и поляки и русины проникались чувствами солидарности и взаимнаго уваженія. Но въ этомъ году вышло иначе. Когда ученики — русины, задумавшіе устроить въ январѣ буд. года вечеръ Шевченка, пригласили къ участію товарищей-поляковъ, послѣдніе не могли принять предложенія, такъ какъ послѣдовало на это запрещеніе со стороны учителя польскаго языка Сендзиміра. Интересно отмѣтить тѣ мотивы, которыми руководствовался г. Сендзиміръ. «Шевченка не слѣдуетъ чтить вечерами, съ точки зрѣнія абсолютныхъ достоинствъ его, какъ поэта. *Шевченко не народный* поэтъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ сталъ бы наравнѣ съ Мицкевичомъ, *чего не было, нѣтъ и не будетъ*. Онъ подъ конецъ жизни впалъ не въ мессіаниззмъ, а въ кощунство. Кромѣ того, онъ насквозь *гайдамака*, такъ какъ онъ упивается гайдамачествомъ и идеализируетъ его. Если онъ направляетъ противъ поляковъ ложь, плевки, кидаетъ въ нихъ грязью, то просить поляковъ принимать участіе въ чествованіи такого человѣка было бы варварствомъ. Я радовался, что въ прошломъ году вы не праздновали памяти Шевченка (въ прошломъ году гимназисты чествовали память Котляревскаго), и думалъ, что золочевскіе гимназисты, съ точки зрѣнія цивилизациі, слѣдали шагъ впередъ, но оказалось, что я ошибся». (Дѣло, ч. 272).

Ясно изъ этого, что пока не переведутся педагоги, подобные г. Сендзиміру, антагонизмъ между галицкими русинами и поляками не скоро исчезнетъ.

Народные спектакли въ Харьковѣ. На праздникахъ Рождества Христова въ циркѣ братьевъ Никитина будутъ даваться русско-мало-

русской труппой спектакли, которые начнутся съ 25 декабря; плата за входъ на спектакли будетъ назначена самая скромная. Предполагаютъ поставить нѣсколько новыхъ пьесъ малорусскаго репертуара, не игравшихъ еще въ Харьковѣ.

Военный хоръ въ Полтавѣ. Подвизающійся съ нѣкоторыхъ поръ во время народныхъ чтеній военный хоръ любителей начинаетъ приобрѣтать симпатіи публики, посѣщающей чтенія, и служить однимъ изъ средствъ для привлеченія ея по воскресеньямъ въ залъ городской управы. Хоръ этотъ состоитъ изъ 15 пѣвцовъ, обладающихъ свѣжими голосами, и уже теперь весьма недурно справляется съ своимъ довольно разнообразнымъ репертуаромъ; особенно хорошо выходятъ въ исполненіи хора малорусскія пѣсни.

Польская пресса по поводу основанія украинскаго Университета во Львовѣ. По поводу проекта основанія Украинскаго Университета «Słowo Polskie» помѣстило двѣ статьи, — въ №№ отъ 22 и 25 ноября. п. ст. Авторъ первой, К. С., отмѣтивъ тотъ фактъ, что русинскія стремленія къ равноправію съ поляками въ области народнаго образованія съ каждымъ днемъ все больше и больше осуществляются, обращается съ предостереженіемъ къ польскому обществу: «если есть еще время, то надо сдерживать стремленія сейчасъ же, а если нѣтъ, — то придется готовиться къ принятію новаго гостя. Caveant consules, ибо капли долбятъ камень все чаще и регулярнѣе».

Въ другой статьѣ, авторъ, за подписью S. M., говоритъ совершенно обратное, — онъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: «неужели будемъ употреблять наши силы на то, чтобы тормозить развитіе братняго народа. Напротивъ, мы должны горячо желать развитія и поднятія русскаго (русинскаго) духа, принять русиновъ какъ братьевъ, а не отталкивать, какъ враговъ... «Гости» этотъ лишь тогда будутъ для насъ страшны, когда мы будемъ съ нимъ недостойно обращаться».

Трудно согласить то и другое. Тѣмъ не менѣе, мы охотно вѣримъ, что и въ галицкомъ польскомъ обществѣ найдется не мало лицъ, сочувствующихъ галицко-русинскому движенію, и что значительный процентъ противниковъ послѣдняго можетъ быть объясненъ неточнымъ представленіемъ о галицко-русскихъ отношеніяхъ.

Результатъ конференціи русинскихъ епископовъ во Львовѣ по вопросу объ официальномъ языкѣ для переписки съ властями. «Галичанинъ» напечаталъ результаты конференціи русскихъ (русинскихъ) епископовъ по Львовѣ. Газета сообщаетъ, что на состоявшейся конференціи русинскихъ епископовъ постановлено выступить въ защиту русинскаго духовенства, ведущаго борьбу въ пользу переписки съ властями на родномъ языкѣ. Рѣшеніе это основано на распоряженіи Львовскаго митрополита, повелѣншаго, чтобы только съ русскими приходскими общинами и вообще русскими учрежденіями переписывались на русскомъ (малорусскомъ) языкѣ.

Общее собраніе членовъ «Народнаго Дому» во Львовѣ. 8 декабря (н. ст.) состоялось, послѣ трехлѣтняго промежутка, общее собраніе членовъ одной изъ довольно крупныхъ галицко-русскихъ научно-просвѣтительныхъ институцій, «Народнаго Дому».

Занимствуемъ изъ отчета о дѣятельности «Народнаго Дому» за послѣднее трехлѣтіе наиболѣе интересныя подробности. Оказывается, всѣхъ членовъ состоитъ теперь 461. Имущество институцій заключается въ 4-хъ домахъ по Львовѣ,—на сумму до 280000 рублей. Затѣмъ еще есть бібліотека, состоящая изъ 60449 томовъ, музеевъ и села: Вѣлка, и Костеново—на сумму до 72000. Чистаго дохода ежегодно получается до 5—6 тыс., которые отпущены были на постройку Преображенской церкви во Львовѣ. Долга остается еще до 70000.

«Народный Домъ» содержитъ двѣ «бурсы» (пансіоны): гимназическую и ремесленную (около 35 учен. въ каждой); болѣе успѣвающіе ученики (20) посѣщаютъ нѣмецкую гимназію, а остальные — «русскую» (русинскую) гимназію и реальное училище. Въ недалекомъ будущемъ, «Народный Домъ» предполагаетъ издавать «русскую» народную газету, а также назначить преміи за наилучшія *русскіи литературныя* сочиненія въ Галичинѣ».

На собраніи докторъ Черлюнчакеничъ (изъ Перемышля) обратилъ вниманіе собранія на то, что «Народный Домъ» долженъ поддерживать «русскую» литературу и помогать частнымъ лицамъ издавать литературныя произведенія, написанныя «правильнымъ русскимъ языкомъ», а не азычіемъ и не фонетикою». (Дѣло», ч. 270).

✓ **Еміграція ізъ Галиціи.** Въ послѣдніе чотири роки ізъ Галиціи емігрировало въ Америку, згідно данихъ галицького намѣстництва, 33571 чол., въ томъ числѣ ізъ восточныхъ уѣздівъ 23529 чол., а ізъ западныхъ—10932. Болѣе всего емігрировало ізъ восточныхъ (русинськихъ) уѣздівъ въ 1896 г., а ізъ западныхъ въ 1893 г.; менѣе всего: ізъ восточныхъ—въ 1898 г., ізъ западныхъ—въ 1897 г. Если прийняти во уваженіе, що ізъ восточної Галиціи емігрирувавъ переважно руський (русинський) елементъ, а ізъ западної—польський, съ значительною примісью русинівъ ізъ горнихъ уѣздівъ, то можна съ вѣроятністю передположити, що всѣхъ русинівъ емігрировало $\frac{3}{4}$ всего вышеприведеннаго количества. («Літерат.-Науковий Вісникъ, кн. XII»).

Русины въ Бразиліи. Русины, котрыхъ судьба загнала за океанъ, въ Бразилію (въ Парану), въ количествѣ до 30000 чол., починають пробуждатися къ народной жизни. Такъ напр., въ колоніяхъ—Ріо-Кларо и Прудентополисѣ, гдѣ найбільше сгрупуировано семействъ русинівъ, благодаря неустаннимъ стараніямъ священника Роздольскаго, побудовано 4 церкви. Затѣмъ, въ главномъ городѣ Куритыбѣ, гдѣ живе такожъ до 200 душъ русинівъ, переважно ремесленниковъ, основалось недавно русинское общество «Руска читальня въ Куритыби», цѣлю котораго служити сплотити всѣхъ здѣшнихъ русинівъ, на сколько возможно, въ одну «Громаду» для общей народной работы. Въ цѣляхъ сохраненія чистоты языка и вѣры, распространенія сформованія, общество основало бібліотеку, виписало нѣкоторые русинскія газеты: «Дѣло» (Діло), «Свободу», но незначительныя средства не позволяютъ производить болѣе крупныя затраты на придобаніе желательнаго количества книгъ и періодическихъ изданій. Поэтому «Руская Читальня» въ Куритыбѣ обращается съ просьбой ко всѣмъ землякамъ и редакціямъ газетъ не отказати въ своемъ содѣйствіи. Всякія пожертвованія (книжки и проч.) просятъ присылать по адресу секретаря общества: Antonio Tymcio, *Curityba*, Rua Comandatore Aranio en casa de Sr. Emanuel Miró Junior.

Число подписчиковъ на галицкія изданія. Какъ сообщается въ № 24 «Громадського голосу», число подписчиковъ на галицкія мало-

русскія изданія выражається въ слѣдующихъ цифрахъ: «Дѣло» — 1456, «Галичанинъ» — около 1000 экзмп., Русское Слово — 1852 экз.; «Громадскій голосъ» расходится въ количествѣ около 780, «Свобода» — 1305, «Русланъ» — 317.

Прарусскій языкъ (!) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ кіевскій ученый посѣтилъ съ научн. цѣлью австрійскіе университетскіе города и по пути остановился во Львовѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ А. Петрушевичемъ ¹⁾, который жаловался ему на то, что онъ трудится много лѣтъ на поприщѣ исторической и археологической наукъ, издалъ огромное количество своихъ произведеній, но они мало расходятся, и рѣдко кто читаетъ ихъ. На это кіевскій ученый замѣтилъ, что причиной этому обстоятельству, по всей вѣроятности, служить тотъ языкъ, на которомъ г. Петрушевичъ излагаетъ свои ученныя изслѣдованія, который одинаково неудобопонятенъ и для малоруссовъ, и для великоруссовъ. — «Бо я пишу *прарускимъ* языкомъ» — послѣдовалъ на это отвѣтъ г. Петрушевича. («Русланъ», ч. 260).

¹⁾ Одинъ изъ видныхъ дѣятелей старорусской партіи въ Галиціи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Современные фотографо-этнографическіе альбомы. (*Издательство типографъ и видовъ Малороссіи. Х. Я. Парфененка. Кіевъ, 1899 г.*).

Въ Кіевѣ появилось „Издательство типографъ и видовъ Малороссіи Х. Я. Парфененко“. Передо мной лежитъ альбомъ этого издательства, состоящій изъ 135 снимковъ формата цѣлой фотографической пластинки. Какъ нельзя болѣе во-время предпринялъ свое издательство г. Парфененко: повинувшись общему закону, въ Украйнѣ, какъ и всюду въ настоящее время, вслѣдствіе экономическихъ и иныхъ причинъ, идетъ быстрое исчезаніе внѣшнихъ оригинальныхъ этнографическихъ особенностей костюма, утвари, предметовъ домашняго обихода и отчасти даже построекъ. Дешевыя фабричныя матеріи, гнилые ситцы, бумага и вата всюду замѣняютъ теперь прочныя, красивыя, а потому и дорогія домашнія ткани, сукна, холсты, запаски, плахты, всевозможныя ручныя вышивки, рушники, хустки и т. п. Этнографія стыдливо прячется въ музеи и даетъ мѣсто грядущему безцвѣтному, антихудожественному, космополитическому костюму, который всѣхъ подводитъ подъ одинъ сѣрый, унылый шаблонъ. Путешественникъ, прозжающій по желѣзной дорогѣ города и села Малороссіи, естественно ищетъ глазами особенностей края, оригинальности костюма и часто очень мало ихъ находитъ; тѣмъ болѣе грустно художнику, видящему, что интересныя и весьма живописныя костюмы украинскіихъ дѣвушекъ и женщинъ обезличиваются. Художники, впрочемъ, жалуются, что даже въ Италіи оригинальные народные костюмы почти ушли изъ деревень, и даже знаменитый италіанскій пастухъ, котораго за

его живописное одѣяніе писали чуть ли не всѣ посѣщающіе Италію художники,—и тотъ бросилъ свой прежній красивый костюмъ, и его всюду можно видѣть въ старомъ, выгорѣвшемъ, повидимому выброшенномъ кѣмъ-нибудь изъ туристовъ, котелкѣ, въ рваномъ пиджачикѣ, въ дырявыхъ, недоходящихъ до выеривленныхъ и истрепанныхъ ботинокъ узенькихъ брючкахъ. Подобный видъ однако не мѣшаетъ ему чувствовать себя совсѣмъ культурнымъ человѣкомъ и съ презрѣніемъ отворачиваться отъ своихъ собратій, почему либо еще неуспѣвшихъ принять такой же культурный видъ, какъ и у него. Въ Украинѣ еще до этого не дошло, и потому я думаю, что г. Парфененко предпринялъ свое издательство во-время. Фотографія сохранитъ кое-что еще уцѣлѣвшее и удержавшееся и сдѣлаетъ его достояніемъ исторіи; она дастъ цѣнный и разнообразнѣйшій матеріалъ не только разнымъ любителямъ альбомовъ, коллекціонерамъ, диллентамъ, но и серьезнымъ художникамъ и даже ученымъ.

Попытаемся же выяснитъ, какимъ условіямъ должны удовлетворять работы вновь появившагося издательства, да и современныя фотографо-этнографическія работы вообще, чтобы имѣть прочный успѣхъ у публики, у любителей альбомовъ, коллекціонеровъ-этнографовъ, художниковъ, въ художественныхъ отдѣлахъ библіотекъ, музеевъ, рисовальныхъ школахъ и т. д., и т. д.

Удивительнѣйшіе успѣхи современной фотографіи и въ смыслѣ техники, обнимающей все производство дѣла отъ момента сниманія до напечатанія включительно, и въ смыслѣ новизны и смѣлости сниманія съ натуры цѣлыхъ изящныхъ композицій и картинъ, отъ миеологическаго до историческаго жанра включительно,—все это вмѣстѣ дало поводъ и право настоящимъ художникамъ фотографіи поставить совершенно смѣло вопросъ—искусство ли фотографія? По отношенію къ отдѣльнымъ работамъ опытныхъ, рѣдкихъ фотографовъ-художниковъ приходится, вопреки державшемуся еще противоположному мнѣнію, сказать—да! Стоитъ вспомнить только работы нашихъ мастеровъ—Денъера, Карелина, Вишнякова, снимавшаго свои удивительные пейзажи вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ И. И. Шишкинымъ, и работы нынѣ здравствующаго любителя Шульца... Да и въ самомъ дѣлѣ, къ фотографіи вѣдь непременно прикасается индивидуальность творчества художника; не говоря о самомъ выборѣ сюжета, замыслѣ внутренняго выраженія, тутъ есть еще наличность композицій картины, а это черта внутренняго и художника, его вы-

раженіе любви къ своему художественному дѣтищу. Разумѣется, все это не въ той степени, какъ въ картинѣ, гдѣ ее выражаетъ каждый штрихъ и каждый мазокъ, но все же въ такой степени, что всегда можно узнать автора самой работы, а это-то и указываетъ на нѣчто гораздо большее, чѣмъ обыкновенное любительское или даже профессиональное щелканье фотографическимъ затворомъ. Говорятъ и пишутъ даже, что каждый фотографъ, при соблюденіи совершенно одинаковыхъ условій, дастъ совершенно одинаковые результаты. Этого не скажетъ ни одинъ опытный фотографъ, ибо этихъ условій не бываетъ въ натурѣ—одну и ту же фигуру, или портретъ, каждый сниметъ иначе, и это «иначе» будетъ и въ экспозиціи, и въ проявленіи, и въ ретушированіи, и наконецъ въ отпечаткѣ и его окрашиваніи. Да оно и понятно: всѣ художественныя приемы возникаютъ изъ мыслей, фантазій и вкуса художника, всѣ техническіе—изъ личнаго опыта, изученія и исканія милой ему правды, вся же совокупность факторовъ служитъ объясненію, раскрытію идеи снимающаго. Можно смѣло сказать, что художникъ, снимающій фотографію съ собственной композиціи, только ускоряетъ свой творческій трудъ и иногда дѣлаетъ дѣйствительно «моментальные» кроки задуманныхъ, хотя бы и фотографическихъ лишь картинъ. Несмотря однако на быстроту съемки, въ этихъ работахъ все же есть и выборъ свѣтотѣни, и укладка драпировокъ, осмысленное приспособленіе аксессуаровъ—выдѣленіе однихъ, затемненіе другихъ—все то же, что и въ настоящихъ работахъ художника, и все это, опять-таки, даетъ поводъ гг. фотографамъ иногда спрашивать не искусство ли фотографія? А не такъ давно Робертъ де-ла-Сизеранъ издалъ цѣлую любопытную монографію съ превосходнѣйшими фотографическими приложеніями «La Photographie est elle un art?» Разсматривая эти чудныя приложенія со снимковъ Кюйо, Демаши, Лебега, Крегъ-Аннана Реймона, не колеблясь скажешь, что и фотографія можетъ быть искусствомъ. Для насъ впрочемъ не важно рѣшать вопросъ, искусство-ли фотографія, но очень важно, что къ фотографіи уже давно предъявляются требованія, какъ къ искусству, и удивительно то, что этой простой истинѣ не понимаютъ только господа издатели всякихъ псевдо-этнографическихъ «альбомовъ, видовъ, воспоминаній, типовъ Россіи» и т. п. Этимъ непониманіемъ только и можно объяснить ихъ постоянные провалы и то, что сравнительно не очень ужъ плохой «альбомъ Малороссіи» Кордыша—и тотъ отцѣлъ, не успѣвши расцвѣсть какъ слѣдуетъ. Но нѣтъ правилъ безъ исклю-

ченій; они несомнѣнно есть, а изъ нихъ есть одно блестящее и примѣра неимущее,—я говорю о работахъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ умершаго петербургскаго художника фотографа Каррика; его снимки типовъ, сценъ и видовъ изъ приволжскихъ губерній русскаго и инородческаго населенія имѣли огромный успѣхъ, причина котораго, прежде всего, лежала въ той необыкновенной любви къ дѣлу, которая заставляла талаптливаго художника составлять изъ своихъ малокультурныхъ, а зачастую и полудикахъ, натурщиковъ цѣлыя осмысленныя сцены и картины, а большинство одинокихъ фигуръ его—это прекрасныя художественныя этюды. Любовь этого энергичнаго художника къ своему дѣлу заставила его побывать въ невѣроятныхъ захолустьяхъ и нетронутыхъ еще мѣстахъ, искать вездѣ оригинальности, красоты, и въ то же время, правдивости и естественности, избѣгать, слѣдовательно, всего пошлаго и надоевшаго, всего, что увидишь, куда ни повернешься, и что въ снимкахъ, просматривая, только перелистываешь. Каррикъ прибрѣлъ себѣ громкую извѣстность не только въ Россіи, но его фотографіями наполнялась масса иностранныхъ журналовъ, не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ. Изъ-за границы отработавшія клише съ его фотографій покупались издателями русскихъ иллюстрированныхъ изданій, которыя, уже хотя и въ изуродованномъ видѣ, но все же знакомили Россію съ работами единственнаго въ своемъ родѣ художника-этнографа. Каррика использовала масса иллюстраторовъ и даже большихъ нашихъ художниковъ,—это фактъ всѣмъ извѣстный. Каррикъ наполняетъ альбомы любителей, этнографическіе музеи и коллекціи, а также художественныя отдѣлы библиотекъ; его можно видѣть на разныхъ луврутинскихъ п т. н. издѣліяхъ, въ скульптурныхъ серебрянныхъ вещахъ, разныхъ хромотографіяхъ, «приложеніяхъ» и народныхъ лубочныхъ картинахъ п т. д., и т. д. Надо помнить, что онъ снималъ еще моврымъ способомъ, слѣдовательно, какую бездну трудностей приходилось ему преодолевать, снимая, напр., на полѣ и въ жаркую погоду, когда облитая пластинка сохла черезъ минуту,—и несмотря на это, онъ все же, четверть вѣка еще назадъ, указалъ дѣйствительный путь всѣмъ послѣдующимъ художникамъ, этнографамъ и фотографамъ любителей.. Наградой за его труды былъ не только нравственный, но и матеріальный успѣхъ: сей послѣдній, въ нѣкоторой долѣ и теперь еще получаетъ вдова художника. Но матеріальный успѣхъ его дѣла былъ бы огромный, если бы онъ самъ имѣлъ, кромѣ таланта этнографа-художника, еще и та-

лять коммерческій, а то вышло такъ, что эксплуатировалъ дѣло *нѣкто*, а Баррикъ получалъ *нѣчто*.

Обращаясь къ коллекціи Парфененко, прежде всего, слѣдуетъ сказать, что въ ней имѣются положительно хорошіе снимки, и хотя такихъ снимковъ и не такъ много, какъ бы хотѣлось видѣть, но они такъ интересны и художественны, что возбуждаемый ими интересъ переносится отчасти и на всю коллекцію и во всякомъ случаѣ, обязываетъ отмѣтить издательство г. Парфененка, какъ симпатичное начинаніе. Что касается недостатковъ коллекціи, то они, разумѣется, таковы, что въ будущемъ могутъ быть исправлены или по возможности уменьшены.

1. Прежде всего бросается въ глаза масса совершенно случайныхъ снимковъ, какихъ-то не то горничныхъ, не то мѣщанокъ, но во всякомъ случаѣ, особъ совершенно не типичныхъ ни по костюму, ни по лицамъ. Много есть и мужчинъ въ такомъ же родѣ; это и даетъ коллекціи какой-то однообразный пригородно-сѣрый видъ.

2. Непріятно поражаетъ, что всѣ натурщики и натурщицы, въ какихъ бы позахъ они ни стояли, какимъ бы дѣломъ они ни занимались,—непремѣнно смотрятъ на зрителя. Эта театральная рутинна, эта дѣланность, а потому и неестественность позъ вызываетъ крайне досадное чувство.

3. Составленные сцены не выдержаны, и часто между дѣйствующими фигурами нѣтъ внутренняго соответствія—каждое лицо сцены играетъ свою особую роль и при этомъ, что называется, «изъ другой оперы»; это заставляетъ подобные снимки перелистывать съ особой быстротой.

4. Удивляетъ отсутствіе типичныхъ костюмовъ: изъ 135 снимковъ нѣтъ ни единой дѣвушки или женщины въ плахтѣ или даже запискѣ; почти отсутствуютъ и головныя повязки. Снята преимущественно молодежь, и при этомъ каждое лицо по нѣсколько разъ, хотя бы оно и не заслуживало подобнаго интереса.

5. Почти всѣ лица чрезвычайно сильно ретушированы, а потому и выглядятъ какими-то фарфоровыми. Для художниковъ они, разумѣется, совершенно непригодны, да и обыкновенному зрителю внушаютъ подозрѣніе.

6. Желаніе снимать фигуры возможно большаго размѣра ведетъ въ нѣкоторыхъ снимкахъ къ весьма непріятному перспективному уродованію ихъ.

7. Большинство снимковъ черны; очевидно, что фотографъ пренебрегаетъ какъ свѣтофильтрами, такъ ортохроматическими и изохроматическими стеклами, а эти предосторожности позволяютъ передавать довольно правильно отношенія свѣтотѣни независимо отъ окраски предмета.

8. Удивляетъ обиліе сценъ питія водки, что и въ натурѣ-то часто бывветъ противно, а въ фотографіи, да еще съ дѣланными, неестественными позами, и приэтомъ уставленными на зрителя глазами, и того хуже.

9. Отсутствіе подписей, что снято и гдѣ снято, также не мало вредятъ достоинству коллекцій.

Пожалуй есть и еще одинъ недостатокъ—это дороговизна снимковъ, что, прежде всего, невыгодно самому же издателю, ибо закрываетъ путь къ широкому распространенію коллекцій. Извѣстно, что прочный успѣхъ торговыхъ предпріятій зиждется не на высокой цѣнѣ сбываемаго товара, а только на количествѣ его. Вотъ для примѣра недурной обращикъ: въ Америкѣ есть издательство фотографическихъ снимковъ—типовъ, видовъ и сценъ—не только изъ американской жизни, но изъ всѣхъ частей свѣта—это компанія Underwood & Underwood, имѣющая представительство во всѣхъ частяхъ свѣта и главный отдѣленія въ Нью-Йоркѣ, Торонто (Канзасъ), Оттовѣ (Канада) и Лондонѣ. За 10 лѣтъ гг. Бертъ и Ельмеръ Ундервуды развили свое издательство до колоссальныхъ размѣровъ; такъ, за 1898-й годъ ими продано 1.250.000 снимковъ! Въ печатной для русскихъ агентовъ инструкціи есть много интереснаго, между прочимъ и наставленій, слѣдующимъ, по утвержденію руководства, агенты сбываютъ въ 10—100 разъ больше товара, чѣмъ безъ рекомендуемыхъ приѣмовъ. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ руководство, заказчикъ покупаетъ болѣе, чѣмъ онъ думалъ; бывали многочисленные случаи, когда намѣревавшійся купить 12 видовъ, при сдачѣ товара покупалъ 60, 72, 120 и болѣе». Снимковъ компаніи Ундервудовъ нельзя пріобрѣсти ни въ какихъ магазинахъ (во избѣжаніе перепечатокъ и конкуренціи); ихъ развозятъ специалисты агенты, обрабатывающіе каждый городъ черезъ каждые два года, и притомъ все съ большимъ и большимъ успѣхомъ. Теперь оборотный капиталъ равенъ 1,000,000 рублей. Превосходные снимки Ундервудовъ очень дешевы, а потому приступашъ въ выбору ихъ совсѣмъ спокойно и въ концѣ концовъ берешь дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ предполагалъ.

Что же касается техники, художественнаго выполненія всевозможнѣйшихъ задачъ и эффектовъ и внѣшняго изящества работы, то не нѣшало бы всѣмъ нашимъ издателямъ «альбомовъ» серьезно ознакомиться хотя бы, напр., съ первымъ альбомомъ Парижскаго фото-клуба, изд. въ память 1-й фотографической выставки въ 1894 г. — «*Première, Exposition d'art photographique Paris 1894*». Тамъ бы они увидѣли, чего можно достигнуть, любя свое дѣло: какія дивныя марины, какіе изумительные пейзажи (здѣсь не могу умолчать, что одинъ изъ самыхъ лучшихъ принадлежитъ нашему же соотечественнику М. Н. Кочубею снятый въ окрестностяхъ Бобровницы), какія жанровыя картины, историческія, всевозможнѣйшіе этюды а la Рембрантъ, картины во вкусѣ старыхъ голландцевъ и мастеровъ разныхъ школъ, наконецъ картины, этюды и головки въ современномъ жанрѣ. Вотъ гдѣ поучиться, какъ надо снимать, а потомъ не слѣдуетъ забывать, что художественно-этнографическіе альбомы не могутъ игнорировать и духовную сторону снимаемаго народа. — Въ селахъ исполняются всевозможные обряды, игры, обрядовыя танцы, пѣсни, несеніе тацки, вожденіе короли, русалочья свята, морена, бросаніе вѣжковъ, кувало. По Десвѣ и теперь еще можно видѣть Троицкую Щоглу съ надѣтымъ наверху ея колесомъ, всю убранную зеленью и лентами; возлѣ этой Щоглы всѣ святки играютъ и веселятся молодежь. Въ тѣхъ же мѣстахъ на Рождественскихъ святкахъ подать «козу и бусла»; эти игры сопровождаются лицедѣйствомъ, сценами и обрядовыми пѣснями и танцами. Одна свадьба (веселя) сколько могла бы дать матеріалу для сниманія. Наконецъ кромѣ сценъ и типовъ, встрѣчаются иногда старинныя костюмы и части ихъ, оружіе, оригинальное шитье, разныя хозяйственныя предметы, украшенные рѣзьбой, наконецъ древнія деревянные церкви и рѣзные иконостасы въ нихъ. А гг. издатели, желая дать въ своихъ альбомахъ представленіе о странѣ, ничего этого не видятъ и не ищутъ. Они преловольны, если имъ удастся пять, десять разъ подрядъ снять одну и ту же горничную или проходящаго мимо ихъ деревенскаго «перевертня», печатаютъ въ сотняхъ экземпляровъ свои «тпны», назначаютъ цѣну немпожко только выше высокой и удивляются, что никто ихъ «типовъ» покупать не хочетъ. Итакъ, мы видимъ, что издавать художественно-этнографическіе альбомы — дѣло совсѣмъ не такое простое и легкое, какимъ его, очевидно, представляютъ себѣ многіе изъ господъ предпринимателей. Далеко нѣтъ; для этого надо имѣть, кромѣ дѣйствительной любви къ своему дѣлу, еще

и настоящее художественное развитіе и вкусъ и прямо-таки спеціаль-
ный талантъ. Къ нему надо серьезно и разносторонне готовиться,
ознакомившись предварительно со всѣмъ, что было сдѣлано въ этомъ
направленіи. Нужно большое умѣніе обходиться съ народомъ, умѣть
расположить его къ согласію позировать, т. к. большинство къ фо-
тографированію относится съ предубѣжденіемъ, а особенно старые и
пожилые люди, смотрящіе на сниманіе портретовъ, какъ на суетную
и даже вредную забаву праздныхъ людей. Нужна ясная, опредѣлен-
ная программа для своихъ работъ, осмысленная задача произвести
впечатлѣніе извѣстной законченности, цѣльности идеи коллекцій;
короче — коллекція, кромѣ своихъ художественныхъ достоинствъ, должна
удовлетворять еще и научнымъ этнографическимъ требованіямъ; безъ
этихъ условій судьба подобныхъ изданій всегда будетъ одинаково
печальна.

О. Сластіонъ.

Памятки українсько-руської мови и літератури. Видає комісія археогра-
фічна наукового товариства імени Шевченка. Т. I. *Апокріфи старо-
завітні, зібрані з рукописів українсько руських. У Львові 1896* .
Т. II. *Апокріфи новозавітні. А Апокріфічні євангелія У Львові
1899. Накладом Наукового Товариства імени Шевченка.*

Съ большимъ удовольствіемъ можно отиѣтитъ появленіе этого
цѣннаго изданія, предпринятаго Археографическою Коммиссіей имени
Тараса Шевченка. Извѣстный собиратель памятниковъ апокрифиче-
скаго содержанія, д-ръ Иванъ Франко, приложилъ очень много усердія
къ обнародованію цѣльныхъ памятниковъ, которыми пробавлялись
южно-русы въ старину, а у угро-русовъ эти памятники и понынѣ
продолжаютъ бытовать и занимать умы досужихъ читателей.

Собраніе подобныхъ памятниковъ въ южно-русскихъ рукописей
можетъ служить показателемъ обращенія среди малороссовъ тѣхъ, а
не вныхъ произведеній, вліяніе которыхъ должно было такъ или
иначе отразиться на народныхъ вѣрованіяхъ. Ислѣдователь мало-
русскаго фольклора отнынѣ долженъ почаще заглядывать въ это собра-
ніе для показанія связи между малорусскими преданіями и этими
апокрифическими сказаніями.

Собиратель имѣлъ подъ руками очень цѣнныя рукописи. Къ числу таковыхъ слѣдуетъ отнести Крехивскую Палею XVI в., принадлежавшую гетману Яну Жолкевскому (1623 г.), какъ гласить подпись на стр. 1132—1133. Рукопись эта не имѣетъ слѣдовъ вліянія болгарскаго, а есть чисто русская. Составитель этой Палеи оказалъ особенное вниманіе къ славянскимъ землямъ и смежнымъ съ нимъ странамъ. Говоря про Афета, онъ отмѣчаетъ: «Афѣту же ~~и~~ша сѧ полунощныя и западныя страны: Мидиѧ, Ливаніа, Словенескъ ~~и~~зыкъ» (стр. 120). Перечисляя затѣмъ рѣки въ краяхъ Афетова колѣна, составитель упоминаетъ только р. Тигръ, а больше перечисляетъ славянскія рѣки: Дунай, Днѣпръ, Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга. Славянскій языкъ признается языкомъ Афета: «мы же глаголемъ по речи ~~и~~зыка своего, ~~и~~же отъ Афета ~~и~~зыци изыдоша и въ части его сидятъ:

ѧ. варязьскъ, Ѣ. ~~и~~зык словенскъ, Ґ. Уюдъ, ҃. ~~и~~мь, ҆. Лонъ,
Ѫ. Перма, ҇. Корела, ҈. Печора, ҉. Угра, Ҋ. Литва, ҋ. ~~и~~гвази, Ҍ.
Пруси, ҍ. Недрова, Ҏ. Мера, ҏ. Мордва, ҙ. Мещера, Қ. Му-
рома, қ. Корсь, Ҝ. Зимьгола, Ҟ. Либъ (127—128).

Объ изобрѣтеніи славянской азбуки Константиномъ (Кирилломъ) философомъ этотъ памятникъ говоритъ такъ:

„Въ лѣто ҃Ѣ҃҃ (=6303=795) Константина философа, нарицаемый Күрилль—створилъ грамоту словенскимъ ~~и~~зыкомъ глаголемую лѣтицу (т. е. глаголицу) въ дѣи Михаила царя греческаго і въ двѣ князѧ Рюрика новгородскаго, егоже сыномъ руская земля прейде“ (стр. 1020—1021, т I, стр. LX).

Нѣсколько ниже (стр. 1130—1132) объ этомъ вопросѣ читаемъ: «сеже буди вѣдомо всѣмъ ~~и~~зыкомъ и всѣмъ людми, яко рускіи языкъ ни откудаже пріѧ вѣры святоѧ сѧ, і грамота руская никимъ же явлена, но токмо самѣмъ Богомъ и грамота руская явихсѧ Богомъ дана в Корсунѣ Русину, отъ нея же научисѧ философъ Константинъ, отгуду сложивъ и написавъ книги рускимъ гласомъ... Тъ же мужъ Русинъ бже благовѣренъ, постомъ и добродѣтелью, въ чистѣи вѣрѣ единѣ оуединивсѧ. И тѣ есѣмъ отъ руска ~~и~~зыка явихсѧ преже христіанъ сынъ, и невѣдомъ никимъ же, откуда естъ».

Въ краткомъ библиографическомъ обзорѣ невозможно отмѣтить все значеніе этого цѣннаго изданія; содержаніе же его видно отчасти изъ самаго заглавія обоихъ этихъ томовъ.

Собиратель мало изслѣдовалъ эти памятники; въ своихъ вводныхъ статьяхъ къ каждому тому онъ даетъ общій обзоръ (хотя и не полный) прежнихъ изслѣдованій апокрифической литературы у русскихъ и славянъ. Иногда ему приходится признавать чужія мнѣнія, безъ провѣрки ихъ достовѣрности. Такъ, на стр. XX (т. II) онъ признаетъ вѣрнымъ мнѣніе А. Н. Попова, повторенное затѣмъ проф. М. Н. Сперанскимъ, что первоевангеліе Іакова было переведено на старославянскій языкъ въ XI в. «До XI, найпізнійше до XII,—продолжаетъ г. Франко,—належить такожъ переклад так званої ширшої редакції Никодимового евангелія, dokonаний на південно-словянськимъ ґрунті, але не з грецького, тільки, як думають пр. Поліпка і. М. Сперанскій, а з латінського языка, в околиці, де панувало глаголицьке письмо».

Но, повторяю, цѣнный матеріалъ, вошедшій въ это изданіе, искушаетъ всѣ возможныя неточности. Къ числу такихъ цѣнныхъ матеріаловъ слѣдуетъ отнести выписки изъ Керестурской рукописи XVIII в. (т. II, стр. 74—98), изъ угро-русскаго учительнаго евангелія XVII в., изъ Креховской рукописи XVI в., изъ рукописи о. Оеодора изъ Дубовца («о главѣ Адамовѣ, которую принесли дѣмони з древомъ») (стр. 245, т. II) и много др.

Пользованіе этимъ собраніемъ облегчено прекрасно составленнымъ указателемъ именъ, который приложенъ къ каждому тому, а равно и многочисленными библіографическими указаніями, имѣющими несомнѣнное научное значеніе.

В. Начановскій.

- 1) Ю. А. Кулаковскій. Карта Европейской Сарматіи по Птолемию. *Привѣтствіе XI Археологическому Съезду. К. 1899. Стр. 31+1 карта.*
- 2) Матеріалы по исторіи русскаго картографіи. *Вып. 1. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII вѣка. Изданіе Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ подъ ред. В. А. Кордта. К. 1899. In-f. Стр. 15+XXII таблицы.*

XI археологическій сѣздъ въ Кіевѣ вызвалъ, между прочими, появленіе въ свѣтъ двухъ изданій, заглавія которыхъ выписаны выше. Оба труда представляютъ цѣнныя пособія для занимающихся исторической географіей Южной Россіи.

Проф. Ю. А. Кулаковскій вычертилъ отрѣзокъ карты Птолемея въ предѣлахъ отъ 63° до 43° по широтѣ и отъ 42° до 73° по долготѣ т. е. Европейскую Сарматію и сопредѣльныя ей части Европы и Азіи. Карта вычерчена по первому изъ двухъ указанныхъ у Птолемея способовъ проекціи сферы на плоскости, т. е. параллели являются въ видѣ кривыхъ линий, а меридіаны — прямыхъ, исходящихъ изъ одного центра. Нѣкоторые названія, встрѣчающіяся у Птолемея, опущены для избѣжанія пестроты. Немногія неточности были неизбежны при выполненіи карты не въ спеціальному картографическому заведеніи. Текстъ Ю. А. Кулаковского распадается на двѣ половины. Въ первой даются свѣдѣнія о географіи Птолемея, вторая заключаетъ въ себѣ описаніе и разборъ карты Европейской Сарматіи. Весьма интересно и правдоподобно здѣсь предположеніе автора о тождествѣ Птолемея Метрополя съ Кіевомъ.

Трудъ В. А. Кордта является попыткой удовлетворить, хотя отчасти, давно назрѣвшей въ русской исторической наукѣ потребности въ историко-географическомъ атласѣ Россіи, который заключалъ бы въ себѣ факсимиле важнѣйшихъ картъ Россіи. Вышедшій теперь выпускъ содержитъ карты, начиная съ карты Николая Кузанскаго (1491 г.) и карты Чернаго моря Гратіоза Бенниксазы (1474 г.) и оканчивая картой Украины Боулана (1650 г.). Здѣсь воспроизведены многія очень рѣдкія карты, находящіяся въ западно европейскіхъ бібліотекахъ и мало доступныя русскимъ изслѣдователямъ. Въ текстѣ карты описаны по типамъ, причемъ за оригинальными картами идутъ заимствованныя, которыя составляютъ большинство. Къ сожалѣнію, условія изданія не дали составителю возможности распредѣлить въ такомъ же порядкѣ и таблицы. Самыя карты выполнены частію фототипіею, частію фото-литографіею и представляютъ точное воспроизведеніе подлинниковъ.

Вѣщность обоихъ изданій очень изящная, даже роскошная, и нельзя не поблагодарить, какъ авторовъ за ихъ кропотливый, часто незамѣтный для посторонняго глаза, трудъ, такъ и университетъ св. Владиміра и Кіевскую археографическую Коммиссію, не пожалѣвшихъ средствъ на изданіе этихъ трудовъ.

Е. К.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 330 «С.-Петербургскихъ Бѣдомостей» помѣщена прекрасная статья Д. Мордовцева подъ загл. «Нѣтъ, не оставляють», въ отвѣтъ, главнымъ образомъ, на статью проф. В. Модестова, въ Одесскомъ Листѣ (см. К. Стар. 1899, декабрь, стр. 164), а также и по адресу другого кіевскаго профессора, «налящаго холостою пальбою въ Наукове Товариство іменн Шевченка».

Авторъ статьи основательно возражаетъ г. профессору, что обвиненіе его, и его «единомышленниковъ» въ «ограниченіи» общерусскаго литературнаго языка въ пользу мѣстнаго нарѣчія», по меньшей мѣрѣ смѣшно. «Безъ сомнѣнія, почтенный профессоръ недостаточно освѣдомленъ о томъ, кто кого «ограничиваетъ». Жаль! А если бы онъ былъ освѣдомленъ объ этомъ, то узналъ бы, что именно насъ найусерднѣйшимъ образомъ «ограничиваютъ» не только тѣ, которымъ всякое «ограниченіе» вѣдать надлежитъ, но и тѣ, которымъ это не надлежитъ, хотя бы къ примѣру, самому же Василю Ивановичу и его другимъ добровольцамъ «ограниченіи».

Что же касается утвержденія г. одесскаго профессора, что «языкомъ науки и обще-русской литературы можетъ быть только тотъ языкъ, который выработанъ для этой цѣли исторически», то куда же придется дѣвать «выработанные исторически» языки польскій, грузинскій, армянскій и т. д., изъ которыхъ послѣдній, напр., имѣлъ уже свою литературу въ то время, когда предки наши «жили звѣрински» и ѣли все «нечистое». Если же г. профессору не нравится научный украинско-русскій языкъ («уродливый жаргонъ»), то это дѣло вкуса,—а многіе пахотъ польскій языкъ—съ его шипучими двусогласками и ринезмами (ą, ę)—тоже отвратительнымъ; другіе—находятъ что и англійскій языкъ отвратителенъ; третьи называютъ языкъ Гете, Шиллера и Гейне—«собачьимъ». Ужъ не «оскорбляютъ ли и хохлы великорусскій языкъ?»

Въ № 335 газеты «Жизнь и Искусство» помѣщена статья С. Бердіева «Сцена и артисты» (малорусская труппа), въ которой, разбирая подробно пьесу Карпенко-Караго «Везталанну» и ея исполненіе, авторъ касается положенія малорусскаго театра и языка въ Россіи, заговоривъ объ этомъ по поводу нападокъ и насмѣшекъ со стороны нѣкоторой части общества, страдающей маніей преслѣдованія. «На

занадѣ производить подобные наскоки устыдились бы завѣдомые невѣжды съ улицы; у насъ же ихъ не гнушаются и патентованные жрецы серьезной филологіи, прибѣгая къ недостойнымъ служителей знанія тенденціознымъ передержкамъ и почти фельетонному зубоскальству надъ народными сватынями... Ихъ, изволите-ли видѣть, забавляютъ будто бы многія украинскія слова,—представляющіяся ученому слуху пошлыми. Любопытно было бы узнать отъ этихъ господъ, какое впечатлѣніе на нихъ производятъ хотя бы заурядное въ заголовкахъ сербскихъ газетъ выраженіе: «излази» (выходить) въ такой то день «на целомъ табаку» «на по табаки» (въ объемѣ цѣлаго листа, полулиста. Если это смѣшно для человѣка малообразованнаго,—то на него нельзя и сердиться, „но игривыя шуточки нашихъ пользующихся европейскою извѣстностью языковѣдовъ по адресу тѣхъ или иныхъ особенностей малорусской рѣчи, по моему—ничто до крайности безтактное и неприличное. Естественно, начинаешь приписывать это совершенно другого рода умысламъ и цѣлямъ, увн, ничего общаго съ настоящей наукой не имѣющимъ“.

—

Въ № 235 газеты «Асхабадъ» помѣщенъ фельетонъ г. А. З. подъ заглавіемъ «Объ украинофильствѣ». Заговоривъ о бывшихъ въ закавказской области украинскіхъ спектакляхъ¹⁾, авторъ коснулся причинъ огромнаго успѣха украинскіхъ драмъ и комедій, не только, наприм., на Закавказьи, но и во всей Россіи. Отмѣтивъ начало увлеченія украинской народной поэзіей, начало «украинофильства», авторъ говоритъ о томъ, что на ряду съ движеніемъ украинскаго народнаго творчества, въ русской литературѣ создалась особая партія видящая въ этомъ движеніи „глубоко зловредныя начала“, тормозящая развитіе „истиннаго“ самосознанія русской жизни, оскорбляющія русскій націонализмъ и даже подрывающія чуть ли не въ корнѣ государственный строй. Между тѣмъ, враждебныхъ чувствъ со стороны украинскаго народа и его образованныхъ представителей по отношенію къ Россіи, русскимъ чувствамъ, ни въ чемъ не замѣтно,—ни въ народной украинской поэзіи, ни въ памятникахъ минувшихъ столѣтій, ни въ литературѣ. Въ концѣ статьи авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы развитіе народныхъ массъ шло нормально, безъ тормоза, съ яснымъ пониманіемъ окружающей обстановки, безъ ложнаго толкованія и инсинуацій, продѣлываемыхъ, напрамѣръ господами самозваными патріотами надъ украинской литературой.

¹⁾ Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, какой именно труппы.

Въ № 8551 „Новаго Времена“ Д. Вергунъ въ статьѣ „Быть или не быть всеславянскому съѣзду журналистовъ въ Парижѣ“, предлагаетъ устроить таковой съѣздъ въ Парижѣ во время всемірной выставки, на которомъ бы „докладъ о современномъ положеніи, со славянской точки зрѣнія, печати русской, малорусской въ Австріи, Венгрии, польской, чешской, словацкой, словинской, хорватской, сербской и болгарской, дали бы возможность уяснить себѣ тѣ пробѣлы и недочеты славянской печати, отъ которой страдаетъ идея о „духовномъ единеніи всего славянскаго міра“.

Въ VIII кн. за 1899 г. парижск. журнала «Revue politique et parlementaire» нѣкій г. Philarmonios помѣстилъ статью «Les destinées de la Russie au point de vue nationaliste» („о судьбахъ Россіи съ точки зрѣнія націоналиста“). Статья эта, въ основу которой положена фальшивая идея, переполнена разительными фактическими неточностями. Philarmonios проповѣдуетъ принципъ „повсемѣстнаго притѣсненія народа польскаго въ предѣлахъ нашего отечества“, предлагаетъ всѣ польскія губерніи подарить Австріи, а въ замѣнъ этого отобрать у послѣдней восточную Галицію, гдѣ живутъ „россіане (!)“ „Народа русинскаго не существуетъ. Есть только россіане; то, что писали извѣстные русскіе и чешскіе изслѣдователи славянскаго міра о русинской народности, все это вздоръ“!

На подобныя разглагольствованія не стоило бы обращать вниманія... Остается только пожалѣть, что такія вещи печатаются въ французскомъ журналѣ, имѣющемъ широкое распространеніе, и очень легко могутъ ввести въ заблужденіе неосвѣдомленную по данному предмету французскую публику.

Сорокъ первое присужденіе премій графа Уварова происходило, 25-го сентября, въ публичномъ засѣданіи Императорской академіи наукъ. На соисканіе премій графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено восемь сочиненій и, сверхъ, того, одно, отложенное отъ прошлаго конкурса за непредставленіемъ отзыва рецензента. Единогласно признано вполне отвѣчающимъ условіямъ для награжденія большою премією въ 1500 руб. сочиненіе С. Голубева: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, т. II. Кіевъ. 1898. Неполная премія въ 500 руб. присуждена Д. Багалю—за сочиненіе „Опытъ исторіи харьковскаго университета“. Почетный отзывъ при-

сужденъ: В. И. Шенроку за сочиненіе „Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя“.

Въ газ. „Волинь“ (№ 180) напечатана небольшая статейка, въ видѣ исторической справки, о горѣ *Бонь* въ гор. Кременцѣ, на которой находятся развалины одного изъ древнѣйшихъ и неприступныхъ замковъ на Волини. Въ статьѣ этой даются враткія историческія свѣдѣнія объ этомъ замкѣ и описывается современное положеніе его.

Въ № 9-мъ минувшаго года въ нашемъ журналѣ были перепечатаны замѣтки изъ „Буковины“ о положеніи майноскихъ козаковъ, живущихъ въ Турціи (см. отд. 2-й, стр. 104—107). По поводу этихъ замѣтокъ въ № 231-мъ „Кубанск. Вѣдом.“ помѣщена статья *П. П. Короленка*, въ которой онъ высказываетъ сомнѣніе въ вѣрности сообщенныхъ въ „Буковинѣ“ данныхъ объ этихъ козакахъ, а особенно о слѣдахъ въ ихъ разговорной рѣчи малорусскаго языка.

Въ словинскомъ иллюстрированномъ журналѣ, «*Dom in Svet*,» выходящемъ въ Люблинахъ, началась печатаніемъ статья г. Подравскаго подъ загл. «*Črtice iz maloruske književnosti*». Въ № 21 (отъ 1 ноября) говорится о Шевченкѣ, отъ его дѣтства до знакомства съ Кулишемъ и Костомаровымъ. Статья написана тепло и сочувственно къ нашему поэту. Въ № 22 разсказывается о Кирилло-Меоодіевскомъ братствѣ, о дальнѣйшей судьбѣ и смерти Шевченка. Болѣе подробно останавливается авторъ надъ характеромъ и дѣятельностью Кулиша. Затѣмъ авторъ обращается къ писателямъ 60-70 гг. и упоминаетъ о запрещеніи печатанія малорусскихъ книгъ и журналовъ въ Россіи, начиная съ 1876 г. Упомянувъ еще о Рудявскомъ, Мордовцевѣ и Стороженикѣ, онъ обращается къ Галиціи, говоритъ объ основаніи Галицко-Русской Матицы, первой газеты на украинскомъ языкѣ «*Зоря галицька*» и о назначеніи Головацкаго профессоромъ украинскаго языка и литературы во Львовскомъ университетѣ.

Извѣстный переводчикъ Шевченка на Русскій языкъ Иванъ Бѣлоусовъ, напечаталъ въ „Южномъ Обозрѣніи“ (№ 835) переводъ «*Мени тринадцятий минавъ*». Переводъ не дуренъ. Вотъ его начало:

Мнѣ спилосьъ: снова я ребенокъ,
 Пасу ягвятокъ за селомъ,
 На небѣ солнышко сіяетъ,
 Тепло и весело кругомъ,
 И мнѣ такъ радостно, что словно
 Не на землѣ я, а въ раю.

Въ журн. „Slovanské Pohľady“, (XVI, № 6, стр. 345) помѣщена въ переводѣ Сомолицкаго, дума Шевченка «Мынають дни, мынають ночи». Начинается она такъ:

Uchodia dni i hviezdnaté poči,
 Prešlo už leto, žltne strom;
 Padajú listy, hasnú už oči,
 Objaté dumy, srdce snom.
 Odišlo všetko do pokoja—
 Žiješ li ešte, duša moja?
 Chladnym okom hl'adim v svet,
 Neman slz, ni smiechu niet.

Какъ видимъ, переводъ этотъ значительно уступаетъ, напр переводу г. Гарамбашинча на сербскій языкъ (см. «Кіевская Старина», 1899, кн. 7 и 9.) Здѣсь измѣненъ размѣръ, переводъ слишкомъ свободный, и часто не передаетъ мысли поэта.

Въ Перемышлѣ, на средства священника Л. Джулинскаго, издана Библія въ картинахъ; всѣхъ картинъ 50, съ соответствующими надписями и текстомъ на оборотѣ, вкратцѣ поясняющемъ изображаемое событіе. Надписи и текстъ на картинахъ исполнены этимологическимъ правописаніемъ, но уже готовится и на дняхъ выйдетъ новое изданіе, гдѣ будетъ введено правописаніе фонетическое. Клише рисунковъ изготовлены въ Лейпцигѣ, исполнены прекрасно, и цѣну изданія 1¹/₂ зл. р. около (1 руб. 20 коп.) можно считать невысокой. («Дѣло», 276).

Нѣмецкій журналъ «Die Gesellschaft» помѣстилъ въ октябрьскомъ номерѣ очеркъ одного изъ лучшихъ современныхъ галицко-буковинскихъ писателей Василя Стефаныка «Листъ» (Ein Brief).

Польскій еженедільн. журналъ (во Львовѣ), «Monitor», въ № 23 помѣстивъ въ фельетонѣ переводъ поэзій въ прозѣ О. Кобылянской «Рожі» «Аккорди».

Краковскій ежемѣсячный журналъ «Krytyka» въ вып. 8-омъ (октябрь) помѣстивъ переводъ очерка В. Стефаныка — «Сама саміська» („Sama samiuteńka“)

Съ № 77 «Буковини» началось печатаніемъ «Відродженне» (Воскресеніе) гр. Л. Н. Толстого въ переводѣ Василя Симовича.

Опредѣленіемъ особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ Министра, постановлено: книжку «Розмова про сільске хозяйство». II книжка. Худоба: кони, скотина, свини та вивци, зъ 20 малюнками, Е. Чикаленко. Одесса 1899 г. Изданіе южнорусскаго общества печатнаго дѣла, стр. 59, ц. 10 к., — допустить въ бібліотеки учительскихъ семинарій, въ учительскія бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки тѣхъ губерній, гдѣ мѣстное населеніе говорить на малорусскомъ нарѣччі. (Кубан. Вѣд. № 265.)

Въ № 49 журнала „Крај“ помѣщенъ сочувственный отзывъ о 1-мъ томѣ «Повистей и Оповідань» И. Левицкаго: „спокойный, медлительный, мечтательный тонъ рассказовъ хорошо настраиваетъ читателя, не любящаго искусственности или тенденцій“.

Біографія Д. И. Удаленіе профессора И. Е. Шала изъ Харьковскаго университета. Матеріалы для біографіи. словаря профессоровъ Харьковск. Университета. Харьковъ, 1899. Ц. 1 р.

Исторія України-Руси. Написав М. Грушевскій. Том II. XI—XIII в. (Збірникъ історично-філософичної секції Науков. Тов. ім. Шевченка. Т. X). У Львові, 1899., in 8°, II—403. Ціна 2 зл. р.

Josef Dunin Karwicki. Ze starego autoramentu. Typy i obrazki Wolyńskie. Serya druga. Warszawa, 1900.

М. Запирня. Страшний ворогъ. Книжка про горилку. Видання Б. Гринченка. № 45. У Чернягові, 1900, in 16°, 1—42. Ціна 6 коп.

Оповіданя Олександра Катренка. У Львові, 1900, in 8°, 1—56.

Оповідання Михайла Коцюбинського. У Львові, 1900, in 8°, 1—48.

Даниличенко І. Суспільні верстви Галицької Русі XIV—XV в. У Львові, 1899, in 8°, 1—168. (Руська історична бібліотека, т. VII).

Мудра дівчина. Казка народня. Видання Б. Гринченка. № 44. У Чернигові, 1900. in 16°. 1—32. Ціна 5 к.

ІІ Мыронъ. Абу-Каземови канци (арабська казка). № 12. Черкаськ, 1899, in 16°, 1—64. Ц. 5 к.

А. Папковъ. Братства. Очеркъ історіи западно-руських православнихъ братствъ. Москва, 1900, I—III+I—LXIV+I—291+I—22+I—XXIX.

А. Папковъ. Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX в.) Историческая справка. Москва, 1899, 1—169.

Перетцъ. В. Н. Малорусскія вирши п пісні въ записяхъ XVI—XVIII вв. (I—XIV). Сибр. 1899. Ц. 80 к.

Перетцъ. В. Н. Матеріали по історіи апокрифа и легенды І. Къ історіи Громника. Введеніє, славянскіє п єврейскіє тексти. Сибр. 1899. Ц. 1 р. 30 к.

Родословіє древняю дворянскаго рода Завадскихъ — Рогачей. (Од. оттискъ изъ «Дворянскаго адресъ-календаря» на 1899). Сибр., in 8°, стр. 1—7.

Разказы М. Т. Симонова (Номиса). Изданіє «Кіевской Старини». 1900, 1—15, 1—244.

Сластинъ. М. Ф. Погыбель. Драма въ 3-хъ діяхъ п 4 одинахъ. Харьковъ. 1899. Ц. 10 к., съ нотами—15 к.

Н. П. Степановъ. Народные праздники на святой Руси. Сибр. 1900 г.

Тимковскій Д. Земля п люди въ Россіи. Географическая хрестоматія. Вып. 3. (Въ Бѣлоруссіи.—Въ Малороссіи.—Въ Крыму.—На Кавказѣ). Москва, 1899, стр. 158+II, in 8°.

А. А. Шахматовъ Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій п русскихъ народностей Сибр. 1899.

Уіліям Шекспір. Гамлет, принц данський. Переклад П. Куліша. Виданий з передмовою і поясненнями Др. Ів. Франка. У Львові, стр. XXIII+172. Ціна 70 кр.

Яценко-Хмѣлевскій. Родословная записка фамиліи Яценко-Хмѣлевскихъ (по Черниговской губерніи). Москва, 1898, 1—141, I—II (съ генеалогич. таблицами).

Археологическая лѣтопись.

Не смотря на то, что веденіе «Археологической лѣтописи» въ прошломъ году было сопряжено съ различнаго рода затрудненіями, зависѣвшими какъ отъ малой отзывчивости нашихъ археологовъ, такъ и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ не мѣсто здѣсь распространяться, мы все-таки, считая это дѣло не вполне безполезнымъ, рѣшили продолжать его и въ настоящемъ году.

Особенно много хлопотъ доставилъ отдѣлъ изслѣдованій и раскопокъ. Съ каждымъ годомъ у насъ все больше и больше производится раскопокъ кургановъ и городищъ; цѣлью отдѣла и было поставлено—дать хотя краткія свѣдѣнія о всѣхъ подобнаго рода изслѣдованіяхъ. Вѣдь можно положительно утверждать, что большая половина добытаго такимъ путемъ матеріала пропадала и пропадаетъ для науки. Мы не говоримъ уже о тѣхъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ, которыя производятся отъ нечего дѣлать, отъ празднаго любопытства, но даже и тамъ, гдѣ раскопки обставлены научно, гдѣ ведутся дневники, не всегда они становятся достояніемъ науки. Легко произвестъ раскопку десятка-другого кургановъ, труднѣе составить дневники раскопокъ, но еще труднѣе по разнымъ обстоятельствамъ издать дневники, хотя-бы даже въ сыромъ видѣ. Прошлое даетъ не мало печальныхъ примѣровъ подобнаго рода. Приведемъ одинъ: не такъ давно, чуть-ли не на толкучемъ рынкѣ, въ числѣ другого рукописнаго хлама можно было видѣть дневники раскопокъ покойнаго археолога Волошинскаго, раскопавшаго массу кургановъ въ Кіевской губ.. Да и теперь, у многихъ здравствующихъ археологовъ накопилось столько матеріала, что они не знаютъ что съ нимъ дѣлать, и дѣйствительно, справиться съ нимъ довольно мудрено, разъ дѣло запущено.

Будучи увѣрены, что даже самыя краткія резюме разнаго рода изслѣдованій пригодятся для науки, мы очень просимъ лицъ, производящихъ изслѣдованія въ районѣ Южной-Россіи, дѣлиться съ нами результатами и наблюденіями.

Н. Вѣляшевскій.

1899 г. въ археологическомъ отношеніи.

Въ нѣсколькихъ нижеслѣдующихъ строкахъ мы намѣрены отмѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ, что далъ прошлый годъ для археологій Южной-Россіи.

На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, поставить *археологическій съѣздъ*. О немъ уже много говорилось на страницахъ «Лѣтописи» — повторяться не будетъ, скажемъ — лишь, что самыя существенныя результаты съѣзда заключаются въ подготовительныхъ работахъ къ нему и въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя вытекаютъ изъ него. На съѣздѣ было высказано много пожеланій; трудно предсказать судьбу ихъ, но на одномъ стоитъ остановиться, такъ какъ, благодаря энергіи гр. П. С. Уваровой, оно, повидимому, начинаетъ осуществляться. Имѣемъ въ виду вопросъ о собираніи свѣдѣній о памятникахъ старины Южной Россіи и объ изданіи ихъ. 1) Не можетъ быть и рѣчи объ изданіи всѣхъ памятниковъ, — тутъ нужны обширныя подготовительныя работы, нужны большія средства на изданіе. Но если даже будетъ сдѣлано и небольшое изъ намѣченнаго широкаго плана, то и это будетъ дѣльнымъ вкладомъ въ очень не богатую литературу по данному предмету.

Съѣздъ вызвалъ нѣкоторый интересъ къ археологій и у нашихъ *ученныхъ обществъ*; но въ общемъ, докладовъ на специально археологическія или художественно-археологическія темы почти не было. Въ Кіевѣ существуетъ Общество Древностей и Искусствъ; до послѣдняго времени оно было занято устройствомъ новаго музея; будемъ надѣяться что, покончивши съ этимъ дѣломъ, и оно приметъ участіе въ научной разработкѣ вопросовъ, касающихся мѣстной старины.

1) См. «Лѣтопись», 1899 г. — Засѣд. общ. Нестора Лѣтописца и особой коммисіи.

Благодаря тому, что почти всѣ лица, такъ или иначе сопріачастныя къ археологіи, были заняты организационной дѣятельностію по устройству съѣзда, систематическія *раскопки* въ прошлое лѣто почти совершенно не производились. Мы можемъ указать лишь на продолженіе изслѣдованій Хвойко палеолитической стоянки на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ, давшей много новыхъ образцовъ древнѣйшей культуры, на раскопки гг. Мазараки и Линниченко въ Ромешскомъ у. Полтавской губ.—раскопки довольно счастливыя, и на открытіе г. Доманицкимъ площадокъ съ расписными сосудами въ Уманскомъ и Звенигородскомъ уу.—фактъ, заслуживающій полного вниманія.

Что касается *случайныхъ находокъ*, то истекшій годъ можно назвать выдающимся въ этомъ отношеніи: сотни цѣнныхъ предметовъ дали городища на Росі; отъ нихъ не отсталъ и Кіевъ—кладъ въ усадьбѣ Бродскаго относится къ числу перворазрядныхъ находокъ ¹⁾.

Обильно снабжались находками главнымъ образомъ частныя *собранія древностей*, какъ напр. гг. Ханенка и Чернева; общественныя же *музеи* Кіева хотя и пополнялись, но выдающагося поступило туда немного. Прошлый годъ далъ Кіеву новый музей, въ которомъ давно чувствовалась настоятельная необходимость, далъ пока лишь одно знаніе, но за содержимымъ, при удачной постановкѣ организаціи музея, дѣло не станетъ. Но за то Кіевъ лишился въ прошломъ году и очень цѣннаго собранія В. В. Тарновскаго—со смертію владельца, его собраніе перешло въ собственность Черниговскаго земства. Провинціальныя музеи нашего района показали довольно мало признаковъ жизни, болѣе интенсивно пополнялись лишь Херсонскій музей и Городецкій музей Воынской губерніи.

Въ прошломъ году вышло много цѣнныхъ изданій; достаточно указать на каталогъ собранія В. В. Тарновскаго, на изданія Б. И. и В. Н. Ханенко, на «Матеріалы до українсько-руської етнології», издаваемые во Львовѣ подъ редакціей Хв. Волка... На пожеланіи, чтобы и настоящій годъ не уступилъ прошлому въ этомъ отношеніи, мы и закончимъ нашъ бѣглый обзоръ.

¹⁾ См. „Лѣтопись“ 1899 г., октябрь.

Засѣданія обществъ.

Одесское Общество исторіи и древностей. 14 ноября происходило торжественное засѣданіе Общества по случаю 60-лѣтія со дня его основанія. Это общество занимаетъ выдающееся мѣсто среди остальныхъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ. До его возникновенія, громадные археологическія и историческія богатства южной Россіи оставались безъ изслѣдованія. Благодаря участію начальника Новороссійскаго края, при содѣйствіи А. Стурдза, Д. Княжевича, А. Фабра, М. Киріакова и Н. Мурзакевича, 23-го апрѣля 1839 года уставъ общества исторіи и древности былъ утвержденъ, а въ томъ-же году, 14 ноября, по ходатайству графа Воронцова, общество Высочайше утверждено. При этомъ Государь Императоръ Николай Павловичъ Всемилоостивѣйше разрѣшить соизволилъ: отпускать изъ государственнаго казначейства въ пособіе обществу по 1.428 руб. 67 коп. въ годъ, принять общество подъ покровительство Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и производство обществомъ археологическихъ изысканій во всей южной Россіи—на казенныхъ земляхъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, а на частныхъ земляхъ—съ согласія владѣльцевъ. Это важное право распространено было впоследствии и на восточный берегъ Кавказа, съ согласія его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, Намѣстника Кавказскаго. Покойный Государь Императоръ Александръ II былъ покровителемъ общества до своей кончины. Имъ предоставлено обществу въ 1872 году названіе Императорскаго, въ возданіе заслугъ, оказанныхъ отечественной наукѣ. Послѣ Него соизволилъ принять на себя покровительство Государь Императоръ Александръ III. При открытіи общества, избраны были: почетнымъ президентомъ графъ М. С. Воронцовъ, президентомъ, бывшій тогда попечитель одес. учебнаго округа, Д. М. Княжевичъ и вице-президентомъ А. С. Стурдза и послѣ него С. Б. Сафоновъ. Затѣмъ вице-президентомъ состояли послѣдовательно: попечитель учебнаго округа Н. И. Пироговъ и архіепископъ херсонскій и одесскій Димитрій. Цѣлью, для которой учреждалось общество, было распространеніе историческихъ и археологическихъ свѣдѣній о южной Россіи, для чего оно занялось описываніемъ и храненіемъ всѣхъ остатковъ древностей, открывающихся въ южной Россіи, или имѣющихъ къ нимъ отношеніе, отыскиваніемъ, разборомъ и объясненіемъ документовъ и актовъ, относящихся къ нашему краю, подвергало критическому из-

слѣдованію показаніи древнихъ писателей о его мѣстностяхъ и достопримѣчательностяхъ и отыскиваніемъ ихъ слѣдовъ въ настоящее время, приготовляетъ матеріалы для будущей исторіи края собираніемъ вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ его состояніи, въ отношеніи географіи и статистики, разбираетъ выходящія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ сочиненія, касающіяся того-же предмета, и опредѣляетъ степень ихъ достовѣрности. Члены общества производили много раскопокъ, обогатившихъ науку интересными данными. Многія историческія развалины въ нашемъ краѣ сохранились до настоящаго времени можетъ быть только потому, что Общество защищало ихъ отъ умышленнаго разрушенія и входило со своимъ протестомъ, когда городскія общины ходатайствовали у начальства о разрѣшеніи разобирать ту или другую древнюю постройку на матеріалъ, не смотря даже иногда на ея прочность. Въ 1875 году, въ бытность въ Одессѣ министра нар. просвѣщенія графа Д. А. Толстого, по представленію послѣдняго, ассигнована обществу ежегодная сумма изъ хозяйственнаго управленія св. синода по 1 т. р. въ годъ на археологическія изслѣдованія въ мѣстности, принадлежащей херсонесскому монастырю. Вообще, такихъ раскопокъ обществомъ сдѣлано очень много. Общество оказало важную услугу общественной археологіи, стараясь собирать мѣстныя древности, о чемъ свидѣлствуютъ значительныя и, по нѣкоторымъ отдѣламъ, весьма интересныя коллекціи его музея. Въ немъ находятся камни съ надписями, статуи, колонны, капители, разнородные архитектурные орнаменты, расписныя вазы, терракота, мѣдныя статуэтки, золотыя, серебряныя, бронзовыя, костяныя, стекляныя и каменные вещицы домашняго обихода, ручки съ надписями, стрѣлки, оружіе, орудія каменнаго и бронзоваго вѣка—эллинскихъ, римскихъ, венеціано-генуэзскихъ, монголо-татаро-турецкихъ, отечественныхъ, литовско-польскихъ, африканскихъ племенъ и верхняго Египта. Въ музей-кабинетѣ имѣются монеты: эллинскія, римскія, византійскія, европейскія государствъ, восточныя, генуэзско-татарскія, польскія, шведскія, армяно-грузинскія, іудейскія и Александріи египетской. Библіотека музея имѣетъ массу книгъ, рукописей, восточныхъ рукописей, картъ, плановъ, чертежей, гравюръ и видовъ, старинныхъ документовъ, грамотъ и патентовъ, иконъ, портретовъ историческихъ особъ, фотографій и гравюръ. (Одесск. Листокъ).

Въ недавно бывшемъ собраніи членовъ *Подольскаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета* обсуждался вопросъ, касающійся снесенія старыхъ упраздняемыхъ церквей. Вопросъ этотъ подлежалъ обсужденію вслѣдствіе того, что Духовная Консисторія просила Комитетъ дать свое заключеніе относительно нѣкоторыхъ старыхъ подлежащихъ снесенію церквей (м. Ярышева Могилевск. у., с. Латанца Винницк. у. и старой соборной церкви г. Брацлава), не имѣютъ ли эти церкви археологическаго значенія по своей архитектурѣ, иконостасной иконописи, рѣзнымъ украшеніямъ и т. п. Всѣ эти церкви—деревянныя, постройки прошлаго вѣка: одна изъ нихъ однокупольная, другая трехкупольная, а третья, въ Ярышевѣ, пятикупольная, южно-русской архитектуры, съ оригинальнымъ рѣзнымъ иконостасомъ (изображеніе ея имѣется въ книгѣ «Подолія», изд. П. Н. Батюшкова). Комитетъ поручилъ нѣкоторымъ своимъ членамъ осмотрѣть эти церковныя зданія и составить подробное археологическое ихъ описаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ просить Консисторію, чтобы сдѣлано было распоряженіе о снятіи фотографическихъ видовъ тѣхъ, подлежащихъ сломкѣ, церквей—какъ снаружи, такъ и внутри, особенно иконостасовъ, а также о снятіи чертежей плана и разрѣзовъ тѣхъ церквей, особенно Ярышевской, какъ представляющей рѣдкое теперь по архитектурѣ зданіе въ пять куполовъ,—съ тѣмъ, чтобы эти снимки и чертежи были представлены въ Древнехранилище Комитета. Вообще желательно, чтобы и на дальнѣйшее время было обращено вниманіе на тѣ зданія церквей, которыя подлежатъ снесенію. Осмотръ этихъ зданій и находящихся въ нихъ иконостасовъ и иконъ чрезъ людей слѣдующихъ хоть отчасти будетъ способствовать сохраненію достопримѣчательныхъ древнихъ памятниковъ, а фотографическіе снимки и архитектурскіе чертежи хоть отчасти сохранятъ память объ архитектурныхъ сооруженіяхъ старины, которыхъ нельзя сохранить по ихъ громоздкости и большой стоимости поддержанія ихъ. Такое внимательное отношеніе къ архитектурнымъ и иконописнымъ древнимъ памятникамъ обратитъ вниманіе и духовенства на эту достопримѣчательную старину и, можетъ быть, побудитъ его болѣе свято и ненарушимо охранять древность, особенно древность иконописи. Часто бываетъ, что древнія иконы изъ стараго иконостаса прекрасной живописи переносятся куда-нибудь въ притворъ, а иногда въ колокольню и на чердакъ, или раздаются прихожанамъ, а въ новой церкви помѣщаются новыя иконы весьма неискусной живописи, написанныя съ отсутле-

ніемъ отъ принятаго въ Православной Церкви типа. Если же изъ старыхъ церквей и сохраняются чтимыя древнія иконы, то такія обновляются и притомъ весьма неумѣло, часто тѣми мѣстными малярами, которые раскрашиваютъ стѣны церкви.

Кстати сказать, что въ томъ же засѣданіи Историко-статистическаго Комитета было высказано желаніе, чтобы воспитанниковъ мѣстной семинаріи, будущихъ священниковъ, преподаватели литургики, исторіи и латинскаго языка практически знакомили съ памятниками церковной старины, какъ-то: съ иконописью разныхъ иконъ и направлений, древними антиминсами, старопечатными книгами и т. п.; особенно желательно такое знакомство съ мѣстными памятниками старины, пособіемъ чему можетъ служить отчасти и Древнехранилище Историко-статистическаго Комитета. Такое желаніе, по постановленію Комитета, сообщено о. Ректору семинаріи. (Подольск. Еп. Вѣд.).

С.-Петербургское Археологическое Общество. 16-го октября, подъ предсѣдательствомъ С. Θ. Платонова, состоялось засѣданіе Русскаго отдѣленія общества. Послѣ доклада секретаремъ текущихъ дѣлъ, *А. К. Марковъ* сдѣлалъ сообщеніе о кладѣ, найденномъ въ Киевѣ, въ усадьбѣ *Л. И. Бродскаго*. Въ преніяхъ приняли участіе *А. А. Спицынъ*, *Н. И. Веселовскій*, *В. В. Бартольдъ* и *С. Θ. Платоновъ*, указавшій, что золотыя гривны были найдены на Волынѣ. Затѣмъ *А. А. Спицынъ* сдѣлалъ сообщеніе „О майданахъ въ южной Россіи“. Майданы находятся въ Россіи въ бассейнѣ Днѣпра по его среднему и нижнему теченію, и, насколько извѣстно, кромѣ Россіи, нигдѣ не встрѣчаются. Въ преніяхъ приняли участіе: кн. *П. А. Путятинъ*, *Н. И. Веселовскій*, *В. В. Бартольдъ* и *А. В. Комаровъ*, высказавшій интересное предположеніе, не представляютъ ли эти южно-русскіе майданы остатки рудниковъ для добыванія какихъ-либо минеральныхъ солей; на это, кромѣ ихъ устройства, указываетъ до нѣкоторой степени ихъ названіе, представляющее, быть можетъ, искаженное персидское „мадана“, что значитъ заводъ для добычи минераловъ. (Истор. Вѣст. 1899 г. декабрь).

Изслѣдованіи и раскопки.

Раскопки въ окрестностяхъ м. Райгороди и с. Прусы—Черкаскаго у. и с. Яровое, Чигиринскаго у. Киевск. губ. Осенью прошлаго лѣта В. В. Хвойко произвелъ раскопки по приглашенію В. И. Хавенко у вышеперечисленныхъ мѣстностей. Эти раскопки являются продолженіемъ уже раньше производившихся тамъ-же. Въ означенной мѣстности, по обоимъ берегамъ р. Тясмини, на наиболѣе возвышенныхъ мѣстахъ, расположено рядами или не большими группами довольно значительное число курганныхъ насыпей, куполообразной и сплющенной формы. Всѣхъ кургановъ было вскрыто 19. Въ нихъ обнаружены погребенія скифскаго типа—почти всѣ разграбленныя, погребенія со скорченными окрашенными скелетами и сожженія.

Въ погребеніяхъ скифскаго типа ничего новаго обнаружено не было, если не считать найденнаго въ одномъ женскомъ скелетѣ, наряду съ другими предметами, небольшого сосуда, имѣющаго видъ кувшина, орнаментъ котораго напоминаетъ славинскій.

Приводимъ описаніе раскопки одного изъ кургановъ съ сожженіемъ. Курганъ относится къ Райгородской группѣ. Окружность его 25 м., высота 75 стм. (высота скифскихъ кургановъ 5 и болѣе метр.). Почти вся насыпь, начиная отъ поверхности, до глубины 160 стм. состояла изъ комьевъ обожженной глины или до-красна выжженной земли; здѣсь, на глубинѣ 1 м. найдены сожженные человѣческія кости; предметовъ никакихъ. Въ южной сторонѣ кургана, въ ямѣ, на глуб. 1 м. 60 стм. найдены, повидимому умышленно сложенные человѣческія кости и при нихъ распавшееся на воздухѣ бронзовое кольцо.

Изъ кургановъ при с. Яровомъ было раскопано два. Одинъ оказался уничтоженнымъ кладовщиками. Другой далъ цѣлый рядъ погребеній. Высота его 3, 8 м., окружность 118 м. Въ насыпи, на глубинѣ 50 стм., обнаруженъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, головой на О, предметовъ при немъ не оказалось. Далѣе, на глубинѣ 90 стм., лежали на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга два скорченные скелета, верхнія части череповъ которыхъ были покрыты значительной толщины слоемъ красной краски. Въ насыпи-же, на глубинѣ 180 м., найдены также скорченный скелетъ съ окрашеннымъ черепомъ. Въ восточной сторонѣ, на глубинѣ 2,60 м., найденъ еще одинъ скорченный скелетъ съ такой-же окраской. На уровнѣ земли, въ вост. и зап. сторонѣ, открыты подъ насыпью два небольшіе деревянные

склепа съ такими-же скорченными и окрашенными скелетами. (Предметы и дневники раскопокъ находятся у Б. И. Ханенко).

Случайныя находки.

Склепы подъ соборной церковью св. Духа въ г. Ромнахъ, Полтавской губ. При замѣнѣ въ соборѣ чугунныхъ половъ деревянными, въ маѣ—октябрѣ прошлаго года, рабочіе наткнулись на цѣлый рядъ кирпичныхъ склеповъ съ гробами. Благодаря любезности И. Курилова, внимательно слѣдившаго за ходомъ работъ и подробно описавшаго всѣ сдѣланныя находки, мы имѣемъ возможность подѣлиться съ читателями главной сутью ихъ.

Въ разныхъ частяхъ церкви, неглубоко подъ поломъ, было открыто шесть склеповъ.

Въ центральномъ склепѣ, противъ царскихъ вратъ и соеи помѣщалось 7 гробовъ, изъ нихъ 5 большихъ и два поменьше, видимо дѣтскихъ. Въ четырехъ изъ открытыхъ гробовъ похоронены священники,—на это указываютъ хорошо сохранившіеся ризы и епитрахили; другихъ предметовъ, какъ напр. кадиль и крестовъ, не было. Положенные-же въ гробы иконы совершенно испѣли. Не было также на гробахъ никакихъ надписей, указывавшихъ на похороненныхъ лицъ, лишь на боковой продольной стѣнѣ одного гроба находилось полууничтоженная надпись, не заключавшая ни имени, ни даты; на поперечной доскѣ другого гроба нарисовано грубое изображеніе Архангела Гавріила.

Во второмъ склепѣ, впереди праваго клироса, стояли рядомъ три гроба. Въ двухъ изъ нихъ лежали мужчины, въ третьемъ—женщина. Платье на трунахъ сохранилось отлично, его частью вынимали наверхъ и разсматривали. Одинъ покойникъ былъ одѣтъ въ жуанъ, длиною до колѣнъ, изъ толстой шелковой матеріи коричневаго цвѣта, безъ подкладки; на изнанку эта матерія имѣла видъ парчи, затканной золотыми цвѣтами. Воротникъ у жуана—стоячій, шириной болѣе 1½ вершка, вышитъ серебромъ въ рѣшетку; верхній бортъ жуана также вышитъ серебромъ въ рѣшетку, шириною въ 1 верш.; на борту 12 серебряныхъ небольшихъ пуговокъ, изящной работы; онѣ не пришиты къ борту, а держатся на серебряныхъ колечкахъ. Поверхъ жуана покойникъ былъ одѣтъ въ поясомъ, 2 1/2

аршина длиной и 6 верш. шириной; поясъ весь затканъ золотомъ и на концахъ украшенъ золотымъ позументомъ. На другомъ покойникѣ—также шелковый жупанъ и поясъ; воротникъ и бортъ журана обшиты коричневымъ бархатомъ. Женщина одѣта въ шелковое платье и кофту, на головѣ платокъ.

Третій склепъ—немного южнѣ второго; опъ не былъ обследованъ, такъ какъ сводъ его оказался очень непрочнымъ; въ немъ находились два гроба, повидимому съ мужчинами.

Четвертый склепъ расположенъ впереди лѣваго клироса, симметрично второму. Здѣсь помѣщено три гроба, съ двумя мужчинами и женщиной. Мужчины одѣты сверху въ длинные шелковые плащи; подъ плащами—шелковые-же жупаны, съ обшитыми бархатомъ воротниками и обшлагами; опоясаны шелковыми, затканными золотомъ, поясами. На одномъ изъ покойниковъ надѣта высокая козацкая шапка изъ черныхъ смушекъ, съ верхомъ изъ желтаго сукна; шапка прекрасно сохранилась и надѣта немного на бокъ. У обоихъ покойниковъ замѣтны черные усы и небольшія бороды. На женщинѣ—длинное шелковое платье изъ очень плотной матеріи, закрывающее ноги; головной уборъ ея состоитъ изъ высоко повязаннаго шелковаго платка; о покроѣ кофты трудно судить, такъ какъ она сильно пристала къ костюмъ. Никакихъ другихъ предметовъ въ гробахъ не найдено, нашлась лишь небольшая иконка на деревѣ, почти совершенно истлѣвшая; на ней было повидимому изображеніе Божіей Матери.

При входѣ въ церковь, съ лѣвой стороны, впереди колонны, поддерживающей среднюю арку, открытъ на глубинѣ 1¹/₄ арш. пятый склепъ. Въ немъ стоятъ два большіе гроба, совершенно цѣлые, обитые шелковой матеріей голубого цвѣта, съ узкимъ золотымъ позументомъ, изъ котораго сдѣланы на крышкахъ и бокахъ крестики, звѣздочки и буквы у креста. «По снятіи крышекъ,—пишетъ г. Куриловъ, покойники оказались покрытыми, съ головы до ногъ, шелковой матеріей; одинъ—желтой, другой—голубой. Мы сняли эти покрывала и начали разсматривать покойниковъ. Останки ихъ совершенно цѣлы и крѣпки. Оба они похоронены въ шапкахъ, бархатныхъ или плюшевыхъ, не особенно высокихъ. Шапки темно-коричневаго цвѣта, съ желтыми верхами. У обоихъ сохранились длинные черные усы. Одежда на нихъ почти одинаковая: сверху—длинные, до пятъ, шелковые плащи, безъ рукавовъ, застегнутые на шеяхъ какими-то брошками. Подъ плащами—жупаны до колѣнъ, тоже шелковые, темно-синяго

цѣта; воротники, борта и обшлага обшиты темно-коричневымъ плюшемъ; у одного на борту маленькія серебряныя пуговицы, и воротникъ жулана застегнутъ дорогой брошкой. У этого-же покойника, въ боковомъ карманѣ жулана, на правой сторонѣ,—свернутый бѣлый шелковый платокъ, съ выпущеннымъ наружу концомъ. На обоехъ—широкіе шелковые пояса, затканые золотомъ, свернутые вчетверо, шириной около аршина. Шаровары и чулки—также шелковые“.

Противъ этого склепа, съ правой стороны отъ входа, обнаруженъ шестой склепъ, также по глубинѣ $1\frac{1}{4}$ аршин. Здѣсь снова дна гроба. Одинъ изъ нихъ совершенно сгнилъ и засыпанъ мусоромъ, такъ что ничего нельзя было видѣть. Въ другомъ находился покойникъ, одѣтый какъ и предыдущіе; сбоку, при головѣ его, лежала высокая восьмивугольная, бархатная шапка.

Кромѣ склеповъ, изъ разныхъ частяхъ церквей, особенно у западной стѣны, найдено нѣсколько череповъ безъ всякихъ признаковъ гробовъ.

Церковь во имя сошествія св. Духа окончена и освящена въ 1747 году. Но такъ какъ въ 1762 г. она считалась уже старою, то г. Куриловъ дѣлаетъ предположеніе, что она строилась долго, и быть можетъ, начало ея нужно отнести къ концу XVII в. Вопросъ о времени постройки церкви связанъ съ вопросомъ о времени устройства склеповъ: послѣдніе расположены симметрично и повидимому заложены если не одновременно съ вкладкой фундаментовъ, то во всякомъ случаѣ въ періодъ, когда церковь не была еще совершенно окончена. Фактъ этотъ можетъ дать нѣкоторые указанія на то, кто и когда погребенъ въ склепахъ. Хотя относительно большинства покойниковъ никакихъ данныхъ нѣтъ, но несомнѣнно одно, что они принадлежали семьямъ козацкой старшины. Первый склепъ заключаетъ останки священниковъ; г. Куриловъ полагаетъ, что здѣсь вѣроятнѣе всего погребенъ протопопъ Павелъ Свѣтъ, умершій въ 1760 г., а вѣдѣтъ, быть можетъ, погребены: бывший въ началѣ семисотыхъ годовъ настоятелемъ собора Стефанъ Столповскій и протопопъ Евстафій Саввицкій, умершій около 1730 года, а также еще кто-ниб. изъ священниковъ церквей Св. Духа.

Что касается свѣтскихъ лицъ, то мы имѣемъ указанія, что въ соборной каменной церкви въ г. Ромнахъ погребенъ родоначальникъ фамиліи Маркевичей генеральный обозный Андрей, умершій въ 1747 г. Опъ погребенъ возлѣ своей супруги Анны Ивановны, умершей ранѣе

ше—въ 1743 году. Г. Куриловъ предполагаетъ, что 2-й склепъ и былъ родовой усыпальницей Маркевичей, при-чемъ находящій тамъ третій гробъ можетъ принадлежать одному изъ сыновей Маркевича, напр. Ивану Андреевичу, сотнику Роменскому, умершему въ 1760 г.

Мы должны быть очень благодарны г. Курилову, описавшему эту въ высшей степени любопытную находку, давшую намъ цѣлую серію богатыхъ козацкихъ костюмовъ. Жаль только, что съ костюмовъ не были сдѣланы рисунки, если нельзя было сохранить ихъ въ подлинникахъ въ какомъ-ниб. музеѣ; послѣднее представляется намъ самымъ рациональнымъ: достаточно сказать, что въ богатомъ собраніи козацкой старины покойнаго В. В. Тарновскаго нѣтъ ни одного цѣлаго костюма, — о нихъ мы можемъ судить лишь по описаніямъ, да портретамъ, здѣсь-же мы бы имѣли цѣлую коллекцію ихъ. Теперь же безпощадное время докончить начатое уже имъ дѣло полного уничтоженія этихъ рѣдкихъ остатковъ. . . .

Музеи и собранія древностей.

Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ. Какъ мы уже сообщали, постройка Музея уже почти совершенно закончена и если-бы были средства на его содержаніе, то онъ могъ-бы уже начать функционировать. Но задержка оказалась именно за послѣдними. Въ составленномъ Правленіемъ Общества проектъ положенія Музея исчислены самыя необходимыя статьи расходовъ на содержаніе Музея и штата служащихъ при немъ. Такъ напр., весь штатъ состоитъ изъ директора и помощника, не считая служителей. Если принять во вниманіе довольно широкую программу Музея, въ который входятъ отдѣлы древностей, искусствъ, художественно-промышленный и этнографическій, то штатъ этотъ окажется менѣ чѣмъ скромнымъ. По приблизительному подсчету и при такомъ положеніи дѣла расходовать ежегодно на Музей придется охоло 6 съ половиной тысячъ рублей.

Въ виду того, что доходы Музея предвидятся самыя незначительныя и такъ какъ музей, по уставу, составляетъ нераздѣльную собственность Общества и г. Кіева, то правленіе Общества, въ ноябрѣ прошлаго года обратилось въ Кіевскую Городскую Думу съ ходатайствомъ о субсидіи. 25 ноября ходатайство обсуждалось въ засѣданіи Думы. Рѣшеніе этого вопроса можетъ служить показателемъ

отношенія нашей Думы къ вопросамъ общественнаго характера. Не смотря на то, что гласными Проценко и Солухой указывалось на значеніе Музея, на постройку котораго общественное управленіе не затратило ни одной копѣйки, и предлагалось рѣшить принципиально вопросъ о субсидіи, дума по настоянію гласныхъ Дытыковского, Юскевичъ-Красковского и Николаева, рѣшила передать этотъ вопросъ въ финансовую комиссію... Въ настоящее время извѣстно, что финансовая комиссія нашла возможнымъ назначить субсидію Музею въ размѣрѣ 1000 рублей.

—

20-го декабря, въ засѣданіи правленія Кіевского общества Древностей и Искусствъ обсуждались слѣдующіе вопросы, имѣющіе отношеніе къ Музею. Поручено вице-предсѣдателю Общества В. И. Ханенко обратиться съ ходатайствомъ о субсидіи къ г. Министру Финансовъ на устройство художественно-промышленнаго отдѣла Музея. Доложено о пожертвованіи Н. А. Терещенко 5000 руб. на пріобрѣтеніе для Музея коллекціи первобытныхъ древностей В. В. Хвойко; въ виду такого цѣннаго дара, рѣшено залъ первобытныхъ древностей назвать именемъ жертвователя и повѣсить въ ней его портретъ. Наконецъ, постановлено образовать комиссію для выработки детальной программы дѣятельности Музея.

—

На дняхъ въ даръ Музею передана Н. Я. Тарновской коллекція древностей покойнаго брата ея Н. Я. Тарновскаго. Коллекція состоитъ изъ 25-ти витринъ и 4-хъ картоновъ съ древностями, 26-ти сосудовъ—всего 709 номеровъ и 339 монетъ¹⁾.

—

Въ собраніе древностей В. И. Ханенко поступила коллекція предметовъ великокняжеской эпохи недавно умершаго Н. П. Чернева²⁾.

—

Разныя извѣстія.

Съ весны этого года начнутся работы по постройкѣ Кіево-Ковельской желѣзной дороги. Новая дорога пройдетъ по мѣстности

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой коллекціи помѣщены въ „Лѣтописи“ 1899 г. январь.

²⁾ Объ этой коллекціи см. замѣтку въ „Лѣтописи“ 1899 г., июнь.

еще очень мало изслѣдованной въ археологическомъ отношеніи. Считаемо не лишнимъ во этому новоду припомнить приказъ министра Путей Сообщенія отъ 18 мая 1891 г. слѣдующаго содержанія: «Согласно отношенію предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи, предлагаю учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ Вѣдомства Путей Сообщенія оказывать всевозможное содѣйствіе въ дѣлѣ разысканія и сохраненія памятниковъ отечественной старины, и для сего заблаговременно сообщать въ Археологическую Коммиссію свѣдѣнія о направленіи проводимыхъ дорогъ и о производствѣ такихъ земляныхъ работъ, которыя подають поводъ разсчитывать на открытіе древностей (напр. срытіе кургановъ, раскопки городищъ и т. п.), а также въ контракты на подряды по землянымъ работамъ включить непремѣнно условіе о сохраненіи и доставленіи въ Археологическую коммиссію всѣхъ остатковъ древности, которые могутъ быть найдены при такихъ работахъ».

На дняхъ крестьяне изъ Черкаскаго уѣзда привезли въ Кіевъ партію древностей, въ которой, среди подлинныхъ вещей, правда, очень немногихъ, оказалось много *грубо поддѣланныхъ каменныхъ крестовъ и образковъ*. Крестьяне, повидимому, успѣли распродать свой товаръ—не поздравляемо счастливыхъ обладателей этихъ рѣдкостей.

Вышелъ III выпускъ «*Vestnik'a slovanskych starozitnosti*», издаваемого въ Прагѣ Л. Нидерле. По обыкновенію, изданіе это заключаетъ массу свѣдѣній о новинкахъ по археологической литературѣ. Между прочимъ, здѣсь помѣщенъ сочувственный отзывъ и о нашей «Лѣтописи».

Въ Варшавѣ началъ выходить подъ редакціей Е. Маевского ежегодникъ подъ названіемъ, «*Swiatowit*», посвященный польской и вообще славянской доисторической археологіи. Е. Маевскій давно извѣстенъ какъ энергичный изслѣдователь доисторической старины; его собраніе памятниковъ этого рода—одно изъ лучшихъ. Можно поэтому надѣяться, что новое изданіе приметъ виолнѣ научную окраску, и въ такомъ изданіи, съ прекращеніемъ издававшихся въ 70-хъ годахъ „*Wiadomości archeologiczne*“, давно чувствовалась потребность. Быть можетъ, существованіе этого органа повліяетъ и на оживленіе очень таки немногочисленныхъ археологическихъ изслѣдованій Царства Польскаго.

Энеида,

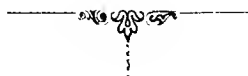
сочиненіе Котляревскаго

НА

МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ

по списку 1799 г.

*съ вариантами по первопечатнымъ изданіямъ—
Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г.*



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Эней ¹⁾ бувъ паробокъ моторный
И хлопецъ ²⁾ хотъ куды козакъ,
На лихо все издавсь ³⁾ проворный,
Завзятѣйшій изъ всѣхъ бурлакъ.
Но Греки якъ спаливши Трою,
Зробили зъ неи скирду ⁴⁾ гною,
Вѣнъ ⁵⁾ взявши торбу, тягу давъ:
Забравши всякихъ и ⁶⁾ Троянцѣвъ, ⁷⁾
Осмаленныхъ, якъ гира, ⁸⁾ ланцѣвъ, ⁹⁾
Пятами зъ Тром наживавъ.

1) Еней П. 2) хлопецъ П. К. 3) На лихо здався винъ П. удавсь на всее зле К. 4) скирту П. К. 5) Вѣнъ П. К. 6) деякихъ П. К. 7) троянцѣвъ П. К. 8) гира П. К. 9) ланцѣвъ П. К. *)

2.

Вѣнъ, ¹⁾ швидко поробывши човны,
На сыне море попускавъ,
Троянцѣвъ ²⁾ насадивши повны,
И куды очи почухравъ.
Но зла Юнона, суча дочка,
Роскудакалася, ³⁾ якъ квочка,

*) Въ вариантахъ буква П указываетъ на изданіе Парпуры 1798 года, а буква К—на изданіе Котляревскаго 1809 года.

Энея ⁴⁾ не любила ⁵⁾ страхъ,
 Давно уже вона хотѣла,
 Іого щобъ душка полетѣла
 Къ чортамъ ⁶⁾ и щобъ и духъ не пахъ.

1) Винъ П. К. 2) Троянцивъ П. К. 3) роскудкудаткалась П. ро-
 скудкудакалась К. 4) Енея П. 5) не любила П. К. 6) у пекло П.

3.

Эней бувъ тяжко не по сердцу ¹⁾ а)
 Юнонѣ, все еи гнѣвивъ, б)
 Здавався гѣрчѣйшій ей отъ перцу, ²⁾ в)
 Ни вчемъ ³⁾ Юноны не просывъ.
 Но ⁴⁾ гѣршъ ⁵⁾ за те ий ⁶⁾ не любився ⁷⁾,
 Що вѣнъ ⁸⁾ у Трои ⁹⁾ народився
 И мамою Венеру ¹⁰⁾ звавъ,
 И що іого покойный ¹¹⁾ дядько
 Парысъ, Пріамово дитятко,
 Путивочку Венерѣ давъ.

1) сердцю К. 2) перцю К. 3) ни въ чимъ П. К. 4) а 5) гарьшъ
 П. К. 6) ѣй П. К. 7) злюбився П. 8) бачъ П. 9) бачишъ, въ Трои К.
 10) Венеру П. 11) покойный П. К.

- а) Еней болячка бувъ Юнонѣ,
- б) Якъ жорна, сердце ѣй давивъ,
- в) Тугійшій бо бувъ отъ супонѣ П.

4.

Побачила Юнона зъ неба,
 Що вже ¹⁾ Эней ²⁾ на поромахъ,
 А те шепнула сука Геба,
 Юнону взявъ великій жакъ.
 Кужѣлку ³⁾ кинула пѣдлаву ⁴⁾, а)
 Впрягла у тарадайку паву б)
 И, килимомъ сѣнце заславъ, в)
 Взяла сподницю ⁵⁾ и шнурѣвку ⁶⁾

И бубликивъ за шагъ въ тарѣлку, ¹⁾ г)

Стругнула, де Эолъ живавъ. д)

¹⁾ панъ К. ²⁾ Еней П. ³⁾ кужилку П. ⁴⁾ пидъ лаву П. ⁵⁾ спидницю П. К. ⁶⁾ шнуравку П. ⁷⁾ талирку П.

а) Впрягла въ гринжолята павичку,

б) Сховала пидъ кибалку мычку,

в) Щобъ не свитылася коса К.

г) И хлѣба въ силу на тарилку,

д) Къ Эолу мчалась, якъ оса К.

5.

„Здоровъ, Эоле, пане свату!

Ой якъ ся маешъ, якъ живешъ?“

Сказала, якъ ввѣйшла ¹⁾ у хату

Юнона, „чи гостей ты ждешъ?“

Поставила тарѣлку ²⁾ съ хлѣбомъ

Передъ старымъ Эоломъ дѣдомъ,

Сама же сѣла на ослѣнъ. ³⁾

„Будь ласкавъ сватоньку старыку,

Избий Энея ⁴⁾ съ пантелику,

Теперь плыве на морѣ вѣнъ. ⁵⁾

¹⁾ ввѣйшла П. пришла К. ²⁾ талѣрку П. тарилку К. ³⁾ ослинъ П. К. ⁴⁾ Енея П. ⁵⁾ винъ П. К.

6 и 7.

„Ты знаешъ, вѣнъ ¹⁾ якій судѣга,

Паливода и коновѣдъ, ²⁾

По свѣту якъ и ще побѣга,

Багацко вѣнъ ³⁾ наробыть бѣдъ. а)

Пошли ты въ море злую тучу, б)

Щобъ всю Енейску челядь сучу в)

Пустить на дно изнимъ (sic) къ чортамъ. г)

За се же дѣвку чернобриву,

Товстеньку, ⁴⁾ гарну, уродливу

Тобѣ я далѣбу ⁵⁾ що дамъ.“

— „Гай, гай! Ой дей же іого кату!“
 Эолъ насупившись сказавъ,
 „Я бѣ все зробивъ за сую плату,
 Да вѣтры всѣ пороспускавъ.
 Борей лежить недужъ съ похмилѣя, ⁶⁾
 А Ноть ⁷⁾ поѣхавъ на весѣльѣя,
 Зефиръ ⁸⁾ же давнѣй ⁹⁾ негодай,
 Зъ дѣвчатами заженухався,
 А Евръ у винныки ¹⁰⁾ нанявся:
 Якъ хочешъ, такъ собѣ смякай.“ ¹¹⁾

¹⁾ винъ П. К. ²⁾ коновидъ П. горлоризъ К. ³⁾ винъ П. ⁴⁾ смачную К. ⁵⁾ далєби П. К. ⁶⁾ съ похмѣльѣя П. К. ⁷⁾ Нодъ П. Нордъ К. ⁸⁾ Зефиръ П. К. ⁹⁾ давній П. К. ¹⁰⁾ въ поденщики К. ¹¹⁾ и помышляй К

- а) Чіихсь багацько выльє слизь.
- б) Пошли на іого лихо злее,
- в) Щобъ люди всѣ, що при Энеѣ,
- г) Послизли и щобъ винъ и самъ К.

8.

„Да вже для тебе обѣщаюсь,
 Энеевѣ ¹⁾ я ляписъ дамъ, ²⁾
 Я хутко, разомъ ³⁾ постараюсь
 Загнать въ тристя іого къ чортамъ. ⁴⁾
 Прощай же, швидко убѣрайся, ⁵⁾
 Обѣцанки жъ ⁶⁾ не забувайся,
 Бо послѣ, чуетъ, ни чичиркъ:
 Ямъ збрешешъ. то хоча надсядся,
 На ласку послѣ не понадся,
 Тогдѣ ⁷⁾ вѣдъ ⁸⁾ мене возьмешъ чвирекъ.“

¹⁾ Енеевѣ П. Энееви К. ²⁾ дати К. ³⁾ митью К. ⁴⁾ въ тристя іого къ чортамъ загнать К. Въ опечаткахъ къ изданію Парпуры вмѣсто *въ тристя* исправлено: *въ бачно*. ⁵⁾ убирайся П. К. ⁶⁾ обіцанки П. К. ⁷⁾ тогда П. К. ⁸⁾ видъ П. К.

9.

Эолъ, оставшись на господѣ,
 Зобравъ всѣхъ вѣтровъ ¹⁾ до двора,

Велѣвъ поганій быть погодѣ...
 Якъ разъ на морѣ и гора,
 А далѣ, потѣмъ ²⁾ яръ глубокий. ³⁾ а)
 Еней стоявъ въ водѣ по боки, б)
 Злякався, крикнувъ, якъ на пупъ, в)
 Заплакався и зарыдався,
 Пошарпався, увесь подрався,
 На тѣмъи начесавъ ажъ струпь.

¹⁾ вѣтравъ П. К. ²⁾ потимъ П. ³⁾ глубокий П.

- а) Все море заразъ спузырило,
 б) Водю мовъ въ ключи забило,
 в) Эней тутъ крикнувъ, якъ на пупъ К.

10.

Прокляти вѣтры роздулися,
 А море злѣха ¹⁾ ажъ реве,
 Слезми Троянцѣ ²⁾ облилися,
 Энея ³⁾ за живѣтъ ⁴⁾ бере.
 Всѣ човники ихъ росчухрало,
 Багацко ⁵⁾ вѣйска ⁶⁾ тутъ пропало,
 Козацки ⁷⁾ головы лягли. а)
 Эней ⁸⁾ кричить, що я Нептуну
 Пѣвкопи ⁹⁾ грошей въ руку суну,
 Коли бъ щобъ фили полягли. б)

¹⁾ зъ лиха П. К. ²⁾ Троянци П. К. ³⁾ Енея П. ⁴⁾ живить П. К.
⁵⁾ багацко П. К. ⁶⁾ вѣйска П. К. ⁷⁾ козацки П. ⁸⁾ Еней П. ⁹⁾ пив-
 копы П. К.

- а) Тогдѣ набрались всѣ сто лихъ К.
 б) Абы на морѣ штурмъ утихъ К.

11.

Нептунъ дочувсь въ склянихъ ¹⁾ будинкахъ, ²⁾ а)
 Що пробу закричавъ Эней, ³⁾ б)
 Вѣнъ ⁴⁾ въ жинчинихъ ⁵⁾ метнувся патинкахъ, ⁶⁾ в)
 Мовъ кѣтъ ⁷⁾ отъ сала до дверей, г)

И мѣтью⁸⁾ осѣдлавши рака,
 Схвативсь на іого, якъ бурлака,
 И вирнувъ⁹⁾ зъ моря, якъ карась,
 Загомонѣвъ на вѣтрѣвъ¹⁰⁾ грѣзно: ¹¹⁾
 „Чого вы гудете ¹²⁾ такъ рѣзно? ¹³⁾
 До моря, знаете, вамъ зась!“

1) скляныхъ П. 2) будынахъ П. 3) Еней П. 4) винъ П. 5) жин-
 чинныхъ П. 6) патынкахъ П. 7) вить П. 8) митью П. К. 9) вирнувъ П.
 К. 10) вѣтривъ П. К. 11) гризно П. К. 12) дуете П. 13) ризно П. К.

- а) Нептунъ издавна бувъ дряпичка,
- б) Почувъ Энеевъ голосокъ,
- в) Шатнувся заразы ивъ запичка,
- г) Пивкопы для іого кусокъ К.

Въ первомъ изданіи Парпуры приведенъ варіантъ этихъ
 четырехъ стиховъ, ближе стоящій къ изданію автора:

Нептунъ же давній бувъ драпика,
 Почувъ Енеевъ голосокъ,
 Роцхуавши іого що клика,
 Пивкопы для іого кусокъ.

Этотъ варіантъ рукою Заградскаго списанъ на первой стра-
 ницѣ рукописи съ измѣненіемъ правописанія:

Нептунъ же давнѣй бувъ драпѣка,
 Почувъ Енеевъ голосокъ,
 Рошчухавши іого що клика,
 Пивкопи для іого кусокъ.

12.

Оттутъ то вѣтры схаменулись,
 И дали ¹⁾ драла до норы,
 До ляс (sic), ²⁾ мовъ Ляхи, метнулись,
 Або отъ ѣжака ³⁾ тхоры.
 Нептунъ же заразы взявъ мѣтелку ⁴⁾
 И море вимѣвъ, якъ свѣтелку,
 То солнце ⁵⁾ глянуло на свѣтъ.
 Эней ⁶⁾ тогда якъ народився,

Разѣвъ ¹⁾ испяъ ²⁾ перехристився,
Звелѣвъ готовити обѣдъ.

¹⁾ и ну всѣ К. ²⁾ до ляса П. К. ³⁾ ежака П. К. ⁴⁾ метелку П.
К. ⁵⁾ сонце П. К. ⁶⁾ Еней П. ⁷⁾ разивъ П. К. ⁸⁾ изъ пять П. К.

13.

Поставили столы дубовы, а)
Багацько съ травою ¹⁾ мисокъ, ²⁾ б)
За стѣль ³⁾ всѣ сѣлы ⁴⁾ и безъ мови в)
Въ голодный пхали все кутокъ.
Галушки зъ саломъ тутъ лыгали, ⁵⁾
Лемѣнку и кулѣшъ трепали, ⁶⁾
Хватались бражкой запивать, г)
Да и горѣлочку хлитали,
На сылу ⁷⁾ зъ за стола устали ⁸⁾
И послѣ полягали ⁹⁾ спать. д)

¹⁾ зъ стравую П. ²⁾ мысокъ П. ³⁾ стилъ П. ⁴⁾ сѣли П. ⁵⁾ лыгали
П. ⁶⁾ глытали К. ⁷⁾ на силу П. К. ⁸⁾ изъ-за столу встали К. ⁹⁾ по-
лягали П.

- а) Поклали шаліовки сосновы,
- б) Кругомъ наставили мисокъ
- в) И страву всякую безъ мовы К.
- г) И брагу кухликомъ тягли К.
- д) И спати послѣ всѣ лягли К.

14.

Венера, ¹⁾ якъ на все швидкая, ²⁾
Проворна, врагъ ии ³⁾ не взявъ,
Побачила, що такъ лякае ⁴⁾
Эолъ сынка, що ажъ захлявъ,
Умылася, причепурилась ⁵⁾
И, якъ въ неделю, ⁶⁾ нарядилась—
Хоть бы до дудки на танецъ!
Взяла очѣпокъ грезетовый, ⁷⁾

Зъ усами кунтушь саетовый,⁸⁾

Пѣшла⁹⁾ въ Зевесу на ралець.

¹⁾ Венеря П. ²⁾ не послѣдня шлюха К. ³⁾ ѣи П. К. ⁴⁾ полоха К. ⁵⁾ причишурилась П. К. ⁶⁾ недилу П. К. ⁷⁾ гразетовый К. ⁸⁾ и кунтушь зъ усами люстровый К. ⁹⁾ пишла П. К.

15.

Зевесь тогда ¹⁾ лигавъ вишнѣвку, ²⁾ а)

Маковиками ³⁾ заѣдавъ ⁴⁾ б)

И пятаю еще кондѣйку ⁵⁾ в)

Отъ Гебы зъ люху дожидавъ. г)

Пришла Венера ⁶⁾ искривившись,)

Заслинившись ⁸⁾ и завѣскрывшись, ⁹⁾

И стала хлипать ¹⁰⁾ передъ нимъ:

„Чимъ предъ тобою, милій ¹¹⁾ тату,

Сынъ заслуживъ такую мѣй ¹²⁾ плату,

И іонъ, мовъ въ свинки, грають нимъ?“

¹⁾ тогда П. ²⁾ вишнѣвку П. ³⁾ маковниками П. ⁴⁾ заѣдавъ П. ⁵⁾ киндѣйку П. ⁶⁾ Венеря П. ⁷⁾ изкривившись П. ⁸⁾ заплакавшись К. ⁹⁾ завизгившись П. К. ¹⁰⁾ хлипать П. К. ¹¹⁾ милый П. К. ¹²⁾ мій П. К.

а) Зевесь тогда кружавъ сивуху

б) И оселедцемъ заѣдавъ,

в) Винъ, сему выпивши осьмуху,

г) Послѣдки съ кварты выливавъ. К.

16.

„Куды ему ¹⁾ уже до Риму?

Хиба якъ здохне чортъ въ ровѣ,

Або якъ ханъ долѣзе Криму, ²⁾ а)

Якъ женится сичъ ³⁾ на совѣ.

Хиба бъ то вже та не Юнона,

Щобъ не вказала макогона,

Що й досѣ ⁴⁾ слушае чмелѣвъ! ⁵⁾

Колибъ вона та не бѣсилась

Замовкла бы и не казылась,⁶⁾

Що бѣ ты се самъ ей⁷⁾ извелѣвъ⁸⁾.

1) іому П. К. 2) Крыму П. К. 3) сычъ П. 4) дося К. 5) чмеливъ П. К. 6) комезилась К. 7) ѣй П. К. 8) извелѣвъ К.

а) Якъ вернется панъ ханъ до Крыму К.

17.

Юпитеръ, все допивши съ кубѣа,

Погладывъ¹⁾ свѣй²⁾ рукою чубъ:

„Охъ, доцю,³⁾ ты моя голубѣа,

Я въ правдѣ твердый такъ, якъ дубъ.

Эней⁴⁾ взбудуе⁵⁾ силне⁶⁾ царство

И заведе тамъ свое⁷⁾ панство,

Не малый будетъ⁸⁾ вѣнъ⁹⁾ панокъ,

На панщину весь¹⁰⁾ свѣтъ погонитъ,¹¹⁾

Багацко¹²⁾ хлопцѣвъ¹³⁾ тамъ наплодитъ¹⁴⁾

И всѣмъ имъ будетъ¹⁵⁾ ватажокъ“.

1) погладивъ П. К. 2) свѣй П. К. 3) донько П. 4) Еней П. 5) взбудуе П. К. 6) свѣне П. К. 7) свое тамъ К. 8) буде П. К. 9) винъ П. К. 10) ввесь П. К. 11) погонитъ П. 12) багацко П. К. 13) хлопцевъ П. К. 14) наплодитъ П. 15) буде П. К.

18.

Заѣде до Дидоны въ гостѣ¹⁾

И будетъ²⁾ тамъ бенкетовать,

Полюбится³⁾ ей вѣнъ⁴⁾ мосцѣ⁵⁾

И стане⁶⁾ бѣсика⁷⁾ пускать.

Иди, небого, не журися,

Поповедѣлкуй, помолися,

Все буде такъ, якъ я сказавъ“.

Венера⁸⁾ низко поклонилась,

Изъ панотцемъ своимъ простилаь,

А вѣнъ⁹⁾ ии¹⁰⁾ поцѣловавъ.

1) въ гости П. К. 2) буде П. К. 3) полюбится П. 4) ѣй П. 5) мосци П. К. 6) буде К. 7) бѣсыка П. бѣсика К. 8) Венера П. 9) винъ П. К. 10) ѣи П. К.

19.

Эней ¹⁾ прочумався, проспався
 И голодрабцѣвъ ²⁾ позбѣравъ, ³⁾
 Зовѣмъ собрався ⁴⁾ и уклався
 И, скільки видно, почухравъ.
 Пливъ, пливъ, пливъ вѣнъ, ⁵⁾ що ажъ обридло,
 И море такъ йому огидло,
 Що бѣсомъ на його дививсь. ⁶⁾
 „Коли бѣ“, сказавъ, ⁷⁾ я вмеръ ⁸⁾ у Трої,
 То вже бѣ не пивъ сіи ⁹⁾ гѣркої ¹⁰⁾
 И марне такъ не волочивсь! ^а

¹⁾ Еней П. ²⁾ голодрапцѣвъ П. К. ³⁾ позбиравъ П. К. ⁴⁾ зобрався П. К. ⁵⁾ пливъ К. ⁶⁾ дививсь П. К. ⁷⁾ каже К. ⁸⁾ умеръ К. ⁹⁾ сеи П. К. ¹⁰⁾ гирької П. К.

20.

Потѣмъ, ¹⁾ до берега приставши
 Изъ сильнымъ ²⁾ вѣскомъ ³⁾ всѣмъ своимъ, ⁴⁾
 На землю съ човнѣвъ ⁴⁾ повстававши,
 Спитавсь, чи есть ⁵⁾ що исти ⁶⁾ имъ.
 И заразъ чогось попоили, ⁷⁾
 Щобъ на дорожѣ ⁸⁾ не зомлѣли, ⁹⁾
 Пішли, ¹⁰⁾ куда кто ¹¹⁾ запопавъ.
 Эней ¹²⁾ по берегу попхався,
 И самъ не знавъ, куды слонявся, ¹³⁾
 Якъ гулькѣ ¹⁴⁾ —у городъ причвалавъ.

¹⁾ потімъ П. К. ²⁾ сильнымъ П. К. ³⁾ війскомъ П. зъ троянствомъ
 голимъ К. ⁴⁾ човнивъ П. човнивъ К. ⁵⁾ е П. К. ⁶⁾ їсти П. К. ⁷⁾ по-
 поїли К. ⁸⁾ на дорози П. на пути К. ⁹⁾ не ослабѣли К. ¹⁰⁾ пішли
 П. К. ¹¹⁾ хто П. К. ¹²⁾ Еней П. ¹³⁾ совався П. ¹⁴⁾ гулькѣ П. К.

21.

Въ тѣмъ ¹⁾ городѣ жила Дидона,
 А городъ звався Карфагенъ, ²⁾

Розумна панѣ ³⁾ и моторна,
 Для неї трохи сихъ именъ,—
 Трудяща, тяжко ⁴⁾ праціовита,
 Весела, гарна, сановита,
 Бѣдняшка, ⁵⁾ що була вдова.
 По городу тогда ⁶⁾ гуляла,
 Коли Троянцѣвъ ⁷⁾ повстрѣчала,
 Таки сказала имъ слова.

1) тимъ П. К. 2) Карнагенъ П. К. 3) пани П. К. 4) дуже П. К. 5)
 бѣдняжка П. К. 6) тогда П. К. 7) Троянцѣвъ П. К.

22.

„Вѣдѣиль таки се гольтѣпаки? ¹⁾
 Чи рыбу зъ Дону везете,
 Чи, може, выходцѣ, ²⁾ бурлаки?
 Куда, ³⁾ прочане, вы идете? ⁴⁾
 Якій васъ врагъ сюда ⁵⁾ направивъ?
 И хто до города причаливъ? ⁶⁾
 Яка жъ ватага розбишакъ!“
 Троянцѣ ⁷⁾ всѣ замормотали, ⁸⁾
 Дидонѣ низько въ ноги пали,
 А вставши ⁹⁾ ей ¹⁰⁾ мовляли ¹¹⁾ такъ:

1) видеиль П. К. гольтипаки П. К. 2) выходци П. К. 3) куди П.
 К. 4) идете П. К. 5) сюды П. К. 6) причаливъ П. К. 7) Троянци П. К.
 8) замуromтали П. К. 9) и послѣ П. К. 10) їй П. К. 11) мовляли П. К.

23.

„Мы всѣ, якъ бачъ, народъ крещеный, ¹⁾
 Волочимся безъ талану,
 Мы всѣ у Трои ²⁾ порождены, ³⁾
 Эней ⁴⁾ пустивъ на насъ ману.
 Дали намъ Греки прочухана,
 И самого ⁵⁾ Эпея ⁶⁾ пана
 Въ три вырвы ⁷⁾ вигнали ⁸⁾ вѣдтиль, ⁹⁾
 Звелѣвъ покинути намъ Трою,

Пѣдмовывъ ¹⁰⁾ плавати зъ собою,

Теперь ¹¹⁾ ты знаешь, ¹²⁾ мы вѣдкиль. ¹³⁾

¹⁾ хрещеный П. К. ²⁾ мы въ Трои, знаешь К. ³⁾ порожденны П. К. ⁴⁾ Еней П. ⁵⁾ и самого П. К. ⁶⁾ Енея П. ⁷⁾ вирвы П. К. ⁸⁾ выгнали П. К. ⁹⁾ видтиль П. К. ¹⁰⁾ пидмовивъ П. К. ¹¹⁾ теперь К. П. ¹²⁾ знаешь П. ¹³⁾ видкиль П. К.

24.

Помилуй, панѣ ¹⁾ благородна!

Не дай загинуть головамъ,

Будь милостива, будь незлобна,

Эней ¹⁾ спасибѣ ²⁾ скажетъ ³⁾ самъ.

Чи бачишь, ⁴⁾ якъ мы обидрались, ⁵⁾

Убранья, ⁶⁾ постолы порвались,

И нужи повна учкурня, ⁷⁾ а)

Кожухи, свити ⁸⁾ погубыли, ⁹⁾

Отъ ¹⁵⁾ голоду въ кулакъ трубыли: ¹¹⁾

Така намъ лучилась пеня!

¹⁾ Еней П. ²⁾ спасибн П. К. ³⁾ скаже П. К. ⁴⁾ бачишь К. ⁵⁾ обѣдрались К. ⁶⁾ убранья П. К. ⁷⁾ очкурня П. К. ⁸⁾ свиты П. К. ⁹⁾ погубили П. К. ¹⁰⁾ изъ П. К. ¹¹⁾ трубили П. К.

а) Охляли, нибы въ дощъ щеня К.

25.

Дидона гѣрко ¹⁾ зарыдала

И зъ бѣлого своего лица

Платочкомъ сліозы утирала: ²⁾

„Коли бѣ“, сказала, „молодця

Энея ³⁾ вашого злапала,

То вже бѣ тогдѣ ⁴⁾ весела стала,

Тогдѣ ⁵⁾ великъ день бувъ бы намъ“.

Тутъ панъ Эней ⁶⁾ ниначе ⁷⁾ зъ неба:

„Ось озде ⁸⁾ я, коли вамъ треба,

Дидонѣ поклонюся самъ“.

¹⁾ гирько П. К. ²⁾ обтирала П. К. ³⁾ Енея П. ⁴⁾ тогди П. К. ⁵⁾ тогди П. К. ⁶⁾ Енея П. ⁷⁾ якъ будто П. К. ⁸⁾ озде П. К.

26.

Потомъ, ¹⁾ зъ Дидоною обнявшисьъ,
 Поцѣловались гарно, въ смакъ,
 За бѣли ²⁾ рученьки ³⁾ узявшисьъ,
 Балакали то сякъ, то такъ.
 Пѣшли ⁴⁾ къ Дидонѣ до господы
 Черезъ велики переходы,
 Въѣйшли ⁵⁾ въ свѣтлицю та ⁶⁾ й на пѣлъ, ⁷⁾
 Пили на radoщахъ сивуху
 И ѣли юрду и макуху, ⁸⁾
 Потимъ ⁹⁾ кликнули ихъ за стѣлъ. ¹⁰⁾

¹⁾ потимъ П. К. ²⁾ бѣлы П. ³⁾ за рученьки бѣленьки К. ⁴⁾ пѣшли П. К. ⁵⁾ въѣйшли П. К. ⁶⁾ да П. К. ⁷⁾ пилъ П. К. ⁸⁾ сѣмяну макуху К. ⁹⁾ покиль К. ¹⁰⁾ стилъ П. К.

27.

Тутъ ѣлы ¹⁾ разные ²⁾ потравы
 Усе ³⁾ съ поливяныхъ ⁴⁾ мисокъ ⁵⁾
 И самы ⁶⁾ гарныя ⁷⁾ приправы
 Зъ новыхъ кленовыхъ тарѣлокъ: ⁸⁾
 Свиначу голову до хрѣну
 И локшину на перемѣну,
 Потѣмъ ⁹⁾ съ подлевою ¹⁰⁾ индикъ,
 На закуску кулѣшъ и кашу,
 Лемѣшку, хляки ¹¹⁾, пудрю ¹²⁾, квашу
 И зъ макомъ медовый шуликъ.

¹⁾ ѣли П. К. ²⁾ розныи П. разные К. ³⁾ и все К. ⁴⁾ поливяныхъ П. К. ⁵⁾ мысокъ П. К. ⁶⁾ сами П. К. ⁷⁾ гарныи П. ⁸⁾ тарѣлокъ П. ⁹⁾ потимъ П. К. ¹⁰⁾ подлевою П. К. ¹¹⁾ зубци П. К. ¹²⁾ пудрю П. К.

28.

И кубками пили вишнѣвку ¹⁾,
 Медъ, пиво, брагу ²⁾, сировець ³⁾,
 Горѣлку просту и тернѣвку ⁴⁾,

Курился для духу яловець,
 Бандура тутичка ⁵⁾ бринчала,
 Сопѣлка „зуба“ затинала ⁶⁾,
 А дудка грала по „балкахъ“,
 „Ой ненька“ на цимбали ⁷⁾ грали,
 Кругомъ дѣвчата танцювали
 Въ дробушкахъ, въ чобѣткахъ ⁸⁾, въ свиткахъ.

¹⁾ вишневку П. К. ²⁾ бражку П. ³⁾ сыровецъ П. ⁴⁾ терниву
 П. К. ⁵⁾ горлицы К. ⁶⁾ затинала П. К. ⁷⁾ цымбалы П. санжаривки
 на скрипцѣ К. ⁸⁾ чоботахъ П. К.

29.

Сестра була въ Дидоны Ганна а)
 Моторна дѣвка хотъ куда ¹⁾, б)
 Проворна, чепурна и гарна, в)
 Приходила й вона ²⁾ сюда ³⁾.
 Въ червонѣй ⁴⁾ юпоцѣ ⁵⁾ баевѣй ⁶⁾,
 Въ запасцѣ гарнѣй ⁷⁾ фіналевѣй,
 Въ стіонжкахъ, намистѣ и ковткахъ—
 Тутъ танцювала викрутасомъ
 Передъ ⁸⁾ Энеемъ ⁹⁾ вихиласомъ,
 До дудки ¹⁰⁾ была ¹¹⁾ трейтяка ¹²⁾.

¹⁾ куды П. К. ²⁾ и ся К. ³⁾ туды П. сюды К. ⁴⁾ въ червоній
 П. К. ⁵⁾ юпоцци П. юпочци К. ⁶⁾ баевій П. К. ⁷⁾ гарній П. К. ⁸⁾
 фаналевій П. К. ⁹⁾ и предъ К. ¹⁰⁾ Енеемъ П. ¹¹⁾ пидъ дудку П. К. ¹²⁾
 била П. К. ¹²⁾ третяка П. К.

- а) Сестру Дидона мала Ганну,
- б) На вспражки дѣвку хотъ куды,
- в) Проворну, чепурну и гарну К.

30.

Эней ¹⁾ и самъ такъ розгулявся, ²⁾
 Якъ на арканѣ жеребець,
 Зъ Дидоною за руки взявся, а)
 Пѣшовъ ³⁾ изъ нею у танецъ: б)

Пѣдкивки ⁴⁾ въ ней ⁵⁾ забрящали,
 Отъ танцѣвъ жижки ⁶⁾ задрижали,
 Якъ выбывала ⁷⁾ гоцака. в)
 А нанъ Эней ⁸⁾ такъ росходився ⁹⁾, г)
 Що трохи не увередився, д)
 Кружкомъ садивши ¹⁰⁾ гайдука. е)

1) Еней П. 2) росходився К. 3) пишовъ П. К. 4) пидкивки П.
 К. 5) въ обохъ пидкивки К. 6) жижки отъ танцивъ П. К. 7) выбывала
 П. 8) Еней П. 9) розходився П. 10) сидавши П.

- а) Що трохи не увередився,
- б) Пишовши съ Гандзею въ танецъ,
- в) Выстрибовавши гоцака.
- г) Эней, матню въ кулакъ прибравши
- д) И не до соли промовлявши,
- е) Садивъ крутенько гайдука. К

31.

И послѣ танцѣвъ ¹⁾ варенухи
 По кухлику имъ ²⁾ пѣднесли ³⁾,
 И ⁴⁾ молодицѣ ⁵⁾, цокотухи
 Тутъ баянтрасы ⁶⁾ понесли.
 Дидона крѣико заюрила,
 Горщокъ зъ вареною розбыла ⁷⁾,
 До дуру всѣ тогда ⁸⁾ пили,
 Весь день весело прогуляли
 И пьяны ⁹⁾ спати полягали,
 Эней ¹⁰⁾ жъ ледвѣ ¹¹⁾ повели.

1) танцивъ П. К. 2) по филижанцѣ К. 3) пиднесли П. К. 4) а
 П. 5) молодици П. К. 6) баяндрасы П. К. 7) розбила П. К. 8) тогда
 П. тогдѣ К. 9) пьяны П. К. 10) Енея П. 11) ледви П. ледве К.

32.

Эней ¹⁾ на пѣчь зобрався спати,
 Зарывся ²⁾ въ просо, тамъ и лѣгъ, ³⁾

А хто схотѣвъ, побрывъ ⁴⁾ до хаты,
 А хто въ хлѣвецъ, ⁵⁾ а хто у стѣгъ, ⁶⁾
 А де-яки такъ такъ хлыснули, ⁷⁾
 Що де ⁸⁾ упали, тамъ заснули,
 Сопли, харчали и хроплы ⁹⁾,
 А честны молодцѣ ¹⁰⁾ кружали,
 Поки ажъ пѣвнѣ ¹¹⁾ заспѣвали,
 Що здужали, то все тягли. ¹²⁾

1) Еней П. 2) зарився П. К. 3) лигъ П. К. 4) побривъ П. К. 5) хлѣвецъ П. К. 6) стѣгъ П. пидъ стѣгъ К. 7) хлыснули П. К. 8) где П. К. 9) хропли П. К. 10) а добры молодцы П. К. 11) пѣвни П. К. 12) тягли П. К.

33.

Дидона рано исхопилась,
 Пила съ похмѣлья сировець, ¹⁾
 А послѣ гарно нарядилась,
 Якъ бы въ оренду на танецъ:
 Взяла карабликъ бархатовый,
 Спѣдницю ²⁾ и карсетъ лѣстровый ³⁾
 И начепила ланцюжокъ,
 Червоны чоботы обула,
 Та ⁴⁾ и запаски не забула
 И ⁵⁾ въ руки зъ выбѣйки ⁶⁾ платокъ.

1) сыровецъ П. К. 2) спидницю П. К. 3) люстровый П. шовковий К. 4) да П. К. 5) а К. 6) выбѣйки П. К.

34.

Еней ¹⁾ же, съ хмелю якъ проспався,
 Изъѣвъ солоный огѣрокъ, ²⁾
 Потимъ умывся и убрався,
 Якъ паробика до дѣвокъ.
 Ему ³⁾ Дидона пидослала,
 Що отъ покѣйника ⁴⁾ украла—
 Штаны ⁵⁾ й ⁶⁾ нару чобѣтокъ, ⁷⁾

Сорочку и каптанъ зъ китайки,
И шапку, поясъ зъ ⁸⁾ каламайки,
И чорный шовковый платокъ.

¹⁾ Эней К. ²⁾ огирокъ П. К. ³⁾ іому К. ⁴⁾ покійника П. К. ⁵⁾ галанци П. ⁶⁾ и К. ⁷⁾ чобитокъ П. К. ⁸⁾ съ К.

35.

Якъ одѣглись, ¹⁾ то и зійшлися, ²⁾
Съ собою стали розмовлять,
Наѣлися и принялися,
Щобъ по вчорашньому ³⁾ гулять.
Дидона жъ тяжко сподобала
Энея, ⁴⁾ такъ, що и не звала,
Где дѣтися и що робить, ⁵⁾
Точила всякіи ⁶⁾ балясы
И пѣдпускала ⁷⁾ разны ⁸⁾ лясы,
Энею ⁹⁾ тѣлко ¹⁰⁾ бъ угодить.

¹⁾ одяглись П. К. ²⁾ зышлися П. ³⁾ вчорашнему П. К. ⁴⁾ Енея П.
⁵⁾ робить П. К. ⁶⁾ всякіе К. ⁷⁾ пидпускала П. К. ⁸⁾ розны П. К. ⁹⁾ Энею
бъ П. ¹⁰⁾ тилько П. К.

36.

Дидона вигадала ¹⁾ грище,
Эней щобъ веселѣйшій ²⁾ бувъ, а)
И щобъ вертѣвся зъ нею ближче, ³⁾
И лиха щобъ свого ⁴⁾ забувъ.
Собѣ очици завязала
И у Панаса граты ⁵⁾ стала,
Щобъ ей Эней ⁶⁾ уловить.
Эней ⁷⁾ же заразъ догадався,
Коло Дидоны терся, мьявся, ⁸⁾ б)
Ии ⁹⁾ щобъ тѣлко ¹⁰⁾ вдоволнить. в)

¹⁾ вигадала П. К. ²⁾ веселіший К. ³⁾ пзъ нею бувъ поближче
П. ⁴⁾ всіого П. ⁵⁾ грати П. К. ⁶⁾ Енея П. Энея бъ тилько К. ⁷⁾
Еней П. ⁸⁾ мьяся К. ⁹⁾ еѣ К. ¹⁰⁾ тилько К.

- а) Еней їй тамъ бы пидмигнувъ. П.
 б) И такъ, и сякъ отъ ней хиявся,
 в) Ёи щобъ швидче утомить. П.

37.

Тутъ всяку всячину играли,
 Хто якъ и въ вѣщо ¹⁾ захотѣвъ,
 Тутъ инши ²⁾ журавля скакали,
 А хто отъ дудочки потѣвъ,
 У хрещика и въ горудуба, ³⁾
 Не разъ доходило до ⁴⁾ чуба,
 Якъ загулялися въ джгута,
 Въ хлюста, въ парѣ, ⁵⁾ въ вѣзка ⁶⁾ играли,
 И дамки по столу совали,
 Чортъ мавъ порожняго ⁷⁾ кутка. ⁸⁾.

¹⁾ вищо П. К. ²⁾ инчи К. ³⁾ горюдуба П. К. ⁴⁾ й до П. ⁵⁾ въ пашка П. въ пары К. ⁶⁾ въ визка П. К. ⁷⁾ порожніого П. К. ⁸⁾ кута. К. П.

38.

Що день у нихъ було похмѣлья,
 Пицась горѣлка, якъ вода,
 Що день въ Дидоны якъ весѣлье,
 Всѣ пьяны, хоть посуньсь ¹⁾ куда.
 Энеевъ ²⁾ такъ, якъ болятцѣ, ³⁾
 Або осѣнній ⁴⁾ лихоманцѣ ⁵⁾
 Годица панѣ ⁶⁾ всякой ⁷⁾ день,
 Булы ⁸⁾ Троянцѣ ⁹⁾ пьяны, ситы, ¹⁰⁾,
 Кругомъ обуты и обшиты, ¹¹⁾
 Хоть голи ¹²⁾ прибрили, якъ пень.

¹⁾ посунсь П. К. ²⁾ Енеевъ П. ³⁾ болятцѣ П. К. ⁴⁾ осинній П.
⁵⁾ лихій осѣнній трасцѣ К. ⁶⁾ нани П. К. ⁷⁾ всякій П. К. ⁸⁾ були П.
 К. ⁹⁾ Тронни П. К. ¹⁰⁾ сыты ¹¹⁾ одѣты П. ¹²⁾ голы П. К.

39.

Троянцѣ ¹⁾ лихо тамъ курили,
 Дали приману всѣмъ жѣнкамъ, ²⁾
 По вечерницяхъ ³⁾ всѣ ходили,
 Просвѣтку не було дѣвкамъ.
 Та ⁴⁾ й самъ Эней, ⁵⁾ сподаръ, ⁶⁾ и паню
 Пѣдмовивъ ⁷⁾ парится ⁸⁾ у ⁹⁾ баню,
 Уже жъ було не безъ грѣха,
 Бо страхъ вона його любила,
 Ажъ глуздъ увесъ свѣй ¹⁰⁾ загубила, ¹¹⁾
 Хотя була и не ¹²⁾ плоха.

¹⁾ Троянцы П. К. ²⁾ жінкамъ П. К. ³⁾ вечерницямъ П. вечерни-
 цамъ К. ⁴⁾ да П. К. ⁵⁾ Еней П. ⁶⁾ сподаръ К. ⁷⁾ пидмовивъ П. К. ⁸⁾
 париться П. париться К. ⁹⁾ въ К. ¹⁰⁾ свѣй П. К. ¹¹⁾ погубила П. К.
¹²⁾ а бачця не була К.

40.

Оттакъ ¹⁾ Эней ²⁾ живъ у Дидоны,
 Забувъ и въ Римъ щобъ мандровать,
 Тутъ не боявся и Юноны,
 Пустився все бенкетовать,
 Прочумавъ, где зѣмуютъ ³⁾ раки а)
 И доброй натрусивъ кабаки... б)
 Мутивъ, якъ у селѣ ⁴⁾ Москаль!
 Бо хрѣнъ його не взявъ—моторный,
 Ласкавый, гарный и проворный
 И острый, ⁵⁾ якъ на бритвѣ сталь.

¹⁾ Отъ-такъ П. ²⁾ Еней П. ³⁾ зимуютъ П. ⁴⁾ на селѣ К. ⁵⁾ острый
 П. К.

- а) Дидону мавъ винъ мовъ за жінку,
 б) Убивши добру въ неи гринку К.

41.

Эней ¹⁾ съ ²⁾ Дидоною возились,
 Якъ съ ³⁾ оселедцемъ сѣрый кѣтъ, ⁴⁾

Ганяли, бѣгали, казились,
 Ажъ лився деколи ⁵⁾ и пѣтъ. ⁶⁾
 Дидона жъ мала разъ роботу,
 Якъ зъ нимъ побѣгла на охоту,
 Та ⁷⁾ грѣмъ ⁸⁾ загпавъ у темный ліохъ:
 Лихій ихъ зна, що тамъ робили,
 Було не видно съ пѣдъ ⁹⁾ могили, ¹⁰⁾
 Въ ліоху жъ сидѣли тѣлко ¹¹⁾ вдвохъ. ¹²⁾

¹⁾ Еней П. ²⁾ зъ П. К. ³⁾ зъ П. К. ⁴⁾ вить П. К. ⁵⁾ деколи П.
 К. ⁶⁾ пить П. К. ⁷⁾ Да П. К. ⁸⁾ гримъ П. К. ⁹⁾ спидъ П. съ за К.
¹⁰⁾ могили П. К. ¹¹⁾ тилько П. К. ¹²⁾ въ двохъ.

42.

Не такъ то робытсья ¹⁾ все хутко,
 Якъ швидко окомъ измигнешъ,
 Або якъ казку скажешъ ²⁾ прудко,
 Перомъ въ паперѣ якъ писнешъ.
 Эней ³⁾ въ Дидоны живъ не мало,
 Що съ головы іого ⁴⁾ пропало,
 Куды іого Зевесъ пославъ.
 Вѣнь ⁵⁾ годѣвъ ⁶⁾ спару ⁷⁾ тамъ просидѣвъ,
 А мабуты ⁸⁾ и бѣльшъ пронидѣвъ,
 Якъ бы іого врагъ не спѣткавъ. ⁹⁾

¹⁾ робитсья П. К. ²⁾ кажешъ П. К. ³⁾ Еней П. ⁴⁾ въ іого П. К.
⁵⁾ вивъ П. К. ⁶⁾ годивъ П. К. ⁷⁾ зо два П. К. ⁸⁾ мабудь бы П. ма-
 бутъ бы К. ⁹⁾ спиткавъ П. К.

43.

Колись Юпитеръ ненарокомъ
 Изъ неба ¹⁾ глянувъ и на насъ
 И кинувъ въ Карфагену ²⁾ окомъ,
 Ажъ тамъ троянскій мартоплясъ.
 Розсердився и розкричався, ³⁾
 Ажъ свѣтъ увесь ⁴⁾ поколихався, ⁵⁾
 Энея ⁶⁾ лаявъ на весь ⁷⁾ ротъ:

„Чи такъ-то бѣсѣвъ ⁸⁾ сынъ вѣнъ ⁹⁾ слуха,
Улѣзъ ¹⁰⁾ у ¹¹⁾ патову, якъ муха,
Засѣвъ, якъ у болотѣ чортъ.

1) Зъ Олимпя К. 2) Карпагеу П. 3) розкричався П. К. 4) цѣлый
свѣтъ К. 5) поколыхався П. 6) Енея П. 7) весь П. К. 8) бѣсивъ П.
гадивъ К. 9) винъ П. К. 10) убрався К. 11) въ К.

44.

Пидѣтъ ¹⁾ минѣ гинця ²⁾ кликните,
До мене заразъ щобъ прійшовъ,
Глядѣтъ ³⁾ же цушко прикрутите,
Щобъ у шинокъ вѣнъ ⁴⁾ не зайшовъ,
Бо хочу я кудись ⁵⁾ послати.
И іонъ, и іонъ же, вража мати!
Але Еней ⁶⁾ нашъ зледащѣвъ. ⁷⁾
А то Венера ⁸⁾ все свашкуе,
Енесика ⁹⁾ свого муштруе,
Щобъ вѣнъ ¹⁰⁾ зъ ума Дидону звѣвъ. ¹¹⁾

1) вийдять П. К. 2) гонця П. К. 3) глядять П. 4) винъ П.
винъ въ шинокъ та К. 5) кудись П. К. 6) Эней К. 7) зледащивъ К.
8) Венери П. 9) Енеечка П. Энеечка К. 10) винъ П. К. 11) звѣвъ П. К.

45.

Прибѣгъ Меркурій засапавшись,
Въ три ряды пѣтъ ¹⁾ зъ іого котивъ,
Ввесь ременцями ²⁾ обьязавшись, ³⁾
На голову бриль паложивъ, ⁴⁾
На грудяхъ съ ⁵⁾ бляхою ладунка,
А зъ заду ⁶⁾ съ сухарами сумка, ⁷⁾
Въ рукахъ нагайскій малахай.
Въ такимъ нарядѣ ⁸⁾ влѣзъ у ⁹⁾ хату,
Сказавъ: „готовъ уже я, тату,
Куда ¹⁰⁾ ти хочешъ посылай“.

1) пять П. К. 2) реминцями П. К. 3) обьязавшись П. К. 4) винъ
брыль надивъ П. 5) зъ П. 6) а зъ зади П. съ зади К. 7) сунка П. К.
8) нарядѣ П. К. 9) влѣзши въ К. 10) куды П. К.

„Вѣжи лишѣ швидче ¹⁾ въ Карфагену,“ ²⁾
 Зевесъ гонцевѣ такъ сказавъ,
 „И пару разлучи ³⁾ скажену,
 Эней ⁴⁾ Дидону бѣ забувавъ,
 Нехай лишѣ вѣдѣль ⁵⁾ утѣкае ⁶⁾
 И Криму ⁷⁾ (sic) строиты чухрае,
 А то залѣгъ, мовъ въ грубѣ песь,
 Коли жъ вѣнъ буде ще ⁸⁾ мешкаты, ⁹⁾
 То дамъ себе іому я знаты:
 Оттакъ ¹⁰⁾ сказавъ, скажи, Зевесъ“.

¹⁾ швидко П. ²⁾ Карпагену П. ³⁾ розлучи К. ⁴⁾ Еней П. ⁵⁾ вид-
 тиль П. К. ⁶⁾ ушлѣтае П. К. ⁷⁾ Рима ⁸⁾ ище П. К. ⁹⁾ мѣшкати П. К.
¹⁰⁾ отъ-такъ П. К.

Меркурій низько ¹⁾ поклонився,
 Передъ Зевесомъ бриль ²⁾ изнявъ,
 Черезъ порѣгъ ³⁾ перевалився,
 До станѣ ⁴⁾ швидче ⁵⁾ тягу давъ.
 Покинувши изъ руцѣ нагайку,
 Запрягъ вѣнъ ⁶⁾ швидче ⁷⁾ чортопхайку,
 Черкнувъ изъ неба, ажъ курить, ⁸⁾
 Усе ⁹⁾ кобылокъ поганяе, ¹⁰⁾
 Що оглобельна ажъ брикае, ¹¹⁾
 Помчали, ажъ вѣзокъ ¹²⁾ скрыпитъ.

¹⁾ низко П. К. ²⁾ брыль П. К. ³⁾ поригъ П. К. ⁴⁾ стани П. К.
⁵⁾ митью П. ⁶⁾ винъ П. К. ⁷⁾ митью К. ⁸⁾ курыть П. ⁹⁾ и все К. ¹⁰⁾
 поганяе К. ¹¹⁾ брыкае П. К. ¹²⁾ возокъ П. возокъ К.

Эней ¹⁾ тогдѣ ²⁾ купався ³⁾ въ ⁴⁾ бразѣ
 И, на полу укывшись, ⁵⁾ лѣгъ, ⁶⁾
 Іому не снилось о приказѣ, ⁷⁾

Якъ ось Меркурій въ хату влѣзъ. ⁸⁾
 Смикнувъ ⁹⁾ изъ полу, мовъ псяху:
 „А що тѣ робышь? ¹⁰⁾ Пьешъ сивуху“,
 Зо всіого горла закрывавъ, ¹¹⁾
 „А ну лишъ швидче убѣрайся, ¹²⁾
 Зъ ¹³⁾ Дидоною не женихайся,
 Зевесъ тобѣ похоть сказавъ.

1) Еней П. 2) тогда П. К. 3) купавъ П. 4) у П. 5) укрившись П. К. 6) лигъ П. К. 7) приказъ П. К. 8) вбѣгъ П. К. 9) смикнувъ П. К. 10) робышь П. К. 11) закрывавъ П. К. 12) убирайся П. К. 13) съ П. К.

49.

Чи се жъ таки до дѣла ¹⁾ робышь,
 Що й досѣ тута загулявсь?
 Та ²⁾ швидко и не такъ заробышь, ³⁾
 Зевесъ недурно похвалявсь.
 Получишь ⁴⁾ добру халазю, ⁵⁾
 Вѣнъ ⁶⁾ выдавить ⁷⁾ съ тебе олѣю, ⁸⁾
 Оттѣлко ⁹⁾ ще ¹⁰⁾ тутъ забарись. ¹¹⁾
 Гляди жъ, сіюгодня щобъ убрався,
 Щобъ нищечкомъ ¹²⁾ вѣдсѣль ¹³⁾ укрався,
 Мене у друге не дождись⁴⁾.

1) ты дѣло П. 2) да П. 3) извоинишь П. задробышь К. 4) тобѣ дать П. 5) халазію П. К. 6) винъ П. К. 7) выдавить П. К. 8) олію П. К. 9) отъ тилько П. К. 10) йще П. К. 11) побарись П. К. 12) нищечкомъ П. К. 13) видсиль П. К.

50.

Эней ¹⁾ пѣджавъ ²⁾ хвѣстъ, ³⁾ мовъ собака,
 Мовъ Каинъ затрусивсь увесъ,
 Изъ носа потекла кабака,
 Уже вѣнъ ⁴⁾ знавъ, якій Зевесъ.
 Метнувся ⁵⁾ мѣтью ⁶⁾ самъ изъ хаты
 Своихъ Троянцѣвъ ⁷⁾ позбѣраты, ⁸⁾

Зобравши давъ такий приказъ:
 „Якъ можно швидче укладайтесь,
 Зо всѣми клунками збѣрайтесь, ⁹⁾
 До моря швендайте якъ разъ!“

1) Еней П. 2) пиджанъ П. К. 3) хвистъ П. К. 4) винъ П. К. 5)
 шатнувся П. К. 6) митью П. К. 7) Троянцивъ П. К. 8) позбирати П.
 К. 9) збирайтесь П. К.

51.

А самъ, вернувшись ¹⁾ у ²⁾ будинки,
 Свое ляхмитѣ ³⁾ позбѣравъ, ⁴⁾
 Мизеріи наклавъ двѣ скриньки,
 На човенъ ⁵⁾ заразъ одиславъ ⁶⁾
 И дожидався тѣлько ⁷⁾ ночи,
 Щобъ ⁸⁾ якъ Дидона зимкне ⁹⁾ очи,
 Щобъ не прощавшись тягу ¹⁰⁾ дать.
 Хоть вѣнъ ¹¹⁾ за нею и журився
 И свѣтомъ цѣлый день нудився,
 Та ¹²⁾ ба! вже треба покидать.

1) вернувшись К. 2) въ К. 3) ляхматѣ К. 4) позбиравъ П. К. 5)
 човни П. 6) одиславъ 7) тилько П. К. 8) що П. К. 9) зимкне П. К.
 10) драла П. 11) винъ П. К. 12) да П. К.

52.

Дидона заразъ вѣдгадала, ¹⁾
 Чого мусуе (sic) ²⁾ панъ Эней, ³⁾
 И все на умъ сіобѣ (sic) ⁴⁾ мотала,
 Щобъ умудритися ⁵⁾ и ей.
 Зъ за печи часто виглядала ⁶⁾
 И притворилась, ⁷⁾ що ⁸⁾ куняла,
 И мовъ вона хотѣла спать.
 Эней ⁹⁾ же думавъ, що вже спала,
 И тѣлко ¹⁰⁾ що хотѣвъ дать драла,
 Ажъ ось Дидона за чубъ хвать.

1) отгадала П. К. 2) сумуе П. К. 3) Еней П. 4) на усь собѣ П. К.
 5) умудрится П. К. 6) выглядала П. К. 7) прикинувшись К. 8) буцамъ
 К. 9) Еней П. 10) тилько П. К.

53.

„Постѣй, 1) прескурвый, вражій сыну,
 Зо мною перше расплатись,
 Отъ 2) задущу, якъ злу личину,
 Ось ну лишъ тѣлко 3) завертись.
 Оттакъ 4) за хлѣбъ, за сѣль 5) ты платишь, 6)
 Привыкъ усѣмъ 7) ты 8) насмѣхатись,
 Роспустишь славу по минѣ.
 Нагрѣла въ пазусѣ гадюку,
 Що послѣ причинила муку,
 Послала пуховикъ свиньи. 9)

1) постѣй П. К. 2) я П. 3) тилько П. К. 4) отъ такъ П. К. 5)
 сля П. К. 6) платишь П. К. 7) усѣмъ П. 8) ты всѣмъ привыкну
 К. 9) свинѣ П. К.

54.

Згадай, якій прійшовъ до мене,
 Що ни сорочки не було,
 И постолѣвъ 1) чортъ мавъ у тебе,
 Въ кишенѣ жъ пусто, якъ 2) гуло.
 Не 3) знавъ ты, що таке гроши,
 Матня подралась и колоши, а)
 Рубецъ бувъ на рубцѣ въ штаняхъ, б)
 И все 4) порвалось и побылось,
 Ажъ тѣло у 5) дѣрки свѣтилось, в)
 Свитина вся була въ латкахъ.

1) постолѣвъ П. К. 2) ажъ П. К. 3) чи К. 4) та й те К.
 5) скривъ П.

а) Мавъ безъ матни одни холоши,
 б) И тилько слава, що въ штанахъ,
 в) Ажъ глянуть соромъ—такъ свѣтилось К.

55.

Чи я жъ тебе не годовала? а)
 Хиба бѣ ¹⁾ рожна ты ²⁾ захогѣвъ?
 Десь вража маты ³⁾ подсмѣяла, ⁴⁾
 Щобъ хирный тутъ ты не сѣдѣвъ! ⁵⁾
 Дидова гѣрко ⁶⁾ зарыдала, ⁷⁾
 Изъ серця ⁸⁾ ажъ волосья рвала
 И закраснѣлася, мовъ ракъ,
 Запѣшилася, посатанѣла,
 Неначе дурману изъила, ⁹⁾
 Залаяла Енея такъ:

¹⁾ хиба П. К. ²⁾ ты трясци П. рижна К. ³⁾ сила П. мати К.
⁴⁾ подсмѣяла П. подкусила К. ⁵⁾ сидѣвъ П. К. ⁶⁾ гирько П. К. ⁷⁾ за-
 ридала П. К. ⁸⁾ сердца К. ⁹⁾ изъѣла П. К.

а) Чи я жъ тобѣ та не годила? К.

56.

„Поганый, мерзъскый, ¹⁾ скверный, ²⁾ брідкій,
 Рѣзунъ, ³⁾ разбойникъ, ⁴⁾ кателикъ! ⁵⁾
 Гульвѣса, ⁶⁾ пакосный, претидкѣй,
 Негидный, злодѣй, эретикъ! ⁷⁾
 За кучму сю твою велику,
 Якъ дамъ тобѣ ляща ⁸⁾ у пику,
 То тутъ тебе лизне ⁹⁾ и чортъ!
 И очи видеру ¹⁰⁾ изъ лоба
 Тобѣ, діаволска ¹¹⁾ худоба,
 Трясешся, мовъ зимою хортъ.

¹⁾ меракѣй П. К. ²⁾ гідкѣй П. ³⁾ бурлакъ П. ⁴⁾ розбійникъ П.
 некчимный ланецъ К. ⁵⁾ котолікъ П. К. ⁶⁾ гульвиса П. К. ⁷⁾ ере-
 тикъ П. К. ⁸⁾ леща К. ⁹⁾ лизне П. К. ¹⁰⁾ выдеру П. К. ¹¹⁾ діаво-
 льска П. К.

57.

Мандруй до чорта изъ рогамы, ¹⁾
 Нехай тобѣ приснится бѣсъ

Съ 2) твоими сучими сынами,
 Щобъ врагъ узавъ 3) васъ всѣхъ гульвѣсь, 4)
 Щобъ ни горѣли, ни болѣли,
 На чистому 5) щобъ поколѣли,
 Щобъ не оставсь ни чоловѣкъ,
 Щобъ доброй не знали долѣ, 6)
 Були щобъ зъ вами злые болѣ, 7)
 Щобъ вы шаталися по вѣкъ! 4.

1) рогами П. К. 2) зъ П. К. 3) побравъ К. 4) гульвиць П. К.
 5) на чыстоту П. 6) долги П. К. 7) боли П. К.

58.

Эней 1) вѣднеи 2) отступався,
 Пока ступивъ 3) черезъ порѣгъ, 4)
 А далѣ ажъ не оглядася,
 Зъ двора собака мовъ 5) побѣгъ.
 Прибѣгъ къ Троянцамъ, 6) засапався,
 Обмокъ, въ поту якъ бы кунався,
 Мовъ въ школу съ торгу курохватъ,
 Потѣмъ, 7) у човенъ хутко сѣвши
 И ѣхати своимъ звелѣвши, 8)
 Не оглядавшись 9) самъ назадъ.

1) Еней П. 2) видъ неи П. К. 3) зайшовъ П. К. 4) поригъ П. К.
 5) въ собачу рысть К. 6) къ Троянцамъ П. К. 7) потимъ П. К. 8) велѣвши П. К. 9) не оглядася П. К.

59.

Дидона тяжко зажурылась, 1)
 Весь день ни ѣла, ни пила,
 Все тосковала, все нудилась, 2)
 Крычала, 3) плакала, ревла,
 То бѣгала, якъ бы шалена,
 Стояла довго тороплена,
 Кусала ногтѣ 4) на рукахъ,
 А далѣ сѣла на порозѣ,

Ажъ занудило ей ⁵⁾ небозѣ,
 Не встояла и ⁶⁾ на ногахъ. *)

¹⁾ зажурилась П. К. ²⁾ нудылась П. К. ³⁾ кричала П. К. ⁴⁾ ногти
 П. К. ⁵⁾ ѣй П. К. ⁶⁾ и не встояла П. К.

*) Сестру кликнула на порадѣ,
 Щобъ горе злее рассказать,
 Энееву оплакать зрадѣ
 И льготы сердцю трохи дать.
 «Ганнусю, рыбка, душко, любко,
 Ратуй мене, моя голубко,
 Теперь пронала я на вѣкъ!
 Энеемъ кинута я, бѣдна,
 Якъ сама поплюга послѣдня,
 Эней злый змѣй—не чоловѣкъ! К.

Нема у сердца моего силы,
 Щобъ я могла його забыть.
 Куды мнѣ бѣгти? До могилы!
 Туды одинъ надежный путь!
 Я все для його потеряла,
 Людей и славу занедѣбала,
 Боги! я зъ нимъ забула часъ.
 Охъ дайте зѣлыя мнѣ напиться,
 Щобъ сердцю можно розлюбитись,
 Утихомириться на часъ. К.

Нема на свѣтѣ мнѣ покою,
 Не лютяся сліозы изъ очей,
 Для мене бѣлый свѣтъ есть тьмою,
 Тамъ ясно тилько, где Эней.
 О пуцверинку купидоне!
 Любуйся, якъ Дидона стогне...
 Щобъ ты маленькимъ бувъ пронавъ!
 Познайте, молодяци гожи,
 Зъ Энеемъ бахури всѣ схожи:
 Щобъ врагъ зрадливыхъ всѣхъ побравъ! К.

60.

Довгенько тамъ ¹⁾ посумовзвши,
 Пѣшла у хату ²⁾ на постѣль,
 Подумавши тамъ, погадавши,
 Проворно скочила на пѣль. ³⁾
 Узавши ⁴⁾ зъ ⁵⁾ запѣчка кресало
 И клочя въ пазуху чи мало,
 Тихенько вѣйшла на вгородъ. ⁶⁾
 Нѣчною ⁷⁾ се було добою
 И самой тихою порою,
 Якъ спавъ хрещеный весь народъ.

¹⁾ такъ П. К. ²⁾ въ будынки К. ³⁾ пилъ П. К. ⁴⁾ и взявши К.
⁵⁾ съ К. ⁶⁾ городъ П. К. ⁷⁾ ночью П. К.

61.

Стоявъ въ Дидоны ¹⁾ у загонѣ ²⁾
 Съ кизяку складенный кирпичъ, а)
 Його придбали воли, конѣ, ³⁾ б)
 Зѣмою имъ топили пѣчь, в)
 Въ кострѣ бувъ складенный, ⁴⁾ сухенькій,
 Якъ порохъ, бувъ уже сухенькій, ⁵⁾
 Його держали на пѣдпалѣ. ⁶⁾
 Оттуть ⁷⁾ вѣна ⁸⁾ (sic) огонь кресала

Такъ бѣдна съ гори говорила
 Дидона, жизнь свою кляла,
 И Ганна, що їй ни робила,
 Ни якої рады не дала.
 Сама съ царицей горіовала
 И сліозы рукавомъ втирала
 И хлыпала собѣ въ кулакъ.
 Потямъ Дидона мовъ унышкла,
 Звелѣла, щобъ и Гандзя вийшла,
 Щобъ їй насумоватись въ смакъ. К.

И въ клочкѣ ⁹⁾ гарно розмахала
И розвела пожаръ чи-малъ.

- ¹⁾ въ Дидони П. у ней К. ²⁾ у загони П. на городѣ К. ³⁾ во-
лы придбали й кони П. ⁴⁾ сложенный П. К. ⁵⁾ палкеньвій П. К.
⁶⁾ пидпалъ П. К. ⁷⁾ отъ тутъ П. ⁸⁾ вона П. К. ⁹⁾ влочьи П. К.
а) Въ кострѣ на зиму очеретъ;
б) Хоть се не по царскій породѣ,
в) Та где жъ взять дровъ, колы все степь К.

62.

Кругомъ костеръ той запаливши,
Зо всей одежы ¹⁾ роздяглась,
Въ огонь одежу положивши, ²⁾
Сама въ огнѣ тѣмъ ³⁾ уляглась. ⁴⁾
Въ кругъ ⁵⁾ неи поломъя палало,
Цовѣйницы ⁶⁾ не видно стало,
Пѣшовъ ⁷⁾ вѣдъ ⁸⁾ неи дымъ и чадъ!
Энея ⁹⁾ такъ вона любила, ¹⁰⁾
Що ажъ сама себе спалила,
Послала душу къ чорту въ адъ.

- ¹⁾ одежы П. К. ²⁾ лахматѣ все сложивши К. ³⁾ тимъ К. да и
сама тутъ П. ⁴⁾ простаглась К. улеглась П. ⁵⁾ вкругъ П. К. ⁶⁾ цо-
кѣйницы П. К. ⁷⁾ пѣшовъ П. К. ⁸⁾ одъ П. К. ⁹⁾ Енея П. ¹⁰⁾ лю-
била П. К.

Конецъ первой части Виргилія Энеиды.

На малороссійскій языкъ перелицована Котляревскимъ 1798 г.



ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1900 годъ.

Имѣя цѣлю знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственнхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С- Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1900 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на конкурснныя награды; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничѣ книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнню коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

ОТЪРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на

общественно - педагогическую и литературную еженедѣльную газету

„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“

съ приложеніемъ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (Г. XII).*подъ редакціей М. Виноградова.*

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., на полгода— 3 руб., и на 3 мѣс. 2 р.; для *начальныхъ школъ и народныхъ учителей*—4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей. Мѣ-овъ за прежніе годы «Школьнаго Обозрѣнія» не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 г. можно получать по *два* руб., и 1895 и 1896 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при нынѣшнѣйшій газетѣ за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ представляется помѣщать *бесплатно* всякія объявленія относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихся и учащихся.

Вышедшія ММ „Жизнь и Школа“ и „Школьнаго Обозрѣнія“ тек. т., по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ—одиннадцатый *бесплатно.*

Подписка принимается въ главной конторѣ „Жизнь и Школа“ и «Школьнаго Обозрѣнія»: С.-Петербургъ, Загородный пр. 34.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ
на областную общественную и литературную газету-журналъ

„ДНІПРОВСКАЯ МОЛВА“

(второй годъ изданія)

выходить въ г. Екатеринославѣ по воскресеньямъ, въ форм. и объемѣ

„НЕДѢЛН“.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Руководящія статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. 3) Статьи по исторіи Приднѣпровскаго края, преимущественно Новороссіи, а также по этнографіи и археологіи. 4) Научныя статьи по обществознанію и естествознанію. 5) Что дѣлается на родинѣ. Земство, города и дворянство. Экономическіе факты (главнымъ образомъ объ артельномъ дѣлѣ и кустарничествѣ). Нравы на судѣ. По Приднѣпровью и югу. Фельетонъ городской и уѣздной жизни Екатеринославской губерніи 6) Беллетристика. 7) Критика, журнальная хроника, литературно-критическія статьи. 8) Библіографія. 9) Искусства и художества. Театръ, музыка и живопись (рецензіи, отзывы). 10) Что дѣлается за границей. Обзорѣнія иностранной жизни. Письма изъ чужихъ странъ. 11) Разныя извѣстія. Письма изъ Приднѣпровья и юга. 12) Справочныя свѣдѣнія. 13) Объявленія.

Въ газетѣ будетъ обращено особенное вниманіе на разработку вопросовъ городского и земскаго хозяйства и въ связи съ послѣдними, вопросовъ сельскаго хозяйства.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой въ годъ (50 ном.) 5 р., полгода—2 руб. 50 к., три мѣсяца—1 руб. 25 коп. Отдѣльные номера 10 коп.

Подписка принимается въ редакціи «Днѣпровской Молвы», Екатеринославъ, Временная ул., д. Быкова, въ книжныхъ магазинахъ Екатеринослава, въ г. Кіевѣ въ книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина», Безаковская ул., № 14, въ г. Харьковѣ кн. магазинъ Сикорской, Екатеринославская ул., Александровскѣ въ земскомъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель *Н. В. Быковъ.*

Съ 1-го ноября 1899 года.

въ С.-Петербургѣ выходить

большая ежедневная, политическая и литературная газета

безъ предварительной цензуры

„СЪВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: въ Россіи на годъ—10 руб., на 6 мѣс.—5 руб., на 1 мѣс.—1 руб. за границу: на годъ—14 руб., на 6 мѣс.—7 руб., на 1 мѣс.—2 руб.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка на четыре срока—по 2 р. 50 к. Лвца, подписавшіяся на весь 1900 г., получаютъ газету бесплатно въ текущемъ году. Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургѣ Бол. Морская ул.. 5 (отъ 12 до 4 час. дня).

Въ основу своего міросозерцанія «Сверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключаящей началъ національной самобытности, и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное и безпристрастное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственности. Въ этомъ смыслѣ «Сверный Курьеръ» направитъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сверный Курьеръ» будетъ интимательно слѣдить какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полного признанія и уваженія правъ личностей, національностей и началъ вѣротерпимости. «Сверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областнаго начала, желательность

дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣтельности и потому отведеть подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области поставить своей задачей силовое и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено интересамъ науки, искусства и литературы.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій*. Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій. К. И. Арабаджинъ*.

2—3

Открыта подписка и пріемъ объявленій.

КАЛЕНДАРЬ „СИНЯГО КРЕСТА“

(Настольная Справочная Книга).

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества

Великой Княгини Елисаветы Мавриковны.

„Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ“, состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, предприняло изданіе на 1900 г. Календаря „Синяго Креста“, который поступитъ въ продажу въ декабрѣ с. г. въ количествѣ 10000 экземпляровъ и явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго. Цѣна Календаря „Синяго Креста“ по 2 руб. за экземпляръ, съ пересылкой 2 р. 50 к. Главн. складъ изданія въ Редакціи „Синяго Креста“:

С.-Петербургъ, Серіевская ул., 41.

3-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

3-й годъ изданія.

на 1900 годъ

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1900 году подъ тою-же редакціей (В. В. Святловскаго), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той же программѣ.

Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей, и между прочимъ слѣдующія лица: М. Н. Альбовъ, Е. М. Бабецкій, Д. И. Багалъй (проф.), А. Башмаковъ, Л. Б. Бертенсонъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, А. Б—ръ (изъ Парижа), И. Ф. Василевскій (Буква), С. Глазенацъ (проф.). В. М. Грибовскій, Н. А. Греденкулъ, Зигъ-Загъ, В. И. Ивановъ, К. Н. Льдовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Мордовцевъ, К. В. Назарьева, Л. П. Никифоровъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій (проф.), И. Н. Потаенко, Пружанскій (Трофимовъ), М. Г. Пожуровскій, И. И. Рачинскій, А. К. Розельонтъ-Сошальская, П. А. Сергѣенко, Е. В. Святловскій, Скальцель (псевдон.), В. В. Святловскій, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, К. М. Станюковичъ, Д. И. Тихомировъ, И. О. Фесенко, К. М. Фофановъ, Фаустъ (псевдон.), А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, Кн. М. Л. Шаховскій, Шпилька (псевдон.), И. Л. Щегловъ, Д. И. Эварницкій (проф.) и друг.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агенства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ специальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы. Особенно полно будетъ обставленъ отдѣлъ корреспонденцій и газета уже обозначена постоянными корреспондентами изъ Нью-Йорка (Русскій Путникъ), Парижа, Лондона (Н. К.), Берлина (С.), Рима (А. З.), Тегерана (Л—цкій), Брюсселя (М—кій). Кромѣ того въ 1900 году будутъ печататься изслѣдованія, предпри-

няты Редакціей для описанія заводовъ и рудниковъ Приднѣпровья и всего Донецкаго Бассейна по особо составленной обширной программѣ. Описаніе будетъ иллюстрировано чертежами и рисунками. Къ производству изслѣдованія редакціей привлеченъ цѣлый рядъ специалистовъ.

Условія подписки на 1900 годѣ: съ доставкой въ Екатеринославѣ 10 р., съ пересылкой почт. въ др. города 12 р., за границу 23 руб.

2—3

ЗАПИСКИ

Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *официальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе официальные акты и документы,

2) Часть *неофициальная*: а) научный отдѣлъ (ученныя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширныя труды, какъ-то: диссертациі, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Овсянко-Куликовскій.

НИВА

Подписчики „НИВЫ“ получают въ 1899 г.

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбовъ текста и 560 граммъ),

12 ТОМОВЪ и в годѣ, которое сочиненіи

дѣтъ весьма значительно и полезное матеріаломъ, не помѣщеннымъ въ послѣднихъ издаваніяхъ соч. Гоголя, и будутъ отпечатано на хорошей бѣлой газетриванной бумагѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Бюграфическія очерки. В. И. Шенрока. — ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЫДЬ ДИКАНЬКИ. Повѣсть: Сорочинская ярмарка. Вечеръ насаува Иванъ Малака. Малака вѣтъ, или утопленница. Простая грамота. Ночь передъ Рождествомъ. Страшная мѣста. Иванъ Федоровичъ Шпильда и его тетушка. Заколдованное мѣсто. Томъ II. МІРОПОЛЪ. Повѣсти: Староверскіе помѣщики. Тарасъ Бульба. Вѣтъ. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Томъ III. ПОВѢСТИ: Ночь. Поруганіе. Пивень. Колоска. Рымъ — КОМЕДИИ. Ревноръ. Томъ IV. КОМЕДИИ: Приказовіа къ коедіи „Ревноръ“ — Женильба. — ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОФРЕВКИ и ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ: Ипроедъ. Уроу дѣловое человѣтъ. Тажа. Дакійская. Оупинокъ. Театральный развѣтъ послѣ представляеіа новой комедіи. Томъ V. Походоеніа Чичкова, или Мертвая Душа. Томъ первый. Томъ VI. Притѣженіа къ нерому тому „Мертвѣтъ Душѣ“ — Похажоеніа Чичкова или Мертвѣтъ Душѣ. Томъ второй. Томъ VII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Томъ VIII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями (продолженіе). Томъ IX. Юношескіе

ДАЕТЪ ВЪ ТѢЧЕНІЕ

ОДНОГО 1900 ГОДА

СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

БЕЗПЛАТНО

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И АВТОГРАФОМЪ.

Опннѣ. — Арабески Часть I. Томъ X. Арабески. Часть II. Томъ XI. Провожденіа, не вошедшіа въ первое издаііе „Сочиненіа Гоголя“. Томъ XII. Сочиненіа, относящіася къ вторю подовѣтъ 40-хъ годовъ, издаванныя послѣ смерти автора. — ПРИЛОЖЕНІА: Статусъ-градъ, Дѣла въ затруднительномъ положеніи.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛІТЕР. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, разсказы, „вочудильно-вучныя статьи и проч. современныя авт. разв.“.

12 №№ „Наряжескихъ мѣтъ“ (до 300 мѣстныхъ праворъ по послѣднимъ фасонамъ дѣлшхъ мастеровъ), рукописныхъ и вышлѣнныхъ работъ и мѣрорѣтъ въ натуральную величину, (около 600 рисунк. и чертѣж). **12 №№** СТАВНОГО КАЛЕНДАРЬ на 1900 г., петатавъ, раскатавъ.

Подобное иллюстрированное издаііе выдѣляется „бѣсплатно“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложѣніями:

Бѣтъ дѣстав- ка въ СІВЪ.	5 р. 50 к.	Съ перес.
Резъ доставлен: 1) въ Мо- сковой — 6 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ кннжн. магаз. (Образованіе) — 6 р. 50 к.	6 р. 50 к.	Во всѣхъ ро- дахъ и мѣстѣ. Рое- сін . . .
Съ доставленіемъ въ СІВЪ.	6 р. 50 к.	За границу — 10 р. Рѣ- срѣтка на дѣла въ 2 и 3 1/2 р.

Требованіа адресовать въ Главную Кантору журн. „НИВА“. С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

Открыта подписка на 1900 годъ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„Южный Край“.

Газета общественная, политическая и литературная.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономическія и общественной жизни. III. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. „Свѣтъ и Тѣни“ (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южный Край“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Критика и библіографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и поч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ, въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербуга и Москвы отъ собств. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичежи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1900 ГОДЪ:

Съ пересылкою иногороднимъ.

На 12 м. 11 р.—11 м. 10 р. 50 к.—10 м. 10 р.—9 м. 9 р. 50 к.—
8 м. 8 р. 50.—7 м. 7 р. 80 к.—6 м. 7 р.—5 м. 6 р.—4 м. 5 р.—
3 м. 4 р.—2 м. 3 р.—1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по сорлашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“ на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

Книжнымъ магазинамъ дѣлается уступка: съ подписокъ: годовой, 11-ти и 10-ти мѣсячныхъ по 50 к., а съ остальныхъ—по 50 к. за каждый мѣсяцъ.

„Южный Прай“, печатается въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ на ротационной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

— на —

„ХУТОРЯНИНЪ“

Еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

НА 1900 ГОДЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учреждений. 6) Библиографія и обзоръ сельскохозйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерній. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ Минист. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя библіотеки-читальни.

Подписная цѣна: въ годъ съ пересылкой 2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: въ одну строку въ концѣ текста—8 коп., впереди—вдвое.

Подписка принимается: 1) въ г. Полтавѣ въ Конторѣ и Редакціи «Хуторянина», при обществѣ Сельскаго Хозяйства. 2) Въ С.-Петербургѣ, въ Отд. Конторы „Хуторянина“ при с.-х. книж. магазинѣ жур. „Деревня“, уг. Б. Морской и Кириич. пер., д. 3.—13. 3) Въ Кременчугѣ, въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельскихъ хоз. и Товариществъ сельскихъ хозяевъ. 4) Въ г. Прилукахъ, при обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ и 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ.

Продолжается подписка на газету

„ЮГЪ“.

Издающаяся въ Херсонѣ съ 1 марта 1898 г. ежедневная газета «Югъ» заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія печатаются и въ другихъ газетахъ, а именно: дѣйствія правительства; ежедневныя телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агенства»; руководящія статьи по вопросамъ мѣстнымъ, общерусскимъ и политическимъ; извѣстія о важнѣйшихъ фактахъ изъ жизни Херсона и другихъ городовъ Херсонской и смежныхъ губерній; такія-же свѣдѣнія изъ жизни столичной и провинціальной; отзывы другихъ газетъ по важнѣйшимъ вопросамъ русской жизни, отчеты объ интересныхъ судебныхъ дѣлахъ, разбирающихся въ окружныхъ судахъ, уѣздныхъ сѣздахъ, у земскихъ начальниковъ и въ волостныхъ судахъ; извѣстія, касающіяся выдающихся событій иностранной жизни, извѣстія объ открытіи въ мірѣ наукъ и о новинкахъ въ мірѣ искусствъ; оригинальные и переводные рассказы; статьи по сельскому хозяйству и проч. и проч.

Сверхъ того, согласно программѣ, утвержденной Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ только въ «Югѣ» систематически печатаются дѣйствія мѣстной администраціи: рѣшенія Херсонскаго Губернскаго Присутствія; списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ засѣданіяхъ каждаго изъ Уѣздныхъ Сѣздовъ и рѣшенія Сѣздовъ по дѣламъ безъ вызова сторонъ; опредѣленія Херсонскаго Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія; херсонскимъ отдѣленіемъ Крестьянскаго Банка въ «Югѣ» публикуются свѣдѣнія о ходатайствахъ относительно выдачи ссудъ на покупку земли и о разрѣшенныхъ этимъ банкомъ ссудахъ; вообще въ «Югѣ» помѣщаются опредѣленія и распоряженія всѣхъ мѣстныхъ административныхъ учреждений, подробныя свѣдѣнія о дѣятельности губернскаго и уѣздныхъ земствъ Херсонской губерніи и днѣпровскаго земства Таврич. губ. Спеціальныя также отдѣлы въ «Югѣ» составляютъ извѣстія о цѣнахъ на хлѣбъ въ Одессѣ, Николаевѣ и Херсонѣ, о цѣнахъ на скотъ и лошадей на мѣстномъ рынкѣ, о сдѣлкахъ по зафрахтованію судовъ и многія другія свѣдѣнія, необходимыя для мѣстнаго населенія.

Въ отнѣченіе отъ другихъ газетъ, «Югъ» поставилъ себѣ цѣлью освѣщеніе многостороннихъ нуждъ Херсонской и смежныхъ губерній, уделяя особенное вниманіе нашей деревнѣ, ея просвѣтительнымъ и

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщеній изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерній: за 1½ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такому изобилію свѣдѣній, необходимыхъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникнувъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, какія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздничныхъ. Праздничные нумера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногороднихъ на годъ 8 руб., причѣмъ деньги могутъ быть уплачены въ разсрочку. Желающіе получать «Югъ» въ разсрочку благоволятъ заявить о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три—какъ кто можетъ.

Учрежденія, официальные и вообще извѣстные лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и времени, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца—1 число того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакціи. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги,—такъ удобнѣе для наборщиковъ.

Открыта подписка на 1900 годъ (11-й годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1899 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Очерки современнаго состоянія начальнаго народ. образованія въ Зап. Европѣ. М. И. Страховой; 2) Очерки по исторіи русской школы. Э. В.; 3) Возрожденіе воскресныхъ школъ. Я. В. Абрамова; 4) Начальная школа Минист. Народ. Просвѣщенія. В. И. Фармаковского; 5) На зарѣ земской школы. (Изъ воспоминаній стараго педагога). С. А. Бобровскаго; 6) Вопросы народнаго образованія въ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года. И. П. Бѣлоконскаго. 7) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. А. С. Вирениуса; 8) Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ. Л. Е. Оболенскаго; 9) Мысли о воспитаніи и обученіи. К. П. Яновскаго; 10) Новое воспитаніе. Н. О. Арепьева; 11) Къ психологій нашихъ подростающихъ поколѣній. Н. П. П., 12) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. И. П. Бѣлоконскаго; 13) Наиболѣе доступные способы приготовленія кандидатовъ на учительскія должности народныхъ училищъ. А. П. Раменскаго; 14) Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ. В. Г. Зимницкаго; 15) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Рядъ статей: М. А. Миропіева, А. И. Анастасіева, А. И. Кирпичникова, А. С. Вирениуса и Я. Г. Гуревича; 16) Къ вопросу о рефермѣ системы средняго образованія. Я. Г. Гуревича; 17) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. В. П. Вахтерова; 18) Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. В. Г. Зимницкаго; 19) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной арифметики. К. Л. Тихомирова; 20) Нѣмецкая и русская методика арифметики въ текущее столѣтіе. М. И. Успенскаго; 21) О чтеніи псалмовъ въ начальной школѣ. А. О. Соколова; 22) Рутинна въ преподаваніи географіи. О. Г. Шубина; 23) О курсѣ исторіи въ начальной школѣ. Е. Чебышевой-Дмитріевой; 24) О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Н. И. Карѣва; 25) Къ вопросу о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. А. П. Флерова; 26) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. П. Нечаева; 27) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. П. А. Сосланова; 28) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. В. В. Бурковича и друг.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла Критики и библіографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бурковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ

два срекі. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Запросини до передплати

на третій рік видання

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСНИК.

В р. 1900 „Літературно-науковий Вісник“ буде виходити під тою самою редакцією, що й доси, в такім самім обемі і на таких самих умовах.

Редакційний комітет складають: проф. М. Грушевський, В. Гнатюк і др. Ів. Франко.

За редакцію відповідає В. Гнатюк.

Передплата платна у Львові виносить:

В Австрії з пересилкою на чверть року 5 корон

„ „ „ „ пів „ 10 „

„ „ „ „ цілий рік 16 „

В Росії „ „ „ „ „ 8 рублів.

В иньшых державах по обчисленю пересилки.

Поодинокі книжки коштують по 2 кор.

Першого річника (1898) перші чотири книжки вичерпані; за ціну 6 зл. (6 руб.) можна дістати кн. 5—12, з додатком початків статей, що їх продовження містять ся в свх книжках. Другий річник можна дістати по ціні передплати.

Редакція і адміністрація у Львові, ул. Чарвецького ч. 26.

Всякі виплати для Наук. Товариства ім. Шевченка, в тім числі і передплату можна посилати також на адрес книгарні „Кіевской Старини“, Кієвъ, Безаковская 14, котра одержане грошей буде посвідчувать сторонам друкованими квітками з книг Товариства. В такім разі інтересовані, замовляючи або рекламуючи Вісникъ або инші книжки з вашого Товариства, звольте прислати в листі такий квітокъ, одержаний від книгарні К. Стар., і все замовлене вишлетъ ся їм зараз. Надіємо ся, що таким способом зробимо нашим передплатникам у Росії велику догідність.

З усякимв рекламациями треба звертати ся не до книгарні „Кіев. Старини“, а до адміністрації Літ.-наук. Вісника.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Общественная литературно-политическая и экономическая

будетъ выходить въ 1900 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ общественнымъ, политическимъ, экономическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, юридическимъ и др.
- 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.
- 3) Корреспонденціи внутреннія, заграничныя, и изъ славянскихъ земель.
- 4) Политическое обозрѣніе.
- 5) Повѣсти и рассказы.
- 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).
- 7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія правительства и краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества.
- 10) Мѣстная хроника: городскія дѣла, дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ общественныхъ учрежденій, событія и происшествія.
- 11) Областная хроника: корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей юго-западнаго края.
- 12) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Жѣлѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой, на годъ—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р., безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ второе 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Заграничныя подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ за доставку по 60 к. за каждый мѣсяць. За перемѣну иногороднаго адреса—20 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 43. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К^о.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевского Слова“ Большая Владимірская № 43.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВУЮ ВЪЕДНЕВНУЮ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ

„КИЕВСКУЮ ГАЗЕТУ“.

Выходитъ съ 12 декабря 1899 г.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Правительственныя распоряженія.
2. Телеграммы Россійскаго и др. телеграфныхъ агентствъ, а также отъ собственныхъ корреспондентовъ.
3. Хроника текущей жизни: мѣстной, общерусской и заграничной.
4. Корреспонденціи русскія и заграничныя.
5. Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній, разныхъ учрежденій и частныхъ и ученыхъ обществъ.
6. Отчеты о дѣлахъ заслушанныхъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, безъ права обсужденія рѣшеній.
7. Фельетоны беллетристическіе, научные и изъ общественной жизни, стихотворенія.
8. Библиографія. Обзорѣніе книгъ, журналовъ и газетъ съ выдержками изъ нихъ.
9. Театръ и искусство. Драматическія произведенія.
10. Шахматы, ребусы, игры, загадки и пр. Смѣсь. Огвѣты редакціи. Юмористическіе рассказы, очерки, наброски, шутки, афоризмы, эпиграммы.
11. Торговое обзорѣніе и биржа.
12. Справочныя свѣдѣнія.
13. Портреты, рисунки къ тексту.
14. Стороннія извѣстія (рекламы).
15. Казенныя и частныя объявленія.

Подписная цѣна: на 1 годъ 6 руб., на 6 мѣс. 3 руб., на 3 мѣс. 1 руб. 50 коп. и помѣсячно 60 коп.

Годовые подписчики получаютъ газету съ 1-го номера,

Адресъ: г. Киевъ, Пушкинская, II.

Редакторъ *Е. Игнатъевъ*. Издатели: *В. Д. Бубликъ* и *Н. Н. Федоровъ* (Соловцовъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900-й ГОДЪ

на посвященныя еврейской жизни, исторіи и литературѣ

1) выходящую два раза въ недѣлю газету

„ВОСХОДЪ“

и 2) ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА“

подъ новою редакціею М. Г. Сыркина.

Газета „Восходъ“ выходитъ съ 1-го ноября 1899 г. ДВА РАЗА въ НЕДѢЛЮ, такъ что будетъ имѣть возможность знакомить читателей своевременно со всѣми новѣйшими извѣстіями какъ изъ текущей жизни еврейства, такъ и изъ общей политической жизни Россіи и иностранныхъ государствъ. На отдѣлы политической—иностранной и внутренней—хроники будетъ обращено особое вниманіе въ видахъ того, чтобы „Восходъ“ могъ отчасти замѣнить провинціальному читателю ежедневныя политическія газеты.

Отводя столбцы газеты для текущихъ вопросовъ дня, редакція будетъ въ ежемѣсячныхъ книгахъ журнала помѣщать произведенія беллетристическаго характера и статьи научнаго содержанія—по исторіи евреевъ, археологіи, этнографіи, антропологии и статистикѣ, а также болѣе обстоятельныя изслѣдованія тѣхъ вопросовъ еврейской жизни, которые требуютъ разработки и всесторонняго освѣщенія.

Годовые подписчики на 1900-й годъ получаютъ газету со дня подписки.

Приложенія для годовыхъ подписчиковъ: сборникъ „Еврейскія Народныя Пѣсни“ (съ платою за перес. 50 коп.) и „Художественный Литературный Альбомъ“ съ 10 ю картинами на сюжеты изъ произведеній: Лессинга, Гейне, Ауэрбаха, Зангвилля, Францоza, Леванды, Богрова, Мапу, Гордона и Смоленскаина, посвященныхъ евреямъ (за 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Условія подписки: на годъ газета „Восходъ“ съ журналомъ „Книжки Восхода“ 10 р., на $\frac{1}{2}$ г. 6 р., на 3 мѣс. 3 руб. За границу: на годъ 12 р., на $\frac{1}{2}$ г. 7 р.

При отдѣльной подпискѣ за газету 7 рублей въ годъ, за книжки 3 рубля въ годъ.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Театральная площ., 3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1900 году.

(Годъ изданія сороковый).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1900 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанію общедоступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Свят. Синода отъ 2—29 февраля 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духов. семинаріи, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ *ежемесячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Съ требованіями относительно журнала редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ въ г. Кіевъ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ профессоръ В. Θ. Пивникій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс.	6 руб.	На 3 мѣс.	1 р. 50 к.
На 6 мѣс.	3 руб.	На 2 мѣс.	1 р. 10 к.
На 4 мѣс.	2 руб.	Помѣсячно	— р. 55 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ЛѢ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель *Г. И. Коровицкіи*.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ МІРЪ

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціею

П. М. Ольхина.

За четырнадцать рублей,

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „Новаго міра“ получаютъ въ теченіе 1900 года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

1) Журналъ „Новый Міръ“ съ „Современной Лѣтописью“. 24 выпуска въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знавій „Мозаика Нового Мира“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) Журналъ „Литературные Вечера Нового Мира“. 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „Библиотека русскихъ и иностранныхъ писателей“, въ составъ котораго войдутъ: а) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова* (т.т. 7—12); б) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* (т.т. 7—12).

5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мирѣ“, „Мозикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова*, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „Живописной Россіи“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачивають за годовое изданіе „Нового Мира“ со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.— 26 рублей (заграничные подписчики 36 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „Нового Мира“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлагодними, а именно, взамѣнъ второй половины соч. *Лажечникова* и *Гейне*, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россіи“ за 1900 годъ, — двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МИРУ“ со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи—14 р. Роскошное изданіе—18 рублей. За границу—24 руб., роскошное изданіе—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальныя же деньги могутъ выслааться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку бесплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „НОВЫЙ МІРЪ“ и объявленія принимается въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „Новаго Мира“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собственный домъ, №№ 5—7.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ
(32 годъ изданія)

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ОДЕССѢ

ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОРОССИЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

политическую, экономическую и литературную.

Одну изъ самыхъ большихъ и распространенныхъ на югѣ Россіи.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Стяжавъ себѣ за 31 годъ существованія „единственной русской газеты на югѣ Россіи“. „Новороссійскій Телеграфъ“ и впредь намѣренъ сохранить всецѣло свой обликъ, т. е. остаться независимымъ русскимъ органомъ—независимымъ какъ отъ вѣшнихъ теченій и вѣяній, такъ и отъ внутреннихъ партійныхъ полонизмовъ и проявленій. Независимость эта обуславливаетъ собою вѣрнѣйшее достиженіе тѣхъ цѣлей, къ которымъ должна стремиться каждая серьезная газета.

Газета, по нашему,—не прилавокъ, не мелочная лавочка съ девизомъ „чего изволите“, а могущественнѣйшая кафедра, съ которой кружокъ лицъ, воодушевленныхъ одной общей идеей, однимъ общимъ стремленіемъ къ той или иной высокой цѣли, руководить обширной аудиторіей (въ лицѣ читателей), открывать ей путь къ познанію текущихъ міровыхъ явленій и событій, освѣщаетъ ихъ надлежащимъ свѣтомъ и такимъ образомъ создаетъ обширный трудъ единомышленниковъ, твердыхъ въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на окружающій міръ и происходящія въ немъ явленія.

„Нов. Тел.“ за все время своего существованія (31 годъ) игралъ именно эту роль—руководящаго органа и, конечно, всѣми силами будетъ стараться поддержать аткое свое значеніе и въ будущемъ году.

Изъ столичныхъ литературныхъ силъ въ газетѣ принимаютъ участіе: Н. П. Аксаковъ, г-жа Барвинокъ Е. В. (псевд.), Г. И. Бутми, князь Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), А. И. Карпичниковъ (проф.), А. А. Коринфскій, В. С. Лихачевъ, Морвинъ, (псевд.), Г. Т. Попловъ, А. Сѣдой (А. П. Чеховъ), Сѣверцовъ (псевд.), Вл. А. Тихоновъ, А. Ходневъ, С. О. Шараповъ и С. С. Шабишевъ. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ: А. И. Алмазовъ, (проф.), Е. А. Арбенина (псевд.), А. Ф. Воеводскій (проф.), Джегъ (псевд.), П. И. Компанъ, М. А. Кривцовъ, А. А. Лебединцевъ, Г. О. Лифшицъ, Н. Н. Мальцовъ, Печоринъ (псевд.), В. М. Пуришкевичъ, М. Д. Сидоренко (прив.-доц.), И. Ф. Синцовъ (проф.), А. О. Фодоровъ (проф.), Н. Е. Чижовъ (проф.), П. Н. Шейминъ (прив.-доц.), И. Л. Яворскій (проф.) и др.

ЕЖЕДНЕВНЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

возникли на почвѣ стремленія—выдѣлить изъ газеты рисунки и весь матеріалъ, не носящій срочнаго злободневнаго характера, но тѣмъ не менѣ представляющій глубокий интересъ для всякаго читателя. Такимъ образомъ, естественно, въ приложенія отошли: беллетристика, стихотворенія, полезныя свѣдѣнія, разныя разности и юмористически-авекдотическій элементъ съ карикатурами.

Въ такомъ видѣ приложенія, въ количествѣ не менѣ 300 въ годъ, составляютъ къ концу года два громадныхъ иллюстрированныхъ тома съ массой интересаго чтенія, полезныхъ свѣдѣній и забавныхъ мелочей, не теряющихъ своего значенія и чрезъ десятокъ лѣтъ.

Въ настоящее время въ приложеніяхъ ежедневно безъ перерывовъ печатается романъ графа Л. Н. Толстого.

„Воскресеніе“

Всѣ новые подписчики получаютъ начальныя главы романа въ отдѣльныхъ от-тискахъ и, такимъ образомъ, будутъ имѣть полный романъ нашего знаменитаго писателя.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ—14 р., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 60 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Такса за объявленія:

На 1-й страницѣ за строку пегита 20 к., на 4-й страницѣ за строку пегита 10 к. за каждый разъ. Въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 50 к. за строку.

Подписка на газету и приемъ объявленій принимаются въ главной конторѣ по Риншельевской ул., въ д. Кестнера № 46.

Редакторъ-Издатель Г. А. Литинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900-Й ГОДЪ

на ежедневную, политическую, литературную и художественную газету

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО“

СЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

(седьмой годъ изданія).

Условія подписки.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р. на 6 мѣс. 6 руб., на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб.; безъ доставки на годъ 8 руб., на 6 мѣс. 4 руб. 80 коп., на 3 мѣс. 2 руб. 40 коп., на 1 мѣс. 80 коп.; съ пересылкой за границу на годъ 15 руб. 40 к., на 6 мѣс. 8 руб. 60 коп., на 3 мѣс. 4 руб. 40 коп., на 1 мѣс. 1 руб. 60 коп..

Подписка на газету принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и лишь до конца текущаго года. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб., къ 1-му мая—3 руб. и къ 1-му іюля—2 руб., а для служащихъ въ административныхъ, судебныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые десять мѣсяцевъ.

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору газеты: Кіевъ, Крещатикъ, 40.

1—3

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

„Памятная книжка Кіевской губерніи на 1900 г.

изъ Кіевской губ. Статистическаго Комитета.

Содержаніе: календарь, разныя свѣдѣнія о Кіевской губерніи, справочный отдѣлъ, адресъ календарь, Кіевскія общества частныя лица и учрежденія.

Приложенія: 1) лечебныя благотворительныя учрежденія при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежит. монастырѣ; 2) очеркъ дѣятельности Кіевского благотворительнаго общества за время 1834—1898 года; 3) списокъ землевладѣльцевъ Кіевской губерніи; 4) списокъ фабрикъ и заводовъ,—и 5) нормальныя уставы разныхъ обществъ. Цѣна книжки 1 руб. 25 копѣекъ.

Продается во всѣхъ магазинахъ г. Кіева и въ канцеляріи Статистич. Комитета (Виноградная, 2, зданіе Канц. Губернатора).

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
Университетскихъ Извѣстій
въ 1900 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части — 1) офіціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неофіціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — *критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣю выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія извѣстія въ 1900 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVIII.

ФЕВРАЛЬ.

1900 г.



КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, (Пробываніе его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи). Н. Оберучева	157—162
II. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (<i>Продолженіе</i>). П. Житецкаго.	163—191
III. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. (<i>Глава II</i>). В. Милорадовича	192—206
IV. КАРТИНКИ СУЧАСНОГО СЕЛЯНСЬКОГО ПОВЫТУ. Б. Познанскаго	207—247
V. Т. Г. ШЕВЧЕНКО И ПРОСТОЛЮДИНЫ, ЕГО ЗНАКОМЦЫ. (Изъ встрѣчъ и воспоминаній). В. Беренштама.	248—260
VI. ПАМЯТИ Н. И. ГУЛАКА. Н. М.	261—272

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ воспоминаній В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченкѣ. Съ пред. Н. Ш.; б) Какъ поминали въ церквяхъ гетмана Разумовскаго. Сообщ. С. Рилицкій; в) Воспреещеніе повѣнчаннымъ молодымъ жить врозь до свадьбы. О. Л.; г) Мелочв изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ; д) Къ характеристикѣ гр. В. А. Церовскаго. М. Чалаго	61—73 74—81
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древности. Труды Археографической комиссіи Имп. Моск. археолог. Общества, изд. подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. т. I, вып. 1, 2 и 3. Н. Василенна; б) Родословная записка фамиліи Яценко-Хмѣлевскихъ (по Чернигов. губ.). А. Г. Хатемкина; в) Малорусскія изданія 1899 г. В. Доманицкаго; г) Обзорѣніе журналовъ 2-ой полов. 1899 г.; д) Обзорѣніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	82—126 127—139
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 г. съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ — Париуры. 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 3-й и 4-й.	

Вышелъ отдѣльный оттискъ
„Археологической Лѣтописи Южной Россіи“
за 1899 годъ,

составленной подъ редакціей Н. Ф. Вѣляшевскаго.

Цѣна 2 рубля.

Книжный складъ журнала Кіевская Старина, Безаковская, 14.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 3 феврала 1900 года.

КЪ БЮГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

(Пребываніе его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи).

4-го мая 1899 г. я пріѣхалъ случайно въ Фортъ-Александровскъ, бывшее укрѣпленіе Ново-Петровское, мѣсто ссылки Т. Г. Шевченка. Болѣе 40 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ отсюда Т. Г., но мѣсто это представляетъ и донынѣ такой-же безотрадный уголокъ, какимъ изобразилъ его много лѣтъ тому назадъ самъ Шевченко ¹⁾.

Расположенное на высокой скалѣ, рѣзко возвышающейся надъ степью, укрѣпленіе имѣетъ видъ какого-то горнаго гнѣзда. У подошвы скалы развилось небольшое русско-армянское поселеніе, а на самомъ берегу моря, верстахъ въ 3-хъ отъ форта, раскинулась большая рыбацкая станица, начало которой современно постройкѣ укрѣпленія. По степи и въ долинахъ окрестныхъ холмовъ видны кибитки кочующихъ киргизовъ. Кругомъ ни кустика, ни деревца. Мертвую природу оживляетъ только запущенный садъ, но происхожденіе сада связано съ именемъ Шевченка,—слѣдовательно и его не было въ то время, когда пріѣхалъ сюда Т. Гр.

Мертвая, унылая, безотрадная природа! Постоянный вѣтеръ да грозный гулъ морского прибоя только и говорятъ вамъ о жизни природы. Продолжительное пребываніе въ этомъ забытомъ

1) См. Кіевская Старина. 1899 г. февраль.

углу можетъ служить большимъ наказаніемъ, даже не принимая во вниманіе всѣхъ ужасныхъ, стѣснительныхъ условій, въ которыхъ находился нашъ поэтъ.

Изъ старожиловъ станицы, современниковъ Шевченка, остались въ живыхъ только козакъ Андрей Михайловичъ Перепелюковъ, сѣдой, какъ лунь, столѣтній старецъ, да супруги Филать Осиповичъ и Александра Степановна Сухоруковы.

Первымъ долгомъ я, конечно, навѣстилъ этихъ старцевъ; но къ сожалѣнію воспоминанія ихъ относительно Шевченка очень смутны: старуха Сухорукова говоритъ о большой любви семьи Усковыхъ къ Шевченку, о томъ, что онъ частенько съ Усковыми пріѣзжалъ къ нимъ (мать старухи Сухоруковой была повитуха). Всѣ они категорически отвергаютъ, будто-бы Шевченко подвергался тѣлесному наказанію¹⁾, и вспоминаютъ, что Шевченка считали въ фортѣ разжалованнымъ майоромъ. Устройство сада они приписываютъ Ускову при содѣйствіи Шевченка. Вотъ и все, что рассказали мнѣ старики, повторяя все время, что „намъ это было ни къ чему“. Старуха Сухорукова (урожденная Савченко) говоритъ, что родители ея одно время интересовались узнать, не родственники-ли они съ Шевченкомъ, но родства не оказалось. Объ отношеніяхъ Шевченка къ поселенцамъ станицы они говорятъ, какъ о задушевныхъ.

Не получивъ почти никакихъ свѣдѣній отъ живыхъ свидѣтелей пребыванія здѣсь Тараса Григорьевича, я обратился къ розыскамъ архивныхъ матеріаловъ, но и здѣсь успѣхъ былъ не большій. Одинъ изъ старожиловъ Форта-Александровска, нынѣ смотритель мѣстнаго продовольственнаго магазина, титулярный совѣтникъ Малинниковъ, сказалъ мнѣ, что одно дѣло имъ по приказанію коменданта, еще въ 60-хъ годахъ, было передано артиллерійскому генералу Гранкину. Дѣло это, по словамъ г. Малинникова, заключало переписку, возбужденную послѣ отпращиванія Усковымъ Шевченка въ Астрахань вмѣсто Оренбурга.

¹⁾ См. А. Я. Конисскій. «Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка» стр. 382 — 385.

Съ разрѣшенія мѣстнаго воинскаго начальника я пересмотрѣлъ старый заброшенный архивъ укрѣпленія. Здѣсь въ обрывкѣ описи дѣлъ (съ 1847—1852 г.) значится въ 1850 г. подъ № 122 „Дѣло о прибытіи изъ г. Уральска политическаго преступника Шевченко“; но ни этого дѣла, ни вообще дѣлъ, спеціально посвященныхъ Шевченку, не оказалось.

Не найдя дѣлъ, касающихся Шевченка, я обратился къ постовымъ вѣдомостямъ, съ цѣлью выяснить, какъ цесъ солдатскую службу Шевченко и какими льготами онъ пользовался. Къ сожалѣнію, сохранились только постовыя вѣдомости за 1852 и за 1857 г.г.; остальные или сгнили въ подвалѣ, или утрачены. По вѣдомостямъ за 1857 годъ видно, что въ этомъ году Шевченко не отбывалъ ни одного караула¹⁾. Въ 1852 году Шевченко отбылъ 63 караула, наравнѣ со всѣми нижними чинами, а въ 1857 году онъ былъ отъ нихъ совершенно освобожденъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе заставляетъ пожалѣть, что вѣдомостей за другіе года не оказалось. Теперь нѣтъ возможности фактически установить, когда начались льготы Шевченку и въ какой постепенности онѣ къ нему примѣнялись.

Обратимся къ свѣдѣніямъ о караулахъ за 1852-ой годъ²⁾.

1) Ср. А. Я. Конисскій. Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка стр. 435. «Ближайшіе начальники Шевченка, фельдфебель и ротный командиръ, узнавъ, пока не официально, объ освобожденіи его, *не увольняя* его отъ ученія и караула, позволили свободное отъ службы время проводить на огородѣ».

2) Для читателей военныхъ, знающихъ, что караулы отбываются не ранѣе, какъ черезъ день, считаю нужнымъ дать нѣкоторые объясненія къ «свѣдѣніямъ», чтобы меня не заподозрили въ ошибочномъ составленіи этихъ свѣдѣній, такъ какъ въ нихъ можно видѣть ежедневные наряды. Въ караулъ на Новопетровской пристани высылались люди на цѣлую недѣлю. Для занятія 3-хъ постовъ высылались 12 человекъ и, такимъ образомъ, имѣлось три запасныхъ нижнихъ чина, что давало возможность, если не чередовать черезъ день, то, по крайней мѣрѣ, давать суточный отдыхъ. Каждый разъ въ караулъ были люди, стоявшіе на часахъ всѣ семь дней, а были служившіе лишь нѣсколько дней. Вотъ почему мы видимъ здѣсь ежедневные на-

Мы видимъ, что чаще всего Шевченко отбывалъ караулы у флагштока (30 изъ 63). Это сходится съ показаніемъ г. Малинникова, что „Шевченко любилъ это мѣсто“. Флагштокъ стоялъ на отдѣльной высокой скалѣ впереди форта. Оттуда открывается широкій круговоръ на всѣ стороны: видно море и рыбацкія станицы на берегу бухты. Для поэтической натуры Шевченка это мѣсто, конечно, было болѣе подходящимъ. Здѣсь на скалѣ, между многими высѣченными надписями, мы нашли старинную надпись КЛАЧЕНКО. Кѣмъ сдѣлана—эта надпись, рѣшить не берусь; но другой фамиліи съ окончаніемъ *ченко*, въ вѣдомостяхъ не встрѣчалось.

Въ караулѣ на гауптвахтѣ Шевченка мы видимъ рѣдко (5 разъ). Вѣроятно, онъ избѣгалъ этого, и я думаю, что одной изъ важныхъ причинъ было то обстоятельство, что здѣсь содержались арестованные. Въ караулѣ-же у флагштока Шевченко оберегалъ чаще всего денежный ящикъ, казну.

Всѣ караулы, кромѣ двухъ, Шевченко отбывалъ въ качествѣ часового, и только два раза онъ былъ разводящимъ, т. е. не стоялъ на часахъ. Чѣмъ объясняется это назначеніе—особымъ ли знакомъ вниманія къ нему, или простою случайностью—сказать трудно; вѣроятно, просто воспользовались имъ, какъ грамотнымъ солдатомъ. Грамотой его, впрочемъ, пользовались довольно часто, и мы не разъ въ постовыхъ вѣдомостяхъ видимъ записи, сдѣланныя рукой Шевченка въ тѣ дни, когда онъ былъ часовымъ. И не мудрено: между начальствующими нижними чинами попадались такіе, которымъ письмо давалось съ большимъ трудомъ, и, конечно, поручить записать вѣдомость умѣющему хорошо писать человѣку было для нихъ большимъ счастьемъ.

ряды. Чѣмъ руководствовались при этомъ раздѣленіи, сказать не могу, но оно существовало. Въ частности, Шевченко изъ 7 дней, въ мартѣ, стоялъ на часахъ 6, въ маѣ всѣ 7, въ іюнѣ 6, въ августѣ 7, въ сентябрѣ только 2; числился-же въ караулѣ каждый разъ въ теченіе 7 дней.

Повторяю, свѣдѣнія эти составлены по подлиннымъ постовымъ вѣдомостямъ

Еще одно замѣчаніе. Нѣсколько разъ въ постовыхъ вѣдомостяхъ мы видимъ записъ „Тарасъ Григорьевичъ“, „Тарасъ Шевченко“. Записъ часового по имени и отчеству показываетъ, что такое обращеніе къ Шевченку со стороны нижнихъ чиновъ было обычно, а, слѣдовательно, „рядовой Т. Шевченко“, въ 1852 году, будучи еще сравнительно „молодымъ солдатомъ“, пользовался уже уваженіемъ своихъ сотоварищей и даже ближайшихъ начальниковъ. Обращеніе по имени и отчеству къ унтеръ-офицерамъ — обычно; но такое обращеніе къ рядовому, да еще со стороны ефрейтора или унтеръ-офицера (они ведутъ записи въ постовыхъ вѣдомостяхъ)—рѣдкость большая.

Вотъ и все, что могутъ дать намъ постовыя вѣдомости за два года.

Предполагая найти косвенное указаніе на связь Шевченка съ мѣстными жителями, я пересмотрѣлъ метрическія книги мѣстной церкви за семь лѣтъ (50—57 г. г.). Оказывается, что за все время Шевченко ни разу не былъ ни паферомъ, ни кумомъ ни у кого изъ обывателей, а также и у солдатъ. Дѣлать изъ этого какія либо заключенія не нахожу возможнымъ. Указываетъ-ли это на то, что у него не было тѣсной связи съ мѣстными жителями или солдатами, или ему просто не разрѣшалось участвовать въ торжествахъ? Въ виду вышеизложеннаго, я склоненъ скорѣе думать, что первое предположеніе имѣетъ мало основаній.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о садѣ Шевченка. Эготъ садъ является единственнымъ пріютомъ отдохновенія обывателей Форта-Александровска отъ жары и вида безотрадной природы. Въ саду показываютъ землянку Шевченка. Позволяю себѣ сомнѣваться, что это землянка его ¹⁾. Старуха Сухорукова говоритъ, что въ этой землянкѣ любилъ отдыхать Усковъ въ лѣтнюю жару. Передъ землянкой стоятъ двѣ толстыя старыя вербы. Быть можетъ, одна изъ нихъ есть посаженная Шевченко палка ²⁾?

1) Ср. А. Конисскій. Стр. 389, 395, 396.

2) Тамъ-же стр. 395.

Садъ этотъ, являясь лучшимъ памятникомъ пребыванія здѣсь Шевченка, надо полагать, не погибнетъ: личный интересъ служащихъ въ фортѣ заставить поддержать и сохранить его, и надо надѣяться, что все будетъ сдѣлано для того, чтобы онъ не погибъ. Теперь садъ расчищаютъ, поливаютъ, не даютъ ему погибнуть. Къ сожалѣнію, не всегда это было такъ, и многія деревья несомнѣнно погибли прежде времени отъ недостатка вниманія къ саду. Это оставляемъ на совѣсти тѣхъ, кто въ этомъ уныломъ мѣстѣ не нашелъ въ себѣ достаточно любви къ природѣ, чтобы сохранить этотъ единственный живой уголокъ среди мертвой степи...

Прилагаю листъ постовой вѣдомости 11 іюля 1852 года, написанный рукой Т. Г. Шевченка.¹⁾ Остальные 11 листовъ, писанные тоже рукой Шевченка, мною пересланы при описи Предсѣдателю Черниговской Губернской Земской Управы г. Уманцу, какъ завѣдывающему бывшимъ музеемъ В. В. Тарновскаго. Думаю, что эти служебные автографы Шевченка, взятые мною изъ заброшеннаго архива, не лишены интереса. Мы привыкли видѣть руку Шевченка въ поэтическихъ произведеніяхъ его или письмахъ къ друзьямъ. Въ служебной перепискѣ мы видимъ ее, если не ошибаюсь, впервые .

Н. Оберучевъ.



¹⁾ Листокъ этотъ, представляющій интересъ не по своему содержанію, а только какъ автографъ, мы сохранимъ въ редакціи для передачи его впоследствии въ Шевченковскій музей, въ возможности осуществленія котораго мы вполне убѣждены, т. к. для этого дѣла много потрудился уже покойный В. В. Тарновскій.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

И

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Продолженіе *).

ХІІ.

Вирши, изображающія внутреннюю жизнь сердца на почвѣ семейныхъ отношеній.

Есть еще одинъ типъ виршевой литературы, который входитъ глубокимъ клиномъ въ народное пѣснотворчество: мы разумѣемъ вирши, изображающія внутреннюю жизнь сердца въ средѣ семейныхъ отношеній. Объ этихъ виршахъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ и въ другой связи идей¹⁾. По происхожденію своему онѣ относятся къ разряду виршей правоучительныхъ, развивающихъ религіозно-философскія мысли о жизни и скоротечности ея, о смерти и всемогуществѣ ея, о тщетѣ благъ міра сего, о томъ, чего долженъ желать человѣкъ, къ чему долженъ стремиться онъ, и въ чемъ, наконецъ, заключается добро и зло,

*) См. Кіевск. Стар., 1900, № 1.

1) См. «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», статья: «Вирши правоучительнаго содержанія», 58—78.

правда и неправда, счастье и несчастье его жизни. Конечно, эти мысли сложились подъ сильнымъ вліяніемъ христіанской этики, но въ нихъ есть значительная примѣсь пессимизма, свойственнаго міровоззрѣнію малорусскаго народа. Въ основѣ этого пессимизма лежитъ нѣжное участіе къ людямъ, оторваннымъ отъ родной семьи, заброшеннымъ и обездоленнымъ. Большею частію это безпріютные скитальцы безъ роду и племени, сироты, проклинающіе свою долю. Входя въ положеніе этихъ людей, составители виршей ни въ чемъ не находятъ для нихъ утѣшенія. Всюду они видятъ вражду и насиліе, которое подъ именемъ неправды царствуетъ въ мірѣ¹⁾.

На той же почвѣ семейныхъ отношеній развивались и искусственныя пѣсни любовнаго содержанія. До насъ дошли и немногія имена составителей этихъ пѣсенъ. Таковъ былъ козакъ Климовскій, жившій около 1724 г. По словамъ Карамзина, онъ составилъ сочиненіе „о великодушїи и правдѣ“. „Сказываютъ“, говоритъ Карамзинъ, „что Климовскій не менѣе семи греческихъ мудрецовъ былъ славенъ и почтенъ между его собратьями—козаками; что онъ, какъ вдохновенная Циція, говаривалъ въ бесѣдахъ высокопарными стихами, лавалъ пріятелямъ благо-разумные совѣты, твердилъ часто пословицу: „Намъ добро и никому зло—то законное житіе“; и любопытные приходили слушать его. Малороссійская пѣсня: „Не хочу я ничего, только тебя одного“, которую поютъ наши любезныя дамы, есть также, какъ увѣряютъ, сочиненіе Климовскаго, ученика природы, къ сожалѣнію, недоученнаго искусствомъ“²⁾. Преданія о Климовскомъ, повидимому, затемненныя и сбивчивыя, отразились и въ „Наталкѣ Полтавкѣ“ Котляревскаго (Дѣйс. II, явл. 7). Намъ неизвѣстно, какую прелесть находили современныя Карамзину дамы въ пѣснѣ, сочиненной Климовскимъ, какъ неизвѣстна и самая пѣсня, но важно то, что, сочиняя ее, Климовскій удо-

1) Подробнѣе объ этомъ см. тамъ же.

2) Пантеонъ русскихъ авторовъ, часть I, изданіе Платона Бекетова, Москва, 1801 г.

влетворялъ тому сентиментальному настроенію любовной страсти, которое, не довольствуясь народными пѣснями, искало выраженія въ стихотвореніяхъ, называемыхъ въ наше время романсами. Это настроеніе, безъ сомнѣнія, существовало уже въ культурныхъ слояхъ малорусскаго общества при Климовскомъ, современникѣ Мазепы, который прославился романомъ своимъ съ Матроной Кочубей, получавшей, какъ извѣстно, отъ своего обожателя нѣжныя письма.

Вообще, уже въ первой половинѣ XVIII вѣка въ городахъ малорусскихъ женщина держала себя непринужденно и, можно сказать, развязно, о чемъ съ огорченіемъ говоритъ Лашевскій въ извѣстной трагедокомедіи своей. Положимъ, составитель трагедокомедіи былъ суровый монахъ, но не могъ же онъ выдумать изъ головы своей „благовонныхъ красокъ, и дорогихъ бѣлилъ, и черныхъ мушекъ на ланитахъ“. Все это отражалось и на стихотворномъ искусствѣ, порождавшемъ „канти“ и „комплименты блудни“, т. е. любовныя пѣсни, которыя слагались поклонниками женской красоты. Къ числу этихъ поклонниковъ принадлежали и школьники, записывавшіе плоды вдохновеній своихъ въ учебныхъ тетрадахъ. До насъ дошелъ первообразъ той пѣсни, которую переработалъ Котляревскій и вложилъ ее въ уста судебного паныча Финтика въ извѣстномъ водевилѣ „Москаль-чаривныкъ“. Вотъ отрывокъ изъ этой пѣсни по рукописи 1746 года:

„Не прелщай ужъ меня, драгая, болѣ,
Я и самъ свободу днесъ гублю,
Знать, что мнѣ с тобою жить пришло въ неволѣ,
Чувствуетъ ужъ сердце, что люблю.
И часовъ не трать, молви мнѣ, что любишь,
Ты во мнѣ всю кровь мою зажгла,
А открытимъ сердцемъ пламень усугубишь,
Иль еще приметить не могла,
Что тобою я уже прелстился?

Не видала ты, какъ взоръ мой смутился,
Тайны болше не храня?“¹⁾

Таковы самыя давніе слѣды романтической лирики въ мало-русской литературѣ. Къ этому мы должны прибавить, что появилась эта лирика подъ вліяніемъ переводныхъ повѣстей и рыцарскихъ романовъ западно-европейскаго происхожденія, которые, начиная съ XVII в., большею частію шли чрезъ Польшу въ Малороссію, направляясь отсюда въ Великороссію. Нѣтъ сомнѣнія, что эти повѣсти производили впечатлѣніе на чувствительныя сердца, подготавливая почву для развитія новыхъ литературныхъ вкусовъ и стремленій. Нельзя сказать, чтобы эти вкусы и стремленія, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, находили поддержку въ книжныхъ свойствахъ литературной рѣчи, приправленной славянскими словами и выраженіями, но самая тема о любви, во всякомъ случаѣ, была понятна читателямъ и такъ или иначе располагала ихъ къ идеализму этого чувства. Кругъ этихъ читателей расширялся все болѣе и болѣе въ XVIII вѣкѣ по мѣрѣ того, какъ умножалось количество переводныхъ романовъ въ русской литературѣ. Послѣ смерти Петра Великаго она появляются въ печати, а при Екатеринѣ II ихъ напечатано было болѣе полутысячи²⁾. Конечно, весь этотъ беллетристическій матеріалъ проникалъ и въ Малороссію, наполняя досуги грамотныхъ людей тѣми же мечтами о любви, которыми проникнуты были „канти“ и „комплименти блудни“. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрознулась и литература любовныхъ виршей, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи. Замѣчательно при этомъ, что въ великорусскихъ сборникахъ конца прошлаго вѣка, какъ рукописныхъ,

1) *Lucubrationes* Th. Proscorowicz, 1746 г. Сборникъ принадлежалъ въ 1761 г. священнику Григорію Матвѣевичу Лютенскому, что видно изъ его подписи. Стихи писаны его же рукою. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться любовными пѣснями изъ рукописнаго сборника студента Александровича 1748 г., хотя онъ и означенъ въ печатномъ описаніи рукописей кіевской академіи подъ № 664.

2) В. Т. Нарѣжний, историко-литературный очеркъ Бѣлостерской, стр. 30.

такъ и печатныхъ, попадаетъ не малое количество малорусскихъ виршей этого рода ¹⁾. Большою частію это тѣ самыя малорусскія вирши, которыя встрѣчаются и въ малорусскихъ сборникахъ, но есть и новыя, можетъ быть, сочиненныя малороссіанами на сѣверѣ. Составлялись эти вирши въ той же средѣ, въ которой разыгрывались и любовныя исторіи. На эту среду указываетъ, наприкладъ, вирша, въ которой молодая дѣвица жалуется на своихъ обожателей:

„Тѣ канцеляристы
Мнѣ писали листы,
А я, молодая,
То не разсуждая,
Отписи давала,
Совѣсти не знала“.

За это оставляетъ свою возлюбленную другъ ея, преподнося ей такой совѣтъ:

„Ты бывай здорова,
А для комплиментовъ
Взыскуешь студентовъ,
Они добре знаютъ
И не ошукають,
Какъ наша братья“ ²⁾.

Въ малорусскихъ сборникахъ есть болѣе рѣшительныя указанія на любителей этихъ пѣсенъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ мы читаемъ такія подписи: „псалмы и пѣсны, выпісаніе капістомъ Андреємъ Ищенкомъ 1782 года“. Тамъ же и другая подпись: „выписалъ писецъ сотенной золотоношской канцеляріи Андрей Сербиненко“. Въ началѣ сборника стоитъ такое предостереженіе:

„Хто отсіи жалмы можетъ украсы,
То будеть онъ сто годъ свинѣ изъ усіого свѣта изъ
усѣмъ своѣмъ нащадкомъ пасты“,

¹⁾ О распространеніи малорусскихъ виршей и пѣсенъ въ Велико-россіи см. любопытную брошюру В. Н. Перетца: «Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв.» СПб. 1899 г.

²⁾ Собраніе разныхъ пѣсенъ, Москва, 1783—1788 гг., № 179.

а въ концѣ веселая рифма:

„конецъ,

Пѣшла баба у танецъ“¹⁾.

Само собою разумѣется, что низшая церковная братія не отставала отъ канцелярской въ сочиненіи и распространеніи любовныхъ пѣсень. Не даромъ въ одной интерлюдіи Довгалеваго странствующие дьяки говорятъ о себѣ:

„Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управлять,
Но можемъ еще куншти разніе писати“²⁾.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется небольшой сборникъ конца прошлаго вѣка, принадлежавшій нѣкогда Данилу Бондаревскому, бывшему дьячку въ м. Погребищѣ. Есть въ этомъ сборникѣ пѣсня, сочиненная какою-то полковницею „о своемъ мужѣ, убытомъ на бранѣ“, но славяно-малорусскій языкъ этой пѣсни заставляетъ предполагать, что она сочинена была не самою полковницею, а только по ея порученію какимъ-нибудь школьнымъ стихослагателемъ. Заслуживаетъ вниманія въ этой пѣснѣ одна строфа, напоминающая народный способъ изображенія не осуществимыхъ желаній:

„Ой коби я мавъ та орловіи крыла“, говорится въ народной пѣснѣ,
Полетивъ бы я, де дивчына мила“³⁾.

А полковница поетъ:

„Да не могу азъ летѣти,
Зане крыль не маю,
Только скорблю всегда зѣло,
Отъ жалю вмлѣваю“.

Здѣсь тотъ же поэтический образъ, что и въ извѣстной пѣснѣ Котляревскаго „Віють вітри“, только безъ *азъ, зане, зѣло*:

1) Сборникъ принадлежитъ В. Ш. Науменку.

2) «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», стр. 49.

3) Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси Я. Головацкаго, ч. I, 184.

„Полетѣла бѣ й я до тебе, та крылець не маю,
Щобъ побачивъ, якъ безъ тебе зъ гора высыхаю“ ¹⁾

Мы видимъ изъ этого сопоставленія, какъ переливаются народные элементы поэгической мысли въ книжные и снова возсоздаются поэтомъ-художникомъ въ народномъ стилѣ. Иногда же самъ народъ-художникъ усваиваетъ стихотвореніе книжное, постепенно перерабатывая его въ свою собственность. Въ этомъ отношеніи есть одно любопытное стихотвореніе въ нашемъ сборникѣ, озаглавленное такъ: „Пѣсня свѣтова, сочинена Іаковомъ Семержинскимъ“. Приводимъ ее въ подлинномъ текстѣ:

„Кара зъ неба, сердце мое, якъ згадаю,
Трудно взяти возлюбленну, хочь кохаю.
Ахъ, я не знаю, что мнѣ дѣяти,
Что не позволяютъ мнѣ тебе взяти.
Очи жъ мои каренкіи, черни бровы,
Уста мои коралеви, вдячни мовы:
Ахъ, я не знаю, чтобъ за нихъ дати,
Чтобъ изъ нихъ можна користовати.
Ой хочь бы мавъ воли, кони позбувати,
Абы менѣ позволили тебе взяти,
Ахъ, я не знаю, что буду дѣяти,
Что не позволяютъ мнѣ тебе взяти.
Поражуся Махновскаго протопопа,
Ахъ, хочь грѣхъ, хочь два, хочь и копа!
Нехай же мнѣ позволить тебе взяти,
Изъ твоей красоты користовати,
Ахъ, якъ же намъ позволить самъ Богъ съ неба,
Любимося, кохаймося, бо такъ треба,
Ахъ, я тебе поцѣлую, бо съ ты того годна,
Що бѣ моя душенька не була голодна“.

Эта пѣсня сохранилась въ рукописныхъ записяхъ Максимовича 1827 года, но уже безъ имени автора и съ замѣной *махновс-*

¹⁾ Украинскій сборникъ Срезневскаго, кн. I, 1838 г. стр. 11.

каго протопопа *волооськимъ*. Варіантъ этотъ почти ничѣмъ не отличается отъ галицкаго варіанта, записаннаго въ Буковинѣ ¹⁾. Въ обоихъ этихъ варіантахъ языкъ болѣе простой и народный. „Трудно взяти, кого хочу, хоть я и кохаю“ вмѣсто: „трудно взяти возлюбленну, хочь кохаю“. Или же: „а я не знаю, що маю дѣяти, не маю я отъ кого порядоньки взяти“ вмѣсто: „ахъ, я не знаю, чтобъ за нихъ (очи и бровы) дати, чтобъ изъ нихъ можно корыстовати“. По всей вѣроятности, эта пѣсня и теперь блуждаетъ гдѣ-нибудь, приблизившись еще болѣе къ народному типу.

Мы слегка намѣтили этотъ матеріалъ, надѣясь еще когда-нибудь возвратиться къ нему, такъ какъ, по нашему мнѣнію, онъ вноситъ новый свѣтъ въ изученіе народной лирической поэзіи ²⁾.

XIII.

Котляревскій, какъ представитель новаго украинскаго творчества, воспитанный на мѣстныхъ литературныхъ преданіяхъ. Возвръненія его на искусство.

Мы видѣли, что двѣ разновидности литературной малорусской рѣчи—рѣчь славяно-малорусская и книжная малорусская—должны были исчезнуть въ общемъ потокѣ литературнаго движенія, созданнаго Петромъ Великимъ,—видѣли также, почему и какъ верхніе слои малорусскаго общества постепенно забывали мѣстныя литературныя преданія. Но въ числѣ этихъ преданій было одно наиболѣе живучее и устойчивое—то, которое опиралось на стихійную силу народной рѣчи и неразрывно связанный

¹⁾ Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси Я. Головацкаго, ч. III, отд. I, 355.

²⁾ О вліяніи виршевой литературы на народныя пѣсни любовнаго содержанія есть нѣкоторые указанія въ упомянутой выше брошюрѣ В. Н. Перетца, съ которою, къ сожалѣнію, познакомились мы поздно—во время печатанія нашего труда.

съ нею народный методъ мысли и чувства. Представители этого преданія въ большинствѣ случаевъ не отличались высокимъ образовательнымъ цензомъ, но за то близки были къ народу и къ его міровоззрѣнію. Къ этимъ людямъ примкнулъ и Котляревскій, и это было тѣмъ болѣе для него возможно, что въ его время, какъ славяно-малорусская, такъ и книжная малорусская рѣчь, почти вышли изъ употребленія. Нужно сказать при этомъ, что онъ прекрасно владѣлъ литературной русской рѣчью и могъ бы, подобно многимъ землякамъ своимъ, подвизаться на поприщѣ русской литературы, но, повинаясь своему художественному чутью, съ полной вѣрой въ могущество родной рѣчи, онъ подчинился ея поэтическимъ внушеніямъ. Это былъ, можно сказать, рѣшительный моментъ въ вопросѣ о томъ, быть или не быть малорусской литературѣ,—рѣшительный, но не окончательный. Нужны были еще и другія условія, чтобы она состоялась.

Мы требуемъ отъ литературнаго произведенія, чтобы оно такъ или иначе отражало жизнь. Но не въ этомъ только заключается его назначеніе. Не фотографическая точность снимка даетъ ему цѣну, а та доля свободы и независимости, которая получается изъ убѣжденія, что литература есть сила, способная воздѣйствовать на жизнь. Такою силою она становится тогда, когда въ литературу проникаетъ идея искусства, которое въ самомъ себѣ находитъ средства для переработки явленій жизни во свѣтѣ идей и настроеній, стоящихъ за предѣлами практическихъ требованій данной минуты. Изъ литературныхъ произведеній разнаго рода подъ эту идею искусства больше всего подходятъ произведенія поэтическія. Сознаніе эстетическихъ эмоцій, присущихъ искусству, есть уже въ народной поэзіи.

Гей плыву я по Дунаю и такъ си думаю:

Нема крашчыхъ спиваночокъ, якъ у нашихъ краю!

Ой нема жъ то, ой нема жъ то, якъ руська краина:

Тамъ сливає коломыйки кожда дивчына.

(Сборн. Головац. II, 738).

На ту же сознательность указываетъ выдѣленіе особенныхъ формъ народной поэзіи. Иногда это выдѣленіе происходитъ подъ

вліяніємъ соприкосновенія ея съ книжными елементами мысли и слова, какъ это случилось, напримѣръ, съ народными малорусскими думами. Можно сказать даже, что у новыхъ европейскихъ народовъ эта эволюція поэтическихъ формъ и не происходила на чисто народной почвѣ, независимо отъ вліянія литературныхъ формъ поэзіи, усвоенныхъ путемъ подражанія. Проходятъ годы. Чужая форма наполняется мѣстнымъ содержаніемъ, перерабатывается подъ вліяніемъ народнаго міросозерцанія. Настаетъ моментъ, когда рвется послѣдняя связь ея съ первоисточникомъ, изъ котораго она возникла, и она становится не болѣе, какъ только средствомъ поэтическаго творчества, независимымъ отъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ, политическихъ и всякихъ иныхъ давленій.

Это стремленіе къ независимости въ малорусской литературѣ возникло еще до Котляревскаго. Уже праздничныя вирши и интерлюдіи готовы были оторваться отъ религіозной почвы, на которой онѣ выросли. Не могли не чувствовать сочинители тѣхъ и другихъ неудобныхъ свойствъ юмора при изображеніи священныхъ сюжетовъ. И вотъ Котляревскій воспользовался міровою фавулой объ Энеѣ и влилъ въ этотъ старый мѣхъ новое вино украинскаго народнаго творчества. Для насъ собственно не важно то, откуда онъ заимствовалъ эту фавулу—отъ Скарона или отъ Осипова, а важно то, что онъ угадалъ моментъ, когда признана была потребность въ независимомъ поэтическомъ словѣ. Такова была логика самой жизни или же то, что называютъ въ наше время эволюціей явленій ея, поэтому мы смотримъ на Энеиду Котляревскаго, какъ на синтезъ всего пережитаго, но синтезъ творческій, въ которомъ положено было начало новаго рода литературныхъ явленій, невозможныхъ въ XVIII вѣкѣ.

Сопровождался ли этотъ синтезъ сознательными воззрѣніями на искусство?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ поэтъ самымъ положительнымъ образомъ, и при томъ не одинъ разъ, особенно во

второй половинѣ Энеиды, которая написана была въ XIX вѣкѣ (части IV, V, VI)¹).

„Гай, гай“! говорить онъ о мученіяхъ грѣшниковъ въ аду, „та нигде правды диты,

Брехня жъ наробыть лыха бильшъ:

Сыдили тамъ скучни пѣнты,

Пысарчуки поганыхъ виршъ“. (IV, 81)²).

Можно полагать, что къ этимъ „пысарчукамъ“ поэтъ причислялъ всѣхъ тѣхъ, кто писалъ безъ вдохновенія. Въ одномъ мѣстѣ онъ и о самомъ себѣ говорить въ ироническомъ тонѣ:

„Тенерь безъ сорома признаюсь,

Що трудно бытву описатьъ,

И якъ ни морщусь, ни стараюсь,

Щобъ гладко вирши шкандовать,

Та бачу по моему выду,

Що скомпоную панахыду“. (VI, 144).

Поэтомъ онъ обращается къ Музѣ, какъ къ источнику своего вдохновенія:

„О Муза, панночка парнаська!

Спустишь до мене па часокъ,

Нехай твоя научеть ласка,

Нехай твій шепчыть голосокъ,

Якый порядокъ въ війську бувъ...

Все опышы—мундыри, зброю“. (IV, 97).

Но Муза приходитъ только къ тому, кто пишетъ подъ впечатлѣніемъ дѣйствительности:

„И я прощаюсь зъ небесамы,

Пора спустыться до земли

¹) До 1820 года Энеида была окончена, такъ какъ Котляревскій годомъ раньше еще хлопоталъ объ изданіи всѣхъ частей ея. (Кіевская Старина, 1883 г., май).

²) Выдержки изъ Энеиды мы приводимъ по *первому* полному изданію ея, не искаженному передѣлками позднѣйшихъ издательев. (Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. П. Котляревскимъ. Харьковъ, 1842 г.).

И стать на шведськую могилу,
И быту вирно описать". (VI, 20).

Еще выразительнѣе говорить объ этомъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ:

„Теперь же думаю, гадаю,
Трохы не годи вже писать:
Изъ рода пекла я не знаю,
Нездатный, дале-би, брехать.
Виргилій же—нехай царствуетъ:
Розумненькій бувъ чоловікъ,
Та въ давній дуже живъ винъ викъ.
Не такъ теперъ и въ пекли стало,
Якъ въ старину колысь бувало,
И якъ покійныкъ напысавъ:
Я, може, що-небудь прибавлю,
Переминю и що оставлю,
Пысну, якъ одъ старыхъ чувавъ". (Ш. 41—42).

Всякое сочинительство, обыкновенно неразлучное съ напыщен-
ностію рѣчи, ему не нравилось. Насмѣшливо отзывается онъ о
любителяхъ славянскаго велегрѣчія:

„Горе гришныкови сущу—
Такъ кыивскій скубентъ сказавъ—
Благыхъ дилъ вовся не имущу"... (IV, 74).

Украшеніемъ Музы онъ считаетъ знаніе, о чемъ шутливо го-
ворить въ обращеніи къ своей Музѣ:

„А ну, старая царь-дивыце,
Сидая Музо, схаменсь,
Прокашляйсъ, бевъ зубивъ сестрыце,
До мене блыжче прыхылысь:
Ты, Музо, кажутъ вси, письменна,
Въ полтавскій школи наученна,
Всихъ (союзниковъ Энея) мусышъ поименно знать".
(VI, 23).

Впрочемъ, къ системѣ обученія въ современной ему школѣ онъ относился съ добродушнымъ юморомъ, рассказывая о томъ, какъ Эней обучалъ своихъ Троянцевъ „по верху, по словамъ складать латынскую тму, мну, здо, тло“. (IV, 33). Онъ смѣется надъ учеными ораторами, которые, не обладая истиннымъ краснорѣчіемъ, являются съ приготовленными и плохо выученными рѣчами:

„Якъ все уже было готово (для похоронъ Пал-
ланта),

Тоди якъсь ихъ филозофъ
Хотивъ сказать надгробне слово,
Та збывся и почухавъ лобъ:
Сказавъ: „се мертвый и не дышетъ,
Не выдытъ, то есть и не слышитъ,
Ей, ей! увь! онъ мертвъ, аминь“!
Народъ видъ ричи умылся,
И гирко, гирко прослезься,
И мурмотавъ: „паноче, згынъ“! (VI, 79).

Только то слово онъ считаетъ поэтическимъ, въ которомъ ничего нѣтъ вымученнаго, ничего старчески-безсильнаго. Онъ умоляетъ Музу, чтобы она простила его за то, что онъ назвалъ ее своенравной и „одъ старосты брехливою“, и говорить, что

„И въ самый речи простудься
Старую дивчыну назвавъ,
Нихто зъ якою не любься,
Не женихавсь, не жартовавъ.
Охъ! сколько Музъ такихъ на свити
Во всякимъ городи, повити!
Укрылы бъ зъ верху въ низъ Парнасъ.
Я Музу вьичу не такую:
Веселу, гарну, молодую,
Старыхъ нехай брыка Пегасъ“! (V, 117—118).

И такъ, теперь ясно для насъ, съ кѣмъ имѣемъ мы дѣло. Предъ нами художникъ того же типа, въ которому принадлежали

составители интерлюдій и праздничныхъ виршей, но художникъ сознательный. Муза—alter ego его. Онъ обращается къ ней за помощью и совѣтомъ, чтобы она научила его „вирно описать“ то, что было въ дѣйствительности. Поэзія для него есть ничто иное, какъ сама правда жизни. Нужды нѣтъ, что фабула въ Энеидѣ чужая. Слѣдуя этой фабулѣ, поэтъ рассказываетъ о томъ, что стѣны города, осажденнаго войсками Турна, пали.

„Бида Троянцямъ“, съ сожалѣніемъ восклицаетъ онъ. „Що робиты?

А Муза каже: не жахайсь,
Не хысть ихъ Турну побидыты,
Въ чужую казку не мишайсь“! (V, 122).

Но та же Муза, защищавшая внѣшній составъ сказки, позволила поэту передѣлать ее въ правоописательную украинскую виршу. Безъ сомнѣнія, она побудила его кое-что прибавить и кое-что измѣнить въ описаніи ада,—она же поставила его „на шведсьеую могилу“, чтобы онъ могъ смотрѣть на міръ Божій глазами украинца. Однимъ словомъ, вся сущность Энеиды—въ этомъ поэтическомъ реализмѣ, къ изученію котораго мы теперь и переходимъ.

XIV.

Этнографическій и поэтический реализмъ въ Энеидѣ Котляревскаго.

Есть извѣстіе, что въ молодые годы своей жизни Котляревскій „бывалъ на сходбищахъ и играхъ простолюдиновъ, и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилѣжно вслушивался и записывалъ слова малороссійскаго нарѣчія, изучая такимъ образомъ языкъ и наблюдая нравы, обычаи, повѣрья и преданія украинцевъ“ ¹⁾. Вотъ откуда идетъ тотъ этнографическій реализмъ,

¹⁾ Сѣверная Пчела 1839 г., № 146.

которымъ изобилуютъ въ особенности первыя три части Энеиды, написанныя подъ впечатлѣніемъ личныхъ наблюденій надъ народною жизнію. Въ кругъ этихъ наблюденій входятъ слѣдующія особенности народнаго быта, не чуждыя въ то время и украинскому панству.

Костюмы—дѣвушки, I, 29, замужней женщины, I, 33, мужчины, V, 34, II, 70.

Кушанья и напитки простонародные и панскіе, I, 13, 27, 28. II, 6, 7, 8, III, 117—118, IV, 29, 53, 54, V, 19, VI, 55.

Панскій пиръ со всею старинною обстановкой: покоющіе школяры, танцующіе цыгане, играющіе на кобзахъ слѣпцы, II, 19.

Танцы и игры, I, 30, 37, игры въ картахъ, III, 9.

Музыка и пѣсни: названія музыкальныхъ пѣсень для танцевъ, I, 28, козацкія пѣсни, III, 3.

Живопись: картины у царя Латина: сюжеты взяты изъ сказочнаго міра, изъ былинъ, изъ великорусской и малорусской исторіи, изъ странствующихъ повѣстей, VI, 40, 41.

Обычаи народные: вечерницы, III, 131, 132, ворожба, III, 136, 137, похоронный обрядъ, VI, 77—81, ритуальная сторона поминокъ и самыя поминки, II, 12—15.

Чтобы видѣть, какъ пользовался Котляревскій всѣмъ этимъ матеріаломъ, приведемъ для сравненія отрывки изъ обѣихъ Энеидъ Осипова и Котляревскаго.

Исполняя волю боговъ, ѣдетъ Эней по морю изъ Сициліи въ латинскую землю. Попутный вѣтеръ подгоняетъ его корабли.

„На палубѣ гребцы разсѣвшись“, говоритъ Осиповъ, И будто бѣлены обѣвшись,

Кричали пѣсни, кто что зналъ“. (Час. III. пѣс. 6).

А вотъ эта сцена у Котляревскаго. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ,

„Гребцы и весла положили,

Та сядя люлечки курылы

И кургыкалы писеньокъ
 Козацкихъ, гарныхъ, запорожскихъ,
 А яки зналы, то московскихъ
 Выгадовалы брыденьокъ.
 Про Сагайдачного сивалы,
 Лыбонь сивалы и про Сичъ,
 Якъ въ пикиперы вербовалы,
 Якъ мандровавъ козакъ всю ничъ,
 Полтавську славылы Шведчыну,
 И неня якъ свою дитину
 Зъ двора провадыла въ походъ,
 Якъ пидъ Бендерью воювалы,
 Безъ галушокъ якъ помиралы
 Колысь, якъ бувъ голодный годъ". (Ч. III, 2—3).

У Осипова одинъ только намекъ, у Котляревскаго—полная картина, затрогивающая воспоминанія о прошломъ, которыя и донинѣ еще звучать въ народныхъ пѣсняхъ.

Или вотъ другой примѣръ.

Прибыли Троянцы въ латинскую землю. Оказалось, что они не понимаютъ языка мѣстныхъ обывателей. Тогда, говорить Осиповъ,

„Еней, не тратя нужно время,
 Свое троянское все племя
 Велѣлъ учить латинску складу
 И всѣмъ прилѣжно, безъ откладу,
 Языкъ тотъ въ голову збирать
 Не исподоволь побоярски,
 Но палями, по семинарски,
 Чтобы скорѣй его понять". (Час. IV, пѣс. 7).

Последніе два стиха Котляревскій развилъ въ двѣ строфы и нарисовалъ старинную нашу латинскую школу со всѣми ея свѣчаями и обычаями.

„Эней тутъ заразъ взявъ догадку,
 Веливъ побигты до дякивъ

Купыть *пiарскую* граматку,
 Полуставчивъ, октоихивъ,
 И всихъ зачавъ самъ мордоваты,
 По верху, по словамъ складаты
 Латынскую тму, мну, здо, тло.
 Троянське плѣмя все засило
 Коло кныжокъ, що ажъ потило
 И полатынському гуло.
 Эней видъ пыхъ не одступався,
 Тройчаткою всихъ прыганявъ,
 И хто хотъ трохи линовався,
 Тому *субиткы* и дававъ.
 За тыждень такъ лацynu взвалы,
 Що вже зъ Энеемъ розмовлялы
 И говорылы все на *усъ*:
 Эней звалы *Энеусомъ*,
 Уже не павомъ—*доминусомъ*,
 Себе жъ то звалы Троянусъ“. (Ч. IV, 33—34).

Здѣсь то же, что и въ первомъ примѣрѣ—густыя и яркія краски, чего нѣтъ у Осипова.

Впрочемъ, не въ одномъ количествѣ и качествѣ этихъ красокъ—художественная сила Котляревскаго. Задача его заключалась вовсе не въ томъ, чтобы взять готовые краски и наложить ихъ на готовый сюжетъ, а въ томъ, чтобы почувствовать эти краски. Процессъ художественнаго творчества состоитъ не въ сознательно-разсудочной разрисовкѣ изображаемыхъ предметовъ, а въ созданіи живыхъ образовъ, переработанныхъ фантазій художника. Корни этого процесса лежатъ не на поверхности сознанія, а, такъ сказать, подъ порогомъ его, въ тѣхъ слояхъ психической жизни, которые образовались изъ тысячи разнообразныхъ впечатлѣній, нѣкогда наполнявшихъ сознаніе, а потомъ перезабывтыхъ и спустившихся въ область безсознательнаго. Всѣ эти слѣды пережитаго живутъ въ насъ и управляютъ нами иногда помимо нашей воли. Это источникъ неясныхъ порывовъ, симпатій и антипатій, дающихъ направленіе и тонъ нашимъ

мыслямъ. Отсюда почерпаетъ художникъ-поэтъ всѣ средства своей творческой живописи, реальной и правдивой, какъ сама жизнь. И это онъ дѣлаетъ не усиліями свободной, автономной воли, а интуитивнымъ путемъ, въ томъ душевномъ состояніи, которое называется вдохновеніемъ. Иногда два-три слова, сказанныя имъ въ минуту вдохновенія, проливаютъ яркій свѣтъ на тѣ или другія мелочи жизни, на ту или другую черту нравовъ, затрогивая въ душѣ нашей самыя разнообразныя чувства. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

„Уже свитовая зарныця
Була на неби, якъ пятакъ,
Або пшенична варяныця,
И небо рдилось, якъ макъ“. (VI, 74).

Женскія грѣшныя души кричали въ аду, „письля кути мовъ на жывить“. (III, 83).

„Эней на пичь забрався спаты, зарывся въ просо, тамъ и лигъ“. (I, 32).

„Эней, матню въ кулакъ прибравшы, садывъ крутенько гайдука“. (I, 30).

Эней прибѣжалъ отъ Дидоны, весь въ поту, „мовъ съ торгу въ школу курохватъ“. (I, 54).

„Мутывъ (Эней у Дидоны), мовъ на сели москаль“. (I, 40).

Вѣтры „до лясa, мовъ ляхы, шатнулись“. (I, 12).

Эти мелькающіе образы часто смѣняются въ Энеидѣ Котляревскаго цѣлыми типами, выхваченными изъ жизни и переработанными творческою мыслию поэта. Читая Энеиду, мы какъ бы проходимъ чрезъ длинную галерею типическихъ лицъ, начиная отъ Зевса и другихъ небожителей и оканчивая „машталиромъ“, везущимъ Венеру въ гости къ Нептуну. (II, 69—70). Вотъ она влетѣла въ „хату“ морского бога, „якъ изъ вырію сова“, и проситъ его, чтобы онъ помогъ ея милому сыну въ плаваніи по морѣ.

„Нехай, каже, буде здорова
Твоя, Нептуне, голова!
Якъ навигенна прыскакала,

Нептуна въ губы цюловала,
Говорячы таки слова“. (Ib. 17).

За горячую любовь къ сыну многое можно простить этой грѣшной матери-богинѣ, которую смѣлымъ взмахомъ кисти переводѣлъ поэтъ въ разбитную маркитантку, слѣдующую за войскомъ.

„Венера—молодыця смила,
Бо все зъ военными жыла
И быте зъ ными мясо йла,
И по трахтырахъ пунштъ пыла,
Частенько на соломи спала,
Въ шинели сирій щеголяла,
Походомъ на визку тряслась,
Манышки офицерски прала,
Зъ стрючкомъ горилку продавала
И мерзла въ ничъ, а въ день пеклась“. (VI, 6).

Это портретъ, говорящій самъ за себя. Не мало такихъ портретовъ въ Энеидѣ Котляревскаго. Всѣ они отличаются пластичностію рисунка. Но поэтъ заглядываетъ и въ душу своихъ героевъ. Обладая чутьемъ душевныхъ движеній, управляющихъ дѣйствіями человѣка, онъ провѣрялъ иногда эти послѣднія мотивами, и наоборотъ. И это онъ дѣлалъ въ „чужой сказкѣ“, не отступая отъ установившагося хода дѣйствія, въ которое вторгалась капризная воля боговъ, нарушавшая психологическую закономерность явленій жизни. На этой почвѣ нелегко было создать индивидуальныя характеры, достигающіе своихъ цѣлей усиліями личной воли. Все, что можно было сдѣлать въ этомъ направленіи, заключалось въ раскрытіи не волевыхъ элементовъ, присущихъ характеру, а патологическихъ, т. е. въ изображеніи страстей. И въ этомъ отношеніи Котляревскій былъ мастеромъ своего дѣла. Ему были доступны не только внѣшнія проявленія страсти, но и внутреннія движенія ея. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить описаніе горя и смерти Дидоны у Осипова и у Котляревскаго.

У Осипова, послѣ бѣгства Енея, Дидона проситъ сестру свою Аннушку, чтобы она догнала его и уговорила воротиться.

Аннушка совѣтуетъ ей обратиться къ колдунѣ, которая направляется къ Енею, чтобы чарами снова воспламенить въ немъ чувство любви къ Дидонѣ. Чары были разрушены колдуномъ—цыганомъ, состоявшимъ при Енеѣ. Дидона приходитъ въ отчаяніе и не можетъ уснуть.

„Въ такой несносной бывши скукѣ,
Она не знала, что начать,
Въ тоскѣ, кручинѣ, горѣ, мукѣ
Задумала вдругъ умирать“. (Час. II, пѣс. 4).

Долго потомъ она размышляетъ, какой родъ смерти избрать ей, чтобы не уронить своего достоинства, и умираетъ на кострѣ, на дѣвши всѣ украшенія и царскую корону.

У Котляревскаго вся эта исторія разсказана проще, съ большимъ психологическимъ правдоподобіемъ. Онъ устранилъ все чудесное и все вниманіе свое обратилъ на душевное состояніе Дидоны. Послѣ вспышки гнѣва снова наступила минута отчаянія.

„Дидона тяжко зажурылась,
Весь день ни йила, ни пыла,
Все тосковала, все нудылась,
Крычала, плакала, ревла.
То бигала якъ бы шалена,
Стояла довго тороплена,
Кусала ногти на рукахъ,
А дали сила на пороги,
Ажъ занудыло йій небози,
И не встояла на ногахъ“. (I, 59).

Чтобы отвести душу, она изливаетъ горе свое передъ сестрою:

„Ганнусю, рыбка, душко, любко,
Ратуй мене, моя голубко“. (I, 60).

Она презираетъ Энея и въ то же время чувствуетъ, что не можетъ побѣдить любви своей къ нему, и что одна только могила можетъ успокоить ее. Ганна сама горюетъ, но не можетъ помочь бѣдѣ. Потомъ Дидона какъ будто бы успокоилась и приказываетъ Ганнѣ уйти, чтобы остаться наединѣ съ самой собою. Насту-

пила для нея минута, когда проходить первые пароксизмы горя, а между тѣмъ выступаютъ въ сознаніи истинные размѣры его, которые подавляютъ обезсиленную волю. Пошла она въ „будынки“ и прилегла на постель.

„Подумавшы тамъ, погадавши,
Проворно скочыла на пиль
И, взявши съ запичка кресало
И клочка въ пазуху чы-мало,
Проворно вышла на городъ“. (I, 64).

Слѣдуетъ затѣмъ сцена самосожженія—ночью, когда люди спали, безъ всякой пышности и декорацій, какъ умираютъ люди, подавленные истиннымъ горемъ.

Такимъ образомъ, въ Энеидѣ Котляревскаго мы видимъ реализмъ не только этнографическій, но и поэтический.

XV.

Юморъ, какъ основное настроеніе въ Энеидѣ Котляревскаго къ какому разряду пародій относится она? Каррикатурный элементъ въ ней. Трогательныя сцены.

Теперь обратимся къ настроеніямъ нашего поэта.

Часто мы встрѣчаемъ въ Энеидѣ изображеніе любовной страсти въ разныхъ проявленіяхъ ея, начиная отъ нѣжнаго воркованія влюбленныхъ (IV, 68—69) и оканчивая бурными порывами чувственного раздраженія (V, 23—28, VI, 60—64). Особенно боги отличаются невоздержностью въ проявленіи любовныхъ чувствъ своихъ. Есть также въ Энеидѣ и размышленія поэта о любви:

„Мы“, говоритъ онъ, „за мылу все терять готовы—
Клейноты, животы, обноты“. (V, 39).

Только честь, по его мнѣнію, дороже милой. Самъ онъ испыталъ на себѣ могущество женской красоты, о чемъ проговаривается

въ шутливомъ тонѣ по поводу Лавиніи, дочери царя Латина.
Отъ такой красавицы, говоритъ онъ,

„На голову насяде хлопить,
А може тьохне и не тамъ,
Поставить рогомъ ясни очи,
Що не доспишь петровської ночи:
Те по соби я знаю самъ“. (IV, 22).

Это признаніе самого поэта объясняетъ намъ изобиліе эротическихъ сценъ въ Энеидѣ. Но не въ нихъ выражается господствующее настроеніе Котляревскаго, служившее для него источникомъ вдохновенія, такъ какъ онъ далекъ былъ отъ романтическихъ воззрѣній на женщину и высказывалъ о ней такія сужденія, которыя въ наше время кажутся анахронизмомъ.

„Колы жинки де замишались“, говоритъ онъ,
„И имъ ворочаты дадутъ,
Воны поставлять на свое.
Жинки! Колыбъ вы бильше йили,
А меншъ пащыковать умили,
Булы бъ въ раю вы за сіе“. (IV, 112).

Поищемъ иныхъ признаній въ Энеидѣ.

Въ VI части ея по ходу разсказа подлежало бы поэту описывать печаль родителей объ убитомъ сынѣ ихъ Паллантѣ, союзникѣ Энея, но поэтъ говоритъ:

„Я до жалю не мастакъ,
Я слизъ и оханья боюся,
И самъ николи не журюся:
Нехай соби се пиде такъ“. (VI, 89).

И въ самомъ дѣлѣ, Энеида Котляревскаго есть произведеніе смѣхотворное, доказывающее, что творецъ ея и самъ любилъ посмѣяться, и другихъ умѣлъ разсмѣшить, поэтому мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что въ юморѣ заключается основное настроеніе Котляревскаго. Составляетъ оно природную черту малорусскаго характера, потому-то, между про-

чимъ, и завоевала Энеида прочную популярность въ грамотныхъ слояхъ малорусскаго народа. При самомъ появленіи своемъ она производила на читателей впечатлѣніе знакомыхъ имъ праздничныхъ виршей съ излюбленною литературною формою ихъ—пародіей.

По поводу этой литературной формы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Есть два вида пародіи: или готовые поэтическіе образы служатъ цѣлью пародіи, которая указываетъ на ихъ несостоятельность въ томъ или въ другомъ отношеніи, усиливая или сгущая краски, въ нихъ заключающіяся, или же эти образы служатъ средствомъ для воспріятія новыхъ аналогическихъ явленій жизни, подлежащихъ осмѣянію. Къ первому виду относятся чисто литературныя пародіи, появляющіяся обыкновенно при смѣнѣ одного литературнаго направленія другимъ: такова именно „Виргиліева Енеида, вывороченная на изнанку“ Осиповымъ. Ко второму виду относится „Энеида, на малороссійскій языкъ перелиціованная“ Котляревскимъ, который вовсе не имѣлъ въ виду вмѣшиваться въ борьбу съ псевдоклассическимъ направленіемъ, возникшую въ концѣ XVIII в. въ русской литературѣ,—точно такъ же, какъ вирши-пародіи, пользовавшіяся библейскими и евангельскими сказаніями, вовсе не имѣли въ виду подрывать авторитетъ этихъ сказаній. Съ этой точки зрѣнія Энеида Котляревскаго есть органическое продолженіе мѣстныхъ виршей, которыми богата была малорусская литература въ XVIII вѣкѣ. Нужно сказать, впрочемъ, что, какова бы ни была пародія по своимъ цѣлямъ, она не можетъ отрѣшиться отъ усиленія поэтической экспрессіи въ комическомъ направленіи, а это ведетъ въ большей или меньшей степени къ каррикатурному изображенію жизни, которое не всегда можно принимать за чистую монету. Вообще же карриатура есть рискованный пріемъ художественной техники, дающій иногда больше того, что требуется чувствомъ мѣры, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ Энеидѣ Котляревскаго есть подробности, безъ которыхъ можно было бы и обойтись. По нашему мнѣнію, чаще всего встрѣчаются эти не-

нужныя подробности въ обрисовкѣ главнаго дѣйствующаго лица поэмы Энея.

Кто онъ такой?

„Я“, говоритъ онъ Эвандру, аркадскому царю, „кошовой Эней троянецъ,

Скытаюсь по миру, мовъ ланецъ,

По всимъ товчуся берегамъ“. (V, 14).

Просить онъ у Эвандра помощи противъ злѣйшаго врага своего Турна, жениха царской дочери Лавиніи, которая понравилась Энею, и говоритъ при этомъ:

„Лучше въ сажавци втоплюся

И лучше очкуромъ вдаплюся,

Нижъ Турнови я покорюсь“. (ib. 16).

За это упрямство называетъ его поэтъ „завзятійшымъ одъ всихъ бурлакъ“. (I, 1). Самъ Эвандръ отзывается о немъ такъ:

„Винъ зна военне ремесло,

Умомъ и храбростью своею

Въ опрычнее попалъ число“. (V, 36).

Появившись съ союзниками своими подъ стѣнами города, осажденнаго Турномъ, Эней не могъ отъ думъ уснуть ночью. Онъ

„Одынъ за всихъ не спавъ:

Винъ думавъ, мыслывъ, умудрявся,

Бо самъ за всихъ и олвичавъ“. (VI, 31).

Въ рѣшительныя минуты онъ совѣтовался съ „ватагою своихъ троянцевъ“: не зная, что ему дѣлать — оставаться ли въ Сициліи, или плыть далѣе, онъ

„Мытью кынувсь до громады

Просить соби у неи порады“. (II, 58).

Къ этимъ обычнымъ чертамъ храбраго предводителя-авантюриста примѣшивалась у него вѣра въ его счастливую звѣзду:

„Та вже що буде, те и буде,
А буде те, що Богъ намъ дастъ“ (III, 23),

говорить Эней въ трудныхъ случаяхъ жизни. Отсюда его само-
надѣянность. Онъ знаетъ, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, знаетъ, что
ему предсказано воздвигнуть стѣны Рима и „збудоваты сильно
царство“: такова была воля самого Зевса, предъ которымъ без-
сильны всѣ другіе боги. Сынъ богини, онъ имѣетъ въ лицѣ своей
матери Венеры горячую заступницу предъ Зевсомъ, къ которому
обращается она съ такими словами:

„О Зевсъ, о батечку мій ридный!
Оглянься на плачъ дочки своей;
Якъ маешъ ты кого карати,
Карай мене, карай! Я маты,
Я все стерплю рады детей“. (VI, 11).

Сознавая свои связи на Олимпѣ, Эней въ минуту опасности
позволяетъ себѣ обращаться къ самому Зевсу не то съ мольбою,
не то съ укорами, и, какъ избалованный сынъ богини, не щадитъ
при этомъ и мать свою за то, что она медлитъ съ помощью.
(II, 51—56). А впрочемъ, замѣчаетъ авторъ, Эней былъ чело-
вѣкъ „къ добру зъ натуры склонный“. (V, 84). Онъ глубоко чтитъ
память отца своего Анхиза и, какъ человѣкъ богобоязливый,
справляетъ въ день смерти его поминки по немъ. Послы хана
Діомыда называютъ его святымъ за то, что онъ когда-то вынесъ
на своихъ плечахъ Анхиза изъ горящей Трои. (VI, 98—99). Есть
и у него сынъ, котораго онъ тоже любитъ иѣжно: отъ радости
сердце его трепетало:

„Воно о сыни вищовало,
Що винъ надежда не пуста“. (VI, 59).

Когда войска Турна нарушили перемиріе, и снова закипѣла
битва съ Троянцами, Эней „правдивый чоловікъ, побачывши
такой неладъ“ и желая остановить кровопролитіе, вызываетъ
Турна на поединокъ, чтобы личной борьбой рѣшить вопросъ о
томъ, кому должна принадлежать Лавинія. Все это симпатиче-
скія черты въ Энеѣ. Но не даромъ онъ былъ сынъ богини любви.

Отъ матери своей унаслѣдовалъ онъ страсть къ любовнымъ похождениямъ. Съ первыхъ словъ Энеиды поэтъ называетъ его „парубкомъ моторнымъ и хлопцемъ“, хотя этотъ „хлопецъ“ самъ имѣлъ уже сына. Это былъ вѣчный „парубокъ“ не только „моторный“, но „ласкавый, гарный и проворный и острый, якъ на бритви сталь“ (I, 40), или же, какъ ядовито называетъ его Турнь, „жиночый празныкъ“. (V, 54). По легкомыслію своему онъ въ гостяхъ у Дидоны совсѣмъ забылъ о томъ, куда и зачѣмъ послалъ его Зевсъ, а когда погибла Дидона, онъ сперва плакалъ о ней, а потомъ сказалъ:

„Нехай йій вичне царство,
Мени же довголитне панство,
И щобъ друга вдова найшлась“. (II, 1).

Затѣмъ онъ заигрываетъ съ Дидоной даже въ аду, среди обстановки, совсѣмъ не подходящей (III, 104). Это уже одно изъ тѣхъ излишествъ, которыя не прибавляютъ ничего новаго къ характеристикѣ Энея. Къ такимъ же излишествамъ, по нашему мнѣнію, относятся всѣ тѣ мѣста въ Энеидѣ, гдѣ рѣчь идетъ о безмѣрномъ пьянствѣ Троянцевъ и ихъ предводителя. Правда, это было повсемѣстное явленіе въ тотъ вѣкъ, когда малорусское шляхетство не считало позоромъ для своего сословія обогащаться посредствомъ шинковой торговли водкой, и странствующие „пиворѣзы“ сочиняли тропари и кондаки на вакхическія темы и бродили по улицамъ „ищу-чи горѣлки“, какъ говорится объ этомъ въ одномъ пиворѣзномъ кондакѣ,—но все же картины пьянства, нарисованныя въ Энеидѣ, иногда далеко выходятъ за предѣлы художественной умѣренности—хотя бы уже по тому одному, что ихъ слишкомъ много. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются такою документальною точностью, что не уступаютъ фотографическимъ снимкамъ, изображающимъ патологію опьяненія и похмелья. Вотъ для примѣра два такихъ снимка, сдѣланные, какъ говорится, съ натуры:

„Энея заболили ноги,
Не чувъ ни рукъ, ни головы,
Напалы съ хмелю перелогы,
Опухлы очи, якъ въ совы.

И весь обдужься, якъ барыло,
 Було на свити все не мыло,
 Мыслите по земли пысавъ.
 Зъ нудьгы охлявъ и изнемигся,
 Въ одежи лигъ и не роздигся,
 Пидъ лавкою до свита спавъ.
 Прокынувшись весь трусывся,
 За сердце сдало, мовъ глысты,
 Перевертався и пудывся,
 Не здужавъ головы звесты,
 Поки не выпывъ пивквартивки
 Зъ имберомъ пинной горилки
 И кухля сиривцю не втеръ,
 Стъ-пидъ лавки вылизъ и страхнувся,
 Закашлявъ, чхнувъ и стрепенувся:
 „Давайте“, крыкнувъ, „пыть теперь“! (II, 16—17).

И снова начались жертвоприношенія Вакху. Не отказываются отъ этихъ жертвоприношеній и боги, даже самъ Зевсъ, такъ что можно было бы подумать, что самымъ могущественнымъ верховнымъ божествомъ былъ не Зевсъ, а Вакхъ.

Но есть и трогательныя сцены въ Энеидѣ. Чаще всего встрѣчаются онѣ въ пятой части ея. Здѣсь, между прочимъ, разсказывается о двухъ доблестныхъ козакахъ Нызъ и Эвріалъ. Были они земляки между собою, не Троянцы по крови, но состояли на службѣ у Энея. Нызъ былъ старше, Эвріалъ же былъ совсѣмъ молодой юноша не болѣе девятнадцати лѣтъ. На лицѣ его

„Де усу быть—пушокъ маленький,
 Да буъь одвага й завзятый,
 Сылачь, козакъ лыцарковатый“. (V, 82).

Задумали они, воспользовавшись темнотою ночи, сдѣлать вылазку изъ осажденнаго Рутульцами города, чтобы извѣстить Энея о положеніи Троянцевъ. Нызъ былъ круглый сирота.

„Иду хоть за чужу отчизну“, говоритъ онъ,
 Не жаль никому, хоть изслыгну,
 А память вичну заслужу“. (V, 76).

У Эвріала была мать, и Нызъ отговариваетъ своего товарища
 отъ рискованнаго подвига.

„У тебе“, говоритъ онъ, „маты есть старая,
 Безъ сыль и въ бидности, слабая,
 Ты и повиненъ жыть для неи“. (V, 75).

Эвріаль не хочетъ отстать отъ земляка въ минуту опасности.
 Не легко было ему оставить мать свою на произволъ судьбы, но
 сознание козацкаго долга пересилило въ немъ сыновнія чувства.
 Передъ выходомъ изъ города онъ „прослезывсь,

Бо зъ матирью винъ розставався,
 Ишовъ на смерть и не прощався,
 Козакъ природы покоровсь“. (V, 82).

Затѣмъ, обращаясь къ сыну Энея, онъ говоритъ ему: „не дайте

Паньматци вмерты отъ нужды,
 Йй будьте сыномъ, помогайте
 И заступайте видъ вражды,
 Одъ бидъ, напраслыны, нападку:
 Вы самы малы панаматку,
 То въ сердци маєте и жаль.
 Я вамъ старую поручаю,
 За васъ охотно умираю“. (V, 83).

Оба смѣльчака прозвели кровопролитіе въ лагерѣ спавшихъ
 Рутульцевъ, но и сами погибли. Когда узнала бѣдная мать о
 смерти своего сына—героя, она чуть не помѣшалась, и поэтъ,
 вопреки признанію своему, что „слизъ и оханья“ не любитъ,
 влагаетъ въ уста ея вопль отчаянія, захватывающій своею
 силою:

„О, сыну, свить моихъ очей!
 Чы я жъ тебе на те родыла,
 Щобъ згнувъ ты одъ злыхъ людей?

Щобъ ты мене, стару, слабую,
Завившы въ землю сю чужую,
На вичный вѣкъ осиротѣвъ“? (V, III).

Плакали всѣ Троянцы вмѣстѣ съ матерью Эвриала, но поэтъ, вѣрный юмористическому складу своей мысли, смягчаетъ эту тяжелую сцену разсказомъ о томъ, какъ плакалъ Асканій:

„Асканій бильше всихъ тутъ хлыпавъ
И губы такъ соби задрывавъ,
Що мовъ на його самъ напавъ.
Къ старій съ поклономъ прыступывшы,
На оберемохъ пидхватывши,
Въ землянку зъ валу потаскавъ“. (V, 115).

Таково уже свойство юмористическаго настроенія, раствореннаго слезами и смѣхомъ, составляющими одну цѣльную эмоцію.

Н. Житецкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

Г л а в а II-я.

Уходъ за больными и пострадавшими.

Содержаніе: Постель, питье, пища больного. Ванны, массажъ, кровопусканіе. Помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Лѣченіе вывиховъ, ушибовъ, ранъ и отравленій: окисью углерода, спиртомъ, дѣйствительными и воображаемыми ядами.

1. Уходъ за больнымъ.

Больной малороссъ, объявивъ окружающимъ, что у него „руки, ноги, голова—усе¹⁾ болеть“, укладывается въ постель,

1) Народныя представленія объ устройствѣ и дѣятельности тѣла въ обыкновенномъ, здоровомъ состояніи слѣдующія. Общее число костей скелета 213 уменьшается до 180, иногда даже до 77-ми, изъ которыхъ нѣкоторыя только имѣютъ особыя названія, именно: черепокъ, возлюбіе или лобъ, тима, завыскы или выскы, перенисья, хряпъ, щелены (верхпечелюстная кость), вылицы (нижнечелюстная), зубы, которыхъ по народному счету 30, а не 32, лопатни (два первыхъ верхнихъ рѣзца), передни (остальные рѣзцы), проты очей (глазные), икла (клыки) кутни (крайніе). Далѣе: потылиця, ошіѣкъ, иначе кобылка (атлантъ)—«на йому голова хытается», шывороты, въязы, горлянка, шлямы (ключицы), груди, сысовы (грудныя) кости, ложечка («якъ навмируще—вона выправытся, якъ нижь стане»), лопаты или ширококысть, реберь вмѣсто 24-хъ признается только 22, даже 16, плече, костомашья, суреня, а по брошюрѣ „Ліка своенародни“ (Кіевъ, 1875 г. II. 29)

приготовленную, смотря по времени года и случаю болѣзни, на печи, „на духу“, на доскахъ возлѣ печи („на полу“), подъ поломъ, завѣшеннымъ отъ мухъ рядомъ, на землѣ, „доли“, въ сѣняхъ, клунѣ, повиткѣ. Вообще больного стараются положить головой на восходъ солнца. Подъ голову предпочитаютъ класть свернутую

сурела (плечевая кость), локоть, руки, пальцы, носящіе такія имена: великій, крайній, середній, шидмезынный, мезынецъ; затѣмъ крыжи или поперебъ—тазъ: „на ёму ходышь, нахыляешся и росправляешся“, кульши, коленна, гомилки, голынящи, цывы, илисни или илишня, суставы или кисточки (ладыжки), ступа (стопа), передокъ или ходаки и пальцы ногъ съ такими же названіями, какъ и пальцы рукъ. Кости покрыты тѣломъ, которое ничѣмъ къ нимъ не прикрѣплено. «Чоловикъ увесь у маслаку. Якъ бы не тѣло, то кистка геть бы хляпала». «У головы—мозокъ на чотыри угла. Винъ для того, шобъ чоловикъ усячину розбправъ, розумный бувъ. Якъ стане заговорювать, то въ ёго мозокъ змишався». У народа нѣтъ никакихъ представлений объ устройствѣ и отправленияхъ нервной системы и органовъ чувствъ: глаза и уха. Объ органѣ рѣчи выражаются такъ: „языкъ—шобъ балакать, а голосъ—идѣ правымъ бокомъ. У горли йе „ныщыкы“. Нѣсколько подробнѣе высказываются крестьяне о растительныхъ органахъ, часть которыхъ, помѣщающихся въ брюшной области, называютъ «утрунокъ или отрунокъ», созвучно съ латинскимъ truncus. „Легкѣ, по народнымъ понятіямъ—шобъ легче жить. Воно не дае серцю заросты жирымъ». Вольшинство помѣщаетъ правильно сердце съ лѣвой стороны; изрѣдка, впрочемъ, приходилось слышать, что сердце у мужичины находится посредиѣ, даже сирава; у женщинъ—слѣва. „Серце—шобъ сердыться; у ёму злоба, зъ ёго йдуть душныкы. Не буде дыхання, не буде й сердце кыдаться. Передъ смертю воно спустытся идѣ груди“. О кровообращеніи извѣстно лишь, что чоловикъ ходыть и робыть жыламы, безъ ихъ неможна. Кровь робытся зъ воды. Лимфу, «пасоку», смѣшиваютъ то съ кровью, то съ нагноеніемъ: «спустывъ пасоку, умывъ пасокою» (кровью). «Якъ чоловикъ здоровъ, то кровь нановняется, а якъ больной—ссыхается». О пищевареніи народныя мнѣнія таковы: «у чоловика дви горлянки: въ одну йде пыща, у другу вода. Пыща йде черезъ кышку идѣ горломъ (пищеводъ) у кышкѣ, бо въ чоловика все ривно кышкы, якъ у кабана, а та кышка, у котору йде вода, тоненька». Печень, «лечинку», помѣщаютъ слѣва подъ сердцемъ. Ея назначеніе сдерживать желчь. О дѣятельности селезенки („мышки“) ничего не знаютъ. Особенность малорусской на-

одежду, юпку, а не подушки; главная подстилка — солома: „больному чоловікови—солома“. Она прохладіѣе. Покупають и матки изъ рогаза (*typha angustifolia* L.). Особой чистоты не наблюдаютъ, и бѣлье больному, который не слишкомъ пачкаетъ, перемѣняютъ, какъ обыкновенно, разъ въ недѣлю. Малороссъ не имѣетъ никакихъ представленій о діетѣ. Въ болѣзни онъ ѣстъ то же, что и всегда: кулишъ, борщъ и т. п. Стараются только сообразоваться съ требованіями больного, а если онъ ничего не проситъ, то допрашиваютъ: „чего тобі, моя дытыно, хочеться?—Ничого, мамо. — А може-бъ ты чего зивь?“ Допросъ продолжается до тѣхъ поръ, пока больной, наконецъ, не согласится отвѣдать какихъ-нибудь „ласощей“: фруктовъ, сметаны, соленой рыбы. Пить даютъ обыкновенную, неперевавленную воду, кислый узваръ, наваръ изъ грушъ, грушевый или яблочный квасъ: „одъ того варунку не буде“. Обязанность подавать пить больному признается весьма важной, и дочь, причитая надъ мертвымъ отцемъ, напоминаетъ ему: „чы я тобі, мій таточку, пыточкы не подавала, чы постилонькы не перестылала?“—и проситъ усопшихъ предковъ: „подавайте татусю пыточкы, якъ я подавала (въ моихъ Народ. обр. и пѣсняхъ Луб. у. 1897 г., 181, 189, 194)¹⁾).

родной анатоміи заключается въ допущеніи еще одного органа — матки или урза у мужчинъ. По мнѣнію г. Можаровскаго (Фельдшеръ 1898 г., № 18, 478) такъ называютъ желудокъ мужчины. Въ нормальномъ состояніи этотъ органъ изображается мѣшечкомъ (капшукъ), величиной съ кулакъ, находящимся возлѣ пупка, нѣсколько выраво отъ него къ сторонѣ печени, ниже ея. Значеніе этого органа по народному убѣжденію велико. «Весь чоловікъ основанъ на уразови. Уразъ—держава, духъ. Изъ того уразу иде духъ по жылахъ, одъ ёго идуть жылкы до всякой жылы, а одна великы». О зарожденіи новаго существа передають такимъ образомъ: «сѣмья йе въ чоловіка, якъ у рыбы, або въ рака. Воно мовъ жытына въ колосочку. Кривъ на кривъ вйдется, то й прыченится дытына. Жинка носыть 40 недиль; воно у пузыри родытся; лонне пузырь, вода потече, и воно выйде». Источникъ жизни воообще—«духъ, або душа—все ривно. Безъ ёго не прожыве чоловікъ».

¹⁾ Въ томъ же сочиненіи, на стр. 165, 166 приведены народныя наблюденія надъ предсмертной агоніей, постепеннымъ приостановленіемъ

Во многихъ заболѣваніяхъ, относимыхъ обыкновенно къ простудѣ, въ больномъ стараются вызвать испарину, для чего его обвертываютъ мокрыми утиральниками и, крѣпко укутавъ, кладутъ на горячую печь на соломѣ, также политой 2 — 3 кружками воды; или его вытираютъ солью и кладутъ на печь. Также садятъ больного, покрытаго рядномъ, въ ваннѣ (шаплицы, переризи), на скамьѣ, или ставятъ надъ скамьею, дижкой, ведромъ, мыской. Въ эту посуду кладутъ камень, кирпичъ или бѣлую глину и поливаютъ кипяткомъ, разсолонъ, бураковымъ квасомъ, водкой, настоянной на калганѣ, растворомъ гречневой половы, высивокъ, картофеля или куриного кала. Собственно ванну готовятъ изъ воды, горячей настолько, сколько можетъ выдержать тѣло. Въ ванну прибавляютъ: солому, степное сѣно, аиръ (иръ, яръ, лепеху, *ascorus calamus* L.), „жалку кропиву“ (*urtica dioica* L.), горыцви́тъ (*adonis vernalis* L.). Послѣ ванны больного укрываютъ какъ можно теплѣе. Къ больному мѣсту кладутъ въ вѣтѣ припарки мѣшочки съ овсомъ, ячменемъ, просомъ, высивками, хлѣбомъ, коржами, различнымъ каломъ или только мокрую выжатую тряпку. Растираютъ больного керосиномъ, скипидаромъ, оливой, отдѣльно или въ смѣси; уксусомъ съ водкой, водкой, горчицей, также камфорнымъ и нашатырнымъ спиртомъ. Ставятъ горчичники на верхнія части рукъ для удаленія боли отъ головы, на шею, грудь, спину, поясницу. Въ замѣнъ горчичниковъ прикладываютъ: хрѣнъ, рѣдьку и капустные листья, намазанные скипидаромъ. По замѣчанію Арендаренка ¹⁾, въ народной медицинѣ Лубенскаго у. особенно часто употребительна шпанская муха.

кровообращенія и окоченѣніемъ умирающаго. Здѣсь умѣстно будетъ добавить только о неизлѣчимо больныхъ. Такой больной перестаетъ узнавать окружающихъ, обращается къ стѣнѣ, смотритъ въ одну сторону, постоянно машетъ или манитъ рукою «мовъ курчать салыка. Очи мивнятса, мовъ смутный стане. Съ тила зовсямъ спаде. Якъ сю ничъ умре, то змяшається кровь зъ водою, и стане винъ бидный, якъ бумага. Въ грудяхъ важко, у животѣ тыхо, коло пуна не выдається, живить увесь нидійде нидъ груди; сердце заляже. Слова перемивнятса, якъ у якого: мовъ недобалака».

¹⁾ Зап. о Полт. губ. I. 102.

Кровоупусканіе теперъ вышло изъ употребленія, но еще въ шестидесятихъ годахъ былъ свой Санградо почти въ каждомъ селѣ. „Матвій,—вспоминають Литвяковскіе старожилы,—багато людей рятувавъ. Винъ вылапувавъ, щобъ тихъ жылъ не чинать, шо бьются. Якъ выйде годъ, то треба було тому чоловіку упять кинуть, бо якъ не кинуть, то очи замуляться, не бачытyme“. Затѣмъ и пользованіе пѣвками уменьшилось. Теперъ ставятъ 7—25 пѣвокъ на шею, руки, ноги, поясницу, „щобъ вытягали застужену кровь; тилько жыльной крови не можна тягты пѣвци,—чоловикъ ослипне“. Сосать должны пѣвки не долѣе часа; когда отпадутъ, то ихъ полощуть въ трехъ водахъ и складываютъ въ бутылки. Оцѣнка этого способа лѣченія народомъ благопріятна. „У мене самои,—разказывала баба,—було пятьсотъ пѣвокъ; вони дуже, дуже пользуют! Вони тягнуть позашкурну, погану кровь, а зъ жылы ничего не потягнуть. Хочъ и сто пѣвокъ поставыть, то чоловікъ напьется воды и наповнытся кровью“. Въ с. Хитцахъ заболѣвшіе бредуть въ болото и предаются пѣвкамъ: „вони лышнёго не ссатымуть“. Сухія банки ставятъ на шею, грудь, животъ и поясницу, преимущественно отъ ревматическихъ страданій, въ количествѣ шести. Предварительно тѣло смачивають теплою водою, затѣмъ въ стаканчики вставляютъ свѣчу или немного зажженной ваты, чаще клочья съ оливой и опрокидываютъ ихъ на тѣло, гдѣ оставляють стоять около часу. Воздухъ въ стаканѣ, разрѣжаясь отъ зажженной пакли, втягиваетъ части тѣла, что полезно при брюшныхъ и ревматическихъ страданіяхъ и совѣтуется еще Гиппократомъ и Галеномъ¹⁾, но при неопытности знахарки можетъ произвестъ ожогъ и пораненіе живота, а также вызвать пупочную грыжу²⁾.

1) Енгальчевъ. Домашній лѣчебникъ. Ч. III, 245, 246.

2) Можаровскій. Фельдшеръ 1898 г., № 18, 479.

Пріемъ лѣкарствъ внутрь указанъ въ дальнѣйшемъ изложеніи отдѣльных болѣзней, здѣсь же достаточно будетъ упомянуть, что капли дають больнымъ въ водкѣ или водѣ, отъ 5—15, 20 капель, смотря по возрасту и по полу, между прочимъ: скипидару—5 капель, керосину—15, анисовыхъ—5, бальзама—5, ассафетидныхъ (маточныхъ)—4,

2. Помощь въ несчастныхъ случаяхъ.

Замерзающаго въ дорогѣ подводятъ къ лошадиной мордѣ подъ теплое дыханіе, а по приѣздѣ сажаютъ въ холодную воду; лицо растираютъ снѣгомъ; когда же появятся признаки жизни, то растираютъ теплою водой пли водкой, вливая послѣднюю также въ ротъ пострадавшему.

Оглушеннаго громовымъ ударомъ заканываютъ въ землю, что иногда приноситъ пользу¹⁾. Часто въ руки зажимаютъ страстную зажженную свѣчу до полного выздоровленія. Растираютъ спиртомъ. Къ обожженному тѣлу прикладываютъ сырой, тертый картофель или картофельный крахмалъ. Смазываютъ также обожженное мѣсто растительными жирами: льнянымъ, коноплянымъ, деревяннымъ маслами и животными—куринымъ, ежевымъ. Еще обкладываютъ пострадавшаго отъ обжоба скотскимъ навозомъ.

Крайній предѣлъ пребыванія утопленника подъ водой, когда еще можно возвратитъ ему жизнь,—два часа. Вынутое изъ воды тѣло нельзя класть на землю, ни даже касаться ея тѣломъ иначе послѣднее не оживетъ, „охлаоне“. Утопленника кладутъ на рядно и откачиваютъ въ-четыремъ. Если пойдетъ носомъ и ртомъ вода, то онъ можетъ еще быть спасенъ; если не пойдетъ то нѣтъ.

П о р а н е н і я.

При вывихѣ стараются вправить смѣстившуюся головку состава въ ея впадину. Потомъ больной членъ увязываютъ въ лубокъ. Впослѣдствіи больное мѣсто растираютъ нашатырнымъ,

мятныхъ и гофманскихъ—по 10. Настойки, кромѣ травъ, приготавливаютъ еще изъ: имбиря, перца, калгана (*radix galangae*), галки (мускатнаго орѣха) и даютъ по 1—3 рюмки въ день. Въ аптекахъ и лавкахъ приобрѣтаютъ между прочимъ для лѣченія: манкурій (сулему), цинобрю (нѣм. Zinnober, итал. cinabro, испан. cinabrio, киноварь), синій каминець (мѣдный купоросъ) и семибратню, братню кровь (иолниъ—*tubifera chamissionis*).

¹⁾ Флоринскій. Домашн. лѣчеб., 322.

спиртомъ и настойками: на оманѣ (*verbascum nigrum* L.) и на ворняхъ лопуха (*arctium lappa* L.) Также парятъ больной членъ: живокистомъ (*Simphytum officinale* L.), буквицей (*betonica officinalis* L.), натыгачомъ (*ranunculus lingua* L.), пыреемъ (*agropyrum repens* L.), ромашкой (*matricaria chamomilla* L.) и льномъ (*linum usitatissimum* L.). Также и сломанный членъ крѣпко увязываютъ въ лубокъ, чтобъ онъ не двигался, а когда начинаетъ срастаться, то растираютъ: березовкой, нашатырнымъ, камфорнымъ или муравьинымъ спиртомъ и втираютъ въ больное мѣсто: мазь изъ муравьевъ съ смальцомъ, съ мозгомъ изъ кошачьей головы и мазь изъ канифоли, воска и масла. Внутрь даютъ пить настойку изъ старыхъ мѣдныхъ денегъ на водѣ.

Опухоль растираютъ оливой съ камфорой; прикладываютъ къ вснухшему мѣсту сливки съ мыломъ; растираютъ еще настоемъ „жадкои кропывы“ (*urtica dioica* L.). Парятъ въ житнихъ высевкахъ и настоѣ дивины (*verbascum lychnitis* L.), въ которой также, по замѣчанію, сдѣланному въ Запис. Ю.-Зап. Отдѣла Геогр. Общ. I, 140, кунаютъ дѣтей.

Къ ушибленнымъ ранамъ прикладываютъ компрессы изъ холодной воды или льда и сухія банки, до 24-хъ. Послѣднія ставятъ на шею (шывороты), если ушиблена голова. Ушибленное мѣсто растираютъ водкой съ оливой или камфорой и кладутъ припарки изъ льна, овса (*avena sativa* L.), живокиста (*simphytum officinale* L.), сона (*anemone sylvestris* L.), ранныка (*paris quadrifolia* L.), указанного отъ ранъ въ Зап. Ю.-Зап. Отдѣл. Геогр. Общ. I. 174, и синяка или серпориза (*anchusa officinalis* L.), также указанного отъ ранъ въ „Лікахъ своенар.“ 72. Пьютъ настойку переступня (*bryonia alba* L.) и изъ старыхъ мѣдныхъ денегъ.

Порѣзныя и колотыя раны стараются зажать губами, чтобъ пріостановить льющуюся кровь, что удается не всегда и не всякому, почему приходится прибѣгать къ заливанію, закладыванію и присыпкѣ ранъ слѣдующими веществами: березовой водкой, указанной также и въ „Лікахъ своен.“, стр. 12, настойкой арники, спиртовымъ лакомъ, хлѣбомъ, горячимъ коржемъ, коржемъ съ

медомъ, теплой „жывыцею“ (канифолью), смолой, дегтемъ, квасцами, чертовымъ пальцемъ, упоминаемомъ въ „Лік. своен.“, 19; конскимъ навозомъ съ землей, свиной желчью, заячьимъ жиромъ, волчьимъ мозгомъ и костью, пережатой головой пропавшаго кота, паутиной, средствомъ, широко распространеннымъ; такъ, въ Бельгii останавливаютъ кровотеченіе изъ ранъ перевязкой пальца ниткой и закладываніемъ раны паутиной¹⁾. Это же средство упоминается въ „Лікахъ своен.“, 13. Оно крайне опасно. Крестьянка окрестностей Мерефы, Харьковской губ., обложивъ порѣзъ дитяти паутиной, вызвала зараженіе крови и смерть²⁾. Еще закладываютъ раны: порхавкой (*lycoperdon bovista* L.), листьями и порошкомъ нечуй-вitra (*Hieracium pilorella* Tauch.), фелинникомъ (*aristolochia clematidis* L.) и упоминавшимися раньше: синякомъ, ранникомъ, сономъ, также кануперомъ (*bal-samita vulgaris* L). Кровь, текущую изъ раны, думаютъ также остановить подкуриваніемъ волосами, вырѣзанными у мужа и жены и слѣдующими заговорами.

„Тече три рички: водяна, кровяна и смоляна. Водяна каже: течимо; кровяна каже: стіймо, а смоляна: зальймо. Рабъ Божый Иванъ“.

„Крово, крово! шо тому чоловікови буде, шо въ неділю стружки струже?—Оте й тобі буде, якъ не переставешъ“. (Д. Солоница, отъ Настасii Дивизіонной).

„Ишовъ баранъ зъ круглыми рогами густыми лозами. Искныъ руно та заткны жерело“. (С. Волчекъ, отъ Марii Шевченковой).

„Вы косари, вы косарыкы мои! Вы косыте и хлиба у Бога просыте; и ты, косо, не бійся ничего и не пускай Божою росы и святою крови“. (М. Свѣтинъ).

„Ишлы старци трьома потоками. Старци стали, кровь перестала. Ишовъ святой Господь на Осіанську гору. На Осіанськый гори Суса Хрыста мучылы. Господы, одверны одъ наглои криви смерти“. (С. Калайдинцы).

¹⁾ Monseur. Fl. wal., 26.

²⁾ Полт. губ. Вѣд. 1898 г., № 184. 3, со ссылкой на Харьк. губ.

„Ишла я калыновымъ мостомъ, пидпералась калыноюу палыцею. Зострила мене Божая Маты: „Куды ты, нароженая, мольтвяная Софіе?“—„Иду до нароженного, мольтвяного Ивана криви замовляты, Господа Бога прохаты. Мои слова, а Божя помичъ“. (С. Хорошки, отъ Софіи Сысиной).

„Ишло тры сестры, несли по тры ножи. Сиклысь-рубалысь, и кровъ не йшла. А ты, червона кровъ, стань на билій кости“. (Хуторъ Сабадашевъ, Яблоновской вол., отъ Мазняковой).

„Господы благословы, Господы поможы! Йихавъ Сусъ Хрыстось камянымъ мостомъ на осяти. Сиче-рубаетъ, и кровъ не протикаетъ. Огонь горить, и кровъ кыпять; огонь затухаетъ, и кровъ залываетъ нароженому, мольтвяному, хрещеному рабу Семену“. (С. Мгарь).

„Иде Сусъ Хрыстось на камяну гору; на каминь ступаетъ—кровъ замовляетъ раба Божого Семна. Изъ твоихъ жылъ, зъ жовтыхъ костей, билыхъ суставивъ составляется раба Божого Семна и кровъ замовляется и останавливается“. (М. Снѣтинъ).

О т р а в л е н і я .

Чаще встрѣчаются отравленія: 1. Окисью углерода, „чадомъ“. „Якъ почадіють, то зъ ихъ духъ потягне“. Угорѣвшихъ лѣчать и холодомъ, и тепломъ. Въ первомъ случаѣ, имъ натирають лобъ и около сердца снѣгомъ, льдомъ, холодной водой. Въ послѣднемъ—льютъ на голову и въ уши горячій квасъ и теплую воду („литепло“). Въ ухо закладываютъ ягоды калины и овечій калъ („быбки“). Въ безчувственномъ состояніи закутываютъ всего въ теплую одежду или радно.

2. Отравленію спиртомъ, запою думаютъ помочь рядомъ слѣдующихъ мѣръ: отеревъ тряпкой лошадиный потъ, выжимають ее въ водку или воду, которую и даютъ выпить пьяницѣ въ надеждѣ, что онъ получитъ отвращеніе отъ водки навсегда. Даютъ также выпить водки, настоянной на живой изрубленной щукѣ или въюнахъ, или плитѣ¹⁾, положенной подъ руку по-

¹⁾ Также пятакъ.

койнику, пока его несутъ, и вынутой предъ погребеніемъ. Даютъ еще и раковую настойку, приготовленную по слѣдующему рецепту: „питы на базаръ, купить горшечокъ неторговавшыся та верасты рака на базари, щобъ никто не бачывъ. Тоди взять пивкварты водки, влить у горшечокъ, вынуть рака и завязать; тоди законать на девять сутокъ. Одопать, процидыть ту водку и дать выпить пьяниці“ (с. Тишкы, отъ Прасковьи Кирилленковой). Пьяницу поятъ настойкой зилля—одворота, о которомъ говорятъ: „ѣе зилля одворотъ и приворотъ (*veronica chamaedrys* L.), по дви бадылыны. Якъ воны вмести, то то приворотъ, а якъ мынають одно друге,—одворотъ“. Нужно еще положить мѣдныя деньги въ ротъ сдохшей собаки или отравить мѣдными же деньгами головку здохшей змѣи и, купивъ за тѣ деньги водки, дать выпить пьяницѣ на тощакъ или на похмѣлье. Женщина набираетъ изъ трехъ колодцевъ непочатой воды, на зарѣ и, обмывшысь этой водой вся на хатнемъ порогѣ, варить на ней всю пищу, которою и угощаетъ мужа. Тоже можетъ продѣлать любимая дѣвка съ парнемъ. Полагаютъ, что пьяница, наѣвшисъ такимъ образомъ приготовленныхъ кушаньевъ, получаетъ отвращеніе къ водкѣ. (С. Волчекъ, отъ М. Шевченковой).

3. Къ опухоли и ранѣ, образовавшимся отъ зараженія животными ядами, напр. сибирской язвой (теліемъ), и къ карбункулу прикладываютъ разрубленнаго живымъ щенка или котенка.

4. По народнымъ понятіямъ, смертельно не одно только укушеніе бѣшеной (дурной, скаженной) собаки, а и самая встрѣча съ нею, если она бѣжитъ за вѣтромъ. Въ послѣднемъ случаѣ, повстрѣчавшійся съ нею, рискуетъ получить опухоли подъ языкомъ, такъ называемыхъ щенятъ, и умереть. Состояніе бѣшенства изображается въ народномъ разсказѣ въ такихъ чертахъ. „Выйшла жинка зъ хаты, и щось їи ухопыло, кынуло обѣ землю била дверей и кругомъ хаты обтягло, руки їй покусало. Пишла вона до монастыря, и бабка зъ Новакивъ сказала: „тоби бувъ случай и зъ того случаю помрешъ“. Прыйшла вона зъ монастыря и почала ухкати зъ воды и огню. Якъ побачыть ихъ, каже: „ухъ!“ Крестыане вѣрятъ, что до девяти дней можно еще излѣчить

бѣшенство; „щенята, або песыкы“ еще подѣ языкомъ больного, и во всякомъ селѣ есть знатоки, которые „сколюють“ ихъ шиломъ. Сколовши, ранки крѣпко натирають солью. Всю одежду, бывшую на больномъ, кладутъ подѣ прессѣ (гнить). На девятый день человекъ поглотаетъ щенятъ, если они не сколоты, сойдетъ съ ума и умретъ. До девяти дней помогаетъ настой дрока (*genista tinctoria* L), извѣстнаго еще древнимъ грекамъ, который указанъ у Флоринскаго ¹⁾, у Чубинскаго ²⁾, въ Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. I, 168 и у Богдановича ³⁾. Въ послѣднее время часто указываютъ на различные виды молочая, *euphorbia* ⁴⁾, именно: *e. proserpa s. pilosa*, *e. cyprarissias* (молочакъ), *e. glareosa* (сычакъ, дикій молочай ⁵⁾, *e. villosa* ⁶⁾, *e. nicasensis* ⁷⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ сочиненій упоминается еще звѣробой, а въ словарь Волкова, въ Зап. Ю.-Зап. Отд. I., 172, нечуй-витеръ (*hieracium pilogella*. Tauch.)—какъ лѣкарства отъ бѣшенства.

Приступая къ изложенію отравленій, производимыхъ пресмыкающимися, слѣдуетъ замѣтить, что убѣжденіе въ ядовитости лягушекъ и жабъ принадлежитъ къ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ предразсудковъ. Уже индійская медицина признавала укушеніе лягушки ядовитымъ ⁸⁾, затѣмъ въ 7 новеллъ 4-го дня „Декамерона“ любовники погибають, отравленные ядомъ огромной жабы (*botta di maravigliosa grandezza* ⁹⁾). Въ украинскихъ пѣсняхъ вдова отравляетъ любовника жабами ¹⁰⁾. Въ Культур. переживаніяхъ Н. О. Сумцова, ¹¹⁾ въ сборникахъ: Чубин-

¹⁾ Домаш. медик., 259.

²⁾ Труды экспед. т. I, в. I, 129.

³⁾ Свѣдѣн. о Полт. губ., 54.

⁴⁾ Дм. Л.—зинъ въ Днявр. Молвѣ 1899 г., № 5, 151.

⁵⁾ Фельдшеръ 1898 г. № 18, 484.

⁶⁾ Зап. Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. I., 122.

⁷⁾ Полт. Епарх. Вѣдомости 1886, 169.

⁸⁾ Ковнеръ. Ист. Мед. въ Кіев. Унив. Изв. 1878 г., III, 123.

⁹⁾ G. Bossaccio. II. Decameron. I. p. 307—311. Лейпц. изд.

Брокгауза 1877 г.

¹⁰⁾ П. К. «Фатальная вдова» въ Кіев. Стар. 1888, XII, 475.

¹¹⁾ Кіев. Стар. 1889 г., XI, 311.

скаго ¹⁾, Гринченка ²⁾, у Богдановича ³⁾ и въ моихъ „Сказкахъ о жабахъ“ ⁴⁾—вездѣ упоминается объ этомъ ядѣ. Въ устныхъ мѣстныхъ разсказахъ и представленіяхъ, жаба и лягушка могутъ вредить человѣку различнымъ образомъ: впиваясь въ тѣло человека, онѣ наносятъ ядовитыя раны, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ: 1. „Ишла жинка, колы жаба бижить велька и впылась жинци въ щоку. Узялы ту жинку, обязали намиткою и повезлы по свитамъ. Нихто не помигъ“ (С. Литвяки, М. Чигринова) 2. „Дивка ходыла до Сулы прать. Стала иты додому, а жаба нагнала та въ лытку впылась. Маты рвала, рвала,—ніякъ не оддильтъ тіей жабы“ (отъ Кс. Комлыковой). Подобные же разсказы приведены въ „Сказкахъ о жабахъ“ (№№ 4 и 5). Ядовитая моча жабъ содѣйствуетъ образованію бородавокъ и рака, какъ увидить ниже читатель. Особенно опасенъ ядъ жабъ, принятый внутрь. Такое отравленіе можетъ быть или случайнымъ, или умышленнымъ. Напримѣръ: „у крыныци жаба плыве и пустыть изъ себе ядъ, а чоловікъ замахне, напьется и занедужае“. Или женщина, выпивъ ошибкой назначенное для другого употребленія питье, содержавшее жабій ядъ, распухаетъ и умираетъ (Ск. о жаб. № 3). Чаше бываетъ умышленное отравленіе, производимое, какъ видно изъ многихъ собранныхъ мною печатныхъ (Ib. №№ 1 и 2) и устныхъ матерьяловъ; такъ: разыскавъ особую, большую, мохнатую жабу, живущую въ болотной кочкѣ или подь кустомъ, кладутъ ее въ печь живую или посѣченную на сковородѣ. Часть высушиваютъ, а часть только слегка приваливаютъ. Принявшій ядъ сыроватой жабы, подмѣшанный къ питью, умираетъ мгновенно; много-много, если промучится дня 2—3, причемъ „Изъ ёго духъ пре“. Принявшій же сухую или вяленную, но мелко истертую жабу, страдаетъ отъ 1—7 лѣтъ. Онъ сохнетъ, „усе коло сердца варыть, та нудно, нудно“! Внутри заводятся жабы, и исходъ большею частью

1) Тр. т. I. в. I, 136 и т. II, 47, 50.

2) Этногр. мат. I., 32, 34.

3) Свѣд. о Полт. губ. 186.

4) Киев. Стар. 1896 г., XI, 37—40.

смертельный. Послѣдній предразсудокъ находитъ мѣсто и въ высшихъ слояхъ общества. Даль въ соч. „О повѣріяхъ, суев. и предр. рус. народа“ (С.-Пет. 1880 г., 67) приводитъ данныя о поглощеніи пѣявокъ и змѣи, жившихъ въ желудкѣ и извергнутыхъ рвотой. Интересенъ разсказъ о еврей, страдавшемъ болью желудка, въ которомъ чувствовалось движеніе и царапанье, а при изверженіи въ рвотѣ оказалось 35 лягушекъ разной величины,—чему свидѣтелемъ былъ врачъ (!). Вслѣдствіе распространенности этого предразсудка, докторъ Бокъ заявляетъ, что случайно проглоченныя пресмыкающіяся, быстро извергаются рвотой или низомъ въ переваренномъ видѣ ¹⁾. А профессоръ Эйхгорстъ замѣчаетъ, что иногда женщины представляютъ врачу молодыхъ живыхъ лягушекъ и ящерицъ, вышедшихъ будто бы съ рвотными массами ²⁾.

Въ случаяхъ отравленія ядомъ жабъ, знахарки стараются вызвать у отравленнаго рвоту, для чего даютъ внутрь: сырое конопляное сѣмя, молочай или пастой кореня умана (*verbascum nigrum* L) и немного купороснаго масла. Есть еще способъ выманиванія жабъ изъ человѣка, настолько же фантастическій, насколько фантастично и самое ихъ существованіе въ желудкѣ: „поставить проты чоловика дзеркало и жабу на блюди такъ, щобъ видно у дзеркало. Чоловикъ щобъ роззявивъ рта, и та жаба, шо въ ёму въ середини, на дзеркало выйде. Держать його двомъ людямъ, щобъ не впасть ³⁾. (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

Хотя ящерица и признается другомъ человѣка, предупреждающимъ его о приближеніи змѣи, но укушеніе этого друга смертельно. Укушенное мѣсто нужно обложить глиной съ квасомъ или кислымъ молокомъ; послѣднее также ѣдятъ, а заро-

¹⁾ Книга о здор. и больн. чловѣкѣ. С.-Петербург. 1856 г., 379

²⁾ Руковод. I., 765.

³⁾ Тотъ же пріемъ употребляютъ для вызова змѣи и глиста требующаго водки, можетъ быть солитера. Въ первомъ случаѣ, въ червалѣ должны отражаться поставленные на блюдечкѣ: клубника или вишни, во второмъ—рюмка водка.

дившихся внутри ящерицъ стараются изгнать горячей сывороткой. Не менѣе опасна и черепаха¹⁾: „одѣ черепахи нема шептухы“. Она также можетъ расплаживаться внутри челоуѣка, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ: „Ладымырши дано черепахы, хто ёго зна якъ,—вона сама не замитыла. Стало їй нудно, нудно; зайшла вона вагитною. Ходыла вона и по бабахъ, и по знахоряхъ, и по дохторяхъ, до того, помы черепаха ожыла. И стала та черепаха жинку ссать въ середины. Скрегоче и вже соби налупыла й черепашенятъ, и потимъ до тихъ поръ дойилась, шо выйила все въ середины, и тоди та баба вмерла; такъ ище и въ мертвій скрыготалы въ животи черепахи“. (М. Лукомье, отъ К. Норовой). „У чоловика жывить опухъ, и догадалысь, шо давання дано. Знахаръ изъ Слобидкы (Лохвицкаго у.) давъ молочаю, и ставъ больной блювать и выблювавъ симдесять живыхъ черепашенятъ у-разъ“. (С. Хигцы). Лѣченіе отъ черепашиаго яду такое же, какъ и въ предшествующихъ случаяхъ отравленія ядомъ пресмыкающихся.

Наоборотъ, укушеніе змѣи признается излѣчимымъ, что доказыається слѣдующими разсказами знахаря с. Литвяковъ Василя Кривенка: „Макаренко косывъ и розбувсь, а вона влизла въ чобитъ. Ставъ винъ у-вѣчери обуваться, а вона за ногу стрикнула. Винъ на другой день просытъ: „пошепчы“. Я подѣйствувавъ, завтра и косытъ пиде“. „Устя чуть не вмерла, якъ гадюка вкусыла: опухла нога, вмоталы червонымъ поясомъ, вже й прыцащали. Я кыслымъ молокомъ выпользувавъ“²⁾. Когда уку-

1) Объ ужасѣ, возбуждаемомъ черепахой, свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ: «Батько пишовъ у лѣсъ у таку гущину, де вона сыдла. Пиднялась вона съ черешка та такъ, якъ утка: «какъ, какъ!» Сталы батько тикать, а вона, якъ пидійметься та плѣпне объ дорогу. И якось Богъ давъ, шо не вкусыла—справылыся на село». (С. Вильшанка, отъ М. Харлановой).

2) Въ Лубенскомъ у., какъ и вообще въ Малороссіи, водится только гадюка (*vipera berus*), укушеніе которой не смертельно. Распредѣленіе змѣй здѣсь неравномѣрно: всего больше въ мѣстномъ участкѣ и въ м. Лукомьѣ. Выводятъ змѣй такъ: прибиваютъ одву и осынають ее «прыскомъ», т. е. жаромъ; вѣрятъ, что остальные уйдуть сами.

силь змѣи, то необходимо бѣжать къ водѣ и вступить въ воду раньше змѣи, которая, укусивъ, сейчасъ же ищетъ воды,—не будетъ опухоли. Въ предупрежденіе опухоли необходимо туго перевязать членъ выше того мѣста, которое укусила гадюка, поясомъ. Укушенное мѣсто смазываютъ кислымъ молокомъ. Опасѣе ядъ змѣи, принятый внутрь. Добываютъ ядъ такимъ образомъ, что взявъ змѣю за хвостъ, опускаютъ головкой внизъ, подставляя чарку, куда стекаетъ „ропа“ изъ рта змѣи. Эту ропу даютъ въ пищу или питье, желая отравить. Примѣшиваютъ туда же и сушеной змѣи. Однажды дѣвка, желая отравить подругу, дала послѣдней змѣеныша въ стеблѣ луку („цыбѣ“). Потомъ, по народному разсказу, изъ отравленной вытянули трехаршинную змѣю.

О ядѣ пауковъ записаны мною слѣдующіе разсказы: 1. „Изъ тарантеля ¹⁾ того здороваго робытся ядъ, по людей травить. Возьмы його, поймай и кынь у банку, въ ольву. Винъ тамъ вырасте, якъ кулакъ. Якъ тарантель укусыть, пема одъ ёго дохтора, чоловікъ той помреть“. (С. Литвяки, отъ М. Чигриновой). 2. „Я йихавъ косыть, колы на гори лизе паукъ—якъ ракъ, мохнатый. Треба наставыть бутылку та оливою ёго. Якъ паукъ укусыть, помазати тією оливою, то й пройде. Держать бутылку за замкомъ“. (С. Литвяки, В. Кириченко). Кромѣ послѣдняго средства, означеннаго также у Арендаренка ²⁾, примачиваютъ такую опухоль настойкой коровяка (*Datura Stramonium* L.).

Къ укушенному пчелой или осой мѣсту прикладываютъ ножъ „навхрестъ“.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Выговариваютъ еще: тарантъ, таранкуль.

²⁾ Зап. о Полт. губ. I, 114.

КАРТЫНКИ СУЧАСНОГО СЕЛЯНСЬКОГО ПОБЫТУ.

(Не за-для кону).

ПОКАЗЧЫКЪ ДО КАРТЫНЪ.

Трохымъ Омеляновичъ Середа—старшій у заможній селянській семьї, годивъ за 40, одягнений у просту одѣжу зъ дешевого казынету, зъ бородою. Чубъ пидстрижений кружкомъ.

Олена Петровна—жинка Трохимова, годивъ пидъ 40. У простій одѣжи—сытцевій спидницы и такій же кохти; на голови очипокъ, повязанный хусткою.

Грыцько—меньшій братъ Трохыма, молодожонъ, 21 року. У першій картини одягнений по селянськи—простого сукна черкеска; безъ усивъ, кучерявый, пидстрижений кружкомъ.

Горпына Прокоповна—молода жинка Грыцькова, годивъ 19. Чепурно одягнена у новій пари сытцевій. У другихъ картинахъ вона одягнена панською мамкою, а писля—мищанкою.

Галля—дивчына годивъ 18, тежъ чепурно одягнена у сытцевій пари. Писля, въ другихъ картинахъ зъявляється въ очипку молодыцею.

Дидъ Тарасъ—дидъ Трохыма и Грыцька. Старый, але ще бадёрный селянынъ.

Олексі́й—сынъ Трохыма. Пидростокъ, а писля парубокъ.

Ивасъ—хлопчыкъ-школяръ; писля пидростокъ.

Скубелка—Степанъ Ивановичъ. Колысь-то пысарь, а теперь сильскый адвокатъ. Годивъ пидъ 50, одагненный у пиджакъ.

Сыди́рь—робитныкъ.

Па́нъ—судебный приставъ.

Десятныкъ, диты, жинкы.

У картынахъ, окримъ лершой, Грыцько зъявляется вже зъ вусами и въ одежи салдатскый, а писля въ одежи зализно-дорожнёго сторожа.

(Діється на Подонщынѣ)

К а р т и н а I.

Горныця сільскою заможнѣн хаты. Вливо одъ кону стиль застеляный настільнымъ зъ неприбранною посудю—мыскы, хлѣбъ покрышанный. До стола приставлений осливъ. Прямо—двери зачиняни, а направо двери у другу половыну одчыпани. Пидъ правою стороною два велыки скрини. (Уси тилькы що встали зъ-за столу, хрыстятся и выходять изъ хаты. Зостаються у горныци: Грыцько (шьє воду зъ бухля), Галька и Горпына (прибирають зо столу) у другій хатѣ видно Олену, яка прибирає коло печи.

Горпына (до Галькы). Несы мыскы й ложки, а я тутъ сама зтрушу скатерть... Тоби-жъ, мабудь, дидусеви обидѣ несты? (Галька забирає мыски й ложки, выносить у другу хату, зновъ вертається, помагає прибираты. Писля бере зъ килка винокъ и надиває ёю на чолову, прыдывляючысь у невеличке дзеркальце).

Олена (зъ кухни). Прибирайся швидче! Бачъ, яке вже время...

(Выносить завязани у рушныку горщата и особо у хустци билизну).

Олена. Иды, а то дидусь заждалися. Та прямуй черезъ Ткаченкову леваду: тутъ простійше...

(Галька ще охорошылася передъ дзеркаломъ и нишла зъ хаты. Вбѣгає Ивась и чогось шукає на покуты).

Грыцько. Чого тоби?

Ивась. Тутъ десь моя книжочка. Дидусь казали, щобъ я прийшовъ почитати до нихъ. Видтила зайду до вчителькы переминны книжку... Мамо, де книжка?

Олена (*выходить изъ кухни*). Отъ тутъ у столи—я заховала. Балуге васъ дидусь: медкомъ поваджуге...

(*Ивась достае зо стола книжку, выкладжує її и хова за пазуху*).

Олена (*рукою гладить Ивася по голови*). Бижи, доганяй Гальку! (*Звертаючысь до Грицька и Горпыны*). А вы жъ пійдете?

Горпына. Та хотили пійты хотъ не надовго. Оце жъ зъ недили заравъ стырка буде...

Олена. Пійты сёгодня годытся: заговини... А стыраты треба буде... Поки то посохне... покатать ёго... а тутъ ще и капусту поливати. Ще жъ то й траву прийдесть поворушыты завтра: бачъ, яке Богъ давъ вчера... примочыло... Такъ и не зчуємося, якъ и Петровка пройде й жныва настыгнуть... На узбочи въ балци, кажуть, ячминъ и геть-то пополовивъ... Тамъ вже буде не до стырки. (*Помовчавшы трохи*) Такъ чого жъ вы? Збирайтеся... Та ще отъ що: переказувала Хоменкова чорныця-ткаля, щобъ дослати їй два клубки, бо, каже, на пидканья того, що дали, не стане. Такъ може-бъ ты й донесла їй: вона жъ на тимъ кутку...

Горпына. Такъ що-жъ,—и занесу. Намъ можна пройты по Бойченковій вулицы: воно одынаково буде, що й по шляху..

Олена. Такъ збирайтеся, а я пійду въ комору за клубками (*выходить изъ хаты*).

(*Горпына добуває зо скрини велику хустку и перевязує голову передъ дзеркаломъ. Грицько зненацька обнимає її*).

Горпына (*оддыхаючи ёго*). Здуривъ. Справди здуривъ... Хиба жъ можна такъ? Такъ злябаты можна... Чомъ не одягаешься? Я отъ заравъ и готова... (*Достае поясъ зо скрини*). На, пидперизуйся, а то давай я пидпережу...

(*Поки вона ёго пидперизує, вінъ грається, обнимає її*).

Горпына. Та ну! Не балуйся, стій рівно! Геть приймы руки... Пидними ихъ. Отъ такъ! Повернись, ну! Отъ и пидперезала.

Сядь, кучери прычешу трохи... (*Гребинкою прычисуе ёю, винз не перестает обнимать її*).

Горпына. Ну, отъ вумнычокъ! А руки прыберы. Отъ такъ.

(*Цилуе ёю. У ту саме мыть увиходить въ горницю Олена и, наче ничого не примичаючи, проходить въ кухню. Молоди примитылы Олену и розскачылыхся. Грыцько наче чогось ставъ шукалы по хати, а Горпына ще разъ вернулася до дзеркала*).

Олена. Такъ ось на, однесы, будь ласкова. (*Подае два клубы вовны*.)

Грыцько (*знайшовъ картузъ на килку*). Ходимъ, чого жъ гаятысь?

Олена. Постривайте жъ. Паляныцю вивзьмитъ: такъ на заговины не ходять. (*Пшла въ кухню и выносыть паляныцю. Горпына тымъ часомъ жартовливо грозыть пальцемъ Грыцькови, указуючы кывомъ головы на Олену. Подану паляныцю Горпына завитуе у хустыну и слидомъ за Грыцькомъ выходыть зъ хаты*).

Картина П.

Олена (*Одна. Сидаетъ побилъ столу и нидпырается нидъщоку рукою*). Граются, втишаются... Молоди... Имъ що?.. Знялысь и пшлы. И тамъ имъ ради будуть. Пройдутся по улицы, покрасуются... Сказано,—безжурни. Нехай втишаются покы молоди, покы ще можна. А тамъ пйдуть диты, хлопоты... Не до цилування... Охъ-хо-хо! Отъ теперъ мій пойнихавъ въ тымъ пакоснымъ Скубелкою... Якъ то тамъ справляться? Малыся вчора ще повернутыся... А отъ чы попадуть и сёгодня на заговины... Не подобается мени цей Скубелка: такой же, бачъ, мужыкъ, якъ й мы гришни, а штокае, все въ бомагамы возытсь, законы якись-то пыше... Не доймаю я ёму впры, тай годи... А мій, бачъ, каже, що безъ ёго ниякъ не обійдется, бо винъ усьи порядкы знае. Оде й теперъ пойнихавъ землю куповаты, на торгы явись-то... Торгуватыхся... Не розберу ниякъ: зачимъ торгуватыхся, колы вже вона давно вторгована и гроши за нею одданы... Чудне! (*Помов*

чаши трохи). Пійты позатуляты вкѣна, та може бѣ спочыты трохи... Натюпкаешся, пораючысь...

(Иде до дверей, але заразъ же зупиняється).

Отъ и наши, слава Тоби Господы. *(Одступається одъ дверей и пропускає Трохыма и Скубелку, котри увиходять у горницю одынъ за однимъ и хрystяться на образы).*

Трохымъ. Здрастуйте! Зѣ недилею будьте здорови, зѣ заговинамы...

Скубелка. Зѣ воскреснымъ днемъ будьте здорови, зѣ недилею, какъ говорытсь...

Олена. И вы будьте здорови. Зѣиздымы у добрымъ здоровья? Проходьте, Ивановычъ, сидайте въ насъ, гости будете.

(Трохымъ роздягається. Скубелка сидає на лавици)

Скубелка. Да. Вотъ и зѣздымы. Изъ покупкою васъ поздоровляю. Теперъ ужо вполнѣ, какъ говорытсь, собственикы.

Олена. *(Не второпає, що винъ їй каже, и дивытсь недоумило то на ёю, то на чоловіка).* Це вже Омельяновичъ, якъ тамъ знають: це дило ихъ. А мы ще вчора васъ сподивалысь...

Скубелка. Ето такое дѣло. Пока, какъ говорытсь, судъ та дило...

Трохымъ. Знаешъ, колы зѣ дому, а не знаешъ, колы до дому. Запизнылыся. Зѣ города выйхали вже смеркомъ, прийшлося пидночуваты на Камьянці... Ну, теперъ, добулыся до господы, слава Богу! Намъ бы теперъ чого закусыть: пора вже. А де жъ наши? Що оце никого не выдаты?

Олена. Осъ я варазъ *(на ходу)*... Поросходылыся: Грыцько зѣ молодыцею пишлы до своихъ, Галька обидъ дидусеви понесла на пасику, зѣ нею й Ивашко побигъ; Олексій зѣ волами погнався, а ти десь тутъ по городамъ... Сидайте за стиль, ось я заразъ.

(Струшує скатерть, становить стиль, хлибъ—опоряжає стиль).

Трохымъ. Тамъ у комори я зложывъ тараню. Купывъ куль на Петrivку. Покошгуваты, яка вона. Вона пайдѣть, якъ

той казавъ, до горилки закусьте. А-же правда, Ивановычъ? Збирай тамъ, що Богъ давъ, а я піду внесу.

(Иде зъ хаты. Олена проходить у кухню, зостається одынъ Скубелка).

Скубелка. Отъ вы и понимаете мужыка. Теперъ, какъ говорытся, собстренныкъ. Одно слово—помощыкъ. Сорокъ десятинъ, та ще и дві. Его, какъ говорытся, не маковое зерно. По настоящимъ цинамъ его болше чотырохъ тысячъ. Благопріобретеніе, какъ говорытся.

(Входитъ Олена и розкладае ложки, а пилія становить мыску съ чимъ-сь гарячимъ).

Олена. А я думала—винъ увійшовъ, а це вы сами до мене щось кажете? Простить, не почула гараздъ що...

Скубелка. Нѣтъ, это я самъ зъ собою, какъ говорытся, разсуждаю.

(Входитъ Трохимъ. Въ одній руцѣ въ ёю двѣ рыбыны и взяла бубликы, а въ другой завязана у якусь хустыну книжка).

Трохимъ *(до жинки)*. На, почысть и порижъ, а бубликы дитямъ... *(до Скубелки)*. А це я взявъ запи законы, а то колы-бъ, буває, свиня ихъ не пошкодыла... Вы ихъ такъ на прызби й лышлы...

(Олена бѣ рыбу объ порижъ).

Трохимъ. Отъ такъ ии, отъ такъ! Тараня усе йидно, що жинка: чымъ бильше ии быть, тымъ бильше вона буде м'ягка, добрійша, ласкавійша... *(Кывае на Олену пидморгуючы Скубелки).*

Олена *(махав рукою)*. Буде, буде! Ивановычъ и справди подумаютъ, що вы таки... Ни вже: яка задастся, а то скільки зъ нею не дрякайся—ничого не вдіешъ... Що жъ ии, и не ризать? шкребты?

Трохимъ. Не то що шкребти, ии прямо кишкою драгы, колы задастся упряма така.

Олена. Вы все про свое... Я пытаю... рыбу шкребты, чы не треба.

Трохымъ. А, рыбу... а я пакъ кажу про жинку. Живну тилькы пошкребты, а ризаты не можна, бо у Сибирь завдадутъ, а рыбу тилькы порижъ. *(Всмихаются вси)*. Та ты бѣ до рыбы може бѣ намъ по чарци пиднесла?

(Олена подае поризану рыбу, а писля достаетъ зъ мысныка пляшку и чарку и становить на стилъ. Трохымъ тимъ часомъ наломаетъ паляныци).

Олена. Огъ вамъ и чарка. Подкрипитесь зъ дороги...

Трохымъ *(наливаетъ чарку, крестится)*. Ну, будьте здорови! Зъ недилею, зъ заговинамы. Дай намъ Господы, заговить у добримъ здоровьи, пистъ проводить и разговиться дождаты. Дай Боже, щобъ усе було гоже. *(Выпиваетъ до дна, наливаетъ другу и подае Скубелци)*.

Скубелка *(отводитъ рукою чарку)*. Хазяйци слидуесть, супрузи, какъ говорытся...

Трохымъ. Та вона така супруга, що зо мною у паричіен хвуры не возыть.

(Олена тежъ одводитъ чарку, писля чою Трохымъ подае гостеви).

Скубелка *(бере чарку)*. Будёмъ-те здорови! Зъ етымъ днёмъ, што сёгодня. Зъ благопріобретеніямъ васъ, какъ говорытся, штобъ довольни булы... *(выпиваетъ и отдаётъ чарку)*.

Трохымъ *(наливаетъ, не пріймаючи чарки)*. Пий, Иванычъ, пидъ рядъ другу... тоди и закусышь...

Скубелка *(бере чарку)*. Такъ и такъ! Хвундаментъ, какъ говорытся, заложыть сразу *(выпиваетъ и отдаётъ чарку)*.

Трохымъ. А може бѣ вже и третю?..

Скубелка. Та ето, какъ говорытся, Богъ Тройцу любить... *(Трохымъ наливаетъ зновъ чарку, и гость выпиваетъ, мотая головою)*. Его, какъ говорытся, основательно заложений хвундаментъ...

Трохымъ. Ну, теперъ и закусымо.

Олена *(не сядючи)*. Закусуйте, будьте ласкови.

(Трохы зодомъ Олена подае борщъ у мысци. Трохымъ и Скубелка йдять ложками).

Трохымъ. Бачъ, насъ такы дожыдали.

Олена. Мы, кажу-жъ, ще вчора дожыдали.

Трохымъ. А таравя; бачъ, не дуже хороша. Не виспала ще. То, буває, така попадеться що ажъ свититься, наче лентари, а це якась суха. Добирайте, Ивановычъ. Що жъ такъ?

Скубелка. Довольни.

Трохымъ. Забирай мыску и почавай, ще, що тамъ есть...

(Олена прыбирае мыску и ложки и подае накрывану бараньну на тарильци)

Трохымъ. Що жъ, може бъ ще по одній?

Скубелка. Нѣтъ, погадыть немнога: не вразу, какъ говорытся.

(Идять мовчки. Олена прысила о-посторонъ на лавци).

Трохымъ. Ну, отъ теперъ трохи поправылися зъ дороги.

Скубелка. Да, енто, какъ говорытся, упольнѣ.

(Хотять вставать зъ-за столу).

Олена. Ни, ни! Посыдьте, будьте ласкови. Ще жъ въ насъ вареныкы: сёгодня жъ заговини. . Заразъ подамъ. *(Прыбирае и выносыть въ кухню тарилку и кисточки, а видтыль выносыть макитру зъ вареныкамы, струшуе ихъ и становыть на стилъ).* Просю вашей милосты, годуйтеса.

Скубелка. Вареныкы... енто самое, какъ говорытся, малоросейское кушаня.

Трохымъ. Ну, ну, покуштуемо цее малоросейское... по простому—вареныки. До нихъ и выпить не шкодыть. Правда, Ивановычъ?

Скубелка. Звѣсно, не мишае. Домъ, какъ говорытся, на чотыри вугла строится.

Трохымъ. А ты ще, бачъ, щытаешъ, котру выпьемъ. Такъ пый безъ лику: душа миру знае, мовлявъ той *(наливає юрилкы, выпывае самъ и пидносыть юстеву).* *(Идять мовчки, а писля выходять зъ-за столу, хрыстятся и дякують хазяйци).*

Трохымъ и Скубелка. Спасыби за хлибъ-силъ Богу и хазяинову.

Олена. Пробачте, будьте ласкови, на цьому. Мало закусували...

(Прыбирае посуду).

Скубелка. Довольни, какъ говорытся, упольнѣ.

Трохымъ. Сидай, Ивановычъ, побалакаемо.

Олена. Присядьте, щобъ у насъ старосты сидалы: въ насъ дочка дивка.

(Трохымъ и Скубелка сидаютъ за стилъ).

Трохымъ. Ну! Отъ теперъ ще разъ, будь ласковъ, розскажи, яку мени ще бомагу треба и якимъ побытомъ мени оце ще прыходытся платыты гроши, воли я вже вси ии отдавъ? Я щось цѣго не розберу.

Скубелка. Усѣ по закону, на законномъ, какъ говорытся, основаніи. Вотъ енто булы торгы на землю, котра продавалася по зыску тобою--хрестыяннымъ Трохвымъ Середою во вдовы губерскаго секретаря Ялызаветы Максимовны Хруначовой по вехселю трохсотъ рублей. Вотъ на ентыхъ саме торгахъ, какъ говорытся, земля zostалася за тобою у цини трыста восьмъ рублей. Вотъ ты теперъ ето и отдавъ судебному прывставу трыдцать рублей восьмдесятъ копеекъ, какъ говорытся, десять процентовъ...

Трохымъ. Та це то я розибравъ, та отъ чого не втоноаю, яки жъ це ще гроши мени звеляно прывставлять до тїен субботы.

Скубелка. А енто усѣ, какъ говорытся, на законномъ основаніи, потому, што у зыску обявлася не одна твоя, какъ говорытся, претензья, а ще зыскъ зъ неи жъ такы, Хруначыхы, купця Шаповалова сто пятьдесятъ чотыри рубли по лавочнѣму забору. Вотъ и требують, штобъ ты прывставывъ уси трыста восьмъ рублей для, какъ говорытся, распридиленія промежъ вамы--тобою и Шаповаломъ, по сколько на рубъ, какъ говорытся, прыйдется...

Трохымъ. Ого-то й те. Тоди, бачъ, говорылося, що мени прыйдется на торгахъ тилькы по гривенныку зъ рубля выдаты судебному--за яку тамъ цину купытся, а теперъ вси гроши--

триста висимъ рубливъ, будуть ще дилыты, розпрыдильныя робыть. Цього то саме я и не розберу...

Скубелка. Енто усё по закону. Безъ закона, какъ говорытся, не станеть и судебный дилать. Объявылася значыть, какъ говорытся, другая претензья, отъ и треба уси гроши приставлятъ, нитобъ розпрыдильть, по сколькои кожному зъ васъ прийдеться зъ налычныхъ, какъ говорытся, деньогъ.

Трохымъ. Такъ це выходыть, що зъ тихъ грошей, що я приставляю, частына прыпадае и Шаповалови... такъ я зрозумивъ?

Скубелка. Ну, вотъ именно, какъ говорытся, такъ.

Трохымъ. Говорытся то говорытся, а тоди зовсимъ не такъ говорылося. Выходить, що ци триста рубливъ трохи що не-переполовынять...

Скубелка. Ну, вже и переполовынять...

Трохымъ. Та такъ и переполовынять. Я пощитаты потраплю: оце заразы по чотыри конійкы зъ рубля—выйде 12 рубливъ 32 копійкы, та недойимкы, казавъ судебный, 32 рубли 40 копійокъ, та ще судебному за продажъ, та Шаповалови. Скильки жъ тамъ zostanieся? А я жъ йй, Хрупачыси, уси дви тысячи отдавъ. Яки жъ це ще надбавкы?

Скубелка. Енто, Емельяновичъ, ще славу Богу: землю ты купывъ на торгахъ за триста висимъ, а якъ бы хто захотивъ торговатыся, тоди бъ тоби прышлось, какъ говорытся, и до повныхъ двохъ тысячъ йты, гнатыся у цини... Енто што ещо...

Трохымъ (*задумуется*). Гмъ! Воно и справди такъ. Це вже таке...

(*Увиходыть Ивась и подае матери горшечкы та якийсь жмутъ*).

Ивась. Дидусь пыталы про тата, чы прыйихалы... Казалы сами надойдуть.

Олена. А Галька де?

Ивась. Пишла зъ дивчатамы по левадахъ... Спивають... (*Хоче йты*).

Трохымъ. Постій, отъ познимаю хамуты, такъ поведешъ коней туды до Олексія.

И в а с ь. Такъ я заразъ книжочку заховаю; вчителька на-казувала берегты їи, не закаляты (*выходить*).

(*Скубелка и Трохымъ встають зъ-за столу*).

Скубелка. Пойду жъ и я. Минѣ ще нужно у волость зайты... Чы застану кого тамъ? (*Бере свою книжку*). Бувайте здорови!

(*Выходитъ Скубелка, а за нымъ Трохымъ*).

О л е н а (*сама*). Охъ-хо-хо! Вызволь тилькы Господы, Царыце Небесна, у цихъ дилахъ.

(*Вбѣгавъ Ивасъ и подае матери книжку*).

И в а с ь. Натѣ, ховайте... Та тилькы Гальци не давайте, а то вона закаляе лѣтъ-небудъ.

(*Олена бере книжку и ховае їи у стилъ*).

И в а с ь (*пестлячы*). Мамо... йисты...

О л е н а. Оце лыхо: давно обидалы, тай зновъ йисты... Це на васъ не напасешся...

(*Иде въ кухню, видтымъ выноситъ два бублыки*).

О л е н а. На, отъ татко привизъ зъ города...

(*Ивасъ бере бублыки и иде зъ хаты. Олена прыбирае по хатѣ: бере Трохымову черкеску, струшуе їи и вишае на стину*).

(*Писля бере картузъ, оглядае ёю и тежъ вишае на килекъ*).

—

К а р т ы н а Ш.

(*Входитъ Трохымъ и сидае на лавци, задумавшыся*).

О л е н а. Може бѣ ляглы спочыты трохи? Я викна позагуляю...

Трохымъ. Ни. Усе йидно не засну... Тай дидусъ скоро надійде...

О л е н а (*сидаетъ по другу сторону стола*). Дуже вже вы себе турбуєте, у заботу вганяете. Якъ подывлюся, — все дила, та дила...

Трохымъ. Такъ вже приходится. Нихто за насъ не робытме... Тай кому жъ и робыть? Грыцько ще молодой, мои хлопцы и вовси мали...

Олена. Та це що и казати. Абы тильки, Господы, усе гараздъ йшло...

Трохимъ. Це вже таке: усе у Божій волі... *(Достає зъ кишени завернути у хустину гроши)*. На, оце заховай у скриню. Це гроши.

(Олена иде у другу хату и скоро вертається).

Олена. Такъ теперъ вже земля зовсимъ наша?

Трохимъ. Аже чула...

Олена. Чуть то чула, та тильки не все второпала. Не розберу, яки це торгы, колы мы вже зовсимъ зторгувалися за неї...

Трохимъ. Та то зторгувалися зъ Хрупачыхою и гроши їй оддали вси, а бомагу зробить вона не може, бо въ неї са-мої ніякихъ бомагъ нема, такъ отъ и треба було, щобъ землю цинували, наче бь то я зъ неї свои гроши зыскую.. Отъ по-цинували, та й у продажъ. Ото жь саме и торгы. На торгахъ я й купивъ, и теперъ вже выдадутъ мені уси, яки треба, бомагы, щобъ вона, тая земля, вже вичні наша була. Розибрала?

Олена. Та такъ трохи, тильки не зовсимъ... Ну, та це ваше діло: вы сами добре та гараздъ знаете, що робите...

(Вбігає въ хату Івась).

Івась. Дидусь идуть. Мамо, дайте ще бублычка и мені и усимъ... *(Проходить въ кухню)*.

(Входить въ горницю дидъ).

Дидъ. Здрастуйте. Днювали собі у добримъ здоровіи. Зъ неділею, зъ заговинами будьте здорові. Зъ прийдемоць...

Трохимъ *(а після, вийшовши зъ кухні, и Олена)*. Якъ вы собі? Спасыби и вы будьте здорові...

(Дидъ сидає на лавці. Шапки въ ёго нема).

Дидъ. Приплентавсь... Тутъ треба и останні улики за-брати... Ронітся, слава Тобі Господы... Сьогодні прийшлося два третяки накнутъ... Якъ то Господь дасть на роботу, а ройба слава Тобі Господы! Чы не можна тобі, Олено, пидмогты такъ якъ зъ обидивъ: самъ ніякъ не вправляюся. Оце й сьогодні

ажъ у вершину балкы програвъ. Одного не вспивъ прыбратъ, ажъ винъ тутъ и загравъ, другый пійшовъ...

Олена. Такъ що жъ... Зъ обидивъ можна буде на лже время...

Дидъ. (*Обертаючысь до Трохыма*). Ну, твои дила якъ? Зправився зовсимъ?

Трохымъ. Слава Богу! Торгы пройшли благополучно. Теперъ вже земля и по законамъ буде наша.

Дидъ. Ну, якъ слава Богу, такъ и слава Богу...

Трохымъ. Слава Богу, та тильки одна прытычына вийшла.

Дидъ. Яка прытычына?

Трохымъ. Та такъ, що треба ще грошей... Думалося, бачъ, що трохсотъ стане на все, ажъ выходить, що треба ще пивтораста, а то й вси двисти...

(*Дидъ насутився. Помовчавшы трохи*).

Дидъ. Ну, а бомагы жъ выдады?

Трохымъ. Бомагы выдадутъ ажъ у п'ятницю, та тильки треба до п'ятници приставыты двисти симдесять висимъ рубливъ и ще тамъ скильки копійкъ, а въ мене зъ тыхъ грошей, що вы дали, зосталося сто шистьдесять... А не приставлять никакъ неможна. Мисячивъ черезъ два мени вернутъ зъ цихъ приставленыхъ грошей бильше половины, а тильки теперъ не-безпреминно треба приставлять... Самъ членъ казавъ...

Дидъ. (*Посуплячысь ще бильше*). Гм! А може це тильки той крутыгузь, якъ пакъ ёго дражнятъ—Скубка? Чы якъ тамъ?

Трохымъ. Скубелка бъ то? Ни, це не винъ, а це прямо судебный и членъ прыбазувалы... Бачте, якъ воно склалося...

Дидъ. Та що ты мени розказуватымешъ... я усе ййдно ничего не розберу... Ты жъ самъ не малый—знаешъ, що робышь...

(*Увиходять въ хату Грыцько и Гортына и здороваются зъ дидомъ и зъ Трохымомъ. Ти имъ тежъ одповидиють кывками голowy*).

Олена. Що жъ це такъ недовго?

Горпына. Та такъ. Тамъ у ныхъ зайшло дило про леваду, такъ пійшли дилыты.

Дидъ. Це выходыть, що воны уладналыся зо своимы про леваду...

Горпына. Уладналыся. На завтра збираются косыть...

Дидъ. Ну, и слава Богу! Оце и воны зъ травкою будутъ це лито.

Горпына проходить въ кухню и видтиль трохи згодомъ выходыть переодягнута у простійшу одезу, тилькы платкомъ безъ очипка покрытою головою. Грыцько тежъ розперизується и сидає опосторонь на лавци).

Дидъ (до Трохыма). Ну, такъ кажешъ, що неизбежнине треба прыставлять гроши?

Трохымъ. А же сами бачыте, що неизбежнине.. Дороженько обійдеться намъ цяя земля: почытай такъ, що вси пять сотенныхъ на дви тысячи стане...

Дидъ. Земли дорогои за для насъ, хлиборобивъ, нема: яка бъ цина не була за землю—все не дорого. Якъ рыбы безъ воды, такъ селяныпови безъ земли. Выкынь рыбыну зъ воды—вразъ обмертвие. Такъ и намъ мужыкамъ: есть въ тебе земелька, есть до чого рукъ прыложыты, попрацюваты на чимъ—и жытымешъ; нема въ тебе земли, нема хозяйства,—нема и жыття. Хоть вмирай, або иды у наймы... Воно однаково... (*Помовчавшы трохи*). Колы жъ саме треба йихаты у городъ, гроши прыставляты?

Трохымъ. Та мабуть, въ середу на ничъ и выйиздыть...

Дидъ. Надійдешъ до мене, тамъ обраемося. (*Помовчавшы*). Ну, а теперъ пійду поодбираю вулики, а вы вже язь-небудь завтра вранци перевезыть ихъ до мене на пасику. Одберу тай пійду, а то тамъ и нема никого. Йдучы сюды, Олексієви звеливъ пидогнатыся зо скотыною поблызче и назыраты...

Олена. Та вы бъ, дидусю, zostалыся заговлять въ насъ...

Дидусъ. Ни, заговляйте у добримъ здоровьи сами, а я пійду соби...

(*Иде зъ хаты, а за нымъ и Трохымъ*).

Олена (до Горпыны). Галькы не бачыла?

Горпына. Ни, йшлы по вулицы... Чуть—спивають геть тамъ у вербахъ.

Олена. Пора бѣ вже и наспиваться... Отъ вже скоро до череды йты.

Горпына. Нехай спивае, покы спивається... На те жѣ вона и дивка... Проты череды и я пійду, якъ що другого дила не загадаєте.

Олена. Ну, такъ, спасыби тобі, пійды, а я пійду зилля нарву та кабанцєви наготовлю...

(Выходитъ зъ хаты).

Горпына (хоче и соби йты. Їи перепыняе Грыцько). Ну, ну, геть... А то отъ гляды вернется... (Одводять ёго руки).

Грыцько. Хто тамъ вернется. (Хоче обнять Горпыну).

Горпына (прыжидливо). Геть, кажу... Чого пристаешъ? Бачъ ёго! Наче маленький, балується... Кажу, одстанъ (вырывается зъ рукъ и выбивае въ двери). Грыцько zostается самъ у хати. Скризь одперти двери; чуты далеко, а писля все ближе и ближе спивы.

„Ой узялы парня у салдаты
Та никому парня выручаты.
Десть узялася дивка Марья,—
Выручыла того парня;
Та не-якъ вона выручала—
Ажъ у городъ провожала
До прыёму поспипала,
До нигъ панамъ прыпадала:
„Паны жѣ, паны одноралы!
Зачимъ парня въ службу взяти?
Ой ще жѣ парень не жонатый
Не годытся у салдаты.

Грыцько (зитахнувши). Охъ. Не жонатому ще такъ саявъ...
А якъ то мени?!

Картина IV.

*Через чотири роки. За столомъ сыдять Трохымъ и Ивасъ.
Трохымъ проказує, Ивасъ пыше.*

Трохымъ. За тяшковку... Пять днівъ по пятнадцать копійекъ двадцать душамъ... Написавъ?

Ивасъ (*дописавши*). Написавъ.

Трохымъ. Скильки выходить?

(Ивасъ считає на особливій божажци).

Ивасъ. Восемъ рублей шестьдесятъ пять...

Трохымъ (*подумавши*). Ни. Щось не такъ. Пять пятацтынныхъ,—це три четвертакы; десять разъ по три четвертакы,—це тридцать четвертакивъ, це симъ зъ половиною, та ще разъ симъ зъ половиною, выходить пятнадцать рубливъ.

Ивасъ. Такъ, такъ. Це я отъ тутъ помылвся.

Трохымъ. А ты не помылайся. Запышы у щотъ. Записавъ? Ну, теперь ще шить днівъ по двугрывенному чотырнадцать душъ... Щытай.

Ивасъ (*выличує на особливій божажци*). Шестнадцать рублей восемьдесятъ копійекъ.

Трохымъ. Такъ. Запышы. Теперь подщытай все, скильки выйде?

*(Ивасъ выличує. Видно, помыляется, щось затырає, зновъ пыше.
Наморує лоба, чешется у потылицы).*

Ивасъ. Выходить, всёго висимдесять шить рубливъ двадцать три копійкы...

Трохымъ. Щось мало. Новынно буты больше: за саму молодьбу оддано тридцать висимъ рубливъ, а ще жъ и провійка, возовыця... Ни, це щось не такъ. А ну, прочытай, якъ ты написавъ.

Ивасъ (*чытає*). Щотъ по посиву подсолнуха...

Трохымъ. Не подсолнуха, а сояшыныкывъ... Ну, та це таке... Чытай далы...

И в а с ь. ...подсолнуха у кумпаніи зъ Иваномъ Петровычемъ Корыстою, семена и за пидсадку два разы...

Т р о х ы м ь. Стой. Треба було почынать зъ земли. Якъ землю циныты, що вона стоить, а ты напысавъ семена и пидсадку...

И в а с ь. Я такъ напысавъ, якъ вы казали.

Т р о х ы м ь. Якъ я казавъ? Ты бѣ попорядку все, по ряду...

И в а с ь. Та я по ряду, якъ вы казали й пысавъ...

(Увходять у юрныцъ Олена, а за нею Горпына одягнена такъ, якъ зодягаются мамы у паннівъ: на голови шовковый платочокъ, сараханъ, обложенный позументомъ, бѣлый хвартухъ зъ довгымы киниямы зъ-заду. На шии бусы и стеклярусове намысто, рукава сорочки пылны, мережани).

Горпына. Здрастуйтѣ! Зъ воскреснымъ днѣмъ васъ. Вотъ и я прыйшла. Зачимъ такимъ звали?

Т р о х ы м ь. Здорова будь. Пысьмо прыславъ Грыцько, такъ и й переказувавъ, щобъ надійшла..

Горпына. За его спасибо, што переказали. Вотъ я и одпросилася. Только не надовго. Минѣ никакъ не можно довго здѣсь пробувать. Барыня строго-на-строго приказувала:—„Ты жъ смотри, Аграфенушка, не барысь, а то сама знаешь—минѣ въ гости надобно ѣхать.

Т р о х ы м ь. Та це такє; сказано, нанявсь—продавсь... *(до Ивася)* Зложы ци бомагы, та прочытаешъ пысьмо...

(Входить Галька. Вона вже замужемъ и одягнена по жиноцкы: у очипку).

Галька. Здрастуйте. Зъ нидилею будьте здорови *(повертаючысь до Горпыны)*. Дядына!.. Здрастуй *(цилується зъ нею)*.

Горпына. Здрастуй, Галько. Та какая жъ ты хорошая... Дай я налюбуюся.

Т р о х ы м ь *(достає зъ-за образивъ лыста)*. На, ось прочтай. *(Подаетъ Ивасеву)*.

Галька. Це жъ саме пысьмо одъ дядька Грыцька?

(Уси сидають, де хто попавъ, и слухають. Ивась чытає):

„Пущено это письмо отъ рядоваго 3-й роты Лейбъ-егерскаго полка Григорія Емельяновича Середина 16 августа 18... года. Любезному братцу моему Трофиму Емельяновичу посылаю заочно мое почтеніе и съ любовію низкій поклонъ и желаю вамъ, братецъ Трофимъ Емельяновичъ, отъ Бога всякаго здравія и въ дѣлахъ вашихъ успѣха. И супругъ вашей, моей невѣстушкѣ Еленѣ Петровнѣ, низжайшее почтеніе и съ любовію низкій поклонъ. И племянникамъ моимъ любезнымъ, Алексѣю Трофимовичу, посылаю поклонъ и всѣмъ дѣткамъ вашимъ поклону, и сестрицѣ моей Маріи Емельяновнѣ и съ супругомъ вашимъ успѣха и благополучія. И тетускѣ Степанидѣ Андреевнѣ съ супругомъ вашимъ и съ дѣтками почтеніе и низкій поклонъ. И любезной племянницѣ моей, Аннѣ Трофимовнѣ съ супругомъ вашимъ, что не знаю, какъ звать его, заочно кланяюсь и посылаю мое почтеніе и желаю вамъ всего, чего вы себѣ у Бога просите. И еще кланяюсь супругъ моей Аграфенѣ Прокофьевнѣ и заочно цѣлую несчетно разъ. И что про дѣдушку прописано, что онъ умерши, то царство ему небесное, вѣчный покой. И прошу я васъ, мои родные, какъ я на чужой сторонѣ на царской службѣ, меня пожалѣть по мѣрѣ силъ вашихъ и не оставить меня своимъ впечатлѣніемъ. И если будете писать, то пишите адресъ въ городъ Санктъ-Петербургъ въ 3-ю роту Лейбъ-Егерскаго полка. Извѣстный вамъ рядовой 3-й роты Григорій Середина. И еще прописую своею рукою супругъ моей Аграфенѣ Прокофьевнѣ, наказываю жить у насъ у семействъ и въ согласіи съ моими родными и во всемъ слушаться любезнаго моего старшаго братца, што онъ мнѣ все равно, какъ отецъ, Трофима Емельяновича, и что ежели Богъ дастъ, то къ осени можетъ отпустить домой“.

(Ивась читаетъ листа зупыняючысь и де-комы довою розбирае. Грохымъ насупывся. Гортына и Галка плачуть, Олена сыдыть, пидпершы рукою шоку. По прочоти вси мовчать. Де-хто зитхае).

Трохымъ. Такъ чула есы, неvistко? Пыше, щобъ ты дома жыла.

Горпына (*чмыхаючы носомъ и обтираючыся хустыною*). Та тогда жъ и буду жыть, какъ прыйдѣтъ дамой, а теперъ какъ же я отойду, когда минѣ срокъ не выйшовъ.

Трохымъ. Сама дывысь, тоби краще выдно... (*Помовчаюшы трохи*) Будемо одписувать—такъ такъ и одпышы, щобъ и винъ знавъ...

Горпына. Я сама и одпышу. Минѣ тамъ на станціи и напышуть пысьмо.

Трохымъ. Якъ знаешъ,—дило твое.

(*Входить Скубелка*).

Скубелка. Здравствуйте. Какъ соби поживаете? А и ты, Прокофьевна, тутъ?

Горпына. Да вотъ прийшла у гости провѣдать своихъ. Пысьмо одъ мужа прийшло.

Скубелка. Одъ солдата? Што жъ онъ пышетъ? Жывъ-здоровъ? Домой должно збирается?..

Трохымъ. Звычайно, поклоны всимъ пыше... Сидай въ насъ, Ивановычъ, гостемъ будешъ. Я такы, признаться, самъ хотивъ до тебе дойти.

(*Вси жинкы и Ивась одно по одному выходятъ зъ хаты*).

Скубелка. Што, зъ Корыстою не зладнается?

Трохымъ. Та то-то жъ те, що не зладнаємося: недоточка выходить.

Скубелка. Усё на счотъ сосяшныковъ?.. Енто ужъ такое дѣло, какъ говорытся...

Трохымъ. Та бачъ що: винъ ото продавъ на станціи сосяшныкы, тай не хоче теперъ зо мною посчитаться. Все одвилье: то, каже, николы, то забувъ щоты узять съ собою...

Скубелка. Ну, енто ево дѣло, какъ говорытся, не прыйдѣтся. Вонъ должень пощытаться, а то можно и до земскаго, а то й на Окружный, какъ говорытся.

Трохымъ. Оце пйду до нѣго останній разъ, попробую добрымъ ладомъ, а не зхоче, такъ вже не що, якъ прыйдется судыться.

Скубелка. Енто такое дѣло, какъ говорятся. Ничого на ёго й смотреть. Енто я усѣ могу оборудовать, какъ говорятся.

Трохымъ. Та вже воно на те йде.

Скубелка. Розкажи, какъ говорятся, минѣ усѣ по порядку.

Трохымъ. Тутъ не багато розказувать. Ты жъ и самъ гараздъ знаешъ. Ото мы посіялы зъ нымъ у кумпаніи сояшныкы: моя земля и доглядъ, а ёго гроши. А барышъ пополамъ. Земелька въ мене була зъорана ще въ осени симнадцать десятинь... Сояшныкы сѣго лита, Господеви благодареніе, самъ знаешъ, яки вродылись. Господь давъ, за годыны брали мы ихъ. А тутъ самъ знаешъ, и цина нидскочыла... Ще на корню закупавъ Петровъ по рублю двадцать... На вакзали дали по рублю съ четвертакомъ, винъ и продавъ. Наврузывъ два вагоны, забравъ гроши, тай крутыть оце теперъ. А ёго грошей тамъ не багато: грошыма выдавъ винъ мени тилькы сто шістьдесять тры рубли, та ще ото семена ёго. А моя жъ земля, оранка... Тай такъ цiele литечко побиля ныхъ все хлопотава... Ёго ще пакъ за доставку, винъ платывъ, сорокъ пять, чы що, рубливъ выйшло... А грошей винъ получывъ безъ пятидесяты дви тысячи...

Скубелка. Да енто, какъ говорятся, сума...

Трохымъ. Ото-то й те-жъ, що сума. А винъ грошыкы забравъ, тай вылае теперъ.

(Мовчать де-який часъ обыдва).

Трохымъ. Що жъ тамъ у волости? Якъ надумалыся: оддадутъ пошту зновъ Бережному? Чы може й кому иншому можна бъ попробоваты?

Скубелка. Енто усѣ, какъ говорятся, въ рукахъ Парфентёвча... Общество не жалае ёго. Тай становий казавъ, що земского пидобье. Усѣ за несправность. Тогда, знаешъ: тутъ горыть, тутъ начальство саме, а вонъ какъ разъ сиравылся: ни воды, ни лошадей, какъ говорятся, чортъ маеть. Воно полагается, какъ говорятся, восимъ лошадей, а въ ёго усѣго пять. Зборщыкы на тройци вѣхалы въ городъ, а въ ёго зосталось тилькы

нара. Старшына тогда какъ сканпузывается, какъ говорятъся, передъ начальствомъ у ентотъ разъ...

Трохымъ. То вже таке дило: колы пидрядывся, такъ поставай... (*помовчавшы трохи*). А що якъ бы соби попробувать узяти пошту?..

Скубелка. Енто такое дѣло... Та только де жъ въ тебѣ ента справа—лошады, збруя?

Трохымъ. Та це таке дило: абы оддалы, а то вразъ справытсья можна. Тилькы до ярмарку: воливъ продамъ, а накуплю коней й усе що треба.

Скубелка. Якъ ето воливъ продасы? А землю оратъ чымъ же будешъ?

Трохымъ. Чымъ оратъ? Киньмы приспособимось оратъ... Волю намъ теперъ, почытай, мало пидхожи: то було хотъ и не чумакуешъ, и все такы хвюра разъ-у-разъ, а це якъ провели чавунку—шабашъ. Литомъ оремо, а всю зиму тилькы пашу травмо, тай годи, а зыску нема тобі ніякого. Теперъ нашому брату, воловыку риченець прыйшовъ: не що якъ збувать воливъ, та заводитъ копей. А-же ото нимци орутъ плужками киньмы... Та ще й якъ...

Скубелка. Енто вѣрно.

Трохымъ. Ото-то те, що вирно. Теперъ, якъ оце общество дае на коня по висимдесять пять рубливъ Бережному та шей на пужарне по мирци збирае, такъ я бѣ ладенъ узяти по висимдесять. Право!

Скубелка. Такъ што жъ. До Парфѣнтьевича якъ да небудь подойды, какъ говорятъся.

Трохымъ. Я отъ що думаю: отъ пійдемо у волость, а тамъ, якъ що таке дило, можна буде де-кого й до Кучерки позвать; тамъ чаю и, мовлявъ той, и до чаю де-чого... а ты натякны Парфѣнтьѣвичу, що я не постою за чимъ тамъ, якъ що дило чого сахнется...

Скубелка. Одно слово, какъ говорятъся, за благодарностію... Енто ужъ, какъ поводится...

Трохымъ. Ну, такъ давай йти (*выходятъ*).

К а р т ы н а V.

Виходять Олена, Галька, Горпына

О л е н а. Сидайте жъ, а я чого-небудь зберу вамъ поплуднувать. Не люблю я цѣго Скубелки... *(проходитъ у кухню).*

(Зостається Горпына зъ Галькою, балакають въ-пивгюлоса).

Г о р п ы н а. Такъ такъ-то мени, моя хорошая племянница, приходьтсѣ: какъ ето кажутъ, и сюды горяче и туды боляче. И своего боишся, и вонъ пристаётъ. Вотъ ето щыблетъ выдыштъ? заплачени зъ жалованья, а вонъ говорыть—„я тоби гроши верну“...

Г а л ь к а. Це беда!

Г о р п ы н а. А то жъ и не беда... Сказано, салдатка... Ужо я попробовала и такъ, и иначе... ничого не помогаетъ. Пристаётъ тай годи. Ты, говорыть, Груша, минѣ дуже поправылася...

Г а л ь к а. Яка груша?

Г о р п ы н а. Та ето вонъ минѣ такъ называется... Ето по господскы усѣ равно, що понашому Горпына... Поноравылыся... Вотъ и пойдь ты зъ нымъ...

(Увходытъ Олена, расправляе скатертъ и становытъ щось йистовне на стилъ и зновъ выходытъ)

Г о р п ы н а. Когда, говорыть, твой салдатъ зо службы прыйдѣтъ, я, говорыть, и тоди не розстануся изъ тобою: я, говорыть, ёму мѣсто дамъ пры станціи...

(Пры цихъ словахъ виходытъ Олена).

О л е н а. Кому це мисто?

Г о р п ы н а. Да ето усѣ баринъ обѣщаеъ мѣсто Грыгорыю, якъ що повернется домой...

О л е н а. Яке це ще „мѣсто“! а дома жъ хто робытыме? У ёго й своего дила стане робыть, абы здоровья!.. „Мѣсто“... тутъ хоть бы зо своимъ хазяйствомъ справытсѣ...

Горпына. Та енто вирно, абы тилькы була охота робыть, а дила багато. Какъ вотъ толькы вонъ пожалаеть... Бываеть, одъ мужыцького дила одвыкъ...

Олена. Одвыкъ... Привыкне. Теперьъ вси служатъ, а вернутъся—зновъ за свое.

Гальяка. Якъ який. Отъ, пам'ятаете, може, Назаренка Панька? Оце прошлу осинь приходивъ.. Такъ куды.. Я, каже, зостануся на повторительну службу, у слободи не стану жыть. Мени, каже, куды завгодно можна повернутися... Тамъ такой... Зумысне бигалы на ёго подывыться. Якъ ото печеный ракъ, червоный, чоботы вылискуются, шабля пры боци... Куды!!.. Стане вниъ теперьъ у мужыцьке дило... Мени, каже, теперьъ подавай чаю, кацыроськы курыть... Зи мене, каже, теперьъ купцивну оддадутъ...

Олена. Хоть купцивну, а той й кувивну... У Назаренкивъ чы йе ще до чого приставаты, побиля чого робыты, а въ насъ, слава Тоби Господы, абы було кому...

Горпына. Та енто, какъ ищо пожалаетъся якому...

Олена. Такъ и „пожалаетъся“. Вонь, ци салдаты, куды яки широки, якъ ото котрый зо службы повернется, а пожыве дома, такой же стане, який и бувъ до службы.

Горпына. Енто вѣрно... Толькы какъ какой... Иншой попрывыкнеть тамъ до другой жысти и не пойдѣтъ у мужыцтво... Патаму, што вонъ и одъ стравы прости одвыкъ и усѣ такое..., станеть совсѣмъ иншой поведенціи. Отъ хоть бы сказать мое дило: утромъ тоби чай, обидъ сытой, бѣлой хлѣбъ. Што и гаварыть... дома ентаго нѣту...

Олена (*насмилливо и трохи зъ сериемъ*). „Ентаго“, правда въ насъ нема, а вы кушайте, що Богъ давъ... Мало чого! Правду кажучы, якъ бы вамъ, салдаткамъ, „ентаго“ не забажувалося, такъ и салдаты бѣ швидче прывыкалы до хазайства. Якъ бы тебе не скортило найматься у наймы, то може бѣ и дытынча було живе... Шо зъ тыхъ шостыдесяты рубливъ, що тоби платять, чы платылы тоди? Вонь цимъ грошыма прывабылы тебе

такъ ты й приросла до нихъ, що вже й не мамка, а живень, и штокаешъ, и „ентаго“... зовсімъ перевернулася.

Горпына (*насупляється и перестає йисты*). Што жъ вы, сестрыци, мене поприкаете? Вы цѣго не пробовали, не зоставалыся салдаткою и не можете правильно судить. Хоть вотъ про себе скажу: зосталася я сама, ни одъ кого ни тоби привиту, ни одвиту и, разъ никому пожалить, а замышлять тобою усякъ ставъ. Што жъ мени и зоставаться подъ началомъ на всякъ часъ? (*плаче*).

Галька. Буде вамъ! Зачимъ, мамо, вы іи поприкаете? Такъ уже, видно, ій судылося, доля іи така. Не плачъ, дядино, не плачъ, Горпыно! буде, риднесенька...

Олена. Та Господь зъ тобою. Хиба жъ я зъ докоромъ? Буде сестро! (*доторкается рукою до іи плеча*).

Горпына (*пиднимается одъ столу, до котрого було прынала плачущи; чмыкає носомъ и обтирає слѣзы*). Вотъ такъ увсигда. Чымъ же я вынувата, що мени така доля судылася.... Якъ бы ёго не взяли у салдаты, може-бъ и я не була така....

Олена. Ну, буде! Що тамъ говорить... Богъ дастъ, одслужытся, повернется, и все по старому... Отъ, закусуйте. А то постойте, я вамъ пиднесу по одній,—тутъ въ мене ще зосталося....

(*Иде до мысыка, достаетъ пляшку и чарку, наливаетъ и подаетъ Горпыни, и та ооводытъ руку и каже*)

Горпына. У вашихъ, сестрыце, рукахъ и у вашимъ здоровьи...

Олена. Ну, такъ будьте здорови! Нехай легенько згадається нашому салдатови, де винъ тамъ повертається... Зъ недилею будьте здорови.

(*Надтываетъ трохи и, долывши, пидноситъ Горпыни*).

Горпына (*бере чарку*). Будьте здорови. Нехай згадається всимъ, хто не дома. Будьте здорови!

(*Выливаетъ повну и выплескує останокъ вверхъ. Олена бере одъ неи чарку, наливаетъ и пидноситъ Гальци. Та обмаиается и тилькы*

прыпрохана надпывае трошкы і oddae чарку, поморшылася і мотае головою).

Галька. Богъ зъ нею, яка гирка... Яеъ іі тількы пьютъ?

Олена. Закусойте жъ (*сидзе край стола. Горпына і Галька полуднаютъ. Трохы знодомъ Олена бере зновъ пляшку і зновъ пидносяць молодыцямъ, пры чому Галька воеі не схотіла пьць, а Горпына выпыла зновъ повну чарку*)

Горпына (*захмеліла*). Вотъ теперъ барыня замѣтыть, буде мени сичасъ выговоръ...

Олена. А що жъ тамъ вона, тая [барыня, запымитыть? Поки дойдешъ, воно і все выйдець зъ головы. А то скажешъ, що въ своихъ була... Почастувалы,—що-жъ таке?

(*Молодыцы встають зъ-за столу, хрестяцца і дякуюць і зновъ сидають край стола. Олена прыбірае зо столу. Горпына, обнираецца ликтемъ на стілъ, кладе на долоню шокі і починая спиваты*)

„Горе мени, горе! Несчастыва доле:

„Утопыла головоньку въ безоднее море...

(*Галька пидтягуе, а дали спивають у-двохъ*).

„Ой вже жъ мой головоньци не выпурынаты...

„Видно, мене породыла безъ талану маты...

(*Горпына важко зитхае*).

„Безъ талану мене породыла маты,

„Та й завдала въ чужи края—мушу погыбаты...

„Шырокий шляхъ—дориженька геть-геть простяглася,

„Та вже жъ мене дружиновька та й одцуралася...

(*Горпына прыпадае до столу і плаче... Олена і Галька іі вмовляють*),

Олена. Отъ сама себе розстроюешъ. Буде, Господъ зъ тобою!...

Галька. Буде, дядыно. Буде, риднесенька!...

(*Обнимае іі, прыпадае до неі. Горпына мало-по-малу заспокоюецца, обтырае хустыною очи, перестает плакаты*).

Горпына. Такъ важко на души! Иноди якъ надумаюся, такъ и сама не знаю, щобъ собі заподіяла: и безъ ёго горе, а прийде винъ,—ще страшнійше...

Олена. Ну, Господь зъ тобою. Чого жъ тобі ще страшнійше стане, якъ винъ вернется? Дай тилькы Господы, щобъ живой-здоровый одслужився.

Горпына. Винъ то здоровъ буде, та якъ то други?

Олена. Це ты щось такє кажешъ, що я не розберу га-раздъ...

Горпына. Розберете, колы прийдеться... Охъ „утопыла головоньку у безоднее море...“ (зновъ *припада до столу и плаче*).

Олена и Галька (разомъ). Буде, буде! Шо це ты, Богъ зъ тобою, сама себе розстроюешъ...

Горпына (*зразу зривається одъ столу, встает, обтирает очи*). Нѣтъ, пойду: минѣ тамъ дожыдають... Барыня приказувала, штобъ я не барылася: имъ сѣгодня въ гости ййхатъ. Пойду. Будьте здорови!..

Олена и Галька. Ну, прощай. Заходь же до насъ. Не пурайсь (*проводятъ ии и скоро вертаются въ хату*).

Олена. Охъ, це щось чудне...

Галька. А може ото выпыла, згадала и заплакала... Кому не доведысь...

Олена. Та воно звисно. Та тилькы щось не на те вона натякае... Воны, ціи салдаткы... Колы-бъ, буває, грихъ який не зкойвся... Я чула, якъ вона про те, що хтось тамъ прыстае до неи, розказувала, про штыблеты... Охъ-хо-хо!..

Галька (*зхыляе голову и наче одбиваючысь одъ мовы про це*). Це жъ и мени вже пора йты. Ййду прямо проты череды...

Олена. Правда...

Галька. Прийдеться забигты, переодягтысь (*встает*). Прощайте. Якъ зберетеся однисувати дядькови, такъ звистить мени...

Олена. Ну, ну. Тоди перекажемо. (*Бере зъ полицы палаяныцю и подае*). Визьмы, а то скажуть: въ матери була и го-

стыньця не дады; та ще огъ не забудь оце, що на рукава я тоби одложила.

*(Галька завиртуе усе вмисти и иде зъ хаты. Олена прово-
дыть и).*

—

К а р т ы н а VI.

*Черезъ пивъ-року. Та жъ сама хата. За столомъ сидятъ Тро-
хымъ и Скубелка.*

Скубелка. Тильки такимъ побытомъ и можна усё встро-
итъ, штобъ не дилыть землю.

Трохымъ. Це бъ то такъ, шобъ усё було на жинку не-
реведено?

Скубелка. Да. Такъ выйдѣть, што будыто вона усё купыла
на торгахъ, какъ вотъ тоди ты купывъ.

Трохымъ. Ну, а скільки жъ це стане?

Скубелка. Та енто, какъ говорится, пусякы: вотъ енто
сичасъ вехсельная бомага (*роздывляється у книжци*) на пятьсотъ
рублевъ стане симдесять копѣекъ, послѣ енто пошлынны пять
рублей двадцать копѣекъ, исполнительный лыстъ трыдцать ко-
пѣекъ, ну мени за хлопоты, якъ говорится, четвертной, ну пуцай,
полусотку...

Трохымъ. А то хоть и меньше.

Скубелка. Та енто такъ, какъ говорится, за для щоту.
Ну, проговны судебному приставу, за опись, публикацію, торгы,
ну тамъ лиша втрата, какъ говорится, ну, пуцай, у весь сотен-
ный билетъ стане...

Трохымъ. Сотенный? Це багато.

Скубелка. За то ужъ будешъ, какъ говорится, спокой-
нымъ. Нихто не можетъ касаться, какъ говорится, до земли,
нихто не одниметь,—только й того, што вона то була твоя, а
то стане крестьянки Елены Петровны Середыной, а на самому
дили вона все жъ въ тебе у твоимъ расноряженіи, какъ гово-
рится...

Трохымъ. Та це звисно: усе йдно... Ну, а той вехсель, що то я тоди подпысавъ Корысти, щобъ грошей за дзя розсчоту зо мною узать у дзбанку, якъ винъ, матыметь сылу?

Скубелка. Такъ што жъ, што матыметь... До земли вонъ прыступыть не можетъ, бо вона вже будеть не твоя; жона, какъ говорытся, за долги мужа не отвичыця, а до остального,—какъ завгодно: воно не твое только, а сумѣстное, какъ говорытся, зъ братомъ...

Трохымъ (*задумется*). Такъ-то воно такъ, та колы-бъ якои халепы не було... Теперъ же й вона... вона жъ неграмотна. Якъ їй вехсель выдавать?

Скубелка. О, енто я усѣ, какъ говорытся, оборудую, какъ слидуеть. Сичасъ до нотаруса, довиренность вона мени выдать, а ты їй вехсель. Не їй тоби выдавать вехсель, а ты їй выдасы, што наче-бъ то, какъ говорытся, ты у неи депѣгъ позычавъ. Енто усьо пустякы, толькы до города, а тамъ, я какъ говорытся, усѣ здилаю...

Трохымъ (*подумавшы трохи*). Ну! Що-жъ! Такъ и такъ, орудуй... Багато жъ на первый случай грошей треба буде?

Скубелка. Та вотъ, якъ у городъ пойдимо, такъ тамъ, какъ говорытся, усѣ видно будеть. Когда думаешъ зйиздыть у городъ?

Трохымъ. Та це таке дило, що отъ у недилю пойихаты.

Скубелка. Ну, што-жъ. У недилю, такъ и у недилю. Ну, поднось ще, какъ говорытся, по одній та й я пййду по своимъ диламъ.

(Выпываютъ по чарамъ и Скубелка выходитъ зъ хаты. Трохымъ zostается самъ задуманный. Трохи згодомъ входить Олена и за нею двое малыхъ дитей.)

Олена. Не приставайте. Якъ, вже проголодалися? а якъ за обидомъ, такъ не йдять. Пробігаются и заразъ „мамо, йисты“ И колы вже я васъ нагодую?

(Проходитъ у кухню, видкля незабаромъ выходятъ диты зо шматками хмба и йдутъ зъ хаты.)

Олена (*выходить и соби зъ кухни*). Проводылы гостя?

Трохымъ. Винъ и самъ пійшовъ. Сидай, побалакаемо.

Олена. Заразъ, тилькы накажу, щобъ не заходылы далеко (*на одну мить выходила зъ хаты и, вернувшись, сида къ столу*).
Отъ и сила. Що будете казать?

Трохымъ (*помовчавши*). Та тутъ таке дило, прийдеться намъ зъ тобою у городъ йихаты... Бачъ що: оце отъ-отъ и зо службы повернется...

Олена. Хто? Грыцько?

Трохымъ. А-же никто инший... Захоче дилыться.

Олена. То вже таке. Оце Горпына заходыла, такъ каже, що якъ прыйде, такъ заразъ на мисто поступыть--хтось тамъ зъ начальныкивъ ий обицявъ. Вже не инакше, якъ зхоче дилыться. А якъ подумаешъ: чимъ тутъ и дилыться? Ёго якъ одирвы шматокъ, такъ ничего й не зостанется. Це такы покы все у-мисти, такъ такъ наче й завидно де-кому; а якъ подилыты...

Трохымъ. Ото-то жъ и те... Шо тутъ дилыты? Усе жъ це не кымъ иншимъ, якъ мною прыдбане. Випъ ще й на ноги не зопъявся, якъ мени прыйшлося и батька, и матирь поховаты... Ёго жъ возростывъ, якъ то кажуть, до ума довивъ, писля оженьывъ, у службу проводывъ... Усе жъ то справка, усе жъ то втрата. Дида зновъ поховавъ, одпомынавъ... Покы винъ тамъ служыть, хто жъ тутъ все содержуе? Я и мои диты... Вона, бачъ, заразъ якъ тилькы ёго проводылы, выльнула на легки хлиба... А теперъ прыйде, скаже: давай всёго половыну...

Олена. Якъ це половыну? А-же въ насъ сыны... На души дилыты, а не половыну...

Трохымъ. Ото-то жъ и те, що не подушамъ, а половыну... Тутъ вже мы зъ Ивановычемъ миркували; винъ у законы дывывся, вычитувавъ. Тамъ ще чы визьметса за хазяйство чы ни—воны бачъ яки ото бувають, якъ повернутса зо службы,—а половыну оддай, скаже...

Олена. Мало чого не скаже, та воно не по ёго буде. Тутъ усяке розбере, що и якъ... Половыну... Яка тутъ половына, колы въ насъ ажъ тры хлопци. Зъ чымъ мы зостанемося?

Трохымъ. Я це й самъ все розбираю, тилькы такъ виходить по законамъ...

Олена. Господы! И яки то вже таки законы той вашъ Скубка, якъ було ёго звать покойный дидусь, познаходивъ? Винъ и законъ розбере усе по порядку...

Трохымъ. Та вже тутъ уси порядкы розибрали... Ничого не виходить. Якъ ще до суда дойде, прысудять половыну. Ну, нехай бы половыну батькивщыны... Це бъ ще ничого... Зъ батькивщиною ще бъ уладнатися можна: ото дидову хатыну перестроиты—вербы жъ въ насъ есть на лезади—викнамы у проулокъ, города бъ выдильты, худобы частыну... Це бъ то байдуже. А отъ витрякъ, та земля?? Отъ чого бъ не хотилося дильты. Миркували мы тутъ: за витрякъ ще можна заплатыты, а вже землю... Ёго якъ подильты, такъ мало чого й зостанеться... Грешмы оддать? Такъ и грошей стилькы де ёго набрать? Хиба такъ що на выплатку...

Олена. Уже не що, якъ на выплатку.

Трохымъ. На выплатку, то на выплатку, та якъ за половыну земли выплачуваты, такъ де ёго и на выплатку грошей браты?

Олена. Якъ це на половыну? Землю подильты треба по душамъ и тоди вже яка тамъ частына прыпада ёму, то и ту на выплатку...

Трохымъ. Ты все свое. Кажу жъ тоби, що землю пры дилѣжци дильтымуть не по душамъ, а на половыну. Якъ ото худобу пополамъ, такъ и землю.

Олена. А на нашихъ хлопцивъ? Це виходить, що на васъ и на трохъ хлопцивъ половына и на ёго половына?

Трохымъ. Та такъ и виходить (*помовчавшы*). А тутъ треба такъ зробить, щобъ земля вся зосталася намъ...

Олена. Якъ це уси намъ? А ёму жъ ёго частыну? Ёму жъ такы слидуе?

Трохымъ. Слидуе то слидуе, та треба такъ зробить, щобъ земля була ни ёго, ни наша, а твоя, щобъ чи не дильты. А вона ёму й не потрібна: служытиметь де, ото й ёго.

Олена. Якъ це, щобъ була моя? Я цѣго не второпаю...

Трохымъ. Не второпаешъ, и не треба. Отъ пойдємо у городъ и тамъ усе такъ зробимо, якъ треба, щобъ земля у дилѣжку не пійшла.

Олена (*подумавши*). Робить, Омеляновичъ, якъ знаєте, вамъ виднѣйше.

Трохымъ. Ходимъ-те кожде до свого дѣла покы що.

Картина VII.

(Черезъ три мѣсяци. Та-жъ сама хата. За столомъ сидятъ на покути Грыцько у мундыри, щільно підстрижений; зъ-підъ ростебнутаго мундыра видно салдатський галстукъ. Побіля его Трохымъ, Олексій, Івась, зъ дытыною Галика, двѣ жінки родички. Олена стоить передъ столомъ и вющає Грыцька. Винъ закусье и часъ одъ часу перестає йисты, одповидаючи на питання).

Трохымъ. Ну, отъ и слава Богу, одслужылся и до дому прыйшовъ живой-здоровый (*помовчавши*). Колы жъ саме ты вырубывъ?

Грыцько. Изъ лагерей мы прыйшли восемнадцатаго, значыть, августа...

Трохымъ. Це бѣ то на четвертый день після Пречистой?

Грыцько. Да, ето такъ какъ-то послѣ Успенія.. Тутъ намъ ето сичасъ и вычиталы што и какъ, каму, значить, выдать билеты... Ну, тутъ мы стали зобираться, а двадцатаго, значыть и выдали ето билеты такъ увѣ обидѣ, часу у дванадцатомъ, а вечеромъ и одправылся ето на вахзалъ. Тамъ партіонный пака ето предложеніе выхлопотавъ у каменданта, пока што, такъ и до вечора, а ночью и посадовылся на пойиздъ ето въ часу, почытай, у одынадцатому.

Олена. Та ты, братецъ, розкажуй и закусью. Вы бѣ, Омеляновичъ, ёму ще-бѣ поднеслы...

Грыцько. Нѣтъ! благодарю! Ну, такъ и до Масквы. Тамъ впяять ето разборка, котрые, значыть, на Курьской городъ, а намъ на Рязань, Козловъ и на Чаплынку. Ну, тутъ вже своя сторона. Одправылыся мы партією у городъ якъ воиньскому начальнику, пока то та другое. Спасибо, на базари ета допытался своихъ людей, подвезлы, а то бѣ прыйшлося усѣ пишкомъ и сундукъ на соби тащыть...

Трохымъ. То-то, бачъ, зализна дорога не пидходить до города нашего. Та хибя вамъ не дають пидвидъ?

Грыцько. Нѣтъ, не полагается... Теперъ ще надобно заявляться у волость...

Трохымъ. Це ще буде часъ. Завтра и пійдешь, теперъ усе йядно тамъ никого нема.

Олена. Закусуйте, братецъ, закусуйте.

Грыцько. Давольна, благодарю. Дозвольте зъ-за стола выпыть.

(Вси встаютъ и даютъ дорогу Грыцькови, котрый хрестытся и, ще разъ подякувавши, зновъ сиде коло стола. Галька идуе дытину, затульившысь хусткою. Зъ-надвору чуты гуркитъ воза.)

Ивасъ выбиае зъ хаты и, вернувшысь, каже)

Ивасъ. Прыйнхалы.

(Увходять съ хату Горпына. Тривожна, злякана, блида, замитно ваютна. Уси замовкы, збентежени якось.)

Горпына. Здрастуйте! *(хрестытся на образы)*

Олена. Здрастуй, сестро. А намъ Богъ гостя давъ...

(Грыцько встаетъ зъ-за стола и, мянувши на неи, спустывъ очи.)

Горпына *(дывиться на Грыця и смило каже)*. Здрастуй, Грыгорый Омельяновичъ!

Грыцько. Здрастуй, жана. Падходы поздоровкаемось!

(Горпына пидходить до ею, але не вспила зъ нымъ поцилуватись, якъ почынае плакаты и, мліючы, падае на доливку. Вси кыдаются ии пиддержаты, Олена вхопыла кухоль зъ водою и дае ии. Трохымъ выходить зъ хаты, Горпына крыкнула несамовыто, диты злякани соби бижають зъ хаты, Галька оддае дытину Ивасеви)

и собі кыдається якъ Горпыни, жинкы-родычкы тежъ собі оточають її).

Олена (до однійеи зъ родычкѣ). Бижы, риднесенька, за Юдыхою, а мы донесемо її въ дидову хатыну. Та забижы, будь ласка, до Нестеренкивъ: вона, мабудъ, тамъ сю ничъ бабувала...

Грыцько (стоить гризный зъ блыщачымы очыма). Що жъ ето такое?! вотъ и клялась! Дослуживсь! Досмотрѣлы салдацку жону... Выкныте її геть, нехай идѣть до тыхъ, зъ кымъ прыдбала. Я поступаю на вторытельну службу, зойду одъ страму... (Заламуе руки, прыпада до столу и плаче).

Олена (проходить зъ одною зъ родычкѣ у кухню). Розводъ, риднесенька, у печи, треба заразъ воду грить, а я тутъ де-чого пошукаю на пелюшкы...

(Грыцько схоплюется, ще разъ ламае руки и пробѣ выбивае зъ хаты. У кухню и изъ кухни пробѣгаютъ то та, то инши жинкы, вносятъ воду, зризокъ... Выходытъ Трохымъ, сидае на лавци и задумается... Трохы згодомъ выходытъ Олена).

Трохымъ. Ну, що тамъ?

Олена. Що? Звисно що: сына Богъ давъ. Хрестыны збираты треба. А то воно дуже слабе. Ій бы ще не время, та, выдно, потривожилася, ёго побачывши, а воно й настыгло... Тамъ безъ пам'ятѣ лежыть.

(Трохымъ все бильше и бильше хмурится).

Трохымъ. А винъ де жъ?

Олена. Николы мени! Диты казали, що лежыть у половнику... (иде зъ хаты)

Трохымъ. Таке-то. Жалько парнягы. Не за тимъ поспивавъ... А все тая салдатчына. Розлучать молодыхъ ажъ на чотыры роки... Отъ воно що й выходытъ...

—

Картына VIII.

(Черезъ пивтора мисяци. Трохымъ сыдытъ коло стола, задумавшысь. Зъ кухни одъ часу до часу вылядають диты. Выходытъ

Олена одягнена въ товстого сукна куцню зъ якимсь горшкомъ въ рукахъ. За нею Івась несе оберемокъ дровъ и проходять у кухню).

Трохымъ (до вийшовшого зъ кухни Івася). Погрійся та пійдемо задавать скотыни, а тамъ поженешъ на водопій...

Івась. Я оце підкынувъ имъ трохи. Та ще треба прокопаты ривчакъ одъ колодезя, а то побиля корыта такъ розмислы грязюку, що й підійти не можна,—корыто тече. Я казавъ тоди Сыдорови.

Олена. Я, Омеляновичъ, хочу на ничъ трохи протопыты, таке задуває.

Трохымъ. Якъ знаешъ. Щось нашихъ довго нема. Якъ шо припизнылися, то навдаку чы й будуть сёгодня: тамъ по пляху порозбывано теперъ такъ, що й колеса не крутяться...

Олена. То вже таке. Не дарма сказано, що въ-осены ложка дощу, а мыска болота. А винъ бачъ якый, чыстывъ ажъ до обидивъ. Оце тилькы теперъ и нереставъ, стало хмары розгонить, та тилькы захолодало... Витеръ такый ризкий, зъ Московського краю подувъ.

Трохымъ. То вже таке! Пора! У ту недилю у насъ Михайло, а тамъ и заговини... Время...

Олена. А наши жъ то, не дывлятыся на негоду: подалися до своихъ. Зайшлы, трохи погрилися, та й пійшлы. Винъ каже, що въ инний часъ не зберется, бо саме въ-раньци та въ обиды машыны прыходять изъ видить...

Трохымъ. Що жъ, ничего не казали?

Олена. Де тамъ вже, не казали... Ихъ тамъ, видно, підстроено: винъ пытавъ, почому пшеницю продады, бо каже ёму грошей треба.

Трохымъ. Хазяинъ... Винъ, бачъ, дбавъ ии, що ще й пытае, почому продады... Вже не що, а прийдется дилытыся.... Уже жъ намъ у-купи не жыть.

Олена. Куды тамъ, у-купи жыть... Винъ ще такъ-сякъ, а що вона, такъ и не дывытыся. Наче мы передъ нею у чому провинни... Сама добигалася. Нашои тутъ провинны нема. А я жъ ще такъ внадала до неи... Винъ же тоди ото саме ничего

не схотивъ робыть. Прийшлося самимъ и хрестыны справлять, а писля й поховаты, якъ вмерло. Усе жъ то я хлопотала.... А теперъ ще й кырпу гве...

Трохымъ. Та й винъ бачъ який: то тоди, якъ отолучылося, казавъ що ёму еи й не треба й „проженить іи“, и на вторытельну пійду, а то вже вона ёго зовсимъ улестыла: и все простывъ ій, и на станціи на службу нанявсь за сторожа... одно слово, пидъ іи дудку скаче...

Олена. Та то, що простывъ, то слава Богу. Куды жъ ёму диваться одъ неи; а що вже нанявсь на станцію, такъ зовсимъ дурне... Хиба тымъ улестыла, що тамъ, бачъ, сластно йидять, чай по всякъ часъ, та такы своя воля-воленька: що зхоче робыть—сама соби хазайка...

Трохымъ. Ото-то жъ й те, що своя воля! Винъ ото оддижурывъ, тай знать никого не хоче, а вона й вовси. А тутъ такы перепадае де-що отъ панивъ, що пройизжають... То у вагонъ знесе худобу, то такъ що пособыть... Ото чула есмь, що каже: „мени мою половыну зплатить, такъ я й безъ хаты прожыву, гроши у ростъ даватиму... И въ ныхъ не инша, а така думка. Ото жъ и тестъ ёго такъ каже... Пидождемо, якъ тамъ наши управлятся, а то й дилыться... Воно не теперъ, такъ колысь и треба буде цее дило справыть...

Олена (*прислухаючысь*). Наче воритьмы щось рыпнуло. Чы не наши часомъ? (*Хоче выйты зъ хаты, але ій назустрічъ Олексій одягнутый по дорожнёму*).

Олексій. Здрастуйте. (*Здригнувъ одъ холоду*). Холодно такъ стало. (*Розперизуется, выймае зъ-за жєлєткы завернуты у боману гроши*). Нате вамъ гроши (*подає Трохымови*). Тутъ вси, а й не розвертавъ ихъ.

(*Трохымъ бере гроши и розвертуючы, переглядає ихъ*).

Трохымъ. Якъ же це вси гроши? Хиба тамъ не понадобылся?

Олексій. А же бачте, що ни.

Трохымъ. Та що жъ воно таке? Хиба Скубелка не потребувавъ грошей? Де винъ?

Олексій. Винь ничого не потребувавъ: ёму одна тилькы горилка и потрибпа. Зостався тамъ зъ Корыстою. Ждалы, ждалы побили трахтыря... Такъ вже Корыста вийшовъ, та сказыавъ, щобъ мы ййхалы, а винь зостанется зъ нымъ...

Трохымъ. Ну, а торгы жъ якъ?

Олексій. А я почимъ знаю якъ... Казалы тамъ хтось такый, що Корыста дешево купывъ землю якусь...

Трохымъ (*здывованный*). Яку землю?

Олексій. А я почимъ знаю, яку. Тамъ вычитувалы и васъ на имена „хрестьянына Трохыма Омельянова Середы и матирь, хрестьянка Олена Петровна Середына—це я розибравъ, а бильше ничого не розибравъ. Одынъ тамъ панъ у ланцюзи выкрыкувавъ усе: „хто больше“. Я оподалыкъ сидивъ, якъ ото вы приказувалы, щобъ я ажъ тоди гроши подавъ, якъ панъ потребуе. А винь ни той ни другой не пытавъ грошей... Корыста тилькы щось таке прописыувавъ у бوماзи, де ёму той панъ, що зъ медальомъ показувалы, а писля якисъ гроши отдавъ тому панови...

Трохымъ. Ты щось не такъ розказуешь... Ну, а Скубелка що жъ?

Олексій. Скубелка?.. Винь такый бувъ пьяный, що одынъ зъ панивъ загримавъ на ёго: „я, каже, звелю тебе—не розибравъ гораздъ, чы „вдавыть“ чы „вдалыть“...

Трохымъ (*ще бильше здывованный*). Ну?

Олексій. Та що жъ, ну?.. Заразъ уся и стали розиходыться, и я пійшовъ за нымъ... Отъ тутъ хтось и каже, що Корыста дешево землю купывъ, а яку землю—мени почимъ знать...

(*Въ хату ввиходыть Сыдоръ роботныкъ*).

Сыдоръ (*нажмурывшись*). Вправывъ все. Теперь попойисты чого бъ далы.

Олена (*наче стрепенулася*). Поийисты? Отъ заразъ. Сидайте до столу...

Сыдоръ. Мы пійдемо у кухню, а то тамъ ваши прйшлы, ноги на рундуку обтырають...

Олена. Ну, якъ що въ кухню, такъ и въ кухню. Идѣть, я зберу...

(Сидоръ и Олексій проходятъ у кухню. А въ двери виходятъ Грицько и Горнына. Трохымъ не сидаючи, стоить опустивши руки и голову).

Грицько *(въ одежи зализнодорожнёю сторожа)* и Олена *(повязана просто, безъ очипка, хусткою)*. Здрастуйте ще разъ.

(Никто имъ не одповивъ на привѣтання).

Горнына. Чого це вы, братецъ, таки, наче що втерялы? Наче у одчаи?

Грицько. А мы хатели погаварыть, штобъ вже усё поладыть...

Трохымъ *(сидает не пиднимаючи головы)*. Ладьте, якъ знаете...

Грицько. Да ето усё у вашій согласіи, какъ вы скажете, брать.

Трохымъ. Що мени казаты? Тоби вже мабуть, багато я безъ мене наговорено, що захотивъ судыться зо старшымъ братомъ...

Грицько. А што мени наговорено? Я й самъ хорошо знаю, што мине слидствуетъ половынная часть усёго... А ето правда, што іи папапа вотъ сичасъ гаварыль, што вы зо Скубелкою землю пазнарошине продады Корысти у городи, такъ ето я ужъ, не знаю, и къ чому и какъ...

Трохымъ. Якъ це Корысти? Хто це казавъ?

Грицько. Гаварю, што мени сказано... Вотъ іи папаша билъ у волости, такъ тамъ гаварылы...

(Чутъ дзвонныкы, щось пидыхало икъ двору. Все насторожуются. Трохы згодомъ въ хату виходыть закутанный якыйсь-то панъ. Все здывовани).

Панъ. Здрастуйте! Помогите разкутаться... Холодно, сыро... *(Грицько помагает панови роздягаться. У двери виходыть десятныкъ зъ портфелемъ. Панъ достает зъ кышени знакъ судебного пристава и надивает на себе).*

Олексій (*выглядаючи з кухні*). Це саме той пань, що я ёго у городи на торгахъ бачывъ.

Панъ. Я Судебный Приставъ.

(*Бере у десятского портфель и, сивши за стілъ, добуває з ёго чорныльницю и боматы. Роздвляється боматы и, двлячысь у одну, каже*):

Кто изъ васъ крестьянинъ Трофимъ Емельяновъ Середа?

Трохымъ (*выступаючи впередъ*). Я саме Трохымъ.

Панъ. Середа Емельяновъ?

Трохымъ. Омеляновичъ Середа.

Панъ. Ну, вотъ тутъ я привезъ вамъ повѣстку объ исполненіи рѣшенія О . . . скаго Окружнаго Суда, выраженнаго въ исполнительномъ листѣ того Суда за номеромъ... Съ васъ, Середа, присуждено заочнымъ рѣшеніемъ взыскать къ пользу мѣщанина Ивана Петровича Корыстина шестьсотъ двадцать рублей по векселю съ процентами со дня протеста, т. е. съ двадцать четвертаго іюля сего года, по день уплаты долга, и судебныхъ издержекъ сорокъ восемь рублей, да еще вотъ прогоны шесть рублей тридцать пять копѣекъ... Рѣшеніе подвергнуто предварительному исполненію...

(*Поки панъ вычитуе, въ хати вси мовчатъ. Сыдоръ проходить зъ кухні черезъ хату*).

Панъ. Такъ вотъ вамъ, Середа, копія заочнаго рѣшенія и повѣстка о томъ, что если вы добровольно въ теченіе двухъ недѣль не унлотите взыскиваемыхъ денегъ, то я приступлю къ описи и продажѣ вашего имущества. Кромѣ того, взыскатель Корыстинъ обратилъ взысканіе на деньги, вырученныя отъ продажи вашего имѣнія, т. е. земли, за вашъ долгъ вашей женѣ Еленѣ Серединой. Этихъ денегъ выручено триста двадцать пять рублей и ихъ, разумѣется, не станетъ на удовлетвореніе претензіи вашей жены въ пятьсотъ рублей съ судебными издержками и его, Корыстина, претензіи, поэтому я вырученныя на торгахъ деньги и представилъ въ депозитъ суда для распредѣленія...

(*Вси мовчатъ*).

Панъ. Ну, такъ вотъ распишитесь на повѣсткахъ.

(Трохымъ стоитъ занимилый).

Панъ. Я вамъ говорю, Серединъ. Не угодно ли распяться въ принятіи отъ меня повѣстокъ...

(Трохымъ не ворухнется, а стоитъ мовъ окаменилый).

Грыцько. Дозвольте, ваше благородіе, спросить, про якие его торгы вы гаварылы?

Панъ. Да вотъ про эти, когда продавалась земля его.

Грыцько. Чья земля?

Панъ. Да вотъ его, Середина, Трофима за долгъ его своей женѣ.

Грыцько. Земля ета наша сумѣстная... Какъ же это вона продавалась за его довгъ своей женѣ?

Панъ. Ну, ужъ этого я не знаю какъ. Мнѣ представлены были документы, изъ которыхъ видно, что земля принадлежитъ ему, Трофиму Середѣ, а на торгахъ кто большую цѣну выдалъ, за тѣмъ и осталась земля.

Грыцько. А хто жъ теперь ету землю можетъ отобрать одъ мене?

Панъ. Кто? Тотъ, кто купилъ ее,—Корыстинъ, такъ какъ онъ выдалъ ббльшую цѣну.

(Трохымъ качнувся и сивъ на лавци. Олена підбіає до ёю).

Панъ. Такъ что-же, Середа, вы не желаете подписать повѣстокъ? Я пошлю за старостою и при немъ вручу ихъ вамъ.

(Трохымъ встает и, заточуючысь зо стороны въ сторону, иде до дверей, Олена его піддержує, достает зъ килка шапку и надивает ему її на порози на голову).

Олена *(до пана)*. Дозвольтеса, господинъ барынъ, ёму трохи на прохолоду выйтъ, а то, бачте, якъ винъ злякавсь.

Панъ. Ну, что-жъ, пускай освѣжится, я подожду.

(Скыдає зъ себе медаль и закурює папиросу).

Панъ. Да! Вотъ вы слушаете этихъ Скубелокъ и послѣкаетесь. Вѣдь онъ явился на торги отъ васъ *(до Олены)* и ни-

чего не сдѣлалъ. Пьянъ безчувственно. Очень можетъ быть и нарочно подпоенный... А земелька-то и пропала: за безцѣнокъ пошла...

Горпына. Та якъ же это, барынъ ваше благородіе, што земля сумѣстная вотъ ихъ и моего мужа, а теперь вона продана за ёго довгъ? Это вже не што, какъ воны это зговорылыся...

Панъ (*покурюючи*). Ну, ужъ этого я не знаю. Я дѣлаю, какъ по закону полагается.

Олена. Ты-бъ такъ подождала: може хто старшій що скаже.

Горпына. Буде. Вже мы чулы, што ентые старшіе говорюгъ. Енто усѣ штуку, толькы воно не будетъ такъ...

(Вбѣгаетъ роботныкъ Сыдоръ).

Сыдоръ. Титко й уси бижить туды швыдче. На бантыни... *(Вси бѣжать зъ хаты, и позаду всихъ десятныкъ. Въ хати zostается одинъ панъ, здивованный, не розбираючий, що й якъ. Зъ-надвору чуть голосиння, крикъ... Вбѣгаетъ десятныкъ и ничего не каже, тилькы руки розставывъ).*

Панъ. Что это тамъ такое? *(Десятныкъ мовчить и не може слова сказати).* Ну, что-жъ ты ничего не говоришь? Что тамъ такое?

Десятныкъ. По... по... ви... сыв... ся—у клуни на бантыни.

Панъ. Кто „повисмыся“? *(Десятныкъ мовчить).* Ну!

Десятныкъ. Хто? Трохымъ...

Панъ. Это Богъ знаетъ, что такое! Ужасно!...

Б. Познанскій.



Т. Г. Шевченко и простолюдины, его знакомцы.

(Изъ встрѣчъ и воспоминаній).

Въ жизни Т. Г. Шевченка годы отъ освобожденія его изъ крѣпостного состоянія въ 1838 г. до печальной катастрофы 1847 г. являются замѣчательнымъ моментомъ, къ сожалѣнію недостаточно разъясненнымъ біографами и опубликованными матеріалами. Къ этому времени относится цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній, отличающихся выдающимися художественными достоинствами, не смотря на то, что прекрасный языкъ ихъ, хоть и владѣвшій богатѣйшей народною поэзіей, лишь незадолго до этого сдѣлался органомъ художественной литературы. Въ извѣстной мѣрѣ художественная форма этихъ произведеній является результатомъ предшествующей дѣятельности въ области слова на украинскомъ языкѣ, и въ этомъ смыслѣ ея происхожденіе подлежитъ изслѣдованію, къ сожалѣнію до сихъ поръ едва-лишь намѣченному. Но художественныя достоинства зависятъ также отъ степени талантовости ихъ творца и его поэтическаго вдохновенія, т. е. такихъ явленій, которыя лишь съ трудомъ поддаются изслѣдованію и объясненію.

Нельзя сказать того же о другой сторонѣ, невольно изумляющей читателя этихъ произведеній Шевченка. Недавній „крипакъ“, панскій козачекъ, хлопецъ, котораго суровая доля „взяла маленького за руку и въ школу одвела до пьяного дядя въ науку“, является передъ нами въ своихъ стихотвореніяхъ этого

періода во всеоружіи многихъ знаній, съ широкимъ общимъ образованіемъ и съ идеями, которыя ставятъ его въ первомъ ряду самыхъ передовыхъ людей той эпохи. Это явленіе и донынѣ остается загадочнымъ, хотя, казалось бы, оно гораздо доступнѣе изслѣдованію и разъясненію. Можно, конечно, значительную долю этого идейнаго развитія поэта отнести къ той національной средѣ, изъ которой онъ вышелъ, отъ которой получилъ первыя впечатлѣнія и матеріалы для будущаго міросозерцанія. Среда эта въ своемъ коллективномъ творчествѣ и въ историческомъ прошломъ своемъ не разъ проявляла стремленіе къ такимъ идеаламъ, которые остаются и теперь дорогими для передового европейца; но эти идеалы подолгу живутъ въ народной массѣ, мало обнаруживаясь; они находятся какъ бы въ скрытномъ состояніи, выступаютъ они открыто и ярко лишь въ моменты сильнаго народнаго возбужденія, вызываемаго историческими катастрофами. Вліяніе на него родной среды ясно сознавалъ самъ Шевченко; онъ не разъ указывалъ на нее, какъ на источникъ своихъ знаній, воззрѣній и стремленій, но изслѣдователи пока не выдѣлили изъ общей сокровищницы тѣхъ идей, которыми народъ или люди изъ народа надѣлили украинскаго поэта для созданія его широкаго „свитогляда“.

Во время пребыванія Шевченка въ Академіи художествъ тамъ существовалъ обязательный для учениковъ общеобразовательный курсъ. Что далъ онъ Шевченку? Этого вопроса пока вовсе не касались біографы. Судя по рассказамъ многихъ сверстниковъ Шевченка, по уровню ихъ общаго образованія и развитія, надо думать, что очень мало; поэтъ могъ вынести отсюда лишь элементарныя, вовсе не связанные, свѣдѣнія изъ разныхъ учебныхъ предметовъ.

Несравненно больше дала ему гениальная воспріимчивость, свойственная немногимъ избранникамъ судьбы, та воспріимчивость, благодаря которой они изъ словъ и фактовъ, схваченныхъ на лету, возстановляютъ давно исчезнувшіе образы, создаютъ свое міросозерцаніе, выступаютъ во всеоружіи передовыхъ идей, для усвоенія и созданія которыхъ другимъ обыкновеннымъ людямъ

необходимы годы усиленнаго труда. Способы воспріятія геніальныхъ людей съ трудомъ поддаются изученію, но зато гораздо легче опредѣлить матеріаль, изъ котораго они могли черпать свои знанія и идеи. Для этого слѣдуетъ изучать среду, въ которой они жили, тѣхъ людей, съ которыми они встрѣчались, съ которыми всего ближе сходились, дѣлились мыслями и стремленіями. Среда, окружавшая Шевченка послѣ освобожденія его отъ крѣпостной неволи, съ этой стороны еще мало изслѣдована: еще и теперь мы не можемъ сказать опредѣленно, какими знаніями и идеями она надѣлила Шевченка. Послѣдній въ эти годы не разъ ѣздилъ въ Украину, въ столицѣ и провинціи онъ сблизился со многими выдающимися писателями, учеными, художниками и общественными дѣятелями; многіе изъ нихъ пользуются вполне заслуженной извѣстностью, сами сдѣлались предметомъ изученія, отъ другихъ до насъ дошли только мало намъ говоряція имена; относительно всѣхъ ихъ мы можемъ сказать, что вліяніе ихъ личности, характера, знаній и идей на Шевченка еще мало изслѣдовано, мало для этого собрано и матеріаловъ. Мы не можемъ даже указать всѣхъ мѣстностей, въ которыхъ побывалъ Шевченко во время своихъ поѣздокъ на югъ, не знаемъ, гдѣ, когда и по сколько времени онъ проживалъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, не знаемъ и нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми онъ близко сходилъ во время этихъ экскурсій. А время уходить, въ могилу быстро сходятъ тѣ немногіе, которые были лично знакомы съ Шевченкомъ, сохранили о немъ воспоминанія или какіе-либо матеріалы. Надо поспѣшить съ записываніемъ этихъ воспоминаній, съ собираніемъ письменныхъ о немъ матеріаловъ, иначе все это безслѣдно погибнетъ.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній я очень заинтересовался, когда, будучи въ Сорочинцахъ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губ., случайно узналъ, что въ мѣстечкѣ этомъ проживаетъ старикъ поваръ, живо помнящій и очень почитающій память Шевченка, который при немъ гостилъ у номѣщика Лукьяновича, упоминаемаго въ біографіяхъ Шевченка и собственныхъ его письмахъ. Я рѣшилъ у этого повара собрать свѣдѣнія о г.

Дукьяновичъ и положилъ разыскать его. Оказалось, что онъ проживаетъ въ небольшой усадьбѣ, приобрѣтенной имъ въ Сорочинцахъ; средства къ жизни даетъ ему, кромѣ огорода, его профессія, такъ какъ землевладѣльцы и обыватели въ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ часто приглашаютъ его съ платой по 5—10 руб. въ сутки готовить разныя трапезы въ торжественныхъ случаяхъ, въ родѣ свадебъ, именинъ, баловъ и т. п.

Повару Арсенію Татарчуку въ настоящее время 76 лѣтъ отъ роду. Въ наружности его прежде всего обращаетъ на себя вниманіе сильно разросшійся синеватый, такъ называемый бургундскій, носъ. Обыкновенно думаютъ, что такіе носы свидѣтельствуютъ о неумѣренномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ, но въ данномъ случаѣ это мнѣніе не подтверждается: люди, давно знающіе Татарчука, утверждаютъ, что онъ всегда отличался трезвостью. При болѣе продолжительномъ свиданіи безобразіе носа какъ бы ступевывается—высокій ростъ и статная фигура старика, его красивый высокий лобъ, умные, свѣтящіеся еще и теперь, глаза и свѣжій, вовсе не старческій цвѣтъ лица придаютъ ему внушительную и очень симпатичную наружность; онъ притомъ же настолько бодръ и крѣпокъ, что угадать его преклонный возрастъ было бы не легко. Жена его Горпына, десятью годами моложе; это высокая и теперь еще стройная женщина, съ замѣтными слѣдами былой красоты; она также очень моложава и бодра.

Говорить Татарчукъ по-украински съ примѣсью русскихъ словъ, по временамъ старается говорить по-русски, но очень неудачно; жена его говоритъ только по-украински. Оба неграмотны. Въ чистой комнатѣ противъ входа посреди стѣны красуется литографированный портретъ Шевченка, изд. Мюнстера, рядомъ съ портретомъ Императора Александра II.

Когда я заговорилъ о поэтѣ, мои собесѣдники сразу оживились. Воспоминанія о немъ мужа постоянно старалась дополнить жена. Оба отлично помнятъ Шевченка, его имя и отчество, его небольшой ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе. По ихъ разсказу, Тарасъ Григорьевичъ пріѣхалъ къ нимъ вмѣстѣ съ ихъ вла-

дѣльцемъ А. А. Лукьяновичемъ въ с. Марьинское, иначе Шимково, Миргородскаго уѣзда, въ апрѣлѣ 1842 или 1843-го года. Не смотря на мое указаніе, что Шевченко жилъ въ Марьинскомъ въ 1845 г. (это видно изъ даты подъ поэмой „Невольникъ“), Татарчуки настойчиво утверждали, что пребываніе поэта у ихъ барина было не позже лѣта 1843 г. Лукьяновичъ пригласилъ къ себѣ Шевченка въ качествѣ живописца для писанія портретовъ всѣхъ членовъ своей семьи. Художникъ исполнилъ заказъ, но когда работа была окончена, у владѣльца не оказалось денегъ для уплаты за нее, и потому хозяева настойчиво упрашивали своего гостя продлить свое пребываніе въ Марьинскомъ. Только въ ноябрѣ явились деньги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уплата за портреты, послѣ чего онъ и уѣхалъ.

Жилъ Шевченко въ Марьинскомъ въ отдѣльномъ отведенномъ ему помѣщеніи; ему назначили особаго лакея, но отъ услугъ его Тарасъ Григорьевичъ почти всегда отказывался. Онъ вставалъ съ разсвѣтомъ и немедленно принимался за работу. Татарчуки особенно указываютъ на его трудолюбіе. По ихъ словамъ въ свободное отъ писанія портретовъ время, онъ почти всегда днемъ оставался въ своей комнатѣ, постоянно читалъ книги, которымъ бралъ изъ панской бібліотеки, или же писалъ письма или что то иное; лишь изрѣдка бродилъ онъ по окрестностямъ, при этомъ часто останавливался, вглядывался въ какіе-то отдаленные предметы, срисовывалъ разные виды. Завтракалъ и обѣдалъ онъ вмѣстѣ съ панами, и за все время Татарчуки ни разу не слышали о его нетрезвости. Въ Марьинскомъ Шевченко все время оставался почти безвыѣздно; лишь изрѣдка онъ вмѣстѣ съ Лукьяновичемъ ѣздилъ въ с. Злодіевку для купанія въ р. Пслѣ, при чемъ иногда они заѣзжали къ мѣстному помѣщику Замятнину; кромѣ того Шевченко два раза уѣзжалъ на лошадяхъ Лукьяновича въ м. Яготинъ къ княжнѣ Репниной и оставался у нея по 4—5 дней; другихъ поѣздокъ онъ, по воспоминаніямъ Татарчуковъ, за все время своего пребыванія въ Марьинскомъ не предпринималъ. Съ знакомыми Лукьяновича онъ не сближался—онъ предпочиталъ знакомство со священниками, которые всѣ

очень любили и уважали Шевченка, а священникъ въ с. Устивцѣ, о. Бабичовъ, однажды за обѣдомъ у Лукьяновича сказалъ: „Тарасъ Григорьевичъ! Вашего розуму хочъ бы на двадцать чоловикъ та роздать, всимъ достачило бѣ!“ Шевченко въ отвѣтъ громко расхохотался.

Но всего охотнѣе сближался Шевченко съ дворовыми и крестьянами въ Марьинскомъ; почти всѣхъ онъ зналъ по имени, очень сошелся со многими изъ нихъ. Часто по вечерамъ посѣщали онъ „вулицю“. Появленіе его въ этихъ случаяхъ всегда всѣми собравшимися ожидалось съ нетерпѣніемъ, приходъ его всѣ привѣтствовали. Въ эти вечера время проходило незамѣтно: Шевченко и самъ очень оживлялся; онъ многое рассказывалъ о прошломъ Украины, о подвигахъ козаковъ, о борьбѣ ихъ съ турками и панами. Говорилъ онъ о своемъ крестьянскомъ происхожденіи и освобожденіи, но о томъ, какъ и когда опять вернется воля закрѣпощенному люду, не упоминалъ. Ухаживаніемъ за дивчатами и молодыцами онъ никогда не занимался; напротивъ, съ ними обращался такъ-же, какъ и съ парубками и чоловиками. Иногда онъ приглашалъ на свой счетъ музыку; тогда бывало очень весело; самъ Шевченко очень любилъ, чтобы собравшіеся пѣли и танцовали. Изъ пѣсенъ ему особенно нравились та, гдѣ поется,

„Ой хто лыха не знае,
Да нехай мене спытає“¹⁾.

Онъ почти всегда предлагалъ пропѣть и повторить ему пѣсню.

Особенной близости Шевченка къ Лукьяновичу Татарчуки не замѣтили. Что до послѣдняго, то по ихъ рассказамъ, отецъ его былъ сначала вице-губернаторомъ въ Перми, потомъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, откуда перевелъ 30 семействъ „руськихъ“ въ свое имѣніе въ Марьинское; это былъ впрочемъ очень добрый старикъ: всѣмъ дворовымъ, которыхъ у него было до 150 чел., онъ назначилъ жалованье, а престарѣлымъ пенсію.

¹⁾ Чумацкая пѣсня.

Старшему сыну его Александру Андреевичу, тому самому, у котораго гостилъ Шевченко, отъ отца досталось 1000 душъ въ Полтавской губ., а послѣ освобожденія крестьянъ у него и у жены было 1000 десятинъ въ Полтавской и 5000 дес. въ Херсонской губерніи. Онъ долго (24 года) служилъ въ гусарскомъ полку, потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ Марьинскомъ. Въ продолженіе 12 лѣтъ онъ былъ Миргородскимъ предводителемъ дворянства, потомъ былъ и губернскимъ гласнымъ¹⁾. Въ с. Злодѣевкѣ мѣстному помѣщику Замятнину отъ отца, важнаго генерала, досталась большая библіотека. Новый владѣлецъ вовсе не дорожилъ ею, она вся свалена была въ коморѣ, пользовались ею повара для пирожного. Эту то библіотеку, въ которой всѣ книги были въ дорогихъ кожаныхъ переплетахъ, купилъ Лукьяновичъ за 300 руб.; книги перевезены были въ Марьинское на 7 паровицяхъ и для нихъ отведены двѣ комнаты въ обширномъ домѣ владѣльца. Проживая у Лукьяновича, Шевченко постоянно пользовался ею.

Сначала Александръ Андреевичъ очень хорошо обращался съ крестьянами и очень рѣдко наказывалъ ихъ; во время пребыванія Шевченка, наказаній даже совсѣмъ не было. Потомъ, подѣ старость, помѣщикъ сдѣлался очень строгимъ. Когда, бывало, кто-нибудь его разсердить, или же когда онъ бывалъ въ дурномъ расположеніи духа, то всѣ дворовые трепетали, предостерегали другъ друга и прятались, чтобы не попасться ему на глаза. Въ такіе дни во всякомъ встрѣчномъ всегда бывало онъ найдетъ какую-нибудь вину и назначить жестокою „сѣкуцію“ на конюшнѣ. „Вы не баринъ, а катъ“, сказалъ ему одинъ изъ нереселенныхъ его отцомъ „русьскихъ“; за это дерзкаго страшно высѣли, а потомъ, по выздоровленіи, сдали въ солдаты.

Лукьяновичъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, жилъ какъ „царѣкъ“ въ Миргородѣ и у себя въ Марьинскомъ. Онъ постоянно выписывалъ разные товары изъ Полтавы, Харькова и

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1899 г., № 1-й. Документы, извѣстія и замѣтки, стр. 5.

даже, не смотря на тогдашнее бездорожье, изъ-за границы. Самъ онъ часто уѣзжалъ въ Полтаву и другіе города, гдѣ жилъ очень широко. Дома онъ часто устраивалъ роскошные пиры чуть не для всего уѣзда—для этого вина бочками выписывались изъ Франціи. Онъ былъ завзятымъ охотникомъ, содержалъ большую свору собакъ и множество верховыхъ и выѣздныхъ лошадей. Устраиваемыя имъ охоты отличались многолюдствомъ и пышнымъ угощеніемъ.

На такую жизнь средствъ его не хватило; скоро послѣ освобожденія крестьянъ онъ лишился своего имѣнія. Жена еще раньше оставила его и поселилась въ своемъ имѣніи въ Ананьевскомъ уѣздѣ, Херсонской губ.; мужу она выдала вексель на 80 тыс. руб., но послѣдній былъ похищенъ у него, такъ что послѣ смерти жены онъ ничего не могъ взыскать. Послѣ нея у него оставалось еще право на вдовью часть, но самъ онъ по старости и болѣзни не могъ добиться утвержденія въ правахъ наслѣдства, поэтому онъ уступилъ его своему бывшему сослуживцу по полку, поляку Терлицкому, который обязался за это до смерти содержать его. Терлицкій повезъ его къ себѣ въ Ананьевскій уѣздъ, но потомъ, когда брачнаго свидѣтельства не могли разыскать и когда поэтому оказалось очень труднымъ осуществить право на вдовью часть, Терлицкій отказался содержать его. Больного и немощного старика Лукьяновича взялъ теперь къ себѣ помѣщикъ Оринкинъ; въ виду сильныхъ и частыхъ припадковъ надучей болѣзни, Оринкинъ для ухода за больнымъ нанялъ отставного солдата. Однажды послѣдній, желая удалиться на всю ночь, съ вечера связалъ Лукьяновичу руки и ноги лосиной кожей; въ такомъ видѣ утромъ нашли его мертвымъ 21 г. тому назадъ.

Когда Лукьяновичъ навсегда уѣхалъ изъ Марьинскаго къ Терлицкому, печальная судьба постигла и принадлежавшую ему бібліотеку; ее вынесли изъ дому и свалили на чердакъ, въ коморѣ и въ конюшнѣ; тамъ всякій могъ брать книги, и вскорѣ бібліотеку растащили; Татарчукъ взялъ всего одну книгу, которая донинѣ сохранилась у него—это „Предсказатель, составленный Мутомъ,

въ переводѣ на російскій языкъ“, изд. въ С.-Петербургѣ въ 1778 г. Что касается портретовъ, писанныхъ Шевченкомъ, то ихъ забрала въ Херсонскую губернію, гдѣ они и пропали, дочь Лукьяновича Софія Александровна, бывшая замужемъ за Крыжановскимъ; дальнѣйшая судьба г-жи Крыжановской, по рассказамъ Татарчуковъ, была не совсѣмъ обычной и очень печальной.

Вотъ приблизительно все, извлеченное мною изъ рассказовъ Татарчуковъ о пребываніи Шевченка въ Марьинскомъ и объ А. А. Лукьяновичѣ. Это очень немного, но и это немного те-ряетъ свой колоритъ въ моемъ пересказѣ—не смогъ я передать того горячаго чувства симпатіи, даже поклоненія, которыя слышатся въ каждомъ словѣ этихъ глубокихъ стариковъ, когда они вспоминаютъ о Шевченкѣ; это неостывшее съ годами со-чувствіе становится еще ярче по контрасту съ враждебнымъ чувствомъ, которымъ проникнуты ихъ воспоминанія о бывшемъ ихъ владѣльцѣ.

Чѣмъ снискалъ Шевченко такую благодарную память этихъ неграмотныхъ людей? Зависѣло это, какъ мнѣ кажется, отъ особенностей отношеній его къ меньшей братіи, особенностей, рѣзко отличавшихся отъ отношеній къ ней въ тѣ времена дру-гихъ интеллигентныхъ людей. Освѣщеніе отношеній Шевченка къ простонародью и ихъ историческая и этическая оцѣнка лежитъ на обязанности будущихъ біографовъ незабвеннаго Коб-заря. Любовь къ крестьянской массѣ, сочувствіе къ ея горькой долѣ, неволѣ, страданіямъ и бѣдности живымъ ключемъ бьетъ въ его произведеніяхъ. Но эта любовь сказывалась не только въ его произведеніяхъ,—она постоянно проявлялась и въ его поведеніи. Онъ не только не скрывалъ своего крестьянскаго происхожденія, что встрѣчается рѣдко и теперь, а 50 лѣтъ тому назадъ было самымъ незауряднымъ явленіемъ; но, напротивъ, неизмѣнно подчеркивалъ это происхожденіе свое, гордился имъ. Любовь свою къ народу онъ выказывалъ всегда и словомъ, и дѣ-ломъ. И меньшая братія глубоко цѣнила это необычное отно-шеніе къ ней земляка, вышедшаго въ паны. Если изъ воспоми-

наній г-жи Крапивиной мы знаемъ, какъ полюбили „дядьку Тараса“ дѣти, къ которымъ онъ выказывалъ такую доброту и любовь, если изъ многихъ воспоминаній намъ извѣстно, какъ, знакомясь съ поэтомъ, цѣнили его лучшіе люди того времени, то на простолюдиновъ личность Шевченка и отношенія его къ нимъ должны были производить прямо таки неизгладимое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что ничего подобнаго они не видѣли со стороны другихъ пановъ. Авторъ „Грамотки“ любилъ крестьянство не только въ его совокупности, но и въ каждой отдѣльной личности изъ крестьянской среды; онъ знакомился и сближался съ нею, всегда находилъ подходящій матеріалъ для бесѣдъ, соштовъ и утѣшеній. Приведу лишь случайно дошедшія до меня свѣдѣнія, обрисовывающія отношенія Шевченка къ землякамъ — простолюдинамъ.

Покойный В. М. Юзефовичъ въ 1863 г. рассказывалъ мнѣ, что Тарасъ Григорьевичъ былъ въ большой дружбѣ съ Василиемъ, лакеемъ его отца М. В. Юзефовича. Въ годы, предшествовавшіе ссылкѣ 1847 г., Шевченко вмѣстѣ съ Костомаровымъ и Кулишомъ былъ желаннымъ гостемъ въ салонѣ М. В. Юзефовича и въ его кабинетѣ помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Часто бывая здѣсь по приглашенію, Шевченко познакомился и подружился съ Василиемъ; и вотъ онъ сталъ посѣщать послѣдняго, проводить съ нимъ въ передней цѣлыя часы, не мало шокируя этимъ „господъ“. Иногда, направляясь по приглашенію къ послѣднимъ, онъ въ передней вступалъ въ разговоръ съ Василиемъ; бесѣда затягивалась, и Шевченко слишкомъ поздно являлся въ гостинную. Объ этомъ знакомствѣ Шевченко не забылъ и во время продолжительнаго невольнаго отсутствія: послѣ возвращенія изъ ссылки, онъ, будучи въ Кіевѣ, ни разу не сдѣлалъ визита Юзефовичу, но съ Василиемъ онъ возобновилъ знакомство, посѣтилъ его и приглашалъ къ себѣ.

Припоминается мнѣ еще эпизодъ, въ которомъ также выразились особенности общенія Шевченка съ простолюдиномъ и сильное вліяніе, которое онъ оказывалъ на него. Въ 1864-мъ году я проживалъ лѣтомъ на дачѣ въ Китаевѣ (въ окрестностяхъ

Кіева). Здѣсь 6-го августа въ храмовой праздникъ всегда собирается много народу изъ Кіева, преимущественно простого. Послѣ богослуженія усаживаются въ лѣсу на голой землѣ небольшими группами, являются самовары, угощеніе, пѣніе и другія развлеченія. Въ томъ году я замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ сравнительно большую толпу, человекъ около 30-ти; подойдя ближе, я увидѣлъ, что посреди толпы на пнѣ срубленнаго дерева стоялъ небольшого роста и слабого сложенія человекъ въ коричневомъ сюртукѣ и обыкновенной фуражкѣ; съ виду ему было около 40 лѣтъ, лицо его, въ этотъ моментъ очень красное и сильно вспотѣвшее, было выбрито, кромѣ усовъ. Громко и внятно обращался онъ къ окружающимъ съ украинской рѣчью, говорилъ онъ съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ и съ сильной жестикуляціей. На мой вопросъ, кто это, стоявшій тутъ же слушатель отвѣтилъ мнѣ, что это кіевскій мѣщанинъ, портной Чапыга. Рѣчь его представляла какую-то восторженную импровизацію, не отличающуюся послѣдовательностью; онъ говорилъ о прошломъ Украины, о козакахъ, о гетьманщинѣ и ея уничтоженіи, объ императрицѣ Екатеринѣ II, Потемкинѣ, разореніи Запорожья, о Магдебургѣ и ея уничтоженіи, о крѣпостномъ правѣ, объ освобожденіи крестьянъ и надѣлѣ ихъ землею. Къ козачеству, Запорожью, Магдебургѣ и къ крестьянству Чапыга относился съ глубочайшимъ сочувствіемъ, а къ врагамъ ихъ, на которыхъ онъ указывалъ, съ беспощадной ненавистью. Рѣчь его не лишена была своеобразной силы и остроумія; въ ней постоянно приводились мѣткія пословицы, отрывки изъ народныхъ пѣсень, всего чаще изъ произведеній Шевченка, но отличалась она, кромѣ отсутствія послѣдовательности, также беспощадными, часто очень циничными сарказмами. Кончилось собраніе очень неожиданно: бывшіе въ числѣ слушателей солдаты обидѣлись за какую-то направленную по ихъ адресу остроуту Чапыги; началась взаимная брань, скоро перешедшая въ драку; толпа разсѣялась. Въ теченіе года я еще два встрѣчалъ Чапыгу; мои знакомые видѣли его не разъ на народныхъ гуляніяхъ, а также на вечерахъ въ Жандармскомъ саду (садъ находился тамъ, гдѣ теперь Николаевская, Ольгин-

ская и Меринговская улицы); его всегда окружала толпа, къ которой онъ, не всегда трезвый, обращался съ рѣчами, сходными со слышанной мною въ Китаевѣ. Вскорѣ потомъ я уѣхалъ изъ Кіева, и дальнѣйшая судьба Чапыги мнѣ неизвѣстна. Вспомнилъ я о немъ, потому что въ своихъ рѣчахъ онъ постоянно упоминалъ о Шевченкѣ, котораго глубоко почиталъ. Онъ приводилъ нѣкоторыя подробности, впрочемъ извѣстныя, изъ жизни Шевченка, рассказывалъ о его происхожденіи и грустной молодости, о его ссылкѣ, возвращеніи и смерти. При этомъ онъ постоянно ссылался на близкое личное знакомство съ Шевченкомъ, упоминалъ о томъ, что послѣдній не разъ бывалъ у него и у его пріятелей, подтверждалъ свои сообщенія ссылкой на слова, слышанныя отъ самого поэта; въ его словахъ о послѣднемъ ясно выражалось безусловное довѣріе къ авторитету Шевченка, чрезвычайное уваженіе къ нему какъ результатъ не только знакомства съ печатными его произведеніями, но и личнаго съ нимъ общенія.

Рѣзко отличался отъ Чапыги другой кіевскій мѣщанинъ, хоть и сходявшійся съ нимъ въ основныхъ мнѣніяхъ, также личный знакомецъ Тараса Григорьевича. Узналъ я его также случайно. Въ 1874 г. я пригласилъ къ себѣ на нѣсколько дней для работъ столяра, занимавшагося во дворѣ, гдѣ я квартировалъ. Ко мнѣ явился высокаго роста нѣсколько сторбленный старикъ лѣтъ 60-ти съ правильными чертами лица и окладистой черной съ просѣдью бородой; на немъ была простая повседневная одежда рабочаго. Назвалъ онъ мнѣ свою фамилію Киселевскій и тутъ же съ гордостью указалъ на свою принадлежность къ Кіевскимъ старожилымъ мѣщанамъ. Когда я спросилъ его, почему онъ прибавляетъ названіе „старожилый“, Киселевскій сталъ спокойно рассказывать мнѣ о Магдебургіи и о прежнихъ мѣщанскихъ правахъ. Къ прежней организаціи Кіева до введенія шестигласной думы онъ относился съ глубокимъ сочувствіемъ; его всего болѣе прельщали въ ней привилегіи мѣщанъ, принадлежавшихъ къ цехамъ, ихъ самоуправленіе, судъ и собранія. Съ гордостью вспоминалъ онъ о процессіяхъ при участіи городской милиціи, пѣшей

и конной, въ красивой формѣ съ ея гарматами, знаменами и музыкой. Съ грустью, но спокойно говорилъ онъ о „скасуваніи“ Магдебургіи при послѣднемъ войтѣ Кисилевскомъ—къ этому своему однофамильцу онъ относился враждебно. „Винъ одпурався видъ своихъ, приставъ до панивъ“, говорилъ онъ и привелъ цѣлый рассказъ о томъ, какъ этотъ войтъ продалъ мѣщанскія привилегіи. Шестигласная дума представлялась ему ничтожной, а къ „приписнымъ“ мѣщанамъ, противопоставляя ихъ старожилымъ, онъ относился враждебно и съ аристократическимъ высокомеріемъ.

Войдя въ мой кабинетъ, Кисилевскій увидѣлъ гипсовый бюстъ Шевченка по модели П. П. Забѣлло. Остановившись, онъ набожно перекрестился и проговорилъ: „Царство Тоби небесное, дядьку Тарасе“! Я уже зналъ, что старикъ неграмотенъ, и потому спросилъ, почему онъ знаетъ Шевченка. Оказалось, что онъ былъ близко знакомъ съ послѣднимъ, который не разъ посѣщалъ его и другихъ мѣщанъ въ ихъ домахъ въ кіевскомъ предмѣстѣи Куреневкѣ. Когда „дядько Тарасъ“ приходилъ къ кому-нибудь изъ нихъ, то хозяинъ обыкновенно приглашалъ своихъ пріятелей: приходъ Шевченка преимущественно бывалъ въ праздники и былъ для всѣхъ праздникомъ, рассказывалъ Кисилевскій. Происходило угощеніе „якъ на весили“, много пѣли, Шевченко декламировалъ свои произведенія и много рассказывалъ о старинѣ, о крѣпостномъ правѣ, о разныхъ бѣдствіяхъ украинскаго народа. „Винъ все говорить, а мы слушаемо, а часомъ и плачемо“, прибавилъ Кисилевскій. Слушая въ 1899-мъ году Татарчуковъ, я живо вспомнилъ о Кисилевскомъ, съ которымъ бесѣдовалъ за 25 лѣтъ передъ тѣмъ: старики съ одинаковой любовью, вѣрнѣе съ благоговѣніемъ относились къ памяти Тараса Григорьевича. И въ обоихъ случаяхъ передо мной неотразимо стояла мысль о томъ, что Шевченко, такъ часто обращавшійся къ образованнымъ землякамъ своимъ съ завѣтомъ, ярко выраженнымъ въ стихахъ „обнимите-жь, браты мои, найменьшого брата“, самъ въ своей жизни свято исполнялъ этотъ завѣтъ, служа для современниковъ и потомства наиболее яркимъ образцомъ любви къ родному народу.

В. Беренштамъ.

Памяти Николая Ивановича Гулака ¹⁾.

3 марта 1847 года студентъ кіевскаго университета Петровъ донесъ попечителю учебнаго округа Трескину, что онъ открылъ существованіе въ Кіевѣ тайнаго общества, основаннаго съ злославною политическою цѣлью чиновникомъ Гулакомъ. Въ подтвержденіе своего доноса Петровъ представилъ копію „устава славянскаго общества св. Кирилла и Меѳодіа“, списанную у Гулака. Документъ этотъ и послужилъ главною основою для обширнаго разслѣдованія, которое окончилось такъ трагически не только для самого Гулака, но и для его пріятелей и знакомыхъ: Шевченка, Костомарова, В. Бѣлозерскаго, Кулиша, Андрускаго, Аѳ. Марковича, Посяды и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, такъ или иначе пострадавшихъ по этому фатальному дѣлу. Главнымъ инициаторомъ замысла „украино-славянистовъ“ выставленъ былъ Гулакъ, въ то время 25-лѣтній юноша, и на его же долю выпала одна изъ самыхъ тяжкихъ каръ: по конфирмаціи 28 мая 1847 г., рѣшено было заключить его на три года въ Шлиссельбургскую крѣпость и потомъ отправить въ отдаленную губернію, подъ строжайшій надзоръ, „буде исправится въ образѣ мыслей“, какъ оговорено на докладѣ гр. Орлова имп. Николаемъ I.

Истинный характеръ и значеніе мнимаго Кирилло-Меѳодіевскаго общества нынѣ болѣе или менѣе выяснены. Самъ графъ

¹⁾ Кромѣ опубликованныхъ матеріаловъ, замѣтка составлена по разрозненнымъ наброскамъ покойнаго Н. А. Ригельмана, переданнымъ въ редакцію его сыномъ.

Орловъ въ докладѣ имп. Николаю I¹⁾ заявилъ, что общество это „было не болѣе, какъ ученый бредъ трехъ молодыхъ людей“, Костомарова, Гулака и В. Бѣлозерскаго, и существовало въ мысляхъ этихъ людей лишь нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего они сами поняли, что идеи ихъ были только ученныя мечты. Изъ доклада видно, что тремъ молодымъ ученымъ вмѣнялось въ вину намѣреніе соединить всѣхъ славянъ подъ скипетромъ русскаго императора и что въ ихъ собраніяхъ происходили неосторожныя и неосновательныя разговоры о предметахъ, о коихъ надлежитъ вѣдать правительству, а не ученымъ мечтателямъ. Но гр. Орловъ провидѣлъ послѣдствія этихъ мечтаній, медленныя и тѣмъ болѣе опасныя. Это заставило его предложить рядъ мѣропріятій въ отношеніи славянофиловъ вообще и остановить особое вниманіе на украино-славянистахъ. Трудно исчислить тяжкія для литературы и культурнаго развитія нашего отечества послѣдствія, такъ или иначе связанныя съ дѣломъ кирилло-миоодіевскаго общества. Послѣдствія эти были медленныя и постепенныя, но тѣмъ болѣе опасныя, и поневолѣ думается: кто же были эти свѣрхъные ученые мечтатели, привлечшіе такую внимательность власти?

Изъ трехъ мечтателей менѣе всего извѣстенъ Н. И. Гулакъ. Послѣ его смерти (26 мая 1899 года) появился въ „Рус. Вѣдомостяхъ“ (№ 248 отъ 8 сентября) краткій некрологъ А. Хаханова, да въ галицкомъ „Литер. Науков. Вістн.“ (кн. XII, дек. 1899 г.) небольшая замѣтка г. М. Грушевскаго,—вотъ, кажется, и все. О несчастныхъ мечтателяхъ и неудачникахъ много говорить не принято.

Н. И. Гулакъ принадлежалъ къ средней помѣщичьей семьѣ золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, жившей въ с. Гулаковкѣ. Родился въ 1822 году, высшее образованіе получилъ въ Дерптѣ, гдѣ окончилъ юридическій факультетъ съ званіемъ кандидата, а въ ноябрѣ 1854 г. поступилъ на службу въ штатъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова по секрет-

1) Напечатанъ въ Рус. Архивѣ 1892 г. кн. VII, стр. 335—359.

ному отдѣленію. По отзывамъ Костомарова и Бѣлозерскаго, Гулакъ прошелъ въ Дерптѣ прекрасную научную школу и явился въ Кіевъ съ отличными познаніями и широкими научными запросами. Встрѣча и сближеніе съ такими людьми, какъ Костомаровъ, Кулишъ, Бѣлозерскій, конечно не могла ослабить этотъ огонь любви къ наукѣ, горѣвшій въ Гулакѣ до конца его печальныхъ дней. Припомнимъ, что къ этому времени относится начало трудовъ кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ,—въ этомъ дѣлѣ принимали горячее участіе Юзефовичъ (М. В.), Иванишевъ, Ригельманъ, не говоря уже о Костомаровѣ и Кулишѣ. Гулакъ былъ прикомандированъ къ комиссіи для помощи при изданіи лѣтописи Величка, какъ объяснялъ Костомаровъ, или для перевода древнихъ бумагъ, какъ значится въ одномъ оффиціальномъ документѣ. По словамъ Костомарова, Гулакъ спеціально занимался исторіей Помераніи, но подъ вліяніемъ новой среды въ Кіевѣ мысль его направила на общеславянскія изученія, которыя онъ считалъ необходимыми, чтобы научно обосновать и осмыслить свою дѣятельность среди родного народа. Какъ и Ригельманъ ¹⁾, онъ находился въ перепискѣ съ извѣстнымъ Вячеславомъ Ганкой. „Преимущественное вниманіе—писать ему, между прочимъ, Гулакъ—обращалъ я до сихъ поръ на правомѣрныя отношенія низшихъ сословій какъ въ Россіи, такъ и у прочихъ славянъ, именно на рабовъ, невольниковъ, холоповъ, крестьянъ, подданныхъ и проч., какъ на предметъ, по важности и современности своей, предпочтительно предъ другими заслуживающій внимательнаго изученія“. Гулакъ просилъ Ганку прислать ему всѣ книги, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія по этимъ вопросамъ. Есть свѣдѣнія, что онъ занимался съ Костомаровымъ сербскимъ языкомъ, пользовался книгами изъ университетской бібліотеки, предполагалъ занять мѣсто учителя исторіи въ гимназіи послѣ Костомарова и готовился къ экзамену на магистра правъ, но, по словамъ Кулиша, не выдержалъ его, послѣ чего и рѣшилъ (въ началѣ 1847 г.) переѣхать въ Петербургъ.

Этотъ человѣкъ съ задатками нѣмецкаго геллертера живѣйшимъ образомъ интересовался также и вопросами современности, что и было уловлено чуткимъ ухомъ Петрова, подслушивавшаго сперва только изъ-за стѣны разговоры, происходившіе въ квартирѣ Гулака, въ домѣ протоіерея Андреевской церкви Завадскаго. Съ Гулакомъ жилъ двоюродный братъ его, студентъ ун—та Навроцкій, часто навѣщалъ его землякъ, тоже студентъ, А.о. Марковичъ, студенты Тулубъ, Посяда, Андрузскій; приходили Костомаровъ, Кулишъ, Бѣлозерскій, Пильчиковъ, молодые педагоги; бывали пріѣзжіе земляки и знакомые; раза три бывалъ и Шевченко. Въ этомъ дружескомъ кружкѣ, куда втерся и Петровъ, кипѣла живая бесѣда по всевозможнымъ вопросамъ прошлаго и настоящаго,—а Петровъ отмѣчалъ, что требовалось для доноса. Сходились пріятели также у Костомарова и Кулиша. Говорили о литературѣ, философіи, юриспруденціи, Германіи, дерптскомъ университетѣ, о крестьянахъ, политической экономіи, религіи; о нѣмецкихъ ученыхъ, чуждыхъ практическаго взгляда на жизнь; о необходимости освобожденія крестьянъ, образованія ихъ. Надѣялись, что русскіе помирятъ философію съ религіею. Говорили о неокатолицизмѣ, Штраусѣ. Словомъ, говорили обо всемъ, о чемъ, *mutatis mutandis*, и нынѣ говорятъ мечтатели, чуждые практическаго взгляда на жизнь. Внимательный Петровъ отмѣтилъ особенно рѣчи земляка Гулака, помѣщика Савича, интересовавшагося социальнымъ движеніемъ на Западѣ. Случалось слышать эти кипучія рѣчи и Шевченку, который упрямо твердилъ свое: „я ничего не хочу, тильки щобъ люде свого не цуралысь“.

Въ этомъ блистательномъ кружкѣ молодыхъ мечтателей, кипѣвшихъ любовью къ родному народу, его славному и тяжкому прошлому, ужасавшихся угнетеннымъ положеніемъ закрѣпощенной массы и думавшихъ открыть ей перспективы широкаго развитія въ будущей славянской федераціи ¹⁾, Гулакъ выделялся своимъ беспощаднымъ критицизмомъ, постояннымъ стрем-

1) Н. И. Костомаровъ, Литер. наслѣіе, 62.

леніемъ поставить каждый вопросъ спора на широкомъ философскомъ основаніи. Съ рождества 1845 г. по февраль 1846 г. въ его квартирѣ проживалъ Костомаровъ, въ то время учитель исторіи въ кievской первой гимназіи, и къ этому именно времени относится наибольшее увлеченіе друзей идеей славянской взаимности. В. Бѣлозерскій ¹⁾ отмѣчаетъ, что Костомаровъ обращалъ вниманіе друзей на изученіе фактовъ и совѣтовалъ бросить славянскую хвастливость; Гулакъ, будучи характера серьезнаго и укрѣпленнаго нѣмецкою ученостью, требовалъ, чтобы Костомаровъ доказывалъ свои мысли фактами. Они стали подвергать историческую жизнь славянъ строгому критическому разбору и серьезно заниматься изученіемъ славянскихъ народовъ. Первое и главное средство въ этомъ—языкъ изучаемаго народа, и такъ какъ малорусскій языкъ былъ къ нимъ ближайшимъ, то они обратились къ занятію имъ. Съ этимъ соединилось изученіе русской исторіи, и ихъ стали занимать всѣ подробности древней ея части: они, можно сказать, погрузились тогда въ имена и факты. Толковали о норманнахъ и варягахъ, ятвягахъ, берендѣяхъ, торкахъ, и, по словамъ Бѣлозерскаго, скучны были эти бесѣды для студентовъ Маркевича и Навроцкаго, жаждавшихъ живого дѣла на пользу народа и боготворившихъ Шевченка. Сложный процессъ мысли, происходившій въ Гулакѣ, вѣроятно былъ не вполне понятенъ младшему поколѣнію. Изъ дерптскаго университета вынесъ Гулакъ рѣдкія познанія, любовь къ наукѣ и нѣмецкую честность и добропорядочность. Онъ желалъ, чтобы все существующее вытекало изъ логическихъ законовъ, и осуждалъ всякій поступокъ, который расходился съ этими законами. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Гулака выражалась необыкновенная скромность и благоразуміе, свойственныя его характеру; поступки его были запечатлѣны честностью и уваженіемъ къ праву cadaго человѣка на обходительное съ нимъ обращеніе. Сужденіе свое онъ предлагалъ съ величайшею осто-

1) См. Киев. Стар. 1897 г., февраль: Кіевскіе славянисты сороковыхъ годовъ, стр. 183.

рожностью и безъ самоувѣренности, какъ бы ни былъ убѣжденъ въ справедливости своей мысли. „Вы, я думаю—писалъ, между прочимъ, Гулаку Бѣлозерскій изъ Полтавы въ 1846 году—такъ много трудитесь для общественной пользы, ваши предположенія такъ дальновидны и благородны, что я многимъ, многимъ готовъ-бы пожертвовать, чтобы хоть во снѣ живо почувствовать благодѣтельное впечатлѣніе вашей бесѣды“. Аѳ. Марковичъ писалъ Гулаку съ пафосомъ: „Любовь самая горячая, какую только воображалъ я—да что, воображалъ? и не воображалъ никогда!—къ нашей плачевной родинѣ, поразила меня до глубины души. Какъ! Любить такъ, какъ вы любите,—не какъ предметъ вашей жизни и занятій, безкорыстно, съ вѣрою и надеждою? Да кто, скажите, кто такъ любитъ или любилъ когда Малороссію?.. Вы понимаете, чего стоить, какой любви родина наша; понимаете, потому что любите ее возвышеннѣйшею въ свѣтѣ любовью; въ разливѣ своего неограниченнаго чувства вы надѣетесь и ждете отъ насъ больше, чѣмъ мы можемъ сдѣлать для нашей родины. Не хочу называть другихъ, а укажу только на себя, на котораго вы надѣетесь, якъ на передни воли“...

Видно, что Гулакъ старался поддерживать въ своихъ молодыхъ друзьяхъ изъ студентовъ стремленіе къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ. Такъ, онъ упрекаетъ Посяду, что тотъ не занимался славянскими языками, самъ преподаетъ нѣмецкій языкъ Марковичу и Навроцкому; наканунѣ выѣзда въ Петербургъ (въ началѣ 1847 г.) онъ присылаетъ Петрову „Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи“,—все это черточки мелкія, но онѣ даютъ понятіе о человѣкѣ.

Теоретическія разсужденія о роли славянства въ будущемъ и о бѣдствіяхъ народа въ настоящемъ не удовлетворяли Гулака. Видимо, онъ старался стать на почву живого дѣла на пользу народную. Онъ предложилъ издавать популярныя книги на понятномъ народу языкѣ и денежную складчину на это дѣло. На собранныя небольшія деньги, полученные отъ Костомарова и Гулака, Кулишъ издалъ „Карманную книжку для помѣщиковъ или лучший способъ управлять имѣніемъ“. Гулакъ обсуждалъ съ

Бѣлозерскимъ проектъ устройства въ Полтавѣ школы для дѣтей крестьянъ, объ изданіи журнала на всѣхъ славянскихъ языкахъ; подъ его вліяніемъ подготовленъ былъ Маркевичемъ для изданія переводъ на малорусскій языкъ „Сельскаго Чтенія“ Одоевскаго, съ нимъ обсуждался проектъ составленія популярной исторіи Украины и малорусскаго словаря.

Что заставило Гулака переѣхать въ началѣ 1847 г. въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ на службу въ канцелярію совѣта университета, въ точности неизвѣстно. Быть можетъ, онъ разсчитывалъ найти въ столицѣ болѣе широкую арену для научной работы и практической дѣятельности на пользу родного народа. Но крайней мѣрѣ, Кулишъ именно ради этого звалъ его въ столицу и отговаривалъ отъ возвращенія въ Дерптъ. „Здѣсь—писалъ Кулишъ Гулаку изъ Петербурга въ 1846 г.—вы можете достигнуть всѣхъ своихъ цѣлей еще лучше, нежели въ Дерптѣ, а между тѣмъ можете многое сдѣлать для литературы украинской. Во мнѣ вы найдете самаго преданнаго вамъ человѣка и, соединивши свои силы, мы съ вами приведемъ въ исполненіе многое. Еще разъ говорю: подумайте. Нужно вамъ сказать, что Василь Михайловичъ (Бѣлозерскій) можетъ быть также сюда пріѣдетъ, а въ Дерптѣ что вы найдете ему подобное? не правда-ли?“ Въ другомъ письмѣ: не „добро вамъ быти единому посреди нѣмецъ. Въ Петербургѣ такъ умѣютъ цѣнить всякое достоинство, что вы вездѣ найдете себѣ свободную дорогу; и то, что вы можете сдѣлать здѣсь, никогда не будетъ сдѣлаво въ Дерптѣ... Нѣмцы холодны къ тому, отъ чего у насъ русскихъ головы трещать и сердца разрываются, и зачѣмъ же ѣхать въ страну отвлеченнымъ знаній, вмѣсто того, чтобы спѣшить принять участіе въ водоворотѣ современной русской жизни? Многое, многое вы здѣсь узнаете, о чемъ писать не подobaетъ“.

На Рождество 1846 года пріятели „колядовали“ въ квартирѣ Гулака. 9 января 1847 г. Гулакъ выѣхалъ въ Петербургъ и до Борзны ѣхалъ съ Шевченкомъ, а 18 марта того же года коллежскій секретарь Гулакъ былъ арестованъ по обви-

ненію въ принадлежности къ тайному обществу. Первый допросъ его происходилъ 1 апрѣля 1847 года.

Въ Кіевѣ между тѣмъ шла своя разборка. Какъ рассказываетъ Костомаровъ,¹⁾ на допросѣ въ ночь на 27 марта 1847 г. Писаревъ увѣрялъ, что Гулакъ подалъ на него, Костомарова, доносъ въ III отдѣленіе и представилъ его рукопись.—Исторія этой рукописи темна, но самъ же Костомаровъ признаетъ, что предъявленная ему 27 марта рукопись была взята у него, якобы ради дружеской услуги, въ тотъ-же день другимъ лицомъ, и конечно не Гулакомъ. Тѣмъ не менѣе, рѣчи допрашивающихъ о Гулакѣ, рассчитанныя на легковѣріе взволнованнаго Костомарова, произвели на послѣдняго сильное впечатлѣніе: въ душѣ его остался горькій осадокъ, явилось даже озлобленіе противъ отсутствующаго Гулака. Такое настроеніе печально отразилось на послѣдующихъ допросныхъ рѣчахъ Костомарова о Гулакѣ: знаменитый историкъ изобразилъ его, какъ человѣка, напитаннаго дерптскимъ корпоративнымъ духомъ, чуть-ли не помѣшаннаго на обществахъ, легкомысленнаго, поддававшагося впечатлѣнію отъ каждой новой книжки, вѣчно мѣнявшаго свои взгляды и вообще характера до крайности страннаго. Костомаровъ старался увѣрить допросителей,—что съ „глупѣйшими бреднями“ Гулака объ образованіи какого то общества онъ не имѣлъ ничего общаго, и т. п. Еще когда Костомарова везли въ Петербургъ, на броварской станціи ночевалъ Андрузскій. Утромъ его вызвали къ Костомарову. „Я не вѣрю—разсказываетъ Андрузскій—выхожу,—точно онъ!—„За что васъ?“ спросилъ я.—Да Гулакъ въ Петербургѣ чортъ знаетъ что написалъ, а на меня своротилъ, а сегодня—день моей свадьбы!—Сѣвши на повозку, Костомаровъ проговорилъ по французски: „скажите Марковичу, чтобы былъ остороженъ, и другимъ, а я отвѣчалъ по-французски же: храни васъ, Боже!“

Подозрѣнія противъ Гулака, внушенныя Костомарову въ Кіевѣ для удобства допроса, не имѣли и тѣни основанія. Какъ

¹⁾ А. Я. Конисскій. Жизнь укр. поэта. Т. Г. Шевченка. (Одесса, 1898), стр. 252.

сказано, первый допросъ Гулаку происходилъ 1 апрѣля 1847 года, послѣ предварительнаго изслѣдованія его бумагъ, въ которыхъ, кромѣ устава, не оказалось ничего, относящагося къ мнимому кирилло-меодіевскому обществу. На всѣ хитро поставленные вопросы объ обществѣ Гулакъ отвѣчалъ неизмѣннымъ: „не знаю“. На вопросъ, почему Бѣлозерскій считаетъ художника Шевченка человѣкомъ, который способенъ угадывать потребности народа и даже цѣлаго вѣка, Гулакъ отвѣчалъ: вѣроятно потому, что въ немъ большія поэтическія дарованія. На вопросъ, почему въ найденной большой тетради Гулакъ старался показать положеніе рабовъ въ Россіи въ самомъ ужасномъ видѣ, слѣдовалъ краткій отвѣтъ: я старался показать ихъ положеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно мнѣ самому представлялось.—Спокойная лаконичность отвѣтовъ Гулака производила крайне непріятное впечатлѣніе на допрашивающихъ,—она представляла рѣдкій контрастъ со словоохотливостью и даже откровенностью нѣкоторыхъ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, исключая, однако, Шевченка, который тоже не любилъ распространяться и ограничивался лишь неизбѣжнымъ, да Кулиша, который много показывалъ, но не удовлетворялъ любопытства. Слѣдственные матеріалы накопились въ огромномъ количествѣ, но какъ ихъ ни сортировали, все таки оказывались въ натурѣ лишь „ученныя бредни трехъ мечтателей“, какъ иронизировалъ графъ Орловъ.—15 мая 1847 г. Гулаку сдѣлана была очная ставка съ Бѣлозерскимъ, Костомаровымъ, Посадой, Андрусовымъ и Петровымъ. Цѣлю очной ставки было добиться отъ Гулака признанія въ ученыхъ мечтахъ, о которыхъ показали Костомаровъ и Бѣлозерскій. Отвѣтъ Гулака былъ неизмѣнно одинъ и тотъ же: не знаю. Послѣ этого Гулаку, вѣроятно, были предъявлены подлинныя, или въ выдержкахъ, показанія Костомарова и Бѣлозерскаго, потому что 17 мая онъ сдѣлалъ письменное заявленіе, что показанія ихъ на него совершенно справедливы, т. е. въ исходѣ 1845 г. и въ началѣ 1846 г. они условились общими силами содѣйствовать къ скорѣйшему соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ подъ русской державой и распространенію въ нихъ пра-

вославія, уговорились носить въ память этого памѣренія кольца съ именемъ св. Кирилла и Меѳодія; что въ исходѣ 1846 года онъ сочинилъ и написалъ найденныя у него бумаги: уставъ общества св. Кирилла и Меѳодія и рукопись, именуемую „Законъ Божій“; никого къ обществу не старался привлекать и, сколько помнитъ, никакихъ политическихъ разговоровъ съ Андрусовымъ, Посядой и Петровымъ не велъ.

Въ дѣйствительности, уставъ общества былъ составленъ Бѣлозерскимъ, а рукопись „Законъ Божій“, найденная въ бумагахъ Гулака, Костомаровымъ, что они и признали. Такимъ образомъ, Гулакъ думалъ своимъ показаніемъ спятъ или уменьшить кару Бѣлозерскаго и Костомарова. Если онъ и достигъ этой цѣли, то лишь косвенно и, такъ сказать, дѣйствіемъ контраста: неоткровенность его обратила на себя особое вниманіе гр. Орлова, который въ докладѣ имп. Николаю I аттестовалъ Гулака, какъ „главнаго руководителя украинно-славянскаго общества, въ началѣ и долго заправлявшаго въ своихъ преступныхъ замыслахъ, а еще болѣе, какъ человѣка, способнаго на всякое вредное для правительства предпріятіе“. Этимъ и вызвана была оговорка въ конфирмаціи 28 мая 1847 г.: „буде исправится въ образѣ мыслей“, тогда какъ Бѣлозерскій былъ освобожденъ отъ четырехмѣсячнаго содержанія въ крѣпости именно „за откровенность“ и отправленъ прямо на службу въ Олопецкую губернію.

По выдержаніи въ Шлиссельбургской крѣпости, Гулакъ былъ сосланъ въ Пермь; черезъ годъ ему разрѣшено поступить на службу въ мѣстный статистическій комитетъ. Восемь лѣтъ спустя онъ переѣхалъ въ Одессу, гдѣ сперва преподавалъ русскій языкъ и географію во 2-й гимназій, а съ 1861 г. математику въ рিশельевскомъ лицей. Затѣмъ судьба педагога занесла его въ Керчь, гдѣ онъ преподаетъ исторію и естественныя науки въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; въ Ставрополѣ онъ обучаетъ гимназистовъ физикѣ, въ Кутаисѣ—физикѣ и космографіи, наконецъ, въ Тифлисѣ—математикѣ, физикѣ, латинскому и гре-

ческому языку. Вышелъ онъ въ отставку съ пенсіей въ 1886 г. Г. Грушевскій помнитъ его, какъ преподавателя греческаго языка въ третьемъ классѣ Тифлисской гимназіи въ 1880—81 году. Уже тогда Гулакъ выглядѣлъ разбитымъ старикомъ, съ трудомъ ходилъ и говорилъ и подвергался безжалостнымъ преслѣдованіямъ учениковъ. Особенно допекали ему пѣніемъ греческаго алфавита на мотивъ „И лѣтъ трицѣтъ“. Согбенный судьбою старецъ рѣдко посѣщалъ уроки и лишь дослуживалъ срокъ. Какъ говорятъ, въ тюрьмѣ ему дозволено было имѣть книги по математикѣ, и это дало новое направленіе его занятіямъ, результатомъ которыхъ были спеціальныя труды: „О четвертомъ измѣреніи“ и „О рѣшеніи трансцендентальныхъ уравненій“ (на франц. языкѣ). Въ Тифлисѣ онъ изучилъ грузинскій языкъ и опубликовалъ разборъ грузинской классической поэмы Руставели „Барсова кожа“ и персидскаго романа Гургани „Впераміани“, въ грузинскомъ переводѣ С. Тмогвели. Для „Сборника мат. для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа“ имъ составлены статьи: „О знаменитомъ персидскомъ поэтѣ Низами и его поэмѣ“, „Походъ руссовъ противъ Бердаа“ и „О мѣстѣ, занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индоевропейскихъ языковъ“. По отзыву Хаханова, послѣдняя статья отличается новизною взглядовъ, но не рѣшаетъ вопроса о принадлежности картавельскихъ языковъ къ арійской семьѣ. Г. Горяевъ сообщилъ г. Грушевскому воспоминанія свои о Гулакѣ по Тифлису и Елисаветполю, гдѣ Гулакъ доживалъ дни въ семьѣ падчерицы. Въ Тифлисѣ знали Гулака, какъ человѣка необыкновенно благороднаго, честнаго и высокоправственнаго. Тюрьма и ссылка сдѣлали его чудачкомъ. Онъ никому не кланялся, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, неохотно и коротко отвѣчалъ на вопросы, ни у кого не бывалъ и къ себѣ не пускалъ, особенно въ библіотеку, куда не смѣла войти даже жена и падчерица. Почти ежегодно читалъ онъ въ Тифлисѣ публичныя лекціи о микробахъ, Нибелунгахъ, системѣ Кюнта и Лапласа, о „Барсовой кожѣ“ Руставели, о спектральномъ анализѣ, Кирхгофѣ, Шопенгауэрѣ и т. д., но клубный залъ, гдѣ читались лекціи, далеко не изобилдовалъ слушателями.

На археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ судьба снова свела Гулака съ давнимъ другомъ Костомаровымъ, который подошелъ къ нему и поцѣловалъ. Гулакъ смутился, не зная что сказать, что-то пробормоталъ и тотчасъ отошелъ къ прежнему своему собесѣднику. Костомаровъ былъ видимо изумленъ, такъ же какъ и свидѣтель этой тяжелой сцены г. Горяевъ.

Н. М.



ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Изъ воспоминаній В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченкѣ.
Приведенный ниже рассказъ, полученный нами отъ бывшаго члена нѣжинскаго окружного суда, покойнаго Василя Яковлевича Макарова, извлеченъ изъ письма сестры его Варвары Яковлевны Карташевской, которое 24 февраля 1899 г. было написано въ отвѣтъ на обращенную къ ней просьбу—рассказать, что она помнитъ о Т. Г. Шевченкѣ. Понявъ эту просьбу такимъ образомъ, что В. Я—чъ М—въ собирается написать статью для Кіев. Ст., и одобряя это намѣреніе, В. Я. К—ая сначала оговаривается, что мало можетъ помочь ему, а затѣмъ излагаетъ свои воспоминанія, къ которымъ, какъ написаннымъ наскоро и не для печати, нельзя конечно и предъявлять большихъ требованій. Будучи, къ сожалѣнію, слишкомъ краткими, эти воспоминанія прибавляютъ нѣсколько черточекъ къ исторіи попытокъ Шевченка жениться и къ характеристикѣ его бывшей неvěсты Лукерьи Полусмаковой, вывезенной Макаровыми изъ нѣжинскаго уѣзда. Такъ какъ авторомъ разсказа является лицо, хорошо знавшее, какъ Шевченка, такъ и Полусмакову, то матеріалъ этотъ, при всей его краткости, не можетъ не имѣть значенія для біографовъ Шевченка.

Н. Ш.

«Я познакомилась съ Шевченкомъ въ 58 году, когда его вернули изъ ссылки. Встрѣтилась я съ нимъ на вечерѣ у В. М. Бѣлозерскаго, пріятеля брата Nicolas ¹⁾. Съ перваго нашего знакомства у насъ съ

¹⁾ Т. е. Николай Яковлевича Макарова.

Т. Г. завязались дружескія отношенія. Онъ приходилъ часто по вечерамъ. Говорилъ откровенно о своей неудачной и загубленной жизни. Читалъ мнѣ стихи. Разъ вечеромъ очень взволнованный ходилъ по комнатамъ и попросилъ у меня листъ бумаги, присѣлъ и написалъ мнѣ «Садокъ вышневыи коло хаты» ¹⁾. Онъ признался, что на старости лѣтъ ему хотѣлось бы жениться и имѣть такую обстановку съ хаткой и садикомъ. На его горе, въ 59 году *татап* пріѣхала ко мнѣ и привезла съ собою Лукерію. Она ему очень понравилась. Дѣйствительно, она была молода, свѣжа, но я увѣряла его, что нравственно она ничего не стоитъ; ко всѣмъ своимъ недостаткамъ она была очень лѣнива. Онъ поэтизировалъ ее и говорилъ, что всѣ эти недостатки пройдутъ, когда она будетъ чувствовать себя свободной. Онъ ошибался. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я просила братьевъ дать лакею Николѣю свободу, а позже и Лукерію дали свободу. Это не измѣнило ее къ лучшему. — Я вспомнила, что Лукерія пріѣхала въ Петербургъ совсѣмъ больная; докторъ объявилъ у ней чахотку. Мы всѣ потревожились, и добрый Nicolas самъ отвезъ ее въ больницу, гдѣ она провела шесть недѣль. Послѣ болѣзни она очень расцвѣла, и бѣдный Шевченко болѣе прежняго влюбился. Весной въ 60-мъ году я съ больнымъ мужемъ уѣхала за границу, а Лукерію помѣстила у жены Кулиша. Тамъ Лукерія не хотѣла работать, и Шевченко перевезъ ее къ своимъ пріятельницамъ, т—те Ивановой, сестрѣ графини Толстой. Ее тамъ баловали и носили на рукахъ. Нашли нужнымъ взять ей учителя, который, какъ говорилъ, началъ за ней ухаживать. Бѣдный Шевченко не выдержалъ, разбранилъ ее и прогналъ. Лукерія писала мнѣ за границу, что она умоляетъ меня опять взять ее въ услуженіе. Но я категорически отказала и совѣтовала искать мѣста. Она была недолго во французскомъ магазинѣ, гдѣ продавала бѣлье, и потомъ переѣхала въ Царское село и вышла замужъ за парикмахера. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она приходила ко мнѣ, но я ее съ трудомъ узнала, до того она измѣнилась. Объявила, что она прогнала своего мужа за пьянство, но парикмахерскую не закрыла. Бѣдный Шевченко былъ очень огорченъ своимъ неудачнымъ сватовствомъ. Я съ Надей ²⁾

¹⁾ Кажется, „Садокъ“ былъ прежде напечатанъ, такъ что стихи не были экзпромитомъ. — „Примѣчаніе В. Я. К—ой. Оно написано было въ 1847 году и посвящено Аф. Ал. Лазаревской; печатается въ изданіяхъ „Кобзаря“ подъ заглавіемъ „Вечиръ“.

²⁾ Дочь В. Я. К—ой.

ѣздила въ Академію къ нему. Онъ рисоваль Надія портретъ, который, къ сожалѣнію, исчезъ, какъ всѣ мои вещи, оставленныя въ Птерѣ. Съ Тургеневымъ я случайно встрѣтилась у Шевченка въ его студіи. Онъ слышалъ о нашихъ малороссійскихъ вечерахъ и просилъ позволенія приѣхать. Тогда появилась малороссійская писательница Марко Вовчокъ (Маркевичъ). Бѣлозерскій и Шевченко возносили ее до небесъ. Шевченко послѣ каждаго разсказа кричалъ: «Шекспиръ, Шекспиръ!»

Оканчивая на этомъ свой разсказъ о Шевченкѣ, В. Я. К.—ая въ дальнѣйшемъ изложеніи письма извиняется, что за давностью лѣтъ и старостью не можетъ больше ничего вспомнить.

Какъ поминали въ церквяхъ гетмана Разумовскаго. Приводимый ниже указъ о формѣ этого поминовенія отысканъ мною при разборѣ архива въ Николаевской церкви села Свиржа, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Черниговской губ. Считаю нелишнимъ предварительно сказать нѣсколько словъ объ исторіи этого стариннаго поселенія.

Село Свиржъ (въ архіепископскихъ грамотахъ и гетманскихъ универсалахъ „Свѣржъ“) съ сосѣдними съ нимъ селами, принадлежало въ XVIII ст. къ числу владѣній Черниговской архіепископской кааедры и служило центральнымъ мѣстомъ, откуда исходили распоряженія по управленію за-Десенскими ¹⁾ „маетностями“ монастыря: это была „волость“, гдѣ всегда находился монахъ, называемый въ указахъ „правителемъ“. Архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, жившій нѣкоторое время въ Новгородъ-Сѣверскѣ, вѣроятно, бывалъ и въ Свиржѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гетману Брюховецкому онъ, жалуюсь на то, что у него отобрали три монастырскія маетности, рыбныя озера, перевозъ на р. Деснѣ, упоминаетъ также и объ отнятомъ „млынѣ на Свѣржи“, который „надали монастырю прошліи гетмани“. Позже, именно въ 1707 г., здѣсь была даже церковь въ честь Лазари, построенная, вѣроятно, однимъ изъ преемниковъ Барановича по черниговской кааедрѣ. Это видно изъ старинной надписи на иконѣ Богородицы, гдѣ можно прочесть: «изо-

¹⁾ Рѣка Десна дѣлитъ Новг.-Сѣверскій уѣздъ на двѣ части.

брався икона сія до храму св. и праведнаго Лазаря, до Свѣржа року 1707». Впослѣдствіи, какъ говоритъ мѣстное преданіе, эта церковь была перенесена въ сосѣднее село Антоновку, а въ Свиржѣ построень, существующій нынѣ, Николаевскій храмъ. Это было, какъ видно изъ данныхъ церковной лѣтописи, приблизительно между 1745—1750 г.

Красивое мѣстоположеніе Свиржа, къ тому-же защищеннаго въ былия времена непроходимымъ лѣсамъ, привлекало иной разъ къ себѣ и позднѣйшихъ черниговскихъ архіереевъ. Такъ, въ частной переписки черниговскаго полковника Павла Леонтьевича Полуботка съ архієпископомъ Иродіономъ Журавковскимъ видно, что послѣдній жилъ нѣкоторое время въ Свиржѣ.

Приводимый указъ, относящійся къ 1751 году, имѣетъ нѣкоторый интересъ, какъ документъ для оцѣнки отношеній императрицы Елѣсаветы Петровны къ графу гетману Кир. Григ. Разумовскому. Ее, какъ видно, смущало плебейское происхожденіе Разумовскаго. Какъ извѣстно, она приказала даже составить особую генеалогическую таблицу, гдѣ доказывалось, что родъ Разумовскихъ ведетъ свое начало чуть не отъ Августа. Нужно думать, что и особая форма помпозованія гетмана Разумовскаго на богослуженіяхъ—выѣсто «благороднаго» «высокоблагороднаго»,—употреблявшаяся сначала лишь въ Кіевской епархіи, получила санкцію общаго употребленія, вѣроятно, по волѣ императрицы.

Привожу самый указъ, сохраняя, насколько это оказалось возможнымъ, правописаніе того времени.

„Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійскія изъ консисторіи епископіи Чернѣговской, волости катедральной Свѣржской правителю пречестному іеромонаху Иннокентію Смиречанскому. Хотя прошлаго 1750 года, сентября 28 дня, по состоявшемуся опредѣленію посланными зъ консисторіи указами между прочимъ велѣно, за древнее в малороссійскихъ епархіяхъ обыкновеніе о воспоминаніи всѣхъ прежнихъ Малыя Россіи гетмановъ на священнослуженіяхъ церковныхъ, в надлежащихъ мѣстахъ, во всѣхъ епархіяхъ Чернѣговской монастырахъ и церквахъ противъ воспоминованіе прежнихъ Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра і войскъ Запорожскихъ гетмана, ея Императорскаго Величества дѣйствителнаго камергера Императорской санктъ петербурской Академіи наукъ президента лейбъ гвардіи взмаловскаго полку подполковника, и ордынцовъ святаго Александра, такожъ полскаго Бѣлого Орла и голштинскаго святаго Анны кавалера.

Россійскія Имперіи графа Кирила Григоріевича Разумовскаго воспоминать тако: «Благороднаго Күрила гетмана», за незнаніемъ, какъ за отличность особливѣйшихъ Его ясневѣлможности показанныхъ предъ всѣми прежними гетманами предикатовъ надлежало воспоминать; однакъ яко нынѣ извѣстно Консисторіи, что въ кievской епархіи чинится воспоминаніе тако: высокоблагороднаго сіятельнаго Графа Күрила Григоріевича, гетмана Малія Россіи; для того и опредѣлили: послать зъ консисторіи во всѣ епархіи Черніговской Духовные правительства указы, чтобъ и в епархіи Черніговской на церковныхъ священнослуженіяхъ, в подлежащихъ мѣстахъ, во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ по вписанному его ясневѣлможности воспоминаніе чиненно тако: «высокоблагороднаго сіятельнаго графа Күрила Григоріевича, гетмана Малія Россіи», и волости катедральной Свѣржской правителю, пречестному іеромонаху Інокентію Смирчанскому чинити о томъ по сему Ея Императорскаго Величества указу».

Троецкого Іліинскаго Черніговскаго монастыря архимандритъ Іраклій. Успенскаго Елецкаго Черніговскаго монастыря архимандритъ Димитрій. Катедральный Экилисіархъ іеромонахъ Тимофей. Катедр. Консисторіи реентъ іеродіаконъ Германъ. Канцеляристъ Стефанъ Быльскій.

1751 года октябрь: 9 дня.

Сообщилъ С. Рклицкій.

Воспрещеніе повѣнчаннымъ молодымъ жить врозь до свадьбы. Приводимый ниже консисторскій указъ 1789 года, сообщенный С. Рклицкимъ изъ архива церкви с. Свиржа, касается чрезвычайно интереснаго народнаго обычая, съ которымъ церковь безуспѣшно боролась въ теченіе двухъ вѣковъ, но который и въ настоящее время бытуетъ въ народной жизни въ Малороссіи. Дѣло идетъ о борьбѣ между древнимъ народнымъ бракомъ и бракомъ церковнымъ, иначе—говоря языкомъ древняго обычнаго права—между *весильемъ* и *шлюбомъ*. Еще двадцать лѣтъ назадъ покойный профессоръ А. Θ. Кустяковскій, лучшій тогда знатокъ обычнаго права, высказалъ такое положеніе: «Не подлежитъ сомнѣнію, что *весилье* есть древнѣйшая дохристіанская форма заключенія брака, надъ которою хотя бракъ церковный получилъ преимущество, но которая до сихъ поръ свято соблюдается малороссійскимъ народомъ и устанавливаетъ моментъ дѣй-

ствительнаго супружескаго сожитія, тогда какъ бракъ церковный— нѣтъ». Съ тѣхъ поръ, какъ были высказаны эти слова, обнародовано много актовыхъ матеріаловъ изъ области древняго брачнаго права въ Малороссіи, появились спеціальныя изслѣдованія объ этомъ предметѣ,—и всѣ они вполне подтверждаютъ положеніе А. О. Кистяковского. Еще недавно на страницахъ нашего журнала помѣщено одно изъ такихъ изслѣдованій о формахъ заключенія браковъ въ Южной Руси въ XVI—XVII вв., гдѣ подробно, на основаніи документальныхъ свидѣтельствъ, опредѣлено значеніе «весилля» и его отношеніе къ церковному вѣнчанью. Въ болѣе ранніе вѣка само малороссійское духовенство,—не только низшее, но и высшее,—снисходительно относилось къ древнему народному воззрѣнію, что не вѣнчанье, а «весилле» полагаетъ начало дѣйствительному супружеству, и только настаивало, чтобы весиллю обязательно предшествовало церковное вѣнчанье, безъ котораго въ болѣе раннее время обходились не только простолюдины, но часто и лица высшихъ классовъ. Но съ тѣхъ поръ какъ южнорусская церковь была подчинена строгому надзору со стороны вновь учрежденнаго св. Синода и въ Малороссіи стали вводиться великорусскіе церковные порядки, было обращено вниманіе и на мѣстные обычаи, касавшіеся брака. Тогда былъ окончательно истребленъ древній обычай «розлуки», т. е. брачнаго развода по взаимному соглашенію супруговъ; тогда же было замѣчено и то, что въ Малороссіи не церковное вѣнчанье, а публично отправляемый по извѣстному ритуалу актъ «весилля» полагаетъ начало дѣйствительному супружеству. Оказывается, что въ 1744 году св. Синодъ исходатайствовалъ даже Высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось «пресѣчь таковой противный обычай», для чего, сообразно духу эпохи, строго предписывалось духовенству: «не отпуская брачавшихся изъ церквей», брать съ нихъ подписки въ томъ, что они немедленно, не ожидая «весилля», станутъ жить совмѣстно, какъ подобаетъ супругамъ, а кто изъ повѣнчанныхъ будетъ до свадьбы жить врозь, тѣхъ разыскивать, доносить о нихъ архіереямъ и подвергать епитиміи, какъ за прелюбодѣяніе. Конечно, исполненіе этого указа могло только компрометировать въ глазахъ народа духовенство, вынужденное полицейски вникать въ такіе интимныя области, какъ супружеское сожительство, а положеніемъ вещей ни въ чемъ не измѣнило. Изъ помѣщаемаго ниже документа мы убѣждаемся, что въ концѣ XVIII ст. прежній обычай господствовалъ въ Малороссіи, и общественное мнѣніе карало позоромъ всякаго, кто до свадьбы

вступилъ бы въ супружескія права. Мало того, отсюда же мы узнаемъ, что, если послѣ вѣнчанья свадьба почему-либо долго откладывалась, то молодые нерѣдко и совсѣмъ расходились—точь въ точь такъ это сплошь и рядомъ бывало въ Малороссіи въ XVI—XVII ст., когда въ дѣлѣ заключенія брака актъ «весѣльный» имѣлъ рѣшающее значеніе, а церковное вѣнчанье считалось не болѣе, какъ благочестивымъ обычаемъ, безъ котораго бракъ не терялъ ничего въ смыслѣ законности и дѣйствительности.

Какъ часто бываетъ въ жизни, этотъ интересный конфликтъ писаннаго закона съ живымъ народнымъ обычаемъ закончился извѣстнымъ компромиссомъ, въ силу котораго церковное вѣнчанье стали совершать въ самый день свадьбы. Но и въ настоящее время, если по какимъ-либо причинамъ оказывается необходимымъ разъединить оба эти акта, ни одинъ честный селянинъ не допуститъ, чтобы его дочь немедленно вступила въ супружеское сожителство съ обвѣнчаннымъ женихомъ, а потребуетъ, чтобы молодые до свадьбы оставались въ прежнихъ отношеніяхъ жениха и невѣсты.

О. Л.

„Указъ Ея И. В. Самодержицы Всероссійской изъ Новгородско-сѣверской духовной декастеріи Крелевецкому духовному правленію. В данномъ дѣкастеріи отъ его преосвященства господина Иларіона, епископа новгородско-сѣверского и глуховского, сего мая 2-го дня опредѣленіи написано: До свидѣнія де доходить, что въ новгородско-сѣверской епархіи священнослужители, вѣнчая в церквяхъ браки, и по обвѣнчаніи, тѣхъ брачавшихся дѣцъ распускаютъ в разніе дома, кои в оныхъ до называемаго по ихъ обычаю брачнаго «веселія» живутъ по нѣсколько лѣтъ, а нѣкоторыя изъ нихъ послѣ одного таинства и къ вѣчному между собою разлученію поступаютъ. А какъ указомъ свѣтѣйшаго правит. Синода 1744-го года, октября 19-го, съ прописаніемъ в немъ именого Высочайшаго указа ж, велено таковой в Малой Россіи противной обычай пресѣчь и, не отпуская брачавшихся изъ церкви, обязывать писменно, с найкрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобы они съ того времени разлучно другъ зъ другомъ отнюдь не жили, под опасеніемъ епитеміи прелюбодѣянна; и сверхъ того надъ ними приходскимъ священникамъ наблюдать, и естли кто прежняго обычая станетъ держатся, о нихъ немедленно доносить епархіальнымъ архіереємъ, коимъ, по тѣмъ доносамъ чиня слѣдствіе, разсматривать и рѣшеніе

чинить по правиламъ св. отецъ; и прежде въ бракъ вступившимъ, кои ежели по прежнему обычаю живутъ розно, велѣтъ непремѣнно женъ своихъ взять для сожитія с ними къ себѣ в домъ. Того ради во всѣ новгородскоѣверской епархіи духовнія правленія послать указы съ таковымъ предписаніемъ, чтобъ от онихъ всѣ какъ градскіи, такъ и сѣлскіи священно и церковнослужители найстрожайшими обовязаны были подпискамы, дабы ими всѣми вышепрописанное в Имяномъ 744-го года, октября 19-го, Высочайшемъ указѣ повелѣніе исполняемо было неотмѣнно, опасаясь за неисполненіе строгаго по законамъ сужденія и от мѣстъ отрѣшенія, о исполненіи чего за тѣми священно и церковнослужителями всепрілѣжниѣйше наблюдать духовнымъ правленіямъ и опредѣленнымъ десятиначальникамъ. А естли впередъ отыиниѣ гдѣ кимъ того исполненія чинено не будетъ, о томъ ни мало не медля доносить въ духовнія правленія, а от оныхъ, изслѣдовавъ, представлять декастеріи.—Вслѣдствіе чего новгородскоѣверская декастерія приказала: для дѣйствительнаго и непремѣннаго исполненія по оному его преосвященства опредѣленію исполненія послать во всѣ духовнія правленія указы, и посланы. Мая 4 дня, 1789 года.

Протопопъ новгородскій Іоаннъ Ленковскій. Секретарь Данило Четверткѣ. Канцеляристъ Данило Василіевичъ. Писарь Петро Евфимовичъ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Намочильный крестъ въ Сербяхъ, какъ документъ.* Въ с. Сербяхъ, Новоградволинскаго уѣзда, живетъ преданіе о томъ, что первыми его поселениками были дворяне Вазплій Старинскій (католикъ) и Ѳеодоръ Васькѣвичъ (православный). Пожалованы они нѣкогда Сербовскою вотчиною за воинскіе подвиги.

Прочно сѣвъ на новомъ мѣстѣ, поселенцы, мало-по-малу, утратили старыя родовыя прозвища: бокъ-о-бокъ съ Васькѣвичами появились Захарчуки, Игнатюки, отъ Захара и Игнатія, сыновей первыхъ вотчинниковъ. Съ годами разрослось поселеніе, земли становилось недостаточно для вольнаго житія—наступила бѣдность, и потомки ратныхъ мужей обратились въ скромныхъ пахарей, понавшихъ затѣмъ въ окладъ. Но среди нихъ не изгладилась память о заслугахъ предковъ.

Въ 30-хъ годахъ въ Сербѣ, изъ Овручскаго уѣзда, заѣхалъ нѣкій бывалый шляхтичъ, который увѣрилъ сельчанъ, что, занимаясь родословіемъ Выговскихъ, онъ въ Луцкомъ архивѣ своими глазами видѣлъ документы, доказывающіе дворянское происхожденіе потомковъ Старинскаго и Васкѣвичъ. Сербовцы заволновались, собрали деньги, снарядили уполномоченныхъ и наотрѣзъ отказались отъ барщины. «За правами» поѣхалъ, выслужившійся изъ нижнихъ чиновъ, отставной офицеръ Васкѣвичъ. Но задача оказалась нелегкою и недешево обошлась обществу: не считая кровныхъ грошей, собственною шеею поплатилось до 30 человекъ, отданныхъ въ солдаты за неповиновеніе помещику... Уполномоченный успѣлъ умереть, не возвративъ бывшихъ у него на рукахъ «документовъ», а самое дѣло заглохло.

Черезъ тридцать лѣтъ судьбѣ угодно было снова занести въ Сербѣ какого-то овручскаго шляхтича. Его рѣчи воскресили надежды обывателей, что на сей разъ не ускользнуло отъ начальства.

На мѣсто прібыли исправникъ и мировой посредникъ, которымъ не безъ труда удалось убѣдить сельчанъ не отказываться отъ установленныхъ закономъ повинностей, а искать возстановленія въ правахъ при посредствѣ уполномоченныхъ.

Когда начальство пожелало ознакомиться съ имѣющимися у сербовцевъ доказательствами, то поселяне объявили, что на рукахъ никакихъ документовъ о происхожденіи у нихъ не имѣется; что же касается земли, — то *«даже на камнѣ написано, что земля наша!»*.

Вызвались желающіе указать драгоценный памятникъ. Оказался надгробный крестъ изъ дикаго камня съ надписью: Року 1703, 19 ноября..., далѣе двѣ строки стерты, затѣмъ хорошо сохранившееся: «Коропѣвичъ» и снова двѣ изглаженные временемъ строчки...

Исправникъ и посредникъ пытались разубѣдить поселянъ въ значеніи памятника, доказывая, что это обыкновенное, хоть и древнее надгробіе, подобно которому имѣется и по сосѣдству въ с. Кулешн (Тихона Кулеша, умершаго въ XVIII вѣкѣ). Но результатъ этихъ убѣжденій получился совершенно неожиданный: Сербовцы не только продолжали настаивать на своемъ, но и кулешенцевъ стали уговаривать добиваться возвращенія якобы утраченныхъ ими на дворянство правъ. Сосѣди, однако-же, оказались менѣе легковѣрными и отъ «хожденій» наотрѣзъ отказались.

Какова судьба домогательствъ сербовцевъ—пѣз дѣла не видно; имѣется лишь указаніе на то, что обѣщаніе, данное исправнику, они сдержали: прекращенное, было, отбываніе повинностей помѣщику возобновилось.

2) *Обида въ холерное время.* Въ 1855 году въ Кіевѣ свирѣпствовала холера. Къ этому времени относится столкновеніе инспектора врачебной управы съ нѣкимъ чиновникомъ С., который, чувствуя себя жестоко оскорбленнымъ, обратился по начальству съ жалобой, указывая на то, что всякое оскорбленіе въ холерное время можетъ имѣть роковыя послѣдствія для потерпѣвшаго и, даже, стоитъ ему жизни... На семъ основаніи проступокъ г. инспектора, по мнѣнію жалобщика, заслуживаетъ примѣрнаго наказанія. Тѣмъ не менѣе начальство, повидимому, осталось довольно равнодушнымъ къ опасности, въ которой обрѣтался оскорбленный...

3) *Кринолины и холера.* Въ 1866 году уманскіе хасиды воздвигли безпощадное гоненіе на кринолины, получившіе передъ тѣмъ довольно сильное распространеніе среди мѣстныхъ евреевъ.

Пряверженность къ этой части туалета свидѣтельствовала, по мнѣнію хасидовъ, о сильной порчѣ нравовъ. Отъ сыновъ Израиля надлежало отвратить гнѣвъ Божій, выразившійся въ ниспосланіи холеры.

Цадикъ, къ которому обратились за мудрымъ совѣтомъ, объяснилъ вѣрнымъ, что необходимо всѣмъ обществомъ сдѣлать доброе дѣло. По его ближайшему указанію—выборъ палъ на парочку бѣдняковъ—женуха и невѣсту, которыхъ ночью, на мѣстномъ еврейскомъ кладбищѣ, и повѣнчали на общественный счетъ.

Прекратилась-ли эпидемія—неизвѣстно, но въ городѣ, среди евреевъ, водворилось полное спокойствіе, и кринолины, на время, были отставлены.

Сообщ. А. Мёрдеръ.

Къ характеристекѣ гр. В. А. Перовскаго. Въ изданную мною въ 1782 году книгу «Жизнь и произведенія Т. Шевченка» — первый по времени опытъ біографіи поэта—за отсутствіемъ надлежащихъ матеріаловъ, вкрались нѣкоторыя невѣрности. Такъ, между

прочимъ, я немало погрѣшилъ, характеризуя дѣятельность графа В. А. Перовскаго, при которомъ нашъ Кобзарь провелъ самые тяжелые годы своей ссылки—въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

Нынѣ, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, я имѣю возможность исправить эти погрѣшности.

Въ 1850 году на мѣсто Обручева оренбургскимъ генераль-губернаторомъ назначенъ гр. Перовскій, занимавшій уже этотъ постъ въ 30-хъ годахъ, въ званіи военнаго губернатора. При немъ находился тогда ссыльный полякъ Витевичъ, который, какъ большой знатокъ восточныхъ языковъ (а зналъ онъ ихъ 19) былъ посланъ на развѣдки въ Хиву и едва не попалъ въ плѣнъ. Вернувшись, онъ составилъ карту пути въ Хиву, на основаніи которой гр. Перовскій предпринялъ свой злосчастный походъ въ 1853 году. Морозы доходили до 30°—и глубокіе снѣга покрывали степь, пало до 8000 верблюдовъ, а изъ 8500 солдатъ вернулось въ Оренбургъ 1500 человекъ, изъ коихъ половина поступила въ госпиталь. Вторая экспедиція въ степь, предпринятая Перовскимъ въ 1853 году, была удачнѣе: 28 іюня, послѣ немнѣрныхъ усилій, была взята штурмомъ коканская крѣпость Акъ-Мечеть на Сыръ-Дарьѣ, названная впослѣдствіи фортъ Перовскій. Путь въ Туркестанъ, Хиву и Бухару такимъ образомъ былъ проложенъ.¹⁾

Прибытію Перовскаго въ Оренбургъ послѣ увольненія Обручева предшествовали неслестные для его нравственныхъ качествъ отъѣзды, выходившіе главнымъ образомъ изъ польскаго лагеря. Приведемъ, прежде всего, со словъ покойнаго О. М. Лазаревскаго, два разсказа о жестокости Василя Алексѣевича:

Гр. Перовскій, въ первое свое губернаторство, однажды проѣзжалъ мимо обваhtы верхомъ. Часовой, не замѣтивъ его, не сдѣлалъ на караулъ. Възбѣшенный графъ подскакалъ къ нему и ударилъ ногой въ дно кивера такъ сильно, что киверъ паднулъ на лицо и содралъ съ него всю кожу.

Другой разсказъ. На главной обваhtѣ содержался ссыльный полякъ Левандовскій. Къ нему вошелъ дежурный по караулу офицеръ. Левандовскій лежалъ на нарахъ и не всталъ при входѣ офицера. Тотъ приказалъ ему встать. Вломавшись въ амбицію, Левандовскій

¹⁾ Историческій Вѣстникъ 1883 г. сентябрь № 9.

бросаясь на офицера и нѣсколько разъ ударилъ его по лицу. Перовскій приказалъ судить его военнымъ судомъ въ 24 часа. Судъ приговорилъ его къ 5000 шпидрутеновъ. Двѣ или три тысячи Левандовскій прошелъ, но больше не могъ выдержать. Доложили Перовскому, но тотъ приказалъ продолжать наказаніе. Левандовскій такъ и умеръ подъ шпидрутенами! ¹⁾ На могилѣ его поляки поставили памятникъ съ эпитафіей:

Tu leży męczennik Lewandowski.

A tyran jego Piorowski.

Этотъ второй рассказъ, быть можетъ, исторически и вѣренъ, хотя служившіе въ то время при Перовскомъ чиновники и не подтвердили возмутительныхъ подробностей экзекуціи. Но нелѣпость перваго очевидна: сидя верхомъ на лошади, физически невозможно ступнею ноги ударить въ темя взрослого человѣка, да еще въ дно николаевского кивера, который пиконмъ образомъ не могъ надвинуться на лицо такъ, чтобы закрыть его совершенно и содрать съ лица всю кожу.

Гр. Перовскій педантически точный блюститель закона безъ уступокъ и компромиссовъ дѣйствительно иногда былъ жестокъ, но во имя исполненія долга, за что его ссыльные поляки ненавидѣли. Если онъ, строго судя, и не былъ человѣкомъ въ современномъ значеніи этого слова, то не былъ и человѣкомъ своего времени. По тогдашнему убѣжденію знавшихъ его близко, это былъ человѣкъ высокаго благородства—по рыцарски.

Также неправдоподобенъ оказался и рассказъ Лѣскова ¹⁾ о рукопашной расправѣ Перовскаго съ Шевченкомъ. По прибытіи въ Оренбургъ Перовскій не засталъ уже тамъ поэта, отправленнаго въ Орскую крѣпость при Обручевѣ, и до самого освобожденія его изъ ссылки ни разу не былъ въ Оренбургѣ; съ другой стороны и гр. Перовскій во все время своего управленія тоже не былъ ни въ Орской крѣпости, ни въ Новочетровскомъ укрѣпленіи, слѣд., они ни разу не встрѣчались, а потому властная рука генерала и не могла достать поэта за сотни верстъ разстоянія. Кромѣ того собственноруч-

¹⁾ Если назначенное число ударовъ оч. велико, то по засвидѣтельствованію врача, оно дѣлилось на двѣ, на три части. Подлѣживши его опять наказывали. *Достоевскій.*

¹⁾ Жизнь и произведенія. Т. III—къ стр. 80

ное битье кого бы то ни было вовсе не походило на гр. Перовскаго: онъ могъ приказывать бить, но никогда этотъ гордый человѣкъ не унижился бы до того, что бить кого-нибудь самому. Подлежитъ также большому сомнѣнію и разсказъ Бертенева о рисунокѣ Шевченка, положенномъ къмѣ-то на столѣ въ кабинетѣ графа ¹⁾ и другой, принадлежашій Тургеневу ²⁾ о шептаніи на ухо Перовскому какимъ-то генераломъ про Шевченка. Василій Алексѣевичъ былъ большой баринъ, недоступный и гордый, могъ ли кто-нибудь изъ его подчиненныхъ осмѣляться положить на его письменный столъ какой-то рисунокъ? И какой такой генералъ позволилъ бы себѣ шептывать на ухо графу? Его просто всѣ трепетали и онъ былъ слишкомъ недоступенъ и высоко себя держалъ со всѣми генералами. Да и могъ-ли Перовскій ненавидѣть Шевченка, объ облегченіи участи коего онъ, находясь въ Петербургѣ, ходатайствовалъ (какъ видно изъ письма С. Левицкаго къ Ш—ку). Напротивъ, есть основаніе предполагать, что онъ высоко цѣнилъ талантъ Кобзаря и только въ виду прецедентовъ при его предмѣстникѣ не отважился просить государя о его помилованіи.

Нерасположенія къ писателямъ вообще (какъ сказано въ моей книгѣ на стр. 80) онъ также не заявлялъ; совершенно напротивъ, онъ любилъ привлекать въ Оренбургъ ученыхъ: Даль, Копыловъ, Ал. Жемчужниковъ, Глѣбовъ, Григоровичъ и др. постоянно пользовались его покровительствомъ.

Какъ видно изъ письма Пушкина къ Жуковскому ³⁾ Перовскій въ 20-хъ годахъ пользовался расположеніемъ обонхъ корифеевъ нашей литературы.

Изъ письма же Гоголя къ Россети видно, что авторъ Ревизора глубоко дорожилъ мнѣніемъ В. А—ча, какъ человѣка умнаго и высоко образованнаго: «попросите В. А. Перовскаго написать пять-шесть его собственныхъ строчекъ. Скажите ему, что его замѣчанія (на книгу «Перениска съ друзьями» миѣ будутъ очень полезны и я ими весьма дорожу».

Вотъ все, что я считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ высказать о гр. В. А. Перовскомъ, въ опроверженіе невѣрностей, вкрапившихся въ мою книгу. *Dixi et animam levavi.*

М. Чалый.

¹⁾ Ibidem стр. 73—76.

²⁾ См. Заграничное изданіе сочиненій Шевченка.

³⁾ Сочиненія Пушкина изд. 1882 г. т. VII стр. 202 и т. V стр. 239.

Текущія извѣстія.

Украинско-русскій павильонъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. Въ австрійскомъ павильонѣ на Парижской выставкѣ рядомъ съ гербами краковскаго и сандомірскаго воеводства, будутъ выставлены искусно вышитые гербы галицкаго воеводства (левъ, опершійся на скалу) и воеводства подольскаго (серебряное солнце). Гербы эти украшены орнаментами, взятыми изъ образцовъ писанокъ и гуцульскихъ рѣзныхъ работъ. Эти орнаменты, а также хоругвь съ изображеніемъ Ченстоховской Божіей Матери, исполнены художницей Эмилией Пидынкowsкой. Затѣмъ представлены будутъ бутылка и горшечки,—изъ одного лишь золота и серебра,—снабженные гуцульскимъ орнаментомъ. Этотъ же орнаментъ будетъ фигурировать на стеклянныхъ издѣліяхъ изъ Жоквы и на коврахъ (кылымахъ) изъ Глынянъ. Изъ другихъ предметовъ, которые будутъ представлены русинами, можно указать на мебель въ гуцульскомъ стилѣ изъ коломыйской школы деревянныхъ издѣлій, коломыйскіе майолики, гуцульскую печь. Между прочимъ, въ австрійскомъ отдѣлѣ будетъ особый павильонъ законанской (въ Татрахъ) ремесленной школы. Директоръ этой школы г. Ковачъ, специально изслѣдовалъ деревянные издѣлія и рѣзбу галицкаго народа и пришелъ къ тому убѣжденію, что народная рѣзба восточной Галиціи исполняется болѣе въ византійскомъ стилѣ, тогда какъ въ западной части придерживаются стили ренессансъ. Далѣе, онъ нашелъ, что рѣзбыми и ткацкія народныя издѣлія много богаче мотивами, чѣмъ въ Мазурщинѣ. Всѣ эти и другіе предметы, по окончаніи выставки, рѣшено не продавать, но сохранить для львовскаго промышленнаго музея. Галицкій павильонъ со всѣми предметами, предназначенными для парижской выставки, будетъ выставленъ во Львовѣ въ февралѣ 1900 г. («Русланъ», п. «Дѣло»).

Русины въ Америкѣ. Въ Америкѣ, въ Нью-Йоркѣ, 1-го января 1900 года состоялся первый съѣздъ эмигрировавшихъ туда галицкихъ малороссовъ. Помѣщаемъ объявленіе объ этомъ съѣздѣ, программа котораго любопытнымъ образомъ обрисовываетъ положеніе

славянскихъ земледѣльцевъ за океаномъ: «На основаніи единогласнаго одобренія нашего братства Св. Апостоловъ Петра и Павла, при вспомоствованіи всего церковнаго общества и нашихъ священниковъ, состоится въ Джерси Сити 1-го января 1900 года нов. стиля первое русско-американское народное вѣче въ Imperial Music Hall, входъ 51 New-York Avenue. На вѣчѣ будутъ обсуждаться всѣ дѣла, касающіяся нашего народа въ Америкѣ, поэтому приглашаемъ собратъся всѣхъ истинныхъ русиновъ и русинокъ, какъ мѣстныхъ, такъ и отдаленныхъ. Прежде всего, просимъ всѣ наши братства, чтобы они соизволили выслать на вѣче хотя-бы по одному делегату; при этомъ мы надѣемся, что всѣ наши священники, вмѣстѣ съ народомъ, и галицкіе уроженцы и венгерскіе русины,—прибудутъ на вѣче и тѣмъ докажутъ, что имъ всѣмъ близки благо и лучшая будущность нашего народа въ Америкѣ.

Программа вѣча будетъ слѣдующая: 1) Вступительная рѣчь и выборъ комитета вѣча. 2) Рефератъ о положеніи нашей церкви въ Америкѣ. 3) Общественно-политико-экономическій рефератъ: о положеніи нашихъ работниковъ въ Америкѣ; основаніе колонизаціоннаго общества, избраніе исполнительнаго комитета и отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ. 4) Рефератъ, касающійся просвѣтительной дѣятельности: объ организаціи просвѣтительныхъ учреждений и школъ въ Америкѣ; отчетъ кассы училищнаго фонда вспомоствованія недостаточнымъ русинамъ изъ учащейся молодежи; избраніе комитета.

Послѣ каждаго реферата участникамъ съѣзда будутъ поставлены на баллотировку резолюціи. Передъ рефератами и послѣ нихъ состоится увеселительная часть съѣзда, а именно: хорошее пѣніе и декламация; фонографъ сыграетъ роль свою, и что-нибудь пропоетъ или продекламируетъ, или произнесетъ, наконецъ, какой-нибудь веселый монологъ; для заключенія вѣча, съ помощью волшебнаго фонаря будетъ показано много серьезныхъ и забавныхъ картинъ. (Сѣв. Курьеръ, № 44).

Народный украинскій университетъ. Въ «Літ.-наук Віст.» (кн. I), въ статьѣ Е. Косевича «Людові університети» находимъ проектъ народнаго украинскаго университета, который предполагается образовывать, подобно польскому им. Адама Мицкевича, привлеченіемъ къ этому дѣлу университетской молодежи. Предполагается центръ народ-

наго университета перенести на сельскія общины, составивъ во Львовѣ кадръ лекторовъ по естественнымъ и социальнымъ наукамъ. Первоначальный фондъ на это дѣло уже составленъ; весь вопросъ въ организаціи. Упомянувъ объ этомъ, «Сѣверный Курьеръ» (№ 66) добавляетъ: «Такимъ образомъ, возникаетъ первый крестьянскій университетъ въ славянствѣ. Вообще, въ послѣднее время, среди галицкихъ русскихъ замѣчается большое оживленіе и значительный подъемъ общественной энергіи».

Общество имени Котляревскаго. 21 января въ зданіи «Рускоі Бесіди» состоялось общее собраніе членовъ общества им. Котляревскаго, на которомъ выяснялось, что за минувшій годъ обществомъ было собрано 1206 гульденовъ (болѣе 1000 рублей); оно добилось утвержденія новаго статута, согласно которому членскіе взносы опредѣлены въ 3 гульдена въ годъ, а также дается право собирать пожертвованія на постройку собственнаго украинскаго театра. Затѣмъ общество обратилось съ ходатайствомъ къ львовскому городскому совѣту объ отпускѣ площади подъ постройку украинскаго театра. Есть надежда, что ходатайство будетъ удовлетворено. Наконецъ, на засѣданіи рѣшено переговорить съ «Рускою Бесідою» относительно передачи теперешняго украинскаго театра, состоящаго въ распоряженіи послѣдней, въ руки товариства им. Котляревскаго. По всей вѣроятности, вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ еще въ этомъ году. («Русланъ», ч. 7).

Участіе украино-русскихъ врачей въ международномъ конгрессѣ. Въ августѣ 1900 г., во время выставки, состоится XIII международный конгрессъ въ Парижѣ. По инициативѣ медицинской секціи («секція лікарська») Науков. товариства ім. Шевченка, украинско-русскіе врачи рѣшили принять участіе въ этомъ конгрессѣ и, подобно другимъ народностямъ, составили отдѣльный «національний комитетъ». Объ этомъ уже увѣдомленъ центральный Комитетъ въ Парижѣ, который принялъ съ удовольствіемъ это заявленіе къ свѣдѣнію, извѣстивъ Наукове Товариство ім. Шевченка, что ему будетъ отведено мѣсто наравнѣ со всѣми остальными европейскими институтами. Наши медики впервые принимаютъ участіе въ международномъ съѣздѣ врачей, какъ самостоя-

тельная группа, такъ-какъ до сихъ поръ, если участвовали, то обыкновенно присоединялись къ инымъ національнымъ группамъ, не имѣя своей собственной. Предсѣдателемъ руско-украинскаго «національнаго комитета» избранъ д-ръ И. Горбачевскій, Пражскій профессоръ, а секретаремъ—д-ръ Е. Озаркевичъ, редакторъ «Лікарського Збірника» во Львовѣ. (Літерат.-Науковий Вістникъ, кн. I.).

Змій-удавъ на о. Хортицѣ. 30 ноября вытащенъ изъ песка крестьянами на островѣ Хортицѣ змій въ 4 аршина длиною, который оказался принадлежащимъ къ семейству «удавовыхъ». Представители этого семейства, какъ извѣстно, не водятся нигдѣ кромѣ жаркихъ странъ Азіи и Африки. Въ южной Европѣ, именно на Балканскомъ полуостровѣ, встрѣчается, такъ называемый «стурецкій полозъ», который принадлежитъ къ семейству удавовыхъ, но онъ не принадлежитъ къ большимъ змѣямъ и достигаетъ по длинѣ всего не болѣе одного аршина и 5 вершковъ. Если бы фактъ нахожденія этого удава на Хортицѣ не былъ зарегистрированъ уѣзднымъ псираникомъ г. Александровска, доставившимъ его лично въ Екатеринославъ, то трудно было бы повѣрить, что онъ обиталъ на Хортицѣ. Даже и теперь, при полной достовѣрности мѣста нахожденія змѣи, остается крайне невѣроятнымъ, чтобы удавъ принадлежалъ къ кореннымъ обитателямъ острова Хортицы. Не попалъ-ли онъ какъ-нибудь случайно, напр., убѣжавъ изъ звѣринца или какого-нибудь зоологическаго музея? Но, съ другой стороны, допустить это послѣднее, рѣшительно невозможно, такъ-какъ островъ Хортица совершенно изолированъ отъ материка водой и мало населенъ. Никакого звѣринца и музея никогда не могло быть и не было въ той маленькой нѣмецкой колоніи, которая находится на островѣ. Убѣжавъ же изъ звѣринца, который могъ быть въ г. Александровскѣ, никакой удавъ не могъ бы добраться до острова вверхъ по теченію Днѣпра на протяженіи 7—8 верстъ, тѣмъ болѣе, что удавы не принадлежатъ къ плавающимъ змѣямъ.

Судя по народнымъ рассказамъ, на о. Хортицѣ водились прежде большихъ размѣровъ змѣи, которые называются здѣсь полозами и о которыхъ народъ рассказываетъ, что они душатъ агнать и даже телятъ.

О полозахъ, достигающихъ 6 в 7 футовъ длины, есть данныя въ научной литературѣ,¹⁾ но тѣ полозы принадлежать не къ удавовымъ, а къ семейству ужей, у которыхъ существуютъ настолько характерныя отличія отъ удавовъ, что эти два семейства трудно смѣшать другъ съ другомъ. А именно: у всѣхъ удавовыхъ имѣются на брюшной сторонѣ въ концѣ туловища недоразвившіяся заднія ножки. Такія двѣ ножки-бодцы есть и у пойманнаго на Хортицѣ змѣя.

Все это заставляетъ желать, чтобы вопросъ объ этомъ чрезвычайно загадочномъ змѣѣ былъ изученъ подробно специалистами.

Чучело этого змѣя находится въ кабинетѣ реального училища въ Екатеринославѣ (Днѣпр. Молва, № 1).

Екатерининская башня въ Кременчугѣ. Екатерининская башня, о которой въ «Историческомъ Вѣстникѣ» упоминаетъ г. Федоровъ въ своихъ запискахъ, существуетъ понынѣ въ г. Кременчугѣ на берегу Днѣпра. Башня эта по внѣшности представляетъ собою небольшихъ размѣровъ двухъ-этажное каменное строеніе, т. е. «домикъ Екатерины» чрезвычайно оригинальной старинной архитектуры. Въ углубленныхъ углахъ этого домика расположены маленькія овальныя рѣшетчатые окна въ верхнемъ этажѣ. Съ наружной стороны башня эта, откуда Екатерина Великая любовалась величественнымъ видомъ в ширю Днѣпра, въ настоящее время порядкомъ обветшала, и военное вѣдомство, въ вѣдѣніи котораго она находится, предполагаетъ предстоящимъ лѣтомъ произвести въ ней капитальный ремонтъ. Внутренность башни отремонтирована нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ ней помѣщается военный аптечный складъ. Въ нижнемъ этажѣ устроена мастерская для исправленія инструментовъ, а въ верхнемъ установлены шкафы и столы съ различными инструментами. (Полт. губ. Вѣд.) Интересно было бы имѣть точныя указанія, подтверждающія дѣйствительную связь этой башни съ имп. Екатериной 2-ой.

На сооруженіе памятника В. Н. Назазину въ Харьковѣ въ настоящее время, какъ мы слышали, имѣется свыше 15 тысячъ рублей, частью наличнымъ деньгамъ, а частью въ процентныхъ бумагахъ.

¹⁾ См., напримѣръ, Кіевская Старина, 1882 г., кн. 8, стр. 377.

Сохраненіе архивовъ при волостныхъ правленіяхъ. Императорское археологическое Общество обратилось къ начальникамъ губерній и областей съ просьбой о принятіи мѣръ къ сохраненію архивовъ при волостныхъ правленіяхъ, какъ содержащихъ обширный и важный въ бытовомъ отношеніи матеріалъ. Одновременно съ этимъ Общество выразило пожеланіе, чтобы мѣстныя архивныя комиссіи приступили къ разработкѣ матеріаловъ, хранящихся въ волостныхъ архивахъ.

Лекція А. Я. Ефименко. Извѣстная изслѣдовательница въ области этнографіи, исторіи и археологіи А. Я. Ефименко прочла 22 января въ Полтавѣ публичную лекцію на тему «Котляревскій въ исторической обстановкѣ». Сборъ съ лекціи поступилъ въ пользу общественной бібліотеки.

Съѣздъ славянскихъ журналистовъ. Славянскіе журналисты устраиваютъ въ Парижѣ всеславянскій съѣздъ на предстоящей всемірной выставкѣ. Созываются представители печати: русской, *малорусской*, чешской, словинской, польской, болгарской, сербской, хорватской и др. Комитетъ, который будетъ надѣлахъ составленъ, состоитъ изъ многихъ французовъ—друзей славинства.

Пожертвованія на памятникъ Шевченка во Львовѣ. На сооруженіе памятника Шевченку во Львовѣ собрано уже 550 зл. рейн. (около 440 р.). Лицъ, коимъ дорога память поэта, просятъ принести посылную ленту на созданіе памятника «рукотворнаго»... Адресовать пожертвованія слѣдуетъ по адресу: Львовъ, ул. Чарнецкого, 26. (Илюстр. Календ. Тов. «Просвіта» на р. 1900).

Преміи за драматическія сочиненія. „Выдѣлъ краевый“ во Львовѣ назначилъ 4 преміи по 150-250 зл. рейн. (гульден.) за малорусскія драматическія произведенія,—преимущественно комедіи и сцены изъ народной жизни, съ пѣніемъ или безъ пѣнія. Произведенія эти будутъ достояніемъ «Руской Бесіди» во Львовѣ, которая и будетъ пользоваться исключительнымъ правомъ представленія ихъ на сценѣ. (Osvěta, 1899 г., № 9).

Этимологичный гимнъ. По поводу 25-лѣтняго юбилея общества Качковскаго во Львовѣ, въ концѣ минувшаго года, кто-то изъ Львовской молодежи сочинилъ слѣдующій «Этимольогичный Гимнъ», имѣющій отношеніе къ спорамъ въ Галиціи о правописаніи.

Дали, братья, буквы въ руки,
 Мужъ до мужа, остро въ бій!
 Хоть бы сиклы насъ на штуку,
 Каждый твердо стань и стій!
 Уставайте зъ гробу мары,
 Вылизайте раки зъ норъ!
 Загукайте ажъ до хмары:
 «Йоры, еры, йор-йор-йоръ!»

—

Фонетичну быйте гыдру,
 Щобъ и духу не було!
 За омегу очы выдру,
 Зубы выбью за зѣло.
 А за фтіту—бый въ ланиту,
 Щобъ знаты пальцивъ пьятъ!
 Наша писня звисна свиту:
 «Кси-пси, кси-иси, ять-ять-ять!»

—

Хто намъ ижыцю видчакне,
 Того въ михъ тай у рику!
 Буде знаты, чымъ то пахне,
 Хто нарушить унику.
 Щобъ на неби сонце згасло,
 Щобъ уся пропала Русь—
 Намъ найстарше наше гасло:
 — «Отъ а, отъ а, юс-юс-юсъ!»

—

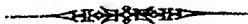
Французы о Києво-Печерской лаврѣ. Любопытную замѣтку извлекаемъ изъ женевской газеты «Tribune» о нашихъ кievскихъ пещерахъ, подъ заглавіемъ: «Подземный монастырь». Вотъ дословный переводъ замѣтки:

«Въ Кіевѣ, въ Россіи, на берегу Днѣпра, находится необыкновенный подземный монастырь, населенный 1500 монаховъ. Входъ въ это громадное подземелье расположенъ въ скленѣ кievскаго собора,

одного изъ красивѣйшихъ въ Россіи. 1500 монаховъ ѣдятъ и пьютъ какъ обыкновенные смертные; ежедневно имъ разрѣшается выходить изъ могилъ на четверть часа, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Эта могила и есть монастырь, находящійся въ глубинѣ нѣсколькихъ метровъ подъ землей, представляющій собою узкія пещеры, имѣющія въ общей сложности болѣе 5 километровъ въ длину и въ которыхъ заключенные не имѣютъ другого освѣщенія, кромѣ фонарей.

Эти монахи почти всѣ люди науки; большую часть времени они посвящаютъ изученію естествознанія и математики. Открытія, сдѣланныя ими въ химіи, физикѣ и математикѣ—неисчислимы.

Вотъ какія представленія имѣютъ заграницы о лаврскихъ пещерахъ и ихъ населеніи...



БИБЛИОГРАФІЯ.

Древности. Труды археографической комиссіи Императорскаго Московскаго археологическаго Общества, изданные подъ редакціей М. В. Довнаръ-Запольскаго, т. I, вып. 1, 2 и 3. *Москва, 1898—1899 г. Стр. 592+190+III.*

26 ноября 1896 года въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества была образована Археологическая комиссія изъ членовъ Общества, желающихъ принять участіе въ разработкѣ вопросовъ археографіи и архивовѣдѣнія и содѣйствовать ознакомленію съ архивными матеріалами (Древности стр. 157). Опредѣляя ближе свои задачи, Археологическая комиссія полагала, что она «вполнѣ достигнетъ цѣли, если ея трудами облегчена будетъ работа архивистовъ и историковъ. На это должны быть направлены усилія ея членовъ, и для достиженія этой цѣли, комиссія будетъ стремиться къ самому широкому общенію со всѣми учрежденіями и отдѣльными лицами, заинтересованными въ развитіи археографіи, палеографіи и исторической науки вообще.

Сообразно съ этимъ комиссія считала самыми существенными слѣдующія занятія:

1) Приведеніе въ извѣстность состава археографическаго и палеографическаго матеріала архивовъ, библіотекъ и др. учреждений этого рода, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, общественныхъ и частныхъ.

2) Разработка вопросовъ по методологій изданій архивныхъ документовъ въ Россіи и заграничій и выработка желательныхъ въ этомъ дѣлѣ усовершенствованій.

3) Изученіе пріемовъ составленія архивныхъ описей, регестровъ и указателей въ русскихъ и иностранныхъ архивахъ, а также изученіе способовъ размѣщенія и храненія документовъ.

4) Археографическое изученіе различныхъ видовъ историческихъ и историко-юридическихъ документовъ, изученіе дѣлопроизводства старинныхъ учреждений, равно какъ исторіи самихъ учреждений.

5) Разработка архивныхъ документовъ, относящихся къ тому или другому вопросу русской исторіи, равно какъ и критическій разборъ такихъ документовъ.

6) Исторія археографіи и палеографіи, исторія архивовъ и др. хранящихъ документовъ.

7) Изученіе вопросовъ дипломатики, геральдики, сфрагистики, метрологіи и эниграфики, поскольку они имѣютъ отношеніе къ археографіи.

8) Палеографія вообще и въ особенности русская и славянская.

9) Возможно полная разработка библіографіи архивовѣдѣнія и палеографіи въ Россіи.

10) Изученіе русскаго и иностраннаго законодательства касательно описанія, храненія и уничтоженія архивныхъ документовъ.

Намѣченные вопросы не исчерпываютъ всего содержанія дѣятельности Археографической комиссіи, и комиссія съ благодарностью принимаетъ всѣ сообщенія, работы и практическія предложенія, имѣющія отношеніе къ археографіи и палеографіи....

Широкая программа, намѣченная комиссіей, требовала, конечно, для своего выполненія и большого количества рабочихъ силъ. Комиссія и въ этомъ отношеніи сдѣлала все для нея возможное: она обратилась за содѣйствіемъ къ погороднымъ членамъ Московскаго Археологическаго Общества, къ отдѣльнымъ лицамъ, не состоящимъ членами этого Общества, къ архивнымъ комиссіямъ, въ провинціальныя архивы и т. д. Призывъ ея не остался безъ отвѣта, какъ то мы видимъ изъ перваго тома изданныхъ комиссіей «Древностей».

Въ числѣ лицъ, къ которымъ обратилась Московская Археологическая комиссія, были и предводители дворянства.

Получивъ извѣщеніе объ открытіи комиссіи, Глуховской предводитель дворянства В. П. Кочубей передалъ его мѣстному собирателю и знатоку малорусскихъ памятниковъ П. Я. Дорошенку, постоянно живущему въ Глуховѣ. Письмо П. Я. Дорошенка къ В. П. Ко-

чубею по этому поводу напечатано въ «Древностяхъ» подъ заглавіемъ «Семейные архивы Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи (стр. 111—114)» и содержитъ въ себѣ краткія, но важныя свѣдѣнія объ архивахъ (не только семейныхъ) этого уѣзда.

«Вполнѣ соглашаясь съ доводами Московскаго Археологическаго Общества о значеніи семейныхъ архивовъ въ дѣлѣ разработки русской исторіи,—пишетъ П. Я. Дорошенко,—я нахожу также, что вполнѣ своевременно и достойно уваженія рѣшеніе сего Общества озаботиться выясненіемъ объема и содержанія уцѣлѣвшихъ частныхъ семейныхъ архивовъ и отдѣльныхъ документовъ. Дѣло это серьезной научной важности и притомъ не терпящее отлагательства. Уже на нашихъ глазахъ, у насъ въ Малороссіи много фамильныхъ архивовъ погибло навсегда отъ пожаровъ и особенно отъ полаго къ нимъ пренебреженія ихъ владѣльцевъ, чрезъ что драгоценныя историческіе документы шли на оклейку стѣнъ и оконъ, погибали отъ сырости, мышей и т. д. Такое явленіе тѣмъ болѣе прискорбно, что у предковъ нашихъ, культурныхъ малороссіянъ XVIII вѣка, была заботливость о сохраненіи всякаго рода документовъ и рукописей, какъ юридическаго характера, такъ литературнаго и семейнаго; причемъ бумаги эти сортировались, переплетались въ томы и въ такомъ видѣ хранились въ потомствѣ.

Въ старой Малороссіи, при господствѣ ограниченаго круга старшины, находившейся большею частію въ родственныхъ между собою отношеніяхъ, бумаги частнаго характера, важныя для характеристики быта, часто освѣщаютъ съ той или другой стороны и тогдашній общественный строй или современныя политическія теченія; а потому бумаги малорусскихъ семейныхъ архивовъ, помимо ихъ главною части—владѣльческихъ актовъ,—обыкновенно заключаютъ въ себѣ цѣнные матеріалы какъ для внутренней, такъ и для внѣшней исторіи края.

Между уѣздами Черниговской губерніи нашъ Глуховскій уѣздъ, можно сказать, выдѣляется въ томъ отношеніи, что въ предѣлахъ его уцѣлѣло отъ плушественнаго разгрома и вымиранія не мало старыхъ коренныхъ дворянскихъ родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ малорусской старшины XVII—XVIII вѣковъ. Можно бы, поэтому, думать, что въ старыхъ дворянскихъ усадьбахъ Глуховскаго уѣзда возможно разыскать много историческихъ интересныхъ документовъ. На дѣлѣ выходитъ, однако, иначе. Оказывается, что въ нѣкоторыхъ

домахъ почти не сохранилось никакихъ старыхъ бумагъ; а о собраніяхъ ихъ, которыя въ старину, несомнѣнно, существовали, и говорить нечего! Такимъ образомъ исчезли семейные архивы слѣдующихъ старинныхъ глуховскихъ фамилій: Жураховскихъ, Туманскихъ, Уманцевъ, Скоропадскихъ, Карповыхъ, Кулябовъ, Высоцкихъ, Пирюцкихъ, Дергуновъ, Лазаревичей, Магеровскихъ, Романовскихъ и т. д. Здравствующие нынѣ представители многихъ изъ этихъ фамилій часто сами не могутъ указать, когда и куда исчезли эти семейныя бумаги.

Сдѣланная нами выписка изъ письма лучшаго знатока семейныхъ архивовъ Глуховского уѣзда рисуетъ лишний разъ безотрадную картину архивнаго дѣла въ Малороссіи. То, что говорить П. Я. Дорошенко относительно одного Глуховского уѣзда, можно распространить и на другіе уѣзды Малороссіи: о гибели отдѣльныхъ архивовъ не разъ сообщалось и въ печати. Еще въ 1884 году въ предисловіи къ «Сулимовскому архиву» А. М. Лазаревскій указывалъ на постепенное исчезновеніе семейныхъ архивовъ, на необходимость принять какія-нибудь мѣры къ ихъ сохраненію. ¹⁾ Такихъ мѣръ до сихъ поръ не принято; не собраны даже свѣдѣнія объ остальныхъ архивахъ, хотя, казалось, это должно бы составлять одну изъ существеннѣйшихъ задачъ мѣстнаго историческаго Общества лѣтописца Нестора, какъ мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ и указывали на это. ²⁾ Лицамъ, интересующимся малорусскимъ прошлымъ, нельзя, поэтому, не быть глубоко благодарными Московскому Археологическому Обществу за его внимательное отношеніе къ памятникамъ малорусской старины, особенно имѣя въ виду, что мѣстное историческое Общество до сихъ поръ какъ-то мало интересовалось ими.

П. Я. Дорошенко знакомитъ насъ краткѣ съ архивами: Марковичей въ с. Сварковѣ, Миклашевскихъ въ с. Волокитинѣ, Туранскаго въ с. Турановкѣ и съ своимъ собраніемъ документовъ. Кромѣ того онъ указываетъ на архивъ Петропавловскаго монастыря, Глуховской Соборной церкви, гдѣ хранится архивъ бывшей глуховской протопопів, и на архивъ глуховской Ремесленной Управы, въ которомъ ему извѣстны 7 старыхъ цѣнныхъ книгъ, начиная съ 1663 года.

Все сказанное въ письмѣ П. Я. Дорошенка о судьбѣ и характерѣ глуховскихъ семейныхъ архивовъ вполне подтверждается «Описью Ярославцакаго архива (Глуховского уѣзда) дворянъ Кочубеевъ», напе-

¹⁾ Сулимовскій архивъ стр., I—III.

²⁾ Кіев. Ст. 1891 г. т. XXXV (октябрь) стр., 141.

чатанной въ «Древностяхъ» же вслѣдъ за письмомъ г. Дорошенка. Можно удивляться только, какъ мало сохранилось «старыхъ бумагъ» у этого стариннаго малорусскаго рода. Къ слову здѣсь сказать, нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы имѣли возможность ознакомиться и съ собраніемъ «старыхъ бумагъ» въ с. Диканькѣ Полтавскаго уѣзда, принадлежащемъ въ настоящее время князю В. С. Кочубею, и тоже были поражены малымъ количествомъ и случайнымъ подборомъ этихъ бумагъ: малорусскіе документы почти отсутствовали или же попадались случайно и рѣдко....

Бумаги, сохранившіяся въ Ярославецкомъ архивѣ Кочубеевъ, касаются преимущественно дворянства и чиновпроизводства Кочубеевъ, ихъ земельныхъ пріобрѣтеній, но есть между ними нѣсколько имѣющихъ и болѣе общій, болѣе широкій интересъ. Мы здѣсь встрѣчаемъ «извѣстіе неизвѣстной особы о врученіи гетманства великому князю Павлу Петровичу»; «распоряженіе о той генеральной описи малорусскаго народа и его имуществъ, на которое жалуются Конисскій въ концѣ лѣтописи, 1763 года»; «мнѣніе графа Разумовскаго о купленныхъ въ малой Россіи у козаковъ и посполитыхъ иностранными людьми земель, 1768 г.»; «спросьба жителей Кіевского округа объ облегченіи тягостныхъ для народа постановленій, сдѣланныхъ Коллегіею»; «подлинный списокъ служителей войсковыхъ переяславскаго полка, которымъ слѣдуетъ плата по указу гетмана 1732 года февраля 15 дня»; «документы, относящіеся до состоянія русскихъ финансовъ въ 1821, 1822 и 1823 годахъ»; «дѣла, касающіяся военныхъ поселеній»; «списокъ приданнаго за Елизаветой Васильевной Кочубей, при выходѣ ея въ замужество за Марковича въ 1780 году» и т. д. Остается только пожелать, чтобы владѣлецъ поѣлился нѣкоторыми изъ этихъ документовъ хотя бы съ читателями нашего журнала.

Собраніемъ письменныхъ свѣдѣній объ архивахъ не ограничилась Московская Археологическая комиссія. Лѣтомъ 1898 года въ Черниговскую губернію для обзора архивовъ былъ командированъ М. М. Плохинскій, обстоятельный отчетъ котораго, подъ заглавіемъ «Архивъ Черниговской губерніи», напечатанъ въ видѣ приложенія къ первому тому «Трудовъ Археографической комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества».

„Въ командировкѣ я провелъ два съ половиной мѣсяца“ — пишетъ М. М. Плохинскій, въ самомъ началѣ своего отчета. Въ это время я посѣтилъ болѣе двадцати частныхъ (фамильных, монастырскихъ, цер-

ковныхъ) и казенныхъ бумагохранилищъ. Осмотрѣннымъ мною архивамъ я составилъ описи. Въ эти описи, помимо обзора содержанія бумагъ, я внесъ копіи документовъ, заслуживающихъ вниманія и имѣющихъ историческій интересъ. Особенно много выписокъ я старался сдѣлать изъ архивовъ или мало извѣстныхъ, или лишенныхъ призрѣнія. Если качество матеріала имѣетъ значеніе, то не меньшее значеніе играетъ иногда и количество извѣстнаго матеріала; поэтому, въ своемъ описаніи я не избѣгалъ вводить однообразный матеріалъ. Во время командировки я старался осмотрѣть какъ можно большее количество бумагохранилищъ; поэтому описаніе нѣкоторыхъ документовъ составлено не такъ полно и подробно, какъ того я хотѣлъ бы (Архивъ, стр. 1).

Трудъ, взятый на себя М. М. Плохинскимъ, могъ быть такъ блестяще выполненъ и въ такое сравнительно короткое время, только благодаря энергіи и адекой усидчивости, которыми всегда отличали этого архивнаго дѣятеля. Отчетъ о командировкѣ М. М. Плохинскаго, по своей полнотѣ и обстоятельности, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Если мы въ немъ и не находимъ того, чего авторъ не могъ дать, т. е. подробнаго описанія осмотрѣнныхъ имъ архивовъ,—за то ужъ дѣйствительно получаемъ представленіе объ этихъ архивахъ, объ ихъ положеніи, о характерѣ документовъ, въ нихъ хранящихся. Если бы въ немъ было больше системы, мы считали бы отчетъ М. М. Плохинскаго образцовымъ для подобнаго рода бѣглыхъ экскурсій, какую выполнилъ авторъ лѣтомъ 1898 г. въ черниговскую губернію ¹⁾.

Первымъ въ своемъ отчетѣ М. М. Плохинскій поставилъ *Архивъ Глуховскаго Петропавловскаго монастыря*. Монастырь этотъ расположенъ въ лѣсу, надъ р. Клевенью, на самомъ краю глуховскаго уѣзда, по сосѣдству съ путивльскимъ уѣздомъ курской губерніи. Время его основанія неизвѣстно. А. М. Лазаревскій полагаетъ его основаніе въ срединѣ XVII в., но документъ, напечатанный М. М. Плохинскимъ и относящійся къ 1593 году, показываетъ, что Петропавловскій монастырь существовалъ еще и въ XVI вѣкѣ. Все же является удивительнымъ тотъ фактъ, что, кромѣ сейчасть указаннаго документа,

¹⁾ Въ подобныхъ отчетахъ, мы думаемъ, нужно группировать архивы по мѣстностямъ. М. М. Плохинскій располагалъ архивы въ своемъ отчетѣ, повидимому, по владѣльцамъ (духовныхъ, свѣтскихъ учреждений, частныхъ лицъ), но это для справокъ представляетъ много неудобствъ; да, признаться, не вездѣ у г. Плохинскаго и строго выдержано.

другіе земельные документы монастыря начинаются только съ гетманства Выговскаго. Какъ объяснить это? Можетъ быть въ первой половинѣ XVII вѣка монастырь заустѣлъ, а затѣмъ снова былъ возобновленъ?

Часть документовъ Петропавловскаго монастыря хранится въ Кіевѣ въ библіотекѣ университета св. Владимира, куда поступила отъ А. М. Лазаревскаго; другая часть—въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, куда передана вмѣстѣ съ земельными документами другихъ черниговскихъ монастырей изъ архива черниговской Казенной Палаты. Документы эти—почти исключительно земельные—универсалы, грамоты, кунчія, мѣновыя, дарственные, рѣшенія судовъ по земельнымъ спорамъ и т. д. Подобныхъ документовъ много и въ архивѣ Петропавловскаго монастыря; но они составляютъ только сравнительно очень незначительный процентъ по отношенію къ другому рода историческимъ матеріаламъ, которые хранитъ этотъ архивъ: тутъ есть и хозяйственные инструкции, и инвентари, и приходо-расходныя книги, и распоряженія по управленію монастырскими имѣніями, списки крестьянъ, отбывшихъ барщину, недоимка ихъ и т. д., и т. д.—словомъ, богатѣйшій матеріалъ для исторіи монастырскаго хозяйства. Важность этого матеріала сама собою понятна, если принять во вниманіе громадную роль, которую малорусскіе монастыри играли всегда въ экономической жизни страны. Желательно, поэтому, чтобы архивъ этотъ сдѣлался болѣе доступнымъ изслѣдователямъ, передать куда-нибудь въ болѣе центральное мѣсто. Только детальнымъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ можетъ быть возстановлена экономическая жизнь Малороссіи; архивъ же Петропавловскаго монастыря даетъ въ этомъ отношеніи драгоценный матеріалъ.

При приходской церкви св. Параскевы въ Черниговѣ сохраняется небольшой *архивъ бывшаго черниговскаго пятницкаго монастыря*. Скажемъ здѣсь кстати, что земельные документы большинства черниговскихъ монастырей, въ томъ числѣ и пятницкаго, находятся теперь въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, куда поступили отъ Черниговской Казенной Палаты. Кромѣ этого, въ библіотекѣ университета св. Владимира есть книга крѣпостей Максаковскаго монастыря, принадлежавшая прежде Н. И. Костомарову, съ библіотекой котораго она и была передана вдовой послѣдняго въ университетъ. М. М. Плохинскій осмотрѣлъ *«библіотеку и архивъ и этого Максаковскаго женскаго Спасскаго монастыря»*. Архивъ оказался очень

бѣднымъ. Дѣла исторію монастыря на два періода: 1) отъ основанія его до 1786 г.—до момента закрытія и 2) съ 1803 г. до настоящаго момента, М. М. Плохинскій не нашелъ *никакихъ* документовъ, относящихся къ первому періоду: всѣ они относятся ко второму. Нѣтъ старыхъ бумагъ и въ архивѣ *Троицко-Ильинскаго черниговскаго монастыря*. «Въ 1790 году Троицко-Ильинскій монастырь былъ обращенъ въ архіерейскій домъ. Въ сущности, съ этого времени,—замѣчаетъ М. М. Плохинскій,—и начинаются дѣла монастырскія: дѣлъ же бывшаго монастыря не встрѣчается». Дѣла, сохранявшіяся въ архивѣ монастыря, насколько можно судить по ихъ перечню,—первостепенной важности для экономической исторіи монастыря: приходо-расходныя книги, инвентари, ревизскія сказки и т. д. При монастырѣ имѣется богатая библіотечка, каталогъ которой составленъ и напечатанъ Димитріемъ Козминскимъ, секретаремъ теперешняго епископа черниговскаго Антонія. Въ библіотекѣ есть книга «копій универсаловъ и грамотъ», а также нѣсколько синодиковъ.

Объ архивѣ Черниговскаго Елецкаго монастыря М. М. Плохинскій говоритъ: «собственно архива при монастырѣ нѣтъ,—погибъ онъ, вѣроятно, во время большого пожара, истребившаго разницу этого монастыря; а есть библіотека, въ которой имѣются разные печатныя, а отчасти и рукописныя книги. Этими книгамъ составленъ каталогъ; изъ рукописей достойно упоминанія соч. Симеона Полоцкаго «Вѣнецъ вѣры». Въ нѣкоторыхъ книгахъ вилетены монастырскія «дѣла» (употребляемъ слово подлинника). Дѣла состоятъ изъ одного, двухъ, много трехъ листовъ. Дѣла эти ничто иное, какъ указы... Указы эти по большей части не относились прямо къ монастырю, а присылались, какъ всякаго рода правительственныя распоряженія, для свѣдѣнія и руководства». Дѣла эти начинаются съ 1736 г. На основаніи дальнѣйшаго, болѣе подробнаго перечня этихъ дѣлъ, мы находимъ общую характеристику архива, данную М. М. Плохинскимъ, очень неточной: оказывается, въ архивѣ есть дѣла, касающіяся внутренней жизни монастыря (наказанія монаховъ за буйство плетью и др.), *достаточное* количество расходныхъ книгъ о содержаніи монастыря за XVIII ст.; рядъ копій универсаловъ, грамотъ, относящихся прямо къ исторіи монастыря и т. д.

Документы и бумаги Жульянской церкви. Объ архивѣ этой церкви намъ давно уже сообщалъ Ф. М. Уманецъ въ частной бесѣдѣ. Мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что онъ напра-

вилъ и М. М. Плохинскаго въ село Жукли, Сосницькаго уѣзда. Ф. М. Уманецъ наткнулся на этотъ архивъ случайно, и при бѣгломъ просмотрѣ ему показалось, что въ немъ хранится большое количество бумагъ, даже не имѣющихъ никакого отношенія къ жуклянской церкви, какъ напр., хозяйственныя и административныя распоряженія помѣщиковъ. При ближайшемъ же знакомствѣ съ архивомъ онъ оказался размѣрами невеликъ, но заключаетъ въ себѣ интересныя въ бытовомъ отношеніи документы: въ нихъ разсказана исторія постройки жуклянской церкви; выясняются отношенія прихожанъ къ духовенству и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ напечатаны г. Плохинскимъ. Въ числѣ послѣднихъ назовемъ интересное прошеніе жуклянскаго жителя Гаврилы Миронова къ бригадиру Петру Даниловичу Апостолу отъ 20 іюня 1772 г.: Мироновъ проситъ уволнить его отъ занятія войта и указываетъ, насколько тяжела эта должность. Прошеніе Миронова, въ связи съ другими документами, не имѣющими прямого отношенія къ жуклянской церкви, свидѣлствуетъ намъ о какой-то заботливости, существовавшей у мѣстнаго пріята, сохранять старинныя бумаги...

Въ Черниговщинѣ вообще не мало, повидимому, найдется церквей гдѣ старинныя бумаги заботливо сохранялись и сохраняются; такъ М. М. Плохинскій указываетъ, что въ с. Семеновѣ глуховскаго уѣзда хранятся различные указы, начиная съ 1710, а метрическія и исповѣдныя книги съ 1718 г.; есть подобные документы при глуховской анастасіевской церкви, при соборной Троицкой. Въ свое время мы сообщали на страницахъ «Кіевской Старины» ¹⁾, что при эманской церкви глуховскаго уѣзда есть значительное количество старыхъ бумагъ, также преимущественно указовъ. Бумаги эти заботливо подобраны и переплетены покойнымъ настоятелемъ церкви протоіеремъ П. О. Красовскимъ († 1898). Помнится, покойный отецъ Порфирій выражалъ мысль присоединить къ церковному архиву и остатки дѣлопроизводства по введенію уставныхъ грамотъ и разнымъ крестьянскимъ дѣламъ въ эманскомъ участкѣ, которымъ завѣдывалъ въ качествѣ мирового посредника покойный староста эманской церкви Д. Г. Лазаревичъ. Не знаю, успѣлъ ли сдѣлать это П. О. Красовскій; а если нѣтъ, то во всякомъ случаѣ желательно, чтобы его мысль была осуществлена хоть послѣ его смерти, а также нашла себѣ пріверженцевъ въ другихъ приходахъ.

¹⁾ Кіевская Старина 1891 г. т. XXXII (Февраль), стр. 317.

Архивъ при Глуховской Соборной Церкви св. Троицы находится въ самомъ печальномъ положеніи: «Помѣщается онъ въ темной каморкѣ церковнаго зданія, находящагося возлѣ церкви. Бумаги и документы этого архива въ безпорядкѣ: дѣла и разныя книги, хотя и уложены на полкахъ, но безъ всякой системы: отъ иныхъ дѣлъ уцѣлѣли два, три листка, которые присоединены къ другому дѣлу, дѣло XVIII ст. сосѣдитъ, съ дѣломъ второй половины XIX ст., дѣла одного учрежденія перемѣшаны съ дѣлами другаго». А между тѣмъ архивъ этотъ заключаетъ въ себѣ очень много любопытнаго: въ немъ хранятся дѣла духовныхъ правленій—глуховского, новгородсѣверскаго, конотопскаго, кролевецкаго и эсманскаго,—слѣдовательно, документа, въ высшей степени важные для исторіи малорусскихъ приходовъ и исторіа приходскаго духовенства. Часть дѣлъ конотопскаго духовнаго правленія хранится также въ колокольнѣ *Преображенской глуховской церкви*, гдѣ помѣщается архивъ. Въ *Глуховской Николаевской церкви* есть три синодика и книга, озаглавленная «архивъ» и содержащая въ себѣ нѣсколько не лишенныхъ интереса указовъ, напр., о бѣглыхъ монахахъ, о священникѣ, похитившемъ жемчугъ изъ церкви.

Въ г. Черниговѣ М. М. Плохинскій осмотрѣлъ архивъ слѣдующихъ правительственныхъ учреждений: духовной семинаріи, консисторіи, губернскаго правленія, казенной палаты, окружнаго суда, городской управы; въ г. Глуховѣ—архивъ ремесленной управы. Въ *духовной семинаріи* особенно старыхъ дѣлъ нѣтъ: наиболѣе раннія изъ нихъ относятся къ 20-мъ годамъ XVIII столѣтія ¹⁾. *Консисторскій архивъ* заключаетъ въ себѣ дѣла XVIII и XIX ст. «Дѣла эти,—по мнѣнію М. М. Плохинскаго,—можно расположить по слѣдующей схемѣ: 1) Журналы консисторіи съ 1804 по 1896 годъ; 2) Протоколы консисторіи съ 1834 по 1896-й годъ; 3) Докладные реестры съ 1804 по 1894; 4) Дѣла консисторіи слѣдственнаго, хозяйственнаго и распорядительнаго характера, съ 1724 по 1894; 5) метрическія книги съ 1780 по 1896; исповѣдныя росписи съ 1740 по 1897 годъ; 6) клировыя вѣдомости (формулярные списки о священникахъ и церковно-

¹⁾ При семинаріи есть богатая бібліотека съ большимъ рукописнымъ отдѣломъ, описаннымъ въ свое время М. И. Лилеевичемъ. «Описаніемъ этимъ,—зачѣмъ г. Плохинскій,—и въ настоящее время пользоваться неудобно; ибо изъ бывшихъ 301 книги уцѣлѣло только 98; однимъ изъ преподавателей семинаріи составлена опись этимъ послѣднимъ».

служителяхъ) 1804—1894 г.; 8) Ревизскія сказки о священно и церковно-служителяхъ за 1782, 1795, 1811, 1816, 1834, 1850, 1857 гг.; 9) разборъ о церковныхъ служителяхъ за 1797 г.; 10) ревизія о церковныхъ земляхъ за 1772-й годъ; 11) Приходо-расходныя книги съ 1819—1875 г.; 12) описи церковному имуществу 1853—1897 г.

Большая часть архива *Черниговскаго Губернскаго Правленія*, какъ извѣстно, передана харьковскому университету и составила тамъ основу харьковского историческаго архива. Дѣла, оставшіяся въ Черниговѣ, по характеру своему нисколько не отличаются отъ переданныхъ въ Харьковъ: можно только удивляться, почему эта часть архива не была въ свое время вывезена изъ Чернигова, и желать, чтобы она скорѣй была присоединена къ харьковскому архиву, съ которымъ составляетъ одно неразрывное цѣлое. Архивъ губернскаго правленія заключаетъ въ себѣ матеріалы по исторіи малорусскихъ финансовъ, ревизіи полковъ, распоряженія второй малороссійской коллегии, Румянцева и т. д. Въ старой описи архива, напечатанной г. Рагозинымъ¹⁾, значилось также и генеральное слѣдствіе Лубенскаго полка. Въ части архива, перевезенной въ Харьковъ, его не оказалось; нѣтъ ли его въ Черниговѣ? Это, вѣдь, единственное слѣдствіе, которое до сихъ поръ неизвѣстно изслѣдователямъ... *Архивъ Окружнаго Суда* содержитъ въ себѣ дѣла бывшаго малорусскаго генеральнаго суда и извѣстенъ читателямъ «Кіевской Старины» по обстоятельной статьѣ В. А. Мякотина²⁾. Часть *архива Казенной Палаты*, именно земельные документы монастырей, передана въ Кіевскій центральный архивъ, о чемъ мы уже говорили выше; судебныя же дѣла монастырей, касающіяся владѣнія земель, дѣла, относящіяся къ управленію казенными имѣніями, а также ревизіи Черниговской губерніи, начиная съ 1764 года, хранятся еще въ казенной палатѣ. Описи болѣе древнихъ дѣлъ съ 1714 по 1768 годъ г. Шохинскій приводитъ въ своемъ отчетѣ. Въ *архивѣ Черниговской городской управы* хранятся грамоты польскихъ королей, русскихъ царей, гетманскіе универсалы, полковничьи листы на магдебургское право и другія привилегіи Чернигова; здѣсь же хранятся и дѣла, касающіяся исто-

¹⁾ Отчеты о содержаніи дѣлъ и бумагъ, хранящихся въ архивахъ: бывшей (въ гор. Черниговѣ) малороссійской коллегии и упраздненнаго управленія оренбургскаго губернатора Спб. 1882 г. стр. 8.

²⁾ Архивъ Генеральнаго войскаго суда. Кіев. Стар. 1898 г. ноябрь, стр. 137—149.

рѣн черниговскаго городского самоуправленія. О характерѣ этихъ дѣлъ читатели «Кіевской Старины» могутъ ближе узнать изъ статьи В. М. Хижнякова, напечатанной въ іюньской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ ¹⁾. Въ Глуховской ремесленной управѣ сохранились цеховые книги за нѣкоторые годы, начиная съ 1668, цеховъ кравецкаго, кушнѣрскаго, рѣзницкаго, хлѣбнаго, ковальскаго, сапожнаго. Отрывки изъ этихъ книгъ, представляющихъ собой важный матеріалъ для исторіи цеховъ въ Малороссіи, напечатаны въ крайне невсправномъ видѣ въ Чернигов. Губ. Вѣд. за 1887 годъ. При ремесленной управѣ хранятся также разнаго рода значки, относящіеся къ ритуалу цеховъ.

Изъ частныхъ архивовъ М. М. Плохинскимъ осмотрѣны преимущественно тѣ, о которыхъ, какъ мы видѣли, упоминалъ въ своемъ письмѣ П. Я. Дорошенко, т. е. собственное собраніе г. Дорошенка, архивъ Миклашевскихъ въ с. Волокитинѣ, принадлежащій теперь графинѣ А. А. Олсуфьевой, и архивъ Марковичей въ с. Сварковѣ. Изъ нихъ наиболѣе полно описанъ волокитинскій архивъ Миклашевскихъ, заключающій въ себѣ немало, повидѣмому, матеріала для исторіи бытовой и экономической. Самый интересный изъ этихъ архивовъ, безъ сомнѣнія, Марковичей въ с. Сварковѣ: здѣсь находится извѣстный дневникъ генеральнаго подскарбія Марковича, два тома котораго, въ полной редакціи, уже напечатаны «Кіевской Стариной»; нѣсколько сборниковъ различныхъ документовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Silva rerum»; дѣла, касающіеся управленія имѣній и представляющіе собой, на сколько можно судить по выдержкамъ изъ нихъ, драгоценный матеріалъ для исторіи сельскаго хозяйства въ Малороссіи; также частная переписка и разные фамиліевыя бумаги Марковичей, между прочимъ рано погибшаго Я. М. Марковича († 1804) и извѣстнаго черниговскаго общественнаго дѣятеля А. М. Марковича († 1865 г.), съ которыми читатели «Кіевской Старины» знакомы по статьямъ А. М. Лазаревскаго ²⁾. Небольшое собраніе старыхъ бумагъ А. М. Фонъ деръ-Бриена въ с. Слоутѣ, глуховскаго уѣзда, содержитъ въ себѣ, главнымъ образомъ, земельные документы.

¹⁾ В. М. Хижняковъ. Черниговская старина (1765—1810) Кіев. Ст. 1899 г. іюнь, стр. 361—407.

²⁾ А. М. Лазаревскій. Пржевіе изыскатели малорусской старины. Кіев. Ст. 1894 г. декабрь, стр. 351—387 и 1897 г. январь, стр. 92—111 и февраль, стр. 275—310.

Таково краткое содержаніе отчета о поѣздкѣ М. М. Плохинскаго; таковы результаты его командировки ¹⁾. Повторяемъ, любителямъ малорусской старины нужно искренно благодарить Московское Археологическое Общество за ту помощь, кабую оно оказало наукѣ малорусской исторіи, командировавъ г. Плохинскаго.

Наука малорусской исторіи, главнымъ образомъ, и страдаетъ отъ разрозненности, разбросанности матеріаловъ, отъ *ихъ неизвѣстности*. Послѣ поѣздки г. Плохинскаго мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что, гдѣ есть?.. Но все-таки, пользованіе разбросаннымъ матеріаломъ всегда затруднительно; матеріалъ долженъ быть объединенъ. Мы видимъ также, что нѣкоторые архивы неустроены, разбросаны—нужно скорѣй, не откладывая времени, позаботиться объ ихъ сохраненіи (напр., о сохраненіи архива при глуховской соборной церкви). Кто возьметъ на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ? Мѣстныя Кіевскія силы и ученыя учрежденія?!

«Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами»....

Мы надѣемся на Московское Археологическое Общество, на его Археографическую Коммиссію....

Возвратимся къ «Древностямъ». Остановливаясь на статьяхъ и замѣткахъ, относящихся въ архивному дѣлу въ Малороссіи, мы, конечно, имѣли въ виду интересы нашего журнала; но указанныя статьи составляютъ сравнительно очень незначительную часть всего содержанія перваго тома «Древностей», гдѣ есть замѣтки и статьи о губернскихъ, объ иностранныхъ архивахъ (напр., государственномъ шведскомъ), палеографическія, критическія, библиографическія статьи по поводу разныхъ матеріаловъ и трудовъ. Въ отдѣлѣ, напр., критики и библиографіи мы находимъ отзывы о слѣдующихъ книгахъ, имѣющихъ отношеніе къ южной Руси: *А. Ципкова*. «Древнерусскій приходъ»; *свящ. С. Зябрева* «Матеріалы для жизнеописанія св. Митрофана, епис. воронежскаго; о 2-мъ томѣ «Мемуаровъ, относящихся къ исторіи южной Руси»; о книгѣ *А. М. Дядкова* «Воронежскій губернскій музей въ 1894—1897 гг.»; «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Синода», т. V; *Д. Миллера* «Очерки изъ исторіи юридическаго быта старой Малороссіи; Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae Ossolinianae Leopoliensis, т. 3-й.

¹⁾ Отчетъ М. М. Плохинскаго изданъ отдѣльно подъ заглавіемъ «Архивъ Черниговской губерніи».

Въ отдѣлѣ «Извѣстія и замѣтки» кромѣ письма П. Я. Дорошенка, о которомъ шла рѣчь выше, помѣщены замѣтки о Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ въ 1896-мъ году и о Городецкомъ музеѣ бар. Штейнгеля.

Думаемъ, мы приблизительно исчерпали содержаніе «Древности» въ ихъ отношеніи къ исторіи Малороссіи. По богатству и разнообразію матеріала «Древности» являюгся выдающимся спеціальнымъ изданіемъ, притомъ прямо таки необходимымъ.

Николай Василенко.

Родословная записка фамиліи Яценко-Хмѣлевскихъ (по Черниговской губ.). Составилъ Василій Ивановичъ Яценко-Хмѣлевскій. *Москва 1898 г.*

I—VI—1—141.

Въ предлагаемомъ читателю трудѣ нѣтъ ничего, что останавливало-бы на себѣ вниманіе знатока исторіи Малороссіи. Да и самъ составитель, приступая къ изданію этой книжки, не имѣлъ въ виду обогатить историческую литературу Малороссіи сколько-нибудь серьезнымъ и цѣннымъ вкладомъ. Это просто памятная книжка, въ которой собраны кое-какіе печатные матеріалы, относящіеся къ опредѣленію древности и дворянскаго достоинства рода Яценко-Хмѣлевскихъ, а затѣмъ, попытка на основаніи этого доказать несомнѣнность принадлежности нынѣ живущихъ Яценко-Хмѣлевскихъ къ дворянскому сословію, коимъ и престоавлено право доказывать таковую свою принадлежность къ упомянутому сословію. Хотя составитель въ предисловіи и говоритъ, что «для меня лично, заинтересованнаго возстановленіемъ своихъ правъ соціальнаго положенія,—изысканія историковъ, ихъ ссылки на архивы, сочиненія, изданные документы и пр. сослужили большую службу и стали путеводной звѣздой въ томъ хаосѣ, который царилъ въ моемъ воображеніи, когда я задумалъ «разыскать» своихъ предковъ»,—но мы этого не видимъ. Возстановляя права, составитель своими «важными документами» ни къ чему не пришелъ, и вопросъ объ истинной принадлежности нынѣшнихъ Яценко-Хмѣлевскихъ къ дворянскому сословію остается открытымъ, какимъ онъ былъ при составленіи родословныхъ книгъ. Принимая во вниманіе, что составитель приступилъ къ «розыску» своихъ предковъ безъ всякой подготовки къ архивнымъ розысканіямъ, а такъ

же безъ сколько-нибудь основательнаго познанія въ исторіи Малорос-сіи, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не отдать справедливости г. Яценко-Хмѣлевскому въ усидчивости, трудѣ и насколько возможно, по его крайнему разумѣнію, добросовѣстному отношенію въ выпол-неніи намѣченной цѣли, плодомъ конхъ и явилась означенная въ семъ «Родословная записка». Не имѣя за собою ровно никакаго научнаго значенія, «Записка» тѣмъ не менѣе можетъ явиться причиной того, что выпѣ живущіе Яценко-Хмѣлевскіе, а также и будущее поколѣніе ихъ, могутъ серьезно заинтересоваться судьбами своей родины и выдѣлать изъ рода Яценко-Хмѣлевскихъ полезныхъ для края дѣя-телей.

А. Г. Хатемнинъ.

Малорусскія изданія 1899 года.

I.

Въ отношеніи продуктивности малорусскаго издательства въ Россіи, 1899 годъ можно считать особенно благопріятнымъ, если не за все столѣтнее существованіе украинской художественной литературы, то, во всякомъ случаѣ, въ ряду нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Въ подтвержденіе вышесказаннаго можно прежде всего указать на такіе крупныя факты, какъ изданіе редакціей «Кіевской Старины» «Кобзаря» Т. Г. Шенченка, въ количествѣ 53.000 экз., затѣмъ I томъ полнаго собранія сочиненій Ивана Левицкаго (Нечуя) — «Повѣсти и Оповідання»¹⁾, вышедшій въ Петербургѣ и заключающій въ себѣ многія піесы, почти неизвѣстныя широкому кругу читающей публики, въ виду того, что онѣ появились впервые въ печати въ галицкихъ украинскихъ изданіяхъ²⁾. Слѣдующимъ, не менѣе крупнымъ явленіемъ въ той же области, слѣдуетъ считать изданіе въ Одессѣ I и II тт. полнаго со-бранія сочиненій другого украинскаго писателя — А. Я. Конисскаго — Перебенди, содержащія слѣдующіе рассказы: т. I: Дидъ Евменъ³⁾, Не-

¹⁾ См. рецензію въ Кіевской Старинѣ, кн. XI за 1899 г.

²⁾ Упомянутый I томъ является началомъ предполагаемаго полнаго собранія сочиненій Ив. С. Левицкаго, приблизительно около 8—9 т. т.; II томъ (Старосвѣцкыя батьшкы и матушкы) находится уже въ печати, въ Кіевѣ.

³⁾ Последнее (второе) изданіе въ Черниговѣ, въ 1894 году.

примыренна (зъ записокъ сельской учителькы), Баба Явдоха ¹⁾, Хвора душа (Сюмынки бабы Орышкы Прядчыхы). Томъ II: У тиснои бабы ²⁾, За крыгю, Отакъ булы вскочылы! Завертка, Народня педагогія, Не любы двохъ, Конокрадъ, Музыка Дрантусъ, Надіи ³⁾, Марта Перепичка ⁴⁾, Бабуся Харытына,—цѣлая серія болѣе мелкихъ разсказовъ, написанныхъ хорошимъ легкимъ языкомъ, но также малоизвѣстныхъ русской публикѣ по тѣмъ же причинамъ, что и произведенія Левицкаго.

Обращаясь къ другимъ болѣе крупнымъ художественнымъ произведеніямъ минувшаго года, съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ указать на извѣстныя уже читателямъ «Кіевской Старины» три послѣднія драматическія произведенія талантливаго писателя-драматурга Ив. К. Карпенка-Карого (Тобилевича): «По-надъ Днипромъ», «Нидианкы» и «Сава Чалый» (всѣ три—оттиски изъ «Кіевск. Стар.»), а также на историческія драмы М. Старицкаго—«Оборона Буши», «Остання нічъ» (оттиски изъ «Кіевск. Стар.») и «Маруся Богуславка».

Заговоривъ о драматическихъ произведеніяхъ, укажемъ на комедію въ 4 д. Д. Марковича „Не зрозумілы“, помѣщенную въ книжкѣ, изданной въ Москвѣ подъ заглав. „По степамъ та хуторамъ“; комедія эта по сюжету напоминаетъ драму г. Карпенка-Карого „По-надъ Днипромъ“, обладаетъ немалыми достоинствами, но по исполненію значительно уступаетъ послѣдней ⁵⁾.

Совершенно противоположными качествами обладаютъ слѣдующія четыре драматическія произведенія: *М. Ф. Сластина—Погыбель*, драма въ 3 д., „Знайся кинь съ копей, а вилъ зъ воломъ“. Трагикомичн. этюдъ въ 2 д., *Прыймакъ*. Драма въ 4 дѣяхъ и 5 одинахъ, и *А. Т. Грабины—Дивоче-серце*, —шутка въ 1 дѣйствіи. Что касается перваго, то главныя дѣйствующія лица его такъ неестественны—отъ начала до конца, такъ схожи съ героями какого-либо французскаго фешенебельнаго романа, что считать его заслуживающимъ вниманія было бы несправедливо. Еще менѣе заслуживаетъ вниманія другое произведе-

¹⁾ Вышла на свѣтъ въ Черкассахъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Грошолубка“.

²⁾ Отдѣльнымъ изданіемъ—въ Кіевѣ, въ 1894 году.

³⁾ Вошло въ брошюру „Оповідання: Дзвонарь, Сужена, Надіи“. Кіевъ, 1897.

⁴⁾ Вчерне было напечат. въ брош. Яковенка „Фотографія зъ моего альбому“.

⁵⁾ Рецензія на книжку Марковича помѣщена въ „Кіевской Старинѣ“, 1899, кн. VII.

ніе этого автора, — „Знайся кимъ съ конемъ, а вишь зъ воломъ“, трагикомизмъ котораго выражается въ балаганныхъ выходахъ дѣйствующихъ лицъ и въ употребленіи ими «дывовыхъ» словъ; вмѣсто Аполлонъ говорятъ ополоникъ, мерсую (отъ мерсі!), калантырь (календарь?), хвактъ, хвортыкультанно и т. п. Въ этомъ отношеніи г. Сластинъ превзошелъ даже такихъ корифеевъ особаго жанра въ литературѣ—какъ Раевскій, Сватово-Луцкій, Л. Лучицкій и имъ подобныхъ. Драма *Прыймакъ* отличается болѣе или менѣе тѣми же качествами, что и предыдущія его произведенія, что съ успѣхомъ можно сказать и о произведеніи А. Грабыны *«Дивоче сердце»*.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ еще одно, не вполне, пожалуй, драматическое произведеніе—*«Отъ тоби й монополія»*!—сцены въ одномъ дѣйствіи *Земляна*, взявшаго своей темой неза-тронутое еще никѣмъ изъ малорусскихъ писателей новое явленіе—монопольную водочную систему. Авторъ беретъ сюжетомъ моментъ открытія „монопольи“ и рисуетъ довольно типичную картинку отношенія крестьянъ къ совершенно новому для нихъ явленію. Очень характерны нѣкоторые мѣста, какъ напр. догадки крестьянъ о томъ, что если водка не выпита, то она достается «акцызови, а акцызь їи продасть и гроши собі визьме». Тѣмъ не менѣе, не смотря на несомнѣнную наблюдательность и правдивость автора, замѣтно, что представленія его о сценичныхъ требованіяхъ не достаточно ясны.

Обратимся теперь къ *повѣствовательной литературѣ* минувшаго года. На первомъ мѣстѣ поставимъ популярно-научныя изданія. Къ нимъ принадлежитъ цѣлый рядъ изданій *черниовскихъ* (изд. Б. Д. Гринченка). *Давня Природа*—интересно написанный рассказъ объ извѣстномъ средневѣковомъ докторѣ Исаакѣ Джемсѣ, открывшемъ способъ поддерживать жизнь одного существа кровью, взятой изъ другого. *Гр. Коваленко. Клопоть у семи Билашвици. Оповідання про сифилисъ*.—Предлагаются совѣты, какъ поступать въ случаѣ заразы, какъ ее избѣгать. *Б. Гринченко. У неволи*.—Брошюра имѣетъ цѣлью познакомить читателей съ жизнью Туркменъ; *его-же Середь крыжаного моря*.—Излагается просто и удобопонятно жизнь рыболововъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ; очень удачно схвачены всѣ главнѣйшіе моменты этой тяжелой жизни;—*его-же. У сніговому краи*.—Рассказъ о Гренландіи, о Гансѣ Эgede, посвятившемъ себя всецѣло поднятію нравственнаго уровня эскимосовъ. Написана брошюра интересно. *М. Запирня. Страшный ворогъ. Книжка про юрилку*.—

Содержаніе книги—какъ люди научились вырабатывать водку, зачѣмъ пьютъ, и правду ли о ней говорятъ, какой вредъ наноситъ алкоголь организму, психикѣ, сколько издерживается на алкоголь, какъ люди ведутъ съ нимъ борьбу. — Брошюра снабжена фактическими данными, взятыми изъ жизни различныхъ народовъ и государствъ.

Сверхъ того, вышли изданія:

Въ Чернассакъ. *Береженого Богъ береже. Оповідання про скотську чуму.* Друге виданне. (Первое было въ Екатеринодарѣ, 1896 г.).— Указываются совѣты, какъ поступать въ случаѣ появленія сибирской язвы въ пзвѣстномъ районѣ. *Дикарь Авраменко. Ризачка або дизентерія.*— Сообщаются медицинскія свѣдѣнія о томъ, какъ проявляется болѣзнь, какъ задержать распространеніе ея, какъ и чѣмъ помогать больному.

Въ Петербургѣ. Издана благотворительнымъ Обществомъ изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ—*О. Степовикъ. Корыстни звирятка: Кажанъ, йижакъ та зінзкещеня.* (врътъ). (Зъ малюнками)¹⁾.

Въ Одессѣ *О. Степовикъ. Лихи потайни хлибойиды: Хлибный комарикъ та шведська муха* (зъ малюнками).— Прекрасно составленная брошюра о вредѣ, причиняемомъ хлѣбу упомянутыми наѣдомыми, о жизни ихъ, о способахъ борьбы съ ними. *Е. Чикаленко. Розмова про сельское хозяйство.* Кн. II. *Худоби:* кони, товаръ, свини, вівці, -- прекрасно изложенная и изящно изданная, съ рисунками животныхъ, брошюра, но по характеру своему, -- какъ теоретическая, -- нѣсколько уступаетъ первой въ смыслѣ практическаго примѣненія. Подобно первой, книжку г. Чикаленка опредѣленіемъ особаго ученаго комитета Мпн. Нар. Просв. постановлено «допустить въ бібліотеки учительскихъ семинарій, въ учительскія бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки тѣхъ губерній, гдѣ мѣстное населеніе говоритъ на *малорусскомъ нарѣччі.*»

Въ Харьковѣ. *И. Стилка. На чужій стороні.*— Излагается въ беллетристической формѣ государственное устройство Сѣверно-Американск. штатовъ, фауна, флора въ нихъ. — Изложеніе нѣсколько суховато.

Гнатъ Галайда. Добромъ усе переможешъ. — Художественно написанный рассказъ, темой для котораго авторъ взялъ жизнь и отношенія между собой киргизовъ. — Рассказъ написанъ задушевно; чтеніе его производитъ пріятное впечатлѣніе.

¹⁾ Реценз. см. Киевск. Стар. 1899, кн. XI.

Въ Кіевѣ. *Про херсонскіи заробитки, колы и якъ ихъ шукаты, и що коштуе туды достаться по залізній дорози або пароходома.* Изд. Кіевскаго Общества Грамотности.

Прекрасное справочное пособіе для «заробитчанъ» съ указаніемъ заработныхъ цѣнъ въ извѣстныхъ раіонахъ, стоимости проѣзда туда по желѣзной дорогѣ отъ различныхъ пунктовъ.—

Достаточное также количество вышло брошюрокъ историческаго содержанія:

Въ Черкассахъ. *Иванъ Золотаренко. Повість Е. Гребинки.*—Перепечатка, въ цсправленномъ видѣ, съ перваго изданія.

Въ Харьковѣ. *Ив. Стилки. Козача помста.* Оповидання.—«Козача помста» рассказываетъ о Кошевомъ Иванѣ Сиркѣ и о походѣ козаковъ въ Крымъ.—Разсказъ написанъ вяло, довольно тяжелымъ языкомъ, въ непріятномъ шовинистическомъ тонѣ.—Въ такомъ духѣ написанную брошюру врядъ-ли можно считать пригодной для народнаго чтенія.

Въ Кременчугѣ. *Д. В. Кулида. Козаче слово. Оповидання съ переказивъ про козацтво.*—Недостойная эксплуатація историческаго минувшаго и ея представителей; здѣсь на каждомъ шагѣ невѣроятныя драматическія положенія, окутанныя «хвіляковымъ туманомъ», подъ звуки «дзвинногого дзвона» и т. д.—Брошюру слѣдуетъ считать нигде негодной.—

Въ Одессѣ. *Ц.... батько О. Стародавня Украина въ драматычныхъ сиравахъ. I. Чорный шляхъ. II. Козакъ Байда. Тип. ю.-русс. общ. Печат. дѣла; Ею же, —подъ тѣмъ же заглавіемъ: III. За вирю и правду. IV. Тарась-Бульба. Тип. ю.-русс. Общ. печ. дѣла 1).*

Обратимся теперь къ *стихотворнымъ* произведеніямъ украинской литературы:

Въ Черниговѣ. *Е. Гребинка. Шрыказки.*—Перепечатка перваго изданія, бывшаго въ Кіевѣ. *Степови квіткы.* Вирши.—Выборъ лучшихъ поэтическихъ произведеній изъ Гулака-Артемовскаго, Билыдовскаго, Вороного, Глибова, Граба, Гребинки, Коцюбинскаго, Кулиша,

¹⁾ Извѣстіе объ этихъ книжкахъ мы встрѣтили въ „Правительств. Вѣстникѣ“, въ одномъ изъ ноябрьскихъ №№ и въ № 22 текущ. года, гдѣ было указано, что они изданы въ минувшемъ году, въ Одессѣ, типографіей южно-русскаго общ. печатн. дѣла въ колич. 100 экз.

Кулыка, Манджуры, Метлинскаго, Руданскаго, Самійленка, Ставыскаго, Старицкаго, Л. Украинны, Франка, Чужбинскаго, Щоголева, Яковенка. *Б. Гринченко. Смильва дивчина*. Казка. — Сказка о королевичѣ и дивчинѣ, переодѣтой мущиной-вопномъ, доказавшей первому, что къ женщинѣ слѣдуетъ относиться какъ къ равной.

Въ Харьковѣ. — *Повне видання творивъ Пантелеймона Олександровича Кулиша: Довбитки. Думи та поеми.* Типомъ другимъ зуповненнымъ. (Изданіе Александры Михайловны Кулишъ). — Перепечатка съ изданія 1878 года (въ Кіевѣ), съ добавленіемъ «перенёго слова», «прыписивъ» (поясненій и примѣчаній къ стихотвореніямъ), а также посвященія — «присвята оправного въ золото примырныка».

Въ Черкассахъ *И. Мыронъ. Абу - Каземови капци*. (Арабська казка). — Стихотворный пересказъ извѣстной арабской сказки о скупомъ Багдадцѣ Абу-Каземѣ. — Изданіе съ вѣшной стороны прекрасное.

Въ Кіевѣ. *И. М. Стещенко. Хуторни сонети*. — 32 сонета, отражающихъ преимущественно субъективныя чувства автора. Автору нельзя отказать въ свободномъ обращеніи съ языковымъ богатствомъ, въ рискованномъ, не рѣдко, употребленіи выраженій, подлежащихъ большому сомнѣнію относительно ихъ правоспособности. — Книжка издана роскошно. —

Украинець. Малороссійскій пѣсенникъ. Сборникъ разныхъ малороссійскихъ пѣсень и стихотвореній. Собралъ *Θ. М. Кеселеръ. Отъ разныхъ* (1) авторовъ. Изд. книгопрод. *Т. А. Губанова*.

Не смотря на то, что изданія г. Губанова обыкновенно неотличаются удачнымъ выборомъ, мы, къ крайнему нашему удивленію, должны признать упомянутое изданіе болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ. Въ числѣ 75 №№ «пѣсень», не малый процентъ составляютъ стихотворенія Шевченка (напр. изъ Гайдамакъ), Котляревскаго (изъ «Наташки Полтавки» и даже *Энеиды*), изъ сборниковъ Лисенка и др. Конечно, трудно себѣ представить въ музыкальномъ исполненіи: «Эней на ничѣ забрався спаты, зарывся въ просо — тамъ и лигъ» или какое либо другое мѣсто изъ «Энея въ некли», но все же лучше взять для сборника классическія вещи, чѣмъ угощать публику всякимъ хламомъ, по большей части не выдерживающимъ никакой критики; тѣмъ болѣе это позволительно, что понятіе «пѣсенникъ» въ представленіи г.г. Губановыхъ е tutti

quantі должно означать по-просту сборникъ всякихъ стиховъ,—поются ли они, или пѣтъ,—безразлично. За то *«Стихотворенія и писни Д. Додольного и К. Бубелы, Антоновскихъ поэтовъ (!). Зибравъ Денисъ Кузьмичъ Пилуинъ въ Антоновци. Кіевъ, типогр. Т. А. Губанова»*,—возстановляетъ вполне утраченную на время репутацію Губанова, какъ издателя. Это безобразнѣйшій наборъ всякой всячины двухъ Антоновскихъ (Сквирскаго у.) «поэтовъ», какъ они скромно себя именуютъ, зачастую просто неприличной. О такихъ вещахъ не стоитъ говорить, а если и вриходится, то лишь въ предупрежденіе тѣмъ, кто не подозреваетъ всей прелести такого изданія.

Въ Петербургѣ. *Я. Жарко*. Байки.—27 басенъ, отличающихся оригинальностью сюжета, но во обработкѣ значительно уступающихъ баснямъ Гребинки или Глибова и доказывающихъ отсутствіе у автора сатирико-дидактическаго таланта¹⁾.

Казачка. Сборникъ новѣйшихъ пѣсень и романсовъ. Изд. 2-ое книготорг. А. Холмушина²⁾.

Въ Москвѣ. *Кукуль*. *Слушайте, панове, писни мои!* Малороссійскій пѣсенникъ. Изд. книготорг. Е. Губанова³⁾.

Въ Екатеринославѣ. *П. А. Кузьменко*. «Дозвилья» (!) 1888—1898.

Среди многихъ довольно слабыхъ вещей, самаго разнообразнаго содержанія, встрѣчаются недурныя стихотворенія, какъ напр. «Мимо воли». Вообще же стихотворенія на серьезныя темы автору мало удаются. За то за авторомъ несомнѣнно надо признать нѣкоторую долю юмористическаго таланта, который, хотя изрѣдка, но все же проглядываетъ. Языкъ стихотвореній нерѣдко хромаетъ, но въ общемъ не такъ еще плохъ.

Обратимся къ изящной повѣствовательной литературѣ.

Послѣдняя, въ виду чисто практическаго направленія украинской литературы, въ послѣдніе годы идущей на встрѣчу запросамъ жизни, представлена была въ минувшемъ году въ неособенно значительномъ объемѣ, если исключить тѣ крупныя художественныя явленія, о которыхъ мы сказали въ началѣ нашего обзора.

Въ Полтавѣ. *П. Мырный*. *Лыхый попутавъ*. Оповідання.—Это художественно написанный трагическій разсказъ отъ лица героини о

¹⁾ Рец. см. Кіевск. Стар. 1899, кн. VII.

²⁾ Къ сожалѣнію, намъ не приходилось ее видѣть.

³⁾ Тоже.

томъ, какъ молодая сельская дивчина, понавъ въ силу необходимости въ городъ, была обманута городскимъ ловеласомъ—парубкомъ. Разсказъ этотъ, написанный образцовымъ языкомъ, какъ и всѣ вообще произведенія этого талантливаго писателя, читается съ захватывающимъ интересомъ.

Я. Жарко Оповідання. Змистъ: 1. Старець. 2. По закону. 3. За чуже добро. 4. Дармоидъ. 5. Заробивъ. 6. Безъ матери. 7. Злодій.

— Разсказы, взятые изъ народнаго быта, написаны живо, тепло, гуманно. Это, скорѣе, рядъ житейскихъ драмъ, которыми такъ полна, повидному однообразная, сѣренькая жизнь крестьянина. Разсказы, благодаря своей простотѣ и непретенціозности, оставляють пріятное впечатлѣніе...

Въ Черниговѣ. О. Федьковичъ. Побратимъ. Кто вынень?

Два небольшихъ разсказа, взятыхъ изъ изданія «Новісті Осина Федьковича», Кіевъ, 1876 г.

Сюда же отнесемъ и *Мудра дивчина*. Казка народня,—брошюру, заключающую кромѣ упомянутой въ заголовкѣ сказки, еще 6: Два товариши (Шакинъ и Прало), Замиди, Дурень, Два приятели, Лысычка та Журавель, Цыганъ—косарь.—Сказки эти, записанныя изъ народныхъ устъ, представлены издателемъ въ литературной формѣ и болѣе всего подходятъ для чтенія дѣтей или начинающихъ обучаться грамотѣ.

Въ Харьковѣ. Свекруха—Оповідання Марка Вовчка.—Дыхтарныкъ. Оповідання А. Шабленка.

Разсказъ «Дыхтарныкъ», сюжетъ котораго взятъ изъ городской жизни (городской фонарщикъ), написанъ просто, легкимъ языкомъ, но нѣсколько скучновато.

Въ Черкассахъ. Приятели. Повесть Івана Левицького. Третье видання ¹⁾.

Въ Кіевѣ. Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцькомъ Основьяненкомъ. Изданіе второе Ф. Іогансона. Цѣна 75 коп.

Въ Москвѣ. Малороссійскій сборникъ повѣстей, сценъ, разсказовъ и водевилей извѣстныхъ малороссійскихъ писателей. Москва, т.п. Яковлевой, стр. 1—381. Въ сборникъ вошли произведенія различныхъ украинскихъ и мнимо-украинскихъ писателей, отъ Шевченка и до Раевского включительно, съ значительнымъ перевѣсомъ произведеній

¹⁾ Первыя два въ Кіевѣ.

последняго и ему подобныхъ. Изъ Шевченка взято: «Перебендя» и «Катерина», изъ *Котляревскаго* — „Наталка-Полтавка“ и „Москаль — Чаривный“, изъ *Марка-Вовчка* — „Ледяница“ и „Выкупъ“, *Стороженка* — „Якъ Богъ дастъ, то и въ вѣки подасть“ „Закопанный чортъ“, *Кулиша* — „Орыся“, *Квитки Основьяненка* — „Черезъ що люде бидніють“, *Мордовцева* — „Салдатка“, *Кузьменка* — „Не такъ ждалося, да такъ склалося“, *Гоголя-отца* — „Простакъ“, *Иродчука* — „Сира кобыла“, *Дмитренка* — „Кумъ мирошникъ“, *Кропивницкаго* — „По реви-ви“. Затѣмъ слѣдуетъ матеріалъ, безъ котораго сборникъ поспѣлъ бы болѣе приличный характеръ: 15 №№ рассказовъ Раевского съ „*Мертвымъ тиломъ*“ включительно, «Оказія зъ пампушкою» — безобразный водевилъ Боровиковскаго, «Кыпескый ярмарокъ» — мало чѣмъ лучшій водевилъ Винникова — Мирославскаго, нѣсколько сказокъ *Грибыны*. Досадно, что составитель отнесся болѣе чѣмъ несерьезно къ дѣлу составленія такого крупнаго изданія.

Вотъ, кажется, и все то, что далъ намъ 1899 годъ въ Россіи въ области украинской литературы, — въ общемъ, сравнительно не мало. Если и есть здѣсь, среди только что упомянутыхъ изданій, не мало плевелъ, то все же, надо признать, — урожай былъ богатый. Будемъ надѣяться, что и пынѣшній годъ не уступитъ минувшему.

Прим. Дѣлая обзоръ украинско-руск. литературы за 1898 г. (Кіев. Стар. 1899, кн. XII), мы, по недосмотру, пропустили двѣ брошюры: 1) изданную въ *Полтавѣ* *М. Ганько*. *Якъ дбаєшъ, такъ и маєшъ* — Въ этой брошюрѣ, авторъ предлагаетъ читателю простыя, основанныя на математическихъ вычисленіяхъ, способы достиженія значительно большей, сравнительно съ теперешней, продуктивности въ агрономіи. Разсчеты, быть можетъ, нѣсколько теоретическаго характера, но все же наводятъ на размышленія...

2) *Бабуся съ того свиту*. Оповідання про помершыхъ души. Кіевъ, 1—16. Извѣстный рассказъ, записанный П. А. Кулишемъ подъ Кіевомъ. Перепечатка съ перваго изданія.

II.

Переходя къ украинской литературѣ въ Галиціи, мы можемъ привести лишь голый перечень вышедшихъ въ теченіе минувшаго года книгъ и брошюръ, въ виду того, что ознакомленіе съ ними не всегда доступно.

На першому мѣстѣ, конечно, слѣдуетъ поставити «Наукове Товариство імені Шевченка» и его солидныя научныя и другія пзданія. Изъ періодическихъ пзданій въ минувшемъ году имъ, помимо ежемѣсячнаго журнала «Літературно-Науковий Вістникъ», были пзданы— «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка» —т. т. XXVI—XXXII ¹⁾; «Етнографічний збірникъ», т.т. VI и VII, ²⁾ «Збірникъ математично-природописно-лікарський», т.т. IV и V; т. I «Матеріяли до українсько-руської етнології», ³⁾ и т. II. Гуцульщина. Написавъ проф. Володимир Шухевич; т. II. «Історія України-Руси. Проф. М. Грушевського. Від XI—XIII в. (т. X Збірника історико-філософічної секції); Розвідки Мих. Драгоманова про Українсько-народню словесність і письменство, т. I (т. II Збірника філологічної секції); Памятки українсько-руської мови і літератури, т. II. Апокріфи новозавітні. ⁴⁾ (Видає археографічна комісія); Часопись правнича, р. IX (Розвідки правничі секції історико-філософічної); Ів. Диниченко. Суспільні верстви Галицької Руси XIV—XV вв. (Руська історична бібліотека. Т. VII).

Изъ отдѣльныхъ пзданій, преимущественно оттисковъ изъ только что упомянутыхъ періодическихъ же пзданій, можно отмѣтити слѣдующія: Л. Ч. Україна після 1654 року. Історичний очеркъ; І. Верратскій. Знадоба до пізнання уорско-рускихъ говорів. I. Говори з наюлосомъ движимим; І. Франко. Хмельницщина 1648—1649 pp. у сучаснихъ віршахъ; П. Куліш. Маруся-Богуславка, поема; С. Дністрянський. Заручини въ австрійськѣмъ праві; І. Черкаський. Спадщина в українському праві звичайовому; Генрикъ Ібсен. Ворогъ народи. Драма в V д.; Грінченко. Середъ бурі. Драма на 5 дій; І. Франко. Гелена і Фавст, 3-й акт 2-ої частини Гетевого «Фавста».

Затѣмъ, съ начала минувшаго года, открыла свои дѣйствія основанная въ концѣ 1898 г. «Українсько Руська Лидавнича Спілка», успѣвшая въ теченіе года дати публікѣ 12 книжекъ, по преимуществу беллетристическихъ произведеній выдающихся украинскихъ и западно-европейскихъ писателей; въ число этихъ пзданій вошли: Шекспір. Гамлет, принцъ данський, — въ художественномъ переводѣ П. К. Кулиша; Ів. Франко. Поеми и оповідання (Полуйка, Рівник, Вівчар),

¹⁾ См. реценз. „Кіевск. Стар“. 1899, кн. 12.

²⁾ На предыдущ. томы I—V см. реценз. тамъ-же.

³⁾ Рец. см. Кіевск. Стар. 1899, кн. VII.

⁴⁾ Рец. см. Кіевск. Стар. 1900 г. кн. I.

Гю-Мопсан. Дика пані і інші оповідання; Каутскій Кароль. Народність і її початки,—з додаткомъ В. Будзиновського; *Леси Українка. Думи і мрії. Поэзві; Ольга Кобилянська. Покора. Нариси; Наталя Кобринська. Духи часу. Оповідання; Стефан Ковалів (Стефан Пятка). Дезертир і інші оповідання; Кнуט Гамсун. Голод. Роман; Генрих Понтонідан. Із хат.*

Слѣдуєть еще остановитись на почтенной дѣятельности просвѣтительнаго общества «*Прозсита*», изданія котораго достигли уже солидной цифры 233. Въ минувшемъ году упомянутое общество дало всего лишь 8 книжекъ (№№ 224—235), а именно: *Т. С. Сельскі аристократи сорокових літ, або знесенн панщини в Загорбах. Комед. в 3 д.; А. Бардовскій. Про сербського ученого Вука Стефановича Караджича; А. Селянскій. Цікаві розмови про держави і народи Європи; В. Хлопецькій. Де-що про молоко; Батько Петро и его діти. Оповідане; А. Борковскій. Бодан Хмельницькій. Ч. III. (1649—1659) (за М. Костомаровим); Андр. Лукашевскій. Приписи для олядачів худоби і м'яса; Ілюстрований народний календар на р. 1900.* Не малую дѣятельность проявило и «*Руске товариство педагогічне*», издавшее слѣдующія книжки и брошюры для дѣтскаго возраста:

Ів. Франко. Коли ще звірі говорили (казка для дѣтей); Казки Андерсена,—4 книжек; В. Лебедева. Мамі герої, картини з життя дітей; Бя-же—Гостинець дітям и оповідання для дітей; Д. Селянскій. Казки Брянчанінова; І. Франко. Пригоди Дон-Кіхота; О. Макирушка. Казки братів Грімів; Народні казки (3 книжки); В. Чайченко. Робінзон; Джонатан Свіфт. Подорож Гулівера до ліліпутів; Ол. Катренко. Оповідання; Ів. Спілка. На чужині; Стеф. Пятка. Дарунокъ для дітей. Оповідання; Мих. Коцюбинський. Оповідання. Это же общество издало: *Ант. Глодзінський. Шкільний оюрод (съ иллюстрац. и планомъ) и Молитвенник народній.*

Затѣмъ, съ минуваго года, открылась новая серія изданій, подъ назв. «*Живі струни*». Вышли въ свѣтъ: 1) *Стан. Пишибишевскій. Із циглю вігилій; 2) Габр. Запольска. В Гірничій Дуброві; 3) Орест Аедикович. Нарис одной добы и 4) Антін Крушельницькій. Пролісок.*

Что же касается отдѣльныхъ изданій, то таковыя болѣе всего появлялись во Львовѣ, Черновцахъ, меньше—въ Перемышлѣ и въ Коломыѣ, а иногда и въ другихъ городахъ.

Во Львовѣ. Б. Цеглянскій издалъ нѣсколько драматическихъ произведеній: *Лихий день*, комед. в 1 д., *Беата и Гальшка*, істо-

рична трагедія, *Свекруха*, комед. в 3 акт., *Конкурс на мужа*. Шутка в 5 акт., *Яблочишкар*, комед. в 1 акт., а також розказъ: *Сольотерно!* Крімъ того вышли слѣд. изданія: *М. Павлик—М. Драгоманов. Рай і поступ.*; *Крушельницькій М. Українсько руський університет. Памяткова книжка 1 віча студентів укр.-русинів*; *Ів. Кокорудз. Взаємини між староруськими законодавчими пам'ятниками*; *Ів. Нечуй Левицькій. Українські ієтмани Бруховецький та Тетеря*; *Кирило Студинський. Поеми Михайла Макаровського*; *Герг. Гауптман. Гануся*,—перекл. *А. Крушельницькій*; *Ол. Катренко. Цуциня. Оповіданя*; *О. Карманський. З теки самоубийця*; *Еліза Оржешкова. Недоспівана пісня*,—перекл. *А. Крушельницькій*; *Т. Окуневскій. Як дбає и. к. Рада шкільна краєва о руску народну школу?*; *Ів. Верхратскій. Зоологія на низші класи шкіл середніх*; *Т. Бордуляк Ближній. Образки и оповѣданя.* (Бібліотека найзнаменитшихъ по-вѣстей, т. LXII).

Въ Черновцахъ. *Проф. Смаль-Стоцкий. Буковинська Русь*,—культурно-історичний образек; *Стефаник. Синя книжочка. Образки*; *Богдан Лепкий. З села. Збірник оповѣдань*; *О. Кобилянська. Людина. Повість*; *Денис Лукіянович. Бачнітки*; *О. Шпитко. Листи з пекла* (Антихрист до Люцифера); *Гумористика. Книжочка смішного і веселого для руского народа*; *Приказки* (Бібліотека добрих рад., ч. 1); *И. Воробкевич. Науки для народа* (60 проповідей).

Въ Перемишлѣ. *В. Щурат.—Конопницька. До женицини*; *Еюже.—Пам'яті Тараса Шевченка.* Фантазія виголошена підчас святочного обходу XXXVIII роковин смерті генія України-Руси.

Въ Коломиѣ. *Бібліотека для рускої молодіжі.* Випуски XXI и XXII, т.т. XXXV и XXXVI (р. VI); *Ю. Варчин. Цвѣты и бодяки. Образки и оповѣданя. Ч. I.* (Бібліотека для рускої молодіжі, вып. XXIII, т. XXXVII, рік VI); *Т. М. Справедливий герой*; *Тома Дуткевич. Подорож до Іерусалима*; *А. Куширь. Якъ робити гроши.*

Въ Жовквѣ. *И. Ногоренкій. Зовняли цвѣты*, *О. К. Р. Читиня о мукахъ и смерті Г. Н. Ісуса Христа* (Видавництво побожнихъ внижок).

Наконець, остається еще упомянуть объ изданіяхъ українськихъ въ Америкѣ,—по преимуществу редакціи «Свободы» (Пенсильванія, Кармель) ¹⁾: *Тышко Гаврилюк. Оповіданя зъ еміграційного життя. На-*

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1899, ян. 12, стр. 157.

*писавъ Несторъ Дмитровъ; Стеф. Макаръ. Оновѣдана; Про вѣдступны-
ки вѣдъ православія и ихъ переслѣдованя. Интересно также отмѣтить
еще одну книжку «Захидна Канада», изданную Канадскимъ прави-
тельствомъ для мѣстныхъ русиновъ.*

Вотъ и всѣ, кажется, важнѣйшіе факты украинско-русскаго
литературно-научнаго издательства за 1899 г. Уже одно количество
перечисленныхъ изданій, какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами ея,
говорить о жизненности этой работы.

Пожелаемъ же ей отъ чистаго сердца широкаго, всесторонняго
развитія и на будущіе годы.

В. Доманицкій.

Обозрѣніе журналовъ 2-й половины 1899 года. ¹⁾

Русскій Архивъ №№ 7—12.

*Графъ С. Шереметевъ Указъ князя Алексѣя Михайловича Черкас-
скаго Абрисиму Семенову (кн. 7).*

Хозяйственныя распоряженія князя А. М. Черкасскаго въ началѣ
1739 г. относительно «Черкасскихъ слободъ» въ Бирючскомъ у.,
Воронежской губ., заселенныхъ малороссами. — Человѣколюбивое отно-
шеніе его къ народу, въ частности къ „Черкасамъ“.

*Пять рескриптовъ Императора Александра Павловича князю
А. А. Прозоровскому (кн. 7).*

Рескрипты 1807 года (1, 4 и 5) о необходимости образовать
милицію (земское войско) имъ жителей губерній Кіевской, Малорос-
сійско-Полтавской, Екатеринославской и Херсонской для защиты гра-
ницъ Россіи со стороны Турціи. — Судъ надъ пятидесятникомъ ми-
лиціи Овсіевскимъ.

Воспоминанія Н. Д. Боштина (№ 9).

Воспоминанія начала 60-хъ гг. о Кіевской 1-ой гимназіи, о
жизни Кіева въ началѣ 60-хъ годовъ; воскресныя школы; педагоги-
ческая школа (для сельскихъ учителей); интересное убазаніе, что

¹⁾ Обозр. этихъ-же журналовъ за 1-ую половину 1899 г. см. въ № 10 и 11
прошлаго года.

«для училищъ печатали (въ 1863 г.) на казенный счетъ «Байки» (Л. Глѣбова) т. е. передѣлки басенъ Крылова на малороссійскій языкъ», приготавлили къ изданію большія стѣнныя картины для нагляднаго обученія изъ малороссійскаго быта»; кое-что о Драгомановѣ.

То же (№ 10).

Открытіе народныхъ училищъ на Волини.—Помощникъ попечителя Кіевскаго Округа М. А. Туловъ, «составившій себѣ славу украинофила». Интересная подробность: Попечитель (Ширинскій-Шихматовъ) отдалъ приказаніе Богатинову, какъ заведывающему книжнымъ складомъ нар. училищъ, гдѣ хранилось еще до 500 экз. „Басекъ Глѣбова“, „до единого экземпляра этихъ басекъ, сжечь, какъ вредное изданіе, которое не должно имѣть мѣста въ народномъ училищѣ, что и было исполнено мною. Только ради смѣха я оставилъ на память себѣ одну эту, истинно смѣхотворную книжечку, читая которую на исковерканномъ (!) малорусскомъ языкѣ нельзя не смѣяться...»

То же (№ 11)

Продолженіе воспоминаній.—Между прочимъ о переводѣ на малорусскій языкъ учебниковъ для народныхъ училищъ Юго-Западнаго края, о введеніи мѣстнаго нарѣчія вообще въ преподаваніе по сельскимъ училищамъ (см. Кіевск. Стар. 1899, кн. 12, стр. 130).

Изъ временъ давно минувшихъ. (кн. 11).

II. Трагическое дѣло (1802 г.) о закованіи въ цѣпи и смерти ковотонскаго священника Андреевскаго.

V. Доношеніе о пренебреженіи юношами духовнаго званія дѣвицъ духовнаго званія (см. Кіев. Стар., 1899, кн. 12, стр. 130).

Кавалегарды при Елисаветѣ Петровнѣ. Разборъ т. I. „Исторія кавалегардовъ 1724—1799—1899“. (кн. 12).

Упомянутое, что священнику лб.-компаніи, Кириллу Тарловскому, данъ былъ запорожскимъ кошовымъ Калнишевскимъ „удѣлъ земли“, и сдѣланы при томъ многія льготы, за многооказанныя имъ, Тарловскимъ, къ намъ, войску Запорожскому, въ С.-Петербургѣ услуги, и что онъ и впредь къ войску надобенъ“.

Русская Старина №№ 7—12.

Пожертвованіе екатеринославскаго дворянства на Харьковскій университетъ. (кн 9).

Указъ императора Александра I стат. сов. екатеринославскому вице-губернатору Невѣровскому 30 января 1804 г.

Переселеніе болгаръ въ Россію. (кн. 9).

Рескриптъ импер. Александра новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому, отъ 16 іюня 1802 изъ Могилева.

Просьба донести, сколько выходцевъ изъ Турціи прибудеть и гдѣ будутъ размѣщены.

Поощреніе шелковичнаго производства. (кн. 10).

Рескриптъ имп. Александра I новоросс. гражданскому губернатору Миклашевскому отъ 13 февр. 1802 г. о прилаганіи стараній «къ большему укорененію сего возрастающаго промысла».

И. А. Валуевъ и А. Т. Тройницкій. Письма Валуева къ А. А. Скальковскому и къ М. Ѳ. Тройницкой, касающіяся частной жизни А. Скальковского.

Поселеніе духоборцевъ на р. Молочной.

Рескриптъ имп. Александра I новоросс. гражд. губернатору Миклашевскому 1 іюля 1802 г.

Поселеніе въ Россіи выходцевъ изъ Акермана (кн. 11).

Рескриптъ импер. Александра I новорос. гражд. губернатору Миклашевскому 8 октября 1802 г.

Историческій Вѣстникъ (№№ 7—12).

В. Г—ко. Памяти В. В. Тарновскаго (кн. 8).

Описаніе Качановки.—Собраніе древностей и предметовъ быта и культуры южной Россіи.—Симпатичныя черты личности покойнаго В. В. Тарновскаго; его отзывчивость, жертвы. «Онъ не былъ зараженъ предразсудками невѣжественной толпы, которая отождествляетъ все малороссійское съ мужицкимъ, и давалъ цѣну проявленіямъ народнаго украинскаго творчества и духа... Постигенію этого творческаго духа, лучшему пониманію племени, его носившаго, послужить и собраніе В. В. Тарновскаго, и въ этомъ его право на признательность земляковъ и родного общества».

Д. Эварницкій. Способы погребенія у древнихъ народовъ, населявшихъ югъ Россіи (кн. 8).

Погребеніе у скифовъ, грековъ-колонистовъ, руссовъ-язычниковъ, половцевъ, татаръ.—

А. С—ий. *Воспоминаніе объ Е. П. Гребенкѣ* (кн. 9).

Воспоминанія одного изъ учениковъ Е. П. Гребенки относятся къ концу 30-хъ и началу 40-хъ годовъ, когда Е. П. Гребенка преподавалъ русскую словесность въ среднихъ классахъ второго кадетскаго корпуса въ Петербургѣ. — Авторъ воспоминаній говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, веселомъ, добродушномъ, горячо любящемъ Малороссію («онъ считалъ себя козакомъ, часто упоминалъ объ этомъ и даже гордился своимъ козачьимъ званіемъ») и статью свою заключаетъ желаніемъ, чтобы оставшіеся родные или близкіе Евгенія Павловича описали состояніе его могилы въ настоящее время; мы, уже немногіе изъ оставшихся учениковъ его, охотно приняли бы участіе въ поддержкѣ, украшеніи и приведеніи въ надлежащій порядокъ этой всегда дорогой для насъ могилы.

Въ отдѣлѣ «*Изъ прошлаго*» (кн. 9) «*Къ біографіи Н. И. Костомарова*».

Письмо Н. И. Костомарова отъ 26 іюля 1858 изъ Петербурга къ Ѳ. Ѳ. Веселаго, управляющему Казанскимъ округомъ, съ просьбой не отказать въ содѣйствіи въ скорѣйшему представленію о немъ для опредѣленія въ должность профессора Казанскаго университета. Причина его неутвержденія донинѣ: «странныя вѣсанія г. саратовскаго губернатора».

Д. В. Оедоровъ. «*Изрушечная армія*» (изъ быта южно-русскихъ кантонистовъ) (кн. 10 и 11).

Разказы бывшаго кантониста о пребываніи своемъ и воспитаніи среди кантонистовъ. Кантонистскій дивизіонъ въ с. Бабанѣ, Уманскаго у. — Бытъ кантонистовъ, отношеніе къ мѣстному населенію. Князь Пашкевичъ и его отношенія къ кантонистамъ. Пребываніе рассказчика въ Умани; генералъ Трескинъ и его дѣятельность. — Начальное обученіе въ школахъ военныхъ поселеній. — Пребываніе рассказчика въ Кременчугѣ въ Вознесенскѣ (Херсон. г.). — Уничтоженіе кантонистовъ и военныхъ поселеній, «которые представляли собою на фонѣ русской жизни первой половины текущаго столѣтія одно изъ безотраднѣйшихъ явленій, по сравненію съ которымъ крѣпостное право могло быть названо даже благомъ» ..

А. Танковъ. *Памяти Т. І. Вержицкаго* (кн. 10).

Краткая замѣтка о недавно скончавшемся (19 мая 1899 года) симпатичномъ мѣстномъ дѣятелѣ, горячо любившемъ исторію и

археологію, сотрудникѣ многихъ мѣстныхъ и столичныхъ журналовъ и газетъ, въ томъ числѣ и нашего журнала.

А. К. Корниловичъ. Одиннадцатый Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ (кн. 12).

Обзоръ археологическихъ выставокъ на съѣздѣ, а также болѣе выдающихся докладовъ. —

Авторъ находитъ, что не смотря на нѣкоторыя тѣсныя стороны въ исторіи съѣзда, (между прочимъ и вопросъ о малорусскомъ языкѣ, «получившій слишкомъ страстную постановку»), съѣздъ все же далъ обширныя пріобрѣтенія въ научной сферѣ.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи (кн. 10).

IV т. И. Теодоровича. Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческ. и др. отношеніяхъ т. 1-й.

Розвідки Михайла Драгоманова (Львів, 1899).

Кулаковский. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей, рецензентъ которой (Е.) готовъ видѣть въ аланахъ «звено въ цѣпи тѣхъ фактовъ, которые создали Черкасъ» на среднемъ Днѣпрѣ.

Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья (№ 12).

Въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки»: *Дж. И. Эварницкій. Археологическая справка: I. Поправка неточности въ «Каталогѣ Украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго», на стр. 41, гдѣ каменный крестъ, приписываемый кошеному Гордѣнку, на самомъ дѣлѣ долженъ быть отнесенъ къ Стефану Гладкому. II. Поправка къ стр. 117 статьи А. Лазаревскаго (Кіевская Старина, 1899, январь): указывается, что Антонъ Тарловскій, выкравшій племянницу Ивана Берла, Анну, не можетъ быть отцомъ извѣстнаго дикаго попа, какъ предполагаетъ г. Лазаревскій, потому что дикій попъ назывался Кириллъ Николаевичъ, а не Антоновичъ, что извѣстно изъ указываемыхъ г. Эварницкимъ печатныхъ источниковъ.*

Журналъ Министерства Нар. Просвѣщенія №№ 7—12.

А. А. Спицынъ. Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (кн. 8).

Обстоятельное изложеніе этой статьи см. Кіевск. Стар. 1899, кн. 12 («Археологическая Лѣтопись»).

И. Лапто. Подкоморскій судъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка (кн. 8).

Судъ обычный и комиссарскій. — Подкоморскій вѣрьдъ; повѣтовый подкоморіи; компетенція подкоморскаго суда и подкоморія; ходъ судебного подкоморскаго процесса. — Коморники. — Граничные знаки (концы, курганы и проч.). — Конный судъ.

Въ отѣтъ критики и бібліографіи: Отвѣтъ академику А. А. Шахматову и разборъ его послѣднихъ мнѣній объ образованіи русскихъ нарѣчій. — *Е. Будде* (№ 9).

Дѣлаются поправки къ нѣкоторымъ, будто бы неточностямъ въ статьѣ А. А. Шахматова, на которыя послѣдній здѣсь же даетъ отвѣтъ (стр. 178—180), объясняя возраженія Е. Будде недоразумѣніемъ.

«Еще о книгѣ и. Ярушевича «Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій». — *М. Любавскаго* (№ 11).

Разборъ брошюры А. Ярушевича «Нѣсколько словъ по поводу одной рецензіи», изданной въ защиту своей книги о князѣ Константинѣ Ил. Острожскомъ противъ сужденій о послѣдней М. Любавскаго.

Русская Мысль №№ 7—12.

И. Данилычевъ. Доходы и расходы городовъ Кіевской губерніи за 1895—1897 годы (кн. 7).

Показана общая сумма доходовъ и расходовъ по всѣмъ 12 городамъ Кіевской губерніи; источники доходовъ; количество и процентное отношеніе расходовъ къ общей суммѣ расходовъ. —

Личковъ. Сервитутный вопросъ въ Западномъ краѣ (кн. 7, 8 и 9).

Происхожденіе сервитутовъ въ юго-западномъ и западномъ краѣ. — Невозможность окончательнаго рѣшенія вопроса безъ обстоятельнаго мѣстнаго изслѣдованія. — Жалобы на вредъ сервитутовъ помѣщичьему хозяйству. — Значеніе сервитутовъ для крестьянъ. — Необходимость изчезновенія сервитутовъ при отсутствіи мѣръ къ ихъ охраненію. — О необходимости вознагражденія за сервитуты, — путемъ выкупной операціи.

Кириакъ Даниловъ. Срочный вопросъ (кн. 10).

По поводу введенія въ Юго-Западномъ и западномъ краѣ земства. — Введеніе проекта предполагаемой земской реформы, выработаннаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для 9 западныхъ губер-

ній, можетъ само по себѣ отдалить переходъ этого края къ нормальному земскому положенію на цѣлыя десятилѣтія“.

Л. С. Закъ. Земство и крестьянское хозяйство (кн. 11 и 12).

О необходимости, для устраненія убыточности сбыта крестьянскаго хлѣба, организовать выдачу ссудъ подъ залогъ продуктовъ.

Е. Нѣсколько словъ по поводу XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ (кн. 12).

Убогіе результаты съѣзда и его неудача, съ одной стороны благодаря уже начавшемуся разложенію археологическихъ съѣздовъ вообще, а съ другой—благодаря своеобразному рѣшенію «галицкаго вопроса». «Представители «чистой науки», чувствуя себя не очень ловко и устойчиво на ученой почвѣ, перешли къ борьбѣ совсѣмъ особаго рода, болѣе соответствовавшей ихъ способностямъ и силамъ». «Порядочные элементы были охвачены общимъ чувствомъ неловкости, побѣдители во всемъ были сильны—кромѣ науки»...

Въ отдѣлѣ библіографіи (кн. 9) весьма сочувственный отзывъ о книгахъ В. П. Горленка: «Южно-русскіе очерки и портреты» и «Украинскіе были».

Вѣстникъ Европы №№ 7—12.

Л. М. Жемчужниковъ. Отрывки изъ моихъ воспоминаній о 50 хъ годахъ (№ 11, стр. 230—260). Авторъ этихъ воспоминаній, извѣстный своимъ альбомомъ «Живописная Украина», издан. въ 1861—62 годахъ, рассказываетъ между прочимъ о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ о Малороссіи во время пребыванія въ ней въ 50-хъ годахъ, главнымъ образомъ въ пирятинскомъ уѣздѣ въ имѣніи графа С. П. де-Бальмена. Мелькомъ упоминаются здѣсь нѣкоторые интересныя личности, какъ напр. П. А. Кулишъ, В. В. Тарновскій (отецъ извѣстнаго собирателя малорусскихъ древностей), Г. П. Галаганъ, М. В. Юзѣфовичъ, но ничего интереснаго о нихъ не сказано. Вообще воспоминанія эти не изъ содержательныхъ.

Въ отдѣлѣ «Изъ общественной хроники» (№ 12) помѣщены данныя о современномъ неурожаѣ на югѣ Россіи и о способахъ помощи пострадавшимъ отъ него, особенно въ Бессарабіи.

Въ отдѣлѣ «Литературное обозрѣніе» (№ 11) помѣщенъ отзывъ объ «Извѣстіяхъ 11-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ» и о статьѣ

К. Михальчука «Что такое малорусская рѣчь». Въ этой замѣткѣ г. Т. разсматриваетъ кратко результаты работъ на Кіевскомъ сѣздѣ и въ концѣ останавливается на извѣстномъ уже нашимъ читателямъ инцидентѣ съ рефератами галицкихъ ученыхъ, по поводу чего авторъ амѣчаетъ, что только «литературная почва для веденія спора по этому вопросу была-бы прилична для людей науки.

Обозрѣніе журналовъ текущаго года.

Въ текущемъ году, начиная съ настоящаго номера, мы будемъ давать обозрѣніе тѣхъ журналовъ, за содержаніемъ которыхъ редакція имѣетъ возможность слѣдить, отмѣчая всѣ статьи, болѣе или менѣе касающіяся вопросовъ, связанныхъ съ жизнью нашего Юга. Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русская Старина № 1; 2) Русскій Архивъ № 1, 3) Историческій Вѣстникъ № 1; 4) Вѣстникъ Европы № 1; 5) Biblioteka Warszawska № 1; 6) Ateneum № 1; 7) Przewodnik naukowy i literacki № 1; 8) Извѣстія Общества Археолог., Исторіи и этнографіи при Импер. Казан. унив., Т. XVI-й, вын. 1.

Русскій Архивъ № 1. Д. И. Иловайскій. *Историко-критическія замѣтки. Еще о поборникахъ отжившихъ теорій* (стр. 141—147). Исходнымъ пунктомъ этихъ критическихъ замѣтокъ служатъ изданія проф. Ю. А. Кулаковскаго «Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и Византійскихъ писателей» и «Карта Европейской Сарматіи по Птоломею» (о послѣдней см. рецензію въ „Кіев. Стар.“, № 1). Авторъ замѣтокъ, конечно, остается при прежнихъ своихъ взглядахъ на славянское происхожденіе Сарматовъ, Роксоланъ, Болгаръ и Гунновъ. Дѣлая свои возраженія проф. Ю. Кулаковскому, авторъ затрогиваетъ мимоходомъ и бышіе съ нимъ инциденты столкновеній въ спорахъ съ другими учеными, и между прочимъ съ П. Милюковымъ, выступившимъ противъ г. Иловайскаго на XI археологическомъ сѣздѣ, а также съ покойнымъ проф. А. С. Пайловымъ, возражавшимъ ему на VI архео-

логическомъ сѣздѣ въ Одессѣ. Замѣтки эти написаны такимъ тономъ, который подчеркиваетъ фактъ, будто г. Иловайскаго почему-то всегда оскорбляютъ въ публичной полемикѣ, а «quasi-интеллигентная» публика поощряетъ оскорбителей восторженными рукоплесканіями.



Въ этомъ-же номерѣ помѣщена краткая рецензія на книгу *В. П. Горленка* «Украинскія были. Описанія и замѣтки», написанная въ самомъ сочувственномъ автору тонѣ (стр. 159—160).

Историческій Вѣстникъ № 1. *Е. С. Шумигорскій. Изъ малороссійскихъ сулуэтовъ I. Графиня А. В. Браницкая* (стр. 171—202). Статья эта вызвана недавно вышедшимъ собраніемъ сулуэтовъ Сидо, изобразившаго дворъ Екатерины 2-ой. Е. Шумигорскій захотѣлъ оживить эти сулуэты и для начала избралъ сулуэтъ графини Александры Васильевны Браницкой, любимой племянницы Потемкина и создательницы огромнаго состоянія Браницкихъ и Воронцовыхъ. Статья представляетъ біографическій очеркъ А. В. Браницкой, и главнымъ образомъ—отношенія ея къ Потемкину и къ Екатеринѣ II, составленный на основаніи печатныхъ матеріаловъ; вторая половина статьи посвящена описанію жизни А. В. Браницкой въ м. Бѣлой-Церкви послѣ смерти Екатерины II-ой.

Въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки» находится маленькая статейка *А. Нарасича* «По поводу ископаемыхъ шаровъ» (стр. 439—440). Здѣсь говорится о томъ, что находимые въ Малороссіи стеклянные шары, считающіеся ископаемыми, есть ничто иное, какъ особаго рода утюги, употреблявшіеся еще очень недавно для разглаживанія *намитокъ* (головныхъ повязокъ у замужнихъ женщинъ). Прибавимъ отъ себя, что эти утюги имѣютъ въ Малороссіи особое названіе *ило*, откуда и глаголь *илыть* въ значеніи *машинъ*

Вѣстникъ Европы № 1. Въ статьѣ *Влад. Соловьева* „Три характеристики“ одна глава (стр. 330—334) посвящена извѣстному фи-

дософу П. Д. Юркевичу, о которомъ авторъ вспоминаетъ какъ о типичномъ малороссѣ и передаетъ нѣкоторые интересные факты изъ его жизни.

Еще о кievскомъ археологическомъ съѣздѣ (Письмо въ редакцію проф. Т. Д. Флоринскаго) (стр. 406—416). По поводу замѣтки г. Т. въ «Вѣстн. Европы» 1899 г. № 11-й объ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ и о вопросѣ съ рефератами галицкихъ ученыхъ, проф. Т. Д. Флоринскій прислалъ въ редакц. «Вѣстн. Европы» свое объяснительное письмо, въ которомъ заявляетъ, что въ замѣткѣ г. Т. извращены факты, и пробуетъ ихъ освѣтить иначе, считая нѣкоторые мѣста въ этой замѣткѣ даже „клеветой“. На это письмо проф. Т. Д. Флоринскаго г. Т. даетъ тутъ-же свой отвѣтъ, въ которомъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за яко-бы извращеніе фактовъ, такъ-какъ онъ основывался на газетныхъ извѣстіяхъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ никѣмъ не опровергнутыхъ. Наиболее интересныя мѣста въ этомъ отвѣтѣ г. Т. заключаются въ тѣхъ взглядахъ, которые авторъ высказываетъ по вопросу о малорусской литературѣ и ея исключительномъ положеніи въ настоящее время.

Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казан. Унив. Т. XVI, вып. 1. 1900 г. *Отчетъ о занятіяхъ XI Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ*, доложенный въ Общемъ собраніи Общества Д. Васильевымъ (стр. 64—71). Указывается на сравнительную вилость въ ходѣ занятій съѣзда, явившуюся, по мнѣнію докладчика, результатомъ количественной бѣдности членовъ съѣзда, а также и отсутствія многихъ крупныхъ дѣятелей на вопрощѣ разработки нашей родной старины, и между прочимъ — научныхъ дѣятелей Галиціи.

Biblioteka Warszawska № 1 D-r Józef Siemiradski „W sprawie emigracyi włościańskiej w Brazylii“ (стр. 137—154). Въ 1896 году авторъ, какъ знатокъ бразильскихъ отношеній, въ обществѣ священника И. Волянскаго, делегата отъ русиновъ, посѣтилъ бразильскія колоніи для ознакомленія съ современнымъ поло-

женіемъ ихъ. Путешественники осмотрѣли всѣ колоніи польскія и русинскія въ штатѣ Парана, а также и въ окрестныхъ. Къ сожалѣнію, авторъ въ данной статьѣ соблюдаетъ интересы лишь своей національности, излагая обстоятельно количество польскыхъ эмигрантовъ, ихъ жизнь и занятія, — о русинахъ же почти совсѣмъ не упоминаетъ, не смотря на то, что послѣднихъ тамъ насчитывается не малое количество (до 30.000 ¹⁾).

Ateneum № 1. Stanisł. Piotrowski „Wspólna własność ziemska w gminie wielkorosyjskiej“ (стр. 66—84). Авторъ, основываясь на т. IX Свода законовъ Россійской имперіи, разсматриваетъ постановленія права обязательнаго, касающагося организации сельскаго общества въ Великороссіи („мира“). Отмѣчаются нѣкоторые правовыя различія въ губерніяхъ Великорусскихъ и Малорусскихъ.

Przewodnik naukowy i literacki № 1. D. Zaleski. *Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego*, (стр. 1—20), относящаяся къ 1844 г., когда Залѣсскій находился заграницей, въ Фонтенебло. Письма преимущественно адресованы Софіи Розенгардтъ (впослѣдствіи — жена его) и проникнуты любовью къ Украинѣ, которую онъ ставитъ даже на первомъ мѣстѣ въ сравненіи съ Польшей.

I. Horoszkiewicz. *Pamiętnik o stroju narodowym w rzeszy-
respolitej Polskiej* (стр. 57—72). Авторъ задался цѣлью описать всѣ подробности народнаго костюма въ отношеніи кроя и способа ношенія. Разсказавъ въ общихъ чертахъ о предполагаемомъ костюмѣ древнихъ славянъ, авторъ разсматриваетъ вопросъ, откуда и когда могъ взяться «жупанъ»; по его мнѣнію послѣдній ничто иное, какъ болѣе практичное видоизмѣненіе льняной, обычной у народа рубашки, носимой сверхъ нижней.

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1900. кн. 1, отд. II, стр. 27.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 40 «Čas» чешск. журн. проф. Polívka говорить о запрещеніи чтенія на XI съѣздѣ докладовъ на малорусскомъ языкѣ: «въ кievскомъ предварительномъ комитетѣ (по устройству съѣзда) былъ поднятъ вопросъ о допущеніи малорусскаго языка на съѣздѣ. Профес. Флоринскій горячо выступилъ противъ допущенія послѣдняго, но встрѣтилъ со стороны предсѣдателей столь острый отпоръ, что счелъ нужнымъ сложить съ себя званіе делегата отъ Кіевскаго университета».

Останавливаясь на фактѣ отказа галицкомъ ученимъ въ чтеніи рефератовъ на ихъ родномъ языкѣ и на нѣкоторыхъ газетныхъ сообщеніяхъ по этому поводу, корреспондентъ журнала «Slovansky prehled'a» (№ 1), заканчиваетъ слѣдующими словами свое сообщеніе: «Во всякомъ случаѣ, во имя принципа славянскаго согласія (zhody), искренно скорбимъ по поводу того, что случилось на кievскомъ съѣздѣ. Никому это не послужило на пользу—но повредило русско-украинскому вопросу, въ которомъ и такъ было достаточно горечи. Такимъ способомъ вопросъ о славянской взаимности и согласіи не разрѣшимъ».

Въ №№ 9 и 10 польскаго журнала „Promień“, посвященнаго специально дѣламъ школьной молодежи, помѣщена интересная статья М. Л. „Ukraińska literatura. Wedlug d-ra Iwana Franki i d-ra Ołeksandra Kołessy“. матеріаломъ для которой, какъ видно, послужили статьи І. Франка въ „Slovansk'омъ Prehled'b“ (1898 г. № 1 и 2) ¹⁾ а также О. Колессы: „Століте відродження літератури українсько-рускої“ (Літературно-Науковий Вістник, т. IV, 161—187). Авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ исторію украинской литературы отъ временъ давнѣйшихъ, оканчивая Маркомъ-Вовчкомъ. Окончаніе статьи слѣдуетъ.

Въ № 1 газеты „Дѣло“ помѣщена интересная статья Івана Франка „Українсько-руски література и наука съ 1899 році“. Авторъ указываетъ на сравнительный прогрессъ съ каждымъ годомъ въ литературно-научной сферѣ; замѣчается большой интересъ къ литературѣ, появилось немалое число новыхъ работниковъ во всевозмож-

¹⁾ См. о ней „Кіев. Стар.“, 1898, кн. 11 и 12.

ныхъ областяхъ литературы; число изданныхъ брошюръ и книгъ, сравнительно съ предыдущими годами,—небывало велико. Но что гораздо важнѣе,—самый языкъ сталъ богаче, расширилъ свои рамки, благодаря, съ одной стороны, привносу новыхъ идей, терминувъ оборотовъ, а съ другой—опубликованію огромнаго количества невѣстныхъ доселѣ матеріаловъ народнаго творчества и письменности, открывшихъ намъ новыя сферы, духовныя и литературныя теченія, невѣдомыя донинѣ. Указывается затѣмъ на литературно-научную дѣятельность Науковаго Товариства ім. Шевченка и многихъ частныхъ лицъ.

—

Въ №№ 2, 3, 4, 5, 9, 10, 11 и 12 газеты «Русланъ» помѣщена интересная статья: «Русини в. XIX столѣтѣ» (огляд в птичім лѣті), въ которой авторъ, указавши на развитіе народной жизни и идеи національности на Украинѣ, разсматриваетъ положеніе русиновъ въ въ Угорщинѣ, останавливается на безплодной дѣятельности старорусской партіи и полезной народовской, говоритъ о консолидаціи (союзѣ народовской партіи съ старорусской (москвофильской), о культурныхъ приобрѣтеніяхъ русиновъ-нароловцевъ начиная съ 1890 г.

—

Въ № 7 за 1899 г. чешскаго журнала «Osvěta» въ статьѣ I. Mikša „*Ruská literatura za posledních let*“ удѣлено 2 страницы П. А. Кулишу. Изложивъ вкратцѣ біографію Кулиша, авторъ посвящаетъ нѣсколько словъ характеристикѣ его личности, какъ писателя: «Жизнь его является зеркаломъ всѣхъ фазовъ малорусскаго движенія».

Въ № 10 того же журнала и въ той же статьѣ, авторъ, дѣлая обзоръ вышедшихъ крупныхъ собраній сочиненій, останавливается на Котляревскомъ, Квиткѣ, Марко Ванчокѣ. Подробнѣе всего говоритъ о Котляревскомъ, біографію котораго рассказываетъ довольно обстоятельно.

—

Въ № 4 журнала «Slovansky přehled» (годъ II) помѣщена статья Івана Франка „*Lesá Ukrajinka*“, въ которой авторъ излагаетъ біографію нашей талантливой писательницы, а также дѣлаетъ оцѣнку ея поэтическимъ произведеніямъ, помѣщеннымъ въ двухъ сборникахъ: „На крилахъ пісень“ (Львовъ, 1893) и „Думи і мрії“ (Львовъ, 1899). Его выводъ—„со времени появленія „Кобзаря“ Шевченка Украина не имѣла лучшаго собранія поэтическихъ произведеній“. Въ томъ же по-

мерѣ г. Рожена Ясенска помѣстила въ переводѣ на чешскій языкъ нѣкоторыя изъ произведеній Леси Украинки.

Въ №№ 52, 54, 56, 57, 58, 59, 64, 65, 70 и 71 «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» редакторомъ послѣднихъ Е. Романовымъ помѣщена Варкалабовская (Баркулабовская) лѣтопись, изданная впервые Кулишемъ въ «Матеріалахъ для исторіи возсоединенія Руси т. I.» и затѣмъ г. Довнаромъ-Запольскимъ въ «Кіевскихъ Университетскихъ извѣстіяхъ» (1898 г., № 12), въ виду неисправности изданія Кулиша и рѣдкости его «Матеріаловъ». Но такъ какъ «Кіевскія Университ. Извѣстія» мало распространены въ публикѣ, то г. Романовъ, желая сдѣлать лѣтопись доступною для могилевцевъ, напечаталъ ее на страницахъ «Могилевскихъ Губ. Вѣдомостей», слѣдуя почти вездѣ тексту г. Довнара-Запольскаго, какъ болѣе исправному; при этомъ онъ указываетъ въ примѣчаніяхъ главнѣйшіе случаи разночтенія, а также снабжаетъ лѣтопись краткими комментаріями, не лишними при чтеніи. Въ предисловіи, предпосланномъ тексту, г. Романовъ, дѣлая попытку установить личность автора лѣтописи, приходитъ къ тому заключенію, что таковымъ надо признать священника Θεодора Филипповича Могилевца, упоминающагося съ 1587 по 1599. Подробности дѣла 27 мая 1599 г. могъ записать только очевидецъ. Авторомъ же этой записи г. Романовъ считаетъ священника Θεодора. А если это такъ, то его слѣдуетъ признать и авторомъ лѣтописи, при тѣхъ условіяхъ, что онъ воспользовался записями своего предшественника,— въ данномъ случаѣ свещ. Алексѣя Мстиславца, дополнилъ ихъ въ началѣ (свѣдѣніями о Могилевѣ) и затѣмъ кое-гдѣ въ текстѣ, и потомъ продолжалъ ее, пока могъ, до 1603 г.

Помѣщенная на страницахъ «Могилевск. Губернск. Вѣдомостей» Варкулабовская лѣтопись входитъ въ составъ приготавлиаемаго г. Романовымъ сборника статей подъ названіемъ «Могилевская Старина», который выйдетъ въ свѣтъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

Въ № 8 «Кубанскихъ областныхъ Вѣдомостей» г. Кубанецъ помѣстилъ статью: «*Θ. Я. Бурсакъ, четвертый атаманъ Черноморскаго войска*» (юбилейная справка, по случаю столѣтія со времени его вступленія въ должность войскового атамана), въ которой авторъ, на основаніи печатныхъ источниковъ (Короленко, Потто), излагаетъ его заслуги боевыя, заботы о развитіи благосостоянія среди черноморскихъ

козаковъ, промышленности въ краѣ, просвѣщеніи (при немъ открыто въ 1806 г. въ Екатеринодарѣ первое въ войскѣ училище).

Въ № 2 и 3 «Днѣпровской Молвы» помѣщена обширная интересная статья Ф. М.—скаго «К. П. Брюловъ и Т. Г. Шевченко» (по поводу столѣтія со дня рожденія перваго). Авторъ, на основаніи печатныхъ источниковъ, обстоятельно излагаетъ отношенія Брюлова къ нашему поэту, указывая на глубокоблагодѣтельное значеніе для послѣдняго близкихъ отношеній къ великому художнику.

Въ № 2 и 3 «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена историческая справка А. Меньшиха «*Къ столѣтію Св.-Покровской церкви въ г. Хмельникѣ*».

Послѣ краткихъ указаній на политическое и релігіозное значеніе г. Хмельника въ древности, авторъ, пользуясь историческими свѣдѣніями и мѣстными народ. преданіями, дѣлаетъ предположеніе о мѣстѣ и времени построенія перваго православнаго храма (на островѣ «Старый городъ»), а также о томъ, что Св.-Покровскій храмъ былъ построенъ Предславомъ Лавцкоронскимъ.¹⁾ Заключается статья свѣдѣніями о существующемъ храмѣ Св.-Покровы и описаніемъ двухъ иконъ Богородицы, одна изъ которыхъ относится къ XV ст.

Въ № 331 «Одесскаго Листка» помѣщена праздничная замѣтка А. Міряннина «По Бессарабіи и Малороссіи», составленная на основаніи трудовъ по этнографіи А. Зашука, М. Домонтовича и Н. Маркевича, въ которой отмѣчаются повѣрья моллаванъ, малороссовъ, соединяемыя съ праздниками Рождества Христова. Повѣрья, гаданья, приѣзты и т. п. въ общемъ очеvь схожи между собой.

Въ № 6 и 13 «Московскихъ Вѣдомостей» яѣкто г. Я—цъ помѣстилъ статью «*Вѣрованія нашихъ родственниковъ*», подѣ каковыми слѣдуетъ разумѣть гуцуловъ, «забытыхъ братьевъ» (кѣмъ?) Данные о вѣрованіяхъ, о которыхъ говоритъ г. Я—цъ, заимствованы имъ изъ капитальнаго труда нѣмецкаго изслѣдователя Галиціи—Keindl'а «Die Huzulen» и статей его же, помѣщавшихся въ журналѣ «Globus».

¹⁾ Кстати замѣтить, что о Предславѣ Лавцкоронскомъ были помѣщены данныя въ Подольск. Губ. Вѣдомостяхъ еще въ 1869 г. № 10, ч. неоф., стр. 426.

Приводятся повѣрья объ упурихъ, вѣдьмахъ, ворожбытахъ, ворожкахъ, градовыхъ, хмарникахъ и знахаряхъ. Выдержки свои авторъ заключаетъ пожеланіемъ, чтобы и на русскомъ языкѣ появлялись «подобные, достаточно подробные труды, хотя-бы въ переводѣ или компіляціи»!.. Очевидно, авторъ нвкогда не слышалъ ни о трудахъ Статвст. экспедиц. въ Ю.-Зап. Геогр. Отд. (7 томовъ), Этнографвч. Збірникъ (7 томовъ), спеціальныхъ многихъ статейхъ въ журналахъ, какъ напр., Этнограф. Обзорѣніе и др.

—

А. Коваленко, житель гор. Челябинска, недавно возбудилъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о разрѣшеніи ему издавать въ г. Кіевѣ журналъ, подъ названіемъ «Украини», посвященный лтературѣ и дѣламъ волостного самоуправленія. На дняхъ, какъ сообщаетъ «Сынъ Отечества» (№ 19), главное Управленіе по дѣламъ печати увѣдомило г. Коваленко, что министерство внутреннихъ дѣлъ ходатайство его отклонило.

—

Драматическія сочиненія, дозволеннымъ къ представленію безусловно, одобренныя къ предствавленію на сценахъ народныхъ театровъ:

Карпенки-Карию: «Батькова казка» (Грихъ и покаянія), драма въ 5 д.; «Безталанна», др. въ 5 д.; «Бондаривни», др. въ 5 д.; «Бурлака», драма въ 5 д.; «Мартынъ Борули», комедія въ 5 д.; «Наймичка», др. въ 5 д.; «Палывода», жартъ въ 4 д.; «Сто тысячъ», комедія въ 4 дѣйств.

Кропивницькаго: «Вусы», комедія въ 4 д.; «Дай сердцеві волю, заведе у неволю», драма въ 5 д.; «Дви симѣи» — драм. малювки 4 д.; «Джвгувъ», комед. въ 3 д.; «Зайдыголова», драма въ 5 д.; «Лыхо не кожному лыхо, вишому и талантъ», трагикомич. этюдъ въ 1 дѣйств.; «Невольникъ», драм. кар. въ 4 д.; «Олеся», др. въ 4 д.; «Пидгормне», мелодр. въ 3 д.; «По ревизіи», эт. въ 1 д.; «Помирылысь», ком. въ 1 д.; «Пошмылысь у дурви», оперет. въ 3 д.; «Чнырь», комед. въ 4 д. (Правительств. Вѣстникъ, 1899 г., № 286).

—

Новыя украинскія періодическія изданія. Съ начала нынѣшняго года вачалъ выходить во Львовѣ журналъ «Молода Україна», подъ редакціей Андрія Гоповскаго. 1 книжка (44 стр. in 8⁰) содержитъ: «Від редакції»; «Тарасові вечерявці» Вол. Старосольскаго; «Наша

шкільна система на буковинськім ґрунті» Евг. Косевича; «Наші професори» Вол. Темницького; «Хроніка з нашого і чужого життя»; «Русини-Українці въ галицьких середних школах» Вол. Гуркевича; бібліографія («Promień», «Бесіди про часи козацькі на Україні»). Въ фельетонѣ помѣщені: розказъ «Просоне» Ор. Авдиковича і два стихотворенія: «Мололій Україні» — Сильв. Яричевского і «Гей те море» — Мел. Кичура.

Съ 1-го февраля во Львовѣ издається юмористическій двухнедѣльный журналъ «Комаръ», подъ редакціей Ив. Кунцевича. Въ послѣднее время въ Галиціи былъ лишь одинъ юмористическій журналъ «Страхопудъ», выходящій каяъ добавленіе къ «Галичанину».

Прикарпатская Русь въ XIX вѣкѣ. Написавъ Иванъ Ем. Левицкій. Выпускъ II, сторони 56—113, во Львовѣ (о 1-омъ вын. см. Кіевск. Стар. 1899, кн. 2, стр. 128). Содержаніе: жизнеописанія Θ. Андрейчука, Ю. Андрусика; митроп. черновецк. С. Мораръ—Андрієвича, Н. Антоновича И. Багриновича, композитора П. Бажанскаго и угро-русскаго дѣятеля И. Базиловича. Съ портретами Мораръ-Андрієвича, Антоновича и Базиловича.

Андрусовъ Н. Геологическое изслѣдованіе въ Кубанской обл. между р. Адагумомъ и Кубанск. лиманомъ. Сибр. 1899, 129—214.

Браунеръ А. А. Вредныя и полезныя животныя Херсонской губ. (Огг. изъ «Запис. Имн. Общ. сельск. хоз. Ю. Росс.» за 1899 г.) Одесса, 1899 г. 1—26, in 8°.

Брокгаузъ и Эфронъ. Энциклопедическій словарь. Томъ XXVIII (полутомъ 55). Сибр. 1899. — *Россія:* Границы и пространство имперіи, населеніе, политическій отдѣлъ и финансы, медицина и народное здравіе, экономическій отдѣлъ, просвѣщеніе, исторія, (Малороссія: исторіографія, исторія Малороссіи), русское право, русское искусство, русская наука.

Брешко-Брешковскій. Запорожскій казакъ Игнатъ Подкова, повѣсть. Сибр. 1899, 1—83. Изд. кн. магазина «Знаніе».

Брохъ. Угорское нарѣчіе села Убля. Сибр. 1899.

Daszyńska Zofia. Własność rolna w Galicyi. Studium statystyczno-społeczne. Warszawa, 1900.

Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія Наукового Товариства ім. Шевченка, Т. VII. — Галицькі народні казки (№ 26—77). У Львові, 1899 in 8°, IX+168. Ціна 1 зл.

Никольскій. О языкѣ Ипатской лѣтописи. Варшава, 1899.

Записки Науковаго Товариства ім. Шевченка, т. т. XXXI — XXXII. Львовъ, 1899 годъ—(часть рефератовъ, не доложенныхъ на XI археолог. съѣздѣ) и т. XXXIII. Львовъ, 1900.

Изъ львовъ юго-зап. края. Очерки, составленные въ 1899 г. студентами IV кр. лѣснаго отдѣленія Ново-Александр. института. Варшава, 1899 г. in 8°, 1—277+1.

Канивецкій Н. Н. Изъ былого Черноморіи.—Очерки изъ быта черноморскихъ козаковъ. Екатеринодаръ, 1900, 1—269, in 8°. Ц. 1 р.

О. Я. Конисскій. Грошолубка. № 13. Черкассы, 1900, in 16°, 1—76. Цѣна 5 к.

Купчиновъ И. И. Князь Потемкинъ Таврическій. Изд. пост. комиссіи народ. чтеній. Подъ ред. В. В. Федорова. Сибр. 1900, in 8°, 1—34. Цѣна 8 к.

Милорадовичъ В. Къ вопросу о колонизаціи Посулья XVII в. в. Кіевъ, 1899. Ц. 10 к.

Михальчукъ. Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? Кіевъ, 1899. Цѣна 25 к.

Плющанскій В. М. Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII в. и другимъ источникамъ. Духовенство. А. Холмская епархія православной и б. униатской церкви. I. 1428—1630. Вильна, 1899, 1—285. Ц. 1 р. 25 к.

Радкевичъ Г. О внѣшнотретицкихъ отложеніяхъ окрестностей Канева (Отт. изъ XVI т. «Запис. Кіев. Общ. естествоиспытателей».) Кіевъ, 1899, in 8°, 1—45.

Савваитовъ П. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, разныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. Сибр. 1899. Цѣна 2 р. 50 к.

М. Т. Симоновъ (Номисъ). Разказы. Изд. «Кіевской Старины». Кіевъ, 1900, 1—244, in 8°. Цѣна 1 р.

Соколовъ Н. Геологическія изслѣдованія въ южной части Мариупольскаго уѣзда, Екатеринославской губ. (Отт. изъ «Извѣст. Геолог. Комитета», № 1). Сибр. 1899, in 8°, стр. 1—36. Цѣна 60 к.

Таировъ. Планъ г. Кіева со всѣми землями въ вѣдѣніи онаго по Кіевской губерніи. (1 листъ). Кіевъ, 1899.

Филиповъ М. М. Останъ. Историческая повѣсть изъ временъ Хмельницкихъ. 2-ое изд. Сибр. 1899, 1—240. Цѣна 1 р.

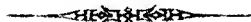
Проф. *Т. Флоринскій*. Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (варѣчїи) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. Кіевъ, 1899 (отг. изъ газ. «Кіевлянинъ»).

Франко И. Цыгане. Разсказъ (Переводъ съ малорус.). Спб. 1899, 1—16. Цѣна 3 к. Изд. кн. магаз. „Знаніе“ (Народная библіотека).

Шиповъ Н. Карта Европейской Россіи съ картиннымъ изображеніемъ типовъ народа и его промысловъ. Спб. 1 листъ.

В. Щурат. Павло Ліндав. Мелійська Венера, поетична драма въ одній дії, (з німецької мови). (Артистично-літературні новини, кн. III). Перемишль, 1900.

Щири слёзы надъ могилою П. О. Кулиша. Бахмутъ, 1900, 1—53. Цина 15 коп.



Археологическая летопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Засѣданія Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству съѣзда. 4-го, 5-го и 6-го января состоялись три засѣданія по организаціи XII-го Археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ, въ 1902-мъ году.

Первое засѣданіе происходило въ домѣ Московскаго Археологическаго Общества; оно было открыто председателемъ Общества графиней П. С. Уваровой, доложившей отношеніе министра народнаго просвѣщенія, разрѣшающее Московскому Археологическому Обществу собрать предварительный комитетъ XII-го съѣзда въ Москвѣ, 4--8-го января 1900 г. Затѣмъ былъ доложенъ и провѣренъ списокъ назначенныхъ разными учрежденіями и обществами и прибывшихъ въ Москву депутатовъ. Ихъ оказалось очень много, особенно изъ Харькова; но также изъ Одессы, Казани, Петербурга и т. д. и зала была совершенно полна. Собраніе раг acclamation избрало председателемъ комитета гр. Уварову, секретаремъ В. К. Трутовскаго. Рѣшено ходатайствовать о назначеніи съѣзда съ 15-го по 25 августа 1902 г. Съѣздъ раздѣляется на 9 отдѣленій: 1) древности первобытныя, 2) древности историко-географическія и этнографическія, 3) памятники искусствъ и художествъ, нумизматика и сфрагистика, 4) бытъ домашній, хозяйственный, обществен., юридич. и военный, 5) древности церковныя, 6) памятники языка и письма, 7) древности классическія, византійскія западно-европейскія и восточныя, 8) древности славянскія, 9) памятники археографическіе. При съѣздѣ имѣютъ быть устроены выставки

археологическая и этнографическая; на послѣдней имѣется въ виду представить народную бытовую обстановку населеній Харьковской и сосѣднихъ губерній. Въ случаѣ пріѣзда иностранныхъ ученыхъ, могутъ быть устроены на сѣздѣ особыя засѣданія съ рефератами на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и на *славянскихъ нарѣчіяхъ*.¹⁾ Затѣмъ было заявлено о различныхъ вопросахъ и запросахъ по археологіи, предлагаемыхъ для сѣзда какъ присутствовавшими членами, такъ и присланными въ Археологія. Общество. По многимъ вопросамъ изъяснена была готовность представить рефераты для сѣзда. Большая часть заявленныхъ рефератовъ и вопросовъ касается древностей Слободской Украины, Донской области, также Южной Россіи вообще и, наконецъ, памятниковъ древности, не только русскихъ, но и иностранныхъ.

Второе засѣданіе происходило въ домѣ гр. Уваровой. Многими членами были внесены въ программу сѣзда вопросы (съ готовностью представить рефераты) и запросы (въ цѣляхъ полученія отвѣтовъ отъ другихъ специалистовъ) по различнымъ категоріямъ древностей лѣвобережной Украины, Донской области и примыкающихъ къ нимъ мѣстностей, а также и вообще по археологіи Россіи. Профессоръ харьковскаго университета Д. И. Багалій намѣтилъ планъ подготовительныхъ къ сѣзду работъ. Для организаціи ихъ имѣетъ быть образовано въ Харьковѣ, при университетѣ, мѣстное отдѣленіе подготовительнаго комитета, въ который войдутъ всѣ профессора историко-филологическаго факультета Харьковского университета, представители всѣхъ другихъ факультетовъ, нѣкоторые члены мѣстнаго историко-филологическаго Общества и другія лица изъ мѣстныхъ дѣятелей. Районъ предварительныхъ изысканій долженъ охватывать губерніи между Днѣпромъ и Дономъ, т. е. Харьковскую, Курскую, Воронежскую,

¹⁾ Корреспондентъ „Петербург. Вѣд.“ замѣчаетъ по этому поводу: „Послѣдній пунктъ рѣшенія предварительно подвергся внимательному обсужденію, такъ какъ онъ послужилъ яблокомъ раздора на предшествовавшемъ Киевскомъ археологическомъ сѣздѣ, и этимъ „яблокомъ раздора“, по высказаннымъ предположеніямъ, объясняется отсутствіе на настоящемъ предварительномъ комитетѣ представителей отъ Киевскаго университета“.

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, изъ за этого „язычнаго“ вопроса былъ даже поставленъ на баллотировку общій вопросъ—приглашать-ли на сѣздъ славянскихъ ученыхъ? Собраніе высказалось въ утвердительномъ смыслѣ, за исключеніемъ лишь одного голоса, принадлежавшаго извѣстному петербургскому филологу.

Ред.

Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую, сѣв. часть Таврической, а также Донскую и Кубанскую области. Въ этомъ районѣ предполагается собрать предметы, способные иллюстрировать доисторическую и историческую старину района, а также этнографическіе предметы, являющіеся пережитками болѣе или менѣе отдаленной старины. Въ частности имѣется въ виду составить археологическія карты Харьковской и сосѣднихъ губерній, собрать доисторическія древности (на сѣздѣ имѣеть быть доставлена между прочимъ большая археологическая коллекція покойнаго Поля, изъ Екатеринослава), предметы стариннаго быта (Слободской Украины, Запорожья, Кубанскаго войска Донской области), портреты, рукописи и т. д., отчасти путемъ сношеній съ разными учрежденіями и лицами, отчасти путемъ экспедицій—для раскопки кургановъ и городищъ, осмотра извѣстныхъ мѣстностей, ознакомленія съ частными музеями, съ архивами и т. д. Между прочимъ намѣченъ систематическое изслѣдованіе кургановъ съ стоящими на нихъ каменными бабами и составленіе фотографическаго альбома этихъ древнихъ изваяній, изслѣдованіе городищъ Донецкаго бассейна и опредѣленіе границъ древней славяно-русской территорій, выясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ исторической географіи, этнографіи и т. д. Работы должны начаться еще нынѣшнимъ лѣтомъ и продолжаться лѣтомъ 1901 г. Есть основаніе надѣяться, что дѣламъ сѣзда будетъ оказано возможное содѣйствіе городомъ, земствомъ и университетомъ.

Третье засѣданіе имѣло характеръ прощальнаго вечера, устроеннаго въ своемъ домѣ гр. Н. С. Уваровой. Собралось до семидесяти человѣкъ, въ томъ числѣ многіе профессора харьковскаго, казанскаго, новороссійскаго, московскаго университетовъ, и нѣкоторыхъ духовныхъ академій, начальникъ артиллерійскаго музея генералъ Бранденбургъ, делегаты московскихъ архивовъ, члены московскаго и одесскаго археологическихъ Обществъ, нѣсколькихъ губернскихъ учебныхъ архивныхъ комиссій и губернскихъ статистическихъ комитетовъ, и т. д. Велась бесѣда о предстоящемъ сѣздѣ и о связанныхъ съ подготовкою его экспедиціяхъ и работахъ. (Русск. Вѣд.).

Засѣданія обществъ.

Церковно-археологическое общество при Кіевской духовной академіи. Два послѣднія ежемѣсячныя очередныя засѣданія церковно-

археологическаго общества были 23 ноября и 13 декабря прошлаго года.

Въ первомъ изъ этихъ засѣданій прочитанъ былъ рефератъ проф. Н. И. Петрова, подъ заглавіемъ «Историко - археологическій очеркъ г. Брянска, Орловской губ., и его отношеніе къ Кіеву», По мнѣнію референта, нашъ былинный богатырь Илья Муромецъ прокладывалъ прямоѣзжую дорогу изъ Мурома въ Кіевъ черезъ землю Вятичей, побѣдилъ здѣсь Соловья Разбойника и въ своемъ побѣдномъ шествіи къ Кіеву проѣзжалъ мимо нынѣшняго Брянска. Послѣ разоренія Южной Руси Батыемъ въ 1240 и слѣдующихъ годахъ, Брянскъ пытался стать средоточіемъ политической жизни для Южной Руси, и Брянскій князь Романъ Михайловичъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Кіевъ и въ 1288 году выпросилъ для себя и епоего княжества три иконы изъ Кіево-Печерской лавры, а въ числѣ ихъ и Свѣтскую ново-печерскую икону Богородицы, и доселѣ находящуюся въ Брянскомъ Свѣтскомъ монастырѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка Кіево-Печерская лавра испросила себѣ Брянскій Свѣтскій монастырь въ свое управленіе и завѣдывала имъ до введенія монастырскихъ штатовъ при Екатеринѣ II.

Въ засѣданіи 13 декабря сдѣланы были три сообщенія: 1) «Къ вопросу о возможности самобытнаго начала для русскаго просвѣщенія». В. З. Завитневича; 2) «Новыя данныя для исторіи древней кіевской Воздвиженской церкви», С. Т. Голубева, и 3) «Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры», Н. И. Петрова. (Кіевск. Слово).

Исслѣдованія и раскопки.

Изъ записной книжки Н. Я. Тарновскаго. Сестра покойнаго Н. Я. Тарновскаго—Н. Я. Мацнева передала въ наше распоряженіе записную книжку Н. Я., куда занесены черновые дневники произведенныхъ имъ раскопокъ кургановъ. Записи дѣлались на мѣстѣ, дѣлались отрывочно и не всегда разборчиво—покойному такъ и не удалось привести ихъ въ надлежащій порядокъ; однако, изъ нихъ можно кое-что извлечь. Чтобы записи не затерялись безслѣдно, мы и рѣшили отмѣтить ихъ на страницахъ «Лѣтописи», пользуясь при

этомъ помощью Н. Е. Бранденбурга, сообщившаго намъ имѣвшіеся у него дневники нѣкоторыхъ раскопокъ Н. Я. Тарновскаго.

Раскопки у с. Лазурецъ, Каневскаго у. Кіевской губ. Раскопки производились въ 1896 и 1897 гг.; раскопано болѣе 10-ти кургановъ («на толокѣ» и у «берестнягской границы»). Погребенія относятся къ первобытному типу—со скорченными скелетами, скифскому (почти всѣ разграблены) и къ смѣшанному.

1. Курганъ довольно большой; въ немъ оказалась яма (5+4 метра и 1½ м. глубиной); сверху яма накрыта накатомъ изъ дубовыхъ брусьевъ въ два ряда, одинъ надъ другимъ, въ противоположныхъ направленіяхъ; могила разграблена, въ ней оказались лишь разбросанныя кости (въ томъ числѣ 2 человѣч. черепа) и глиняные черепки; единственная находка заключалась лишь въ маленькомъ трехгорломъ сосудѣ, но и тотъ былъ внѣ ямы; возлѣ сосуда найдена еще бронзовая стрѣлка.

2. Могильная яма въ курганѣ покрыта въ три ряда дубовыми брусьями, а также обложена дубомъ; могила заключала совершенно нѣстлѣвшій скелетъ, при которомъ найдены: тонкостѣнный глиняный сосудъ, въ видѣ небольшого ковшика съ высокой ручкой, желѣзный кинжалъ съ желѣзной-же ручкой, 59 бронзовыхъ и двѣ костяныхъ стрѣлы, 18 стеклянныхъ бусъ, золотая бляшка, бронзовое круглое зеркало съ кольцомъ на оборотной сторонѣ, двѣ бронзовыя шпильки и остатокъ красной краски и сѣры.

3. Въ курганѣ найдены два скелета, изъ которыхъ при одномъ былъ тонкій глиняный горшечекъ.

4. Въ нижней части кургана обнаружено полное трупосожженіе; въ верхней—2 скелета, при которыхъ оказалась разная глиняная посуда: небольшой ковшикъ съ высокой ручкой, два сосуда въ видѣ мисокъ и горшечекъ съ ажурнымъ бортомъ, 5 вершк. вышиной.

5. Курганъ продолговатый (25+20 саж.), представляющій какъ-бы двѣ насыпи, соединенныя сѣдловиною; высота около 4-хъ аршинъ; раскопанъ колодцемъ 10+7 саж. Близъ материка, по всему колодцу, обнаружены въ разныхъ мѣстахъ скопленія или кучи человѣческихъ костей (въ 11-ти пунктахъ), сваленныхъ горами въ полномъ безпорядкѣ, причемъ нѣкоторыя кучи были около 1 арш. вышиной; всѣ кости совершенно разъединены и только въ двухъ случаяхъ замѣчено нормальное положеніе сочлененій (берцовыхъ костей); череповъ въ нихъ насчитано 15; двѣ кучи представляли скопленія конскихъ костей, но лишь отъ

ногъ. Въ срединѣ кургана, подъ сѣдловинной, обнаружена большая могильная яма, около 7 арш. въ поперечникѣ, вырытая въ материкѣ и засыпанная черноземомъ, имѣвшая въ глубину до 2 арш. въ сѣв. сторонѣ, а въ южной значительно меньше, такъ что дно шло наклонно. На днѣ ямы оказались слѣды разореннаго погребенія, заключавашаго повидимому скелеты двухъ особей (были напр. 2 разбитыхъ черена); кости разбросаны и только концы ногъ одного изъ скелетовъ найдены повидимому не потревоженными. При скелетахъ найдены остатки двухъ тысячныхъ бляхъ изъ листового золота, 10 бронзовыхъ стрѣлокъ, бронзовая наборная бляшка въ видѣ птичьей головки; аршинахъ въ 3-хъ въ сторонѣ найденъ еще большой золотой перстень, съ помѣщенной на немъ фигуркой лежащаго льва. Могила, какъ видно, была цѣпная и очень интересная, но уже въ древности разграбленная посредствомъ подкопа, слѣды котораго обнаружены съ западной стороны ямы, въ видѣ наклонно прорѣзаннаго въ материкѣ схода (ширин. около $1\frac{1}{4}$ арш.).

6. Курганъ заключалъ въ себѣ коллективную могилу со скорченными скелетами, при которыхъ найдена только маленькая мисочка, очень грубой работы.

Свѣдѣнія о раскопкахъ остальныхъ кургановъ у с. Лазурецъ очень скудны, да и курганы не дали повидимому ничего болѣе или менѣе интереснаго.

Случайныя находки.

Михалковский кладъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ за прошлый годъ петербургской газеты «Крајъ» помѣщены довольно подробныя свѣдѣнія о надѣлавшемъ одно время много шума Михалковскомъ кладѣ, тщательно скрываемомъ отъ любопытныхъ взоровъ въ музей Дзѣдушицкихъ во Львовѣ. Кладъ найденъ еще въ 1878 г., въ урочищѣ «Передолына» у с. Михалкова, находящагося на границѣ Галицкаго Подолья съ Бессарабіей, при впаденіи рѣчки Венцлавы въ Днѣстръ. Нашла его дивчина—пастушка, и кладъ, только лишь благодаря счастливой случайности, не попалъ въ руки евреевъ сосѣдняго мѣстечка: владѣлецъ сосѣдняго села Мельницы гр. М. Борковский извѣстилъ о находѣ хранителя музея Дзѣдушицкихъ В. Зон-така, которымъ и былъ пріобрѣтенъ кладъ. Впослѣдствіи г. Зонтакъ

нѣсколько разъ прїѣзжалъ въ Михалковъ и пополнялъ равнѣе прїобрѣтенную коллекцію новыми предметами. Михалковскій кладъ оказался кладомъ въ полномъ значеніи этого слова; онъ заключалъ около десяти фунтовъ различныхъ предметовъ изъ чистаго золота; здѣсь были браслеты, буссы, украшенія для нашиванія, чарки и, наконецъ, разломанная на нѣсколько частей корона, въ видѣ широкой полосы, украшенной стилизованными цвѣтами. Владѣлецъ клада гр. Владиславъ Дзѣдушицкій повезъ его въ Парижъ—тамъ какъ разъ была открыта всемірная выставка и кладъ произвелъ сильное впечатлѣніе на ученыхъ и любителей,—парижскій Ротшильдъ предлагалъ за него 200 тысячъ франковъ... Вернувшись во Львовъ, Дзѣдушицкій спряталъ его въ своемъ музеѣ въ особый ящикъ, гдѣ онъ покоемъ и по сей день. Никто не имѣлъ къ нему доступа; при жизни Дзѣдушицкаго нужно было имѣть большую протекцію, чтобы получить разрѣшеніе осмотрѣть кладъ. Къ такимъ избранныкамъ принадлежалъ Рудольфъ Вирховъ, который спеціально прїѣзжалъ изъ Берлина для осмотра клада. Кладъ до сихъ поръ не описанъ научно; у Дзѣдушицкаго была мысль издать его, но, за смертью, не была приведена въ исполненіе, и кладъ продолжаетъ лежать подъ спудомъ, окруженный какой-то странной таинственностью. Только въ промышленномъ музеѣ во Львовѣ имѣются гальванопластическія копіи предметовъ михалковскаго клада, но и тутъ—что болѣе всего удивительно и непонятно—добратъ къ нимъ можно лишь съ сохраненіемъ всевозможныхъ предосторожностей...

По словамъ Краѣвъ, археологи, осматривавшіе и изучавшіе кладъ, пришли къ рѣшенію, что онъ принадлежалъ какому нибудь изъ скифскихъ царей. Но, судя по снимкамъ съ нѣкоторыхъ предметовъ, помещеннымъ въ газетѣ, михалковскій кладъ повидимому имѣетъ мало общаго съ древностями скифовъ. Къ какой-же эпохѣ относится кладъ, не выдавъ самихъ предметовъ—трудно сказать.

Вышеописанная находка послужила поводомъ къ новому открытію, имѣвшему мѣсто уже гораздо позже. Именно, весной 1897 г., три крестьянина изъ с. Михалкова просили разрѣшеніе у войта производить раскопки на гминномъ пастбищѣ. Разрѣшеніе было дано, и искатели начали раскопки вблизи мѣста, гдѣ уже была сдѣлана находка. Предпріятіе ихъ увѣчалось успѣхомъ: прокопавъ на глубину нѣсколькихъ десятковъ сантиметровъ, они увидѣли предъ собой груду золотыхъ предметовъ. Сбѣжались находившіяся поблизости пастухи, явились и другіе обитатели села—и кладъ былъ расхвачанъ по ча-

стямъ. О находкѣ узнали ученые, любители и торговцы древностямъ и нагрянули въ Михалковъ. Снова прїѣхалъ туда и г. Зонтакъ, которому и была прїобрѣтена часть клада для музея Дзѣдушицкихъ. Самый интересный предметъ—золотая чаша, вѣсомъ 140 грам., досталась гр. Борковскому; вообще-же на этотъ разъ найдено предметовъ (исключая прїобрѣтенныхъ Зонтакомъ), вѣсомъ въ 1533 грамма чистаго золота.

Эти находки обратили, наконецъ, на себя вниманіе специалистовъ-ученыхъ, и осенью прошлаго, 1899-го, года въ Махалковъ отправился делегатъ Вѣнскаго императорскаго музея г. Шомбаты, съ цѣлью произвести систематическія раскопки. О результатахъ послѣднихъ свѣдѣній пока не имѣется.

Музеи и собранія древностей.

Собраніе Украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Черниговскимъ губернскимъ земскимъ 11-го декабря прошлаго года разрѣшенъ вопросъ о принятіи земствомъ музея В. В. Тарновскаго. Еще при жизни В. В. Тарновскій изъявлялъ желаніе передать свои коллекціи Черниговскому земству. Минувшее губернское земское собраніе съ благодарностью приняло даръ и ассигновало 20 тыс. руб. на постройку дома для музея,—постройка особаго зданія была поставлена жертвователемъ условіемъ передачи собранія. Исполненіе постановленія земства встрѣтило задержку: черниговскій губернаторъ предложилъ губернскому по земскимъ дѣламъ присутствію отнѣяться его. Присутствіе признало постановленіе о музеѣ вполне законнымъ. Но губернаторъ, не согласившись съ этимъ, представилъ дѣло министру внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, недавно комитетъ министровъ увѣдомилъ, что постановленіе минувшаго собранія о музеѣ оставлено въ силѣ. Въ теченіе этого времени В. В. Тарновскій скончался, завѣщавъ музей земству. Настоящее собраніе подвергло новому пересмотру весь вопросъ о музеѣ, для чего управою представленъ особый докладъ. Собраніе постановило принять окончательно въ собственность губернскаго земства музей В. В. Тарновскаго и назначить для его помѣщенія одинъ изъ домовъ въ усадьбѣ земскаго сиротскаго дома, ассигновавъ на его перестройку и приспособленіе 9000 руб. Жаль только, что домъ этотъ находится на самомъ краю города. А между тѣмъ извѣстно, что мѣстная дума охотно отвела-бы для музея одно изъ

лучшихъ мѣстъ въ центрѣ города, и затрата на постройку тамъ новаго дома не вызвала-бы большой добавочной ассигновки. Для сортировки всѣхъ предметовъ, книгъ, рукописей музея, для систематическаго размѣщенія ихъ и для составленія описи всему собранію рѣшило пригласить свѣдущее лицо и на вознагражденіе за этотъ трудъ открыло управѣ кредитъ до 700 руб. Открытіе музея въ Черниговѣ предположено осенью 1900 г. (Русск. Вѣд.)

—

Волинское епархіальное древлехранилище. Послѣ долгаго перерыва вышелъ третій выпускъ «Краткаго описанія памятниковъ древности, поступившихъ въ Волинское епархіальное древлехранилище отъ 1 августа 1894 года по 1 ноября 1898 года», составленный О. А. Фотинскимъ и свящ. Н. М. Бурчакъ-Абрамовичемъ (Почаевъ, 1899 г.). По этому описанію можно составить представленіе о поступленіяхъ въ древлехранилище за указанный періодъ. Главная масса поступленій падаетъ на рукописи, старопечатныя и новыя книги, вещественныхъ-же памятниковъ прибавилось очень немного, — изъ 138 страницъ описанія они занимаютъ всего 10 страницъ. Особенно интересныхъ предметовъ за эти годы не поступало: мы имѣемъ здѣсь нѣсколько энколпионовъ, нѣсколько образцовъ церковной утвари, деревянный рѣзной крестъ XV вѣка, вислюю свицовую пломбу XIII в. изъ Владиміръ-Волинска, антиминсы, иконы и картины на деревѣ и холстѣ по большей части XVIII в., портретъ Никодѣя Воронича, основателя Тригорской обители, литографіи, фотографіи, нѣсколько предметовъ каменнаго вѣка и т. п. — всего 59 номеровъ; за четыре года — цифра не особенно большая!

—

Херсонскій Археологическій Музей. Въ концѣ прошлаго года музей обогатился нѣсколькими новыми пожертвованіями.

Учителемъ с. Малыхъ-Конаней, Дибровскаго у., Л. Е. Торскимъ пожертвованы коллекціи, собранныя на песчаныхъ дюнахъ. Въ газетѣ «Югъ» (№ 437) г. Г. помѣстилъ слѣдующую замѣтку о древностяхъ, находимыхъ на этихъ пескахъ. «Въ здѣшнихъ пескахъ, наряду съ каменными орудіями, встрѣчается и множество мѣдныхъ стрѣлъ, изрѣдка попадаются мѣдные наконечники копій, мѣдные топоры, мѣдные долота, шилья и другія древнія издѣлія изъ мѣди. Принесли-ли ихъ съ собою завоеватели, или-же здѣшніе люди каменнаго вѣка своевременно начали употреблять ново-изобрѣтенныя

орудія? Одно можно сказать навѣрное: мѣдныя орудія въ тѣ времена отливались здѣсь же, въ древнихъ поселеніяхъ Днѣпровскаго уѣзда. Доказательство у насъ на-лицо. Въ 1893 году нами найдены на пескахъ за с. Кардашиной формы изъ мягкаго камня (матрицы) для отливки кинжаловъ, и тамъ-же собраны обломки горшка, въ которомъ, очевидно, плавили мѣдь: черепки эти насквозь пропитаны мѣдью. Вообще, въ результатѣ изслѣдованія названныхъ песковъ получилась большая коллекція издѣлій каменнаго и бронзоваго вѣка, которая нынѣ хранится въ Херсонскомъ археологическомъ музеѣ. На дняхъ коллекція эта пополнилась предметами древности, пожертвованными учителемъ земской школы въ с. Малыхъ-Копаняхъ, Днѣпровскаго уѣзда, Л. Е. Торскимъ. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе: обломки каменной формы для отливки мѣдныхъ долотъ, нѣсколько мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ, а также орудія каменные: молотокъ, пестъ, десятокъ круглыхъ камушковъ, служившихъ для отбиванья осколковъ отъ куска кремня, нѣсколько вполне отдѣланныхъ кремневыхъ стрѣлокъ и цѣлая куча продолговатыхъ кремневыхъ осколковъ. Эти находки ясно показываютъ, что и въ окрестностяхъ с. Малыхъ Копаней во время оно производилась отливка бронзовыхъ орудій, но что здѣсь-же процвѣтало и болѣе древнее производство кремневыхъ орудій.»

Г. Л. Скадовскимъ пожертвованъ колчанъ, найденный имъ при вскрытіи одной изъ древнихъ могилъ въ своемъ имѣніи Бѣлозерскѣ (10 в. отъ Херсона). Колчанъ сдѣланъ изъ березовой коры. Онъ имѣетъ видъ длиннаго кармана, расширяющагося книзу. Вся длина колчана 19 вершковъ, причемъ верхняя его часть оканчивается закругленной дощечкой, окрашенной суримомъ въ ярко-красный цвѣтъ; отъ этой дощечки уцѣлѣли только кусочки. Отверстіе колчана оковано желѣзной пластинкой; такая-же пластинка окружаетъ и дно колчана. Прикрѣпленныя къ паружной сторонѣ колчана желѣзная пряжка и кольцо служили, очевидно, для продѣванія ремня. Въ колчанѣ найдено нѣсколько желѣзныхъ стрѣлъ. Такого типа колчаны употреблялись кочевниками, населявшими южно-русскія степи въ лѣтописныя времена и нерѣдко встрѣчаются при раскопкахъ нашихъ могилъ той эпохи; но колчанъ, найденный г. Скадовскимъ, представляетъ экземпляръ рѣдкой сохранности. Интересно, что колчанъ этотъ найденъ въ могилѣ одиночнмъ: ни другихъ вещей, ни покойника въ ней не было.

Кромѣ того, были поступленія и отъ другихъ лицъ, именно: отъ Н. В. Эрдели—шесть русскихъ серебряныхъ монетъ, отъ священника Н. Л. Левицкаго, изъ Очакова,—большая античная ваза и два маленькихъ терракотовыхъ сосуда; отъ народной учительницы А. Л. Сорскиной, изъ с. Цыбулева, Александрійскаго уѣзда,—небольшой сосудъ греко-скиѣской эпохи; отъ волостн. писаря Широковск. волости, Херсонскаго уѣзда, А. П. Лагуна—мѣдное листовидное копье, найденное на землѣ А. М. Балло, при с. Николаевкѣ I, при рытвѣ колодца, на глубинѣ болѣе сажени; отъ А. И. Живодара, изъ Берислава, нѣсколько греевскихъ монетъ; отъ г. Александрова изъ Каховки, ветхая деревянная статуетка, изображающая стоящую женщину съ собачкой у ея ногъ; найдена эта статуетка въ Каховкѣ, на берегу Днѣпра.

Въ Музей Древностей Университета св. Владимира присланъ изъ Археологической Комассіи кладъ, найденный въ Кіевѣ, въ 1898 году. Кладъ состоитъ изъ 8-ми серебряныхъ серегъ кіевскаго типа съ шариками, украшенными зернью (нѣкоторыя изъ нихъ сломаны), витого серебрянаго браслета и небольшого четвероконечнаго крестика. Кладъ относится къ XI—XII в.

Изъ послѣднихъ пріобрѣтеній въ томъ-жъ Музеѣ отмѣтимъ коллекцію, главнымъ образомъ, каменныхъ орудій неолитической эпохи изъ сс. Вудеража, Бущи, Майдана, Листвина и др.—Волинской губ.

Разныя извѣстія.

„Искусство и художественная промышленность“, ежемѣсячное иллюстрированное изданіе Императорскаго Общества Поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ, подъ редакціей Н. П. Собко. 1898—99 г. Журналъ этотъ закончилъ первый годъ своего существованія. За отсутствіемъ въ русской литературѣ въ послѣднее время изданія, посвященнаго искусству, появленіе журнала нужно признать какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Изданіе роскошное, на отличной бумажѣ, съ массой рисунковъ, воспроизведенныхъ различными способами, начиная съ превосходныхъ хромофотографій. Недорогая цѣна изданія дѣлаетъ журналъ доступнымъ для обширнаго круга читателей, что и входитъ въ прямыя задачи издающаго журналъ общества, забо-

тягаюся о поднятїи и развитїи художественнаго вкуса среди публики. За истекшїй годъ журналъ далъ много интереснаго; тутъ помѣщались біографїи и характеристики художниковъ, разборы художественныхъ произведенїи, отчеты о выставкахъ, обзоры музеевъ, очерки художественныхъ школъ, очерки народнаго производства, бібліографическія замѣтки и т. п., какъ по русскому, такъ и по иностранному искусству. Будучи посвященъ главнымъ образомъ современному искусству, чистому и прикладному, журналъ включилъ также въ свою программу и исторїю искусства; выполняя на дѣлѣ эту послѣднюю часть программы, журналъ далъ очень много описанїи и снимковъ съ древнихъ предметовъ.

Не имѣя возможности останавливаться подольше на этомъ очень интересномъ и полезномъ изданїи, отмѣтимъ лишь то, что такъ или иначе соприкасается съ задачами нашей «Лѣтописи». Укажемъ прежде всего на статью общаго характера— «Искусство и археологію», Н. К. Рериха, представляющую изъ себя вступительную лекцію въ Сиб. Археологическомъ Институтѣ по предмету «Художественной техники въ примѣненїи къ археологіи»; авторъ говоритъ здѣсь о связи науки и искусства вообще, о значенїи археологіи съ художественной стороны въ современномъ жизненномъ обиходѣ и о значенїи искусства для археологіи. Н. К. Рериху принадлежатъ также живо написанные наброски, сопровождаемые рисунками, озаглавленные «По пути изъ Варагъ въ Греки». Авторъ совершилъ пока небольшую часть пути, закончивъ Новгородомъ,—мысль-же проѣхать весь великій водный путь, отмѣчая и зарисовывая по дорогѣ все, болѣе или менѣе выдающееся изъ оставшихся памятниковъ старины,—очень интересна и оригинальна; будемъ надѣяться, что авторъ не оставитъ ея.

Художникъ Е. М. Маковский, въ небольшой замѣткѣ «Къ исторїи народнаго орнаментъ», вполне вѣрно указываетъ, что еще до сихъ поръ много отраслей народнаго художественнаго творчества не обратили на себя должнаго вниманїя, для примѣра останавливается на писанкахъ, и даетъ описанїе и рисунки въ краскахъ коллекціи писанокъ, собранныхъ имъ во Владимірѣ-Волинскомъ уѣздѣ.

Въ отдѣлѣ корреспонденцій и мелкихъ замѣтокъ мы находимъ цѣлый рядъ таковыхъ изъ Кіева, сообщенныхъ Е. М. Кузьминимъ и касающихся художественныхъ и художественно-археологическихъ новостей.

Фотогипическимъ заведеніемъ С. В. Кульженко въ Кіевѣ выпущенъ альбомъ, озаглавленный «*XI. археологическій съѣздъ. Кіевъ. 1—20 августа 1899 г.*», заключающій въ себѣ портреты участниковъ съѣзда. Таблицы скомпонованы очень удачно: портреты размѣщены на фонѣ, представляющимъ изъ себя виды Кіева, снимки съ предметовъ древности, рукописей и т. п. Въ концѣ альбома находится группа членовъ перваго кіевскаго съѣзда, бывшаго въ 1874-мъ году.

Находятся въ печати и скоро выйдутъ съ свѣтъ 2-ой выпускъ изданія Б. И. Ханенко — «Древности русскія. Кресты и образки» и 3-й выпускъ его-же «Древностей Приднѣпровья».

В. В. Хвойко занятъ въ настоящее время обработкой и подготовленіемъ къ печати матеріала, добытаго раскопками на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ и въ окрестностяхъ м. Триполья. Предполагаемое изданіе будетъ снабжено таблицами снимковъ съ раскопокъ и предметовъ.

Львовскій «*Kwartalnik Historyczny*» въ теченіи прошлаго года систематически перепечатывалъ изъ нашей «Лѣтописи» различныя свѣдѣнія, касающія раскопокъ, находокъ, музеевъ и т. п., — источника при этомъ никогда не указывалось...



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Эней, ¹⁾ поплывши ²⁾ синѣмъ ³⁾ моремъ,
На Карфагену ⁴⁾ оглядавсь,
Боровся ⁵⁾ изъ ⁶⁾ своимъ вѣнъ ⁷⁾ горемъ,
Сліозми ⁸⁾ сердечный ⁹⁾ обливавсь.
Хоть отъ Дидоны плывъ ¹⁰⁾ поспѣшно,
Та ¹¹⁾ плакавъ гѣрко, ¹²⁾ неутѣшно,
Почувши, ¹³⁾ що въ вѣгнѣ ¹⁴⁾ спеклась.
Сказавъ: „нехай ий ¹⁵⁾ царство вѣчне, ¹⁶⁾
Минѣ же панство долговѣчне, ¹⁷⁾
И щобъ друга вдова найшлась.“

1) Еней П. 2) поплывши П. 3) синимъ П. К. 4) Карпагену П.
5) боровсь П. К. 6) съ П. К. 7) сердега П. К. 8) слизми П. 9) не-
бизчикъ П. бѣдняжка К. 10) плывъ П. 11) да П. 12) гирько П. К. 13) по-
чувши жъ П. К. 14) огнѣ П. К. 15) ѣй П. К. 16) вѣчне царство П.
К. 17) долголѣтне панство П. К.

2.

Якъ ось и море стало граты, ¹⁾
Велики филѣ ²⁾ пѣднялись, ³⁾
И вѣтры зачали фуркаты, ⁴⁾
Ажъ човны на морѣ тряслись.
Водою чортъ-зна якъ крутило,

Що трохи всѣхъ не потопило,
 Вертѣлись човны, мовъ дурны:
 Троянцѣ ⁵⁾ съ траху ⁶⁾ (sic) задрожали ⁷⁾
 И всѣ робиты що ⁸⁾ не знали,
 Стояли мовчки всѣ смутны.

¹⁾ грати П. К. ²⁾ хвили П. К. ³⁾ поднялись П. пиднялись К.
⁴⁾ бурхати П. К. ⁵⁾ Троянцы П. К. ⁶⁾ зъ страху П. К. ⁷⁾ задрожали
 П. К. ⁸⁾ и що робити всѣ П. К.

3.

Одинъ ¹⁾ троянскои громады, ²⁾
 По ихъ вѣнъ ³⁾ звався Полинуръ, ⁴⁾
 Сей бѣлше ⁵⁾ мавъ отъ всѣхъ ⁶⁾ отвагы, ⁷⁾
 Смѣленькій бувъ и балагуръ,
 Що напередъ сей схаменувся
 И до Нептуна окликнувся:
 „А що ты робишъ, ⁸⁾ панъ Нептунъ?
 Чи се и ты пустивсь въ ледащо,
 Що хочешъ насъ звести ни на-що,
 Хиба пѣвъ копки ⁹⁾ вже забувъ?

¹⁾ одинъ зъ П. К. ²⁾ ватаги П. К. ³⁾ винъ П. К. ⁴⁾ Палинуръ
 П. К. ⁵⁾ бильше П. К. ⁶⁾ мавъ другихъ П. К. ⁷⁾ отваги П. К. ⁸⁾
 робишъ П. К. ⁹⁾ пивкопы П. К.

4.

А далѣ пѣсля ¹⁾ сеи мовы
 Троянцямъ такъ вѣнъ ²⁾ всѣмъ сказавъ:
 „Будайте, братцѣ, ³⁾ всѣ ⁴⁾ здоровы!
 Чи ще никто зъ васъ не пронавъ? а)
 Теперъ куда ⁵⁾ мы, братця, пѣйдемъ? ⁶⁾
 Въ Италію мы не доидемъ, ⁷⁾
 Бо море дуже щось шпуге,
 Италія жъ ⁸⁾ вѣдсѣль ⁹⁾ не близко, ¹⁰⁾
 И ¹¹⁾ моремъ въ бурю ихать ¹²⁾ слизько, ¹³⁾
 Човнѣвъ ¹⁴⁾ нѣкто ¹⁵⁾ не пѣдкуе. ¹⁶⁾

1) після К. 2) винъ П. К. 3) братця П. К. 4) вы П. Ж. 5) вуды К. 6) пійдемъ П. К. 7) довлемъ П. К. 8) Италія П. К. 9) видсѣль П. К. 10) не близько П. К. 11) а П. К. 12) фхать П. К. 13) слизко П. 14) човнивъ П. К. 15) ниhto П. К. 16) підкуе П. К.

а) Отъ-це Нептунъ замудровавъ П. К.

5.

Оттуть 1) землянка (sic) 2) есть, хлопята,
Вѣдсѣль 3) вона не вдалеку, 4)
Сицилія жъ 5) земля богата,
Вона минѣ щось познаку.
Дмухнѣмъ 6) лишъ, братця, мы до неи
Збуваты горести своеи,
Тамъ добрый царъ живеть 7) Адестъ,
Мы тамъ, якъ дома, очуняемъ
И, якъ у себе, загуляемъ,
Всіого багацько въ його есть.“

1) отъ-туть П. К. 2) земелька П. К. 3) видсиль П. К. 4) не въ далеку П. К. 5) Сицилія П. К. 6) дмухнимъ П. К. 7) живе П. К.

6.

Троянцѣ 1) бодро 2) привиялися
И стали веслами гребты, 3)
Якъ стрѣлки, човники неслися,
Мовъ въ заду пхали ихъ чорты.
Ихъ Сицилійцы якъ уврѣли,
То съ города, мовъ подурѣли,
До моря бѣгли 4) всѣ встрѣчать, 5)
Тутъ межъ 6) собою роспитались, 7)
Здоровкались 8) и обнимались,
Пѣшли 9) до короля гулять.

1) Троянцы П. К. 2) добре П. разомъ К. 3) гребти П. К. 4) бѣгли П. К. 5) стрѣчать П. 6) мижъ П. 7) роспитались П. К. 8) чоломкались К. 9) пишли П. К.

7.

Ацестъ Энею, ¹⁾ якъ бы брату,
 Велыку ласку показавъ
 И заразъ попросивъ у хату,
 Горѣлкою почастовавъ.
 На закуску накламы ²⁾ сала,
 Лежала ковбаса чимала
 И хлѣба повне решето.
 Троянцямъ же дали тетеры ³⁾
 И вѣдпустили ⁴⁾ на квартиры, ⁵⁾
 Щобъ шли, куда потрапивъ ⁶⁾ хто.

¹⁾ Енею П. ²⁾ накламы П. К. ³⁾ тетеры П. К. ⁴⁾ видпустили П. К. ⁵⁾ квартиры П. К. ⁶⁾ потрапить П. К.

8.

Тутъ заразъ пѣдняли ¹⁾ бенкеты, ²⁾
 Замурмотали, якъ коты,
 У кахляхъ пѣднесли ³⁾ пашкеты
 И киселю имъ до сыты, ⁴⁾
 Горячую ⁵⁾ мякку ⁶⁾ бухѣнку, ⁷⁾
 Зразову до рѣжквивъ ⁸⁾ печинку,
 Гречаныхъ съ часникомъ ⁹⁾ панпухъ.
 Эней ¹⁰⁾ зъ дороги ¹¹⁾ наливгався ¹²⁾
 И пѣнної ¹³⁾ такъ нахлистався, ¹⁴⁾
 Трохи не виперсь ¹⁵⁾ зъ іого духъ.

¹⁾ пидняли П. К. ²⁾ банкеты ³⁾ пиднесли П. К. ⁴⁾ ситы П. К.
⁵⁾ горячую П. К. ⁶⁾ мякку П. К. ⁷⁾ бухинку П. К. ⁸⁾ рижквивъ П. К.
⁹⁾ часникомъ П. ¹⁰⁾ Еней П. ¹¹⁾ дороги П. К. ¹²⁾ наливгався П. К. ¹³⁾
 пѣнненькой П. ¹⁴⁾ нахлистався П. К. ¹⁵⁾ не вышовъ П.

9.

Эней хотъ трохи бувъ подпилый, ¹⁾
 Та зъ розумомъ не потерявъ, ²⁾

Вѣнъ ³⁾ сынъ бувъ богобоязливый,
 По смерти батька не цуравсь.
 Въ сей день його отецъ опрягся,
 Якъ чикалдиhi ⁴⁾ обижрався, ⁵⁾
 Анхизъ зъ горѣлочки умеръ,
 Эней схотѣвъ обѣдъ справляты, ⁶⁾
 Щобъ ⁷⁾ тутъ старцѣвъ ⁸⁾ нагодоваты, ⁹⁾
 Щобъ богъ ¹⁰⁾ душѣ свѣй ¹¹⁾ рай отперъ.

1) Еней П. підпильй П. 2) таки зобравсь П. 3) винъ К. П. 4) чикалдиhi К. П. 5) обожрався П. К. 6) Еней П. справляти П. К. 7) и 8) старцивъ П. К. 9) нагодовати П. К. 10) бигъ П. К. 11) свѣй К. П.

10.

Зобравъ троянску ¹⁾ всю громаду
 И самъ на двѣрь ²⁾ пѣйшовъ ³⁾ до нихъ
 Просить у нихъ собѣ порадѣ,
 Сказавъ имъ рѣчь въ словахъ такихъ:
 „Панове, знаете, Трояне
 И всѣ хрещеные миряне, ⁴⁾
 Що мѣй ⁵⁾ отецъ ⁶⁾ бувавъ Анхизъ,
 Його сивуха запалила
 И живота укоротыла,
 И вѣнъ, ⁷⁾ якъ муха въ зиму, сслизъ. ⁸⁾

1) троянську П. К. 2) двирь П. К. 3) ишовъ П. К. 4) міряне П. К. 5) мѣй П. К. 6) отецъ П. 7) винъ П. К. 8) сльзъ П. К.

11.

Зробыти ¹⁾ поминки я хочу,
 Поставити ²⁾ обѣдъ старцамъ,
 И завтра жъ—далѣ не отстрочу—³⁾
 Скажите, якъ здається вамъ?⁴⁾
 Сіюго Троянцѣ ⁴⁾ и бажали
 И всѣ у голосъ закрывали: ⁵⁾
 „Энею, ⁶⁾ Боже, помоги,
 И коли ⁷⁾ хочешъ, пане, знати,

То ⁸⁾ сами ⁹⁾ будемъ помогати,
Тобѣ бо мы ¹⁰⁾ не вороги.“

¹⁾ зроби́ти П. К. ²⁾ постави́ти П. К. ³⁾ въ пору неробочу П. ⁴⁾ Троянци П. К. ⁵⁾ закричали П. К. ⁶⁾ Енею П. ⁷⁾ колы К. ⁸⁾ и П. К. ⁹⁾ самы П. К. ¹⁰⁾ бо мы тобѣ П. К.

12.

И заразъ мѣтью ¹⁾ всѣ трудились ²⁾
Горѣлку, мясо куповать,
Хлѣбъ, бублики, кнishi вродились,
Пѣшли ³⁾ посуды ⁴⁾ добувать.
И коливо ⁵⁾ зъ кутѣ ⁶⁾ зробыли, ⁷⁾
Сыты ⁸⁾ изъ меду сколотыли, ⁹⁾
Договорыли ¹⁰⁾ и попа,
Хозяинѣвъ ¹¹⁾ своихъ зывали, ¹²⁾
Старцѣвъ ¹³⁾ по улицамъ шукали,
Пѣшла ¹⁴⁾ на дзвѣнь ¹⁵⁾ дякамъ копа.

¹⁾ в опромѣтью П. митью К. ²⁾ пустились П. К. ³⁾ пішли П. К. ⁴⁾ посуду П. ⁵⁾ колыво П. К. ⁶⁾ съ кутей П. съ кутѣи К. ⁷⁾ зробыли П. К. ⁸⁾ спты П. ⁹⁾ наситили П. К. ¹⁰⁾ зѣѣдали разомъ П. догово-
рили К. ¹¹⁾ хозяйинивъ П. хазяинивъ К. ¹²⁾ сзывали К. ¹³⁾ старцевъ П. К. ¹⁴⁾ пішла П. пишла К. ¹⁵⁾ дзвинъ П. К.

13.

На другой ¹⁾ день раненько встали,
Огонь на дворѣ розвели ²⁾
И мяса въ казаны наклали,
Варыли ³⁾ страву и пекли.
Пять казанѣвъ ⁴⁾ стояло юшки
И ⁵⁾ въ чотырохъ булы ⁶⁾ галушки,
Борщу трохи було не съ шѣсть,
Барановъ ⁷⁾ тьма була печеныхъ, ⁸⁾
Курей, гусей, качокъ вареныхъ, ⁹⁾
До сыта щобъ було имъ ¹⁰⁾ ѣсть.

1) другій П. К. 2) розвели П. К. 3) варили П. К. 4) казанивъ П. К. 5) а П. 6) були П. К. 7) баранивъ К. 8) варенихъ П. К. 9) печенихъ П. К. 10) всѣмъ П. К.

14.

Цебрѣ 1) сивухи 2) тутъ 3) стоялы 4)
И браги 5) повныя 6) дѣжки,
Всю страву въ вагани 7) вливали
И роздавали всѣмъ ложки.
Якъ проспѣвали „со святыми“,
Эней 8) обливъ слѣзми 9) гѣркими, 10)
И принялися всѣ трепать,
Наѣлися и нахлистались,
Що де-яки ажъ повалялись,
Тогда 11) вже годѣ поминатъ.

1) цебры П. К. 2) сивухи К. 3) тамъ П. К. 4) стояли П. К. 5) бражки П. 6) повныи П. 7) ваганы П. ваганки К. 8) Еней П. 9) слѣзми П. сліозми К. 10) гиркими П. К. 11) тогда П. тогдѣ К.

15.

Эней 1) и самъ изъ 2) старшиною
Анхиза добре поминавъ,
Не зрѣвъ нічого 3) предъ собою,
А ще зъ-за столу не встававъ.
А далѣ трошки проходився,
Прочумався, протверезився,
Пѣшовъ 4) къ народу, хотъ поблѣдъ,
Съ кипени війнявши 5) три кѣпки 6)
Шпурнувъ въ народъ дрѣбныхъ 7) якъ рѣпки, 8)
Щобъ тямили його обѣдъ.

1) Еней П. 2) со П. К. 3) нічого П. К. 4) пшовъ П. К. 5) выжавши П. К. 6) пивкички П. К. 7) дрибныхъ П. К. 8) рапки П. К.

16.

Въ Энея 1) жъ заболѣлы 2) ноги, 3)
Не чувъ ни рукъ, ни головы,

Напали съ хмѣлю перелогы, ⁴⁾
 Опухли очи, якъ въ совы.
 Увесъ обдувся, якъ барыло, ⁵⁾
 Було на свѣтѣ все не мыло, ⁶⁾
 Мислѣте по землѣ писаѣъ,
 Зъ нудьги охляѣъ и изнемѣгся, ⁷⁾
 Въ одежѣ лѣгъ ⁸⁾ и не роздѣгся,
 Пѣдъ ⁹⁾ лавкою до свѣта спавѣъ.

1) Енея П. 2) заболѣли П. К. 3) ноги П. К. 4) перелогы П. К.
 5) барыло П. К. 6) мыло П. К. 7) изнемигся П. К. 8) легъ П. К. 9) пидъ
 П. К.

17.

Прокинувшись ¹⁾ увесъ ²⁾ трусився,
 За сердце ссало, моръ глисты,
 Перевертався и нудився,
 Не здужавъ головы звести,
 Поки не випивъ ³⁾ пѣвъ квартѣвки ⁴⁾
 Съ инберомъ ⁵⁾ пѣннои горѣлки
 И кухля сировцю ⁶⁾ не втеръ.
 Съ пѣдлавки ⁷⁾ (sic) вилѣзъ и струхнувся,
 Закашлявсь, ⁸⁾ чхнуѣъ и стрепенувся.
 „Давайте“, крикнуѣъ, „пить тецерь!“

1) прокинувшись К. 2) увесъ К. 3) выпивъ П. К. 4) пивеквартивки
 П. К. 5) инберомъ П. К. 6) сыровцю П. К. 7) съ пидлавки П. съ пидъ
 лавки К. 8) закашляѣъ П. К.

18.

Зобравшись всѣ панинята, ¹⁾
 Опять ²⁾ кружаты начала, ³⁾
 Пилы, ⁴⁾ якъ брагу поросята,
 Горѣлку такъ воны тяглы, ⁵⁾
 Кололы (sic) ⁶⁾ пѣнненьку Троянцѣ ⁷⁾
 Не вомпили Сицилианцѣ, ⁸⁾
 Черкалы ⁹⁾ добре на захватъ.
 Кто пивъ тутъ бѣлшъ ¹⁰⁾ отъ всѣхъ сивухи ¹¹⁾

И хто пивъ разомъ три осмухи, ¹²⁾
То той Энеевъ ¹³⁾ бувъ братъ.

¹⁾ паненята П. К. ²⁾ изновъ П. К. ³⁾ кружати начали П. К. ⁴⁾ пили П. К. ⁵⁾ тягли П. К. ⁶⁾ тягли тутъ П. К. ⁷⁾ Троянци П. К. ⁸⁾ Сициліанци П. К. ⁹⁾ черкали П. К. ¹⁰⁾ билшъ П. К. ¹¹⁾ горѣли П. ¹²⁾ пивкондїйки П. ¹³⁾ Енеевъ П.

19.

Эней ¹⁾ нашъ роздоброхотався
И грыща ²⁾ вздумавъ завести, ³⁾
И пьяный заразы розкрячався, ⁴⁾
Щобъ перебѣйцѣвъ ⁵⁾ привести. ⁶⁾
Предъ нимъ тутъ ⁷⁾ школяры ⁸⁾ спѣвали,
Халяндры цыганки скакали,
И грали въ кобзы и слѣпцы, ⁹⁾
Тутъ разни ¹⁰⁾ чуги ¹¹⁾ було ¹²⁾ крики,
Водили въ городъ музыки
Моторны, пьяны молодцѣ. ¹³⁾

¹⁾ Еней П. ²⁾ игрища П. К. ³⁾ завести П. К. ⁴⁾ розкрячався П. К. ⁵⁾ перебѣйцѣвъ П. К. ⁶⁾ привести П. К. ⁷⁾ у виконтъ П. К. ⁸⁾ школяры П. ⁹⁾ слѣпцы П. К. ¹⁰⁾ розны П. К. ¹¹⁾ чуты П. К. ¹²⁾ були П. К. ¹³⁾ молодца П. К.

20.

Въ присѣнкахъ всѣ паны сидѣлы, ¹⁾
На дворѣ жъ вкругъ сидѣвъ ²⁾ народъ,
У вѣкна ³⁾ де-яки глядѣли,
А иншій бувъ и вверхъ ⁴⁾ воротъ.
Ажъ ось прійшовъ ⁵⁾ и перебѣецъ ⁶⁾
Убранный такъ, якъ кумпанѣецъ, ⁷⁾
А ⁸⁾ звавсь сей ⁹⁾ молодець ¹⁰⁾ Даресь,
На кулаки стагъ визивати ¹¹⁾
И перебѣйцѣвъ ¹²⁾ викликати, ¹³⁾
Кричавъ опаренный, мовъ несь.

1) сидѣля П. К. 2) стоявъ П. К. 3) вкна П. К. 4) наверхъ П. К. 5) пришовъ П. К. 6) перебіець П. К. 7) вумпаніець П. К. 8) и П. К. 9) ззався П. К. 10) молодець П. 11) виликати П. К. 12) перебійцю П. перебійця К. 13) вызывати П. К.

21.

А 1) хто до мене приїде 2) бытись, 3)
 Покоштоваты 4) стусанѣвъ, 5)
 Мизкою 6) хоче хто 7) умитись, 8)
 Кому не жаль своихъ зубѣвъ? 9)
 А нуте, нуте, йдѣте 10) швидче
 Сюда 11) на кулаки лишъ ближче,
 Я бебехѣвъ 12) вамъ надсажу,
 На очи вставлю окуляры,
 Сюда, 13) поганьцы бакаляры,
 Я всякому лобъ розморщу. 14)

1) гей П. К. 2) зо мною выйде П. К. 3) битись П. К. 4) покоштовати П. К. 5) стусаннѣвъ П. К. 6) мизкою К. 7) хто хоче пасокою П. 8) вмытись П. 9) зубивъ П. К. 10) йдите П. К. 11) сюды П. К. 12) бебехивъ П. К. 13) сюды П. К. 14) розможжу П. К.

22.

Даресь довгенько дожидався,
 Мовчали 1) всѣ, нѣкто 2) не йшовъ, 3)
 Зъ нимъ битися усякъ боявся,
 Собою страхъ 4) всѣмъ 5) задавъ.
 „Такъ вы, бачу, всѣ легкодухи,
 Передо мною такъ, якъ мухи,
 И пудофеты 6) на-голо!“
 Даресь усѣмъ тутъ насмѣхався, 7)
 Усѣмъ тутъ 8) чванивсь, величався,
 Ажъ слухать соромъ всѣмъ було.

1) мовчали П. К. 2) нѣкто П. К. 3) не шовъ П. 4) страху К. 5) всѣмъ бо собою сграхъ П. 6) пудохветы К. 7) насмѣявся П. 8) собою П. К.

23.

Абсестъ Троянець ¹⁾ бувъ сердитый,
 Згадавъ Энтелля ²⁾ козака,
 Зробився ³⁾ мовъ несамовытый, ⁴⁾
 Чимъ дужъ дравъ вѣдтѣль ⁵⁾ драпака, ⁶⁾
 Энтелля ⁷⁾ скрѣзь ⁸⁾ пѣйшовъ ⁹⁾ шукаты ¹⁰⁾
 Щобъ все, що бачивъ, розказаты, ¹¹⁾
 И щобъ Дареса пѣдцковать. ¹²⁾
 Энтель ¹³⁾ бувъ тяжко смѣлый, дужій,
 Мужикъ плечистый и невключій,
 Тогда ¹⁴⁾ вѣнь ¹⁵⁾ пьяный влягся ¹⁶⁾ спать.

¹⁾ Троянець П. К. ²⁾ Ентелля П. К. ³⁾ зробився П. К. ⁴⁾ несамовитый П. К. ⁵⁾ видтѣль П. К. ⁶⁾ дропака П. К. ⁷⁾ Ентелля П. К. ⁸⁾ скрязь К. ⁹⁾ кинувся П. ¹⁰⁾ шукати П. К. ¹¹⁾ розказати П. К. ¹²⁾ пидцковать П. ¹³⁾ пидцковать К. ¹⁴⁾ тогда П. К. ¹⁵⁾ винъ П. К. ¹⁶⁾ вклався П. К.

24.

Знайшли Энтелля ¹⁾ сѣромаху,
 Що вѣнь пѣдъ ²⁾ тиномъ гарно спавъ,
 Сіого сердечнаго ³⁾ тѣмаху а)
 Будиты ⁴⁾ стали, щобъ уставъ.
 Всѣ голосно надъ нимъ кричали,
 Ногами въ силу ⁵⁾ розкачали, ⁶⁾
 Очима вѣнь ⁷⁾ на нихъ лупнувъ:
 „Чого вы? Що за вража маты ⁸⁾
 Зобрались ⁹⁾ не даваты ¹⁰⁾ спаты?“ ¹¹⁾
 Сказавши и ¹²⁾ опять заснувъ ¹³⁾

¹⁾ Ентелля П. К. ²⁾ винъ пидъ П. К. ³⁾ сердечнаго К. ⁴⁾ будити П. К. ⁵⁾ всилу П. К. ⁶⁾ розкачали П. К. ⁷⁾ винъ П. К. ⁸⁾ мати П. К. ⁹⁾ зобралась П. ¹⁰⁾ не давати П. К. ¹¹⁾ спати П. К. ¹²⁾ се П. К. ¹³⁾ и зновъ П.

а) И сю сердиту, пьяну птаху П.

25.

„Та ¹⁾ встань, будь ласкавъ, ²⁾ пане-свату,
 Абсестъ ³⁾ Энтеллевъ ⁴⁾ сказавъ.

— „Пѣдѣть ⁵⁾ лишъ вы собѣ ихъ кату!“
 Энтель ⁶⁾ на ихъ такъ закрывавъ. ⁷⁾
 А послѣ бачить, ⁸⁾ що не шутка,
 Энтель (sic) ⁹⁾ сказавъ, яка погудка, ¹⁰⁾
 Проворно скочивши, здригнувъ; ¹¹⁾
 „Хто якъ, Даресь! Ну, стѣйте, ¹²⁾ наши,
 Даресу навару ¹³⁾ я капи,
 Горѣлки дайте лишъ напьюсь“.

- ¹⁾ да П. К. ²⁾ ласковъ П. К. ³⁾ Абсестъ П. К. ⁴⁾ Ентелловъ П. К.
⁵⁾ шйдѣть П. К. ⁶⁾ Ентеллъ П. К. ⁷⁾ закрывавъ П. К. ⁸⁾ бачить П.
 К. ⁹⁾ Абсестъ П. К. ¹⁰⁾ почудка П. ¹¹⁾ здригнувъ П. ¹²⁾ стѣйте П. К.
¹³⁾ пану Даресу зварю П. К.

26.

Примчали въ казанцѣ ¹⁾ сивухи,
 Энтель ²⁾ ни ³⁾ разкомъ дмухнувъ,
 И отъ ⁴⁾ сіен вѣнъ ⁵⁾ мокрухи
 Скрывившись, ⁶⁾ наморщивсь, ⁷⁾ зѣвнувъ,
 Сказавъ: „теперь ⁸⁾ ходѣмо, ⁹⁾ братця,
 До хвастуна Дареса, ланця, ¹⁰⁾
 Іому я ребра полѣчу,
 Зимну іого ¹¹⁾ я на кабаку,
 На смерть зувѣчу, мовѣ чортяку, ¹²⁾
 Я битися ¹³⁾ іого навчу“.

- ¹⁾ въ казанецъ П. въ казанокъ К. ²⁾ Ентеллъ П. К. ³⁾ ѣи П. К.
⁴⁾ одъ П. ⁵⁾ винъ П. К. ⁶⁾ скрывивсь П. К. ⁷⁾ наморщивсь и П. К.
⁸⁾ теперь П. К. ⁹⁾ ходимо П. К. ¹⁰⁾ драгця П. ¹¹⁾ всіого П. ¹²⁾ собаку
 П. К. ¹³⁾ битися П. К.

27.

Прійшовъ Энтель ¹⁾ передъ Дареса,
 Сказавъ іому на смѣхъ: „гай, гай!
 Ховайсь, погана ²⁾ неотеса,
 Заранѣ, ³⁾ коли хочъ, ⁴⁾ втѣкай! ⁵⁾
 Я роздавлю тебе, якъ жабу,
 Зитру, ⁶⁾ зимну, ⁷⁾ морозъ якъ бабу,

Що тутъ и зубы ты зытнешь, ⁸⁾
 Тебе діяволь не пѣзнае, ⁹⁾
 Зъ ¹⁰⁾ кѣстками ¹¹⁾ чортъ тебе злигае, ¹²⁾
 Уже вѣдмене (sic) ¹³⁾ не влизнешь. " ¹⁴⁾

1) Ентелль П. К. 2) проклата П. К. 3) зарани П. зария К.
 4) видсѣль П. К. 5) утѣкай П. К. 6) зотру П. К. 7) зомчу П. К.
 8) возмешъ П. 9) познае П. К. 10) съ П. К. 11) костками П. К. 12)
 злигае П. 13) видъ мене П. К. 14) влизнешъ П. К.

28.

На землю шапку положивши,
 По локѣтъ ¹⁾ руки засукавъ
 И, цупко кулаки стуливши, ²⁾
 Дареса бытись ³⁾ вызывавъ.
 Изъ сердца ⁴⁾ скреготавъ ⁵⁾ зубами,
 Обземлю (sic) ⁶⁾ тупотѣвъ ⁷⁾ ногами
 И на Дареса налѣзавъ.
 Даресъ не радъ свой ⁸⁾ лихотѣ,
 Энтелль ⁹⁾ потягъ не по охотѣ
 Дареса, щобъ його вѣнъ ¹⁰⁾ знавъ.

1) локоть П. К. 2) стуливши П. К. 3) битись П. К. 4) сердца П.
 К. 5) скриготавъ П. К. 6) объ землю П. К. 7) тупотавъ П. К. 8) своей
 К. 9) Ентелль П. К. 10) винъ П. К.

29.

Въ се время въ рай боги збѣрались ¹⁾
 До Юпитера ²⁾ на обѣдъ,
 Пили тамъ, ѣли, забавлялись,
 Забули нашихъ людскихъ бѣдъ,
 Тамъ лакоцѣны ³⁾ разны ⁴⁾ ѣли,
 Буханчики пшеничны бѣлы,
 Кислицѣ, ⁵⁾ ягоды, коржѣ ⁶⁾
 И всяки разны ⁷⁾ витребеньки, ⁸⁾
 Уже либонъ були пьяненьки,
 Понадувались, мовъ іоржи. ⁹⁾

1) збирались П. К. 2) къ Зевесу въ гости П. К. 3) лакодины К. лигомивки П. 4) розны П. 5) кислицы П. К. 6) воржи П. К. 7) розны П. К. 8) вытребеньки П. К. 9) юрши П. К.

30.

Ажъ ¹⁾ ось зъ нечевья вбѣгъ Меркурій
Засапавшися до богѣвъ, ²⁾
Прискочивъ, мовъ котище ³⁾ мурий ⁴⁾
До сырныхъ въ маслѣ пирогѣвъ. ⁵⁾
„Ге, ге! оттутто ⁶⁾ загулялись,
Що вже отъ свѣта отцурались,
Діаволъ ма вамъ и стыда!
Въ Сициліи таке творится, ⁷⁾
Що вже вамъ треба подивится, ⁸⁾
Тамъ крыкъ, ⁹⁾ мовъ пѣдступа ¹⁰⁾ Орда“.

1) якъ П. К. 2) богивъ П. К. 3) котыще П. К. 4) мурий П. К.
5) пирогины П. К. 6) отъ-туть-то П. К. 7) творитця П. К. 8) подивитця
П. К. 9) крикъ П. К. 10) пидступа П. К.

31.

Боги почувши зашатались,
Изъ неба виткнули носы,
Дивитися воны ¹⁾ хватились,
Якъ жабы лѣтомъ изъ росы.
Энтелль ²⁾ такъ дуже ³⁾ храбровався,
Ажъ до сорочки весь роздягся,
Даресу совавъ въ нѣсь ⁴⁾ кулакъ,
Даресь извомпивъ сѣромаха,
Бо бувъ Энгель самый тѣмаха, ⁵⁾
Якъ чорноморскій злый козакъ.

1) дивитися на бойцивъ П. К. 2) Ентелль П. К. 3) сильно П. К.
4) нвсь П. К. 5) не певна птаха П. К.

32.

Венеру ¹⁾ за вискихватило,
Якъ глянула, що тамъ Даресь,

Їй дуже се було не мило,
 Сказала: „батеку Зевесъ,
 Дай моему Даресу силу, ²⁾
 Іому хвоста щобъ не вкрутили,
 Щобъ вѣнъ ³⁾ Энтелля ⁴⁾ поборовъ!
 Мене тогдѣ ⁵⁾ ввесь свѣтъ забуде,
 Коли ⁶⁾ Даресъ живий не буде,
 Або хотъ буде ⁷⁾ нездоровъ“.

1) Венерю П. 2) сили П. К. 3) винъ П. К. 4) Ентелля П. К.
 5) тогди П. К. 6) коли П. К. 7) зроби, щобъ бувъ Даресъ П. К.

33.

Тутъ Бахусъ п'яний обизвався,
 Венеру ¹⁾ лаяты ²⁾ начавъ,
 До неї съ кулакомъ совався
 И такъ изъ п'яна Їй сказавъ:
 „П'їди ³⁾ лишъ ты къ чортамъ, плюгава,
 Невѣрна, пакосна, халява,
 Нехай изслизне ⁴⁾ твѣй ⁵⁾ Даресъ,
 Я за Ентелля ⁶⁾ самъ вступлюся,
 Якъ зъ неба до його спущуся, а)
 То не заступить и Зевесъ.

1) Венерю П. 2) лаяти П. К. 3) п'їди П. К. 4) изслизне П. К.
 5) твій П. К. 6) Ентелля П. К.

а) Якъ бильше ще понатягнуся П.
 а) Якъ билшъ сивухи натягнуся К.

34.

Чи знаєшъ, вѣнъ ¹⁾ якій парнищѣ,
 На свѣтѣ трохи єсть такихъ,
 Сивуху такъ, якъ воду, ²⁾ хлище,
 А я кохаюсь въ парняхъ ³⁾ сихъ.
 Та ⁴⁾ вже залє за пікуру сала,
 Ни неня въ ваньвѣ ⁵⁾ не скупала,
 Якъ вѣнъ ⁶⁾ Даресовѣ задасть,

Уже хотъ якъ ты не вертися,
Зъ ¹⁾ своимъ Даресомъ попростися,
Бо припада ²⁾ іому пропасть“.

¹⁾ винъ П. К. ²⁾ брагу П. К. ³⁾ я въ паробкахъ кохаюсь П. К.
⁴⁾ да П. К. ⁵⁾ въ бразъ П. К. ⁶⁾ винъ П. К. ⁷⁾ съ П. К. ⁸⁾ прійдется
П. К.

35.

Зевесъ до речи сей дочувся,
Языкъ на силу повернувъ,
Вѣнъ ¹⁾ отъ горѣлки ввесь обдувся
И грѣзно ²⁾ такъ на ихъ гукнувъ:
„Мовчѣть! ³⁾ Чого вы задрочились,
И іонъ же якъ закомезились? а)
Я дамъ вамъ заразъ тришія!
Нихто въ кулачки не мѣшайся, ⁴⁾
Конця ⁵⁾ отъ самихъ дожидайся,
Побачимъ, возьметь то чія.

¹⁾ винъ П. К. ²⁾ гримко П. К. ³⁾ мовчить К. П. ⁴⁾ не мѣ-
шайтесь П. К. ⁵⁾ конца П.

а) Чи то и въ мене розходились? П. К.

36,

Венера ¹⁾ облизня ²⁾ пѣймала, ³⁾
Сліозьки ⁴⁾ пустила изъ очей
И, якъ собака, хвѣсть ⁵⁾ пѣджала, ⁶⁾
Пѣшла ⁷⁾ къ порогу до дверей,
Изъ ⁸⁾ Марсомъ у куточку стала,
Зъ Зевеса добре глузовала,
А Бахусъ пѣнненъку лигавъ,
У Ганны—медова ⁹⁾ пуздерка
Утеръ трохи не пѣввѣдерка, ¹⁰⁾
Напивсь и тѣлко ¹¹⁾ що кректавъ.

¹⁾ Венера П. ²⁾ облизня П. К. ³⁾ пѣймавши П. К. ⁴⁾ слизки П.
К. ⁵⁾ хвистъ П. К. ⁶⁾ пиджавши П. К. ⁷⁾ пишла П. К. ⁸⁾ в съ П. К.
⁹⁾ изъ Ганнимедова П. К. ¹⁰⁾ не зъ пиввидерка П. К. ¹¹⁾ тилько П. К.

37.

Якъ межъ ¹⁾ собой боги сварились,
 Въ раю попившись въ небесахъ,
 Тогдѣ ²⁾ въ Сициліи творились
 Велики тяжко ³⁾ чудеса.
 Даресь отъ страху оправлявся
 И до Энтеля ⁴⁾ пѣдобрався, ⁵⁾
 Цибульки давъ ⁶⁾ іому пѣднѣсь (sic). ⁷⁾
 Энтель отъ ляписа здрогнувся, ⁸⁾
 Ажъ на ногахъ поколихнувся, а)
 Трохи не попустивъ и слѣзь. ⁹⁾

- ¹⁾ мижъ П. К. ²⁾ тогда П. К. ³⁾ дуже П. К. ⁴⁾ Ентелла П. К.
⁵⁾ пидбирався П. К. ⁶⁾ цибульки бѣ дать П. К. ⁷⁾ пидъ вись П. К.
⁸⁾ здригнувся П. К. ⁹⁾ слязъ П. К.

а) Разивъ изъ пять перевернувся П. К.

38.

Розсердивсь сей ¹⁾ и разярився, ²⁾
 Ажъ пѣну зъ рота попустивъ,
 И саме въ мѣру пѣдмостився, ³⁾
 Въ високъ Дареса затопивъ.
 Зъ очей ажъ искры полетѣлы ⁴⁾
 И очи ясны соловѣлы, ⁵⁾
 Сердечный у бурьянтъ ⁶⁾ упавъ,
 Чмелѣвъ ⁷⁾ довгенько тамъ вѣнтъ ⁸⁾ слухавъ
 И землю носомъ смачно ⁹⁾ нюхавъ
 И дуже жалобно стогнавъ.

- ¹⁾ розсердився К. ²⁾ розъярився П. К. ³⁾ пидмостився П. К.
⁴⁾ полетѣлы П. К. ⁵⁾ соловѣлы П. К. ⁶⁾ обѣ землю П. К. ⁷⁾ чмеливъ
 К. ⁸⁾ дуже П. К. ⁹⁾ рывъ и П. К.

39.

Тутъ всѣ Энтелли ¹⁾ вихваляли, ²⁾
 Эней съ панами реготавъ, ³⁾

Съ Дареса жъ дуже глузовали.
 Що силою вѣнъ ⁴⁾ вихвалявсь.
 Звелѣвъ Эней його пѣднати ⁵⁾
 На вѣтеръ ⁶⁾ и ⁷⁾ поколихати,
 Щобъ вѣнъ отъ ляписа прочхавсь, а)
 Энтелліовѣ ⁸⁾ жъ давъ на табаку ⁹⁾
 Трохи не цѣлюю гривняку
 За те, що такъ сей ¹⁰⁾ показавсь.

- 1) Ентелла П. К. 2) выхваляли П. К. 3) Еней П. реготавсь П. К.
 4) вянъ П. К. 5) Еней П. пидняти П. К. 6) на вѣтрѣ П. К. 7) щобъ П.
 К. 8) Ентелловѣ П. К. 9) бабаку П. К. 10) винъ П. К.
 а) Отъ ляпаса, и щобъ прочхавсь.

40.

Эней ¹⁾ же симъ не вдоволившись, ²⁾
 И ще гуляты ³⁾ захотѣвъ
 И, цупко пѣннои налившись,
 Медведѣвъ ⁴⁾ пришести звелѣвъ.
 Литва на трубы затрубыла, ⁵⁾
 Медведѣвъ ⁶⁾ заразь испинила, ⁷⁾
 Заставила ихъ танцювать.
 Сердечный звѣръ ⁸⁾ перекидався,
 Плигавъ, ⁹⁾ вертѣвся и качався.
 Забувъ и бжолы ¹⁰⁾ пѣддирать. ¹¹⁾

- 1) Еней П. 2) вдоволнившись П. К. 3) гуляти П. К. 4) мед-
 ведивъ К. 5) засурмила П. К. 6) медведивъ К. 7) збуинила П. К.
 8) звѣръ К. 9) плигавъ П. К. 10) бджолы П. К. 11) пиддирать П. К.

41.

Якъ панъ Эней ¹⁾ такъ забавлявся,
 То лиха вже собѣ не ждавъ,
 Не думавъ и не сподѣвався,
 Щобъ хто зъ богѣвъ ²⁾ та ³⁾ кучму давъ.
 Но те Юнона коверзнула ⁴⁾
 И мѣтью ⁵⁾ зъ неба ⁶⁾ дременула, ⁷⁾ а)

Щобъ заразы учинить ярмѣсь: ⁸⁾
 Набула безъ панчѣхъ ⁹⁾ патинки, ¹⁰⁾
 Въ Ирисины пѣшла ¹¹⁾ будинки, ¹²⁾
 Бо хитра се ¹³⁾ була, якъ бѣсь.

1) Еней П. 2) зъ богивъ П. зъ олимпскихъ К. 3) ту П. 4) повернула П. К. 5) митью П. 6) таки П. 7) коверзнула П. 8) ярмись П. К. 9) панчихъ П. К. 10) патынки П. К. 11) пишла П. К. 12) будынки П. К. 13) ся П. К.

а) И въ головѣ такъ коверзнула К.

42.

Пришла, Ирисѣ пѣдморгнула, ¹⁾
 И въ хижу пѣтягли ²⁾ у двоухъ, ³⁾ а)
 И на ухо щось ѣй шепнула,
 Щобъ не пѣдслухавъ ⁴⁾ якій богъ ⁵⁾,
 И палцемъ ⁶⁾ цупко прикрутила,
 Щобъ заразы все те ⁷⁾ изробить, ⁸⁾
 И ѣй бы привесла репортъ. ⁹⁾
 Ириса низько ¹⁰⁾ поклонилась,
 Въ рябеный лѣтникъ ¹¹⁾ нарядилась,
 Побѣгла зъ неба, якъ бы хортъ.

1) педморгнула П. К. 2) потягли П. 3) у двухъ П. 4) пидслухавъ П. К. 5) духъ П. 6) пальцемъ П. К. 7) то П. К. 8) изробила П. К. 9) депортъ П. К. 10) низко П. 11) и въ лѣтникъ заразы П. К.

а) Черкнули разомъ въ хижу въ двоухъ К.

43.

Въ Сидилію якъ разъ спустилась, ¹⁾
 Троянски човны де ²⁾ були.
 И межъ ³⁾ Троянокъ помѣстилась,
 Которы човнювъ ⁴⁾ стерегли.
 Въ кругу ⁵⁾ сердеги ⁶⁾ всѣ ⁷⁾ сидѣли
 И кисло на море глядѣли,
 Бо ихъ не кликали гулять,
 Гдѣ ⁸⁾ чловѣки ихъ гуляли.

Медокъ, сивуху ⁹⁾ потягали ¹⁰⁾

Безъ просишу ¹¹⁾ недѣль изъ пять.

1) пустилась П. 2) где К. 3) мужъ П. 4) човнявъ П. К. 5) въ кружку П. К. 6) сердечны П. К. 7) си П. К. 8) де П. где К. 9) сивушку К. 10) попивали П. К. 11) просышу П. К.

44.

Дѣвчата зъ лиха горювали, ¹⁾

Нудило тяжко молодиць,

Лишь слинку ²⁾ зъ голоду ковтали,

Якъ хочется ³⁾ кому кислицъ.

Своихъ Троянцѣвъ ⁴⁾ проклинали,

Що черезъ ихъ такъ горювали. ⁵⁾

Дѣвки кричали на весь ⁶⁾ ротъ:

„Щобъ имъ хотѣлось такъ гуляты, ⁷⁾

Якъ хочется имъ дѣвоваты, ⁸⁾

Коли бъ замордовавъ ихъ чортъ!“

1) горіовали П. К. 2) слинку П. К. 3) хочетца П. 4) Трояндивъ П. К. 5) горіовали П. К. 6) весь П. К. 7) гуляты П. К. 8) дѣвовати П. К.

45,

Троянцѣ завезли ¹⁾ зъ ²⁾ собою

Старую бабу, якъ ягу,

Лукаву вѣдъму, злу Берою,

Всю скорчившуюся ³⁾ въ дугу.

Ирися ⁴⁾ ею ⁵⁾ изробилась ⁶⁾

И, якъ Бероя, нарядилась

И пѣдступила ⁷⁾ до дѣвокъ.

А ⁸⁾ щобъ къ нимъ лутче примостится ⁹⁾

И предъ Юноной засталится (sic) ¹⁰⁾,

То пѣднесла ¹¹⁾ имъ перѣжокъ. ¹²⁾

1) взяли Троянці П. К. 2) изъ П. К. 3) искорчившуюся П. К. 4) Ирися П. К. 5) нею П. К. 6) изробилась П. К. 7) пидступила П. К. 8) и П. К. 9) примоститься П. К. 10) заслужиться П. К. 11) пиднесла П. К. 12) пирожокъ П. К.

46.

Сказала: „помагай Бѣгъ, ¹⁾ дѣты,
 Чого сумуєте вы такъ?
 Чи не остило вамъ сидѣть? ²⁾
 Отце гуляють наши якъ!
 Мовъ божевѣльныхъ ³⁾ насъ морочать, ⁴⁾
 Сѣмъ годъ, ⁵⁾ якъ по морю ⁶⁾ волочать, ⁷⁾
 Глузують, ⁸⁾ якъ хотить, ⁹⁾ изъ васъ.
 Але зъ другими бахурують, ¹⁰⁾
 Свої жъ жѣнки ¹¹⁾ нехай горують... ¹²⁾
 Коли же ¹³⁾ се водилось ¹⁴⁾ въ ¹⁵⁾ насъ?

¹⁾ Бѣгъ П. К. ²⁾ сидѣти П. К. ³⁾ божевильныхъ П. К. ⁴⁾ морочать К. ⁵⁾ лѣтъ П. К. ⁶⁾ морямъ П. К. ⁷⁾ волочать К. ⁸⁾ глузують К. ⁹⁾ хотять К. ¹⁰⁾ бахурують К. ¹¹⁾ жінки П. К. ¹²⁾ горюють П. К. ¹³⁾ коли П. К. ¹⁴⁾ водилось се П. ¹⁵⁾ у П. К.

47.

Послухайте лишъ, молодицѣ, ¹⁾
 Я добрую вамъ раду дамъ,
 И вы, дѣвчата бѣлолицы,
 Зробѣть ²⁾ кѣнець ³⁾ своимъ бѣдамъ!
 За горе заплатѣмъ ⁴⁾ мы горемъ!
 А доки намъ сидѣть надъ моремъ?
 Пріймѣмось ⁵⁾ човны попалѣмъ: ⁶⁾
 Тодѣ ⁷⁾ вже мусять ⁸⁾ тутъ остаться ⁹⁾
 И нехотя до насъ прижатся: ¹⁰⁾
 Ось такъ на лѣдѣ ихъ посадѣмъ!“ ¹¹⁾

¹⁾ молодици П. К. ²⁾ зробити П. К. ³⁾ конецъ П. К. ⁴⁾ заплатямъ П. К. ⁵⁾ приймимось П. К. ⁶⁾ поналимъ П. К. ⁷⁾ тогда П. К. ⁸⁾ мусять П. К. ⁹⁾ остатця П. К. ¹⁰⁾ прижатця П. К. ¹¹⁾ посадимъ П. К.

48.

— „Спасеть ¹⁾ же Богъ ²⁾ тебе, бабусю,
 Троянки въ голосъ загули,

„Такой бы ³⁾ рады, пайматусю,
 Мы бь изгадаты ⁴⁾ не могли“. ⁵⁾
 И заразъ приступили ⁶⁾ къ флоту
 И принялися за роботу
 Огонь кресаты ⁷⁾ и несты, ⁸⁾
 Скѣпки, ⁹⁾ трѣски, солому, клотчя, ¹⁰⁾
 И всяка зъ нихъ була ¹¹⁾ охоча
 Пожаръ щобъ швидче розвесты. ¹²⁾

¹⁾ спасеть П. К. ²⁾ Богъ П. К. ³⁾ такомъ бѣ К. ⁴⁾ мы изгадати П. К. ⁵⁾ не могли П. К. ⁶⁾ приступили П. К. ⁷⁾ кресаты П. К. ⁸⁾ несты П. К. ⁹⁾ скипки П. К. ¹⁰⁾ клотчя П. К. ¹¹⁾ була тутъ всяка зъ нихъ П. К. ¹²⁾ розвести П. К.

49.

Розжеврѣлось и загорѣлось,
 Пѣшовъ ¹⁾ димокъ до самыхъ хмаръ,
 Ажъ небо все зачервонѣлось,
 Великій тяжко бувъ пожаръ.
 Човны и байдаки палалы, ²⁾
 Сосновы поромы трѣщали, ³⁾
 Отъ трѣсковнѣ земля гула. а)
 Пока Троянцѣ ⁴⁾ оглядѣлись,
 Що добре ихъ Троянки грѣлись,
 То часть мала човнюкъ ⁵⁾ була.

¹⁾ пишовъ П. К. ²⁾ палали П. К. ³⁾ трещали П. К. ⁴⁾ Троянцы П. К. ⁵⁾ човниѣ П. К.

а) Горѣли діоготъ и смола П. К.

50.

Эней, пожаръ такий узрѣвши,
 Злякався, побѣлѣвъ, якъ снѣгъ,
 И бѣгти всѣмъ туда звелѣвши,
 Чимъ дужъ до човнѣвъ ¹⁾ самъ побѣгъ.
 На гвалтъ у звоны ²⁾ зазвонили, ³⁾
 По улицамъ ⁴⁾ у бубны ⁵⁾ были, ⁶⁾

Эней же на весь ⁷⁾ ротъ кричавъ: ⁸⁾
 „Хто въ Бога вѣруе, рятуйте,
 Гасѣть и швидче воду лийте! а)
 О ⁹⁾ хто жъ таку намъ кучму дасть!“

- ¹⁾ човнивь П. К. ²⁾ дзвонь П. К. ³⁾ зазвонили П. К. ⁴⁾ улицамъ П.
⁵⁾ въ клепала П. въ трепотки К. ⁶⁾ били П. К. ⁷⁾ Еней П. весь К.
⁸⁾ кричавъ П. К. ⁹⁾ а П. К.
 а) Рубай, туши, гаси, лій, куйте П. К.

51.

Эней ¹⁾ отъ страху съ плигу ²⁾ збывся, ³⁾
 Въ умѣ сердечный ⁴⁾ помѣшавсь
 И заразь самъ не свѣй ⁵⁾ зробывся,
 Скакавъ, вертѣвся и качавсь,
 И изъ сіюго свого задіору,
 Пѣднявши ⁶⁾ голову у ⁷⁾ гору,
 Квѣливъ ⁸⁾ опаренный ⁹⁾, мовъ песъ,
 Олимпискихъ шпетивъ на всю губу
 И пеню лаявъ свою любу,
 Добуясь и въ ротъ и въ нѣсъ ¹⁰⁾ Зевесъ.

- ¹⁾ Еней П. ²⁾ съ плигу П. К. ³⁾ збывся П. К. ⁴⁾ сердега П. К.
⁵⁾ свѣй П. К. ⁶⁾ иднявши П. ⁷⁾ винъ голову иднявши въ К. ⁸⁾ кри-
 чавъ П. К. ⁹⁾ опаренный П. К. ¹⁰⁾ нисъ П. К.

52.

„Гей ты, проклятый старыганю, ¹⁾
 На землю зъ неба не зирнешъ,
 Не чуешъ, якъ тебе я ганю,
 Зевесъ, ни усомъ не моргнешъ?
 На очахъ бѣльми ²⁾ поробылиси, ³⁾
 Коли бъ до вѣку послѣнились,
 Що не поможешъ ты минѣ?
 Чи се жъ таки тобѣ не стыдно,
 Що пропаду отлишь (sic) ⁴⁾ не видно,
 Я жъ, кажетъ ⁵⁾ людъ, ⁶⁾ онукъ ⁷⁾ тобѣ“.

¹⁾ стариганю П. К. ²⁾ бѣльма П. К. ³⁾ поробились П. К. ⁴⁾ отъ
лишь П. К. ⁵⁾ кажутъ П. кажутъ Ж. ⁶⁾ люде П. К. ⁷⁾ внукъ П. К.

53.

„А ты жъ зъ сѣдою бородою,
Папе добродѣю Нептунъ,
Сидишь, мовъ демонъ, пѣдъ ¹⁾ водою
Изморщившись, старый шкорбунъ?
Коли бѣ струхнувъ хотъ головою
И сей пожаръ заливъ водою—
Трезубецъ щобъ тобѣ зломивсь!
Ты басарынки ²⁾ любишь браты, ³⁾
А людемъ въ нуждѣ ⁴⁾ помогаты ⁵⁾
Не дуже, бачишь, ⁶⁾ носнишывсь“.

¹⁾ пидъ П. К. ²⁾ базаринку П. К. ³⁾ брати П. К. ⁴⁾ въ нужѣ П.
⁵⁾ помагати П. К. ⁶⁾ бачу П. К.

54.

И братѣкъ ¹⁾ вашъ Плутонъ поганецъ,
Изъ Прозерниною засѣвъ,
Пекельный, гаспидскій ²⁾ поганецъ, ³⁾
Ище себе тамъ не нагрѣвъ?
Засѣвъ въ ⁴⁾ братерство изъ бѣсами
И въ свѣтѣ нашими бѣдами
Не погорюе ни на часъ,
Не посылкуется ⁵⁾ ни мало,
Щобъ такъ палиты перестало,
И щобъ отсей ⁶⁾ пожаръ погасъ.“

¹⁾ братикъ П. К. ²⁾ гаспидскій П. К. ³⁾ коханецъ П. К. ⁴⁾ за-
вѣвъ П. завивъ К. ⁵⁾ посылкуется П. К. ⁶⁾ оцей П. К.

55.

„А ¹⁾ невечка моя рѣдненька ²⁾
У чорта десь теперь гуля.

А може спить ³⁾ уже пьяненька,
 Або съ хлопьятами гаяя.
 Теперъ ий, ⁴⁾ баѹ, не до солы, ⁵⁾
 Уже пѣдтикавши ⁶⁾ десь полы.
 Гарцюе ⁷⁾ добре навѣсна,
 Коли сама съ кимъ не ночуе,
 То для когось уже швашкуе, ⁸⁾
 Для сіюго тяжко поспѣшна.“

¹⁾ и П. К. ²⁾ родненька П. ридненька К. ³⁾ спить К. ⁴⁾ ѣй
 П. К. ⁵⁾ соли П. К. ⁶⁾ пидтикавши П. К. ⁷⁾ фурцюе К. ⁸⁾ свашкуе
 П. К.

56.

„Да вже иносе (sic) ¹⁾ що хотѣте,
 Про мене те ²⁾ собѣ робѣть,
 Мене на лѣдъ не посадѣте, ³⁾
 Пожаръ лииъ тѣлко погасѣть, ⁴⁾
 Зевередуйте по своему
 И будьте ласкавы ⁵⁾ моему
 Зробѣте ⁶⁾ лиховѣкѣнець, ⁷⁾
 Пустѣть ⁸⁾ лишъ съ неба веремѣю ⁹⁾
 И покажѣте ¹⁰⁾ чудесѣю, ¹¹⁾
 А я вамъ пѣднесу ¹²⁾ ралець.“

¹⁾ да врагъ бери вась П. К. ²⁾ то П. ³⁾ посадите П. К. ⁴⁾ по-
 гасите П. К. ⁵⁾ ласковы П. К. ⁶⁾ зробите П. К. ⁷⁾ кинецъ П. конецъ
 К. ⁸⁾ пустить П. К. ⁹⁾ веремію П. К. ¹⁰⁾ покажите П. К. ¹¹⁾ чудасію
 П. К. ¹²⁾ пиднесу П. К.

57.

Тутъ тѣлко ¹⁾ що перемолився
 Эней и ротъ свѣй ²⁾ затуливъ.
 Якъ ось изъ неба дощъ полився,
 Въ годину и ³⁾ пожаръ заливъ.
 Бурхнуло зъ неба, мовъ изъ бочки,
 Що промочило до сорочки,

То драла въ ростиць ⁴⁾ всѣ дали.
 Троянцѣ ⁵⁾ стали такъ, ⁶⁾ якъ хлюща,
 Имъ лучилася не всищуца,
 Не рады ⁷⁾ и дощу булы.

¹⁾ тилкѣ П. К. ²⁾ Еней П. свій П. К. ³⁾ весь П. К. ⁴⁾ ростиць П. К. ⁵⁾ Троянцы П. К. ⁶⁾ всѣ П. К. ⁷⁾ неради П. К.

58.

Не знавъ же, на яку ступити, ¹⁾
 Эней ²⁾ и тяжко горевавъ,
 Чи тутъ остатись, чи поплити? ³⁾
 Бо врагъ не всѣ човны побравъ. ⁴⁾
 И мѣтью ⁵⁾ кинувсь до громады
 Просить у ней собѣ ⁶⁾ порады,
 Чого собою не збагне. ⁷⁾
 Тутъ довго тяжко рахувалы ⁸⁾
 И кѣлко ⁹⁾ не коверсовалы, ¹⁰⁾
 Та ¹¹⁾ все було, що не оне.

¹⁾ ступити П. К. ²⁾ Еней П. ³⁾ поплити П. К. ⁴⁾ забравъ П. К.
⁵⁾ митью П. К. ⁶⁾ собѣ у ѣй П. К. ⁷⁾ вбагне К. ⁸⁾ раховали П. К.
⁹⁾ скільки П. К. ¹⁰⁾ ни коверзовали К. ни не коверзали П. ¹¹⁾ да П.

59.

Одинъ зъ троянской громады
 Насупившися все мовчавъ
 И дослухався ¹⁾ до порады,
 Цѣпкомъ все землю колунавъ.
 Се бувъ пройдисвѣтъ ²⁾ и непевный
 И всѣмъ вѣдьмамъ бувъ родичъ кривный,
 Упирь ³⁾ и знахирь ⁴⁾ ворожить,
 Отъ трясцѣ гарно вмѣвъ шептаты ⁵⁾ а)
 И кровь ⁶⁾ миранску ⁷⁾ замовляты
 И добре греблю знавъ ⁸⁾ гатить.

¹⁾ дослухаючись порады П. дослухавшись до К. ²⁾ проидысвѣтъ П. К. ³⁾ упырь П. упырь К. ⁴⁾ знахуръ П. К. ⁵⁾ шевтати П. ⁶⁾ кровь П. ⁷⁾ христьянську П. К. ⁸⁾ знавъ гребли П. К.

а) Умѣвъ и трясцю отшентати К.

60.

Бувъ въ Шліонскому вѣнъ изъ ¹⁾ воламы,
 Не разъ ходивъ за сѣбью ²⁾ въ Кримъ,
 Таранью ³⁾ торговавъ возамаы, ⁴⁾
 Всѣ чумаки братались съ ⁵⁾ нимъ.
 Вѣнъ ⁶⁾ такъ здавався и нѣкчемный, ⁷⁾
 Та бувъ розумный, якъ пѣсменный, ⁸⁾
 Слова такъ сипавъ, ⁹⁾ якъ горохъ,
 Уже объ чѣмъ ¹⁰⁾ пораховаты,
 Що розказать, іому вже даты,
 Ни вчѣмъ ¹¹⁾ не бувъ страхополохъ.

¹⁾ бувавъ и въ Шліонскому зъ П. К. ²⁾ сѣбью П. К. ³⁾ тарани П. К. ⁴⁾ возама П. К. ⁵⁾ зъ П. ⁶⁾ винъ П. К. ⁷⁾ непикчемный П. ⁸⁾ писемный П. К. ⁹⁾ сипавъ П. К. ¹⁰⁾ въ чѣмъ бачъ ¹¹⁾ въ чѣмъ П. въ чѣмъ К.

61.

Невтесомъ всѣ іого дразнили, ¹⁾
 По нашому жъ то звавсь Охрѣмъ, ²⁾
 Минѣ такъ люде говорылы, ³⁾
 Самому жъ незнакомый сынъ. ⁴⁾
 Сей узрѣвъ, ⁵⁾ що Эней журился, ⁶⁾
 До іого заразы пѣдмостився, ⁷⁾
 За бѣлу рученьку узявъ, ⁸⁾
 А ⁹⁾ вивѣвши ¹⁰⁾ іого у сѣнѣ, ¹¹⁾
 Самъ уклонивсь ¹²⁾ іому ¹³⁾ въ колѣны, ¹⁴⁾
 Таку Энею ¹⁵⁾ рѣчь сказавъ:

¹⁾ дразнили П. К. ²⁾ Охримъ К. ³⁾ говорили П. К. ⁴⁾ винъ К. незнакомъ бувъ винъ П. ⁵⁾ побачивъ П. К. ⁶⁾ Еней П. гнѣвився П. К. ⁷⁾ пидмостився П. К. ⁸⁾ и взявъ К. ⁹⁾ и П. К. ¹⁰⁾ вививши П. вивѣвши К. ¹¹⁾ сѣны П. К. ¹²⁾ поклонився К. ¹³⁾ ажъ К. ¹⁴⁾ въ колѣни П. К. ¹⁵⁾ Енею П.

62.

Чого ты дуже ¹⁾ зажурывся
 И такъ надувся, мовъ ²⁾ индыкъ.
 Зовсѣмъ охлявъ и занудився,
 Мовъ по болотовѣ куликъ?
 Чимъ бѣлшъ ³⁾ журитись, то ⁴⁾ все гѣрше, ⁵⁾
 Заплутаешся въ лѣсѣ ⁶⁾ бѣлше, ⁷⁾
 Покинь лишъ горе и заплюнь! ⁸⁾
 Пѣды, ⁹⁾ вкладися гарно спаты, ¹⁰⁾
 А послѣ будешъ и гадаты, ¹¹⁾
 Спочинь та вже тогдѣ ¹²⁾ мѣркуй.“

¹⁾ сильно П. К. ²⁾ якъ П. К. ³⁾ бишшъ П. бишшъ К. ⁴⁾ жури-
 тиса К. ⁵⁾ гѣрше П. К. ⁶⁾ въ лѣсѣ К. ⁷⁾ былше П. К. ⁸⁾ заплюя П. К.
⁹⁾ пиди П. К. ¹⁰⁾ спати П. К. ¹¹⁾ гадати П. К. ¹²⁾ тогди П. К.

63.

Эней, послухавши ¹⁾ Охрѣма, ²⁾
 Укрывшись ³⁾ на полу лѣгъ ⁴⁾ спать,
 Полупавъ ⁵⁾ тѣлко ⁶⁾ що ⁷⁾ очима,
 Не мѣгъ ⁸⁾ ни крихты задрѣмать.
 На всѣ боки перевертався,
 До люлки ⁹⁾ разѣвъ ¹⁰⁾ три пріймався,
 Зъ немѣгшись (sic) ¹¹⁾ мовъ и задрѣмавъ,
 Якъ ось Анхизъ йому приснився,
 Изъ некла батечко явився
 И снмовѣ таке сказавъ:

¹⁾ послухавши Еней П. ²⁾ Охрима К. ³⁾ укрывшись П. К. ⁴⁾ легъ
 П. К. ⁵⁾ но лупавъ П. К. ⁶⁾ тилько П. К. ⁷⁾ все П. К. ⁸⁾ могъ П. К.
⁹⁾ люльки П. К. ¹⁰⁾ разивъ П. К. ¹¹⁾ знемгся П. К.

64.

„Прокынься, милое ¹⁾ дитятко,
 Пробуркайся и проходишь,
 Се твоѣй ²⁾ прійшовъ до тебе батко, ³⁾

То не полохайсь, ⁴⁾ не жахнись.
 Мене боги къ тобѣ послали ⁵⁾
 И такъ сказаты ⁶⁾ приказалы, ⁷⁾
 Щобъ вже ты бѣлше ⁸⁾ не журывсь: ⁹⁾
 Пошлють къ тобѣ ¹⁰⁾ щасливу долю,
 Щобъ учинивъ ¹¹⁾ ты божу волю
 И швидче въ Римъ переселивсь“.

¹⁾ милее П. ²⁾ твоѣ П. К. ³⁾ батько П. К. ⁴⁾ сполохайсь П. К.
⁵⁾ послали П. К. ⁶⁾ сказати П. К. ⁷⁾ приказали П. К. ⁸⁾ блше П. К.
⁹⁾ журивсь П. К. ¹⁰⁾ пошлють тобѣ П. К. ¹¹⁾ учинивъ П. К.

65.

„Зберы ¹⁾ всѣ човны, що остались,
 И гарно заразъ ихъ поправъ, ²⁾
 Придержъ своихъ, щобъ не впивались,
 И сю Сицилію оставъ, ³⁾
 Пливы ⁴⁾ и не журись, ⁵⁾ небоже,
 Уже тобѣ скрѣзь ⁶⁾ буде гоже.
 Та ще послухай, щось скажу,
 Щобъ въ пекло ты прійшовъ ⁷⁾ до мене,
 Бо дѣло есть минѣ до тебе,
 Я все тобѣ тамъ покажу.“

¹⁾ збери П. К. ²⁾ оправъ П. К. ³⁾ оставъ П. ⁴⁾ пливи П. К.
⁵⁾ журись П. К. ⁶⁾ скривъ П. К. ⁷⁾ зайшовъ П. К.

66.

„И по олимпскому ¹⁾ закону,
 То пекла ты вже ²⁾ не минешъ,
 Бо треба кланятись Плутону,
 А то и въ Римъ ³⁾ не доплывешъ.
 Якусь тобѣ вѣнъ ⁴⁾ казанъ скаже,
 Дорогу добру въ Римъ ⁵⁾ покаже,
 Побачишъ, якъ живу и я,
 А за дорогу не турбуйся

И въ пекло на простецъ прямуйся,
Пѣшкомъ, не треба и коня.“

1) олимпійскому П. 2) вже ты П. К. 3) Римъ П. К. 4) видѣть П. К.
5) Римъ П. К.

67.

„Прощай же, сывыи ¹⁾ голубочокъ,
Бо вже стае на дворѣ свѣтъ,
Прощай, дитя, прощай, сыночокъ!“
И въ землю провалився дѣдъ.
Эней ²⁾ съ просони якъ схватився, ³⁾
Дрижавъ отъ страху и трусився,
Холодный лився зъ його пѣтъ. ⁴⁾
Вѣнь, ⁵⁾ всѣхъ Троянцѣвъ ⁶⁾ поскликавши
И лагодитись приказавши,
Щобъ завтра поплысты ⁷⁾ якъ свѣтъ.

1) сызыи П. К. 2) Еней П. 3) сховився П. К. 4) цитѣ П. К.
5) и П. К. 6) Троянцѣвъ П. К. 7) поплысты П. К.

68.

Къ Ацесту заразъ самъ махнувши
За хлѣбъ подяковавъ, за сѣль, ¹⁾
И такъ ²⁾ недовго щось побувши,
Вернувся до своихъ вѣдѣль. ³⁾
Весь день складались да вбѣрались, ⁴⁾
И свѣта тѣлко ⁵⁾ що дождались,
То посѣдали на човны.
Эней ⁶⁾ же ихавъ ⁷⁾ щось не смѣло,
Бо море дуже надоило, ⁸⁾
Якъ чумакамъ дощъ ⁹⁾ въ осени. ¹⁰⁾

1) силъ П. К. 2) тамъ П. К. 3) видѣть П. К. 4) вбиралась П.
К. 5) тѣлько П. К. 6) Еней П. 7) їхавъ П. К. 8) надоѣло П. К. 9)
дождь П. К. 10) осени П. К.

69.

Венера ¹⁾ тѣлко ²⁾ що узрѣла,
Що вже Троянцѣ ³⁾ на човнахъ,

Къ Нептуну на поклонъ побѣгла,
 Щобъ не втопивъ ихъ на човнахъ (sic). ⁴⁾
 Поѣхала въ своимъ рыдванѣ, ⁵⁾
 Мовъ сотника якого панѣ, ⁶⁾
 Баскими конями, якъ звѣрь, ⁷⁾
 Изъ ⁸⁾ кѣйными ⁹⁾ проводниками,
 Зъ тріома ¹⁰⁾ назадѣ козаками,
 А конѣ ¹¹⁾ правивъ машталѣрь. ¹²⁾

¹⁾ Венеря П. ²⁾ тилько П. К. ³⁾ Троянци П. К. ⁴⁾ у волнахъ П. К. ⁵⁾ ридванѣ П. К. ⁶⁾ пани П. К. ⁷⁾ звѣрь П. К. ⁸⁾ и съ П. К. ⁹⁾ кийними П. К. ¹⁰⁾ трома П. К. ¹¹⁾ кони П. К. ¹²⁾ машталиръ П. К.

70.

На йому була бѣла ¹⁾ свита
 Изъ шаповальського сукна,
 Тясомкою кругомъ обшита,
 Сѣмъ кѣпъ ²⁾ стоялася вона.
 Набакирь ³⁾ шапочка стрѣмѣла, ⁴⁾
 Далеко дуже червонѣла,
 Въ рукахъ же довгій ⁵⁾ бувъ батѣгъ, ⁶⁾
 Нимъ ⁷⁾ грѣмко ⁸⁾ ляскавъ вѣнъ ⁹⁾ изъ лиха,
 Скакали конѣ ¹⁰⁾ безъ отдыха,
 Ридванъ, ¹¹⁾ мовъ вихоръ, ¹²⁾ въ полѣ бѣгъ.

¹⁾ бѣла була П. К. ²⁾ кий П. К. ³⁾ на бакирь П. К. ⁴⁾ стрѣмѣла П. К. ⁵⁾ довгій П. К. ⁶⁾ бвтигъ П. К. ⁷⁾ нимъ П. К. ⁸⁾ гримко П. К. ⁹⁾ вѣнъ П. К. ¹⁰⁾ кони П. К. ¹¹⁾ ридванъ П. К. ¹²⁾ вихоръ П. К.

71.

Пріѣхала, заторохтѣла, ¹⁾
 Кобыляча мовъ ²⁾ голова.
 Къ Нептуну въ хату полетѣла, ³⁾
 Въ весну ⁴⁾ якъ зъ вирею ⁵⁾ сова,
 И не сказавши ни цѣвслова, ⁶⁾
 „Нехай“ каже, „твоя здорова
 Бува, Нептуне, голова!“

Якъ навѣжена, ¹⁾ прискакала,
 Нептуна въ губы цѣловала,
 Говорячи таки слова:

¹⁾ заgrimотѣла П. К. ²⁾ якъ П. ³⁾ улетѣла П. К. ⁴⁾ такъ П. К.
⁵⁾ варію П. К. ⁶⁾ пивслова П. К. ⁷⁾ навѣжена П.

72.

„Коли, Нептунъ, минѣ ты дядько,
 А я племянница ¹⁾ тобѣ,
 То ²⁾ ты жъ минѣ крещеный батько,
 Спасибѣ ³⁾ заробы ⁴⁾ собѣ:
 Моему поможи Энею, ⁵⁾
 Шобѣ вѣнъ ⁶⁾ зъ ватагою своею,
 Щасливо ѣздивъ по водѣ:
 Уже и такъ пополякалы ⁷⁾,
 На силу бабы отшенталы, ⁸⁾
 Попався въ зубы бувъ бѣдѣ.“

¹⁾ племянница П. ²⁾ да П. К. ³⁾ спасибѣ П. ⁴⁾ зароби П. К. ⁵⁾ Енею
 П. ⁶⁾ винъ П. К. ⁷⁾ пополякали П. К. ⁸⁾ отшентали П. К.

73.

Нептунъ моргнувши розсмѣявся, ¹⁾
 Венеру ²⁾ сѣсти попросивъ,
 И пѣсля неѣ ³⁾ облизався,
 Суvухи чарочку наливъ.
 И такъ ии ⁴⁾ почаствовавши,
 Чого просила—обѣщавши,
 Изъ нею заразъ ⁵⁾ попрощавсь.
 Повѣявъ вѣтръ зъ руки Энею, ⁶⁾
 Простывсь ⁷⁾ сердечненькій съ землею,
 Якъ стрѣлочка по морю мчавсь.

¹⁾ засмѣявся П. К. ²⁾ Венеру П. ³⁾ пѣсля неѣ П. К. ⁴⁾ ѣи П. К.
⁵⁾ и заразъ зъ нею П. К. ⁶⁾ Енею П. ⁷⁾ простивсь П. К.

74.

Царомщикъ ихъ цю найглавнѣйшій
 Зъ Енеемъ ¹⁾ ѣздивъ всякій разъ,

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1900 годъ.

Имѣя цѣлю знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1900 годъ.

Въ Ученныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на конкурснныя награды; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничѣ книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнню коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

ОТЪРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на

общественно - педагогическую и литературную еженедѣльную газету

„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“

съ приложеніемъ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (Г. XII).*подъ редакціей М. Виноградова.*

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., на полгода— 3 руб., и на 3 мѣс. 2 р.; для *начальныхъ школъ и народныхъ учителей*—4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей. Мѣ-овъ за прежніе годы «Школьнаго Обозрѣнія» не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 г. можно получать по *два* руб., и 1895 и 1896 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при нынѣшнѣйшій газетѣ за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ представляется помѣщать *бесплатно* всякія объявленія относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихся и учащихся.

Вышедшія ММ „Жизнь и Школа“ и „Школьнаго Обозрѣнія“ тек. т., по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ—одиннадцатый *бесплатно.*

Подписка принимается въ главной конторѣ „Жизнь и Школа“ и «Школьнаго Обозрѣнія»: С.-Петербургъ, Загородный пр. 34.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ
на областную общественную и литературную газету-журналъ

„ДНІПРОВСКАЯ МОЛВА“

(второй годъ изданія)

выходить въ г. Екатеринославѣ по воскресеньямъ, въ форм. и объемѣ

„НЕДѢЛН“.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Руководящія статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. 3) Статьи по исторіи Приднѣпровскаго края, преимущественно Новороссіи, а также по этнографіи и археологіи. 4) Научныя статьи по обществознанію и естествознанію. 5) Что дѣлается на родинѣ. Земство, города и дворянство. Экономическіе факты (главнымъ образомъ объ артельномъ дѣлѣ и кустарничествѣ). Нравы на судѣ. По Приднѣпровью и югу. Фельетонъ городской и уѣздной жизни Екатеринославской губерніи 6) Беллетристика. 7) Критика, журнальная хроника, литературно-критическія статьи. 8) Библіографія. 9) Искусства и художества. Театръ, музыка и живопись (рецензіи, отзывы). 10) Что дѣлается за границей. Обзорѣнія иностранной жизни. Письма изъ чужихъ странъ. 11) Разныя извѣстія. Письма изъ Приднѣпровья и юга. 12) Справочныя свѣдѣнія. 13) Объявленія.

Въ газетѣ будетъ обращено особенное вниманіе на разработку вопросовъ городского и земскаго хозяйства и въ связи съ послѣдними, вопросовъ сельскаго хозяйства.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой въ годъ (50 ном.) 5 р., полгода—2 руб. 50 к., три мѣсяца—1 руб. 25 коп. Отдѣльные номера 10 коп.

Подписка принимается въ редакціи «Днѣпровской Молвы», Екатеринославъ, Временная ул., д. Быкова, въ книжныхъ магазинахъ Екатеринослава, въ г. Кіевѣ въ книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина», Безаковская ул., № 14, въ г. Харьковѣ кн. магазинъ Сикорской, Екатеринославская ул., Александровскѣ въ земскомъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель *Н. В. Быковъ.*

Съ 1-го ноября 1899 года.

въ С.-Петербургѣ выходить

большая ежедневная, политическая и литературная газета

безъ предварительной цензуры

„СЪВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: въ Россіи на годъ—10 руб., на 6 мѣс.—5 руб., на 1 мѣс.—1 руб. за границу: на годъ—14 руб., на 6 мѣс.—7 руб., на 1 мѣс.—2 руб.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка на четыре срока—по 2 р. 50 к. Лвца, подписавшіяся на весь 1900 г., получаютъ газету бесплатно въ текущемъ году. Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургѣ Бол. Морская ул.. 5 (отъ 12 до 4 час. дня).

Въ основу своего міросозерцанія «Сверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключаящей началъ національной самобытности, и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное и безпристрастное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственности. Въ этомъ смыслѣ «Сверный Курьеръ» направитъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сверный Курьеръ» будетъ интимательно слѣдить какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полного признанія и уваженія правъ личностей, національностей и началъ вѣротерпимости. «Сверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областнаго начала, желательность

дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣтельности и потому отвѣдетъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области поставитъ своей задачей силовое и объединеніе усилий разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено интересамъ науки, искусства и литературы.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій*. Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій*. *К. И. Арабажнъ*.

2—3

Открыта подписка и пріемъ объявленій.

КАЛЕНДАРЬ „СИНЯГО КРЕСТА“

(Настольная Справочная Книга).

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества

Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

„Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ“, состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, предприняло изданіе на 1900 г. Календаря „Синяго Креста“, который поступитъ въ продажу въ декабрѣ с. г. въ количествѣ 10000 экземпляровъ и явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго. Цѣна Календаря „Синяго Креста“ по 2 руб. за экземпляръ, съ пересылкой 2 р. 50 к. Главн. складъ изданія въ Редакціи „Синяго Креста“:

С.-Петербургъ, Серіевская ул., 41.

3-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

3-й годъ изданія.

на 1900 годъ

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1900 году подъ тою-же редакціей (В. В. Святловскаго), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той же программѣ.

Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей, и между прочимъ слѣдующія лица: М. Н. Альбовъ, Е. М. Бабецкій, Д. И. Багалъй (проф.), А. Башмаковъ, Л. Б. Бертенсонъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, А. Б—ръ (изъ Парижа), И. Ф. Василевскій (Буква), С. Глазенацъ (проф.). В. М. Грибовскій, Н. А. Греденкулъ, Зигъ-Загъ, В. И. Ивановъ, К. Н. Льдовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Мордовцевъ, К. В. Назарьева, Л. П. Никифоровъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій (проф.), И. Н. Потаенко, Пружанскій (Трофимовъ), М. Г. Пожуровскій, И. И. Рачинскій, А. К. Розельонтъ-Сошальская, П. А. Сергѣенко, Е. В. Святловскій, Скальцель (псевдон.), В. В. Святловскій, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, К. М. Станюковичъ, Д. И. Тихомировъ, И. О. Фесенко, К. М. Фофановъ, Фаустъ (псевдон.), А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, Кн. М. Л. Шаховскій, Шпилька (псевдон.), И. Л. Щегловъ, Д. И. Эварницкій (проф.) и друг.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агенства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ специальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы. Особенно полно будетъ обставленъ отдѣлъ корреспонденцій и газета уже обозначена постоянными корреспондентами изъ Нью-Йорка (Русскій Путникъ), Парижа, Лондона (Н. К.), Берлина (С.), Рима (А. З.), Тегерана (Л—цкій), Брюсселя (М—кій). Кромѣ того въ 1900 году будутъ печататься изслѣдованія, предпри-

няты Редакціей для описанія заводовъ и рудниковъ Приднѣпровья и всего Донецкаго Бассейна по особо составленной обширной программѣ. Описаніе будетъ иллюстрировано чертежами и рисунками. Къ производству изслѣдованія редакціей привлеченъ цѣлый рядъ специалистовъ.

Условія подписки на 1900 годѣ: съ доставкой въ Екатеринославѣ 10 р., съ пересылкой почт. въ др. города 12 р., за границу 23 руб.

2—3

ЗАПИСКИ

Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *официальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе официальные акты и документы,

2) Часть *неофициальная*: а) научный отдѣлъ (ученныя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширныя труды, какъ-то: диссертациі, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Овсянко-Куликовскій.

2—3

НИВА

Подписчики „НИВЫ“ получают въ 1899 г.

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбовъ текста и 560 граммъ),

12 ТОМОВЪ и в годѣ, которое сочиненіи

дѣтъ весьма значительно и полезное матеріаломъ, не помѣщеннымъ въ послѣднихъ изданіяхъ соч. Гоголя, и будутъ отпечатано на хорошей бѣлой газетриванной бумагѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Бюграфическія очерки. В. И. Шенрока. — ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЫДЬ ДИКАНЬКИ. Повѣсть: Сорочинская ярмарка. Вечеръ насадувъ Ивана Кулака. Майская ночь, или утопленница. Простая грамота. Ночь передъ Рождествомъ. Страшная мѣста. Илья Федуловъ. Шинель и его тетушка. Заколдованное мѣсто. Томъ II. МІРОРОДЪ. Повѣсти: Староверскіе помѣщики. Тарасъ Бульба. Вѣдь. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Томъ III. ПОБѢДИТИ. Ночь. Пургусти. Пивень. Колоска. Рымъ — КОМЕДИИ. Ревизоръ. Томъ IV. КОМЕДИИ: Приказовіа къ ко е д и „Ревизоръ“.—Женитьба.—ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОФРЕВКИ и ОДЪДЫННІЕ СЦЕНЫ: Ипроедъ. Уроу дѣловое человека. Тажа. Дакійская. Огненокъ. Театральный разказъ послѣ представления новой комедіи. Томъ V. Походеніи Чичикова, или Мертвыя Души. Томъ первый. Томъ VI. Притвореніе къ нерому тому „Мертвыя Души“.— Похаживаніи Чичикова или Мертвыя Души. Томъ второй. Томъ VII. Выбраваніи мѣста изъ переписки съ друзьями. Томъ VIII. Выбраваніи мѣста изъ переписки съ друзьями (продолженіе). Томъ IX. Юношескіе

ДАЕТЪ ВЪ ТѢЧЕНІЕ

ОДНОГО 1900 ГОДА

СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

БЕЗПЛАТНО

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И АВТОГРАФОМЪ.

ОПИСАНІЕ. — Арабески Часть I. Томъ X. Арабески. Часть II. Томъ XI. Провведеніи, не вошедшіи въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“. Томъ XII. Очисти, или послѣдній изъ второй половины 40-хъ годовъ, изданная послѣ смерти автора. — ПРИЛОЖЕНІЯ: Статусъ-градъ, Давка въ затруднительномъ положеніи.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛІТЕРА. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, разказы, „внулдиро-вуч-ныя статьи и проч. современныя авт. разв.).

12 №№ „Наружескихъ моря“ (до 300 колоннъ правдоу по послѣднимъ фасонамъ дѣлать мастеровъ). **12 №№** рукописныхъ и выписныхъ работъ и въ проектъ въ натуральную величину, (около 600 рисунк. и чертж). **СТЫННОЕ КАЛЕНДАРЬ** на 1900 г., петатав. раскатав.

Подобное иллюстрированное изданіе выдѣляется „бесплатно“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложеніями:

Бѣзъ дѣств- ен въ СІВ.	5 р. 50 к.	Съ перес.	Въ вещь ро- рода и мѣстн. Рое- сін . . .	7 р.
Бѣзъ доставленіи: 1) въ Мо- сковой — 6 р. 25 к.; 2) Въ Одессѣ, въ книжн. магаз.	6 р. 50 к.	За границу — 10 р. Рав- ноцѣна наложеніи въ 2 и 3-й р.		

Требованіи адресовать въ Главную Кантору журн. „НИВА“. С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

Открыта подписка на 1900 годъ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„Южный Край“.

Газета общественная, политическая и литературная.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономическія и общественной жизни. III. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. „Свѣтъ и Тѣни“ (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южный Край“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Критика и библіографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и поч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ, въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербуга и Москвы отъ собств. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичежи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1900 ГОДЪ:

Съ пересылкою иногороднимъ.

На 12 м. 11 р.—11 м. 10 р. 50 к.—10 м. 10 р.—9 м. 9 р. 50 к.—
8 м. 8 р. 50.—7 м. 7 р. 80 к.—6 м. 7 р.—5 м. 6 р.—4 м. 5 р.—
3 м. 4 р.—2 м. 3 р.—1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по сорлашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“ на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

Книжнымъ магазинамъ дѣлается уступка: съ подписокъ: годовой, 11-ти и 10-ти мѣсячныхъ по 50 к., а съ остальныхъ—по 50 к. за каждый мѣсяцъ.

„Южный Прай“, печатается въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ на ротационной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

— на —

„ХУТОРЯНИНЪ“

Еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

НА 1900 ГОДЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учреждений. 6) Библиографія и обзоръ сельскохозйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговые извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерній. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ Минист. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя библіотеки-читальни.

Подписная цѣна: въ годъ съ пересылкой 2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: въ одну строку въ концѣ текста—8 коп., впереди—вдвое.

Подписка принимается: 1) въ г. Полтавѣ въ Конторѣ и Редакціи «Хуторянина», при обществѣ Сельскаго Хозяйства. 2) Въ С.-Петербургѣ, въ Отд. Конторы „Хуторянина“ при с.-х. книж. магазинѣ жур. „Деревня“, уг. Б. Морской и Кириич. пер., д. 3.—13. 3) Въ Кременчугѣ, въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельскихъ хоз. и Товариществъ сельскихъ хозяевъ. 4) Въ г. Прилукахъ, при обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ и 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ.

Продолжается подписка на газету

„ЮГЪ“.

Издающаяся въ Херсонѣ съ 1 марта 1898 г. ежедневная газета «Югъ» заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія печатаются и въ другихъ газетахъ, а именно: дѣйствія правительства; ежедневныя телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агенства»; руководящія статьи по вопросамъ мѣстнымъ, общерусскимъ и политическимъ; извѣстія о важнѣйшихъ фактахъ изъ жизни Херсона и другихъ городовъ Херсонской и смежныхъ губерній; такія-же свѣдѣнія изъ жизни столичной и провинціальной; отзывы другихъ газетъ по важнѣйшимъ вопросамъ русской жизни, отчеты объ интересныхъ судебныхъ дѣлахъ, разбирающихся въ окружныхъ судахъ, уѣздныхъ сѣздахъ, у земскихъ начальниковъ и въ волостныхъ судахъ; извѣстія, касающіяся выдающихся событій иностранной жизни, извѣстія объ открытіи въ мірѣ наукъ и о новинкахъ въ мірѣ искусствъ; оригинальные и переводные рассказы; статьи по сельскому хозяйству и проч. и проч.

Сверхъ того, согласно программѣ, утвержденной Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ только въ «Югѣ» систематически печатаются дѣйствія мѣстной администраціи: рѣшенія Херсонскаго Губернскаго Присутствія; списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ засѣданіяхъ каждаго изъ Уѣздныхъ Сѣздовъ и рѣшенія Сѣздовъ по дѣламъ безъ вызова сторонъ; опредѣленія Херсонскаго Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія; херсонскимъ отдѣленіемъ Крестьянскаго Банка въ «Югѣ» публикуются свѣдѣнія о ходатайствахъ относительно выдачи ссудъ на покупку земли и о разрѣшенныхъ этимъ банкомъ ссудахъ; вообще въ «Югѣ» помѣщаются опредѣленія и распоряженія всѣхъ мѣстныхъ административныхъ учреждений, подробныя свѣдѣнія о дѣятельности губернскаго и уѣздныхъ земствъ Херсонской губерніи и днѣпровскаго земства Таврич. губ. Спеціальныя также отдѣлы въ «Югѣ» составляютъ извѣстія о цѣнахъ на хлѣбъ въ Одессѣ, Николаевѣ и Херсонѣ, о цѣнахъ на скотъ и лошадей на мѣстномъ рынкѣ, о сдѣлкахъ по зафрахтованію судовъ и многія другія свѣдѣнія, необходимыя для мѣстнаго населенія.

Въ отячіе отъ другихъ газетъ, «Югъ» поставилъ себѣ цѣлью освѣщеніе многостороннихъ нуждъ Херсонской и смежныхъ губерній, уделяя особенное вниманіе нашей деревнѣ, ея просвѣтительнымъ и

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщеній изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерній: за 1½ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такому изобилію свѣдѣній, необходимыхъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникнувъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, какія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздничныхъ. Праздничные нумера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногороднихъ на годъ 8 руб., причѣмъ деньги могутъ быть уплачены въ разсрочку. Желающіе получать «Югъ» въ разсрочку благоволятъ заявить о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три—какъ кто можетъ.

Учрежденія, официальные и вообще извѣстные лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и времени, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца—1 число того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакціи. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги,—такъ удобнѣе для наборщиковъ.

Открыта подписка на 1900 годъ (11-й годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1899 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Очерки современнаго состоянія начальнаго народ. образованія въ Зап. Европѣ. М. И. Страховой; 2) Очерки по исторіи русской школы. Э. В.; 3) Возрожденіе воскресныхъ школъ. Я. В. Абрамова; 4) Начальная школа Минист. Народ. Просвѣщенія. В. И. Фармаковского; 5) На зарѣ земской школы. (Изъ воспоминаній стараго педагога). С. А. Бобровскаго; 6) Вопросы народнаго образованія въ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года. И. П. Бѣлоконскаго. 7) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. А. С. Вирениуса; 8) Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ. Л. Е. Оболенскаго; 9) Мысли о воспитаніи и обученіи. К. П. Яновскаго; 10) Новое воспитаніе. Н. О. Арепьева; 11) Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній. Н. П. П.; 12) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. И. П. Бѣлоконскаго; 13) Наиболѣе доступные способы приготовленія кандидатовъ на учительскія должности народныхъ училищъ. А. П. Раменскаго; 14) Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ. В. Г. Зимницкаго; 15) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Рядъ статей: М. А. Миропіева, А. И. Анастасіева, А. И. Кирпичникова, А. С. Вирениуса и Я. Г. Гуревича; 16) Къ вопросу о рефермѣ системы средняго образованія. Я. Г. Гуревича; 17) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. В. П. Вахтерова; 18) Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. В. Г. Зимницкаго; 19) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной арифметики. К. Л. Тихомирова; 20) Нѣмецкая и русская методика арифметики въ текущее столѣтіе. М. И. Успенскаго; 21) О чтеніи псалмовъ въ начальной школѣ. А. О. Соколова; 22) Рутинна въ преподаваніи географіи. О. Г. Шубина; 23) О курсѣ исторіи въ начальной школѣ. Е. Чебышевой-Дмитріевой; 24) О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Н. И. Карѣва; 25) Къ вопросу о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. А. П. Флерова; 26) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. П. Нечаева; 27) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. П. А. Сосланова; 28) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. В. В. Буржовича и друг.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла Критики и библіографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Буржовича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ

два срекі. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Запросини до передплати

на третій рік видання

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСНИК.

В р. 1900 „Літературно-науковий Вісник“ буде виходити під тою самою редакцією, що й доси, в такім самім обемі і на таких самих умовах.

Редакційний комітет складають: проф. М. Грушевський, В. Гнатюк і др. Ів. Франко.

За редакцію відповідає В. Гнатюк.

Передплата платна у Львові виносить:

В Австрії з пересилкою на чверть року 5 корон

„ „ „ „ пів „ 10 „

„ „ „ „ цілий рік 16 „

В Росії „ „ „ „ „ 8 рублів.

В иньшых державах по обчисленю пересилки.

Поодинокі книжки коштують по 2 кор.

Першого річника (1898) перші чотири книжки вичерпані; за ціну 6 зл. (6 руб.) можна дістати кн. 5—12, з додатком початків статей, що їх продовження містять ся в свх книжках. Другий річник можна дістати по ціні передплати.

Редакція і адміністрація у Львові, ул. Чарвецького ч. 26.

Всякі виплати для Наук. Товариства ім. Шевченка, в тім числі і передплату можна посилати також на адрес книгарні „Кіевской Старини“, Кієвъ, Безаковская 14, котра одержане грошей буде посвідчувать сторонам друкованими квітками з книг Товариства. В такім разі інтересовані, замовляючи або рекламуючи Вісникъ або инші книжки з вашого Товариства, звольте прислати в листі такий квітокъ, одержаний від книгарні К. Стар., і все замовлене вишлетъ ся їм зараз. Надіємо ся, що таким способом зробимо нашим передплатникам у Росії велику догідність.

З усякимв рекламациями треба звертати ся не до книгарні „Кіев. Старини“, а до адміністрації Літ.-наук. Вісника.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Общественная литературно-политическая и экономическая

будетъ выходить въ 1900 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ общественнымъ, политическимъ, экономическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, юридическимъ и др.
- 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.
- 3) Корреспонденціи внутреннія, заграничныя, и изъ славянскихъ земель.
- 4) Политическое обозрѣніе.
- 5) Повѣсти и рассказы.
- 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).
- 7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія правительства и краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества.
- 10) Мѣстная хроника: городскія дѣла, дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ общественныхъ учрежденій, событія и происшествія.
- 11) Областная хроника: корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей юго-западнаго края.
- 12) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Жѣлѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой, на годъ—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р., безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ второе 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Заграничныя подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ за доставку по 60 к. за каждый мѣсяць. За перемѣну иногороднаго адреса—20 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 43. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К^о.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевского Слова“ Большая Владимірская № 43.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВУЮ ВЪСНДНВННУЮ

ЛІТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ

„КІЕВСКУЮ ГАЗЕТУ“.

Выходитъ съ 12 декабря 1899 г.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Правительственныя распоряженія.
2. Телеграммы Россійскаго и др. телеграфныхъ агентствъ, а также отъ собственныхъ корреспондентовъ.
3. Хроника текущей жизни: мѣстной, общерусской и заграничной.
4. Корреспонденціи русскія и заграничныя.
5. Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній, разныхъ учрежденій и частныхъ и ученыхъ обществъ.
6. Отчеты о дѣлахъ заслушанныхъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, безъ права обсужденія рѣшеній.
7. Фельетоны беллетристическіе, научные и изъ общественной жизни, стихотворенія.
8. Библіографія. Обзорѣніе книгъ, журналовъ и газетъ съ выдержками изъ нихъ.
9. Театръ и искусство. Драматическія произведенія.
10. Шахматы, ребусы, игры, загадки и пр. Смѣсь. Огвѣты редакціи. Юмористическіе рассказы, очерки, наброски, шутки, афоризмы, эпиграммы.
11. Торговое обзорѣніе и биржа.
12. Справочныя свѣдѣнія.
13. Портреты, рисунки къ тексту.
14. Стороннія извѣстія (рекламы).
15. Казенныя и частныя объявленія.

Подписная цѣна: на 1 годъ 6 руб., на 6 мѣс. 3 руб., на 3 мѣс. 1 руб. 50 коп. и помѣсячно 60 коп.

Годовые подписчики получаютъ газету съ 1-го номера,

Адресъ: г. Кіевъ, Пушкинская, II.

Редакторъ *Е. Игнатьевъ*. Издатели: *В. Д. Бубликъ* и *Н. Н. Федоровъ (Соловцовъ)*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900-й ГОДЪ

на посвященныя еврейской жизни, исторіи и литературѣ

1) выходящую два раза въ недѣлю газету

„ВОСХОДЪ“

и 2) ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА“

подъ новою редакціею М. Г. Сыркина.

Газета „Восходъ“ выходитъ съ 1-го ноября 1899 г. ДВА РАЗА въ НЕДѢЛЮ, такъ что будетъ имѣть возможность знакомить читателей своевременно со всѣми новѣйшими извѣстіями какъ изъ текущей жизни еврейства, такъ и изъ общей политической жизни Россіи и иностранныхъ государствъ. На отдѣлы политической—иностранной и внутренней—хроники будетъ обращено особое вниманіе въ видахъ того, чтобы „Восходъ“ могъ отчасти замѣнить провинціальному читателю ежедневныя политическія газеты.

Отводя столбцы газеты для текущихъ вопросовъ дня, редакція будетъ въ ежемѣсячныхъ книгахъ журнала помѣщать произведенія беллетристическаго характера и статьи научнаго содержанія—по исторіи евреевъ, археологіи, этнографіи, антропологии и статистикѣ, а также болѣе обстоятельныя изслѣдованія тѣхъ вопросовъ еврейской жизни, которые требуютъ разработки и всесторонняго освѣщенія.

Годовые подписчики на 1900-й годъ получаютъ газету со дня подписки.

Приложенія для годовыхъ подписчиковъ: сборникъ „Еврейскія Народныя Пѣсни“ (съ платою за перес. 50 коп.) и „Художественный Литературный Альбомъ“ съ 10 ю картинами на сюжеты изъ произведеній: Лессинга, Гейне, Ауэрбаха, Зангвилля, Францоza, Леванды, Богрова, Мапу, Гордона и Смоленскаина, посвященныхъ евреямъ (за 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Условія подписки: на годъ газета „Восходъ“ съ журналомъ „Книжки Восхода“ 10 р., на $\frac{1}{2}$ г. 6 р., на 3 мѣс. 3 руб. За границу: на годъ 12 р., на $\frac{1}{2}$ г. 7 р.

При отдѣльной подпискѣ за газету 7 рублей въ годъ, за книжки 3 рубля въ годъ.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Театральная площ., 3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1900 году.

(Годъ изданія сороковый).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1900 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанію общедоступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Свят. Синода отъ 2—29 февраля 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духов. семинаріи, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ *ежемесячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Съ требованіями относительно журнала редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ въ г. Кіевъ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ профессоръ В. Θ. Пивникій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс.	6 руб.	На 3 мѣс.	1 р. 50 к.
На 6 мѣс.	3 руб.	На 2 мѣс.	1 р. 10 к.
На 4 мѣс.	2 руб.	Помѣсячно	— р. 55 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ЛѢ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель *Г. И. Коровицкіи*.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ МІРЪ

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціею

П. М. Ольхина.

За четырнадцать рублей,

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „Новаго міра“ получаютъ въ теченіе 1900 года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

1) Журналъ „Новый Міръ“ съ „Современной Лѣтописью“. 24 выпуска въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знавій „Мозаика Нового Мира“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) Журналъ „Литературные Вечера Нового Мира“. 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „Библиотека русскихъ и иностранныхъ писателей“, въ составъ котораго войдутъ: а) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова* (т. т. 7—12); б) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* (т. т. 7—12).

5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мирѣ“, „Мозикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова*, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „Живописной Россіи“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачивають за годовое изданіе „Нового Мира“ со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.—26 рублей (заграничные подписчики 36 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „Нового Мира“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлагодними, а именно, взамѣнъ второй половины соч. *Лажечникова* и *Гейне*, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россіи“ за 1900 годъ, — двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МИРУ“ со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи—14 р. Роскошное изданіе—18 рублей. За границу—24 руб., роскошное изданіе—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальныя же деньги могутъ выслааться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку бесплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „НОВЫЙ МІРЪ“ и объявленія принимается въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „Новаго Мира“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собственный домъ, №№ 5—7.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ
(32 годъ изданія)

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ОДЕССѢ

ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОРОССИЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

политическую, экономическую и литературную.

Одну изъ самыхъ большихъ и распространенныхъ на югѣ Россіи.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Стяжавъ себѣ за 31 годъ существованія „единственной русской газеты на югѣ Россіи“. „Новоросійскій Телеграфъ“ и впредь намѣренъ сохранить всецѣло свой обликъ, т. е. остаться независимымъ русскимъ органомъ—независимымъ какъ отъ вѣшнихъ теченій и вѣній, такъ и отъ внутреннихъ партійныхъ полонизмовъ и проявленій. Независимость эта обуславливаетъ собою вѣрнѣйшее достиженіе тѣхъ цѣлей, къ которымъ должна стремиться каждая серьезная газета.

Газета, по нашему,—не прилавокъ, не мелочная лавочка съ девизомъ „чего изволите“, а могущественнѣйшая кафедра, съ которой кружокъ лицъ, воодушевленныхъ одной общей идеей, однимъ общимъ стремленіемъ къ той или иной высокой цѣли, руководить обширной аудиторіей (въ лицѣ читателей), открывать ей путь къ познанію текущихъ міровыхъ явленій и событій, освѣщаетъ ихъ надлежащимъ свѣтомъ и такимъ образомъ создаетъ обширный трудъ единомышленниковъ, твердыхъ въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на окружающій міръ и происходящія въ немъ явленія.

„Нов. Тел.“ за все время своего существованія (31 годъ) игралъ именно эту роль—руководящаго органа и, конечно, всѣми силами будетъ стараться поддержать аткое свое значеніе и въ будущемъ году.

Изъ столичныхъ литературныхъ силъ въ газетѣ принимаютъ участіе: Н. П. Аксаковъ, г-жа Барвинокъ Е. В. (псевд.), Г. И. Бутми, князь Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), А. И. Карпичниковъ (проф.), А. А. Коринфскій, В. С. Лихачевъ, Морвинъ, (псевд.), Г. Т. Попловъ, А. Сѣдой (А. П. Чеховъ), Сѣверцовъ (псевд.), Вл. А. Тихоновъ, А. Ходневъ, С. О. Шараповъ и С. С. Шабишевъ. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ: А. И. Алмазовъ, (проф.), Е. А. Арбенина (псевд.), А. Ф. Воеводскій (проф.), Джегъ (псевд.), П. И. Компанъ, М. А. Кривцовъ, А. А. Лебединцевъ, Г. О. Лифшицъ, Н. Н. Мальцовъ, Печоринъ (псевд.), В. М. Пуришкевичъ, М. Д. Сидоренко (прив.-доц.), И. Ф. Синцовъ (проф.), А. О. Фадоровъ (проф.), Н. Е. Чижовъ (проф.), П. Н. Шейминъ (прив.-доц.), И. Л. Яворскій (проф.) и др.

ЕЖЕДНЕВНЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

возникли на почвѣ стремленія—выдѣлить изъ газеты рисунки и весь матеріалъ, не носящій срочнаго злободневнаго характера, но тѣмъ не менѣе представляющій глубокий интересъ для всякаго читателя. Такимъ образомъ, естественно, въ приложенія отошли: беллетристика, стихотворенія, полезныя свѣдѣнія, разныя разности и юмористически-авекдотическій элементъ съ карикатурами.

Въ такомъ видѣ приложенія, въ количествѣ не менѣе 300 въ годъ, составляютъ къ концу года два громадныхъ иллюстрированныхъ тома съ массой интересаго чтенія, полезныхъ свѣдѣній и забавныхъ мелочей, не теряющихъ своего значенія и чрезъ десятокъ лѣтъ.

Въ настоящее время въ приложеніяхъ ежедневно безъ перерывовъ печатается романъ графа Л. Н. Толстого.

„Воскресеніе“

Всѣ новые подписчики получаютъ начальныя главы романа въ отдѣльныхъ отпискахъ и, такимъ образомъ, будутъ имѣть полный романъ нашего знаменитаго писателя.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ—14 р., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 60 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Такса за объявленія:

На 1-й страницѣ за строку пегита 20 к., на 4-й страницѣ за строку пегита 10 к. за каждый разъ. Въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 50 к. за строку.

Подписка на газету и приемъ объявленій принимаются въ главной конторѣ по Риншельевской ул., въ д. Кестнера № 46.

Редакторъ-Издатель Г. А. Литинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900-Й ГОДЪ

на ежедневную, политическую, литературную и художественную газету

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО“

СЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

(седьмой годъ изданія).

Условія подписки.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р. на 6 мѣс. 6 руб., на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб.; безъ доставки на годъ 8 руб., на 6 мѣс. 4 руб. 80 коп., на 3 мѣс. 2 руб. 40 коп., на 1 мѣс. 80 коп.; съ пересылкой за границу на годъ 15 руб. 40 к., на 6 мѣс. 8 руб. 60 коп., на 3 мѣс. 4 руб. 40 коп., на 1 мѣс. 1 руб. 60 коп..

Подписка на газету принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и лишь до конца текущаго года. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб., къ 1-му мая—3 руб. и къ 1-му іюля—2 руб., а для служащихъ въ административныхъ, судебныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые десять мѣсяцевъ.

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору газеты: Кіевъ, Крещатикъ, 40.

1—3

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

„Памятная книжка Кіевской губерніи на 1900 г.

изъ Кіевской губ. Статистическаго Комитета.

Содержаніе: календарь, разныя свѣдѣнія о Кіевской губерніи, справочный отдѣлъ, адресъ календарь, Кіевскія общества частныя лица и учрежденія.

Приложенія: 1) лечебныя благотворительныя учрежденія при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежит. монастырѣ; 2) очеркъ дѣятельности Кіевского благотворительнаго общества за время 1834—1898 года; 3) списокъ землевладѣльцевъ Кіевской губерніи; 4) списокъ фабрикъ и заводовъ,—и 5) нормальныя уставы разныхъ обществъ. Цѣна книжки 1 руб. 25 копѣекъ.

Продается во всѣхъ магазинахъ г. Кіева и въ канцеляріи Статистич. Комитета (Виноградная, 2, зданіе Канц. Губернатора).

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
Университетскихъ Извѣстій
въ 1900 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части — 1) офіціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неофіціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — *критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія извѣстія въ 1900 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVIII.

1900 г.

МАРТЪ.



КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. КЪ БІОГРАФІИ А. П. СТОРОЖЕНКА. Съ пред. М. Комарова	173—311
II. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (Окончаніе). П. Житецнаго.	312—336
III. СМЕРТЬ МАКАРЫХЪ. Л. Яновской	337—372
IV. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСК. У., ПОЛТ. Г., (Глава III). В. Милорадовича.	373—395
V. КЪ ВОПРОСУ О ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Проф. В. Антоновича.	396—423

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Стоимость школьнаго содержанія въ Кіевѣ и юго-зап. краѣ шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Сообщ. О. Л.; б) Мелочи изъ архивовъ юго-запад. края. Сообщ. А. Мёрдеръ; в) Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры? Н. Петрова; г) Рождественскіе обычаи въ Угорской Руси; д) Изъ воспоминаній стараго полтавца; е) О собираніи народныхъ легендъ; ж) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.	141—154
Текущія извѣстія	154—159
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. А. Папковъ. Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX в.). В. Дурдуковскаго; б) Регесты и надписв. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1900 г.). О. Л.; в) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1898 г., подъ ред. директора коллегіи А. И. Степовича. То-же съ 1 окт. 1899 г. Н. В.; г) Розвідки Мвхайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство. Т. I. В. Д.; д) Обзорніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ квигахъ и журвальныхъ статьяxъ.	159—185
Археологическая лѣтопись	186—205
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Эвенда, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 года съ вариантами по первопечатнымъ изданіямъ—Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 5-й и 6-й.	

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVIII.

1900 г.

МАРТЪ.



КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1900.

Дозволено цензурою. Г., Київъ, 14 февраля 1900 года.

Къ біографіи А. П. Стороженка.

(Свідѣнія изъ его формуляра, его письма и литературныя мелочи).

Исполнившееся 7 ноября минувшаго 1899 г. 25-лѣтіе со дня смерти извѣстнаго малорусскаго писателя А. П. Стороженка, умершаго 7 ноября 1874 г., вызвало въ печати нѣсколько статей и замѣтокъ, касающихся литературной дѣятельности и біографіи Стороженка. Къ сожалѣнію, однако-жъ, до сихъ поръ мы не имѣемъ полного собранія его сочиненій. Печатавшіеся въ 1861 и 1862 г.г. въ журналъ „Основа“ талантливые малорусскіе рассказы его были, правда, собраны въ отдѣльномъ изданіи, вышедшемъ въ С.-Петербургѣ въ 1863 г., въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Українські оповідання“, но изданіе это давно уже составляетъ бібліографическую рѣдкость. Изданная въ 1879 г. въ Одессѣ повѣсть Стороженка „Марко проклятий“ также давно разошлась въ продажѣ. А между тѣмъ малорусскія произведенія Стороженка всегда находили обширный кругъ читателей и до настоящаго времени, благодаря художественному юмору и прекрасному, чисто народному языку, которымъ Стороженко владѣлъ въ совершенствѣ, сохранили ту прелесть и интересъ, которые надолго обезпечиваютъ имъ распространеніе въ публикѣ. Послѣ смерти Стороженка были, какъ мнѣ извѣстно, желающіе издать его малорусскіе рассказы, но почему-то всегда

встрѣчали затрудненія, не зная, кто изъ далекихъ родственниковъ его имѣетъ право разрѣшить новое изданіе. Только въ недавнее время потребность въ новомъ изданіи сочиненій Стороженка отчасти удовлетворена, благодаря совершенно неожиданному содѣйствію А. Суворина, извѣстнаго книгоиздателя и редактора „Новаго времени“.

Это изданіе Суворина „Українськи оповидання О. Стороженка“, по всей вѣроятности, поставило его въ немалое затрудненіе. Оно перепечатано очевидно съ изданія 1863-го года, но это изданіе было напечатано господствовавшимъ въ то время малорусскимъ правописаніемъ — *кулишивою*, а тутъ Суворину пришлось встрѣтиться съ требованіемъ „общепринятаго русскаго правописанія“, къ тому же, вѣроятно, ни наборщика, ни корректора, знающихъ малорусскій языкъ, у Суворина не нашлось — и въ результатъ появилось изданіе съ такимъ неправильнымъ правописаніемъ и съ такою массою ошибокъ, что чтеніе прекрасныхъ разсказовъ Стороженка въ изданіи Суворина крайне затруднительно. Но какъ бы то ни было, потребность въ новомъ изданіи разсказовъ Стороженка, благодаря Суворину, хотя отчасти удовлетворена. Было бы весьма желательно, чтобы и русскія произведенія Стороженка, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. романъ „Братья близнецы“, разсказъ „Сотникъ Петро Серпъ“ и нѣкоторые другіе, печатавшіеся въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ г. г. въ русскіхъ журналахъ, нашли издателя, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній Стороженка не лишены интереса и для настоящаго времени.

До сихъ поръ также мы не имѣемъ сколько-нибудь обстоятельной біографіи Стороженка, которой онъ, несомнѣнно, заслуживаетъ, какъ одинъ изъ видныхъ представителей малорусской литературы въ шестидесятыхъ годахъ. Едва ли впрочемъ и возможна такая біографія въ настоящее время, при крайней скудости біографическихъ матеріаловъ. Желательно поэтому, чтобы лица, близкіе къ Стороженку или случайно имѣющіе у себя матеріалы, касающіеся жизни и литературной дѣятельности его,

озаботились опубликованіемъ ихъ. Въ этихъ видахъ печатаю имѣющіеся у меня матеріалы, оставшіеся по смерти одесскаго книгопродавца В. И. Бѣлаго, предпосылая имъ нѣсколько объяснительныхъ строкъ.

Въ 1872 году умеръ въ Одессѣ книгопродавецъ Григорій Ивановичъ Бѣлый. Друзья и знакомые его пожелали почитать достойнымъ образомъ полезную дѣятельность его, какъ книгопродавца и издателя, въ особенности же его преданность и любовь къ дѣлу народнаго образованія, и порѣшили устроить въ память его народную школу на Среднемъ фонтанѣ въ 6 верстахъ отъ Одессы, гдѣ онъ раньше содержалъ народную школу на свои собственные средства. Съ этою цѣлью братъ покойнаго, Василій Ивановичъ Бѣлый, къ которому перешелъ книжный магазинъ, предположилъ издать малорусскій литературный сборникъ, предназначивъ выручку отъ продажи сборника на усиленіе средствъ для устройства и содержанія той школы. По совѣту земляковъ, В. И. Бѣлый обратился между прочимъ и къ Стороженку съ просьбой принять участіе въ предположенномъ сборникѣ. Стороженко въ то время проживалъ въ своей усадьбѣ Тишинѣ близъ г. Бреста, состоя председателемъ сѣзда мировыхъ посредниковъ и предводителемъ дворянства. Съ чувствомъ живѣйшаго участія отнесся Стороженко къ этому приглашенію Бѣлаго — и такимъ образомъ между ними завязалась весьма дѣятельная переписка. Всѣхъ дошедшихъ къ намъ писемъ Стороженка къ Бѣлому осталось 17, изъ нихъ первое отъ 13 декабря 1873 г., а послѣднее писано 21 октября 1874 г., т. е. за 16 дней до смерти Стороженка. Кромѣ этихъ писемъ, въ бумагахъ, оставшихся по смерти Бѣлаго, сохранился также „Краткій формулярный списокъ“ о службѣ его, доставленный вѣроятно, упоминаемымъ въ письмахъ А. А. Глушановскимъ, который въ сохранившемся письмѣ къ В. И. Бѣлому общалъ ему добыть выписку изъ формуляра Стороженка. Приводимъ нѣкоторые свѣдѣнія, могущія служить дополненіемъ къ біографіи Стороженка. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ формулярѣ никакихъ свѣдѣній о воспитаніи Стороженка. Формуляръ начинается сообщеніемъ о томъ, что Стороженко вступилъ на правѣ вольно-

опредѣляющихся въ Нѣжинскій Конно-Егерскій полкъ унтеръ-офицеромъ въ 1824 г. 31 декабри. Затѣмъ изъ формуляра видно, что во время пребыванія въ военной службѣ онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1829 г., потомъ въ усмирении Польскаго мятежа 1831 года, при чемъ дѣйствовалъ въ сраженіи противъ корпусу Ружицкаго, въ преслѣдованіи коего перешелъ въ Галицію и за участіе въ сихъ дѣлахъ, за храбрость и мужество награжденъ орденомъ св. Анны съ бантомъ. Потомъ во время войны 1849 г. противъ „мятежныхъ Венгровъ“ вновь находился въ походахъ и по переходѣ границы Царства Польскаго „слѣдовалъ по Галиціи чрезъ Перемышль, Ржешовъ, Тарновъ, Самборъ, Лембергъ и обратно въ Радзивиловъ“. Въ 1851 г. 13 марта онъ былъ назначенъ для особыхъ порученій при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генераль-губернаторѣ, а въ 1854 г. 15 іюня опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій VI кл. при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Состоя въ этой должности, онъ не разъ былъ командированъ по весьма важнымъ порученіямъ, какъ напр. въ Москву для открытія виновныхъ въ кражѣ у помѣщика Мусина-Пушкина до 300 тысячъ рублей, въ Рязань для изслѣдованія духовнаго завѣщанія, составленнаго помѣщикомъ Огаревымъ не въ пользу дѣтей своихъ, въ Тверь для обозрѣнія мѣстъ заключенія и т. п. Въ то-же время ему давались и иныя, такъ называемыя „секретныя порученія“, какъ напр. въ 1855 г. по предписанію министра В. Д. возложено было на него „секретное порученіе, по исполненіи коего онъ представилъ донесеніе г. министру“.—По всей вѣроятности, всѣ эти порученія исполнялись имъ успѣшно, потому что вскорѣ онъ былъ повышенъ и приказомъ по министерству В. Д. 9 іюля 1861 г., т. е. во время самаго большаго расцвѣта литературной дѣятельности Стороженка, онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V кл. при министрѣ В. Д. и командированъ приказомъ отъ 23 августа 1861 г. „въ разныя губерніи по особо возложенному на него порученію“, а 6 октября того же года въ г. Москву „по особому секретному дѣлу“. Затѣмъ въ 1864 г. онъ былъ командированъ въ распоряженіе генераль-губернатора сѣверо-

западнаго края (М. Муравьева), а въ 1868 г. 25 мая по прошенію уволенъ отъ службы, при чемъ по всеподданнѣйшему докладу министра В. Д. Стороженку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника назначена была пенсія 1500 руб. въ годъ. На этомъ и оканчивается „краткій формулярный списокъ“. Какъ извѣстно изъ біографіи Стороженка, послѣдніе годы своей жизни онъ состоялъ на службѣ въ должности Брестскаго предводителя дворянства и председателя сѣзда мировыхъ посредниковъ. Несравненно больше интереса, біографическаго и общественаго, представляютъ уцѣлѣвшія письма Стороженка къ Бѣлому. Письма эги несомнѣнно удостовѣряють, что послѣ изданія въ 1863 г. „Українськихъ оповідань“ Стороженко совершенно прекратилъ свою дѣятельность, какъ малорусскій писатель, и въ послѣдніе 11 лѣтъ своей жизни ничего по-малорусски не написалъ. Присланныя имъ къ Бѣлому XI главъ изъ начатой повѣсти „Марко проклятый“ и нѣкоторыя мелочи: байка „Куры та Собака“, рассказъ „Вывивъ дядька на сухеньке“ и побасенка „Чоловникъ та жыто“ были написаны имъ еще до изданія „Оповіданій“. Даже повѣсть „Марко проклятый“, надъ которою онъ такъ много поработалъ, которою онъ вообще былъ доволенъ, говоря въ одномъ письмѣ, что она „выношена имъ подъ сердцемъ“ и ссылаясь на лестный отзывъ Гулака-Артемовскаго, даже эго произведеніе, начатое имъ въ то время, „когда писаются такъ легко“, осталось неоконченнымъ, не смотря на то, что авторомъ выработанъ былъ даже планъ дальнѣйшаго продолженія и окончанія повѣсти. Несомнѣнно, что должны были существовать серьезныя причины, заставившія одного изъ талантливыхъ и плодовитыхъ малорусскихъ писателей 60-хъ годовъ, прекратить литературную дѣятельность. Въ своихъ письмахъ къ Бѣлому, на неоднократные вопросы послѣдняго, Стороженко объясняетъ эго, повидимому, различно. Такъ, въ письмѣ № 1 онъ объясняетъ: „когда обрушился на насъ Катонъ (г. е. Катковъ) и благонамѣренными нашими дѣйствіями придавъ безобразное значеніе сепаратизма, я пересталъ писать“, а изъ письма № 5 видно, что эго сильно задѣла критическая статья, напечатанная въ „Современникѣ“ цо

поводу его „Оповіданій“, а еще болѣе то, что за него не вступились земляки „восхвалявшіе Марка Вовчка“. „Съ тѣхъ поръ я далъ слово прекратить писанье на родномъ языкѣ и, какъ видите, сдержалъ слово“, заканчиваетъ Стороженко. Въ сущности же въ объясненіяхъ этихъ нѣтъ противорѣчія. Если принять во вниманіе служебное положеніе Стороженка въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ В. Д., постоянно командруемаго то въ распоряженіе генераль-губернаторовъ, то по „секретнымъ дѣламъ“, а также сильное опасеніе Стороженка прослать „неблагонамѣреннымъ“, доходившее до того, что невинную байку „Куры та Собака“, написанную имъ очевидно по поводу ожидаемаго освобожденія крестьянъ еще въ 1860 г., какъ и самъ онъ объясняетъ въ письмѣ № 2, онъ долго стѣснялся не только печатать, но и списывать никому не давалъ, опасаясь, что она можетъ быть отнесена къ-либо къ позднѣйшимъ событіямъ,—то станетъ вполне понятно, что обвиненіе въ сепаратизмѣ, заимствованное Катковымъ изъ еврейской газеты „Сіонъ“ и брошенное имъ въ лицо дѣятелей малорусской литературы, должно было произвести особенно сильное впечатлѣніе на Стороженка. Это и была первая по времени и наиболѣе сильная по дѣйствию причина, а затѣмъ уже появившійся въ 1863 г. критическая статья и задѣтое авторское самолюбіе еще болѣе укрѣпили Стороженка въ намѣреніи его порѣшить съ малорусскимъ писательствомъ. Къ тому же справедливо признать, что и послѣдовавшая служба Стороженка, требовавшая усиленныхъ занятій и частыхъ разъѣздовъ, не благопріятствовала писательству, а въ послѣдніе годы къ этому присоединилось и нездоровье, на которое постоянно жаловался Стороженко. Какъ бы тамъ ни было, но оставивъ литературную дѣятельность, Стороженко не отрѣшился отъ малорусскихъ симпатій. Съ сердечнымъ участіемъ отнесся онъ къ намѣренію Бѣлаго издать малорусскій сборникъ и въ письмахъ своихъ постоянно интересовался литературными малорусскими новинками, присылаемыми ему Бѣлымъ, высказывалъ о нихъ свои замѣчанія, а въ одномъ письмѣ передаетъ благодарность одесскимъ землякамъ за то,

что они считаютъ его „своимъ“ и въ свою очередь просить поклониться „нашимъ“. Весьма интересны также сообщаемыя въ письмахъ свѣдѣнія и замѣчанія Стороженка, относящіяся къ современнымъ ему дѣятелямъ малорусской литературы, его мнѣнія о козачествѣ, о малорусскомъ переводѣ Евангелія, о причинахъ паденія „Основы“ и другія сообщенія, имѣющія, несомнѣнно, общественный характеръ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу предполагавшагося Бѣлымъ малорусскаго сборника или, лучше сказать, по поводу собранныхъ имъ матеріаловъ такъ какъ изданіе сборника, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не состоялось. Изъ всего собраннаго матеріала В. И. Бѣлый издалъ только повѣсть Стороженка „Марко проклятый“ (Одесса 1879 г.), въ которую вошли XI главъ, написанныхъ Стороженкомъ, а остальные 5 главъ были составлены издателемъ или кѣмъ-либо изъ земляковъ—этого я не могъ узнать,—но однако жъ по плану, составленному Стороженкомъ и сообщенному имъ въ письмахъ къ Бѣлому. Затѣмъ уже по смерти В. И. Бѣлаго нѣкоторые матеріалы, предназначенные для сборника были напечатаны мною въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, другіе остаются до времени въ моемъ портфелѣ. Между прочимъ во Львовскомъ журналѣ „Літературно-науковий вістник“ напечатаны мною тѣ литературныя мелочи Стороженка, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Бѣлому. Что же касается писемъ Стороженка къ В. И. Бѣлому, извѣстныхъ въ печати только лишь по нѣкоторымъ, весьма краткимъ, выдержкамъ изъ нихъ, то эти письма предлагаю почти въ полномъ объемѣ вниманію читателей „Кіевской Старины“, за исключеніемъ мѣстъ, имѣющихъ частный характеръ, и съ тѣми примѣчаніями, какія мнѣ казалось умѣстнымъ сдѣлать для объясненія писемъ.

М. Комаровъ.

№ 1.

13 декабря 1873 г. Брестъ.

М. Г. Василій Ивановичъ! Не нахожу словъ выразить Вамъ мою признательность за Ваше любезное вниманіе къ старому

дидугану присылкою книгъ, которыя доставили мнѣ истинное удовольствіе: „по нашему кажучи: полаталы мени душу“.

На счетъ повѣсти, Антонъ Андреевичъ¹⁾ сказалъ Вамъ отчасти только правду, потому что она не окончена, а написано только XI главъ, а еще слѣдуетъ 9. Повѣсть эта въ формѣ поэмы подъ названіемъ „Марко проклятый“—отверженный скиталецъ, котораго за грѣхи не принимаетъ ни земля, ни адъ. Существуетъ у насъ поговорка „товчеться, якъ Марко по пеклу“. Стало быть въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда походженій Марка, и вотъ 30 лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и кое-что собралъ. Каждый народъ имѣетъ своего скитальца: французы—вѣчнаго жида Сантенера, Испанцы—Мельмота, у нѣмцевъ и Англичанъ такъ ихъ много, что не перечесть, у русскихъ—Кощей безсмертный, а у насъ Марко. И кажется нашъ-то Марко затѣнетъ за поясъ всѣхъ скитальцевъ. Чтобы придать болѣе живости и разнообразія поэмѣ, я связалъ ее съ войною 1648 года (возстаніе Хмельницкаго). На сценѣ много историческихъ лицъ: Еремія Вишневецкій, езуитъ Залинскій, княжна Корецкая, князь Четвертинскій, Кривонисъ, Павлюга, Гуня, Свить и многіе другіе. Началъ я мою поэму въ то время, когда писалось такъ легко, но когда обрушился на насъ Катонъ²⁾ и благонамѣреннымъ нашимъ дѣйствіямъ придали самое безобразное значеніе сепаратизма, а пересталъ писать, какое-то равнодушіе къ „ридной мови“ выказалось повсемѣстно, и признаюсь Вамъ, охладѣли на столько мои порывы, что я потерялъ всякую охоту къ тому занятію, которое доставляло мнѣ немалое наслажденіе, просто не подымается рука, хоть поэма моя выношена подъ сердцемъ.

1) А. А. Глушановскій—пріятель Стороженка, который посвятилъ ему одинъ изъ своихъ рассказовъ „Чортова корчма“.

2) Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о редакторѣ Московскихъ вѣдомостей Катковѣ, выступившемъ въ 1863 г. съ страстными обличеніями малорусскаго сепаратизма, измышленного впервые еврейскою газетою «Сіонъ». (См. ст. «Основа и вопросъ о національности» - Сіонъ 1861 № 10.

Мнѣ кажется, если-бы кто - нибудь взялся составить сборникъ (въ духѣ хаты Кулиша), то я бы охотно передалъ XI главъ, и если землякамъ понравилось бы мое писаніе, то, можетъ быть, когда продлится вѣкъ, и докончилъ. Нашъ старый батько Гулакъ - Артемовскій, прочитавши Марка, своею рукою написалъ: „зъ роду лучшого не чытавъ и до смерти вже не прочытаю“. Може старый и шутковавъ, а може й правду казавъ, не мыли се дило ршаты.

Есть у меня еще нѣсколько стихотвореній Гулака-Артемовскаго, 3 псалма, перелож. на малор. языкъ, народія на упадокъ вѣка и мелкихъ нѣсколько. Эти стихотворенія очень бы украсили сборникъ.

Посылаю 6 р. и прошу прислать соч. 5 т. Гребенки. Ще спасыби Вамъ за Вашу ласку.

Всею душою до Васъ прихыльный.

А. Стороженко.

Рс. Коли побачите Ант. Андре: то поклонитсѣ та вылайте, що мовчыть.

№ 2.

13 января 1874 г. Брестъ.

М. Г. Василій Ивановичъ! Нужно отдать Вамъ полную справедливость, большой Вы мастеръ баловать старого дида Вашимъ обязательнымъ вниманіемъ. Опять присылка книгъ, весьма интересныхъ по изданію, и задушевные строки, которыя полатали мыни душу на новый рикъ. Спасыби Вамъ, добрый земляче, николи не забуду Вашей ласки. Не знаю вже чымъ Васъ оддякувать и посвящаю Вамъ мою байку „Куры та собака“, вылылась вона на папиръ у ти часы, якъ свята правда переважила виковичню неправду и зачарованный людъ зъ быдла зновъ ставъ людомъ. Дуже буду радъ, коли вона Вамъ подобается, никому я їи не дававъ списовать, хоча й просыли, и до Васъ дійде першому.

Марка перепышу и Артемовскаго виршы и прышлю Вамъ. Продолжать Марка тяжело, не подымается рука, нужно что

нибудь особенно сильное, могучее, чтобы двинуло поэму впередъ. Бо ѣ старый вже ставъ, морока и зъ тыею службою, подай Боже силы и те переписать, що напысано.

Если пужно для сборника, то можно включить Марка, будетъ листовъ на пять печатанныхъ большого формата. Если же вы думаете сборникъ составить на русскомъ языкѣ, то могу служить Вамъ повѣстью на русскомъ языкѣ. -

Хотѣлось бы подольше съ Вами побесѣдовать, но времени нѣтъ, завтра открывается рекрутское присутствіе, на цѣлый мѣсяць мученія и дѣла много. Поневоля нужно отложить бесѣду на дальше, и подяковавши Васъ ще разъ и пожелавшы усёго того, що вы добрымъ людямъ желаете, остаюсь всею душою преданный

А. Стороженко.

Куры та собака.

У якогось вельможного пана куры збунтувались,
Разкудкудахкались, розлютувались,
Дарма що куры, а такой гармидеръ пиднялы,
Що трохи курныкѣ у пень не рознесли.
На ту добу де не взялась собака,
Дворбвая, не то що гультипака,
Сьмиленько пидбигла до дверей
И такъ загавкала на курей:
„Тю, дурни!.. Чы вы сказылись
Чого се такъ вы розбисылись?..
Невдячни!.. Чы ще мало панъ печется
Объ любенькихъ своихъ курѣхъ?
Винъ якъ рыба объ лідь бьется,
Щобъ вы тыхенько кунялы по куткахъ.
Чого вамъ треба оглашенимъ,
Чого бракуе навиженимъ?
Вамъ курныкъ збудувалы и сидала зробылы,
Щобъ васъ тхоры не йилы, не губылы

По мирци въ день проса высыпають,
Повнисеньке корыто воды нальвають,
А тилькы завокала курочка яка,
То заразь и лечка підкладають,
Бо у пана, бачъ, думонька така,
Щобъ курячий вашъ ридъ плодывся,
Благоденствувавъ и веселився“!..

Рябко хотивъ бувъ ще брехаты,
Курамъ тымъ де що доказаты,
Якъ куры усею громадою загомонили,
Заверещали и заголосили:

„А щобъ вамъ благоденствие таке
До вику вичного було,
Тоди-бъ побачылы, яке
Насъ горе оплело!..

Що дня десятками въ поварню забирають,
Панамъ на обидъ, на вечерю приправляють.

И рижуть, и скубуть,
И варять и печуть;

Та нехай бы тилькы панамъ,
А то и всимъ чортамъ!..
А дворя хиба не ласа
До курячого мяса?
А вы, Рябки,

Не грызетѣ наши кисткы?..

Такъ колы насъ бережуть,

Годують и стережуть,

То для тїеи тилькы справы,

Щобъ мы смачнїйшъ булы въ потрави!

Та нехай бы вже хочъ мовчали

И байдьками насъ не улещали,

А то ще ту ману у вичи напускають

И тымъ благоденствїемъ докоряють“!..

На видповидь таку Рябко не ставъ уже брехаты,
Та, правду кажучы, ничего було й казаты,

И тилькы прогарчавъ: яки теперенькы чудніи куры
стали:

Бачъ, чого схотилось, щобъ йисты ихъ перестали!
1860 р. Санжары.

О. Стороженко.

№ 3.

15 февраля 1874 г. Брестъ.

М. Г. Василій Ивановичъ! Причины замедленія въ отвѣтѣ
исполнѣ достаточныя. Поздравляю и желаю отъ всей души по-
больше цвѣтовъ на жизненномъ пути Вашимъ новобрачнымъ.

Нездужаю,—простудился во время встрѣчи Государя и над-
садился во время рекрутскаго набора; такъ чтобы по аккуратнѣй
изложить все, что слѣдуетъ,—буду писать по пунктамъ.

1. Посылаю Вамъ Марка 4 главы, переписанныя мною,—
можете оставить у себя, а остальные 7 перепишите и пришлите
ихъ ко мнѣ, авось, можетъ быть, когда Богъ продлитъ вѣку,
да у меня сердце отойдетъ, то можно будетъ и кончить. Во
всякомъ случаѣ, если будете издавать сборникъ, о которомъ
пишете, то печатайте; развѣ у насъ въ литературѣ мало такихъ
примѣровъ, что печатается нѣсколько главъ изъ романа. Въ
арабескахъ Гоголя напечатана одна глава изъ его романа
Миргор. пол. Глечикъ.¹⁾

2. Гулака-Артемовскаго только и нашель, что посылаю.
Было больше, но вѣроятно прикарманили тѣ, которые брали
переписывать.

3. Посылаю мой портретъ 1864 года и карточку 1872-го
года. Послѣднія таки удѣлѣли. Въ свою очередь прошу и
Вашу карточку, а въ случаѣ неисполненія, также съумѣемъ
процессъ съ Вами завести. Я съ нетерпѣніемъ желаю полюбо-
ваться чертами моего любого и щырого земляка, доставившаго
мнѣ такъ много утѣшеній на чужбинѣ своимъ привѣтливымъ
словомъ.

¹⁾ Вѣроятно изъ романа подъ заг. „Гетьманъ“, гдѣ Миргород-
скій полковникъ Глечикъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ. См. сочъ
Гоголя изд. 10 подъ, ред. Н. Тихонравова. Т. V 1889 г. стр. 130.

4. Стороженко, о которомъ вы пишете, двоюродный мой братъ, Андрей Яковлевичъ.¹⁾ Былъ сначала въ Варшавѣ военнымъ генераль-полицмейстеромъ, а потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. На сына сердился онъ за то, что онъ, бывши уже поруч. Семеновскаго полка, оставилъ гвардію и поступилъ студентомъ въ Дерптскій университетъ. Братъ часто мнѣ на него жаловался: „Не будетъ изъ него никакого прока“, обыкновенно говорилъ онъ, „представь себѣ, поѣхалъ онъ за границу; я ему на вояжъ далъ 3 т.; что-же ты думаешь?—возвратился назадъ и привезъ мнѣ тысячу, которую не одолѣлъ издержать. Ну скажи, еслибы наши батъки дали бы намъ грошей, то хибя дулю подъ нисъ довелось имъ одѣ насъ побачить, а грошей выбачай.

5. Спасыби за брошюрку. Только она очень коротка, а предметъ, о которомъ идетъ дѣло, громаденъ.

6. Лышко тяжке съ тимъ генераль-губенаторствомъ,—розсыналось воно зъ тимъ несчастнымъ людомъ, що тепереньки деяки не тильки зостаються, якъ А: А: Г. безъ портфеля, а и безъ штанивъ. Шутка-ли содержаніе генер.-губернаторства въ Одессѣ стоило казиѣ около 300 т.... Сколько пришлось челюстей съ зубами положить на полку?

Бачьте, коханий земляче, пишучи до Васъ и хворобу свою забувъ. Пишишь, голубчику, та тилькы цуръ не титуловать мене тимъ превосходительствомъ, нехай ёму аби що мижъ нами. Бувайте здорови. Усею душою прыхильный до Васъ

А. Стороженко.

№ 4.

25 февраля 1874 г. Брестъ.

М. Г. Василій Ивановичъ! Любезное Ваше письмо отъ 20 февраля я получилъ очень скоро—22 вечеромъ. Слава Богу, что все получили исправно и остались довольны.

²⁾ См. о немъ Кіев. Ст. 1896 г. 5, 8 п 10—Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженко—Н. С—ка и Рус. Архивъ 1873 г. т. 2—Воспоминанія объ А. Я. Стороженкѣ—Н. Ушакова.

Здоровье мое по *трохи* поправляется, но еще не *выѣзжаю*. Не обвиняйте меня въ напрасныхъ жалобахъ на нездоровье,—я страдаю болѣзнію сердца, которое отъ продолжительнаго употребленія (68 лѣтъ) износилось порядочно. Если еще маюсь на свѣтѣ, то силою, данною мнѣ при рожденіи; не такъ давно еще я сгибалъ двугривенные, разгибалъ подковы и носилъ на гору 10 пудовъ. Короче—былъ когда то козакъ, а теперъ *казна-що*.

Говорилъ я о сборникѣ, по случаю вашего заявленія издать онъ для поддержанія или основанія школы въ память достойной дѣятельности Вашего брата. Впрочемъ, не знаю, понялъ ли я хорошо выраженное Вами въ письмѣ, и писалъ, что Марка можно помѣстить и въ 11 главахъ.

Карточку Вашу ожидаю съ нетерпѣніемъ. Гдѣ Антонъ Андреевичъ и що зъ нимъ *дѣється*?

Поправляйтесь и Вы отъ простуды, та й *бувайте* здоровы. Всею душою Васъ любящій и уважающій

А. Стороженко.

№ 5.

8 марта 1874 г.

М. Г. Василій Ивановичъ! Надобно вамъ отдать полную справедливость, большой вы баловникъ: ну скажите на милость, даже стали лакомить меня виноградомъ, *да якимъ солодкимъ яко у насъ и въ Варшави не знайты*. Вышло совершенно по пословицѣ: „не дорогъ твой подарокъ, а дорога твоя любовь“, вниманіе. *Спасыби Вамъ, мій друже, за Вашу ласку*.

Отзывы ваши о Маркѣ еще слаще винограда, но, положая руку на сердце, съ полнымъ смиреніемъ заявляю, что особеннаго достоинства и значенія моему творенію, какъ неоконченному, не придаю и не считаю себя въ правѣ принимать незаслуженныя похвалы. Я, кажется, писалъ уже Вамъ, что Марка я выносилъ подъ сердцемъ, а между тѣмъ не кончилъ. Какая тому была причина, я Вамъ признаюсь и да останется это признаніе между нами тайной. Въ 1863 году вышли въ свѣтъ мои украинскія оновидання. Вслѣдъ за ихъ появленіемъ явилась въ Современ-

никъ,¹⁾ не критическій разборъ, а просто ругня и наглая ложь. Видно было, что критикъ даже не читаль оповиданій и не зналь, что они въ 2 частяхъ.—Я мало обратилъ вниманія на выходку Современника, но возстали другіе, и, представьте, изъ русскихъ, между тѣмъ какъ наши: Кулишъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій и *tutti quanti*, занимались восхваленіемъ Марка Вовчка, а за меня не наѣршилась ни одна украинская душа. Съ тѣхъ поръ я даль честное слово прекратить писанье на родномъ языкѣ и, какъ видите, сдержалъ слово.

Поговоримъ теперь о сборникѣ и о Маркѣ. Расскажу вамъ о планѣ поэмы и еще кой о чемъ.

По моему крайнему разумѣнію, сборникъ долженъ имѣть названіе независимое отъ какой-либо статьи въ немъ помѣщаемой. Назовите сборникъ какъ хотите: Будинокъ, Куринь, де-що, вискребки и т. п., а затѣмъ, что есть, то и помѣщается съ отмѣткою имени автора. Необходимо, чтобы сборникъ составилъ не менѣе 25-ти печатныхъ листовъ, а въ страницѣ 1500 или 1600 буквъ.

Марка печатать 9-ть главъ. 4 главы составляютъ экспозицію и 5 будетъ дѣйствія. Главы: X и XI относятся къ эпизоду, который сгруппируется изъ 5 главъ. Въ этотъ эпизодъ, кромѣ событий, описанныхъ въ X и XI главъ, войдутъ слѣдующія произведенія: формированіе Павлюгою (Кобзою) загона, военнаго совѣта о нападеніи на Еремію, размѣщеніе загоновъ на позицію, к. Четвертинскій съ женою попадаютъ въ руки Павлюги, смуты въ загонѣ Вишневецкаго, извѣстія о разбитіи Хмельницкимъ подъ Корсунемъ двухъ гетмановъ, Еремія получаетъ секурсъ 3 т. кварцяного войска; нападеніе на замокъ, битва, появленіе Марка, замокъ взятъ штурмомъ, рѣзня, Еремія бѣжитъ и наконецъ смерть полк. Гуни. Слѣдующій затѣмъ эпизодъ группируется изъ 4 главъ. Въ нихъ войдутъ слѣдующія происшествія: отступленіе Ереміи, который, какъ искусный полководецъ, обманываетъ козаковъ и благополучно переправляется черезъ Днѣпръ, Богданъ Хмельницкій въ Бѣлой-Церкви, его универсалы. Паны, пораженные

¹⁾ Современникъ 1863 г. кн. 8: «Русская литература», стр. 129.

ианикой, разбѣгаются по своимъ замкамъ и приводятъ ихъ въ оборонительное положеніе. Хмельницкій направляетъ загоны на замки пановъ, Кривонось и Павлюга идутъ на Немировъ, резиденцію к. Четвертинскаго. Взятіе приступомъ Немирова, безпощадная рѣзня, убійеніе к. Четвертинскаго, бенкетъ козаковъ. Павлюга (Кобза) женится на княгинѣ Четвертинской. Эти 4 главы основаны на историческихъ фактахъ и подробностяхъ, которыя и теперь еще живутъ въ изустномъ преданіи народа.

Передамъ вамъ хоть вкратцѣ кое-что изъ этихъ преданій, рассказанныхъ мнѣ еще въ 1825 году, во время стоянки нашего полка въ Немировѣ, слѣвшимъ 98 лѣтнимъ священникомъ, который на 9 году своего возраста былъ *поводатаремъ* у своего прадѣда, также слѣпного столѣтняго дѣдугана, самовидца Немировской рѣзни, козацкаго бенкета въ замкѣ и распѣвавшаго *Исаія ликуй*, когда вѣнчали Павлюгу (Кобзу) съ к. Четвертинской. Вотъ какъ прадѣдъ передавалъ ему эти интересныя предѣлки героевъ 1648 года.

„За недѣлю до Ильи пришли Вовхурянцы, а тамъ загонъ Павлюги, и осадили Немировъ. Со всей околицы въ городъ собралась шляхта, защитниковъ было довольно, и потому два штурма ляхи отразили съ большою цотерею для козаковъ. Въ самый день пр. Ильи, на зарѣ, послѣдоваль третій штурмъ, и козаки ворвались въ городъ. Кривонось съ своими Вовхурянцами мегнулъ на грабежъ и убійства по городу, а Павлюга направилъ къ укрѣпленному замку к. Четвертинскаго, окруженному высокою стѣпою, вооруженною самопалами, гаковницами и гарматами. Да и задали же козаки лупку шляхтѣ и жидамъ! Болѣе 20 т. лоскомъ положили, не было пощады ни старому, ни малому; рѣзали мать, рѣзали и ребенка на ея груди. На третій день пришли къ Кривоносу Вовхурянцы съ донесеніемъ, что всѣхъ ляховъ и жидовъ вырѣзали,—осталась въ живыхъ только одна жидовка.

— Чому-жъ и еи не заризали?—спытавъ Кривонись.

— Тамъ така гарна, матери їй лыхо,—одказали козаки, що не ниднялась ни въ одного й рука...

— Якъ бачу, голопузи вы пущьвирыныкы, а не козаки,—скрикнувъ Кривонисъ,—приведить лышень іи до мене, такъ побачыте, якъ подыймається рука и на гарну.

Привели жидовку, дѣвушку лѣтъ 17-ти, стройную, поразительной красоты. Свирѣпымъ взглядомъ окинулъ ее Кривоносъ, но и жидовка безъ страха глядѣла ему прямо въ глаза. А когда Кривоносъ, выхвативши саблю, приблизился къ ней, то ея лицо освѣтилось радостною улыбкою; она быстро одною рукою сорвала съ плечъ платокъ, а другою подобрала длинную, чорную какъ гайворонъ косу и, обнаживъ нѣжную шейку, склонила голову передъ Кривоносомъ. Несчастная сама жаждала смерти: все для нея дорогое погибло, осталась только ненавистная жизнь, ожидалъ позоръ.

— Бачъ, чого схотилось,—гримнулъ Кривонисъ, вкладывая въ ножны саблю,—не буде-жъ по твоему.

Жидовка кинулась на колѣни предъ Кривоносомъ и умоляла его убить ее, но Кривоносъ впился въ нее своимъ взглядомъ и, казалось, не слышалъ ея словъ.

— Справди, гарна,—пробормоталъ онъ и, обращаясь къ козакамъ, добавилъ: одвести въ мій куринь.

Пока Павлюга осаждалъ замокъ, вовхурянды пьянствовали и дѣлились награбленнымъ имуществомъ, а Кривоносъ, тѣмъ временемъ, возился съ своею жидовкою, *якъ китъ зъ оселедцемъ*. Носа не вытыкалъ изъ своего куреня и не участвовалъ въ бенкетахъ товариства.

Наконецъ, загонъ Павлюги разрушилъ замковую браму и взялъ замокъ на копье. Въ замкѣ попрятались значные паны и духовенство, и въ нѣсколько часовъ все было вырѣзано вмѣстѣ съ жолнерами. Самого к. Четвертинскаго за чубъ вытащили изъ палаца и около крыльца отрубили топоромъ голову. Осталась въ живыхъ только княгиня, которую прибралъ къ рукамъ Павлюга.

Вечеромъ, того же дня, собрались въ замокъ козаки на бенкетъ. Было чѣмъ и угощать: княжескіе кухари готовили вечерю, изъ подвала замка цѣлыми бочками вкачивали въ залы мальвазію, токай, старые меды и рейнское. Когда компанія не-

много подгуляла, на Кривоноса посыпались насмѣшки и язвительные намеки за предосудительную связь его съ жидовкою. Кривоносъ самъ сознавалъ свою вину и ясно видѣлъ, что терялъ своимъ поступкомъ довѣріе товариства. И вотъ онъ рѣшился во-что-бы ни стало, снова возстановить свой авторитетъ. Онъ приказалъ разрядить жидовку въ пухъ и прахъ и привести въ замокъ.

Явилась жидовка разодѣтая въ самое роскошное платье изъ гардероба к. Четвертинской. Длинная коса до колѣнъ была распущена и голова украшалась только вѣнчкомъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Чтобы лучше можно было ее рассмотреть, Кривоносъ поставилъ ее на столъ по срединѣ залы и самъ сталъ возлѣ нея по правой ея сторонѣ.

— Ось вамъ, паны-молодци, и жыдивка,—крикнулъ Кривоносъ, якъ бачите, не бороню їи и не ховаю; у кого пидыйметься рука, нехай той и збавить їй нику!

Козаки сбились около стола и любовались красотою жидовки. Мщеніемъ и кровью насытились они вдоволь, такъ что, если бы теперь привели не то красивую жидовку, а сквернаго жида или ляха, то и на того не поднялась бы ни у кого рука.

— Чого-жъ мовчите, та зубы скалите,—съ злобою проговорилъ Кривоносъ, подбирая лѣвою рукою косу,—рижте, стріляйте—на те и прививъ сюды жыдивку?

— Колы доси не заризалы,—озвались де-яки,—дакъ нехай жыветъ небога...

— Нехай жыветъ, нехай жыветъ!..—раздался общій говоръ козачества.

— Ну, дакъ не корить же й мене!..

Съ послѣднимъ словомъ, шваркнула изъ ноженъ сабля, сверкнула, голова жидовки на аршинъ поднялась къ верху, а трупъ, изрыгая фонтаномъ кровь, грохнулся на полъ. Толпа поспѣшно отхлынула назадъ и съ ужасомъ глядѣла на Кривоноса.

— Товариши,—гаркнулъ Кривоносъ, потрясая саблей,—ся шабля перетяла ланцюги кохання, чы вдержатся-жъ видъ неи людскіи кайданы?!..

— Ай, отаманъ, ай, отаманъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ. Вовхурянци кинулись къ своему отаману, сняли его со стола и долго колыхали на рукахъ, восхваляя его геройскій подвигъ.

Бенкетъ продолжался, вино болѣе и болѣе разжигало страсти, и вотъ посыпались насмѣшки и укоризны и на Павлюгу. Не одни Вовхурянци, а и многіе изъ загона Павлюги потребовали отъ него, чтобы онъ вывелъ передъ товариство свою коханку княгиню и расправился съ нею, какъ съ жидивкою Кривонось. Павлюга, не смутясь, отвѣчалъ козакамъ, что на сегодня довольно и одной жидовки, а завтра утромъ выведетъ на замковый майданъ княгиню и порѣшитъ съ нею, какъ Богъ ему на сердце положить.

На другой день, съ утра, замковая площадь покрылась козаками и православнымъ народомъ. Ближе къ крыльцу палаца былъ поставленъ аналой съ образами и зажженными свѣчами, а также собралось духовенство съ клиромъ въ полномъ облаченіи. Когда явились отаманы и войсковая старшина, отслужили благодарственный молебень за ниспосланную Господомъ побѣду, а потомъ подошелъ къ аналою Павлюга, ведя за руку к. Четвертинскую. Княгиня была въ украинскомъ костюмѣ: въ шелковой плахтѣ, малиноваго бархата шупунѣ, обшитомъ золотыми снурками, а голова украшалась парчевою кибалкою, обвитой тончайшимъ, какъ паутина, серпанкомъ.

Такой красивой пары, рассказывалъ прадѣдъ, ему не приходилось на вѣку встрѣчать. Княгиня только была очень печальна. Слезы ручьемъ лились изъ очей и обливали жемчугъ и самоцвѣты, горѣвшіе на высокой ея груди. Когда обрядъ вѣнчанія совершился, Павлюга обнажилъ свой мечъ-кладенецъ. Козаки съ искаженными отъ ужаса лицами, глядѣли на отамана, у всѣхъ похолодѣло на душѣ, каждый не забылъ еще обезглавленной жидовки.

— Паны-молодци, гаркнулъ Павлюга, указывая на молодую, — передъ вами не княгиня, а козачка, жинка моя, просимо поважати її, а колы який необачный скривдыть її словомъ або

поглядомъ, то я ёму отсію шаблюю также одчешу голову, якъ учора Кривонисъ одчесавъ голову жыдивци!

— Ай, отаманъ!—загудѣла толпа. Шапки полетѣли къ верху и молодыхъ ввели въ палацъ съ почотомъ, и свадьбу отпраздновали какъ слѣдуетъ по обычаю“.

Не правда-ли, матеріалъ для повѣсти великолѣпенъ. Въ поэмѣ онъ далъ бы мнѣ золотые страницы.

Остальныя затѣмъ главы посвящаются преимущественно Марку. Страшный его бой съ Кривоносомъ, котораго онъ убиваетъ, а потомъ рядъ христіанскихъ подвиговъ,—истинное поклоненіе, смывающее проклятіе. Поэма оканчивается эпилогомъ.

Записался и заболтался. Возвратимся къ сборнику.

Если украинскаго матеріала не хватитъ на 25 печ. лист., то можно помѣстить статейки и на русскомъ. Можно будетъ обратиться и къ Кулишу,—вѣроятно съ нимъ знакомы,—и попросить у него какую-нибудь стат.: онъ человѣкъ запасный, а коли нѣтъ, то не долго думавши напишетъ.

Присылайте вашу Зозулю,¹⁾—увѣренъ что она удачна. Богъ въ помощь на рисунки къ Марку; если возможно пришлите адреса, чтобы можно было по нимъ составить понятіе. Я и самъ, какъ художникъ, кое-что маракую по этой части и даже за скульптуру получилъ въ Ак. Худ. медаль, а за проэктъ памятника Нестору лѣтоп. званіе художника.

Не думаю, чтобы можно было встрѣтить какіе-нибудь затрудненія при печатаніи Марка со стороны цензуры. Напротивъ, въ IV главѣ съ такимъ сочувствіемъ говорится о соединеніи Россіи съ Украиною. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Вамъ лучше знать, гдѣ печатать. Вы спрашиваете меня объ условіяхъ въ случаѣ печатанія. Предоставляю это вамъ самимъ рѣшить, съ

¹⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о популярной пѣснѣ П. И. Нищинскаго «Закувала та сыва зозуля», напечатанной затѣмъ въ 1886 г. въ музыкальной пѣснѣ П. И. Нищинскаго подъ заг. «Вечерницы» — Кіевъ, изд. Б. Корейво.

однимъ только условіемъ, чтобы вознагражденіе было самое умѣренное и незначительное. Всѣ гонораріи, которые я получаю, не принадлежать мнѣ, а моимъ бѣднымъ.

Не откажите сообщить, какой эффектъ произвелъ на слушателей при чтеніи 28 страницы?

Отъ всей души благодарю за поклоны и за то въ особенности, что назвали меня—бобыля своимъ. Теперь я я попрошу Васъ поклониться *нашимъ*.

Написалъ бы я вамъ и о своемъ кумѣ, (?) котораго мнѣ Богъ послалъ въ Брестъ, написалъ бы и о Гюпферахъ, (?) съ которыми въ 1865 г. возился въ Таврической губерніи, но утомился и дальнѣйшее писаніе отлагаю на дальше.

Карточки ожидаю съ нетерпѣніемъ да не Вашу одну, а всего Вашего семейства.

Будайте здоровы. Всею душею прихильный А. Стороженко.

Гулаку - Артемовскому очень не нравилось направленіе украинской литературы, направленной къ восхваленію *козацины*, вызванной въ краѣ бѣдствіями и преслѣдованіемъ православія, козацины, принесшей съ собою и панство, и крипатство и въ настоящемъ времени потерявшей всякое политическое и соціальное значеніе. Въ посланіи къ Пантелеймону Александровичу Кулишу Артемовскій очень мѣтко, съ свойственнымъ его таланту юморомъ, посмѣялся надъ всѣми козако-любцами минувшаго времени. Вотъ оно, переданное мнѣ авторомъ и писанное собственною его рукою.

До П. А. К.

Тай хвацька жъ то колысь була,
Козацькая наша маты,
Эге... була, та поплыла,
И не вертаты.
Не слынь, Паньку, и не журись,
Бо й слизъ пожалсь, Боже,
Наймы псалтырь та помолысь—
Журба не поможе.

Ткы попови коповыка,
 На содухы въ церкви,
 Щобъ лежалы мовчака,
 Въ сырій земли мертви.
 Тай ты зъ попомъ хочъ у кулакъ,
 Прохлыпай партесне,¹⁾
 А щожъ робыть, що сталося такъ,
 Царство ій небесне!...

Гулакъ-Артемовскій.

Это стихотвореніе будетъ золотою страницей для сборника.

№ 6.

13 марта 1874 г.

М. Г. Василій Ивановичъ! Послѣдними письмами мы какъ-то разошлись. Едва отправилъ къ Вамъ мою обширную эпистолу, какъ получилъ отъ Васъ письмо и табакъ.

Насчетъ карточекъ мнѣ болѣе ничего не остается, какъ благодарить добрыхъ моихъ земляковъ за желаніе имѣть мое изображеніе. А что касается до окончанія Марка, то къ тому, что писалъ Вамъ въ предыдущемъ письмѣ, прибавляю: что съ 1863 г. по 1870 сильно меня понукало продолжать; не знаю, какъ смогъ я удержаться отъ этого литературнаго давленія, но съ 70 года успокоился и за послѣдніе 3 года многое даже вывѣтрилось изъ выношеннаго подъ сердцемъ.

Переводчикъ *Золотаренки* плохо владѣетъ языкомъ, „Де що про козацтво и украину“ тоже неудачно. Кто это Л. Б.? ²⁾

Антонъ Андреевичъ всегда былъ падохъ на барынь, но былъ довольно акуратенъ и въ перепискѣ съ друзьями, а теперь какъ то разбаловался. Когда увидите съ нимъ, пожурите, и какъ заѣдетъ ко мнѣ въ Тишинъ, ѣхавши на сенаторство въ

¹⁾ Нотное лѣніе.—Примѣчаніе въ подлинникѣ.

²⁾ Въ 1874 г. издана была въ Кіевѣ книжечка: „Ниженскій полковникъ Иванъ Золотаренко. Повість Е. Гребиньки. Перевивъ Л. Б. Зъ додаткомъ „Де-що про козацтво и Украину“, которая, вѣроятно, и послана была В. И. Бѣлымъ А. П. Стороженку, какъ новинка.

Варшаву, то я приготовилъ ему наказаніе, такую ему покажу вемлячку, что у него и очи рогомъ полизуть.

Здоровье мое поправилось, но старость сама по себѣ есть уже болѣзнь. Не думайте, чтобы я былъ мнителенъ, я никогда о себѣ не хлопоталъ и умирать готовъ хоть сію минуту. Такова, видите, козачья натура. Поберегайте Ваше здоровье, у Васъ семейство: есть для кого жить и работать, а я вильный вовакъ: жилъ-жилъ а потомъ взялъ да и умеръ!

Почтеннѣйшему Вашему семейству свидѣтельствую мой вѣжайшій поклонъ. Ожидаю карточекъ.

Будьте здоровы и благополучны. Всею душою преданный
А. Стороженко.

№ 7.

1 апрѣля 1874 г.

Христось Воскресъ! Достойнѣйшій и многоуважаемый Василій Ивановичъ:

Желаю Вамъ всего лучшаго на свѣтѣ, въ томъ числѣ, въ особенности, здоровья и охраны отъ надувалъ. Странно, всегда и мы себя и другіе обвиняють тѣхъ, которыхъ надули, а не тѣхъ, которые надувають. „Зачѣмъ, говорятъ, довѣрили“? Да какъ же можно жить на свѣтѣ не вѣривши...

Благодарю Васъ за совѣты лѣченія, но они мнѣ не приносятъ пользы. У меня просто аневризма въ сердцѣ, произшедшая отъ конгузіи 2 маія 1829 года подъ Журжою. Въ Парижѣ мнѣ сказали медики: „старайтесь съ этимъ недугомъ жить“. Вотъ я и стараюсь, хотя иногда и плохо приходится. Въ 1863 г. наши украинско-литературныя дѣла вовсе не были въ дурномъ положеніи въ отношеніи правительства. Это мнѣ достовѣрно извѣстно потому, что я былъ дѣйствительнымъ и довѣреннымъ лицомъ Валуева. Валуевъ —человѣкъ умный, и прозорливый; онъ очень хорошо понимаетъ, что наше писанье никакого вреда не могло причинить Россіи. „Основа“ же прекратилась въ слѣдствіе неспособности и несостоятельности редактора Бѣловерскаго и такихъ ярыхъ сотрудниковъ какъ Куляшъ, вооружившихъ зем-

ляковъ своими непослѣдовательными статьями противъ Котляревскаго, Гулака, Полуботка и проч. Въ 1863 году за сепаратизмъ сильно досталось Каткову и строго запрещено писать. Это произошло вотъ по какому случаю. При обыскѣ, въ Вильно, одного патріота, отыскиали по 200 экземпляровъ (Московскихъ вѣдомостей о сепаратизмѣ) каждого (3 №) номера и при нихъ, письмо еще неотправленное. Въ этомъ письмѣ писалось въ Парижъ: „Посылаю Вамъ по 200 № каждого № для распространенія, чтобы вы могли убѣдиться, какъ быстро разлагается Россія. Въ справедливости писаннаго не сомнѣваюсь, потому что это статьи извѣстнаго публициста Каткова, человѣка преданнаго правительству и Россіи.“ Вотъ М. Н. Муравьевъ и поднялся на дыбы, и тогда Катковъ многозгрязи стѣлъ. Стегали же Каткова немилосердно въ 62 и 63 годахъ Костомаровъ и Мордовцевъ, и вовсе того не было, о чемъ рассказывалъ Вамъ докторъ Задирака. (?)

Если для сборника не хватмтъ на 25 л. то можно уменьшить число буквъ на страницахъ и листа на 2 въ толщину. Не нужно ли Вамъ статей на русскомъ языкѣ?

Съ нетерпѣніемъ ожидаю Вашихъ карточекъ. Что рисунки изъ Марка? а также Зозуля?

Всему Вашему семейству низкій поклонъ и дружескій привѣтъ. Бувайте здоровы та не дайте, що такъ пишу швидко и не до шмыгы.

Всею душою прыхильный А. Стороженко.

№ 8.

16 мая *Брестъ*.

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Разъѣзды по уѣзду, для устройства помѣщеній для нашего бездомнаго духовенства съ причтами, поглотили много времени и лишили меня возможности писать къ Вамъ. Забравшись на полѣсье, во время сильныхъ и продолжительныхъ дождей и холодовъ, принужденъ былъ по недѣлѣ сидѣть на мѣстѣ. Еще на бѣду взялъ съ собою складчину, надѣясь найти въ ней какое либо равлеченіе, но

оказалось, что эта богопротивная складчина,¹⁾ отвратительный полѣсского болота. Да, надобно отдать справедливость нашимъ литераторамъ: удрали такую штуку, учинили такой позоръ, что и читатели за нихъ краснѣють. За то стиховъ, стиховъ, а говорятъ у насъ поэтовъ нѣтъ. Но да простить ихъ Богъ, если они не преподали духовной пищи, то накормили матеріально сотню другую голодающихъ.

Вы также довгенько помалчивали; я уже беспокоился за Ваше здоровье, мнѣ даже сонъ снился, что я съ Вами видѣлся и фязіомія Ваша такъ врѣзалась въ мою память, что и теперь Васъ вижу: сѣдые волосы довольно коротко острижены, глаза каріе благодупные; привѣтливая улыбка; росту средняго, немного сутуловатый.²⁾ Въ сертукѣ коричневого цвѣта съ бархатнымъ чорнымъ воротникомъ. Представилъ Васъ другой мущина лѣтъ за 30, въ черномъ сертукѣ съ веленоватыми большими глазами, немного носъ съ горбомъ.

— Прощу полюбить,—сказаль онъ, В. И. Бѣлаго; вотъ онъ передъ Вами на лицо.

— Опоздали съ предложеніемъ,—отвѣчалъ я,—я уже давно полюбилъ В. И., какъ родного.

На этомъ меня разбудили. Я увѣренъ, что карточка Ваша будетъ похожа на Васъ, какъ видѣлъ во снѣ. Это со мною не разъ въ жизни случалось.

Спасыби Вамъ за брошюру, только она ужъ черзчуръ безцвѣтна и юмора въ ней очень мало. Такія вещи не легко писать, они рѣдко удаются.

Въ іюнѣ или іюлѣ пойдетъ мой романъ въ Русск. Вѣстникѣ „Былое не минувшее“, и еще другая забавная повѣсть, которую пристроилъ въ Петербургѣ.

По возвращеніи изъ поѣздки опять хворать началъ. Здоровье очень оплошало; кости просятъ на покой. На долго ли и когда поѣдете въ Петербургъ?

¹⁾ Литературный сборникъ „Складчина“, изданный въ пользу голодающихъ.

²⁾ Въ общемъ портретъ В. И. Бѣлаго довольно вѣрный.

Ожидаю карточки. Выложите А: А: Глушановскаго чомъ винъ не йде у Варшаву. Теперечки дуже великій моръ на губернаторивъ и богацько вакансій, колы Коцеба, якъ зовуть ёго у Варшави, знае его за чоловѣяку чесного и розумного.

Кланяюсь Вашимъ, не забувайте старого дида, усимъ сердцемъ до Васъ прыхильного А. Стороженко.

№ 9.

7 іюня 1874 г.

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Изъ послѣдняго письма моего Вы знаете причину молчанія и, конечно, сомнѣнія Ваши разсѣялись. Кромѣ самой сильной благодарности и пріязни за Ваше ко мнѣ вниманіе, я другого, враждебнаго, чувства не могу къ Вамъ питать. Вотъ и теперь все хотѣлъ писать къ Вамъ, а тутъ дѣла по воинской повинности озаботили меня до такой степени, что всѣ дѣла пришлось бросить. Бѣда! все теперь валять на предводителей дворянства, а средствъ никакихъ не даютъ.

Что это Вы все хвораете? Дѣло другое я: мнѣ 68 лѣтъ и хоть у меня и отекли ноги, но я все еще движусь и не жалуюсь.

Валуевъ никогда не просилъ Костомарова оставить всякое участіе въ украинской литературѣ, да и никого объ этомъ не просилъ, а совѣтовалъ ему прекратить устройство школъ исключительно для одного малорус. языка. Костомаровъ былъ избранъ тогда собирателемъ добродетельныхъ приношеній на украинск. школы. Очень понятно, что въ то время устройство подобныхъ школъ могло вызвать со стороны Каткова и ком. новые нелѣпые предлоги къ сепаратизму. Вы пишете, чтобы я попросилъ Костомарова что-нибудь для сборника. Напишу ему, но предварительно, что надежда плоха. Какъ беллетристъ, Костомаровъ, очень плохъ, особенно же на малорусск. языкѣ, всѣ же его ученыя статьи теперь довольно велики, и онъ болѣе не пишетъ маленькихъ, какъ прежде. Кромѣ того лѣнивъ въ перепискѣ, и случалось

такъ, что отвѣчалъ мнѣ на письма, когда я писалъ Кожанчикову, отъ чего нѣтъ отвѣта.

О книжкѣ Нечуя ¹⁾ ничего не слыхалъ, много обижете при-
славши. Изъ Москвы получилъ пренепріятное письмо. Печатаніе
моего романа *Былое не минувшее* отложено, на томъ основаніи, что
въ Р. В. шелъ романъ изъ польс. револ. Крестовскаго „Двѣ силы“.
Водили почти годъ и ничего не вышло, еще протянули на полъ-
года. Бувайтежь здоровы та не забувайте старого дида. Нызенько
кланяюсь Вашимъ. Всею душою прихильный

А. Стороженко.

№ 10.

22 іюня 1874 г.

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Не гнѣвайтесь за про-
должительное молчаніе. Безирестанные равѣзды причиною тому.
Ѣздилъ въ Варшаву во время пребыванія Государя, а потомъ въ
Вильну, попрощался съ Потаповымъ, которой назначался Ше-
фомъ Жандармовъ. Потомъ, какъ водится теперь со мною *зане-
дужавъ*, а тамъ наѣхали добрые люди и, ударивши лихомъ объ
землю, вспомнили былое и провели время незамѣтивши, какъ
оно промелькнуло.

Милое Ваше вниманіе, достойнѣйшій Василій Ивановичъ,
и безчисленныя одолженія такъ велики, что, право, не припом-
нишь за что и благодарить слѣдуетъ. Благодарю за соч. Нечуя;
явленіе въ нашей родной литературѣ весьма отрадное. Благо-
дарю и за карточки; только какъ я ни приглядывался, а сход-
ства между ними никакого: 62 года, похожъ на нѣмца а по-
слѣдній настоящій типъ украинскій—козарлюга хоть куда.

Жаль мнѣ Милорадовички; славная вона пани, съ душою
теплою и широко. Во время оно, когда еще волочился, я напи-
салъ ей въ альбомъ и сравнилъ ее съ нашею матерью Украиной.
Не помню всего стихотворенія, а Украину я представилъ въ
слѣдующихъ очертаніяхъ.

¹⁾ Вѣроятно: «Повѣсти Ивана Нечуя», Т. I у Львови: 1872.
(Дви московки. Причепа. Рибалка Панасъ Круть).

Була гарна наша маты,
 Значна, сановита,
 Сынимъ небомъ заквитчалась,
 Зъ стѣпу сукню мала,
 Лисѣмы вбыралась
 И стѣжкою блакытною
 Въ косы Днипръ вплитала.

Була гарна наша маты,
 Пышно, вельчаво,
 Въ Случи оченькы вмывала,
 Въ Чорнимъ мори нижкы
 И видъ Дону до Карпата
 Слала собі лижко...

Ваши слова да Богу въ уши. Якъ бы справди плюнули въ хату старого дида, вельку радисть привезлы-бъ съ собою.

Будьте здоровы и благополучны и да пошлетъ Вамъ Господь терпѣніе переносить мелкія невзгоды. Перемелется и все будетъ мука.

Пишите, не забывайте старого дида всею душою Вамъ прихильнаго.

А. Стороженко.

№ 11.

17 августа.

Достойный и многоуважаемый Василій Ивановичъ! Душевно благодаренъ за присланные Вами *шпаргалы*, относяшіеся къ Запорожскому кошу. Они очень интересны, въ нихъ проливается свѣтъ на событія, которыя были поводомъ къ уничтоженію сѣчи, до сихъ поръ еще не разъясненныя какъ слѣдовало бы, нашими историками. У Скальковского этотъ предметъ подернутъ тьмою, по нашему *мряковатый*. Намѣреніе мое обработать шпаргалы по возможности, кое-что разъяснить и послать на печатаніе въ Русскую Старину. Одобрите-ли такое рѣшеніе?

Марка получилъ, но при моихъ черновыхъ приложенъ переписанныя главы. Вѣроятно они присланы по ошибкѣ и не слѣдуетъ-ли Вамъ ихъ возвратить?

Все лѣто я хворалъ, поправляюсь и опять плохо приходится. Къ осени однакожъ мнѣ лучше, сердце успокоилось, отекъ ногъ прошелъ, осталась только худоба, но и это поправляется, есть аппетитъ и кажется прійдется еще помяться на свѣтѣ.

Августъ у насъ прохладный и скучный; неурожай на фрукты обѣщаетъ самую непріятную осень. Докторъ мнѣ совѣтуетъ побольше ѣсть арбузы и виноградъ, который намъ въ это время въ изобиліи доставляли изъ Венгріи, а теперь и невидать и неслыхать въ привозѣ. Нельзя ли, на мой счетъ, прислать десятка два или три Алешковскихъ *кавуновъ*. Полагаю, у Васъ въ Одессѣ они дешевы и не дорого будетъ стоять доставка черезъ транспортную контору. У насъ за такой кавунъ заплатили-бы 3 р., еслибы нашелся.

Обращусь снова къ шпаргаламъ. Въ молодости у меня было призваніе къ составленію описанія „Послѣдніе дни Запор. сѣчи“, но служа въ военной службѣ и не имѣя матеріаловъ подъ рукою, я не въ силахъ былъ осуществить моего желанія. Познакомившись съ Скальковскимъ, я передалъ ему мою мысль, далъ совѣтъ обратиться къ г. Воронцову и просить разрѣшенія проникнуть въ архивы Ек. Губ. правл.; вмѣстѣ съ этимъ я передалъ ему все, что у меня было собрано и написано о Запорожцахъ. Скальковскій въ предисловіи описанія Запор. Коша объ этомъ говорить и былъ такъ справедливъ, что [не скрываетъ] этого обстоятельства—черта, какъ видите, весьма похвальная, не все брать на себя, а воздать коему-ждо по заслугамъ.

Досвиданія, такъ пишу, бо може й справди побачимось; будьте здоровы, благополучны и забывайте старого дѣда всею душою и сердцемъ, хоть больнымъ, Вамъ преданнаго.

А. Стороженко.

Всѣмъ Вашимъ мой низкій и усердный поклонъ.

№ 12.

29 августа 1874 г.

Многоуважаемый Василий Ивановичъ! Не знаю какъ и благодарить Васъ за Ваше вниманіе; едва только заикнулся, какъ вдругъ, точно по-щучьему повелѣнію, является прекраснѣйшій виноградъ, а въ перспективѣ виднѣются Алешковскіе *кавуны*. Виноградъ дошелъ въ хорошемъ положеніи, испорченнаго оказалось на 5% не болѣе. *Дуже Васъ дякую за Вашу ласку.*

На счетъ Марка, вѣрно я не такъ ясно выразился, въ послѣднемъ письмѣ, что Вы меня не совсѣмъ поняли. Дѣло вотъ въ чемъ: первые 4 главы, переписаны моею рукою Вамъ, въ вѣчное потомственное владѣніе. Приславши назадъ остальные 7 главъ, вы приложили къ нимъ и копію, снятую съ нихъ. Вотъ я и спрашивалъ Васъ, и теперь спрашиваю, не по ошибкѣ ли онѣ присланы ко мнѣ и не слѣдуетъ ли мнѣ возвратить Вамъ назадъ?

На счетъ запорожскихъ шпаргаловъ, требуется отъ Васъ болѣе точныхъ инструкцій, на случай чтобы не сдѣлать промаха.

Вотъ что я намѣренъ сдѣлать: снять копію съ шпаргаловъ, по мѣрѣ силъ моихъ, обработать цитатами и поясненіями и отправить въ Рус. Старину, затѣмъ шпаргалы обратить во свояси, т. е. къ Вамъ. Такъ-ли это? Ожидаю Вашей резолюціи.

У насъ до сихъ поръ продолжается засуха; не будетъ ни капусты, ни картофеля. Изъ всѣхъ садовъ въ окрестности, одинъ мой зеленѣетъ и благоухаетъ. За то, чего же это стоитъ, по 10 бочекъ выливаютъ воды, привезенной за 1½ версты, потому что въ колодцѣ едва держится вода для домашняго обихода. На дняхъ былъ въ Варшавѣ, и немало изумился, когда увидѣлъ Саксонскій садъ совершенно высохшимъ: ни травинки, ни листочка. Представьте, весь садишка состоитъ изъ 3 десятинъ. По срединѣ огромный фонтанъ съ обширнымъ бассейномъ, а шуты допустили такое безобразіе. Не знаю кого винить, но при Бергѣ этого бы не случилось.

Съ наступленіемъ осени, опять начинаю *хирѣть*. За лѣто и на подножномъ корму не совсѣмъ поправился и въ такомъ

положеніи не знаю, перезимую-ли? Каково Ваше здоровье? *Пишите, серденько.*

Свидѣтельствуя мое почтеніе всему Вашему семейству, остаюсь всею душею преданный и любящій.

А. Стороженко.

№ 13.

3 сентября.

Друже мій милый, Васылій Ивановичъ! Не журиться, кавуны дойшли благополучно. Та якы й кавуны, якъ свить сонця тутечки, у Брести, такихъ не то що не смаковали, а й не снылось никому. Вчора одного зъили, товариство лопало ажъ за ушамы лящало. „Тай прятель же у васъ у Одесси“, озиваются, „пошлы ёму Господь щастя и здоровья, якъ будете пысать до ёго, то подякуйте и за насъ. Изъ 20 кавун. тилькы одинъ выбовтався и два луснули, а усе жъ такы зъили ихъ мои домочадци.—Зъ Венгрыи навозять намъ кавуны, за котры плотымо по 2 р. и бильше, и хотъ воны и великы, та якъ Педора дурни и смаку въ нихъ нема ньякого, якъ кажуть *съ kwasомъ*. Спасыби жъ Вамъ ридный братику, втишылы Вы старого, хворого дида.

Теперенькы скажить, чы багацько я Вамъ выненъ за выноградъ и кавуны, бо правду кажучы, дуже вже вы балуете старого. Чого-бъ тилькы винъ не забажавъ, такъ воно и вродытся.

Писали вы мнѣ о Евангеліи, переведенномъ на Малоросійскій языкъ. Не знаю, напечатано-ли оно по той рукописи, которую мнѣ показывалъ Никитенко (членъ Академіи наукъ), когда эта рукопись была послана для просмотра въ Академію. Переводъ хорошъ и точенъ. Были ошибки въ языкѣ, нѣкоторыя я поправилъ, но всѣхъ не могъ исправить, потому что рукопись мнѣ дали всего на 3 дня; успѣлъ только прочесть. Если у Васъ есть въ продажѣ, пришлите мнѣ одинъ экземпляръ. Евангеліе на малор. языкѣ несравненно лучше выходитъ какъ на Рус-

скомъ по той причинѣ, что наша рѣчь ближе къ церковнославянскому тексту.

Повторяю еще мою искреннюю благодарность за Ваше вниманіе. Низко кланяюсь вашему семейству и, пожелавъ вамъ всего лучшаго, остаюсь всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 14.

14 сентября 1874 г.

Достойнѣйшій и многоуважаемый Василій Ивановичъ! Нечего сказать, черезчуръ уже Вы балуете старого дѣда, годите ему, якъ кажутъ, неначе печеной болячки. Вчора отправивъ къ Вамъ запорожскы ппаргалы, а сѣгодня получивъ гостынецъ—Евангеліе на Малорос. языкѣ, за которое вельке вамъ спасби. Пробѣжавши на скоро, я вполнѣ удостовѣрился, что это переводъ не тотъ, о которомъ я Вамъ писалъ ¹⁾. Переводчикъ присланнаго Евангелія, не вполнѣ обладаетъ знаніемъ нашего языка и совершенно не знакомъ съ лаконизмомъ украинскимъ, который очень гармонируетъ съ складомъ Евангельскаго текста. Когда будетъ у меня лишнее время, я Вамъ переведу нѣкоторыя главы, увидите тогда разницу по силѣ и точности перевода. Даже заглавіе неправильно „Святе пысьмо“, скорѣе можно отнести къ живописи, чѣмъ къ тексту. Малороссы иначе не скажетъ какъ *Св. писаніе*. Орфографія также неправильная. Лучше бы сдѣлалъ переводчикъ, еслибы держался Кулишівкы. Впрочемъ и за этотъ переводъ спасби; онъ очень опрятенъ, жаль только, что мы вынуждены печатать не дома, а чортъ батька зна де у Видню.

¹⁾ А. Стороженко упоминаетъ вѣроятно объ украинскомъ переводѣ Евангелія Ф. Морачевского, который въ началѣ 60 годовъ б. представленъ въ духовную цензуру, но не разрѣшенъ къ начечатанію, а В. И. Бѣлый писалъ ему о другомъ переводѣ, кажется П. Кулиша, но изданномъ безъ имени переводчика въ 1871 г. въ Вѣнѣ, подъ загл. Святе пысьмо.—Евангеліе. Перекладъ украинський. Видень 1871 року. Коштомъ громадськимъ. «О послѣднемъ см. Правда 1874 № 19 и Кіевск. Телеграфъ 1875 № 28.

На счетъ портрета масляными красками нечего и думать. Здѣсь нѣтъ и изрядныхъ живописцевъ, даже и въ Варшавѣ. Фотографія всѣхъ ихъ передушила. Да кромѣ того, послѣ болѣзни *дуже такы змарнивъ*, и доси хирію, трохи поправився, а тамъ зновъ нахыляе у могылку—не довго вже мени и вештаться по свиту.

При засвидѣтельствovanіи всему Вашему семейству моего уваженія, остаюсь всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 15.

26 сентября.

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Начну и я съ Евангелія; достаточно его просмотрѣлъ. Переводъ ниже всякой критики. Переводчикъ не богословъ и не знатокъ *нашої рідної мовы*. Еслибы подобный переводъ вышелъ въ прошломъ столѣтіи, то его бы сочли еретичнымъ и сожгли бы на площади, до такой степени текстъ извращенъ; въ каждой строчкѣ ошибка, въ каждомъ почти стихѣ извращеніе. Укажу на нѣкоторыя погрѣшности:

Отъ Маттея, глава 3. Стихъ 3. Слѣдующимъ образомъ долженъ переводиться:

3. Бо се той, про кого сказавъ пророкъ Исаія: гласъ воиющаго въ пустыни ¹⁾: Приготовьте шляхъ Господеву, выпростуйте стежки ему (Ис. 40. 3).

Смыслъ этого ст. тотъ, что п. Исаія въ пророчествѣ о приходѣ Спасителя предупреждаетъ, чтобы встрѣтить Его съ вѣрою и для воспріятія ученія уготовали путь Господу и сдѣлали прямыми стези Ему.

¹⁾ Изреченіе это, какъ вошедшее у всѣхъ славянъ въ пословицу, не слѣдуетъ переводить—и безъ перевода понятно.

Посмотрите же, что за ерунда выходить въ перевладѣ украинскомъ.

„3. Се ж бо той, про кого казавъ пр. Исаія, глаголючи: Голосъ покликующаго въ пустыни: Приготовте дорогу Господню, правыми робить стежки его“.

Что выражаетъ этотъ стихъ? Исаія совѣтуетъ людямъ приготовить дорогу Господню и правыми бы сдѣлали стежки его. Чистѣйшая ересь! Богъ приготовилъ путь Спасителю, и не людямъ, погрязшимъ *въ грѣсахъ, правыми робить стежки его*. Къ чему вклеилъ переводчикъ лишнія слова: „глаголючи“ и другое дикое *покликующаго*?

Евангеліе отъ Св. Іоанна. Глава 1 (а не голова).

Стихъ 5 въ переводѣ:

И *свитло* у темряви свитыть, и *темрява* ёго не обняла. ¹⁾

Переводчикъ не знаетъ, что на малорос. языкѣ есть слова: тьма и свить. Темрява никакъ не можетъ замѣнить слово тьма, а свитло свить. Свитло означаетъ освѣщеніе, свѣча, каганецъ, лучина. Говорятъ: „батько вернувся до-дому, якъ свитло васвитылы.“ Шевченко въ своей думѣ „Пустка“ пишетъ: Може вернесся изнову въ пустку зимоваты, и натопымъ, и нагріємъ, и свитло засвитымъ“.

Переводъ Евангел. весьма трудная вещь; это работа не одного человѣка, а цѣлаго общества. То Еванг., которое застряло въ Академіи Наукъ, весьма хорошо переведено ²⁾. Очень жаль, что у насъ все худшее всплываетъ на поверхность, а хорошее опускается на дно.

Брошюра Григоровича „Записки антиквара“ доставила мнѣ истинное удовольствіе.

—

Потолкуемъ теперь о сборникѣ. Начнемъ съ портрета. Глаза у меня черные съ блескомъ, лицо смугловато, какъ вы-

¹⁾ Слѣдуетъ сказать: «оточила».

²⁾ Очевидно, рѣчь идетъ о переводѣ Евангелія на малорусскій языкъ Морачевского.

ражаются живописцы: „теплый цвѣтъ“. Карточки у меня въ запасѣ ни одной.

Печатать Марка, полагаю, нужно IX главѣ. IV главы составляютъ экспозицію, а V дѣйствіе. Это дѣйствіе необходимо, чтобы дать понятіе читателю о Маркѣ и дальнѣйшихъ событіяхъ. О географіи не беспокойтесь,—жертвую мою байку на доброе дѣло и доброму человѣку. Пошли Вамъ, Господи, всякого счастья и здоровья.

Куры та собака также разрѣшено, но съ оговоркою отъ редакціи, что басня эта написана еще во время существованія крѣпостной зависимости крестьянъ.

Стихотворенія Гулака-Артемовскаго можно печатать, а также и посланіе Кулишу, но только не приписывать фамиліи.

Немировской рѣзни не печатать. Это будетъ имѣть видъ какого то хвастовства съ моей стороны: *не написалъ, а только похваляется написать.*

Помѣщеніемъ моего портрета при сборникѣ Вы сдѣлаете мнѣ много чести, и съ моей стороны, кромѣ благодарности, болѣе ничего не остается сказать.

Здоровье мое плоховато: то поправляюсь, то снова недугъ усиливается, и такъ исхудалъ, что, какъ говорится, сталъ на себя непохожъ. Если-бы теперь пришлось мнѣ сниматься, то вышелъ бы другой человѣкъ, а не тотъ, который жилъ годъ назадъ.

Изъ Петербурга имѣю свѣдѣнія, что тамъ затѣваютъ ученое изслѣдованіе по случаю 100-лѣт. юбилея зруйнованія коша. Костомаровъ взялся, что-то писать, или собирается писать.

4 книжки Гофмана и о табакѣ получилъ. Надобно Вамъ знать, что я насадилъ у себя въ (неразборчиво) гаванскаго табаку, высшаго достоинства, и хоть у меня садовникъ нѣмецъ аѳ Рига, но за табакомъ ухода не знаетъ. Не знаю, что выйдетъ; кажется, мы потеряли много времени и не пасынкували до сихъ поръ.

Ничего не пишете о шаргалахъ, исправно ли они дошли до Васъ?

Доктора совѣтуютъ мнѣ побольше ѣсть винограду, но съ условіемъ, чтобы виноградъ не былъ кисель. Кислота имѣетъ вредное дѣйствіе на почки. Къ несчастію, намъ привозятъ незрѣлый виноградъ изъ Венгріи (видите ли, не портится), такой кислый, что и здоровому человѣку вреденъ. Будьте ласковы, ридный братику, не забудьте Вашей обіцанки—Акерманьского винограду, та присылайте бильше; а що кошоватыметъ запла- тимо зъ велькою дякою.

Годи, щобъ ще на пошту не опизнаться.

Всѣмъ Вашимъ низко кланяюсь, не хворайте и не падайте духомъ. Ще не разъ зійде сонце и передъ нашими воритьмы.

Всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 16.

11 октября.

Глубокоуважаемый Василій Ивановичъ!

Прелюдіи къ введенію воинской повинности на новый ладъ отнимали всякую возможность побесѣдовать съ Вами и отвѣтить на письмо 29 сентября. Настроение, вслѣдствіе невзгодъ, *à ton mineur*. Пословица говоритъ: „Терпи, козакъ, атаманомъ будешъ“; крѣпитесь—перемелетсяи будетъ мука; у меня какое-то предчувствіе есть, что прійдетъ время, когда и *передъ нашими воритьмы сонце зійде*.

Про недугъ мой скажу Вамъ такъ: я на берегу, а меня опять въ воду. Поправишься, и опять плохо, сильно исхудалъ, отеки ногъ то пройдетъ, то снова возобновляется. Страданіе сердца и при этомъ и легочный катарръ, пріобрѣтенный въ Питерѣ. Климатъ здѣшній очень мягокъ и вовсе не сырой, осень теплая, зима слабая. Въ октябрѣ у насъ было въ тѣни 18 и съ 8-го только настали ночи холодныя. Домъ у меня теплый, просторный, садъ въ порядкѣ, и цвѣтники и теперь пестрѣютъ левкоями, гвоздиками, портулакомъ, резеда наново зацвѣла, у Васъ и лѣ- томъ такъ не цвѣтутъ.

Дуже дякую, друже мій, за виноградъ—давно такого не йивъ. Ось що Вамъ скажу. Якъ ставъ хирить, то по ночамъ не спалося мнии. Засну въ часъ, а въ три розбуркаюсь и вже вставай—не влечишъ. Отъ и встанешъ та й сидишъ до 6 або 7 часу. Якъ же прислали виноградъ, то тильки прокынусь, такъ и злопаю фунта 4, и зновъ лягаю и сплю, мовъ здоровый. Ливаръ казавъ, що обужуюсь одъ того, що пустый желудокъ, не зечеряю, бачите,—апетиту нема. Може воно и такъ.

На счетъ сборника вотъ мое мнѣніе. Книжка озаглавливается:

С б о р н и к ъ.

(Можно сказать, на какой предметъ).

О статьяхъ же, которыя войдутъ въ составъ сборника, на заглавномъ листѣ нѣтъ надобности писать. Объ нихъ скажется въ оглавленіи особенномъ, какъ это всегда дѣлается для удобства къ отысканію.

Очень благодаренъ за присылку наставленій по табачной части. Теперь, по милости Вашей, у меня есть все, чтобы сдѣлаться настоящимъ плантаторомъ гаванскаго табаку. Посмотрю, что выйдетъ,—табакъ на видъ очень хорошъ.

Ище дякую за Вашу ласку до старого дидугана. Благаю Господа, щобъ и мени догодить Вамъ, якъ догодаете вы мени.

Бувайте здоровы та ударьте лыхомъ объ землю—не пиддавайтесь лыхои годьни!

Всѣмъ Вашимъ низко кланяюсь.

Всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 17.

21 октября 1874 г.

Глубоко уважаемый Василій Ивановичъ! Посылаю Вамъ всего Марка, какъ получилъ отъ Васъ,—робить, що самы знаете, нехай Вамъ Господь поможе.

Прилагаю еще двѣ статейки:

1. Зъ народныхъ усть, объясненіе присказки. Въ языкѣ подобныя разъясненія очень важны; это въ своемъ родѣ вновь открытый островъ среди океана¹⁾.

2. Побасенка. Написана она вотъ по какому случаю. Когда, во время оно хлопотали мы объ изданіи учебниковъ для малорос. школъ, предположили издать сборникъ для чтенія школьникамъ, содержанія доступнаго ихъ понятіямъ и вмѣстѣ поучительныхъ для странствованія по морю житейскому. Къ сборнику байка эта была очень пригодна, но годится ли для Вашего—не знаю. Пожалуста не церемоньтесь и если Вашъ Ареопажъ не признаетъ годною, то я нисколько не буду претендовать, потому что и самъ нахожусь въ сомнѣніи, *чи до чмыи воно буде*. Если и за этимъ еще мало матеріала для сборника, то валяйте и остальные 2 главы изъ Марка, все-жъ таки прибудетъ на одинъ печатный листъ (16 стран.).

Мы теперь сильно озабочены некрутчиной, а тутъ еще ѣдетъ начальство, потому что Государь на дняхъ пробѣзжаетъ изъ Крыма въ Питеръ.

Здоровье мое плоховато; ну, положимъ, я-жъ старый, якъ собака, а Вы чого хирієте? У Васъ есть кому за Вами и доглядить и втишныть, а я одинъ, якъ палець, та ще живу на дачи, неначе въ монастыры, аже и пустельникомъ мене прозвали. Содержу душу и тило въ чистоти, хоть-бы и самому святоши, а не то щобъ волочиться або, нехай Богъ боронить, ще й ялозыться.

Бувайте-жъ здоровы та не забувайте старого дида. Вашимъ низенько кланяюсь.

Всею душою Вашъ А. Стороженко.

Вывивъ дядько на сухеньке.

Зъ народныхъ усть.

Колысь, ще якъ Ляхы орудували Україною и забывалы на макуху православный людъ, якесь нещасне село прогнивило свого пана—магната. Не замыслывся магнатъ, що ёму робыты въ непокирными хлопами й звеливъ зибраты селянъ и десятого одшмагаты канчукамы.

¹⁾ Рассказъ этотъ печатается въ концѣ письма.

Набиглы на село, неначе татары, челядынцы панськи—котолушы, зигналы людей на майданъ и стали розставляты бидолахъ въ одну стричку. Якъ вже вытяглась чымала стричка, одынь парубокъ, мабутъ спрытнѣй, заразы побачывъ, що не мынуть ёго канчуку, бо стоить зъ краю двадцятимъ. Озырнувся винъ у другу сторону, подовжъ стричкы, дывытся, ажъ дядько ёго стоить въ калюжи,—зраня, бачыте, дощыкъ ишовъ, такъ въ лощыну и натекла вода. Однакъ заразы доглядився, що мынае ёго десятокъ.

— Дядьку, а дядьку!—гукнувъ до ёго парубокъ.—Чого се вы стали въ багни,—чоботы покаляете. Выходьте на сухеньке.

— Де жъ теперечкы—озвався дядько—шукаты того сухенького, стій тамъ, де тебе доля поставыла.

— Та ничого й шукаты, ставайте, де я стою,—одказавъ парубокъ.

— Добрый у тебе племянныкъ,—озваысь дядькы зъ мырянъ,—за лядьковымы чобитымы забувъ й про свою шкуру.

Дядько подякувавъ племянныка, та й ставъ на ёго сухеньке мисце, а якъ дійшла до ёго черга, на тимъ сухенькимъ и завдалы ёму мокрои.

Зъ сёго прыпадку и выройлася прыказка, якъ хто кого одурить, то й кажутъ: „Вывивъ дядька на сухеньке“! А якъ трапытся чоловикъ, що чужымы рукамы жаръ загрибае, то зновъ кажутъ: „Отсей чоловикъ выведе дядька на сухеньке“!

О. Стороженко.



ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

И

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Окончаніе ¹).

XVI.

Міровоззрѣніе и убѣжденія Котляревскаго. Почему его считать можно создателемъ новой малорусской литературы?

Намъ остается еще коснуться міровоззрѣнія Котляревскаго и его убѣжденій, насколько можно судить о нихъ по его Энеидѣ.

Первыя три части ея, какъ извѣстно, написаны были въ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка, послѣднія—пятая и шестая—во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка. Такимъ образомъ Котляревскій трудился надъ своимъ произведеніемъ около тридцати лѣтъ. Это были именно тѣ годы, когда отъ автономныхъ учрежденій старой Малороссіи почти ничего уже не оставалось въ жизни, кромѣ однихъ воспоминаній. Длились еще традиціи судовъ земскихъ, городскихъ и подкоморныхъ, возстановленныхъ за годъ до уничтоженія гетманства (1763 г.), но эти суды дѣйствовали уже въ новой административной обстановкѣ, наступившей послѣ учрежденія о губерніяхъ, которое введено было въ лѣвобережной Украинѣ извѣстнымъ графомъ П. А. Румянцевымъ (1782 г.). Двадцать пять лѣтъ управлялъ онъ Малороссіей (съ 1765 по 1789 г.), которая, при немъ, по словамъ историка ея

¹) См. Кіев. Стар. № 2.

„окончательно присоединена была къ главному составу своему“¹⁾, т. е. сравнена была съ другими областями Россіи. Реформа эта проведена была съ дальновиднымъ и тонкимъ расчетомъ на тѣхъ людей, которые готовы были воспользоваться ею для своихъ личныхъ выгодъ. Румянцевъ нашелъ въ краѣ не мало такихъ людей. Приманкой для нихъ служили обыкновенно чины, дававшіе право на дворянское званіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на владѣніе крестьянами, которые окончательно закрѣпощены были въ 1783 г. Только люди благонамѣренные и, какъ выражается Румянцевъ, „болѣзнію самовладства и независимости не зараженные“ входили въ чины и въ дѣла, а такъ-какъ, по его же наблюденію, и другіе „всегда имѣли сильное желаніе къ чинамъ, особливо къ жалованью“, то оказалось, что „болѣзнь самовладства и независимости“ скоро исчезла въ краѣ²⁾.

Теперь вопросъ въ томъ, какъ относился нашъ поэтъ къ этому историческому процессу, котораго онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ?

Чтобы найти въ Энеидѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ необходимо знать, въ какомъ видѣ изображены въ ней Троянцы.

Недавно высказано было весьма вѣроятное мнѣніе, что „Элей и его спутники—это какъ бы козачество, бродившее по свѣту послѣ разрушенія Сѣчи“³⁾. И въ самомъ дѣлѣ, во многихъ отношеніяхъ представляютъ они сходство съ запорожскимъ козачествомъ. Въ разныхъ мѣстахъ Энеиды называются они рыцарями, козаками. И не потому только Троянцы напоминаютъ сичевыхъ братчиковъ, что пили они горѣлку такъ, „якъ брагу поросита“ (II, 18), но и потому, что были они „моторни,

Съ діавола швидки, проворни,

Пидпустять москаля якъ разъ“. (III, 7).

Въ тѣхъ мѣстахъ, куда заносила ихъ судьба, вели они себя несдержанно, какъ моряки въ приморскихъ городахъ или

1) Исторія Малороссіи Бантишъ-Каменскаго, III, 193.

2) Исторія Россіи Соловьева XXVII, 138.

3) Кіевская Старина, 1898, сентябрь, ст. Н. Дашкевича, „Малорусская и другія бурлескныя Энеиды“, 182.

же какъ запорожцы въ городахъ Гетманщины. Добравшись до Кумской земли, они

„И тутъ не шановались,
А заразъ вси и потаскались,
Чого хотилося шукать:
Якому меду та горилки,
Якому молодыци, дивки,
Оскому щобъ зъ зубивъ зигнать“. (Ш, 6).

Но эти, „гольтяки“, „ланьци“ отличались и козацкими добродѣтелями. Мы видѣли, что между ними были люди, способные къ возвышеннымъ человѣческимъ настроеніямъ. Таковы были безстрашные воины и вѣрные товарищи Эвріаль и Нызъ. Эвріаль сознаетъ хорошо завѣтъ своего отца: „умры на поли, якъ герой“ (V, 74), поэтому, когда Нызъ напомнилъ ему о его обязанностяхъ по отношенію къ матери его, онъ отвѣчаетъ ему:

„Де общее добро въ упадку,—
Забудь отца, забудь и матку,
Леты повиинистъ исправлять“. (V, 77).

Манила того и другого къ подвигамъ героизма и вѣчная память въ потомствѣ, и любовь къ родинѣ. По поводу ихъ подвиговъ поэтъ говоритъ:

„Любовь къ отчизнѣ де героить,
Тамъ сыла вража не устоить,
Тамъ грудь сыльнійша одъ гармать,
Козакъ тамъ чортови не брать“. (V, 94).

Любопытно знать, о какой отчизнѣ здѣсь рѣчь идетъ, когда Троянцы потеряли свою давнюю отчизну и теперь искали новой. Безъ сомнѣнія, идею отчизны они вынесли еще изъ погибшей Трои, но никогда не умирала у нихъ эта идея, являясь предъ ними въ видѣ войскового „товариства“, которое, согласно съ предсказаніемъ, даннымъ Энеемъ выше,

„Всимъ свитомъ буде управляты,
По всихъ усядахъ воюваты,

Пидверне всихъ соби пидъ спидъ,
И римскіи поставыть стины,
Въ ныхъ буде жыты, якъ въ раю". (III, 138—139).

Сводя къ одному цѣлому всѣ данныя объ Энеѣ и Троянцахъ, разбросанныя въ Энеидѣ Котляревскаго, нельзя отрицать сочувствія его къ этимъ „бурлакамъ“, не утратившимъ симпатическихкихъ качествъ въ борьбѣ съ невзгодами на морѣ и на сушѣ. Но есть въ Энеидѣ и другіе козаки, враждебные Троянцамъ. Это Латинцы, вооружившіеся противъ Троянцевъ по наущенію вельможъ царя Латина и вопреки его желанію. Поэтъ описываетъ это „посполитое рушенъе“, предпринятое на счетъ вельможъ.

„На конихъ сотныкы фынтылы,
Хорунжи усыкы крутылы,
Кабаку нюхавъ асауль,
Урядныкы зъ атаманамы
Новыми чванылысь шапкамы,
И ратныкы всякый губу дувъ". (IV, 100).

Эта бойкая картина вызвала у поэта воспоминаніе о полкахъ козацкихъ, которые ничѣмъ по своему устройству не отличались отъ полковъ латинскихъ.

„Такъ вичной памяти бувало
У насъ въ Гетманщынѣ колысь,
Такъ просто вѣйсько шыковало,
Не знавшы: стой! не шевельсь!
Такъ славные полкы козацкыи—
Лубенскый, Гадяцкый, Полтавскый,
Якъ грянуть, сотнямы ударять,
Передъ себе спысы наставлять,
То мовъ метлою все метуть" (IV, 101).

Нельзя отказать этимъ словамъ въ искренности: красота козацкаго войска и его сила, видимо, захватываютъ мысль и чувство поэта. Но вотъ что странно. Съ каждымъ новымъ стихомъ ивиѣняется настроеніе поэта, одна за другою появляются шутивыя ноты, которыя переходятъ наконецъ въ сплошное

глушенье надъ Латинцами. Неважное оружіе въ латинской арміи.
Они,

„Держась военного обряда,
Готовылы заздалегидь
Багацько всякого снаряду,
Що сумно ажъ було глядить:
Для пуль—то галушкы сушылы,
А бомбъ—то зъ глыны налипылы“. (IV, 105).

„Не малы палашивъ, ни шабель,
У нихъ, бачъ, Тулы не було,
Не шаблею жъ убыть и Авель,
Полино смерть йому дало.
Соснови копытки стругалы
И до бокивъ повачеплялы
На валяныхъ вервовочкахъ.
Изъ лыкъ плетени козубенькы,
Зъ якымы ходять по опенькы,
Булы, якъ сумы на плечахъ“. (IV, 106).

Затѣмъ началась „муштра“.

„Дивкы на пруттяхъ розбийжжаль,
Ципкамы хлопцивъ муштровалы,
Стари жъ учылысь кидать въ циль,
А бабъ старыхъ на пичъ сажалы
И на печи ихъ штурмовалы,
Бачъ, для баталіи въ прымирь“. (IV, 103).

Все это совершенно въ такомъ же родѣ, какъ изображеніе „морковьяного“ Ляшка въ извѣстной народной пѣснѣ. Откуда этотъ тонъ, когда нѣсколькими строфами выше поэтъ въ хвалебныхъ выраженіяхъ сближаетъ латинское войско съ козацкимъ? Теперь же онъ самымъ положительнымъ образомъ утверждаетъ, что

„Такее ратнее фиглярство
Було у нихъ (Латинцевъ) за регулярство“. (IV, 108).

Въ такомъ случаѣ, не то же ли самое было и у козаковъ? Своенравная фантазія поэта, играя юмористическими сближеніями, повидимому, упускаетъ изъ виду, что она задѣваетъ и то, что для нея самой было симпатично. Происходитъ это отчасти отъ самой природы юмористическаго смѣха, въ которомъ всегда есть нѣкоторая доля сомнѣнія въ томъ, во что вѣрятъ люди, и разочарованія въ томъ, чѣмъ увлекаются они, при чемъ нерѣдко изъ круга этихъ людей юмористъ не исключаетъ и самого себя. Въ основѣ этого міровоззрѣнія лежитъ скорбная мысль о непрочности всего того, на чемъ строить человѣкъ свое благосостояніе,—мысль о ничтожествѣ его предъ грозными силами судьбы, которая, какъ изъ рога изобилія, посылаетъ ему тысячи бѣдствій въ самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ.

„Бида не по деревьяхъ ходить“, говоритъ поэтъ,
И кто жъ ѣи не скоштувавъ?

Бида биду, говорятъ, родить,

Бида для насъ судьбы уставъ“. (V, 1).

Поэтому зло, назначенное судьбою,

„Слидытые скризъ за тобою,
Не утичешъ за сто морей“. (V, 97).

И это былъ пессимизъ не только поэтический, но и сознательно историческій. Безъ всякаго сомнѣнія, Котляревскій питалъ глубокія симпатіи къ своей родинѣ, къ ея героическому прошлому, но замѣчательно, что въ воспоминаніяхъ его объ этомъ прошломъ нѣтъ выразительныхъ и яркихъ красокъ: о Сагайдачномъ, Дорошенкѣ, Желѣзнякѣ говоритъ онъ по поводу союзниковъ Турна мимоходомъ и мелькомъ (IV, 126—127), а о Богданѣ Хмельницкомъ, о которомъ любили распространяться въ стихахъ и прозѣ малорусскіе писатели XVIII вѣка, во всей Энеидѣ нѣтъ ни слова. По всему видно, что Котляревскаго, какъ и другихъ современниковъ его, подхватила новая волна жизни, которая далеко унесла ихъ изъ сферы политическихъ стремленій, одушевлявшихъ старую Малороссію, и поставила лицомъ къ лицу съ новыми задачами жизни. Нравственное величіе Котляревскаго

въ томъ и состоитъ, что онъ рѣшалъ эти задачи, какъ поэтъ-идеалистъ, не потерявшій гуманныхъ чувствъ въ тотъ вѣкъ, когда негуманные чувства находили поддержку въ крѣпостномъ рабствѣ, которое водворялось въ краѣ, искажая здравыя общественныя понятія и лучшія благожелательныя настроенія. Не могъ Котляревскій не сознавать этого печальнаго конца малорусской исторіи съ ея кровопролитными войнами, которыя не принесли счастья народу, поэтому есть нѣкоторая цримѣсь горечи и въ общихъ воззрѣніяхъ его на войну и на жестокія послѣдствія ея:

„Гуде въ Латіи дзвинъ вищовый“, говоритъ онъ,
 „И гасло всимъ къ війни дае...
 Війна въ кровавыхъ рызахъ тутъ,
 За нею раны, смерть, увичча,
 Безбожность и безчоловичча
 Хвистъ мантии ѣи несуть“. (IV, 114).

Такъ, по нашему мнѣнію, получилась та сложная гамма чувствъ, которая звучитъ во всѣхъ подробностяхъ о приготовленіи Латинцевъ къ войнѣ.

Что же означаетъ этотъ кровавый образъ войны, этотъ протестъ противъ нея, вложенный въ уста миролюбиваго царя Латина:

„Не звирь я людську кровь пролыты,
 И не харцызъ, людей щобъ быты“? (IV, 91).

Откуда эти понятія? Не указываютъ ли они на тотъ путь, по которому шла мысль поэта, искавшая выхода изъ трудныхъ условий жизни въ новой политической обстановкѣ?

Мало мы имѣемъ свѣдѣній о внутренней жизни Котляревскаго, чтобы отвѣчать положительно на всѣ эти вопросы, но сопоставляя то, что извѣстно намъ объ умственныхъ теченіяхъ его времени, съ тѣмъ, что самъ онъ говоритъ въ своей Энеидѣ, можно прійти къ нѣкоторымъ заключеніямъ о душевныхъ убѣжденіяхъ его, которыя хотѣлъ онъ перелить въ сознаніе своихъ современниковъ.

Мы видѣли изъ предыдущихъ очерковъ, что уже болѣе вѣка длилось умственное общеніе малорусскаго юга съ великорусскимъ сѣверомъ. Со временъ Петра Великаго главная сила этого общенія заключалась въ реформѣ его, которая опиралась, какъ извѣстно, на свѣтскую науку. Но въ вѣкъ Петра Великаго наука эта не выходила изъ тѣснаго круга техническихъ знаній, приспособленныхъ къ разнообразнымъ потребностямъ общественной и государственной жизни. При Елисаветѣ Петровнѣ это дѣловое, утилитарное направленіе науки смѣняется болѣе общимъ Русскихъ людей начинаетъ интересоваться не та или другая отрасль знанія, а самое знаніе, какъ потребность мысли, какъ образовательная сила. При Екатеринѣ II само правительство пошло на встрѣчу этой потребности, стремясь къ обновленію русской жизни посредствомъ идей французскаго просвѣщенія. Масса французскихъ сочиненій безъ особеннаго стѣсненія переводилась въ то время на русскій языкъ. Составлялись сборники выбранныхъ мѣстъ изъ авторовъ, наиболѣе извѣстныхъ, подъ заглавіями: „Духъ Вольтера“, „Духъ Гельвеція“, „Духъ Руссо“. Особеннымъ уваженіемъ пользовался Вольтеръ, создавшій у насъ цѣлое поколѣніе „вольтеріанцевъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что эта волна просвѣтительнаго движенія коснулась и Малороссіи, тѣмъ болѣе, что въ ней издавна, во всѣхъ слояхъ народонаселенія распространено было уваженіе къ просвѣщенію, а малорусское шляхетство, какъ мы знаемъ, постоянно мечтало объ учрежденіи университетовъ въ разныхъ городахъ малорусскихъ, пока наконецъ мечты эти не осуществились въ 1805 году, когда основанъ былъ университетъ въ Харьковѣ. Что касается до школъ духовныхъ, господствовавшихъ въ Малороссіи, то по составу своему это были всесловныя школы, начиная отъ кievской академіи и до семинаріи, въ которой учился Котляревскій. Объ этой семинаріи въ біографіяхъ его существуютъ сбивчивыя показанія, поэтому нужно сказать о ней нѣсколько словъ.

Называютъ ее обыкновенно полтавской семинаріей, такъ какъ она находилась въ г. Полтавѣ, гдѣ родился Котляревскій. Основана она была спустя десять лѣтъ послѣ его рожденія, въ

1779 г. при архіепископѣ словенскомъ Никифорѣ Θεотоки, который жилъ въ Полтавѣ и отсюда управлялъ словенскою епархей¹⁾: вотъ почему и семинарія полтавская называлась въ то время словенскою²⁾. Самъ Θεотоки, Молдаванинъ по происхожденію, получилъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ: можетъ

1) Въ 1786 г. словенская епархія переименована была въ екатеринославскую и Херсонеса таврическаго, въ 1793 г. архіерейская кафедра вмѣстѣ съ семинаріей перенесена была въ Новомиргородъ, а оттуда въ Екатеринославъ. Съ образованіемъ полтавской епархіи изъ бывшей переяславской переименована была и переяславская семинарія въ полтавскую только въ 1799 году, хотя до шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія оставалась въ Переяславѣ. (Полт. епарх. вѣдом. 1863 г.).

2) Не смотря на изобильную литературу о Котляревскомъ, мы не имѣемъ въ ней прочно обоснованныхъ свѣдѣній даже о томъ, въ какіе годы учился онъ въ словенской семинаріи. Въ формулярномъ спискѣ его, выданномъ изъ сѣверскаго драгунскаго полка отъ 13 февраля 1800 г., значится, что въ 1779 г. онъ поступилъ на службу въ штатъ бывшей новороссійской канцеляріи, въ 1780 г., октября 3 дня, произведенъ былъ въ подканцеляриста, въ 1781 г., іюля 12, въ канцеляриста, въ 1784 г., сентября 14, въ губернскіе регистраторы. Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ въ службѣ, и только въ 1796 г., апрѣля 1, отпущенъ онъ въ томъ же формулярѣ кадетомъ сѣверскаго драгунскаго полка, въ 1796 г., іюля 11, аудиторомъ, въ 1798 г., апрѣля 4, прапорщикомъ, въ 1799 г., генваря 8, подпоручикомъ, въ томъ же году, февраля 5 поручикомъ. (Изъ дѣлъ полтавскаго архива губернской земской управы). Эти подробныя документальныя даты формулярнаго списка располагаютъ думать, что Котляревскій поступилъ на службу десяти лѣтъ—дѣло, весьма возможное въ старинной служебной практикѣ. Если это такъ, то въ семинарію онъ поступилъ не раньше 1784 года, умудренный до нѣкоторой степени опытомъ самостоятельной жизни. Можно предполагать на этомъ основаніи значительную долю сознательныхъ умственныхъ порывовъ въ нашемъ поэтѣ уже въ дошкольный періодъ его жизни. Впрочемъ, всѣ эти предположенія могли бы найти фактическое подтвержденіе въ документальныхъ данныхъ архива екатеринославской Духовной семинаріи, которая ведетъ свою исторію отъ бывшей словенской семинаріи. Къ сожалѣнію, попытка наша получить эти данныя не увѣнчалась успѣхомъ.

быть, это обстоятельство имѣло вліяніе на расширеніе учебной программы въ словенской семинаріи, такъ какъ въ ней, кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, преподавались еще французскій и нѣмецкій языки¹⁾. Отсюда Котляревскій вынесъ знаніе французскаго языка. Здѣсь же, по преданію, началъ онъ писать стихи, за что товарищи называли его рифмачемъ. Слѣды юношескаго размаха мысли, не охлажденной еще опытомъ жизни, видны въ первыхъ трехъ пѣсняхъ Энеиды, хотя нѣтъ никакого основанія утверждать, что она начата была на школьной скамьѣ. Одно можно сказать положительно, что Котляревскій не вынесъ изъ семинаріи того душевнаго склада, который необходимъ для духовнаго званія, поэтому и не сдѣлался лицомъ духовнымъ. Не коснулось его и вольномысліе временъ Екатерины II: нѣтъ во всей Энеидѣ ничего похожаго на отрицаніе въ области религіозныхъ вѣрованій. Тѣмъ не менѣе въ каждомъ словѣ Котляревскаго чувствуется та широта мысли, которая недоступна была поколѣніямъ предшествующимъ. Изображая рай, онъ замѣчаетъ, что въ немъ пребывали

*„Люде всякого завиту,
По билому есть вилько свиту,
Котори праведно жылы“.* (Ш, 125).

И въ раю наслаждались они такою жизнію, о которой мечтать могутъ люди только въ поэтическихъ грезахъ своихъ:

*„Не сердымыся, не гнивылыся,
Не лаялыся и не былыся,
А вси жылы тутъ любязно:
Було въ обще все за одно“.* (Ш, 120).

Съ высоты этихъ идеальныхъ воззрѣній на жизнь, какъ на союзъ любви между людьми, у которыхъ „въ обще все за одно“, Кот-

¹⁾ Преподавателемъ французскаго языка въ то время былъ Петръ Антонъ, а нѣмецкаго — выписанный изъ лейпцигскаго университета профессоръ Шаалъ. (Свѣдѣніе это заимствовано полтавс. епарх. вѣдомостями за 1863 г. изъ екатеринославскаго календаря за 1813 г.).

ляревскій смотрѣлъ на добродѣтели и пороки человѣческіе. Съ чувствомъ христіанскаго человѣколюбія онъ помѣщаетъ въ рай всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ.

„Се бидни ныщи, навыженни“, говоритъ онъ,
Що дурными счислялы ихъ,
Старци, хроми, слипорожденни,
Зъ якихъ бувъ людський глумъ и смихъ,
Се вдовы бидни, безпомощни,
Якымъ пріюта не було;
Се що безъ родычивъ остались
И сиротамы назывались“. (Ш, 123, 124).

Вообще же это всѣ тѣ, которые постоянно нуждались въ человѣческой помощи, поэтому и „сами людямъ помогать любили“. (Ш, 124). Понятно, что матеріальная обеспеченность не располагаетъ людей къ подобному настроенію, и хотя, какъ говорить Котляревскій,

„Бувають всякіе паны,
Но тильки трохи сього дыва,
Не квапляться на се вони“. (Ш, 125).

На вопросъ Энея, кто такой праведныя души, живущія въ раю, Сивилла отвѣчаетъ:

„Не думай, щобъ були чыновни,
Або щобъ грошей скрини повни,
Або въ якихъ товстѣй живить.
Не ти се, що въ цвѣтнихъ жупанахъ,
Въ кармазынахъ, або въ сапьянахъ;
Не ти жъ, що зъ книгами въ рукахъ,
Не рыцари, не розбышаки,
Не ти се, що крычать: „и паки“,
Не ти, що въ золотыхъ шапкахъ“. (Ш, 122).

О дѣяніяхъ всѣхъ этихъ людей рассказываетъ поэтъ, изображая мученія грѣшниковъ въ аду. Мы не станемъ слѣдить за его рассказомъ, который есть ничто иное, какъ ѣдкая сатира на всѣхъ тѣхъ, кто уклонялся, по его мнѣнію, отъ праведной жизни.

Замѣтимъ только, что бичуетъ онъ пороки, какъ общенародные, такъ и сословные, при чемъ первыхъ въ общей сложности меньше, чѣмъ послѣднихъ. По нашему мнѣнію, изобличаются сословные пороки въ тѣхъ строфахъ Энеиды, гдѣ изображается утонченный полевой развратъ мужчинъ и въ особенности женщинъ, гдѣ рѣчь идетъ, напримѣръ, о старыхъ холостякахъ (72), о мартоплясахъ (97), о соблазнительяхъ дѣвицъ, „що въ викна дрались по драбынцѣ“ (77), о сводницахъ, которыя „жинокъ одѣ чоловікѣвъ вралы“ (92), о „честныхъ пустомолкахъ зъ молютовныками въ рукахъ“ (85), о „непотипахахъ зъ куделямы на головахъ“ (38), о панянкахъ, которыя бѣлятся и румянятся (83), о „мандрьохахъ, хльоркахъ и диптянкахъ, що продають себе на часъ“ (86). Мы не сомнѣваемся въ томъ, что Котляревскій могъ наблюдать весь этотъ гулящій людъ въ культурныхъ слояхъ малорусскаго народа, но думаемъ, что, сгущая краски, онъ слѣдовалъ внушенію того безпощадно строгаго нравственнаго чувства, которое часто встрѣчается у писателей юмористическаго направленія. Косвенное подтвержденіе нашей мысли мы находимъ въ томъ обстоятельствѣ, что Котляревскій принадлежалъ къ масонской ложѣ подъ титуломъ *Любовь къ истинѣ* дѣйствовавшей въ Полтавѣ около двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка¹⁾. По всей вѣроятности, онъ поступилъ въ ложу, какъ моралистъ, мечтавшій о возрожденіи современнаго ему общества. Но можно полагать, что и раньше появленія въ Полтавѣ ложи, въ которой участвовалъ Котляревскій, т. е. въ то время, когда писалъ онъ первыя три части Энеиды, нѣкоторые элементы масонской мысли были уже въ немъ подготовлены. Какъ извѣстно, масонство не отличалось высокимъ уровнемъ научныхъ знаній. То же мы находимъ въ тѣхъ мѣстахъ Энеиды, гдѣ авторъ разсуждаетъ о мудрецахъ, попавшихъ въ адъ. Одинъ изъ нихъ, по его словамъ,

„Фызыку провадывъ

И толковавъ якихъ-сь монадивъ

И думавъ, видкиль взявся свѣтъ“. (III, 97).

¹⁾ Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. А. Пыпина, 321.

Замѣчательно при этомъ, что съ этими мудрецами Котляревскій смѣшиваетъ тѣхъ лицъ духовнаго званія, которыя не исполняли прямыхъ своихъ обязанностей. На самомъ днѣ ада, говоритъ онъ, мучились

„Вси розумни филозофы,
Що въ свити вчылись мудровать,
Ченци, полы и крутопопы,
Мырянъ щобъ знали научать,
Щобъ не ганялись за грывнями,
Щобъ не возылись съ попадамы,
Та знали церковъ щобъ одну“. (III, 74).

Такимъ образомъ массонство могло укрѣпить только Котляревскаго въ его нравственномъ ригоризмѣ, въ его недовѣріи къ философской мудрости, опирающейся на изученіе естественныхъ наукъ, отчасти въ его оппозиціонномъ отношеніи къ духовенству, съ которымъ массоны не сходились по разнымъ религіознымъ вопросамъ. Что касается до мистицизма массонскаго, то онъ былъ совершенно чуждъ Котляревскому. Это былъ умъ трезвый и наблюдательный, сознательно направлявшій орудіе сатиры противъ соціального зла, тяготѣвшаго надъ его современниками. Зло это онъ видѣлъ въ угнетеніи слабыхъ людей сильными людьми, принадлежавшими къ сословіямъ привилегированнымъ. Таковы были

„Всякіе цехмыстры,
И ратманы, и бургомыстры,
Судьи, пидсудки, писари,
Яки по правди не судылы,
Та тилько грошыкы лупылы
И отбыралы хабари“. (III, 73).

Таковы были паны, которыхъ въ аду за то „мордовали,

И жарылы зо всіхъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давали
И ставылы ихъ за скотивъ“. (III, 70).

Это было самое больное мѣсто въ социальномъ строѣ малорусской жизни, и ничто такъ не возвышаетъ нашего поэта надъ низкимъ уровнемъ современныхъ ему понятій, какъ благородный, негодующій голосъ его противъ превращенія людей въ скотовъ. Нужно было имѣть гражданское мужество, чтобы поднять этотъ голосъ въ тотъ вѣкъ, когда, по свидѣтельству историка, во всей Россіи и отъ всѣхъ сословій послышался дружный и страшно печальный крикъ: „рабовъ“¹⁾!

Итакъ, Котляревскій выдвинулъ новый вопросъ въ малорусской литературѣ, тотъ вопросъ о мужикѣ, который составлялъ злобу дня для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній до самаго освобожденія крестьянъ. Онъ далъ въ своей Энеидѣ и формулу этого вопроса:

„Мужыча правда есть колюча,

А панська на вси боки гнуча“. (VI, 97).

Предпочиталъ онъ гнучей правдѣ колючую. Въ ней нашелъ онъ идеальную программу жизни со включеніемъ всѣхъ добродѣтелей семейныхъ и общественно - патріотическихъ, унаслѣдованныхъ малорусскимъ народомъ отъ предковъ. Подъ эту программу онъ подводилъ мелькавшую предъ нимъ жизнь съ ея неустановившимися очертаніями, съ ея хаотическимъ смѣшеніемъ стараго съ новымъ. Для этого онъ долженъ былъ раздвинуть рамки поэтического творчества. Въ прежнее время, согласно съ теоріей Довгалева, только народные типы могли быть предметомъ поэтического изображенія на народномъ языкѣ. Въ Энеидѣ Котляревскаго появились люди всѣхъ сословій. Описывая адъ, онъ говоритъ, что въ немъ были

„Невирни и хрыстьяне,

Булы паны и мужыкы,

Булы и шляхта, и мищане,

И молоди, и старыкы;

Булы багати и убоги,

Прями булы и кривоноги,

¹⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XXVII, 121.

Булы видющи и слипи,
 Булы и штатски, и военни,
 Булы и панськи, и казенни,
 Булы мыряне и попы". (III, 80).

Этотъ широкій кругъ лицъ, захваченныхъ Энеидой, привлекалъ къ ней вниманіе самыхъ разнообразныхъ читателей, поэтому Котляревскаго нужно признать создателемъ малорусской читающей публики, которая находила въ его произведеніи правдивое изображеніе жизни, приправленное здоровымъ, честнымъ смѣхомъ. Самый смѣхъ этотъ возможенъ былъ только подъ условіемъ независимой, общечеловѣческой мысли, которая требовала свободного поэтическаго слова. Какъ творецъ этого слова, Котляревскій по всей справедливости считается отцемъ новой малорусской литературы.

XVII.

Анализъ текста въ древнѣйшемъ спискѣ Энеиды сравнительно съ текстомъ первопечатныхъ изданій ея.

Возвращаясь къ давно оставленному нами списку Энеиды Котляревскаго, считаемъ нужнымъ прежде всего отмѣтить нѣкоторыя особенности въ правописаніи его¹⁾.

Списокъ—не изъ исправныхъ: встрѣчаются въ немъ искаженія текста до нарушенія смысла. Такъ, въ 36 строфѣ второй части сказано въ изданіи самаго автора, что Бахусъ „изъ Ганнимедова пуздерка утеръ трохи не пиввѣдерка“, а въ спискѣ: „у Ганны-медова пуздерка утеръ трохи не пѣвведерка“. Подобныя искаженія встрѣчаются въ 36, 45; 81, 120 строфахъ третьей части.

Нельзя сказать также, чтобы переписчикъ былъ особенно грамотный человѣкъ, что видно изъ начертанія слѣдующихъ

¹⁾ Мы получили этотъ списокъ отъ А. Н. Семенова, за что приносимъ ему искреннюю благодарность.

словъ: *вчѣмъ* (I, 3), *изнимъ* (I, 6), *въднеи* (I, 58), *въдмене* (II, 27), *съ травою* *вм.* *съ стравою* (I, 13), *криму* *вм.* *къ Риму* (I, 46), *съ траху* *вм.* *съ страху* (II, 2), *обземлю* (II, 28), *пѣднѣсь* *вм.* *пидъ нисъ* (II, 37), *безъ олове* (III, 120), *пѣдтинами* (III, 124), *безъ толковый* (III, 47), *пѣдъ земного царя* (III, 115), *въ вѣйшли* (III, 10).

На каждой страницѣ рукописи можно видѣть смѣшеніе и съ *ы*, при чемъ послѣдній звукъ преобладаетъ надъ первымъ: *бурлаки* (III, 7), *якы* (III, 9), *роагы* (I, 57), *волагы*, *возагы* (II, 60), *козакамы*, *проводникамы* (II, 69), *послѣднѣй* (III, 24), *богатымъ* (дат. мн.), *скупимъ* (дат. мн.) (III, 74), *мешкаты*, *знаты* (I, 46), *роизнати* (III, 10), *быты* (III, 17), *видеру* (I, 56), *были* *вм.* *били* (II, 50), и *былы* (III, 115), *жины* *вм.* *жили* (III, 7), *терпѣли* (III, 83), *вылы* *вм.* *вили* (III, 84).

Буква *ь* употребляется, согласно съ стариннымъ малорусскимъ правописаніемъ, для выраженія звука *і* съ полнымъ безразличіемъ къ тому, откуда происходитъ это *і*:

1) *ь* удерживается тамъ, гдѣ стоитъ основное *ь*, какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ словъ: *хрѣнь* (III, 83), *до вѣнья* (III, 79), *у сѣль* (I, 40) и проч.

2) *ь* пишется тамъ, гдѣ стоитъ *и*, какъ въ корняхъ, такъ и во флексіяхъ: *зѣмлють* (I, 40), *помѣратъ* (III, 38), *сыновѣ* (II, 64), *ионцевѣ* (I, 46), *лихоманицѣ* (I, 38), *кровѣ* (III, 127), *по любовѣ* (ib.), *писарѣ* (III, 47), *конѣ* (I, 61), *молодицѣ* (I, 31), *въ гостѣ* (I, 18), *кислицѣ*, *коржѣ*—вин. мн. (III, 29), *пѣхъ* *вм.* *ихъ* (III, 134), *пѣмъ* *вм.* *имъ* (III, 73).

3) *ь* вмѣсто *і* изъ *о*: *тѣрко* (I, 25), *потѣмъ* (I, 20), *тѣлко* (I, 35), *крѣмъ* (I, 41), *стѣлъ* (I, 13), *пѣлъ* (I, 26), *кѣтъ* (I, 11), *хѣтѣтъ* (I, 50), и *фѣтѣтъ* (III, 38), *Бѣтъ* (II, 46): слово это встрѣчается въ рифмѣ: *неубоѣ* (III, 98), *зубѣвъ* (II, 21), *мѣй* (I, 15), *свѣй* (I, 17), *тѣй* (II, 65), *вѣнъ* (I, 1) и даже *вѣна* въ открытыхъ слогахъ, вопреки произношенію, по привычкѣ писать *вѣнъ*.

4) *ь* *вм.* *і* изъ *е*: *пѣчь* (I, 61), *лѣдъ* (II, 47), *жѣтѣкамъ* (I, 39), *пѣръ*—род. мн. (III, 47), *курѣчѣй* (III, 11), *стѣмъ* (II, 47), *на нѣмъ* (III, 27), *лѣтъ* (I, 32), *зѣвъ* (I, 44), *перевѣтъ* (III, 54).

Есть тяготѣніе къ твердому р: *ира* вм. *иря* (I, 1), въ *нарядъ* вм. *въ нарядъ* (I, 45).

Встрѣчаются изрѣдка архаическія формы: *панювъ* (III, 72), *човнювъ* (III, 43, 49) и *човнювъ* (II, 50).

Займемся теперь сравненіемъ нашего списка Энеиды съ первопечатными изданіями ея.

Выписываемъ заглавіе перваго изданія ея: „Энеида, на малороссійскій языкъ перелиціованная И. Котляревскимъ. Часть I. Съ дозволенія санктпетербургской цензуры. Иждивеніемъ М. Парпуры. Въ Санктпетербургѣ, 1798 года“. Такое же заглавіе стоитъ предъ каждою частію Энеиды. Всѣхъ частей три, каждая— съ отдѣльной пагинаціей. Предъ первою частію на отдѣльной страницѣ напечатано курсивомъ въ три строки: „Любителямъ малороссійскаго слова усерднѣйше посвящается“. Это посвященіе бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на издателя. Родомъ онъ былъ изъ конотопскаго уѣзда черниговской губ., дворянинъ, сынъ значковаго товарища, съ 1783 г. состоялъ канцеляристомъ въ петербургскомъ дворянскомъ банкѣ. Независимо отъ изданія Энеиды, Парпура причастенъ былъ литературѣ изданіемъ книги Антипа: „Жизнь Суворова“, а также переводомъ съ нѣмецкаго языка книгъ медицинскаго содержанія. Дослужался онъ до коллежскаго совѣтника и умеръ богатымъ харьковскимъ помѣщикомъ въ 1828 г. По духовному завѣщанію онъ оставилъ по 16 тысячъ рублей на конотопское повѣтовое училище, на черниговскую или новгородсѣверскую гимназію и на харьковскій университетъ, а также 40 тыс. руб. на конотопскую багачельню. Всѣ эти данныя невольно заставляютъ думать, что, издавая Энеиду, Парпура едва ли имѣлъ въ виду корыстныя цѣли.

Второе изданіе есть буквальная перепечатка перваго, только опечатки и варианты, указанные въ первомъ изданіи, внесены въ самый текстъ поэмы. Вышло оно въ 1808 г. тоже въ Петербургѣ, напечатано въ типографіи Ивана Глазунова, вѣроятно, его же иждивеніемъ. Въ этомъ случаѣ мы не отрицаемъ корыстныхъ цѣлей.

Третье изданіе принадлежит самому автору. Оно вышло на другой годъ послѣ предыдущаго, т. е. въ 1809 г., и напечатано тоже въ Петербургѣ, въ медицинской типографіи. Самое рѣзкое отличіе его отъ предыдущихъ изданій заключается въ присоединеніи къ тремъ частямъ Энеиды четвертой. Въ предисловіи издатель говоритъ, что Энеида напечатана была два раза „безъ его вѣдома и согласія“, что она „досталась издателямъ со многими ошибками и опущеніями, случившимися отъ переписки, а сверхъ того и издававшіе многое въ ней по своему передѣляли и почти испорченную выпустили подъ его именемъ“. Въ виду этого онъ „рѣшился исправить и дополнить первыя три части“ и напечатать ихъ съ присоединеніемъ четвертой.

Замѣчательно, что авторъ цѣлымъ десять лѣтъ былъ равнодушенъ къ тому, что книга его издана была „безъ его вѣдома и согласія“, и только послѣ второго изданія онъ увидѣлъ, что она попала въ руки торговца, подобравшаго то, что не имѣло хозяина. Тогда только онъ нашелъ необходимымъ заявить авторскія права свои и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не различилъ праваго отъ виноватаго, прибавивъ къ описанію ада строфу, въ которой помѣстилъ мацапуру, т. е. Парпуру въ адъ за присвоеніе чужой собственности. Какъ бы то ни было, но Парпура съ любовію отнесся къ изданію Энеиды, какъ одинъ изъ „любителей малороссійскаго слова“. Онъ снабдилъ свое изданіе небольшимъ словаремъ къ Энеидѣ—первымъ по времени въ новой малорусской литературѣ. Впослѣдствіи воспользовался этимъ словаремъ самъ Котляревскій, приложивъ его къ своему изданію. Кромѣ того, Парпура положилъ новыя основы малорускаго правописанія, возстановивъ основное и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта буква требовалась этимологіей словъ, и ограничивъ употребленіе буквы ѣ, устранивъ ее въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ старинное малорусское правописаніе ставило ее вмѣсто основнаго и, а также вмѣсто и изъ о и е. Что касается до передѣлокъ въ текстѣ Энеиды, то мы сомнѣваемся, чтобы Парпура имѣлъ особенную склонность къ нимъ, такъ-какъ въ концѣ своего изданія онъ помѣщаетъ немногіе варианты къ напечатанному

тексту—по всей вѣроятности, изъ другого списка Энеиды, бывшаго у него подъ рукою.

Обращаясь къ изданію самого Котляревскаго, мы находимъ въ немъ прежде всего добавленія, которыхъ нѣтъ ни въ нашей рукописи, ни въ изданіи Парпуры. Наиболѣе важныя изъ нихъ—это строфа 82 въ третьей части, гдѣ описываются мученія „мацапуры“ въ аду, а затѣмъ четыре строфы въ первой части, гдѣ Дидона изливаетъ свое горе предъ сестрой своей Ганной. Нужны были эти послѣднія строфы для того, чтобы читатель могъ понять рѣшимость Дидоны на самоубиеніе. Безъ нихъ, дѣйствительно, поступокъ ея былъ бы неожиданнымъ и, во всякомъ случаѣ, невыясненнымъ событіемъ.

Указанныя нами мѣста, очевидно, вновь сочинены авторомъ. Но есть въ изданіи автора одно дополненіе, которое подало ему поводъ упрекать прежнихъ издателей въ томъ, что они допустили въ текстѣ Энеиды нѣкоторыя „опущенія“. Въ двухъ первыхъ изданіяхъ, а именно въ третьей части, не достаетъ строфъ 133, 134, 135 и 136: здѣсь рѣчь идетъ о вечерницахъ въ аду, но нѣтъ упоминанія о томъ, какъ Анхизъ, отецъ Энея, привелъ его къ дѣвушкамъ-ворожкамъ. Нѣтъ характеристики самой бойкой изъ нихъ, которая вызвалась поворожить Энею, поэтому при описаніи самой ворожбы неясно въ изданіи Парпуры, кто ворожить. Всѣ эти пропущенныя строфы имѣются въ нашемъ спискѣ, отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что Котляревскій, исправляя прежнія изданія, не только вставлялъ новое, но и восстанавливалъ „опущенія“ по рукописи болѣе полной и исправной. Въмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ списокъ, совпадающій въ данномъ случаѣ съ изданіемъ автора, пріобрѣтаетъ значительную цѣнность.

Но не въ этомъ одномъ мѣстѣ представляетъ онъ сходство съ изданіемъ автора. Такихъ мѣстъ въ Энеидѣ не мало: въ первой части ея въ 3 и 36 строфѣ, во второй части въ 24 строфѣ, въ третьей въ 10, 11, 13, 14, 38, 65, 79, 87, 89, 90, 96, 100, 102, 104, 110, 111, 117, 188 строфахъ¹⁾. Въ боль-

1) Мы приводимъ только тѣ варианты, которые отмѣчены въ нашемъ изданіи литерами, а не цифрами, т. е. составляютъ каждый изъ нихъ выраженіе, равное одному или же нѣсколькимъ стихамъ.

шинствѣ указанныхъ нами мѣстъ Котляревскій, предпочитая тексту Парпуры иной текстъ, сохранившійся въ нашемъ списокѣ, выбиралъ лучшее, но нельзя этого безусловно сказать о всѣхъ исчисленныхъ нами случаяхъ: иногда текстъ Парпуры проще и естественнѣе текста, редактированнаго самимъ авторомъ, на примѣръ, въ третьей части строфы 11, 14 и нѣкоторыя другія.

Таковы отличія нашего списка отъ изданія Парпуры. Было бы отличій этихъ больше, т. е. былъ бы нашъ списокъ болѣе похожъ на рукопись, которою пользовался Котляревскій для своего изданія, если бы первый владѣтель списка не внесъ въ него нѣкоторыхъ измѣненій и поправокъ уже послѣ того, когда появилось изданіе Парпуры. Такъ - какъ на немъ стояло имя автора, да при томъ это былъ печатный текстъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что Заградскій считалъ его болѣе исправнымъ, чѣмъ тотъ рукописный текстъ, который принадлежалъ ему. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, онъ выписывалъ изъ изданія Парпуры все то, что казалось ему лучшимъ. Такъ, на первомъ же заглавномъ листѣ нашего списка мы видимъ вариантъ изъ четырехъ стиховъ, приведенный Парпурой въ концѣ книги подъ общимъ заглавіемъ „Перемѣны“. Тамъ же помѣщена шестая строфа третьей части, тоже по изданію Парпуры, впоследствии зачеркнутая, вѣроятно послѣ того, какъ вписавшій ее замѣтилъ, что она ничѣмъ почти не отличается отъ соответствующаго текста самаго списка, сходнаго въ данномъ случаѣ съ текстомъ Энеиды по изданію Котляревскаго. Всѣ эти приписки сдѣланы рукою самого Заградскаго, что видно изъ сходства почерка съ собственною подписью его на заглавномъ листѣ. Но это далеко еще не все. Въ первой части Энеиды Заградскій дѣлалъ подчистки въ своемъ списокѣ и на вытертыхъ мѣстахъ—тоже своею рукою и довольно густыми чернилами вписывалъ не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя стихи отъ одного до четырехъ изъ печатнаго изданія Парпуры. Иногда на вытертыхъ мѣстахъ можно разобрать вѣ некоторыя буквы, доказывающія, что первоначально и въ нашемъ списокѣ стояли тѣ же самые стихи, что въ изданіи Котляревскаго. Особенно это замѣтно, на примѣръ, въ

строфѣ шестой, гдѣ такимъ образомъ стихи 4, 5, 6 и 7-й исправлены согласно съ изданіемъ Парпуры. Начальные слова пятого стиха („пошли“) и шестаго („щобъ“) остались не вытертыми, потому что и у Парпуры, и у Котляревскаго есть эти слова. Такія подчистки съ написаніемъ, какъ отдѣльных словъ, такъ и цѣлыхъ стиховъ по изданію Парпуры, встрѣчаются въ слѣдующихъ строфахъ первой части Энеиды: въ 4, 7, 9, 11, 13, 16, 17, 24, 26, 27, 28, 31, 40 и 43-й.

Но для характеристики нашего списка вотъ что любопытно. Во многихъ мѣстахъ его есть сходство съ текстомъ Парпуры и на неподчищенныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, въ изданіи Котляревскаго говорится, что послѣ того, какъ буря улеглась на морѣ, Троянцы, по приказанію Энея, начали готовить обѣдъ:

„Послали шаліовки сосновы,
Кругомъ наставили мисокъ“. (I, 13).

Между тѣмъ у Парпуры и въ нашемъ списокѣ мы имѣемъ такой вариантъ:

„Поставили столы дубовы,
Багацько зъ стравою мысокъ“.

Можно полагать, что въ позднѣйшей редакціи Котляревскій замѣнилъ столы шаліовками по тому соображенію, что на лодкахъ у Троянцевъ едва ли могли оказаться столы, слѣдовательно текстъ Парпуры и нашего списка въ этомъ случаѣ древнѣе текста въ изданіи Котляревскаго. Къ тому же выводу приводитъ и 30-я строфа первой части. Вся она передѣлана изъ стараго матеріала, сохранившагося въ нашемъ списокѣ и у Парпуры. Дидона замѣнена сестрой ея Гандзей и создана новая, пластическая подробность танца:

„Эней, матню въ кулакъ прибравши
И не до *солы* промовлявши“...

Оставляя въ сторонѣ анализъ подчищенныхъ мѣстъ, остановимся только на одномъ изъ нихъ. Вся 34 строфа въ нашемъ списокѣ написана рукою Заградскаго. Повидимому, переписчикъ, не разобравъ подлинника, съ котораго онъ списывалъ, поста-

вилъ своею рукою только цифру надъ строфой, а Заградскій, вла-
дѣлецъ списка, исправлявшій его, впослѣдствіи написалъ цѣлую
строфу на пустомъ мѣстѣ. Такъ можно думать на томъ основа-
ніи, что въ седьмомъ стихѣ этой строфы сперва написано было
галанци, какъ въ первомъ изданіи Парпуры¹⁾, а потомъ это
слова вытерто и въ замѣнъ его написано *штаны*—слово, по-
средствомъ котораго исправляется слово *галанци* въ томъ же
первомъ изданіи. Во второмъ изданіи, а также въ третьемъ—
авторскомъ тоже стоитъ слово *штаны*, а не *галанци*. Намъ
представляется дѣло такъ, что слово *галанци* было въ перво-
начальномъ наброскѣ Энеиды, откуда оно и попало въ первое
изданіе Парпуры, который, имѣя подъ рукой другой списокъ
Энеиды съ словомъ *штаны*, внесъ это слово въ опечатки для
замѣны слова *галанци*, а затѣмъ уже слово *штаны* очутилось
во второмъ и въ авторскомъ изданіяхъ. Если догадка наша
справедлива, то нельзя отказать первому изданію Парпуры,
равно и нашему списку, въ томъ, что они сохранили нѣкоторые
слѣды первоначальной редакціи Энеиды, впослѣдствіи уничто-
женные самимъ авторомъ.

Можно подтвердить это послѣднее соображеніе еще болѣе
выразительнымъ примѣромъ. Въ третьей части Энеиды, въ 52
и 53 строфахъ нашего списка, а такъ же въ изданіи Парпуры,
рассказывается о томъ, что видѣлъ Эней въ подземномъ царствѣ
еще до переѣзда своего чрезъ рѣку Стиксъ. Видѣлъ онъ
вѣдъмъ и упырей, огненныхъ змѣевъ съ крыльями, и кощеевъ, и
всякихъ чудищъ сказочнаго міра, съ которыми хотѣлъ вступить
въ борьбу. Но такъ какъ въ 51 строфѣ сказано, что Эней сильно
струсиль отъ тѣхъ дивъ, менѣе страшныхъ, которыхъ раньше
видѣлъ, то воинственный задоръ его былъ бы явнымъ противо-
рѣчіемъ съ страхомъ, только что обнаруженнымъ, поэтому ав-
торъ и выбросилъ въ своемъ изданіи строфы 52 и 53, которыя,
безъ всякаго сомнѣнія, стояли въ первоначальномъ текстѣ

¹⁾ По объясненію словаря къ изданію Парпуры *галанци*—нѣ-
мецкіе *штаны*.

Энеиды. Выходитъ отсюда, что нашъ списокъ и изданіе Парпуры ближе къ этому тексту, чѣмъ изданіе самого автора.

Такимъ образомъ ясно становится, что авторъ, исправляя изданіе Парпуры, исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальный текстъ Энеиды, насколько можно судить о немъ по отраженіямъ его въ мѣстахъ, гдѣ нашъ списокъ сходится съ изданіемъ Парпуры, и оставлялъ безъ всякаго исправленія этотъ текстъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нашъ списокъ сходится съ изданіемъ самого автора.

Но есть въ нашемъ спискѣ мѣста оригинальныя, совсѣмъ непохожія на то, что мы видимъ въ изданіяхъ Парпуры и самого Котляревскаго. Встрѣчаются они во второй части Энеиды и гораздо чаще въ третьей. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія, поэтому мы на нихъ остановимся.

На пути изъ Карфагена въ Италію застигла Троянцевъ буря. Тогда Палинуръ, самый мудрый изъ нихъ, послѣ обращенія къ Нептуну, говоритъ имъ:

„Бувайте, братцѣ, всѣ здоровы!

Чи ще никто зъ васъ не пропає?

Теперь куда мы, братця, ийдемъ“? (II, 4).

Вмѣсто второго стиха у Парпуры и у Котляревскаго стоитъ стихъ болѣе умѣстный и согласованный съ предыдущимъ и послѣдующимъ теченіемъ рѣчи:

„Отъ це Нептунъ замудровавъ“.

Троянки, огорченные безпутнымъ поведеніемъ въ Сициліи Троянцевъ, подожгли троянскія лодки. Въ нашемъ спискѣ говорится по этому поводу: „отъ трѣскотни земля гула“ (II, 49), т. е. земля гула отъ пожара на морѣ. У Парпуры и Котляревскаго проще и естественнѣе: „горѣли діоготь и смола“.

Еще примѣръ:

„Теперь Эней убравсь у пекло,

Прійшовъ совсѣмъ на иншій свѣтъ,

Тамъ все поблѣдло и поблекло,

Зеленою ничого нѣтъ“ (III, 70).

Вмѣсто послѣдняго неяснаго и нескладнаго стиха у Парпуры и Котляревскаго стоитъ стихъ, вполне соответствующій мѣсту дѣйствія: „нема ни мѣсяца, ни звѣздъ“.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ текстѣ нашего списка недостаетъ иногда стилистической обработки, тогда какъ присутствіе ея въ изданіяхъ Парпуры и Котляревскаго могло бы свидѣтельствовать о томъ, что даже изданіе Парпуры менѣе примитивно, чѣмъ нашъ списокъ, если бы не попадались въ немъ мѣста болѣе исправныя, чѣмъ въ изданіяхъ Парпуры и Котляревскаго. Таково, между прочимъ, юмористическое разсужденіе объ отношеніяхъ мужей къ женамъ. Въ авторскомъ изданіи читаемъ:

„Якъ чоловікъ и не онее,
Да коли *жиници*, бачишъ, тее,
Такъ треба угодити *имъ*“ (III, 35).

Здѣсь не согласованы въ числѣ слова: *жиници* и *имъ*. Еще хуже у Парпуры:

„Хоть *чоловѣкамъ* не онее,
Та коли *жиници*, бачишъ, тее,
Такъ треба угодити *имъ*“.

Здѣсь *имъ* можно отнести къ *чоловѣкамъ*. Въ нашемъ спискѣ эти стихи редактированы вполне грамотно и ясно:

„Хоть *чоловѣки* не онее,
Такъ коли, бачъ, *жинки* вже тее,
Такъ треба угодити *имъ*“.

Но есть въ нашемъ спискѣ двѣ строфы, которыя безусловно ручаются за изначальность текста его не только сравнительно съ позднѣйшимъ авторскимъ изданіемъ Энеиды, но даже и съ изданіемъ Парпуры, которымъ, какъ мы видѣли, авторъ пользовался для окончательной редакціи своей поэмы. Это 105 и 106 строфы третьей части, гдѣ рѣчь идетъ о встрѣчѣ Энея съ Дидоной въ аду. Когда онъ предложилъ ей возобновить старинныя нѣжныя отношенія, то она по нашему списку отвѣчала ему такъ:

„Къ чорту убѣрайся,
 На мене бѣлиѣ не поваляйся,
 Сихей (мужъ Дидоны) тобѣ розквасить нѣсъ“! (Ш, 105).

Сивилла увидѣла, что нашъ искатель приключеній зашелъ ужъ слишкомъ далеко, и прикрикнула на него, и если бы не это обстоятельство, то

„Сихей по нѣмъ бы привязався,
 Щобъ на жѣнкахъ не женихався,
 До смерти вдовѣ не доводивъ“. (Ш, 106).

Ни у Парпуры, ни у Котляревскаго нѣтъ ни слова о Сихей, а на мѣсто стиховъ съ упоминаніемъ о Сихей стоятъ безразличные стихи:

„Лишь сунься, тобѣ розквашу нисъ“. П.
 „Не лѣзь! бо розибыю и нисъ“! К. (105 строфа).
 „Що тамъ и досвѣтку дождався“. П.
 „И може, той поры дождався“. К. (106 строфа).

Ясно, что текстъ нашей рукописи въ этихъ строфахъ ближе стоитъ къ первоосновѣ Энеиды, чѣмъ у Парпуры и Котляревскаго. Замѣчательно при этомъ, что тотъ и другой издатель разошлись между собою въ вариантахъ, соответствующихъ стихамъ нашего списка. Можно полагать поѣтому, что или Котляревскій пользовался не тою рукописью, которая была у Парпуры, или исправлялъ изданіе Парпуры. Вообще же намъ кажется, что, относясь неодобрительно къ изданію Парпуры, онъ пользовался этимъ изданіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно представляло болѣе смягченную редакцію. Такъ, въ 76 строфѣ третьей части онъ, повидимому, охотно принимаетъ редакцію Парпуры въ стихѣ: „всїондзы до бабъ щобъ не иржали“ вмѣсто: „ченцѣ до бабъ щобъ не иржали“, какъ въ нашемъ спискѣ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна 42 строфа въ третьей части. Рѣчь идетъ здѣсь о „святыхъ понурахъ“, которыя постились и молились и, по изданію Парпуры,

„Въ слухъ не лаяли людей,
 Но тихо миръ пересуждали

И въ день никола не гуляли,
Въ ночи жъ було не безъ гостей“.

Образъ неопредѣленный и пясный: неизвѣстно, кто эти „свати повуры“ по своему общественному положенію и даже—какого онѣ пола. Нашъ списокъ разъясняетъ, въ чемъ дѣло:

„И въ слухъ не лаялы людей,
На чоткахъ миръ пересуждали,
И въ день никола не гуляли,
Родили жъ мертвыхъ все дѣтей“.

Рѣзко сказано—такъ, какъ бываетъ иногда въ первомъ наброскѣ писателя, къ которому слетѣло „крылатое“ слово, и онъ не успѣлъ еще ему подрѣзывать крылья. Котляревскій удерживаетъ изъ наброска на чоткахъ, а изъ изданія Парпуры послѣдній, смягченный стихъ, избирая посредствомъ этого пріема средній путь. Такимъ образомъ, благодаря нашему списку Энеиды, мы присутствуемъ какъ бы въ стилистической лабораторіи автора, при самой обработкѣ его произведенія.

Вообще, какъ видно, Котляревскій не охотно занимался исправленіемъ своей Энеиды. Мы видѣли это отчасти изъ предыдущаго, теперь же укажемъ на стихотворные недосмотры въ его изданіи. Мы замѣтили, напримѣръ, въ 134 строфѣ его изданія отсутствіе рифмы, которая сохранилась въ нашемъ спискѣ. Положимъ, это мелочь, но вотъ что важно. Слѣдую Осипову, Котляревскій усвоилъ восьмисложный ямбъ, при чемъ стихи рифмуются между собою такъ: въ первомъ четырехстишіи первый стихъ съ третьимъ, второй съ четвертымъ, во второмъ двухстишіи одинъ съ другимъ, въ третьемъ четырехстишіи первый стихъ съ четвертымъ, второй съ третьимъ. Получается такимъ образомъ строфа, состоящая изъ десяти стиховъ. Въ нашемъ спискѣ отдѣляется одна строфа отъ другой цифрою: такъ, по всей вѣроятности, было и у самого Котляревскаго въ первоначальной редакціи Энеиды, но въ позднѣйшей редакціи онъ, слѣдую двумъ предшествующимъ печатнымъ изданіямъ, соединилъ по двѣ строфы въ одну, замѣнивъ безъ всякаго основанія естественную

единицу стихотворной мѣры искусственной. Такія произвольныя группы стиховъ во всѣхъ трехъ первопечатныхъ изданіяхъ Энеиды отдѣляются не цифрами, но тремя звѣздочками.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что было бы большой смѣлостью съ нашей стороны на основаніи предыдущаго анализа текстовъ Энеиды возстановлять первыя три части ея въ томъ видѣ, какой онѣ могли имѣть въ первоначальной авторской редакціи этой поэмы. Думаемъ, однако же, что нашъ списокъ сохранилъ многія черты этой редакціи, утраченныя, какъ въ изданіи Парпуры, такъ и въ изданіи самого Котляревскаго.

П. Житецкій.



СМЕРТЬ МАКАРЫХЫ.

I.

Засыпала насъ зима цей рикъ снигомъ одъ шырого сердца; округы, сколько окомъ докынешъ, ровный, билый степъ: ни ярочка, ни бугорочка—все зривнялося пидъ билою намиткою зимы. Тилько „чорни могилы“, ци велетни степови, ци едѣни свидкы давнѣи бувальщыны, славной козаччыны,—тільки-тільки що мріють. На хутори тежъ ни повиткы, ни загороды зъ-пидъ снигу не видно. Поутушковани бурьяномъ та гречаныцею хаты сумно чорніють зъ-пидъ билыхъ стрихъ. Все зачынено, заховано, наче навить сама надія прокынутысь по весни для нового жыття мѣдно заснула, або и зныкла зъ сердець хуторянъ. Литня та осиння доба неустанной пради мынула... Хлибъ помолочаний, солома въ ожередахъ, и за кинцемъ важкыхъ работъ прыйшовъ кинецъ и золотымъ мріямъ: и цей рикъ, якъ безличъ прежнихъ роківъ, выпажана нывка не дала ни на одне зернятко бильше того, сколько потрибно симъ хлибороба, щобъ не вмерты зъ голоду, ни на одну соломыну бильше того, сколько потрибно, щобъ не замерзнуты въ хати... „Сыдить, диткы, на печи, не рыпайте хаты, не выпустить того духу, що задержався, хвалыты Бога, за довгу зиму въ хати“,—умовляють матери дитей, затуляючи зъ чадомъ верхъ въ груби. „Треба повитку краще утушкуваты, щобъ телычка не мерзла та меньше йила“,—клопочутся батькы и ще щильнише направляють двери у загородахъ.

А ось насунула темна хмара зъ холодного краю, посыпавъ снігъ, а дали де узаяся у Бога витерь, піднялася завирюха... Ще щильнише загушкувались хуторяне, наче въ шкаралупци зачыннылися, и сумно, темно, якъ у домовини, стало на цѣму людному та веселому хутори литнѣю добою. Проспивали перши пивни, вийшовъ сторожъ, ударывъ разъ, у-друге въ клепало, пройшовъ до царыны, повернувъ назадъ, ще разъ подавъ клепадомъ про себе звистку та й замовкъ, задримавшы у затышку пидъ чыеюся повиткою... Хуторяне зарани сю ничъ полягали, бо майже ни у кого не було свитла; тилько у одній хатыни, що била млынивъ, доси не гасылы каганця. Тамъ, скотывшысь зъ подушокъ, лежыть на голому полу хвора Макарыха. Добру годину гукае вона на чоловика, щобъ оправывъ подушкы, пидославъ пидъ бокы ряденце, пособывъ перевернутысь на другой бикъ,—Макаръ не обзывається, бо спыть, якъ заризаний. Нарешти одъ натугы полылася кровъ зъ горла хворои, потекла по сорочци, по подушкахъ, и Тетьяна замовкла... але не замовкла та туга, що вже два мисяци хвороба гадюкою вылася пидъ сердцемъ...

„Чы вже-жъ мени смерть прийшла такъ несподивано та негадано“?—сумуе недужа. „Господи, Свята Пятнице! заступы, ограда мене! Я-жъ людына ще молода: и 40 рокивъ не прожыла на свити. Сподобы мене, Царыце Небесна, хочъ дитокъ до ума довести!“

А двое дитокъ—хлопчыкъ 5 рокивъ та дивчинка 7, сплять першымъ мицнымъ сномъ, не думаютъ-не гадають, що останню ничку проводятъ зъ ридною матирю.

Думка за думкою проносятся въ голови Тетьяны, и кожна думка гиркиша за полынъ, чорниша за чорну хмару. Все жыття, якъ одынъ день, прыгадуется мывоволи, и тяжке зитхання вырывается зъ наболылыхъ грудей.

„Чы варто було стилько рокивъ побыватися, не досыплати, не дойдаты, щобъ такого кинця диждаты? Цилый виць чужымъ людямъ годыла, по сусидахъ тынялася, а диждала свого кутка, свого шматка хлиба—неспособна стала никуды,—прийшовъ часъ помыраты“.

Зъ 10-ты рокивъ довелосѣ Тетьяни службы, на 20-му пишла въ чуже село замижъ. Чоловикъ трапывся плохый, роботящый, зате свекруха та 5 зовыць живцемъ йили. Терпила вона рикъ, перетерпила другой, а на 3-й подякувала за хлибъ-силъ новій родыни та й пишла знову до чужыхъ людей. Незабаромъ прыйшовъ чоловикъ до неѣ, и стали вони вдвохъ службы та на хату гроши складаты. За 5 рокивъ заробылы вони 200 карбованцивъ, купылы у общества за 2 видра горилкы маленький грунтыкъ на выгони, зопылы хатыну та й перейшлы на новеньке господарство жыты. Але скрутно було на перше хозяйство стягатысь: коженъ пудъ хлиба, коженъ оберемокъ соломы гирко доводывся, и ще 8 рокивъ неустанной працы по чужыхъ людяхъ минуло, покы Тетьяна та Макаръ спромоглыся хочъ поганенькымы хозяинамы стати. Тымъ часомъ Макаровъ батько померъ, и досталась теперь ёму десятина батькивщыны. Тетьяна наче на свить народылася: ще пыльнице стала вона на «свой» нывци працюваты, ще дужче за своимъ хозяйствомъ побываться. Черезъ який-небудъ рикъ повелься поросята, утятя, рижного заводу куры; зацвила на горбѣ пышна рожа, жовта гвоздыка; засяылы иконы пидъ скломъ, и тилько одного бракувало въ веселій господи невсыпущоѣ господаркы: русявыхъ головокъ невгамовныхъ щебетунчыкивъ. За 6 першыхъ рокивъ замижжя Господь пославъ їй двоухъ дочокъ, але чы можна було за чужою роботою гараздъ дитеѣ доглядаты у наймахъ? Диты померлы малесенькымы, и Тетьяна недовго побывалася тоди за нымы; зате теперь, диждавши свого кутка, своей нывы, не разъ плакала, прыгадуючы крихотни облычча своихъ дитокъ и благала Святу Пятницю поблагословить їѣ хочъ единымъ чадомъ. Зоглянулася Св. Пятниця на слизни благання матери, и ось двое чорнявыхъ, червоновыдыхъ дитокъ ростуть, — якъ зъ воды идуть. Невже-жъ ихъ теперь покидаты?

— О, Господы Мылосердный! Царыце Небесна!—застогнала Тетьяна.

На сей разъ прокынувся и Макаръ. Пры свитли каганця винъ здавався ще зовсимъ молодымъ. Того, що найдужче оса-

дыло здоровья Тетьяны, винъ николи не зазнававъ: чы у наймахъ, чы у себе дома, винъ, якъ чоловікъ, знавъ тилько денну працю, зъ-позаранку лягавъ спати и, добре спочывшы, встававъ свижий, бадёрный у-ранци. Не те доводилося Тетьяни: цилисенький день маленька, дрибна, але нагайна, робота, а ничка прийде—хочъ пряжа, а хочъ яке дрантя, що треба полагодыты, не дадутъ заснуть та вволю спочыть. И такъ изо-дня у день, зъ року у рикъ, помы здоровья не загинуло вкрай.

— Царыце Небесна! Святи Угодныкы! Охъ! тяжко дыхаты!—застогнала знову Тетьяна.

— Чого, стара, стогнешъ?—обиззався Макаръ, позихаючи.

— Спышъ, неначе вбытый!—никому и подушокъ мени оправыты,—мовыла зъ докоромъ Тетьяна.

— Ну, якъ тобі? Гирше, чы легше? Чы ба, сколько крови натекло... И звидкиль вона берется? Отъ стилько крови... Ачъ!

— Вперше бачышъ, чы що?—одказала зъ сердцемъ Тетьяна. Посунъ сюды подушкы... ни, не такъ... сюды... легше-бо!

— Оце горе мени зъ тобою: ще ніякъ не вгожу. Колы-бъ хочъ знаття, чы жытымешъ, чы помрешъ, а то... хто ёго зна... Тилько влопить зъ тобою!—мовывъ Макаръ, одходячы одъ лижка жинкы.

Тетьяна хотила щось видповисты, та не стало силы. За той короткий часъ, помы чоловікъ оправывъ подушкы, зныклы и останни силы. Вона сидила теперь на высоко помещенныхъ подушкахъ и тилько сумнымъ поглядомъ дывылась на Макара. А Макаръ походывъ трохы по хати, напывся воды, вызыраувъ у виконце и пишовъ довидатысь до тельци. Завирюха трохы перейшла; де-у-якихъ хатахъ вже засвityты. Макаръ заложывъ тельци соломы, одкынувъ трохы свитъ одъ дверей и неохоче вернувся въ хату. Спать ёму не хотилося, а робыты у-досвита тежъ не було чого; винъ сивъ, не скидаючи кожуха, на лави и замыслывся.

Зъ тією думкою, що незабаромъ доведеться жинку ховаты, винъ давно звикся. Що буде зъ нымъ пияся смерти жинкы, якъ справлятиметься винъ одынокый зъ двома дитымы, зъ хозяйствомъ,

якъ тяттыме теперъ винъ самъ те ярмо, що було иноди не въ сылу тятты у-двохъ—про те винъ тежъ не думавъ. „То ще мае колысь буты и якость-то буде! Прийде время—и саме жыття покаже; люде порадыть и самъ винъ побачыть, якъ ёму жыты, що робыты: чы одынокому вику доживаты, чы други дружны шукаты“. Турбувала ёго тилько одна думка: де грошей здобути теперъ для похоронъ жинкы? За 15 рокивъ невстанной працы вони встыгли тилько збудуваты оселю про жыття, про смерть-же не малы часу дбаты. Одже не спытала несподивана гостя, чы уготовылы господари чымъ ии витаты, чы прыпаслы грошей на горилку, зйижу, на нову оселю-домовину; стука въ двери, переступае поригъ, немилосердна, ось-ось наблызтыся до самого лижка хворой жинкы, и що винъ тоди робытыме, де здобуде грошей, щобъ поховать та помянуть жинку?

— Охъ, колы-бъ Тетьяна ще хочъ цей тыждень протягла!—тяжко зитхнувъ Макаръ:—въ городи на тимъ тыжни ярмарокъ, продавъ-бы кожушанку за 6 карбованцивъ, доклавъ-бы ти 3 карбованци, що жинка на оплаты наскладала, та й поховавъ-бы ии безъ клопоту...

Правда, въ загороди ще телячка йе—хиба ии продаты? Телячка тильна, а къ Велькодню телятко приведе, буде коровою. Легко сказать: „корова у двори“, та не легко диждаты такого щастя... Въ той день, якъ вперше обизвется телятко на загороди, вси хуторяне знатымуть, що Макаръ вже вызволився зъ становыща голоты, що по весни винъ бильше не бигатыме, не кланятыметься, щобъ хто заскородивъ ёго нывку, а спряжеться зъ сусидомъ и выйде на поле зъ своимъ тягломъ, своею бороною... Ну, а якъ помре жинка, то може и доведеться телячку продаты. Хиба у жинкы порады попытаты?—и винъ ваговорывъ про це до Тетьяны.

— Телячку продавать?—скыпила Тетьяна!—Онъ яки замиры вже маешь? Якъ глядили, якъ ростылы телятко, та теперъ продаваты! Чы не наболило ще сердце, дывлячысь на дитей, якъ вони въ сусидськи глечыкы заглядають. Та тебе швыдче правцемъ поставыть, нижъ ты спроможешся другу теляцю купыты...

— Та я жъ тилько порады у тебе питаю. Чымъ я тебе поховаю, якъ помрешъ до масниці? За кожушпанку ничего безъ ярмарку не вторгую,—обизвався Макаръ.

— Вже и кожушпанку продавати? Я жалкувала до церкви и надиваты, черезъ те и застудылася, що на торгъ пишла у юпчынн, рокивъ зо два гроши по шагу на неи збирала, а ты мерщій на торгъ... Потривай трохи, не поспишайся! Замість того, щобъ попыльнувати та якихъ ликовъ у аптеци задля хворои жинки здобути, ты мерщій—хозяйствечко збувати, тельчку продавати. Не надійся, не помру сплоха, ще поживу на твою голову,—дарма, що не хочешъ клопотатись.

— Охъ, ще мени про тебе клопотатись? Всякому обрыдне два мисяци зъ хворою возытись. Самъ топы, самъ вары, самъ за всячною... то тобъ-то ще и докторивъ та бабивъ зъ усёго свиту склыкаты! Колы-бъ вже тебе Господь ириймавъ, або-що, а то тилько зануда.

— Зануда? За твоими злыднями здоровья загубыла. Не була-бъ за тобою—не лежала-бъ теперь, якъ колода. Тоби жинка була люба, покы робыла, а якъ занедужала; то и на смитныкъ здатенъ выкнуты: Гляды! спиткае и тебе лыхая година, згадаешъ тоди Тетьяну, не разъ пошкодуешъ, та не поможеться,—докоряла стыха Тетьяна.

— Чы я тебе займаю? Лежы, колы лежышъ. Застудылася, занедужала, неспособна стала робыты,—про те я тебе не докоряю... Мени, може, тяжче доводьтсь, ниякъ тоби лежаты,—видповивъ Макаръ, простягаючысь знову на лави спаты.

— Мени легко лежаты? Хозяйствечко чысто пропало—хиба легко мени бачыты? Ото-жъ на жердци высаты непопрани мишечкы,—попріють чысто одъ земли, а я жъ на нихъ на спилъ конопли брала... У лѣху доси огиркы подвилы, капуста загнылася, а я-жъ и огирочки, и капусту на одробитокъ брала. Охъ, Господы! Колы-бъ мене хочъ на одынъ день одпустыло—я бъ хочъ у лѣху попрыбирала!... Конопли мышы доси пойилы. Мабуть вже у-досвита засвтылы,—прядуть жиночкы, тилько я лежу.

— Напрялась на своём вику—буде зъ тебе!—обизвався Макаръ, перевертаючысь на другой бикъ.

— Чому-жъ то: „буде зъ мене“? Може такы я ще одужаю, може Господь сподобить мене ще яку сорочку спрясты!...

— Хиба на тому свити!—буркнувъ Макаръ и укrywся зъ головою, щобъ не чутъ бильше жинчыныхъ докоривъ.

Але Тетьяна цёго не бачыла: все те, що напыило на серци за довгу хворобу, все те, що передумала, пережила вона вышкомъ за два мисяця, заворушылося теперь, запыило, стало прохатысь геть зъ паболилыхъ грудей.

— Ты гараздъ враждуваты та судыты мене, а якъ помру, та вызьмешъ другу жинку, то побачышь, яка зъ неи буде тоби дружына, дитямъ маты, у хозйствы робитгыця. Не шкодувала я ни здоровья, ни спокою, щобъ свого кутка джидаты, а вона не схоче готового добра и зберигаты... И хату, и тельчку, и кожушанку прыдбала, а вона переведе все, розпустыть, роскыда, попусе, бо вона-жъ не знатыме и не бачытыме, якъ вопо мени все те дйшлося...—казала Тетьяна, важко переводячы духъ и що-хвылыны стыскуючы долонямы розболиый бикъ.

Макаръ не обзывався, бо зразу заснувъ. Одначе Тетьяна не стыхала: де-кылька разывъ кашель перепынявъ ии ричъ на пывъ-слови, але заспокойшысь трохи, вона вела свою ричъ дали. И чымъ бильше казала вона, тымъ дужче розгоралыся очи, тымъ бильше червонилы выскы: ця остання сповидъ, здавалося не тилько не втомляла ии, а навпакы—додавала жыво-творну сылу выраючому тилу. Одъ докоривъ, одъ згадокъ про мынуле жыття, переповиене самымы недостаткамы та невстанною працею, вона перейшла до сучасного становыща, смылыво за-зырнула у вичи майбудности. О! вона ще не помре. Ий не можна ще вымраты: мали диты, нова хата, своя коривка—ни, годи и думаты про смерть! Вона мусыть жыты—мусыть зберегты одъ поталы те, що прыдбала ципою свого здоровья, працею 30 рокивъ, и вона зостанется жыты. Ий вже и за сю ничъ значно полегшало. Коль-бъ не такый пить та не такый кашель, то вона-бъ вже и хлопоталася помаленьку. И та кри-

хотна надія на життя, що якось непримитно прокралася въ сердце недужои, росла зъ хвылыны на хвылыну: ще година—и Тетяна вже певна була, що одужає, що незабаромъ покыне тверде лижко, и знову запыты у дужыхъ рукахъ работа.

Нарешти трохи заспокоєна такими думками, вона заснула.

II.

Спала вона не довго: тилько що розвыднылося, хтось пидійшовъ до іи лижка, прыдавивъ за нись и ставъ лапаты за руки та за ноги. Вона росплющыла очи. Передъ нею стояла баба Горпына, а трохи оддали ще де-кылька жинокъ. Важкий духъ одъ чобить та кожушанокъ, холодный витерь, що врывався въ одчынени двери, прычынылы ій кашель, и вкрай стомлена имъ Тетяна, ледве переводячы духъ, одвернулася одъ непроханныхъ гостей до стинкы. Горпына перехылылась всимъ своимъ худымъ, высокимъ станомъ и зазырнула черезъ голову у вичи хворои.

— Потягло очи, вже и земля надъ губама пала,—мовыла вона журливо жинкамъ, що стоялы стыха та сподивалыся, що-то баба Горпына скаже.—Руки холоднисеньки та й сама тилько-тилько що тепла,—додала вона, скидаючи ватянку.

— Вы-бъ ій сорочку переминылы та подушкы пообтыралы,—пораяла молода московка у чоботяхъ на высокихъ закаблукахъ въ голубій ватянци.

— Навищо іи тревожыты? Помре, то однаково прыйдется переминыты,—мовыла Горпына, одначе одирвала одъ старой сорочки ганчирку, умочыла въ воду и стала обтыраты окривавлени губы, выдъ та подушкы.

Тетяна застогнала.

— За вухомъ обитрить,—пидступыла слипенька на одно око баба.

— Волосся сплуталосся—боюся, щобъ не ускубнуты,—видповыла Горпына.

— Та вона вже не чует; ось дайте я обигру.

— Де тамъ, не чуетъ? Адже стогне,—мовыла Горпына, вырываючи зъ рукъ слипенькой бабуси ганчирку, котру та було вже потягла до себе.

— Ось не займайте,—помре, то обмыемо тоди до-дила,—заспокоила Степаныда слипеньку бабу.

— Може вона вже и померла?—запытала пошепки Мотря.

— Ще не вмерла, а швидко помре: разъ пійде теплий духъ, а въ друге—холодный. Ось приступить, кумо Хрысте, та подывиться,—мовыла тежъ пошепки Горпына.

Кума Хрыстя приложыла долоню до рота хворон.

— Ай справди: разъ теплый духъ, разъ холодный. Помре незабаромъ сердешна Тетьяна; колы-бъ хочъ встыгла порядокъ який дати.

— Треба безпреминно, щобъ роспорядылася,—чоловикови, диткамъ, хозяйствечку який порядокъ дала,—пидхопыла баба Мотря.

— А якъ-же, треба про все роспытатись. Тетьяно, а Тетьяно! може-бъ ты який порядокъ дала?—наблызлася знову до недужой Горпына.

— Та не займайте їй!—бачите—лупнула очыма та й знову заплющыла. Їй, сердешній, дыхати важко, а вони про порядокъ клопочутся,—вкынула свое слово московка.

— У тебе порады про худобу пытаты, чы въ кого, якъ помре?—накынулася на московку слипенька баба.

— Яка тамъ худоба? Скільки тієї худобы?—завважыла московка.

— Та вже хочъ и невеличка худоба, та загорёвана. Цилый вѣкъ жинка працювала,—не дойдала, не допывала, та тобъ-то теперъ свою худобоньку на людську волю виддавати!—мовыла Мотря.

— Що-то и казаты? Мы не роспытаеться, вона намъ не скаже, а потимъ на тимъ свити на насъ враждуватиме, що мы їй добру та не зналы, якъ ладъ дати,—додала Степаныда.

— Тетьяно, а Тетьяно!—допытувала тымъ часомъ Горпына хвору:—чому ты памъ не кажешъ, чому порады не даєшъ?

Порадь чоловікови: чы ёму коривку держаты, чы може продаты, чы ёму самому хозяйнуваты, чы другои матери дитямъ шукаты?

— Я ще не помру,—обизвалася черезъ сылу Тетьяна.

— Э, куды тоби вже, сестрыце, жыгы, якъ печинкы чысто потлилы!—зитхнула Горпына.

Тетьяна одвернулася.

— Не хочется помыраты? Що-жъ робыты! Якъ прыйде призначаный часъ, то одъ смерти никто не одкупытся: ни багатого, ни бидного, ни щаслывого, ни безталаннаго, якъ часъ ёго прыйде, смерть не мыне,—мовыла Горпына.

— Може-бъ ще яки ликы и пособылы?—запытала московка.

— Яки тамъ ликы, якъ и на выду вже почорнила!—наче ажъ розсердылася слипенька баба.

— Мала Макарови и такъ втрата? Ось помре жинка, то и поховать нї-завищо буде, не те що на ликы втрачатись,—мовыла Степаныда.

— Господня воля—ото вси ликы!—додала Мотря.

— Розскажы, серденько, до-дила, якъ Макарови жыты, що ёму робыты безъ тебе? Чы продать коривку, чы може кожушанку, чы въ касси повычыть?—допытувала Горпына.

Тетьяна повела рукою на пичъ—тамъ спали диты.

— Вона велыть дитей збудыты,—мовыла московка.

— Ни, то вона велыть коривку диткамъ зоставыть,—мовыла Хрыстя.

— Ни, то вона такъ, зъ досады повела...

— Тш!... стала усовищаты московка:—жинка помырае, а вони заходылыси спорытысь.

— Кажы, Тетьяно, до-дила, щобъ мы вси знали та твою волю уволылы, щобъ ты потимъ на чоловіка не враждувала, щобъ твоя душа не печалылася: продавать коривку, чы ни?—допытувала Горпына.

— Ничого не продавать...—видповила черезъ сылу Тетьяна, и дви крупни, якъ горохъ слёзыны покотылыся по выду—упали на сорочку.

— Не велыть ничого продаваты,—пидхопылы жинны.

— А якъ звелышъ чоловікови жыты? Чы шукаты хозяйкы якъ помрешъ, чы зъ дитьмы самому хозяйнуваты?—пидступыла слипенька баба.

Тетьяна знову повела рукою. Бабуся не побачыла и знову запытала:

— Адже бачышъ—рукою повела; тилько-тьлько що не скаже: „мени однаково: якъ хоче, такъ хай и живе, абы дитокъ до ума довивъ“,—видповила за Тетьяну Хрыста.

— Господь ии Милосердныи зна, навищо вона рукою повела, що въ неи на думци? Колы-бъ сказала, то було-бъ найкраще,—завважыла Мотря.

— Охо-хо-хо! Царыце Небесна, Святий Миколо, угодныкъ Божый! Чы жыва наша возулучка, а чы прысвятылася бидна голивонька?—запытала увиходачы та бабуся, що вже 12 рокивъ поспилъ на богомилъя ходыть.—Прощай-же, прощай, сестрычко! Просты мене, просты насъ усихъ, моя горлычко! Не занось гнива на насъ на той свить, помолыся за наши гришны души передъ Престоломъ Господнимъ!—мовыла вона дали, прыступаючи до лижка Тетьяны та уклоняючысь навмырущій ажъ до самой земли.—Диточки-жъ мои, чаеняточка! Вы-жъ не думаете и не гадаете, яка васъ, сыритокъ, доля чекае. Пидходьте пидъ матерынське благословеніе—хай васъ ненька риднесенька на все добре благословыть!—заклопоталася бабуся.

Дивчына заголосыла на всю хату и стала злазыты зъ печи, а хлопецъ, зъ пирогомъ въ одній руци и шматкомъ кныша у другій, ще мицнише прытулывся до печи. Бабуся злизла на пиль стягла хлопця зъ печи и поставыла передъ матирью поручъ зъ сестрою.

— Пидступыся и ты, Макаре, до жинкы,—ты може найбільше выненъ передъ своею дружиною: хай вона тебе поблагословыть,—звернулася бабуся до Макара, котрый саме увійшовъ

Макаръ пидійшовъ слухняно до лавы.

— Просты мене, Тетьяно!—мовывъ тыхо Макаръ и, вперше за всю хворобу жинкы, заплакавъ. Тилько теперъ, въ ци ос-

танни хвылыны жыття іи, сердце ёго боляче забылося, тилько теперъ цилкомъ зровумивъ винъ, яке горе спиткало ёго. Не тилько слухняный, терпячий робитныкъ, супруга у арми, покыдае ёго,—едина близька ёму на всёму просторому свити людына иде одъ ёго, и ниhto ничымъ вже не замистыть ёму того сердца, що былося, болило, радило на протязи трохи не 20 ровивъ спильно зъ ёго власнымъ сердцемъ.

— Просты мене, Тетьяно!—мовивъ винъ вдруге, припадаючи до жинкы.

Облычча Тетьяны перекосылоса—вона широко одкрыла очи.

— Двери... дыхаты... простогнала вона.

— Видчынить дужче двери!—Верхъ одтулить!—заклопоталысь жинкы.

— Господы! якъ ій, сердешній, важко дыхаты!—тяжко зитхнула Хрыстя.

— Ще-бъ не важко було, якъ печинкы чисто потлилы.—

— Благословы-жъ, Тетьяно, дитокъ та чоловіка!—присупыла знову богомильна бабуса.—Глянь, Тетьяно: дружина и диточки твои передъ тобою!

Тетьяна глянула на дітей...

— Поблагословы-жъ ихъ, галочко!—мовыла ще разъ бабуса, пидіймаючи ослабилу руку хворой.

Тетьяна зъ великою сылою протягла дали руку и осиныла невеличкымъ хрестомъ голивкы дітей та чоловіка. Жинкы стали утырять нышкомъ слёзы.

— Охъ! якъ-же вона важко дыха! Ачъ! наче рыбына безъ воды,—промовыла Хрыстя, зазыраючи черезъ московчыне плече на Тетьяну.—

— То вона вже кончається...

— Охъ! пропустить мене,—я боюся!—кынулася москowska до дверей.

— А порядку такы не дала!—нагадала Мотря.

— Хиба доси порядку не дала?—здывувалася Горпына, тилько теперъ повернувшись до хаты, бо, впевнившись, що

Тетьяна не дожыве и до вечора, вона покинула жинокъ биля хвори, а сама побигла на хутирь чавунивъ на окрипъ добуваты, и весь останній часъ не була въ хати.

— А ни пары зъ устъ, весь часъ мовчала,—мовыла Мотря.

Горпына поставыла чавуны на лави и зазырнула у вичи Тетьяны.

— Вже одходитъ! Якъ-такъ можна отаке допустити? Стилько народу було, та то и не допытався ничого. Коли-бъ хочъ на часину опам'яталася,—заклопоталася Горпына и прыдавыла Тетьяну злегенька за нистъ, щобъ та прокынулася ще хочъ на хвыльну для жыття та дала бажану пораду.

Замистъ видповиди Тетьяна у останній разъ витхнула,—и вылетела душа легенькою парою зъ наболитыхъ грудей.

— Померла! Хочъ пытай, хочъ не пытай—вже не скаже ничого,—мовыла Горпына, закрываючи вѣи помершой.

— Царство Небесне! Вичный покой!—перехрестылася богомильна бабуся и стала передъ иконамы быть поклонны.

Жиночки тежъ повернулись до иконъ и стали молытись за упокой новопреставленои рабы Божои Тетьяны.

— Чы нема у тебе пятакивъ?—звернула Горпына до Макара.

Макаръ вытягъ зъ скрини хустку, розв'язавъ вузлыкъ, въ котрому було зав'язано два карбованця бумажкамы та трохи мидякивъ, и подавъ два пятаки Горпыни.

— Чы йе окрипъ?—запытавъ хтось зъ жинокъ.

— Треба обмыты, покы тепла, а то потимъ ни ногамъ, ни рукамъ рады не дасы,—замытила Мотря.

— Окропомъ не клопочитесь: два чавуны до себе въ пичъ ще у-досвита засунула, а це ось ци чавуны наллю та посуну. Роздагайтесь, жиночки! Вытягай, Макаре, сорочку та запаску про смерть, та лагодысь йихать у городъ по горилку та по хустку, а ты, Мотре, попрохай Гарасыма, щобъ сповистывъ батюшку,—почала давать порядокъ баба Горпына.

Гарасымъ згодився не тилько сповистыть батюшку, але умовытысь про похоронъ, поторгуватысь за Вангеліе, хоругвы, за прычть, за коней, а ця справа була далеко не легенька, бо цилкомъ залежала одъ настрою панъ-отця Ардаліона; настрой же залежавъ одъ рижныхъ випадківъ, а найбільше видъ „характера“ тыхъ бисивъ, що доводилось батюшци выгонны зъ „одержимыхъ“ парафіянъ. Иноди траплялося таке слухняне, помирливе, навить дурненьке бисенятко, що досыть було батюшци добре напьястыся та трычи крыкнути „проклиная“, „заклинаю“, щобъ воно пидобгало хвистъ та втекло безъ висты; иноди-жъ траплявся такий упертый та лукавый, що панъ-отець ажъ упріе закладыаючи, и тилько черезъ добру годину такыхъ проклёнивъ, що ажъ волосся пидводятся на голови, нечыста сыла покидае свою жертву, але тутъ-то и чекае панъ-отця горе. Збентежений зъ свого першого пристаповища бисъ перескакуе, не довго думавшы, въ просторый утрунокъ панъ-отця и починае тамъ хозяйнуваты, якъ у себе въ пекли. Даремно стараеця панъ-отець затопыты биса оковытою—нечыста сыла вырынае наверхъ, якъ пирьина и выявляется то неподобающыи словесамы, то якими-небудъ прыкрымы діянїями. Довго дыувалыся, довго сердылыся парафіяне, але якъ прочулы одъ самого батюшкы, яка ёму прыгода трапляется, якъ розибралы, що то нечыста сыла сквернословить устами ихъ пастыря, що то лукавый бисъ управляє серцемъ ёго, то заспокоилыся и стали терпляче сподиватысь того часу, колы нечыстїй сылы обрыдне самїй коверзуваты. Правда, якась недобра душа донесла нарешти куды слідъ, и батюшку змыстылы рокивъ черезъ два, але въ той часъ, колы Гарасымъ увиходивъ у батюшчыны горныци, панъ-отець саме борыкався зъ бисомъ Солопїи, котру привозылы за три дни до смерти Макарыхы, и Гарасымъ видразу спостеригъ по обыччу матушкы, по заплаканнымъ очамъ наймычкы, а найбільше по духу одъ монополькы, що безталанному панъ-отцю Ардаліону перерывкы.

Добру годину довелося Гарасыму посидиты въ кухни, покы панъ-отець пообидавъ та выйшовъ.

— Чого треба? Чого прийшовъ?—запытавъ отецъ Ардаліонъ Гарасыма.

Глянувъ Гарасымъ на батюшчынъ нисъ скося тай зитхнувъ сердешный.

— Чого прийшовъ?—гукнувъ вдруге батюшка.

— Макарыха Богови душу виддала, такъ найпокорнише вашои мылости прошу прийхаты.

— Яка це Макарыха? Якъ фамилія? Яка Трохымыха?—перехопывъ ричъ Гарасыма батюшка.

— Макарыха,—поправывъ Гарасымъ.

— Фамилія? Фамиліи пытаю!—крыкнувъ несвоимъ гласомъ панъ-отець.

— Хвамылія... прывище? Та... якъ іі... тая... просты Господы, забувся...

— Якъ забувся? Якъ забувся?—ще дужче закрывавъ батюшка.—Ты въ шынкъ, по горилку прийшовъ? Геть зъ моеи хаты, п'яного! Выпывъ кварту, та тоди до батюшки съ порожними руками.

— Хочъ и запысягты, батюшечко, и рисочки въ роти не було... И въ заводи немає горилки дома... Хиба-бъ я...

— Геть! Вонъ!—перепынывъ отецъ Ардаліонъ Гарасыма и хотивъ ще ногою топнуть, та якось схитнувся.

— Ардаліюша! Ардаліюша! Не сердъся-бо!—мовыла несмиливо матушка. Це мабуть, чоловіче, чы не Грабенкова померла?—звернулася вона до Гарасыма.

— Эге-жъ, эге!—зрадивъ Гарасымъ,—Грабенкова, вона.

— То-то и йе! Грабенкова!—мовывъ строго батюшка.—А де дытына? де кумы?—крыкнувъ ни зъ того, ни зъ сёго отецъ Ардаліонъ.

Гарасымъ настановывъ вуха...

— Де дытына?—крыкнувъ ще дужче батюшка.

— Тебе, Ардаліюша, ховаты, а не хрестыты запрохуе чоловікъ. Грабенкова, сердце, померла,—заступылася за Гарасыма матушка.

— Ага! Грабенкова померла?—нарешти розибравъ батюшка.

— Эге-жъ, эге... Грабенкова, сёгодня померла... Просымо васъ найпокорнише поховаты ии.

— Не хочу я ии ховаты. Не хочу, тай край. Такъ и перекажы: казавъ батюшка, панъ-отецъ Ардаліонъ, що не хоче ховаты Грабенковой... Де вона говила? Въ монастыри. Хай-же ии и ховають монахы. Почимъ я знаю, якъ вона говила? Може вона замість церкви, въ пынѣку сыдила.—Не хочу я такихъ свиней ховаты. Сый храмъ тилько що не завалытса, прычть духовный тилько що зъ голоду не погыбае, а вы свои мидякы монахамъ виддаете! Скилько вы даете батюшци за требы? Шагы! А якъ я тилько прызначывъ за сповидъ вашои богомерзкой души по 10 к., такъ вы вси въ монастырь побиглы говиты? Не хочу-жъ, колы такъ, васъ ховаты...

— Вашои мылости, батюшечко, прохаю, не гнивайтесь на новопреставлену—може въ неи справди не було гывеныка на сповидъ. Зробить Божеську ласку—поховайте ии безъ серця.

— А скилько дадутъ за похоронъ?—запытавъ трохы мылостывише отецъ Ардаліонъ.

— Звистно, люде бидни—якъ спроможутся, такъ и подякують вамъ,—мовывъ обережно Гарасымъ.

— Меньше одъ двохъ карбованцивъ не визьму, а за Вангеліе, хоругвы, прычть особо. Та щобъ добрыхъ коней прыслалы, чуешъ?

— Чую, чую, батюшечко. Тилько не въ гнивъ вамъ буде, що скажу: поховайте ии за полтыннычка, зробить Божеську мылость, люде бидни...

— Ты на торгъ прыйшовъ?—крыкнувъ батюшка, ажъ шыбки въ викнахъ забряжчалы.—Два карбованци, ни копійкы меньше.

— Хай вже и два карбованци, тилько щобъ за Вангеліе, хоругвы и прычту вже не платыты...—уклонывся низенько Гарасымъ.

— Такъ ты ще торгуватись? Геть пишовъ! Не хочу я ніякъ васъ ховаты. Якъ собаки пропадайте! До монахивъ идить. Маршъ!—розсердився ще дужче батюшка.

— Колю-жъ звелите коней присылать?—запытавъ похмуро Гарасымъ.

— За коней пытаешъ, а про гроши мовчышь? Знай, що у-набиръ я не ховатыму. Мени нема дила, що Грабенка, чы якъ ёго тамъ, злыдни пойлы—мени гроши щобъ булы зразу, а якъ не дадутъ впередъ, то я назадъ пойду—такъ и скажы тамъ. Чуешъ?

Грыцько все добре чувъ. Кримъ того, винъ бачывъ, що упертый бисъ Солопін тилько що почавъ коверзувати, и колы Гарасымъ протягне свою розмову зъ панъ-отцемъ дали, то нечыста сыла добавыть до двоухъ карбованцивъ ще мирку пшеницы, кварту горилки або крапанокъ, и бильше не змагався.

— Чую! чую!—покирливо видповивъ Гарасымъ, и уклонившысь низенько батюшци и матушци, подався геть зъ кимнаты.

III.

Иванъ Криворотько запригъ свою шкапыну и пидйхавъ до Макаровои хаты. Макарови zostавалося тилько сеты та йихаты въ городъ за покупками; одже довго ще не сидавъ винъ, довго блукавъ то по-надвирю, то по хати, довго роздывлявся по всихъ куткахъ, наче чого шукаючи. „Зъ чымъ йихаты въ городъ? Що продаты?“—пытавъ винъ себе, у-десяте зазыраючи у порожню хыжу. Але сколько не прыгадувавъ, сколько не дывывся—и на очи, и на думку спадала разъ-у-разъ колы не кожушанка, то тельцы. Кожушанка-тельчка! Тельчка-кожушанка!—проносилось у голови, а на серци становилось все тяжче. Шкода кожушанкы продавати—жинка до церкви не надивала, дочки прыберигала... а ще шкоднише тельчку видавати...

— Чы ты у лиси заблудывся, чы голову загубывъ?—крыкнувъ ёму Иванъ.

— Зразу, зразу идъ,—мовывъ Макаръ и, нарешти ухопившы зъ одчаемъ кожушанку, сивъ у сапи.

Люде почалы вже зъ торгу розйиздытысь, проте кругъ Макара зъ новою кожушанкою на рукахъ зибралось чымало жи-

нокъ та чоловікивъ. Коженъ бравъ кожушанку, розглядавъ іи въ усихъ бокивъ, коженъ бажавъ купыты, але дававъ „по своихъ достаткахъ“ такъ мало за неї, що Макаръ выривавъ зъ серцемъ кожушанку и ишовъ дали. Дали обступалы ёго знову люде, знову роздвлялися, роспытувалы, божылыся и нарешти давалы ще меньшу цину.

Вкрай розсердившыся на купцивъ-голоту, а найбильше на саму Тетьяну, що померла не дождавты ярмарку, Макаръ пишовъ до саней. Тамъ стара, ажъ сыва, кобыла працювала беззубымы яснами надъ оберемкомъ соломы. Макаръ штовхнулъ въ персердя іи въ боки, крыгнувъ не-знать навищо: „стій, проклята!“, вырвавъ зъ роту соломѹ, ударывъ мотузянымъ батогомъ и повернувъ оглобли до-дому. Винъ певенъ бувъ, що на хутори ниhto ёго не вызволить, бо у такихъ людей, якъ и винъ, тилько хибѹ у-осены, до оплатокъ, поведытѹ коніиычна, а дукари дбають тилько про себе,—але не зважывся и виддаваты у пивъ-цины ту кожушанку, що даласѹ такъ гирко.

„Якось-то буде... Люде щось прирозуміють... Не зостанетѹ-жъ Тетьяна непохованою“,—розважавъ винъ себе, помы кобыла помаленьку тюпала до-дому. „Може и батюшка поховае безъ грошей—тоди я за прыпасени гроши труну справлю, а останне—якъ Богъ дастъ“!...

Але дома дожыдала ёго недобра звистка про панъ-отця Ардаліона: меньше одъ двохъ карбованцивъ за самыи похоронъ батюшка не схотивъ взяти! Сивъ Макаръ край столу, схыливъ свою голову на згорнути руки—ніякъ соби рады не дастъ. Що робыть, де дистаты грошей, колы навить и въ касси немає! Звернутысь до Афанасія Петровыча Карпенка? Не позычыть и той за спасыби: доведетѹ хочъ землю пидъ застанову виддаваты, хочъ на таки одробиткы згожуватысь, що и лито святе за ёго роботою пропаде. Куды звернутысь? Де дистаты грошей?—въ-десяте пытавъ себе Макаръ, двлячысь, якъ жиночкы пыльнують биля бездыханного тила жинкы. И справди, жиночкы одна одну попережалы, одна передъ одною хапалыся выказаты у рижныхъ дрибныцяхъ свою повагу цѹму тилу. Докы цѹ тило було живе,

кожна зъ сусидокъ хочъ и рада була зробыть яку полегкить, та не мала часу, а иноди не знала, якъ пособыты; за часъ хворобы тилько знахорва хиба, трохи ликаръ, а може трошечкы и фершалъ, а найпаче самъ Господь Мылосердный мигъ пособыты недужій. Зъ тіеи-жъ хвылыны, якъ Господь прынявъ душу, якъ Тетьяна навикы заплющыла очи, зныкла рижниця мижъ знахарками, ликарямы та простымы людьмы, и выступылы певни, всимъ видоми, для всихъ однакови обовязкы „живыхъ“ до „мертвой“. Тетьяна, якъ жыва людына, мала своихъ ворогивъ, своихъ друзякивъ; Тетьяна, якъ мрець,—однакова до всихъ: душа ии скынула ти кайданы, що примушувалы ии иноди нышкомъ зитхаты, иноди у-голосъ тужыты, а иноди навить зло чыныты таковымъ самымъ закайданенымъ людямъ на земли, якъ и вона. Тетьяна скинчыла вже свою подорожъ; терній не колотыме бильше ии нигъ, и вона не зазихатыме бильше на чуже добре, якъ на пидстилку пидъ скривавлени ногы, ниhto не ваважатыме ии бильше на дорози, ниhto не штовхатыме ии, и вона въ свою чергу не пхатыме сусида въ канаву.

Одначе це тило, ци тяжки кайданы—не хымера, не выгадка: Господь звеливъ ёму родытыся, росты, жыты, хворуваты, за-рады цёго тила доводилося на протязи жыття не разъ крывдыты навить душею, и теперъ душа, хочъ и выйшла зъ тила, але ще не покынула ёго: тры дни литатыме вона поблызу била ёго, дывытыметя на ёго и пыльно стежытыме, яку пошану видадуть ёму въ-останне люде.

Жиночки не шкодувалы працы, але богомильна бабуса клопоталася найдужче, якъ-бы краще знарядыты новопреставлену на той свить. Сама вона и сорочку завязала, сама запаскы оуравыла, сама и очипокъ надила, и Макаръ, сыдючы тутъ, середъ заклопотаныхъ жинокъ, на хвылыну навить забувъ про свое горе, про те, що то пораються люде била ёго мертвой дружныны.

— Чому ты въ городъ не йдешъ?—ажъ сплеснула руками баба Горпына, вносячы видра зъ водою.

— Ни зъ чымъ йихаты,—видповивъ Макаръ, пидводячы свою зажурену голову.

— Адже у тебе йе два карбованци?

— Що тыхъ два карбованци? Батюшци та прычту заплачу, а покупокъ ни-завищо справыты...

— Та вже-жъ безъ труны не обійдешся,—обизвалася наче зъ серцемъ слипенька бабуса.

— Та не обійдуся,—сумно мовивъ Макаръ.

— Вже часъ робыты труну, а у тебе ще и дощокъ нема,—нагадала знову слипенька.

— И самъ знаю, що часъ вже труну робыты, такъ немає грошей... Хиба купыть дощокъ, а батюшци десь може розстараюся?—

— Хиба самыхъ дощокъ треба? Ще въ тебе ни платківъ, ни свичокъ, ни меду, ни горилкы,—нагадала ще разъ слипенька бабуса...

— Циды ты зразу до Карпенка та попрохай позычыть 5 або 6 карбованцивъ. Визьмы и кожушанку зъ собою;—продавать не продавай, бо покійныця не велила, а нидъ застанову можешъ виддаты,—пораяла Горпына.

— Не позычыть Карпенко, я до ёго звертався колысь, такъ не давъ,—мовивъ Макаръ.

— Не позычыть, то не пидемо красты. „На нема и суда нема“. Якъ не розстараешся ниде грошей, то и покійныця выбачыть. Що робыты, якъ нема чымъ помянуты!—помолымося за ии душу та й розійдемоя,—обизвалася Мотря зъ печи, де вона збирала у мишокъ суху пашню.

— Иды-жъ швидче до Карпенка,—пораяла вдруге Горпына, очевыдячкы не згожуючысь, якъ и вси остояни жинкы зъ Мотрыною порадою: „помолытыся за душу Тетьяны та й розійтыся“...

— Карпенко саме прыйихавъ зъ города,—напевне уторгувавъ за ниненця,—вкынула свое слово Хрыстя.

— Уклонься ёму, попрохай ёго гарненько, то винъ такы може уважыть хочъ на сыритъ,—додала Горпына.

Макаръ мало надіався на Карпенка, але слухняно пидвився и выйшовъ зъ хаты.

А тымъ часомъ жиночки скинчылы убрання новопреставленои, пиднялы іи и перенесли на лаву. Въ ту саму хвылыну золотый проминь зимового сонця пробывся кризь виконце надъ лавою, загравъ на парчевому очипку Тетьяны, перескочывъ дали и зупынывся на гурти жинокъ, що стоялы наче скамянили биля покійныци. Ни слова, ни зитханья не вырвалося зъ усть жинокъ, але дывне дило! вси певни въ цю хвылыну стали, що можна иноди людямъ розумитися безъ сливъ, що бувають годыны, колы души жывыхъ людей еднаются безъ допомочи тила, и що теперь саме якась невидома сыла прыкувала ихъ всихъ биля Тетьяны, пройняла, стыскала сердца, видбылася въ неясній, але едній для всихъ думци: „вси мы однакови люде, всихъ насъ чекае одинаковий кинецъ—домовыпа“. И зныклы пидъ впливомъ ціей думкы вси недобри спогады, вси недобри бажанья; навить по завжды хмурому облыччю слипенькои бабуси промайнуло щось краще, ніжъ навить ухмылка непорочнои дытны.

— Сестрычкы-жъ мои! я ще доси дытны не годувала!—опамьяталася перша Мотря.

— А я обидать не варыла!—згадала Хрыстя.

— Ходимъ уси до-дому: управылыся биля покійныци, а баба Горпына хай тутъ пораються до вечора; надъ вечиръ знову прийдемо вси,—мовыла богомильна бабуса.

— Треба ще и бабы Горпыны запытать: може имъ сумно самымъ zostаватысь,—заклопоталася слипенька.

— Идить, идить—я не боюся, а сумуваты николы, бо дила ще багацько,—заспокоила Горпына жинокъ, котри зъ охотою побиглы зразу до-дому, де ихъ давно нетерпяче сподивалыся то голодни диты, то коровы, то свыни...

Горпыни справди николы було сумуваты: на неи цилкомъ поклався Макаръ, ій доручывъ и печыво, и варыво, и дитей, и тельчку; кримъ того Горпына доброхитно взяла на себе и новый обовязокъ—здобути грошей для Макара, якъ що винъ не розстарається у Карпенка. На витерь пущене слово Мотрею: „помолымся та й розійдемся“ не йшло у неи зъ головы. По давно заведеному звичаю ни одынъ хуторянынъ не йшовъ на

той свить безъ допомоги бабы Горпыны. Иноди їй доводилося де-чымъ пособити хворому ще який часъ пожити на цимъ свити, иноди—часомъ ранише вмерти, але після смерти Горпына становилася біля печи и вымагала видъ родичинъ завжди найкращого докладу до стравы, щобъ люде потимъ не судылы за помынки. У Макара не було ще ничого уготовленого, и ця думка не давала Горпыни спокою. Чымъ вона частуватиме, що вона подаватиме на стиль людямъ, якъ Макаръ не купити ни меду, ни сала, ни олії?—невже справди доведеться, якъ казала Мотря, „помолытиса та й розійтиса“? „Доведеться мабуть самій бигать по хутори та позычаты грошей“!—хлопоталася вона сама соби, петерпляче вызыраючи у виконце Макара.

Нарешти прыйшовъ и Макаръ.

— А що? розстарався?—накынулася на ёго Горпына.

— Не давъ,—хмуро видповивъ Макаръ.

— Не давъ!! Що-жъ винъ каже?

— У позыку, каже, не дамъ. Кожушанкы у застанову тежъ не визму, а якъ треба грошей, то продай кожушанку, або тельчку, то и я забезпеченый буду, и ты не думатимешъ про гроши.

— Скилько-жъ винъ дае?

— За кожушанку 3 карбов., а за тельцю 10 карбованцивъ.

— 10 карбованцивъ за тельцю?—скрыкнула Горпына.—Та хай винъ не дижде, проклятый, помыраты,—отаку тельчку та за 10 карбованцивъ хоче взяты!—Пожды-жъ трохы, я побижу по хутори—може и настягаю яку десятку,—мовыла вона дали и побигла въ ту-жъ хвылну зъ хаты.

Макаръ сивъ на ослинци. Недавня розмова зъ Карпенкомъ ще выразнише виевныла ёго, що кому скрутно жыты, тому ще скрутнише помыраты, але порада Мотри тежъ не сходила зъ думкы. „Помолымося за новопреставлену та й розійдемося: хай покійныци выбачае“. И справди, невже та сама Тетьяна, що стилько разивъ не дойдала, не допывала, що прыйпяла стилько горя не разъ, шкодуючы потратыть якого мидяка, що за вси часы своей хворобы не задовольныла свого бажання выпыть

чарку горилки, не выбачить ёму теперъ, після смерти, коли винъ поховае іи безъ горилки, безъ платкивъ, коли винъ не справить обиди? Макаръ глянувъ на жинку. Обмыта, причисана, Тетяна лежала въ билій сорочци, въ новыхъ запасахъ.

Мицно склеплени очи, сциплени губы не зминьлывычайного виразу покирности въ ии облыччу; далеко бильше вражия зробылы на Макара складени на грудяхъ руки. Тилько хоба на Вельке Свято, сьдючи била виконця та балакаючи зъ сусидками, складала вона такъ свои стомлени руки. Чы не свято прыйшло и сёгодня для неи? Що-жъ то було у такимъ рази за жыття, яки-то были будни?

Ось—прыгадуется ёму—стоитъ вона поручъ зъ нымъ передъ олтаремъ. Люде звелы ихъ, поставылы на рушныку, не пытаючысь „чы до любви“; ни одного слова про вирне кохання, ни одной клятвы... Проте вона дывытся смилыво у вичи молодому, облычча палае здоровьямъ, дуже тило стоитъ—не поколыхнется, ни одна потаенна, зрадлива думка не промайне въ голови—вона певна, що зробить все, що вымагатыме видъ неи жыття, вона знае, що зуміе пособить тій дружыни, зъ котрою Господь едвие іи въ цей часъ; и благае у Мылосердного тилько—здоровья.

Ось, трохи наче зморена, зблудила, але не меньше певна въ соби, Тетяна наймається въ економію за куховарку. „Чы подужаешъ двичи на день дижу выкнуты“?—пытае іи въ контори пошенки Макаръ. „Треба тому дужаты, хто хоче свою хату маты“,—весело видповидае вона, и 5 рокивъ поспиль выкдае по 4 пуды хлиба щодня.

А ось вона, ще бильше змарнилая, стоитъ передъ манисенькою трукую своеи першой дочки. Облычча іи смутне, зъ очей лютятъ гарячи слёзи матери, сердце болить, щемить за цымъ крихотнымъ тиломъ дочки, але заревла пидъ викномъ хозяйська корова, и Тетяна спешно втырае слёзы и бижить зъ дйныцею на двирь: нема тому часу слёзамъ волю даваты, хто хоче свою хату маты!

Нарешти вона въ давно бажаній хати, въ „свой“ осели. Новенька, била хата ажъ сие на сонци; чысти, якъ слёза, виконця

наче усмихаються, молоденьки вышенькы заглядають своїми свижыми зелеными витамы у саму хату... Чого тилько у самой господаркы побилышало зморшкивъ на выду, позатыягало кари очи? чого нахылывся высокий гнучкый станъ? Похылывся станъ та й не выправлявся, але Макаръ того доси не примичавъ. Тилько теперь, колы смерть росправыла все тило у весь зристь ёго, тилько теперь, угледившы незвычайно спокійне облычча своеи дружыны, зрозумивъ Макаръ, якъ тяжко далася Горпыни и хатка, и садокъ, и половенька тельця, якимъ тягаремъ лежали на жинци що-денни турботы...

И то-бъ то цѣму замороеному роботою, попсованому недоглядомъ та хворобою тилу не виддаты ще „останнѣи“ пошаны? вкынуты ёго у яму, якъ непотрибну ганчирку, закыдаты землею и за-рады 5—6 карбованцивъ залыштытѣ доброго спогаду людського? допустыты, щобъ душа жинкы по земли блукала, помынокъ-панахыдъ бажала, щобъ вона на тимъ свити, якъ и на цимъ горювала? Крый Маты Божа! „Нагорювалася, натомилася, дружыно моя, на цимъ свити—пороскошуй-же та заспокойся писля смерти!—мымоволи вырчалося зъ устъ Макара.—„Не велилаты мени продавать ничего—отже продамъ, Тетьянку, и кожушанку и тельчку, абы видбуты помынкы по тоби“,—додавъ винъ, пидводячысь зъ ослинца и цилуючы холодный, якъ крыга, лобъ жинкы и ип згорнути руки.

— Тры карбованци ледве настягала: на собачому хутори сами злыдни. То було жыты скрутно, а теперь и померты по хрыстіянському звычаю неможна. Чы ты чувъ, що батюшка ще четвертака набавывъ? Оце тилько що повернулысь одъ ёго Прысчыни кумы, такъ винъ черезъ ныхъ переказувавъ, щобъ ты ще поверхъ карбованця четвертака давъ,—перебыла Горпына Макарову розмову зъ жинкою.

— Спасыби за гроши!—якось обійдусь,—видповивъ Макаръ, одходячы одъ лавы.

— Беры—не заваляются!—пораяла Горпына.

— Мени однаково ціей троячкы мало...

— Сама знаю, що мало. Такъ куды-жъ ты?

— До Карпенка,—видповивъ вже въ синяхъ Макаръ.

Горпына сховала карбованецъ за платокъ, завязала дрибни гроши у вузлыкъ, сховала ихъ за поясъ и стала знову поратысь биля печи. Теперъ вона певна була, що Макаръ щось припрозумивъ, що помывкы по Тетяни будуть до-дила, и стала наготовляты то пляшкы, то барыльце, то горщатка Макареви въ городъ. И справди, незабаромъ прийшовъ зъ Макаромъ Карпенко оглядаты тельцю, чы немає якого з'яну.

Горпына выбигла на двиръ.

— Ось бачъ, сыну, рижокъ збитый!—мовивъ докирливо Карпенко, запырмитывши щось на рижку.

— То що?—засміялися нагодывшіися чоловікы.—Хиба ты зъ рогу доитынешъ?

— Ничого, люде добри, сміятися! Хочъ и не зъ рогу доитому, а все-жъ тельчка не по форми.

— Скільки-жъ винъ тобі дає за тельчку?—запытавъ Макара сусида.

— 11 карбованцивъ!—зитхнувъ Макаръ.

— 11 карбованцивъ за таку тельцю?!

— Бога бійся, Опанасе!—не втерпила Горпына.

— 11 карбованцивъ дає та ще и тельцею ганблює!—додавъ якийсь чоловікъ.

— Я не ганблюю, я кажу тилько, що тельчкы не по форми...

— Горе мое тяжке, що въ мене грошей нема, а то-бъ я цієи тельци тобі не попустывъ,—обиззався хтось зъ гурту.

— Отакъ-бы и я: сразу давъ-бы за неи 20 карбованцивъ,—мовивъ другий чоловікъ.

— Охотныкывъ багацько, а купцивъ мало. Гуртомъ не спроможетеса тельци кунуть, а въ мой кышени хозяйнуєте,—звернувся Опанасъ до людей.—А, ты, Макаре, колы хочешъ буты сватомъ, то скынъ четвертака,—мовивъ винъ до Макара...

— Це за ригъ, чы що?—запытавъ Макаръ.

— За рижокъ, за рижокъ... хочъ скынъ четвертачка, хочъ одробы який день...

— Хай ты не диждешъ помыраты!—крикнула на все село Горпына.—Чоловики отаке горе, отакый случай трапывся, а винъ и Бога не боится.

— На все воля Господня: Макарови прыпавъ случай продаты тельчку, мени—купыты, и ничымъ я Господа Милосердного не гниваю. Я прыйшовъ, Макаре, по твой просьби твое добро купуваты, а колы мене людє на твоему двoryщи зобиждають, то я и пиду соби зъ Богомъ, одйду одъ гриха безъ клопоту,—мовывъ Карпенко, простягаючысь до ворить.

— Завищо-жъ вы на мене розсердылыся, диду? Я-жъ вамъ ничего не казавъ. Чы звелыте одробыть за рижокъ, то й одроблю. Выймайте гроши, берить тельцю — хай вамъ Богъ помагае!—завернувъ Макаръ Карпенка.

— Хай буде по твоему! — згодився Карпенко. — Тилько шукай кращого налыгача, бо цей зовсимъ плохенький! —

Макаръ побигъ за налыгачемъ. Карпенко вытягъ зъ-за пазухи платочокъ и ставъ одличуваты гроши. Чоловики окружылы ёго зъ усихъ бокивъ и мовчкы дывылыся, якъ винъ выбиравъ найбильшъ потерти бумажны. Нарешти Макаръ одвизавъ тельчку и передавъ налыгача Карпенкови. Афанасій Петровычъ пидставивъ прыкрыту полою свyты руку, взявъ налыгача, перекрестився и вывивъ тельчку зъ двору.

Довго стоявъ, довго глядивъ Макаръ ій у-слидъ, и очи затуманылысь слёзамы: остання надія диждаты коривкы—тягла, статы хозяиномъ зныкла геть зъ серця, якъ побачывъ винъ порожни ясельця.

IV.

На третій день поховалы Тетьяну. Хоть и безридна була покійныця, нроте звайшылыся таки добри людє, що потужылы надъ могилою. Богомильна бабуся такъ хороше примовляла до „сусидочкы“, що навить де-яки чоловики вышкомъ слёзы втыралы.

Макаръ кынувъ першу горстку земли. „Важка земля тоби, дружыно моя, на груди ляже, а ще важча туга мени на серце

паде. Сумно тобі, одинокій, у домовини буде лежати, а ще сумніше мені зъ дитками буде безъ тебе жыты. Доведеться намъ и чорну сорочку носыты и на тще-серце спаты лягаты... Та ни пошаны, ни порады, ни ласкавого словечка твоимъ сыриткамъ бильшъ не прочуты",—мовывъ смутный безъ краю Макаръ, зазыраючи у глыбоку яму, на дни котрой билила труна жинки. Жинкы заголосылы.

— Не слидъ,—ставъ увищаты отецъ Ардаліонъ,—надъ могилою плакаты: смерть одъ Бога, и нічого надъ мерцями голосыты.

Жинкы затыхлы и стали закидаты горстками мерзлой земли труну. Незабаромъ закидали яму, насыпали невелику могылку, вкопали крихотный дощаний хрестыкъ и пішли на обидъ до Макара.

Зразу після обиды панъ-отець Ардаліонъ и прычтъ поїхали, за ними у-слидъ розійшлася бильша частына людей, и тилько гуртокъ жинокъ zostалыся на ничъ стерегты Тетьяныну душу.

Вси хуторяне, цилкомъ задовольнени помынальнымъ обидомъ, подякувалы Макарови та Горпыни и розійшлыся по домахъ до своего хозяйства.—Выйшовъ бувъ и Макаръ до своей загороды, видчынывъ дѣри, подывывся-подывывся, зачынывъ дѣри, завязывавъ мотузкомъ, підійшовъ до круглыхъ яселъ, де завжди у-день стояла телычка, та й зитхнувъ, сердешный. За кымъ бильше заболело сердце ёго у цю хвылыну? Чы опустила хата, чы опустили двoryще нагнало такой сумъ,—винъ-бы и самъ и не мигъ сказаты, але добре розумивъ, що теперъ винъ бильше не хозяинъ своей хаты, не батько для своихъ дитей, що прійшовъ кинецъ не тилько ёго невеличкымъ надїямъ, але навить его самостійному жыттю. Винъ не управытса самъ зъ дитымы малымы, винъ не вмїе ни топыты, ни варыты—доведеться шукаты десь другой жинкы; а хто-жъ згодытса пакуваты свои лита молоди за литнимъ та ще и биднымъ удовцемъ зъ двома дитымы? Оселытса якась стара жинка въ ёго хати, поверне все жыття на свій зразокъ, докорятыме дитей кожною выпраною сорочкою,

шматкомъ спеченого хліба, и винъ не вильный буде ничего зми-
нны, бо справди, чымъ заплатитъ винъ цій чужій людини, що
згодиться робити для чужыхъ дітей, на чужому хозяйстві?

Колы-бъ хочъ коривка була,—вона бѣ не сміла прынаймни
вважати ёго за „голоту“, вога-бѣ не сміла докорити ёго „злы-
днямы“, „черствымъ хлібомъ“, вона вважала-бѣ ёго за хозяина.
И для чого винъ продавъ половеньку? Хай-бы люде розій-
шлись безъ горилки, хай-бы сусиды прыдражнили ёго „непо-
мынайлыкѣмъ“,—винъ-бы теперъ підкладавъ свой теляччи сына,
винъ-бы почувавъ себе хозяиномъ хочъ у двори!

И знову досада на помершу жинку заворушылася въ серци
Макара. Чому було Тетьяни не протягты ще одного тыжня,
диждаты ярмарку? Винъ-бы продавъ теляцю за 20 карбов., вид-
бувъ-бы похороны за 6, а за 14 купивъ собі меньшу телячку.
Охъ! вміла Тетьяна працювати, та не зуміла помырати! Осы-
ротыть-осиротыла, та ще и хозяйство розорыла!

— Ты-бѣ йшовъ до насъ, въ хату!—перебыла Горпына
невесели думкы Макара.

— Въ хати душно—я буду на двори,—видповивъ Макаръ
и, взявши въ синяхъ грабли, пишовъ огрибати солому.

Горпына вернулась знову въ хату. На покути, на прослан-
ному рушныку стоявъ вже розведений водою въ мыщи медъ;
на столи—пирогы, холодецъ зъ тарани, пляшка горилки, пляшка
вареной, пшенична паланыця и невеличка чарка, але-никто не
доторкався до цієї стравы, бо першою мусла покуштувати її
душа Тетьяны.

Диты блідни одъ слизъ, стомлени, сонни сиділи на печи
та береглись, щобъ не заснуть ненарокомъ та не проспять
того часу, колы ненька, обернувшись мухою, прылетитъ проща-
тыся. Хлопчыкъ торкавъ разъ-у-разъ сестру за рукавъ та до-
пытывався: „чы то не душа ненькы чорніє“ то на сволоку, то
на стинци.

— Ни, ни: у-день душа не литає; осьъ якъ стемніє, якъ за-
святить свитло, тоди вона и прылетитъ. Лягай теперъ спать,

Сыдорко, я тебе збужу, якъ побачу муху,—умовляла Одарка, приголублюючи до себе сонного брата.

— Я не хочу спаты, я самъ хочу побачити муху; я сидитиму, ажъ поки засвітять світло та ненька прилетить,—змагався Сыдорко, лупаючи сонными оченятами.

Нарешти зимне сонечко закотилося, и Горпына засвітила каганець. Сыдорко схопився.

— Онъ-о-о! душа!—радісно крикнувъ винъ, показуючи пальчыкомъ на чорну головку гвоздыка.

— Тшш... сипнула Одарка брата зъ такою сылою, що винъ знову присивъ:—кажу тобі: ще не часъ неньци приллитаты. Якъ загуде, то я тебе збужу. Лягай, укрийся та спы!—мовила вона дали, и Сыдорко бильше не змагався.

— А що? заснувъ?—запытала Мотря Одарку.

— Заснувъ,—видповіла дивчына и ще дужче прикрыла брата рядномъ.

— Бидна голивонько!—зитхнула Горпына:—покинула дитокъ, хозяйствечко, чоловіка, а якъ за усимъ побывалася!

— Людына—що муха; подыхне який витерь—и немає одъ людны и памьаты,—обизвалася Хрыста.

— Отакій молодыци та вмерты! Ій мабуть ще и 40 рокивъ не було,—мовила Степаныда.

— Нашій сестри не довго смерти шукаты: застудылася, або пидвередылася,—ото тобі и край. Найпаче нашимъ хуторянамъ гирко доводиться; ликаръ каже: „далеко до вашого хутора йиздыты“, а фершалови ніколы: ніякъ зайцивъ по полю не перестриляе,—додала Мотря.

— Бога рады! велика корысть зъ тыхъ фершаливъ! Адже дававъ винъ и мени, и вамъ, и ось куми Явдоси якихсь червоныхъ порошокивъ; занудыло одъ ихъ та й годи!—обизвалася Степаныда.

— Охъ! голубьята мои! Не пособилы-бъ Тетьяни ни ликари, ни фершалы, бо вона черезъ саме серце померла. Що сердыта була покійныця, такъ кинця и краю немає! Иноди було якъ почне Макара лаяты, такъ ажъ запынются, ажъ зомліе! Та ось,

кумо Хрысте, вы чулы, якъ вона торикъ на все село гримала?— звернулася слипенька бабуся до Хрысти.

— Щось не зазнаю,—видповила кума Хрыстя.

— То у васъ пам'ять така! Не те, що я їй сужу,—хай їй Господь Милосердний на тому свити розсудить,—а такы сердыта вона дуже була... Мене позаторикъ трохи не была, їй-же Богу, за те, що диты слывъ натрусылы у їй садочку,—не спынялася слипенька.

— Охъ! сестрычки, сестрычки!—стала увищаты богомильна бабуся. Не годытся мертвыхъ судыты: їй душа била насъ литае, все чуе, все бачыть та печалытся. Велькый грихъ новопреставлену лаять! Сподобывъ мене Господь на свити пожиты, де-що одъ людей прочуты; розкажу и вамъ, колы хочете, що я чула одъ одной кїянки.

Якъ жыла десь, каже кїянка, удовыця. Въ гори, досади та печали провела вона весь выхъ свій, гриха черезъ людей набралася, сердце розтруила, здоровья черезъ недостатки розгубыла, та й стала вона у Бога смерти прохаты. „Господы!“—прохала вона—„пошлы по мою гришну душу, щобъ надо мною, бидною удовою, моя недоля не знущалася“. Пославъ Господь по душу янгола. Радисна та весела вылетила душа зъ тїла,—хотила зразу подали одъ земли, на поклонъ до Бога летиты. „Не прыйшовъ ще часъ твій—не пушу тебе на поклонъ!“—каже їй янголъ Господень и заслонывъ передъ душею двери. Зосталася душа въ хати, литае кругомъ свого тїла та розглядае ёго. А тымъ часомъ зибралыся жиночки надъ тиломъ сидиты. Сыдять, якъ оце, по-здоровъ Боже насъ, мы сидымо, та не добромъ новопреставлену помынають, а все лыхымъ словомъ. Одна каже: „вона мій четвертакъ на той свить занесла“, а друга—„вона мени борошна не виддала“, а треття: „вона мене такъ и такъ лаяла“. А душа удовыци близенько литае,—до самыхъ жиночокъ прыпадае и хоче сказаты имъ: „выбачайте, сестрыци! выбачайте, сусидочки! не було у мене ни четвертака, ни борошенця, не було у мене и зла на серци, якъ я васъ лаяла,—то все горе та недостатки

прыводылы мене и чуже добро заживаты, и лыхе слово казаты“,— та не може. Вылася душа сердешна, вылася, та й стала знову янгола прохаты: „одпусты мене, янголе Господень, на небо: я-жъ и смерти затымъ у Бога прохала, щобъ мени одъ людей одійты подали“.— „Не прыйшовъ ще часъ твій!“—мовывъ йй влруге янголь и не пустывъ зъ хаты.

Стала душа знову литаты та жиночу розмову слухаты, а жиночки-сусидочки одно судять, одно судять...

Ще дужче застогнала душа, ажъ объ сволокъ зъ досады бьется, а дали пролетила за пазуху, сила биля самого сердца свого мертвого тила та й замовкла. И такый жалъ взявъ Господня посланника, що винъ схылывся надъ тиломъ удовыци та й самъ заплакавъ. Кынулася жиночки до тила—ажъ воно все слёзамы обмочене. Та й не высохлы ти слёзы, поky и поховалы: такъ янгельскымы слёзамы окроплени удовыцю и въ труну повлалы.

— Не судить—и не судыми будете!—додала до цёго розказу Хрыстя.

— Хиба я йи судыла?—обизвалася зъ сердцемъ слипенька бабуса.

— Авже-жъ, судыла!—мовыла Мотря.

— Дывысь ты! ще заведутся спорытьси. Хай краще намъ бабуса ще що-небудь розкажуть. Я ось зроду у Києви не була, а тамъ-же, кажуть, хороше... Чы вы и цей рикъ были у печеряхъ?—звернулася до богомильной бабуси Степаныда.

— Якъ-бы то не була у печеряхъ! Була и въ дальнихъ, и въ ближнихъ, до кожного святого пидходила, до вожной труны прыкладалася. И чого не наслухалася, чого не набачылася за свою подорожъ—за ти часы, що побувала у Києви!—И любо було слухаты, якъ почала вона чыстымъ, якъ срибло, ривнымъ, якъ та течія у одлогыхъ берегахъ, голосомъ оповидаты про Києвъ, лавру, кинецъ свита, праведныкивъ, мученыкивъ. Передъ слухачамы якъ на долони зъявлялыся и золоти верхы храмивъ Божыихъ, и страданія Хрыста, и жыття праведныкивъ, и пекельни муки гришныкивъ. Мырь-мыру людей збиралось у Києвъ

зъ рижныхъ краивъ, зъ рижныхъ земель, и ни одна звистеа, ни одна новына або згадка про стародавню бувальщину, що принесла ця жива течія богомольцівъ, не зникла зъ пам'яті бабуси. Хвылына бигла за хвылыною, година за годиною, а бабуса ще не переказала всього. Старшіи жінки почали вже куняти, молодши посунулись ближче до бабуси, але бабуса нічого не примчала и вела свою ричъ все дали.

— Ку-ку-рику!—крыкнувъ старій пивень въ синяхъ.

— Ку-ку-рику!—обизвалося тонисенько десь якесь пизнехирятко.

— Матинко! вже други пивни спивають!—схопылася Мотря.

— Може вже и душа прылitala, а мы прогледили,—заклопоталася Степаныда.

— Э, ни,—обизвалася Горпына:—я ввесь часть дывылася на стину,—не було нічого.

— То вы, мабуть, не догледили,—мовыла зъ докоромъ сипенька баба.

— Якъ-то можна, не догледила?—ажъ образылася Горпына:—хиба мени вперше душу стерегты? Адже якъ умерла Катря, то я перша примытила ляльку на стинци, а за Иваномъ тежъ устерегла муху, дарма що людей було, якъ у церкви.

— Та може вона и зовсимъ не прылеть?—обизвалася Хрыстя.

— Якъ-то можна? Чого-бъ вона, хай Богъ мылуе, не прылетила?—здивувалася Горпына.

— Не схоче лялькою зъявытыся,—то перекинеться мухою; а вже неодминно прылеть сёгодня,—мовыла богомильна бабуса.

— Не схоче мухою—жінкою зъявытыся,—додала Мотря.

— Э, ни! того, крый Маты Божа, Царыце Небесна, не буває,—завважыла богомильна бабуса.

— Якъ-то, не буває? А Ткаченко? Цилисенький рикъ, якъ не бильше, до дитей прыходыла. „Выйдуть“,—розказувала мени сусидка Ткаченковою, божылася, що правда,—„диты вранци прычисани, вымыти, нагодовани: „хто васъ чесавъ, хто вамъ головки позмывавъ, хто вамъ пироги в давъ?“—пытають люде

дтей.—„Маты приходылы, чавунъ окропу нагрилы, голивкы намъ змылы, пироги въ напеклы, локшыны наварылы“,—кажуть диты.

— Хай Богъ мылуе! Ажъ слухать сумно! То вже іи нечыста сыла зъ того свиту таскала, а хрыстіянська душа тилько у ляльку або муху обертаеця,—та й то прылітае на одну хвыльничку,—перепынула Мотрю Горпына.

— Охъ, Господы! Якъ-такы отіеи нещасной Тетьяны шкода!—несподивано зитхнула слипенька бабуся.

— Чого іи шкодувати? Чы вона на своему віку щастя зазнала, чы вона хочъ одынъ денёкъ спочывала?—запытала Мотря.

— Тымъ-то и шкода іи, що вона померла, щастя та спокою не зазначышы. Не шкода, якъ помре така людына, що зъ долею браталася: не дурно іи на свить маты породыла, не дурно іи земля носыла. А якъ оце мы, такъ якъ и Тетьяна.... для чого мы родылыся, для чого жывемо, та ще въ мукахъ и помыраемо?—запытала Степаныда Мотрю...

— Для царства небесного,—съ певною вірою відповіла за Мотрю богомильна бабуся.—Бідній людыни меньше спокусы, меньше прынады—меньше и гриха.

Степаныда мовчкы похытала головою,—вона добре пам'ятала, якъ братъ іи кравъ колысь дерево у лиси, щобъ протопыты два дни нетоплену хату; знала тежъ, що колы-бъ на той часъ трапывся карбованецъ у кышени, то винъ-бы не наважывся красты,—але не насмила перечыты бабуся.

— Ничого Тетьяны шкодувати: згорнула били рученькы, заплющыла кары оченькы—заснула, заспокоїлася навикы... Макара та диточокъ—сыриточокъ дуже шкода,—обизвалася вперше за всю довгу ничку баба Кузьмыха.

— Звисно, Макара дужче шкода: въ одынъ день збувся и хозяйкы, и хозяйствечка,—згодылася Мотря.

— Про хозяйку малый клопоть: Столярыха—перша така, що хочъ и сёгодні замижъ. „Такъ вже“, каже, „обрыдло тымъ серпомъ жаты, що колы-бъ де трапывся хочъ поганенькый косаръ, то пишла-бъ замижъ“. На хозяйку швидче розжывеця,

нижъ на коривку. Такъ-же шкода тієї половеньком!—Наче на жалъ выкохавъ іи Макаръ!—мовила Горпына.

— Не візьме Макаръ Столярыхы,—обизвалася слипенька бабуся.

— Чому?—запыталы жиночки.

— Погана дуже та ще й косорота,—відповіла слипенька.

— Ого! якъ прийде весна, та якъ гляне Макаръ на обмалану хату сусида, та якъ побачить, що по всіхъ горідахъ люде косять та сіють, тилько ёго хата-пустка чорніє, тилько на ёго городи бур'янъ зеленіє, то не те Столярыху,—васъ радо посватає,—засміялася Степаныда.

— Ты вже якъ ляпнешъ, то и пальци знать! Наче вже за мене и поганишыхъ нема! Подивися въ воду на свою вроду,—образылася бабуся.

— Та я пошутувала, вони...

— Ось цытєте, жиночки!—спынула Степаныду богомільна бабуся:—слухайте: десь муха гуде...

Вси замовѣлы видразу та стали прислухатись.

— Не чуть ничого. То васъ, мабуть, кортыть кануну швидче скоштувати,—обизвалася спросонку Кузьмыха.

— Ще-бъ и ты почула! Трычи объ стилъ носомъ клюнула, ажъ луна по хати пишла, та ще-бъ муху устерегла,—мовила Горпына, пыльно прыдвляючысь до кутнїи стинки.

— Онъ-но-о, муха! На канунъ сила!—показала Хрыстя.

— Погувай, Степаныдо, Макара зъ-надвору: винъ тамъ гомонить зъ чоловіками,—мовила Горпына.

Степаныда грюкнула синешнымы дверыма, и Одарка схопылася.

— Вставай, Сыдорко! Душа ненькы прылетила; вже на кануни сидыть!—стала вона будить брата.

Сыдорко пидвися, почухався и знову юркнувъ пидъ рядом.

— Сыдорко, а Сыдорко! Ненька прылетила. Сыдорко, вставай!—на-пивъ зъ плачемъ сипала Одарка брата.

— Ось не займай, дочко, дытны,—хай ёму святы янголы снятся! Иды сама сюды та подивися на душу своєї матинкы

риднешенькой, — звернулася до Одаркы богомилна бабуса. — И рада-бъ ньнька до васъ, диточокъ своихъ, прыпасты, и рада-бъ чаечка своихъ чаенятокъ обняты, та не їи воля, не їи сила. Обернулася вона мухою, прылетила на хвылыночку, та й полетить вона знову одъ своихъ сыриточокъ. Ставай, дочко, та молися Богови, щобъ святи янголы їй до престолу дорогу указували, а святи арханголы за їи гришну душу передъ угодныками Божиыми заступылися.

Жиночки перехрестылися, а Одарка стала поручъ зъ бабусею быть поклоны.

Увійшовъ Макаръ, за нимъ у-сидъ два чоловіка. Вси взяли по ложки кануну. Муха перелетела на пироги, и вси взяли по пирогу: на яку страву сидала муха, тієї стравы и починали зразу. Вся страва була добре прыправлена, до того и часть бувъ пизній, и жиночки вечерали смашно; Макарови-жъ не йшло зъ головы, що винъ пройдае тельчку, и винъ ледве навить прыгубивъ чарку.

— Не журися, Макаре! Не сумуй! Не тилько свиту, що у виконци: ось, дастъ Бигъ, одбудемо сороковыпы, то и засва-таемо тебе. Тоби зъ дитьми безъ хозяйкы неможна, а у насъ їе недалечко пидхожа жинка: чы попраты, чы помыты, чы на поли робыты—за дви Тетьяны управытсья,—мовыла Горпына.

— Тетьяна, царство небесне, останними часами зовсимъ неспособна до роботы була,—додала Мотря.

— Два мисяци ни до холодной воды... Визьметсья було хату выместы, та й то не подужае,—згодывсья Макаръ.

То-жъ-то и їе! А Столярыху катъ не визьме!—завважыла Горпына.

— Про Столярыху ничего и казать—добрый робитныкъ!—пидхопылы чоловікы.

— Макарови прыгадалася низенька, гладка жинка, рокивъ 48, зъ маленькымы, навкосы проризанымы очыма, тонкымы, мицно сципленымы губама, великымъ горбатымъ носомъ,—серце ёго боляче защемило, и винъ мымоволи тяжко зитхнувъ.

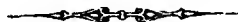
— Не до любви, чы що?—запытала ёго Мотря.—Мынувъ, сердце, часъ перебраты,—беры, яку прыйдется.

— Не пиде вона за мене,—видповивъ хмуρο Макарь.

— Пиде!—заспокоиы въ одынъ голосъ жиночки...

А муха наче прогула останни слова: затрипала крыльцями, пиднялася пидъ саму стелю, загула, заплакала на всю хату, прыпала до голивкы сонного Сыдорка та й зныкла навикы невидомо куды....

Л. Яновская.



Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

Г л а в а III-я.

Нервные страданія и болѣзни органовъ чувствъ.

Содержаніе: головная боль, лѣченіе ея. Воспаленіе глазъ, ячменецъ, горячка слепота, бѣльма. Уроки, случаи,—предохраненіе и лѣченіе.

Переполюхъ, нидвій,—случаи, лѣченіе. Крикливицы. Перехидъ.

Головная боль.

По народнымъ понятіямъ, голова можетъ разболѣться отъ слѣдующихъ причинъ: отъ простуды вообще („застуженой крови“) и отъ холоднаго вѣтра въ особенности; также отъ тяжелаго хатнаго воздуха, сна не во время, переутомленія, побоевъ, уро-вивъ, испуга („переполюхъ ожива и бѣе въ голову“). Разболѣвшуюся голову смачиваютъ и моютъ слѣдующими растеніями: бураковымъ квасомъ, разными видами васильковъ, напимѣръ *centaurea cyanus* L., освященной вербой, вишневымъ листьемъ, дивиною (*verbascum thapsus* или *phlomoides* L.), деревіемъ (*achillea millefolium* L.), которымъ также щекочутъ въ носу для исхода крови и облегченія головы; калиной (*viburnum opulus* L.), кобылячей головой, копытками (*asarum europeum* L.), любисткомъ (*levisticum officinale*. Koch.), мятой (*mentha piperita* L.), нехворощью (*artemisia austriaca* L.), очеретомъ (*phragmites vulgaris*. Frin.) старымъ и метелками (куницами), сырымъ зиллямъ, смородиннымъ листомъ, чепчыкомъ (*thymus vulgaris* или *serpyllum* L.) и шандрой (*mar-*

rubium album L.). Крімъ того въ уши закладають чеснокъ, лобъ, виски и затылокъ натирають рѣдкою, хрѣномъ, уксусомъ. Къ головѣ прикладываютъ въ видѣ компресса, только что вытянутую изъ колодца грязь (муль). Къ вискамъ и затылку ставятъ горчичникъ или мушку, „на шывороті“ — пѣявки. Нюхаютъ нашатырный спиртъ и табакъ. Голову сжимають ладонями вверху и внизу и перевязываютъ починкомъ, спряденнымъ въ чистый четвергъ „навпакы“. „Якъ голова болѣть, треба девять разъ поспиль пидійты пидъ перенись“ (когда священникъ выноситъ чашу въ церкви).

Глазныя болѣзни.

Глаза болятъ отъ засоренія, простуды, заразы, залѣченной золотухи („якъ золотуху загонять у вичи; якъ золотуха вступыть у вичи“). Особенно часты заболѣванія глазъ у заробитчанъ, возвращающихся изъ южныхъ губерній, „зъ Таврію“. Въ предупрежденіе болѣзни глазъ нужно ѣсть перецъ, освященный вмѣстѣ съ пасхой и носить на шеѣ шнурокъ, а въ рубашкѣ ленточку, — освященные тогда же. Покровителемъ глазъ признается св. Симонъ. „Пывонь очамъ, Антыпъ—зубамъ“. Къ нему обращаются съ такой коротенькой молитвой: „святый велькомученику Пывоне, одъ глазъ сцилытелю! избавь Господня раба одъ главнои болѣзни“.

При воспаленіи слизистой оболочки глазъ и вѣкъ примечиваютъ и промываютъ глаза: обыкновенной холодною водою, водою, осѣвшей на окнахъ, водою изъ градинъ, водою, принесенной изъ Козельщины, гдѣ чудотворный образъ Божьей Матери, также кіевской водою изъ дальнихъ пещеръ, вблизи Іоанна многострадальнаго, росой, собранной 23-го апрѣля, (юрською, грегорською), каковое средство упоминается въ новыхъ сборникахъ: Чернявской¹⁾, а также водою, освященной въ тотъ же день; мыльной водою, водою или водкой, слабо окрашенными въ голубоватый цвѣтъ синимъ купоросомъ, краснымъ церковнымъ виномъ, молокомъ

¹⁾ Обр. и пѣсни с. Вѣлозерки. Харьк. 1893 г., стр. 16 и Гринченка. Этногр. мат. II, 318.

женщины, впервые кормящей сына; то же средство примѣняютъ въ правобережной Украинѣ¹⁾ и въ Бельгiи²⁾,—мочей маленькаго мальчика, а по Чубинскому³⁾ и Манжурѣ⁴⁾—вообще мочей. Кромѣ воды, прикладываютъ еще къ больнымъ глазамъ: кислое молоко, яичный бѣлокъ съ квасцами, сухой тертый картофель, сердцевину тыквы (безъ сѣмянъ), оливу и баранье сало. При сильной гиперемiи ставятъ по одной пѣвкѣ за ухо, а механически раздражающія тѣла удаляютъ, слизывая вѣко и глазъ языкомъ. Объ этомъ опасномъ приѣмѣ упоминаетъ г. Можаровскій въ журн. Фельдшеръ (1898 г., № 18, 478).

Для излѣченія ячменца (*hordeolum*), воспалившейся сальной желѣзки вѣка, бросаютъ въ печь тридевять зеренъ ячменя, приговаривая: „какъ сей ячмень згорае, такъ нароженому, молятивному, хрещеному Васылю ячминець изъ глазъ исхожае“. Больной прикладываетъ къ воспаленной желѣзкѣ прижженное зерно ячменя, а другое лицо спрашиваетъ: „шо ты колешъ“?—„Ячминець.“—„Брешешъ“ (трижды)—„Я ячминець сколю, ячминець зйде, и твоя правда до мене прыйде“. Или такъ: „Въ тебе ячминець“? „Брешешъ“. „Хай винъ тобі усхне“!—плюютъ и даютъ дулю. Новѣйшее средство отъ ячменца—прикладываніе къ вѣку разсыропленнаго сахара въ тряпкѣ,—нарывъ скорѣе прорветъ.

Подъ куриной слѣпотой (ночной слѣпотой, *hemeralopia*) разумѣется ухудшеніе зрѣнія съ наступленіемъ сумерекъ, развивающееся отъ продолжительнаго сна, дурной воды и неосторожнаго поглощенія растенія *anagallis arvensis* L.,—курячихъ очекъ или курячей слепоты⁵⁾. Отъ этой болѣзни умываются освященной водой съ хрѣномъ, водой съ перезимовавшими капустными кочерыжками, непременно подъ печной трубой, „верхомъ“. Ъдятъ и прикладываютъ къ глазамъ вареную теплую бычью печень.

1) Чубинскій т. I, в. I., 139.

2) *Monneur. Fl. wal.*, 29.

3) Т. I., в. I., 139.

4) Сбор. Харьк. Истор.-Фил. Общества. II, 158.

5) Основа 1861 г., II, 206.

Бѣльмо задувають сахаромъ, для чего приподымають вѣко и выдыхають или дуютъ чрезъ бумажную трубочку пережженный толченый сахаръ. Его засыпають также освященной солью. Смѣшиваютъ еще сокъ наливающихся ягодъ калины зъ навозными червями и прикладываютъ къ бѣлму. О лѣченіи бѣльма сокомъ дождевыхъ червей упоминаетъ Арендаренко¹⁾. Отъ бѣльма шепчутъ такъ:

„Господы благословы, Господы помози нароженому, мольтвяному рабу Божу Степану сіе бильмо изъ ока зганяты, Матери Божои прохаты. Ишла Маты Божа горою,—стала я іи пытаты: „куды вы, Матирь Божа, идете“?—„Иду я помочи давати нароженому, мольтвяному Степану—бильма зъ ока зганяты выламы сколоты, граблямы сгрибаты, митлою змитаты нароженому, мольтвяному, хрещеному изъ ока бильмо зганяты“.

„Ишовъ старецъ изъ трѣма торбамы, изъ трѣма ципкамы, изъ трѣма хортамы: одынъ чорный, другый сирий, третій билий. Чорный стежку показуе, сирий слѣзу вылізуе, а билий свить показуе“.

„Йихавъ Юрына на вороному кони. За нымъ бижить трое сащятъ. „Куды ты, Юре, йидешъ изъ своимы сащятамы? на що тоби трое“?—„Одынъ—шептаты, другый—задыматы, а третій буде бильма здійматы. Аминь сѣму слови“.

 (Хут. Сабадашевскій, Яблоновской волости, отъ Мазняковой).

„Йиде Богъ на билимъ кони у билій соропи, у билыхъ постолахъ, у билыхъ поволокахъ. За нымъ тры псы: одынъ рабый,

¹⁾ Зап. о Полт. губ. I., 100 и Г. Баловъ. Фельдшеръ 1898 г. № 18, 487.

Свѣдѣнія о заболѣваніи и лѣченіи уха такъ невелики, что умѣщаются въ небольшомъ примѣчаніи. Для устраненія засорившей ухо сѣрки вкладываютъ въ него палочку бузины съ обмазанной воскомъ тряпочкой, вмѣсто сердцевинны. Тряпку зажигаютъ. Лють внутрь посредствомъ бумажной трубочки, зажженной,—оливу, майское масло (у Гринченка. Мат. II, 320). Лють еще женское молоко, сокъ бурака, сокъ лука, освященную іорданскую воду. Закладываютъ ухо ватой съ камфарой. Причины боли: простуда и золотуха.

другий червонный, а третій чорный. Рябый иде изъ моря воды хлебтаты, червонный иде крови ссаты, а чорный иде изъ ока бильма здіиматы“ ¹⁾. (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

У р о к и.

Подъ уроками (болгарское урука) въ Малороссіи понимаютъ лихорадочное состояніе, вызванное какъ дурнымъ глазомъ (прозоромъ, соотвѣтствующимъ итальянскому *mal'occhio*), такъ и завистливой похвалой ²⁾ или вообще дурнымъ словомъ, сказаннымъ съ злой цѣлью въ недобрый часъ ³⁾. Къ нимъ близокъ пристрить,—лихорадочное и горячее состояніе, соединенное порой съ одышкой и коликами въ боку, ⁴⁾, случающееся, впрочемъ, отъ простуды ⁵⁾ и испуга. У нѣмцевъ, славянъ и итальянцевъ одинаково есть выраженія, предупреждающіе сглазъ. Напримѣръ: *unbeschrien, unberufen, knoblauch*, нивроку, *se mal'occhio non vi fosse* или *fora mal'occhio*. Повсемѣстно также изъ боязни сглаза не принято хвалить дѣтей, а, напротивъ, принято находить въ нихъ дурныя качества. Хваля дитя или даже просто проходя мимо него, въ Ирландіи, Бретани, Германіи, Португаліи, Астуріи, Андалузійи призываютъ благословеніе Божіе на дитя въ такихъ выраженіяхъ: *benza te Deus, Dios lo guardia, grazia a Dio, Dio la benedica, soyez bénie de Dieu*. У африканскихъ мусульманъ предохраняетъ отъ сглаза и уроковъ фраза: *mach Allah* ⁶⁾. И по мѣстнымъ народнымъ повѣрьямъ уроки опаснѣе дѣтямъ, чѣмъ взрослымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ.

Моя дочка йихала зъ дытынкою,—колы иде жинка зъ двома дитымы. Моя дочечка прыкутала свою дытыну, а та свою

¹⁾ Вар. у Номиса. Укр. прык. 161.

²⁾ См. мов Нар. обряды и пѣсни Лубенск. у. 33.

³⁾ Н. О. Сумцовъ. Культ. пережив. Кіевск. Стар. 1889 г., XI 315.

⁴⁾ Ib. 309 п Чубинскій. Тр. эксп. I, вып. I, 134.

⁵⁾ Лікі своев. 26.

⁶⁾ I. Tuchmann. La fascination. Mélusine 1898, № 5, 105, 106, 107 п 1899, № 9, 197, 198.

пидчукнула. Сейчасъ наша дытына рушается и кречотыть. Дочка ёму цицькы. Дома положила ёго доли. Такъ та дытына третёго дни Богу душу оддала“ (с. Литвяки, отъ Федосіи Гузёминой).

„Йихалы чоловікъ и жинка у-лись по груши, а друга выйшла зъ двору та й давай дытыну пидіймать и чукать. А та жинка, шо на вози и каже: „пидіймаешъ высоко—закопай глыбоко, пидіймаешъ выше—закопай глыбше. Якъ думаешъ добро соби, такъ нехай мени, а шо думаешъ мени, то нехай тоби“. Йидуть назадъ у-вечери, колы ту дытыну несуть зъ двору ховать“. (С. Тишки).

„Йихалы мы зъ чоловікомъ въ ярмарокъ. Набрали у Тышкахъ изъ колодязя воды у тыкву та й йидемо шляхомъ. Иде чоловікъ и жинка изъ ярмарку проты насъ. Якъ лопне та тыква, такъ и ростриснулась. А жинка та думала, шо я дытыну везу“.

По народнымъ понятіямъ женщины вообще способныѣ урикать. „Якъ русява врече, то ще легче, а якъ чорнява, та ще подума та въ землю гляне, такъ одъ тыхъ урокивъ смерть бува“. Исключеніе составляютъ послѣрожденныя, „мезинки“,—тѣ не опасны и могутъ безнаказанно, даже съ пользой, переходить дорогу. Затѣмъ, дважды отлученныя отъ груди и не опускающіе глазъ при выходѣ священника съ чашей, способны урикать. Такимъ образомъ, способность урикать можетъ быть и мимовольной. „Якъ чоловікъ спротивный на очи, такъ винъ тилькы подума: ось яка людына багата, чы красыва,—такъ кровь ёму здвynется, винъ-бы й не хотивъ, винъ самъ не радъ,—сейчасъ у тіей людыны супротивытсь кровь. Винъ ии очамы сколе. Бувае, шо не може та людына ни здвynуться, ни стуснуться, лыхо ии нападе, такъ и умре, якъ бабка не одходить“. Существуютъ и предохранительныя мѣры отъ такого зла. На разсвѣтѣ слѣдуетъ выйти съ кружкой воды и, смотря на небо, проговорить: „Добры-день тоби, водо Уляно и тоби, земле Тетяно. Одмываешъ ты лугы й береги, одмый уроженому и молитвяному, и хрещеному всяку нужду и всяку болизнь“. Затѣмъ—умыться. Выходя куда-нибудь со двора, нужно умываться изъ полнаго ведра. „Урикывымъ“ слѣдуетъ закалывать иголку или двѣ въ очипокъ, платокъ, пазуху, шапку,

картузъ; также завявывать въ пазуху: соль, крошки хлѣба и кусочки угля или кирпича (печыну). При опасной встрѣчѣ надобно говорить: „Силь та печына тоби зъ лыхмы очыма. Якъ думаешъ мени добро, то нехай и тоби добро, а якъ думаешъ худо мени, то нехай и тоби самому“; или такъ: „силь тоби въ вичи, печына въ зубы, а каминь на груди“. (Д. Войниха). Еще иначе: „печына тоби въ зубы, каминь у груди, деркачь у ж...“

Діагнозъ уроковъ не представляетъ затрудненій опытной шептухѣ. Какъ только она начинаетъ шептать больной, какъ сама начинаетъ зѣвать, у ней катятся изъ глазъ слѣзы и трещать кости. Больного смазываютъ освященнымъ саломъ, умываютъ или обрызгиваютъ со всѣхъ сторонъ („на зустрічъ) освященной водой—„стритенською и іорданською“, какъ и въ Волынской губ.¹⁾ Еще умываютъ отваромъ уже упоминавшихся: омана, переступня, живокиста и петровыхъ батогиw (*cychorium intybus* L.), кульбабой (кульбахой, *taraxum officinale* L.), подорожникомъ (*plantago major* L.), буркунами: бѣлымъ и желтымъ (*Mellilotus alba* и *officinalis* Lam.) и шепчутъ слѣдующее:

„Въ чыстимъ поли сыне море. На сынѣму мори стоить чорный явиръ; на чорному явори сидить чорный воронъ: чорна голова, чорни очи, чорни бровы, чорни кихти, чорни нихти. И винъ крычить—покрыкае, кихтямы—нихтямы прогрибае, уроки—урочыща одбирае. Я знимаю и одбираю зъ хаты дымомъ, зъ двора—витромъ. Идить соби на очерета та на болота, де й куры не ходять, де й дзвоны не дзвонять, де хрестьянський гласъ не заходьтъ. Тамъ вамъ пыты й гуляты, й роскошуваты, а тутъ не буты, червонои крови не пыты, жылъ не сушыты“. (С. Хелебци)²⁾.

„Уроки чоловичи, жоночи, парубочи, дивочи, хлопьячи, дивчачи, спытени, зйидени, вызвани, вымовлени, названи, наслани, прозорни! я васъ вышиптую, я васъ вызываю, я васъ выкликаю на очерета, на болота одсылаю. Идить соби на очерета, на болота, на свои миста, де витеръ не віе, де сонце не гріе, де пра-

¹⁾ Бѣньковскій. Кіевск. Стар. 1896. I. Докум., 8.

²⁾ Вар. заговорwвъ: Чубинскій. Тр. Экспед. I., в. I., 133.; Мон Нар. обр. и пѣсни Луб. у., 33.—

ведне сонечко не сходитъ, де людський гласъ не заходить, де люде не хрестятся. Коли буде сухой дубъ розвиваться, тоди мольтвяному, хрещеному Василю будуть уроки озываться. (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой). ¹⁾

„Уроки—врочыща подумани, погадани, истритени, испытени, зйидени, наспивани, насміяни, дидовы, бабыны, батьковы, матерыны, чоловичи, жоночи, хлопчачи, дивчачи, попивськи, паламаривськи, цыганськи и жыдивськи! тутъ вамъ не стояты, за плечыма не знобыты, поперека не ломыты, голинокъ и колинокъ не крутыты, симдесять суставъ не ломыты. Я шепчу васъ, я й вышиптую зъ твоеи головы, изъ твоихъ ушей, изъ твоихъ вязей, изъ твоихъ щелепивъ, изъ твоихъ грудей, изъ твоихъ ребиръ, изъ твоихъ рукъ, изъ твоихъ ногъ, изъ твого хребта, изъ твого живота, изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ твоихъ семидесяты суставъ—все уроки вышиптую. Я туды ци врокы ссылаю, де козакъ шаблею не махае, де дивка косою не мае, нарожденного, мольтвяного, прычащенного раба Божія Ивана, Господь Мылосердный, на помичъ посылаю“. (С. Хитцовъ).

„Уроки водяни, уроки витряни, уроки й подумани, уроки й погадани, уроки спытени, уроки зйидени! тутъ вамъ не стояты, ии косты не ламаты, тутъ вамъ не ходыты, ии косты не ломыты. Идить соби на очерета та на велики болота, де витерь не завивае, де й сонечко не загривае, де парубокъ конемъ не пройизжае, де дивка косы не чеше, де парни на улыци не спивають, де дивкы косамы не мають—одъ Параскы рожденной, мольтвяной и хрещеной“. (М. Снѣтинъ, отъ Парасковьи Лысенковой).

„Уроки-урочыща, чоловичи, жиночи, парубочи, дивочи! Идить вы соби на очерета, на болота, у свои миста, де парубокъ огню

¹⁾ Интересно, что въ Абрुцкомъ заговорѣ, приведенномъ въ Mélusine 1898, № 5., 114, въ слѣдующихъ словахъ упоминается о дѣвичьемъ и женскомъ сглазѣ:

Sè é uocchiè de dunzelle,
Sé ne pozza casca'n dèrre.
Sé è uocchiè de maretate,
N dèrre se n'è ccascate.

не креше, де дивка русои косы не чешс, де пивнячый гласъ не заходыть, де витерь вербы не колыше. Пидить соби за витрамы, за дымамы и за темными лисама“. (М. Снѣтинъ, отъ Катерины Прыхидькиной).

„Уроки-врочыща! тутъ вамъ не буваты, тутъ вамъ не стояты—рукъ не, дбираты, пидъ груди не пидступаты, у боы не шпыгаты, въ чересла не подаваты, у-поперекъ не рубаты, по животу не ходыты, коло пуца не крутыты, снигомъ не осыпаты, обмороку не даваты, не знобыты, не тошныты, на очи не наступаты, прозирь даваты, нарожденому, мольтвяному, хрещеному рабу ціи прозиры сциляты, ціи провиры знычтожаты“. (С. Мгарь).

„Уроки,-урочыща! чы чоловичи, чы жоночи, чы хлопьячи, чы дивчачи, и витряни, и огняни изсылаю, искылаю, изываю изъ нароженного, мольтвяного и хрещеного раба Божог о; изываю на, черета, на болота. Тутъ вамъ не стоять, жовтон кости не ломыть, червоной крови не сушыть, билого лица не билыть, русои косы не сушыть, щырого сердца не вялыть“ (повторять трижды). (С. Хорошки).]

„Уроки витряни, уроки земляни, уроки подумани й погадани и стричени! Выкылаю, вызываю изъ ёго очей, изъ ёго плечей, изъ ёго жовтыхъ костей, изъ ёго щырого сердца, изъ раба Божого Якыма, и высылаю на очерета, на болота, куды людський гласъ не заходыть. Составляе Матирь Божа рабу Божему Якымови здоровья“. (С. Литвяки, отъ Федосьи Гузѣминой).

„Уроки-урочыща, подумани, погадани, прозирни, чоловичи, жоночи, парубочи! идить соби погуляйте, нарожденій, мольтвяній раби Божій Парасци помагайте“. (Д. Солоница, отъ Насти Дивизионной).

„Уроки-врочыща! булы подумани й погадани, и наслани, й заспани, и вечирни, й прозирни, ночни, й полунични, й свитови, й витряни. Будуть зъ витру, изъ воды, изъ праці. Стала й вышпигувать, и вызывать, и выкыкать, и на густы лиса, и на глыбоки яра одсылать“. (С. Хитци, отъ Хиври Глушковой).

„Господы праведный, Господы небесный, стань мени на помочи! Чужы жинкы баранкы, Мелашка ведмедка: ведмежи лапы,

вовчи зуби, соколыни очи. Соколынымы очыма не дывлюся ведмежымы лапамы одгребуся, вовчымы зубамы одгrywуся. Хто що подумавъ и погадавъ, хай ёму самому станеться зъ Мелашкы, нарожденной, мольтвяной, хрещеной—зъ ии очей, зъ ии плечей, зъ жовтои косты, зъ червонои кровы, зъ русои масты; Меласци нарожденій, мольтвяній, хрещеній ссылаю, выкликаю на очерета, на болота, де сонце не сходить, витерь не віе“. (Д. Солоница).

„Йшовъ Исусъ Христось черезъ трыдевять небесъ,—на святу землю ступае, урокы выкликае одъ жовтои косты, одъ билотоу тила. Йшовъ Исусъ Христось дорогою и ставъ изъ золотоу пальцею стричаты, ставъ урокы збираты, на все поле розсылаты зъ твоихъ рукъ, зъ твоихъ плечей, зъ твоихъ жовтыхъ костей нарожденного, мольтвяного раба Божого Ивана“. (С. Литвяки).

„Уроки-урочыща, стритени и витряни, прозирни и подумани, и погадани, и люблени-прыголублени, жиночи, парубочи, хлопьячи, стричени и вричени, и супротывни! Поки вы тутъ стоялы и внобылы, и злобылы, поты я не знала и не шептала. Стала я знаты,—и Спасителя прохаты. И поки я не знала,—и апо-столивъ не звала симдесять суставомъ шептаты изъ суставцивъ, изъ головы, изъ жовтои косты, съ красной криви. Я й вышптую, и высылаю, и вызываю туды, де дзвоны не дзвонять, де люде не говорятъ. Бувай здорова, Господь зъ помичю!“ (С. Калайдинцы).

„Пресвятая владычце Богородице, благословы и поможы мени! Идешъ ты золотымъ мостомъ; зустрічавъ ии самъ Сусъ Христось и спрашувавъ ии: „куды жъ ты, Матиръ Божя, идешъ?—“Иду я до врожденного и до мольтвяного до раба Божого, до Захарія урокы одсылаты. Будуть урокы дидовы, и бабыны, и батьковы, и матерыны, и мужычи, и хлопьячи, и дивчачи, и пападни, и супротывни, и подумани, и погадани, и стритени, и испытани, й зйидени, и шляхомъ перейдени, и витромъ пиднесени. И поки воны знобылы, поты обморокъ у головонькы были. И я васъ вызываю, и я васъ выкликаю, и я васъ одсылаю, де витерь не віе и сонце не гріе и де хрестьянський гласъ не заходе одъ Захаріевої головы и одъ паголовы, и одъ ёго сердца, и одъ ёго пасерця, и одъ ёго румяного лица, и одъ ёго карыхъ очей, и одъ

ѣго плечей, и одѣ ѣго рукъ, и одѣ ѣго нигъ, и одѣ ѣго пальцѣвъ, и одѣ ѣго семидесяты суставцѣвъ, и одѣ ѣго жовтой кости, и одѣ червовой крови не буде ѣго серденька нудыты и червонной крови ссаты. И я васъ вызываю и выкликаю—идить соби, куды огонь та дымъ, то туды ѣ лышечко за нымъ“¹⁾. (С. Мгарь, отъ Павла Майстренка).

„Господы мылостывый, поможы мени, и Матерь Божая праворушныця и скорблящая, и усердная Божая маты, поможы мени си уроки одходыты. Уроки, урочыща, и витряни, и водяни, и прозирни, и часови, и мынутни, и подумани, и погадани, прылюбовани, прыменовани и стритени, и зйидени, и не я-жъ васъ вызываю, и не я выкликаю,—самъ Господь вызывавъ и выкликавъ, и ангеливъ на помичъ высылавъ. И матиръ Божа въ помочи стояла и си врокы збирала, на Дунай на море ссылала. Тамъ соби гуляйте и буайте, сухе дерево ламайте. Одъ ѣи ручокъ, одъ ѣи нижокъ, одъ ѣи головонькы, одъ ѣи червонной крови, одъ жовтой кости, одъ рожденной, мольтвяной, хрещеной рабы Божой Маріи“. (Д. Солоница)²⁾.

„Господы мылостывый, станъ мени у помочи, и помошныкы Божи, станьте мени у помочи! Уроки, урочыща: чоловичи, жоночи, хлопьячи, дивчачи, подумани, погадани! тутъ вамъ не стояты, не болиты, червонной крови не пыты, сердца не вялыты, жылъ не тягты. Не я вышицтую,—Маты Божа вышицтуе, Маты Божа выкликае, Маты Божа вызывае, де витеръ не віе, де сонце не гріе. Одъ твоихъ рукъ, отъ твоихъ нигъ, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твоеи головы, одъ твоего нарожденного, хрещеного, дара Божого Василя“. (С. Хорошки, отъ Софіи Сысиной).

1) «Якъ шептать, то долженъ быть по сѣму уроку на прыпичку огонь роскладенъ». (П. Майстренко).

2) И въ бретонскомъ заговорѣ, приведенномъ въ Mélusine 1899 № 9, 209, въ ст. Т. Е. Ernault: Dictions et proverbes bretons, болѣзнь удаляютъ въ рошу сухихъ дубовъ:

. . . Aze ma da lec'h
Barz er bod dero zes'h.

„Уровы, урочыща! я васъ изсылаю, де дивка косою не мае, парубокъ топоромъ не рубает, де птыця не литае, людський гласъ не заходьтъ. И Матиръ Бога навколюшки стояла и Бога прохала, и чоловікови на помичъ давала; ишла мосточкомъ изъ золотымъ ципочкомъ и ципочокъ обмывала, людямъ водыцю давала“. (М. Лукомье, отъ Катерины Норовой).

„Поможы мени, Мыколай угодныкъ, и ты, скоропомошныкъ, и ты, Варвара великомучениця, одъ сихъ уроковъ шептать. Я ихъ вызываю и выкликаю: чы воны йесть жиночіи, чы воны йе чоловічи, чы воны йе хлопьячи, чы воны йесть насланіи, чы воны йесть подуманіи, чы воны йе погаданіи, чы воны йе заспаніи. Тутъ вамъ не буваты и жовтои кости не ламаты, и червонои крови не ссаты, и билого тила не сушыты. Идить соби на густіи очерета, на глыбоки болота изъ нарощеного, мольтвяного и хрещеного раба Божого Васыля“ (повторяють 9 разъ) (с. Мгарь).

„Господы мылостывый, святіи отци, угодныкы печерськи, ахтырськи, манастирськи, станьте мени въ помочи одъ Ивановыхъ очей и одъ ёго головы, и одъ ёго жовтыхъ костей. Уроки, урочыща! тутъ вамъ не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не ссаты, а жылъ не тягты, а серця не вялыты. Пидить соби на огни, на дыма, на велыки степа; тамъ парубокъ на билимъ кони не йиздытъ, дивка косы не чеше. Тамъ вамъ буде пыття, гуляння й хороше маслування“ ¹⁾. (С. Литвяки отъ Наталіи Кедевой).

Переполахъ.

Переполахъ есть нервное возбужденіе отъ испуга, произведеннаго грозой, пожаромъ, паденіемъ въ воду, дурными вѣстями, привидѣніемъ, выражающееся сонливостью, головными болями, лихорадочными припадками и отчасти душевными расстройствами. „Зъ переляку въ чоловіка може вкнутися нечыстый духъ; бѣе въ голову, троштыть у середьни, у голову обморокъ забыва. Ума тронется той чоловікъ, балака, плете чого не нада“. „Бува,

¹⁾ Произносится 4—9 разъ.

шо нечыста сыла пидъ тинь пидходить (т. е. тѣнью) и ляка". „Прокынулась я въ-ночи,—разсказывала дѣвочка, козачка сел. Литвяковъ Лукерія Бугаева,—одчыныла двери хатни и синешни—на порози лежыть парубокъ Павло. Я кажу: „Павло! чого ты тутъ лежышь"? Винъ мовчыть. Я ёго за руку та за ногу, воно якъ дублёне, все колышется и холодне. Очи на мене выпрачывъ, дывытся пыльно. Я злякалась та у хату, трушусь, кажу: „мамо, Павло лежыть на порози". Вони вийшли, колы нема ни де никого, ничего. Съ того часу стала я крычать у-ночи, стала въ мене голова болить, у ливый бикъ колоть. Вылывала баба". „Моя динчына злякалася дуже: ходыла рано до баштану, и мовъ въ конопляхъ чоловікъ лежавъ. Такъ вона годъ болила: усе крычала, жахалася: мовъ іи увыжається чоловікъ, балака: „онъ чоловікъ стоить. выведить ёго зъ хаты. Вылывала жинка перенюлохъ; вылававсь огонь, а не той чоловікъ. Не помоглося". (С. Литвяки).

„Повивъ чоловікъ на ничъ кони, а жинка сыдыть проты празныка Михайлова чуда, шые до пизна. Колы се пидійшло та й гука: „Явдохо, одчыны"! Одчыныла вона, колы воно розипнялось на дверяхъ на синешныхъ у сираци, а вона й гука: „то ты, Петро? чого ты ще й шуткуешь"? А воно стоить. Такъ вона пробигла по-пидъ рукою, иде видтиль,—колы нема вже на дверяхъ. Выйшла у хату, дума, шо то Петро на печи, пыта: „то ты, Петро"? Воно мовчыть. Вона знову: „чого ты зо мною шуткуешь, хоба ты маленький"? Та засвѣтила та на пичъ—немае; пидъ пиль—немае. Уже іи острахъ узавъ, перелякалась на вики. Колы це пивень: ку-ку-рику! Ось и Петро у хату. А вона: „то ты прыходывъ у-ночи лякать мене"?—Ни.—„Та дурышь".—„Ій Богу ни". Та якъ заведужала, та мисяци два пролежала; йиздыла до знахаривъ, и переполохъ вылывалы, ажъ тоди одужала. И волосъ выризувалы, навхрестъ головы". (М. Снѣтинъ).

Обвѣяніе вѣтромъ и вихремъ, признаваемое Чубинскимъ особой болѣзнью „пидвѣмъ" ¹⁾, въ Лубенской народной медицинѣ

¹⁾ Тр. Эксп. I., в. I., 131.

считается однимъ изъ видовъ переполоха ¹⁾). „Якъ витерь и выхорь пидбижыть, то въ голови шумъ, обморокъ вдарыть. Може той чоловікъ тронуться умомъ“. Опасность пидвія видна, между прочимъ, изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ.

„Приходять жинка, просыть: „пошечнить одъ переполоху“. Дывлюсь, а въ ей такъ жылы попускало пидъ груди, якъ пальци ростопырени, въ гору бье, мовъ опшальмонила, а волосся поскручувало у тры батогы. Розказувала вона: „выхорь пидбигъ, кынувъ объ землю“. (С. Литвяки, отъ Евгеніи Недѣлькиной).

„Була дивчына въ строку у Барвинщины ²⁾). Строкови обидалы. Схопывся выхорь, хто зна звидкиль и взявся, перекинувъ мыску йимъ у крузи, де вони йили. Та дивка выбула строкъ благополучно, прийшла до-дому,—стала їи нападать мовъ льохорадка: болять руки, ноги, голова, кыне въ жаръ, зморозыть. Напаялась вона зновъ у строкъ у Тышкахъ, нерано вже, писля клечаныхъ святъ. Ходылы строкови до озера садыть бурякивъ; заболела у ей голова и все, попросилась вона у дядька до-дому, ажъ у Луку. И якъ хватыло їи, такъ ничего не тямить, а ходыть можна. Батько и маты мучылысь зъ нею: уберется вона въ нарядъ новий, по огороду ходыть, спива, саме въ робочу пору. Писля того крычыть, гавка. На мынуту їи и легше, свитомъ, а якъ сонце пидобьется, знову їи хвата: вые, гавка, матиръ лае безподобными (sic!) словами, крычыть: „давай мени йисты“! Паланыць тры зйисты, а все голодна. У Петривку позйида вершки зъ молока. Такъ їи давай везты. Везуть и кормлять, бо якъ не буде йисты, не буде й сидить, гавкатыме. Привезлы їи у манастырь, хотилы запрычастыть—неможна: гавка, вые; хотилы воду на голови святыть,—не можна: не вдержуть. Привезлы їи до дому, повезлы до знахаря десь за городомъ. Той знахаръ шептавъ и вызывавъ переполохъ и сказавъ имъ: щобъ купылы ладану и щобъ роздали ёго на тры цѣрквы, и якъ спивають „иже херувимы“,

¹⁾ Случаи ложной беременности, отчасти выкидыши и душевное разстройство беременной, мѣстная народная медицина склонна объяснять пидвіемъ. (См. мон Нар. Обр. и пѣсни Луб. у., 14).

²⁾ Хуторъ Засульской волости.

шобъ тымъ ладаномъ кадылы и потимъ шобъ назадъ узять той ладанъ, мишати въ тымъ ладаномъ сваченои паскы и проскуры, и дарныка, и усихъ водъ: орданськой, вечирньои и стритенськой и пыть те все що-дня. Пыла вона; и возылы ии до бабы въ Высачки и баба ий выливала що-ранку на сходи мисяця переполохъ,—бо якъ выливать тоди, якъ родытся мисяць, на молодыку, то переполохъ оживатыме,—и на воску було те саме: якъ выхоръ летивъ и перекинувъ мыску, а вона злякалась. Одужала вона и зновъ поступыла въ строкъ. Такъ-тѣ нечистый въ неи и вселывся, и тымъ згонулы ёго зъ неи. Якъ выхоръ летыть и крутыть писокъ,—и кынуть нижъ у ту куряву, та якъ выхоръ унычожытся, то буде нижъ у крови. Та кровь зъ нечистого. (С. Тишки, отъ Пр. Кирилленковой).

Для излѣченія отъ переполоха больного поятъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ іорданской водой,—„переполохъ того боится, одъ того осиди“; также: водой, освященной на головѣ больного; водой, въ которой намачивались трое сутокъ: пасха, дарникъ, всенощная просфора, пшевица, освященная на Спаса и Маковія, освященной водой съ квасцами (галуномъ), водой, которой окропляли мертвеца. Ъдятъ кромѣ перечисленныхъ освященныхъ хлѣбовъ, еще хлѣбъ, принесенный съ первого, такъ называемаго горячаго, погребальнаго обѣда и печеное яблоко, съ воткнутымъ въ него кусочкомъ херувимскаго ладана, причемъ также и подкуриваются херувимскимъ ладаномъ. Изъ врачевныхъ средствъ извѣстна только ландышевая настойка (*convallaria majalis* L.), приготовленная въ такой пропорціи: чайная ложка сушеныхъ цвѣтовъ на каждую рюмку водки. Даютъ по 3 капли такой настойки въ рюмкѣ водки или воды больному разъ въ сутки. Лучшими средствами для излѣченія переполоха признается: выливаніе и пресѣканіе. Переполохъ выливають больному трижды въ мѣсяць, и чаще на исходѣ, т. е. на 3 и 4 четвертяхъ, „тоди переполохъ замира, а якъ выливать на молодыку, то винъ одмолодіе“. На голову или животъ больного ставятъ миску съ холодной водой, куда льютъ растопленные въ три приѣма въ печи: воскъ, смолу или олово,—

лучше послѣднія, потому что за воскъ „грихъ великій“; если появится лихорадочное состояніе у больного, то обязательно употреблять олово—въ водѣ получается изображеніе испугавшаго предмета, и переполохъ проходить. Повидимому, нашъ пріемъ выливанія переполоха, одинаково изображенный и въ ст. Г. Иванова: „Знахари, шептанія и заговоры“¹⁾, недоговорень, незаконченъ. У фламандцевъ же знахарка, выливъ свинецъ въ холодную воду, спрашиваетъ больного, если металлъ принялъ человѣческую форму: въ какую часть тѣла наславшаго болѣзнь выгнать боль? Затѣмъ нарицываетъ значки на вылившейся фигуркѣ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ и передаетъ такимъ образомъ боль наславшему въ его жительство²⁾. Баба пресѣкаетъ переполохъ слѣдующимъ образомъ: слегка толкаетъ ножомъ въ лобъ и затылокъ больного, затѣмъ беретъ нитку красной заполочи, измѣряетъ больного отъ макушки до пятъ и наматываетъ на вѣшникъ (деркачъ), кончикъ котораго отрубаетъ на сволокъ или печкѣ, потомъ на правомъ и лѣвомъ плечѣ больного, груди и ногахъ, пресѣкаетъ деркачъ трижды навкрестъ на дверяхъ, приговаривая: „переполоше, переполошыще! я тебе прыскаю, я тебе зарубаю новорожденного, молитвяного раба Божого Семена“. Потомъ забиваетъ деркачъ и нитку въ глухомъ концѣ дверей или „въ кочергахъ“. Въмѣсто деркача, баба обрѣзаетъ навкрестъ волосы и ногти больного, приговаривая: „я переполохъ одбираю одъ новорожденои, молитвянои Гапки, одъ ѳи рукъ, одъ ѳи ногъ, одъ ѳи очей, одъ ѳи главы, одъ русои косы, одъ билого лыця и одъ щырого сердца. И теперь я цей переполохъ на червону нитку збираю и на очерета, и болота я ёго ссылаю одъ новорожденои“. Затѣмъ волосы и ногти баба перевязываетъ красной ниткой и замазываетъ въ глухой конецъ дверей, приговаривая: „якъ въ сѣму глухому концю дверямъ не одчыняться, такъ переполохови не обзываться. Я-жъ ёго осыковымъ коломъ забываю и своими устами заклинаю. А цѣму домови всѣму ѳаминь“. Въ заключеніе

¹⁾ Киев. Стар. 1885 г., XII, 737.

²⁾ Js. Teirlinck. Le fl. flam. 109.

³⁾ Киев. Стар. 1885 г., XII, 737.

баба трижды плюетъ. По Иванову,³⁾ дырочку дѣлаютъ на высотѣ роста дитяти; когда послѣднее переростетъ дырочку, пройдетъ болѣзнь. Въ м. Лукомѣ дитя съ обрѣзанными волосами и ногтями подводятъ къ вербѣ или дубуи, приговаривая: „нехай дубъ тебе переросте“, забиваютъ обрѣзанные предметы также на высотѣ роста ребенка.

Кромѣ вышеприведеннаго, отъ переполоха есть еще такіе заговоры.

„Я сей переполохъ раби Божій Варци присикаю и выливаю на сходи и на сповни, и на молодыку. Цей мисяць зъ небесъ исходить, переполохъ изъ живота и головы выходитъ. Ты переполохъ, ты переполошыще! Ты болюхъ болющій и колюхъ колющій! Ты страхъ и жажъ; ты дидивъ и бабынъ, батькивъ и матерынъ, скотячый и ковячый, собачый и свыннчый, курячый и утячый, и гусячый, и витровый, и выхровый, огневый, гадячый, котячый, денный и ночный, и полуношный. Тутъ тоби рабы Божои не оживаты, коло сердца не облягаты, рукъ, нигъ не ломыты, сердца не сушыты. Поки ты тутъ ходывъ и сушивъ, поты я не знала и не присикала и не выливала. Теперь присикаю и выливаю билимы рукамы, одъ сердца одбираю и святы молитвы чытаю своими устами, святымы молитвами одъ рабы Божои Ганны одбираю, на очерета и на болота ссылаю. Туды люде не ходять, туды переполохы сходить зъ витрамы, зъ выхрамы. Хай гуляють, рабы Божій Ганны хай повикъ не оживаютъ. Я одъ рукъ и одъ нигъ одбираю, на западъ сонця посылаю.“

„Винъ йесть батькивъ и матерынъ, и титчинъ, и дядькивъ, и дивчачый, и стритяный, витрянный и громовый, и блискавчынъ, и сонный, и зляканный, и вечерній, зирній. Йесть волячый, коровьячый, свыпячый, овечый, ягначый, гўсячый, утячый, курячый, ношннй и витровый, и выхровый. Поки я не знала,—не шептала; якъ стала знать,—одъ переполоху шептать. И я шепчу, и выливаю, и присикаю, и прерубаю, изливаю, и на тры стороны изсылаю, де люде не ходять, де витры не віють. Господь зъ поміщю“. (С. Калайдинцы).

„Переполохъ чоловичый, жоночый, парубочый, дивочый хлопьячый, товарячый, кинськый, овечый, вовчый, заячый, пере-

пелячий, горобьячий, ящерный, гадючий, курачий, утачий, гусячий, индючий, лысичий, огненный—я тебе вышиптую, я тебе й вызываю, я тебе й выкликаю, на темни луга одсылаю. Иды соби темными лугами, буйными витрамы у чистее поле. Тутъ тебе овси не треба¹⁾! (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Переполохъ подуманый, погаданный, скотынынь, звирыный и насланный. Тутъ тоби не стоять, крови не ссать, жовтои вости не ламать, а жылъ не тягты, а сердца не тошныты. Пиды соби на огни, на дыма, на вельки степа. Тамъ тоби буде пынье, гулянье и всяке маслуванье“. (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Переполохъ, переполошыще! Ты не жиночий, ты чоловічий, въ тебе голова здоровая Ты можешъ чоловіка рострибушаты, ты можешъ оселю розирваты. Тутъ тоби не стояты, головочки не ламаты, у животи не трибушаты. Иды соби за огнямы, за витрамы, за густыми дымамы, де собаки не брешутъ, де люде не говорятъ, огни не горять“. (М. Сиѣтина, отъ Катерины Прихидькиной).

„Переполохъ курачий, гусячий и козыный, и звирыный, и воловый, и коровный, и выхровый, и витровый. Тутъ тоби не стояты, въ голови не шумиты и билого тила не алыты, и щырого сердца не нудыты. Я тебе шепчу, я тебе выываю, я тебе вызываю,—я сей переполохъ зъ твого сердца вышиптую. И тутъ тоби не стояты, пидъ груди не пидпыраты, пидъ ложечку не пидступаты, и щырого сердца не нудыты нарженого, мольтвяного Самсона не сушыты“. (С. Хитцовъ, отъ Маріи Ганенковой).

„Переполохъ, переполошыще! батькинъ, матерынъ, чоловічий, жиночий, изляканный, истрахиенный и курачий, и гусячий, и скотськый, и кинськый; и выкликаю одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ русои косы, одъ карыхъ очей, одъ билого тила, одъ щырого сердца, одъ нарженои, мольтвянои, хрещенои Маріи“. (М. Сиѣтина).

¹⁾ Вышиптывать 9 разъ, а якъ великый переполохъ, то тричи по 9.

„Переполохъ переполошный! и собачый, и звирычый, и то-варячый, и свынчый, людськый, чоловічый, жіночый, хлопьячый, дивчачый! Тамъ тоби не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не пыты и серденька не сушыты; я вызываю и вы-кликаю изъ очей, изъ ёго плечей, изъ ёго щырого сердца. Тамъ тоби не стояты, тамъ тоби замыраты“. (С. Литвяки, отъ Федосьи Гузёминой).

„Господы милостывый, поможы мени! Маты Божа, и стань мени у помочи сей переполохъ выливаты изъ іи головонькы, изъ іи ручокъ, изъ іи нижокъ, изъ іи пальцівъ, изъ іи суставцівъ, одъ іи семьдесятъ суставъ. Не я ёго выливаю, не я выкликаю, самъ Господь выливавъ и выкликавъ и Матирь Божа въ помочи стояла, си переполохы одбирала, на Дунай на море зсылала. На Дунай на мори симдесятъ языкивъ стрепечучись, святыи мисяць на неби и Матирь Божа на земли, и си переполохы збирала и витряны, и хлопьячи, и чоловічи, и выхрови, и блискости, и громови, и конячи, и волячи, и собачи, и гусячи, и курячи, и гадючи, и жабычи, и потайни и хлопьячи, и жоночи; и дивчачи, и не я йихъ вызывала, и не я своимъ духомъ подымала,—Самъ Господь вызывавъ и своимъ духомъ подымавъ одъ жовтои кости, одъ червонои крови, одъ іи голосу, одъ іи волосу и одъ рожденнои, мольтвянои и хрещенои рабы Божои Маріи. Аминь“. (Д. Солоница).

Крикливичи.

Крикливицами, плаксивицами, а по Чубинскому-несплячкамъ, криксами называютъ въ Малороссіи безсонницу дитяти до 3-хъ лѣтъ, осложненную громкимъ крикомъ и запрокидываніемъ головки назадъ ¹⁾). Кромѣ врожденныхъ, онѣ могутъ еще случиться, если кто поздно вечеромъ посмотреть въ окно или наплетъ ихъ отъ своихъ дѣтей. Въ предупрежденіе крикливецъ въ глухомъ углу въ полъ втыкаютъ иголку, а вѣнникъ выбрасываютъ за порогъ, подъ колыбель ставятъ освященную воду. Въ купель кла-

¹⁾ Нар. обряды и пѣсни Луб. у., 33, 34.

дуть: гречневую и освященную солому, также солому из трех крышъ, три ложки земли и девять росадинъ капусты, невысаженныхъ изъ росадниковъ, полевые васильки и желтый буркунъ,—если дитя худаетъ. Крикливицы ссылають на улицу и вечерницы, способомъ, указаннымъ въ моихъ Нар. обр. и пѣс. Луб. у., стр. 34, или сдаютъ ихъ лѣсу или сосѣднему ребенку¹⁾ или курамъ²⁾. Въ послѣднемъ случаѣ несутъ дѣтей подъ сидало и говорятъ: „вы, куры, били, чорни, гребенати, попеласти! изберить, извесить крыкльвыци, плаксывыци вечирни и полунишни, и наслани, и подумани, и погадани. Пидить соби на огни, на дыма, на вельки степа, тамъ вы будете пыты й гуляты“. (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Крыкльвыци и плаксывыци! я васъ вызываю, я васъ и выкликаю зъ ёго очей, зъ ёго плечей, зъ ёго жовтыхъ костей, зъ ёго щырого серця. Я тебе й вызываю, я й выкликаю, я й одсылаю и на очерета, и на болота, и на вельки лиса, и на дыку птыцю. Тамъ соби й оселыся, остановыся; тамъ соби ячить, тамъ крычить, а ты, Господы мылостывый и вси святи, станьте ёму на помощи, щобъ воно не крычало, щобъ воно й мовчало, щобъ ёму й спалося, щобъ ёму лыхо мыналося. Дай Боже ёму здоровья.“ (С. Литвяки, отъ Федосьи Гузѣминой).

„Господы мылостывый! поможы мени си плаксывыци одходыты и денни, и вечирни, и полунишни, и свитови; и не я ихъ вызываю и не я выкликаю. Зори зоряныци,³⁾ васъ на неби тры сестрыци! и одбирайте си крыкльвыци и денни, и вечирни, и наслани, и витряни, и прозирни. Матиръ Божа въ помочи стояла, си крыкльвыци одбирала и дивчатамъ на вечорныци одсылала. И зори зоряныци, на неби тры сестрыци! и насылайте мени сонлявыци и драмлывыци 'дъ рожденной, хрещеной, 'дъ мольтвяной Маріи.“ (Д. Солоница).

1) Чуб. т. I., в. I., 112.

2) Ивановъ. Кіев. Стар. 1885 г., XII, 738.

3) То же воззваніе къ зорямъ у Иванова въ сборн. Хар. И. Фил. Общества. IV., 276 и въ моихъ: Нар. обр. и пѣс. Луб. у. 34.

П е р е х и д ъ.

Перехидъ понятіе сложное. Сюда входятъ: родимецъ, *ek-lampsia infantum*, „судороги отдѣльныхъ мускуловъ или всего тѣла съ потерей сознанія и способности ощущенія, припадокъ не повторяющійся“ (Кунце. *Compend. практ. мед.* Кіевъ 1881 г., 96.), падучая, „билій“ несмертельный перехидъ, бывающій иногда на третьей четверти каждый мѣсяцъ, и предсмертный нервный ударъ, „чорный перехидъ навмыруще“. По народнымъ понятіямъ, перехидъ можетъ быть прирожденнымъ, наслѣдственнымъ, тихимъ и пріобрѣтеннымъ, „найденимъ“, отъ: урокъ, прозора, испуга. Въ послѣднемъ человѣкъ храпитъ, пѣнится, синѣетъ, бьется, машетъ руками и ногами. Главное, непремѣнное условіе при перехидѣ, во время припадка—полное спокойствіе больного. По народнымъ предразсудкамъ, неосторожное прикосновеніе къ рукѣ или ногѣ больного можетъ вызвать потерю члена, почему рожденное въ перехидѣ дитя оставляютъ лежать до прекращенія припадка¹⁾. Больного осторожно накрываютъ чѣмъ-нибудь чернымъ, также хусткой, на которой сняли пасху; подъ голову подкладываютъ тряпки, которыми затыкался верхъ; снявъ съ больного рубашку, накрываютъ ее, а также и самого больного ночвами, по Чубинскому²⁾—корытомъ. Перехидъ можетъ даже пройти, если видящій первый разъ больного, накроетъ его ночвами, а сверху разобьетъ новый горшокъ³⁾. Надѣваютъ рубашку съ мертвеца и носятъ недѣлю: „перехидъ замира“. Если удастся носить цѣлый мѣсяцъ по рубашкѣ съ четырехъ мертвецовъ, „то перехидъ замре“. Больного смазываютъ всего саломъ, толченымъ съ кореньями любистка (*levisticum officinale Koch.*) и красной рожи (*althaea rosea L.*), а соски намазываютъ херувимскимъ ладаномъ. Больного поятъ ладаномъ съ трехъ обѣдней, свареннымъ въ водѣ, по 3 рюмки въ день, двѣнадцать дней подрядъ,—„колы-бъ тилькы люде не бачылы“. Даютъ также въ водѣ кровь пѣтуха, зарѣзаннаго на Меланки, засушенную и стертую, и отваръ цвѣтовъ горыцвита и сынецвита.

В. Милорадовичъ.

1) Обр. и пѣсни Луб. у. 19.

2) Тр. т. I., в. I., 117.

3) Ib. 117.

Къ вопросу о галицко-русской литературѣ.

(По поводу статьи проф. Т. Д. Флоринскаго).

Осенью истекшаго года профессоръ Т. Д. Флоринскій помѣстилъ въ газетѣ „Кіевлянинъ“ рядъ статей, посвященныхъ разбору „старыхъ толковъ“ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи). Дѣйствительно, это старые толки за и противъ, которые мнѣ приходилось встрѣчать въ печати въ теченіе почти 40 лѣтъ; въ полемику эту я никогда не вмѣшивался главнымъ образомъ потому, что писатели, высказывавшіе мнѣнія, съ которыми я не былъ согласенъ, употребляли приемы нѣсколько странные: трактуя о вопросахъ филологическихъ, литературныхъ, этнографическихъ и вообще культурныхъ, они соединяли ихъ тѣсно съ вопросами политики, до которыхъ лицамъ, интересующимся только культурными отношеніями, не было никакого дѣла; возражать такимъ писателямъ, по большей части публицистамъ, по моему мнѣнію, было невозможно съ точки зрѣнія объективно-научной, да пожалуй, подъ часъ, и не совсѣмъ безопасно. Иной характеръ носятъ статьи проф. Флоринскаго: онъ отстаиваетъ положенія, въ справедливости которыхъ онъ глубоко убѣжденъ, въ силу чего, положенія его, въ случаѣ даже несогласія съ ними, заслуживаютъ полнаго уваженія; съ другой стороны, авторъ заявляетъ на первой-же страницѣ своего сочиненія, что „правильное рѣшеніе спорнаго вопроса можетъ быть достигнуто только послѣ всесторонняго спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія

его въ печати*. Эта точка зрѣнія, вполне отвѣчающая условіямъ культурнаго обсужденія, побуждаетъ несомнѣнно лицъ несогласныхъ съ нѣкоторыми положеніями проф. Флоринскаго высказать свои мнѣнія для всесторонняго обсужденія вопроса. Кромѣ этого общаго мотива, мнѣ кажется, что я поставленъ проф. Флоринскимъ въ необходимость дать объясненія чисто личнаго характера, по поводу сдѣланныхъ имъ указаній на мою дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя Кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета XI археологическаго съѣзда, по моему мнѣнію, не вполне справедливыхъ и нѣсколько тенденціозныхъ.

Въ первой половинѣ своей статьи проф. Флоринскій держится довольно точно заявленнаго имъ научно-объективнаго метода, и потому мы не можемъ не согласиться съ нѣкоторыми его выводами: онъ доказываетъ, что малорусское нарѣчіе (языкъ) принадлежитъ къ группѣ русскихъ нарѣчій, въ чемъ мы никогда не сомнѣвались, что, впрочемъ, вполне признаютъ и тѣ писатели, съ которыми авторъ ведетъ полемику; затѣмъ, переходя къ этнографическимъ особенностямъ малорусскаго народа, проф. Флоринскій утверждаетъ, что всѣ три разновидности русскаго народа составляютъ одну этническую особь, но представляютъ и свои индивидуальныя черты; относительно „удѣльнаго вѣса“ вошедшихъ въ эту особь стихій: малорусской и бѣлорусской, проф. Флоринскій находитъ неумѣстнымъ привести данныя въ своей статьѣ, но заявляетъ вообще, что его мнѣніе представляетъ „неоспоримый фактъ“; что несогласіе съ нимъ „на страницахъ ученаго журнала нужно считать, по меньшей мѣрѣ, страннымъ недоразумѣніемъ“; что люди, несогласные съ его мнѣніемъ, „не понимаютъ или не хотятъ понять истины“ и т. д. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что такой высокомерный тонъ по отношенію къ мнѣнію противниковъ не отвѣчаетъ условіямъ научной полемики. Правъ-ли или не правъ въ своихъ положеніяхъ проф. Флоринскій—это вопросъ открытый, пока не будутъ подведены точные итоги русской этнографіи; до того времени о „неоспоримыхъ“ истинахъ разсуждать преждевременно. Полагаю, что ученые, дорожащіе раскрытіемъ истины, должны бы

воздержаться пока отъ абсолютныхъ приговоровъ и заняться собраніемъ и изслѣдованіемъ научнаго этнографическаго матеріала; такая попытка и была сдѣлана въ семидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Кіевѣ Юго-Западнымъ отдѣломъ русскаго географическаго общества, но благодаря ревнителямъ, стоявшимъ на точкѣ зрѣнія проф. Флоринскаго (конечно, менѣе просвѣщеннымъ и потому болѣе склоннымъ къ мѣропріятіямъ, чѣмъ къ научнымъ доводамъ), дѣятельность отдѣла была прекращена и собраніе этнографическихъ данныхъ при помощи широкой интеллигентной публики края (въ составѣ отдѣла было до 300 членовъ) остановилось. Во всякомъ случаѣ, точные этнографическіе выводы относительно характера различныхъ разновидностей русскаго племени, еще впереди и едва-ли въ настоящее время можно безошибочно произнести приговоръ относительно „удѣльнаго вѣса“ отличительныхъ чертъ каждой разновидности. Если относительно этнографіи можно сохранять нѣкоторое сомнѣніе, то относительно другого рода научныхъ изслѣдованій намъ кажется, что проф. Флоринскій, вѣроятно увлекшись жаромъ полемики, поставилъ совершенно невозможный тезисъ. Ссылаясь на авторитетъ другого ученаго, онъ приводитъ фразу изъ его руководства, подчеркивая ее, какъ положительный выводъ: „*русскій народъ какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи представляетъ единое цѣлое*“. Полагаю, что положеніе о лингвистикѣ, въ виду авторитетности цитируемаго автора, вѣроятно справедливо, но къ чему присоединено къ нему мнѣніе относительно антропологіи? вѣдь нынѣ сдѣлано такъ мало наблюденій относительно антропологическихъ признаковъ русскаго племени, что обслѣдованныя сколько-нибудь въ этомъ отношеніи мѣстности, являются лишь крошечными островками на обширной территоріи Россіи. Между тѣмъ, принявъ во вниманіе какъ громадное пространство разселенія племени, такъ и историческія данныя о русской колонизаціи, наврядъ-ли можно ожидать единства антропологическаго типа, и въ этомъ отношеніи великорусская вѣтвь вѣроятно представить весьма рѣзкія типическія разницы, такъ-какъ она ассимилирована путемъ бра-

ковъ и обрусенія чистокровныхъ инородцевъ, а также большое количество самыхъ разнообразныхъ племенъ и народовъ. Вѣрны-ли эти апріорныя соображенія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ провозглашать единство антропологическаго типа при настоящемъ состояніи русской антропологической науки намъ кажется и преждевременно и не научно.

Переходя къ характеристикѣ общерусскаго литературнаго языка, проф. Флоринскій утверждаетъ, что всѣ три вѣтви русскаго племени принимали участіе въ его созданіи, хотя „въ силу историческихъ и политическихъ условій, великорусское нарѣчіе (преимущественно московскій его говоръ) заняло первенствующее положеніе въ ново-русскомъ образованномъ языкѣ“. Это первенствующее положеніе такъ сильно, что слушая московскій говоръ, образованный русскій человѣкъ признаетъ въ немъ тотъ языкъ, на которомъ онъ самъ привыкъ говорить. По нашему мнѣнію, это положеніе проф. Флоринскаго совершенно справедливо, но изъ него, какъ кажется, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: усвоеніе русскаго литературнаго языка для москвича не представляетъ никакой трудности и онъ, по мѣрѣ развитія своего умственнаго кругозора вообще, въ своемъ-же языкѣ находитъ всегда матеріалъ для выраженія своихъ понятій и представленій; но чѣмъ дальше говоръ отстоитъ отъ московскаго, тѣмъ усвоеніе литературнаго языка представляетъ все большія и большія трудности; для тѣхъ-же говоровъ, нарѣчій или языковъ (незнаю, какой терминъ употребить, чтобы не нарушить чиновной іерархіи, установленной филологами), которые, въ силу историческихъ условій минувшей жизни, представляютъ значительныя отклоненія фонетическія, морфологическія, синтаксическія и лексическія, усвоеніе русскаго литературнаго языка представляетъ серьезную и довольно трудную задачу: оно требуетъ въ первоначальномъ обученіи затраты двухъ-трехъ лѣтъ, т. е. курса сельской школы, и въ случаѣ если этимъ курсомъ кончается все образованіе (что обыкновенно и бываетъ въ массѣ сельскаго люда), не оставляетъ ни сколько-нибудь прочнаго знанія литературнаго языка, который вскорѣ забывается, ни тѣхъ эле-

ментарныхъ знаній, которыя должна-бы сообщить первоначальная школа, такъ-какъ все время ученія ушло на борьбу съ говоромъ или нарѣчіемъ. Кромѣ этого педагогическаго затрудненія можно-бы указать много другихъ въ сферахъ дѣятельности: литературной, судебной, административной и т. д., гдѣ отдаленность даннаго нарѣчія отъ литературнаго языка причиняетъ неоднократно значительныя практическія затрудненія какъ властямъ, такъ и народной массѣ; но мотивы эти повели бы насъ далеко за границы этой статьи. Впрочемъ, повидимому и нужды нѣтъ въ этомъ: профессоръ Флоринскій признаетъ, что значительная относительно разница нѣкоторыхъ нарѣчій отъ общерусскаго литературнаго языка вызываетъ „естественную, хотя и не необходимую“ потребность существованія нѣкоторой областной литературы, „прежде всего простонародной“, которая, однако, „должна довольствоваться скромною ролью подлитературы, служащей дополненіемъ къ общей, главной литературѣ“. Уважаемый авторъ пытается даже опредѣлить сюжеты этой подлитературы, за предѣлы которой она выходить не имѣетъ права. По его мнѣнію границы, эти допускаютъ въ малорусской литературѣ: художественныя литературныя произведенія, рисующія народную жизнь малороссовъ; изданія памятниковъ малорусскаго народнаго творчества; театральныя представленія и простонародныя книги, имѣющія цѣлью распространеніе просвѣщенія въ малорусской деревнѣ. Относительно малорусской литературы въ предѣлахъ Россіи мы совершенно согласны съ мнѣніемъ проф. Флоринскаго и даже находимъ его болѣе толерантнымъ и прогрессивнымъ, чѣмъ то *statu quo*, въ которомъ заколдована данная литература. Такъ напримѣръ, послѣдняя, указанная имъ, категорія книгъ, стремящихся къ распространенію знанія въ деревнѣ, не пользовалась за послѣдніе 25 лѣтъ правомъ гражданства. Насколько намъ извѣстно, за весь этотъ промежутокъ времени только три или четыре брошюры подобнаго рода: о раціональномъ методѣ записекъ, о приѣмахъ скотоводства и о раціональныхъ приѣмахъ лѣтнихъ заработковъ въ степныхъ губерніяхъ, увидали свѣтъ и то лишь благодаря це-

имовѣрнымъ усиліямъ авторовъ, которымъ приходилось тревожить два министерства и затратить 2—3 года хлопотъ и стараній; между тѣмъ, десятки, можетъ быть и сотни, подобнаго рода книгъ, напримѣръ: практическіе совѣты о гигиенѣ при эпидеміяхъ холеры и дифтерита, о приѣмахъ рациональнаго пчеловодства, нравоучительно-религіозные рассказы, житія святыхъ, популярныя книги по физической географіи и т. д., такъ и остались не изданными.

Притомъ намъ кажется, что предѣлы „подлитературы“, поставленные проф. Флоринскимъ, не вполне точно размежеваны: мы не знаемъ тѣхъ признаковъ, по которымъ можно-бы было опредѣлить границы простонародной и сюртучной литературы и которые могутъ быть указаны лишь самою жизнью. По нашему мнѣнію, самый крупный пробѣлъ въ опредѣленіи проф. Флоринскаго относится къ самому существенному условію просвѣщенія народа. Во всѣхъ христіанскихъ государствахъ основнымъ источникомъ народнаго просвѣщенія считаютъ просвѣщеніе, основанное на религіозныхъ началахъ: конечно, въ народной, мало-культурной сферѣ первые лучи просвѣщенія проникаютъ изъ церковнаго ученія; общедоступная церковная проповѣдь на вполнѣ понятномъ языкѣ, житія святыхъ и, наконецъ, возможность читать святое писаніе, не стѣсняясь филологическими затрудненіями, по нашему мнѣнію, составили-бы самый важный элементъ подлитературы, назначенный для просвѣщенія малорусской деревни. Конечно, существованіе такихъ произведеній въ подлитературѣ способствовало-бы значительному подъему религіознаго и нравственнаго кругозора деревни и, можетъ быть, устранило-бы тѣ предрасудки и наклонность къ сектантству, которые заслоняютъ ортодоксальное ученіе церкви. Примѣровъ подобнаго рода можно-бы привести очень много; укажемъ хотя на Бельгію, въ которой духовенство, по воспитанію французское, поставленное въ необходимость бороться въ народной средѣ съ рационалистическими ученіями, читаетъ проповѣдь въ сельскихъ церквяхъ и издаетъ популярныя религіозныя книги на нарѣчіяхъ валлонскомъ и фламандскомъ, не смотря на то, что

языкъ литературы и образованнаго общества страны есть языкъ французскій.

Если мы готовы согласиться съ главнымъ положеніемъ проф. Флоринскаго относительно значенія малорусской литературы или подлитературы въ предѣлахъ Россіи, то совершенно расходимся съ его взглядомъ о значеніи этой литературы въ Галиціи. Здѣсь, въ силу теченія исторической жизни, интеллигентное русское общество говоритъ на своемъ нарѣчій, пользуется имъ въ церкви, судѣ, въ административныхъ сношеніяхъ; оно получаетъ на немъ образованіе въ школахъ, сельскихъ гимназіяхъ и въ университетѣ. Очевидно для всякаго безпристрастнаго наблюдателя, что употребленіе этого языка въ культурныхъ сношеніяхъ выработалось условіями самой жизни. Конечно, среди галицкихъ писателей есть нѣкоторое количество лицъ, усвоившихъ русскій литературный языкъ, но люди эти далеко не многочисленны и не особенно производительны въ научной литературѣ, да и существованіе такой группы писателей совершенно естественно: нѣтъ культурнаго общества, въ которомъ среди интеллигенціи не было-бы извѣстнаго количества людей, пишущихъ не только на томъ языкѣ, на которомъ они говорятъ, но и участвующихъ въ другихъ литературахъ. По мѣрѣ интеллектуальнаго развитія галицкой Руси, многіе литераторы усвоили нѣсколько языковъ, на которыхъ и излагаютъ свои мысли; безъ различія партіи какъ староруссы, такъ и народовцы по временамъ печатаютъ свои произведенія на языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ. На этихъ языкахъ мы встрѣчали статьи и даже цѣлыя сочиненія, какъ г. Адольфа Добрянскаго, такъ и г. Франка, проф. Шараневича и проф. Огоновскаго и т. д., но все это явленія исключительныя, не характеризующія общихъ культурныхъ потребностей страны. Большинство членовъ старорусской партіи къ несчастью, русскаго литературнаго языка не знаетъ, не можетъ на немъ ни писать, ни говорить, и потому пожеланіе ихъ не признавать своей областной литературы является лишь убѣжденіемъ теоретическимъ, —своего рода платоническою любовью, встрѣчающею бѣль-

пія затрудненія въ житейскомъ примѣненіи. Эта разнь теоретическаго убѣжденія съ практическимъ его примѣненіемъ отражается прежде всего на учено-литературной продуктивности этой партіи въ отношеніяхъ количественномъ и качественномъ,—достаточно сравнить для примѣра изданія „Русской Матицы“, существующей уже много лѣтъ и изданія „Научоваго товариства імени Шевченка“, начавшаго свою дѣятельность лишь семь лѣтъ назадъ, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько направление, основанное на потребностяхъ самой жизни даннаго общества, вызываетъ энергію, дѣятельность и продуктивность и насколько теоретическія соображенія, идущія наперекоръ жизни, являются элементомъ, вызывающимъ апатію и безсиліе. Нельзя же серьезно принять за общерусскій языкъ тотъ гибридный говоръ, на которомъ говоритъ огромное большинство староруссовъ, на которомъ издавались труды „Матицы“ и писались поэмы г.г. Гушалевица. Дѣдицкаго и др. Для иллюстраціи языка, употребляемаго староруссами позволю себѣ привести довольно характерный эпизодъ. Одинъ заслуженный ученый, принадлежавшій къ этой группѣ, былъ избранъ профессоромъ русскаго языка и словесности въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Получивъ извѣщеніе о своемъ избраніи, онъ написалъ въ совѣтъ избравшаго его университета письмо съ изъявленіемъ благодарности; въ письмѣ этомъ, состоявшемъ изъ 20 строкъ, оказалось 23 ошибки въ русской лексикѣ, синтаксисѣ и правописаніи. Послѣ этого, конечно, кандидатура на кафедру русскаго языка и словесности оказалась невозможною, и почтенный ученый получилъ другое назначеніе.

Но нашему мнѣнію, весьма знаменательный фактъ представляетъ то обстоятельство, что старорусская партія за 50 лѣтъ своего существованія не произвела ни одного не только выдающагося, но даже средняго хорошаго поэта или беллетриста. Всѣ болѣе талантливые представители галицкой литературы, какъ г.г. Франко, Федьковичъ, Кобрынская, Кобылянская и т. д.—представители исключительно группы народовцевъ.

Профессоръ Флоринскій особенно негодуетъ на то, что галичане пишутъ научныя статьи и издають научныя журналы на

своемъ разговорномъ языкѣ; онъ считаетъ эти начинанія затѣю „трудно исполнимою, лишнею, ненужною, безцѣльною, бесполезною, которая, при насущныхъ силахъ галицкой интеллигенціи, не можетъ состояться и въ 100 лѣтъ“—даже причисляетъ ее къ явленіямъ отрицательнымъ и вреднымъ. Авторъ до того глубоко убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнія, что считаетъ спорный вопросъ „безповоротно рѣшеннымъ жизнью“ въ желательномъ ему смыслѣ.

Мы уважаемъ убѣжденія проф. Флоринскаго, какъ и всякое глубокое и искреннее убѣжденіе, но, тѣмъ не менѣе, не можемъ согласиться ни съ его эпитетами, ни съ его прогностикою. Конечно, созданіе научнаго языка изъ языка разговорнаго требуетъ большихъ усилій, но препятствіе это далеко не непреодолимо, что, конечно, прекрасно знаетъ проф. Флоринскій, изучившій исторію возрожденія въ XVIII и XIX столѣтіяхъ многихъ славянскихъ литературъ. При извѣстной любви автора къ преуспѣванію славянъ, онъ, несомнѣнно, относится съ сочувствіемъ къ усиліямъ, которыя предприняты были чехами, сербами, болгарами, словинцами, словаками, лужичанами для разработки ихъ литературъ; но совершенно аналогическія усилія галичанъ не только не пользуются его симпатіею, но вызываютъ въ немъ страстное отрицаніе и порицаніе. Очевидно, что кабинетныя занятія филологіею могутъ вселить духъ нетерпимости въ равной мѣрѣ, какъ занятія науками богословскими, политическими или юридическими.

Что спорный вопросъ далеко не рѣшенъ безповоротно, въ томъ мы убѣждены отзывами многихъ органовъ русской печати, мнѣніемъ проф. Ягича (см. ссылку въ концѣ статьи г. Михальчука), постановленіемъ огромнаго большинства членовъ Московскаго археологическаго общества и отзывомъ многихъ славянскихъ гостей, посѣтившихъ Кіевскій археологическій съѣздъ, съ которыми намъ довелось бесѣдовать о спорномъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ, при оцѣнкѣ даннаго вопроса вѣрно одно изъ двухъ мнѣній: или желаніе галицкихъ литераторовъ примѣнить свой языкъ къ научной литературѣ есть лишняя, вредная и

т. д. затѣя, впередъ обреченная на смерть, или же это дѣйствительная потребность, вытекающая изъ условій жизни Галичины. Въ первомъ случаѣ намъ не понятна страстность, съ которою относится въ данному вопросу проф. Флоринскій: все то, что лишено реальныхъ условій быта, что безвозвратно рѣшено жизнью, должно неминуемо исчезнуть, не представляетъ ни для кого опасности и не можетъ вызывать ни раздраженія, ни экстренныхъ мѣропріятій; но если вѣрно второе мнѣніе, то страстное къ нему отношеніе и особенно преждевременныя мѣропріятія, не только не достигнуть цѣли, но вносятъ лишь ненужное раздраженіе, усиливаютъ духъ протеста и все-таки не предотвращаютъ того исхода, къ которому естественно стремятся потребности жизни. Къ какому рѣшенію въ будущемъ приведетъ данный вопросъ, за отсутствіемъ дара прорицанія мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ, полагаемъ, что по аналогическимъ вопросамъ люди ученые разныхъ временъ неоднократно высказывали прогнозы и гороскопы, не оправдывавшіеся въ послѣдующее время. Такъ напримѣръ, проф. Флоринскому лучше чѣмъ намъ извѣстны отзывы нѣмецкой печати по поводу возрожденія чешской литературы; такъ лѣтъ 40 назадъ одинъ, несомнѣнно весьма ученый русскій славистъ, пришелъ къ убѣжденію, что только четыре славянскія литературы: русская, польская, чешская и сербская имѣютъ право на существованіе и что поэтому болгары не должны мечтать о своей литературѣ „лишней, вредной, безцѣльной“ и т. д., но должны усвоить литературу сербскую. Проповѣдывая страстно эту мысль, ученый славистъ чуть было не разогналъ одинъ изъ отдѣловъ славянскаго благотворительнаго комитета, котораго онъ былъ предсѣдателемъ и въ составъ котораго входили очень многіе болгары. Въ исторіи западной Руси мы встрѣтили очень характерный аналогичный фактъ. Въ началѣ XVII ст. знаменитый проповѣдникъ и ученый іезуитъ Петръ Скарга, въ пылу полемики по вопросу о церковной уніи попрекаетъ православныхъ между прочимъ тѣмъ, что они пишутъ на языкѣ, который не можетъ стать языкомъ культурнаго общества и не имѣетъ никакой будущности. „Еще не было на

свѣтъ, говоритъ онъ, академіи, гдѣ-бы философія, богословіе, логика и другія гуманитарныя знанія преподавались на славяно-русскомъ языкѣ; съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики и быть не можетъ. Вотъ откуда у васъ невѣжество и заблужденіе“. Въ настоящее время мы видимъ, насколько преждевременны были страстно высказанные гороскопы ученыхъ: и чешская, и болгарская литература существуютъ, отвѣтомъ же на предсказаніе Скарги служить вся русская литература.

Если проф. Флоринскій дѣйствительно убѣжденъ въ томъ, что попытка создать научную малорусскую литературу есть утопія, „осужденная жизнью и закономъ культурнаго развитія народовъ“, то для насъ совсѣмъ непонятны его опасенія относительно пропаганды этой утопіи. Если его мнѣніе вѣрно, то, конечно, утопія не можетъ никого прельстить и кончится лишь тѣмъ, что утописты потратятъ нѣсколько тщетныхъ усилій, никого не увлекутъ, сами одумаются и повернутъ на другой путь культурнаго развитія; но если проф. Флоринскій ошибается (а ошибаться всѣ мы можемъ, за исключеніемъ развѣ паны), то въ такомъ случаѣ весьма странными являются провозглашаемыя имъ будто-бы непреложныя истины и тѣмъ болѣе отстаиваемыя имъ мѣропріятія о всякихъ недопущеніяхъ, пресѣченіяхъ и т. д. Споръ этотъ пока открытый, и люди науки могутъ лишь приводить аргументы pro и contra и выжидать рѣшенія вопроса отъ дальнѣйшаго теченія жизни, не вызывая практическихъ мѣропріятій, по вопросу, пока открытому.

Порицая усилія галичанъ, направленные къ созданію литературнаго языка, проф. Флоринскій указываетъ, что языкъ этотъ искусственный, не сложившійся и переполненный словами, заимствованными по преимуществу изъ языка польскаго, или вновь созданными; въ доказательство этого положенія авторъ приводитъ списокъ до 200 словъ, яко-бы заимствованныхъ изъ польскаго языка. Разсматривая этотъ каталогъ, мы не могли не прійти къ убѣжденію, что составляя его, проф. Флоринскій не остался на высотѣ своего филологическаго образованія: въ

числѣ случайно имѣ выдернутыхъ словъ замѣчается нѣсколько категорій самаго разнообразнаго характера; такъ, къ числу заимствованій изъ польскаго языка отнесены слова, несомнѣнно присущія какъ въ бытовой рѣчи малорусскаго народа и въ произведеніяхъ его народной литературы, такъ и въ западно-русскихъ литературныхъ памятникахъ XVI—XVIII столѣтій и въ языкѣ документовъ того времени; таковы напр. слова: кавалокъ, увага, каминця, умова, докладно, зныщты, звичайно, справа, вага, шануваты, муситы, праця, малюваты и т. д. Доказательства своенародности многихъ изъ этихъ словъ были указаны въ статьѣ г. Науменка. Ошибка проф. Флоринскаго въ этомъ отношеніи зависитъ вѣроятно оттого, что при изученіи имъ разныхъ славянскихъ языковъ, очередь еще не пришла на малорусское нарѣчіе, не смотря на то, что въ Кіевѣ, среди малорусскаго населенія, за 18 лѣтъ къ этому могло представиться довольно много удобствъ. Другую категорію словъ, будто заимствованныхъ изъ польскаго языка, составляютъ слова нѣмецкаго происхожденія, вошедшія и въ современную народную рѣчь и въ литературу минувшихъ столѣтій, какъ напримѣръ: штука, коштъ, друкарня, рахунокъ, решта, фарба, грунтъ, наперъ и т. п.; почему эти слова отмѣчены какъ польскія, для насъ не понятно; но, мы во всякомъ случаѣ, констатируемъ, что слова эти существуютъ какъ въ народной рѣчи, такъ и существовали въ западно-русской литературѣ XVII столѣтія. Наконецъ, въ спискѣ проф. Флоринскаго помѣчены многочисленныя слова латинскія, вошедшія во всѣ евронеійскія литературы, и въ томъ числѣ получившія право гражданства и въ русскомъ литературномъ языкѣ, какъ напримѣръ: институція, культурные интересы, эмиграціи, публикація, еволюція, функція, аргументъ, интегральный и т. д. Вообще, предвзятая мысль проф. Флоринскаго о колонизаціи галицкаго литературнаго языка до того увлекла его, что онъ записываетъ въ колонизмы и чисто русскія слова, какъ напримѣръ: урядникъ, запасъ.

Мы привели эти примѣры единственно съ цѣлью указать, что укоры автора, паправленные къ порицанію галицкаго ли-

тературнаго языка, основаны болѣе на субъективномъ впечатлѣніи самого автора, чѣмъ на строго продуманныхъ лингвистическихъ основахъ, вслѣдствіе чего они возбуждаютъ недоумѣніе даже среди не специалистовъ-филологовъ. Но допустимъ, что лексическая выкладка проф. Флоринскаго была сдѣлана нѣсколько неудачно, вслѣдствіе снѣжности газетной работы. Сущность этихъ упрековъ сводится къ тому, что галицкіе литераторы, стараясь дать литературную обработку своему нарѣчію, прибѣгаютъ для выраженія понятій болѣе высокой культурной жизни или къ образованію новыхъ словъ, или къ заимствованію ихъ изъ другихъ литературъ; да это положеніе совершенно вѣрно: при развитіи любой литературы, приемы эти неизбѣжны;—намъ кажется, что чрезъ эту стадію развитія проходили всѣ европейскія литературы; нѣтъ, полагаю, ни одной славянской литературы, которая бы при своемъ возрожденіи не прибѣгала какъ къ образованію новыхъ словъ, такъ и къ ихъ заимствованію; причемъ въ однихъ, какъ на примѣръ, въ чешской, преобладаетъ первый методъ, въ другихъ, въ томъ числѣ въ русской, второй; этимъ и объясняется такое литературное явленіе, какъ существованіе изданія, озаглавленнаго „100,000 иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ“. Это крупное заимствованіе не только не можетъ быть поставлено въ укоръ русской литературѣ, но, напротивъ, возбуждаетъ чувство благодарности у всѣхъ пользующихся этою литературою, за возможность высказать вполне точно свои мысли, благодаря усилившемуся, вслѣдствіе заимствованій, количественному матеріалу языка. Намъ только кажется нѣсколько страннымъ, если предъявляютъ къ другой литературѣ такія требованія пуризма, которыя считаютъ не обязательными для собственной литературы.

Конечно, какъ при образованіи новыхъ словъ, такъ и при заимствованіи ихъ, могутъ произойти ошибки, неудачныя попытки и т. п., но въ этомъ мы большой бѣды не видимъ: всякая попытка ввести въ языкъ неудачно придуманное слово, противное его духу, окажется несостоятельною; слово не привьется, не получитъ хода въ литературѣ и будетъ забыто; за то удач-

ными нововведеніями литературный языкъ обогатится и получить нужное для своихъ потребностей развитіе. Всякій искренній трудъ сопряженъ съ возможностью ошибаться—*ergate humanum est*—но изъ-за неизбежныхъ ошибокъ нельзя порицать весь трудъ вообще, если на то не имѣется предвзятаго намѣренія.

Кромѣ сѣтованій на искусственность языка въ галицкихъ изданіяхъ, проф. Флоринскій считаетъ особымъ преступленіемъ со стороны галицкихъ литераторовъ то обстоятельство, что они употребляютъ, такъ называемое, фонетическое правописаніе; причемъ, вмѣсто критики пригодности или правильности этого правописанія, чего мы въ правѣ были ожидать отъ специалиста по славяновѣдѣнію, онъ высказываетъ лишь свое личное подозрѣніе, что правописаніе это введено исключительно для того, чтобы „съ внѣшней стороны дѣлать малорусскую книгу возможно болѣе непохожей на общерусскую“. Мы сомнѣваемся въ справедливости высказаннаго подозрѣнія, но спорить о немъ не будемъ, такъ-какъ оно относится къ области болѣе сердцевѣденія, чѣмъ науки. Вообще-же по дѣлу правописанія, сѣтованія на фонетику намъ кажутся странными: всѣ вѣдь европейскіе народы употребляютъ фонетическій, а не графическій методъ правописанія, т. е. изображаютъ знаками письма произносимые звуки, а не понятія, подобно египетскимъ гіероглифамъ, письму китайцевъ или древнихъ мексиканцевъ. Если разъ принято изображать знаками звуки, то правописаніе будетъ тѣмъ удобнѣе и логичнѣе, чѣмъ точнѣе сохранено будетъ соотвѣтствіе произносимыхъ звуковъ съ придуманными для нихъ знаками. Если придумано такое правописаніе, въ которомъ каждый звукъ изображается однимъ только начертаніемъ и каждое начертаніе изображаетъ только одинъ звукъ, то такое правописаніе можно считать образцовымъ; такое правописаніе представляетъ то большое удобство, что при изученіи грамоты, избавляетъ учащихся отъ изученія всякихъ правилъ правописанія, на которыя въ иныхъ языкахъ затрачивается много времени и лишняго труда, такъ-какъ вся теорія правописанія сводится лишь къ единствен-

ному правилу: „изображай всякій звукъ соотвѣтственнымъ знакомъ“. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ литературахъ мы встрѣчаемъ значительныя отступленія въ смыслѣ, такъ называемаго, этимологическаго правописанія. Кажется, что отступленія эти, основанныя на рутинѣ, главнымъ образомъ, произошли отъ того, что, установивъ свое правописаніе въ извѣстное историческое время, пользующіеся имъ желали норму даннаго времени сохранить неизмѣнною, между тѣмъ какъ звуковой матеріалъ каждаго живого языка подвергался съ теченіемъ времени значительнымъ перемѣнамъ. Слѣдствіемъ такого консерватизма въ этимологическомъ правописаніи и являются языки, въ которыхъ изображаются звуковыя особенности не современнаго языка, а того-же языка давно минувшей старины, чему образцовые примѣры мы видимъ, на примѣръ на языкахъ англійскомъ и французскомъ.

Выходя изъ общаго желанія сохранить основной логическій принципъ фонетическаго правописанія, естественно возрождающіяся литературы стремятся къ тому, чтобы подогнать свое правописаніе къ звуковому составу своего языка; такія поправки произведены были въ XIX столѣтіи въ правописаніи языковъ чешскаго и сербскаго, причемъ въ послѣднемъ—Вуку Караджичу пришлось натолкнуться на весьма страстные протесты рутинеровъ; такую-же попытку мы видимъ у галичанъ. Правильно-ли придумано ихъ правописаніе и отвѣчаетъ-ли оно точно звуковому матеріалу языка, о томъ компетентное слово должны высказать филологи, путемъ критическаго разбора даннаго правописанія, не вводя въ споръ стороннихъ субъективныхъ подозрѣній, не относящихся къ спорному научному вопросу.

Вообще во второй половинѣ статьи проф. Флоринскаго мы находимъ довольно много того посторонняго не научнаго матеріала, который не отвѣчаетъ положенію, высказанному имъ въ началѣ статьи о спокойномъ и безпристрастномъ обсужденіи вопроса въ печати. Увлекаясь страстностью полемики, проф. Флоринскій, по примѣру публицистовъ 60-хъ годовъ, вводитъ въ свою статью соображенія не научнаго, но политическаго характера; такъ онъ утверждаетъ, что существованіе въ Гали-

ція своей областной литературы можетъ „ослабить политическое могущество Россіи“, „вызвать паденіе образованности и ослабленіе политической мощи всего народа“, что для галицкихъ литераторовъ „ученые интересы занимаютъ едва-ли не послѣднее мѣсто, а на первомъ планѣ стоятъ извѣстныя политическія цѣли“ и т. п. Мы недоумѣваемъ, къ чему автору понадобились эти намеки въ спорѣ, касающемся исключительно филологіи и лингвистики, придающіе лишь его статьѣ не надлежащій отблескъ. Вѣдь обязанности по отношенію къ государству одно дѣло, употребленіе-же въ разговорѣ и письмѣ любого говора или нарѣчія—совершенно другое; произносить-ли человекъ *ъ* или *і*, *онъ* или *винъ* и т. д., онъ можетъ совершенно исправно исполнять всѣ государственныя повинности, уважать преобладающія власти, добросовѣстно исполнять возложенныя на него обязанности и трудиться на любомъ поприщѣ полезной дѣятельности. Государство управляется не филологами, а людьми, умудренными политическимъ опытомъ, которые требуютъ отъ гражданъ патріотизма и единодушія, а не однообразія вѣшнихъ и культурныхъ формъ быта. Если-бы на дѣло правящія власти смотрѣли съ точки зрѣнія проф. Флоринскаго, то давно, вѣроятно, былъ-бы учрежденъ особый департаментъ для руководства филологическими отношеніями страны, въ которомъ состояли-бы особые столы: прононса, правописанія, склоненій, синтаксиса и т. п., и лица, не исполняющія предписаній этого вѣдомства, подвергались-бы: внушеніямъ, штрафамъ, заключенію и другимъ невзгодамъ. Неужели такого порядка желалъ-бы авторъ? А вѣдь его намеки на мнимую политическую опасность, на „*невѣдомыя и темныя силы*“, какъ будто ведутъ по указанному пути.

Въ сужденіяхъ о галицкой литературѣ проф. Флоринскій держится не одного взгляда въ оцѣнкѣ фактовъ. Утверждая, что литература эта есть лишь пустая затѣя ничтожной кучки литераторовъ, онъ пытается даже свести статистику ея членовъ, по цифры его весьма разнообразны; въ одномъ мѣстѣ сказано, что весь контингентъ этой кучки состоитъ изъ 8—10 человекъ, въ другомъ уже передается цифра 10—15, въ третьемъ обозна-

чается цифрою 74. При такомъ колебаніи цифръ, мы въ правѣ думать, что всѣ онѣ произвольны и не основаны на точномъ вычисленіи; сомнѣніе это подтверждаютъ нѣкоторыя данныя, сообщаемыя самимъ проф. Флоринскимъ: такъ онъ указываетъ, что стремленіе къ областной литературѣ было перенесено въ Галицію лишь 30 лѣтъ назадъ, но сразу пустило здѣсь довольно глубокіе корни; затѣмъ авторъ передаетъ, что на нежелательномъ для него языкѣ въ Галиціи „печатаются учебники для низшихъ и среднихъ школъ, издаются газеты и журналы, появляются книги не только беллетристическаго, но и ученаго содержанія“, что одно Товариство имени Шевченка издало 80 томовъ научнаго содержанія (въ теченіе 7-ми лѣтъ). Намъ кажется, что такія явленія не мыслимы при существованіи лишь кучки лицъ не только въ числѣ 8—10 человекъ, но хотя-бы и въ количествѣ 74, если-бы дѣятельность ихъ не находила поддержки въ мѣстномъ обществѣ и его жизненныхъ потребностяхъ: книги вѣдь не могутъ издаваться, если онѣ не находятъ ни издателей, ни сбыта; очевидно то и другое имѣется въ Галиціи, если издательская дѣятельность не только не ослабѣваетъ, но постоянно усиливается.

Одна изъ главныхъ заботъ проф. Флоринскаго состоитъ въ томъ, чтобы галицкая литература не повліяла, какъ нежелательная пропаганда, на „нашихъ украинофиловъ“; въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ у него также нѣсколько противорѣчащія другъ другу показанія. Съ одной стороны, авторъ утверждаетъ, что число „нашихъ украинофиловъ“ крайне незначительно, состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, что усилія галицкихъ литераторовъ находятъ очень слабые отклики и сочувствіе въ предѣлахъ Россіи, что „масса образованнаго общества южной Руси, не говоря уже о простомъ народѣ, остается равнодушною къ галицкому сенаратистическому движенію потому, что „изданія Товариства имени Шевченка не имѣютъ доступа въ Россію и извѣстны очень немногимъ“; съ другой стороны, проф. Флоринскій указываетъ, что Общество им. Шевченка пользуется болѣе или менѣе значительными пожертвованіями изъ Россіи; онъ

даже собралъ поименныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ пожертвованіяхъ и утверждаетъ, что они были достаточны для основанія типографіи;—одно изъ этихъ пожертвованій онъ опредѣляетъ въ 45,000 ¹⁾). Очевидно, что въ справкахъ автора есть нѣкоторый диссонансъ въ оцѣнкѣ статистическихъ цифръ сочувствія или не сочувствія въ южной Руси галицкой литературѣ; одно изъ двухъ:—или ей сочувствуетъ только нѣсколько десятковъ лицъ, и въ такомъ случаѣ, это явленіе настолько ничтожное, что едва-ли стоитъ обращать на него вниманіе, или цифра эта приведена произвольно, и тогда только понятны тѣ крупныя пожертвованія, о которыхъ говоритъ авторъ. Да не удивительно, что данныя проф. Флоринскаго въ этомъ отношеніи не точны и сбивчивы; въ одной изъ своихъ статей онъ заявляетъ, что за время своего пребыванія въ Кіевѣ онъ избѣгалъ сношеній съ „украинофилами“. Очень просто, что, въ такомъ случаѣ, вмѣсто точныхъ данныхъ онъ располагаетъ лишь гипотетическими произвольными цифрами, основанными на предвзятыхъ мнѣніяхъ: развѣ можно судить о большей или меньшей долѣ сочувствія къ извѣстному изданію потому лишь, что изданіе это не имѣетъ доступа къ лицамъ, желающимъ его

¹⁾ Въ параллель съ приведенными фактами проф. Флоринскій жалуется, что старорусская партія „не получаетъ ни откуда помощи“. Конечно, доходы партіи намъ не извѣстны, но, по нѣкоторымъ, проскользнувшимъ въ печати даннымъ, полагаемъ, что это утверждение не вполне справедливо. Сочувствіе къ старорусской партіи довольно сильно въ нѣкоторыхъ сферахъ русскаго общества; такъ напримѣръ, мы встрѣчали въ отчетахъ разныхъ ставянскихъ обществъ въ Россіи, свѣдѣнія о субсидіяхъ для изданій этой партіи; случалось намъ читать судебное разбирательство по дѣлу г-жи Ольги Грабаръ; мы встрѣчали газетныя статьи по поводу ликвидациіи земельного банка, введеннаго старорусскою партіею и не избѣжавшаго краха, не смотря на весьма солидную помощь, оказанную со стороны. Но, можетъ быть эти газетныя свѣдѣнія и невѣрны; во всякомъ случаѣ, ничто и никто не препятствуетъ лицамъ, живущимъ въ Россіи, удѣлять въ пользу старорусской партіи субсидіи гораздо болѣе крупныя, чѣмъ тѣ, которыя, по свѣдѣніямъ проф. Флоринскаго, были сообщены народовой партіи „нашими украинофилами“.

читать? Но если проф. Флоринскій не ошибается въ своемъ наблюдѣніи, то для насъ непонятны его опасенія „пропаганды“: неужели стоитъ ее вести или опасаться ея вліянія по отношенію къ нѣсколькимъ десяткамъ лицъ?

Если оставимъ въ сторонѣ цифровыя данныя, то, во всякомъ случаѣ, передъ нами на лицо фактъ, что есть какая-то группа интеллигентныхъ лицъ, болѣе или менѣе численная *ad libitum*, какъ въ Галиціи, такъ и въ Россіи, которая не раздѣляетъ взглядовъ проф. Флоринскаго. Такъ-какъ въ этой группѣ числятся люди интеллигентные: писатели, беллетристы, профессора¹⁾ и т. п., то нужно бы опредѣлить причины, почему они заблуждаются? Но на вопросъ этотъ авторъ не даетъ конкретного отвѣта; онъ или относится высокомерно къ своимъ противникамъ, предполагая какую-то, присущую имъ, *innatam malitiam*, или заявляетъ, что они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ „фанатизма и незнанія“. Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ примѣнить къ своимъ противникамъ любой непріятный эпитетъ; но если всмотрѣться въ дѣло, то эпитеты эти не только сомнительны, но даже является вопросъ, къ которой изъ двухъ спорящихъ сторонъ слѣдуетъ ихъ примѣнить. Что такое фанатизмъ? Это предвзятое убѣжденіе, что данное лицо по данному вопросу обладаетъ абсолютною, непреложною, неоспоримою истиною, что всѣ, несогласные съ этою мнимо абсолютною истиною, дѣйствуютъ лишь по наущенію злого духа или по крайнему невѣжеству; что разсуждать съ ними нечего, но слѣдуетъ къ нимъ примѣнять лишь фактическія мѣропріятія, возможные при данномъ культурномъ развитіи общества: нѣкогда—коштеръ, теперь—административныя препоны и взысканія. Въ данномъ вопросѣ наврядъ-ли фанатизмомъ можно попрекнуть противниковъ мнѣнія проф. Флоринскаго, которые, заявляя свои убѣжденія, никогда не выдаютъ ихъ за абсолютную истину и желаютъ лишь свободной научной полемики и публичнаго обсужденія дѣла. О знаніи или незна-

¹⁾ Ем. и Ал. Огоновскіе, Смаль-Стоцкій, Грушевскій, Пулюй, Колесса, Студинскій.

ниі—конечно, вопросъ открытый; но, во всякомъ случаѣ, изъ предыдущаго явствуетъ, что почтенный авторъ изслѣдовалъ въ меньшей степени малорусское нарѣчіе, его этнографическіе памятники и минувшую литературу, чѣмъ его противники.

Говоря о галицкихъ литераторахъ народовцахъ, проф. Флоринскій постоянно примѣняетъ къ нимъ эпитетъ „сепаратисты“. Къ значенію этого термина у нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ, мы прислушались давно и привыкли въ немъ видѣть своего рода „*saveant consules*“; но мы убѣждены, что авторъ не придаетъ ему того значенія и желаетъ обозначить лишь литературный, по его мнѣнію, нежелательный разладъ. Во всякомъ случаѣ, даже въ послѣднемъ значеніи, намъ кажется, что эпитетъ употребленъ авторомъ неправильно: сепаратизмъ есть выдѣленіе изъ общаго цѣлаго известной его части, стремящейся къ самостоятельной жизни. Но о такомъ литературномъ сепаратизмѣ галицкой литературы не можетъ быть и рѣчи по той простой причинѣ, что общерусская литература никогда не распространялась на Галицкую Русь. Общерусскій литературный языкъ сталъ слагаться только со времени Петра Великаго въ началѣ XVIII столѣтія; но въ то время Галицкая Русь находилась подъ вліяніемъ польскаго господства, не принимала участія въ созданіи этого языка и не пользовалась имъ; затѣмъ, въ 1772 году она стала провинціею Австріи, подвергалась разнымъ пріемамъ германизаціи, но никогда не пользовалась общерусскою литературою; попытки нѣкоторыхъ галицкихъ дѣятелей привить ее въ половинѣ XIX столѣтія оказались несостоятельными потому, что сами дѣятели весьма слабо владѣли общерусскимъ языкомъ и имѣли довольно скудныя понятія о русской литературѣ. Между тѣмъ, германизація, а потомъ ополяченіе все болѣе и болѣе надвигались; единственнымъ спасеніемъ своей національности народова партія сочла литературную выработку своего-же нарѣчія и усердно принялась за нее; при этомъ не было нужды сепарарировать себя отъ чего-бы то ни было, такъ-какъ *общаю* въ Галицкой Руси не было, возникла просто самостоятельная, а не сепаратистическая дѣятельность. Можетъ быть

она идетъ не въ униссонъ съ нѣкоторыми кабинетными теоріями возможнаго объединенія, но, во всякомъ случаѣ, сепаратизмомъ ее назвать нельзя, такъ-какъ ей не отъ чего было отдѣляться. Проф. Флоринскій высказываетъ при этомъ мысль, что общерусская литература могла-бы привиться въ Галиціи, если-бы были устранены препятствія, главнѣйшее изъ которыхъ представляетъ дѣятельность народной партіи; т. е. иными словами: все было-бы хорошо, если-бы не было людей несогласныхъ съ моимъ мнѣніемъ. Мы не беремся судить, что произошло бы, если-бы не существовало извѣстныхъ жизненныхъ фактовъ; во всякомъ случаѣ, разъ они существуютъ, то аргументъ автора является обоюдо-острымъ: народовцы Галицкіе могутъ точно также сказать, что развитіе ихъ литературы пошло-бы гораздо успѣшнѣе, если-бы часть галицкаго общества не стремилась къ насажденію литературы, не привившейся къ условіямъ страны. Но пререканія подобнаго рода намъ кажутся несущественными: передъ нами на лицо фактъ, что въ Галиціи существуютъ двѣ группы, желающія дать различное направленіе своей литературѣ. Споръ между ними будетъ рѣшенъ самою жизнью,—та партія, которая лучше поняла нужды своего народа, несомнѣнно восторжествуетъ, такъ-какъ она окажется вооруженною болѣе животворною мыслью и неминуемо привлечетъ къ себѣ симпатіи своего народа и воспользуется его поддержкою.

Обсуждая литературную дѣятельность галицкихъ народовцевъ и „нашихъ украинофиловъ“, проф. Флоринскій приписываетъ имъ много разъ, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо, чувства какой-то особенной ненависти и вражды „къ русскому государству“, „непріязненное и пренебрежительное отношеніе и враждебныя чувства къ русской литературѣ“ и т. п. Онъ настолько проникнутъ этимъ предубѣжденіемъ, что заканчиваетъ свой трудъ и какъ-бы дѣлаетъ общій изъ него выводъ слѣдующею тирадою: „извѣстныя зарубежныя земляки, таящія въ себѣ подъ прикрытіемъ науки непонятную фанатическую ненависть къ Россіи, русскому языку и русской образованности“. Мы утверждаемъ, что это положеніе автора совершенно субъ-

ективно и произвольно. Если галицкіе литераторы отстаиваютъ право на существованіе ученой литературы на своемъ нарѣчїи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они относились враждебно къ русской литературѣ; напротивъ того, изъ свѣдѣній приводимыхъ самимъ авторомъ, мы усматриваемъ, что лица, не раздѣляющія его точки зрѣнія по данному вопросу, довольно много потрудились на пользу общерусской литературы; что то общество имени Шевченка, котораго дѣятельность ему кажется очень вредною, въ своихъ „Запискахъ“ посвящаетъ значительную и притомъ лучшую часть своего изданія, обзору и пересказамъ содержанія ученыхъ сочиненій и изданій на общерусскомъ языкѣ; что издающаяся во Львовѣ „Историческая библіотека“ вся состоитъ изъ переводовъ сочиненій русскихъ историковъ: Костомарова, Иловайскаго, Дашкевича и др. Прибавимъ, что мы встрѣчали въ галицкой литературѣ переводы произведеній лучшихъ русскихъ беллетристовъ: Тургенева, Пушкина, Достоевскаго, гр. Толстого, Чехова, Гл. Успенскаго и др. Неужели желаніе знакомить свою публику съ произведеніями русской науки и культуры, свидѣтельствуетъ о ненависти къ этой культурѣ? Намъ кажется, что проф. Флоринскій просто ошибается, отождествляя свой личный взглядъ на данный вопросъ съ интересами русской культуры и, тѣмъ болѣе, русскаго государства вообще. Мы держимся нѣсколько иного взгляда на отношенія Россіи къ славянству, чѣмъ уважаемый авторъ. Въ виду могущества Россіи какъ государства и какъ средоточія большихъ культурныхъ силъ, мы всегда смотрѣли на нее, какъ на естественную покровительницу всѣхъ славянскихъ народностей, борющихся за сохраненіе своей національной самостоятельности съ иноземнымъ натискомъ: германскимъ, мадьярскимъ, турецкимъ и т. д.; подтвержденіе нашего взгляда мы находили во многихъ фактахъ политической и культурной исторіи разныхъ славянскихъ земель. Поддерживая своимъ вліяніемъ и помощью національныя стремленія славянъ, Россія имѣетъ въ виду удовлетвореніе своей высокой миссіи. Но не думаемъ, чтобы выполненіе ея было сопряжено съ желаніемъ предписать культурный путь

каждому народу, регулировать подробности его развитія и ставить шаблонныя рамки славянскому прогрессу; полагаемъ, что такая мелочность недостойна высокаго положенія Россіи и что отсутствіе этой мелочности и вызываетъ ту благодарность и братскую симпатію, которою одушевлены славянскіе народы по отношенію къ Россіи. Гармонію эту могутъ въ нѣкоторой мѣрѣ нарушить лишь тѣ попытки нѣкоторыхъ кружковъ русской интеллигенціи, которые желали-бы а priori предписать путь развитія той или другой группѣ славянъ; и въ этомъ, по отношенію къ Галичинѣ играетъ, какъ намъ кажется, отрицательную роль та группа русскихъ ученыхъ, которая желала-бы предписать галичанамъ а priori тотъ или иной путь развитія, не предоставивъ права выбора естественному теченію мѣстной жизни. Если проф. Флоринскій замѣтилъ у нѣкоторыхъ галицкихъ литераторовъ тонъ раздраженія и неудовольствія, то тонъ этотъ относился исключительно къ указанной группѣ русской интеллигенціи, но отнюдь не ко всей Россіи; напротивъ того, мы могли-бы процитировать отзывы благодарности по адресу Императорскаго Московскаго Общества и тѣхъ органовъ русской печати, которые не сочли нужнымъ налагать регламентацію на развитіе галицкой жизни. По нашему мнѣнію, эти органы русской культуры и представляютъ настоящее, болѣе широкое и толерантное отношеніе русскаго интеллигентнаго общества къ славянству и болѣе отвѣчаютъ плодотворной роли Россіи въ данномъ вопросѣ.

Остается намъ сказать еще нѣсколько словъ pro domo sua по поводу вопроса объ XI археологическомъ съѣздѣ, изъ-за котораго сырѣ-боръ загорѣлся. Въ засѣданіяхъ московскаго предварительнаго комитета принято было по предложенію проф. Флоринскаго постановленіе, что на съѣздѣ будутъ допускаться рефераты на русскомъ языкѣ, а равно на южныхъ и западныхъ славянскихъ языкахъ; но въ правилахъ съѣзда не было оговорено, имѣютъ-ли право доступа на съѣздъ нарѣчія русскаго языка. Товариство имени Шевченка и нѣкоторые галицкіе ученые, получивъ приглашенія на съѣздъ и экземпляры

правильнѣмъ сѣзда, направленные къ нимъ проф. Флоринскимъ, пришли въ недоумѣніе относительно языка своихъ рефератовъ и попросили разъясненія у Кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета. Замѣтивъ страстное отношеніе съ обѣихъ сторонъ къ данному вопросу, я предложилъ передать дѣло на обсужденіе центрального московскаго комитета, менѣе причастнаго къ областнымъ спорамъ и потому болѣе объективно относящагося къ данному вопросу и стоящаго болѣе всего на соображеніяхъ пользы русской науки и культурнаго вліянія Россіи на славянъ.

Московскій комитетъ призналъ возможнымъ допустить чтеніе рефератовъ на галицко-русскомъ языкѣ; но дальнѣйшія перипетіи спорнаго вопроса вышли изъ сферы научнаго обсуждения и перешли въ область административныхъ отношеній, которыя разсказаны въ статьѣ проф. Флоринскаго. По поводу хода этого дѣла, уважаемый авторъ помѣстилъ нѣсколько упрековъ, какъ полагаю, совершенно несправедливыхъ, по адресу какъ моему, въ качествѣ предсѣдателя кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета сѣзда, такъ и граф. Уваровой, какъ предсѣдателя московскаго предварительнаго комитета и всего сѣзда.

Проф. Флоринскій утверждаетъ, что запросъ въ предварительный комитетъ сѣзда былъ направленъ Товариствомъ имени Шевченка потому, что оно „разсчитывало на дѣятельную помощь предсѣдателя кіевскаго предварительнаго комитета, а черезъ него и на содѣйствіе предсѣдателя московскаго археологическаго общества“. На какомъ фактическомъ основаніи построено это утвержденіе автора, я не знаю, — мнѣ кажется, что оно относится къ области сердцевѣдѣнія. Фактически я могу положительно утверждать лишь слѣдующее: о запросѣ Товариства им. Шевченка я ровно ничего не зналъ не только тогда, когда онъ составлялся во Львовѣ, но даже и тогда, когда онъ былъ полученъ въ Кіевѣ. По странному распоряженію судьбы, полученный отзывъ Товариства имени Шевченка не былъ мнѣ показанъ какъ предсѣдателю предварительнаго комитета и безъ

моего вѣдома былъ препровожденъ къ непосредственному начальству,—я о немъ узналъ совершенно случайно, зайдя въ учрежденіе, въ которомъ онъ читался съ участіемъ лицъ, не входившихъ въ составъ комитета, и подвергался насмѣшкамъ и порицанію. Конечно, фактъ этотъ лишилъ меня возможности употребить зависѣвшія отъ меня усилія для того, чтобы предупредить или смягчить частными сношеніями угрожающій съѣзду непріятный инцидентъ. Я прекрасно понимаю, что послѣ даннаго случая мнѣ слѣдовало отказаться отъ званія председателя кievскаго отдѣленія предварительнаго комитета, но я этого не сдѣлалъ лишь потому, что инцидентъ случился во время самаго большого разгара приготовленій къ съѣзду, и отказъ вызвалъ-бы необходимость новыхъ выборовъ, сношеній по этому поводу съ Московскимъ предварительнымъ комитетомъ, передачу новому лицу начатыхъ работъ и завязанныхъ сношеній и остановку всѣхъ приготовленій на 1—2 мѣсяца, что несомнѣнно нанесло-бы значительный вредъ будущему съѣзду. Вслѣдствіе этого, дорожа интересами русской науки, я предпочелъ проглотить личное оскорбленіе. Теперь оказывается, что въ статьѣ проф. Флоринскаго на меня сваливается отвѣтственность за фактъ, происшедшій помимо моего вѣдома и въ тонѣ для меня лично оскорбительномъ. Да простить мнѣ авторъ цитату на нежелательномъ для него нарѣчій,—я могъ-бы опредѣлить свою роль въ данномъ инцидентѣ лишь малороссійскою пословицею: „За мое жыто менежь побыто“.—Странно, что проф. Флоринскій, жалуясь на не вѣжливое будто поведеніе тов. им. III. и на не соблюденіе имъ должнаго, по его мнѣнію, этикета, игнорируетъ совершенно отсутствіе корректности лицъ, сочувствующихъ его направленію. Авторъ утверждаетъ, что Товариство им. III. разсчитывало черезъ меня повліять на гр. Уварову,—это опять область ни на чемъ неоснованныхъ догадокъ. Всѣ лица, хотя нѣсколько знакомыя съ общественною и научною дѣятельностію гр. Уваровой, не могутъ игнорировать присущихъ ей качествъ: огромной энергіи, духа инициативы и полной самостоятельности мнѣній,—ни о какомъ вліяніи и рѣчи быть не можетъ. Если я имѣлъ основанія, изло-

женныя выше (справедливыя или нѣтъ—это вопросъ) не соглашаться съ мнѣніемъ проф. Флоринскаго, то почему-же онъ не можетъ допустить, что такія-же основанія, а, можетъ, быть, и инныя, гораздо болѣе широкія, не могли сложиться и въ убѣжденіи гр. Уваровой? Наконецъ, является недоумѣніе, какимъ путемъ я могъ оказывать вліяніе на гр. Уварову: — конечно письмами или частными разговорами; но проф. Флоринскій не читалъ моей переписки и при частныхъ разговорахъ не присутствовалъ, — слѣдовательно, содержанія ихъ онъ не знаетъ. Такимъ образомъ, его утвержденіе является лишеннымъ фактическихъ основаній личнымъ подозрѣніемъ; высказывать-же въ печати неприятныя для другихъ лицъ голословныя гипотезы, по нашему мнѣнію, не составляетъ корректнаго приема въ полемикѣ. —

Нѣтъ ничего болѣе нежелательнаго въ научной полемикѣ, какъ сводить дѣло на личные счеты; съ крайнимъ прискорбіемъ и лишь вынужденный встрѣченными въ статьѣ проф. Флоринскаго указаніями, я счелъ необходимымъ дать вышензложенныя поясненія. Еще болѣе рѣзкій экскурсъ въ область личныхъ отношеній сдѣланъ авторомъ по поводу дѣятельности проф. Грушевскаго. Здѣсь передается вкратцѣ его біографія, затѣмъ свѣдѣнія о его энергіи, предпріимчивости, научной большой производительности, и всѣ эти качества ставятся ему въ вину, потому лишь, что его взгляды на развитіе галицкой литературы не согласны со взглядами проф. Флоринскаго. Авторъ настойчиво утверждаетъ, что, такъ-какъ проф. Грушевскій русскій подданный, магистръ и бывшій стипендіатъ Кіевского университета, то онъ долженъ-бы читать лекціи и писать научные труды на общерусскомъ языкѣ, и если онъ этого не дѣлаетъ, то виною тому являются „какія-то невѣдомыя и темныя силы“. По нашему мнѣнію, все это обвиненіе противъ проф. Грушевскаго является дѣйствительно „невѣдомымъ и темнымъ“. Состоя стипендіатомъ и магистрантомъ Кіевского университета, г. Грушевскій оправдалъ довѣріе факультета, издавъ два крупныя историческія труды на русскомъ языкѣ: „Очеркъ исторіи Кіевской земли“ и „Барское староство“ и болѣе десяти мелкихъ историческихъ монографій;

затѣмъ, переѣхавъ во Львовъ, онъ долженъ былъ преподавать на томъ языкѣ, на которомъ, по мѣстнымъ законамъ, преподаваніе должно происходить; если-же въ своей научной и литературной дѣятельности онъ сталъ на сторону народовцевъ, то это произошло, по нашему убѣжденію, не изъ мутнаго источника „темныхъ силъ“, а изъ трезваго взгляда на потребности и стремленія мѣстной жизни. Потому намъ кажутся излишними сѣтованія проф. Флоринскаго на то, что онъ, въ качествѣ члена историко-филологическаго факультета Университета св. Владиміра, „испытывалъ чувства душевной горечи и обиды“ отъ характера дѣятельности проф. Грушевскаго. Позволю себѣ замѣтить, что я не меньше проф. Флоринскаго дорожу честию и университета св. Владиміра, и его историко-филологическаго факультета, съ которыми я связалъ и воспитаніемъ и тридцатилѣтнюю служебную дѣятельностью, и тѣмъ не менѣе расхожусь съ нимъ діаметрально во взглядахъ на дѣятельность проф. Грушевскаго. Однимъ изъ мотивовъ гордости нашего факультета я считаю тѣ факты, когда его воспитанники несутъ свѣточъ науки въ славянскія земли, какъ на примѣръ, г. П. Стретьковичъ въ Бѣлградѣ и г. Третьакъ въ Краковѣ. Если такое-же положеніе во Львовѣ занялъ г. Грушевскій и обнаруживаетъ на своемъ посту должную энергію и трудолюбіе, то, въ такомъ случаѣ, приготовившій его факультетъ можетъ лишь радоваться, а не скорбѣть изъ-за спеціальныхъ филологическихъ взглядовъ.

Если, оставивъ въ сторонѣ мелочи и личныя отношенія, посмотримъ на общую постановку вопроса о допущеніи галицкаго языка на археологическомъ съѣздѣ, то для насъ становится непонятною аргументація проф. Флоринскаго: онъ искренно убѣжденъ въ абсолютной истинѣ своего взгляда, въ чемъ мы не сомнѣваемся, но намъ кажется, что всякое искреннее убѣжденіе стремится къ возможно широкому гласному обсужденію своихъ тезисовъ, а не къ лишенію права голоса своихъ противниковъ. Если уважаемый авторъ дѣйствительно глубоко убѣжденъ въ своихъ положеніяхъ, то, по нашему мнѣнію, онъ долженъ-бы стремиться къ допущенію галицкаго, по его мнѣнію, искусственнаго и эфе-

мернаго языка къ гласному обсужденію и посрамить его попытки научными доводами и аргументами; тогда и недоразумѣніе было-бы цорѣшено скорѣе, и истина восстановлена торжественнѣе. Всѣ-же мѣры, направленные къ лишенію права голоса своихъ противниковъ, несомнѣнно, оставляютъ въ обществѣ впечатлѣніе сомнѣнія въ силѣ аргументовъ запрещающей стороны. Напрасно, полагаемъ, проф. Флоринскій ссылается на опасность пропаганды, на важное будто бы значеніе санкціи и официальнаго признанія русскимъ ученымъ міромъ нежелательнаго для него языка. Вѣдь пропаганда публично обличенной нелѣпности никого не прельститъ, а любая санкція или признаніе не могутъ спасти завѣдомо искусственнаго направленія, точно также, какъ недопущеніе и препоны не могутъ задержать дѣйствительно жизненнаго развитія.

Разъ сойдя съ почвы научнаго обсужденія спорнаго вопроса на скользкій путь административныхъ мѣропріятій, допустивъ въ своей статьѣ эпитеты, которые читающая публика привыкла встрѣчать въ значеніи не научномъ (пропаганда, сепаратисты, темныя силы), проф. Флоринскій неминуемо долженъ былъ вызвать тѣ непріятныя по его адресу эпитеты, на которые онъ жалуется въ своей статьѣ. Замѣтимъ отъ себя, что эпитеты эти, лицами знающими проф. Флоринскаго, должны были признаны не только утрированными, но и несправедливыми. Мы, съ своей стороны, могли-бы упрекнуть почтеннаго автора лишь въ излишней страстности въ обсужденіи научнаго вопроса, которая по временамъ побудила его держаться не слишкомъ точно предѣловъ научной полемики и дѣлать экскурсы въ области чуждыя наукѣ.

В. Антоновичъ.



Документы, извѣстія и замѣтки.

Стоимость школьнаго содержанія въ Кіевѣ и юго-зап. краѣ шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Въ началѣ 1840 года кіевскій генераль-губернаторъ Д. Г. Бибииковъ обратился къ начальству мѣстнаго учебнаго округа съ просьбою увѣдомить его, сколько именно платятъ за квартиры ученики гимназій и уѣздныхъ училищъ какъ въ г. Кіевѣ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ? На этотъ запросъ помощникъ попечителя дѣйств. ст. совѣтникъ В. Карлгофъ далъ такой отвѣтъ: „Окружное училищное начальство не вмѣшивается въ условія родителей съ содержателями пансіонеровъ и потому положительныхъ свѣдѣній о количествѣ платы учениками за квартиры въ дѣлахъ канцеляріи попечителя не находится. Мы вѣдомо, однако-жъ, частнымъ образомъ, что плата эта бываетъ очень различна, смотря по состоянію родителей учениковъ и по условіямъ, на какихъ они отдають дѣтей, и составляетъ въ годъ отъ 70 до 300 руб. сер., а иногда и болѣе. Въ уѣздныхъ же городахъ и мѣстечкахъ она нерѣдко не превышаетъ 4-хъ руб. сер. въ мѣсяцъ. Равномѣрно многіе родители, вмѣсто денежной платы, вознаграждаютъ содержателей пансіоновъ опредѣленнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, по условію. Въ кіевской 2-й гимназій всѣ ученическія квартиры раздѣлены на три разряда по количеству платы, именно: къ первому разряду принадлежатъ такія, за которыя платятъ отъ 200 до 300 руб. сер. въ годъ и болѣе; ко второму разряду—отъ 120 до 200 руб. въ годъ; къ третьему—отъ 70 до 120 руб. Къ сему разряду причисляются всѣ квартиры, за которыя платятъ и менѣе 70 руб. сер. въ годъ. Это раздѣленіе квар-

тирь можно примѣнить и ко всѣмъ прочимъ учебнымъ заведеніямъ трехъ губерній кіевскаго учебнаго округа.—Число учениковъ, платящихъ за квартиры отъ 200 до 300 руб. и болѣе, весьма незначительно, такъ что въ среднемъ числѣ едва-ли можно полагать болѣе 10 человекъ на каждую гимназію, а въ дворянскихъ училищахъ и того менѣе. Гораздо большее ихъ число занимаетъ квартиры второго разряда, а еще большее и не менѣе двухъ третей всѣхъ учениковъ, платящихъ деньги за свое содержаніе, помѣщаются на квартирахъ третьяго разряда; въ числѣ сихъ послѣднихъ весьма многіе платятъ менѣе 70 рублей сер. въ годъ, особенно въ уѣздныхъ училищахъ.—Наконецъ, значительнѣйшая часть воспитанниковъ живутъ въ домахъ родственниковъ своихъ или родителей, и изъ нихъ весьма немногіе могли бы за содержаніе свое платить деньги.

Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ воспитанники весьма недостаточнаго состоянія, напримѣръ въ Житомирской и частію Каменецъ-подольской и Винницкой; въ другихъ—воспитанники съ болѣшими средствами для жизни, напримѣръ, въ Ровенской и Немировской. Кіевская 2-я гимназія есть средняя въ этомъ отношеніи. Само собою разумѣется, что это замѣчаніе измѣняемое и относится только къ настоящему времени. Вообще съ приблизительною достовѣрностію можно положить $\frac{2}{5}$ воспитанниковъ въ каждой гимназіи недостаточнаго состоянія до такой степени, что значительнѣйшая ихъ часть не можетъ пріобрѣсть книгъ для обученія за деньги».

Это документальное свидѣтельство можетъ служить краснорѣчивымъ опроверженіемъ обскурантныхъ толковъ, будто реформы императора Александра II, открывъ безпрепятственный доступъ къ образованію всѣмъ классамъ общества, тѣмъ самымъ породили школьный пролетаріатъ, а въ старое «доброе» время, когда гимназіи и дворянскія училища существовали спеціально для дѣтей привилегированныхъ сословій (и при томъ, въ очень ограниченномъ числѣ и съ незначительнымъ штатомъ), бѣдняки въ школѣ были рѣдки. Въ дѣйствительности, какъ видимъ, было: несмотря на тогдашнюю дешевизну квартиръ и содержанія, несмотря на полное отсутствіе въ то время платы за ученіе,—почти половина тогдашнихъ гимназистовъ затруднялась даже пріобрѣтеніемъ учебныхъ книгъ, которыя въ то время нужны были несравненно въ меньшемъ количествѣ, да и стоили дешево.

Сообщилъ О. Л.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Ходатайство обывателей г. Владиміра-Волинска.* 1 сентября 1869 года 29 Владиміро-Волинскихъ куцовъ и мѣщанъ привесли Е. И. В. Великому князю Владиміру Александровичу „всенюдашнейшее прошеніе“, изъясняя, „что городъ Владиміръ-Воленскій издревле Русскій, имѣющій и теперь большое значеніе въ политическо-религіозномъ отношеніи по существующимъ въ немъ священнымъ Русскимъ древностямъ X и XII вѣковъ, основанный предкомъ Его Императорскаго Величества святымъ равноапостольнымъ Великимъ княземъ Владиміромъ, оный процвѣталъ торговлею и былъ богатъ; онъ распространился въ былое время на весьма значительное во всѣ стороны разстояніе, и жители оного были щастливы внутрѣ и обезпечены павнѣ; но, съ теченіемъ многихъ столѣтій со времени основанія оного, жестокое иго татаръ, Литвы, наконецъ, Польши, подвергли городъ сей совершенному упадку. Въ царствованіе Императрицы Великой Екатерины Владиміръ возвращенъ въ 1794 году къ Россію, и мы несомнѣнно вѣримъ, что онъ не будетъ отъ нея уже оторванъ врагамъ“...

„Во имя Ангела, святаго равноапостольнаго князя“ просятъ они о принятіи того города подъ особое покровительство и похотайствованіи провѣда „предположеннаго еще въ 1860 году шоссе по ближайшему существованію оного въ Луцкѣ, ... и оказать оному (Владиміру) разныя выгоды учрежденіемъ армонокъ, приеомъ строеній городскихъ жителей подъ застрахованіе казны или земства, *установленіемъ оного губернскимъ городомъ*, назначеніемъ на квартированіе одного иолека и подчинкою Православныхъ церквей и Еврейской молитвенной синагоги“...

Просителямъ указанъ путь ходатайства.

2) *Отношеніе судебныхъ учреждений прежняго времени къ конокрадству.* Около тридцати лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ губернаторовъ юго-западнаго края доносилъ генералъ-губернатору, что, по его мнѣнію, дѣятельность мѣстной палаты уголовнаго и гражданскаго суда врядъ-ли можетъ почитаться удовлетворительною; въ подтвержденіе приводилъсь примѣры.

Между прочимъ, удостовѣрялось, что, не такъ давно, палата съ крестьянъ, изловившихъ конокрада, присудила въ пользу потерпѣвшаго (другими словами—охотника до чужихъ лошадей)—380 рублей, не взирая на то, что преступникъ, казалось бы, достаточно изобличался присяжными показаніями двѣнадцати свидѣтелей.

3) „Картіожная“ игра и „политическая злость“. Въ 1848 г. г. городничій въ Брацлавѣ былъ весьма озабоченъ: два помѣщика—поляка, разговарывая съ третьимъ лицомъ по поводу какихъ-то карточныхъ споровъ съ г. исправникомъ, неоднократно возвышали голосъ, восклицая: „теперь наше время!“

Этого обстоятельства было достаточно для ихъ арестованія, «въ виду политической злости, наводящей сомнѣніе въ благонамѣренности».

Но разслѣдованіе не подтвердило первоначальныя, нѣсколько поспѣшныя, заключенія. Обнаружено только, что въ домѣ исправника происходитъ „картіожная игра“, а самое дѣло „приобрѣтаетъ видъ картіожныхъ споровъ, съ чего произошло неугодованіе лицъ, представившихъ собою неблаговидный театръ всредѣ ульцы“...

4) *Картежникъ, стройй къ самому себѣ.* 29 іюня 1859 г. въ г. Кіевѣ, къ частному приставу явился неизвѣстный ему человѣкъ, назвавшійся крѣпостнымъ помѣщика Яненка, съ запискою отъ пана, и просилъ наказать его 200 ударами розогъ.

Приставъ затруднился выполнять просьбу, такъ какъ фамилія помѣщика была ему неизвѣстна, а проситель спльно хмѣленъ, вслѣдствіе чего и оставленъ при участіи до вытрезвленія.

На утро задержанный, вполнѣ оправившись, чистосердечно объяснилъ чинамъ полиціи, что онъ дворянинъ М., студентъ университета, поданную вчера записку сочинилъ и писалъ самолично, послѣ свѣдѣнаго проигрыша, за который желалъ быть примѣрно наказаннымъ, дабы впредь было неповадно.

5) *Наказанный „переводчикъ“ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ.* Въ 1859 году изъ Австріи прибылъ въ Радзивилловъ еврей Козидой. Онъ чувствовалъ себя дурно и потребовалъ врачей, которымъ подъ величайшымъ секретомъ открылъ, что въ прямой кишкѣ у него скрыты кредитные билеты.

Не смотря на всѣ старанія, медикамъ не удавалось извлечь бумажки, и Козидой на рукахъ ихъ умеръ отъ волненія и страха.

Изъ трупа вынуто 26 фальшивыхъ сторублевокъ.

Оказалось, что Козидой былъ усерднымъ переводчикомъ и сбытчикомъ блетовъ, фабрикованныхъ въ Австріи, и къ способу, оказавшемуся для него, наконецъ, роковымъ, прибѣгалъ, вѣроятно, не разъ.

Сообщ. А. Мёрдеръ.

Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры? О дѣятельности м. Петра Могилы на счетъ украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры доселѣ мало извѣстно. Львовскій типографъ Михаилъ Слезка въ изданной имъ въ 1642 году «Цвѣтной Тріоди» въ посвященіи м. Петру Могилѣ, восхваляя митрополита за то, что онъ реставрировалъ своимъ коштомъ церковь св. Софіи (Софійскій соборъ), говоритъ: «а что ся рекло о Софіи святой, то же речи можно и о св. чудотворной церкви монастыря Печерскаго, которую также преосвященство Ваше внутрь и не внутрь муромъ и деревомъ, поновилъ»¹⁾. Въ іюнѣ 1643 года, по просьбѣ м. Петра Могилы, отправленъ былъ изъ Москвы въ Печерскій монастырь московскій сусальникъ Якимъ Евтихievъ, который жилъ постоянно въ Печерскомъ монастырѣ и, по его словамъ, сдѣлалъ кіевскому м. Петру Могилѣ «листового золота съ 10,000 листовъ, да двѣ иконы обложилъ басмою», возвратившись въ Москву въ 1644 году; но для какого храма онъ украшалъ золотомъ иконы,—съ точностью неизвѣстно²⁾. По другимъ извѣстіямъ, Петръ Могила вызывалъ въ Кіевъ даже греческихъ живописцевъ, которые возстановили древнюю стѣнопись Синасской на Берестовѣ церкви³⁾; но о работѣ ихъ въ Кіево-Печерской лаврѣ тоже неизвѣстно.

Но есть другого рода свидѣтельства о томъ, что сдѣлалъ м. Петръ Могила для великой лаврской церкви,—свидѣтельства косвенныя, которыя подтверждаютъ, разъясняютъ и дополняютъ собою свидѣтельства перваго рода. Мы имѣемъ здѣсь въ виду съ одной стороны гравированные виды великой лаврской церкви до м. Петра Могилы, при немъ и вскорѣ послѣ его смерти, а съ другой—недавно изданное описаніе великой лаврской церкви у архидіакона Павла Алепискаго, 1653 года.

На гравированныхъ видахъ великой лаврской церкви при изданіяхъ Кіево-печерской лавры—«Учительномъ евангеліи» 1623 г. и «Главизнахъ поучительныхъ Агапита діакона» 1628 г., великая лаврская

¹⁾ „Труды Кіевск. Дух. Академіи“, апрѣль, 1897 г., стр. 514.

²⁾ Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтовисца, кн. XII, Кіевъ, 1898 г., отд. I, стр. 17.

³⁾ Мои „Историко-Топографическіе очерки древняго Кіева“. Кіевъ, 1897 г., стр. 73.

церковь изображена только съ двумя куполами, большимъ на среднѣй церкви и малымъ на Предтеченскомъ придѣлѣ и съ двумя контрфорсами по сторонамъ главной западной двери ¹⁾.

Въ такомъ же видѣ, но съ прибавленіемъ виѣшнихъ пристроекъ и обозначеніемъ трехъ алтарныхъ полукружій, изображена великая лаврская церковь и на гравированномъ видѣ Кіева и Кіево-печерской лавры у Аѳ. Кальнофойскаго, 1638 года. Эти наружныя пристройки къ великой лаврской церкви перечисляются и изображаются на видѣ Кольиофойскаго въ такомъ порядкѣ: 31., „великая Успенская церковь лавры“; 32., „часовня ихъ милостей пановъ Ельцовъ“ (т. е. древній Предтеченскій придѣлъ), приставленная къ сѣверо-западному углу великой лаврской церкви; 33., «часовня св. трехъ церковныхъ учителей Василя Великаго, Іоанна Богослова и Іоанна Златоустнаго», приставленная къ серединѣ сѣверной стѣны великой лаврской церкви; 34., „часовня св. Іоанна Богослова“, приставленная къ сѣверо-восточному углу великой церкви, и, наконецъ,—35., „часовня архидіакона Стефана князей ихъ милостей Корецкихъ“, приставленная къ юго-восточному углу той же церкви ²⁾.

Въ совершенно иномъ видѣ является великая лаврская церковь на гравированныхъ видахъ ея въ лаврскихъ изданіяхъ «Панагіріонѣ» 1655 г. и «Пречестныи каноны и акаѳисты» 1677 года. На этихъ видахъ прежнія наружныя пристройки къ великой лаврской церкви представляются уже соединенными съ нею въ одинъ общій планъ, и на церкви съ ея придѣлами виднѣются уже не двѣ только главы, какъ прежде, а шесть главъ, кромѣ алтарныхъ полукружій главнаго алтаря, заслоненныхъ западнымъ фасадомъ церкви ³⁾. Съ большою подробностію и обстоятельностью описывается великая лаврская церковь въ этомъ самомъ видѣ у архидіакона Павла Алеппскаго въ 1653 году. У него перечисляются еще три купола на трехъ полукружіяхъ главнаго алтаря, такъ что всѣхъ куполовъ у него насчитывается девять, а изъ придѣловъ или прямо поименовываются, или же косвенно указываются, черезъ описаніе настѣнныхъ изображеній, слѣдующіе придѣлы: направо отъ главнаго алтаря—непоименован-

¹⁾ „Кіевская Старина“, іюнь, 1886 г. стр. 302 и приложение.

²⁾ „Древнѣйшій планъ г. Кіева 1638 г. изд. В. И. Ханенко. Кіевъ 1896“. табл. III и объяснительный текстъ къ ней.

³⁾ «Кіев. Старина, іюль,—1886 г., приложение.

ный; налѣво—жертвенникъ во имя Предтечи; на сѣверной сторонѣ—придѣльная церковь Предтечи и алтарь св. архидіакона Стефана; на южной сторонѣ—алтари трехъ святителей и Іоанна Богослова; на хорахъ—придѣлы преп. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ ¹⁾).

Итакъ, между 1638 и 1653 гг. прежнія наружныя пристройки къ великой лаврской церкви вошли въ общій планъ расширенной присоединеніемъ ихъ великой лаврской церкви, надъ каждымъ придѣломъ написаны были свящ. изображенія, указывающія на то, чьему св. имени посвященъ извѣстный придѣлъ, и къ прежнимъ двумъ куполамъ вновь прибавлено 7 куполовъ. А все это нужно приписать м. Петру Могилѣ какъ потому, что типографъ Слезка прямо приписываетъ ему эту работу, какъ мы видѣли выше, такъ и потому, что послѣ Петра Могилы, во время козацкихъ войнъ, архимандриты Кіево-печерской лавры не столько думали объ украшеніи ея, сколько объ отысканіи надежнаго убѣжища себѣ, на случай непріятельскихъ опустошеній, въ какомъ-либо изъ великорусскихъ монастырей (напр. Брянскомъ Свинскомъ). Можно думать, что и внутреннее росписаніе стѣнъ великой лаврской церкви свящ. изображеніями, описываемое архидіакономъ Павломъ Алепискимъ, произведено тоже при м. Петрѣ Могилѣ, такъ-какъ немислимо допустить, чтобы пробивка и надстройка семи новыхъ куполовъ въ храмѣ не сопровождалась и новымъ росписаніемъ его.

Въ заключеніе укажу на странное противорѣчіе въ показаніи мѣстоположенія придѣльныхъ пристроекъ къ великой лаврской церкви у Ае. Кольнофойскаго и у архидіакона Павла Алепискаго. Но это противорѣчіе устраняется, если мы будемъ разсматривать видъ великой лаврской церкви на планѣ Кальнофойскаго съ оборотной его стороны, и притомъ въ направленіи лишь косога разрѣза вида съ юго-востока на сѣверо-востокъ, между 32 и 33 №№ (т. е. съ общей точки зрѣнія составителя плана). Слѣдовательно, здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ частичнымъ извращеніемъ плана Кальнофойскаго у гравера.

Н. Петровъ.

¹⁾ «Путешествіе патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка», описанное сыномъ его архидіакономъ Павломъ Алепискимъ, въ переводѣ проф. Муркоса, выш. 2., Москва, 1897 г., стр. 47—53.

Рождественскіе обычаи въ Угорской Руси. Нѣкто г. Радомскій помѣстилъ въ № 1 угорско-русской газеты «Недѣля» (Неделя) статью о рождественскихъ обычаяхъ въ Мараморошѣ, представляющихъ любопытныя особенности.

День наканунѣ Рождества народъ называетъ «святимъ-вечеромъ». Къ этому дню повсюду въ угорско-русской околицѣ пекутъ одинъ большой хлѣбъ — «крачуникъ» и маленькіе хлѣбцы «бобальки», — происхожденіе которыхъ авторъ относитъ ко временамъ патріархальнымъ, когда одно уважаемое лицо — патріархъ, было главою рода. Вотъ этотъ „крачуникъ“ и пекли, будто-бы, для него въ знакъ его власти. Еще и теперь въ „крачуникъ“ кладутъ цѣлую головку чеснока, чтобы глава семьи былъ «здоровъ и силенъ, какъ чеснокъ». „Бобальки“ же пекутъ болѣе мелкими въ знакъ того, что такую власть имѣетъ „челядь“ по сравненію съ главою. «Крачуника» никто не смѣетъ начать воимомъ самого домохозяина; его надо держать до „Водошъ“ (Богоявленія).

Наканунѣ Рождества хозяйка варитъ 9 «стравъ». Это обыкновеніе, — по словамъ г. Радомскаго, — соблюдается въ память того, что предки русскаго народа приняли вѣру Христову въ IX столѣтіи (!). Гораздо вѣроятнѣе будетъ допустить другое толкованіе, — что это совершается въ память 9 ранъ Господнихъ (займствованіе изъ римско-католическаго исповѣданія).

Передъ вечерю хозяинъ прежде всего даетъ корма «худобыни» изъ наилучшей «паши» — «чтобы и скотыня знала, що днесъ Великій вечеръ», а затѣмъ вноситъ въ хату охапку соломы, сколько необходимо для того, чтобы застлать полъ (въ память того, что Христосъ въ ясляхъ родился). На «крачуникъ» кладутъ горсть колосьевъ, чтобы Богъ далъ урожай и на будущій годъ.

Когда вечера уже на столѣ, глава семьи еще не садится, но приноситъ топоръ и кладетъ его подъ столъ, а затѣмъ длинною цѣпью опутываетъ столъ и замыкаетъ ее. Этотъ оригинальный обычай, по разсказу одного старожилы, возникъ будто-бы еще въ тѣ времена, когда предки наши жили, окруженные многочисленными инѣшними врагами; — тогда они на Рождество (а въ другое время ?) запирались извнутри. Въ память этого и опутывается столъ цѣпью. Замыкается же цѣпь для того, чтобы «пысокъ всякой звирки такъ бувъ видъ скотыны замкнутой».

Покончивъ съ вышеупомянутыми предварительными дѣйствіями, глава семьи разрѣзаетъ крачуникъ со словами: «Дай, Боже небесный,

абы-сме въ здоровлю и щастю и другое ще и много Риздвнвъ дочекалы !» в съ обычной молитвой садится «вечерать». Послѣ вечери являются коладники.

Въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣ вечери кладутъ на «прыпчку» раскаленный уголь на различные сорта сѣмянъ (пшеницу, жито, овесъ, бобъ), который уголь лучше всего сожжетъ, подъ тѣмъ лежащія сѣмена дадутъ наилучшій урожай.

Послѣ вечери двчата «на выданню» проворно выбѣгаютъ во дворъ и прислушиваются, не лаютъ-ли собаки въ той сторонѣ, гдѣ живетъ «любоко-голубикъ»; еслв да,—дѣвушкѣ остается лвъшь радоваться, т. е. въ слѣдующія «мысницв» она станетъ подъ вѣнецъ.

Еслв въ первый день прыздвика, рано утромъ, зайдетъ къ кому-либо такой человекъ, что не пвтаетъ къ нему добрыхъ чувствъ, то дввка старается переломить вслѣдъ за нимъ «ламанныкъ» (продолговатый маленькій калачикъ,—спеціально пекутъ двчата для этой цѣли), чтобы все то зло, которое онъ желаетъ этому дому, сбылось на немъ.

Изъ воспоминаній стараго полтавца. Въ № 3 «Днѣпровской Молвы» напечатаны любопытныя воспоминанія А. Конисскаго о воскресныхъ школахъ и народныхъ чтеніяхъ въ Полтавѣ, въ началѣ 1860-хъ годовъ. Исторія этихъ просвѣтительныхъ начинаній, оставившихъ благодарную память среди населенія Полтавы, еще не вавпсана, и потому нельзя не придавать цѣвы даже отрывочнымъ воспомнваніямъ объ этомъ предметѣ.

«Въ концѣ пятидесятихъ годовъ (говоритъ г. Конисскій) я жилъ въ Полтавѣ, небольшомъ въ то время в глухомъ губернскомъ городѣ. Невѣжество въ массѣ, особенно въ массѣ крѣпостного сословія, было полное. Между тѣмъ, приближалось уничтоженіе крѣпостного права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полученіе освобождаемымъ крестьянами гражданскихъ правъ, сознательное пользованіе которыми невозможно для массы, темной и вполнѣ невѣжественной. Такимъ образомъ, самъ сабою выступилъ вопросъ о безотлагательномъ в энергическомъ содѣйствіи народному просвѣщенію. Въ то время существовалъ въ Полтавѣ небольшой кружокъ молодыхъ людей изъ вѣкоторыхъ учителей мѣстной гимназіи, кадетскаго корпуса и женскаго института; къ нимъ примыкало и нѣсколько чвновниковъ. Этотъ-то кружокъ, по инициіа-

тнѣ А. И. Стронина, со свойственнымъ молодымъ убѣжденнымъ силамъ рвеніемъ, принялся прежде всего за открытіе воскресныхъ школъ. Первая такая школа для мальчиковъ была открыта въ 1858 г. при мужской гимназій подѣ руководствомъ Стронина. Преподавателями, кромѣ взрослыхъ, допускались и лучшіе гимназисты 6—7 кл. Въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ двухъ лѣтъ было открыто въ Полтавѣ еще три воскресныхъ школы для мужчинъ, двѣ для женщинъ, двѣ вечернія по субботамъ для дѣтей евреевъ и одна ежедневная вечерняя для мальчиковъ: всѣ эти школы всегда были переполнены учащимися.

Спустя немного времени по открытіи первой воскресной школы, мы не могли не замѣтить, что языкъ тѣхъ руководствъ, по которымъ шло обученіе, мало, а иногда и вовсе непонятенъ для нашихъ учениковъ: почти на каждомъ словѣ приходилось переводить и объяснять; на это уходило очень много дорогого времени, котораго въ нашемъ распоряженіи было всего два часа, отъ 10—12 ч. утра. Прежде чѣмъ обсудить и рѣшить, какъ помочь этой бѣдѣ, я не полагаясь на личныя наблюденія большинства преподавателей, педагогическій совѣтъ школы рѣшилъ провѣрить наблюденіе фактами. Спрошено было 140 учениковъ. Опросъ производился слѣдующимъ образомъ: каждому ученику была прочитана по книгѣ одна изъ басенъ Крылова и подходящая къ ней басня Гребенки, и онъ былъ спрошенъ, которую лучше понимаетъ? Отвѣтъ проиѣрался тутъ-же пересказами, и затѣмъ слѣдовалъ вопросъ: на какомъ изъ языковъ этихъ басенъ онъ желаетъ продолжать ученіе. За языкъ Гребенки высказалось 123 ученика. При такихъ условіяхъ педагогическій совѣтъ школы призналъ себя обязаннымъ позаботиться о соотвѣтственныхъ учебникахъ. Прежде всего Стронинъ передѣлалъ извѣстный учебникъ Золотона, который по одобреніи его педагогическимъ совѣтомъ и цензурою, былъ напечатанъ и введенъ въ школѣ. Затѣмъ мною были составлены и заданы на счетъ Елисаветы Ивановны Милорадоничъ «Українські прописи». Для чтенія приняты были «Оповідання Марка Вовчка», «Хата», повѣсти Квитки и «Кобзарь» Шевченка. По окончаніи года, намъ стало ясно, что то, что мы даемъ ученикамъ въ школѣ, не удовлетворяетъ возрастающей у нихъ потребности въ просвѣщеніи. Это и принудило насъ организовать бібліотеку для чтенія школярми книгъ дома.

Школа и библіотека начали оказывать свое вліяніе и на неграмотныхъ: въ школу стали приходять люди пожилые, даже старыя, прося „поучить ихъ чему-нибудь“. Но только такъ поучить, чтобы не надо было имъ „сидить поплачуть зъ молокососами: бо якось воно ніяково, наче соромно“. Сперва явилась было мысль открыть школу исключительно для пожилыхъ, но потомъ мысль эту замѣнила другая: организовать народныя чтенія, которыя могли бы посѣщать всѣ желающіе. Мысль эта встрѣтила полное сочувствіе бывшаго тогда директора полтавской гимназіи А. С. Данилевскаго, друга Гоголя, и попечителя кіевскаго учебнаго округа Николая Ивановича Пирогова. Народныя чтенія открыты были въ большой залѣ новой гимназіи, происходили отъ 4—6 ч. пополудни по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, за плату по 3 копѣйки.

Въ чтеніяхъ, кромѣ меня, принималъ участіе, какъ лекторы Н. И. Щетинская, Д. П. Нильчиковъ, А. И. Гарлинскій, А. И. Стронинъ и др.

Программа чтеній не стѣсняла насъ, нерѣдко читались стихотворенія, не бывшія еще въ печати. Обыкновенно чтеніе открывалось прочтеніемъ чего-либо изъ произведеній Шевченка, напр., „Топола“, „Наймичка“, „Гамалія“, „Псалмы Давидовы“; затѣмъ популярно-научная бесѣда о фзическихъ явленіяхъ природы, о какомъ-либо историческомъ событіи, о бытѣ и устройствѣ другихъ народовъ, объ устройствѣ полиціи въ другихъ государствахъ, особенно въ Англіи. Заканчивалось чтеніе каковымъ-нибудь юмористическимъ рассказомъ, чаще всего извѣстнымъ предисловіемъ Гребенка къ его альманаху «Ластівка», или баснею Глѣбова «Горлыца в Горобецѣ».

На одномъ изъ такихъ чтеній былъ прочитанъ первый актъ изъ оперетты Котляревскаго «Наталка-Полтавка» и вслѣдъ за нимъ послышались въ публикѣ такія слова: «отъ-бы було цѣкаво побачить оце саме на театри!» Эта фраза и родила среди насъ мысль организовать народныя спектакли. Въ Полтавѣ существовалъ тогда въ городскомъ саду большой деревянный театръ съ тремя ярусами ложъ. Не помню, кто былъ собственникомъ его, но завѣдывалъ имъ жившій въ гор. Харьковѣ г. Соколовъ. Когда получено было согласіе его на пользованіе театромъ для народныхъ спектаклей, организовавшійся кружокъ любителей рѣшилъ на праздникъ Пасхи, хорошо не помню — 1861 или 62 года, дать нѣсколько народныхъ спектаклей, поставивъ

«Наталку-Полтавку» Котляревскаго, «Шельменко, волостной писарь» и «Сватанна» Квитки, а изъ русскихъ пьесъ «Бѣдность не порокъ» Островскаго. Цѣны на мѣста предназначалась отъ 1 руб. за ложу и до 10 коп. на галлерей. Роли были розданы, выучены, и пьеса репетирована; но вдругъ, въ общему изумленію, полиціймейстеръ (кажется Гескетъ), а за нимъ и губернаторъ не дозволили печатать афишъ, мотивируя воспрещеніе низкими цѣнами на мѣста. Мы соглашались повысить цѣны до нормы, какую признаетъ подходящею губернаторъ, но и это не помогло. По общему полномочію, Лобода, Пильчиковъ и Щелканъ послали просьбу министру внутреннихъ дѣлъ. Только что вступившій въ управленіе министерствомъ П. А. Валуевъ уклонился отъ прямого отвѣта, а поручилъ губернатору убѣдить участниковъ въ спектакляхъ отказаться отъ этого несвоевременнаго предпріятія, такъ-какъ, молъ, народные спектакли не существуютъ еще и въ Англіи. На этомъ дѣло и кончилось. Вскорѣ наступили нныя времена...

О собираніи народныхъ легендъ. Задавшись цѣлью издать въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ «Этнографічного Збірника» собраніе народныхъ легендъ, редація упомянутого „Збірника“ обращается въ XII кн. пр. г. «Літературно-Наукового Вістника» съ просьбой ко всѣмъ, кто интересуется изслѣдованіемъ нашего народнаго творчества, помочь ей въ составленіи предполагаемаго собранія своими матеріалами, записанными изъ народныхъ устъ, или записывать таковыя матеріалы и присылать ихъ въ «Наукове Товариство ім. Шевченка» (Львовъ, ул. Чарнецкого, 26). Планъ изданія будетъ слѣдующій:

I. *Библейскія легенды вѣтхаго завета.* Здѣсь важно обратить вниманіе на рассказы о сотвореніи міра, возмущеніи ангеловъ, грѣхѣ Адама, Адамовой смерти, о потопѣ, а также рассказы на тему, откуда что взялось? Есть-ли какіе-нибудь рассказы о патриархахъ, Моисей, Самсонъ? Рассказы о Давидѣ и Соломонѣ, Іліи, Данилѣ и вообще о народѣ еврейскомъ и іудейской религіи (темы: еврей—самый давній народъ, избранный Богомъ и наказанный имъ; повѣрье, что евреи нуждаются зачѣмъ-то въ христіанской крови и т. д.)

II. *Библейскія легенды новаго завета.* Рассказы объ Іоакимѣ и Аннѣ, св. Маріи, Рождествѣ Іисуса Христа, трехъ царяхъ, Иродѣ,

бѣгствѣ въ Египетѣ, хожденіи Иисуса съ Апостолами, мученіяхъ Христовыхъ, сошествіи во адъ, смерти Богородицы, объ апостолахъ,—въ особенности о Петрѣ и Павлѣ, объ Іудѣ Искаріотскомъ (о кровосмѣшеніи съ матерью), о Лазарѣ (убогомъ и четверодневномъ), о Маріи Магдалинѣ, Платѣ, сотникѣ Логгніѣ, прободившемъ ребра І. Христу и т. п.

III. *Легенды о святыхъ*. Разказы о св. Николаѣ, Юріи, Алексѣѣ, Маріи Египетской, Варварѣ, о чудотворныхъ иконахъ и чудесахъ отъ нихъ, о св. крестѣ, откуда онъ взялся и какъ онъ найденъ, о кievскихъ угодникахъ, пустынныхъ, мученикахъ, 7-ми братьяхъ спящихъ и т. п.

IV. *Легенды о еретикахъ (недовѣрцахъ) и чародѣяхъ (чаривникахъ)*. Этотъ отдѣлъ, донимѣ почти незатронутый собирателями, можетъ дать много новаго. Важно было бы имѣть разказы о Симонѣ волхвѣ, еретикахъ (Аріи, Пелагій), магахъ и чародѣяхъ (Евладій, Твардовскій), о паписѣ Іоаниѣ и вообще разказы о жеищникѣ, переодѣтой мужчиной, жеищникѣ-монахѣ (св. Маринѣ), жеищникѣ-священникѣ, жеищникѣ-воинѣ, жеищникѣ-папѣ, вѣчномъ жидѣ и т. д.

V. *Легенды о чудовищахъ и удивительныхъ явленіяхъ*. Разказы о людяхъ съ однимъ глазомъ, съ песьими головами, съ головами на груди, о Гогѣ и Магогѣ, о Харіонахъ (подземные люди), Рахманахъ и т. п. Затѣмъ разказы о звѣряхъ: однорогахъ, грифахъ, слонахъ, львахъ, орлахъ (ихъ привычки и чудесная сила), о морскихъ чудовищахъ (мелюзникахъ, китахъ), объ удивительныхъ растеніяхъ (откуда берется ладаиѣ), каменьяхъ (діамантъ, камень-самоцвѣтъ и т. д.), о чудесныхъ странахъ (мертвое море, кипучее море и т. д.)

VI. *Легенды о кончинѣ міра*. Разказы объ антихристѣ, его появленіи, Ілии и Енохѣ, о волѣ Шороборѣ и рыбѣ Левіаѳанѣ, о земномъ пожарѣ и страшномъ судѣ.

VII. *Легенды моралистическія и философскія*. Чудесныя наказанія за различныя тяжкіе грѣхи; покаяніе грѣшника, убившаго отца и мать; наказаніе скупому, не принявшему Бога въ видѣ нищаго; наказаніе вору, грабившему покойниковъ и церкви. Чудесныя дѣянія въ отвѣтъ на трудно разрѣшимые вопросы (что такое вѣчность?—пустынникъ ловить птицу 100 лѣтъ; какъ Богъ управляетъ міромъ?—пустынникъ ходитъ по свѣту съ ангеломъ); къ чему приводятъ гордость собственнымъ умомъ, святостью и т. п. (легенды о пустынныхъ, подвергавшихся искушенію). Чудесное открытіе преступленій:

подъ преступникомъ проваливается земля, къ тѣлу приростаеъ воловьѣ кожа, надѣтая для того, чтобы вслугать; корабль, на которомъ онъ плыветъ, останавливается средь моря или должеъ погибнуть въ бурю, и преступника бросаютъ въ море; иопны, стрѣляющіе въ церковь, лишаются зрѣнія, ума или погибаютъ отъ своихъ же выстрѣловъ, обращающихся на нихъ.

VIII. *Шутливья легенды и сатиры на религіозныя темы.*

При каждой записи слѣдуетъ прибавлять: гдѣ, когда, кѣмъ и отъ кого записано. О болѣе интересныхъ рассказчикахъ, знающихъ много рассказовъ, желательно записывать біографическія данныя, а въ особенности о томъ, отъ кого и какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ свѣдѣнія о сообщаемыхъ предметахъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ дополненіе къ суммѣ 1633 руб. 33 коп., поступившей въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 1 тек. года), вновь пожертвовано изъ Ростова-на-Дону Н. Я. Яценкомъ — 5 рублей, которые и отпращены въ Полтавскую городскую управу.

Текущія извѣстія.

Концертъ львовскихъ ремесленниковъ въ память Т. Г. Шевченка. 24 января во Львовѣ, въ залѣ «Народного Дома» состоялся концертъ общества «русскихъ ремеслякии «Зоря». Залъ былъ роскошно декорированъ; на эстрадѣ устроена была могила съ крестомъ, обведеннымъ частоколомъ, — подобіе могилы Шевченка. Предсѣдатель общ. «Зоря» Нагирный въ краткой рѣчи упомянулъ объ идеалахъ Тарасовой музы. Затѣмъ, интересной новинкой было появленіе украинскаго лирника (г. Губчака) въ сопровожденіи 12 дѣтей, въ украинскихъ костюмахъ. Дѣти проводили дѣда-лирника до самой могилы, съ криками: «Дусю, заграйте намъ!» Лирникъ, расположившись у могилы, исполнилъ нѣсколько пѣсенъ. Вообще вечеръ прошелъ съ рѣдкимъ успѣхомъ. Къ сожалѣнію, прекрасное общее настроеніе нарушено было вконцѣ неумѣстными криками нѣсколькихъ представителей старо-русской партіи:

«pereat»! во время исполненія украинской національной пѣсни. («Руслан», ч. 19).

Львовскій магистратъ и память Шевченка. Мы уже сообщали о ходатайствѣ Товариства ім. Шевченка во Львовѣ о разрѣшеніи называть площадь, у которой находится зданіе Товариства, площадью Шевченка и постановкѣ на этой площади памятника нашему поэту. 1) Въ настоящее время, по сообщенію «Лігерат.-Наукового Вістника», кн. II), означенное Товариство получило на ходатайство свое отказъ на томъ основаніи, что львовскій магистратъ «уже почтилъ память Шевченка, назвавъ его именемъ улицу между ул. Зеленою и ул. Кюхановского и кромѣ того, упомянутая площадь не пригодна (?) для постановки на ней памятника».

Памятникъ И. П. Котляревскому. Протопоповскій бульваръ, на которомъ будетъ поставленъ въ Полтавѣ памятникъ И. П. Котляревскому, предполагается расширить и привести въ лучшій видъ. Лицевая сторона памятника, достигающаго 11 аршинъ высоты съ цоколемъ, будетъ обращена къ Александровской улицѣ. («Южн. Кр.»).

Пожертвованія на памятникъ И. П. Котляревскому по 1 февраля с. г. достигли, по сообщенію Полтавской городской управы, 9174 р. 27 к.

Памяти П. А. Кулиша. Изъ письма А. М. Кулишъ отъ 16 янв. 1900 г. узнаемъ, что на-дняхъ присланъ на могилу П. А. Кулиша серебряный вѣнокъ изъ Австріи отъ галичанина, профессора королевскаго технологическаго института въ Прагѣ, извѣстнаго знатока фвизикъ, Пулюя, друга покойнаго Кулиша, съ надписью: «Памяти незабутаго друга П. А. Кулиша. Пулюй». Вдовѣ-же Кулиша отъ семьи профессора Пулюя, виѣстъ съ вѣнкомъ, прислана широкая красная лента съ золотомъ надписью «Ганні Барвінокъ»; вокругъ ленты золотая бахрома, а на лентѣ вышитъ золотомъ изящно букетъ цвѣтовъ. Вѣнокъ и лента очень изящной работы. («Южн. Кр.»).

Къ біографіи В. Н. Каразина. Въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго Общества прочитано было сообщеніе Д. П. Миллеромъ, въ которомъ онъ познакомилъ Общество съ кое-какими новыми данными, относящимися къ біографіи основателя Харьковскаго университета В. Н. Каразина. Въ 1834 г. опальный Каразинъ жилъ въ своемъ Кручикѣ и, отъ нечего дѣлать, издавалъ рукописный журналъ, предназначенный для сосѣдей и знакомыхъ. Въ одномъ изъ №№ этого журнала Каразинъ позволилъ себѣ нѣсколько замѣчаній о распоряженіяхъ тогдашняго харьковскаго губернатора кн. П. И. Трубецкаго, которому и достался этотъ №. Губернаторъ обидѣлся и черезъ полицію обязалъ Каразина «не утруждать начальство посторонними бумагами», угрожая, въ противномъ случаѣ, поступить съ нимъ «сообразно существующимъ постановленіямъ». («Южн. Кр.»).

Къ дѣятельности Науковаго Товариства ім. Шевченка во Львовѣ. Въ засѣданіи 26 января тек. года въ Науковомъ Товар. ім. Шевченка, кромѣ прежнихъ «науконихъ комісій» (археограф., этнограф. и юридич.) по предложенію проф. Барнинскаго избрана еще *языкова комісія* (предсѣдатель профес. Ол. Колесса), которая имѣетъ въ виду заняться прежде всего словарными работами, какъ-то: составить словари для практическихъ потребностей, а затѣмъ готовить матеріалъ для полнаго украинско-русскаго словаря, а также и ными вопросами по исторіи языка. („Руслан“, ч. 28).

Дѣятельность Львовскаго общества «Просвѣта» за 1898 и 1899 г.г. Изъ отчета видно, что за послѣдніе два года означенное общ. издало, 200.000 экз. популярныхъ книжекъ, приобрѣло 2081 нов. членовъ, такъ что со времени основанія и до конца 1899 г. Общ. имѣло 12.026 членовъ; за это время открыто народныхъ читаленъ 294 (а всѣхъ теперь 816). При читальняхъ обыкновенно находятся бакалейныя лавочки, ссудныя кассы и хлѣбныя магазины. Въ нѣкоторыхъ читальняхъ «Просвѣти» устроены вечернія занятія для неграмотныхъ; прибавилось 5 новыхъ філій на провинціи, такъ что теперь всѣхъ філій общества 19. Библіотека общества состоитъ изъ 5541 назн. книгъ въ 6738 т. и кромѣ того имѣется особая бібліотека им., нинѣ покойнаго, Фр. Ржегоржа, а также небольшой музей. Что касается матеріальнаго положенія,—

активъ равнялся (за 2 года) 283.728 гульд., а пассивъ—195.518 гульд. Какъ и въ прежніе годы, такъ и въ 1898 и 1899 г.г. Общество устраивало концертъ въ годовщину смерти Т. Г. Шевченка; кромѣ того въ 1899 г. впервые устроены были народные концерты съ рефератами. („Руслан“ и „Дѣло“).

Труппа соединеннаго товарищества малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ А. К. Саксаганскаго и Н. Н. Садовскаго въ Кіевѣ. Съ 1 декабря пр. года и по 20 февраля наст., въ театрѣ Вергонье, давала спектакли лучшая малорусская труппа подъ управленіемъ А. К. Саксаганскаго и Н. Н. Садовскаго. Въ труппѣ, кромѣ трехъ талантливыхъ артистовъ, братьевъ Тобилевичей—Карпенка-Карого, Садовскаго и Саксаганскаго, принимали участіе слѣд. лица: изъ женскаго персонала—г-жи Базилевская, Лвинцкая, Россина, Суслона, Тобилевичъ, Шевченко и др.; изъ мужскаго—гг. Васильковскій, Вороній, Дзбановскій, Кремневъ, Мова, Пискунъ, Чичорскій и др. Въ теченіе всего сезона поставлены были слѣдующія пьесы *И. К. Карпенка-Карого*: Батькова казка, Бондаривна, Дыха искра поле спалыть—сама счезне, Наймычка, Розумный и дурень и Чумаки—по *одному* разу; Бурлака, По-надъ Днпромъ, Сто тысячъ—по *два* раза; Безталанна, Мартынь Боруля, Палывода XVIII ст.—*три* раза; Сава Чалый (новая пьеса)—*четыре* раза.

Изъ пьесъ *М. Л. Кропивницкаго* поставлены были: Двіи сѣмьи, Дымеривна, Невольникъ, Олеся, Писни въ лыцяхъ—по *одному* разу; По ревызін—*два* раза; Вій—*пять* разъ.

Изъ пьесъ *М. П. Старицкаго*: За двома яйцями, Круты та не перекручуй, Не такъ склалось, якъ ждалось,—по *одному* разу; Ничъ пидъ Івана Кушайла, Ой не ходы Грыцю, Чорноморци, Якъ ковбаса та чарка—по *два* раза; Зимовый вечиръ и Сорочинскій ярмарокъ—*три* раза; Богданъ Хмельницькій и Цыганка Аза—*четыре* раза. Кромѣ того, по *одному* разу поставлены были: Назаръ Стодоля, Сватанія на Гончаривци, Гуцулы (Корженіовскаго), Шельменко-денщикъ, Суженого конемъ не обидеши; по *два* раза: Запорожець за Дунаемъ, Жыдівка - выхрестка (Тогобочнаго), Нещасне кохання (Манька); *три* раза—Наталка-Полтавка, Згуба (новая пьеса П. Мирного) и Кумъ-Мирошникъ (Дмитренка), и, наконецъ, *четыре* раза Катерина (новая пьеса А—са) и Вечерниці (Нищенскаго).

Труппа пользовалась все время вполне заслуженнымъ успѣхомъ.

Малорусская труппа въ С.-Петербургѣ. (*Корреспонденція изъ С.-Петербурга*). Гостищее у насъ съ Рождественскихъ святокъ и подвизающееся въ большомъ театрѣ «Акваріума» товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ О. З. Суслова внесло свою лепту въ кассу общества имени Т. Г. Шевченка, любезно согласившись дать въ пользу его спектакль.

Спектакль этотъ состоялся 31 января въ залѣ Конова, при большомъ стеченіи публики, какъ всегда на малорусскихъ вечерахъ чрезвычайно оживленной¹⁾. Шп. «Черноморци» съ г-жами Зарницкой (Ивга), Чарновской (Кулына), Юльченко (Маруса) и г.г. Сусловымъ (Бабыця) и Левцкимъ (Цвиркунъ). Всѣ исполнители имѣли значительный успѣхъ, но особенно хороша была г-жа Зарницкая, доказавшая своей умной, веселой и бойкой игрой, что ей по плечу не только сильно драматическія роли (ея официальное амплуа). Выгодному впечатлѣнію, производимому этой артисткой, много способствуютъ ея музыкальность и умѣнье обращаться со своимъ сильнымъ голосомъ, позволяющія ей успѣшно исполнить самыя трудныя аріи.

Послѣ спектакля состоялись танцы, а въ концѣ вечера молодежь, въ благодарность за отзывчивость на ея нужды, устроила шумныя оваціи распорядителю вечера, казначею общества П. П. Катериничу и артистамъ, съ г. Сусловымъ во главѣ.

Что касается обычныхъ спектаклей вышеназванной труппы, то они имѣютъ только средній успѣхъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что наличнаго въ столицѣ количества малороссовъ не достаточно для наполненія каждый вечеръ театральной залы, остальная же Петербургская публика и безъ того не знаетъ, какъ ей распределить остатки сезона безъ ущерба для того или иного театра и увеселенія — имъ же у насъ нѣсть числа. Къ тому же — надо сознаться — труппа г. Суслова, не смотря на присутствіе въ ней такихъ талантовъ, какъ г-жи Зарницкая, Чарновская и г. Левцкій, все же значительно слабѣе труппы Саксаганскаго и Садовскаго, равно какъ в труппы Кропивницкаго, о которыхъ Петербуржцы (даже не малороссы) и до сихъ поръ забыть не могутъ. Наконецъ, не мало мѣшаетъ болѣе значительному успѣху гостищей теперь труппы отдаленность «Акваріума» отъ центра города.

С. Н.

¹⁾ Чистый сборъ достигъ 460 рублей.

Малороссійскія пьесы М. Л. Кропивницкаго «Доки сонце зійде,— роса очи виийсть» и «Глытай, або-жь науку», не шедшія около десяти лѣтъ на сценѣ, въ настоящее время разрѣшены театральной цензурой къ представленію. («Южн. Кр.»)

Лекціи профессора В. А. Мянотина въ Полтавѣ. Въ четвергъ 17 и пятницу 18 февраля, въ залѣ губернской земской управы, профессоръ В. А. Мянотинъ прочелъ двѣ публичныя лекціи на тему: «Реформы Петра Великаго въ Малороссіи». Сборъ съ лекцій поступилъ въ пользу Полтавской общественной бібліотеки. (Полт. Губ. Вѣд.).

Украинская нинижа въ переводѣ на молдаванскій языкъ. По сообщенію «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 28), въ Бессарабіи издана на счетъ земства, въ переводѣ на молдаванскій языкъ, книжка г. Чикаленка «Розмова про сельске хозяйство». Книжку эту земство разсылаетъ по сельскимъ школамъ. По поводу всего этого «Московскія Вѣдомости» выражаютъ свое негодованіе. Прибавимъ, что по словамъ «Вѣд. Од. Гралонач.», происходившее 19 января с. г. въ Харьковѣ годовое собраніе членовъ Харьковскаго общества сельскаго хозяйства, по предложенію совѣта, постановило: премировать большой серебряной медалью изданныя Южно-Русскимъ обществомъ печатнаго дѣла двѣ брошюры г. Чикаленка «Розмова про сельске хозяйство»: 1) «Худоба: кочи, скотына, свынн та вивцы» и 2) «Чорный паръ, плодозминъ и сіяна трава».

Некрологъ. Въ концѣ января скончался во Львовѣ талантливый молодой литературный дѣятель *Левъ Турбацкій*. Покойный сотрудничалъ въ газетахъ: «Нарідъ», «Буковина», «Дѣло», «Громадський Голосъ». Особенно много помѣщалъ онъ своихъ литературныхъ трудовъ (оригинальныхъ и переводныхъ) въ «Буковинѣ» и «Дѣлѣ».

БИБЛИОГРАФІЯ.

А. А. Папковъ. Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX вѣка).
Историческая справка. Москва, 1899 г.—in 4, 1—163.

Въ своей интересной книгѣ г. Папковъ ярко рисуетъ передъ нами картину постепеннаго разрушенія древняго приходскаго начала въ Россіи.

Въ царствованіе Петра великаго приходъ является общественною всесословною и географически опредѣленною единицею; прихожане во главѣ съ церковнымъ старостою продолжаютъ безпрепятственно пользоваться древнимъ правомъ избранія священно-служителей (6 стр.). Но затѣмъ, запрещеніе духовенству имѣть собственность; свалываніе всей тягости содержанія духовенства исключительно на бѣдныхъ, при крѣпостномъ правѣ, прихожанъ; обложеніе прихожанъ всякаго рода повинностями въ пользу духовенства; вассальственное вавязываніе прихожанамъ общественной благотворительности безъ личнаго участія ихъ самихъ; стремленіе образовать изъ духовенства особое кастовое сословіе; првниженное состояніе духовенства (розги, разборы, повинности)—все это лишало духовенство прежняго его авторитета, унижало его въ глазахъ прихожанъ в тѣмъ самымъ подрывало крѣпкія до свхъ поръ основы приходскихъ общинъ (во главѣ прихода всегда стояло духовенство) (4—22).

Все дальнѣйшее содержаніе интересной книги г. Папкова посвящено детальному разсмотрѣнію в освѣщеніи только что высказанныхъ имъ общихъ положеній. Для этого онъ очень внимательно разсматриваетъ отношеніе правительства къ приходу въ царствованіе Анны

Іоанновны, Елизаветы Петровны (23—52), Екатерины II (53—88), Павла, Александра I (88—126) и Николая I (127—163). Это подробное, тщательное и добросовѣстное изслѣдованіе вопроса о положеніи прихода приводитъ г. Папкова къ печальному выводу, что столь необходимое для общественной жизни приходское начало постепенно падало и падало, а причиною этого паденія былъ не кто иной, какъ само правительство, издавшее цѣлый рядъ неудачныхъ законовъ.

Съ особеннымъ вниманіемъ и какъ бы даже съ грустью авторъ останавливается на печальной судьбѣ такъ сильно развившагося въ Малороссіи приходского начала, отмѣчаетъ фактъ постепеннаго его упадка подъ вліяніемъ стремленія къ искорененію какихъ бы то ни было отличій въ жизни вновь присоединенной Малороссіи и центра, говоритъ о попыткахъ борьбы со стороны малороссійскаго духовенства противъ этой нивеллировки и защиты своихъ вѣковыхъ правъ и преимуществъ (извѣстные пункты, присланные М—россійскимъ духовенствомъ и составляющіе дополненіе къ наказу Синода депутатамъ Екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія) и о безплодности всѣхъ этихъ попытокъ (70—79). Вотъ собственныя слова г. Папкова: причиною разрушенія Малороссійскаго прихода является «изданіе неудачныхъ законовъ, при составленіи которыхъ было обращено слишкомъ большое вниманіе на цѣли узко-матеріальныя и упущено изъ виду то существенное соображеніе, что... духовно-правственные интересы никогда не могутъ быть безнаказанно принесены въ жертву интересамъ матеріальнымъ... Подъ вліяніемъ этихъ неудачныхъ законовъ и вызванныхъ ими указовъ и предписаній, нарушилось въ Малороссіи общественное равновѣсіе и это равновѣсіе повлекло за собою разнузданность страстей среди лицъ, почувствовавшихъ себя у власти и въ фаворѣ», что дурно отозвалось на положеніи духовенства и приходовъ (76 стр.).

Для того, чтобы еще болѣе отмѣнить печальное положеніе великорусскихъ и малорусскихъ приходовъ, г. Папковъ довольно подробно знакомитъ читателя и съ блестящимъ положеніемъ, какого достигли подъ вліяніемъ покровительственнаго отношенія правительства инославные (католическіе, протестантскіе, реформатскіе...) приходы (80—88 стр.), (112—125), (149—158).

Въ царствованіе Николай I совершенно закончился процессъ постепеннаго упадка православнаго прихода: если въ правовомъ отношеніи приходъ еще и не потерялъ всего своего значенія, то, во вся-

комъ случаѣ, онъ сдѣлался „совершенно дряблымъ организмъ“, (111 стр.) и не было кому на практикѣ отстаивать и расширять это его значеніе (158 стр.).

Послѣ уничтоженія крѣпостного права и возобновленія братствъ (1864 г.) началось постепенное возрожденіе православныхъ приходовъ (163 стр.)—Таково содержаніе новой книжки г. Папкова. Мы смѣло рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ интересующихся судьбами православнаго прихода и духовенства.

В. Дурдуковскій.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1900 г.) Томъ I (до 1670 г). *С.-Петербургъ, 1899 г., in 8, стр. XXIII+536.*

Книга эта представляетъ не одинъ лишь спеціально-научный, археологическій интересъ. Она знаменуетъ крайне любопытный моментъ въ исторіи національнаго самосознанія лучшихъ представителей русскаго еврейства. Эта книга составлена не присяжными архивистами или историками, а кружкомъ любителей (исключительно евреевъ), входящихъ въ составъ историко-этнографической комиссіи при „Обществѣ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи“, и издана на средства того же Общества. Весьма интересна исторія возникновенія среди евреевъ самой идеи—составить такую книгу. По словамъ составителей, трудъ этотъ задуманъ былъ лѣтъ носемь назадъ, когда въ самосознаніи самыхъ руководителей русскаго еврейства царилъ смута и хаосъ идей—общеевропейскихъ, общерусскихъ, еврейскихъ, въ смѣшеніи съ отзвуками многообразныхъ, лично пережитыхъ, ощущеній. „Объединенная однимъ лишь смутнымъ ощущеніемъ того, что надо что-то сдѣлать, что-то выяснить, эта группа лицъ, можно сказать, оцѣпью набрела на мысль о занятіи исторіей евреевъ, о приведеніи въ ясность ея первоисточниковъ. Скромная въ началѣ, задача мало-помалу разрослась, цѣли множились, и въ результатѣ получилась организованная историческая работа, первымъ проявленіемъ которой является настоящая книга». Исчерпавъ важнѣйшія археографическія изданія, составители убѣдились, что вошедшія туда свѣдѣнія по исторіи евреевъ составляютъ лишь незначительную часть тѣхъ необозримыхъ

матеріаловъ, которые покоятся до сихъ поръ въ архивахъ и въ частныхъ рукахъ, и принялись за накопленіе своего архива, въ который постепенно стекаются неизданные документы, копируемые въ публичныхъ архивахъ и доставляемые въ оригиналахъ частными лицами. Весьма любезно признаніе неофитовъ-археографовъ, какое впечатлѣніе вынесли они изъ непосредственнаго знакомства съ подлинными историческими матеріалами: «Изъ всѣхъ этихъ источниковъ (говорятъ они) хлынули на насъ факты, картины, идеи—новый богатый міръ родной старины постепенно раскрывался передъ нашими глазами. И что же? Чтеніе сухихъ документовъ, ознакомленіе съ новсе неблестящими, неказистыми событіями, съ самыми повседневными явленіями, нозымѣло на насъ то же дѣйствіе, что для Антея прикосновеніе къ матери-землѣ. Прошедшее невольно снелось съ настоящимъ, въ старомъ мы увидѣли новое, въ новомъ старое, и жизнь во всей своей яркости, многообразіи и жестковатой непосредственности охватила насъ со всѣхъ сторонъ; мы ушли по горло во всѣ ея мелочи и изгибы, но вышли оттуда—незадолго передъ тѣмъ еще хмурые и вялые—крѣпкими, ясными; а главное—мы обрѣли ту устойчивость, то довѣніе себѣ, которое придаетъ жизни неисчерпаемую цѣнность и богатство. Снова заговорилъ разумъ, снова зацвѣли надежды!»

Просвѣтленные историческимъ самосознаніемъ, вожаки современнаго русскаго еврейства получили возможность точнѣе опредѣлить программу для снєї дѣятельности. Ихъ задачей должна быть на первомъ планѣ—дѣятельность просвѣтительная, борьба на два фронта,—«п горе намъ, если мы забудемъ про тотъ фронтъ, который обращенъ въ сторону темныхъ силъ въ самомъ еврействѣ... Изученіе жизни своего народа и сближеніе съ нею должно содѣйствовать ея развитію,—«но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы жизни нашей народной группы была не замкнута со всѣхъ сторонъ, чтобы сама она двигалась свободно между другими группами, и чтобы внутри ея двигалась свободно отдѣльная личность—вотъ какія передъ нами рѣшились цѣли, вотъ чѣмъ питалось наше воодушевленіе при исполненіи этого труда! Изъ предшествующаго, думается намъ, совершенно ясно, какъ далека была отъ насъ при составленіи этого свода, всякаго рода аналогетическая и реабилитационная тенденція. Эти пути нами рѣшительно отвергаются. Да и вообще приложеніе нравственныхъ мѣрокъ къ сложной, руководимой могучими факторами, жизни народной группы является попросту нелѣпой»..

Последнее замѣчаніе можетъ вызвать недоумѣніе. Не сказали-ли авторы этой фразой больше, чѣмъ хотѣли сказать? Безспорно, что оцѣнивать факты давно-прошедшей жизни по мѣркѣ современныхъ нравственныхъ требованій не справедливо; но считать нецѣлостью вообще нравственную ихъ оцѣнку—и не разумно, и опасно. Смѣшно было-бы, наприм., метать громы изъ козачиныхъ временъ Хмельницкаго за то, что они безжалостно истребляли евреевъ, но и безнравственно было-бы восхищаться ихъ жестокостями на томъ основаніи, что-де «нецѣлѣно приложеніе нравственныхъ мѣрокъ къ сложной, руководимой могучими факторами, жизни народной группы». Во что-бы тогда обратились уроки исторіи! Точно такъ же не ясно и двусмысленно обращеніе составителей книги къ своимъ единоплеменникамъ, для которыхъ книга предназначена: «войдите изъ лабиринтъ исторіи, ознакомьтесь со всею сложною жизнью нашего народа—и вы обрѣтете ту устойчивость и ту мѣрку жизни, которая является условіемъ и залогомъ свѣтлой и плодотворной дѣятельности». Намъ думается, что исторія въ состояніи дать болѣе опредѣлительные уроки.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію самой книги, мы должны признать, что она представляетъ добросовѣстно и съ большими трудами исполненный сводъ, интересный не для однихъ только евреевъ. Въ первой части ея приведены греческія (I—III вв.) и еврейскія (II—XVIII вв.) надписи; послѣднія почти исключительно заимствованы изъ надгробій крымскихъ кладбищъ. Признаемся, мы были удивлены, не найдя здѣсь ни одной надгробной надписи изъ древнихъ еврейскихъ кладбищъ южно-русскихъ. Намъ хорошо извѣстно, что на Волыни, наприм., и до сихъ поръ сохраняются очень древнія еврейскія могильныя плиты, и что пзвѣстный Фирковичъ, изъ бытность свою изъ Луцкѣ въ должности мѣстнаго учителя, еще въ 1850 г. занимался списываніемъ такихъ надгробій изъ Луцкѣ, въ Острогѣ и др. мѣстахъ, при чемъ на еврейскомъ Луцкомъ кладбищѣ ему удалось отыскать надпись съ датой 1317 года. Точно такъ же изъ Переяславѣ (полт. губ.) была отыскана еще болѣе древняя еврейская надпись, чуть ли не XIII в., описанная, помнится, у Пассека. Наконецъ, въ приложеніи къ II тому «Жизни князя А. М. Курбскаго на Волыни» приложены еврейскія надписи, отысканныя на кладбищѣ въ г. Ковлѣ. Но обо всѣхъ этихъ надписяхъ нѣтъ и упоминанія изъ книгъ, специально посвященной этому предмету.

Вторая часть книги заключаетъ *регесты*, т. е. краткія извлеченія (передача содержанія и существенныя выписки) изъ всевозможныхъ дѣлѣтисныхъ документальныхъ, актовыхъ, книжныхъ и др. историческихъ матеріаловъ съ VI в. до Р. Х. по 1670 г. Всѣ они относятся не къ исторіи еврейскаго народа вообще, а лишь исключительно къ исторіи евреевъ на территоріи нынѣшней Россіи. Изъ нихъ болѣе 900 регестъ заимствованы главнымъ образомъ изъ разныхъ археографическихъ изданій и притомъ исключительно русскихъ; польскія же и остзейскія оставлены пока въ сторонѣ, что-бы не задерживать выхода книги въ свѣтъ. Это выдѣленіе польскихъ археографическихъ изданій, по характеру совершенно однородныхъ съ изданіями южно-русскими и западно-русскими, нельзя признать раціональнымъ. Лучше было-бы, ограничиться для 1 тома меньшимъ періодомъ времени, но не разъединять однородныхъ матеріаловъ на томъ лишь основаніи, что одни изъ нихъ изданы польскими, а другіе—русскими учеными.

Вводилъ-ли использованъ въ регестахъ весь матеріалъ, относящійся къ исторіи евреевъ,—объ этомъ можно было бы сказать опредѣлительно лишь послѣ тщательнаго пересмотра тѣхъ 212 источниковъ, которые помѣнованы въ началѣ книги. Но въ самомъ спискѣ этомъ легко замѣтить неполноту: здѣсь не нашли мы, наприм., описанія Украины Боплана, хотя есть путевыя записки Эриха Ласоты и дневникъ Патр. Гордана; «Вѣдствія временъ» Егосіи использованы, а не менѣе важная дѣлѣтисъ Натана Гановера о тѣхъ же событіяхъ пропущена; Вѣстникъ Ю.-З. и Зап. Россіи (Говорскаго) помѣнованъ въ числѣ источниковъ, а нашъ журналъ—нѣтъ. Правда, въ самой книгѣ есть извлеченіе изъ дневника Евлашевскаго, напечатаннаго въ «Кіевской Старинѣ», но въ нашемъ журналѣ за 18 лѣтъ его существованія было помѣщено много и другихъ матеріаловъ, касающихся исторіи евреевъ. Точно также опущенъ и журналъ «Основа». За то въ спискѣ источниковъ есть нѣсколько изданій, неизвѣстно почему туда попавшихъ, напр. «Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ Вил. архива», дважды помѣнованный въ числѣ источниковъ (№ 48 и 85). Вѣдь это простой перечень актовыхъ книгъ—не больше; такіе каталоги есть и въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, и въ Витебскомъ, и во всякомъ другомъ. Нѣкоторые источники названы неполно и неточно, наприм. № 133: «Опись актовой книги Кіев. центр. архива»; № 134: «Опись актовыхъ книгъ Кіевского центрального архива. И. М. Каманинъ». Составителю списка, очевидно, не извѣстно,

что таких описей напечатано доселѣ очень много и каждая опись отличается отъ другвхъ вомеровъ той актовой книги (по каталогу), какая въ пей описана. Есть регесты, свидѣтельствующія и о томъ, что составители не всегда понимали текстъ стариннаго документа, что и не удивительно по отношенію къ людямъ мало опытнымъ; наприм. въ регестѣ 856 рассказывается, что когда моголевскій бурмистръ и мѣщане припались бытъ евреевъ, совершавшихъ религіозные свои обряды надъ р. Двѣпромъ, то послѣдніе, „желая заштити себя отъ нападенія, предлагали ввести залогъ въ суммѣ 10,000 злотыхъ на короля, 5,000 на н. подскарбія и 5,000 на маршалка литовскаго». Знакомому съ языкомъ и юридическими формами того времени виолнѣ исво, что здѣсь идетъ дѣло не о какомъ-то залогѣ, а о «зарукѣ», или „закладѣ“, на нарушителей закона.

Впрочемъ, все это незначительные промахи, легко объяснимые новизною дѣла. Въ общемъ-же, повторяемъ, слѣдуетъ признать, что сборникъ составленъ весьма старательно и добросовѣстно, и нашъ журналъ, посвященный исторіи южно-русскаго края, на территоріи котораго евреи являются давними обитателями, можетъ лишь искренно привѣтствовать то новое—исторіографическое начваніе передовой части русскаго еврейства, первымъ плодомъ котораго является настоящая книга. По справедливому замѣчанію ея составителей, «жизнь людей должна быть солидарна»; а ничто не содѣйствуетъ такъ развитію и укрѣпленію этой солидарности, какъ имевно исторія. Это положеніе выѣтъ сугубую силу въ примѣненіи къ народностямъ, издавна живущимъ на одной территоріи.

О. Л.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1897 года по 1-е октября 1898 года, подъ редакціей директора Коллегіи А. І. Степовича, Кіевъ, 1898, 46+278 стр.

То же съ 1 окт. 1898 г. по 1 окт. 1899 г. Кіевъ, 1899, стр. 100+254.

Нельзя не привѣтствовать обычая, установившагося, повидимому уже прочно въ Коллегіи,—опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе свои отчеты. Но «Ежегодникъ» Коллегіи заключаетъ въ себѣ не только отчетъ: здѣсь мы встрѣчаемъ работы преподавателей и бывшихъ вос-

питанниковъ; введенъ также отдѣлъ матеріаловъ для исторіи Коллегии; предполагено ввести печатаніе переводовъ съ иностранныхъ языковъ, сдѣланныхъ воспитанниками Коллегии, по указанію, конечно, преподавателя. Однѣй такой переводъ объ Иванѣ Жижкѣ изъ книги Леже «Nouvelles études slaves» уже приготовленъ къ печати... Несомнѣнно, въ такомъ видѣ «Ежегодникъ» можетъ сдѣлаться органомъ «Коллегии», объединяющимъ между собой какъ преподавателей, такъ и воспитанниковъ бывшихъ и настоящихъ; онъ будетъ всегда подогрѣвать интересъ къ своей alma mater. Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что одной изъ причинъ, почему такъ быстро рвутся связи между учебнымъ заведеніемъ и его бывшими воспитанниками, является то обстоятельство, что воспитанники ничего не знаютъ и не имѣютъ возможности знать про учебное заведеніе, ихъ воспитавшее. Въдѣ время и отсутствіе сношеній рвутъ даже самыя близкія дружескія и родственныя связи!

Отчетъ о состояніи Коллегии отличается своею обстоятельностью. Интересны въ немъ свѣдѣнія объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, хотя, къ сожалѣнію, отчетъ не избѣгъ обычнаго, мало симпатичнаго намъ тона нѣкотораго самохвальства, всегда доминирующаго, какъ извѣстно, въ отчетахъ учебныхъ заведеній: смотрите, молъ, мы какіе!.. Въ «Отчетѣ» Коллегии это выражено, правда, слабѣе, а все-таки частенько, нужно сказать, прорывается... Въ одной изъ своихъ статей А. І. Степовичъ говоритъ: «въ изложеніи мы старались воздерживаться, по возможности, отъ собственныхъ выводовъ и заключеній и, рѣшившись говорить больше фактами, такъ сказать, отъ лица самихъ литературныхъ произведеній, хотѣли такимъ путемъ предоста-вить читателямъ извѣстную свободу и возможность собственныхъ соображеній по положенному предмету («О древне-русской беллетристикѣ»). Если это положеніе относительно статей для широкой публики и можетъ быть иногда оспариваемо, то для отчетовъ оно является, по нашему разумѣнію, *conditio sine qua non*...

Кромѣ свѣдѣній объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, мы находимъ свѣдѣнія о хозяйствѣ Коллегии, о лицахъ, окончившихъ Коллегию, гдѣ каждый изъ нихъ въ настоящее время находится и т. д.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ двухъ разсматриваемыхъ нами выпускахъ «Ежегодника», на первомъ мѣстѣ отмѣтимъ тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ югу Россіи: «О древне-русской беллетристикѣ»

А. Степовича и „Этюды по психологiи художественнаго творчества. «Ревизоръ» Гоголя. Г. Александровскаго...

Относительно южно-русской беллетристики А. И. Степовичъ говоритъ: «Жизнь южно-русскаго населенiя сложилась исторически такъ странно, такъ тревожно, что порывистость ея, отсутствiе прочно установленнаго государственнаго порядка въ странѣ, порождавшее такъ сказать, общественную нервность, происходившую отъ личной необезпеченности каждаго, исключали возможность правильнаго, строго послѣдовательнаго развитiя, и самый прогрессъ ставили въ зависимость отъ безконечныхъ и чрезвычайно разнообразныхъ случайностей почти непрерывной войны, внутренней или внѣшней. Вѣчныя военныя столкновенiя извнѣ, беспорядочность общественнаго строя и уклада изнутри, порождаемая правовыми и вѣроисповѣдными неравенствами и притѣсненiями одной части населенiя другою, если и не исключали возможности самобытнаго развитiя хотя-бы, напр., народной поэзiи, то придавали всѣмъ общественнымъ стремленiямъ строгiй характеръ практичности, насущности, пригодности для цѣлей, слишкомъ ужъ утилитарныхъ... И литература по тѣмъ-же причинамъ, отсутствовавшимъ въ сѣверной Руси,—здѣсь, въ южной, получила такой-же строгiй утилитарный характеръ удовлетворенiя злобѣ дня и, ставши церковно-политической, поплатилась за то отсутствiемъ художественности» и т. д. Мы думаемъ, въ данномъ случаѣ почтенный А. И. Степовичъ измѣнилъ своему обѣщанiю говорить только фактами, а измѣнилъ, вѣроятно, потому, что фактовъ-то имѣется у насъ пока слишкомъ мало, чтобы говорить ими. Относительно сѣверно-русской беллетристики статья А. И. Степовича содержитъ въ себѣ любопытную группировку фактовъ, хотя склонность автора къ славянофильству дѣлаетъ для насъ нѣсколько неясными замѣчанiя его относительно значенiя въ исторiи русской литературы петровскаго и послѣ-петровскаго періодовъ ея.

Статья г. Г. Александровскаго о „Ревизорѣ“ вслѣдуетъ интереснѣйшій вопросъ, какимъ образомъ возникла безсмертная комедiя Гоголя...

Кромѣ указанныхъ двухъ статей въ двухъ выпускахъ «Ежегодника» Коллегiи помѣщены: А. Степовича—«Первые вѣка сербской письменности» и «Очерки исторiи сербо-хорватской литературы»; Г. Александровскаго—«Н. А. Некрасовъ и его поэзiя», «Жизнь и творчество А. С. Пушкина на югѣ Россiи» и «Отчетъ о педагогическихъ

курсахъ по русскому языку въ г. Константиноградѣ, Полтав. губ.; затѣмъ статьи гг. Архимовича, Липскаго и Столярова по естественнымъ наукамъ и математикѣ.

Мы уже упоминали выше, что въ «Ежегодникахъ» печатаются и «Матеріалы для исторіи Коллегіи»; редакція общаетъ «со временемъ помѣщать рядъ статей о 'болѣе замѣчательныхъ дѣятеляхъ старей Коллегіи'»—И. Т. Экземплярскомъ, П. И. Житецкомъ и др. Въ лежащихъ предъ нами выпускахъ „Ежегодника“ помѣщены письма Ю. Ф. Самарина, М. Юзефовича, А. Воропова, Ив. С. Аксакова и перваго директора Коллегіи, В. В. Григорьева. Всѣ они такъ или иначе касаются Коллегіи и ея дѣлъ. Самаринъ не вѣрилъ въ возможность у насъ Коллегіи, „на манеръ англійскихъ“; Юзефовичъ стоялъ за исключительно университетскую Коллегію; Вороновъ совѣтуетъ Галагану смягчить предоставленную Коллегіи необязательность греческаго языка, чтобы министр [графъ Толстой не смотрѣлъ на Коллегію съ неудовольствіемъ...

Печатаніе подобныхъ матеріаловъ, на нашъ взглядъ, является очень полезнымъ, и можно пожелать, чтобы отдѣлъ этотъ былъ расширенъ. Не будетъ большого грѣха со стороны Коллегіи, если она будетъ печатать матеріалы не только для исторіи Коллегіи, но и для характеристики ея учредителей и преподавателей. Кажется, впрочемъ, почтенный А. И. Степовичъ, которому, если не ошибаемся, «Ежегодникъ» обязанъ своимъ возникновеніемъ,—и имѣетъ это въ виду.

Н. В.

Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство. Т. I. (Томъ II «Збірника фільологічної секції Наукового Товариства ім. Шевченка»). У Львові, 1899, 1—260, in 4°.

Еще въ 1897 г. Наукове Товариство ім. Шевченка постановило издать полное собрание изслѣдованій покойнаго М. П. Драгоманова объ украинской народной словесности и литературѣ, имѣя въ виду сдѣлать болѣе доступными эти донинѣ, не устарѣвшіе, капитальныя труды, разбросанныя по разнымъ журналамъ и написанныя на различныхъ языкахъ. Осуществленіе этого плана Наукове Товариство поручило одному изъ ближайшихъ пріятелей покойнаго автора—Миханлу Павлику, которому и принадлежитъ трудъ собранія, упорядоченія и

перевода произведеній, намѣченныхъ для предполагаемаго полного собранія, 1-й томъ котораго лежитъ передъ нами.

Полное собраніе сочиненій М. Драгоманова будетъ заключаться въ нѣсколькихъ томахъ; въ I и II томахъ помѣщены будутъ статьи, напечатанныя въ Россіи, а въ слѣдующихъ вышедшія за границей. Не войдутъ только въ полное собраніе фольклорные матеріалы, изданные или самимъ Драгомановымъ, или сообща съ другими учеными, какъ-то: «Историческія пѣсни малорусскаго народа», «Політичні пісьні українського народу», «Нові українські пісьні про громадські справи» и «Малорусскія народныя преданья и рассказы».

Въ I-й томъ «Розвідокъ» вошли слѣдующіи статьи: 1) Україна в її словесности, стр. 1—47, изъ «Вѣстника Европы», 1870, іюнь, подп. „П. Т—евъ“.

2) «Про доконечність дослїду народньої словесности в прикарпатській Русі» стр. 48—49, — изъ «Записки Ю.-З. Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества, т. I, за 1873 г., стр. 35—38.

3) «Про науковий дослїд русько-українських народніх пословиць», стр. 48—52,—оттуда-же, «Протоколы», стр. 55—57.

4) «Промова про М. А. Максимовича, сказана на загальних зборах членів Пінд.-Зах. Геогр. Тов. у Києві 18 ст. листопада 1873», стр. 53—61,—оттуда-же, стр. 68—77.

5) «М. А. Максимович. Его літературне й суспільне значіне» стр. 62—65 («Вѣстникъ Европы», 1874, мартъ, 441—453). Въ виду того, что означенная статья въ общемъ лишь въ незначительной степени разнится отъ предыдущей, составитель отмѣтилъ въ данной статьѣ лишь отличія отъ ней.

6) «Відгук лицарської поезії в руських народніх піснях.—Пісні про Королевича»,—стр. 66—87,—изъ Запис. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. т. II, за 1874 г. Вслѣдъ за этою статьею приведено резюме этой-же статьи, напечатанное въ томъ-же II томѣ Запис. Ю.-З. Отд.

7) «До питаня про слїди великоруського богатирського епоса на Україні (Лист до Ор. Ф. Мільера)», стр. 88—94,—изъ «Древняя и Новая Россія», Сиб. 1875, № 9. Статья эта въ только что цитированномъ изданіи снабжена значительнымъ количествомъ примѣчаній Ор. Миллера, которыя составителемъ умышленно выпущены въ виду того, что суть дѣла и безъ того ясна.

8) «Замітки про систематичне видане творів української народної словесности», стр. 95—105, — предисловіє къ «Малорусскимъ народнымъ преданіямъ в разсказамъ».

9) «Учена експедиція в західньо-руську країну», стр. 103—127, —разборъ 7 томовъ «Трудовъ этнограф.-статист. экспедицій въ зап.-руссій край, снаряженной Имп. Русс. Геогр. Общ. Ю.-Зап. Отд.—възъ «Вѣстника Европы», 1877, мартъ, стр. 95—109, подпись „М. Т—овъ“.

10) «Матеріяли й уваги про українську народню словесність До читача.—I. Пісьня про здобуття Азова. II. Степан Разін—козак Гайдамакам. III. До сиравъ про вертепну комедию на Україні. IV. Песоголовці в українській народній словесности,—стр. 128—155, — възъ «Кіевск. Старини», 1883, декабрь, 546—559, — подпись «М. Т—овъ».

11) «Корделія-замурза. Літературно-критичний уривок», стр. 156—173, — възъ «Вѣстника Европы», 1884, ноябрь, стр. 53—71,—подпись: К. В.

12) «Дві українські інтермедії початку XVII ст.», стр. 174—184,—възъ «Кіев. Стар.», 1883, декабрь, подп. «М. Т—овъ». Въ этой статьѣ составитель, пользовавшійся подлинникомъ, котораго лишъ копію виѣлъ въ рукахъ Драгомановъ, дѣлаєть во многихъ мѣстахъ основательныя поправки и дополненія.

13) «Найстарші руські драматичні сцени» —стр. 185—216,—възъ «Кіевской Старини», 1885, ноябрь, подпись—П. Кузьмичевскій. Переводъ произведенъ изъ экземпляра оттиска, присланнаго составителю давно, еще пок. авторомъ, гдѣ послѣдній сдѣлалъ нѣсколько исправленій. Объясненія нѣкоторыхъ словъ въ текстѣ Гавватовича, предназначенныя для журнала, какъ ненужныя и отчасти неправильныя—составитель опустилъ, прибавивъ нѣсколько своихъ замѣчаній, а также и д-ра Ів. Франка.

14) «Турецькі анекдоти в українській народній словесности», стр. 217—260,—възъ «Кіевской Старини», 1886, февр. и мартъ, подпись—П. Кузьмичевскій.

Таково содержаніє I тома предпринятаго Наук. Товариствомъ новаго крупнаго цѣннаго изданія. Для насъ, живущихъ въ Россіи, I-й томъ, кромѣ того удобства, что всѣ разбросанныя повсюду работы здѣсь сведены во единое, не представляетъ такого цѣннаго приобрѣтенія, какъ для галичанъ. Гораздо болѣе насъ прввлекають

объясняемые томы, которые будутъ заключать статьи, помѣщенные М. Драгомановымъ въ различныхъ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ, а также въ отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ.

В. Д.

Обозрѣніе журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Вѣстникъ Европы, № 2; 2) Русская Мысль, №№ 1 и 2; 3) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, №№ 1 и 2; 4) Историческій Вѣстникъ, № 2; 5) Русская Старина, № 2; 6) Литературно-Научный Вѣстникъ, №№ 1 и 2; 7) Киевскія Университетскія Извѣстія, № 1; 8) Русская Школа, № 1; 9) Slovanský přehled, №№ 1 и 2; 10) Русскій Архивъ, № 2; 11) Русское Богатство, № 1; 12) Научное Обозрѣніе, №№ 1 и 2; 13) Восходъ, № 1; 14) Живописное Обозрѣніе, №№ 1 и 2.

Вѣстникъ Европы, № 1. Въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе»: «Т. Біографическій очеркъ. В. Гринченко, Черниговъ, 1899».

Г. Т., справедливо замѣтивъ, что въ настоящее время написать біографію Кулиша нелегко: «еще близки бытовыя условія, въ которыхъ должна была складываться эта дѣятельность, какъ съ другой стороны не легко разобратъся въ сложныхъ психологическихъ мотивахъ этого характера, которые были причиной противорѣчій въ самомъ существѣ его взглядовъ», останавливается на нѣкоторыхъ утвержденіяхъ г. Гринченка о Кулишѣ, съ которыми онъ не согласенъ. Коснувшись личности Кулиша, г. Т. находитъ, что недостатокъ критики, у Кулиша развившійся тѣмъ болѣе, что ему недоставало настоящей научной школы, явился слѣдствіемъ того, что Кулишъ былъ романтикъ: «всегда въ порывахъ и увлеченіяхъ, которые овладѣвали имъ тѣмъ сильнѣе, что всегда, съ своихъ первыхъ успѣховъ, онъ былъ исполненъ крайняго самолюбія и нетерпимости». Онъ былъ человѣкъ чувства, вслѣдствіе чего терялъ мѣру и впадалъ въ ту или иную крайность. Въ исторіи обладалъ большими знаніями, но не былъ гарантированъ отъ пристрастія и преувеличенія въ виду отсутствія въ желательной степени исторической критики. Причина всѣхъ тѣхъ печальныхъ свойствъ, которыя особенно сказались въ концѣ дѣятель-

нств Кулиша, лежить «не только въ личномъ характерѣ, но и въ тѣхъ условіяхъ, которыя не давали мѣста свободному и ясному развитію общественной и исторической мыслв. Но за Кулишомъ, прв всѣхъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, останется заслуга неустанной работы для историческаго знанія и для народной литературы, гдѣ, между прочимъ, онъ былъ и великимъ мастеромъ малорусской рѣчи».

Русская Мысль № 2. Вл. Гиляровскій. Въ Гоголевицѣ (стр. 121—130).

Авторъ въ началѣ настоящаго года совершилъ поѣздку на мѣсто родины Н. В. Гоголя, въ Миргородскій уѣздъ. Здѣсь ему удалось узнать отъ оставшихся въ живыхъ современниковъ Гоголя—О. З. Королевой, В. Заики, о. Романа (девяностолѣтняго старца), нѣкоторыя любопытныя подробности о самомъ Гоголѣ и герояхъ его произведеній («Ревизора»). Ему удалось фактически установить годъ, число и мѣсто рожденія: 1809 г. 20 марта въ м. Сорочинцахъ (а не 19,—какъ полагають г. Шенрокъ); онъ посѣтилъ тотъ домикъ, гдѣ родился писатель (домъ Трахимовскаго, близъ Преображенской церкви), который и по сію пору сохранился въ прежнемъ видѣ; узналъ нѣкоторыя подробности о вліяніи на Гоголя С. М. Аксюковой, хорошо говорившей по-малорусски, къ которой очень часто ѣздилъ Гоголь слушать «разказы и преданія изъ старины малорусской, изъ гетманщины»,—«самъ-же Николай Васильевичъ по-малорусски говорилъ хуже, такъ онъ часто ѣздилъ поговорить съ ней». Кромѣ того, авторъ сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о Сорочинской Преображенской церкви, сооруженной гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ въ 1732 г., о драгоцѣнныхъ историческихъ памятникахъ и реликвіяхъ въ этой церкви и въ склепѣ подъ ней (гробъ гетмана съ его останками, металлическая доска съ эпитафіей генералу Десли на трехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ и польскомъ); о подземномъ ходѣ изъ церкви къ подвалу, въ томъ именно дворѣ, гдѣ родился Гоголь, принадлежавшемъ также гетману Апостолу.

Въ отдѣлѣ бібліографія (стр. 47—48) данъ отзывъ о книгѣ «Матеріалы по народному образованію въ Воронежской губерніи. Сост. П. Вороновъ. Изд. Воронежскаго губ. земства».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 1. Въ отдѣлѣ „Критика в библіографіи“ помѣщенъ отзывъ о 4 томѣ, вып. 2. „Исторія Россіи“ Д. И. Иловайскаго («Эпоха Михайла Ѳеодоровича Романа»), — нѣ которомъ авторъ излагаетъ исторію позачества.

Въ отдѣлѣ «Современная Литература» помѣщенъ некрологъ Н. А. Лавровскаго съ приведеніемъ перечня сочиненій и статей покойнаго, немалое число которыхъ посвящено было исторіи Харьковскаго университета, Гимназіи высшихъ наукъ и Лицею кн. Безбородка, и др. вопросамъ.

То же, № 2. Въ отдѣлѣ „Критика в библіографіи“ обширная рецензія (еще не оконченная) (стр. 367—399) В. Иконникова на трудъ С. Ѳ. Платонова. *Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.* (Опытъ изученія общественнаго строя и словесныхъ отношеній въ смутное время). Сиб. 1899. XIII+665, съ 2-мя картами. Рецензентъ указываетъ на нѣкоторые аналогичные факты въ современной (XVI в.) Зап. Россіи (напр. стр. 398, — процессъ закрѣпленія крестьянъ).

Въ отдѣлѣ «Книжныя новости» отмѣчены книги: «Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1898 г. по 1 октября 1899 г. Подъ редакціею директора коллегіи П. Галагана А. І. Степовича, Кіевъ, 1899», и «Площанскій, В. М. Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII вѣка и другимъ источникамъ. Духовенство. А. Холмская епархія православной и б. униатской церкви. I. 1428—1630. Вильна 1899 г.»

Историческій Вѣстникъ № 2. Евгений Шумиорскій. Департаменте бумажъ (стр. 743—747).

Авторъ возражаетъ противъ «проекта основаній архивной реформы», составленнаго г. Самоквасовымъ и доложеннаго имъ XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ въ докладѣ „Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россіи“. По мнѣнію автора, осуществленіе идеи г. Самоквасова можетъ повлечь за собою окончательный разгромъ еще сохранившихся русскихъ историческихъ сокровищъ; созданіе же центральнаго государственнаго архива въ Россіи — практически невозможно и безцѣльно вообще.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» приведены сочувственные отзывы о книгахъ: «В. П. Герленко. Украинскія были. Описанія и замѣтки. К. 1899» и «Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній И. Н. Захарьина (Якунина). Сиб. 1900» (первые было помѣщ. на стр. „Русской Старины“).

Русская Старина № 2. В. Шенрокъ. Пушкинъ и Гоголь (стр. 383—392).

Авторъ отмѣчаетъ сходныя черты въ литературной дѣятельности обоихъ великихъ писателей: художественный инстинктъ и стремленіе къ реализму; и тотъ, и другой «параллельно и по одинаковымъ дорогамъ, послѣдовательно и одновременно, совершали поворотъ въ сторону сближенія ихъ творчества съ дѣйствительною жизнью»... Остановившись вкратцѣ на личныхъ отношеніяхъ Пушкина и Гоголя, авторъ заключаетъ статью своею пожеланіемъ, чтобы послѣднему, подобно Пушкину и Лермонтову, скорѣе была воздана «мѣдная хвала».

Н. К. Козминъ. Николай Полевой и его отношенія къ цензурѣ. (стр. 415—432). Авторъ приводитъ любопытные факты, касающіеся личности Н. Полевого, преимущественно какъ издателя «Московского Телеграфа». Особенно характерно отношеніе цензурн. комитета къ одной изъ статей С. Руссова, вызванной критическимъ разборомъ «Исторія Малой Россіи» Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, помѣщеннымъ въ №№ 17 и 18 «Московского Телеграфа» 1830 г. п, какъ утверждаютъ, написаннымъ Полевымъ. Въ разборѣ между прочимъ говорилось, что «Малороссія, не сдѣлавшись донинѣ Русью, никогда не была частью древней Руси, точно такъ же, какъ Сибирь и Крымъ»: языкъ, одежда, обликъ лица, бытъ, жилище, мнѣнія, повѣрья, непріятное отношеніе къ «москалю» — свидѣлствуетъ, по мнѣнію Полевого, объ отчужденности этого народа отъ «насъ, чистыхъ руссовъ». С. Руссовъ, совершенно расходясь во взглядахъ съ Полевымъ, оспаривалъ его мнѣнія, изложенныя въ цитированной статьѣ и приводилъ выдержки изъ послѣдней. «Замѣчанія» Руссова вызвали недоумѣніе цензурнаго комитета. «Какъ антикритика», — статья, по мнѣнію комитета, «изложена въ самомъ благопріятномъ духѣ»; но дозволить ее напечатать было затруднительно потому, что г. Руссовъ, оспаривая мнѣнія «Московского Телеграфа», приводитъ подлинными словами многія мѣста изъ опро-

вергаемой имъ статьи, и «мѣста сіи, не столько сами по себѣ, но и вся означенная статья, по духу своему, можетъ имѣть вредное вліяніе на умъ читателей многихъ областей, съ XVII вѣка возвращенныхъ Россіи. Авторъ утверждаетъ, что малороссіяне, бѣлорусцы, казаки (донскіе) и прочіе — не русскіе! Видитъ въ нихъ какую-то особенную народность и мѣстность и т. д.» Послѣ долгаго засѣданія, посвященнаго разрѣшенію возникшаго мудреннаго вопроса, комитетомъ постановлено было обратиться къ министру Ливену, отвѣтившему, что «въ виду желанія Руссова опровергнуть мѣста, несогласныя съ правилами о цензурѣ» и «показать несправедливость оныхъ», рукопись г. Руссова можетъ быть дозволена къ напечатанію.

Петербургъ въ 1831—1832 гг. (По письмамъ провинціала.) (стр. 477—490), съ предвсловіемъ В. Срезневскаго.

Помѣщены 7 писемъ И. Р. Росковшенка 1831—1832 годовъ къ его университетскому товарищу Измаилу Ив. Срезневскому, сначала въ Харьковъ, затѣмъ въ Екатеринославскую губ. Предпосланныя письмамъ біографическія данныя о корреспондентѣ представляютъ цѣнный матеріалъ для біографіи И. В. Росковшенка.

Літературно-Науковий Вістник № 1. Езшан-зілле. Поема Миколи Вороного (стр. 1—3). Поема основана на историческомъ преданіи.

Жидівська дитина. Новеля Наталі Кобринскої (стр. 4—17). Художественная картинка изъ жизни галицкихъ евреевъ.

Пережресні стежки. Повість Івана Франка (стр. 18—38). (Продолженіе слѣдуетъ).

Героємъ повѣсти является адвокатъ-идеалистъ, поселившійся въ одномъ изъ провинціальныхъ галицкихъ городовъ. Въ повѣсти, на писанной съ присущей г. Франку талантливостью, ярко обрисованы типы мѣстной бюрократіи.

Вечерній сьвіт. Оповідання Бориса Грінченка (стр. 39—46).

Злодій. Різдваєне оповідане *Вячеслава Потапенки* (стр. 46—60).

Исторія о томъ, какъ выдающаяся въ селѣ личность, стоящая на стражѣ интересовъ своей громады, по проискамъ темныхъ силъ теряетъ авторитетъ, превращается въ «злодія», пока наконецъ не опускается совершенно.

Чудо Пури-Багата. Оповідане Р. Кіплінга. З англійського переклада Г. Альбова (стр. 61—73).

Гріх. Сцени Дани Пшибишевської. З польского переклав Володимир Гнатюк (стр. 74—89).

Міщани і селяни. *Нарис із повісти Еміля Золя «Fécondité».* З французького переклав Іван Франко (стр. 90—101).

Отривокъ изъ послѣдняго романа Золя «Плодородіє».

Атта Троль. Сон літньої почі. Поема Генріха Гайне. Переклала Леся Українка. (стр. 102—112). (Окончаніє слѣдуєть). Переводъ сдѣланъ превосходно.

Наталія Кобринська. М. Грушевський (стр. 1—23).

Біографическій очеркъ и характеристика литературной дѣятельности выдающейся галицкой писательницы. Къ статѣ приложенъ портретъ г-жи Кобринской.

Жіноча доля в сучасній німецькій літературі. Е. Деген. (стр. 24—30).

Авторъ излагаєть преимущественно взгляды Гаушмана на положеніє женщины.

Людові університети. Евген Косевяч (стр. 31—53).

Изложивъ вкратцѣ исторію и дѣятельность народныхъ университетовъ въ Англіи, въ Даніи, а также въ Вѣнѣ, Прагѣ и имени Ах. Мицкевича въ Галиціи, авторъ развиваєть планъ устройства подобнаго упомянутымъ народнаго университета для украинскаго населенія Галиціи, который (университетъ) находясь въ извѣстной зависимости отъ товариства «Просвѣта», будетъ устраивать общедоступныя лекціи по селамъ, мѣстечкамъ и небольшимъ городамъ. Первоначальныя (незначительныя, пожадуй) средства для этого уже собраны.

Из чужихъ літератур. 1) *Нова повість Е. Золя «Fécondité».* 2) *Соті роковини уродин Генріха Гайне.* Іван Франко (стр. 54—58).

Малюнки Івана Труша. Іван Франко (стр. 59—63).

Критическая оцѣнка художественной дѣятельности талантливаго галицко-русскаго художника І. Труша, произведенія котораго обратили на себя вниманіє художниковъ и польской прессы на выставкѣ конца 1899 г. въ залахъ львовскаго Общества изящныхъ искусствъ.—По характеру живописи, г. Трушъ прекрасный пейзажистъ.

Хроніка і бібліографія. (Стр. 64—80). Въ отдѣлахъ: «Літературні вісти і уваги», «Нові книжки», «З газет і журналів», «Персоналія», «З науки і шутки», «Із суспільного життя»,—помѣщено много очень интереснаго матеріала изъ общественно-политической и литературно-культурной жизни Галиціи и Украины.

То-же № 2. *Наш альбом* (стр. 113—120). Стихотворенія: «Молитва» Куліша, «Гінатія» Г. Комаровой, «Недбалість» Ф. Ганнусенка, «Із поезій» С. В., «З двів журби» — Марка В-а.

Образки з туцульського життя (стр. 121—137). I. Злодія зловили II. *Раз мати родила!*

Картинки изъ сельской жизни.

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (стр. 138—164). (Продолженіє).

Над усіх ненормальні. Оповідане Ол. Катренка (165—182).

Із оповідань Людвіка Тома. I. *Тверді чолови*. II. *Смерть*. З німецького переклав В. Стефаник (стр. 183—188).

Із помертвих оповідань Гі де Мопасана. I. *Весняним вечером* (Par un soir de printemps). II. *Батько Мільон* (Le père Millon) III. *Коло помершої* (La veillée). З французького переклала Марія Грушевська (стр. 189—203).

Атта Троль. Сон літньої ночі. Поема Генріха Гайне. Переклала Леся Українка (стр. 204—228). (Окончаніє).

Розвід в минушості й теперешності. З поводу нового німецького кодекса. Подав П. Рондяк (стр. 81—107).

Статья о разводѣ, составленная преимущественно на основаніи статьи проф. Загоровскаго: «О разводѣ по общегерманскому уложенію», 1899 г.

Новини нашої літератури. I. Левницькій. Повісти и оповидання т. I, зъ портретомъ автора. Спб. 1899. Обстоятельная рецензія Д. Ч. (стр. 108—118).

II. «Страшный ворогъ». Книжка про горилку. Написала М. Загирня. Выходяне Б. Гринченка. № 45. Чернигивъ, 1900. *Іван Липа* (стр. 118—124).

Рецензія на интересную брошюру М. Загирнов о вредѣ алкоголя. Рецензентъ указываетъ на нѣкоторые недочеты въ брошюрѣ, — съ точки зрѣнія медицинны.

З російської України. I. *Сумний стан теперішньої української театру*. *Драматичні твори* Сластина. Гната Хоткевича (стр. 125—135).

Разборъ крайне слабыхъ драматическихъ писаній плодовитого молодого драматура — Сластина.

Журнал і публіка. Ів. Франко (стр. 136—146).

Любопытная статистика степени распространения въ Галиціи и за ея предѣлами журнала «Літературно-Науковий Вістникъ» въ 1898 и 1899 годахъ. Оказывается, что наибольшій процентъ подписчиковъ (около $\frac{1}{3}$) составляло духовенство, затѣмъ—народные учителя.

«Хроніка і бібліографія» (стр. 147—160) по обыкновенію даетъ очень много интереснаго матеріала изъ современной жизни.

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 1. *Протоколъ засѣданія физико-математическаго общества 28 января 1899 года.* Докладъ проф. Н. А. Оболенскаго: *Курганныя раскопки въ Херсонской губ.* (стр. 78—88). Объ этомъ см. Кіев. Стар. 1899 г., кн. 4, Археологическая лѣтопись, стр. 56.

Русская Школа № 1. Въ отдѣлѣ „Критика и бібліографія“ помѣщенъ сочувственный отзывъ о трудѣ В. Харламовича „Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в. Отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань, 1898“.

Slovanský přehled № 4 (1).

Dr. Ivan Franko. *Leša Ukrajinka* (Леся Українка) (стр. 161—162). (Объ этомъ см. Кіев. Стар. 1900 г., кн. 2, стр. 120—121).

Růžena Iesenská: Z nove poesie rusinské. Leša Ukrajinka (стр. 163—169). (См. тамъ-же).

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 205) упоминается вкратцѣ о литературной полемикѣ въ Россіи по поводу малорусскаго языка о постановкѣ памятника Котляревскому въ Полтавѣ, о сборахъ на мостроеніе украинскаго театра во Львовѣ.

То-же № 5 (2).

Въ отдѣлѣ „Rozhledy a zprávy“ (стр. 244—246) приводятся данныя статистики эмиграціи изъ Галиціи,—по преимуществу русиновъ; упоминается о результатахъ археологическаго съѣзда,—«неутѣшительныхъ, не малой причиной чему послужили старанія нѣкоторыхъ русскихъ участниковъ съѣзда не допустить малорусскій языкъ на съѣздѣ»; о крупныхъ партійныхъ перемѣнахъ въ Галиціи, народномъ съѣздѣ и выработанной имъ программѣ дѣйствій.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 2 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья А. Л. «Начало года въ Малороссіи» (Изъ народно-бытовой жизни).

Авторъ знакомитъ читателей съ нѣкоторыми наиболѣе характерными обычаями, обрядами и повѣрьями, соединяемыми съ началомъ новаго года: щедрый вечеръ, щедривки, гаданья подъ новый годъ посыпанье, голодная кутя, Иордань.

Въ № 3 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья А. Л. «Праздникъ Срѣтенія Господня въ Малороссіи». Авторъ, указавъ на стремленіе народа къ олицетвореніямъ явленій природы, и къ освященію всей бытовой обстановки высшими религіозными, христіанскими идеями, отмѣчаетъ наиболѣе характерные факты послѣдняго: «Стричене» (зима съ лѣтомъ стричается), «Громницы», освященіе воды на Срѣтеніе и ея примѣненіе, какъ медицинскаго средства (отъ «прыстрита»).

Въ № 4 «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья А. Т. «Церковно-приходская школа и католики—малороссы».

Авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что среди болѣе чѣмъ двухмилліоннаго населенія Подоліи—православныхъ малороссовъ есть около 20 тыс. католиковъ-малороссовъ, у которыхъ и происхожденіе, и исторія, и языкъ общи,—разницъ лишь въ вѣроисповѣданіи. Они живутъ и теперь, какъ и прежде, общею жизнью, общими интересами, говорятъ на одномъ и томъ-же родномъ языкѣ.

Въ № 6 «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» г. Н. Я. помѣстилъ некрологъ Николая Сильвестровича Гогоцкаго,—уроженца и дѣателя Подоліи. Упоминается, что онъ «глубоко интересовался общеславянскимъ вопросомъ и дѣломъ православія за границей и въ Холмской Руси». Изъ трудовъ его упоминаются между прочимъ: статья о народныхъ дѣателяхъ въ Галиціи—«Святоюрцахъ» (Под. Еп. Вѣд. 1883, № 11), «Духовенство Подольской епархіи въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія» (въ 8 вып. «Трудовъ Подольск.

Епарх. [Ист.-Стат. Комитета]), «Замѣтка по поводу записокъ А. А. Солтановскаго («Кіевск. Стар.» 1895, кн. XI).

Въ 1—4 «Волинск. Епархіальн. Вѣдомостей» — продолженіе «Историко-статистическ. описанія церквей и приходовъ Волинской епархіи» (Ковельскій у.).

Въ № 63 и 64 пр. года «Полтавск. Губ. Вѣдомостей» помѣщена статья Б. Бучневича «Матеріалы для исторіи соборной Успенской церкви въ г. Полтавѣ». Авторъ, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ старыхъ архивныхъ дѣлъ Полтавской городской полиціи за 1752—1753 годы, сообщаетъ интересныя и подробныя свѣдѣнія о постройкѣ соборной церкви въ Полтавѣ, начатой еще въ 1748 году.

Въ кн. 11 пр. г. «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» начать печатаньемъ трудъ О. Б. «Женщина въ малорусскихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ» (стр. 72—75).

Въ 26 вып. «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», Тифлисъ, 1899 г., стр. 156—157—помѣщенъ некрологъ Н. И. Гулака. Приведены точныя свѣдѣнія о его служебной дѣятельности.

Въ № 1—2 январскаго ежемѣсячнаго приложенія къ газетѣ «Жизнь и Искусство» помѣщена статья А. Д—каго, съ приведеніемъ біографическихъ данныхъ и оцѣнкой драматической дѣятельности извѣстнаго нашего драматурга и артиста Ивана Карповича Тобилевича (Карпенко-Караго).

Подобныя же статьи помѣщены въ № 3—4 февральскаго приложенія къ той же газетѣ: В. Мировца — посвященная Николаю Карповичу Тобилевичу (Садовскому) и С. Е—ова — Афанасію Карповичу Тобилевичу (Саксаганскому). Указанныя статьи заключаютъ въ себѣ очень цѣпныя данныя для исторіи развитія украинскаго театра. Ко всѣмъ тремъ статьямъ приложены портреты артистовъ.

Въ № 2 журнала «Slovanský přehled» помѣщенъ некрологъ безвременно угасшаго неутомимаго дѣятеля, Франтишка Ржегоржа, принадлежащій перу Адольфа Черны (Černý).

Кромѣ біографическихъ свѣдѣній, приводятся указанія, въ какихъ изданіяхъ и что помѣщалъ покойный о галицкихъ русинахъ.

«Літерат.-Науков. Вістникъ», кн. II, сообщаетъ, что съ начала текущаго года произошли нѣкоторые перемѣны въ области галицко-русской журналистики. Журналъ «Будучність», выходившій два раза въ мѣсяцъ начиная со второй половины 1899 г., прекратилъ свое существованіе. На мѣсто его явилось два новыхъ: «Молода Україна» (о 1-мъ № см. предыдущ. кн. Кіевск. Стар., стр. 123—4), и «Воля» — органъ укр.-русскихъ социаль-демократовъ, двухнедѣльный. Популярный еженедѣльный журналъ «Свобода» началъ печататься фонетическимъ правописаніемъ; редакторомъ его состоитъ д-ръ О. Охримовичъ, бывшій редакторъ «Будучности». Также и американская «Свобода» начала печатать фельетоны фонетическимъ правописаніемъ. Фельетону предшествуетъ вступительная статья «Щиім фонетякою», въ которой поясняется, отчего нѣкоторые противъ нея и почему слѣдуетъ придерживаться этого правописанія.

Вышеприведенныя извѣстія пополняются любопыт. свѣдѣніями корреспонд. Сѣв. Кур.: «Во Львовѣ съ новаго года появились два новыя изданія, посвященныя интересамъ учащейся молодежи: польскій «Promień» и малорусскій «Молода Україна». Оба изданія, призванныя служить, главнымъ образомъ, цѣлямъ научнаго и общественнаго развитія молодежи, безъ различія пола, производятъ выгодное впечатлѣніе своимъ содержаніемъ, дешевизной и выѣшностью. Интересно въ нихъ и то, что въ обоихъ изданіяхъ нѣтъ и слѣда національнаго шовинизма, который за немногими исключеніями такъ характеренъ для галицкихъ дѣятелей печати. Молодые органы по-братски привѣтствуютъ другъ друга и горячо рекомендуютъ своимъ читателямъ: «познать все, чтобы все полюбить, и полюбивши работать неустанно, горячо, всей молодой силой, всю жизнь», — вотъ девизъ, избранный обоими изданіями.

Въ №№ 22, 23 и 24 львовскаго журнала «Учитель» помѣщена статья Ант. Павенцкаго «Початокъ і розвій шкільництва на Русі».

Отмѣтивъ лѣтописныя указанія на существованіе школьнаго дѣла на Русі еще съ XI вѣка, авторъ останавливается на ставропольскомъ братствѣ и его школѣ, указываетъ на значенія послѣдней для

всей Юго-Западной Руси. Въ заключеніе, авторъ въ краткихъ словахъ говорить о положеніи школьнаго дѣла въ Галицкой Руси въ XVIII и XIX в.в.

Въ № 2 за 1899 г. журнала «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde» профес. берлинск. университета А. Брикнеръ помѣстилъ обзоръ этнографическихъ работъ у славянскихъ народовъ (кромѣ Россіи) подъ загл. „Slavische Volkskunde Übersicht periodischer Publikationen bei Böhmen, Bulgaren, Kleinrussen, Polen, Serbo-Kroaten, Slovaken, Slovenen“. Изъ украинско-русскихъ изданій профес. Брикнеръ отмѣчаетъ съ большой похвалою 5 томовъ «Этнографічного Збірника», 1 томъ «Етнологічнихъ Матеріалівъ» и т. І. Франка «Апокріфи і легенди з українськихъ рукописів».

Ор. Авдикович. Поэзия і проза. Львів, 1899. Накладомъ А. Хойнацького, стр. 158, in 8°. Ціна 80 кр. (Содержаніе: 1. Поэзия і проза. 2. Матвій Цюма. 3. З балю. 4. Химери. 5. Штири нові. 6. Імняний панни Зинівіі. 7. Проблеми).

Библиографическій указатель литературы о Кубанской области, Кубанскомъ козачьемъ войскѣ и Черноморской губерніи. Отдѣлъ І. Археологія, нумизматика, археографія, исторія, историческіе планы и карты, біографіи, некрологи и правительственныя распоряженія. Отдѣлъ ІІ. Географія, этнографія, статистика, естествознаніе и медицина. Составилъ Е. Д. Фелицынъ, при участіи В. С. Шамрая. Екатеринодаръ 1899 г., 1—119—217.

Библиотека З крайцарова. Выпускъ І. Коломыя. Накладомъ печатнѣ М. И. Бѣлоуса, 1899, стр. 16, in 8°. (Содержаніе: 1. На тлѣ прозрачнаго неба,—картина 2. И за що,—розказъ. 3. Тельеграма зъ перебутого,—всѣ три г. Демона (псевд.).

Hanns Weber-Lutkow. Schlummernde Seelen. Geschichten aus Kleinrussland. Linz und Leipzig. 1900, 1—109. Ц. 1 fl, 20 kr.

Винклеръ (фонъ), П. И. Гербы городовъ, губерній, областей и посадовъ Россійской имперіи, внесенные въ полное собраніе законовъ съ 1649 по 1900 годъ. Сиб. 1899 г. Ц. 10 р.

Словацький опришокъ Яношікъ в народній поезіі. Подав *Володимир Гнитюк*. Львів, 1900, стр. 50, in 8°. (Відбитка з XXXI—П т. Записок).

Десять казокъ для діточокъ. Збірка з уст народа на Буковині. Чернівці, 1900, 1—40. Виданне Товариства «Руска Школа», П.

Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній. И. Н. Захарьина (Якунина). Сиб. 1900 г., IV—IV, 1—146, in 16°.

Збірник математично-природописно-лікарської секції Наукового Товариства імені Шевченка. Т. IV. Вип. II. Частина математична. Під редакцією Володимира Левицького. У Львові, 1899. Ціна 50 кр. (Содержаніє: I. Володимир Левицький: Причинок до теорії дробів тяглих групи модулової. II. Его же: Кілька уваг про форму інтерполяційну Lagrange'a; Его же: Кліматичні відношення Тернопілля. 4. Бібліогр. математическ.).

Лепкий. З життя. Збірка оповідань. Накладом українсько-руської видавничої Спільни. Львів, 1899. (ч. 12). (Содержаніє: 1. Поезія. 2. Аванс. 3. Підписався. 4. Для брата. 5. Дідусь. 6. Небіщик. 7. Хлонка. 8. Скапи).

Лихачевъ, Н. П. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Три части. Сибр, 1899 г. Ц. за три ч. съ атласомъ 60 р.

Людові університету. Відчит *Елена Косевича*. Львів, 1900, ст. 23, in 8° (Відбитка з I кн. Л.-Н. Вістника).

Любка, или сватанье въ с. Рихмахъ. Оперетта въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, 1—50.

В. П. Науменко. Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи? (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, 1—31.

Н. М. Донесеніе венеціанца Альберто Вимина о козакахъ и Б. Хмельницкомъ (1656 г.) (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, 1—14.

Национальна бібліотека. ч. 2. Фр. Емелъс: Людві Фаербал. Переклад Будового. Накладом українсько-руської видавничої Спільни. 1899., Львівъ, ст. 62, in 8° Ц. 25 кр.

Про останки первісного комунізму у Бойків-Верховинців у Скільськiм і Долинськiм судовiм повітi. Подав. др. *В. Охримович*. Львів, 1900, стр. 16, in 8° (Одбитка з XXXI—II т. Записок).

Памятная книжка Волынской губ. на 1900 годъ. Подъ ред. Леонтьева. Житомиръ, 1900 г. Ц. 1 р. 30 к.

Пейсерицъ П.—Морозъ.—Переклавъ Гнатъ Галайда. № 6. Харьковъ, 1900 г., in 32°, стр. 1—16. Ціна 2 к.

Ромзевичъ, Н. К. І. Правильное производство слова «человѣкъ». II. Замѣтка о словѣ «Русь» (Одѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ замѣтокъ»). Воронежъ, 1899, 1—16+6+1.

Романовъ Е. Р. Указатель къ неофіціальной части «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» съ 1839 по 1898 годъ. Могилевъ-Губернскій, 1899.

Українські козаки въ 1625—30 рр. Критично-історичні розвідки *Стефана Рудницького*. Львів, 1900, ст. 76, in 8°. (Відбитка з XXXI—II т. Записок).

Симони Павелъ. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. Вып. 1. Спб. 1899 г. Ц. 2 руб.

Синюк Иван. Образки з житя і природи. Чернівці, 1900, 1—48. Видання Товариства «Руска Школа». I.

Словарь російсько-український. Том четвертий. С—V. Зібрали і виорядкували М. Уманецъ і А. Співка. Львів, 1900, 1—238 (з друкарні Наукового Товариства імени Шевченка).

Тутковскій П. Къ геологін Луцкаго уѣзда, Волинской губ. (Оттискъ изъ «Ежегодника по геологін и минералогін Россіи», т. II, вып. 7). Варшава, 1899, in 4°, стр. 1—9.

Kontrakty Kijowskie. Szkic historyczno—obyczajowy (1798—1898). Skreslił *Henrik Ułaszyn*. Sptrb. 1900 г.

Успенскіе, М. Ив. и В. Ив. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Переводы изъ собранія И. В. Тюлина. Спб. 1900. Ц въ папкѣ 35 р.

Рускій сьпіваник. Зібрав *Кость Федьків*. Другий нагляд. Коштом товариства „Просвѣта“. У Львові, 1900., ст. 198, in 8°. Ц. 4 кр.

Уілліям Шекспір. Приборкана гоструха. Комедия в 5 діях з передогою. Переклад П. А. Куліша. Виданий з передмовою і поясненнями Др. Ів. Франка. Накладом українсько-руської видавничої Співки. Львів, 1900, I—XV, 1—117.

Українські письни. Зъ нотами. Зібравъ А. Конощенко. Одесса, 1900 г., 1—136, in 16°. Ц. 30 к.

Юбилейный Сборникъ въ честь Всеволода Фодоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. Подъ редакціей Н. А. Янчука. Москва, 1900, in folio, I—XXII, 1—368 (съ портретомъ юбиляра). Цѣна 3 рубля.



Археологическая лѣтопись.

Къ вопросу о программѣ Кіевского Музея Древностей и Искусствъ.

Мысль о необходимости устройства въ Кіевѣ музея, давно существовавшая среди мѣстнаго общества, получила наконецъ осуществленіе—у насъ есть музей. Въ этомъ отношеніи Кіевъ опоздалъ сравнительно съ нѣкоторыми другими городами, даже небольшими, какъ европейской, такъ и азіатской Россіи, гдѣ давно уже существуютъ областные музеи, носящіе тотъ или другой характеръ. Въ однихъ изъ нихъ, наряду съ собраніями культурно-историческими, получили мѣсто и коллекціи естественно-историческія, другимъ, такихъ большинство, приданъ характеръ хранилищъ почти исключительно памятниковъ старины—таковы музеи, устраиваемые при губернскихъ архивныхъ комиссіяхъ; есть наконецъ музеи, гдѣ преобладаетъ художественная сторона, укажемъ напр., на Саратовскій Радищевскій музей.

Областные музеи, собственно говоря, и должны заключать въ себѣ собранія по всѣмъ тремъ вышеуказаннымъ отдѣламъ, должны собирать все, что такъ или иначе характеризуетъ край, въ его прошломъ и настоящемъ, не забывая при этомъ и обще-образовательныхъ цѣлей. Эти послѣднія, само собой разумѣется, немного расширяютъ программу музеевъ, раздвигая рамки за предѣлы данной области, но въ этомъ отношеніи интересно, главнымъ образомъ, лишь то, что является наиболѣе характернымъ для другихъ областей, странъ, частей свѣта.

Въ большихъ центрахъ, гдѣ много научныхъ и художественныхъ силъ, гдѣ налицо и сравнительно большія матеріальныя средства, возможна и болѣе широкая постановка дѣла, выражающаяся въ спеціализаціи различныхъ отраслей знанія и искусства, путемъ устройства самостоятельныхъ музеевъ.

Такъ поставлено дѣло во многихъ большихъ городахъ за границей, въ такомъ положеніи, отчасти, находится оно и въ нашихъ столицахъ. Здѣсь мы имѣемъ музеи естественно-историческіе, историческіе и археологическіе, этнографическіе, изящныхъ искусствъ и, наконецъ, художественно — промышленные. Каждый изъ нихъ, помимо общихъ, преслѣдуетъ свои особыя цѣли, для развитія каждый требуетъ особой организаціи, для завѣдыванія — специалистовъ по той или другой отрасли.

При менѣе благоприятныхъ условіяхъ для такой спеціализаціи музеевъ, всѣ ихъ разновидности могутъ быть сведены къ двумъ большимъ группамъ, первую изъ которыхъ составляли-бы собранія *естественно-историческія*, вторую — *культурно-историческія*.

Намъ кажется, что г. Кіевъ именно и нужно отнести къ числу тѣхъ городовъ, гдѣ музеи могутъ осуществиться въ только что указанной формѣ. На большее не хватитъ силъ. Что касается собраній естественно-историческихъ, то мысль о такого рода музеѣ была поднята лѣтъ десять тому назадъ въ Кіевскомъ Обществѣ Естествоиспытателей; по проекту Общества рамки музея даже были расширены за предѣлы естественно-исторической области. Впослѣдствіи, мысль эта была забыта и проектъ музея украсилъ собой очень длинный рядъ нашихъ «благихъ начинаній». Такого рода музей могли бы исполнѣ замѣнить существующія при университетахъ кабинеты и обранія; одно время они были доступны для публки, теперь же почему-то закрыты и кіевлянамъ предоставлены для удовлетворенія своей любознательности наѣзжающіе время отъ времени «напоптыкумы»... Мы не знаемъ причинъ такого рѣшенія, но онѣ, если и существуютъ, не представляются настолько серьезными, чтобы ради нихъ совершенно закрыть доступъ. Какъ на примѣръ, укажемъ на Варшавскій университетъ, гдѣ нѣсколько разъ въ недѣлю открытъ для всѣхъ зоологическій кабинетъ, привлекающій массу публки; повидимому, это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ правильному функціонированію учрежденія ¹⁾.

¹⁾ Мы имѣемъ свѣдѣнія, что по устройствѣ кабинетовъ Кіевского политехническаго института, предполагается открыть ихъ и для посторонней публки, — можно только порадоваться такому намѣренію; единственное неудобство, съ которымъ

Перейдемъ теперь ко второй группѣ—собраніямъ культурно-историческимъ. Для нихъ уже есть мѣсто—Музей Древностей и Искусствъ. Мы въ общихъ чертахъ и постараемся намѣтить программу его дѣятельности, поскольку таковая представляется намъ болѣе подходящей при мѣстныхъ условіяхъ. Отдѣлы, которые должны совмѣщать въ себѣ музей, по нашему мнѣнію, слѣдующіе: антропологическій, историческій, съ подраздѣленіемъ на памятники доисторическіе и историческіе, художественный, художественно-промышленный и этнографическій.

Позволяемъ себѣ вѣскольکو подольше остановиться на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Въ виду того положенія, какое заняла въ послѣднее время *антропология*, понимая этотъ терминъ въ его широкомъ значеніи когда антропологи посвящены спеціальныя школы, когда устраиваются спеціальныя антропологическіе музеи, нечего и думать поставить въ цѣломъ объемѣ этотъ отдѣлъ въ музей, придавъ ему самостоятельное значеніе,—это значило-бы включить въ него и доисторическую археологію и этнографію. Роль этого отдѣла, по нашему мнѣнію, должна ограничиться болѣе скромной задачей: собирать и хранить антропологическій матеріалъ, относящійся, главнымъ образомъ къ прошлому населенію края, не исключая, конечно, и цѣлей общеобразовательныхъ, для чего въ отдѣлѣ могутъ занять мѣсто и предметы, характеризующіе физическую сторону современнаго населенія, сравнительныя коллекціи и таблицы и т. п. Составляющія необходимую принадлежность антропологическихъ музеевъ коллекціи по первобытной культурѣ какъ прошлой, такъ и современной, найдутъ себѣ мѣсто въ отдѣлахъ археологическомъ и этнографическомъ.

Одно изъ самыхъ видныхъ, если не самое видное мѣсто въ музей, долженъ занять *отдѣлъ историческій*. Всѣ условія къ этому валицо: многовѣковая древность Кіева, бывшаго культурнымъ центромъ обширной области, въ зависимости отъ этого масса древностей, оставленныхъ различными народностями, жившими подолгу или бывшими временными гостями южно-русскихъ степей. Внолиѣ справедливо замѣтилъ одинъ изъ видныхъ русскихъ археологовъ, что въ Россіи, по богатству археологическихъ находокъ, первенствуютъ только Черноморское побережье, Кавказъ и Кіевская область.

придется считаться,—это удаленность института отъ наиболѣе населенныхъ городскихъ центровъ.

Уже и теперь въ музеѣ положено солидное основаніе для древне-каменной эпохи коллекцій, прибрѣтенной у г. Хвойко, есть много предметовъ по ново-каменному вѣку и по переходной эпохѣ отъ камня къ металлу. Не заставятъ себя долго ждать памятники скифскіе и скифосарматскіе—нѣсколько коллекцій, преимущественно заключающихъ эти памятники, уже обѣщаны музею,—останется лишь дополнять ихъ; несомнѣнно, съ теченіемъ времени, можно будетъ подобрать коллекцію и типичныхъ предметовъ эпохи переселенія народовъ. Затѣмъ идутъ древности славянскія какъ языческаго періода, такъ и христіанскаго, княжескаго. Гдѣ-же ихъ и собирать, какъ не въ Кіевѣ? По отношенію къ памятникамъ велико-княжеской эпохи, Кіевъ и Кіевская область занимаютъ единственное положеніе—собраніе этихъ памятниковъ можетъ быть составлено по широкой системѣ, подобрано въ деталяхъ—матеріаль найдется. Гораздо труднѣе будетъ идти составленіе коллекцій для послѣдующихъ вѣковъ, вплоть до настоящаго времени. Здѣсь придется считаться съ тѣмъ, довольно страннымъ на первый взглядъ, фактомъ, что чѣмъ ближе эпоха къ намъ по времени, тѣмъ меньше сохранилось памятниковъ ея матеріальной культуры, принимая, конечно, это положеніе съ нѣкоторыми ограниченіями. Но можно надѣяться, что постепенно будетъ пополняться и этотъ отдѣлъ.

Прилагая къ организаціи историческаго отдѣла тѣ цѣли, которыя должны лечь въ основу общей организаціи музея,—цѣли чисто научныя и общеобразовательныя, необходимо придется вести и собраніе въ двухъ направленіяхъ: для научнаго изученія памятниковъ старины интереснѣе всего будутъ памятники мѣстные; ихъ здѣсь, на мѣстѣ, можно собирать систематически, не оставляя безъ вниманія даже мелочей—для науки интересна каждая мелочь. Въ видахъ-же знакомства публики съ характерными особенностями памятниковъ старины и другихъ областей Россіи, а также и другихъ странъ, необходимо включить въ собранія музея и таковыя, но включить съ извѣстнымъ выборомъ—мелочи для этой цѣли излишни, онѣ лишь будутъ служить помѣхой.

Слѣды за совершенствованіемъ тѣхъ или другихъ предметовъ на цѣломъ протяженіи вѣковъ, слѣды за усиѣхами техники въ ихъ изготовленіи, мы замѣчаемъ также какъ все съ большей и большей силой проявляется на нихъ и то стремленіе къ красотѣ, которое инстинктивно чувствовалось уже человѣкомъ каменнаго вѣка, имѣв-

шемъ нѣ своемъ распоряженіи для проявленія этого чувства лишь кусокъ кости, да комокъ глины. Постепенно совершенствуюсь, это чувство красоты еще въ очень отдаленныя отъ насъ времена приблизилось къ современному пониманію искусства. Не отвлекаясь въ сторону, не выходя за предѣлы нашей области, мы можемъ указать на образчики искусства греческихъ черноморскихъ колоній, на нѣкоторые предметы эпохи переселенія народовъ, наконецъ, на памятники княжеской эпохи. Все это можно будетъ найти въ историко-археологическомъ отдѣлѣ и все это можетъ служить естественнымъ переходомъ къ чисто *художественному отдѣлу*. Трудно конечно опредѣлить, что должно войти въ этотъ отдѣлъ—все, что носитъ печать художественности, что можетъ доставить эстетическое наслажденіе, что будетъ вліять на развитіе вкуса, свое или чужое—все это желательно для отдѣла. Конечно и здѣсь систематичность, подборъ играютъ не меньшую, если не большую роль, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ, но осуществленіе этихъ задачъ очень трудно, требуетъ большихъ матеріальныхъ жертвъ; для примѣра возьмемъ хотя-бы устраиваемый въ настоящее время Московскій музей изящныхъ искусствъ—Кіеву еще пока печего и мечтать о такомъ учрежденіи. Но какъ бы тамъ ни было, если будетъ хотя и небольшой отдѣлъ, посвященный искусству, составленный изъ оригиналовъ и, главнымъ образомъ, копій, онъ все-таки сослужитъ свою службу для болѣе широкихъ классовъ публики, лишенныхъ до сихъ почти совершенно возможности видѣть и изучать образчики изобразительнаго искусства и развиваться въ этомъ направленіи, результаты чего сказываются даже во внѣшней фізіономіи города. Устройство художественнаго отдѣла, быть можетъ, повліяетъ также и на мѣстные художественныя силы, повліяетъ въ смыслѣ объединенія ихъ, привлеченія новыхъ, подвигнетъ на болѣе интенсивную работу...

Въ тѣсной связи съ двумя предыдущими отдѣлами находятся и предполагаемый къ устройству *художественно-промышленный отдѣлъ*. Если мы примемъ въ соображеніе, что въ давнее время искусство носило, главнымъ образомъ, прикладной характеръ, то отсюда ясно, что историческій отдѣлъ музея, заключая образчики подобнаго рода, этимъ самымъ составитъ какъ-бы часть художественно-промышленнаго отдѣла. То-же самое, въ извѣстной степени, относится и къ художественному отдѣлу.

Въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса за под-
нятіе нашихъ ремеслъ, путемъ внесенія въ нихъ элемента художе-
ственности. Сильное развитіе въ послѣднія десятилѣтія фабричнаго
производства, выпускавшаго на рынокъ миллионы предметовъ, изго-
товленныхъ по шаблану, съ самыми жалкими намеками на красоту,
имѣло результатомъ притупленіе въ массѣ стремленій къ изящному,
извращеніе вкуса, полное обезличеніе тѣхъ многочисленныхъ пред-
метовъ домашняго обихода, съ которыми намъ ежеминутно приходится
имѣть дѣло и которые помимо воли дѣйствуютъ на насъ своимъ ви-
домъ, формами, красками. Протесты отдѣльныхъ личностей противъ
такого направленія промышленности переходятъ наконецъ въ болѣе
обширные круги общества, художники также идутъ навстрѣчу этому
движенію, принимаются мѣры и правительствомъ въ формѣ устрой-
ства художественно-промышленныхъ школъ и музеевъ. Въ виду всего
этого, устройство художественно-промышленнаго отдѣла музея будетъ
отвѣтомъ на насущные запросы жизни, практическіе результаты не
замедлятъ сказаться. Вышеприведенныя соображенія заставляютъ по-
ставить этотъ отдѣлъ возможно полнѣе и шире, чтобы онъ охватилъ
возможно большее число отраслей индустріи. Какъ мы уже упоминали,
матеріалъ для художественной промышленности прошлаго найдется
въ отдѣлахъ историческомъ и художественномъ, но, помимо этого,
для укомплектованія отдѣла, необходимо будетъ привлечь образчики
современнаго-художественнаго производства и, по возможности, собрать
демонстративныя коллекціи по техникамъ различныхъ производствъ,
чтобы посѣщающій музей, кромѣ впечатлѣній отъ осмотра художе-
ственныхъ образцовъ, могъ вынести и нѣкоторыя практическія по-
знанія. Эти соображенія заставляютъ насъ пожелать художественно-
промышленному отдѣлу возможно полнаго и разнообразнаго содержанія.

Послѣдній отдѣлъ музея, который будетъ служить необходимымъ
дополненіемъ къ вышеперечисленнымъ, — *отдѣлъ этнографическій*.
Само-собой разумѣется, что здѣсь придется обратить главное и почти
исключительное вниманіе на внѣшнюю, матеріальную сторону на-
родной жизни. Народъ является единственнымъ хранителемъ прошлаго:
въ его постройкахъ, костюмахъ, предметахъ домашняго обихода, въ
тѣхъ орнаментахъ, которыми онъ украшаетъ свои нехитрыя подѣлки,
можно еще замѣтить слѣды прошлаго, они носятъ печать ориги-
нальности, самобытности, въ нихъ сказывается характеръ народа, его
отличительныя черты. Однако, новыя условія жизни, новыя потреб-

ности, не смотря на консервативность народа, постепенно вытѣсняютъ эти остатки прошлаго. Особенно въ послѣднее время нивелировка, сказывающаяся прежде всего на матеріальной сторонѣ быта, идетъ быстрыми шагами, и недолго вѣроятно придется ждать того времени, когда наступитъ въ этомъ отношеніи полное обезличеніе народныхъ группъ. Вотъ почему необходимо теперь, пока еще не поздно, позаботиться о сохраненіи этого наслѣдія прошлаго. Этнографическій отдѣлъ, помимо чисто научнаго интереса, можетъ служить также поставщикомъ матеріала и для художника и ремесленника, такимъ образомъ, и онъ находится въ неразрывной связи съ другими отдѣлами, служа къ всестороннему освѣщенію исторіи культуры, поскольку дѣло касается матеріальной и художественной сторонъ ея. О необходимости устройства этого отдѣла можно судить по примѣру—въ музей императора Александра III, посвященномъ, главнымъ образомъ, искусству, рѣшено въ послѣднее время образовать также и этнографическій отдѣлъ.

Мы коснулись въ общихъ чертахъ тѣхъ отдѣловъ, на которые, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ разбить музей; вся совокупность ихъ составить одно цѣлое, связанное общей идеей.

Но такому учрежденію какъ музей необходимъ еще одинъ отдѣлъ, имѣющій и самостоятельное значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предназначенный обслуживать и дополнять также всѣ другіе отдѣлы. Имѣемъ въ виду *библіотеку*.

Самостоятельное значеніе ея ясно само собой, что же касается ея служебной роли, то мы расчленимъ ее по отношенію къ каждому изъ отдѣловъ.

Для историческаго отдѣла желательно имѣть по возможности полный подборъ литературы, касающейся мѣстныхъ древностей, а также необходимыя сочиненія общаго характера по данному предмету, руководства и справочныя изданія. Для доставленія полной возможности научнаго изученія памятниковъ мѣстной старины большую услугу можетъ оказать *археологическій архивъ*, гдѣ-бы сосредоточивались свѣдѣнія, описанія, рисунки, фотографіи и слѣпки съ предметовъ, найденныхъ въ районѣ, охватываемомъ музеемъ, и хранящихся въ другихъ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ. Сюда-же могутъ быть присоединены и отдѣльные *сборники* для той или другой мѣстности, заключающіе различнаго рода матеріалы, какъ напр. планы, общіе виды, виды отдѣльныхъ построекъ и т. п., предста-

влявшіе бы въ совокупности наглядную исторію данной мѣстности. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто долженъ занять конечно Кіевъ съ его многовѣковымъ прошлымъ, матеріала для такого сборника для г. Кіева найдется достаточно, но въ настоящее время онъ такъ разрозненъ, разбросанъ, что пользоваться имъ нѣтъ никакой возможности.

Въ виду трудности устройства художественнаго отдѣла, бібліотека явится существеннымъ дополненіемъ его. Здѣсь уже представляется полная возможность составить систематическіе альбомы снимковъ съ произведеній искусства, образовать отдѣлы гравюръ, рисунковъ, прибавить сюда художественные узоры, сочиненія по теоріи и исторіи изобразительнаго искусства.

Въ этомъ-же направленіи долженъ комплектоваться и отдѣлъ бібліотеки, посвященный художественной промышленности.

По отношенію къ этнографическому отдѣлу, помимо печатныхъ источниковъ, должно быть организовано и коллекціонированіе рисунковъ и фотографій съ предметовъ народнаго быта, типичныхъ костюмовъ, построекъ, произведеній народнаго искусства и т. п.

Не лишнимъ будетъ въ бібліотекѣ и отдѣлъ образчиковъ цвѣтъ, особенно снабженныхъ заставками и вообще орнаментированныхъ.

Можно также включить въ бібліотеку и *отдѣлъ памятный*, посвященный выдающимся ученымъ, писателямъ, артистамъ или общественнымъ дѣятелямъ, мѣстнымъ уроженцамъ или поснятившимъ свою дѣятельность краю.

Болѣе детальное выясненіе программы дѣятельности музея, болѣе полное распредѣленіе его на отдѣлы, прибавленіе къ намѣченнымъ нами еще новыхъ—дѣло будущаго. Пока-же и то, что предположено, для усиѣннаго выполненія потребуетъ и силъ и затратъ; польза такихъ учрежденій, какъ Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ не требуетъ поясненій; поэтому мы и позволяемъ себѣ надѣяться, что мѣстное общество придетъ на помощь новому дѣлу и не останется глухо къ насущнымъ потребностямъ мѣстной жизни, удовлетворять которыя по мѣрѣ возможности и составляетъ задачу музея.

Н. Бѣляшевскій

Ученыя общества.

Кіевское церковно-археологическое общество въ 1899 году. Церковно-археологическое общество при кіевской духовной академіи въ отчетномъ году вступило въ 28-й годъ своего существованія. Членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-корреспондентовъ въ немъ насчитывается теперь свыше 180.

Въ 1899 году въ состоящій при обществѣ музей поступило отъ 98 учрежденій и лицъ до 635 №№ предметовъ и книгъ, которые, вмѣстѣ съ поступленіями прежнихъ лѣтъ, составятъ цифру до 30,197 №№.

Изъ этихъ поступленій наибольшій мѣстный археологическій интересъ имѣютъ памятники церковной архитектуры, живописи, скульптуры и разной утвари церковной, найденные въ самомъ Кіевѣ. Изъ Кіево-Печерской лавры доставлены найденные вмѣстѣ съ моветами подъ поломъ на хорахъ великой лаврской церкви, такъ называемые „голосники“, глиняныя и цинныя плитки, указывающія на способъ постройки и украшенія великой Лаврской церкви въ концѣ XI вѣка.

● Къ числу наружныхъ украшеній этой церкви относится также изображеніе креста на кускѣ штукатурки надъ однимъ изъ олтарныхъ оконъ ея, а складной эмальированный крестъ изъ Троицкой церкви надъ св. вратами лавры, XII вѣка, представляетъ собою единственное въ своемъ родѣ произведеніе древнерусскаго искусства по своей техникѣ. Некоторые бронзовые фрагменты изъ Кіево-Михайловскаго монастыря указываютъ на древнюю церковную утварь его, можетъ быть на паникадила и подсвѣчники, а позднѣйшая шанка или митра изъ этого монастыря, первой половины XVII в., могла принадлежать кому-либо изъ тогдашнихъ митрополитовъ, жившихъ въ Михайловскомъ монастырѣ, или Іову Борецкому, или Исаіи Кашинскому. Куски циннаго пола и фресокъ, найденные вблизи Кіево-Подольскаго Успенскаго собора, подтверждая древность этого храма, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствуютъ объ его порвоначальномъ благолѣпномъ украшеніи. Къ до-татарскому періоду русской исторіи относятся поступившія въ музей спорадическія находки: бронзоваго энколпіона съ изображеніемъ Богородицы, въ Кіевѣ, въ Десятинномъ переулкѣ, на усадьбѣ Слѣсаревскихъ, и бронзоваго-же энколпіона, въ Мажаровскомъ приходѣ, константиноградскаго уѣзда, полтавской губерніи. Положительную рѣдкость представляетъ изъ себя змѣвинъ свѣтло-зеленой

арабской мѣдн, инкрустированный серебромъ, греческаго происхожденія и съ греческою надписью, въ которой читается имя Анастасіи, замѣчательный по своей технике. Изъ остальныхъ вещей этого отдѣла могутъ быть упомянуты: серебрянный окладъ на евангеліе XVI—XVII вв., съ Кавказа, и желѣзные вериги изъ заднѣпровской Воскресенской слободы.

Къ болѣе рѣдкимъ монетамъ, поступившимъ въ музей, принадлежатъ: одна серебрянная сассанидская и одна мѣдная сицилійско-норманская XII в. Болѣе или менѣе цѣльнымъ характеромъ отличается кладъ польско-литовскихъ и западно-европейскихъ монетъ, относящійся ко времени отъ конца XV до конца XVI в. и найденный въ дер. Залисце, луцкаго уѣзда.

Въ отдѣлѣ рукописей интересны пять рукописныхъ тетрадей покойнаго Н. П. Чернева съ рисунками разныхъ монетъ, а также двѣ связки студенческихъ записей и конспектовъ студентовъ кievской дух. академіи XV курса (1847—1851 гг.). Послѣднія представляютъ богатый матеріалъ для характеристики научной дѣятельности кievской академіи того времени.

Въ отдѣлѣ гравюръ и иллюстрированныхъ изданій особенную научную цѣнность имѣютъ 138 изданій изъ бібліотеки покойнаго члена Н. П. Чернева по разнымъ отраслямъ археологій и искусства.

Въ учебное время, по воскресеньямъ, церковно-археологическій музей открытъ былъ, съ 12 до 2 часовъ по полудни, для членовъ общества, студентовъ академіи и сторонней публики, а въ случаяхъ надобности—и въ другіе дни. Учащіеся другихъ учреждений и слушатели курсовъ иногда посѣщали музей цѣлыми группами и семьями. Не мало было и почетныхъ и ученыхъ посѣтителей музея, особенно во время XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Изъ членовъ XI археологическаго съѣзда посѣтило музей до 300 членовъ и въ числѣ ихъ—заграничные ученые. Нѣкоторые изъ ученыхъ и художниковъ занимались въ музеѣ и вновь опредѣлили нѣкоторые изъ его предметовъ.

Въ 1899 г. было 9 засѣданій общества, на которыхъ прочитанъ былъ отчетъ общества и 15 рефератовъ, изъ коихъ мѣстный археологическій интересъ имѣютъ: два реферата „Объ археологической находкѣ на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры“, „О дачѣ братскаго монастыря Церковщины“, „Видъ стараго Кіева на планѣ Кальнофойскаго 1638 года“, „Дополнительное собраніе древ-

нихъ крестиковъ и образцовъ Б. И. Ханенко“, „О расписаніи стѣнъ и вообще объ украшеніи кіевскаго Владимірскаго собора“, „О книгѣ каталогѣ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго“, „Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-печерской лавры“, „Подготовительныя работы для исторіи кіевской дух. академіи“, „О кладѣ изъ золотыхъ монетъ и вещей XI в., найденныхъ въ Кіевѣ на усадьбѣ Л. И. Бродскаго, по Екатерининской улицѣ“, „Историко-археологич. очеркъ г. Брянска, орловской губ., и его отношеній къ Кіеву“, „Новыя данныя для исторіи древней кіевской Воздвиженской церкви“, и „Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-печерской лавры“. Нѣкоторые изъ этихъ рефератовъ вошли въ составъ 2-го выпуска „Чтеній въ церковно-археологич. обществѣ“, изданнаго въ 1899 году съ 5-ю таблицами фототипическихъ снимковъ (17-ти монетъ и медалей лаврскаго клада). Кромѣ того, въ 1899 году продолжала занятія комиссія изъ 5-ти членовъ по приведенію въ порядокъ и описанію стараго архива кіевской дух. консисторіи.

Денежныя средства общества простираются нынѣ до 9305 рублей. (Кіевск. Сл.).

Историческое Общество Нестора Лѣтописца. Какъ уже извѣстно читателямъ „Лѣтописи“, при Обществѣ была образована особая комиссія по вопросамъ объ охраненіи, описаніи и изданіи мѣстныхъ памятниковъ старины. Комиссія представила нѣсколько дезидератъ и просила Общество обратиться по поводу ихъ въ Московское Археолог. Общество ¹⁾. Въ засѣданіи Общества Нестора Лѣт. 12-го декабря прошлаго года эти предложенія комиссіи были заслушаны. По двумъ изъ нихъ, именно, объ изданіи брошюры, гдѣ-бы были сведены постановленія правительства, касающіяся памятниковъ старины, и объ изысканіи средствъ на описаніе и изданіе памятниковъ, Общество Нестора Лѣт. обратилось въ Московское Археолог. Общество. Въ засѣданіи 23-го января былъ доложенъ отвѣтъ Моск. Общ.—отвѣтъ не вполне благопріятный. По мнѣнію Моск. Общ. изданіе вышеуказанной брошюры является дѣломъ труднымъ, а отчасти и безцѣльнымъ, въ виду того неопредѣленнаго положенія, въ какомъ находятся узаконенія по данному вопросу. Отказывается также Моск. Общ. взять

¹⁾ См. „Лѣтопись“ 1899 г., декабрь

на себя и дѣло по изданію памятниковъ старины,—затрудненіе лишь въ средствахъ и Общ. совѣтуетъ обратиться за помощью къ кому ниб. изъ мѣстныхъ людей, сочувствующихъ дѣлу.

Въ засѣданіи Имп. Русскаго Археологическаго Общества, 21-го января, проф. Н. И. Веселовскій прочелъ рефератъ на тему «Объ окрашенныхъ костяхъ». Кости бываютъ окрашены въ разные цвѣта. Наиболѣе часто въ бурый и ярко-красный цвѣта. Встрѣчаются кости окрашенныя въ розовый, бѣлый и изрѣдка желтый (въ скифскихъ могилахъ) цвѣтъ. По изслѣдованію, бурая и яркокрасная краски оказались охра и суримомъ; профессоръ демонстрировалъ передъ собраніемъ рисунокъ такого окрашеннаго костяка. По его мнѣнію, окраска костяковъ—это культъ, относящійся къ бронзовому вѣку и удержавшійся очень долго у первобытныхъ обитателей юга Россіи.

Въ послѣднемъ общемъ собраніи общества проф. Веселовскій доложилъ «О раскопкахъ въ Кубанской области лѣтомъ 1899 года». Изслѣдованію подверглась мѣстность, лежащая на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта до р. Кубани. Изъ ряда сопоставленій референтъ чашелъ, что открытыя имъ погребенія относятся къ римскому времени, къ II—III вѣкамъ послѣ Рождества Христова. Интересны предметы изъ женской могилы, открытой въ верхней части курганъ, на небольшой глубинѣ. Могила эта сохранилась по счастливой случайности, такъ какъ обыкновенно вершины кургановъ раскапываются для укрѣпленія шалашей, устраиваемыхъ здѣсь для наблюденія за садами. Изъ предметовъ отмѣтимъ: прекрасно отшлифованный каменный топоръ, женскія оружія—кинжалъ, дротики; кольчатый панцирь, сосуды съ ручками, подобные находимымъ въ Помпеѣ, и пр. (Сѣв. Кур.).

Изслѣдованія и раскопки.

Нами получены XXXI и XXXII томы (въ одной книжкѣ) «Записокъ Науковаго Товариства імени Шевченка» (Львовъ, 1899 г.), заключающіе въ себѣ рефераты, предназначавшіеся для прочтенія на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, но, за недопущеніемъ малорусскаго языка, оставшіеся не доложенными. Настоящая книжка заключаетъ въ себѣ лишь часть рефератовъ, остальные войдутъ въ XXXV и XXXVI т. тѣхъ-же «Записокъ». Въ небольшомъ предисловіи передана исторія не-

допущенія на съѣздѣ малорусскаго языка и перечислены рефераты; ихъ всѣхъ 30: по археологiи—4, по исторiи—9, по этнографiи и фольклору—4, по языку—6, по исторiи литературы—7.

Рефераты по археологiи, исторiи, этнографiи и фольклору и составляютъ данный томъ. Мы постараемся дать краткое резюме рефератовъ по археологiи. Всѣ они принадлежать проф. М. Грушевскому; вотъ ихъ заголовки: 1. Похоронное поле в с. Чехахъ, 2. Звеннгород галицкій, 3. Печатка з Ступницi коло Самбора и 4. Молотiвське срібло.

Послѣдній рефератъ напечатанъ въ сокращенномъ видѣ, такъ какъ содержаніе его напечатано уже раньше (въ XXV т. Записокъ). Мы не будемъ здѣсь говорить о немъ—читатели «Лѣтописи» знакомы съ описаніемъ этого клада.¹⁾

Чисто археологическаго характера первый рефератъ проф. Грушевскаго—*«Похоронное поле въ с. Чехахъ»*. С. Чехи находится въ Бродскомъ у. въ Восточной Галиціи, похоронное поле расположено вблизи села на небольшой возвышенности, среди тонкой, а раньше и очень болотистой мѣстности, дающей начало р. Стиру. Раскопки производились здѣсь проф. Шараневичемъ и авторомъ; всего вскрыто до 400 могилъ, причемъ авторомъ раскопано всего 14 могилъ, но зато раскопано тщательно, относительно же раскопокъ проф. Шараневича сказать этого нельзя. Въ рефератѣ авторъ приводитъ дневникъ своихъ раскопокъ и пользуется опубликованнымъ и неопубликованнымъ матеріаломъ, добытымъ раскопками проф. Шараневича.

Господствующій похоронный типъ этого могильника—погребенія скелеты находились на небольшой глубинѣ, могилы ничѣмъ не обставлены, сверху незамѣтно никакихъ насыпей. Характерная особенность погребеній—присутствіе сосудовъ возлѣ покойниковъ; сосуды зачастую бываютъ очень миниатюрны, вылѣплены отъ руки и вылѣплены очень грубо, съ плохимъ обжигомъ и даже безъ него, такъ что воплiвъ справедливо мнѣніе автора, придающаго этимъ сосудамъ ритуальное значеніе.

Кромѣ сосудовъ, при скелетахъ найдены въ большомъ количествѣ различныя украшенія изъ бронзы (шейныя гривны, браслеты, булавки височныя кольца, пуговицы и т. п.), изъ желѣза (совершенно такихъ же типовъ), изрѣдка стеклявыя бусы и очень рѣдко серебряныя;

¹⁾ См. „Лѣтопись“ 1899 г., май—Молотовскій кладъ.

украшенія. Изъ орудій—болѣе всего встрѣчено кремневыхъ и каменныхъ, цѣлыхъ и еще чаще—обломковъ, рѣже попадались костяныя, довольно часто—желѣзные ножики. Бронзовыхъ орудій совершенно не найдено.

Выше перечисленные предметы истрѣчались въ различныхъ комбинаціяхъ: были погребенія только съ бронзовыми украшениями, или только съ каменными орудіями, или однимъ желѣзомъ, были и такія, гдѣ бронзовыя украшения находились вмѣстѣ съ каменными орудіями или съ желѣзными и, наконецъ, гдѣ обнаружены желѣзо и камень.

Второй похоронный типъ, встрѣченный въ могильникѣ,—сожженіе, причемъ остатки сожженія помѣщались въ урны. Предметы, найденные здѣсь, ничѣмъ не разнятся отъ предыдущихъ, такъ что можно допустить, что эти два типа существовали одновременно, у одной и той-же народности.

На основаніи находокъ въ могилахъ, проф. Грушевскій относитъ похоронное поле въ Чехахъ къ періоду, переходному отъ камня къ металлу, причемъ, однако, одни изъ похоронъ онъ считаетъ болѣе ранними, другіе—болѣе поздними.

Что касается происхожденія предметовъ, то нѣкоторые изъ нихъ нужно признать мѣстнымъ производствомъ, другіе-же носить слѣды иноземной культуры, какъ напр. многія изъ бронзовыхъ украшеній, аналогичныя со средне-дунайскими бронзами.

Присутствіе стекла высокой техники и связь со средне-дунайской культурой даютъ поводъ автору датировать могильникъ приблизительно началомъ нашей эры. Принимая же во вниманіе географическое положеніе могильника, его культуру и предполагаемую эпоху, будетъ натуральнымъ признать въ народности, оставившей могильникъ, Славянъ предъ ихъ переселеніемъ на западъ или даже —поселеніе, существовавшее какъ этапъ при переселеніяхъ Славянъ до ихъ великаго переселенія. Этому не противорѣчатъ и антропологическія данныя: преобладающій типъ—длинноголовый.

Культура могильника въ Чехахъ не стоитъ одиноко,—подобная ей обнаружена еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ въ томъ-же Бродскомъ у., такъ и на галоцкомъ Подольи, въ Гусятинскомъ у. О громадномъ значеніи, какое представляетъ изученіе этой культуры, охватывающей моментъ непосредственнаго перехода отъ каменнаго вѣка къ желѣзному,—нечего говорить. Задача, которая предстоитъ

исслѣдователемъ,—болѣе тщательно прослѣдить географическое ея распространіе. Проф. Грушевскій указалъ на аналогіи въ мѣстахъ сравнительно близкихъ,—нельзя-ли раздвинуть немного рамки, сравнить съ нѣкоторыми типами могилъ въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Чехіи и Южной Баваріи? Какъ кажется, и тамъ можно найти нѣчто аналогичное. Чѣмъ больше фактовъ, тѣмъ скорѣе можно будетъ распутаться въ вопросахъ, связанныхъ съ началомъ славянства.

Другой рефератъ проф. Грушевскаго—*„Звенигородъ Галицкій“*—носитъ характеръ историко-археологическаго изслѣдованія. Обратившись сначала къ довольно старой уже литературѣ вопроса и указавъ на существованіе въ конечныхъ выводахъ двухъ мнѣній о мѣстоположеніи Галицкаго Звенигорода, по одному изъ конхъ (Надеждинъ и Неволгинъ, В. Ильинскій, Шараневичъ) лѣтописнымъ Звенигородомъ былъ Звенигородъ возлѣ Львова, по другому, принятому въ польской литературѣ,—Звенигородъ налѣ Днѣстромъ, авторъ, рядомъ сопоставленій и доказательствъ, рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ перваго мнѣнія. Для подтвержденія этого вывода отдѣльныя главы реферата посвящены тщательному разбору топографіи данной мѣстности, лѣтописныхъ свѣдѣній и археологическаго матеріала. Отдѣльная глава передаетъ въ сжатомъ видѣ исторію Звенигорода, повидимому бывшаго среди Червенскихъ городовъ въ X в. и окончательно потерявшаго свое политическое значеніе въ первую четверть XIII в. Потерю значенія авторъ объясняетъ возникновеніемъ новаго центра—Львова, обладавшаго лучшими топографическими условіями сравнительно съ Звенигородомъ, расположеннымъ въ низменной мѣстности. Въ концѣ реферата приведено описаніе археологическаго матеріала, найденнаго на мѣстѣ древняго Звенигорода. Одни изъ предметовъ, какъ каменные орудія и нѣкоторые бронзовые издѣлія, относятся къ доисторическому времени, но большинство носитъ типичный характеръ великокняжеской эпохи и находится въ тѣсной связи съ подобными-же предметами Кіевской земли. Сюда относятся: пряслицы, стеклянные браслеты, кольца, перстни, буссы, каменные и металлическіе крестики—тѣльнички, кресты—энколпионы, поливыяныя плитки и т. п. Особый интересъ представляютъ свинцовыя вислыя печати и свинцовая плomba. Одна изъ печатей принадлежитъ кіевскому митрополиту Константину—скорѣе всего Константину II-му (3-ья четверть XII в.).

Въ небольшомъ сообщеніи— *«Печать изъ Ступниці подъ Самборомъ»* дается описаніе интересной свинцовой вислой печати съ изображеніемъ Константина и дѣлаются предположенія о ея принадлежности.

Всѣ три реферата проф. Грушевского снабжены таблицами снимковъ съ предметовъ и рисунками въ текстѣ.

Случайныя находки.

Перечень нѣкоторыхъ находокъ изъ Юго-Западной и Южной Россіи, поступившихъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію въ 1899 году.

Кіевская куб. Переломленная надвое серебряная монетная гривна обычнаго типа, найденная въ Кіевѣ г. Тимоховичемъ.

Волынская куб. 1) Въ г. Острогѣ, въ усадьбѣ г. Квашевского, при устройствѣ фундамента рабочими были найдены 2 наполненные золою кувшина, разсыпавшіеся на воздухѣ, и при нихъ (?) скелетъ и 2 каменные топорика. Скелетъ и топорикъ относятся, быть можетъ, къ каменному вѣку и составляютъ, повидимому, остатки погребенія въ сглаженномъ курганѣ. 2) Въ с. Черницы, Острожскаго у., найденъ обрубокъ золота неправильной формы, быть можетъ, монетная гривна, 93⁵/₆ пробы, вѣсомъ 6 лот. 1 зол. (гривны клада Бродскаго вѣсомъ 33 зол. и 22¹/₄ зол.).

Подольская куб. Около 100 серебряныхъ римскихъ монетъ времени Фаустина, Антонія, Коммода и Марка Аврелія, найденныхъ при расправѣ близъ с. Забужья, брацлавской вол. Въ коммиссію доставлено было лишь 7 экз.

Херсонская куб. Изъ хищническихъ раскопокъ въ Ольвіи пріобрѣтены за крупныя суммы, терракотовая ваза съ рельефными изображеніями (арретинскаго типа), рядъ грубо вырѣзанныхъ изъ кости фигурокъ, представляющихъ совершенную новостъ, женская погрудная статуя римской эпохи и блюдо изъ мрамора.

Полтавская куб. 1) Вещи изъ кургана, раскопаннаго на частной землѣ близъ с. Ермѣевки, Золотоношскаго уѣзда: отличное овальное плоское блюдо изъ песчаника, обычной формы, но съ носкомъ, желѣзный топоръ и часть изоржавѣвшаго желѣзнаго конья. 2) Электровымъ большой (11 см. въ діаметрѣ) предметъ въ видѣ

колокольчика и до 140 мѣдныхъ стрѣлокъ, найденныхъ при скелетѣ въ «Дзюбиной могилѣ» близъ с. Жовнино, того-же уѣзда. Подобный предметъ въ 1861 г. И. Е. Забѣлнымъ былъ найденъ въ Острой Томаковской мог. Екатеринославской губ. Курганъ этотъ заключалъ въ себѣ нѣсколько окрашенныхъ костяковъ, а сверху нѣсколько впускныхъ погребеній.

Кубанская обл. 1) Великолѣнное собраніе золотыхъ, серебряныхъ, стеклянныхъ и другихъ подѣлокъ изъ 4-хъ кургановъ, раскопанныхъ на частной землѣ крестьянъ хут. Зубова, Темрюкскаго отд. Вещи имѣютъ аналогию въ сибирскихъ древностяхъ и въ извѣстномъ Новочеркасскомъ кладѣ. Судя по бусамъ, фибуламъ и различнымъ другимъ подѣлкамъ, зубовскія вещи должны быть отнесены ко времени II—III вв. по Р. Х. Слѣдовательно, къ этому же времени долженъ быть, приблизительно, относимъ и Новочеркасскій кладъ. Изъ предметовъ коллекціи особенное вниманіе возбуждаетъ рядъ золотыхъ бляхъ, украшенныхъ стекломъ и эмалью, и изоржавѣвшая серебряная чашка съ греческою надписью IV в. до Р. Х., гласящею о пожертвованіи ея храму Аполлона на Фасидѣ (р. Ріонѣ). Очевидно, чашка эта была похищена изъ храма и служила варвару.

2) Грубой работы золотая овальная фибула, украшенная гнѣздами изъ стекла и золотыми кружками. Найдена въ Екатеринодарѣ.

3) Перечеканенная золотая пантпнакейская монета, найденная въ с. Греческомъ.

4) Мѣдное зеркало съ изображеніемъ рыбы въ полнахъ, 2 серьги въ видѣ вопросительнаго знака и 2 бубенчика, найденные при случайной раскопкѣ кургана въ ст. Кавказской. Вещи должны быть отнесены приблизительно къ XIV в.

Разныя извѣстія.

Въ январѣ состоялся въ Петербургѣ III-й Сѣздъ Русскихъ Зодчихъ. Изъ рефератовъ, касающихся историческихъ памятниковъ, отмѣтимъ докладъ проф. Н. В. Султанова объ охраненіи памятниковъ древности. Докладчикъ напомнилъ, что при открытіи сѣзда многими делегатами были высказаны пожеланія, чтобы наше зодчество разрабатывало бы свои національные элементы. Пожеланія эти, повидимому, совпали съ направленіемъ многихъ зодчихъ, чему служить

доказательствомъ архитектурная выставка. На ней не мало художественныхъ проектовъ исполненныхъ въ древне-русскомъ стилѣ. Безспорно авторовъ этихъ проектовъ вдохновляли наши древніе историческіе памятники, въ которыхъ зодчій можетъ черпать неисощимый матеріалъ для своихъ трудовъ. Къ сожалѣнію, памятники у насъ не только плохо сохраняются, но приходятъ въ разрушеніе и гибнутъ. Гибнутъ они и подъ ударами всеокрушающаго времени, и отъ стихійныхъ и атмосферныхъ вліяній, гибнутъ также и отъ невѣжества любителей современнаго церковнаго великолѣнія. Заботиться о памятникахъ некому, и хотя дѣйствующій законъ возлагаетъ заботу о поддержаніи и сохраненіи памятниковъ древности на министерство внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе, законъ остается мертвой буквой и въ жизни не примѣняется. Русское общество не можетъ оставаться равнодушнымъ и видѣть, какъ памятники старины одинъ за другимъ исчезаютъ съ лица земли, а потому Н. В. Султановъ предложилъ съѣзду обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою исходитьствовать пересмотръ тѣхъ статей нашего законодательства, которыя касаются охраны древнихъ памятниковъ и принять мѣры, которыя обезпечивали бы дѣятельность ученыхъ учреждений и общества для охраны памятниковъ старины.

Съѣздъ зодчихъ по докладу проф. Султанова постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ о принятіи мѣръ по охранѣ памятниковъ древности. Но министерство внутреннихъ дѣлъ, оказывается, предупредило это ходатайство, оно какъ мы слышали, обратило вниманіе на разрушеніе древнихъ памятниковъ и рѣшило возложить заботы по охранѣ и реставраціи ихъ на мѣстные строительные органы и пригласить для совмѣстной работы съ ними губерскія архивныя комиссіи, археологическія общества, городскія и земскія общественныя управленія и общества любителей старины. При этомъ само министерство будетъ относить въ свои смѣты извѣстныя суммы на поддержаніе древнихъ памятниковъ. (Сбв. Кур.).

Московское археологическое общество обратилось въ Воронежскій статистическій комитетъ съ предложеніемъ прислать депутатовъ для участія въ дѣятельности предварительнаго комитета по XII археологическому съѣзду, въ программу котораго входитъ изученіе мѣстности по Дону и въ частности Воронежской губерніи. Между

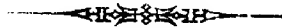
членами Воронежскаго губернскаго статистич. комитета, принимавшими участіе въ трудахъ археологич. съѣздовъ, такое предложеніе вызвало желаніе, въ видахъ лучшей подготовки къ Харьковскому съѣзду, организовать въ г. Воронежѣ спеціальное учрежденіе для изученія губерніи въ археологическомъ отношеніи. Подобное учрежденіе, въ видѣ *«Воронежской архивной коммисіи»*, могло-бы въ будущемъ послужить также къ упорядоченію архивнаго дѣла въ губерніи и научной разработкѣ мѣстныхъ древнихъ актовъ. Желаніе любителей мѣстной старины, по преимуществу учителей среднихъ учебныхъ заведеній г. Воронежа, конечно, не останется безъ удовлетворенія, какъ со стороны воронежскаго губернатора, къ которому они обратились съ просьбой о ходатайствѣ его подѣлу объ открытіи архивной коммисіи, такъ и археологическаго института, стоящаго во главѣ архивныхъ коммисій, в г. министра внутреннихъ дѣлъ; но это дѣло можетъ затормозиться вслѣдствіе недостатка необходимыхъ матеріальныхъ средствъ. (Истор. Вѣстн.).

Переходъ музея В. В. Тарновскаго къ Черниговскому земству, не смотря на то, что музей находится еще въ Кіевѣ, вызываетъ уже пожертвованія. Въ земскомъ сборникѣ Черниговской губ. за прошлый годъ (№№ 11 и 12) находимъ извѣстія, что А. Я. Конисскій препроводилъ въ губернскую управу 100 руб. на устройство въ Черниговѣ музея В. В. Тарновскаго. Въ пользу музея поступило отъ полковника К. М. Оберучева 11 листовъ постовыхъ вѣдомостей, писанныхъ частью или wholly рукою Т. Г. Шевченка. Отъ А. М. Кулиша — вещи покойнаго Кулиша и принадлежащія ему три офорта Шевченка съ автографами.

Въ № 11 Сборника Б. Гривченко помѣстилъ замѣтку о своей повѣздѣ въ Кіевъ, въ сентябрѣ прошлаго года, для приведенія въ порядокъ описи музея В. В. Тарновскаго.

Г-жа В. В. Каменская, живущая въ Бахмутскомъ уѣздѣ, приносить въ даръ Имп. Эрмитажу въ С.-Петербургѣ нѣсколько античныхъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ одного кургана въ Бахмутскомъ уѣздѣ (Приднѣпр. Кр.).

Вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ (изъ протоловъ Имп. Русскаго Археолог. Общ. за 1897 г.)—«Отзывъ о трудѣ профессора Владиміра Бонифатьевича Антоновича Археологическая карта Кіевской губерніи, удостоенномъ Имп. Русскимъ Археологич. Обществомъ золотой медали, учрежденной въ память графа А. С. Уварова», представленный графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ (Спб. 1900). Въ отзывѣ дана оцѣнка и разборъ даннаго труда и помѣщены подробный обзоръ и перечисленіе археологическихъ работъ проф. Антоновича.



Іому слуга бувъ найвѣрнѣйшій,
 По нашому вѣнъ ²⁾ звався Тарасъ.
 Сей, сидя на кормѣ, хитався,
 Бо ажъ по нѣльзѣ ³⁾ нахлистався
 Горѣлочки, коли прощався.
 Эней ⁴⁾ велѣвъ іого приняты,
 Щобъ не пустився на дно виряты ⁵⁾
 И въ лучшемъ мѣстѣ бы проспався.

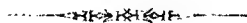
¹⁾ Энеемъ К. ²⁾ винъ П. К. ³⁾ по саме нильзѣ П. К. ⁴⁾ Еней П.
⁵⁾ виряти П. К.

75.

Но видно, вже пану Тарасу
 Написано такъ на роду,
 Що тѣлко до сіого вѣнъ ¹⁾ часу
 Терпѣвъ на свѣтѣ семъ бѣду,
 Бо росхитавшись, бривнувъ въ воду,
 Пѣрнувъ ²⁾ и, не считавшись ³⁾ броду,
 На вѣринки ⁴⁾ вѣшла ⁵⁾ душа.
 Эней ⁶⁾ хотѣвъ, щобъ окошилась
 Бѣда и бѣлшъ ⁷⁾ не продолжилась,
 Щобъ не пропали всѣ съ коша.

¹⁾ щобъ тилько до сіого винъ П. К. ²⁾ вырнувъ П. К. ³⁾ считавши П. К. ⁴⁾ вывиринки П. К. ⁵⁾ нишла П. К. ⁶⁾ Еней П. ⁷⁾ билшъ П. билшъ К.

Конецъ второй части.



ЧАСТЬ ТРЕТАЯ.

1.

Эней ¹⁾ сподарь посумовавши,
На силу трохи вгамовавсь,
Поплакавши и поридавши,
Сивушкою почастовавсь,
Но все таки його мутило
И коло серденька нудило, ²⁾
Небѣжчикъ ³⁾ часто щось вздыхавъ,
Вѣнъ ⁴⁾ моря такъ уже боявсь,
Що на богѣвъ ⁵⁾ не повалявся ⁶⁾
И батковѣ ⁷⁾ не дохѣрявъ.

¹⁾ Еней П. ²⁾ крутило П. К. ³⁾ небижчикъ П. К. ⁴⁾ винъ П. К.
⁵⁾ богивъ П. К. ⁶⁾ полагався П. К. ⁷⁾ батьковн П. К.

2.

А вѣтры зъ залу все трубили ¹⁾
Въ потилицю його човнамъ,
Помчались ²⁾ зо всей силы
По чорнымъ пѣнявымъ водамъ.
Гребцѣ ³⁾ и весла положили
Та ⁴⁾ сидя люлечки курыли ⁵⁾
И кургѣкали ⁶⁾ пѣсеніюкъ ⁷⁾
Козацкихъ, ⁸⁾ гарныхъ, ⁹⁾ запорозкихъ, ¹⁰⁾

А яки знали, то ¹¹⁾ московскихъ ¹²⁾

Выгадовали бреденіокъ. ¹²⁾

1) трубили П. К. 2) що мчалися П. К. 3) гребци П. К. 4) да П.
5) курили П. К. 6) курникали П. кургикали К. 7) пѣсенъки П. 8) ко-
зацьки П. 9) гарны П. 10) запорозьки П. запорожскихъ К. 11) то й
П. 12) москoвски П. 13) брѣденьки П. бріденіокъ К.

3.

Про Сагайдачного сиѣвали,
Либонь сиѣвали и про Сѣчь,
Якъ въ пикенѣры ¹⁾ выбѣрали, ²⁾
Якъ мандровавъ козаць всю нѣчь, ³⁾
Полтавску ⁴⁾ славылы ⁵⁾ шведчину,
И неня якъ свою дитину
Зъ двора проводыла ⁶⁾ въ походъ,
Якъ пѣдъ ⁷⁾ Берденю (sic) ⁸⁾ воіовалы, ⁹⁾
Безъ галушокъ якъ ¹⁰⁾ помѣрали ¹¹⁾
Колись, ¹²⁾ якъ бувъ голодный годъ.

1) пикинеры П. К. 2) набирали П. К. 3) вичъ П. К. 4) полтавську
П. 5) славили П. К. 6) проводила П. К. 7) пидъ П. К. 8) Бендери П.
Бендерью К. 9) підступили П. 10) якъ безъ галушокъ П. 11) поми-
рали П. К. 12) колись П. К.

4.

Не такъ то дѣється все хутко,
Якъ швидко кажуть намъ казокъ, ¹⁾
Эней ²⁾ нашъ пливъ ³⁾ хотъ дуже хутко, ⁴⁾
Да ⁵⁾ вже ⁶⁾ вѣвъ ⁷⁾ плававъ не деніокъ.
Довгенько по морю щось члялись ⁸⁾ (sic)
И ⁹⁾ сами ¹⁰⁾ о свѣтѣ не знали, ¹¹⁾
Не знавъ Троянець ни одинъ,
Куда, ¹²⁾ про що и якъ швандують, ¹³⁾
Куды се такъ воны мандрують, ¹⁴⁾
Куда ¹⁵⁾ ихъ мчить ¹⁶⁾ Анхизовъ ¹⁷⁾ сынъ.

1) скочить у човнокъ П. 2) Еней П. 3) пливъ П. К. 4) прудко
П. К. 5) та К. 6) вже-жъ П. К. 7) винъ П. К. 8) шляли П. шлялись

К. 9) а П. 10) самы П. К. 11) знали П. 12) куды П. К. 13) швендуютъ
 П. швендуютъ К. 14) мандруютъ К. 15) куды К. 16) мчитъ К. 17) Анхи-
 зивъ Ц. К.

5.

Оттакъ поплававши не мало
 И поблудивши по морямъ,
 Якъ ось и землю видно ¹⁾ стало,
 Побачили кѣнець ²⁾ бѣдамъ.
 До берега якъ разъ пристали,
 На землю зъ човнѣвъ ³⁾ повставали ⁴⁾
 И стали ⁵⁾ тутъ отдыхать. ⁶⁾
 Ся Нумелей ⁷⁾ земелька звалась,
 Вона Троянцямъ сподобалась,
 Далось и ий ⁸⁾ Троянцѣвъ ⁹⁾ знать.

¹⁾ видко П. ²⁾ конецъ П. кинецъ К. ³⁾ зъ човнѣвъ П. зъ човнѣвъ
 К. ⁴⁾ позбѣгали П. повставали К. ⁵⁾ стали К. П. ⁶⁾ отдыхать П. К.
⁷⁾ Кумскою К. ⁸⁾ ѣй П. К. ⁹⁾ Троянцѣвъ П. К.

6.

Розгардіяшъ ¹⁾ наставъ Троянцямъ.
 Опять ²⁾ забули горювать: ³⁾
 Буває ⁴⁾ щастье ⁵⁾ скрѣзь ⁶⁾ поганцямъ,
 А добрый ⁷⁾ мусить ⁸⁾ погибать. ⁹⁾
 И тутъ вопы не шановались,
 А заразъ всѣ и потаскались,
 Чого хотѣлося, шукать—
 Якому меду да горѣлки,
 Якому молодицѣ, ¹⁰⁾ дѣвки,
 Оскому щобъ зъ зубѣвъ ¹¹⁾ зогнать.

¹⁾ розгардіяшъ П. К. ²⁾ изновь П. ³⁾ горювать П. К. ⁴⁾ и всюды П.
⁵⁾ счастье П. ⁶⁾ есть П. скрѣзь К. ⁷⁾ добры П. ⁸⁾ мусять П. мусить
 К. ⁹⁾ пропадать К. ¹⁰⁾ молодици П. К. ¹¹⁾ зъ зубивъ П. К.

7.

Бурлаки ¹⁾ всѣ ²⁾ булы моторны,
 Тутъ познакомились у часъ, ³⁾

Зъ діавола швидки, проворны,
 Пѣдпустять ⁴⁾ москаля якъ разъ.
 Зо всѣми мѣтью ⁵⁾ побратались
 Посватались и покумались,
 Мовъ зъ роду тутечки ⁶⁾ жили. ⁷⁾
 Хто мавъ къ чому ⁸⁾ яку кибету, ⁹⁾
 Такого той шукавъ бенкету, ¹⁰⁾
 Всѣ веремѣю ¹¹⁾ пѣднялы. ¹²⁾

¹⁾ бурлаки П. К. ²⁾ си П. К. ³⁾ той часъ К. заразъ П. ⁴⁾ пидпустять П. К. ⁵⁾ митью П. К. ⁶⁾ тутечка П. К. ⁷⁾ жили П. К. ⁸⁾ чому П. К. ⁹⁾ кибету П. К. ¹⁰⁾ бенькету К. ¹¹⁾ веремію П. К. ¹²⁾ пиднялы П. К.

8.

Гдѣ ¹⁾ досвѣтки, где (sic) ²⁾ вечерниці, ³⁾
 Або вѣсѣлье ⁴⁾ где ⁵⁾ було,
 Дѣвчата где ⁶⁾ и молодицѣ, ⁷⁾
 Кому родини надало,
 То тутъ Троянцѣ ⁸⁾ и вродились,
 И лишъ ⁹⁾ гляды, ¹⁰⁾ то й заходились
 Коло жѣнощинъ (sic) ¹¹⁾ ворожить,
 И чоловѣковъ ¹²⁾ пѣдноивши, ¹³⁾
 Жѣнокъ, ¹⁴⁾ куда хто знавъ, повѣвши, ¹⁵⁾
 Давай по чарцѣ зъ ними пить.

¹⁾ де П. где К. ²⁾ де П. ³⁾ вечирниці П. вечерниці К. ⁴⁾ весѣлья П. весилья К. ⁵⁾ де П. ⁶⁾ де П. ⁷⁾ молодпци П. К. ⁸⁾ Троянци П. К. ⁹⁾ лишъ К. ¹⁰⁾ гляди П. К. ¹¹⁾ жиннокъ тамъ П. ¹²⁾ чоловѣкявъ П. К. ¹³⁾ пидпоивши П. К. ¹⁴⁾ жиннокъ П. К. ¹⁵⁾ повивши П. К.

9.

Якы ¹⁾ були до картъ охочы, ²⁾
 То не сидѣли дурно тутъ,
 Играли часто до пѣвночы ³⁾
 Въ вѣзка, ⁴⁾ въ пары, ⁵⁾ у лавы, вжгутъ, ⁶⁾
 У панфіля, ⁷⁾ въ вѣзка ⁸⁾ и въ кепа,
 Кому жъ изъ нихъ була дотепа,

То въ грошѣвъ ⁹⁾ грали въ сѣмъ листѣвъ. ¹⁰⁾
 Тутъ всѣ по волѣ забавлялись,
 Пили, игрались, ¹¹⁾ женихались,
 Никто безъ дѣла не сидѣвъ.

¹⁾ явижъ П. К. ²⁾ охочи П. К. ³⁾ пивночи П. К. ⁴⁾ въ носка П. К. ⁵⁾ пари П. ⁶⁾ въ джгутъ П. въ жгутъ К. ⁷⁾ у панхвиля П. панфиля К. ⁸⁾ въ визка П. въ возка К. ⁹⁾ въ гроши П. К. ¹⁰⁾ листовъ П. К. ¹¹⁾ играли П. К.

10.

Эней ¹⁾ одинъ не веселился,
 Юму не мило все було,
 Юму Плутонъ та ²⁾ батко снився,
 И пекло въ голову въ вѣйшло. ³⁾ (sic).
 Оставивши своихъ гуляты, ⁴⁾
 Пѣшовъ ⁵⁾ скрѣзь ⁶⁾ по поляхъ шукаты, ⁷⁾
 Щобъ хто ⁸⁾ дорогу показавъ,
 Куда у ⁹⁾ пекло ¹⁰⁾ мандроваты, ¹¹⁾ а)
 Щобъ розизнати, распитаты, б)
 Бо въ пекло стежки вѣнъ ¹²⁾ не знавъ.

¹⁾ Еней П. ²⁾ да П. ³⁾ ввѣйшло П. К. ⁴⁾ гуляти П. К. ⁵⁾ пишовъ П. К. ⁶⁾ скрѣзь П. К. ⁷⁾ шукати П. К. ⁸⁾ хто бы П. ⁹⁾ до К. ¹⁰⁾ пекла К. ¹¹⁾ мандровати К. ¹²⁾ вѣнъ П. К.

- а) Куды у пекло шляхъ надыбать,
 б) Щобъ розглядѣти и розвѣдать П.

11.

Ишовъ, ишовъ, ажъ зъ русыхъ кудрѣвъ ¹⁾
 Въ три ряды капавъ пѣтъ. ²⁾ на нѣсь, ³⁾
 Якъ ось забачивъ щось и узрѣвъ, ⁴⁾
 Густый пройшовши дуже ⁵⁾ лѣсь:
 На нѣждѣ курачѣй ⁶⁾ стояла
 Та ⁷⁾ хатка, дуже обветшала,
 И вся вертѣлася кругомъ.
 Вѣнъ до тіи ⁸⁾ прійшовши хаты,

Хозяина ⁹⁾ ставъ викликаты, ¹⁰⁾

Прищулившись ¹¹⁾ пѣдъ ¹²⁾ вѣвномъ. ¹³⁾

¹⁾ що ажъ изъ чуба П. кудривъ К. ²⁾ пять П. К. ³⁾ нисъ П. нисъ К. ⁴⁾ изъ-за дуба П. узривъ К. ⁵⁾ уже П. ⁶⁾ нищѣ курячій П. К. ⁷⁾ тамъ П. то К. ⁸⁾ винъ П. К. тои П. ⁹⁾ господаря П. ¹⁰⁾ выкликати П. К. ¹¹⁾ и прищулився П. ¹²⁾ нидъ П. К. ¹³⁾ вивномъ П. К.

12.

Эней ¹⁾ стоявъ и дожидався,
Щобъ вйшовъ ²⁾ зъ хаты кто ³⁾ нибудь,
У дверы ⁴⁾ стукавъ, добувався,
Хотѣвъ бувъ хатку зъ нѣжки ⁵⁾ спхпуть,
Якъ вйшла ⁶⁾ бабище старая,
Крива, ⁷⁾ горбатая, сухая,
Заплѣснявѣла, ⁸⁾ вся въ шрамахъ,
Ряба, сѣда, ⁹⁾ безъ зуба (sic), ¹⁰⁾ коса,
Росхрѣстана, ¹¹⁾ простоволоса,
И, якъ въ намыстѣ, ¹²⁾ вся въ жовнахъ.

¹⁾ Еней П. ²⁾ вышовъ П. вйшовъ К. ³⁾ хто П. К. ⁴⁾ двери П. К. ⁵⁾ нижки П. К. ⁶⁾ вышла П. вышла К. ⁷⁾ крива К. ⁸⁾ заплѣснявивша П. заплѣснявила К. ⁹⁾ сыва, ряба П. сѣда, ряба, К. ¹⁰⁾ безъ-зуба П. беззуба К. ¹¹⁾ розхрѣстава П. росхрѣстана К. ¹²⁾ намысти П. намыстѣ К.

13.

Эней, ¹⁾ таку узрѣвши ²⁾ цяцю,
Не знавъ изъ ляку, где ³⁾ стоять, ⁴⁾ (sic)
И думавъ, що свою всю працю
Нъ вѣки тута потерявъ.
Якъ ось до його пѣдступила ⁵⁾
Яга ся и заговорила,
Роззявивши ⁶⁾ свои уста: ⁷⁾
„Гай, гай же! слихомъ ⁸⁾ послыхати,
Анхизенка у вѣчъ ⁹⁾ выдаты, ¹⁰⁾
И якъ забрѣвъ ¹¹⁾ ты въ сѣ ¹²⁾ мѣста? а)

1) Еней П. 2) побачивъ П. узривши К. 3) де П. 4) стоявъ П. К. 5) видступила П. К. 6) розвивавши К. 7) свій страшный ротъ П. 8) слыхомъ П. К. 9) къ ничи П. увичъ К. 10) видати П. К. 11) забривъ К. 12) си К.

а) Якій жъ тебе принѣсь къ намъ чортъ? П.

14.

„Давно тебе я дожидаю
И думала, що вже пропавъ,
Я все дивлюсь да вызираю, 1)
Ажъ ось коли ты причвалавъ.
Минѣ вже розказали 2) зъ неба,
Чого тобѣ пилненко 3) треба,
Отець твоѣй 4) бувъ у мене тутъ“.
Эней 5) сіому подивовався
И бабы сучои спитався, 6)
Якъ вѣдъму злую сю зовуть? 7) а)

1) выглядаю П. 2) уже сказали П. розказали К. 3) пилненко П. пилненко К. 4) твоѣй П. К. 5) Еней П. 6) спитався П. 7) зовуть К.

а) Якъ, нененько, тебе зовуть? П.

15.

„Я Кумская 1) зовусь Сивилла,
Ясного Феба попадя, 2)
При його храмѣ посѣдѣла, 3)
Давпо живу на свѣтѣ я,
У Шведчину я дѣвовала,
А Татарва якъ набѣгала,
То вже я замужемъ була,
И перву 4) сарану зазнаю,
Колись 5) бувъ трусь, якъ изгадаю, 6)
То вся здрыгнусь, 7) якъ бы мала.“

1) паночку П. 2) попадя П. К. 3) посывѣла П. 4) першу 5) колижъ П. К. 6) нагадаю К. 7) издригнусь П. К.

16.

„На свѣтѣ всячину я знаю,
 Хоть никуда ¹⁾ и не хожу,
 И ²⁾ людямъ въ нуждѣ помогаю,
 Я имъ на звѣздахъ ворожу.
 Кому—чи трасцю ³⁾ отгадати, ⁴⁾
 А отъ наушницъ ⁵⁾ пошептаты, ⁶⁾
 Або и волосъ изогнать, ⁷⁾
 Шепчу—уроки ⁸⁾ прогоняю,
 Переполохи ⁹⁾ выливаю,
 Гадюкъ умѣю замовлять“.

¹⁾ нивуды П. К. ²⁾ а П. ³⁾ трясцю П. трасцю К. ⁴⁾ одогнати П.
 Б. ⁵⁾ отъ заушницъ П. отъ заушницъ Б. ⁶⁾ чи пошептати П. К. ⁷⁾ изи-
 гнать К. ⁸⁾ и кори П. ⁹⁾ и перелогн П.

17.

„Теперь ¹⁾ ходѣмо ²⁾ у ³⁾ каплицю.
 Тамъ Фебовѣ ⁴⁾ ты поклонись
 И обѣдай йому телицю,
 А послѣ гарно помолись,
 Не пожалѣй лишь золотого
 Для Феба ⁵⁾ свѣтлого, святого, ⁶⁾
 Та и минѣ що ⁷⁾ перекинь,
 То мы тобѣ таки щось скажемъ,
 А може въ некло ⁸⁾ трактъ покажемъ,
 Иди, утрись и бѣлшъ ⁹⁾ не слинь“.

¹⁾ теперь Б. ²⁾ ходимо П. К. ³⁾ лишь въ К. ⁴⁾ Хвебовѣ П. Фе-
 бови К. ⁵⁾ Хеба П. ⁶⁾ ясного К. ⁷⁾ тожъ П. ⁸⁾ въ некло й П. ⁹⁾ бильшъ
 П. билшъ Б.

18.

Пришли въ каплицю передъ Феба, ¹⁾
 Эней ²⁾ поклоны быты ³⁾ ставъ,
 Щобъ изъ блакитнаго Фебъ ⁴⁾ неба
 Іому всю ласку показавъ.

Сивиллу тутъ замордовало
 И очи на лобъ пѣзганяло, ⁵⁾
 И дибомъ ⁶⁾ волосъ ставъ сѣдый,
 Клубкомъ изъ рота пѣна былась, ⁷⁾
 Сама жъ вся корчилась, кривилась,
 Мовъ духъ вселился въ ней злѣй.

¹⁾ Хвеба П. ²⁾ Еней П. ³⁾ бити П. К. ⁴⁾ Хвебъ П. ⁵⁾ позганяло
 П. позганяло К. ⁶⁾ дыбомъ П. К. ⁷⁾ былась П. К.

19.

Тряслась, кректала, побывалась, ¹⁾
 Якъ бубонъ, синя стала вся, а)
 На землю впала и ²⁾ качалась ³⁾
 У берлозѣ, ⁴⁾ якъ ⁵⁾ поросѣ.
 И чимъ ⁶⁾ Эней ⁷⁾ молился бѣлше, ⁸⁾
 То все Сивиллѣ було гѣрше, ⁹⁾
 А послѣ якъ перемолівсь,
 Зъ Сивиллы тѣлко ¹⁰⁾ пѣтъ ¹¹⁾ котівся,
 Эней ¹²⁾ же на ни ¹³⁾ дивився,
 Дрижавъ ¹⁴⁾ отъ страху и трусивсь.

¹⁾ подымалась П. побывалась К. ²⁾ упавши на землю К. ³⁾ валя-
 лась П. ⁴⁾ якъ у берлозѣ П. ⁵⁾ мовъ К. ⁶⁾ що П. ⁷⁾ Еней П. ⁸⁾ бильше
 П. билше К. ⁹⁾ гирше П. К. ¹⁰⁾ только П. тилько К. ¹¹⁾ питъ П. К.
¹²⁾ Еней П. ¹³⁾ на ней все П. ѣи Ж. ¹⁴⁾ дрожавъ К. Ц.

а) Якъ сопуха чернѣла вся П.

20.

Сивилла трохи очуняла,
 Отерла пѣну на губахъ
 И до Энея ¹⁾ проворчала
 Приказъ отъ Феба ²⁾ въ сихъ словахъ:
 „Така богѣвъ ³⁾ олимпскихъ ⁴⁾ рада,
 Що ты и вся твоя громада
 Не будете по смерть въ Риму,
 Но що тебе тамъ ⁵⁾ будуть ⁶⁾ знати,
 Твое имення ⁷⁾ выхваляты, ⁸⁾
 Но ты не радуйся сіому“.

1) Енея П. 2) Хвеба П. 3) богивъ П. К. 4) олимпськихъ П.
5) всѣ П. 6) будутъ К. 7) имя твое П. 8) тамъ величати П. выхва-
ляти К.

21.

„Ище ты выпьешъ добру повну,
По всѣхъ усюдахъ будешъ ты,
И долю гѣрку, 1) невгомону
Готовсь 2) не разъ свою клясты.
Юнона ще не довольнилась, 3)
Еи 4) злоба щобъ окошилась
Хотя бѣ на правпуклахъ твоихъ,
Но послѣ будешъ жить по пански,
И люде всѣ твои троянски
Забудуть 5) всѣхъ сихъ бѣдъ своихъ.“

1) гирьку П. К. 2) готовъ П. 3) довольнилась П. 4) ѣи П. К.
5) забудуть К.

22.

Эней 1) похнютивсь, 2) дослухався,
Сивилла що йому верзла,
Стоявъ, за голову узявся,
Не по йому ся рѣчь була.
„Трохи мене ты не морочишь,
Не росчовну, що ты пророчишь“,
Эней 3) Сивиллѣ говоривъ.
Діяволъ знае, хто въ 4) васъ бреше,
Трохи 5) минѣ було бѣ 6) не легше,
Якъ бы я Феба 7) не просивъ“.

1) Еней П. 2) похнютивсь П. 3) Еней П. 4) зъ П. К. 5) трохи бѣ
П. К. 6) було П. К. 7) Хвеба П.

23.

„Да 1) вже, що буде, то и буде,
А буде те, що Бѣгъ 2) намъ дастъ,
Не ангели жъ, 3) такіе жъ люде,

Колись намъ буде ⁴⁾ всѣмъ пропасть!
 До мене будь лишъ ты ласкава,
 Услужлива ⁵⁾ и не лукава,
 Мене до батька проведи, ⁶⁾
 Я проходився бъ рады ⁷⁾ скуки ⁸⁾
 Побачити ⁹⁾ пекельны муки,
 А ну! на звѣзды погляди ¹⁰⁾.

¹⁾ та П. К. ²⁾ Богъ П. К. ³⁾ не духи мы Н. ⁴⁾ треба П. К. ⁵⁾ послушненька П. ⁶⁾ проведи П. поведи К. ⁷⁾ ради П. К. ⁸⁾ скуки П. К. ⁹⁾ побачити П. К. ¹⁰⁾ погляди П. К.

24.

„Не першій я та й не послѣдний ¹⁾
 Піду у ²⁾ пекло ³⁾ на поклонъ,
 Орфей ⁴⁾ уже ⁵⁾ якій ⁶⁾ негідний, ⁷⁾
 Та ⁸⁾ що жъ йому зробивъ ⁹⁾ Плутонъ.
 А Геркулесъ якъ увалився,
 Дакъ ¹⁰⁾ такъ у пеклѣ розходився,
 Що всѣхъ чортякъ ¹¹⁾ порозганявъ. ¹²⁾
 А ну, черкнѣмо ¹³⁾ для ¹⁴⁾ охоты,
 Тобѣ я дамъ на двѣ овхоты, ¹⁵⁾
 Да ¹⁶⁾ ну жъ, кажи, щобъ вже я знавъ“.

¹⁾ послѣдній П. К. ²⁾ иду П. К. до К. ³⁾ пекла К. ⁴⁾ Орхвей П. ⁵⁾ хотъ П. ⁶⁾ бувъ ⁷⁾ не дуже гідний П. негідний К. ⁸⁾ да П. ⁹⁾ зробивъ П. К. ¹⁰⁾ то П. К. ¹¹⁾ чортякъ П. ¹²⁾ порозгонивъ П. ¹³⁾ геркнимъ П. К. ¹⁴⁾ а для П. К. ¹⁵⁾ якось лихоты П. ¹⁶⁾ та П.

25.

—„Огнемъ, якъ бачу ты играешъ“,
 Іому Яга дала отвѣтъ,
 „Ты пекла, бачу, ¹⁾ ще не знаешъ,
 Не милъ тобѣ уже десь ²⁾ свѣтъ.
 Не люблять ³⁾ въ пеклѣ жартоваты, ⁴⁾
 По вѣкъ ⁵⁾ тобѣ дадутся ⁶⁾ знаты, ⁷⁾
 Оттѣлко ⁸⁾ нѣсь ⁹⁾ туды посунь.
 Тобѣ тамъ буде не до чмиги, ¹⁰⁾

Якъ пѣднесуть ¹¹⁾ изъ оцтомъ ¹²⁾ фиги, ¹³⁾

То заразы вхопить ¹⁴⁾ тебе лунь“.

¹⁾ видно П. ²⁾ сей П. ³⁾ не любятъ К. ⁴⁾ жартovati П. К. ⁵⁾ отъ-тамъ П. ⁶⁾ дадутся П. ⁷⁾ знати П. К. ⁸⁾ отъ-тилько П. оттилько К. ⁹⁾ нисъ П. К. ¹⁰⁾ шмиги П. ¹¹⁾ пиднесуть П. пиднесуть К. ¹²⁾ оцъ-томъ П. ¹³⁾ хвиги П. ¹⁴⁾ вхопить К.

26.

„Коли жъ сю маешъ ты охоту

У батка въ пеклѣ побувать,

Мипѣ дай заразы за роботу,

То я пріймуся мусовать, ¹⁾

Якъ намъ у пекло ²⁾ довалитись

И тамъ на мертвыхъ подивитись:

Ты знаешъ, дурень не бере,

А хто хотъ трохи въ насъ ³⁾ тямущій,

Умѣ жить по правдѣ сущій,

То той хотъ зъ батька, то здере“.

¹⁾ мудровать П. ²⁾ до пекла К. ³⁾ у насъ хотъ трохи хто К.

27.

Покѣль ¹⁾ же що, то ты послухай

Того, що я тобѣ скажу,

И головы собѣ не чухай,

Я въ пекло стежку покажу:

Въ лѣсу великому, густому,

Непроходимому, пустому,

Якеесь дерево росте,

На пѣмъ ²⁾ кислицѣ ³⁾ не простіи ⁴⁾

Ростуть, ⁵⁾ якъ жаръ, все золотіи, ⁶⁾

А деревце те не товсте.“

¹⁾ покыль П. К. ²⁾ на немъ П. на ніомъ К. ³⁾ кислицы П. К. ⁴⁾ простыи П. простые К. ⁵⁾ растутъ К. ⁶⁾ золотыи П. золотые П.

28.

„Изъ дерева сіюго зломиты ¹⁾

Ты мусишъ гѣльку ²⁾ хотъ одну,

Безъ неи бо ни ³⁾ пѣдступиты ⁴⁾
 Не можно ⁵⁾ передъ ⁶⁾ сатану,
 Безъ гѣлки ⁷⁾ и назадъ не будешъ, ⁸⁾
 Изъ ⁹⁾ тѣломъ душу ¹⁰⁾ ты погубышъ, ¹¹⁾
 Плутонъ тебе закабалить. ¹²⁾
 Иди жъ да пыльно ¹³⁾ приглядайся,
 На всѣ чотыры ¹⁴⁾ озирайся, ¹⁵⁾
 Где ¹⁶⁾ деревце те заблещить. ¹⁷⁾

1) зломити П. К. 2) гильку П. К. 3) п К. 4) пидступити П. К.
 5) тобѣ нельзя П. 6) предъ П. 7) гильки П. К. 8) будишъ П. 9) и съ
 П. 10) и душу съ тѣломъ К. 11) погубишъ П. К. 12) закаббалить К.
 13) тилько П. 14) чотыри П. К. 15) озырайся К. 16) де П. 17) забле-
 щать К.

29.

Зломивши жъ заразъ убѣрайся, ¹⁾
 Якъ мога швидче утѣкай,
 Не становись, не оглядайся
 И уши ²⁾ чимъ ³⁾ позатыкай. ⁴⁾
 Хоть будуть ⁵⁾ голоса ⁶⁾ крычаты, ⁷⁾
 Щобъ ты оглянувся, прохаты, ⁸⁾
 Гляды, ⁹⁾ не озирайся, ¹⁰⁾ бѣжи:
 Вони щобъ тѣлко ¹¹⁾ погубыты, ¹²⁾
 То будуть все тебе маниты, ¹³⁾
 Оттутъ ¹⁴⁾ себе ты покажи. ¹⁵⁾

1) убрайся П. К. 2) уха К. 3) чѣмъ П. 4) позатыкай К. 5) бу-
 дуть К. 6) голоса К. 7) кричати П. кричати К. 8) прохати П. К. 9)
 гляди К. 10) не озирайся да П. не озырайся К. 11) тилько П. К. 12) по-
 губыти П. К. 13) манити П. К. 14) отъ-тутъ П.

30.

Яга тутъ чортъ зна где ¹⁾ дѣвалась,
 Эней ²⁾ остався тѣлко ³⁾ самъ,
 Юму все яблонь ⁴⁾ привижалась, ⁵⁾
 Покою не було очамъ.
 Шукать еи ⁶⁾ Эней ⁷⁾ попхався,

Втомивсь, засапавсь, спотикався, ⁸⁾
 Потѣмъ ⁹⁾ прійшовъ пѣдъ ¹⁰⁾ якійсь ¹¹⁾ лѣсъ,
 Коловь сердечный обѣ тернинья, ¹²⁾
 Пошарпався ввесь обѣ шепшинья, ¹³⁾
 Було таке, що ¹⁴⁾ рачки лѣзъ.

¹⁾ де П. К. ²⁾ Еней П. ³⁾ тилько П. К. ⁴⁾ яблоня П. К. ⁵⁾ зда-
 валась П. К. ⁶⁾ ѣи П. К. ⁷⁾ Еней П. ⁸⁾ спотикався П. К. ⁹⁾ покиль
 П. поки К. ¹⁰⁾ пѣдъ П. К. ¹¹⁾ темный П. К. ¹²⁾ тернину П. К. ¹³⁾ шеп-
 шину П. К. ¹⁴⁾ а де коли и П.

31.

Се лѣсъ густый бувъ несказанно,
 И сумно все въ йому було,
 Щось вило ¹⁾ тамъ безъ перестанно ²⁾ (sic)
 И страшнымъ голосомъ рехло.
 Еней, ³⁾ молитву прочитавши
 И шапку цупко ⁴⁾ пѣдвѣзавши, ⁵⁾ (sic)
 У лѣсъ въ середину пѣшовъ, ⁶⁾
 Ишовъ и утомивсь чимало,
 На дворѣ жъ вже тогдѣ ⁷⁾ смеркало,
 А яблонѣ ⁸⁾ ще не найшовъ. ⁹⁾

¹⁾ выло П. К. ²⁾ безперестанно П. К. ³⁾ Еней П. ⁴⁾ дуже П. ⁵⁾
 пѣдвѣзавши П. К. ⁶⁾ пѣшовъ П. К. ⁷⁾ тогда К. тогда вже на дворѣ
 П. ⁸⁾ яблони П. К. ⁹⁾ знайшовъ П. К.

32.

Уже вѣнъ ¹⁾ начинавъ боятись,
 На всѣ чотыры ²⁾ озирався,
 Трусивсь, та нѣкуда ³⁾ дѣватись,
 Далеко дуже ⁴⁾ въ лѣсъ забравсь.
 А дуже ⁵⁾ ще його злякало,
 Якъ щось у вочахъ ⁶⁾ засіяло,
 Оттутъ ⁷⁾ то берега пустивсь, ⁸⁾
 Та якъ же послѣ удивився,
 Пѣдъ яблунею ⁹⁾ опинився,
 За гѣлку ¹⁰⁾ заразъ ухвативсь.

1) винъ П. К. 2) чотыри П. К. 3) нукулы П. К. 4) тажко П. К.
 5) гирьше П. гирше К. 6) очахъ П. 7) отъ-тутъ П. К. 8) сердега опу-
 стивсь П. 9) якъ пидъ кислицой П. якъ пидъ кислицей К. 10) гильку
 П. К.

33.

И не подумавши ни мало,
 Напьявсь, за гѣльечку 1) смикнувъ,
 Ажъ деревце те заблищало, 2)
 И 3) заразъ гѣльку 4) отчахнувъ, 5)
 И давъ чимъ дужъ изъ лѣсу драла,
 Що ажъ земля пѣдъ 6) нимъ стогнала, 7)
 Бѣгъ такъ, що самъ себе не чувъ,
 Бѣгъ швидко, не останавливаясь,
 Увесъ объ колючки порвався, 8)
 Якъ чортъ, у репяхахъ весь бувъ.

1) гиленьку П. гилечку К. 2) затрещало П. затрѣщало К. 3) винъ
 П. 4) гильку П. К. 5) одчахнувъ П. 6) подъ П. К. 7) дрожала П. К.
 8) подрвався П. К.

34.

Прибѣгъ къ Троянцямъ, утомився 1)
 И отдохаты 2) простягнувсь,
 Якъ хлюща, потомъ весь 3) облився, 4)
 Трохи, трохи не захлинувсь. 5)
 Велѣвъ 6) зъ бычнѣ 7) волѣвъ 8) пригнаты, 9)
 Зъ вѣвцями цапа 10) припасаты 11)—
 Плутону въ жертву принести 12)
 И всѣмъ богамъ, що пекломъ правлять 13)
 И грѣшныхъ съ праведными 14) давать, 15)
 Щобъ гнѣву ихъ не навесты. 16)

1) засапався П. 2) отдыхати П. К. 3) весь К. 4) обливався П.
 5) захлебнувсь П. К. 6) звелѣвъ П. К. 7) зъ хлѣва П. зъ бычни К.
 8) воливъ П. К. 9) пригнати П. К. 10) цапивъ зъ вивцями П. К. 11)
 готовати П. 12) принести 13) правять К. 14) тормошати да П. тормо-
 шать и К. 15) давать П. давать К. 16) навести П. К.

35.

Якъ тѣлко ¹⁾ темна та пѣдхмурна ²⁾
 Изъ неба зъ слизла (sic) ³⁾ черна нѣчь, ⁴⁾
 Година жъ стала балагурна, ⁵⁾
 Якъ звѣзды повтѣкали ⁶⁾ прѣчь, ⁷⁾
 Троянцѣ ⁸⁾ все затормошались, ⁹⁾
 Завѣшталися, ¹⁰⁾ захватались ¹¹⁾
 На жертву приганять ¹²⁾ бѣкѣвъ. ¹³⁾
 Дяки съ попами позбѣрались, ¹⁴⁾
 Зовсѣмъ служити всѣ прибрались,
 Огонь роскладенный горѣвъ.

1) тилько П. К. 2) нахмурна К. та сумрачна, темна П. 3) слизла П.
 сслизла К. 4) ночь П. К. 5) дуже певна П. 6) повтѣкали К. повте-
 кали звѣздки П. 7) прочь П. К. 8) Троянцы П. К. 9) заворушились
 П. К. 10) совалясь и П. 11) камешылись П. закамешылись К. 12) при-
 гонять П. К. 13) быкивъ П. К. 14) пезбирались П. К.

36.

Пѣпъ ¹⁾ заразъ взявъ вола за роги, ²⁾
 У лобъ обухомъ зацѣдивъ
 И, взявши ³⁾ голову межъ ⁴⁾ ноги, ⁵⁾
 У черево нѣжъ ⁶⁾ засадивъ,
 И винавъ тельбухи съ кишками,
 Росклавъ гарненько ихъ рядками
 И пилю ⁷⁾ кендюхъ розглядавъ,
 Пошли (sic) ⁸⁾ Энею ⁹⁾ боже (sic) ¹⁰⁾ волю
 И всѣмъ Троянцямъ добру долю,
 Мовъ по звѣздамъ все вѣщовавъ.

1) пипъ П. К. 2) роги П. К. 3) сунувъ П. 4) мнѣжъ П. К. 5) ноги
 П. К. 6) ему нѣжъ въ пузо П. нѣжъ въ черево К. 7) тилько П. пи-
 льно К. 8) послѣ П. К. 9) Енею П. 10) божу П. К.

37.

Якъ тутъ зъ скотиною возылись ¹⁾
 И харамаркалы ²⁾ дяки,

Якъ вѣвцѣ ³⁾ и цапи ⁴⁾ дровичись,
 Въ рѣзницяхъ мовъ ревли быки,
 Сивилла тутъ где ⁵⁾ не ⁶⁾ взялася,
 Запѣнилася, ⁷⁾ затряслася ⁸⁾
 И галасъ заразы пѣдняла: ⁹⁾
 „Къ чортамъ всѣ ¹⁰⁾ швидче утѣжайте, ¹¹⁾
 Мене зъ Энеемъ ¹²⁾ оставляйте, ¹³⁾
 Не ждѣть, ¹⁴⁾ щобъ тришія дала!“

1) возились П. К. 2) харамархали П. харамархали К. ³⁾ вивци
 П. К. ⁴⁾ цапы П. К. ⁵⁾ де К. ⁶⁾ ни К. ⁷⁾ запѣнилася и вся П. ⁸⁾ тря-
 слася П. и тряслася К. ⁹⁾ пидняла П. К. ¹⁰⁾ вы П. К. ¹¹⁾ всѣ из-
 гинѣте П. К. ¹²⁾ Енеемъ П. ¹³⁾ тутъ повинѣте П. К. ¹⁴⁾ не ждѣть П. К.

38.

„А ты“, мовляла ко Энею, ¹⁾
 „Моторный, смѣлый молодець,
 Прощайся зъ юрбою ²⁾ своею,
 Ходѣмъ ³⁾ у пекло, где ⁴⁾ отецъ.
 Насъ вѣнѣ ⁵⁾ давно вже ожидае ⁶⁾
 И, може, безъ тебе скучае,
 А ну, пора чемчиковать, ⁷⁾
 Возьми на плечи зъ ⁸⁾ хѣбкомъ клунокъ, а)
 Нехай іому лихій парсунокъ, ⁹⁾ б)
 Якъ голодомъ намъ помирать. ¹⁰⁾ в)

1) и къ Енею П. 2) юрбою П. 3) ходимъ П. К. 4) тамъ П. К.
 б) твій П. К. 6) дожидаетъ П. К. 7) чищиковать (sic) П. К. 8) съ К.
 9) прасунокъ К. 10) помирать К.

а) Возьми въ дорогу хлѣба, соли,
 б) Щобъ не дойти до гѣркой доли:
 в) Изъ голоду не помирать. П.

39.

„Не йды ¹⁾ въ дорогу безъ запасу,
 Бо фѣсть ²⁾ отъ голоду ³⁾ пѣджмешъ ⁴⁾
 И де, где ⁵⁾ иншого ты часу

Ни ⁶⁾ крыхты ⁷⁾ хлѣба не вбачнешь. ⁸⁾
 Я въ пекло стежку протоптала,
 Я тамъ не разъ, не два бувала,
 Я знаю тамошній ⁹⁾ народъ,
 Дорожки всѣ и ¹⁰⁾ уголочки,
 Всѣ закамарочки, ¹¹⁾ куточки ¹²⁾
 Уже не першій ¹³⁾ знаю годъ“.

¹⁾ не йди П. К. ²⁾ хвистъ К. ³⁾ на що-серце хвистъ П. ⁴⁾ пид-
 гнешь П. надмешъ К. ⁵⁾ де П. ⁶⁾ и П. К. ⁷⁾ крихты П. К. ⁸⁾ най-
 дешъ П. К. ⁹⁾ тамошній П. К. ¹⁰⁾ всѣ П. К. ¹¹⁾ закоморки П. ¹²⁾ всѣ
 куточки П. ¹³⁾ не первый П. К.

40.

Эней ¹⁾ въ сю путь якъ разъ зибрався, ²⁾
 Шкаповы чоботы обувъ, ³⁾
 Пѣдтикався, ⁴⁾ пѣдперезався ⁵⁾
 И поясъ цупко пѣдтягнувъ, ⁶⁾
 А въ руки добру взявъ гирлигу ⁷⁾
 Оборонять ⁸⁾ сѣдую ⁹⁾ фігу, ¹⁰⁾
 Якъ лучится где, ¹¹⁾ отъ собакъ,
 А послѣ за руки взялися,
 Пряпцемъ до пекла поплелися,
 Пѣшли ¹²⁾ у гостѣ ¹³⁾ до чортякъ.

¹⁾ Еней П. ²⁾ зобрався П. ³⁾ набувъ П. К. ⁴⁾ пидтыкався П. К.
⁵⁾ пидперезався П. К. ⁶⁾ пидтягнувъ П. К. ⁷⁾ дручину П. К. ⁸⁾ обо-
 роняти К. ⁹⁾ злу К. сѣду П. ¹⁰⁾ личину П. К. ¹¹⁾ де П. ¹²⁾ пишли
 П. К. ¹³⁾ у гости П. на прощу К.

41.

Теперь я ¹⁾ думая, гадаю,
 Трохи не годѣ ²⁾ вже писать,
 Изъ роду пекла я не знаю,
 Не смѣю ³⁾ жъ далебу ⁴⁾ брехать.
 Хиба, читатели, пождѣте, ⁵⁾
 Вгамуйтеь трохи, не гоните, ⁶⁾

Пѣду ⁷⁾ я до людей старыхъ,
 Щобъ ихъ о ⁸⁾ пеклѣ роспитаты ⁹⁾
 И попрошу ихъ розказаты, ¹⁰⁾
 Що чули отъ дѣдѣвъ ¹¹⁾ своихъ.

¹⁾ же П. К. ²⁾ годи П. К. ³⁾ выѣю П. К. ⁴⁾ далеби П. К. ⁵⁾ по-
 ждите П. К. ⁶⁾ галите К. ⁷⁾ пиду П. К. ⁸⁾ обѣ П. ⁹⁾ роспытати П. К.
¹⁰⁾ розказати П. К. ¹¹⁾ дѣдѣвъ П. К.

42.

Виргилій же—нехай царствуе!
 Розумненькій бувъ чоловѣкъ,
 Нехай не вадить, ¹⁾ якъ не чуе,
 Да ²⁾ вдавний ³⁾ дуже живъ вѣнъ вѣкъ.
 Не такъ теперъ и въ пеклѣ стало,
 Якъ въ старину ⁴⁾ колись бувало,
 То вѣнъ не такъ ⁵⁾ и пописавъ. ⁶⁾
 Я, може, що-нибудь прибавлю,
 Перемѣню и що оставляю,
 Писну ⁷⁾—якъ отъ старыхъ чувавъ.

¹⁾ вадить К. ²⁾ бо П. та К. ³⁾ въ давній П. вдавний К. ⁴⁾ въ ста-
 рину П. К. ⁵⁾ и якъ покійникъ П. К. ⁶⁾ написавъ П. К. ⁷⁾ писну П.

43.

Эней зъ ¹⁾ Сивиллою хватались,
 До пекла швидче щобъ прійты, ²⁾
 И дуже пишно ³⁾ приглядались,
 До пекла ⁴⁾ дѣры ⁵⁾ якъ найты. ⁶⁾
 Якъ ось передъ якусь гору
 Прійшли ⁷⁾ и въ ней глибоку ⁸⁾ нору
 Найшли ⁹⁾ и вскочили ¹⁰⁾ туда. ¹¹⁾
 Пѣшли ¹²⁾ пѣдъ ¹³⁾ землю темнотою,
 Эней ¹⁴⁾ все мадався ¹⁵⁾ рукою,
 Щобъ не ввалитися куда. ¹⁶⁾

¹⁾ Евей П. съ К. ²⁾ прійти П. К. ³⁾ ильню П. К. ⁴⁾ туда щобъ ⁵⁾
 дѣры П. К. ⁶⁾ найти П. К. ⁷⁾ прійшли П. К. ⁸⁾ глубину П. К. ⁹⁾ нашли

П. К. ¹⁰) вскочили П. К. ¹¹) туды П. К. ¹²) пишли П. К. ¹³) пидъ П.
К. ¹⁴) Еней П. ¹⁵) щупався П. К. ¹⁶) куды П. К.

44.

Ся улица вела у пекло,
Була вонюча и кална, ¹⁾
У ий ²⁾ и въ день було якъ ³⁾ смеркло,
Отъ дыму вся була чадна.
Жила зъ сестрою тутъ дремота, ⁴⁾
Сестра же звалася зѣвота,
Поклонъ ий ⁵⁾ первый ⁶⁾ отдали ⁸⁾
Тѣмасю ⁸⁾ нашему ⁹⁾ Энею ¹⁰⁾
Зъ іого старою попадею
И послѣ далѣ провели. ¹¹⁾

¹⁾ грязна П. К. ²⁾ у ней П. К. ³⁾ мовъ П. К. ⁴⁾ дрѣмота П. К.
⁵⁾ си П. К. ⁶⁾ перве П. К. ⁷⁾ отдали П. К. ⁸⁾ тѣмахъ П. тѣ-
масъ К. ⁹⁾ нашему К. ¹⁰⁾ Енею П. ¹¹⁾ провели П. К.

45.

А далѣ ¹⁾ смерть до артикулу
Имъ воздала ²⁾ косою честь,
Въ передѣ ³⁾ стоя калавуру, ⁴⁾
Якій ⁵⁾ у ѣи мосцѣ ⁶⁾ есть:
Чума, война, харцизство, голодъ, ⁷⁾
Короста, трясця, парши, холодъ, ⁸⁾
За сими жъ ⁹⁾ тутъ стоялы ¹⁰⁾ въ рядъ—
Кѣрь, ¹¹⁾ вѣспа, ¹²⁾ полудѣ, бешиха
И всѣ мирянски, ¹³⁾ знаешъ, лиха,
Що насъ безъ милости морять. ¹⁴⁾

¹⁾ потимъ П. К. ²⁾ отдала П. К. ³⁾ напередъ П. К. ⁴⁾ калавуру П.
К. ⁵⁾ яви П. К. ⁶⁾ мосци П. К. ⁷⁾ холодъ П. К. ⁸⁾ голодъ П. К. ⁹⁾ за
нею жъ П. К. ¹⁰⁾ стоялы П. К. ¹¹⁾ коръ П. К. ¹²⁾ виспа П. К. ¹³⁾ мі-
рянски П. К. ¹⁴⁾ морять П. К.

46.

Еще ¹⁾ жъ не все тутъ окошилось,
Ище брила ²⁾ ватага лихъ,

За смертію слѣдомъ ³⁾ валилось,
 Жѣпокъ, ⁴⁾ свекрухъ и мачухъ злыхъ,
 Вѣтчимы ⁵⁾ шли, тестѣ ⁶⁾ скупяги,
 Зятѣ ⁷⁾ и свояки мотяги, а)
 Сердиты шурины, братья,
 Зовицѣ, ⁸⁾ невѣстки, ⁹⁾ ятровки,
 Що все гризутся ¹⁰⁾ безъ умовки,
 И всяки тутъ були ¹¹⁾ каты.

¹⁾ ище П. Б. ²⁾ брѣла К. брела Ж. ³⁾ у слѣдъ П. ⁴⁾ жинокъ П.
 К. ⁵⁾ вотчимы П. К. ⁶⁾ тести П. К. ⁷⁾ зятя К. ⁸⁾ зовици П. К. ⁹⁾ бра-
 товы П. ¹⁰⁾ гризутся П. К. ¹¹⁾ були П. К.
 а) Були и наши побродяги П.

47.

Якіесь ¹⁾ злиднѣ ²⁾ ще стоялы, ³⁾
 Жовалы ⁴⁾ все въ зубахъ папѣръ, ⁵⁾
 Въ рукахъ каламарѣ ⁶⁾ держалы, ⁷⁾
 За уха ⁸⁾ жъ настромлялы пѣръ:
 Се все десятички ⁹⁾ та соцкіе,
 Началники, ¹⁰⁾ пѣвки людскіе
 И всѣ прокляты писарѣ, ¹¹⁾
 Исправники всѣ ваканцовы, ¹²⁾
 Судѣи да стряпчи безъ толковны, (sic) ¹³⁾
 Повѣренны, секретарѣ. ¹⁴⁾

¹⁾ якісь П. ²⁾ злиднѣ П. К. ³⁾ стоялы П. Ж. ⁴⁾ жовалы П. К.
⁵⁾ папирѣ П. К. ⁶⁾ каламари П. К. ⁷⁾ держалы П. К. ⁸⁾ уши П.
⁹⁾ десятички К. ¹⁰⁾ начальники П. К. ¹¹⁾ писари П. К. ¹²⁾ ваканціовы П.
¹³⁾ безтолковы П. К. ¹⁴⁾ секретари П. К.

48.

За сими шли ¹⁾ святы понуры,
 Що не дивилися ²⁾ на свѣтъ,
 Смиреной ³⁾ були ⁴⁾ натуры,
 Складали ⁵⁾ руки на живѣтъ, ⁶⁾
 Умылно ⁷⁾ Богу все молились,
 На тиждень днѣвъ ⁸⁾ по три ⁹⁾ постились ¹⁰⁾

И въ слухъ не лаялы ¹¹⁾ людей,
 На чоткахъ ¹²⁾ миръ ¹³⁾ пересуждали
 И въ день никола не гулялы, ¹⁴⁾
 Родили жъ мертвыхъ все дѣтей. а)

1) йшли П. 2) дивились и П. К. 3) смирененькой П. 4) були П.
 5) складали П. К. 6) живить П. К. 7) умилно П. К. 8) дни К. 9) по
 три дни П. 10) постились П. К. 11) лаялы П. К. 12) но тихо П 13) миръ
 К. 14) гулялы П. К.

а) Въ ночи жъ було не безъ гостей П. К.

49.

Насупротивъ сихъ окаянницъ ¹⁾
 Кварталь бувъ цѣлый ²⁾ волоцюгъ,
 Мандріохъ, куровъ, ³⁾ ярижницъ, пьяницъ, ⁴⁾
 И бахуровъ ⁵⁾ на цѣлый плугъ
 Зъ ⁶⁾ обстриженными головами,
 Зъ ⁷⁾ пѣдрѣзанными ⁸⁾ пеленами,
 Стоялы пліохы ⁹⁾ наголо,
 И панночокъ фильтифкетныхъ,
 Лакеевъ ¹⁰⁾ гарныхъ и дотепныхъ
 Багацко ¹¹⁾ дуже ¹²⁾ щось було.

1) окаянныхъ П. окаяницъ К. 2) була ватага П. 3) моргухъ,
 мандріохъ К. 4) фиглярокъ притаманныхъ П. пьяницъ К. 5) бахурихъ
 П. К. 6) съ П. 7) съ П. 8) пидрѣзанными П. пидризанними К. 9) вони
 стояли П. стояли фліорки К. 10) ласкавыхъ П. 11) багацко П. К.
 12) вельми П.

50.

И молодциѣ ¹⁾ молоденьки,
 Що вийшли ²⁾ замужъ за старыхъ,
 Що всякій разъ ³⁾ були раденьки
 Потѣшитъ ⁴⁾ парнѣвъ ⁵⁾ молодыхъ,
 И тѣ тутъ молодцѣ ⁶⁾ стоялы, ⁷⁾
 Що недотепнымъ помагали ⁸⁾
 Для ихъ ⁹⁾ наслѣдство ¹⁰⁾ расплодитъ,
 А дѣты ¹¹⁾ гуртовы ¹²⁾ крычалы, ¹³⁾

Своихъ пайматовъ ¹⁴⁾ проклинали, ¹⁵⁾

Що не дали на свѣтѣ жить.

1) молодежи П. К. 2) вышли П. 3) часъ П. К. 4) принадлежать П.
 5) хлопивъ П. парнивъ К. 6) молодцы К. дядины П 7) стояли П. К.
 8) помогали П. К. 9) нихъ П. К. 10) сѣмейку К. семейку П. 11) дѣти
 К. 12) маленьки дѣты тамъ П. 13) кричали П. К. 14) паньматовъ П. К.
 15) проклинали П. К.

51.

Эней хотъ силно ¹⁾ тутъ дивився

Такѣй ²⁾ великій ³⁾ новинѣ, ⁴⁾

Та вже отъ страху такъ трусився,

Мовъ сидя охляпъ на конѣ.

Побачивши ⁵⁾ ище изъ далѣ, ⁶⁾

Яки тамъ дива плазовали, ⁷⁾

Кругомъ куда ни поглядышъ, ⁸⁾

Злякавъ, къ Сивиллѣ прихилився,

Хватавъ за полы ⁹⁾ и тулився,

Мовъ отъ kota въ коморѣ ¹⁰⁾ мышь.

1) Еней П. сильно П. К. 2) такой П. такій К. 3) великой П. 4)
 новинѣ П. К. 5) побачивши жъ П. К. 6) издали К. 7) плазовали П.
 К. 8) поглядышъ П. К. 9) за плахту П. за дергу К. 10) въ засѣцѣ П.

52.

Тутъ вешталися ¹⁾ великаны,

Мавки, вѣдьми и ²⁾ упирѣ, ³⁾

Арапы чорны, злы, ⁴⁾ поганы,

Зъ рогами, мовъ булы ⁵⁾ турѣ, ⁶⁾

Верблюды зъ страшными ⁷⁾ горбами

И гадъ изъ острыми жалами,

Кипѣли, ⁸⁾ корчились, повзлы, ⁹⁾

Огненны ¹⁰⁾ изъ ¹¹⁾ крылами зміи,

Въ пѣвъ ¹²⁾ локтя бѣлы ¹³⁾ кощеи, ¹⁴⁾

На куричихъ ногахъ козлы.

1) вертѣлися тутъ П. 2) русалки, вѣдьмы П. 3) упири П. 4) и
 П. 5) були П. 6) тури П. 7) страшными П. 8) шицѣли П. 9) повзлы П.
 10) огненны П. 11) зъ П. 12) съ пивъ П. 13) бѣгали П. 14) кощія П.

53.

Зъ ненаскихъ ¹⁾ же булы Горгоны,
 Кантавры, ²⁾ грифы, Біарей,
 Химеры, карлы, геріоны ³⁾
 И жовтыхъ бугскихъ тма ⁴⁾ ужей.
 Эней ⁵⁾ хотѣвъ тутъ показатись,
 Що будто вѣнь ⁶⁾ не зна боятись,
 Трощать було задумавъ чудъ,
 Но за руки іого вхопила ⁷⁾
 Сивилла и отговорила, ⁸⁾
 Шобъ не заходивъ дурно въ трудъ.

¹⁾ ненаски П. ²⁾ кентаври П. ³⁾ гариагоны П. ⁴⁾ тьма П. ⁵⁾ Еней
 П. ⁶⁾ винъ П. ⁷⁾ схопила П. ⁸⁾ отговорила П.

54.

И въ далнѣйшій ¹⁾ путь потаскала, ²⁾
 Не баскалився бѣ ³⁾ та ⁴⁾ ишовъ,
 И такъ то швидко ⁵⁾ поспѣшала, ⁶⁾
 Эней ⁷⁾ не чувъ ажъ пѣдошовъ, ⁸⁾
 Хватаючися за ягою.
 Якъ ось узрѣли предъ собою
 Черезъ рѣчку въ пекло перевѣзъ. ⁹⁾
 Ся рѣчка Стиксомъ называлась,
 Сюда ¹⁰⁾ ватага душъ збѣралась, ¹¹⁾
 Щобъ хто на той бѣкъ ¹²⁾ перевѣзъ.

¹⁾ Сивилла въ дальшій К. ²⁾ таскала К. ³⁾ не скалився бы П.
⁴⁾ да К. ⁵⁾ швиденько П. К. ⁶⁾ мандровала П. ⁷⁾ Еней П. ⁸⁾ пидо-
 шовъ П. К. ⁹⁾ перевозъ П. перевизъ К. ¹⁰⁾ сюды П. К. ¹¹⁾ збиралась
 П. К. ¹²⁾ бигъ П. К.

55.

И перевѣзникъ ¹⁾ тутъ явився,
 Якъ цыганъ ²⁾ тварью смуглый ³⁾ бувъ,
 Отъ сонця весь ⁴⁾ вѣнь ⁵⁾ попалився

И губы, мовъ арапъ, ⁶⁾ отдувъ.
 Очища въ лобъ позападали,
 Сметаною позапливали, ⁷⁾
 А голова вся въ ковтунахъ,
 Изъ рота слина все котилась,
 Якъ клочья, ⁸⁾ борода избилась, ⁹⁾
 Всѣмъ задававъ собою страхъ.

¹⁾ перевозчикъ П. К. ²⁾ цыганъ П. К. ³⁾ смуглой твари П. смуглой
 церы К. ⁴⁾ весь П. К. ⁵⁾ винъ П. К. ⁶⁾ пузырь П. ⁷⁾ позапливали
 П. К. ⁸⁾ клочье П. повстка К. ⁹⁾ скомшплась П. К.

56.

Сорочка связана ¹⁾ узлами,
 Держалась всилу ²⁾ на плечахъ,
 Посплѣтованна ³⁾ мотузками,
 Якъ рѣшето, була въ дѣркахъ, ⁴⁾
 Замазанна була на палець,
 Засаленна, ⁵⁾ ажъ капавъ смалець,
 Обутый въ драны постолы,
 Въ дирки ⁶⁾ онучи волочились,
 Зовсѣмъ, хотъ вижми, ⁷⁾ помочились,
 Пошарпаны штаны булы.

¹⁾ звязана П. К. ²⁾ въ силу П. К. ³⁾ попрочецлена П. К. ⁴⁾ въ
 диркахъ П. К. ⁵⁾ завалена П. ⁶⁾ изъ диръ П. К. ⁷⁾ вижми П. К.

57.

За поясъ лико ¹⁾ отвѣчало,
 На йому висѣвъ гаманецъ,
 Тютюнъ, и люлька, и кресало,
 Лежали губка, кременецъ.
 Харономъ перевозчикъ ²⁾ звався,
 Собою дуже величався,
 Бо и не вшутку ³⁾ бувъ божокъ.
 Зъ крючкомъ веселцемъ ⁴⁾ погрѣбався, ⁵⁾

По Стиксу ⁶⁾ прудко човномъ ⁷⁾ мчався,
Легкій бувъ човенъ, якъ стружокъ. ⁸⁾

¹⁾ лько П. К. ²⁾ перевизчикъ П. ³⁾ бо й не на шутку П. ⁴⁾ весельцемъ П. ⁵⁾ погрибався П. К. ⁶⁾ по Стиксови П. К. ⁷⁾ якъ стрилка П. К. ⁸⁾ пушокъ П. К.

58.

На ярмарку ¹⁾ якъ слобожане,
Або на красному торгу
До рыбы товпятся ²⁾ миряне, ³⁾
Було на сіому такъ лугу.
Душа товкала душу въ боки
И скрыготали, ⁴⁾ якъ ⁵⁾ сороки,
Той пхавсь, той сунувсь, иный ⁶⁾ лѣзь,
Всѣ мялися, перебѣрались, ⁷⁾
Кричали, ⁸⁾ спорились ⁹⁾ и рвались,
И всякъ хотѣвъ, іого щобъ вѣзь ¹⁰⁾

¹⁾ на ярмалѣцѣ П. ²⁾ товплятсѣ П. К. ³⁾ міряне П. К. ⁴⁾ скриготали К. щекотали П. ⁵⁾ мовъ П. К. ⁶⁾ иншій П. инчій К. ⁷⁾ перебирались П. К. ⁸⁾ кричали П. К. ⁹⁾ спорили П. К. ¹⁰⁾ визъ П. К.

59.

Якъ гуща въ сировцѣ играе,
Шипять, ¹⁾ якъ киснуть ²⁾ буряки,
Якъ противъ сонця рѣй ³⁾ гуляе,
Гулы ⁴⁾ сѣ ⁵⁾ такъ небораки,
Харона плачучи прохали,
До іого руки протягали, ⁶⁾
Щобъ взявъ зъ собою на каюкъ,
Но сей плачу того дайдуже, (sic) ⁷⁾
На прозбы уважавъ ⁸⁾ байдуже, ⁹⁾
Злый зъ сина ¹⁰⁾ бувъ старый диндукъ (sic). ¹¹⁾

¹⁾ шипять П. К. ²⁾ кваснуть К. ³⁾ рій П. К. ⁴⁾ гули П. К. ⁵⁾ си П. К. ⁶⁾ простягали П. К. ⁷⁾ байдуже П. К. ⁸⁾ винъ глядѣвъ П. ⁹⁾ не дуже П. К. ¹⁰⁾ сына П. К. ¹¹⁾ дундукъ П. К.

60.

И знай що все весломъ махае
 И въ морду тиче ¹⁾ хочъ кому,
 Отъ каюка всѣхъ отганяе, ²⁾
 А по выбору своему,
 По тропечку въ човенъ сажаетъ
 И заразъ човенъ отпихаетъ, ³⁾
 На другій перевозить ⁴⁾ бѣкъ, ⁵⁾
 Кого жъ не возьме, якъ затнется,
 Тому сидѣти доведеться
 Небѣсь ⁶⁾ и цѣлый може вѣкъ.

¹⁾ тиче П. К. ²⁾ одганяе П. ³⁾ одпихаетъ П. ⁴⁾ перевозить К. ⁵⁾ бикъ П. К. ⁶⁾ не бойсь П. гляди К.

61.

Эней въ кагалъ сей якъ убрався,
 Щобъ зъ ближитися (sic) ¹⁾ къ порому,
 То съ Полинуромъ ²⁾ повстрѣчався,
 Штурмановавъ ³⁾ що при іому.
 Тутъ Полинуръ преднимъ ⁴⁾ (sic) заплакавъ,
 О ⁵⁾ долѣ ⁶⁾ злѣй ⁷⁾ своѣй ⁸⁾ балакавъ,
 Що черезъ рѣчку не везуть. ⁹⁾
 Но баба заразъ розлучила,
 Энею въ батка ¹⁰⁾ загвоздила, а)
 Щобъ довго не базѣкавъ ¹¹⁾ тутъ.

²⁾ зближитися П. К. ²⁾ Полинуромъ П. К. ³⁾ що штурманомъ бувъ П. ⁴⁾ Полинуръ предъ нимъ П. К. ⁵⁾ про П. К. ⁶⁾ долю П. К. ⁷⁾ злу П. К. ⁸⁾ свою П. К. ⁹⁾ везуть К. ¹⁰⁾ въ батька К. ¹¹⁾ базикавъ П. К.

а) Енея къ батьку потащила П.

62.

Попхались къ берегу поближе,
 Пришли на ¹⁾ самый перевѣзъ, ²⁾
 Гдѣ ³⁾ засмалціованный ⁴⁾ дѣдище ⁵⁾

Вередовавъ, мовъ ⁶⁾ въ пеклѣ ⁷⁾ бѣсъ,
 Крычавъ, ⁸⁾ мовъ будто ⁹⁾ навѣженный, ¹⁰⁾
 И кобенывъ ¹¹⁾ народъ крещеный, ¹²⁾
 Якъ водится ¹³⁾ въ шинкахъ у насъ:
 Досталось родичамъ сердечнымъ,
 Не дуже лаявъ словомъ гречнымъ,
 Нехай вже несятъ ¹⁴⁾ въ добрый часъ.

1) иидъ К. 2) перевизъ К. 3) де П. где К. 4) засмальцованный П. К. 5) дѣдыще П. К. 6) якъ П. К. 7) греблѣ П. К. 8) кричавъ П. К. 9) будто К. 10) навигенный П. К. 11) кобенивъ П. К. 12) крещеный П. К. 13) водиться П. 14) зносить П. зносятъ К.

63.

Харонъ, гостей такихъ узрѣвши,
 Оскѣлками ¹⁾ на нихъ ²⁾ дививсь, ³⁾
 Якъ быкъ скаженный заревѣвши,
 Запѣнявився ⁴⁾ и заливсь: ⁵⁾
 „Вѣдкѣль ⁶⁾ такіе ⁷⁾ се мандріюхи?
 И такъ уже васъ тутъ не трохи—
 Якого чорта вы прійшли?
 Бачъ, ⁸⁾ треба ⁹⁾ хаты холодити, ¹⁰⁾
 Васъ треба такъ опроводити, ¹¹⁾
 Щобъ вы и мѣсця не знайшли. ¹²⁾

1) оскѣлками К. 2) на нихъ изкоса П. 3) подививсь П. 4) запѣнявивсь дуже П. К. 5) озливсь П. К. 6) видкѣль П. К. васъ К. 7) такіи П. К. 8) хйба П. 9) щобъ П. 10) холодити П. К. 11) опроводити П. К. 12) найшли П. К.

64.

„Геть прѣчь ¹⁾ вѣдсѣль! вбѣрайтесь ²⁾ къ чорту,
 А то ³⁾ потилишника ⁴⁾ дамъ,
 Побью всю пизу, ⁵⁾ зубы, морду,
 Що ⁶⁾ не пѣзна ⁷⁾ васъ чортъ и ⁸⁾ самъ!
 И іонъ же якъ захрабровалы, ⁹⁾
 Живы ¹⁰⁾ сюда ¹¹⁾ примандровалы, ¹²⁾

Бачъ, гирявы, чого хотять! ¹³⁾
 Не дуже я на васъ похваплюсь, ¹⁴⁾
 Тутъ зъ мертвыми ось не управлюсь,
 Що такъ надъ шією ¹⁵⁾ стоять. “ ¹⁶⁾

¹⁾ прочъ П. пречъ К. ²⁾ вбирайтесь видциль П. К. ³⁾ я вамъ П. К. ⁴⁾ потыличника П. потылишника К. ⁵⁾ шыку П. К. ⁶⁾ ажъ П. К. ⁷⁾ позна П. пизна К. ⁸⁾ дѣдько П. К. ⁹⁾ захрабровали П. К. ¹⁰⁾ що и живы П. ¹¹⁾ сюды К. ¹²⁾ примандровали П. К. ¹³⁾ хотять К. ¹⁴⁾ похваплюсь П. К. ¹⁵⁾ такъ и надъ шією П. ¹⁶⁾ стоятъ К.

65.

Сивилла бачить, що не шутка,
 Бо дуже сердится ¹⁾ Харонъ,
 Эней же бувъ собѣ плохутка, а)
 Дала старыганю поклонъ.
 „Та ну, на васъ лишъ придивися“,
 Сказала, „дуже не гнѣвися,
 Не самы мы пришли ²⁾ сюда, ³⁾
 Хиба жъ мене ты не пѣзнаешъ, ⁴⁾
 Що такъ кричишъ на васъ, гукаешъ,
 Отсе ⁵⁾ невиданска ⁶⁾ бѣда! ⁷⁾

¹⁾ сердися П. ²⁾ прійшли П. ³⁾ сюды П. К. ⁴⁾ пизнаешъ П. К. ⁵⁾ оце П. К. ⁶⁾ невиданы П. К. ⁷⁾ бѣды П. К.

а) И щобъ не здѣлалась поцудка П.

66.

„Ось глянся, ¹⁾ що отце ²⁾ такее,
 Утихомирся, ³⁾ не бурчи,
 Ось деревце, глянь, ⁴⁾ золотее,
 Теперъ ⁵⁾ же, коли хочъ, ⁶⁾ мовчи!“
 А далѣ ⁷⁾ дрѣбно ⁸⁾ розказала,
 Кого у пекло ⁹⁾ провожала,
 До кого, якъ, про що, зачимъ.
 Харонъ же заразъ схаменувся,
 Разѣвъ ¹⁰⁾ съ чотыры ¹¹⁾ погребнувся
 И каючкомъ причаливъ къ нимъ.

- 1) глянься П. К. 2) оце П. К. 3) утихомирься П. 4) бачь П. К.
 5) тецерь П. К. 6) хочь П. К. 7) потимъ все П. К. 8) дрибно П. К.
 9) до пекла К. 10) разивъ П. К. 11) чотыри П. К.

67.

Эней 1) съ Сиваллою своею
 Не мешкавши 2) въ човень 3) въ вѣйшы (sic), 4)
 Калною 5) рѣчкою сѣю 6)
 На той бѣкъ 7) въ пекло поплы. 8)
 Вода въ расколины лилася,
 Що ажъ Сивилла пѣднялася, 9)
 Эней 10) боявсь, щобъ не втонуть,
 Но панъ Харонъ нашъ потрудився,
 На той бѣкъ 11) такъ перехватився,
 Що нѣльзя 12) окомъ измигнуть. 13)

- 1) Еней П. 2) швиденько П. не мѣшкавши Ж. 3) въ човничокъ
 П. 4) вошли П. ввійшли К. 5) калною П. К. 6) сѣю П. К. 7) бикъ
 П. К. 8) поплыли П. К. 9) пиднялася П. К. 10) Еней П. 11) бикъ П.
 К. 12) нельзя П. К. 13) измыгнуть П. К.

68.

Приставши висадывъ 1) на землю,
 Копѣйку взявъ вѣнь 2) за труда, 3)
 За працювиту 4) свою 5) греблю,
 И що 6) сказавъ, иты 7) куда. 8)
 Прійшовши (sic) 9) вѣдсѣль 10) гѣнь 11) издвое, 12)
 Побравшись за руки обое,
 Побачили, що ось лежить 13)
 У бурьянѣ бровко моругій, 14)
 Тры 15) головѣ 16) мавъ пестъ сей мурый,
 Вѣнь 17) на Энея 18) загарчавъ.

- 1) высадивъ П. К. 2) узавъ копѣйку П. 3) труды П. К. 4) пра-
 цювиту(ю) П. 5) винъ П. 6) ище П. 7) ити П. К. 8) куды П. К. 9) прой-
 шовши П. К. 10) видцплъ П. К. 11) гонивъ П. К. 12) въ двое П. К. 13) ле-
 жавъ П. К. 14) мургурый П. 15) три П. К. 16) головы П. К. 17) винъ
 П. К. 18) Энея П.

69.

Загавкавъ рѣзко ¹⁾ въ ²⁾ три языки,
 Уже бувъ кинувсь и кусать,
 Эней ³⁾ пѣднявъ ⁴⁾ тутъ крыкъ ⁵⁾ великій,
 Хотѣвъ чимъ дужь ⁶⁾ назадъ втѣкать,
 Но ⁷⁾ баба хлѣбъ бровку шпурнула
 И горло глетьякомъ заткнула,
 То вѣнъ ⁸⁾ за кормомъ и погнавсь,
 Эней ⁹⁾ же зъ бабою старою—
 То сякъ, то такъ, попѣдъ ¹⁰⁾ рукою
 Тихенько отъ бровка украсься. ¹¹⁾

¹⁾ грізно П. ²⁾ загавкавши на три языки П. ³⁾ Еней П. ⁴⁾ пид-
 нявъ П. К. ⁵⁾ крикъ П. К. ⁶⁾ дужь П. К. ⁷⁾ ажъ П. К. ⁸⁾ винъ П.
 К. ⁹⁾ Еней П. ¹⁰⁾ попиждъ П. К. ¹¹⁾ убравсь П. К.

70.

Теперь Эней ¹⁾ убравсь у ²⁾ пекло,
 Прійшовъ совсѣмъ на иншій свѣтъ,
 Тамъ все поблѣдло и поблекло,
 Зеленого ничего нѣтъ. а)
 Тамъ тѣлко ³⁾ туманы велики,
 Тамъ чути ⁴⁾ жалобныя ⁵⁾ крики,
 Тамъ мука грѣшнымъ не мала.
 Эней ⁶⁾ зъ Сивиллою глядѣлы, ⁷⁾
 Якін ⁸⁾ муки тутъ ⁹⁾ терпѣлы, ¹⁰⁾
 Якая кара всѣмъ була.

¹⁾ Еней П. ²⁾ ввалився въ П. убрався въ К. ³⁾ тилько П. К.
⁴⁾ чутны П. К. ⁵⁾ жалобныи П. ⁶⁾ Еней П. ⁷⁾ глядѣли П. К. ⁸⁾ яки
 П. ⁹⁾ тутъ муки всѣ П. ¹⁰⁾ терпѣли П. К.

а) Нема ни мѣсяца, ни звѣздъ П. К.

71.

Смола тамъ въ безднѣ ¹⁾ клетотѣла
 И грѣлася и въ ²⁾ казанахъ,
 Живыця, ³⁾ сѣрка, нефть кипѣла,

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1900 годъ.

Имѣя цѣлю знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1900 годъ.

Въ Ученныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на конкурснныя награды; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничѣ книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнню коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

ОТЪРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на

общественно - педагогическую и литературную еженедѣльную газету

„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“

съ приложеніемъ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (Г. XII).*подъ редакціей М. Виноградова.*

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., на полгода— 3 руб., и на 3 мѣс. 2 р.; для *начальныхъ школъ и народныхъ учителей*—4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей. Мѣ-овъ за прежніе годы «Школьнаго Обозрѣнія» не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 г. можно получать по *два* руб., и 1895 и 1896 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при нынѣшнѣйшій газетѣ за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ представляется помѣщать *бесплатно* всякія объявленія относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихся и учащихся.

Вышедшія ММ „Жизнь и Школа“ и „Школьнаго Обозрѣнія“ тек. т., по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ—одиннадцатый *бесплатно.*

Подписка принимается въ главной конторѣ „Жизнь и Школа“ и «Школьнаго Обозрѣнія»: С.-Петербургъ, Загородный пр. 34.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ
на областную общественную и литературную газету-журналъ

„ДНІПРОВСКАЯ МОЛВА“

(второй годъ изданія)

выходить въ г. Екатеринославѣ по воскресеньямъ, въ форм. и объемѣ

„НЕДѢЛН“.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Руководящія статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. 3) Статьи по исторіи Приднѣпровскаго края, преимущественно Новороссіи, а также по этнографіи и археологіи. 4) Научныя статьи по обществознанію и естествознанію. 5) Что дѣлается на родинѣ. Земство, города и дворянство. Экономическіе факты (главнымъ образомъ объ артельномъ дѣлѣ и кустарничествѣ). Нравы на судѣ. По Приднѣпровью и югу. Фельетонъ городской и уѣздной жизни Екатеринославской губерніи 6) Беллетристика. 7) Критика, журнальная хроника, литературно-критическія статьи. 8) Библіографія. 9) Искусства и художества. Театръ, музыка и живопись (рецензіи, отзывы). 10) Что дѣлается за границей. Обзорніи иностранной жизни. Письма изъ чужихъ странъ. 11) Разныя извѣстія. Письма изъ Приднѣпровья и юга. 12) Справочныя свѣдѣнія. 13) Объявленія.

Въ газетѣ будетъ обращено особенное вниманіе на разработку вопросовъ городского и земскаго хозяйства и въ связи съ послѣдними, вопросовъ сельскаго хозяйства.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой въ годъ (50 ном.) 5 р., полгода—2 руб. 50 к., три мѣсяца—1 руб. 25 коп. Отдѣльные номера 10 коп.

Подписка принимается въ редакціи «Днѣпровской Молвы», Екатеринославъ, Временная ул., д. Быкова, въ книжныхъ магазинахъ Екатеринослава, въ г. Кіевѣ въ книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина», Безаковская ул., № 14, въ г. Харьковѣ кн. магазинъ Сикорской, Екатеринославская ул., Александровскѣ въ земскомъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель *Н. В. Быковъ.*

Съ 1-го ноября 1899 года.

въ С.-Петербургѣ выходить

большая ежедневная, политическая и литературная газета

безъ предварительной цензуры

„СЪВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: въ Россіи на годъ—10 руб., на 6 мѣс.—5 руб., на 1 мѣс.—1 руб. за границу: на годъ—14 руб., на 6 мѣс.—7 руб., на 1 мѣс.—2 руб.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка на четыре срока—по 2 р. 50 к. Лвца, подписавшіяся на весь 1900 г., получаютъ газету бесплатно въ текущемъ году. Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургѣ Бол. Морская ул.. 5 (отъ 12 до 4 час. дня).

Въ основу своего міросозерцанія «Сверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключаящей началъ національной самобытности, и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное и безпристрастное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственности. Въ этомъ смыслѣ «Сверный Курьеръ» направитъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сверный Курьеръ» будетъ интимательно слѣдить какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полного признанія и уваженія правъ личностей, національностей и началъ вѣротерпимости. «Сверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областнаго начала, желательность

дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣтельности и потому отведеть подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области поставить своей задачей силовое и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено интересамъ науки, искусства и литературы.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій*. Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій. К. И. Арабаджинъ*.

2—3

Открыта подписка и пріемъ объявленій.

КАЛЕНДАРЬ „СИНЯГО КРЕСТА“

(Настольная Справочная Книга).

Съ соизволенія *Ея Императорскаго Высочества*

Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

„Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ“, состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ *Ея Императорскаго Высочества*, предприняло изданіе на 1900 г. Календаря „Синяго Креста“, который поступитъ въ продажу въ декабрѣ с. г. въ количествѣ 10000 экземпляровъ и явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго. Цѣна Календаря „Синяго Креста“ по 2 руб. за экземпляръ, съ пересылкой 2 р. 50 к. Главн. складъ изданія въ Редакціи „Синяго Креста“:

С.-Петербургъ, Серіевская ул., 41.

3-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

3-й годъ изданія.

на 1900 годъ

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1900 году подъ тою-же редакціей (В. В. Святловскаго), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той же программѣ.

Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей, и между прочимъ слѣдующія лица: М. Н. Альбовъ, Е. М. Бабецкій, Д. И. Багалъй (проф.), А. Башмаковъ, Л. Б. Бертенсонъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, А. Б—ръ (изъ Парижа), И. Ф. Василевскій (Буква), С. Глазенацъ (проф.). В. М. Грибовскій, Н. А. Греденкулъ, Зигъ-Загъ, В. И. Ивановъ, К. Н. Льдовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Мордовцевъ, К. В. Назарьева, Л. П. Никифоровъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій (проф.), И. Н. Потаенко, Пружанскій (Трофимовъ), М. Г. Пожуровскій, И. И. Рачинскій, А. К. Розельонтъ-Сошальская, П. А. Сергѣенко, Е. В. Святловскій, Скальцель (псевдон.), В. В. Святловскій, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, К. М. Станюковичъ, Д. И. Тихомировъ, И. О. Фесенко, К. М. Фофановъ, Фаустъ (псевдон.), А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, Кн. М. Л. Шаховскій, Шпилька (псевдон.), И. Л. Щегловъ, Д. И. Эварницкій (проф.) и друг.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агенства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ специальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы. Особенно полно будетъ обставленъ отдѣлъ корреспонденцій и газета уже обозначена постоянными корреспондентами изъ Нью-Йорка (Русскій Путникъ), Парижа, Лондона (Н. К.), Берлина (С.), Рима (А. З.), Тегерана (Л—цкій), Брюсселя (М—кій). Кромѣ того въ 1900 году будутъ печататься изслѣдованія, предпри-

няты Редакціей для описанія заводовъ и рудниковъ Приднѣпровья и всего Донецкаго Бассейна по особо составленной обширной программѣ. Описаніе будетъ иллюстрировано чертежами и рисунками. Къ производству изслѣдованія редакціей привлеченъ цѣлый рядъ специалистовъ.

Условія подписки на 1900 годѣ: съ доставкой въ Екатеринославѣ 10 р., съ пересылкой почт. въ др. города 12 р., за границу 23 руб.

2—3

ЗАПИСКИ

Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *официальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе официальные акты и документы,

2) Часть *неофициальная*: а) научный отдѣлъ (ученныя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширныя труды, какъ-то: диссертациі, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Овсянко-Куликовскій.

НИВА

Подписчики „НИВЫ“ получают въ 1899 г.

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбовъ текста и 560 граммъ),

12 ТОМОВЪ и. в. ГОЛОДА, которое сочиненъ

полнымъ собраніемъ сочиненій и будетъ значительно дополнено матеріаломъ, не помѣщеннымъ въ послѣднихъ изданіяхъ соч. Голода, и будетъ отпечатано на хорошей бѣлой газетриванной бумагѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Бюграфическія очерки. В. И. Шенрока. — ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЫДЬ ДИКАНЬКИ. Повѣсть: Сорочинская ярмарка. Вечеръ насадувъ Ивана Кулака. Майская вѣч., или утопленница. Простынная грамота. Ночь передъ Рождествомъ. Страшная мѣста. Илья Федуловъ. Шиповля и его тетушка. Заколдованное мѣсто. Томъ II. МІРОРОДЪ. Повѣсти: Староверскіе помѣщики. Тарасъ Бульба. Вѣдь. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Томъ III. ПОБѢДИТИ. Ночь. Поруганъ. Пивень. Колоска. Рымъ — КОМЕДИИ. Ревноръ. Томъ IV. КОМЕДИИ: Приказовіа къ коедіи „Ревноръ“.—Женитьба.—ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОФРЕВКИ и ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ: Ипроедъ. Уроу дѣловое человѣка. Тажа. Дакійская. Оупинокъ. Театральный разказъ послѣ представлянія новой комедіи. Томъ V. Походеніи Чичкова, или Мертвая Душа. Томъ первый. Томъ VI. Притвореніе къ нерому тому „Мертвухъ Душъ“.— Похаживаніа Чичкова или Мертвухъ Душъ. Томъ второй. Томъ VII. Выбраваніа мѣста изъ переписки съ друзьями. Томъ VIII. Выбраваніа мѣста изъ переписки съ друзьями (продолженіе). Томъ IX. Юношескіе

ДАЕТЪ ВЪ ТѢЧЕНІЕ

ОДНОГО 1900 ГОДА

СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

БЕЗПЛАТНО

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОЛОДА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И АВТОГРАФОМЪ.

Опннн. — Арабески Часть I. Томъ X. Арабески. Часть II. Томъ XI. Провведеніи, не вошедшіи въ первое изданіе „Сочиненій Голода“. Томъ XII. Очигненіи, относящіеся къ вторю подовѣи 40-хъ годовъ, изданныя послѣ смерти автора.—ПРИЛОЖЕНІЯ: Стандредъ, Давка въ затруднительномъ положеніи.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛІТЕР. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, разказы, „внуладаръ-вну-на статьи и проч. современныя авторъ).

12 №№ „Наряжескихъ моря“ (до 300 колннхъ граммъ по послѣднимъ фасонамъ дущнхъ мастеровъ).
12 №№ рукописныхъ и выннлнхъ работъ и нмъ-роекъ въ натуральную величину, (около 600 рисункъ и чертж).
СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1900 г., петатавъ, раскатавъ.

Подробное илнструированное объявленіе высылается „бестлатно

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложеними:

Бѣзъ дѣстав- ки въ СІВЪ.	5 р. 50 к.	Съ перес.	Въ вѣщъ ро- рода и мѣстн. Рое- сін . . .	7 р.
Резъ доставленіи: 1) въ Мо- сковой—6 р. 25 к.; 2) Въ Одессѣ, въ кннжн. марж.. (Образованіе) — 6 р. 50 к. Съ доставленіемъ въ СІВЪ.	6 р. 50 к.	За границу—10 р. Рав- нотнхъ на дѣстемъ въ 2 и 3 1/2 р.		

Требованія адресовать въ Главную Кантору журн. „НИВА“. С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

Открыта подписка на 1900 годъ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„Южный Край“.

Газета общественная, политическая и литературная.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономическія и общественной жизни. III. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. „Свѣтъ и Тѣни“ (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южный Край“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Критика и библіографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и поч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ, въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербуга и Москвы отъ собств. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичежи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1900 ГОДЪ:

Съ пересылкою иногороднимъ.

На 12 м. 11 р.—11 м. 10 р. 50 к.—10 м. 10 р.—9 м. 9 р. 50 к.—
8 м. 8 р. 50.—7 м. 7 р. 80 к.—6 м. 7 р.—5 м. 6 р.—4 м. 5 р.—
3 м. 4 р.—2 м. 3 р.—1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по сорлашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“ на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

Книжнымъ магазинамъ дѣлается уступка: съ подписокъ: годовой, 11-ти и 10-ти мѣсячныхъ по 50 к., а съ остальныхъ—по 50 к. за каждый мѣсяцъ.

„Южный Прай“, печатается въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ на ротационной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

— на —

„ХУТОРЯНИНЪ“

Еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

НА 1900 ГОДЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учреждений. 6) Библиографія и обзоръ сельскохозйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерній. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ Минист. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя библіотеки-читальни.

Подписная цѣна: въ годъ съ пересылкой 2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: въ одну строку въ концѣ текста—8 коп., впереди—вдвое.

Подписка принимается: 1) въ г. Полтавѣ въ Конторѣ и Редакціи «Хуторянина», при обществѣ Сельскаго Хозяйства. 2) Въ С.-Петербургѣ, въ Отд. Конторы „Хуторянина“ при с.-х. книж. магазинѣ жур. „Деревня“, уг. Б. Морской и Кириич. пер., д. 3.—13. 3) Въ Кременчугѣ, въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельскихъ хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ. 4) Въ г. Прилукахъ, при обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ и 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ.

Продолжается подписка на газету

„ЮГЪ“.

Издающаяся въ Херсонѣ съ 1 марта 1898 г. ежедневная газета «Югъ» заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія печатаются и въ другихъ газетахъ, а именно: дѣйствія правительства; ежедневныя телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агенства»; руководящія статьи по вопросамъ мѣстнымъ, общерусскимъ и политическимъ; извѣстія о важнѣйшихъ фактахъ изъ жизни Херсона и другихъ городовъ Херсонской и смежныхъ губерній; такія-же свѣдѣнія изъ жизни столичной и провинціальной; отзывы другихъ газетъ по важнѣйшимъ вопросамъ русской жизни, отчеты объ интересныхъ судебныхъ дѣлахъ, разбирающихся въ окружныхъ судахъ, уѣздныхъ сѣздахъ, у земскихъ начальниковъ и въ волостныхъ судахъ; извѣстія, касающіяся выдающихся событій иностранной жизни, извѣстія объ открытіи въ мірѣ наукъ и о новинкахъ въ мірѣ искусствъ; оригинальные и переводные рассказы; статьи по сельскому хозяйству и проч. и проч.

Сверхъ того, согласно программѣ, утвержденной Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ только въ «Югѣ» систематически печатаются дѣйствія мѣстной администраціи: рѣшенія Херсонскаго Губернскаго Присутствія; списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ засѣданіяхъ каждаго изъ Уѣздныхъ Сѣздовъ и рѣшенія Сѣздовъ по дѣламъ безъ вызова сторонъ; опредѣленія Херсонскаго Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія; херсонскимъ отдѣленіемъ Крестьянскаго Банка въ «Югѣ» публикуются свѣдѣнія о ходатайствахъ относительно выдачи ссудъ на покупку земли и о разрѣшенныхъ этимъ банкомъ ссудахъ; вообще въ «Югѣ» помѣщаются опредѣленія и распоряженія всѣхъ мѣстныхъ административныхъ учреждений, подробныя свѣдѣнія о дѣятельности губернскаго и уѣздныхъ земствъ Херсонской губерніи и днѣпровскаго земства Таврич. губ. Спеціальныя также отдѣлы въ «Югѣ» составляютъ извѣстія о цѣнахъ на хлѣбъ въ Одессѣ, Николаевѣ и Херсонѣ, о цѣнахъ на скотъ и лошадей на мѣстномъ рынкѣ, о сдѣлкахъ по зафрахтованію судовъ и многія другія свѣдѣнія, необходимыя для мѣстнаго населенія.

Въ отячіе отъ другихъ газетъ, «Югъ» поставилъ себѣ цѣлью освѣщеніе многостороннихъ нуждъ Херсонской и смежныхъ губерній, уделяя особенное вниманіе нашей деревнѣ, ея просвѣтительнымъ и

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщеній изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерній: за 1½ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такому изобилію свѣдѣній, необходимыхъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникнувъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, какія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздничныхъ. Праздничные нумера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногороднихъ на годъ 8 руб., причѣмъ деньги могутъ быть уплачены въ разсрочку. Желающіе получать «Югъ» въ разсрочку благоволятъ заявить о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три—какъ кто можетъ.

Учрежденія, официальные и вообще извѣстные лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и времени, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца—1 число того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакціи. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги,—такъ удобнѣе для наборщиковъ.

Открыта подписка на 1900 годъ (11-й годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1899 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Очерки современнаго состоянія начальнаго народ. образованія въ Зап. Европѣ. М. И. Страховой; 2) Очерки по исторіи русской школы. Э. В.; 3) Возрожденіе воскресныхъ школъ. Я. В. Абрамова; 4) Начальная школа Минист. Народ. Просвѣщенія. В. И. Фармаковского; 5) На зарѣ земской школы. (Изъ воспоминаній стараго педагога). С. А. Бобровскаго; 6) Вопросы народнаго образованія въ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года. И. П. Бѣлоконскаго. 7) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. А. С. Вирениуса; 8) Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ. Л. Е. Оболенскаго; 9) Мысли о воспитаніи и обученіи. К. П. Яновскаго; 10) Новое воспитаніе. Н. О. Арепьева; 11) Къ психологіи нашихъ подростящихъ поколѣній. Н. П. П.; 12) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. И. П. Бѣлоконскаго; 13) Наиболѣе доступные способы приготовленія кандидатовъ на учительскія должности народныхъ училищъ. А. П. Раменскаго; 14) Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ. В. Г. Зимницкаго; 15) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Рядъ статей: М. А. Миропіева, А. И. Анастасіева, А. И. Кирпичникова, А. С. Вирениуса и Я. Г. Гуревича; 16) Къ вопросу о рефермѣ системы средняго образованія. Я. Г. Гуревича; 17) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. В. П. Вахтерова; 18) Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. В. Г. Зимницкаго; 19) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной арифметики. К. Тихомирова; 20) Нѣмецкая и русская методика арифметики въ текущее столѣтіе. М. И. Успенскаго; 21) О чтеніи псалмовъ въ начальной школѣ. А. О. Соколова; 22) Рутинна въ преподаваніи географіи. О. Г. Шубина; 23) О курсѣ исторіи въ начальной школѣ. Е. Чебышевой-Дмитріевой; 24) О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Н. И. Карѣва; 25) Къ вопросу о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. А. П. Флорова; 26) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. П. Нечаева; 27) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. П. А. Сосланова; 28) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. В. В. Бурковича и друг.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла Критики и библиографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бурковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ

два срекі. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Запросини до передплати

на третій рік видання

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСНИК.

В р. 1900 „Літературно-науковий Вісник“ буде виходити під тою самою редакцією, що й доси, в такім самім обемі і на таких самих умовах.

Редакційний комітет складають: проф. М. Грушевський, В. Гнатюк і др. Ів. Франко.

За редакцію відповідає В. Гнатюк.

Передплата платна у Львові виносить:

В Австрії з пересилкою на чверть року 5 корон

„ „ „ „ пів „ 10 „

„ „ „ „ цілий рік 16 „

В Росії „ „ „ „ „ 8 рублів.

В иньших державах по обчисленню пересилки.

Поодинокі книжки коштують по 2 кор.

Першого річника (1898) перші чотири книжки вичерпані; за ціну 6 зл. (6 руб.) можна дістати кн. 5—12, з додатком початків статей, що їх продовження містять ся в свх книжках. Другий річник можна дістати по ціні передплати.

Редакція і адміністрація у Львові, ул. Чарвецького ч. 26.

Всякі виплати для Наук. Товариства ім. Шевченка, в тім числі і передплату можна посилати також на адрес книгарні „Кіевской Старини“, Кієвъ, Безаковская 14, котра одержане грошей буде посвідчувати сторонам друкованими квітками з книг Товариства. В такім разі інтересовані, замовляючи або рекламуючи Вісникъ або инші книжки з вашого Товариства, звольте прислати в листі такий квітокъ, одержаний від книгарні К. Стар., і все замовлене вишлетъ ся їм зараз. Надіємо ся, що таким способом зробимо нашим передплатникам у Росії велику догідність.

З усякимв рекламациями треба звертати ся не до книгарні „Кіев. Старини“, а до адміністрації Літ.-наук. Вісника.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Общественная литературно-политическая и экономическая

будетъ выходить въ 1900 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ общественнымъ, политическимъ, экономическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, юридическимъ и др.
- 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.
- 3) Корреспонденціи внутреннія, заграничныя, и изъ славянскихъ земель.
- 4) Политическое обозрѣніе.
- 5) Повѣсти и рассказы.
- 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).
- 7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія правительства и краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества.
- 10) Мѣстная хроника: городскія дѣла, дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ общественныхъ учрежденій, событія и происшествія.
- 11) Областная хроника: корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей юго-западнаго края.
- 12) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Жѣлѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой, на годъ—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р., безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ второе 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Заграничныя подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ за доставку по 60 к. за каждый мѣсяць. За перемѣну иногороднаго адреса—20 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 43. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К^о.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевского Слова“ Большая Владимірская № 43.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВУЮ ВЪСНДНВННУЮ

ЛІТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ

„КІЕВСКУЮ ГАЗЕТУ“.

Выходитъ съ 12 декабря 1899 г.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Правительственныя распоряженія.
2. Телеграммы Россійскаго и др. телеграфныхъ агентствъ, а также отъ собственныхъ корреспондентовъ.
3. Хроника текущей жизни: мѣстной, общерусской и заграничной.
4. Корреспонденціи русскія и заграничныя.
5. Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній, разныхъ учрежденій и частныхъ и ученыхъ обществъ.
6. Отчеты о дѣлахъ заслушанныхъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, безъ права обсужденія рѣшеній.
7. Фельетоны беллетристическіе, научные и изъ общественной жизни, стихотворенія.
8. Библіографія. Обзорѣніе книгъ, журналовъ и газетъ съ выдержками изъ нихъ.
9. Театръ и искусство. Драматическія произведенія.
10. Шахматы, ребусы, игры, загадки и пр. Смѣсь. Огвѣты редакціи. Юмористическіе рассказы, очерки, наброски, шутки, афоризмы, эпиграммы.
11. Торговое обзорѣніе и биржа.
12. Справочныя свѣдѣнія.
13. Портреты, рисунки къ тексту.
14. Стороннія извѣстія (рекламы).
15. Казенныя и частныя объявленія.

Подписная цѣна: на 1 годъ 6 руб., на 6 мѣс. 3 руб., на 3 мѣс. 1 руб. 50 коп. и помѣсячно 60 коп.

Годовые подписчики получаютъ газету съ 1-го номера,

Адресъ: г. Кіевъ, Пушкинская, II.

Редакторъ *Е. Игнатьевъ*. Издатели: *В. Д. Бубликъ* и *Н. Н. Федоровъ (Соловцовъ)*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900-й ГОДЪ

на посвященныя еврейской жизни, исторіи и литературѣ

1) выходящую два раза въ недѣлю газету

„ВОСХОДЪ“

и 2) ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА“

подъ новою редакціею М. Г. Сыркина.

Газета „Восходъ“ выходитъ съ 1-го ноября 1899 г. ДВА РАЗА въ НЕДѢЛЮ, такъ что будетъ имѣть возможность знакомить читателей своевременно со всѣми новѣйшими извѣстіями какъ изъ текущей жизни еврейства, такъ и изъ общей политической жизни Россіи и иностранныхъ государствъ. На отдѣлы политической—иностранной и внутренней—хроники будетъ обращено особое вниманіе въ видахъ того, чтобы „Восходъ“ могъ отчасти замѣнить провинціальному читателю ежедневныя политическія газеты.

Отводя столбцы газеты для текущихъ вопросовъ дня, редакція будетъ въ ежемѣсячныхъ книгахъ журнала помѣщать произведенія беллетристическаго характера и статьи научнаго содержанія—по исторіи евреевъ, археологіи, этнографіи, антропологии и статистикѣ, а также болѣе обстоятельныя изслѣдованія тѣхъ вопросовъ еврейской жизни, которые требуютъ разработки и всесторонняго освѣщенія.

Годовые подписчики на 1900-й годъ получаютъ газету со дня подписки.

Приложенія для годовыхъ подписчиковъ: сборникъ „Еврейскія Народныя Пѣсни“ (съ платою за перес. 50 коп.) и „Художественный Литературный Альбомъ“ съ 10 ю картинами на сюжеты изъ произведеній: Лессинга, Гейне, Ауэрбаха, Зангвиля, Францоza, Леванды, Богрова, Мапу, Гордона и Смоленскаина, посвященныхъ евреямъ (за 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Условія подписки: на годъ газета „Восходъ“ съ журналомъ „Книжки Восхода“ 10 р., на $\frac{1}{2}$ г. 6 р., на 3 мѣс. 3 руб. За границу: на годъ 12 р., на $\frac{1}{2}$ г. 7 р.

При отдѣльной подпискѣ за газету 7 рублей въ годъ, за книжки 3 рубля въ годъ.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Театральная площ., 3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1900 году.

(Годъ изданія сороковый).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1900 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанію общедоступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Свят. Синода отъ 2—29 февраля 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духов. семинаріи, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ *ежемесячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Съ требованіями относительно журнала редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ въ г. Кіевъ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ профессоръ В. Θ. Пшоникій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс.	6 руб.	На 3 мѣс.	1 р. 50 к.
На 6 мѣс.	3 руб.	На 2 мѣс.	1 р. 10 к.
На 4 мѣс.	2 руб.	Помѣсячно	— р. 55 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ЛѢ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель *Г. И. Коровицкіи*.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ МІРЪ

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціею

П. М. Ольхина.

За четырнадцать рублей,

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „Новаго міра“ получаютъ въ теченіе 1900 года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

1) Журналъ „Новый Міръ“ съ „Современной Лѣтописью“. 24 выпуска въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знавій „Мозаика Нового Мира“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) Журналъ „Литературные Вечера Нового Мира“. 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „Библиотека русскихъ и иностранныхъ писателей“, въ составъ котораго войдутъ: а) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова* (т.т. 7—12); б) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* (т.т. 7—12).

5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мирѣ“, „Мозикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова*, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „Живописной Россіи“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачивають за годовое изданіе „Нового Мира“ со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.— 26 рублей (заграничные подписчики 36 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „Нового Мира“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлагодними, а именно, взамѣнъ второй половины соч. *Лажечникова* и *Гейне*, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россіи“ за 1900 годъ, — двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МИРУ“ со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи—14 р. Роскошное изданіе—18 рублей. За границу—24 руб., роскошное изданіе—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальныя же деньги могутъ выслааться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку бесплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „НОВЫЙ МІРЪ“ и объявленія принимается въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „Новаго Мира“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собственный домъ, №№ 5—7.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ
(32 годъ изданія)

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ОДЕССѢ

ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОРОССИЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

политическую, экономическую и литературную.

Одну изъ самыхъ большихъ и распространенныхъ на югѣ Россіи.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Стяжавъ себѣ за 31 годъ существованія „единственной русской газеты на югѣ Россіи“. „Новороссійскій Телеграфъ“ и впредь намѣренъ сохранить всецѣло свой обликъ, т. е. остаться независимымъ русскимъ органомъ—независимымъ какъ отъ вѣшнихъ теченій и вѣяній, такъ и отъ внутреннихъ партійныхъ полонизмовъ и проявленій. Независимость эта обуславливаетъ собою вѣрнѣйшее достиженіе тѣхъ цѣлей, къ которымъ должна стремиться каждая серьезная газета.

Газета, по нашему, — не прилавокъ, не мелочная лавочка съ девизомъ „чего изволите“, а могущественнѣйшая кафедра, съ которой кружокъ лицъ, воодушевленныхъ одной общей идеей, однимъ общимъ стремленіемъ къ той или иной высокой цѣли, руководить обширной аудиторіей (въ лицѣ читателей), открывать ей путь къ познанію текущихъ міровыхъ явленій и событій, освѣщаетъ ихъ надлежащимъ свѣтомъ и такимъ образомъ создаетъ обширный трудъ единомышленниковъ, твердыхъ въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на окружающій міръ и происходящія въ немъ явленія.

„Нов. Тел.“ за все время своего существованія (31 годъ) игралъ именно эту роль—руководящаго органа и, конечно, всѣми силами будетъ стараться поддержать аткое свое значеніе и въ будущемъ году.

Изъ столичныхъ литературныхъ силъ въ газетѣ принимаютъ участіе: Н. П. Аксаковъ, г-жа Барвинокъ Е. В. (псевд.), Г. И. Бутми, князь Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), А. И. Карпичниковъ (проф.), А. А. Коринфскій, В. С. Лихачевъ, Морвинъ (псевд.), Г. Т. Попловъ, А. Сѣдой (А. П. Чеховъ), Сѣверцовъ (псевд.), Вл. А. Тихоновъ, А. Ходневъ, С. О. Шараповъ и С. С. Шабишевъ. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ: А. И. Алмазовъ (проф.), Е. А. Арбенина (псевд.), А. Ф. Воеводскій (проф.), Джегъ (псевд.), П. И. Компанъ, М. А. Кривцовъ, А. А. Лебединцевъ, Г. О. Лифшицъ, Н. Н. Мальцовъ, Печоринъ (псевд.), В. М. Пуришкевичъ, М. Д. Сидоренко (прив.-доц.), И. Ф. Синцовъ (проф.), А. О. Фодоровъ (проф.), Н. Е. Чижовъ (проф.), П. Н. Шейминъ (прив.-доц.), И. Л. Яворскій (проф.) и др.

ЕЖЕДНЕВНЫЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

возникли на почвѣ стремленія—выдѣлить изъ газеты рисунки и весь матеріалъ, не носящій срочнаго злободневнаго характера, но тѣмъ не менѣе представляющій глубокий интересъ для всякаго читателя. Такимъ образомъ, естественно, въ приложенія отошли: беллетристика, стихотворенія, полезныя свѣдѣнія, разныя разности и юмористически-авекдотическій элементъ съ карикатурами.

Въ такомъ видѣ приложенія, въ количествѣ не менѣе 300 въ годъ, составляютъ къ концу года два громадныхъ иллюстрированныхъ тома съ массой интересаго чтенія, полезныхъ свѣдѣній и забавныхъ мелочей, не теряющихъ своего значенія и чрезъ десятокъ лѣтъ.

Въ настоящее время въ приложеніяхъ ежедневно безъ перерывовъ печатается романъ графа Л. Н. Толстого.

„Воскресеніе“

Всѣ новые подписчики получаютъ начальныя главы романа въ отдѣльныхъ отпискахъ и, такимъ образомъ, будутъ имѣть полный романъ нашего знаменитаго писателя.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ—14 р., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 60 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Такса за объявленія:

На 1-й страницѣ за строку пегита 20 к., на 4-й страницѣ за строку пегита 10 к. за каждый разъ. Въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 50 к. за строку.

Подписка на газету и приемъ объявленій принимаются въ главной конторѣ по Риншельевской ул., въ д. Кестнера № 46.

Редакторъ-Издатель Г. А. Литинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900-Й ГОДЪ

на ежедневную, политическую, литературную и художественную газету

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО“

СЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

(седьмой годъ изданія).

Условія подписки.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р. на 6 мѣс. 6 руб., на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб.; безъ доставки на годъ 8 руб., на 6 мѣс. 4 руб. 80 коп., на 3 мѣс. 2 руб. 40 коп., на 1 мѣс. 80 коп.; съ пересылкой за границу на годъ 15 руб. 40 к., на 6 мѣс. 8 руб. 60 коп., на 3 мѣс. 4 руб. 40 коп., на 1 мѣс. 1 руб. 60 коп..

Подписка на газету принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и лишь до конца текущаго года. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб., къ 1-му мая—3 руб. и къ 1-му іюля—2 руб., а для служащихъ въ административныхъ, судебныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые десять мѣсяцевъ.

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору газеты: Кіевъ, Крещатикъ, 40.

1—3

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

„Памятная книжка Кіевской губерніи на 1900 г.

изъ Кіевской губ. Статистическаго Комитета.

Содержаніе: календарь, разныя свѣдѣнія о Кіевской губерніи, справочный отдѣлъ, адресъ календарь, Кіевскія общества частныя лица и учрежденія.

Приложенія: 1) лечебныя благотворительныя учрежденія при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежит. монастырѣ; 2) очеркъ дѣятельности Кіевского благотворительнаго общества за время 1834—1898 года; 3) списокъ землевладѣльцевъ Кіевской губерніи; 4) списокъ фабрикъ и заводовъ,—и 5) нормальныя уставы разныхъ обществъ. Цѣна книжки 1 руб. 25 копѣекъ.

Продается во всѣхъ магазинахъ г. Кіева и въ канцеляріи Статистич. Комитета (Виноградная, 2, зданіе Канц. Губернатора).

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
Университетскихъ Извѣстій
въ 1900 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части — 1) офіціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неофіціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — *критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія извѣстія въ 1900 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIX.

1900 г.

А П Р Ъ Л Ъ.



К І Е В Ѣ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1900.

Дозволено цензурою Г. Кіевъ, 20 марта 1900 года.

Характеристика польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій послѣдней четверти XVII вѣка, въ связи съ общимъ направлениемъ тогдашней французской литературы.

При изученіи польской литературы послѣдней четверти XVII столѣтія, мы встрѣчаемся съ тѣмъ общимъ убѣжденіемъ изслѣдователей, что это время было временемъ упадка мысли и оригинальной инициативы литературныхъ сюжетовъ, подчиненныхъ опредѣленному шаблону и выраженныхъ въ языкѣ узаконеннаго жанра. Объясненіе этому явленію дается различное. Прежде всего іезуиты и теократизмъ. „Іезуиты, стоящіе во главѣ религіи и просвѣщенія, говоритъ г. Сырокомля, *зломно* останавливаютъ развитіе умовъ и пресмыкаются предъ вельможами“ ¹⁾. „Сыны Лойолы, говоритъ г. Пекарскій, ввѣренную имъ молодежь образовывали не какъ будущихъ гражданъ, а какъ подпору католицизма, какъ слугъ и орудіе іерархіи, духовенства, какъ монаховъ. Безъ устали внушалось молодому поколѣнію, что наука не есть главная цѣль пребыванія ихъ въ школѣ, но только средство, способъ къ достиженію вѣчнаго спасенія, то-есть, другими словами, къ интересамъ ордена и іерархіи“ ²⁾. „Изъ такого предосудительнаго правовѣрія явилось

¹⁾ Кондратовичъ (Сырокомля). Исторія польской литературы. Пер. Кузьмичевского. М. 1860 г., т. 1, стр. XVIII.

²⁾ Отецеств. Зап. 1862 г., ян. 2. «Представители кievской учености въ половинѣ XVII столѣтія, стр. 559.

одностороннее направлєніе мыслєнія, теократическій взглядъ на всѣ предметы, а въ сердцахъ учащихся, вмѣсто живой вѣры и поэзіи, образовались педантизмъ, одеревенѣніе, непониманіе прекраснаго¹⁾. Такого-же представленія держатся Maciejowski²⁾ и Łukaszewicz³⁾, а также историки — Лелевель, Шайноха и Бобжинскій. Спасовичъ, въ совмѣстной съ Пыпинымъ работѣ — „Исторія славянскихъ литературъ“, выставилъ другое объясненіе литературнаго упадка Польши въ данное время. „Во всей европейской исторіи, говоритъ онъ, вѣкъ XVII и первая половина XVIII представляютъ время переходное, а потому весьма безцвѣтное и мало характерное“. Опередившая во многихъ отношеніяхъ, и по учрежденіямъ, и даже по образованности, западно-европейскія государства, Польша пошла по діаметрально-противоположному направленію, къ застою, окостенѣнію, упадку. Наибольшая свобода для каждаго члена шляхетскаго народа достигнута, идеаль осуществленъ, остается только оберегать приобрѣтенное. Всѣ силы и способности поглощаетъ жизнь общественная, но она безъ задачъ; внѣ ея мало интересуютъ наука и искусство, разсматриваемыя, какъ развлеченія. Консерватизмъ въ отношеніяхъ повелъ и къ консерватизму въ идеяхъ, къ возврату къ церковному, къ религіи, основанной на авторитетѣ, приложенной къ шляхетскому народоправству, главнымъ дѣломъ считающей обрядность и не признающей одного только вольномыслія“⁴⁾. Этому также въ значительной мѣрѣ содѣйствовало іезуитское воспитаніе, печать котораго „на всемъ этомъ періодѣ лежитъ тяжелымъ камнемъ“⁵⁾. Какъ можно судить отсюда, взглядъ Спасовича выдвигаетъ въ качествѣ факторовъ литературнаго упадка соціальное разложеніе польской жизни. По мнѣнію Mecherziński'аго⁶⁾, послѣднее обстоятельство дѣйстви-

1) Ibidem, стр. 560.

2) Piśmienitstwo polskie, t. II, 69 — 70.

3) Historia szkół w Koronie i w W. X. Litewskim. I. 235, 252 — 253, 276.

4) Исторія славянскихъ литературъ. СПб. 1881, т. II, стр. 518.

5) Ibidem, стр. 520.

6) Historia wymowe w Polsce, t. III.

тельно играло крупную роль въ умственной жизни Польши. „Разстройство жизни общественной сопровождалось, говорить онъ, такимъ-же самымъ разстройствомъ жизни умственной“. „Съ ослабленіемъ внутренняго согласія и порядка, а вмѣстѣ—съ развратомъ обычаевъ, падали, вслѣдствіе этого, моральные устои, и всевозможные пороки—излишество, безнаказанность, иностранщина—вторгнулись также въ литературу. Извѣстное въ это время присловіе: *wolno w Polsce jak kto chce*, стало одинаково девизомъ и основаніемъ писателей“. *Mecherziński* указываетъ еще „другую причину“ литературнаго упадка, которая уже *implicite* содержится въ первой. Это—„подражаніе“ (*naśladowanie*) принятымъ образцамъ въ литературѣ и жизни, и сопровождающія его зараза худыми манерами и общее развращеніе¹⁾. При этомъ онъ отчасти указываетъ на вліяніе подобныхъ теченій заграницей и на содѣйствіе этому іезуитскаго образовательнаго режима²⁾. Такого-же мнѣнія держатся *Bar-toszewicz*, *Wiszniewski* и *Bentkowski*. *Zełęski* въ своемъ сочиненіи „*Czy jezuita zgubili Polskę?*“, задачей котораго было совершенно оправдать іезуитовъ, причину упадка литературы видить всецѣло въ соціально-политическихъ и историческихъ условіяхъ польской жизни этого времени³⁾. Іезуиты были причастны этому, поскольку были сынами своего вѣка⁴⁾. Нужно замѣтить, что сочиненіе іезуита *Zełęski*'аго, не смотря на свою тенденцію, представляетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній и приводится нами не по правилу—*audiat et altera pars*, а какъ мнѣніе литературнаго работника, знакомаго при томъ почти со всей литературой даннаго вопроса.—Частныя положенія, какія онъ приводитъ въ оправданіе вышеуказаннаго общаго объясненія, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ группамъ: а) бурное время въ политической жизни Польши, которое увлекало умы въ водоворотъ политическихъ событій⁵⁾; б) „вольность мысли,

1) str. 6—7.

2) str. 9.

3) str. 283—285.

4) str. 300.

5) str. 285.

рѣчи и образованія“ въ Польшѣ, которая „перешла въ анархію“, выдвинувшую на передній планъ магнатовъ и устранившую народъ ¹⁾; с) частыя путешествія за границу ²⁾, слѣдствіемъ чего являлась придавленность національнаго самосознанія и ослабленіе чувствительности къ интересамъ окружающей жизни ³⁾; наконецъ, d) общее настроеніе Западной Европы, въ которой происходила борьба монархизма съ народоправствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивались „лесть и угодничество“ ⁴⁾.

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ изслѣдователей, какъ можно судить, не заключается прямого противорѣчія другъ другу. Въ каждомъ изъ нихъ можно видѣть только большую или меньшую фиксацію того или другого объясненія. Даже Zeleşki, который стремится отвергнуть вліяніе іезуитовъ на данную эпоху, признаетъ громадное образовательное значеніе ихъ ⁵⁾ и поэтому, хотя остается при своемъ мнѣніи, но не разрываетъ связи съ другими. Если принять во вниманіе разнородность тенденцій и точекъ зрѣнія каждаго изъ изслѣдователей, то общій взглядъ ихъ можно принять, какъ установившееся пока воззрѣніе въ научной разработкѣ даннаго явленія. Для насъ, конечно, имѣетъ значеніе не литература *in sich*, а отраженіе въ ней общественнаго самосознанія,—и если въ разстройствѣ послѣдняго видятъ главную причину литературнаго упадка, то это насъ уполномочиваетъ ближе всмотрѣться въ характеръ литературы, чтобы точнѣе опредѣлить направленіе общественнаго самосознанія ⁶⁾.

¹⁾ str. 278 и 279.

²⁾ Ibid.

³⁾ str. 286—289.

⁴⁾ str. 277.

⁵⁾ «Сколько, говоритъ онъ, именъ, заслуженныхъ въ литературѣ: Krüger Oswald, математикъ и астрономъ; Тильковскій Войцѣхъ, философъ, историкъ, математикъ и богословъ; Перковичъ Томашъ и Центковскій Гаспаръ, историки церковные; Моровскій Янъ, философъ и богословъ» и т. д. *Czy iezuici zgubili Polskę? Kraków. 1883.* Примѣчаніе къ str. 282; ср. также str. 281—283 и прим.

⁶⁾ «Литература тогдашняя, говоритъ Mecherziński, представляетъ наивѣрнѣйшее отображеніе своего общества: такимъ-же сказывается

I.

Въ исторіи политики и литературы отдѣльнаго государства или народа нерѣдко приходится считаться съ тѣмъ явленіемъ, что наибольшее напряженіе политическихъ или литературныхъ силъ влечетъ за собой послѣ общій упадокъ, иногда даже граничащій съ совершеннымъ исчезновеніемъ народа съ общеисторической сцены дѣятельности. По издавна сложившейся привычкѣ, на рубежѣ „расцвѣта“ и „упадка“ находятъ предѣльную точку развитія народа въ томъ или другомъ отношеніи: послѣ чего онъ начинаетъ слабѣть, чахнуть, замираетъ или просто „вырождается“. Но само собою понятно, что уже по закону сохраненія энергіи, наибольшее напряженіе силъ въ одномъ отношеніи не можетъ исчезнуть безслѣдно, оно должно проявиться въ какой-либо другой области,—и если „предѣльное“ напряженіе общественныхъ силъ создало наибольшее государственное могущество, то, по естественному ходу вещей, это напряженіе переходитъ въ сферу соціальныхъ или чисто-общественныхъ стремленій, развитіе которыхъ часто оказывается гибельно для государственной организаціи. Обращаясь же къ литературѣ, мы видимъ, что она стоитъ въ связи съ общимъ ходомъ государственнаго и общественнаго развитія, но выражается своеобразно въ зависимости отъ того, къ государству или къ обществу она стоитъ въ прямомъ пропорціональномъ отношеніи. XVI вѣкъ былъ золотымъ въ польской литературѣ, которая стояла въ прямомъ отношеніи къ развитію польскаго государственнаго могущества въ Европѣ. Мысль общества въ это время какъ-бы успокаивалась на политическомъ стремленіи Польши и, довольная національными побѣдами, спокойно отдавалась творчеству. Но наибольшее развитіе государственнаго могущества

разстройствомъ, упадкомъ здоровой мысли, напыщенностью, также болѣе предана празднымъ спорамъ и многостовію съ похвалою дворьянамъ, какъ народъ въ своей жизни общественной». *Historya wumowe w Polsce*, t. III, str. 7—8.

выдвинуло социальныя вопросы и, какъ историческій прецедентъ всякаго социального броженія, вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу. Последняя четверть XVII столѣтія представляетъ переживаніе уже кризиса этого броженія, когда последнее проникло въ аристократическую среду и произвело въ ней раздѣленіе. Объединеніе части шляхты и усиленіе нѣкоторыхъ фамилій магнатства, чрезъ участіе въ политическихъ превратностяхъ Польши, дало толчокъ самой аристократіи отстаивать свои дворянскія права и вести борьбу за свое социальное равенство. Само собою понятно, что въ бытовыхъ условіяхъ жизни, при первомъ отыскиваніи особенностей интеллигенціи, дающей прерогативы общедворянской жизни, литературѣ, какъ спокойному творчеству мысли, не было мѣста. Лучшія силы или совсѣмъ были устранены, или увлечены были въ жизненную борьбу.

Характеристической чертой этого времени стало то, что литературу начинало замѣнять ораторство. Среди рукописей Имп. Публич. Библіотеки польскаго отдѣла находится значительное количество сборниковъ рѣчей, сказаныхъ то въ какихъ-нибудь торжественныхъ случаяхъ, то въ официальныхъ собраніяхъ, на сеймикахъ и сеймахъ. Сборники эти встрѣчаются то самостоятельно—напр., „Mówy różnych osob“¹⁾, „Różny mówy...“²⁾, „mówy, listy...“³⁾ etc.,—то въ болѣе обширныхъ и самыхъ разнообразныхъ по содержанію собраніяхъ⁴⁾. Это обстоятельство говоритъ о томъ, что рѣчамъ въ то время придавали большое значеніе и дорожили ими. Дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ литературныхъ дѣятелей послѣдней четверти XVII в., перечисляемыхъ Mecherzińsk'imъ и Wiszniewsk'imъ, мы видимъ больше ораторовъ, нежели писателей⁵⁾. Если принять во вниманіе, что

¹⁾ Р. И. П. Б. Польск. F IV № 235.

²⁾ Р. И. П. Б. Польск. Q IV № 104.

³⁾ Р. И. П. Б. Польск. F IV № 95.

⁴⁾ Р. И. П. Б. Польск. F IV №№ 253 и 254.

⁵⁾ Станиславъ Бенѣвскій, воевода Черняговскій († 1675), извѣстный ораторъ не только среди поляковъ, но и малороссійскихъ

рѣчь служила тогда въ Польшѣ прерогативомъ *personae gratae* и рассчитывала на популярность, то будетъ понятно не только то, почему она играла крупную роль, но и всѣ ея особенности, начиная отъ т. н. макаронизмовъ съ *welomowstw'o*мъ и панигиризмомъ и кончая діалектикой, *praznym sprogom* и т. д. Въ домашнемъ обиходѣ польской жизни рѣчь служила показателемъ образованія, благородства, шляхетства и ео *ipso* становилась въ рядъ средствъ борьбы за сословныя права и преимущества, играла, слѣдовательно, роль въ борьбѣ за шляхетское существованіе. Чѣмъ напряженнѣе велась эта борьба, тѣмъ больше старались придать виртуозности рѣчи,—и въ пору, когда

козаковъ; Крвштофъ Пацъ (1647—1684) извѣстенъ и какъ писатель, и какъ ораторъ; Станиславъ Скаршевскій, каштелянъ войницкій—*«wumowu gladkiej»*; Павелъ Полоцкій, каштелянъ каменецкій—писатель; Андрей-Максимиліанъ Фредро—каштелянъ львовскій, потомъ воевода подольскій († 1679) —изъ сеймъ элекційномъ 1674 г. первый высказался за Яна Собѣскаго; Янъ-Станиславъ Збонскій, бискупъ варшавскій († 1693 г.); Аятоній-Станиславъ Щука, референдарій-потомъ подканцлеръ коронный; Станиславъ-Гераклъ Любомирскій, маршалоу вѣтвій коронный, староста савскій († 1702), «неотступный товарищъ Яна Собѣскаго»,—участвовалъ съ нимъ въ походахъ и тѣмъ приобрѣлъ популярность; Андрей Лончинскій, подкоморій новгородскій; Криштофъ Гмигуловскій; Янъ Кжицкій, подкоморій валишскій; Пенензекъ, воевода сандомірскій; Станиславъ Яблоновскій, воевода русскій; Андрей Моргитынъ, извѣстный своимъ сочувствіемъ, политикъ Людовика XIV; Андрей Хризостомъ Залускій, бискупъ варшавскій, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени; его богатая библіотека теперь доминируетъ среди польскихъ рукописей И. И. Библіотеки.—Всѣ эти литературные дѣятели ораторскаго шаблона не всегда являются панигиристами, преданными *«welomowstwu»* и *«praznym sprogom»*. У нихъ можно найти довольно цѣнныя мысли для даннаго времени,—но дѣло въ томъ, что эти мысли высказываются не столько съ цѣлью дѣйствительнаго проведенія ихъ въ жизнь, сколько въ качествѣ показателей образованности и широкаго умственнаго кругозора оратора. Ср. *Hist. wum. w Polsce* t. III, str. 187—212.

„w Polsce stalo wolno jak kto chce“ и поддерживать магнатскіе прерогативы было довольно затруднительно, вниманіе стало цѣпляться за виѣшнія выраженія внутренняго достоинства и благородства,—и стремленіе подчеркнуть послѣднее сказалось прежде всего на салонныхъ манерахъ и на испещреніи языка латинскими фразами, служившими *conditio sine qua non* образованнаго человѣка ¹⁾. Аналогичное этому явленію можно указать у насъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., во время наиболѣе рельефнаго выдѣленія дворянства изъ другихъ сословій. Французскій языкъ въ разговорѣ и салонные принципы въ манерахъ стали у насъ существенными требованіями дворянскаго самосознанія. Въ этомъ заключался показатель образованія и чистокровности. Правда, у насъ воспитателями были Вольтеръ, Руссо, Дидро—представители французской освободительной литературы, а не іезуиты, но ихъ идеи равенства и свободы свободно уложились въ рамки самой тяжелой поры крѣпостного права, ограничиваясь атмосферой салоннаго обихода. Различіе въ учителяхъ и воспитателяхъ, конечно, сказалось, такъ-какъ у насъ французскимъ жаргономъ говорили о высшихъ проявленіяхъ человѣческаго духа, а въ Польшѣ на латинскомъ діалектѣ строили самые сложные силлогизмы, съ ссылкой на историковъ юристовъ и т. д. Но это различіе не общественнаго, а школьно-историческаго характера. Всматриваясь ближе въ аналогичные пункты, мы увидимъ одно и то-же соціальное стремленіе—ярче провести черту между образованной аристократіей (интеллигенціей) и „дикимъ“ демосомъ.

Этотъ общій выводъ можетъ быть значительно дополненъ и развитъ анализомъ соціальныхъ устоевъ общаго литературнаго теченія. Мы обратимъ вниманіе на публицистику и исторіографію. „Съ упадкомъ просвѣщенія, говоритъ Спасовичъ, извелся рядъ великихъ наблюдателей, которые-бы умѣли пони-

¹⁾ Французскіе послы—„Charnaseus (Charnace), Memmus, Bus-sus wybornie mówili po łacinie; nie mogli ich tu wszyscy wychwalić“. Это замѣчаніе относится еще къ первой половинѣ XVI вѣка. Korzon. Dola i niedola Jana Sobieskiego. Kraków, 1898 r. t. I, str. 15.

мать жизнь общества во всѣхъ ея разнообразныхъ до безконечности явленіяхъ, но за то появилось великое множество разсказчиковъ, которые описываютъ, съ точки зрѣнія *своей партіи, своего кружка*, тѣ событія земскія и государственныя, въ которыхъ они сами принимали непосредственное участіе. Этихъ разсказчиковъ такъ много, что съ помощью ихъ можетъ быть нагляднымъ образомъ воспроизведенъ бытъ Польши, во всей поразительной пестротѣ¹⁾. Само собою понятно, что при такой постановкѣ литературной критики текущихъ событій, въ ней проявлялась только пестрота вкусовъ, стремленій и желаній, понятная и привлекательная для однихъ, непонятная и отталкивающая для другихъ. Литература, такимъ образомъ: не была чѣмъ-либо объединяющимъ общественныя стремленія и сосредоточивающимъ ихъ въ опредѣленныхъ идеалахъ, а наоборотъ—средствомъ, дифференцирующимъ социальныя влеченія польской предводительствующей среды и сакціонирующимъ партійные интересы въ историческомъ развитіи польскаго общественнаго самосознанія. Какъ показатель социальной безпочвенности, можетъ служить, приведенное Спасовичемъ въ исторіи славянскихъ литературъ, стихотвореніе Іеропима-Веспасьяна Коховскаго.

Niechaj kto tam chce z fizyki
 Mądry dyskurs wiedzie,
 My zaś wolem ssać kufliki
 Przy długim obiedzie;
 U nas w taniec iść mieniony
 Przyjemne gonitwy...
 Kto zwyciężył nieprzyjaciół,
 Stawiaj obeliski,
 Ja się wolę wcisnąć za stół,
 Gdzie gęste kiełiszki;
 Sam mi Krymski han nie srogi
 Z swojemi tatarzy...

¹⁾ Исторія славянскихъ литературъ, т. II, стр. 543.

Chociaż leży tam pod Wilnem
 Moskal o tej dobie,
 Wnetże mu ja będę silnym,
 Gdy podpiję sobie.

Здѣсь, подъ покровомъ „удальства воина“, „рѣшительности и развязности въ обращеніи“, „сноровки ловить на лету всѣ удовольствія жизни“¹⁾, скрывается полная пустота общесоціального интереса, разочарованіе въ общихъ задачахъ жизни и нервное обереганіе своихъ личныхъ склонностей и привычекъ предъ судомъ „безсмысленной толпы“. А между тѣмъ, это былъ видный писатель того времени; онъ стоялъ близко къ политическимъ теченіямъ и еще при Янѣ Казиміръ съ большинствомъ шляхты противодѣйствовалъ французской партіи; написалъ въ защиту Любомирскаго—*Kamień świadectwa*, а при Янѣ Собѣскомъ онъ своимъ сочувствіемъ австрійской политикѣ сталъ настолько близокъ двору, что получилъ титулъ королевскаго *historiographus privilegiatus*, данный ему за его *Klimaktery (climacterae)*²⁾. Поэзія Вацлава Потоцкаго, создавшаго „хофинскую битву“ (1621 г.), по выраженію Бобжиньскаго, представляетъ „добродушныя бездѣлушки, фантастическія повѣсти“³⁾ и конечно не идетъ дальше живописной обрисовки образовъ героевъ, прославившихъ старое время. Если обратимъ вниманіе на „талантливаго“⁴⁾ создателя современныхъ записокъ (*Ramiętniki*), Яна Хризостома Пассека, то увидимъ, что не смотря на ту наглядность воспроизведенія фizioноміи своего вѣка, которая „можетъ надолго служить неисчерпаемымъ матеріаломъ для

1) Истор. Слав. Лит., т. II, стр. 538.

2) Прославляя въ *commentarium*’ѣ 1684 г. вѣнскую осаду, онъ, по выраженію Бобжиньскаго, «поднялся до возвышенной лирики... съ болѣзненными чувствами затронулъ нравственный и политическій уладокъ народа». Очеркъ Исторія Польши. Пер. Карѣева, т. II, стр. 230.

3) Ibidem.

4) Спасовичъ. Ист. Слав. Лит., т. II, стр. 548.

историка и романистов¹⁾, онъ все же всюду сохраняетъ уголъ зрѣнія вояки²⁾, побывавшаго подъ начальствомъ Чарнецкаго на войнѣ и въ Швеціи, и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, побившаго въ ссорѣ Мазепу и наконецъ сдѣлавшагося любимцемъ Яна Казимира и Собѣскаго. Широкая жизненная опытность дала богатый матеріалъ для записокъ, но она не сообщила живой интегрирующей связи всѣмъ переплетающимся жизненно-общественнымъ явленіямъ и не дала опредѣленной идеи социальнымъ воззрѣніямъ историка-публициста. Всѣ другіе писатели являются на аренѣ современной литературной дѣятельности Польши, какъ выразители политическихъ стремленій той или другой партіи въ Польшѣ. Лаврентій Рудовскій, напр., описывавшій событія отъ вступленія на престолъ Яна Казимира до Оливскаго мира (1648—1660 гг.), смотрѣлъ всецѣло съ точки зрѣнія австрійскихъ политическихъ убѣжденій и, слѣдовательно, сколько подъ угломъ самодержавія, столько съ тенденціей габсбургскихъ династическихъ интересовъ, предъ которыми раболѣпствовалъ и готовъ былъ пожертвовать всею Польшею³⁾. Ко всему этому нужно прибавить, что на общемъ фонѣ литературнаго и бытового проявленія польской жизни доминировали іезуиты и церковность⁴⁾. Въ высшемъ и сред-

1) Ibidem.

2) Tygodnik illustrowany 1879 г.; ср. Ateneum 1878 г. Іюль.

3) Ист. Слав. Лит., т. II, стр. 542.

4) «Нѣкогда церковь не находила столько преданности», какъ теперь. «Лишая наслѣдства собственныхъ дѣтей, ее засыпали пожертвованіями и вкладами; казалось, что вся земля перейдетъ въ ея владѣнія, и тѣ же самые сеймы, которые въ 1653 г. изъ изгнанія изъ Польши аріанской секты дѣлали пожертвованія Богу, увидѣли себя принужденными ограничить пожертвованія имѣній въ церковь». «Вся Польша приняла видъ одного монашескаго лагеря. Въ болѣе образованныхъ слояхъ общества всѣми заправляли іезуиты»... Очеркъ исторіи Польши, т. II, стр. 226—227. Іезуиты содержали 4 collegia nobilia—въ Варшавѣ, Острогѣ, Львовѣ и Витебскѣ,—и 55 среднихъ школъ, хотя о народномъ воспитаніи орденъ почти не заботился и

немъ словъ „всѣ нуждались въ монахѣ, который - бы съ ними ѣлъ, пилъ, проводилъ время и братался,—и находили его въ орденахъ нищенствующихъ бернардинцевъ, францисканцевъ и капуциновъ, которые широко распространились теперь по всей Польшѣ и ни образованіемъ, ни имуществомъ, ни высокоуміемъ не поражали бѣднаго шляхтича, владѣвшаго одной половиной или деревней“ ¹⁾. Монашескія идеи, въ связи съ общими философско-религіозными абстракціями, по обычному порядку вещей, являются замѣстителемъ пустоты общественныхъ интересовъ, чтобы дать мысли безобидное и безопасное упражненіе, необходимое для салоннаго развлеченія.—Говорить объ общихъ задачахъ польскаго дворянства и народа тѣмъ болѣе не удобно, что всѣмъ памятна была буря, произведенная Маріей Людвигой, женой Яна Казимира, и Любомирскимъ, отстаивавшимъ Польшу отъ посяганій Людовика XIV. Теперь-же богатые фамиліи уже вошли въ тѣсное общеніе съ Франціей. Съ одной стороны „częste małżeńskie związki z francuzami“, ²⁾ надѣленіе, въ видахъ политическихъ, лучшихъ польскихъ фамилій имѣніями во Франціи ³⁾ связывали интересы французской жизни съ идеалами и стремленіями части магнатства; съ другой—блестящее положеніе французскаго двора въ Европѣ, ⁴⁾ при могущественномъ политическомъ значеніи Людовика XIV ⁵⁾, привлекало къ нему всѣхъ, кто стремился достигнуть придворнаго чина или дворян-

элементарныхъ школъ не заводилъ. Пышинъ и Спасовичъ. Ист. Слав. Лит., т. II, стр. 522.

¹⁾ Бобжинскій. Очеркъ Ист. Польши, т. II, стр. 227.

²⁾ Zeleński. Czy jezuita zgubili Polskę? стр. 289, примѣч. 1.

³⁾ Иосифъ Залускій и Янъ Красовскій, «великіе вельможи двора», были надѣлены имѣніями въ Лотарингіи и Бургундіи. Ibidem.

⁴⁾ Iasniał na ten czas dwór Ludwika XIV całym blaskiem rozświetlonego światła. Ibid.

⁵⁾ Ibid. «Въ рукахъ французскаго монарха, говоритъ Zeleński, находились судьбы всей Европы» стр. 277—288; ср. Трачевскій. Международная политика Людовика XIV. Ж. М. Н. Пр. 1888 г. № 1.

ства¹⁾, словомъ, выдѣлиться изъ окружающей среды и занять господствующее положеніе. Въ политическихъ и соціальныхъ убѣжденіяхъ получалось полное разногласіе. Въ то время какъ партія, усвоившая себѣ политическую программу Людовика XIV, не только болѣе или менѣе сочувственно относилась къ французской политикѣ въ Польшѣ и противилась войнѣ съ Турціей, но мало-по-малу лишалась связи съ національными и соціальными стремленіями окружающей среды, такъ что подъ конецъ царствованія Собѣскаго ей „nie było co góbić w Polsce“²⁾—другая партія, увлеченная папскими и католическими идеями освобожденія христіанъ отъ невѣрныхъ, попала въ сѣти габсбургскихъ династическихъ интересовъ и играла подъ дирижерство двора Леопольда. Нейтральной-же части, не имѣющей опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, оставалось являться то нарушителями старой „wiary i świętej spoty“³⁾, то „śmiałemi doktrynami i całem zachowaniem niezmiernie wolnem“⁴⁾ производить внутреннее броженіе и проводить въ общественную жизнь мелкую обособленность партійныхъ стремленій.⁵⁾ Это послѣднее обстоятельство имѣло крупное значеніе въ общественно-государственномъ функционированіи польской жизни. До извѣстной степени оно служитъ показателемъ мозаической пестроты магнатско шляхетныхъ интересовъ и конгрессивнаго характера польскаго парламентаризма⁶⁾.

1) Zeleşki, str. 289. Андрей Морштынъ, подскарбій коронный, распродалъ свои имѣнія въ Польшѣ, переселился во Францію, закупилъ тамъ богатныя имѣнія и «служилъ монархическимъ стремленіямъ Людовика XIV». Сынъ его сдѣлался генераломъ французскихъ войскъ.

2) Лучшая молодежь въ значительномъ количествѣ эмигрировала за границу. Ср. Zeleşki, str. 289.

3) Ibid, str. 290.

4) Ibidem.

5) «Упадокъ высшей политики, говоритъ Zeleşki, передалъ политическую дѣятельность въ единоличныя руки выдающихся магнатовъ и ихъ женъ», str. 289.

6) Н. Карѣвъ. Историческій очеркъ польскаго сейма. М. 1888, стр. 10.

Въ бытовыхъ же условіяхъ его жизни оно сказывалось полною апатіей, побуждающей „пить горькую“, какъ описываетъ стихотвореніе въ записи конца XVII вѣкѣ, найденное нами въ польской рукописи И. П. Библиотеки. F. II, № 63.

Ciebie piie szlachta z pany,
 Piie Burmistrz y z mieszczany.
 Gardzi żebrak odrapany,
 Że nie ma w mieszku pity.
 J król piie małwazyе, ¹⁾
 Senat, zdiawszy ferezye, ²⁾
 Liquor ³⁾ Ryuski smakuia.
 I Dworzane, iako w Kanie,
 Tylko na stoł hasła stanie,
 Wszyscy iey deferuia...
 I Rycerstwo piie czerstwo,
 Stroiać sobie z tąd szyderstwo,
 Że skrzywdzone w Hybernie.
 Czuiąc w winie smak w Lublinie...
 J w Piotrkowie sąd nie minie,
 Radzi sie tam zabawia.
 Choc zwalniona ich spraweczka,
 Darowna ia wesprze beczka,
 Że Dekretu poprawia.
 Przy offierze w naszej wierze
 Trzy kroc wino w kielicz bierze,
 Kapłan offiaruia cy.

 Piią mniszy sobie w ciszy—
 Nikt tam krzyku nie usłyszcy.
 Milcz Bracie, milcz' Przeorze,
 Pelnią mniski, ssą kieliszki

¹⁾ Вино «Мальвазія».

²⁾ Верхняя одежда.

³⁾ Названіе вина простого, рыночного.

Kożda do swey towarzyszki,
W ciszosci y pokorze.

.....
Piia chorzy, bo Doktorzy,
Wiedząc, iże zdrowie sporzy,
Pozwalą dla żołądka.
Piia starzy, seredaczy
I do. częc koiarzy,
Wyrzydaiać do szcządka.
I niewiastki też go lubia,
I zagadki winne skubia,
Ale kształtnie y skrycie.

.....
Piia kupcy, bo nie głupcy,
Powróciwszy z Lipska, z Lubczy,
Jak swe towary słożą... ¹⁾

П. Гавриловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

¹⁾ Въ рукописи это стихотвореніе — на двухъ языкахъ, — латинскомъ и польскомъ, идущихъ параллельными столбцами. Польское стихотвореніе съ надписью — *Proza Wini Polska*; латинское — *Proza libera Patri Bacoso*. Мы выписываемъ здѣсь польское стихотвореніе только по частямъ.

Вторая кѣвская гимназія¹⁾

1852—1861.

„Память наша,—сказалъ гдѣ-то Шопенгауэръ,—похожа на сито, которое отъ времени и употребленія становится все грубѣе, такъ что чѣмъ больше мы старѣемся, тѣмъ скорѣе ускользаетъ изъ памяти все то, что мы ей довѣряемъ, и, напротивъ, остается то, что утверждено въ ней въ ранніе годы“.

Оттого-то и мои воспоминанія, чѣмъ дальше простирались въ глубину времени, тѣмъ были отчетливѣе и становятся все смутнѣе по мѣрѣ приближенія къ настоящему.

Но будемъ продолжать.

Еще въ 1851 году, прослуживши Немировской гимназіи 8 лучшихъ лѣтъ моей жизни и узнавши, что во 2-й Кѣвской гимназіи, за смертію учителя русской словесности Николаевскаго, открылась вакансія, я отправился къ помощнику попечителя М. В. Юзефовичу проситься о переводѣ. Хотя впродъ до пріисканія преподавателя туда былъ приглашенъ профессоръ А. И. Селинъ, но я, по совѣту инспектора Гренкова, рискнулъ попытать счастья.

Прихожу къ генералу и прошу лакея доложить о себѣ.

— Пожалуйте!—буркнулъ тотъ, не глядя на меня и указывая жестомъ по направленію къ двери, ведущей на балконъ.

¹⁾ Продолженіе. «Кѣвская Старина» за 1890 и 1895 годъ.

Его П—во только-что окончили завтракъ. Придерживая шпаженку, я отвѣсилъ поклонъ и вытянулся въ струнку подъ самой стѣнкой.

— Здравствуйте! что скажете?—спросилъ генераль, вытирая ротъ салфеткой.

— Осмѣливаюсь утруждать В. П—во покорнѣйшею просьбой о перемѣщеніи меня изъ Немировской гимназіи во 2-ю Кіевскую на вакансію учителя Русской словесности.

— Откуда вы взяли вакансію? Тамъ читаетъ профессоръ.

— Я полагалъ, В. П—во, что профессоръ Селинь исправляетъ эту должность временно, за неимѣніемъ въ виду лица, которое-бы заняло вакансію.

— Да кто вамъ сказалъ, что профессоръ преподаетъ временно?—спросилъ генераль, возвысивъ голосъ.

— Мнѣ казалось,—отвѣтилъ я смиренно,—что двѣ должности, профессорская и учительская въ такой многолюдной гимназіи, какъ 2-я кіевская, въ одномъ лицѣ несомѣстимы: одно исправленіе ученическихъ сочиненій, я знаю это по опыту, это такой трудъ...

— Не разсуждать!—зычнымъ голосомъ крикнулъ генераль: смотрите, пожалуйста, онъ хочетъ, чтобы я промѣнялъ профессора университета на какого-нибудь учителяшку!

Разумѣется, послѣ такого комплимента мнѣ оставалось только поскорѣй унести ноги отъ этого непривѣтливаго господина.

И только черезъ годъ послѣ этой неудавшейся попытки; благодаря содѣйствію того-же Гренкова и его пріятеля, всемогущаго въ округѣ А. А. Лазова, я наконецъ вырвался изъ ежевыхъ рукавицъ Зимовскаго и, оставивъ навсегда жидовское мѣстечко, содѣлался обитателемъ богоспасаемаго града.

Прибывъ на мѣсто въ концѣ августа 1852 года, я счелъ долгомъ немедленно явиться къ Михаилу Владиміровичу, Доложили.

— Просятъ въ бесѣдку, пожалуйста!—сказалъ мнѣ тотъ-же самый невѣжа-лакей, отворяя двери въ садъ.

Вхожу въ бесѣдку. Мой генераль сидить, какъ богъ-Панъ, окруженный пышной растительностью.

— А, здравствуйте! вы уже пріѣхали?

И онъ протянулъ мнѣ руку, съ которой я рѣшительно не зналъ, что дѣлать—брать или не брать?

— Прошу садиться!

„Что за притча?“—подумалъ я, не вѣря своимъ ушамъ, „что за метаморфоза такая?“ А ларчикъ просто открывался: узнавъ объ увольненіи профессора и о моемъ назначеніи на его мѣсто, онъ спросилъ Лазова:

— Алексѣй Алексѣевичъ, что все это значитъ?

— Самъ уволилъ и самъ назначилъ другого,—отвѣтилъ тотъ.

„А - а,—сообразилъ генераль:—значить, съ этимъ училищной нужно быть деликатнѣй—онъ извѣстенъ самому Бибикову.

Директоромъ 2-й гимназіи¹⁾ былъ въ то время богатый мало-россійскій панъ Н. А. Ригельманъ,¹⁾ который до того числился на службѣ въ канцеляріи генераль-губернатора и, отъ нечего дѣлать, путешествовалъ по славянскимъ землямъ, да пописывалъ въ московскихъ славянофильскихъ журналахъ. Бибиковъ на подобныхъ субъектовъ смотрѣлъ глазами Наполеона I, называвшаго ихъ идеалогами, т. е. людьми негодными для практической дѣятельности, и потому, когда открылась вакансія директора во 2-й гимназіи, послѣ отставки пр. Богородскаго, онъ предоставилъ ее Ригельману, изъ чего между прочимъ можно заключить, какъ легко смотрѣли на многотрудныя обязанности педагога вершители нашихъ судебъ.

По пріѣздѣ въ Кіевъ я не засталъ директора на службѣ: онъ прохлаждался въ своихъ имѣніяхъ, собирая дани многи съ крестьянъ своихъ, хотя ученіе въ гимназіи давно уже началось²⁾. Обязанности директора, въ его отсутствіе, исполнялъ инспекторъ

¹⁾ Это не единственный директоръ изъ помѣщиковъ: въ Волынской гимназіи былъ Трофимовскій, въ Черниговской—Бугаевскій, въ Каменецъ-Подольской—Вощининъ.

²⁾ Каникулы наши въ то время продолжались всего одинъ мѣсяцъ: съ 22-го іюня по 22-е іюля.

Н. М. Гренковъ. Переночевавъ у своего земляка Т. И. Пристюка, тогда учителя 1-й кievской гимназіи, я на другой-же день, по его указанію, занялъ довольно удобную квартиру у его сослуживца Ѳ. А. Токарскаго и немедленно приступилъ къ преподаванію своего предмета.

Такъ-какъ предмѣстникъ мой, А. И. Селинъ, былъ не нашъ братъ, чернорабочій учитель, а восторженный фѣткосниматель профессоръ, то мнѣ, на первыхъ порахъ, было довольно трудно управляться съ многолюдными классами¹⁾. Новые мои слушатели совершенно отвыкли отъ гимназическаго способа преподаванія; имъ видно пришелся по вкусу университетскій способъ чтенія лекцій; роль ихъ круглый годъ была совершенно пассивная: наслаждаясь краснорѣчіемъ обожаемаго Александра Ивановича, они никогда не отдавали ему отчета въ томъ, насколько ими усвоено прослушанное. Понятно, что мои „уроки“, послѣ профессорскихъ лекцій, пришлось имъ не по-вутру. Пользуясь пріятельскими отношеніями къ директору и къ помощнику попечителя и опираясь на свой авторитетъ, какъ профессора, Александръ Ивановичъ знать не хотѣлъ никакой программы, безусловно обязательной для обыкновенныхъ смертныхъ, т. е. учителей, которые не смѣли отступать ни на іоту, и потому мнѣ пришлось вколачивать весьма поверхностные обрывки свѣдѣній своихъ учениковъ въ предѣлы гимназическаго курса. А тутъ еще вернувшійся изъ деревни директоръ, недовольный увольненіемъ профессора, помимо его желанія, не переставалъ настаивать, чтобы я познакомился съ Александромъ Ивановичемъ и поучился у него преподаванію русской словесности, но я шелъ своей дорогой, слѣдуя собственному методу, выработанному самостоятельной 10-лѣтней практикой.

Результаты моего преподаванія, какъ показали годичныя, а особенно окончательныя испытанія, превзошли мои ожиданія.

Въ качествѣ контролирующаго ассистента на экзаменахъ въ VII классѣ присутствовалъ и мой антагонистъ Селинъ, кото-

¹⁾ Въ V классѣ въ двухъ отд. 115 ч. въ VI—82, въ VII—58.

рый тоже остался совершенно удовлетвореннымъ отвѣтами моихъ учениковъ. Всѣ 58 человѣкъ получили отмѣтки удовлетворительныя, не смотря на то, что по предписанію Бибикова, по русскому языку требовалась отмѣтка 4.

Послѣ этого директоръ предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствія относительно моего преподаванія. Но помимо моихъ служебныхъ обязанностей, Николай Аркадьевичъ нашель другой поводъ надоѣдать мнѣ. Кіевская жизнь, послѣ Немировской дешевизны (квартира со столомъ 10 р.), показалась мнѣ довольно дорогой, и вотъ къ моимъ услугамъ подвернулся съ предложеніемъ выгодной кондиціи польскій помѣщикъ маркизъ Язевскій, который за приготовленіе сына въ университетъ, чрезъ ксендза Коризну, предложилъ мнѣ квартиру съ полнымъ содержаніемъ и тысячу рублей гонорару. Заниматься я долженъ былъ всѣми предметами, за исключеніемъ новыхъ языковъ и магематики. Прежде чѣмъ согласиться на такія заманчивыя условія, я пожелалъ поближе познакомиться съ будущимъ воспитанникомъ, насколько онъ подготовленъ для того, чтобы черезъ годъ поступить въ университетъ.

И что-же оказалось? По русскому языку онъ не годится и въ 3-й классъ, исторіи не начиналъ вовсе, по латыни—ни бельмеса. Мыслимо ли было въ теченіе какихъ-нибудь девяти мѣсяцевъ приготовить къ вступительному экзамену въ университетъ такого невѣжественнаго юношу? Я, конечно, отказался наотрѣзъ, и этимъ отказомъ нажилъ себѣ не мало хлопотъ. Пріятель маркиза, директоръ, не давалъ мнѣ проходу, уговаривая меня принять кондицію. Всѣ мои доводы о невозможности этой нелѣпой сдѣлки на него не дѣйствовали. Какъ только попадусь ему на глаза:

— Что-жъ вы, еще не надумались?

— Нѣтъ, Н. А—чѣ, не могу.

— Странно! Квартира со столомъ и больше чѣмъ вдвое противъ казеннаго жалованья плата,—очень странно!

— Да вѣдь поймите же, г. директоръ, что я долженъ буду, въ ущербъ моей службѣ, употребить вдвое больше времени на

приготовленіе одного субъекта противъ того, что я употребляю для гимназіи, гдѣ у меня не одинъ ученикъ, а 250 человекъ. А что запоете мнѣ, если я, ради кондиціи, стану манкировать своими прямыми обязанностями, и все-таки никакого толку изъ моихъ занятій съ этимъ паничемъ не будетъ?

Но такіе доводы на г. директора не дѣйствовали. „Странно“ — да и только. Не успѣвъ уговорить меня черезъ директора, маркизъ обратился къ Юзefовичу; но тотъ ему сказалъ, что ни одинъ уважающій себя наставникъ не согласится быть гувернеромъ ни за какія деньги: для этого существуютъ разные проходимцы, французы и нѣмцы. Не найдя ни одного охотника на лакомую приманку, панъ Ячевскій приглашаетъ профессоровъ давать частные уроки; тѣ, конечно, согласились, и юноша, съ помощію Ставровскаго и К^о, черезъ годъ поступилъ въ университетъ!

Нашъ Рагельманъ оставался славянофиломъ и въ должности директора, а по выходѣ въ отставку былъ даже предсѣдателемъ славянскаго благотворительнаго комитета. Впрочемъ, надо признаться, наши крѣпостники — славянофилы, часто игнорируя нужды своихъ русскихъ славянъ, не только оставляли ихъ безъ всякой помощи, но эксплуатируя ихъ трудъ, изъ одной лишь моды благодѣтельствовали чужимъ, гораздо меньше нуждавшимся и болѣе обезпеченнымъ. Получая громадный доходъ изъ своихъ имѣній, Николай Аркадьевичъ для *меньшей братіи* своей ровно ничего не сдѣлалъ. По крайней мѣрѣ не слышно было, чтобы онъ завелъ для своихъ крестьянъ хоть одну школу, хоть одну больницу. При всемъ своемъ богатствѣ, онъ былъ страшно скупъ. Желая опровергнуть циркулировавшее въ Липкахъ такое о себѣ мнѣніе, Ник. Арк. сталъ по воскресеньямъ приглашать учителей на обѣды, раздѣливъ весь учебный персоналъ на группы, по пяти человекъ за одинъ разъ. Былъ и я однажды на такомъ обѣдѣ и нашелъ, что мой простой столъ, приготовляемый крѣпостной кухаркой Токарскаго, несравненно питательнѣе и вкуснѣе поварскихъ бульоновъ и соусовъ г. директора. Дѣло въ томъ, что амфитріонъ нашъ получалъ изъ имѣній провизію въ такомъ

изобилии, что одному человеку израсходовать ее в продолжение мѣсяца было невозможно, и вотъ, когда она начинала портиться, Н. А. нашель средство употреблять ее въ дѣло, приглашая учительство на обѣды.

Поздней осенью 1852 года Кіевъ праздновалъ великое событіе—отѣздъ Д. Г. Бибикова за границу въ четырехмѣсячный отпускъ, изъ котораго онъ уже не возвратился, перейдя на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Четырнадцатилѣтнее свое владичество надъ Юго-Западнымъ краемъ (1838—1852) онъ самъ охарактеризовалъ въ рѣчи, обращенной къ дворянству трехъ губерній во время выборовъ, случайно совпавшихъ съ этимъ отѣздомъ. Сознавая свою мощь, сановный ораторъ, въ сжатомъ видѣ, представилъ, конечно, съ своей точки зрѣнія, блестящіе результаты своей дѣятельности во ввѣренномъ ему краѣ; но дальнѣйшій ходъ событій въ жизни этого края далеко не оправдалъ смѣлыхъ выводовъ грознаго администратора.

Бибиковъ въ роли попечителя учебнаго округа, не задаваясь никакими педагогическими вопросами, не интересуясь ниекакою наукой, требовалъ отъ наставниковъ средне-учебныхъ заведеній Юго-Западнаго края только одного, чтобы они польскихъ дѣтей сдѣлали русскими, преданными Царю и отечеству. Въ силу такихъ требованій, педагоги очутились въ исключительномъ положеніи: къ ихъ дѣятельности чисто научнаго свойства примѣшивались требованія, не имѣвшія ничего общаго съ наукой. Но что сдѣлали наши гимназін для русскаго дѣла въ ополѣченномъ краѣ? Заключалась-ли хоть малая доля правды въ широковѣщательныхъ донесеніяхъ разныхъ Зимовскихъ, Яковлевыхъ и др. обрусителей? А вѣдь донесеніямъ этимъ Д. Г.—чь вѣрили безконтрольно, награждая ихъ крестами и деньгами. Мало того, на основаніи подобныхъ донесеній, онъ вводилъ въ заблужденіе правительство на счетъ вѣрнопоподданническихъ чувствъ польскаго населенія. Такъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1848 годъ, онъ между прочимъ доносилъ:

„Въ учебныхъ заведеніяхъ сталъ развиваться русскій языкъ, русскія начала и желанія служить, почему учебныя заведенія не представляютъ никакой опасности, и послѣдствія эти важны въ настоящее время, а въ будущемъ слѣдуетъ ожидать самыхъ прочныхъ результатовъ въ отношеніи образованія польскаго юношества.“

А будущее, увы! зло пасмѣялось надъ этимъ пророчествомъ дальновиднаго администратора... Жаль, что онъ не дожилъ до злополучнаго 1863 года!

Да, не добромъ помянули Бибикова наши педагоги.

„Не говоря уже о его гордости и надменности, въ этомъ человѣкѣ не было никакого чувства, а какая-то убійственная холодность и равнодушіе къ судьбѣ ближняго“. ¹⁾

Одинъ изъ учителей Кіевской гимназіи, обремененный большимъ семействомъ, рискнулъ попросить у попечителя прибавки къ весьма скудному жалованью.

„Видишь чего старый захотѣлъ,—пошутить Д. Г.—чѣ:—а если-бы я велѣлъ тебѣ всыпать 25 горячихъ, попросилъ-бы ты прибавки?

Ошеломленный такой жестокой шуткой, педагогъ чуть было не рехнулся тутъ же въ пріемной. Шатаясь какъ пьяный, вышелъ онъ на свѣжій воздухъ и, стоя на крыльцѣ между двумя часовыми, долго не могъ прійти въ себя, повторяя безсвязно услышанныя имъ отъ генерала слова: „всыпать... 25?.. мнѣ? Я—солдаты? Нѣтъ... вотъ и шпага и треуголка... Я коллеж...“

Когда огорченный старикъ отправился искать сочувствія своему горю къ генералу штатскому, то сей послѣдній утѣшалъ его такой сентенціей:

„Такъ вамъ и нужно! Не лазьте по пустякамъ къ Генералъ-Губернатору, минуя ближайшее начальство. Что-жъ, что вы коллежскій совѣтникъ? По моему крайнему разумію, учителямъ не слѣдовало бы давать такихъ большихъ чиновъ. Ну, скажите

¹⁾ См. «Старая и Новая Россія» 1878. № 12. Характеристика Титова.

на милость, къ чему послужилъ вашъ чинъ? И что за важная птица—учитель? *C'est un metier*“!

Жалованья, правда, прибавили классику, но лучше-бы съ голоду пропасть, чѣмъ испытать такое тяжкое униженіе за 23-хлѣтнюю усердную и безпорочную службу.

О, tempoга, о mores!—повторялъ, идучи домой униженный и оскорбленный наставникъ юношества.

Суровый бибиковский режимъ заразилъ маніей величія и другихъ администраторовъ—отъ смотрителей уѣздныхъ училищъ до помощника попечителя включительно. Вотъ тому доказательство:

Помимо просьбъ о перемѣщеніи, каждый проѣзжавшій черезъ Кіевъ учитель обязательно долженъ былъ явиться къ начальнику въ полной парадной формѣ и для того долженъ былъ везти съ собой, на почтовой перекладной за 200—300 верстъ, мундиръ, шпагу и треухъ.

Разъ Бибикову вздумалось зайти въ общую ученическую квартиру 2-й гимназіи. Дежурнымъ надзирателемъ въ тотъ день былъ высокопарнѣйшій надзиратель Софроній Семеновичъ Гриценко. Обойдя помѣщеніе квартиры, Д. Г.—чѣ обратился къ нему съ нотаціей на счетъ замѣченныхъ безпорядковъ въ дортуарахъ и прибавилъ въ заключеніе:

— Слышите-ли вы?

Гриценку слѣдовало безмолвно поклониться или отвѣтить по-солдатски: „слушаю-сь, В. В—во!“—и дѣлу конецъ. Но у Софронія была неудержимая страсть къ риторикѣ; его угораздило прибавить: „слушаю, В. В—во, съ уваженіемъ“!

— А развѣ ты можешь слушать меня безъ уваженія?—закричалъ генералъ, сильно напирая на помертвѣвшаго отъ страха надзирателя. Тотъ—шагъ назадъ, а Бибиковъ—два впередъ, да загналъ бѣднягу въ самый уголъ, такъ что дальнѣйшее отступленіе стало невозможнымъ.

„Въ эту ужасную минуту,—разсказывалъ потомъ Софроній Семеновичъ:—я завидовалъ существованію ничтожнаго мышенка, готовъ былъ спрятаться въ мышиную норку, провалиться сквозь полъ, исчезнуть съ лица земли.

За нѣсколько часовъ до своего отъѣзда Д. Г—чъ показаль примѣръ повиновенія начальству на гимназистахъ. Послѣ маршировки на университетскомъ плацу, съ инспекторомъ Гренковымъ во флангъ, онъ скомандоваль дѣтямъ:

— Ложись!—и обѣ гимназіи, какъ одинъ человекъ, легли.

— Храни! спи! вставай!—и все въ точности исполнено.

— Вотъ какъ нужно повиноваться начальству!—обратился онъ поучительнымъ тономъ къ представителямъ дворянства трехъ Юго-Западныхъ губерній, присутствовавшихъ при муштрѣ въ мундирахъ.

Начальникомъ края назначенъ волынской губернаторъ, князь Илларионъ Илларионовичъ Васильчиковъ.

Въ этой же прощальной рѣчи своей къ дворянству Бибииковъ выразился о своемъ преемникѣ такими словами:

„Вмѣсто меня вступаетъ въ управленіе тремя губерніями кн. Васильчиковъ. Это человекъ благороднѣйшихъ чувствъ; онъ исполнить превосходно всѣ тяжелыя обязанности того тяжкаго бремени, которое я несъ 15 лѣтъ“.

Къ Васильчикову перешло и номинальное управленіе Кіевскимъ учебнымъ округомъ; говорю номинальное потому, что въ сущности дѣлами округа продолжали заправлять прежніе воротилы: Юзефовичъ и Лазовъ. За три года своего управленія округомъ князь былъ только одинъ разъ во 2-й гимназіи, тогда по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ. Въ сопровожденіи помощника, онъ обошелъ классы, отнесся къ нашему педагогическому персоналу весьма ласково и благосклонно, такъ что мы увидѣли въ немъ болѣе именитаго посѣтителя, чѣмъ начальника. Суровый бибииковскій режимъ миноваль навсегда; забытое и загнанное учительство вздохнуло свободнѣе; директоры насъ перестали пугать попечителемъ какъ буквой; даже громовержець Михаилъ Владиміровичъ долженъ былъ измѣнить свое обращеніе съ подчиненными на болѣе вѣжливый тонъ. Гуманное отношеніе князя къ личности каждаго служащаго сдерживало буйные инстинкты власть имущихъ, не знавшихъ до того никакого удержу.

Попечительство кн. Васильчикова не ознаменовано ни однимъ важнымъ распоряженіемъ ни по учебной, ни по воспитательной части. Назначенія на должности, перемѣщенія, увольненія, награды шли не отъ попечителя, а отъ Юзефовича и Лазова; онъ только подписывалъ то, что ему подкладывали. Тѣмъ не менѣе въ его управленіе округомъ случилось событіе, по поводу котораго князь проявилъ свою самостоятельность: это увольненіе директора Немировской гимназіи Зимовскаго. Въ концѣ 1852 года съ Зимовскимъ опять случилась, такъ называемая, непріятная исторія: его опять nobили. Дим. Гавр. за оскорбленіе дѣйстви́емъ наградилъ въ первый разъ потерпѣвшаго орденомъ Анны 2-й степени, не смотря на то, что директоръ былъ кругомъ виноватъ, вызвавши своимъ жестокимъ обращеніемъ дикій поступокъ ученика Вольскаго; тутъ Егору Яковлевичу не мало помогли своимъ предстательствомъ Юзефовичъ и Могилянскій. — Теперь же князь не принялъ отъ побитаго никакихъ объясненій и, отвергнувъ заступничество Могилянскаго, велѣлъ Зимовскому подать въ отставку. И по дѣломъ!

Педагогическій персоналъ первыхъ годовъ моей Кіевской службы, до попечительства *Пирогова*, состоялъ изъ немалаго числа антиковъ, какихъ въ настоящее время уже не встрѣтить. Собственно говоря, гимназіей управлялъ не Ригельманъ, съ которымъ ни ученики, ни наставники не имѣли никакого дѣла, а инспекторъ *Н. М. Гренковъ*, находившійся безотлучно въ гимназіи и вѣдавшій самостоятельно какъ дисциплинарной, такъ и учебной частью въ заведеніи. Дѣйствительный студентъ педагогическаго института, родомъ изъ Тамбова, гдѣ онъ получил первоначальное образованіе въ мѣстной семинаріи, Николай Михайловичъ въ 1835 году поступилъ въ должность учителя математики и физики въ первую гимназію и нѣкоторое время, за неимѣніемъ профессора, читалъ лекціи математики въ университетѣ Св. Владиміра, а въ 1837 году послѣ Павла Іеропеса, былъ назначенъ инспекторомъ во 2-ю кіевскую гимназію. Во все время своего инспекторства вплоть до увольненія отъ службы при *Пироговѣ*, *Н. М.* — чѣ слылъ ревностнымъ поклонникомъ

розги. У него заведенъ былъ такой порядокъ: въ продолженіе цѣлой недѣли взисканія съ учениковъ производились только за шалости, не касаясь ихъ лѣни, а въ субботу надзиратели выписывали изъ классныхъ журналовъ наставленныя за всю недѣлю учителями единицы и нули, и всѣхъ лѣнтяевъ, коихъ число доходило иногда до 30 человѣкъ, оставляли по окончаніи уроковъ для расправы. Обычай этотъ, по всей вѣроятности занесенъ инспекторомъ изъ тамбовской семинаріи, гдѣ, какъ и въ другихъ духовныхъ училищахъ того времени, существовали *субботки* (subbativa).

При всемъ томъ, нужно отдать справедливость неусыпной дѣятельности Николая Михайловича, успѣвавшаго водворять порядокъ въ такой многолюдной гимназіи, какою была въ то время 2-я кіевская. Въ ней числилось болѣе 700 человѣкъ, изъ коихъ 200 помѣщались въ общей квартирѣ при гимназіи, что при безучастномъ отношеніи г.г. преподавателей къ поведенію учениковъ внѣ класснаго времени, дѣлало службу инспектора весьма тяжелою; помощники же его, надзиратели, не оказывали ему ни малѣйшей помощи. Отвѣтственность за дисциплину, поэтому, всецѣло ложилась на инспектора. Каждый учитель, отбывши свои часы въ гимназіи, спѣшилъ на уроки въ другія заведенія, нисколько не заботясь о томъ, что творилось въ гимназіи во все остальное время, какія тамъ малыши претерпѣвали истязанія за тѣ единицы, которыя наставлены ими въ классныхъ журналахъ зря, безъ должнаго вниманія къ отвѣтамъ ученика и къ его слезнымъ оправданіямъ своей неуспѣшности.

Старѣйшимъ между преподавателями былъ учитель русскаго языка *Θ. В. Березницкій*, товарищъ Гренкова по педагогическому институту, человѣкъ не безъ способностей, извѣстный даже въ печати составленнымъ имъ учебникомъ ариметики, но сильно запивавшій хмелемъ. Во все продолженіе своей кіевской службы, я ни разу не видѣлъ его совершенно трезвымъ; полупьяное состояніе у него было нормальнымъ; такимъ онъ являлся и на уроки. Ученики такъ привыкли къ этому, что совершенно мирились съ самыми безобразными его выходками.

Замѣчательно, что Оедоръ Васильевичъ года два почти ежедневно занимался съ дочерьми памятнаго Кіеву строителя миллионныхъ башенъ крѣпости печерской Клименка; вѣроятно, и тамъ къ нему привыкли.

— Господа!—обращался онъ къ ученикамъ,—у меня малина поспѣла, приходите ко мнѣ въ садъ да приносите съ собой побольше сахару!

Ученики шли къ нему въ садъ и несли сахаръ.

Учителемъ латинскаго языка и старшимъ надзирателемъ общей ученической квартиры былъ *И. Д. Юскевичъ-Красковскій*, бывший во время бпо и моимъ учителемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи при директорѣ Тимковскомъ, которому покойникъ былъ обязанъ весьма полезными совѣтами по части преподаванія латинскаго языка. На долю Ивана Даниловича выпала скромная доля педагога въ такое время, когда трудъ воспитателя юношества цѣнился не по достоинству, низводимый на степень поденной работы за весьма скудное вознагражденіе. О немъ будетъ еще рѣчь впереди.

Учитель математики и физики *Д. О. Билоусовъ*, собутыльникъ Березницкаго, тоже любилъ приношенія учениковъ, главнымъ образомъ ромомъ и виномъ; но любя горькое, не отказывался и отъ сладкаго. Ученикъ V класса, получивъ на экзаменѣ двойку, пошелъ къ нему на домъ переэкзаменоваться, захвативъ съ собою головку сахару. Оставивъ въ передней сахаръ, онъ вошелъ въ пріемную и сталъ просить г. учителя выдать записку къ инспектору съ переводною отмѣткой. Димитрій Осиповичъ, заглянувъ въ переднюю и усмотрѣвъ тамъ голову сахару, не переэкзаменовывая, немедленно написалъ на бумажкѣ требуемую отмѣтку и вручилъ ее просителю. Ученикъ разсыпался въ благодарности и, уходя, беретъ принесенный сахаръ.

— А что жъ-это вы?—спрашиваетъ наставникъ.

— А это папаша велѣлъ купить для дому,—отвѣчалъ проказникъ.

— Ахъ ты подлець!—выругался наставникъ.

Въ первый годъ послѣ перемѣщенія моего изъ Немирова у меня жили два пансіонера V и VI класса. Одинъ изъ нихъ, Грохольскій, никакъ не могъ получить у Бѣлоусова удовлетворительную отмѣтку, а малый довольно способный.

Спрашиваю товарищей, что мнѣ дѣлать съ Бѣлоусовымъ?

— Очень просто,—отвѣчаютъ,—пригласи его на чай, да купи сперва бутылку ямайскаго—и дѣло въ шляпѣ.

Дѣйствительно, ромъ отлично подѣйствовалъ: послѣ чаю мои питомцы должны были отвезти своего наставника на квартиру, взявши его подъ руки, какъ архіерея. Затѣмъ передъ подачей инспектору мѣсячныхъ вѣдомостей я долженъ былъ купить еще бутылку и вторично пригласить на чай Б.

Второй преподаватель математики *Маврикій Павловичъ Байеръ*—аккуратнѣйшій и честнѣйшій учитель, занимавшійся съ учениками безвозмездно, даже внѣ класснаго времени—явленіе, сколько я помню, исключительное между математиками, угнетавшими учениковъ вымогательствомъ частныхъ уроковъ. Какъ нѣмецъ, онъ былъ большой формалистъ. При немъ находились во всякое время карманные „списочки“, гдѣ были записаны мельчайшія подробности относительно отвѣтовъ каждаго ученика. Жаль только, что своимъ кропотливымъ усердіемъ онъ не только не возбуждалъ въ ученикахъ любви къ своему предмету, но требованіемъ буквальнаго заучиванья учебника отбивалъ охоту къ изученію его. Вѣчно недовольный дѣйствіями надзирателей и критически относясь къ распоряженіямъ инспектора, неугомонный нашъ Маврикій постоянно твердилъ о необходимости введенія въ число предметовъ гимназическаго курса особой науки, которую онъ называлъ „моралами“. Впродолженіе всей своей службы во 2-й гимназіи онъ постоянно имѣлъ богатыхъ пансіонеровъ и при своей скупости сколотилъ порядочный капиталецъ. Въ концѣ своей службы онъ женился и послѣдніе годы жизни вѣчно нуждался въ деньгахъ и умеръ почти нищимъ.

До Пирогова законоучителемъ во 2-й гимназіи былъ о. *Ододъ Мисловскій*, настоятель Георгіевской церкви и большой пріятель Березницкаго и Бѣлоусова. Но у о. Ододы былъ еще

одинъ домашній другъ, товарищъ его по академіи, приснопамятный Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій. Овдовѣвъ дважды и трижды перемѣнивъ службу, онъ былъ окончательно уволенъ въ отставку и, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, пріютился у о. Ѳедора. Живя у него на полномъ иждивеніи, В. И. постоянно на его счетъ приглашалъ гостей, а во дни храмового праздника, именинъ своихъ и хозяина, собиралъ такое множество духовенства—и бѣлаго, и чернаго, иногда даже съ архіереемъ во главѣ, что нашему батюшкѣ каждый пріемъ обходился не менѣе ста рублей. Случалось и мнѣ посѣщать своего сослуживца „не ради рома и арака“, а совсѣмъ съ другою цѣлію. Дѣло въ томъ, что къ Аскоченскому, великому знатоку церковнаго пѣнія, приходилъ иногда знаменитый въ то время теноръ, студентъ духовной академіи Чумачевскій. Они-то вдвоемъ весь вечеръ услаждали мой слухъ превосходнымъ исполненіемъ духовныхъ концертовъ, дуэтовъ, отрывковъ изъ оперъ и т. п. Иногда Чумачевскій приводилъ съ собой еще двухъ студентовъ; тогда формировался цѣлый хоръ. Наконецъ, пребываніе Виктора Ипатьевича у пріятеля стало ужъ черезчуръ накладно для него, и онъ, пожертвовавъ единовременно нѣкоторой суммой для предпринятаго В. И.—чемъ путешествія въ Петербургъ, освободился отъ засидѣвагося у него гостя. Получивъ субсидію, Аскоченскій началъ издавать свою, исполненную мракобѣсія, „Домашнюю бесѣду“.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ просвѣщали русское юношество два брата грекосы, выходцы изъ турецкой провинціи, воспитанники смирской семинаріи—*Павелъ и Николай Христофоровичи Иеропесы*. Старшій изъ нихъ Павелъ былъ нѣкоторое время инспекторомъ 2-й гимназіи, потомъ лицея кн. Безбородка, а младшій—Николай Христофоровичъ былъ сперва младшимъ профессоромъ въ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, а потомъ учителемъ греческаго языка во 2-й кіевской гимназіи. Этотъ Н. Х.—чѣ любилъ часто вспоминать, какъ они съ братомъ учились въ смирнскомъ университетѣ: „оба мы хорошо учились и кончили

заведеніе—братъ Павелъ кандидатомъ, а я—дѣйствительнымъ студентомъ, потому что у меня по чистописанію не вышли кандидатскіе балы“.

На урокахъ Николай Христофоровичъ иногда пускался въ филологическія тонкости. Однажды онъ сталъ превозносить богатство русскаго языка въ сравненіи съ греческимъ:

„По гречески слово γένω—значить родить; для всѣхъ людей и животныхъ существуетъ одно это слово и человѣкъ—родилъ, и собака—родилъ, и корова—родилъ, и свиня—родилъ, а по-русски говорятъ: собака—окотенился, корова—опоросился, свиня—отелился: очень, очень богаты русскій языкъ“.

Николая Христофоровича Геропеса смѣнилъ *В. В. Оедоровъ*, человѣкъ несомнѣнно умный, основательно знавшій древніе языки, не исключая, разумѣется, и родного языка еврейскаго; обладалъ сверхъ того чисто жидовскою изворотливостію и пронырствомъ. Онъ ловко обошелъ не только такого недалководнаго господина, какимъ былъ нашъ директоръ, но успѣлъ провестъ и нѣкоторыхъ попечителей, не исключая и самого Пирогова. Всѣ видѣли въ немъ недосягаемое для другихъ учителей совершенство.

— Отчего у васъ, господа, такъ много единицъ и двоекъ наставлено въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ и классныхъ журналахъ? Посмотрите у г. Оедорова—одни пятерки!—не переставалъ приставать директоръ къ преподавателямъ.

Но ему наконецъ заявили, что греческій языкъ „во первыхъ, предметъ необязательный; во-вторыхъ, къ Оедорову шли только такіе ученики-добровольцы, у которыхъ и по всѣмъ другимъ предметамъ имѣлись отмѣтки не менѣе 4¹/₂,—значить только самые способные, какихъ въ каждомъ классѣ не болѣе пяти-семи человѣкъ; старались же они получить и по-гречески высшую отмѣтку изъ-за того, что за это при выпускѣ давался чинъ XIV класса. Очевидно, съ полдюжиной учениковъ и при томъ самыхъ способныхъ, заниматься несравненно легче и пріятнѣе, чѣмъ съ 60-ю или 80-ю. Но не смотря на очевидность такого факта, Оедоровъ сумѣлъ пустить пыль въ глаза начальству блистательными успѣхами своихъ учениковъ.

Учитель географіи—*Θ. В. Коленко*, сынъ Новгородъ-Сѣверскаго казначея, одинъ изъ пяти братьевъ, изъ коихъ только старшій не попалъ въ педагоги; и онъ нисколько не сожалѣлъ объ этомъ, оставаясь всю жизнь дѣлопроизводителемъ въ управленіи Шостенскаго порохового завода при нѣсколькихъ генералахъ-начальникахъ; тамъ онъ нажилъ громадное состояніе. Нашъ *Θедотъ* былъ третьимъ сыномъ казначея *Василія Ивановича*. Обремененный большимъ семействомъ, онъ принужденъ былъ давать много частныхъ уроковъ по всему Кіеву и умеръ въ ранніе годы отъ истощенія силъ.

И. М. Звонниковъ—изъ Кіево-Подольскихъ старожилловъ, преподавалъ большею частью въ параллельныхъ классахъ русскій языкъ и географію, имѣлъ тоже не менѣе 40 уроковъ въ недѣлю въ разныхъ частяхъ города. Живя въ домѣ родителей на Кирилловской улицѣ, онъ обыкновенно приходилъ на службу съ пятикопѣчной булкой въ карманѣ и, обѣдавъ городъ, возвращался домой въ 9 часовъ вечера. Затѣмъ, свободное отъ такой каторжной работы время, т. е. праздники и каникулы, онъ употреблялъ на изученіе латинскаго языка, подъ руководствомъ своего бывшаго профессора, *А. К. Деллена*. Латынь дала ему возможность слѣлать карьеру: *Кн. Ширинскій—Шихматовъ*, перейдя въ Московскій округъ, потянулъ его за собой и сдѣлалъ Окружнымъ инспекторомъ. Такое небывалое повышеніе смутило и самого *Звонникова*, такъ что по пріѣздѣ въ Москву, онъ просилъ попечителя дать ему болѣе скромную должность, и тотъ назначилъ его директоромъ Ярославской гимназіи. Прослуживъ 37 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Острѣ, гдѣ года черезъ два умеръ.

Другой учитель русскаго и славянскаго языка *Ковалевскій*, переведенный изъ Бѣлой Церкви, человѣкъ отъ природы робкій и какой-то загнанный, обладая при томъ неказистой наружностью, былъ вѣчнымъ мученикомъ безжалостныхъ мальчиковъ, (сей возрастъ жалости не знаетъ,—сказалъ *Крыловъ*), получая въ прибавку послѣ cadaго урока выговоръ директора за неумѣнье удержатъ порядокъ въ классѣ. Сознавая свое безсиліе

укротить маленькихъ звѣрьковъ, онъ нерѣдко плакалъ во время уроковъ. Не надѣясь наконецъ ни на защиту инспектора, ни на строгія взысканія за учиненныя ему пакости, онъ однажды, выбившись изъ силъ, палъ на колѣни предъ образомъ Божіей Матери и обратился съ мольбой къ защитницѣ всѣхъ скорбящихъ: „Матерь Божія!—взмолился наставникъ:—накажи ихъ, негодныхъ!“ А негодяи все-таки продолжали дѣлать ему всевозможныя пакости: то воробья выпустятъ во время урока, то зазвонятъ на послѣдней скамьѣ въ колокольчикъ, то заведутъ машинку съ веселой музыкой.

Про этого горемыку-педагога ученики сочинили такіе стишки:

Колокольчикъ звенить—	Глаголь есть такая часть рѣчи,
Ковалевскій бѣжить,	Что Ковалевскій упалъ съ печи,
Садится за столъ	Ударился о-поль
И объясняетъ глаголь:	И выскочилъ глаголь.

Не нашелъ этотъ злосчастный труженикъ счастья и по выходѣ въ отставку: избавившись отъ мучительства дѣтей и отслуживши благодарственный молебень, онъ недолго пользовался свободой: черезъ годъ онъ ослѣпъ и окончилъ жизнь въ богадѣльнѣ.

Учитель латинскаго языка въ параллельныхъ отдѣленіяхъ *И. С. Семяновскій*, одинъ изъ трехъ братьевъ, хорошо мнѣ знакомыхъ: старшій былъ городовымъ врачомъ въ Винницѣ, второй—вдовый священникъ Покровской церкви на Подолѣ.

Мой коллега Иванъ Степановичъ жилъ въ церковномъ домѣ, вмѣстѣ съ матерью, сестрой и священникомъ о. Василиемъ. Каждый изъ членовъ этого благодушнаго семейства имѣлъ свои собственныя средства, и потому никто изъ нихъ не былъ въ тягость другимъ, внося въ общую селадчину на продовольствіе известную сумму. Жили они между собою очень дружно, не зная никакихъ развлеченій. *И. С.* зналъ только одну въ Кіевѣ улицу, ведущую изъ Подола въ гимназію, одно занятіе—уроки латинскаго языка. Это патріархальное семейство принадлежало кафедральному протоіерею Кіево-Софійскаго собора о. Стефану,

оставившему своимъ дѣтямъ въ наслѣдство, вмѣсто обезпеченнаго состоянія, органической пороки сердца, сократившей жизнь всѣхъ четырехъ дѣтей: и самъ онъ, и всѣ дѣти его умерли скорпостижно.

Преподаватель французскаго языка въ низшихъ классахъ, сынъ польскаго эмигранта *Лабенскій* служилъ для дѣтей такою же мишенью всевозможныхъ проказъ, какъ и *Ковалевскій*.

При началѣ каждаго учебнаго года, съ перваго же урока онъ приказывалъ ученикамъ 1-го класса записаться тетрадями, въ которыя они должны были вписывать тянувшееся цѣлый годъ спряженіе глаголовъ *avoir* и *être* (не зная еще ни одной буквы по-французски). Неимѣніе тетради влекло за собой наказаніе, причемъ г. учитель покушался даже на остроуміе: „тетрадь нема, гдѣва пуста—на колѣна, пожалуста!“

Урокъ обыкновенно начинался у него переключкою, причемъ каждый разъ у него въ классѣ оказывался „новый ученикъ“. Дѣло въ томъ, что у *Лабенскаго* находился карманный списокъ учениковъ, который онъ ежедневно свѣрялъ во время перемены съ класснымъ журналомъ. Операцию эту онъ производилъ, застромивъ перо за ухо и вода обѣими руками по журналу и списку, отмѣчая крестиками фамилію, причемъ въ концѣ неизбѣжно оказывался „новый ученикъ“, котораго онъ и вносилъ въ свой списокъ; но этотъ „новый ученикъ“ сидѣлъ уже второй годъ въ томъ же классѣ. Такое недоразумѣніе происходило отъ того, что надзиратель, приготовляя классный журналъ на будущую недѣлю и помѣщая фамилію по алфавиту, иногда по ошибкѣ пропускалъ какого-нибудь ученика въ срединѣ и записывалъ его въ концѣ. Этотъ-то субъектъ и оказывался „новымъ ученикомъ“. Окончивъ переключку, учитель занимался пересмотромъ тетрадей, что, при многочисленности классовъ, продолжалось болѣе получаса, послѣ чего для упражненія въ чтеніи (а это самое важное для 1-го класса) оставалось нѣсколько минутъ.

Нечего говорить, что пользы отъ такого преподаванія не было ни малѣйшей.

Въ высшихъ классахъ французскій языкъ преподавалъ *Малербъ*—родомъ полякъ, получившій образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и потому обладавшій знаніемъ русскаго языка, вслѣдствіе чего и преподаваніе у него шло довольно успѣшно.

Учитель нѣмецкаго языка *Сигизмундъ* пользовался заслуженною извѣстностію въ Округѣ. Составленная имъ грамматика употреблялась во всѣхъ гимназіяхъ. Какъ преподаватель, онъ однако-жъ не могъ похвалиться успѣхами своихъ учениковъ: не обладая здоровьемъ, онъ часто пропускалъ уроки, и скоро по болѣзни вышелъ въ отставку.

Второй учитель нѣмецкаго языка *Гаазе*—тупоумное и упрямое созданіе, доставлявшее не мало возни съ учениками Инспектору, надобѣдая ему своими жалобами на ихъ проказы. Ученикъ VI класса Ш—ій выкинулъ ему такое колѣнце: когда нѣмецъ, по окончаніи уроковъ выходилъ изъ класса, онъ схватилъ его за хвостики фрака и одинъ изъ нихъ остался у него въ рукахъ. Инспекторъ страшно разсвирѣпѣлъ. (Директоръ въ то время былъ въ деревнѣ). Призвавъ Ш—аго въ инспекторскую комнату, онъ объявилъ ему, что исключить изъ гимназіи съ оповѣщеніемъ по Округу. 20-лѣтній юноша, какъ оказалось, былъ шkodливъ, какъ котъ, а трусливъ, какъ заяцъ: онъ ударился въ слезы, прося замѣнить исключеніе какимъ-нибудь другимъ наказаніемъ, напр., заключеніемъ на двѣ недѣли въ карцеръ. Но инспекторъ вопросъ о наказаніи поставилъ иначе: или исключеніе, или розги. Послѣ долгихъ упрасиваній ученикъ наконецъ согласился на розги, подѣ условіемъ, чтобы о наказаніи не знали товарищи. Инспекторъ беретъ листъ бумаги, кладетъ передъ Ш—мъ на столъ и диктуетъ ему просьбу о томъ, чтобы его высѣкли. Послѣ этого раба Божія повели въ сторожку и всыпали ему 25 горячихъ. Хотя онъ подѣ розгами и силился не кричать, искусавши языкъ до крови, но товарищи провѣдали какимъ-то способомъ о его позорномъ наказаніи и выгнали его изъ класса: какъ, дескать, ты подлець, позволилъ себя высѣчь?

Вопросъ: какъ рѣшился Гренковъ, въ противность уставу, допускавшему тѣлесныя наказанія только въ трехъ низшихъ классахъ, наказъ розгами ученика VI класса? Да, рѣшился, ничто же сумняшеся; значитъ, это практиковалось не въ одной 2-й гимназiи, а то же самое, какъ мы видимъ, продолжалось и у Зимовскаго и у Китченка, не говоря уже о кадетскихъ корпусахъ и духовныхъ училищахъ.

Попечитель фонъ-Брадке сильно настаивалъ въ Министерствѣ на томъ, чтобы это позорное наказаніе распространить еще на IV и V классы. „Находясь въ нѣжномъ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ, ученики этихъ классовъ, естественно (?), не могутъ понимать собственной пользы и надлежаще управлять своими поступками“,—писалъ онъ Министру въ 1837 году. Да, жестокіе, сударь, нравы были у моихъ современниковъ!

Ученикъ III—скій былъ не послѣднею жертвою этихъ жестокостей. Благодаря безтактности того же безтолковаго Гаазе, у него случилась на урокъ въ V классѣ новая исторiя. Спрашиваетъ онъ ученика Шварца урокъ, а тотъ отвѣчаетъ: „не знаю“.

— Ну, то имѣешь единицу! порѣшилъ учитель.

— За что же единицу?

— Ну, то имѣешь нуль!

Шварцъ подбѣгаетъ къ каедрѣ и даетъ нѣмцу пощечину. Наказаніе послѣдовало жестокое въ присутствіи Юзефовича и жандармовъ; затѣмъ определено отдать Шварца въ барабанщики.

Отбарабанивъ положенный срокъ, онъ принялся за ремесло своего отца—единственного въ то время въ Кіевѣ зубнаго врача—и сталъ вставлять зубы искусственные, тогда какъ прежде онъ умѣлъ лишь выбивать натуральные. Братъ новаго дантиста, въпослѣдствіи извѣстный акушеръ, находился въ то время въ VII классѣ.

Старѣйшій аборигенъ 2-й кіевской гимназiи *И. Я. Краснокутскій* началъ свою службу учителемъ чистописанія и рисованія въ 1836 году. Выслуживъ пенсію, онъ оставался на службѣ по найму до 1863 года только учителемъ одного чистописанія; купилъ себѣ на Жиланской улицѣ 2¹/₂ десятины земли за 250

рубл., выстроилъ домъ и развелъ садъ. За 30 лѣтъ своей службы онъ никого не научилъ ни чистописанію, ни рисованію, за то лучшіе сады въ Кіевѣ, съ превосходными берами разныхъ сортовъ обязаны своимъ существованіемъ школѣ фруктовыхъ деревъ Ивана Яковлевича. Настроивъ себѣ домовъ, выростивъ и устроивъ судьбу подлюжины дѣтей, все изъ доходовъ своего сада, онъ безвозмездно уступилъ городу значительную часть своего сада подъ нынѣшнюю Маріинско-Благовѣщенскую улицу; образовавшіяся же по обѣимъ сторонамъ новой улицы усадьбы (самая большая изъ которыхъ принадлежитъ Обществу Краснаго Креста), проданы за 25 тысячъ. Распредѣливъ эту сумму между дѣтьми по духовному завѣщанію, онъ умеръ на 90 году своей жизни.

Иванъ Яковлевичъ былъ человѣкъ стариннаго покроя. Служебный его костюмъ—какого-то цѣлаго цвѣта вицмундиръ, суконный съ форменными пуговицами жилетъ, панталоны съ желтыми пятнами и яко-бы бѣлый галстухъ, который занашивался до того, что дѣлался почти желтымъ. Подтрунивая сослуживцевъ и нетонкіе намеки начальства позаботиться о своей виѣшности—на него не дѣйствовали, а извѣстный буффонъ Березницкій продѣлалъ съ нимъ такую шутку: однажды на большой перемѣнѣ, въ сборную учительскую комнату сторожъ передалъ пакетъ на имя И. Я. Краснокутскаго. Вынимаетъ И. Я. перевязанныя веревочкой очки, надѣваетъ съ подобающею важностію на носъ и читаетъ: „М. Г. Слава объ изяществѣ вашего костюма, считаго всегда со вкусомъ, по послѣдней парижской картинкѣ, дошла до Петербурга; вслѣдствіе чего честь имѣю обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою осчастливить и мою фирму заказомъ, и проч. Съ почтеніемъ Альшвангъ“.

Окончивъ чтеніе и окинувъ всѣхъ присутствующихъ поверхъ очковъ сердитымъ взглядомъ, И. Я. передалъ инспектору письмо, а тотъ и радъ стараться, сейчасъ же приступилъ къ разслѣдованію. Но Березницкій остановилъ его: „это я, Н. М., пошутить“.

Учитель рисованія *Алексѣевъ*, по свидѣтельству художника Іордана (Р. Старина 91 года), еще въ академіи „подвергался

пагубной страсти пьянства, ва что не разъ сидѣлъ въ карцерѣ“. Изъ академіи художествъ онъ попалъ въ одно изъ дворянскихъ училищъ Кіевской губерніи и тамъ женился. Директоръ 2-й гимназіи (тогда губернской) проф. Богородскій перемѣстилъ его въ Кіевъ, поближе къ своей резиденціи. Семейная жизнь этого горемыки, начавшаяся благодѣтельно вліять на него послѣ столичнаго безпутства, съ перемѣщеніемъ въ Кіевъ, погибла безвозвратно.

Съ этого времени три-четыре дня каждого мѣсяца, а иногда и цѣлую недѣлю, получивъ 1-го числа жалованье, Алексѣевъ пилъ безъ просыпу и являлся на службу въ самомъ жалкомъ видѣ: въ затасканномъ вицмундирѣ, съ налитыми кровью глазами, весь трясущійся, разслабленный. Какое тутъ могло быть преподаваніе—объ этомъ никто не заботился; хорошо, что ученики, изъ жалости къ учителю, сидѣли смирно и не дѣлали ему никакихъ пакостей. Всѣ сослуживцы его чуждались, не съ кѣмъ ему было слова сказать. Замѣтивъ, что я къ нему отнесся участливо, къ чему этотъ отверженникъ не привыкъ, онъ сразу какъ-то прильнулъ ко мнѣ и сталъ навѣщать меня, каждый разъ прося водочки. Я ставилъ на столъ графинчикъ съ двумя-тремя рюмками очищенной; самъ себѣ наливая, онъ осушалъ сткляницу и уходилъ отъ меня всегда довольный и веселый въ свою „Швейцарію“.

Наканунѣ Пасхи, получивъ отъ своей хозяйки Елисаветы Григорьевны двѣ превосходно испеченныя бабы, я вспомнилъ бѣднягу Алексѣева, которому, подумалъ я, и разговѣться вѣрно нечѣмъ, порѣшилъ пожертвовать ему на бѣдность одну бабу. Жилъ онъ въ концѣ Фундуклеевской улицы наискось противъ анатомическаго театра въ т. н. Швейцаріи, гдѣ обыкновенно ютились студенты-медики, въ домикѣ подъ деревянной крышей (такихъ домовъ теперѣ и слѣда не осталось). Вхожу въ первую комнату—за столомъ ничѣмъ неприкрытымъ, сидитъ сѣдоусый кавалеръ, протянувъ впередъ свою деревяшку, а противъ него женщина нищая; на столѣ шкаликъ, стаканъ и полба, сильно засохшая. Я въ другую комнату—и мнѣ представилась такая картина: на обшарпанномъ диванѣ возлежитъ самъ хозяинъ въ

засаленномъ халатѣ, надѣтомъ на голое тѣло, по столу и по полу разсыпана мука, надъ диваномъ висить „гитара“, а по комнатѣ бѣгаетъ хрюкал и повизгивая, поросенокъ.

— Не правда-ли, Михаилъ Корнѣевичъ, вѣдь это натура! заливаясь добродушнымъ смѣхомъ, отозвался художникъ.

Н. М. Гренковъ, въ ожиданіи директорства, порѣшилъ было представить Алексѣева къ увольненію, но я упросилъ его пообождать съ этимъ, пока я спишусь съ И. М. Сопенкомъ, который около 10-ти лѣтъ, уйдя отъ Зимовского, оставался безъ службы, и ссорясь съ батюшками изъ-за нелѣпыхъ антихудожественныхъ требованій. Инспекторъ согласился. И вотъ, получивъ 75 рублей пособія, да выручивъ столько-же за разграничую въ лотерею картину, Алексѣевъ былъ готовъ къ переселенію въ Новгородъ-сѣверскую гимназію. Денегъ ему, конечно, я на руки не далъ, а сдѣлавъ ему приличный костюмъ, сдалъ его на руки студенту Каменецкому, который взялся довести его до мѣста и тамъ водворить на пріисканной для него квартирѣ. И. М. Сопенко, пріятель Шевченка, поступилъ на его мѣсто и прослужилъ во 2-й гимназіи до самой смерти—до 1877 года.¹⁾

По выходѣ въ отставку Н. А. Ригельмана, Гренковъ вступилъ въ исправленіе должности директора, а мнѣ предложилъ исполнять обязанности инспектора, на что я согласился подъ условіемъ—не совершать субботнихъ сѣкуцій, которыя остались за нимъ. Старые аборигены-учителя были обижены такимъ предпочтеніемъ имъ пришельца, сравнительно молодого человѣка, и повели было противъ меня интригу. Но мое quasi-инспекторство продолжалось недолго, такъ-какъ, съ назначеніемъ новаго директора, инспекторомъ назначенъ завѣдующій землемѣрскимъ училищемъ подполковникъ *И. Я. Монаховъ*. Гренкову на сей разъ не удалось попасть въ директоры; тутъ и пріятель Лазовъ не могъ ничего подѣлать, потому что крупныя назначенія по

¹⁾ Желаящимъ ближе ознакомиться съ недюжиною личностью этого художника рекомендуемъ его «Биографич. очеркъ» 1877 г.

Округу, въ попечительство кн. Васильчикова съ княгиней Екатериной Алексѣвной, совершались въ кружкѣ аристократіи въ Липкахъ, къ обществу которой поповичъ Гренковъ не принадлежалъ; тамъ фигурировалъ инспекторъ 1-й гимназіи Е. П. Стеблинъ-Каменскій, хотя самъ не аристократъ, но женатый на аристократкѣ. Нашъ Николай Михайловичъ долженъ былъ уступить насиженное мѣстечко своему великосвѣтскому сопернику и занять его мѣсто—инспектора 1-й гимназіи.

Вступивъ въ должность директора, Егоръ Павловичъ сейчасъ-же отмѣнилъ сѣщеніе по субботамъ и вообще сильно ослабилъ бразды правленія, уже черезчуръ натянутыя Гренковымъ.

Стеблинъ-Каменскій свысока относился къ своимъ новымъ сослуживцамъ и очень небрежно къ своимъ обязанностямъ. Приходилъ онъ въ гимназію только на большой переѣздъ—побесѣдовать съ преподавателями, и никогда не заглядывалъ въ классы. Стараясь поддерживать связи съ обитателями Липокъ, но не имѣя на то матеріальныхъ средствъ, онъ промышлялъ счастливой игрой въ карты, такъ-какъ казеннаго жалованья, по его словамъ, не хватало даже на жалованье прислугѣ.

Съ назначеніемъ Могилянскаго директоромъ Лицея кн. Безбородка, ему предложена была вакансія инспектора казенныхъ училищъ, и только тогда Гренкову удалось получить директорство во 2-й гимназіи, которое принадлежало ему, по праву долготѣтнаго служенія этому заведенію, еще прежде. Сдѣлавшись самовластнымъ распорядителемъ судебъ нашей гимназіи, Н. М. нашелъ въ ней, за весьма короткое свое отсутствіе, многое измѣнившимся. Безучастное отношеніе Стеблина-Каменскаго къ своимъ обязанностямъ и слишкомъ слабый надзоръ за учащимися инспектора Монахова не могли не повліять на состояніе дисциплины въ заведеніи, вслѣдствіе чего суровый режимъ недавняго прошлаго возобновился еще въ сильнѣйшей степени.

И. Я. Монаховъ, переименованный изъ подполковника въ коллежскіе совѣтники, получилъ первоначальное образованіе въ заведенной Аракчеевымъ для солдатскихъ дѣтей школѣ Кан-

тонистовъ, откуда за отличные успѣхи былъ отправленъ въ Петербургское училище топографовъ, по окончаніи котораго вернулся въ Кіевъ и получилъ должность преподавателя въ землемѣрскомъ училищѣ. Хотя самъ Иванъ Яковлевичъ прошелъ суровую школу, но на учениковъ любилъ дѣйствовать больше убѣжденіемъ и внушеніемъ, чѣмъ тѣлесными наказаніями, при чемъ постоянно приводилъ имъ въ примѣръ своего сына, воспитанника 1-й гимназіи, отличившагося, по его мнѣнію, безукоризненною нравственностію; это тотъ самый Монаховъ, который впослѣдствіи сталъ знаменитымъ артистомъ императорскихъ театровъ. Но мораль инспектора до того иногда надѣдала ученикамъ, что иной забѣлка готовъ былъ подвергнуться самому строгому взысканію, чтобы избѣжать этой морали. Юношей живого темперамента И. Я. терпѣть не могъ и не прощалъ имъ ни малѣйшей шалости, не смотря на ихъ выдающіяся способности и отличные успѣхи въ наукахъ.

Нѣкоторые воспитанники, достигшіе впослѣдствіи извѣстности на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, были имъ гонимы и преслѣдуемы за строптивость: такъ, извѣстный этнографъ Чубинскій не вылазилъ изъ карцера и долженъ былъ выйти изъ VI класса; нынѣшній директоръ Батумской гимназіи А. И. Стояновъ лишенъ былъ золотой медали, благодаря аттестаціи инспектора.

И. Я. Монаховъ, человѣкъ по характеру мягкій и добродушный, но упрямый и неподатливый, не могъ удовлетворить требованіямъ Гренкова, человѣка крутого и прямолинейнаго, не допускавшаго ни оправданій, ни компромиссовъ, а потому И. Я., тяготясь своею службою и сожалья о военномъ мундирѣ съ жирными эполетами, которому онъ измѣнилъ, промѣнявъ его на скромный костюмъ педагога, перешелъ въ кадетскій корпусъ преподавателемъ землемѣрія; тамъ его скоро сдѣлали генераломъ.

Помощниковъ у инспектора было шестеро: три по гимназіи и столько-же по общей квартирѣ. Кромѣ того въ общей квартирѣ былъ еще одинъ, т. е. старшій надзиратель, вѣдавшій учеб-

ную часть. Должность эту послѣдовательно занимали: Юскевичъ-Красковскій, Чалый и И. Ф. Хильчевскій.

В. Г. Садковскій, смѣнившій пьянчужку Вульфа, былъ прежде становымъ приставомъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ и потому обладалъ всѣми качествами полицейскаго сыщика. По тогдашнему взгляду на обязанности надзирателя, отъ него большого и не требовалось. Живя въ гимназій, онъ являлся на службу съ первымъ звонкомъ и наблюдалъ за учениками до прихода учителей. Шныряя непрерывно по корридору и по классамъ, онъ прекращалъ ссоры, предупреждалъ драки, разнималъ дерущихся мальчугановъ, защищая слабосильныхъ отъ взрослыхъ буановъ и т. п. Мальчики скромные и почтительные пользовались его особеннымъ благоволеніемъ, а къ дерзкимъ грубіянамъ онъ питалъ неумолимую строгость, рапортуя инспектору о самыхъ ничтожныхъ проступкахъ, даже преувеличивая ихъ. По размѣщеніи учениковъ по классамъ, для Садковского начинались болѣе спокойныя занятія: внесеніе въ штрафной журналъ проступковъ, опаздываніе и пекытность въ гимназій какъ учениковъ, такъ и преподавателей.

Л. П. Косницкій—лѣнивое, неповоротливое глупое созданіе, не приносившее заведенію ни малѣйшей пользы. Инспекторъ Монаховъ имѣлъ обыкновеніе, за болѣзнію какого-нибудь учителя, посылать въ классъ надзирателя для соблюденія тишины; но Косницкій своей смѣшной фигурой возбуждалъ только шумъ при своемъ появленіи. Однажды, не будучи въ состояніи справиться съ IV классомъ, онъ прибѣжалъ къ инспектору съ жалобой. И. Я. съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ убѣдилъ учениковъ сидѣть смирно и, должно быть, на тотъ разъ подѣйствовалъ на нихъ: ученики присмирѣли. Но Косницкій снова прибѣжалъ въ инспекторскую:

— Какъ Вамъ,—говорить, угодно, И. Я—чѣ, а я не могу быть въ классѣ.

— Да почему же Вы не можете? Кажется, они сидятъ тихо.

— Да, они тихо сидятъ, но если-бъ вы видѣли, какъ они на меня смотрятъ... Какъ вамъ угодно, а я не пойду къ нимъ.

Дѣло въ томъ, что проказники, послѣ наставленія, дѣйствительно перестали галдѣть, но сговорившись, устремили на него глаза всѣ до одного человѣка; такого присматриванья, магнетически дѣйствовавшаго на блюстителя тишины—онъ не могъ выдержать. Иногда, впрочемъ, при воцарившейся тишинѣ, Косницкій начиналъ кунять, тогда съ задней скамьи раздавались стихи:

Что вы спите, Левъ Петровичъ,
Вѣдь пріѣхалъ Юзефовичъ! и пр.

Лысый Козловскій съ учениками не имѣлъ никакихъ сношеній; онъ все время сидѣлъ въ инспекторской и пересчитывалъ собранныя за право ученія деньги.

Другіе три надзирателя дежурили въ общей ученической квартирѣ:

Высокопарнѣйшій *Соброній Семеновичъ Гриценко*, слушавшій *Димитрія Гавриловича „съ уваженіемъ“*.

Г—ій, sic dictus *Гичка*, которому воспитанники не разъ по ночамъ устраивали кошачьи концерты.

П. И. Романовскій—Сова, главный директорскій агентъ и поставщикъ по части построенія форменной одежды, бѣлья, отопленія, освѣщенія общей квартиры; человѣкъ пропырливый, который, по словамъ его сослуживца *Гриценка*, на семь сажень видѣлъ, что подъ землею дѣлается.

Прожилъ я у *Товарскаго* на Кузнечной улицѣ съ небольшимъ годъ и затѣмъ переселился на Васильковскую улицу, вмѣстѣ со своими пансіонерами и своимъ Санчо-Пансой *Ефимомъ*. Это былъ большой оригиналъ, человѣкъ, впрочемъ, высокой честности, отставной *ніколаевскій* солдатъ и кавалеръ. Какъ у *Товарскаго*, такъ и на новой моей квартирѣ меня часто посѣщали студенты-пѣвцы, между которыми первенствующую роль игралъ извѣстный знатокъ лѣсенной литературы *Степанъ Даниловичъ Носъ*. Его постоянно сопровождалъ симпатичный юноша *Сережа Пристюкъ*, братъ моего товарища *Тимоея*, находившагося тогда въ Черниговѣ инспекторомъ гимназій. Гости

мои иногда заѣзжали за полночь и не разъ оставались у меня ночевать. Посѣщалъ меня еще одинъ студентъ - медикъ, мой бывшій ученикъ по Немировской гимназiи, Зиневичъ. Окончивъ гимназiю въ 1846 г. и поступивъ въ университетъ, онъ въ продолженiе 8 л. не могъ добиться званiя лѣкаря, такъ что я засталъ его въ 1852 году 32-хъ-лѣтнимъ студiозомъ. Мало даровитый отъ природы и страшно близорукiй, онъ кромѣ того подпалъ подъ опалу у пр. анатомiи Вальтера, часто вымещавшаго на студентахъ свои неудачи въ любовныхъ похожденияхъ: по жалобѣ его метрессъ соперники профессора были прижимаемы на экзаменахъ. Но этотъ учепый мужъ былъ не волокита только, но и мстительный господинъ, любившiй наушничество. Между студентами нашелся претендентъ на руку его сестры—студентъ Эргардтъ, который въ послѣдствiи и женился на ней. Съ нимъ у Зиневича были свои счеты; заподозривъ его въ наушничествѣ, Зиневичъ далъ ему пощечину, обзававъ его жидомъ, и тѣмъ вооружилъ противъ себя Вальтера, который три года сряду обрѣзывалъ его на окончательномъ экзаменѣ—на препаратѣ, котораго З., по своей близорукости, не могъ приготовить.

Войдя въ положенiе бѣдняка неудачника, я черезъ знакомыхъ профессоровъ повліялъ на Вальтера, и онъ далъ слово не вредить ему больше.

Этотъ Зиневичъ однажды зимой зашелъ ко мнѣ на чай прямо изъ анатомическаго театра. Сидишь мы съ нимъ за самоваромъ и балагуримъ. Въ передней послышался сильный стукъ и затѣмъ сердитое ворчанье, харьканье и отплеиванiе моего вѣрнаго слуги.

— Что тамъ случилось, Ефимушка?—спрашиваю его.

— Онъ принесъ въ комнату стерву!—отвѣчаетъ Ефимъ, указывая на гостя, не переставая плевать.

Дѣло въ томъ, что Зиневичъ изъ анатомическаго театра притащилъ подъ шинелью мерзлую человѣческую ногу, которую ему препарировали для экзамена товарищи, и онъ, идя на квартиру, зашелъ ко мнѣ и поставилъ ее за дверьми въ передней;

нога, оттаяла и упала на полъ. Понесъ онъ на другой день эту драгоцѣнную ногу на экзаменъ. Началось испытаніе: „Укажите мнѣ такой-то нервъ, такой-то мускулъ“ и т. д. Зиневичъ скальпелю указываетъ; наконецъ, по своей близорукости, вмѣсто требуемаго нерва мертвой ноги онъ пырнулъ скальпелю въ здоровую руку профессора; кровь брызнула фонтаномъ, и Вальтеръ наглядно убѣдился въ близорукости испытуемаго.

— Довольно! — сказалъ онъ, задерживая текущую кровь. — Теперь я дѣйствительно вижу, что вы очень близоруки.

И тутъ-же товарищи поздравили Зиневича лѣкаремъ.

До открытія повсемѣстно по всей Россіи женскихъ гимназій и прогимназій, немногіе институты благородныхъ дѣвицъ были единственными заведеніями, удовлетворявшими потребностямъ образованія русской женщины. Въ Кіевѣ въ 50-хъ годахъ, кромѣ института и училища графини Левашовой, существовали два частные пансіона: г-жъ Залѣской и Ганфъ, находившіеся подъ наблюденіемъ директора 1-й гимназіи Любимова, который появлялся туда только на торжественные акты. Образованіе, получаемое въ этихъ частныхъ училищахъ, было, какъ извѣстно, весьма жалкое. Содержательницы ихъ взялись за воспитаніе дѣвицъ не по призванію, а изъ цѣлей спекулятивныхъ. Главными предметами въ нихъ считались: французскій яз., музыка и танцы, а главнѣйшимъ — „наука страсти нѣжной, которую воспѣлъ Назонъ“.

Въ началѣ 1854—55 года меня пригласили преподавать русскую словесность дѣвицамъ 3-го высшаго класса въ пансіонъ г-жи Ганфъ. Мои ученицы круглый годъ во время моихъ уроковъ занимались щипаніемъ корпіи, и потому большихъ успѣховъ отъ моего преподаванія трудно было ожидать. Все напоминало тогда о томъ, что тамъ далеко на югѣ льется кровь моихъ соотечественниковъ: по улицамъ непрерывно двигались нестройныя массы сѣраго люду новобранцевъ, сопровождаемыхъ плачущими жепщинами; по дворамъ вездѣ слышались грубые голоса унтеровъ, обучающихъ рекрутъ.

Мнѣ становились невтерпѣжъ подобныя сцены, и я бросилъ квартиру къ великому огорченію хозяйки-вдовицы и постарался отыскать домъ, гдѣ не было солдатъ. Въ тѣ времена солдатскихъ казармъ не было: войска размѣщались по частнымъ домамъ.

Въ слѣдующемъ учебномъ году меня пригласилъ В. Я. Шульгинъ преподавать русскій языкъ и словесность въ училищѣ гр. Левашовой. Въ это время вездѣсущая княгиня Екатерина Алексѣевна пріискивала между кіевскими педагогами подходящаго преподавателя русской словесности для своей дочери, и вотъ, въ сопровожденіи своего адъютанта Селецкаго и инспектора Института, она неожиданно явилась ко мнѣ на урокъ; но такъ какъ у меня въ ту пору былъ сильнѣйшій насморкъ, какъ извѣстно весьма неблагоприятствующій краснорѣчію, то чтеніе мое Ея Сіятельству не понравилось, и я не удостоился приглашенія на уроки Сіятельной ученицы. Но мнѣ почти въ томъ-же мѣсяцѣ случился не менѣе выгодный урокъ у предсѣдателя Казен. Палаты Кобылина, а у княгини занялъ уроки извѣстный святопа, учитель 1-й гимназіи Богатиновъ, который по своему благочестію болѣе пришелся ко двору, сдѣлавшись въ домѣ княгини почти домашнимъ человѣкомъ.

18 февраля 1855 года по Кіеву пронеслась печальная вѣсть о кончинѣ Государя Николая Павловича... Когда я въ этотъ памятный для Россіи день пришелъ въ обычный часъ на урокъ въ Левашовскій пансіонъ, то засталъ все населеніе его поголовно плачущимъ. Постоявъ нѣсколько минутъ у своего учительскаго стола и не дождавшись конца рыданію своей аудитории, я ушелъ въ Софійскій соборъ учинить присягу на вѣрную службу новому Императору, Александру II.

Со вступленіемъ на престолъ Царя-Освободителя, въ общественной атмосферѣ нашего Отечества почувалось новое вѣяніе духа жизни. Съ арены государственной дѣятельности сошли долго до того царившіе администраторы; суровость Николаевскаго режима съ военной дисциплиной смѣнилась болѣе мягкимъ управленіемъ гражданскаго персонала. Клеймники, Бибиковы, Дубельты, не

соотвѣтствовавшіе гуманному направленію новаго царствованія, замѣнены другими лицами.

Въ то-же время соединеніе должности Генераль-Губернатора и попечителя учебнаго округа въ одномъ лицѣ признано несовмѣстимымъ. Попечителемъ назначенъ къ намъ кяхтинскій градоначальникъ, женатый вторымъ бракомъ на дочери знаменитаго декабриста кн. Трубецкаго, Н. Р. Ребиндеръ.

Вскорѣ послѣ вступленія въ должность нашъ новый начальникъ отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій Л. И. Кулжинскаго. Въ департаментѣ Министр. Народн. Просвѣщ. онъ узналъ, что помимо его вѣдома, министръ Норовъ назначилъ директоромъ Новгородсѣверской гимназіи нѣкоего Ардаліона Каллистратова, вытѣсненнаго за негодностію изъ какого-то другого вѣдомства. Ребиндеръ вломился въ амбицію и заявилъ министру, что если Каллистратовъ останется директоромъ, то онъ выйдетъ въ отставку.

„Ну, давайте намъ своего кандидата,—сказалъ министр,—и мы его назначимъ вмѣсто Каллистратова!“

Застигнутый врасплохъ, Николай Романовичъ, никого въ округѣ еще не зная, недоумѣвалъ, какъ ему быть, а поставить на своемъ во что бы то ни стало хотѣлось. Кулжинскій, уловивши благопріятную минуту, поспѣшилъ вывести начальника изъ затрудненія, предложивши въ директоры гимназіи себя самого. „Быть по сему!“ порѣшилъ попечитель, и Кулжинскій, прозябавшій 11 лѣтъ въ должности столоначальника канцеляріи попечителя, отправился управлять гимназіей на мѣсто Каллистратова, а сей послѣдній долженъ былъ занять его мѣсто—чиновника особыхъ порученій. Нечего сказать, промѣнялъ попечитель кукушку на ястреба!

Очутившись на посту, не имѣющемъ ничего общаго съ градоначальствомъ Сибирскаго городка, нашъ новый попечитель не могъ сразу оріентироваться и на первыхъ порахъ не зналъ, какъ ему быть. Ревностно, но неумѣло принялся онъ за дѣло: бѣгалъ по гимназіямъ съ французскими учебниками въ карманѣ, задавалъ ученикамъ довольно странные вопросы, на которые тѣ не

знали, что отвѣчать; заставлялъ малышей 2-го и 3-го класса рѣшать арифметическія задачи на французскомъ языкѣ или дѣлать переводы съ французскаго на нѣмецкій языкъ и т. п. фокусы.

Ища сближенія съ ученымъ сословіемъ, онъ завелъ у себя вечера исключительно для профессоровъ университета и учителей гимназій. Вечера эти должны были носить семейный характеръ. Приглашенные на эти вечера имѣли случай видѣть многострадальнаго старца съ длинною сѣдой бородой, возвращеннаго изъ Сибири послѣ 30-лѣтней каторги. Но, къ сожалѣнію, эти „семейные вечера“ продолжались недолго. Прекратились они какъ-то сами собой за отсутствіемъ гостей, которые перестали посѣщать любезнаго хозяина потому, что почувствовали себя въ положеніи весьма щекотливомъ, такъ что, не смотря на превосходный кяхтинскій чай, они должны были лишить себя удовольствія бывать у г. попечителя. Дѣло въ томъ, что нашъ либеральный начальникъ, подъ предлогомъ сближенія съ педагогическимъ персоналомъ, сталъ у каждаго изъ гостей выпытывать и выѣдывать обо всемъ, что вовсе не относилось къ педагогикѣ. Значить, не смотря на новыя вѣянія и на близкое родство съ декабристомъ, кяхтинское градоначальничество взяло верхъ надъ попечительствомъ, полицейская жилка дала себя почувствовать на посту, который не долженъ-бы имѣть ничего общаго съ полицейскими замашками. Къ прискорбію, не всѣ педагоги оставили попечителя; нашлись и такіе, поддавшіеся искушенію, въ родѣ выкреста Ѳеодорова, ханжи Богатинова и еще нѣкоторыхъ учителей, которые продолжали пить у попечителя чай, „свидѣтельствуя на други своя ложно“. Престижу попечительской власти не мало вредилъ и вывезенный Николаемъ Романовичемъ изъ Сибири Губеръ, смѣнившій всемогущаго въ округѣ А. А. Лазова: опутавъ начальниковъ заведеній ненужными формальностями, онъ еще больше уронилъ достоинство попечительской власти.

Оговорами наушниковъ объясняется неравность обращенія Николая Романовича съ педагогами. Тотъ самый учитель, ко-

торого онъ еще вчера осыпалъ похвалами, приглашая на интимную бесѣду въ свой кабинетъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего попадалъ подъ опалу. Получивъ доносъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на чистоту, какъ подобаетъ человѣку прямому и правдивому, т. е. пригласить къ себѣ обвиняемаго и потребовать отъ него объясненія, нашъ попечитель прибѣгалъ къ способу, который практикуется агентами тайной полиціи. Около мѣсяца онъ производилъ повальный обыскъ: бѣгая по улицамъ, онъ каждаго встрѣчнаго спрашивалъ; „знаете ли вы такого-то NN? Что онъ за человѣкъ? Что вы за нимъ замѣтили?“ Если случалось ему попасть на человѣка, знающаго опальнаго субъекта съ хорошей стороны, онъ не желалъ съ нимъ долго разговаривать, а искалъ другого, отъ котораго ему хотѣлось непременно услышать что-либо дурное—такого онъ выслушивалъ со вниманіемъ и одобреніемъ. Неизвѣстно, до какой несправедливости въ отношеніи своихъ подчиненныхъ дошелъ-бы въ своей подозрительности нашъ кяхтинскій городничій, если-бы его пребываніе у насъ продолжилось долѣе; но онъ не пробылъ въ Кіевѣ и полныхъ двухъ лѣтъ. Осенью 1859 года онъ оставилъ насъ, получивъ другое назначеніе, а въ 1865 году, послѣ смерти жены, изъ любви къ дѣтямъ, принявъ православіе и скоростижно скончался отъ истощенія силъ, въ званіи сенатора.

Вторая гимназія до 1850 года собственнаго зданія не имѣла и послѣ своего открытія въ 1836 году помѣстилась въ домѣ Гербеля, а потомъ въ д. Киселевскаго (что нынѣ Дегтерева—уголъ Крещатика и Анненковской улицы). Затѣмъ, едва успѣла занять выстроенное собственно для нея зданіе, гдѣ нынѣ помѣщается 1-я гимназія, какъ приказано-бы ей оттуда убраться опять въ наемное помѣщеніе—домъ бывшій Козлова, гдѣ нынѣ Военный окружный судъ, а въ построенномъ для нея зданіи помѣстился неранжированный кадетскій корпусъ, впредь до окончанія нынѣшняго корпуснаго зданія. Въ 1853-мъ году для 2-й гимназіи начали постройкой другой собственный домъ, уже довольно скромныхъ размѣровъ. Между тѣмъ въ томъ же 53 году неранжированныя роты кадетскаго корпуса водворены

въ собственномъ помѣщеніи, а тутъ случился пожаръ, отъ котораго сгорѣло зданіе 1-ой гимназіи, вслѣдствіе чего она перешла въ оставшееся свободнымъ, послѣ выхода корпуса, вовсе не для нея построенное зданіе; а возобновленное послѣ пожара бывшее зданіе 1-й гимназіи въ Липкахъ поступило въ духовное вѣдомство.

Еще не вполнѣ оконченный домъ для 2-й гимназіи директоръ Гренковъ, ревностный блюститель казенныхъ интересовъ, поспѣшилъ занять. Жертвой такой поспѣшности былъ, во-первыхъ, самъ директоръ, схватившій тифъ; затѣмъ больница общей ученической квартиры переполнилась тифозными воспитанниками, и только благодаря пріѣзду въ Кіевъ министра Норова, поднявшаго весь медицинскій факультетъ, съ Мерингомъ во главѣ,—изъ 30 человекъ заболѣвшихъ тифомъ, только одинъ ученикъ умеръ.

Хотя гимназія водворилась въ собственномъ помѣщеніи, но зданіе не было принято дирекціей формально. Главный строитель его, окружной архитекторъ П. И. Шлейферъ, чтобы скрыть нѣкоторые дефекты своего дѣтища, затѣялъ передачу зданія во время болѣзни директора Гренкова; но инспекторъ Монаховъ наотрѣвъ отказался отъ пріема, вслѣдствіе чего мнѣ, тогда еще учителю, предписано было управляющимъ округомъ М. М. Могилянскимъ принять оное на законномъ основаніи, хотя въ такомъ распоряженіи законность вовсе отсутствовала. Не желая вооружать противъ себя начальство, я принялъ на себя обязанность, ко мнѣ вовсе не относившуюся. Тому же управляющему округомъ Могилянскому я обязанъ назначеніемъ меня инспекторомъ 9 августа 1858 года.

М. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРЕДЪ ВОЛЕЮ.

Драма въ 5 дѣяхъ.

(Дѣется въ 1860 и 1861 рокахъ).

Л Ы Ц Е Д Ы :

Арыстархъ Рафаиловичъ Пидгайный, богатый помещыкъ.

Орыся, ёго дочка, панна.

Шкорупскый, помещыкъ, старый панъ.

Пани Шкорупська, ёго жинка.

Деребянка, бидный помещыкъ.

Гордецька, помещыця.

*Буба }
Кука } ии дочкы, панны.*

Помпеенко, старый панъ, богатый помещыкъ.

Его сынъ, юнкеръ.

Головацька, помещыця.

Сынъ ии, хлопецъ 10-ты рокивъ.

Макарюкъ, на мылицы, бидный помещыкъ.

Перепичка, панъ, багатенькый помещыкъ.

Завойко, помещыкъ.

1-й студентъ.

2-й студентъ.

Панычъ.

Панна.

1-й пидпанокъ.

2-й пидпанокъ.

Становый приставъ.

Диброва Петро Петровичъ. Капельмейстеръ.

Крепакы Пидгайного:

Юрко, скрыпачъ, молодой хлопецъ.

Бухветчыкъ.

Вартоломей, отаманъ.

Дося, горнышна.

Нянька.

Сохвѣя.

Прохоръ.

Баба Репыха.

Яшка, башмашныкъ.

Потанъ.

Сылыхвонъ.

Мокрына.

Хведько, хлопецъ.

Палажка.

1-й и 2-й чоловики.

Васылына, крипосна Перепичы.

<i>Василь</i>	} бродягы.
<i>Семенъ</i>	
<i>Останъ</i>	

1-й и 2-й перевозчыкы.

Пысаръ.

Десятныкъ.

Паны, поромщыкы, кучеры, музыкы, слугы и народъ.



ДІЯ 1-я.

Після обіда. Залю. Столы покрити скатерками, скрізь посуда, пляшки, ножи, вилки, чарки, стаканы. Зъ правого боку фортепіано, біля нѣго тютюнъ. Обстановка багата и роскошна.

Я в а 1-я.

Сылыхвонъ, Потапъ, Дося и други слуги збирають посуду зъ столівъ, скатерки, пляшки и инче.

Сылыхвонъ. Ну, й сыла гостей сѣгодня до насъ зйихалось!

Дося. Ще тильки це панночка наша прыйихалы зъ учення и вже такий бенкетъ, а що-жъ то буде, якъ замижъ выдаватимуть?

Сылыхвонъ. Справжнихъ панивъ сидило за столомъ мабутъне меншь якъ на пивъ-сотни; а-що полупанкивъ та підпанкивъ...

Дося. Одніеи птыци попоризано ажъ страшно вимовить...
(Понесли ложки и вилки.)

Потапъ. Цыплятъ мало не сотню перевелы, десятка зо два каплунивъ, гындыкывъ...

Сылыхвонъ. А поросять хіба мало?

Потапъ. Трое телятъ, пятаеро ягнятъ...

Сылыхв. А скільки горилкы выпито та винъ усякихъ? Шампанського мабутъ пляшокъ десятка зо два?... Бухветчыкъ одныхъ недопыткывъ позлывавъ пляшокъ зъ чотыри...

Потапъ. Мени на шампанское такъ хочъ и наплювать, а отъ до солодкого йиства то разъ-у-разъ такъ и верне мени рота: здается, колы-бъ моя воля, то и въ день, и въ-ночи тилько одне солодке и йивъ-бы, тилько солодеымъ и годувався-бъ.

Сылыхв. А въ мене гостецъ солодкого зовсимъ не прыйма: якъ зйимъ хочъ шматочокъ меду, заразы и губы пухнуть, и нисъ набряка...

Потапъ. Кому ты оце натякаешъ? Хто позавчора у кладовій варення трискавъ, що ажъ за вухамы ляцало?...

Сылыхв. Такъ то-жъ варення, а я тоби кажу про медъ...

Потапъ (*дражнить ёю*). „Про медъ“!.. Бачывъ я, якъ ты и медъ трискавъ.

Сылыхв. Сёгодня бухветчикъ зновъ укравъ тры срибныхъ ложки.

Потапъ. Та ну?

Сылыхв.* Передавъ жинци, а та вже потырыла ихъ до-дому.

Потапъ. Силу винъ перекравъ панського добра!

Сылыхв. Що-разу якъ тилько зйидутся гости на обидъ, чы на балъ, винъ заразы що-небудъ и пидцупе... Отъ мы зъ тобою такъ дурни!...

Потапъ. Чого дурни?... И мы навчымось колысь...

Я в а 2-я.

(*Ти-жъ и два пидпанкы*).

1-й пидпанокъ (*Гука*). Гей, подай вогню! (*Сылыхвонъ подае сирнычокъ*).

2-й пидпанокъ. И мени! (*закурюють*).

1-й пидпан. А ловки у Пидгайного цыгары!

2-й пидпан. У Помпеенка кращи!

1-й пидпан. Мы зъ тобою сёгодня ни разу и не чокнулысь.

2-й пидпан. Невже? Такъ давай чокнемся. (*Налывають вино и чокаются*).

1-й пидпан. (нѣ). Яке це выно?

2-й пидпанок. Та що тамъ розбировать, не однаково хиба? (пють).

1-й пидпан. Чуешь? Пидхожу я сѣгодня до ныкатого Шкорупьского та й кажу: „дозвольте зъ вами чокнутись?“ А винъ зареготавъ зъ-горда та й каже: „хоть и не треба!“ Ну, постривай-же. Будешъ ты прохаты, щобъ я тебе на выборахъ пиддержавъ... Я-жъ тебе пиддержу: замисць одного—два чорняка покладу!..

2-й пидпан. А я маю зуба на самого пана-хозяина. Ты бачывъ, якъ винъ мене привитавъ?

1-й пидпан. Ни, а якъ?

2-й пидпан. „Лыбонь, каже, я васъ у-перше бачу“?... Чы чуешь, винъ мене у-перше бачыть!... И торикъ бувъ у нѣго на полюванні, и позаторикъ на Велыкдень, и ще давнищъ на Риздво... А винъ мене у-перше бачыть!... По загрынцяхъ щогода гасаетъ, такъ вже винъ нашего брата не добача, вельке цабе!... Ну, постривай, я тобі колысь зибью пыху!... Чванится тымъ, що жинчыне добро мотаетъ...

1-й пидпан. Я зъ нымъ сѣгодня и зовсимъ не привитався, нехай буде вдячний мени за те, що я прийихавъ до нѣго...

2-й пидпан. А знаешъ, що я тобі скажу? Що не говори, а дочка у нѣго—гарненька.

1-й пидпан. Що, колы-бъ ты бувъ трохи молодчий?

2-й пидпан. Колы-бъ же-то, вона-бъ моихъ рукъ не мынула!

1-й пидпан. Невже?

2-й пидпан. Вирь мени!... (Зитхнувъ). Давай зъ досады выпьемъ.

2-й пидпан. Давай! (Вытываютъ).

2-й пидпан. Якъ - бы мени хочъ пять годъ зъ плечей.... Оначе я бильшъ сюды а ни ногою,—калачемъ мене не заманыть! „Винъ мене у-перше бачыть“!..

1-й пидпан. А якъ попросыть прииздыть?

2-й пидпан. Хиба що попросить. Ты куды звидци?

1-й пидпан. До Малышевськихъ, тамъ завтра панна Пазя имениныця. А ты куды?

2-й пидпан. А я до Радышевськихъ, сегодня тамъ паннахыда.

1-й пидпан. Писля завтра у Назаровыхъ крестыны!

2-й пидпан. Прохалы?

1-й пидпан. Ни.

2-й пидпан. Пойдешъ.

1-й пидпан. Пойду. Бува якъ не пойду, щобъ не розгивались?

2-й пидпан. Такъ мы тамъ мабуть зустринемось. Пойду и я мабуть до Малышевськихъ, тамъ сёгодня буде венгерське, а у Радышевськихъ на вына скуповато.

1-й пидпан. Хиба? Такъ и я краще пойду до Малышевськихъ! (*побили*).

Потапъ. Що то воля?

Слыхв. Та ще й пансьва: куды скортило, туды й пойхавъ!

Ява 3-я.

Ги-жъ и бухветчыкъ.

Бухветчыкъ. Вы й доси бабляетесь бия посуды, все зъ розсказямы, а дила хочъ й не пытай; а бухветчыкъ подавай за васъ одвить. Ножи та вылки и доси не вычыщени, самувари и доси не настаповлены, а хто выненъ?—бухветчыкъ!—Сёгодня изъ столу ажъ тры срибныхъ ложки украдено; звычайно, що це пидцупыла ота голота—пидпанкы, котра не мае свого прытулку, та тилько вештается по панахъ та пидцуплюе усячыну... Тамъ пообида, тамъ повечеря... Треба буде панови доложыть про ложки, а то ще подумаютъ на кого зъ насъ... Ну-жъ, воловодьтесь шпарчій... Успіете видлежаты боки, якъ панъ у загрыныцю пойидуть!.. Кто оту пляшку вже спорожнивъ, адже вона повна була?

СЫЛЫХВ. Тутъ заразы прыбигло двое полупанкивъ, ось ти... якъ бо ихъ? Черченко та Репченко. Выпылы та й майнулы!..

Бухветчыкъ. Ну, и вйилися-жъ мени оти полупанкы: не то що все повыпывають, а й повылызують. (*Потанъ и Сылыхвонъ пишы зъ посуду*). Була повнисенька пляшка, якъ вже въ-за столу повставали, а теперь тилько на денци.

СЫЛЫХВ. (*звиходе и бере зновъ посуду*). Чы панъ до Риздва выйдуть у загрыныцю, чы писля Риздва?

Бухветч. А тоби що?

СЫЛЫХВ. Та я про Соньку хотивъ спытаты, чы й и визьмутъ зъ собою, якъ торикъ Дуньку?

Бухветч. Яка вона тоби Сонька, яка? Сохвiя Миколаевна, а не Сонька. „Сонька!“ Колы панъ ии прыблызылы до себе, такъ вже вона тоби стала не Сонькою, а Сохвiєю Миколавною,—розумiешъ? Тебе прыблызять—и ты будешъ не Сылыхвономъ, а... Якъ твого батька звуть?

СЫЛЫХВ. Даныломъ.

Бухветч. Стало бытъ, тебе велычатымуть тоди: Сылыхвономъ Даныловичомъ. Бува часто такъ, що иноди и самъ чоловікъ не вгада, чымъ винъ завтра буде. Примеромъ, сегодня заснувъ Грышкою чы Ванькою, а завтра прокынувся Грыгорiемъ Васылёвичемъ, або-жъ Иваномъ Семеновичемъ!..

СЫЛЫХВ. (*Идуцы*) Хотивъ-бы я завтра прокынутысь Даныловичемъ.

Бухветч. (*Самъ*). Не ти вже часы настають, не ти, якъ колысь... Першъ паны пылы выно такъ, що бильшъ половины ёго zostавалось у стаканахъ, та чаркахъ, а теперь... Отъ и пожывляйсъ теперь зъ недопыткивъ! (*Пишовъ*).

Ява 4-я.

Два студента проходятъ.

1-й студентъ. Куды ты мене завизъ? Я тебе пытаю, куды це ты мене завизъ?

2-й студентъ. А хйба що?

1-й студентъ. Це якась дыка, варварська сторона!.. Тутъ не люде жывуть, а людоида, звирякы!..

2-й студентъ. Правда, що цей кутокъ можна смилыво назвать медвежачымъ, сюды ще не скоро досягне промиаъ свита. За те-жъ тутъ панночки яки гарненьки, чудо!..

1-й студентъ. Бабій ты й бильшь ничего!.. Ни, я сюды бильшь ни ногою; тутъ привселюдно бють людыну по морди, кровъ спускають!.. Отой, що на мылци панокъ—Макарюкъ, винъ ударывъ свого лакея такъ, що той кровью умывся... Я не знаю, якъ не кынувся на нѣго?.. Це варварство, инквызыція!..

2-й студентъ. Ты городянынъ, и тебе дывують сельски видносны, а мы до того призвычаились.

1-й студентъ. Я не хочу призвычаюватись, не хочу тутъ дали воставатись; я задыхаюсь въ цій атмосфері!.. Йдемъ мерщій звидци!.. Будь проклято и село, колы въ нѣму таке звирство коится!.. (*Хутко идуть*).

2-й студентъ. Ходимъ попрощаємось.

1-й студентъ. Не пиду, нема мени зъ кымъ тутъ прощатись! (*Пишлы*).

Ява 5-я.

Дося и бухветчыкы.

Дося. Дывиться, дялю, яку стричку подарувала мени панночка?

Бухветч. А ты-жъ поцилувала ихъ у ручку?

Дося. А вже-жъ.

Бухветч. Вумныця.

Дося. Вони не давали руки, а я такы поцилувала!

Бухветч. Двичи вумныця! Именно—не дае, а ты наважайся поцилуваты и такы неодминно поцилуй. Вумныця! Бачыла, якъ я разъ-у-разъ панови цилую ручку, а потимъ у плече? Вумныця, по дядькови пишла.

Дося. Я-жъ такъ, якъ и вы...

Бухветч. Паны дуже люблять, щобъ имъ ручки цилувать. Часомъ провынышь, вони наважаються тебе вдарыты, вже

й замахнуться, а ты ухопы ихъ за ручку, поцилуй, и заразы сердце у нихъ одійде!..

Дося. А якъ панночка ловко говорить по-простому—й не забулы!..

Бухветч. Чого-жъ бы вони забулы? на те вони людина!

Дося. У нихъ и кныжы йе такі, зъ котрыхъ вони читають по-простому... До всіхъ двирськихъ витаються, та такъ хороше.

Бухветч. По маменьци пишли. И покійныця, царство имъ небесне, такі-жъ булы ласкави та приятни. Не дожили побачити свою единачку зрослою.

Дося. Скільки тоди лять панночки було, якъ пани померла?

Бухветч. Годъ шість, або симъ! Зъ тієї doby все у насъ пишло шкереберть...

Дося. Вы тежъ, дядю, за покійною панею прийшли у прыдане, якъ наши татко?

Бухветч. А вже жъ!... Насъ трыста двадцять семей сюды перегнано въ Полтавщыны; тутъ була земля пустонорожня. У нашихъ панивъ було багато землі, по всіхъ губерняхъ,—більшъ двадцаты тысячъ десятинъ було.

Дося. А у пана хіба не було своихъ людей та землі?

Бухветч. Це бъ-то у цѣго пана, у папашы нашої панночкы, у Пидгайного?

Дося. Эге-жъ?

Бухветч. Було ще за батькивъ де-що, та й те загуло! (*дає їй пляшкы*). Несы оци пляшкы до бухвету, бо якъ наблизать—повылызують... (*Дося пишла*). Свое загуло, а це вже годивъ зъ десятокъ жинчыне мота та ніякъ не промота... Ажъ досада тебе бере, що отакъ марно добро пропада. Бачучы, що вси таскають, вси поживляються, иноди и самъ въ пересердя потягнешъ яку дурныцю: чы ложку срибну, чы салхветку... Бо то тилько й твого. По заграницяхъ що года йиздыть, у карты грає, зъ дивчатамы воловодиться... Отъ вже Соньку накинувъ окомъ, а чы на довго? Герпыну залышывъ, якъ и Домеу, або Прыську;

Дуньку десь загрыныцею кывувъ... Ненажерливый!... Гараздъ хочъ за те, що переставъ павовыты чужыхъ, а то были тутъ: и хранчужанки, и аглычанки, и всяки!.. И не потрапышъ бувало, якъ имъ и годыты...

Ява 6-я.

Орыся и бухветчыкъ.

Орыся. Здрастуйте, Сафронъ Васылёвычъ!

Бухветч. Який я вамъ „Васылёвычъ?“ Сахронъ та й годи.

Орыся. Я васъ ще й не бачыла, якъ поживаете?

Бухветч. (*лове руку*). Подозвольте-бо! Та такы-жъ дозвольте.

Орыся. Ни, не треба, не хочу....

Бухветч. За вищо жъ вы гниваетесь на мене?

Орыся. Я не гниваюсь... Мени такъ не подобается.

Бухветч. (*цилуе їй руку*). А мы завжды повинни...

Орыся. Пожалуста, бильшъ такъ не робить, а то я й справди гниватимусь...

Бухветч. Такъ було и ваши маменька кажуть, царство небесне, вичный покой ихъ душеньци. „Не треба, кажуть, не смій цилувать“... А я все-таки не одійду, докы не поцилую имъ обохъ ручокъ.

Орыся. Мама доброю була до васъ?

Бухветч. И, Боже мій! До кого вони не были доброю?.. Ангольска душа. Вы манёньки были, не гараздъ памьятаете мамашу?... То были благодущна душечка!

Орыся. Отакою и я буду до васъ, тилько прошу въ памьять моеи мамы бильшъ николи не цилуйте мени рукъ (*иде до вика*). А якъ гарно въ сели,—куды не кынешъ окомъ, скрызъ краса!...

Бухветч. (*на бикъ*). Не вже й справди розгнивалась?... Ни, ни, не вирю!... Якъ-то можна, щобъ я гнивався, якъ мени ручки цилуватымуть?.. Манижытся!... (*Пишовъ*).

Я в а 7-я

Гордецька, Буба и Кика.

Гордецька (до Орыси). Щасливи вы, Орысю, що йдете зъ папою заграницю.

Орыся. Кто вамъ це сказавъ, що я йду? Папа самъ йде.

Гордецька. А чому-жъ бы вамъ не пойхать?

Буба. Побувать въ Парыжи?

Кика. Въ Вѣни, въ Берлини?

Орыся. Папу я тилько стиснула-бъ... Та и колы-то ще винъ йде: у генвари, або у февралі, а у насъ теперъ ще сентябрь. Я висимъ рокивъ не була дома и теперъ хочу пожить въ селі, а на той рікъ може и мени скортыть въ Европу?

Буба. А мени село такъ спротивило!...

Кика. Я вже не разъ казала мамі, що рада за першого жениха вийти, хто-бъ винъ не бувъ, тилько-бъ швидче зъ села. (Пшлы).

Я в а 8-я.

Шкорупський, Шкорупська и Деревьянка.

Шкорупський. Це вже щось тутъ не по моему зативають; якый ще тамъ концертъ? И такъ музыка ревла и пивчи горло дерлы за обидомъ, що й досі у вухахъ лунае.

Деревьянка. Дочка-жъ пана Пидгайного скинчила навуку, ну отцєви и кортыть похвастатысь передъ гостями, якъ вона гра на фортепіани. Це похвально и правоучительно для другихъ.

Шкорупський. Скризь ты носышся зъ своимъ правоучительствомъ, якъ дурень зъ пысаною торбою!.. Найкращый правоучитель—черево... Найилысь гости—и одпусты ихъ до дому; а концертъ—це вже насмліе...

Шкорупська. Та замовчы-бо, старый воркотуне! Тоби тилько-бъ видлежуваты боки.

Шкорупський. И найкраще. Чоловикъ чымъ бильшь спыть, тымъменьшь гришыть. У мене наймудрищый звичай: якъ тилько гости скинчылы обидь, гукну на слугъ, щобъ гостямъ заразы коней подавалы, а самъ на бокову. И гости вже знаютъ, що имъ нѣчого засыжуватысь, заразы за шапкы и геть зъ двору. А я заразы звелю позачынять виконныци та повыгоняты мухъ; потимъ скину зъ себе геть все чысто, зостанусь якъ маты вродыла, влечу двоухъ покоёвокъ, щобъ пяткы чесалы, а моя Мынодора Порхвыровна у головци мени ськае.

Шкорупська. Е чымъ хвалытысь!

Деревьянка. Пяткы чесать и въ голови ськать—це було голивне дило ще за предкивъ нашихъ, блаженой памьаты. О, благословенна старына, згадаешъ тебе и тилькы зитхнешъ!.. Именно-що жыття було: ни печали, ни воздыханія... А ловко спытсы пидъ лоскитъ пятокъ.

Шкорупський (до жинкы). Мыдосю, якъ ты думаешъ, чы не пойхаты намъ оце заразы до-дому?

Шкорупська. Неловко... Адже прохалы зостатысь?...

Шкорупський. То-то що прохалы. Хотивъ-бы я теперь быты краще на мѣсци непроханныхъ... (Сидя). Ничого робыть... Та колы-бъ вже швыдче починали?

Деревьянка. Може звелить податы вамъ файку?

Шкорупський. Яку ще тамъ „файку“ выдумаъ? Люлька, або трубка, а то ще файка!.. А ну, гукны. Та нехай и тоби подадутъ. Я зъ собою беру завжды тры-чотыри люльки, докы одну докурю, щобъ друга вже була набыта. Ты Вахштабъ курышь?

Деревьянка. Ни, Жукова.

Шкорупський. Покынь Жукова, куры Вахштабъ. Я сорокъ тры рокы курю тилько Вахштабъ и ненавидю того, котрый куры Жукова.

Деревьянка. Та я можу и Вахштабъ... Гей! Кырыло! Люльку твоёму панови и мени. (Слуга подае люльки).

Я в а 9-я.

Гордецька, Буба и Кика.

Гордецька. И добре вона гра? (Сиди).

Буба. Слухатъ можна.

Кика. У кого ѣе охота.

Буба. Ну, це вже ты, Кико, зъ заздрощивъ кажешъ!

Кика. Пожалуста, не выгадуй, Буба!.. Безъ всякихъ заздрощивъ кажу, що вси ѣи таланты въ ѣи багатстви.

Гордецька. Годи вамъ сперечатись. Звисно що багатство кожного дме и падае пыхы.

Я в а 10-я.

Помпеенко, сынз его Юнкеръ и ще гости.

Помпеенко (розтнваний). Який я старецъ? Я тебе пытаю: який я старецъ?

Юнкеръ. Та це-жъ, тату, виршъ такий.

Помпеенко. Який у чорта виршъ? Тыче на мене рукою и каже: „старецъ!“

Шкорунський. Що вчынилось?

Помпеенко. Пави Головацька мене зневажила; вивела проты мене свого сына и каже: „промовляй*! Той показуе отакечы пучкою на мене и каже: „старецъ!“ Який я старецъ? У мене 10 тысячъ десятинь земли, а я „старецъ?“ Старецъ зъ торбами ходыть, а я помищыкъ!..

Юнкеръ. Кажу-жъ вамъ, що то виршъ такий Ломоносова:

„Науки юношей пытаются,

Отраду старцамъ подають!..“

Деревьянъва. Це правда, що у господына Ломоносова ѣе такий виршъ. Старецъ означа: ветхый чоловікъ, преклонныхъ, або почтенныхъ литъ. А то ще ѣе и такий виршъ:

„О ты, что въ горести напрасной

На Бога ропщешь человекъ!..“

Помпеенко. Та воно справди! А хто жь то такий той Ломоносовъ?

Деревьянка. Господиныхъ Ломоносовъ—то такий заслуженный чоловікъ и кавалеръ.

Помпеенко. А!.. А я думавъ... Ну, якъ що йе, то... Тилько до чого винъ той виршъ склавъ?

Деревьянка. Для вразумленія и назыданія.

Шкорупський (до жинки). Ну, Помпеенка ни якимъ виршомъ не вразумишь, бо винъ зъ роду-виеу ни одной вышкы не прочытавъ.

Шкорупська (до нѣю). Та годи бо тобі!..

Шкорупський (Тыхо). Малограмотный дворянынь.

Я в а 11-я.

Головацька зъ сыномъ.

Головацька (до Помпеенка). Вы безъ причины, Помпей Дорофеевичъ, розгнивались на мого Васю.

Помпеенко. Та то вышло якось... Воно непорозуминня... Выбачайте мени. (На бикъ). Заслуженный чоловікъ и кавалеръ вирши склада,—за для чого?..

Я в а 12-я.

Макарюкъ (на мыльци), за нымъ слуга.

Макарюкъ. Антуанъ, трубку! (Слуга подае). Ты, ты въ постолахъ? Хибя я тобі не приказувавъ надить чоботы?

Антонъ. Захарко прыбигъ у поле: „выдай, гука, плуга та швыдче иды зъ паномъ йихаты, надивай лирвею!“

Макарюкъ. Запорю!..

Антонъ. Хрестъ мене побий, винъ ничого не казавъ за чоботы. „Надивай, каже, лирвею!“..

Макарюкъ. Запорю, на смерть запорю!.. (Ситъ).

Я в а 13-я.

Панна и панычъ.

Панна (зъ квиточкою въ руци). Чого вы бажаєте одій квиточки?

Паньчъ. Бажаю їй увесь виѣ цвисты и пышатысь красою.

Панна. А вгадайте, на кого я загадала?

Паньчъ. Ни, не вгадаю.

Панна. Ця квіточка—це я.

Паньчъ. Гарздѣ, що я не побажавъ їй завьянуты!..

(Силы и нышкомъ розмовляють).

Я в а 14-я.

Завойко, Перепичка и Васылына.

Завойко (на пороzi). Це буде всимъ зневага, велика зневага!..

Перепичка. Кого я тымъ зневажу, кого? Паніи наши знаютъ все, ихъ ничымъ не здивуешъ; панночкы-жѣ настилько наивни, що ничого не знаютъ; а у тебе, якъ и въ другихъ, на кого тутъ не гляну,—їе своя Васылына; а у инчого дви, або й тры!.. Тилько вы ховаєтесь зъ своїмы, а я не ховаюсь. Не знаю, що чесницъ? Слухайте, господа дворяне, тверези—не пьяни! Хочъ я и нидъ чаркою, одначе не на стилько, щобъ забутысь: хто я и де я!.. Вы може сподиваетесь видъ мене дебошу, чы скандалу?.. Я знаю, де можна дебошырыть, а де й засы!.. Дозвольте мени вамъ нызенько уклонитысь и попрохаты пробащеня... Оце била мене моя Васылына, моя крипостна, моя... Паны и паніи добре знаютъ, хто вона мени, а панночкамъ не треба знаты... А все-жѣ я їй не дозволю систы въ вашымъ прысутствіи: дысциплына, субордынація и мордобытіе!.. Я хочу Васылыну просвитыты на щотъ музыкы, бо вона у мене дурна, якъ вивця,—вона тилько и чула, якъ чередныкъ грае на зубовій дудци метельцю, а свынарь на выграни „чоботы...“

Я в а 15-я.

Пидгайный и Орыся.

Пидгайн. (веде Орысю нидъ руку). Не соромся, доню, и покажы гостямъ, що отецъ не даромъ объ тоби клопотався! (Пидводе до фортепіано).

Орыся. Я не соромлюсь... а тилько за для чого це?

Пидгайн. Я такъ того хочу.

Орыся. Хиба? (*Глянула на Василюну*). Ахъ, яка-жь чудова украинська одежа!.. А сорочка якъ гарно вышита! (*Пидходе до Василюны*). Кто вамъ такъ гарно вышивавъ?

Василюна. Я сама.

Перепичка (*Василюны*). Ручку, ручку швидчъ панни поцилуй!..

Василюна (*лове руку Орыси*). Подозвольте...

Орыся. Ни за що на свити! Такъ поцилуемся. (*Цилується з Василюною и потимъ иде до фортепіано*).

Перепичка (*до Завойка*). Бачувъ?

Завойко (*до неї*). Така и ін маты була!

Пидгайн. Заграй-же намъ, Орысю,—мы хочемо слухаты. (*Сиди. Орыся розгорта ноты и гра щось классычне; госты все бильшъ сходяться и сидають. Все слухають зпершу тихо, а потимъ починають по-тиху гомонити*).

Помпеенко (*до сына*). Та колы-жь вона гратыме?

Юнкеръ. Вона жъ вже грае.

Помпеенко. Чортъ батька-зна що брынькае!..

Завойко. Колы-бъ заграла Варшавського марша, а це щось...

Шкорупський. Стоило zostаватысь, щобъ отаку нисенитныцю слухаты?..

Деревьянка. Музыка для слуха вразумительна и назидательна!.. (*Орыся скинчыла, починаються оплески*).

Юнкеръ. Папенька, плещить-бо!

Помпеенко. Хиба треба? (*Плеще*).

Шкорупський (*плеще*). А може воно и справди щось путаще?..

Завойко. А все-таки нема ничего кращого, якъ Варшавський маршъ, або: „Ой не ходы Грыцю“... (*Плеще*).

Перепичка (*до Василюны*). Ну, якъ тобі?

Василюна. На мени чогось усе тило терпня, неначе я на неби.

Пидгайн. Гей, покличте сюды капельмейстера и Юрка. Шкорупський. А це ще що буде?

Шкорупська. Та мовчи-бо.

Завойко. У, Юрко здорово гра Варшавського марша, або Кармалюка.

Помпеенко. Послухаєм ще Юрка.

Шкорупський. А після Юрка, може увійде свинарь та заграє: „Свина въ рипи, поросята въ моркви?..“ (Релоче).

Шкорупська. Та й невгомный же ты!

Я в а 16-я.

Капельмейстеръ и Юрко зъ скрипкою.

Пидгайн. Ну, Петро Петровичъ, похвастайте намъ вашимъ ученикомъ!

Диброва (*Кланяючысь панамъ*). О, зъ гордостію скажу, що маю кимъ похвастаты. (*До Юрка*). Уклонись панамъ! (*Юрко кланяється*).

Панна (*зъ квіточкою*). Який красавець!

Буба. Крипакъ и така импозантна фігура!..

Киев. Ему приставъ-бы гусарський мундырь!.. Ментикъ, долманъ, чивчири!..

Диброва (*Пидводе Юрка до фортепіано*). Панно Орысю! Колысь, якъ вы ще були моею ученицею, я постеригъ у васъ талантъ музыкальный и не помылився. Дозвольте доручити вашій ласци ось другый талантъ!

Орыся (*Не дивлячысь на Юрка*). Чы не про нѣго мени татко говорили?

Диброва. Певно про нѣго. Проаккомпанируйте ёму серенаду Шуберта. (*Росклада ноты на пюпитри*). Уклонись, Юрку, панночки. (*Юрко кланяється*).

Орыся (*Глянула на Юрка*). Ты... давно граешъ?.. Якъ твое имня? (*на бикъ*) Ахъ, що за очи!..

Юрко (*Глянувъ на неї и затремтѣвъ*). Давно граю?..

Диброва. Хиба ты не розумієшь, про вищо тебе пытають? Панночка пытають: чы давно ты на скрипци граешъ и якъ твое имня. Кажы: чотыри роки якъ граю, а имня—Юрко.

Юрко. Ходимъ звидци, ходимъ...

Диброва. Ц—съ! *(Тыхо ёму)*. Ты опаливъ, чы що?..

Юрко. У мене щось голова... въ очахъ... Тикаймо!..

Диброва *(ёму)*. Опамьятайся! *(До панны)*. Засоромився бидный хлопецъ зовсимъ. Промовте до нёго слово, щобъ винъ набрався смилосты. *(До Юрка)*. Опамьятайся!

Орыся. Не соромся, Юрку... Ну, прилагодься, заразъ гратынемъ... Чого ты такой?

Юрко. Я не знаю... не втямлю ничего...

Орыся. Заспокойся. Ну, почнемо?

Юрко. Почнемо. *(Гриють. Юрко чымъ дали, все бильши забувається и звиддається цилкомъ музици. Вси навкругы затыхають)*.

Помпеенко *(тыхо)*. Хочъ и не розумію, такъ почувую!

Деревьянка *(деклямуе)*. „О, ты, что въ горести напрасной
На Бога ропщешь человекъ!..“

Кика. Сколько экспрессіи!.. Яка техника!..

Шкорупський. Теперъ вже и я не шкодую, що зостався.

Нерепичка. Чого ты, Василено, плачешъ? Годи, не соромъ мене!..

Васылына. Не могу!.. Нибы маты мене докоряе, нибы батько клене!.. *(Выбила)*.

Панна *(Зъ квиточкою)*. Яка роскошна и чула душа у Шуберта!

Завойко. Чортъ ёго батька зна! Лыбонь це ще краще видъ Варшавського марша! *(Оплескы)*.

Индгайн. *(Пидійшовъ до Дибровы и стыска ёму руку, а Юрка хлопа по плечу)*. Браво, браво!..

Диброва *(до Юрка)*. Кланяйся!

Юрко. Кому?

Диброва. Кланяйся панамъ. Ты такы очмаривъ?.. *(Тымъ часомъ панны пидійшли до Орыси и витають їй)*.

Юрко. Швыдчъ ходимъ... душно!..

Пидгайн. (до гостей). Прошу всіхъ въ садъ,—тамъ чека насъ чай и кофе. (Гости розходяться).

Шкорупськый (до жинки). Николы не сподивався, щобъ у мужыка така чулисть була!.. (Пишлы).

Юнкеръ. Зостанемось, папенька, на вечеръ, певно и въ вечери гратымутъ?

Помпеенко. Отъ и кажы писля цѣго, що у скрыпци нема языка. (Пишлы).

Перепичка (до Завойка). Васылына, якъ корова, реве, та й у мене оказались очи на мокримъ мисци!.. (Пишлы).

Диброва. О, теперъ и мы ходимъ.

Орыся (до Юрка). Який у тебе дужый и слухняный смычокъ!.. Честъ вамъ, Петро Петровычъ! Честъ и слава!..

Юрко. Такъ вже певно николы не заграю!..

Диброва. Винъ сѣгодня якийсь непрытомный!.. Визьмы-жъ ноты!.. (Пишовъ).

Орыся. Кажешъ, не заграешъ вже такъ? Чому-жъ то?

Юрко. Не заграю!..

Орыся. Чого ты такой?..

Юрко (плюнувъ їй въ вичи). А вы на вищо таки?

Орыся. Яка-жъ я?

Юрко. Не вию вымовыть...

Орыся (дае ноты). Визьмы оци ноты, передывысь, у вечери гратымемъ.

Юрко. Такъ вже николы не заграю!.. (Бере ноты).

Орыся. Черезъ що-жъ то?

Юрко. Никблы, никблы!.. (Пишовъ хытаючысь).

З а в и с а.

Д І Я 2-я.

Черезъ рикъ. Збоку невеличкый домокъ, вскрытый ґонтою зъ ганкомъ, зъ трѣма викнами; зъ другою боку, на другомъ плану, людська кухня; на останнимъ плану—задній фасадъ панськихъ

хоромивъ, зъ балкономъ и террасою. Навкругу дому садъ, дали село, дали перелисочки и поле.

Надъ вечеръ.

Я в а 1-я.

Репыха и Орыся. (Выходятъ крадькома зъ хоромивъ до саду).

Орыся. Оглянься навкругу, щобъ не постерегли.

Репыха. Не бійтесь, нема никого. Дытина тамъ у саду,—нихто не побачить.

Орыся. Ну, ходимъ вже!

Репыха. Досю треба задобрыты, щобъ держала языка за зубамы... Осьдечкы и вона. (До Доси) Ну? .

Я в а 2-я.

Ти-жъ и Дося.

Дося (*иде зъ сада*). Не видно никого.

Репыха (*до Орыси*). Ходимте-жъ мерщій!..

Орыся. Досю! Ты вмієшь держаты языка на прыпони?.. Мовчатимешъ, то й тобі краще буде.

Дося. Про вищо? (*Репыха и Орыся пишли въ садъ*). Куды це вони пишли? Яка-жъ це болисть у панночкы, що бабу Репыху кыкалы? (*Оглядається*). А може вже?.. Панночка велять мени держать языка на прыпони... Ой, щось це не даромъ! А ну, пиду за ными назырци... (*Пишла въ садъ*).

Я в а 3-я.

Вартоломей и тры хлопци (идуть видъ воритъ).

Вартоломей. Я-жъ скільки разивъ наказувавъ вамъ, щобъ не спали?.. Бачъ, яку правду собі взяли!..

Два хлопци. Мы, дяденька, ій-Богу не спали! То гедзь розполохавъ телятъ, вони й побиглы въ горохъ!..

Вартол. Який гедзъ? Гедзъ тилько у Спасивку сиче скотину. Ось я вамъ задамъ гедза!..

Два хлопци. Йй-Богу, дяденька, мы не спали!..

Вартол. Ходимъ, ходимъ до конюшни!..

Два хлопци. Йй-Богу, дяденька, мы не винни.

Вартол. А хто-жъ выненъ? Хто, пытаю, выненъ? (*До третёю*). А ты чого мовчышь?

3-й хлопецъ (*Хведька*). А що я казатыму? Все одно, бытымете!

Вартол. И бытыму, тебе бытыму!..

Хведька. Та мене-жъ...

Вартол. Бо ты й выненъ!

Хведька. Та я-жъ.

Два хлопци. Авже-жъ, винъ! Мы ёму кажемо: „давай, Хведька, навернемо телятъ на стерни, щобъ въ горохъ не вперлысь...“ А винъ каже: „чортъ ёго поберы, горохъ: хiba винъ людський? винъ панський!..“

Хведька. Це-бъ то я отакечкы казавъ?

Вартол. Ахъ ты, харцызе! То ты такой?

Два хлопци. Винъ, дяденька, васъ лаявъ, ще такъ погано лаявъ: у батька-матирь!.. И казавъ на васъ: „барыло“.

Хведька. Я казавъ?

Два хлопци. Та ты-жъ. Каже: „Вартоломей—Кутломей!“ Це у нихъ, дяденька, йе така собака коштрубата, Кутломеёмъ дражняты...

Вартол. Такъ ты такой, сучый сыну!

Хведька. Колы вирыте имъ, такъ бийте мене!..

Два хлопци. А не казавъ ты, що дяденька: „катъ, парло, котолупъ?..“

Вартол. (*вхопывъ Хведьку за вухо*). Ахъ ты-жъ, чортивъ вылупку! Я-жъ тобі заразомъ покажу: и ката, и парла, и кутломен!.. (*Повивъ до конюшни*).

Я в а 4-я.

Дос я (*бижыть зъ саду*). Та невже-жъ це я бачыла своиы очыма? Мабуть я сплю, мабуть це мени у снi ввыжається?..

Я в а 5-я.

Мокрына и Дося.

Мокрына (зъ людской кухни). Чого це ты, небого, все въ садъ бигаешъ? що тебе напало?

Дося. Не пытайте, не пытайте, бо все ривно ничего не допытаетесь, мовчатыму, — якъ камьяна, якъ нима!.. Не заступайте-бо мени дороги, пустить!..

Мокрына (стала проты неи). То ты такъ зо мною? Це ты й титци ридній не скажешъ? Спасыби! диждалась честы видъ небогы!..

Дося. Ой, Боженьку! Я зѡ страху й забула, що вы мени титка!.. Ой, выбачте мени!.. Тилько жъ вы, тѣтю, Бога рады, виѡму а ни словечка. Ой! страшно и вымовыты!..

Мокрына. Кажы вже швыдѣ!

Дося. Опимы власнымы очыма бачыла, щобъ мени свита сонця не вздриты!..

Мокрына. Що бачыла, що?

Дося. Заразъ баба Репыха приходыла, бачылы?

Мокрына. Чого-жъ то вона?

Дося. Чы насъ нихто не пидслууха?

Мокрына. Ну, ну?

Дося. Приходыла ото вчора надъ вечиръ баба Репыха до панночкы, и почалы вони вдвохъ шепотиты; я й насторожыла вуха, якъ мене дядѣ бухветчыкъ повчалы, щобъ завжды насто-рожувала вуха... Шепотять, та й шепотять... А дали пишлы кудысь у-двохъ. Зовсимъ вже пизно панночка повернулысь до дому, та таки слаби, що й на ногахъ не встоять.

Мокрына. Ну, ну, розкажуй дали!

Дося. Стривайте-бо! А оце теперъ, якъ прыйшла зновъ баба Репыха, посламы мене въ садъ подывытысь, чы нема тамъ кого. Вертаюсь я въ саду, ажъ вони обыдзи вже идуть мени на зу-стричь...

Мокрына. Ну, ну?

Дося. Вони въ садъ, и я за ними назырцемъ. Доходятъ до ричкы, — бачу, зупынылысь; и я соби оддала зупынылась. Ажъ

дывлюсь: баба Репыха похылилась у кушть и подае панночки дытну. Пам'ятаете, казала я вамъ, що панночка Юрка покохалы, не вирылы?

Мокрына. Ну, ну, ну?

Дося (*оглянулась*). Богъ пославъ панночки сына!

Мокрына (*жахнулась и ажъ присила*). Сына?..

Дося. Щобъ я свита сонця не вздрила!

Мокрына. Сына?!..

Дося. Эге-жъ. Репыха подала имъ дытну, а панночка почалы їи-годувати... Сама бачыла своими очыма... Цытьте! Ондечкы панночка вертаются въ хоромы.

Мокрына. Хи, сердешна! Ледве йде. Бачышь, що то страхъ,—винъ пересылюе усяку болисть!...

Дося. Присядьте! (*присыдають за плотомъ*):

Орыся. (*Ледве переступа*). Лыбонъ ниhto не постеригъ?..

Охъ, въ очахъ темніе!.. (*хытаючысь тшила въ хоромы*)..

Мокрына. А де-жъ дытя?

Дося. Певно, Репыха взяла до себе!

Мокрына. И ты вповаешъ, що якъ мы мовчатимемъ, то други не довидаются?

Дося. Нехай довидаются, нехай и плещуть, абы не мы.

Мокрына. Авже-жъ! Почнуть языкаты, вирь мени! У насъ народъ бузувирный! Глянь, хто ото крадется по-пидъ плотомъ? Бигты мерщій захожуватысь вечерю варыты!... (*побила*).

Дося. Справди щось сюды надходе.

Ява 6 я.

Юрко и Дося.

Дося. Юрку, ты?

Юрко (*пидходе*). Якъ бачышь.

Дося. Вернувся?

Юрко. Никуды втикаты безъ бумагы.

Дося. Панночка звелилы-жъ тобі, щобъ не вертався, докы сами тебе не розшукають; тебе-жъ, бороны Боже, тутъ зака-туютъ!.. Ой, що-жъ це буде?

Юрко. Що буде, того не обмыну!

Дося. Та ты-жъ и не знаешь ничего. Адже панночка вже мати!

Юрко. Що, що ты сказала? Мати?..

Дося. Вчора сына породила...

Юрко. Сына?.. Що-жъ теперь?... Вона хвора, дуже хвора? Кажы, кажы!..

Дося. Хвора, а тилько-жъ и терпляча на вдывовыжу....

Юрко. Бідна, бідна мучениця, безщасна!.. Досю, я звірь, лютий звірь!.. Досю, я мушу її побачыты!.. (*Ламає руки*).

Дося. Я заразь пиду, шепну панночки!..

Юрко. Стривай! Може не треба? Хвора, сполохається! Досю, я зтеряюсь!.. Хто-жъ мене порадыть?.. Одна ще надія... Чы капельмейстеръ дома?

Дося. Їму здорово погиршало, мабуть скоро й помре. Винъ пытавъ про тебе, де ты.

Юрко. Пиду до нѣго,—винъ мене, якъ батько, порадыть.

Дося. Змарнивъ ты якъ, ажъ почорнивъ!

Юрко. Голодъ—не титка! За трое день охлявъ та знемигся, хочъ живымъ пропадай. Якъ сказала мени Орыся втискать, я й махнувъ—не взявши навить и хлиба шматка; тилько водою и живъ... Пиду до Петра Петровыча!.. (*Пишовъ у домокъ*).

Дося. Охъ, на чимъ воно все це окошится? Не знаю, чы ровказаты дядькови бухветчыку? Мовчатиму, а якъ допытуватимуть—признаюсь. Звисно, дядько,—грихъ имъ не сказаты!.. (*Пили въ хоромы*).

Ява 7-я.

Сохвія и Палажка.

Сохвія. Куды це Юрко и справди подився? Трое день и очей въ село не наверне.

Палажка. А що тобі до Юрка?

Сохвія. Казала тобі не разъ.

Палажка. Казышся ты видъ жыру, отъ що я тобі скажу—казышся!

Сохвія. Спытай у мого серця, чы ёму до жырування?

Палажка. Ты-жъ панська полюбовныця, чы зручно-жъ тобі обзъ Юркови думаты? Ты повинна знаты одного пана.

Сохвія. А панъ хіба тілько мене одну зна?

Палажка. Мало чого... Винъ на те панъ, ты вь ёго воли

Сохвія. Я панова полюбовныця не по своїй охоти, а Юрка я покохала своею волею.

Палажка. Мало кого тамъ не покохала!...

Сохвія. Цыты!.. Чуешъ? (*Кризь викна домка чути мелодію на скрипки*). Це винъ грае, винъ! Ій-Богу винъ!... Бачъ, капостный, винъ у двори, а я думала: змандрувавъ!.. Чуешъ, якъ жалибно выграе?

Палажка. Я ненавидю жалибныхъ; колы-бъ пидъ ногу загравъ.

Сохвія. Охъ, якъ-же вь мени все сколошалося, немовъ всю мене пожежою поняло!..

Палажка. Почны хвыгли-мыгли стройть!..

Сохвія. Затаила-бъ вь соби духъ и слухала-бъ ёго безъ краю, безъ втомы!..

Палажка. Годи тобі шпандёрыть!

Сохвія. Вже замовкъ... на вищо такъ скоро переставъ гратъ?

Палажка. Тынды-рынды!.. Ходимъ вже!

Сохвія. Палавю, выкличъ сюды Юрка.

Палажка. Отакои! Чого жъ я потёпаюсь у хвыгель: щобъ тамъ по шыи надавали?

Сохвія. Бачышъ, яка ты? А сколько я тобі передавала канхветивъ и всякихъ ласощивъ? А ты онъ яка!

Палажка. Вже тобі якъ чого замарудытся,—неначе малій дытны! Ну, вже пиду. (*Пишла у домокъ*).

Сохвія (*сама*). Скажу ёму прямо, що не можу безъ нёго жыты: нехай або свата, або такъ бере... Виддали-жъ панъ першыхъ своихъ полюбовныць замижъ, нехай и мене виддадутъ. Хроську виддали за Грышку лакея, Хыму за кучера Карпушку, Лукерію за...

Я ва 8-я.

Мокрына и Сохвія.

Мокрына (*хутко вбила*). Сохвіе, що я чула, що я чула?..

Сохвія. Вы завжди почувете ось стілько, а наговорите онъ скільки!..

Мокрына. Думаешъ, скажу тобі? А що, кортыты! Отъ-же ни за що не скажу!

Сохвія. И я вамъ не скажу.

Мокрына (*цикаво*). Про вищо? Невже й ты чула! видъ кого-жъ?

Сохвія. Що треба було, те й чула, а видъ кого—хиба не однаково?

Мокрына. Росплескалы вже! И бачыла? А мени, Господы, якъ кортыть побачыты... Давай побижымо та хочъ у виьно за-зырнемъ?

Сохвія. Куды побижымо?

Мокрына. До бабы Репыхы. Дытына тамъ!..

Сохвія. Дытына?

Мокрына. Не манижся, ты знаешъ и я знаю... Побижымо-жъ та хочъ глянемо!.. (*Потягла Сохвію*).

Палажка (*выходе*). Не насмила покликаты Юрка, постояла въ синяхъ трохи та й вернулася... Де-жъ це Сохвія? Чы не капостна дивка—втыкла! Бачъ, яву дурочку зъ мене встругнула!.. Я-жъ тобі видячу, постривай! (*Пишла*).

Я ва 10-я.

Диброва и Юрко.

Диброва. Бачышъ, зновъ блукавъ десь ажъ трое день, схудъ та змарнивъ... И що въ тебе за натура така? Забривъ кудысь и байдуже ёму, що тутъ объ нимъ пеклуются... Сёгодня зовсимъ невдало гравъ на скрипци: хапанына явась, а не грання, неспокій, раптовистъ... И смычкомъ нибы зовсимъ не твоя рука водыла... Чымъ мы передъ паномъ похвастаемо?

Юрко. Болыть моя душа, мозокъ болыть!.. Либонь я вже не людына, а манія!..

Диброва. Що таке? Це вже щось нове выгадуешь!.. Чы не про волю зновъ почавъ марыты? Пожды, хлопче, потерпы... Дастъ Богъ, прийде вона!..

Юрко. Ни, вже воли мени не диждаты!

Диброва. Чому-жь то такъ?

Юрко. Колы сподиваються нашего пана до дому?

Диброва. Якъ не сёгодня, то завтра.

Юрко. Справди?

Диброва. Позавчора прийшовъ лыть до управляющего, щобъ пымы днямы дождыдались.

Юрко. Такъ рантово?

Диброва. Пора ёму й вернутысь. Бильшь пивъ-року якъ зъ дому выйхавъ,—можна изйиздыты свить вдовжь и впоперекъ. Та що це зъ тобою?

Юрко. Осьдечкы вона, смерть моя, вже передъ моими очыма!..

Диброва. Смерть?... Що це ты?..

Юрко. Не счувсь и не зоглянувсь я, якъ погыбель вхопыла вже мене за горло!..

Диброва. Чы ты не стерявся часомъ?

Юрко. Охъ, краще-бъ я стерявся, щобъ разомъ позбутысь всёго и все забыты!

Диброва. Ховаешся зъ чымсь видъ мене?

Юрко. Сховаюсь видъ людей, а чы сховаюсь видъ Бога? (Ламае руки). А—а!.. Та на мылость же Богу, рады усёго найсвятійшого, показить мени людыну юныхъ лыть зъ палкымъ сердцемъ, зъ чулою душею, людыну, котра, уздрившы ваблыву красу дивочу, почувшы ридну душу, щобъ не закохалася на выкы, до забуття, не вважаючы, чы ривня та краса ёму, чы ни? Показить, благаю васъ, таку мени людыну, и тоди я—злочынецъ, харцызь, песыголовецъ!..

Диброва (жахнувся). Такъ ось воно що? А я-жь тебѣ сколько разивъ допытувавъ, сколько разивъ остерегавъ!

Юрко. Яка сила на свити може остерегти серце?

Диброва. И вона тебе коха?

Юрко. О, колы-бъ ни, було-бъ ще пивъ-горя! Колы-бъ не
вохала, чы стала-бъ матирью?

Диброва. Якъ? Що таке?!

Юрко. Вчора породила сына!

Диброва. Та це-жъ... Що-жъ оце таке?

Юрко. Смерть моя, погыбель!.. Якъ бачите, я стою на
краю прыввы: назадь ходу нема, приходится плыгать у бакету!..

Диброва. Остается одне: свить за очи.

Юрко. Я й нишовъ бувъ та, якъ бачите, вернувся!..

Диброва. Треба ратуватись якось!.. Ахъ ты-жъ, бидолага,
бидолага!..

Юрко. Пам'ятаете той ментъ, якъ гравъ я зъ нею серенаду
Шуберта? Пам'ятаете,—вийшовъ я тоди зъ хоромивъ, мовъ п'я-
ний, мовъ зачарований...

Диброва. Такъ, такъ!..

Юрко. Якъ тилько зустрівся я уперше зъ їи поглядомъ,
якъ тилько почувъ уперше їи промову, видтоди мовъ заморо-
вомъ якимсь мене оповыло, мовъ выхремъ закрутыло мене....
Видтоди очи мои скризъ шукалы тилько їи одну, одну тилько
їи воны скризъ бачылы, одну тилько їи й хотылы бачыты,—вона
одна заступыла мени весь ридъ и весь мырь... Думкы про неи
одну завододылы всею моею истотою!.. Якось равъ писля сумной
безсонной нocy, пишовъ я ранкомъ въ садъ и ставъ пробыраться
въ гущину, щобъ десь далеко видъ людських очей повыснуты
на котрійсь гыляци. Звернувши зъ стежки въ кущи, почувъ я—
хтось голосно вымовывъ мое имня. Я сразу пизнавъ той дорогой,
незабутній покликъ. Чую—кличе у-друге. Обернувся я и весь
затремтивъ: вона, якъ янголт, стояла передо-мною и такъ ла-
скаво та хороше дывылася мени въ вичи. Дали забалакала до
мене такъ привитно та чуло, немовъ ридна маты. Ото й почала
мене роспытувать про отця, про неньку, про ридъ... Колы до-
жидалась, що батько мій померъ, промовыла: „а въ мене мама
померла.“ Тутъ раптомъ очи мои залылысь слёзамы, и я, ры-

даючи, упавъ передъ нею навколюшки... Вона пидвела мене, вытерла мои очи своею хусточкою и стала заспокоювать. Черезъ невелику годину сказала: „пора до дому!“ Мени звелила зостатись и пристояты трохи, щобъ хто не постеригъ... Ось вамъ початокъ моего талану, а край вы знаете. Теперъ вы бачите, якый стоитъ передъ вами выродокъ, бузувирь!.. Никчемный пиднижокъ, негідный рабъ, червякъ мерзанный—видважывся захохатись у панну и самъ вподобавсь панни!.. Та на вищо-жь Господь давъ цѣму рабови таке палке, таке-жь чуле серце, якъ и вильній людыни?

Диброва. „На вищо“?.. Вика, друже, мынають, якъ люде здіймаючи руки до неба, пытають: „на вищо и за вищо? За чїи грихы й провныны?“ А видповідь, якъ кажуть: „все въ хмари гуде та на землю не йде“!...

Юрко (*махнувъ рукою*). „Симъ бидь—одынъ одвить!“ Що-жь, нехай панъ прийиздыть. Я волю прийняты найтяжчу кару, а того заслужывъ и я мушу самъ у всимъ признатись. Тажъ прямо и скажу: „Пане! Хотили вы выховаты зъ вашего пидданка щось надзвычайне, пророкували, що колысь той пидданокъ своимъ музыкальнымъ таланомъ дывуватыме миръ и тымъ надасть вамъ пыхы, але вы помылылись. Пидданокъ вашъ здывуе васъ нечуванимъ злочынствомъ, винъ ужалыть васъ въ самисиньке серце!“...

Диброва. Цыть! ты здуривъ, ошаливъ!.. А панна якъ?... Про іи соромъ ты байдуже?

Юрко. О, Боже мій!... Такъ, такъ, я ошалиый, я божевильный!.. Радьте-жь, радьте мене, що мени подіаты?...

Я в а 11.

Ти-жь и Дося.

Дося. Юрку! Иды, тебе панночка влчуть.

Юрко. Справди?.. (*Зрадивъ*). Я іи ще побачу!... (*Хутко нишовъ*).

Диброва (*самъ*). Якъ-же вищъ мене стревожывъ!.. Та що-жь я ёму поражу?... Охъ, горе, горе! глыбоке ты, якъ море,—тымъ таке й ненажерлыве!.. Треба щось вдіять. (*Нишовъ въ домокъ*).

Я в а 12.

Сохвія (*идучи зъ саду*). Мокрына божылась, що панночка вже маты, але дытны такъ-такы мы й не бачылы,—певно Репыха выховуе!.. Такъ овдечкы де вси думкы Юркови, а я марыла?.. Не судылось певно мени щастя, мабуть мене маты проплакала!...

Я в а 13-я.

Сохвія и Вартоломей зъ хлопцями.

Вартоломей. А, здрастуйте! якъ здоровьячко? Чы ще пидскажете, скажемъ, Сохвіе та ще й Мыколаевно?.. (*До хлопцівъ*). Гетьте по своимъ мисцямъ! (*Хлопцы пишли*).

Сохвія. (*до Вартоломея*). Я маю до васъ дило.

Вартол. А-я до васъ. Выходыть дило на дило, якъ шапка на голову!... Ге-ге-ге!..

Сохвія. Коны пана сподиваються до дому?

Вартол. Ага, скучылы?

Сохвія. Ще-бъ не скучыла? За кымъ же мени й скучать?

Вартол. Топно и хорменно по всій правыли. Ачъ, по всій вашій лыци такъ и выдко, якъ те скучання, неначе патё-ками по тенесахъ розповзлося: и сюды и туды... Але видъ скучання вы на. мои очы ще покращалы,—велька втиха буде панови, якъ побачать васъ.

Сохвія. А може вони знайшлы соби тамъ кращу?

Вартол. Де, у загрыныцы? Та въ свити нема такои, якъ вы! Вы, сказать прямо, первосортня фыгура!.. Слушайте, Сохвіе, скажемъ ще й Мыколаевно! Якъ панъ прыйидуть,—будь ласка, попрохайте у нихъ, щобъ подарувалы мени дубкывъ десятка зо два на сволокы до новои хаты. Скажите, що, мовлявъ, Вартоломей такъ старається, такъ старається!.. Якъ вони теперь до васъ залають, то все за для васъ зроблять.

Сохвія. А якъ я не зумію выпрохаты?

Вартол. Кто, вы? Якъ вы не зуміете, то хто-жъ у насъ зуміе? Управляющий ще въ субботу видобравъ лыста, що панъ мають отъ-отъ прыбуты; на мою думку вони не сёгодня, то завтра въ-ранци прыбудуть.

Сохвія. Хотила-бъ я пойихаты имъ назустрічъ?

Вартол. Невже? Огъ ловко вы придумали!.. Иидьте, ій-Богу, йидьте!.. Ондечкы, якъ-разъ кони запрягають, котри идуть на пидставу панови; заразъ и йидьте. Не забудьте-жъ про дубкы. Скажить: такъ Вартоломей старається, такъ старається!..

Сохвія. Такъ я пойиду. (*Иде до конюшни*).

Вартол. Стійте, не такъ! Давайте руку. (*Сохвія дає*). И другу. (*Хутко цилує ій руки*). Ось якъ треба!

Сохвія (*вырива руки*). Що де вы, дядьку, зъ якои речи?.. Не треба!

Вартол. А я кажу, що треба. Скажете, що я не почи-тую васъ? Я цилую ручку тилько панови нашому, попови та попади, якъ и бухветчыкъ нашъ; а я, якъ бачите, ще й вамъ. Ну, й краса-жъ вы,—прямо малёвана-пысана!..

Сохвія. Годи вамъ улещатысь...

Вартол. Глядять-же, попрохайте за дубкы. Скажить: такъ Вартоломей старається, такъ старається...

Сохвія. Скажу, скажу. (*Пишла*).

Вартол. Якъ прыдыввся я до неи гарненько, такъ вона зовсимъ выходить дивка хвасоньста!.. Мовлявъ, хочъ кому оскомыну зибье!..

Я в а 14-я.

Яківъ и Вартоломей.

Яківъ. Слухай ты, котолуне! На вищо ото ты Степанового хлопчуну, Хведьку, такъ одшмагавъ, що ажъ кровь поза-бинала?

Вартол. За дило. Ежели когда загадаю тоби яку служ-бу, такъ ты сповнай ии по всій хворменій правыли.

Яківъ. И тоби не грихъ отакъ знущатысь?

Томъ 69.—Апрѣль, 1900.

І-6

В артол. Ты мени не пиць и не дякъ, то й не тоби я сповидатымусь.

Я кивъ. Воно-жь дятя ще. А колы-бъ твого хлопця такъ сполосуваты?

В артол. Чого ты оце уйидаешся?

Я кивъ. Такъ спысавъ, що й прысисти хлопецъ не може...

В артол. Нехай телять не пуска въ шкоду.

Я кивъ. Не одынъ-же винъ пасе,—ихъ тамъ ажъ трое... Такъ тимъ двоимъ ничего, а все на одному окошылось?

В артол. Мени никола розбираты, хто зъ ныхъ бильшь вынень, я видшмагавъ того, на котрого моя думка впала; той вынень, котрого першого мое око постерегло.

Я кивъ. Але-жь панъ не дозволивъ тоби такъ катувать?

В артол. А ты спытай пана, якъ прийиде, чы дозволивъ?

Я кивъ. И спытаю!

В артол. Спытай, спытай! Може звелять мени спысаты той опытъ на твой спыни.

Я кивъ. Нехай звелять,—не первына.

В артол. Охъ, и постараюсь-же я спысать,—я вже добре насталивъ на тебе зубы!

Я кивъ. Гей, Вартоломею, людойиде! Забруднивъ ты душу твою кривдою великою; скаменись, чоловіче, бо буде тоби лихо!

В артол. Що ты мене полохаешъ? Що ты почавъ мени акахвысты чытатъ? Геть!..

Я кивъ. Ховатымешъ ты колысь видъ людей очи!..

В артол. Я панський наказъ сповняю по всій хворменній правыли. Ты мене волею полохаешъ? Не буде воли!.. Та скорись у мене на долони волоса вырасте!..

Я кивъ. Згадаю я тоби тоди вси смуги, котри ты позначывъ на моимъ тили,—воны у мене вси переличени й закарбовани; поставлю я ихъ тоби передъ очыма, якъ свичы!..

В артол. Мени на все оте, що ты белькочешъ, наплювать! Отъ ыродъ, причепився. И колы ты, сатано, дійдешъ до розуму?

Я к и в ъ. Якъ до такого, якъ у тебе, то не варто и до-
ходиты.

В а р т о л. Який-же у мене розумъ?

Я к и в ъ. Базарный!..

В а р т о л. Мелы, бисе,—чортъ тебе второпа!.. Та другой-
бы на твоєму мисци, бувшы такимъ майстромъ, що и чоботы
пошыешъ и ботыны, та ще трохи й грамоты утнешъ, такъ
винъ онъ-якъ старався-бъ догодиты панови!.. Скільки разивъ
и панъ казавъ: „колы-бъ Яшека не пьянствувавъ, то я его озо-
лотывъ-бы!..“

Я к и в ъ. Нехай-бы тебе панъ озолотывъ, хочъ до пупа, а
дали посеребрывъ—ловкый выйшовъ бы болванъ!

В а р т о л. Самъ ты болванъ! Правдивый сатана—ыдолъ!
Тьфу! (Пишовъ).

Я к и в ъ. Якъ земля тилько держыть отакого гаспыда!
(Пишовъ у другой бикъ).

Я в а 15-я.

Ю р к о (йдучы зъ хоромивъ). Сердешна Орыся,—якъ тины!..
Каже, щобъ я швидче ишовъ зъ села, а куды я пиду? Воливъ-
бы я краще загнуты тутъ, бия неи!.. Та куды-жъ мени
прямувать? Цілкомъ заморочений я!..

Д и б р о в а (у викни). Юрку! я тебе жду!

Ю р к о. Га? Хто мене?.. А, це вы, Петро Петровичъ?
(Пишовъ въ домокъ).

Я в а 16-я.

В а р т о л. (выходе зъ людської, зъ полумыскомъ и ложкою).
Оце такъ галушечкы. Тутъ лыбонъ йистыметь ще смачвишъ,
нижъ у хати; тутъ, сказать, и воадѣхы и не вйдаются мухы.
(Йистъ). У литку никола не зйисы до путя въ хати, а на двори
краще йистся. (Йистъ). Чы далеко-жъ то Сонька зустрине
пана? Колы-бъ выпрохала у пана дубкы. Куховарко! А всьшь
мени ще.

Я в а 17-я.

М о в р ы н а (*выходе зъ людскои*). Невже ще йистымете? Пытый полумысокъ? (*Пишла*).

В а р т о л. Хто багато робе, той багато и йистъ. Всыпъ, всыпъ. А юшка яка смашна, що ажъ ложку хочется облизать. Ба такы й облыжу. (*Лыже ложку*).

Я в а 18-я.

Якивъ, Вартоломей, потимъ Прохоръ.

Я к и в ъ. Ты мыстець и ложки лызать, а я думавъ, що только тарилкы?

В а р т о л. Чого прилизъ? Дай, рады Бога, хочъ пойисты до-путь.

Я к и в ъ. А хйба мени не треба вечеряты? Трискай, трискай!..

П р о х о р ъ (*подае Вартоломееви пляшку*). Пожалуйста.

В а р т о л. Справный ты, Прохоре! Тебе-бъ только за горилкою й посылать.

П р о х о р ъ. Ге, що вы думаете? Горилка—це найкращый бинь, безъ батога-везе!..

В а р т о л. (*Выпывъ*). На-жъ й тоби чарку! (*Дает*).

П р о х о р ъ. Горилыця—мученыця! (*Выпывъ*). Ныстеметна жывыця,—такъ все въ середини й зворушыла. (*Почына йисты*).

В а р т о л. (*до Якова*). Може й тебе почастувать?

Я к и в ъ (*сплёвуе*). Не частувавъ ранищъ, не частуваты-мешъ и до вику!

В а р т о л. Невже не диждусь такой чести?

Я к и в ъ. Щобъ ты знавъ.

В а р т о л. (*пидносе*). Та ну вже, пий!

П р о х о р ъ. Пий-бо, Якове! И чого-бъ ото я куражывся?

В а р т о л. Пий, кажу!

Я к и в ъ. Колы такъ прыпынаешъ, то давай я самъ себе почастую.

Вартол. Ни, пый зъ моихъ рукъ

Яки вѣ. Не пытому!

Прохоръ. И ненавижду я, колы людына почне пышатысь, мовъ свынѣ на мотузци!..

Вартол. Ну на, почасться самъ.

Яки вѣ. Будмо здорови! (*Взявъ пляшку и вымывъ зъ неи горилку до долу*).

Прохоръ. Глянь, сказывся чоловикъ!

Вартол. Виддай сюды!

Прохоръ. Дай, краще я донью! Грихъ розливать горилку,—вона-жъ зъ хлиба святого!..

Яки вѣ (*виддае пляшку*). На, вымыжы подонки!

Прохоръ (*бере пляшку*). Першъ, Якове, я тебе мавъ за розумного, ажъ бачу що ты адієтъ!.. Писанный адієтъ!..

Яки вѣ. Бачывъ, Вартоломею, який я? (*Пишовъ*).

Вартол. По всій хворменій правыли марзавецъ!..

Прохоръ. Ось трошкы вѣ ямку набигло. (*Прыпада и пѣ*).

Вартол. Ну й ты свынѣка, зъ калюжи прямо хлебчешъ?

Прохоръ. Воно ничего... Земля свята, а морду можна обмытъ,—на вищо-жъ добро пропадатыме? Отъ и шабашъ. А теперъ пиду вмыюсь. (*Пишовъ*).

Вартол. Яки йе люде ненажерлыви!.. Куховарко! А всыпъ мени ще галушокъ. (*Мокрына взяла мыску*). Неначе й найвився, а ще кортытъ. (*Мокрына подае*). Ловка страва-галушкы!.. (*Мокрына пишла*).

Я в а 19-я.

Юрко и Диброва.

Диброва. Ховай-же краще документъ и зъ Богомъ въ путь. Теперъ ты вже не Юрко, а отставный Губернский Регистраторъ Петръ Петровичъ Диброва. Тилько не забудь казаты, що тоби 25 годивъ. Цыфру чотыри я переправывъ на два, а пять ниякъ не переправывшъ на едынцю, або й па тры.

Юрко. То це приходится брехнею жыть?

Диброва. А що-жъ: „не можна черезъ тынтъ—лизь по-пидъ тынтъ“. Мени документа не треба, Богъ и безъ нѣго скоро вже мене прийме...

Юрко. Господь зъ вами, що це вы кажете?

Диброва. Правду, хлопче, кажу... Не гай часу. Та грошей даремно не розцвындрюй.

Юрко. Чымъ я вамъ за вашу ласку виддячу?

Диброва. Згадаешъ добрымъ словомъ, отъ и виддяка. Якъ дійдешъ до чужого села, наймай пидводу до Днипра, а за Днипромъ въ Херсонщину та Катеринославщини пристроишся десь въ оркестръ и жытимешъ, якъ и люде!.. Иды!

Юрко. Прощайте! (*До хоромивъ*). Прощай, моя свята мученице, моя скрухо!..

Вартол. (*до Юрка*). А куды ты, Юрку? Зновъ у байбузы?

Юрко (*здригнувъ*). Вартоломей?

Диброва (*до Вартоломея*). Оце вже не твое дило. Я маю право посылать своихъ ученыкывъ, куды схочу. (*Юрко пишовъ*).

Вартол. Та звисно... Я не то що, а...

Диброва. Ото-жъ и по розмови!.. (*Пишовъ въ доможъ*).

Вартол. Не хоче капальмейстеръ зо мною приятлювать и проты бухветчыка надыма губу... Ну, та якъ ты до насъ не дуже, то намъ на тебе хочъ и паплювати!.. (*Дойшовъ*). Ажъ ось колы неначе вдовольнився. Куховарко, визьмы посудину. (*Мокрына взяла*). Теперъ хочъ и до дому довидатись, мабуть и жинка чогось зварыла на вечерю... Докы дійду, воно тамъ у середини утрусется, такъ йиство на йиство не завадыть. (*Пишовъ*).

Мокрына (*сама*). Чортявъ кабанюка, цилисенький день триска та горлянку дере!.. Перемыю хутчій посуду та збигаю до Реньшынои хаты. (*Пшла въ хату. Хвилыну нема никого на кону*).

Я в а 20-я.

Петро (*Верхы выйиздыть на двиръ*). Гей, чы чуєте, челядинци й скарбовыкы! Мерщій сходьтєсь, збирайтєсь, панъ йдуть, панъ йдуть!.. Збирайтєсь вси!.. (*Чутно дзвонкы й бубенчыкы, стукъ колєсь*).

Вартол. (*бизжыть засапавшысь*). Що тутъ за гвалтъ?

Петро. Чуєте-жъ, панъ йдуть!

Вартол. Та невже? Отъ тоби и повечерявъ у другє!.. (*Крычыть и метушытєся*). Гей, вы! Чы вси вы на своихъ мисцяхъ?.. Чому биля ворить хвынари не засвичени? Я-жъ казавъ, я-жъ наказувавъ... Що за народъ бузувирный!.. Прохоре, де ты? Забувъ свое дило? Хвынари!..

Прохоръ. Не забувъ, а несподивано!.. (*Побигъ*).

Вартол. Хай въ хоромахъ свитать свитло!.. Де повари, лакей?.. (*На бизъ*). А бухветчыкъ, лыбонъ, у попа въ гостяхъ? Треба за нымъ послать... Гей, самувари ставляйте!.. А-ну живо, хутко!.. Не гримы на васъ, не тюкны, то и вухомъ не поворухнете!.. Тилько жрать вамъ, та боки видлежуваты!.. Я-жъ вамъ казавъ, я-жъ вамъ наказувавъ!.. Старалєсь-бъ такъ, якъ я що-дня стараюсь!..

Я в а 21-я.

Пидгайный и Вартоломей.

Пидгайн. (*зъ хоромивъ*). Гей, Вартоломею!..

Вартол. Чы ба, панъ вже й дома!.. Тутъ пане. Здравія желасємъ! (*Уклонывєся и поцилувавъ руку*).

Пидгайн. Порядкуєшь?

Вартол. Такъ тошно!.. Стараюсь, щобъ все по хворменій какуратности!..

Пидгайн. Де управляющый?

Вартол. Позавчора пойихалы на ярмарокъ,—казалы, що якъ не въ неділю, то въ понеділокъ вернутєся.

Пидгайн. Въ хозяйстві все благополучно?

Вартол. Слава Господеви! Такъ вже все благополучно, якъ враще й не треба.

Пидгайн. А въ дому якъ?

Вартол. По всій хворменій правили...

Пидгайн. Гей, нянько! Позвать мени няньку!

Ява 22-я.

Ти-жъ и Нянька

Нянька. Я тутъ, ваша милость! (*Тымъ часомъ сходятся двирськи, кланяются, шилують Пидгайному руку*).

Пидгайн. Де панна? Невже такъ рано лягла спаты? чы може... въ гости куды пойхала?

Нянька. Ни, вони дома...

Ява 23-я.

Ти-жъ и Диброва.

Диброва (*зъявляється на ганку*) Арыстархъ Рафаиловичъ прийхавъ!.. (*Тремтять*).

Нянька. Вони трошки нездужають.

Пидгайн. Якъ?.. Ну, стара кочерго! ты мени одвить дасы за все! Ковальськымы щипцямы звелю тобі останни зубы повысмыкуваты.

Ява 24-я.

Ти-жъ и Орыся.

Орыся (*пересылюе себе*). А, татусь, зъ щасливымъ поворотомъ... А я гуляла въ саду, чую—якийсь лементъ.

Пидгайн. Здравствуй, здравствуй, моя пташко, моя провинціалочко!.. Якъ же ты тутъ безъ мене? Чого неначе млява?

Орыся. Огъ, выгадки!.. Пропасныця трусыла, теперь кынула... (*Цилуется*).

Пидгайн. Що-жъ, посылала за ликаремъ?

Орыся. Ни... Писля трѣхъ пароксызмивъ перестала трусыть.

Нянька (*на бикъ*). Сердешна, ледве на ногахъ стоитъ.

Орыся. Я така рада, що вы прыйихалы, що хочъ и варазь пишла-бъ у тανεць.

Пидгайн. Справди? (*цилуе її и голубить*). А мени сказали...

Орыся (*тревожно*). Що?

Пидгайн. Але-жъ я теперъ цилкомъ заспокоився... Радію, втихо моя, моя лялечко, що ты не хвора... Та яка-жъ ты гарненька. Нянько! скоришъ мени чаю.

Нянька (*иде шепочучи*). Боже, змлуйся надъ нами!

Пидгайн. Ну, моя провинціалочко! Замисць танцівъ я за чаємъ хочу послухаты твое грання... Я багато привизъ тобі новихъ вогъ.

Орыся. Гараздъ, заграю.

Пидгайн. Привизъ тобі ще одну новину. (*До людей*). Идять по своихъ мисцяхъ. (*Люде пишли*). Мы, серденько, на зблыженни великои реформы.

Орыся. Я читала де-що...

Пидгайн. Треба намъ зважыты и обмиркуваты ти видносыны, въ яки незабаромъ мусымо стати въ тумы, котрыхъ до цѣго часу жыття и смерть въ нашій владѣ, въ нашій воли, треба выробыты таки умовы, котри-бъ допомоглы намъ не опынытысь раптомъ въ безвыходнимъ и фальшывимъ становыщи.

Орыся. Найкраще заздалегидь проявыты людскысть и мылосердіе.

Пидгайн. Такъ, такъ... Гей, Вартоломею!

Вартол. (*зъявляється*). Я тутъ, пане.

Пидгайн. Тутъ повинна бугы у подварьи Сохвія.

Вартол. Такъ тошно, воны тутъ.

Пидгайн. Нехай иде зъ двору... Ни, посадовы ии въ лѣхъ!

Вартол. Сохвію, стало бутъ?.. Микола...

Пидгайн. Я по двичи не загадую!

Вартол. Слухаю, пане. (*На бикъ*). Отъ тоби и дубы!.. (*Пишовъ*).

Пидгайн. Та заразь покличъ до мене Юрка.

Диброва (*скрыкнувъ*). Юрка? Ахъ! (*Захытався и впавъ*).

Орыся (зъ лямомъ). Боже мій!..

Пидгайн. Що, що таке?

Орыся. Не знаю... Тамъ, Петро Петровычъ...

Пидгайн. Що тамъ трапилось?

Прохоръ (пидбигъ до Дибровы). Погане дило, пане. Господняъ капольмейсторъ...

Пидгайн. (хутко иде до домка). Що зъ вами, Петро Петровычъ? Розступитесь, дайте витру... (Пидійма Диброву зъ Прохоромъ, Орыся и двирьски навкругы).

Диброва (ледве промовля). Слава Богу, що диждавъ... Прийихалы... Жыття мене покыдае... Путь пройдено.. Наставъ финаль... А Юрка... Ёго я пославъ по ликаря,—негнивайтесь...

Пидгайн. Вы малы на те право, за вищо-жь гниватысь.

Диброва. Спизнытся ликаръ... Арыстархъ Рафаиловычъ, простить... не догодывъ...

Пидгайн. Я завжди бувъ вами довольный.

Диброва. Свить въ очахъ гасне.. Де панна Орыся?.. Не бачу...

Орыся (пидходе). Я тутъ, Петро Петровычъ.

Диброва. Впovайте на Бога... Арыстархъ Рафаиловычъ, Юрко.. Талантъ надзвычайный.. Рады таланта, Богомъ заклынаю... Талантъ... (Помирае).

Пидгайн. Перомъ тоби земля, невтомный робитвыку... Однести-же небижчыка въ кимнату та прыберить ёго въ Божу дорсгу. Вартоломею! Заразъ послатъ до пона, щобъ ударывъ у дзвинъ по помершому; дякъ щобъ заразъ ишовъ чытаты псалтыря. Скажы, щобъ трое день по селу не чутно було ни спививъ, ни танцивъ, бо це престабылась правдыва и щыра душа!.. (Иде).

Орыся (падае батькови на плече). Охъ, я слизь здержаты не можу!..

Пидгайн. Поплачъ, заплачъ... Винъ стоить того, щобъ ёго оплакаты!..

З а в и с а.

ДІЯ 3-я.

*Садъ. Зъ правого боку бесидка цусто заросла виноградомъ, по середыни тополева доріжка, зъ ливого боку на першымъ плану прычылонъ панського будынку. Вынизу у подвальнымъ этажи не-
вельке виконце зъ залізными ґратками.*

Я в а 1-я.

Сохвія, Палажка и Хлопецъ.

Сохвія (у викни). Бигай та скажы мойй сестри Присьци, що я вже четвертый день сыжу въ лёху замкнена.

Хлопецъ. Заразъ побижу. (*Побизъ*).

Сохвія. Невже Мокрына мени набрехала про панночку? За вищо-жъ вона пидвела мене пидъ панській гнивь? Пиды, роспытай ия, Палазю!

Палажка. Не пиду. Годи вже тоби зъ мене дурочку строить, не пиду!

Сохвія. Кажу-жъ тоби, що такъ любо панъ зо мною розмовлявъ, якъ зустріла я ёго на великимъ шляху, такъ прыгортавъ, цилувавъ, мылувавъ!.. Теперъ мене закнуто въ лёхъ, якъ злодійку, або душогубку!..

Палажка. Ось до речи, Якивъ иде,—ёго попрохай; а мене бильшь и не кльчъ до себе, не згожусь я тоби ни на яку псслугу, бо боюсь!.. Прощай! (*Побила*).

Я в а 2-я.

Якивъ и Сохвія.

Якивъ (пидходе до викни). Сыдышь пташко-кинарко? А чому-жъ голосно не спиваешь? Мене тежъ позавчора посадовылы, потимъ ослобонылы. Ослобонылы и не былы,—отъ такъ штука! Вартоломей и лозы намочывъ, и зубамы скрыпивъ... Що-жъ воно оце означа, що завжди былы, а теперъ не быють? Загадка, та ще и не проста! А тебе за вищо держать?

Сохвія. Не знаю, мени зовсімъ не втямки!

Яки вѣ. А я тобі скажу за вищо: панська ласка до порога, розумієш? Сёгодня ты любя, а завтра геть зъ очей!.. Вчора вапольмейстора поховали,—чула? Пивчи спивали, музика грали... Вси були зодягнени вѣ чорне, брузументы... Сумно, такъ сумно було!.. Пивчи и музыки плакали, зъ двирськихъ де-хто тежъ плакавъ... А спытай, чого вони плачуть? Неначе на цимъ свити краще, чы що? Я не плакавъ, не змигъ... Ще видтоди, якъ виддали мене вѣ обученіе у городъ, такъ ще видтоди выбыто зъ мене вси слёзы. Дома я бувъ у матери одычкѣ, пестованый; а хозяинъ попався мени катюга! Охъ, сколько винъ смылы зъ мене взявъ, ажъ страшно згадать!.. Мене двичи зъ петли выратовували... Спасыби, одынь пидмайстерный навчывъ. Каже: „выпый, Яшка, и не буде такъ бійка дошкулять!“ Зъ того разу я почавъ пыть, зъ чотырнадцаты лить пью... Чымъ бильшъ мене хозяинъ бавъ, тымъ бильшъ я пывъ. Вернувся я зъ обученія и думавъ покынуть горилку, ажъ и тутъ за грубянство мене зразу выхворостылы такъ, що зъ мисаць прокачався... Видтоди я що дня залываю за галстукъ. Давно залываю; мене бють, деруть, а я залываю за галстукъ!.. А теперъ ни вчора, ни позавчора мене не были. Правда загадка?

Сохвія. А панъ вчора бувъ на кладовыщи?

Яки вѣ. Бувъ. Такой сумный!.. Помремъ вси... И я помру, и панъ помре!.. Може панъ того и сумовавъ?.. Сумуй не сумуй, а не одвертышся. Я згоденъ хочъ и заразъ руки скласты. Нема мени кого покыдати, нема за кымъ и жалкувати... И за мною нихто не пожалкуе. Стало быть кругомъ бвуть. Тилько одна думка ще цикавыть мене: що буде, якъ люде й справди диждутся воли? Подуріють, покажутся!.. Хотивъ-бы я хочъ одынь день дыхнуты волею, а тоди вже и вмерты!..

Сохвія. Вы чулы про панночкыпъ грихъ?

Яки вѣ. Про який грихъ?

Сохвія. Невже вы ничего не чулы?

Яки вѣ. Ни!..

Сохвія. А панна не хвора?

Яки вѣ. Здоровисенька,—сёгодня їи бачывѣ. Правда що вчора на кладовищи їи не було...

Сохвія. Де заразъ панъ?

Яки вѣ. Пойихавъ до кого-сь у гости, ще вчора на ничѣ.

Сохвія. Якове, зробить мени одну ласку, я знаю—у васъ щира душа!..

Яки вѣ? Горе мени зъ тією душою. Отъ колы-бъ мени Вартоломеева душа.

Сохвія. Зробите?

Яки вѣ. Зроблю дви, або й тры. Кажы, яку?

Сохвія. Мени треба бачыты бабу Репыху. Нате вамъ ось карбованця, виднесить Репыси и скажыть, щобъ заразъ прыйшла сюды.

Яки вѣ. Чы ты не чарувать часомъ задумѣла пана? Я не згоджуюсь на такую послугу. Правдою все зроблю, а брехнек ни. Мій вхвалъ такой: по правди робы, по правди й очи вылизуть.

Сохвія. Бороны мене Боже, чаруваты!.. Ни, мени треба правды довидатысь про одне дило.

Яки вѣ. Гляды, не обдуры мене. Пиду и заразъ прытаскаю тобі Репыху. Слухай, Сохвіе! Ты може хочешъ втыкты, такъ я тобі и безъ бабы дамъ пораду: сокыра, або терпугъ—и на воли!

Сохвія. Спершу треба зъ бабою порадытысь!

Яки вѣ. Якъ знаешъ. А я тобі и шляхъ покажу, куды и якъ втыкаты. Ну, пиду по бабу. (*Взявъ карбованця и нишовъ*).

Я ва 3-я.

Дося (*иде черезъ садъ*). Що це и доси не видко Репыхы? Видколы панночка їи дожидають... Може дытя заслабло? Якъ на голкахъ мы зъ нянькою день и ничѣ. И колы цѣму край буде?

Сохвія. Здрастуй, Досю!

Дося. Цуръ тобі, якъ злякала!

Сохвія. Пидійды ближче.

Дося. Чого?

Сохвія. Боишся?

Дося. Кого?

Сохвія. Вартоломея.

Дося. Ну, це ще хто ёго зна, хто тутъ старший—чы Вартоломей, чы мій дядько бухветчыкъ?

Сохвія. Чы вже панъ довидався про панночкынъ грихъ?

Дося. Про який грихъ? Слухай, Сохвіе! Я тобі не титка Мокрына,—отъ що. У мене языкъ коротчий... Може бувъ грихъ, а теперъ ёго нема!

Сохвія. Хиба панночка задавила дытну?

Дося. Тыпаты тобі ца языка, бешыха тобі на мордяку!.. Ачъ, зъ якого краю забигла!.. (*Хутко пишла*).

Сохвія. Ага!.. Ёе грихъ, ёе!..

Ява 4-я.

Вартоломей и Сохвія.

Вартол. Такъ онъ яка новына: Юрко втякъ! Я такы завжды, якъ гляну було на нёго, заразъ такъ и подумаю: втиче! И отъ на мое и выйшло!

Сохвія. Вартоломею!

Вартол. А дали якъ? (*Одвертається*).

Сохвія. Це вы такъ зо мною поводитесь?

Вартол. А ты-жь хто така? (*Дывиться*). А, я й не пизнавъ вашого свыннательства, wybачайте!.. (*Кланяється*). Така примитна парсона, а я й шапки не знаяв... Ще разъ wybачайте!

Сохвія. Такои честы диждались?

Вартол. Кому честь, а кому й по потылицы. Я їй руки цилувавъ, а вона онъ якъ мени виддячыла!.. Що ты таке панови наплела, що вони тебе зненавидили,—га? Дубкы выпрохала? я тебе теперъ тежъ ненавыжу!.. Я тобі дубкивъ по вику не забуду!..

Сохвія. Воно мабуть и завжди такъ, що при лыхій годни й приятили стають ворогами!..

Вартол. Ну-ну, ты мени такого не кажи!.. Доки ты була пановою полюбовницею, доты я тебе й почитувавъ, а теперь якъ ты панови спротивылась, то й я тобою гыдую, по всій хворменій правыи гыдую!.. Ось постривай, завтра мы тебе зодягнемо у нистреву спидныцю та въ лычаки, обмажемо косу смолою, ще й пирьямъ прысыплемо, якъ колысь Присьци, та й гайда на хутирь гындычатъ та гусать доглядаты.

Сохвія. Та швыдчъ удавлюсь, нижъ дамся на знущання!.. Не диждете!..

Вартол. Побачымо. Будуть тоби дубки не разъ гыкатысь! (Пишовъ).

Сохвія. О, шроде, выпортку чортячий!

Ява 6-я.

Якивъ, зодомъ Репыха.

Якивъ. Сохвіе, плачешъ?

Сохвія. Не до плачу мени. Де баба Репыха?

Якивъ. А я, Сохвіе, выпывъ... Осьдечкы и видьма повзе.

Репыха (*Выходе*). Самъ ты видьмакъ.

Якивъ. Дывы, дывы, якъ очи вырячыла!.. Хочешъ мене стрискаты? Чортового батька, вгрызешъ!..

Репыха. Скаженнымъ бувъ змалку, такимъ zostався и до останку.

Якивъ. Я не гадючого кодла, то-жъ гадюка миняе шкуру... Пиду бунтовать!.. Бый шкуру барабанную, на те вона и шкура! Пидмочуй та дужчъ выколочуй!.. (*Пишовъ*).

Репыха (*Сохвіи*). Це-жъ за вищо на тебе напасть? Була полюбовницею, теперь стала колодницею?..

Сохвія. Лыхо не по деревьяхъ ходыть, а по людяхъ... Рятуйте мене, бабусю!

Репыха. У чымъ-же ты провиныла?

Сохвія. Скажете вы мени правду?

Репыха. Чы людську правду, чы Божу? У котрій хати правда стоить за порогомъ, тамъ їй и на языци нема мисця... Божу-жъ правду кажуть тилько одному Богови...

Сохвія. Мени вы скажете правду?

Репыха. Яку зручно, таку й скажу.

Сохвія. Скажите мени про панночкынъ грихъ.

Репыха (*жახнулася*). Якый грихъ?

Сохвія. Де панночкына дытына?

Репыха. Ты певно збожеволила? Цуръ тоби, пекъ!.. Тикаты видъ тебе мерщій!..

Сохвія. Ага, ховаєте очі?.. Мокрына казала!..

Репыха. Бодай Мокрыни послышыло!.. Брехня, симсотъ-десять сотъ разъ брехня!..

Сохвія. Докажу я, на всихъ докажу, не виховаєтесь!..

Репыха. Навиженна, непрыторена!.. На тоби твого карбованця, хай ему врагъ! Брехня, симсотъ-десять сотъ разъ брехня! (*Кинула въ вѣкно гроши и пишла*).

Сохвія. Ёе, ёе грихъ,—я певна въ тимъ!.. Шовдчъ вызволытысь треба зъ лѣху!..

Я в а 8-я.

Прохоръ и Сохвія.

Прохоръ (*Подаетъ въ вѣкно Сохвіи пирогъ*). На! Сестра прислала тоби пирога, тилько нікому не кажи, що я приніс, —чуєшь?

Сохвія. Дядьку Прохоре! Чы пам'ятаєте вы, що я була до васъ доброю?

Прохоръ. Пам'ятаю и николи не забуду. Добра я николи не забувавъ. Ты завжди мене частувала... молодця!

Сохвія. Я дамъ вамъ пять карбованцівъ, ось нате карбованця на завдатокъ. (*Дає*).

Прохоръ. (*Дивиться на гроши*). Справди, карбованецъ.

Сохвія. Допоможить мени утикты звидци.

Прохоръ. Хи!.. (*Ажъ присівъ зо страху*) Втикты? Таке страшне кажешъ.. Пять карбованцівъ даси?

Сохвія. Прynesить мени сокыру, або терпуга.

Прохоръ. Я прynesу сокыру, або терпуга, а ты вызволишся, потимъ якъ тебе ушіймають—выкажешъ на мене?

Сохвія. Щобъ я не диждала святаго причастя, щобъ мене земля не приняла, колы выкажу!..

Прохоръ. Дасы, кажешъ, ще пять карбованцивъ, чы зъ оцымъ пять?

Сохвія. Дамъ шить ще!..

Прохоръ. Ого! Колы такъ,—стій!.. Я заразъ прynesу и сокыру и терпуга!.. Та якъ же ты втечешъ? Я цилый вихъ збираюсь у бига и вже скільки разивъ зовсимъ бувъ зибрався, а отъ ни разу не втикъ. Якъ люде втикалы, дакъ и мене що-разу пидмовлялы, а я такы не втикъ... Разъ умовылы такы, й я зайшовъ зъ нымъ ажъ за село... Колы це раптомъ неначе що поперебывало мени ногы, ей-ей!.. Не можу зъ мисця ступыты!.. Чы не штука—скажешъ? Упавъ на шляхъ та й кажу: що хочте робить зо мною, а дали не пиду. Вони вылаялы мене гарненько, ще й быть хотылы, та не було часу... Вони пышылы, а я полежавъ-полежавъ на шляху та якъ схоплюсь, акъ дремену назадъ, въ село!.. Отаке бува зъ людыною!.. Гляды-жъ—симъ цылковыхъ!.. (*Пишовъ*).

Сохвія. Вызволюсь и всихъ выведу на свижу воду!.. И Вартоломееви утру носа.

Я в а 9-я.

Репыха и Орыся (проходятъ въ бесидку).

Репыха. Кажу-жъ вамъ, що такъ и галаснула „докажу, на всихъ докажу!“..

Орыся. Що, жъ, нехай доказуе... Не сёгодня—завтра выявится... Бабусю! Якъ тилько смеркне, прynesи мени сына; якъ я ёго не бачу, то мени ввыжається, нибы винъ померъ, або занедужавъ...

Репыха. Не бійтесь, живисенькый-здоровисенькый!..

Орыся. Я хочу ёго бачыты. Зъ учора шнёго вечора не бачыла ёго и скучыла,—прynesи!..

Репыха. Охъ, либонь слидекують вже де-котри.

Орыся. Що буде, то буде—принеси! Я не могу такъ довго ёго не бачыты!..

Репыха. Ваша воля... Зустрічайте жъ насъ въ кинци дорожки, на мистку! (*Пшла*).

Орыся. (*Сама*) Ни, треба все ще скинчыть и якъ найскорішъ: я мушу все выявыты отцеві—нехай судыть мене... Дали терпты нестача здоровья... Надломалась мои силы, знемоглась я, знервничалась... Де-жъ сыль визьму для боротьбы зъ тымъ, що попереду мене чека?.. Може отецъ вже догадується, може и винъ мучытся?.. О, певно! Учора обмовыся: „якъ-бы, каже, було тому правда, що мени про тебе набрехали“.. И такъ страшно и жалибно глянувъ на мене!.. Догадується, певно догадується!.. Ну, що-жъ, нехай!.. Колы-бъ Репыха швидче принесла сына; мій сынъ буде зо мною и я сразу оздоровшаю, и страхъ, и соромъ одлыне видъ думокъ... Що я вчыныла соромливого, що вдіяла страшного?.. Хиба серцемъ любыть грихъ, хиба серцемъ любыть соромъ?.. Ни, я не гришна! ни, я не преступна... Тилько покохала я не ривню, и хиба въ тымъ мій соромъ, хиба въ тымъ мій грихъ?.. Чый судъ справедливищый и чьёго суда я повинна страшытысь—людського, чы Божого? Я-жъ не задавила мого дытаты и не струила, и не видреклась я видъ нёго, и не кинула ёго въ прырву, якъ слипе щеня!.. Бога-жъ я тымъ не прогнывила!.. А людський судъ?.. Нехай люде судаты, нехай отецъ мене судыть,—Богъ за мене! Ухылятысь и выховуватысь дали нема змогы!.. Я повинна швидчъ признатысь, щобъ жыты вкупи зъ сыномъ, рады сына!.. Ёе ще у мене тяжкый обовязокъ: я мушу Юрка обороныты видъ отця,—надъ нымъ отецъ може проявыты свою владу въ страшенній сылы!.. Ось передъ чымъ я обезсылюю, падаю духомъ... А може отецъ пожаліе мене, пожаліе мого сына, може змылуется надъ Юркою?.. Я-жъ одна у отця!.. Одна!.. (*Заплакала*). Охъ, таточку-жъ мій риднесенькый, пожалій же свою безшасну едыначку!.. Де-жъ ты барышся? Прыбудь же мерщій до-домоньку, пожалій ты свою доненьку!..

Я в а 10-я.

Дося и Орыся.

Дося (*вбѣгаетъ въ хоромины*). Паниночкѣ! Паниночкѣ! Пришлихали зѣ гостей и таки сердити. Мабуть багато грошей програты!...

Орыся. Пришлихали?.. Досю! На вищо ты розсказала людымъ? Не добра ты!..

Дося. Я-жѣ тилькѣ Мокрыни.

Орыся. Не хороше ты зробила!..

Дося. Вонны-жѣ мени титка.

Орыся. Не хороше, не хороше!.. (*Прыслушается*). Тативъ голосъ... (*На бѣжѣ*). Чы теперъ прызнатись, чы згодомъ?.. (*До Доси*). Досю! Бѣжи до бабы Репыхы, скажи щѣбъ швыдчѣ несла мени сына!..

Дося. Ще-жѣ рано, постережуть... Нехай, якѣ смиренѣ!..

Орыся. Ни, пора! Ходимъ до мистка, може вже вона несе? (*Пышлы*).

Я в а 11-я.

Пидгайный и Вартоломей.

Пидгайный. (*На балкѣни*). Такѣ въ городѣ Юрка нема?

Вартолом. Нема!.. Я завжди думавъ, що Юрко неодминно втиче; було гляну на нѣго та й кажу собі: втиче!..

Пидгайный. Не повинно-бѣ?.. Гмѣ! (*Шомовчавъ*). А ты набрѣхавъ мени, що въ хозяйствѣ все благополучно!

Вартолом. Якѣ? Благополучно, именно благополучно по всѣй хормѣ и какуратно...

Пидгайный. Адже вилъ рябый здохъ?

Вартолом. Тошно, що одѣйшовъ... Богъ ѣго зна, зѣ чого вичѣ: чы павука зѣйвъ, чы такой росы вхопывъ?

Пидгайный. И лошацы що одѣ каплоухѣи?

Вартолом. Тошно... росчахнулася... ожеледѣ... пидскобзнулася... Куповалы цыганѣ, давалы девѣять карбованцивъ, такѣ управляющѣй не продалы.

Пидгайн. А лошакъ видъ буланой?

Вартол. А, лошакъ?.. То вже звисно... Проты нѣго й чоловикъ сылы ни которой... Ежели не злюбить, зведе усяку товарьну, хорменно зведе!..

Пидгайн. Що ты варнякаешъ?

Вартол. Це вже кого завгодно спытайте.. На те винъ хозяйинъ.

Пидгайн. Якый хозяйинъ?

Вартол. Домовый, стало быть. Сказать прямо, не злюбывъ лошака и затыривъ ёго у ясла... Я скилько разивъ казавъ управляющему: убийте, кажу, пожалуста сороку. Высилабъ на бантыни сорока—не посмивъ-бы...

Пидгайн. Про яку ты мени сороку торочышъ, чортова вэрона.

Вартол. Та я хочъ и присягну!.. Не прыступе тоби, ни за що не прыступе, якъ сорока выситыме на бантыни.

Пидгайн. Не мишало-бъ тебе повисыты на бантыни, щобъ трохы одтухъ...

Вартол. Я старався, ночей не досыпавъ, хлеба не дойидавъ...

Я в а 12-я.

Ти жъ и Якивъ.

Якивъ. (*За лаштунками*) Бый кожухъ—буде теплищъ, бый мужыка—буде дурнищъ!.. (*Побачивъ Пидгайного*). Здравія желаю, зъ похмилля помираемъ! Вы панъ нашъ, а мы пидданьки ваши; а колысь прыйде воля и усмихнется доля!.. А докы воли нема, пане, звелить Вартоломієви спустыть мени кровъ, бо бунтуе!.. Бый шкуру барабанну!..

Пидгайн. Зновъ назюкався?

Вартол. (*Тыхо*). Винъ тутъ безъ вашей мылости що дня напивався, та все про волю бекавъ, бунтовавъ!.. Прыкажить сыпать ёму 25-ть.

Пидгайн. Чы не свербыть у тебе спына?..

Вартол. (*тыхо*). Винъ бунтары!..

Пидгайн. Мовчы!

Яквивъ. Ваше высокоблагородіе! Кажуть, що Юрко втикъ? И добре зробывъ!... Це я ёго навчывъ втикаты: втикай, кажу, и шабашъ!.. Ториякъ Дмитро втикъ, Петро каларнытысть, а й тихъ навчывъ. Втикайте, кажу, хлопци!..

Пидгайн. (*Вартоломею*). Скажы, щобъ ёго взялы звидци!

Яквивъ. И щобъ выхворостылы!

Вартол. Гей, визьмить ёго! (*Два чоловіка пидбигаютъ до Якова и берутъ ёго*).

Яквивъ. Бый шкуру барабанную!.. Вартоломею! Я й тебе навчу, якъ втикаты!.. Барынь!.. Прикажить Вартоломееви, щобъ лозы намочывъ та видличывъ.

Пидгайн. Замкнить ёго зновъ въ лѣхъ!

Яквивъ. А бытъ и не треба? Отъ такъ штука: ведутъ и не быють!.. Я такъ не согласенъ!.. (*Ею повелы*). Бый шкуру!... (*Спица*).

Куды мене поведете?

Пидъ лотокы.

А що мени постелыте?

Снипъ осоки!...

Пидгайн. (*до Вартоломея*). Визьмы двоухъ чоловікъ и йидь шукать Юрка. Тилькы я тоби Вартоломею, забороняю ёго бытъ, —чуешъ? Щобъ ты и пальцемъ ёго не зачепывъ! (*Пишовъ у хоромы*).

Вартол. (*Здывовано*). Щобъ и пальцемъ?.. Що воно таке? Лыбонъ це и нашъ панъ, а нибы пе нашъ!.. Яшку не звелилы бытъ, Юрка щобъ и пальцемъ не зачепыты... (*Пишовъ дывуючысь*).

Ява 13.

Прохоръ и Сохвія.

Прохоръ (*дае Сохвіи терпура*). На, вызволяйся! Тилько намъятай, що висимъ карбованцивъ, —чуешъ? (*Пишовъ*).

Сохвія. Колы-бъ швидче вже смеркало... (*Почына пылять ыраткы и прислухатысь*). Охъ, клята неволе! умицны мои

сылы, допоможи вызволытысь, а воля насталыть мій розумъ и загартуе помсту!.. (Смеркає. Въ аллеі з'являються Репыха, Орыся и Дося. У Орыси дытына на рукахъ. Дося иде въ хоромы, а Орыся и Репыха въ бесидку).

Я в а 14-я.

Репыха и Орыся.

Орыся (сида у бесидци). Мое анголяточко, мое немовляточко! О, колы-бъ змогло промовыты,—ты-бъ найкраще и найщирше порадыло твою маму!.. (Туле дытыну до серія). Охъ, якъ же хороше мени зъ тобою, мій едынчыку!.. Якимъ чаривнымъ тепломъ зогриваєшь ты мене!.. На вищо-жъ я зъ тобою, моя дытыно, такъ надовго розризняюсь, на вищо видаю тебе чужымъ людямъ, въ чужу хату?.. Чому жъ ты, мій сыночку, мусышь буты не въ свой, а въ чужій хати? Осьдечкы-жъ и наша хата, а тебе въ ній нема!.. Голубяточко мое! Тулю тебе до серця и серце трипоче, радіє, сповняєся сылами й надіями!.. Та чи довго-жъ я ще крадькома тулытиму тебе до лоня, выхуватиму по закуткахъ таємныхъ?.. Охъ, не сыла-жъ моя бильшь розризнытысь!..

Репыха. Не сыла, та мусыте!..

Орыся. Та я-жъ зтеряюсь безъ тебе, занедужаю, помру, Колы ще хочъ на день розризнюсь зъ тобою!.. Та що-жъ я за мать буду, колы видъ тебе видречусь? Нехай-же иде сюды отецъ, нехай вси идуть, я пры всихъ голосно вымовлю, що ты мій сынъ!

Репыха. Що бо вы говорыте? А соромъ, а глумъ?

Орыся. Я швыдче переможу соромъ и глумъ, нижъ розлучення зъ моимъ сыномъ!

Репыха. Розлучення легче перемогты, нижъ те, що воно и доси не хрещене? Колы-бъ ёго намъ у хрестъ увести? А то якъ, бороны Боже, обминуть у ночи!..

Орыся. Хто обминуть?

Репыха. Не знаєте, хто? Я цилисеньки ночи не сплю та все стережу, всю колысочку хрестыками та божками обвишала...

О р ы с я. Я не пойму, про вищо вы кажете?

Р е п ы х а. Адже розказують, що отугъ десь неподалечку, та черезъ якийсь тамъ случай не вспили дытны охреститы,— все бачте видкладали зо дня-на день,—ажъ воно прийшло якъ-разъ о-пивночи, якъ вси хатни послулы та й переминило... У равни дивляться, ажъ замисць дытны—лежыть въ колысци немовъ кошени, або немовъ цуцени, щось таке... А цытьте, що воно? Чуете, нибы щось стукнуло? (*Прислухается*).

О р ы с я. То вамъ вчулося!..

С о х в і я. (*Вылазитъ кризь вишко*). У бесидци панна и Репыха!.. А що то у панны на рукахъ? Дытна!.. (*Побила въ хоромы*).

Р е п ы х а. Давайте вже мени парубка, пора намъ и до дому. Хто ёго зна, якъ мы греблю перейдемъ, що вже зовсімъ стемнило, а воно не хрещене... У до-свита зновъ прийдемо въ гости, а теперъ провести насъ до мистка.

О р ы с я. Пойдите ще!..

Я в а 15 я.

Ти-жъ, Пидгайный и Сохвія.

С о х в і я. (*Показуе*) Ондечкы, въ бесидци!

О р ы с я. (*Побачыла*) Татко?!

Р е п ы х а. Давайте мерщій дытну!

О р ы с я. Пизно вже! (*Репыха зныка*).

П и д г а й н. (*До Орыси*). Такъ тому правда?

С о х в і я. Бачыте, паве, що я не сплетныця!..

О р ы с я. Сохвіе, геть звидци!.. Мижъ батькомъ и дочкою полжбовныця не свидокъ!.. (*Сохвія зныка*).

П и д г а й н. Такъ ось воно що?

О р ы с я. Я передъ вами зъ усією моею проввною!..

П и д г а й н. Такъ ось якъ ты виддячыла за выховання и все пеклування! А де-жъ герой цёго срамотвёго роману, де винъ? Сховала? О, хамъ, гадына!.. Я-жъ на нёму помщусь за весь мій соромъ!..

О р ы с я. Я одна винна! Помщайтесь па мени одній!..
Клянусь могылою матери—одна я винна!..

П и д г а й н. Не смій тревожить праха твоеи матери. Твоимъ гыдкымъ вчынеомъ ты заплямыла ёго на вины.

О р ы с я. Вы булы завжды святи передъ моею мамою не тилько писля ии смерти, а й пры жызни?

П и д г а й н. Ты смієшь мене докораты? Геть зъ очей моихъ!

О р ы с я. Правомъ батька, сылоу державця, чы владоу рабовладильця вы користуєтесь, що прогоняете мене?

П и д г а й н. Ты... ты найлютищій мій ворогъ!.. Ты потаскуха!.. *(Вхопывся за голову)*.

О р ы с я. Потаскуха?! Вы осмиляєтесь такъ ображаты мене? Вы потаскухою мене звельчали... А хибя въ мене нема сылы й права сказаты вамъ, що то неправда? Ни, йе Богъ—моя сыла и право! Я не потаскуха!.. Вертаю вамъ це слово!.. Що я непокирлыва, невдячна, своевольна—все це може й правда, тилько я не потаскуха!.. Я не виддала мого дытыны людамъ, не видреклась видъ нёго, не струила ёго и не задавила,—совість моя свитла передъ Богомъ...

П и д г а й н. О, краще—бъ ты не родылась на свить Божий!..

О р ы с я. Вамъ про це зручнишь знаты!.. Ну, сыну, жевуть насъ,—ходимъ, пора!.. *(Дытына zaczyna плакати)*.

П и д г а й н. А, цей мени пысь!.. Стій, вуды ты? Дытыничымъ плачемъ згвалтуєшь всю двирю!.. Ничъ вже!

О р ы с я. Теперь мени и въ-ночи вси шляхы видни!

П и д г а й н. Такой соромъ, такой позоръ!..

О р ы с я. Не плачь, сыну! Дамо слёзамъ волю, якъ опынымось на простори—мижъ небомъ та землею. Прощайте, тату.. на вины... *(Захыталась и вхопылась за стовбъ; дытына падає зъ рукъ)*.

П и д г а й н. *(Пидхоплює дытыну)*. Божевильна, ты вбьєшь дытыну!.. Що зъ нею? Гей, нянько!.. Нянько, скорій сюды!..

Я в а 16-я.

Ти-жъ и нянька.

Нянька. Я тутъ, ваша милость.

Пидгайн. Визьмы ось цѣго... вылупка!.. (*Дає їй дытину*). Це ты, ты вынна! Це ты такъ доглядила!.. (*Пиддержує Орысю*).

Нянька. (*Взяла дытину*). А вже-жъ що я! Хто-жъ бидьшъ и выненъ, якъ не я? Я була що-разу вынна и за покійну пани, котру виглядила и выпестыла. Вы мене й за неи докорялы, а теперъ...

Пидгайн. Мовчы! Принеси мерщій воды... (*Нянька побила и черезъ мыть вертається зъ шклянкою зъ водою*) Вона не дыше!.. Ось до чого своя воля довела!.. (*До няньки*). Жыва, дыше... Мерщій постиль прыготуй!..

Нянька. Такъ-бы и спочатку, а то хвору, немощну дытину дориваты почалы... Їй и такъ сердешній тяжко!..

Пидгайн. Мовчы, беззуба!.. Тебе годылось-бы провчыты!.. Доглядила?

Нянька. Треба-жъ вамъ на комусь злисть зирвать, а то и йижа не така смашна буде,—то вирвить на мени...

Пидгайн. А, замовчы!.. За ливаремъ треба-бъ... Прыйдеться привселюдно выявыты хатній соромъ!.. А помы що, за бабкою якою послаты? Яка у насъ бабва найкраща?

Нянька. Яка-жъ, якъ не Репыха? Найкорыстнищи ливы будуть, якъ вы прыголубыте їи й пожаліете.

Пидгайн. Вчы, вчы мене!.. Поможы несты!.. (*Несуть Орысю*) О, такой каламутъ! о, таке поворыще!.. (*До няньки*) Та хочъ нікому не розбовтуй!..

Зависа.

ДІЯ 4-я.

*Писчаный берегъ Днипра. Кущи, лозы, дали очереты. Въ улы-
быни рыбаьскый куринь и неводы; бьжше примистъ до порома).*

Я в а 1-я.

Васылъ и Семень.

В а с ы л ь. (*Пидплыва до берега*). Дно, дно! Я намадавъ ногою дно, ставай смилыво!

С е м е н ь. (*Пидплыва*). Невже переплывы! Слава Господеви!.. (*Выходе на беригъ и важко дыха, дали сида; на ногахъ у нёю пута*).

В а с ы л ь. (*Выходе зъ воды*). Спочынь, докы я знайду каменюку; розибьемо кайданы та й заразъ майнемъ, бо тутъ довго засыжуватись не безпечно. Генъ-генъ тамъ, у плавняхъ, спочынемо та на всю ничъ и дремонемъ у Херсонщину. Мени тутъ уси шляхы знаёми. (*Шука*).

С е м е н ь. (*Ледве дыха*). Охъ, якъ сердце стука. На середыни якъ пидхопыло мене быстрее,—я ажъ злякавсь... Думаю, закрутыть, потягне на дно,—тутъ мени жаба и пыть дасть... Почавъ вже „отчу-нашү“ проказуваты. А що воно за курени?

В а с ы л ь. (*Несе камня*). Рыбальски. А ну, попрубуемо ланцюга, чы мицно загартованый? (*Почына розбывать*).

С е м е н ь. Може-бъ не тутъ, а дали, що курени близько?..

В а с ы л ь. Та промижъ рыбалоць нашего брата-бурлачнй сыла; а що въ Херсонщини та въ Бессараби, такъ тамъ однымъ нашимъ братомъ тилько и рёблять. У рыбалоць тилько ничего не зачипай, такъ и воны тебе не зацеплять; а пидцупышь що—бытымуть, доженуть и виддубасять!.. Воны завжды на ничъ билия курина кладуть окраецъ хлиба, а часто й кулишу зоставляють, щобъ який мандривецъ погодуватися...

С е м е н ь. И що воно зъ тымъ човномъ сталося, що винъ розвалився?

В а с ы л ь. То не човенъ, а душогубка проклята! Лытвынкы кинулы якъ ничемную, а мы поласалыся на неи. Докы за водою плывы—держалося, а якъ повернули проты воды—такъ и розвалылося. За себе я певенъ бувъ, що выратуюсь, а за тебе, що ты въ зализахъ—страхъ боявся!

С е м е н ь. Ге, я ще змалку здорово плаваю. Якъ бувъ ще за пиднасыча били панського явивныка, то якъ приженемъ було явивныкъ на тырло, то я якъ улизу въ ставокъ, та плаваю ажъ до полудня... Я можу й горылыци, и зъ вымахомъ, и бокаса, и стовбуна... А що пурынаю, такъ бывало черезъ увесь ставокъ перепирну!..

В а с ы л ь. А за що це тебе спутали?

С е м е н ь. Хотили у москали запакуваты, а я и втикъ.

В а с ы л ь. А я, братъ, вже шостий разъ втикаю. Пять разивъ втикавъ все весною, а це попробувавъ ще въ осени. Мени дома не сидытся... (*Розбывъ ланцюгу*). Готово! Иды-жъ, ланцюже, къ чортамъ на вырынкы!.. (*Жбурля въ ричку*). Якъ тилько весною зазеленіе по проталынахъ травця, якъ тилько защебече жайворинокъ, то такъ мене и занудить мандрипка. Хотили мене батько оженыты и дивчыну вже посваталы, и такую дивчыну акуратну... Завтра-бъ намъ до винця йихаты, такъ я й пишовъ у-вечери до неи. Сыдымо мы соби, балакаемо, ажъ чую хтось спива:

Та немає въ свити гиришь никому,

Якъ бурлади молодому..

Мене неначе щось невыдїме такъ раптомъ и видсунуло видъ неи. Глянувъ на дивчыну и нибы вже то не та, а якась друга... Дывывсь, дывывсь я на неи, а дали и кажу: „гарна ты дивчына, та не тоби я женишына“. Тоди прожогомъ видъ неи. Оглянувся вже, якъ наша дзвиниця ледве майчила... Отаке! Пора памъ пидгудуваться та й мандрувать дали. А де-жъ твоя торба?

С е м е н ь. На-жъ тоби—згубывъ! Отъ и пиджывылысь пирогами, що маты дали на дорогу. Певно, мотузка перервалася и торба пишла на дно.

В а с ы л ь. У мене тилько и йе шматокъ цвилого сухаря, та ложка. (*Выйма сухарь и ложку*).

Се мен ь. Та й у мене засталася тилько ложка, та голѣднѣй живить.

В а с ы л ь. (*Грызе сухарь*). А добрячий сухарь,—якъ брусъ! скилько у води мокъ—и не розмокъ. Мабуть винъ позаторишнѣй? Посѣрбаемо хочъ водыци замисць борщу. Ов-ва! (*Маца въ кышени*). И соли нема, а ни дрибка!

Се мен ь. Безъ соли не кортитыме пыты и згага, не пектыме.

В а с ы л ь. На-жъ и тоби половыну, пиджывысь. (*Перебыва каменемъ сухаря и дае*). Я вже не вперше такъ обидаю. (*Бере зъ рички ложкою воду и зайида сухаремъ*). А правда, тутъ смачна вода?

Се мен ь. На воли и вода смачнища видъ борщу.

В а с ы л ь. Ця ричка тече зъ вильного краю, черезъ те и вода въ нѣй солодка. А цыть! Що воно гупотыть?

Се мен ь. (*Пиднявъ*). Сюды бижить щось киньмы!..

В а с ы л ь. Въ шелюгы мерщѣй, за мною!... (*Побылы въ шелюгы*). Падай на землю!.. (*Помовчавшы, пидводе голову*). Що воно? Трое коней, а одынъ тилько вершныкъ? Стѣй, це нашъ чоловикъ, ей-ей нашъ!.. А ну, гукну! Остане! О, оглянувся. Винъ и йе—Остапъ. Остане! Куды поснишаешъ, чы не на ярмарокъ?

О ста п ь. (*Гука*). А ты-жъ хто такый?

В а с ы л ь. Прыдывысь.

О ста п ь. Невже Васыль? Ты зновъ втикъ?

В а с ы л ь. А ты по якому былету?

О ста п ь. Стривай, розскажу,—ось тилькы коней прыпну.

В а с ы л ь. Щось мени и кони ци по знаку.

Я в а 2-я.

О ста п ь. Здоровъ! Давно тутъ?

В а с ы л ь. Оде свижѣ переплывы, бачъ и доси не обсохлы.

О ста п ь. (*На Семена*). А цей звидѣй?

Семень. Зъ Благодыровой.

Остапъ. По воли?

Семень. Ни, навздогипци за волею.

Остапъ. Стало быть, намъ по дорози? Ну, здоровъ!

(Чоломкаются).

Василь. Чы йиство у тебе йе яке?

Остапъ. Два хлиба и чотыри тарани.

Василь. А мы голодни!

Остапъ. Я васъ пидгожую. (*Хутко пишовъ за лаштунки*).

Семень. Выдко, що Остапъ друзяка.

Василь. Въ неволи найщырше товаришування.

Остапъ. (*Вертається зъ крайцемъ хлиба и двома таранями*). Натє, годуйтеся. Колы-бъ ты знавъ, Василью, якъ я уско-чывъ бувъ у капканъ.

Василь. Невже? (*йистъ*). Оце такъ хлибъ!

Семень. И таранъ ловка.

Остапъ. Прокрадався я въ ваше село, щобъ побачытысь зъ жинкою та дитьми, та наризався на самого пана. Бачу—не перелывкы. Упавъ на вколюшкы и ставъ прохаты, щобъ помылувавъ... Такъ винъ гукнувъ на людей и звеливъ забыты мене у зализа. Э, думаю; колы ты такъ зо мною, то я-жъ тобі не пиддаюнкъ. У-ночи продеръ стриху въ лѣху, въ який мене замкнулы, та въ конюшню,—бачу стоять гарни кони, такъ я замисць одній конякы—зачепывъ ажъ трое. Пройиздю поузь хомы, ажъ це панъ кризь викно й пыта: „а хто то йиде?“ „Це я, кажу, пане. Спокойной вамъ ночи, прыятного сна!“ Та якъ дремену... Вже свитаты почало, якъ я прыпынывъ коней, дойизжаючи до Днипра. А оце тилько що переплывъ...

Василь. Що-жъ ты теперь робытымешъ зъ кивными?

Остапъ. А те, що оце заразъ вси трое сядемо та й пойидемо, а тамъ десь коней продамо, и будутъ у насъ гроши. Колы товаришувать, то товаришувать по правди!

Василь. Оце—але!

Семень. Отъ спасенна душа!..

Остапъ. И ничого бильшь и часу гаяты,—пидгодувались такъ и гайда. (*Пишлы*).

Я в а 3-я.

Юрко и два гребця.

Юрко. (Зійшовъ зъ човна). Спасыби, що перевезлы. Ось вамъ и плата за перевизъ. (Дає гроши).

1-й гребецъ. Два семыгривенника, чы не малувато?

Юрко. Такъ-же, договорылысь.

1-й гребецъ. Що-жъ що договорылысь? Мало чого не бува... Договорылысь! Договоръ договоромъ... А правда, Андрію, що малувато?

2-й гребецъ. Ще-бъ не малувато?.. Воно якъ що той... неначе такъ що й зовсимъ малувато.

Юрко. Сколько-жъ вамъ набавить?

1-й гребецъ. Сколько-жъ?.. У такимъ, скажемо, випадку, то вже коженъ мусить тямить... Бачите, виходить такъ, що мы оце перевезлы, а щобъ якъ пиде дило на опыть, то й не знаемо, кого перевезлы?.. Звисно, опаска бере... Чы такъ, Андрію?..

2-й гребецъ. Авже-жъ... И опаска и началство... Якъ-же можна?.. Недзя!..

Юрко. Сколько-жъ, пытаю, набавить?

1-й гребецъ. Набигають бува, начальныкы, и берутъ опыть: „Што реблята, не перевозылы какого-такого?..“ А мы й не знаемо!

2-й гребецъ. Эге-жъ... А мы и не знаемо. Звисно, якъ-бы мы знали.

Юрко. Я жъ вамъ сказавъ, що я чыновныкъ.

1-й гребецъ. А чого-жъ воно неначе не выдко, щобъ вы булы чыновныкъ. Чы правда, Андрію?

2-й гребецъ. Не выдко... Выходить, сколько не вдывляйся, а не выдко...

Юрко. Вы грамотни?

1-й гребецъ. Богъ мылувавъ...

2-й гребецъ. Безъ надобности!..

Ю р к о. Якъ-же вы розберете мій документъ?

1-й гребецъ. Тамъ ѣе печати: одна зверху, друга зисподу.

2-й гребецъ. Безъ печативъ не можна. Началство приказуе, щобъ по печатяхъ...

Ю р к о. Такъ мы й до вечора не порозуміємось. Кажить, сколько вамъ набавить?

1-й гребецъ. А що, Андрію, якъ мы оце зв'яжемо ёго та й повеземо назадъ?

2-й гребецъ. А такы зв'яжемо.

Ю р к о. Що, зв'яжете? (*Гризно*). Та якъ вы смієте?

1-й гребецъ. (*Несмливо*). Ану, Андрію, берись за нёго.

2-й гребецъ. (*тихо*). Може у нёго падстолець захований, або шпага?..

Ю р к о. Ану-ну попробуйте.

1-й гребецъ. Якъ самы не подужаємо,—гукнемо ондечкы до куренивъ,—рыбалкы допоможуть.

Ю р к о. И я гукну,—побачымо кому допоможуть?

1-й гребецъ. Андрію, чы гукать?

Ю р к о. Гукайте, гукайте!

2-й гребецъ. А що якъ воно справди чыновныкъ?

Ю р к о. Ну, гукайте-жъ, або я гукну?

1-й гребецъ. Може й справди?

2-й гребецъ. (*Тихо*). Ще щобъ не крешувъ бува по зубахъ?

1-й гребецъ. Та вже дайте намъ якого тамъ грывенъка...

Ю р к о. Не стоило-бъ давати... (*Дае*). Соромъ вамъ отачекы робить, соромъ!.. А ще й людмы звуться.

1-й гребецъ. (*До другого*). Тикаймо.

2-й гребецъ. Прощавайте!..

Ю р к о. А якъ васъ звуть?

1-й гребецъ. (*Видступа до човна*). Якъ звуть?

2-й гребецъ. (*Сивъ въ човенъ*). Худчій Мытрохване!.. (*Коли першый гребецъ сивъ*). Ни, брате, не покурышь!.. (*Хутко поплылы*).

Ю р к о. Ачѣ, дряпизныкы!.. (*Помовчавъ*). Докы бувъ на тимъ боци, хапався переплысты, а переплывши, почуваю, якъ сумъ и отчай обступа мене... Одынокый, видкнутый далеко видъ усёго дорогого и ридного. И навкругы тутъ такъ сумно: писокъ, шелюгы, верболовъ... Витеръ гуде!.. А той беригъ якый зеленый, якъ тамъ сонечко ясно свите!.. Ондечкы й шляхъ, котрымъ я йихавъ, генъ повывся пидъ гору; а тамъ дали мижъ вербами то счезне, то зновъ стежечкою замаячѣе... Село Писчане мріе, генъ Ганивка... У Покотыловіи тилько крыла витрячкивъ маячѣть... А наше село тамъ десь далеко нибы потонуло въ сынїй имли. Я тутъ вольный, а душа моя немовъ закута въ тяжки кайданы!.. Та чы пережыю - жъ я розлучення зъ Орысею? А сына мого я й не бачывъ!.. Я тутъ стеряюсь, помру!.. (*Ухопывся за голову*).

Я в а 4-я.

Пысарь и десятникъ.

П ы с а р ь. Треба поспишаты до порома, бо вже ондечкы наближається. А докы що, зробимо й на цимъ боци опросъ.

Д е с я т н и к ь. Вы лыбонъ зовсимъ залылы слипы!.. Намъ же велено не зъ сѣгобочныхъ опыты брать, а зъ тогобочныхъ.

П ы с а р ь. Мовчы! (*Пидходе до Юрка*). А позвольте васъ спытатъ, хто вы будете?

Ю р к о. Якъ? А вамъ на вищо?

П ы с а р ь. Желая спросить.

Д е с я т н . (*Тыхо до пысара*). Та не чипайте! (*На бикъ*). Прийдется тягты ёго до Днипра та голову змочыть... (*До пысара*). Не чипайте-бо!

П ы с а р ь. (*Десятникови*). Ц-сь!.. Мовчать! (*До Юрка*). Хто вы такой и яке ваше званіе?

Ю р к о. Я чыновныкъ.

Д е с я т н . О, бачыте!

П ы с а р ь. (*До Десятника*). Ц-сь! (*До Юрка*). Чыновныкъ! Ого-го! Которого класса?

Ю р к о. Класа?.. Хиба вамъ не однаково!

Десяти. Та не присикуйтесь.

Пысарь. Не розсуждай! Розсужденіе положено власти, сиречь мени, а подчиненому единое повиновение! (До Юрка). Я тежъ чыновникъ. Який на васъ чинъ?

Юрко. Той... губернской регистраторъ.

Пысарь. (Радисно) Невже? И азъ въ тимъ же чини обритаюсь. Губернскихъ регистраторивъ не багато чыслытця на лице, льбонь на всю Россію насъ тилько двое и йе. Позвольте зъ вами почоломкаться. (Чоломкаются).

Десяти. Ну, якъ що той, то... (До Юрка). Доброго здоровьячка! (Простяга руку).

Пысарь. Осады подчиненіе и безмовствуй! (До Юрка). Де прохождение службы совершамы?

Юрко. Тамъ, де треба було.

Пысарь. А именно?

Юрко. Служывъ у Полтави... Годи вже балакаты, мени николы.

Пысарь. А знавали вы тамъ титулярного советника Никодыма Трыхвоновича Кулябку?

Юрко. Ни, не знававъ!

Пысарь. Не може быть. То бувъ чоловікъ—ума палата! А знавали вы коллежскаго ассесора Тыховія Васылывича Жарка?

Юрко. Не знававъ.

Пысарь. И Жарка не знавали? Та хто-жъ Жарка не знававъ? Мала дытына знала... А знавали вы?

Десяти. Ондечкы вже поромъ нидходять. Ходимте, я вамъ трохы намочу голову, бо вы вже здорово росхытались.

Пысарь. Пиды, намочы соби мордяку! Мовчы пивстоловый истуканъ!.. (До Юрка). А позвольте заглянуть у вашъ документъ?

Юрко. (Выйма корбваннця и дае). Ось вамъ.

Пысарь. Ага!.. Теперъ видко, хто вы... (Одходять зъ Десятникомъ).

Я в а 5-я.

*До примиста пидходе поромъ, зъ берега сунувъ людъ; на пороми
гра музыка.*

К у ч е р ь. Ондечкы нашъ панъ, а за нымъ цила юрба панивъ.

З а в о й к о. *(Глука зъ порома)*. Чы кони йе?

К у ч е р ь. Йе, пане!

З а в о й к о. А скилько тробкъ?

К у ч е р ь. Чотыри, пане!

З а в о й к о. И хургонъ йе?

К у ч е р ь. А якъ-же! Карета, натычанка, довгуша, шарабанъ и дви пидводы прости.

З а в о й к о. О, розмистымось вси! Панивъ въ окопажи, а музыкъ на просту пидводу.

Ю р к о. *(Вдыхается)*. Панъ Завойко! Колы-бъ мене не примитивъ? *(Одвергается)*. Пиду пидводу пошукаю! *(Иде)*.

З а в о й к о. *(Близить зъ порома)*. Юрку, пидожды.. Я тебе ще здалеку пизнавъ. *(За Завойкомъ идутъ паны, дали музыкы, народъ. Писаръ и десятники промижъ народомъ ходять и берутъ таповину)*.

Ю р к о. Охъ, халепа! *(На бикъ)*. Треба буты смилицымъ. *(До нею)*. Помыляетесь.. Вы мене не знаете.

З а в о й к о. Що, я помиляюсь? *(До гостей)*. Панове! Я васъ потишу дывомъ, якого вы ще й не чулы. Гей, а подайте сюды скрипку! Ось хто намъ заграе!.. *(Приносятъ скрипку)*. На, грай мени заразъ варьяціи: „Ой не ходы, Грыцю“... Або Варшавського марша заграй... Оцей, панове, грае—такъ грае!

Ю р к о. Кажу-жъ, що вы помыляетесь.

З а в о й к о. Винъ такъ грае, що я ажъ плакавъ!..

Ю р к о. Выбачайте, мени мема часу бавытысь..

З а в о й к о. Ни, Юрку, я тебе не пущу!.. *(Хана его за руку)*. Ты мени заграешъ. Не хочешъ гратъ Грыця, грай Кармалюка. *(спива)*.

Повернувся я зъ Сибири—
Нема жъ мени доли;
Ой здається не въ кайданахъ,
А все у неволи.

Юрко. Що це за напасть?

Деревьянка. (*Зъ підвезанимъ окомъ*). Слухай, не чипай-бо кожного!.. Може-бъ на два ока и мени винъ здався за Юрка...

Завойко. Та хіба-жъ це не Юрко?

Деревьянка. (*До Юрка*). Выбачте ему, винъ трохи підпильий!.. Зъ-п'яну трохи мени ока не выбывъ!..

Завойко. Юрку, це ты, чы не ты? Признайся!

Юрко. Це напасть!

Завойко. Ну, похожий же на Юрка, якъ колесо на колесо!..

Деревьянка. (*До Юрка*). Знаєте, якъ кажуть: звернуть дурній пьяному... Выбачайте,—мы вси „елько можаху“!..

Помпеенко. (*Гука виддала*). Ходимъ, ходимъ,—пора йхати!..

Завойко. Отъ штуки!

Помпеенко. Йдемъ, йдемъ, а то я такый, що розгниваюсь и заразъ назадъ голобли поверну!..

Завойко. (*До Юрка*). Ну й схожий же зъ Юркомъ якъ дви крапли горилки!.. Ты граєшь на скрипци?

Юрко. Зъ роду-вику не гравъ!..

Помпеенко. Огъ-же я вернусь на порома!

Завойко. Ну, якъ що такъ, то выбачайте! Гей, музыки! Грайте марша!.. Трумъ, трумъ, трумъ!.. (*Бере підъ руку Деревьянку*). Ходимъ, канцуре, я тобі друге око підобью!.. (*Пишлы. Музыка грає*).

Пысарь. (*Підходе до Юрка зъ десятникомъ*). Онъ якъ наше дворянство гулає! И такъ юрбою, цилую осинь и зиму видъ одного до другого йздаты: полюють, у вартъ грають, бенкетують!..

Юрко. А скільки буде звидцы до Павлыша?

Пысарь. До Павлыша? Заразъ вамъ выщитаю. (*Личить на пальцяхъ*).

Поромщикъ. (*Лука*). А ну, сходитесь до порома, хто йде на той беригъ, сходитесь, бо заразъ рушимо!

Юрко. Заразъ рушать?.. (*Иде до порома*).

Пысарь. Куды жъ вы? До Павлыша онъ куды. Ходимъ тамъ за горбомъ йе корчма... Пидводу наймете. До Павлыша буде... (*Зновъ личить*).

Я в а 6-я.

Вартоломей иде видъ куринизъ зъ двома чоловіками.

Вартол. Пидгодувалысь у рыбалокъ, теперъ пойдимо дали. А стійте, чы то не Юрко?

Чоловики. Винъ и йе. (*Хутко подходятъ до Юрка*).

Вартол. Здоровъ будь, Юрку.

Юрко. (*Зъ лякомъ*). Варта... Чого вамъ треба?

Вартол. Тебе намъ треба, хорменно тебе. А давайте путо, замкнемо ёго!

Юрко. Якъ смієшь!.. Я вильный чоловікъ!

Пысарь. (*До Юрка*). Оборонимо! (*До Вартоломея*). По-лякому праву?

Юрко. (*Пысареву*). Ось, прочытайте мій документъ! (*Дає бумагу и карбованця*).

Пысарь. (*Зяглянувъ у документъ*). Такъ, вирно и безпечено! Отставный губернский регистраторъ!..

Вартол. Помылуйте, винъ нашъ биглый!

Пысарь. Молчать! Ты хто такой?

Вартол. Началство ёго! Я отаманъ!

Пысарь. Иды-жъ отаманувать до свого пана, а тутъ я началство! Забью тебе у кайданы и пошлю такимъ этапнымъ путемъ, що ты въ тры роки не дійдешъ до свого села.

Десяти. Мы, братъ, це можемо!

Вартол. Якъ, мене, началство?

Пысарь. Я тобі покажу началство! Присылався до губернского регистратора. Ты знаешь, що насъ тилько двое на всю Россію!.. (*Размова зъ Юркою*).

Вартол. (*До чоловіковъ*). Штука?

Чоловіки. Дивына!

Вартол. Дви дивыны! Одна, що началство на началство наперлось, а вдруге, що думалы, що то Юрко, ажъ то не Юрко!..

Я в а 7-а.

Зъ горы иде Перепичка зъ Василюкою и кучеромъ; его тягне за полу Завойко.

Перепичка. Пусты-бо, а то вылаю!

Юрко. (*На бикъ*). Панъ Перепичка! Нова халепа!..

Завойко. Йдемо-бо до мене.

Перепичка. Не пойду, пусты!..

Завойко. Все тилько зъ своею Василюкою возытсья!

Перепичка. Кажу жъ тобі, що не маю часу.

Завойко. Теперъ я розгнывався на тебе, такъ що вже мы зъ тобою розбрато-брато на вики вични!.. (*Пишовъ*).

Перепичка. Про мене, якъ собі хочешъ. Скорій, скорій, Василюко. Чы ты наливку взяла? Свырыде, несмы покупки до порома. Отъ тобі й здрастуй, поромъ вже погналы. (*Гука*). Пидожды! Вернись до берега!.. Га? Скилько? А дули зъ макомъ не хочешъ? Беры семыгрывенного!.. Га? Ни, пивъкарбованця не дамъ!.. Свырыде, забирай покупки до корчмы, пождемо до завтра... (*Свырыдъ пишовъ*). Чого намъ хапатысь, хйба надъ нами капа? (*Побачивъ Юрка*). Знаёма людына!..

Юрко (*на бикъ*). Теперъ вже никуды!

Перепичка (*До Юрка*). Ты це куды? Василюко, пи-знаешть?

Пысарь. Це губернский регистраторъ!

Перепичка. Це тобі, пысарю, зъ перепюю регистратыть въ очахъ. Винъ пидданный мого сусида, пана Пидгайного.

Юрко. Помыляетесь, пане!..

Вартол. И намъ здалось впершу, що це нашъ Юрко....

Перепичка. Це винъ и ѿ!

Пысаръ. (до Юрка). Дайте вашъ документъ...

Юрко (дае). Осъ.

Пысаръ (чыта). Губернскій регистраторъ въ отставкѣ,
Петръ Петровичъ Диброва.

Перепичка. Диброва? Ха—ха—ха!

Вартол. Це бѣ то нашъ капольмейстеръ? Такъ винъ вже
п'ятий день якъ померъ?!

Юрко. Померъ?!

Перепичка (до Вартоломея). А ты въ погоню?

Вартол. Та оце жѣ насъ трое.

Перепичка. Такъ и берить ёго.

Вартол. Давайте швидко путо!

Перепичка. Хочъ ты, Юрку, и гарный музыка, а вти-
кать зась... Подзвоны жѣ за те кайданами. Дисциплина, суборды-
нація и повиновеніе властямъ ирдержажимъ! Ходимъ, Василюно!
(Пишли). (На Юрка надивають путо).

Пысаръ. Я думавъ, що ты справи губернскій регистра-
торъ, а ты рабъ, смердъ... Выходить, що тилько я одинъ на всю
Росію и zostався!..

З а в с а.

ДІЯ 5-я.

Кимната Орыси.

Я ва 1-я.

Орыся и нянька.

Орыся (ишизъ биля столу, нянька качае люльку). Напы-
сала отцеві все, що пидказало серце, все, на що навивъ мене
розумъ, дали терпимы не сыла... Я повинна розшукать Юрка и
обратувать ёго. Може винъ де въ тюрьми уже? Винъ такий не
хитрый! Може вже упіймали и внуцаются надъ нимъ?.. Ни,

такъ дали не слыхъ... Винъ мій мужъ передъ Богомъ и передъ моимъ сыномъ и мусить бути моимъ мужемъ и передъ людьми. Нянько! Якъ тилько татко прыйдуть до дому, вы однесете ёму отъ-сей лысть.

Нянька. Вони зновъ мене проженуть и не дадутъ ніякои видповиди.

Орыся. Тоди я сама пиду до нёго.

Нянька. И васъ не допустять на очи. Хиба я ихъ не знаю? Отакъ було вони и зъ покойною панею, вашою мамою, якъ розгниваются на нихъ, то цилый мисяць, або и бильшь, слова до нихъ не промовлять. А спытайте, за вищо розгниваются?.. Було мама ваша плачуть, плачуть, ажъ занедужають... Краще-бъ винъ, кажутъ, мене вылаявъ, або побывъ, а то мовчѣть.

Орыся. Прытерпила моя мама?..

Нянька. И—и! Мабуть и вамъ не краща доля судылася. Поласалыся мама ваша на мундырь та на чорни вуса... Выйшли замижъ проты воли своихъ родителейъ. Нигде правды диты: папаша ваши были красыви на всю округу. Ото-жъ якъ скоро поженылись, то щось въ годъ жыли дуже гарно, такъ гарно, що й сказать... Тыхо, любо та хороше. Все було цілуются та мылюгся. Було ухоплять ихъ папаша на руки та й носять по кимнатахъ, якъ дытну... Бо такы дытною й были, наврядъ чы було й шиснадцять годивъ, якъ ихъ винчали... На другой рикъ мамаша ваша пойхали погостюваты до родителейъ. Охъ, краще-бъ було имъ не йиздыти! Вони гостюють тамъ, а папаша тутъ бенкетують та въ карты грають... Найбильшь любили у картъ граты... А що вони тыхъ грошей попрогравали!.. И хто ихъ тилько не обдыравъ?.. Бувало день и ничъ музыка реве, пивчи деругъ горлянку!.. Наклыкають парубкивъ та дивчать... Огоди чортъ пиднясь Луньку—красыва була! ну й виодобалась панови... Ажъ ось прыйихали пани до дому, якъ разъ вони тоди важки ходыли вами. Панъ зпершу приховувалы Луньку, а дали якось все ѣ выяснилось... Видтоди почались сварки, слёзы, до-рикання!.. Писля Лунькы, зъявилась Пашка, дали Мотри... Та

всѣхъ ихъ и не перечислѣшь!.. И почалы ваша маты побываться. Було прыбижать у спальню, ухопляться за груди та якъ закрывать: охъ, сердце, сердце!.. Ажъ ось и вы знайшлись, — папаша нибы трохи схаменулысь; але черезъ сколько мѣсяцѣвъ зновъ пишло по-старому. Сколько разивъ хотили мама кинуты папашу, такъ родители ихъ, стало быть ваши дидушка и бабушка, якъ почнуть стыдыты ихъ та вговорюваты: „Хиба, кажутъ, можна законъ ламать? Никто тебе не сылувань, сама пишла за него; а колы пишла, дакъ и живы“. А дидунка ще було й додатутъ поговирку: „бачылы очи що куповалы!..“ онъ — що. Якъ тамъ, кажутъ, ни жытынешъ зъ мужомъ, та все-жъ у закони; а покинешъ ёго, то таке тобі прывыще прилиплятъ, що мы того сорому не переживемъ!..“

Орыся. Выходытъ: хочъ живцемъ пропадай, а живы зъ чоловікомъ, котрый надъ тобою знущается, зневажае?..

Нянька. А вже-жъ. И въ церкви промовляють, якъ винчають, щобъ жона боялася мужа.

Орыся. Боятись тоди, якъ ъе за що боятись.

Нянька. Кто ёго зна, якъ тамъ воно означа!.. Законъ вже такой.

Орыся. Ни, нянько, колы чоловікъ лама присягу и жону миняе на другихъ, то жона мае владу кинуты мужа.

Нянько. Ни, недзя, законъ!..

Орыся. Тилько що мама дуже любила папу й не могла ёго кинуты; певно, вона дуже шанувала своихъ родителейъ, не хотила ихъ зобидыты и принесла себе въ жертву...

Нянька. Може й такъ... А тилько що проты закону никакъ не можна — великий грихъ!.. Почалы ваша мама хвориты та сохнуты... Найбільшь жалувалысь на сердце, що все воно имъ нимило... Якось у-литку взяли вони васъ за ручку й пишли въ садъ проходытысь....

Орыся. Це я прыгадую... Якийсь трапывся надзвычайный випадокъ: мама плакала дуже, потимъ хутко повела мене въ домъ...

Нянька. Панъ бавився зъ Хреською у бесидци, а воны й побачылы... Якъ убиглы нани въ спальню, ухопылыся за серце, та немовъ замерлы... Видтоди вже воны и не встали зъ лижка... А черезъ тыждень и Богу душу виддали. Царство небесне, вичный покій ихъ душечци...

Орыся. Вы таки новыны мени розказали, про котри мени й въ думкахъ не верзлося.. И писля цёго я мушу почитуваты мого отца?

Нянька. О, що це вы кажете? А якъ же жъ?

Орыся. За вищо?

Нянька. Та Господь зъ вами, воны-жъ вамъ отець!...

Орыся. Винъ доконавъ мою матирь, винъ!.. Ни, бильшь нема мени за що ёго почитуваты!.. Вы жахааетесь.. Жахааетесь того, що не виіете всёго того розумомъ обсягнути, про вищо заравъ розказали мени А може й краще воно?.. Бо коли-бъ вси люде заравомъ прозирылы и змогли зрозумити, що йе промижъ ныхъ таки, у котрыхъ пидъ овечою шкурою ховається звиряча душа та жорстоке серце, то певно на свити вчинився-бъ великый гвалтъ...

Нянька. Та мабуть такы оце чы не кинець свита?

Орыся. Може й справди мы на зблизненни нового стовпо-творення!..

Нянька. А якъ ховалы паню, зъ якою пыхою, такъ не-наче у казци я те чула, або у снї бачыла. Вси музыкы, пивчи и двирьски булы зодягнени у чорне зъ билимы брозументамы. А попивъ-попивъ, то лыбовъ ажъ шисть ихъ було!.. Зъ усіи околыци позъїздылыся паны, вси дывувалыся... Якъ принесли на кладовыще, постановылы домовину биля склепу, заравъ одынъ пипъ вынявъ зъ кышени бамажечку и почавъ чытать; довго, довго щось чытавъ, а паны все слухалы та хытали головами... У мене ажъ ноги зомлилы стоючы... Якъ проспивалы: „со святыми!..“ папаша якъ прыпалы до домовины, якъ почалы голо-сыты!.. Ледве, ледве ихъ видирвалы видъ трувы. Все крычали: „прости мене, Мархвинько!..“

Орыся. Яке лицемирство!.. Яка малёвныча забавка по чуттяхъ, яке лжыве певожденне!... (*Зарыдала и впала на падушкы*).

Нянька. Отакой! Чого-жъ плакаты? Не тревожьте вже ихъ кисточокъ!.. Вы думаете, легко ихъ душеньци, якъ вы оце голосите?.. Нехай имъ на тимъ свити полегкить та спокій!..

Орыся. А татевни на цимъ?

Нянька. Не кажить такъ, голубонько! Може папаша каються, отъ—якъ каються!.. Почимъ знать?..

Я в а 2-я.

Ти жъ и Дося.

Дося. Панночко! Тамъ прыйшовъ до васъ Якивъ башмашныкъ?

Орыся. Чого ёму?

Дося. Баже: „Пиды, скажи, щобъ дозволены доступны“...

Орыся. Пьяный певно?

Дося. Ни, не выдко, щобъ... Балака якъ-сидь.

Орыся. Впусты ёго. (*Дося нишла*).

Нянька. А я-бъ не пустыла, завжды чортъ-зна що варяка, про волю то що... Ажъ боляче слухаты!.. Що ёго сердешного пополушыли за ту волю, отъ же не кається!.. Запекла людина! На мою думку, ни яка скотына не выдержала-бъ стилько бійкы, скилько ёго полосували.

Орыся. Що це вы кажете? Невже ёго такъ багато были?

Нянька. Хиба тилько ёго?

Я в а 3-я.

Ти жъ и Якивъ

Якивъ. Панночко! Позвольте промовыти до васъ слово. Якъ мы пиддани ваши, бо мы за вашою мамашою прыйшли. у придане, то надъ нами найвыща воля ваша. Такъ подозвольте мени постраждать,—я волю прыйняты всю кару!..

Орыся. Яку кару?

Я к и в ъ. За Юрка! нехай мене панъ закатають на смерть, а Юрка нехай помылюють.

О р ы с я. Ни, Якове, коженъ чоловікъ повиненъ самъ нести кару за свою провину.

Я к и в ъ. Якъ теперъ Юрка уліямалы...

О р ы с я. (Зъ *страхомъ*). Хто це вамъ сказавъ?

Я к и в ъ. Заразъ Прохоръ прыйхавъ зъ городу й бачивъ своїмы очыма, що Юрка вже ведуть.

О р ы с я. Ведуть?

Я к и в ъ. Въ зализахъ ведуть.

О р ы с я. (*Кричить*). Въ зализахъ? Спасыби, спасыби вамъ, Якове, за ваше добре серце... Але не вы, а я мушу захистити Юрка. Чы далеко ёго ведуть?

Я к и в ъ. Ось-ось скоро и въ двіръ уведуть...

О р ы с я. Досю! Бижи назустрічъ и скажи, щобъ Юрка заразъ сюды вель. Скажи, що я такъ велью,—я господиня!

Я к и в ъ. Именно господиня, наша прирожденна господиня.

О р ы с я. Скажи, що якъ вони посміють не послухаты мене, то буде имъ горе!—Чуешь?

Д о с я. Чую, панночко! (*Хутко нишла*).

Я к и в ъ. А вже-жъ!.. Першъ усього васъ повинни слухаты. Звелили бъ вы мени що завгодно зробыть—васъ послухаю, вамъ скорюся и все зроблю; а щобъ надо мною показувавъ владу Вартоломей, чы бухветчыкъ?.. (*Пада на колѣны*). Ще разъ благодаю, подозвольте за Юрка постраждаты! Нехай влиплять мени 750 лозъ и буде якъ-разъ десять тысячъ. Я вси удары переличывъ, все у мене закарбовано!..

О р ы с я. Встаньте, Якове! (*Пидводить его*). У васъ добре серце, благородна душа... Я дуже вдячна вамъ за вашу щирість; але жертвы вашой я не прийму. Въ Юрковій провину половина провинны моеи, й мы мусимо вдвохъ одбуваты кару!..

Я в а 4-я

Ти-жъ и Дося.

Д о с я (*обігав*). Ведуть, ведуть Юрка!

Я в а 5.

Ти-жъ, Юрко (въ зализахъ), Вартоломей, два чоловіка и де-хто зъ двирни,

О р ы с я. Геть заразъ ланцюгы!..

Я к и в ъ (*Вартоломееви*). Ты чуешь, катюго! Панночка, при-рожденна твоя господиня, приказують зализа знать?

В а р т о л. Щобъ не втикъ...

Ю р к о. Пидіймы, Вартоломей, очи до горы та глянь лю-дямъ въ вичи. Хиба я зугаренъ втикты? Ты хотивъ показаты надо мною свою волю и силу!...

О р ы с я. Здіймить заразъ зализа!

В а р т о л. Ежели што... (*До людей*). Одимкните. (*Здій-мають зализа*).

О р ы с я. До мене, Юрку! Ты мій мужъ,—я це привселюдно кажу. Не сховався ты?.. Та все ривно я скоро сама бъ тебе видшукала.

Ю р к о. Не хитрый я... зразу виизналы...

Я в а 6-я.

Ти-жъ и Сылыхвонъ

С ы л ы х в о н ъ. Панъ прийихалы!

О р ы с я. Прийихавъ?.. Стій, Юрку, тутъ била мене.

Я в а 7-я.

Ти-жъ и Пидгайный.

П и д г а й н. (*входять*). А, ввіймалы? Зачимъ привели ёго въ хоромы? Въ холодну ёго!... (*Люде кыдаются на Юрка*).

О р ы с я. Стійте! (*Заступа Юрка*). Ёго тутъ мисце, била мене.

П и д г а й н. Що? Ты смієшь такъ казаты? Ведить ёго въ холодну!

Орыся (*хапае кинжаль*). Ни, не поведете! Тату, скаменяться! Кого кажете весты? Мужа вашою дочки, батька моего сына?— Не попушу!..

Пидгайн. Винъ мій пидданный? Винъ мій найлютищый ворогъ!.. Берить ёго!..

Орыся. А ни зъ мисця! Я, ваша прирожденна господиня, велю вамъ не чипать Юрка!

Пидгайн. Такъ ты ось якъ? Ты тутъ господиня, а не я?.. (*Пидбига до Юрка и хоче его захопыты*).

Яквивъ (*кыдається ему съ ноги*). Пане! Быйте мене, а Юрка помылуйте!.. Вбыйте мене!..

Пидгайн. (*видкыда ногою Якова*). Геть! (*Бъе Юрка по щоци*). Рабъ гыдый, мерзенный!..

Орыся. Ахъ! Карай мене Боже!... (*Заносыть кинжаль надъ батькомъ и падає мертвою*).

Пидгайный. На батька?!..

Юрко. Що зъ нею? (*Прыпада*). Мертва!.. Померла!.. Вона померла!..

Пидгайн. Померла? Не може бути!.. (*Прыпада до Орыси*). Не дыше!.. Холоде!.. (*Схопывся*). Що жъ це?..

Нянька. Це кара Господева!.. Убылы жинку, убылы дочку, убийте-жъ ще й онука!.. (*Кыдається до люльки, бере дытыну и пидносыть до него*). А потимъ и насъ всіхъ закатуйте!..

Пидгайн. Боже! гнивь Твій праведный и кара Твоя занадто мала... (*Схопывся за голову*).

Я в а 8-я.

Ти-жъ и булветчыкъ.

Бухветчыкъ. Становый прыйихавъ, каже: по „неотложному дилу!“

Я в а 9-я.

Ти-жъ и становый.

Становый. Прошу прощенія! Чиновникъ отъ министерства приглашаетъ васъ пожаловать завтра, въ 10-ть часовъ

утра, въ церковь для присутствованія при чтеніи Высочайшаго Манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Пидгайный. Свершилось!.. Ахъ, чему вы не зъявились хвилиною ранишъ,—я може не бувъ-бы причиною смерти моеи единой дочки!..

Становый. Неужели?..

Крестьяне (*впалы на колѣнны*). Боже Милосердный! Ты взглянувъ надъ нами бѣдными! (*Прыпадаютъ лицомъ до дощечки*).

Юрко. На вищо мени теперъ воля?.. (*Ламае руки*). Орысю, Орысю!.. (*Хочетъ кинжалъ*) Не хочу, не могу я безъ тебе жыты!..

Пидгайный. (*одѣйма у него кинжалъ*). Ты мусышь жыты за для твого сына и мого онука!..?

Юрко (*прыпада до трупа*). Охъ, Орысю, Орысю!..

З а в ѣ с а.

Л. М. Кропивницкій.



ПО ПОВОДУ ОДНОГО НАУЧНАГО ОТКРЫТІЯ.

Русская ученая критика прошла почти полнымъ молчаніемъ и оставила незамѣченнымъ весьма любопытное и оригинальное „ученое“ открытіе, сдѣланное еще года 2—3 тому назадъ, въ 1897 и 1898 гг. Между тѣмъ это открытіе столь важно, оно до такой степени подрываетъ все то, что до сихъ поръ сдѣлано было какъ европейскими, такъ и русскими историками-экономистами и историками-статистиками, до такой степени идетъ въ разрѣзъ и съ ихъ выводами, и съ усвоенными ими методами изслѣдованія, что оставить его безъ оцѣнки, особенно на страницахъ журнала, посвященнаго главнымъ образомъ исторіи, было бы крупнымъ и существеннымъ пробѣломъ. Спѣшимъ, хотя и нѣсколько поздно, исправить допущенный критикой промахъ, и это тѣмъ болѣе, что открытіе касается мѣстности, близкой къ южной Россіи и основано на изслѣдованіи одного изъ такихъ документовъ, которые были нерѣдки и въ южной Руси и могли бы послужить въ свою очередь для ряда, быть можетъ, такихъ-же новыхъ „научныхъ“ открытій...

Среди рукописей Московскаго архива Министерства Юстиціи было найдено описаніе одной небольшой области, расположенной между Припятью и Бугомъ (верховьями р. Нурца) и носившей названіе „берестейскаго староства“. И изданіе этого описанія вмѣстѣ съ другими документами Литовской метрики, и изученіе его были поручены администраціей архива приватъ-до-

центу Московскаго университета, г. Довнару-Запольскому, который не только выполнилъ порученіе, данное ему, но и сдѣлался авторомъ указаннаго крупнаго открытія. Онъ изучилъ, видимо тщательно, изданный имъ документъ и какъ въ предисловіи къ первому тому «документовъ Московскаго архива Министерства Юстиціи» (Москва 1897 г.), такъ затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ на страницахъ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій“ (1898 г., № 2) изложилъ это, сдѣланное имъ, „научное“ открытіе.

И дѣйствительно, имъ найдена, въ бѣдной, лѣсистой и болотистой мѣстности сѣверо-западной Руси, область, гдѣ, какъ онъ самъ говоритъ и въ предисловіи, и въ статьѣ, плотность населенія въ XVI в. была почти такой-же, какъ и въ настоящее время, гдѣ на одну квадратную *версту* приходилось около 10 семей или, по его расчетамъ, около 51 души, гдѣ развитіе экономическое достигло такой сильной степени, что городское населеніе составляло уже болѣе половины всего населенія (51,7%), а на долю сельскаго приходилось только 48,3% и гдѣ, наконецъ,—и это наиболѣе крупное открытіе,—процентъ лицъ, занятыхъ промыслами и ремеслами въ городахъ, равнялся почти 70% (sic) всего городского населенія ¹⁾.

Очевидно, что въ лицѣ берестейскаго старосты мы имѣемъ страну, которая въ XVI вѣкѣ, въ 1566 г., выработала такія отношенія въ своей средѣ, которыхъ напрасно мы искали бы не только въ XVI, но даже и въ XVIII в. въ большей части европейскихъ странъ. То, что говорятъ намъ изслѣдователи европейскихъ отношеній, что сообщаютъ намъ данныя экономическія и статистическія и Германіи, и Франціи, и даже Англіи до половины XVIII в., показываетъ, что цѣлая пропасть раздѣляла ихъ отъ области берестейской. Плотность населенія въ этихъ странахъ возростала, какъ извѣстно, очень медленно и слабо, и лишь въ XVIII в. начала замѣтно увеличиваться; городское населеніе лишь въ XVIII только вѣкѣ нѣсколько уси-

¹⁾ Предисловіе, стр. XV—XVI; статья въ У. Изв., стр. 16, 18, 81 и сл.

дилось на счетъ сельскаго, но еще во Франціи во время революціи, по даннымъ, собраннымъ конституантой, колебалось (смотря по мѣстностямъ) между 12—22%, оставляя за сельскимъ населеніемъ преобладающую роль (въ видѣ 78—88%). Занятія промыслами и ремеслами поглощали сравнительно небольшое количество рукъ, и въ Англіи къ началу XVIII в., не говоря о XVI в., количество занятыхъ промыслами и ремеслами составляло едва 11,7% всего населенія и поднялось до 50% только во второй половинѣ XVIII в., въ эпоху сильнаго промышленнаго и торговаго развитія Англіи, созданія въ ней первыхъ проявленій капиталистическаго хозяйства.

Европейскіе изслѣдователи, а за ними и русскіе, отсюда заключили, что измѣненія въ отношеніяхъ какъ между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, такъ и между населеніемъ и лицами, занятыми исключительно ремесленно-промысловой дѣятельностью, всецѣло обусловливались измѣненіями въ экономическомъ развитіи и ростѣ каждой данной страны, прогрессомъ и улучшеніями въ производствѣ, развитіемъ и расширеніемъ торговыхъ сношеній, усиленіемъ спроса на произведенія промышленности, послѣдовательнымъ подъемомъ культуры страны, ея богатства и проч., и проч.; увѣрены они были, что гдѣ нѣтъ на лицо указанныхъ условій, гдѣ жизнь населенія складывается подъ вліяніемъ одного земледѣльческаго труда, гдѣ царитъ еще натуральное хозяйство, тамъ немислимо преобладаніе городского населенія надъ сельскимъ, еще менѣе возможно значительное развитіе ремеслъ и промысловъ, поглощеніе ими значительнаго количества рукъ. Теперь, благодаря открытію, сдѣланному г. Довнаромъ-Запольскимъ, очевидно, оказываются несостоятельными всѣ такого рода соображенія и выводы европейской исторической науки. Съ помощью выводовъ изъ данныхъ берестейскаго староства, г. Д.-З. показываетъ всю фальшь и несостоятельность европейскихъ изслѣдователей.

Какъ видитъ читатель — „открытіе“ безспорно крупное, подрывающее все сдѣланное раньше, требующее полнаго пересмотра всѣхъ прежнихъ выводовъ европейской исторической науки.

Въ виду этого настоятельно необходимо подробнѣе взглянуть на ученые аргументы и научныя основанія, приводимые г. Д.-З. въ подкрѣпленіе его важнаго открытія.

Начнемъ съ вывода автора о плотности населенія старорства. Въ „описаніи“ даны лишь свѣдѣнія о количествѣ земли подъ усадьбами, огородами, сѣнокосами и пахатью каждаго города и каждаго изъ селъ, входившихъ въ составъ старорства. Г. Д.-З. произвелъ подсчетъ всему количеству таковаго рода земель. Сдѣлать большаго онъ не могъ, и не могъ потому, что во 1-хъ,—какъ самъ онъ говоритъ, въ описаніи имѣются только одни господарскія земли, а данныхъ о частновладѣльческихъ земляхъ нѣтъ; во 2-хъ,—скажемъ мы отъ себя,—въ описаніи нѣтъ, за немногими исключеніями, означенія ни количества выгоновъ, болотъ и т. п., ни, въ особенности, пространства земли, занятаго лѣсами и т. д. ¹⁾).

Въ виду отсутствія данныхъ о частныхъ владѣніяхъ, географическая карта, по словамъ г. Д.-З., не можетъ дать точной цифры квадратныхъ верстъ, и онъ думаетъ, что даже обращаться къ ней „нѣтъ особенной надобности“ (стр. 1 статьи): достаточно „цифръ фактически занимаемой каждымъ селеніемъ или городомъ земли“, такъ какъ, „принявъ въ расчетъ эти данныя, мы получимъ ту площадь, которая была заселена и находилась въ пользованіи у населенія“ (ib.). Такимъ образомъ,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ селахъ не означено пространство земель въ застѣнкахъ (документы 242, 244 и др.). То-же во многихъ деревняхъ можно сказать о лѣсахъ, пространство которыхъ не дано въ Берестѣ (стр. 229), въ с. Прилукѣ (259), въ с. Старое и др. (стр. 263), въ с. Лаховци (стр. 302—303), въ с. Малая Рита (стр. 305), въ с. Медведка (стр. 313, относительно сѣнокосовъ), въ с. Радешѣ (стр. 315—16), Збуражѣ (стр. 323), въ Рутѣ Великой (325 стр.), въ войтовствѣ Прилуцкомъ (стр. 327, озера стр. 328), и т. д., и т. д. Размѣры пущъ также не даны. «Пуща двора киевскаго, которое ачъ ест немало, нѣжли ва тотъ часъ, ако для достатечнишоє вѣдомости о широкости тоєи пущи зморгована, ани граница левная описана быти не можетъ» (стр. 335). Число такихъ примѣровъ можно привести изъ описанія не мало.

вслѣдъ за сознательнымъ исключеніемъ всего того, что касается частныхъ владѣній, г. Д.-З. такимъ-же—мы не знаемъ, сознательнымъ ли—способомъ обошелъ всѣ данныя о неизмѣренныхъ земляхъ господарскихъ въ видѣ пущъ, острововъ, озеръ, пустошей и т. д., и затѣмъ опредѣлилъ *территорію* староства, т. е. ту единицу, которая должна была послужить ему точкой опоры для вычисленія *плотности* населенія. Другими словами, г. Д.-З. создалъ *новый* статистическій приѣмъ и рѣшилъ, что достаточно взять не всю, а часть *территоріи* ¹⁾, чтобы опредѣлить плотность населенія, существовавшую въ 16 вѣкѣ въ изученной и проштудированной имъ описи берестейскаго староства. Ясно, что всѣ тѣ приѣмы, которые для такой же цѣли употреблялись и употребляются статистиками, оказались негодными, и отсюда негодными оказались и оказываются ихъ выводы. Отсюда же, напр., нужно отнынѣ признать, что когда статистики увѣряютъ насъ, будто въ Архангельской губерніи приходится всего 14 душъ на одну квадратную *милю*, то это ошибка, такъ какъ необходимо лишь исчислять количество земли, занятой селами и городами, земли, находящейся въ пользованіи этихъ селъ и городовъ, и имъ руководиться при вычисленіи плотности населенія въ губерніи, такъ какъ только тогда получится „правильный“ и „научный“ выводъ, и мы поймемъ, что плотность населенія Архангельской губ. уравнивается съ плотностью населенія Киевской, напр., губерніи, какъ и староства берестейскаго и нынѣшнихъ с.-з. губерній.

Таковъ тотъ новый научный статистическій методъ, радикально противоположный общеупотребительному, при помощи котораго подготовлена почва для перваго изъ ученыхъ открытій г. Д.-З.

Другимъ элементомъ является населеніе области,—населеніе городское и сельское, исчисленное г. Д.-З. въ 5599 семей или въ 28000 душъ обоего пола. Исчисленіе это, въ еще большей

¹⁾ Г. Д.-З. прямо даже заявляетъ о томъ, что въ его исчисленіе *территоріи* не вошли господарскія земли (пущи и др.), а сосчитаны лишь земли, находивш. въ фактическомъ пользованіи членовъ семей (стр. 4 статьи).

мѣръ, чѣмъ исчисленіе территоріи, является у автора послѣдствіемъ совершенно новыхъ „научныхъ“ приѣмовъ. Въ полную противоположность со всѣми современными историками-статистиками, пришедшими къ заключенію (вѣроятно, ошибочному съ точки зрѣнія г. Д.-З.), что для исчисленія количества душъ въ семьѣ даже цифра 4, какъ коэффициентъ, является слишкомъ высокою, г. Д.-З. находитъ коэффициентъ въ $5\frac{1}{10}$ душъ на семью¹⁾ совершенно правильнымъ и естественнымъ, и это до такой степени, что даже не считаетъ нужнымъ и необходимымъ выяснить, почему онъ принимаетъ такую, а не иную цифру. Этого мало. Рядомъ съ новымъ статистическимъ приѣмомъ у автора идетъ и новый арифметическій приѣмъ исчисленія населенія.

Система записей владѣльцевъ домовъ и дворовъ, принятая ревизорами, состояла въ томъ, что они обыкновенно отмѣчали одинъ дворъ за другимъ, какъ они слѣдовали другъ за другомъ, по мѣсту нахожденія (напр. въ городахъ по улицамъ). Отсюда, во первыхъ, записи одного и того же владѣльца могли повторяться два и большее количество разъ въ той или другой улицѣ или въ нѣсколькихъ улицахъ, во-вторыхъ, при записи только дворовъ отмѣчалась главная семья и дѣлались не всегда опредѣленные сообщенія о другихъ семьяхъ и ихъ количествахъ въ каждомъ данномъ дворѣ. Отсюда, съ одной стороны, трудности исчисленія числа семей въ виду возможности ошибокъ при зачисленіи одной и той-же семьи два или большее число разъ въ счетъ общаго количества семей, а, съ другой, возможности дать лишь minimum числа семей.

Г. Д.-З. въ своей статьѣ, правда, отмѣчаетъ этотъ послѣдній фактъ и указываетъ, вполне вѣрно, что въ селахъ на дворъ приходилось нерѣдко по 2—3 семьи и большее ихъ число. Онъ противопоставляетъ затѣмъ села городамъ, гдѣ, по его вѣрному же замѣчанію, число односемейныхъ дворовъ преобладало въ сильной степени надъ многосемейными²⁾,

¹⁾ Г. Д.-З. не говоритъ прямо о коэффициентахъ въ 5,1 но изъ словъ его, что 5599 семей равно 28000 душъ обоого пола, коэффициентъ этотъ вытекаетъ самъ собою.

²⁾ См. статью въ Ун. Изв., стр. 9—10, 11.

но,—и это, вѣроятно, тоже новой статистическій пріємъ,— совершенно умалчивается о томъ, были-ли у каждаго владѣльца только одинъ дворъ или огородъ, или онъ могъ владѣть и большимъ числомъ ихъ. Между тѣмъ, рассматривая описи городовъ берестейской области, мы постоянно почти сталкиваемся съ случаями владѣнія однимъ лицомъ то двумя, то тремя дворами, огородами и т. д. Иногда одно и то-же лицо отмѣчено, какъ владѣющее двумя, иврѣдка тремя дворами смежными ¹⁾, въ большинствѣ случаевъ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, напр., въ г. Берестѣ нѣкто „Ильяшъ Скаба“ владѣлъ дворомъ на рынкѣ, двумя дворами надъ гостинцемъ Теребунскимъ, 2 дворами въ улицѣ подлѣ церкви Михайловской; нѣкто Станиславъ Конвиссаръ—2 дворами на рынкѣ, дворомъ въ улицѣ Налазки, дворомъ—надъ гостинцемъ Теребунскимъ и т. д.

Въ м. Воинъ не трудно замѣтить, что по 6 дворовъ и огородовъ приходилось на 1 владѣльца, по 5—на 5 владѣльцевъ, по 4—на 7, по 3—16, по 2—14 ²⁾. Согласно тому историко-статистическому методу, который примѣняется къ вычисленію числа населенія въ томъ или иномъ европейскомъ городѣ или въ той или иной области, напр. Германіи въ XIV и др. стол., на основаніи подобныхъ нашему описанію или ревизіи документовъ, всѣ такіе случаи повторенія владѣній однихъ и тѣхъ-же лицъ тщательно исключаются изъ счета, по понятной причинѣ. Г. Довнаръ-Запольскій избралъ иного рода методъ, и вотъ какой. Онъ беретъ, напр., опись города Берестье, сосчитываетъ по описи подрядъ и всѣ дворы, и всѣ волоки и такимъ образомъ получаетъ число всѣхъ дворовъ въ 1135. Засимъ присчитываетъ къ нимъ то число семей, которыя являлись добавочными въ данномъ дворѣ, и даетъ цифру всѣхъ семей, равную по его исчисленію 1239. Методъ, какъ

¹⁾ Выраженіе, напр., часто повторяющееся въ описи: Иванъ Коваль владѣетъ $1\frac{1}{3}$ протовъ усадьбы и вслѣдъ за тѣмъ: тотъ-же Иванъ опять $1\frac{1}{3}$ пр. усадьбы (см. Берестье, стр. 206, 209, 210, 211, 212 и т. д. и т. д.).

²⁾ Документъ, стр. 370 и сл.

видимъ,—методъ простого подсчета, но оригинальнаго, такъ какъ дворовъ въ Берестѣ (вмѣстѣ съ предмѣстьемъ) въ описи значится всего 862, огородовъ только безъ усадьбы—157, а сидѣвшихъ на волокахъ—85 семей, т. е. фактически насчитывалось въ городѣ меньше дворовъ, чѣмъ сколько исчислилъ г. Д.-З. Но и это количество еще очень значительно, такъ какъ изъ него необходимо исключить: 1) дворы и огороды, находившіеся во владѣніи однихъ и тѣхъ же лицъ, т. е. около 123 дворовъ и огородовъ ¹⁾; 2) мѣста подъ церквами, костелами, площадью, типографіей и проч.,—всего 18 и 3) одинъ пустой дворъ. Такимъ образомъ вмѣсто 1019 владѣльцевъ дворовъ и огородовъ въ Берестѣ получается всего 877 владѣльцевъ или семей; прибавляя добавочныя семьи ²⁾, мы получимъ всего 890 семей. Причислять сюда и 85 семей, сидѣвшихъ на волокахъ, тоже трудно, если слѣдовать старому статистическому методу, такъ какъ среди владѣльцевъ волокъ не мало такихъ, которые отмѣчены уже раньше въ числѣ владѣльцевъ дворовъ ³⁾, и едва 57 остается такихъ, которые можно принять за отдѣльныя семьи. Такимъ образомъ, число всѣхъ семей въ Берестѣ составляетъ 1239, по методу г. Д.-З., и всего около 947 семей, по методу обыкновенному, статистическому, или принимая по 5,1 даже на семью, (цифру г. Д.-З.)—не 6500 душъ, какъ онъ увѣряетъ въ предисловіи къ документамъ (стр. XVI), а всего около 4900 д. (de facto гораздо менѣе).

Совершенно по тому же методу произведено г. Д.-З. вычисленіе семей и въ другихъ городскихъ поселеніяхъ староства: вездѣ оно значительно увеличено противъ того ихъ дѣйствительнаго числа, какое могутъ получить обыкновенныя смертныя, знакомыя съ приемами исчисления по даннымъ описей семей...

¹⁾ Такъ какъ они находились во владѣніи однихъ и тѣхъ же лицъ: Яско Олифировича, Михно Калиховича, Серафѣна Новосельскаго, Станислава оптикаря, Станислава Андреевскаго, Станислава Корвессара, Ильина Скибы и т. д. Док., стр. 204 и сл.

²⁾ 9 въ самомъ городѣ и 4 въ предм. за Мухавцемъ.

³⁾ Около 28 семей.

По специфическому методу, составленному г. Д.-З., въ м. Ломазы насчитано городскихъ семей 706, къ которымъ присоединены 196 семей на волокахъ, а всего 902 семьи (статья, 17 стр.); въ Воинѣ—495 городскихъ и 251 на волокахъ, а всего 746; въ Милейчицахъ—684 городскихъ и 234 на волокахъ, всего 918 семей; въ Дивинѣ—350 городскихъ и 134 на волокахъ и т. д. По старому, общепринятому методу, между тѣмъ, получаютъ цифры совершенно иного рода. Въ м. Дивинѣ, путемъ исчисления повторяющихся однихъ и тѣхъ же владѣльцевъ, сумма собственно городскихъ семей всего 210, громадное количество сидитъ въ то-же время и на волокахъ. Въ числѣ владѣльцевъ волокъ, которые не имѣли-бы въ городѣ двора, мы едва считываемъ 18. Въ м. Ломазы—городскихъ семей всего 435, а почти всѣ сидящіе на волокахъ—суть владѣльцы и дворовъ, т. е. значатся въ числѣ 435 городскихъ семей. То-же и въ Воинѣ, гдѣ всего имѣлось 254 гор. семьи и гдѣ большинство владѣльцевъ полуволокъ были и владѣльцами дворовъ и т. д. Отсюда общая сумма городскихъ семей, исчисленная по методу г. Д.-З. въ 3786, падаетъ, при примѣненіи статистическаго метода, почти до 2400 семей.

Если-бы теперь мы приняли цифру, данную г. Д.-З. относительно количества сельскихъ семей ¹⁾, и для селъ исчислили-бы общую сумму семей въ 4314, то оказались-бы на далекомъ разстояніи отъ блестящаго открытія о преобладаніи городского населенія надъ сельскимъ въ берестейскомъ староствѣ, такъ какъ вмѣсто 51,7%—для городского населенія получили-бы всего 35,7%. Что и эта послѣдняя цифра весьма сомнительна,—не

¹⁾ Семьи въ селахъ исчислены г. Д.-З. съ гораздо большей точностью, чѣмъ городскія. Ошибки въ счетѣ ничтожны. Такъ, по Кобыляцкому войтовству ошибка всего въ 2 семьи, опущенныя при счетѣ; въ Сичавскомъ—3 (тоже опущенныхъ) и т. д. Здѣсь г. Д.-З. считалъ владѣльцевъ 2 дворовъ за единицу и откинулъ перечень семей въ нѣсколькихъ селахъ волости полѣсской (док., стр. 323—327), какъ повторяющихся въ соотв. селахъ въ описаніи. Но впрочемъ не всѣ семьи повторяются,—около 30 семей не значатся въ описи тѣхъ же селъ.

чего и говорить. Вѣдь у насъ вовсе не имѣется данныхъ о населенности сель владѣльческихъ, о количествѣ семей, сидѣвшихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ! Впрочемъ, цифру въ 51,7% для городовъ можно получить и при данныхъ, опредѣленныхъ путемъ обыкновеннаго арифметическаго метода. Для этого стоитъ только помножить сумму городскихъ семей на 100 и раздѣлить на сумму не *всѣхъ* семей староства, а лишь *однихъ сельскихъ*. Быть можетъ и это возможно съ помощью какого-нибудь новооткрытаго метода?

Считаемъ излишнимъ останавливаться подробно на томъ открытіи, какое сдѣлано г. Д.-З. въ 1897 г. въ предисловіи къ изданію документовъ Литовской метрики относительно ремесленниковъ. Мы видѣли, что число этихъ послѣднихъ исчислено въ количествѣ 70% всего городского населенія. Если теперь взять цифру количества городскихъ семей, какъ оно исчислено г. Д.-З., т. е. 4871, то окажется, что въ 6 городахъ староства насчитывалось до 3410 семей,—другими словами, 1 семья ремесленниковъ работала на 1½ семьи городской или 2 семьи ремесленниковъ почти на 3 семьи городскихъ. Очевидно, что жители тогдашнихъ городовъ староства были очень зажиточными людьми, если могли давать средства существованія почти цѣлой ремесленной семьѣ! А, можетъ быть, для издѣлій ремесленниковъ существовали и рынковъ, и они вывозили свои продукты и за предѣлы староства, въ другія страны? Вѣдь, при 51,7% городского населенія это вещь мыслимая. Къ сожалѣнію, о торговлѣ г. Д.-З. ничего нигдѣ не говоритъ. Но (опять къ сожалѣнію) въ описи отмѣчено весьма небольшое количество ремесленниковъ. Не всѣ семьи отмѣчены, какъ занятія ремесломъ (шевскимъ, кушнерскимъ, малярнымъ, шапочнымъ, сапожнымъ и т. д.). Не болѣе въ общей сложности 10% ремесленниковъ мы насчитываемъ для дѣйствительнаго городского населенія того времени. Если г. Д.-З. исчислилъ ремесленниковъ въ 70%, то, очевидно, у него были какія то основанія для этого, о которыхъ онъ, къ сожалѣнію, ничего намъ не говоритъ. Но, разъ мы обращаемся къ точному перечню городскихъ населеній, разъ принимаемъ

даже 15,4% для земледѣльческаго населенія въ городахъ, какъ опредѣлили то г. Д.-З., и его же 9,8% для служекъ, конюховъ, бояръ ¹⁾; разъ отчисляемъ 10%, какъ завѣдомыхъ ремесленниковъ, то, спрашивается, изъ кого же состояли остальные 60% яко бы ремесленниковъ. Цифры такого рода мы не могли получить иначе, какъ включивши въ число ремесленныхъ семей не только семьи, но и госпитали, церкви, костелы, пляцы замковые и т. д., и т. д.

Къ счастью, г. Д.-З. избавилъ насъ отъ затрудненій, созданныхъ въ его предисловіи. Предисловіе это было написано имъ, какъ резюме его изслѣдованія о берестейскомъ старостѣ. По крайней мѣрѣ, мы можемъ вывести это изъ одной фразы, находящейся въ его предисловіи ²⁾. Въ своемъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ Ун. Изв., г. Д.-З. уже, къ удивленію, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о выведенныхъ имъ 70% ремесленнаго населенія, а, напротивъ, повидимому, уже склоняется къ предположенію, что количество ремесленниковъ было относительно не велико. Какой изъ двухъ противоположныхъ выводовъ г. Д.-З. признаетъ самымъ правильнымъ—мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. И это тѣмъ болѣе, что по даннымъ г. Д.-З. въ его статьѣ, въ гор. Берестѣ уже насчитывается имъ всего около 13,8%, въ Ломазы—4,2%, въ Милейчицахъ—6,4%, въ Воинѣ—6,7%, въ Дивинѣ—1,2%, въ Пещаткѣ—около 2,6%. А эти процентныя отношенія, вѣдь, не даюгъ же 70%? Но и цифры ремесленниковъ исчислены г. Д.-З. не точно, такъ какъ и здѣсь онъ посчиталъ иногда 2 и 3 раза одну и ту-же ремесленную семью, напр., доктора Мордухая, Греся теслю и др. въ Берестѣ и т. д. Въ Берестѣ насчитывалось не 172, а всего около 136 рем. (считая въ томъ числѣ, по г. Д.-З., и докторовъ

¹⁾ Документы, стр. XVI.

²⁾ *Ив., стр. VI, прим. 2.* «Опытъ научной разработки документовъ предлагается въ очеркъ быта берестейскаго старосты въ XVI в., печатаемомъ въ настоящее время въ Киевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ».

(sic), и органистовъ, и рыболововъ); въ Дивинѣ—не 6, а всего три коваля ¹⁾, въ Ломазахъ не 38, а всего 23 и т. д.

Таковы тѣ выводы, тѣ открытія, которые представлены г. Д.-З. и въ его ученомъ предисловіи, и въ его научномъ изслѣдованіи,—выводы и открытія, разрушающіе всѣ тѣ заключенія, къ какимъ пришла европейская наука. И эти выводы добыты имъ при помощи своеобразныхъ методовъ, являющихся не менѣе разрушительными и для существующихъ и выработанныхъ методовъ во всемъ, что касается исчисленія населенія, его плотности, отношеній городского населенія въ сельскому и т. д.

Мы не беремъ на себя смѣлости рѣшать вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ въ данномъ случаѣ истина. Предоставляемъ самому читателю сдѣлать выводъ о томъ, какіе методы и какіе выводы научны,—выводы-ли и методъ г. Д.-З., или работниковъ въ европейской и русской литературѣ.

И. Лучицкій.



¹⁾ Изъ того, что коваль живетъ съ сыновьями, еще не слѣдуетъ, чтобъ оба сына его были тоже кузнецами, какъ, видимо, думаетъ г. Д.-З. въ своей статьѣ.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Въ настоящее время отпечатаны и разосланы протоколы засѣданій Предварительнаго Комитета по устройству съѣзда, имѣвшихъ мѣсто въ Москвѣ, въ январѣ наст. года. Объ этихъ засѣданіяхъ мы своевременно уже сообщали ¹⁾, а потому въ данномъ случаѣ сдѣлаемъ лишь небольшія дополненія и приведемъ названія вопросовъ и запросовъ, заявленныхъ въ комитетѣ и помѣщенныхъ вмѣстѣ съ протоколами. При этомъ оговариваемся, что въ нашемъ списокѣ вопросовъ и запросовъ будутъ помѣщены только имѣющіе общій характеръ или относящіеся къ южно-русской старинѣ.

Главная роль по подготовкѣ съѣзда на мѣстѣ, въ Харьковѣ, несомнѣнно будетъ принадлежать проф. Д. И. Багалѣю. Съ основными его положеніями о подготовительныхъ работахъ, археологическихъ экскурсіяхъ, устройствѣ выставокъ и т. п. читатели знакомы. Укажемъ здѣсь еще на пожеланіе проф. Багалѣя о снаряженіи экспедиціи съ цѣлью обслѣдованія археографическихъ памятниковъ въ губ. Харьковской и Полтавской, по примѣру такой-же экспедиціи г. Плохинскаго въ Черниговскую губ., совершенной по порученію Археографической комиссіи Московскаго Археологич. Общества, на желательность продолжить изслѣдованіе городища у д. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда, начатое И. И. Зарѣцкимъ, и стоянки каменнаго вѣка у

¹⁾ См. «Археологич. Лѣтопись», февраль наст. года.

Рай-Городка, а также выяснить и обследовать Бѣлгородскую черту и Украинскую линію.

Сообщеніе проф. Багал'я, затрогивая цѣлую массу вопросовъ, уже на засѣданіяхъ предварительнаго комитета вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній, намѣчавшихъ пути къ осуществленію указанныхъ цѣлей съѣзда или служившихъ дополненіями къ поставленнымъ desideratamъ.

По очень важному вопросу о составленіи археологическихъ картъ, изъявили готовность составить таковыя: по Харьковской губ.—проф. Багал'й, по Черниговской и Полтавской—проф. Самоквасовъ, по Воронежской—Л. М. Савеловъ, по Курской—В. К. Трутовскій и по Кубанской области—В. М. Сысоевъ, въ случаѣ отказа Г. Д. Фелицина, къ которому предположено обратиться. По вопросу о выясненіи пограничныхъ линій, среди другихъ заявленій, укажемъ на высказанное проф. Миклашевскимъ о столбахъ и книгахъ Бѣлгородскаго стола въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи съ планами и чертежами,—ихъ очень желательно было-бы видѣть на выставкѣ съѣзда. Проф. Самоквасовъ указалъ на важность обследованія 14 Донецкихъ городищъ, описанныхъ у Пассека; былъ поднятъ затѣмъ вопросъ объ осуществленіи полной инвентаризаціи каменныхъ бабъ, причѣмъ проф. Кочубинскій предложилъ обратиться за собираніемъ свѣдѣній къ народнымъ учителямъ, а проф. Анучинимъ и проф. фонъ-Штерномъ были указаны уже имѣющіеся цѣлые альбомы снимковъ съ каменныхъ бабъ.

Въ засѣданіи комитета было также доложено письмо проф. Н. П. Дашкевича, съ предложеніемъ, не найдетъ-ли удобнымъ Харьковский комитетъ разослать въ раіоны, которые будутъ признаны подходящими, приглашенія къ собиранію остатковъ стараго козацкаго эпоса (думы), какіе могли уцѣлѣть до настоящаго времени, и свѣдѣній о послѣднихъ кобзаряхъ; а равно старинныхъ историческихъ легендъ и преданій (мѣстныхъ).

Существеннаго вопроса общей организаціи археологическихъ съѣздовъ касается письмо проф. Н. П. Кондакова, съ предложеніемъ установить для Харьковскаго съѣзда опредѣлен-

ную программу его занятій, въ формѣ общей задачи, и ограничить предѣлами ея содержаніе имѣющихъ быть заявленными вопросовъ, запросовъ и рефератовъ на съѣздѣ. Предложеніе это служить какъ-бы отвѣтомъ на высказываемыя нареканія по поводу отсутствія на съѣздахъ ясно поставленныхъ задачъ, или же, если такія задачи и ставятся, то на отступленія отъ нихъ, имѣвшія послѣдствіемъ сведеніе къ минимуму научныхъ результатовъ съѣздовъ. Такое положеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ недостаточности критической оцѣнки рефератовъ, предлагаемыхъ для доклада. Вотъ что, напр., говоритъ по этому поводу одинъ изъ обозрѣвателей послѣдняго кievскаго съѣзда ¹⁾: „За рѣдкими исключеніями, рефераты были полною неожиданностью для бюро и членовъ съѣзда, являлись не отвѣтами на заранее поставленные вопросы, а случайными и очень спеціальными работами, которыя извлекались передъ самымъ отправленіемъ изъ старыхъ бумагъ или набрасывались во время съѣзда. Ихъ обычная черта—небрежность обработки, скудость содержанія, ненаучность приѣмовъ. Во всей ихъ совокупности невозможно уловить какую-нибудь идею, послѣдовательность и планъ“. Вторая часть предложенія проф. Кондакова и имѣетъ въ виду исключить изъ съѣздовъ эту случайность преподносимыхъ публикѣ рефератовъ. На практикѣ, конечно, иривести идею цѣльности съѣзда довольно трудно, но многое можно сдѣлать; новидимому, и самъ комитетъ по устройству Харьковскаго съѣзда „принялъ къ свѣдѣнію“ заявленіе проф. Кондакова, такъ какъ въ правилахъ будущаго съѣзда находимъ существенное измѣненіе параграфа о рефератахъ, которые теперь будутъ докладываться лишь послѣ предварительнаго одобренія ихъ Ученымъ Комитетомъ съѣзда.

Вопросовъ и запросовъ, уже теперь заявленныхъ,—очень много; если-бы и третья часть ихъ такъ или иначе была рѣшена, съѣздъ исполнилъ-бы свое назначеніе. Но какъ будетъ въ

1) W.—«Нѣсколько словъ по поводу XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ». Русская Мысль, 1899 г., декабрь.

дѣйствительности—трудно предсказать: бывшіе примѣры не очень баловали насъ въ этомъ отношеніи.

Вопросы и запросы разбиты на группы по тѣмъ отдѣламъ, къ какимъ относятся по содержанію; этой системѣ послѣдуемъ и мы, упомянувъ, что изъ общихъ вопросовъ поставленъ только одинъ—*А. С. Раевскаго*--проектъ съѣти археологическихъ учебныхъ заведеній и ихъ нормальнаго учебнаго плана. Заявленъ также и одинъ запросъ общаго характера—*Н. И. Златоверховникова*—Какимъ способомъ можно было-бы осуществить изданіе карты кургановъ по губерніямъ, и не объявить-ли кургановъ заповѣдной собственностью? Общіе вопросы—больное мѣсто нашихъ сѣздовъ; каждый изъ послѣдующихъ сѣздовъ даетъ ихъ все меньше и меньше, хотя съ развитіемъ изслѣдованій, съ накопленіемъ матеріала должно было-бы быть наоборотъ. Фактъ этотъ представляется намъ необъяснимымъ. Неужели „гробоконательство“ въ тѣсномъ смыслѣ, безцѣльное коллекціонерство отодвигаютъ на задній планъ существенные запросы науки въ формѣ научныхъ обобщеній? Плохо, если изъ за деревьевъ лѣса не видно...

Но обратимся къ вопросамъ и запросамъ ¹⁾. Начнемъ съ *первобытныхъ древностей*.

В. Б. Антоновичъ. Вопросъ: Характеръ предметовъ бронзоваго вѣка, находимыхъ въ бассейнѣ Дона и въ лѣвой половинѣ бассейна Днѣпра, и отношеніе ихъ къ бронзовой культурѣ Кавказа. Запросы: 1. Стоянки и мастерскія каменнаго вѣка въ бассейнѣ Дона и въ лѣвой половинѣ бассейна Днѣпра и ихъ характеристика. 2. Что заключаютъ курганы съ каменными бабами, находящіеся въ придонскихъ степяхъ? 3. Типы и топографическое распредѣленіе городищъ въ бассейнѣ Дона. *Д. И. Багалъ*. Запросы: Топографія городищъ Донецкаго бассейна по Книгѣ Большого Чертежа и современнымъ развѣдкамъ. *Н. Е. Бранденбургъ*. Вопросъ: Слѣды Печенѣговъ на Днѣстрѣ.

¹⁾ *Вопросы*—темы, на которыя поставившія ихъ лица общаются дать на сѣздѣ отвѣты въ формѣ рефератовъ; *запросы*—темы, на которыя желательно получить разъясненія.

Н. И. Веселовскій. Запросы: 1. Каменные бабы ближайшаго къ Харькову района или одной Харьковской губ. и ихъ описаніе. 2. Майданы; ихъ обследованіе, раскопки и описаніе. **В. А. Городицовъ.** Запросъ: Отношеніе днѣпровской культуры Трипольскаго типа къ дюнной неолитической культурѣ Европейской Россіи. **Е. Н. Мельникъ.** Вопросы: Мегалитическіе памятники въ Новороссійскомъ краѣ. Запросы: 1. Типы славянскихъ кургановъ въ бассейнѣ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра: Сулы, Псла, Ворсклы и Орели. 2. Находятся-ли курганы славянскаго типа на территоріи бывшаго Тмутараканскаго княжества? 3. Возможно-ли установить погребальные типы кочевниковъ въ курганахъ южныхъ степей отъ Днѣпра до Дона. 4. Типы кургановъ каменнаго вѣка въ томъ-же районѣ. 5. Определить характеръ предметовъ каменнаго вѣка на этой-же территоріи. **Θ. Г. Мищенко.** Вопросъ: Скинскіе курганы и извѣстія древнихъ о скинахъ. **Д. Я. Самоквасовъ.** Вопросъ: Нельзя-ли по археологическимъ и историческимъ даннымъ признать кладбищемъ скинскихъ царей эпохи Геродота и послѣдующихъ столѣтій непрерывный курганный могильникъ, расположенный на протяженіи 50 вер. между с. Константиновкою и г. Глинскомъ, Роменскаго у. Полтавской губ. **А. А. Титовъ.** Запросъ: Курганы близъ р. Ворсклы, Полтавскаго у., не имѣютъ-ли сходства, по содержанию въ нихъ, съ курганами близъ рѣки Ворсклы, Ростовскаго у., Ярославской губ., разрытыми гр. А. С. Уваровымъ и П. С. Савельевымъ въ 50-хъ годахъ?

Довольно много намѣчено интересныхъ вопросовъ, а еще больше запросовъ, по отдѣлу *древностей историко-географическихъ и этнографическихъ*. **В. Б. Антоновичъ** поставилъ запросъ: Мѣстоположеніе лѣтописныхъ городовъ въ Донскомъ бассейнѣ: Шарукань, Сугровъ, Балинъ, Донецъ. **Д. И. Багалый.** Вопросы: Старинныя карты южной Россіи изъ Флоренціи. Запросы: 1. Составить коллекцію старинныхъ видовъ и плановъ г. Харькова. 2. Описать остатки въ Харьковской и Полтавской губ. нѣкогда знаменитой „Украинской линіи“. **Н. Е. Бранденбургъ.** Запросъ: Не могутъ-ли быть достоверно указаны мѣста битвъ на Калкѣ

и Каялъ? *А. И. Бунинъ* предложилъ цѣлый рядъ запросовъ по исторической топографіи княжескаго періода; за недостаткомъ мѣста, приводимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ: 1. Къ какому времени можетъ быть отнесено существованіе и затѣмъ запустѣніе городовъ, отъ которыхъ остались цѣлые ряды городищъ по рр. Сѣверному Донцу, Пслу и Деснѣ? 2. Гдѣ находился валъ Половецкій, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1223 г.? *В. В. Ивановъ*. Запросъ: О картахъ Слободской Украины и Харьковскаго Намѣстничества. *И. М. Каманинъ*. Запросъ: О происхожденіи русскаго козачества вообще и запорожскаго въ частности. *В. Θ. Миллеръ*. Вопросъ: Къ вопросу объ Алланахъ. *Θ. Г. Мищенко*. Вопросъ: Приемы этнографіи у древнегреческихъ историковъ. *С. Θ. Платоновъ*. Запросъ: Нельзя-ли составить подробную карту путей XVI—XVII вв. между Окой, лѣвыми притоками Днѣпра, Дономъ и Сѣвернымъ Донцомъ? *А. И. Соболевскій*. Запросы: 1. Кто были *саяры*, упоминаемые въ актахъ XVII и начала XVIII вв., имѣющихъ въ виду Черниговскую область? 2. Почему въ Москвѣ XVI—XVII вв. называли жителей южной Россіи *черкассами*? Нѣтъ ли связи между этими названіями и тождественнымъ съ нимъ названіемъ сѣверныхъ кавказскихъ горцевъ? *В. М. Сысоевъ*. Вопросы: 1. Каменные бабы, найденныя въ предѣлахъ Кубанской области. 2. Сводъ историческихъ данныхъ о Тмутараканскомъ княжествѣ. 3. Обзоръ распространенія кургановъ въ Кубанской области. Запросъ: Географическое распространеніе и значеніе каменныхъ бабъ. *Н. Θ. Сумцовъ*. Вопросы: 1. О нѣкоторыхъ памятникахъ старины Ахтырскаго у. Харьковской губ. 2. Мѣстныя названія Харьковской губ., какъ матеріалъ для изученія старины. 3. Архаическія черты въ орнаментѣ писанокъ. *М. Г. Халанскій*. Вопросъ: О древне-русскихъ переводахъ географическихъ терминовъ и названій.

Мы покончили съ отдѣлами, самыми изобильными по числу; остальные, за нѣкоторыми исключеніями, даютъ гораздо меньше матеріала для того или другого рода изысканій; въ связи съ этимъ и вопросовъ выдвигается меньше.

Вообще на съѣздахъ *отдѣлы памятниковъ искусства и художествъ, нумизматики и сфрагистики* бываетъ слабо представленъ. Если по отношенію къ двумъ послѣднимъ его подотдѣламъ обстоятельство это и не заслуживаетъ особой печали, то слѣдуетъ очень пожалѣть, что исторія нашего искусства привлекаетъ къ себѣ такъ мало вниманія. Особенно это относится къ памятникамъ южно-русскаго искусства, область эта — непочатый еще уголъ. Изъ заявленныхъ къ Харьковскому съѣзду, мы можемъ указать на вопросъ *М. П. Истомина* — Къ исторіи стѣнописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ; запросъ *Д. И. Багалъя* — Нѣтъ-ли въ Академіи Художествъ, среди ея метриковъ со свѣдѣніями о храмахъ и о др. древнихъ зданіяхъ, матеріаловъ, относящихся къ Харьковской и сосѣднимъ епархіямъ? *Е. К. Рудинъ* предложилъ вопросы: 1. Памятники искусства и древности церквей въ Харьковской губ. 2. Матеріалы къ исторіи древне-русскаго искусства. О нѣкоторыхъ древнихъ лцевыхъ рукописяхъ. 3. Русскія лцевыя рукописи Козьмы Индикоплова въ связи съ византійскими. *В. В. Суслевъ*, кромѣ нѣсколькихъ запросовъ, поставилъ два вопроса: 1. Древне-русское военное и гражданское водчество и 2. Старинное рѣзное дѣло на Руси.

Отдѣлъ, озаглавленный *бытъ домашній, хозяйственный, общественный, юридическій и военный*, затрогивая вопросы чисто историческіе, довольно богатъ по количеству и разнообразію темъ. *Д. И. Багалъ* заявилъ вопросы: 1. Цехи и братства въ лѣвобережной и Слободской Украинѣ; 2. Исторія города Харькова: планъ и источники труда; важнѣйшіе моменты его исторической жизни. Запросы *Д. И. Багалъя* имѣютъ характеръ обращеній съ просьбой о доставленіи предметовъ на выставку и различныхъ указаній, напр.: не можетъ-ли кто указать, гдѣ хранятся считающіеся теперь утерянными экстракты о Слободскихъ полкахъ, фамилныя записи Квитокъ, Тевашовыхъ, Лесевичкихъ и вообще мемуары, касающіеся Харьковскаго края; нѣтъ-ли портретовъ харьковскихъ дѣятелей въ нашихъ столичныхъ хранилищахъ и т. п. *В. В. Ивановъ*. Вопросъ

ств: 1. Безземельные Слободской Украины. 2. Новѣйшіе матеріалы по этнографіи и обычному праву Харьковской г. *Е. И. Ивановъ*. Вопросы: 1. Внутреннее состояніе Слободской Украины наканунѣ преобразованія въ губернію. 2. Черты изъ исторіи землевладѣнія въ Слободской Украинѣ. *Н. А. Максимейко*. Вопросы: 1. Исторія землевладѣнія въ Слободской Украинѣ. 2. Исторія землевладѣнія у донскихъ козаковъ. *Д. П. Миллеръ*. Вопросы: 1. Цехи въ старой Гетманщинѣ. 2. Повинности мѣщанъ въ Малороссіи XVIII ст. 3. Сельскіе ремесленники въ старой Малороссіи. *Н. Ѳ. Сумцовъ*. Вопросы: 1. О выдѣленіи въ заговорахъ древнѣйшихъ бытовыхъ мотивовъ. 2. О литературныхъ нравахъ южно-русскихъ ученыхъ XVII ст. Въ ряду другихъ вопросовъ и запросовъ *В. Н. Сторожева*, отмѣтимъ вопросъ общаго характера—Что сдѣлано губернскими учеными архивными комиссіями для сохраненія и разработки источниковъ по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XVIII и XIX вв., и такого-же характера запросъ: Основные моменты экономической исторіи Россіи до реформы 19 февраля 1861 года.

По отдѣлу *древностей церковныхъ* укажемъ на вопросы: *А. С. Лебедева*—Свѣдѣнія объ архіереяхъ Бѣлгородской епархіи, и *В. М. Сысоева*—Остатки запорожской церковной старины въ предѣлахъ Кубанской области. Запросы по этому отдѣлу: *Д. И. Багалъя*—Нѣтъ-ли въ библіотекѣ Св. Синода описаній церковныхъ древностей, относящихся къ епархіямъ: Харьковской, Курской, Воронежской, Полтавской и др. (присылка этихъ описей была вызвана запискою московск. митроп. Филарета въ 1853 г.)? *В. Т. Георгиевскаго*—Памятники древне-русскаго литургическаго шитья золотомъ, шелками и пр., *С. Ѳ. Платонова*—Церковныя древности въ Екатеринославской губ. Проявляется-ли въ нихъ западное вліяніе и въ чемъ именно? *Н. В. Покровскаго*—Бытовые особенности христіанской иконографіи въ Малороссіи.

По отдѣлу *памятниковъ языка и письма*. *Д. И. Багалъй*. Вопросъ: О неизданныхъ сочиненіяхъ Сковороды. Запросъ: Сохранились-ли богослужебныя книги западно-русской печати, нѣкогда взятые изъ Харьковской епархіи? *А. А. Кочубинскій*.

Вопросъ: Роль малорусскаго языка въ старѣйшей письменности Румынъ. Запросъ: Туземность малорусскаго языка. *И. М. Каманинъ*. Запросъ: Особенности письма Слободской Украины. Далѣ идутъ вопросы: *А. В. Ломиинова*: Значеніе Траяна въ русской исторіи, русскомъ правѣ и русской поэзи, *В. Ө. Миллера*: Пересмотръ вопросовъ, вызываемыхъ личностью Иліи Муромца и былинами о немъ, *М. Г. Халанскаго*: 1. О происхожденіи имени и прозвища Иліи Муромца и 2. Сказаніе о Маркѣ Проклятомъ въ малорусской народной поэзи.

По отдѣлу древностей классическихъ, восточныхъ, византійскихъ и западно-европейскихъ. Вопросы: *Д. В. Айналова*—Гдѣ и какъ была принимаема св. кн. Ольга въ Царьградѣ, *В. М. Сысоева*—Обзоръ древне-греческихъ колоній на восточномъ берегу Азовскаго и Чернаго морей, и его-же запросъ—Исторіи Босфорскаго царства. *Г. М. Халанскаго*—О Руссахъ и русскомъ князѣ Иліасѣ въ германскомъ эпосѣ. *Э. Р. фонъ-Штерна*—Точное опредѣленіе района культурнаго вліянія греко-римскаго міра на народы юга Россіи по совокупности археологическихъ и историческихъ данныхъ.

Отдѣлъ археографическій, бывшій на Киевскомъ съѣздѣ однимъ изъ болѣе содержательныхъ, обѣщаетъ быть такимъ-же и на Харьковскомъ; среди вопросовъ и запросовъ, мы находимъ такіе, которые служатъ какъ бы продолженіемъ поднятыхъ на послѣднемъ съѣздѣ. *Д. И. Багалый*. Запросы: Какіе матеріалы по исторіи Слободскихъ полковъ Харьковскаго края, въ болѣе позднее время, сохранились въ архивахъ Минист. Иностр. Дѣлъ, Главнаго Штаба въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и др. хранилищахъ? 2. Нѣтъ-ли документовъ, касающихся Харькова и его края, въ провинціальныхъ хранилищахъ и у частныхъ лицъ? *М. Н. Быловъ*. Вопросъ: Главнѣйшіе архивы Воронежскихъ губернскихъ учреждений. *С. Е. Запруга*. Вопросъ: Монастырскіе архивы Воронежской губ. *В. Т. Георіевскій*. Запросъ: о мѣрахъ къ охраненію старинныхъ архивовъ отъ уничтоженія. *И. М. Каманинъ*. Вопросы: 1. Возможна-ли, при централизаціи управленія архивами, централизація, общая въ государствѣ, исто-

рическаго матеріала? 2. Что должны заключать въ себѣ областныя архивы и общій государственный? 3. Нужны-ли особые губернскіе центральные архивы для болѣе новыхъ дѣлъ? *А. С. Раевскій*. Вопросъ: Обзоръ попытокъ упорядочить архивъ Новороссійскаго генералъ-губернаторства. *В. Н. Сторожевъ*. Запросы: 1. О порядкѣ храненія и уничтоженія документовъ по исторіи Россіи XIX в. 2. Должны-ли быть абсолютно публичными архивы русскихъ органовъ самоуправленія XIX в.

Изъ вышеприведенныхъ вопросовъ, заявленныхъ къ Харьковскому съѣзду, можно судить объ обширности территоріи, охватываемой послѣднимъ, такъ какъ сюда входятъ: Лѣвобережная Украина, Слободская Украина, часть Новороссіи и области Донская и Кубанская. Въ научномъ отношеніи территорія эта представляетъ громадный интересъ: она была ареной, гдѣ сталкивались восточное и западное культурныя теченія,—очень важно уяснить границы этихъ теченій, ихъ взаимоотношенія, вліяніе одного на другое; въ связи съ этими выясненіями находится и рѣшеніе другихъ вопросовъ археологій, по отношенію къ другимъ областямъ. Предшествующіе археологическіе съѣзды: Кіевскіе, Одесскій и Тифлисскій, значительно подвинули изученіе древностей нашего юга,—Харьковскій съѣздъ долженъ заполнить собой пробѣлъ, и пробѣлъ значительный, чтобы, наконецъ, весь югъ вошелъ въ сферу научнаго вліянія съѣздовъ. Въ виду обширности области, и въ виду сравнительно небольшого числа мѣстныхъ изслѣдованій, вліяніе это, главнымъ образомъ, въ видѣ возбужденія интереса, дастъ, путемъ подготовительныхъ въ съѣзду изслѣдованій, извѣстную долю матеріала и подвинетъ дѣло суммированія и научной обработки уже имѣющихся данныхъ. Но, въ виду именно вышеуказанныхъ причинъ, большаго отъ съѣзда, по отношенію къ мѣстнымъ памятникамъ старины, нельзя и требовать.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

За что былъ оштрафованъ сотникъ Д. Дараганъ „держаніемъ на пушкѣ“? ¹⁾ Въ полкахъ Гетманщины существовалъ особый разрядъ козаковъ, которые отправляли свою войсковую службу „стрѣлцкимъ искусствомъ“, т. е. охотились за дичью и поставляли ее ко двору гетмана, который, въ свою очередь, отправлялъ добытую „дичину, звѣрину и птиство“ въ Петербургъ къ Высочайшему Двору. Но служба этихъ козаковъ охотниковъ, ихъ особые права и обязанности не были опредѣленно регламентированы, самое число ихъ не было опредѣлено и часто было неизвѣстно полковому начальству. Надо полагать, что „войсковую должность стрѣлцкимъ отправлять искусствомъ“ стремились козаки ради того, чтобы, „въ томъ стрѣлцкомъ званіи считаясь, быть свободными отъ другихъ употребленій“. Такъ полагала и Войсковая Генеральная Канцелярія, предлагая гетману гр. К. Г. Разумовскому назначить надъ всѣми стрѣльцами, въ какомъ бы полку они ни жили, одного командира, подчиненнаго непосредственно Войсковой Генеральной Канцеляріи. Такое предложеніе признано было неудобнымъ и, по приказанію гетмана, въ февралѣ мѣсяцѣ 1756 г. затребованы были отъ Войсковой Генеральной Канцеляріи свѣдѣнія относительно имѣющихся въ данное время въ полкахъ стрѣльцовъ: „изъ какого они званія, изъ выборныхъ-ли козаковъ, или изъ подпомощниковъ, когда в кѣмъ и по какому указу или опре-

¹⁾ Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужило Дѣло 1756 г. Ген. Войск. Канц. „Объ оштрафованіи сотника Кропивянского Дмитрія Дарагана за то, что онъ, опредѣля козаковъ в стрелца, от служебъ ихъ уволилъ“.

дѣленію къ той должности опредѣлены, вѣв изавна стрѣльцаго званія быди и суть, в сколько ихъ гдѣ находится“.

Это требованіе о составленіи вѣдомости стрѣльцамъ повторено было особымъ письмомъ Андрея Безбородка къ генеральному обозному, который, отправляя изъ Глухова въ Петербургъ „для представленія въ надлежащее мѣсто привезенную отъ полку Лубенскаго дичину, имянно: лося одного, оленовъ двоихъ, сугаковъ пятв, козь четверохъ, а дрофъ троихъ“, писалъ, что такая доставка изъ полковъ дичины „малымъ чвсломъ“ происходитъ исключительно отъ «нерадѣнія стрѣльцовъ, при полкахъ состоящихъ в подѣ собою не выѣющихъ страху“.

Согласно ордеру гетмана, Войсковая Генеральная Канцелярія потребовала отъ полковниковъ „учинить объ оныхъ стрѣльцахъ справки“ и прв этомъ „въ крѣпкихъ термінахъ ордеровала“, чтобы стрѣльцы «все тое, что имъ звѣрвы и птаства не получено будетъ, съ того ничего себѣ и въ полкахъ и сотвахъ и малѣйше не оставляя, отсылали въ Глуховъ къ отсылкѣ въ подлежащее мѣсто“.

Очевидно, полковники сами не знали, кого именно призвать за стрѣльцовъ и какое число ихъ показать въ требуемыхъ вѣдомостяхъ. Нѣкоторые изъ полковниковъ, очевидно, не сочувствовали такому выдѣленію стрѣльцовъ въ особый разрядъ съ освобожденіемъ ихъ отъ обыкновенныхъ козацкихъ нарядовъ. Стремившіеся же къ такому освобожденію козакъ обращались непосредственно въ Войсковую Генеральную Канцелярію съ соотвѣтствующими просьбами. По поводу одной изъ такихъ просьбъ, поданныхъ четырьмя козаками Миргородскаго полка, Генеральная Канцелярія въ октябрѣ мѣсяцѣ 1755 г. предписала Миргородскому полковнику испытать искусство просителей и затѣмъ, освободивъ ихъ „отъ прочихъ нарядовъ и посылокъ“, приказать имъ всическв стараться о добычѣ „той дикой звѣрины и птаства, а паче дроховъ“ : „понеже вамъ не безызвѣстно“, писала В. Г. Канцелярія, „яко по прежнимъ давнимъ обычаямъ и нынѣ отъ его яснотельности ежечасно требуется присылка дичины, звѣрины и пташтва въ домъ его яснотельностей, откуда та дичина къ высочайшему двору Е. И. В. представляется, чего для и людей къ добычѣ оной дичины искусныхъ надобно“. Прв этомъ требовалось прислать именную вѣдомость тѣхъ козаковъ стрѣльцовъ, „кои къ добытію оной дичины употребляютъ“.

Надо думать, что въ каждой сотнѣ были козаки, свою службу козачью отправлявшіе „стрѣлцкимъ искусствомъ“, но, не зачисляемые въ особый разрядъ, они освобождались отъ другихъ нарядовъ просто по личному усмотрѣнію ближайшихъ начальниковъ, сотниковъ и полковниковъ, которымъ они и доставляли свою добычу. Настойчивое требованіе Войск. Генер. Канцеляріи, вызванное ордеромъ гетмана и особыми письмами изъ Петербурга къ генеральному обозному, относительно учета стрѣльцовъ и представленія именной вѣдомости ихъ вызвало въ полкахъ собираніе справокъ. Эти то справки и показали, что ближайшее начальство и сами стрѣльцы не имѣли опредѣленнаго представленія о служебномъ положеніи стрѣльцовъ. Собираніе же справокъ представило лишній поводъ начальствующимъ лицамъ свести и личные свои счеты. Переяславскій полковникъ Семенъ Сулима при этомъ случаѣ подвелъ Кропивянскаго сотника Дмитрія Дарагана подъ весьма чувствительное наказаніе.

Сотникъ этотъ донесъ, что въ его сотнѣ „точно опредѣленныхъ стрѣльцовъ, кромѣ нѣкоторыхъ козаковъ самихъ охотниковъ, не имѣется“. Но Полковникъ Канцеляріи не повѣрала сотнику: „содержуя въ томъ его сотника Дарагана репортъ сумнительство“, она назначила особыхъ ревизоровъ, которые и должны были изслѣдовать число стрѣльцовъ въ Кропивянской сотнѣ и составить имъ именную вѣдомость. Оказалось въ этой сотнѣ шесть стрѣльцовъ, при чемъ въѣ они изъ выборныхъ козаковъ и одинъ изъ нихъ состоитъ въ „стрѣлцкой должноти съ 1731 г., другой съ 1740, третій съ 1742, четвертый съ 1752 г. и два съ 1753 г. Самп-же они показали ревизорамъ, что „въ онѣхъ стрелци опредѣлены отъ сотника Дарагана и употребляются сотникомъ къ добычи звѣрини и дичини всегда, и что когда нѣ получаютъ въ добычъ, то все отдавали ему сотнику, а сколько чего отдано, за давность упомянуть не могутъ; общенародникъ же службъ по очерעדъ зъ другимъ сотни Кропивянской козаками (кромѣ военныхъ походовъ) не отбываютъ“.

По всей вѣроятности, такъ это дѣло обстоило и въ другихъ сотняхъ: освобождаемые на извѣстное время, на извѣстную очередь отъ другихъ нарядовъ, козаки, извѣстные своимъ охотничьимъ искусствомъ, доставляли свою „добычъ“ сотнику, который уже въ дальнѣйшемъ распорядженіи этою добычью проявлялъ такое или иное личное усмотрѣніе и, слѣдовательно, и личный свой взглядъ на самую „службу“ стрѣльцовъ.

Полковникъ Сулина, донося Генеральной Канцеляріи о произведенномъ имъ разслѣдованіи по рапорту сотника Дарагана, возбудившему „сумнѣтельство“, обвинилъ послѣдняго въ томъ, что онъ, опредѣливъ козаковъ въ стрѣльцы, уволилъ ихъ отъ другихъ службъ козачьихъ и пользовался ихъ „искусствомъ“ исключительно для личныхъ своихъ надобностей.

Генеральная Войсконая Канцелярія въ іюні мѣсяцѣ предписала полковнику Сулинѣ општрафовать сотника Дарагана „держаніемъ на пушкѣ чрезъ трѣ дни иъ каждый день по три часа“.

Дараганъ, узнавши объ этомъ, обратился въ Генеральную Канцелярію съ просьбою объ овобожденіи его отъ этого штрафа, такъ какъ не показалъ онъ стрѣльцовъ особо отъ другихъ козаковъ только потому, что «они прежде не назывались стрелцами, но означано по ревизіяхъ ихъ козаками всегда, и они съ того козакого званія охотятся и добычъ личины исправляютъ». Ордеромъ отъ 29 ноября къ полковнику Сулинѣ, дѣйствительно, штрафъ, наложенный на Дарагана, былъ отмѣненъ.

Скоро послѣ этого случая Дмитрій Дараганъ совсѣмъ оставилъ свой сотницкій урядъ, добившись назначенія на свое мѣсто сына своего Петра, какъ видно это изъ имѣющагося у меня гетманскаго универсала, даннаго въ Петербургѣ 9-го февраля 1759 г. Новымъ Кропшинскій сотникъ Петръ Дараганъ и присягу принималъ въ томъ же февралѣ 17 дня въ Петербургѣ, въ церкви Рождества Пресв. Богородицы, гдѣ священникомъ состоялъ землякъ его Алексѣй Добронизкій.

Ал. Андр.

Къ біографіи А. П. Стороженка. Среди читателей таланта покойнаго А. П. Стороженка имѣетъ широкое распространеніе ни на чемъ не основанное мнѣніе, будто онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа Муравьева въ Вильнѣ въ эпоху 1863 г. Между тѣмъ, изъ дѣйствительности, А. П. Стороженко никогда при графѣ Муравьевѣ не служилъ, а состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Внутр. Дѣлъ. Въ концѣ 1864 года или въ началѣ 1865 года онъ былъ посланъ въ сѣверо-западный край, когда возставіе было уже подавлено, для изученія положенія православныхъ

храмовъ в древнихъ его настырей. Объ его дѣятельности тамъ авторъ книгъ „Виленскіе Очерки 1863—1865 гг.“, А. Н. Мосоловъ, рассказываетъ слѣдующее: „Въ Минской губерніи дѣлу закрытія католическихъ монастырей противоудѣствовалъ бискупъ Войткевичъ, посылавшій однако начальнику края, при каждомъ торжественномъ случаѣ, письменное поздравленіе, почерпнутое, по большей части, изъ стариннаго письмовника. Для устраненія его вліянія, въ минскую губернію посланы были дѣйствительный статскій совѣтникъ Стороженко и адъютантъ В. Ѳ. Самаринъ. Первый изъ нихъ, г. Стороженко, извѣстный въ нашей литературѣ, по возвращеніи отсюда составилъ нѣсколько краснорѣчивыхъ описаній этого довольно дикаго, болотистаго и своеобразнаго края, представлялъ отчетъ о состояніи православныхъ храмовъ и древнихъ монастырей и написалъ, напечатанное въ послѣдствіи, сочиненіе: Сонъ въ Несвижѣ.

Несвижъ—богатое мѣстечко Слуцкаго уѣзда, древняя резиденція фамиліи Радзивилловъ. Тамъ донинѣ сохранился старинный замокъ, гдѣ жили причудливые владѣльцы Несвижа и княжествъ Слуцкаго, Мира и Олыковъ. Подъ впечатлѣніемъ старины, авторъ засыпаетъ въ древнемъ замкѣ, гдѣ ему отвели помѣщеніе, и переносится во время сна въ минувшее. Изображенные на стѣнахъ Радзивиллы выходятъ изъ портретныхъ рамокъ и поднимаютъ страшный шумъ. Они расприжаются въ своемъ замкѣ, но никто не является на ихъ зовъ, кромѣ стараго дворецкаго; они требуютъ отцовъ бернардиновъ—имъ отвѣчаетъ дворецкій, что ихъ разослали по другимъ монастырямъ; они собираются ѣхать къ королю въ Варшаву—имъ говорятъ, что его уже нѣтъ; хотять въ изступленіи взяться за оружіе—имъ напоминаютъ, что Муравьевъ въ Вильнѣ, и скорбные Радзивиллы уходятъ къ утру въ свои рамки.

Г. Стороженко читалъ свое сочиненіе въ разныхъ кружкахъ и вслѣдствіе этого было встрѣчено съ любопытствомъ и участіемъ, такъ-какъ въ немъ довольно живо изображено польское чванство и прошлое польское величіе въ сравненіи съ печальною дѣйствительностью». Помощниками у Муравьева въ 1863 г. по политическою части были Черевинъ и Павловъ.

Портретная икона Чацкихъ въ м. Боремлѣ. Въ сѣверо-западномъ углу Дубенскаго у., недалеко отъ Австрійской границы, на р. Стырѣ, находится м. Боремель. Нынѣ это ничтожное мѣстечко, наполненное евреями, а когда-то (въ XV—XVI вв.) это былъ городъ, съ замкомъ, гнѣздо волынскихъ князей Буремскихъ, вѣроятно, изъ рода мѣстныхъ удѣльныхъ князей. Когда этотъ княжескій родъ угасъ, Боремель перешелъ во владѣніе князей Порыцкихъ, затѣмъ Конечпольскихъ, Загоровскихъ и, наконецъ, въ 1694 г., достался Чацкимъ, которые построили здѣсь огромный дворецъ и развели при немъ роскошный садъ, устроенный извѣстнымъ нѣкогда на Волыни садовникомъ, англичаниномъ Маклеромъ. Въ 1830-хъ годахъ владѣльцемъ Боремля былъ губернской маршалокъ Михаилъ Чацкій, двоюродный племянникъ извѣстнаго Оаддея Чацкаго. Когда вспыхнуло польское возстаніе и въ концѣ марта 1831 года генераль Дверницкій съ десяти тысячнымъ корпусомъ вторгнулся со стороны Замостья въ предѣлы Волыни, то онъ прежде явился въ Боремель и здѣсь, во дворецѣ Мих. Чацкаго, встрѣтилъ радушный пріемъ, при чемъ нанѣ маршалокъ и самъ присоединился къ повстанцамъ. Но черезъ нѣсколько дней сюда же, въ Боремлю, явился отрядъ поль. начальствомъ генерала Ридигера, нанесъ пораженіе Дверницкому, отрѣзалъ его отъ Замостья и заставилъ искать спасенія въ сосѣдней Галичинѣ. Туда же, вмѣстѣ съ Дверницкимъ, бѣжалъ и Чацкій, а его дворецъ, садъ и другое имущество подверглись опустошенію. Съ тѣхъ поръ владѣлецъ Боремля не возвращался въ предѣлы Россіи, имѣнія же его были конфискованы.

Хотя Чацкій былъ католикомъ, но онъ оставилъ по себѣ память въ мѣстной православной церкви тѣмъ, что пожертвовалъ сюда образъ св. Ѳеклы, при чемъ, по обычаю того вѣка, чертамъ лица святой и окружающихъ ее ангеловъ художникъ придалъ сходство съ женой и дѣтьми жертвователя. Никто изъ мѣстныхъ жителей не придавалъ этому никакого значенія, и икона, въ изящной золоченой рамкѣ, спокойно оставалась на видномъ мѣстѣ въ церкви. Но въ январѣ 1840 года Дубенскій земскій исправникъ неожиданно получилъ отъ генералъ-губернатора Бибикова запросъ: «вслѣдствіе дошедшаго до меня свѣдѣнія, что въ м. Боремлѣ, въ тамошней приходской церкви, находится портретъ помѣщицы Чацкой и ея дѣтей, въ видѣ иконы изображенный, предписываю вашему и—дію удостовѣриться: какой портретъ графини

Чацкой и дѣтей ея находится въ церкви и по какому случаю? Если окажется, что портретъ этотъ дѣйствительно изображенъ въ видѣ иконы, то увѣдомить меня: можетъ-ли быть эта икона подъ благо-виднымъ предлогомъ вынесена изъ церкви, и о послѣдующемъ донести». Въ отвѣтъ на это исправникъ рапортовалъ: «Дубейскаго уѣзда, въ м. Боремлѣ, въ тамошней Троицкой церкви, находится икона св. Оеклы, въ позолоченой рамкѣ. Сія икона дѣйствительно имѣетъ сходство съ умершей женой бывшаго владѣльца м. Боремля, Чацкаго, какъ сіе удостовѣряютъ знающіе лично Чацкую; находящіися же на оной иконѣ изображенія въ облакахъ трехъ ангеловъ имѣютъ съ дѣтьми Чацкаго сходство, въ особенности одно изображеніе имѣетъ точное сходство съ лицомъ старшей дочери Чацкаго, лично мнѣ извѣстной. Сію икону пожертвовалъ Чацкій въ оную церковь во время владѣній его онымъ имѣніемъ, и она поставлена на мѣстѣ стоявшей тамъ иконы тоже св. Оеклы, которая снята и поставлена на другомъ мѣстѣ. Сія же икона, сооруженная Чацкимъ, написана вовсе не такъ, какъ изображаются православной церкви святители (sic!); то я полагаю, подъ предлогомъ снѣ могла-бы она быть вынесена изъ церкви, а прежнюю икону возобновить на своемъ мѣстѣ. По вынесеніи же изъ церкви поясненной иконы, и предоставить оную прихожанамъ продать, и деньги употребить на церковь».

Такъ-какъ въ то время волынскій епископъ Иннокентій въ концѣ января 1840 г. былъ перемѣщенъ на кафедру Орловскую, а преемникъ ему не былъ еще назначенъ, то генералъ-губернаторъ Бибиковъ обратился съ письмомъ къ Литовскому архіепископу Іосифу Сѣмашку, наблюденію котораго временно была подчинена Волынская епархія. Изложивъ обстоятельства дѣла по донесенію исправника, Бибиковъ писалъ: «Признавая неприличнымъ имѣть въ православной церкви неудобную икону, я имѣю честь сообщить о сѣмъ на ваше благоусмотрѣніе съ тѣмъ, не благоугодно-ли будетъ приказать эту икону вынести изъ церкви». Отвѣтъ архіепископа намъ не извѣстенъ, но иконы въ Боремельской церкви теперь иѣтъ. Интересно было-бы знать, какая постигла ее дальнѣйшая судьба.

О. Л.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. а) *Ходорковский скелетъ.* При производствѣ работъ въ строеніяхъ доминиканскаго монастыря, въ 1861 году, рабочіе, разыскивая кладъ, къ ужасу своему, наткнулись на замураванный въ стѣнкѣ костякъ.

Скелетъ найденъ въ сидячемъ положеніи, со связанными веревкою руками. Благодаря сохранившимся сухожильямъ шеи, голова еще держалась на плечахъ.

Слухъ объ этой таинственной находкѣ дошлв до высшаго начальства окольными путями лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

На мѣсто командирована особая коммиссія, которой пришлось удовольствоваться разсказами одного священника; прочіе свидѣтели были или педовѣрчиво отмалчивались.

Настоятель православнаго храма высказалъ предположеніе, что это «отнюдь не слѣдъ человѣческой мести, или жертва ксендзовскаго фанатизма», а вѣроятнѣе всего «казусъ неудавшагося затворничества какого-нибудь доминиканца».

б) *Нужды, не присвоенныя европейскимъ жителямъ.* Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, проживавшій въ юго-западномъ краѣ Кавказскаго корпуса подпоручикъ въ отставкѣ подалъ Его Величеству всеподданнѣйшее прошеніе по дѣлу о неправоульномъ его задержаніи и взятіи подъ стражу помѣщикомъ с. Дольска. Жалобщикъ изъясняетъ, что томился въ заключеніи «болѣе до трехъ мѣсяцевъ, терпя холодъ, голодъ и всѣ нужды, не присвоенныя европейскимъ жителямъ»...

Сообщ. А. Мёрдеръ.

Приворотныя средства. 1) Въ Малороссіи распространено однолѣтнее растеніе—*любка*. Нѣкоторыя особенности въ устройствѣ корня этого растенія дали поводъ употреблять его, какъ средство заставить полюбить другъ друга. Корень бываетъ двоякій: оканчивающійся отростками на подобіе пальцевъ (мужской полъ) и просто въ видѣ сердца, безъ отростковъ (женскій). Нужно наконецъ такихъ корней, высушить, настоять на водѣ и дать выпить «парубкови й двичини» поровну, притговаривая: «Любылися въ лѣсныхъ лугахъ цін цвиточки, и вы, диточки, въ своихъ хатахъ любитесь, якъ цін цвиточки въ лугахъ».

Нѣкоторые вѣдоизмѣняютъ эти чары такимъ образомъ. Накопавъ обоюго вида корней, сушатъ каждый полъ отдѣльно и въ тѣни. Женщина даетъ выпить мужчине настоя изъ «женскаго пола», а сама выпиваетъ настой «мужского пола». Затѣмъ смѣшиваетъ оба настоя и пополамъ выпиваетъ съ предметомъ своихъ обожаній. Вѣрять, что средство это хорошее: привлекаетъ мужчину къ женщинѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Копать корни нужно во время цвѣтенія, и среди дня, одному или одной. Выкопанные на новолуніе—будутъ дѣйствовать сильнѣе.

2) Найти въ лѣсу растущіе бокъ-о-бокъ дубъ и березу. Затѣмъ въ 12 часовъ ночи пойти туда и топоромъ отрубить кору такъ, чтобы лезвіе топора затронуло сразу кору дуба и березы, при чемъ нужно три раза сказать: «Якъ цей дубъ зъ березою въ корени ридно жынуть, не розлучно, такъ щобъ и (имя рекъ) жылы й не тужылы, и щобъ тоди тилько розлучылысь, якъ цей дубъ зъ березою въ корени».

Отрубленную кору взять и пойти не оглядываясь; кору отвари́ть и дать пить тому, кому жадаешь. При кипѣніи лужно приговаривать: «кыны, кыны, не розризняйся; въ купи порослы, пожылы и померте; такъ щобъ и (имя рекъ) вкупи до смерти жылы и не розлучалысь, такъ якъ той дубъ зъ березою». (Городища-Лѣсные, Черкас. уѣзда).

3) По заходѣ солнца съ ножомъ въ рукахъ выйти на дворъ, стать лицомъ къ востоку и воткнуть немного ножъ въ землю, говоря: «Я цей нивъ не въ землю стромяю, а прямо тобі (имя рекъ) въ сердце; зъ нидъ сердца въ жылы, въ нидъ жылъ въ пажылы; у тебе пажылъ симдесять и спмъ,—щобъ вони затрусылыся та до мене вси; щобъ тобі не дало ни йисты, ни пыты, ни спать, ни лежать, ни ходыть, ни сидыть, ни безъ мене жыть».

Затѣмъ воткнуть ножъ въ землю до половины, а затѣмъ и до рукоятки, сопровождая эти манипуляціи упомянутыми словами, по три раза. Оставить ножъ на всю ночь, а на другой день до восхода солнца вынуть его изъ земли. Когда придетъ предметъ сердца, этимъ ножомъ отрѣзать хлѣба и дать ему съѣсть. (С. Мельныки, Черкасскаго уѣзда).

Сообш. А. Гр. Хатемкинъ.

Своеобразныя молитвы. Весною прошлаго года по дѣламъ службы мнѣ прѣшлося остановиться на ночевку у мѣстнаго священника с. Бурковецъ о. Евгенія М. Я завелъ разговоръ о правильномъ усвоеніи крестьянами молитвъ, при чемъ выразилъ сомнѣніе, чтобы обыкновенныя молитвы въ правильномъ видѣ цѣркулировались среди населенія. О. Евгеній согласился со мною, посѣтовалъ на непочтительность и дикость прихожанъ, а также и на то, что при всемъ стараніи научить правильно молиться прихожанъ не мыслимо,—хоть немного, да перевернуть на свой ладъ.

— Кстатѣ, у меня служить старуха изъ Войтовецъ (Сквира у.). Какъ то разъ я заставилъ ее проговорить молитвы, извѣстныя ей. Я не могу вамъ выразить своего взумленія, какое охватило меня, когда она начала «проказывать» молитвы. Это что-то такое, что я при всемъ желаніи не расхохотаться—просто за боки взялся... Да вотъ, коли интересуетесь, то прочтите,—я записалъ дословно“.

Вотъ что я прочитаю:

Десятеро Боже приказаніе. Азъ есмь Господь Богъ твой, который тебе вывѣявъ изъ земли Гипельской, изъ дому неволи. Перше.— Не будешь мати иначыхъ богивъ, окроме неларемие. Трейте.—Святую неделонку святу. Четверте.—Шануй отца и матирь свою. Пяте.— Не убий. Шосте.— Не украдь. Сѣме.— Не въ чужу лазь. Восьме.— Не будь свидкомъ фальшывымъ напротивъ ближнёго своего черезъ дорогу. Девите.— Не пожадай жоны чужой, а ни жадной речи.

Симъ сокраментивъ: первое—крещеніе; второе—мыромъ помазаніе; трейте—вхарыста, то-есть тѣло и кровь Господа Нашого подъ особомъ хліба и вина; четверте—покута; пите—маслосвятые; шосте—капцанство и малженство.

Симъ грихивъ головныхъ: пыха и нечистота, гнѣвъ в заздривъ, обжорство и ливывство до хвалы Божіей.

Спала я вирую Марця мѣсяца, во святому гради Офтемъ Элемскимъ...

Этимъ исчерпывается все понятіе «бабуси» о молитвахъ. Оказалось, что она эти молитвы каждый день шепчетъ, а также научаетъ имъ и прислуживающую у батюшкы «девчынку», не смотря на запрещенія батюшкы. На мой вопросъ, гдѣ она выучила эти «молитвы», баба отвѣтила:

— «А такъ у Войтовцяхъ уси молятся, то й мене такъ навчылы. Онъ батюшка регочутся зъ мене, якъ я начну ци молитвы проказувать. А про те, якъ мене вдома вчылы, то я й буду такъ молитися».

Сообщ. А. Гр. Хатемкинъ.

О пѣсняхъ про волю. Въ январьской книжкѣ Кіевской Старинны за текущій годъ мой однофамилецъ, г. Вл. Корниловичъ, помѣстилъ пѣсню про волю, весьма похожую на ту, которая помѣщена была мною въ октябрьской книжкѣ Кіевской Старинны за 1898 годъ. Обѣ пѣсни записаны со словъ лирниковъ—мною въ Грубешовскомъ уѣздѣ, Люблинской губ., г. Вл. Корниловичемъ—въ Острожскомъ у., Волинской губ. Не смотря на дальность разстояній, отдѣляющихъ эти мѣстности, пѣсни близки между собою не только по содержанію, но имѣютъ даже почти тождественныя нѣкоторыя строфы, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Начадо пѣсни:

Грубешовской:

Летѣла зозуленька—
Зачала куваты:
Зачекайте, добри люде,
Щось маю сказаты...

Острожской:

Ой летѣла зозуленька черезъ новн села,
Та й принесла новыноньку панамъ невеселу.
Сила соби край виконця, та й стала куваты:
Збирайтеся вси громада, щось маю казаты...

Обращеніе пановъ къ паньщынѣ:

Вертайсь, вертайсь, паньщыноньку, Вернысь, вернысь, паньщыноньку,
Ходь ще до насъ въ гости!.. Хочь намъ до вечера!..

Окончаніе пѣсни:

Подекуймо Пана Бога,
Ще й наши Царыци:
Заковали паньщыноньку
На сухи граныци!..

Дай же Боже та здоровье
Нашій Царивни,
Що вона насъ поривняла
Зъ панамы нарівни.

М. И. Корниловичъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ дополненіе къ суммѣ 1638 рублей 33 коп., поступившей до сихъ поръ въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 3-й), вновь пожертвовано: гг. Чеплевскимъ—2 руб. 50 коп., Чикомъ—50 коп., Богдановичемъ—2 р., Далецкимъ—1 р., Фридландомъ—2 р., Клебановымъ—3 р., Слезневымъ—1 р., Гинзбургомъ—1 р. и Еноховичемъ—1 р., всего 14 руб., что вмѣстѣ съ прежними составитъ 1652 руб. 33 коп., которые и отправлены въ Полтаву.

Текущія извѣстія.

Начало украинско-русскаго народнаго университета. Мы уже отиѣтили (февраль, стр. 75—76) стремленіе галицкой интеллигенціи къ устройству въ Галичѣ народнаго университета для русскаго населенія, подобно тому, какъ это съ недавняго времени дѣлается для польскаго. Теперь, какъ сообщаютъ галицкія газеты (Буковина, Руслан), вышеуказанныя стремленія начинаютъ осуществляться. Старавіями філіи Товариства «Просвіта» въ Коломыѣ, съ конца февраля начался рядъ популярно-научныхъ лекцій (первая серія) по естествознанію, а именно: «Заразливѣ хороби», «Море и его чудеса», «Вороги людскаго здоровья», «Будова людскаго тіла». Всѣ эти лекціи будетъ излагать проф. Раковский, сопровождая чтеніе демонстраціями при помощи сکیоптика.

27 февраля состоялась первая лекція на тему «Заразливѣ хороби». По сообщенію «Руслана» (ч. 50) изложила она была прекрасно, и собравшаяся сравнительно въ большемъ количествѣ (около ста душъ) публика, мѣщане и крестьяне, получила, очевидно, полное удовлетвореніе.

Слѣдуетъ надѣяться, что примѣру проф. Раковского послѣдуютъ и другіе галицко-русскіе представители различныхъ отраслей науки.

Лекція объ историческомъ значеніи козачества. 14 марта Д. И. Эварницкій прочелъ въ С.-Петербургѣ, въ Солиномъ городкѣ, публичную лекцію для усиленія средствъ Общ. имени Т. Г. Шевченка. Лекторъ

указать, что запорожскіе козаки имѣли громадное значеніе въ жизни нашего отечества. Запорожцы держали въ своихъ рукахъ нити почти всѣхъ полѣтвческихъ событій XVI, XVII и начала XVIII вѣка и почти на всемъ пространствѣ всей территоріи юго-западной Россіи. Лекторъ сильно недоумѣваетъ по поводу взгляда историковъ, и въ числѣ ихъ знаменитаго вѣсториографа С. М. Соловьева, которые въ оцѣнкѣ роли и дѣятельности южно-русскаго козачества совершенно сходятся съ польскими историками, т. е. совершенно не видятъ въ дѣятельности козаковъ никакой пользы, но усматриваютъ въ нихъ огромный вредъ для государства и общества. Для великорусскаго историка эти войны козаковъ противъ Польши—парушеніе государственнаго принципа и существующаго въ государствѣ порядка. Теперь, когда прошло болѣе 120 лѣтъ со времени уничтоженія Сѣчи, лекторъ считаетъ возможнымъ спокойно взглянуть на значеніе запорожцевъ вь снать съ нихъ незаслуженныя имена грабителей, жестокихъ пьяницъ, безчеловѣчныхъ разбойниковъ, а слѣдуетъ оцѣнить въ нихъ то, что было въ нихъ честнаго, достойнаго и безупречнаго, такъ какъ они были рыцари въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, въ особенности рыцари Христовой вѣры. (Сѣв. Кур. 74).

Къ собиранію свѣдѣній объ архивахъ. Императорское московское археологическое общество, имѣя въ виду важное въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ значеніе свѣдѣній объ архивахъ и вообще о собраніяхъ дѣлопроизводствъ прошлыхъ лѣтъ, хранящихся въ различныхъ учрежденіяхъ, а также для составленія особаго обзора объ архивахъ для представленія его къ ходатайству прошлаго XI археологическаго съѣзда предъ правительствомъ о реорганизации нашихъ архивовъ, обратилось чрезъ губернаторовъ къ представителямъ мѣстныхъ правительственныхъ и сословныхъ учреждений, съ просьбой о присылкѣ отвѣтовъ по выработанному имъ вопросному листу. Всѣхъ такихъ вопросовъ предложено для разрѣшенія учрежденіямъ 24.

Премія Императ. Одесск. Общ. истор. и древностей. 14 ноября 1889 г. истекло 50-лѣтіе дѣятельности Императорскаго одесск. общества исторіи и древностей. Для ознаменованія этого событія дума

постановила въ то время ассигновать 500 р. на премию за лучшее сочиненіе по вопросамъ, касающимся исторіи нѣв древностей юга Россіи, съ тѣмъ, чтобы присужденіе премии было предоставлено означенному Обществу, а расходы на напечатаніе сочиненія, удостоеннаго преміи, были приняты на счетъ города. Не смотря на то, что прошло уже больше 10 лѣтъ, нѣкакихъ сочиненій для соисканія этой преміи представлено не было. Въ вѣду этого Общество постановило ходатайствовать передъ думой о разрѣшеніи присудить премию за лучший печатный трудъ по исторіи или археології южной Россіи, вышедшій въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, согласно оцѣнкѣ особо избранной Обществомъ комиссіи. (Югъ, № 574).

Нѣ дѣятельности Товариства ім. Івана Котляревскаго во Львовѣ. 18 февраля с. г. на засѣданіи Товариства ім. Івана Котляревскаго составлена *литературна секція* подѣ предсѣдательствомъ проф. Ол. Барвинскаго. Постановлено издавать, немедленно, дѣи серіи драматическихъ произведеній, нѣзъ которыхъ одна предназначена для крестьянъ. Съ этой цѣлью обратились къ профессору О. Колессѣ съ просьбой пересмотрѣть всю существующую донинѣ украинскую драматическую литературу. Обсуждался также вопросъ объ устройствѣ публичныхъ лекцій нѣзъ области нашей и чужой драматической литературы («Руслан, ч. 34).

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. 1) *Въ Галиціи*. Въ память XXXIX годовщины смерти Т. Г. Шевченка устроены были литературно-музыкально-вокальные вечера: въ м. Николаевѣ надѣ Днястромъ — 25 февраля, въ г. Коломыѣ — 1 марта (устраивала гимназическая молодежь); тамъ-же, 9 марта, устроенъ торжественный вечеръ фвліей Общ. «Просвіта», прѣи участіи Золочевского мѣщанскаго хора и членовъ читальни «Просвіта» изъ Струтна; послѣдніи сыгравъ драму «Правда все гороу». Въ Бережанахъ 4 марта устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежью въ залѣ театра. Программа послѣдняго составлена очень интересно: кромѣ номеровъ музыкально-вокальных съ участіемъ гимназическаго хора и оркестра, прочтенъ былъ рефератъ на тему «Голосы европейской критикѣи про Шевченка». Въ Черновцахъ — 13 февраля вечеръ устраивала мѣщанская чѣтальня. На вечерѣ присутствовало болѣе 300 лицъ, не только мѣщанъ, но и

значительное количество интеллигенціи. Между прочимъ прочтенъ былъ рефератъ о жизни и произведеніяхъ Шевченка. 2 марта устроенъ былъ торжественный вечеръ въ Самборѣ, въ русско-народномъ театрѣ. Кромѣ музыкально-вокальных номеровъ исполнена комедія въ 1-мъ дѣйствіи Гавалевича: «Нивішні».

2) Въ Пшибравѣ, въ Чехіи, украинско-русское горное Общество «Ватра» устроило въ концѣ марта вечеръ при участіи извѣстныхъ галицкихъ пѣвцовъ гг. Гушалевичей.

3) Въ Россіи. 26 февраля, въ день смерти поэта, отслужены были панихиды: въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ и въ Кіевѣ — въ Софійскомъ соборѣ, при огромномъ стеченіи молящихся.

Въ г. *Александровскъ*, Екатеринос. г., 5 марта устроенъ былъ литературно-вокальный вечеръ. Усиѣхъ вечера превзошелъ всѣ ожиданія. Хоръ изъ 25 лицъ составленъ былъ г. Костянецкимъ преимущественно изъ мастерового и рабочаго люда. Мѣстный художникъ г. Павловъ изготовилъ портретъ Тараса Григорьевича. На вечерѣ прочитаны были нѣкоторые произведенія Т. Г. Шевченка. Чтеніе чередовалось съ хоровымъ пѣніемъ и пѣніемъ солистовъ (г. Дерій), — преимущественно произведеній Шевченка, положенныхъ на музыку г. Лысенкомъ, и нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсень. Въ заключеніе мѣстный поэтъ Т. Л. Полищукъ, тоже изъ мастеровыхъ, — прочелъ небольшое стихотвореніе «На смерть Шевченка», — собственнаго сочиненія, встрѣченное бурными аплодисментами публики. Сборъ полностью поступилъ въ пользу мѣстной народной бібліотеки и Благотворительнаго Общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ, въ С.-Петербургѣ. (Днѣпровская Молва, № 11).

Въ тотъ-же день, въ г. *Елисаветградъ* устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ. Участвовали: гг. Карпенко-Карый, Марковъ, Динь и др. представители мѣстной интеллигенціи. Хоръ исполнилъ между прочими номерами: «Зановитъ», «Коломыйку», «Закувала та сыва зозуля». Прочтены были два реферата: «Геніальный горемыка» — по ст. Н. И. Стороженка, и «Поэзія Шевченка» Н. И. Костомарова.

Въ г. *Екатеринодаръ*. 26 февраля, почитатели Т. Г. Шевченка чествовали память поэта вечеринкой, происходившей въ помѣщеніи Общества взаимопомощи. На вечеринкѣ присутствовало свыше тридцати человѣкъ представителей мѣстной интеллигенціи. Ужинъ сопро-

вождался пѣніемъ и прилнчествующими случаю рѣчами. (Кубанск. Обл. Вѣдомости, № 46).

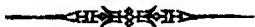
Въ *Кіевѣ*, въ залѣ Литературно-Артистическаго Общества, состоялся 18-го марта литературно-музыкальный вечеръ. Послѣ краткаго вступительнаго слова о поэтѣ, сказаннаго г-жей О. Косачъ, исполнены были многія произведенія Шевченка. Въ литературномъ отдѣленіи принимали участіе: г-жи Никольская, М. Старпцкая, г. г. Вороний, Сафоновъ и М. П. Старицкій; въ музыкально-вокальномъ—г-жи Александровская, Зотова; г. г. Орловъ и Семеновъ. Хоръ подъ управленіемъ Н. В. Лысевича прекрасно исполнилъ: «Встае хмара зъ-за Лиману», «О, мыйый Боже Украини!», «Иванъ Гусь» и др. Интересной новинкой являлось талантливое исполненіе прибывшимъ изъ Харькова бандуристомъ Гнатомъ Галайдою нѣсколькихъ номеровъ произведеній эпическаго творчества, какъ напр., историческая дума «Буря на Чорнымъ морі» и нѣкоторыя народныя пѣсни...

Въ *С.-Петербургѣ*, по примѣру прошлаго года, Общество имени Т. Г. Шевченка явилось организаторомъ состоявшагося 4-го марта обычнаго Шевченковскаго вечера—«роковинъ». Программа концерта, привлекавшаго, какъ всегда, массу публики, была составлена болѣе интересно и оригинально, чѣмъ въ предыдущіе годы, хотя и въ этотъ разъ литературная часть оказалась, къ сожалѣнію, очень несложной, ограничившася традиціоннымъ вступительнымъ словомъ г. Мордовцева и 3 стихотвореніями, прочитанными артистомъ находящейся здѣсь малорусской труппы г. Сусловымъ. Въ вокальной части вечера особенно заинтересовала публику Гнатъ Галайда, великолепно исполнившій, аккомпанируя себѣ на бандурѣ, думу собственнаго сочиненія «Буря на Чорномъ морѣ» и нѣсколько пѣсенъ юбзарскаго репертуара, между прочимъ извѣстную пѣсню «про Явтуха». Исполнителю—еще совсѣмъ молодому человѣку—пришла удачная мысль загримироваться кобзаремъ, благодаря чему его пѣніе произвело еще болѣе сильное впечатлѣніе и усилило иллюзію.—Остальные участники были также въ ударѣ и пѣли новыя интересныя вещи, что дало возможность безъ напряженія и скуки прослужать все первое отдѣленіе, длившееся безъ перерывовъ болѣе двухъ часовъ.

Во второмъ отдѣленіи г-жа Хмара, съ присущимъ этой пѣвицѣ мастерствомъ, исполнила извѣстный романсъ «Садокъ вишневый». Пѣніе было иллюстрировано тремя живыми картинами, поставленными

оригинально и со вкусомъ. Не слѣдовало только разбивать романсъ на части, иллюстрируя отдѣльно каждую изъ нихъ, т. е. все это вызываетъ неизбежныя въ такихъ случаяхъ значительныя перерывы, нарушающіе цѣльность впечатлѣнія.

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣленіи были даны «Вечорницы» Нищенскаго, прошедшія, что называется, безъ сучка и зазоринки и окончательно упрочившія за г. Черемховичемъ, руководящимъ много уже лѣтъ хоровой частью Шевченковскихъ вечеровъ, репутацію талантливаго и опытнаго дирижера. Вообще Шевченковскіе вечера съ каждымъ годомъ становятся все популярнѣе среди Петербургской публики, такъ что устроителямъ ихъ слѣдовало-бы позаботиться о пріисканіи на будущее время помѣщенія, болѣе обширнаго, чѣмъ залъ Павловой, напоминающій своими размѣрами и обстановкой клубную сцену средней руки.



БИБЛЮГРАФІЯ.

Hanns Weber-Lutkow. Schlummernde Seelen. Geschichten aus Kleirussland. *Linz und Leipzig. 1900. Oesterreichische Verlagsanstalt. 109 стр.*
Ц. 1 гульд. 20 кр. или 2 марки.

Въ нѣмецкой литературѣ оригинальныя беллетристическія произведенія изъ малорусскаго, точнѣе галицкаго, быта являются не впервые. Заслуженной извѣстностью пользуются имена гг. Захеръ-Мозоха и особенно Францова, произведенія котораго проникнуты глубокимъ сочувствіемъ къ страдающимъ и обездоленнымъ. Въ появившейся теперь книгѣ равнѣ неизвѣстнаго писателя г. Вебера-Люткова „Дремлющія Души, рассказы изъ Малороссіи“ къ сожалѣнію очень не много чертъ, дающихъ право приурочить ихъ къ Малороссіи. Кромѣ указанія въ заглавіи на Малороссію, имѣютъ украинскій характеръ имена дѣйствующихъ лицъ, иногда, впрочемъ, невѣрно передаваемыхъ (Димитръ, Грегоръ), нѣкоторыя особенности жилищъ, одежды и кой-какіе обычаи; къ Малороссіи приурочиваетъ книгу также исполненное любви и почитанія упоминаніе о «Кобзарѣ» Т. Г. Шевченка и мастерски рассказанное содержаніе «Наймички». Всѣ герои рассказа «Димитръ», «Иванъ» и «Настя» представляютъ описанія равнинныхъ пейзажей, селъ, барскихъ усадебъ, кладбищъ и другихъ частностей, гдѣ типическіе малорусскіе элементы вовсе не отмѣчены. Къ какой части Малороссіи относятся рассказы, авторъ не говоритъ; надо полагать, что къ Западной, точнѣе къ Галицкому Подолью, такъ какъ на это указываютъ нѣкоторыя подробности: таково взаимное привѣтствованіе посредствомъ реченія «Хвала Іисусу

Христу!..), таковыя глубокіе земныя поклонны крестьянъ при встрѣчѣ съ паномъ, цѣлованіе колѣнъ послѣдняго «съ природной покорностью», цыганскій оркестръ въ селѣ, право евреевъ (у нихъ сохранились пейсы) пріобрѣтать крестьянскія поля и усадьбы, что по русскимъ законамъ не допускается.

Рядомъ съ реальными украинскими чертами, встрѣчаются другія, вымышленныя, вовсе несвойственныя какой-бы то ни было части Малороссіи. Таково, напр., описаніе образа жизни крестьянина — отъ-явленнаго пропойцы. Онъ никогда не работаетъ, женѣ и дочери подѣ страхомъ безжалостныхъ побоевъ заперещаетъ хоть сколько-нибудь трудиться. Часть его поля заросла бурьяномъ, другая въ арендѣ у еврея, а все же онъ ежедневно въ шинкѣ, ежедневно напивается допьяна; авторъ не указываетъ, откуда для этого берутся средства. Когда онъ обѣдаетъ дома, въ своей жалкой *курной* избѣ, то на глиняный полъ ставится миска, наполненная водкой; кругомъ нем разсаживаются хозяинъ, его жена и малолѣтняя дочь; они вмакаютъ въ водку большіе куски хлѣба и жадно проглатываютъ ихъ; потомъ отецъ всовываетъ голову въ миску и, какъ собака, лакаетъ остатки... Если эти частности напоминаютъ бытъ проказовъ или бушменовъ, то описаніе похоронъ, не лишнее поэзіи, отличается не меньшей фантастичностью. У окончательно обнищавшаго помѣщика Барскаго, предающагося непробудному пьянству, умерла жена. Грубо сколоченный изъ еловыхъ досокъ гробъ съ намалеваннымъ на крышкѣ чернымъ крестомъ поставили на подставку изъ ельничъ на простомъ возу, въ который запряжена пара украинскихъ воловъ; за возомъ идетъ полуныный Барскій, за нимъ шествуютъ помнящіе Барскаго молодымъ благодѣтелемъ села немногіе пожилые крестьяне въ бѣлыхъ козухахъ и черныхъ шапкахъ; за ними слѣдуютъ укутанныя въ бѣлыя платки крестьянки, веди за руку ребятишекъ; не слышно ни плача, ни жалобъ. „По выходѣ изъ села, начинается исполненіе крестьянами похоронной пѣсни — простое, суровое, монотонное, какъ-бы безъ связи съ содержаніемъ; казалось, что всѣ пѣвцы утомлены“. Содержаніе этой пѣсни въ прекрасныхъ ствхахъ автора превосполнено глубокаго отчаянія, безгранично-пессимистическаго отношенія къ жизни. „Тяжело скитаться по свѣту, легко отправиться въ послѣдній путь“... „Было-бы Божьимъ благословеніемъ никогда не зарождаться“... „Каждый часъ првчинялъ мнѣ скорби, муки и страданья“... „Послѣ дней,

всегда превосполненных вестяхъ, я ночью томился безъ сва взъ-за чужой скорбь, которая горше собственной“... «Страство жаждалъ я злата и суетнаго богатства,—теперь лишь гробъ и бѣлый саванъ составляютъ все мое достояніе, и все же я удаляюсь богаче монарха“... „Прекратите молитвы и звонъ колоколовъ, чтобы для меня наступило вѣчное молчаніе, тихій покой: главной буду я и испомъ, горсточкой лишь праха“!.. За строфами, пролѣтѣвъ крестьянами, слѣдуютъ другія такіа же, исполненныя самимъ Барскымъ; третьи поются дѣтьми. На кладбищѣ священникъ (исповѣданіе не указано) произноситъ молитвы, и гробъ передается землѣ.

Давая широкій просторъ своей фантазіи въ этихъ и другихъ подробностяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ украинской дѣйствительностью, авторъ имѣлъ-бы право назвать свои рассказы малорусскими, если-бы выведенныя имъ лица изъ крестьянской среды отличались тѣми тѣлесными особенностями характера, возрѣвѣи и привычекъ, которыя характеризуютъ украинскаго простолюдина; въ неопредѣленной средѣ, къ которой принадлежитъ большинство дѣйствующихъ лицъ въ рассказахъ г. Вебера-Люткова, эти особенности должны сказываться особенно ярко. Съ этой точки зрѣнія посмотримъ, каковы главные дѣйствующія лица рассказовъ.

Возвратившійся послѣ отбыванія воинской повинности Димитръ служилъ конюхомъ у еврея Исаака, отнявшаго хату, усадьбу и поля у его отца, пріобрѣтшаго потомъ и имѣніе раззорившагося помещика Барскаго, который пріютилъ бездомнаго Димитра. Несчастный не знаетъ, куда удалывался его отецъ и сестра Маринка; искорѣ ему сообщаютъ, что послѣдняя въ городѣ сдѣлалась проституткой.

У виллаго, безвольнаго и необщительнаго Димитра жажда мести еврею силеается съ мечтами о дочери послѣдняго, Лей; овъ видѣлъ ее лишь мелькомъ, но все-же онъ страстно любитъ ее, и думы объ обладаніи ею постоянно его преслѣдуютъ. И вотъ, при случайной встрѣчѣ, насильно овладѣваетъ овъ дѣвушкой, потерявшей сознание; послѣ этого онъ сразу становится къ ней вполне равнодушнымъ,—онъ оставляетъ ее и въ слѣдующіе дни даже не вспоминаетъ о ней. Но вотъ она ночью является къ нему съ проклятіями и угрозами—онъ вторично творитъ надъ нею насилье. И что-же? Послѣ этого ему какъ-бы слышится издали голосъ сестры, полный любви и благодарности, а на нѣе дважды насильственно опозоревная въ Лей тутъ-же на мѣстѣ преступленія начинаетъ выражать ему свою любовь—

онъ отвѣчаетъ ей громкимъ хохотомъ... Проходить опять нѣсколько дней, и при новой встрѣчѣ онъ съ презрѣніемъ отвергаетъ страстную любовь, которую выражаетъ ему Лея; когда-же она по его винѣ падаетъ въ прудъ и, утопая, хватается за него руками, онъ отталкиваетъ ее: на его глазахъ она тонетъ, но онъ и не пытается спасти ее,—его лишь глубоко радуетъ сознаніе, что самъ онъ остался живъ; съ восторгомъ ощущаетъ онъ прелести жизни и окружающей природы. Онъ вспоминаетъ о лежащей на днѣ Леѣ и вслѣдъ затѣмъ засыпаетъ крѣпкимъ глубокимъ сномъ. Проснувшись, онъ сначала чувствуетъ страхъ и раскаяніе, но скоро его успокаиваетъ мысль, что вѣдь и самъ онъ подвергался крайней опасности и что она сама виновна въ своей смерти; ему кажется, что судьба распорядилась вполне справедливо, и весь онъ отдается злорадному чувству. Видъ старика еврея, оплакивающаго дочь съ глубокимъ отчаяніемъ, его не трогаетъ; вопли еврея кажутся ему лаемъ собаки; Димитръ вспоминаетъ слышанный имъ когда-то завѣтъ: „Дѣти, любите другъ друга“, вспоминаетъ онъ свое безрадостное дѣтство, отсутствіе любви къ нему ближнихъ, и кажется ему смѣшнымъ горе стараго еврея, такъ какъ оплакиваніе смерти человѣка ему представляется чѣмъ-то неслѣпымъ. Въ ту-же ночь бросаетъ онъ службу, уходитъ изъ села и становится бродягой; подъ часъ онъ зарабатываетъ мелочь, чтобы прокормиться, но большей частью существуетъ подаяніемъ. Попадаетъ онъ въ городъ и здѣсь случайно встрѣчаетъ сестру-проститутку, уже похоронившую отца. Шутя спрашиваетъ онъ Маринку, не предпочтетъ-ли она жить честнымъ трудомъ? Громко смѣясь, она отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ; весело шутя и смѣясь прощается онъ съ нею, безмѣрно радуясь, что кораллы и платья его жизнерадостной сестры богаче тѣхъ, которыя принадлежали теперь уже мертвой Леѣ. «И тутъ впервые созналъ онъ, что есть высшее существо, мудро распредѣляющее счастье и несчастье между земными существамъ. Съ тихой благодарностью поднялъ онъ глаза къ небу».—Этимъ кончается рассказъ.

Во второмъ рассказѣ крестьянскій парубокъ Иванъ глубоко оскорбленъ предпочтеніемъ, которое среди танцевъ нравящаяся ему дивчина Ганя оказываетъ другому болѣе богатому танцору Васылю. Онъ выпиваетъ въ шинкѣ 2 рюмки водки и начинаетъ думать о томъ, что его обираетъ отчимъ; онъ хочетъ совершить дѣло, которое показало-бы, что онъ умѣетъ постоять за себя, добиваться цѣли, что онъ силенъ и независимъ; онъ хочетъ имѣть деньги, чтобы до-

биться расположенія Гани. Онъ идетъ домой, чувствуетъ колебанія, ужась, но все-же убиваетъ проснувшихся отчима и родную мать, наполняетъ свои карманы червонцами. Съ сердцемъ, преисполненнымъ радостью и гордостью по поводу удашнаго исполнѣя предположенія, онъ весело взираетъ на звѣздное небо — «ему казалось, что въ дущной хатѣ остались всѣ прежніе годы со скорбями, униженіями и воплями, что теперь предстоить ему будущее, чистое и яркое, какъ звѣзды». Самоувѣренно приглашаетъ онъ Ганю танцовать съ нимъ, она не рѣшается отказать ему, останавливаетъ Василя и танцуетъ съ Иваномъ, бросающимъ горсть червонцевъ музыкантамъ-цыганамъ. Съ упоеніемъ танцуетъ Иванъ, крѣпко цѣлуетъ онъ Ганю; обоими все болѣе овладѣваетъ страсть, в удалившихся въ близкій лѣсокъ, они отдаются другъ другу. Но среди страстныхъ объятій Иванъ вдругъ вспоминаетъ объ убитыхъ, видитъ ихъ съ разрубленными черепами — онъ устраняетъ объятія Ганю, не отвѣчаетъ на ея ласки, все шепчетъ: «какъ безобразно, какъ безобразно!» Прийдя домой, онъ чувствуетъ страшное утомленіе; одѣтый бросается онъ на постель, и крѣпкій сонъ овладѣваетъ имъ. Ему снится дѣтство, снятся ласки матери, ему кажется, что онъ съ нею бродитъ по какой-то заросшей пустоши, среди страшнаго шума раздаются крики: «убійца, убійца!», онъ видитъ палача и всѣ прѣготовленія къ казни... Съ ужасомъ призываетъ онъ мать и видитъ ее съ разсѣченнымъ черепомъ. Онъ просыпается среди бѣла дня; хорошо помнитъ онъ событія минувшей ночи, понимаетъ, что жизни его конецъ, и только жалѣетъ, что его повѣсятъ, а не обезглавятъ. Онъ тщательно одѣвается, прихорашивается, а затѣмъ идетъ къ толпѣ, собравшейся въ спальнѣ убитыхъ, и спокойно отдается людямъ, которые выжмутъ его в уодятъ.

Въ послѣднемъ разсказѣ Настя, дочь пропойцы, обь оригинальныхъ трапезахъ котораго мы уже упоминали, растеть совсѣмъ заброшенная. До 15 лѣтъ ея одежда состоитъ изъ нзмятаго соломеннаго брыля отца и дырявой рубахи, потомъ мать даетъ ей взаимѣ старую снодницу и изорванную кацавейку. Часто достаются ей жестокіе побои со стороны отца и матери, не знаетъ она ласки, ничьихъ не видитъ заботъ о себѣ. Никогда она не работаетъ; по цѣлымъ днямъ она одинока, ребячески забавляется на берегу сажалки или же о чемъ-то безсознательно мечтаетъ. Возмужавши, она очень хорошѣетъ; ее встрѣчаетъ нѣмецъ помѣщикъ Альбертъ; онъ уводитъ ее въ свой замокъ, и дѣвушка, не имѣя представленія о стыдѣ, без-

сознательно отдается ему. Скоро она начинает измѣняться: въ ней просыпается женственность, является стыдъ, потребность любви — она все больше привязывается къ Альберту. Онъ даритъ ей красивые городскія платья, обѣдаетъ съ нею за господскимъ столомъ; сначала это очень стѣсняетъ ее, она даже убѣгаетъ въ отцовскую хижину; но здѣсь мать встрѣчаетъ ее жестокими побоями за то, что она вернулась съ голыми руками, и вотъ она возвращается въ замокъ и вполне отдается новой жизни, увлекается нарядами, богатой обстановкой, барскими обѣдами. Въ ней просыпается сознаніе прошлаго и настоящаго; она начинаетъ помогать въ хозяйствѣ, быстро усваиваетъ изъ домашнихъ работахъ, выказываетъ большую любознательность; затвердивши немногія нѣмецкія слова, она проситъ Альберта, чтобы ее научили читать. Быстро усваиваетъ она грамоту и съ увлеченіемъ чѣтаетъ «Кобзарь» Шевченка, рассказываетъ возлюбленному содержаніе «Наймички». Проходитъ годъ, и она счастлива среди барской обстановки. Но вотъ однажды, во время катанія изъ прекрасномъ экипажѣ, когда истрѣченные крестьяне со словами «Христосъ Воскресъ!» низко кланялись ей, какой-то нищій въ лохмотьяхъ хочетъ исскочить къ ней на свѣдѣніе. Это ее отецъ; кучеръ бьетъ его кнутомъ, а онъ съ рыданіями и мольбой взываетъ къ ней: «Настя, Настуня, Настусенька, развѣ ты не узнаешь отца?» Но вотъ онъ падаетъ съ подножки и попадаетъ подъ колесо экипажа. Настя выныриваетъ изъ экипажа и съ воплями: «отецъ мой, мой милый отецъ!» бросается къ раненому и изъ своего экипажа хочетъ отвезти его въ родную хату. Дорогой онъ умираетъ. По прибытіи на мѣсто она на полу обмываетъ и прибираетъ трупъ, приодѣваетъ его, а затѣмъ, утолвши голодъ, валится на грязный, мокрый глиняный полъ рядомъ съ трупомъ и немедленно засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Похоронивши отца, она испуганно, какъ-бы безсознательно, отвергаетъ предложеніе Альберта возвратиться къ нему; опять на ней крестьянская одежда, опять она живетъ прежней безсознательной дѣтской и автоматической жизнью, опять полное бездѣйствіе, лианство, крайняя нужда и голодъ. Въ концѣ концовъ она однажды, желая ради забавы столкнуть собаку въ сажалку, сама падаетъ въ нее и погибаетъ.

Мы нарочно передали содержаніе трехъ рассказовъ г. Вебера-Люткова, чтобы показать, какъ далеки выведенныя имъ «Дремлющія Души» по своимъ душевнымъ свойствамъ и нравственнымъ возрѣ-

ніямъ отъ психологіи и унаслѣдованной этики малорусскаго крестьянина. Скажемъ больше: мы затруднились-бы приурочить героевъ г. Вебера къ какой-бы то ни было европейской національности. Это не дремлющія души, а полувѣдоты или маніаки, которыхъ чувства, дѣйствія и мысли не только въ дремотномъ состояніи, но и послѣ пробужденія напоминаютъ звѣря; они представители вырожденія или атаксизма и въ качествѣ таковыхъ лишены этнографическихъ особенностей того или иного современнаго народа—это патологическія особи средъ современныхъ культурныхъ поколѣній. У нихъ и въ средѣ, ихъ окружающей, мы не видимъ тѣхъ чертъ, которыя свойственны народнымъ массамъ какъ въ Малороссіи, такъ и въ другихъ странахъ современной Европы. Мировоззрѣніе этихъ массъ характеризуется уваженіемъ къ трудовому началу; послѣднее является у нихъ главнымъ источникомъ этическихъ и соціальныхъ изгладовъ, а между тѣмъ, не только герои г. Вебера-Люткова, но и вся среда, ихъ окружающая, отличается глубокимъ презрѣніемъ и ненавистью къ труду. Прибавимъ еще пессимизмъ, которымъ въ рассказахъ отличается мировоззрѣніе крестьянъ, пессимизмъ, который, вмѣстѣ съ звѣрскими страстями въ половыхъ отношеніяхъ, является источникомъ душевныхъ и нравственныхъ побужденій къ убійствамъ и другимъ преступленіямъ, источникомъ ощущеній, испытываемыхъ виновниками *post factum*. Все это черты, лишь крайне рѣдко проявляющіяся въ крестьянской средѣ, но зато излюбленныя беллетристами-декадентами. Къ числу послѣднихъ примыкаетъ Г. Веберъ-Лютковъ какъ по сюжетамъ своихъ произведеній, такъ и по отношенію своему къ описываемымъ общественнымъ явленіямъ, по своимъ воззрѣніямъ, ярко отмѣченнымъ пессимизмомъ и стихійнымъ антисемитизмомъ, по предпочтенію, которое онъ, при выборѣ содержанія, отдаетъ животнымъ проявленіямъ человѣческой природы. А жаль: авторъ, несомнѣнно, отличается талантливостью, онъ умѣетъ оживлять для читателя даже выведенныя имъ неестественныя дремлющія души, характеристики его мѣткі, иногда онъ даетъ глубокой психологическій анализъ; изложеніе отличается прекраснымъ языкомъ, иногда большимъ изяществомъ, мѣстами даже художественностью; рассказы его читаются легко и съ интересомъ.

Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. Царствованіе Алесандра I (съ 1810 по 19 ноября 1825 г.). *Журналы по дѣламъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ. СПб. 1899.*

Порядокъ изданія архивныхъ матеріаловъ въ настоящей четвертой части четвертаго тома сохраненъ прежній, о чемъ нельзя не пожалѣть и не повторить высказанныхъ нами раньше пожеланій ¹⁾; редактировалъ этотъ томъ по-прежнему I. Ф. Штендманъ.

Изъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, можно отмѣтить слѣдующіе:

1) Рѣшеніе по дѣлу объ имѣніи, купленномъ коллежскимъ ассесоромъ Михаиломъ Мартыновскимъ у наслѣдницъ маіорши Евфросиніи Скоропадской.

2) Рѣшеніе по дѣлу объ отыскиваемомъ княгинею Идалиею Сапѣга отъ графовъ Потопкиныхъ дополненіи приданной суммы.

3) Рѣшеніе по дѣлу о раздѣленіи между греко-россійскими и греко-уніатскими церквами суммы 200.000 злотыхъ, завѣщанной покойнымъ уніатскимъ оффиціаломъ Примовичемъ на устроение и содержаніе въ городѣ Житомирѣ миссіи и семинаріи и оспариваемой его наслѣдниками.

4) Рѣшеніе по дѣлу о крестьянахъ, спорныхъ между помѣщиками Базилевскими и опекуномъ малолѣтнихъ Неклюдовыхъ, ротмистромъ Донецъ-Захаржевскимъ.

5) Рѣшеніе по дѣлу объ утвержденіи навсегда раздѣла имѣнія между наслѣдниками князя Ксаверія Любомирскаго.

Наиболѣе интересное первое дѣло, какъ образчикъ судебной волокиты того времени.

Въ 1817 году въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось рѣшеніе Сената по дѣлу объ имѣніи, купленномъ коллежскимъ ассесоромъ Михаиломъ Мартыновскимъ у наслѣдницъ маіорши Евфросиніи Скоропадской, урожденной Закревской.

Евфросинія Скоропадская была дочь генеральнаго обознаго Іосифа Закревскаго († 1769 г.) и жены его, Анны, урожденной Разумовской, которые имѣли, кромѣ Евфросиніи, вышедшей замужъ за Скоропадскаго въ 1761 г., еще четырехъ сыновей—Андрея, Григорія, Кирилла и Алексѣя, и двухъ дочерей—Софію и Марину. Въ

¹⁾ См. Киевск. Стар., 1898 г., апрѣль.

1772 г. Скоропадская предъявила искъ въ Батуринскомъ земскомъ судѣ къ братьямъ о выдѣлѣ ей части изъ оставшагося по смерти родителей имущества, такъ-какъ «отецъ ея, принявшій фамилію Закревскихъ, до женитьбы своей не имѣлъ никакого вѣннія», а все имущество было приобрѣтено путемъ пожалованія не столько отцу, сколько матери, Аннѣ Закревской, какъ сестрѣ братьевъ Разумовскихъ¹⁾, и потому можетъ считаться материнскимъ, въ доказательство чего приводился универсалъ гетмана Разумовскаго отъ 17 января 1752 г. на м. Салтыкову Дѣвицу въ Нѣживскомъ полку «съ людьми и со всѣми угоднымъ». Отвѣтчики доказывали, что нѣтъ отецъ и до женитьбы на Аннѣ Разумовской имѣлъ недвижимую собственность; женившись, продолжалъ округлять свое земельное владѣніе, такъ что все оставшееся по смерти родителей имущество—отцовское, а такъ-какъ Евфросинія выдана замужъ при жизни отца и получила отъ него приданое, то она и не имѣетъ правъ на наслѣдство. Батуринскій земскій судъ призналъ право Евфросиніи Скоропадской на наслѣдство, но, принявъ во вниманіе, что у нея, кромѣ четырехъ братьевъ, имѣется еще двѣ сестры—графиня Софія Анраксинна и Марима Нарышкина,—постановилъ выдѣлить ей седьмую часть. Отвѣтчики этимъ не удовлетворившись, и началась судебная волокита черезъ генеральный судъ, малороссійскую коллегію и сенатъ.

Между тѣмъ истца Скоропадская 19 сентября 1799 г. умерла, составивши незадолго передъ смертію завѣщаніе, на которомъ подписанъ въ качествѣ свидѣтеля и ея сынъ, Петръ. Она раздѣлила оставшуюся часть ея недвижимаго имущества, а равно право на седьмую часть наслѣдства, согласно рѣшенію Батуринскаго земскаго суда, между двумя своими дочерьми, Евфросиніей и Софьей (изъ которыхъ послѣдняя вскорѣ вышла замужъ за прапорщика гвардіи Мвхана Корбіа), въ равной части. На это распоряженіе матери выразилъ свое согласіе и другой ея сынъ, Михаилъ.

Такъ какъ процессъ очень затянулся, то произошли новыя осложненія, а именно: Алексѣй Закревскій, сыновья умершаго Григорія Закревскаго и одна изъ дочерей Кирилла Закревскаго, Марья, по мужу Раздеришина, помирился съ двумя дочерьми Евфросиніи Скоропадской, удовлетворя ихъ девъгами; часть спорнаго имущества, именно—м. Салтыкова Дѣвица, продана въ 1794 г. Кирилломъ

¹⁾ Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. I, стр. 64

Закревскимъ его-же дочери Еленѣ и ея мужу Николаю Романовскому, а с. Дорогвику продана въ 1783 г. Андреемъ Закревскимъ коллежскому ассесору Ковстантину Селивановичу.

Въ виду этихъ осложненій все дѣло по жалобамъ сторовъ было передаво Сенатомъ для новаго разсмотрѣнія въ Нѣжинскій земскій повѣтовый судъ, а потомъ перешло въ генеральный судъ и снова въ сенатъ.

Между тѣмъ 19 ноября 1804 г. умерла Софья Корбіева, продавши незадолго до смерти свое право на часть спорнаго наслѣдства Василю Селецкому и Мартыновскому.

Эти новыя осложненія повели къ тому, что дѣло побывало на разсмотрѣніи въ Глуховскомъ земскомъ повѣтовомъ судѣ, въ черниговскомъ губернскомъ правленіи и еще разъ въ Сенатѣ.

Когда умеръ и Мартыновскій, то сынъ его лейбъ-гвардіи уланскаго полка корнетъ Михайлъ Мартыновскій подалъ всеподданнѣйшее прошеніе о новомъ пересмотрѣ дѣла, такъ-какъ согласно послѣднему рѣшенію Сената, — доставшееся ему отъ отца имѣніе отбрасается въ пользу внаслѣдниковъ первоначальныхъ отягчиковъ, братьевъ Закревскихъ, и онъ остается безъ всякихъ средствъ, вслѣдствіе чего состоялось Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ всего дѣла въ Государственномъ совѣтѣ.

Государственный совѣтъ постановилъ 19 ноября 1817 г. большинствомъ девяти голосовъ противъ пяти, что майорша Евфросинія Скоропадская, урожденная Закревская имѣла право на седмую часть имущества, принадлежавшаго ей родителямъ, Іосифу и Аннѣ Закревскимъ, такъ - какъ послѣдніе обзавы этимъ имуществомъ «содѣйствію» знатныхъ родственниковъ Анны Закревской.

14 августа 1818 г. это рѣшеніе государственнаго совѣта, разрѣшавшее всѣ происшедшія осложненія в утверждавшее всѣ совершенныя разновременно завѣщанія, купчія крѣпосты, уступочныя записки и проч., было Высочайше утверждено, и такимъ образомъ положенъ конецъ дальнѣйшей волокитѣ.

Н. С.

Очерки Малороссіи. «Приходская бібліотека», издаваемая подъ ред. В. И. Шемякина. Сборникъ для народнаго чтенія С.-П.-буръ. 1899.

Немногіе знаютъ объ этомъ, въ общемъ полезномъ, изданіи. «Приходская бібліотека» имѣетъ пока шесть отдѣловъ: церковный, историческій, географическій, литературный, сельско-хозяйственный и музыкально-нѣвческій; третій отдѣлъ состоитъ изъ 10 книгъ,—девять носятъ общее заглавіе «Русская земля»; эти книги составлены гг. Поддубнымъ, Рудневымъ, Благовидовымъ и Лупповымъ. Очеркъ родного намъ края заключаетъ въ себѣ разнообразныя отрывки, характеризующіе природу, населеніе и промыслы Малороссіи, обнимающей, по не вполнѣ точному опредѣленію составителя, слѣдующія мѣстности: губерніи Подольскую, часть Черниговской (къ югу отъ Десны), часть Курской (къ югу отъ рѣки Сейма), часть Воронежской (къ западу отъ рѣки Дона), Екатеринославской и Херсонской, т. е. около 10,670 квадр. миль. Въ книгѣ (224 стр.) находимъ извѣстное стихотвореніе А. Толстого «Ты знаешь край»..., Пассека «Малороссійскія стени», Афанасьева-Чужбинскаго «Днѣпръ и Днѣпровскіе пороги», Гоголя «Украинская ночь» и «Лѣтній день», Кольцова «Ночлегъ чумаковъ», Козлова «Кіевъ и его святыни», за которыми слѣдуетъ описаніе достопримѣчательностей Кіева, Кіево-печер. и почаяевской лавры, Полтавы (съ отрывками изъ поэмы Пушкина и солдатскихъ нѣсенъ). Но наиболѣе интересными, безъ сомнѣнія, представляются очерки, характеризующіе бытъ, нравы, занятія и промыслы Малороссіи, напримѣръ—малороссійскія села и хутора, хаты; домашнія утварь, одежда и утварь; повѣрья и суевѣрія, народные обычаи при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ; земледѣліе и его враги, разведеніе свекловицы и табака; садоводство, пчеловодство, отхожіе и домашніе промыслы.

Въ главѣ о народной словесности помѣщены то въ изложеніи, то въ небольшихъ отрывкахъ малорусскія сказки, думы и нѣспи. Любопытно, что это полу-официальное изданіе считаетъ болѣе удобнымъ не пользоваться произвольно составленнымъ официальнымъ малорусскимъ правописаніемъ, а если пользуются, то по недосмотру; въ книгѣ читаемъ: «якій день на Благовѣщення, такий и на Великъ день» пл:

Пане гетьмане Хмельницькій,

Батьку Зяновъ нашъ Чигиринскій!

За що ти на насъ такий гнівъ положивъ? и т. д.

Можно только пожалѣть, что подобная книга не появилась и на понятномъ и родномъ для Малоросса языкѣ. Очень и очень многое не пойметъ въ рѣчь «Очерковъ» самъ нашъ «хлѣборобъ», если это изданіе В. И. Шемякина дойдетъ до его хаты.

Къ недостаткамъ книгъ надо прѣчислѣть, во 1-хъ, не всегда точныя и удачныя опредѣленія; во 2-хъ, значительную неряшливость составителя въ вложеніи сообщаемыхъ свѣдѣній, — какъ будто онъ куда-то торопился, стараясь поскорѣе сбыть работу съ рукъ. Для образца приводимъ «немногое изъ многого» въ этомъ родѣ, роняющее цѣнность книги. «Запорожскою сѣчю», опредѣляетъ составитель, «называлось товарищество воинственныхъ козаковъ старыхъ временъ; они брвали всю голову, оставляя на макушкѣ лишь одну прядь волосъ, которая называлась чубомъ», — вотъ и все, что мы узнаемъ изъ книгъ о Запорожѣ. Расхваливая ростъ малороссовъ, по какой првчинѣ вменно малороссами наполняются гренадерскія и кавалерійскія части войскъ, составитель говоритъ, что малороссъ «на морозѣ работать не привыкъ; точно также не любитъ онъ и подниматься рано съ постели» (стр. 34), а на стр. 63 — читаемъ, что малороссъ встаетъ на работу часа въ 3 утра. «Въ степяхъ», сообщаетъ составитель, «нѣкоторые змѣи достѣгаютъ величины 3-хъ и болѣе сажень» (стр. 29). Оказывается, что особенно Гедеонъ Балабанъ вмѣстѣ съ другими были создателями такъ называемой «литовской церковной уніи 1595-го года» (стр. 67) и т. д. Опечатокъ въ книгѣ очень много; цѣна — дешевая: немалый томикъ (одинъ) — 30 коп., а всѣ десять книгъ очерковъ «Русской земли» — 3 р. 20 коп.

И.

Брошюры Благотворительнаго Общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ: № 2) *Про городыну. О. Степовыка. СПб. 1899. ц. 5 к.*; № 3) *Молодыча боротьба. Г. Барвинокъ. СПб. 1899. ц. 1 к.*

Въ ноябрьской книгѣ «Кіев. Стар.» минувшаго года мы имѣли случай отмѣтить выходъ въ свѣтъ первой брошюры изданія вышеупомянутаго общества («Корыстни звврятка» О. Степовыка). Теперь передъ нами двѣ слѣдующія брошюры, въ коихъ первая принадлежитъ перу того-же г. Степовыка и отличается присущими этому способному популяризатору достоинствами — легкимъ, удобопонятнымъ

изложеніемъ и чистымъ народнымъ языкомъ. По содержанію эта брошюра значительно интереснѣе «Корыстныхъ звирятокъ», т. е. затрагиваетъ вопросы, болѣе важные въ крестьянской жизни, трактуя о культурѣ огородныхъ растений и болѣе или менѣе доступныхъ для селенъ средствахъ къ поднятію на надлежащую высоту этой весьма выгодной отрасли сельскаго хозяйства.

Что касается брошюры г-жи Барвинокъ, то она представляетъ собою дословно записанный разговоръ словоохотливой деревенской бабы о житьѣ-бытьѣ, выпадающемъ на долю малосостоятельныхъ крестьянокъ. Автору, или — вѣрнѣе — стенографу, волиѣ удалось сохранить въ своей записи народную рѣчь, но, къ сожалѣнію, онъ оставилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, во всей неиревосновенности, всѣ шероховатости довольно безсвязнаго и безтолковаго повѣствованія рассказчицы. Благодаря этому, читать разговоръ чрезвычайно утомительно, а пересказать его — даже послѣ довольно внимательнаго прочтенія — представляется почти невозможнымъ. Кромѣ того, самый разговоръ, за исключеніемъ одвогo-двухъ мѣстъ, на столько безсодержательный, что не можетъ заинтересовать не только тѣхъ читателей, которыхъ должны были видѣть въ виду издатели, но даже и стенографа. Вслѣдствіе этого представляется волиѣ непонятнымъ, что побудило общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ выпустить въ свѣтъ эту книжку.

С. Н.

Береженого Богъ береже. Оповѣданія селянина про скотську чуму. Черкассы, 1899 г.

Книга эта предназначена для деревни. Простымъ народнымъ языкомъ, въ формѣ бесѣды, авторъ знакомитъ своего читателя съ заразными болѣзнями скота, которыя составляютъ для крестьянина, незнакомаго съ самыми элементарными мѣрами предупрежденія повальныхъ болѣзней скота, истинное несчастье. На простыхъ и ясныхъ примѣрахъ авторъ выясняетъ то, какимъ образомъ передается зараза отъ одного животнаго къ другому и какъ предупредить передачу заразнаго начала другому животному. Такъ постепенно подходит авторъ къ главной темѣ своей бесѣды — чумѣ. Мѣры предупрежденія, которыя рекомендуются авторомъ, какъ напр. изолированіе, — волиѣ доступны

и могутъ принести большую пользу крестьянину, который въ подобныхъ случаяхъ часто прибѣгаетъ къ суевѣрнымъ приемамъ. Книга написана популярно и несомнѣнно принесетъ большую пользу простому народу въ смыслѣ установки правильного взгляда на заразные болѣзни.

Отъ души-же пожелаемъ ей успѣха среди сельскаго населенія.

Обозрѣніе епархіальныхъ Вѣдомостей южныхъ епархій 1899 г.

Волинскія Епархіальныя Вѣдомости.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волинской Епархіи (Ковельскій уѣзд.). №№ 1—4, 6, 7, 11—12, 13, 16.

О достоинствахъ перваго источника польской исторіи-лѣтописи анонимнаго автора Галла (№ 10). Переводъ статьи, помѣщенной въ Allgemeine Zeitung. Авторъ признается недостовернымъ.

Ө. Делекторскій. Правда о русско-католическихъ и русско-польскихъ отношеніяхъ (№№: 9—12). Положеніе католичества при Екатеринѣ, Павлѣ I, Александрѣ I, Николаѣ I.

Тенденціозная статья съ той основной идеей, что католицизмъ, и раньше и теперь, пользуется лучшимъ положеніемъ, чѣмъ православіе. Много некрасивыхъ выходовъ противъ поляковъ.

Ф. Краткое описаніе памятниковъ древности, поступившихъ въ Волинское древнехранилище отъ 1 авг. 1894 г. по 1 ноября 1898 г. (№№: 1—14, 16—21). Памятники вещественные.—Рукописи.—Старопечатныя книги.—Современныя изданія ¹⁾.

Г. К. Историческое и общественное значеніе Почаевской Лавры (№№: 19, 21, 23—24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 32).

Базиліане въ Почаевѣ и ихъ отношеніе къ Лаврѣ.—Свѣтлыя стороны базиліанской эпохи.—Историческая заслуга почаевской обители; значеніе ея, какъ религіозно-просвѣтительнаго центра.—Просвѣтительное вліяніе Почаевской Лавры.—Миссіонерское вліяніе.—Средства Лавры въ теченіе XIX в.—Бытъ монашествующихъ.

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1900 г., № 2, Археологич. Лѣтопись, стр. 135.

Древняя Жидичинская архимандрія на Волини (№№ 22, 23—30).

Исторія архимандріи отъ начала Жидичина (по мнѣнію автора съ X в.). Предполагаемое важное миссіонерское значеніе Жидичинскаго монастыря.—Цвѣтущее состояніе монастыря въ XIII в.—Состояніе его въ XIV и XV вв.—Препятствія, тормозившія правильный ростъ обители: враги вѣшніе и католическіе.—Топографія Жидичина и его окрестностей.—Колонизація Жидичинскихъ грунтовъ, ихъ богатства.—Настоятели древняго періода монастыря.—Переходная эпоха въ исторіи Жидичинской архимандріи (XVI вѣка): состояніе монастыря при Борзобогатыхъ-Красенскихъ, Б. Конст. Острожскомъ, Балабанахъ.

Св. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій (№ 29).

Очеркъ составленъ на основаніи собственныхъ трудовъ Димитрія Ростовскаго, Синодальнаго жвтія (Арсенія Мацѣевича) и трудовъ: преоси. Филарета, Шляикова и Пыпина (Истор. р. литер., т. П).

Малорусское происхожденіе святителя (сынъ козака Туптало).—Воспитаніе въ Києво-Братской школѣ, постриженіе, посвященіе въ санъ іеромонаха.—Литературные труды Димитрія.—Дѣятельность Димитрія въ Ростовѣ.—Характеристика Димитрія.

О. Ф. Волянъ на XI археологическомъ съѣздѣ въ г. Киевѣ (№№ 33, 34, 35 и 36).

Отчетъ о выставкахъ древностей Волинскихъ и рефератахъ, читанныхъ на съѣздѣ и имѣющихъ отношеніе къ прошлому Волини.—Отрывается, высказанный графиней П. С. Уваровой, упрекъ Волинскому Епарх. начальству въ запрещеніи доставлять церковныя древности на выставку. XI съѣздъ, по мнѣнію автора, имѣлъ огромное значеніе для изученія прошлаго Волини.

Нишиневскія Епархіальныя Вѣдомости.

Д. Щеловъ. Изъ бумагъ преосвященнаго Анатолія, бывшаго Архіепископа Могилевскаго (№№ 8—9).

Уроженецъ Подоліи, воспитаникъ Киевской Академіи, пріятель извѣстнаго В. Гречулевича, оставилъ по смерти много рукописей и бумагъ; Д. Щелову досталось описаніе народныхъ христіанскихъ обычаевъ Подоліи. Описаніе затрогиваетъ общезвѣстные обычаи, соединенные съ праздниками и повседневной жизнью подольщина-малоросса.

Д. Щеловъ. Новыя данныя о митрополитѣ Гавріилѣ Банулеско-Бодони (№ 18, 19, 20).

(Составлено на основаніи труда прот. В. Жмакина, см. «Русскій Архивъ», 1898, 11—19).

Дѣятельность Банулеско въ Бессарабіи, Екатеринославѣ; два дѣла въ архивѣ св. Синода, относящіеся ко времени управленія Екатеринославской епархіей; Банулеско въ качествѣ Кіевского митрополита; въ Одессѣ.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

С. Потъхинъ. Новыя ученія въ Кіевской штундѣ (№ 2).

— О возникновеніи новаго толка, подъ названіемъ субботниковъ, отвергающихъ празднованіе воскреснаго дня и замѣняющихъ его субботой.

А. Войтковъ. Изъ епархіальной хроники пришлаю столѣтія.

— Описаніе прибытія въ Кіевъ митрополита Кіевского Гавріила Кременецкаго (1770—1783), встрѣча кіевлянами и первое время пребыванія на новой кафедрѣ.

Л.—Пасха въ Малороссіи (№№ 8—9). Статья представляет собою описаніе народныхъ обычаевъ, соединенныхъ съ праздникомъ Пасхи; составлена по печатнымъ источникамъ и новыхъ матеріаловъ не заключаетъ.

П.—ій. Образовательныя средства православнаго духовенства Подольской Украины во второй полов. XVIII и въ началѣ XIX в. в. (№№ 8—9),—историческая замѣтка по поводу 75-лѣтняго юбилея Уманскаго духовнаго училища.

Вромѣ общаго, довольно поверхностнаго обзора духовнаго просвѣщенія того времени, замѣтка содержитъ также историческій очеркъ Уманскаго духовнаго училища, слишкомъ краткій и потому мало содержательный.

А. Бѣлгородскій. Къ столѣтію возстановленія Кіево-Братскаго монастыря (29 мая 1799—24 мая 1899 г.). Историческая справка о состояніи монастыря за послѣднее столѣтіе.

С. Потъхинъ. Штундисты с. Дзензелевки, уманскаю у. и моя бесѣда съ ними (№ 13). Обычная миссіонерская статья, отмѣчающая новое направленіе въ штундизмъ—«раціоналистическое толстовство». Впрочемъ, кромѣ голаго сообщенія, что штундисты «завели письменныя сношенія съ Ясною Поляной», статья не указываетъ, въ чемъ собственно выражается «толстовство штундистовъ».

М. Пятницькій. — Кієво-Печерський монастирь, его свв. подвижники и церковно общественное значеніе, по даннымъ «Кієво-Печерскаго Патерики» (№ 15). Церковно-историческій очеркъ, рисующій картину внѣшней исторіи Кієво-Печерской лавры, ея внутренняго устройства и просвѣтительно-миссіонерской дѣятельности иноковъ. Очеркъ составленъ, какъ видно изъ заглавія, почти исключительно по даннымъ «Кієво-Печерскаго Патерики»; къ другимъ источникамъ авторъ очерка прибѣгаетъ рѣдко, кромѣ «Житія пр. Теодосія», написаннаго Несторомъ, поэтому очеркъ не можетъ претендовать на полноту и обстоятельность.

Свящ. Василій Липковскій. — Псаломщики и церковныя школы (№ 17). Статья представляетъ собою довольно странный проектъ поднятія церковно-приходскихъ школъ путемъ обязательнаго привлеченія сельскихъ псаломщиковъ. Аргументомъ въ пользу такого привлеченія, по мысли автора, служатъ, между прочимъ, то обстоятельство, что «у дѣтякы начали свое образованіе и митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и поэтъ малорусскій Тарасъ Шевченко¹⁾ Въ общемъ проэктъ свящ. Липковскаго изобилуетъ странностями и противорѣчіями, претенціозными вылазками противъ «глетворнаго западнаго вѣтра», культурной школы, скопированной съ западныхъ образцовъ», «противныхъ (?) вліяній» и т. д.

Протоіерей Василій Липковскій. — Къ исторіи причетовыхъ помѣщеній (№№ 18—19). Статья содержитъ между прочимъ нѣкоторыя бытовыя черты изъ жизни малороссійскаго духовенства; впрочемъ тонъ автора и отсутствіе ссылокъ на источники, изъ которыхъ онъ заимствовалъ сообщаемыя данныя, заставляють относиться къ нимъ подозрительно.

Состояніе штундизма въ Кіевской епархіи за 1898 годъ, дѣятельность мисіи и урядныя миссіонерскіе свѣды (№№ 23—24). Статья содержитъ цифровыя данныя о состояніи штундизма въ Кіевской губ. въ 1898 г., общій обзоръ направленій, существующихъ среди штундистовъ, и предлагаетъ рядъ мѣръ къ борьбѣ со штундизмомъ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости.

П. В. Праздникъ преполовенія и рахманскій Великодень (№ 20—21). Приурочиваніе къ празднованію преполовенія—рахманскаго Великодня. Легенда о рахманахъ.

¹⁾ См. Кіевск. Стар., 1899 г., кн. 12, стр.

В. Петрушевскій. Богослужбное пѣніе Галицко-русскихъ церквей (№ 22).

Нѣкоторыя отличія богослужбнаго пѣнія Галицко-русскихъ церквей отъ такового въ Россіи.

Свящ. Н. Д. Къ вопросу о томъ, что читаетъ нашъ народъ? (№ 20). „Листъ Божій“, «Сонъ Богородицы».

Е. С. Церковно-іерархическія отношенія Подолія къ Кіевской и Галицкой митрополіямъ. (Историческій очеркъ). (№ № 45—46). Побужье и Поневье въ древности.—Учрежденіе первыхъ епархій.—Кратскія историческія свѣдѣнія о Подоліи до XVIII в. включительно.—Церковно-іерархическія отношенія восточной и западной Подоліи въ XVI в.—Галицкая каведра и ея замѣстители.—Епископы въ Подоліи.—Переяславская епархія.

Въ отдѣлѣ «Изъ епархіальной жизни» — «Желательный порядокъ снесенія старыхъ упраздняемыхъ церковныхъ зданій» (№ 46), — см. Кіев. Стар. 1900, № 1, Археологическая лѣтопись, стр. 52—53.

С. Историческая справка о св. Троицкой церкви мѣстечка Пикова, Винницкаго уѣзда. (По поводу ея 200-лѣтія).

Время основанія.—«Фундушъ». — Перенесеніе ея въ 1749 г. на другое мѣсто.

А. Л. Церковно-народное празднованіе Рождества Христова (№ 51).

Приготовительныя дѣйствія церкви къ уразумѣнію смысла празднованія Рождества Христова.—Черты народнаго празднованія и соединенныя съ послѣдними обычаи.—«Кутя», колядованье.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости.

Священникъ Николай Пирскій. Мѣстечко Соколка (№№ 15 и 18). Историческій и церковно-статистическій очеркъ.

Иванъ Яновскій. Епископы Переяслава Русскаго и предѣлы ихъ епархій, со времени учрежденія въ г. Переяславѣ каведры и до перенесенія этой каведры въ г. Сарай — съ XI—XIII ст. (Историко-біографическій очеркъ) (№ 22).

Обстоятельное, на основаніи многихъ печатныхъ источниковъ, изслѣдованіе о переяславской епархій.—Распространеніе христіанства въ предѣлахъ древняго Переяславскаго княжества; первая епископія; епископы съ XI и до начала второй половины XIII стол.—Территорія древней Переяславской епархій (города и населенныя мѣстности).

Священникъ Григорій Прихожій. Село Ивановка и ея храмы (№№ 25—26).

Историческія свѣдѣнія отъ возникновенія села и до нашихъ дней.—Современное состояніе прихода; священно и церковно-служители с. Ивановки, въ хронологическомъ порядкѣ.—

Въ свѣдѣніяхъ о бытѣ прихожанъ замѣтны преувеличенія... «о какихъ-либо суевѣріяхъ и антирелигіозныхъ обычаяхъ среди Ивановцевъ не можетъ быть и рѣчи»; прихожане отличаются «полной благонадежностью и добродѣтельностью, нѣтъ проявленія той грубости и жестокости, которыя царили въ семьѣ въ дореформенный періодъ», отличаются благочестіемъ, между тѣмъ, какъ только что говорилось о томъ, что отхожіе промыслы (къ колонистамъ нѣмцамъ въ Екатеринос. и Таврич. губ.) дурно вліяютъ на религіозно-нравственныя понятія молодежи; населеніе читаетъ вообще «книги религіозно-нравственнаго содержанія и отчасти—историческія» ... (?)

Свѣщ. Александровскій. Дубенская икона Божіей Матери въ Красногорскомъ женскомъ монастырѣ и крестный ходъ съ нею въ с. Антиповку и обратно (№ 29).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о красногорскомъ монастырѣ; о происхожденіи названія иконы «Дубенской».

М. Короповъ. Къ исторіи Александро-Невской церкви с. Матвѣвки, Золотоношскаго уѣзда (№№ 29 и 30).

Происхожденіе названія села (будто-бы на мѣстѣ города Кизила или Кизивера); время основанія его; первый храмъ и послѣдующіе; описаніе внутренности современнаго храма. Приводятся археологическія указанія въ пользу существованія нѣкогда древняго города или мѣстечка, на мѣстѣ нынѣшней Матвѣвки.

Ставропольскія Епархіальныя Вѣдомости.

Систематическій каталогъ древнехранилища, учрежденнаго при Ставроп. церк. археолог. Общ., за четыре года его существованія.—Иконы, кресты, священныя изображенія, предметы богослужебныя, книги, картины, альбомы, документы, монеты, медали, археологическіе предметы,—всего 91 № и 323 названія.

Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости.

О благотворительномъ обществѣ изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ въ Петербургѣ (№ 18).

О задачахъ общества съ прибавленіемъ «Извлеченія изъ Устава Общества».

П. А. Т. Одесская старокладбищенская церковь (№№ 23 и 24).

Исторія построенія.—Церковь.—Священно- в церковно-служи-
тели.—Причтъ.—Жертвователи. (Очеркъ снабженъ нѣсколькими фо-
тографіями).

Труды Кіевской Духовной Академіи.

Ст. Т. Голубевъ. Къ исторіи Кіевской Трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія (№ 1) ¹⁾.

С. Т. Голубевъ. Неизвѣстное полемическое сочиненіе противъ напскихъ притязаній въ юго-западной Россіи (1633 г.) (№ 1).

Рѣчь идетъ объ открытомъ г. Голубевымъ сочиненіи: «Римъ или римская столица имѣетъ-ли какое касательство до политическихъ правъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго?—краткія разсужденія, поднесенныя въ 1633 г. государственнымъ чиномъ коронаціи». Въ этомъ сочиненіи, какъ показываетъ анализъ его, произведенный проф. Голубевымъ, проводится мысль о независимости Польской Короны отъ напскаго престола въ дѣлахъ государственныхъ. Эта основная мысль мотивируется данными, почерпнутыми изъ исторіи и законодательства (древнихъ статутовъ). Разсматриваемое полемическое сочиненіе г. Голубевъ приписываетъ перу Адама Киселя и мѣстомъ его изданія считаетъ Кіевъ, въ частности Кіево-Печерскую типографію.

Ө. М. Ильинскій. Большой катихизисъ Лаврентія Зизанія (№ 3). Катихизисъ Лаврентія Зизанія, разсматриваемый со стороны плана, метода, эрудиціи и языка.

П. А. Лацкаревъ. Дача Кіево-братскаго монастыря. Церковщина, (№ 3). Исторія дачи и бывшаго въ ней гвиецкаго монастыря.

Н. И. Петровъ. Отчетъ церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи (№ 3). Составъ общества, приращенія музея и бібліотеки, занятія членовъ.

Д. Ситнуро. Впленское Св.-духовское братство въ XVII и XVIII в. (продолженіе) (№ 4, 6, 8, 9). Продолжается изображеніе внѣшняго положенія братства въ XVII в., начало внутренняго состоянія братства

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1899, кн. II, стр. 94—96.

п постепенный упадокъ до прекращенія его историческаго существованія (1633—1794).

М. Θ. Ястребоъ. Высокопреосвященный Двигтрій Муретовъ (біографія). Библіографическая замѣтка (№ 5). Излагается съ критическими замѣчаніями содержаніе труда съ выше-указаннымъ названіемъ протоіерея Николая Смирнова.

Н. И. Петровъ. О росписи стѣвъ и вообще объ украшеніи Кіевского Владимірскаго собора (№ 5, 6 и 7). Говорится о всѣхъ тѣхъ безпорядкахъ, при какихъ велась постройка собора; въ веприглядныхъ чертахъ изображается дѣятельность проф. Прахова; оцѣнивается съ церковно-археологической точки зрѣнія живопись собора.

Н. И. Петровъ. Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры (№ 6 и 7). Излагается исторія этой находки и описываются главнѣйшія моветы; приложены очень хорошіе снимки важнѣйшихъ экземпляровъ находки.

Жизнь и подвиги святителей Христовыхъ и чудотворцевъ Кіево-Братскихъ молитвенниковъ, святыхъ: Θεодосія Полоницкаго — Улицкаго, архіепископа Черниговскаго, Димитрія Туптало, митрополита Гостовскаго, и Иннокентія Кульчицкаго, епископа Иркутскаго (кн. 9).

Краткія свѣдѣнія.

Профессоръ Петръ Александровичъ Лашкаревъ (№ 9).

Некрологъ. Свщ. Θ. Титовъ. Слово, сказанное при погребеніи заслуженнаго экстра-ординарнаго профес. Кіевской Духовной Академіи П. А. Лашкарева, 30 августа 1899 г. (№ 9).

Рѣчи, произнесенныя при погребеніи профессора П. А. Лашкарева (Ст. Голубевымъ, студ. Луценкомъ, А. Глаголевымъ, студ. Леонидовичемъ) (№ 9).

С. Голубевъ. Историко-топографическія изысканія и замѣтки о древнемъ Кіевѣ. I. Существовала-ли въ Кіевѣ на старомъ городѣ церкви св. Никиты, относимая къ великокняжеской эпохѣ? (№ 12).

На основаніи документальныхъ данныхъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что церкви св. Никитѣ, приурочиваемой къ нагорной части Кіева и относимой къ великокняжеской эпохѣ, здѣсь не существовало.

О росписаніи стѣвъ и вообще объ украшеніи Кіевского Владимірскаго собора. (Окончаніе) (№ 17).

Разсказывается о ходѣ работъ по украшенію храма съ 1885 года и до окончанія ихъ въ 1896 г.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера рассмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Вѣстникъ Европы, № 3; 2) Русская мысль, № 3; 3) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 3; 4) Историческій Вѣстникъ, № 3; 5) Русская Старина, № 3; 6) Літературно-Науковій Вѣстникъ, № 3; 7) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 2; 8) Русская Школа, № 2; 9) Biblioteka Warszawska, №№ 2 и 3; 10) Ateneum, №№ 2 и 3; 11) Przewodnik naukowy i literacki, №№ 2 и 3; 12) Slovanský přehled, № 3; 13) Русскій Архивъ, № 3; 14) Русское Богатство, № 2; 15) Научное Обзорѣніе, № 3; 16) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 1—2 и 3; 17) Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, № 1; 18) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 1; 19) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, № 2; 20) Книжки Восхода, № 2; 21) Живописное Обзорѣніе, № 3; 22) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 1.

Русскій Архивъ № 3.

Н. Башкирцева. Изъ Украинской Старины (стр. 321—354). Авторъ помѣщаетъ свои воспоминанія, — «хронику, задуманную для себя и своихъ», въ значительной степени разбавленныя свѣдѣніями изъ печатныхъ источниковъ. Помимо исторіи развитія Чугуева (родина автора), г-жа Башкирцева даетъ интересныя свѣдѣнія о военныхъ поселеніяхъ въ данной мѣстности, о родѣ Донцовъ-Захаржевскихъ, Шидловскихъ, Балавенскихъ, фонъ-Клугенъ, Павловыхъ, Норовыхъ, Дуниныхъ. Такъ какъ Балавенскіе находились въ родственныхъ отношеніяхъ съ Квятками (Основанскими), то имѣются кое-какія данныя и объ этомъ родѣ.

Русская Старина № 3.

Запорожская съчъ на Дунаѣ (стр. 768). Рескриптъ генералу-отъ-кавалеріи Михельсону. Отъ 20 іюля 1807 г. Въ виду его интереса, перепечатываемъ цѣликомъ.

По разнесшимся въ Новороссійскомъ краѣ слухамъ объ учрежденіи на Дунаѣ Запорожской Сѣчи, возникли между крестьянами разныя безіаконства, непокорность и бѣгство въ Молдавію. Цѣлыя

селенія оставляютъ мѣста ихъ жительства и вооруженною рукою, противясь дѣйствію земской полиціи, прорываются за границу.

Узнавъ о безпорядкахъ сплхъ изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ и находя, что учрежденіе сіе произведетъ въ пограничныхъ губерніяхъ между крестьянами вредныя послѣдствія, поручаю вамъ заведеніе на Дунаѣ Сѣчи остановить и все, что доселѣ было по сему предмету сдѣлано, отмѣнить, давъ знать отъ себя пограничнымъ нашимъ начальствамъ, что учрежденія такового нинѣ въ Молдавіи не существуетъ и принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ строгія мѣры, дабы какъ прежніе бѣглецы изъ Россіи въ Молдавію были отыскиваемы и высылаемы, такъ и вновь бѣгущіе были выдаваемы и къ поселенію тамъ никакъ не допускались.

Историческій Вѣстникъ кн. 3.

Д. П. Миллеръ. Арестъ и ссылка В. Н. Каразина (стр. 1047--1053). Авторъ рассказываетъ о заключеніяхъ основателя Харьковскаго университета, въ концѣ 1820 г., отбывшаго 6-мѣсячное заключеніе въ Шлиссельбургской тюрьмѣ по совершенно неосновательному подозрѣнію въ томъ, что онъ написалъ пасквиль, послужившій причиною бунта въ казармахъ л.-гвардіи Семеовскаго полка. По освобожденіи изъ заключенія Каразинъ отпущенъ былъ въ свое имѣніе, гдѣ надъ нимъ установленъ былъ полицейскій надзоръ. И лишь въ 1826 г. послѣдовала резолюція съ разрѣшеніемъ жить въ Москвѣ,—«буде желаетъ; но съ тѣмъ, чтобы воздерживался отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго».

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 1159, 1163, 1173, 1183) помѣщены рецензіи на «Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII стол. Кіевъ, 1899»; «Проф. Д. Багалъй. Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго Университета. Харьковъ, 1899 г.» «Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи П. Т. I. Спб. 1899», «Козаки: донцы, терцы, кубанцы, уральцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта. Составилъ К. Абаза. Спб. 1899».

Вѣстникъ Европы № 3.

Александра Ефименко. Котляревскій въ исторической обстановкѣ, (стр. 320—339). Авторъ задался цѣлью освѣтить историческую почву южно-русскихъ отношеній, намѣтить историческія условія, которыя опредѣлили художественную личность Котляревскаго, а также и современныя отношенія къ этой личности. Особенно любопытны страницы, посвященныя описанію состоянія и значенія школы въ Малороссіи до Котляревскаго, а также наглядному установленію непосредственнаго духовнаго родства, связывавшаго автора «Энеиды» съ его темными предшественниками,—дѣяками и «спудеями», авторами виршъ—орацій.

Журналъ Министерстерства Народнаго Просвѣщенія № 3.

Въ отдѣлѣ «Книжныя новости» (стр. 189—192) даны отзывы о книгахъ: «Д. И. Багал'ѣй. Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета. Харьковъ, 1899»; «Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.) Т. I. Сибр. 1899»; «Матеріалы для исторіи такъ-называемой Австрійско-й или Бѣлорусской іерархіи. Издалъ Н. Субботинъ. М. 1899.»

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 2.

Отдѣлъ «Критика и библіографія». *П. Владиміровъ.* Научное изученіе апокрифовъ—отреченныхъ книгъ въ русской литературѣ во второй половинѣ настоящаго столѣтія (стр. 45—94).

Обстоятельный критико-библіографическій обзоръ трудовъ по изученію апокрифовъ, среди которыхъ отмѣчены труды въ этой области гг. Сумцова («Кіев. Стар.», 1887 г.), Франка («Памятки украинсько-русской мови і літератури», т. I) и мног. друг. Въ приложеніи къ статьѣ (стр. 94—109) помѣщены тексты апокрифовъ о 12-ти пятницухъ, хожденіи Пресвятыя Богородицы съ Михаиломъ Архангеломъ по нѣкамъ и др.

Записки Императорскаго Харьковского Университета № 1.

Д. И. Багал'ѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. Томъ II. (1815—1835). (Стр. 31—126). (Продолженіе слѣдуетъ). Введеніе и первая глава объ Университетскомъ самоуправленіи.

Варшавскія Университетскія Извѣстія № 1.

Ө. И. Леонтовичъ. Къ исторіи административнаго строя Лвовскаго государства (Окончаніе) (стр. 81—104). Дворы нашиные, фольваркы, ловецкіе дворы-станы, путевые дворы; составъ дворовъ господарскихъ в панскихъ, дворовая челядь, ея службы и работы.

Книжки Восхода № 2.

С. Дубновъ. Внутренняя жизнь евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ въ XVI вѣкѣ. Историко-культурные очерки (стр. 3—27) (Продолженіе слѣдуетъ).

Авторъ взялся выполнить интересную тему—опредѣленіе формъ еврейской культуры въ Польшѣ и Литвѣ въ XVI вѣкѣ. Имъ намѣчены къ изслѣдованію области внутренней жизни евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ: 1) воспитаніе и обученіе; 2) домашній в семейный бытъ; 3) религіозный бытъ; 4) общинная жизнь въ тѣсномъ смыслѣ; 5) отношеніе евреевъ къ окружающему населенію; 6) экономическій бытъ (роды занятій и пр.); 7) нравы, обычаи и повѣрья массы; 8) разговорный языкъ и собственныя имена евреевъ; 9) книгопечатаніе; 10) свѣтскія знанія.

Въ данномъ № авторомъ разсмотрѣнъ первый пунктъ (воспитаніе в обученіе), и онъ пришелъ къ тому выводу, что «каковъ-бы ни былъ уровень грамотности и религіознаго образованія еврейской массы въ XVI вѣкѣ, онъ во всякомъ случаѣ былъ значительно выше уровня образованія тогдашней польской, а тѣмъ болѣе русской массы»... «польская в русская народная масса была сплошь безграмотна»!

М. Кулишеръ. Прошлое и настоящее («Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи т. I. Спб.). (стр. 46—70). Обстоятельный разборъ I тома «Регестъ».

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 1.

Б. Д. Гринченко. Народные спектакли (стр. 27—90). Г. Гринченко, располагая новыми свѣдѣніями о сельскихъ спектакляхъ, доставленными ему нѣкоторыми лицами, а также дополнивъ эти свѣдѣнія данными, помѣщенными уже въ періодическихъ изданіяхъ, даетъ читателю крайне интересный матеріалъ, свидѣтельствующій объ отношеніи къ спектаклямъ самого народа. Собраны отзывы о пье-

сахъ: «Наталка-Полтавка», «Сватання на Гончаривци», «Шельменко — Деньщикъ», «Черноморци» (Кухаренка), «По ревызїи», «Помиры-лысь», «Пошлысь у дурини», «Дай сердцю волю» (последнія 4 пьесы г. Кропивницкаго), «Розумный и Дурень», «Сто тысячъ» (г. Карпенко-Караго), «За двома зайцями» (г. Старицкаго), «На кожумякахъ» (И. С. Левицкаго), «Гласный» (Козловскаго) и мног. др.

Помимо этого, статья г. Гринченка важна еще тѣмъ, что въ ней указываются, какіи именно пьесы изъ существующаго уже репертуара могутъ быть поставлены съ пользой для зрителей изъ народа.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка (стр. 91—113) (Продолженіе слѣдуетъ). Слѣдствіе начатое въ 1729 и оконченное въ 1731. Полковая старшина должна была составить списки селъ, ихъ владѣльцевъ и количества посполитыхъ, которыми владѣлъ тотъ или другой изъ старшины по ревизіи 1726 года.

Въ отдѣлѣ «Разныя извѣстія и корреспонденція» (стр. 136—141) «Изъ Глухова» между прочимъ сообщается о поставленныхъ въ октябрѣ мѣсяцѣ малорусскихъ пьесахъ для народа — «Сватання на Гончаривци», «Назаръ Стодоля» и «Наталка-Полтавка».

Biblioteka Warszawska № 2.

A. Brückner. Slowianie i Niemcy (стр. 197—231). Авторъ, восходя къ отдаленнѣйшимъ временамъ, къ первоначальной исторіи племенъ славянскаго и нѣмецкаго, отмѣчаетъ, замѣтныя уже въ тѣ доисторическія времена, крупныя отличія въ бытѣ, типѣ и характерахъ обоихъ племенъ; слѣдитъ за первыми шагами послѣднихъ на исторической сценѣ; говоритъ о возникновеніи Руси кievской путемъ норманскаго нашествія, приводитъ аргументы въ пользу того, что не только названія дружинниковъ, но и названія князей (Рюриковичей) — норманскія; культъ Перуна — отъ скандинавскаго Перимъ-тора.

Slovanský přehled № 6 (3).

Въ отдѣлѣ „Rozhledy a zprawy“ (стр. 277) удѣлено мѣсто экономическому положенію галицкихъ русиновъ и эмиграція въ Бразилію, а также довольно обширному доброжелательному отзыву о новомъ галицкомъ періодическомъ изданіи — „Молода Україна“.

Przewodnik naukowy i literacki № 2.

Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego. (Продолженіе) (стр. 97—110). Переписка съ различными лицами, относящаяся къ концу 1844 и началу 1845 гг., проникнутая, какъ всегда, горячей любовью къ Украинѣ, ибо, какъ онъ заявляетъ, — „Ja slowianin, Ukrainiec“ (стр. 109). Изъ писемъ видно, что Залѣсскій собирался писать о значеніи Украины въ отношеніи Польши и всего славянства (стр. 105), о нарождающейся украинско-русской литературѣ (стр. 100).

J. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczypospolitej polskiej. (Продолженіе) (стр. 155—162). Продолженіе описанія жуна на основаніи различныхъ письменныхъ источниковъ, до времени Станислава-Августа. По мнѣнію автора, покрой жуна клипомъ сохранился съ отдаленныхъ временъ и употребляется понынѣ въ краковскихъ бѣлыхъ сукманахъ и въ черныхъ — на Руси.

Въ отдѣлѣ «Kronica literacka» (стр. 187—192) данъ отзывъ о книгѣ С. Голубева «Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники», т. II. Кіевъ, 1898.

Томе № 3.

Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (стр. 213—228) (Продолженіе) (см. Кіев. Стар. № 1 и 2). Корреспонденція относится къ марту мѣсяцу 1845 года. Очень любопытно письмо Залѣскаго къ племяннику — Людвигу Янковскому, которое въ значительной степени посвящено опредѣленію отношеній со стороны Залѣскаго и вообще поляковъ — къ Украинѣ: «Польша много задолжала Украинѣ» — «Любите тамъ (на Украинѣ) народъ и будьте всегда наготовѣ оказывать ему справедливость, полнѣйшую справедливость». Залѣсскій одобряетъ то, что „wyszaniujecie tam przeszłość domową“; — собраніе преданій, сказокъ, пѣсенъ и т. п.; литературное украинское движеніе и усилившійся интересъ къ нему, труды и поѣздки Шевченка и Кулиша (о чемъ ему писалъ раньше племянникъ) — «cieszą mnie i pobudzają do spródniań». Залѣсскій сильно тоскуетъ на чужбицѣ: «Jezdzą tam inisi po Ukrainie, a Ukraina jezdzie tu po mnie».

J. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczypospolitej polskiej (стр. 270—279) (Продолженіе). Авторъ переходитъ къ разбору историческихъ данныхъ о происхожденіи *кунтуша*, который, по его мнѣнію, возникъ въ средѣ славянскаго племени, а затѣмъ подвергался всевозможнымъ видоизмѣненіямъ и усовершенствованіямъ.

Въ отдѣлѣ «Kronika literacka» (стр. 303—304) данъ отзывъ о книгѣ «Michał Czaulkowski (Sadyk—Pasza), zarys biograficzny. Napisał Fr. Rawita—Gawroński. Peterb. 1900».

Літературно-Науковий Вістник № 3.

Наш альбом. Стихотворенія: Із посмертних поезій А. Козловського (229—230), Із поезій Василя Пачовського (230—231), На народній мотив, Осина Шинька (231), Поезія двадцятого віку, В. Дом—ого (232), Із теки сільської учительки, Меланії Були (232—234), Фантазія, Остапа Людкевича (234).

Малюнки Гната Хоткевича: 1) *Біла береза* (стр. 235—240), 2) *Як тітка Майстриха мечика скидала* (стр. 240—245), 3) *Шлях альтруїзму* (стр. 245—252).

Художественныя жизненныя картинки: первая съ оттенкомъ романтизма, третья—на чисто психологической основѣ, вторая—живой этнографической снимокъ неудачнаго медицинскаго приѣма «гитки Майстрыхи».

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (253—272).

Продолженіе.

За плахту. Оповідання О. Я. Кониського (273—280).

Із образків Євгена Мандичевською (стр. 281—292): 1. Зі сходом сонця. 2. На весну. 3. Непоправна. 4. В світ.

Недурные психологическіе этюды.

Із оповідань Гната Потапенка (з передмовою М. Г.) І. Шестеро. З російського переклав Григорій Коваленко (стр. 294—343).

Із мадярських поетів. Переклади П. Грабовського (стр. 344—348). Прекрасные переводы нѣкоторыхъ произведеній Эмиля Абрана, Александра и Кароля Кияшфалуди, Іосифа Левай, Андрея Сабова, Іосифа Этвеша, Александра Петевфи.

Панько Омелькович Кулиш. Огляд його діяльності. Написав Осип Маковей (стр. 161—183) (Продолженіе слѣдуєть). Авторъ, дѣля дѣятельность П. А. Кулиша на три періода: 1840—1855, 1855—1864, 1864—1897,—даєть оцѣнку дѣятельности его въ первый періодъ, оканчивая 1847 годомъ. Авторъ, ознакомившись обстоятельно со всѣми обстоятельствами жизни и дѣятельности Кулиша, приходитъ къ тому выводу, что «коли й можемо докоряти йому за деякі помилки, то рівночасно повинні ми сим докоромъ обділити і всіх тих, що його виховували, що жили з ним, що мали вплив на него».

Наші товариства. I. *Наукове Товариство імени Шевченка.* М. Грушевського, стр. 184—200. Авторъ разсказываетъ исторію возникновения (въ 1873 г.) и развитія общества имени Шевченка, о его дѣятельности издательской до 1892, когда оно реформировано было въ «Наукове Товариство», объ организаціи и дѣятельности въ этотъ послѣдній періодъ до послѣдняго времени, о матеріальныхъ средствахъ. Статья снабжена портретами основателей общества: А. Конисскаго, Е. Милорадовича, Д. Пильчикова, М. Жученка, С. Качалы, перваго предсѣдателя общества К. Сушкевича; приложена фотографія дома Науковаго Товариства.

Новини нашої літератури. Михайло Коцюбинський: В путяхъ Шайтана і інші оповідання. Л. Крушельницького (стр. 201—206).

Сочувственный отзывъ о произведеніяхъ г. Коцюбинскаго.

М. Ф. Сластин. «Пріймаю», драма въ 4-х дѣяхъ і 5-ти одіинахъ. Г. Хоткевича (стр. 207). Указываются перлы въ послѣдне-испеченномъ драматическомъ произведеніи пользующагося извѣстной (отрицательной) славой г. Сластина.

Хроніка і бібліографія (стр. 208—228). По обыкновению, много интереснаго матеріала по всевозможнымъ вопросамъ современной культурной жизни въ Галичинѣ и Украинѣ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Русская печать о Шевченкѣ въ 39-ю годовщину смерти его. Въ № 115 газ. „Сѣверный Курьеръ“ помѣщена статья г. К. „Т. Г. Шевченко“, въ которой отмѣчаются основныя черты характера Шевченка — любовь „до меньшого брата“, стремленіе къ приобрѣтенію роднымъ ему народомъ свободы и независимости. Между прочимъ авторъ указываетъ на то, что земляки Шевченка «не дали дешеваго изданія произведеній Шевченка, доступнаго по цѣнѣ народу» (sic!).

На это въ № 116 той же газеты послѣдовала поправка со стороны Д. Л. Мордовцева, гдѣ послѣдній указываетъ на то, что автору вышеуказанной статьи неизвѣстно о новомъ дешевомъ изданіи «Кобзаря» въ 1899 г. редакціей «Кіевской Старины», такъ какъ подобное изданіе 1894 года оказалось распроданнымъ.

Въ № 764 газ. «Приднѣпровскій Край» въ статьѣ «Тарасъ Григорьевичъ Шевченко» помѣщена краткая біографія поэта. Къ статьѣ

приложенъ портретъ Шевченка, въ сюртукѣ, приложенный къ изданію произведеній Шевченка, написанныхъ имъ на русскомъ языкѣ.

Въ № 766 той же газеты помѣщена краткая сочувственная статья А. Г. Глечка *«Памяти Шевченка»*. (Вмѣсто стихотворенія). Здѣсь же помѣщены: тотъ же портретъ, что и въ № 764, и кромѣ того снимки могилы Т. Г. Шевченка и памятника на могилѣ,—оба исполнены Н. В. Копытько осенью 1899 года.

Подобная сочувственная статья помѣщена въ № 9 «Днѣпровской Молвы» подъ заглав. «Памяти великаго украинскаго поэта».

Въ № 51 «Одесскаго Листка» помѣщена статья стараго журналиста *«Дѣло юдовичины»* (Памяти Т. Г. Шевченка). Въ этой статьѣ, въ общемъ состоящей изъ экскеритовъ изъ февральской книжки «Кіевской Старины» за текущ. годъ (статья В. Беренштама и Оберучева), высказываются пожеланія, чтобы кто-либо изъ почитателей поэта собралъ во-едино все то, что написано о немъ у насъ и за границей въ русинскихъ изданіяхъ: „Въ такую книгу могли-бы войти и интересныя письма Шевченка къ кн. Репниной, С. Аксакову, Костомарову и др. Опубликованію писемъ почему-то противился до сихъ поръ собственникъ произведеній поэта г. Беренштамъ“. Очевидно, послѣднее голословное и далекое отъ истины утвержденіе заимствовано изъ № 7 «Днѣпровской Молвы» (статья Конисскаго). (При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что г. Беренштамъ уже десятки лѣтъ не состоитъ собственникомъ произведеній поэта).

Въ приложеніи къ № 48 газ. «Одесскій Листокъ» помѣщенъ хорошо исполненный портретъ Т. Г. Шевченко, въ кожухѣ, въ барашков. шапкѣ.

Новыя галицко-украинскія изданія. Въ предыдущемъ № (стр. 182) мы сообщали о появленіи въ свѣтъ новыхъ галицко-украинскихъ періодическихъ изданій: „Молода Україна“ и „Воля“. Въ настоящее время, по сообщенію «Літервт.-Науков. Вістника», кн. III, появились еще два изданія: 1) «Богословскій Вістникъ»—подъ редакціей о. Дювнѣзи Дорожинського и 2) Провідникъ «Рільничихъ кружківъ» (Dodatek do Przewodnika «Kółek rolniczych»). Послѣднее выходитъ два — раза въ мѣсяць.

Въ № 63-мъ газеты «Сынъ Отечества» помѣщена обширная статья подъ заглавіемъ „Малорусская Литература“. Авторъ, хорошо ознакомленный съ литературной продукціей въ области мало-

русской литературы за минувшій годъ, отмѣчаетъ то отрадное явленіе, что „общество, пережившее столѣтній юбилей возрожденія своей литературы, стало менѣ равнодушнымъ къ ея развитію; малороссійскія книжки начали расходиться въ необычайномъ до сихъ поръ количествѣ, а послѣдъ за этимъ поднялась и продуктивность малорусскихъ авторовъ...» Отмѣтивъ затѣмъ энергичную дѣятельность «Научоваго Тонариства імени Шенченка», «Видавничої Спілки» (во Львовѣ) и др. частныхъ издательствъ въ Галиціи и въ Россіи, авторъ обращается къ изящной малорусской литературѣ,—останавливается съ особеннымъ удовольствіемъ на произведеніяхъ Ін. Франка, а также Василя Стефаника («Свня книжочка»), Стефана Ковалива, Леси Украинки, Наталіи Кобринской, Ольги Кобылянской и многихъ писателей послѣдняго поколѣнія. Любопытно отношеніе автора къ научной малорусской литературѣ. Придерживаясь вполнѣ здраваго взгляда относительно недостатковъ въ создаваемой научной литературѣ, являющихся повтореніемъ того же, „что продѣлали и мы—великороссы, обзаводясь академіей наукъ и университетами почти при поголовной безграмотности массы“, авторъ самый фактъ зарожденія отдѣльной малорусской науки считаетъ стоящимъ въ противорѣчіи съ ясно намѣтившейся тенденціей общеміровой (!) науки. «Позволительно спросить,—восклицаетъ онъ,—кто же будетъ изъ иностранцевъ учиться малороссійскому языку для знакомства съ малорусской наукой, когда въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ не особенно хорошо и съ русскимъ (великорусскимъ) языкомъ и литературой?»

Въ № 107 газеты «Сѣверный Курьеръ» помѣщена обстоятельная корреспонденція о Буковинѣ, въ которой освѣщаются взаимныя отношенія различныхъ національностей, населяющихъ Буковину.

Въ № 116 газеты «Сѣверный Курьеръ» помѣщена очень интересная корреспонденція изъ Львова, въ которой вполнѣ отчетливо очерчены различные моменты въ развитіи національныхъ стремленій галицко-русской интеллигенціи, начиная со второй половины текущаго столѣтія. Изложивъ обстоятельно постепенное развитіе народнаго самосознанія, корреспондентъ, дойдя до настоящаго времени, указываетъ

на то, что малороссійское движеніе въ Галичинѣ изъ чисто-націоналистическаго превращается въ народное.

Ukrainica в мадарской этнографіи. Въ изданіяхъ Мадарскаго Общества этнографіи (Madyar néprajzi Társaság) при угорскомъ національномъ музеѣ (M. Nemzeti Muzeum), подъ общ. заглавіемъ Ethnographia, состоящихъ изъ X томовъ, помѣщено не мало статей, касающихся украинско-русскаго народа. Отмѣтимъ слѣдующія: Изъ жизни угорско-русскихъ настуховъ (II); старинныя украинскія пороховницы, съ иллюстраціями (VI); мѣстныя названія Берегской столицы (X); о бачианскихъ русинахъ (II); галицко-русскія сказанія о королѣ Матвѣѣ (IV); о вѣрованіяхъ русиновъ въ долині рѣки Nagy' Ag въ Мароморошскомъ округѣ (VI); разборъ мнѣніи о гунскомъ названіи Днѣпра—var (VII), о „бабѣ—Докіи“ у русиновъ и гуцуловъ; объ украинскіихъ народныхъ свадебныхъ обрядахъ (VI); о библейскихъ сказаніяхъ русиновъ въ Талаборской долині,—Talabor völgy (VII); замѣтки объ имени „orosz“ (русскій) (VIII); старорусскія слова въ мадарскомъ языкѣ (VIII); галицкіе рассказы о сотвореніи міра (V); появленіе русиновъ въ Угорщинѣ (II); русинская хата (V); народныя вѣрованія въ Мараморошѣ (XI); русинскіе народные рассказы (VIII); украинско-руская этнографія (VII); русинскіе народные обычаи (VI).

Въ № 11 «Днѣпровской Молвы» помѣщена статья Льва Маціевича: „Письма о Галиціи. 1. Вопросъ о раздѣлѣ Галиціи“. Авторъ, хорошо ознакомленный съ даннымъ вопросомъ, приводитъ интересныя цифровыя данныя для нагляднаго убѣжденія въ томъ, что стремленія галицкаго украинскаго общества къ раздѣленію Галиціи на два лагеря волюнѣ естественны и цѣлесообразны.

Въ № 8 „Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ помѣщена статья свящ. Н. Д. „Черты изъ религіозной жизни народа“, въ которой, между прочимъ, упоминается о существующихъ среди подоланъ суевѣріяхъ: заговорахъ, шептаніяхъ и т. п.

Недавно появилась на шведскомъ языкѣ книга «Polska Skalders» (польскіе поэты), изданная Альфредомъ Енсеномъ. Вступленіе посвящено „школѣ украинской“.

Въ № 10 „Дибировской Молвы“ помѣщена статья Ник. Б. „Малорусскій поэтъ и этнографъ И. И. Манжура“. (Біографическая замѣтка). Въ этомъ же номерѣ г. Ник. Б. помѣстилъ нѣкоторыя стихотворенія Манжуры, нѣгдѣ не напечатанныя, съ примѣчаніями, характеризующими поэта, а именно: 1) Сіялынкъ (переспивъ). 2) Кобзарь (зъ Роберта Прутца). 3) * * (Поздравленіе съ днемъ ангела нѣкогого Николая). 4) Вирочци Б—вой. 5) По мисяцю. 6) Счасть зъ впрѣя прылитало.... 7) Поздравленіе съ новымъ годомъ.

Въ №№ 5—7 „Волинскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ помѣщена статья подъ загл. «Очеркъ исторіи мелкаго дворянства Овручско-Житомирскаго въ эпоху польскаго режима (XII—XVIII вв.)».

Статья, написанная преимущественно на основаніи печатныхъ источниковъ: Архивъ Ю.-З. Россіи, Описи актовыхъ книгъ Кіевск. Центр. Архива, Dr. Antoni (Rolle), Opowiadania historyczne и др. Содержаніе статьи слѣдующее:—Природа Кіевскаго полѣсья и отличительныя историческія черты его населенія.—Происхожденіе русскаго дворянства на Полѣсьи: земляне и бояре; ихъ служебныя обязанности въ XV—XVIII вв.—Борьба мелкой шляхты съ старостинскимъ урядомъ за свои привиллегіи; междоусобныя ссоры шляхтичей.—Религіозный бытъ околичной шляхты: ревность къ православію, борьба съ католичествомъ и униєю; суевѣрія.—Родовыя отношенія. Общественное и частное землевладѣніе.—Копный судъ.—Отношенія семейныя и сословныя: бракъ, разводъ, отношеніе къ крестьянамъ.

Въ этихъ же номерахъ слѣдуетъ продолженіе историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Ковельскаго уѣзда.

Въ № 7 «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья подъ заглавіемъ «Сырная седмица» (масныця).

Описаніе празднованія масляницы, а также обычаевъ, обрядовъ и игръ, сопровождающихъ это празднованіе; объясняется происхожденіе «колодія»: въ древности, лицамъ, не успѣвшимъ до масляной всту-

пять въ брахъ, надѣвали на ноги колодки—небольшіе куски дерева, украшеннаго лентами.

Въ иллюстрированномъ приложеніи къ № 8631 «Новаго Времени» (стр. 10) помѣщенъ портретъ Т. Г. Шевченка: „Снимокъ съ малоизвѣстнаго портрета“. Шевченко снятъ до пояса—въ поджачной лѣтней парѣ; опоясанъ широкимъ шерстянымъ поясомъ, со стальной застѣжкой; безъ шапки, лѣвый глазъ закрытъ.

Молода Україна, ч. 2. Некрологъ: *А. Шахнович* (з портретомъ); *Евген Косевич*. Молодіж і політика; *Льонін Цельский*. М. П. Драгоманов, його думки, діяльність і значіне; *Прометей Ясенко*. Картини з наук природних; *Василь Пачовський*. З пісень болю; *Антін Крушельницький*. Непотріб; *Михайло Галушинський*. Українська молодіж в р. 1899; *Іван Мороз*. З Чернівців; *Володимир Старосольский*. Студентські рухи в Росіі; Дрібні замітки.

Бирвинокъ Гарна. Молодича боротьба. Изданіе благотворит. Общ. изд. общеполезн. и деш. книгъ. № 2. С.-Петербург., 1900, 1—20. Ц. 1 к.

Бачинський Юліян. Моя переписка з Михайлом Драгомановим. Накладом автора. З друкарні В. А. Шийковского стр. 1—70. (Додаток до «Українin-irredenta»). У Львові, 1900.

Бачинський Юліян. Україна-in-irredenta. Друге виданє. Накладом автора. З друкарні В. А. Шийковского. У Львові, 1900, стр. 1—186.

Богоявленскій С. К. Нѣкоторыя статистическія данныя по исторіи русскаго города ХѴІІ ст. (Огтискъ изъ 1-го тома „Труды археогрaфич. комиссіи“ Имп. моск. археологич. общества). Москва, 1899. Тип. А. Снегиревой, in 8°, 24 стр.

Варчин Ю. Цѣлты и бодякы. Образки и оновѣдання. Часть друга. (Бібліотека для рускои молодежи підъ редакцією Юліяна Насальского. Выпуск XXIV. Том XXXVШ). Коломыя, 1899. Зъ печати І. Брука і-спѣлвы. Ст. 142, мал. 8°. Цѣна 35 кр. Зміст: 1) Христось Воскресѣ. 2) Добри дѣти вѣнецъ, а лихи конецъ. 3) Ялѣвка. 4) Легкій зарѣбокъ. 5) Контрамась. 6) Вовки. 7) Моя кобылка. 8) Шмуль и

Малка. 9) Я щастя нїколи не мала. 10) Красшн робочн руки, якъ чорни брови. 11) Выборецъ.

Гамченко С. Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ «Стугна» близъ с. Студеница, Житомирскаго уѣзда Волынской губ. Кіевъ, 1899, 1—93. Тип. Корчакъ-Новицкаго.

Герарт Гауптман. *Візник Геншель*, драма въ 5 актах. Переклав Антін Крушельницький. Львів, 1900. Накладом українсько-руської видавничої Спілки (ч. 13). З друкарні В. А. Шийковського. Стр. 140, 8°. Ціна в опрані 1 г. 80 кр.

Грушевський М. *Розвідки і матеріали до історії України-Руси*. III. Відбитки з „Записок наукового Товариства ім. Шевченка“ р. 1898—99 і «Жерел до історії України-Руси» т. II. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Зміст: 1) Похоронне поле в с. Чехах.—2) Анти. Уривок з історії України-Руси.—3) Звенигород галицький, історично-археологічна розвідка.—4) Описи Ратенського староства з 1500—1512 р.—5) Економічний стан селян у Перемишльськнм старостві в середині XVI на основі описей королівщин. 6) Надання магдебурського права містечку Дідову (в Київщині).—7) До історії „руського обряду“ в Старій Польщі.—8) Примітки до історії козащини.—9) Хмельницький и Хмельнищина. Історичний ескіз.

Дикаревъ М. А. *Замѣтки по історіи народной ботаники* I. Москва, 1899. Тип. Товар. А. А. Левенсонъ. 8 д., 35 стр. (Оттискъ изъ «Этнографич. Обозрѣнія» XL—XLI).

Живі Струни. 5. Владислав Оркан. Ніч. Драма въ однім акті. Переклад А. Крушельницького з передмовою В. Старосольського. З друкарні В. А. Шийковського. Львів. 1900. Стр. 24, 8°. Ціна 30 сотиків (25 коп).

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XXXIII. Накладом Товариства. З друкарні Н. Т. ім. Шонченка. Львів, 1900 р. Ціна 3 корони. Зміст: 1) Бронзові мечі з Турецького повіту (Галичина) з рисунком, подан М. Грушевський. Ст. 1—4; 2) Про наголос в українсько-руській мові, студія д-ра Володимира Охримовича (продолженіє слѣдуєть). Стр. 1—64. (Этотъ рефератъ предполаг. прочесть на XI археологич. съѣздѣ въ Кіевѣ); 3) Варіанти на декотрі Шевченкові твори, подав Олександр Бониський. Стр. 1—16; 4) Miscellanea: а) Замітки про гетьмана Сагайдачного, О. Щуровський; б) Як австрійський уряд був зацікавився Бойками, под В. Гнажок; в) Петро Лашкаръов (некрольог); г) Митрофан Дикарѣв (некр. звістка); 5)

Наукова хроніка: 1) Огляд західно-європейської літератури по культурній і політичній історії, історії літератури й штуки за 1898 рік, подає др. М. Кордуба. III. Нові часи; 2) Огляд часописей за 1898 р.: Часописи видані поза Україною. Стр. 1—54. — 6) Бібліографія (рецензії й справоздання) Стр. 1—46. 3 Товариства, стр 1—5.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. XXXIV. Накладом Товариства. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Львів, 1900 р. Ц. 3 корони. Зміст: 1) Сторінка з історії сільського духовенства (по самбірським актам XVI в), написав Михайло Грушевський. Стр. 1—82. (Реф. предпол. прочесть на XI археол. съѣздѣ въ Кіевѣ); 2) Деякі причинки до поправлішого видання поезій Тараса Шевченка, написав Юліян Романчук. Стр. 1—32. 3) Miscellanea: а) Петиція до митрополита й полеміка із-за неї, подав В. Гнатюк; б) Про збірник пісень Бодяньського, под. Ол. Маркевич; в) До історії вірші на Україні, под. др. І. Фрапко. Стр. 1—14; 4) Наукова хроніка: Огляд часописей за 1899 рік—часописі українсько-руські, подав. Ст. Томашівський. Стр. 1—8; 5) Бібліографія (рецензії й справоздання). Стр. 1—58.

Збірник математично-природописно-лікарської секції Н. Т. ім. Шевченка. Т. V. Випуск II. Часть лікарська. Під редакцією д-ра Евгена Озаркевича. У Львові, 1899. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Ціна 2 корони. Зміст: 1) Проф. др. Іван Горбачевський: Причинки до пізнання виживи сільської людности галицького Поділя. Стр. 1—16; 2) Др. Осип Дакура: Клінічні спостереження що до подавання уроферину. Стр. 1—8; 3) Др. Михайло Кос: Про скіаскопію (з 1 літ. картою). (Стр. 1—9; 4) Михайло Олійник: Про нападovu гемоглобінурию. Стр. 1—4; 5) Др. Володимир Янович: Цілковите вилічення вовка за помічю kalium hypermanganicum. Стр. 1—2; 6) Справоздання. Стр. 1—43. — 7) Термінологічна частинка. Стр. 1—6.

Зробек Яков, парох Вертелки. *Мала парохія.* Накладом автора на цѣль будови церкви въ Вертелцѣ. Жовква, 1899.

Казачка. Сборникъ національныхъ пѣсень. Изд. 3-е книтопр. Т. Кушна. Сиб. 1899. Тип. Дома призр. малолѣтн. бѣдныхъ и М. Козлова, 16 л. 93+III стр.

Казки Андерсена. Пята часть. Видане Руського Товариства педагогічного. Ч. 76. У Львові 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 80, in 8°. Ціна 25 кр. Зміст: 1) Стокרותь. 2) Соловейко.

3) Садочок. 4) Шийка фляшки. 5) Хоробний жовнір олов'яний. 6) Калічка. 8) Неімовірно.

Конисский А. Я. Объ изученіи личности Т. Г. Шевченка. Оттискъ изъ газеты-журнала «Дняпровская Молва». Екатеринославъ, 1900, 1—16, in 16.

Коцюбинський Михайло. В пугах Шайтана і інші оповіання. Накладом українсько-руської видавничої Спільн. З друкарні Науков. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1900. Стр. 154, 8°. Ціна в оправі 1 г. 60 кр. Зміст: 1) В пугах Шайтана. Стр. 3—20. 2) На віру. Стр. 21—106. 3) Ціновяз. Стр. 107—164.

Переклади *А. Кримського.* Видане Руського Товариства Педагогічного Ч. 77. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 48, 8°. Ціна 20 кр. Зміст: 1) Дбай про кінець діла. Арабська казка; 2) Софійчині пустоти. Оповідане графїні Сегюр.; 3) Казка про горбуна (з 1001 ночі). 5) Записки куропатви. 6) Історія горця з оливками (з 1001 ночі). 7) Незабудька. (Легенда).

Левицький Володимир. 1) Причинок до теорії дробів тьмилх і групи модулової. Стр. 8. 2) Кліматичні відносини Тернополя. Стр. 8 (Відбитка із Збірника мат.-прир.-лік. секції. IV. Зом. II).

Макаровський Михайло. Наталя, або дві доли разомъ. (Съ біографією Макаровського). Выдання Б. Гринченка. № 46. У Чернівцях, 1899. Зъ друкарни Губ. Земства, 1—35. Ц. 5 к.

Масловичъ, В. Г. Сказка про Харьку, основателя Харькова, про его дочъ Гапку и батрака Яєива. (Писано въ 1815). Изд. 2-ое Н. В. Масловича. Харьковъ, 1899. Тип. „Печатное дѣло“ кн. К. Гагарина., 8 д., 40 стр. Ц. 25 коп.

Образки з історії України-Руси. Видане Руського Товариства Педагогічного. Ч. 78. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 48, 8°. Ціна 25 кр. Зміст: Передне слово. — 1) Петро Конашевич Сагайдачний. — 2) Богдан Хмельницький. — 3) Гетьман Петро Дорошенко. — 4) Гетьман Іван Мазепа. — 5) Козак Антін Головатий.

Оповідання для дітей. Видане Руського Товариства Педагогічного. Ч. 71. Львів, 1899. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 74, 8. Ціна 20 кр. Зміст: 1) Кучерява голова. — Малий Австралієць. Переклав. В. Вр. 2) Глогорожечка. 3) Вивірка. 4) Два народи. 5) Барабанчик. 6) Сто й оден брат і баба чарівниця. 7) Бабусяна казка. 8) Над пропастию смерті.

Перетцъ. Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вѣковъ. XV—XXII. Санктпетербургъ, 1899. Типогр. Императорск. Академіи наукъ, стр. 71—156.

Платоновъ Іоаннъ. Черниговскіе кафедральныя соборы и ихъ достопримѣчательности. Изд. 2-е. Черниговъ. Тип. Губернск. правленія. in 8°. 43 стр.

Проскурниковъ. Изъ исторіи Слободской Украины. Городъ Короча при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ. (Отд. отт. изъ № 222—223 «Харьковск. Вѣдомости за 1899»). Харьковъ, 1900.

Розенфельдъ, А. Языкъ Святославова изборника 1073 года (Отт. изъ «Рус. Филолог. Вѣстника»). Варшава, 1899. Тип. Варш. Учеб. Округа, in 8°, 45 стр.

Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom XIII. (Ogólnego zbioru tom trzydziesty ósmy). W Krakowie, 1899, 1—394, in 8°. Содержаніе: *A. Prochaska*. Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiellonów; *F. Piekosiński*. O źródłach heraldyki ruskiej; *A. Lewicki*. Unia florencka w Polsce и др.

Романчук Юліян. Де-які причинки до поправнішого видання поезій Тараса Шевченка. Стр. 32, 8°. (Відбитка пз XXXIII т. Записок).

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Второго тома выпускъ третій (съ начала изданія—шестой). За-заграницей. Сибр. 1899. Отъ 633 столбца до 952. Цѣна 60 к.

Сльпушкинъ Н. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изд. 5-ое комиссіи народныхъ чтеній въ Кіевѣ. Кіевъ, 1899. Тип. университета Св. Влад., in 8°, 70 стр., 1 портретъ и 1 рисунокъ. Ц. 15 коп.

Смирновъ С. И. Водокрещіи. Матеріалы для исторіи крещенскихъ обрядовъ въ древней Руси. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1900, 1—17. Цѣна 15 коп.

Степовыкъ О. Про городыну. Изданіе благотворительнаго Общества изд. общеполезн. и дешев. книгъ. № 3. Сиб., 1—60, Ц. 5 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. проф. Къ исторіи изданій малорусскихъ историческихъ пѣсенъ. Сиб. 1899. Ц. 20 к. (Отт. изъ Изв. Огд. Русск. яз. и слов. Академіи Наукъ).

Тарасъ Бульба, или измѣна и смерть за прекрасную панну (Составлено по Н. В. Гоголю). Изд. книгопр. А. Д. Сазонова. Москва, 1899, Тип. Д. Бончъ-Бруевича. 16 д., 198 стр.

Труды приднѣпровской метеорологической сѣти. Свѣдѣнія о состояніи свекловичныхъ плантацій въ связи съ погодой. Съ 1-го по 15 іюня н. ст. 1899 г. (Годъ изданія II, № 5). (Отт. изъ Университетск. Извѣстій за 1899 г.) Кіевъ, 1899, тип. Корчакъ-Новецкаго 8 д., 5 стр. и 2 таблицы.

Фоминъ II. Начальное народное образованіе въ Харьковской губерніи, съ 15 картограммами (Харьковск. губериск. земская управа). Харьковъ, 1899. Тип. Зильберберга. in 8°, 2+344+312+36+XIII.

Чикаленко Е. Розмова про сельське хазяйство.—3-ти книжка. Сіяни травы, кукуруза та бурякы (зъ малюнками). Одесса, 1900, тип. Южно-Русск. О-ва Печатн. дѣла, 1—48, in 16°. Цѣна 8 коп.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1900 годъ. Книга первая. *Сто девяносто вторая*. Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. Москва, 1900, стр. I—VIII+1—920. Ц. 5 р. Содержаніе: Исторія Русской Церкви **Е. Е. Голубинскаго**. Періодъ второй—отъ нашествія монголовъ до митрополита Макарія (включительно). (Первая половина тома).

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга тринадцатая. Издана подъ редакцію М. Н. Ясинскаго. Кіевъ, 1899. Тип. Имп. Унив. св. Влад., стр. 1—241, 1—143+карта. Цѣна 3 р.

Янсонъ Ю. Э. проф. Сравнительная статистика населенія. (Составъ населенія: брачность, рождаемость, смертность, механическое движеніе населенія). Спб. 1900. Ц. 2 р.



Археологическая лѣтопись.

Засѣданія обществъ.

Въ засѣданіи *Общества любителей изученія Кубанской Области*, происходившемъ 28 января, предсѣдателемъ общества В. М. Сысоевымъ былъ представленъ отчетъ о поѣздкѣ въ Москву на предварительный комитетъ по устройству Харьковскаго Археологическаго Съѣзда. Для того, чтобы старина Кубанской Области была возможно полнѣе представлена на съѣздѣ, докладчикъ предложилъ учредить на Кубани отдѣленіе предварительнаго комитета.

В. М. Сысоевъ заключилъ свой докладъ слѣдующими словами: „Если членамъ нашего общества и даже постороннимъ лицамъ будетъ угодно, согласно предложенію московскихъ и харьковскихъ ученыхъ, образовать на Кубани отдѣленіе предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда, то можно указать слѣдующее. Члены предварительнаго комитета будутъ считаться членами археологическаго съѣзда. Они должны организовать бюро комитета, который будетъ руководить всѣмъ дѣломъ. Особенно важно было бы привлечь въ составъ комитета представителей отъ Ставропольской губерніи и Донской области, чтобы совмѣстными силами вести дѣло. Членовъ комитета слѣдовало бы просить указать тѣ вопросы или запросы, разрѣшеніемъ которыхъ каждый желаетъ заняться. Кромѣ того слѣдуетъ выработать программу для собиранія матеріала на выставку. Я съ своей стороны думаю, что Кубанское козачество можетъ представить на выставку въ особенности то, чѣмъ дорожатъ старики — остатки за-

порожской старины: запорожскую одежду, вооруженіе, картины, прочіе предметы, пѣсни и т. д. Кромѣ того, имѣя въ виду этнографическую выставку, можно собрать предметы, характеризующіе жизнь козаковъ на новыхъ мѣстахъ, ихъ одежду и домашнюю обстановку. Пояснить все это рисунками, діаграммами и т. п. Что касается археологій, то здѣсь можно организовать собраніе рисунковъ древнихъ памятниковъ, описаніе ихъ и производство раскопокъ, составить подборъ археологическихъ предметовъ и коллекцій. На первую очередь здѣсь можно было бы обратить особенное вниманіе на запорожскія церковныя древности, на каменные бабъ и монеты Босфорскаго (Пантикапейскаго) царства“.

Предложеніе это было принято. Затѣмъ предсѣдатель сообщилъ, что начальникъ Кубанской области сочувственно отнесся къ мысли объ учрежденіи комитета. Кромѣ того, онъ сообщилъ, что, по соглашенію съ секретаремъ Кубанскаго статистическаго комитета, онъ внесетъ на обсужденіе послѣдняго вопросъ о совмѣстной дѣятельности въ этомъ направленіи. (Куб. Обл. Вѣд.).

Общее собраніе Кіевскаго Общества любителей древностей и искусствъ состоялось 4-го марта, въ зданіи музея. Вице-предсѣдателемъ общества В. И. Ханенко былъ доложенъ отчетъ за прошлый годъ. Изъ отчета видно, что дѣятельность правленія общества была сосредоточена на постройкѣ зданія музея; зданіе вчернѣ готово, но еще не закончено; однимъ изъ дефектовъ зданія является отсутствіе удобной лѣстницы во второй этажъ; лѣстница можетъ быть устроена лишь съ возведеніемъ второй, проектированной, части музея или главнаго зала, поэтому правленіе общества занято въ настоящее время выработкой проекта и смѣты этого послѣдняго. Затѣмъ, были перечислены главныя пожертвованія, представленъ краткій проектъ положенія о музеѣ и доложены отчетъ о приходѣ и расходѣ за прошлый годъ и смѣта на будущій. Вице-предсѣдателемъ былъ поднятъ вопросъ объ измѣненіи устава общества, введеніемъ въ число членовъ—членовъ корреспондентовъ. Въ концѣ засѣданія произведены выборы членовъ правленія, ревизіонной комиссіи и общества. Въ прошломъ году въ Обществѣ состояло 146 членовъ.

Въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора-Лѣтписца, 12-го марта, проф. В. Б. Антоновичъ далъ характеристику новой ежегод-

ника — «*Swiatowita*», посвященнаго доисторической археологіи, начавшаго выходить съ прошлаго года въ Варшавѣ, подъ редакціей Э. Маевскаго.¹⁾ Ежегодникъ является очень содержательнымъ изданіемъ, преслѣдующимъ, помимо научныхъ, и цѣли популяризаціи. Каждый томъ распадается на нѣсколько отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ оригинальныя статьи, археологическое обзорѣніе, разборы и отчеты, свѣдѣнія о музеяхъ, корреспонденціи и мелкія извѣстія. Территориально ежегодникъ посвященъ, главнымъ образомъ, Привислинскому краю, но помимо этого, тутъ имѣются также свѣдѣнія о древностяхъ Галичины и южной Россіи. Такъ, въ 1-мъ томѣ мы находимъ небольшую статью С. Глагера о раскопкахъ въ с. Городницѣ, надъ Дѣбстромъ, на Покутьи, имѣвшихъ цѣлю изслѣдованіе могильника, относимаго къ II—III в. по Р. Х., съ погребеніями подъ плитами, въ сопровожденіи росписныхъ сосудовъ (стр. 67), обстоятельный разборъ труда проф. Антоновича — Археологическая карта Кіевской губ., сдѣланный К. Хамцомъ (стр. 135), и замѣтку о печальномъ фактѣ продажи мѣстныхъ древностей въ иностранныя музеи, именно, о продажѣ гг. Пржибыславскими Вѣнскому музею цѣнной коллекціи древностей, собранныхъ въ Восточной Галичинѣ (стр. 159). Во II-мъ томѣ помѣщены извлеченія изъ работы В. Диметрыкевича, даващаго полную картину смѣны культурныхъ эпохъ въ Галичинѣ (стр. 155), и Г. Оссовскаго, раздѣлившаго Галичину, по находкамъ, на три археологическіе округа: 1) западный или краковскій, 2) средне-восточный или львовскій и 3) юго-восточный или покутско-подольскій (стр. 165). Среди корреспонденцій, здѣсь помѣщены двѣ изъ Юго-западнаго края: о находкѣ вклада золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ предметовъ въ Заславскомъ у., Волынской губ. (стр. 104), и о находкахъ каменныхъ орудій у сс. Федоровки и Тростянца, Брацлавскаго у., Подольской губ., в амфорахъ и сосудахъ въ с. Скиткахъ, Липовецкаго у., Кіевской губерніи. (стр. 106—107). Ежегодникъ съ внѣшней стороны не представляетъ желать ничего лучшаго, одно изъ достоинствъ его — многочисленные рисунки и карты какъ въ текстѣ, такъ и на отдѣльныхъ таблицахъ.

¹⁾ Вотъ полное заглавіе ежегодника: *Swiatowit. Rocznik, poświęcony archeologii przeddziedziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej, wydawany staraniem Erazma Maiewskiego*. Warszawa. T. I.—1899 г. T. II—1900 г.

6-го марта, въ засѣданіи *Церковно-археологическаго общества* при Кіевской Духовной Академіи, *проф. Н. И. Петровымъ* было слѣлано сообщеніе о новыхъ поступленіяхъ въ церковно-археологическій музей. Между послѣдними слѣдуетъ отмѣтить двѣ серебряныя римскія монеты Антонина Пія и Флустины Старшей, найденныя въ с. Узницѣ или Темберцинѣ, Васильковского у. Кіевской губ., и деревянную раскрашенную статую архистратига Михаила, присланную изъ Ольвіополя, Херсонской губерніи. Статуя представляетъ арх. Михаила въ воинскомъ облаченіи, со шлемомъ на головѣ. На груди его—полустертая надпись: „Кто яко Богъ!“ Въ правой рукѣ архангелъ держитъ доску, на которой, сравнительно въ позднее время, написана икона св. великом. Варвары, во имя которой освященъ Ольвіопольскій храмъ. Правая рука статуи опущена внизъ и оконечность ея отбита. Прото типомъ статуи можно считать еще древне-византійскія изображенія арх. Михаила. Таково, напр., мозаичное изображеніе архангела на сводѣ алтаря св. Софіи Константинопольской, VI вѣка, съ державою въ лѣвой рукѣ и со скипетромъ въ правой. Въ древней Руси, въ до-татарскій періодъ, архангелъ Михаилъ изображался иногда съ сферою или державою въ лѣвой рукѣ и поднятымъ мечемъ—въ правой (эпкопiонъ въ собраніи Б. И. Ханенко, № 55). На Ольвіопольской статуѣ архангелъ Михаилъ, вѣроятно, первоначально представленъ былъ со скипетромъ въ правой рукѣ и съ державою—въ лѣвой, но впоследствии держава превращена была въ икону св. великомуч. Варвары. Подобная статуя арх. Михаила, повидимому, такой же работы, съ небольшими лишь вариантами, но безъ надписи на груди, находится въ музеѣ І. А. Хойновскаго въ Кіевѣ и получена имъ изъ церкви с. Мотовиловки, Васильковского у., Кіевской губерніи.

Случайныя находки.

Въ посадѣ Турлаки, отстоящемъ отъ Аккермана въ 5—6 верстахъ, въ усадьбѣ мѣстнаго священника Е., находится насыпной курганъ средней величины. 14 января, говоритъ „Одесскій Листокъ“, рабочіе, исправлявшіе дорогу, пролегающую черезъ виноградный садъ, который окружаетъ курганъ съ трехъ сторонъ, принуждены были для этой цѣли снести западный край кургана и совершенно случайно

наткнулись на интересную находку. Сначала попадались кости, принадлежавшія 6—7 человѣческимъ скелетамъ, судя по найденнымъ тутъ же черепамъ. Затѣмъ, на глубинѣ около 1 $\frac{1}{4}$ аршина отъ уровня сада, было открыто около 15 фунтовъ старинныхъ серебряныхъ монетъ, находившихся, надо полагать, въ кожанномъ мѣшкѣ, который не избѣгнулъ вліянія времени. Монеты не одинаковыя и принадлежатъ различному времени (между ними есть не мало древне-римскихъ и, можетъ быть, греческихъ). Въ настоящее время часть этихъ монетъ передана въ аккерманское полицейское управленіе для отсылки археологическому Обществу съ тѣмъ, чтобы послѣднее болѣе точнымъ образомъ опредѣлило эпоху, къ которой относятся найденныя монеты и цѣнность ихъ, какъ древне-историческаго памятника. Владелецъ сада намѣренъ въ непродолжительномъ времени предпринять раскопку загадочнаго кургана.

Музеи и собранія древностей.

Въ *херсонскомъ археологическомъ музее* полученъ транспортъ древностей, добытыхъ почетнымъ членомъ херсонской ученой архивной комиссіи *И. Я. Стемповскимъ* путемъ раскопокъ кургановъ *Тираспольскаго уѣзда*. Присланная коллекція почти исключительно состоитъ изъ вещей татаръ *джучидовъ*, не позже *XIV столѣтія*. Обращаетъ на себя вниманіе нарядъ какой-то древней красавицы: золотыя серьги съ такими-же подвѣсками, въ видѣ ягодъ кизля; серебряный ручной браслетъ, несмаленные концы котораго украшены выпарпаннными по металлу грубыми изображеніями мужскихъ лицъ; металлическое круглое зеркальце съ ушкомъ посрединѣ. Ткани, въ которыя была одѣта покойница, истлѣли.

Отъ народнаго учителя *Я. З. Балана*, изъ м. *Братолюбовки*, *Александрійскаго уѣзда*, поступило на храненіе въ тотъ-же музей небольшое круглое металлическое зеркальце, найденное владовскателями въ могилѣ. Зеркальце это, въ кожанномъ чехлѣ, лежало при покойникѣ вмѣстѣ съ заржавленными желѣзными ножищами. Такія находки нерѣдки въ древнихъ маленькихъ могилахъ, которыми усѣяна южно-русская степь. Доставленное въ *Херсонскій музей* зеркальце имѣетъ на обратной сторонѣ выцуклыя грубыя изображенія четырехъ

прыгаючыхъ антилопъ изъ вида сайгъ (*Colus tataricus*), животныхъ, родственныхъ козамъ, съ острыми, слегка изогнутыми рогами. Сайга и понинъ еще водится въ степяхъ Азіи и восточной Россіи. Сходныя изображенія намъ извѣстны на монетахъ Абдулла-хана, темника Мамая, властвовавшаго въ нашихъ степяхъ отъ 1363 до 1367 г.; отчасти по этому, отчасти по другимъ соображеніямъ, найденное зеркальце предположительно можно отнести къ той-же эпохѣ. Очень жаль, что зеркальце было извлечено изъ могилы невѣждами, которые разбили его на куски и не позаботились, конечно, сохранить остальные, лежавшія тамъ вещи: и черепъ покойника, ознакомиться съ устройствомъ могилы и т. д. („Югъ“).

Въ *Кіевскій музей древностей и искусствъ* передана Имп. Археологической Коммиссіей довольно большая коллекція древностей, пріобрѣтенная у мѣстнаго торговца Богданова. Подборъ коллекціи случайный, интересныхъ предметовъ немного.

Разныя извѣстія.

Историческое Общество Нестора Лѣтописца обратилось къ своимъ членамъ съ циркулярнымъ предложеніемъ сообщить обществу указанія или свѣдѣнія о памятникахъ старины до конца XVIII вѣка по губерніямъ Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской: о монастыряхъ, церквяхъ, замкахъ и старинныхъ зданіяхъ или объ ихъ остаткахъ, объ утвари и оружіи, о памятникахъ искусства, о рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ, а также о частныхъ коллекціяхъ вещественныхъ памятниковъ древности и документовъ, такъ равно указать свѣдущихъ лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за собираніемъ свѣдѣній объ упомянутыхъ памятникахъ. Указанія и свѣдѣнія эти необходимы для предполагаемаго Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ изданія описанія и снимковъ памятниковъ мѣстной старины

Въ послѣднемъ, XI-мъ, томѣ *Записокъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества* помѣщенъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ (вышедшихъ и отъясками) *А. А. Спицына*, большей частью извѣствующихъ

отношеніе къ южно-русскимъ древностямъ. По этимъ работамъ видно, что въ распоряженіи автора имѣется громадный матеріалъ, собранный съ такой тщательностью, что даже не пропущены и мелкія газетныя замѣтки о различнаго рода находкахъ, раскопкахъ и т. п. Авторъ много потрудился надъ сведеніемъ сырого матеріала и въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ мы должны поставить его *«Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи»*.

Въ данномъ томѣ, наряду съ другими, мы находимъ такіа обзорѣніа для *Кіевской, Подольской и Волинской губ.* Обширностью отличается обзорѣніе *Кіевской губ.*, оно занимаетъ 30 страницъ. Здѣсь, въ сжатомъ видѣ, данъ обзоръ всему, что до сихъ поръ было найдено, причемъ приведена и подробная литература. Каждый видъ памятниковъ старины занимаетъ надлежащее мѣсто. Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ палеолитическаго періода, переходитъ затѣмъ къ неолиту, къ полямъ росписныхъ урнъ, къ курганамъ съ окрашенными костяками, перечисляетъ находки мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ. Указавъ, что далѣе въ свѣдѣніяхъ о кіевскихъ древностяхъ имѣется огромный пробѣлъ, такъ какъ отъ мѣднаго или бронзоваго вѣка слѣдуетъ переходъ къ памятникамъ не раньше II—I в. до Р. Х., авторъ отмѣчаетъ чрезвычайное разнообразіе памятниковъ отъ I в. до Р. Х. и до IV в. послѣ Р. Х.; достаточно указать, что имъ описано здѣсь 12 погребальныхъ типовъ. Древности послѣдующихъ вѣковъ, отъ III—IV до IX—X, за отсутствіемъ кургановъ, которые можно было-бы, по мнѣнію автора, отнести къ этому періоду, представляются имъ, по типамъ наиболѣе характерныхъ находокъ, на послѣдовательныя эпохи: римскихъ фибулъ, готскихъ фибулъ и подѣлокъ съ эмалью. Собственно-русскіа древности Кіевской губ. до IX в. слѣдуетъ отыскивать, повидимому, исключительно въ поляхъ урнъ, о которыхъ, впрочемъ, прибавляетъ авторъ, имѣются пока лишь небольшія и отрывочныя свѣдѣнія. За полями урнъ идутъ курганы съ сожженіемъ, относимые къ X в., отчасти, быть можетъ, и къ IX в., и, наконецъ, курганы съ погребеніями XI—XIII вв. Интересно здѣсь отмѣтить мнѣніе автора о началѣ Кіева; вотъ его слова: «Начало Кіева, какъ города, относится повидимому, къ IX в. Въ многочисленныхъ мѣстныхъ коллекціяхъ древности мы между кіевскими находками отмѣтили только 2 предмета, относящіеся ко времени II—IV вв., да и тѣхъ мѣстное происхожденіе сомнительно. Въ осталь-

ныя вещи не восходятъ ранѣе IX—X в. Найденныя въ Кіевѣ римскія монеты, конечно, не доказываютъ существованія вѣдѣсь современнаго имъ значительнаго поселенія». Что касается послѣдующихъ періодовъ, то и они вошли въ обзоръ въ видѣ-ли указаній на литературу, въ видѣ-ли перечисленія мѣстъ находокъ; такъ это напр. сдѣлано по отношенію къ курганамъ кіевскихъ кочевниковъ. Заключается обзоръ спискомъ музеевъ и собраній, гдѣ хранятся древности Кіевской губ. Обзоръ г. Спидына—первая работа въ этомъ направленіи; Археологическая карта проф. Антоновича заключаетъ сырой матеріалъ, другіе обзоры или очень стары, или носятъ отрывочный характеръ, или не обладаютъ достаточной полнотой. Если съ нѣкоторыми положеніями обзора г. Спидына можно и не соглашаться, если, вѣроятно, впоследствии нѣкоторые виды древностей потребуютъ другой группировки и дополненій, то, во всякомъ случаѣ, въ обзорѣ мы имѣемъ первый систематическій сводъ всего, что до сихъ поръ извѣстно, а о значеніи такихъ сводовъ какъ для уясненія современнаго состоянія вопроса, такъ и для направленія дальнѣйшихъ изслѣдованій, смѣемъ думать, нечего распространяться.

По плану обзора Кіевской губ. составлены обзоры *Подольской и Волынской губ.* Губерніи эти обследованы еще очень слабо, а потому и обзоры ихъ невелики, но и они исчерпываютъ весь имѣющійся матеріалъ.

Кромѣ «Обзоровъ», А. А. Спидынъ постепенно издаетъ и обработанныя имъ *«Свѣдѣнія 1873 г. о городищахъ и курганахъ»*. Свѣдѣнія эти явились результатомъ вопросовъ, разосланныхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ чрезъ Губернскіе Комитеты по волостямъ Европейской Россіи. Хотя въ общемъ свѣдѣнія эти не всегда точны и полны, но и они даютъ извѣстный матеріалъ и указанія, а для нѣкоторыхъ губерній матеріалъ является и довольно обильнымъ, укажемъ, напр., на Волынскую губ., для которой, на основѣ такихъ свѣдѣній, въ 1888 г. изданъ Импер. Археолог. Комиссіей пѣлый «Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ». Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ свѣдѣнія для Смоленской губ. и Области Войска Донскаго. Для послѣдней свѣдѣнія распределены по округамъ: Черкасскому, 1-му и 2-му Донскимъ, Усть-Медвѣдицкому, Донецкому и Хоперскому.

Благодаря исчерпывающей полнотѣ данныхъ, имѣющихся у А. А. Спидына, для него стало возможнымъ приступить къ монографіямъ тѣхъ или другихъ погребальныхъ типовъ. Таковую монографію—*Кур-*

ганы съ окрашенными костяками» мы и находимъ въ послѣднемъ томѣ «Записокъ». Указавъ прежде всего на значеніе этихъ кургановъ, относящихся въ глубокой древности и имѣющихъ очень широкое распространеніе, и давъ характеристику отношенія къ нимъ нашихъ археологовъ, при раскопкахъ которыхъ большинство найденныхъ сосудовъ, камней и скелетовъ оставляются на мѣстѣ, отчеты неточны и кратки, опредѣленіе найденныхъ костей животныхъ занимаетъ у рабочихъ, вещи описываются поверхностно, авторъ разбиваетъ всю огромную площадь распространенія этихъ кургановъ на 9 районовъ: терскій, кубанскій, таманскій, крымскій, екатеринославскій, бѣлозерскій, кievскій, ниже-донской и средне-донской, и опредѣляетъ особенности погребеній для каждаго изъ этихъ районовъ. По этимъ особенностямъ ихъ можно свести къ 4-мъ большимъ группамъ: первая — кавказская, отличающаяся богатствомъ и разнообразіемъ находокъ, вторая, куда входятъ районы крымскій, екатеринославскій и оба донскіе, третья — бѣлозерская и четвертая — кievская, рѣзко отличающаяся отъ остальныхъ группъ, и относящаяся, по мнѣнію автора, къ числу болѣе позднихъ. Что касается происхожденія этихъ кургановъ, то вотъ мнѣніе автора: «Безъ сомнѣнія, наблюдаемые въ курганахъ съ окрашенными костяками обряды погребенія не составляютъ мѣстнаго явленія. Всего естественнѣе думать, что они распространились окружнымъ путемъ изъ Ассиріи, или-же прямымъ изъ Малой Азіи, вмѣстѣ съ какою-нибудь передвинувшеюся народностью, или, быть можетъ, одновременно съ распространеніемъ того или другого вѣроученія». Очень желательно, чтобы авторъ, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, далъ и фактическія обоснованія этого положенія, пока-же оно поставлено лишь въ видѣ тезиса. Вторая часть работы, скажемъ къ слову, занимающей 81 страницу, состоитъ изъ сжатаго изложенія имѣющагося матеріала, который расположенъ здѣсь по областямъ и губерніямъ. Свой трудъ авторъ считаетъ лишь вступленіемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, онъ говоритъ: «Всѣ свои сужденія мы основываемъ на сравнительно маломъ матеріалѣ, притомъ же только русскаго происхожденія, между тѣмъ какъ очевидно, что наши окрашенные костяки представляютъ лишь отрывокъ огромнаго культурнаго теченія, овладѣвшаго въ нѣдрахъ глубокой древности всѣми народами средней полосы восточнаго материка. Да и на русской почвѣ предстоитъ еще много работы надъ этими древностями; ихъ необходимо сопоставить съ погребеніями въ нашихъ дольменахъ, въ

закавказскихъ каменныхъ ящикахъ, въ кievскихъ поляхъ урнъ съ росписанными сосудами и въ волынскихъ курганахъ каменнаго вѣка.

Въ небольшой статьѣ — *«Курганы кievскихъ торковъ и берендѣевъ»*, А. Сницынъ, опредѣливъ сначала мѣстность, занятую въ XI—XII вв. торками, какою онъ считаетъ пространство между теченіемъ Днѣпра и нижнимъ теченіемъ Роси, омываемое посредникъ Россавой, даетъ описаніе погребальнаго типа, приурочиваемаго имъ торкамъ. Это извѣстныя погребенія съ конемъ, обнаруженныя здѣсь въ 17-ти пунктахъ. 1) Могила берендѣевъ или берендичей авторъ видитъ въ пока еще мало изслѣдованныхъ курганахъ по близости Вѣлой Церкви, гдѣ также при гробахъ помѣщаются остовы лошадей.

Среди мелкихъ замѣтокъ, А. Сницыну принадлежитъ одна — *«Къ вопросу о происхожденіи такъ-называемыхъ готскихъ фибулъ»*. Благодаря послѣднимъ находкамъ въ Кіевской и Полтавской губ., является возможность возстановить самый древній типъ фибулъ — въ видѣ челонѣческихъ фигуръ съ сомкнутыми ногами, со сложенными на груди руками и съ таліей, обращенной въ дужку фибулы; авторъ даетъ описаніе дальнѣйшихъ превращеній фибулы, поясняя описаніе рисунками.

«Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемые Импер. Моск. Археолог. Обществомъ», за 1899 г. За истекшій годъ здѣсь были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки, относящіяся къ южной Россіи. Въ отдѣлѣ самостоятельныхъ статей: *Н. Петрова* — О золотой медали князя К. К. Острожскаго (№ 3—4—5) и *В. А. Городцова* — Назначеніе глиняныхъ площадокъ въ доисторической культурѣ трипольскаго типа (№ 11—12). Въ послѣдней статьѣ авторъ, изложивъ обстоятельства находокъ площадокъ на правомъ берегу Днѣпра въ окрестностяхъ м. Триполья, приходитъ къ конечному выводу, что глиняныя площадки представляютъ остатки жилищъ, но не постоянныхъ, а временныхъ, служившихъ для зимнихъ стоянокъ богатаго и высоко культурнаго (sic) племени, переживавшаго конецъ кочевого и начало осѣдлаго, земледѣльческаго быта. Мнѣніе это авторъ строитъ на доказательствахъ, мало убѣдительныхъ, а иногда и фактически не

¹⁾ Н. Е. Бранденбургъ, раскопавшій много кургановъ этого типа, въ рефератѣ, прочитанномъ на Рижскомъ съѣздѣ — „Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остатки убитыхъ лошадей?“, склоняется къ мнѣнію, что племя это — печенѣги.

вполнѣ точныхъ; для примѣра укажемъ на утвержденіе, что площадки располагаются по окружности и въ центрѣ обширныхъ круговъ — въ дѣйствительности такой правильности въ расположеніи не было обнаружено. Такъ что, по нашему мнѣнію, кочевой быть населенниковъ, на которомъ настаиваетъ авторъ, находится подѣ большимъ сомнѣніемъ. Въ отдѣлѣ хроникъ: *Ан. С.* — Къ вопросу о доисторическихъ письменныхъ знакахъ (№ 3—4—5); здѣсь помѣщенъ рисунокъ знаковъ, найденныхъ на стѣнѣ пещеры въ усадьбѣ Зайцева по Кирилловской ул. въ Киевѣ. Въ отдѣлѣ — «Засѣданія общества» — о докладѣ *Е. К. Рѣдина* и *Н. А. Федоровскаго*: «Могильникъ кургана слободы Сеньково, Купянскаго у.» (№ 3—4—5).

Въ послѣднемъ выпускѣ этого изданія находимъ извѣщеніе редакціи о прекращеніи изданія. Мы можемъ только пожалѣть объ этомъ, но насъ удивляетъ, что въ такомъ центрѣ, какъ Москва, не нашлось силъ продолжать этотъ единственный періодическій органъ по археологii, вѣдь за матеріалами и средствами остановки не было....

—

Въ «Подольскихъ губ. Вѣдомостяхъ» помѣщена замѣтка о намѣреніи *г. Гульдмана* возобновить печатаніе въ названной газетѣ его труда — «*Памятники старины Подоліи*». Трудъ этотъ раздѣленъ на 15 главъ или отдѣловъ: 1) находки каменныхъ издѣлій; 2) находки мѣдныхъ, бронзовыхъ топориковъ и стрѣлъ; 3) находки старинныхъ монетъ; 4) находки стариннаго оружія и вообще древнихъ вещей; 5) находки костей; 6) пещеры; 7) слѣды мегалитическихъ сооружений (мегалиты, дольмены); 8) насыпные валы; 9) городища; 10) курганы; 11) каменные бабы; 12) изображенія на камняхъ и скалахъ; 13) древнія монастырища; 14) флгуры (придорожные кресты, столбы, и т. и.) и 15) церковныя древности — храмы, монастыри, иконы. Печатаніе было пріостановлено на 9-й главѣ; *г. Гульдманъ* обѣщаетъ закончить ее и перейти къ слѣдующей. Съ своей стороны, несмотря на нѣкоторую своеобразность распредѣленія отдѣловъ, пожелаемъ автору благополучно закончить прерванный трудъ — какъ сборникъ матеріаловъ, онъ имѣетъ несомнѣнное значеніе.



ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Годъ изданія IV-ый.

1900 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1900 г.

на ежедневную газету

«ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

выходящую въ Одессѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ
съ иллюстраціями въ текстѣ.

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. под.

За три года существованія «Южное Обозрѣніе» вполне выяснило свою идейную программу и заняло определенное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Интересамъ культурнаго, мыслящаго и трудящагося человѣчества, интересамъ Россіи, какъ міровой державы съ великой цивилизаторской миссіей, а, въ частности, интересамъ Юга-Россіи и его умственнаго и промышленнаго центра Одессы—вотъ чему, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, стремилась служить наша газета.

Мы считаемъ своей главной задачей, своимъ общественнымъ долгомъ, пробуждать въ читателѣ сознаніе его общественной личности, его участія въ общегосударственной жизни, его обязанности работать для общаго блага, для блага Россіи, т. е. для блага всѣхъ населяющихъ ея народовъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы полагаемъ, что всѣ отдѣльныя племенные и социальныя группы, живущія въ Россіи, являются вполне равноправными членами одной національно-культурной семьи.

Въ виду глубокаго, захватывающаго интереса, представляемаго въ настоящее время событіями международной жизни, «Южное Обозрѣніе» значительно расширило отдѣлъ «Политической Хроники», давая въ немъ мѣсто не только событіямъ міровой важности,

но и характерным бытовым картинам заграничной жизни. Въ главнѣйшихъ культурныхъ европейскихъ странахъ (во Франціи, Германіи, Австріи, Италіи и Англіи) «Южное Обзоріе» имѣетъ своихъ собственныхъ корреспондентовъ. Одинъ изъ корреспондентовъ «Южнаго Обзорія» въ настоящее время отправленъ въ Америку, откуда и будетъ постоянно корреспондировать; нѣсколько его очерковъ съ дороги были уже помѣщены въ газетѣ. На Всемирную выставку въ Парижѣ также будетъ отправленъ собственный корреспондентъ «Южнаго Обзорія».

Особенное вниманіе обращено редакціей на событія внутренней жизни Россіи, переживающей въ настоящее время чрезвычайно важный моментъ замѣны старыхъ общественно-экономическихъ формъ новыми, болѣе приспособленными къ требованіямъ эпохи. Всѣ, сколько нибудь значительныя событія внутренней жизни Россіи, обсуждаются редакціей въ отдѣльныхъ передовыхъ статьяхъ и въ мелкихъ замѣткахъ подъ рубрикой «Наша печать», гдѣ читатель получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность ознакомиться съ воззрѣніями наиболѣе вліятельныхъ органовъ русской прессы на текущія событія.

Интересы нашего Юга, его промышленности, сельскаго хозяйства, земской жизни, городского самоуправленія изучаются и разсматриваются въ отдѣльныхъ руководящихъ статьяхъ подъ общимъ заглавіемъ «Областныя дѣла» и въ корреспонденціяхъ изъ провинціи (Херсонъ, Елисаветградъ, Николаевъ, Ялта, Аккерманъ и др.)

Жизни Одессы редакціей отводится весьма значительное мѣсто. Въ рядѣ передовыхъ статей «Наши дѣла», редакція стремится уяснить читателямъ значеніе крупныхъ вопросовъ городской жизни, непосредственно касающихся интересовъ обывателей г. Одессы. Ежедневная хроника городской жизни Одессы, составляемая самымъ тщательнымъ образомъ, даетъ полный и подробный отчетъ о всѣхъ событіяхъ дня. Редакція, пристально и внимательно слѣдя за ростомъ общественнаго самосознанія и частной инициативы въ Одессѣ, даетъ однако мѣсто лишь такимъ статьямъ и стороннимъ сообщеніямъ, которыя чужды какимъ бы то ни было личнымъ или узко-партійнымъ вліяніямъ.

Отдѣлъ фельетоновъ редакція находитъ нужнымъ разнообразить какъ можно болѣе. Культурная и социальнo-политическая жизнь Западной Европы, новости науки и техники, новости русской и иностранной литературы—обо всемъ этомъ сообщается читателямъ, по возможности, въ систематическомъ и общедоступномъ изложеніи. Кромѣ того въ фельетонахъ даются переводы беллетристическихъ произведеній наиболѣе выдающихся иностранныхъ писателей, а также оригинальныя художественныя изображенія русской жизни.

По мѣрѣ необходимости въ газетѣ печатаются иллюстраціи, какъ въ самомъ текстѣ, такъ и въ отдѣльномъ Воскресномъ Приложеніи.

Подписная цѣна на газету «Южное Обозрѣніе»:

Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 руб., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 1 руб. 80 коп., 1 мѣс. 60 коп. На города (съ пересылкой) на годъ 8 руб., 6 мѣс. 4 руб., 3 мѣс. 2 руб., 1 мѣс. 70 коп.

Допускается разсрочка платежа.

Отдѣльные ЛЛ продаются по 3 коп.

Требованія адресуются: Въ Одессу, въ главную контору газеты «Южное Обозрѣніе», Главная улица, домъ Михайловой.

Редакторъ и издатель В. Н. Маракучевъ.

3—3

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОРГАНЪ ИСКУССТВО

и

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Иллюстрированное Изданіе,

предпринятое съ Высочайшаго соизволенія

Императорскимъ Обществомъ Поощренія Художествъ

(съ октября 1898).

безъ предварительной цензуры, подъ редакціей Н. П. СѢВКО,
съ офортами, ксилографіями, фотогравюрами, хромотипіями, исполненными въ первоклассныхъ заведеніяхъ и подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ.

Подписная цѣна въ годъ за 12 выпусковъ и 24 особыхъ прибавленій (въ общемъ до 100 стр. текста и свыше 500 снимковъ въ текстѣ и отдѣльно): безъ дост. 8 р.; съ дост. 9 р.; съ пер. 10 р.; за гран. 12 р. — Затѣмъ:

1) Допускается разсрочка взносовъ по 2 р. и по 3 р. въ теченіе первыхъ 4-хъ мѣсяцевъ съ начала подписного года, т. е. съ октября мѣсяца.

2) Наложеннымъ платежемъ журналъ высылается лишь по присылкѣ переводомъ не менѣе 2 руб. на почтовые расходы, сверхъ подписной цѣны.

3) Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ Главную Контору: С.-Петербургъ, Мойка, 83 (д. И. О. П. Х.).

4) Книгопродавцамъ дѣлается уступка отъ 40 до 60 коп. съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

3—3

1900 годъ.

XXXXII годъ изд.

XXXXII годъ изд.

„ЗЕМСКІЙ СБОРНИКЪ Черниговской губерніи“.

Вышла январская книжка.

Содержаніе. Распоряженія Правительства: Объ измѣненіи существующаго порядка распредѣленія суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ сборовъ.—О разрѣшеніи Новоузенскому земству назначить пенсію изъ уѣздныхъ земскихъ суммъ бывшему предсѣдатель уѣздной управы.—Земское и городское хозяйство: Осушеніе болота Трубайло въ 1895—1899 г.г. —Земскія извѣстія. Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія: Народные спектакли—В. Д. Гринченко.—Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка—подъ ред. Н. П. Василенко. Мѣстная хроника: Журналъ засѣданія общества взаимнаго вспоможенія учащимъ и учившимъ Черниговской губерніи 10 августа 1899 г. (съ приложеніями). Разныя извѣстія и корреспонденціи: Изъ Глухова.—Ал. Литвинова. Объявленія.—Приложенія—Доклады Губернской Управы: О перестрахованіи рисковъ.—Объ устройствѣ кассы взаимопомощи для исѣхъ служащихъ изъ земствъ.

Подписная цѣна съ пересылкою 4 руб. въ годъ.

(Для служащихъ въ Черниговскомъ Земствѣ 2 рубля).

Подписка принимается въ городѣ Черниговѣ, въ Черниговской Губернской Земской Управѣ.

Пилавъ ⁴⁾ огонь великій страхъ.
 Въ смолѣ сѣ ⁵⁾ грѣшники сидѣлы ⁶⁾
 И на огнѣ пеклись, горѣлы, ⁷⁾
 Хто якъ за вѣщо ⁸⁾ заслуживъ,
 Перомъ ⁹⁾ не можно написаты, ¹⁰⁾
 Не можно и въ сказкахъ ¹¹⁾ сказаты, ¹²⁾
 Якихъ було багацко ¹³⁾ дивъ.

¹⁾ въ пеклѣ П. К. ²⁾ все П. К. ³⁾ живица П. К. ⁴⁾ палавъ П. К. ⁵⁾ сей П. К. ⁶⁾ сидѣли П. К. ⁷⁾ горѣли П. К. ⁸⁾ за вищо П. К. ⁹⁾ пѣромъ П. ¹⁰⁾ написати П. К. ¹¹⁾ казкахъ П. К. ¹²⁾ сказати П. К. ¹³⁾ багацко П. К.

72.

Панювъ ¹⁾ за те тамъ мурдовалы ²⁾
 И жарилы ³⁾ во всѣхъ бокѣвъ, ⁴⁾
 Що людямъ льготы не давалы ⁵⁾
 И ставили ихъ за скотѣвъ. ⁶⁾
 За те вони ⁷⁾ дрова возили,
 Въ болотахъ очеретъ косили, ⁸⁾
 Носили ⁹⁾ въ пекло на пѣдпалъ (sic). ¹⁰⁾
 Чорты за ними приглядаы, ¹¹⁾
 Желѣзнымъ ¹²⁾ прутьямъ ¹³⁾ пѣдганялы, ¹⁴⁾
 Коли якій изъ ¹⁵⁾ нихъ приставъ. ¹⁶⁾

¹⁾ панивъ П. К. ²⁾ мордовали П. К. ³⁾ жарили П. К. ⁴⁾ бокивъ П. К. ⁵⁾ давали П. К. ⁶⁾ скотивъ П. К. ⁷⁾ вони П. К. ⁸⁾ косили П. К. ⁹⁾ носили П. К. ¹⁰⁾ пѣдпалъ П. пѣдъ палъ К. ¹¹⁾ приглядали П. К. ¹²⁾ залѣзнымъ П. К. ¹³⁾ прутьемъ П. К. ¹⁴⁾ пѣдгоняли П. пѣдганяли К. ¹⁵⁾ зъ П. К. ¹⁶⁾ пристававъ П. К.

73.

Огненнымъ ¹⁾ пруттямъ ²⁾ оддираы ³⁾
 Кругомъ на спину и живѣтъ
 Себе що самы ⁴⁾ убывалы, ⁵⁾
 Якій ⁶⁾ остывъ нашъ бѣлый свѣтъ.
 Горячимъ діогтемъ заливалы, ⁷⁾
 Ножами пѣдъ ⁸⁾ боки стрикалы, ⁹⁾

Щобъ не хватались ¹⁰⁾ умѣрять, ¹¹⁾
 Робылы ¹²⁾ разные ¹³⁾ ѣмъ ¹⁴⁾ муки,
 Товкли у мужчирахъ ¹⁵⁾ ихъ руки,
 Не важились щобъ убивать. ¹⁶⁾

1) огненной П. 2) пугою тамъ П. прутьемъ К. 3) драли П. отди-
 рали К. 4) сами П. К. 5) убивали П. К. 6) акимъ П. К. 7) заливали
 П. К. 8) пидъ П. К. 9) штиркали П. К. 10) хапались П. К. 11) уни-
 рать П. К. 12) робили П. К. 13) розныи П. К. 14) имъ П. К. 15) муж-
 чирахъ П. К. 16) убивать П. К.

74.

Богатымъ та скупимъ ¹⁾ зливали
 Бипяче золото у ротъ,
 А брехунѣвъ ²⁾ тамъ заставлялы
 Лизать горячихъ сковородъ.
 Яки жъ изъ роду не женились
 Та по чужихъ куткахъ живились,
 Таки повѣшанны ³⁾ за ⁴⁾ крюкъ,
 Зачепленны ⁵⁾ за грѣшне тѣло,
 На свѣтѣ що грѣшило смѣло
 И ⁶⁾ не боялося сихъ ⁷⁾ мукъ.

1) скупимъ П. К. 2) брехунивъ П. К. 3) повѣшены П. К. 4) на
 Б. 5) зачеплены П. зацеплены К. 6) а П. 7) и П.

75.

Всѣмъ старшинамъ тутъ безъ розбору,
 Панамъ, пѣдпанкамъ ¹⁾ и слугамъ
 Давалы ²⁾ въ неклѣ добру хліору,
 Всѣмъ по заслужѣ, мовъ ³⁾ котамъ.
 Тутъ всякіе ⁴⁾ булы ⁵⁾ цехмистры,
 И ратманы, и бургомистры,
 Судьи, пѣдсудки, ⁶⁾ писарѣ, ⁷⁾
 Яки по правдѣ не судыли, ⁸⁾
 Та тѣлко ⁹⁾ грошики лупилы ¹⁰⁾
 И отбирали хабарѣ ¹¹⁾.

- 1) підпанкамъ П. К. 2) давали П. К. 3) якъ П. К. 4) всякіи П.
 5) були П. К. 6) підсуджи П. К. 7) писари П. К. 8) судили П. К.
 9) тилько П. К. 10) лупили П. К. 11) хабари П. К.

76.

И всѣ розумны ¹⁾ філософы,
 Що въ свѣтѣ вчилися мудровать,
 Ченцы, ²⁾ попы и крутопопы,
 Мирянь ³⁾ щобъ знали научать,
 Щобъ не ганялись ⁴⁾ за гривнями,
 Щобъ не качались ⁵⁾ съ ⁶⁾ попадами,
 Та знали бѣ ⁷⁾ церковъ щобъ одну,
 Ченцѣ ⁸⁾ до бабъ щобъ не иржали,
 А мудрецы ⁹⁾ звѣздъ не щитали, ¹⁰⁾
 Булы ¹¹⁾ въ огнѣ на самѣмъ ¹²⁾ дну.

- 1) разумны П. К. 2) ченцы П. К. 3) мірянѣ К. 4) гонялись П. К.
 5) возились П. К. 6) зъ П. К. 7) знали К. 8) всіондзы П. К. 9) мудры
 П. К. 10) щобъ не випмали П. К. 11) були П. К. 12) самомъ П. К.

77.

Жѣнокъ своихъ що не держали ¹⁾
 Въ рукахъ, а волю имъ дали, ²⁾
 По весѣльяхъ ихъ одпускали,
 Щобъ часто въ приданкахъ ³⁾ були ⁴⁾
 И до півночы ⁵⁾ тамъ гуляли, ⁶⁾
 И въ гречку де-колы скакали, ⁷⁾
 Таки сидѣли у ⁸⁾ шапкахъ
 Изъ ⁹⁾ превеликими рогами,
 Зъ зажмуренными и ¹⁰⁾ очамы, ¹¹⁾
 Въ кипячихъ съ сѣркою ¹²⁾ котлахъ. ¹³⁾

- 1) живокъ П. К. держали П. К. 2) дававъ П. К. 3) въ перезвахъ П.
 4) бувавъ П. К. 5) пивночи П. К. 6) гуляли П. К. 7) скакали П. К. 8) всѣ въ
 К. 9) в съ П. К. 10) всѣ П. К. 11) очами П. К. 12) сѣркою П. К. 13) ка-
 занахъ П. К.

78.

Батьки, яки синѣвъ ¹⁾ не вчили, ²⁾
 А гладили ³⁾ по головахъ, ⁴⁾
 И тѣлко ⁵⁾ знай що ихъ хвалилы, ⁶⁾
 Кипѣли въ нефтѣ ⁷⁾ въ казанахъ,
 Що черезъ нихъ ⁸⁾ сини ⁹⁾ въ ледащо
 Пустилися, пѣшли ¹⁰⁾ въ нинащо
 И ¹¹⁾ послѣ чубили ¹²⁾ батькѣвъ, ¹³⁾
 И всею силою бажалы, ¹⁴⁾
 Батьки щобъ швидче умѣралы, ¹⁵⁾
 Щобъ имъ принятысь до замкѣвъ. ¹⁶⁾

¹⁾ синивъ П. К. ²⁾ вчила П. К. ³⁾ гладили П. К. ⁴⁾ головкахъ
 П. ⁵⁾ тилько П. К. ⁶⁾ хвалили П. К. ⁷⁾ нефти П. К. ⁸⁾ ихъ П. К.
⁹⁾ сынки П. К. ¹⁰⁾ пишли П. К. ¹¹⁾ а П. К. ¹²⁾ чубили П. К. ¹³⁾ бать-
 кѣвъ П. К. ¹⁴⁾ бажали П. К. ¹⁵⁾ умирали П. К. ¹⁶⁾ замкивъ П. К.

79.

И тѣ булы тамъ лагоминцѣ, ¹⁾
 Пѣддуровалы ²⁾ що дѣвокъ,
 Що въ вѣна дрались по дробынцѣ
 Пѣдтемный, ³⁾ тихій вечерокъ,
 Що будуть ⁴⁾ сватать ихъ, брехалы, ⁵⁾
 Пѣдманіовалы, ⁶⁾ улещалы, ⁷⁾
 Поки добрались до кѣнця, ⁸⁾
 Поки дѣвки отъ перечосу а)
 До самого товстѣлы носу, б)
 Що соромъ послѣ до вѣнця.

¹⁾ лигоминци П. К. ²⁾ пиддуривали П. К. ³⁾ пидъ темный П. К.
⁴⁾ будуть Б. ⁵⁾ брехали П. К. ⁶⁾ пидманивали П. К. ⁷⁾ улещали П. К.
⁸⁾ конца П. кинця К.

а) Тогда дѣвки обманъ познали,

б) Да ба!—уже товстенъки стали П.

80.

Булы ¹⁾ тамъ купчики проворны,
 Що ѣздили по ярмаркамъ ²⁾

И на аршинець не пѣдборный ³⁾
 Поганный продавалы ⁴⁾ крамъ.
 Тутъ ⁵⁾ всякые ⁶⁾ булы пронозы,
 Перекупки и шмаровозы,
 Жиды, мѣняйлы, шинкарѣ ⁷⁾—
 И тѣ, що фиги - ⁸⁾ миги ⁹⁾ возять, ¹⁰⁾
 Що въ боклагахъ гарячій носятъ, ¹¹⁾
 Тамъ всѣ пеклися крамарѣ. ¹²⁾

¹⁾ булы П. К. ²⁾ ярмалкамъ П. ³⁾ не пидборный П. К. ⁴⁾ продавали П. К. ⁵⁾ тамъ П. ⁶⁾ всякіи П. всякіе К. ⁷⁾ шинкари П. К. ⁸⁾ хвиги П. ⁹⁾ мыги П. К. ¹⁰⁾ возять К. ¹¹⁾ носятъ К. ¹²⁾ крамари П. К.

81.

Палыводы ¹⁾ и волоцюги,
 Все зводныки ²⁾ и всѣ плуты,
 Ярыжники и всѣ пьянюги,
 Обманщики и всѣ моты, ³⁾
 Всѣ ворожбыты, ⁴⁾ чародѣи,
 Всѣ гайдамаки ⁵⁾ и ⁶⁾ злодѣи,
 Шевцѣ, ⁷⁾ кравцѣ ⁸⁾ и ковалѣ, ⁹⁾
 Рѣзницкій, ткацкій, шаповалскій, а)
 Бондарскій цехъ и коновалскій б)
 Кипѣлы ¹⁰⁾ въ цеклѣ всѣ въ смолѣ.

¹⁾ паливоды П. К. ²⁾ зводники П. К. ³⁾ Выѣсто этихъ двухъ стиховъ, приведенныхъ по изданію Парпуры и изданію Котларевскаго, въ рукописи одинъ стихъ: «ярыжники и всѣ моты», ⁴⁾ ворожбыты П. К. ⁵⁾ гайдомаки П. ⁶⁾ и всѣ П. ⁷⁾ шевцы П. К. ⁸⁾ кравцы П. К. ⁹⁾ ковали П. К. ¹⁰⁾ кипѣли П. К.

а) Цехи рѣзницкій, коновальскій,

б) Кушнирскій, ткацкій, шаповальскій. П. К.

82.

Тамъ всѣ невѣрны и крестяне, ¹⁾
 Булы ²⁾ паны и мужики,
 Булы дворяне ³⁾ и мѣщане—

И молоды, и старыки, ⁴⁾
 Булы ⁵⁾ богаты и убогы, ⁶⁾
 Прямы булы ⁷⁾ и кривоногы, ⁸⁾
 Булы ⁹⁾ видющи и слѣпы,
 Булы ¹⁰⁾ и штатски и военны,
 Булы ¹¹⁾ и пански и казенны,
 Булы ¹²⁾ миряне ¹³⁾ и попы.

¹⁾ христьне П. К. ²⁾ були П. К. ³⁾ шляхтяне П. були тутъ шляхта
 К. ⁴⁾ старики П. К. ⁵⁾ були П. К. ⁶⁾ убоги П. К. ⁷⁾ були П. К. ⁸⁾ кривоноги
 П. К. ⁹⁾ були П. К. ¹⁰⁾ були П. К. ¹¹⁾ були П. К. ¹²⁾ були
 П. К. ¹³⁾ міряне П. К.

83.

Гай! гай! Та нѣгде правды дѣты, ¹⁾
 Брехня жъ наробить ²⁾ лиха бѣлшъ, ³⁾
 Сидѣлы ⁴⁾ тамъ скучны] піиты,
 Писарчуки поганыхъ вѣршъ, ⁵⁾
 Великіе ⁶⁾ терпѣлы ⁷⁾ муки,
 Завязанны ⁸⁾ булы ⁹⁾ имъ ¹⁰⁾ руки,
 Мовъ у татаръ терпѣли плѣнъ.
 Оттакъ ¹¹⁾ и нашъ братъ попадется,
 Що пише, не остережется:
 Якій же втерпить ¹²⁾ його хрѣнъ? А)

¹⁾ дѣти П. К. ²⁾ наробить К. ³⁾ бильшъ П. билшъ К. ⁴⁾ сидѣли
 П. К. ⁵⁾ виршъ П. К. ⁶⁾ великіи П. ⁷⁾ терпѣли П. К. ⁸⁾ завязаны
 П. ⁹⁾ були П. К. ¹⁰⁾ имъ звязаны були и К. ¹¹⁾ отъ-такъ П. К. ¹²⁾
 втерпить К.

А) Якъсь особу мацапуру
 Тамъ жарили на шашлику,
 Горячу мѣде мили за шкуру
 И роспинали на быку.
 Натуру мавъ винъ дуже брідку,
 Крививъ душею для прибытку,
 Чужее отдававъ въ печать,
 Безъ сорома, безъ Бога бувши,
 И восьму заповѣдь забувши,
 Чужимъ пустился промышлять. К.

84.

Эней ¹⁾ отъ сихъ якъ ²⁾ отступився
 И далъ трохи одійшовъ, ³⁾
 То на друге вѣнь ⁴⁾ нахопився,
 Жѣночу ⁵⁾ муку тутъ найшовъ.
 Въ другѣмъ ⁶⁾ зовсѣмъ ⁷⁾ сихъ караванѣ
 Пѣджаровалы, ⁸⁾ мовъ ⁹⁾ у банѣ, ¹⁰⁾
 Отцѣто ¹¹⁾ галасъ исправлялы, ¹²⁾
 Що ажъ кричали на чѣмъ свѣтъ,
 Гарчали, ¹³⁾ вылы ¹⁴⁾ и пыщалы ¹⁵⁾
 Послѣ ¹⁶⁾ кутѣ ¹⁷⁾ якъ бы ¹⁸⁾ живѣтъ.

1) Еней П. 2) ихъ видциль К. 3) одойшовъ П. К. 4) то на друге П. К. 5) жиночу П. К. 6) въ другимъ К. П. 7) зо всѣхъ П. 8) пиджаріовали П. К. 9) якъ П. К. 10) бани П. 11) оцѣ-то П. К. 12) исправили П. К. 13) гарчали П. К. 14) выли П. К. 15) пищали П. К. 16) після П. К. 17) кута П. К. 18) мовъ на П. К.

85.

Дѣвки, бабы и ¹⁾ молодицѣ ²⁾
 Кляли ³⁾ себе и весь ⁴⁾ свѣй ⁵⁾ рѣдъ, ⁶⁾
 Кляли ⁷⁾ всѣ жарты, вечерницѣ, ⁸⁾
 Бляды ⁹⁾ и жизнь, и бѣлый свѣтъ,
 За те имъ такъ тамъ задавали, ¹⁰⁾
 Що черезъ чуръ тутъ ¹¹⁾ мудровалы ¹²⁾
 И верховодилы ¹³⁾ надъ всѣмъ.
 Хоть челоуѣки ¹⁴⁾ не онее,
 Та коли, бачъ, жѣнки вже ¹⁵⁾ тее,
 Такъ треба угодити имъ.

1) тамъ дѣвки, бабы П. 2) молодици П. К. 3) кляли П. К. 4) весь П. К. 5) свѣй П. К. 6) ридъ П. К. 7) кляли П. К. 8) вечерници П. К. 9) кляли П. К. 10) задавали П. К. 11) черезъ мѣру П. К. 12) мудровали П. К. 13) верховодили П. К. 14) чолоуѣкамъ П. чолоуѣкъ и К. 15) жинци, бачишь П. жинци, бачишь К.

86.

Булы ¹⁾ тамъ чесны богомолки, ²⁾
 Що знали ³⁾ ввесь святыи законъ,
 Молилися безъ остановки
 И были ⁴⁾ сотъ по пять поклонъ:
 Якъ въ церквѣ межъ людьми стоялы ⁵⁾
 И головами все кивалы, ⁶⁾
 Якъ же булы ⁷⁾ на самотѣ,
 То молитовники ховалы, ⁸⁾
 Казылись, бѣгали, скакалы, ⁹⁾
 И гирше ¹⁰⁾ децо въ темнотѣ.

¹⁾ були П. К. ²⁾ пустомолки П. К. ³⁾ знали П. К. ⁴⁾ были П. К.
⁵⁾ стояли П. К. ⁶⁾ хитали П. К. ⁷⁾ були П. К. ⁸⁾ ховали П. К. ⁹⁾ ка-
 зылись П. казылись К. скакали П. К. ¹⁰⁾ гирше П.

87.

Булы ¹⁾ и тѣи тамъ панянки,
 Що наряжались наѣпоказъ,
 Мандрохи, ²⁾ фліорки и дыптянки, ³⁾
 Що продають ⁴⁾ себе на часть.
 Сѣ ⁵⁾ въ сѣрци ⁶⁾ и смолѣ кипѣлы ⁷⁾
 За те, що жирно дуже ѣлы, ⁸⁾
 И що ихъ не страшивъ и пѣсть, ⁹⁾
 Що все прикушувалы ¹⁰⁾ губы
 И скалили ¹¹⁾ бѣленьки зубы,
 И часто ¹²⁾ пѣднималы ¹³⁾ фѣсть. ¹⁴⁾ а)

¹⁾ були П. К. ²⁾ мандріохы П. К. ³⁾ дыптянки П. К. ⁴⁾ продають
 К. ⁵⁾ ся П. К. ⁶⁾ въ сѣрцѣ П. К. ⁷⁾ кипѣлы П. К. ⁸⁾ ѣлы П. К.
⁹⁾ нистъ П. К. ¹⁰⁾ прикушували П. К. ¹¹⁾ скалили П. К. ¹²⁾ дуже К.
¹³⁾ волочили К. ¹⁴⁾ хвистъ К.

а) Да и не давали старшимъ мѣсть П.

88.

Пекылись ¹⁾ тутъ гарны молодичѣ, ²⁾
 Ажъ жалъ було на нихъ ³⁾ глядѣть,

Чорнявы, повны, мылолицы, ⁴⁾
 И сѣ ⁵⁾ тутъ мусѣлы ⁶⁾ кипѣть,
 Що замужъ за старыхъ ходили ⁷⁾
 И имъ живѣть укоротили, а)
 Щобъ послѣ гарно погулять
 Изъ парубками ⁸⁾ поводитисъ,
 На свѣтѣ весело нажитисъ
 И не голоднымъ умѣрать. ⁹⁾

1) пеклись П. К. 2) молодица П. К. 3) ихъ П. К. 4) мылолицы П. К.
 5) сѣ П. К. 6) мусили П. К. 7) ходили П. К. 8) парубками П. К. 9) умн-
 рать П. К.

а) И мышакомъ ихъ покормили П. поморили К.

89.

Якіесь мучились тамъ птахи а)
 Съ куделями на головахъ,
 Се честные не потѣнахи, б)
 Булы ¹⁾ тендѣтны ²⁾ при людяхъ,
 А безъ людей? Не можно знаты, ³⁾
 Себе чимъ ⁴⁾ знали ⁵⁾ забавляты, ⁶⁾
 Про те то знае ихъ лакей: в)
 Имъ тяжко въ пеклѣ докорялы, ⁷⁾
 Смолы на щоки налѣплялы, ⁸⁾
 Щобъ не дурылы ⁹⁾ тутъ ¹⁰⁾ людей.

1) були жъ П. були К. 2) смирененьки П. тендитны К. 3) знати
 П. К. 4) чѣмъ П. 5) мали П. К. 6) забавляти П. К. 7) докоряли П.
 К. 8) налѣпляли П. К. 9) дурили П. К. 10) такъ П. К.

а) Тамъ мучилися и вдовици П.

б) Що бѣгали на вечерниці П.

в) Про те лишъ знали до дверей П. К.

90.

Бо щоки терли манѣю ¹⁾
 И ²⁾ блейвасомъ и нѣсъ, ³⁾ и лобъ,
 Щобъ краскою хоть не своею

Причаровать собѣ ⁴⁾ кого бѣ, ⁵⁾
 Изъ рѣпы пѣдставлялы ⁶⁾ зубы,
 Ялозылы ⁷⁾ и ⁸⁾ смалцемъ ⁹⁾ губы,
 Щобъ пѣдвесты ¹⁰⁾ на грѣхъ людей,
 Бундучили ¹¹⁾ якіесь бочки,
 Мостиы ¹²⁾ въ павусѣ ¹³⁾ сорочки, ¹⁴⁾
 Въ которыхъ не було грудей. а)

¹⁾ манією ²⁾ а П. К. ³⁾ нисъ П. К. ⁴⁾ къ себѣ П. ⁵⁾ народъ
 П. ⁶⁾ пидставлялы П. К. ⁷⁾ ялозылы П. К. ⁸⁾ все П. К. ⁹⁾ смаль-
 цемъ П. К. ¹⁰⁾ пидвести П. К. ¹¹⁾ пиндючили П. К. ¹²⁾ мостиы П.
 К. ¹³⁾ павусы П. ¹⁴⁾ платочки П. К.

а) Все жарты имъ булы да смѣхъ (sic) П.

91.

За сыми по ряду шквартали ¹⁾
 Въ роспаленныхъ сковородахъ
 Стары бабы, що все ²⁾ ворчали, ³⁾
 Базѣкалы ⁴⁾ о всѣхъ дѣлахъ,
 Все тѣлко ⁵⁾ старыну ⁶⁾ хвалилы, ⁷⁾
 А молодыхъ товкы ⁸⁾ та былы, ⁹⁾
 Не думалы ¹⁰⁾ жѣ, яки булы, ¹¹⁾
 Ище якъ самы ¹²⁾ дѣвовалы ¹³⁾
 Та ¹⁴⁾ съ хлопцями якъ хурцовалы ¹⁵⁾
 Та й по дитинцѣ привелы. ¹⁶⁾

¹⁾ шквартали П. К. ²⁾ стары бабы, що П. ³⁾ ворчали П. К.
⁴⁾ базикалы П. К. ⁵⁾ тилько П. К. ⁶⁾ старыну П. К. ⁷⁾ хвалилы П.
 К. ⁸⁾ товкы П. К. ⁹⁾ били П. К. ¹⁰⁾ думалы П. К. ¹¹⁾ булы П. К.
¹²⁾ сами П. К. ¹³⁾ дѣвовалы П. К. ¹⁴⁾ да П. К. ¹⁵⁾ гарціовалы П. К.
¹⁶⁾ привели П. К.

92.

Вѣдіомъ же тутъ колесовалы ¹⁾
 И всѣхъ шептухъ и ворожокъ
 И жылы ихъ ²⁾ чорты моталы ³⁾
 И безъ витушки ⁴⁾ на клубокъ,
 На припѣчкахъ ⁵⁾ щобъ не оралы, ⁶⁾

У комены щобъ не лѣтали, ⁷⁾
 Не ѣздили бѣ на упирахъ, ⁸⁾
 И щобъ дошу не продавали, ⁹⁾
 Въ ночь ¹⁰⁾ людей щобъ не лякали, ¹¹⁾
 Не ворожили бѣ на бобахъ.

¹⁾ колесовали П. К. ²⁾ зѣ нихъ П. К. ³⁾ мотали П. К. ⁴⁾ вы-
 тушки П. К. ⁵⁾ припечкахъ П. К. ⁶⁾ орали П. К. ⁷⁾ лѣтали П. К.
⁸⁾ упирахъ П. К. ⁹⁾ продавали П. К. ¹⁰⁾ въ ночи П. К. ¹¹⁾ лякали
 П. К.

93.

А звѣдницамъ таке робылы, ¹⁾
 Що цуръ іому вже и казать,
 На грѣхъ дѣвокъ що пѣдводили ²⁾
 И симъ учились промышлять,
 Жѣнокъ ³⁾ отъ чоловіковъ ⁴⁾ крали ⁵⁾
 И волоцюгамъ помогали ⁶⁾
 Рогами людскій лобъ квітчатъ, ⁷⁾
 Щобъ не своимъ не торговали, ⁸⁾
 Того бѣ на откупъ не давали, ⁹⁾
 Що треба про запасъ держать.

¹⁾ зводницамъ П. К. робили П. К. ²⁾ пидводили П. К. ³⁾ жинокъ
 П. К. ⁴⁾ чоловіківъ П. К. ⁵⁾ крали П. К. ⁶⁾ помогали П. К. ⁷⁾ вівчати
 П. К. ⁸⁾ квітчати П. К. ⁹⁾ торгували П. К. ¹⁰⁾ давали П. К.

94.

Эней ¹⁾ тамъ бачивъ щось ²⁾ не мало
 И всякихъ грѣшницъ у смолѣ,
 Якъ съ кабанѣвъ ³⁾ топили ⁴⁾ сало,
 Такъ шкварилися у котлѣ. ⁵⁾
 Були тамъ ⁶⁾ свѣтски ⁷⁾ и черниці, ⁸⁾
 Були дѣвки и молодицѣ, ⁹⁾
 Паньы булы ¹⁰⁾ и ¹¹⁾ панночки,
 Були въ свиткахъ, булы ¹²⁾ въ чеботахъ, ¹³⁾
 Булы и въ плондрахъ ¹⁴⁾ и ребронтахъ, ¹⁵⁾
 Булы ¹⁶⁾ всѣ грѣшны жѣночки. ¹⁷⁾

1) Еней П. 2) щось бачивъ тамъ П. 3) кабанивъ П. К. 4) то-
пыли П. К. 5) ся на огнѣ П. ся въ огнѣ К. 6) и П. Б. 7) свѣцьки
П. К. 8) черниці П. К. 9) молодичи П. К. 10) були и пань П. К.
11) и П. 12) були П. К. 13) були въ ребронахъ П. въ охвотахъ К. 14) въ
намѣткахъ П. въ дульетахъ К. 15) шиньонахъ П. въ капотахъ К.
16) були П. К. 17) живочки П. К.

95.

Но се були 1) все осужденны,
Яки померли не теперъ, 2)
Безъ суду жъ не паливъ 3) пекельный 4)
Огонь, недавно хто умеръ.
Сѣ 5) всѣ були 6) въ другѣмъ 7) загонѣ,
Якъ бы лошаата або конѣ, 8)
Не знавши, попадуть куда.
Эней, 9) на первыхъ надивившись 10)
И о бѣдахъ ихъ пожурившись,
Пѣшовъ 11) въ широки 12) ворота.

1) були П. К. 2) теперъ П. Б. 3) паливъ П. К. 4) пекельны
П. 5) ся П. К. 6) були П. К. 7) въ другімъ П. К. 8) кони П. К.
9) Еней П. 10) подивившись П. К. 11) пишовъ П. К. 12) другіи П.
другіе К.

96.

Эней, ввійшовши 1) въ сю кошару, а)
Побачивъ тутъ 2) багацко 3) душъ,
Вмѣшавшись межъ сю вѣтагу, 4) б)
Мовъ 5) межъ гадюки 6) чорный ужъ.
Тутъ разны 7) души походили,
Все думалы, 8) та все гадали,
Куда то за грѣхи ихъ впруть—
Чи въ рай ихъ пустять 9) веселитись,
Чи, може, въ пекло посмалитись,
И за грѣхи ихъ 10) носа втруть. 11)

1) ввійшовши К. 2) тамъ П. К. 3) багацько П. К. 4) отару К.
5) якъ К. 6) промижъ гадюкъ мовъ П. 7) розны П. К. 8) думали П.
К. 9) пустять К. 10) имъ П. К. 11) втруть К.

- а) Ввійшовши же въ якусь свѣтлицю П.
 б) Вмѣшавсь якъ разъ міжъ ихъ станицю П.

97.

Було имъ вѣлико ¹⁾ розмовляты ²⁾
 Про всякіи ³⁾ свои дѣла,
 И думаты, ⁴⁾ и мирковаты, ⁵⁾
 Яка душа, где, ⁶⁾ якъ жила.
 Богатый тутъ на смерть гнѣвився,
 Що ⁷⁾ зъ грошами ⁸⁾ не разлѣчився, ⁹⁾
 Кому и сѣбло ¹⁰⁾ треба дати,
 Скупій ¹¹⁾ же ¹²⁾ жалковавъ, ¹³⁾ нудився,
 Що вѣнь ¹⁴⁾ на свѣтѣ не нажився,
 И що не вспѣвъ и погулять.

¹⁾ власно П. вильно К. ²⁾ розмовляти П. К. ³⁾ всякіи К. ⁴⁾ думати П. К. ⁵⁾ мирковати П. мизковати К. ⁶⁾ де К. ⁷⁾ що винъ П. К. ⁸⁾ зъ гришми П. К. ⁹⁾ розличився П. К. ¹⁰⁾ килько П. К. ¹¹⁾ скуый К. ¹²⁾ а бѣдний П. ¹³⁾ тосковавъ П. К. ¹⁴⁾ винъ П. К.

98.

Сутяга толковавъ указы
 И що то значить нашъ статутъ,
 Розказовавъ свои проказы,
 На свѣтѣ що робивъ ¹⁾ сей плутъ.
 Мудрець же фізику ²⁾ провадивъ
 И ³⁾ толковавъ якихъсь монадѣвъ ⁴⁾
 И думавъ, вѣдкиль ⁵⁾ взявся бѣгъ. ⁶⁾
 А мартоплясъ крычавъ, ⁷⁾ смѣявся,
 Розказовавъ и присягався, ⁸⁾
 Що вѣнь по смерть бувъ не убогъ. а)

¹⁾ робивъ П. К. ²⁾ хвизика П. ³⁾ знай П. ⁴⁾ монадивъ П. К.
⁵⁾ видкиль П. К. ⁶⁾ свѣтъ П. К. ⁷⁾ кричавъ П. К. ⁸⁾ дивовався П. К.
 а) Що добре знавъ панивъ дурить П. жиновъ К.

99.

Судья тамъ признавався смѣло,
 Що зъ кузиками ¹⁾ за мундиръ

Таке переоначивъ ²⁾ дѣло,
 Що ³⁾ може бѣ навѣстивъ Сибѣрь, ⁴⁾
 Та ⁵⁾ смерть избавила косою,
 Що ⁶⁾ катъ легенькою рукою
 Плечей іому не покропивъ.
 А лѣкарь скрѣзь ⁷⁾ ходивъ въ ланцетомъ,
 Зъ слабительнымъ, изъ ⁸⁾ пармацетомъ, ⁹⁾
 И ¹⁰⁾ чванивсь, що ¹¹⁾ людей моривъ.

¹⁾ гудзиками П. К. ²⁾ переоначивъ праве П. ³⁾ и П. ⁴⁾ Сибирь
 П. К. ⁵⁾ да П. К. ⁶⁾ щобъ П. ⁷⁾ скривъ П. К. ⁸⁾ и П. К. ⁹⁾ спар-
 мацетомъ П. К. ¹⁰⁾ да П. ¹¹⁾ якъ П. К.

100.

Ласощохлысты ¹⁾ похожали, ²⁾
 Всѣ ouchики (фирчики?) ³⁾ и паничи
 На пальцахъ ⁴⁾ ногтыки ⁵⁾ кусали, ⁶⁾
 Росприндившись, ⁷⁾ якъ павичи.
 Все очи въ гору пѣднимали, ⁸⁾
 По свѣту бѣлому ⁹⁾ здыхали, ¹⁰⁾
 Що рано ихъ побрала смерть,
 Що трохи славы учинили, а)
 Не всѣхъ на свѣтѣ подурили,
 Не всѣмъ успѣли носа ¹¹⁾ втерть.

¹⁾ ласощохлысты К. тамъ дармоѣды П. ²⁾ похожали П. К. ³⁾
 фертики П. К. ⁴⁾ пальцахъ П. К. ⁵⁾ ногтики П. ногтыки К. ⁶⁾ ку-
 сали П. К. ⁷⁾ росприндившись П. К. ⁸⁾ пиднимали П. К. ⁹⁾ нашему
 П. нашему К. ¹⁰⁾ вздыхали П. К. ¹¹⁾ морду К.

а) Не всѣмъ що головы вскружили П.

101.

Меты, картіожники, пьянюги
 И весь ¹⁾ проворный, честный родъ,
 Лакеи, конюхи, всѣ слуги,
 Всѣ кухарѣ ²⁾ и скороходъ, ³⁾
 Побравшись за руки ходили

И о плутняхъ все говорылы, ⁴⁾
 Якъ ⁵⁾ робили, якъ жили, ⁶⁾ } а)
 Якъ панѣй ⁷⁾ и панѣвъ ⁸⁾ дурылы, ⁹⁾
 Якъ по шинкахъ въ ночь ¹⁰⁾ бродили, ¹¹⁾
 И якъ зъ вишень хустки ¹²⁾ тягли.

1) весь П. К. 2) кухари П. К. 3) ввесь набродъ П. 4) говорили П. К. 5) яки К. 6) жили К. 7) панѣй П. паней К. 8) панивъ П. К. 9) дурили П. К. 10) въ ночи П. К. 11) ходили П. К. 12) платки К.

а) Эти два стиха въ изданіи Парпуры переставлены одинъ на мѣсто другого, причемъ первый стихъ читается такъ: «И якъ робили, якъ жили».

102.

Тамъ приизглюванки ¹⁾ журились,
 Що нѣкому вже пѣдморгнуть, ²⁾
 За ними бѣлшъ ³⁾ не волочились,
 Тутъ ихъ заклекотѣла путь. а)
 Бабы тутъ бѣлшъ ⁴⁾ не ворожили, ⁵⁾ б)
 Уже ни вѣмъ ихъ не просили,— в)
 Яки жъ дѣвокъ охочы ⁶⁾ быть, ⁷⁾
 Зубами въ сердца ⁸⁾ скреготали, ⁹⁾
 Що наймички ихъ не вважали ¹⁰⁾
 И не хотѣли имъ служить. ¹¹⁾

1) приизглюванки П. К. 2) пидморгнуть П. К. 3) бильшъ П. К. 4) бильшъ К. 5) ворожили К. 6) охочи П. К. 7) быть П. К. 8) сердца П. сердца К. 9) скреготали П. К. 10) вважали П. К. 11) годить П. К.

- а) И смѣтемъ ихъ засыпанъ путь,
- б) Тутъ бильше щобъ не ворожили,
- в) Людей бы добрыхъ не дурили. П.
- в) И простодушныхъ не дурили К.

103.

Эней ¹⁾ узрѣвъ свою Дидону
 Осмалену, мовъ головня,
 Якъ разъ по нашему закону

Предъ нею шапочку изнявъ;
 „Здорова! глянь, ²⁾ де ты взялася?
 И ты, сердечна, приплелася
 Изъ Карфагены ³⁾ ажъ сюда!
 Якого бѣса испеклася? ⁴⁾
 Хиба на свѣтѣ нажилая?
 Чортъ мавъ тобѣ гдесъ и ⁵⁾ стыда!“

¹⁾ Еней П. ²⁾ будь П. ³⁾ Карпагена П. ⁴⁾ ты спеклася П. К.
⁵⁾ тогдѣ П.

104.

„Яка заліотна ¹⁾ молодиця,
 Та глянся, вмерла залюбки,
 Румянна, повна, бѣлолыца, ²⁾
 Кто гляне, то лизне губки. а)
 Теперъ ³⁾ зъ тебе яка урѣха?
 Нихто не гляне и для смѣха,
 На вѣкъ теперъ ⁴⁾ пропала ты!
 Я, далебѣ, ⁵⁾ въ тѣмъ ⁶⁾ не виною,
 Що такъ розвѣхався ⁷⁾ зъ ⁸⁾ тобою:
 Минѣ приказано втекты. ⁹⁾

¹⁾ моторна П. смашная К. ²⁾ бѣлолиця П. К. ³⁾ теперъ П. Б.
⁴⁾ теперъ П. ⁵⁾ далиби П. ⁶⁾ въ томъ П. въ тимъ К. ⁷⁾ роздяко-
 вавсь П. ⁸⁾ съ П. К. ⁹⁾ втекти П. К.

а) Кто прежъ глядѣвъ, лызавъ губки П.

105.

„Теперъ же, коли хочъ, злигаймось ¹⁾
 И нумо жить такъ, якъ жили, ²⁾
 Тутъ закурѣмъ, ³⁾ заженыхаймось,
 Вже не розлучимсь николи. ⁴⁾
 Ходи лишъ, ⁵⁾ я тебе ⁶⁾ милую, ⁷⁾ а)
 Прижму до сердца, поцѣлую!“ б)
 Юму жъ Дидона на отрѣзъ
 Сказала: „къ чорту убѣрайся, ⁸⁾

На 9) мене бѣлшъ 10) не повапляйся, 11)

Сихей тобѣ росквасить нѣсь! в)

1) влыгаймось П. К. 2) жили П. К. 3) закуримъ П. Б. 4) ни-
коли П. К. 5) ходи К. 6) тебе я К. 7) помилую К. 8) убирайся П.
К. 9) до П. 10) бильшъ П. К. 11) не прихилийся П. не женихайся К.

а) Чи бачъ, якъ я тебе шаную,

б) Що коли хочъ, и поцѣлую П.

в) Лишь сунсь, тобѣ росквашу нисъ. П.

в) Не лѣзь! бо розибыю и нисъ. К.

106.

Сказала 1), чортъ зна 2) де пропала,

Эней 3) не знавъ що и робить, 4)

Коли бъ Яга не закрычала, 5)

Що годѣ довго говорыть,

То бъ, може, 6) тамъ и 7) встоявся,

Сихей по нѣмъ бы привязався а)

И ребра бъ, може, 8) полѣчивъ, 9)

Щобъ на жѣнкахъ 10) не женихався,

Надъ мертвыми не поглумлявся, 11)

До смерти 12) вдовъ не доводивъ. б)

1) сказавши К. 2) вѣсть П. 3) Еней П. 4) робить П. К. 5) за-
кричала П. К. 6) то може бъ К. 7) такъ бы П. 8) щобъ хто и ребра
К. 9) поличивъ К. 10) съ жѣнками щобъ П. щобъ съ вдовами К.

11) надглумлявся П. наглумлявся К. 12) до смерти П.

а) Що тамъ и досвѣтку дождався П.

а) И може, той поры дождався К.

б) Живокъ любовью не моривъ К.

107.

Эней 1) съ Сивилою попхався

Въ пекелную 2) подалѣ глущь, 3)

Якъ на дорожѣ повстрѣчався

Зъ громадою знакомыхъ душъ,

Тутъ всѣ зъ Энеемъ 4) обнимались,

Чоломкались и цѣлювались,
 Побачивши князья своего,
 Тутъ всякъ смѣявся, реготався,
 Эней ⁵⁾ до всѣхъ ихъ доглядався,
 Знайшовъ зъ Троянцѣвъ ⁶⁾ ось кого.

¹⁾ Еней П. ²⁾ пекельную П. К. ³⁾ глушь П. К. ⁴⁾ Енесъ П.
⁵⁾ Еней П. ⁶⁾ Троянцевъ П. К.

108.

Педька ¹⁾, Терешка, Шелифона ²⁾,
 Панька, Охрѣма ³⁾ и Леска ⁴⁾,
 Харка ⁵⁾, Олешка и ⁶⁾ Сазона ⁷⁾,
 Пархома ⁸⁾, Юська ⁹⁾ и Феска ¹⁰⁾,
 Стецка ¹¹⁾, Ониська ¹²⁾ и Панаса ¹³⁾,
 Свирыда ¹⁴⁾, Лазаря, Тараса ¹⁵⁾,
 Булы ¹⁶⁾ Денисъ, Остапъ, Овсѣй ¹⁷⁾
 И всѣ Троянцѣ ¹⁸⁾, що втопились,
 Якъ на човнахъ зъ нимъ волочились,
 Тутъ бувъ ¹⁹⁾ Вернигора Мусѣй ²⁰⁾.

¹⁾ Грицька П. ²⁾ Опанаса П. ³⁾ Охрима К. ⁴⁾ Харка П. Харька
 К. ⁵⁾ Леська К. Ероху П. ⁶⁾ Ермоленка П. ⁷⁾ Сисіона К. Власа П. ⁸⁾
 Кузьму П. ⁹⁾ Иса К. Пархома П. ¹⁰⁾ Феська К. Яцька П. ¹¹⁾ Стецька
 К. Омельку П. ¹²⁾ Сидора П. ¹³⁾ Опанаса К. Евхима П. ¹⁴⁾ Потапа
 П. ¹⁵⁾ Трохима П. ¹⁶⁾ були П. К. ¹⁷⁾ Евсѣй П. ¹⁸⁾ Троянцы П. К. ¹⁹⁾
 и самъ П. ²⁰⁾ Мусѣй П. К.

109.

Жидѣвска ¹⁾ школа завелася,
 Великій крыкъ ²⁾ всѣ пѣднялы, ³⁾
 И ⁴⁾ реготня где ⁵⁾ не ⁶⁾ взялася,
 Тутъ всяку всячину верзлы ⁷⁾,
 Згадалы, чортъ знае ⁸⁾, колишне,
 Балакалы ⁹⁾ уже и лишне,
 Эней ¹⁰⁾ и самъ тутъ ¹¹⁾ росходивсь ¹²⁾,
 Щось балагурылы ¹³⁾ довгенько,

Хоть изишлися ¹⁴⁾ и раненько,
Такъ ¹⁵⁾ панъ Эней ¹⁶⁾ нашъ опѣзвивсь ¹⁷⁾.

1) жиливска П. К. 2) крякъ П. 3) пидяяли П. К. 4) де П. 5) тутъ П. де К. 6) яи П. 7) верзли П. К. 8) зна самъ П. 9) балакали П. К. 10) Еней П. 11) самъ тутъ П. 12) розходивсь П. 13) балагурили П. К. 14) изишлися К. 15) да П. К. 16) Еней П. 17) опизивсь П. К.

110.

Сивилѣ се не показалось,
Що тамъ ¹⁾ пахолокъ застоявсь,
Що дитятко такъ розбрехалось,
Уже о свѣтѣ вѣнъ ²⁾ не знавсь, а)
На його грѣзно ³⁾ закрывчала ⁴⁾,
Залаяла, запорощала,
Що ажъ Эней ⁵⁾ весь ⁶⁾ затрусивсь,
Троянцѣ тожъ всѣ дременулы, б)
Куда хто запонавъ, махнулы, ⁷⁾
Эней ⁸⁾ за бабою путивсь.

1) такъ П. К. 2) и о свѣтѣ К. 3) гривно П. К. 4) закричала П. К. 5) Еней П. 6) весь К. 7) и въ ростичъ хто куды К. махнули П. К. 8) Еней П.

а) И по пустому забавлялось П.

б) Троянцы тоже ⁹⁾ всѣ здригнули П. К. ⁹⁾ такъ же К.

111.

Ишли и, якъ бы ¹⁾ не збрехаты ²⁾,
Трохи не цару добрыхъ гѣнъ ³⁾, а)
Якъ ось побачили и хаты
И весь ⁴⁾ Плутонувъ ⁵⁾ царскій дѣмъ ⁶⁾,
Сивила палцемъ ⁷⁾ указала
И такъ ⁸⁾ Энеевѣ ⁹⁾ сказала:
„Оттутъ ¹⁰⁾ и панъ Плутонъ живе
Изъ ¹¹⁾ Презерпѣною ¹²⁾ своєю,
До ихъ-то на поклонъ зъ гильею ¹³⁾
Теперь ¹⁴⁾ и поведу тебе“.

1) якъ бы нѣ П. 2) збрехати П. К. 3) гѣнъ К. 4) весь П. К. 5) Плутонивъ П. К. 6) дѣмъ К. домъ П. 7) пальцемъ П. К. 8) зра-

дѣвъ П. ⁹⁾ Еневи П. Эневи К. ¹⁰⁾ отъ-тутъ П. К. ¹¹⁾ и съ П. К. ¹²⁾ Прозерпиною П. К. ¹³⁾ гиллею П. К. ¹⁴⁾ теперь П. К.

а) Долиной, полемъ и лѣскомъ П.

112)

И тѣлко ¹⁾ що пришли ²⁾ къ воротамъ,
 У ³⁾ двѣръ пустилися чвалать,
 Якъ баба бридка ⁴⁾, кривороты—
 „Хто йде“? ихъ стала окликать,
 Мерзене чудо се стояло
 И было ⁵⁾ пѣдъ ⁶⁾ дворомъ ⁷⁾ въ клепало,
 Якъ въ нашихъ ⁸⁾ водится дворахъ,
 Обмотанна ⁹⁾ вся ланцюгами,
 Гадюки вилися клубками
 На головѣ и на плечахъ.

¹⁾ тилько П. К. ²⁾ прійшли П. К. ³⁾ и въ П. К. ⁴⁾ бридка К.
⁵⁾ было П. К. ⁶⁾ идѣ К. близь П. ⁷⁾ воротъ П. ⁸⁾ панскихъ П.
 паньскихъ К. ⁹⁾ обмотана П. К.

113.

И ся ¹⁾ безъ всякого обману
 И щиро, безъ обенякѣвъ ²⁾,
 Робыла ³⁾ грѣшнымъ добру шану,
 Ремнями драла, якъ ⁴⁾ быкѣвъ ⁵⁾,
 Кусала, грызла ⁶⁾, бычовала ⁷⁾,
 Крышила, шкварыла ⁸⁾, щипала,
 Топтала, дряпала, пекла,
 Порола, корчила, пыляла ⁹⁾,
 Вертѣла, рвала, шшиговала
 И кровь изъ тѣла ихъ пила.

¹⁾ вона П. К. ²⁾ обенякѣвъ П. К. ³⁾ робыла П. К. ⁴⁾ мовѣ П.
 К. ⁵⁾ быкивъ П. К. ⁶⁾ грызла П. К. ⁷⁾ бычовала П. К. ⁸⁾ кришила,
 была и П. шкварыла К. ⁹⁾ товела П.

114.

Эней ¹⁾, бѣдняжка, излякався,
 Увесъ, якъ крейда, побѣлѣвъ

И заравъ у Яги спитався,
 Кто ѣй такъ мучить ²⁾ извелѣвъ? ³⁾
 Вона іому все розказала
 Такъ, якъ сама, здорова, знала,
 Що въ пеклѣ есть судья Эахъ ⁴⁾:
 Хоть вѣнъ ⁵⁾ на смерть не осуждае,
 Та мучити повелѣвае,
 И якъ звелить ⁶⁾, и мучать ⁷⁾ такъ.

1) Еней П. 2) мучити П. Б. 3) велѣвъ П. К. 4) Оякъ П. Эакъ
 К. 5) винъ П. К. 6) звелить К. 7) мучать П. мучать К.

115.

Ворота сами отчинились ¹⁾,
 Не смѣвъ ниhto ²⁾ ихъ задержать,
 Эней ³⁾ зъ ⁴⁾ Сивиллою пустились,
 Щобъ Прозерпинѣ честь отдать
 И пѣднести ⁵⁾ ий ⁶⁾ на болячку
 Ту суту золоту ⁷⁾ гѣльячку ⁸⁾,
 Що силно ⁹⁾ такъ вона бажа.
 Но къ ней ¹⁰⁾ Энея ¹¹⁾ не пустили ¹²⁾,
 Прогнали ¹³⁾ и трохи не были, ¹⁴⁾
 Бо хирѣла ся ¹⁵⁾ госпожа.

1) одчинились П. К. 2) ни хто К. 3) Еней П. 4) съ П. К. 5)
 пиднести П. К. 6) ѣй П. Б. 7) судо-золоту П. К. 8) гиллячку П.
 Б. 9) сильно П. Б. 10) ѣй П. К. 11) Енея П. 12) пустили П. К. 13)
 прогнали П. К. 14) трохи и не были П. К. 15) ихъ П. К.

116.

А далѣ вперлися въ будинки ¹⁾
 Пѣдъ земного ²⁾ (sic) сіогó царя,
 Ни гичь, ни гарыля ³⁾ пилинки ⁴⁾,
 Було въ нихъ ⁵⁾ чисто, ⁶⁾ якъ зоря,
 Цвяхованнъ ⁷⁾ булы ⁸⁾ тамъ стѣны
 И вѣкна ⁹⁾ всѣ зъ морскои пѣны,
 Шумиха ¹⁰⁾, олово, свинець,

Блищали ¹¹⁾ мѣди тамъ и крицѣ ¹²⁾,
 Всѣ убраны булы ¹³⁾ свѣтлицѣ ¹⁴⁾,
 По правдѣ ¹⁵⁾ панскій бувъ дворець.

¹⁾ будынки П. К. ²⁾ пидземного П. К. ³⁾ гарпя К. було не видно ни П. ⁴⁾ пыльны П. К. ⁵⁾ було все К. ⁶⁾ а все въ нихъ свѣтло П. ⁷⁾ цвяхованы П. К. ⁸⁾ були П. К. ⁹⁾ вивна П. ¹⁰⁾ шумыха П. К. ¹¹⁾ блищали П. К. ¹²⁾ крыци П. К. ¹³⁾ були П. К. ¹⁴⁾ свѣтлицы П. К. ¹⁵⁾ и въ правду П.

117.

Эней ¹⁾ зъ Ягою розглядали ²⁾
 Всѣ дива тамъ, яки булы,
 Роты свои порозъявляли ³⁾
 И очи на лобы пъялы ⁴⁾,
 Промежъ ⁵⁾ собою все зглядались,
 Всіому дивились, осмѣхались,
 Эней то цмокавъ, то свиставъ, а)
 Отъ тутъ то души ликовали, ⁶⁾
 Що въ свѣтѣ праведно ⁷⁾ живали ⁸⁾,
 Эней ⁹⁾ и сихъ тутъ навѣщавъ.

¹⁾ Еней П. ²⁾ розглядали П. К. ³⁾ порозъявляли П. К. ⁴⁾ пяли К. ⁵⁾ промъжъ П. К. ⁶⁾ ликовали П. К. ⁷⁾ праведно въ міру П. К. ⁸⁾ живали П. К. ⁹⁾ Еней П.

а) Еней на радощахъ скакавъ П.

118.

Сидѣлы ¹⁾, руки поскладавши,
 Для нихъ все праздники булы ²⁾,
 Люльки курылы ³⁾ полягавши,
 Або горѣлочку пилы— ⁴⁾
 Не тютюнккову и не пѣнну,
 Но третіопробну, перегѣнну ⁵⁾,
 Настояннуу на бодянь ⁶⁾,
 Пѣдъ ⁷⁾ челюстами ⁸⁾ запѣканну ⁹⁾,
 Изъ ганусомъ и до калгану,
 Въ ий ¹⁰⁾ бувъ и перець, и шапранъ.

1) сидѣли П. К. 2) були П. К. 3) курили П. К. 4) пили П. К. 5) перегибали П. К. 6) баданъ П. 7) пидъ П. К. 8) челюстями П. 9) запѣкану П. запикану К. 10) ней П. К.

. 119.

И ласощѣ 1) все тѣло 2) ѣлы 3),
Сластіоны, коржики, стовпцѣ 4),
Варенички пшеничны, бѣлы,
Пухи съ кавяромъ 5) буханцѣ 6),
Часникъ 7), рогѣзъ 8), паслѣня, кислицѣ 9),
Козелцѣ 10), тернѣ, глѣдѣ 11), полуницѣ 12),
Крутые 13) яйца съ 14) сировцемъ
И дуже вкусную 15) яечню 16),
Якусь нѣмецку 17), не тутешню,
А запивали 18) все пивцемъ.

1) ласощи П. К. 2) тилько П. К. 3) ѣл П. К. 4) стовпци П. К. 5) кавьяромъ П. К. 6) буханци П. К. 7) часникъ П. К. 8) рогизъ П. К. 9) кислицы П. К. 10) козельци П. козелци К. 11) медъ П. глидъ К. 12) полунцы П. К. 13) крутыи П. К. 14) зъ П. К. 15) смачную П. К. 16) яешню К. 17) нѣмецку П. К. 18) запивали П. К.

120.

Велике тутъ 1) було роздолье
Тому, хто праведно живе,
Такъ якъ велике 2) безъ головье (sic) 3)
Тому, хто грѣшну жизнь веде.
Тутъ тѣшився той тутъ (sic) до поту, а)
Хто мавъ къ чому яку охоту, б)
Тутъ чистый бувъ розгардіяшъ,
Лежи, спи, ѣжъ 4), пій 5), веселися,
Кричи, 6), мовчи 7), танцюй, крутися,
Рубайся 8)—такъ 9) дадутъ 10) палашъ.

1) великое П. 2) великое П. 3) незгодье П. безголовье К. 4) грай П. 5) да П. К. 6) мовчи П. 7) кричи П. 8) рубайся П. К. 9) такъ и П. К. 10) дадутъ К.

- а) Хто мавъ въ чому яку охоту,
 б) Все даромъ бравъ, не тративъ поту. П.
 а) Хто мавъ въ чому яку охоту,
 б) Тутъ утѣшався тимъ до поту. К.

121.

Ни чванились, ни величались,
 Нихто не знавъ тутъ мудровать,
 Крый, боже! щобъ не догадались ¹⁾
 Братъ съ ²⁾ брата вчѣмъ (sic) ³⁾ покепковать
 Ни сердилися, ни ⁴⁾ гнѣвились,
 Ни каялися (sic) ⁵⁾ и не былись ⁶⁾,
 А всѣ жили ⁷⁾ тутъ люблязно ⁸⁾,
 Тутъ всякій гласно ⁹⁾ женихався,
 Ревнивыхъ ¹⁰⁾ ябедъ не боявся,
 Було вобще ¹¹⁾ всіо ¹²⁾ заодно. а)

¹⁾ щобъ хоть запкалися П. ²⁾ зъ К. ³⁾ въ чѣмъ К. ⁴⁾ не сердилсь и не П. ⁵⁾ лаялися П. К. ⁶⁾ былсь П. К. ⁷⁾ жили П. К. ⁸⁾ люблязно К. якъ браты П. ⁹⁾ властно П. ¹⁰⁾ ревнивыхъ П. К. ¹¹⁾ въ обще К. ¹²⁾ все К.

а) Не мали ни якой бѣды. П.

122.

Ни холодно було, ни душно,
 А саме якъ безъ сѣряка ¹⁾,
 И весело тамъ и ²⁾ не скучно,
 На великодныхъ ³⁾ якъ святкахъ.
 Коли іому ⁴⁾ що захотѣлось,
 То тутъ, мовъ ⁵⁾ зъ неба, и вродилось: ⁶⁾
 Оттакъ то ⁷⁾ добры ⁸⁾ тутъ ⁹⁾ жили. ¹⁰⁾
 Эней ¹¹⁾, се зрѣвши, дивовався
 И тутъ Яги своей спитався ¹²⁾,
 Зъ якихъ ¹³⁾ сѣ ¹⁴⁾ праведны булы.

¹⁾ такъ, якъ въ сврякахъ П. К. ²⁾ и такъ не скучно П. К. ³⁾ великоднихъ П. ⁴⁾ кому П. К. ⁵⁾ якъ К. ⁶⁾ изъ неба народилось П. ⁷⁾ тутъ П. ⁸⁾ добре П. ⁹⁾ всѣ П. ¹⁰⁾ жили П. К. ¹¹⁾ Еней П. ¹²⁾ спитався П. К. ¹³⁾ якъ П. К. ¹⁴⁾ се П. К.

123.

„Не думай, що ¹⁾ булы ²⁾ чиновны“,
 Сивилла сей дала отвѣтъ,
 „Або що грошей скринѣ ³⁾ повны,
 Або въ якихъ товстый живѣтъ ⁴⁾.
 Не тѣ се, що въ цвѣтнихъ луданахъ ⁵⁾,
 Въ кармазинахъ, або въ сапьянахъ ⁶⁾,
 Не тѣ жъ, що съ чотками ⁷⁾ въ рукахъ,
 Не рыцарѣ, ⁸⁾ не розбѣшаки ⁹⁾,
 Не тѣ се, що кричать ¹⁰⁾: „ипаки“,
 Не тѣ, що въ волотыхъ шапкахъ.

¹⁾ щобъ П. К. ²⁾ були П. К. ³⁾ скрини П. К. ⁴⁾ живить П. К. ⁵⁾ жуланахъ П. К. ⁶⁾ сапьянахъ П. К. ⁷⁾ книгами П. К. ⁸⁾ рыцари П. К. ⁹⁾ розбашаки П. К. ¹⁰⁾ кричать П. кричать К.

124.

„Се бѣдны вищи, навѣжены ¹⁾,
 Що дурнями щисляли ²⁾ ихъ,
 Старцѣ ³⁾, кривы ⁴⁾, слѣпорожденны,
 Зъ якихъ весь ⁵⁾ людскій бувъ ⁶⁾ и смѣхъ,
 Се—що съ порожними ⁷⁾ сѹмками
 Жили ⁸⁾ голодны пѣдтинами (sic) ⁹⁾,
 Собакъ дражили ¹⁰⁾ по дворахъ,
 Се тѣ, що „бѣгъ ¹¹⁾ дасть“ получали ¹²⁾,
 Се тѣ, якихъ випровожали ¹³⁾
 Въ потилицю ¹⁴⁾ и по плечахъ“.

¹⁾ навижены П. К. ²⁾ считали П. К. ³⁾ старци П. К. ⁴⁾ хромы П. К. ⁵⁾ бувъ П. К. ⁶⁾ глумъ П. К. ⁷⁾ порожними П. К. ⁸⁾ жили П. К. ⁹⁾ пидъ тынами П. К. ¹⁰⁾ дражили П. К. ¹¹⁾ бигъ П. К. ¹²⁾ получали П. К. ¹³⁾ выпровожали П. К. ¹⁴⁾ потылицю П. К.

125.

„Се вдовы бѣдны, безпомощны, ¹⁾
 Якимъ притину ²⁾ не було,

Се ¹⁾ дѣвы честны, непорочны,
 Которымъ ⁴⁾ пупа ⁵⁾ не дуло,
 Тутъ ⁶⁾—що безъ родичивъ ⁷⁾ остались
 И ⁸⁾ сиротами назывались,
 А послѣ вѣбгались ⁹⁾ и вѣ окладѣ,
 Се ¹⁰⁾—що проценту не лупили ¹¹⁾,
 Що людямъ помогать любылы, ¹²⁾
 Хто чимъ ¹³⁾ богатъ, то тѣмъ и радъ“.

¹⁾ безпомочны П. К. ²⁾ пріюту П. К. ³⁾ и П. ⁴⁾ якимъ К. ⁵⁾
 сивдници К. горба П. ⁶⁾ и П. се К. ⁷⁾ родичивъ П. ⁸⁾ да П. ⁹⁾
 втерлись П. вбгались К. ¹⁰⁾ и П. ¹¹⁾ лупили П. К. ¹²⁾ любили П.
 К. ¹³⁾ чѣмъ П. К.

126.

„Тутъ также старшина правдыва ¹⁾,
 Бувають ²⁾ всяки ³⁾ и паны ⁴⁾,
 Но тѣлко ⁵⁾ трохи сіюго дыва ⁶⁾,
 Не кваплятсѣ ⁷⁾ на се вони.
 Бувають ⁸⁾ вѣйсковы ⁹⁾ значковы
 И сотники, и бунчуковы,
 Яки правдиву жизнь вель ¹⁰⁾,—
 Тутъ люде всякого повѣту ¹¹⁾,
 По бѣлому есть сколько ¹²⁾ свѣту,
 Которы праведны ¹³⁾ булы. ¹⁴⁾

¹⁾ правдива П. К. ²⁾ бувають К. ³⁾ всякіи П. ⁴⁾ станы П. ⁵⁾ тилько
 П. К. ⁶⁾ дыва П. К. ⁷⁾ кваплятсѣ П. К. ⁸⁾ бувають К. ⁹⁾ вѣйсковы
 П. К. ¹⁰⁾ вель П. К. ¹¹⁾ завѣту К. ¹²⁾ сколько П. вилько К. ¹³⁾
 праведно П. К. ¹⁴⁾ жили П. К.

127.

„Скажи жъ, моя голубка сиза“,
 Еще ¹⁾ Эней ²⁾ ни ³⁾ спитавъ ⁴⁾,
 „Чомъ ⁵⁾ батька я свого Анхиза
 И ввѣчь и ⁶⁾ досѣ ⁷⁾ не видавъ
 Ни згрѣшными ⁸⁾, ни у Плутона?
 Хиба йому нема закона ⁹⁾,

Гуда його щоб засадить“?

— „Вѣнь ¹⁰⁾ божон“, сказала, „кровѣ ¹¹⁾,”

И по Венеринѣй ¹²⁾ любовѣ ¹³⁾, а)

Где ¹⁴⁾ скоче, буде тамъ и жить“.

1) ище П. К. 2) Еней П. 3) яги П. К. 4) считавъ П. 5) що П. 6) и въ вичи П. К. 7) доси К. 8) зъ грѣшными П. съ грѣшными К. 9) загона П. 10) винъ П. К. 11) крови П. К. 12) Венериніи К. 13) любви К. 14) де П. К.

а) И выбира все по любви П.

128.

Базѣкавши ¹⁾ зійшли ²⁾ на гору,

На землю сълы отдыхать,

Бо ³⁾ потѣлы ⁴⁾ саме въ пору,

Тутъ приналися розглядать,

Анхиза щобъ не прогуляты ⁵⁾,

Обридло бо и такъ шукаты ⁶⁾, а)

Анхизъ же бувъ тогда ⁷⁾ въ низу б)

И, похажавши по долині,

Объ маленькой ⁸⁾ своіи ⁹⁾ дитинѣ в)

Водивъ по мѣзку ¹⁰⁾ коверзу, г)

• 1) былакавши П. базикавши Б. 2) зойшли П. К. 3) и П. К. 4) попотѣвши П. К. 5) прогуляты П. К. 6) шукаты К. 7) тогда К. 8) маленький К. 9) своей К. 10) мизку Б.

а) А даромъ тутечки не хлѣти П.

б) Анхизъ тогда въ яру гулявъ П.

в) Любимой своей дитины П.

г) Съ часу на часъ все дожидавъ П.

129.

Якъ глянувъ ¹⁾ въ гору ²⁾ не нарокомъ,

И тамъ синка своего ³⁾ узрѣвъ,

Побѣгъ старый непрямо ⁴⁾, бокомъ,

И весь отъ радости згорѣвъ,

Хватавъ зъ синкомъ ⁵⁾ поговорыты ⁶⁾,

О всѣхъ спитаты ⁷⁾, роспроситы ⁸⁾

И повидатись хоть часокъ,

Энеечка ⁹⁾ своего обняты ¹⁰⁾,

По батковски ¹¹⁾ поцѣловаты ¹²⁾,

Юго почуты ¹³⁾ голосокъ.

¹⁾ глядь П. К. ²⁾ у гору П. на гору К. ³⁾ своего сына П. К. ⁴⁾ не просто К. ⁵⁾ зъ сыномъ П. К. ⁶⁾ поговорити П. К. ⁷⁾ спитати П. К. ⁸⁾ роспросити П. К. ⁹⁾ Енеечка П. ¹⁰⁾ обняти П. К. ¹¹⁾ по батьковскій П. К. ¹²⁾ поцѣловати П. К. ¹³⁾ почути П. К.

130.

„Здоровъ, синашу, ¹⁾ ма дитино“,

Анхизъ Энеевъ ²⁾ сказавъ,

„Чи сежъ тобѣ такъ не стыдно,

Що долго ³⁾ я тебе такъ ⁴⁾ ждавъ?

Ходѣмъ ⁵⁾ лишень къ моѣй ⁶⁾ господѣ,

Тамъ поговоримъ на свободѣ, ⁷⁾

За тебе будемъ мюковать“. ⁸⁾

Эней ⁹⁾ стоявъ, якъ мовъ ¹⁰⁾ дубина, ¹¹⁾

Котилась зъ рота тѣлко ¹²⁾ слина, ¹³⁾

Мерцвя (sic) бо нѣльзя цѣловать. а)

¹⁾ синашу П. К. ²⁾ Энеевъ П. Энееви Б. ³⁾ довго П. К. ⁴⁾ тутъ П. К. ⁵⁾ ходимъ П. ⁶⁾ къ моѣй П. къ моѣй К. ⁷⁾ поговоримъ П. К. о пригодѣ П. ⁸⁾ мюковать П. К. ⁹⁾ Эней П. ¹⁰⁾ такъ якъ П. такъ мовъ К. ¹¹⁾ дубина П. К. ¹²⁾ тилько П. К. ¹³⁾ пѣна П. К.

а) Не смѣвъ мерцвя поцѣловать К.

а) И самъ не знавъ, що и начать П.

131.

Анхизъ, побачивши ¹⁾ причину,

Чого сыночекъ сумовавъ,

И самъ хотѣвъ обняти ²⁾ дитину,

Та ба! уже не въ ту понавъ.

Принявся ³⁾ заразъ ⁴⁾ научаты ⁵⁾

И тайности ⁶⁾ йому казаты, ⁷⁾

Якій Энеевъ ⁸⁾ буде ⁹⁾ плѣдъ, ¹⁰⁾

Якіи дѣты ¹¹⁾ будуть ¹²⁾ бравы, ¹³⁾

На свѣтѣ зроблять ¹⁴⁾ скѣлко ¹⁵⁾ славы,

Якимъ-то хлопцямъ буде дѣдъ.

1) сю бачивши П. К. 2) хотѣвъ обнять свою П. 3) принявъ П. К. 4) іого щобъ П. К. 5) научати П. К. 6) тайности П. К. 7) сказати П. К. 8) Енеивъ П. 9) бувъ и П. 10) плідъ П. К. 11) дѣти К. 12) будуть К. 13) жвавы К. 14) зроблять К. 15) скільки П. К.

132.

Тогдѣ 1) то въ пеклѣ вечорницѣ 2)
 Лучились, бачишъ, якъ на те,
 Дѣвки булы 3) где 4) молодицѣ, 5)
 И тамъ робылы 6) не пусте:
 У 7) ворона собѣ играли,
 Весѣльныхъ 8) пѣсеніокъ 9) спѣвали, 10)
 Спѣвали 11) тутъ и веснянокъ, 12)
 Палилы 13) клочья, 14) ворожили, 15)
 По спинѣ лещатамы 16) были, 17) а),
 Загадовали 18) загадокъ. 19)

1) тогда П. К. 2) вечерницы П. К. 3) были дѣвки П. К. 4) да П. К. 5) молодцы П. К. 6) робили П. К. 7) и П. 8) весѣльными П. вѣсѣльныхъ К. 9) пѣсенки П. 10) спѣвали П. К. 11) спѣвали П. К. 12) веснянки П. колядокъ К. 13) палилы П. палили К. 14) клочья П. клочье К. 15) ворожили П. К. 16) лещатами К. 17) били П. К. 18) загадовали П. К. 19) загадки К.

а) У жмурки грали, въ ладки били П.

133.

Тутъ заплетали джерегелы, 1)
 Дробушечки на головахъ,
 Скакали 2) по полу вегеры, 3);
 Въ тѣснои бабы по лавкахъ.
 И 4) въ комень 5) суженыхъ питалы, 6)
 У вѣконъ хатынѣхъ 7) пѣдслухалы, 8)
 Ходили 9) въ пѣвнѣчъ 10) по пустахъ, 11)
 До свѣчки ложечки палилы, 12)
 Щетину 13) изъ свиньи смалылы, 14)
 Або жмурились по куткахъ. 15)

1) джиретали К. 2) скакали К. 3) вєгери К. 4) а К. 5) коминь
 К. 6) пытали К. 7) у хатнихъ виконъ К. 8) підслухали К. 9) ходили
 К. 10) въ пивницъ К. 11) по пусткамъ К. 12) палили К. 13) щетину
 К. 14) смалили К. 15) по куткамъ К.

134.

Сюда 1) Анхизъ привѣвъ 2) Энея
 И межъ дѣтокъ сихъ посадивъ,
 Мовъ неукъ и дуралєя
 Принять до гурту вѣхъ 3) просивъ,
 И щобъ обомъ имъ услужили, 4)
 Якъ знають, 5) такъ поворожили, 6)
 Чи будеть у Риму синокъ, а)
 Чи вѣнъ 7) хотъ трохи уродливый,
 Къ чому и якъ Эней щастливый,
 Щобъ всѣхъ спитались 8) ворожокъ.

1) сюды К. 2) прививъ Анхизъ К. 3) ихъ К. 4) услужили К. 5)
 знають К. 6) поворожили К. 7) винъ К. 8) спитались К.

а) Що стрѣнится зъ його синомъ К.

135.

Одна дѣвча була гостренька
 И сама уже пресуха, а)
 Швидка, глучка, хвѣстка, 1) простенька, 2)
 Була 3) зъ дїавола лиха. 4)
 Вона тутъ тѣлко 5) и робыла, 6)
 Що всѣмъ гадала, ворожила,
 Могуща въ дѣлѣ тѣмъ 7) була,
 Чи брехеньки яки сточити, 8)
 Кому именья 9) приложити, 10)
 То такъ якъ разъ и додала.

1) хвистка К. 2) порскненька К. 3) було К. 4) лихе К. 5) тилько
 К. 6) робила К. 7) тѣмъ К. 8) сточити К. 9) имення К. 10) прило-
 жити К.

а) И семе ухо при хихе К.

136.

Привидниця ся зъ разъ шепнула а)
 И примостилась къ старыку, ¹⁾
 Іому шептала ²⁾ бѣля ³⁾ уха
 И завела зъ нимъ рѣчь таку:
 „Ось я сынковѣ ⁴⁾ загадаю,
 Поворожу и попытаю,
 Іому, що буде, ⁵⁾ розкажу.
 Я ворожбу такую знаю,
 Хотъ що, по правдѣ отгадаю
 И вже николи ⁶⁾ не збрешу.“

¹⁾ старику К. ²⁾ шепнула К. ³⁾ біля К. ⁴⁾ сынкові К. ⁵⁾ будетъ К. ⁶⁾ ніколи К.

а) Привидця заразъ ся шептуха К.

Въ изданіи Парпуры нѣтъ строфъ 133, 134, 135 и 136-й.

137.

И варазъ въ горщичокъ наклала ¹⁾
 Вѣдіомскихъ ²⁾ всякихъ разныхъ ³⁾ травъ,
 Яки на Константина ⁴⁾ рвала,
 И те гвѣздо, що ремезъ клавъ,
 Васильки, папороть, шевлію, ⁵⁾
 Петровъ ⁶⁾ батѣгъ ⁷⁾ и конвалію, ⁸⁾
 Любистокъ, просерень, ⁹⁾ чебрець,
 И все се налила ¹⁰⁾ водою
 Погожею, непочатою,
 Сказавши скѣлькись и словецъ.

¹⁾ наклали П. ²⁾ видіомскихъ П. К. ³⁾ розныхъ П. разныхъ всякихъ К. ⁴⁾ на Іваннівъ вечеръ П. ⁵⁾ шевлію П. К. ⁶⁾ Петрівъ П. К. ⁷⁾ батигъ П. К. ⁸⁾ конвалію П. К. ⁹⁾ проскурень П. ¹⁰⁾ налили П.

138.

Горщокъ сей, черепкомъ накрывши, ¹⁾
 Поставила іого на жаръ, ²⁾

И тутъ Энея ³⁾ присадивши, ⁴⁾
 Щобъ огоніокъ вѣнь ⁵⁾ роздувавъ,
 Якъ розигралось, ⁶⁾ зашипѣло,
 Запарилось, ⁷⁾ заклекотѣло,
 Ворочалось зъ верху въ низъ,
 Эней ⁸⁾ нашъ настороживъ ⁹⁾ уха,
 Мовъ человѣчій голось слуха,
 Те чуетъ и ¹⁰⁾ старый Анхизъ.

¹⁾ накрыли П. накрыла К. ²⁾ поставили П. ³⁾ Енея П. ⁴⁾ приса-
 дили П. присадила К. ⁵⁾ винъ П. К. ⁶⁾ розгорѣлось П. розигрѣлось
 К. ⁷⁾ запарилось П. К. ⁸⁾ Еней П. ⁹⁾ настороживъ П. К. ¹⁰⁾ и чуетъ
 П.

139.

Якъ стали ¹⁾ роздувать пѣлнѣйше, ²⁾
 Горщокъ той дуже булкотавъ, ³⁾
 Почулы ⁴⁾ голось вѣразнѣйше, ⁵⁾
 И вѣнь ⁶⁾ Энею ⁷⁾ такъ казавъ: ⁸⁾
 „Энею ⁹⁾ годѣ ¹⁰⁾ вже журитись,
 Отъ іого мае росплодитись
 Великій и завзятный ¹¹⁾ рѣдъ, ¹²⁾
 Всѣмъ свѣтомъ буде управляты, ¹³⁾
 По всѣмъ ¹⁴⁾ усюдамъ ¹⁵⁾ воіовати, ¹⁶⁾
 Пѣдверне ¹⁷⁾ всѣхъ собѣ на спѣдъ.“ ¹⁸⁾

¹⁾ стали П. К. ²⁾ пильнѣйше П. К. ³⁾ клекотавъ П. К. ⁴⁾ почули
 П. К. ⁵⁾ выразнѣйше П. К. ⁶⁾ винъ П. К. ⁷⁾ Енею П. ⁸⁾ сказавъ
 П. К. ⁹⁾ Енею П. ¹⁰⁾ годи П. К. ¹¹⁾ завзятый К. дуже сильный П.
¹²⁾ ридъ П. К. ¹³⁾ управляти П. К. ¹⁴⁾ всѣхъ П. К. ¹⁵⁾ усюдахъ П.
 К. ¹⁶⁾ воевати П. К. ¹⁷⁾ пидверне П. К. ¹⁸⁾ пидъ спидъ П. К.

140.

„И римскіе ¹⁾ поставыть стѣны,
 Въ нихъ буде жить, якъ у раю,
 Велики зробиць перемѣны
 Во всѣмъ ²⁾ окружѣмъ ³⁾ тѣмъ ⁴⁾ краю,
 Тамъ будеть жить и ⁵⁾ поживаты, ⁶⁾

Покѣль ⁷⁾ не будетъ ⁸⁾ цѣловаты ⁹⁾
 Ноги святой ¹⁰⁾ постела.
 Но вѣдсѣль ¹¹⁾ часъ тобѣ ¹²⁾ вбѣратись, ¹³⁾
 Изъ панотцемъ своимъ прощатись, ¹⁴⁾
 Щобъ голова тутъ не лягла“.

¹⁾ рвмскіи П. К. ²⁾ всвмъ П. К. ³⁾ окружимъ П. К. ⁴⁾ тимъ
 П. К. ⁵⁾ буде жить да П. К. ⁶⁾ поживати П. К. ⁷⁾ поквль П. К.
⁸⁾ будутъ П. будутъ К. ⁹⁾ цѣловати П. К. ¹⁰⁾ якося П. чиенсь К.
¹¹⁾ видсѣль П. видсиль К. ¹²⁾ ты сейчасъ П. ¹³⁾ вбирайся П. вби-
 раться К. ¹⁴⁾ прощайся П. прощаться К.

141.

Сіого Анхиву не бажалось,
 Щобъ попрощатися зъ синкомъ, ¹⁾
 И въ голову йому не клалось,
 Щобъ съ ²⁾ нимъ такъ бачитись мельчкомъ, ³⁾
 Та ⁴⁾ ба! вже нѣчимъ ⁵⁾ пособити, ⁶⁾
 Энея ⁷⁾ треба отпустити, ⁸⁾
 Изъ пекла вивести ⁹⁾ на свѣтъ.
 Прощалися и обнимались, ¹⁰⁾
 Слѣзми ¹¹⁾ гѣркими ¹²⁾ обливались,
 Анхизъ кричавъ, ¹³⁾ якъ въ Мартѣ кѣтъ. ¹⁴⁾

¹⁾ синкомъ П. К. ²⁾ зъ П. К. ³⁾ мелькомъ П. К. ⁴⁾ да П. К. ⁵⁾
 ничимъ П. К. ⁶⁾ пособити П. К. ⁷⁾ Енея П. ⁸⁾ видпустити П. К.
⁹⁾ вывести П. К. ¹⁰⁾ цѣловались П. ¹¹⁾ слізми П. К. ¹²⁾ гирькими
 П. К. ¹³⁾ кричавъ П. К. ¹⁴⁾ кить П. К.

142.

Эней ¹⁾ зъ Сивиллою старою
 Изъ пекла бѣгли ²⁾ навпростецъ, ³⁾
 Эней ⁴⁾ ворочавъ головою,
 Поки ажъ не сховавсь отецъ.
 Прійшовъ къ Троянцямъ помаленьку,
 Где ⁵⁾ имъ велѣвъ себе ⁶⁾ пождать,
 Троянцѣ ⁷⁾ покотомъ лежали ⁸⁾

И на досвѣтъ ⁹⁾ добре спалы, ¹⁰⁾

Эней ¹¹⁾ и самъ укладывся спать.

¹⁾ Еней П. ²⁾ бѣгли П. К. ³⁾ напростецъ П. К. ⁴⁾ сынокъ П. К. ⁵⁾ де П. ⁶⁾ себе велѣвъ П. ⁷⁾ Троянцы П. К. ⁸⁾ лежали П. К. ⁹⁾ на разсвѣтъ П. на дозвильѣ К. ¹⁰⁾ спали П. К. ¹¹⁾ Еней П.

Конецъ третей части.



КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIX.

1900 г.

МАЙ.



КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1900.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 28 апрѣля 1900 года.

Изъ исторіи малорусской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка.

Библіографическія справки.

I.

Наша старинная журналистика до сихъ поръ еще такъ мало разработана и такъ мало извѣстна, что самое бѣглое и даже случайное знакомство съ нею всегда даетъ много новыхъ и цѣнныхъ фактовъ. Детальное изученіе ея въ значительной степени перестроить установившіяся и общепринятые представленія о самомъ ходѣ нашего литературнаго развитія, но до этого, конечно, еще очень далеко. Въ послѣднее время интересъ къ ней несомнѣнно подвигся очень сильно: въ ученой литературѣ можно указать рядъ самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій, основанныхъ на ея матеріалѣ. Увеличиваясь количественно и улучшаясь качественно, эти разрозненные пока попытки сольются, несомнѣнно, въ послѣдствіи въ болѣе широкій и опредѣленный потокъ.

Не предугадывая его общаго направленія, помѣтимъ пока въ самыхъ общихъ чертахъ—одно изъ очень любопытныхъ, но совсѣмъ еще не затронутыхъ теченій, пробивавшихся черезъ пески и тину нашихъ старыхъ повременныхъ изданій.

Малороссійскія повѣсти Гоголя не создали интереса къ Малороссіи въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, а, наоборотъ,

сами шли на встрѣчу уже вполне опредѣлившемуся и сложившемуся интересу. Не даромъ въ 1829 г. Гоголь писалъ матери изъ Петербурга: „здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское“ (Кулишъ, V, 82).

Въ погонѣ за „мѣстнымъ“ и „историческимъ“ колоритомъ, свѣжестью и своеобразіемъ красокъ, непосредственностью и цѣлностью жизни, русскій романтизмъ 20-хъ и 30-хъ годовъ широко раздвинулъ литературный горизонтъ своихъ поклонниковъ—„отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая“. Малорусское прошлое и настоящее давало слишкомъ много оригинальныхъ, глубоко захватывающихъ, поэтическихъ чертъ, чтобы романтикъ ими не воспользовался. „Гетьманщина“ и малорусскій мужикъ на много лѣтъ захватили себѣ прочную позицію въ поэзіи „хладнаго Сѣвера“, дали матеріалъ для многочисленныхъ романовъ, балладъ, думъ, поэмъ и пѣсень.

Но тамъ шелъ свой процессъ подъема народнаго самосознанія, литературной демократизаціи, идеализаціи прошлаго. Близость настроеній, общность интересовъ и взглядовъ привела къ литературному сближенію. Одни цѣликомъ уходять въ русскую литературу, сохраняя однако симпатіи къ своей родинѣ и пропагандируя ее въ новой общественной средѣ; другіе продолжали работать на „родной нивѣ“, принимая участіе и въ трудѣ сосѣдей.

Русскія произведенія на малорусскія темы и малорусскія произведенія въ русской журналистикѣ—обычное явленіе для 20-хъ и 30-хъ годовъ. Такому литературному обмѣну много способствуютъ—Нарѣжный, Квитка, позднѣе Шевченко, Бодянский и мн. др.

Пора собрать и систематизировать факты этого знаменательнаго международнаго „эндосмоса и экзосмоса“. Сдѣлать это можно только постепенно—и не единичными усиліями, конечно. Для начала работы мы укажемъ то, что намъ удалось пока розыскать при изученіи журналовъ и альманаховъ 20-хъ и 30-хъ

годовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ *собственно малорусскія* произведенія, но мы отмѣтимъ и нѣкоторые малоизвѣстыя отраженія Малороссіи въ русской поэзіи.

Въ „Литературномъ Музеумѣ на 1827 г.“ В. Измайлова Ѳ. Глинка помѣстилъ стихотвореніе: „Набѣгъ запорожскихъ козаковъ изъ Сѣчи на Волюнь — изъ истор. 17 вѣка“ (стр. 232—234).

Изъ Сѣчи скачутъ на коняхъ,
И смерть за ними въ торокахъ,
И саблей зеркальныхъ размахи
Въ веселомъ воздухѣ горять,
И громко, подъ напѣвъ, свистятъ
За козаками—*сиромахи*!
Куда, дорогою пустынь?..
„Къ панамъ—въ богатую Волюнь“!..
Легки ихъ кони удалые;
Межъ ними есть и пожилые,
И юноши цвѣтущихъ лѣтъ,
И горемычные, съ усами,
Подъ буркой съ смурымъ башлыкомъ!
И вотъ къ *Полѣсью*, все лѣсами,
На *Степанъ* тинутся тайкомъ;
За *Горень* ¹⁾, къ *Дубну* по дорогѣ,
Миная, съ башнею, *Клеванъ*.
Ужъ на Волюнь быть тревогъ:
Бѣжить наѣздъ—готовьте дань!

Они нападаютъ на богатый замокъ „пана подчашаго“.

Шумить въ горахъ и на Подолѣ,
Гроза все ближе—и кипить,
И пыльный столпъ бѣжить, бѣжить,
И затрзвонило все поле
Подъ звонкимъ топотомъ копытъ:
Летятъ, примчались... Крикъ и пламень,

¹⁾ Вездѣ правописаніе оригинала.

И рвутся въ замокъ—все въ огнѣ:
 Трещить заросшій мохомъ камень...
 И вотъ развалины однѣ
 Дымятся въ утреннемъ разсвѣтѣ!..
 Но гдѣ жъ сама, о *Съча*, ты?
 Тебя давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ!
 Прошли, какъ страшныя мечты,
 Дѣла, набѣги грозной Сѣчи,
 Затихъ раскатъ ея степей,
 Все стало сказкой,—ужъ и рѣчи
 Объ ней давно нѣтъ у людей!..

Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1830 г. помѣщены: „Малорос-
 сійская мелодія“ барона Дельвига (стр. 65—66).

Я-ль отъ стараго бѣжала,
 Въ полночь травы собирала,
 Травы съ росами мѣшала,
 Все о волѣ чаровала...

и „Малороссійская пѣсня“ И. П. Котляревскаго (стр. 68—69):

Ой мати, мати, сердце (sic) не вважае...

Рядъ малорусскихъ произведеній мы разыскали въ чрез-
 вычайно рѣдкой теперь (въ особенности, въ полномъ видѣ)
 „Молвѣ“ 1832 и 1833 гг.

Въ № 37 (стр. 145) перваго года напечатано стихотворе-
 ніе „Хмара“, подписанное неразгаданнымъ нами псевдонимомъ
 „—нѣ—чѣ“:

Надходила хмара—якъ въ мори човнокъ
 Плыве по небесному шляху;
 Я марно шукаю на неби зирокъ,
 Все сумно и повно все страху.
 Надходили думкы, якъ хмара. Чоломъ
 Понурывся нашъ хлопець безмовный,
 Винъ дурно надежды шукае кругомъ.
 Все сумно... Не плачъ, бездомовный!..

Якъ тамъ-то, далѣко, за синимъ Днипромъ
Рыбалка на мори гуляе,
Човнокъ іого хвыли лыжуть кругомъ,
Надъ хвылями мавка спиваетъ.
Такъ діется зъ нами! Терпите же: горе,
Якъ хмара минаетъ, а сердце—якъ море.

Въ № 82 (стр. 315—6) помѣщена „галиційская красно-русская пѣсня“, съ нѣкоторыми лексическими разъясненіями:

Уже три дня и три недѣли,
Якъ мого мужа комары зѣбли,
Тай ще кажутъ люде, што я не журюся,
А я журюся—пѣду утоплюся,
Утоплюся нынѣ—нынѣ,
Въ червонѣмъ винѣ—винѣ...
Ахъ, ахъ! зажурыла'мъ ся,
Скрыпками, дудками надсадила'мъ ся,
Тай ще кажутъ люде, што я не журюся,
А я журюся—пѣду—удушуся,
Удушуся нынѣ—нынѣ,
Въ пуховѣй перинѣ—п'ринѣ.
Ахъ, ахъ! Зажурыла'мъ ся,
Скрыпками, дудками надсыдила'мъ ся,
Тай ще кажутъ люде, што я не журюся,
А я журюся—пѣду—завѣшуся,
Завѣшуся нынѣ—нынѣ,
Хлопцѣви на шиѣ—шиѣ.

Другая „красно-русская (галиційская) пѣсня“ напечатана въ № 89 1832 г. (стр. 353). Первая строфа и первое примѣчаніе замѣнены точками, за которыми слѣдуетъ:

А ты любишь Парашку,
Зъ мене чинишъ играшку,—
Парашку, Парашку,
Зъ мене чинишъ играшку.

Присяй Богу не люблю
 И любити не буду,—
 Не люблю, не люблю,
 И любити не буду.
 Тільки тебе одну
 Надъ все життя милую,—
 Едную, едную,
 Надъ все жыття милую.
 Ты, дѣвчино бѣлява,
 Будь на мене ласкава,—
 Бѣлява, бѣлява,
 Будь на мене ласкава.
 Ты, дѣвчино хороша,
 Дай же бузѣ ¹⁾ безъ гроша,—
 Хороша, хороша,
 Дай же бузѣ безъ гроша.
 Ты, дивчино бѣленька,
 Будь для мене миленька,—
 Бѣленька, бѣленька,
 Будь для мене миленька.

Въ 1833 г. № 65, на стр. 259—260 кѣмъ-то „сообщены“ „украинскіе анекдоты“.

„Въ разныя времена и въ разныхъ странахъ повторяется иногда одно и то-же происшествіе, какъ одна и та-же мысль приходитъ сама собою въ разныя головы. Таково событіе, случившееся на Украинѣ, въ 18** году. Козакъ, по имени *Грицько Сьромаха*, бывшій долго въ походѣ и плѣну у французовъ, возвратился, наконецъ, на родину; радостно спѣшитъ къ своей *хатѣ*; нетерпѣливо ждетъ увидѣть свою *любую* жинку; стучитъ въ дверь; *моя Ганна* отпираетъ и, увидѣвъ его, кидается не въ объятія къ нему, но опрометью вонъ изъ *хаты*. Изумленный *Грицько* долго ждалъ свою дражайшую половину, но не могъ дожидаться и отправился поискать ее по селу. Куда ни являлся

¹⁾ Бузѣ—поцѣлуй.

онъ, вездѣ его встрѣчали такимъ же привѣтомъ. Разсудивъ, что это не даромъ, онъ пошелъ къ священнику просить объясненія такихъ нѣжностей и узналъ слѣдующее: За долгою своею неявкой онъ попалъ въ число убитыхъ, и его возлюбленная Ганна, еще цвѣгущая лѣтами, не разсудила вѣчно вдовствовать. Подвернулся къ ней видный казакъ *Петро*, и она сочеталась съ нимъ вторичнымъ бракомъ. Народъ, видя *Грицька*, бесѣдующаго съ священникомъ, смекнулъ, что онъ не мертвецъ, и пересталъ его пугаться; собрался только поглядѣть на него, а съ нимъ вмѣстѣ явилась и *Ганна*, и, узнавъ своего стараго друга, безъ памяти кинулась къ нему на шею. *Грицько* пожелалъ возобновить свои прежнія права. Между тѣмъ пришелъ и *Петро*. Священникъ шутя спросилъ *Ганну*, кого она хочетъ въ мужья. *Ганна* въ недоумѣніи, поглядѣвъ пристально на одинъ разъ то на того, то на другого, сказала, наконецъ, со всѣмъ простодушіемъ малороссіянки: „що жъ, *отче святий!* И *Грицько гарный*, и *Петро гарный!* *Нехай мынь обыдва!*“

Другой анекдотъ—изъ военнаго быта (стр. 250). „Недавно въ Кіевѣ (помнится въ 1830 году) было землетрясеніе. Много, разумѣется, объ немъ толковали въ народѣ, какъ о новости самой любопытной. Между прочимъ одинъ офицеръ спросилъ у солдата, пришедшаго со смѣны: „слышалъ-ли ты землетрясеніе“? „Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Благородіе!“ отвѣчалъ воинъ.—„Что-жъ ты, спалъ въ это время?“—„Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Благородіе: я стоялъ на часахъ“!

Въ № 99, стр. 393—4 помѣщено нѣсколько „малороссійскихъ виршей“ А. Боды-Варвынца, т. е. Бодинскаго. Первая— „До пана здателя слухивъ“:

Колы такъ дуже люблять Ваши Слухы,
Такъ къ имъ летять, якъ отъ до меду мухы:
Мій Батечку! Не пожалѣй папиру—
Пусты си Виршы съ Слухами по міру:
А ось людьци найдучьця,
Що геть зъ ихъ посмѣюцьця!

„Козацкая пѣсня“, слѣдующая затѣмъ, составлена „по случаю возстановленія Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ 6 мая 1831 года“:

Ой нуте, Брацьця! Гей, Братыща!
 Якъ мога лусомъ за спысыща!
 Сѣдлайте коней воронихъ,
 Якъ зміивъ отъ лыхыхъ!
 Швыдчій одгострюйте шаблюкы!
 По пари пистолетивъ въ руки!
 Козацкы шапки на бакырѣ!
 Вже годи важный быть мугырѣ!
 Нумъ борониты Украинну,
 Якъ матирь подобае сыну!
 Скорѣй ходимо на Ляхивъ,
 Да станемъ быть вусѣхъ шляхивъ!
 Ще не забулы мы Богдана,
 Козацкого свого Гетьмана,
 Якъ зъ війскомъ винъ ихъ тормошивъ,
 Якъ ихъ, де не піймавъ, душивъ..
 Дамося знать свою уроду:
 Всѣхъ къ чорту зъ мосту прямо въ воду!..

Подписана внизу дата „20 мая 1831, Переяславль“.

Два другія стихотворенія 1831 г.—„Епитафія Богдану Хмѣльницкому“ и „Сухая ложка“ (Апологъ):

Богдане! Батьку нашъ! ось де ты спать улався!..
 Сны, Тату!.. Бо свое ты вже опрацѣвавъ..
 Спасеть Бигъ! Насъ, дѣтей своихъ ты не цурався!
 Да тилько жаль, що ты не довго пановавъ!..

„Апологъ“ очень кратко:

„Ащо, Корнѣю, якъ? Чія бере?
 Що Панъ Судья тобѣ сокоче“?
 — „А вже-жъ не що: бачъ вырвы хоче“!—
 „Э, дать: сухая ложка ротъ дере“!

Большой литературный интересъ представляютъ „шпигачки, або по Московському эпиграммы“ Грыцька Основьяненка. („Молва“, 1833, № 120, стр. 477—478). По указанію А. Е. Крымскаго онѣ не вошли ни въ одно собраніе сочиненій Основьяненка.

Приводимъ ихъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ напечатаны, съ полнымъ соблюденіемъ орфографіи оригинала.

I.

Пысатьци.

Тарасъ ¹⁾ нашъ—хытра голова!
Винъ книжку порядывся ²⁾ пысаты,
А гроши заразъ ставъ собирать.
Злупывъ!.. А книжка-жъ де?.. „Овва“!

II.

Жиноча натура.

Не спытця Хымци въ день и въ ничь:
Бажа новои крипко юпки.
И що жъ?.. „Недужа!“—Тай на пичь.
Охъ, жалко жиночки—голубкы!
Крычыть: „Умру, мерщій купи!“
Потапъ, хочъ чухае чупрыну,
Купывъ прокляту винъ юпчыну—
И Хымка встала.—Не здывуй,
Що хитри жиночки селяпськи:
Десь такъ не вміють жинки паньски?

¹⁾ Повидимому, направлена противъ Н. Полевого, котораго въ началѣ 30-хъ годовъ обвиняла въ томъ же вся русская журналистика.

²⁾ Порядывся?

III.

Отъ лихо.

И не карай насъ, Боже, гиршымъ,
Якъ слухаты Стецьковы вирши!

IV.

Злодію.

Видкиль Охримъ розумный ставъ?
Таки про все въ книжкахъ винъ пыше.
„Чужымъ умомъ Охримъ нашъ дыше:
„Свого ничего не напысавъ,
„Зъ чужыхъ повыкрадавъ“.

V.

Щырая любовь.

— „Скажи мени ще разъ, Улясю—любко,
Що любишь ты мене, моя голубко“!—
— „А якъ же?—Ще я не дурниша всіхъ:
„У тебе, душко, грошей михъ“!

VI.

Старовына.

„Не такъ у насъ було, якъ я дывлюся!“
Казавъ мыни учора мій дидуся:
Потягъ зъ казны вашъ писаръ тры алтына—
Въ Сибирь!.. Та ще и видвичала спына.
А нашъ Отаманъ сто рубливъ укравъ—
И правъ,
А дали й головою ставъ“.

Мы считаемъ очень характернымъ для этого періода самый фактъ участія малорусскихъ писателей въ русской передовой журналистикѣ начала 30-хъ годовъ (какъ „Телескопъ“ съ „Молвою“ Надеждина). Эти дружественныя литературныя отношенія скоро рушились: передовая печать дѣлалась все болѣе и болѣе западнической, полемика противъ славянофиловъ обострялась и постепенно переходила отъ нихъ на защитниковъ малорусской самобытности: украинофилъ былъ понятъ, какъ разновидность славянофила. Не трудно подмѣтить, напр., много общаго въ страстной полемикѣ Бѣлинскаго противъ славянофильства—и малорусской литературы. За то малорусскимъ писателямъ широко открыли свои двери органы славянофиловъ, представителей „официальной народности“, даже реакціонеровъ и обскурантовъ (вродѣ Бурачка съ его „Маякомъ“)...

Вл. Каллашъ.



Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавсой губ.

Глава IV.

Заразные болѣзни.

Грызъ и ея лѣченіе. Ревматическая боль поясницы, срываніе боля. Лихорадка, олицетвореніе ея, лѣченіе: питье, рвотное, амулеты, передача болѣзни, угощеніе духовъ, заговоры. Понавальные заразительныя болѣзни.

Грызъ.

Въ народѣ встрѣчается только такое краткое описаніе грызи или ревматизма: „почне ломать руку, або ногу, пока зробытся грызъ“. Бываетъ она отъ трудовъ, переутомленія и урокъ. Отъ нея бабы совѣтуютъ слѣдующія мѣры: найди какую-нибудь кость, взять ее полой или платкомъ, обвести вокругъ больного мѣста и положить обратно въ то-же положеніе, въ которомъ кость прежде лежала; также совѣтуютъ перевязать больной членъ намоткой или пупомъ, которыми раньше перевязывались ноги мертвеца, приговаривая: „цей мертвый замира, нехай раби Божій Маріи грызъ одбира“, или ниткой, спряденой въ чистый четвергъ обнаженной женщиной на порогъ и „навпакы“ („опачыною ниткою“), „весильною жычкою“, т. е. красною заполочью, которою бываетъ обернута свадебная шишка въ знакъ цѣломудрія молодой, служащую украшеніемъ родственницъ молодой ¹⁾, и еще той связкой (шнуркомъ или лычкомъ),

¹⁾ «Красятъ рядъ, покраса».

на которую нанизывалась соленая рыба, при чемъ слѣдуетъ произнести: „не разъ, не два, не три“ и завязать узелъ. Растираютъ больное мѣсто: наваромъ старой мѣди въ молокѣ, сѣрными веществами, стертыми съ саломъ, мозгомъ изъ костей, мочей, летучей мазью (*linimentum volatile*), семибратней кровью (*tubipora chamissionis*), солью (ропомъ), скипидаромъ („шпыгынаремъ“), водкой, настоянной на одномъ изъ слѣдующихъ веществъ: перцѣ, горчицѣ, калганѣ, имбирѣ, муравьяхъ, живокостѣ (*simphytum officinale* L.), коровьякѣ (*datura stramonium* L.). При ревматическихъ страданіяхъ ногъ, послѣднія ставятъ въ теплую ванну, съ примѣсью калиновыхъ, ольховыхъ, дубовыхъ однолѣтнихъ побѣговъ или засушенной въ мѣшкѣ на печи муравьиной кучѣ. Обкладываютъ больные члены: клочьями или глиной, намоченными въ соли, скотскимъ навозомъ, а по Енгальчеву ¹⁾ овечьимъ и козьимъ каломъ. Къ икрамъ ставятъ 7 пьавокъ. Лучшимъ средствомъ отъ ревматизма народъ признаетъ грызеніе ²⁾, состоящее въ томъ, что баба беретъ больное мѣсто въ ротъ и жуетъ довольно больно зубами. Грызть съ успѣхомъ могутъ лишь первенцы, послѣдніе—мезинецъ, мезинка, какъ значитъ и у Гринченка ³⁾, и незаконнорожденные. Грызя, приговариваютъ и шепчутъ: „грызь, грызь! ты не грызы и не ломы; и кровы не бунтуй“, „не ты мене грызешъ, а я тебе грызу. Тѣфу, тѣфу и я тебе загрызаю“, „я тебе, дубе, зйимъ зъ кориннямъ, зъ насиннямъ“.

¹⁾ Домаши. лѣчебникъ II, 155.

²⁾ Грызеніе распространено не между одними только крестьянами,—имъ часто пользуются лица другихъ состояній, можетъ быть по пословицѣ: «якъ лыхо, то спытаешъ пня и колоды». Науриимѣръ, по предъявленіи евреемъ Б. искового требованія, отвѣтчица, бабка с. Маташовки, возразила, что считаетъ свой рублевый долгъ погашеннымъ, такъ какъ нѣсколько разъ грызла плечо истца, сидѣвшаго въ ваннѣ. Оцѣнка отвѣтчицей своего труда оказалась умѣренной, какъ и вообще гонораръ шептухи: паляница съ солью, немного фруктовъ, 2—5 коп. За нѣсколько визитовъ—платокъ въ 20 коп. Если паціентъ умеръ—ничего. Знахари получаютъ больше—и до 2 руб. съ больного.

³⁾ Этногр. мат. II, 320.

„У мене зубы щучины. Я не тило грызу, а я грызь загрызаю. Тутъ тоби не стояты, суставивъ не грызты. А въ сѣго грызю девять зубивъ, а зъ девяти—восемы, зъ восемы—симъ, зъ сѣмы—шисть, зъ шести—пять, зъ пяти—чотыри, зъ чотырѣхъ—тры, а зъ трѣхъ—два, а зъ двоухъ до одного, а одъ одного—ни до одного“ ¹⁾.

„Ты, грызь—грызыще! А въ грызи два зуба, а въ мене одинъ,—я й тымъ загрызу. Ты, грызь, выхова, ты, грызь, и трудовна и прыстритна. Тутъ тоби, грызь, не стояты, суставивъ не крутыты и жылъ не сушыты. Я тебе выгрызаю, одъ рабы Божой Маріи одганяю“. (Хут. Тарновщина, отъ Соф. Писаренковой).

„Грызъ, грызь! подумана, погадана, испытана, изйидена, чоловича, жоноча, парубоча, дивоча! одна грызь, дви грызи, тры грызи, чотыри грызи, пять грызей, шість грызей, симъ грызей, восимъ грызей, девять грызей нарощенного, мольтвяного Васыля“.

„Грызъ—грызыще! тутъ тоби не стояты, жовтои косты не грызты и серденька не сушыты и червонои крови не пыты. Иды соби па очерета и на болота, и на вельке купня. Тамъ соби оселыся, тамъ соби остановыся, тамъ соби боли, тамъ соби й грызы, а Матиръ Божя пристуае, свои слова посилае: шобъ давъ Господь мылосердный на здоровья чоловікови“. (С. Литвяки, отъ Ф. Гузѣминой).

Боль поясницы.

Боль поясницы, „поперечна болисть“ по брошюрѣ Ліки: *своен.* (П, 31) зависящая отъ ревматизма, разрыва волоконъ спинной мышцы и иногда отъ причинъ, неясныхъ для самой медицины, по мнѣнію народа есть по преимуществу болѣзнь старости, наслѣдіе долгой трудовой жизни. Кромѣ переутомленія, поднятія тяжести, признають, впрочемъ, что „поперекъ“ болитъ и отъ простуды, и отъ урокъ. Въ предупрежденіе этой

¹⁾ Вар. въ концѣ: «шобъ тутъ тоби грызю не було ни одного».

болѣзни, услышавъ первый весенній громъ, опираются поясницей о плетень, „пидпырають тынь“, и первую горсть сжатого хлѣба жнища затыкаетъ себѣ за поясъ. Заболѣвшую поясницу парятъ въ теплой ваннѣ или на „черини“, для чего печь смазываютъ, настилають гречневой соломой, поливають квасомъ, а сверху кладутъ больного; также растирають больное мѣсто: пескомъ, сокомъ рѣдки и хрѣна, керосиномъ, скипидаромъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Поперекъ еще срываютъ. Операция эта производится различно. Женщина ведетъ большимъ пальцемъ руки по спинному хребту больного или, положивъ ногу на спинной хребетъ, продвигаетъ пята такъ, чтобы ощупать, „переличать“ всѣ позвонки, или крѣпко крутить, приподымаетъ и мнетъ кожу на поясницѣ, давить въ поясницу кулаками и колѣнями. Отъ этихъ мѣропріятій развивается значительная теплота.

Лихорадка.

Народъ склоненъ признавать лихорадку духомъ и въ настоящее время, не только прежде, какъ видно изъ устныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ. Не рѣдко приходится слышать отъ крестьянокъ, что „лихорадка бува одъ того, що лыхый духъ уберетъ въ середину та й трясѣ“, „лихорадки нехрещеного царя Ырода дочки; кожна живе въ болоти“. Ихъ бранять: „трясешъ! бодай ты болотомъ трясла!“ „Йе мижъ имы плясовиця, та що одсибла Ивану Предтечи голову. Кто ёго почыта, до того вона не причепытѣся“. Другіе опредѣляютъ лихорадку кратко: „воно вло“. Съ такими устными народными опредѣленіями согласны и слѣдующія письменныя олицетворенія лихорадокъ: заклинательная формула на греческомъ языкѣ, хранящаяся въ Луврскомъ музеѣ, направлена, между прочимъ, на демоновъ лихорадки ¹⁾. Грузинамъ лихорадка представляется худымъ, блѣднымъ существомъ ²⁾. По великорусскимъ народнымъ понятіямъ, лихорадки выгоняются изъ ада. Онѣ уродливы, голодны, нападаютъ на ви-

1) I. Tuchmann. La fascination. Mélusine 1898, № 5, 111.

2) Вѣст. Европы 1868 г. П, 565.

моватаго. Бабы смываютъ отъ нихъ притолоки водой съ разными снадобьями: солью, золой изъ семи печей, землянымъ углемъ и чернобыльникомъ. Костромскіе крестьяне называютъ февральскую лихорадку „кумаха“¹⁾. Лихорадки—простоволосыя женщины, крылатыя сестры²⁾. Бѣлоруссы считаютъ ихъ: Иродовыми дочками, дочерями царя Яшнецкаго³⁾. Малоруссы олицетворяютъ лихорадку старухой, живущей въ лѣсу, или дѣвицей⁴⁾. Однажды крестьянинъ слышалъ, какъ три лихорадки сговаривались войти въ людей,—одна съ ложкой гороха⁵⁾. Такъ-какъ въ программу лихорадки входятъ еще другія заболѣванія, кромѣ маларіи, а именно: тифъ, гриппъ, бронхитъ, воспаленіе легкихъ⁶⁾, то симптомы этихъ болѣзней, а также и самой маларіи, народъ считаетъ отдѣльными видами лихорадокъ и насчитываетъ этихъ видовъ: 7, 12, 9, 25, 74, 77 и до 99⁷⁾, давая имъ по симптоматическимъ и этиологическимъ основаніямъ слѣдующія названія: поганка, титка, пропасныця, напрасныця, трясця, трасовыця гнитуха, которая ломаетъ кости и морозитъ, но не трясетъ, корчій (у черноморцевъ), жарка, (одъ неи млосо), витрова, водяна, переполошна, прозира. По Далю еще: пидтынныця, гноева, степова, веретинныця, бывающая отъ пряденія. Причинами болѣзни, кромѣ указанныхъ, бываютъ еще: сонъ весной на землѣ, вообще слишкомъ продолжительный сонъ, невоздержанность въ пищѣ: кислое питье, овощи, незрѣлые фрук-

1) Сахаровъ. Сказ. рус. народа, 1885 г. 6, 31, 32.

2) Даль. О пов. 37, 80.

3) Романовъ. Бѣлор. Сб. V., 100—102.

4) Сумцовъ. Культ. Переж. въ Киевск. Стар. 1889. XI, 306; Мавжура. Сб. Харьк. Ист.-Фил. Общ. II, 140; Чубинскій. Тр. Эксп. I., в. 1, 221.

5) Сумцовъ. Этногр. Обзор., кн. XXII., 129.

6) Можаровскій въ Фельдш. 1898 г., № 18, 478.

7) На свити 77 рикъ, 77 виръ, 77 суставивъ и 77 прекрасныхъ дивыць». «Ихъ 77 душъ». «Лихорадокъ 77 и имя ѿе успиъ». Кромѣ этихъ устныхъ свидѣтельствъ, см. также перечисленные сборники и соч., также Ивановъ. Киев. Стар. 1885., XII, 739.

ты, свѣжая рыба, излишества пасхальнаго стола, главнымъ же образомъ уроки: „наслата зъ людей, зъ очей—найшвыдче“.

Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ отъ лихорадки считается полынь (*artemisia absintium* L.), котораго корни, собранные до перваго грома, пьютъ настоянными на водкѣ или пополамъ съ молокомъ, или просто скусываютъ верхушки растенія. Народомъ замѣчено дѣйствіе полыни на нервы: „полынь дурный, писля ёго спиваютъ у лихорадци“. Его употребляютъ во всей полтавской губ. и у великороссіянъ ¹⁾. Также полезными отъ лихорадокъ признаются: настой корней айра (*asorus calamus* L.), выкопанныхъ до перваго грома,—средство указанное у Арендар. ²⁾ Богдановича ³⁾, руты полевой (*fumaria officinalis*), указанной въ Зап. Ю. З. Отдѣла Геогр. Общ. I., 123, оришкивъ, петрова батога (*cichorium inthybus* L.), ромашки (*matricaria chamomilla* L.), деревія (*achillea millefolium* L.), чернобыля (*artemisia vulgaris* L.), марьянки, цмина (*sagum sagvi* L.), очыстка (*sedum acre* L.), черця, соняшныка, подсолнечника (*helianthus annuus* L.), настояннаго на водкѣ въ количествѣ 2-хъ верхушекъ (макушекъ) на бутылку. Даютъ пить: взрослому $\frac{1}{4}$ рюмки, дѣтямъ по 20 капель, или настояннаго на чаѣ изъ цвѣтовъ и сѣмянъ, по три ложки въ день. О лѣченіи подсолнухомъ упомянуто у Сумцова ⁴⁾ и въ журналѣ „Фельдшеръ“ 1898 г. № 18, 490. Пьютъ также: отваръ листьевъ бозя, бузка (*syringa vulgaris* L.), указаннаго у Богдановича ⁵⁾ и вербовой коры. Последняя, вмѣстѣ съ ивовой, дубовой, вишневой, осиновой, сливной корой, полынемъ, ирнымъ корнемъ и горечавкой (*gentiana*), показана у Енгальчева. Домашн. Лѣчебн. II, 62. Кромѣ перечисленныхъ растеній, больные лихорадкой принимаютъ еще внутрь, воду съ горстью сажі и табака, воду черезъ чубукъ, а въ Киев-

1) Арендаренко. Зап. о Полт. губ., I., 37. Сумцовъ. Культ. переж. Киев. Стар. 1889. XI, 308.

2) Зап. I, 37.

3) Свѣдѣн. о Полт. губ. 54.

4) Культ. переж. Киев. Стар. 1889 г. XI, 308.

5) Свѣд. 54.

ской и Бѣлорусскихъ губ.—водку ¹⁾); воду съ „трыдевятью жарынками“ (уголками съ огнемъ), воду съ солью и глиной, счищенной съ четырехъ оконъ навкрестъ, воду послѣ собаки, напоенной черезъ порогъ, воду съ собачьимъ пометомъ, приготовленную такимъ образомъ, что въ миску лють воду чрезъ сито, въ которое положенъ этотъ пометъ; воду, въ которой вымыли kota, намочили толченую таранью голову, стерли „жовна“, т. е. известковыя жерновки, отложившіяся въ желудкѣ рака въ періодъ липянія, или вкинули паутину въ видѣ пилюль. Съѣдаютъ также сухари хлѣба, взятаго съ горячаго обѣда, т. е. перваго похороннаго, и лина, сжареннаго на воскѣ. Вѣроятно нѣкоторыми изъ этихъ средствъ стремятся вызвать рвоту у больного и тѣмъ прекратить лихорадку, такъ какъ „иногда при употребленіи рвотныхъ средствъ прекращается приступъ, особенно если лихорадка начинается при расстройствахъ желудка“ ²⁾. Съ тою же цѣлью, между прочимъ, больные цѣлуютъ собачій калъ черезъ платокъ, затѣмъ знахарка умываетъ ихъ „навкрестъ навпакы рукою навыдли“, т. е., оборотомъ руки, приговаривая: „поганый гистъ, хай оце йистъ“. Другой способъ лѣченія—подкуриванье больного различными веществами: остатками святочнаго стола: пасхи, хрѣна, личной скорлупы („шкалярущи“), пшеницей, освящаемой съ пасхой, ладаномъ и смирной. Подкуриваютъ также волосами, какъ въ Индіи ³⁾, конской мычкой и копытомъ, сушенымъ слѣпнемъ (зинсьвымъ щенямъ, *Spalax tiphilus* Pall.), а въ Харьковской губ. еще летучей мышью ⁴⁾, кровью пѣтуха, зарѣзаннаго на Меланки, собранною на глину; скорлупой „делечыхъ“ (аистовыхъ) яицъ, ремезовымъ (*aegithalus repidulus* L.) гнѣздомъ,—средствомъ, упоминаемымъ у Арендаренка ⁵⁾ и Гринченка ⁶⁾; сушеной жабой, найденной въ колѣѣ,

¹⁾ Сумцовъ. Культ. переж. XI-я кн. Кіев. Стар. 1889 г. 306, 308. X

²⁾ Кунце. Сotr., 557.

³⁾ Ковнеръ. Ист. мед. въ Кіев. Ун. Изв. 1878., III, 117.

⁴⁾ Сумцовъ Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г., IX, 306.

⁵⁾ Зап. I. 89.

⁶⁾ Этн. мат. II, 315.

раздавленную лягушкой, сушеной щукой, выпрыгнувшей изъ воды въ челнъ рыбака, также рыбкой, найденной внутри другой рыбы, слинявшей чешуей змѣи, „гадючымъ лыновыщомъ“, какъ и въ Харьковской губ. ¹⁾, рогами жуковъ, мертвыми пчелами въ Екатеринославской губ. ²⁾; первой сжатой горстью ржи, заткнутой жницей за поясъ, помеломъ, стружками кочерги, хватокъ, лопаты, тряпками, которыми затыкають трубу, уксусомъ съ глиной и спиртомъ, настоящимъ на калганѣ. Слѣдующее народное средство противъ лихорадки—ношеніе амулетовъ, столь распространенное у дикарей и въ древности, когда кусочки матеріи, камни, стекла съ надписями, символическими знаками, также узлы (наузы)—считались сильнѣйшими средствами противъ духовъ ³⁾; также предохраняли отъ болѣзней: статуи, изображенія, въ томъ числѣ искаженныя фигурки съ ногами и колѣнями наоборотъ, символы, атрибуты боговъ, камни съ надписями и рисунками, а у христіанъ—священныя изображенія ⁴⁾. Мѣстной народной медицинѣ извѣстны какъ предохраняющіе отъ лихорадки предметы, касающіеся религіи, такъ и амулеты вообще. Больные лихорадкой надѣваютъ на шею крестики или „божечки“, висящіе около иконы Исачковской Божьей Матери, также бусы, называемыя „око Божіи Матери“, приобрѣтаемыя въ Кіевѣ, и восковые крестики изъ свѣчи, поставленной больнымъ и снятой послѣ херувимской. Въ качествѣ амулетовъ носятъ привязаннымъ подъ рукой или въ пазухѣ куриное яйцо отъ 3—9 дней. „Воно (зло, нечистый духъ) чысто зйистъ билокъ, останется тилько жовтокъ“, „вона (лихорадка) зйистъ його—останется тилько шкарупа“, которую и выбрасываютъ на перекрестокъ. Пленку анстовыхъ яицъ, изъ которыхъ уже вышли птенцы, наматываютъ себѣ на пальцы. Носятъ живую мышъ, живую или засушенную жабу на шеѣ въ платкѣ или мѣшочкѣ. „Жыва крычыть, покы не

1) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г., III., 665—667.

2) Манжура. Сбор. Харьк. И.-Фил. Общ. 1892 г., II, 153.

3) В. Миллеръ. Рус. Мысль. VII, 66—89.

4) Mélusine 1899 №№ 8, 9, p. 179, 194.

здохне¹⁾. Тѣ-же средства показаны у Арендаренка¹⁾, Гринченка²⁾ и Иванова³⁾. Въ Чехіи носятъ шкуру змѣи, убитой на св. Георгія, что имѣетъ связь съ культомъ змѣй у Грековъ и Римлянъ⁴⁾; носятъ на шеѣ живого кузнечика. „Пропасныця спротивытця и кыне“. Носятъ еще шнурокъ, на которомъ была повѣшена черепаха, 9 дней и смолу, вынутую изъ четырехъ колѣсъ, навкрестъ, 9 дней, затѣмъ кидаютъ черезъ голову на распутьи. Лихорадку хотятъ ужаснуть, и съ этой цѣлью больного внезапно окачиваютъ во время припадка холодной водой. „Вона злякается и выскочытъ зъ чоловика“; заснувшему больному пускаютъ за спину зеленую водяную лягушку, какой приѣмъ извѣстенъ и въ Кіевской губ.⁵⁾ Если испугъ не помогаетъ, то лихорадку думаютъ умертвить такимъ образомъ: больной идетъ на разсвѣтъ на кладбище, беретъ на старой, или лучше новой, могилѣ три горсти земли, приговаривая: „добрывечиръ вамъ, моци! дайте постелю, бо найихалы гости“—и, завязывая землю въ узелъ, кладутъ себѣ на ночь въ изголовье или за пазуху, а на другой день, или черезъ три дня, относятъ землю на могилу; возвращаются не оглядываясь. По Иванову⁶⁾, этой землей подкуриваются. Смыслъ этого приѣма тотъ, что вещи, прикасавшіяся къ мертвецу, получаютъ умерщвляющее значеніе⁷⁾. Лихорадку топятъ, для чего больная идетъ къ рѣкѣ на разсвѣтъ въ одной рубашкѣ, купается, бросаетъ рубашку въ воду и возвращается нагой. Особенно полезно купанье въ Чистый четвергъ. Тотъ-же смыслъ умерщвленія болѣзни заключаютъ въ себѣ, вѣроятно, и слѣдующіе приѣмы съ бѣльемъ и одеждой: больная ставитъ съ вечера подъ верхъ мазницу, въ полночь

1) Зап. I, 98.

2) Мат. II, 315.

3) Кіев. Стар. 1885 г., XII, 741.

4) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіевск. Стар. 1889 V., стр. 665—667.

5) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889. XI, 307.

6) Кіев. Стар. 1885. XII, 74.

7) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889, XII, 593.

подходить и, объявивъ: „оце я тоби, мазныце, кыдаю лыхорадку й сорочку“, скидаетъ черезъ порогъ рубашку и уходитъ голая, а потомъ забрасываетъ рубашку на крышу или дриловню до 3-хъ дней; или больная кладетъ свою рубашку подъ верхъ и наваливаетъ камнемъ до сутокъ, а затѣмъ или затыкаетъ ею верхъ, или вѣшаетъ „на захидъ сонця, бо туды лыхорадки сходятъ“. Черезъ сутки рубашку моютъ, накруиваютъ херувимскимъ ладаномъ и надѣваютъ. Голаго больного загоняютъ вѣнникомъ въ сажъ, приговаривая: „акый гистъ, така тоби й честь.“ Бросивъ вѣникъ, возвращаются, не оборачиваясь. Рубашку относятъ въ „прыгрубныкъ“ подъ верхъ и наворачиваютъ камнемъ, оставляя тамъ до 9 дней, а больному несутъ въ сажъ чистую одежду. Примѣняютъ передачу болѣзни и такими способами: больной накручиваетъ на хлѣбъ въ полѣ „тры накрутки у глуцу ничъ“; больного ведутъ къ вербѣ съ веревкой на шеѣ, подгоняя деркачемъ,—деркачъ вѣшаютъ на вербу, а веревкой подвязываютъ дерево; больной, навязавъ на шнуркѣ тридевять узловъ и опоясавъ себя имъ, приближается спиной („закы“) къ дереву и, проговоривъ: „вась 77, нате вамъ гостынець усимъ!“, привязываетъ къ дереву шнурокъ, не осматриваясь.—„Тоди вона отстриане; больная, срѣзавъ ногти и волосы навхрестъ и, поймавъ живого рака, кладетъ ихъ въ клешню, заворотивъ въ бу-машку, потомъ пускаетъ рака на рѣчку, приговаривая: „пльвы раче, за водою, беры трысцю за собою“. Больная плюетъ и возвращается, не оглядываясь. То-же средство въ рукописи Чепы въ Кіев. Стар. 1892 г., 1., 128. На палочкѣ нарѣзываютъ 77 черточекъ и, отнеся на перекрестокъ или въ рѣку, говорятъ: „вась 77, оце вамъ плата всимъ. Для угощенія лыхорадки отрѣзывается край перваго вынутаго изъ печи хлѣба, или отсчитывается 77 зеренъ пшена, которыя завертуютъ въ паутину или въ яйцо, или такъ завязываютъ въ пазуху, и больная идетъ къ рѣкѣ на зарѣ, становится спиной къ рѣкѣ и, бросая черезъ себя хлѣбъ или пшено, приговариваетъ: „Добры-день вамъ, таточки-голубочки! вась 77 и нате вамъ пшона усимъ. Одъ мене рожденон, молю-

твяной, хрещенои Маріи одречиться; ¹⁾ возвращается не озираясь. Больная въ припадкѣ озноба покупаетъ въ корчмѣ водку, и оставивъ на столѣ, уходитъ, говоря: „постойте, покличу титку;“ или одѣвается дома парадно, садится за столъ, ставитъ водку и, проговоривъ: „выпиймо, титусю!“, отпиваетъ; погода пьетъ опять, повуда не покончить. Не должна скидать одежды до окончанія припадка. Заговариваютъ лихорадки такъ:

„Титки, титки! васъ 77, нате спидаты всимъ. Всяке зилля бездила, клыче бугай на весилля.“ (С. Волчекъ).

„Погадокъ симдесять симъ и йе вамъ мисто усимъ. И идить вы на очерета, на болота и въ свои миста.“ (М. Снѣтинъ).

Иды соби на очерета, на болота та на свои миста, де витеръ не віе, де сонце не гріе, де праведне сонечко не сходьтъ, де людський гласъ не заходьтъ; де люде не хрыстатся. Трасы соби очеретами, болотами, та своїми лыстами“. (С. Литвяки, отъ Анны Кириченковой).

„Лыхорадка! ты прозира, ты й водяна, ты й витряна, подумана й погадана. Пиды соби на воды, на витры, на огни и на дыма! Тутъ тоби у голови не стоять, жовтои кости не ламать. Пиды ты соби на огни, на дыма, на велики степа. Тамъ тоби буде хорошо гулять и людей морськихъ знобыть“. (с. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„На гори на Голгохви стоявъ дубъ венерський. Пидъ тымъ дубомъ сидило симъ мученикивъ: Архистратый Михаилъ, Гаврыиль, Урыиль, Меетодымъ, Сызонтій, Клементій, Иванъ Предтеча—и выдили дыво престрашне, чудное: и вышло зъ моря 17 женъ, просто нагіе, распоясавше, роспущени волоса. Пидійшовъ къ имъ Иванъ Предтеча, начавъ ихъ чытати: хто вы таки? куды вы йдете? —Мы йдемо у градъ Хрыстовый людей мучыты, кровъ пыты, тило томыты, смерты предаваты. Та де ²⁾ имъ Иванъ Предтеча своею тростю по ихнимъ головамъ, Усто ранъ заклынающихъ.— „Ой, Иванъ Предтеча! хто ваши буде имена нарычаты, або хто буде надъ головою воду чытаты,

¹⁾ Или: оце вамъ закуска (на кашу) усимъ.

²⁾ Вмѣсто: давъ.

то мы до того не прикоснемся во вики виковъ аминь¹⁾. (С Мгарь, отъ Емченковой).

„Ишло 77 напрасныцъ и силы на марганахъ, и вкрылся вафоромъ. Приходе святыи Васылъ и пытае: „шо есть вы за люде?“—„Мы ѡе не люде, а врагови диты. Насъ послано по свитамъ и по людамъ червону кровъ пыть, биле тѣло знобыть, а жовту кость ломыть. Хто насъ буде почитать, такъ мы въ ѡго по вику не будемъ бывать. Раба Божя Александра насъ почитае, мы въ ѡи не будемъ бывать, червонои ѡи крови не будемъ пыть и билого тѣла знобыть и жовтои кости ломыть. Святого Васыля буде почитать,—винъ враговьскыхъ дитей не буде до неи допускать,—нарожденной, хрещенои и мольтвянои рабы. Божои Александры буде спасать“. (Хут. Тернавщина, отъ Софїи Латенковой).

„Ишовъ святыи Кырыло и Мефодїй, и Сафонїй, и зострича Господь Самъ“.—„Куды вы идете?“—„На золотый мистъ. А на золотому мосту тры евзы.“—„Куды жъ вы ѡйдете?“—„На мырь хрещеный“.—„Чого жъ ты идешъ?“—„Сыпать и кыдать, и трясты, и пекты, и знобыть, и глобыть, и кровъ пыть, и кистъ ломыть и лыхорадкою трусуть. Святыи Кырыль и Мефодїй, и Сафонїй, берить золотую плить, дротяну нагайку, посичить ѡй тѣло, порубить, огнемъ спалить, витромъ роспустить. Господы мылостывый! нащо-жъ мое тѣло сикты и огнемъ палыть? Якъ будете вы воскресный Богъ чытать, Илью прохатъ,—не буду я васъ нападать—ни сыпатыму, ни кыдатыму, крови вашои не пытыму и кости не ломытыму. Ихъ 77 и гостынцы усимъ. Якъ подарки давалы, тоди титкою звалы, а послѣ працаны ѡ мечамы вбывалы, щобъ вона на мырь не ходыла. Господь зъ помичъ, а я зъ духомъ“. (С. Калайденцы).

„Ишовъ святыи Порфирїй у свѣи монастырь и зостричае 77 прекрасныхъ дивыцъ; ну и спрашуе: „шо вы за прекрасни дивыци?“—„Мы царя Ирода дочкы“.—„Куды вы идете?“—„Мы идемо

¹⁾ Вар. въ рукописи XVIII в. (Кіев. Стар. 1898 г., I, Документъ 10).

въ мѣръ кости ламать и въ огонь бросать, и ѣижу одбирать.“ Винъ ихъ ударывъ трѣма вдарамы. Воны одъ ёго убижали и воны ёму исказали: „хто буде твое имя спомынять,—и того будемъ убигать, а хто буде твое имя забувать,—и того будемъ нападать. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Амины! (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Ишовъ святой Оврамъ великымы дорогами и ёго сынъ святой Мусій, и воны зостричаютъ трыдевать дивокъ и пытаются ихъ: „шо вы за люде?“ — „Мы идиловы дочки“. — „Кудывы йдете?“ — „У село людей мутыты, биле тило ялыты, а червону кровь пыты.“ Оврамъ каже: „беры жъ ты, святой Мусій, зализни цины та жены ихъ за зализни ворота та побый погоны и потомокъ потломы“. Воны просятъ: „святой Оврамъ, не бый, не гоны и потомку нашого не тломы!“ Хто буде сю молитву знаты, не буде сею болизню погыбать“¹⁾.

Х о л е р а.

Народъ признаетъ холеру Божиимъ наказаніемъ и изображаетъ такими чертами: „Ноги и руки судомыть, искорчыть усёго на кузубъ часа на два. Бува й така, шо не корчыть, а тилько кисты лама. Якъ не личыть—помре, а якъ ликъ—то й вить“. Отъ нея пьютъ: сокъ рѣдьки, водку, настоящую на деревѣ, полынь, петровыхъ батогахъ, сокиркахъ (*delphinium consolida* L.), полевыхъ василькахъ, чеснокъ, перцѣ; также тертый земляной уголь; жалать больного жгучей крапивою, подъ колѣнами, грудь и подошвы смазываютъ дегтемъ, особенно же растирають всего: перцовкою, настойкой крапивы, нашатырнымъ спиртомъ.

Дифтеритъ.

Дифтеритъ большею частью называютъ обкладомъ, потому что онъ соединенъ съ опуханіемъ желѣзъ; искажаютъ также и

¹⁾ Варіанты, весьма отдаленные съ упоминаніемъ имени св. Аврааму, у Иванова въ Кіев. Стар. 1885 г., XII, 740; у Чены (Ів. 1892 г., I, 127) и въ Сбор. Харьк. И.-Ф. Общ. 1892 г., IV, 278.

самое названіе болѣзни: дѣхтерыкъ. Къ горлу прикладываютъ: ржаную муку, разжаренную на сковородѣ, льняныя припарки, бузину съ камфорой, оливу съ камфорой, овечью шерсть съ сѣрой, масло или смалецъ съ скипидаромъ или съ каломъ чернаго кабана. Дифтеритъ распространился въ Малороссіи недавно; въ сороковыхъ годахъ онъ еще не былъ извѣстенъ, что видно изъ умолчанія Арендаренка объ этой болѣзни. О другихъ эпидеміяхъ почти ничего не говорятъ въ народѣ. Скарлатинѣ не отличаютъ отъ кори, какъ прежде не различали ихъ и въ наукѣ ¹⁾, и совѣтуютъ пить липовый цвѣтъ, ѣсть медъ и смотреть на красное отъ обѣихъ болѣзней: „Виспу треба сколювать, прыбывать, щобъ не було“.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Флоринскій. Домашн. медиц. 164.

Характеристика польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій послѣдней четверти XVII вѣка, въ связи съ общимъ направлениемъ тогдашней французской литературы.

(Окончаніе *).

II.

Представленная картина польскаго общественнаго самосознанія будетъ значительно неясною, если мы не представимъ общихъ условій общественной жизни Западной Европы, къ которой принадлежала, по своимъ образовательнымъ традиціямъ, Польша ¹⁾. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ замѣчено въ одной рукописи 1696 г., хранящейся въ И. П. Библиотекѣ,— „Jak psczola ogrody... obleciawszy, co najwyborniejszą, sobie wybiera, no swoię słodką robotę kwiecia, tak Polska nasza obszedszy postronne Państwa, Krolestwa, Xięstwa i Rzeczypospolite miasta i obozy, przypatrzywszy się monarchom albo jednowladcom, albo absoluto Dominio arystokracjiom, albo panowaniu wielu Rządowi demokracjiom, albo rządowi państwa co najlepsze sobie wytrala prawa i zwyczaje“...²⁾ Можетъ быть здѣсь и преувеличено

*) См. Киев. Стар. 1900 г. № 4.

¹⁾ Jagic. Archiv für Slavische Philologie. Unter Mitwirkung von A. Brückner, J. Gebauer u. s. w. Berlin 1892. Supplement-Band, seit 220.

²⁾ Р. И. Ц. Б. О.П. № 1. Другой такой же экземпляръ—О. П. № 10.

широкое знакомство Польши съ зап.-европейскою жизнью, однако извѣстно, что въ первой половинѣ XVII вѣка избранная часть польскаго юношества получила образованіе въ Болонскомъ университетѣ, какъ показываютъ имена студентовъ-поляковъ въ открытой Bersohk'омъ Mathias'омъ рукописи¹⁾. Во второй половинѣ XVII вѣка, которая была благопріятна для литературы французской и наоборотъ — временемъ упадка ея въ Италиі, польская молодежь, говоритъ Mecherziński, отправлялась за наукой во Францію, откуда все болѣе и болѣе выплывала иноземная зараза, — и на ряду со старыми латинизмами, входили въ рѣчь еще болѣе вредные галлицизмы.²⁾ Кромѣ того, судя по образовательному заграничному *tournee* Яна Собѣскаго и инструкціи, данной опекунамъ его Орховскому и Гаварецкому,³⁾ можно полагать, что еще въ первой половинѣ XVII вѣка Франція и Парижъ привлекали къ себѣ преимущественное вниманіе польскаго высшаго слоя;⁴⁾ во второй же половинѣ XVII вѣка такое вниманіе было тѣмъ интенсивнѣе, что дворъ Людовика XIV, стянувшій всѣ лучшія литературныя силы въ Версальскій дворецъ,⁵⁾ становился не только предметомъ грезъ и мечтаній польскаго высшаго

1) Kwartalnik Historyczny. 1896 r. X str. 143—146.

2) *Historya wymowe w Polsce*. t. III, str. 7.

3) T. Korzon *Dola i niedola Jana Sobieskiego*. Kraków 1898 г. t. I str. 11.

4) Изъ двухлѣтняго заграничнаго путешествія Яна Собѣскаго на Францію пришлось больше года, отъ 9 апрѣля 1646 г. до 1 мая 1647. При этомъ Францію проколесилъ онъ «отъ сѣвера къ югу» чрезъ Calais до Perpignon, Marseill, Montpellier, нанскаго Авиньона и лежащей Sobaud. Если принять во вниманіе, что Янъ Собѣскій проѣхалъ также Австрію, Германію, Голландію, гдѣ онъ изучалъ *architecturam militarem*, и Англію, на что онъ употребилъ только одинъ годъ, то вниманіе къ Франціи выдѣлится довольно выпукло. Ср. Korzon. *Dola i niedola Jana Sobieskiego*. t. I. str. 12 и 14.

5) Иоганъ Шерръ. Всеобщая исторія литературы, пер. Вейнберга. М. 1883. т. II стр. 235; ср. Zeleński. str. 277; Dupuy. *Histoire de la litterature Française au XVII siecle*. Paris. 1892.

тона, ¹⁾ но и въ дѣйствительности, какъ мы уже замѣтили выше, связывался съ Польшею тѣсными узами. Къ тому же, произведенія выдающихся писателей Франціи находили себѣ достаточный пріютъ въ Польшѣ. Въ библіотекѣ, напр., Яна Собѣскаго мы находимъ произведенія Декартеса, Гассенди, Паскаля и „великаго“ янсениста Арнода, также драматическія сочиненія Корнелля и Мольера. ²⁾ Словомъ—тѣхъ писателей, которые главнымъ образомъ характеризуютъ литературное движеніе Франціи второй половины XVII вѣка. Въ эпоху же Людовика XIV, при ближайшемъ взаимоотношеніи дворовъ французскаго и польскаго, знакомство съ французскими литературными теченіями создавалось *ipso facto*, такъ какъ французскіе „поэты писали не для своего народа, но для версальскаго кружка, и Людовикъ XIV былъ не только ихъ меценатомъ, но и ихъ Аполлономъ, который раздавалъ лавровыя вѣнки и пенсіи и за то лъстиво прославлялся на всѣ лады холопства“ ³⁾.

На Франціи и сосредоточимъ свое вниманіе. Основаніемъ для этого, кромѣ вышеуказанной связи, въ политическомъ и образовательномъ отношеніи Франціи и Польши, служить еще и то обстоятельство, что къ этому времени Франція заняла первенствующее образовательное значеніе во всей Западной Европѣ. «Италія, говоритъ Lotheissen, превосходила своимъ искусствомъ,

¹⁾ «Wplyw kobiet zawsze przeważny na domowe stosunki, wychowanie i wyobrażenia. To wszystko opierając się o dwór lunewilski i wersalski ściągalo tam roje Polaków i polek». Rzut oka na stan relig. obycz. Polski XVIII w. Dodatek do Czacu. t. VIII, str. 303—304; ср. Zełęski. str. 289.

²⁾ Korzon. t. I str. 15.

³⁾ Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Т. II. стр. 235. «Похвалы самовозвеличенія, говоритъ Dupuy, не надобѣдали: фиміамъ Налона наполнялъ ноздри. Онъ (Людовикъ) охотно повторялъ стихи, гдѣ онъ прославляется. «Sans avoir ni voix, ni musique, il se plaît à chanter, dans ses particuliers, les endroits des prologues d'opera le plus à sa louange». Histoire de la littérature Française au XVII s: p. 291.

своей высшей культурой, своей богатой поэзіей, Испанія имѣла преимущество въ прозѣ, какъ и въ политикѣ и войнѣ, Германія выдѣлялась въ религіозныхъ спорахъ и въ порядкѣ управленія, во Франціи образовалась тогда такая богатая жизнь во всѣхъ областяхъ, какъ ни въ какой другой странѣ того времени.“¹⁾ Это богатство жизни сказалось прежде всего въ тѣхъ двухъ крупныхъ и при томъ діаметрально противоположныхъ теченіяхъ, которыя проходили въ двухъ важнѣйшихъ литературныхъ центрахъ Франціи—Портъ-Роялѣ, съ его янсенистскими убѣжденіями и реформаціонными стремленіями, и въ Версальскомъ дворцѣ—центрѣ католическо-іезуитскихъ и монархическихъ тенденцій Людовика XIV. Оба эти направленія литературныхъ движеній, стоя въ связи съ политическими и социальными ожиданіями времени, въ свое время сыграли крупную роль во всей Западной Европѣ и даже служили *legislateur du gout* высшаго общественнаго слоя.

Тенденціи французской литературы времени Людовика XIV всецѣмъ могутъ быть сведены къ Боссюэтовскому восклицанію: „*o rois, vous êtes des Dieux.*“ „Въ царствованіе Людовика XIV., говоритъ Дюру, эта гипербола принята литературой и по принципу, и по сюжету.“²⁾ Король видѣлъ въ такомъ направленіи литературы, продолжаетъ Дюру въ другомъ мѣстѣ, главную гарантію своихъ начинаній и своей славы. Онъ самъ говорилъ, что литература болѣе его прославитъ, чѣмъ все царствованіе. „*Le plus sûr chemin de la gloire est celui que montre la raison.*“³⁾ „Прежде всего, говоритъ Шерръ, требовалась „корректность“ и гладкость, вся литература сдѣлалась формальной и условной, дворъ былъ Парнасомъ, а французская академія (*Academie française*)... выдавала патенты на безсмертіе или осуждала на гибель.“⁴⁾ Можетъ быть Шерръ въ общей характеристикѣ и сгустилъ краски, однако мелкіе факты проявленія именно такого

1) *Geschichte der französischen Literatur im XVII Jahrhundert.* Wien. 1877. B. I. s. 4.

2) *Histoire de la littérature Française.* p. 290.

3) *Ibid.* p. 291.

4) *Всеобщая исторія литературы.* Т. II. стр. 236.

дворцоваго режима сказываються довольно рельефно. Расинъ, напр., получаетъ званіе исторіографа и титулъ „gentilhomme du roi“, вмѣстѣ съ „личнымъ секретарствомъ“ Людовика XIV, послѣ сближенія съ m-me Maintenon и расположеніемъ въ свою пользу г-жи Монтэспананъ. 1) „По мѣрѣ того, говоритъ г. Веселовскій, какъ высшее парижское общество прибрѣтало внѣшній лоскъ и утрачивало прежніе суровые, воинственные вкусы, по мѣрѣ того, какъ знаменитые салоны и въ особенности „Hôtel de Rambouillet“, старались привить аристократическимъ кругамъ утонченныя манеры, изящество рѣчи, галантность въ обращеніи съ дамами, увлеченіе граціозными по формѣ, хотя иногда бѣдными внутреннимъ содержаніемъ мадригалами или сонетами, а также чувствительно героическими романами дѣвицы Скюдеры, Кальпренеда и др.,—мѣнялся и обликъ тѣхъ героевъ, которыхъ значительная часть публики того времени хотѣла видѣть на сценѣ.“ 2) Можно съ увѣренностью сказать, что подѣ влияніемъ такого направленія литературной оцѣнки, Расинъ, говорившій въ предисловіи къ *Andromaque*—„Пирръ не читалъ нашихъ романовъ, онъ былъ неистовъ по натурѣ, не всѣ герои рождены быть селадонами,“ вполнѣдствіи героевъ *Atalie*, *Bojazet*, *Britannicus*,—Юнію, Аталиду или Арсію, „не смотря на ихъ римскія, мнимотурецкія или греческія имена“, изобразилъ „дочерьми придворныхъ Людовика XIV или принцессами королевской крови, которыя хорошо знаютъ утонченный языкъ модныхъ салоновъ, зачитываются литературными произведеніями новой школы, изучили въ совершенствѣ требованія приличія и правила этикета.“ 3) Такія же метаморфозы происходили и въ публикѣ, что испыталъ на себѣ тотъ же Расинъ. Его пьеса „*Plaideurs*“, въ началѣ не имѣвшая успѣха, такъ что публика во время представленія „смѣявшаяся отъ души“, стала тяготиться мыслью, что „смѣялась не по правиламъ,“—пьеса эта стала пользоваться значительною по-

1) Веселовскій. *Жанъ Расинъ*. Вѣстникъ Европы 1899 г. октябрь, 614 стр.

2) Вѣст. Европы. 1899. Сентябрь, стр. 76—77.

3) Вѣст. Евр. 1899 г., октябрь, 623—624 стр.

пулярностью, послѣ того какъ ее посѣтилъ Людовикъ XIV со свитой и нашелъ ее веселою. По той же простой причинѣ, что пьесы Мольера ставились не на сценѣ Hôtel de Bourgogne, а въ Пале-Рояль, самъ Мольеръ, не смотря на блестящій талантъ, не пользовался такою популярностью, какъ Расинъ. Если же взять во вниманіе разрывъ Расина съ Мольеромъ, какой произошелъ послѣ перваго успѣха Расина на сценѣ Hôtel de Bourgogne, ¹⁾ то можно вѣрить, что французская литература временъ Людовика XIV часто совпадала съ влеченіями инстинкта самосохраненія и съ значительною интенсивностью играла на струнахъ лично-эгоистическихъ, честолюбивыхъ стремленій. Это вполне сказалось на проповѣди, проникнутой всецѣло панигиризмомъ къ высокопоставленнымъ лицамъ. Не говоря уже о Боссюэтѣ, о характерѣ проповѣди котораго мы вскользь уже замѣчали, рельефно выразились указанныя черты и на Бурдалу, который считался „le plus célèbre et le plus grand predicateur de son temps“ ²⁾. Уже одно то обстоятельство, что онъ достигъ блестящаго положенія только послѣ того, какъ въ 1670 г. произнесъ панигирическую рѣчь предъ королемъ ³⁾—должно было впоследствии выработать изъ него натуру, вполне подчиняющуюся придворному этикету. Дѣйствительно, онъ былъ скорѣе создателемъ изящнаго языка, чѣмъ проповѣдникомъ строгой морали. Bossuet писалъ о немъ m-me de Luene: „мы сдѣлали рѣчь, которая обворожила нашъ народъ“, а Фенелонъ, отказываясь отъ строгости діалоговъ для краснорѣчія въ мемуарахъ о занятіяхъ Академіи, заключилъ свои разсужденія такой замѣткой: „стиль

¹⁾ Веселовскій. Жанъ Расинъ. Вѣстн. Европы 1899 г., октябрь, 582 стр.

²⁾ Memoires secrets et inédits de la cour de France sur la fin du regne de Louis XIV par le marquis de Sourches. Paris, 1836. t. II. 1686 a. p. 192.; ср. Lotheissen. Geschichte der französischen Literatur im XVII Jahrhundert. B. III., seit. 350.

³⁾ Dupuy. Histoire de la littérature Française au XVII siècle, p. 432. «Это (рѣчь) окончательно расположило въ его пользу, говорить Dupuy, и онъ остался вѣн спор».

отца Bourdaloue превосходить всё другія и, можетъ быть, достигнетъ такого совершенства, что нашъ языкъ способенъ былъ образцомъ. 1) Насколько „отецъ Bourdaloue“ отвѣчалъ придворному настроенію и его потребностямъ, можно судить по восторженному отзыву m-me Sevigne: „очень часто, говорила она, дыханіе спиралось тѣмъ величайшимъ вниманіемъ, какое привязывалось къ силѣ и правдивости его бесѣдъ, и я не переводила дыханія, пока ему не угодно было окончить.“ 2) — Не отрицая литературнаго значенія произведеній Bourdaloue, мы хотимъ отмѣтить только направленіе или тонъ, какого вообще держались литературные дѣятели. Если мы обратимъ вниманіе на общій характеръ французской литературы Людовика XIV, то причины, обуславливающія такое направленіе, будутъ совершенно понятны. Тотъ т. н. псевдоклассицизмъ, который съ прямолинейностью проникалъ почти всё формы литературныхъ произведеній — драму, поэзію, романъ, 3) — и служилъ почти всецѣло источникомъ литературныхъ сюжетовъ, сколько создавался старыми традиціями итальянской и испанской школъ, 4) столько, и еще болѣе, поддерживался социальнымъ складомъ французской жизни. „Французская литература, говоритъ Lotheissen, не печалилась еще о народѣ и не могла, слѣдовательно, говорить о немъ. Она знала только воззрѣнія и идеалы аристократическаго общества и, ограничиваясь ихъ кругомъ, старалась придать имъ значеніе. Но эти идеалы не имѣли никакого высшаго полета; они были условными словами и имѣли искусственное значеніе.“ 5) Народный духъ и струя живой жизни были устранены совершенно 6) и поэтому

1) Dupuy. Histoire de la littérature française au XVII s., p. 432.

2) Ibid. p. 432. А молодой принцъ Конде писалъ — „молчаніе — вотъ врагъ, когда проповѣдникъ подымаетъ плечи“...

3) Lotheissen. Gesth. der. französ. Liter. im. XVII Jalrh. B. I, s. 353. «Въ поэзіи, въ лирикѣ, въ эпосѣ, въ романѣ... націонализировались классическія произведенія; ср. Ibid. Band III seit., 5.

4) Lotheissen. B. II, s. 25—59.

5) Lotheissen. B. I, s. 352.

6) Ibid., s. 353.

не могла разрушить ту мертвечину, которую романисты одѣвали въ античную одежду. ¹⁾ Всѣ, такимъ образомъ, понятія и манеры, продиктованныя французскимъ псевдо-классицизмомъ и профильтрованные королевскимъ дворомъ, вытекали изъ требованій аристократизма и аристократіи; они полагали грань между высшимъ слоемъ и народомъ,—грань, которая увеличилась, благодаря абсолютизму Людовика XIV, ²⁾ и строго поддерживалась дворянствомъ, опасавшимся потерять свой престижъ благородства и смѣшаться съ народомъ. ³⁾

Въ этихъ послѣднихъ выводахъ относительно французскаго литературнаго направленія мы видимъ очень близкія точки соприкосновенія съ социальными устоями и литературными теченіями польской общественной жизни. Они говорятъ о томъ, что Польша не была одинокою въ специфическомъ характерѣ проявленія своей общественно-литературной жизни. Она до извѣстной степени жила духомъ своего времени,—и насколько глубоко проникъ въ жизнь этотъ духъ, можно судить по южно-русскимъ литературнымъ теченіямъ, которыя питались соками польскихъ школьныхъ принциповъ.

Ш

Южно-русская литература занимала второстепенное мѣсто въ обще-польской государственной культурѣ и шла позади литературнаго движенія Польши. Ей приходилось только перерабатывать то, что уже было нажито Польшей ⁴⁾. Еще въ началѣ XVII в.

¹⁾ Lotheissen. В. Ш., s. 4—6 и В. I., s. 353.

²⁾ Lotheissen. В. Ш., s. 5—6; ср. В. II., 25—59.

³⁾ Lotheissen. В. I., s. 351—353; В. II., s. 15—19; В. Ш., s. 2—6.

⁴⁾ См. *Терновскій*. «Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. (по латинско-польскимъ образцамъ)» — рядъ статей въ «Руководствѣ для сельск. паст.» 1869 г.; *Ею-же* — «Характеристика южно-русской проповѣди въ связи съ проповѣдью западно-европейской и польской». Руковод. для сельск. пастыр. 1875 г.; — *Пекарскій*. «Предста. Томъ 69.—Май, 1900.

Мелетій Смотрицкій въ Экзотезисѣ (1629 г.) говорилъ, обращаясь къ православному проповѣднику: „цѣлуй Бессія, который научаетъ тебя произносить съ кафедръ. Хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли-бы твои колеса, какъ у возницы безъ мазницы. Одинъ на кафедре съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу, а все-таки, по нашему, эти наставники еретики, вы-же, которые не можете безъ нихъ имѣть собственныхъ проповѣдей, — вы православны!“¹⁾ Подчиненіе польскимъ литературнымъ типамъ непосредственно сказывается во второй половинѣ XVII вѣка въ проповѣдническихъ образцахъ или лучше—кодексахъ: „Ключъ разумнія“—Іоаннія Голятовскаго и „Огородъ Маріи Богородицы“—Антонія Радивиловскаго. Въ Ключѣ цитуются Бароній, Белларминъ, Корнелій Алаvide, Тома Аквинатъ, Іаковъ Тиринъ, Каллистъ-папа, Граціанъ, Ансельмъ Кентерберійскій, Мартинъ Бѣльскій, Григорій Туронскій, Винкелтій (авторъ „Зеркала историч.“), Іоаннъ de Combeuse, Іаковъ de Vorahenée, Nicolas Delira, Lois Granette, Тома Бизій и др.²⁾ Раздѣленія на оемы, экзордіумы, нарраціи, конклюдіи — все это стоитъ въ прямой риторической связи съ принципами польскаго *kaznodziejstwa*. „Огличительными чертами польской проповѣди XVII ст., говоритъ Сумцовъ, были: много-словіе, пустословіе, заимствованіе изъ древнихъ классическихъ писателей: Овидія, Виргилія, Цинія и другихъ, приведеніе именъ языческихъ боговъ и героев, крайне натянутыя сравне-

ватели кіевской учености XVII ст.» Отеч. Зап. 1862 г., кн. 2, 3, 4; *Максимовичъ*. Соч. т. II, стр. 666—723; *О. Сумцовъ*. Іоанникій Голятовскій. Кіевская Старина 1884 г. и отдѣльно К. 1885; *Ею-же*. Інокентій Гизель. Кіев. Старина 1884 г.; *Порфирьевъ*. Исторія русской словесности. Т. I, ч. 2, стр. 602—646; *Житецкій*. «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.» Кіев. Стар. 1888 г. (рядъ статей); *Шляпкинъ*. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Сиб. 1891 и др.

¹⁾ *Сумцовъ*. Іоанникій Голятовскій. Кіевск. Стар. 1884 г., стр. 184.

²⁾ *Терновскій*. Руковод. для сельск. пастыр. 1869, стр. 590.

нія и сближенія, — на примѣръ (сравненіе Бога съ крылатымъ пѣтухомъ), вставка свѣдѣній по астрологіи, геральдикѣ, ботаникѣ, архитектурѣ, неумѣстные каламбуры и шутки¹⁾. У Іоанникия Голятовскаго, въ его „Наукѣ о сложеніи казаній“ находимъ такое замѣчаніе: „конецъ чинячи тоєи моєи працы, даю тебѣ такую раду: читай книги, и що хорошее вычитаешь, нотуй себѣ и до своего казанья апликуй; до того уважай, — кто? що чинилъ? на якимъ мѣсцѣ? зъ кимъ? для чого? якимъ способомъ? которого часу? Если книги будешь читати и часто казанья повѣдати, до того, если тыи циркумстанціи, околичности будешь уважати и концепты до нихъ чинити, латво въ недѣлю, и въ свято, и на погребѣ и на иншихъ оказіяхъ казане учинишь.“ Ясно отсюда, что характеръ польской проповѣди въ южной Руси получилъ законодательную регламентацію. Въ настоящее время устанавливають польское вліяніе и на Московскую Россію²⁾. Мы и не будемъ входить въ разборъ южно-русской литературы, потому что это не входить въ нашу задачу и уже сдѣлано въ вышеперечисленныхъ трудахъ. Мы остановимъ вниманіе на характерѣ теченій малорусской литературы.

Въ этомъ отношеніи сами собой выдѣляются т. н. миринизмы южно-русской проповѣди и отдаленность отъ дѣйствительной, текущей жизни проповѣдническихъ сюжетовъ. Миринистическія требованія даже узаконяются Іоанникиемъ Голятовскимъ. „Нужно читать, говорить онъ, исторіи и хроники о различныхъ папствахъ и странахъ, что въ нихъ дѣлалось и что теперь дѣлается. Нужно читать книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зельяхъ, камняхъ и различныхъ водахъ, которыя находятся въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ

1) Кіевск. Стар. 1884 г. № 2, стр. 184 ср. Maciejowski. Pismieństwo Polskie II, str. 554—556.

2) *Шляпкинь*. Св. Дам. Ростовскій и его время, стр. 52—165; *В. Перетцъ*. „Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII в.“ Изв. отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Наукъ 1899, т. IV, кн. 3.

мѣстахъ, и узнавать ихъ природу, свойство и особенности, и отмѣчать для себя, и прилагать къ своей проповѣди, которую хочешь говорить“ ¹⁾). Слѣдуя этому правилу, вносили въ проповѣдь всякаго рода фантастическій и миеологическій элементъ, начиная отъ легендъ и сказочныхъ чудесъ и кончая непонятными аллегоріями, сравненіями, уподобленіями ²⁾). Такой характеръ проповѣди сколько стоялъ въ связи съ миринизмомъ западно-европейскимъ—итальянскимъ и французскимъ ³⁾), проникшимъ въ то время въ значительной мѣрѣ въ Польшу ⁴⁾), такъ—въ связи съ мѣстными условіями жизни. Предписанія—треба читати книги о звѣряхъ, о птахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зельяхъ, камняхъ и разныхъ водахъ,—вмѣстѣ съ самымъ прямолинейнымъ выполненіемъ этого на практикѣ ⁵⁾), вскрываетъ недостатокъ живого жизненнаго интереса, съ одной стороны, и желаніе поддержать престижъ образованія проповѣдника—съ другой. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе софты Іоанникія Голятовскаго. „Можешь пріохотить людей къ слушанію, когда будешь обѣщать имъ показать въ проповѣди какую-либо новость, которой они не видали и не слышали, или какое нибудь необычайное диво“ ⁶⁾). Дальше онъ поясняетъ это

1) Ключъ, л. 519; ср. Руков. для сельск. част. 1869, стр. 465.

2) Терновскій. Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. Руков. для сел. п. 1869 г., стр. 465—478. Въ словѣ изъ текста: се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ во Ирапли (Лук. 2, 34), назвавъ І. Христа камнемъ многоцѣннымъ и краеугольнымъ, положеннымъ въ основаніе церкви, Голятовскій примѣняетъ къ нему названіе разныхъ драгоценныхъ камней: карбункула, асписа, шифера, хризолита, берилла, агата, аметиста, смарагда, топаза и магнеита. Порфирьевъ. Исторія русской литературы. т. I. ч. 2, стр. 625. —

3) Lotheissen. Geschichte der französischen Literatur. B. I., seit. 308—326.

4) Mecherziński. Histor. wymowe... t. III., str. 7.

5) См. Терновскій. Руковод. для сельск. част. 1869 г., стр. 578—590.

6) Ключъ, л. 516.

примѣрами. „Если-бы ты говорилъ проповѣдь въ недѣлю 14-ю, имѣя въ виду проповѣдывать и въ недѣлю 15-ю, то, окончивши первую проповѣдь, скажи: православные христіане! приглашаю нашу милость на слѣдующую недѣлю въ церковь; буду раздавать вамъ одежды, чтобы вы были охотны къ благочестію и къ слушанію Слова Божія. Сказавъ это, сойди съ кафедры. А когда придетъ недѣля 15, положи на проповѣди тему: друже, како вышелъ еси сѣмо, не имѣй одѣянія брачна (Мѣ. XXII), и говори такъ: Православные христіане! Обѣщаль я вамъ сегодня раздавать одежды; исполняю свое обѣщаніе; даю каждому изъ васъ одежду брачную, безъ которой никто не можетъ войти на бракъ небесный, упоминаемый у евангелиста Маттея“ и проч. Такихъ маневровъ въ южно-русской проповѣди конца XVII в. достаточно 1). Они свидѣтельствуютъ о разобщеніи проповѣдника съ народомъ. Объ этомъ говорятъ и выборъ проповѣдническихъ сюжетовъ 2), и предписанія слѣдовать извѣстнымъ шаблонамъ 3), и, наконецъ, самый характеръ проповѣди. „Въ надгробныхъ проповѣдяхъ, говоритъ І. Голятовскій, обращай вниманіе на гербъ умершаго... на фамилію... на имя... на возрастъ. Читай въ книгахъ и замѣчай себѣ: какъ долженъ жить священникъ? какъ воинъ? какъ женщина? какъ дѣвица? что они должны соблюдать и исполнять? и доказывай, что покойники именно то соблюдали и исполняли, что требовалось ихъ званіемъ и состояніемъ 4). Побужденія такого „доказыванія“ совершенно понятны.

1) Руковод. для сельск. паст. 1869 г., стр. 628—634.; ср. Руковод. для сельск. паст. 1875 г., стр. 322—324; Порфир. Исторія русской литературы т. I ч. 2, стр. 621—635; Сумцовъ. Кіевск. Стар. 1884 г. № 2 и 3 и др.

2) Ibidem.

3) «Изъ слова на св. великомуч. Георгія, говорятъ Голятовскій, ты можешь составить другое слово на св. Дмитрія, Прокопія, Евстафія и др. мучениковъ; та же будетъ тема; тотъ же экзордіумъ, та же наррація и конклюдін; только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіѣ, ты называй Дмитрія, Прокопія и др.»

4) Ключъ, л. 521—523.

Это общее, какъ во Франціи, такъ и въ Польшѣ—отыскиваніе популярности. Въ Польшѣ проповѣдники, ради популярности, усматривали во всемъ свѣтѣ, старомъ и новомъ, въ Палестинѣ или Турціи, Римѣ, Греціи—польскіе обычаи, порядки и особенности ¹⁾. Во Франціи—героевъ классической древности изображали королевскими придворными съ ихъ утонченными манерами. Въ южной Руси, находящейся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ судовъ, польская судебная практика переносилась въ область абстракцій. „Христе Спасителю“! такъ заключаетъ Антоній Радивилловскій слово на день Іоанна Богослова, „когда изъ сей плачевной юдоли мы будемъ присылать къ Тебѣ молебныя *жалобы*, пріими ихъ въ твою небесную *канцелярію*, *запиши* въ *книги* живота вѣчнаго, утверди *печатью* Твоею, св. Іоанномъ, чтобы, ставши предъ *судомъ* Твоимъ, и имѣя *при своихъ жалобахъ* Твою *печать*, мы могли-бы получить себѣ *надлежащую справу*, и по Твоему Божественному *декрету*, достигли бы царствія Твоего небеснаго ²⁾.

Имѣя въ виду, что нравственно-назидательный элементъ въ проповѣдяхъ былъ незначителенъ ³⁾, съ другой стороны,—что бытовыхъ условій жизни проповѣдь касалась мало ⁴⁾, мы имѣемъ основаніе думать, что въ области южно-русскаго общественнаго самосознанія аристократическія тенденціи, понимаемыя въ смыслѣ образованія и благородства, играли крупную роль. Если обратить вниманіе на духовенство, то увидимъ, что въ то время какъ общественные интересы оно затрагиваетъ только вскользь ⁵⁾, къ богословско-полемиическимъ вопросамъ оно обнаруживаетъ чрезвычайно напряженную чувствительность. Когда въ 1668 г. въ Вильнѣ вышло сочиненіе іезуита Павла Боймы—„*Stara wiara, albo jasne pokazanie, iż ci, co w dysunie*

¹⁾ Bartoszewicz. Historya literatury polskiej., str. 369—370.

²⁾ Огородокъ Маріи Богородицы, стр. 568 и 58.

³⁾ Сумцовъ. Іоанникій Голятовскій. Кіевск. Стар. 1884 г. № 2 стр. 191.

⁴⁾ Сумцовъ. Кіев. Стар. 1884 г. № 3, стр. 565—588.

⁵⁾ Ibid.

trwaia, starey wiary nie maia“,—Барановичъ писалъ Гизелю: „спорный вопросъ, поднятый Боймой, не такой пустой, чтобы православные могли безъ вреда для себя не отвѣчать на него, потому что онъ явно упрекаетъ насъ, будто у насъ не много такихъ, которые умѣли-бы разсуждать правильно“. Посылая въ 1670 г. Софоновичу первую часть своей „Новой мѣры“, Барановичъ просилъ въ письмѣ Софоновича, Гизеля и всѣхъ агументовъ „пересмотрѣть этотъ нощей стоившій трудъ“ и „приложить своего огня, если у кого есть что-либо древнее, достопримѣчательное, то выпутъ изъ ноженъ мечъ и сразиться съ Боймой“... ¹⁾ Въ этомъ воззваніи мы видимъ, насколько духовенство оберегало свои интересы. Если къ этому прибавить, что проповѣдь составляла главное выраженіе литературной дѣятельности южной Руси, при церковномъ характерѣ образованія,—и что остальная литература, заключающаяся въ поздравленіяхъ и виршахъ, за исключеніемъ безстрастныхъ поэтовъ, прославляющихъ церковныя событія, направлялась къ царямъ и „высокопоставленнымъ“ лицамъ, то характеръ южно-русской литературы обрисовывается довольно ярко. Обнаруживая, съ одной стороны, складъ южно-русской аристократіи, съ другой—отстаивая классовые права подъ ферулой общеправославныхъ стремленій, она проявляла ту же обособленность партійныхъ или сословныхъ интересовъ, какъ во Франціи и въ Польшѣ. „Исторія южно русской науки и литературы второй половины XVII вѣка, говорятъ Сумцовъ, свидѣтельствуетъ, что научный прогрессъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ самое плодотворное проявленіе умственной дѣятельности, если онъ не основывается на національной почвѣ и не вытекаетъ изъ всеобщаго, общественнаго и народнаго, прогресса національнаго“. Такой приговоръ совпадаетъ съ нашимъ выводомъ, но только одной половиной. Какъ справедливо указалъ Житецкій въ своемъ сочиненіи—„Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія

¹⁾ Киевск. Старица 1884. № 3, стр. 566.

въ XVIII в.¹⁾),—южно-русская рѣчь не была въ рабскомъ подчиненіи книгѣ; она обнаруживаетъ мѣстами очень близкую связь съ національными особенностями современнаго языка. Слѣдовательно, разрывъ съ національностью—сомнителенъ. Но съ другой стороны, этимъ далеко не доказывается живость и чуткость южно-русской литературы къ современнымъ общественнымъ интересамъ,—и филологическая экспертиза Житецкаго, стремящаяся доказать и этотъ тезисъ²⁾), какъ бы глубоко ни проникала въ морфологію и фізіологію языка, остается конечно не убѣдительною тамъ, гдѣ дѣло касается соціально-политическаго направленія стремленій литературныхъ дѣятелей той или другой эпохи. Жизнь среди народа, гдѣ демократическія интересы иногда одерживали полную побѣду надъ аристократіей, заставляла прислушиваться и приглядываться къ этому дикому, но сильному демосу, волны котораго порой бурно вздымались противъ аристократическихъ тенденцій, смывая и сглаживая съ лица земли вельможныхъ пановъ. Считаться съ народнымъ впечатлѣніемъ было необходимо, по той простой причинѣ, что отъ него часто зависѣла сила и значеніе. Но снисходя къ народу въ оборотахъ рѣчи, литературные дѣятели этого времени далеко устранились отъ него въ выборѣ литературнаго матеріала, полагая книжностью содержанія грань между интеллигенціей и народомъ.

Отсутствіе живого общественнаго интереса и здѣсь выразилось въ такихъ же рѣзкихъ формахъ, какъ и въ Польшѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее стихотвореніе записи XVII в.³⁾

1) Киевская Старина 1888 г. № 1—9 и 12.

2) Киевская Старина 1888 г. № 12., стр. 410—412. «Можно ли утверждать, говоритъ Житецкій, что представители южно-русскаго просвѣщенія были равнодушны къ тому, что внесъ и вноситъ народъ въ христіанское вѣроученіе изъ своей національной жизни? Можно-ли сказать, что они стояли въ сторонѣ отъ этой жизни, какъ посторонніе зрители грозныхъ и многозначительныхъ событий ея?»—

3) В. Перетцъ. Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII в. Извѣстія отд. рус. языка и слов. И. А. Н. 1899, т.

Середъ поля широкого церковка стала,
 Тамъ попада въ церкви людій звабляла.
 Пшышлы люде до церкви Богу ся молаты,
 А попъ пошедь до корчмы горилочку пыты.
 Пошлы люде до корчмы попа выбавляты:
 „Пора тоби, батюхо, обидню спиваты.
 „Чы забыль си, батюхо, що неділя выни?
 „Быты чортомъ, не попомъ, пасты тоби свыни.
 Тамъ попада передъ людьмы пспа оскаржала:
 „Ещемци я такового бачка не выдала,—
 „Препилъ рызы и патрохель, къ тому вси уберы,
 А до того все домовство, конькы и волы“.
 Тамъ попада просыла, щобы попа были;
 Былы попа кіямы, обухамы были.
 Былы попа кіямы, были обухамы,
 Казалы му утикаты до церкви зъ кныгамы.
 Попъ, утикаючи, зронилъ черевыки—
 Обадва му зъ ногъ спадалы, бо были велькы.
 „Змылутеса, мужове, пустите зъ душою,
 „Не розлучайте вы мене зъ мдою попадѣю!
 Да не буду, не буду до корчмы ходыты—
 Буду за васъ и за себе Бога се молаты“¹⁾.

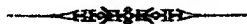
Въ представленномъ очеркѣ мы хотѣли показать, что характеристическія черты польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій обуславливались переживаніемъ особаго момента соціальнаго развитія,—момента практическаго разрѣшенія вопроса объ отношеніи интеллигенціи къ народу, который стоялъ на очереди и въ современной европейской цивилизаціи. Понятно,

IV, кн. 3 стр., 895. Печатаемъ ихъ не въ польской, а въ русской транскрипціи.

¹⁾ Насколько глубоко проникла эта слабость въ малорусское духовенство в народъ, можно видѣть у Голубева и Перетца; см. Малор. вирши и пѣсни въ зап. XVI—XVIII в. Изв. О. Р. Я. в С. т. IV, кн. 3 895—896.

что при слабой государственной регламентаціи общественныхъ отношеній въ Польшѣ и въ южной Руси, этотъ моментъ соціаль-наго броженія выражался въ болѣе рѣзкихъ формахъ и привелъ къ болѣе чувствительнымъ результатамъ, чѣмъ во Франціи или другой европейской „державѣ“.

П. Гавриловъ.



НА ЗЕЛЕНЫЙ КЛЫНЪ!

Комедія у 5 діяхъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Яки вѣ—селянынъ, роки вѣ 80, балакае зъ придавцемъ,
разъ-у-разъ люлька вѣ зубахъ.

Гнать—зять ёго—приймакъ.

Кулына—дочка Якова, жинка Гната.

Носыкъ—селянынъ, роки вѣ 75.

Мыхайло—школяръ, унукъ Носыка.

Трохымъ—парубокъ, молодой Марыи.

Сохвія—удова.

Ганна } — дочки іи.
Марья }

Явдоха—жинка, литъ 40.

Иванъ Ивановичъ—пысаръ.

Воротыленко—пристаркуватый парубокъ, — недавно
повернувся вѣ село зъ мандривкы.

Киндратъ—парубокъ, молодой Ганны.

Старшына.

Десяцькый.

Люде.

Жинкы.

Дивчата.

Онухрій—наймытъ, пастухъ Гнативъ.

Діється за нашихъ часивъ.

ДІЯ І.

Біля Яковои хаты, у садку. На першимъ пляни: справа—прычилокъ Гнатовои хаты, посередыни ворота,—за нымы через кинъ—ліса, у якій колодязь. За лісою садокъ и частына двора.

По предкону справа до ліва—прохидъ, вулиця. —День.

Ява І.

Воротыленко та люде.

В о р. Вирьте Богови, кажу вамъ по правди, по чыстій совисти: гиршого жыття, якъ тутъ, ниде немає... Разъ—тысненіе.

1 ч о л о в. Про тысненіе нічого вже й казаты...

В о р. Вдруге—убожество...

2 ч о л о в. Сами злыдни—куды не подывышся.

В о р. А дали братця, вирьте по совисты, буде ще тиснише, ще скрутнѣше...

1 ч о л о в. Вже-жъ не якъ: мыру намножытса, а земли не прыбавытса.

В о р. Того-жъ я васъ и прысоглашаю теперъ выходыть на Зеленыи Клынь. Перебувавъ я на своему віку по рижныхъ краяхъ,—надывывся, якъ, де нашъ братъ-музыкъ живе—та кращого місця за Зеленыи Клынь не бачывъ. Про той Клынь и въ кныжкахъ пышуть, и въ газетахъ поблыкують; адже, якъ звистно, братця, наши музыкы—темный народъ: ти кныжкы до ныхъ не доходять.

1 ч о л о в. Що зъ тыхъ книжокъ? Отъ, якъ ты своими очыма бачывъ, розказавъ намъ, напутывъ насъ, такъ мы теперь и розибрали, який то Клынь, та якъ до ёго дійты.

2 ч о л о в. Зразу 20 посемействъ згодылись иты.

В о р о т. 20 посемействъ выйде, а бильша частына селянъ zostanieся тутъ, у цѣму тысненіи, у цій бидности. И, вирьте Богови, болыть моя душа за ныхъ.

1 ч о л о в. Сами вынни...

2 ч о л о в. Боятся, бачъ, рушать, остерегаются...

В о р. Неймовирный народъ! Все боятся, що ихъ одурять та що до лыха призведуть... Ну... яка, сказаты, корысть мени обманюваты людей? Хай-бы сказали: «бачъ, людей лидмовляе, а самъ застається!» А то-жъ я першый спродався, першый взявъ билетъ. Була поганенька хатына, бувъ клаптыкъ грунта, и те продавъ. Може мени и гирко було продаваты, може не одну слѣзу зморгнувъ, якъ побачывъ, що новый хазяинъ увійшовъ въ мою оселю.

1 ч о л о в. Кому не шкода своего кутка покидаты? Хай вже Господь того покарае, хто призводить людей до такого горя.

В о р. (*звертаючысь до Ивана*). Ну, чого напрыкладъ тобі, Иване, не выйты зъ трѣма сынамы на Зеленый Клынь? Невже не обрыдло доси купованымъ хлибомъ дитей годуваты та якому-небудь Гнату за упругъ земли передкы цилуваты?

1 ч о л о в. Боже сохрани! Одъ самого Гната треба безвисти тиваты!..

2 ч о л о в. Розорывъ людей въ край!

3 ч о л о в. Треба-жъ було зъ когось потягты ти гроши, що винъ за 6 рокивъ въ банкъ наскладавъ.

1 ч о л о в. Хиба-то винъ гроши у банкъ клавъ? То винъ нашъ кривавый питъ на проценты отдавъ...

Л ю д е. Правда! правда!

В о р. Сами вынни, братця! Якъ такы можна допустыты, щобъ одынъ чоловикъ, одна душа—570 десятынъ въ свои руки захопыла!

Люде. Вроди за уповномошного, щобъ винъ распытався про цину, строкы та рижни умовы...

1 чолов. А винъ найнявъ всю землю на свое имья... Отъ теперь винъ и замыпляе всимъ селомъ, якъ схоче...

Ворот. (до *Ивана*) Бачъ, Иване! Ціле обчество не вдіе ничого зъ Гнатомъ, а ты зостаєшся у такому пекли. Выходь, брате! Хочъ за-рады дитей выходь. Я тоби и купця знайду на твою земельку...

Иванъ. Купецъ тутъ одынъ—Гнатъ. Хочъ за-дешево, а купыть. Не объ тимъ я клопочуся, не того я боюся.

Вор. Не бійся ничого! По правди, по чыстій совисти кажу тоби: гирше, чымъ тутъ, жыття, ниде немає.

Иванъ. Воно-то такъ... не медъ тутъ пьемо, а, бува, ще у гирше вскочу?

Олексій (*що весь часъ слухавъ пыльно розмову Вор. зъ Иваномъ*). А чы не помандруваты, хлопци, и мені зъ вами?

1 чолов. Иды, иды, Олексію! Краще буде, чы ни, а гирше не буде.

2 чолов. И въ пекли гирше не буде: незабаромъ Гнатъ чысто задавить.

3 чолов. Теперь вже насъ не задавить—не досягне на Зеленый Клынь.

Олек. Я охочый теперь иты, такъ баба не хоче...

Вор. „Пытай бабу про борщъ, а не про дощъ!“

1 чолов. Баба щось тямить!..

2 чолов. Не слухай бабы!

Ворот. Якъ ты пидешъ, то и меньчий твій братуха, и буде родына на новому мисци. Не бійся ничого,—кажу тоби по правди, по чыстій совисти: я той Зеленый Клынь и вдовжъ, и впоперекъ сходявъ—знаю, де-якый струмочокъ протикае, де-яка рослына проростае. А степу того, степу—якъ море!

Люде. Иды, Олексію! Не слухай *Ивана*! то така людына, що и батькови ридному виры не пойме...

Иванъ. А вже-жъ и батюшка умовлялы вчора людей не выходыты.

Люде. Ще-бъ панъ-отець присоглашавъ людей выходыты? Зъ чого винъ и жытыме, якъ никого буде ни хрыстыты, ни ховаты?

Вор. Батющи великый уронъ выйде видъ того, що па-рафія зменьшытыся—ничого ёго и слухать, а мени яка корысть обманюваты васъ?

Олек. (до Вор.). Такъ Гнатъ згодытыся, кажешъ, купыть мою землю?

Вор. Купыть, кұпыты!

Олек. Скільки тобі завдатку давать?

Вор. По 3 карбованця видъ чоловіка, та по 1 карбованцю видъ дытны та бабы.

Иванъ. Куды-жъ воно ци гроши пидуть? Воротыленку за клопоты, чы що?

Вор. Мени? Хиба на мени хреста немає? Я свои кривни гроши выстрачую на марки, а то-бъ я схотивъ зъ людей брать за клопоты...

1 чолов. Винъ тыхъ грошей переславъ на Зеленый Клынь мабуть чы не зъ-тысячу?

Ворот. Вирьте совисти: пивъ-сврыни самыхъ квыткивъ зъ почты...

Олек. Ось на 3 карб. за мене, 2—за детей, а 1 карб. за бабу (дае).

Ворот. Я тобі сёгодня и росныску дамъ...

Люде. Отъ и слава Богу,—ще одынъ йе... Иды бо й ты Иване!

Иванъ. Ни, мабуть.

Вор. Неймовирный чоловікъ. Тоби хочъ присягайся, хочъ божыся—виры не поймешъ! Кто-жъ я тобі такой? обманщыкъ? твоею троячкою хочу поживытысь..

Люде. Вольному воля... Може ёму Гнатъ золоту труну справыть... (Иванъ ображенный иде ить).

Ворот. Вы вже, братця, дайте Гната на мою ручъ: я зъ нымъ побалакаю! Я ёму прыгадаю вси мошенства,—якъ винъ

прибывся сюды рубецъ на рубци и якъ шахрайствамы насмоч-
тався нашої крови.

Л ю д е. На тебе вся надія.

Ява 2.

Ти-жъ и Якивъ.

Я к и в ъ (*выходить изъ хаты*). А що, бисъ вашому батькови, дошкулылы, оводы? напала дроковыця? Мабудь и я старистью задеру хвистъ та подроцуся за вами ажъ на Клынь!

В о р. Вамъ, диду, и тутъ добре: маєте свій кутокъ, свій шматокъ, ще й людямъ пособляете!

Я к и в ъ. Сто купъ чортивъ твоему батькови зъ твоимъ шматкомъ та куткомъ! За тымъ зяткомъ собачымъ вже и мени неможна на свити жыты.

В о р т. А на вищо ёму волю дали? Чому спочатку не привернули?

Я к и в ъ. Хай ёго нечыста сыла скрутыть. Хиба я знавъ, яка сатанюка въ ёму сидыть? Коли вже миръ, обче-ство не вдіе ёму ничего, такъ куды вже мени одинокому злы-гаться зъ нымъ! Навыдурювавъ въ мене векселивъ, сто купъ чортивъ ёго батькови, заграбывъ мою батькивщину у свои руки—незабаромъ и мене зъ хаты вижене.

1 ч о л о в. Вамъ того не буде, а намъ и теперъ жыття немае.

2 ч о л о в. За 6 рокивъ ёго аренды—чысто хазяйства збулыся...

Я к и в ъ. Попсувавъ людське жыття, якъ той шашель по-точывъ, щобъ ёму червы утрунокъ поточылы... треба тикать звидсиль, та й край!

Л ю д е. Отсе и тикаймо, диду! На край свиту тикаймо—спасыби Воротыленку, що напутывъ насъ...

Ява 3.

Ти-жъ и Гнатъ та пысарь.

Г н а т ъ. Здорови булы, господа переселенци! По диламъ якимъ до мене?

В о р. Дило наше коротеньке, Гнату Трохымовичу...

Я к и в ъ. Не велычай ёго, сто купъ чортивъ ёго батькови, по батюшци...

1 ч о л о в. Цытьте-бо, диду, хай Воротыленко каже.

В о р. Якъ тоби самому звистно, люде ци выходять на переселеніе и имъ та земля, що вони нанялы у тебе, безъ надобности.

Г н а т ъ. Вони вже ту землю передалы другимъ арендаторамъ.

В о р. Передалы, и нови арендаторы тоби вже и задатокъ внеслы.

Г н а т ъ. Ну?

В о р. Такъ ось люде прохаютъ твоеи ласкы, щобъ ты имъ повернувъ по 4 карбованци видъ десятины, що тоби вони внеслы впередъ за аренду.

Г п а т ъ. Грошей я не верну.

В о р о т. А мы такъ думаемъ, що ты, якъ совистный чоловікъ, не схочешъ двичи зо одну и ту-жъ десятину брать.

Г н а т ъ. Дурень думкою багатіе!

В о р о т. Гнате Трохымовичу! Громада тоби не дурень!

Я к и в ъ. Ачъ! чортъ-бы вбывъ ёго батька! Оголывъ, обибравъ людей, та ще й лается!

1 ч о л о в. Цытьте, диду!

В о р. Ты, Гнате Трохымовичу, послухай, що я тоби скажу по правди, по чыстій совисти. 6 рокивъ тому назадь люде выбрали тебе за уповномошного, бо ты доводывся зятемъ Якову.

Я к и в ъ. А, щобъ винъ не диждавъ, сто купъ чортивъ ёго батькови!

П ы с а р ь. Вамъ, диду, може тутъ и дила немає?

Я к и в ъ. Матери твойй ковинька! Тоби чы й е, чы немає дила, а я—тутъ хазяинъ! Я, якъ схочу, то утру носа твого кырпатаго! Мій зять обмошенничавъ все село, нанявъ на свое имья ту землю, що селяне доручылы ёму наняты для всёго общества, та ще мепи и дила немає?

Люде. Погодить трохи, диду!

Якивъ *(махнувъ рукою, иде въ хату)*.

Ворот. Невже ты, Гнате Трохимовичу, завладившы 570 десятинами и совість загубывъ?

Гнатъ. Я загубывъ? А ты мабудь знайшовъ іи? Ха! ха! ха! Гляды лышень, щобъ ты зъ гымы троячками, що зъ людей збираешъ, часомъ и головы не загубывъ!..

Пысаръ. Це вы напрасно конфузите чоловика: винъ на гроши роспыскы дае...

Вор. Я на ти троякы роспыскы даю, а ты взявъ за 570 десятинь 2000 карбованцивъ, та жодного документа не давъ...

Люде. Правда, правда! Воротыленко хочъ и бере гроши, такъ роспыскы дае...

Гнатъ *(передражнюючы)*. Роспыскы, роспыскы!..

Пысаръ. Роспыскы по хворми...

Гнатъ. А я не хочу ни роспысокъ давать, ни грошей вертать. Я не сылувавъ никого землю брать, не сылувавъ и теперъ кыдаты: схотилы — взяли; не схотилы — покинули, побиглы за Воротыленкомъ на Зеленый Клынь — мени ще краще.

1 чолов. Бодай тобі такъ хотилось помирать, якъ намъ хочется кыдать свои пывы! Горе, лыхая година та недостатки жепуть насъ на той Клынь!

Гнатъ. Чого видъ моеи души вамъ треба? Грошей я вамъ не верну, бо по закону задатку я не повиненъ вертаты. Не гайте мене, бо мени ще скрутнишъ, ніжъ вашому Воротыленку зъ ёго троячками. *(До пысара)* Выймайте, Иванъ Ивановичъ папиръ та пышитъ завдаточну Матвію.

Олексій. Я здатенъ продать тобі мою пыву.

Гнатъ. Огъ и добре. Иды-жь сюды! Пышитъ-же Иванъ Ивановичъ, попередъ запродажню Олексієви... Кулыно, несы 2 дзыглыкы! *(Кулына выносыть)*.

Гнатъ. Пышитъ, та й проказуйте, щобъ и мы зъ Олексіємъ чулы... *(Сидает, за нимъ сидает пысаръ. Олексій выступает до столу. Люде стоять зажурени)*.

Пысаръ *(почынает пысать)*. 1899 года, апрѣля 8 дня, я ныжеподписавшійся...

Я к и в ь (*выходе зъ хаты*). Чого вы стоите на ногахъ, щобъ вони вамъ посохлы! Антыхрысты сидять, а вони стоять.

1 ч о л о в. (*до людей*). Якъ, хлопци? Будемъ сидать, чы будемъ тикать?.. (*Люде мовчать зажуруени*).

П ы с а р ь. Олексій Гаврыловичъ Горленко...

2 ч о л о в. Ты, Гнате, намъ хочъ по 3 карбованця верны.

П ы с а р ь. Продаю свій участокъ земли...

1 ч о л о в. Визьмы, Гнате, по 1 карб. одъ десятины, а ти намъ верны...

П ы с а р ь. Находящейся въ урочищѣ...

В о р о т. Люде прохають тебе вернуть имъ по 3 карбованця.

П ы с а р ь. Мѣрою, примѣрно одна десятина....

1 ч о л о в. Хочъ-бы по 2 карбованця вернувъ.

В о р о т. Явы божеську мылость—верны, Гнате Трохымовичу, хочъ по 2 карбаванця: имъ путь далекий—кожна копійка у прыгоди стане.

П ы с а р ь. Помежныкы сѣго участка—земля крестьянина...

Я к и в ь. Чы ты оглухъ, щобъ тоби позакладало, чы оинивъ, щобъ тоби заципыло... Чого ты сыдышь, щобъ гы камнемъ сивъ нерухомымъ,—чого людямъ не видмовляешъ ничего?

П ы с а р ь. Кузьмы Тарасовыча Грушки—зъ одной стороны...

Я к и в ь. Заплюйте отгій собаки дворовій, отому голодранцю, тому прыймаку собачому очи та ходимте до Земського правды шукаты...

Л ю д ь. Ходимте, братця!

В о р о т. Може ты такы, Гнате Трохымовичу, надумався?

Г н а т ь. Мидного шага не верну!!!

Я к и в ь. Хай-же ти мидни шагы тоби болячками повыступаютъ! Ходимте до Земського! Иды и ты, Олексію, зъ нами!

О л е к с і й. Хай, мабудь, моя купча пидожде. (*Идутъ*).

Ява 4.

Гнатъ та писарь.

Г н а т ь. Невже вони пидуть до Земського?

Пысарь. Безъ вниманія...

Гнатъ. А може йе такый законъ, що я повиненъ вернуты?

Пысарь. Никотораго закону. Задаточна сумма вполни припадежить вамъ, хоча наемъ и не состоявся. Окромъ того, вони не пйдуть, бо Воротыленко ихъ не допустыть.

Гнатъ. Не допустыть? Гм... и що воно за людина, отой Воротыленко? Морока ёго розбере! Иноди я слухаю ёго та только дывуюсь самъ соби: яка ёму охота оттакый клопотъ на себе брать, яка ёму корысть зъ тыхъ переселенцивъ? А иншый разъ, якъ зазырну ёму у вичи, якъ подывлюся, якъ ти очи бигають и сюды, и туды, ажъ до неба пидводятся, такъ и не те подумаю.

Пысарь. Да... чоловікъ—що орихъ: роскусы спервоначалу, а потомъ и скушай....

Гнатъ. Отъ-же люде ёго слухають. Вчора я такъ, на смихъ сказавъ Воротыленку: „набираешъ новобранцивъ, а Олексія и не пидмовышъ“, колы вже сёгодня Олексій земельку продае—мабуть походывъ Воротыленко вчора била ёго.

Пысарь. Да, да... вамъ зъ переселенцивъ достаточна польза. И особенно, ежели вы познакоमितесь краще зъ Воротыленкомъ. Не совитую вамъ зъ нымъ сварытися.

Гнатъ. 20 десятины земли, та 2 грунта прыкупывъ—опъ якъ! Ще колы-бъ Иванову пывку... я вже Воротыленку натакнувъ на Ивана.

Пысарь. Да, да... для денежнаго чоловіка переселенци выгодна штука. Уменьшится, правда, народонаселенія!

Гнатъ. То що? абы корыто, а свыпи будуть. А знаете, Иванъ Ивановичъ, яка теперь мени въ голову думка засила? Не одгадаете? Сохви́ну леваду купыты!

Пысарь. Не продасть!

Гнатъ. То-жъ то и горе мое, що не продае. Вже я прохавъ, вже я умовлявъ—не вдію ничего, уперлась: „не продамъ своєї матерызны“, та хочъ ты їи печы—одно товче... А я безъ тіи левады, якъ звязаний: кругомъ куплени грунты, а посередыни—ота левада!

Пысарь. Да... выходить, земля не по хворми.

Гнатъ. То-жъ то йе! Думавъ вже я, думавъ,—цилу ничъ продумавъ, та ничего и не придумавъ. Може вы що-небудь пры-розумієте? Вы на те мытець! Ось подумайте: лкымъ-бы чыномъ оту кѣпостну бабу звидсиль подали? Я вже хотивъ Воротыленку слово закынуты, 25 карбованцивъ не пошкодую, їй Богу.

Пысарь. Трудненько! Огъ, колы-бъ їи на Зеленький Клынь.

Гнатъ. Тю... у! Зъ 6 дочкамы? Що се вы?

Пысарь. Трудненько! треба подуматы... Однече, я думаю, возможно...

Гнатъ. Ну?

Пысарь. Цраве слово, возможно.

Гнатъ. Голубчыку! Повирьте: проклита левада у печинахъ сыдыть—черезъ неи вся земля не по хворми...

Пысарь. Да, правильно, стало быть, хвормальности не яміється...

Гнатъ. То-жъ то йе! Якъ на мою натуру, то я здатенъ и 30 карбованцивъ вамъ за труды дать.

Пысарь (*протягиве руку*). Иде! 30 карбованцивъ та мого-горычь.

Гнатъ. О? Вже щось надумалы. По очахъ бачу, що надумалы! Ну й голова! Ну й голова! Поки до мого-рычу, пропу-стымо по чарчыни заравъ... За-для хвантази? Идѣть? (*Пишлы въ хату*).

Я в а 5.

Марья (сама).

Марья (*выходить зъ видрамы до колодязя*). Никогисинько.. (*озырается*)... Отъ-бы! А ёго нема! (*Выляда*). Казавъ, що буде йты поузь Гвата.. И, Господы, якъ я ёго кохаю!.. А винъ?... (*замышляется*) Дурна я проты ёго... Винъ—то про кныжки, то про людей... то про таке, що й не второпаю... А запальный, ажъ кыпыть... Ой, Господы, Господы! (*По паузи тыхо спива, а дали смилывище*).

Зеленая лищынонько, чомъ не горышъ та все курышся?
 Ой, молодая, та дивчынонько! чого плачешъ, чого журышся?
 Якъ бы-жъ я була сухою, я-бъ горила,—не курылася:
 Ой, якъ бы знала, що за нымъ я буду,—не плакала-бъ и,
 не журылася!

Я в а 6.

Марья и Трохымъ.

Трохымъ (*пидкрадається*). Чы ба! Онъ хто? А я соби
 думаю, який-то соловейко не въ пору!

Марья. Трохyme! Голубчыку!... А я все ждала...

Трохымъ. Задёржалы...

Марья. Уси до тебе, и ты до всихъ!.. а до мене й часу
 нема...

Трохымъ. Ремствуешъ? Якъ-бы я на баловство яке часъ
 тратывъ, чы тамъ на яку втиху... ну, то ще-бъ нарикаты можна,
 а ты сама знаешъ, що всяке обчеськѣ лыхо мене за печинкы
 бере...

Марья. Такъ те-жъ лыхо не свое, а чуже...

Трох. Не говоры такого: не чуже, а свое! Хиба-жъ се-
 ляне не ридни намъ? Одно обчество, одна симья... Тилько ра-
 зомъ, дружно и можна видъ напастныкивъ боронитись... Та й
 то визьми: колы сусидня хата горыть, то треба їи гасыты, а
 то за нею пиде й все село...

Марья. Господы, який ты розумный!.. А тилько-жъ и
 мени хочется зъ тобою постояты, побалакаты... бо такъ нудно...

Трох. Ни! Ще може й обрыдну... адже-жъ цилый виеъ
 будешъ зо мною балататы, якъ Богъ поможе...

Марья (*прыпада*). Не обрыднешъ! Зотлію видъ щастя!

Трох. Зозулько моя! (*Обнима*).

Марья (*лукаво*). А Ганна вже подала рушныкы... Такъ
 маты казала, щобъ ждалы другои пары... Щобъ разомъ весиля.

Трох. То чы не засылать свативъ и мени,—якъ думаешъ?

М а р ь я (*соромляво*). Це-жъ тоби думаты?.. Я тилько ва-жу, що маты-бъ тенерь охитниши...

Т р о х. Ну, такъ я заразъ и пиду...

М а р ь я. Постій-бо ще... Хочъ хвылынку...

Т р о х. Краще урваты хвылынку на дило: до матери, до старостивъ... щобъ заразъ... та ще онъ про того вертыхвоста роспытать: збунтувавъ циле село и зъ пысаремъ щось шахрують... Ну, я—не я, колы не досвидчу цѣго мошенства!

Я в а 7.

Ти-жъ и Явдохъ.

Я в д о х а. Ахъ, голубьята... злетилсь до крыныци побуркотаты...

Т р о х. Це я пытавъ, чы маты іи дома?

Я в д о х а. А може й мени зайты слово закънуты?

Т р о х. Що-жъ, будьте ласкави! (*пишовъ*).

М а р ь я. Матери тилько до вечора дома не буде... (*Пишла зъ видрамы*). Не двзонить, тилько, титочко!

Я в д о х а. Пары зъ вустъ не пуцу... Я тилько до Кулыны на леваду... (*пишла черезъ ворота въ садокъ*).

Я в а 8.

Якивъ, Носыкъ, Михайло.

Н о с ы к ь. Эге, эге... и въ Святому Пысаніи слазано: „не мечить бисеру“...

Я к и в ь. Чортъ-бы вбывъ ёго батька, ничего не вдіешъ—пропалы людськы гроши. Воротыленко важе, що не вартъ и до Земського ходыты, бо и Земскій не вдіе ничего. Тривай-же, сто купъ чортивъ твоёму батькови,—я тоби виддячу (*до Михайла*). Сидай тутъ на прызъби та пышы. (*Самъ сидае на колоди, курить люльку*).

Н о с ы к ь (*заходьтъ, показуе Михайлу друтый дзымыкъ*). Эге, эге... Ось дзыглыкъ, папиръ, ось перце, ось чорныло. Не хапайся, не поспишайся!

Я к и в ъ. Почынай!

Н о с ы к ъ. Слухай, Михайлыку, пыльно слухай, та спысуй. (до Якова). Винь у мене, хвалить Бога, не-абы який... эге, эге... грамота, чистопысаніе, всячеськи науки ёму у дило пишлы.

Я к и в ъ (нетерпляче). Пышы. Одказую все свое имущество, всю свою худобу, писля смерти мои, хрещеници свой Ганни Тymoхвiевни. Хай вона та диты іи пожывуть те, що я прыдбавъ за свій викъ. Хай вона бере и коривъ, и воливъ, и коня, и оведъ, и все те, що въ хати и биля хаты, а та дворова собака, мій зятёкъ, чортъ-бы вбивъ ёго батька...

Н о с ы к ъ. Ось слухай-бо, Якове,—не въ гнивъ тобі буде, що скажу: не годытся, не подоба у тастаменти своему духовному таки богомерзськи слова вжываты. Слово—тежъ гострый мечъ,—нымъ пропзаются сердца.

Я к и в ъ. Чіе сердце? Оттого харцызынка; оттото катюгы? (до Михайла). Пышы дали: И одказую свое поле—15 десятинь, свій синокись и гай свій хрещеници мой Ганни Тymoхвiевни, а тыхъ векселивъ, що выдурывъ у мене мій зять, Гнатъ, щобъ не зыскать, бо винъ самъ мошеныкъ, и ти вексели мошенськи, бо я грошей у ёго, голодранца поганого, ни колы не бравъ и не повыпенъ выдаваты.

Н о с ы к ъ. Эге, эге... не повиненъ.

Я в а 9

Кулына, а за нею Явдоха (надходятъ зъ-заду).

Я в и в ъ. И я ёго проклинаю; и колы-бъ у мене не болилы ногы та поперекъ, то я-бъ ёго ще у вязныцю заперъ, бо прысягну, що то винъ колысь покравъ въ экономіи залызни зубкы зъ боринъ.

К у л ы н а. Тату! Бога бійтеса; отаке запысуваты!

Я к и в ъ. А дочци свой, Кулыни Яковлевни, запысую те, у чымъ стоить: щобъ не брала ни одежи, ни полотна, ни пряжи, бо вона тежъ нестоюща ничого.

К у л ы н а. За вищо вы гниваетеся на мене? Чы мени змататься зъ чоловікомъ?

Я к и в ь (до *Михайла*). Пышы вже. Чы довго ты тамъ перевертатымешъ?

Н о с ы к ь. Неможна такъ, погоды. Эге, эге... земелькою прытрусить. (*Трусить, осторожно перевертае папиръ*).

Я к и в ь. Одпысую все хрещеныци свой, Ганни Тимохфиевни. Та щобъ ёго, отту дворову собаку, оттого прыймака бисового, щобъ до моеи труны не допускалы, бо винъ и до прычастія иде зъ цыгаркою въ зубахъ, и пятныци не держыть, якъ той бусурманъ поганый.

Н о с ы к ь. Эге, эге... А ты, Михайлыку, не помыляйся, де „ерь“, де „еры“ та змягчай, змягчай.

М ы х а й л о. Аджэ я, диду, напысавъ: „пятвыци не держыть“.

Н о с ы к ь. Эге... эге—по науци.

Я к и в ь. Чорты батька-зна що верзешъ. Пышы такъ, якъ я проказую: „пятныци не держыть“.

Н о с ы к ь. Безъ гнева, безъ серця...

Я к и в ь. Весь хлибъ, все борошно, що по кухзахъ та засичкахъ одпысую тежъ людямъ.

К у л ы н а. То-бъ то вже намъ зъ голоду пропадаты (*плаче*).

Я к и в ь. А колы та прыблуда, та дворова собака пидъ тыномъ пропадатыме, то щобъ ништо шматка хлиба не подавъ. Такъ и пропусуй: Якивъ забороняе пособляты Гнатови, або годуваты ёго,—хай ёго червы такъ пойдять, якъ винъ людей йистъ; хай випъ такъ по правди пропаде, якъ по правди живе; хай ёму отти проценты, що винъ зъ людей дере, болячками повыступаютъ (*встае*). Оце и край! Давай духовну.

Н о с ы к ь. Погоды, погоды, ще треба пидписысаніе зробыты и волостну печатку...

Я к и в ь. Ну, такъ ходимъ до волосты!

К у л ы н а (*плачучы, иде въ хату*).

Я в д о х а (*наблѣжается до дверей, щобъ пидслухаты, а колы почула, що йдутъ, видскочыла и потягла до воритъ*).

Я в а 10.

Явдоха, Гнатъ та писарь.

Г н а т ь (*у двери*). Ну, вже завела! Геть соби зъ своимъ батькомъ... тутъ діло, а тутъ тобі баба—не люблю!

П ы с а р ь. Н-да... бабское діло особъ стаття... (*мянувши*). А генъ и Явдоха!

Г н а т ь. Це ты, Явдохо? Отъ и добре. А йды, иды сюды! Давно хотивъ я съ тобою побалакаты.

Я в д о х а (*наблизжаючысь*). Иду, иду, серденько. На вищо я тобі, голубе мій, здалася?

Г н а т ь. А скажи мени: якъ ты на суди показувала?

Я в д о х а. Колы?

П ы с а р ь. По ділу Кисленка та Гната Трохимовыча.

Я в д о х а. Моя голубьята! Я не була й на суди.

П ы с а р ь. Якъ, не була? Оце штука! А кого я тричи за рукавъ сипавъ?

Я в д о х а. Такъ, такъ, була... вбигла на часыночку, та й побигла зразу до-дому, бо у мене саме хлибъ у печи допикався, а вже той святой хлибець, якъ передержишь у печи...

Г н а т ь. Такъ, такъ... балакай, замовляй зубы! Ты була на суди до самого кинця и показала, нибы-то не чула, щобъ Кисленко лаявъ мене.

Я в д о х а. Бо такы не чула, серденько! Не чула, хай я прахомъ розсыплюся передъ тобою, не чула! хай свята земля розступытся передо мною.

Г н а т ь. Ты-жъ мени сама казала, якъ землю наймала, що Кисленко мене мыройидомъ называвъ.

Я в д о х а. Называвъ, называвъ, серденько. Що казавъ—то казавъ, того и таиты не хочу. Чы винъ мени братъ, чы винъ мени сватъ, щобъ я ёго покрывала?

Г н а т ь. А дворовою собакою не называвъ?

Я в д о х а. И дворовою собакою, та ще скаженюкою, матинко, называвъ. „Нема, каже, жыття тому нещасному диду Якову че-

резь ту дворову собаку"; „передуштыб“, каже „ота скаженюка всю громаду, все обчество“.

Гнатъ. Ось бачь!

Явдоха. А щобъ винъ тебе якъ лаявъ, або пондсывъ... такъ, хай я оце й до-дому не дійду, колы що чула. Не те що..., а хочъ запрясягну, хочъ Вангеліе зразу цилуватыму.

Гнатъ. Ты-жъ ось и теперъ кажешъ, що винъ мене „скаженюкою“ называвъ?

Явдоха. Называвъ,—не хочу й гриха на душу брать,—не хочу й брехаты. А щобъ винъ тебе якъ лаявъ...

Гнатъ. Пфу! Лыстопадна, оглашенна баба! Чуєте, Иванъ Ивановичь!

Пысарь (*ходить весь часъ по кону, муркующи про себе*). Не перебаранчайте, Гнате Трохымовичу, моихъ рассужденійвъ. Комбынація одна прыйшла въ голову.

Гнатъ (*до Явдохы, строго*). Якъ-же ты сміла показаты на суди, що не чула, що винъ мене лаявъ?

Явдоха. Бо такы не чула, серденько! Хай мене зайіна визьме, колы я що чула. Хай я святой недиленькы не дижду, хай мене свята пятинка покарае!

Гнатъ (*роspалывшись*). Ты мени казала, що винъ мене и злодіємъ называвъ!

Явдоха. Обзывавъ злодіємъ, сердце, обзывавъ. „Цей“, каже „злодій середъ билого дня у обчества аренду выкравъ“.

Гнатъ. Чого-жъ ты всихъ ёго сливъ та на суди не переказала?

Явдоха. Не пыталы мене, сердце, то и не казала. Колы-бъ мене запыталы такъ, якъ оце ты, поздоровъ тебе Боже, мене пытаешъ, то я-бъ и сказала. А то поклыкавъ тилько мене суддя, та й пыта: „Чы ты чула, що Кисленко Гната лаявъ?..“ А я кажу: „ни“, бо—хай мене посудомыть, хай мени хата згорыть, колы я опричь цихъ сливъ, що тоби переказала, яку лайку чула...

Гнатъ. Лукава баба! Тоби Кисленко мишкомъ пшеници вуха позакладавъ, такъ ты и не чула...

Явдоха. Охъ, мени горенько! Хто тобі це набрехавъ? Хай я передъ тобою прахомъ розсыплюся, коли брешу: одному мирочку пшеници насыпавъ, та й ту лопаткою стеркнувъ...

Гнатъ. Чуєте, Иванъ Ивановичъ! Чуєте, яке правосудіе? Миркою пшеници купують собі свідкивъ!! А я-жъ тобі полтыпныка зъ аренды за вищо збавивъ? Зарады того, щобъ ты за мене па суди руку потягла, а ты опъ якъ! Давай-же теперь того полтыпныка назадъ,—черезъ тебе я трохи не zostався на суди вынуватымъ.

Явдоха. Ты вынуватый? Крый маты Божа, Царыця Небесна! Того николи не було, и до вику не буде, щобъ ты zostався вынуватымъ. Мало у тебе заступныкывъ та порадыкывъ? Поздоровъ Боже Ивана Ивановича—воны самы тебе зъ некла вызволятъ!

Гнатъ. Иванъ Ивановичъ! Годи-бо вамъ бигать: послушайте, що Явдоха каже. Кумедія зъ нею, ось идить сюды! (*тягне Ивана*).

Пысаръ (*остороняючысь*). Дозвольте-бо, не перебаранчайте моихъ розсужденіивъ...

Гнатъ. Бачъ, яке правосудіе! Ну, йды! И-къ вечору,—щобъ булы гроши!

Явдоха (*идучи*). Розсердився, розгнівався, а за вищо?

Гнатъ (*у слидъ*). И-къ вечору—гроши!

Пысаръ. Тее... Дозвольте, Гнате Трохымовичу! Одна комбынація! Авдотія Михайловна, вернися—сидайте! Вы, Гнате Трохымовичу, застаєтеся пры своєму законному основанію сердытыся на свою сусидку, я-же—сторонній чоловікъ и даже одчасти благожелатель весьма поважаемой Авдотіи Михайловны.

Явдоха. Голубе мій! Я-жъ у твоєи сестры бабувала.—Такого гарпенького хлопчыка пославъъй Господь.

Пысаръ. Достаточно знаю: це мій крещеныкъ. И вотъ въ благодарность за ваши труда хочу одкрыть вамъ одынъ секретъ. Только секретъ цей...

Явдоха. Не скажу нікому, пидъ огнемъ, пидъ зализомъ мовчатому. Ось Гнатъ сердытыся на мене за те, що я на суди

мовчала, а я зроду така небалакуча. Въ мене и маты булы и весь ридъ такий... Я и небози свой наказую разъ-у-разъ: „глады, дочко!!..

Пысаръ. Про вашу небогу и ричъ моя...

Явдоха. Я согласна, согласна! Хай Богъ помагае. Якъ що парубокъ пидхожий, не ледачий, не пьяныця...

Пысаръ. Конечно, конечно... тилько це описля. Теперъ скажить меня: вы свою небогу дуже любите?

Явдоха. Боже мій! Де-бъ то не любыты? Що у людей по 6 ридныхъ дитокъ, та й то вони въ ныхъ кохаються, а у мене-жъ вона одна одыначка, сестрына сыриточка,—души въ ній не чую. У неї заболыть пальчыкъ, а у мене—серце. У неї—голивонька, а у мене душа охолоне...

Гнатъ. Що це за розмова? И къ чому вона?

Пысаръ. Сказавъ вамъ: комбынація (до Явдохы). А багачко втрачається на пей?

Явдоха. Охъ! и не пытайте! Чы повирыте, мои голубьята, самыхъ спидныць цей рикъ на 3 карб. зносила,—ось, щобъ я луснула, колы брешу. Колы-бъ моя воля, то я-бъ оти спидныци и носыть заборовыла.

Пысаръ. Ну, я вамъ зразу пособлю, Авдотіє Михайловна (вытягае бумагу). Бачылы цю бумагу?

Явдоха. Що-жъ воно за бамага!

Пысаръ. Видгадайте!

Явдоха. Про спидныци.

Пысаръ. Ни, краща... Далеко краща...

Явдоха. Про землю нидъ зализныцю.

Пысаръ. Краща!

Явдоха. Охъ, моя матинко! Про кытаянцывъ!

Пысаръ (здывовано). Про якыхъ кытаянцывъ?

Явдоха. Невже не знаете? Незабаромъ звидкилясь привезутъ багачко кытаянцывъ: на кожну хату по кытаянцю.

Пысаръ. На-вищо?

Явдоха. Щобъ робылы. Тамъ-же, кажуть, таки робочи, таки хлибробы, що кращыхъ не зискать, а йидци таки, що и за кошени не зйидять... Та неуже такы вы не чулы...

Пысарь. Ахъ! такъ, такъ... я и забудся... Адаже ця бамага ще краше за кытаянцивъ...

Явдохъ. Охъ, моя матинко!

Пысарь. Це не бамага, а щастя...

Явдохъ. И, Господы!..

Пысарь. Тилько прохаю васъ, Авдотія Михайловна, ни слова никому не переказуваты. Це я вамъ тилько за-рады хрещенька...

Явдохъ. Та побый мене сыла Божя! хай передо мною земля розступится... Моя и маты була, мій и ридъ увесь...

Пысарь. Достаточно знаю и покладаюся на васъ. Сидайте-жъ та слушайте бамагу. Слушайте и вы, Гнате Трохимовичу, бо и вы не чулы сёго цыркуляра...

Явдохъ (*сидает*). Моя й матинко, цвинкуляръ.

Пысарь (*читает*). Конфинціальный, секретный правительственный циркуляръ и предписаніе волостному правленію Новинской волости за № 20 (*одкашливается, читает дами выразно. Гнатъ здывованный. Пысарь ёму моргает*). У выду того, що на Амурскій край, а равно и Зеленый Клинь переселяется только мужескій полъ и при томъ въ вполни достаточномъ количестви и даже зъ избыткомъ, объявляется, що за недостаткомъ женскаго полу изъ дивыць, присоглашаются туды на Зеленый Клинь, дивыци зъ такимъ рощотомъ, що за кожну дивыцю казна выдае родителямъ по сто рублей серебромъ.

Явдохъ (*сплескуе руками*).

Пысарь (*читает*). А дивыци присоглашаются сочетаться немедля законнымъ бракомъ зъ вполни дастаточными женахы, при чемъ дается имъ по 2 кытаянца для всяческихъ работъ...

Явдохъ. И, голубьята мои! Оттаке щастя!

Пысарь (*читает*). У случаи-же зъ дивыцями прибуде маты ихъ ридна, котра состоитъ у вдовстви, то женихъ, окромя вышенпрописанныхъ 100 рублей, обязуется пидпыскою при волостномъ правленіи давать вдовствующей свекруси ежемисячне пропитаніе и подобающе содержаніе въ одежи...

Явдохъ. А кытаянцивъ свекруси вже и нема: хай сама робыть.

Пысарь (*доchyтyе*). И по одному кытаецю.

Явдоха (*зъодчаемъ*). И, голубяточки-жъ мои! Про самыхъ дочокъ прописано, а про небогъ—ничого..

Пысарь (*ударяе себе по лоби*). Отъ тоби и разъ! Я и забувся, що у васъ дочки немае. Ахъ, досада, досада!

Явдоха. Може воно можна зъ небогы на дочку перепысаты. Не дурно кажутъ: „не то маты, що на свить породыла, а то, що выгодувала; а я-жъ за нею побывалася, я-жъ на неи утрачалася..

Пысарь. Ни, ни, це невозможно. Колы-бъ можна було, то-бъ я зъ своею сестрою та матирью всихъ своихъ небогъ вырядывъ.

Явдоха. А сестрыця ваши пйдуть?

Пысарь. Немедля.

Явдоха. Отаке людямъ щастя: по 100 карбованцивъ, ще й по 2 кытаеци. Це, якъ-бы Сохвiя дизналася..

Пысарь. О! я такъ и знавъ! Зразу побижыте до Сохвiи зъ секретнымъ циркуляромъ, и тоди я пропавъ: вона якъ рушыть зъ своимма 6 дочкамы, то ни мойй сестри, ни маминьци не буде мисця.

Явдоха. Боже бороны, щобъ я iй сказала.

Пысарь. Одже голову пидъ закладъ виддамъ, що скажете Сохвiн... У неи дивочои одягы до-ката, то вамъ зручно, щобъ вона спродувалася.

Явдоха. Нўжна мени iи одяга! У мене самой, абы носыла! Прощайте!

Пысарь. Глядять-же, прохаю васъ, про циркуляръ ни слова.

Явдоха. Ни, ни, ни! Никому! (*швыдко iде зъ кону повзъ хату*).

Я в а 11.

Гнатъ та пысарь.

Г н а т ь. Ха—ха—ха! Ажъ теперь я розибравъ. Та й штуку жъ вы пидвели.

Пысарь. Комбынація—ха—ха—ха! Я такъ и знавъ, що влюне! Побигла на село, и въ хату не зайшла... Теперь можна и запить циркуляръ...

Гнатъ. Зъ дорогою душею. У волость?

Пысарь. Резонъ!

Гнатъ (*рушають, обнявшись*). Та й голова-жъ у васъ, Иванъ Иваповичъ, голова! Буде кумедія!

З а в и с а.

ДІЯ II.

Въ Сохвѣиній хатѣ.

Я в а 1.

Де-кілька дивчатъ, Ганна, Марья, Киндратъ.

Ганна (*вышивае молодому сорочку*) Киндратъ (*сидить повзъ Марью, зтыха перемовляється зъ нею.*) Марья (*прибирає съ скрини*). Дивчата (*спивають веселимоу*).

Ой, матинко, та не гай мене!

Ой, матинко, виряжай мене!

Щобъ зи стежки та не збыться,—

Одъ козака не згубиться.

Глянь, маты, на мій посадъ:

Вси друженьки у косахъ сидять,

А що я-жъ не росчисана

Билепькымы рученьками,

А що я-жъ не змывана

Дрибненькымы слизеньками...

Бильше мене та не мытимешъ,

Билыхъ ручокъ не томытимешъ,—

Змые мене та свекрушенька,

Козакова та матусенька,

А заплете та зовыченька,

Козакова та сестрыченька!

Марья. Спивайте, спивайте, сестрычки!

Дивка 1. Не спивается! Я, якъ згадаю, що вы обидви замижъ идете, то такой жалъ визме, що наче й гласу не потягну.

Дивка 2. Оттакъ и мени досадно: и гулять, ій-же Богу, не хочеться.

Дивка 3. Ни зъ кымъ-бо буде и гулять: найкращыхъ парубківъ Воротыленко на Зеленый Клынь позабирае, а дивчата замижъ повыходять.

Дивка 1. Горенько, якъ стане на сели сѹмно!

Киндратъ. Не довго сумуватимешъ—вже й до тебе заглядають старосты.

Дивка 2. Пидешъ у-осѣны замижъ.

Дивка 3. Або на Зеленый Клынь.

Дивка 1. Боже бороны! Батько булы разъ натякнулы про Клынь, такъ мы зъ матирью якъ почалы голосыты на всю хату, такъ вони ухопылись за голову, выбиглы зъ хаты, та одъ тѣи поры вже и не згадують про переселеніе.

Дивка 3. Попоплакала сѣгодня и Мотря: вже Воротыленко умовывъ іи Олексія переселятыся.

Дивка 1. Хиба тилько сама Мотря плаче? Все село тужыть! Де-жъ? Жылы, жылы, стягались на ховяйствечко, не рикъ, не два за нымъ побывалыся, а теперъ у 2 тыждни спродатыся та иты у такую далечыну...

Дивка 2. Та куды не зайды—скризъ руйно, клопить та журь!

Марья. Тилько я и не плачу. Ну, що весело та хороше на серци, такъ и сказать не можу!! Ни такы, дивчата, вже я вамъ давно кажу: „я щастлива“, а вы все виры не ймете.

Ганя. Сказано: великого щастя зазнала на своему вику!

Марья. А хиба це не щастя, що я замижъ иду? Хиба-бъ мене маты виддала за Трохыма, колы-бъ твоему Киндратови не спалося на думку тебе посватать? До вику ни! Маты и плювали, и крычали, зъ хаты выганялы Трохыма, а якъ заславъ

Киндрать старостивъ та засватавъ тебе, отъ воны зразу и розмиркувалы сами соби: якъ мається утрачатись на саме Ганныне весилля, то краще за однимъ заходомъ здыхатись и Марьи... Зразу сёгодня й згодылись за Трохыма: «и хороший, и пригожий, и такий-сякий сыночку! Ну, и свативъ прыняли...

Д и в к а 1. Ну, и чудна ты, йй-же Богу.

М а р ь я. А хйба неправда? Та колы-бъ трапылося на сей часъ ще 4 дурни, щобъ засваталы останнихъ сестеръ, то воны бъ зъ радистью вси^дшисть паръ за одынъ стилъ завелы. Не знаете матери! То-жъ такы шить разивъ людей склыкаты, шить разивъ частуваты, а то одынъ разъ утратытись, та й край.

Г а н н а. Ну, й дурна, ну, й дурна! Ажъ крутятся! Не-вже отъ-тоби не прыкро, що тебе за моимъ короваемъ замижъ видаватимуть?

М а р ь я. Хйба мени не однаково, якъ те весилля одбуватимуть? Горилкы я не пью: чы два цебра, чы одынъ на мою пайку упаде—мени байдуже. Мена—абы швидче замижъ.

Г а н н а. Ну, що такий дурци казаты? (*Дичата сміються*).

М а р ь я. Найпаче хочется мени молодиты. Якъ то хороше по селу у квиткахъ та кисныкахъ ходыты! А кругъ тебе дружечкы спивають. Та вси на тебе дывляться, та вси тебе витають... А у мене теперъ таке убрання, що не соромъ и дукарци надить. А все черезъ те, що я щастлива.

Г а н н а. Та задавись ты зъ своимъ щастямъ! Ще не бачыла, яке воно и на масть, а вже выхваляется.

К и н д р а т ь. Пожды, пожды,—ось Трохымъ засадыть тебе за букваръ, то ажъ тоди розкажешъ намъ про свое щастя.

М а р ь я. Цуръ ёму, буквареви! Я тилько слухатиму, якъ винъ самъ чытатыме. А винъ-же такий ловкисенькый, якъ що цикаве чытае.

Г а н н а. А ще кращый, якъ лютуе!

К и н д р а т ь. О, винъ сердытый! сёгодня зустривъ ёго—ишовъ въ городъ—такий розпаленый, якъ сатана.

Марья. Бо такы сердать ёго вси: и тамъ не такъ, и тутъ неправда. „Самый, каже, Гнатъ призведе мене колысь до гриха“.

Ганна. Сказано—Трохымъ твѣй святый та Божый! Скризь неправда, вси дурни, тилько, бачъ, винь одынъ по правди живе, винь одынъ—розумный!

Марья (скупивши) Та вже-жъ розумпійшый за твого!... (опам'ятавшись, що трохи не вылаяла Киндрата, нападається на Ганну). Ты мени не кажи ничего! Я знаю, що тобі досадно: тебе маты задалегидь та потроху замижъ знаряжали: все деше-веньке та поганеньке куповалы, а мене—мени хочъ въ одынъ тыждень скрыню наскладаы, за те все до-ладу, все гарне.

Ганна. Я думаю, якъ трохи не за-дурпо скупылы все у переселенцивъ.

Марья. Ото-жъ и переселенци пидскочылы, тымъ, що я щастлива... Йе у тебе така плахта, якъ оце? Або юпка, або ось сорочкы?

Дивчата. Ай справди—ловки!

Марья. Спасыби переселенцамъ: я-бъ и до вику таыхъ не пошла.

Дивка 2. Купыла и я соби дви сорочкы.

Дивка 1. Колы-жъ задурно видають!

Киндр. Кому щастя, а кому горе! Мій хрещеный батько все чысто продавъ та, каже, не выручывъ и третей частыны тыхъ грошей, що затратывъ на хазяйство.

Марья. Хтось ёго тягне на той Зелень Клынъ!

Киндр. А колы тутъ неможна жыты.

Марья. Неможна жыты! Адже Трохымъ каже: „Наши се-ляне—що та отара: цуцныя гавкне—воны хочъ у прырву“; воно такъ и йе! Жылы, жылы люде на своій батькивщынѣ, де взявся якийсь Гнатъ, сипнувъ одного, другого—вси навтикача!

Кондр. Твѣй Трохымъ тямить стилько, скилько и ты! Рыба шукае, де глыбче, а людына—де краще. А Воротыленко каже, що краще краивъ Зеленого Клына ниде немае.

Д и в к а 1. Ажъ 20 посимействъ выходятъ на Клынь.

Д и в к а 2. 25: 5 сёгодня запысалося.

М а р ь я. Охъ! гараздъ, мои сестрычкы, що у матери синивъ бигъ-дасть, а то воны поволоклы-бъ и насъ на Клынь.

К и н д р а т ь. А поволоклы-бъ!

М а р ь я (*закрываетъ скриню и дивится на ней*). Ось подывиться, сестрычкы, на мою скриню та приривняйте їи до Ганныной. Хиба-бъ мени маты на ярмарку таку купылы? И до вику, ни. Це, поздоровъ Боже, переселенцивъ! Хрыстя за 3 карбованця продала. Фу-фу! Яка я щастлива! Ажъ до самой стелі! (*стрибає, цилує дивчатъ*). Спивайте-бо! (*Почынає, за нею дивчата, весильною*).

Я в а 2.

Ти-жъ та Сохвія.

(*Сохвія вносить якийсь пакунокъ въ платку. Марья кидается сразу до пакунка*).

М а р ь я. Матусенько! Це мепи? Покажить-бо!

Сохвія (*видыхає*). Геть! Погибели на васъ немає! Що вы мени допеклы, що вы мени досадылы!... За яки грѣхы терплю я кару Божу? Печуся, клопочуся та й кинця не бачу! (*кидає пакунокъ*).

(*Марья хоче розв'язати*).

Сохвія. Геть! не займай!

М а р ь я. Я тилько краёчокъ розв'язу...

Сохвія. Геть! бо дамъ по потылиці!

Г а н н а. Чого вы такы сердити? на кого вы розсердылыся?

Сохвія. На кого разсердылася? 6 дочокъ—6 болячокъ, та ще-бъ не сердитися! Чы я збудуся, чы я перебуду одеѣ клопить собачый? Людямъ Господь посилає по 12 синивъ, та люде выходятъ у чужи краи, та люде берутъ земли, скільки окомъ докынуть, та люде хлибця присивають, та люде скотынбу заводять,—ни за топлывомъ, ни за пашнею не клопочутся, а у мене

—ни помишныка, ни робитныка, ни сыночка, ни порадычка! Працюй, клопочысь, весь викъ збирай шагъ до шага, пытка до пытки... Купуй, та шый, та складай, а воно, те зилля погане, ти дивки паскудни, пидуть замижъ, потягнуть за собою все збижжя, все добро чужымъ людямъ на корысть, на прыбутокъ.

(Марья тымъ часомъ розв'язала пакунокъ, роздывляється на попку, примиряє передъ дзеркаломъ).

Ганна. Мы, мамо, служимо—на себе заробляемо.

Сохв'я. Ня себе заробляемо! А на хазяйство хто робытме, хто ёго содержуватыме? *(До Марьи)* Покинь, бо їй-же Богу, бытму. *(До Ганны)* Яка мени корысть зъ того, що вы скрыни понакладаєте та й пойдете зъ двору? Чымъ вы мени видячыте за те, що я васъ доглядала, годувала, хазяйство за-рады васъ збувала? Була коривка... Де вона? Всёго збулася, зныщыла, до злыднивъ дожилася, а теперь пишла до тіеи цяцькованои свахы, до тіеи... *(Уледившы, що Марья надила очипокъ).* Колы ты, собача дочко, не скинешь очипка... *(стягає очипокъ).*

Марья. Ой, ой, ой! не тягнить за воюся, їй-же Богу—скину! *(скидає).*

Ганна. Чого-жъ вы до Кондратовои матери ходылы?

Сохв'я. Хиба до неї? До тіеи Трохымовои!

Марья. Ой, леле! Чого вы до ихъ ходылы?

Сохв'я. Вылаюты добре.

Марья. За вищо?

Сохв'я. За те, щобъ не пидіймала на глумъ, щобъ не сміялася зъ мене, якъ зъ дуркы! Вже колы спиткала мене лыхая годына посвататысь зъ нею, заручыть тебе за того божевильного, за того прышелешоватого, за сына їи поганого, то хай вона те чувствує та хочъ весильнымъ подарункомъ мени догодыть.

Марья. А то що?

Сохв'я. Замість того, щобъ уготовыть мени чоботы додила, на заказъ, вона купыла якысь шкарбанци *(сердыто)*. Та колы тилько вона не прынесе мени крацыхъ чобитъ, такъ я, ось хрестъ кладу. не виддамъ тебе й замижъ! Я не подывлюся

на те, що сынъ книжки чытае, не подивлюся на те, що винъ такий велыкорозумный—заплюю очи, та й край! Вже Столярыха клышоногу дочку виддавала, то й то-жъ такы ій зять купывъ чоботы за 3 карбованци зъ четвертакомъ... Цуръ ёму—такому весиллю! Яка мени корысть, який прыбутокъ? Самыхъ сорочокъ поклала въ скрыню бильше десятка, 6 ряденъ, 4 юпки—лышенько! А винъ, той недоидокъ котячий, весильного подарунка не справыть до-дила. На ярмарку, сама бачыла, 2 семыгровенныка выкынувъ на якусь книжку у зеленій палитурци, а свекруся, бачъ, не спроможется чобить купыты.

Марья. Матусенько! *(хоче цилуваты)*.

Сохвія. Геть!! Инши дивчата хорошихъ хазяинивъ знаходять, про стару матиръ пеклуются, щобъ вона старистью хороше походыла, щобъ було де хороше погостюваты, а якъ моимъ дочкамъ, такъ абы чорни бровы,—дарма, що борода трохи не до колинъ.

Киндратъ. У мене нема ніякои.

Марья. Трохымови тежъ тилько 24 рикъ пишовъ.

Сохвія. Малый козарлюга!

Ганна. Адже и батькови було 24 роки, якъ женился.

Сохвія. Що ты мени батька тулышь! Батько свекруся червони чоботы купывъ, ще й квитчастый платокъ давъ на додачу.

Марья. Матусенько! И вамъ Трохымъ сапьянци купыть. Выбыватымете горлыци, ажъ луна пійде...

Сохвія. Жартуй, жартуй, собаче зилля! Дожартуешся на свою голову. Я тоби покажу, якъ замижъ иты!!

Марья. Не виддавайте—я подожду.

Сохвія. Доки я васъ годуватиму, доки держатыму? Поки и голову обйисте? Люде будуть на Зеленому Клыну чысте золото та срибло копаты, а я буду по засичкахъ вамъ борошно вымитаты? Зима прыйде—треба чымсь отопыть, 6 коровъ прогдувать. Золійныкивъ не надасы, хлеба не напечешъ! Гнать вже дае 300 карбованцивъ за леваду. —Якъ набавыть ще 100, то продамъ, та й край! Буде зъ мене!

Марья. Якъ разъ! продасте! Абы лякаты! Винъ 100 карб. не набавыть, а вы за 300 не виддасте.

Я в а 3.

Ти-жъ, Явдохъ на дверяхъ.

Явдохъ. Кумо Сохвіе, кумо Сохвіе!

Сохвія. Чого? *(иде до Явдохы, и воны обыдвы идуть зъ кону).*

Я в а 4.

Ти-жъ, безъ Сохвіи.

Марья *(кыдається до пакунка, вытягае звидтиль рижну одижъ).*

Ганна. А що? Дострыбалася? Похвастала щастямъ?

Марья *(показуе платокъ).* А це хйба не щастя? Ось гляпьте, якый ловкисинький?

Ганна. Цей платокъ мени буде.

Марья. Сподивайся! У тебе ажъ 7, а у мене тилько 5!

Ганна. Мени зразу замижъ иты, а тобі—„за Мыколы, та й никола!“.

Марья. Такъ, такъ, галочко! Хай за Мыколы, хай никола, а платка цёго я тобі не дамъ! *(Ховае въ скрыню)*

Дивка 1. А бува маты насправжкы розсердылыся на Трохыма?

Киндратъ. Гляды, Марье, щобъ не було такъ, якъ у казци кажется: „по вустахъ текло, та въ ротъ не попало“.

Ганна. И що вона соби дума? Наче матерыной вдачы не знае? Воны, якъ що надумаютъ, то зроблять.

Марья *(часъ-одъ часу бильше зажурюється).* Не дай, Господы, воны справди видкнутся черезъ чоботы. Пійду я краще до Трохыма та поражуся. *(Бижыть зъ кону и зразу вертається зъ чобитъмы).*

Марья *(показуе чоботы).* Охъ, сестрыно! Хйба я не щаслива? Дывитесь, яки чоботы! *(Шлыи зъ радости).*

Ганна. Де ты ихъ и здобула такъ на швыдку?

Киндратъ. Украла десь...

Марья. Охъ! яка-жъ я щастлива!

Ява 5.

Ти-жъ та Трохымъ.

Киндр. Бачъ, хто ій чоботы давъ!

Трох. Я прыйшовъ до-дому, колы маты хваляться, що приходила титка Сохвія та наробыла шелесту на всю хату черезъ чоботы, такъ я зразу мерщій до Степаныды—спасыби, продала за 4 карбованци.

Марья. Де ты бувъ? Я вже тебе виглядала, виглядала...

Трох. Все ніколы, серце, було: то свои клопоты, а то ходывъ въ городъ.

Марья. Чого?

Трох. Хотивъ добытись правды про того Воротыленка та дызнатися, куды воно справди ти троячки идуть?

Киндр. Ну?

Трох. Не добывся нічого. Попрохавъ ще батюшку, щобъ пойхавъ до Земського, або-що...

Киндр. Ты за чужымъ клопотомъ и свого не бачышь: трохи, трохи и молодой не прогавывъ...

Марья. Годи, годи—більше ніякого клопоту не буде—чоботы йе. (*Спивае и танцюе*).

Оде-жъ тіи чоботы,

Що зять давъ и т. д.

Ява 6.

Ти-жъ, Сохвія, Явдоха, жинки.

Сохвія. Купуйте! Купуйте! Що кому забажається, що кому подобається, те и купуйте. Самы и цину складайте—не хочу и гриха на душу браты, не хочу зайвыхъ грошей зъ людей правыты.

Явдоха. Я вже вамъ казала, кумасю, не продавайте нікому квітчастого настильника—я дамъ добрі гроши за ёго...

Жинка 1 (*мнеться*). Ніяково якось и купувати...

Жинка 2. Колы-бъ вы хочъ призналися, що це вамъ на думку спалося спродуватысь?

Сохвія. Хай вже про те, голубочко, я сама знатому—купуйте безпешно, ни объ чимъ не клопочитесь, не турбуетесь!

Жинка 3. Сонъ такий приснывся, чы трапылася якась несподиванка?

Сохвія. Сонъ, матинко, сонъ приспывся.

Жинка 1. Я-бъ охоча подушкы купыты, якъ що продажны?

Сохвія. Продажны, продажны: по манисинькій подушци zostавлю, а більши продамъ.

Жинка 2. И стиль продажны?

Сохвія. За карбованця виддамъ. (*Ганна та Марья стоять, наче окам'янили. Дівчата, Киндратъ, Трохымъ тежъ здывовани*).

Ганна (*торкає матиръ*) Мамо! Що це таке?

Сохвія (*видпыхає Ганну*). У мене дві зайвихъ кожушанкы йе:—купуйте! (*Показує кожушанку*). (*Ганна та Марья тинуть Явдоху на передъ кону*).

Ганна. Титочко, риднесенька! скажите хочъ вы намъ, що це таке? П'яни вони, чы збожеволили?

Явдоха. Ни, ни, не клопочитесь, дівчатка, вони щось гарне надумали.

Сохвія. Ця крыта—добрисинька.

Явдоха. За крыту я зразу 5 карбованцівъ дамъ.

Сохвія. Берить, берить!..

Ганна. Мамо! Опам'ятайтесь! И къ чому це воно?

Жинка 1. А дижечки, кочергы, хваткы та всяке хазийствечко?

Сохвія. И те продаю! Хату та леваду вже продала, слава Богу—ось и гроши. (*Показує платочокъ*). 100 карбованцівъ, якъ одна копійчка завдатку, а 200 завтра дасть!..

Ганна (*зъ одчаемъ*). Людочки! Чы я сплю, чы я марю? Мамо! Скажыть-же намъ хочъ словечко? Що це за знакъ, що вы надумали?

Явдоха (*одпыхае Ганну одъ матери*). Не клопочы матерной головы. Левадку та хату продали, а вона за ва-зна чымъ жаліе.

Ки н д р а т ь. Титко Сохвіе! А де-жъ буде той грунтъ, що вы обещались мени одризаты.

Сохвія. Иды ты къ бисовому батькови зъ твоимъ грун-томъ! Нетреба мени такихъ зятывъ—голодранцевъ!

Ганна. Матинко! Риднесенька! Що-бо вы кажете? (*Кы-дается до матери*).

Сохвія. Не чипляйся, не възны, не заважай! (*Ганна плаче*). (*До людей*). Придивляйтесь, розглядайте, що кому треба, що кому до-вподобы. Ось скрыня, накажы мене Господь, 3 карбованци позавчора Хрысти дала, теперъ за 2 зъ четвертакомъ видаю.

Марья (*якъ несамовыта*). Людочки! Рятуйте! (*припада до скрыни*). Матинко! Нене моя! Риднесенька. Не дамъ скрынѣ!

Явдоха. Тебе хтось пытатыме? Пусты скрыню—я гроши даю.

Марья Не дамъ, не дамъ! Людочки, рятуйте! (*Ганна плаче въ голосъ*).

Сохвія (*стягае Марью*). Геть! пусты, навиженна! Не дасть людямъ и роздывытысь.

Марья. Ой, не дамъ, не дамъ! Боже мій, не дамъ! (*Зновъ на скрыню*). (*Вси дивчата плачуть*).

Трох. Перестань-бо, Марье, заспокойся! Одгуляемо весилля и безъ тіеи скрыни.

Явдоха (*видпыхаючи Марью, котра держыть скрыню обома руками*). Одгуляють, одгуляють весилля, хто жывый дижде, ажъ на Зеленому Клыни!

(*Ганна и вси въ одынъ голосъ*). На Зеленому Клыни???

Марья (*пада зомлила*).

Явдоха (*котыть скрыню*).

ДІЯ ІІІ.

Въ волости.

Ява 1.

Писарь самъ. Перебирае бумаги, спиваючи триндолку.

Ява 2.

Писарь та Гнатъ.

Гнатъ. А що, Иванъ Ивановичъ, якъ наши дила?

Писарь. Якъ сажа била! Присудылы арендаторамъ немедля вамъ сплатыты.

Гнатъ. Огъ, спасыби! Таке спасыби, що онъ яке! А я, по правди сказать, трохи боявся, що намъ на цей разъ увирвется нитка, бо Трохимъ вчора щось довго балакавъ зъ арендаторами; а вже де винъ замишається, тамъ не сподивайся добра!

Писарь. Не було ёго зовсімъ на суди, слава Богу, а то може и була-бъ яка каламутня.

Гнатъ. Що-жъ воно за знакъ, що ёго не було?

Писарь. Времени не було: диловъ набравъ на шыю: то въ городъ бигае, то до батюшки.. Къ тому-жъ сердешни дила.

Гнатъ. Такъ, такъ—це винъ того и нисъ похнюпывъ, що боится Сохвиного переселенія! Ха!—ха!—ха!

Писарь. Знаете,—страждаеть невозможно. И я попросивъ Воротыленка придержаты ёго розными розговорами про цей предметъ, помы судъ одійде. Зъ тымъ тилько забалакай про переселеніе...

Гнатъ. О! Воротыленко на те майстеръ.

Писарь. А все-жъ такы на суди и безъ Трохима порядочно катавасія була.

Гнатъ. Не хотили платыты?

Писарь. Куды вамъ? Гвалтъ, крыкъ пиднялы: „мы не станемо платыты до Спаса—у насъ умовы таки булы“. „Мы

и Земському жалитимемся, и сее, и тее!“ Одначе, старшына... добре того на хрестынахъ... (показуе на плотку) якъ закрычыть, якъ стукне по столу... Я, не бувшы дуракомъ, и соби: „протоколъ составляю за буйство у присутственномъ мисти“, а суддя тымъ часомъ резолюцію: „поелыку не иміється арендныхъ документовъ, то арендатори повинни платыть гроши, колы звельть Гнать Трохымовычъ“. Взялысь, одно слово, дружно!

Гнать. Спасыби! Та й звеселылы-жъ вы мене цією звисткою! Грошей треба до заризу, а тутъ-же й взять ихъ ниде. Нарочыто бигавъ у збанокъ—не дають. Чы повірите? А тутъ-же Попельныкы виддаются въ аренду: не добуду грошей—общество визьме. Попельныкы зъ-пидъ носу!

Пысарь. Тенерь гроши будутъ: хочъ може трохы и на протывозаконномъ основаніи, а все-жъ такы прысудылы...

Гнать. Ого! Це все за течією плывсты, то до-дому не вернешся. Плывешъ, плывешъ за водою—такы колысь повернешъ човенъ проты воды.

Пысарь. Ишъ, до якои хвилософіи сягаєте?

Гнать. А вы думаете, якъ малограмотный, то вже и не розбираю ничего? Одже сёгодня, напрыкладъ, надійшовъ я до зборни, чую—радяты селяне, якъ-бы Попельныкы взять у аренду: крычать, спорятся—завелы таке, якъ на ярмарку; а я тымъ часомъ до пана: „не виддавайте, пане, нікому Попельныкывъ—въ вечери завдатокъ прывезу“. Панъ пообещався.

Пысарь. Яке-жъ у васъ намереніе Попельныкы взять? Зъ усадьбою, чы ни?

Гнать. Зъ усадьбою, зъ небелью, зъ усякымъ обхожденіемъ. Тамъ, знаете, габынетъ пана бильшый за волость.

Пысарь. Ого, заживете паномъ! Земля тамъ, правда, плохенька, вытощена, одначе розберуть по необходимости всю до сажня, ще й добри гроши дадутъ. Ловко идутъ ваши дила, Гнате Трохымовычу, ловко.

Гнать. А малограмотный! Онъ штука! Ніякихъ тамъ наукъ не проходывъ: тилько, тилько що печатне розбираю та свою хвамылю змію пидписыты, все зъ своей головою!

Пысарь. Удывытельно! удывытельно! Во всякомъ рази и вамъ грамота не помишала-бъ нидь явий случай!

Гнатъ. На биса вона!

Ява 3.

Ти-жъ та Трохымъ.

Трохымъ (*увиходе въ шапку*). Де старшына?

Пысарь. Шапку здіймы у прысутственномъ мисти.

Трохымъ. Старшына де, пытаю?

Пысарь. Нема старшыны. Шапку здіймы, кажуть тоби!

Трохымъ. Опохмеляется? Хай прочуна—я ёму очи протру, знатыме, якъ ихъ на суди горилкою залываты. Зъ якои се речи сёгодня такъ зарани судъ одійшовъ? Боялыся, щобъ де-хто не наспивъ на судъ? Однаково—не мынется побалакаты зо мною.

Пысарь. Безъ расужденія. Здіймай шапку,—або маршъ!

Трохымъ. Ты ще смієшь мене выганяты. Чы я въ твой господи? Для обчества, для мене будувалася ця волюсть, чы за для такихъ перевертнивъ, якъ ты, або ота прыблуда. (*Показуе на Гната*).

Гнатъ. Ты, слухай, не смій!

Трохымъ. Що, не смій? Ты не смій грошей правыты зъ людей не въ строкъ!

Гнатъ. Я зъ тебе и не правлю.

Трох. Я знаю, що зъ мене не правышь, бо ты певень, що я тоби однаково не заплачу. А зъ якои речи судъ прысудывъ остальнымъ арендаторямъ тоби тєнєрь платыты? Хиба мы на рижныхъ умовахъ землю у тебе бралы?

Пысарь. Судъ прысудывъ,—значыть, була на це рация.

Трох. Яка рация? Що Гнатъ хрестывъ дитєй у засидателя, що суддя вынуватый Гнатови 200 карбованцивъ, що Гнатъ тебе та старшыну частує що-дня монополькою?

Гнатъ. Та почастьте ёго, Иванъ Ивановичъ, по потылицы: вы-жъ тутъ в.чальство?..

Пысарь (*крыма*). Ты, слухай—не дуже!..

Трохымъ. А спробуй, спробуй пальцемъ торкнути! (До Гната). Підпышы оце условіе.

Гнатъ. Яке условіе?

Трох. Условіе на те, на якихъ умовахъ нанялы мы землю у тебе. Тутъ проставлена цина, строки—уси умовы, тобі тилько підписать. Зъ переселенцивъ ухватывъ ты по 4 карбов. зъ десятины, зъ цихъ арендаторивъ хочешъ гроши правыты, колы тобі на думку спаде—одно слово, зъ тобою безъ условія не можно обійтыся. Підписуй!..

Гнатъ. Який ты мени начальныкъ? Зъ якои речи я-бъ тобі підписувавъ условіе? Мени Памфылъ Сыдоровычъ все свое иминя довирае, мене мала дытына въ городи знае, а я стану тобі підписку робыть. Ніякихъ твоихъ условіевъ я знать не хочу: заплати мени гроши, колы я звелю—отъ тобі и условіе...

Пысаръ. Пысаты и підписуваты условіе спустя цилый місяць опосля словесного договору—це явне попущеніе и на протывозаконномъ основаніи...

Гнатъ. Я не підпышу: мени нема дила до строкивъ, мени теперъ необходимы гроши.

Пысаръ. И резомъ. Составлена хvormальна резолюція пры волостномъ правленіи.

Трох. Пры волостномъ правленіи? А скажи мени, куды дилися опекуньски гроши за Сергіевыхъ сыротъ зъ того правленія? Скилько заплатылы, а скилько проставылы за покрывлю того волостного правленія? Кто підписався за давно помершихъ селянъ на прыговори у цѣму самому правленіи? А прызнайся, що ты людямъ казавъ, та скилько Гнатъ могорычу поставывъ, якъ оббиралы цѣго старшыну-пьянюгу? А що? Може думаешъ, у мене свидкивъ на це все немає? Та вы мени якъ допечете, якъ увирвется терпячка, то вашого волостного правленія и памъаты не зостанется... Роскасыруютъ, розженуть васъ у одынъ день. Все будете у тюрьми гныты. И ты, мошенныкъ (на Гната), що волостну печатку у кармани носышъ, та куды схочешъ, туды и прывладаешъ, и ты (на пысара), що за

мерцивъ пидпысуешъ, и старшына—пьяныця, и засидатель твій кумь.

Пысарь. Ось дозвольте, Трохыме Гаврыловичу! Ніякого резону нема намъ спорытысь. Всячески сплетни, непорозуминня.

Трох. Бачъ! Зразу и помягчавъ! Хай-же Гнатъ пидпыше условіе, та и чортъ зъ вами: у мене и своихъ турботъ досыть..

Гнатъ. Я не пидпышу. Яке це правосудіе? Тутъ никого правосудія немає? Мени прысужено получить немедля 300 карбованцивъ, а я мушу видказатысь. На лыха тоди и судъ здався? Судъ на те, щобъ зыскать гроши тоди, якъ моя необходимость.

Трохымъ. На Попельныкы збираешъ гроши? Эге, годи вже про Попельныкы думать: мы простерегли, що ты до пана подався, та за тобою у слидъ зъ завдаткомъ прыйшли!!

Гнатъ. Попельныкы нанялы?

Трох. Нанялы, нанялы.—А що? не до-вподобы?

Гнатъ. Випъ-же мени обещався нанять.

Трох. Мало чого ты не обещався? Беры-жъ швыдчъ условіе та пидпысуй.

Гнатъ. Я сказавъ: не пидпышу. Мало того, що аренду зъ рукъ вырвали, ще хотять мене зныщты. Не пидпышу.

Трох. Ну, зъ тобою, бачу, добромъ ничего не вдіешъ. Доведеться попередъ волость роскасырувати. (*Складае условіе, ховае въ карманъ*).

Пысарь. Знаете що, Гнате Трохымовичу? Пидпышитъ вы це условіе... Воно не въ тимъ дило, що намъ небезпечно: хай ревизія хочъ сёгодня пожалуе до насъ въ полнимъ состави, а такъ за-рады людей, своихъ однообщественныкывъ.. (*шепоче Гнатови на ухо*) пидпышитъ условіе.

Гнатъ. Давай условіе.

Трохымъ. Хай-же попередъ пысарь прочытае. (*Гукае въ сини*). Люде!

Ява 4.

Ти-жъ та люде.

Трох. Гнать пидпише те условіе, що я вамъ напысавъ; теперь не турбуйтеся про гроши ажъ до Спаса.

Люде. О! до Спаса мы уготовымо. Мы такъ и умовля-
лися, щоби на Спаса.

Чолов. 1. Мы бъ заплатылы и теперь зъ радистью, такъ
горе наше,—немае грошей.

Чолов. 2. Ни за вищо теперь и рукъ зачепыть. Весна—
заробитку ниде немае, а тутъ ще переселенци пидскачылы.

*(Гнать та пысаръ весь часъ ціей розмовы балакають. Видно
що пысаръ умовляє Гната).*

Чолов. 1. Одно слово—велике спасыби, що згодылыся
одстрочыты цей платижъ.

Трох. Годи вже дякуваты: не дароване.

Пысаръ. Во всякомъ случаѣ Гнать Трохымовычъ робыть
велике снисхожденіе. *(Протягае руку за условіемъ).*

Люде. Спасыби имъ...

Трох. *(Зъ розвернутымъ условіемъ въ рукахъ. Сердыто).*
За ви що: „спасыби“? Яке снисхожденіе?

Пысаръ. Судъ присудывъ. *(Держытъ протягнуту руку).*

Трох. Який судъ? Кому ты бакы забываешь? Чы передъ
тобою диты мали, чы зъ-за угла прыбты? Мовчы краще та не
згадуй про той судъ. Чытай швыдчъ условіе та хай той *(на
Гната)* пидпысе.

Гнать. Ты, слухай, не gryмай. Якъ я твое проханне
уводывъ...

Трох. Коы я тебе прохавъ?

Гнать. Не хочу-жъ, коы такъ, и пидпысуватысь. Якъ
яка-небудь свыня...

Трох. Що-о-о-о?

Пысаръ. Дозвольте-бо, Гнате Трохымовычъ.

Люде (до Трохыма). \Ось годи-бо, пожауйста. (До Гната). Пидпышитъ условіе.

Трох. Хай тилько не пидпыше—я ёго не до Земського,—у „зѣвздъ“ потягну.

Люде. Та Господь зъ нымъ, зъ тымъ Земськымъ та „зѣвздомъ“!

Люде. На вищо намъ той „зѣвздъ“? Гнатъ Трохымовычъ и такъ згожуется пидпысаты.

Трох. Нихто не пытае ёго згоды. Винъ повиненъ це зобыты, бо винъ обещався дать условіе, якъ ще землю наймалы.

Гнатъ. Ничого довго товкуваты: якъ хто недоволенъ мною, хай кыда аренду та выбувае зъ гурту.

Люде. Кто-бъ тамъ выбувавъ, якъ кожному земли треба.

Трох. Якого клопоту боитесь вы? Васъ цила громада, циле село, у васъ сыла! Проты васъ одынъ чоловикъ, и вы не здатни захыстытысь видъ ёго. На тому тыжпи вы выгнали своимъ громадскимъ судомъ нещасного конокрада, що хотивъ поживытысь чужою шкапыною, а такому злодіеву, що середъ билого дня обкрадае васъ, що зныщуе дитей вашихъ, що грабуе останни злыдни ваши, вы виддаете родыми нывы та тикаете сами на Сибирь?

Гнатъ. Иванъ Ивановичъ! Що це таке? Поклычте старшину. Це бунтъ! Винъ людей бунтуе, проты начальства направля.

Писарь. Лыхословыты у прысутственному мисци не дозволяется по закону.

Трох. А суды таки, якъ вы сёгодня вчынылы, дозволяются?

Люде. Та годи-бо, Трохыме! Иды соби зъ Богомъ. Мы и самы тутъ управимся безъ тебе, бо ты людына, не въ гнивъ тоби буде, молода та необачпа.

Трох. Крепакы паскудни! Чы такъ свое право здобувають? Будьте-жь вы прокляты, колы такъ. Лазьте на вколюшкахъ пидъ ворогами! Годуйте кривую дитей вашихъ отыхъ пывокъ ненажерлывыхъ! (Кыда условіе у вичи людамъ, иде ить).

Ява 5.

Безъ Трохыма.

Пысарь. Треба напысаты протоколъ.

Гнатъ. Це бунтъ! Невже немає такого закона, щобъ ёго покараты? Треба старшыни сказаты, щобъ ёго хочъ у холодну засадывъ!

Люде. Носпокійный такы парубокъ!

1 чол. Сёгодня начепывся на Воротыленка, ниби то винъ умовывъ Сохвию продать леваду та выходить на Зеленый Клынь.

2 чолов. И прытаскало-жъ ёго на нашу голову.

3 чолов. Ось условіе. Хай Иванъ Ивановичъ прочытають, а вы пидпышитъ.

Гнатъ. Ни, шкода, выбачайте! Коны така зневага, коны який-небудь сирякъ, яке-небудь чортъ-зна що—сміе мене такъ поносыты, прылюдно зневажаты, то я знайду засобъ виддячыты вамъ всимъ. Мене зъ громады выгонныты! Ачъ, що надумавъ, до чого кныжки довели! Ни одніеи десятины, коны такъ, не дамъ вамъ въ аренду—чужымъ людямъ до останнёго упруга найму.

Люде. Хиба-жъ мы у чимъ винны? Мы-жъ нікому-нічого. Охота була тому Трохымови суперечку заводыты. Пидпышитъ, будь ласка, условіе.

Пысарь (*тихо до Гната*). Воно, положымъ, чувствительная образа и многое другое вообще неприятное, однакоже во всякомъ рази—Трохымъ небезпечна людина, и я, якъ сердешный вашъ прятель, совитую пидпысаты це условіе.

Гнатъ. Чытайте, що винъ тамъ напысавъ (*ходитъ сердито по кону*). Ну, я ёго комысь попаду. Не мыне винъ моихъ рукъ. Мене выгонныты зъ громады? А!! Чытайте! Хай я вже зроблю людямъ таку ласку, тилько... хай памьятають.

(*Пысарь одкашлюется, хоче чытать условіе*).

Ява 6.

Ти-жъ, Сохвія, Явдоха.

Сохвія. И, Господы, якого багацько людей! Здорови булы! Ось пропустить мене блыжче до столу (*до людей*). (*До пысара*). Заждить трошечкы, будь ваша ласка. Ослобониться на хвылынку одъ всякыхъ дилловъ та дайте мени билетъ.

Пысарь. Який?

Сохвія. На переселеніе, на Зеленый Клынь.

Пысарь. На Зеленый Клынь?? Хиба замижъ вдруге пишла та сынивъ-соколивъ прыдбала?

Сохвія. Годи-бо жартуваты. Николы мепи, ій-же Богу, николы. Все чысто покынула та побигла. Люде вже обрядымы-ся, а у мене и билета доси немає.

Пысарь. Та чого-жъ ты хочешъ видъ мене?

Сохвія. Билета-жъ, кажу вамъ. Ось кума Явдоха звист-ни, вчора трычи прыбитала въ волость та все никого не за-стану.

Явдоха. Трычи, матинко, трычи. Втрете вже смеркомъ приходила.

Пысарь. Та скажы мени, Бога рады, на якои морокы тоби билетъ здався?

Сохвія. Кажу вамъ: на переселеніе иду. Невже не чулы? Я вже чысто спродалася. Та вы-жъ сами пысалы и документъ на леваду. Хиба забулы?

Гнатъ. Отъ, пропала жинка! Шашилъ голову чысто пото-чывъ. Куды тоби зъ шистю дочкамы та на Зеленый Клынь иты?

Сохвія. На те вже моя воля, моя охота. Дайте билетъ—не барить мене, бо мени и такъ николы: сёгодня ще иты въ эконومیю за роцотомъ. Ганна та Марья дома, а тыхъ чоты-рѣхъ, собачыхъ дочокъ, ніякъ не доклучусь... Охъ! вже и со-нечко на обидъ звернуло!.. Дайте-бо билетъ... Господы, якъ душно! бигла—и духу не переводыла. (*ростибається*).

Гнатъ. Признавайся краще по правди, на вищо тобі билетъ, то може швидче дадутъ.

Сохфія. Йй-же Богу, на переселеніе, на Зеленый Клынь иду.

Явдоха. Правда, правда...

Пысаръ. Отъ такъ штука! Зъ шистю дочкамы на переселеніе. Ха—ха—ха! Чы ты часомъ, голубко, на старистъ—не того?

Сохвія. И, вредни яки! Наче справди не знаютъ, чого я иду на Зеленый Клынь. Хай-бы вже други джувувалыся, а то ще и воны ману пускають. Годи-бо дратуваты мене—давайте швидче билетъ, бо черезъ мене и людямъ угайка.

Пысаръ. Одже не дамъ, помы не признаешся, чого на Клынь идешъ.

Сохфія (*лукаво*). А цвинкуляръ! Ота бамага!

Пысаръ. Який цвинкуляръ? Яка бамага? Не знаю, не чувъ. А вы, Гнате Трохымовичу, не чулы часомъ такого циркуляру, щобъ Сохвіи на Зеленый Клынь выходыты?

Гнатъ. Не чувъ.

Сохвія. Годи-бо, годи,—заходылыся билия мене... И дурять мене, наче я справди дурка яка. (*До пысара*). А маменька вапшита сестрыця чого на Зеленый Клынь подалыся?

Пысаръ. Що це тобі на думку спалоса? Маминька мои, а равно и сестрыця дома благоденствуютъ и ніякого намирѣнія не иміють выйиздыты. Гляды, чы не посміявся зъ тебе хто-небудь. Не дамъ я тобі билета и скажу, щобъ тобі посемейного спыска не выдавали.

Сохвія. Ну, на вищо мене дурыты? Абы угайка! Тутъ и такъ никола. Ось настановитъ вухо, я вамъ щось такє скажу, що перестанете сміятся зъ мене, якъ зъ дуркы.

Пысаръ (*настановляе ухо*). Сто карбованцивъ за дочку??

Сохвія. И по два кытаянци...

Пысаръ. Ха—ха—ха! Чы вы чулы таку штуку? На Зеленому Клыни казна выдае по 100 карбованцивъ на дочку ще й по два кытаянци.

Гнатъ. Ха—ха—ха! По два кытаянци.

Люде. Оце прямо штука! И де вона таку новину підхватула?

Люде. То-бъ то казна повинна їй шість сотъ карбованцивъ дати та ще дванадцять кытаєнцивъ.

Люде. Ого-го! Не мало!!

Сохвія (до людей). Чого вы смієтеся, навиженни? (До пысаря). Чому вы такъ радієте? Хай-бы вже ти (на людей) зубы продавали, а то ще и вони за боки берутся. Вы-жъ сами и цвинкуляръ про це читали.

Пысарь. Я?? Циркуляръ?

Сохвія. Авже-жъ, вы. Тільки вы хотили, бачте, щобъ ця бамага була підъ секретомъ, щобъ я вапій маминьци та сестри шляху не перебігла.

Пысарь. Ты чула, якъ и такий циркуляръ читавъ?

Сохвія. То що, що я не чула? Я не чула—люде чули. Ничого зъ мене дуркы робыты. Ось кума Явдоха до остання словечка мени все переказали.

Пысарь. Ось якъ вы, Авдотія Михайловна!

Гнатъ. Явдохо! Такъ ты онъ якъ?

Явдоха. Я казала? Коли я казала? Та щобъ я святой пятици дждала! та щобъ мени руки, ноги не повсыхали! щобъ я до-дому дійшла, коли я, голубьята мои, що їй казала!

Сохвія. Ты не казала мени про цвинкуляръ, про бамагу? Ты не казала? Рятуйте мою душеньку! Ты-жъ божылася, ты-жъ прысягалася!

Явдоха. Та щобъ передо мною свята земля не розступылася, щобъ я передъ вами прахомъ не розсыпалася!

Сохвія. Ой Господы! Царыце Небесна! Свята Пятинко! Та побый мене сыла Божя, коли ты не казала мени на моему дворыщи про цей цвинкуляръ...

Явдоха. Не казала, щобъ мене не зацпыло! не згадувала, щобъ мене правцемъ не поставыло, щобъ надо мною вороны не кракали!

Сохвія. Охъ, слухайте, людочки, якъ вона божытся: до кожного слова не приклада... Забожыся мени сразу, якъ слидъ!

Явдоха. Не казала, не казала и божыться не хочу. Це вона зъ своей головы выгадала.

Сохвія. Я выгадала? Я выгадала? Лыходійко! Ворогъ мій клятый! Це ты-жъ мене одурыла, ты-жъ мене призвела!

Пысарь. Гей! не лютуй у присутственномъ мисци.

Гнатъ. Идить до-дому—тамъ помырытесь.

Сохвія. А що-бъ же надъ тобою сонце не свитыло! (*Вытягивает хустку*). (*До Гната*). Вертай-же, колы такъ, мою левадку. Ось твои гроши...

Гнатъ. Тю...у! Зъ просонку, чы що? Зъ якои речи я-бъ вертавъ тоби левадку? Выненъ я, що казня не дасть тоби вытаянчивъ... Ты продала—я купывъ, и край!

Сохвія. Боже-жъ мій! Я думала на Зеленый Клынь выходыть, того и продала.

Гнатъ. Нема мени некоторого дила до твоихъ думокъ.

Сохвія. И голубчыку, и братику, и сыночку мій рідненький, беры грошы...

Гнатъ. Удвое вертай гроши—не визьму.

Сохвія. Змылосердся, Гнатыку! Визьмы краще душу мою, покрай мое сердце—тільки верны левадку. Це-жъ моя материзна, це-жъ мій присивочокъ, мій затышочокъ, мое багатство, дитокъ надія... Призвели мене ворогы люти мои, розорылы, розорылы всю мою худобоньку. Побійся хоть ты Бога, верны левадку та хату (*плаче*)...

Гнатъ. Одвьяжыся видъ мене. Сказавъ: не верну!

Пысарь. Сама соби наробыла лыха.

Люде. Кумедія!

Сохвія (*плаче, потимъ кыдается на Явдоху*). Це ты мене погубыла! Ты мене призвела! Де цвинкуляръ, де бамага??

Пысарь. Тыше! тыше!

Явдоха. Та щобъ мене.

Сохвія. Не божыся! (*Кыдается быты*).

Ява 6.

Ти-жъ та Старшына.

С т а р ш ы н а (*заспанный, зъ кухлемъ сыровцю на порози*).
Добра штука сырозецъ на похмилля! (*Уледивши Сохвию*). Це
що? Пьяна баба бунтуе? У холодну їи на тры дни.

З а в и с а.

ДІЯ IV.

Въ Яковій хати.

Ява 1.

Якивъ та Носыкъ.

Я к и в ъ (*стругае дошку билия готовои вже труны*). До-
жывся до краю—неможна дали жыты. Выкравъ, чортъ-бы
вбывъ ёго батька, духовне; восьме духовне выкравъ. Не вдіешъ
ничого,—лягай у домовыну, та й край!

Н о с ы к ъ. Сутужни часы наступылы; проте, братику, воны,
дасть Бигъ, перейдутъ. Эге, эге, все лыхе перебуде, завирюхою
перейде, та й розгодыннтся.

Я к и в ъ. Де тамъ у бисового батька розгодыннтся? Про-
пало все! Наплодылося антыхристивъ-бусурманивъ, забрали
воны всю сылу до своихъ рукъ—не вдіешъ ничого. Оде й тру-
ну вже уготовывъ соби. Бачъ! яки сухи дошкы!

Н о с ы к ъ. Эге, эге... суха дубына, лежатыме десятки литъ
нетливно...

Я к и в ъ (*пошепки*). Сёгодня у-досвита я знову добывся до
коморы: набравъ сала, конопель, пшева та й розвисъ людянь
по селу; а у ночи наберу мишокъ пшеници для Сшырыдоновой
удовы. Оттакъ-то! дожывся! довивъ зятекъ на старисты! До кра-
дижки призывивъ: зъ-пидъ замка мушу свое у себе красты, якъ

схочу кому пособити. Восьме духовне викравъ! А? Зъ-за па-
зухи у ночи вытягъ.

Ява 2.

Ги-жъ та Трохымъ.

Трох. Здорови бубы, диду! Кому це труна така простора?

Якивъ. Вже не кому, якъ мени.

Трох. Чы не надумали вы часомъ у труну видъ Гната сховатысь?

Якивъ. А де-жъ одъ ёго, гаспыда собачого, заховатысь?

Трох. *(докирливо)*. Диду, диду! який-же зъ васъ и козакъ? Замість того, щобъ ворогивъ своихъ у домовину класты, або хочъ безъ висти ихъ заганяты, якъ було козаки татаривъ заганялы, вы мерщій у труну лизете.

Якивъ. Матери ёго ковинька! Симъ-сотъ болячокъ на пупъ, колы не козакъ! Я, якъ бувъ такимъ цуценьямъ, якъ ты, то було якъ выйду на могылу та запалю свою люльку-грушивку, та якъ моргну на дивку,... а парубка якого було якъ угилю —ажъ пирья сыплется... А теперъ черезъ того приймака собачого, черезъ ту дворову собаку, черезъ саму досаду немочный ставъ. Скільки вже разивъ намирявся быты ёго; такъ ни — не подужаю!

Носыкъ. Эге, эге... Досада сокрушае здоровья, скорочуе вику... А чы неможна було-бъ, братця, ёго ублаготворити!

Якивъ. Кого? Отого шыбенька, отого пройдысвита, отого антыхрыста? Та ёго килкомъ не влучышъ, не вдіешъ ему ничего. Все село розжене и къ бисовому батькови зныщыть, обдере всихъ до краю.

Трох. Одже, диду, не всихъ: хай пивъ села выйде за приводомъ Воротыленка на Зеленый Клынь, хай вы ляжете у домовину, —зостанутся таки люде, що може и приборкають цю шулику.

Якивъ. Кажу тобі: не вдіешъ ничего. Я пятнадцять років змагався зъ нимъ, та й не вдію ничего. Треба або тикаты ввидциль, або прямо помыраты. Онъ якъ!

Носыкъ. Ось побачыте, братця, що я ёго ўблаготворю.

Трох. Не вамъ, диду, ёго ублаготворяты. (*До Якова*). Не знаете, колы Гнатъ буде дома?

Якывъ. Чорты ёго батька знаютъ, колы ёго нечыста сыла прытаскае. Казала Кулына, лыбонь винъ вже зъ Воротыленкомъ злыгався, проби вчора у волости и могорычъ пыли; обшахра и того на дорогу.

Трох. Ну, то ще выламы пысане: хто кого обшахрае? Здаеця мени, що ихъ двоухъ одна маты породыла, одна и выгодувала, и колы одынъ 18, то другой безъ 2-хъ 20!.. Прощайте! навидаюсь пизнише до Гната.

Носыкъ. Ты тилько, сыну, не дуже грймай на Гната, не дуже строга ёго... Эге, эге... безъ гнива, безъ серця... Ублаготворяй ёго всяческымы словесамы, то краще буде.

Трох. Тамъ побачымо! Прощайте!

Ява 3.

Якывъ та Носыкъ.

Носыкъ. Ни, ось побалакаю-бо я зъ нымъ,—спробую ублаготворыты всяческымы словесамы, а найпаче иносказаніямы... Людына, бачъ,—що та садовына. Эге, эге, безъ догляду и найкраща щепы на кыслыцю переведется...

Якывъ. Сго купъ чортывъ твоему батькови! Ачъ! анахтемськи ноги,—не держать—такъ и пидгываються (*кыда стругать; сидае*).

Носыкъ. Эге, эге, сядь та спочынь трохи. (*Якывъ сида*).

Носыкъ. Я надіюся очыстыты душу ёго одъ тернія. Въ неділю Господь допомигъ мени ублаготворыты Воротыленка. Эге... эге... ублаготворывъ. Той хотивъ бувъ уже вертаты людымъ ихъ завдаткы. А я пишовъ до ёго, побалакавъ зъ нымъ та й ублаготворывъ. На те, бачъ, йе тры науки: Граматыка, Хиромантыка и Хрыстоматыка.

Якывъ (*пидводытся, знову стругае*).

Носыкъ. Граматыка—тоненька, не бильше якъ у два пальцы завтовшкы. (*Показуе на пальцяхъ*). Хиромантыка—паль-

цивъ у 3 (*показує*), а хрыстоматыка—ажъ 5: одну мени Михайлыкъ прочытавъ двичи; другу—у голубій палитурци—купывъ у педилю, а третѣи я ще не бачывъ. Такъ отъ, колы-бъ Гпатъ ти науки прослухавъ...

Ява 4.

Ти-жъ та Гнатъ.

Гнатъ. А що? Похвасталы духовною? Ха—ха—ха! Схотили передъ людьмы страмытыся! Теперъ смиху на все село. Де-жъ ваша духовна?

Якивъ. Сто купъ чортивъ твоему батькову! Хиба я дев'ятои не напышу? Та я тебе, приймакъ собачый, усёго ришу! Пидъ тыномъ пропадешъ! Поклычу Воротыленка, то винъ мени таке духовне утне, що ажъ у носи закрутыть.

Гнатъ. Воротыленка? Дожидайте! Винъ вамъ напыше духовне! Якъ разъ. Та це мій першый прытель, колы хочете знать. Таки ще дила встругнемо! Я вчора гулявъ зъ нымъ трохи не до свиту; сёгодня винъ до мене прийде.

Якивъ. Вже и того обкрутывъ, щобъ тебе завійна скрутыла!

Гнатъ. Зъ якои речи? Кажу вамъ—це мій першый прытель! Колы-бъ мы ранише зъ нымъ познакомылися, то мы-бъ не таки комерціи зъ нымъ завелы. (*До Носыка*). Я-бъ доси, диду, и вашу ныву купывъ. Ха—ха—ха!..

Носыкъ. Може, може... Эге, эге... може и купывъ-бы доси. Тилько послухай мене, що я тобі казатыму.

Гнатъ. Послухаемо..

Носыкъ (*натхненно*). Друже мій любезный, Гнате Трохымовичу, або по-простому, Гнате! Може Господь надилывъ тебе и великымъ розумомъ; може ты такий верховодець, що колы-бъ тилько твоя воля, то ты-бъ всимъ мыромъ заволодивъ; може твои очи далеко сягають ажъ за окіаны; може ты высоко думкою литаешъ...

Гнатъ. Ну-те, ву-те...

Носыкъ. Отже орелъ ще выще литае, ще дали очыма сягае, про-те винъ не бильше, якъ хыжа птыця. Эге... эге...

Гнатъ. И къ чому це воно?

Носыкъ. Тривай,—послухай мене дали,—я коротенько. (*Иидкреслюючы пытанне*). Скилько, на твою думку, вовкъ подужа овецъ задавыты?

Гнатъ. Скилько трапцтся у кошари.

Носыкъ. Эге, эге... скилько трапцтся у кошари. (*Иидкреслюючы знову*). А скилько вовкъ, на твою думку, зъ тыхъ за-давленныхъ овецъ вйистъ?

Гнатъ. (*сміється*). Якъ попадется гладка, то и одніей не подужа...

Носыкъ. Эге, эге... не подужа. (*Натхненно*). Брате мій, Гнате Трохимовичу, подумай-же теперь та скажи мени: чы не гирша за хыжого орла, за лютого вовка та людына, що, не маючы, спасыби Богови, ни голоду, ни холоду, наважуется передушыты все село, всихъ своихъ сусидивъ, своихъ бративъ?

Гнатъ. Онъ куды вы вель! Се-бъ-то я, по вашому, вовкъ?

Носыкъ. Не гнивайся, не сердься—я безъ сваркы, безъ зла на серци; я хочу тилько, брате, тоби посвитыты. Эге, эге... посвитыты! Иноди, бачъ, иде людына темною добою, не бачыть ничего: и другого пхае въ калюжу, и самъ ноги ламае, а якъ прысвятить ёму добри люде, то винъ и пройде свою путь благополучно.

Гнатъ. Ну-те! ну-те! (*сміється*). Каганецъ, чы свичку пры-несли для мене?..

Носыкъ. Свичка, лампа, або лыхтаръ якый-небудъ—за-для очей телесныхъ, а для очей духовныхъ—навука.

Гнатъ. Нагадай кози смерть...

Носыкъ. Ось тривай бо, послухай—я тоби коротенько. Йе, бачъ, тры науки: Граматыка, Хиромантыка и Хрыстоматыка.

Гнатъ. Хай вони вамъ выкажутся вси тры заразомъ. На якои морокы здалися мени оти ваши науки? На вищо вони и вамъ прыгодылыся? Чы вы хочъ одну десятинку прыкупыли

до батькивщныи черезъ ти навукы, пошану людську здобулы? Овва! Якъ дисталы видъ батька 8 десятинокъ, такъ зъ тымъ и помреге; якъ бигалы по выгону маленькымъ хлончыкомъ Иваномъ, такъ Иваномъ и посывіете. А я—пятнадцять рокивъ тому назадъ бувъ Якововымъ приймакомъ, Кулинынымъ чоловікомъ, не мавъ стуння земли за собою, а теперъ безъ ученыхъ наукъ вашихъ ставъ Гнатомъ Трохимовичемъ, довереннымъ Памфыла Спырыдоновича, маю пятьдесятъ десятинъ земли, чотыры грунты, та ще и кры капиталы у збанку,—то лехко и безъ навукы комерціи весты.

Я кивъ. Бодай тебе печыста сыла свить за очи завела! На чому ты нажмився? на чому прыдбавъ ту землю та грунты? Зъ кого ты повитягавъ, бодай тоби кышкы повитягало, оти капиталы? Чы ты працювавъ, чы гирко робывъ? А! щобъ вже ты такъ по-правди пропавъ, якъ по правди багативъ! Може и Сохвінна левада по правди куплена?

Носыкъ. Эге, эге... не по-правди.

Гнатъ. Лайтесь, лайтесь! Я знаю, що вамъ досадно на мои достаткы дывытысь. Ще-бъ не досадно було бачыты на старистъ, що приймакъ багаті, що приймакъ на всю околицю „парсона“, а васъ наче нема, наче не було на свити! То було, хто не зайде въ хату—Якова пытае; кому чого треба—у Якова прохае, а теперъ все Гнатъ Трохимовичъ, та Гнатъ Трохимовичъ! Та иде Якивъ до церкви—люде чы помитылы, чы ни, а якъ йде Гнатъ Трохимовичъ шарабаномъ,—такъ шапкы зъ головъ, якъ ти груши зъ дерева...

Яковъ (*зъ серця плюнувъ*).

Носыкъ. Хай Богъ помагае! Хай Богъ помагае! Багатій сыну, здобувай одъ людей пошану, абы „мзда по трудахъ твоихъ була“.

Гнатъ. Ха—ха—ха! Яки жъ-то труды? На подеищину ходыты, чы полову на торгу продаваты, а чы такъ, якъ ваши стародавни дукари, по шагу—по копійци на проценты видаваты та по чверть уируга пидъ застанову браты? Гай! Гай! Ти часы вже минулы. Теперъ годи личыты шагамы, теперъ... на

комерческомъ основаніи, якъ каже Памфилъ Спырыдоновичъ, теперъ—здобувай видразу сотни або тисячи.

Яквивъ. Болячокъ, щобъ вони тобі не переводилися!.. Не круты цыгарки, щобъ тобі ноги, руки покрутило... Не воняй табакомъ надъ труною—адже, бачышь, я самъ не курю...

Гнатъ. А я курытому!

Яквивъ. Сто купъ...

Носыкъ (*спынає*). Одійды, брате, одъ гриха... Уступы сыльный слабому, великоумный—малоумному, и згыне зъ свиту Божого суперека! Визьмы свою труну—я пособлю перенести її до клуни,—однаково сёгодня не ублаготворышь ёго (*беруть труну*).

Яквивъ (*несучы труну*). Килеомъ бы ёго ублаготворыты!

Носыкъ. Эге... эге... Чы то-бъ то: хай я ще завтра коротеньке иносказаніе.

Я в а б.

Гнатъ самъ.

Гнатъ. Оттакъ-бы и давно! А! що увирылися, що упеклися мени оти диды! Докы вони и тынятимутся по селу, докы Господь ихъ триматыме на землі? Тутъ и такъ повна голова дилувъ всякихъ,—а тутъ ще и вони. Здається-жъ и не займаю ихъ: видъ старого стилько лайки перетерпивъ, що ажъ самъ собі дивуюся; одъ того божевильного Носыка вже добрый визъ ипоказаніивъ переслухавъ,—такъ ни: мало, бачъ, и сёго; „жывы въ одну шкуру, по нашому, по стародавньому“. „И людей не займай, и зъ людей не наживайся!“ Опадуть собаки—не обороняйся, а порвуться чоботы—деры зъ себе шкуру на лымарщину. А! бодай васъ въ такимъ жыттямъ, въ такою навую! Поздоровъ Боже Воротыленка—отъ прямо вчитель: зъ чорного зробыть тобі биле, а трохи згодомъ, круть-верть, слово-два, и знову тобі биле стане чорнымъ. Куды схоче, туды все село верне: хоть цобъ, хоть цабе! Каже, що то все черезъ навую до такого розуму дійшовъ. Бреше! То все голова (*ходить по кону*). Прямо

голова! Я такъ думаю, що винъ и Ивана Ивановича за поясъ затьне, їй-Богу!

Я в а 6.

Трохымъ та Гнатъ.

Трохымъ. Втрете прозьбою прохаю тебе—верны Сохвінну левадку. Посміявся зъ дурной бабы, та й буде зъ тебе.

Гнатъ. А ты де такий аблакатъ взявся? Яке тобі дило до тієї левадки?

Трох. Ты-жъ добре знаєшь, що я варучився зъ Марьєю—у цю неділю весиля.

Гнатъ. „Беры, брате у одній лѣли, абы була до любви“! Чы може и тобі, якъ Кондратови, Сохвінна дочка безъ тієї левады не до пары?

Трох. Кондратови може та левадка и цікава, а мени вона безъ надобности,—я не про себе клопочусь: шкода тіи нещасной удовы, що ты знищывъ... адже божеволіє!

Гнатъ. Онъ якъ! Бачъ, який ты жалистливый? Одже сердься, чы ни—а я тобі не вирю!

Трох. Прыгадай часы свого парубоцтва. Хыба тобі не боляче було дывытыся на слѣзы твоеї дивчыны?

Гнатъ. Выгадки! На бабськи слѣзы якъ дывытыся, то ніякихъ и справъ неможна роботы... То все мърныця!..

Трох. Якъ для кого. Верны-бо, Гнате, левадку: вси селяне повертали все те, що покуплы у неї, тилько ты доси хаты та левады не вертаєшь.

Гнатъ. Про мене, хай ти люде хочъ озолотять, а я що купывъ, того не вертаю. Я Сохвін не влыкавъ; сама вона прыйшла, сама набылася, сама цину склала на свое добре—хай на себе й жаліє.

Трох. Годи про те згадувать, якъ воно скоїлася ця продажа, щобъ не заводыть и суперечкы. Прохаю тебе: визьмы гроши та верны документъ на левадку.

Гнатъ. Хочъ и прыємно мени дуже бачыты, що ты схаменувся, помахчавъ та скинувъ зъ тебе трохи зайвой пыхы,

проте не можу я угодобыты твою прохань, бо безъ Сохвіинои левадкы вся земля моя выйде не по хворми. Тоби, бачъ, боляче дывытыся на слёзы твоеи молодой, а мени у-двое болячише дывытыся на Сохвіину левадку, що вризуется у середину моеи земли.

Трох. Визьмы-бо, Гнате, гроши.

Гнатъ. Не визьму!

Трох. Ще разъ прохаю тебе: визьмы гроши.

Гнатъ. Ще разъ кажу тобі: не визьму.

Трох. (*тыхо, зъ прытыскомъ*). Слухай, Гнате! Я головы не пошкодую, розумієшь? Въ каторгу иду, а ты... грабованнямъ не покорыстуєшься...

Гнатъ. Ха—ха—ха! Не хмурься такъ, не злякаєшь...

Трох. (*ще тихше пидступа*). Гей! Не смійся!.. Коля чоловіку и каторга не страшна...

Гнатъ (*видступа, перелякано*). Та що-ты? Бога бійся...

Трохымъ. Давай документъ! (*Хапає Гната за помиръ*).

Гнатъ (*перелякано*). Богъ зъ тобою! Богъ зъ тобою!—Я хотивъ тилько тебе подратуваты...

Трох. Ну, не жартуй у-друге... (*одпускає*). Трохы, трохы до гриха не довивъ. Бачъ: ажъ тремчу весы!

Гнатъ. Немылосердный ты... Що-жъ це?.. Душа за лопуцёкъ?.. Напався... А за-вищо? Ка-зна за що—за клопотъ земли... Пфу!!

Трох. (*выймає гроши*). Ось тобі гроши.

Гнатъ. Немає, брате, пры мени документа: винъ такъ и zostався у писаря.

Трох. Коля-жъ ты мени ёго дасы?

Гнатъ. Прыходь надъ-вечиръ, писарь тымъ часомъ прынесе.

Трох. А ты не збрешешъ?

Гнатъ. Який неймовирный!

Трох. Гляды-жъ!

Гнатъ. Ій-же Богу!

Трох. Ты-жъ забожывся. Гляды!

Гнатъ. Приходи у-вечери!

Трох. Ну, добре (*нишовъ*).

Я в а 7.

Гнатъ самъ.

Гнатъ. Ачъ! проклятый! Трохы жызни не рыхывъ. Отъ и жывы, и орудуй пры такыхъ порядкахъ! (*ужае въ двери*). Онухрій! Онухрій! (*тыша*). Нема! И де винъ запропастывся? Тутъ треба-бъ заразы по начадство... щобъ црыццло... а ёго нема Кулыно! Кулыно!

Я в а 8.

Гнатъ та Кулына.

Гнатъ. Де тебе таскае лыхая годана? Тутъ мене трохы не вбыто!

Кулына. Изнову зъ батькомъ завився?

Гнатъ. Зъ батькомъ! Що мени твій батько? Разъ дамъ по потылицы, то й простягнется. Страшный мени твій батько! Точнисинько, якъ та собака, що на витерь гавка... Трохымъ на-пався за леваду.

Кулына. Я-жъ тебе благала, я-жъ тебе прохала: верны Сохвіи левадку. Колы-бъ ты побачывъ, якъ вона, сердешна, за тією левадою побывається, колы-бъ ты почувъ, якъ дивчата плачуть... Киндратъ вже? одкынувся одъ Ганны, а Мотря черезъ журбу зъ нигъ валытся. Невже мы безъ тіеи левады не проживемо? Чы намъ зъ неи хлибъ йисты? Наскуповувавъ и такъ, слава Богу,—абы живи... На вищо ще тая левада здалася? (*стыха*). Може черезъ твои грихы Господь насъ и дитокъ залышывъ... Двойко було, та й ти померлы...

Гнатъ (*ходить весь часъ стурбованный, пры останнихъ словахъ Кулыны зупыняється гнивно*). Ачъ! Чоловика трохы не вбылы, чоловика гвалтомъ грабують, а вона дитьмы клопочется! Потрибни тобі оти диты? Лементу, плачу та гыдоты забажалося?

Ничимъ бавытыся—поклады цуценья у колыску, та й гойдай до схочу...

Кулына (*перелякано*). Чы ты пры своему уми, хай Богъ мылуе?—Куды-жъ ты все оте хочешъ нагарбаты, на той свить? Не заберешъ, а заберешъ хыба людськи слёзы... тилько, щобъ одъ ныхъ не захлынутысь и тутъ!

Гнатъ. Говоры! (*обима Марья*).

Я в а 9.

Ти-жъ и Марья.

Марья (*обима несамовыто*). Ой, проби! Рятуйте! Маму ледве одрятувалы... зняли зъ бантыны... и теперъ крычать, що не встерезуть... Дядечку, лебедьку, пожалуйста и помылуйте! Не сыротить насъ! (*хапае ёго руку, шилуе*).

Гнатъ. Що се? Шо ты?.. Отъ тоби и комерція зъ сама-шедшымы! Збожеволіе, дурна баба... до бантыны лизе, а тоби—влопять!

Кулына (*обнима Марью*). Заспокойся, заспокойся, дытыно! Гнатъ Трохимовычъ не зобидыть... у ёго добре сердце...

Гнатъ. Цыть мени!.. Яка ты мени жинка? Яка ты мени помишныця? На чоловіка напасть... а вона зъ сердцемъ...

Марья (*зновъ до Гната*). Ой, дядечку, лебедьку! Не за-зихайте! Вамъ Господь давъ и споможе... ще бильше...

Гнатъ (*перебива*). Именно Господь давъ, такъ мени-бъ то, по твоему, и жбурлять на-бикъ, те, що Господь даруе?..

Марья. Ой лелечко, ой ненечко! Не зазихайте на наши слёзы, на наше горе!.. Тамъ-же такой лементъ та плачъ стоять... все село збиглось!.. Що мы кому учынылы, чымъ чужымъ по-жывылысь? Працюемо та горюемо, ажъ сорочка на тили по-дается... За вищо-жъ одурено бидну маму? Пидвели штуку... Оманылы, ошукалы... та и грабують...

Кулына. Поверны, прошу тебе, левадку Сохвиі... Адже-жъ и видъ Бога, и видъ людей проходу не буде... Мало ще хыба ремства й безъ того! На вищо-жъ намъ братъ ище сыритський той жалъ.

Г н а т ь. Чысто вымучать,—выканючать... оци бабы—навожденіе дьявольске, та й годи! (*Ванається*).

М а р ь я. У кого-жъ правдонькы намъ шуваты? Де намъ подитысь? Ой, проби, рятуйте!

Г н а т ь (*зновъ обурається*). Рятуйте! А якъ твій... ученый отой мудрагель... мало не вбывъ оце мене, такъ мене й не рятуйте...

К у л ы н а. Та Бога бійся,—винъ-же не пры соби бувъ зъ теи-жъ прычыны... бачыть, що семья загыбае...

Г н а т ь. Ачъ, заступниця! Свята та Божа! Яка ты мени жинка? Гадюка—онъ що!

М а р ь я (*пада на вколюшкы*). Богомъ святымъ заклинаю васъ, згляньтесь!

Г н а т ь. Що це за наказаніе?... Зійдись зъ очей моихъ!

К у л ы н а. Ходимъ! Не визьмешъ ёго! (*Пишуть*).

М а р ь я. Ай! Пропаци, пропащи!! (*Выйшли*).

Я в а 10.

Гнатъ и потимъ Онухрій.

Г н а т ь. Стій!.. Що се?.. Невже вырвать це сердце и вынуть имъ у вичи?... Скавчать, плачуть... У, кодро чортове, зъ слёзами!.. По селу ще гвалтъ... Ну й напасть! И що ёго?.. Гей, Онухріе, Онухріе!

О н у х р і й. А що тамъ? (*за кономъ*).

Г н а т ь. Де тебе чорты носють?

О н у х р і й. Віявъ.

Г н а т ь. Сюды мерщій!.. (*До себе*). Невже вернуты? Зъ такимъ зусыллямъ прыдбавъ... и все по закону... и хвыгура, стало быть... и такъ-бы то на-тоби!

О н у х р і й (*ввиходить*). Що скажете?..

Г н а т ь. Бижы... заверны ихъ... стій-бо! (*до себе*). Этъ, дурныця! Начхавъ!.. (*Онухрію*). Бижы мерщій и покличъ до мене старшыну, пысаря й Воротыленка... Щобъ заразъ въ одну хвылыну прыйшли! Побачымо!

(*З а в и с а*)

ДІЯ V.

Въ Яковій хаті.

Я в а 1.

*Гнатъ самъ.**(Гнатъ ходить стурбований по кону, заглядаючи у віконця).*

Гнатъ. Ну, що ты скажешъ? Оттаки приятели... и Кулына вже вернулась нима нимою... та чортъ зъ нею!.. А тихъ нема! Сонце вже на полудень звертає, а ихъ доси нема!.. Ось, ось Трохымъ прийде, а ихъ чортяка таскає десь! Це прямо свавольство!

Я в а 2.

Гнатъ, писаръ та Воротыленко.

Гнатъ. Ну, хвалыты Бога! Въ-силу васъ диждався!

Ворот. Не могли, праве слово, не могли...

Писаръ. Опосля великихъ трудовъ предались отдохновенію и не могли раньше ни въ какомъ рази явитись.

Гнатъ. Сидайте-жъ. Гараздъ, що хочъ одъ сердца трохи одійшло, а то бувъ-бы вылаявъ...

Писаръ. Экстерни дила? *(Сидаетъ)*.

Гнатъ. Тутъ таки дила *(до Ворот.)*! Ось сидайте, пожалуста!

Писаръ. Оказія яка?

Гнатъ. Тутъ така оказія, що трохи жызню не постраждавъ.

Ворот. та писаръ. Ну?

Гнатъ. Ій-Богу! Не знаю, якъ и жывий zostався.

Писаръ. Значыть лично васъ касающая?

Ворот. *(заспокоившись, сидаетъ)*. Нуте, нуте, яка вамъ пригода була?

Гнатъ. Трохымъ трохи не вбывъ...

Пысарь. Онъ якъ! Уголовщина!

Ворот. За вищо?

Гнатъ. За Сохвінну левадку—будь вона проклята!

Пысарь. Понятно, понятно... наречённый женихъ. А свидки булы?

Гнатъ. То-жъ то и горе мое, що не було на той часъ никого.

Ворот. Жалько, жалько...

Пысарь. Отъ досада! Це дійствительно, знаете, бувъ чудовый случай руки ёму прыкоротыты: хvormальпа уголовщина, покушеніе на смертоубийство—вирна тюрма!

Гнатъ! Ось бачыте—самъ парубокъ у руки давався, а мы прогавымы.. Колы-бъ вы булы справжњи прыатели, то вы-бъ душею почувствовали, яке мени тутъ лыхо...

Пысарь. Чувствовали, чувствовали и сугубо пылы...

Ворот. Пылы прямо на пропале! Пылы такъ, що якъ-бы оце вы приказали подать монополькы, то сказали-бъ вамъ велике спасыби. Трищыть голова на похмилля...

Гнатъ. Кулыно! Подай сюды закусыты! У васъ трищыть зъ похмилля, а у мене обертомъ иде одъ думкѣ. Оце-жъ винъ прыйде незабаромъ знову за документомъ.

Пысарь. Явытся? Расчудесное дило! Отъ, колы-бъ узався васъ, Гнате, трощыты! Разчудесне-бъ дило! Значыть, господынъ Воротыленко, нашъ визитъ къ кумушкѣ отлагается на опосля... избіенія.

Гнатъ. Боже бороны! Я васъ не выпущу. Кулыно! чы ты тамъ скоро?

Ворот. Якъ що винъ прыйде, то не мыне винъ нашихъ рукъ...

Гнатъ. То есть колы-бъ Гнатій Трохымовычъ не мынувъ ёго рукъ, та пры свидкахъ?...

Пысарь. Для дила ползытельно...

Гнатъ. Одначе мени цѣго не кортыть...

Ворот. Ёго не довго роспалыты; слово-два—и готовъ: розсатаніе, якъ та чортяка.

Пысарь. Обязательно розгарячаться...

Гнатъ. Колы-бъ тильки не дуже... а для прыкладу... (*Кулына уноситьъ юрилку, вино, оселедци и заразъ выходитьъ геть*).

Гнатъ. Кушайте, пожалуста! (*наливає*)..

Пысарь. Перва чарка—за ваши сынякы... Ха, ха! Теперь надо обсудыть планъ страженія... (*Пье налыту Гнатомъ чарку*). Когда винъ иміе намереніе прыйти?

Гнатъ (*наливає Ворот*). Просымо!

Ворот. Успиховъ въ дилахъ!

Гнатъ. Я ёму веливъ прыты надъ вечирь.

Пысарь. И чудесно! Къ тому времени мы прыготовымъ вповни надежныхъ свидителейъ, зачинимо ихъ въ сумежній хати (*благо—Яковъ отсутствуе въ доми*) и предоставимъ господыну Трохыму повную свободу...

Гнатъ. Стійте... Що-жъ ты... повну свободу! Такъ винъ и убе мене...

Пысарь. Разчудесно! тоди, певно, каторга... и здыхаемось ёго на вики!

Гнатъ. Та що-жъ вы? А мени-жъ яка корысть...

Ворот. Не безпокойтесь, Гнате Трохымовычу, въ такій биди не трудно пособыты. За ваше здравіе! Прытели ваши разъ проштрафылыся, а въ-друге будутъ справни...

Пысарь. Пустяшне дило!

Гнатъ. Треба ёго такъ упекты, щобъ ажъ до горячого зализа довесты!

Пысарь. Це не трудна комбынація! Чарка—за ваше!.. винъ ошаліе въ одынъ менть!

Гнатъ. За ваше здоровье (*закустое*). А чы не можна ёго ажъ на Сибирь загнать?

Пысарь. Возможно: допустыть тилько нанесеніе ударовъ зъ членовредытельствомъ (*пье*).

Ворот. Щобъ прыбывъ до полусмерты? Ха—ха--ха! Оце такъ порада! (*пье*).

Гнатъ. Що вы справи такіе радыте? то членовредительство... то цилу смерть!

Пысарь Для обческой пользы...

Гнатъ. Цуръ ёму и пекъ такий пользи!.. Я здатень, даймо, прыкнутысь и повалятысь який місяць у больницы, щобъ здыхатысь...

Ворот. (*зитаючы*). Охъ, винъ и мени достаточно попортывъ: посемействъ 5 зовсимъ одбывъ одъ переселенія, а решту—уговорывъ одложыть свій выхидъ на тры дни... И сёгодня бигавъ чогось до батюшки!

Пысарь. Теперь ще у ёго сердешни дила, всяка трынъ-трава въ голови, а якъ сочетается законнымъ бракомъ, вйде у лита, тоди видъ ёго не буде ниякихъ секретивъ... Трицыть проклята голова! (*Налывае; тье*). Успиховъ въ дилахъ...

Гнатъ. Правда, правда, черезъ ёго найбильше неможна ниякои комерціи весты, всимъ селомъ каламутыть... Ну, та теперь винъ вже не выкрутятся зъ нашихъ рукъ—я ёго доведу до краю! Вынця покушуйте!

Пысарь. Нема некоторого резону и мыловать ёго. Сказать-бы: людына безъ понятія, невежественный чоловікъ, а то-жь—грамотный, и весьма дуже грамотный!

Гнатъ. Ото-жь грамота и пыхы ёму надала. Вже де грамота замишається—тамъ не сподивайся добра!

Ворот. Э, ни, це вы напрасно—теперь, скажу вамъ, неграмотній людыни—шагъ цина!

Пысарь. Въ настояще время безъ грамоты, якъ безъ рукъ (*налывае выно*). „Ученіе—свѣтъ, неученіе—тьма“. „Навука—це добра штука“.

Гнатъ. Хай вона сказытся, та навука, якъ вона мени вже увирылась. Вчора вы (*до Ворот.*) торочылы про науку, сё-сегодня въ-ранци дидъ Носыкъ чытавъ акахвысть тій навуци, теперь Трохымъ трохи не задавывъ мене черезъ ней, анахтемську. А, щобъ вона вамъ зъ лыця земли счезла!

Ворот. Не согласенъ, не согласенъ, и согласія своего, по-викъ-вичный не дамъ! (*Налывае выно*).

Пысарь (*Гнату*). Та й вы самы жалилысь, що колы-бъ вамъ ще наука...

Гнатъ. Этъ, пустяковына! На биса вона мени здалася та навука теперь? Абы голову не знать чымъ забываты. Адже не дарма кажутъ: „рыба смердыть одъ головы“ (*нѣ*). Иванъ Ивановычъ? У васъ е готова цыгарка?

Ворот. Ось у мене табакъ ѣе. (*Выймае портъ-сынаръ*). Ось и бамажка... (*шукае по карманахъ*). Представте —бамажки не взять...

Гнатъ. Не турбуйтесь! Бамагы у мене до ката! Воно и турецкый табакъ десь ѣе, та не хочется шукаты. (*Выймае зъ рижныхъ карманивъ документы, вексели, то що*). Ось де навука! (*Показуе вексель*). Давъ 75 карбованцивъ на 3 мисяци—взявъ вексель на 100!! Тю... у! скільки бамажокъ завелось по карманахъ! Що то комерческа людына! Кушайте вынце! Допывайте! Я, знаете, билыше монополюку вжываю! Десь тутъ була духовна (*шукае по карманахъ*)—саме бамага на цыгаркы! Ха—ха—ха! Ось вона!.. (*Одрывае клапотъ, за нымъ одрываютъ вже осоловили Ворот. та пысаръ. Вси крутятъ цыгаркы*)

Пысарь. Однакоже... и безъ науки невозможна... Пыща духовная. (*Налывае и выпывае*).

Ворот. И я те-жъ кажу.

Гнатъ. Абы гроши, то всякъ и навукою тією мени поклоньтс. Не курьтс! (*Кыда цыгарку, робить другу, за нымъ и Воротыленко рве папиръ*). Приривняемо теперь мене хочъ до васъ, завзятыхъ грамотивъ... Ну?

Я в а з.

Ти-жъ, та старшына.

Старшына. Печатка де?

Гнатъ. А! Господынъ старшына! Протверезылысь? Прсымо до столу! Чудесный свидокъ! (*Тягне ею*).

Старшына. Неможна, невозможно! Печатку швыдче давайте,—прыйхавъ Земськый!

Пысарь. Земський?

Ворот. Чого?

Старшыня. Батюшка зробивъ сёгодня якесь донесеные, а винъ певно у-слидъ выйхавъ на дознаные. Давайте печатку!

Ворот. Не знаете, про що... яке дознаные?

Старшыня. Не знаю. Печатку!

Гнатъ. Иванъ Ивановичъ! Де печатка?

Пысарь. Десь у васъ, въ кармани. *(До старшыны)*. А мене пытавъ Земський?

Старшыня. Ни, ще не пытавъ. Отъ, Боже мій! Не гайте мене, Гнате Трохимовичу!

Гнатъ. Морока їи знае, де вона дилася? Позавчора я їи прикладавъ до приговору, вчора тежъ кудысь, здається, прикладавъ... Не найду!

Стар. Отъ, пропаду черезъ чортъ-зна-що—черезъ печатку.

Ворот. А мене не пытавъ?

Старшыня. На вищо було братъ ту печатку?

Гнатъ. Була необходимість. Кулыно! *(Кулыно на дверихъ)*. Не бачыла ты печаткы?

Кулыня. Яка-жъ вона?

Старшыня. Кругленька мидненька зъ деревянымъ держальцемъ...

Кулыня. Хто ёго зна! Я вчора чымсь такимъ горласту бальзанку затыкала...

Старш. Де-жъ вона?

Кулыня. Мабуть загубылася, бо назадъ привизъ Гнатъ бальзанку, вже зъ пробкою.

Гнатъ. Самошеша! Що ты наробыла? Це-жъ волостна печатка!

Кулыня. Мени клопить! *(Зныкае)*

Старшыня *(хапается за голову)*. Пропавъ я! Черезъ чортъ-зна-що, черезъ печатку пропадать мушу! *(выбегаетъ)*.

Я в а 4.

Безъ старшыны.

Пысарь. Плохая може выйты штука!

Гнатъ. Для кого?

Пысарь. Для старшины, а ровно и для васъ.

Гнатъ. Я жъ тутъ у чимъ выненъ? Що прыкладавъ самъ печатку? А якъ мени небходымистъ якій прыговоръ швыдче узакдныты, а старшына на похмилля головы не зведе? Що-жъ? Такъ я-бъ ото повыненъ черезъ старшыну, або черезъ ту печатку, дило тераты?

Пысарь. Конечно, иначе—все-жъ такы...

Гнатъ. Безъ печатки мени не сподручно...

Ворот. Якъ вы думаете, Иванъ Ивановичъ, яке це донесеніе?

Пысарь. Пустяшне якесь донесеніе, бо въ протывномъ случаи понадобывся-бъ первымъ я...

Ворот. И я такъ думаю. Вирно на щоть...

Я в а 5.

Ти-жъ та Явдоха.

Явдоха. Чы тутъ Воротыленко? Иды швыдче—старшына клыче: лыбонъ прыйшовъ цвинкуляръ тебе арештуваты.

Ворот. Що-о-о?

Явдоха. Тамъ люде крычатъ, крычатъ били волосты...

Вже въ твой скрыни троячокъ шукалы...

Я в а 6.

Ти-жъ та десяцький.

Десяцький. Воротыленко! Въ волость!

Ворот. Ось колы мени край! (*иде геть*).

Десяцький (*до пысара*). И про васъ Земський поминався...

Пысарь (*стурбовано*). Про мене?.. Правда, пры претыколахъ... я требуюсь... только я въ нетрезвомъ выди;—доложы, що я въ служебнымъ отсутствіи...

Гнатъ. Та й я васъ и не пущу; ще-жъ Трохымъ прыйде.

Я в а 6.

Гнатъ та писарь.

Гнатъ. Отъ такъ штука! Догрався! поличыть теперь троячки у вязьныци. Я такъ и думавъ, що чымсь поганимъ скинчытся, та все не надіявся, що винъ такой необережный. Було-бъ ёму давно звидсиль тикаты!.. Отъ вамъ и навукa! Грамоту пройшовъ, а попався... Шкода чоловіка! Се-бъ то нашъ сёгодняшній бенкетъ пропавъ? Та чого вы нисъ похнюпылы?

Писарь. Не въ бенкети дило.

Гнатъ. А у чимъ? Хиба и ваша душа не на мисци? Ха-ха-ха!

Писарь. И не въ души дило... Ваши купчи можуть пропасть... не смійтесь!

Гнатъ. Мои купчи? Го-го!!

Писарь. И весьма возможно! Ежели зроблять хвормальне дознаніе и выявятся, що Воротыленко пидмовлявъ людей на переселеніе съ своекорыстною цілею, а описля по настоятельнымъ вашимъ просьбамъ и даже съ уплатою за труды, то ваши купчи можуть скасырувати.

Гнатъ. Що вы кажете? Це розбій! Це грабижъ! Я купывъ! Я гроши заплатывъ—я не видповидаю за мошенство якого-небудь Воротыленка. Купывъ 40 десятинъ ораного поля, 4 грунты, та тобъ-то теперь ихъ назадъ видавати?

Писарь. Сохвіина левада може и не вйде въ те чысло, бо Сохвія не запысана къ частію въ чысло переселенцивъ, и, выходыть, будимъ вона продала леваду по доброхотному соглашенію.

Гнатъ. Що вы мене Сохвіиною левадою дратуете? Я капыталъ поклавъ на чыслённисть земли, и ниxто не прыневольт мене вертатъ ту землю! На вищо тоди и законы? Вы велькумни граматыкы повынни булы-бъ знаты, що йе таки самошедши законы, щобъ мое добро, куплене за мои власни гроши, та у мене грабувати... Чы вы й сами законивъ не знаете?

Пысарь. Достаточно знаю...

Гнатъ. Такъ, мабуть, якъ и Воротыленко! Ха-ха-ха! Отъ ваша и наука, отъ ваша и грамотыка! Одного за троячку арешту-вали, а другий може за семьгривенныкы сидитиме. Ха-ха-ха!

Пысарь. Я семьгривенныкы нїякыхъ не бравъ.

Гнатъ. Не бравъ? Воротыленко мени самъ признавався, що зъ кожної троячки вамъ по семьгривенныку упало.

Пысарь. Врѣть онъ, анахтыма! протестуюся—я не бравъ!

Гнатъ. Годи, годи! Хыба я кому скажу? Ха-ха-ха!! Боже бороны, щобъ я кому сказавъ. (*Курить*) Ха-ха-ха! А все-жъ такы ловко выйшло. Неграмотный чоловікъ, безъ усякої науки, силу земли приобривъ, а великоумни грамотыкы за троячки, або й семьгривенныкы... (*показуе кудысь рукою*) гайда! (*сміється*). Правда?

Я в а 8.

Ти-жъ, Трохымъ, Сохвія.

Сохвія (*радісно*). Голубчыку, братику мій! Сыночку мій риднесеный! Визволивъ ты мене зъ ямы... Уже була підняла й руку... Хай тебе Царыця Небесна окрые!

Трохымъ. Я угледивъ, що Иванъ Ивановичъ пійшовъ до тебе, та побигъ мерщій за Сохвією ажъ на хутирь... Ось твои гроши; хочъ личы, хочъ не личы—все до копійкы.

Гнатъ (*кыда цыгарку, робить и закуряе другу*). Яки гроши? Ты у мене не позывавъ.

Сохвія. Це за левадку, Гнатыку, гроши.

Гнатъ. За леваду я грошей не визьму назадъ.

Пысарь (*робить цыгарку*). Продано, и кинецъ.

Трох. Ты-жъ обещався, Гнате, вернуть документа!

Пысарь. Приневоленный обстоятельствами чоловікъ може и клятвопреступны.

Сохвія. Ой, Боже-жъ мій!

Трох. Ты-жъ божывся, Гнате!

Гнатъ. Божывся, а теперъ одбожусь... (*сміється*).

Трох. Годи жартивъ! Хыба я тебе теперь... Эй, схаменся! Та я побожывся, що не пійду звидсиль, поки чы одъ живого, чы одъ мертвого не здобуду документа?

Гнатъ. Чуєте? Иванъ Ивановичъ!

Писарь. Погроза! Самоуправленіе! Я протоколъ составляю!

Трохымъ. Хоть 10 протоколивъ—я не пійду звидциль съ порожними руками. Вертай купчу!

Гнатъ. А цёго не хочешъ? Ха-ха-ха! *(показуе дулю)*.

Трохымъ. Мыройидъ проклятый! Пьяного! Доки ты каминемъ лежатымешъ на души мой? Доки ты пытымешъ кровь нашу? Одного мошенныка, кажутъ, вже арештували, а зъ тобою я самъ росправляюся *(жыдається на Гната)*. Виддавай документъ!

Гнатъ. Иванъ Ивановичъ! Свидкивъ! Давыть! Кулыно! *(борытся зъ Трохымомъ. Писарь бижыть до дверей)*.

Писарь. Эй, хто тамъ! Люде!

Сохвія. Ой, пропала-жъ я!

Я в а 9.

Ги-жъ, Кулына, Носыкъ, Якивъ.

Трохымъ *(борючыся зъ Гнатомъ)*. Головы не пошкодую!.. На Сибирь пійду! За всихъ селянъ отвичу!! Виддай документъ, мошенныкъ, злодій!

Гнатъ. Не виддамъ! Свидкивъ!

Носыкъ *(разбороняючи)*. Ось годи-бо годи! Яки неублаготворимы... Ось слухайте.. Я—коротенько! иносказанье...

Якивъ. Такъ, такъ, Трохyme! Налягай! Давы за глотку собаку! Не выпускай живого, сто купъ чортивъ ёго батькови!

Трохымъ. Сказавъ: убью!

Кулына. Виддай, Гнате, виддай документъ! Ай, ай! пижъ у Трохыма за халявою!

Сохвія. Бога рады! Христа рады!

Гнатъ. Иванъ Ивановичъ! Рятуйте!

Писарь. Ищу бумагы! Уголовщина! Де бумага, де чорныло? *(хапае недокурени бумагу)*.

Трох. Эй, зарижу! *(выхопляе нижъ)*

Якивъ. Такъ ёго! такъ!

Кулына. Проби! Гнатыку! Трохымыку!

Пысарь. Стойте! Стойте, господа! Да документъ на левадку на цыгарки спалылы!

Гнатъ та Трохымъ кыдають одынъ одного, бижать до тїеи бумажкы, котру пысарь держыть въ рукахъ.

Гнатъ. Брешешъ! то духовна! *(Розгляда).*

Пысарь. Документъ на левадку, собственноручно пысанный мною одъ 8 чысла.

Гнатъ *(збирае клепти)*. Це духовна.

Пысарь. Запродажня,

Сохвія. Ой, Мати Божа!

Трохымъ *(прочытавъ клопотъ)*. Ха-ха-ха! Такъ и йе! Запродажня!

Якивъ *(до Гната)*. А що? пожывывся, чортъ-бы взявъ твого батька?

Гнатъ. Брешете вы вси: спалылы духовну, а ось запродажня! *(показуе бумажку и кладе на стілъ).*

Пысарь. Къ сожалїнію, запродажня скурена, а духовна въ цїлости!

Гнатъ *(якъ несамовытый)*. Брешете—духовну спалылы! *(Збирае клепти)*

Трохымъ. Лодарь собачый! Хоть-бы навчывся чытаты свои мошенськи бамагы.

Якивъ *(бере духовну)*. Колы духовна, значыть моя! Чортового батька теперь выколупаешъ... у людей сховаю, у батюшкы...

Трохымъ. Одвивъ якосъ Господь одъ гриха—убыты хотивъ, якъ собаку!

Сохвія. И, Боже, мій Боже! Що зъ цёго буде?

Якивъ *(до Сохвіи)*. А ты теперь грошей ёму не вертай.

Сохвія *(радисно)*. То-бъ то и левадка, и гроши мои?

Гнатъ *(кыда клепти бамагы)*. Це здырство! Це грабижъ! Виддай гроши!

(Сохвія ховае гроши за пазуху).

Трохымъ (вырываючи гроши у Сохви). Не поганьтєся, мамо! (Кыда гроши) На! поличы й подавысь!

Гнатъ (мичыть гроши. Вси дывляться).

Якивъ. А що? злякався? Щобъ тебе за жывить ухапыло!

Я в а 10.

Ти-жъ та Марья.

Марья (кыдається на груди Трохимови). Сонечко мое ясне! Правдонько моя щира! Все-жъ, якъ казавъ, такъ и сталося!

Я в а 11.

Ти-жъ та Явдоха.

Явдоха (заснавшись). Мативко! Ще цвинчуляръ когось арештувавъ!

Гнатъ. Це васъ за семыгрывенника.

Пысаръ (до Гната). Ни, васъ за прыговоръ.

Якивъ. Обохъ, сто купъ чортивъ вашему батькови! Обохъ у вязницю!

Я в а 12.

Ти жъ, десяцький, люде.

Десяцький. Иванъ Ивановичъ, Гнате,—до волосты!

Якивъ. А що? Догралыся?

Люде (спочатку за кономъ дуже гомонять, потимъ врываються въ хату).

1 чолов. У волость, мошенники!

2 чолов. Мыройиды прдкляти!

3 чолов. Бый ихъ!...

(Люде тягнутъ обохъ).

З а в и с а.

Л. Яновская.

Походъ козаковъ въ Сѣверную Россію въ началѣ XVII в.

Въ 1612 году 21 августа явился къ Москвѣ гетманъ Карлъ Хоткевичъ съ польскими и литовскими людьми, съ венграми да „черкасами“ на помощь полякамъ. Бояре и воеводы Д. М. Пожарскій и князь Д. Т. Трубецкой три дня упорно сражались, и 25 августа „восходящее солнце застало уже гетмана на дорогѣ къ Можайску.“ ¹⁾ Ушли-ли туда и „черкасы“, пришедшіе съ нимъ? Какъ видно изъ дальнѣйшаго—нѣтъ, или по крайней мѣрѣ—не всѣ. „Когда дѣло уладилось подъ Москвою, пришли дурныя вѣсти съ сѣвера: малороссійскіе казаки; или черкасы, отдѣлившись отъ Хоткевича, подошли нечаянно (неожиданно?) къ Вологдѣ и взяли се.“ ²⁾ Это было 22 сентября. „Разорители православной вѣры пришли на Вологду безвѣстно изгономъ, городъ взяли, людей всякихъ посѣкли, церкви Божіи поругали, городъ и посады выжгли до основанія.“ ³⁾ Затѣмъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ ихъ у Соловьева разсказывается слѣдующее: ⁴⁾ „Съ тою же чудесною быстротою (?) (какъ Лисовскій) дѣйствовали на отдаленномъ сѣ-

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1894. т. VIII, стр. 1032.

²⁾ Тамъ-же, стр. 1034.

³⁾ Тамъ-же,—донесеніе Вологодскаго архіепископа Сильвестра Пожарскому.

⁴⁾ Соловьевъ, т. IX, стр. 1069.

верѣ козаки Малороссійскіе: *такой войны*, говоритъ лѣтописецъ, отъ начала міра не бывало; не понимали Русскіе люди, куда и какъ пробирались черкасы. Изъ Вологодскаго уѣзда пошли они въ поморскіе города (?), воевали Вагу и Тотемскіе мѣста и Устюжскія (?), потомъ пошли въ Двинскую землю къ морю (?), шли мѣстами непроходимыми, Богъ знаетъ гдѣ они не были (!), и—вышли въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Сумскому острогу. Нигдѣ не могли (?) остановить ихъ; только въ Заонежскихъ погостахъ побили ихъ много, а Олончане (?) доби́ли и послѣднихъ; воевали они Московскую землю все проходомъ, говоритъ лѣтописецъ, подъ городами и по волостямъ (подъ волостями?) нигдѣ не стояли (?), земли много запустошили, но и сами всѣ пропали же.“ Такъ изложенъ этотъ походъ у Соловьева. На самомъ же дѣлѣ, движеніе это изображено неправильно; совершенно пропущены нѣкоторыя крупныя станціи; затѣмъ о „чудесной быстротѣ“ врядъ-ли можно говорить, если принять во вниманіе, что походъ козаковъ продолжался цѣлыхъ полтора года.

Если справимся объ этомъ походѣ у другихъ историковъ, то не найдемъ тамъ никакихъ точныхъ указаній. Такъ, *Голиковъ*. (Дѣянія Петра В., Дополн., т. II, стр. 419)—„сихъ блудящихъ безъ памяти злодѣевъ“, еще до Вологды заставляетъ побывать въ Торопцѣ, Новгородскомъ, Углицкомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ. *Берхъ* (Царствов. царя Мих. Ѳеод., ч. I, стр. 93—94), назвавъ ихъ шайкою разбойниковъ, состоявшею изъ польскихъ бродягъ, козаковъ и сподвижниковъ Тушинскаго Самозванца, и смѣшивая ихъ съ ворами-козаками, выводитъ непосредственно съ Ваги и ведетъ къ Холмогорамъ; встрѣтивъ ихъ затѣмъ „скитающимися“ около Романова, Углича и Торопца, проводить ихъ „пространными пустынями“ и „едва проходимыми мѣстами“ до Олонца. *Арицбашевъ* совершенно уже смѣшалъ тѣхъ и другихъ козаковъ; во главѣ отряда („шайки“) онъ ставитъ атамана Баловня, который, начавъ съ Пошехонья, Бѣжецкаго, Кашинскаго, Новгородскаго, Бѣлозерскаго и Каргопольскаго уу., приходитъ въ Важскій уѣздъ, съ отрядомъ въ числѣ 7000 (!) чел., и затѣмъ, побывавъ подъ Холмогорами и Архангельскомъ, черезъ

Поморье проникаетъ къ Олонцу; здѣсь же, по Арцыбашеву, Баловень находитъ свою кончину,—вмѣсто московской висѣлицы.

Недавно Н. Ардашевъ,¹⁾ воспользовавшись въ архивѣ Министерства Юстиціи столбцами Разряднаго приказа по Московскому столу, отчасти столбцами же Бѣлозерскаго уѣзднаго суда и книгами разряднаго приказа, а также нѣкоторыми писцовыми книгами, въ которыхъ заключаются важныя хронологическія и топографическія указанія, включая сюда и изъ печатнаго матеріала все, что только можно было собрать изъ лѣтописныхъ сборниковъ, собраній актовъ и мѣстныхъ изданій сѣверныхъ губерній, возстановилъ съ достаточными подробностями упомянутый походъ и его обстановку.

Послѣдуемъ теперь за авторомъ и отмѣтимъ постепенно всѣ извѣстные намъ нынѣ пункты, посѣщенные украинскими козаками въ теченіе полуторагодоваго ихъ странствованія на сѣверѣ.

Осадивъ и разоривъ Вологду, черкасы явились къ Спасо-Прилуцкому монастырю (въ 5 верстахъ отъ города, въ 2-хъ отъ посада). Здѣсь они „братію и служекъ, и крестьянецъ многихъ посѣкли и въ церкви Божія милосердія образы ободрали, и казну монастырскую безъ остатковъ поимали“, а нѣкоего подвижника Галактіона, жившаго подъ Вологдой, „схватили живаго въ веригахъ и начали его бить нещадно и за цѣпь влечь по землѣ, и мечами сѣкли, и деревомъ ударили по головѣ, и оставили еле живаго.²⁾

25 сентября черкасы ушли отъ Вологды и пошли вверхъ по Сухонѣ къ Тотмѣ, опустошая по пути волости, сжигая деревни и убивая людей... Въ Тотмѣ имъ было оказано сопротивленіе въ лицѣ тотмичей, уѣздныхъ и посадскихъ людей и стрѣльцовъ; былъ даже въ Тотмѣ „острогъ стоячій“ (стѣна изъ

¹⁾ Журн. Мин. Народн. Просв. 1898 г., іюнь, стр. 225—262 «Изъ исторіи ХVІІ вѣка».

²⁾ Дѣйствительно, на третій день послѣ этого онъ скончался (впослѣдствіи на мѣстѣ его кельи былъ основанъ монастырь «Галактіонова пустынь», нынѣ Спасо-Каменскій Духовъ монастырь).

«стоячихъ острожинъ», — бревень), а межъ стѣнъ — 8 башень. Но козаки этимъ не смутились: „дворы, лавки и церкви пожгли и людей посадскихъ и уѣздныхъ посѣкли“...

Отъ Тотмы „черкасы и литовскіе люди“ измѣнили направленіе и двинулись прямо къ сѣверу, къ Вельску (на р. Вагѣ, лѣвомъ притокѣ Сѣв. Двины). Явившись къ Вельску, „погость разорили, крестьянъ посѣкли, въ храмѣ Ивана Милостиваго кадила и книги, колокола и образа пограбили и сосуды церковныя прибили, и благословенныя и храмосвятныя грамоты взяли“. Отсюда непосредственно обратились на Важскій Богословскій монастырь, „стояли тамъ и многихъ въ монастырѣ старцевъ и бѣльцовъ посѣкли, а иныхъ многихъ мучили и монастырскую казну денежную и платье, и церковныя сосуды, и пашикадила, и свѣчи мѣстныя, и ризы камчатныя, и поручи съ жемчуги — то все пограбили, и съ образовъ серебряныя оклады и гривны поимали, и кельи въ монастырѣ, и въ волостяхъ дворы пожгли, и хлѣбъ въ монастырѣ, и въ деревняхъ коньми окормили, а досталь въ пограние подъ ноги сыпали и рогатый скоть побили, и лошади обводили“. Это было въ концѣ сентября или въ первыхъ числахъ октября. Около этого времени дошли въ Москву слухи, что „черкасы, которые съ гетманскаго побою разбѣжались“, пришли въ Вологду, посадки пожгли и людей многихъ посѣкли. Немедленно, 4 октября, бояре и воеводы, князь Пожарскій и князь Трубецкой, отправили грамоту въ Яренскъ (на р. Вычегдѣ, прав. притокѣ Сѣверной Двины), къ мѣстному воеводѣ, посадскимъ и уѣзднымъ старостамъ съ предостереженіемъ — жить мирно, съ осторожностью, „чтобъ черкасы безвѣстно не пришли и дурна какого надъ городомъ не учинили, и вымьскихъ мѣстъ не повоевали“. Но грамота эта достигла Яренска лишь 27 ноября.

Тѣмъ временемъ черкасы измѣнили направленіе своего движенія къ югу, „въ устюжскія мѣста“, и пришли къ Соли-Вычегодской, ¹⁾ гдѣ, какъ всегда, посадки разорили, дворы посад-

¹⁾ Нынѣ Сольвычегодскъ, почти у мѣста сліянія Сухонѣ съ Вычегдой.

скіе пожгли, а жителей, съ женами и дѣтьми, предали смерти. „Повоевавъ „устюжскія мѣста“, они опять повернули къ западу, по направленію къ Новгороду, и въ первыхъ числахъ декабря появились въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, подѣ стѣнами Кириллова монастыря. Ничего не успѣвъ здѣсь, они изъ-подъ Кириллова монастыря, мимо Бѣлозерска, пошли къ сѣверу, прямо къ Каргополю (на озерѣ Лача, откуда вытекаетъ Онега), опустошивъ нѣсколько окрестныхъ волостей, а 12 декабря, ночью, произвели нападеніе на Каргопольскій посадъ, разорили его, но острога взять не могли. На другой день осада также была неудачна; то-же самое было и на третій день, не смотря на то, что къ острогу приступали съ „щитами“ ¹⁾ съ огнемъ, зельемъ и смолою“. ²⁾

Лишь только пришли черкасы къ Каргополю, ихъ *полковникъ* Григорій Васильевичъ (сотникъ Григорій Черкашенинъ,—какъ предполаг. г. Ардашевъ), съ товарищами, отправилъ „воровскую грамотку“ Каргопольцамъ, въ которой излагалось, что ихъ послалъ „государь Владиславъ Жигимонтовичъ со многою ратью въ Каргополь и въ поморскіе города, за ихъ выслугу, воевать“, потому что каргопольцы „государю, крестъ цѣловавъ, измѣнили“, и на этомъ основаніи должны заплатить имъ сполна со всего Каргопольскаго уѣзда „данныя и оброчныя деньги и мелкіе всякіе денежныя доходы“ за прошлые 1611 и 1612 года. „А только вы намъ денежныя доходы заплатите сполна по прежнему, и мы—писали они,—на томъ присягаемъ и крестъ цѣлуемъ, что вашихъ храмовъ и дворовъ въ посадѣ и въ уѣздѣ не будемъ палить и грабить и крестьянъ сѣчь“. Одновременно же съ этимъ дальновидные черкасы отправили посланца крестьянина съ письмомъ къ нѣкому пану Песоцкому, который оставался, очевидно, гдѣ-то неподалеку отъ Кириллова монастыря, съ просьбой явиться къ нимъ на подмогу и затѣмъ, осадивъ соединенными силами Кар-

1) «Щиты», служившіе для защиты нападавшихъ отъ выстрѣловъ, устраивались на саняхъ и во время приступа подкатывались въ укрѣпленію.

2) Все вмѣстѣ назыв. «примѣты», т. е. воза съ горючими матеріалами, при помощи которыхъ старались поджечь укрѣпленіе.

гополь и забравши оттуда артиллерію, вмѣстѣ двинуться къ Кириллову монастырю. Но каргопольцы перехватили посланца и письмо у него отобрали.

Послѣ троекратныхъ неудачныхъ приступовъ, видя тщетность своихъ усилій, черкасы 13 декабря по-утру, зажегши посадь, повернули снова къ югу, по направленію къ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю.

Тѣмъ временемъ туда, 10 декабря явился (неизвѣстно откуда) панъ Песоцкій съ 700 „черкассъ и съ ними панъ Лаврикъ (двоюродн. братъ Песоцкаго) да панъ Марко“ (Маркъ Поздяковъ, есаулъ—какъ предполагаетъ г. Ардашевъ), разоряя обычно все по пути. Самъ Песоцкій, схвативъ въ одной деревнѣ мѣстнаго попа, Павла Семенова, бьючи его разспрашивалъ о монастырской казнѣ, о городской крѣпости и артиллеріи, а кромѣ того послалъ за отрядомъ черкасъ, дѣйствовавшихъ подъ Каргополемъ, съ повелѣніемъ вернуться сюда, чтобы вмѣстѣ подъ Кирилловымъ монастыремъ промышлять.

Въ ночь на 11 число Песоцкій, приставивъ къ монастырскимъ стѣнамъ лѣстницы, бросился на штурмъ... Два часа длился жаркій бой, но нападающіе были съ значительнымъ урономъ отбиты: 100 душъ полегло у стѣнъ монастыря, въ томъ числѣ и панъ Песоцкій, убитый на приступѣ изъ пушки, и братъ его панъ Лаврикъ и много другихъ пановъ. Отступивъ отъ монастыря на юго-востокъ къ Кубенскому озеру въ количествѣ 600 душъ, черкасы не оставили мысли посчитать монастырскую казну—они лишь поджидали прихода отряда изъ-подъ Каргополя.—„Не устояли отъ насъ Москва (sic!) и Великій Новгородъ и иные многіе города, а Кириллову монастырю отъ насъ не устоять!“

13 декабря въ Бѣлозерскій уѣздъ изъ Обонежской пятины явились „Наливайкова полку литовскіе люди и черкасы, и русскіе воры, человекъ съ 500“. Паника объяла всю округу: Каргополь, Бѣлозерскъ, Кирилловъ монастырь, Вологда, Устюжна Желѣзнопольская (на р. Мологѣ)—все пребывало въ постоянной тревогѣ. Крестьяне бѣжали по острогамъ, иные разбѣгались по

лѣсамъ, и такое положеніе вещей продолжалось до лѣта слѣдующаго, 1613 года.

Лѣтомъ этого года шведскому воеводѣ въ Новгородѣ, Якову Пунтусову надо было осадить отказавшійся въ повиновеніи г. Тихвинъ (на р. Сяси, впадающей въ Ладожское оз.) Не будучи въ состояніи справиться собственными силами, Яковъ Пунтусовъ обратился съ предложеніемъ союза къ черкасамъ, бродившимъ съ цѣлью грабежа неподалеку. Послѣдніе не замедлили явиться; ихъ было около трехъ тысячъ; полковники у нихъ были: „большой полковникъ Барышполець да полковникъ Сидорко“; съ ними были и литовскіе люди, три конныя роты, съ ротмистрами Халаймомъ Ивановичемъ, Шниколовскимъ и Яницкимъ,—всѣхъ около 500 душъ. Явившись въ такомъ составѣ къ Тихвину въ Петровъ постъ, они простояли безуспѣшно „съ нѣмецкими людьми“ до осени, отъѣзжая отъ монастыря для однихъ лишь кормовъ. Во время этого стоянія черкасы задумали выяснить условія свои съ Пунтусовымъ... Полковники Барышполець и Сидорко поѣхали въ Новгородъ къ нему, и онъ сулилъ имъ сукна, камки, а также деньги, собранныя съ новгородцевъ, но за то предлагалъ литовскимъ людямъ и черкасамъ идти на Двину, къ Архангельску. Полковники, раскинувъ умомъ, денегъ взять не захотѣли, потому что „Яковъ ихъ заневолить себѣ служить“, и ни суконъ, ни камокъ, ни денегъ у него не взяли. Между тѣмъ наступила осень, не стало кормовъ, и черкасы съ нѣмцами разстались. Говорили, что у нихъ произошла ссора съ нѣмцами, и черкасы „для того, что имъ король (шведскій) гроши не далъ, отошли отъ Якова Пунтусова, всебраняся“. Литовскіе же люди съ упомянутыми ротмистрами пошли въ Новгородъ, къ Пунтусову. Изъ подъ Тихвина черкасы ушли въ два пріема: первая партія около 7 сентября, направившаяся въ Бѣлозерскій уѣздъ, а затѣмъ 12 сентября и полковники Барышполець и Сидорко съ остальными, туда же.

Опять вся область отъ Вологды и до Каргополя съята была страхомъ.—Черкасы расположились повсюду въ ожиданьи

зимняго пути, чтобы какъ только рѣки станутъ и снѣгъ падетъ, отступить къ Кириллову монастырю, къ Каргополю и къ Бѣлоозеру. Въ особенности ихъ плѣнялъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь: „либо мы Кирилловъ монастырь возьмемъ, либо свои головы прикладемъ“.

Съ наступленіемъ зимы черкасы первымъ дѣломъ попробовали было незамѣтно двинуться къ Каргополю; но это имъ не удалось... А тѣмъ временемъ они выпытали, что въ Холмогорахъ острогъ не додѣланъ, и гарнизона тамъ всего лишь 50 человѣкъ, а заморскаго узорчатаго товару много. Полковники, учиня раду, пошли къ Холмогорамъ, посуливъ своимъ полчанамъ, что тамъ будетъ золота и серебра, и бархатовъ, и сукопъ дорогихъ много, а острога совсѣмъ нѣтъ, только три посадца...

Разохоченные черкасы, предвкушая богатую добычу, выступили въ концѣ ноября по направленію къ Холмогорамъ. А тѣмъ временемъ тамъ происходили приготовленія; воевода Двинской, князь Пронскій, достроилъ острогъ, привезъ изъ Архангельска пушки и „зелье“, пригласилъ оттуда же на помощь сотню стрѣльцовъ.

Подходя уже къ Холмогорамъ, черкасамъ пришлось наткнуться на Елецкій острогъ. Потерпѣвъ здѣсь маленькую неудачу, они 6 декабря прибыли въ Холмогоры. На третій день началась правильная осада. Въ качествѣ вспомогательнаго матеріала осаждающіе приготовили 16 штурмъ (назначеніе ихъ то-же, что и щитовъ): 16 воевъ соломы и бересты, облитыхъ смолой, вѣшниковъ, также облитыхъ смолой и саломъ,—по двѣ штурмы и по два воза съ каждой сотни. „Полковникъ большой“ у нихъ—Барышполець, есаулы—Марко Поздяковъ, черкашенинъ, да Вышенскій, а Сидорку отставили вслѣдствіе раны, полученной имъ въ осадѣ 8 декабря. Въ войскѣ у нихъ, повидимому, было около 1200 душъ ¹⁾, въ томъ числѣ 300 „бойца“ (стрѣлковъ), съ длинными пищалями, на литовскихъ бахматахъ (особая порода лошадей), „а иные 300

¹⁾ Черкасъ и русскихъ людей съ нахолками, въ томъ числѣ доповъ—козаковъ 100, новгородскихъ татаръ 30, да нѣмцевъ, новгородскихъ сидѣльцевъ, 3.

человѣкъ—съ малыми булгаками (пулгаками?) и въ саадакахъ (сагайдакахъ)—мелкіе пахолки, а ставятъ ихъ въ полку, чтобы люднѣе казалось“. Собравши „коло“, всѣ присягали на томъ, что, „имъ всѣмъ подѣ Холмогорами помереть“... Однако уже на другой день утромъ сѣѣхались „на думу“ сотники и рѣшили: „идти Двиною внизъ къ морю и приниматься въ Новгородъ къ Якову Пунтусову“... Такъ они и сдѣлали, и черкасы Барышпольцева полка пошли внизъ Двиною, къ Архангельску, а еще раньше, изъ-подѣ Холмогоръ, ушелъ внизъ по Двинѣ и на Вагу сотникъ Фетко (Федько?), „а съ нимъ пошло литвы и черкасы 300 человѣкъ“. По уговору, и тѣ и другіе должны были сойтись подѣ Карго-подемъ.

Уйдя изъ Холмогоръ, черкасы думали было незамѣтно напасть на Архангельскъ, но архангелогородцы предупредили ихъ... Поэтому они къ городу не подступали, а пошли къ морю, къ Никольскому Корельскому монастырю. „Монастырь и монастырскіе соляные промыслы и вотчины разорили до основанія, казну монастырскую забрали, людей посѣкли, а иныхъ жгли и мучили“. Отсюда пошли берегомъ моря по зимней проѣзжей дорогѣ въ Ненокоцкій посадъ, затѣмъ въ посадъ Луду, Уну,—всюду все уничтожали, церкви грабили, дворы жгли, варницы соляныя разоряли; подступили наконецъ къ Сумскому острогу Соловецкаго монастыря. Здѣсь стрѣльцы Сумскіе не мало побии черкасы, которые не осмѣливались уже осаждать Соловецкаго монастыря, а повернули въ Заонежскіе погосты. 2 января 1614 г. Барышполець съ полкомъ да Сидорко (получившій, надо полагать, снова прежній чинъ) пришли въ Шунгинскую и Толвуйскую волость двумя дорогами. Не смотря на болѣе чѣмъ двухнедѣльную осаду этихъ острожковъ, взять ихъ штурмомъ или изморомъ не удалось. Отсюда, изъ Шунгинской волости, черкасы, по совѣту нѣкоторыхъ шведовъ, обратились къ послѣднимъ съ предложеніемъ услугъ. Яковъ Пунтусовъ, въ отвѣтъ на это, прислалъ „Сидору“ королевскія грамоты, „чтобы нѣмцамъ и черкасамъ согласиться и соединиться въ одно на русскихъ людей“. Въ виду этого черкасамъ предложено было идти на Олоонецъ и

тамъ поджидать „нѣмецкихъ людей“. 29 января пришелъ сюда передовой отрядъ черкасъ и нѣмцевъ, въ 800 душъ. Олонецкій голова Страховъ да атаманы и есаулы съ козаками дали солидный отпоръ пришельцамъ, но, узнавъ, что еще приближается непріятель, оставили Олонецъ на произволъ судьбы, который тотчасъ-же заняли черкасы съ союзниками. Тогда „государевы люди“, встревоженные приходомъ неожиданнаго въ той мѣстности врага, послѣ многихъ и долгихъ отписокъ въ Разрядъ, составили въ первыхъ числахъ марта союзъ изъ Барай-Мурзы Кутюмова и головы съ татарами, казаками и др., напали на черкасовъ у Олонца и побили ихъ въ конецъ (до 1000 душъ легло на мѣстѣ), а сотника Өетка взяли въ плѣнъ и отравили въ Москву. Союзники же, которые стояли въ Корельскомъ уѣздѣ „на лежѣ“, въ количествѣ 100 пѣшихъ да 200 конныхъ, явились на помощь.... на другой день послѣ бою.

Теперь у черкасовъ осталось всего лишь 300 человекъ во главѣ съ Сидоркомъ да пахолковъ съ 200; Барышполець же „нынѣ съ черкасами въ ряду, а не полковникомъ, потому что его полкъ весь побить въ Олонцѣ“. Послѣ олонецкаго погрома у черкасъ была рада, „и полковники и черкасы приговорили, чтобы отдать на сотника Өетку (вымѣнять)—а тотъ Өетко у нихъ честенъ, *умѣетъ многимъ языкамъ*, а прежь сего бывалъ у черкасъ же въ полковникахъ—полонянина князя Матвѣя Прозоровскаго“. Черкасы хотѣли было писать на Тихвину къ воеводамъ объ этомъ размѣнѣ, но, узнавъ, что Өетко сосланъ въ Москву, оставили свое намѣреніе...

Послѣ Олонецкаго пораженія прислалъ Пунтусовъ черкасамъ грамоты съ предложеніемъ идти къ нему, Якову, въ Новгородъ. Но черкасы отказались,—не хотѣли обратиться въ гражданъ новгородскихъ, а ему отписали, съ упрекомъ, что „за ихъ службу, что ему служили подъ Тихвиною, велѣлъ имъ „лежать“ въ Корельскомъ уѣздѣ до травы!“

Вмѣсто Новгорода, они съ полковникомъ Сидоркомъ отправились въ Соломенскую волость,—„опасаясь государевыхъ людей приходу“. Въ случаѣ-же тамъ не окажется корма людямъ и

конямъ, то они пойдутъ подъ Корелу (г. Кексгольмъ), въ Корельскія волости и будутъ тамъ стоять до травы, а оттуда, черезъ Лифляндію, направятся въ Литву.

Но не осуществились ихъ планы, ибо „государевы люди вездѣ дороги залегли“,—немыслимо было пройти, да и снѣга были велики. Поворотивъ отъ Олонца назадъ, они прошли за Онегу въ Шуйскую волость и 10 марта произвели нападеніе на Никольскій Шуйскій монастырь... Расположившись затѣмъ на Тулмозерѣ (Тулוםъ-озеро), черкасы снова обращаются къ шведамъ, и воевода Анцмукъ Михайловъ и съ нимъ 200 человекъ съ артиллеріею явятся на Тулмозеро въ срединѣ марта. Отсюда предполагали идти подъ Бѣлозерскъ, подъ Кирилловъ монастырь и Каргополь.....

На этомъ прекращаются извѣстія о судьбахъ черкасовъ, исколесившихъ почти всю Сѣверную Россію, прошедшихъ ее вдоль и поперекъ. „Что ихъ туда завело?“—спрашиваетъ авторъ,—„Непримиримая-ли ненависть къ великорусскому племени, или погоня за золотомъ и серебромъ, за дорогими камками и всякими узорочьями торговыхъ городовъ? Ненасытная-ли жажда крови и истребленія, или призывъ и посулы Якова Пунтусова, „новгородскаго сидѣльца?“ Манилъ-ли буйную волю широкій просторъ беззащитного края, или гнало ихъ отчаяніе затравленного звѣря?..“ Врядъ-ли надо предполагать столько разнообразныхъ побужденій, когда весь ходъ дѣла ясно показываетъ, что главнымъ мотивомъ въ этомъ движеніи на сѣверъ была простая погоня за счастьемъ и наживой... Впрочемъ, въ концѣ концовъ, авторъ и самъ это признаетъ: „сдѣлали это безъ какой-либо опредѣленной цѣли, безъ выдержаннаго плана: кинулись, увлекаемые жаждой легкой добычи и наживы“. Вотъ въ этомъ заключается, какъ намъ кажется, и рѣшеніе вопроса.

Выборное начало въ средѣ Волынскаго духовенства въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, столь знаменитыхъ въ исторіи рускаго самосознанія, старообрядцы во всеподданнѣйшемъ адресѣ, поднесенномъ Александру II, писали: „въ новизнахъ твоего царствованія любезная нашему сердцу старина слышится“.

Большою въ то время новизною, вводимую со всею осторожностью и постепенностью, считалось выборное начало въ средѣ духовенства. Вотъ что писалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1866 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Д. А. Толстой: „Вмѣстѣ съ сѣздами, мало-по-малу и съ соблюденіемъ необходимой осмотрительности, распространяется въ нѣкоторыхъ епархіяхъ выборный порядокъ назначенія благочинныхъ. Въ 11 епархіяхъ предварительный выборъ на благочинническія мѣста представляется самому духовенству. Тотъ-же порядокъ допускается по временамъ, въ видѣ опыта, еще въ 8 епархіяхъ (въ числѣ названныхъ епархій находится и волынская). Избранные кандидаты получаютъ утвержденіе въ должности отъ преосвященныхъ, которые, такимъ образомъ, ничего не теряя изъ предоставленной имъ власти, своимъ довѣріемъ къ духовенству даютъ ему новое побужденіе къ добросовѣстному исполненію долга—избра-ніемъ на благочинническое служеніе лицъ, вполне достойныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и готовыхъ съ усердіемъ и пользою пещись о ввѣряемыхъ имъ интересахъ церкви“.

Такова была новизна, съ осмотрительностью прививавшаяся въ 60-хъ годахъ къ духовной средѣ. Но въ этой новизнѣ слышится всѣмъ знакомая, далекая старина.

Не будемъ погружаться въ глубь вѣковъ для доказательства этой истины. Достаточно напомнить, что выборное начало въ средѣ южно-русскаго духовенства всегда было сильно. Проще сказать, оно было дѣломъ столь естественнымъ, что иного порядка опредѣленія къ духовнымъ должностямъ никто себѣ и представить не могъ. Уже самое назначеніе того или другого лица священникомъ на извѣстный приходъ могло состояться не иначе, какъ по предварительномъ избраніи его „громадою“ и послѣ одобренія этого избранія мѣстнымъ помѣщикомъ. Когда въ концѣ прошлаго вѣка противъ священника с. Андреевичъ, Овручскаго уѣзда, Стефана Бобровницкаго возбуждено было, по жалобѣ мѣстной громады, слѣдственное дѣло и когда по слѣдствію взведенныя противъ него обвиненія отчасти подтвердились, то епископъ Варлаамъ 25 августа 1798 года положилъ не иную, а именно слѣдующую резолюцію: „на мѣсто Б. другаго избрать“ (Арх. волын. дух. конс. дѣло № 453).

Такой-же порядокъ предварительнаго избранія соблюдался и при назначеніи въ должность благочиннаго. Этого основного порядка, составлявшаго одну изъ существенныхъ принадлежностей южно-русскаго церковнаго устройства, не могли сокрушить и всѣ тѣ отступленія отъ древне-церковныхъ уставовъ, какія допускались во время болѣе чѣмъ двухвѣковаго господства уніи. По крайней мѣрѣ, въ самый годъ воссоединенія уніатовъ мы наталкиваемся въ старыхъ архивныхъ дѣлахъ на фактъ предварительнаго избранія духовенствомъ благочиннаго.

Ямпольскій (нынѣ мѣстечко Ямполь, Кременецъ. у. Вол. губ.) благочинный Стрѣхинъ, вызванный наряду съ другими изъ Кіевской епархіи съ цѣлью воссоединенія уніатовъ и устроенія православныхъ приходовъ на Волыни, уѣхалъ домой и не возвратился. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія епископа брацлавскаго и подольскаго Іоаннікія, завѣдывавшаго воссоединеніемъ и волынскихъ уніатовъ до назначенія на Волынь въ 1795 году

епископа Варлаама. Онъ тотчасъ же издалъ на имя староконстантиновскаго благочиннаго слѣдующее „приказаніе“: „Предписывается тебѣ учинить слѣдующее: съѣхавъ во оный Ямпольскій уѣздъ и собравъ тамошнее священство, велѣть имъ, вмѣстѣ съ тобою, нынѣ-же избрать единогласно изъ-межъ себя двухъ священниковъ достойныхъ, ученыхъ, знающихъ совершенно русскій языкъ и во всемъ способныхъ къ отправленію должности благочиннаго, въ кандидаты, представить намъ для разсмотрѣнія и утвержденія“. Собравшееся подъ руководствомъ Бочковского духовенство избрало въ кандидаты на должность благочиннаго Дверницкаго и Коцовскаго, при чемъ достойнѣйшимъ признавало перваго; но такъ-какъ онъ отъ предлагаемой чести отказался, то епископъ Іоанникій въ своемъ „приказаніи“ уже на имя Коцовскаго писалъ слѣдующее: „хотя изъ представленныхъ намъ кандидатовъ болѣе рекомендованъ Дверницкій, нежели вы, но какъ поелику онъ отказался, то и быть вамъ благочиннымъ“.

Такимъ образомъ то, что въ 60-хъ гг. допускалось въ Волынской епархіи въ видѣ опыта, безбоязненно практиковалось еще въ концѣ XVIII вѣка, тотчасъ по воссоединеніи униатовъ. Епископъ Іоанникій, ничего не теряя изъ предоставленной ему власти, довѣрялъ духовенству избраніе достойныхъ кандидатовъ въ должность благочиннаго и затѣмъ любого изъ нихъ утверждалъ.

Но не одинъ Іоанникій такъ дѣйствовалъ. Епископъ Даниилъ, правившій Волынской епархіей послѣ Варлаама,—человѣкъ, по воспоминаніямъ старожиловъ, суроваго, деспотическаго нрава, сильно заискивавшій предъ мѣстными магнатами, но высоко и надменно относившійся къ рядовому сельскому духовенству, а въ минуты гнѣва и раздраженія, дѣйствовавшій даже палкою по плечамъ своихъ подчиненныхъ,—и тотъ не рисковалъ пренебречь древнимъ обычаемъ и отступить отъ извѣстнаго установившагося порядка избранія благочинныхъ.

30 сентября 1811 г. благочинный Погосьскій, житомирскаго у., за неисполнительность былъ удаленъ отъ должности.

Вслѣдъ затѣмъ изъ волынской консисторіи послѣдовалъ въ мѣстное духовное правленіе указъ: „о избраніи кандидатовъ въ благочиннаго общими того вѣдомства священно-церковно-служителей голосами“. Выборы происходили 11 мая 1812 г.

Приводимъ текстъ избирательнаго акта (съ сохраненіемъ его орографіи): „Выборъ. Мы ниже подписавшіисъ вѣдомства Благочиннаго іерея Григорія Погольскаго священно и церковно-служители добровольно избираемъ священниковъ сель Ивано-вичъ—Василія Немозовскаго, и Вильска—Іосифа Житинскаго, поведеній честныхъ, добропорядочныхъ и ни въ какихъ подозрѣніяхъ и штрафахъ ни бывающихъ, въ кандидаты на мѣсто выше писаннаго Благочиннаго іерея Григорія Погольскаго и изъ тѣхъ кандидатовъ имѣтъ себѣ благочиннымъ желаемъ, въ чемъ своеручно подписуемся“. Слѣдуетъ 10 подписей священниковъ и подъ особымъ заголовкомъ „Церковныки“ 9 подписей причетниковъ. На рапортѣ житомирскаго духовнаго правленія по этому предмету еп. Даниилъ положилъ такую резолюцію: „Села Ивановичъ свящ. В. Немоловскому, яко ученому и избранному, быть благочиннымъ“.

Изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла выясняется, что не однимъ только священникамъ предоставлялось право выбора благочиннаго, но что въ столь серьезномъ актѣ принимали участіе и церковники, или, по тогдашнему, „дьяки“. Если даже эти истинные пасынки духовнаго сословія не были устранены отъ такого дѣла, то можно судить, какъ прочно и глубоко коренилось въ то время выборное начало въ средѣ Волынскаго духовенства. И вотъ однако то, что казалось тогда столь неизбѣмымъ, было впослѣдствіи, очевидно, разрушено, если въ 60-хъ гг. приходилось вводить его вновь и то лишь въ видѣ опыта. Но введенная съ 60-хъ годовъ система выбора благочинныхъ просуществовала не долго. Съ 80-хъ годовъ вновь перешли къ системѣ назначенія по усмотрѣнію консисторіи и епархіальнаго архіерея.

ЗЛОДІЙ.

Давно вже пивничъ пивни прокрячали. Спать село Трепиля; тилько осинній дрибный дощыкъ торохкае въ вякна, та и винъ якось линыво йде: то прытыхне, нибы задримае, то прыпустытся раптово, наче прокынется. На двори темпо, хочъ очы новыколуй, и тыхо, нибы на кладовыщи; собаки, й ти поховалысь въ солому, дарма що вовкы бродять кругомъ села и нюхають, видкиля-бъ сперты вивцю або пороса. Воны, якъ и люде, дуже люблять поросяче мясце, и якъ-бы тилько поросята та не были таки горлати и не крячали, якъ навижені, на все село тоди, якъ вовкъ схопыть въ зубы, то вже давно-бъ и не нюхавъ старый Снижко поросячого холодцю зъ хриномъ. А старый дуже ласый до теи стравы,—пиднесы ты ёму холодцю зъ поросятыны,—весь зйистъ, ще й мыску вылыже; а зъ начинною якъ трапытся—тилько висточки заставыть; пидставъ локшыну зъ свынною—и ту не помылуе, а якъ ще пидъ руки попаде пляшка съ горилкою, то тоди мабуть и живого пидсвынка зйивъ-бы. Не дали, якъ учора, на хрыстынахъ у зубатой Параскы нашъ Грыцько (такъ звали Снижка) йивъ, йивъ борщъ зъ сомыною, ажъ поясъ роспустывъ, а потимъ, якъ подали зъ ковбасою капусту, то якъ прынявсь, такъ бильшъ, якъ пивъ макитры самъ сперъ: думалы, що й живить розсядется —и ничого! Теперъ спыть соби дома на печи въ гарячымъ проси. Спать. Скризь тыхо и спытся ёму, наче Пераска пидносыть

ѣму повну мыску вареной поросятны, а паръ зъ неѣ йде, нибы съ трубы, и зверху вся полыта буряковымъ квасомъ зъ хриномъ.

„Годуйтесь, будьте ласкави,“—припрошуе Параска и пидносыть здорову чарку горилкы. Винъ выпывъ, утерся полою, потимъ выбравъ шматокъ мняса, де бильше було хрину, видкусывъ и ставъ жувать. Ну, та й хринь! ажъ въ носи закрутыло,—и Грыцько чхнувъ на всю хату и проснувся; потимъ въ другый—третій разъ, та такъ здорово, що розбудывъ и жинку.

— А, бодай тебе! обизвалась до ѣго Мотря.—Злякавъ мене такъ, що ажъ коло сердца похолонуло. И чого ты такъ розичхався?

•— Та, мабуть, просо въ нисъ попало,—обизвався Грыцько и ставъ лапать по печи рукамы, помы не налапавъ кысета зъ тютюномъ; зачепывъ рукавомъ чымало проса, и воно посыпалось зъ печи до-долу.

— Ну й якого ты биса соваешся по печи, нибы той кабанъ въ сажи,—вызвирьлась на ѣго Мотря.

Грыцько мовчки вытеръ сиринкъ, закуривъ люльку и ставъ потроху смоктать. Пидъ викномъ загавкавъ Сирко и ставъ кыдаться до ворить.

— Грыцьку, а Грыцьку! Отъ-же, мабуть, щось въ двори порается, що Сирко такъ надсидається. Злизъ бы ты зъ печи та выйшовъ на двиръ—потюкавъ: може звирюка до кошары пидійшла, або злодїй до коней пидкопується.

— Та якый чортъ въ таку темну ничъ та й по дощу полизе красты,—пробурчавъ Грыцько.

— А по твоему, то злодїи ходять, якъ мисяць свитыть ясно?

— Та й иды ты къ лыхому зъ своимъ мисяцемъ. Ну вже, и вїидлыва ты, якъ оса! Сирко дурный бреше, а вона вже дума, що повенъ двиръ злодїивъ! Отъ якъ Барбось загавка, тоди друге дило: я заразъ схоплюсь зъ печи, бо винъ даромъ рота не роззявить. Лягай, краще, Мотре, та спы и другимъ сну не перыбывай.

Мотря прытыхла, тилько не надовго. Сирко знову кынувся до ворить, а за нимъ и Барбось загавкавъ.

— Та злизь ты зъ печи,—бачышь якъ собаки валують. Чы хочешъ долежатись, помы все зъ коморы та зъ клуни выкрадуть,—прыстае до ёго Мотря.—Я-бъ сама пишла, та боюсь, а то-бъ тебе не просыла.

Грыцько мовчыть; собаки все дужче и дужче гавкають.

— Та встанешъ ты, сто чортывъ на твою голову! Чы ты хочешъ, щобъ я тебе за чупрыну стягла!

— Та чого вы, мамо, лаетесь?—обизвалась Катря (вона ще якъ першый разъ Сирко загавкавъ, проснулась и все прислухувалась). Ось я заразы встану та й выйду,—нехай соби тато лежать. Може справди вовкы до кошары добираюгся,—я погукаю та нацькую собакъ на ихъ.

— Пиды, пиды, дочко,—обизвався Грыцько,—не бійся: якъ шо тее, то й я выйду до тебе; та вже за однимъ заходомъ и до клуни навидайсь.

Катря назула на босу ногу чоботы, нахинула батькивъ кобенякъ зъ видлогою та й выйшла зъ хаты.

— Катре, а Катре!—крыкнувъ їй на-здогинъ Грыцько:—пидкынешъ за однимъ разомъ и паши воламъ и конямъ.

— Добре, тату,—одказала вона ёму зъ надвору.

— А смилыва, катова дивка,—другого й парубка за поясъ заткне; не така, якъ ты, стара прытыка, вся въ мене—промовывъ старый до старои.

Катря выйшла, пидизвала до себе Сирка и Барбоса и въ пивъ-голоса обизвалась:

— Маркіяне, де ты?

— Ось тутъ, моя Катрусю,—и до неи изъ-за прычилка пидійшовъ высокый парубокъ, взявъ їи за руки и хотивъ прыгорнуть до себе.

— Ни, Маркіяне, ходимъ пидъ повитку, а то маты побачать.

Пидъ повиткою вони посадалы, и Маркіянъ прыгорнувъ до себе дивчыну и ставъ цилувать свою мылу Катрусю; и куды тилько винъ їи не цилувавъ: и въ губы, и въ щокы, и въ очи; видлога спала у неи зъ головы, и винъ давай їи цилувать въ шыйку и въ косу, а вона, якъ та голубка, прыгорнулась до

ёго, обняла руками ёго голову и впиалась губами въ ёго губы, та такъ, що й одстать одынь отъ другого не можуть. Забула Катря и за коней, и за воливъ, и за все въ свити; якъ-бы не пивень, то сидили-бъ наши голубьята, покы-бъ не выйшовъ батько. Та на ихъ щастя, якъ разъ надъ головою сидивъ на бантynи билий пивень. Слухавъ винъ, слухавъ, якъ вони цилуються, та й дума: „цилуются парубокъ зъ дивчиною,—/ чого жъ я зиваю? Треба й своихъ дивчатъ побудыть!“ та якъ закрычыть на все горло: Ку—ку—ри—ку! Маркіянъ и Катря зъ переляку такъ схопылись, нибы ихъ хто окропомъ обливъ.

— Иды, голубчыку, до-дому, а то батько выйдуть, застануть,—сказала вона парубкови,—та не йды въ ворота, а по-за клуню та черезъ тынь.

Маркіянъ ще на-останци прыгорнувъ Катрю и пишовъ до клуни. Катря нагнала ёго и попросила пидкынуть паши худоби. Маркіянъ ще разъ подилувавъ свою Катрусю, и розійшлись—винъ въ загороду, а вона въ хату.

— Ну, що?—пыта батько.

— Та щось було коло клуни. Я якъ выйшла, а воно черезъ тынь та такъ и подалось на выгинъ.

— И то вже четвертый разъ цією осены,—сказавъ Грыцько,—и що-бъ воно таке?

— Та що-жъ,—отказала Мотря,—якъ не злодіи!

— Та, мабуть, що злодій,—промовывъ и Грыцько, и зновъ ставъ закурювать люльку.—И ты, Катре, не боялась?—заговорывъ до неи батько.

— Ня, тату.

— А який винъ въ себе: высокій, чы ни?—допытувавъ Грыцько.

— Высокій, тату.

— Отъ-же я трычи бачывъ все высокого,—сказавъ Грыцько; потимъ трохи згодомъ пытае:—Катре, чы не Маркіяномъ ёго звуть?

У бидной Катри зъ переляку и сердце перестало бытсья, не може и слова вымовыть.

— Якъ що Маркіяномъ, то вже ничего балакать,—сказавъ Грыцько,—таке ёго щастя; скажы, нехай завтра старостивъ прысыла.

Катря кинулась на пичъ и давай цилувать батька. Просо такъ и шуршыть зъ печи; тилько вже Мотря не лае—не до проса, и дума вона,—а про кого? Та про кого жъ бильшъ, якъ не про злодія.

В. Чыгрынець.



Документы, извѣстія и замѣтки.

„Опасная болѣзнь“ въ Переяславскомъ полку въ 1750 году. Иркѣевскій сотникъ Требянскій въ октябрѣ мѣсяцѣ 1750 г. донесъ въ полковую Переяславскую канцелярію о происшедшихъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ двухъ случаяхъ смерти отъ какой-то, на взглядъ сотника, подозрительной болѣзни. У козачьей жены Гапки Захарченковой въ с. Скородистикѣ ночью «зесвербѣла щока лѣвая», а на другой день «выйшолъ красныи пузырь, в опухла, тако-жъ и въ животу болѣти стало». На шестой день она умерла, «опухъ же, который на ей былъ, в пузырь красныи по умертвіи поховались».

Присутствовавшій на погребеніи Гапки Захарченковой братъ ея Данило Богдавецъ, на другой день послѣ похоронъ заболѣлъ и черезъ 6 дней умеръ, при чемъ сестра его такъ показала въ сотенномъ правленіи о его болѣзни: «на шіи де выбѣгъ пузырь и когда тотъ пузырь, по его требованію, раздавила жена его, то тотъ пузырь былъ червоныи». Мѣстные обыватели припомнили и обратили вниманіе на то обстоятельство, что въ роду этихъ Богданцовъ и другіе умирали отъ такихъ же болячекъ, а именно: «тому де 15 лѣтъ, якъ старшому Богданцю Семену выбѣгъ такой-же пузырь на руцѣ, 3-го дня умре; да у сестры де ихъ Тегяни, тому-жъ будетъ назадъ 25 лѣтъ, збѣгъ пузырь на плечу и умре-жъ 8 дня».

Сотникъ Иркѣевскій эти разговоры мѣстныхъ обывателей помѣстилъ въ своемъ доношеніи, чѣмъ и побудилъ полковую Переяславскую Канцелярію усмотрѣть пзвѣстную опасность въ томъ, что «з пузырей двѣ души умерли». Полковая Канцелярія немедленно предписала сотнику учредить въ с. Скородистикѣ сторожайшій ка-

рантинъ: «не токмо тѣ дома жилые двоихъ умершихъ отъ пузырей душъ, но и все село Скородистикъ рогатками и караулами на время заключить и тихъ веѣхъ бывшихъ у погребенія сродняковъ въ особыхъ хатахъ содержавъ, не выпуская никуда въ сообщенію впрелѣ до указу, и денно и ночно ваблюдать, что надъ ними чиниться будетъ, и такъ въ село, яко и изъ того села проходить и ѣздить людямъ запретить, а кождыхъ сутокъ чрезъ опредѣленныхъ смотрителей при караулѣ съ опасностію осматривать».

Сотникъ Требиинскій, очевидно, не ожидалъ такого безпокойства и посиѣшилъ увѣдомить 28-го сентября, что хотя-де предписаніе Полковой Канцеляріи относительно карантинна имѣ и исполнено, но «никакой опасности и больвухъ ни единой души не имѣется, и въ с. Скородистикѣ, да и въ Заяривѣ, гдѣ оной Данило Богданецъ жилъ, ни едыва душа не умерла и никакой хоробы не явилося».

Полковая Канцелярія разрѣшила карантинъ снять, а сотникъ Требиинскій, увѣдомляя о полученіи имѣ указа объ этомъ, еще разъ повторялъ, что въ указанной мѣстности «ни единой души не заболѣло и не умерло».

Полковая Канцелярія, повидимому, своевременно донесла обо всемъ въ Войсковую Генеральвую Канцелярію, но эта послѣдняя, усмотрѣвъ въ описанномъ случаѣ особую «опасность», сдѣлала выговоръ полковнику Сулимѣ за то, что онъ не далъ звать объ этомъ случаѣ немедленно по полученіи рапорта отъ сотника и самъ собственною властію, безъ представленія о томъ Генеральной Канцеляріи, разрѣшилъ снять карантинъ.

«Понеже въ предобереженіе отъ такова зла самовужнѣйшій Е. И. В. интересъ и малѣйшаго времени о таковыхъ случаяхъ въ представленіяхъ, куда по командѣ надлежить, упускать не должно», Генеральная Канцелярія, по приказанію гетмана, опредѣлила полковника Сулиму за такой его «поступокъ предосудить и найкрѣчайше притвердить, дабы овъ впрелѣ въ такихъ самонужнѣйшихъ и интересныхъ дѣлахъ рачительнѣйшее имѣлъ прилежаніе и безъ упущенія и малѣйшаго времени и осмотнительнѣ по своей должности поступалъ».

Мало того, геверальная Канцелярія, не смотря на увѣренія мѣстнаго начальства, что никакой опасности нѣтъ, все-такъ, «для лучшаго освидѣтельствванія и примѣчанія, нѣтъ-ли въ ономъ селѣ

Скоронадистику и Заиринѣ какова къ опасной болѣзни сумнительства», командировала войсковаго канцеляриста Михайла Исаевича въ г. Нѣжинъ за городовымъ лѣкаремъ, съ которымъ вмѣстѣ и должны они были заняться такимъ освидѣтельствованіемъ. Командированнымъ лицамъ дана была строгая и обстоятельная инструкція. О такомъ своемъ распоряженіи Генеральная Канцеларія дала знать и въ Кіевъ въ Генераль-Губернаторскую Канцеларію, въ вѣдомствѣ которой въ извѣстныхъ отношеніяхъ находились гг. Нѣжинъ и Переяславъ, имѣвшіе у себя особыхъ російскихъ комендантовъ.

Генераль-Губернаторская Канцеларія въ свою очередь сочла нужнымъ послать въ заподозрѣнное мѣсто капитана Антона Наконяльникова и полкового лѣкаря Пугина, предписавъ имъ поступать «по общему съ тамошней старшиною и канцеляристомъ согласію». Командировку эту получили они 25-го Ноября, и 2-го Декабря Наконяльнинъ представилъ уже рапортъ о томъ, что-де и надобности никакой въ поѣздкѣ ихъ не было, что еще 11-го Ноября Исаевичъ и Нѣжинскій городской лѣкаръ пріѣзжали и производили освидѣтельствованіе подозрительныхъ мѣстъ, по которому ничего и не оказалось. Объ отсутствіи всякаго «сумнительства» доставилъ и Наконяльнинъ свидѣтельство отъ Ирылѣвской сотенной старшины. Такимъ образомъ «красный пузырь», отъ котораго умерло двое душъ въ с. Скородисткѣ, разрѣшился такою сложною переплоской, выговоромъ полковнику и командировками особыхъ комиссій изъ Глухова и изъ Кіева.

Гвардіи капраль Думитрашко въ побывкѣ на родинѣ въ г. Переяславѣ Извѣстно, что малороссійская старшина въ прошломъ столѣтіи, раньше пріобщенія своего къ російскому дворянству, успѣнно заботилась о закрѣпленіи за собой разныхъ чиновничьихъ званій. Молодые люди получали званія полковыхъ или войсковыхъ канцеляристовъ, бунчуковыхъ товарищей, не неся никакой дѣйствительной службы. Должности сотниковъ переходили отъ отца къ сыну и помимо всякихъ выборовъ, по представленіямъ полковыхъ канцеларій.

Но весьма многіе изъ малороссіянъ предпочитали мѣстнымъ чиновнымъ званіямъ чины російскіе и за ними стремились въ столицы. И «гвардіи капраль» малороссіянинецъ, являясь на родину, изобра-

жалъ изъ себя уже нѣкоторымъ образомъ персону среди своихъ сверстниковъ, носившихъ мѣстныхъ войсковыхъ званій.

Такой то гвардіи капралъ Степанъ Думитрашко, пріѣхавши въ г. Переяславъ на Рождественскіе праздники, своимъ важничаніемъ нанесъ горькую обиду мѣстной полковой старшинѣ, которая и задумала его хорошенько проучить, возбудивъ по незначительному поводу цѣлое «дѣло», по размѣрамъ переписки весьма обширное.

Въ праздничный день въ январѣ мѣсяцѣ 1766 г. былъ Думитрашко въ приходской Никольской церкви и очень былъ обиженъ тѣмъ, что священникъ Герасимъ Калѣновичъ не выслалъ ему послѣ обѣдни просфоры, т. е. не оказалъ ему того вниманія, какое обыкновенно оказывается почетнѣйшимъ лицамъ изъ присутствующихъ въ церкви. Встрѣтившись затѣмъ со священникомъ въ полковой канцеляріи, въ «прихожей избѣ», Думитрашко безцеремонно обругалъ его за такое непочтеніе къ «гвардіи капралу».

Священникъ пожаловался полковой старшинѣ, которая, призвавъ Думитрашка въ присутственную комнату, предложила ему, «яко пріѣзжому, въ силу Права розд. 4, артикула 29», извиниться передъ священникомъ, не выходя изъ присутствія. Но Думитрашко, «цепляясь, яко-бы арестуется не по командѣ», на шумѣлъ и вышелъ изъ присутствія, снявъ съ себя пальашъ и бросивъ его передъ старшинами съ угрозами, что де они отвѣтятъ за такое незаконное задержаніе гвардіи капрала. Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ изъ города.

Переяславская Полковая Канцелярія, спустя двѣ недѣли, отравила пальашъ въ Малороссійскую Коллегію при весьма обстоятельномъ доношеніи о поступкѣ Думитрашка. Малороссійская Коллегія отнеслась къ этому поступку весьма серьезно и предписала Полковой Канцеляріи «показаннаго гвардіи капрала Думитрашка сыскавъ, приказать (ему) священника Калѣновича въ обидѣ его всеконечно удовлетворить, объявивъ при томъ, что ежели онъ, Думитрашко, окажется въ томъ упрямымъ, то имѣетъ быть по командѣ его изъ Малороссійской Коллегіи писано съ требованіемъ о поступленіи съ нимъ по военнымъ артикуламъ»; „въ случаѣ жъ оказанія упрямства его, задержать подъ карауломъ его, Думитрашка, при Полковой Канцеляріи». Присланный же пальашъ вѣрно было возвратить Думитрашку за роспискою.

Между тѣмъ Думитрашко успѣлъ уже подать своему военному начальнику кн. Волконскому жалобу на Переяславскую полковую стар-

пину, которая по злобѣ на отца его незаконно его арестовала, обвиняя его въ какой-то обидѣ священника и заставляя кланяться этому священнику въ ноги.

По письму кн. Волконскаго, гр. Разумовскій потребовалъ по этому дѣлу объясненія отъ Малороссійской Коллегіи, которая и увѣдомила его о своихъ по этому дѣлу распоряженіяхъ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какой результатъ имѣли эти распоряженія и привнесъ ли гвардіи капитанъ требуемое отъ него извиненіе предъ Калѣновичемъ. Палашь его въ концѣ концовъ былъ выданъ 31 марта отцу его Ивану Думитрашку, согласно просьбѣ этого послѣдняго.

Смѣна доисторическихъ эпохъ въ Галичинѣ. ¹⁾ Д-ръ Владиміръ Деметршкевичъ, секретарь Антропологической Комиссіи Краковской Академіи Наукъ, собравъ и критически изучивъ имѣвшіеся до настоящаго времени матеріалъ, т. е., всѣ доисторическіе памятники, найденные въ Галичинѣ, разбросанные по разнымъ музеямъ, мѣстнымъ и иностраннымъ, а также всѣ свѣдѣнія о находкахъ, имѣвшіеся въ литературѣ, постарался распредѣлить этотъ матеріалъ хронологически, прибѣгнувъ для этой первой попытки къ сравнительному методу по отношенію къ памятникамъ сосѣднихъ странъ. Оказалось, что въ Галичинѣ встрѣчаются остатки всѣхъ тѣхъ доисторическихъ эпохъ и разнообразныхъ цивилизацій, какія смѣнялись другъ друга и въ сосѣднихъ краяхъ.

Самые древніе слѣды человѣка, относящіеся къ т. н. палеолитическому періоду, открыты въ окрестностяхъ Кракова и указываютъ на извѣстную связь съ Моравіей.

Во второй половинѣ каменнаго вѣка, т. е. въ неолитическую эпоху, было густо заселено главнымъ образомъ порѣчье Вислы, заселено бѣднымъ населеніемъ, сжигавшимъ своихъ покойниковъ и хоронившимъ пепелъ въ урнахъ.

Вдоль Сана, который со временъ глубокой древности служилъ дорогой изъ-за Карпатъ на сѣверъ и, насколько можно судить по на-

¹⁾ Въ ежегодникѣ „Swiatowit“, т. II, помѣщено извлеченіе изъ отчетовъ о заведеніяхъ естественно-математическаго отдѣленія Краковской Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ „Badania nad dobą przedhistoryczną Galicyi“. Въ виду интереса, какой представляетъ эта сжатая характеристика доисторическихъ древностей Галичины, мы сочли умѣстнымъ помѣстить ея переводъ. Н. Б.

ходкамъ, былъ въ нѣкоторомъ родѣ этнографической границей, живъ въ эпоху каменнаго вѣка населеніе, хоронившее покойниковъ въ гробахъ, въ скорченномъ положеніи—самый древній погребальный типъ.

На востокъ отъ Сана могилы обыкновенно снабжены характерными насыпями—курганами. Нѣкоторые курганы заключаютъ въ себѣ могилы каменнаго вѣка, но большая часть ихъ относится къ позднѣйшему доисторическому времени.

Самая восточная часть края, между Збручемъ, Серетомъ и Днѣстромъ, была населена въ неолитическую эпоху племенемъ, хоронившимъ своихъ покойниковъ въ скорченномъ положеніи въ каменныхъ гробахъ, устроенныхъ въ формѣ ящиковъ изъ камней, имѣющихъ аналогію съ т. в. дольменами сѣверной Европы.

Подъ конецъ каменнаго вѣка эта часть Восточной Галичины была занята длинноголовой народностью, пришедшей съ Востока, въ послѣдствіи сильно разросшейся, употребившей характерную раскрашенную посуду, обожженную до степени терракоты, и отличавшуюся спеціально ей присущимъ символическимъ погребальнымъ ритуаломъ, по которому изъ урна помѣщался только кусочекъ кости отъ сожженного покойника. Позже народность эта, какъ кажется, переселилась далѣе на югъ, оставивши намъ въ огромной нещербъ въ Бильчѣ, гдѣ жило цѣлое поселеніе, засыпанное обваломъ скалы, нѣчто вроде доисторической Помпей.

Многочисленные и богатые памятники бронзоваго вѣка, а также предшествовавшего ему переходнаго чисто-мѣднаго періода и не менѣе рѣдкіе предметы послѣдующаго ранняго желѣзнаго періода, называемаго гальштадскимъ, выѣютъ въ отношеніи типовъ большое сходство съ современными имъ находкамъ въ сѣверной Венгріи и чаще всего встрѣчаются по естественнымъ дорогамъ—рѣкамъ, идущимъ отъ Карпатъ. Это обстоятельство позволяетъ допустить, что въ бронзовую эпоху, т. е. до V вѣка до Р. Х., по обѣимъ сторонамъ указанной горной цѣпи господствовала однородная культура, основанная или на общности происхожденія населенія или по крайней мѣрѣ на сношеніяхъ, вызванныхъ очень оживленной мѣновой торговлей.

Знакомство съ желѣзомъ и техникой производства желѣзныхъ издѣлій проникло въ Галичину двумя независимыми путями: съ запада и юга, при посредствѣ т. н. гальштадской культуры, и съ востока, при посредствѣ т. н. скифской цивилизаціи. Типичные памятники, относящіеся къ группѣ эллино-скифскихъ древностей поло-

вины пернаго тысячелѣтія до Р. Х., открыты въ нѣсколькихъ пунктахъ Восточной Галичины, возлѣ Збруча.

Отъ послѣдующихъ эпохъ, близкихъ уже къ историческому времени, когда желѣзные издѣлія широко распространились, добытый до сихъ поръ археологическій матеріалъ непропорціонально уменьшается, но всей вѣроятности вслѣдствіе пренебрежительнаго отношенія къ этого рода намятникамъ при ихъ открытіи, такъ что задача археолога чѣмъ ближе мы подходимъ къ историческимъ временамъ, все болѣе и болѣе затрудняется, не смотря даже на помощь, какую оказываетъ свѣтъ исторіи сосѣднихъ южныхъ странъ, вступившихъ уже тогда въ область исторіи. Особенно западная Галичина, начиная съ желѣзнаго вѣка, погружается въ все болѣе и болѣе мракъ.

Ко времени IV вѣка до Р. Х., когда въ сосѣднихъ краяхъ, на югѣ и западѣ, господствовала т. н. культура «La Tène», принесенная съ запада переселеніями кельтскихъ племенъ, относится одна находка этого типа въ Западной Галичинѣ.

Отъ слѣдующей т. н. римской эпохи, остались слѣды нѣсколькихъ поселеній вдоль Сава. Рѣка эта, также какъ и Дунаецъ, опредѣляетъ, судя по находкамъ римскихъ монетъ, направленіе римскихъ торговыхъ путей, шедшихъ изъ закарипатскихъ странъ на сѣверъ.

Мы не имѣемъ до сихъ поръ ни одной могилы, ни одного городища, научнымъ образомъ изслѣдованныхъ, относящихся къ болѣе позднему періоду, т. е. къ т. н. эпохѣ переселенія народонъ и къ послѣдней эпохѣ доисторическаго времени, эпохѣ уже чисто слянской или хрватской. Такъ что, за отсутствіемъ матеріала, археологія объ этомъ періодѣ не можетъ ничего сказать.

Въ лучшемъ положеніи находится дѣло въ восточной части края.

Въ т. н. эпоху «La Tène», около 200 г. до Р. Х., появляется на среднемъ Днѣстрѣ, въ Восточной Галичинѣ, кельтское племя Бастрановъ, прибывшее, какъ кажется, съ средняго Дуная, принесшее съ собой специальную кельтско-этрусскую культуру, къ остаткамъ которой относится богатый кладъ золотыхъ предметовъ, найденный въ Михалковѣ на Днѣстрѣ,¹⁾ и много другихъ находокъ въ Восточной Галичинѣ.

Племя Бастранонъ, находясь на востокѣ въ сосѣдствѣ съ скифо-сарматскими племенами, рано познакомилось съ греко-варварской культурой и стилемъ издѣлій, что сказалося и на разныхъ памятни-

¹⁾ Объ этомъ кладѣ см. „Археолог. Лѣтопись“ наст. года, февраль.

кахъ, между прочимъ и на нѣкоторыхъ предметахъ Михалковскаго клада.

Въ послѣдующую, т. н. римскую эпоху, когда границы римской провинціи Дакіи распространились частью и на Карпаты, появляется очень живое вліяніе римской культуры на Восточную Галичину. Отъ этой эпохи остались слѣды поселеній и могилы съ сожженіями и съ погребеніями и съ чисто римскимъ инвентаремъ.

Отъ племенъ, которыя въ эпоху переселенія народовъ переходили чрезъ восточную часть края и въ сосѣднихъ странахъ оставили въ землѣ многочисленные и богатые клады, состоящіе изъ драгоценностей, въ Восточной Галичинѣ мы можемъ отмѣтить лишь два памятника: одинъ золотой, другой серебряный.

Къ послѣдней доисторической эпохѣ, предшествующей распространенію христіанства въ Восточной Галичинѣ, относятся кромѣ ряда городищъ, еще мало изслѣдованныхъ, также многочисленные курганы, заключающіе погребенія съ бронзовыми и серебряными украшеніями, типы которыхъ указываютъ на оживленныя сношенія, существовавшія между племенемъ, населявшимъ Восточную Галичину, и племенами, жившими въ теперешнихъ губерніяхъ Подольской и Волынской и даже далѣе на сѣверъ.

Въ концѣ авторъ упоминаетъ о т. н. «бабахъ», встрѣчающихся также и въ Восточной Галичинѣ. Согласно съ современной научной теоріей, онъ считаетъ ихъ надгробными памятниками племени тюрско-татарскаго происхожденія, относящимися ко времени до и послѣ Р. X.

Для наглядности топографическаго распредѣленія памятниковъ и для объясненій своихъ выводовъ авторъ изготавилъ археологическую карту (еще не изданную), на которой отмѣтилъ около 500 мѣстностей, гдѣ открыты доисторическіе памятники.

Предполагавшееся въ 1860 году изданіе украинскихъ сборниковъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ П. А. Кулишъ, довольно уже поработавшій на нивѣ украинской словесности и заявившій о себѣ такимъ прекраснымъ изданіемъ, какъ «Записки о Южной Руси» въ двухъ томахъ, пришелъ къ мысли о необходимости приступить къ болѣе или менѣе систематическому изданію украинскихъ сборниковъ, кото-

рые замѣняли-бы пока-что отсутствовавшій въ тѣ годы спеціальныи южно-русскій журналъ. Съ этой цѣлью онъ составилъ обширное и очень душевно написанное объявленіе, въ которомъ хотѣлъ принципиально освѣтить необходимость для Украины найти болѣе живой способъ выраженія своей національной задачи, а именно: если не настало еще время, думалъ онъ, издавать періодическій органъ, то есть полная возможность выпускать въ свѣтъ отдѣльные сборники — альманахи, какъ это всегда бываетъ въ извѣстные моменты въ дѣлѣ періодической прессы, какъ это между прочимъ было и въ русской литературѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, передъ началомъ издательства Карамзинымъ «Вѣстника Европы». Изъ этого предложенія П. А. Кулиша осуществился только изданный имъ въ 1860 году альманахъ «Хата», а въ 1861 году сталъ уже выходить въ свѣтъ журналъ «Основа», и слѣдовательно — на нѣкоторое время вопросъ о сборникахъ самъ собою явился не на очереди.

Такъ-какъ объявленіе П. А. Кулиша о предположеніи издавать украинскіе сборники намъ не приходилось видѣть въ печати, то мы считаемъ вполне уместнымъ познакомить теперь читателей съ полнымъ текстомъ его, пользуясь тѣмъ случаемъ, что вдова покойнаго П. А. Кулиша любезно предоставила въ наше распоряженіе автографъ этого объявленія, помѣченнаго карандашемъ *ноябрь* (конечно 1859 года).

Объявленіе объ изданіи съ 1860 года Украинскихъ сборниковъ.

Въ настоящее время, когда всякое гражданское общество ищетъ прочности своего существованія въ самопознаніи, какъ въ необходимомъ средствѣ къ исправленію старыхъ ошибокъ своихъ и предотвращенію новыхъ, Южная Русь, простирающаяся отъ предѣловъ царства Польскаго до Кавказа и отличающаяся отъ прочихъ племенъ славянскихъ своеобразнымъ языкомъ, такъ называемымъ украинскимъ, не осталась равнодушною къ великому и спасительному дѣлу самопознанія. Она выразила отличительныя черты своего прошедшаго и настоящаго многими томами чисто ученыхъ и беллетристическихъ произведеній на сѣверно-русскомъ и на своемъ родномъ, украинскомъ языкахъ. Если-бы вычислить количество печатныхъ листовъ, имѣющихъ предметомъ своимъ нашу Украину, то оказалось бы столько, что, обращенные въ томы, они одни наполнили-бы огромныхъ размѣровъ книжный шкафъ. Но эта бібліотека не только не исчерпала предмета, напротивъ, — только представила намекъ о его

необъятности. По этимъ первымъ опытамъ разныхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ Южной Руси или ея изображеніемъ, чувствуется, что рудники, на которые набрело наше пытлиное пожеланіе, доставятъ, послѣ насъ, работу миллионамъ другихъ, безъ сомнѣнія болѣе могущественныхъ и счастливыхъ дѣателей. При такомъ сознаніи, естественно приходитъ въ голову мысль о работахъ систематическихъ, производимыхъ не разъединенными личностями, а цѣлыми обществами ученыхъ и литераторовъ, и эта мысль треножитъ умы не однихъ литературныхъ дѣателей по предмету изслѣдованія и изображенія русскаго Юга, говорящаго украинскимъ языкомъ,—она слышится безпрестанно въ читающемъ обществѣ. Ведя обширную переписку съ земляками на всѣхъ концахъ Имперіи, я могу сказать, что едва-ли не каждое новое письмо содержитъ въ себѣ вопросъ или намекъ объ южно-русскомъ или украинскомъ журналѣ; и гдѣ соберется три человѣка, цѣнящихъ во что-либо родное слово, между ними непремѣнно услышите толки объ украинскомъ журналѣ. Этого мало. Во время моего путешествія по Волжскому краю, я много разъ встрѣчался съ военными и штатскими чиновниками, которые, будучи заброшены судьбою въ глубокую сѣв. Русь или отправляясь на службу въ Сибирь и на Амуръ, освѣдомлялись у меня, какъ у жителя столицы: «А что-же украинскій журналъ? Южная Русь или Украина какъ-будто потеряла свои этнографическіе предѣлы и раскинулась колоніями отъ южнаго моря до сѣвернаго и отъ моря Варяжскаго до Вост. Океана. Что же въ самомъ дѣлѣ Украинскій журналъ? когда онъ явится въ свѣтъ?—спрашиваемъ и мы другъ у друга—и никто не можетъ дать отвѣта. Необходимость отдѣльнаго литературнаго органа для выраженія сущности южно-русскаго челонѣка въ его прошломъ и настоящемъ чувствуется въ сильнѣйшей степени; многіе предлагаютъ служить этому предпріятію деньгами, другіе готовы взяться за перо, прервавъ чисто практическую дѣятельность. Все ждетъ, все жаждетъ украинскаго журнала, а украинскій журналъ не существуетъ, и одинъ Богъ знаетъ, когда будетъ существовать. Здѣсь не мѣсто указывать причины такого страннаго явленія—и когда же? Во 2-ой половинѣ XIX вѣка, провозглашенной вѣкомъ свободнаго просвѣщенія народовъ, основаннаго на самопознаніи. Украинскаго журнала нѣтъ, хотя многіе изъ насъ не призадумались-бы рискнуть для его основанія своимъ состояніемъ. Что-же дѣлать намъ, людямъ пишущимъ, людямъ положившимъ всю свою жизнь на изученіе род-

ного края, людямъ, купившимъ свои познанія не только цѣною лучшихъ лѣтъ жизни, но и тяжкими страданіями? Неужели сидѣть у моря и ждать погоды? Нѣтъ, это роль слишкомъ жалкая. Мы живы, — слѣдовательно должны дѣйствовать. Послѣ насъ — не будетъ насъ: будутъ люди, да не мы, — говоритъ наша родная пословица. Мы должны сдѣлать дѣло своего поколѣнія, а слѣдующее поколѣніе сдѣлаетъ предназначенное ему дѣло. Мы не имѣемъ возможности издавать журнала, — станемъ издавать сборники. Пусть хоть въ сборникахъ предки наши найдутъ слѣды нашего существованія и матеріалы для дальнѣйшей работы.

Мнѣ скажутъ, можетъ быть, на это люди благоразумные: кто же мѣшаетъ Вамъ печатать обработанные Вами матеріалы въ этомъ множествѣ *сѣверно-русскихъ* періодическихъ изданій, вмѣсто того чтобы заводить отдѣльные сборники? На это я отвѣчаю не разсужденіемъ, а примѣромъ. Недавно случилось мнѣ послать одну изъ моихъ работъ въ «Русскую Бесѣду», журналъ, какъ извѣстно, издаваемый людьми честными и благородно мыслящими. Я пользуюсь, сверхъ того, еще лестнымъ для меня и довольно близкимъ знакомствомъ его настоящаго редактора. Но работа моя, подъ заглавіемъ «Климентій», уменьшена въ объемѣ на два печатныхъ листа. Что это значить? Это значить, что для той части населенія Руси, или для которой издается «Русская Бесѣда», эти два листа, занятые выписками изъ стихотворца временъ Мазепы, не интересны, и я совершенно былъ согласенъ. Скажу болѣе: въ послѣднія десять лѣтъ литературной моей дѣятельности у меня накопилось листовъ на полтораста (печатныхъ) разнаго рода сочиненій. Спрашивается: почему все это не только не напечатано въ сѣверно-русскихъ журналахъ, но даже и не показано сѣверно-русскимъ журналистамъ? Потому что это труды слишкомъ спеціальныя, интересныя собственно для насъ Украинцевъ, знающихъ родной языкъ и родной народъ. Судя по себѣ, я долженъ предположить, что у другихъ подобныхъ мнѣ литературныхъ дѣятелей, сдѣлавшихъ спеціальнымъ предметомъ своихъ работъ Южно-Р. Украину, тоже лежатъ подъ спудомъ груды бумагъ, обнаруженіе которыхъ, можетъ быть, составляетъ насущную потребность современнаго украинскаго общества, для того, чтобы посредствомъ самопознанія уразумѣть ошибки своего прошедшаго и предохранить себя отъ подобныхъ ошибокъ въ будущемъ. Вотъ простой человѣческій смыслъ литературнаго предпріятія, являющагося по необходи-

мости въ формѣ сборниковъ. Этихъ сборниковъ будетъ неопредѣленное количество; они будутъ выходить въ неопредѣленные сроки и каждый будетъ имѣть особое заглавіе. Я намѣренъ составить ихъ изъ собственныхъ трудовъ своихъ въ разныхъ родахъ. Но предполагая въ себѣ извѣстную односторонность взгляда на предметъ изученія, столь обширный и разнообразный, я приглашаю другихъ подобныхъ мнѣ литературныхъ дѣятелей войти со мною въ литературное товарищество. Книги, составленныя изъ сочиненій разныхъ авторовъ, имѣютъ важное преимущество передъ работою одного ума. Я желаю бы явиться передъ читающее украинское общество не одинъ, а въ обществѣ другихъ земляковъ, любящихъ по-моему свою родину и уважающихъ прилагаемое къ ней литературное дѣло. Я прошу каждого, кому дорого то, чѣмъ дорожу и для чего живу я, можетъ быть, слабѣйшій изъ всѣхъ будущихъ моихъ сотрудниковъ, удостоить меня своего довѣрія доставленіемъ мнѣ всякаго рода сочиненій и матеріаловъ, относящихся къ прошедшей и настоящей жизни нашей Украины во всѣхъ отношеніяхъ, объ условіяхъ-же вознагражденія за труды войти со мною въ особыя письменныя сношенія. Надѣюсь, что наши совокупныя усилія дадутъ будущему украинскому журналу (для котораго настанетъ-же, наконецъ, время) болѣе очевидную законность существованія, нежели какія-бы то ни было предвидимыя и непредвидимыя обстоятельства. II. Кулишъ.

Мелочи изъ архивовъ Юго-Западнаго Края. а) *Къ борьбѣ съ пьянствомъ въ Киевской губ. въ 60 хъ годахъ.* Въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ юго-западномъ краѣ замѣтны попытки борьбы съ пьянствомъ, подтачивавшимъ народное здоровье и хозяйство. Населеніе начинаетъ сознавать весь вредъ, причиняемый неумѣреннымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, и, въ результатъ, кое-гдѣ возникаютъ общества трезвости.

Подобное общество образовалось, между прочимъ, въ 1861 году въ Алексопольскомъ пѣхотномъ полку, квартировавшемъ въ Сквирскомъ уѣздѣ. Нижніе чины стали довольствоваться пивомъ, даже въ великіе праздники. Содержатель мѣстнаго чарочнаго откупа, естественно, усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе правъ своихъ и интересовъ:

полиція завалена жалобами и просьбами о закрытіи новаго общества, дѣлающаго существенный подрывъ торговлѣ. Но гражданское начальство отнеслось къ трезвенникамъ сочувственно: главный начальникъ края нашелъ дѣйствія нижнихъ чиновъ *похвальными*, и просителю въ его ходатайствѣ отказано.

Прошло всего три года.

Крестьяне 5 Мироваго участка Каневского уѣзда, сиромышныя своимъ посредникомъ, не видятъ-ли вреда отъ пьянства—рѣшительно заявили о желаніи бросить употребленіе спиртныхъ напитковъ. Тогда имъ предложено, въ видахъ сокращенія пьянства, *наблюдать* другъ за другомъ, принимая къ тому мѣры, какія признаютъ лучшими. Мужички, не долго думая, приставили къ шинкамъ караульныхъ, положивъ взыскивать штрафъ съ однообщественниковъ, которые не устоятъ передъ соблазномъ. Главноуправляющій Богуславскимъ имѣніемъ и акцезъ забили тревогу, и Посреднику не осталось ничего другого, какъ наказать чрезмѣрно ретивыхъ трезвенниковъ. Убѣжденный, однако-же, въ искренности желанія сельчанъ избавиться отъ кабака, онъ ходатайствуетъ предъ начальствомъ о разрѣшеніи заняться выработкою устава Общества трезвости.

Въ этомъ была усмотрѣна, противная циркулярамъ, «*спонудительная мѣра къ сохранію трезвости в воздержаніи*», а потому на ходатайствѣ положена резолюція: «*Полагаю оставить безъ послѣдствій, ибо пьянство въ селеніяхъ уменьшается само собою*»...

б) *Случай въ Каменной-Гребль.* 23 Декабря 1846 года Сиверскій уѣздный Стрявчій доносилъ Генераль-Губернатору:.. «въ селеніи Каменной Гребль, вотчинной Графа Эстергазія, евреи, пьянствуя, произносили богохульные слова на крестъ съ распятіемъ, близъ селенія на дорогѣ стоящій; порицали хрстіанскую вѣру и били дручемъ тотъ крестъ, съ поврежденіемъ даже краски и другихъ знаковъ, на томъ крестѣ имѣющихся. Каковое дѣйствіе увидя тамошній шляхтичъ Тхоревскій доставилъ сихъ евреевъ къ тамошнему священнику, но сей, взявъ 30 серебряныхъ гривенниковъ на повреленіе креста, евреевъ отпустилъ на поручительство».

По свѣдѣніямъ Земскаго Исправника, евреи собрались изъ разныхъ мѣстъ для какого-то «заговора», проводили время въ пьянствѣ и, послѣ полуночи, избрали изъ среды своей трехъ человѣкъ, поручивъ имъ поруганіе креста...

Дѣло передано Губернатору на распоряженіе и чѣмъ окончилось, неизвѣстно.

Сообщилъ Аленскій Мёрдеръ.

Варіанты пѣсни о дѣвицѣ-воинѣ. Баллада о дѣвицѣ-воинѣ, распространеная съ востока по греческимъ, романскимъ и славянскимъ ¹⁾ землямъ, зашла и на Украину въ образцахъ, близкихъ къ чехо-моравскимъ (Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣсни малор. нар., т. I, Кіевъ 1874, № 69, стр. 314—327). Здѣсь эта пѣсня поется въ числѣ «петривокъ» въ Маѣ и Іюнѣ на томъ только основаніи, какъ разъяснилъ покойный профессоръ Потебня (Объясн. малор. и сродн. пѣс., т. II, Варшава 1887 г., 698), что въ нѣкоторыхъ варіантахъ дѣвица тонетъ подобно тому, какъ и въ другихъ петривкахъ. По содержанію-же своему эта, навѣянная со стороны, пѣсня не имѣетъ ничего общаго ни съ страстными, колоритными петривками, повѣщими о любви въ обстановкѣ короткой лѣтней ночи (см. мои Народ. обр. и пѣс. Луб. у. Харьковъ. 1897 г., 62, 83—94), ни съ малорусской исторіей и дѣйствительностью вообще. Только плѣненіе дѣвицы татаринѣмъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ придаетъ пѣснѣ историческое значеніе и объясняетъ появленіе ея среди историческихъ пѣсенъ сборника Драгоманова и Антоновича. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ записаны были мною въ Лубенскомъ уѣздѣ болѣе подробные варіанты пѣсни, чѣмъ приведенные печатные образцы; въ девяностыхъ-же годахъ обнаружилось, что она умираетъ. Дичата знали только начало, а молодицы совсѣмъ позабыли. Такимъ образомъ исчезли наиболѣе поэтическіе образчики, судя по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ. Такихъ отрывковъ и варіантовъ записано мною 16. Одинъ изъ нихъ поетъ о гибели дѣвицы въ татарскомъ или турецкомъ плѣну, другіе о гибели—въ морѣ или рѣкѣ при переправѣ, такъ что и въ этой балладѣ, какъ и вообще въ поэзіи Лубенскаго уѣзда, сказывается близкое родство съ народными пѣснями кіевскими и бѣлорусскими:

¹⁾ Словацкій варіантъ пѣсни о дѣвицѣ-воинѣ переведенъ на малорусскій языкъ Метлинскимъ. (Амвросій Могила. Думки и пѣсни. Харьковъ. 1839 г., 149).

1.

Загадано ¹⁾ у громади,
 А щобъ були кони у наряди ²⁾:
 У кого йе кони, то готуйте ³⁾,—
 У кого немає, той купуйте
 У кого йе сини—наряджайте,
 А въ кого немає—наймайте.
 Та зажурилась бідна вдова,
 Що кинь вороненький, а сына нема.
 Немає сына ни наймытка,
 Тільки одна дочки Катериночка ⁴⁾,
 Та й та въ військо виражається ⁵⁾,
 Зъ своєю ненькою прощається.
 Якъ виражала та й навчала ⁶⁾:
 «Не йди-же ты, доню, попередъ війська ⁷⁾,
 Попереду війська не поспишайся,
 А позаду війська не zostaвайся ⁸⁾.
 А Катериночка не нослухала
 Попереду війська поинхала.—

¹⁾ Заказано, въ моравскомъ вариантѣ: zakzaali...

²⁾ А щобъ були кони вороніи,
 А щобъ були хлопци молодіи;
 А щобъ були кони синогорви,
 А щобъ були хлопци чорнобрви (с. Новаки, х. Круглякъ).

³⁾ Годуйте.

⁴⁾ Тай та на улиці челядиночка. (Новаки).

⁵⁾ У городи військо убирается,
 Попереду війська кармжается. (Новаки).

⁶⁾ А виражаючи, мати навчала (с. Тарандицы).

⁷⁾ Шо по заду війська розбой бижить,
 А попередъ війська огонь горить. (с. Крутой Берегъ).
 Попереду війська огонь горить,
 А позаду війська вода бижить. (с. Тарандицы).

⁸⁾ А йди-же ты, доню, по-мижъ панамы,
 По-мижъ червоными корогвами,
 По-мижъ голубыми жупанами. (с. Тарандицы).
 Иди, доню, мижъ корогвами
 Та межъ синими жупанами. (Новаки).

Довелося Катериночці ричку бресты,
 Ричку бресты, а Дунай пливсты,
 А Катериночці передь весты.
 А Катериночка побоялася
 Та въ густы лозы заховалася.
 Десь узявся туреченко ¹⁾
 Та на вороному коныченьку;
 Та взявъ коныченька за поводы,
 А Катериночку за билу ручку.
 Повивъ коныченька у станицю
 А Катериночку у свитлицю ²⁾.
 Ой, вы слугы молодесеньки
 Та берить-же ножи гостресеньки,
 Та рубайте теренъ колючесенькый,—
 Печить Катеринку молодесеньку ³⁾.

2.

Заказано у громади,
 Щобъ булы коньки у наряди:
 У кого кони йе, щобъ сидлали,

¹⁾ поповыченко. (с. Калайдинцы).

²⁾ Повивъ коня на скамницю,
 А Катериночку у свитлицю.
 Дае коню сина и овса,
 А Катериноци меду й вина.
 Шо Катериночка не йисть, не пье—
 Выйде за ворота—слезами лье. (с. Калайдинцы).
 А Катериночка меду не пье
 Та все дрибененькими лье (с. Волчекъ).
 Одно робить: слезами лье (с. Бересточъ).

³⁾ Этотъ вариантъ, записанный въ м. Свѣтинѣ отъ Улины Выборной, отличается отъ кievскаго (Антоновичъ и Драгомановъ. Историч. пѣсн и, 314) и бѣлорусскихъ (Зап. Импер. Геогр. Общества. 1873 г. V, № 43, 258; Романовъ. Бѣлор. сб. Витебскъ 1886 г. I и II, № 60, 33) какъ робостью свѣтинской героини, спрятавшейся въ рѣшительную минуту въ густы, такъ и особенно трагическимъ концетъ, если только свѣтинская пѣсня закончена. Изъ новаконскихъ-же и тарандиновскихъ приведенныхъ отрывковъ видно, что лубенское полковое знамя было красное, что старшина ходилъ въ голубыхъ и синихъ одеждахъ и что сбори сотенъ предъ походомъ происходили въ Лубнахъ.

У кого немає—куповалы;
 У кого сыны йе—наряжайте,
 У кого немає, то наймайте.
 Ой обпзвалася бидна вдова,
 Шо въ мене кияъ йе, а сына нема;
 Тилько одна дочка Катериночка,
 Та й та у Полщу изъ вѣйськомъ выражается,
 Свои матинки пытается:
 «Ой, матинко моя, порадъ мене,
 А де менѣ зъ вѣйськомъ становиться?»
 Не становись, доню, попередъ вѣйська,
 Та стань ты, доню, посередъ вѣйська.
 Дочка Катеринка не послужала
 Та попередъ вѣйська пошла;
 Свою косу русу распустыла
 Та й усе те вѣйсько закрасыла ¹⁾.

3.

Начало настоящаго варіанта тождественно съ первымъ, съ 12-й же строки поется пѣсня такъ:

А їи мати выражае и прыгружае:
 «Йидь же ты, дочко Катериночко, та до вѣйська,
 Та не йидь-же ты, дочко, ни попереду вѣйська
 И не оставайсь, дочко, позаду вѣйська,
 А йидь-же ты, дочко, посередъ вѣйська.
 Дочка Катериночка не послужала—
 Попереду вѣйська потюнала ²⁾.
 Дойшла до сынего моря,—
 Набралася Катериночка горя:
 Довелоси ричку Дунай пливсты ³⁾

¹⁾ Этотъ, очевидно неоконченный варіантъ записанъ мною отъ молодица с. Мацковецъ Федосіи Кочоненковой.

²⁾ Йихали море, йихали друге (с. Бересточъ).
 Йихали поле, йихали двое—
 На третему поди—Дунай бресты (с. Духова)

³⁾ Ой, якъ довелоси у пливъ пливсты
 А Катериночки перелъ весны.
 Все козаченьки перейхали,

А Катериночці передъ весты.
 Дочка Катериночка передъ повела,
 Передъ повела—съ коня сплыла.
 Прибигъ кинь до вдовного дворочка,
 Вдарывъ копыточкомъ, заиржавъ голосочкомъ.
 Выходыть бидна вдова,
 Пытається вороного коня:
 «Коню-жь мій воронесенький!
 Де-жь моя дочка Катериночка?»
 —Твоя дочка утонула,—
 Зъ конька изорнула ¹⁾).

Сообщилъ В. Милорадовичъ.

Текучія извѣстія.

Чествованіе памяти Н. И. Костомарова. 7 апрѣля исполнилось 15 лѣтъ со дня смерти Н. И. Костомарова. Въ Кіевѣ, 1-го апрѣля, отслужена была въ Софійевскомъ соборѣ панихида. Нѣкоторыя газеты посвятили статьи памяти Н. И. Костомарова, напр. въ «Сынѣ Отечества» (№ 96) статья Х. «Н. И. Костомаровъ», въ которой въ общихъ чертахъ опредѣляется личность Костомарова, какъ историка; въ томъ же № той же газеты, въ отдѣлѣ «Хроника» приведена біографія и указаны историческіе труды Н. И. Костомарова; «Орловскій Вѣстникъ» говоритъ о значеніи Костомарова въ развитіи русской исторіографіи; «Жизнь и Искусство», № 28, обширная статья В. Ми-

А Катериночка осталася,
 Середь Дунаечка скупалася.
 Середь Дунаечка купиночка,
 А на тій купиночці Катериночка.
 Ой якъ дойшли слухи до нееньки.
 Шо дивка Катруся втонула,
 А плахта сынатка изорнула:
 Не жаль мени плахты та сыняты,
 А жаль мени дочкы Катериночкы (с. Духовая).

Послѣднія 5 строчекъ примѣшаны изъ другой петривки.

¹⁾ Записана изъ м. Снѣтинѣ отъ Прасковьи Лисенковой.

ровца «Николай Ивановичъ Костомаровъ», въ которой приведена довольно обстоятельная біографія, указаны важнѣйшіе его историческіе труды, опредѣлена заслуга Костомарова, какъ историка; отмѣченъ его глубокій патріотизмъ,—любовь къ родному краю, народу и литературѣ; въ № 15 еженедѣльн. иллюстрир. приложенія къ газетѣ «Сынъ Отечества» помѣщенъ портретъ Н. И. Костомарова въ старости.

Памятникъ И. П. Котляревскому. Въ настоящее время уже окончательно въ Полтавѣ рѣшенъ вопросъ о мѣстѣ постановки памятника творцу Энеиды и Наталки-Полтавки. Въ мартѣ мѣсяцѣ комиссіей по постановкѣ памятника осматривалось мѣсто по Протопоповской улицѣ, гдѣ она пересѣкается Ново-Полтавской, и заключеніе ея въ пользу этого мѣста передано уже для исполненія. Бульваръ предполагается расширить на счетъ проѣздовъ и привести въ лучшій видъ, а балаганы для проажи фруктовъ уничтожить. Такимъ образомъ, лице поэта и самъ памятникъ, достигающій 11 аршинъ высоты съ доколемъ, будетъ обращенъ къ Александровской улицѣ. Относительно-же самаго дня торжества открытія памятника ничего пока неизвѣстно.

Состояніе могилы И. П. Котляревскаго. Старое городское кладбище въ Полтавѣ, открытое въ началѣ прошлаго столѣтія, пришло уже въ значительное разрушеніе, и хотя для этой надобности, около 30 лѣтъ тому назадъ, отведено новое кладбище, но въ старомъ все-таки иногда погребаютъ умершихъ. Памятники и кресты на немъ, нѣкѣмъ не оберегаемые, подвергаются частому хищенію со стороны любителей чужой собственности и идутъ на топливо. И среди нихъ, на южномъ углу кладбища, стоятъ одиноко памятникъ незабвеннаго писателя нашего Ивана Петровича Котляревскаго, забытый и заброшенный всѣми.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Въ дополненіе къ сообщенію въ предыдущемъ № (стр. 14—17) о чествованіи памяти Т. Г. Шевченка, добавляемъ, что, кромѣ упомянутыхъ мѣстностей, чествованія еще происходили:

І. Вѣ Г а л и ч и н ѣ:

Въ Бурштыні 19 марта устроено было бурштынскими русскими музыкально-вокальный вечеръ.

Во Львовѣ состоялся 14 марта въ залѣ «Народного Дому» концертъ, устроенный обществомъ «Просвѣти» и «Львівського Бояна» и др. народныхъ обществъ. Въ концертѣ принималъ участіе извѣстный артистъ Мышуга.

23 марта, въ зданіи школы им. Сташица, устроено было вечеръ «в честь поетів Тараса Шевченка і Адама Міцкевича» учениками правительственной учительской семинаріи. Программа вечера составлена была наполовину изъ произведеній Шевченка и наполовину изъ произведеній Мицкевича, исполненныхъ въ формѣ декламаций и пѣнія хоромъ.

Здѣсь же, 21-го марта, въ залѣ «Народного Дому» устроено было литературно-музыкальный вечеръ «русскою академичною молодю».

Въ Перемишлѣ, 23 марта, въ залѣ магистрата, устроено было вечеръ обществомъ «Перемиский Боян», при участіи обществъ: «Руска Бесіда», «Філія Просвѣти», «Народный Дім», «Товариство русскихъ женщинъ», «Селянська Рада», «Бурса ім. св. Николая і св. Кирила» и «Спілка».

Здѣсь-же, 5 апрѣля, въ зданіи гимназій, устроено было вечеръ гимназической молодежи. На вечеръ присутствовалъ митрополитъ о. К. Чеховичъ, каноникъ-народовцы и огромное количество русской и польской публики. Номера декламаций и хоры (подъ управленіемъ композитора О. Кишакевича) удалсь какъ нельзя лучше. Прекрасно были прочтены рефераты: гимназистомъ VIII-го класса І. Кобаса: «Шевченко и молодіжъ» и учителемъ Приймою, подтвердившимъ цитатами изъ «Кобзаря», какъ поэтъ любовно относился ко всѣмъ народамъ, въ томъ числѣ и къ польскому.

Въ Станиславовѣ, въ залѣ Общества им. Мопюшка, 21 марта, состоялся торжественный литературно-музыкально-вокальный вечеръ, устроенный соединенными силами украинско-русскихъ обществъ: «Станиславівський Боян», «Товариство русскихъ женщинъ», «Філія Просвѣти», «Руска Бесіда», «Шкільна номіч», «Філія русского Товариства педагогичного.» Въ вечерѣ принимали участіе проф. Колесса, Корнило Устиянович, извѣстная артистка С. Проскурницкая, др. Вилпнскій и другіе.

Въ *Теребовлѣ*, 12 марта, въ залѣ магистрата, устроенъ былъ обществомъ «*Міщанська Читальня*» музыкально-вокальный вечеръ. Читали и пѣли преимущественно произведенія Шевченка, Мицкевича, Лисенка и Франка.

Въ *Тарнополѣ*, въ залѣ „*Gwiazdy*“, 1 марта, въ 1 ч. дня, Обществомъ «*Народна Бібліотека*» прочтены были двѣ публичныя лекціи въ память 39 роковинъ смерти Т. Г. Шевченка, а именно: «Про значеніе [Шевченка для руского люду», — В. Загайкевичемъ и «Про роззій українсько-рускої народної літератури» — д-ромъ Даниловичемъ. Здѣсь-же, 17 марта, въ залѣ „*Gwiazdy*“ филія „*Просвѣти*“ устроила „віче господарське і вечерниці в память XXXIX роковинъ смерти Т. Шевченка“. Программа „віча“: 1) „О коммасаціи ґрунтів і еї ко-ристі“ (рефер. В. Короля); 2) „З пасічництва: практичне поучене о виробі соломаних улив і штучної воцини (о. Н. Михалевича).

Въ *Черновцахъ*, 10 марта, устроенъ былъ вечеръ соединенными силами украинско-рускихъ обществъ: «*Буковиньский Боян*», «*Руска Весіда*», «*Народний Дім*», «*Союз*», «*Руска Рада*» и «*Руска Школа*».

Въ *Яворовѣ*, въ залѣ „*Сокола*“, состоялся 12 марта музыкально-вокальный вечеръ съ участіемъ оркестра изъ Махнова. На вечерѣ присутствовала яворовская (малорусская) интеллигенція, окрестное духовенство и огромная масса мѣщанъ и крестьянъ.

Въ *Городкѣ*, въ залѣ Ресурси, 21 марта, состоялся при участіи „*Львівського Бояна*“ концертъ.

Въ *Самборѣ*, 29 марта, устроено было филіей «*Просвѣти*» торжественное „народне віче“. Въ программу, состоящую изъ литературно-вокальных номеровъ, вошли между прочимъ рефераты: «*Тарас Шевченко—поетъ*», «*Тарас Шевченко—патріотъ*».

Въ *Вашиквцяхъ*, на Буковинѣ, состоялся 18-го февраля въ читальнѣ „*Рускої Весіди*“ литературно-вокальный вечеръ.

II. Въ Россіи:

Въ *Полтавѣ*, 19 марта, состоялся вокально-литературно-музыкальный концертъ. Ярко освѣщенный залъ губернской управы былъ биткомъ набитъ самой разнообразной публикой; на эстрадѣ съ одной стороны находилась прекрасная копія съ портрета Шевченка художника Рѣпина, окруженная живыми цвѣтами и тропическими растеніями; съ другой же стороны выдѣлялся на пьедесталѣ бюстъ поэта, обвитый крестомъ и задрапированный блѣдною зеленью и сухими

пальмовыми листьями. Вечеръ открылся пѣніемъ «Заповѣта», очень хорошо исполненнаго хоромъ подъ управленіемъ г. Юрьева—Цесковца. Затѣмъ былъ прочитанъ отрывокъ изъ біографіи Шевченка, характеризовавшій его какъ поэта и художника. Многочисленные номера разнообразной программы были исполнены съ большимъ одушевленіемъ и покрывались оглушительными аплодисментами. На первое мѣсто по задушевности и вдумчивости исполненія надо поставить игру г-жи М. Д. Онацевичъ, исполнившей „Priluda“ и „Schant sans paroles“ Н. Лысенка на народные мотивы. Очень сильное впечатлѣніе произвелъ смѣшанный хоръ любителей, исполнившій—„Туманъ хвылями лягае“—муз. Н. Лысенка. Слабы были номера сольного пѣнія. Въ общемъ можно только порадоваться моральному успѣху этого традиціоннаго вечера, тѣмъ болѣе, что часть сбора предназначалась въ помощь голодающимъ въ Херсонской губерніи. Надъ устройствомъ вечера особенно много потрудился Г. И. Маркевичъ, съ большимъ умѣніемъ прочитавшій „Чернеца“ и организовавшій хоръ. («Ж. и Иск.»)

Въ *Екатеринодарѣ*, 16 марта, въ обществѣ любителей изящныхъ искусствъ состоялся литературно-вокальный вечеръ, посвященный памяти Т. Г. Шевченка; кромѣ хоровыхъ и sol'ныхъ номеровъ было прочитано нѣсколько стихотвореній Шевченка. Вечеръ открылся рефератомъ Л. М. Мельникова о главныхъ мотивахъ поэзіи Т. Г. Шевченка и закончился рассказомъ Н. Н. Канивецкаго, который прочелъ самъ авторъ. (Куб. Обл. Вѣд. № 59).

Эпиграфы Т. Г. Шевченка. У вдовы Жулиша сохраняются два евангелія, подаренныя Шевченкомъ покойному Пантелеймону Александровичу. На одномъ изъ нихъ, подаренномъ въ 50-хъ годахъ, написано:

Не погасай, мое свѣтило,
Туманъ душевный разгоняй,
Живи мевя твоею силой
И путь тернистый, путь унылый,
Небеснымъ свѣтомъ озаряй.
Пошли на умъ твою святиню,
Святымъ ваптіемъ напои—
Да провѣщаю благостыню,
Что заповѣдана тобой!

Шевченко.

На другомъ евангеліи — поэтическое стихотвореніе, которое вызвало удивленіе у покойнаго Кулиша, какъ могъ человѣкъ безъ образованія написать подобную вещь, подъ дотерой и Пушкинъ не устыдился-бы подписаться:

Безъ малодушной укоризны
 Пройти мытарства трудной жизни,
 Измѣрять пропасти страстей,
 Понять на дѣлѣ жизнь людей,
 Прочестъ всѣ черныя страницы,
 Всѣ беззаконныя дѣла —
 И сохранить полетъ орла
 И сердце чистой голубицы —
 Ессе homo!

Шевченко.

Указывая на эти два *стихотворенія* «Московскія Вѣдомости» сочли своимъ долгомъ пожуриль Тараса Шевченка за то, что онъ писалъ на своемъ языкѣ, а не по-русски.

(Литерат.-Науковий Вісникъ, кн. IV).

Къ дѣятельности Науковаго Товариства ім. Шевченка во Львовѣ. 12 марта состоялось засѣданіе *этнографічної комісії* Наук. Тов. ім. Шевченка подъ предсѣдательствомъ проф. Ол. Барвинскаго, на которомъ постановлено издать въ текущемъ году два или, при возможности, три тома этнографическихъ матеріаловъ, въ которые, между прочимъ, войдутъ: «Матеріяли з Гуцульщини» (окончаніе), собранныя В. Шухевичемъ; «пісні з Бачки» (угорскихъ Русиновъ) — собранныя В. Гнатюкомъ, и «пісні з Струтина (долинського повіту), з напівами», — др. Колесою. Крімъ того обсуждался вопросъ о снаряженіи этнографической экспедиціи въ буковинскую Гуцульщину, Бойкивщину и на Подолье, причемъ, по всеобщему соглашенію, была признана необходимость соединять съ этнографическими изысканіями также археологическія и археографическія. (Руслан, ч. 61).

20 марта состоялось общее собраніе Науковаго Товариства імени Шевченка. Собраніе предсѣдателемъ Товариства снова брало проф. М. Грушевскаго. Затѣмъ Ол. Барвинскій, указавъ на значительно усилившееся развитіе Товариства и на количество приобщен-

ныхъ научныхъ пособій, необходимыхъ для научныхъ и литературныхъ работъ, внесъ предложеніе о необходимости основать при науковомъ Товариствѣ *Народною Музея*, въ который поступали-бы разсѣянные повсюду богатства по археологін, архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и вообще всевозможные этнографическіе матеріалы. Собраніемъ этихъ богатствъ могла-бы заняться экспедиція, которую предложено отправить въ нѣкоторые пункты Галичины (см. выше), а кромѣ того можно обратиться къ землякамъ съ просьбой присылать подобные предметы въ музей Товариства.

Послѣ собранія состоялось засѣданіе всѣхъ секцій, занявшихся обсужденіемъ текущихъ вопросовъ и выборами новыхъ дѣйствительныхъ членовъ. Завѣдываніе секціями осталось въ рукахъ тѣхъ-же лицъ, что и въ минувшемъ году. Ол. Барвинскій выразилъ сожалѣніе, что нѣкоторые выдающіеся ученые на Украинѣ не избраны въ дѣйствительные члены, хотя раньше они состояли членами Товариства. Но администрація секцій и нѣкоторые члены при рѣшеніи этого вопроса стояли на той точкѣ зрѣнія, что кромѣ научной извѣстности съ ихъ стороны необходимо также и активное участіе въ научныхъ работахъ и изданіяхъ Общества. (Руслан. ч. 68).

Лекція проф. Эварницкаго. 16 марта, въ Петербургѣ, въ залѣ городской думы, проф. Эварницкій прочелъ вторую лекцію (о первой — см. предыдущій №, стр. 12—13) въ пользу общества имени Т. Г. Шевченка, на тему: «Уманская рѣзня и причины, вызвавшія это событіе въ правобережной Украинѣ». Указавъ на то политическое состояніе, въ которомъ находилась правобережная Украина подъ владычествомъ Польши послѣ Андрусовскаго договора, лекторъ объяснилъ, какія причины вызвали въ правобережной Украинѣ народное движеніе, вѣдвшее подъ именемъ гайдамащины. Обрисовавъ затѣмъ своеволія и издѣвательства польскихъ конфедератовъ надъ украинскимъ народомъ и православною вѣрою послужившими толчкомъ къ возстанію — гайдамащинѣ, лекторъ подробно и художественно разсказалъ о возникновеніи гайдамащины, ихъ предводителей — атамановъ Желѣзнякъ и Гонтѣ, о взятіи гайдамаками гор. Умани и кровавой ихъ расправѣ съ поляками и евреями и о дальнѣйшей судьбѣ гайдамащины и ея атамановъ; при этомъ лекторъ обратилъ вниманіе слушателей на то, что гайдамащина была не простымъ набѣгомъ шайки

разбойниковъ ради грабежа, а это было осуществленіе народной мести за угнетеніе его и поправленіе вѣры отцовъ. Слушателей собралось не менѣе того, какъ на первую лекцію, хотя замѣтно было отсутствіе молодежи, въ пользу которой и читалась лекція. (Спбр. Вѣд. № 76).

30 и 31 марта, въ Екатеринославѣ, въ аудиторіи народныхъ чтеній, прочтены были проф. Эварницкимъ, двѣ лекціи:—первая: о древностяхъ и о остаткахъ запорожской старины, сохранившихся въ частныхъ музеяхъ и на мѣстахъ бывшихъ запорожскихъ Сѣчей; вторая—по археологіи (Приднѣпровскій Край № 800).

Печальное явленіе. Въ № 48 „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей“ помѣщена статья Марка Непытая: «Жыве кыдаемъ, а мертвого шукаемъ». Авторъ, отмѣтивъ утѣшительное явленіе: стремленіе козачества къ просвѣщенію, обращаетъ вниманіе на слѣдующее печальное явленіе. «Школа учить русскому языку, па ряду съ этимъ стаяицы переполняются пришлымъ народомъ изъ великорусскихъ губерній,—вездѣ значить, слышенъ русскій языкъ. И вотъ «бывшій» черноморець бросаетъ свой языкъ, свое родное и переходитъ на новянку. Но Боже! Боже! каковы результаты этого перениманія: и смѣшво, и плакать хочется, наблюдая ихъ. Бѣдный хохолъ *сочиняетъ* совершенно новый языкъ, смѣшивая въ кучу и малороссійскія и русскія слова, такъ что въ общемъ получается „междурусско-малорусскій языкъ“? Получаются, напримѣръ, такіа прелести въ этомъ новообразованномъ языкѣ: «Мы ѣздили по нидѣ лѣсомъ, а дощыкъ канотѣть, та й канотѣть, а въ кибѣлѣи була дѣрничка, такъ витеръ слыно дубѣть; та на косогори колѣсо посклизнулось, а наша кибѣтка и перевертѣлася»!

Коверкая свой родной языкъ и препращая его въ безобразную, лакейскую смѣсь нелѣпныхъ членораздѣльныхъ звуковъ, козакъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, покидаетъ свои родныя пѣсни, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражается прошлая жизнь его дѣда, отца и т. п. Все это замѣняется пошлымъ, безсодержательнымъ кабацкимъ матеріаломъ въ родѣ слѣдующаго: «Распраклятѣя машина: гдѣ ты милаго втащила? «Охъ напрасно, Машка, кричешь, и машыною пыхтишь!»; «Охъ ты иташка канарейка какъ ты жалабна паешь!».

Вся бывшая Черноморія, по словамъ автора, начиная отъ Ейска и кончая Еваториноподомъ и Таманью, насыщена этимъ ужас-

ными пѣснями. Одну единственную станицу ему пришлось встрѣтить, гдѣ онъ за два года не слышалъ, чтобы молодежь пѣла пошлыя пѣсни. Это ст. Иркилевская. Тутъ приходилось ему слышать пѣсни съ самымъ священнымъ для черноморца содержаніемъ, какъ-то: «Гакнемо зъ гакивныць», «Гей у мене бувъ коняка», «Ревуть, стогнуть горы, хвыли», «Хлонче, молодче,»! и многія другія родныя пѣсни. Всѣмъ этимъ ст. Иркилевская обязана уряднику Федору Чернышу, который, состоя инспекторомъ, уже почти пять лѣтъ, каждую зиму научаешь чело-
вѣкъ тридцать молодыхъ козаконъ пѣть родныя пѣсни, а эти ученики, распѣвая ихъ на улицѣ, научаютъ другихъ.

Награда за научный трудъ. Профессоръ кіевскаго университета В. Б. Антоновичъ за составленіе археологической карты кіевск. губ. удостоенъ медали русскаго археологическаго общества, учрежденной въ память графа А. С. Уварова («Кіевская Газета»).

Приобрѣтеніе цѣннаго историческаго альбома. Профессоръ харьковскаго университета Д. И. Багалъй, занимающійся составленіемъ исторіи города Харькова, въ числѣ цѣнныхъ историческихъ документовъ разыскалъ у одного изъ мѣстныхъ обывателей альбомъ разныхъ акварельныхъ картинъ, на которыхъ изображены виды города, рисованные сто лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время управа приобрѣла этотъ рѣдкій альбомъ за сто рублей для городского музея.

БИБЛЮГРАФІЯ.

А. А. Папковъ. *Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ.*—Св. Троицкая Сергіевъ Лавра Собственная типографія.
—1900 годъ, in 4^o,—1—LXIV+291+22+XXXIX.

Въ настоящее время жизненные обстоятельства особенно выдвинули вопросъ о ненормальности современного приходскаго строя,—съ нѣкоторыхъ поръ начали раздаваться голоса о необходимости возираться назадъ къ древне-приходскому началу. Книга г. Папкова, посвященная очерку исторіи западнорусскихъ братствъ, въ дѣятельности которыхъ особенно пышно расцвѣла древняя приходская община, является такимъ образомъ какъ нельзя болѣе кстати. Впрочемъ, и помимо этого случайнаго обстоятельства, усиливающаго интересъ къ книгѣ г. Папкова, она имѣетъ полное право на вниманіе къ себѣ и потому, что является первымъ опытомъ возможно полной и систематической исторіи братствъ,—а такая исторія—трудъ давно желанный и необходимый. Къ сожалѣнію только нужно замѣтить, что книга г. Папкова еще разъ убѣждаетъ въ томъ, что еще не пришло время писать полную исторію братствъ. Самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ заявляетъ, что его изслѣдованіе написано только на основаніи обнародованныхъ документовъ,—что еще много есть неразработанныхъ источниковъ для исторіи братствъ въ различныхъ архивахъ центральныхъ (Вильна, Кіевъ, Витебскъ) и частныхъ (м—ри, церкви...) нашихъ и галицкихъ (Львовъ и др.); самъ авторъ сознаетъ «все несовершенство выпускаемаго въ свѣтъ труда... и рѣшается на такой шагъ въ виду отсутствія... въ русской исторической литературѣ всеобщей исторіи братствъ».

Не вдаваясь въ подробный анализъ книги г. Папкова, мы считаемъ необходимымъ только вкратцѣ ознакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ ея. Подробный анализъ содержанія мы считаемъ совершенно излишнимъ, такъ-какъ сама-то книга ничего существенно новаго и интереснаго не представляетъ, а является простымъ объединеніемъ доселѣ обнародованныхъ матеріаловъ.

Книга г. Папкова раздѣляется на введеніе и пять главъ. Введеніе (1—LXIV) посвящено характеристикѣ положенія православія и русской народности въ Литвѣ до XVII в. Здѣсь авторъ очень подробно говоритъ о распространеніи христіанства, о постепенномъ возвышеніи Литвы, о ея тяготѣніи къ Россіи и постепенномъ обрусѣніи, объ усиленіи Москвы и Польши, о насильственномъ водвореніи католичества въ предѣлахъ Литвы велик. кн. Ягайломъ (въ 1386 г.), о правительственныхъ мѣрахъ, направленныхъ во вредъ православію и русской народности, о мужественной защитѣ древнѣхъ народныхъ началъ жизни знатнымъ древними родами (Случкіе, Острожскіе, Сапѣги, Сангушки, Ходкевичи и др.), о люблинскомъ сеймѣ 1569 г. и послѣдовавшихъ за нимъ усиленныхъ гоненій на православныхъ, — о разединеніи древней русской митрополіи и появленіи въ Литвѣ иезуитовъ, — объ измѣнѣ православію многихъ епископовъ (Гедіонъ Валябанъ, Діонисій Збаруѣйскій, Кириллъ Терлецкій, Ипатій Потѣй) и насильственномъ введеніи униі, о попыткахъ борьбы со стороны православныхъ и о началѣ болѣе энергичной дѣятельности братствъ. Указавши положеніе православія и русской народности въ Литвѣ до XVII в. и доведя свое повѣствованіе до того пункта, съ котораго начинается особенно энергичная дѣятельность братствъ, г. Папковъ очень кратко касается предшествовавшей исторіи собственно братствъ. Начало нашихъ знаменитыхъ братствъ онъ видитъ въ такъ называемыхъ медовыхъ братствахъ, существовавшихъ еще въ XII в. Нельзя не пожалѣть и не попенять на автора за то, что въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи этой исторіи онъ совершенно опускаетъ четыре столѣтія (съ XII—по XVI) и не говоритъ совсѣмъ ничего о состояніи братствъ за этотъ періодъ. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, было бы несравненно болѣе важно и интересно вмѣсто растянутого очерка положенія православія въ Литвѣ до XVII в., которое всякому болѣе или менѣе образованному челоѣку извѣстно, прослѣдить постепенное развитіе братствъ, показать, какимъ образомъ изъ медовыхъ братствъ вышли знаменит. братства, подробно воспроизвести тотъ путь, который

привелъ медовыя братства къ постепенному расширенію своей, первоначально очень скромной, программы дѣятельности. Въ изложеніи нашего автора замѣчается скромный, непонятный пропускъ: послѣ рѣчи о медовыхъ братствахъ XII в. онъ прямо говоритъ объ особенномъ усиленіи ихъ въ XVI—XVII в. в.

Первая глава (1—65 стр.) труда г. Папкова посвящена характеристикѣ эпохи преобразованія западно-русскихъ церковныхъ братствъ. Очертввши въ нѣсколькихъ словахъ дѣятельность князей К. Острожскаго и Курбскаго на пользу православія, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи онъ довольно подробно останавливается на исторіи преобразованія братствъ: говоритъ о преобразованіи Львовскаго братства при участіи ант. патріарха Іоакима (былъ на Украинѣ въ 1586 г.) и константиноп. Іереміи (въ 1588—89 г.г.), излагаетъ уставъ этого братства, характеризуетъ его общее устройство и останавливается на изображеніи его просвѣтительной дѣятельности (школа, типографія). Затѣмъ онъ приходитъ къ исторіи преобразованія Виленскаго Троицкаго братства (1584—1588 г. г.),—касается вкратцѣ сношеній этого братства съ Львовскимъ братствомъ и отношеній къ нему короля Сигизмунда III (далъ милостивую грамоту). Изложивши исторію преобразованія двухъ важнѣйшихъ братствъ, г. Папковъ переходитъ къ исторіи другихъ мелкихъ братствъ, которыя въ это время (особенно послѣ Брестскаго собора 1596 г.) начали во множествѣ появляться. Тутъ отмѣчаетъ онъ небольшія братства въ с. Уличѣ, въ г. Люблинѣ (въ 1586 г. ихъ утвердилъ патріархъ Іоакимъ), въ г. г. Замостьѣ, Красноставѣ, Могилевѣ, Брестѣ, Мвискѣ, Оршѣ, Львовскія братства и т. д. Весь конецъ первой главы книгъ г. Папкова содержитъ въ себѣ характеристику дѣятельности братствъ отъ 1592 по 1600 годъ, когда православію наиболѣе угрожала унія, когда сторонниками уніи и врагами православія являлись не только іезуиты, но и измѣнники епископы, съ митр. Рогозою во главѣ. Особенно въ этомъ отношеніи онъ отмѣчаетъ героическую дѣятельность Виленскаго братства, которому пришлось выдержать наиболѣе тяжкую борьбу съ увіей за православіе. Восхваляя въ концѣ этой главы дѣятельность братствъ на пользу православія, г. Папковъ замѣчаетъ, что «въ этотъ сравнительно короткій періодъ времени (1586 г.—1600 г.) братства настолько окрѣпли и организовались, что для нихъ была уже не страшна та борьба, которая имъ предстояла... когда уніатскимъ митр. сдѣлался Ипатій Потѣй, одинъ изъ создате-

лей уніатскаго дѣла въ западной Россіи и наиболѣе ревностный гонитель православія и церковныхъ братствъ (65 стр.).

Вторая глава (66—114 стр.) разсматриваемаго сочиненія г. Папкова: «Братство, какъ мощная защита православія—вплоть до возстановленія православной іерархіи въ 1620 году (1600—1620 г.)» имѣетъ своею задачею обрисовать эту борьбу братствъ съ уніею и митр. Ипатіемъ Потѣмъ. Въ это время, особенно послѣ Люблинской уніи, православнымъ жилось очень тяжело, — ихъ угнетали и обижали уніаты во главѣ съ м. Потѣмъ. Въ эту то тяжелую годину братства явились не только мощною защитою православія, но и хранителями національнаго народнаго самосознанія. Тяжела была эта борьба сравнительно малочисленныхъ и почти безправныхъ братствъ съ многочисленными врагами, на сторонѣ которыхъ стояло и которымъ помогало польское правительство. Къ счастью братства избрали исполнѣ подходящий и надежный путь для борьбы: они не только строили церкви и монастыри и укрѣпляли такимъ образомъ православную вѣру, но и будили въ массѣ здоровыя національныя чувства, устраивая общественныя школы, гдѣ объединялись передъ наукою и утверждались для борьбы съ страшными врагами вѣры и національности дѣти и богачей, и бѣдняковъ, и вельможъ, и простыхъ смертныхъ.—Очень важную роль въ этой великой борьбѣ играли и братскія типографіи, которыя ежегодно выпускали не мало церковныхъ, полемическихъ и апологетическихъ книгъ.

Въ третьей главѣ своего сочиненія («Охранительная дѣятельность православныхъ братствъ въ послѣдвіе годы царствованія короля Сигизмунда III (1620—1632 гг.)», нашъ авторъ повѣствуетъ о томъ, какъ путешествовалъ на Украину іерус. патріархъ Теофанъ, который хвалилъ устроисто братствъ, благословилъ дѣятельность ихъ и сдѣлалъ ихъ ставропигіальными,—какъ своими грамотами этотъ патріархъ далъ большую поддержку изывавшимъ борцамъ и пробудилъ въ нихъ необыкновенный подъемъ религіознаго и національнаго духа, выразившійся въ основаніи такъ называемыхъ юношескихъ братствъ (Кіевское, Львовское, Луцкое и др.).

Наиболѣе энергичная и плодотворная дѣятельность братствъ началась съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ ихъ сталъ знаменитый Кіевскій митр. Петръ Могіла. Объ этой усиленной дѣятельности братствъ авторъ говоритъ въ четвертой главѣ своего труда: «Оживленная дѣятельность православныхъ братствъ въ эпоху м. Петра Могилы

(1632—1647 г.)» (стр. 160—198). Въ это время дѣятельность братствъ достигла наибольшаго развитія, своего въ нѣкоторомъ родѣ апогея: число братствъ значительно увеличилось (въ одной Львовской епархіи ихъ было больше 20), они получали гораздо болѣе силы и значенія, благодаря конфирмаціи ихъ універсалами короля Владислава (1633 г.),—съ этого времени братства дѣлаются непрерывными органами церковно-епархіальной жизни православныхъ. Не забылъ авторъ отмѣтить и глубокое просвѣтителное значеніе, какое имѣли для всего края учрежденныя Петромъ Могилою и др. дѣятелями школы.

Въ послѣдней (пятой) главѣ г. Панковъ набрасываетъ краткую картину «жизни и дѣятельности братствъ во второй половинѣ XVII и въ XVIII в.в.» (199—291). Послѣ бурнаго періода Хмѣльницщины, послѣ раздѣла Украины между Россією и Польшею, братства по прежнему защищаютъ и охраняютъ православную вѣру и національность, но ихъ дѣятельность теперь ужъ не имѣетъ прежняго значенія и прежней шир. Іезуиты и униаты теперь еще сильнѣе угнетаютъ и притѣсняютъ ихъ, вслѣдствіе чего часть братствъ совсѣмъ прекращаетъ свое существованіе, а часть (Львовская, напр.), измѣняетъ православію и переходитъ въ унию.

Такъ въ кратцѣ можно передать содержаніе интересной книги г. Панкова.

Въ заключеніе вашей замѣтки мы съ сожалѣніемъ повторяемъ, что еще далеко время, когда можно будетъ написать полную, всестороннюю и вполнѣ объективную, вполнѣ научно-безпристрастную исторію западно-русскихъ братствъ. Книга г. Панкова, не смотря на выдающееся трудолюбіе автора и на обиліе изученныхъ имъ матеріаловъ, только подтверждаетъ наше мнѣніе: этой книгѣ не достаетъ прежде всего того, что украшаетъ обыкновенно изслѣдованіе, написанное по вполнѣ ужъ истощенному матеріалу,—недостаетъ полноты изслѣдованія и равномѣрности освѣщенія различныхъ сторонъ историческаго прошлаго нашихъ братствъ. Вслѣдствіе этого, на ряду съ детально изслѣдованнымъ вопросомъ, встрѣчаются не рѣдко и вопросы съ чуть-чуть намѣченнымъ разрѣшеніемъ. Кромѣ того не вездѣ автору удается вполнѣ соблюсти строгаго объективное отношеніе къ событіямъ: горячее сочувствіе къ горестной судьбѣ православныхъ часто заставляетъ его сильно сгущать краски при изображеніи враговъ православія. Наконецъ, вообще вся эта книга не

имѣть въ себѣ того духа живого, который, являясь результатомъ полнаго, всесторонняго и детальнаго изученія предмета, такъ увлекаетъ насъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ,—сочиненіе это по многихъ мѣстахъ производитъ впечатлѣніе непереработанныхъ авторомъ и чисто внѣшнимъ, механическимъ образомъ снззанныхъ обрывковъ изъ различныхъ бывшихъ у него подъ руками пособій. Однако все это объясняется сравнительною новизною и трудностью принятой на себя авторомъ задачи и все это съ избыткомъ искупается несомнѣнною полезностью книги, какъ справочнаго изданія. Надо отдать честь автору,—онъ много потрудился и собралъ въ своей книгѣ почти все, что было до него написано о братствахъ. Нельзя, поэтому, строго винить его, если по мѣстамъ не онъ владелъ матеріаломъ, а матеріалъ руководилъ имъ.—

Отъ души желаемъ автору не оставлять начатаго труда на пол пути, а вслѣдъ за изученіемъ обнародованнаго матеріала приступить къ изученію не исполнѣ еще изслѣдованныхъ архивныхъ данныхъ, чтобы въ будущемъ написать столь необходимую полную, безпристрастную и обстоятельную исторію нашихъ братствъ.

В. Дурдуновскій.

Етнографічний збірник. *Видає етнографічна комісія наукового Товариства імени Шевченка: Т. VI. Галицко-руські анекдоти. Зібрав Володимир Гнатюк. У Львові, 1899, I—ХП, I—370, I—III.*

Не смотря на то обстоятельство, что среди нашего народа существуетъ огромное количество анекдотовъ, составляющихъ наиболѣе популярный отдѣлъ народной словесности, издано ихъ донинѣ не особенно много, въ особенности мало существуетъ спеціальныхъ сборниковъ. Обыкновенно такой матеріалъ печатается лишь при случаѣ, среди другихъ матеріаловъ, напримѣръ, въ «Вінок Русинам на обжинки», «Твори В. Наирощкого», т. I. Библіотека Онишкевича, т. III (здѣсь перепечатаны анекдоты изъ «Вінка»), въ различныхъ календаряхъ и журналахъ (среди послѣднихъ издающееся мѣсто занимаетъ американская «Свобода»), въ «Етнографічнім збірнику», въ сборникахъ: Рудченка, Драгоманова, Чубинскаго, Манжуры, Ястребова Гринченка, въ русскомъ сборникѣ Аванасьева, въ польскихъ—Кольберга и *Zbiór wiadomości* и др; только въ 1898 г. издалъ В. Д. Гринц-

ченко первый довольно значительный сборникъ анекдотовъ подъ загл. «Веселый оповидачъ. Двисти оповиданнивъ. У Чернягови 1898 г.» Литературныхъ обработокъ анекдотовъ, за исключеніемъ статьи М. Драгоманова «Турецкіе анекдоты въ Украинской словесности» (Кіевск. Старина, 1886, кн. 2 и 3), тоже не было. Въ прошломъ году появились двѣ крупныя работы въ этой области, обѣ въ «Сборникѣ Харьк. Филологическ. Общества, кн. IX, 1899»,—статья А. Пельцера «Происхожденіе анекдотовъ въ русской народной словесности» и проф. М. Сумцова «Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глуцахъ».

Работа г. В. Гнатюка, составляющая VI т. «Етнографічного збірника», является наиболѣе крупной донинѣ и наиболѣе цѣнной въ области анекдотической литературы, не только какъ самый полный сборникъ анекдотовъ, но въ особенности какъ научный трудъ, въ которомъ для каждаго мелкаго анекдота подобраны съ образцовой тщательностью всѣ существующіе гдѣ-либо въ славянской и инославянской литературѣ параллели, по чрезвычайно огромному количеству изданій. Всѣ матеріалы г. Гнатюкъ раздѣлилъ на три отдѣла: анекдоты о разныхъ общественныхъ слояхъ, разныхъ народахъ и историческіе анекдоты, съ добавленіемъ къ послѣднимъ мюнхгавзидъ, небылицъ и анекдотовъ о дурняхъ.

Первый отдѣлъ (стр. 1—162) заключаетъ въ себѣ анекдоты, подраздѣляемые на слѣдующія рубрики: селяне («мужики»,—мужчины и женщины), слуги, жебраки (нищіе), каліки, злодіи, ремісники, школярі, поны, пани,—всего 335 номеровъ, значительное большинство которыхъ записано въ послѣдніе годы въ Галиціи, въ Бучацкомъ и др. повѣтахъ. Во второмъ отдѣлѣ, заключающемъ 230 номеровъ, анекдоты подраздѣляются на загальні характеристики, русини (бойки, гуцули), поляки, москалі, чехи, німці, жида, цигани.

Наконецъ, въ послѣднемъ (стр. 273—370) помѣщено 12 номеровъ «Історичи. споминів»—о различныхъ предметахъ; 42 номера анекдотовъ о Канѣяскомъ (Николаѣ Цогоцкомъ), 25 номеровъ «Мюнхгавзидъ, небылицъ,—гри слівъ» и 34 номера о дурняхъ.

Въ заключеніе, въ дополненіи къ сборнику помѣщены составленные І. Франкомъ около 70 параллелей къ изданнымъ г. Гнатюкомъ анекдотамъ.

Таково содержаніе VI тома, по истинѣ достойаго занять перворядное мѣсто среди другихъ этнографическихъ работъ въ данной

То-же. *Т. VII. Галицькі народні казки.* (№ 26—27). Зібрав Осип Роздольский. У Львові, 1899, III—IX, I—168.

Настоящій VІІ т., заключающій богатоє собраніє сказокъ, собранныхъ г. Роздольскимъ пѣ одномъ изъ уголковъ бродскаго повѣта, является продолженіемъ труда этого автора, помѣщеннаго въ I томѣ: *Этнографічного збірника* (25 номеровъ сказокъ). Специалисты могутъ найти здѣсь, среди знакомыхъ, общеизвѣстныхъ сказочныхъ мотивовъ, нѣкоторые довольно рѣдкіе, какъ напр. въ (№ 31)—о перожденномъ (вынутомъ изъ утробы матери) царевичѣ и лошади, о бракѣ воробья съ мышью (№ 59), о стрѣлкѣ и грифѣ (тамъ-же), музыкѣ, которая не можетъ перестать играть, потому что герой забылъ волшебное слово (тамъ-же) и др.

Всѣхъ сказокъ въ этомъ томѣ помѣщено 51; онѣ снабжены, какъ и въ I т., въ концѣ каждаго номера обстоятельными параллелями. Трудъ г. Роздольскаго займетъ почетное мѣсто среди немногочисленныхъ сборниковъ нашихъ сказокъ.

В. Д.

Окрестности Кіева „Пустыни“. *Сборникъ ав. отипій съ фотографій Н. Бобира. Изданіе заведенія графическихъ искусствъ А. Л. Гудимовъ. Кіевъ, 1900 г.*

Это изящное изданіе, состоящее болѣе чѣмъ изъ семидесяти снимковъ самой разнообразной величины, снабженныхъ посылными, очень краткими, къ сожалѣнію, объясненіями, удовлетворило давно уже въ обществѣ взысканной потребности имѣть въ рукахъ альбомъ изображеній тѣхъ чудныхъ окрестностей, которыми по справедливости давно уже гордится «мать городовъ русскихъ». Кто изъ кіевлянъ не любовался когда-нибудь такими чудными уголками, какъ привѣтливая Китаевская пустынь, уютный Голосѣевъ, Теофанія, удивленная и дѣйствительно пустынная Николаевская пустынь, живописное Межигорье и т. п.? Теперь они имѣютъ возможность любоваться у себя дома художественно слѣданными воспроизведеніями этихъ чудныхъ уголковъ, гдѣ душа усталого горожанина находитъ возможность успокоиться отъ тревоженій будничной суеты и найти отраду въ созерцаніи вѣчно юныхъ красотъ Божьей природы... Жаль только, что среди изображеній разсматриваемаго альбома имѣется

нѣсколько слишкомъ ужь мелкихъ; зато, впрочемъ, есть сдѣланныя и въ листъ (альбома) вполне отчетливо и изящно.

Указанный альбомъ является уже второю крупною художественною работою (въ извѣстныхъ намъ) заведенія А. Л. Гудшонтъ и подобно первой (Пушкинскій сборникъ университета Св. Владимира. Цѣна 6 р), свидѣтельствуесть о томъ, что это заведеніе заслуживаетъ самой широкой извѣстности и при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ украшеній Кіева.

А. С—чъ.

Часопись Правнича. *Розвідки правничі секції історично-філософічної науковою Товариства ім. Шевченка. Редактор д-р Кость Левицкий. Рочник IX. У Львові, 1899, стр. 1—168.*

Юридическій журналъ „Часопись Правнича“, въ объемѣ нѣсколько меньшемъ «Записокъ наукового Товариства», выходящій подъ редакціей д-ра К. Левицкаго уже 9-ый годъ, — по одной книжкѣ въ годъ, начиная съ 1889 г. (въ 1892 и 1893 — пробѣлъ,) — содержитъ очень много интереснаго матеріала; такъ, напр. въ кн. II, — помѣщена статья Н. Шухевича — О договорахъ Руси з Греками; въ кн. V. — Гр. Зацерковного — разборъ очерковъ семейнаго права Литовской Руси въ половинѣ XVI в. М. Буданова; тамъ же: К. Левицкого — «Правда Руска. Памятникъ законодателій права руского з XI віку» и др.

Въ недавно вышедшемъ IX томѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья *Принарихъ Черкасскою* — «Спадщина в украинському праві звичайовому», стр. 1 — 166, составленная на основаніи преимущественно печатныхъ матеріаловъ: «Трудовъ этн.-стат. экспед. т. VI», «Трудовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ т. IV и V» и статьи О. Рыльского «Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія» «Кіевская Старина», 1890 г.

Послѣ общаго обзора, касающагося семейнаго имущества и нормъ наслѣдственнаго права, авторъ обстоятельно разсматриваетъ два рода наслѣдственнаго права — наслѣдства «по звичаю» (по закону) и по завѣщанію. Изслѣдуя первый случай, авторъ говоритъ объ общемъ порядкѣ наслѣдства, о раснаденіи семьи при жизни отца и раздѣлѣ наслѣдства, о роснаденіи семьи и хозяйства послѣ смерти отца, о наслѣдствѣ солдатъ, «материнѣ» (имущество, составляю-

щее собственность матери, какъ напр. одежда, рушники, скатерти, рідна, полотна, скриня, а также и недвижимое имущество), о правонаслѣдованіи супруговъ, родственниковъ (родителей), о правѣ родового выкупа. Во второмъ случаѣ, — авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію условія, какимъ завѣщающій долженъ удовлетворять, формы завѣщаній, цѣль и содержаніе послѣднихъ, кто дѣлитъ наслѣдство?

Въ общемъ статья читается съ огромнымъ интересомъ.

Изъ другихъ статей, непосредственный для насъ интересъ представляетъ статья д-ра Станислава Днистрянського «Заручины в Австрійскихъ правѣ» (стр. 1—23). Авторъ разсматриваетъ понятіе заручины, какъ юридическаго акта, приводитъ всѣ тѣ условія, съ соблюденіемъ которыхъ заручины могутъ состояться, излагаетъ поводы, дающіе законное основаніе порвать заручины.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить очень богатый и разносторонній отдѣлъ библіографіи, содержащій разборы юридическихъ трудовъ по исторіи и философіи права, по каноничному, частному и уголовному праву.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 4; 2) Русская Старина, № 4; 3) Вѣстникъ Европы, № 4; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 5) Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 2; 6) Літературно-Науковий Вістникъ, № 4; 7) Kwartalnik Historyczny, № 1; 8) Ateneum; 9) Przewodnik naukowy i literacki, № 4; 10) Slovanský přehled, № 7 (4); 11) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 4; 12) Biblioteka Warszawska, № 4; 13) Книжки Восхода, № 3; 14) Историческій Вѣстникъ, № 4; 15) Живописное Обзорѣніе, № 4; 16) Wisła, № 1.

Русскій Архивъ № 4.

И. Дубасовъ. Изъ тамбовскихъ былей (стр. 421—433). Упомянутіе, между прочимъ, о колонизаціи Тамбовскаго края малороссами

въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, напр. въ Шацкомъ уѣздѣ, село Новодмитріевское (Елань); поселокъ въ «Чураевскомъ бору». Проявленіе колонистами энергіи на новыхъ мѣстахъ.

Русская Старина № 4.

Записки Михаила Чайковского (Мехметъ-Садыкъ наши). Главы LXII—LXIV. Переводъ В. В. Тимошука (стр. 219—236). Продолженіе записокъ, печатавшихся въ «Русской Старинѣ» въ 1898 году. Формировка второго козацкаго полка подъ начальствомъ Чайковского. — Вступленіе въ Молдавію. — Дѣйствія Чайковского въ Добруджѣ.

Вѣстникъ Европы № 4.

Въ отдѣлѣ «Литературное обозрѣніе» (стр. 827—832) данъ обстоятельный отзывъ на книгу: «А. А. Панковъ. Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ, Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1900».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 4.

Въ отдѣлѣ «Современная Лѣтопись» — В. Перетцъ: «Императорское общество любителей древней письменности. Труды и изданія общества за 1898-99 годъ» (стр. 33—75). Изъ рефератовъ, читанныхъ въ обществѣ, посвященныхъ исторіи литературы, критикѣ и изслѣдованію памятниковъ и искусству, къ намъ имѣютъ отношеніе: о вновь открытомъ (К. В. Харламповичемъ) печатномъ экземплярѣ переводной статьи князя А. М. Курбскаго. «Отъ другіе діалектики Иона Спангенбергера, о силлогизме вытолковано» — извѣстной доселѣ лишь въ рукописяхъ; о «Логикѣ» жидовствующихъ и «тайная тайныхъ» или Аристотелевы врата» (рефер. г. Соболевскаго) (между прочимъ изслѣдована рукопись XVI в., названная въ «Указателѣ» преосв. Саввы «Метафизикою на южно-русскомъ нарѣчій»); о зависимости древней Руси отъ Византіи въ области искусства (реф. проф.

Кондакова); о службѣ малороссійскихъ козаковъ во Франціи въ 1646 году (реф. А. В. Половцева).

Земскій борникъ Черниговской губерніи № 2.

Рѣчь О. М. Бѣлозерскаго на полугодовой тризнь по П. А. Кулишу, въ день Пантелеймона, 27 іюля 1897 г. (стр. 22—27).

Въ своей рѣчи ораторъ передаетъ свои интересныя наблюденія надъ личностью Кулиша, указываетъ на то, что Кулишъ «въ тѣченіе своей долгой жизни въ своей душѣ переносилъ нѣсколько боговъ»: бога свободы (особенно политической), бога челоувѣчности и др.; но, мѣняя боговъ, онъ всегда оставался неизмѣннымъ эстетикомъ; его призывъ былъ всегда: «Культурѣ служимо». Въ концѣ ораторъ говоритъ объ огромномъ значеніи Кулиша для украинской литературы вообще, и исключительномъ — для галичанъ.

Вообще рѣчь О. М. Бѣлозерскаго представляетъ интересный матеріалъ для біографіи и оцѣнки личности Кулиша.

Въ «Приложеніяхъ» — «Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка» (стр. 1—48). Вновь перепечатана часть, помѣщенная въ № 1 «Сборника» и продолженіе далѣе.

Літературно-Науковий Вістникъ № 4.

Наш альбом. Изъ поэмъ Миколи Чернявського (стр. 1—4): I. Бескет, II. Зірками блискучими падаємо ми, III. Не бажа душа спокою, IV. Шляхи, V. Все віщує быть весні, VI. Море, VII. Сьогодні високо над мною, VIII. Непримітний і убогий, IX. В діброві, X. Сон, XI. Люблю, коли лампада, XII. У осені, XIII. Зорі.

Вічний календар. Оповідане Грицька Коваленка (стр. 5—20). Сатирическое произведеніе, основой котораго является изобрѣтенный однимъ генераломъ «вічний календаръ», долженствующій спасти отъ всякихъ бѣдствій Россію.

У наймах. Оповідане Михайла Яцкова (стр. 21—50). Грустная повѣсть о дивчинѣ Оленѣ, служившей въ наймахъ у односельчанина, вѣчно обижаемой хозяевами, пока наконецъ ее не уложили въ могилу.

Перехресні стѣжки. Повість Івана Франка (стр. 51—71). (Продолженіе).

Из оповіданъ Гната Потапенка: І. Октава, П. Тайпа (варис), Ш. Проклята слава (Із консерватор. споминів). З російського переклав Григорій Коваленко (стр. 92—120).

Десять сліпих. Дпальогі Джордана Бруно. Переклав Іван Франко (стр. 121—128).

Панько Омелькович Кулиш. Огляд його діяльності Написав Осип Маковей (далі) (стр. 1—28). Авторъ, разсматривая діяльність Кулиша въ первый періодъ, разбираєть произведенія его: «Цыганъ», «Михайло Чарнышенко», «Чорна рада», «Українскіи преданія».

Из чужих літератур (Нові сили в сучасній літературі. І. Ада-Негрі). Евгенія Дегеня (стр. 29—41). Критическій обзоръ литературной діяльності.

Джордано Бруно. З німецького переклав Іван Франко (стр. 42—51). Литературно-біографическій очеркъ жизни и діяльності Дж. Бруно по поводу исполнившася недавно трехсотлѣтія со дня его смерти.

Хроніка і бібліографія (стр. 52—64). По обыкновенію, цѣнний матеріалъ для исторіи текущей культурной жизни Галичини и України.

Kwartalnik Historyczny № 1.

L. Finkel. Memoryał Antoniego hr. Pergena, pierwszego gubernatora Galicyi, o stanie kraju (стр. 24—43). Изложеніе содержанія интересной капитальной рукописи—меморіала Пергена, первого губернатора Галиціи (1772—1773 гг.), заключающаго въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) положеніе, жители и продукты края вообще, 2) дворянство, 3) религія и духовенство, 4) города и городскіе промыслы, 5) крестьянское сословіе, 6) евреи.

Документъ этотъ хотя и мало даетъ данныхъ совершенно новыхъ, но какъ историческій памятникъ имѣетъ огромное значеніе.

Въ отдѣлѣ Miscellanea: А. Р—ска. «Dokument graniczny Czerwono-Ruski z 1352 r.» (стр. 51—54). Этотъ документъ, списанный съ книги земской Перемысской (Т. 155, стр. 395—398), касается пожалованія княземъ Львомъ села Боляновиць нѣкому Петру Сурмѣ.

Этому документу предпослана исторія утвержденія юрид. права на владѣніе с. Боляновицы, заимствованная изъ судебного акта 1606 г.

Въ отдѣлѣ «*Recenzye i Sprawozdania*» (стр. 64—143) даны отзывы о книгахъ: «Болсуновскій К. Сфрагистическіе и геральдическіе памятники юго-западнаго края, Кіевъ, 1899»; «Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты исей Россіи и ея южныхъ областей до половины XIII ст. В. Кордта. Кіевъ, 1899 г.»; «Иностранные карты и атласы XVI и XVII в., относящіеся къ Южной Россіи Изслѣдов. Вас. Лискоронскаго. Кіевъ, 1898».

Въ отдѣлѣ «*Kronika*» (стр. 160—175)—извѣстія: I. О засѣданіяхъ академій, научныхъ обществъ, о съѣздахъ; II. О коллекціяхъ, находкахъ, открытіяхъ; III. О научныхъ экскурсіяхъ, юбилейныхъ торжествахъ; IV. Некрологи; V. Конкурсы и награды. Много цѣннаго матеріала, касающагося юга Россіи и Галичины.

Въ отдѣлѣ «*Sprawozdania z posiedzeń Towarzystwa Historycznego*» (стр. 184—185) изложено содержаніе реферата др. Фридерика Шапье на XXI общемъ собраніи историческаго общества во Львовѣ подъ загл. «*Litwa w ostatniem dwunastoleciu Kazimierza Jagiellończyka*».

Ateneum.

Ksawery Chamiec. Starożytności przedhistoryczne na XI zjeździe archeologicznym w Kijowie (стр. 105—135). Авторъ даетъ отчетъ о рефератахъ по доисторической археологіи, разсматривая ихъ въ послѣдовательномъ, возможно хронологическомъ, порядкѣ, соотвѣтственно тѣмъ періодамъ культуры, къ которымъ разсматриваемые имъ доклады приурочиваются. Изложены доклады: г. Армашевскаго «О стоянкѣ челоуѣка палеолитической эпохи на Кирилловской улицѣ, въ Кіевѣ»; г. Покровскаго «О раскопкахъ г. Хнойки въ Кіевскомъ у.»; проф. Антоновича «О каменномъ вѣкѣ на Волыни»; г. Бранденбурга «О туземномъ населеніи кіевской земли»; г. Городцена «О необходимости установленія названій и составленія системы описанія доисторической керамики»; г. Нидерле «О времени переселенія славянъ съ сѣвера черезъ Карпаты въ Венгрію»; г. Пагодина «Объ отношеніи племени индо-европейскаго къ финскому» и др.

Przewodnik naukowy i iiteracki, № 4.

J. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczypospolitej polskiej. (Продолженіе). (Стр. 382—388). Кунтушъ; извѣстія о немъ у польскихъ писателей прежнихъ временъ.—Происхожденіе кунтуша, по мнѣнію автора,—путемъ эволюціи, изъ народнаго платья; давность его существованія.—Оланча; два ея вида.—Бекеша; покрой ея.

Slovansky prehled, č. 7 (4).

František Řehoř. Masopust na haličké Rusi (Z pozostalých rukopisu). стр. 322—327).

Описаніе празднованія въ Галицкой Руси «мясницъ»; загальный тыждень, крывый тыждень, пущання; колодка, времяпрепровожденіе на масланицѣ. Матеріалъ собранъ во многихъ мѣстностяхъ и снабженъ параллелями и ссылками на произведенія различныхъ изслѣдователей.

Въ отдѣлѣ «Umění, věda» (стр. 343—345) данъ отзывъ о книгѣ: «Проф. Т. Флоринскій: Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчій) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. Кіевъ, 1899.». Отмѣчено изданіе (стр. 345): «Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич. Ч. I. (Матеріяли до украинсько-руської етнології, т. II). Львів, 1899».

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 350—351) отмѣчены: споръ о малорусскомъ языкѣ (отвѣтъ проф. Флоринскому г. Науменка); общее собраніе Товариства Просвіта; количество русиновъ въ галицкихъ среднихъ школахъ; смерть А. Турбацкаго.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 22 газеты «Восходъ г. С. Гинзбургъ помѣстилъ статью «Сіонъ» и «Основа» (Вниманію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»).

Статья эта вызвана письмомъ въ редакцію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей Номо, помѣщеннымъ въ № 68 этой газеты, въ которомъ авторъ, между прочимъ, бросилъ упрекъ евреямъ—въ раздуваніи племенныхъ антипатій и, въ частности, въ томъ, что «евреи въ лицѣ своего литературнаго органа «Сіона», будучи злы на украинофиловъ за обличеніе еврейской эксплуатаціи южно-русовъ, первые пустили

въ ходъ обвиненіе украинофловъ въ «сепаратизмъ» и тѣмъ дали поводъ заподозрить чисто культурно-національное стремленіе въ зло-вредномъ, антигосударственномъ направленіи», (фактъ, засвидѣтельствованный А. Пыпинымъ и В. Д. Спасовичемъ въ „Исторіи славянскихъ литературъ“ (стр. 380—381, 2-е изд.). По поводу этого упрека г. Гинзбургъ и берется, въ интересахъ истины, восстановить дѣйствительный характеръ этого инцидента. Съ этой цѣлью, приведя первичныя отрывки изъ № 10 «Сіона» (статья: «Основа» и вопросъ о національностяхъ) и заявивъ далѣе, что «сепартизмъ—слово, которое никогда «Сіономъ» не употреблялось», авторъ ссылается на отзывы объ указанномъ инцидентѣ, сказанные въ 1861 году лучшими и наиболѣе вліятельными изъ органовъ русской печати: „Русскій Вѣстникъ“, „Русская Рѣчь“, „Время“, „Русское Слово“, „Русскій Инвалидъ“, „Сынъ Отечества“, и даже юмористическая «Искра».

Мы очень сомнѣваемся, чтобы дѣйствительно пальму первенства въ этомъ спорѣ можно было отдать «Сіону».

Кружкомъ польскихъ литераторовъ и ученыхъ Варшавы, Львова и Кракова готовится къ печати подробное историко-статистическо-географическое описаніе областей и земель, входившихъ въ составъ бывшаго польскаго королевства. Изданіе это предполагается въ шести частяхъ: I—Привислиньскій край, II—сѣверо-западный край, III—юго-западный край, IV—Галиція, восточная и западная, V—Познань, VI томъ будетъ заключать дополненія. Изданіе это будетъ снабжено картами, планами, видами мѣстностей и портретами историческихъ дѣятелей. Первые три тома этого обширнаго труда выйдутъ въ свѣтъ одновременно, въ началѣ будущаго года, такъ какъ большая часть необходимыхъ матеріаловъ уже собрана и въ настоящее время готовится къ печати. Выдетъ въ свѣтъ трудъ этотъ въ Варшавѣ. Послѣдніе три тома выйдутъ къ концу 1901 г. Карты, планы, рисунки и портреты исполнены будутъ въ одномъ изъ лучшихъ заведеній въ Лейпцигѣ. Матеріальная поддержка для выхода въ свѣтъ этого изданія будетъ оказана кружкомъ представителей высшаго польскаго общества, живо интересующихся всѣмъ, относящимся къ вопросамъ польской старины и археологій.

Въ № 75 «Кіевской газеты» помѣщена статья «Памяти Т. Г. Шевченко», въ которой указывается на значеніе произведеній Шевченка для малорусскаго народа и литературы и на отношеніе къ другимъ великимъ народнымъ поэтамъ.

Въ № 12 «Русской музыкальной газеты» помѣщена статья, посвященная оцѣнкѣ музыкальной и композиторской дѣятельности и ея характера Николая Витальевича Лисенка. Авторъ статьи (К. Н.), воздавъ достойныя похвалы красотамъ пѣсеннаго матеріала, собраннаго Ник. Вит. и помѣщеннаго въ изданныхъ имъ шести томахъ «Збірників українських пісень», въ 6 сборникахъ для хора (6 десятковъ) и въ другихъ изданіяхъ (сколядки, щедровки, веснянки купальскі пісні), останавливается на талантливой дѣятельности Ник. Витальевича какъ композитора въ его операхъ («Наталка Полтавка», «Черноморци», дѣтская опера «Коза — дѣреза»), въ романсахъ на слова Шевченка (до 50 номеровъ) и другихъ поэтовъ (Гейне и др.), въ рапсодіяхъ на мотивы украинскихъ пѣсень («Сюита G-dur»), нѣкоторые «Гавоты», *chansons sans paroles* и пр. „Н. Витальевичъ замѣчательно овладѣлъ проникновеніемъ въ духъ народнаго творчества» — говоритъ авторъ. — Поэтому его собственныя мелодіи иногда настолько близко подходятъ къ народной пѣснѣ по своимъ поворотамъ, по своей структурѣ, что Н. В. представляется не только композиторомъ, но народнымъ пѣвцомъ, кобзаремъ Украины!... и нынѣ малороссы къ славному имени своего дивнаго *кобзаря-поэта* могутъ прибавить не менѣ славное имя *кобзаря-музыканта* Николая Вит. Лисенка...

Въ №№ 7—9 «Днѣпровской Молвы» помѣщена статья А. Я. Конисскаго „Объ изученіи личности Т. Г. Шевченка“¹⁾.

Авторъ, отмѣтивъ предварительно нѣкоторыя критическія изслѣдованія произведеній Шевченка, по преимуществу въ Галичинѣ, указываетъ на то обстоятельство, что во всей этой обширной литературѣ мало или даже совсѣмъ не было затронуто изученіе личности Шевченка, какъ *человѣка*, по причинѣ разбросанности во мног. перв. изданіяхъ главнаго матеріала — «Дневника» Шевченка и его писемъ. На основаніи этого матеріала г. Конисскій касается нѣкоторыхъ характерныхъ сторонъ личности Т. Г. Шевченка, какъ-то: органическая ненависть къ двоелушію, чувство сознанія достоинства челоѣка, доброта, гуманность, всепрощающая любовь, великое христіанское терпѣніе, религіозность, вѣра въ свою идею, необычайная скромность.

Въ №№ 24, 25, 26, 27, 28, 29 «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» идетъ продолженіе печатанія труда г. Гульдмана «Памятники старины Подолія», 8 главъ котораго было напечатано въ 1898

¹⁾ Издана отдѣльнымъ оттискомъ въ Екатеринославѣ, 1900, стр. 1—16.

году въ той же газетѣ (см. Археологич. Лѣтопись тек. года, № 4, стр. 67). Въ указанныхъ №№ авторъ даетъ подробное описаніе Каменецкой крѣпости—замка (точнѣе г. Каменца), со времени его основанія и до 1793 года.

Въ № 13 газеты журнала «Днѣпровская Молва» помѣщена статья проф. Н. Сумцова «О кобзаряхъ и лирникахъ». (Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ).

Указавъ на значеніе кобзы, или бандуры, для малорусскаго народа въ XVI и XVII стол., авторъ отмѣчаетъ кобзарей, извѣстныхъ во второй половинѣ нашего столѣтія (Остапъ Вересай, Андрій Шуть, Павло Братыця, Проквиъ Дубъ и пр.). Надо предполагать, что въ районѣ лѣвобережной Малороссіи, въ особенности среди крестьянъ Харьковской губ., находится еще значительное число кобзарей. Въ виду того, что скудные остатки кобзарства всчезаютъ съ каждымъ днемъ, желательно приведеніе ихъ въ извѣстность и обследованіе въ подробностяхъ. Съ этой цѣлью авторъ предлагаетъ цѣлую программу для собранія свѣдѣній о кобзаряхъ, ихъ личности, мѣстожительствѣ, социальномъ положеніи, духовномъ ихъ богатствѣ, отношеніи къ лирикамъ; быть можетъ существуютъ, какъ въ прежнее время, кобзарскія школы...

Въ № 13 «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья свящ. Н. Д. «Иконы древняго письма у нашихъ крестьянъ». Авторъ отмѣчаетъ 9 иконъ стараго письма съ сложными композиціями, видѣнныхъ имъ въ домахъ крестьянъ, которыя, по его мнѣнію, нужно признать копіями древнихъ русскихъ иконъ византійскаго письма. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ мѣстности, въ которой ему удалось констатировать присутствіе упомянутыхъ рѣдкихъ иконъ.

Въ № 6 и 7 «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья священника Г. И. Сорокина «Исчезнувшія села Новороссійскаго края».

Авторъ, на основаніи лично имъ собраннаго матеріала отъ оставшихся еще въ живыхъ старожиловъ, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ исчезнувшихъ селахъ въ бывшей Новой Сербіи, какъ-то: Плоское, Красный—Куть, Уховка, Лагери, Водяная, Богданка Гутницкая, Лозоватка, Знаменка, Рудая.

Въ № 794 газети «Придніпровскій Край» помѣщена стаття «Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка (Извлечение изъ чтенія А. Н. Лисовскаго на вечерѣ въ память Т. Г. Шевченко).

Авторъ, анализируя произведенія Шевченка, указываетъ на главные мотивы въ поэзіи его: сентиментализмъ, героическая стихія и пророческая, затѣмъ на національный характеръ поэзіи его—культъ счастья, счастья спокойнаго созерцанія, внутренней независимости и свободы, а также останавливается на опредѣленіи значенія произведеній Шевченка, какъ откровенія для своего времени, и вліянія ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ одномъ изъ февральскихъ №№ газеты «Сибирскаго Листка», издающейся въ Тобольскѣ, помѣщена статья г. Грабовскаго, посвященная памяти Т. Г. Шевченка. Авторъ говоритъ, между прочимъ, о вліяніи музыки Шевченка въ Галицію, куда съ произведеніями Шевченка приехали лучшія вліянія освободительной эпохи, вызвавши возрожденіе русской части населенія на національной почвѣ; затѣмъ вліяніе произведеній Шевченка отразилось съ особой силой на произведеніяхъ такихъ талантливыхъ бытописателей, какъ Франко, а въ послѣднее время—Бордулякъ, Стефанчикъ и др. «Въ этомъ отношеніи»,—говоритъ авторъ,—«писатели галичане стоятъ неизмѣримо выше русскіихъ украинцевъ, усвоившихъ слабыя стороны музыки батька Тараса, вродѣ идеализаціи прошлаго, в все еще упражняющихся въ словосочиненіи псевдо-историческаго и псевдо-націоналистическаго свойства».

Въ № 2 журнала «Lud» помѣщены между прочимъ статьи: Józefa Schnaidera. Z kraju Huculów, Bron. Kryczyński: «Śpiewy haitkowe z Podhorza», Dr. St. Elias—Radzikowski «Styl zakopiański».

Въ 1 № журн. Hist.-filos. Klasse» статья Olaf'a Brach, Weitere Studien von der Slovackich-kleinrussischen Sprachgrenze in westl. Ungarn. Videnskabselskabels Skrifter.

Богословскій Вістникъ. Ч. I. Розправи: Церковъ въ ювілею (П). Біблійний потоп (Свящ. Дорожневскаго). О способі избранія і поставленія в діаконскій і священнический чин із мірскихъ лицъ в XVI ст. на южной Русь (Свящ. А. С. Петрушевич).

Ч. 2. Крюковский. Krytyczny rozbiór kazań i homilij Hieronima Pocięja Metropolity Kijowskiego, Halickiego i całej Rusi.—Др. Бартошевскій, проповіді похоронні.

Ч. 3. Аналекта. Роснятіє.—Участь сина съвященника в похоронах своїх родичів.

Ч. 4. Начерки наук духовних. Проповідь на нед. Воскресення Христового (Іпатій Потій, митрополит всеї Русі).

Молода Украина, ч. 3. Зміст: *Володимир Старосольський*. Злука молодіжі; *Льонін Цегельський*. М. П. Драгоманов, його думка, діяльність і значінє; *Стефан Чарнецький*. З літніх ночей; *Володимир Темницький*. Де що про-українськи гімназій; *Теоділь Мелень*. Джордано Бруно; *Степан П.* Згадки; *Михайло Голущинський*. Науковий рух в тов. «Академічна Громада» у Львові. *Володимир Старосольський*. Студенцькі рухи в Росії.

Молода Украина, ч. 4. Зміст: *Стефан Томашівський*. Про самоосвіту, *Льонін Цегельський*. М. П. Драгоманов, його думки, діяльність і значінє; *Остан Людкевич*. Наші співаки а народня сирава п др.

Учитель, ч. 7. Зміст: *Ант. Павенцький*. Початок і розвій шкільництва на Русі; *Василь Раталський*. Про фізичне вихованє; — значіння матери в вихованю дітей.

Въ № 162 газ. «Сѣверный Курьеръ» въ отдѣлѣ „Славянская жизнь“ подробно изложена исторія учрежденія и развитія «Научоваго Товариства імени Шевченка», его дѣятельности, въ особенности съ 1892 года, упоминается также о дѣятельности общества „Просвѣта“.

Одобренныя малорусскіе изданія. Брошюры О. Стеновика: „Корыстни звирятка“ и „Про городьну“, изданныя въ прошломъ году Петербургскимъ Благотворительнымъ Обществомъ изданія общенормальныхъ и дешевыхъ книгъ, а также печатающаяся тѣмъ же Обществомъ брошюра Немоловскаго «Про пчильництво — одобрены Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имущ. для библіотекъ низшихъ с. — хозійств. и садовыхъ школъ, находящихся въ тѣхъ губ., гдѣ мѣстное крестьянское населеніе говоритъ на малорусскомъ нарѣчій»

Малорусскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію (по 1 фсваря 1900 г.): 1) Два доли. Мелодрама у 5 діяхъ. О. Т. Заремба; 2) За зраду. Драма у 5 діяхъ и 6 одминахъ. Д. А. Туманенко. 3) За сиротою—Богъ съ калитою или два жребія на смерть. Малороссійская мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ на рускомъ языкѣ, сочиненіе Н. М. Качпинскаго; 4) Загублени. Драма въ

5 діяхъ и шести одмивахъ Л. П. Громова; 5) Злодій. Драма въ пяти діяхъ. Одарки Романовой; 6) Передъ волею. Драма у 5 діяхъ (діється в 60 и 61 рокахъ). М. Л. Кропивницькаго; 7) По панськи. Етюдъ у одному акти. Свирьдовича Тугого (короля). 8) Побачимось на тмъ свити (Або любила до загину). Драма въ 3 діяхъ. Івана Степанченка; 9) Хваустъ. Драма зъ співомъ и танцями. Переложивъ для малорусскои сцени С. Ф. Сарматовъ (Оленьковскій). Музыка зъ українськихъ пісень.



Археологическая лѣтопись.

Замѣтка о собираніи и сохраненіи антропологическаго матеріала при раскопкахъ.

Сохраненіе и изученіе антропологическаго матеріала, добытаго при раскопкахъ, нужно считать одинаково существенной частью раскопокъ, какъ и полученіе археологическаго матеріала. Только совокупность двухъ этихъ матеріаловъ и параллельное изученіе ихъ могутъ дать полную характеристику типа племени даннаго могильника. До сихъ поръ въ Россіи мало обращали вниманія на антропологическій матеріалъ, его брали только отчасти, съ большими выборками, да и теперь очень часто раздаются вопросы: «что-же именно брать при раскопкахъ?» Отвѣтъ на такой вопросъ можетъ быть совершенно категорическій: все, т. е. весь костякъ, всѣ кости изъ одной общей могилы; всѣ кости представляютъ цѣнный антропологическій матеріалъ, интересный въ томъ или другомъ отношеніи. Такая постановка раскопокъ и практикуется и во Франціи, и въ Германіи, и въ другихъ странахъ и по возможности ей нужно слѣдовать и при нашихъ раскопкахъ. Тутъ, правда, мы сталкиваемся съ практическими неудобствами: костный матеріалъ представляетъ очень громоздкую вещь, очень неудобную и для пересылки и для сохраненія и очень большая часть его можетъ остаться безъ обработки и лежать, занимая мѣсто, безъ утилизаціи долгое время. Поэтому приходится указывать на болѣе существенную часть антропологическаго матеріала. Какъ наиболѣе важнымъ матеріаломъ конечно является черепъ съ нижней челюстью,

дальше—всѣ такъ назыв. длинныя кости, т. е. кости плеча и предплечья (лучевая и локтевая), кости бедра и голени (большая и малая берцовыя кости); какъ черепъ является важнымъ матеріаломъ для опредѣленія типа племени, такъ всѣ длинныя кости представляютъ важный матеріалъ для опредѣленія роста, кромѣ, конечно, и того значенія, которое онѣ имѣютъ сами по себѣ, какъ цѣнный антропологическій матеріалъ; дальше, очень интереснымъ въ антропологическомъ отношеніи является тазъ съ крестцовой костью. Эти всѣ кости и составляютъ главнымъ образомъ антропологическій матеріалъ, желательный для сохраненія. При раскопкахъ общихъ могилъ, гдѣ въ одной могилѣ сложено нѣсколько скелетовъ, такъ что всѣ кости переутаны, очень интересно опредѣлить число всѣхъ погребеній, находящихся въ данной общей могилѣ. Тутъ черепа не даютъ по большей части числа погребеній, какъ кости разрушающіяся очень сильно; по большей части наиболѣе сохраняются кости пятки—пяточная и таранная (*calcaneum* и *astragalus*); эти кости, какъ лучше сохраняющіяся, даютъ наибольшее число погребеній; тогда при раскопкахъ общихъ могилъ, если нельзя сохранить всѣхъ костей, слѣдуетъ выбирать всѣ *calcaneum* и *astragalus* и сохранять ихъ.

Главнымъ образомъ, при раскопкахъ и сохраненіи антропологическаго матеріала, не слѣдуетъ руководиться никакими побочными соображеніями, въ родѣ того: «зачѣмъ брать два черепа одинаковаго вида?» Не нужно допускать никакой выборки матеріала, а брать все. Если нельзя брать всего выполненнаго матеріала—череповъ, костей, то слѣдуетъ брать всѣ цѣльные черепа и только очень темного поврежденные и всѣ цѣльныя длинныя кости. При исключительно интересныхъ погребеніяхъ или находкахъ важны всѣ обломки черепа и костей, такъ какъ, если черепъ сохранился въ обломкахъ, то эти обломки легко возстановить и черепъ можетъ стать матеріаломъ вполне годнымъ для изученія. Точно также, при затрудненіи пересылки, упаковки, изъ длинныхъ костей можно брать только вполне цѣлыя кости, у которыхъ оба конца не повреждены. Изъ длинныхъ костей болѣе интересъ представляютъ плечевая, бедро, локтевая и большая берцовая, меньшій интересъ представляютъ лучевая и малая берцовая, которыя можно брать только когда онѣ совершенно цѣлы.

При раскопкахъ надо соблюдать извѣстныя предосторожности: иногда черепъ и скелетъ отъ влажности становятся очень мягкими, ихъ тогда очень легко прямо раздавить въ рукахъ. Черепа и всѣ

кости въ такихъ случаяхъ осторожно вынимаютъ изъ земли, или кости только освобождаютъ сверху, чтобы допустить свѣжій воздухъ; черепъ же слѣдуетъ вынимать изъ земли съ прилегающей къ нему землей и, не вычищая внутренняго кома земли, оставить его тутъ-же на воздухѣ подсохнуть; на воздухѣ кости очень быстро твердѣютъ и тогда становятся вполне крѣпкими и только въ рѣдкихъ случаяхъ требуютъ особеннаго фиксированія. Обыкновенно совѣтуютъ оставлять черепа 2—3 дня на воздухѣ, чтобы они окончательно просохли и тогда уже ихъ можно упаковывать для отправки; передъ отправкой, когда черепа высохнутъ, очень легко вычистить весь внутренній комъ земли, который наполняетъ черепъ. Всѣ выпавшіе зубы слѣдуетъ по возможности вставлять на свои мѣста и чѣмъ-нибудь тамъ фиксировать, всѣ выпавшіе слѣдуетъ подбирать.

Всегда всѣ руководства особенно обращаютъ вниманіе на помѣтки череповъ; совѣтуютъ сейчасъ-же наклеивать этикетки и на черепъ и на нижнюю челюсть съ тѣмъ-же номеромъ и заносить въ дневникъ раскопокъ; потомъ, по возможности въ скоромъ времени, писать окончательный подробный этикетъ на черепъ; проще, мнѣ кажется, мѣтить на самомъ черепѣ и всѣхъ костяхъ карандашемъ, а еще лучше даже черпильнымъ карандашемъ, просто номеръ съ указаніемъ на мѣсто погребенія, по этому номеру можно легко въ дневникѣ раскопокъ отыскивать при какихъ условіяхъ былъ найденъ черепъ, какія вещи его сопровождали; тѣмъ же номеромъ слѣдуетъ мѣтить и остальные кости, чтобы было указаніе, что кости и черепъ принадлежатъ одному и тому же скелету, такъ какъ представляютъ интересъ извѣстныя сопоставленія черепа со скелетомъ.

Когда черепа окончательно высохнутъ, ихъ завертываютъ въ бумагу и укладываютъ въ сѣно и солому, но не очень большими партиями. Особенно старательно надо упаковывать разбитые черепа, представляющіе особый интересъ, тутъ всѣ подобранные осколки должны быть тщательно завернуты, занумерованы и упакованы вмѣстѣ.

А. Понровский.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Г. Харьковъ, въ лицѣ своихъ ученыхъ и вообще интеллигентныхъ силъ, энергично взялся за дѣло подготовки будущаго съѣзда.

20-го марта состоялось засѣданіе членовъ организованной со-вѣтомъ Харьковскаго университета комиссіи для подготовительныхъ работъ по устройству съѣзда. Ректоромъ университета было сдѣлано предложеніе объ избраніи предсѣдателя, секретаря и казначея комиссіи. По произведенной баллотировкѣ предсѣдателемъ избранъ проф. Д. И. Багалъй, а секретаремъ проф. Е. К. Рѣдинъ.

26 марта состоялось засѣданіе подготовительной комиссіи по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Въ началѣ предсѣдатель комиссіи проф. Д. И. Багалъй обратился къ членамъ съ обширной рѣчью, въ которой благодарилъ за честь избранія въ предсѣдатели и указалъ на обширность задачъ, предстоящихъ къ выполненію, и на условіе успѣха дѣятельности комиссіи — общую, дружную, совмѣстную работу. «Программа археологическихъ съѣздовъ, говорилъ онъ далѣе, очень широкая и каждый изъ насъ несомнѣнно найдетъ у себя какія-нибудь точки соприкосновенія съ ея многочисленными отдѣлами. Намъ нужно трудиться всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности, дабы достигъ тѣхъ результатовъ, какихъ достигали предварительные комитеты въ другихъ университетскихъ городахъ, гдѣ есть и богатые археологическія коллекціи, и археологи-спеціалисты и гдѣ, наконецъ, какъ то было въ Кіевѣ, Москвѣ, сами города являютъ изъ себя археологическіе музеи. Намъ же нужно добывать все это изъ земли, изъ кургановъ, собирать по крупицамъ отъ частныхъ лицъ. Для этого нужно много неустанной энергіи, труда. Но, господа, результаты нашей дѣятельности могутъ оказаться въ высшей степени благотворными: мы можемъ широко открыть завѣсу, которая доселѣ закрывала нашъ край; мы вскроемъ могилы, мы заставимъ заговорить этихъ нѣмыхъ свидѣтелей нашего отдаленнаго прошлаго, мы соберемъ коллекціи тѣхъ вещественныхъ памятниковъ, которые лучше всѣхъ описаній рисуютъ бытъ народностей, населявшихъ нашу область и сосѣднія территоріи и, быть можетъ, наконецъ, намъ удастся закрѣпить ихъ за собою и положить начало въ Харьковѣ музею мѣстныхъ древностей въ широкомъ смыслѣ этого слова. Я не говорю уже о тѣхъ благотворныхъ результатахъ, которые, навѣрное, будетъ имѣть съѣздъ для подъема интереса общества къ его культурному прошлому — такіа послѣдствія имѣли всѣ прежніе областные археологическіе съѣзды и харьковскій, конечно, не будетъ изъ нихъ исключеніемъ».

Затѣмъ предсѣдателемъ была прочитана программа дѣятельности комиссіи, принятая единогласно, и началось обсужденіе отдѣльных пунктовъ ея. Рѣшено образовать рядъ подкомиссій: историческихъ древностей, историко-церковныхъ, этнографическихъ и археографическихъ. Работавшая ранѣе уже спеціальная комиссія по устройству этнографической выставки при археологическомъ съѣздѣ вошла въ своемъ составѣ въ общую комиссію, и отъ нея поступили на утвержденіе программы по собиранію вещей для выставки и просьба объ исходатайствованіи средствъ на совершеніе экскурсій членами этнографической подкомиссіи по селамъ Харьковской губ. уже лѣтомъ этого года и на покупку вещей. Большіе дебаты вызвалъ вопросъ о мѣрахъ и способахъ по устройству небольшихъ волостныхъ этнографическихъ выставокъ въ предѣлахъ на первыхъ порахъ одного Харьковского уѣзда. Для полученія необходимыхъ справокъ и свѣдѣній по этому поводу разрѣшеніе программы подкомиссіи и вопросъ объ экскурсіяхъ и указанныхъ выставкахъ отложены до ближайшихъ засѣданій комиссіи. На выраженное нѣкоторыми членами пожеланіе устройства и въ другихъ центрахъ территоріи, подлежащей спеціальному обследованію XII съѣзда,—подготовительныхъ комиссій—предсѣдателемъ доложено, что устройство такихъ комиссій имѣется въ виду, согласно постановленію московскаго предварительнаго комитета: въ Курскѣ, Воронежѣ, Черниговѣ, Екатеринославѣ, Полтавѣ, Екатериноподарѣ; этимъ комиссіямъ будутъ разосланы программы изученія и изслѣдованія различныхъ древностей и памятниковъ, выработанныя харьковской подготовительной комиссіей.

Для успѣха дѣятельности комиссіи рѣшено пригласить войти въ составъ ея нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ своими археологическими трудами, имѣющихъ коллекціи и вообще могущихъ быть полезными въ различныхъ отношеніяхъ; выборъ ихъ будетъ произведенъ въ слѣдующее засѣданіе.

31-го марта состоялось засѣданіе той-же комиссіи. Все засѣданіе почти исключительно было посвящено обсужденію программъ по собиранію какъ свѣдѣній о различныхъ памятникахъ древности области, подлежащей спеціальному обследованію, такъ и самихъ памятниковъ для выставокъ, что будутъ устроены при съѣздѣ. Проф. Н. О. Сумцовъ прочелъ программы: *для собиранія этнографическихъ матеріаловъ къ выставкѣ, для собиранія писанокъ и свѣдѣній о нихъ,*

для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ. Программамъ предпослано общее введеніе о значеніи этнографическихъ выставокъ и музеевъ. «Въ западной Европѣ, говоритъ проф. Сумцовъ, даже въ такихъ глухихъ ея мѣстахъ, какъ Галиція, находятся этнографическіе музеи, въ которыхъ съ большей или меньшей тщательностью собраны разные предметы народнаго быта—модели, рисунки домашнихъ построекъ и утвари, музыкальные инструменты, мѣстный крестьянскій костюмъ, дѣтскія игрушки и пр. Въ этихъ музеяхъ собираются, между прочимъ, такіе предметы, которые вышли или выходятъ изъ народнаго житейскаго обихода, не смотря на значительное прежнее распространеніе и историческую ихъ давность, не смотря даже на ихъ художественное изыщество, выходятъ потому, что не удовлетворяютъ уже практическимъ запросамъ текущаго дня. Въ этнографическихъ музеяхъ люди науки и художники находятъ пищу для удовлетворенія своей любознательности. Музеи эти служатъ, впрочемъ, пособіемъ для широкаго и разносторонняго изученія мѣстной народной жизни. У насъ, въ Россіи, этнографическіе музеи чрезвычайно рѣдкое явленіе, и составленіе ихъ сопряжено съ большими затрудненіями. Весьма немногіе интересуются у насъ мѣстной народной жизнью; особенно мало людей съ сравнительно-этнографическими познаніями. Приходится потому ограничиваться самыми скромными запросами и по крупицамъ собирать этнографическій матеріалъ, почти исключительно при содѣйствіи малочисленной сельской интеллигенціи, точнѣе, тѣхъ немногихъ ея представителей, которые, заброшенные въ сельскую глушь, не ушли всецѣло въ заботы о пропитаніи, но сохранили еще въ душѣ интересъ къ успѣхамъ просвѣщенія».

При археологическомъ съѣздѣ будетъ устроена этнографическая выставка. Успѣхъ ея зависить отъ того вниманія, которое обратитъ общество дѣлу устройства ея—сообщеніемъ полезныхъ свѣдѣній, присылкой самихъ вещей. Эту этнографическую выставку предполагается превратить въ постоянное мѣстное учрежденіе—этнографическій музей Малороссіи. Просятъ вещи и всякія свѣдѣнія, запросы о программахъ направлять въ университетъ, въ комиссію по устройству археологическаго съѣзда проф. Д. И. Багалъю.

Проф. Д. И. Багалъй прочелъ программы *по древностямъ первобытнымъ и историческимъ*, а проф. Е. К. Рѣдинъ—*по древностямъ церковнымъ*. И по этимъ древностямъ предположено устройство вы-

ставокъ; всякія свѣдѣнія о нихъ, а равно памятники весьма цѣнны; Харьковъ доселѣ не имѣетъ еще музея мѣстныхъ древностей, памятниковъ мѣстной старины въ широкомъ смыслѣ этого слова; нужно надѣяться, что археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, вызвавъ интересъ въ мѣстномъ обществѣ къ родной старинѣ, положитъ основаніе этому музею.

Всѣ вышеназванныя программы, по обсужденіи ихъ, были приняты, ихъ рѣшено отпечатать и широко распространить, разославъ народнымъ учителямъ и сельскимъ священникамъ.

Прочитаны были вопросы для описанія архивовъ, разосланные московскимъ археологическимъ обществомъ во всѣ архивы имперіи. Рѣшено обратиться къ обществу съ просьбой—предоставить комиссіи всѣ полученныя обществомъ матеріалы по архивамъ Харьковской губ. для приведенія въ систематическій порядокъ и приготовленія особаго доклада въ видѣ изслѣдованія матеріаловъ указанныхъ архивовъ. Заслушано было письмо И. П. Щелкона, въ которомъ сообщаются весьма интересныя свѣдѣнія о подземныхъ ходахъ г. Харькова и о нѣкоторыхъ древностяхъ Харьковской губ. В. П. Бузескуль, А. П. Красновъ, В. И. Саява сообщили дополнителныя свѣдѣнія по тому-же предмету. Рѣшено указанныя свѣдѣнія о ходахъ напечатать въ газетахъ съ просьбой сообщить комиссіи дополненія, разъясненія по поводу тѣхъ-же ходовъ, кому они извѣстны.

По предложенію проф. А. П. Краснова рѣшено обратиться въ съѣздъ земскихъ начальниковъ Харьковскаго уѣзда съ просьбой оказать содѣйствіе по устройству этнографическихъ выставокъ въ волостяхъ, а по предложенію А. П. Кадлубовскаго—рѣшено обратиться съ просьбой оказанія помощи и содѣйствія въ трудахъ комиссіи къ Нѣжинскому филологическому институту и состоящему при немъ историко-филологическому обществу.

Результаты предстоящаго археологическаго съѣзда уже начинаютъ сказываться. Въ музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета уже начинаютъ поступать пожертвованія древностей для пополненія его коллекцій, весьма еще бѣдныхъ собственно мѣстными памятниками старины. Такъ, отъ учителя купянскаго духовнаго училища поступилъ обломокъ весьма интереснаго каменнаго молотка и глиняный горшокъ, весьма древняго происхожденія, съ любопытнымъ орнаментомъ. Императорская архео-

логическая комиссія высылаетъ музею: кремневая надрѣлія, бронзовыя и желѣзные наконечники стрѣлъ, бронзовую пряжку и обломки костяной праслицы, а также семь золото-ордынскихъ монетъ — вещи изъ находокъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., близъ с. Райгородка.

Можно надѣяться, что и впредь коллекціи музеевъ будутъ расти и къ съѣзду будутъ представлены въ болѣе или менѣе богатомъ составѣ, какъ матеріалъ, который можетъ составить интересъ и для пріѣзжихъ ученыхъ, и вообще для изслѣдователей старины. (•Харьк. Вѣд.»).

Ученыя общества.

Въ № 6 Волинскихъ Епарх. Вѣдомостей за прош. годъ помещенъ *Отчетъ о состояніи Волинскаго Церковно-Археологическаго Общества въ 1899 году*. Кромѣ участія въ XI Археолог. съѣздѣ, дѣятельность общества или правильнѣе — стоящаго во главѣ его Распорядительнаго Комитета выразилась главнымъ образомъ въ организаціи, по примѣру 1898 года, экскурсіи для изслѣдованія памятниковъ волинской старины, преимущественно церковной. Въ экскурсіи этой приняли участіе кафедральный протоіерей Н. Н. Трипольскій и О. А. Фотинскій. Совмѣстно обоими экскурсантами посѣщены были г. Новоградволинскъ и м. Корець и затѣмъ отдѣльно г. Фотинскими: м. Гоща, с. Дорогобужъ, Рясники, м. Горингородъ, с. Бабинъ, г. Острогъ, м. Межиричи, с. Привитовъ, монастыри: Дерманскій, Городищенскій и Любарскій, г. Овручъ, м. Искорость, с. Потаповичи и Бехи. Главною цѣлью экскурсіи было обозрѣніе древностей церковныхъ. Понутно г. Фотинскимъ изслѣдованы были Възвгальское (Новоградволинское) городище лит. періода, курганы и городища с. Дорогобужа и вообще топографія этого б. удѣльнаго города Волинской земли, по Горыни первобытныя древности м. Искорости — древняго Корогостя древланской земли. Въ силу кратковременности экскурсіи и недостатка денежныхъ средствъ, изслѣдованія эти носили только виѣшній характеръ и лишь выяснили необходимость болѣе детальныя изслѣдованія, путемъ систематическихъ раскопокъ. Особенно желательно-бы съ точки зрѣнія церковной археологіи, произвести такія изслѣдованія въ с. Дорогобужѣ, гдѣ на полуразрушенной на-

сыни, примыкающей къ городищу удѣл. періода, было очевидно старое кладбище и вѣроятно храмъ, гдѣ каменная церковь сохранила слѣды древнѣйшей кладки XI—XII вв., хотя подвергалась позднѣйшимъ перестройкамъ, — и къ с. Чекнѣ, Дубенскаго уѣзда, на большой возвышенности, служившей въ XV—XVI вв. подиожіемъ монастыря во имя Честнаго Креста, гдѣ видны въ рѣчныхъ размывахъ рѣки Стыри слѣды старого фундамента, кафель и находятся другіе памятники церковные — остатки нѣкогда высокочтимаго монастыря, разрушеннаго сначала татарами и потомъ униатами. Особенное вниманіе экскурсанта было также обращено на безусловно древнѣйшій памятникъ церковнаго зодчества на Волини, Овручскій храмъ св. Василія. Зданіе, не смотря на X вѣковую давность, не подвергаясь почти никакимъ передѣлкамъ, сохранилось до нынѣ въ значительной своей части в реставраціи его представляется вполне возможною и врядъ-ли очень много потребовала бы средствъ. Съ благословеніи Его Высокопреосвященства открытъ уже сборъ пожертвованій для этой цѣли. Понятно, что реставрація должна вестись не мѣстными силами, а при участіи вполне компетентныхъ специалистовъ. Особенно желательна умѣлая реставрація древнѣйшихъ фресокъ, сохранившихся здѣсь, чтобы не повторилась съ нами вандалская исторія реставраціи фресокъ Кіево-Кирилловскаго монастыря. Въ значительной степени сохранили старинный отпечатокъ въ архитектурѣ своей также каменные храмы XVI—XVII вв. м. Гощи и м. Корца. За то въ нихъ не сохранилось почти никакихъ другихъ остатковъ старины. Съ сожалѣніемъ приходится упомянуть о варварскомъ истребленіи цѣликомъ или частью фресокъ Городищенскаго монастыря, хотя происхожденія позднѣйшаго (XVIII в.), но какъ по художественному достоинству своему, такъ и по сюжетамъ своимъ и какъ историческій памятникъ запад. вліянія лицевыхъ библий на церковную живопись въ униатскую эпоху, вполне заслуживавшихъ лучшей участи. Въ архитектурѣ храмовъ монастырскихъ Дерманскаго, Городищенскаго и Любарскаго никакихъ почти остатковъ старины не замѣчается. За то въ нихъ найдены чрезвычайно любопытные памятники древняго письма в печати. Особенное богатство въ этомъ отношеніи представляетъ Дерманскій монастырь. Не вдаваясь въ подробности, достаточно сказать, что въ монастырской библіотекѣ хранятся 26 номеровъ древнихъ рукописныхъ книгъ, восходящихъ къ XIV—XV вв., нѣкоторыя изъ нихъ съ подписями кн. К. И. и К. К. Острожскихъ,

Мелетія Смотрицкаго и др.; среди нѣсколькихъ сотенъ старопечатныхъ книгъ на разныхъ языкахъ попадаются такіа бібліографическія рѣдкости, какъ Дермапскій Октоихъ 1610 г., Рохмановское учительное евангеліе 1618 г. и много книгъ съ автографами и замѣтками на поляхъ Мелетія Смотрицкаго, могущими дать богатый матеріалъ для характеристики эрудиціи, научныхъ интересовъ и вообще для біографіи этого виднаго дѣятеля церковной исторіи Волыни. Здѣсь же хранятся нѣкоторые крайне интересныя старинныя иконы, рѣдчайшій крестъ съ медальоннымъ изображеніемъ кн. К. И. Острожскаго и др. памятники. Къ сожалѣнію, для охраненія этихъ научныхъ богатствъ монастырь не имѣетъ ни достаточно средствъ, ни свѣдущихъ людей. Многія книги полуистлѣли отъ сырого, непровѣтриваемаго помѣщенія; любознательныя иконы и портреты найдены на чердакѣ, въ пыли, среди всякаго хлама. Въ 1896 г. въ монастырскомъ архивѣ имѣлось шесть сундуковъ съ разнаго рода старинными актами; нынѣ сохранился изъ нихъ только сундукъ № 4, а прочіе исчезли неизвестно куда. Такова судьба и всѣхъ памятниковъ старины въ нашихъ глухихъ монастыряхъ и сельскихъ церквяхъ. Иногда по недостатку средствъ, иногда по невѣжеству гибнутъ они, иногда попадаютъ въ руки частныхъ коллекціонеровъ-любителей или въ музеи иногородные. Централизація этихъ памятниковъ въ общемъ Волынскомъ музеѣ, въ рукахъ людей свѣдущихъ и интересующихся памятниками старины—единственное средство для сберженія въ будущемъ того, что еще успѣло сохраниться отъ прежнихъ вѣковъ.

Нѣсколько любознательныхъ актовъ найдено въ бібліотекѣ Городищенскаго монастыря. Въ бібліотекѣ Любарскаго женскаго монастыря хранятся множество разнаго рода ученыхъ богословскихъ трактатовъ, писанныхъ въ разныхъ монастыряхъ Волыни и смежныхъ съ нею мѣстностей Россіи монахами-базиліанами и не безынтересныхъ для исторіи духовнаго просвѣщенія на Волыни. Во всѣхъ трехъ осмотрѣнныхъ монастырскихъ бібліотекахъ нѣтъ и слѣда какихъ-либо каталоговъ или описей и полное исчезновеніе книгъ и рукописей ничѣмъ не можетъ быть проконтролировано. Изъ осмотрѣнныхъ экскурсантами приходскихъ храмовъ наиболѣе вниманія заслуживаютъ старый деревянный храмъ с. Дорогобужа, храмъ м. Межирича—величественный памятникъ архитектуры XVI—XVII вв., наше старинное аббатство съ башнями и бойницами, валами и рвами,—и осо-

бенно старомѣстная церковь г. Острога. Это любопытнѣйшій памятникъ деревянной церковной архитектуры XVI в., сохранившій всѣ черты стариннаго зодчества и внутри увѣнчанный массою иконъ стариннаго письма, крайне любопытныхъ по своему содержанію. Въ высшей степени желательно, чтобы при предстоящей въ близкомъ будущемъ реставраціи этого храма не былъ искаженъ его современный типъ, что къ сожалѣнію столь обычно на Руси.

Результатомъ экскурсіи было возбужденіе ходатайства, увѣнчавагося уже успѣхомъ, о передачѣ въ Волинское Древлехранилище предметовъ, намѣченныхъ экскурсантами.

Изъ приращеній Древлехранилища въ отчетномъ году слѣдуетъ отмѣтить рукописи и старопечатныя книги Загоровскаго монастыря, приобрѣтенную въ г. Овручѣ коллекцію древностей неолитической эпохи и коллекцію каменныхъ орудій изъ Кременецкаго у., пожертвованную П. И. Тиховскимъ.

Что касается издательской дѣятельности Общества, то здѣсь можно указать на рѣшеніе распорядительнаго комитета приступить къ изданію 2-го выпуска „Волинскаго Историко-Археологическаго Сборника“, для котораго намѣченъ уже рядъ статей.

Изслѣдованія и раскопки.

Въ теченіи 1897—99 гг. *М. К. Якимовичемъ* былъ отырытъ и изслѣдованъ цѣлый рядъ дюнныхъ стоянокъ каменнаго вѣка на правомъ берегу р. Уши, вблизи впаденія ея въ Припять, въ Радомысльскомъ у. Кіевской губ.

Стоянка, давшая болѣе всего предметовъ, находится у с. Заполя, ватѣмъ, слѣды стоянокъ замѣтны у сс. Черевача и Рутичъ и у д. Губино. Всѣ эти стоянки почти соприкасаются одна съ другой.

На стоянкѣ у Заполя найдено нѣсколько сотъ отбивныхъ кремневыхъ орудій. Здѣсь нѣются отлично подправленные наконечники стрѣлъ: треугольные, сердцевидные, ромбическіе, овальные, съ стержнями и транцевидные, отбивные ножики, 2 $\frac{1}{2}$ —7 смт. длиною, скребки, много начатыхъ работой орудій. Изъ орудій производства найдены отбойники изъ кварцита. Шлифованныя каменные орудія встрѣчены лишь въ обломкахъ, это были молотки со сверлинами изъ сланца. Найдены также одинъ камень для растиранія ве-

рентъ. Изъ глиняныхъ издѣлій попадались черенки сосудовъ, разной формы пряслицы, иногда орнаментированныя, и пряслицы изъ черенковъ.

Какъ это всегда бываетъ, на тѣхъ-же дюпахъ выдываются вѣтромъ и предметы другихъ эпохъ. Здѣсь, на берегу Уши, найдены: часть мѣднаго кованнаго копья, бронзовая игла 6 см. длиной и небольшое бронзовое долотцо. Кромѣ того, тутъ-же собрана цѣлая серія скифскихъ бронзовыхъ стрѣлъ и нѣкоторые бронзовые украшенія. Изъ желѣзныхъ предметовъ найдены: стрѣлы, главн. обр. ромбической формы, игла 6 см. длины, ножики. Имѣется также довольно много бусъ—стекляныхъ и изъ композицій.

Данная часть Кіевской губ. еще очень мало изслѣдована въ археологическомъ отношеніи; изслѣдованія г. Якимовича дали нѣсколько новыхъ фактовъ—они очень пригодятся, какъ дополненіе къ уже имѣющимся.

Часть собранной коллекціи г. Якимовичъ предназначилъ для Кіевского Музея Древностей и Искусствъ.

Случайныя находки.

Съ наступленіемъ весны открылся сезонъ раскопокъ на городищѣ Княжа Гора и открылся довольно удачно. Въ результатъ—большая партія древностей, привезенная въ Кіевъ скупщикамъ въ первыхъ числахъ апрѣля. Кромѣ желѣза, разныхъ мелкихъ издѣлій изъ бронзы, серія сосудовъ, въ этой партіи находился и цѣлый небольшой кладъ серебряныхъ украшеній, найденный въ юго-западномъ углу городища въ очень плотной, каменистой почвѣ. Въ кладѣ находились: 12 гладкихъ височныхъ колецъ, одно такое же кольцо изъ электрона, перстень съ орнаментированнымъ ромбическимъ щиткомъ, перстень (сильно попорченный) съ гнѣздомъ для камня, 8 серегъ кіевского типа, изъ которыхъ у 7-ми шарики сплошные бисерные, у одной филигранной работы и у одной ажурные, пара крупныхъ шестиплучистыхъ серегъ, сплошныхъ бисерныхъ, съ такими-же небольшими конусами посрединѣ, и наконецъ одинъ колтъ, съ ажурнымъ ободкомъ кругомъ, украшенный на одной сторонѣ двумя птицами, а на другой—плетенымъ орнаментомъ. Всѣ предметыклада носятъ слѣды продолжительнаго ихъ употребленія.

Независимо отъ клада найдена еще золотая пятилучистая серьга — чудный образец тонкой филигранной работы XII—XIII в.

Музеи и собранія древностей.

Музей при Житомирской публичной библіотекѣ. Помимо своего прямого назначенія какъ книгохранилища, библіотека даетъ пріютъ и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, куда послѣдніе стекаются по причинѣ отсутствія въ Житомирѣ общественнаго музея. Среди другихъ предметовъ, здѣсь имѣется также и небольшое археологическое собраніе, которое время отъ времени пополняется новыми поступлениями.

Такъ, въ 1899 г. сюда поступило нѣсколько предметовъ каменнаго вѣка, числомъ 25, найденныхъ преимущественно въ Овручск. у. Вол. губ. Находки эти въ разное время сдѣланы были крестьянами. Нѣкоторымъ предметамъ пришлось пролежать довольно долго въ какой-нибудь сундукѣ или бѣднѣ, и владѣльцы, особенно же владѣльцы разставались съ ними весьма неохотно, считая полезнымъ держать эти древности вмѣстѣ съ деньгами, мукой и т. п., «щобъ грошъ (або мука) не переводылись».

Образовавшаяся, путемъ пріобрѣтенія такихъ находокъ, коллекція состоитъ: изъ кремневыхъ долотъ разной величины, молотовъ, преимущественно діоритовыхъ, съ просверленными отверстіями, отчасти цѣлыхъ, отчасти разбитыхъ и недодѣланныхъ, а также пряслицъ изъ шифера и краснаго песчаника, одного очень изящнаго тонорика и каменнаго грузила.

За включеніемъ прекрасно сохранившагося молота, найденнаго въ с. Корчевкѣ Житомирск. у., да трехъ кремневыхъ долотъ и молотка изъ с. Татаринówki, с. Васильовичей в хут. Соловьева, всѣ остальные находки сдѣланы въ с. Болсунахъ и въ с. Михайловкѣ Овручскаго у., при чемъ, кажется, можно утверждать съ нѣкоторой нѣроизностью, что въ Михайловкѣ существовала нѣ доистор. время мастерская орудій полированнаго камня и пряслицъ. Наносятъ на такое предположеніе найденные тамъ разбитые предметы, а также куски камней, подвергшіеся, повидимому, обработкѣ, но затѣмъ брошенные недодѣланными; довольно интересенъ молотъ съ отбитымъ, на высотѣ отверстія, верхнимъ концомъ и слѣдами попытки просверлить новое отверстіе въ другомъ мѣстѣ.

Въ коллекцію одновременно съ каменными поступили и два желѣзныхъ орудія: мотыка и сѣкира. Последняя, найденная въ с. Болсунахъ, несъма типичной формы западно-европейскихъ орудій этого рода, эпохи не позже VIII вѣка.

Въ музей хранятся еще и другіе предметы древности изъ губерніи Волынской (обломки стеклянныхъ браслетовъ, бусы, жернова красного нестанныка изъ Овр. у. и. т. п.), губерніи Подольской (мѣдныя иконки и такіе же крестики, между которыми нѣкоторые могутъ быть отнесены, кажется, къ XVI в.), изъ Галиціи (бронзовый пошникъ, обломки глиняной посуды изъ могильника въ Бильче-Злоте; характерное ушко сосуда, представляющее стилизованную баранью голову, желѣзное долото и др.).

Для полноты нужно упомянуть еще о коллекціи видовъ разныхъ мѣстностей Волыни, имѣющихъ историческое значеніе (преимущественно литографіи), а также о коллекціи нумизматическихъ находокъ на Волыни (преимущественно польскія монеты). ¹⁾

Разныя извѣстія.

Мы уже сообщали о возникновеніи въ *Воронежѣ* *ученой архивной комиссіи*. ²⁾ По словамъ «Южн. Кр.» въ Воронежѣ основывается еще одно ученое учрежденіе, также находящееся въ связи съ будущимъ Харьковскимъ съѣздомъ, именно, *Церковно-археологическій комитетъ*. Программа дѣятельности церковно-археологическаго комитета уже разработана: его члены займутся обработкой церковно-историческаго архивнаго матеріала, будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы не погибали памятники старины, слѣдить за исправнымъ веденіемъ церковныхъ лѣтописей и т. п. При комитетѣ открывается музей, куда будутъ собраны предметы церковной старины со всей епархіи.

Въ Кіевѣ, въ зданіи музея древностей и искусствъ, открыта *Историко-археологическая выставка*, размѣщенная въ трехъ залахъ и галлерей нижняго этажа. Выставка представляетъ изъ себя повтореніе, хотя значительно уменьшенное, выставки, бывшей въ музей во время прошлаго археологическаго съѣзда.

¹⁾ Вышеприведенныя свѣдѣнія любезно сообщены намъ Я. В. Ярокимъ.

²⁾ См. «Лѣтопись» н. г. мартъ.

Харьковскимъ городскимъ управленіемъ приобрѣтенъ для городского музея старинный альбомъ акварелей, изображающихъ разные виды изъ окрестностей Харькова и типы мѣстныхъ обывателей. Альбомъ этотъ былъ разысканъ проф. Д. И. Багалъемъ у г. Свичеревскаго, отъ котораго и купленъ городской управою за 100 руб. Всѣ картины исполнены неизвѣстнымъ художникомъ, очевидно съ натуры и помѣчены 1800 годомъ. (Хар. Губ. Вѣд.).

Нъ рисунку.

Въ № 14 журнала «Искусство и художественная промышленность» помѣщена статья *Е. М. Кузьмина—XI Археологическій съѣздъ въ Киевѣ*. Въ этой статьѣ авторъ, отмѣтивъ всѣ рефераты, правда очень немногочисленные, касавшіеся искусства, подольше остановился на двухъ—М. Н. Истомина—Главнѣйшія черты иконографіи на Волыни отъ XVI до XVIII вѣковъ и Фрески XVII и XVIII вѣка въ храмахъ и костелахъ юго-западной Россіи и отголоски прошлаго въ нихъ». Переходя затѣмъ къ обзору выставокъ и бросивъ довольно поспѣшное замѣчаніе по адресу доисторическихъ памятниковъ, что «врядъ-ли они представляютъ интересъ для многихъ, кромѣ тѣхъ, кто ихъ нашелъ», авторъ обращаетъ главное вниманіе на памятники искусства. Здѣсь надо отмѣтить одно замѣчаніе, также не вполне вѣрное; авторъ говоритъ: «Вообще-же надо сказать, что на выставкѣ весь періодъ времени до XVII столѣтія—въ художественномъ отношеніи не имѣлъ особенно выдающихся представителей». Но на выставкѣ было достаточно предметовъ хотя-бы княжескаго періода, какъ напр. золотыхъ и серебряныхъ украшеній тонкой ювелирной работы, съ эмалью и чернью, крестовъ, образковъ и т. п. (коллекціи Ханенко, Тариовскаго, Чериева), носящихъ всѣ признаки искусства и искусства совершеннаго. Въ видѣ исключенія авторъ указываетъ на одну каменную рѣзную иконку этого періода.

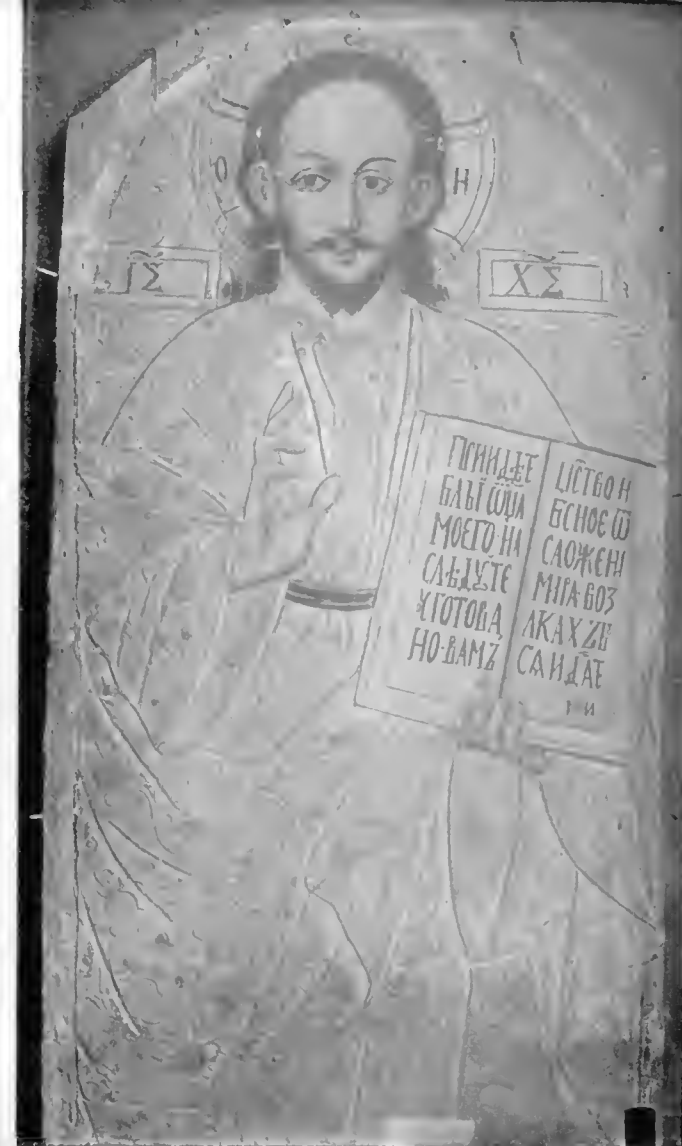
Но, повидимому, въ этой части своей статьи авторъ поставилъ цѣлью поближе ознакомить публику съ иконографической выставкой, заключавшей въ себѣ предметы главнымъ образомъ XVI—XVII вѣковъ. Волинь справедливо мнѣніе автора, что система подраздѣленія выставленныхъ иконъ, принятая г. Истоминимъ, не выдерживаетъ критики. Иконы раздѣлены на четыре группы: 1. иконы съ отпечаткомъ византійской композиціи, 2. иконы, носящіе отпеча-



1.



4.



3.



2.



5.

1. Икона Спасителя изъ Дубенской Крестовоздвиженской пустыни, вѣроятно начала XVI в.
2. Икона Воздвиженія изъ той-же пустыни.
3. Икона Спасителя XVII в. изъ той-же пустыни.
4. Царскія врата XVI—XVII в. изъ разобранной Введенской церкви въ г. Ковель.
5. Шитый воздухъ 1598 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышла Апрельская (четвертая) книга

ежемесячнаго литературно-политическаго журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе: I) Гибель кумировъ. Повѣсть—В. Я. Свѣтлова. Окончаніе. II) Стихотвореніе—А. Глѣбовой. III) Подъ липами. Романъ. Рудольфа Шратца. Пер. съ нѣм. Н. К. IV) Стихотвореніе.—М. Жемчужникова. V) Около господъ. Повѣсть.—Д. Н. Мамина-Сибиряка. Окончаніе. VI) Не хотѣлъ. (Случай).—Н. Анненковой Бернардь. VII) Нездвигное стихотвореніе А. С. Пушкина (съ facsimile). VIII) Изъ жазип К. Д. Кавелина во Франціи и Германіи въ 1862—1864 гг. (По его перепискѣ за это время).—Д. А. Корсакова. IX) Новыя страданія. (Романъ Жюля Боя).—Л. Г. X) Алчущія души.—Ив. И. Иванова. Продолженіе. XI) Опытъ оздоровленія деревни.—П. Г. Ганзена. Продолженіе. XII) Горнозаводскіе крестьяне во второй половинѣ XVIII вѣка.—В. И. Семеновскаго. Продолженіе. XIII) Пересмотръ положенія о крестьянахъ. А. В. Еропкина. Продолженіе. XIV) О задачахъ правильной организаціи труда душевно-больныхъ въ психіатрическихъ больницахъ.—С. С. Сугина. XV) Образовательныя задачи англійскихъ рабочихъ клубовъ.—А. Я. XVI) Современное состояніе вопроса о методахъ изученія литературныхъ произведеній.—М. Н. Розанова. XVII) Болѣзнь Фр. Ницше. Е. Г. XVIII) Разрозненныя силы.—П. Н. Обиинскаго. Оковчаніе. XIX) Женское движеніе въ современной Англіи.—Н. Мировичъ. XX) Беллетристы новѣйшей формаціи (М. Горькій: «Очерки и рассказы». Томъ III. СПБ., 1899 г. Тавъ: «Чукотскіе рассказы». СПБ., 1900 г. В. Вересаевъ: «Очерки и рассказы». Спб., 1899 г.)—М. А. Протопопова. Окончаніе. XXI) Внутреннее обозрѣніе. XXII) Иностранное обозрѣніе В. А. Г. XXIII) Библиографическій отдѣлъ. XXIV) Объявленія.

Подписная цѣна на 1900-й годъ (двадцать первый годъ изданія) съ доставкой и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 мѣс.—12 руб.,

9 мѣс.—9 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.;
 За границу: 12 мѣс.—14 руб., 9 мѣс.—10 руб. 50 к., 6 мѣс.—7 р.,
 3 мѣс.—3 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб. 25 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го Апр., 1-го Іюля, 1-го Октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ годовой цѣны журнала. Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Б. Никитская, Шереметевскій пер. д. гр. Шереметева 2—3 кв. 28. Въ СПБ. въ кн. мг. Н. П. Карбасникова, Въ Кіевѣ: въ кн. мг. Н. Я. Ослоблина; въ Варшавѣ: кн. мг. Н. П. Карбасникова. Въ Вильнѣ въ кн. мг. Н. П. Карбасникова. Новые подписчики и всѣ желающіе приобрести начало романа Г. Сенкевича „Крестоносцы“ благоволятъ уплачивать 1 р. 50 к. съ пертсылкой. При редакціи находится магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ: (Б. Никитская, д. Вельтигуевой) съ приѣмомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граувти. Кн. маг. принимаетъ на комиссію постор. изданій и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Продолжается подписка на 1900-й годъ.

Редакторъ-Издатель В. М. Лазровъ.



Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Прилуцкій полкъ. Прилуцкій полкъ занималъ оба бѣрега р. Удая, начиная отъ устья рч. Перевода къ сѣверу до его истока, а равно и оба берега рч. Лисогора и оба же бѣрега верховій рч. Ромна. По пространству своей площади Прилуцкій полкъ былъ однимъ изъ трехъ (кромѣ Прил—аго, Гадичкій и Полтавскій) наименьшихъ *полковъ* старой Малороссіи. Указанная выше мѣстность имѣла уже населеніе и въ в. княжескій періодъ: о Прилуцѣ говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи („и ѣдучи къ Прилуку городу“), а о Переволочнѣ лѣтопись упоминаетъ въ 1092 г. („и взяша три града Пѣсочень, Переволоку, Прилукъ“); весьма вѣроятно, что лѣтописный Серебряной (1174 г.) есть теперешнее Срѣбное. Несомнѣнно, что были тутъ въ древности и другія поселенія, для которыхъ извилистое теченіе Удая представляло защищенныя мѣста на возвышенностяхъ, окруженныхъ водою и болотами¹⁾. Много при этомъ помогали и поросшіе лѣсами глубокіе *яры*, находящіеся къ востоку отъ Удая. Пространство на западъ отъ Удая было степное и потому тутъ поселеній не было, вѣроятно, до XVI вѣка. Запустѣвшая послѣ Батыеваго разоренія Южная Русь лѣваго берега Днѣпра снова стала заселяться не позже нач. XV в. При спорѣ Московскаго государства съ Польшею за „Путивльскій рубежъ“ въ 1638 г., поляки говорили, напр., что „волость“ Роменская поселена при Казиміръ Ягеллонѣ (1447—1492), а волость Торговицкая—при королѣ Александрѣ (1492—1506²⁾). Другихъ поселеній въ бассейнѣ Удая

¹⁾ Типъ такихъ защищенныхъ Удайскими болотами мѣстностей представляютъ собою м.м. Переволочное и Монастырище.

²⁾ Дворцовые Разряды, II, 899.

и верхней Сулы, существовавшихъ въ XV в., поляки при этомъ не указывали потому, вѣроятно, что другихъ замѣтныхъ поселеній въ этой мѣстности тогда еще не было. Удайскіе берега еще и въ полов. XVI в. были настолько пустыни, что тутъ были лишь *уходы*, отчасти Остерскихъ „козаковъ“, а отчасти Каневскихъ мѣщанъ. Въ 1559 г. царь сообщалъ Польскому королю: „а нине писалъ къ намъ изъ Чернигова наместникъ нашъ, дьякъ Ружевскій, что твои Остренскіе козаки, пришедъ на наши Черниговскіе ухोजаи, на Удаи, многіе борти выдрали, изымали нашего сына боярского“... ¹⁾ Почти въ то же время (1578 г.) король Стефанъ Баторій писалъ князю Вишневецкому, старостѣ Каневскому и Черкасскому, чтобъ мѣщанъ Каневскихъ отъ Байбузы, который *въ земли ихъ Каневскіе* и въ рѣку Сулу и Удай вступается и отнимаетъ на себя, боронилъ и въ обиду не давалъ, и земель, и рѣкъ и угодей Каневскихъ занимать не допускалъ“. ²⁾ Но въ томъ же 1578 г. Стефанъ Баторій выдаетъ тому же Байбузѣ грамоту на ту же самую территорію: „за заслуги и дѣльность въ речахъ рыцарскихъ шляхетного Михайла Грибуновича Байбузы далисмо ему въ староствѣ нашемъ Черкасскомъ и Каневскомъ *пустыню ко осажению людьми* названую реку Сулу, *реку Удай* и реку Солоницу, въ рѣчками и озерами...“ ³⁾ Но эта пустыня не долго побыла у Байбузы, такъ какъ въ 1582 г. она была у послѣдняго отнята кн. Александромъ Вишневецкимъ, который всѣ Посульскія и Поудайскія земли „привернулъ до замку своего Черкаскаго“ и забралъ все что получалъ Байбуза отсюда: „меды, рыбу, зверину“. ⁴⁾ Грамотою 1590 г. Сигизмундъ III земли эти утвердилъ за Александромъ Вишневецкимъ, успѣвшимъ помириться съ Байбузою, которому король далъ при этомъ земли по р. Пслу ⁵⁾. Вотъ съ этого времени Поудайскія земли и стали заселять Вишневецкіе, какъ это видно изъ споровъ происходившихъ въ 1638 г. между поляками и Московскими боярами за Путивль-

1) Книга посольск. метр. вел. кн. Литовск., I, 168.

2) Дворцов. Разряды, II, 903.

3) Литовск. метрика въ Моск. архивѣ м—ва юстиціи, выписки изъ которой получили мы отъ Ф. Д. Николайчика, за что и приносимъ ему большую нашу благодарность.

4) и 5) Тамъ же.

скій рубежъ, причемъ первые говорили, что бассейнъ Удая и верхней Сулы „позасѣдали Польскіе и Литовскіе люди до перемирныхъ лѣтъ (т. е. до 1619 г.) и поставили на тѣхъ земляхъ шесть городовъ: Варву, Журавку, Куренку, Многой, Сиѣтинъ, Синецъ“ 1). Это свѣдѣніе пополняется и поясняется очень интереснымъ, недавно найденнымъ, документомъ 2), идущимъ отъ тѣхъ же поляковъ, въ которомъ говорится, что бассейнъ Удая засе-

1) Переписка между Россією и Польшею, Н. Н. Бавтышъ-Каменскаго. М. 1862. Ч. III, стр. 103.

2) Въ связкахъ разныхъ польскихъ и друг. документовъ 1632—1668 г.г., находящихся въ т. наз. *Tidöu Samlingen* Шведскаго государственнаго архива въ Стокгольмѣ, Н. В. Молчановскій (занимаясь въ этомъ архивѣ въ началѣ 1899 г.) встрѣтилъ тетрадку безъ даты, озаглавленную такъ: *Miasta i slobode, ktore na gruncie W—a Czernihowskiego erectae przez Koreckiego u x. Wiszniewieckich osadzone*. Здѣсь перечислены слѣдующія поселенія „старой и новой осады“: Городище Вороново, городъ Прилука (домовъ 800; къ нему селъ и хуторовъ, „*dawney osady*“ до 40) городище Городня, городище Серебряне, городъ Бурылове, слобода Варва, слобода Журавка, мѣстечко Куренка, гор. Паробково (?), городище Многинское, мѣстечко Снятинъ, г. Сенча, городъ Лохвица(?) слобода Пессала (Безсала?), городище Чернече (?), слобода Новое Лозовое, городище *Zuerne*, мѣстечко Переволочна, слобода Бѣлошанка, городъ Пиратинъ, городище Хлебелъ Пусте (?), городище Новстинское, городъ Лубны.

Въ документѣ говорится, что все это осажено на Черниговскихъ грунтахъ «*za czasu impostoror*», т. е. самозванцевъ, а другіе позже, лишь нѣсколько лѣтъ назадъ. Однако (добавлено въ документѣ), инквизицію трудно было сдѣлать, ибо не допускали силою.

Тутъ же, отмѣчено особо, что кн. Острожскій, канцъ Краковскій, распорядясь Переясловскими грунтами, осадилъ на Черниговскомъ грунтѣ: замокъ и городъ Быковъ (домов. 400), слоб. Воронки, слоб. Красношанку, слоб. Держакрай, замокъ и городъ Миргородъ (500 домовъ).

Можно думать, что документъ этотъ происхожденіемъ своимъ обязанъ тому же «спору за Путивльскій рубежъ», когда поляки старались доказать, что бассейнъ Удая заселенъ ими. Время составленія этого документа объясняется указаніемъ на *W—wo Czernihowskie*, возникшее послѣ Поляновскаго перемирія.

лень во время самозванцевъ (za czasu impostow) т. е. въ концѣ XVI и самомъ началѣ XVII в.в.—Быстрѣ двинулась колонизація Удайскаго бассейна, когда сталъ тутъ распоряжаться Іеремія Вишневецкій и сдѣлалъ Прилуку однимъ изъ центровъ лѣвобережныхъ своихъ имѣній. При немъ указываются слѣдующія тянувшія къ Прилуцкѣ поселенія: Монастырище, Галка, Городня, Гмировка, Ичня, Иваница (Jwania), Голенка, Красный Колядинъ (Krasne), Корибутовъ, Липовое, Крапивна, Самборъ, Сокиренцы, Срѣбное, Талалаевка ¹⁾. Названныя здѣсь поселенія могли возникнуть въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVII в., т. е. уже послѣ самозванцевъ.

Возстаніе Хмельницкаго и первыя его побѣды взволновали и лѣвобережное Поднѣпровье; Іеремія Вишневецкій увидѣлъ, что въ „Заднѣпріи“ ему оставаться нельзя и посѣшилъ отсюда уйти. Его уходъ окончательно освободилъ лѣвобережную Украину отъ поляковъ; освободилась при этомъ и Прилуччина. Это было въ 1648 г., а въ слѣдующемъ, 1649-мъ году, въ „реестрахъ“ Войска Запорожскаго Прилуцкій полкъ уже значится въ составѣ 20-ти сотенъ.

Прилуцкіе полковники. Тимофѣй Носачъ, 1649. Федоръ Кн-сель (?). Иванъ Шеуратъ, 1651. Якимъ Самко, 1652. Яковъ Воронченко, 1654, 56, 57. Петръ Дорошенко, 1657—58. Яковъ Воронченко, 1659. Федоръ Терентьевичъ Терешенко, 1559, 62. Лазарь Горленко, 1661. Дмитрій Чернявскій, 1662, 63. Данило Андреевичъ Песоцкій, 1663—64. Лазарь Горленко, 1664—68. Иванъ Щербина (Кошевой), 1668 — 69. Иванъ Маденко, 1669. Семень Третьакъ, 1671. Лазарь Горленко, 1672—77. Иванъ Маденко, 1677. Федоръ Молчанъ, 1678. Дмитрій Чернявскій, 1679. Лазарь Горленко, 1680—87. Иванъ Стороженко, 1687—92. Дмитрій Лазаревичъ Горленко, 1692—708. Иванъ Яремовичъ Носъ, 1708—1714. Игнатъ Ивановичъ Галаганъ, 1714—39. Григорій Игнатовичъ Галаганъ, 1739—63. Иванъ Даниловичъ Тарновскій, 1772. Александръ Яковлевичъ Якубовичъ, 1773—81.

Первымъ Прилуцкимъ полковникомъ былъ Тимофѣй Носачъ, показанный на этомъ урядѣ въ *реестрахъ* 1649 г. ²⁾. Вторымъ

¹⁾ Podole, Wotyn, Ukraina, Al. Przewdzieckiego, I, 41—44.

²⁾ Реестра Войска Запор., изд. Бодянского, 304.

полковникомъ называется **Федоръ Кисель**, но называетъ его только одна *Исторія Русовъ*, почему можно полагать, что это лицо вымышлено авторомъ этой книги ¹⁾. **Иванъ Шкурать**, показанъ въ спискѣ Максимовича, съ обозначеніемъ: „изъ сотниковъ Прилуцкихъ, убитъ въ 1651 г., въ Берестецкомъ сраженіи“. Максимовичъ не говоритъ, откуда взято имъ свѣдѣніе о Шкуратѣ, но можно думать, что оно заимствовано изъ какого нибудь Густынского помянника ²⁾. **Якимъ Самко** показанъ Прилуцкимъ полковникомъ у Величка (I, 119), который говоритъ, что послѣ побѣды Хмельницкаго при Батогѣ, когда поляки побѣждали изъ лѣвобережной Украины, на правый берегъ, то нѣкоторыхъ изъ нихъ, бѣжавшихъ изъ Прилуки къ Конотопу, по приказу Самка *полковника Прилуцкаго*, Яско Воронко, *бывшій полковникъ Прилуцкій*, у Подлипнаго нагнавши, головки имъ потрубоваль“. Другихъ свѣдѣній о томъ, чтобы Самко былъ Прилуцкимъ полковникомъ—нѣтъ... Здѣсь же, у Величка, мы находимъ и другое свѣдѣніе, пигдѣ болѣе неупоминаемое, что будто бы Воронченко былъ полковникомъ Прилуцкимъ раньше 1652 г.

1) Прилуцкіе Кисели, изъ числа которыхъ нѣкоторые занимали и полковые уряды, родоначальникомъ своимъ называютъ сотника Журавскаго Ивана Киселя, занимавшаго этотъ урядъ въ к. XVII или нач. XVIII в. (*Дѣло Полт. двор. арх.*, № 624). Нѣтъ сомнѣнія, что Прилуцкіе Кисели помнили бы полковника Федора Киселя, если бы онъ существовалъ и не упустили бы случая назвать его своимъ родоначальникомъ, какъ назвали Киселя Гадяцкіе родоначальникомъ своимъ извѣстнаго Кіевскаго воеводу Адама Киселя, *сынъ* де котораго Иванъ былъ Грунскимъ сотникомъ и убитъ въ Шведскую войну. (*Дѣло Полт. двор. арх.*, № 849).

2) Сочин. Максимовича, I, 732. Шкураты несомнѣнно были старые Прилучане: въ актѣ 1688 г. упоминается „п. Иванъ Шкуратенко, тов. войск., обыватель Прилуцкій“. По акту 1715 г., Анастасія Ивановна Шкуратова съ сыномъ своимъ Федоромъ Шкуратомъ, отдали Густынскому м—рю свой садъ въ с. Боршной. Наконецъ, Прилуцкій протопопъ Мих. Трифановскій былъ женатъ на Агафѣѣ «Шкуратовнѣ». (*Докум. Густынск. м—ря, въ Кіевск. центр. архивъ*). Очень вѣроятно, что всѣ эти лица составляли потомство полковника Шкурата

Въ первый разъ Воронченка встрѣчаемъ на полковничествѣ въ декабрѣ 1654 г. ¹⁾ Повидимому, Воронченко пробылъ полковникомъ до весны 1657 г. Сохранился его „листъ“, писанный 28 іюня 1656 г. и заключающій въ себѣ приказъ Красноколядинскому сотнику—недопускать Краснянскимъ сотнянамъ „пустошить лѣсъ славетного п. Ивана Багатого, арендара на тотъ часть Краснянского“ ²⁾ (т. е. Красноколядинскаго). Весною 1657 г., вмѣсто Воронченка, полковникомъ назначенъ былъ извѣстный впослѣдствіи Петръ Дорошенко, состоявшій до того „при боку“ Хмельницкаго, отъ котораго, слѣдовательно, получилъ онъ и полковничій урядъ. Незадолго до этого Хмельницкій посылалъ „козака Дорошенка“ къ Шведскому королю съ своимъ „листомъ“ ³⁾, изъ чего можно видѣть, что Дорошенко былъ довѣреннымъ лицомъ у освободителя Малороссіи. Полковникомъ Дорошенко пробылъ не болѣе года. Ставъ на сторону Выговскаго, когда тотъ задумалъ снова возвратиться къ Польшѣ, Дорошенко тогда же лишился полковничества: Прилуцкіе полчане били челомъ царю—дать имъ другого полковника, вслѣдствіе чего Ромодановскій „велѣлъ быть въ Прилуцкомъ полку въ полковникахъ на Петрово мѣсто Дорошенка Якову Воронченку, до указа великаго государя“ ⁴⁾. Но и на этотъ разъ Воронченко не долго оставался полковникомъ; въ 1658 г., когда Выговскій уже открыто сталъ на сторону Польши, Воронченко снова пересталъ быть полковникомъ и мѣсто его занялъ столь извѣстный впослѣдствіи Лазарь Горленко, старый козакъ Прилуцкій, записанный уже въ „реестрѣ“ 1649 г. ⁵⁾ Очень можетъ быть, что и Воронченко былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ его зятьевъ Захарій Шійкевичъ служилъ у Выговскаго „подпискомъ“ ⁶⁾. На

1) Акты Ю. и З. Россіи, X, 198.

2) Подлинный листъ, полученный отъ гр. Г. А. Милорадовича, находится въ собр. В. В. Тарновскаго.

3) Акты Ю. и З. Р., III, 572.

4) Тамъ-же, IV, 149.

5) Тамъ-же, IV, 250. Реестра В. Запор. 1649 г., изд. Бодянк., стр. 305.

6) Тамъ-же, IV, 100. О Шійкевичѣ см. Опис. Старой Малор., II, 304.

этотъ разъ Воронченко совсѣмъ оставилъ войсковую службу и поселился въ Кіевѣ, гдѣ у него на Подолѣ былъ свой домъ около Братскаго монастыря. Здѣсь онъ и умеръ въ 1679 г. Сыновей у него не было, а оставшіяся двѣ дочери были замужемъ, одна за Шійкевичемъ, а другая—за однимъ изъ грековъ-торговцовъ, Иваномъ Грекомъ, который, попавши впоследствии въ козацкую старшину (вѣроятно при помощи тестя), звался уже Яномъ Христофоровичемъ ¹⁾.

Воронченка на полковничьемъ урядѣ замѣнилъ Федоръ Терешенко, котораго встрѣчаемъ въ полов. 1659 г., когда вмѣсто Выговскаго гетманомъ сталъ Юрій Хмельницкій ²⁾. Въ это же время встрѣчаемъ мы снова и Дорошенка въ числѣ полковниковъ того же Хмельницкаго; черезъ него послѣдній велъ переговоры съ Трубецкимъ о тѣхъ „статяхъ“, на основаніи которыхъ Хмельницкій принималъ булаву ³⁾. При Хмельницкомъ Дорошенко находился и тогда, когда тотъ присягалъ въ Переславѣ, въ октябрѣ, на вѣрность царю. Въ числѣ подписей на присяжномъ листѣ находится подпись и Дорошенка съ добавленіемъ „бывшій Прилуцкій полковникъ“. Настоящимъ Прилуцкимъ полковникомъ въ это время былъ Федоръ Терешенко, какъ видно, неграмотный: за него росписался полковой писарь Василій Севастьяновъ ⁴⁾, котораго ниже встрѣтимъ подъ именемъ Себастьяновича. Терешенко пробылъ полковникомъ до 1661 г., когда полковникомъ снова показывается Лазарь Горпенко ⁵⁾, но не надолго, такъ какъ въ 1662 г. Терешенко снова замѣняетъ его ⁶⁾. Въ это время, какъ извѣстно, сталъ стремиться захватить булаву Самко; о томъ же думалъ и Брюховецкій; началась усиленная интрига, а вмѣстѣ съ нею и частая мѣна полковниковъ. Этимъ слѣдуетъ объяснить, что въ нач. 1663 г. вмѣсто Терешенка полковникомъ является Дмитрій Чернявскій. Это былъ

¹⁾ См. ниже, полковые судьи.

²⁾ Акты Ю. и З. Р., IV, 252.

³⁾ Тамъ же, 254—257.

⁴⁾ Т. ж., 272—273.

⁵⁾ Т. ж., V, 57.

⁶⁾ Т. ж., V, 115.

несомнѣнный сторонникъ Самка, какъ видно изъ акта, записаннаго въ ратушныя Прилукскія книги въ мартѣ 1663 г., о покупкѣ Чернявскимъ дома въ Прилукѣ, у Густынскаго монаха Федора Гостиловича. Въ этомъ актѣ говорится, что покупка дома состоялась при содѣйствіи „его мил. п. Іоакима Самка, гетмана Войска его царского величества Запорожскаго“, который въ этотъ моментъ находился на Иченскомъ съѣздѣ; тутъ партія Самка присягнула ему „на гетманство“ и сговорилась какъ дѣйствовать противъ Брюховецкаго. Но трудно было бороться съ Брюховецкимъ, послѣ того какъ онъ заручился благорасположеніемъ русскаго боярина, присланнаго на *черную раду* въ Нѣжинъ. Брюховецкій безъ труда побѣдилъ своихъ противниковъ, изъ которыхъ главнѣйшіе были казнены, а второстепенные отправлены въ Москву; въ числѣ послѣднихъ былъ и Дмитрій Чернявскій, у котораго имѣніе было отобрано, а самъ онъ сначала, въ сентябрѣ 1663 г., отвезенъ былъ въ Москву, а затѣмъ сосланъ въ Сибирь „на Лену“ ¹⁾. На мѣсто Чернявскаго Брюховецкимъ былъ поставленъ Данило Песоцкій, выбранный конечно изъ того „гультайства запорожскаго“, изъ котораго Брюховецкій набралъ въ этотъ моментъ новыхъ полковниковъ взаимѣ старыхъ, имѣ тутъ же уничтоженныхъ. Песоцкій пользовался, повидимому, особымъ довѣріемъ, у новаго гетмана, такъ какъ ему, въ числѣ трехъ, Брюховецкій поручилъ присутствовать при казнѣ, въ Борзнѣ, Самка, Золотаренка и друг.²⁾

Песоцкій пробылъ на полколничествѣ только до слѣдующаго года, когда, при нашествіи Яна-Казимира на Малороссію онъ присоединился къ полякамъ ³⁾. Въмѣсто Песоцкаго поставленъ былъ полковникомъ снова Горленко. На этотъ разъ Горленко пробылъ полковникомъ не менѣе двухъ лѣтъ. Какъ видно, Горленко успѣлъ заслужить особое довѣріе и расположеніе у Брюховецкаго, который давалъ ему важныя порученія; такъ въ январѣ 1665 г., Брюховецкій посылалъ Горленка въ Кіевъ, чтобы онъ, вмѣстѣ „съ царскими ратными людьми, промыслъ надъ це-

¹⁾ Разрядн. книги, II, 940 и 1033. Акты Ю. и З. Р., VIII, 54.

²⁾ Истор. Россіи, Соловьева, изд. Т-ва О. П., III, 115.

³⁾ Самовид., изд. Бодянск., 42.

пріятелі чиниль“, причемъ тогдашній Кіевскій воевода Чаадаевъ съ этой помощью гетмана настолько грубо обошелся, что и въ городъ не пустилъ Горленковыхъ козаковъ¹⁾... Въ маѣ того же года, Горленко былъ посланъ отъ гетмана въ Москву съ плѣнными поляками, причемъ полковнику дана была подробная „информація“ чѣмъ говорить и о чемъ просить въ Москвѣ²⁾. Очень можетъ быть, что Горленко былъ посланъ въ Москву для собранія свѣдѣній о томъ—какъ будетъ тамъ принятъ гетманъ, самъ собиравшійся въ это время въ Москву. Какъ извѣстно, Брюховецкій отправился въ сентябрѣ въ царскую столицу, окруженный первостепенною старшиною, которая была тамъ награждена жалованьемъ, имѣніями и „дворянствомъ“. Получилъ „дворянство“ въ Москвѣ и Горленко, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Прилуцкое село Ольшану³⁾. На этотъ разъ Лазарь Горленко оставался полковникомъ до 1668 г., когда его замѣнилъ **Иванъ Щербина**. Слѣдуетъ догадываться, что Горленко сначала былъ заподозрѣнъ Брюховецкимъ послѣ замѣченнаго сближенія его съ Прилуцкимъ воеводою Загряжскимъ⁴⁾, а, между тѣмъ, въ это время, (въ нач. 1668 г.) Брюховецкій, вмѣстѣ съ старшиною, рѣшилъ-изгнать изъ Украины всѣхъ Московскихъ воеводъ.] Подозрѣніе противъ Горленка еще болѣе усилилось, когда до Брюховецкаго, повидимому, дошли слухи, что тайна совѣщанія его съ старшиною была Горленкомъ передана Нѣжинскому протопопу Семену Адамовичу, а отъ послѣдняго она сообщилалась Нѣжинскому воеводѣ Ржевскому, который и принялъ свои мѣры противъ готовившагося нападенія...⁵⁾ При такихъ подозрѣніяхъ Горленко не могъ быть не смѣщенъ. Вмѣсто него полковникомъ былъ назначенъ „Ивашко, что былъ напередъ сего на кошу атаманомъ“⁶⁾. Въ этомъ извѣстіи прозвище новаго полковника не указано, но несомнѣнно, что это былъ **Иванъ Щербина**, который, дѣйствительно, въ 1664 г. былъ кошевымъ атаманомъ⁷⁾,

1) Интересныя объ этомъ свѣдѣнія тамъ же, 250, и 251.

2) Тамъ же, 281.

3) Грамота на Ольшану напечат. въ Кіевск. Ст. 1887., февр., 263.

4) Тамъ же, VII, 17.

5) Т. ж., VII, 89, 90.

6) Т. ж. VII 109. 150.

и котораго Прилудкимъ полковникомъ называетъ одна жалоба Сокиренскаго козака гетману Скоропадскому¹⁾.

Какъ увидимъ ниже, Щербина сталъ преслѣдовать Горленка, и послѣдній, спасаясь отъ его „налогу“, долженъ былъ удалиться изъ Прилуки и искать пріюта и защиты на Запорожьѣ. Во время волненій на Украинѣ, послѣдовавшихъ за смертью Брюховецкаго, Щербина держалъ сторону Дорошенка²⁾; а когда надъ послѣднимъ сталъ превозмогать Многогрѣшный, то Щербина, затворившись въ своей Прилуцкѣ, пробовалъ отсидѣться, надѣясь, что его патронъ побѣдитъ Московскаго сторонника. Но Дорошенко скоро разочаровалъ своихъ пріятелей и Щербина, сдавши Многогрѣшному Прилуку, „совсѣмъ полкомъ царскому величеству въ винахъ своихъ добилъ челомъ“. Прилудская старшина однако-жъ была не довольна своимъ полковникомъ, можетъ быть изъ-за Горленка, и поспѣшила пожаловаться на него новому гетману, который тогда же замѣнилъ Щербину Прилудкимъ есауломъ Иваномъ Маценкомъ, но Щербину оставилъ при себѣ³⁾. Узнавъ объ этой перемѣнѣ, Горленко поспѣшилъ поздравить прежняго своего есаула и „кума“ съ новымъ урядомъ. Вотъ это письмо. „Мой збѣло ласкавый пріятелю, пане полковнику Прилудцкій, мой ласкавый пане и куме... Хотя чрезъ всѣ тѣ времена не могли есми за великимъ шалоумствомъ Ивашковымъ (Щербины), который яко не желающій добра вамъ и намъ, разпствіе межъ нами починилъ, и я по нуждѣ, не для чего иного, толко отъ его налогу и злого намѣренія ко мнѣ, изъ Прилуки выѣхалъ есмь, а онъ на достойность нашу и заслугу Войску Запорожскому наступати хотѣлъ, и его Богъ въ невѣдѣніи наказалъ и вручилъ урядъ полковничества тебѣ, пріятелю моему... Прямое же дѣло тебѣ, пріятелю твоему похваляю, что оставя

¹⁾ Т. ж., V, 227. Сокиренскій козакъ, жалуясь въ 1720 г. гетману на своего тогдашняго полковника Галагана, писалъ: „прошу милосердія на зятя моего, котораго за бывшаго еще полковника Щербину, принялъ въ мой козацкій домъ“... Русск. Арх. 1875 г., I, 322. Иногда въ актахъ Щербина назывался *Кошевымъ*, напр. Акты Ю. и З. Р., VIII, 61.

²⁾ Актъ Ю. и З. Р., VII, 151.

³⁾ Акты Ю. и З. Р., VIII, 60, 61.

ты весь обманъ Дорошенковъ, а къ Многогрѣшному нынѣ под-
легаешь "... 1).

Маценко пробылъ полковникомъ до 1671 г., когда его за-
мѣнилъ Семенъ Третьякъ, 2) который будучи въ 1663 г. полков-
никомъ Кіевскимъ, сосланъ былъ вмѣстѣ съ другими противни-
ками Брюховецкаго въ Сибирь 3). Оттуда онъ былъ возвращенъ
по ходатайству новаго гетмана въ 1670 г. и поставленъ При-
лукскимъ полковникомъ, кажется, не раньше 1671 г., когда Мно-
гогрѣшный подозрѣвая въ измѣнѣ чуть не всѣхъ полковниковъ
восемь изъ нихъ замѣнилъ новыми 4). Интересно, что одновре-
менно съ полковничествомъ Третьяка, Лазарь Горленко постав-
ленъ былъ полковымъ судьей. Поставленіе старыхъ полковниковъ,
послѣ ихъ смѣщенія, на младшіе полковые уряды въ к. XVII в.
изрѣдка еще встрѣчается, такъ какъ въ это время полковники
еще не имѣли той сильной власти, которая дѣлала немисли-
мымъ пониженіе въ должностяхъ лицъ, занимавшихъ полковничьи
уряды.

Третьякъ, будучи ставленникомъ Многогрѣшнаго, былъ смѣ-
щенъ вмѣстѣ за низложеніемъ своего патрона, и въ 1672 г. При-
лукскимъ полковникомъ является прежній Лазарь Горленко, при
чемъ урядъ полкового судьи занимаетъ бывший полковникъ Иванъ
Маценко 5). На этотъ разъ Г-ко пробылъ полковникомъ до 1677
года, когда потерялъ урядъ за участіе въ заговорѣ Рославца,
при чемъ, впрочемъ, участіе это было мало доказано 6). Смѣще-
ніе Горленка произошло, какъ можно догадываться, не безъ нѣ-
котораго участія полковой старшины; по крайней мѣрѣ, извѣст-

1) Т. же., VIII, 182. Письмо писано 26 октября 1669 года.

2) Подпись его на одной изъ купчихъ Густыиск. м-ря. *Ркспс.*

3) Сибирь и Каторга, Максимова III, 113. Истор. Россіи, Со-
ловьева, III, 115.

4) Актъ Ю. и З. Р., IX, 792. О возвращеніи Третьяка изъ Сибири
тамъ же, 240.

5) Лѣтоп. Величка II, Семенъ Третьякъ въ 1674 г. находился
на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ, по порученію Самойловича, старался
направлять власть имѣвшихъ людей къ мысли о подчиненіи послед-
нему правобережной Украины. А. Ю. и З. Россіи, XI, 440.

6) Акты Ю. и З. Россіи XIII, 23. Ср. Ригельманъ, II, 155.

ный впоследствии Иванъ Носъ въ этотъ моментъ изъ рядоваго „войскового товарища“ дѣлается полковымъ *обознымъ*... (См. ниже). Въмѣсто Горленка полковникомъ былъ поставленъ снова **Маценко**. Но и на этотъ разъ Маценко пробылъ полковникомъ всего годъ и въ 1678 г., вмѣсто его, поставленъ былъ **Федоръ Лукьяновичъ Молчанъ**. Это былъ одинъ изъ тѣхъ искателей приключеній, какихъ во втор. полов. XVII в. на Украинѣ было немало. Извѣстныя намъ свѣдѣнія о Молчанѣ приведены раньше¹⁾. Къ нимъ нужно добавить, что послѣ смѣщенія Молчана съ компанейскаго полковничества, онъ въ 1677 г. является въ Прилукѣ полковымъ есауломъ (см. ниже, о Носѣ), а въ апрѣлѣ слѣдующаго года избирается—Прилуцкимъ полковникомъ, можетъ быть, въ виду готовившагося похода противъ турокъ. Полковничество Молчанъ получилъ по слѣдующему универсалу: „поневажъ панъ Иванъ Маценко, бывший полковникъ вашъ Прилуцкій, добровольне извеняся своего старшинства и за оное намъ подыковалъ, и старшина вашего полку, тутъ въ Батуринѣ бывшая, зъ товариствомъ певнымъ, за позволеніемъ нашимъ, згодливими голосами своими на той полковницкій урядъ пана Федора Мовчана обволоали и надъ себе вынесли, теды и мы его, п. Мовчана, знаячи быти у Войску Запорожскомъ заслужоного, годного и до дѣлностей рыцарскихъ способнаго мужа, цале на томъ старшинствѣ подтверждаемъ“²⁾. Вслѣдъ за тѣмъ Молчанъ пошелъ съ своимъ полкомъ въ походъ на правый берегъ Днѣпра, и здѣсь участвовалъ въ защитѣ Чигирина отъ осаждавшихъ турокъ и татаръ. За эту службу М—нъ получилъ отъ царя похвальную грамоту³⁾. Тамъ, подъ Чигириномъ М—нъ, вмѣсто Прилуцкаго, получилъ Стародубскій полкъ, конечно по его собственному желанію, такъ какъ въ Стародубщинѣ онъ имѣлъ маестности. Но не удалось М—ну утвердиться въ Стародубщинѣ: осенью 1678 г. онъ „противъ кровь, животъ свой скончалъ“, тамъ же подъ Чигириномъ⁴⁾. Въмѣсто М—на былъ назначенъ, только наказнымъ, Лазарь Гор-

1) Опис. Стар. Малороссіи, I, 19—20.

2) Кіевск. Стар. 1885 г., январь, 63.

3) Истор. Мал. Россіи, изд. 1842 г., II, примѣч. 132.

4) Акты Ю. и З. Россіи, XIII, 677 и 719.

ленко, занимавшій въ это время урядъ полкового судьи и тоже находившійся съ полкомъ подъ Чигириномъ. Вѣроятно, Самойловичъ не хотѣлъ давать Горленку полковничій урядъ, продолжая подозрѣвать его въ соучастіи съ Рославцомъ. „Цѣлое“ полковничество получилъ тамъ же, на походѣ, **Дмитрій Чернявскій**, который начальствовалъ надъ Прилуцкимъ полкомъ, когда Самойловичъ со всѣмъ козацкимъ войскомъ изъ-подъ Чигирина пришелъ въ Кіеву, для его защиты отъ турокъ ¹⁾. Скоро однакожь Чернявскій долженъ былъ уступить свой урядъ тому же Лазарю Горленку, который, значить, успѣлъ добиться у гетмана прощенія. Можно думать, что Самойловичъ простилъ Г—ка послѣ того, какъ одинъ изъ сыновей послѣдняго, **Дмитрій**, женился на родной племянницѣ гетманши, дочери брата ея **Захара Голуба** ²⁾. Не смотря на свою стародавнюю службу въ полку и на занимаемый высшій въ немъ урядъ, Горленко сохранялъ и въ это время въ отношеніяхъ къ своимъ полчанамъ ту простоту, которая когда то была обычнымъ явленіемъ въ военно-козацкомъ быту и которая при Самойловичѣ стала уже рѣдка. Для характеристики въ этомъ отношеніи Горленка, можемъ привести любопытное рѣшеніе Прилуцкаго полкового суда по жалобѣ Лазаря Горленка на своего полчанина, рядоваго козака, за клевету. Въ 1684 г. полковой судья **Янъ Христофоровичъ**, съ другими урядниками, разобралъ словесную жалобу своего полковника Горленка на козака **Петра Валька** за захватъ части полковничьяго грунта, при чемъ „Валько примовками ущипливыми началъ озлословляти п. полковника, менуючи, якобы сыломоцю (насиліемъ) посѣдалъ людскіе грунта“. Судъ согласилъ полковника на миръ съ его полчаниномъ съ тѣмъ условіемъ, что если Валько „потомъ еще важится (осмѣлится) на грунтъ п. полковника вступать и въ лозы (спорный участокъ представлялъ собою лознякъ) увязовать албо лживыми обмовляти той гай якими словами, теди варовали

¹⁾ Кіевск. Синописисъ, изд. 1823 г., стр. 159. Вмѣстѣ съ полковничествомъ Чернявскій получилъ отъ Самойловича, въ томъ-же 1679 г., с. Ряски. Повидимому, гетманъ хотѣлъ особенно отличить Чернявскаго, такъ какъ въ это время маестности раздавались еще скупо.

²⁾ О прощеніи Горленка Самойловичемъ, см. Кіевск. Стар. 1887 г., окт., 219.

теперешнимъ постановленіемъ Валкови десять талеровъ дати, а гай п. полковниковъ собѣ принять“¹⁾. Такія отношенія между полковникомъ и полчанами, когда первый изъ нихъ при имущественныхъ спорахъ съ послѣдними, обращался къ суду вмѣсто того, чтобы рѣшить споръ тою *силомоу*, о которой говоритъ Валько, были уже не возможны у полковниковъ Мазепинскаго времени... Впрочемъ, Лазарь Г—ко, очень склонный ко всякой интригѣ, особой склонности къ стяжанію, повидимому, не имѣлъ, что видно изъ того, что онъ за все свое полковничество не присвоилъ ни одной маютности, владѣя только Ольшаною, полученною въ 1665 г. отъ царя.

Кончилъ Горленко жизнь свою трагически во время того самаго Крымскаго похода, когда низложенъ былъ и Самойловичъ. Въ этомъ походѣ Горленко съ своимъ полкомъ находился въ отрядѣ гетманича Григорія Самойловича, который шелъ впереди главнаго войска. Вѣсть о низложеніи отца на Коломакѣ гетманичъ получилъ, находясь гдѣ-то около Кодака у р. Суры. Вѣсть объ арестѣ гетмана произвела въ полкахъ общее волненіе; повидимому, и у рядоваго козачества Самойловичъ не пользовался любовью Прилукскій полкъ тоже „взбунтовался“, и въ этомъ бунтѣ погибъ старый его полковникъ ужасною смертью: его живого бросили свои же козаки въ огонь²⁾. Тутъ же погибшій—былъ и похороненъ. Мѣстная лѣтопись говоритъ, что Горленко былъ похороненъ между Кодакомъ и Самарою, „гдѣ и могилу знатную высыпано надъ нимъ, въ которой лѣтъ десять лежалъ; а когда Господь Богъ направилъ сердце его мил. п. Дмитрію Горленку, за вѣдомостью гетманскою, будучи съ полкомъ своимъ на томъ же мѣстцѣ, откопалъ тѣло милого п. родича своего и почесне допровадилъ до монастыря Густынѣ, идѣ же положили въ склепѣ р. 1697, сент. 15“³⁾.

1) Румянц. опись, которою нѣкогда мы пользовались въ Полтавѣ, когда она тамъ хранилась въ Казенной Палатѣ.

2) Гордонъ (Tagebuch, II, 198) говоритъ, что «die Kosaken bei einem Aufstande den Obristen von Priluk, einen alten Mann Namens Lazar, ermordet hätten. Die hätten diesen Obristen, da er noch gelebt, in einen heissen Ofen geworfen».

3) Лѣтоп. Густынск. м—ря. М. 1848. Стр. 64.

У Лазаря Горленка, отъ двухъ женъ, было четыре сына: Петръ, Иванъ, Степанъ и Дмитрій, изъ которыхъ старшій умеръ раньше отца. Отъ второй жены Лазаря происходили, повидимому, Степанъ и Дмитрій. По смерти Лазаря вдова его, Ефросинья, съ сыномъ Степаномъ за подтвержденіемъ маестности обратились въ Москву, гдѣ была получена главная изъ нихъ—с. Ольшана. „И ихъ царское величество пожаловали за службы мужа ея, Ефросиніи, а Степанова отца, Лазаря Горленка, повелѣли имъ вышепомянутымъ селомъ Ольшаною и двумя мельницами вешняками и со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи, которыя въ прежней жалованной грамотѣ написаны, такожъ и купленными ихъ грунтами и мельницами, въ уѣздѣ Прилуцкомъ обрѣтающимися со всѣми угодіи, буде спору не будетъ, владѣть и всякіе порядки употреблять“¹⁾... Эта грамота указываетъ, что Лазарь Горленко, кромѣ Ольшаной, не имѣлъ другой населенной маестности и что, слѣдовательно, наслѣдство его было не велико²⁾. Да и это наслѣдство раздѣлено было между сыновьями, повидимому, неровно, благодаря стараніямъ мачихи.

Одинъ изъ внуковъ Лазаря, сынъ Ивана—Акимъ, въ жалобѣ своей Скоропадскому, поданной въ 1712 г., пишетъ о дѣлѣжѣ дѣдорскаго наслѣдства слѣдующее: „ускаржаюся на бабусю мою еи мил. панѣю Лазаревую въ таковой справѣ: небожчикъ дѣдусъ мой, блаженной памяти Лазарь, по женитвѣ отца моего, частью не хотячи раздражати еи, паней бабусѣ, яко жоны своей второй,

1) *Малороссійскіе Эмигранты*, статья *Де-Шуле*, Вѣстникъ Европы 1872 г., май, 65.

2) Де Шуле, пользовавшійся фамильными бумагами Горленковъ, говоритъ, что «по смерти Лазаря, имѣніе Горленовъ (*sic*) было одно изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи», но указывая при этомъ на «хутора, мельницы, лѣса, сады, поля», авторъ, повидимому, больше руководствуется своими догадками, чѣмъ фактами. Вообще слѣдуетъ сказать, что статья Де-Шуле о Горленкахъ заключаетъ въ себѣ немалую путаницу свѣдѣній отъ неумѣнія автора усвоить и объяснить ихъ по незнакомству его съ исторіей Малороссіи. Указаніе кн. Дабижи (Кіевск. Стар. 1887 г. окт., 212) на другія маестности, кромѣ Ольшаны, принадлежавшія будто бы Лазарю Горленку—невѣрно; это были *урядовыя* села.

а отца моего мачехи, частью тежъ откладаючи до того часу, когда конечный и совершенный подѣлъ всѣмъ сыномъ своимъ, такъ въ первую своюю жоную, въ которую и отца моего сплодилъ, яко тежъ и въ сеею второю сплосженнимъ, мѣлъ учинити, такъ барзо мало въ чимъ отца моего отправилъ (изъ дому послѣ женитьбы), же если-бы не съ тестевщины, яко всѣ Прилучане того добре свѣдоми, то отнюдь и наймизернѣй бы не можно было прожити отцу моему. А понеже, яко же тая безвѣстно надходящая смерть тое намѣреніе ему покойному п. дѣдусеви skutкомъ исполнити не допустила, яко то не въ дому, лечь въ походѣ военномъ и то неестественнѣ, но нужно и безвременнѣ отъ безчеловѣчныхъ збойцовъ пострадавшему, отецъ мой зась покойный любо заразъ скоро по смерти небожника дѣдуса хотѣлъ правне упоминатися у си паней бабусѣ, а своей мачехи, о свою отчизну, якожъ и поѣхалъ былъ уже до Батурина, до права (т. е. въ судъ), однакъ бывшій полковникъ Дмитрій его завернулъ за упрошенемъ подъ такою кондиціею, же сами доброволне, безъ правнихъ алтеркацій, мѣли слуппе, безъ жадной его кривди, подѣлитися отчизною. Однакожъ и тогда не толко подѣлу не чинили, лечь еще ей милость панѣ бабуси розгнѣвавшись на отца моего, и леговаппый уже грунтикъ, т. е. ставокъ зовемій Калишевку, на сторону продала, а отецъ мой послѣднею уже хоровалъ болѣзнію и не могъ болшъ що чинити, бо въ тоей уже болѣзни и временное свое скончить житіе¹⁾.. Далѣе Акимъ Горленко говорить, что такимъ образомъ „бабуся“ со-всѣмъ ничего ему не дала. А „бабуся“ эта умерла въ 1713 г., т. е. тогда, когда вліятельный ея сынъ лишился прежней власти и когда послѣдствомъ „дѣдуса“ безъ труда подѣлились надчерица его Агафья Раковичъ и тотъ же внукъ Акимъ Горленко²⁾. Во

1) Подлинникъ жалобы въ Моск. Румянц. музеѣ, въ числѣ бумагъ Н. А. Маркевича.

2) См. у Де-Пуле, стр. 75, гдѣ эти свѣдѣнія изложены впрочемъ неясно. Здѣсь имѣется свѣдѣніе, что надчерица Лазаря Агафья, добиваясь въ судѣ наслѣдства своего вотчина, утверждала, что это наслѣдство въ дѣйствительности принадлежало ея матери («бабусѣ»

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIX.

1900 г.

І Ю Н Ъ.



К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1900.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 31 мая 1900 года.

ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ В. Я. ГРЕЧУЛЕВИЧА.

(По поводу тридцатилѣтія со дня его смерти).

1 іюня настоящаго года исполняется 30 лѣтъ со дня смерти протоіерея Василя Яковлевича Гречулевича, замѣчательнаго духовнаго дѣятеля подольской епархіи, много и благотворно потрудившагося на поприщахъ общественномъ и литературномъ. Съ грустью приходится замѣтить, что въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ не появилось ни сколько-нибудь полной біографіи его, ни даже просто какихъ-нибудь новыхъ данныхъ о немъ, и тѣмъ болѣе—не дано до сихъ поръ надлежащей оцѣнки его дѣятельности. Въ виду этого, считаемъ не лишнимъ возобновить въ памяти нашихъ читателей хоть нѣкоторыя черты изъ жизни и дѣятельности этого почти забытаго, замѣчательнаго человека, надѣясь на то, не послужить-ли настоящая замѣтка поводомъ для появленія въ печати новыхъ, болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ.

В. Я. Гречулевичъ родился 1791 г. въ с. Игнатовкѣ, Гайсинскаго у. Дѣтскіе годы жизни его въ родительскомъ домѣ почти для насъ неизвѣстны. Родители его были люди небогатые, но это была образцовая священническая семья, религиозная, высоконравственная, проникнутая совнаніемъ религиозно-нравственныхъ народныхъ интересовъ; здѣсь-то, въ колыбели своего дѣтства, В. Я. и получилъ задатки тѣхъ чувствъ и убѣж-

деній, которыя питали его въ теченіе всей послѣдующей его жизни. Десяти лѣтъ В. Я. опредѣленъ былъ въ Шаргородское уѣздное училище, основанное преосвящ. Іоанникіемъ вмѣсто закрытой при Шаргородскомъ монастырѣ базилианской школы, и, по окончаніи этого училища въ 1810 г., поступилъ въ подольскую духовную семинарію, которую и окончилъ въ 1814 г. Какъ лучший изъ воспитанниковъ В. Я. назначенъ былъ тогда же учителемъ латинскаго, славянскаго и русскаго языковъ, географіи, ариометики и рисованія въ Шаргородскомъ отдѣленіи семинаріи, а въ 1817 г., когда семинарія была реформирована и основано было вновь уѣздное училище въ м. Шаргородѣ, онъ опредѣленъ былъ учителемъ Шаргородскаго училища. 1820 г. В. Я. оставляетъ духовно-учебную службу и принимаетъ санъ священника. Съ этого времени начинается новый періодъ самой разнообразной и плодотворной его дѣятельности.

Какъ разъ въ это время скончался преосвящ. Антоній, и такъ какъ подольская кафедра осталась незамѣщенной, то В. Я. долженъ былъ отправиться для рукоположенія въ г. Острогъ, гдѣ въ то время помѣщалась кафедра волынскаго епархіальнаго архіерея; преосвященнымъ волынскимъ Стефаномъ онъ рукоположенъ былъ во священника въ с. Аннополь, Брацлавскаго уѣзда, гдѣ и священствовалъ до самой смерти; ставленную грамоту о. В. Я. получилъ уже отъ вступившаго въ управленіе подольскою епархіею архіепископа Ксенофонта.

Съ первыхъ шаговъ священства В. Я. обращаетъ на себя вниманіе епархіальнаго начальства своимъ практическимъ умомъ и административными способностями. Онъ опредѣленъ былъ сначала присутствующимъ Брацлавскаго духовнаго правленія, а затѣмъ скоро и первоприсутствующимъ, освобожденъ былъ при этомъ отъ подвѣдомственности мѣстному благочинному и непосредственно подчиненъ Консисторіи.

1823 г.,—всего на третій годъ своего священства,—онъ назначенъ былъ благочиннымъ и состоялъ въ этой должности до конца своей жизни. Уважая дарованія В. Я., относясь къ нему съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ, епархіальная

власть возлагала на него очень важныя порученія, требовавшія полного довѣрія со стороны поручавшихъ и большого административнаго такта со стороны исполнителя. Такъ, В. Я. былъ главнымъ дѣятелемъ въ раскрытіи слѣдствіемъ дѣла, надѣлавшаго въ свое время много шума въ Подоліи,—о ереси капитана Савицкаго, ненормальнаго мистика, называвшаго себя Христомъ, Утѣшителемъ, духомъ святымъ, воплощеннымъ на землѣ, и общавшаго своимъ послѣдователямъ устроить на землѣ царство; благодаря участію въ разслѣдованіи этого дѣла мягкой, гуманной личности В. Я., рѣшеніе Сената по этому дѣлу не было слишкомъ строго, что вполне соотвѣтствовало настоящему положенію дѣла. Особенно полезною была дѣятельность Василя Яковлевича во время извѣстнаго польскаго возстанія, когда онъ назначаемъ былъ то слѣдователемъ, то депутатомъ въ слѣдственныхъ комиссіяхъ, относившихся къ этому возстанію, особенно въ дѣлахъ, касавшихся различныхъ столкновеній польскихъ помѣщиковъ съ духовенствомъ. Въ этомъ случаѣ В. Я. очень умѣло распутывалъ всѣ такія дѣла и, склоняя къ снисхожденію однихъ и къ уступкамъ другихъ, мирилъ такимъ образомъ между собою враждующихъ и прекращалъ такъ почти всѣ дѣла. Епархіальная власть высоко цѣнила заслуги В. Я. и осыпала его наградами. Въ 1827 г. онъ получилъ набедренникъ, 1830 г. Высочайше награжденъ скуфьею; 1832 г. произведенъ въ санъ протоіерея; 1838 г. пожалованъ камилавкою, 1843 г. наперснымъ крестомъ, 1849 г.—орденомъ св. Анны 3-й степени, 1855 г.—орденомъ Анны 2-й степени, 1861 г. получилъ корону на тотъ-же орденъ, 1868 г. награжденъ палицею и, наконецъ, 1869 г.—орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Такимъ образомъ, о. Гречулевичъ получилъ всѣ награды, какія только доступны для епархіальнаго блага духовенства,—отъ набедренника до ордена св. Владиміра 3-й степени. Вообще, административную дѣятельность В. Я. епархіальная власть признавала настолько полезною, что онъ оставался въ должности благочиннаго даже и тогда, когда за старостію лѣтъ его на священническое мѣсто въ с. Аннополь назначенъ былъ одинъ изъ сыновей его.

Но не одною своею административною дѣятельностью остался памятнымъ для Подоліи Василій Яковлевичъ. Неся на себѣ много обязанностей по духовно-административной службѣ, отнимавшихъ у него много силъ и времени, о. Гречулевичъ во все время своего долготѣннаго священства образцово исполнялъ и свои чисто-пастырскія обязанности.

С. Аннополь и до настоящаго времени сохранило христiански-гуманное направленіе, какое заложено было покойнымъ, и даже сосѣдніе крестьяне и теперь вспоминаютъ его добрымъ словомъ—черезъ 30 лѣтъ послѣ его смерти. Эти добрыя воспоминанія, живущія въ народѣ, служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ его полезной пастырской дѣятельности и являются лучшимъ вѣнкомъ на его могилу. Но послѣ Васи́лія Яковлевича осталась и болѣе реальная память: въ видѣ литературныхъ трудовъ его. Рѣдкій праздничный или воскресный день проходилъ безъ того, чтобы В. Я. не сказалъ устнаго или письменнаго слова. Обыкновенно поученія свои излагалъ онъ на малорусскомъ языкѣ и „это,—по словамъ некролога покойнаго,—возбуждало въ его прихожанахъ большую внимательность къ слушанію церковной проповѣди“ ¹⁾. Къ сожалѣнію, намъ извѣстны тѣ лишь проповѣди покойнаго, которыя были напечатаны еще при его жизни; всѣ же рукописи о. Васи́лія, оставшіяся послѣ его смерти, взяты были сыномъ его, преосвящ. Виталиемъ, еп. Могилевскимъ, намѣревавшимся, какъ кажется, издать ихъ. Но смерть преосвящ. Виталія, случившаяся въ 1884 г., не дала осуществиться этому благу намѣренію, и мы даже не знаемъ, гдѣ находятся въ настоящее время эти цѣнныя рукописи.

Первыми явились въ печати въ 1849 г. „Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ“. Этотъ первый опытъ литературной проповѣди на малорусскомъ языкѣ обратилъ на себя вниманіе, и „Проповѣди“ быстро расходились; епархіальное начальство рекомендовало выписку ихъ подвѣдомственному духовенству. Въ 1857 г. вышло второе изданіе проповѣдей—въ исправленномъ видѣ, а 1860 г.—начали выходить отдѣльные оттиски проповѣ-

¹⁾ „Подольскіи Епарх. Вѣд.“, 1870 г.

дей по нѣскольку въ каждомъ. Всѣхъ проповѣдей въ сборникѣ—59: на праздники Господніе—12, на воскресные дни—20, на праздники Богородичныя—7, на праздники святыхъ—10 и на случайныя темы—10. Кромѣ того въ 1856 г. напечатаны въ Петербургѣ новыя проповѣди о. Гречулевича: „Бесѣды катехизическія на символъ вѣры и молитву Господню“. Его-же „Бесѣды катехизическія на 9 блаженствъ евангельскихъ“ выдержали два изданія,—послѣднее 1859 г. Въ 1858 г. напечатаны были „Бесѣды о семи спасительныхъ таинствахъ“, а въ 1859 г.—маленькая брошюра „О должностяхъ родителей и дѣтей“.

Какъ видно уже по этимъ заглавіямъ, содержаніе проповѣдей о. Василия Г—ча весьма разнообразно; онѣ обнимаютъ весь катихизисъ и 60 другихъ главнѣйшихъ проповѣдническихъ темъ. Уже одно разнообразіе содержанія и количество проповѣдей вызываютъ глубокое уваженіе къ трудолюбію автора. Знакомство съ внутренними достоинствами этихъ произведеній оставляетъ самое лучшее впечатлѣніе. Нужно было глубоко знать народъ, его дѣхъ и характеръ, нужно было прекрасно владѣть его языкомъ, чтобъ съ такою экспрессіей, кратко, просто и ясно высказать въ понятной для всѣхъ формѣ самую суть въ затронутыхъ вопросахъ православно-христіанской догматики и морали. Излагая трудныя для популярнаго изложенія, высокія религіозныя истины, авторъ часто пользуется чисто-народными выраженіями, которыя искони созданы были самимъ народомъ и живутъ среди него параллельно съ книжными терминами; но больше религіозная терминологія состоитъ здѣсь изъ выраженій славянскихъ, которыя близко срослись съ малорусскимъ языкомъ и вошли въ него, какъ органическая часть его. Въ общемъ языкъ проповѣдей о. Василия Гречулевича—чистый малорусскій съ нѣкоторыми иногда специфическими особенностями Подольскаго говора.

Въ своей литературной дѣятельности о. Василій Гречулевичъ руководился однимъ искреннимъ желаніемъ возможно успѣшнѣе и полнѣе содѣйствовать религіозно-нравственному просвѣщенію своей паствы. Для осуществленія этой высокой

цѣли о. Василій Г—чъ считалъ необходимымъ качествомъ проповѣди—ея народность. „Аще неблагоразумно слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое?—говорить онъ словами ап. Павла.—Аще убо не увѣмъ силы гласа, буду глаголющему иноязычникъ, и глаголющій мнѣ иноязычникъ (1 Кор. XIV. 9. 11)“. И далѣе въ предисловіи къ своимъ „Проповѣдямъ“ о. Гр—чъ подробнѣе развиваетъ общую мысль о возможности уразумѣнія и о вліяніи проповѣди лишь подъ условіемъ понятнаго выраженія ея на родномъ языкѣ. „Истина неоспоримая,—говорить онъ,—что для успѣха проповѣди необходимо, со стороны нашей, говорить народу на языкѣ, для него совершенно понятномъ, близкомъ сердцу, родномъ. И сія-то истина, если гдѣ, то особенно въ Малороссіи, давно-бы уже должна быть приведена въ исполненіе. Но, къ сожалѣнію, доселѣ еще, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ почти не видно опытовъ проповѣди на малороссійскомъ языкѣ. Наши служители слова Божія, получая образованіе въ семинаріяхъ и академіяхъ и привыкая въ нихъ къ литературному русскому языку, не могутъ или не хотятъ въ послѣдствіи времени отвыкнуть отъ усвоеннаго ими способа выраженія; и вотъ иные изъ нихъ проповѣдуютъ народу слово Божіе на языкѣ, если не вовсе для него непонятномъ, то по крайней мѣрѣ весьма мало вразумительномъ, какъ-бы пренебрегая роднымъ языкомъ пасомыхъ,—языкомъ, на которомъ (по исчисленію извѣстнаго народоописателя Шафарика) говорятъ тридцать милліоновъ православныхъ. Оттого-то такіе проповѣдники, почти всегда бывая для своихъ слушателей нѣкоторымъ образомъ „иноязычниками“ (1 Кор. XIV. 11), не приносятъ надлежащей пользы своимъ проповѣдываніемъ“. Указывая затѣмъ причины безуспѣшности проповѣди, о. Г—чъ говоритъ: „считаю не излишнимъ сдѣлать замѣчаніе, что, если иногда сельскіе проповѣдники слова Божія слабо дѣйствуютъ на умы и сердца прихожанъ, то это происходитъ не столько отъ недостатка дара убѣжденія, сколько отъ возрѣнія говорящаго на слушающихъ. Вообще, наши священники имѣютъ о народѣ, среди котораго живутъ, слишкомъ общія, такъ сказать,

книжныя понятія. Самодѣятельная жизнь его, въ значеніи этнографическомъ, составляетъ для нихъ предметъ, посторонній ихъ слушанію. Между тѣмъ, живая рѣчь народа, идущая отъ сердца къ сердцу, ведетъ свое происхожденіе отъ всего, что когда-либо было испытано народомъ въ его прошедшемъ, и образуется по мѣрѣ развитія особеннаго, свойственнаго только извѣстному племени, характера: нравы, обычаи, склонности и самыя заблужденія народа суть прямые выводы изъ его многовѣкового существованія; а все это напечатлѣно въ складѣ его ума, въ его понятіяхъ, чувствахъ и въ способѣ выраженія чувствъ и понятій. Чтобъ говорить убѣдительно съ человѣкомъ, надобно болѣе или менѣе знать человѣка: чтобъ говорить убѣдительно съ народомъ, надобно войти въ духъ его жизни. Попади на ту струну, которая чувствительнѣе прочихъ въ душѣ извѣстнаго племени,—и ты овладѣешь его вниманіемъ. А это дается только тому, кто сроднился со своими слушателями, принявъ близко къ сердцу все, чѣмъ они живутъ, чему радуются и отъ чего страдаютъ. Врачъ не прежде возможетъ уврачевать недугъ болящаго, какъ узнавъ всѣ обстоятельства, которыя произвели этотъ недугъ: какъ-же можно врачевать недуги душевные, не вѣдая, при какихъ обстоятельствахъ они развивались? Для яда нужно противоядіе: а какъ его составить, не изслѣдовавъ свойствъ самаго яда? Все это я клоню къ тому, что, если какой-либо дѣятель на поприщѣ духа человѣческаго, то тѣмъ паче проповѣдникъ слова Божія долженъ содержать въ умѣ нравственный образъ тѣхъ, на кого направлена его дѣятельность“. Указывая въ частности на свою собственную пастырскую дѣятельность, о. Г—чъ замѣчаетъ: „поставленный Господомъ священнодѣйствовать благовѣствованіе Божіе (Рим. IV. 16) въ одномъ изъ сельскихъ приходовъ православной Подольской епархіи, гдѣ малороссійскій языкъ у народа во всеобщемъ употребленіи, я всегда живо сознавалъ приведенную выше истину и, при помощи Божіей, въ теченіе тридцати-шести-лѣтняго моего служенія Церкви Христовой, и въ званіи приходскаго священнослужителя, и въ санѣ первоприсутствующаго

Духовнаго Правленія (Брацлавскаго), а до нынѣ окружнаго Благочиннаго,—вполнѣ убѣдился въ великой пользѣ для нашихъ прихожанъ проповѣданія слова Божія на общепонятномъ для нихъ языкѣ малороссійскомъ. Это возбудило во мнѣ искреннѣйшее желаніе распространить, сколько можно далѣе, испытанную пользу, и я рѣшился изъ многихъ поученій, говоренныхъ мною разновременно, хотя нѣкоторыя привести въ извѣстность посредствомъ печати... Говорю это, какъ человекъ, стремящійся къ указываемой имъ цѣли. Вижу цѣль, жажду ея достигнуть, и, не надѣясь на собственные силы, указываю на нее другимъ. Можетъ быть, другіе, ободренные примѣромъ моего усилія—если не успѣха,—сдѣлаютъ больше моего. Тогда возблагодарю Господа и за самое помышленіе о той пользѣ, которую желалъ я принести моимъ ближнимъ“.

Такъ думалъ этотъ почтенный труженикъ и самъ въ дѣйствительности осуществлялъ то, въ истинности чего глубоко убѣжденъ былъ. Его проповѣди служатъ самымъ лучшимъ свѣдѣтельствомъ искреннихъ стремленій его всѣми силами содѣйствовать религіозно-нравственному просвѣщенію своей паствы. Въ дѣятельности своей неутомимый труженикъ всегда встрѣчалъ дѣйствительную поддержку и даже поощреніе со стороны архипастырей подольскихъ; имъ посвящаль онъ свои проповѣдническіе труды, они-же содѣйствовали распространенію трудовъ его въ епархіи, рекомендуя выписку проповѣдей его духовенству или-же просто разсылая ихъ по приходамъ епархіи.

Полевная дѣятельность о. Василія Яковлевича была весьма продолжительна. Онъ умеръ 80-ти лѣтъ отъ роду, не доживъ всего лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ до 50-лѣтія своего служенія въ священномъ санѣ. Брацлавское духовенство, любившее и уважавшее покойнаго, собиралось торжественно отпраздновать пятидесятилѣтіе его священства. Но 1 іюня 1870 г. исполняя свои служебныя обязанности, о. В. Я. скончался въ с. Демковкѣ отъ старческаго удара. Общее сочувствіе къ покойному самымъ трогательнымъ образомъ выразилось при его погребеніи. По всему пути отъ с. Демковки до Аннополя, на разстояніи пят-

надцати верстѣ, смертныя останки его сопровождаемы были многочисленнымъ духовенствомъ и массами народа изъ окрестныхъ селѣ; широко извѣстенъ былъ въ окрестности о. Гречулевичъ, и вездѣ извѣстіе о его смерти вызывало глубокую, неподдѣльную скорбь. Погребеніе совершилось 3-го іюня; тѣлныя останки покойнаго положены въ фамильномъ склепѣ въ селѣ Аннополѣ.

А. Лотоцкій.



Вторая кіевская гимназія¹⁾

Попечительство Н. И. Пирогова.

1858—1861.

Попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ: онъ долженъ не приказывать, а убѣждать.
Пироговъ.

Знаменитая статья нашего славнаго хирурга „Вопросы жизни“ выдвинула его на педагогическое поприще, и если онъ своими либеральными взглядами на воспитаніе юношества смутилъ нашихъ рутинныхъ охранителей и вынужденъ былъ прежде времени оставить свой постъ, то это только показываетъ, что наше общество еще не дозрѣло тогда для воспріятія идей гениальнаго мыслителя, опередившаго своихъ современниковъ, и что никакія усилія общественнаго дѣятеля, подобнаго Пирогову, не въ состояніи пробить дубовую кору невѣжества и nepотизма: одинъ—въ полѣ не воинъ...

Прибытіе Н. И.—ча въ Кіевѣ ничѣмъ особеннымъ въ лѣтописяхъ кіевского учебнаго округа не ознаменовано. По случаю его пріѣзда не было ни особенныхъ приготовленій къ его встрѣчѣ, ни мундирныхъ представленій новому начальнику. На другой день послѣ пріѣзда онъ представился Генералъ-Губер-

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 4.

натору и болѣе никого не удостоить своимъ посѣщеніемъ. Спустя мѣсяцъ, правитель канцеляріи Губеръ напомнилъ ему, что слѣдовало-бы побывать у митрополита Исидора и, зная хорошо, что для подобныхъ визитовъ Н. И. тяжеленокъ на подъемъ, прибавилъ:

— Сегодня, в. П—во, высокаторжественный день; владыка служить въ Софійскомъ соборѣ, а послѣ обѣдни къ нему обыкновенно заходятъ почетнѣйшія лица съ поздравленіемъ, то и Вамъ будетъ кстати зайти къ нему.

Мотнувъ, въ знакъ согласія, головой, Н. И. релѣлъ подать мундиръ, наскоро облачился и на пѣтушкѣ отправился въ Софійскій соборъ.

По окончаніи молебствія, входитъ Попечитель къ Митрополиту, и едва показался въ дверяхъ пріемной, какъ кн. Васильчиковъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, взялъ его подъ руку и подведя къ Преосвященному, отрекомендовалъ: „извѣстный Пироговъ“!

— А—а, вотъ и кстати,—промолвилъ владыка:—у меня и просьба къ Вамъ есть.

— Позвольте узнать, въ чемъ она заключается?

— У Васъ имѣется вакансія цензора, а у меня есть въ виду достойнѣйшій кандидатъ на эту должность—нѣкто Кулжинскій изъ Нѣжина.

Ни слова не отвѣтивъ на рекомендацію митрополита, Пироговъ посмотрѣлъ на потолокъ, потомъ на висящіе по стѣнамъ портреты архіереевъ, слѣлалъ два шага назадъ, тихонько вышелъ изъ залы, сѣлъ на дрожки и вернулся домой.

Для того чтобы объяснить такое, нѣсколько странное, поведеніе Попечителя, нужно знать, кто такой былъ рекомендуемый кандидатъ. И. Г. Кулжинскій, воспитанникъ Черниговской Семинаріи, пройдя учительскія должности въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ, дослужился до директорства въ Немировской гимназій, затѣмъ, какъ мы уже знаемъ ¹⁾, помѣ-

¹⁾ См. «Кіевская Старина» за 1885 г. Немировская гимназія.

нявшись мѣстами съ инспекторомъ Лицея Зимовскимъ, ушелъ отъ Экеблада въ Тифлисъ и, вышедши по болѣзни въ отставку на всегда поселился въ Нѣжинѣ и занялся на досугѣ писаніемъ разныхъ статей, во вкусѣ редактора „Маякѣ“, обскуранта Бурачка и К°. Въ то время черезъ Нѣжинъ проходилъ московскій почтовый трактъ, по которому постоянно проѣзжали разные именитыя особы—генералы, губернаторы, архіереи. Домикъ Ивана Григорьевича находился вблизи почтовой станціи, и ему всегда давали знать о пріѣздѣ каждаго важнаго сановника; онъ тотчасъ облачался въ мундиръ, нацѣплялъ свою анюшку на шею и спѣшилъ представиться. Скучающая отъ утомительной ѣзды на почтовыхъ особа была не прочь поболтать съ униженно-почтительнымъ и неглупымъ старикомъ, пока подадутъ лошадей—и вотъ завязывалось „знакомство на большой дорогѣ“, которое при случаѣ было очень и очень полезно. Познакомившись такимъ-же манеромъ съ митрополитомъ Исидоромъ, Кулжинскій и попалъ подъ его протекцію. Но Пироговъ зналъ Кулжинскаго отлично по сотрудничеству его въ „Маякѣ“ и на просьбу владыки сдѣлать такого гуся цензоромъ не могъ найтись что сказать и безмолвно удалился. Конечно, такъ рѣзко могъ поступить съ его высокопреосвященствомъ только „известный Пироговъ“.

Еще большимъ оригиналомъ выказалъ себя Н. И—чъ во время пріѣзда въ Кіевъ Министра Народнаго Просвѣщенія Ковалевскаго. Недѣли за двѣ до его прибытія, директоръ 1-й гимназіи Делленъ и правитель канцеляріи Губеръ совѣтовали Попечителю выѣхать на встрѣчу Министру, если не на границу Округа, то хоть въ Нѣжинъ.

— Это зачѣмъ? отвѣтилъ имъ Пироговъ: въ Нѣжинѣ есть директоръ Лицея и гимназіи—онъ и встрѣтитъ его.

Не смущаясь неудачей, непрощенные совѣтники напомнили Н. И—чу о необходимости приготовить для Министра приличное помѣщеніе на время его пребыванія въ Кіевѣ.

— Это зачѣмъ? возразилъ опять Попечитель: въ городѣ есть весьма хорошая гостинница—тамъ онъ и остановится.

Не смотря, однако-жъ, на такой категорическій отказъ, Делленъ, помимо его распоряженія, приготовилъ для Министра квартиру въ зданіи 1-й гимназіи.

Наконецъ утромъ одного дня изъ Нѣжина получена эстафета, что Министръ прибудетъ въ Кіевъ вечеромъ. Пироговъ прочелъ эстафету и нисколько не стѣсняясь, въ 12 часовъ, послѣ доклада, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ ежедневно, отправился верхомъ на дачу, за пять верстъ отъ города по жи- томірскому шоссе, и вернулся оттуда только на другой день утромъ. Но съ представленіемъ къ Министру не спѣшилъ, а тотъ, не дождавшись его, первымъ рѣшилъ нанести ему визитъ. Входитъ Министръ въ переднюю—тамъ, по обыкновенію, никого не было; въ залу—тоже никого нѣтъ; дверь въ кабинетъ полу-отворена—онъ туда—и застаётъ хозяина за бритьемъ. Увидавъ Министра въ зеркалѣ, Н. И. кивнулъ ему головой и, не оборачиваясь, продолжаетъ свое бритье. Министръ, дождавшись конца операціи, любезно поздоровался съ хозяиномъ, который, надѣвши вицмундиръ, повелъ его по гимназіямъ на экзамены по группамъ.

Опять таки не слѣдуетъ забывать, что такъ поступить съ Министромъ могъ только „извѣстный Пироговъ“.

Намъ, людямъ, Николаевскихъ временъ, воспитаннымъ въ правилахъ строжайшаго чинопочитанія и мундирныхъ представленій начальству, показалась непривычной необыкновенная простота обращенія Н. И.—ча съ подчиненными. Кто-бы ни пришелъ къ нему—директоръ-ли гимназіи, профессоръ, учитель или студентъ, онъ былъ неизмѣнно одинаковъ. Въ пріемную къ нему входили безъ доклада: войдешь, бывало, въ переднюю—никого нѣтъ, въ кабинетъ дверь всегда полуоткрыта—тамъ за письменнымъ столомъ сидитъ попечитель и пишетъ. Не дожидаясь приглашенія, войдешь въ кабинетъ, садишься у стола и ждешь минуту-другую, не прерывая нити излагаемыхъ имъ на бумагу мыслей. Окончивъ періодъ, Н. И. кладетъ перо, откидывается на спинку кресла, и посмотрѣвъ на пришедшаго, спроситъ: „ну, что скажете?“

Скажешь, зачѣмъ пришелъ, услышишь нѣсколько словъ, не требующихъ разъясненій и, видя, что онъ берется за перо, встаешь и уходишь. При этомъ Н. И. не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, какъ одѣтъ посѣтитель, въ мундирѣ-ли онъ, или въ простомъ сюртукѣ—для него безразлично. Самъ онъ посѣщалъ гимназіи всегда въ своемъ неизмѣнномъ драповомъ пальто, такъ что едва-ли кому-нибудь изъ учителей пришлось видѣть его хоть разъ, не говорю—въ мундирѣ, но даже въ вицмундирѣ.

Пироговъ терпѣть не могъ никакой торжественности, мишурнаго блеска, выставки. Наши, такъ называемые, торжественные акты, гдѣ обыкновенно публикѣ показывался товаръ лицомъ, при попечительствѣ Пирогова перестали существовать. Всякому, кто удостоивался получить пригласительный билетъ на актъ, памятно эти театральныя представленія, эта выставка произведеній отечественной педагогич., но не вслѣдствіе посѣтителей, я думаю, зналъ, чего стоили актерамъ этой комедіи репетиціи, т. е. приготовленія къ акту. Выбирались пьесы, выбирались и ученики, назначались сочиненія для прочтенія предъ публикой, иногда за цѣлый мѣсяцъ до акта, въ самую, что называется, страдную пору—во время годовичныхъ экзаменовъ. И вотъ назначается генеральная репетиція. Г. директоръ садится за столъ въ торжественномъ залѣ, представляя изъ себя почтеннѣйшую публику. Вводятъ актеровъ, остриженныхъ подъ гребенку и затанутыхъ въ мундиры, съ твердыми, какъ дубъ, воротниками, упирающимися въ подбородокъ. Сперва учатъ, какъ мальчикъ долженъ выходить на середину зала, какъ долженъ кланяться, дѣлать ножкой—это самое главное. Если такого предварительнаго испытанія мальчикъ не выдерживалъ, его не допускали до произнесенія затверженныхъ стиховъ и прогоняли изъ залы съ насмѣшками, хотя-бы онъ былъ первѣйшій декламаторъ. Всѣ эти ненужности при Пироговѣ сдѣлались преданіемъ; мундиры наши были спрятаны и попорчены модью.

Такое пренебреженіе къ мундирной внѣшности и парадной выставкѣ возбуждало сильное негодованіе охранителей старыхъ

порядковъ, и они поставили ему въ счетъ будущихъ инсинуацій, дискредитировавшихъ въ глазахъ правительства реформаторскую дѣятельность Н. И—ча.

Задумавъ произвести въ заведеніяхъ ввѣреннаго ему Округа реформу, первый годъ своего попечительства Пироговъ посвятилъ ознакомленію съ существовавшими въ нихъ порядками, какъ въ отношеніи преподаванія предметовъ, такъ и въ отношеніи дисциплины. Особеннымъ вниманіемъ Попечителя при посѣщеніи гимназій пользовался латинскій языкъ и законъ Божій. Придавая изученію древнихъ языковъ весьма важное значеніе, какъ предмету, наравнѣ съ математикой, развивающему способности учащагося, онъ старался улучшить приемы преподаванія его въ гимназіяхъ. У нашего классика былъ такой приемъ: вызвавъ ученика на средину класса, онъ занимался исключительно имъ однимъ, оставляя безъ вниманія весь классъ, при чемъ, наводя его на уразумѣніе смысла переводимаго отрывка, онъ не всегда вѣрно могъ оцѣнить степень его знанія, давая ему возможность скрыть свое невѣжество. Н. И—чъ старался отучить преподавателей отъ такихъ застарѣлыхъ привычекъ, настаивая на томъ, чтобы вниманіе *всего* класса не прерывалось ни на минуту въ продолженіе урока, чтобы учитель поддерживалъ это вниманіе, задавая имъ какъ можно чаще бѣглыя вопросы и заставляя ихъ повторять дѣлаемые объясненія правилъ. Самъ попечитель, для примѣра преподавателю, дѣлалъ это очень ловко. Разъ, помнится мнѣ, онъ засталъ на латинскомъ урокъ ученика подлѣ кафедры, переводившаго отрывокъ изъ Цицерона *De officiis*. Н. И. по обыкновенію сѣлъ на первой скамьѣ и сталъ слушать. Учитель, стоя подлѣ ученика, постоянно поправлялъ его и наводилъ; попечитель нѣсколько разъ дѣлалъ ему замѣчаніе не мѣшать отвѣчающему, предоставивъ ему самому добиваться смысла, но учитель не унимался. Все это не могло остаться безъ вниманія на служебную карьеру почтеннаго классика. Какъ только исполнилось 30 лѣтъ его службы, Пироговъ отказалъ ему въ просимомъ пятилѣтіи.

— Довольно съ васъ, сказалъ онъ ему: ваши лѣта требуютъ отдыха. Нужно дать мѣсто молодымъ.

Законъ Божій, въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго курса, поставленъ въ положеніе исключительное: въ то время, когда всѣ другіе предметы служатъ къ обогащенію знаніями и къ развитію умственныхъ способностей учащихся, законъ Божій преимущественно долженъ вліять на нравственную сторону, дѣйствуя на сердце, направляя волю къ добру. Между тѣмъ Пироговъ, объѣхавъ половину округа и побывавъ на урокахъ законоучителей, вынесъ самое невыгодное мнѣніе о ихъ преподаваніи: у нихъ законъ Божій, даже болѣе чѣмъ нѣкоторые другіе предметы сдѣлался достояніемъ одной памяти, одного механическаго заучиванья текстовъ, часто безъ пониманія ихъ смысла. Н. И. конечно не скрывалъ своего недовольства и иногда высказывалъ его публично. Отцы вломились въ амбицію и ивъ-подъ руки стали взводить на Пирогова обвиненіе въ индифферентизмъ къ религіи вообще, что-де весьма вредно вліяетъ на учащихся, что онъ, порицая законоучителей за небрежное отношеніе къ ихъ обязанностямъ, унижаетъ достоинство самого закона Божія. Предсмертная исповѣдь нашего великаго хирурга да послужить имъ уликой въ такомъ недобросовѣстномъ обвиненіи.

Что касается преподаванія закона Божія во 2-й гимназіи, то у насъ, по выходѣ въ отставку о. Ѳедора, ¹⁾ былъ выдающійся законоучитель, покойный Петръ Г вриловичъ Лебединцевъ, впоследствии каедральный протоіерей Софійскаго собора, который, повидимому, удовлетворилъ требованіямъ Пирогова. Помнится, Н. И. былъ у него на урокъ въ IV классѣ. Прекративъ спрашиваніе заданнаго, о. Петръ началъ объяснять новый урокъ. Это была настоящая лекція, продолжавшаяся почти до звонка. Окончивъ чтеніе, онъ потребовалъ отъ одного ученика повторить свои объясненія. Понятно, что тотъ не могъ этого сдѣлать.

— Не можете? Я отъ васъ этого и не требую. Если только вы сказанное мной усвоили сердцемъ, то для меня этого довольно.

¹⁾ Мысловскаго.

Задумавъ реформу существовавшихъ въ гимназiи правилъ о проступкахъ и наказанiяхъ воспитанниковъ, Н. И. при посѣщенiи гимназiи просматривалъ съ большимъ вниманiемъ штрафной журналъ за нѣсколько лѣтъ и нашелъ въ немъ довольно несообразностей относительно несоотвѣтствiя наказанiй съ проступками. Затѣмъ потребовалъ вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ. Способъ опредѣлять разныя степени знанiя посредствомъ пятибалльных отмѣтокъ, существующій и нынѣ во всѣхъ учебныхъ заведенiяхъ министерства народнаго просвѣщенiя, не удовлетворялъ требованiямъ Пирогова: онъ считалъ его нерациональнымъ и даже вреднымъ.

Высказанный имъ при этомъ взглядъ подробнѣе формулированъ въ статьѣ „Школа и Жизнь“.

„При отвѣтахъ испытываемаго, говорится тамъ, слѣдуетъ опредѣлять не *maximum*, а известное *minimum* свѣдѣній. Maximum свѣдѣній—безиредѣльно и бесконечно. Какъ ни разнообразьте вы ваши отмѣтки, какъ ни распределяйте число балловъ, вы никогда не обозначите всѣхъ степеней свѣдѣній. Вы никогда ни отъ кого не получите отчетливаго отвѣта на общій вопросъ: какъ велики свѣдѣнія такого-то въ той или другой наукѣ? Но поставьте вопросъ точнѣе и спросите: имѣетъ-ли такой-то достаточно знанiй, чтобы достигнуть той или другой цѣли въ какой-либо наукѣ? И вамъ можно будетъ отвѣчать положительно: *да* или *нѣтъ*. И только эти два слова должны быть отвѣтомъ экзаменатора на опредѣленіе вопроса о *minimum* свѣдѣній для перевода ученика въ высшій классъ“.

На основанiи такого правила, принявъ кромѣ того во вниманіе потерю времени на продолжительность испытанiй, годовичные экзамены при Пироговѣ производились одновременно по всѣмъ предметамъ и въ каждомъ классѣ оканчивались въ одинъ день, значить, продолжались въ семи классахъ вмѣсто пяти недѣль всего 7 дней.

Дѣлалось это такимъ образомъ.

Ученики даннаго класса, по количеству преподаваемыхъ въ немъ предметовъ, дѣлились на группы. Въ залѣ ставилось

столько столовъ, сколько было группъ, а за каждымъ столомъ возсѣдали преподаватель и ассистентъ. Когда инспекторъ оканчивалъ подобное размѣщеніе, по данному имъ знаку всѣ преподаватели одновременно начинали экзаменовать. Въ залѣ начиналось вавилонское смѣшеніе языковъ. Группы кругообразно переходили отъ одного стола къ другому, и впродолженіе какихъ-нибудь пяти-шести часовъ испытаніе по всѣмъ предметамъ оканчивалось. Разумѣется, что при оцѣнкѣ познаній ученика экзаменаторы руководились главнымъ образомъ годовичными отмѣтками, которыхъ полагалось только двѣ: 3—удовлетворительно, 2—неудовлетворительно—*да* или *нѣтъ*. Отличнѣйшіе по успѣхамъ ученики, по усмотрѣнію комитета, освобождались отъ экзамена. Директору и инспектору при экзаменахъ предоставлялся контроль; они подходили то къ одному, то къ другому столу, слѣдя за порядкомъ испытаній.

Извѣстно, что большинство нашихъ воспитанниковъ, не только среднихъ, но и высшихъ учебныхъ заведеній, учатся ради полученія хорошихъ отмѣтокъ, а наши педагоги еще болѣе способствовали гоньбѣ учениковъ за пятерками. Такъ напр., учитель математики Байеръ, восхищенный бойкимъ отвѣтомъ воспитанника, вынетъ изъ кармана свой „списочекъ“ и велитъ ему „по этой самой причинѣ“ собственноручно поставить отмѣтку 5 съ двумя крестами. Отмѣна пятибалльной системы главнымъ образомъ должна была способствовать къ искорененію этого зла.

Но еще большій вредъ приносило и приносить умственному развитію учащихся механическое заучиваніе задаваемыхъ уроковъ, зубреніе учебниковъ, обогащающее одну лишь память ко вреду другихъ способностей. Противъ этого вѣками вкоренившася способа ученія Пироговъ не переставалъ проповѣдывать какъ между преподавателями, такъ и между учениками, настаивая на необходимости *самостоятельнаго* труда. Съ этою цѣлію и были заведены *литературныя бесѣды*. Упражненія въ литературныхъ занятіяхъ по всѣмъ преподаваемымъ въ гимназій наукамъ должно было служить цѣлію этихъ бесѣдъ. Всякое

проявленіе самостоятельнаго труда участника въ литературныхъ бесѣдахъ должно быть дорого для руководителей бесѣды, возбуждая въ нихъ надежду, что университетъ получитъ ученика, уже хорошо ознакомившагося съ тѣмъ родомъ научныхъ работъ, который ему предстоитъ въ университетѣ, хорошо подготовленнаго къ университетскимъ занятіямъ и уяснившего себѣ цѣль и значеніе умнаго ученія. При этомъ наставникамъ было предложено указать учащимся на такіе предметы, которые-бы имъ были по силамъ.

На эти бесѣды разъ въ недѣлю собирались ученики VI и VII кл. обѣихъ гимназій. Ученикъ 1-й гимназіи приносилъ сочиненіе, а ученикъ 2-й гимназіи къ слѣдующему собранію писалъ на это сочиненіе критику, и тутъ между ними происходилъ диспутъ, который тутъ-же и записывался скорописцами. На критику иногда писалась антикритика и т. д.

Бесѣды происходили въ залѣ 1-й гимназіи, въ присутствіи гимназическаго начальства и преподавателей, подъ предсѣдательствомъ попечителя. Вмѣшиваться въ диспутъ двухъ соперниковъ никому не дозволялось. Только въ крайнемъ случаѣ, когда споръ заходилъ слишкомъ далеко и диспутанты не знали сами, какъ имъ выпутаться изъ сѣтей, въ которыхъ они сами себя запутали—ихъ останавливалъ Н. И. и вводилъ на настоящую дорогу.

На первыя бесѣды, сколько я помню, были представлены сочиненія: воспитанниками 1-й гимназіи Овсѣнкомъ, Забугинымъ и Лашкевичемъ, 2-й гимназіи—Дикимъ, Цвѣтковскимъ и Бутовичемъ. Сочиненія этихъ учениковъ, согласно правиламъ, были написаны по совѣщаніи съ преподавателями, но авторы слѣдовавшихъ за ними сочиненій перестали согласоваться съ установленными попечителемъ правилами. Выборъ темъ сталъ своеволенъ и безразличенъ: такъ, воспитанникъ 2-й гимназіи Н—нъ дерзнулъ преподнести почтенному собранію теорію Духинскаго, доказывая, что русскіе—не славяне, а туранцы, истинные-же славяне поляки, которымъ и подобаетъ господствовать надъ всѣми прочими славянскими народностями, для чего

необходимо возвратить Польшѣ ея прежнее могущество, расширивъ ее до границъ 1772 года. Замѣчательно, что подъ давленіемъ начинавшагося тогда польскаго террора, ни въ 1-ой, ни во 2-ой гимназій не нашлось ни одного критика на это сочиненіе: въ то время начались уже революціонныя манифестаціи въ Варшавѣ, а вслѣдъ за Варшавой повторились во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Юго-Западнаго края безпрепятственно.

Ученикъ 2-й гимназій Шульцъ прочелъ сочиненіе о куреніи табака, причемъ, не стѣсняясь, порицалъ тутъ-же сидѣвшее начальство, которое не стыдилось взыскивать за такіе пустяки.

Въ силу ложно понятаго значенія самостоятельнаго труда, воспитанники высшихъ классовъ, пренебрегая сухими учебниками, „съ ученымъ видомъ знатока“ стали штудировать серьезныя сочиненія, не вполнѣ доступныя ихъ пониманію, такъ напр. по словесности—Шерра, по исторіи—Бокля и т. п., и если учитель математики спроситъ урокъ у кого-нибудь изъ этихъ самостоятельныхъ ученыхъ, то ему отвѣтятъ: „я спеціально занимаюсь словесностью или исторіей“.

Не смотря, однако-жъ, на такія, вовсе нежелательныя явленія, нельзя сказать, чтобы литературныя бесѣды совершенно не достигали своей цѣли. По словамъ самого учредителя ихъ, „многіе изъ участвовавшихъ въ бесѣдахъ доказали явное научное стремленіе и любовь къ занятіямъ и дарованіе“. Н. И. не терялъ надежды улучшить это въ высокой степени полезное учрежденіе, которое послужитъ средствомъ къ развитію самостоятельной дѣятельности учащихся. Но этотъ самостоятельный трудъ никому сразу не дается; въ немъ нужно испробовать свои силы съ чрезвычайной постепенностью.

Для лицъ, желающихъ получить должность учителя по избранному предмету, установлены были, такъ называемые, *конкурсы*, состоявшіе въ слѣдующемъ:

Въ одной изъ гимназій конкуренту назначался пробный урокъ. Для того чтобы не прерывать хода преподаванія, урокъ

этотъ обыкновенно служилъ продолженіемъ того, на чемъ оставился преподаватель. Конкурсному уроку предшествовалъ краткій colloquium, долженствовавшій обнаружить въ будущемъ учителѣ степень его знакомства съ избраннымъ имъ предметомъ. Затѣмъ пробный урокъ происходилъ въ присутствіи попечителя, или чаще всего его помощника—І. Г. Михневича, директора и въ рѣдкихъ случаяхъ профессора педагогіи. На этомъ урокѣ конкурентъ обязанъ былъ выказать умѣнье обращаться съ классомъ и обнаруживать болѣе или менѣе искусные приемы въ преподаваніи. Покончивъ всю эту процедуру, члены комитета совѣщались между собой и составляли протоколъ о замѣченныхъ ими достоинствахъ и недостаткахъ конкурента, рѣшавшій его участь.

По закрытіи въ 1858 г. института казеннокоштныхъ студентовъ, доставлявшаго гимназіямъ Кіевского учебнаго округа потребный контингентъ преподавателей, учреждены были, по мысли Пирогова, *Педагогическіе курсы*, которые, однако-жъ, ни въ какомъ отношеніи не замѣнили прежняго способа приготовленія студентовъ къ учительскому званію. Такъ называемыхъ кандидатовъ-педагоговъ бывало на курсахъ всего два-три человѣка, а руководителей-профессоровъ и учителей по разнымъ предметамъ гимназическаго курса, получавшихъ солидное вознагражденіе за чисто фиктивные труды, человекъ 15—20; да и тѣ немногіе кандидаты, такъ дорого стоившіе казнѣ, весьма неохотно шли въ учителя, уходя въ другія вѣдомства, безъ возврата ватраченныхъ на нихъ денегъ. Такое-же фіаско потерпѣли педагогическіе курсы и въ Петербургѣ, какъ свидѣтельствуешь о томъ дневникъ проф. Никитенка.

Концѣ 50-хъ годовъ нашего столѣтія суждено было, по инициативѣ Пирогова, разрѣшить великіе „вопросы жизни“ возрожденнаго послѣ долгаго сна общества. Сколько было въ эти годы высказано въ нашей литературѣ благородныхъ убѣжденій! Какая широта взглядовъ на народное образованіе! Какая обширная программа для дѣятельности нашихъ педагоговъ! Всякій спѣшилъ придумать что-нибудь новое, заявить о своей про-

грессивныхъ стремленіяхъ, побранить рутину. Это памятное для насъ время по преимуществу можетъ быть названо эпохой проектовъ, мнѣній, начинаній, улучшеній ¹⁾. И всю эту новую теорію воспитанія выпало на долю нашимъ педагогамъ прилагать къ дѣлу. Авторы разныхъ проектовъ большею частію заботились о томъ, чтобы у нихъ красиво и гладко выходило на бумагѣ, не думая о томъ, насколько примѣнимы въ условіяхъ русской жизни ихъ воззрѣнія. Какъ ни глубокомысленны были ихъ теоретическія соображенія, но они не могли иначе войти въ жизнь, какъ путемъ долговременнаго опыта; кромѣ того, для этого требовались энергическіе, чуждые утопій и увлеченій практики, которые сѣмѣли-бы осуществить задуманныя реформы, не насилуя дѣйствительности, а припоравливаясь къ потребностямъ общества, чтобы задуманное было такъ-же хорошо на дѣлѣ, какъ оно у нихъ выходитъ на бумагѣ, а не казалось-бы только такимъ.

Преподавателямъ средне-учебныхъ заведеній Кіевского учебнаго округа до попечительства Пирогова, при всемъ ихъ желаніи участвовать въ обсужденіи разныхъ педагогическихъ вопросовъ, за отсутствіемъ ученаго органа, не было возможности высказаться. Циркуляръ по Управленію Округомъ служилъ лишь офіціалнымъ органомъ попечительской канцеляріи и заключалъ въ себѣ свѣдѣнія о производствахъ въ чины, о перемѣщеніяхъ, назначеніяхъ и наградахъ служащихъ; при Пироговѣ-же этотъ циркуляръ сдѣлался журналомъ педагогическимъ. Въ неофіціалномъ отдѣлѣ его стали помѣщаться мнѣнія учителей гимназій о преподаваніи предметовъ гимназическаго курса. Мѣра въ высокой степени полезная; ибо, какъ говорятъ французы, *du choc des opinions éclaie la verité*.

Редакція педагогическаго отдѣла была возложена на помощника попечителя І. Г. Михневича.

¹⁾ По своеобразному мнѣнію уч. Богатинова (Р. Архивъ 99 г.) это была пора, когда все подвинулось къ чему-то, оторвалось отъ стараго порядка, понеслось безтолково, кувыркаясь, плюя на прошлое. Въ землѣ Русской начинался хаосъ...

Къ сожалѣнію, между нашими педагогами нашлись господа, которые посредствомъ этихъ мнѣній задумали сдѣлать себѣ карьеру—проложить путь къ повышенію по службѣ. Пользуясь довѣрчивостью попечителя, который не всегда могъ провѣрить на дѣлѣ излагаемый ими способъ преподаванія, объ успѣшности коего они разглагольствовали на бумагѣ, эти проныры стали лгать безсовѣстнымъ образомъ. Таковы, напр., мнѣнія о преподаваніи русскаго языка Мануйловича—лѣнивѣйшаго изъ преподавателей Новгородъ-Сѣверской гимназіи—и учителя Каменецъ-Подольской—Рѣдчида, ¹⁾ пожалованнаго за мнѣніе въ инспекторы. Хорошо былъ въ этомъ отношеніи и Бѣлоцерковскій словесникъ. Нужно было знать этихъ людей, какими они были на дѣлѣ, чтобы отнестись съ полнѣйшимъ недовѣріемъ къ ихъ пышнымъ фразамъ, а между тѣмъ ихъ „мнѣнія“ стали образцомъ для руководства многихъ скромныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, которымъ попечитель при случаѣ не переставалъ рекомендовать ихъ.

Учитель Русскаго и Славянскаго языка 2-й гимназіи Омеляненко, едва вступилъ въ должность послѣ отставки Березницкаго, не искушенный опытомъ, не овладѣвъ вполне своимъ предметомъ, также помѣстилъ въ Циркулярѣ мнѣніе о преподаваніи да не одного русскаго языка, но и словесности, которой ему не довелось преподавать вовсе. Не соглашаясь съ его мнѣніемъ, я не могъ оставить его безъ возраженія, самъ преподавая русскій языкъ и словесность въ продолженіе 13 лѣтъ.

Важнѣйшею реформой Н. И. Пирогова, навлекшею на него наиболѣе нареканій со стороны охранителей старыхъ порядковъ, было, безъ сомнѣнія, введеніе „*Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ*“. Руководящимъ мотивомъ этого ново-

¹⁾ Этотъ педагогъ, не совѣстясь, между прочимъ написалъ, что ученики до того увлекаются его преподаваніемъ, что «когда досадный звонокъ» возвѣститъ объ окончаніи урока, то они горько плачутъ.

введенія была завѣтная мысль Н. И—ча уничтожить произволъ и самодурство начальниковъ средне-учебныхъ заведеній. Приглядѣвшись къ существовавшимъ взысканіямъ, онъ нашель, что не только въ разныхъ дирекціяхъ существуютъ различныя наказанія за одинъ и тотъ-же проступокъ, но одно и то-же наказаніе употребляется съ разною цѣлію. Объединеніе такихъ дѣйствій было необходимо.

Не смотря, однако-жъ, на полнѣйшее отсутствіе твердыхъ началъ въ системѣ нашего воспитанія, въ педагогической практикѣ дореформеннаго періода не переставалъ существовать извѣстный кодексъ правилъ и инструкцій для руководства педагоговъ. Всѣ эти инструкціи главнымъ образомъ направлены были къ тому, чтобы индивидуальныя свойства учащихся подвести подъ одинъ общій уровень, чтобы это безконечное разнообразіе темпераментовъ, наклонностей, особенностей ума и воли обобщить, нивелировать, привести, такъ сказать, къ одному знаменателю. Такое *куртовое* воспитаніе, конечно, весьма облегчало тяжелый трудъ педагоговъ-воспитателей при ихъ, по большей части, формальномъ отношеніи къ дѣлу, избавляя ихъ отъ обязанности *индивидуализировать* дѣтей, безъ чего наше общественное воспитаніе лишено было жизненности, цѣлесообразности и обращалось въ какую-то однообразную, уродливую схоластическую команду, какъ будто мы имѣли дѣло не съ разумными существами, а съ машинами. Невозможность вникать въ натуру каждаго воспитанника въ многолюдныхъ гимназіяхъ нарушило и тѣ сердечныя патріархальныя отношенія воспитателя къ воспитанникамъ, которыя составляютъ отличительную черту домашняго воспитанія—родительскаго. Патріархальныя отношенія, особенно въ нашихъ Юго-Западныхъ гимназіяхъ, не мыслимы, да и вообще они сдѣлались миеомъ. Въ нашихъ заведеніяхъ господствуетъ другое начало—*административное*; изъ этого начала Н. И—чъ старался извлечь все, что есть въ немъ хорошаго, а хорошее въ этомъ началѣ онъ находилъ то, что оно, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ содѣйствовать въ развитію въ дѣтяхъ чувства законности. Главнымъ-же средствомъ

къ развитію этого чувства онъ считалъ составленіе точныхъ, положительныхъ и одинаковыхъ для всѣхъ дирекцій правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ.

Чувство законности, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ столько не нужно, какъ у насъ въ Россіи... Многочисленный сводъ законовъ, долженствовавшій ограждать личность каждаго граждаина отъ насилій и произвола, лежалъ въ бездѣйствіи, какъ въ раззолоченныхъ шкафахъ разныхъ департаментовъ, такъ и въ грязныхъ вмѣстилищахъ уѣздныхъ судовъ и полицій, хотя нашъ многострадальный народъ, терпя беззаконіе, не переставалъ питать уваженіе къ закону, повторяя свое изреченіе: „Законы святы, да исполнители—лихіе супостаты“.

Только съ возшествіемъ на престолъ Царя-Освободителя, въ зараженной рабствомъ атмосферѣ почуялось новое дыханіе жизни; народъ сталъ ждать облегченія своей участи, и никогда это ожиданіе не было такъ увѣренно, какъ въ концѣ 50-хъ годовъ, съ которыми знаменательно совпали немногіе годы попечительства Пирогова, избавившаго дѣтей отъ произвола воспитателей введеніемъ въ гимназіяхъ кодекса правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ, до введенія коихъ наша учащая молодежь находилась въ крѣпостномъ состояніи у своихъ воспитателей: повсюду были страшныя истязанія дѣтей—въ училищахъ духовныхъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ среднихъ и низшихъ, какъ гражданскаго, такъ и военнаго вѣдомства...

Упраздненіе розги въ Киевскомъ учебномъ Округѣ аналогично съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія: какъ состояніе душевладѣльцевъ въ лицѣ своихъ представителей—Муравьевыхъ, Закревскихъ и Паниныхъ пророчило бунты, рѣзню и революцію, такъ и наши доморощенные педагоги съ унитчоженіемъ розги предсказывали совершенную деморализацію воспитанниковъ, утверждая, что только розгой и держится дисциплина въ заведеніяхъ; но какъ тѣ, такъ и другіе жестоко ошиблись въ своихъ пророчествахъ.

Задумавъ благотѣльную реформу во внутреннемъ строѣ гимназій Киевскаго учебнаго Округа, Н. И—чъ предварительно

затребувавъ отъ директоровъ статистическія свѣдѣнія о числѣ тѣлесныхъ наказаній за 1858 годъ. Что-бы это значило?—недоумѣвали директора и безсовѣстно стали лгать, уменьшивъ количество высѣченныхъ воспитанниковъ до минимума. Только болѣе храбрые и недогадливые дали свѣдѣнія, согласныя съ дѣйствительностію. Жаль, что попечитель потребовалъ свѣдѣнія за годъ своего управленія Округомъ, когда, подъ вліяніемъ гуманнхъ взглядовъ его, наказанія розгами значительно уменьшились; если-бы онъ пожелалъ имѣть свѣдѣнія за нѣсколько лѣтъ до своего прибытія, то увидалъ-бы не то: одни субботки Николая Михайловича Гренкова доставили-бы ужасающую цифру избіенныхъ младенцевъ, которая превзошла-бы сообщенную волынскимъ директоромъ Китченкомъ (280 человекъ) за 1858-й годъ.

Запасшись матеріалами, Пироговъ составилъ комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Членами комитета были: помощникъ его, Михневичъ, два директора, два инспектора кіевскихъ гимназій, инспектора казенныхъ училищъ, профессора университета: исторіи—Шульгинъ и педагогики—Гогоцкій, и два учителя. Засѣданія комитета длились болѣе трехъ недѣль. Съ перваго же засѣданія не трудно было замѣтить, что нашъ предсѣдатель склоняется къ безусловному упраздненію розги. Опонировали ему больше всѣхъ оба директора: Гренковъ и Делленъ (профессоръ!); послѣдній написалъ дѣлую апологію розгѣ, состоявшую изъ 40 пунктовъ, въ доказательство ея необходимости въ гимназіяхъ, ссылаясь между прочимъ на примѣръ Англіи. На это Н. И. возразилъ ему: „тамъ, гдѣ чувство законности глубоко вкоренилось и проникло всѣ слои общества, тамъ самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны; а тамъ (какъ у насъ), гдѣ нужно сначала распространить это чувство, розга не годится. Но у насъ еще нельзя вывести розгу вовсе изъ употребленія: пока дѣтей сѣкутъ дома, трудно придумать что-нибудь другое для наказанія. А если при существующихъ узаконеніяхъ, вывести ее комитетъ не въ правѣ, то слѣдуетъ употребить этого рода наказаніе съ крайнею осторожностію“.

Когда наконецъ послѣ продолжительныхъ дебатовъ, порѣшили допустить розгу только по опредѣленію педагогическаго совѣта большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ, то ярый защитникъ тѣлесныхъ наказаній Николай Михайловичъ Гренковъ, скорчивъ пресмѣшную мину, обратился къ предсѣдателю съ просьбой;

— В. П.—во! позвольте директору безъ опредѣленія педагогическаго совѣта, иногда, хоть маленькихъ посѣчь немножко!

Извѣстный журнальный критикъ Добролюбовъ, съ такимъ восторгомъ привѣтствовавшій появленіе знаменитой статьи Пирогова „Вопросы жизни“, предалъ Н. И.—ча гласному осужденію за сохраненіе розги въ учебныхъ заведеніяхъ вѣреннаго ему Округа; но едва ли онъ былъ правъ, потому что и то, что успѣлъ сдѣлать предсѣдатель Комитета для облегченія участи дѣтей, при существовавшихъ тогда жестокихъ истязаніяхъ и въ семьяхъ, и въ школахъ, было великимъ для нихъ благодѣяніемъ; при томъ же вопросъ о томъ, быть или не быть розгѣ въ училищахъ, рѣшенъ условно не имъ самимъ, а по большинству голосовъ, коллегіально. Ограничивъ произволъ директоровъ педагогическимъ совѣтомъ, онъ уже тѣмъ самымъ сдѣлалъ розгу наказніемъ исключительнымъ.

Предписавъ дирекціямъ ввести въ употребленіе составленные комитетомъ „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ“, Пироговъ предложилъ воспитателямъ слѣдить за примѣненіемъ ихъ на дѣлѣ и докладывать ему о неудобствахъ и недостаткахъ.

„Прошу всѣхъ и каждаго воспитателя, по введеніи въ дѣйствіе „Правилъ“, сообщать мнѣ замѣченные недостатки и указать придуманные каждымъ изъ нихъ исправленія“.

Значить, Пироговъ не считалъ введенныхъ въ гимназіяхъ „Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ“ совершенствомъ, такъ какъ на опытѣ могли обнаружиться проступки, непредусмотрѣнные комитетомъ, уладокъ же дисциплины въ заведеніяхъ не основательно приписывать введенію этихъ правилъ, какъ думаетъ ненавистникъ нововведеній Богатиновъ.¹⁾ Самъ же онъ сознается,

¹⁾ Сч. Русскій Архивъ 1899 годъ № 8-й.

что дисциплина (относительно 1-й гимназіи) упала отъ другихъ причинъ.

„Директоръ Делленъ, прекраснѣйшій и добрѣйшій человекъ (такіе люди всегда бываютъ плохими администраторами) былъ слишкомъ мягокъ, слишкомъ нѣженъ, чтобы поддержать авторитетъ власти; а инспекторъ Дабижа, также прекраснѣйшій и добрѣйшій человекъ, былъ слишкомъ высокъ по своему княжескому положенію, слишкомъ аристократъ, чтобы унижаться до мелочей школьной обыденности и заниматься самоотверженно. Но онъ скоро получилъ другое назначеніе. На мѣсто его Пироговъ выписалъ изъ Чернигова Андріяшева: получивъ его правила о поступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, онъ узрѣлъ въ немъ призваннаго педагога, но при немъ дисциплина окончательно упала. Нельзя было узнать первой, образцовой по порядку, гимназіи“.

Какъ-бы въ подтвержденіе того, что сказано здѣсь о несостоятельности инспекціи въ 1-й гимназіи, воспитанники пансіона, помѣщавшагося надъ попечительской квартирой (гдѣ теперь канцелярія), учинили крупный дебошъ, взволновавшій попечителя и ускорившій перемѣщеніе Дабижи въ Одесскій округъ.

Въ одно изъ засѣданій комитета, когда всѣ члены были уже въ сборѣ, входитъ предсѣдатель и спрашиваетъ: „Дабижа здѣсь?“ Нѣтъ, еще не пришелъ, былъ отвѣтъ. Не садясь за столъ, Н. И. мрачный и взволнованный, какимъ никго его пзъ насъ до того не видалъ, сталъ ходить насупившись по залѣ, а мы всѣ стояли у стола. Входитъ Дабижа.

— Что у васъ тамъ въ пансіонѣ случилось?—обратился къ нему попечитель.

— Ничего особеннаго, в. п—во.

— Какъ ничего?

— По крайней мѣрѣ въ подавномъ мнѣ дежурнымъ воспитателемъ рапортѣ ничего не было доложено.

— Вамъ нужны рапорты? Вы сами не можете зайти въ пансіонъ? Вамъ нужны доклады? Вы обязаны знать первымъ, что дѣлается въ пансіонѣ!

Согласно вышесказанному распоряженію попечителя, по введеніи правилъ, мною замѣнены и доложены слѣдующія неудобства:

1) Наказаніе за незнаніе урока розгами, по Пироговскому кодексу, замѣнилось арестомъ съ обязательной работой; но въ практическомъ примѣненіи этого правила наказаніе падало не на лѣвтяя ученика, а на инспектора, который долженъ былъ сидѣть подъ арестомъ вмѣстѣ съ учениками, пока они не вы зубрятъ свой урокъ. Вслѣдствіе моего заявленія о непримѣнности этого правила въ заведеніи съ 700 воспитанниковъ, гдѣ ежедневно по разнымъ предметамъ оставлялись подъ арестомъ около 30 человекъ, Попечитель самолично захотѣлъ провѣрить справедливость его заявленія. Пришелъ онъ въ гимназію около 2-хъ часовъ и, отпустивъ меня обѣдать, просидѣлъ съ арестованными до 7 часовъ вечера. Убѣдившись такимъ образомъ на дѣлѣ о неудобствахъ § Правилъ объ арестѣ съ обязательной работой, разрѣшилъ, по моему представленію, пригласить трехъ студентовъ, которые за обѣдъ въ общей квартирѣ и по 10 руб. въ мѣсяцъ обязались сидѣть съ учениками до вечера и выслушивать ихъ уроки.

2) *Судъ товарищей* способствовалъ къ развитію общественнаго мнѣнія между воспитанниками. Случалось нерѣдко, что ученики цѣлымъ классомъ выдавали виновнаго, сдѣлавшаго проступокъ, предосудительный для чести цѣлаго класса. Но судъ выборныхъ не всегда былъ удаченъ и безпристрастенъ. Было два случая: въ первомъ, ученики VII класса вытолкали изъ комнаты для занятій общей квартиры ученика V-го класса за то, что онъ не шелъ спать и сидѣлъ безъ позволенія инспектора до 10 часовъ, тогда какъ этимъ правомъ пользовались только семиклассники, при чемъ одинъ ученикъ VII класса ударилъ ученика V класса и назвалъ его товарищей дураками. Оскорбленный, на другой день далъ пощечину оскорбившему его. Судъ выборныхъ былъ помѣщенъ мною въ особой комнатѣ. Такъ какъ въ разбирательство дѣла инспекторъ вмѣшиваться не долженъ, то, заперши выборныхъ на ключъ, я ушелъ на квартиру. Черезъ два часа я

навѣстилъ ихъ, но дебаты судившихся не привели ни къ какому рѣшенію, и я опять ушелъ. Было уже 7^{1/2} часовъ, когда судьи, не видя конца спорамъ, томимые голодомъ, приступили ко мнѣ съ просьбой рѣшить дѣло по моему усмотрѣнію.

Во второмъ случаѣ, ученикъ VI класса побилъ ученика V класса еврея, за то, что тотъ обругалъ его. Выборные присудили побитому арестъ за то, что онъ обругалъ христіанина. И тутъ дѣло рѣшено неосновательно.

Въ Бѣлоцерковской гимназіи *самосудъ* окончился самоубійствомъ ученика VII класса, высѣченнаго товарищами за какой-то позорящій заведеніе проступокъ. Печальный этотъ случай послужилъ обвинительнымъ пунктомъ для сверженія Пирогова съ понечительства.

3) *Оскорбленіе прислуги дѣйствіемъ*. Это зло съ особеннымъ упорствомъ держалось въ закрытомъ заведеніи, куда поступали дѣти мелкопомѣстныхъ дворянъ, поссесоровъ и экономовъ большихъ имѣній, смотрѣвшихъ на крѣпостныхъ, какъ на рабочій скотъ. Воспитанные въ такой средѣ мальчики позволяли себѣ обращеніе съ прислугой крайне грубое и неуважительное, между тѣмъ какъ между лакействомъ находились отставные николаевскіе солдаты, прослужившіе 25 лѣтъ Богу-Государю. Правила за этотъ проступокъ гласили: „для восстановленія униженнаго человѣческаго достоинства обиженнаго ученикъ обязанъ просить у него прощенія публично, и кромѣ того за обиду—вознагражденія матеріальнаго въ видѣ штрафа, выдачей мѣсячнаго жалованья. Огучить воспитанниковъ отъ этого безобразія стоило мнѣ не мало хлопотъ и, кажется, я началъ достигать цѣли; но рукопашная расправа г. директора въ присутствіи учениковъ съ однимъ изъ служителей испортила все дѣло. Докладывать же попечителю о проступкѣ самого начальника заведенія инспектору не полагается.

4) Со времени введенія „Правиль о проступкахъ и наказаніяхъ“ розга довольно продолжительное время существовала въ гимназіи только *de jure*; но, къ сожалѣнію, пришлось употребить ее въ дѣло *de facto*. Уже по увольненіи Гренкова, г. г.

преподаватели стали заявлять мнѣ, исполнявшему обязанности директора, объ уназдкѣ классной дисциплины, а надзиратели о своевольствѣ мальчугановъ во время перемѣнъ, при чемъ надзиратель Садковскій доложилъ, что когда онъ пригрозилъ, по старой привычкѣ, ученику 2-го класса розгой, то шалуныъ сказалъ ему, что „скорѣе васъ высѣкутъ, чѣмъ меня“. Что дѣлать? Въ силу такого-то пункта „Правилъ“ подобный проступокъ требовалъ быстрого, мгновеннаго наказанія, которое тогда только и достигнетъ своей цѣли, когда будетъ совершенно немедленно за учиненнымъ проступкомъ, а между тѣмъ собрать совѣтъ въ полномъ составѣ можно было только на другой день; вслѣдствіе чего я порѣшилъ ограничиться наличными членами, и мы составили протоколъ и единогласно постановили наказать виновнаго пятью ударами розогъ, и вотъ, какъ только ученики, послѣ перемѣны, усѣлись на мѣста, Садковскій вызываетъ оскорбившаго его ученика, и я чрезъ весь корридоръ веду его чрезвычайно медленно до сторожки, а онъ все время слезно вопіетъ и просится; плачь его навелъ паническій страхъ на всѣ низшіе классы. Я фактически доказалъ, что розги въ гимназій существуютъ, что важные проступки не останутся безнаказанными. Классная дисциплина восстановлена, и преподаватели перестали жаловаться.

Это былъ единственный случай употребленія тѣлеснаго наказанія во все продолженіе моего исправленія директорской должности.

М. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

Глава V.

Болезни растительныхъ органовъ.

Болезни органовъ дыханія и кровообращенія. Насморкъ, катарръ слизистой оболочки гортани, стыскы, кашель, кашлюкъ, колька, чехотка. Боль сердца. Болезни органовъ пищеваренія: губъ, зубовъ; илисинька, воспаленіе зѣва, катарръ желудка, завина, соншница, ризачка, поносъ, запоръ, уразъ, грыжи, глисты, воспаленіе печени, жовтяница. Болезни мочевыхъ и половыхъ органовъ. Запоръ мочи, сифилисъ, кровотеченіе, уразъ матки.

Насморкъ.

Въ народѣ признають насморкъ (согуза, по-малорусски нежилъ или нежить) простудной болѣзью, особенно когда промокли или промерзли ноги; бываетъ также, если напиться воды послѣ овцы или кошки. ¹⁾ Больныхъ насморкомъ лѣчатъ: ножными горячими ваннами, средствомъ медицинскимъ ²⁾, парятъ надъ камнемъ, поливаемымъ отваромъ вишневыхъ листьевъ, или житной мукой, брошенной въ огонь. Имъ смазываютъ: носъ, грудь, подъ мышками, подъ колѣнами, подошвы теплымъ бараньимъ саломъ, лоемъ, затѣмъ кладутъ на печь въ согнутомъ положеніи. Даютъ также нюхать: табакъ, материнку (*origanum vulgare*), сапогъ ³⁾ поясъ и прижженный кошачій хвостъ. ⁴⁾

¹⁾ То-же у Манжуры. Сбор. Харьк. И.-Фил. Общ. II, 154.

²⁾ Кунце. Сопр. прак. мед., 111.

³⁾ Манжура. Сбор. Хар. И.-Фил. Общ. II, 158.

⁴⁾ Иб. и Чубинскій. Тр. Эисп, I, в. I, 118.

Катарръ слизистой оболочки гортани (laringitis).

Распухшее нѣбо приподнимають, т. е. отдавливаютъ вверхъ взрослому—большимъ, дитяти—мезиннымъ пальцами. Ребенку при этомъ дуютъ на темя или сосутъ какъ темя, такъ и переносятъ. Къ больному горлу прикладываютъ: синюю сахарную бумагу или онучу, смазанную бараньимъ саломъ, баранье сало съ мыломъ или оливой и камфорой, мыло съ овечьей шерстью, овечью шерсть, опрысканную камфорнымъ спиртомъ, теплыя вышивки, золу гречаной соломы, вѣрней соляной растворъ (ропу). Больные парятся надъ варенымъ картофелемъ или отваромъ вишневыхъ однолѣтковъ. Пьютъ: горячее молоко съ лоемъ и перцемъ, съ перцемъ и винными ягодами или бѣлымъ имбиремъ; пьютъ также: настой соломы, пирія (*bromus inermis* L.), ромашки (*matricaria chamomilla* L.), калиноваго цвѣта (*viburnum opulus* L), липоваго цвѣта, средства общераспространеннаго.¹⁾ Потогонныя же средства вообще въ данной болѣзни совѣтуются и въ медицинскихъ сочиненіяхъ, напр.: Эйхгорстъ. Руководство къ частной патологіи. I, 255.

Стыски.

Подъ этимъ названіемъ извѣстно въ народѣ затрудненное дыханіе, сопровождающее воспаленіе бронховъ и легкаго, но стыски похожи также и на болѣзнь, описанную Эйхгорстомъ подъ именемъ судороги голосовой щели (*spasmus glottidis*).²⁾ „Не дае дыхнуть, зъ себе потаскае и напре духъ. Стыски бувають зъ витру, зъ простуды, якъ дать дытныи холодну сыську, стритени,—якъ жинка зъ дытною зустринется изъ такою-жъ дытною“. Бываютъ и у взрослыхъ. Больного парятъ надъ ольховыми однолѣтками или дѣлаютъ ножную ванну изъ двухъ ф. соли съ вышивками; больного дитякупаютъ въ браткахъ (*viola tricolor* L.), грудь растираютъ или прикла-

¹⁾ О. Л. Цавловичъ. «Очеркъ растительности» въ Харьк. Сбор. 1890 г., вып. IV., 52.

²⁾ Руков. I., 297, 298.

Томъ 69.—Іюль, 1900.

дывають къ ней: льняной клокъ, намоченный въ уксусъ или ладанѣ, овечій калъ на синей бумагѣ, воробьиный калъ, „трыдевять горобынцевъ“, смѣшанный съ женскимъ молокомъ, бѣлый очипокъ съ мочей мальчика. Теплымъ бараньимъ саломъ смазываютъ темя, переносе и грудь. Внутрь даютъ: чайную ложку растопленнаго бараньяго сала или указанныхъ „горобынцевъ“, которыми смазываютъ также подъ носомъ больного, затѣмъ, крѣпко укутавъ, кладутъ на печь. Отъ стисковъ шепчутъ такъ:

„Стыскы витряни, прозирни, супротивни и стритени! Я васъ шепчу й вышиптую, одсылаю на охта,¹⁾ на болота, на черета. Тамъ вамъ буваты, а нарожденного, мольтвяного раба Божого Ивана не сушыты“. (С. Хитцы, отъ Маріи Ганненковой).

„Стыскы витряни, прозирни! вы подумани, вы погадани! тутъ вамъ не стоять, паростивъ не роспускать, а жылъ не тягты, а сердца не вялыты. Пидить соби на огни, на велики степа, тамъ вамъ буде ныння, гуляння, хороше буде вамъ провидання“. (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Господы мылостывый! Поможы мени, Матиръ Божа, си стыскы одходыты. Стыскы, стыстыща! и витряни, и водяни, и прозирни, и часови, и мынутни, и подумани, и погадани, и прылюбовани, и стритени, и зйидени, и хлопьячи, и дивчачи. Не я-жъ васъ вызываю и не я выелыкаю, самъ Господъ вызывавъ и выелыкавъ, Матиръ Божа и въ помочи стояла и си стыскы дбирала и зализному дидови дарувала. И зализный дидъ и зализна баба! посватаймось и побратаймось. Въ тебе дочка, а въ мене сынъ— и возьмѣть си стыскы и пожерите и понесите на очерета, на болота та на густы лиса, де мисаць не свитыть, де людський гласъ не заходыть! тамъ соби гуляйте и сухе дерево ламайте. Одъ іи грудей, одъ іи головонькы и одъ іи ручокъ, и одъ іи ніжокъ и одъ роженои одъ мольтвяной рабы Божой Мелашкы“. (Д. Солоница).

¹⁾ Луга.

Кашель.

Отъ кашля (*catarrhus bronchialis*) употребляютъ въ народной медицинѣ тѣ-же средства, что и отъ ларингита, съ присоединеніемъ слѣдующихъ: грудь стираютъ перцовой и камфорной водкой; въ ней прикладываютъ: припарку изъ соленыхъ высуш. съ пескомъ, отваръ конопли (матирки) съ глиной и перьями, горячій вихоть, т. е. пучекъ соломѣ, тряпку, которыми вытираютъ горшки; больные парятся надъ разожженнымъ новымъ горшкомъ съ бураковымъ квасомъ; пьютъ: наваръ ячменя, вишневыхъ однолѣтковъ, сушеныхъ цвѣтовъ: будяковъ (*carduus nutans*. L), буквицы (*betonica officinalis*. L) дзинзивера (*malva mauritiana*. L.)

Кашлюкъ.

Отъ кашлюка (коклюша, *tussis convulsiva*) большею частью не лѣчатъ. Дѣтя носятъ гулять на разсвѣтѣ на поля зеленой ржи, кормятъ леденцемъ, печенымъ яблокомъ съ ладаномъ, заставляютъ пить растопленный козій жиръ, имъ же, да еще пометомъ рогатаго скота, мажутъ грудь

Колька.

Болезнь, извѣстная въ народѣ подъ именемъ кольки, колюшки, заключается въ частомъ покалываніи въ груди и бокахъ при дыханіи („не дае дышать“), особенно въ послѣднихъ, соединенномъ съ лихорадочнымъ состояніемъ, и поэтому скорѣй всего должна быть отнесена къ воспаленію подреберной плевы, *pleuritis*, болѣзни, весьма распространенной ¹⁾, хотя, конечно, боль и колюще въ боку можетъ быть и отъ другихъ причинъ: сильнаго кашля, межреберной невралгіи, мышечнаго ревматизма, воспаления реберъ. ²⁾ Колька приключается отъ простуды, тяжкихъ

¹⁾ Кунце. Сопр. пр. мед. 128, Эйхгорст. Ручов. I, 365.

) Ib. 313, 401.

трудоу, „зъ витру, зъ очей“. Отъ кольки пьютъ отваръ листьевъ и цвѣтовъ: крыжовника, агрусъ (*rharnnus grossularia*. L.), синихъ будячковъ, колюшокъ (*eschium vulgare*. L.), „шо цытуть голубенько, вучеряви“, трилистника (*ogobus niger*. L.). На больное мѣсто кладуть припарки изъ песку, высѣвокъ, соли и кваса, пшениныхъ мякинъ, гречаной золы. Прикладываютъ также: горячій ржаной коржъ, спеченный на хваткахъ въ пламени, иногда съ перцемъ; овечью шерсть, смоченную квасомъ, порошокъ съ ладаномъ на синей сахарной бумагѣ, листья табака, намазанные дегтемъ, и лой. ¹⁾ Больное мѣсто, перекрестивъ, „сколюють“, т. е. придавливають и тыкають въ него: колями (чопами), которыми сверлился лёдъ для креста подъ Крещенье на рѣкѣ, ²⁾ ухватомъ, поставленнымъ въ глухой конецъ дверей, а потомъ раскаленнымъ на пламени, и ножомъ, но во всѣхъ случаяхъ навкрестъ. Шепчуть такъ:

„Колюшко, колюшыще! витряная, водяная, огняная! Чого ты вселылася, чого вкоренылася? Тутъ тобі не стояты, кость жовту не колоты, кровь червону не шпыгаты, серця не забываты на-рожденій, молитваній раби Божій Варци“. ³⁾ (М. Снѣтинъ).

„Колюшка прозирна! де ты вялася? Одъ витру, — то пиды на витерь! Чы ты вялася одъ людей? — то пиды ты на буйни витра. Колюшка подумана й погадана, тутъ тобі не стоять, жовтой кости не ламать, а жыль тобі не вялыты. Не я помагаю, а Матирь Божя помагае“. (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Колюшка, колюшыще! водяна, витряна, спытена, зидена, вызвана, вымовена, названа, наслана, проворна! а тебе вышип-тую, я тебе й вызываю, и я тебе выкликаю, на быстри реки одсылаю“. (С. Литвяки, отъ А. Кириченковой).

¹⁾ Отъ плеуропнеумонія умирають, повидимому, героиня прелестной повѣсти Квитки «Маруся»; интересно поэтому прослѣдить, какіи народныя средства тогда примѣнялись. Отець давалъ пить іорданскую воду и мазалъ больной бокъ тою же водою, подкуривалъ ладаномъ. Ей бросали кровь съ руки и ставили пивки. Г. Основьяненко. Малор. повѣсти. Харьк. 1887 г., I, 93—96.

²⁾ См. моя Рожд. Святки въ Луб. у. Полтава 1893 г., 24).

³⁾ Вар. въ Кіев. Стар. 1885, XII, 741.

„Колюха, колюха! Тамъ тобі не стояты, червонои крови не пыты, серденька не сушыты. Иды на свои миста, де тебе маты твоя вродыла, де тебе остановыла“. (С. Литвяки, отъ Ф. Гуземиной).

„Господы, благословы! Господы, поможи небесными силами нарожденному, мольтвяному, хрещеному Семену рабу сюю кольку прыстановляты, сюю кольку прысмыраты, сюю кольку унычтожаты не разъ, не два, не тры, не чотыри, не пять, не шпистъ, не симъ, не восьмъ, не девять“. (С. Мгарь, отъ Емченковой).

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божа, сю колючку зарубаты и одъ бокивъ выклекаты. И не я ии вызываю, и не я выклекую—самъ Господъ вызывавъ, выклекавъ, Матирь Божа въ помочи стояла, си колючкы збирала, на перекресну дорогу одсылала. На перекресній дорози царь Давыдъ стоявъ и си колючкы одбиравъ и своимъ сынамъ дарувавъ. И въ Давыда царя девять сынивъ по девять жинокъ держалы и сю колючку одбирали одъ ёго бокивъ, одъ ёго грудей, одъ ёго очей, одъ ёго головонькы, одъ ёго голосу, одъ ёго й волосу, одъ ёго ручовъ, одъ ёго вижокъ, одъ рожденного, мольтвяного, хрещеного раба Божого Ивана“. (Д. Солоницы, отъ Н. Дивизионной).

Удушье.

Удушье или эмфизема легкихъ признается народомъ, несогласно съ медициной ¹⁾, врожденнымъ недостаткомъ. „Чоловикъ родытся удушлымъ: легки стануть дирчави, поробляться маленьки пузырьки и попровалюются, зробляться нечисти, и стане тому чоловикови важко; жинци неможна прясты зъ такимъ дырчавымъ легкымъ“. Могутъ быть, впрочемъ, по другимъ показаніямъ еще отъ трудовъ и простуды. Удушье неизлѣчимо ²⁾, немного облегчаетъ принимаемый внутрь: сокъ рѣдьки (*raphanus*

¹⁾ Природной эмфиземы нѣтъ. Эмфизематознымъ легкое дѣлается послѣ того, какъ дышало.

²⁾ Эмфизема неизлѣчима. (Эйхгорсть. Ручов. I, 447).

sativus L.), хрѣна (cochcaria Armoracia. L.), корень дерезы (sagana frutescens) и деревій.

Чехотка.

Картина „чахотки“, а по Чубинскому¹⁾—сухоть, какъ и въ польскомъ языкеѣ, такая: „одъ сердца до легкихъ жыламы пиде боль. Кровь збунтуется. Въ отрунку на печинци зроблятса нарывы, печинка тліе. Легки розбриякнутъ, чоловикови важко становитса и начне кашлять и кашля, покы легки зогніють, и тоди помира чоловикъ“. Она дѣлается отъ тяжелой печали, досады, заботъ—„журьбы“. Напр.: если погорѣть или лишиться дѣтей. Отъ чехотки пьютъ: отваръ кульбабы, циворіи, указанной отъ грудныхъ страданій у Никитина²⁾, козинцевъ, моха съ крышъ, козье молоко, водку, настоящую на тараканахъ, отъ нея „чахотка замре“, старое поджаренное („пряжене“) сало съ чаемъ или съ теплой водой, дѣтскую мочу и какъ, крайнее средство—острую водку не болѣе наперстка, закусивъ зеленымъ лукомъ: „тымъ забье“. Грудь больного мажутъ козьимъ саломъ, а дѣтямъ дѣлають купель съ прибавленіемъ паслёна (solanium nigum L.), коровьяка и щавеля.

Боль сердца.

Безсиліе народной медицины въ болѣзняхъ органовъ кровеобращенія очевидно изъ самаго устройства этихъ органовъ. Они служатъ преимущественно механическимъ цѣлямъ, поддерживая кровеобращеніе нагнетательными приспособленіями и каналами, поэтому распознавать болѣзни органовъ кровеобращенія можетъ лишь владѣющій физическими методами изслѣдованія³⁾. Народу извѣстно только, что сердце можетъ разболѣться отъ печали, урокивъ. „Якъ зъ кымъ полаешия, дуже ростревожышъ самъ себе; зробытса побіеніе, стане бытса и болить.

¹⁾ Тр. Эксп. т. I, в. I, 128.

²⁾ О весеннемъ лѣченіи болѣзней. СПб. 1833 г., 47.

³⁾ Эйхгорстъ. Руковод. къ частной патологіи. I, стр. 1.

Треба ёго вынчотжыть“. Къ области сердца приставляютъ до 25 пъявокъ, пють освященную воду, также воду, которой вымыто сердце колокола на часовнѣ, и известковые камушки, также растолченные въ водѣ—„земляне сердце, таке, якъ крапанка, або каминець, або любайстеръ. Приносять зъ Дону“.

Болезни губъ.

Къ треснувшимъ губамъ прикладываютъ паутину и пленку изъ очерета (*phragmites vulgaris*. Frin.). Ихъ смазываютъ лоемъ съ пережженными квасцами; смазываютъ и полощутъ синимъ камнемъ (*surgum sulfuricum*). Ранки въ уголкахъ рта (заиды) примачиваютъ водой съ оконъ и закладываютъ сѣркой изъ ушей, намазанной на рубецъ рубашки. Пестрякъ (ракъ ¹⁾) изображается въ такихъ чертахъ; „нарядытся на губи, або що, таке, якъ квасолына, репне, кровъ зъ ёго пиде, потимъ пидъ выльцями зробытся таке, якъ курице яйце, такъ и качается. Якъ выложытся, то чоловікъ зйде кровью и помре“. „Бувае отъ якимъ случаемъ: чоловікъ пойхавъ на Воздвыження за очеретомъ. Пиднявъ два кули—ничого, узавъ ище два, ажъ жаба плыгнула позъ губу та сц... Тому чоловікови уже й выризувалы,—и ясна видно,—такъ ничого: гные та й гные“. (М. Снѣтинъ, отъ Н. Ивахненка). Ракъ вырѣзываютъ бритвой, смазываютъ купороснымъ масломъ и синимъ камнемъ. Последнимъ полощатъ оборывшія десна (ясна)—*stomatitis ulcerosa* и *stomatitis catarrhalis*.

Зубная боль.

Зубы болятъ отъ заводящихся въ нихъ маленькихъ червячковъ, „такихъ, якъ кострыця, головочки чорненьки“. Къ больнымъ зубамъ прикладываютъ: синій камень, квасцы (галунъ, *alumen*), керосинъ, ладанъ, скипидаръ, лакъ, камфору и кам-

¹⁾ Подъ этимъ именемъ разумѣется и др. болѣзни (Фельдш., № 18, 478—1898 г.).

форную водку, нашатырный спиртъ, водку, зажигаютъ хрѣпкую водку въ ложкѣ и выливаютъ на зубъ, соль (ропу) съ перцемъ, сахаръ съ перцемъ, холодную воду, мятныя капли, гвоздички (*tagetes patula*. L.), подорожникъ (*plantago lanceolata*. L.), настоянный на водѣ или водеъ, табакъ (*nicotiana rustica* L.), сокъ табака, перегорѣлаго въ трубкѣ—„чвирь“, жженное конопляное сѣмя, отваръ дубины (*quercus pedunculata*. Ehrh.), орѣшины, (лищны, *coryllus Avellana*. L.) и вишни (*prunus cerasus*. L.). Ими, а также вѣтвями плодовыхъ деревьевъ и дубовой корой полощутъ больные зубы. Къ щекѣ прикладываютъ припарки изъ васильковъ, мяты (*mentha piperita*. L.), ромашки (*matricaria chamomilla*. L.), Ивана да Маріи (*viola tricolor*. L.) теплыхъ пшеничныхъ высивокъ, горячаго коржа. Натираютъ щеку, вовлѣ больного зуба хрѣномъ, а въ ухо на противоположной сторонѣ вкладываютъ зубокъ чеснока до раздраженія уха. Стоятъ надъ миской, въ которую насыпаны на жаръ конопляное сѣмя, чаще сѣмя блекоты (*hyosciamus niger*. L.). Вѣрятъ, что отъ такого подкуриванья высыпаются маленькіе черноголовые червячки, „якъ высивочки“. О таномъ лѣченіи блекотой упоминаютъ: Манжура ¹⁾, Роговичъ ²⁾ и брошюра: Ліки своенар., 46. Сопровождающій иногда зубную боль флюсъ не имѣетъ на малорусскомъ языкѣ особаго названія. Слово „плюсъ“, принятое въ брошюрѣ: Ліки своенародни, въ народѣ не встрѣчается. Въ Лубенскомъ у. флюсъ называютъ нарвой, бешухой и лѣчатъ прикладываніемъ къ щекѣ: листа капусты (*brassica capitata* Dc.), лопуха (*arctium lappa* L.), однолѣтковъ бузины (*sambucus nigra* L.), бузины съ крейдой, теплыхъ припарокъ. Щеку растираютъ камфорой съ перцемъ, а самый нарывъ выдавливаютъ.

Въ предупрежденіе зубной боли вообще нужно, ставъ спиной къ нарождающемуся мѣсяцу и держась за зубы, трижды прочесть „Отче нашъ“, ни разу не говоря аминь. Въ слѣдую-

¹⁾ Обор. Харьк. И.-Фил. Общ. II, 158.

²⁾ Словарь въ Записк. Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. I, 125.

щихъ заговорахъ и печатныхъ варіантахъ 1) встрѣчаются мотивы: у больного не должны болѣть зубы, какъ не болятъ они у мертвеца, а если и заболѣютъ, то тогда лишь, когда соединятся несоединимые предметы. Заговоры обращены къ мѣсяцу.

„Молодыкъ рождается, на сей свить является, мертвыхъ людей пытается: не болятъ у ихъ зубы? Нехай и у мене не болятъ: молитвяной, рожденной Приськи. (С. Исачки).

„Мисяцю молодой, чы бувавъ ты у мертвыхъ?—Бувавъ.—Чы болятъ у ихъ зубы?—Не болятъ, не щемлятъ, на одной пори стоять. (Д. Войнихъ).

Молодыкъ, молодыкъ, де ты бувъ?—На тимъ свити.—Шо ты бачывъ?—Мертвыхъ людей.—Шо вони роблять?—Лежать.—У ихъ зубы не болятъ?—Не болятъ.—Шобъ и въ тебе не болили, нарожденый, молитвяный Семене“. (М. Снѣтина).

„Пытается молодой старого: мисяцю, мисяцю володарю, чы болятъ зубы въ нежывого?—Рожденного, молитвяного Ивана заболѣть, якъ у нежывого заболѣть. Судъ судомъ, во-вики ви-ковъ. Аминь“. (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Ты въ мори журався, а мени хрестъ показався. Пытается старый молодого: чы болятъ зубы въ нежывого?—Ни болятъ, ни щемлятъ,—щобъ у Василя рожденного, молитвенного не щемилы, не болили“. (С. Калайдинцы).

„Молодыкъ молодой, на тоби хрестъ золотый, ты у рици полоснявся и на неби показався. Чы бувъ ты на тимъ свити, чы бачывъ ты мертвыхъ людей, чы пытавъ ты ихъ: чы болятъ у ихъ зубы? У ихъ зубы не болятъ, не щемлятъ, а й у мене нароженного, молитвяного Василя.

„Мисяць на неби, а дубъ у земли, а щука у води. Якъ вы вси зійдетесь до-купы, то тоди нехай у мене зубы заболѣть“.

„Мисяць на неби, наминь на земли, а рыба въ мори. Коли вони будуть питъ та гулять, тоди будуть у Василя и зубы рвать“.

1) У Чубинскаго. Тр. экзп. т. I, в. 1, 124—126; Сбор. Харьк. И. Фил. Общ., IV, 151, 278, 285 и Кіев. Стар. 1894 г., XII, 494.

„Молодыкъ на неби, а дубъ на земли, а каминь у води. Коли ти тры браты до одного полумыска будуть йисты вставаты, то тоди въ Оксени рожденной, мольтвяной, хрещеной будуть зубы боляты“.

„Мисяцю Ерусалyme! васъ тры браты: вовкъ у поли, жовтый каминь у мори. Якъ зйдетеса та будете пыть та гулять, тоди будете мою кисть—зубы ламать“. (С. Хорошки).

„Мисяць молодой, на тоби хрестъ золотый, тоби на сповни, мени на здоровья. Мисяць на неби, чумаць у дорози. Якъ будуть пыть та гулять, тоди въ раба Божого Василя будуть зубы болить. Ни зубы, ни жылы, ни 77 суставивъ“. (С. Хорошки).

„Молодыкъ молодой, на тоби хрестъ золотый. Чы бувъ ты въ старого?—Бувъ.—Чы пытавъ ты ёго?—Пытавъ.—Чы болять зубы?—Ни, не болять ни въ старого, ни въ малого, ни въ мертвого, ни въ нежывого. На сынёму мори дубъ, на дубови тры браття нимыхъ. Якъ ти браття будуть розмовлять, то тоди у нарощеного, мольтвяного раба Божого зубы заболять“.

„Мисяць на неби, а ведмидь у поли, а щука въ мори. Коли си тры браты до купы зйдутся, хлиба-соли зйидать, то тоди въ нарощеного, мольтвяного, хрещеного раба Божого Семена зубы заболять. У мертвого зубы не болять и не щемлять, такъ въ нарощеного, мольтвяного Христова раба Семена зубы не болять и не щемлять. Велькомученыкъ Антонію ¹⁾, святыи зубамъ врачъ и исцилителю, избавъ, Господи, раба Божого одъ зубной боли“. (С. Мгарь).

„Господи милостывый! святыи мисяць на неби! Поможы мени, Маты Божа, си зубы зашептаты и съ-пидъ ихъ червы выкыкаты ²⁾. Червы червышныкы! и не я ихъ выкыкаю, и не я

¹⁾ Св. Антоній, какъ выше замѣчено, считается цѣлителейъ зубной боли. (Чуб. Тр. эксп. I, в. 1, 172; Даль о Повѣр. рус. нар., 105).

²⁾ О червѣ упоминаетъ древній заговоръ. На вопросъ: чего Пегръ печаленъ? Слѣдуетъ отвѣтъ: *quia vetus vermen, qui vocatur gusta devorat dentes meos*. (Вуслаевъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., VII).

помичъ посылаю—святый мисяцъ на неби и Матиръ Божя на земли си зубы замовляла, и прозири, и витряни, и хлоплячи, и дивчачи и на Дунай на море зсылала. И на Дунаи на мори и адъ и адыще изъ червонымы головками и зъ золотымы зубамы и си червы пойидаты, и си зубы замовляты. И, мисяцю молодой, испытайся старого: чы болять у мертвого зубы? Ни болять, ни щемлять, якъ у рожденного и хрещеного раба Божого Ивана.

Плыснивка.

Мѣстное названіе молочницы (soor)—плыснивка созвучно слову „плѣсень“, отъ переноса которой на слизистую оболочку рта происходитъ и самая болѣзнь ¹⁾, состоящая въ разращеніи грибовъ *oidium albicans* на слизистой оболочкѣ рта, идентичныхъ съ грибами плѣсени, находящихся на поверхности алкогольныхъ веществъ ²⁾. О плыснивкѣ у дѣтей упоминалось мною въ Нар. обр. и пѣсн. Луб. у., стр. 31, но болѣзнь эта встрѣчается и у взрослыхъ, если выпить воды, неся которую въ ведрахъ женщина мочилась. Бываетъ также, если брать гребешокъ въ ротъ, отъ холода ранней весной и отъ незрѣлыхъ фруктовъ. Отъ плыснивки языкъ натирають краснымъ поясомъ, женской косой, какое средство указано и у Манжуры ³⁾, мажутъ пережженнымъ гвоздичнымъ перцемъ съ медомъ, синимъ камнемъ, сокомъ свѣжаго конскаго навоза. Больного заставляютъ лизать челюсти въ печи, поятъ изъ свинного корыта или мажутъ помоями ротъ, приговаривая: „свиня одъ корыта, а плыснивка съ рота“, или „свини до-дому, плыснивка до-долу“. Въ Еватеринославской губ., кромѣ кормленія изъ корыта еще даютъ ребенку сосать свинью⁴⁾. Шепчуть отъ плыснивки такъ.

„Господы, благословы! Господы, поможи нарожденному, молитвянному рабу Божому сю плыснавку шептаты, сю плыснав-

¹⁾ Кунце. Сопр., 251.

²⁾ Эйхгорстъ. Руков. I, 627, 631.

³⁾ Сбор. Харьк. Ист.-Фил. Общ. II, 157.

⁴⁾ Д. Л.—звнъ въ Дяѣпр. Молвѣ 1899 г. V, 150.

ку зганяты. Свѣни до корыта, череда до-дому, плыснѣвка зъ дому. Язъ дымъ зъ дымари, такъ плыснѣвка зъ языка нарожденному, мольтвяному, младеньцю Ивасю". (С. Мгарь).

„Плыснѣвка, лынѣвка! въ роти тоби не буваты, языка тоби не ламаты, у помыи сходьты и свѣнямъ ии выносьты, а свѣни сповѣважъ и плыснѣвку одбирають. Я свое слово составляю и плыснѣвку въ рота выганяю". (С. Литвяки, отъ Ф. Гузѣминой).

Воспаленіе зѣва.

Человѣкъ, задавившій двумя пальцами зинське щеня (слѣпыша, слѣпня, *sralax tiplus*. Pall), можетъ излѣчить давленіемъ „язъ одскожать залозы“, что случается при флегмозномъ воспаленіи зѣва (*angina tonsillaris et faucium*), о какомъ давленіи упоминаетъ Арендаренко ¹⁾ и г. Можаровскій ²⁾. Давать также трижды двумя пальцами внутри рта больного, поддерживая предварительно пальцы на огнѣ; труть вспухшія желѣзны снаружи горячимъ хлѣбомъ, который бросаютъ потомъ на дворъ или на столбъ воротъ и плетень, чтобъ его съѣла собака или сорока; прикладываютъ къ больному мѣсту: сало изъ щекъ свиньи, припарки изъ невытой шерсти и тряпки, которой труть ложки.

Катарръ желудка.

При катарральномъ состояніи желудка больные пьютъ водку, настоянную на одномъ изъ слѣдующихъ растений: зѣвробѣ (*hypericum perforatum*. L.), указанномъ у Л. О. Павловича ³⁾ и въ журналѣ Фельдшеръ за 1898 г., № 18, 484, золототысячникъ (*erythraea centaureum*. Pers.), лепехъ (*asogus calamus*. L.), окладникъ (*Lathyrus silvestris*), „що цвите голубенько“, уманъ (*verbascum nigrum*. L.), чепчыкъ, также настоянную на бѣломъ имбирѣ или калганѣ водку съ примѣсью гречаной золы. Пьютъ еще: отваръ корней жостира (*gthamus catharica*) и плодовъ су-

¹⁾ Зап. I. 68.

²⁾ Фельдш. 1898 г. № 18, 480.

³⁾ Очеркъ раст. въ Харьк. Об. 1890 г., в. IV, 53.

шеныхъ дикихъ грушъ. Къ желудку прикладываютъ: лукъ или пшено съ солью, овечьй или куриный грѣтый пометъ съ нѣсколькими каплями дегтю, пупокъ засыпаютъ перцемъ и закладываютъ тряпкой. Принимаютъ горячую ванну изъ одной воды или съ примѣсью овечьяго и куринаго кала.

Печія.

Печія, згага, зага, по Чубинскому—жага, изжога есть жжение подъ ложечкой, вызванное кислымъ содержаніемъ желудка (pyrosis). „Якъ згага пече“,—то перекусываютъ на-двое соломинку, найденную на дорогѣ, пьютъ воду, которой обмыть вынутый изъ печи хлѣбъ, пьютъ и ѣдятъ мѣлъ, которымъ писаны кресты на святвечеръ, счищаютъ приставшій къ ножу хлѣбъ и съѣдаютъ, ѣдятъ еще сырое конопляное сѣмя. Если отъ излишка пищи, между прочимъ подсолнечнаго сѣмени, случится надха (тошнота), то съѣдаютъ кусочекъ хлѣба и запиваютъ водой или квасомъ.

Завина.

Завина, по Чубинскому завиньца—спазмы желудка¹⁾, постоная болѣзнь отъ дурного питанія²⁾. Судороги желудка (gastralgia, cardialgia), боль въ желудкѣ, часто невыносимая—частое явленіе среди сельскаго населенія, вѣроятно, вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія крахмалистыхъ веществъ³⁾. Отъ завинь пьютъ „холодну мяту“ (mentha piperita. L.), мѣлъ, которымъ писались кресты на святвечеръ, освященный галунъ, принимаютъ внутрь 5 капель скипадару и 10 дѣгтю. Послѣднимъ мажутъ возлѣ пупка однимъ или въ соединеніи съ лукомъ и табакомъ.

Сояшниця.

Симптомы болѣзни такіе: „у животи гуркотять, болыть коло пупа, проносъ, рве. Сухи довго бувають, пидуть пидъ

¹⁾ Ивановъ. Кіев. Стар. 1886, XII, 743.

²⁾ Ліки своен., 36.

³⁾ Әйхгорстъ. Рухов. I. 752.

бокы и въ спыну парусы, живить опухне, завивны—дуже хвата до сердца и проносъ. Бувають водяни, витряни, зъ очей, одъ выского молока. „По мнѣнію, г. Коваленка сояшницы—желудочно-кишечный катарръ. Отъ нихъ пьютъ: бузівную кору, деревій, показанный отъ желудочныхъ страданій у г. Ящуржинскаго ¹⁾, мяту, корни Петрова-батога (дикий цикоріи), показаннаго отъ сояшницъ у Волкова ²⁾ и отъ желудочныхъ страданій вообще: у Арендаренка ³⁾, Богдановича ⁴⁾, Никитина ⁵⁾, цвѣты подсолнечника, полынь, воду съ солью, въ которой расколочено пшено, древесную и гречневую золу (пазилки) съ солью, деготь, порошокъ изъ хлѣба и крови пѣтуха, зарѣзаннаго наканунѣ новаго года. Сояшницы въ Лубенскомъ у., какъ и вездѣ въ Малороссіи ⁶⁾, завариваютъ такъ, что на животъ больному ставятъ миску холодной воды, куда опускаютъ: ножъ, 1-2 ложки и веретено. Вещи эти перебрасываютъ 9 разъ навкрестъ въ мискѣ, затѣмъ опрокидываютъ въ миску кувшинъ съ зажженнымъ клокомъ магіры, потѣмъ даютъ выпить 3 ложки этой воды больному. Иногда больному сояшницей предлагаютъ трижды перекувырнуться черезъ голову на подушкѣ. Заговоры таіе,

„Сояшницы водяни, витряни, прозорни! я васъ вышиптую, я васъ вызываю, своими молитвами замовляю“. (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Сояшницы, сояшницы витряни, водяни, подумани, погадани, чоловічи, жоночи, дивочи, парубочи! пидить собі, де витерь не віе, де сонечко не гріе. Нарожденій, молитвяній Маріи помогаю я и вы допоможить вси святіи допомогныки“. (Д. Солоница, отъ Н. Дивизіонной).

¹⁾ Кіев. Стар. 1889 г., VШ, 526.

²⁾ Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. П, 173.

³⁾ Зап. I, 37.

⁴⁾ Свѣд. 54.

⁵⁾ О вес. лѣч. бол., 21.

⁶⁾ Чубинскій. Тр. I, в. 1, 114, Ивановъ въ Кіев. Стар. 1885 г. XII, 743, Можаровскій въ Фельдшерѣ 1898 г. № 18, 479.

„Сояшныци водани, витряни, прозирни, наслани, подумани, погадани, запытени, зайидени. Тутъ вамъ не стоять, жовтой кости не ламать, сердца не вялыть, червоной крови на ссать. Идить соби на огни, на дыма, на велики стена. Тамъ вамъ буде гуляння“. (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Сояшныци витрови, водани, учынены, встричени, прозирни, несказани, тутъ вамъ не стояты и не боляты, червоной крови не пыты, сердца не вялыты. Не я вышиптую,—Маты Божа вышиптѹе одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ твоеи головы, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твого ровняного лица нарощенои, мольтвянои, хрещенои Орышки“. (С. Хорошки, отъ Сысиной).

„Господы мылостывый! Поможы мени, маты Божа, си сояшныци заварыты. Сояшныкы, сояшныци! и витряни, и прозирни, водани, и спытени, и зйидени, и завинни, и колючи, и болючи, и прыговорени, и прылюбовани, и дрыслыви, и сухорляви; и то мы въ неи не бувалы, и серденька не буалы, и билото тѣла не палылы, червоной крови не пылы, и жовтой кости не ломылы одъ рожденной, мольтвянои, хрещенои рабы Божой Уляны“. (Д. Соловица).

Поносъ.

Отъ проноса (иначе дрысла, дрышла, бѣгунка въ лѣтописи Величка, diarrhoea) если и лѣчатся, то слѣдующими только средствами: пьютъ кромѣ извѣстныхъ уже Петровыхъ-батогиивъ и кучерявой маты, еще настой на водѣ: лавроваго листа и пережженныхъ житныхъ сухарей, между прочимъ и изъ „горячаго“ обѣда, сухихъ грушъ, копченой растопленной рыбьей головы, стертой старой подошвы. Пьютъ еще сургучъ въ водѣ или водѣ.

Ризачка.

Отъ кровавого поноса (dysenteria) пьютъ тѣ-же самыя вещества, что и отъ поноса и еще кромѣ того ризакъ (straloides aloida), указанный въ Зап. Ю. Зап. Отд. Геогр. Общ. 1., 138;

у Коваленка ¹⁾ и у Ящуржинскаго ²⁾), также: трюхлую яблоню и грушу, стертые сургучъ, кирпичъ, отваръ въ водѣ ржаваго желѣза и воду, въ которой острилось брусомъ какое-нибудь орудіе. Взбалтываютъ въ водѣ: по $\frac{1}{2}$ ложки соли, перцу и древесной зола и выпиваютъ. Ъдятъ коржи съ макомъ, пережженный хлѣбъ, рожки. Кладутъ къ животу припарку изъ ржаного хлѣба.

Запоръ.

Отъ запора (*obstructio alvi*) пьютъ: молоко, взболтанное до пѣны съ водой, мыльную воду, мыльную пѣну съ сахаромъ, чарку конопляной олеи, олею съ огуречнымъ разсоломъ, смятое сырое конопляное сѣмля, толченую пережженную картофельную муку съ водой, настой жостира (*rhamnus cathartica*) и крушины (*rhamnus franguli*), указанные у Богдановича ³⁾ и въ Фельдшерѣ 1898 г., № 18, 486. Еще пьютъ вино съ мускатнымъ орѣхомъ (муштуковою галкою). Дѣтамъ вставляютъ сзади заостренный кусочекъ мыла, смазанный олеей.

Урааъ.

Нельзя точно опредѣлить, какую именно болѣзнь подразумѣваетъ народъ подъ именемъ ураа или поруки матки у мужчинъ. Народъ характеризуетъ эту болѣзнь такъ: урааъ или матка, особый мужской органъ, помѣщающійся, какъ изложено во 2-й главѣ, въ здоровомъ состояніи, вблизи пупка, нѣсколько вправо отъ него, поврежденный срывается съ мѣста „вбунтуется, пидходить пидъ груди, такой якъ дитєсна голова, у биѣтъ, у пахвы, всюды ходытъ. Тоди кажутъ: матка пидійшла, матка пре, чоловікъ жовнєне, ноги ёму пухнуть. „На основаніи этихъ признаковъ г. Коваленко ⁴⁾ видитъ въ урааѣ *gastritis*, г. Можаровскій ⁵⁾ — какое

¹⁾ Этн. Мат., собр. Гринченкомъ, II, 318.

²⁾ Киевская Стар., 1889, VIII, 526.

³⁾ Свѣд. 54.

⁴⁾ Этногр. мат. Гринч. II, 320

⁵⁾ 1898 г., № 18, 478.

либо желудочное страданіе, другіе—грыжу или блуждающую почку. Однимъ словомъ достовѣрно одно, что уразъ матки происходитъ въ брюшной полости. Отъ урара принимаютъ внутрь всѣ вышеперечисленные средства отъ желудочныхъ страданій и кромѣ того пьютъ еще въ теченіе шести дней по три раза на день отваръ: пшеницы, овса, проса и гречихи съ семибратнею кровью, также бѣлый буркунъ (*mellilotus officinalis*. Lam.), указанный въ Записк. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ., на стр. 166, отъ переполоха въ животѣ, и настойку на калганѣ, мускатномъ орѣхѣ и братней крови, которая особенно спасительна „пользуе, якъ руками перебере.“ Къ животу въ уразѣ матки прикладываютъ всѣ тѣ-же припарки, что и въ другихъ желудочныхъ страданіяхъ: деготь къ пупку, чеснокъ съ куринымъ валомъ и т. д. Растираютъ животъ смѣсью оливы, водки и скипидара въ равныхъ доляхъ. „Ольва тило раствора, горилка скрипля, а шпыгынаръ туды заходьтъ“ — толкуютъ бабы. Баба, спаривъ больного на камнѣ, кладетъ его и начинаетъ „наставлять матку“, т. е. перебирать животъ, откатывать, одавливать внизъ или вверхъ, причемъ шепчетъ: „якъ маты тебе народыла и на своимъ мисти постановыла и шнурочкомъ пидперезала“ или такъ: ¹⁾

„Уразъ, уразыще, Божій чоловіче! тутъ тобі не стояты и паростивъ не пускаты, по-за кульшамы не зайидаты, у попереку не ломыты, щырого сердца не нудыты, за плечыма не знобыты и въ голову не быты, и билого тила не ялыты. Я шепчу, а й вышпую изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ рукъ, изъ ногъ, изъ твоеи головы, съ плечей, съ карыхъ очей, изъ твого хребта изъ твого поперека, изъ твого живота. И а тебе вышпую, а тебе зъ крыживъ и череселъ выбираю, тебе на мистечко, на золотому крыслечку проты пупа тебе останавлию. Тутъ тебе Господь народывъ, тутъ тебе Господь узаконывъ; тутъ тобі, вразыку, йисты й пыты, роскошно на свити жыты, нарож-

¹⁾ Заговоры отъ урара отличаются отъ другихъ заговоровъ тѣмъ, что здѣсь просятъ забунтовавшійся органъ стать на мѣсто, въ другихъ стремятся удалить болѣзнь изъ организма.

денного, мольтвяного, хрещеного, причащеного раба Божого Степана не сушыты.

„Уразъ, вразочку, пупивъ братику! Тутъ тоби не стояты, въ головоньку не быты, по жылахъ не ходыты, серденька не тошныты. Сгорныся, скотыся, на золотимъ кресли коло пупа посадыся“. (С. Исачки, отъ Е. Головковой).

„Уразъ, уразыще! тутъ тоби не буваты, тутъ тоби не стояты! Де ты народывся, де ты нахрестывся, тамъ соби установыся, тамъ соби й ократыся. Ты на мори родывся, на Ордани ричци хрестывся, нарожденному мольтвяному хрещеному рабу Божому Юхиму“.

„Уразу, уразу! ты ёго й князю. Тутъ тоби не стояты, жовтой кости не ламаты, червоной крови не пыты и серденька не сушыты. Иды на свои миста, де тебе маты вродыла, я тебе остановыла. Тамъ соби оселься й остановыся. Матиръ Божа остановляе, чоловіку здоровья посылае“.

„Уразу, уразыку, ты мій братику! де ты родывся, тамъ ты окореныся. Вразу, вразыку! ты не парубокъ, а я не дивка. Стань соби на мисти, на мистыщи, на парубоцькому крыслыщи. Тамъ тоби селыться, тамъ кореныться, тамъ тоби золотыться, тамъ тоби стояты и парусы свои пускаты. Нарожденного мольтвяного Павла“. (М. Снѣтинъ).

„Уразу, уразыку, мій братику! ты рожденный, ты мольтвяный, ты хрещеный! Тутъ тоби не стоять, паростивъ не роспускать, жовтой кости не ламать, пидъ груди не пидступать. Не я тебе вызываю, а Матиръ Бога тебе вызыва, и святи угодныкы станьте мени въ великій помощи. Покры я тебе не знала, то я тебе не вызывала, я тебе не выкликала. А теперъ я тебе вызываю и выкликаю: та брось мольтвяного, рожденного Семена, стань соби на мисгахъ“. (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

Гыла.

Всѣ три рода грыжи: паховая, бедренная и пупочная одинаково называются въ Лубенскомъ уѣздѣ словомъ гыла. Она бываетъ отъ тяжкихъ работъ у взрослыхъ, отъ недосмотра, всего

чаще отъ паденія у дѣтей. Смѣстившіеся внутренности вправляютъ, приподымая вверхъ, затѣмъ къ животу кладутъ припарку изъ высивокъ или кала жеребца и жеребенка. Внутрь принимаютъ деревій и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ „непочатую“ воду, въ которой намокали старыя мѣдныя деньги, 1—2 раза въ сутки.

Выпаденіе прямой кишки и задняго прохода.

Въ случаяхъ prolapsus recti и prolapsus ani, „якъ задъ, або задьяна у дытныны выходять“—ихъ стараются вправить правой ножкой самого же ребенка, или забить ложкой, оставшейся послѣ покойнаго семьянина. Больного садятъ на тряпки, которыми за-тыкался верхъ, политыя горячей водой, или на „жлукто“, въ которомъ золить сорочки, также на паръ, подвязывая больного вѣнкомъ изъ лука. Дѣтей купаютъ еще въ калачикахъ (*malva rotundifolia*. L), сорванныхъ на Ивана Купала и тогда же засунутыхъ на верхъ.

Глисты.

„Воно таке, якъ червякъ. Бувають такі, якъ починокъ. ¹⁾ Йе и тава глиста, якъ аршинъ. Якъ чоловікъ заводиться, и вона заведеться. Якъ вона вийде, то й чоловікъ умре. Глисты пють кровъ коло сердца. Якъ підійдуть, можна умерти,—пидуть ротомъ и задавлять“. Они размножаются отъ молодого картофеля, зелени, сладостей и дурной воды. Отъ глистовъ пють: „четвергове, чытворне насиння“, т. е. цинтварь (*flores cynae*), одинъ или съ калиной и медомъ, сѣмена любистка (*levisticum officinale*), цминъ, молоко изъ овса или коноплянаго сѣмени. Принимать эти напитки нужно на исходѣ мѣсяца и трижды провести у себя межъ ногами на порогъ.

Водяная.

Отъ брюшной водяной, болѣзни по народнымъ понятіямъ неизлѣчимой, помогаютъ: сухая пара и ножныя ванны въ солевой водѣ съ высивками.

¹⁾ Аскарида.

Воспаленіе печени.

Воспаленіе печени, бывающее отъ печали, досады, побоевъ, признается народомъ весьма опасной болѣзнію. „Якъ печинка одбыта, запортытся, загниѣтся, то вмира чоловікъ“. Нужно ѣсть натошакъ печеные бураки, пить: керосинъ или сокъ черной рѣдьки и мазать больное мѣсто ими-же.

Жовтяниця. ¹⁾

Желтуха (*icterus*) случается, если вступить въ соръ, въ воду, вылитую до восхода солнца, въ менструаціи; также если кто явится на родину въ нечистой, окровавленной рубашкѣ. Отъ желтухи купаютъ дѣтей въ теплой ваннѣ съ примѣсью: буржуна (*mellilotus officinalis. Lam*), гвоздикъ (*tagetes erecta. L.*), горыщита (*adonis vernalis. L.*), калины, конопли, матирки, товстухи (*gentiana cruciata. L.*), моркови, какое средство указано: у Чубинскаго ²⁾ и Ящуржинскаго, ³⁾ воцинъ и мелкаго серебра. Пить настой изъ вѣнчальнаго кольца. Къ печени прикладывать въ мѣшечкѣ холодную землю. Весьма распространенъ способъ передачи желтухи живому существу, для чего ловятъ живую водную мышь и, вынувъ ей глаза, вѣшаютъ на шею больному на 9 дней. Прикладываютъ къ печени живую цѣлую или посѣченную рыбу, „вона потягне жовтяницы“. У валлоновъ также прикладываютъ къ области печени живого линя или карпа, покуда послѣдніе не сгниютъ. Рыба должна взять болѣзнь и отъ нея — умереть. ⁴⁾ По Чубинскому, на шею больного вѣшаютъ линя, пока послѣдній не сдохнетъ. ⁵⁾ По Далю больной долженъ держать въ рукѣ живую щуку, пока та не уснетъ. ⁶⁾

¹⁾ О лѣченіи отъ нея же дѣтей въ моихъ «Народ. обрядахъ и пѣсняхъ Луб. у., 32.

²⁾ Тр. эксп. 1, в. 1, 103.

³⁾ Киев. Стар. 1889 г. VІІІ, 525.

⁴⁾ E. Monseur. Le fl. wal., 26.

⁵⁾ Тр. 1., в. 1., 113.

⁶⁾ О повѣр. 84.

Запоръ мочи.

Отъ этой болѣзни пьютъ: толченый „кришталъ“¹⁾ (хрусталь, стекло), воду пополамъ съ молокомъ, взболтаннымъ до пѣны, отваръ сокирокъ (*delphinium consolida* L.), ромашки (*matricaria chamomella*), укропнаго сѣмени (*anetum graveolens* L.) и петрушки (*petroselinum Sativum* L.), показанной мочегоннымъ средствомъ и въ Свѣд. о Полт. Губ. Богдановича, на стр. 54.

Сифилисъ.

«Пранци» бываютъ: 1, наследственными—„такой родъ паршивый, такой заводъ“, 2, простудными—„простудился чоловікъ, запортылся кривъ, одерываются раны“; такое же убѣжденіе встрѣчается и въ другихъ частяхъ Малороссіи; 2) 3, заразными.

„Колысь пранцюватыхъ мало було. Живка вайшла сорочку и надила. Напалы пранци и семья заразылась“. Отъ него принимаютъ во внутрь 1—2 мѣсяца *decoctum Zittmanni* съ кореньями *Sarsaparillae*²⁾—дѣлають ванну съ разсоломъ и ольхой. Раны присыпаютъ водчьею костью и мажутъ „цинобрю въ манкуріемъ“, теперь и давно практикуемымъ въ Малороссіи средствомъ⁴⁾

1) То же средство—хрусталь, конопляное молоко и петрушку пьютъ отъ половой неспособности. Пьютъ также сырыя яйца. Поздній выходъ ядра изъ брюшной полости признается природнымъ неизлѣчимымъ недостаткомъ, и такого человѣка называютъ гылунь, но допускають возможность такого явленія «одъ недогляду: дыгына утягла ядро, скленчатила», или если родители сожгли клинья, приготовленные для раскалыванія дровъ. Лѣчатъ купелью, въ которую бросаютъ тридцать клиньевъ изъ обрядовыхъ деревецъ клена, поставленныхъ на Троицу и сдѣланныхъ тѣзкой больного, обкладывая послѣ того больного смѣсью воды и земли изъ четырехъ клиньевъ перекрестка.

2) Фельдшеръ 1898 г. № 18, 481).

3) Манжура. Сбор. И.-Ф. Общ. II. 157, Шаповаловъ. Фельдшеръ 1898, г. № 18 181.

4) А. Баловъ Фельд. 1898 г. № 18, 466, Киевск. Стар. 1895 г. X, Док. 4-

Чрезмѣрное отдѣленіе менструальныхъ кровей ¹⁾.

По мѣстнымъ народнымъ наблюденіямъ, чрезмѣрныя менструаціи бываютъ послѣ продолжительной остановки кровей, поднятія тяжестей, непосильныхъ трудовъ и также отъ слѣдующихъ причинъ: когда въ однихъ и тѣхъ-же ночвахъ моютъ окровавленные рубашки двухъ женщинъ, то у одной можетъ совсѣмъ не быть менструаціи, а у другой будутъ вдвое большія; если женщина вступитъ въ воду, въ которой обмывали родильницу послѣ родовъ, или въ которой мыли окровавленную сорочку, или на мѣсто, гдѣ мочилась родильница. Отъ излишнихъ менструацій пьютъ отваръ деревія съ дерезой и кладутъ къ животу холодные компрессы. Наблюдаютъ, чтобы воду послѣ отжатія рубашки вылить подъ „глухой“ дубъ, т. е. не роняющій зимой листьевъ; гдѣ онъ есть. Женщина, отжавъ рубашку въ негодномъ горшкѣ или казанкѣ, идетъ съ нимъ на рѣчку и, набравъ въ него воды, дважды выливаетъ обратно, а третій разъ льетъ 9 ложекъ на рубашку, приговаривая: „мое пры мени, чуже хай иде за водою“. Горшокъ забрасываетъ въ воду, а рубашку, отзоливъ, носитъ, или идетъ къ рѣкѣ въ грязной рубашкѣ и, набирая воду мужской ложкой, дважды льетъ на рѣчку со словами. „оце чуже и це чуже“, третій-же разъ, сказавъ: „а це мое“ — себѣ на пелену (подолъ).

Уразъ матки.

Подъ такимъ именемъ извѣстно въ Малороссіи смѣщеніе матки, бывающее послѣ родовъ и тяжкихъ усилій. „Вразъ выхыть нанызъ, понакручуге гульки“. Отъ урара принимаютъ внутрь: водку, настоящую на папоротникѣ (*polypodium vulgare* L), аерѣ, калганѣ, померанцѣ, „субори“ (сабурѣ); также бѣлый буркунъ съ квасцами, „соломьякъ“ (нашатыръ), скипидаръ, мятныя, маточныя капли, раковыя шейки. Дѣлаютъ теплыя ванны съ при-

¹⁾ О женскихъ болѣзняхъ, осложняющихъ беременность и роды изложено въ моихъ Нар. обр. и пѣс. Луб. у. Отд. 2. Родины.

мѣсью гречаной соломы, сѣна, на которомъ ставилась кутья къ Рождеству, травъ, посыпавшихся на Зеленыхъ праздникахъ, и аера. Парять больную на камнѣ со смолой. Уразъ успокаиваютъ, опоясывая больную рушникомъ, въ которомъ святили пасху. Дѣлаютъ также куклу „изъ курякивъ, часныку и доброго дѣхтю, пересмажать“ и запускаютъ въ vagina. Шепчутъ такъ:

„Иду я золотымъ мостомъ изъ золотою патерыцею: патерыцею пидпыраюся, матки пытаюся: де ты народылася, де ты охрестылася, де ты й сватылася—на те мисце садыся, на те мисце крипностыся. Меласци нарожденій, мольтвяній, хрещеній.

„Матка, матыще! стань соби на мисци, на мистыщи, на ди-воцькому крыслыщи. Тутъ тоби не стояты, въ жылы не ппыгаты, свое дило сполняты. Тутъ тоби не селыться, тутъ тоби не кореныться, а тутъ тоби золотыться и на своѣму мисти окореныться“. (М. Снѣтинъ, отъ К. Приходькиной).

„Уразу, уразу, ты хрещеный и мольтвянный. Ты зъ маткою родывся, ты зъ маткою хрестывся. Тутъ тоби не стоять, жовтот кости не ламать, червонои крови не ссаты. Се не я вызываю, а се Матирь Божа выкликае. Господы Мылостывый, святии угодныкы Петро и Павло, Андрею и Мыколаю!“ (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Господы, поможы мени! Маты Божа, Мыколай угодныкъ Божый, великый чудотворче, поможы мени нароженій, мольтвяній, хрещеній Парасци вышиптувать уразъ. Я тебе й вышиптую, я тебе й выкликаю и зъ твого живота, одъ билого лыця, одъ щырого сердца. Уразе, уразочку! Надинь биленьку сорочку та покотыся маковымъ зернычкомъ. Тутъ тоби не стояты, жовтот кости не ламаты, червонои крови не пыты, лыця не тошныты, сердца не вялыты. А йды соби на свое мисто, на золоте кресло, де тебе Господь узаконывъ, на мисти постановывъ. Тамъ тоби пытинье, тамъ тоби йидинье, тамъ тоби легке одпочывання. Ишла баба мостомъ, пидпыралася золотымъ ципкомъ: И встричае самъ Спасытель и Маты Божа.—Куды ты, бабо, идешъ? Иду нарожденній, мольтвяній, хрещеній Парасци шептать, одъ уразу помагать“. (С. Литвяки, отъ Гаяны Куриченковой).

„Ишла я мѣстами, пидпыралась золотымы кѣстами, зострила мене Божая Маты: куды ты, нарожена, мольтвяна, хрещена Софіе? Пиду нароженои, мольтвянои Варкы одъ уразу шептаты, Господа Бога прохаты. Уразъ, уразыще! Поруха, порушыще! Якъ тебе Господь завязувавъ, сядь соби на мисти, на золотому кресли. Тутъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, сердца не вялыты, жылъ не тягты. Не я вышиптую, Маты Божа вышиптуете, Маты Божа выклекае, одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ ногъ, одъ твоеи головы, одъ твого ровного ¹⁾ лица, нарожденной, мольтвянои, хрещенои рабы Божой Варкы“. (С. Хорошки, отъ Софіи Сысиной).

„Поможы мени, Маты Божа, сѣю матку прыпыныты и сѣго уразу остановыты и золотныча, Божого чоловіка, уякорыты. И не я жъ ихъ вызываю и не я помичъ посылаю. Поки не стала я знаты, одъ Бога помочи прохаты; и вси небесни апостоли станьте мени у помочи. Поможы мени, Маты Божа, сѣго уразу остановыты. Ишла Матиръ Божа золотымъ мостомъ и золотымъ ципочкомъ на Осіянську гору пидпыраючысь и до рабы Божой Маріи поспипаючы и сѣго вразѣ прыпыняючы. И ты уразъ, уразыще! И ты ёму братъ и сесгрыця, изъ матычныкомъ, изъ Божымъ чоловікомъ не зустрічайсь и на свое мисто зостановляйсь. Ты, матошныче, ты й Божій чоловіче! Ты стурбована, ты спрацѣвана, ты насердна, ты й болюча, ты й болюча, ты сопротывиа и стритена, и позавыдувана. Аминь. И судъ судомъ, и виць викомъ. Ты, золотныче, Божій чоловіче, оставайся на своєму мисци, на золотому кресли“. (Д. Солонця).

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ румянаго.

СТАРЕ И НОВЕ.

(Оповідання).

Штенний був чоловік Яків Демидович Чаплій: ходив похнюпывшись, носив довгі, значно вже сиві, кучеряві бороду і вуса, волосся стригъ низько, водягав влітку черкасиновий пинжакъ, взимку—доброго чорного сукна свитку, а на вулицю—ягнячий покриваний байбаракъ.. Був Чаплій дубенський мищанинъ-кравецъ, щ то не зъ абы-якихъ, а зъ найкращихъ, заведено родимий зъ батька-зъ діда дубенський цеховий. То й не диво, що мавъ винъ добрі заробитки, порядну майстерню, наймавъ трѣхъ підмайстеривъ, ще й державъ у науці хлопця, якого привчавъ потроху до майстерства, загадуючи грити самовари, бигати по крамницяхъ, на базаръ, туды-сюды, звичайно, куды ёму треба. Велося Чаплієви не погано: свій грунтъ, своя хата, на першій мистині біля крамниці та базарю; у господи не було нестатківъ, по-всякъ часъ моталася жива копійчина, мався вільний часъ і одпочити і посидити зъ товариствомъ у шинку, який бувъ чы не поручъ Чаплієвого дворища, а робота набигала сама, якъ рыба у ятірь: чы зайшовъ хто до крамниці набраты краму, загадає покликаты кравця,—никто далеко не бигтиме: ось тутъ Яків Демидовичъ; прибіжать, покличуть,—винъ і не хапається, а иноді ще для хворсу спытає: „А хто тамъ? зажде!“—або почне бидкатыся у голосъ, щобъ усякому було чутно: „Ну і жыття! ни на хвыльну не дадутъ спокою,—одно: сипають“. У хати въ себе Чаплій додержувавъ старого звичаю: жинця не потуравъ, дітей нагонивъ, підмайстривъ за непорядокъ чы підъ сердиту руку потырювавъ, та й не злегка,—а служыты въ ёго проте було добре: видпочывокъ по звичаю, йижа якупи зъ хазяинами, ча-

сомъ йе й чарка горилкы, а насампередъ, якъ зъ предквивъ велоса, любивъ Чаплій и самъ видпочыты та погуляты, то не всёго и догляне.

Отъ-же хочъ и въ добрій, а не дурно переживъ винъ на свити свои пятьдесятъ годъ зъ такомъ и черезъ те бувъ суворый, не любивъ марно паякаты, а непрывитни темни очи часто займалыся ёму злымъ полумямъ. Тилько було у кумпаніи та за горилкою трохи видмяка; слуха, слуха, що люде балакають, та одно до чаркы простягається; якъ-же обсядуть ёго дали спогады, назгадується, сердешный, про всяки крывды, яки ёму колы зчынено, та все смутнишае, часомъ ажъ заплаче... Таку мавъ вже винъ вдачу—довго памъятаты свои крывды. Але властво доля зрадыла Якова Демидовыча зъ того тилько часу, якъ осився у Дубняхъ новый кравецъ—Кибецъ.

Взагали Якивъ Демидовычъ не бачывъ раціи прыятелюваты зъ кравцями, бо порядне товариство легко було знайти у Дубняхъ и не зъ кравецького цеху, а городъ бувъ не такъ вже великый, щобъ часомъ кравецъ не пошкодывъ кравцеви заробитку. Проте, знаючы свою вартнисть и мистецтво, не звертавъ винъ на кравцивъ и великои увагы—отъ якъ цымъ разомъ и на Кибця, бо тилько за-для цикавости и мовъ ненарокомъ пишовъ глянуты, де винъ осивсь, яка въ ёго вывиска та яекый симъ изъ себе. Ажъ въ кинци города уздравъ Якивъ Демидовычъ вывиску: „*Вновь прибившій зъ Кыюву военный и партыкулярный портняжійхъ делъ майстеръ Прокопъ Кобецъ*“; „*пыймае заказы*“—було прималёвано дрибнише та ныжче.

— Мабуть що зъ Кыюву!—не давсь на оману Чаплій.—Любисинько десь у мистечку налупылось ихъ въ батька чоловіка десять, то й розлазятся, якъ руди мыши;—йй-Богу такъ! А хочъ и зъ Кыюву, то певно цяця! Хыба зъ Кыюву сюды путнёму йхаты? То вже свій майстеръ, родимый, хочъ ёму и у Москви лычло-бъ, повиненъ вже тутъ сидиты...

Змиркувавши усе такъ гараздъ, Чаплій заспокоеный подався до-дому. А згодомъ, якъ познаёмывся зъ Кибцемъ, хочъ прыатели не прыатели, а якъ обачнисть велыть, де стринется, привитається: „*якъ ся маєте?*“—спытае, та й ровійдутся коженъ до своей кумпаніи.

Тымъ часомъ Прокипъ Ёсыповычъ Кибецъ заходывсь добуватысь роботы та завчаты до себе дубенське паньство. Бувъ винъ ще молода, годъ 30 людына, невеликого зросту, чорнява та дуже проворна. Ото якъ бижить пишоходомъ, ажъ дошкы ходоромъ ходють, а головою все круте, туды и сюды очыма позиркуе... Шамный! Облычя ёму кругле, чорни очи трохи вы-

тришкувати, а якъ було бадёрытся, та для хворсу выпина груди и зпынається навшпынячкы, Кибець—кибець и йе! Але найгирше не подобалося поважнымъ людямъ, хочъ-бы и Чаплієви, що Кибець занадто вже и на языкъ гострый и на штуку меткый, и то чы у кумпаніи, чы выбрехатыся въ закащыка чы й передъ началствомъ,—нацокотыть повни вуха. „Отъ балака, балака,—наплеще“! не вхвалявъ Чаплій, бо й здавна не любывъ швидкохъ, та й не даремно, бо не черезъ що, якъ черезъ довгий Кибцивъ языкъ, де-хто зъ панивъ подавали Кибцеви роботу, та якъ трапытся въ шытви въ Чаплія помылка, то докорялы ёму Кибцемъ. Чы-то-жъ любо? Ото-жъ, якъ набрыдне ёму таке слухаты, винъ тилько головою крутне, та такъ вже вызразно, що, мовлявъ, и лаяты Кибця не треба.

Доводылося—и Кибцеви докочялы Чапліємъ, такъ се-жъ инча ричъ,—такого майстра, якъ Чаплій, яке и диво, що хвалять! чому Кибцеви и не послухаты?—Отъ-же винъ на те не вважа; якъ почуе за Чаплія добре слово, такъ ёму мовъ зъ дывовыжи пыку й покрюче; зтулыть таку хымерну, ще и зитхне, бучимъ образывся, и видасть:—Не знаю, адже панъ прокуроръ улюбывъ Чаплія, та вы мабуть не бачылы прокурорсько-го сертука? Мусыть теперь не добачаты, а тамъ мижъ поламы зваду така щыльна свитытся! Не знаю, чы прыумивъ-бы я таку стулыты? Але вже якъ-бы прыумивъ,—новый-бы сертукъ своимъ коштомъ справывъ, абы не страмытыся!

Ну, заведено, николы не втрачялы ни Чаплій, ни Кибець марно слова, щобъ выхваляты одынъ одного, а все-жъ тяглося ще якось, покы не втаскало на лыхо Кибця купыты грунтъ побиля Чаплієвого.

— Бувъ въ мене, згадувавъ описля Чаплій, сусида якъ сусида, чоловикъ порядный, майстеръ, мидныкъ. Заведено, безъ сваркы не можна: тамъ чы диты заведутся, чы порося кризъ тынъ продерется, здймутъ бучу жинкы, за ими часомъ и мы одынъ одному батькивъ нарадаемо, та й пѣтимъ... Все-жъ ніякый панъ замисць сертука у казанъ не влизе, а ни у сертуци буде воду гриты... Та схотилося тому мидныкову зпродаты грунтъ и прыспичыло Кибцеви ёго зторгувати. Заведено, непутяща людына: чого заманется незмиркувавши—згынь та давай!—

Ще и дила не було, тилько перемовлятыся почалы, а вже Чаплій, навмысне стривши, казавъ Кибцеви:

— Отъ бо, Проконе Ёсыповичу, не купуйте сѣго грунта! Хрыстомъ-Богомъ просю васъ: не купуйте! Ничого ще я въ васъ не прохавъ, послухайте сей разъ, бо не буде ни вамъ добра, ни мени.

Де-жъ пакъ такий послуха?! ще й ровсерднвсь, трохи не вылаявъ, а по-за очи таки й лаявъ. А грунта ще гирше ёму зюртило: мовлявъ, Чаплій боится; мени, виходить, корысть буде,—и купивъ.

И отъ, якъ ввирвалося Чаплієви: чы забарывсь, колы кличуть у крамныцю до закащыка, прийшовъ, а Кибець и мирку здйма, та ще такъ гостро дывытся. Вылаявъ-бы вражого сына, та крамари не велать, то й не можна. А то ще взявъ яку моду—зъ пидъ ворить Чаплієвхъ закащыкивъ перечеплюваты.

И на таки штуки зпустывсь: ледве перевивсь, усихъ панивъ выбигавъ, неначе оповистыты, де жытyme; зайде до пана, ще и выбачення прохае, що турбацію зчынивъ ихній мылости: „я, мовлявъ, людина маленька, шкода роботу втерять. Купивъ я соби хыбарочку, зъ останнёго стягся. Спасыби, що мене заказамы не мыналы та допомоглы. Хто-жъ, якъ не вы, насъ и на свити держыты!“ Улестыты панивъ,—воны вже до ёго зъ заказамы и вдруге. А Якивъ Демидовычъ на се не згодентъ, пидлещуватысь не буде, отъ ёму и невыгода.

— Просто мовъ зъ воды йде той Кибець, а мене вже такъ прысадыло, такъ прысадыло!“—сердыто думавъ нышкомъ Чаплій та никоу не хвалывсь: гоноръ заборонявъ, а чые тилько—серце кыпыть-закынае, и одна ёму у голови думка: якъ-бы того Кибця приборкаты. Де-що таки и выгадавъ, та ще вагавсь; здавалося, поганый ладъ кращый за добру сварку. Отъ-же наспивъ такий случай, що годи було даруваты,—хочъ кому-бъ терпець увирравсь.

Одного дни Якивъ Демидовычъ сидивъ спокійненько за роботою, колы стара ёго вбигла у хату зрушена якоюсь-то во-выною.

— Якъ-бы ты бачывъ кумедію! Пораюся я соби у двори, и байдужисинько. Ось несуть зъ Кибцевого дворища тры жыды картузивъ жыдивськыхъ тры купы, одынъ на оденъ понастромлювани, цилый ярмарокъ! Отто проноза! накравъ лыбонь пма-точкывъ та й заходывсь зрмулы тулыты.

— Тьфу! вражого сына вышывзрокъ!—плюнувъ Чаплій,—не всоромывсь кравецтво паскудыты!—И, взявши картуза, подавсь глянуты на чудасію, а звидты и до „Немынаю“ поглузуваты зъ Кибця.

У Дубняхъ Кибцева выгадка була новыною, але якъ не дывувалося товариство у „Немынаю“, а справжнёго сливчугга Якивъ Демидовычъ не знайшовъ.

— Що-жъ тамъ такого? Качества у цимъ, кажуть, немає.

Це вже найдужче розсердыло Чаплія, що люде на Кибцеву руку горнуть.

— Ще не качество? Де-жъ це чувано, де-жъ це выдано?! Колы ты кравецъ,—кравцой, а ярмулкъ не шый! Чы вже-бъ такъ кравецькый хлибъ зныщывся? Атъ, гадюка!—несподивано скинчывъ, прытомывшись довгою промовою, неговиркый Чаплій и, сердыто стукнувши кухлемъ по столу, звеливъ вточыты соби пыва.

— Тамъ якъ не хытайте головами,—сердыто гадавъ винъ,—а я якъ облупленыхъ васъ бачу, що вы нышкомъ хыхкаете та ще й радіете.—И, выхыльшы кухля, зновъ брязнувъ нымъ по столу, та зновъ веливъ наточыты. Що-жъ, цилуйтєся, мылуйтєся зъ вашымъ Кибцемъ, а я дамся ёму у-тямки, подумавъ винъ та и подався до-дому, а про те ще може-бъ и не зробывъ того, що зробывъ, якъ-бы, идучы повзъ Кибцеве дворище, не побачывъ, якъ ввидты йде давній ёго закашыкъ, прокуроръ, и препаскудный Кибецъ, выражаючы бижыть ёму збоку, безъ шапки пидтюпцемъ та одно, вклоняючыся, покотытъ:

— Будьте певни, ваше высокородіе, будьте певни! Такого сертука вчыстымо! Буде якъ найкраща амуниція, одно слово—першый розборъ! не сумливайтесь!..

Диждавшыся, покъ винъ оступився, Чаплій наздогнавъ прокурора и, нызько вклонившыся, чымъ та докирливо обизвався:

— За вищо, ваше высокородіе, зминялы мене на Кибца! Чы я-жъ не догождавъ вамъ? скилько годъ шыю?..

— Але погано шыешъ и дорого!—видказавъ ще осмихаючыся прокуроръ, задоволенный тымъ, що выторгувавъ щось въ Кибця на шытви.

— Де-жъ тамъ, дорого, ваше высокородіе? вы поличить: дешевше далєби не можлыво, и такъ слыве нема заробитку.

— А чомъ-же Кибецъ бере дешевше?

— Кибецъ мошенныкъ, Кибецъ выстєба вамъ машыною, Кибецъ зробе абы-якъ, и шытво ёго подерется за мисяць,—побачыте, колы я брешу...

Чаплієви ще кортило додаты, що Кибецъ злодій, покраде шматочки та нашые зъ ихъ картузивъ, тилько цєго вже ниякъ було казаты, бо и самъ Чаплій зроду не звертавъ прокуророви окройкивъ, тилько що йшлы воны въ ёго на цяцкы дитямъ, а не на картузы.

А прокуророви вже обрыдло слухаючы, тымъ найбильше обрыдло, що и самъ винъ довго вагався, чы гараздъ буде одкынутыся давнёго майстера, але вже колы вважывся,—не впо-

добавъ слухаты докоры. Зъ якои речи? чы видкупывъ мене Чаплій, або що?—и зненацька розсердившись, прокуроръ выгукнувъ:

— Видчепись, самъ ты мошенникъ! людей дурно порочышь. Не хочу тобі давати роботу, та й все. Кому схочу, тому и даю!

— Спасыби-жъ вамъ за таку пану, за довгу службу!—зъ дражливистю видказавъ Чаплій и, якъ стоявъ, подався у полицію.

Довгенько попостоявъ винъ тамъ, обипершысь на одвирокъ, покы справникъ знайшовъ хитъ та вильный часъ спытаты:

— Що тобі, Чаплію?

— За свою обыду, ваше высокородіе, мылуйте, пожалуйте! Сусида йе въ мене, Кибецъ, не дае у свити жыты, усе дворище запаскудывъ—немае въ ёго помыйной ямы.

Справникъ такъ и покотывсь зъ реготу.—Годи тобі, старый! не робы клопоту: хыба це первына? зроду-жъ мабутъ ямы не було?

— Ни, ваше высокородіе! будь ласка, розсудить вже по закону. Буде зъ мене Кибцевыми пахощами дыхаты,—остобисило.

— Ой стережись, Чаплію! запанивъ дуже! Гляды, чы и въ тебе йе?—обизывався здывованный справникъ.

— Въ мене, ваше высокородіе, йе,—я законъ поважаю; велыть законъ, я зробывъ—збрехавъ Чаплій, думаячы, заразы звернувшись до-дому, зробыты яму.—А отъ Кибцеви вы вже, прошю мылости, дайте порядокъ!

На правду, Чапліеви було байдужисинько, чы йе яма. Завжде воно такъ велося и до закону и писля закону,—обыдва господари выльвали помыйи на межи по-пидъ тыномъ; трохи воно и видносило, та хто-бъ тамъ дослухався, а поросята, якыхъ завше выгодовувалы обыдвы господы, борыстувалысь зъ того звычай, збираючы де-що по помыйицахъ. Але-жъ такъ було зъ мидныкомъ, не зъ Кибцемъ! И Чаплій, радіючы, що пидвизъ ворогови штрапа, похонився до-дому та заходывся била ямы.

— Чы ты зъ глузду зсунувсь, старый?! Що се ты робышь? здывовалась Чапліиха.

— Цыть, якъ ничого не тямышь! Побачышь, що буде, якъ треба буде, а то ще розплещешъ.

— А що-бъ тамъ було? дурныця!—пхынула жинива.

— Не жиначого це розуму діло,—отъ що! А помыи щобъ сюды сычала, а то я и за комиръ позасыпаю, навчаюче видказавъ Чаплій та зновъ взявся до ямы; ще и давни помыища мовъ на грады поперекопувавъ.

Вранци другого дни на Кибцеве дворище прийшовъ околодочный робыты протокола, и якъ не просивсь Кибецъ, якъ не обидавсь пошыты щось околодочному, той хочъ и самъ жалкувавъ, безъ Чаплія нищо мавъ зробыты. А Чаплій вийшовъ на рундукъ до себе, позакладавши руки за спыну зъ поважнымъ выглядомъ, мовъ до ёго и не дотыкалося, и тилькы сердытый осмихъ, проблыскуючы на выду, появлявъ ёго задоволення.

— Бога бійтеса, Якове Демыдовичу! Чымъ я Вамъ на перешкоди? Ну, я зроблю, колы вамъ треба, яму,—даруйте на сей разъ!—кланявся Кибецъ, надійшовшы надъ тынь.

Та Чаплій мовчавъ.

— Чуешъ, старый! чоловікъ повиняетса, помыры бо!—обидзавсь и околодочный.—Чы варто абы-чымъ начальство клопотаты?

— Не можу, ваше благородіє! хай шануетса!—уперто видрубавъ Чаплій, не вважаючи и на те, що зробивъ непряемність околодочному.

Нищо було тому робыты,—мусывъ пысаты протокола.

Зажурывся Кибецъ: шкода ёму, и не такъ того штрапа, якъ того, що тухтій и дурень Чаплій имъ коверзэе та опорочывъ ёго чесну хату, що трусылы іи, мовъ злодійську. Думкы про се не давали Кибцеви спокою; не здолавъ винъ вже, якъ попереду, навертаты ихъ на шытво цилкомъ и робывъ разъ-уразъ таки помылкы, що намайвъ-бы за ихъ вуха и тому хлопцеви, що вчывся у ёго рукоместву.

Зъ жалю постачывъ винъ пидмайстрамъ лайкы повнисиньки вуха, такъ, зъ доброго дыва, кынувъ шытво та й пишовъ сновыгаты по дворищу. Тупався, такъ абы-соби, мовъ шукавъ, до чого-бъ прысыкатыся, колы ось навязъ ёму на очи Чаплиивъ лэхъ, що заблызъко прытулывся по-пидъ самисинькый ёго тынь. Непрыхильно глянувъ на ёго Кибецъ разъ, глянувъ вдруге, та ажъ вдарывъ зъ розгону соби у лоба рукою, такъ мовъ ёму вывдынилось, чого доси не бачывъ.

— Крышка тобі, Чаплію! зрадивъ винъ,—а хто-жъ мени забороне зробыты помыйныцю зъ твого лэху?! Побачымо, зъ

кого буде дурень?—И заспокоєнний Кибець подався у хату, загадав жинці наготувати добру вечерю та, сивши зъ роботою до гурту, не вгававъ приставляючи шутки. За хазяиномъ пидбадѣрылися и пидмайстры, и пишли у майстерни жарти и спивы коло гасочки, що до неї вси зкупчылися зъ роботою, якъ прусаки до свитла. Та хочъ и дуже кортило Кибцеви покорыстуватися зъ чудовомъ выгадки, але винъ не хапався зъ нею, дождаючи суду: чы не пошмется тамъ Чаплій у дурни, бо, не бувшы запеклою людною, не хотивъ караты Чаплія на-двое.

Та судъ мывувъ. Зъ Кибци присуджено пять карбованцивъ штрапу та выправлено пидпыску, що выкопа яму за тыждень. Пыльненько выпысуючы на пидпысци: „Мищанынъ Прокипъ Кибець“, винъ пидвивъ голову и покирлыво та пидкресляючи обивавсь до судди:

— Та цієи пидпыскы хочъ и не берить, ваше высокородіє; не за тыждень, а сёгодні такы зроблю яму. Выбачте вже тилько, якъ що Чаплій не дуже нею зрадіє. Воля ваша, а мени проты ёго дурнемъ буты не можна.

Та суддя, що, поспышаючи до-дому, згортавъ папери и не гараздъ прислухався, видповивъ тилько:

— Та пышитъ-бо, пышитъ швыдче.

— А ну, хлопци, берить заступы, та копаймо не линуючысь, а ты, жинко, готуй помыи, поновымо яму, та не шкрудуй ихъ, несы помыйныцю повну!—жваво показувавъ, повернувшись зъ суду Кибець.

— Кажы краще, якъ судъ?

— Що тамъ, судъ! Ну, пять карбованцивъ штрапу!

— Присудылы?

— Эге!

Кибчыха вже збиралася и голосыты.

— Годи тобі, давай краще помыи!—порядкувавъ Кибець, своею байдужистю дывуючы жинку, що хотила ёго вже лаяты.

Пидмайстры тежъ поглядали дывуючысь и тилько вже, колы Кибець появывъ, де копаты, уси въ голосъ сказали: „Угу“! Такъ, такъ, але ниhto не выгадавъ попереду, тилько самъ Прокипъ Ёсыповычъ.—

Не гаялася вже и Кибчыха, але якъ на крылахъ прытягла здоровенну та повну у-щертъ помыймыцю.

Не довго досталося и копати. Небавомъ одинъ зъ хлопцивъ почувъ, якъ ёго заступъ проскочывъ у дѣхъ.

— Стережиться, панове! вже намадавъ,—гукнувъ винъ.

Копачи вразъ проштырхали решту земли, грудки загуркотили у яму, и передъ очи товариства зъявивсь Чапливъ лёхъ зъ картоплею, квасивомъ та инчимъ запасомъ, що придбала на рикъ хазяиновита Чаплиха.

— Сыпъ, сыпъ! порядкувавъ Кибецъ, и хлопци, вхопивши помыйныцю, шугнули зъ нею, замахуючыся, щобъ заляпаты у лёху яко мога глыбше.

На Чаплиевому дворищи знявсь лементъ. На свою голову, Чаплиха запизно вгледила Кибцевы заходы и ажъ тоди прыбигла рятуваты свое невсыпуще гөрювання, колы помыи вже перенивечылы усе. Вона ажъ у полы вдарылася и сразу не мала сылы и слова вымовыты,—слёзы пидперлы їй голосъ; вже за хвилью мовъ выхопылысь ии тремтячи докору та лайкы:

— Бога вы не боитесь! Що вы мени наробылы? Розбышакы, злодіи!..

На гукъ наспивъ и Чаплій. Ёго мовъ хто по голови триснувъ, якъ побачывъ винъ, що заподіялося. Винъ ажъ назадъ прыгнувъ, очи ёму понапывалыся та почервонили, и, лаючысь заклътовано, сишпувъ винъ до тыну зъ кулаками.

— Бажавъ есы помыйнои ямы? Маешъ!—зле регочучысь драгувавъ зъ-за тыну Кибецъ.—Хай тебе лисного дидька чорты вдавлять! Бажавъ есы у моёму дворищи хазийнуваты? Корыстуйсь!

— Якъ ты сміешъ? Яке право маешъ—чуже добро псуваты та переводыты, драпжынку проклятый!

— А въ тебе яке право, стара халяво, чужи грунты пидкопуваты?

— Зажды ще лишень, ось я на тебе, катюго, у судъ подамъ, згныешъ у острожи!

— Лизъ, лизъ у судъ! На себе швыдче острога знайдешъ! Бачъ, Святий-Божый, рыется у чужій земли! Може скарбивъ шукаешъ? Ще й мовчы!

II.

Чаплій побигъ зъ скаргою за лёха, Кибецъ ва зламаны межу... Обомъ не подобався ришенецъ и обыдва завелы апелляцію. Тымъ часомъ сварка розжеврювалася: Кибцеве порося ускочыло до Чаплія у двиръ, Чаплій перебувъ ёму ногу; „якъ не

можно по коню, то хочъ по голобляхъ“,—тишився винъ, а Кибецъ завивъ новый позовъ. Кибцеве хлопчыннѣ выбыло каминцемъ Чапліевѣ шибку, Чаплій вдарывся скаржытыся за гвалта. Розпочалася въ Чапліа и Кибця тяганына: одно—полицейськи тягалы имъ повисткы, одно—обидна вытрушувалы по судахъ та брехунцямъ остатни шагы. Пидмайстры тымъ часомъ линувалыся безъ догляду, загаювалы шывто, перенивечувалы роботу, а самы хазяины видъ повсякчасного непокою невдатни булы доглядаты дила и у вильну годину, а марнувалы їи по шинкахъ, бидкаючыся та гудячы одынъ одного.

Якосъ саме розійшовсь Якивъ Демидовычъ Кибця лаяты, якъ почалы ёго люде вмовляты:

— И що бо тамъ, Якове Демидовычу! не тягнить споркы, даруйте ёму, помырить,—чого на свити не бува!

— Не дарую и не помырю,—уперто видрубавъ Чаплій.—Хай у острози згниє.

— Знаете, судъ—така ричъ, хто зна чый верхъ буде: сёгодні вы ёго, завтра винъ васъ...

— Оцю здійму, а не покорюсь!—розсердивсь Чаплій, вытигуючы зъ-пидъ свыты комирь сорочки.—Чуете—не покорюсь!

Колы се обзывается одынъ ще молодой парубійко, бувъ такий у Дубняхъ, тежъ зъ мищанства, часовый майстеръ Рахманный, що вчысь трохи и у гимназїи, и майстерству такы справди у Києви, та й каже:

— Ну, то й загинете и вы, и Прокипъ Ёсыповычъ! чы вамъ краще буде?

Дывывсь, дывывсь на ёго Чаплій, ажъ очы вылушывъ. Не любывъ винъ Рахманного и давно. Таскало ёго, каже було, и по гимназїяхъ, и по Києвахъ, де вже воно не вїялося, та й выбежалосѣ таке великорозумне—усихъ вчыты. А цей разъ Рахманный спротывывся ёму у край.

— Хто це—Прокипъ Ёсыповычъ? пыта винъ такъ суворо, трохи не грима.

— А хто-жъ?—видказує Рахманный, ще мовъ дывуется.—Хиба не знаете? Кибецъ—Прокипъ Ёсыповычъ.

— Винъ?...

— Та винъ-же.

— То спасыби вамъ, добродїю! Приривнялы свыню до коня. Колы Кибецъ вамъ Прокипъ Ёсыповычъ, то краще вы до мене и не балакайте, а колы я вамъ Якивъ Демидовычъ, такъ винъ вже не Прокипъ Ёсыповычъ, а Кибецъ, Кибчыннѣ препаскудне, онъ-що!

Пыльно поглянувъ на Чаплія Рахманный, дали мовъ ёму по-мижъ вусамы осмихъ гадючкою перебигъ, але такъ ривно видказуе:—

— Шаную и васъ, и ёго. Моя воля—кого хочу, того и шаную. Що мени зъ того, що вы споритесь?

А тоди обернувся до усихъ та й каже: такъ, панове, пропащи наши товарыши—и Якивъ Демидовычъ, и Прокипъ Ёсыповычъ. Та що зробымо. Однаково не въ насъ тилькы и не самы воны,—мы, ремесныкы, уси згынемо, переведемоя на наймытивъ. Хто ранише, хто пизднише, а мусымо згынуты. Скризь-бо, де выявляється кращый заробитокъ, набігають люде зъ великымы гришмы, заводять великы майстерни, заводы, крамныци, прымають покупця и тымъ, що въ ихъ краще робытсѧ, и тымъ, що въ ихъ дешевше. А зробыты це можуть, бо роблять машынами, прыпасъ купують грунтомъ, и дешевше за насъ. А нашъ братчыкъ, ремесныкъ, лышається тоди безъ роботы, та й мусытъ иты до ныхъ у наймы. Ще якъ-бы мы схаменулыся та зъєдналыся вкупи робыты, то може и змогли-бъ ще змагатыся, бо тоди-бъ и мы свое дило широко впорядылы-бъ. Та се не можлыво, сами мы, не те вкупи робыты, а и простого ладу додержуваты не схо-чемо, а топытымемъ одно одного. А шкода! бо, якъ надійде та скрута, буде видъ чого оборонятыся—багато зъ насъ сылы вы-смокчуть, то треба-бъ купы держатыся. Воно и буде колысь, бида навчыть коржи йисты, та выпьемо доты великый кившъ лыха и будемо вже не хазяины, а робитныкы.

Якъ-же дослухавъ до краю це Чаплій, ажъ розсердивсь: що вы тамъ плещете нисенитныцю!—То-бъ то, по вашому, мени зъ Кибцемъ товаришуваты?—а не дигде! Не за насъ сказано: „гуртове—чортове!“ Ажъ ненавижу базикання!—скинчывъ винъ, и сердытый подався зъ шынку.

Але-жъ розсердився и Кибецъ, колы ввечери почувъ про таку розмову:

— Пророкувавъ-бы на свою голову, а то людымъ наврочуе! Дарма, по ёго не буде. Календари и инчы пророкы погоду угадують, та все брешуть. Такъ и винъ, вражый сынъ! А щобъ я зъ Чапліемъ робывъ у-купи? Згляньтесь, панове! Зъ якои речи товаришувавъ-бы я зъ дурнемъ, зъ якои речи передилявся-бъ зъ имъ заробиткомъ? Я працюю и въ-день и въ-ночи,—винъ лодарь. Я майстеръ,—винъ стара швайка никчемна, я мудрую та крутую головою, якъ-бы щобъ и дешевше узаты, и соби бильше вытягты, а винъ щд своею дурною посудыною выгада? Пху на ёго,—отъ що Чаплій! Та й напливъ-же, великорозумыкы!—скинчывъ Кибецъ и, знявшыся навшпынячкы, вылупывъ очы та закрутивъ головою,

а нарешти, мабутъ, щобъ краще довести свою думку, цвенькнувъ черезъ усю хату та засвистивъ.

Минуло зо два роки. Де дали обомъ господарямъ велося усе гирше. Обыдва позастановлювали грунты, завывуватылися и такъ по людяхъ. На тому-жъ майдани поставывъ ще майстерню новый кравецъ, Янкель Гершковычъ Тарноруцкый, и видбывъ мало не усю роботу и въ Чаплія, и въ Кибця, а вони якъ затяглыся у ворожнечи,—одно що рыпалыся по судахъ та адвокатахъ. Вже и адвокаты, що давнишъ страхъ яки булы чемни до Чаплія и Кибця, самы закыкувалы ихъ до себе, садовылы поручъ, трактувалы чаемъ,—теперь не давалыся на розмову, а якъ часомъ, выдершы останнёго пожыченого карбованця, и давалы пораду,—такъ недбало, цидячы кризь зубы, ажъ слухаты було крывдно. За таку пораду въ Чаплія ажъ сердце закыпало вылаять, та, боячысь лышытыся безъ жадной, винъ стыскувавъ лайку, а тилько зъ образы не втне було и прохаты гараздъ, а одно уперто торочыть:

— Будь ласка, зробіть ласку, панове!

Якъ-що и допомынався винъ часомъ свого, такъ черезъ те тилько, що не уси зъ дубеньскыхъ адвокативъ булы дуже смилыви, а очи въ Чаплія пры розмови зъ ными жеврылыся, якъ у вовка, невидступно пронизуючы порадыка. Кибецъ навпакы, не шкодивъ гонору; прохавъ зныщенно, вклонявся, хлыпавъ и набрихувавъ, бидкаючыся на Чаплія, щобъ зворушыты тымъ адвокатське сердце. Якъ що ёго выгонылы, кыдався цилуваты руки, якъ-же выпыхалы за двери, килька годинъ выстоювавъ на вулицы, щобъ переняты адвоката, колы той итyme зъ двору, зъ плачемъ чеплявся зъ своимъ, сикався цилуваты руки, покы, абы видчепытыся, не нанышуть, чого ёму треба.

Заразъ такы пisle цёго ишовъ винъ до шинку та розважавъ себе, лаючи адвокативъ:

— Кляти, прокляти! Лёду въ ныхъ середъ зимы не выпрохаешъ...

За цей часъ винъ страшенно зныщывся, ходывъ обшарпанный, густо пьяненькый; борода, що не видеынувъ винъ звычай ии голыты, та голывъ зридка, вызырала нечепурно; очи бигалы невпокоенно, давни жвавистъ та хытруватись ёго перевелыся на недоладню хапывистъ.

Въ ёго лышывся тилько одынъ пидмайстеръ,—решту винъ порозсчытувавъ по одному, якъ менчало работы: остильки винъ ще глядивъ свого дила. У Чаплія не було й одного, бо, хочъ

винъ и не здужавъ, чы не мавъ грошей ихъ розсчитаты, та, якъ Чапліиха надолужувала втраты на харчахъ,—вонь розійшлыся самы, ще й побылы Чаплієви викна за те, що не виддавъ имъ заробленого.

Жывучы поручъ, и Чаплій и Кибецъ заразы знали обыдва, що робытсья у сусиды, и кожна непрыемність одного неначе була втихою за-для другого.

— Чы вы чулы? Чаплій заставывъ свого грунта?

— Чы вы знаете?—въ Кибця ни зъ чымъ було сёгодня на базаръ итн; такъ не обидавши весь день и выклацалы зубамы!

— А въ Чаплія, дякуваты Богови, вже й пидмайстривъ чортъ-мае...

Такъ оголошувалы по городу, наче яку радисну новину Чаплій та Кибецъ, одынъ про одного глузуючы...

Минуло ще зверхъ року, и наспивъ слушный часъ попереду Чаплієви: грунтъ и хату ёго зпродано за довгы. Та дарма що и самъ Чаплій давно вже дожыдавъ на такый кинець, винъ и не запытувавсь вызволяться: не робывъ ничего, не шукавъ роботы и, хочъ облышывъ позвы, такъ черезъ те тилько, що не було чымъ, та й обрыдло. Весь день, а то и по килько днівъ, ныкавъ Чаплій по шынкахъ, ще десь, а до-дому надходывъ въ ряды-годы, абы вынайты щось на продажъ, попереду зъ струменту, дали и зъ господарськихъ речей, зъ одежи, то що; видъ симъи видбывся винъ зовсимъ. Жинка ажъ тремтила зъ гниву, дывлючысь, якъ винъ зъ упертою мовчанкою оглядае, цинуючы щось, на ёго думку, прыдатнише шынкарямъ. Вона зрывалася зъ мисця и зъ кулаками сикалася лаучы та докоряючы. Й справди доводилося тяжко: чоловікъ не дававъ їй теперъ на обихидку ничего; давнишъ, не заробляючы сама николы, вона не вмила ни заробляты, ни знайты заробитку, то й мусыла и сама зпродуватысь по-малу до найпотрибнишого, та крокъ за крокомъ переслижуваты, якъ руйнується їи оселя, менчи диты нидіють зъ голоду, бильши розбештуются, вештаючысь по городу, вызволяются крадижкою... Правда, вона не дуже-бъ журылася тымъ сама зъ себе, такъ-же знала, що за се и карають, и не поважають,—и їй робылося прыкро за дитей... На дали вона не зважувалась и думкою вакидыты, бо щось нибы вищувало їй жебрацтво,—и вона розважала себе, лаучы чоловіка.

Та той мовчавъ, мовъ не чувъ, и зныкавъ въ дому.

А про те не можна сказаты, щобъ Чаплій бувъ байдужый до того, що на ёго чекало. Навпаки, винъ страждавъ люто, та

мовчки, а не сылкувавсь рятуватися через те тилько, бо вже втратив надію на рятунокъ и воля ёго захляла.—

У сучасній громади власність наддає людям незалежність, незалежність—повагу, се виховує у нихъ якесь замылування до властности, —остилько сыльне, що вытворяє зъ людей справдешнихъ рабивъ свого ґрунта, грошей, або якого ще и инчого добра. Правдыво, жыття середнёи людныи—ёе цилковыта послуга цимъ маленькымъ фетишамъ, послуга щыра, ажъ до забуття первистного ихъ призначення... и для найменшого господаря зробытыся наймытомъ—ёе и вельке лыхо, и вельке зныщення... Такъ само и Чаплієви, дарма що у властній хати винъ бувъ вже направду старцемъ,—думка, що ёму, господарєви зъ батькивъ, зъ дидивъ, доведеться иты у наймы, здавалася такою несвицькою, що и не почувалось выразно, а якъ у тумани марою розплывалось передъ поглядомъ зляканого розуму... та почуття лыха через те не менчало, и винъ, такой упертый, такой недоступный на знесылля чоловикъ, ладєнь бувъ плакаты за своимъ дворыщемъ, за своимъ давнимъ кубломъ, де може и не все велось гараздъ, такъ за те винъ бувъ тамъ хазлиномъ. Це гнитыло ёго навить лужче, якъ сама боясть голоду, бо за симию Чаплій вже не дбавъ, останнихъ часивъ вона зробылася ёму зовсимъ чужою, а соби вже не мигъ уявхты ничего гиршого.

Колы спродано ёго хату, ёму дали ще два тыжни строку пережыты у їй, покы знайде соби квартиру. Та Чаплій и не думавъ клопотатысь за неи,—винъ жывъ такъ, мовъ ничего не зминылося. Що винъ почувавъ, нікому не було видко, навить жинка не могла выдобути зъ ёго ни слова, хочъ и лаяла и благала, щобъ порадысь, та щось робивъ. Але того дни, колы видбувъ строкъ, и Чаплій знавъ, що прыйдуть выкыдаты ёго зъ хаты, винъ не пишовъ зъ дому. Люде, немылосердно прыбыти лыхомъ, часомъ чують якесь задоволення вычерпаты ёго до крапли. Чы не було и въ Чаплія потребы цилкомъ перетерпхты руйнованья свого жытла? Винъ забывсь у кутокъ и непорушно сыдивъ тамъ зъ такимъ выгладомъ, що жинка не зважувалася и обизватысь до ёго. Такъ высыдивъ винъ зъ ранку, ажъ покы въ хату не увійшовъ судовый приставъ и зъ имъ поняти. Зъ-за дверей вызыралы ще килько-сь цыкавыхъ; по-малу вони почалы просовуватысь у хату; двери ниhto не зачынавъ,—вони стоялы навстижъ, и витєрь часомъ вхоплювавсь, мовъ на те, щобъ зробыты ще непрывитнишою, ще сумнишою зруйновану осєлю колышнєго господаря.

Пристаєвъ почавъ сварытысь, щобъ Чапліи заравъ-же выбыралысь.—Устанъ тамъ! чого розсылася? гукнувъ винъ Чапліиси, що не мала вже сылы и голосыты, а тыхо хлыпала, часто вты-

раючи заяложеною хусткою очы и нисъ. Жинка пидвелася, а диты, вчепывшысь їй у спидныцю, злякано дывылыся широко расплющенымы очыма на цяцькованого пана, що здавався имъ страшнымъ та лыхымъ.

Прыставъ провадывъ свое, а Чаплій слухавъ похылывшысь зъ выразомъ тяжкого болю и все ныжче хылывъ голову. Але осьь винъ пидвивъ чогось голову и прецинь нестямно глянувъ по хати; соромъ заслиплявъ ёму ихъ передъ цимы цикавымы, що такъ пыльно дывлятыся звидциль.

— Що се? чы не ввыжається ёму? чы й справи бачыть винъ—паскудна Кибцева пыка шыкрытыся зъ-за дверей, радіе ёго лыхомъ. Чаплій сипнувся до Кибця и гризно прошепотивъ ёму надъ саме вухо,—згынь, вороже!“

Якась сыла справи потягла Кибця до Чапліевої хаты, колы винъ побачывъ, що туды пишовъ прыставъ, та не можна сказаты, щобъ Кибецъ ишовъ потишытыся лыхомъ свого ворога,—навпаки: дарма що винъ не жаливъ,—ище, здавалося ёму самому, ненавидиъ Чапліа такъ само, якъ и попередю, та вже щось смоктало ёго коло сердца, якесь важке, невыразне ще, а гвѣтуче почуття: може озывався острахъ за себе, може прокыдалыся тыхенько ще невымовлени и соби самому докоры сумління? Але-жъ не глянуты у цю мыть на Чаплія Кибецъ не мигъ,—щось мывоволи штовхало ёго у Чапліеву хату, якъ отъ часомъ тягне злочынця подивытыся на свій злочынъ.

Та колы винъ почувъ страшный Чапліивъ голосъ, побачывъ ёго страшный выгладъ, Кибецъ пидъ впливомъ сёго почуття зтулывся прыгнобленный и зразу поплентавсь до-дому.

III.

Причъ заможнійшой частыны Дубнивъ, на гори, де мистылыся казенни буднвли, крамныци, панськи, крамарськи та заможнишого мищанства горныци та осели, де було и спродане теперь Чапліеве дворыще, значна частына города мостылася по узгирю, що спускалося уступамы до ричкы, та по килькохъ ярахъ, зъ якихъ инчи почыналыся у самому городи, а инчи обиходыли по-за городомъ, наче оточувалы ёго. Це булы правдыви нетри, де не скрызъ можливо було пройихаты и однією конячкою, а до богатѣхъ хатынъ поплелысь тилько узесевьки стежечкы, по якихъ и нишки не легко було допьястыся; по цихъ нетряхъ мешкалы наибиднійши дубенци, та и тутъ не скрызъ велося однаково,—и мижъ злыдняками буває выемына. Блыжче до ричкы по шырокихъ гырлахъ ярывъ мистылыся хочъ просто, та бильши,

у дві, три кімнаты хаты; слыве билиа кожною зъ ихъ булы садкы и огороды, а узенькы суточки помижъ загуцавилон садовины, зъ-за якои проблыскувалы били стины сихъ хатъ, соняшныхъ днівъ малы навить идыличный выглядъ. Найбезталанниша голота тулылася выще по ярахъ, а вже надто на найвыщій на усю околицю гори, такъ званому замчыщу, що выступала до ричкы на передъ усёго кряжа, на якому стоялы Дубни, та у вузькому, глыбокому яру, що починавсь у городи и робывъ килько крутыхъ заворотивъ, обходячы те замчыще зъ трёхъ бокивъ, на самому злобку ціи гори справди здіймалыся вгору, наче корона, высоки валы якогось давнёго городыща.—Тутъ мижъ валамы, по крутыхъ узгиряхъ замчыща на розкопанихъ у гори маленькихъ площинахъ и у самій глыбини яру, у страшныхъ тисноти та броду зтовпылыся обидрани халупкы найбиднійшого дубенського мищанства. Нызомъ по яру ледве струмывся смердючий потичокъ, по-декуды розливаючысь калюжами; уся тора рабила попилястими та рудыми смугами и плямами видъ смердючої покиды, що выкыдалы чимбари, видъ попилу, гною та смиття, що ими забывалы мешканци весняни та дощори вымоины.

У сёму яру знайшовъ соби помешкання и Чаплій. Шыты звидси на панство ничого було и думаты, та въ ёго вже не було и заказивъ: кравцивъ для простого люду у Дубнахъ и такъ було багато, привычаты до себе новыхъ закащывивъ було николы, бо Чапліеви треба було заробыты щось на що-дня, статы-жъ до якого кравця за пидмайстра,—на се винъ не мигъ ще прыстаты, сама думка про се гирко вражала ёго гоноръ.

Вышукуючы соби роботу, Чаплій погодився краще узаты на себе найтяжчу працю и ставъ за шеретовочныка на парову крупчатню, яку не вдовзи поставылы у Дубнахъ два жыды. Робота була дуже важка: дванадцять годинъ на день вергаты пяташудови лантухы зъ зерномъ, самотужкы переносячы и высыпаючы до коша зъ высокихъ буртивъ, якими выкладалися воны у шеретовни, на день зъ сто шистьдесяъ, доглядаты причъ того зъ пьятнадцять машинъ, мазаты ихъ, пересыпаты ремени жывыцею, то що, робыты се тыждень въ-день, тыждень въ-ночи, а разъ-на тыждень, колы робитныкы переставлялыся: ти, що робылы въ-день, ставылы на ничъ, а ти, що въ-ночы—на день, гынуты за цією працею врьдъ двадцять чотыри годины, маючы за те ажъ въ кинди тыжня спочывку такожъ суткы. Та Чаплій бувъ грубезный чоловикъ и покладавсь на свои силы, а на крупчатни все-жъ такы плачено бильше, якъ пидмайстрамъ въ кравцивъ. Покры ще въ ёго затримувалыся хочъ якись урывкы властности, се не такъ ёго обходило, бо винъ, здавалося, втративъ бувъ

саму вдатність думати про свої грошові справи, але, видколы збувся усього, винъ наче схаменувся и яснице зрозумивъ свое становище. Саме те, що не мавъ вже жадной предкивської пидпоры, що треба було жыты зъ праці, не зъ властности, такъ знепокоювало ёго, що теперъ частише, якъ колы-будъ, захожувався винъ выличуваты що до копійкы свои потреби та свои здобуткы, миркуючы, якъ вызволытыся зъ йижы. Тымъ часомъ, дарма що Чаплій и справди бувъ досыть ще дужый, вмнъ даремно покладався на себе. Надсылна праця, ночи безъ сону, важка курява зъ млыва, якою доводилося дыхаты, выходылы ёму бокомъ; руки, що ввесь викъ орудовалы голкою, булы заслабидля важкыхъ лантухивъ. Часомъ, тягаючы ихъ, винъ такъ выморуявся, та занепадавъ духомъ, що, збираючыся браты ще якый, сиынявся передъ великымъ буртомъ лантухивъ, обхопленный зляканымъ знесыллямъ, на лоби ёму проступалы капли холодного поту, руки и ногы тремтылы, на мыть ёго кыдало въ жаръ, наче по тилови перебивавъ гарячий подыхъ, робылося млосно, у очахъ крутылося та мыготило. Такихъ хвиль винъ почувавъ себе тяжко и несправедно скрывдженымъ, и зъ глыбыны души зрыпала у ёму ще злысть на крупчатню та їи рядъ. Писля килькохъ днивъ такои праці винъ такъ знесылюявся, що мусивъ хочъ день перепочыты и не йты на роботу. А на крупчатни кожна ёго днёвка чыныла заколотъ, кожному робитныкови була тамъ прызначена своя робота и, колы хто не прыходивъ несподивано, боялыся угайки та поспышалыся наняты поденного за яку-будъ плагню. Зъ поденными не торгувалыся и переплачувалы, але зъ заробиткивъ того, хто робывъ днёвку. Вдодачу ёго ще и лаялы за турбацію.

Але найтяжче доставалоя Чапліеви роботы въ-ночи: якъ не продыравъ винъ очи, якъ не сылувавъ себе топтатыся, щобъ перемогты сонъ, виі непомитно зтулювалыся, винъ зъ несылля злягавъ на лантухы и засыпавъ, покы зпорожнила машина не выявляла ёго недбальства, або прыкащыкъ чы мирошныкъ, выходячы на обхидъ перевиряты робитныкивъ, не будылы ёго. За це зновъ лаялы и пысалы штрапы, а одного разу вже сами робитныкы, що квапылыся на усякы выгадкы, абы розважыты соби нудну ничъ, зчынылы зъ Чапліемъ справди такы страшный жартъ.

Сностеригшы, колы винъ заснувъ, вони пидчепылы ёго шворкою по-пидъ пахвы та, перекинувшы їи черезъ трансмису, потяглы сплячого Чаплія вгору. Винъ прокынувся, высячы пидъ самымъ пиддашпямъ, бо зъ едыного на всю шеретовню лыхтаря за машинами сюды ледве сягала тилько тмяна сутинъ, довокола торохтылы палешни колеса, шамотылы бигаючы шкывы та ремини; зпросоння все це ввыжалоясь нобы якисъ прывиддя

або кативськы присады. Трычи зъ реготомъ зпускалы робитныкы Чаплія трохи не додолу, але, не даючы ёму статы, зновъ здїймалы у-гору, покы на решти, почувшы ёго страшный зойкъ, не спынывъ машины та не прыбигъ нимецъ мирошныккъ. Винъ злякався, чы не зобгало кого машиною, але, дизнавшись у чому ричь, и самъ заходивсь глузуваты та реготаты.

— Нишаво, голубчыку, треба знайтъ, шо не можно спайтъ.

Трохи очунившись, Чаплій почавъ бувъ лаяты тыхъ, що зробылы ёму таку капистъ, але и вони и инчи робитныкы тилько сміялыся.—Ще зъ тебе, дядьку, намъ могарычъ належытъ за хрестыны, бо це мы тебе на мирошныка высвятылы.—

И такы справди першой-жъ недили, помогарычывшысь гараздъ на гуртовый коніть зъ товариствомъ, Чаплій подарувавъ имъ никчемну выгадку. Усе товариство присягалосъ, що не займатимуть ёго такъ въ-друге, а що для початку йе таке заведення. Уси вони бидкалыся на те саме, якъ и винъ, лаялы каторжну крупчатну роботу, и Чаплієви легшало зъ ими. Тилько самому мирошныкови не мигъ Чаплій николы ни забуты, ни подаруваты того, що той не ставъ ёму на оборону, а ще и самъ глузувавъ зъ ёго.—

Маючы потребу у грошахъ, винъ уже килька разивъ ходивъ за ними у контору, але хазяинны малы звычай робыты розсчотъ и рахунки зъ робитныкамы тилько разъ на мисяць, въ кинци, а середъ мисяця давалы гроши неохоче и по-троху, затримуючы бильшу частыну заробленого робитныкамы въ себе, щобъ примусыты тымъ ихъ буты слухнянишымы та сиравинишымы; то хочъ якъ благовъ Чаплій, але коженъ разъ давано ёму тилько видчипного: полтинныка, чы карбованця, такъ що въ протязи мисяця выбравъ винъ якыхъ-сь пять карбованцивъ, а жыты мусывъ на позычеве. Проте винъ, сподиваючысь въ кинци одержаты решту, мавъ надію повертаты позычкы и, хочъ боявся, що вытратытъ два-тры карбованци бильшъ, якъ заробытъ, та заспокоювавъ себе, що надали призвычаится обиходытъся заробленнымъ, хочъ и безъ лышку.

Та уси свои розличування Чаплій спыравъ на певну сумму дванадцять, чы зъ днёвками—десять карбованцивъ, яку сподивався одержаты. Того-жъ, скилько на ёго запысано штрапивъ, не личивъ та и не нявъ виры, щобъ ихъ зъ ёго вывернулы, и самъ-бо винъ, було колы сердытсся, гусго сварывсь на пидмайстривъ штрапамы, та слыве николы не вывертавъ ихъ.

Але, колы дїйшло до розсчоту, уси ёго рахунки зійшлы на нивецъ.

— Пять карбованцивъ забравъ, маешъ пять днёвокъ по карбованцю,—десять карбованцивъ, ще чотыри штрафа по пол-

тыпныку за те, що спавъ,—усихъ дванадцять карбованцівъ: лышається твоихъ пять,—беры!—и поличившы, поклавъ конторщыкъ на стилецъ п'ятку.

— Якъ се по карбованцю днёвка? аже мени не впадає стилько,—сердыто спытавъ Чаплій.

— То намъ байдуже: мы наймалы за тебе поденщыка, и дешевше не знайшлы. Колы це тобі здається дорого, мигъ-бы прыслаты кого на свое місце, а мы черезъ твои линощи свои гроши выкыдаты не будемо.

— Колы такъ, то я вамъ и ци подарую, забогатійте имы... я не хочу!..

— Побалакай ще мени!—зкыпивъ конторщыкъ. Я тебе вивчу, чортове мурмыло!..

— Беры,—ничого не доведешъ,—зашопотивъ ззаду на вухо Чаплієви другый робитныкъ, що дожыдається чергы.

Зцыпившы зубы, Чаплій вхопывъ п'ятку и зъ прожогу выскочывъ зъ конторы такъ, нибы тикавъ самъ видъ себе, боячысь наробыты щось страшного. Уси ёго розличування, уси его мріи забезпечыты зъ заробитка себе и симью, розвіялыся, колы такъ несподивано трохи не половина его десъ склызла. Чаплія и такъ вже роздратованого, це тяжко збентежыло. Винъ почувавъ себе такъ, нибы въ ёго гвалтомъ зъ передъ очей выдерто останню спроможнысть жыты вже не багато, а якъ - небудь. До-дому винъ прыйшовъ ажъ у-вечери и значно пьяный...

Нема чого й розказуваты, яка сталася розмова мижъ нымъ и жинкою; нервы іи булы въ такимъ напружени, вдачею вона николи не була ни сумирна, ни добра... Знялася лайка; Чапліиха докоряла чоловікови и тымъ, у чому винъ бувъ справди вынень, и тымъ, у чому не було и крыхты ёго провyny, докоряла и за теперешне и за те, що давно вже минулося и забулося; а-ни слова, подибного до спивчуття, не почувъ видъ неи Чаплій, а ёму, збентеженому та зажуреному, бильшъ якъ колы-будь, було воно потрібне саме теперь. За лайкою знялася бійка скажена, клята... Якъ сталося на решти, що вони, побыты, розпатланы, кынулы бытыся и поспулы, де трапылося, обыдва зъ почуттямъ лютости одно до одного, Чаплій за пьянымъ туманомъ не мигъ прыгадаты.

Для ёго сей день бувъ той, колы винъ выразно почувъ ненавысть до крупчатни, до іи уряду, хазяинивъ та заведеного у ій ряду.

Чапліиха того дни тежъ выразно зрозумила свою неповагу та ненавысть до чоловіка, зрозумила, оскільки винъ ій зробывся, чы й бувъ, чужый, та прыйшла до думкы, що ій не мож-

на покладатися на ёго, а треба самій шукаты заробитку и на диты, и на себе.

Вона була ледачою та упертою и ненажерливою вдачею людина, любила спокій, цуралася праці и клопоту, та, коли примушувалася до діяльности, вже не вагалася видъ сумління ни передъ чимъ. Саме тамъ, де оселилися Чапліи, на очахъ въ Чаплихы, по обидранихъ хыбаркахъ переживали дубенськи гулящи дивчата, де-яки одынычками, торгуючы собою видъ себе, де-яки, збираючысь кумпаніями по тры-чотыры, пидъ приводомъ якои старої видмы. Ци спилки збиралися для того, бо, де бувъ гуртъ дивоцтва, охитнише заходили гультаи, хазяйки боронылы дивчатъ видъ полиціи, годували ихъ пидъ часъ безгрішны, вышукували ихъ коханцivy, а за те видбырали соби частину бахурської платни. Роспустъ сей видбувався у Дубняхъ безъ жадного ликарського догляду, хочъ и за видомомъ полиціи, що покрывала ёго, одержуючы зъ хазяёкъ умовлени хабары.

Часто и густо по цихъ лёховыцяхъ траплялися крадижки, заманювали та зводили на втиху багатимъ бахурямъ молоденькихъ дивчатъ, и все те здебільшого зныкало наче у гнилій твані... Чапліиси, прыдивляючысь до сёго, вже не разъ впадало на думку и соби тымъ покорыстуватись, а ціей ночи вона твердо зважылася.

Писля сварки Чаплій не балакавъ зъ жинкою и похмуро прыдивлявъ до iй заходивъ. Винъ звикъ зъ презырствомъ видносытись до роспусты, знавъ поглядъ людський на неи, тяжко вражало ёго гоноръ, що у ёго хати заводиться таке кышло. Та до часу винъ ще мовчавъ, и тилько, коли за тыждень Чапліиха перевезла до себе попереду двоихъ дивчатъ, розлютувався та знаявъ бучу.

Але жинка запекло виддала.

— Яке тобі дило? Чы ты годуешъ мене, чы що? А ни, то й не коверзуй, бо вже ты мени не голова!

Цей докирь, найтяжчий для Чаплія, бо и самъ винъ вважавъ ёго правдывымъ, такъ прысадывъ ёго, що, дарма на великий гнівъ и твердый рішенецъ розкідаты пакосне кышло, винъ не мавъ сылы змагаться дали и замовкъ. Та зъ сёго часу ёму спротивылася властна хата. Не вважаючы вже на инче, Чаплієви просто було неспокойно; за стиною що-ночи пьяный гукъ, пыскотня; нахабни дивчата разъ-по-разъ забирають и до ёго у хату, здймають галасъ, регить; у голоси, у кожному поруси ихъ вражала Чаплія втрата сорому; жинка почала тежъ напиватись, до неи почало вчащаты якесь брыдке, зъ завше пид-

в'язаною щокую, ледащо, вони чаркувались вдвохъ, дудили чай, и Чаплій бувъ певный, що то їи коханець; хлопци Чаплієвы тежъ розпещувались, гульвиснычали, и на попухлыхъ видъ горилкы облыччяхъ ихъ Чаплій часто бачывъ сыняви та кривави плямы.

Щобъ не бачыты сёго, винъ почавъ зныкаты зъ дому. Праздныкывъ на крупчатни було не багато, а колы и выпадавъ вильный часъ, Чаплій пересыжувавъ по шинкахъ, у знаемыхъ, або и такъ марнувавъ ёго на вулицы, до-дому-жъ надходывъ вже тилько, абы заразы укублытыся та заснуты!

Тымъ часомъ въ Чапліихы сталося якесь непоразуминня зъ полиціантомъ. Щобъ докладнише довесты їй, якъ треба шануваты урядныкывъ, полиціантъ зробывъ протокола, и у судъ зайшло обговорення про удержування Чапліихою гулящего дому безъ дозволу и догляду. Полиціантъ зтвердывъ свое обвинувачування такъ непорушнымы доказами, що дарма що де-яки свидкы зъ почтовыхъ, управськихъ та й судовыхъ панычывъ канцелярыстывъ за-рады самой соромливосты запевняли, нибы заходылы до Чапліихы „тільки запалыты цыгарку“, або „выключно за-для спочывку“,—все-жъ Чапліиха бачыла, що видмагтыся їй піякъ.

Ии могли засудыты на їи волю або на штрапъ, або видсыжуваты у острожи не зверхъ трёхъ мисячивъ. Не збираючыся видкынутыся свого гешефту, Чапліиха прямо не могла запла-тыты штрапа,—ци штрапы могли наспиваты день-у-день: де-бъ набралася вона грошей ихъ выплачуваты та й шкода було перевесты корыстный гешефтъ на збыточный и даты спромож-нисть полиціантови тишытыся їи збытками. Вона наважылася краще, колы вже доведется, видсыдыты. Але и це було дуже пры-кро: дило зпынытся, дивчата порозбигаються, панычи забудуть до неи стежку... Все це здіймало у Чапліихы лютить на той судъ, що по якому-сь праву, якого Чапліиха не хотила ни зрозумиты, ни визнаваты, може зробыты їй таку шкоду.

Та не сподиваючыся на нищо добре, вона такы наважы-лася оборонятыся до краю и, колы дійшла до неи черга гово-рыты, выступыла напередъ, прыдушуючы гнивъ. Высока, худа, зъ помарнилымъ облыччямъ немолодой жинкы, у значно зата-ганному панського строю вбранни, що купыла ёго старымъ въ якоисъ пани, зъ роскуёвдженымъ чорнымъ зъ сывызною волос-сямъ, мутно-попылястый коляръ, якого дуже выразно зазна-чавъ, що не-знаты колы воно мылося, Чапліиха стала передъ судомъ наче розсатанила видьма; темни очи їи бигалы и бли-щалы, якъ въ загнаного звира; вона выставыла одну ногу впе-

редъ и вразъ знявши руки, вдарылася кулаками въ груди, наче хотила розшарпаты на соби свое вбрання. Голосъ іи дзвенивъ высоко и чудно, такъ нибы у-разъ вона и гримала, и благала суддивъ.

— Праведни судди! Просю мылости вашои, помылуйте! Чы въ васъ можуть знятыся руки на бидну жинку та не безщастныхъ дитокъ? Вы знаете, въ мене ихъ п'ятеро! имъ треба щось йисти. Що станеться зъ ими, якъ що вы запроторите мене до острогу? бо штрапу я не платитиму: зъ чого могла-бъ я платити штрапу?.. Думаєте, нашъ хлѣбъ солодкій? Та-жъ кожному треба щось йисти и зъ чогось заробляты... Кажу вамъ: не губить дитокъ! Батько въ ихъ пьяныця и недбалько, сама я тилько выховую... Хто-жъ ихъ годуватиме безъ мене?.. Вже-жъ не вы, панове судди, хочъ вы и багати и таки почесни та гарни люде; або скажить, що вы,—такъ я иду до острогу спокійно!.. Не потурайте, праведни судди, поліціантови, не дайте ёму радити зъ мого удовыного безщастя. Мы не гирши за инчыхъ; такихъ якъ мы, сами знаете, хочъ прырву гаты. За всихъ самимъ каратыся,—це-жъ памъ обиди!..

Хто и зна, помы ще вычитувала-бъ Чапліиха, якъ-бы старшій суддя не звеливъ їй мовчаты.

— Годи вже! знаемо гараздъ...

— Що вы знаете, праведни судди, що вы знаете? послушайте мене... Хыба можна не дати выправытыся обыноваченому?..

Та судди знялыся йты на пораду до другои хаты. Колы повернувшысь вони вычитали засудъ Чапліиси, въ неи наче зъ передъ очей все зныкло; свитячы ими, мовъ свичками, та ажъ трусячысь, вона зняла лементъ на весь судовый залъ.

— Такъ оттаки вы судди, такъ така ваша правда?! Чхаты я хочу на вашъ судъ! Хыба я гирша зъ инчыхъ? хыба вы не знаете, сколько тамъ били Замчыща такыхъ, якъ я? Такъ чого-жъ вы зрадили, одну нещасну запопавшы?..

Полиціанты не дали їй выкрычатыся и потяглы зъ залу; але и зъ вулицы чути було ще якийсь часъ урывки іи докоривъ, лаёкъ та проклёнивъ.

Засудъ жинки, на який часъ, дуже потишывъ Чаплія. Цымъ наче зтверджено ёго поглядъ на жинчыны гешефты и доводилося, що вони не таки вже корыстни. Симы зновъ доставалося выгядаты шматка зъ ёго рукъ, и черезъ те Чаплій почувавъ себе значно смилывише та зновъ почавъ докоряты жинци.

— Я тобі казавъ: не заводь чортъ-зна чого у моїй хати, не страмы моеи сывои головы! Не на мое выйшло, бисова лахудра!

Та Чапліха не мала ніякои хити корытсы.

— Яка вона твоя хата, старый дурню! Ты за неї гроши платывъ? Ты насъ годувавъ? Думаешъ може, теперъ годувати-мешъ? Диждемося, якъ-же! Якъ-бы на тебе повкалался,—попухлы-бъ зъ голоду... Не бійся, безъ твоихъ злыднівъ проживемо: що маемо, а що и люде повирять, не тобі, а мени, бо мене знають... Бачъ, ёму страмъ! Чого тобі страмъ? Подивиться на ёго, люде добри, якый чесный! Сказала-бъ я тобі, де вона твоя честь, та вже хай... але мовчы, бо такы скажу...

— Цыть! годи вже! заразъ я твоихъ хлёрокъ повиыкаю.

— Ось поткнысь, ось запытайся мени!.. Пху на тебе!—и несподивано Чапліха зъ мистецькою зручністю плюнула межы очі Чаплієви.

— Геть самъ звидси, вражий сыну, не погань мени очей, иды!..

Знялася справдешня баталія, и подолила такы Чапліха, бо и бильши сыны и дивчата повстали за нею. Довго лаялися вони, поки Чаплій, утомившись, вхопивъ шапку и свытку и зъ проклёнами подавсь зъ хаты, зодягаючысь вже на двори.

Проте врешти сталося на ёго. Колы Чапліху засаджено, дивчата порозбигались, коханецъ їи не вязъз на очі.—Та Чаплій и теперъ не почувавъ себе гараздъ,—винъ звыкъ вже прогулюваты значну частину заробитку й не даваты на сымьо слыве ничего; теперъ зновъ доставалося клопотатысь про їи удержання, про шматокъ хлиба, зновъ уйидалыся турботни думкы, чы постачыть заробленого, зновъ треба було не ро-быты днёвокъ, шырише працюваты. Чаплій знесылюався, знервовуався и роздратовуався, и, якъ йедына видповидь на уси пытання, здіймалося у ёму ремство на хазяинивъ крупчатни, що дешево платять, на тяжку працю, що не забезпечуе найменчыхъ потребъ.

IV.

Мижъ прыкащыками на крупчатни бувъ одынъ высокый, гладкый та мордатый жыдъ, Мусій Исаакowyчъ Розенбахъ. Ввесь выдъ ёму бувъ роспысанный ластовыннямъ, наче сороче яйце. Се була дуже швыдка, проворна и нахабна людына. Черезъ се та черезъ те, що у комерціи винъ справди бувъ спрытний, винъ рідко зо-

стававсь на крупчатни, а більшисть часу посылано ёго по далекыхъ краяхъ, ажъ до Вильны, куды дубеньска крупчатня зпро-
дувала частину своихъ выробивъ, знаходьты покупцивъ на бо-
рошно и высивки, збираты та правыты зъ вынуватцивъ гроши.

Але, дарма на комерціальный таланъ Розенбаха, хазяини
ёго не любылы и часто потай лютовалы на ёго. Справди, йиздячы
по дорученняхъ, винъ прогайновувавъ забагато, „не на прыка-
щыцькый пыскъ“, и часу, и грошей на свои гулянки по кафе-
шантанахъ та циркахъ, а передъ хазяинамы мовъ хызувався
ще тымъ, що робыть все недбало, нибы на гулянкахъ; по двору
похожавъ „якъ на шпациръ“, зачипавъ робитныцъ, заводывъ те-
ревени зъ старшымы служащымы, розказуючы соромицьки по-
брехенькы, здебильшого хвастыкуючы своимы поспихамы въ жи-
ноцтва пидъ часъ подороживъ.

Колы-жъ хазяинамъ обрыдало дывытысь на таке недбаль-
ство и котрыйсь зъ ихъ завважавъ:

— Чого-жъ вы, гаспадинъ Розенбахъ, пичого не робыте, а
только шпацируете?—той виддававъ завше зъ цилковытою само-
повагою:—Чудне дило! хйба вы не знаете моеи вдачи?—Кожный
гешефтъ я кинчаю, якъ орель, зъ наскоку.—Хйба вамъ мало
цёго?

— Нехай соби такъ, а все - такы не можна за килькось
днівъ праці удержуваты жалування черезъ весь рикъ.—Ну,
хйба не такъ?.. по правди?—докорывъ ще лагідно хазяинъ.

Розенбахъ на те тилько плечыма здвигавъ и вписля скар-
жывся мижъ служащымы.

— Чудни люде: вони наче звыклы робыты самымы во-
ламы, вони зовсимъ такы легковажать таланъ.

Таки прымхы та недбальство Розенбаха такъ навирювалыся
хазяинамъ, що часомъ, хочъ винъ и справди робывъ имъ багато
корысти своею спрытністю и мистецькымы выворотамы, вони
раднши булы-бъ ёго увильныты, якъ бы не боялыся, що Ро-
зенбахъ на помсту порозголошуе ихъ комерціальни тайны, зъ
якыхъ могли-бъ покорыстуватыся инчы крупчатныкы, або и таки,
за яки довелося-бъ видповидаты передъ закономъ. А нахабный
Розенбахъ, спостеригаючы хазяйськы турботы, мовъ ненарокомъ
закыдавъ наздогадъ часомъ, що тямить, у чому тутъ ричъ та
у чому ёго сыла. Певно, це не прыхыляло хазяинивъ до Розен-
баха, та примушувало ихъ удержуваты ёго и даруваты те, чого-
бъ вони не подарувалы никому.

Вже не разъ хазяинъ, гладкий и спокійный Мордохъ Боро-
ховычъ и худый та запальный Мендель Абрамовычъ, замыка-
лыся у свой кимнати на потайну пораду, чы не увильныты

Мусія Исааковича. Ця кимната була друга ззаду конторської, и тутъ хазяини вытали и торгувались зъ значнишымы контрагентамы, а тако-жъ обговорювали усе те, чого не можна було обговорювати прылюдно. Дивный бувъ ии виглядъ: зимови рямы николи не выймалыся для безпечности видъ злодіивъ, черезъ те духъ у ий бувъ тяжко важкий; у хати стояло усихъ тры чы чотыры старыхъ обдертыхъ ослонца, одынъ невеликый стилецъ, на якому и йили и зводылы рахунки, завше застланный улытою та замазаною скатиркою, дви кровати для спочынку, колы трапятся, хазяинамъ, зъ заяложеннымы, бруднымы подушками тѣ постелею, дви старыхъ шахвы, одынъ чы два продранныхъ чемоданивъ. На кроватяхъ завше понаскыдано верхвей одягы, богомилля, кнжокъ, сшынутой билизны, на викнахъ купю лежать пробы пшеницы та борошна у брудныхъ поробленыхъ зъ драгтя мишечкахъ, цыцеле, тежъ кныгы, часомъ молитовни, ящыкъ зъ ваксою, щитка для чобить, недопытокъ горилкы, посохле скорыняа хлиба, надібраный ящыкъ зъ марынованою рыбою—решта давнишого и запасъ для будущого пидтрымання хазяйськихъ сыхъ.

Якъ въ людны, билыше гарячои, терпечь швыдче урывався въ Менделя Абрамовича, и саме винъ здіймавъ завше питання про увильнення Розенбаха.

— Я вже не знаю, Мордухъ Боруховичъ, за що це вы улюбылы этого Розенбаха?—сама паскудна людына! нахабныкъ, гыцель;—ва що намъ такого держать и докы держать?

— Ай, Мендель Абрамовичъ, який вы гарячий! Зъ чого вамъ здумалось, що я улюбывъ Розенбаха?—запытувавъ зпоквола и дипломатычно Мордухъ Боруховичъ, щобъ дати часть трохы утышытыся кумпаніюнови.

— Ну якъ-же не улюбылы? Кажить вы мени, що не улюбылы! а кому я говорю: увильнымо Розенбаха, а хто каже: не можна?... Хыба,-разви не вы? А чому не можна? того безшабашныка, того нахабныка, що винъ и шабашу не почытае и никоторои виры не додержуе!

— Ну и до чого це? Ну, вы не знаете хыба, скылько такыхъ теперь? Куды тилько можна плюнуть, у такого влучышь. —Але хыба це стосуется до комерціи? зъ кымъ тоди можно заводыть комерцію?...

— Вы будете ёго завше оборонягы, а тилько мы получымо ще такого, що Розенбахъ назбирае нашы грошыкы и „фуръ гезундъ, а гите гешефты!“

— Цёго ничого не може буты. Вы соби говорыте, якъ не комерсантъ... я говорю—пеначе не комерсантъ,—поспишае вы-

правыты неслухный выразъ Мордухъ Боруховычъ, схаменувшись, що дуже вже уразливо зачина кумпаніона.—Ну кажить бо сами, Мендель Абрамовычъ, на вашу бороду и на ваши пейсыкы! хыба де у свити йе така людына, щобъ якъ-бы ий даты сколько завгодно грошей, и щобъ вона не зробыла изъ нымъ гешефту—ай! ай! ну, якъ-бы мы зъ вами?... За кожную людыну треба знаты, скилько воно коштуе, скилько ий треба звиряты, щобъ воно соби думало, що то гешефтъ ныжчий за ёго.—Ну, а мы не знаемо цины Розенбаху?—А знаемо, то й можемо глядиты, що ёму доручаты, и не може буты никоторои шкоды. Кажить краще, що Розенбахъ нахабна людына, що воно ледащо, що воно зъ нами поведытся, якъ гыцель и грубіянищыкъ, а тилько винъ „юдише копеле“ и якого робыть „гяте гешефты“ и все-жъ такы завше выробыть свое жалованне. Слухайте сюды, Мендель Абрамовычъ!—И Мордухъ Боруховычъ прысовувався ще ближе до Менделя Абрамовыча и ще тыхше починавъ шопотиты, хочъ и доси говорывъ не въ голосъ.—Я все такъ соби думаю: нехай Розенбахъ ище гирше збалуется, а тымъ часомъ намъ ще йе зъ ёго щось. Вже тоди мы ёго вырядымо—тилько, бороны Боже, не розсчытаемо. Вы хыба не знаете, скилько цей капоствыкъ намъ може нашкодывъ? Мы вже краще прысовитуемо тоди кому-небудь узяты ёго на кращее жаловання,—и Розенбахъ буде задоволений, и намъ добре.

Доказы Мордуха Боруховыча завше малы значный впливъ на Менделя Абрамовыча; до того за розмовою винъ трохы за-спокоювався, и такимъ чыномъ Розенбахъ ще доси лышався на крупчатни „до которого часу“.

Одного вечора пизднёй осени Розенбахъ, бувшы дома, на-мигся зробыты струсь робитныкамъ, що выходылы зъ крупчатного двору передъ вечирнёю зминою. Справди, де-хто зъ робитныкывъ жывылыся, выносячы трохы борошна, а найбильше лантухивъ соби на онучи, у хазяйство, а часомъ и на продажъ сусидамъ, чы у шынкъ. Щобъ збавыты ту крадижку, хазяины видъ часу до часу робылы несподивано вывирку, трусячы робитныкывъ, що выходылы зъ двору, и Розенбахъ завше охоче брався до того, бо мавъ зъ того прыводъ пожыруваты зъ дивчатамы и попкмылыты зъ чоловикывъ.

Було шить годынъ темного туманного вечора. На обгороженому парканомъ крупчатному дворыщу блымалы лихтари, але свитло ихъ ледве проблыскувало черезъ густый туманъ; запынене имъ, воно оточувало лихтари жовтымы зъ дымомъ коламы, наче облямованымы чорнымы торочкамы. По двору, мовъ

злытому водою, стоялы калюжы и калюжки, проблыскуючы на свитли, а темни, аж чорни, у затинку; весь двирь вскрытый був товстым шаром гною, погубленых хурщыками отрускивъ сина, навшивъ-гнылымы купама половы и бурьянового насиння, выточенныхъ зъ зерна. Усе те було змишане людмы и хурамы завглибшкы по кисточки и вызырало, мовъ якась болотяна твань; чорни кубла дыму зъ дымаря и сыви—пару зъ машины зпускалыся унызъ, застылалы двирь смородомъ угильного чаду и безъ гуку, безъ шелесту, нбы якисъ хымерни ночни прояны зъ крыламы, трипотилы и былыся у стины крупчатныхъ будивливъ. Розенбахъ стоявъ на воротахъ, заступаючы дорогу робитныкамъ, що выходылы, и, наче шукаючы краденого, загрававъ зъ бахурською ухмилкою зъ дивчатамы, шкылывъ зъ чоловикивъ, нбы зъ ихъ звычкы усе красты, мылючыся самъ на свои гостри выгадки, яки здавалыся ёму на-прочудъ мыстецкымы, але ображалы бильшисть робитныкивъ, що видходылы писля трусу похмури и сердыти.

Оглянувшы усихъ, хто йшовъ зъ двору разомъ, Розенбахъ помитывъ, що мижъ нымы не було Нечыпора Сень, робитныка, на якого давно вже пидзороно, що винъ багацько выносыть зъ крупчатни. Розенбахъ бувъ певный, що Нечыпиръ приховавъ щось и, почувшы про выvirку, десь затаився, помы вона перейде; не появляючы свого спостереження, цышовъ винъ видъ ворить та похожавъ по двору назырци, зъ безневиннышымъ выглядомъ заводячы теревени то зъ тымъ, то зъ инчымъ, а, колы нарешти Нечыпиръ, не сподиваючыся вже рахубы, выйшовъ зъ кривкы та пишовъ зъ двору, Розенбахъ навзагоды побигъ та перенявъ ёго бия ворить.

Нечыпиръ Сень бувъ шорстка, похмура и дуже дражлывои вдачы людына; надто дражлывысть розъятрювалася у ёму на кинци роботы видъ втомы та видъ того, що писля довгыхъ литъ завычкы нервы ёго потрибувалы пидтрымування горилкою, чого не можна було робиты у крупчатни черезъ увесь день. Винъ справди приховавъ два новыхъ лантухы, щобъ пидкрипитися на ихъ идучы до-дому. Почувшы, що ёго выстежено, винъ настобурчывся и розлютовався. Ця злысть була почасты проявою первистного прыроднёго почуття зацькованного звиря, почасты наслідкомъ нахабства у боротьби, яке выхове некультурне суспильство, що схыляється передъ тымъ, хто зъ бильшою твердыстю та завзятыстю напосидае вымагаючы.

— Пусты! Чого ставъ на дорози? суворо прыступывъ винъ до Мусия, блыснувшы зъ-пидлоба сердытмы очыма.

Ёго голосъ, гострый и впевненный, ёго выглядъ сердытый и, здавалося, ображений—багатѣхъ бы завирывъ у ёго цилковытій

безневинности ще и примусывъ-бы соромыться своего подозрѣннѣ, тилько не Розенбаха. Розенбахъ, и то не безъ прака, запевне у видносинахъ, яки могли скластыся у межахъ крупчатного двору, вважавъ себе прыкметнымъ психологомъ та выхвалявсь тымъ, що ёго никто не одуре.

— Не дуже поспитайся, бо я хочу тебе прыпыныты—зъ нахабнымъ осмихомъ видказавъ винъ, не оступаючыся зъ до-роги.

— Не вязны! Якого тобі ката треба?

— Тилько и того, що трошки тебе потрусыты, чы не втрушу мишечка або борошна. Бачъ, якъ ты набрався и на спыну, и на полы,—вказавъ Розенбахъ на впорошену одягу Нечыпора,—то може чы не знайдется у кышени чы у штаняхъ?

— Геть! нема въ мене ничого!—запекло гукнувъ Нечыпиръ и простягнувъ руку, неначе намирывся пхнуты Розенбаха.

Сердыты гадючки замыготили Розенбаху у очахъ, але ще стримууючыся для тіеи втихы, якои чекавъ, винъ наче лагідно прыпынывъ Нечыпорову руку.

— Трывай, голубчыку, я бо такы хочу подивытыся, чого въ тебе ноги попухлы?.. и знепацька вхопышы Нечыпора за очкуръ, Розенбахъ шваркнувъ ёго, очкуръ увирвався, штаны зсунулися, и ноги Нечыпоровы зъявылыся умотани кожна лантухомъ.

— Ачъ, ёлопе! а який пышний, мовъ справди чесный!—глузувавъ Розенбахъ.—Давай сюды лантухы, та на тобі!—и винъ злегка, мовъ на потиху тилько, вдарывъ двичи Нечыпора по потылицы.—Винъ вдарывъ справди не зъ серця, не на те, щобъ прыкладомъ такои кары збавыты на крупчатни крадижку, якъ те роблять ще часто въ насъ неосвичени и дыки хазяины, а такы выключно для якоисъ пыхы, щобъ потишытыся своею сылою, пороскошуваты, зныщуючы залежну людыну. Особливо по-мижъ жыдкамы, що змалку натерпилися зневагы и, поклавшы уси сылы, весь хыстъ свій на те, щобъ забагатившы здобуты честы, проте чують видусиль потайне чы выразне до себе згирдливе и вороже видношення; широко розповсюджене це стыдке чуття, и черезъ те може почасты жыдивська зневага и зверхнисть здаются простій людыни гиршымы за яки будъ инчи.

Нечыпиръ стоявъ тяжко ображений, и не можна здуматы, яка гирка лютость заворушылася у ёму, тилько то була покы ще безсыла, приборкана, не вдатна выбухнуты лютость, бо вразъ почувавъ вивъ себе цилковыто высміявымъ, зныщенимъ тяж-

кымъ глумомъ. Чуючы холодъ по голыхъ ногахъ, опали штаны, що, паче въ малого хлопця, тягаются доли и плутають ногы, Нечыпиръ вважавъ се такимъ соромомъ, якого николи не збудеться. Прыгноблений имъ, винъ и лютуючы здолавъ теперъ хыба плакаты або скрыготиты зубамы, та не змагатыся. Постоавшы хвылыну наче у нестями, вхопывъ винъ штаны и, похапцемъ натыгаючы ихъ, выскочывъ зъ двору, наче тикавъ свить за очы, не выдавши Розенбахови. Образа такои миры е завше коринемъ тяжкой помсты, але не зразу; вага почуття завелька и знеслыое самого местныка, пимста выбухае ягодомъ, хочъ черезъ те ще клятиша.

За воритьмы Нечыпиръ трохи не наскочывъ на Чаплія. Сей спизнывся на роботу, бо вже вранку почувавъ себе погано: не видпочывъ гараздъ, бувъ роздратований и дражливый. Уже килька хвылынъ встоявъ винъ за воритьмы и бачывъ уся стычку Нечыпора зъ Розенбахомъ. Ввесь гнивъ, усе обурення на осоружне крупчатне начальство взагали и на Розенбаха особысто, сколько набралося ихъ у ёму за ввесь часъ, але ще глыбше заховувалось, знялыся теперъ разомъ. Чаплій почувавъ себе такъ, нибы образа впала на ёго, и, наче хвыли до берегу пидъ часъ прыплыву, пасувало на ёго непереможе бажання розчавчыты нависного жыда. Досыть було, щобъ очы Нечыпора и Чаплія збиглыся тилько мыгцемъ и нестямию, щобъ вони вже, хочъ не выразно, почулы одностайнисть свого почуття пидъ той часъ—и Нечыпиръ почувъ потребу повернутися до Чаплія, а Чаплій ту-жъ мыть поклыкавъ ёго. Вони видійшлы остронь видъ двору и почалы передиялятыся своимъ гнивомъ, та хвылювання не давало имъ говорити; те, що говорылы вони, була якась мишаньна лаёкъ, що выхоплювалыся розшарпаннымы урывками, та пидъ сей часъ для обохъ така необмиркована розмова була найчутниша и найрозумилиша.

Та вони были такъ роздратовани, що сами лайки имъ не було-бъ досыть; вони умовылыся, що Нечыпиръ чатуватыме биля крупчатни и, колы „рудый чортъ“ пиде до Чаплія у шеретовню, украдется туды и вдвохъ поповчатъ.

Писля такои умовы Чаплій пишовъ на роботу. Розенбахъ, що бачывъ, якъ винъ балакавъ зъ Нечыпоромъ, догадувався, що балакалы про ёго, и певне не дуже ласкаво. Се дратувало Розенбаха; якъ часто буває, винъ мавъ чудну примху, щобъ залежни видъ ёго любылы ёго навить тоди, колы винъ ихъ кривдывъ. Винъ мавъ добрый приводъ виддячытыся Чапліеви за таку, якъ казавъ, певдячність, бо той справди спизнывся на роботу, и, потураючы соби, Розенбахъ напався на Чаплія лайкою, грозячысь штрафомъ.

Идучи черезъ двирь, Чаплій видгрызався.

— Пышы, пышы штрапы, подавысь! мало ще понапысували? зъ чого-бъ у васъ и жиръ нараставъ, якъ-бы не пысали?

Лаючысь на весь двирь, кони йшли: Чаплій трохи попереду, Розенбахъ позаду. На останнихъ словахъ Чаплій зайшовъ у шеретовню, а Розенбахъ, роздратованый видповиддю и ничего не пидзоряючи—за имъ.

Прыпавшы окомъ до щилны у паркани, Нечыпиръ бачывъ усе, и однії хвыли було ёму досыть, щобъ опынитися у двори и била шеретовни. Ще на дверяхъ побачывъ винъ посаганиле облыччя Чаплія и напружену шыю Розенбаха, що взялся вже за руки. Крадькома и тихо, якъ кишка, проскочывъ Нечыпиръ у шеретовню, зачынавъ двери и, вдарывшы Розенбаха ззаду по голови, напосивъ на ёго. Розенбахъ зойкнувъ, але не встыгъ закрычаты, а зойку никому було почуты, бо у шеретовни не було бильше людей, а за стиною поручъ такъ торохкалы вальцы, що треба було страшенно крычаты, щобъ тамъ почулы. Нечыпиръ и Чаплій насилы Розенбаха и, сылкуючысь затулыты ёму рота, нивечылы ёго и тумакami, и ногами, куды влучаты. Та Розенбахъ бувъ дуже здоровый; борюкаючысь усимъ тиломъ, одгрызуючысь зубами, винъ такы выпручався остилькы, щобъ крыкнуты не своимъ голосомъ. Збиглыся люде, мирошныкы, и розтягли бійку. Зъ позбыванымы кривавымы смугамы на выду, обтыраючы кривъ, що капотила зъ носу, Розенбахъ почвалавъ до конторы, и за хвылю Чаплія и Нечыпора покыкалы на розсчотъ и вырядылы зъ крупчати.—

Ни хазяины, ни Розенбахъ не схотили заводыты скаргу до суду, де довелоя-бъ доводыты, що бійку почалы робитныкы, не самъ винъ, а на се не було свидкивъ; черезъ те хазяины удалысь просто до справныка, а справныкъ, пыльнуучы громадського спокою, звеливъ прытяггы Чаплія и Сеня передъ свои очы у буцегарню. Тутъ, не розводячы шыршой балачкы и, не шкодіючы кулакивъ, винъ шгучно та гризно лаючысь, наклавъ Нечыпорови по зубахъ и вже прыступывъ зъ тымъ самымъ до Чаплія, що обидраный, змарнилий, зъ прыкметамы злыднивъ та гультайства, стоявъ похмуро передъ имъ, дожыдаючы своей чергы, але вразъ пизнавъ у ёму колысь поважного майстра и хазяина... Щось заворушылося на серцеви въ справныка, чы то спивчуття до лыхой людской доли, чы згадки про добре та не дорого пошыты колысь мундыры, чы скорше и те, и те разомъ, и руки ёго не знялыся на бійку. Зъ хвылю дывывсь винъ на Чаплія, наче у роздуми, и зновъ облыччя ёму зачер-

вонилося и мовъ набрякло видъ гниву, и винъ гризно скрикнувъ:

— А, ты, сто чортивъ твоїй матери! Гляды мени, колы вже зробився пройдысвитомъ! Не бью тебе, шануючы въ тоби колышнѣго порядного чоловіка и хазяина, але стережись: якъ запопаду ще, то вже вычухраю за вси разы!

V.

Теперь Чапліеві треба було зновъ шукаты роботы. Зневирывшись на свои сылы, винъ не хотивъ вже братыся до важкой праці, се-бъ то доставалося зновъ кравцюваты, тилько годи було и думаты за свою швальню,—треба було найматися и вже не до кого-якъ до Тарнорудького.

— Зъ того часу, якъ вперше посварылыся Чаплій и Кибецъ, багацько зминылося у дубенському жыттю: черезъ Дубни перейшла зализныця, городъ значно побильшавъ, а мижъ инчимъ зъявилася нова швальня, Тарнорудького, тилько не така, яки булы въ Чаплія и Кибця, а велика, цетельна, тепла крамныця, зъ викнами, позастеклюванными не шыбками, а товстымъ скломъ на усю виконныцю; крамарський стілець у їй застланый сирымъ сукномъ, а по за имъ на полицкахъ понакладываво пидъ саму стелю усякою тканины,—тутъ и набирай, тутъ и пошыють. Не выдко ни окрайкить, ни смиття, ни брудныхъ робитныкить, не чуты лайкы, нема важкого духу, який завше бувъ на давнихъ швальнихъ, де и спалы, и йлы, и робылы, а викна не любылы видчынаты, щобъ не выхоложуваты хаты. Усе те поховане у лёху, що тутъ такы пидъ крамныцею, де може ще и неохайнише, такъ никому не выдко.

Цю дывовыжу спорудывъ Янкель Гершковычъ, чы то дакъ Янкель Григоровычъ, бо винъ любывъ, щобъ ёго такъ прозывалы, Тарнорудький, перевизшысь сюды видклясь зъ Кывицкыны, колы у Дубни зроблено зализныцю. Батько ёго, старый Гершко, бувъ дуже бидный мишуресъ десь у маленькому мистечку; мавъ винъ багато тилько дітей и жывъ у тяжькихъ злыдняхъ; стара Хайка, Янкелева маты, часто почитувала свого Гершка и дурнемъ, и неробомъ, и багато де-хто згожувалася зъ нею. Та Гершко мавъ инчу думку и все выглядав свого щастя... „Нихто якъ Богъ“,—часто зитхавъ винъ, бо справди безъ щастя якъ вызволятыся зъ мишурества у маленькому кывивському мистечку, де повно жыдивъ, а жыды зъ половини мишурысы?—

Янкель пам'ятає себе обшарпанимъ жыденямъ, що вкупи зъ такимъ-жъ дитьмъ голоoty по цилыхъ дняхъ безъ дила тынявся по вулицяхъ, задвиркахъ та смитныкахъ маленького брудного мистечка. Завше винъ зъ товариствомъ були голодны, и, не безъ того, траплялося щось вкрасы, найбильше щось йистивне, а иноди щось и на продажъ, однаково на те, щобъ утишыты голодъ; траплялося, ихъ ловылы, были або шиурляли наздогинъ паличчамъ, груднямъ,—тоди вони тикалы, а згодомъ виддячувалыся, чы влучачы у напастныкивъ зъ засидивъ, чы нивечылы ёму укрывшысь крамъ. Се було прыкро, але то була вййна, а на вййни—якъ на вййни! Значно гирше ображало Янкеля, колы ёго лаялы, зачыпалы, облывалы помыямы тоди, колы винъ никого не займавъ, а чемно грався зъ товариствомъ на смитныкахъ, що купамы перегнывалы на майдани та вулицяхъ ихъ мистечка. А тымъ часомъ було, и сёго часто, хочъ и не такъ, якъ доводилось чуты: „А, щобъ ты здохло, паршыве жыденя“, або: „мале, жыдомъ смердыть“,—таки ласкави прыемности чувъ винъ и не разъ на день.—Свой—жыды, правда, были прывитничи, а все-жъ такы: „Иды геть, старчыня,—не каляй мени дытны“—такого напрыкладъ Янкель наслухався досыть видъ миськыхъ пурывъ и ихъ балабустъ, колы впала ёму охота побавытысь зъ ихними дитьмъ. Окрыжженный та голодный, прыбыжить було Янкель до дому, ревно плачучы, а маты, щобъ утишыты дытну, а почасты щобъ и себе потишыты, бо, зневирена въ чоловикови, уси надіи поклала на диты, почне ёму розказуваты, якый винъ буде розумпый, якъ вырасте, якъ прыдбае сылу грошей и зробытся „а гройсе пурецъ“. Зъ захватомъ слухае було Янкель неньчыны вищування, забудется и про голодъ, ще й осмихнется: „А я, мамеле, тоди дамсь имъ утямки, я имъ помпсуся!“ Стара-жъ Хайка, чы спочуваючы тымъ замирамъ хлопця, чы радючы, що заспокоила ёго, ще мицнише було прыгорне сына до сердца. Черезъ злыдни не довго зосталося Янкелеви и такъ гуляты. Десяты годъ батько виддавъ вже ёго у науку до кравця; тяжка доля такихъ учнивъ видома: зъ Янкеля поневиралыся, хто здумавъ, усимъ винъ бувъ за поныхача и скрызъ на властнимъ досвиди спостеригавъ, а дали вже зъ жадобою и бажавъ спостеригаты, якъ люде шанують заможныхъ, гнытыть бидныхъ... Бачывъ се Янкель и дома, и на вулицы. и середъ мищанства, и середъ панства, павить у синагози. Черезъ таке переконання глыбоко укублылося ёму гостре бажання забогатиты, хочъ не скоро, щобъ хочъ пры старости, самому коверзуваты людмы та не даты коверзуваты собою. Щобъ задовольниты ёго, винъ вдатень бувъ счыныты и стерпыты усе; обовязывъ, яки-бъ спынялы ёго, винъ не знавъ, уся суспильнисть здавалася ёму ворогомъ; и черезъ те вважавъ своимъ правомъ odbyваты въ ворога,

скільки здужа. Винь бачивъ, що въ ёго зброя кепська до того, та покладавсь на розумъ, хитрування и лукавство и пыльно стежывъ, чы не схибне хто побичъ ёго, и колы, висимнадцаты годъ, вробывся пидмайстромъ, ёму пощастыло. Винь такъ принавъ до внодобы хазяинови, що той цилкомъ звырывъ на ёго усю майстерню. Зъ сёго часу Янкель почавъ приховуваты собі якусь частку хазяйськихъ здобуткывъ, приховувавъ крадькома, трусячысь, а все-жь такы все, що придбавъ, пускавъ на видсоткы. Та гаятыся довго винь биля ёго не схотивъ, —цей зыскъ здавався ёму и не безпечный, и замалый, ёму треба було тилько щось зажыты, щобъ було зъ чымъ зачепытысь, и, ледве назбиравшы трыста карбованцывъ, винь покынувъ хазяина и вдавсь у гешефты; винь брався до усёго: торгувавъ лантухамы, вапною, деревомъ, збижжамъ, часто не спавъ у-ночи, часто мерзся у самисинькому пальтычку, трусячысь повозчыною по морозу и трыдцять и сорокъ верстовъ, абы щось купыты дешевше, продаты дорожче; знервовано дизнававъ и вышпорывъ скризь, зъ чого можна сподиватыся корысти. Часомъ ёго гроши бильшалы, часомъ, здавалося, втратыть останне: тоди винь затаювавъ решту, одурювавъ тыхъ, кому бувъ выненъ, бидкався та божывся, що въ ёго нема вже ничего, плакавъ, выпрохувався, покирно прыймаючы лайкы и докоры... Такихъ хвиль ёму, здавалось, обрыдало выглядаты доли, винь тратывъ надію и терпець и робывся чы не сантиментальный; ёго неначе щиро порушало панування на свити тіеи неправды, що бидного не шанують, хочъ якый винь розумный и добрый, що повагу виддають багатымъ дурнямъ... Очы ёму тоди блыщалы, выдъ робывся зблidlый, навить зажовклый и брався зморшкамы. Тилько це траплялося зридка, и Тарноруцькый николы не корывся занепаду духа надовго, зновъ брався до новои спекуляціи и такы якось доскрибся, що назбравъ зъ пять тысячъ карбованцывъ. Тоди винь кынувъ комерцію тай заснувавъ у Дубнахъ швальню на новый ладъ. Винь ввивъ якось здобуваты и кредитъ, купуваты усе дешево, мавъ такый крамъ, якого не було доси о Дубнахъ, и ёму велося гарздъ. Небавомъ видбывъ винь усю роботу у Дубенськихъ кравцывъ и зароблявъ на рикъ тысячы зъ тры чы й бильше.

До сёго Тарноруцького и пишовъ найматыся Чаплій.

— Що тобі? непрывитно спытавъ у ёго хвертыкуватый прыкащыкъ у купому пиджаку та прасованій сорочци, колы, увійшовшы несмиливо и вже сердячысь на те почуття остраху, Чаплій похмуро спынывся на дверяхъ.

— Я—найматыся...

Прыкащыкъ вдарывъ у дзвоника; зъ середнѣи двери выбигъ хлопчыкъ.

— Скажи Якову Грыгоровичу, що чоловікъ прийшовъ найматись; а ты зажди!—Чеваты довелось довгенько. Видь часу до часу Чаплій зитхавъ и переступавъ зъ ноги на ногу. На дверяхъ дзенькнувъ дзвінокъ, и у крамницю зайшовъ якийсь панъ.

— Оступись тамъ! (хочъ Чаплій зовсімъ не заступивъ дороги, та мабуть для більшого вшанування покупця)—гризно гукнувъ прыкащикъ, и вже зовсімъ инче, ажъ солодко обернувшись до пана зъ питаннямъ «що звольте?»—перехилиючись черезъ стилець.

Небавомъ прийшовъ и Тарноручький. Се бувъ одягнутый зъ запобиганнямъ моды у чепурненькому пиджаку, зъ-пидъ якого проте вызирала вже не дуже била сорочка, жидъ зъ сивизною у великій бороди, у золотыхъ окулярахъ на довгому та закрученому носи, зъ-пидъ якихъ блищали щулени невелички и лыхи очыци; лобъ ёму косынею подавався взадъ, а потылиця далеко выдымалася. Выступавъ винъ згорда, помалу и, хочъ у хати було темно, недбало воликъ на плечахъ коштовного кожуха, що черкався однимъ краємъ по доливи. Вглядившы покупця, винъ швиденько скинувъ кожуха, поклавшы проте ёго такъ, щобъ хутро кыдалося на очы, вразъ зминувъ обличчя и ходъ и, пустывшы по видови привитый осмихъ, похопивсь привитатися.

Показуючы крамъ, винъ и пидлещувався, и выхвалявся безъ сороба казкы, сылкуючысь втовкмачыты покупцеви, що звидси вже ёму никуды йты.

— Хиба--разви ми не понимаемо, зъ кымъ маемо дило? чы я смію показуваты вамъ крамъ не самого першого розбору? Прыдывитесь на этово сукна, ну?! на цилому свити не буває кращого,—джеркотивъ винъ.

Покунець вагаючысь мадавъ крамъ пучками.

— Ми не можемо васъ одуриты!—Ми ставымо своя коммерція на правдываго динія, что называемо—чесно, справно, безъ никакого запросу. Этого краму тутычки мало хто може набирать, тилько самого первого покупателя. Чесного слова, бизъ интересу ёго держать. Тольки ми поважаемо первого покупателя зверхъ усёго и для васъ и этого можемъ приставыть, зтому, что желаемо поставыть нашего фирма бизъ конвуренціи.

Заморочывшы гараздъ покунця, Тарноручький заправывъ зъ ёго дуже дорого, а колы той почавъ торгуватися, зараздъ заторохтивъ.

— Чиво дорого? Хиба я не знаю, что ви не могли соби шыты тутечкы; игдѣ ви соби справлялы кустюмы? ну, увъ

Кыѣви, ну, увѣ Харькови, и хйба-разви не платылы дорогше? зачиму-жѣ ви шкодѣте заплатыты у Дубнахѣ за хорошаго работу?...

Чаплій, що не разѣ обшывавѣ сѣго пана, тилько дывував-ся, слухаючи таке, чому той не хвалытся, що шывѣ завше у ёго.

Але панѣ соромывсѣ цымѣ похвалытыся и змовчавѣ, мовѣ вынуватый, та выторгувавшы якусѣ дрибныцю, погодывсѣ на цину Тарноруцького. Разѣ-по-разѣ найпрывитнише уклоняючысѣ, сей дѣйшовѣ зѣ покупцемѣ до дверей, самѣ видчынывѣ ёму ихѣ, гыркнувѣ ще щось по-жыдивськи прыкащыкови, и ажѣ тоди обернувся чванькувато до Чаплія.

— Найматыся?

— Эге!

— Де бувѣ?

— Мавѣ власну майстерню.. тутѣ, у Дубнахѣ,—Чаплій.

— Не знаю; такѣ мабуть, абы-що.

Чаплія се прыкро вразыло и розсердыло. Винѣ хотивѣ огрызнутысѣ, хотивѣ сказаты, що то неможлыва ричѣ, щобѣ Тарноруцькый, жывучы у Дубнахѣ, не знавѣ ёго, першого дубенського майстра, але винѣ схаменувсѣ и мусивѣ мовчаты.

— На першый часѣ 12 карбованцявѣ у мисяцѣ дамѣ—додавѣ тымѣ часомѣ Тарноруцькый.

— Мало. Якѣ-же я жытиму зѣ жинкою, зѣ дитымы?—запытавсѣ торгуватысѣ Чаплій.

— Мени клопить? На що-жѣ вѣ тебе йе жинка и диты? Сказавѣ, бильше не дамѣ, а то йды..

— Колы прыходыты? похылено сынтавѣ Чаплій.

— Хочѣ и завтра. Тилько гляды, слухатыся мене и усихѣ, кого звелю, роботы справно, а то геть!

Чаплій йшовѣ до-дому прыгноблений и злый. Ёму обрыдлы вже до печинокѣ и ця праця на людей, и ци клопаты зѣ розшукуваннямѣ ии, и це поневирання зѣ себе... И вже выразно почувѣ винѣ теперѣ, якѣ ёму роботыся шкода, що жинка у острожи... Хай бы соби заробляла, чымѣ знала, прынаймыи мени було-бѣ легче,—зѣ якоусѣ запеклою злыстыю гадавѣ винѣ. Ну ихѣ усихѣ пидѣ тры чорты!

VI.

Тарноруцький поводивсь зъ пидмайстрамы дуже суворо. Винъ мигъ се робыты, бо у Дубнахъ тилько винъ самъ и наймавъ ихъ по-багато, и въ кого инчого роботу не легко було знайти. Черезъ те, абы тилько хто не зробывъ, що загадано, часто прогаювавъ дни, заводывъ споры зъ товаришами-пидмайстрамы, того заразъ розщитувано. Робитникамъ було заборонено навить спиваты и гомониты въ голосъ у майстерни, бо надъ швальнею були горныци хазяина, и винъ казавъ, що спивы та гоминъ ёго знепокоюють. Кинчали роботу пиздно, почыналы рано; робитныкы, що здебильшого мешкалы по краяхъ города, мусилы уставаты вдосвита, прыхватцемъ сёрбалы кулишу, а, хто засыпцясь, то и на тще серце, снидаючи на ходи шматкомъ хлиба, поспышала на роботу. Майстерня була наче лёхъ, трохы не уся у земли; зъ вечора темнило у їй зарання, бо мали виконця, зроблени ажъ пидъ стелею, бидно выпускалы свиту. Тоди запалювано лампы, що звысала посередъ хаты по-надъ низький стилецъ; лампы были маленькы, закурени, дуже чадили и не гараздъ свитылы. Абы выднине, робитныкы зсовувалыся тиснише и нахылялыся зъ роботою яко мога до свитла, примостывшыся хто на низенькому ослоныку, а хто и доли, пидогбавшы ногы; де-хто, въ кого очы почалы псуватись, а псувалыся воны у такій обстанови швидко, злазылы и на стилецъ до самой лампы, а шывто пидносилы пидъ сами очы. Повитря у цій хати завше було важке, стеля почорнила, по куткахъ зацвиталя вохкысть.

Невдовзи писля Чаплія ставъ до Тарноруцького и Кибецъ. Якъ не крутивсь винъ, якъ не побывавсь, а навесты на ладъ свою зруйновану майстерню вже не здолавъ, работа набигала тилько въ ряды-годы и, якъ не годывъ, а закащкы не верталыся, бо усе дубенське панство улюбыло шывты въ Тарноруцького. Якъ-бы ще не довгы, може Кибецъ якось крутивсь-бъ, а то видсоткы дерлы останню шкуру и, де дали, довгы бильшала. Нарешти Кибецъ мусивъ такы запродааты грунтъ та иты у наймы. Тяжко було де робыты, та однаково—не зробывъ-бы самъ, зпродады-бъ судомъ, не мавъ-бы и того хатнёго дрибязку та якихсь пивъ-соткы карбованцывъ про лыху годину, що лышылыся въ ёго теперъ.

Зновъ Чаплій и Кибецъ бачылыся що-дня, сыдили чы не поручъ, але обыдва, наче умозылыся, не озымалыся, не бала-

калы, навить не дывылыся одинъ на одного. Чаплій ненавидить Кибця, якъ и ранише, та боявся хазяина, щобъ заводыты сваркы, и мовчавъ, хочъ черезъ те затаена злисть розжеврювалася ще дужчѣ; Кибцеви було непременно та якось чудно стриватыся зъ Чапліемъ, але и потимъ, непомитно самому, ненавысть ёго до Чаплія десь подилася; ще колы доводилось згадувати про ёго, Кибецъ не помынавъ вылаятись, та вже безъ вавзятости и мовъ не въ охитку. Ёго такъ гвityло властне бездолля, що до инчыхъ не було и дила, а думкы и почуття одно зверталыся уйидливо на те саме, на властне лихо. Черезъ те Кибцеви було-бъ яковише може не бачыты Чаплія, та мало обходило вже, чы йе винъ и якъ ёму. Справди, було ёму про що думаты: дома злыдни, бо звистно, що на 12 карбованцивъ у мисяць не прожывешъ, якъ нема своеи хаты, а всячыну треба куповаты зъ базарю та на готови гроши. Жинка мовчки, щобъ не завдавати чоловикови ще жалю, прыпадае коло зруйнованого господарства, та Кибецъ и самъ бачыть, якъ важко йъ прызвычаюватыся до нового стану, працюваты черезъ силу та забуваты краще жыття.

Надсылна праця та смутокъ прыкметно позначылыся на йъ; вона зблидла, змарнила, постаришала, губы жалисно зтулылыся, зморшкы очеркалыся по выду, а найгустипшъ—коло втомленныхъ очей, що пидъ нымъ попидводылыся сыпн смугы. Зъ жалемъ, болизно прыдывлявсь Кибецъ, якъ знеможуется дружна, та прыдывлявсь нышкомъ и, колы несподивано спостеригавъ, що и вона зводе на ёго очи, ажъ жахався та крывся зъ своими, боячысь який зайвий разъ нагадаты йъ про ихъ лихо.

Пидъ вагою сёго тяжара Кибецъ чысто звився, уси давни бажання та почуття наче прыгаслы, почезла давняя бадёрить, прыпадлывость до людей, ёму не кортило вже ни у шыякъ, ни мижъ люде; зъ давними прыателямы, що зналы ёго кращи дни, ёму було прыкро, ванъ крывся одъ ихъ, а якъ доводилось стринутыся, вклонявся несмиливо, мовъ боявся, чы зъ имъ по-здоровкаются; колы до ёго обзывалыся, нервуався, хапався плескаты услку нисенитвыцю, абы не пыталы ёго, якъ ёму йе... Злыдни и недоля штовхалы ёго що-дня на роботу; якъ прыголомпеный бигавъ винъ до майстерни та мовчки копырсавъ голкою, що загадувалы, а часомъ спостеригавъ за собою, що захолоне нестямно, втупывши кудысь очи, наче сылкуючыся зъ тяжкымъ болемъ щось згадаты и не може. Але на души въ Кибця йшла потайна работа; мынуло килька мисяцивъ, наспивала весна; думкы и почуття зновъ повильнише почалы складатыся въ ёго, ще повильнише, здается, якъ колысь,—тільки булы то зовсимъ нови думкы и почуття. Писля першого цилковитого

приголомшення, виразнише з'ясувавъ теперъ собі Кибець своє становище и близько тяжко було ёму що-хвиля бачыты, що-хвиля думаты про своє давнє и про своє сучаснє. Видъ болю тыхъ думокъ, де дали гострише и гострише розпалювалася у Кибця невплына жадоба жалошывъ та спочуття до себе; ёму здавалося, що то сама правда наказує людямъ жалиты такихъ бездолицывъ, якъ винъ, а самъ здавався собі ажъ до плачу тяжко и неправедно бездолицымъ... Але, де знайти було чуле серце для того: жинци винъ доси не зважувався появляты свою тугу, людямъ не нявъ виры, и ось усе палкише почала прокыдатися въ ёго думка—не думка, скорише мрія зиткана зъ дятыхъ спогадивъ, зъ чутыхъ колыхъ вырывками побожныхъ розмовъ, приспавныхъ клопотомъ порываннь—знайти ти жалоши и спочуття у Бога, въ церкви, видъ Ёго представныкивъ. Та мрія обхопыла Кибця могутнымъ бажаннямъ и пидъ впливомъ ёго Кибцєви, мовъ жыва, увывжалася та вабыла до себе постать старенького, поважного, у бидній ряси, ченця, зъ чудовымъ тыхымъ зглядомъ, зъ лагіднымы, сумирнымы очыма, зъ якимсь сийвомъ на выду, яснымъ, якъ небо, прывитнымъ, якъ весняный промий.

Що недили почавъ Кибець ходыты до церкви и ревно молытвся, тилько не досыть було зъ ёго молытв; сама молытва не заспокоювала ёго; ёму прытьмомъ потребино було якоись видповиди на свои запыты, якогось видголосу на свои скорботы. Розумъ ёго не мигъ видризныты Бога видъ церкви, иконъ та инчихъ святошывъ навить видъ ёго представныкивъ, и Кибець прагнувъ ще науки та розвагы видъ такого побожного панъ-отця, якого увывлявъ собі въ мріяхъ. Але йты за порадою до городськихъ батюшокъ винъ не схотивъ, винъ забагато знавъ за ихъ звычайного, людського. За такою порадою Кибець надумавсь питы до монастыря, що бувъ верстовъ зъ десять била Дубнивъ. Та передъ прощою сумлиння почало докоряты ёму за сварку зъ Чаплиємъ; Кибцєви згадувалыся слова Евангеліи: „колы прыйдешъ до церкви и згадаешъ, що братъ твій ворогує на тебе, пиды попередю помыры зъ братомъ твоимъ“—и здавалося, що самъ винъ выненъ своєму лыхови, що те лыхо—то кара за грихъ. Нарешти помырыты зъ Чаплиємъ—зробылося для Кибця конешною потребою. Та якъ? Прохаты выбачення винъ соромывся, боявся, що дизнають люде, сміятимутся, и видъ самои думкы про се зновъ здіймалася у ёму ворожнєта. На який часъ винъ кыдавъ свій замиръ та тоди зновъ напосидалы грызоты сумлиння и не давалы спокою.

Хто й зна докы-бъ вагався зъ тымъ Кибець, якъ-бы, пидъ впливомъ конешной потреби помырыты и заспокоитися, не

здумалось ёму, що и Чаплій давно вже видсердывся, не ворогуе зъ имъ у души и що й ёму тилько соромъ обизватися першому; тоди не треба ни велыкыхъ заходивъ, ни выбачення,—обизватися тилько—и край непрывзвни. Це було-бъ такъ прывжно, що Кибець, не розмиркувуючы багато, понявъ тому виры и звязавсь.

Але приступытыся все-жъ такы було важко. Передъ днемъ, колы Кибець зибрався на прощу, Чаплій сыдивъ трохы навко-са проты ёго, бувъ сердытый, мовчавъ и уперто не зводивъ ни на кого очей. Скилько не збиралъ обизватися до ёго Кибець, але гляне и не зважытсь, нервувавсь и знепокоювавсь черезъ те ще дужче. Надъ вечиръ вже було ёму надъ сылу зносыты ту непевнисть, що не помыре зъ Чапліемъ и передъ прощою, зробивсь черезъ хвлювання на дыво гострый, и отъ, у тому зворушенню настрію, не спостеригшы и самъ якъ, Кибець зненацька обизвавсь, не дывлячысь на Чаплія; голосъ ёму тремтивъ, у ёму чулося ревне благання.

— Якове Демидовичу! а кете, будь ласка, мени ножыци.

Чаплій пидвивъ голову та мовчавъ, мовъ не зразу зрозумивъ, хто и що ёму каже. Ось у очахъ ёму запалахтило.

— Не вязны!—гукнувъ винъ и переклавъ ножыци ще дали видъ Кибця.

Хлопци, що уси знали у подробыцяхъ про сварку Чаплія зъ Кибцемъ, голосно зареготали.

Густо зашарывшись, Кибець уткнувся у свое шывто, хочъ не бачывъ и ёго передъ очыма.

Нате вже вамъ ножыци!—подавъ ёму ихъ одынъ зъ челядыкывъ, чы зъ прывитнистю, чы глузуючы,—цёго не лизнавъ Кибець, прыголомшений соромомъ та образою. Винъ не спромигсь навить а ни подякуваты, а ни покорытуватися зъ ихъ, хочъ разъ щось ризнувши.

Уси зновъ голосно зареготалися.

Але въ тій хвыли нагори надъ головами щось сердыто затупотило. То Тарноруцкый выявлявъ свое незадоволення, що робитныкы регочутся, гають часть и непокоють ёго. Уси звышкы.

VII.

На Кибцеве щастя робота скоро скинчалася; винъ похопывся непомитно втикты зъ майстерни самъ, и, хочъ якъ не

була непрємна ця прыгода, а збираючысь другога днѣ до ма-настыря, винъ почувавъ себе заспокоенымъ: грихъ бувъ не ёму, винъ зробивъ усе, що, видъ ёго залежало. Настрій ёго бувъ бадёрий, радисный, який обгортуе людей тилько пидъ чарами якоись велыкои, не цѣлкомъ зрозумилои та черезъ те ще бильше свитлои надїи. Рупывъ винъ вдосвита.

Дорога йшла чаривною мисцёвистію, по-декуды здіймаючысь на шпыли, по-декуды збигаючы на шыроки луки ричкы. Купа-мы роскыдалося высоченне дерево по тихъ лукахъ; скривъ по долини яро-зелена, росюю вымта, буйна трава пахтыть пахо-щамы, поблыскуе барвыстимы квитамы, а мижъ нею лисніють шыроки плеса саги и ричкы, и часомъ мовъ хто сыпнувъ по ихъ зеленымъ лыстомъ и золотымъ та сриблястимъ квиткамъ—лилеамы. Зъ долины здіймаются, мріють и леліють у ясному сѣйви весняного сонця зегеньки, ледве примитни, прозорчасти павутынни туману; за нею, здалеку, мовъ стыгли жита, полові-ють кучугуры—пискы; за ими хвильюется шырокий степъ и, спухово здіймаючысь, губытся гент-гентъ у сывій далечини, а на самому обрїи бованіють могылы, хуторы, села... По узгирю, мовъ те вїйсько велетнивъ, розрисся лисъ шырочолыхъ дубивъ, простягся гентъ по гори и снїе въ далечини, наче темна хмара. Прозоре повитря мае, грають у ёму ясни промини, видъ-усиль лынуть гоминъ птаства, гудиння бджолы, мыготять ко-лёрысти метелыкы...

Зачарованїй людзини мовъ не чутъ цїи тихои безупыннои мелодїи, мовъ бренить вона просто у серцеви мымо розуминня и напоюе ёго ослинымъ радощамы та велычнымъ спокїемъ природы...

Зрушений, радисный задумано ишовъ Кибецъ. Винъ на-блывавъ вже до манастыря. Ось загувъ и пышно поплывъ десь высоко надъ дубамы и розлывся по далекій околици и высоко въ неби и розстылаючысь по-надъ землею першый дзвинъ, обгортуючы та застылаючы уси инчи згуки. Разъ, вдруге, втрете,—серде стукнуло въ Кибця и заколотылося швыдко, швыдко; винъ перехрестывъ и надавъ ходы. Служба вже правылася, колы Кибецъ увїйшовъ до церкви. Зразу винъ наче остовпивъ, ничего не бачывъ, не чувъ; передъ шыроко розплю-щенымы очыма ёго тилько мыготили, перелывалысь промини ясного свиту, трохы, трохы не вбачалося щось чаривне тамъ высоко у бани и тамъ за таемною зависою иконостасу. Помалу перши почування вгамувалыся, винъ прыдывывъ навкругы: по церкви метушылыся ченци, де-яки скупывшысь по темныхъ за-куткахъ щось розмовляли пошепки, иноди сварылыся; онде двое, чатуючы на дверяхъ, обынають заможнишыхъ прочанъ,

чыпляючысь зъ запысынамы на молебны, панахыды; диты рюмають, бабы сякаются, хтось кахика. Все це непрыемно вразыло Кибця и, хочъ давно знае, здалось чомусь несподиванымъ.

Тымъ часомъ выйшовъ на мольтву на-середъ церкви не молодой, вже трохы сывый чернецъ зъ такимъ чудовымъ, лагіднымъ поглядомъ. Се була жыва мрія Кибця. Ось здймавинъ рѹкы и очы до неба, почынаа вычытуваты, голосъ ёго тремтыть, здаеця, пидъ-вплывомъ глыбокого почуття, чыта такъ побожно, чуло кожнае слово; ось ставъ навколишкы и тыхо-тыхо, але чутно на цилу церкву лынуть сумни та цовни благання и надіи слова ёго мольтвы. Непрымитно для себе впавъ и Кибецъ навколишкы, прыпавъ лобомъ до холодной камяной доливкы, и гарячы слёзы побиглы ёму зъ очей, змыраючы пекучый биль зъ сердца... Кибецъ видправи. Якъ у забутти выйшовъ Кибецъ зъ церкви и пишовъ видъ людей мижъ могылы, що порослы густо рястомъ, збоку церкви. Трохы заспокоившысь, винъ почавъ розпытуваты, що то за батюшка, де живе, та й подавсь до ёго. Дожыдаты Кибецъ не здолавъ, уси почуття ёго зрушылыся и хвлювалыся, проби допынаючыся заразы-такы розъяснення та порады на ёго запыты.

Кибцеви, сходячы по камяныхъ схидцяхъ до келіи панъ-отця Хвотія (такъ звалы улюбленнаго имъ ченця), здавалося, чы не помылывсь винъ, бо зъ навпивъ розчыпныхъ дверей чувся гучный, веселый регить и потягало люлькою. Та розигнавшысь, винъ не змигъ ни зпынытыся, ни розгадуваты и видчынывъ двери. У келіи на столи кыпивъ самоваръ; двое ченцивъ, мабутъ гости, сидили коло столу, порозхристувавши рясы; одынъ зъ ихъ дуже гладкый и червоный, держачы у руци недопиту шклянку зъ чаемъ, доточувавъ їи ромомъ, гучно регочучысь и шыроко роззявившы рота; другой, повернувши ослонця до столу спыною и спершы на неи бороду, сидивъ на ёму верхы; самъ панъ-отець Хвотій, вбранный у нову шовкову рясу, зъ вельекою дбалистю розчисувавъ била дзеркала бороду. Кибецъ заледве пизнавъ ёго: такъ несподивано було ёму бачыты и ту кумпанію, и те роскишне вбрання, и той веселый осмихъ, що гравъ на выду панъ-отця. Та зачарування ще не мынулося, и зъ похапомъ, що выявлявъ нетерпеливость муки, голосомъ, що тремтивъ видъ благання та скруты, Кибецъ обернувся до панъ-отця Хвотія. Думкы Кибцеви и такъ илуталыся, товпылысь уси вразъ, а тутъ ще прыгнечувала прысутнисть чужыхъ людей, що передъ ихъ Кибецъ не здолавъ казаты цилкомъ одверто-

Винъ червонивъ, плутався; прохання выслухаты перемишувалыся зъ урывчастымы несмыслывмы нагадкамы про якусь лихо, смутокъ, нерозуминня.

— То чому-жъ ты не прыйдешъ на сповидь?—спынывъ ёго отецъ Хвотій. Я бачу—душа твоя вельмы зтурбована, а це грихъ, сыну мій! Тоби справди треба исповидатися.

Такъ, панъ-отче,—перехопивъ Кибецъ,—я гришний, дуже гришний, але мене спиткало вельке лихо, и я не зрозумію, въ чимъ и де правда, и никто не покаже мени їи, уси кривдять мене, а, якъ-бы вы знали, якъ щиро прагну я ти правды, якъ хочеться, якъ треба мени Вашои, саме Вашои, панъ-отче, святои порады!

— Хочеться? зъ незадоволеннямъ видказавъ панъ-отець (и такъ чулося, нѣбы винъ передражнявъ Кибця и заразъ скаже: що мени по тимъ, що тоби хочеться), але винъ зтримавъ себе и додавъ лагіднише:—Ну що-жъ, сыну, я охоче выслухаю тебе и дамъ пораду на сповиди. Приходь сѣгодня на вечирню, завтра въ утрени исповидаю...

— Панъ-отче,—не гараздъ розуміючи, що чынытъ, намагавсь Кибецъ:—гляньте бо мени у сердце, воно болить, пожалійте мене, натхните мени сылу, дайте спокію, виры у правду! Я-жъ чую, я знаю, я бачивъ сѣгодня у церкви, вы можете се. Тилько-жъ не заразъ, хочъ черезъ годину, черезъ дви...

— Атъ, який-бо ты,—зъ невтаеною доукою видказавъ чернець.—Отъ тоби заманулося, ни сило, ни пало—дай, бабо, сало, кыдай печене и варене... Чы думаешь, я не могу втомытысь? та й я збираюся, мени треба йихаты у городъ, я закликаний на молебень. Хиба можна думаты такъ тилько про себе? Це зновъ грихъ, а ты-жъ прыйшовъ на покуту. Иды-жъ, сыну, та робы такъ, якъ я тоби раджу...

Кибецъ лишовъ похылившысь. Винъ послухався, заждавъ у монастыри до ранку, исповидався, але навмысле не въ отца Хвотія, а въ другого сповидальника, та й тому не бидкався вже, не шукавъ порады. Кибцеви мовъ заклакы вуста. Винъ почувавъ себе окривдженымъ, почувавъ якусь неправду и, хочъ не здолавъ гараздъ ни вырозумити, ни высловити, яку саме, але мрія про святого ченця пропала, и не було вже хити видчыняты свое болизне сердце; ще бо въ додачу, гуляючи зъ вечора билия монастыря, багацько бачивъ винъ такого, що тилько збильшувало ту неохоту.

Ще николи не було такъ сумно Кибцеви писля прощы; зъ причастя ёму було завше легшае, а заразъ тилько ще важче налитъ якийсь гострый тяжкый биль; дрибныцею здавалася

передъ имъ та скрута, що почувавъ їи попереду, тоди бо винъ ще сподивавсь знайти якусь видповідь на свои запыты, а заразы лишылсы сами запыты безъ видповіди, и що-день вони робылыся гостриши, складалсы у якусь пекучу жадобу знайти ту правду, зрозумити їи. Та якъ не сылчувавсь Кибецъ уявити їи якось инче, не у выглядї своєї втраченої мрії, думкы ёго марно кублылыся, не складалсы ясно, мордувалы ёго, ажъ голова болила, мовъ у неї забылося щось живе, бьется тамъ порськаючысь, баламутить мозокъ!

Щоденщина у майстерни обрыдала Кибцеви гиршъ, нижъ попереду; винъ починавъ лютоваты, не знавъ и самъ ни на кого, ни за вищо,—здається, на весь свить, а вразъ и на себе,—все-жъ на себе менче: що я можу обшарпанный, зневоленный, окраденый, що я зрозумію?..

Наибільше винъ ненавидивъ теперъ Тарнорудького та попивъ, але часто не терпивъ, лютувавъ та насуплювався, хто-бъ до ёго не забалакавъ, а якъ часомъ доводилося ёму побачыты кого зъ заможныхъ городянъ у пышному вбраннї, або колы позъ ёго перебивавъ вулицею пышный повизъ, Кибецъ чувъ, якъ ёму здушуе горло, якъ кривлются ёму губы; такихъ хвиль ёму не сыла було иты, винъ спынявся и тилько згодомъ, колы це почуття втышувалося, простувавъ дали—воно було зновъ не зрозумиле, але досыть гостре!..

В. Левенко.

(Конецъ дали).

Памятники искусства XVI и XVII ст. въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Въ настоящее время старая живопись въ вел. лаврской церкви не существуетъ,—она уничтожена. Фактъ этотъ въ свое время произвелъ сильное впечатлѣніе какъ на ученыхъ, такъ и на публику, и былъ предметомъ довольно обширной полемической литературы. Въ пылу горячей полемики много было высказано за живопись и противъ живописи, но никто не взялъ на себя трудъ сдѣлать попытку серьезной оцѣнки уничтоженныхъ произведеній. Всѣ разсужденія вращались или въ области чисто архивныхъ вопросовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ памятникамъ и слѣдовательно побочныхъ предмету, или-же въ бездоказательныхъ обличеніяхъ въ вандализмъ и въ стремленіи доказать, не имѣя подъ руками никакихъ фактовъ, что уничтожены дѣйствительно цѣнные памятники. Не смотря на многочисленные толки, виновники этихъ толковъ—самые памятники лежали до сихъ поръ подъ спудомъ, споръ могъ длиться еще много лѣтъ и въ сущности безрезультатно, не уясняя нисколько, какова дѣйствительная цѣнность уничтоженныхъ памятниковъ.

Какое-же мѣсто въ исторіи южно-русского искусства должно быть отведено этимъ памятникамъ? Попытка разрѣшенія этого вопроса впервые сдѣлана Е. М. Кузьминымъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько соображеній по поводу уничтоженныхъ и уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины въ Кіево-Печер-

ской лаврѣ" ¹⁾). Статья эта заслуживаетъ особаго вниманія во 1-хъ, изданіемъ большей части памятниковъ, которые такимъ образомъ впервые представлены на общій судъ и общее пользованіе, ²⁾ во 2-хъ, совершенно новымъ освѣщеніемъ событія, такъ называемаго пожара 1718 года, и въ 3-хъ, серьезной попыткой оцѣнки сохранившихся произведеній съ точки зрѣнія искусства.

Всѣ историки, занимавшіеся изысканіями по этому вопросу, берутъ исходнымъ пунктомъ пожаръ 1718 г. и, исходя логическимъ путемъ изъ этого основанія, мало придають важности памятникамъ, которыхъ пожаръ не коснулся, а нѣкоторые, въ особенности новѣйшіе, даже совершенно отрицають ихъ значеніе. ³⁾ Нашъ же авторъ, наоборотъ, твердо убѣжденный въ подлинности памятниковъ, внимательно изслѣдовавъ первоисточники подвергъ критикѣ фактъ знаменитаго пожара 1718 года, и въ результатѣ оказалось, что размѣры этого пожара не такъ огромны, какъ думали до сихъ поръ. Факты, доказывающіе несостоятельность этого событія, сами по себѣ такъ краснорѣчивы и убѣдительны, что едва-ли теперь кто либо изъ серьезныхъ изслѣдователей станетъ защищать „огненное разореніе“.

Считаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на донесеніяхъ о пожарѣ, на основаніи которыхъ въ сущности и уничтожена живопись.

„Въ прошломъ 1719 году апрѣля въ 16 день его Императорскому величеству били челомъ кьєво-печерской лавры архи-

¹⁾ Искусство и художественная промышленность. Февр., 1900 г.

²⁾ Даже памятникъ К. Острожскаго изданъ въ настоящемъ своемъ видѣ первый разъ, такъ какъ нельзя считать за таковой грубыя и неточныя воспроизведенія у Бавтышъ-Каменскаго и Фундуклен.

³⁾ Такъ напр. г. Эртель въ статьѣ—О стѣнописи въ великой Успенской церкви Кьєво-Печерской Лавры (Труды Кьєвск. Дух. Акад., 1897 г., апрѣль) отрицаетъ художественное значеніе памятника кн. Острожскаго и принадлежность его XVI-му вѣку, ссылаясь на несуществующій рисунокъ этого памятника въ Тератургимѣ Кальнофойскаго.

мандритъ Іоаникій Сенютовичъ зъ братією чрезъ нарочно при-
сланныхъ своихъ приписного ихъ змиевскаго монастыря игу-
мена Романа Копы, да иеродиакона Вениамина, что въ 1718 г.
та печерская обитель зъ божья допущения огнемъ кругомъ вся
стала разорена и какъ церковь святая соборная успения пре-
святыя Богородицы такъ и протчіе церкви со всѣми утварми,
иконнымъ украшеніемъ, с ризницею и *всею казною денежною*,
колокола, больницы, печатный домъ со всѣми книгами и інстру-
ментами типографическими, библиотека, вельи, ктомуужъ крепости,
сначала обители бывшіе державнѣйшихъ государей и князей
російскихъ великодержавнѣйшихъ царей“ и т. д.—слѣдуетъ пе-
речень грамотъ Алексѣя Михайловича, Феодора и Іоанна Але-
ксѣевичей, а также Петра I.

Въ такихъ выраженіяхъ архимандритъ Іоанникій Сенюто-
вичъ черезъ игумена Романа Копу доносить Петру I о случив-
шемся несчастіи.

1719 г. декабря 11, императоръ, выслушавъ докладъ по
поводу этой челобитной, „указалъ по имянному своему импера-
торскаго величества указу послать изъ Москвы нарочно архи-
тектора, а на строеніе дать изъ его и. в. казны пять тысячей
рублевъ“, и кромѣ того приказано было архитектору „свѣдома
губернатора киевскаго и обще опредѣленнымъ ктому отъ его
и. в. воиска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана Івана
Ильича Скоропадскаго сдѣлать смѣту и сколько по той смете
будеть надобно и то число ему гетману разложить и собрать его
гетманскаго regimentу всехъ полковъ и с полковниковъ, с стар-
шины полковой, с сотниковъ и старшины городской и знатныхъ
воваковъ, которые служатъ подъ бунчукомъ кромѣ рядовыхъ
козаковъ и посполства“.

Въ слѣдующемъ, 1720 г., въ московскомъ приказѣ Малая
Россіи сысканы отпуски жалованныхъ грамотъ, данныхъ „въ
тое киево-печерскую лавру на всякие приписные монастыри, на
маетности, на вотчины, на всякие угодыя и доходы... и противъ
тѣхъ сысканныхъ отпусковъ его и. в. жалованная грамота (дана)
на всѣ тѣ приписные монастыри, на маетности“ и т. д. Гра-

мота скрѣплена графомъ Головкинымъ „съ такимъ утвержде-
ніемъ“, что никто не имѣетъ права посягать на владѣнія лавры;
что же касается мѣстечекъ, селъ, деревень, мельницъ, сѣнокосовъ,
озеръ и всякихъ другихъ угодій, то, „хотя на тѣ маестности
и разные угодья жалованныхъ грамотъ не сыскано, однакожъ
понеже тѣми вотчинами та печерская обитель по нынѣ
безспорно владѣетъ какъ игуменъ Романъ въ челобитье и вскаске
своей съ подкреплениемъ написалъ“—поэтому и на всѣ эти
угодья грамота тоже дана. Но такъ какъ, несмотря на это об-
щее утвержденіе въ правахъ владѣнія,—отсутствіе опредѣлен-
ныхъ документовъ могло дать поводъ сосѣдямъ посягать на
имущественныя права лавры, вызвавъ безконечныя судебныя
спору, и безъ того нерѣдкіе между монастырями XVII—XVIII
ст., то въ 1722 г. снаряжается новая депутація съ іеромона-
хами патеръ Муѳтіемъ (?) и Самсономъ, которые хотя и повто-
ряютъ печальную повѣсть о томъ, что обитель ихъ сгорѣла
„безостатку“, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявляютъ, что „на дру-
гихъ той киево-печерской обители маестности, села, деревни,
мельницы, озера, въ рѣкахъ рыбныя ловли, всякіе угодья *сыска-
лись письма, оставшіеся послѣ бывшаго въ той печерской лавре
пожару частью нѣкоторыя подлинныя а съ иныхъ списки*“¹⁾. Та-
кимъ образомъ, оказывается, что понадобившіеся документы
спустя четыре года послѣ пожара были найдены среди „непла
и развалинъ“.

Еще бы, пожалуй, возможно было допустить съ нѣко-
торыми натяжками, что могли быть отысканы при такихъ не-
обыкновенныхъ обстоятельствахъ документы, которые въ дан-
ную минуту нужны, если-бы не найденная въ ноябрѣ 1898 г.
на хорахъ великой церкви монастырская казна съ собственно-

¹⁾ Списки документовъ, выданныхъ изъ Государственной колле-
гій иностранныхъ дѣлъ, 31 декабря 1722 г. на 115 листахъ. Сбор-
никъ скрѣпленъ подписью секретаря Ивана Губина и приложеніемъ
государственной печати. Изложеніе дѣла о пожарѣ на листахъ 1—8
(рукопись хранится у насъ). См. также Акты, изд. М. Евгеніемъ въ
описаніи Кіево-Печ. Лавры. К. 1828. Прилож. стр. 99—136.

ручными записями Іоанникія Сениутовича, скрываго ея за годъ до „пожара“, и Романа Копы, провѣрившаго казну 14 лѣтъ спустя (1731 г.), которая уже окончательно подрываетъ довѣріе къ донесеніямъ 1719—1722 гг. Выходитъ такъ, что названныя лица, скрывая въ укромномъ мѣстѣ монастырскія сокровища, въ одно и тоже время доносили высшей власти о полномъ ихъ уничтоженіи. Нельзя поэтому не согласиться съ вѣрностью предположенія проф. Н. И. Петрова относительно мотивовъ скрытія казны,—казна была скрыта изъ боязни, чтобъ Петръ В. не потребовалъ ея на государственныя нужды¹⁾. И вотъ для этого то и потребовалась такая искусная комбинація, какъ сожженіе обители „безостатку“—„со всею казною денежною“. Расчетъ оказался вѣрнымъ: не только остался капиталъ въ неприкосновенности, но еще получены значительныя субсидіи.

Доказавши несостоятельность донесеній, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ надгробія К. Острожскаго, единственнаго сохранившагося въ настоящее время въ лаврѣ памятника XVI ст., а также къ оцѣнкѣ памятниковъ искусства, оставшихся только въ фотографическихъ снимкахъ и въ настоящее время не существующихъ.

О памятникѣ Острожскаго, за періодъ времени съ 1530 по 1718 г., находимъ лишь три свидѣтельства—Эриха Лясоты (1594),²⁾ Павла Алепскаго (половины 17 ст.)³⁾ и священника Іоанна Лукьянова (1701 г.).⁴⁾ У Эриха Лясоты это „великолѣпная *мраморная* гробница“; Алепскій, описывая какой-то дру-

¹⁾ Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры. «Труды Кіевск. Духовн. Академіи» іюнь, 1899 г., стр. 184.

²⁾ Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Россіи, перев. К. Мельникъ (подъ ред. В. Антоновича). Вып. I, Кіевъ, 1890 г.

³⁾ Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ полов. XVII вѣка. Перев. съ арабск. Г. Муркоса. В. 2, М. 1897 г., стр. 50.

⁴⁾ Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева. К. 1874 г., II, стр. 122.



Надгробіе кн. Константина Острожскаго въ великой церкви
Кіево-печерской лавры.

гой, недошедшій до насъ памятникъ, упоминаетъ только вскользь, что „съ сѣверной стороны находится изображеніе сына его (т. е. передъ этимъ описаннаго) съ длинною бѣлою бородой“; у Лукьянова нѣсколько обстоятельнѣе: „въ той-же церкви у *праваго столпа изваянъ изъ камене князь Константинъ Острожскій, лежитъ на боку въ латахъ изображенъ, какъ будто живой*“. Всѣ эти свидѣтельства носятъ слишкомъ общій и даже сбивчивый характеръ и страдаютъ поѣтому отсутствіемъ ясности и опредѣленности. Такимъ образомъ, приходится обращаться непосредственно къ самому памятнику, „свидѣтельствующему о себѣ, по выраженію г. Кузьмина, краснорѣчивѣе всѣхъ документовъ“. Привожу мѣсто, которое блестящимъ образомъ доказываетъ несомнѣнную принадлежность нашего памятника къ XVI ст. „Невозможно допустить, чтобы кто нибудь изъ серьезныхъ знатоковъ въ области исторіи искусства могъ усомниться въ его подлинности. Черты эпохи отражаются на немъ съ такой поразительной ясностью, что предполагать возстановленіе или даже возобновленіе (реставрацію) могутъ только люди, имѣющіе крайне слабое представленіе о томъ, что такое стиль извѣстнаго времени и въ чемъ заключаются его особенности. Для того, чтобы сдѣлать вещь въ извѣстномъ стилѣ прежнихъ вѣковъ и сдѣлать ее безукоризненно,—необходимы огромная художественная эрудиція, тонкость вкуса и высота технического совершенства. А кто же могъ взять на себя этотъ трудъ въ первой половинѣ 18 ст. (когда у насъ совершенно отсутствовали художники въ смыслѣ европейскомъ), трудъ къ тому же бесполезный, никому ненужный, и, кромѣ того, нисколько негармонизировавшій съ настроеніемъ того времени? Дѣйствительно, достаточно остановить вниманіе на слегка касающихся колоннъ купидоновъ, изъ коихъ одинъ съ необыкновенной граціей приподымаетъ занавѣсъ надъ почившимъ, чтобы убѣдиться, что передъ нами чистѣйшій образецъ италіанскаго возрожденія XV—XVI ст. Невольно напрашиваются на сопоставленіе ангельчики Luca della Robbia, Ant. Rossellino, а также купидоны надъ Микель-Анджеловской „Pièta“ и на гробницѣ послѣдней изъ Ягеллоновъ королевы Анны

(1596). Что-же касается фигуры, то мы имѣемъ три памятника, въ которыхъ положеніе усопшихъ рыцарей совершенно тождественно съ нашимъ: это гробницы—Христофора Шидловецкаго (нач. XVI ст.), въ Опатовѣ, ¹⁾ Сигизмунда Стараго (1548) и Сигизмунда-Августа (1552) въ Краковѣ. ²⁾ Въ замѣчательномъ изслѣдованіи Іоахима Лелевеля о гробницахъ польскихъ королей нашъ авторъ находитъ подтвержденіе своей мысли въ опредѣленіи чисто типическихъ особенностей памятника XVI ст. Несмотря на то, что Лелевелю не былъ, повидимому, извѣстенъ памятникъ Острожскаго, его опредѣленіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ нашему надгробію: „Надгробные памятники вдѣлывались въ стѣну... надгробное ложе или гробъ обыкновенно вдвинуты въ нишу стѣны... аллегорическіе придатки отсутствуютъ... гербы размѣщаются по стѣнамъ... плащъ не покрываетъ собою рыцарски вооруженнаго мужа, вооруженный мужъ еще живъ, онъ легъ на крышку гроба скорѣе для обыкновеннаго сна, чѣмъ для вѣчнаго покоя“. „Читая эти строки, говорить г. Кузьминъ, можно подумать, что авторъ описываетъ надгробіе Острожскаго, такъ близко подходитъ оно къ стилю и характеру гробницъ XVI ст.“.

Переходя къ живописи, уничтоженной въ великой лаврской церкви, должно сказать, что подъ живописью мы подразумеваемъ, главнымъ образомъ, портреты русскихъ царей, князей старорусскихъ родовъ и архимандритовъ лавры, сохранившихся и то лишь отчасти въ фотографическихъ воспроизведеніяхъ. Что касается остальной живописи, какъ напримѣръ колоссальнаго Распятія, которое занимало почти всю алтарную стѣну главнаго абсида, и многихъ другихъ священныхъ изображеній, то ни кальки, ни фотографіи даже плохой не осталось, такъ что объ этой живописи уже ничего опредѣленнаго нельзя сказать. ³⁾ Къ

¹⁾ Liber geneoseos illustris. familie Schidlovicie MDXXXI. Перевзд. гр. Дзялыньскимъ въ Познань, 1848 г.

²⁾ I. Lelewel. Grobowe królów polskich pomniki. Poznań, 1857.

³⁾ Нѣкоторое представленіе объ уничтоженномъ Распятіи даетъ гравюра въ «Лейтургіаріонѣ», изд. К.-Печерской лавры 1708 г. (гра-

сожалѣнію, съ фотографіями тоже случилось нѣчто своеобразное, исключительно присущее нашимъ правамъ. Неизвѣстно по чьей инициативѣ фотографъ почти всѣ лица заретушировалъ на негативахъ. Этому подверглись въ сильнѣйшей степени негативы съ князьями Острожскими, Сангушко, Вишневецкими, а также съ архимандритами печерскими—Петромъ Могилой, Инокентіемъ Гизелемъ, Варлаамомъ Ясинскимъ и мног. другими. Чтобы имѣть представленіе насколько лица изуродованы ретушью, достаточно сравнить портретъ, отмѣченный въ свое время и воспроизведенный подъ именемъ Мазепы на страницахъ „Кіевской Старины“, съ оставшейся фотографіей этого портрета, чтобы убѣдиться, до какой степени это лицо на фотографіи искажено. ¹⁾ Въ воспроизведеніи „Кіев. Стар.“ мы видимъ типичное малорусское лицо съ небольшими книзу опущенными усами, что придаетъ особую характерность фізіономіи, на фотографіи усы сняты (т. е. замазаны), щеки, благодаря неумѣло положенію фону, сбившему форму силуэта, страшно вздуты, и получилось нѣчто невообразимо уродливое, крайне безформенное, совершенно потерявшее характеръ человѣческаго лица. Лишь съ трудомъ можно догадаться что это одно и то же лицо и то только по положенію руки и рисунку одежды.

Самые цѣнные и менѣе всего испорченные портреты изъ числѣ сохранившихся въ фотографіяхъ—это портреты царей—Михаила Θεодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна Алексѣевича ²⁾ и Петра I. Судя по разнообразію лицъ, рѣдкой тонкости

виров. мѣрко лѣн) на оборотѣ выходного листа. Нужно оговорить, что сняты еще иринарховскіе Вселенскіе Соборы, т. е. произведенія лаврской живописи самыя познѣйшія (40-хъ годовъ истекающаго столѣтія), которые въ художественномъ отношеніи лишены всякаго интереса.

1) «Кіевская Старина» январь 1887 г. См. также «Живописное Обозрѣніе» № 11 того же года.

2) Іоаннъ Алексѣевичъ еще не изданъ, изображеніе же, плохо сохранившееся, которое въ «Искусствѣ и Худ. Промышл.» ошибочно названо именемъ этого царя, должно быть отвесено скарѣе всего царю Θεодору Алексѣевичу.

рисунка, который выражается въ непринужденности позъ, какой-то особой вдумчивости въ выраженіи лицъ—можно заключить, что портреты эти писаны недюжинными мастерами и повидимому по отличнымъ, недошедшимъ до насъ, оригиналамъ. Сравнивая изображенія, видимъ, до какой степени тощко выражены на этихъ портретахъ типическія особенности каждаго лица. Изображеніямъ этимъ совершенно чужды схематическая условность и сухость иконной манеры московскихъ мастеровъ 17 ст. въ трактовкѣ портретныхъ изображеній.¹⁾ Въ томъ, что это не вымышленныя лица, служить намъ доказательствомъ весьма схожій портретъ Петра I. Фигура Петра, кромѣ характернаго портретнаго сходства, еще чрезвычайно любопытна по смѣлости и своеобразности композиціи. Художникъ свободнымъ движеніемъ опустилъ руку со скипетромъ наискось, такъ что скипетръ приходится на фонѣ одежды сосѣдней фигуры. Здѣсь замѣтно подчеркнуто стремленіе къ передачѣ чертъ чисто индивидуальныхъ, стремленіе тонкимъ штрихомъ выдѣлить живость темперамента изображаемаго лица; контрастъ получается разительный между этимъ портретомъ царя преобразователя и портретами остальныхъ царей, которые, устремивъ задумчивый взглядъ на зрителя, какъ-бы застыли въ важныхъ и спокойныхъ позахъ. Должно присовокупить, что даже въ богатомъ и, по словамъ Ровинскаго,²⁾ почти полномъ собраніи портретовъ Петра I въ Имп. Пуб. Библ. портрета подобнаго нашему, въ смыслѣ поворота и движенія, не находимъ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что не пощажены по крайней мѣрѣ хотя эти четыре портрета, тѣмъ болѣе, что помѣщались они высоко въ темномъ углу, у памятника Острожскаго, надъ печерскими архимандритами и мѣшать во всякомъ случаѣ

¹⁾ Для сравненія указываемъ на стѣнные изображенія царей Михаила Ѳеодор. и Алексѣя Михайловича въ Новоспасскомъ монастырѣ. Позы обѣихъ фигуръ симметричны до мелочей, лица совершенно сходны одно съ другимъ, даже узоры на одеждахъ одинаковы. Снегиревъ. Новоспасскій монастырь. М. 1843 г.

²⁾ Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Пб. 1872. стр. 110.

никому не могли. Портреты эти настолько цѣнны, какъ художественныя произведенія, что ихъ смѣло можно отнести къ лучшимъ образцамъ южно-русскаго искусства второй половины 17 ст. и начала 18. Въ этомъ теперь можетъ убѣдиться каждый, кто не лишенъ хотя отчасти пониманія техническихъ сторонъ искусства.

Портретамъ этимъ вообще не посчастливилось. Благодаря тому, что находились они въ самомъ темномъ сѣверо-западномъ углу церкви, почти никто не обращалъ на нихъ вниманія. Единственное свидѣтельство объ этихъ портретахъ до 1718 г. находимъ въ путешествіи по св. мѣстамъ уже упомянутаго свящ. І. Лукьянова, который, описывая лаврскую церковь, говоритъ: „а въ церкви стѣнное писаніе—всѣ князья русскіе написаны“. Теперь становится несомнѣннымъ, что свидѣтельство Лукьянова относится именно къ этимъ портретамъ, а не къ какимъ либо другимъ, какъ пытались доказать изслѣдователи, введенные въ заблужденіе донесеніями 1719—1722 г. г.

Мы предвидимъ возраженія, которыя могутъ сдѣлать, несмотря на ясность и убѣдительность доводовъ, сводящихъ до минимума значеніе пожара, сторонники и защитники этого миѣческаго событія по поводу всего вышеизложеннаго. Главнѣйшія изъ нихъ: какимъ образомъ объяснить исчезновеніе мозаикъ еще существовавшихъ въ половинѣ 17 ст. и такъ опредѣленно описанныхъ Алепскимъ? Куда исчезла „самая первая въ Россіи, многочисленная и наидревнѣйшая бібліотека, собранная и умноженная великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Владиміровичемъ“¹⁾? Что значать, наконецъ, противорѣчивыя показанія относительно надгробія Острожскаго, которое Лясота считаетъ мраморнымъ, а Лукьяновъ „изваяннымъ изъ камене“ и „у праваго столпа“, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ не у праваго столпа и не мраморный?

Въ какой зависимости находились въ концѣ 17 ст. памятники искусства отъ произвола лицъ, облеченныхъ высшей духов-

1) Исторія Руссовъ или Малой Россіи. М. 1846, стр. 225.

ной властью, видно изъ свидѣтельства того-же Лукьянова, ярко очерчивающаго отношеніе митрополита Варлаама Ясинскаго къ софійскимъ фрескамъ и мозаикамъ: „церковь Софіи Премудрости Божія зѣло хороша и образсвата, да въ ней презорство строенія; нѣту ничего—пусто; а старое было стѣнное письмо, а митрополитъ нехай все замазалъ извѣстью“ ¹⁾).

Въ видѣ поясненія къ этому краснорѣчивому свидѣтельству еще можно присовокупить, что послѣдняя четверть 17 ст. ознаменована для лавры цѣлымъ рядомъ капитальныхъ сооруже-ній и что самая соборная церковь, еще въ половинѣ 17 ст. такъ мало сходная съ нынѣшнимъ ея наружнымъ видомъ, уже въ 1697 г. принимаетъ тѣ-же формы, которыя мы видимъ и въ настоящее время, за исключеніемъ несущественныхъ мелочей ²⁾. Поэтому уничтоженіе мозаикъ и замѣщеніе ихъ иконной росписью должно быть отнесено именно къ этому времени. На это обратилъ вниманіе и г. М. Истомина, указавъ на тотъ фактъ, что въ 1729 г. церковь не была наново росписана, а живопись была только возобновлена ³⁾. Въ пользу этого также говоритъ „Опись иконописи Кіево-Печерской лавры“ конца 17 или самаго начала 18 ст., въ которой рельефно выступаютъ схоластическіе приемы въ трактовкѣ аллегорически-нравоучительныхъ сюжетовъ, которыми такъ богата богословская литература южной Руси второй половины 17 ст. ⁴⁾. Такимъ образомъ, взвѣсивая и сопоставляя данныя, съ полнымъ основаніемъ можно приурочить уничтоженіе мозаикъ ко времени настоятельства

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для историч. топогр. Кіева. П., 120. Здѣсь ошибочно названъ Іоасафъ Кроковскій; Лукьяновъ посѣтилъ Кіевъ въ 1701 г., тогда какъ І. Кроковскій избранъ въ митропол. кіевскіе лишь въ 1708 г.

²⁾ См. Евангеліе лаврск. изданія 1697 г., —выходн. листъ.

³⁾ Къ вопросу о древней иконописи Кіево-Печерской лавры. Кіевъ, 1897, стр. XVIII.

⁴⁾ Тамъ-же, въ приложеніи.

Варлаама Ясинскаго (1684—1690) или Мелетія Вуяхевича (1690—1697)¹⁾.

Что касается Ярославовой бібліотеки, „въ которой содержались великія тысячи книгъ рукописныхъ и разныхъ драгоценныхъ манускриптовъ, писанныхъ на разныхъ языкахъ“, то считаемъ необходимымъ указать сторонникамъ историческихъ приемовъ псевдо-Конисскаго на опись имущества Кіево-Печерскаго монастыря, составленную въ 1554 г., въ которой, послѣ исчисления богослужебныхъ книгъ, сказано только: „а опрочъ тыхъ вышей описанныхъ книгъ и иныхъ къ тому книгъ посполи-тыхъ (не церковныхъ) *полтретьацать*“²⁾.

Остаются неточности, касающіяся памятника К. Острожскаго, которыя устраняются сами собой, если внимательно вникнуть въ дѣло. Цитированныя нами записки писаны очевидно при бѣгломъ осмотрѣ и по этому естественно если вкрадывались такія неточности, какъ „мраморный“ или „у праваго сголна“. Чтобы не быть бездоказательными, укажемъ на отзывы, уже болѣе близкіе нашему времени: В. Измайловъ считаетъ этотъ памятникъ изваяннымъ изъ бронзы³⁾, кн. Долгорукому онъ

1) Если остался неприкосновеннымъ и нисколько не попорченнымъ огнемъ матеріалъ памятника К. Острожскаго (алебастръ), который долженъ превратиться въ порошокъ при +160° С.—температурѣ для самаго незначительнаго пожара слишкомъ ничтожной, то тѣмъ болѣе должны были уцѣлѣть мозаическія изображенія, какъ состоящія изъ вещества болѣе прочнаго и устойчиваго, если-бы ихъ не коснулась разрушительная рука человѣка. Во время перекладки половъ въ соборной лаврской церкви въ 1885 г. были находимы въ большомъ количествѣ разноцвѣтные кусочки мозаики, совершенно правильные (не носящіе никакихъ признаковъ разрушенія огнемъ), аналогичные какъ по формѣ, такъ и по цвѣту кусочкамъ мозаикъ софійскихъ. Образцы этой мозаики можно видѣть въ лаврской ризницѣ, церковно-археологическомъ музеѣ и другихъ мѣстныхъ музеяхъ.

2) П. Л. Кіево-Печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи. Кіевъ. 1886, стр. 52.

3) Путешествіе въ полуденную Россію, ч. 1-я. Москва. 1800 г. стр. 108.

кажется, также какъ и Лясотѣ, мраморнымъ ¹⁾, Закревскому—раскрашеннымъ ²⁾, такъ что одинъ и тотъ-же памятникъ почти за четыре столѣтія своего существованія былъ мраморнымъ, каменнымъ, бронзовымъ и, наконецъ, раскрашеннымъ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что въ вопросѣ объ уничтоженіи живописи въ лаврѣ сказалось чрезмѣрное довѣріе въ буквѣ документа,—документу отдано первое мѣсто, памятники-же искусства остались въ полномъ забвеніи, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Въ сущности-же слѣдовало-бы, провѣряя памятники искусства съ помощью документовъ, въ свою очередь посредствомъ памятниковъ выдѣлять неточности документовъ, тогда не случилось-бы такихъ печальныхъ недоразумѣній, какъ полное пренебреженіе и даже заподозриваніе въ подлинности такого превосходнаго произведенія искусства, какъ памяти. К. Острожскаго, и уничтоженіе портретовъ, находившихся въ великой лаврской церкви.

Ст. Яремичъ.



¹⁾ Путешествіе въ Одессу и Кіевъ въ 1810 г. князя И. М. Долгорукаго. Чтенія въ Имп. Общ. истор. и древностей Росс. вѣ. 3. М. 1869.

²⁾ Описаніе Кіева. М. 1868 г. стр. 620.

Къ исторіи народнаго образованія на Украинѣ въ первой четверти XIX в.

Въ архивѣ 4 кіевской гимназіи сохранилась переписка разныхъ лицъ и учреждений съ Уманскимъ базилианскимъ училищемъ за 1811—1812 г. и за 1822—1826 г.г.; она представляетъ два переплетенныхъ тома и попала въ составъ архива гимназіи вмѣстѣ съ библіотекой училища.

Переписка эта не имѣетъ, конечно, общей связи по своему содержанію, а потому и трудно изложить таковое въ цѣльномъ разсказѣ; въ составѣ ея находятся бумаги, заслуживающія вниманія. Содержаніе послѣднихъ постараемся изложить здѣсь вкратцѣ, какъ матеріаль, пригодный, быть можетъ, для исторіи народнаго образованія на Украинѣ въ началѣ истекающаго столѣтія.

Визитаторъ училищъ графъ Филиппъ Плятеръ, бывши въ Умани въ мартѣ 1811 г., командировалъ учителя Доминика Рудницкаго для ревизіи парафіальной школы въ м. Лысянку (нынѣ Звенигородскаго уѣзда). Послѣ осмотра Рудницкій сообщилъ, что школа помѣщается въ 2 хъ комнатахъ, отведенныхъ для нея въ мѣстномъ Францисканскомъ вѣнцѣ и что владѣлица м. Лысянки Моржковская предоставила въ распоряженіе учителя экономическую усадьбу, сторожа и отпускала отопленіе. Школа была устроена

для мальчиковъ и дѣлилась на три класса. Предметами преподаванія были Законъ Божій, ариметика, географія, польскій, латинскій, нѣмецкій и французскій яз. и чистописаніе; всѣхъ учащихся было 40 человекъ; учителей два—Людвигъ Васько, обучавшій нѣмецкому и французскому яз., и бывшій ученикъ V класса каневского базилианскаго училища Іосифъ Богдановичъ, обучавшій прочимъ предметамъ.

Ученики жили у Васька, отчасти и на частныхъ квартирахъ. Завѣдывалъ школою въ теченіе 5 лѣтъ Васько, хотя и не имѣлъ установленнаго свидѣтельства на право преподаванія; къ тому-же онъ преобразовалъ свою школу въ 3-хъ классую, вмѣсто положенной по правиламъ 2-хъ классной, чѣмъ и вызвалъ неудовольствіе высшаго начальства. Графъ Плятеръ поручилъ префекту Уманскаго училища объявить Ваську, чтобы онъ сообразовался съ Высочайше утвержденными правилами о парафіальныхъ школахъ, въ противномъ случаѣ „ему запрещеннымъ будетъ должность общаго просвѣщенія, и напротивъ, ежели исполнить волю правительства, останется на томъ-же мѣстѣ и будетъ имѣть право до награжденій, кои правительство заслугамъ посвящаетъ“. Въ то-же самое время гр. Плятеръ поручилъ префекту Уманскаго училища имѣть постоянный надзоръ за Лысянской школой, а 1 мая 1816 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы префектъ Уманскаго училища доставлялъ визитатору къ 1 іюня каждаго года отчетъ о парафіальныхъ школахъ.

Въ томъ-же 1811 г. 6 іюня директоръ Кіевской гимназіи увѣдомилъ префекта Сѣницкаго, что Виленскій университетъ утвердилъ его проектъ распредѣленія парафіальныхъ школъ и частныхъ пансіоновъ подъ вѣдѣніе повѣтовыхъ училищъ: парафіальныя школы ежегодно два раза въ годъ, 20 іюня и 20 января, должны были представлять по установленной формѣ отчеты повѣтовымъ училищамъ, а эти послѣднія представили отчеты дирекціи о всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ школахъ. Школы распредѣлялись такъ: Кіевскому училищу были подчинены парафіальныя школы въ Кіевѣ, а также Ржищевская, Фастовская,

Васильевская и Бѣлоцерковская; Каневскому—Смѣлянская и частный пансіонъ въ м. Смѣлѣ; Уманскому—Лысянская и Тетіевская школа, а также частный пансіонъ въ Звенигородѣ; Махновскому—Бѣлиловская, Жорницкая и Иллинецкая; Радомысльскому—Чернобыльская, Коростышевская, Брусиловская, Ходорковская и Топоровская. Вмѣстѣ съ этимъ Мышковскій проводилъ Сѣницкому экземпляръ правилъ о частныхъ пансіонахъ, содержателями которыхъ были преимущественно иностранцы: въ Звенигородѣ французъ Louis de Petit, въ Кіевѣ—отставной французскій капитанъ Compagnion и въ м. Христиновкѣ—Germain.

Высшее учебное начальство, въ лицѣ представителя комиссіи эдукаційной гр. О. Чацкого и визитатора гр. Ф. Плятера, хотѣло возможно лучше обезпечить парафіальныя школы при помощи частныхъ лицъ помѣщеніями, фундушами; такъ, осенью 1811 г. гр. Плятеръ хлопоталъ о ремонтѣ дома въ Лисянкѣ, гдѣ помѣщалась аптека, для парафіальной школы, потому что старое помѣщеніе становилось тѣснымъ въ виду увеличенія числа учениковъ. На это увеличеніе указываетъ и Василь въ своей просьбѣ къ Сѣницкому о присылкѣ для школьной библіотеки „книгъ классическихъ“, такъ какъ повѣтовые училища обязаны были снабжать книгами только парафіальныя школы за деньги.

Постоянныя заботы о наилучшей постановкѣ парафіальныхъ школъ побудили гр. Плятера обратиться съ слѣдующимъ циркуляромъ къ повѣтовымъ училищамъ (3 января 1812 г.): „Парафіальныя школы имѣютъ ближайшее вліяніе на просвѣщеніе, отъ нихъ правительство ожидаетъ благихъ послѣдствій своихъ стараній; отъ начальниковъ школъ наиболѣе зависитъ выполнить тѣ великія начертанія, которыя стремятся къ счастію и благу современныхъ семей черезъ просвѣщеніе нарождающихся поколѣній. Отъ васъ зависитъ, начальники школъ, приложить стараніе, чтобы парафіальныя школы отвѣчали ожиданіямъ того достойнаго вашего уваженія мужа, который первый подалъ Великому Монарху проектъ учрежденія парафіальныхъ школъ. Въ губерніи Подольской уже опредѣлены фундуши па-

парафіальныхъ школъ; штаты ихъ и списокъ внесены въ акты учебнаго вѣдомства. Всякое необходимое въ этомъ отношеніи объясненіе начальники училищъ могутъ получить легко и своевременно, посѣщая управленіе волынской гимназіи или канцелярію комиссіи едукативной; я-же прошу наиусерднѣйше, чтобы—сколько возможно—школы парафіальныя были посѣщаемы, чтобы рапорты отъ нихъ были провѣряемы на мѣстѣ и чтобы предъ концемъ года было присылаемо заключеніе посѣщающаго школы, выполняется-ли цѣль фундаторовъ и желаніе правительства. Ревизоръ долженъ дать заключеніе о личности завѣдующаго школой, объ его пригодности къ дѣлу и о средствахъ, которыми онъ пользуется для просвѣщенія юношества, долженъ сообщить о потребностяхъ школы, съ указаніемъ, какую нужно оказать помощь и какой помощи нужно ожидать отъ мѣстныхъ владѣльцевъ. Наконецъ, поручаю заботливости начальниковъ училищъ собрать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыми могло-бы интересоваться правительство въ отношеніи этихъ заведеній“.

Позднѣйшая переписка, относящаяся къ 1824 г., сохранила нѣсколько свѣдѣній о томъ, что гр. Плятеру удалось таки обезпечить нѣкоторые парафіальныя училища фундушами.

Между тѣмъ на запросъ директора Кіевской гимназіи Петрова начальнику Уманскаго училища о доставленіи свѣдѣній о фундушахъ, числящихся за парафіальными школами, послѣдоваль такой отвѣтъ: „Въ м. Лысянкѣ Звенигородскаго повѣта, имѣніи наслѣдниковъ Моржковскаго, предсѣдателя польскаго главнаго суда, имѣется парафіальная школа, содержащая о.о. францисканами, о которой префектъ Уманскаго училища есендъ Граціанъ Микулинскій 24 февраля 1821 г. донесъ комиссіи едукативной въ Кременцѣ, что нѣкій благодѣтель учредилъ фундушъ, пожертвовавши о.о. францисканамъ 200 золотыхъ для ежегодной выдачи жалованья учителю; о.о. францискане присоединили къ этому пожертвованію домъ о двухъ комнатахъ для класснаго помѣщенія и для квартиры учителя.“

Въ д. Монастырѣ около м. Лысянки имѣется также парафіальная школа, содержащая о.о. базилианами. Княгиня Тео-

фила-Салѣжанка Яблоновская, владѣлица м. Лысянки, пожертвовала, согласно запискѣ отъ 3 авг. 1803 г., занесенной въ острожскія земскія книги, для парафіальной школы о.о. базилианъ подъ м. Лысянкой 650 морговъ земли для образованія вѣчнаго фундуша на содержаніе этой школы, о чемъ она сообщила владѣльцу Лысянки Моржковскому, архіеп. Сестренцевичу, уніатскому еп. Левинскому и графу. Ө. Чацкому.

Въ м. Тетіевѣ, владѣніи Островскихъ, на парафіальную школу воеводина Людвика Ледваговская опредѣлила выдавать, согласно записи, занесенной въ акты гродскіе винницкіе подъ 3 февраля 1793 г., по 15 р. ежегодно въ жалованье учителю школы.

Завѣдываніе повѣтовыми училищами Кіевской губерніи лежало—согласно Высочайшему указу Сенату отъ 2 октября 1810 г.—на обязанности директора Кіевской гимназіи; а потому, по сохранившейся перепискѣ за время 1811—1812 г., можно судить до нѣкоторой степени о вопросахъ, возникающихъ въ жизни повѣтовыхъ школъ. Такъ, директоръ Кіевской гимназіи Мышковскій, заботясь о снабженіи бібліотеки Уманскаго училища, выслалъ разновременно въ училище слѣд. книги: 1) Словарь міеологіи Алоиза Осинскаго, 2) №№ XXIV—XXVI „Періодическаго изданія о движеніи просвѣщенія въ краѣ“, 3) 11 экз. сочиненія Смита „О политической экономіи“, въ переводѣ Зноско (ц. 85 в.), 4) 5 экз. періодич. изданія „Улей“ (2 р. ас. за экз.), 5) Журналъ Фридриха II (ц. 1 р.), 6) Курсъ общей исторіи въ 3 томахъ, соч. проф. педаг. института Зябловскаго (8 р. ас.) и 7) „О прививкѣ оспы“ соч. Бекло. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мышковскій просилъ выслать дубликаты, находящіеся въ училищной бібліотекѣ, для разсылки въ другія училища.

20 декабря 1810 г. въ м. Брусиловѣ получено предписаніе гр. Ө. Чацкаго о совершеніи въ училищахъ и парафіальныхъ школахъ заупокойнаго богослуженія по скончавшемся 10 дек. 1810 г. директорѣ воынской гимназіи Іосифѣ Чехѣ, съ

произношеніемъ приличнаго случаю слова и съ препровожденіемъ копіи протокола о всемъ происшедшемъ и. д. директора Антонію Янковскому, для храненія въ архивѣ гимназіи.

Въ 1811 г. разослана копія распоряженія М. Нр. Пр. о томъ, чтобы никто, не имѣющій званія профессора, не имевалъ-бы себя таковымъ, подѣ страхомъ строгаго наказанія.

12 февраля 1811 г. Мышковскій увѣдомляетъ, что Высочайше повелѣно употреблять во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ бумагу, изготовленную въ Россіи.

27 февр. 1811 г. гр. Плятеръ отъ имени гр. Чацкого выражаетъ благодарность учителямъ Уманскаго училища за успѣшныя занятія учениковъ.

9 апр. 1811 г. гр. Плятеръ увѣдомляетъ, что согласно вновь установленному съ 1805 г. ученическому суду—во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ должны быть собраны всѣ учащіеся для выбора предсѣдателя суда и судей. Согласно положенію объ этихъ судахъ, ученики, получившіе похвальные листы, до разсмотрѣнія ихъ проступка въ судѣ и лишенія по суду похвальнаго листа и соединенной съ нимъ льготы, не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію. Похвальный листъ могъ быть возвращенъ обратно провинившемуся ученику лишь по удостовѣренію учителей въ томъ, что онъ исправился.

1 мая 1811 г. Мышковскій предлагаетъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы, согласно распоряженію Министра Н. П., воспитатели юношества не подвергали учащихся тѣлесному наказанію.

21 мая 1811 г. Мышковскій предлагаетъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы учащіеся не имѣли при себѣ огнестрѣльнаго оружія и не принимали участія въ охотахъ.

21 мая 1811 г. Мышковскій увѣдомляетъ о назначеніи директоромъ Волынской гимназіи и школъ Волынской губерніи Яна-Непомука Лернета, члена Виленскаго университета и Варшавскаго общества любителей наукъ.

7 іюня 1811 г. гр. Плятеръ предлагаетъ озаботиться лучшей постановкой, „dozorgów domowuch“ (туторовъ) въ „кон-

виктахъ" (общезитіяхъ), находящихся подъ надзоромъ учебной администраціи.

3 января 1812 г. гр. Плятеръ предлагаетъ, чтобы префектъ Уманскаго училища имѣлъ особенное наблюденіе за произнесеніемъ проповѣдей учащимися и чтобы при этомъ не ограничивались темами, присланными университетомъ въ количествѣ 20 проповѣдей, а чтобы совѣтъ училища задавалъ и свои темы. Проповѣди эти, предварительно произнесенія ихъ учащимися, прослушивались префектомъ.

12 февраля 1812 г. гр. Чацкій, посѣтившій училище, выражаетъ благодарность префекту и преподавателю математики всендзу Граціану Микулинскому за блестящее состояніе училища и успѣхи учащихся по всѣмъ предметамъ, а въ особенности по математикѣ.

21 іюля 1812 г. Мышковскій увѣдомляетъ, что директоромъ Волынской гимназіи съ 15 іюля утвержденъ учитель высшей математики Сциборскій.

2 ноября 1812 г. Мышковскій отъ имени гр. Чацкаго для обывателей Волын., Подольск., и Кіевской губерніи, а также Тарнопольскаго округа препровождаетъ увѣдомленіе, которое онъ наз. „лучемъ новой надежды“, о томъ, что волынская гимназія по милости Царской по-прежнему остается въ Кременцѣ и что занятія начнутся со 2 января 1813 г., а вакаціи съ 1 іюня и что будетъ приложено стараніе къ наверстанію пропущеннаго.

4 декабря 1812 г. Мышковскій предлагаетъ учителямъ повѣтовыхъ училищъ составлять учебныя записки по отечественной исторіи, топографіи, статистикѣ, минералогіи, ботаникѣ, зоологіи, домоводству, технологіи, метеорологіи и физикѣ.

11 декабря 1812 г. Мышковскій увѣдомляетъ, чтобы праздновались слѣд. дни: 6 декабря и 9 мая, день Сочествія Св. Духа, 26 сентября, 1 и 22 октября.

Сообщ. Н. С.

Хвесь, преславный гайдамака.

1.

Гей, у Луцьку, славний мистн,
Тамъ зійшлося не сто, не двисти,
А зібрався людъ увесь:
Подывытысь коженъ хоче,
Якъ то смерти тутъ доскоче
Гайдамака славный Хвесь.

2.

Вже збудовано й помосты,
Де дають страшнѣи хлосты;
Катъ зъ сокырою стоить;
Кругъ помосту—то не жарты!—
Воякы пыльнують взрты —
Шабля въ кожного блыщты.

3.

Бакаляры и рахмистры,
Пышни лавныкы й бурмистры
Зъ патерыцями въ рукахъ;
Шведъ, зирвавшысь одъ роботы,
Недошыты кынувъ боты,—
Поспишае такъ, що страхъ!

4.

И дивчата полохлыви,
Молодцыц уродлыви
И перекупцы миськѣ;
Мовъ метелькѣ мижъ квитками, —
Мвжъ дивоцѣтвомъ в жинками
Вьются жевжыкы меткѣ.

5.

А въ передній самій лавв
Страхъ моторни и цвкани:
Дивка Хыма й жиночки.
И про Хвеса, що винъ злючый
И рудый, и поганючий,
Ихъ лепечуть языкы.

6.

Хыма, дивка соромлыва,
Додае й свого ще дыва:
«Кажуть — кровь людськую пьє!..
Бо якъ ймсты сяде тилько, —
Джура кровы — не горилы —
Повный кухоль подае».

7.

— «Отъ собака! Отъ катюга!» —
Верещыть одна и друга...
Ажъ у-разъ гукають: «Цыть!»
Вся жинота понвмила:
Бый тебе небесна сыла! —
На помости Хвесь стовть.

8.

Станъ высокий, усъ козацькый,
Чорни бровы и юнацькый

Поглядъ смилывый палкый:
 Такъ тымъ поглядомъ проймае,
 Мовъ у душу зазырае,
 Мовъ звелиты хоче йй.

9.

Отъ якъ люде набрехалы!..
 А панъ возный взявъ шпаргалы
 Та й почавъ чытаты зъ ихъ,
 Що сей Хвесь йе гайдамака,
 Престрашенный розбишака,
 Наробывъ грихивъ тяжкыхъ:

10.

Розбывавъ панивъ добренькихъ,
 Убывавъ есѣндзивъ святенькихъ,
 Забывавъ жинокъ, дивчатъ,
 И за сее, по статуту,
 Тую «голову зонсуту»
 Видрубаты мае катъ.

11.

«Разъ на свить родыла маты,
 Тилько разъ и умираты!»
 Хвесь якъ гримне у той часъ:
 «Прощавайте, громадяне!
 Ну, катюго! Сылы стане,
 Щобъ утяты шыю вразъ?

12.

Хвесь схылывся до колоды,
 Катъ сокыру вгору зводе..
 Щось тоди якъ закрычыты!
 Оттакого ще вамъ дыва:
 Хыма, дивка соромлыва,
 На помости вже стоять.

13.

«Пострывай, катюго влятый!..
За дружыну Хвесья взаты
Хочу я... його пустить!..
Вся громада занимала
Зъ дыва зъ Хымыного дила,
Катъ не знае, що робыть.

14.

Але возный а ни гадеы:
Артыкулы зна й порядкы,
И рече судовый папъ:
«Колы дивочка учтыва
Взять забойцю, мылостыва,
У малженський хоче станъ,—

15.

«То и право, и статуты
Намъ велять те слово вчуты
И декреть такой вчыныть:
Заразъ ихъ обохъ узаты,
Швыдче въ церкви повинчаты
Та й на волю видпустыть!»

16.

Катъ сердытый зажурывся,
Людъ, зрадившы, звеселывся,
Хыма рада, ажъ скака!
Хвесь поглянувъ на дивчыну—
Запъялась...— «А сьынъ хустыну:
Хочу глянуты—яка».—

17.

Хустка внала. Та й не гарна!..
И руда, и нечупарна,

Ще й кырпатый нисъ чудный...
— «Якъ такую взять почвару,—
Браще вже прийматъ кару!..
Кате! гей, рубай мерщій!» —

18.

Гупъ сокыра на колоду!..
Скрыкъ озвався середъ нароу...
Покотылась голова...
Катъ радіе, звеселившись,
Людъ похнюпывся, зажурывшись,
Хыма пада й зомлива...

19.

Ой за Луцькомъ, мистомъ славнымъ,
Та й звичаємъ стародавнимъ
Поховалы козака:
Тамъ долина—гей широка,
Тамъ могила—гей висока,
Гей висока и стримка!

20.

Витеръ віе по долини,
Розхылае лысть калыни,
Що у Хвеса въ головахъ;
И сида орелъ крылатый
На могили спочываты,
Налитавшись по степахъ.

21.

Сне зъ неба сонце ясно,
И цвите калыва красно,
А красу козакъ любивъ!..
Добре тамъ йому лежаты:
Все прыбралось въ пышни шаты,
Соловейкивъ чуты спивъ...

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мазепина церковь въ с. Дегтяровѣ. Въ 12-ти верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска, немного влѣво отъ «шляха» на Сосницю, почти на границѣ уѣздовъ Новгородъ-Сѣверскаго и Кролевецкаго, лежитъ довольно большое село Дегтяровка. Раскинувшись частью по склону горы, частью по прилегающей непосредственно къ горѣ обширной равнинѣ, оно имѣетъ очень живописный видъ. Покрытая у села густыми зарослями лозы и вербняка, равнина переходитъ затѣмъ въ прекрасный лугъ, который, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, привольно тянется до самой Десны. На противоположной сторонѣ ея кое-гдѣ бѣлѣютъ церкви, желтѣютъ мелкими участками пески да сосновые лѣса, окутанные синей дымкой, постепенно уходятъ вдаль и гдѣ-то далеко-далеко сливаются съ горизонтомъ...

Это живописное сельцо и нѣкоторые сосѣдніе съ нимъ—Горки, въ 5 верстахъ вверхъ по Деснѣ, Игнатовка, почти въ такомъ-же разстояніи внизъ—играли въ былое время нѣкоторую роль въ исторіи Малороссіи. Осенью 1708 года Карлъ XII-й, вступивъ въ предѣлы Гетманщины, расположился главною своею квартирою въ Горкахъ. Сюда же сѣвшиль и Мазепа, переправившійся 25 октября у с. Оболонья чрезъ Десну. Тутъ-то, въ Горкахъ, и произошло первое свиданіе и знакомство престарѣлаго гетмана съ могучимъ властелиномъ сѣвера, такъ картинно описанное у Адлерфельда и затѣмъ у Костомарова. Это было 29 октября.

На слѣдующій день—30-го, Карлъ переноситъ свою временную резиденцію немного внизъ по теченію Десны—въ Дегтяровку. Вѣроятно, здѣсь Мазепа представилъ своихъ сторонниковъ—козаковъ

и начальныхъ людей—Карлу и првнялъ првсагу на вѣрность своему новому государю. Объ этомъ пребываніи Мазепы въ Дегтяровѣ мы имѣемъ документъ—это извѣстное письмо его Стародубскому полковнику Скоропадскому.

Въ этомъ письмѣ, изложивъ обстоятельно причины, побудившія рѣшиться на такой рискованный шагъ, какъ измѣна царю, Мазепа въ заключеніи пишетъ: «Ваша Мвлость, яко естесь правдивый отчизны своей сынъ, не звчачи оной крайней погибели, знищенія и руины, бервсь до единого зъ нами согласія в до сполной тоей жъ отчизны своей обороны». Посланіе помѣчено внизу—«Зъ Дегтирвки, Октовріа 30 року 1708».

Наконецъ Игнатовка—внизъ по Деснѣ—тоже временное мѣсто-пребываніе Карла: 31 октября онъ былъ уже здѣсь и вмѣстѣ со своею свитою выбиралъ мѣсто, гдѣ-бы удобнѣе было переправить своихъ и козацкія войска на ту сторону Десны. Переправа эта происходила 4 и 5 ноября между сс. Игнатовкой и Мезномъ.

Это, кажется, и все, что мы можемъ извлечь изъ документальныхъ данныхъ относительно Дегтяровки и двухъ сосѣднихъ съ нею с. лъ.

Однако, кромѣ этихъ данныхъ, въ самой Дегтяровкѣ и теперь есть кое-что, что можетъ навести на мысль объ отношеніяхъ въ ней гетмана Мазепы не только въ роковой для него 1708 годъ, но и гораздо раньше.

Особнякомъ отъ села, на высокой горѣ, стоитъ Дегтяровская церковь въ честь Покрова Пресв. Богородицы. Уже при первомъ взглядѣ на эту церковь невольно можно залюбоваться какъ оригинальнымъ положеніемъ ея, такъ и архитектурой. Это что-то мощное, крѣпкое, вѣковое, возникшее въ тѣ далекіе годы, когда подобныя сооруженія не «строила», а именно «созидала», часто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, руками своихъ же доморожденныхъ мастеровъ-плотниковъ, мастеровъ-каменщиковъ малороссійская знать того времени. Сама церковь каменная, сложенная, повидимому, изъ крупнаго камня, т. е. «дикаря», конечно предварвтельно тщательно отесаннаго и выровненнаго, довольно высока, при чемъ кажется особенно высокою, если смотрѣть на нее вдаль, верстъ за 10—12: она тогда доминируетъ надъ всѣми окрестнымъ холмамъ и возвышеніями (въ такомъ видѣ представляется она отъ перевоза на рѣкѣ Деснѣ у Пироговки, при сѣздѣ съ такъ называемой «Путивльскою горы»—дорога на Нов-

городъ-Сѣверскъ). Архитектурой своей (форма креста, пятиглавая, сжатая съ боковъ и какъ-бы стремящаяся въ высъ, съ большими куполами формы удливленной луковцы) она во многомъ напоминаетъ Новгородъ-Сѣверскій Успенскій соборъ до его передѣлки въ концѣ 70-ыхъ или началѣ 80-ыхъ годовъ. Дегтяровская церковь—это тотъ-же Новгородъ-Сѣверскій соборъ, только не такъ широко задуманный, болѣе суженный со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Если войти внутрь ея, то и тутъ живое дыханіе старины чувствуется на каждомъ шагѣ: размѣромъ она крайне не велика и рассчитана, конечно, на малочисленность тогдашняго населенія Дегтяровки, полъ—чугунный, изъ плитъ рѣдкой величины, окна высокія и очень узкія, въ алтарѣ и предѣлахъ—массивныя желѣзныя скрѣпы, по сторонамъ клиросовъ—нѣсколько стоекъ, быть можетъ для монаховъ, а скорѣе всего для самого «фундатора» храма, его семьи или свѣты, если онъ принадлежалъ къ чвслу звати того времени—полковой старшины.

Кѣмъ же построена эта церковь?

Если заглянуть въ хранящіяся при церкви клировыя вѣдомости, то тамъ значится: «храмъ Дегтяровскій въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, какъ гласитъ народное преданіе, построенъ малороссійскимъ гетманомъ Іоанномъ Степановичемъ Мазепою, неизвѣстно какого года. Документовъ же на сіе при церкви не имѣется никакихъ».

Таково переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнію преданіе, занесенное въ официальный церковный источникъ и имѣющее, какъ увидимъ, свое основаніе.

Приведу нѣкоторыя данныя въ пользу достовѣрности народнаго преданія и передамъ сущность ходячихъ въ средѣ мѣстнаго населенія легендъ, косвеннымъ образомъ могущихъ подтвердить справедливость этого преданія.

Предшественникомъ нынѣшняго священника въ Дегтяровѣ былъ его братъ, не одинъ десятокъ лѣтъ священствовавшій тутъ. Люди, близко знавшіе покойнаго о. Л., передаютъ, что послѣдній еще засталъ на одной изъ наружныхъ стѣнъ церкви надпись, подтверждавшую предположеніе о томъ, что Дегтяровская церковь построена именно Мазепою. Надпись эта, выложенная пзъ кирпичей, состояла всего изъ трехъ словъ—«Іванъ Степановичъ Мазепа». Съ теченіемъ времени кирпичи вывалились и надпись исчезла. Не могу утверждать, живѣтъ-ли въ устахъ мѣстнаго населенія передаваемая южно-русскими лѣто-

писцами и позднѣйшими всторикамъ, столь распространенная въ малороссіи легенда о томъ, что Мазепа, перейдя на сторону Карла, открыто ругался надъ православной святыней—изображеніемъ Богоматери, какъ говорили одни, Дегтяровской, другіе—Балыкинкой, знаю только, что эту легенду я часто слышалъ еще мальчикомъ. Въ устахъ же дегтяровцевъ и окрестнаго населенія сохранилось болѣе близкое и болѣе возможное, въ смыслѣ дѣйствительности его, преданіе, что Мазепа, перейдя къ шведамъ, явился въ построенную имъ церковь въ Дегтяровкѣ и присагнувъ тутъ предъ мѣстно чтимой иконой Богоматери въ вѣчной вѣрности своему новому государю—Карлу XII.

Къ этому, быть можетъ на самомъ дѣлѣ имѣвшему мѣсто, факту услужливая фантазія толпы првстегнула анализъ душевныхъ движеній вѣроломнаго человѣка—получилась такимъ образомъ легенда о бѣгствѣ Мазепы: страшась-ли Божьяго гнѣва, мучась-ли угрызениями совѣсть, несчастный гетманъ, послѣ этой страшной клятвы убѣгаетъ изъ своей церкви чрезъ особую дверь въ алтарѣ... И теперь эта, такъ называемая, «Мазепина дверца» въ южной стѣнѣ алтаря церковнаго остается наглухо запертой и своимъ видомъ темной заплаты средь ярко бѣлѣющихъ стѣнъ какъ-бы говорить о той тяжелой душевной борьбѣ, которую на закатѣ дней своихъ пришлось вынести старому гетману...

Я уже упомянулъ, что Дегтяровская церковь, вслѣдствіе своего особаго положенія, видна часто за 10 и 12 в. Это обстоятельство послужило поводомъ, чтобы приписать ей особое значеніе стратегической обсерваторіи во время гетманства Мазепы. Среди окрестныхъ жителей Дегтяровки, среди многихъ жителей Новгородъ-Сѣверска и Кролевца и теперь еще можно услышать мнѣніе, что Дегтяровская церковь видна изъ двухъ крайнихъ пунктовъ Черниговской губ.: на югѣ—Батурина, на сѣверѣ—Стародуба (что, конечно, невозможно, т. к. оба эти пункта лежатъ отъ Дегтяровки по крайней мѣрѣ на разстояніи 80—90 верстъ каждый). И вотъ, говорятъ молва, въ роковой для Мазепы 1708 годъ эта-то церковь и служила мѣстомъ подачи сигналовъ: на куполѣ ея въ извѣстное время появлялись и исчезали особые условные знаки. Гетманъ, сидя въ своей резиденціи—Батуринѣ, могъ знать, что дѣлается не только въ Стародубскомъ полку, но и въ самомъ полковомъ городѣ его—Стародубѣ; съ другой стороны и сторонники гетмана въ Стародубскомъ полку, если такіе были, могли постоянно знать положеніе дѣлъ въ столицѣ Гетманщины.

Въ этомъ наивномъ представленіи народа о способѣ взаимныхъ сношеній между гетманомъ и однимъ изъ подвѣдомыхъ ему полковъ, нельзя не обратить вниманія вотъ на что: не заключается-ли тутъ косвеннаго и крайне туманнаго намека на первоначальное участіе въ замыслахъ Мазены и Стародубскаго полковника, будущаго гетмана, Скоропадскаго.

На западѣ отъ церкви, во рвахъ, какъ говорить народъ, были Мазепины «цегельни» (кирпичные заводы).

Таковы обрывки постепенно тускнѣвшаго народнаго воспоминанія о быломъ родной страны и связанныхъ съ нею личностяхъ и событіяхъ.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, косвенныхъ доказательствъ отношенія Мазепы къ Дегтяровской церкви, въ самой церкви сохранилась одна вещь—драгоцѣнное для потомства свидѣтельство, что Мазепа былъ если не основателемъ, то во всякомъ случаѣ щедрымъ жертвователемъ Дегтяровской церкви.

Надъ царскими вратами, на расшитомъ узорами продолговатомъ платѣ, виситъ чудотворный образъ Дегтяровской Богоматери. Самый образъ средней величины, заключенъ въ кіотъ, писанъ на доскѣ и изображаетъ Богоматерь, обнимающую обѣими руками приклонившаго къ ней младенца—Христа. Вверху иконы выгравированы слѣдующія слова: «радуйся Обрадованная во усеніи твоемъ насъ не оставляющая». «Риза на Богоматери и младенецъ—Христѣ серебряная, вызолоченная; въ двухъ или трехъ мѣстахъ на ней, въ видѣ отдѣльных украшеній, сгруппированъ жемчугъ.

Кіотъ съ образами помѣщенъ среди затѣйливо вырѣзанныхъ орнаментовъ липовой доски и имѣетъ съ обѣихъ сторонъ рельефныя изображенія святыхъ: съ правой—Арх. Михаила, съ лѣвой—Іоанна Крестителя—патрона Мазены.

Все это—и риза, и жемчугъ и все, что относится непосредственно къ образу—даръ Ивана Стенановича, доказательствомъ чего служатъ его гербъ, помѣщенный внизу кіота.

Съ этимъ гербомъ, какъ сообщилъ мнѣ мѣстный священникъ о. Ст., когда-то давно-давно вышла исторія такого рода.

Каждый разъ по окончаніи богослуженія икона спускалась для поклоненія, народъ, приложившись къ ней, въ простотѣ душевной считалъ необходимымъ поцѣловать и въ блестящій «лычманъ»—гербъ, тѣмъ болѣе, что въ срединѣ его явственно вырисовывался крестъ.

Старикъ священникъ обратилъ на это вниманіе («икъ же такъ можна знамевуваться въ Мазепу») и задумалъ отучить отъ этого своихъ навныхъ прихожанъ. Сколько однако ни говорилъ батюшка, крестьяне по привычкѣ продолжали цѣловать гербъ. Тогда батюшка рѣшилъ просто... соскоблить источникъ соблазна. Пустили въ ходъ напильникъ — и началась работа, къ счастью довольно безуспѣшная: прекрасно выгравированный гербъ не стирался; правда, онъ потускнѣлъ, кое-что ичезло почти совсѣмъ (какъ инициалы гетмана), но многое и осталось на немъ, да еще налѣво отъ креста напильникомъ пропилили небольшую дырочку.

Но сущность дѣла отъ этого не измѣнилась: народъ, въ силу ли постоянного примѣра дѣдовъ и отцовъ, по привычкѣ-ли, продолжалъ цѣловать блетящій «лычманъ съ хрещыкомъ». Тогда утомленный борьбою батюшка приказываетъ на то мѣсто, гдѣ въ гербѣ виднѣется крестъ, наложить освященный серебрянный престикъ немного большей величины. Въ него теперь и цѣлуютъ Дегтяровцы.

Самый гербъ, какъ я сказалъ, находится внизу кіота и имѣетъ видъ выпуклаго медальона. Онъ повидимому бронзовый — темно-желтаго цвѣта. По сравненію съ извѣстными до сихъ поръ двумя образцами гербовъ Мазепы (см. замѣтку кн. А. В. Дабжи въ «Кіевской Стар.» за 1885 г. № 12 — «Мазепа — князь и его шляхетскій и княжескій гербы»), онъ отличается болѣе простой структурой и представляетъ какъ-бы упрощенное соединеніе двухъ извѣстныхъ доселѣ гербовъ Мазепы: отъ 1-го герба (у Дабжи подъ буквой А) онъ отличается тѣмъ, что имѣетъ вмѣсто полумѣсяца съ лѣвой стороны — шестиугольную звѣзду, а отъ 2-го (у Дабжи — В) тѣмъ, что расположеніе въ немъ полумѣсяца и звѣзды обратное. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестъ на нашемъ гербѣ совершенно простой, не имѣющій двухъ характерныхъ для гербовъ Мазепы у Дабжи развѣтвленій. Не видно также, чтобы они были тутъ стертъ.

Странна, конечно, эта простота герба, гдѣ нѣтъ никакихъ аксессуаровъ ни княжескаго, ни дворянскаго достоинства Мазепы, что такъ бросается въ глаза на его гербахъ у А. В. Дабжи.

Въ гербѣ, по сторонамъ креста, виднѣются мѣста, гдѣ были стертъ буквы — инициалы гетмана. Ихъ всего шесть, возстановить ихъ теперь очень трудно: съ одной стороны видно І, съ другой по видимому латинское S, есть также и М. Скорѣе всего это латинскіе инициалы, а не русскіе, ибо, если принять во вниманіе полный ти-

туль Мазепы («Иванъ Мазена гетманъ его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго»), то инициаловъ будетъ шесть, какъ въ нашемъ гербѣ.

Въ заключеніе упомяну объ одномъ памятникѣ старины въ Дегтяровской церкви. Въ напрестольномъ Евангеліи Кіевской печати 1697 года, внизу на поляхъ, читаемъ: «Азъ Тихонъ Андреевичъ писарь суду войсковаго генеральнаго сіе св. евангеліе сооружилъ коштомъ и накладомъ власнымъ и надаю до церкви пр. Богородицы Чудотворной Дегтяровской, року 1702».

С. Рєлицкій.

Какъ звали гетмана Бородавку. М. А. Максимовичъ въ своемъ изслѣдованіи о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ (Москвитининъ, 1843, № 10, стр. 347—370; Полн. Собр. Сочин., I, 336—357), говоря о смерти гетмана (глава 4, стр. 350), приводитъ поминальную записъ рода Сагайдачныхъ изъ стараго поминника Кіево-Михайловскаго монастыря, писаннаго въ 16 и первой половинѣ 17 вѣка (въ 4 д. л., написано киноварью на 98 листѣ); но выписъ эту онъ приводитъ съ очень крупной ошибкой, которую исправилъ недавно О. Щуровскій (въ т. XXXIII «Записокъ наукоего Товариства ім. Шевченка, отд. Miscellanea, стр. 1—2) и далъ, такимъ образомъ, возможность сдѣлать нѣсколько довольно интересныхъ выводовъ.

Запись буквально слѣдующая:

„Року аѣкк, апрѣла ї дна.“

„Благоуестивый мужъ панъ Петръ Конашевнъ Сагайдачный, гетманъ войска его кр. мл. Запорожского, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и званствахъ, на ложь своемъ простеръ ногу свою, приложился къ отцемъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыне въ Кіеве. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте на Подолѣ устно, въ домоу братства церковного“.

Помани Господи душі рабѣ своихъ: Петра, Конона, Єлнсеа
(при этомъ приписано съ боку: „Казновского“), Акова гетмана
(возлѣ этого имени приписано съ боку: „Бородавка; не роднуч“).

У Максимовича приписокъ совсѣмъ нѣтъ, а слово «гетмана» испорчено въ «Германа». Очевидно Максимовичъ самъ помянника не видѣлъ, но воспользовался чьей-то услугой; въ противномъ случаѣ онъ не могъ-бы не обратить вниманія на современные приписки, сдѣланныя тѣмъ-же черниломъ и той-же рукой (только болѣе мелкимъ полууставомъ и курсивомъ), какими произведена помянная запись.

Кому-же принадлежать неизвѣстныя имена Елисея и Якова? Максимовичъ не зналъ, кому они принадлежали; изъ имѣвшагося у него акта о завѣщаніи Сагайдачнаго явствовало, что послѣ гетмана осталась только *жена*, а о сыновьяхъ ничего не сказано. О. Щуровскій въ своей замѣткѣ предполагаетъ, что имя «Елясей» должно принадлежать тестю Сагайдачнаго; что-же касается имени «Якова», то, какъ оказывается изъ приписки, оно относится къ гетману Бородавкѣ.

Почему-же имя гетмана Бородавки внесено въ помянникъ рядомъ съ именемъ Сагайдачнаго? По мнѣнію О. Щуровскаго, потому, что запись произведена послѣ смерти гетмана и, быть можетъ, по распоряженію его жены, знавшей, что Петро Конашевичъ номиналъ на молитвѣ и Якова Бородавку, своего противника, котораго онъ, какъ разсказывается въ одномъ изъ дневниковъ (*Pamiętnik o wprawie Chocimskiej*, стр. 18, 23, 83, 144), „за окрыкомъ всего войска“, велѣлъ обезглавить, 8 сент. 1621 г. ¹⁾ Это убійство могло лежать бременемъ на душѣ Сагайдачнаго; онъ могъ записать имя гетмана Бородавки въ свой собственный помянникъ и молиться за него.

Какъ бы то ни было, но мы получаемъ два новыхъ факта, во-первыхъ:—неизвѣстное понынѣ имя гетмана Бородавки было *Яковъ* и, во-вторыхъ: убійство Бородавки Сагайдачнымъ заставило послѣдняго чувствовать нѣкоторую моральную связь съ нимъ.

¹⁾ Максимовичъ, раздѣляя взглядъ Величка на виновника гибели Бородавки („по военному суду обезглавленъ за ту вину, что онъ съ трехтысячнымъ отрядомъ козаковъ опоздалъ явиться подъ Хотинъ, гонявшись въ походѣ за добычею“, Собр. Сочин., I, стр. 369 и примѣч. тамъ-же), оправдываетъ отчасти Сагайдачнаго и добавляетъ: „Итакъ Бородавку убилъ не самъ собою Сагайдачный“!

Погибшіе матеріалы. Во время извѣстнаго, имѣвшаго мѣсто въ этомъ году, весенняго наводненія въ Елисаветградѣ, какъ намъ передали, погибли почти цѣликомъ цѣнные этнографическіе матеріалы покойнаго В. Н. Ястребова, хранившіеся у вдовы покойнаго.

Владиміръ Николаевичъ успѣлъ при жизни издать только меньшую часть собраннаго; а весь богатый пѣсенный матеріалъ по Елисаветградскому и Александрійскому уѣздамъ Херсон. губ. нужно считать потеряннымъ.

М. Васильевъ.

Т. Шевченко въ легендѣ. Особенность многихъ легендарныхъ сказаній о реформаторахъ и народныхъ герояхъ состоитъ въ томъ, что конецъ дѣятельности этихъ лицъ окутывается таинственностью или покрывается ореоломъ чудеснаго; легенда не допускаетъ конечнаго состоянія въ примѣненіи къ личности и дѣятельности героя; она оставляетъ мѣсто для упованій и надеждъ на лучшее будущее, на доведеніе ими до конца дѣла эмансипаціи массъ отъ жизненныхъ тяготъ по пути къ общему счастью.

Помнятый только что легендарный мотивъ, въ нѣсколько ослабленной степени, приуроченъ народомъ и къ личности Т. Шевченка; въ печати (на стр. Кіев. Стар.) уже неоднократно были приводимы толки и слухи, циркулирующіе въ народѣ о Шевченкѣ, о его, будто-бы, мнимой смерти, о настоящемъ содержимомъ его могилы; появленіе таковыхъ показываетъ, что Шевченко дѣлается народнымъ героемъ, что его дѣятельность не только цѣнится во все болѣе и болѣе расширяющемся кругѣ интеллигентныхъ людей, но что она пріобрѣтаетъ значеніе и въ глазахъ народныхъ массъ, что народная масса связываетъ свои интересы съ поэзіей и дѣятельностью Шевченка. Приводимыя записи, произведенныя нами на дняхъ въ Елисаветградѣ (Херсон. губ.), еще болѣе подтверждаютъ сказанное.

Бесѣдуя съ однимъ лицомъ, соприкасающимся съ народомъ и «опростившимся», я былъ удивленъ взглядомъ на смерть Шевченка, усвоеннымъ моимъ собесѣдникомъ; меня изумило то обстоятельство, что собесѣдникъ увѣренно заявилъ, что поэтъ умеръ только въ прошломъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, что все время, отъ момента его мнимой смерти въ 61-мъ году и до послѣдняго времени, онъ жилъ въ Англіи, куда выѣхалъ послѣ освобожденія, крестьянъ «щобъ гвалту не було».

«щобъ люде не шумилъ». Онъ не находить здѣсь ничего невѣроятнаго, такъ какъ Шевченку въ такомъ случаѣ было-бы около 80-ти лѣтъ. Увѣренность въ справедливости этихъ свѣдѣній мой собесѣдникъ почерпнулъ изъ данныхъ, сообщенныхъ ему земляками Тараса Шевченка, Кирилловскими крестьянами, пріѣзжающими въ Елисаветградъ въ ярмарочное время для продажи грушъ и яблокъ.

Крестьяне сообщали, что поэтъ, вернувшись изъ Англіи, принялъ фамплію Михаила Адамовича Кречмера и подъ такимъ именемъ явился въ Кирилловку. Старики, видѣвшіе когда-то Шевченка, «признавали» въ Кречмерѣ покойнаго поэта; «одигався винъ и по паньски и по малороссійски»; многимъ помогалъ; изъ Кіева и Харькова къ нему часто пріѣзжали паны.

Неоднократно старики, помнившіе Шевченка, напрямикъ обращались къ Кречмеру: «та це Вы Тарасе Григорьевичу, признавайтесь!» — Что вы? — изумленно отиѣчалъ Кречмеръ.

Помимо сходства, которое находили старички между Шевченкомъ и Кречмеромъ, на мысль о полномъ тождествѣ этихъ двухъ лицъ наводило крестьянъ тѣ замѣчанія, которыя выражалъ Кречмеръ и которыя запечатлѣвались въ подозрительныхъ головахъ.

Кречмеру приписываютъ слѣдующую подозрительную для крестьянъ просьбу: «якъ умру я, такъ насыпте мени въ Кириловци такую могилу, якъ насыпали моему товаришови у Каневи». (Кречмеръ былъ уроженецъ Кирилловки). Шевченку, т. е. Кречмеру, приписываютъ и слѣдующую пророческую фразу:

«Якъ не буде у Днипри мышей, ракивъ,

Тоди не буде у насъ ни жидивъ, ни полякивъ».

Мой собесѣдникъ такъ коментировалъ это двустышіе: «якъ ракъ заведешъ, та вже николи воны не выведутся, такъ и на Васъ по-впкъ будуть йиздыть жида и поляки—бо вы дурни». Что Шевченко не лежалъ въ могилѣ, а проживалъ вдали отъ родины, это становилось для простолюдина вполне вѣроятнымъ, когда ему приходилось познаться со слѣдующимъ разсказомъ: къ могилѣ Шевченка, подлѣ Канева, подходитъ неизвѣстный чело-вѣкъ и спрашиваетъ сторожа: «що ты тутъ стережешъ?» — «Та тутъ Тарасъ захованный»; на это неизвѣстный замѣтилъ: «Винъ (Шевченко) бувъ дуже хитрый чоло-вѣкъ, винъ давно вже дирочкою зъ могилы вылизъ».

Таковы тѣ данныя, на которыхъ мой собесѣдникъ построилъ свое убѣжденіе въ томъ, что Шевченко былъ живъ до послѣдняго времени и что смерть его была фиктивна, въ видахъ предупрежденія возможныхъ народныхъ волненій (см. сообщеніе Крымскаго въ Кіев. Стар. 1898 г. 2. 263 на ту же тему).

М. К. Васильевъ.

Кто авторъ рукописныхъ стихотвореній о Полтавѣ? Помѣщенная въ январской книжкѣ «Кіев. Ст.» замѣтка В. Василенка «Изъ Полтавской рукописной литературы», съ приложеніемъ трехъ стихотвореній, пробудила и во мнѣ воспоминанія о годахъ моей юности.

О двухъ изъ приложенныхъ къ замѣткѣ г. Василенка стихотвореній, я могу дать кое-какія указанія. Авторъ ихъ былъ лично мнѣ извѣстенъ: это Петръ Михайловичъ Иляшенко-Кириловичъ, изъ села Гусинаго, что при слияніи Сулы съ Днѣпромъ, ниже Жовнина и Еремѣвки. Я познакомился съ Петромъ Михайловичемъ, бывши уже студентомъ,—примѣрно въ 65-мъ году; въ то время онъ былъ членомъ Полтавской Губернской Земской Управы, въ первое трехлѣтіе ея существованія, замѣнивъ собою, выбывшаго до срока, члена Самойлова (слѣпого на одинъ глазъ).

Петръ Михайловичъ, отставной кавалеристъ, служившій также въ козакахъ, былъ старый холостякъ, народникъ, простакъ и до старости юнецъ. Когда въ тѣ годы я ставилъ въ Полтавѣ любительскіе спектакли на малорусскомъ языкѣ и конкурировалъ съ другимъ кружкомъ любителей, такъ называемымъ, аристократическимъ, который мѣшала намъ воспользоваться театральной залой Дворянскаго собранія, единственной тогда удовлетворявшей требованіямъ театрального дѣла, то Петръ Михайловичъ, приставъ на нашу сторону, принималъ участіе въ демонстраціяхъ, устраиваемыхъ нами противному кружку.

Держась молодежи, онъ нѣкоторымъ изъ нихъ давалъ пріютъ въ своей квартирѣ; любилъ ее, любилъ дѣлиться съ нею свои взгляды и симпатіи... Любилъ писать и написаннымъ дѣлиться лишь въ интимномъ кружкѣ. Приложенные г. Василенкомъ два стихотворенія слыхалъ я изъ устъ его два раза: у него, на квартирѣ и въ домѣ извѣстной тогда Елисаветы Ивановны Милорадовичъ, урожденной Скоронадской.

Писалъ онъ не для имени и славы, а только для себя; писалъ много, а больше велъ современную ему хронику кутка своего и родичей. Съ содержаніемъ этой его работы я знакомъ отчасти. При жизни своей онъ не желалъ дразнить гусей и трудъ свой держалъ подъ-спудомъ, а передъ смертью, кажется, передалъ Н. Н. Миклашевскому, бывшему тогда Золотоношскому Уѣздному Исправнику, служившему также въ малороссійскихъ козакахъ шестидесятъ годовъ.

А. Цыссь.

Бердичевскія подземелья. (Извлечено изъ архивнаго дѣла).

Въ 1867 году Бердичевскій городской архитекторъ, при производствѣ въ городѣ работъ, натѣнулся на подземные ходы въ видѣ катакомбъ, о чемъ донесъ начальнику губерніи. Губернаторъ, принявъ во вниманіе торговое значеніе Бердичева и удобства, которые представляютъ подобныя подземелья для контрабандистовъ, образовалъ для ихъ обслѣдованія особую слѣдственную комиссію. Генералъ-Губернаторъ, съ своей стороны, поручилъ состоявшему при немъ для порученій саперному офицеру подробно изслѣдовать подземные ходы и уничтожить тѣ изъ нихъ, кои не служатъ для храненія припасовъ, а составляютъ притоны, или-же, не будучи одѣты камнемъ, угрожаютъ обвалами.

27 Октября слѣдственная комиссія, послѣ тщательнаго осмотра подземнаго Бердичева, подписала актъ, коимъ удостовѣрила, что въ подземныхъ ходахъ складовъ контрабанды не найдено, воровскихъ вещей и подозрительныхъ личностей, которыя скрывались-бы въ тѣхъ подвалахъ, не обнаружено.

Подземелья сняты на планъ, подробно описаны и распределены комиссіею на категоріи: 1) оставляемыя въ настоящемъ ихъ видѣ, 2) подлежащія задрѣлкѣ, частью, или полностью, и, наконецъ, 3) требующія засыпки.

Открыто 130 подземныхъ ходовъ и 78 погребовъ, всего 208 подземныхъ помѣщеній, принадлежащихъ 182 отдѣльнымъ владѣльцамъ.

На улицахъ Кармелитской, Махновской, Бѣлопольской и на Соборной площади, другими словами—въ древнѣйшей части города, отдушины подземелій найдены на самой серединѣ улицы; въ другихъ частяхъ города онѣ обнаружены ближе къ домамъ.

Первоначально предполагалось, что направлѣніе галлерей тождественно съ направлѣніемъ улицъ, но въ дѣйствительности оказалось, что идутъ онѣ подъ улицей поперегъ, отъ одного дома къ другому (иногда и во дворъ), но сообщенія между собою, вообще, не имѣютъ; исключеній всего лишь два (подземелья въ этихъ двухъ случаяхъ разобщены запертыми на замокъ дверями).

Древнѣйшему подземелью не менѣе 200 лѣтъ; ведетъ оно отъ дома Ланды къ дому Зелинскаго подъ Соборною площадью, имѣя до 75 аршинъ длины, на $2\frac{1}{2}$ вышины и 2 ширины; кирпичемъ не обложено и выведено въ видѣ стрѣльчатой арки, чѣмъ и объясняется его прочность. Перпендикулярно къ главному, идетъ боковой ходъ, одинаковой профили, длиною 15 аршинъ, съ двумя отъ него колѣнами въ 15 и 18 аршинъ. Всѣ 4 хода должны быть отнесены къ одной и той-же эпохѣ. Къ нимъ примыкаютъ 7 ходовъ, сравнительно недавнихъ.

На Кармелитской улицѣ и въ сосѣднемъ переулкѣ обращаютъ на себя вниманіе двухъ-ярусные каменные подвалы съ арками; изъ нижнихъ ярусовъ идутъ, обложенные камнемъ, подземные ходы, выведенные несомнѣнно при самой постройкѣ домовъ, въ началѣ прошлаго вѣка, вполне прочные, одинаковые, правильной профили, высотой 3 арш. въ началѣ и $2\frac{1}{2}$ арш. въ концѣ; шириною отъ 2— $2\frac{1}{2}$ арш. Въ каждомъ имѣются боковыя ниши, отъ 1 до 15 арш. Длина ходовъ главныхъ—отъ 9 до 60 аршинъ; боковыхъ—отъ 6 до 27 аршинъ.

Самое замѣчательное изъ подземныхъ помѣщеній находится подъ среднюю Соборной площади, при домѣ Шенфельда: оно, кромѣ главнаго, имѣетъ круговой ходъ, въ двухъ мѣстахъ соединяющійся съ первымъ. Въ концѣ магистраліи имѣется комната длиною 17 арш., вышиною 3 и шириною отъ $2\frac{1}{2}$, въ началѣ, до $5\frac{1}{2}$ аршинъ въ концѣ.

Но длинѣ не имѣетъ соперниковъ подземелье при домѣ Нехамкеса, мѣрою 79 аршинъ; а на Махновской улицѣ, при усадьбѣ Шмуля Боршака, обнаруженъ цѣлый лабиринтъ.

При входѣ въ подземелья, отъ поверхности земли до пола—отъ 4 до 6 аршинъ, а въ концахъ (въ возвышенной части города) подшва ихъ углубляется до 18 арш. и отсюда не менѣе 10 арш. (въ самой низменной части Бердичева). Паденіе подошвы хода чаще 2—4 вершка на погонную сажень, но доходить и до 6.

Даже не будучи обдѣланы камнемъ, ходы, вообще, весьма прочны; обвалы случаются лишь въ новѣйшихъ, нѣсколько болѣе широкихъ, и имѣющихъ дугообразный сводъ. Каменные—несравненно сырѣе и холоднѣе земляныхъ. Встрѣчаются также ходы, стѣны конхъ забраны досками, какъ это дѣлается въ минныхъ галлерейхъ.

Изъ 208 изслѣдованныхъ подземелій, въ 24 оказалось вино (русское въ бочкахъ и иностранное въ бутылкахъ); въ 1—хлѣбное вино, въ 1—стекла, въ 1—рогожи, въ 2—аптекарскіе товары, въ 7—пустыя бочки изъ-подъ бакален, а 172—совершенно пустыя (осенью заполняются овощами и съѣстными припасами).

Хотя преданіе и гласитъ, будто этими ходами пользовались во время осады козаки, пробиравшіеся къ Гнилояти за водою, но произведенное обслѣдованіе даетъ право съ положительностію утверждать, что при ихъ сооруженіи имѣлись въ виду чисто хозяйственныя цѣли. Густота населенія въ старыхъ городахъ, ютившихся подъ защитою укрѣпленій, вынуждала строиться безъ разрывовъ, безъ дворовъ и служебъ, при чемъ подвалы для складыванія запасовъ¹⁾ были необходимы. Дальнѣйшему расширенію подземелій способствовали: съ одной стороны—необходимость добывать глину для приведенія въ порядокъ домовъ передъ Пасхою и осенними холодами, а съ другой—потребность въ обширныхъ складахъ для окрестныхъ цановъ, которые въ началѣ 60-хъ годовъ снимали ихъ у евреевъ.

Теперь (въ 1867 году) подземелья не приносятъ дохода, ибо событія послѣднихъ лѣтъ сократили помѣщичьи запасы; они приходятъ въ упадокъ, такъ какъ, съ постройкою гостиннаго двора, въ городѣ имѣются несравненно лучшіе магазины и кладовыя для храненія товаровъ.

Предположенія лицъ, видѣвшихъ въ подземныхъ помѣщеніяхъ убожства для контрабандистовъ, по заключенію изслѣдователей, лишены всякаго основанія: температура въ подземельяхъ настолько низка, даже въ лѣтнія жары, что сколько-нибудь продолжительное въ нихъ пребываніе совершенно невозможно.

Сообщилъ А. Мёрдеръ.

¹⁾ Одного вина, по исчисленію г. Колянскаго, въ шабашъ потребляется до 25 тысячъ бутылокъ (еженедѣльно).

Людвикъ Житинскій. (*Некрологъ*). 9-го марта 1900 года скончался въ своемъ имѣніи, хуторѣ Лагодовкѣ Волынской губ. Дубенскаго уѣзда, одинъ изъ интеллигентныхъ воспитанниковъ Кіевскаго университета, шестидесятихъ годовъ истекающаго столѣтія—Людвикъ Константиновичъ Житинскій. Покойный родился въ 1836 году въ зажиточной дворянской волынской семьѣ; воспитывался въ Кіевской 2-й гимназій и затѣмъ въ 1860 году окончилъ историко-филологическій факультетъ Кіевскаго университета; несмотря на родовыя семейныя традиціи, подъ животворнымъ вліяніемъ какъ университетскаго образованія, такъ и всеобщаго оживленія, названнаго благотворнымъ реформами того времени, покойный отказался отъ многихъ предразсудковъ, господствовавшихъ въ той средѣ, къ которой онъ принадлежалъ. Претерпѣвъ въ началѣ своей самостоятельной жизни значительныя невзгоды и получивъ при раздѣлѣ съ братьями среднюю поземельную собственность, покойный усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ на новыхъ раціональныхъ началахъ; соединивъ сельскохозяйственный трудъ съ заводскою промышленностью (онъ основалъ череничный заводъ), онъ успѣлъ не только избѣжать крушенія, которому подвергались многочисленныя среднія дворянскія имѣнія, но и достигъ возможнаго при его средствахъ благосостоянія и обезпеченности. Въ сношеніяхъ съ окружающимъ его обществомъ, покойный отличался отсутствіемъ всякой нетерпимости и эксклюзивности сословной или національной; при исполнѣ добрыхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, онъ сохранилъ дружелюбныя отношенія съ сосѣдями помѣщиками—русскими, поляками и чехами—и, безразлично къ ихъ національности, встрѣчалъ ихъ равнодушно и привѣтливо.

Но хозяйственныя заботы и общественныя сношенія не поглотили цѣлкомъ времени Л. К. Житинскаго. Онъ находилъ возможнымъ значительную часть своего труда и времени посвятить наукѣ; занятія его сосредоточились на изученіи мѣстной исторіи в археологій; онъ составлялъ: прекрасную историческую бібліотеку, коллекцію мѣстныхъ древностей и коллекцію литовскихъ монетъ, на которыхъ онъ сосредоточилъ свои нумизматическіе } труды; онъ изслѣдовалъ многочисленныя курганы своей мѣстности и результаты своихъ изслѣдованій помѣщалъ въ изданіяхъ краковской академіи, въ запискахъ, археологическо-нумизматическаго краковскаго общества, а также въ трудахъ Ввлевскаго и Кіевскаго русскихъ археологическихъ съѣздовъ

въ которыхъ онъ принималъ живое участіе, представляя рефераты о своихъ раскопкахъ и доставляя на выставку съѣзда свои коллекціи.

Послѣ смерти покойника остался капитальный трудъ, который онъ едва успѣлъ закончить передъ смертью, но издать который судьба ему не дозволила—это историко-географическое описаніе поселеній въ бассейнѣ р. Стыра. Судя по довольно объемистымъ отрывкамъ, которые прочитывалъ мнѣ покойный Л. К., трудъ этотъ принадлежитъ числу монографій весьма тщательно отдѣланныхъ и весьма полезныхъ для уясненія исторической судьбы Волыни. Было-бы крайне желательнымъ, чтобы этотъ результатъ многолѣтней усердной работы не остался неизданнымъ.

Во всякомъ случаѣ покойный Л. К. Житинскій, какъ по своей частной дѣятельности, такъ и по научнымъ трудамъ, заслуживаетъ сочувственнаго воспоминанія; всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ дорого изученіе юго-западнаго края и установленіе въ немъ интеллигентныхъ и разумныхъ отношеній.

В. Антоновичъ.

Е. И. Борисовъ. (*Некроль*). 6-го мая, скончался редакторъ «Херсонскаго Земскаго Сборника» Е. И. Борисовъ. Родился покойный въ семьѣ священника Киевской губ.; первоначальное образованіе получилъ въ Кіевѣ въ духовномъ училищѣ и въ духовной семинаріи, а затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ Новороссійскаго университета и кончилъ въ немъ въ 1877 году курсъ со степенью кандидата. Энергичный, способный и хорошо подготовленный, онъ смѣло могъ съ успѣхомъ вступить на обычный путь служебной дѣятельности, но она его не влекла; его симпатіи были опредѣлены давно... Его всего, еще на студенческой скамьѣ, захватили вопросы современной жизни, вопросы малороссійской деревни, вопросы земства, бытъ крестьянина и дѣло его просвѣщенія—вотъ, что ему было дорого, вотъ на пользу чего онъ хотѣлъ работать и дѣйствительно работалъ. Выступивъ съ цѣлымъ рядомъ статей по различнымъ вопросамъ изъ этой области въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» еще въ бытность студентомъ, Е. И. по окончаніи университетскаго курса весь отдается газетной работѣ, занимаясь въ то-же время и собираніемъ матеріаловъ по общему русскому праву, по этнографіи и проч. Въ 1891 году онъ получилъ мѣсто секретаря елисаветградской земской управы. Онъ при-

мѣнилъ на этомъ мѣстѣ къ давно излюбленному дѣлу всѣ свои знанія по земскимъ вопросамъ и съ обычной добросовѣстностью посвящалъ свои силы служебнымъ занятіямъ. Результатомъ дѣятельности его въ Елисаветградѣ, между прочимъ, явилась и книга почти въ 1000 печатныхъ страницъ, въ которой онъ съ большимъ умѣніемъ далъ систематическій сводъ постановленій елисаветградскаго земскаго собранія за 1865—1895 гг. (изд. въ Елисаветградѣ въ 1895 г.). Работа надъ этой книгой дала Е. И., какъ знатоку земства, еще больше извѣстности, и онъ былъ приглашенъ редакторомъ Херсонскаго Земскаго Сборника. Покойный, кромѣ того, извѣстенъ и въ малорусской литературѣ: его имя встрѣчается въ галицкихъ изданіяхъ 80-хъ гг.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ дополненіе къ суммѣ 1652 р. 33 коп., поступившей до сихъ поръ въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 4-й), вновь пожертвовано: разными лицами въ Могилевѣ губ. — 29 руб., А. Н. Истоминой — 2 р., К. К. Истоминимъ — 2 р., Ахмедъ-бекъ Агаевымъ — 1 р., Г. Г. Кибальчичемъ — 2 р., Д. И. Кисилевичемъ — 2 р., Д. И. Мѣрнымъ 1 р., О. И. Михалевскимъ — 2 р., всего 41 рубль, что вмѣстѣ съ прежними составитъ 1693 р. 33 коп., которые и отпущены въ Полтаву.

Текущія извѣстія.

Юбилей проф. В. Б. Антоновича. 18-го мая исполнилось 30-лѣтіе профессорской и 40-лѣтіе ученой и общественной дѣятельности Владиміра Бонифатьевича Антоновича. Пять лѣтъ тому назадъ Кіевъ торжественно отпраздновалъ 25-лѣтній юбилей профессорства нашего уважаемаго ученаго, и тогда нашъ журналъ посвятилъ нѣсколько страницъ выраженію даннъ признательности этому почтенному работнику на полѣ науки и общественной жизни (см. № 6-й 1895 годъ). Къ сказанному тогда мы только можемъ теперь наново повторить наши искреннія пожеланія, чтобы силы и здоровье еще на много лѣтъ сохранили его прежнюю энергію и бодрость духа для трудовъ на пользу науки и родного намъ края.

Пережитки старины. Недавно въ «Синѣ Отеч.» приводились свѣдѣнія о пережиткахъ старины, какими являются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вол. губ. остатки церковныхъ обычаевъ. По этому поводу анонимный авторъ дѣлается въ той-же газетѣ еще слѣдующими имѣющимися у него свѣдѣніями. Дѣтъ пять тому назадъ—пишетъ авторъ замѣтки,—мой отецъ (нынѣ покойный) былъ назначенъ священникомъ при соборѣ въ г. Кобринѣ, гродненской губ. (на границѣ съ волынской) и засталъ тамъ слѣдующее учрежденіе. Около церкви сконцентрировались пережившіе свое гражданское существованіе остатки ремесленныхъ цеховъ и церковныхъ братствъ, вырождавшихся въ очень своеобразную форму. Городскіе мѣщане, потомки прежнихъ братчиковъ и цеховщиковъ, выбирали отъ себя администрацію (старосту и совѣтъ), имѣли «хоронгви» (знамена), поставленные въ церкви, и держали для себя громадные восковыя свѣчи. Главный денежный доходъ получался братчиками отъ похоронъ; участіе въ похоронахъ братчиковъ, несущихъ знамена и свѣчи, считалось необходимымъ для каждой приличной печальной процессіи, и каждый мечталъ, по своей смерти, быть похороненнымъ съ такимъ именно торжествомъ, для чего копились послѣдніе рубли. Братчики брали за свое участіе въ печальной процессіи не мало, но все-таки смотря по состоянію средствъ покойнаго; пользуясь монополіей, они могли взыскать съ семейства покойнаго до 100 руб. Деньги не попадали, конечно, въ церковь, а шли на попойку; малая ихъ часть, ипрочемъ, удѣлялась на свѣчи, съ которыми братчики возстояли въ храмѣ въ торжественные дни. Какъ ни странно, но при церкви имѣлась книга, гдѣ записывался приходъ и расходъ братчиковъ въ такомъ, напр., родѣ: При похоронахъ такого-то получено 100 руб., наъ нихъ 90 р. на «консоляментъ» (утѣшеніе) и 10 р.—на свѣчи. Какого рода «утѣшеніе»—неизвѣстно; оно совершалось братчиками въ популярномъ кабацкѣ города. Отецъ мой, при принятіи церковныхъ дѣлъ, возсталъ противъ такого порядка вещей, арестовалъ «хоронгви» и донесъ объ этомъ начальству, чѣмъ страшно поднялъ противъ себя мѣщанъ всего города. Возгорѣлась борьба съ угрозами и доносами и т. д. Однако ему все-таки удалось уничтожить это старинное цеховое вымогательство. Подобныя «братства», по слухамъ, держатся еще по многихъ мѣстечкахъ западнаго края.

Завѣщаніе галицкаго митрополита Саса-Куяловскаго. 21 апрѣля скончался во Львовѣ митрополитъ галицкій Юліанъ Сасъ-Куяловскій на 75 году своей жизни и на второмъ году епископства.

Въ завѣщаніи, вскрытомъ послѣ смерти, оказалось, что большая часть имущества, оставшагося послѣ него, завѣщана львовскому *митинскому* архіепископству, а также на постройку костеловъ и часовень (тоже католическихъ). Одежду и бѣлье завѣщаль раздать, а не про-давать, «щоби жида по Зарваниці не ростягали фіолетів». (Руслан, ч. 90).

Съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Съ 7 по 17 сентября нынѣшняго года въ Полтавѣ устраивается съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Въ настоящее время разсылаются приглашенія въ губервіи: Харьковскую, Черниговскую, Курскую, Кіевскую и Полтавскую. (Программу съѣзда см. въ объявленіяхъ).

Украинская труппа въ Америкѣ. Въ Пенсильваніи, въ Мт. Кармель, составилось украинское драматическое общество, имѣющее своей цѣлью давать театральныя представленія. Для перваго раза разучили пьесу г. Макара «Американскій шляхтычъ».

Здѣсь-же основалось и другое украинское общество--музыкальное, изъ однихъ лишь молодыхъ людей. { «Свобода» }.

Почетный отзывъ за ученый трудъ. На годичномъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества 22 апрѣля прису-жденъ почетный отзывъ начальнику кіевскаго центрального архива древнихъ актовъ и глубокому знатоку южно-русскихъ архивовъ И. М. Каманину за составленный имъ «Палеографическій изборникъ. Ма-теріалы по исторіи южно-русскаго письма XV—XVIII столѣтій». (Съ-верный Курьеръ, № 171).

Лекція проф. Студинскаго. Первая лекція вновь назначеннаго во Львовскій университетъ на историко-филологическій факультетъ профессора Студинскаго «Про полемичну літературу руску» прошла

съ большимъ успѣхомъ. Авторъ, указавши на начальные проявленія полемической литературы въ XI и XII в.в. и застой въ слѣдующихъ XIII и XIV столѣтїяхъ, подробно остановился на эпохѣ развитія ея въ XV и XVI в., при чемъ отмѣтилъ причины, вызвавшія это развитіе. («Руслан.»).

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Въ дополненіе къ сообщеніямъ о чествованіи памяти Т. Г. Шевченка (см. №№ 4 и 5), добавляемъ, что, кромѣ упомянутыхъ мѣстностей, чествованія еще происходили:

І. Въ Г а л и ц і и:

Въ Снятинѣ 22 апрѣля данъ былъ концертъ «Мищанскою Читальнею». Въ концертѣ принимали участіе одни лишь мѣщане и мѣщанки. Публика состояла также изъ мѣщанъ и крестьянъ.

Въ Черновцахъ 7 мая Бурсой Товарищества «Русский Народный Дѣмъ» устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ Бродахъ 9 мая устроенъ былъ въ залѣ Товариства Музичного концертъ русскими товариствами въ Бродахъ при участіи проф. Друкера, Товариства Музичного и Кружка спивацкаго.

Въ Городенцѣ, въ залѣ «на Курцеривцѣ» состоялся 12 мая концертъ.

ІІ. Въ Р о с с і и:

Въ Черниговѣ (время и мѣсто не указаны) устроителемъ вечера явился г. Ладога. Любителями была представлена пьеса Т. Г. Шевченка «Назаръ Стодола».

ІІІ. Въ А м е р и к ѣ, въ Пенсильваніи, въ Шамокинѣ въ началѣ мая состоялось «вече и вечерокъ» въ память 39 годовщины смерти Шевченка въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 8 ч. утра—богослуженіе, на которомъ члены мѣстнаго общества Т. Шевченка присутствовали въ парадной формѣ. Послѣ богослуженія—панихида. Въ 9^{1/2}—вече, на которомъ были прочитаны рефераты: 1) Справи просвѣтні, 2) Справи церковні, 3) Справи робітничі, 4) Про руско-народный эміграційный дѣмъ въ Америцѣ. Въ 7 ч. вечера—литературно-вокальный вечеръ, съ участіемъ хора, и въ заключеніе—дѣтская оперетта «Коза-дереза» («Свобода»).

Памятникъ Котляревскому. Начальникъ полтавской губерніи сообщилъ городской управѣ, что со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ не встрѣчается препятствій къ постановкѣ въ г. Полтавѣ, на городскомъ бульварѣ, по Протопоповской ул., памятника поэту И. П. Котляревскому. Немедленно была создана комиссія, которая постановила войти въ переговоры съ скульпторомъ объ изготовленіи барельефовъ и украшеній для памятника. Такъ какъ ко дню открытія памятника ожидается много делегатовъ изъ Галиціи и другихъ мѣстъ, гдѣ дорога память поэта, то рѣшено изготовить жетоны для раздачи почетнымъ гостямъ и лицамъ, принимавшимъ участіе въ постройкѣ памятника. На одной сторонѣ жетона будетъ изображенъ рельефъ памятника, а на другой—извѣстное четверостишіе изъ «Наталки Полтавки»:

«Де згода ізъ семействи,
Де муръ и тышыня,
Щастливи тамъ люде,
Блаженна сторона».

(Кіев. Газета, № 152—153).

Пѣсенная комиссія Императорскаго русскаго географическаго общества. Въ первомъ засѣданіи названной комиссіи послѣ смерти ея учредителя, Т. И. Филиппова, подъ предсѣдательствомъ А. С. Тапѣева прочтенъ былъ интересный докладъ о полезной дѣятельности учрежденной Т. И. Филипповымъ въ 1884 г. комиссіи для собиранія образцовъ народнаго пѣсеннаго творчества, а въ 1897 году другой комиссіи для изданія пѣсенныхъ сборниковъ. На засѣданіи обсуждался, между прочимъ, проектъ г. Бигдая, дѣйствительнаго члена кубанскаго и терскаго статистическихъ комитетовъ, «о необходимости собранія и изданія пѣсеннаго матеріала во всѣхъ козацкихъ войскахъ и средствахъ для того». Относительно этого предложенія, пѣсенная комиссія, ознакомившись съ приложенными къ докладной запискѣ г. Бигдая 10-ю выпусками «Пѣсни кубанскаго войска», хотя и не усмотрѣла въ указанныхъ пѣсняхъ, записанныхъ, очевидно, лицомъ, мало подготовленнымъ къ такого рода дѣятельности и не музыкантомъ, достаточнаго матеріала для сужденія о сохранившихся еще въ народной памяти древнихъ пѣсняхъ, тѣмъ не менѣе признала всю важность организаціи дѣла собиранія и изданія пѣсенъ козацкаго

нойска въ интересахъ сохраненія памятниковъ старины и нашла предложенную г-мъ Бигдаемъ систему записи текстовъ иѣсенъ путемъ предварительныхъ сношеній съ лицами, близко стоящими къ народу, цѣлесообразной. При обсужденіи докладной записки г. Бигдая, С. М. Лянуновъ указалъ на необходимость заручиться помощью постоянныхъ корреспондентовъ (мѣстныхъ сельскихъ учителей, священниковъ и др.), выработавъ планъ предварительныхъ запросовъ. («Сынъ Отечества», № 126).

Е. П. Боярская (Богемская). Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ скончалась извѣстная малорусская артистка Боярская (Евдокія Прокофьевна Богемская), начавшая въ Одессѣ свою артистическую карьеру, гдѣ она дебютировала въ качествѣ любительницы на сценѣ бышаго Марининскаго театра въ январѣ 1885 г., въ дивертисментѣ, въ малорусской труппѣ М. П. Старицкаго подъ режиссерствомъ М. Л. Кропивницкаго. Въ томъ-же году на той-же сценѣ ей была поручена первая въ ея жизни роль Наталки въ пьесѣ «Наталка-Полтавка»; съ Пасхи того-же года ей назначили уже жалованье, и она стала профессиональной артисткой. Когда произошло распаденіе малорусской труппы, г-жа Боярская осталась у М. П. Старицкаго, поручившаго ей амбула драматическихъ ролей, которое сохранилось за нею до самой ея кончины. Въ послѣднее время у Боярской было горячее желаніе перейти на русскую сцену, и ей удалось было осуществить свое желаніе: въ прошломъ году ее пріянялъ въ свою труппу г. Коршъ, но послѣ первыхъ-же репетицій контрактъ пришлось расторгнуть,—малорусская «звѣзда» оказалась совсѣмъ непригодной для русскихъ пьесъ.

Лучшими ролями покойной были главные роли въ пьесахъ: „Глытай“, „Доки сонце зійде“, „Не такъ склалось“, „Ой не ходи, Грицю“ и т. д. Изъ южныхъ городовъ она играла въ Кіевѣ, Екатеринославѣ, Симферополѣ, Мелитополѣ, Керчи, Феодосіи, Ялтѣ, Тифлисѣ, Батумѣ, Екатеринодарѣ и др.

Умерла Е. П. въ г. Читѣ на 38 году жизни (родилась въ Могилевѣ-Подольскомъ въ 1862 г.). (Придѣлнр. Край, 823).

БИБЛЮГРАФІЯ.

Изъ украинской старины. Рисунки академиковъ С. И. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. Пояснительный текстъ профессора Д. И. Эварницкаго. Изданіе А. Ф. Маркса СПБ. 1900, in 2^o.

Предпріимчивый петербургскій издатель «Нивы» и разныхъ другихъ иллюстрированныхъ изданій Марксъ выпустилъ роскошный альбомъ, посвященный украинской старинѣ, при чемъ цѣль изданія въ передовой статьѣ, озаглавленной «Къ Альбому Украинской Старины», объясняется такимъ образомъ: «южно-русскіе козаки, боровшіеся съ многочисленными врагами за православную вѣру, за русскую народность, за свободу совѣсти, за человѣческія права, не знавшіе у себя раскола, никакихъ ересей, отличавшіеся высокою религіозностью и въ то-же время чуждые крайней нетерпимости; козаки, создавшіе множество высоко-художественныхъ думъ и высоко-нравственныхъ историческихъ пѣсенъ, составляющихъ, въ соединеніи съ наѣвномъ, цѣлыя баллады, цѣлыя поэмы чувствъ; козаки, создавшіе богатую историческую литературу, свято хранившіе всѣ дорогіе заветы своихъ предковъ, выступавшіе въ качествѣ носителей высшей гражданственности, поражавшіе современниковъ, поражающіе и потомковъ своею замѣчательною дальновидностью, эти козаки, наконецъ, прекрасно понимавшіе и цѣнившіе красоты природы,—по справедливости заслуживаютъ того, чтобы всѣ ихъ дѣянія представлены были въ обстоятельной, живой и художественной исторіи, и ихъ военный и домашній бытъ, какъ и главнѣйшіе историческіе дѣятели ихъ, были изображены въ наглядныхъ образахъ и художествен-

ныхъ иллюстраціяхъ; послѣдняя задача и положена въ основаніе настоящаго изданія».

Художественная часть альбома состоитъ изъ 21 листа, на которыхъ имѣются исполненные акварельными красками рисунки, изображающіе портреты или типы, а вокругъ или около этихъ раскрашенныхъ рисунковъ, въ видѣ виньетокъ, помѣщены рисунки перомъ съ изображеніями, имѣющими то или иное отношеніе къ портрету или типу.

Первые (раскрашенные) рисунки принадлежатъ С. И. Васильковскому и даютъ слѣдующія изображенія: 1) гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный,—2) Богданъ Хмельницкій (по гравюрѣ Гондіуса),—3) воевода Адамъ Кисель (по современному портрету),—4) полковникъ реестровыхъ малороссійскихъ полковъ (по изображенію на знаменахъ),—5) хорунжій (по современному портрету),—6) уманскій сотникъ Иванъ Гонта (по совр. портрету),—7) писарь войсковою (по Калинскому),—8) пушкаръ времени Мазепы съ мортирой, литой по его приказанію и находящейся въ настоящее время въ артиллерійскомъ музеѣ въ СПБ.,—9) вартовой козакъ,—10—12) три типа запорожцевъ,—13) Задунайскій Запорожецъ (по Valerio, изъ альбома, принадлежавшаго Наполеону III),—14) сѣчевой дядь абшитованый (отставной),—15) мѣщанинъ (по Ригельману)—16) посиоплитый (по Ригельману),—17) козачка (по Калинскому)—18) именитая госпожа (полковница по соврем. портрету)—19) Григорій Савичъ Сковорода (по современ. портрету),—20) Кобзарь—слѣпецъ съ мальчикомъ—поводатаремъ.

Виньетки (рисунки перомъ) исполнены Н. С. Самокишемъ и посвящены слѣдующимъ изображеніямъ: 1) одна изъ побѣдъ надъ турками подъ Хотаномъ,—2) козачій отрядъ въ походѣ,—3) церковно-замокъ въ Сутковцахъ,—4) атака на козачій обозъ польскихъ павцырныхъ гусаръ,—рушницы, копыя, келена, сабли, пистолеты, пороховницы (изъ собраній Г. П. Алексѣева и А. Н. Поля),—6) эпизодъ изъ взятія гайдамаками Умани,—7) принадлежности писаря: чернильница, печать, фоліанты, универсалъ, кресты (изъ собраній Г. П. Алексѣева),—8) козачьи акты и ретрашементы,—9) внутренность козачьяго обоза: возы, знамя, литавры (въ Артиллерійскомъ музеѣ и въ собраніи А. Н. Поля)—10) бунчуки, копыя, лукъ, сагайдакъ и бердышъ (изъ собранія клейнодоизъ въ Преображенскомъ соборѣ въ СПБ., А. Н. Поля въ Екатеринославѣ и Краковскаго му-

зек),—11) сцена изъ жизни въ Запорожской Сѣчѣ: судъ надъ преступникомъ,—12) мѣсто бывшей Чертомлыцкой Сѣчи и нѣкоторыя вещи, найденныя при раскопкахъ,—13) Дунавецкая Запорожская Сѣчь (по наброску Лупулеску),—14) сѣдла, уздечки, пороховница, натруски (изъ собраній А. Н. Поля и Г. П. Алексѣева),—15) Ярмарка въ Малороссіи,—16) зимовникъ козачій,—17) сцена у колодца: проводы козака въ войско,—18) путешествіе на богомолье знатной особы въ XVIII в.,—19) малороссійскій пейзажъ,—20) группа кобзарей и лирниковъ,—21) убитый конь.

Рисунки въ большинствѣ случаевъ исполнены прекрасно и, хотя не всѣ даютъ вполне типичныя изображенія, но заключаютъ въ себѣ много интереснаго. Въ общемъ изданіе имѣетъ очень изящный видъ. Не можемъ только одобрить заглавной картинки на обложкѣ, изображающей какого-то всадника коннаго типа, куда-то въ ужасѣ мчащагося среди «наваринскаго дыма съ пламенемъ».

Судя по заключительнымъ словамъ предисловія, въ основаніе настоящаго изданія положена задача—представить въ наглядныхъ образахъ и художественныхъ иллюстраціяхъ военный и домашній бытъ украинскихъ козаковъ и главнѣйшихъ историческихъ ихъ дѣятелей. Если такъ, то нужно признать, что настоящее изданіе лишь отчасти выполняетъ эту задачу, такъ какъ оно иллюстрируетъ почти исключительно военный бытъ козаковъ, преимущественно запорожцевъ. Если-бы не изображеніе на 17-й таблицѣ молодой козачки и на 18-й именитой госпожи, то можно было-бы составить ошибочное представленіе, будто въ старой Украинѣ совсѣмъ не было женщинъ. А между тѣмъ сохранились подлинныя портреты и жены Палѣя, и жены Павла Полуботка и многихъ другихъ извѣстныхъ малороссіянъ XVII—XVIII вв. Почему-бы имъ не найти мѣста въ художественномъ воспроизведеніи въ настоящемъ изданіи? Точно такъ же недостаетъ полноты и въ выборѣ для иллюстрацій историческихъ дѣятелей старинной Украины. Почему издатели ограничились лишь портретами Сагайдачнаго, Хмельницкаго, Киселя, Гонты и философа Сковороды? Если они намѣренно игнорировали Острожскихъ, Вияшевцевъ и другихъ историческихъ дѣятелей старой Малороссіи XVI ст., и имѣли въ виду иллюстрировать исключительно исторію козацкой Украины, то и въ такомъ случаѣ ихъ выборъ далекъ отъ полноты: имѣются иждѣ достовѣрные портреты и другихъ гетмановъ и старшинъ, а еще больше сохранилось портретовъ духовныхъ лицъ

старой Малороссіи. Впрочемъ, все это говорится не въ упрекъ составителямъ сборника: мы знаемъ, какъ дорого стоятъ подобныя художественныя изданія, и можемъ лишь выразить пожеланіе, чтобы современемъ появились дальнѣйшіе выпуски настоящаго изданія, а за матеріалами для художественнаго воспроизведенія остановки не будетъ.

А вотъ въ чемъ смѣло можно упрекнуть редактора изданія: онъ проглядѣлъ двѣ грубыя ошибки или опечатки, и при томъ въ самомъ перечнѣ таблицъ. Въ объясненіи къ 1-й таблицѣ сказано, что Петръ Сагайдачный—гетманъ XVI вѣка; а виньетка къ 3-й таблицѣ объяснена такъ: «Церковь-замокъ въ Сутковцахъ, Волинской губ.». Здѣсь сугубая ошибка: село называется *Сутковцы* и находится въ Летичевскомъ у. *Подольской* губ.—Кстати замѣтимъ: почему къ портрету Адама Киселя выбрана виньеткой церковь Сутковецкая, къ которой онъ не имѣлъ никакого отношенія? Не умѣстнѣе-ли была-бы здѣсь, тоже старинная, церковь с. Низкиничъ (Владимиръ-Вол. у. Волинской губ.), которую Кисель самъ строилъ и въ которой доселѣ существуетъ его гробница? А церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ такъ оригинальна въ архитектурномъ отношеніи, что заслуживала-бы болѣе детальнаго воспроизведенія, не въ видѣ лишь аксессуара къ изображенію крестнаго хода. Желательно, чтобы она нашла мѣсто въ томъ пынукѣ настоящаго изданія, которое будетъ посвящено архитектурнымъ памятникамъ старой Малороссіи.

Рисункамъ въ альбомѣ предшествуетъ напечатанный на 98 страницахъ (на русскомъ и французскомъ языкахъ) объяснительный текстъ, состоящій изъ 20-ти статей или главъ и составленный Д. И. Эварникимъ. «Пояснительнымъ текстомъ» эти статьи названы на заглавномъ листѣ альбома, но на самомъ дѣлѣ онѣ не всегда строго соотносятся этому названію: это—скорѣе рядъ популярныхъ очерковъ по исторіи Малороссіи, но не объясненіе рисунка и его деталей. Возьмемъ для примѣра 1-ю таблицу альбома, изображающую гетмана Сагайдачнаго *во весь ростъ*. Читатель не слыхалъ о такомъ портретѣ гетмана—онъ знаетъ лишь гравюру 1621 года, изображающую его на конѣ, и хочетъ найти разъясненіе своего недоумѣнія въ «пояснительномъ текстѣ»,—но тамъ объ этомъ нѣтъ и упоминанія. Виньетка къ этой-же таблицѣ изображаетъ «одну изъ побѣдъ надъ турками подъ Хотиномъ». Опять хочется знать: что это—фантазія художника, или произведеніе какой-либо современной картины или

гравюры? Но авторъ «пояснительнаго» текста не даетъ никакихъ объясненій. Иные изъ его очерковъ имѣютъ слишкомъ отдаленное отношеніе къ рисункамъ. Наприм., на XV таблицѣ находится превосходное изображеніе (по Ригельману) малороссійскаго мѣщанина XVIII в., въ очень оригинальномъ костюмѣ. Въ пояснительномъ текстѣ вы разсчитываете прочесть, по меньшей мѣрѣ, историческій очеркъ о мѣщанахъ, о майдебургіи, о войтахъ, ратманахъ, или о старвинной малороссійской торговлѣ; но вмѣсто этого г. Эварницкій даетъ вамъ собственнаго сочиненія поэтическое описаніе ярмарки въ Малороссіи—описаніе, что и говорить, яркое, колоритное, въ стилѣ юношескихъ очерковъ Гоголя, но описаніе ярмарки *современной*, слѣдовательно къ «Украинской Старинѣ» мало относящееся, а къ данному историческому рисунку и вовсе не имѣющее отношенія.

Но если мы оставимъ отношеніе объяснительнаго текста къ рисункамъ и будемъ разсматривать его, какъ рядъ популярныхъ очерковъ по исторіи Малороссіи, то мы должны отдать полную справедливость г. Эварницкому: тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о запорожцахъ, ихъ старинномъ бытѣ, вооруженіи, обычаяхъ и т. под.,—тамъ авторъ является на высотѣ своей задачи, и его очерки блещутъ яркостью, живостью, знаніемъ предмета и любовнымъ къ нему отношеніемъ. Недурно составлены также біографическіе очерки Гонты и Скороды. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исторіи Малороссіи до Хмельницкаго, о религіозной, національной и культурной борьбѣ южно-руссковъ съ Польшею, о старинномъ южно-русскомъ дворянствѣ XVI—XVII в.,—тамъ авторъ, видимо, не чувствуетъ подъ собою твердой почвы, и его рассказы объ этихъ временахъ (въ біографіяхъ Хмельницкаго и Киселя) блѣдны и неточны, а кое въ чемъ и невѣрны. Откуда онъ взялъ, наприм., будто Адамъ Кисель былъ родомъ изъ Бруслова *«возль Чернизова»*? А какъ онъ невѣрно понимаетъ извѣстный терминъ въ гетманскихъ подписяхъ: «рука *власна*»! «Вездѣ овъ (Сагайдачный) дѣйствовалъ открыто, твердо и увѣренно и, издавая отъ себя универсалы, подписывалъ ихъ *«власною рукою»* (стр. 4). Автору, видимо, чуетъ въ этомъ словѣ терминъ современныхъ публицистовъ: *«властная рука»*, но это напрасно: гетманъ (да и всякій другой въ XVI—XVIII вв.) этимъ словомъ просто обозначалъ, что сдѣлалъ подпись *собственноручно*; да и въ современномъ украинскомъ языкѣ слово *власный*, *власність* обозначаетъ тоже са-

мое: собственный, собственность. А въ другомъ мѣстѣ авторъ, описывая выступленіе запорожцевъ въ походъ, вырывается такъ: «во главѣ самого войска на прекрасномъ аргамакѣ выступалъ «власный» кошевой атаманъ... За «власнымъ» кошевымъ атаманомъ выступала пѣхота, ковница...» (стр. 50). Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что въ этихъ выраженіяхъ слово «власный», взятое имъ въ ковычки, какъ техническое или цитируемое изъ документа или народнаго языка, совершенно не имѣетъ смысла.

Но все это мелочи. Въ общемъ-же мы считаемъ нововышедшій альбомъ весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ въ нашей столь бѣдной хорошими иллюстраціями литературѣ по исторіи Украины и не можемъ не выразить тѣмъ же художникомъ С. И. Васильковскому и Н. С. Самокишу, равно и Д. И. Эварницкому глубокой признательности за предпринятый ими трудъ и пожелать его продолженія въ близкомъ будущемъ.

Ш. Л.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1895 годъ. Спб. 1898 г., стр. 1—269; 1—35; 1—131.

Настоящій отчетъ, какъ и всѣ предшествовавшіе, составленъ по утѣвненному въ Императорской Публичной Библіотекѣ плану и распадается на три главные отдѣла: 1) данныя о личномъ составѣ служащихъ въ библіотекѣ, о внутреннемъ устройствѣ ея, о хозяйственной чвсти, о приобрѣтеніяхъ въ библіотеку, о библіографическихъ работахъ и о пользованіи библіотекой; 2) данныя о расходахъ библіотеки въ 1895 году, прѣ чемъ для сравненія приводятся таблѣцы, показывающія данныя о Британскомъ Музеѣ, Національной Библіотекѣ въ Парижѣ и Королевской Берлинской Библіотекѣ; статистическія таблѣцы о числѣ посѣщеній библіотекъ, числѣ выдачъ, числѣ выданныхъ сочиненій в томовъ и пр.; 3) приложения, въ которыхъ напечатаны письма къ Н. И. Гнѣдичу разныхъ лицъ и письма князя П. А. Вяземскаго.

Въ первомъ изъ названныхъ отдѣловъ, кромѣ свѣдѣній о новомъ штатѣ для Библіотеки, который введенъ только съ 1 января 1896 года въ значительно усиленномъ размѣрѣ, для насъ наибольшій интересъ представляетъ глава о приобрѣтеніяхъ библіотеки, в конечно

въ той части ихъ, которая касается матеріаловъ, относящихся къ Малороссіи. Всѣ эти матеріалы мы имѣли случай разсмотрѣть, посѣтивъ въ текущемъ году Библіотеку, и потому считаемъ умѣстнымъ познакомить съ ними и нашихъ читателей.

На первомъ мѣстѣ нужно поставить пожертвованный кн. А. М. Орбелиани сборникъ начала нынѣшняго вѣка, содержащій, между прочимъ, данныя *о началѣ основанія города Полтавы* (стр. «Отчета» 182-н). Сборникъ этотъ (Е. IV, № 730) въ интересующей насъ части даетъ слѣдующія свѣдѣнія.¹⁾ Статья «О началѣ г. Полтавы» объясняетъ, какъ и почему составлены эти свѣдѣнія, а именно: противъ запроса Его Пр—ва, Господина Генераль-маіора, Правителя Екатеринославскаго намѣстничества, и кавалера Ивана Максимовича Синельникова, объясненнаго въ сообщеніи здѣшняго городничаго, господина Коллежскаго Ассессора Сухины, въ Полтавскомъ уѣздномъ судѣ выписано іюня 3-го дня 1786 года». Далѣе идетъ текстъ свѣдѣній по пунктамъ:

1-ый пунктъ. «Городъ Полтава съ котораго точно времени воспринялъ свое начало; кто былъ основателемъ онаго; почему дано оному нынѣшнее наименованіе и какія сей городъ имѣетъ привилегіи». Отвѣтомъ на этотъ пунктъ служатъ слѣдующія свѣдѣнія. «Городъ Полтава, по имѣющимся въ уѣздномъ архивѣ запискѣ и особо выпискѣ, имѣетъ свое основаніе съ 1608 года, когда Малая Россія присоединена была еще къ Коронѣ Польской и обыватели распространяли свои селенія внизъ по рѣкѣ Днѣпру. Въ то время изъ бывшаго Миргородскаго Малороссійскаго полку зашедшій съ 6-ю семьями козакъ по прозванію Масло, первоначально поселился на мѣстѣ томъ, гдѣ нынѣ городъ; названъ Полтавою по протекающей чрезъ городъ малой рѣчкѣ Полтавкѣ. При умноженіи жителей, для безопасности отъ набѣговъ Крымскихъ татаръ, безпокоившихъ сіи пограничныя мѣста, новое селеніе обведено валомъ и укрѣплено палисадникомъ, а напоследокъ сіи укрѣпленія приведены обывателями въ лучшее оборонительное состояніе. Въ 1708-мъ и 709-мъ годахъ, при наступленіи въ Малороссію шведскихъ войскъ, городъ сей отъ самаго своего начала состоялъ въ числѣ десяти малороссійскихъ полковыхъ городовъ, кои суть: Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Стародубъ, Прилука, Гадячъ, Лубны, Переяславъ, Миргородъ, Полтава, и потому

¹⁾ Взятыя дословно изъ рукописи.

онѣй съ уѣздомъ доселѣ пользуется всѣми тѣми правами и преимуществами, каковыя выѣла Малая Россія, будучи присоединена къ коронѣ Польской, и которыя во время присоединенія ея, въ 1654 году, гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ къ державѣ Россійской подтверждены ей договорами статьями и высокомонаршими грамотами, именно: 1) Въ грамотѣ Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, данной гетману Богдану Хмельницкому и всему народу малороссійскому отъ сотворенія міра въ 7162 году, марта 13-го дня, между прочимъ сказано, что великій Государь, Его Царское Величество, гетмана Богдана Хмельницкаго (со всѣмъ малороссійскимъ народомъ) пожаловалъ велѣлъ имъ быть подъ Его Царскаго Величества высокою рукою по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ, каковыя имъ даны отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушивать ничѣмъ не велѣлъ, а судиться имъ велѣлъ отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ. 2) Въ грамотѣ-жъ Его Царскаго Величества въ томъ же 7162-мъ году марта 24 дня, данной, написано: «шляхтѣ, которая пребываетъ въ Его Царскаго Величества отчинѣ, Малой Россіи, повелѣлъ Его Величество быть по прежнихъ ихъ правамъ и привилегіямъ и вольности отъ королей польскихъ и вольностей ихъ шляхетскихъ ни въ чемъ не нарушивать не велѣлъ, и старшихъ имъ себѣ на уряды судовыя земскіе и градскіе выбирать между себя самихъ и маестностями своими владѣть позволилъ». 3) Въ грамотѣ Государя Императора Петра Перваго 1708 года ноября въ 5-ый день, данной въ Глуховѣ, напечатано: «и можемъ непостыдно рещи, что никотсрый народъ подъ солнцемъ такими свободами и привилегіями и легкостію похвалиться не можетъ, какъ о нашей Царскаго Величества милости, Малороссійскій, ибо ни единого пѣнзя въ казну нашу во всемъ Малороссійскомъ краѣ съ нихъ брать не повелѣваемъ». 4) Вслѣдствіе того высочайшею грамотою, за подписаніемъ собственныя руки, 1708 года октября въ 28-й день данною, Его Величество Государь Императоръ Петръ Первый повелѣлъ оставить всѣ аренды и поборы, на малороссійскій народъ вложенныя». 5) Въ грамотѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора Петра I-го, 1709 года февраля въ—день данной въ Сумахъ, напечатано: «Малороссійскому народу все обѣщанное при принятіи ихъ подъ высокодержавную отда Его Величества, блаженныя памяти великаго государя Его Царскаго Величества руку свято содерживали и впредь со-

держивать будемъ, и оныя вѣрные наши подданные по прежнему при правахъ и вольностяхъ своихъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствоваыть могутъ; отъ насъ-же за ту свою показанную вѣрность вѣщую милость и награжденіе получать». 6) Тѣ-же самыя права и преимущества подтверждены кромѣ того малороссійскому народу грамотами Государя Императора Петра I го 1708 года ноября въ 1-ый день, о избраніи вольными голосами гетмана на мѣсто измѣнившаго Мазены, 1711 года генваря въ 5-ый день на утвержденіе гетманскаго достоинства гетману Скоропадскому. 7) Грамотою Государя Императора Петра 2-го въ 1728 году сентября въ 7-ый день на утвержденіе гетманскаго уряда гетману Апостолу. 8) Рѣшительными пунктами верховнаго тайнаго совѣта въ 1728 году августа 22 дня на поданное прошеніе гетмана Апостола 9) Грамотою Государыни Императрицы Анны Іоанновны 1734 года генваря 31-го дня за подписомъ собственныя руки. 10) Грамотами Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1749 года декабря 15-го дня, о избраніи гетмана, и въ 1751 году мая 22 дня на утвержденіе гетманскаго достоинства графу Разумовскому. 11) Благополучно царствующей нынѣ Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны въ разныхъ указахъ подтверждены тѣ-же права, вольности и преимущества всему вообще малороссійскому народу, которымъ и городъ Полтава съ уѣздомъ, какъ и выше сказано, доселѣ пользуется шляхетство по слѣдъ привилегій, въ книгѣ статута напечатанныхъ. 12) Кромѣ того, въ особенности городу Полтавѣ за претерпѣнныя долговременной отъ шведскихъ войскъ осады и другія понесенныя тяжести, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій въ 1718 году августа 12 дня подтвердилъ полковнику съ старшиною на дачу деревень, гетманами наданныхъ.

Хотя въ вышеприведенныхъ да ныхъ ничего особенно новаго и не встрѣчаемъ, но мы считали умѣстнымъ выписать ихъ въ виду того, что видимъ явно обнаружившееся желаніе у составителя записки о Полтавѣ подвести итоги всѣмъ тѣмъ привилегіямъ, для Малороссіи которыя ко времени составленія записки уже отсутствовали.

Пунктъ 2-ой. Имѣеть-ли гербъ и по чьему точно повелѣнію присвоенный? Отвѣтъ на этотъ пунктъ краткій: «Городъ Полтава печать имѣлъ донныѣ лукъ, напряженный стрѣлою, окруженный звѣздами; таковъ гербъ, какъ по выправкамъ означено, бывшія здѣшнія правительства, полковая канцелярія и судъ земскій, имѣли съ дав-

нихъ лѣтъ, когда еще поддался подъ всероссійскую державу гетманъ Богданъ Хмельницкій».

Пунктъ 3 й. На какомъ мѣстѣ имѣеть свое положеніе означенный городъ Полтава? На этотъ пунктъ отвѣтъ данъ самый слабый: «онъ городъ Полтава при рѣкѣ Ворсклѣ, положеніемъ на гористомъ мѣстѣ».

Другимъ представляющимъ для насъ нѣкоторый интересъ матеріаломъ являются рукописи, поступившія отъ бібліотекаря Императ. Публичной Библіотеки В. В. Стасова и представляющія сборникъ бумагъ отъ него, придворнаго архитектора Василя Петровича Стасова. Въ этомъ собраніи находятся по преимуществу записки и проекты о разныхъ постройкахъ храмовъ, дворцовъ, общественныхъ зданій и пр. Среди нихъ находимъ и его записку о сооруженіи Десятинной церкви въ Кіевѣ, писанную въ 1828 году, а также чертежи для производства работъ этой церкви (Отчетъ, стр. 188; въ Библіотекѣ зарегистрировано: Ф. XIII, № 23, л. л. 82—89). Здѣсь находимъ подробное разсмотрѣніе техники предположенныхъ работъ, рассчитанныхъ на 7 лѣтъ; но такъ-какъ главный интересъ этихъ записокъ можетъ быть только для специалистовъ-техниковъ, то мы болѣе подробно на нихъ останавливаться не будемъ.

Можно отмѣтить еще письмо М. А. Милорадовича (внѣслѣдствіи графа), писанное 30 іюня 1812 года къ Ник. Мих. Стороженку, бывшему много лѣтъ Черниговскимъ маршаломъ (предводителемъ) дворянства. Письмо Милорадовича, бывшего тогда кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, касается вопроса объ образованіи украинскаго козацкаго войска въ 4-хъ полкахъ «изъ обывателей бывшей Польской Украины, заключающейся въ 12 уѣздахъ кіевской губерніи да 4 Бамонецъ-Подольской». Просьба Милорадовича къ Стороженку оказать содѣйствіе къ поступленію въ эти полки извѣстныхъ ему отставныхъ и въ милиціи служившихъ офицеровъ. (Отчетъ, стр. 197-я).

Поступило въ бібліотеку письмо и другого Милорадовича (Андрея Степановича), героя въ сраженіи съ турками подъ Мачинымъ въ 1771 году; но письмо это, написанное въ 1795 году къ управившему его Лукашовскимъ имѣніемъ корнету Кулешову, имѣетъ совершенно частный характеръ, касаясь имущественныхъ вопросовъ. (Отчетъ, стр. 197-я)

Если прибавимъ еще нѣсколько мелкихъ пріобрѣтеній, какъ-то:
1) собственноручное письмо Іосафата Кувцевича, писанное къ какому-

то игумену въ 1621 году (литографированное fac-simile этого письма было извѣстно раньше—см. Отчетъ Библіотеки за 1892-й годъ, стр. 219); 2) рукописный сборникъ конца XVIII вѣка, въ которомъ помѣщены между прочимъ стихотворенія Василя Рубана на побѣды надъ турками въ 1770 году; 3) Литовскій статутъ и Трибуналъ, скорописъ 1738 года,—то вотъ, кажется, и все, чѣмъ обогатилась Императорская Публичная Библіотека въ 1895 году по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ Югу Россіи.

В. Н—но.

С. Гамченко. *Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ «Стуга», близъ с. Студенца, Житомирскаго уѣзда Волынской губ. Кіевъ, 1899, 8^о (Оттискъ изъ XIII-ой книги „Чтеній въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца“).*

Настоящая работа, снабженная многочисленными планами, является результатомъ тщательныхъ изслѣдованій г. Гамченка въ мѣстности на высохшей рѣчкѣ Стугѣ, вблизи с. Студенца. Изслѣдованія произведенныя въ 1892 г., обняли собой раскопку островка, на которомъ обнаружены слѣды поселка, и 15-ти кургановъ изъ 30-ти, расположенныхъ по близости поселка. Работа распадается на части: въ первой данъ географическій очеркъ и внѣшнее описаніе мѣстности, изложены способы и приемы раскопокъ, дана характеристика похороннаго обряда встрѣченной культуры, объяснена зависимость поселка и могильника. Вторая часть заключаетъ подробный дневникъ раскопокъ. Курганы въ дневникѣ раздѣляются на большіе, средніе, малые и едва примѣтные; каждый изъ нихъ окруженъ ровикомъ. Покойники хоронились въ насыпи, на горизонтѣ земли и ниже послѣдняго, причемъ погребеніе въ насыпи кургана примѣнялось только къ дѣтямъ; иногда въ одномъ курганѣ встрѣчались два скелета—мужской и женскій, а въ насыпи еще дѣтскій, такъ что такіе курганы можно считать семейными. Покойники клались на спину, въ вышеупомянутомъ положеніи, головой на западъ; хоронились въ гробахъ, сколоченныхъ изъ дубовыхъ досокъ пли выжженныхъ колодахъ. Находки предметовъ въ насыпяхъ, курганахъ и при скелетахъ очень незначительны: желѣзные гвозди, которыми сбиваются гробы, черепки

отъ сосудовъ, серебряныя проволочныя кольца на пальцахъ и у висковъ, серебряная бусинка. Кромѣ того, въ могилахъ, встрѣчались угли и обожженные комки земли, присутствіе которыхъ, какъ и черепковъ, авторъ считаетъ принадлежностью похороннаго обряда; онъ говоритъ: „Первоначально было обычаемъ жечь костеръ на уровнѣ погребенія, что являлось остаткомъ или переживаніемъ болѣе древняго обряда — сжигать трупъ на кострѣ. Впослѣдствіи сжиганіе костра замѣнилось посыпаніемъ гроба покойника и погребальной ямы углями“. Островокъ, гдѣ сдѣланы раскопки канавами и траншеями, не великъ: 300 шаговъ длины и 100 ширины: на одной трети длины островъ перерѣзанъ сѣдловинкой, представляющей изъ себя искусственный ровъ, наполнявшійся водою р. Стуги; съ остальной возвышенностью островокъ соединялся плотиной; т. о. островокъ имѣлъ назначеніе укрѣпленнаго пункта. Въ культурномъ слоѣ, встрѣченномъ въ почвѣ островка, найдены черепки глиняной посуды, куски жернововъ ручныхъ мельницъ — гранитный и изъ плотной кирпичной массы, желѣзные ножики, ножницы, гвозди, желѣзный шлакъ, осколки, повидимому, стеклянныхъ браслетовъ, обожженные кости животныхъ и, наконецъ, остатки очага. Культурные остатки островка, указывающіе на необитаемость его, вполне аналогичны найденнымъ въ курганахъ, отсюда само собой вытекаетъ заключеніе, что курганная группа служила кладбищемъ поселку. Авторъ считаетъ могильникъ принадлежащимъ племени древлянъ и относитъ его къ VII—IX столѣтію. Не имѣя ничего противъ перваго, мы не можемъ вполне согласиться со вторымъ положеніемъ: какъ способъ погребенія, такъ и особенно культура поселка указываютъ скорѣе на XI—XII в. Въ заключеніе мы должны сказать, что настоящій трудъ г. Гамченка, какъ и прежнія его работы, въ описываемой части исполненъ безукоризненно: все описано и измѣрено до мелочей, даже пожалуй, подробности, въ которыя вдается авторъ, напр. при описаніи гвоздей, черепковъ, занимающія цѣлыя страницы, представляются излишними.

Б.

Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. *Древности русскія. Кресты и образки. Вып. 2-й. Киевъ. 1900. 4°.*

Въ прошломъ году вышелъ 1-й вып. этого роскошнаго изданія, въ настоящемъ уже слѣдуетъ другой, заключающій массу снимковъ

(на 16-ти таблицахъ) съ крестиковъ, энколпионовъ и образковъ, начиная съ первыхъ временъ христіанства въ Россіи по XVIII в. включительно. И этотъ выпускъ даетъ очень много цѣннаго матеріала, по большей части еще неизданнаго. Въ изданіе включены какъ снимки съ предметовъ, составляющихъ новыя пріобрѣтенія собранія Ханенка, такъ и хранящихся въ другихъ собраніяхъ г. Кіева. Большинство падаетъ на долю собранія владѣльца; предметы происходятъ гл. образ. изъ Кіевской губ. — въ городищъ, расположенныхъ вблизи устья р. Роси и мѣстъ, ближайшихъ къ Кіеву; многіе изъ нихъ составляютъ часть собранія покойнаго Н. П. Черпева, пріобрѣтеннаго г. Ханенко. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ нововведенію, какое заключаетъ настоящій выпускъ, именно — къ изданію предметовъ и не принадлежащихъ собранію Ханенка, благодаря этому много рѣдкихъ экземпляровъ, наконецъ, увидало свѣтъ. По времени большинство таблицъ пополнено снимками съ предметовъ X—XIII в., на долю остальныхъ вѣковъ осталось всего 2—3 таблицы, и нужно сознаться, что предметы, тамъ изображенные, не отличаются особенной типичностью. На нашъ взглядъ, болѣе раціональнымъ было-бы совѣтъ не включать этихъ послѣднихъ въ настоящій выпускъ, а посвятить имъ спеціальній, куда помѣстятъ болѣе характерные предметы и съ большимъ выборомъ; матеріала-же, принимая во вниманіе указанное выше нововведеніе, нашлось-бы достаточно. Снимки, какъ и въ первомъ выпускѣ, снабжены описаніями предметовъ съ указаніями на эпоху и мѣсто находки. Въ небольшомъ введеніи, предпосланномъ выпуску, дана общая характеристика различныхъ видовъ этихъ религіозныхъ памятниковъ старины.

Б.

И. Мыронъ. *Абу-Каземови капци (Арабська казка)*. № 12. У Черкасахъ, 1899 р. стр. 1—64. Ціна 5 коп.

Среди крупныхъ произведеній беллетристическаго характера, въ малорусской литературѣ появляются иногда небольшія, но талантливыя вещицы, которыя не только обращаютъ на себя вниманіе. Къ таковымъ, по всей справедливости, можно отнести небольшую, но замѣчательно художественную передѣланную И. Мырономъ сказку въ стихахъ — «Абу-Каземови капци».

Сюжетомъ этой общезвѣстной сказки являются похождения Абу-Казема, или, вѣрнѣе, его „каптивъ“ (тупель). Въ рядѣ остроумныхъ и художественно выдержанныхъ сценъ—повѣствуется, какимъ образомъ „капци“ Абу-Казема, благодаря различнымъ счастливымъ (или для Абу-Казема—несчастливымъ) стеченіямъ обстоятельствъ, всякій разъ возвращаются обратно къ ихъ обладателю, какъ только онъ пожелаетъ отъ нихъ освободиться. Въ уплатѣ штрафовъ за ущербы, причиняемые его злополучными капцями, Абу-Каземъ, наконецъ, теряетъ все свое богатство. Это обстоятельство совершаетъ въ немъ переломъ, и онъ совершенно нравственно перерождается.

Въ первыхъ строфахъ сказки Абу-Каземъ рисуется, какъ

. . . „стара катрага
„Та такой вамъ скупердяга,
„Що шукать по всій земля“.

Послѣ-же неудачныхъ попытокъ сбыть свои „капци“, которые онъ считалъ главнымъ виновникомъ своихъ несчастій, съ нимъ происходитъ перемѣна,—онъ вдругъ

. . . „ставъ правдыно
„Щырымъ, дійснимъ жебракомъ,
„Вулицями волочывся,
„Пидъ мечетями молювся,
„Трычи въ Мекку йшовъ нишкомъ... и т. д.

Слава его росла, и по смерти—„винъ турецькымъ ставъ святымъ“.

Книга эта во всякомъ случаѣ съ интересомъ прочтется какъ дѣтьми, такъ и взрослыми. Для народнаго чтенія она вполнѣ доступна, легка и занимательна.

С. Р.

Galicya w obrazach. Zebrał i wydał K. Wozniak. Zbiór fotografij najbardziej uwagi godnych miast, okolic, zabytków starożytności i dzieł sztuki. Kraków, 1900, in 4°. Zeszyt 1.

Объ этомъ изданіи, выходящемъ въ Краковѣ и поставившемъ себѣ задачу—посредствомъ фототипическихъ снимковъ, исполненныхъ

по фотографіямъ, представить «Галицію въ картинахъ»,—мы пока не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ до сихъ поръ полученъ въ Кіевѣ только первый его выпускъ. Ояъ заключаетъ въ себѣ общій видъ Львова и виды разныхъ зданій львовскихъ и краковскихъ. Снимки сопровождаются краткимъ объяснительнымъ текстомъ, который напечатанъ мелкимъ шрифтомъ подъ самыми рисунками. Если и слѣдующіе выпуски, также какъ и первый, будутъ заключать въ себѣ исключительно виды зданій, интересныхъ при томъ болѣе для поляковъ, чѣмъ для русиновъ, то это изданіе не представитъ для нашихъ читателей особеннаго интереса. Впрочемъ подождемъ—увидимъ.

Н. Ш.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера рассмотримъ слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 5; 2) Русская Старина, № 5; 3) Вѣстникъ Европы, № 5; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5; 5) Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 3; 6) Літературно-Науковий Вістникъ, № 5; 7) Ateneum № 5; 8) Przewodnik naukowy i literacki, № 5; 9) Slovanský přehled, № 8 (5); 10) Научное Обозрѣніе, № 5; 11) Восходъ, № 4; 12) Варшавскія Университетскія Извѣстія № 3; 13) Извѣстія Общества Арх., Ист., Этнографіи № 3; 14) Wisła, № 3—4; 15) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4; 16) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 1, 2, 3 и 4; 17) Русская Мысль, № 4 и 5; 18) Biblioteka Warszawska, № 5; 19) Русская Школа, № 4; 20) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 5.

Русскій Архивъ № 5.

На стр. 82—92 помѣщенъ сочувственный отзывъ С. Кедрова о трудѣ проф. В. Ключевского «Краткое пособіе по русской исторіи».

Русская Старина № 5.

П. ф. К. Къ исторіи русской литературы. Собственноручныя письма А. А. Краевского—Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ-Основьяненко (стр. 293—301).

4 письма А. А. Краевского 1839—1840 годовъ, представляющія интересный матеріалъ для исторіи «Отечественныхъ Зависокъ».

Волинское Дворянство въ 1812 году.

Письмо А. Д. Балашова—графу А. А. Аракчееву отъ 23 августа 1812 года за № 44 и записка графа Аракчеева А. Д. Балашову (стр. 260).

Вслѣдствіе доношенія волынскаго губернатора А. Д. Балашову о томъ, что тамошнее дворянство вообще мало оказало усердія въ дѣлѣ ополченія, будучи, по мнѣнію его, даже готово «на большія пособія противной сторонѣ», Императоръ Александръ I, послѣ доклада ему объ этомъ, повелѣлъ сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

1) Ополченію въ Волынской губерніи не быть.

2) Сію губернію и Подольскую, въ повинностяхъ набора рекрутъ, сравнить съ прочими губерніями, не имѣющими внутренняго ополченія; слѣдовательно, къ собираемымъ уже со ста душъ по одному рекруту, дать указъ, собирать съ оныхъ губерній, по послѣднему о наборѣ рекрутъ манифесту, еще со ста душъ по одному.

3) Позволить въ обѣихъ сихъ губерніяхъ вмѣсто рекрута отдавать четырехъ строевыхъ лошадей, положивъ правиломъ, дабы непременно лошадей собрано было не менѣе въ каждой губерніи, какъ за половину рекрутъ.

4) Для пріема сихъ лошадей въ обѣихъ губерніяхъ назначенъ будетъ особый воинскій генералъ, который получитъ особую себѣ инструкцію, съ которой копія доставится министру полиціи (24 авг. 1812 года).

Въ «Библиографическомъ листкѣ» (на оберткѣ) даны отзывы о книгахъ: «Изъ Украинской Старины. Рис. академ. С. Васильковскаго и Н. Самокиша. Текстъ проф. Д. Эварницкаго. Изд. А. Ф. Маркса СПБ. 1900»; Н. Н. Кавивецкій «Изъ былого Черноморья». Екатериноляръ 1900. Ц. 1 р.; «Григорій Саввичъ Скворода, украинскій философъ-проповѣдникъ». Сост. Я. Д. Верховецъ. СПБ. 1899.

Историческій Вѣстникъ № 5.

В. Е. Рудаковъ. Леонидъ Николаевичъ Майковъ (некрологъ) (стр. 617—632).

Въ некрологъ вошелъ полный перечень трудовъ покойнаго Л. Н. Майкова. Изъ относящихся къ Югу Россіи работъ можно ука-

зять: «О былинахъ Владимірова цикла» (СПБ. 1863); «Симеонъ Полоцкій» (Древняя и Новая Россія, 1875, т. III, также въ отдѣльной книгѣ: «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII вѣковъ», 1889 г.) «Библиографическія замѣтки объ изданіи проповѣдей Лаваря Барановича» (Рус. Архивъ, 1875 т. III); «Челобитная Черниговскаго архіепископа Лаваря Барановича царю Алексѣю Михайловичу о напечатаніи сочиненія его «Трубы» (ib.); рецензія на редактированное проф. Д. И. Багалѣмъ «Собраніе сочиненій Гр. С. Сковороды», въ которомъ указано не мало ошибокъ въ обработкѣ матеріала и пропусковъ, особенно въ I главѣ («Журн. М. Н. Пр., 1894, № 12); «Къ вопросу объ «Исторіи Руссовъ» (по поводу появленія въ свѣтъ книги г. Горленка «Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX в.») (Журн. М. Н. Пр., 1893, № 5); «Атаманъ Запорожской Сѣчи Петръ Калнишевскій въ 1787 и 1801 г.г. Замѣтки о его судьбѣ («Русская Старина, 1876 г., т. XV); некрологъ И. И. Срезневскаго («Журн. М. Н. Пр., 1880, № 3), «Списокъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губерніи по свѣдѣніямъ 1859 г.» (1868 г.).

Вѣстникъ Европы № 5.

Въ отдѣлѣ «Литературное Обзорѣніе» (стр. 369—374) помѣщена рецензія г. Т. на книгу «Л. Васплевскій. Современная Галиція. СПБ. 1900».

Русская Мысль № 4 и 5.

Въ отдѣлѣ библиографіи (стр. 131—132) данъ отзывъ о книгѣ «Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.). Т. I. (до 1670»).

Въ отдѣлѣ библиографіи (№ 5) даны отзывы о книгахъ: Т. И. Осадчаго «Земля и земледѣльцы въ Юго-западномъ краѣ. Кіевъ, 1899» и В. Бертензона «По югу Россіи. Сельско-хозяйственные очерки. Выпускъ III. Одесса, 1900».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 5.

Н. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха (Посвящается незабвенной памяти Н. А. Лавровскаго и В. В. Болотова) (Продолженіе слѣдуетъ) (стр. 96—138).

Разбирая мнѣнія историковъ Погодима, Соловьева и др. о времени написанія поученія Мономаха, различныя у каждаго, авторъ полагаетъ, что вопросъ этотъ можно рѣшить, — только идти къ этому нужно инымъ путемъ, чѣмъ Карамзинъ и Погодинъ: надо вникнуть въ поученіе поглубже. Съ этой цѣлью онъ занимается сопоставленіемъ каждаго изъ упоминаемыхъ въ поученіи походовъ съ соответствующими указаніями лѣтописи и опредѣляетъ хронологію событій на основаніи подробныхъ изслѣдованій.

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 5.

Отчетъ о состояніи Кіевского Центральнаго Архива для древнихъ актовыхъ книгъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской въ 1899 году (стр. 1—2).

Изъ отчета между прочимъ явствуетъ: I) что къ 1 января 1900 года въ Центр. Архивѣ состояло: а) актовыхъ книгъ—59 20 б) вновь переплетенныхъ, составленныхъ изъ отдѣльныхъ документовъ—25, с) отдѣльныхъ документовъ въ связкахъ 441197, d) старыхъ дѣлъ—около 68538, e) разныхъ писемъ, записокъ и старыхъ дѣлъ текущаго столѣтія—2 связки. II) —Находилось налицо 130 описей къ 130 актовымъ книгамъ, заключающимъ въ себѣ 35994 отдѣльныхъ документа. Въ теченіе 1899 года составлено 30 описей къ 30 книгамъ (829 документовъ); итого—160 описей къ 160 книгамъ (36823 документа); изъ нихъ: 59 отпечатаны, 7 разрѣшены къ печати, 2 печатаются, а остальные 92—приготавливаются къ печати.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 1—4.

И. Смирновъ. Очеркъ культурной исторіи южныхъ Славянъ (продолженіе) ¹⁾ (стр. 13—108 въ № 1), 25—54 (въ № 4). Первые упоминанія о славянахъ.—Появленіе славянъ на Дунаѣ и распаденіе на группы: словинскую и болгарскую (въ 3-й четверти V в.).—Славяне на Балканскомъ полуостровѣ (въ VI, а въ особенности въ началѣ VII в.).

Начало см. въ 7—8 кн. прошл. года, стр. 113—144 (I. Обзоръ географическихъ условій. Доисторическое прошлое Балканскаго полуострова. Трако-Иллирійцы. Римская колонизація).

Отдѣлъ I. Развѣтіе матеріальной культуры. Процессъ питанія (добываніе питательныхъ матеріаловъ и ихъ потребленіе).—Формы осѣдлости (жнлища вообще).—Одежда.

П. Эволюція семьи и кровнаго союза.

Приложенія (№ 4).

В. Бѣлорудскій. Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ. Глава III. Къ хронологіи и діалектологіи фонетическихъ процессовъ въ аріо-европейскомъ семействѣ языковъ, съ фізіологическими разъясненіями. (стр. 140). Въ раздѣлѣ: Аріо-европейскій ирязыкъ авторъ дѣлаетъ попытку выразить въ цифрахъ діалектическія различія неударяемыхъ слоговъ въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія въ говорахъ и нарѣчіяхъ русскаго языка, судя по даннымъ неударяемаго вокализма въ этихъ нарѣчіяхъ и говорахъ.

Отношеніе слѣдующее:	Неударяемые слоги:			
	Сила.	Высота.	Длительн.	Качество.
Общерус. (?) и юж.-влр.	1	2	3	1
Сѣв.-влр.	2	2 ¹ / ₂	3	2
Бѣлорус.	1	1(1 ¹ / ₂)	3	1
Малор.	1 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂	3	2

Е. Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія, замѣтки (Продолженіе) (стр. 673—704).—Харьковскіе профессеры: І. Шадъ, Л. Г. Якобъ.

Варшавскія Университетскія Извѣстія № 5.

Е. Ф. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи (стр. 153—192).

Изобрѣтеніе славянской кирилловской азбуки, сравненіе ея съ греческой. Типы письма: уставъ, полууставъ, скоропись. Начертаніе отдѣльныхъ знаковъ. Вопросъ о глаголицѣ у русскихъ. Знаки препи- ванія, знаки въ качествѣ вѣкотораго орнамента; нотные знаки.— Внѣшній видъ записаннаго листа; вязъ, видъ подписей, заглавій книгъ и статей, заключеній, приписокъ. Акrostихъ и другія рѣдкія формы письма.

Труды Кіевской Духовной Академіи № 4.

Н. И. Петровъ. Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской лавры (Окончаніе слѣдуетъ) (стр. 579—610).

Въ настоящей статьѣ авторъ занялся провѣркою хода и результатовъ изслѣдованія г. Истомина объ упраздненной нынѣ лаврской стѣнописи, который придерживается того мнѣнія, что, «при каждомъ росписаніи лавры содержаніе историческихъ картинъ и св. иконъ, сюжеты ихъ и сопровождавшіе ихъ тексты св. Писанія передавались почти неизмѣнно изъ вѣка въ вѣкъ», отъ конца XI вѣка и до позднѣйшаго времени.

Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества при Киевской дух. Академіи за 1899 годъ (стр. 1—36). Составъ Общества.—Пріращенія Музея и бібліотеки.—Занятія Общества.—Денежныя средства Общества.—Списокъ лицъ, составляющихъ нынѣ Церковно-Археологическое Общество.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 3.

М. Заирня и Б. Гринченко. Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ (1827—1843). (Біографическій очеркъ) (стр. 128—175).

Біографія Леонида Ивановича.—Литературная дѣятельность и издавія его произведеній.—Издательская дѣятельность Л. И. («Черниговской листокъ» на русскомъ и малорусскомъ языкахъ).—Разборъ басенъ Глѣбова.

Статья снабжена обстоятельнымъ бібліографическимъ указателемъ печатныхъ малорусскихъ сочиненій Л. И. Глѣбова (въ Россіи и за границей).

Въ «Приложеніи»—*Н. П. Василенко.* Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка. (Продолженіе) (стр. 49—80).

Літературно-Науковий Вістникъ № 5.

Із оповідань Наталки Полтавки. Кому яке діло?! (Оповідання мого товариша) (стр. 129—133).

Психологическій очеркъ.

Із малюнків Надії Кибальчич. I. На полюванні. II. Весною. III. Десять грають IV. З громади V. Весільні світи. VI. Нарис (стр. 134—156).

Пережресні стежки. Повість Івана Франка (далі) (стр. 157—176).

Буденний хліб. Нариси Антона Крушельницького: I. На порозі життя. II. У родичів. III. Перший день IV. На авдиенцві. V. У пітьмі ночі (стр. 177—201).

Ескізи і малюнки: I. Хто винен? II. Божевільний—Михайла Галушчинського (стр. 202—203), III. Така... дурна справа—Ореста Авдиковича (205—209), IV. Скінччв—Івана Брика (стр. 209—212).

Із англійських повтів: Із Персі Біша Шеллі. З берега моря—перекл. А. Л. (стр. 213), Із Томаса Гуда, Феліції Гімене, Роберта Нікколя, Альфреда Теннісона, Шекспіра, Томаса Мура, Андрія Парка—переклад Панла Грабовського (стр. 214—218).

Чукчи. Оповідане Вацлава Серошевського. Переклав з польского Антін Крушельницький (стр. 219—242).

Хліборобські спілки М. Левітською. Михайла Р—ва (стр. 65—76).

Интересная статья, знакомящая читателей съ исторіей развитія южно-русскихъ артелей, основанныхъ Н. Левитскимъ, а также съ практическими результатами ихъ примѣненія (экономическимъ улучшеніемъ быта крестьянъ).

Панько Омелькович Кулиш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (далі) (стр. 77—107).

Исторія произведеній Кулиша съ 1853—1864 г.г.—О духовномъ соединеніи Южвой Руси съ Сѣверною; Записки о южной Руси; Народныя пѣсни; Граматка; Проповѣди; Работы по изданію произведеній Гоголя, Квитки, М. Вовчка и Шевченка; Хата и Основа; Переводы; Повѣсть о южной Руси; Лиловыя пущи; Майоръ; Исправницкая дочка; Украинскія незабудки; Другой человекъ; Дивоче сердце; Тайна; Досьвотки; Историческія и литературно-критическія изслѣдованія; Мартынь Гакъ; Браты.

Музей Василя Тарновською.—Немірнча (стр. 108—125). Авторъ знакомить читателей съ богатымъ содержаніемъ коллекціи покойнаго В. В. Тарновскаго, при чемъ останавливается на изложеніи вопроса о принятіи и устройствѣ музея въ Черниговѣ; изъ послѣдняго можно заключить, что черниговское земство въ лицѣ значительнаго количества представителей его не доросло еще до сознанія полезности учрежденія музеевъ.

Хроніка і бібліографія (стр. 126—144).

Wiśła, Tom XIV, zeszyt 2.

E. Majewski. Rodzina kruków (Corvinae), стр. 152—179.

Ворона (Wrona), гайворонъ (gawron), гавя (kawa), сорока (sroka).

Отраженіе рода «круковъ» въ языкѣ, въ исторической и географической терминологіи (польскаго варода, преимущественно), въ этнографіи.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i krytyka» (стр. 207—208) данъ отзывъ о книгѣ Alex. Stekert'a: «Przydomki polskie i rusińskie, 1896, Kraków».

Въ рубрикѣ «Z Akademji, Towarzystw i Muzeów» (стр. 228—231) разсмотрѣвъ интересный трудъ Д-ра J. Leciejewsk'аго «Kunę i pomniki runiczne słowiańskie». Авторъ главнымъ образомъ занялся разсмотрѣніемъ автентичныхъ руническихъ славянскихъ памятниковъ, которыхъ ему удалось собрать: 4—польскихъ, 2—чешскихъ, 1—словацкій, 2—русскихъ (rosyjski) и 1—украинскій (ruski). Послѣдній—урна, найденная въ с. Чехахъ, Бродскаго у.; вся надпись состоитъ изъ одной руны, вѣтвистой, означающей букву Л. Она свидѣтельствуетъ о большомъ употребленіи рунъ на Руси, ибо вѣтвистыя руны возникаютъ лишь тамъ, гдѣ обыкновенныя руны хорошо извѣстны. Окончательный выводъ автора тотъ, что славяне знали руническое письмо и употребляли его; что-же касается ихъ появленія у славянъ, то на южныхъ славянъ оказывали вліяніе южные германцы, на сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ—скандинавы.

На стр. 150 помѣщенъ хорошо исполненный фотографическій снимокъ «Tur włościan Podolskich» (изъ с. Мукши, пов. Каменецкаго)—мушины, женщины и мальчика, въ обычномъ костюмѣ.

Slovansky prehled, č. 8 (5).

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 399)—упоминается о дѣятельности Науковаго Товариства ім. Шевченка, о проектѣ основанія въ Коломнѣ малорусскаго высшаго женскаго училища; о спорѣ о малорусскомъ языкѣ (по поводу статьи проф. В. Антоновича).

Przewodnik naukowy i literacki, № 5.

Dr. Bronisław Łoziński. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich (1846—1859) (стр. 417—436).

Назначеніе Вацлава Залескаго губернаторомъ Галичины въ 1848 г. и его мѣропріятія для усмиренія возникавшаго движенія въ народѣ (обращеніе по этому поводу къ митрополиту Левицкому).

Бомбардированіе Львова.—Установленіе въ Галичинѣ военного положенія.—Административное раздѣленіе края.

J. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczypospolitej (Ciąg dalszy) (стр. 488—494).

Крой напталонъ и способъ ношенія ихъ (на тесмѣ=очкуръ). Обувь и шитье ея; матеріалъ для обуви (сафьянъ); употребленіе «овучъ» и соломенной подстилки.

Dr. Stanisław Kutrzeba. Podwoły miast polskich do roku 1564 (стр. 495—509).

Очеркъ въ общихъ чертахъ институціи, извѣстной въ исторіи Польши: доставленіе подводъ.

Неясность происхожденія этой институціи.—Актъ Ягелла (1409 г.) по поводу вопроса о подводахъ. Значеніе этого акта для Руси (Львовъ, Перемышль, Коломы).—Петиція шляхты (1492 г.) по поводу подводъ.—Декларация Сигизмунда I (1508 г.).—Универсалы о подводахъ 1564 и 1565 г.г.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 23 и 24 (за минувш. годъ) словинскаго иллюстрированнаго журнала «Dom in Svet» въ статьѣ г. Podravsk'аго «Črtice iz maloruske književnosti» говорится объ украинской литературѣ въ 60 гг. (Вечерницѣ, Мета, Русалка, Правда) и затѣмъ — въ послѣднее время („Зоря“, „Просвѣта“, Общество Качковскаго, Товариство ім. Шевченка). Изъ писателей авторъ упоминаетъ лишь Конисскаго и Федьковича.

Въ № 26 одесскаго журнала „Театръ“ помѣщена статья Сергѣя Бердяева подъ загл. „Идейная малорусская драма“ (письмо изъ Кіева), въ которой авторъ останавливается прежде всего на указаніи степени выработанности малорусскаго языка и его широкомъ примѣненіи (въ Австро-Венгріи), а затѣмъ даетъ обстоятельную оцѣнку драмы И. К. Карпенка-Карого «Сава Чалый».

Въ № 113 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ помѣщена статья Н. Левитскаго „Бъ вопросу о земледѣльческихъ артеляхъ“.

Въ виду того, что многіе обращаются къ автору за разъясненіями относительно изданнаго имъ пространнаго артельного договора

и артельного дѣла вообще, в во избѣжаніе недоразумѣній, уже имѣвшихъ мѣсто и могущихъ быть еще впередъ, Н. Левитскій въ указанной статьѣ даетъ объясненія по поводу артельного дѣла вообще и въ частности—основного характера артельного договора.

Въ №№ 44—46 „Буковини“ помѣщена статья Леся Украинки „Писатели—Русины на Буковинѣ“ (рефератъ, читанный въ минувш. году въ Кіевскомъ Литературно-артистическомъ Обществѣ). Авторъ, задавшись цѣлью охарактеризовать буковинскихъ писателей—русиновъ, останавливается на оцѣнкѣ литературной дѣятельности Осипа Федьковича, а также двухъ талантливыхъ писателей 90-хъ гг.—Ольги Кобылинской и Василя Стефаника.

Въ № № 65, 66, 67, 68, 70, 71, 72 и 73 газеты «Волянь» помѣщена большая статья „Семейныя отношенія въ юго-западной Руси въ XVI—XVII вв. (Лекція, прочитанная О. А. Фотинскимъ 19 марта, въ залѣ публичной библіотеки).

Исходя изъ того положенія, что XVI—XVII вв. являются въ исторіи нашего края эпохою борьбы между старыми и новыми идеями, авторъ, сдѣлавши краткое отступленіе для опредѣленія отличительныхъ особенностей родового быта вообще в его проявленій въ первобытной исторіи русскихъ славянъ, останавливается затѣмъ на особенностяхъ заключенія браковъ въ южной Руси въ рассматриваемую имъ эпоху (змовины, заручины, веселье, свободный выборъ и равноправность суруговъ, разводъ).

Въ № 6653 газеты „Южный Край“ помѣщена статья «Ъ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ», въ которой высказывается желаніе 1) привести въ извѣстность предметы древности, находящіеся въ частныхъ рукахъ у жителей харьковской губерніи, 2) произвести возможно большее число раскопокъ въ предѣлахъ Харьковской губ. Въ послѣднемъ случаѣ желательно было бы, чтобы землевладѣльцы и другія лица, на земляхъ которыхъ имѣются курганы, обратились за научнымъ содѣйствіемъ для раскопокъ ихъ въ харьковскій предварительный комитетъ и согласились првнять на себя сопряженные съ раскопками издержки, которыя, вообще говоря, не могутъ быть особенно значительны.

Сообщать всѣ необходимыя свѣдѣнія о коллекціяхъ и отдѣльных предметахъ древностей, а также обращаться съ предложеніями по производству раскопокъ кургановъ просятъ въ Харьковѣ, университетѣ, предварительному комитету, или предсѣдателю его—проф. Д. И. Багалъю, или секретарю—проф. Е. К. Рѣдвину.

Въ № 32 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» помѣщена любопытная статья „Слово правды о Буковинѣ“. Начавъ со справедливаго замѣчанія о томъ, что «ошибаются тѣ, которые думаютъ, что малороссійское печатное слово, особенно заграничное, должно быть чѣмъ-то сепаратистическимъ и враждебнымъ по отношенію къ обще-русской государственной идеѣ», редакція газеты удѣляетъ затѣмъ мѣсто пзложенію ненормальнаго положенія Буковины и Галичины, какъ въ сферѣ государственныхъ отношеній, такъ и церковныхъ, сочувствуетъ страданіямъ русиновъ, терпящихъ у себя на родинѣ „не отъ нѣмцевъ и не столько отъ поляковъ, сколько отъ своей же собственной братіи, всецѣло продавшей себя существующему режиму“. До сихъ поръ газета права безусловно въ своихъ заявленіяхъ. Но когда далѣе затѣмъ въ числѣ общихъ враговъ австрійской Руси упоминаются Барвинскій и Смалъ-Стоцкій, посвятившіе всю жизнь свою на благо и преуспѣваніе во всемъ родного имъ народа, — приходится призадуматься... Ясно, что редакція была введена въ заблужденіе сообщеніями австрійскаго quasi-малорусск. изданія „Правосл. Буковина“, на которое ссылается редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, и характеръ котораго лучше всего можетъ быть понятъ изъ его-же словъ, цитируемыхъ въ данной статьѣ: „характерно, что за нами слѣдятъ наибольше наши сепаратисты, зовущіи себе украинцами. Ихъ доносы на нашу историческую партію сталися классическими“ (?!).

Въ № 126 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ помѣщена статья «Земледѣльческіе кружки въ Галиціи», основанная на данныхъ, заимствованныхъ изъ недавно вышедшей книги Л. Василевскаго «Современная Галиція» Спб. 1900.

Малорусскія пьесы, дозволенныя къ представленію (по 1 марта 1900 г.) 1) Клопоты. Комедія на тры діи зъ мищанського побуту А. Ф. Володскою. 2) Крадене щастя. Драматични картины зъ сельського

побуту у 5 діяхъ зъ сивамою, хорами и танцями. М. *Θ. Здановскою*. (Правит. Вѣстникъ, № 98).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Акты Литовско-Русскаго государства, изданные М. Довнаръ-Запольскимъ. Вып. I (1390—1529). Москва, 1900, I—XII, 1—258, in 4°. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. Проф. Къ вопросу о галицко-русской литературѣ (По поводу статьи Т. Д. Флоринскаго). Кіевъ, 1900 г., 1—28. (Отт. изъ журнала «Кіевская Старина»). Цѣна 20 к.

Барвинокъ Ганна. Вирна пара. Въ осени дито. Спасенна пара. (Съ портретомъ Г. Барвинокъ). Изданіе благотворит. Общества изданій общепользныхъ и дешевыхъ книгъ. № 5. Спбр. 1900, 1—40, in 32°. Ціна 3 к.

Бартошевскій Іоанъ. Проповѣди недѣльни для сельскаго народа. Друге доповнене видане. Львовъ, 1900. Накладомъ автора. Изъ типографіи Ставропигійскаго Института. Стр. 416, in 8°. Ціна 2 зл. р.

Берешитамъ В. Т. Г. Шевченко и простолюдины, его знакомцы. (Изъ встрѣчъ и воспоминаній). Кіевъ, 1900, 1—12. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина».)

Бертенсонъ В. А. По югу Россіи. Сельско-хозяйственные очерки, наблюденія и замѣтки. Вып. III. Одесса, 1900. Ц 60 к.

Bolcewicz B. Katalog monet polskich i z Polską styczność mających od czasów najdawniejszych do roku 1795. Warszawa, 1900.

Буря. Драма въ 5 діяхъ А. Н. Островскаго. З російскаго переклав і видав М. Павлик. Львів, 1900. З нар. друкарні Ст. Манецкаго і Спілки.

Василевскій Л. Современная Галиція. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 80 к. С.-Петербург., т. т-ва «Народная Польза» 1900, I—IV, 1—231—карта Галиціи. Содержаніе: I. Историческій очеркъ. II. Страна и народъ. III. Города Галиціи. IV. Экономическое положеніе. V. Земледѣльческіе кружки. VI. Народное просвѣщеніе VII. Партіи и отношенія. VIII. Русинское движеніе IX. Литературная и умственная жизнь.

Верхратскій Іван. Про говор долівський Львівъ, 1900, стр. 128, 8°. Ціна 65 кр.

Владиміровъ, П. В. Научное изученіе апокрифовъ, отреченныхъ книгъ, въ русской литературѣ во второй половинѣ XIX столѣтія. Кіевъ, 1900. Ц. 60 к.

Вовчокъ Марко. Павло Чернокрылъ. Повѣсть о томъ, какъ мужъ жену убилъ и что изъ этого вышло. Москва, 1899. Тип. Товар. И. Д. Сытина, in 16°, 1—72.

Гавериловъ П. Характеристика польскихъ и южно-русскихъ теченій послѣдней четверти XVIII вѣка, въ связи съ общимъ направле-ніемъ тогдашней французской литературы. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, стр. 1—31.

Гнатюк Володимир. Русини Пряшівської епархії і їхъ говори. Львів, 1900, ст. 70, in 8°. Ціна 35 кр.

Гринченко, В. Народные спектакли. Черниговъ, 1900. Ц. 25 к.

Gryf. Administracya polityczna w Galicyi w świetle prawdy, rzecz poświecona J. Ex. Namiestnikowi hr. Leonowi Pinińskiemu, Lwów, 1900.

Dubiechi Maryan. Kudak, twierdza kresowa i jej okolice, wydanie nowe. Warszawa—Kraków, 1900.

Дымчевскій, А. Думка. Стихотворенія. Ростовъ-на-Дону. 1899. Тип. Ф. Шульманъ, in 8°, 62+2 стр. Ц. 60 к.

Ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго земства на 1898 годъ, Годъ 4. Полтава, тип.-лит. И. Дохмана, 1900, 1—176, 1—229, 1—36. Содержаніе: Отдѣлъ статистико-экономическихъ свѣдѣній о губерніи, отдѣлъ свѣдѣній по земскому хозяйству;—приложенія: Важнѣйшія постановленія земскихъ собраній Полт. губ. сессіи 1897 г. по народному образованію.

Житецкій П. И. Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея, въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в. Посвящается г. Полтавѣ, роднѣ И. П. Котляревскаго. Изд. «Кіевск. Стар.» Кіевъ, 1900, 1—130, in 8°. Ц. 2 р.

Записки Наукового Товариства імені Шевченка. Томи XXXV и XXXVI. Зміст (реферати, призначені на київський археологічний зїзд,—друга половина: языкъ і історія літератури). 1) Передне слово (по німецьки) (ст. 5—6) 2) Резюме всіхъ зголошенихъ рефератівъ ізъ языкознавства и історії літератури (по німецьки) (ст. 7—23). 3) Передне слово (по руськи) (ст. 24—25). Реферати подани в скороченю: 1) Носови звуки въ словянськихъ мовахъ, Олександра Барвінського (ст. 3—5). 2) Причинки до історії угро-руської мови і літератури, д-ра Олександра Колесси, ст. 6. 3) Причинки до пізнання роз-

вितку народньої мови въ письменстві у Галицьких Русинів, Іллі Кожурда, ст. 7—8. 4) Про наголос в українсько-руській мові, д-ра Володимира Охримовича, ст. 9. 5) Історичне тло Слова о полку Ігоревім, д-ра Володимира Коцовського ст. 10—12) 6) Карпаторуське письменство XVІІ—XVІІІ в. в., д-ра Івана Франка, ст. 13—14. Реферати подані въ цілости: 1) Про говор долівський, написав Іван Верхратський, ст. 128. 2) Русни Пряшівської єпархії і їх говори, написав Володимир Гнатке, ст. 1—70. 3) Слово о Лазареві воскресені, староруська поема на апокріфічні теми,—розвідка д-ра Івана Франка, ст. 1—57. 4) Новий причинок до студій над Іваном Вишенським, його ж ст. 1—4. 5) Псевдо-Матвієве євангеліє и дитство Марії та його сліди в українсько-руській літературі, його ж, ст. 1—32. 6) Хто був авторомъ 'Автѣр' р'ѣсѣ'а? написав др. Кирило Студинський, стр. 1—20. 7) Якуб Гаватович (Гават), автор перших руських інтермедій з 1619 р., написав М. Павлик, ст. 1—44. Львів, 1900. Ціна 6 кор.

Инатовичъ Л. Алфавитный указатель историческихъ мѣстностей съ обозначеніемъ времени событій. Спб. 1899, Ц. 40 к.

Karbowiak A. dr. prof. Szkoły dycezyi chełmińskiej w wiekach średnich, Kraków, 1899.

Клосовскій А. Труды Метеорологической сѣти юго-запада Россіи въ 1897 и 1898 г. г. 2-ое десятилѣтіе, вып. II и III. Одесса, 1899, 116 стр.

Конисскій-Перебендя О. Я. Творы. Томъ третій. Ялта, Друкарня Н. В. Вахтина, 1—421. Ц. 1 р., на веленой бумазі—1 руб. 50 к. Змість: 1) Гришныкъ. 2) Снокусыва ныва. 3) Сестра жалибныцѣ. 4) Прыгоды въ дорози. 5) Смерть предателя. 6) Ранкомъ на Алушці. 7) Радощи и скорботы великого скрипника. 8) Питання. 9) Зъ ранку до ночы. 10) Поэтка. 11) Стари люде. 12) Протестантъ. 13) Иванъ непомнящій родства. 14) Наймычка 15) То йому за чужи груши. 16) Хоча бъ була постати дожала. 17) Въ сели. 18) Пимста. 19) Спафарієва Рудка.

Кулишъ Омельковичъ Панько. Драмбована трилогія. 1) Байда, князь Дм. Вышневецькый. 2) Гетьманъ Петро Сагайдачный. 3) Наказный Гетьманъ Северинъ Наливайко. Харьквивъ, Тип. «Печатное Дѣло», кн. К. Н. Гагарина, 1900, 1—150, 1—316. Ц. 2 р.

Кропивницькый М. Передъ Волею. Драма въ 5 діяхъ. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кієвъ, 1900, 1—78.

Кузів Ілько. Короткий погляд на історію читальні рускої дух. семинарії. У Львові, Передрук. з «Дѣла». Львів, 1900. З друкарні Ставропігійського інститута.

Котляревський І. П. Москаль-Чаривникъ. Малороссійскій водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Изд. книгопрод. Т. Губанова, Кієвъ, 1899. Тип. И. Чоколова, in 16, 1—107.

Кулишъ П. А. Орієса (зъ малюнками и портретомъ П. Кулиша). Изданіе благотворительнаго общества изданія общепользнихъ и дешевыхъ книгъ. № 4. С.-Петербургъ, 1900, 1—16, in 32°. Ціна 2 коп.

Къ біографіи А. П. Стороженка. Съ предисловіємъ М. Комарова. Кієвъ, 1—38. (Оттискъ изъ журн. «Кіевская Старина»).

Левицький Іван. Гетьманъ Іван Виговський. Історична повість (Бібліотека найзнаменитшихъ повѣстей подъ редакцією Івана Белея. Томъ LXIV). Накладомъ редакції «Дѣла». Зъ друкарні Інститута Ставропігійскаго. Львів, 1900, ст. 340, in 8°. Ціна 1.20 злот. р.

Левицький Іванъ. Старосвітські батюшки та матушки (т. П. Збирника творивъ). Кийвъ, друкарня С. В. Кульженка, 1—453. Ціна 1 р. 50 к., на велепеновой бумагѣ—2 р.

Лисенко Микола. Хор мішаний (з акомпаніаментомъ фортепиано або оркестра) до слівъ поезій І. Франка «Ой що въ полі за димове?» (Вийшов у підручній бібліотеці «Львівського Бояна»).

Луцицький І. проф. По поводу одного научнаго открытія. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кієвъ, 1900, 1—12.

Малороссійскія переписныя книги 1666 г. Съ послѣсловіємъ Ал. Лазаревскаго (Оттискъ изъ XIII кн. Чтеній И. Общ. Нест. Лѣтописца). Кієвъ, 1900, 1—109. Тип. Корчакъ-Новицкаго.

Народна Бібліотека. Ч. 1—2. *Василь Стефаник:* Камінний хрест. Студії і образки. Львів, 1900, ст. 82, in 16. Ціна 20 кр. накладомъ М. Яцкова и Спілки. Зъ друкарні Вільгельма Цукерпандля в Золочеві. Зміст: 1) Камінний хрест.—2) Засідання.—3) З міста йдучи.—4) Сьвятний вечер.—5) Діти.—6) Підпис.—7) Лан.—8) Лист.—9) Вечірня година.

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ ред. членовъ Совѣта б. С.-П. Комитета грамотности, І. Фальборка и В. Чарнолуцкого. Т. I: Статистическія таблицы по уѣздамъ, городскимъ поселеніямъ и селеніямъ Имперіи. Спб. 1900 (на русскомъ и франц. языкахъ). Ц. 6 р.

Одиннадцатый археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. 1—20 августа 1899 года. Изданіе исправл. и дополи. Москва, 1899. Тип. Г. Лиссенера и А. Гешеля, in. 4°. 1—32.

Окрестности Кіева «Пустыни». Сборникъ автотипій съ фотографіа Н. Вобирь. Изданіе заведенія графическихъ искусствъ А. Л. Гудшона. Кієнь, 1900, 25 листовъ. Цѣна 2 руб.

Осадчій Т. Сялы деревни. Хроника. 1870—1900 г. г. Москва, 1900. Ц. 80 к.

Оцѣнно-статистическое отдѣленіе екатеринославской губернской земской управы. *Матеріалы для оцѣнки земель Екатеринославской губерніи*. Томъ I. Екатеринославскій уѣздъ. Изданіе екатеринославской губернской земской управы. Екатеринославъ. Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1899 г.

Павлик М. Якуб Гаватович (Гават), автор перших руськихъ інтермедій з 1619 р. Львів, 1900, стр. 44, in 8°. Ціна 20.

Памятная книжка Кіевской губерніи на 1900 годъ. Изданіе Кіевского Губернскаго статистическаго комитета. Годъ изданія восемнадцатый. Кієвъ, тип. Кіевск. Губ. Правл., 1899, I—X, 1—42, 1—460, 1—24, 1—101. Содержаніе: Астрономическія свѣдѣнія, календарныя, свѣдѣнія о губерніи; справочный отдѣлъ; адресъ-календарь губерніи на 1900 годъ; приложенія: списокъ землевладѣльцевъ Кієнск. губ., списокъ фабрикъ и заводовъ. и др.

Первый Отчетъ Полтавскаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ. 1898—1899, Полтава, 1899, 25×17 см. 21 стр.

Видавництва Товариства «Просвіта». Ч. 238. кн. 3. I. *Староруське оповідання*. Вибрав і переповів Іван Франко. Зміст: Передне слово. 1) Оповідане про смертну трубу і чотирь скриньки. 2) Оповідане про однорічних царів. 3) Оповідане про царя Аггея. 4) Оповідане про лакомого опікуна. II. *Спровоздане з діяльності товариства «Просвіта»* за час від 1 січня 1898 до 31 грудня 1899. У Льнові, 1900. 3 друкарні наук. товариства ім. Шевченка, ст 19+53 +карта, in 8°. Ціна 20 кр.

Псалтир. Видав Іван Созанський. У Чернівцях, 1900 р. Ціна 35 кр.

Руссофилъ, П. (Хижняковъ). Народное образованіе въ Россіи. Харьковъ, 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣдько А. Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери. (Брошюра-оттискъ изъ «Этнографическаго Обзорѣнія»).

Сборникъ (иллюстрированный) Кіевскаго литературно-артистическаго Общества Т. І. Фото-типографія С. В. Кульженко. Кіевъ, 1900, 1—310+19 (ноты), in 4°. Въ числѣ другихъ, статьи: *Ор. Левицкаго*. Южно-русская женщина въ XVI—XVII столѣтіи (стр. 108—122); *А. Кучинскаго*. Жизнь и литературная дѣятельность Евг. Павл. Гребинки (стр. 219—234); *М. П. Старицкаго*. Панъ капитанъ (стр. 235—263).

Видавництво часописи «Свобода» (в Америці). Ч. 10. Американскій шляхтичъ. Образъ зъ житя рускихъ робитниковъ въ 3 актахъ. Написавъ Стефанъ Макаръ. Mt. Carmel, Pa, 1900. 3 друкарни «Свободы», ст. 76, in 8°, ціна 15 центів.

Статистическія свѣдѣнія за январь 1899 года. (Матеріалы для статистики гор. Одессы.) Составлено статистическимъ бюро при городской управѣ. Изд. одесскаго городского общественнаго управленія. Одесса, 1899. Тип. И. Гринштейна, in 8°, III+523+IV. Ц. 3 р.

То-же,—за февраль. Одесса, 1899, in 8°, 1—16.

Статистическое описаніе Бессарабіи собственно такъ называемой или Буджака, съ приложеніемъ генеральнаго плана ея края, составленное при гражданской съемкѣ Бессарабіи, производившей по Высочайшему повелѣнію размежеваніе земель на участки, съ 1822 по 1825 годъ. Изд. Аккерманскаго земства. Аккерманъ, 1899. Тип. И. Гринштейна, in 8°, III+523+IV. Ц. 3 р.

Студимскій Кирило. Кто був авторомъ 'Αυτίρρησις'а з р. 1599? Львів, 1900, стр. 1—20, in 8°. Ціна 10 к.

Swiatowit, rocznik poświęcony archeologii przedziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i Słowianskiej wydawany staraniem Erazma Majewskiego. Tom II, część I—II, 1900. Warszawa, str. 261, 57 illstr. i XVI tablic. Trześć: Badania nad dobą przedhistoryczną Galicji; G. Ossowski—Charakterystyka obszarów archeologicznych Galicji.—Jak rozkopywać cmentarzyska płaskie и много друг. Cena tomu II-go 2 rub.

Тарасъ-Булба, или Запорожская Сѣчь. Историческая повѣсть изъ козачьей жизни. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1899. Тип. П. Булгакова и Е. Коноваловой, in 16°, 1—144.

Уадыко (Украинскій Соломонъ). «Видповидникъ» состоитъ изъ 287 отвѣтовъ. Харькинъ, печатня «Печатное Дѣло», кн. К. Н. Гагарина, 1900. Ціна 5 коп.

Франко І. Апокріфічне євангелє псевдо-Матвія і його сліди в українсько-руськїм письменстві. Львів, 1900, стр. 32, in 8°. Ц. 15 кр.

Франко І. Поетъ взмѣны. Переводъ съ польскаго изданія, доп. предисловіємъ «Польскаго патріота». Варшава, 1900. Ц. 20 к.

Франко Іван. Слово о Лазаревѣ воскресеніи. Староруська поема на апокріфічні темв. Львів, 1900, стр. 56, in 8°. Ціна 25 кр.

Хребтовъ А. Памятная книжка для собирателей монетъ. Выпускъ IV. Монеты, чеканенныя въ царствованіе императора Николая I (1826—55 гг.). Съ 3 таблиц. рвс. Спб. 1900, I—XVIII, 1—82, твп. А. Суворина. Цѣна 1 р. 35 к.

Хроніка Наукового Товариства імени Шевченка. Ч. I. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 116. in 8°. Зміст: 1) Погляд на розвій Товариства,—М. Грушевського; 2) Справоздання Товариства за р. 1899.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца, кн. XIV, вып. I. Содержание: I. Изложеніе содержанія статей: С. Т. Голубева. Историко-топографическое изслѣдованіе о древнемъ Кіевѣ; О. И. Левицкаго—Къ вопросу о польскомъ возстаніи въ Юго-Западномъ краѣ въ 1831 г.; В. Б. Антоновича—Новое сочиненіе о гайдамачествѣ; В. Л. Удницева—Изъ исторіи городовъ и купечества въ средніе вѣка на Западѣ и въ Россіи. II. Статьи: М. Ясинскій—Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти XVI в.; В. Н. Перетцъ—Къ исторіи Кіево-Могилянської коллегіи (Панегирскіи стихи Б. Хмельницкому, И. Подковѣ и арх. Лазарю Барановичу) и другія.

Шверинъ Т. В. Медико-санитарный обзоръ по Елисаветградскому уѣзду, Херсонской губ. за 1898 г. Земская медицина, заболѣваемость и смертность населенія. Изд. Елисаветградскаго уѣздн. земства. Елисаветградъ, 1899, 25×17 см., IV+134+155 стр. Съ картой уѣзда.

Шевченко Т. Катерина. (У тієї Катерини хата на помості). Поема Т. Г. Шевченка на соля, хори і оркестру. Музика Й. Кишакевича. Череминьль, накладомъ автора. Ціна партитури з супроводомъ фортепьяновмъ 2 кор. (гульд.).

Шематизмъ всецестного влира гр.-кат. митрополитадьної архидієцезіи львовской на рокъ 1900. Львівъ. Изд. типографіи Ставропгійскаго Института. Стр. XX+278, in 8°.

«Южно-русскій Альманахъ» 1900 г. Годъ 6-й. Изданіе Ю. Сан-
домирскаго. Одесса, 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Jabłonowski Aleksander. Akademia Kijowsko-Mohilańska, zarys
historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi,
Kraków, 1899—1900.

Яновская Л. На Зеленый Клынь. Комедія у 5-ты дѣяхъ. От-
тискъ изъ журн. «Кіев. Стар.». Кіевъ, 1900. Тип. Корчакъ-Новицкаго.
1—70.

Яновская Л. Смерть Макарыхи (повість). Кіевъ, 1900, 1—38.
(Оттискъ изъ журн. «Кіевская Старина»). Цина 10 к.



Археологическая летопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

26 апрѣля, въ актовомъ залѣ университета, состоялось засѣданіе подготовительной комиссіи по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ совмѣстно съ членами историко-филологическаго общества при университетѣ, въ присутствіи предсѣдателя Императорскаго московскаго археологическаго общества графини П. С. Уваровой. Засѣданіе открылъ проф. Д. И. Багалъй рѣчью, въ которой охарактеризовалъ выдающуюся дѣятельность гр. Уваровой на археологическомъ поприщѣ. Гр. П. С. Уварова благодарила собраніе и проф. Д. И. Багалъя за честь, оказанную ей. Было прочитано отношеніе министерства народнаго просвѣщенія съ разрѣшеніемъ правилъ археологическаго съѣзда, по коимъ послѣдній имѣеть состояться въ г. Харьковѣ въ 1902 г. съ 15 по 27 августа.

Проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ докладъ «Памятники церковныхъ древностей Харьковской губ.», въ которомъ указалъ на значеніе церковныхъ памятниковъ, какъ показателей культуры даннаго времени, и обратился съ горячимъ призывомъ о сохраненіи ихъ.¹⁾

Преосвященный Иннокентій выразилъ сочувствіе пожеланіямъ докладчика и обѣщанія всякаго содѣйствія задачамъ предварительнаго

¹⁾ Докладъ напечатанъ въ „Харьк. Вѣдом.“ № 112. настоящаго года.

комитета по полученію свѣдѣній о церковныхъ древностяхъ Харьковской губерніи и самыхъ этихъ древностей для выставки при археологическомъ съѣздѣ и для образованія особаго церковно-археологическаго отдѣленія при музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей харьковского университета. Послѣ замѣчаній проф. Д. И. Багалѣя, гр. П. С. Уваровой постановлено: а) обратиться къ епархіальному начальству съ просьбой о содѣйствіи въ распространеніи программъ церковныхъ древностей среди духовенства губерніи, и б) просить проф. Е. К. Рѣдина о совершеніи научныхъ экскурсій по губерніи для изученія церковныхъ древностей ея.

Проф. Д. И. Багалѣй, указавъ на значеніе этнографическихъ выставокъ и на ту роль, которую могла бы сыграть имѣющая устроиться при археологическомъ съѣздѣ такая этнографическая выставка, предложилъ, въ виду отсутствія специальныхъ средствъ у комиссіи для устройства ея, обратиться къ просвѣщенному содѣйствію общества и земства съ просьбой—объ оказаніи предварительному комитету матеріальной помощи. Профес. Н. Θ. Сумцовъ присоединился вполне къ заключенію проф. Багалѣя о необходимости оказанія такой матеріальной помощи; помощь—въ видѣ собранія свѣдѣній чисто научныхъ по этнографіи мѣстнаго края оказывается охотно народными учителями, сочувствующими культурнымъ предпріятіямъ, и для предстоящаго съѣзда, конечно, необходима широкая ихъ помощь, и она, несомнѣнно, будетъ оказана; но по мнѣнію проф. Сумцова, необходима помощь и матеріальная со стороны нашего общества для пріобрѣтенія этнографическихъ предметовъ; намъ, конечно, далеко до Запада, гдѣ общество всегда откликается горячо на такія культурныя предпріятія, какъ устройство этнографической выставки, служащей показателемъ былой и настоящей жизни народа; но все-же можно надѣяться, что и у насъ къ съѣзду будетъ устроена выставка и что будетъ положено начало этнографическому музею. Попечитель учебнаго округа В. К. Авренъ обѣщалъ свое содѣйствіе по собранію свѣдѣній по программамъ при посредствѣ сельскихъ и городскихъ учителей, къ коимъ онъ можетъ обратиться съ соотвѣтствующей просьбой, а М. Е. Гордѣенко, какъ представитель земства, выразилъ принципиальное сочувствіе намѣченнымъ задачамъ комитета по устройству этнографической выставки при съѣздѣ.

Согласно предложенію проф. Н. А. Максимейко—рѣшено обратиться къ г. Лазаревскому и черниговскому земству съ просьбой о при-

сылкѣ для [выставокъ съѣзда первымъ—его собранія дѣтскихъ игрушекъ, а вторымъ—вещей собранія В. В. Тарновскаго.

Послѣ сообщенія, сдѣланнаго г-жей Радаковой, и согласно предложенію Д. И. Багалѣя, рѣшено обратиться съ просьбой къ г-жѣ Поль о представленіи части ея коллекціи на археологическую выставку. Проф. Д. И. Багалѣй указалъ на необходимость собиранія свѣдѣній о коллекціяхъ частныхъ владѣльцевъ. Г. А. Тобизенъ изъяснилъ готовность оказать въ этомъ отношеніи комиссіи свое содѣйствіе.

Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ проектомъ научныхъ экскурсій и раскопокъ, которыя предполагено произвести настоящимъ лѣтомъ: 1) раскопки кургановъ въ Богодуховскомъ и Ахтырскомъ уѣздахъ, 2) кургановъ съ каменными бабами, около Чугуева, 3) кургановъ въ предѣлахъ Сумскаго уѣзда на средства П. И. Харитоненко 4) въ с. Райгородкѣ Изюмскаго уѣзда, 5) экскурсій по собиравію археографическихъ матеріаловъ въ предѣлахъ Харьковской губ. Д. И. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго. Н. А. Федоровскій сдѣлалъ обзоръ предметовъ, находящихся близъ с. Райгородка, и, указавъ на то, что мѣстность эта достойна вниманія и изученія,—предложилъ организовать болѣе подробное и научное изслѣдованіе ея въ археологическомъ и геологическомъ отношеніяхъ. Проф. М. Е. Халанскій указалъ на важность изученія діалектовъ населенія Курской губ., для каковаго имъ будетъ въ настоящее лѣто совершена спеціальная экскурсія; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ были отмѣчены многіе выдающіеся памятники и отдѣльные пункты въ Курской губ., заслуживающіе изученія и изслѣдованія. Проф. Л. Ю. Шепелевичъ указалъ на пользу обращенія къ инженерамъ за содѣйствіемъ въ сообщеніи свѣдѣній объ археологическихъ находкахъ. Проф. А. С. Лебедевъ отмѣтилъ выдающійся интересъ архива Курскаго монастыря и выразилъ желаніе привлечь его на археографическую выставку при съѣздѣ. Проф. С. В. Соловьевъ обѣщалъ свое содѣйствіе въ изученіи церковныхъ древностей Новооскольскаго уѣзда. Проф. А. С. Брію, указавъ на важность и плодотворность научныхъ изысканій при личномъ посѣщеніи тѣхъ мѣстъ, откуда добываются предметы, выразилъ пожеланіе устройства возможно большаго количества экскурсій.

Гр. П. С. Уварова заявила, что согласно выраженному пожеланію харьковскаго предварительнаго комитета, ему будетъ отпущено московскимъ археологическимъ обществомъ на экскуріи и различныя

расходы на предстоящее лѣто двѣ тысячи руб. Для совершенія раскопокъ, кромѣ мѣстныхъ силъ, рѣшено обратиться къ проф. Антоновичу, г-жѣ Мельникъ, г. Богоявленскому, Ивановскому, Теплову. Проф. Д. И. Багалъй прочелъ проектъ работъ для комитетовъ въ Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ и другихъ городахъ. Для организаціи этихъ комитетовъ предложены поѣздки проф. Багалъя въ Екатеринодаръ, проф. Сумцова въ Полтаву, г-жи Радаковой въ Екатеринославъ. Проф. Багалъй доложилъ о проектѣ изданія ко времени сѣзда матеріаловъ южно-русской картографіи. Г. А. Тобизенъ выразилъ полное сочувствіе этому проекту и заявилъ, что такое изданіе будетъ приготовлено губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Проф. А. С. Брю выразилъ отъ лица собранія благодарность пр. Д. И. Багалъю за его труды и хлопоты въ занятіяхъ комиссіи, благодаря которымъ, а равно трудамъ членамъ этой комиссіи и московскаго археологическаго общества, можно надѣяться, археологическій сѣздъ въ Харьковѣ принесетъ благіе результаты. (Харьков. Вѣд.).

Въ дополненіе къ вышеизложенному, помѣщаемъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся сѣзда, любезно сообщенныя намъ гр. П. С. Уваровой.

Московское Археолог. Общ. постановило предоставить Харьковскому Предварит. Комитету для обработки весь матеріалъ, какой будетъ собранъ по мѣстнымъ архивамъ, а также метрики о церквяхъ Харьковск. и Курской губ. Рѣшено затѣмъ: просить г. Харитоненко о помощи при собираніи свѣдѣній о древностяхъ, имѣющихся въ его имѣніяхъ, и при раскопкахъ; г. Эварницкаго—собирать предметы запорожской старины для выставки и вообще свѣдѣнія о нихъ; обратиться къ Имп. Русск. Географическому Обществу съ просьбой направить въ настоящемъ и будущемъ году экспедиціи для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, которые поступили-бы вънослѣдствіи въ этнографическій музей; съ этой-же цѣлью просить Н. М. Могилянскаго, командированнаго Академіей Наукъ на югъ Россіи для собиранія этнографическаго матеріала, о содѣйствіи и попутномъ собираніи матеріала и для выставки сѣзда; просить губернаторовъ Курской, Воронежской, Полтавской и Екатеринославской губ. образовать при Статистическихъ Комитетахъ Комиссіи для оказанія Московскому и Харьковскому Предварит. Комитетамъ содѣйствія по собиранію свѣ-

дѣній о древностяхъ названныхъ губерній; ходатайствовать о помѣщеніи на выставкѣ сѣзда предметовъ запорожской старины изъ Эрмитажа, Оружейной Палаты, петербургскихъ церквей и военныхъ хранилищъ.

Въ настоящее время уже отпечатаны, — *программы*, составленныя Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ. Ихъ всѣхъ 6: 1) для собиранія свѣдѣній по первобытнымъ древностямъ, 2) по древностямъ историческимъ, 3) по церковнымъ древностямъ, 4) для собиранія этнографическихъ предметовъ къ выставкѣ, 5) для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ в лирикахъ и 6) для собиранія писанокъ и свѣдѣній о нихъ. Программы составлены въ общемъ кратко, но удобопонятно и широкое распространеніе ихъ несомнѣнно будетъ имѣть результатомъ извѣстную сумму свѣдѣній по тѣмъ или другимъ вопросамъ, хотя конечно на многое разсчитывать нельзя, — объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ прошлыхъ сѣздовъ. Но при энергіи, которая чувствуется во всей дѣятельности лицъ, принимающихъ близкое участіе въ устройствѣ сѣзда, быть можетъ, здѣсь получатся желательныя результаты.

Засѣданія обществъ.

3-го мая, въ првсутствіи гр. П. С. Уваровой, состоялось засѣданіе *Комиссіи по описанію и изданію памятниковъ Тмѣстной старины*, образованной при Историч. Общ. Нестора Лѣтописца. По обсужденіи вопроса объ изданіи древностей Украины, въ связи съ работами послѣднаго Археологическаго сѣзда въ Кіевѣ в предстоящаго такого-же сѣзда въ Харьковѣ, признано правильнымъ ограничаться изданіемъ историческихъ памятниковъ XVI—XVIII в.в. 5-ти губерній Кіевского Учебнаго Округа. Для осуществленія этой задачи признано необходимымъ:

1) Просвъ московское археологическое общество, въ лицѣ предсѣдателя его, гр. Уваровой, озаботиться изданіемъ печатныхъ программъ описанія памятниковъ какъ церковныхъ, такъ в гражданскихъ, съ указаніемъ выработанныхъ наукою в практикою наилучшихъ методовъ описанія, фотографированія или срисовки и съ поясненіемъ принятыхъ въ этихъ случаяхъ техническихъ приѣмовъ и терминологіи.

гн. Общество Нестора Лѣтописца предполагаетъ испросить 300 экземпляровъ этихъ программъ для раздачи экскурсантамъ и всѣмъ лицамъ, могущимъ доставить свѣдѣнія по предмету систематическаго описанія древностей Украины. Подспорьемъ при составленіи такихъ руководствъ могутъ служить программы, выработанныя въ 1887 г. Имп. Академіей Художествъ и переданныя вмѣстѣ съ собранными по программамъ данными, въ Имп. Археологич. Комиссію.

2) Организовать предварительное собраніе матеріаловъ объ извѣстныхъ и маловѣстныхъ памятникахъ по изданнымъ и неизданнымъ описаніямъ, церковнымъ лѣтописямъ и другимъ источникамъ, для каждой губерніи отдѣльно, съ обозначеніемъ источника свѣдѣній.

3) В. А. Кордтъ предложилъ принять на себя собраніе и описаніе современныхъ гравюръ городовъ и замковъ XVII и XVIII в. по стариннымъ изданіямъ.

4) Собираніе-же матеріаловъ и составленіе сводокъ въ извѣстныя желаніе принять себя: 1) по *Волынской губ.*: В. Б. Антоновичъ по уѣздамъ Новоградволинскому, Заславскому в Ровенскому, Н. П. Дашкевичъ—по у. Житомирскому, Овручскому и Староконстантиновскому и О. И. Левицкій—по остальнымъ шестъ уѣздамъ; 2) по *Кіевской губ.*: В. И. Щербина, И. М. Каманинъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, по взаимному соглашенію; 3) по *Подольской губ.*: о. Е. Сѣцинскій, О. И. Левицкій и Н. В. Молчановскій, къ участию въ работѣ рѣшено привлечь секретаря подольскаго губернскаго статистическаго комитета В. К. Гульдмана; 4) по *Черниговской губ.*: А. М. Лазаревскій по уѣздамъ Конотопскому, Борзенскому, Остерскому, Козелецкому и Нѣжинскому и Н. П. Васвленко—по остальнымъ 10-ти уѣздамъ, при участіи Ѳ. М. Уманца в П. Я. Дорошенко; 5) по *Полтавской губ.*: В. Г. Ляскоронскій по у. Прилуцкому, Лубенскому, Роменскому, Миргородскому и Хорольскому, сводку данныхъ по Переяславскому уѣзду предложено просить взять на себя А. В. Стороженко, по уѣздамъ Полтавскому, Кобеляцкому и Константиноградскому—В. И. Василенко, а по Кременчугскому—Ѳ. Д. Никольчикъ съ участіемъ И. Ѳ. Павловскаго. Общество Нестора Лѣтописца просить обратиться ко всѣмъ поименованнымъ лицамъ, не бывшимъ на засѣданіи, съ просьбой указать, какіе уѣзды онъ могутъ взять для обработки, а равно привлечь и другихъ лицъ по своему выбору.

5) Постановлено просить барона *Ө. Р. Штейнгеля* доставить Московскому Археологическому Обществу свѣдѣнія о результатахъ предположенной этимъ лѣтомъ научной экспедиціи отъ принадлежащаго ему Городецкаго Музея Волынской губ. въ Овручскій уѣздъ, относящихся къ историческимъ памятникамъ.

6) По обсужденіи вопроса объ устройствѣ экскурсій, предложено обратиться съ просьбами къ г. *О. А. Фотинскому* по *Волынской* и о. *Е. Стѣдинскому* по *Подольской* губ; по *Кіевской-же* взяли на себя: *Н. Ф. Бѣляшевскій*—уѣзды Черкасскій и Каневскій и южную половину Кіевского (распредѣленіе по соглашенію съ *И. М. Каманинымъ*), *В. И. Щербина*—Васильковскій, Уманскій, Таращанскій и половину Липовецкаго (по соглашенію съ *В. Б. Антоновичемъ*), *И. М. Каманинъ*—Радомысльскій, Чигиринскій, Сквирскій, Звенигородскій и половину Кіевского, *В. Б. Антоновичъ*—Бердичевскій и половину Липовецкаго. По *Черниговской губ.*—*Н. П. Васпенко*—Новгородсѣверскій и сосѣдніе уѣзды, *А. М. Лазаревскій*—г. Конотопъ со окрестностями. По *Полтавской губ.*—*В. Г. Ляскоронскій* уу. Прилуцкій, Лохвицкій, Пирятинскій, Роменскій и Лубенскій и *А. М. Лазаревскій*—г. Прилуки съ окрестностями. Такъ какъ не всѣ названныя лица присутствовали въ засѣданіи, то общество Нестора Лѣтописца взяло на себя трудъ снестись съ отсутствующими и озаботиться привлеченіемъ новыхъ лицъ для обозрѣнія мѣстностей, не упомянутыхъ выше.

7) Для облегченія задачи экскурсантовъ постановлено просить Московское Археологическое общество выдать имъ установленные для этого открытые листы, а также обратиться къ гг. губернаторамъ упомянутыхъ губерній съ просьбами объ оказаніи содѣйствія со стороны мѣстныхъ властей. Кромѣ того, принести соотвѣтственныя просьбы г. Генераль-Губернатору, высокопреосвященному Іоаннику, митрополиту Кіевскому и Галицкому, преосв. Иларіону, епископу Полтавскому и преосв. Антонію, епископу Черниговскому и Нѣжинскому.

Въ засѣданіи *Историч. Общества Нестора Лѣтописца*, 6-го мая, 1-жей *Е. И. Де-Витте* было слѣдано сообщеніе—*«Археологическая находка въ с. Ласковѣ, Владиміръ-Волынк. у., въ 1610 году»*.

Въ небольшомъ вступленіи докладчица указала во 1-хъ, на важность собранія свѣдѣній о находкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ дан-

нее время, и во 2-хъ, на сравнительно большое число находокъ такого рода, о чемъ имѣются свидѣтельства какъ въ актахъ (напр. о «копачахъ» XVI в., разрывавшихъ городища и могилы въ угодьяхъ каневскихъ жителей), такъ и въ узаконеніяхъ того времени (литовскіе статуты), регулирующихъ отношенія владѣльцевъ земли и находчиковъ кладовъ. Дѣло, давшее матеріалъ для доклада, состояло въ слѣдующемъ. Въ 1610 г. крестьянинъ с. Ласкова Божко нашелъ кладъ, заключавшій золотые и серебряные предметы; находку эту у него купилъ еврей г. Владиміръ-Волинска Хаскель, объ этомъ узналъ владѣлецъ села Михайлъ Войно-Оранскій и предъявилъ искъ; еврей сдалъ находку въ замокъ бургграбію Андрею Мисевскому. Дѣло затянулось; въ дальнѣйшемъ мы находимъ уже обвиненіе Войно-Оранскимъ Мисевского въ присвоеніи находки; въ 1621 г. дѣло разбиралась въ Владимірскомъ Земскомъ судѣ, осудившемъ Мисевского; дѣло переносится въ Люблинскій Трибуналъ; Мисевскій представляетъ записку владимірскаго старосты кн. Януша Острожскаго въ томъ, что послѣдній взялъ представленное въ судъ золото и серебро; въ концѣ концовъ Оранскій признаетъ невинность Мисевского. Кладъ повидимому такъ и остался у кн. Острожскаго. Въ дѣлѣ имѣется и реестръ клада; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ 18-ти золотыхъ и серебряныхъ вещей: 1) серебряной чарки, 2) двухъ вещей «на подобіе раковъ», усаженныхъ гранатовыми камнями, 3) четырехъ серебряныхъ вызолоченныхъ дощечекъ—бляхъ, 4) четырехъ серебряныхъ крестиковъ, 5) четырехъ большихъ золотыхъ червонцевъ, похожихъ на португалы, но съ ушками, 6) двухъ золотыхъ червонцевъ гораздо меньшихъ и также съ ушками и 7) одного золотого червонца съ ушкомъ, очень небольшого, «на подобіе головы св. Іоанна» ¹⁾. Довладѣльца относить этотъ кладъ къ великокняжеской эпохѣ, основываясь на томъ, что во 1-хъ, въ описи большая часть найденныхъ предметовъ не названа собственнымъ именемъ, слѣдовательно назначеніе предметовъ стало уже непонятнымъ, во 2-хъ, помимо стоимости металла, вещамъ придавалась особенная цѣнность—изъ за нихъ судебный процессъ тянется 16 лѣтъ, ими заинтересованы представители образованнаго класса общества, какъ Оранскій и Острожскій,

¹⁾ И въ настоящее время крестьяне находимые римскіе монеты съ изображеніями головъ императоровъ называютъ „Івановыми головками“.

и въ 3-хъ, мѣсто находки—с. Ласково лежитъ въ 12—15 вер. отъ княжескаго Владиміра ²⁾).

Въ концѣ доклада г-жа Де-Витте въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовала отношеніе общества и правительства того времени къ археологическимъ находкамъ, при чемъ, протнвнооставля узаконеніи Литовскаго Статута, признававшаго такіа находки частной собственностью, практикѣ московскаго правительства, назначавшаго въ такихъ случаяхъ «сыски», даже съ пытками.

Проф. В. В. Антоновичъ доложилъ «О книжѣ г. Талько-Гринцевича: *Антропологія українскихъ кургановъ*. (Przyczynek do rozpoznania świata kurhanowego Ukrainy. W Krakowie, 1899)». Сдѣлавъ общее и вполне справедливое замѣчаніе, что на антропологическій матеріалъ при раскопкахъ обращалось очень мало вниманія, г. Талько-Гринцевичъ, въ указанной работѣ, изложилъ результаты измѣреній 157 индивидуумовъ, добытыхъ изъ раскопокъ гр. Бобринскаго, Любы-Радзимиинскаго, Гамченко, проф. Антоновича и др. Матеріалъ происходитъ изъ кургановъ 3-хъ различныхъ эпохъ: 45 изъ древнѣйшихъ, относящихся къ каменному и началу металлическаго вѣковъ, 15 изъ т. н. скифскихъ и 97 изъ славянскихъ—древлянскихъ и полянскихъ. Приемы автора отличаются строгой научностью, не рѣдко онъ дѣлаетъ и сравнительныя характеристики.

Работа раздѣлена на двѣ части: кости туловища и спеціально—голова и лицо. Ростъ у древнѣйшаго населенія оказывается и самымъ высокимъ: въ I-ой группѣ средній ростъ—1,73 м., во II-ой—1,78 м., въ III-ей, славянской—1,67 м. Если сравнить ростъ первой группы съ таковыми западно-европейскаго населенія той-же эпохи, то выше будетъ лишь т. н. Кро-маньонская раса, у остальныхъ—ниже. Ростъ женщинъ мало чѣмъ отличается отъ роста мужчинъ. У доисторическаго населенія Украины, также какъ и въ другихъ странахъ, встрѣчаются аномаліи въ строеніи костей, признаваемые теперь общей принадлежностью вообще всѣхъ первобытныхъ народовъ, именно: просверлина въ нижней части плечевой кости, колон-

²⁾ Мы, съ своей стороны, не считаемъ возможнымъ отнести кладъ безусловнo къ княжескому времени: въ кладѣ, судя по описи, правда, очень несозрѣвшей, не было ни одного предмета, типичнаго для той эпохи, между тѣмъ, среди массы другихъ владовъ, всегда имѣются характерные предметы, какъ напр. серьги, браслеты и т. п.

чатое бедро, мечевидная голень. Вообще-же всѣ длинныя кости толсты и крѣпки, мускульныя бугры очень развиты. Что касается типа головы, то во всѣхъ трехъ группахъ преобладаетъ типъ длинноголовый, причемъ наибольшая длинноголовость наблюдается у череповъ первой группы и славянскихъ, у скифскихъ она меньше; въ процентномъ отношеніи длинноголовыхъ въ I-ой группѣ—71%, во II-ой—43%, въ III-ей—96%. Диаметръ верхней части лба у каждой изъ послѣдующихъ группъ становится все шире и шире и, наоборотъ, лицевыя кости постепенно суживаются. Въ позднѣйшія времена типъ головы населенія Украины подвергся значительнымъ измѣненіямъ, т. о. въ наиболѣе древнихъ курганахъ, наряду съ преобладаніемъ длинноголовости, встрѣчаются и короткоголовые, въ славянскихъ черепахъ уже господствуетъ длинноголовость, но затѣмъ, въ болѣе близкія къ намъ эпохи, этотъ типъ все болѣе и болѣе сталъ поглощаться короткоголовымъ, и въ настоящее время населеніе Украины представляетъ совсѣмъ другую группировку, чѣмъ это мы находимъ въ славянскихъ курганахъ: измѣненія современнаго населенія показываютъ, что при общемъ типѣ короткоголовомъ, чѣмъ далѣе на востокъ, къ Москвѣ, все чаще встрѣчается примѣсъ длинноголовыхъ. Фактъ этотъ объясняется большинствомъ антропологовъ и историковъ колонизаціей съ запада короткоголоваго славянскаго типа, но объясненіе это требуетъ еще болѣе тщательныхъ и обширныхъ изслѣдованій.

Въ годичномъ засѣданіи *Имп. Московскаго Археологическаго Общества*, 29-го февраля, Д. Я. Самовнасовъ выступилъ съ сообщеніемъ «О славянскомъ элементѣ въ языкѣ древнихъ скифовъ», повторая уже не разъ высказанное имъ мнѣніе, что скифо-сарматы были славяне, и что въ ихъ странѣ, въ Южной Россіи, надо искать прародины славянъ, особенно русскихъ. Утверждая, что славянство скифовъ принималось издавна нашими предками, и что только со временъ Байера, въ прошломъ вѣкѣ отождествлявшаго скифовъ съ хазарами и доказывавшаго, что послѣдніе говорили турецкимъ языкомъ, получила начало теорія о не славянствѣ скифовъ, референтъ подвергъ разсмотрѣнію доводы Байера, основывавшагося на разборѣ названій рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море, какъ онѣ записаны Константиномъ Порфиророднымъ, и старался доказать, что въ нихъ, въ противность Байеру, нѣтъ ничего турецкаго, и что названія эти

могутъ быть съ одинаковымъ правомъ объяснены и изъ славянскаго языка. Методъ, приложенный референтомъ, вызвалъ однако возраженія со стороны филологовъ, профессоровъ В. Θ. Миллера и Р. Θ. Брандта, В. Е. Щепкина и другихъ, которые выразили даже предположеніе, что референтъ хотѣлъ только вышутить Байера, приводя еще болѣе невозможныя филологическія толкованія. Только Д. И. Иловайскій, самъ защищающій славянство скифовъ, выступилъ защитникомъ взглядовъ и методовъ г. Самохвасова. (Истор. Вѣстн.).

Въ общемъ собраніи *Имп. Русскаго Археологическаго Общества*, происходившемъ 2-го февраля, проф. Н. И. Веселовскимъ былъ сдѣланъ докладъ о раскопкахъ въ Кубанской Области лѣтомъ 1899 года. Изслѣдована была область, лежащая на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта до рѣки Кубани. Найденные въ могилахъ предметы относятся ко II—III вв. по Р. Х. и сработаны какъ римскими и греческими, такъ и мѣстными мастерами.

Въ засѣданіи того-же общества, 4-го марта, А. А. Спицынымъ былъ прочитанъ рефератъ—«Обозрѣніе предметовъ съ выемчатой эмалью, найденныхъ въ Россіи». По мнѣнію референта, техника эмали возникла въ Малой Азіи и Александріи и черезъ Византію распространилась на востокъ и западъ Европы. На Днѣпрѣ она была въ большемъ употребленіи, занесенная сюда аланами. Здѣсь попадаются нагрудныя цѣпи, конскіе уборы и др. предметы. (Ист. Вѣстн.).

Изслѣдованія и раскопки.

Погребальныя поля въ Кіевской губерніи. Изслѣдователи историческаго прошлаго славянъ не разъ высказывали недоумѣніе, что до сихъ поръ на территоріи Россіи не обнаружены поля погребальныхъ урнъ и погребеній, давно открытыя въ другихъ мѣстахъ на территоріи западныхъ славянъ, включая сюда Галичину и Царство Польское. Высказывалось также мнѣніе, что такого рода поля должны существовать, и что они не найдены лишь благодаря недостаточности археологическихъ изслѣдованій. Мнѣніе это теперь подтвер-

дилось: погребальныя поля, заключающія въ себѣ сожженіе въ урнахъ и погребенія, найдены, и этимъ открытіемъ мы обязаны неутомному изслѣдователю южно-русской доисторической старины В. В. Хвойкѣ.

Еще осенью прошлаго года у с. Ромашекъ, Васильковского у., и у с. Зарубинецъ, Каневского у., по словамъ В. В. Хвойки, имъ были обнаружены слѣды такихъ полей, но болѣе серьезные результаты достигнуты лишь весной настоящаго года, при раскопкахъ въ мѣстности, лежащей между сс. Жуковцами, Веремьемъ и Черняховымъ, вблизи м. Триполья, Кіевского у. Здѣсь, въ мѣстности, неизмѣющей никакихъ наружныхъ признаковъ могильника, открыты на глубинѣ отъ 40 см. до 3 $\frac{1}{2}$ м. погребальныя урны съ сожженными костями и погребенія. Урна съ пепломъ покойника бываетъ обыкновенно окружена рядомъ другихъ сосудовъ, разной величины и формы, числомъ до 10-ти. Помимо урнъ съ пепломъ, встрѣчались сожженные кости и не въ сосудахъ, а на точкахъ, также въ сопровожденіи сосудовъ и предметовъ. Погребенія заключаю въ себѣ скелеты, головой на западъ, въ вытянутомъ положеніи; у головы, пояса и ногъ скелетовъ располагались сосуды, отъ 12—до 15-ти. Предметы, найденные какъ возлѣ урнъ съ сожженіями, такъ и на скелетахъ, совершенно одинаковы, только находившіеся при сожженіяхъ испорчены огнемъ. Тутъ мы имѣемъ арбалетовидныя фибулы двухъ видовъ, стекляныя бусы, желѣзные и одинъ мѣдный ножики, костяные гребни съ бронзовыми гвоздиками; изъ серебрянныхъ предметовъ—только привѣски—одна въ видѣ лунницы, другая въ видѣ кружка. Встрѣтился еще одинъ предметъ изъ оленьяго рога—нѣчто въ родѣ кнркс, со сквознымъ отверстіемъ и съ многочисленными небольшими дырочками, проходящими чрезъ кость въ разныхъ направленіяхъ и б. м. даже не искусственнаго происхожденія. Особенно интересны сосуды; большинство ихъ изъ глины, приготовлены главнымъ образомъ на кругѣ; поражаетъ разнообразіе формъ: здѣсь есть горшечки, плошки, миски, нѣчто въ родѣ кувшиновъ и т. д., начиная отъ самыхъ миниатюрныхъ и кончая сравнительно большими. Поверхность нѣкоторыхъ сосудовъ выглажена и отполирована (у сосудовъ, сдѣланныхъ отъ рукъ, которыхъ немного), есть и орнаменты—поразительные по совершенству рисунковъ, воспроизведенныхъ путемъ отпечатковъ. Кромѣ глиняныхъ найдено нѣсколько и стеклянныхъ сосудовъ, въ видѣ стакановъ, съ чудной игрой стекла.

Инвентарь этого погребальнаго поля даетъ намъ указанія на II—III в. по Р. Х. и пожалуй, какъ думаетъ В. В. Хвойка, еще и на болѣе позднее время. Черепа длинноголовые, одинъ изъ нихъ деформированный. Очень заманчиво, конечно, отнести поле къ славянамъ. Большинство ученыхъ, по отношенію къ такимъ памятникамъ Западной Европы, такъ и дѣлаетъ, хотя и въ видѣ предположенія. Нѣтъ основаній не принять этого опредѣленія и по отношенію къ нашему могильнику; но, нѣ видахъ выясненія и окончательнаго рѣшенія вопроса, необходимы какъ дальнѣйшія изслѣдованія, такъ и опубликованіе точныхъ фактовъ и наблюденій, добытыхъ настоящими раскопками.

Раскопки кургановъ при с. Аксютинцахъ, Гоменскаго у. Полтавской г. Извѣстный по прежнимъ раскопкамъ могильникъ при с. Аксютинцахъ, относящійся къ скифо-сорматской эпохѣ, послужилъ мѣстомъ раскопокъ и въ настоящемъ году. Раскопки производили Н. Е. Бранденбургъ и В. В. Хвойка. Всего было вскрыто 12 кургановъ, заключавшихъ погребенія и сожженія на площадкахъ, иногда соимѣстно въ одномъ и томъ-же курганѣ. Всѣ курганы оказались ограбленными въ древности, такъ что находки предметовъ были въ общемъ незначительны; найденъ лишь одинъ предметъ, насколько намъ извѣстно, истрѣтившійся въ инвентарѣ даннаго типа кургановъ впервые, именно, чаша, сдѣланная изъ верхняго щита рѣчной черепашки.

Экскурсія отъ Городецкаго музея Волынской г. барона О. Р. Штейнгель. По примѣру прошлаго года барономъ О. Р. Штейнгель въ текущемъ мѣсяцѣ будетъ снаряжена экскурсія въ Овручскій уѣздъ. Въ экскурсіи приметъ участіе болѣе 10-ти человекъ, распредѣлившихъ между собой различныя отрасли изслѣдованія, куда м. п. входятъ этнографія, археологія и памятники историческіе. Маршрутъ экскурсіи—отъ с. Могильно по берегамъ рѣкъ Уша, Жерева и Норина до г. Овруча. Экскурсія продолжится нѣсколько недѣль и можно надѣяться, что за это время будетъ обслѣдовано много какъ досто-рическихъ, такъ и историческихъ памятниковъ.

Случайныя находки.

Ни одинъ годъ не обходится безъ того, что бы земляныя работы, производимыя въ Кіевѣ, не дали какихъ нибудь находокъ; въ сожачію, почти всегда объ этихъ находкахъ узнается слишкомъ поздно, въ результатъ чего бываетъ уничтоженіе, утрата и порча предметовъ или въ цѣломъ составѣ, или части ихъ.

Весной настоящаго года, при выемкѣ земли на Старомъ Городѣ, вблизи Золотыхъ Воротъ, была слѣлана очень интересная находка. Какъ можно было узнать изъ разсросовъ, здѣсь найденъ скелетъ въ шлемѣ и панцирѣ, возлѣ котораго находились: мечъ, боевой топоръ, стремена, бляхи отъ пояса и нѣкоторые другіе предметы. Изъ всего этого удалось собрать лишь слѣдующіе. 1) Желѣзный мечъ, обоюдоострый, конецъ утерянъ; длина съ ручкой въ теперешнемъ видѣ 83 см., длина ручки 17 см.; лезвее меча отдѣляется отъ ручки перекладной, 11 см. длины, верхъ ручки снабженъ массивной закругленной желѣзной шишкой; ручка обложена серебряной пластинкой, сплошь покрытой гравированнымъ орнаментомъ въ видѣ повторяющихся розетокъ; на верхней шишкѣ замѣтны слѣды сученой серебряной проволоки, которой вѣроятно была обтянута вся эта часть меча; ширина лезвья у рукоятки—5 $\frac{1}{2}$ см.; повидимому посрединѣ лезвья шелъ желобъ. 2) Желѣзный боевой топоръ, съ длиннымъ и узкимъ лезвеемъ, на топорѣ замѣтны отпечатки матеріи, повидимому холста. 3) 15 серебряныхъ бляхъ, цѣлыхъ и въ кускахъ, сердцевидной формы, 7 см. дл. и 5 $\frac{1}{2}$ шир; на бляхахъ выбиты штампомъ розетки; углубленія штамповъ вызолочены; это, по всей вѣроятности, наборъ отъ пояса, на что указываютъ и приделанные съ оборотной стороны шпильки и остатки кожи прѣвнихъ. 4) 15 сердцевидныхъ и 3 четырехугольных небольшихъ бляшки, такой-же работы—наборъ отъ ремня. 5) Три стеклянныхъ шарика и игральная кость въ видѣ удлиненнаго четырехугольника, съ кружками на всѣхъ сторонахъ. Всѣ эти предметы относятся къ IX—X в., причемъ, мечъ и бляхи скорѣе всего восточнаго происхожденія; повидимому могила принадлежала кому-нибудь изъ видныхъ представителей кіевской дружины,—жаль, что не удалось ее обследовать въ нетропутомъ видѣ.

Другая находка сдѣлана также на Старомъ Городѣ, въ Кіевѣ, какъ говорятъ на углу Мало Владимірской и Жвтомірской улицъ. Это—мѣдное блюдо X—XI в., 30 см. въ діаметрѣ и 4 см. глубины. Средній кругъ блюда занятъ довольно грубымъ гравированнымъ изображеніемъ: посрединѣ, на подставкѣ, стоитъ Спаситель съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляющей правой; по бокамъ Спасителя два стилизованныхъ дерева, совершенно аналогичныхъ таковымъ-же на гробницѣ Ярослава. По ободку блюда идетъ греческая надпись: «Пріидите, ядите, сіе есть Мое тѣло, иже за вы ломимое во оставленіе»...—конецъ текста не умѣстился. Судя по изображенію и надписи, надо полагать, что блюдо было въ церковномъ употребленіи. Находки такого рода предметовъ очень рѣдкы. (Блюдо поступило въ собраніе В. И. Хавенко).

Недалеко отъ м. *Никополя*, Екатериносл. губ., крестьянинъ откопалъ въ курганѣ большой каменный гробъ съ какой-то надписью. Фотографія съ гроба послана въ Археолог. Комиссію, гробъ-же находится въ Никополю, при сельскомъ управленіи.

Приставомъ *А. Очакова* привезенъ въ Херсонъ, по словамъ газ. «Юга», *кладъ серебряныхъ монетъ*, найденный однимъ изъ рабочихъ, рывшихъ по распоряженію очаковской управы капаву на городской площади для спуска дождевыхъ водъ. По распоряженію г. губернатора, кладъ этотъ былъ рассмотрѣнъ хранителемъ губернскаго археологическаго музея В. И. Гошкевичемъ. Большой мѣдный турецкій кофейникъ доверху наполненъ монетами, величина каждой немногимъ больше нашего рубля. Всѣхъ монетъ 494, изъ нихъ 491 турецкая, а 3—австрійскія. Турецкія монеты—бешалыки, всѣ чекана 1487 г. по магометанскому лѣтоисчисленію, что соответствуетъ нашему 1773 г., въ которомъ вступилъ на престокъ султанъ Абдуль-Гамидъ I (1773—1789); австрійскія монеты—талеры Маріи-Терезы, всѣ 1780 г. Такимъ образомъ, кладъ этотъ зарытъ былъ, вѣроятно, въ послѣдніе годы Кара-Кермени (такъ вазывался по-турецки Очаковъ), быть можетъ, именно во время послѣдней осады его русскими войсками. Зданіе очаковскаго собора, въ 18 саж. отъ котораго и найденъ кладъ, въ то время было мечетью, а вокругъ нея высились дома знатныхъ турокъ.

Музеи и собранія древностей.

Собраніе Украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Въ майской книжкѣ «Літературно-наукового Вістника» помѣщена очень интересная статья г. Немірича—«Музей Василя Тарновського», гдѣ вкратцѣ перечислено богатое содержаніе музея и подробно рассказано про тѣ мытарства, какимъ подвергся вопросъ о музеѣ въ Черниговскомъ земствѣ. Мы уже сообщали (см. «Лѣтопись» за февраль н. г.) объ окончательномъ рѣшеніи вопроса на послѣднемъ земскомъ собраніи; тамъ упоминалось и о неудачномъ выборѣ мѣста для музея. Изъ данной статьи теперь ясно, что, дѣйствительно, мѣсто выбрано совсѣмъ не подходящее: для музея предназначено одно изъ зданій спротскаго дома, находящагося на краю Чернигова, на такъ наз. Бобровидѣ, такъ что посѣщенія музея будутъ сопряжены съ большой тратой времени. Вслѣдствіе этого, конечно музей не выполнѣ будетъ отвѣчать своему назначенію, какъ просвѣтительное учрежденіе. Кромѣ того, и самое зданіе, приспособляемое для музея, настолько мало, что едва-ли въ немъ можно размѣстить собраніе и въ теперешнемъ его составѣ, не говоря уже о дальнѣйшемъ пополненіи. На содержаніе музея управа (новаго состава) предложила ассигновать ежегодно по 800 руб., въ томъ числѣ жалованья хранителю музея 300 руб.,—какъ видимъ, сумма не большая, и авторъ статьи выполнѣ правъ, говоря, что за такую плату едва-ли можно будетъ найти хотя маломальски подходящее лицо для должности хранителя.

Намъ пришлось видѣть проектъ зданія, предназначеннаго для собранія В. В. Тарновскаго. Мы не можемъ не выразить удивленія по поводу стиля зданія—стиль готическій! Принявъ въ соображеніе, что этотъ стиль хорошъ лишь для монументальныхъ сооружений, что въ приложеніи къ малымъ постройкамъ онъ требуетъ массы тонкихъ украшеній, широкой разработки деталей, и только при такихъ условіяхъ зданіе можетъ хотя отчасти удовлетворять художественнымъ запросамъ, станетъ понятнымъ, какъ будетъ выглядѣть небольшое зданіе музея, на постройку котораго ассигнована также очень небольшая сумма. Если къ проектированному зданію прибавить небольшую башенку съ куполомъ, то оно будетъ очень напоминать деревенскій костелъ, какихъ много можно встрѣтить напр. въ селахъ Царства

Польскаго, —какая тутъ связь съ музеемъ украинской старины —трудно объяснить...

Донской историческій музей. Музей открытъ въ Новочеркасскѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ благодаря, главнымъ образомъ, усиліямъ одного человѣка, страстнаго любителя донской старины — Х. И. Попова, которому начальникомъ края поручено храненіе и пополненіе коллекцій музея. Первая мысль объ устройствѣ мѣстнаго музея возникла еще лѣтъ тридцать тому назадъ въ средѣ донского статистическаго комитета; не смотря на энергію бывшаго тогда секретаремъ комитета А. М. Савельева, не смотря также на открытіе затѣмъ въ области цѣлаго ряда цѣнныхъ археологическихъ находокъ, мысль о музеѣ не получила осуществленія. Вопросъ этотъ былъ снова поднятъ въ 1882 г., когда предполагалось организовать общество любителей донской старины, и въ 1884 г., когда вмѣсто общества предложено учредить архивную комиссію, но за отсутствіемъ средствъ, начинанія эти не привели ни къ чему.

Не смотря на всѣ эти неудачи, Х. И. Поповъ продолжалъ дѣло собиранія памятниковъ мѣстной старины и въ настоящее время возможно было учредить и открытъ музей, обладающій разнообразными и цѣнными коллекціями: каменнаго, бронзоваго и другихъ доисторическихъ періодовъ, монетъ, христіанскихъ памятниковъ IX—XII в., донской старины (портреты, оружіе, жалованные предметы), каменныхъ бабъ, историческихъ документовъ и т. п. (Истор. Вѣстн.).

Разныя извѣстія.

Актъ въ Археологическомъ Институтѣ. 7 мая, въ сиб. археологическомъ институтѣ состоялся торжественный актъ. Кромѣ учебнаго персонала института, собралось много членовъ и другихъ приглашенныхъ лицъ. Окончило въ настоящемъ году курсы 42 человѣка, которымъ и были выданы аттестаты и свидѣтельства на званія дѣятельныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Директоръ института проф. Н. В. Покровский прочелъ отчетъ о дѣятельности института въ истекшемъ 1899—1900 году. Изъ отчета видно, что количество слушателей достигло въ отчетномъ году небывалой еще цифры 294 (на двухъ

курсахъ). Въ число почетныхъ членовъ въ теченіи года избранъ оказавшій большія услуги институту, главнымъ образомъ въ устройствѣ художественно-археологической и иконографической выставки, профессоръ архитектуры А. А. Парландъ. Въ члены-сопрудники избрана первая женщина—Ю. Г. Гендуле. Число преподаваемыхъ предметовъ увеличилось славяно-русской археографіей. На XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ находилось около 20 представителей института, принимавшихъ участіе въ работахъ съѣзда. Раскопки въ истекшемъ, году производились членами и слушателями института близъ ст. Вруда, балтійской жел. дороги. Въ заключеніе проф. Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе „О каменныхъ бабахъ“. Эти загадочные памятники ставились нѣкогда на могильныхъ курганахъ; вопросъ о происхожденіи ихъ не опредѣленъ былъ до настоящаго времени. На основаніи нѣкоторыхъ письменныхъ памятниковъ проф. Н. И. Веселовскій предполагаетъ, что ставились эти „бабы“ или „мамаи“, какъ называютъ ихъ въ Крыму, первоначально турками.

—

О реставраціяхъ. Съ ноября прошлаго года художникъ А. А. Карелинъ предпринималъ въ Археологическомъ институтѣ рядъ рефератовъ объ основахъ реставраціи вообще и, въ частности, о реставраціи рукописей, монетъ, иконъ, картинъ, гравюръ, фресокъ, камней, тканей, дерева и памятниковъ зодчества, причемъ онъ поднимаетъ совершенно новый и важный вопросъ о примѣненіи къ реставрационнымъ приѣмамъ точныхъ научныхъ данныхъ, выработанныхъ въ последнее время фотографіей. До сихъ поръ вопросъ о реставраціи въ искусствѣ, археологій и художественной промышленности составлялъ большое мѣсто, такъ какъ не только въ соответствующихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ кафедръ по этому предмету, но и въ литературѣ не имѣется ни одного сочиненія, указывающаго на научныя основы реставраціи, и прамитивные способы реставраціи все еще составляютъ какъ бы профессиональную тайну немногихъ лицъ, а между тѣмъ реставрировать предметы искусства и древности приходится очень часто. Масса художественныхъ произведеній была испорчена благодаря неумѣлой реставраціи... Для насъ, въ виду интереса, пробудившагося среди публики и специалистовъ къ памятникамъ древнерусскаго искусства—вопросъ, поднятый г. Карелинымъ, получаетъ особенное значеніе: достаточно вспомнить теперешнюю реставрацію

Новгородскаго Софійскаго собора или произведенную недавно реставрацію собора св. Софіи въ Кіевѣ, гдѣ, между прочимъ, реставраторы умудрились изъ фигуръ четырехъ русскихъ князей сдѣлать изображенія святыхъ Вѣры, Надежды, Любви и Софіи! Кромѣ того, сколько рукописей и монетъ, съ почти совершенно изгладившимися начертаніями, лежатъ теперь непрочтенными, а сколько ихъ было уничтожено за бесполезностью,—между тѣмъ, способы научной реставраціи, предлагаемые г. Карелинымъ, даютъ возможность прочесть даже самую безнадѣжную рукопись, буквы которой для человѣческаго глаза совершенно незамѣтны. Главнѣйшія основы новыхъ пріемовъ реставраціи: 1) фотографія, 2) законы линейныхъ и цвѣтовыхъ иллюзій, 3) теорія просвѣчиванія красокъ и 4) микроскопическое изслѣдованіе. Важная особенность этихъ пріемовъ состоитъ въ томъ, что не требуется производить надъ реставрируемыми предметами такихъ манипуляцій, какъ: подкабливаніе, подчистка и химическія реакціи, которыя обрекаютъ ихъ часто на вѣрную гибель; только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ подобнымъ манипуляціямъ. Предметомъ прочитанныхъ г. Карелинымъ докладовъ была реставрація рукописей. («Иск. и худож. пром.»).



ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вслѣдствіе ходатайства Полтавскаго общества сельскаго хозяйства, г. министромъ земледѣлія 12 февраля разрѣшено Обществу созвать въ г. Полтавѣ, въ текущемъ году, съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Съѣздъ будетъ происходить въ текущемъ году съ 7 по 17 сентября. За всякаго рода справками по дѣлу съѣзда обращаться въ Полтавское общество сельскаго хозяйства.

ПОЛОЖЕНІЕ

о съѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности
въ г. Полтавѣ.

1. Съѣздъ устраивается Полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства въ г. Полтавѣ въ текущемъ 1900 году, для обсужденія вопросовъ, указанныхъ въ программѣ его занятій.

2. Всѣ распоряженія по устройству съѣзда и распределеніе занятій его лежатъ на комитетѣ съѣзда, который состоитъ подъ предсѣдательствомъ г. президента Полтавскаго общества с. х., изъ членовъ правленія Общества и лицъ, избранныхъ Обществомъ. Доклады по вопросамъ, входящимъ въ программу съѣзда, доставляются въ комитетъ для предварительнаго рассмотрѣнія и напечатанія.

3. Въ съѣздѣ могутъ принимать участіе лица, занимающіяся кустарными промыслами, попечителя, устроители и руководители учебныхъ мастерскихъ по кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской, Кіевской, делегаты мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ и лица, служащія въ правительственныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, на обязанности коихъ лежитъ забота о кустарной промышленности.

Примѣчаніе. Комитету сѣзда предоставляется право принимать къ участію въ сѣздѣ, сверхъ указанныхъ въ настоящемъ пунктѣ лицъ, и тѣхъ, участіе которыхъ въ сѣздѣ комитетомъ признано будетъ полезнымъ.

4. Заявленія о желаніи принять участіе въ сѣздѣ подаются въ комитетъ не позже перваго дня сѣзда.

5. Лица, изъявившія желаніе участвовать въ сѣздѣ, уплачиваютъ членскій взносъ въ размѣрѣ 1 руб.

6. Сѣздъ открывается г. президентомъ Полтавскаго с. х. общ., который предсѣдательствуетъ также и въ общихъ собраніяхъ. На первомъ засѣданіи сѣзда избираются: товарищъ предсѣдателя и секретарь. Если бы по обстоятельствамъ дѣла оказалось необходимымъ распределить занятія сѣзда на секціи, то предсѣдатели и секретари секціонныхъ засѣданій избираются предъ началомъ каждаго засѣданія.

Примѣчаніе. Допущеніе публичности занятій сѣзда предоставляется предсѣдателю общихъ собраній.

7. Занятія сѣзда состоятъ въ чтеніи и обсужденіи докладовъ по вопросамъ, входящимъ въ его программу, и въ постановленіи по нимъ заключеній.

8. Состоявшіяся на сѣздѣ постановленія передаются правленію Полтавскаго общества с. х., на которое возлагаются всѣ дальнѣйшія дѣйствія по осуществленію высказанныхъ на сѣздѣ предположеній.

9. Комитетомъ сѣзда издаются дневники сѣзда, которые бесплатно раздаются членамъ сѣзда и представляются также въ отдѣлъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики М. З. и Г. И. Дневники печатаются съ разрѣшенія Полтавскаго общества с. х.

10. Труды сѣзда, по закрытіи его, печатаются, если правленіе Общества будетъ располагать необходимыми для этого средствами, и выдаются членамъ сѣзда за опредѣленную плату. Въ случаѣ отпечатанія трудовъ сѣзда, необходимое количество экземпляровъ ихъ представляется въ отдѣлъ сельской экономіи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

ПРОГРАММА

вопросовъ, подлежащихъ обсужденію областного съѣзда дѣятелей по кустарнымъ промысламъ.

1. Значеніе кустарныхъ промысловъ въ народномъ хозяйствѣ.
2. Мѣропріятія правительства и земства по развитію кустарныхъ промысловъ.
3. Организація кредита для кустарей. Скупщики и другіе торговые.
4. Отношеніе кустарныхъ промысловъ къ земледѣлію и отхожимъ заработкамъ.
5. Мѣры, могущія способствовать развитію кустарныхъ промысловъ. Организація труда въ кустарномъ производствѣ. Технические улучшенія. Санитарно-гигіеническая обстановка въ кустарныхъ промыслахъ.
6. Виды кустарныхъ промысловъ, развитіе которыхъ возможно въ данномъ районѣ.
7. Спросъ на издѣлія кустарныхъ производствъ и значеніе ихъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія.
8. Рынки сбыта для кустарныхъ издѣлій даннаго района.
9. Снабженіе кустарей сырьемъ, орудіями производства и организація сбыта.
10. Значеніе и возможность примѣненія коопераціи въ области кустарныхъ производствъ.

Вышла Майская (пятая) книга

ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе: I) Ночь въ Кучукъ Узени. Разсказъ—В. І. Дмитриевой. II) Весна. Романъ 90-хъ годовъ. Цера Гальстрема. Переводъ со шведскаго—О. А. III) Стихотвореніе. Юрія Свѣтогора. IV) Аркашинъ мірокъ. Повѣсть—Ю. Левицкой-Пашенко. V) Подъ липами. Ро-

маиъ Рудольфа Штратца. Пер. съ нѣм. Н. К. Продолженіе. VI) Горно-заводскіе крестьяне во второй половинѣ XVШ вѣка.—В. И. Семевского. Окончаніе. VII) Опытъ оздоровленія деревни. П. Г. Гинзена. Окончаніе. VIII) Пересмотръ положенія о крестьянахъ.—А. В. Еропкина. Окончаніе. IX) Предложеніе Россіи объ ограниченіи вооруженій.—Гр. Л. А. Камаровскаго. X) М. С. Карелинъ, какъ историкъ гуманизма.—Н. И. Карѣева. XI) Ании Виванти. Статья Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго.—В. С. XII) Ученая индустрія.—В. В. Шарвина. XIII) Межселенные передѣлы среди удѣльныхъ крестьянъ.—В. В. XIV) Нѣсколько замѣчаній о книгѣ И. Х. Озерова: «Главнѣйшія теченія въ развитіи прямого обложенія въ Германіи».—В. Гольцева. XV) Московское общество грамотности за первые три года его существованія. Эна. XVI) Очерки санитарной статистики.—П. И. Куркина. XVII) Въ защиту Гаутмана. По поводу переводовъ г. Бальмонта („Ганнеля и Потонувшій колоколь“).—Макс. Волошина. XVIII) Недавнее и врядъ-ли прошлое московской городской школы.—Старога учителя. XIX) Алчущія руки.—Ив. Иванова. Продолженіе. XX) Письма о современномъ искусствѣ.—Я. А—ина. XXI) Внутреннее обозрѣніе. XXII) Иностранное обозрѣніе.—В. А. Г. XXIII) Библиографическій отдѣлъ. XXIV) Объявленія.

Подписная цѣна на 1900-й годъ (двадцать первый годъ изданія) съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 мѣс.—12 руб., 9 мѣс.—9 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.; За границу: 12 мѣс.—14 руб., 9 мѣс.—10 руб. 50 к., 6 мѣс.—7 р., 3 мѣс.—3 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб. 25 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го Апр., 1-го Іюля, 1-го Октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к.

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Б. Никитская, Шереметевскій пер. д. гр. Шереметева 2—3 кв. 28.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лазровъ*.



всякомъ случаѣ Лазаря Горленка по скопидомству¹⁾ нельзя равнять съ сыномъ его Дмитріемъ, который по своему характеру былъ человѣкомъ совсѣмъ другого типа.

На мѣсто убитаго Горленка полковникомъ былъ назначенъ малозамѣтный Иченскій сотникъ **Иванъ Стороженко**. По семейному преданію,²⁾ это былъ правобережный выходецъ, осѣвшійся въ Прилуцкомъ селѣ Ржавцѣ и, вѣроятно, тутъ гдѣ нибудь женившійся, причемъ, съ помощью новой родни, Стороженко могъ получить и Иченское сотничество. Трудно угадать причину, по которой Мазепа въ преемники Горленку выбралъ малозамѣтнаго сотника, особенно, когда незадолго передъ тѣмъ свободные полковничьи уряды были замѣщены такими видными людьми, какъ Лизогубъ, Гамалѣя, Дмитрашко-Раичъ, Солонина, Степанъ Забѣла....³⁾ Казалось бы, что новопоставленный гетманъ и засимъ долженъ былъ искать на полковничьи уряды людей видныхъ и извѣстныхъ своею службою, а не безродныхъ какихъ то сотниковъ... Угадывая причину этого выбора, можно остановиться на *симоніи*, въ виду понесенныхъ Мазепою на Коломакѣ расходовъ... Есть свѣдѣнія, что выбранный Мазепою Стороженко былъ „скопидомъ“⁴⁾, а при этой чертѣ характера онъ, конечно, могъ быть богатъ...

Стороженко пробылъ на полковничествѣ до своей смерти въ февралѣ 1692 г., т. е. болѣе четырехъ лѣтъ⁵⁾. Въ 1690 г. Сто-

Ефросиніи) такъ какъ Лазарь во время своей женитьбы (второй) на послѣдней, былъ „худымъ пахолкомъ“... Достоверность этого показанія находится въ зависимости отъ времени, когда Г—ко женился во второй разъ.

1) У Де-Пуле, 67.

2) Кіевск. Стар., 1890 г., апрѣль, 169.

3) Тамъ-же, 1898 г., мартъ, 479.

4) Тамъ-же, 1890 г., апр., 169.

5) Хотя на портретѣ Стороженка, «полковника Прилуцкаго», (снимокъ его приложенъ къ апрѣльск. кн. Кіевск. Стар., за 1890 г.) годъ смерти его показанъ въ февралѣ 1693 г., но это ошибка, такъ какъ мы имѣемъ подлинный «листъ» на с. Щуровку Ив. Носу, выданный *полковникомъ Прилуцкимъ* Дмитріемъ Горленкомъ 19 іюля 1692 г. Или м. б. Ст—ко назывался «полковникомъ» и послѣ отставки...

роженко получилъ отъ Мазепы универсалъ на с. Ржавецъ, гдѣ уже и передъ тѣмъ онъ „скупалъ грунта“. Сохранившійся Стороженка портретъ указываетъ какъ на его достатки, такъ и на извѣстную уже его цивилизацію, вѣроятно принесенную имъ съ праваго берега Днѣпра. Полковникъ Стороженко оставилъ одного сына Григорія, который былъ потомъ Иченскимъ сотникомъ.

Послѣ Стороженка Прилуцкимъ полковникомъ былъ назначенъ Дмитрій Лазаревичъ Горленко. Мы уже видѣли, что этотъ сынъ Лазаря былъ женатъ на дочери одного изъ братьевъ гетманши Самойловичъ, Захара Голуба. Это родство Горленка должно было, повидимому, отдалить его отъ Мазепы, такъ какъ родня Самойловича вообще подверглась преслѣдованію отъ его преемника. Ставъ гетманомъ, Мазепа немедленно лишилъ генеральнаго уряда младшаго брата бывшей гетманши—Константина Голуба, но къ старшему ея брату—Захару Голубу Мазепа былъ милостивъ: уже въ сентябрѣ 1687 г. былъ выданъ этому Голубу слѣдующій универсалъ: „маючи мы въ респектѣ нашемъ *невинность* п. Захарія Ивановича, беремъ его подъ нашу оборону, желая, чтобы онъ въ домѣ своемъ жилъ и хуторами своими владѣлъ свободно“¹⁾... Въ этой милости слѣдуетъ видѣть благорасположеніе Мазепы къ оставшейся послѣ Лазаря Горленка семьѣ. Вскорѣ затѣмъ Мазепа особенно приблизилъ къ себѣ младшаго Лазареваго сына—Дмитрія. До 1692 г. Дмитрій Горленко не занималъ никакого уряда, а въ этомъ году получилъ прямо полковничій перначъ. Затѣмъ, особое благорасположеніе гетмана къ Горленку выразилось въ щедромъ надѣленіи его маетностями: въ 1697 г. даны были Горленку сразу три селъ: Сергѣевка, Ковтуновка и Яблоновка, въ 1699 г.—с. Бѣлошапки, въ 1701 г.—с. Ярошовка, въ 1703 г.—Мамаевка, въ 1705 г.—Калюжинцы и Поворы, въ 1706 г.—с. Вечорки, неизвѣстно когда—Хаенки и Ряски, да самолично взялъ Г—ко въ свою „державу“ с.с. Мал. Дѣвичку и Моклячки²⁾. Такимъ

¹⁾ Кіевск. Стар., 1885 г., май, 4.

²⁾ Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцк. полка, въ XI-й кн. Чтеній въ Общ. Нестора-лѣт., и подлинныя универсалы на Мамаевку и Поворы—въ собр. В. В. Тарновскаго.

образомъ, Дмитрій Горленко, пользуясь благорасположеніемъ гетмана, очень скоро сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ полковниковъ въ гетманщинѣ. На чемъ же основывалось это благорасположеніе Мазепы?—Дмитрій Горленко былъ однимъ изъ очень малаго числа его любимцевъ, которому, по отзыву современника, со стороны гетмана, ни въ чемъ не было отказа. Преемникъ Дмитрія по уряду—извѣстный Носъ, описывая отношенія послѣдняго къ Мазепѣ, говоритъ въ письмѣ къ Скоропадскому слѣдующее: Дмитрій Горленко „здобячи свои дома и распространяючися оными“, гдѣ было какое годное къ пользѣ людской въ нашемъ полку мѣсто, все онъ своими хуторами позанималъ; а дѣлалъ это такимъ способомъ, что одному заплатить, а сотни людей неволею должны свое имущество оставлять; на свободныхъ степяхъ, которыя принадлежали прежде на урядъ полковниковъ Прилуцкихъ, Горленко настроилъ хуторовъ. И такое стѣсненіе сдѣлалъ онъ въ полку, что куда не глянешь—все его хуторъ! И все-будто бы купленные, а купчія беретъ хочъ и не рады продавать. Будучи многомогущимъ властелиномъ, Горленко что хотѣлъ, то и забиралъ. Не стѣснялся онъ ни въ чемъ, имѣя своего протектора и отца въ бывшемъ гетманѣ Мазепѣ, который „не видяи обиды людской“, выдавалъ ему универсалы не только на всякіе грунты и маестности, но *выдалъ бы универсалъ „подуфалому своему сыну“ и на цѣлый полкъ, на всѣхъ людей посполитыхъ и козаковъ, если бы только онъ, Горленко, попросилъ у Мазепы такого универсала!* Ни въ чемъ ему отказа не было!—Да и безъ такого универсала, Горленко распоряжался всѣми полчанами, какъ своими подданными: ибо защищая своихъ крестьянъ, которыхъ у него было *болѣе тысячи*, отъ работъ, онъ выгонялъ на свои полевые работы разныхъ полчанъ, которые и должны были работать ему цѣлое лѣто. Всякій изъ насъ, кто только помнитъ „лядскихъ пановъ“, долженъ признать, что Прилуцкіе полчане терпѣли гораздо большую мѹку, работая на полковника, чѣмъ крестьяне „за пановъ лядскихъ“. „Не мордовали такъ паны лядскіе своихъ подданныхъ и не забивали до смерти кїями, какъ полковникъ Дмитрій мучилъ мужиковъ и козаковъ...“

Письмо это писано Носомъ къ Скоропадскому по поводу милостей, оказанныхъ сыну Дмитрія Горленка—Андрею, вслѣдъ

за его возвращеніемъ (весною 1709 г.) отъ Мазепы къ царю, о которыхъ говорится ниже. Въ этомъ письмѣ Носъ сообщалъ гетману то, что, повидимому, было извѣстно не только Прилуцкому полку, но и всей гетманщинѣ. Если и есть преувеличенія въ этомъ сообщеніи, то въ общемъ оно должно рисовать картину вѣрную; уже одно количество данныхъ Мазепою Г—ку маетностей указываетъ, что это былъ „подуфалый сынъ“ гетмана, которому послѣдній не отказывалъ въ его просьбахъ. Но—повторяемъ—гдѣ-же причина этого особаго расположенія Мазепы къ Дмитрію Г—ку, которое выражается не въ какой-нибудь короткій срокъ, а продолжается во все (1692—708) полковничество Г—ка?—Объ отношеніяхъ этого полковника къ Мазепѣ, кромѣ приведенныхъ свѣдѣній, имѣется еще одно извѣстіе Орлика, въ извѣстномъ его письмѣ къ Яворскому (Основа, окт., 1862 г.); это извѣстіе относится къ позднѣйшему времени, когда у Мазепы, повидимому, уже обозначился планъ его замысла. Въ это время у него были уже и конфиденты по этому замыслу, при чемъ между послѣдними, по словамъ Орлика, Апостоль и Горленко занимали главное мѣсто; „паче иныхъ“ эти два полковника, говоритъ Орликъ, „до Мазепы дерзновение имѣти“, при чемъ однажды Г—ко, обращаясь къ Мазепѣ, произнесъ будто бы такую тираду: „якъ мы за душу Хмельницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига лядского свободилъ, такъ, противнымъ способомъ, и мы, и дѣти наши, во вѣчные роды, душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволи оставишь!“—Почти съ такимъ же восклицаніемъ, по словамъ Орлика, обратился тогда же къ Мазепѣ и Апостоль: „Очи всѣхъ на тя уповають, и не дай Богъ на тебя смерти,—мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ!“. Слѣдуетъ думать, что въ этихъ словахъ двухъ самыхъ близкихъ къ Мазепѣ полковниковъ—слышится не *поддакиванье* прислужниковъ своему властелину, а самостоятельное единомыслие дружинниковъ съ ихъ предводителемъ. Но дѣло въ томъ, что Апостоль и Горленко—это были совсѣмъ различные люди. Если Горленко, по своей природѣ, былъ стяжатель, и стяжатель настойчивый, то объ Апостолѣ, по сохранившимся свѣдѣніямъ,

нужно заключать совсѣмъ противное... Однако-жъ оба они одинаково мыслили въ своихъ политическихъ гаданіяхъ съ своимъ гетманомъ и за это единомысліе, полагаютъ нужно, и были ему любезны и были съ нимъ смѣлы—до дерзновенія... Но Мазепа цѣнилъ гораздо больше Г—ка, чѣмъ Апостола, чему причиною, вѣроятно, было то, что Г—ко будучи по своей природѣ стяжателемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ обладать и сильною волею, которой у Апостола, при его добродушіи, могло и вовсе не быть... Очень могло случиться, что за эту волю, за этотъ характеръ Мазепа и цѣнилъ, и приближалъ къ себѣ Г—ка. Такъ, впрочемъ, можно лишь догадываться, такъ какъ слишкомъ бѣдны наши свѣдѣнія о личныхъ свойствахъ гетманскихъ совѣтниковъ втор. полов. XVII вѣка. Но о Горленкѣ несомнѣнно знаемъ, что это былъ настойчивый стяжатель, который заручившись благорасположеніемъ гетмана, безбоязненно угнеталъ своихъ полчанъ и собиралъ богатства. Въ этомъ отношеніи, кромѣ свидѣтельства Носа, у насъ есть и другое вѣское свидѣтельство—объ открытомъ присвоеніи Горленкомъ городскихъ доходовъ Прилуки. 1) Изыскивая способы къ увеличенію своихъ стяжаній, Г—ко придумалъ, между прочимъ, совсѣмъ новую статью доходовъ. Извѣстно, что крестьянство нѣкоторыхъ селъ на Украинѣ подчинялось („прислушало“) сотеннымъ ратušамъ, исполняя при этомъ общественныя повинности (подводную, квартирную и проч). Вотъ, Г—ко и придумалъ освобождать въ такихъ селахъ богатыхъ крестьянъ отъ этихъ повинностей за плату въ его пользу чинша, размѣръ котораго опредѣлялся погодно. Такимъ образомъ явились при Г—кѣ въ полку—„полковничьи чиншевики“. Что эта статья дохода измышлена была Г—комъ, это доказывается указаніемъ послѣдующаго Прилуцкаго полковн. Игната Галагана. 2) Полковничьи чиншевики продолжали существовать и при преемникѣ Г—ка — Носѣ, и позже. Въ 1713 г., въ Прилуцкомъ полку, показано было до 30-ти дворовъ „посполицкихъ людей, якіе такъ жадныхъ тягlostей, яко и мѣсячного

1) См. ниже—описаніе г. Прилуки.

2) См. ниже—о дѣятельности Игн. Галагана.

датку не выстаючи, чиншъ полковникови дають“. ¹⁾ Вѣроятно, при Горленкѣ ихъ было больше...

Какъ извѣстно, Дмитрій Г—ко перешелъ съ Мазепою къ шведамъ въ числѣ лишъ незначительнаго числа полковниковъ, да и изъ нихъ нѣкоторые скоро потомъ вернулись къ царю. Вѣрными Мазепиному замыслу остались только два полковника: Зеленскій (Лубенскій) и Горленко. Послѣ бѣгства Мазепы въ Бендеры, Г—ко оставался въ Турціи до 1715 г.; только послѣ смерти Мазепы Горленко сталъ дѣлать попытки къ возвращенію на родину, при чемъ видимо надѣялся на прощеніе за свои вѣны, хотя бы и неполное. Удача сына его Андрея, при возвращеніи „отъ измѣнничьей стороны“ къ царю, окрыляла надеждою и отца.

У Дмитрія Горленка было два сына; оба они учились въ Кіевѣ, въ „латинскихъ школахъ“; по окончаніи ученія, младшій сынъ постригся въ лаврѣ монахомъ, а старшій Андрей вернулся къ отцу, женился здѣсь на одной изъ дочерей Миргородскаго полковника Апостола и сталъ служить „подъ бунчукомъ.“ Гетманское благорасположеніе къ отцу отражалось и на сыпѣ: въ 1707 г. этому сыну Мазепа далъ населенную маетность (село Вел.-Дѣвицу), не смотря на то, что никакихъ „службъ“ за молодымъ Г—комъ не было и быть не могло.

Будучи тѣсно связанъ узами родства и свойства съ двумя ближайшими наперстниками Мазепы, Андрей Г—ко перешелъ вмѣстѣ съ ними къ шведамъ. Но тестъ Г—ка скоро распозналъ химеру Мазепинаго замысла и очень ловко устроилъ свое возвращеніе къ царю. ²⁾ Вслѣдъ за Апостоломъ вернулся къ царю и зять его, рассказывавшій объ этомъ возвращеніи слѣдующее: „Хотя я, низайшій, и по крайней нуждѣ принужденъ былъ обрѣтатись въ неволѣ при отцѣ и матцѣ своей и свойственниковъ, въ сторонѣ противной его императ. величества, однако устороживши измѣнника Мазепы хитрость и измѣну, оставя отца и мать и свойственниковъ, самъ только съ женою, зъ тоей непріятельской стороны увойшолъ, на масля-

¹⁾ Ревизія Прилуцк. полка 1713 г., въ 6—кѣ Кіевск. Археогр. Коммиссіи, № 392.

²⁾ См. Кіевск. Стар. 1895 г., іюль-авг., 101.

ницѣ въ 1709 году. И за воввращеніемъ, когда я прибылъ къ тестю своему, полковнику Миргородскому, въ мѣстечко Голтву, то онъ, тесть, варазъ меня оттоля послалъ до его имп. величества; и я не могучи въ пути достигнуть, пріѣхалъ въ Воронежъ и тамъ былъ представленъ предъ лице его в—ва и пріять милостиво, и получилъ жалованье сто рублей. И при томъ дано мнѣ отъ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) письмо, по именному указу его величества, до гетмана Скоропадского.“¹⁾ А гетману Меншиковъ написалъ: „которыя ни есть на Украинѣ отца его Андрея и его самого маетности—всѣ отдать ему“. Эту несказанную милость царя къ сыну Дмитрія Г—ка слѣдуетъ объяснить желаніемъ приласкать Апостола, пользовавшагося общимъ расположеніемъ на Украинѣ и, конечно, имѣвшаго въ это время больше значенія, чѣмъ новопоставленный преемникъ Мазепы... Исполняя распоряженіе Меншикова, Скоропадскій выдалъ слѣд. универсалъ: „Хочай за сообщеніе полковника Прилуцкаго Дмитрія Г—ка къ непріятельской сторонѣ—отдалилисмо маетности его отъ него, однако, когда сынъ его, мененного полковника, п. Андрей Г—ко отъ стороны измѣнничои отторгнувшись и оставивши отца своего, повернулся къ своимъ добрамъ, гдѣ освѣдчивши вѣрность свою, обѣщался и умрети за достоинство монарше, щире и постоянно застановляючись противко непріятельской стороны, того ради утверждаемъ ему села и грунты.“²⁾ Извѣстіе о царской милости къ Андрею Г—ку произвело въ средѣ Прилуцкой старшины большое смятеніе. Въ этотъ моментъ Носъ, только что ставшій Прилуцкимъ полковникомъ, и обрисовалъ личность своего предшественника въ письмѣ, отрывокъ изъ котораго приведенъ выше. Прилуцкая старшина не допускала мысли, чтобы маетности измѣнившаго царю полковника отданы были его сыну, и притомъ сыну, который тоже присоединялся къ „измѣнничьей сторонѣ“. Особенно волновался Носъ, писавшій къ гетману: „извѣщаю, что если п. Андрей съ прошлою властью до своего повернется дому, то не только я съ своего полковницкаго уряду, але и всѣ мѣщане (горожане) наши знач-

¹⁾ Вѣстн. Европы, 1872 г., май, 69.

²⁾ Тамъ-же.

ніе, и наиподлѣйшіе люди—съ жилищъ своихъ уступить мусятъ...“
Сообщая затѣмъ, что Андрей Г—ко, смотря на отца, и самъ не меньше угнеталъ Прилуцкихъ полчанъ („да и самъ п. Андрей не однихъ людей боемъ своимъ припровадилъ до калѣдства и смерти“),—Носъ продолжаетъ: „И какого ждать намъ сосѣда изъ п. Андрея, который свлонялъ генерала Крейца (шведа), чтобы всѣхъ людей въ Прилукѣ вырубить, на томъ основаніи, что, кромѣ ихъ Горленковского дома, больше нѣтъ въ городѣ пріятелей шведамъ. ...Мы всѣ хотимъ просить ясневельможность вашу, чтобы маестности бывшего полковника были возвращены обѣднѣвшему и разоренному нашему полку; „а до того и мнѣ, сего неспокойного часу, мешкаячи вотще на полковничомъ урядѣ и подручнымъ моимъ новопоставленнымъ, безъ какой колвекъ награды, не будетъ охоты до услугъ и праць войсковыхъ ложеня, ежели п. Андрей свои и отцовскія посядетъ маестности 1)“.

Разумѣется, Скоропадскій не могъ измѣнить приказаній, данныхъ свше. По универсалу 29 мая 1709 г. Андрей Г—ко получилъ: Дубовый Гай, Сергіевку, Бѣлошапки, Яблоницу и тѣ хутора, которые устроилъ отецъ ея на „купленныхъ грунтахъ“. Но Носъ не хотѣлъ помириться съ восстановленіемъ земельныхъ богатствъ Горленковъ, разумѣется надѣясь захватить изъ числа ихъ хорошую долю для себя лично. Увидѣвъ безсиліе гетмана, новый полковникъ пробовалъ лично расправиться съ Г—комъ, который впослѣдствіи рассказывалъ, какъ преслѣдовалъ его Носъ: „въ 1710 г., небожчикъ (покойный) полковникъ Прилуцкій Иванъ Носъ, по своей на меня тогда злобѣ и завзятости, ругалъ меня, въ дому Михайла Огроновича, какъ самъ хотѣлъ, а потомъ билъ и пробилъ голову; за то безчестье и побои, жаловался я гетману и, по его приказанію, былъ сдѣланъ розыскъ, и Носъ былъ обвиненъ: и приказалъ было гетманъ Носу „погодить“ (удовлетворить) меня и возвратить мнѣ проторы и убытки, счетомъ сто червонцевъ; но отдалъ мнѣ Носъ только 57 червонцевъ“... 2) Вообще, послѣ такихъ нео-

1) Русск. Арх. 1875 г., II, 253.

2) Интересно, что присужденные съ Носа Андрею Г—ку сто червонцевъ слагались изъ тѣхъ взятокъ, которыя послѣдній долженъ

жиданныхъ милостей, какія получилъ Г—ко послѣ своего возвращенія отъ Мазепы, ему потомъ пришлось испытать большія бѣды. Кромѣ полученныхъ оскорбленій отъ Носа, Андрей Г—ко „явился въ немалой причинѣ и подозрѣнн“ за сношенія съ своимъ отцомъ, остававшимся съ Карломъ XII въ Бендерахъ, и вытребованъ былъ въ Москву, гдѣ общали ему впрочемъ жизнь „безъ утѣсненія“¹⁾. Возвращенныя маетности остались безъ защиты, чѣмъ и воспользовались его враги. Въ это время гетманша Скоропадская устраивала Гамалѣевскій монастырь (въ Глуховск. у.), который желала надѣлать, по тогдашнему обычаю, и маетностями. Явились совѣтники, въ числѣ которыхъ могъ быть и Носъ, и посовѣтовали гетманшѣ воспользоваться для этого маетностями отсутствующаго Андрея Г—ка и надѣлать новый м—рь именно этими маетностями. Для бѣдшей прочности этого дѣла, употреблена была особая хитрость. Въ универсалѣ Скоропадскаго (1 дек. 1713 г.) объ этомъ надѣленіи монастыря маетностями говорилось слѣдующее: „Давно уже малжонка (жена) моя п. Анастасія Марковна, за нашимъ совѣтомъ и согласіемъ, положила въ своемъ намѣреніи обѣтъ создать своимъ коштомъ дѣвичій м—рь... А нынѣ, желая обѣтъ

былъ раздать въ Глуховѣ за судъ его съ Носомъ, при чемъ дано было Г—комъ: самому Скоропадскому 30 червонц., двумъ бунчук. товарищамъ, Тарновскому и Полуницкому, (вѣроятно, производившимъ «розыскъ») по 30 червонц., генер. писарю Семену Савичу—4 червонца, гетманскому шурина Андрею Марковичу 6 червонц. Изъ присужденныхъ Г—ку съ Носа ста червонц. «проторовъ и убытковъ», 57 червонц. были взысканы уже послѣ смерти Носа, который вѣроятно не подчинился рѣшенію гетманскаго суда. Сохранилась записка Скоропадскаго, писанная въ 1716 г., къ вдовѣ Носа, въ которой гетманъ грозно приказываетъ послѣдней «нагородить» Г—ка, — «крайне сей нашъ листъ, пишучи до вашности, пилю желаемъ и приказуемъ, абы выте теперь помянутіе червоніе ему п. Г—ку отдала. Кгди-жъ, если не отдасы, то зъ болшою будетъ выте турбаціею, когда повелимо оному (т. е. Г—ку) за тое грунтъ акій вытннъ взяти въ арештъ». Но и такія угрозы не дѣйствовали, такъ какъ Г—ко и въ 1729 г. повторялъ, что кромѣ 57 червонц. онъ больше съ вдовы Носа не получалъ. См. Русск. Арх. 1875 г., II, 254.

¹⁾ Матеріалы для Отечества. Исторія, Судьбенка, II, 165.

тотъ свой привести въ исполненіе... млины и прочіе грунта м—рю тому покупала на собственныя деньги, а также отдала и *собственный свой отческій хуторъ Дубогаевскій съ людьми, тамъ-же на купленныхъ грунтахъ поселенными, съ приселками къ тому хутору принадлежащими, какъ то: Яблоновцемъ, Бѣлошапками, Деймановкою, Сергіевкою и двумя Дѣвичками*, и просила насъ тѣ грунта на обитель подтвердить"...¹⁾ Такимъ образомъ, скрывая то обстоятельство, что на монастырь отбираются чужія маестности, Скоропадскіе называютъ ихъ здѣсь „приселками“ собственного Настасьи Марковны Дубогаевского хутора, который въ дѣйствительности былъ не хуторъ, а тоже село—Дубовый Гай, принадлежавшее вмѣстѣ съ Сергіевкою, Бѣлошапками и Яблоновицею, Андрею Г—ку. Названы были эти маестности *приселками* гетманши для того, чтобы легче было монастырю получить на нихъ царскую грамоту, которая уже безповоротно должна была закрѣпить ихъ за монастыремъ. Обыкновенно, при выдачѣ такихъ грамотъ коллегія иностранныхъ дѣлъ наводила справки о свободности жалуемыхъ маестностей; но здѣсь никакихъ селъ названо не было, а указывались лишь „приселки“, принадлежавшаго гетманшѣ хутора. Выдача грамоты зависѣла отъ Головкина, который получивъ на Украинѣ въ 1709 г. Роменское мѣст. Константиновъ съ селами, иначе Скоропадскаго и не называлъ, какъ своимъ „благодѣтелемъ“, а потому гетманскій универсалъ на „Дубогаевскій хуторъ съ его „приселками“—дословно былъ подтвержденъ царскою грамотою черезъ два мѣсяца послѣ его выдачи (25 янв. 1714 г.) Тогда-же гетманъ постарался перевести въ другое владѣніе и укрѣпленную за Горленкомъ царскою грамотою Ольшану: въ 1713 г. село это было отдано гетманомъ Шереметеву, отъ котораго оно возвратится Горленкамъ конечно уже не могло... Такимъ образомъ Андрею

¹⁾ Опис. Стар. Малороссіи, II, 351. Впрочемъ, въ числѣ земель отданныхъ Гамалѣевскому м—рю, по универсалу 1713 г., была часть и скупленная гетманшею Скоропадскою въ с. Дубовомъ-Гаю, Сергіевкѣ и Бѣлошапкахъ. Наибольшее количество земель скуплено было здѣсь Скоропадскою въ 1714 г., т. е. уже послѣ выдачи м—рю универсала. Купчія на эту «скуплю» мы видѣли у Н. П. Василенка.

Г—ку преграждены были пути къ возвращенію отцовскихъ маетностей...

Поправились дѣла молодого Г—ка только въ 1727 г., когда гетманомъ сталъ его тесть, поспѣшавшій тогда-же на-дѣлать зятя, взамѣнъ потерянныхъ, новыми маетностями ¹⁾).

Старый Горленко, Дмитрій, оставался въ „Волощинѣ“ до 1715 г. Хлопоталъ онъ и раньше о возвращеніи на родину, причемъ у него были и сильныя предстатели, но не смогли и они выхлопотать у царя Г—ку свободного возвращенія на Украину.—„О полковникѣ бывшемъ Прилуцкомъ Горленкѣ съ его компанією—иначе не возмogli у его ц. величества исхода-тайствовать кромѣ того, что изволилъ указать имъ (Горленку и его „компанія“) нынѣ жити въ Москвѣ, а не въ Украинѣ“. Такъ писалъ Шафировъ къ какому то сіятельному предстателю за Горленка, при чемъ добавлялъ: „но въ томъ, ваше с—во, можете ихъ вѣрно ассекуровать, что оныя совершенно и весьма отнюдь ни въ чемъ истязаны не будутъ и останутся въ здравіяхъ ихъ цѣлы; такожъ и съ Москвы никуда не пошлются, но будутъ имѣть пребываніе въ оной, и ѣхали-бъ безъ всякаго сумнительства. И тако, могутъ оныя пребываніе свое имѣть свободно. Но что оный Г—ко упоминался о маетностяхъ своихъ, чтобы накі были ему возвращены, на то его величество нынѣ не соизволилъ; однакожъ и изъ оныхъ могутъ впредь на пропитаніе что получить, а нынѣ всего сдѣлать невозможно“ ²⁾. При такихъ обѣщаніяхъ вернулся Дмитрій Г—ко на родину въ 1715 г.—Тяжелыя воспоминанія должны были наполнить душу когда-то властнаго полковника, а теперь—старого и бѣднаго „знатного товарища войскового“, какъ стала Г—ка съ этого

¹⁾ См. Русск. Арх. 1875 г. II, 256. Вслѣдъ за поставленіемъ Апостола въ гетманы, Андрей Г—ко началъ было процессъ съ гетманшею Скоропадскою за отнятыя на Гамалѣвскій м—ръ маетности, но выиграть этого дѣла не могъ. См. Вѣстн. Евр. 1872 г., май, стр. 84., гдѣ Де-Пуле говоритъ, что будто-бы процессъ этотъ кончился полнымъ торжествомъ Андрея Грленка, хотя изъ имѣ-же приведенныхъ фактовъ ясно видно, что процессъ кончился «полнымъ торжествомъ» Скоропадской...

²⁾ Вѣстн. Евр. 1872 г., май, 71.

времени именовать гетманская канцелярія... Естественно было Г—ку подъ этими впечатлѣніями заболѣть горячкою, которая впрочемъ дала ему возможность задержаться на Украинѣ лишніе мѣсяцы... Гетманъ справлялся о болѣзни Г—ка и торопилъ его ѣхать въ Москву. Вотъ любопытное письмо Скоропадскаго, писанное къ Г—ку по этому поводу.—„Мой ласкавій пріятелю п. Горленку! Повернувшійся зъ Прилуки, посланній до вашей м—ти капитанъ учинилъ намъ такую реляцію, же в. м., слава Богу, одъ болѣзни горячки получилъ ослабу, только на ногу болѣзнуешь, для которой любо зъ трудностію в. м. зъ мѣстца заразъ рушиться. Однакъ пилно жадаемъ, абысь в. м., разсуждаючи умедленное монаршого ц. пресв. величества указу исполненіе, не наволѣкъ на себе въ томъ гнѣву и на насъ пороку. И якъ возможно, положивши въ далшой своего здоровья поправѣ надежду на Господа Бога, немедленно пріѣзжай къ намъ въ Глуховъ для отъѣзду къ Москвѣ“¹⁾. Письмо это Скоропадскій писалъ въ томъ-же 1715 г.; въ этомъ же, видимо, году Г—ко отправился въ свою безсрочную ссылку „на Москву“. Прожилъ Г—ко въ этой ссылкѣ до 1731 г., когда, наконецъ, ему разрѣшено было вернуться въ родную Прилуччину, гдѣ оставалась, во все время ссылки, его жена²⁾. Жена его жила здѣсь въ х. Чернявщинѣ, владѣя нѣсколькими другими хуторами и водяными мельницами. Отсюда она снабжала своего мужа-поселенца разнымъ, „провіантомъ“, при чемъ нерѣдко должна была дѣлать займы, при чемъ задолжала напр. Густынскому м—рю 3550 золотыхъ³⁾.

Вернувшись на родину, Г—ко поспѣшилъ написать (въ августѣ 1731 г.) завѣщаніе и, повидимому, очень скоро послѣ этого умеръ. Въ завѣщаніи Г—ка читаемъ: „Будучи не такъ глубокою многихъ лѣтъ старостію, яко тяжкимъ многихъ тру-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 73.

²⁾ При отпускѣ Г—ка изъ Москвы, съ него взято было любопытное обязательство («реверсъ»), что онъ живя въ Малой Россіи, «нивакого уряду себѣ искать и принимать не будетъ» и «съ измѣнниками изъ малороссіянъ, съ Орликомъ и другими, и съ запорожцы, никакихъ сообщеній чинить не будетъ». Русск. Арх. 1875 г., II, 251.

³⁾ Вѣстн. Евр. 1872, май, 86.

довъ и хлопотовъ претрудненній бременемъ, и желаючи того да смерть, аки тать, спящи ми сномъ небреженія, не подкопаетъ храмини тѣла моего и не похититъ внезапно сокровища живота моего, бодрость мою и бессонное бдѣніе симъ требующему вѣдать предъявляю“... Небольшое имѣніе, которое оставалось у Г-ка въ это время, онъ подѣлилъ такъ: „первородному“ сыну Андрею завѣщаль тѣ грунтѣ, „якіе отъ раздачи разнымъ особамъ остались“, а тѣ земли, „до которыхъ сподѣ архесту Московского милостивымъ указомъ въ домъ свой былъ отпущенъ“, онъ оставляетъ женѣ, особенно заботясь—какъ-бы лучше обезпечить ей покойную старость, при чемъ поручаль ее „заступленію“ генер. обознаго Якова Лизозуба, яко коллегіата“ своего, Прилуцкаго протопопа Лисаневича и родичей: Акима Горленка и Павла Раковича, которыхъ просилъ: „дабы доколь панѣ мал-жонка моя въ живыхъ обрѣтатимется, отъ ненавидящихъ и обидящихъ ея имѣли свое заступленіе“. „На поминъ души“ своей Г—ко оставлялъ пенного, потому что самъ имѣлъ мало,— всего только 1480 „золотыхъ“ (около 300 рубл.); изъ нихъ 1000 зол. на Печерскую лавру, по 100 зол. на монастыри Густынской и Ладинской, 100 зол. на Прилуцкія церкви, 50 зол.—нищимъ, 30 зол.—духовному отцу и 100 зол. на погребеніе. Похоронить себя Г—ко завѣщаль „въ обители святой Густынской, при гробахъ родителей“.

Повидимому, Дмитрію Г—ку пришлось испытать всякаго горя болѣе чѣмъ кому нибудь другому изъ мазепинцевъ и, главнымъ образомъ, потому что „фортуна“ ужъ очень благоволила къ нему раньше. Наживъ огромное по тогдашнему богатство въ короткое время, Г—ко растерялъ его не за „измѣну“, а по ухищреніямъ своихъ же бывшихъ „коллегіатовъ“, которые не могли забыть его прежней силы и мстили ему за эту силу.

Преемникомъ Дмитрія Горленка былъ **Иванъ Носъ**, отецъ котораго въ 1678 г. былъ городовымъ атаманомъ въ м. Носовкѣ, Кіевскаго полка. Иванъ Носъ, по преданію, провелъ молодость въ Запорожьи, оставивъ которое и выйдя въ „города“, Носъ пристроился въ Прилуцкомъ полку; пристроился онъ тутъ, женившись на вдовѣ правобережнаго выходца Ивана Бѣлецкаго, Настасьѣ. родной сестрѣ Семена Раковича, который былъ—и

Прилуцкимъ полковымъ писаремъ, и затемъ Лазаря Горленка. Это родство и свойство, конечно, и дали бывшему запорожцу возможность выдвинуться въ первые ряды полковой старшины. Впрочемъ, природная ловкость Носа тутъ тоже очень ему помогала. Сначала (въ 1672 г.) встрѣчаемъ Носа на незначительномъ урядѣ городского атамана; затѣмъ, въ 1676 г., онъ, не занимая уже этого уряда, тѣмъ не менѣе, оставался настолько замѣтнымъ человѣкомъ, что обозначается на „урядовыхъ“ актахъ въ числѣ „задныхъ“ лицъ ¹⁾. А менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, въ апрѣлѣ 1677 г., Носа видимъ *полковымъ обознымъ* ²⁾... Такое необычное повышение можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Носъ могъ принимать близкое участіе въ дѣлѣ низложенія Горленка, при чемъ урядъ обознаго могъ быть ему наградою за это участіе... Способность Носа къ интригѣ и умѣніе пользоваться обстоятельствами—видны и изъ его участія въ томъ событіи на Коломакѣ, послѣдствіемъ котораго было низложеніе Самойловича и поставленіе Мазепы. Въ это время Носъ почему то былъ уже только полковымъ есауломъ. Участіе Носа въ веденной Мазепою на Коломакѣ интригѣ видно изъ того, что черезъ мѣсяцъ послѣ полученія булавы, новый гетманъ выдаетъ Носу универсалъ на Голубовку. Это былъ фактъ необычный, потому что маетность давалась незначительному уряднику тогда, когда еще и полковники рѣдко получали такія маетности; кромѣ того, маетность давалась Носу Мазепою въ первый мѣсяцъ его гетманства, когда онъ далъ ихъ не болѣе десяти—или тѣмъ, кто ему помогалъ на Коломакѣ, или тѣмъ—кого ему нужно было немедленно приласкать ³⁾. Несомнѣнно,

1) Въ актѣ 23 мая 1676 г. читаемъ: «Передо мною Лазаремъ Горленкомъ, полк. е. ц. пр. вел. В. Запор. Прил., при бытности при мнѣ Івана Маценка, судии п. Прил., Семена Висоцкого, атамана городского Прил., *Івана Носа, козака, товарища нашего войскового*, и иныхъ не мало при томъ будучихъ»...

2) «Передо мною Іваномъ Маценкомъ, полковникомъ Войска е. ц. пр. вел. Запор., Прил., при бытности Василя Себестияновича, судии, Хведора Молчана, асаула, *Івана Носа, обозною, рейментаровъ полку Прилуцкого*...» Актъ 14 апрѣля 1677 года. Оба акта въ нашей 6—кѣ, въ *сборникъ бумагъ Якубовичей*.

3) См. Киев. Стар. 1898 г., мартъ, 484. Особымъ вниманіемъ, оказаннымъ въ это время Мазепою Носу, слѣдуетъ объяснить и гетманскій универсалъ, выданный тогда же вдовѣ Семена Раковича, на

что Носъ на Коломакѣ—чѣмъ нибудь особенно прислужился Мазепѣ, чѣмъ и заслужилъ такую большую награду... Но очень скоро послѣ этого Носъ почему то потерялъ свое есаульство и снова обратился въ рядового войскового товарища. Но, какъ видно, Носъ успѣлъ очень скоро снова выслужиться передъ Дмитріемъ Горленкомъ, который, получивъ Прилуцкое полковничество въ 1692 г., въ томъ же году лично даетъ Носу новую маетность... Въ „листѣ“ Горленка читаемъ: „ознаймуемъ нашимъ писанемъ, ижъ респектуючи мы на давніе услуги въ Войску Запорозскомъ роненіе пана Ивана Яремовича Носа, *значного товарища войскового*, надаемъ оному селце Щуровку, въ ключи Иваницкомъ найдуючеса, позволяючи въ оного селца всякими приходячими пожитками корыстовати, до якого абы уже войтъ Иваницкій болше жадного не мѣлъ дѣла, пилю варуемъ того. Тако жъ войтъ зъ мещанами вышменованного селца Щуровки, абы належитое ему пререченому пану Носовѣ отдавалъ послушенство, пилю мѣти хотимъ и приказуемъ“¹⁾. Этотъ полковничій „листъ“ останавливаетъ на себѣ еще болѣе вниманіе, чѣмъ гетманскій универсалъ 1687 г. на Голубовку: далъ его полковникъ тогда, когда такихъ „надачъ“ полковники еще не производили и далъ лицу, не занимающему никакого уряда, а только—войсковому товарищу. Можно думать, что и „надача“ Щуровки была наградою за какую нибудь особую услугу Носа; быть можетъ Горленко благодарилъ Носа за помощь въ полученіи полковничества, которое было Горленку дано послѣ смѣ-

сестрѣ котораго былъ женатъ Носъ. Тамъ же. Въ генер. слѣдствіи о маети. Прилуц. полка (Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтоп., кн. XI) говорится, что Голубовка была отдана Ив. Носу еще въ 1679 г., тогдашнимъ Прилуцкимъ полковникомъ Чернявскимъ... Мож. быть Чернявскій и позволялъ Носу «до ласки» пользоваться Голубовкою (фактъ мало вѣроятный), но универсалъ на это село Носъ получилъ отъ Мазепы 25 августа 1687 г., какъ это видно и изъ подтвержденной царской грамоты на Голубовку, выданной Носу въ 1692 г.

1) Подлинникъ въ нашей б—кѣ. Интересно въ этомъ «листѣ» названіе Носа, кромѣ его прозвища, еще и отцевскимъ именемъ, чего въ Старой Малороссіи, а особенно въ XVII в., не водилось. Быть можетъ, Яремовичемъ Носа называли «поуличному», почему полковникъ нашелъ нужнымъ упомянуть и объ этомъ его прозвищѣ.

щенія Стороженка... Засимъ, Носъ скоро опять получилъ полковой урядъ и уже высшій—урядъ судьи; на этомъ урядѣ видимъ его въ 1695 г., когда данъ былъ ему Мазепою подтвердительный на Щуровку универсалъ:—„просилъ насъ п. Иванъ Носъ, судія полковой Прилуцкій, о надане и потвержене села Щуровки, а показывалъ намъ и листъ п. полковника Прилуцкого на тое селце себѣ данный. Теды мы, респектуючи на его услуги здавна въ Войску Запорожскомъ роненіе, выдаемъ ему сей нашъ потвержательный унѣверсалъ, позволяючи онимъ селцемъ владѣти и всякія повинности зъ тяглыхъ людей тамошнихъ отбирати...“ По всему видно, что Носъ умѣлъ прислуживаться у властныхъ людей и заслуживать у нихъ особыя милости. Очень близкія отношенія съумѣлъ Носъ установить съ своимъ полковникомъ, какъ это видно изъ интереснаго его письма къ Г—ку о женитьбѣ „первороднаго“ сына послѣдняго, уже знакомаго намъ Андрея Г—ка. Повидимому, Носъ былъ распорядителемъ „весельной компаніи“, сопровождавшей жениха въ м. Сорочинцы, гдѣ происходило его вѣнчанье съ дочерью Апостола, тогда Миргородскаго полковника. Объ этомъ „повѣздѣ“ Носъ писалъ отцу жениха изъ Сорочинецъ: „послѣ почлега въ м. Хомутцѣ, выслушавъ тамъ обѣдню и затѣмъ позавтракавъ, двинулись мы дальше и поспѣли въ Сорочинцы на поздній обѣдъ; тутъ „по обыкновенію веселную трактуючи церемонію и подарки роздавши, южѣ шасливе дня нынѣшнего (8 сент. 1700 г.), предъ престоломъ Божиимъ, доживотнымъ между его милостью п. сыномъ в. м. м. панства и между ей мил. п. цоркою его мл. п. полковника Миргородскаго, неразрѣшимымъ шлюбу (брака) союзомъ, (закончили?) при бытности тихъ тамъ годныхъ особъ, которыхъ имя и число посылаемій отъ насъ в. м. м. пану изъявить реестръ...“ Послѣ свадьбы „молодые“ отправлялись въ Прилуку, а съ ними собирались туда-же ѣхать и Сорочинскіе гости. О количествѣ послѣднихъ Носу поручено было заблаговременно извѣстить Прилуцкихъ хозяевъ, но порученіе это исполнить было не легко: „якіе засъ зъ его мил. п. полковникомъ Миргородскимъ мають до дому в. м. м. панства, быти персоны, того яко отнюдь не можно было довѣдатися, такъ и в. м. м. пану доносити трудно“. Но къ этому Носъ добавилъ, что „можетъ быть п. сотникъ нашъ полковой (тоже, значить

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 69-го:

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ, 1900 г.

Книга первая—апрѣль.

ОТДѢЛЪ I-й.

- I. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛЬСКИХЪ И ЮЖНО-РУССКИХЪ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТЕЧЕНІЙ ПОСЛѢДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ
XVII ВѢКА, ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩИМЪ НАПРАВЛЕНІЕМЪ
ТОГДАШНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. П. Гаври-
лова 1—15
- II. ВТОРАЯ КІЕВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. (1852—1861). М.
Чалаго 16—50
- III. ПЕРЕДЪ ВОЛЕЮ. Драма въ 5 дѣйств. М. Кропивницкаго. 51—126
- IV. ПО ПОВОДУ ОДНОГО НАУЧНАГО ОТКРЫТІЯ. Проф. И. В.
Лучицкаго 127—138
- V. КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ ХАРЬКОВѢ.
Н. Бѣляшевскаго 139—148

ОТДѢЛЪ II.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) За что былъ
оштрафованъ сотникъ Д. Дараганъ держаніемъ на пушкѣ.
Ал. Андр.; б) Къ біографіи А. П. Стороженка. А. С.; в)
Портретная икона Чацкихъ въ м. Борейлѣ. О. Л.; г) Ме-
лочны изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ;
д) Приворотныя средства. Сообщ. А. Хатемкинъ; е) Свое-

образныя молитвы. Сообщ. А. Хатемкинъ; ж) О пѣсняхъ про волю. М. И. Корниловича; з) Подписка на памятникъ Котляревскому въ Полтавѣ	1—12
Текущія извѣстія	12—17

II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Hanns Weber-Lutkow. Schlummernde Seelen. Geschichten aus Kleirussland. В. Б.	
б) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. Царствованіе Александра I (съ 1810 г. по 19 ноября 1825 г.). Н. С.;	
в) Очерки Малороссіи. „Приходская бібліотека“, изд. подъ ред. И. Шемякина. И.; г) Брошюры Благотворительнаго Общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ. С. Н.;	
д) Береженого Богъ береже. Опоищанія селянина про скотскую чуму; е) Обзорѣніе епархіальныхъ вѣдомостей южныхъ епархій 1899 г.; ж) Труды Кіевской Духовной Академіи 1899 года; з) Обзорѣніе журналовъ текущаго года; и) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . .	18—5
Археологическая лѣтопись	57—67

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 года съ варіантами по пернопечатнымъ изданіямъ—Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 7-й и 8-й.

Книга вторая—май.

ОТДѢЛЪ I.

I. КЪ ИСТОРИИ МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 20-хъ и 30-хъ ГОДОВЪ XIX ВѢКА. (Библіографическія справки). Вл. Каллаша	149—159
II. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. (Продолженіе). В. Милорадовича . .	160—173
III. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛЬСКИХЪ И ЮЖНО-РУССКИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТЕЧЕНІЙ ПОСЛѢДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВѢКА, ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩИМЪ НАПРАВЛЕНІЕМЪ ТОГДАШНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (Окончаніе). П. Гаврилова	174—190
IV. НА ЗЕЛЕНЫЙ КЛЫНЪ. Комедія у 5 дѣйствъ. Л. Яновской.	191—258
V. ПОХОДЪ КОЗАКОВЪ ВЪ СѢВЕРНУЮ РОССИЮ ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА. В. Д.	259—269

†VI. ВЫБОРНОЕ НАЧАЛО ВЪ СРЕДѢ ВОЛЫНСКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ КОНЦѢ XVIII И НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. В. Храевича.	270—273
†VII. ЗЛОДІЙ. Повесть. В. Чыгрынца	274—278

ОТДѢЛЪ II.

Я. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) „Опасная бѣда“ въ Переяславскомъ полку въ 1750 году; б) Гвардіи капраль Думитрашко въ побывкѣ на родинѣ въ г. Переяславѣ; в) Слѣда доисторическихъ эпохъ въ Галичинѣ; г) Предполагавшееся въ 1860 году изданіе украинскихъ сборниковъ; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мёрдеръ; е) Варіанты пѣсни о двѣхъ воинахъ. Сообщ. В. Милорадовичъ	57—86
Текущія извѣстія	87—94
†Н. БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. А. Папковъ. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ. В. Дурдуновскаго; б) «Етнографічний збірник». Видає етнографічна комісія наукового Товариства імени Шевченка. Т. VI и VII. В. Д.; в) Окрестности Кіева «Пустыни». Сборникъ автотипій съ фотографій Н. Бобира. А. С—ча; г) «Часопись Правнича». Розвідки правничі секції исторично-філософичної наукового Товариства ім. Шевченка. В. Д.; д) Обзорніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	95—115
Археологическая лѣтопись	116—132
†III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго.	1—16

Книга третья—іюнь,

ОТДѢЛЪ I.

†I. ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ В. Я. ГРЕЧУЛЕВИЧА. (По повѣду тридцатилѣтія со дня его смерти. А. Лотоцкаго	279—287
†II. ВТОРАЯ КІЕВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. (Почечительство Н. И. Пирогова). М Чалаго	288—309
†III. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ У., ПОЛТ. Г. (Продолженіе). В. Милорадовича	310—332

* IV. СТАРЕ И НОВЕ. (Оповідання). Гл. I—VII. В. Левенко.	333—377
* V. ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА XVI И XVII СТ. ВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ (со снимкомъ надгробія кн. Острожскаго). Ст. Яремича	378—390
+ VI. ВЪ ИСТОРИИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ НА УКРАИНѢ ВЪ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. Сообщ. Н. С.	391—397
* VII. ХВЕСЬ, ПРЕСЛАВНЫЙ ГАЙДАМАКА. Стих. Б. Гринченна.	398—402

ОТДѢЛЪ II.

* I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мазепина церковь въ с. Дегтяровкѣ. С. Рклицнаго; б) Какъ звали гетмана Бородавку? в) Погибшіе матеріалы М. Васильева; г) Т. Шевченко въ легендѣ. М. Н. Васильева; д) Кто авторъ рукописныхъ стихотвореній о Полтавѣ? А. Цыссь; е) Бердичевскія подземелья. Сообщ. А. Мёрдеръ; ж) Людвикъ Житинскій. (Некрологъ). В. Антоновичъ; з) Е. И. Борисовъ. (Некрологъ); и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ	133—149
Текуція извѣстія	149—154
* II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Изъ украинской старины. Рисунки академиковъ С. И. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. Ш. Л.; б) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1895 г. В. Н—н; в) С. Гамченко. Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ „Стуга“, близъ с. Студенца, Житомирск. у., Волын. г. Н. Б.; г) Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русскія. Кресты и образки. Н. Б.; д) И. Мыронъ. Абу-Каземови капци. С. Р.; е) Galicja w obrazach. Н. Ш.; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журн. статьяхъ.	155—187
Археологическая лѣтопись	188—206
* III. ПРИЛОЖЕНІЕ: Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 2-й.	17—32

